

ФАРРАР

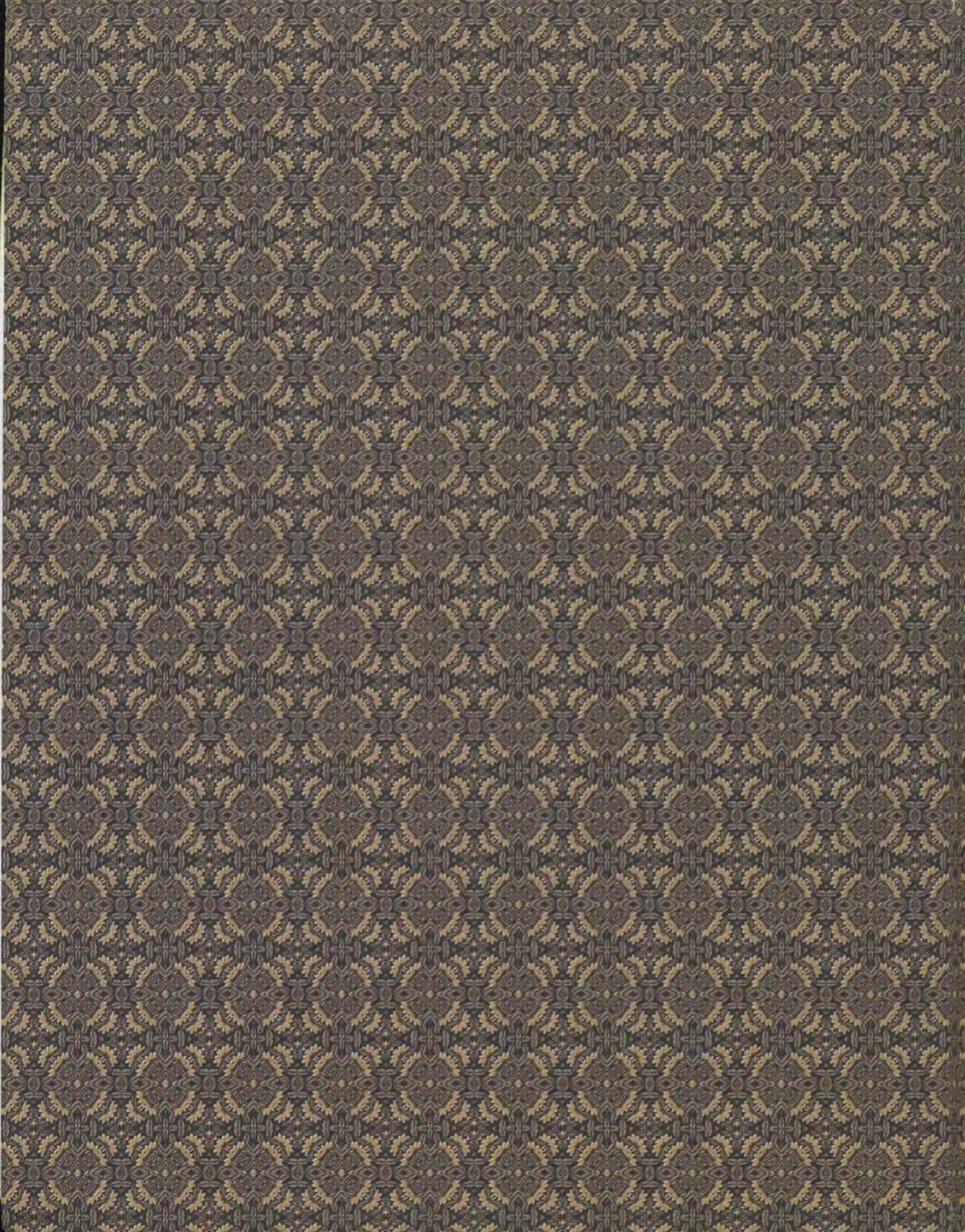
**ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА**

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

ПЕРЕВОД С XIX АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ
А.П. ЛОПУХИНА

Общество сохранения литературного наследия

Москва
2006

УДК 27-246(092)Павел
ББК 86.37-228Павел
Ф25

***По благословению епископа Филиппопольского НИФОНА,
Представителя Патриарха Антиохийского и всего Востока при
Патриархе Московском, настоятеля Антиохийского подворья в Москве***

Фаррар, Фредерик Уильям

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

Ф. Фаррар; пер. с XIX англ. изд. А.П. Лопухина. — репринт. — М.: О-во сохранения лит. наследия, 2006. — 1120 с.: ил. — ISBN 5-902484-01-4
Агентство СІР РГБ

Книга «Жизнь и труды св. апостола Павла» — уникальный литературный памятник, созданный ее автором — Ф. Фарраром во второй половине XIX века.

Фредерик Уильям Фаррар (1831-1903) был проповедником при университетской церкви в Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории. Он — автор многих серьезных религиозных трудов. Помимо книги «Жизнь и труды св. апостола Павла», русскому читателю известны такие произведения как «Жизнь Иисуса Христа», «Искатели Бога», «Свидетельства и доказательства истории Христианства», «Первые дни Христианства», «Жизнь и труды отцов и учителей церкви». Ф. Фаррар принимал живое участие в разных библейских словарях, комментариях — конспективных изданиях по богословию, и церковной истории.

В создании данной книги — в ее русском издании, нельзя умолчать об особой роли и заслугах, выдающегося ученого, представителя библейско-богословской школы второй половины XIX — начала XX веков Александра Павловича Лопухина (1852-1904) — переводчика с английского языка на русский всего этого сочинения. Краткий очерк, посвященный 150-летию А.П. Лопухина, подготовленный диаконом Димитрием Юревичем включен в приложение к изданию.

Репринтное издание книги 1887 года выпуска, проявляет характерные черты в оформлении книг того времени, сохраняя при этом все особенности художественных решений. Замечательные графические иллюстрации — творения художников конца XIX века, передают атмосферу той эпохи — времени земной жизни апостола Павла и придают книге особую красоту и ценность. При чтении этой книги читатель словно переносится в то время, и при этом он не только расширяет свой кругозор, но также испытывает радость от соприкосновения с духовным и художественным наследием прошлого. Перед нами пример лучших традиций русского книгоиздания, благодаря которому в наши дни предоставляется возможность ощутить свою причастность к христианскому Востоку, неповторимость и очарование старины.

Из предисловия к русскому изданию А.П. Лопухина: *«Рекомендуя русской читающей публике этот новый труд Фаррара, мы можем сказать со своей стороны, что чтение его, даже при всех возможных несовершенствах перевода, способно доставить всякому мыслящему человеку не только глубокое назидание, но и истинное удовольствие и наслаждение, какое только может испытываться при чтении талантливых и согретых теплотой искреннего чувства произведений».*

Завершают книгу два очерка И.Л. Гришина о создании и деятельности Международного фонда поддержки и сохранения духовных памятников «Духовное наследие святого апостола Павла». В них рассказано об открытии памятника святому апостолу Павлу в селении Тель-Каукаб (Сирия, недалеко от Дамаска) — знаменательном и важном событии для всех христиан.

От издателей:

Оригинал книги Ф. Фаррара «Жизнь и труды св. апостола Павла» происходит из библиотеки Скита Оптиной Пустыни, о чем свидетельствует печать на титуле издания. При подготовке издания использованы фонды ЦМИАР. Выражаем признательность за помощь сотрудникам музея им. Андрея Рублева Степановой Л.А., Дудочкину Б.Н.

На обложке — икона «Св. Апостол Павел». XIX в.

ISBN 5-902484-01-4

© Общество сохранения литературного наследия («ОСЛН»), 2006 г.

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

СОЧИНЕНИЕ
Ф. В. ФАРРАРА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА, АРХИДІАКОНА И
КАНОНИКА ВЕСТМИНСТЕРСКАГО И ОРДИНАРНАГО КАПЕЛЛАНА
КОРОЛЕВЫ АНГЛІЙСКОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ XIX АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. П. ЛОПУХИНА.

Εἰ καὶ Παῦλος ἦν ἄλλ' ἄνθρωπος ἦν.
Св. I. Златоустъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ,
съ приложеніемъ картъ и болѣе 250 политипажей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА
1887

Невскій просп., 8.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется, С.-Петербургъ,
Декабря 9 дня 1886 года.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

ВРЕДЛАГАЕМЪ русской публикѣ второй историко-экзегетическій трудъ автора знаменитой «Жизни Іисуса Христа» Ф. В. Фаррара, именно «Жизнь и труды св. ап. Павла». По своему содержанію онъ составляетъ прямое продолженіе перваго труда, хотя въ то же время, сосредоточиваясь на личности, составляющей главный предметъ его, имѣетъ характеръ полной законченности и самостоятельности. Въ немъ авторъ, съ своимъ обычнымъ мастерствомъ, при помощи имѣющагося у него необъятнаго научно-историческаго и экзегетическаго знанія, иллюстрируетъ дѣятельность апостоловъ и, во главѣ ихъ, св. ап. Павла, какъ она выражается въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ» и посланіяхъ апостола языковъ. Поэтому настоящій трудъ составляетъ такое же полное и обстоятельное толкованіе на книгу Дѣяній и посланія ап. Павла, какимъ является «Жизнь Іисуса Христа» по отношенію къ четвероевангелію.

Въ этомъ отношеніи оба эти сочиненія Фаррара совершенно однородны, и въ обоихъ ихъ одинаково чувствуется рука блестящаго

писателя-экзегета. Но между ними есть и важное различіе. Новый трудъ имѣетъ своимъ предметомъ область, въ которой больше, такъ сказать, обыденно-человѣческихъ сторонъ и сильнѣе чувствуется вліяніе обыкновенныхъ историческихъ условій и обстоятельствъ, чѣмъ въ той области, которая составляла предметъ исторіи «Жизни Іисуса Христа». На это указываетъ самый девизъ книги, которымъ служитъ изреченіе св. Златоуста: «хотя и Павелъ, все же человѣкъ онъ былъ». Отсюда самый трудъ носитъ на себѣ отпечатокъ большей смѣлости анализа и свободы въ изложеніи, чѣмъ сколько это возможно было въ прежнемъ сочиненіи. Авторъ имѣлъ возможность здѣсь еще полнѣе примѣнить тотъ мастерскій историко-критическій и вмѣстѣ живописно-повѣствовательный методъ, который даетъ ему возможность не только рисовать художественныя картины описываемой жизни, но и проникать вглубь, для уясненія самыхъ основъ и дѣйствующихъ началъ этой жизни. Но вслѣдствіе этого именно здѣсь больше въ самомъ текстѣ научно-историческаго элемента, а потому и самая книга получаетъ характеръ большей научной обстоятельности. Цѣлыя главы иногда посвящаются изложенію и разсмотрѣнію извѣстныхъ обстоятельствъ исторической жизни, которыя имѣютъ лишь пояснительное значеніе къ какому-либо факту изъ жизни св. ап. Павла, но чрезъ это еще яснѣе становится и самый характеръ лица, составляющаго главный предметъ книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ разсматриваемой эпохи. Тутъ берется тотъ именно великій моментъ, когда христіанство впервые выступаетъ какъ всемірно-историческая сила, долженствовавшая возродить и обновить древній разлагавшійся отъ дряхлости и внутренняго растлѣнія міръ. Предъ нами совершается глубокознаменательная драма въ области духа, та великая, всемірно-историческая драма, въ которой юная, только что народившаяся въ безвѣстномъ провинціальномъ городкѣ презрѣнной Палестины идея вступаетъ въ борьбу съ началомъ, всецѣло господствовавшимъ дотолѣ надъ міромъ. Начало это нашло высшее свое выраженіе въ классицизмѣ греко-римскаго міра, гдѣ оно выразилось въ блестящихъ произведеніяхъ искусства и литературы, сказало свое послѣднее слово во всеобъемлющей философіи и проявило всю глубину своего чувства въ художественномъ культѣ многобожія. И тѣмъ чудеснѣе и изумительнѣе фактъ, что все это гордое созданіе классическаго генія рухнуло отъ прикосновенія къ нему проповѣдниковъ религіи, которая

въ глазахъ классическаго разума была жалкимъ заблужденіемъ и полнымъ безуміемъ. Понятно, что эпоха и особенно тотъ моментъ, когда впервые произошла встрѣча между собою классическаго генія и христіанской вѣры, представляютъ живѣйшій драматическій интересъ, даютъ богатѣйшую пищу для философской мысли о судьбахъ челоуѣчества и служатъ неисчерпаемымъ источникомъ назиданія. А это именно эпоха, во всѣхъ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, и служитъ предметомъ изображенія въ новомъ сочиненіи Фаррара, гдѣ подъ его мастерскимъ перомъ классическій міръ временъ римской имперіи возстаетъ предъ нами изъ своей полуторатысячелѣтней могилы—какъ живой. Хотя языческій міръ временъ упадка служилъ уже предметомъ множества отдѣльныхъ и блестящихъ сочиненій, но трудно указать еще сочиненіе, въ которомъ бы дѣйствительное состояніе его, — состояніе внѣшняго величія и блеска съ безнадежнымъ растлѣніемъ и вымираніемъ внутри, — изображалось болѣе яркими и осязательными чертами, чѣмъ именно въ этомъ сочиненіи Фаррара. Многія главы, особенно тѣ, въ которыхъ изображается встрѣча великаго проповѣдника христіанства, апостола языковъ, съ представителями того классическаго міра, которому онъ именно и призванъ былъ проповѣдывать «безуміе» креста, составляютъ образецъ художественной характеристики историческихъ эпохъ. Такъ напр. въ XXVII главѣ, гдѣ описывается проповѣдь ап. Павла въ Аѣинахъ, этотъ знаменитый городъ, бывшій центромъ классической образованности, возстаетъ предъ нами во всемъ шумномъ блескѣ своей былой славы; предъ нами развертывается яркая живописная картина его умственной и общественной жизни, намъ слышится даже, такъ сказать, своеобразный гвалтъ знаменитой аѣинской агоры, т. е. площади рынка, и при чтеніи этой главы мы какъ бы лично присутствуемъ при самой проповѣди апостола, въ которой онъ впервые открылъ высокоумнымъ мудрецамъ классическаго міра ихъ жалкое заблужденіе. Съ такою же яркостью описывается пребываніе и проповѣдь апостола Павла и во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ какъ языческаго, такъ и іудейскаго міра; и такъ какъ это изображеніе имѣетъ своею цѣлію ввести читателя въ самую сердцевину древняго міра, то для читателя вполне уясняется не только то, въ какомъ ужасномъ и безнадежномъ состояніи находился этотъ міръ, но также и то, какъ онъ жаждалъ избавленія отъ такого своего невыносимаго состоянія, и какимъ сла-

достнымъ благовѣстомъ была проповѣдь о Христѣ для всѣхъ наиболѣе труждающихся и обремененныхъ въ томъ мірѣ. А вслѣдствіе этого вполне становится яснымъ и самый процессъ распространенія христіанства.

Тотъ же методъ историческаго анализа Фарраръ мастерски прилагаетъ къ изученію не только эпохи, но и отдѣльныхъ личностей, и особенно ап. Павла, и тутъ онъ нерѣдко вводитъ насъ въ самые тайники психической жизни, чрезъ что понятнѣе становится внѣшняя жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе X глава: «обращеніе Савла», которая по мастерству психологическаго анализа можетъ быть поставлена въ образецъ того метода, которымъ нужно прилагать психологію къ изученію мотивовъ дѣйствующихъ историческихъ личностей и къ объясненію переломовъ въ направленіи ихъ дѣятельности. Фактъ обращенія Савла, не теряя своей чудесности, здѣсь получаетъ психологически-реальный характеръ, такъ какъ въ немъ отводится должное мѣсто и дѣйствию обыкновенныхъ условій психической жизни.

Наконецъ, наиболѣе выдающеюся особенностію настоящаго труда въ отличіе отъ «Жизни Іисуса Христа» служитъ то, что здѣсь весьма значительное мѣсто отведено собственно ученію о проповѣди св. ап. Павла. Въ то время какъ въ первомъ сочиненіи весь интересъ сосредоточивается на изображеніи фактовъ внѣшней жизни Спасителя, а собственно ученіе Его затрогивается лишь косвенно и вообще не подвергается болѣе или менѣе обстоятельному и цѣльному изложенію, въ настоящемъ сочиненіи догматическому ученію св. ап. Павла посвящаются цѣлыя главы—въ послѣдовательномъ изложеніи его посланій. Въ немъ подробно изслѣдуется вѣроучительная и нравоучительная сторона въ посланіяхъ апостола, изъ которыхъ впрочемъ одно, именно посланіе къ Евреямъ, не вошло въ эту книгу, такъ какъ изложеніе его по особымъ причинамъ отнесено авторомъ къ третьему его сочиненію: «Первые дни христіанства». Понятно, что при самомъ изложеніи ученія св. ап. Павла, особенно въ посланіи къ Римлянамъ, по необходимости должны были встрѣтиться нѣкоторыя особенности, имѣющія тенденцію выразить вѣроисповѣдной характеръ той церкви, къ которой принадлежитъ авторъ, и потому переводчику приходилось отчасти сглаживать выраженія подлинника;

но въ общемъ нужно сказать, что въ вѣроисповѣдномъ отношеніи авторъ настолько безпристрастенъ, что даже въ отношеніи ученія объ оправданіи вѣрою протестантскій принципъ не выступаетъ съ такою крайностью, чтобы становиться въ противорѣчіе съ догматическимъ ученіемъ православной церкви.

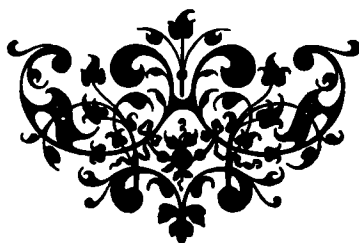
Что касается перевода, то при исполненіи его мы преслѣдовали ту-же самую цѣль, какъ и при переводѣ «Жизни Іисуса Христа», заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы воспроизвести текстъ подлинника въ его наиболѣе точной и близкой къ выраженіямъ автора формѣ. При изложеніи собственно посланій ап. Павла на нашей сторонѣ была та выгода, что въ то время какъ самъ авторъ, въ виду устарѣлости принятаго англійскаго перевода Библии, былъ вынужденъ вездѣ дѣлать свой собственный переводъ, мы легко могли пользоваться русскимъ синодальнымъ текстомъ, который по своей свѣжести и новизнѣ вполнѣ могъ удовлетворить цѣли, тѣмъ болѣе, что въ примѣчаніяхъ библейскій текстъ въ своихъ наиболѣе характерныхъ выраженіяхъ часто воспроизводится въ греческомъ подлинникѣ, который и даетъ возможность читателю судить о точности его русской передачи.

Въ настоящемъ изданіи трудъ Фаррара предлагается въ своемъ полномъ, несокращенномъ видѣ, со всѣми учеными приложеніями и примѣчаніями, какимъ онъ является въ девятнадцатомъ библіотечномъ изданіи англійскаго подлинника, вслѣдствіе чего это русское изданіе полнѣе даже англійскаго иллюстрированнаго, въ которомъ произведены нѣкоторыя сокращенія какъ въ текстѣ, такъ и особенно въ ученыхъ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ. Съ внѣшней стороны настоящее изданіе вполнѣ воспроизводитъ роскошное иллюстрированное изданіе подлинника, со всѣми его картами и политипажами, которые еще болѣе оживляютъ страницы этой самой по себѣ глубокой и интересной книги. Рекомендуя русской читающей публикѣ этотъ новый трудъ Фаррара, мы можемъ сказать съ своей стороны, что чтеніе его, даже при всѣхъ возможныхъ несовершенствахъ перевода, способно доставить всякому мыслящему человѣку не только глубокое назиданіе, но истинное удовольствіе и наслажденіе, какое только можетъ испытываться при чтеніи талантливыхъ и согрѣтыхъ теплотою искренняго чувства произведеній.

Прилагаемое затѣмъ предисловіе самого автора еще полнѣе можетъ уяснить тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ при составленіи этого своего втораго капитальнаго труда въ области библейско-исторической экзегетики.

А. Лопухинъ.

С -Петербургъ
21 ноября 1886 г.

Предисловіе автора.

В СВОЕЙ „Жизни Ісуса Христа“ я старался по мѣрѣ своихъ силъ дать въ формѣ повѣствованія такой комментарий на Евангелія, который бы представлялъ собою наиболѣе цѣнные результаты новѣйшихъ научныхъ изысканій. Изучая съ тщательною и вмѣстѣ благоговѣйною внимательностью каждую строку и каждое слово четырехъ евангелистовъ; доискиваясь наиболѣе подлинныхъ чтеній и наиболѣе точныхъ переводовъ; посѣтивъ самыя мѣста, среди которыхъ жилъ Спаситель; стараясь составить наиболѣе вѣрное и живое представленіе объ обстоятельствахъ того вѣка, въ которомъ Онъ жилъ, и объ обыденныхъ условіяхъ религіозной мысли и національныхъ обычаевъ, которыми Онъ былъ окруженъ, я имѣлъ въ виду, не упуская изъ вида Его божественной природы какъ Единороднаго насъ ради воплотившагося Сына Божія, показать главнымъ образомъ, въ ясномъ изложеніи ученія и дѣятельности, ту человѣческую сторону въ Его жизни, которою Онъ жилъ для примѣра намъ, и той смерти, которою Онъ умеръ за насъ и нашего ради спасенія.

Въ томъ сочиненіи я задавался цѣлію дать читателямъ при изученіи Евангелія больше возможности проникнуть въ ихъ полное значеніе и полнѣе и ярче уяснить ихъ непреложную истину. Въ настоящей книгѣ подобную же задачу предпринялъ я по отношенію къ Дѣяніямъ Апостольскимъ и къ Посланіямъ св. ап. Павла. Главною моею цѣлію было дать нѣкоторое пособіе къ изученію той значительной части Новаго Завѣта, которая состоитъ изъ исторіи дѣятельности и твореній апостола народовъ; показать величіе труда и примѣра апостола,

который поистинѣ былъ „сосудомъ избранія“, и выяснить его характеръ и исторію его дѣятельности, насколько это необходимо для должнаго уразумѣнія тѣхъ посланій, которыя сдѣлались для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ христіанской церкви неоцѣнимымъ наслѣдіемъ мудрости и высшаго духовнаго знанія. Могу съ открытою совѣстью сказать, что для выполненія такой задачи я приложилъ всѣ свои силы и старанія. Обстоятельства не позволили мнѣ осуществитъ имѣвшагося у меня сначала намѣренія лично посѣтить тѣ страны, въ которыхъ трудился ап. Павелъ; но это оказалось тѣмъ менѣе необходимо, что подробныя описанія ихъ можно найти въ сочиненіяхъ многихъ новѣйшихъ путешественниковъ. Эта сторона дѣла обстоятельно изложена въ извѣстныхъ трудахъ Конибера и Гаусона и Томаса Левина. Этимъ великолѣпнымъ сочиненіямъ много обязаны всѣ, изучающіе жизнь и труды св. ап. Павла, и мнѣ нѣтъ надобности говорить, что своею настоящею книгою я отнюдь не имѣю намѣренія соперничать съ ними. Въ значительной степени она писана была съ иною цѣлю и съ иной точки зрѣнія. Главнѣйшею моею цѣлю было дать опредѣленное, точное и удобопонятное изложеніе ученія ап. Павла, религіозной борьбы, которую онъ принужденъ были вести; обстоятельствъ, дававшихъ ему поводъ къ изложенію ученія и нравственныхъ правилъ; глубочайшей сущности его богословія въ его постепенномъ обнаруженіи; его посланій вообще и cadaго посланія въ отдѣльности, какъ полнаго и законченнаго въ себѣ творенія. Задача эта, какъ мнѣ думалось, болѣе необходима, чѣмъ какъ обыкновенно предполагаютъ. При обычномъ у насъ изученіи Библии изъ года въ годъ въ отдѣльныхъ текстахъ и изолированныхъ главахъ весьма часто теряется изъ вида Библия какъ цѣлое, и даже общее значеніе отдѣльныхъ книгъ. Поэтому мнѣ думалось, что если бы мнѣ въ нѣкоторой степени удалось болѣе полно и опредѣленно уяснить каждое изъ посланій какъ въ ихъ общемъ характерѣ, такъ и въ частныхъ подробностяхъ, я оказалъ бы нѣкоторую услугу—какъ бы ни была она мала — церкви Божіей.

Для подобной цѣли было бы бесполезно просто лишь перевести посланія, хотя бы даже снабдивъ ихъ при этомъ примѣчаніями къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ. Это слишкомъ старый методъ, и притомъ сравнительно легкій трудъ. Но сдѣлать посланія составною частью жизни, поставить читателя въ положеніе тѣхъ, кому впервые читаны были эти посланія въ младенческихъ общинахъ Македоніи и проконсульской Азіи,—такой методъ употребляется рѣже,

но онъ въ тоже время гораздо полезнѣе. Главнѣе всего я желаю сдѣлать посланія понятными и ясными. Въ виду этого я постоянно отступалъ отъ общепринятаго (англійскаго) перевода и въ представляемомъ собственномъ переводѣ стараюсь выяснитъ самый тонъ выраженій, затемненный временемъ, и въ точности воспроизвести, насколько это возможно, силу и форму греческаго подлинника, даже въ тѣхъ шероховатыхъ оборотахъ и незаконченныхъ предложеніяхъ, которыя естественно сглаживаются въ переводахъ, предназначенныхъ для общаго употребленія. Съ этою цѣлю я старался прежде всего выбрать наилучшее чтеніе, дать должную силу каждому выраженію, глагольнымъ формамъ и частичкамъ и насколько возможно выяснитъ, что собственно разумѣлъ ап. Павелъ.

Въ виду этого я всячески старался избѣгать утомительныхъ для читателей безконечныхъ разсужденій по поводу часто неважныхъ мелочей, тѣхъ нескончаемыхъ опроверженій невозможныхъ гипотезъ, неистощимаго ряда безосновательныхъ объясненій, которыми обыкновенно обременяются толкованія. Какъ въ отношеніи чтеній, такъ и перевода и объясненія, я всегда даю лишь определенное заключеніе, съ возможною краткостью и ясностью излагая основанія для нихъ.

Избѣгая перечисленія незначительныхъ и неустановившихся мнѣній, я избѣгалъ также затрудняющей громады ненужныхъ сносковъ. Въ этой книгѣ, какъ и въ „Жизни Іисуса Христа“, я много пользовался данными еврейской письменности. Талмудъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе извѣстнымъ ученому міру; Мишна доступна изслѣдованію всякаго ученаго въ превосходномъ трудѣ Суренгузіа, и наиболѣе важные трактаты Гемары, въ родѣ *Berachoth* и *Abhoda Zaga*, еперь доступны всѣмъ, во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ, исполненныхъ съ большою ученостью и тщательностью. Я тщательно изучилъ сочиненія разныхъ еврейскихъ ученыхъ, какъ Іоста, Греца, Шваба, Вейлля, Раббиновича, Дейча, Деренбурга, Мунка и другихъ; но у меня было еще два особенно важныхъ пособия: первое — въ самомъ полномъ собраніи мѣстъ изъ всѣхъ отдѣловъ Талмуда, сдѣланномъ Герсономъ въ его „Талмудическихъ комментаріяхъ на книги Бытія и Исходъ“, и второе въ томъ обстоятельстве, что каждая талмудическая цитата въ этой книгѣ тщательно провѣрена ученымъ духовнымъ лицомъ изъ евреевъ, достоп. Волькенбергомъ, бывшимъ миссіонеромъ среди евреевъ въ Болгаріи. Всѣ ученые знаютъ, что ссылки на Гемару вообще отличаются крайнею неточностью и недостоверностью; но я имѣю

основаніе надѣяться, что, помимо быть можетъ случайныхъ погрѣшностей, на всякую еврейскую цитату на страницахъ настоящей книги можно положиться вполне.

Для наилучшаго осуществленія своей задачи я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, и хотя сознаю, что далеко не достигъ своего собственнаго идеала, сознаю множество неизбѣжныхъ несовершенствъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что едва ли даже и возможно было избѣжать погрѣшностей въ книгѣ, содержащей цѣлыя тысячи цитатъ и затрогивающей множество критическихъ и экзегетическихъ вопросовъ, — все-таки я питаю надежду, что настоящій трудъ будетъ принятъ въ качествѣ доказательства новыхъ скромныхъ, но ревностныхъ усилій автора дать читателю пособіе къ болѣе основательному изученію той весьма значительной части Слова Божія, которая служитъ предметомъ изложенія въ немъ.

Ректорія св. Маргариты,
1879 г.

Ф. В. Фарраръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга I. Воспитаніе ап. Павла.

ГЛАВА I.

Вступленіе.

Стр.
Три главныхъ апостола.—Св. Петръ и Іоаннъ.—Мѣсто св. ап. Павла въ исторіи Церкви.—Его воспитаніе въ іудействѣ.—Что намъ извѣстно о его жизни.—Новѣйшій критицизмъ въ отношеніи книги Дѣяній Апостольскихъ.—Источники для жизнеописанія ап. Павла.—Ихъ достаточность.—Величіе труда апостола народовъ. I

ГЛАВА II.

Дѣтство въ языческомъ городѣ.

Время рожденія.—Вопросъ о мѣстѣ рожденія.—Гискала или Тарсъ?—Мѣстоположеніе Тарса.—Его исторія и промышленность.—Равнодушіе ап. Павла къ красотахъ природы.—Его происхожденіе.—Раннее воспитаніе.—Соприкосновеніе съ язычествомъ.—Язычество, какимъ оно было въ Тарсѣ.—Язычество вообще.—Упадающая культура.—Впечатлѣнія, оставленныя на душѣ ап. Павла.—Ап. Павелъ гебраистъ.—Его предполагаемое знакомство съ классической литературой.—Несостоятельность этого мнѣнія 9

ГЛАВА III.

Школа раввиновъ.

Право римскаго гражданства.—Школьная жизнь въ Тарсѣ и Іерусалимѣ.—Гамалиилъ.—Неизгладимые слѣды раввинскаго воспитанія, какъ они отразились въ посланіяхъ.—Знаніе ап. Павломъ Ветхаго Завѣта.—Его методъ цитатіи и толкованія св. Писанія.—Примѣры.—Раввинскій по формѣ, свободный по духу.—Свобода отъ раввинскихъ ошибокъ.—Примѣры его аллегорическаго метода.—Ап. Павелъ какъ гагадистъ.—Гагада и Галаха 27

ХІІ

ГЛАВА ІV.

Савль-фарисей.

Ранняя борьба. — Мелочи фарисейства. — Сознаніе ихъ безконечности. — Законническая тщательность не давала мира душѣ. — Фарисейская лицемѣрность. — Годы душевныхъ тревогъ. — Слѣды этихъ сочиненій въ послѣдующей жизни. — Видѣлъ ли Савль Іисуса на землѣ? — Почти несомнѣнно, что нѣтъ. — Былъ ли онъ женатъ? — Сильная вѣроятность, что былъ. 40

Стр.

ГЛАВА V.

Апостолъ Петръ и первая Пятидесятница.

Первое соприкосновеніе Савла съ христіанами. — Источникъ ихъ энергій и жизненности. — Воскресеніе. — Вознесеніе. — Первое собраніе. — Избраніе Матеѳа. — Горница. — Три храма. — Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. — Землетрясеніе, вѣтеръ и пламя. — Языки. — Сущность этого дара. — Различныя мнѣнія. — Древнія и новыя. — Глоссолалія въ Коринѣ. — Видимая природа этого знаменія. — Насмѣшливый отзывъ. — Рѣчь ап. Петра. — Непосредственное значеніе ея для распространенія церкви. 55

ГЛАВА VI.

Первыя гоненія.

Красота и сила первобытной жизни христіанъ. — Тревога синагога. — Апп. Петръ и Іоаннъ. — Гамаліиль. — Терпимость и предосторожность. — Критическіе доводы противъ подлинности его рѣчи и ихъ несостоятельность. — Тюбингенская школа о книгѣ Дѣяній Апостольскихъ 72

Книга II. Св. Стефанъ и еллинисты.

ГЛАВА VII.

Разсѣяніе: еврейство и еллинизмъ.

Три главныхъ событія, подготовившія къ христіанству. — Распространенность греческаго языка. — Римская имперія. — Разсѣяніе іудеевъ. — Огромное его значеніе. — Вліяніе его на грековъ и римлянъ. — Вліяніе его на самихъ іудеевъ. — Двойное значеніе его для іудеевъ. — Фарисействующіе іудеи. — Возрастающая сила книжниковъ. — Упадокъ духовности. — Либеральные іудеи. — Космополитическая торговля и промышленность. — Еллины и еллинисты. — Различные классы христіанъ. — Двѣ школы еллинизма. — Александрійскіе еллинисты. — Еврействующіе еллинисты. — Еллинисты среди христіанъ. — Вдовы. — Семь діаконовъ. — Св. Стефанъ 78

ХІІІ

ГЛАВА VIII.

Дѣятельность и мученичество св. Стефана.

Успѣхъ семи діаконовъ.—Преимущественная вѣра св. Стефана.—Ясный взглядъ на царство небесное. — Кажущееся единство христіанства съ іудействомъ.—Отношеніе закона къ евангелію.—Служеніе св. Стефана.—Еллинистическія синагоги.—Савль.—Сила св. Стефана.—Раввинскіе взгляды на Мессію.—Истинный взглядъ св. Писанія на страждущаго Мессію. — Подозрѣваемая ереси.—Пораженіе еллинистовъ и ихъ насилія.—Арестъ св. Стефана. — Обвиненія противъ него. — Судбище. — «Лицо ангела».—Рѣчь, произнесенная по гречески. — Построеніе аргументаціи.—Поразительное искусство рѣчи.—Доказательства ея подлинности. — Его методъ опроверженія и доказательства. — Внезапный взрывъ негодованія.—Незаконное насиліе. — Онъ «почилъ».—Савль. 92

Книга III. Обращеніе.

ГЛАВА IX.

Савль-гонитель.

Возрастъ Савла.—Его насилія.—Умаленіе гоненія.—«Принуждалъ хулить Иисуса». — Бѣгство христіанъ. — Неукротимая ярость Савла. — Проситъ полномочныхъ грамотъ въ Дамаскъ.—Первосвященникъ Теофилъ.—Арета 115

ГЛАВА X.

Обращеніе Савла.

Уполномоченный отъ синагога.—Путешествіе въ Дамаскъ.—Неизбѣжныя сомнѣнія и раздумья. — Уединенныя размышленія.—Праніе противъ рожна.—Сомнѣнія и недоумѣнія.—Полдень.—Конецъ путешествія.—Видѣніе и голосъ.—Перемена сердца.—Духовное чудо.—Печальное вступленіе въ Дамаскъ.—Ананія.—Обращеніе Савла какъ доказательство истины христіанства 121

ГЛАВА XI.

Ап. Павелъ въ уединеніи.

Савль «назарянинъ». — Неопредѣленность дальнѣйшихъ извѣстій о немъ.—Психологическая вѣроятность.—Его благовѣстіе «не отъ человѣка». — Стремленіе къ уединенію.—Дни въ Дамаскѣ.—Пребываніе въ Аравіи.—Происхожденіе «жала въ плоть». — Вызывавшіяся имъ чувства. — Вліяніе его на слогъ ап. Павла въ его посланіяхъ. — Особенности языка ап. Павла. — Переходы отъ чувствительной робости къ смѣлому мужеству 140

XIV

ГЛАВА XII.

Начало долгаго мученичества.

«Во первыхъ іудею».—Появленіе ап. Павла опять въ Дамаскѣ.—Савлъ въ синагогахъ. — Не заурядный совопросникъ. — Силлогизмъ насилія. — Первый заговоръ убить ап. Павла. — Его бѣгство изъ Дамаска. — Путешествіе въ Іерусалимъ 153

Стр.

ГЛАВА XIII.

Возвращеніе Савла въ Іерусалимъ.

Опять въ Іерусалимѣ.—Опасенія и предчувствія.—Сердечная доброта ап. Петра.—Савлъ и Іаковъ.—Противоположность ихъ характеровъ и посланій.—Посредничество Варнавы.—Сношеніе съ ап. Петромъ.—Савлъ и еллинисты.—Восхищенное состояніе и видѣніе Савла въ Іерусалимѣ.—Заговоръ убить его.—Бѣгство.—Безмолвный періодъ въ Тарсѣ 158

ГЛАВА XIV.

Императоръ Кай и іудеи. — Миръ церкви

«Церкви же были въ покоѣ». — Обзоръніе этого періода.—Тиверій. — Возшествіе на престолъ Кая (Калигулы).—Иродъ Агриппа I. — Преслѣдованіе іудеевъ въ Александріи. — Паденіе Флакка. — Помѣшательство Кая. — Рѣшеніе его поставить свою статую въ храмъ іерусалимскомъ.—Отчаяніе іудеевъ.—Легатъ Петроній. — Посольство Филона.—Умерщвленіе Кая.—Возшествіе на престолъ Клавдія. 169

Книга IV. Призваніе язычниковъ.

ГЛАВА XV.

Самаряне. — Евнухъ. — Сотникъ.

Ясная заря христіанства.—«Другія овцы не отъ стада сего».—Послѣдствія Савлова гоненія.—Филиппъ въ Самаріи.—Симонъ волхвъ.—Египетскій евнухъ.—Значеніе его крещенія. — Ап. Петръ въ Іюппіи. — Домъ Симона кожевника.—Двѣ проблемы: — въ какомъ отношеніи' церковь находилась 1) къ язычникамъ и 2) къ обрядовому закону?—Христосъ и законъ Моисеевъ. — Изреченія пророковъ. — Недоумѣнія ап. Петра. — На кровлѣ дома кожевника. — Видѣніе. — «Что Богъ очистилъ, того не почитай нечистымъ». — Корнилій. — «Богъ не лицепріятенъ». — Смѣлый поступокъ ап. Петра. — Броженіе въ Іерусалимѣ. — Улаженіе его 178

Книга V. Антиохія.

ГЛАВА XVI.

Вторая столица христіанства.

Открытая проповѣдь еллинистовъ язычникамъ. — Варнава въ Антиохіи. — Нужда въ сотоварищѣ. — Онъ приводитъ Савла изъ Тарса. — Третья столица міра — вторая столица христіанства. — Мѣстоположеніе и блескъ Антиохіи. — Ея населеніе. — Ея нравственное паденіе. — Скептицизмъ и легковѣріе. — Дафна и ея убѣжище. — Улица Сингонская. — Имя «христіанинъ». — Его историческое значеніе. — Дано язычниками. — Христіане и хрестіане. — Не сразу усвоено было церковію. — Отмѣчаетъ важную эпоху. — Радость обращенцевъ изъ язычниковъ. 195

Стр.

ГЛАВА XVII.

Мученичество и возмездіе.

Годъ счастливаго труда — Новое видѣніе. — Агавъ и голодъ. — Сборъ милостыни для бѣдныхъ собратій въ Іерусалимѣ. — Павелъ и Варнава посылаются для доставленія халюки. — Царское семейство въ Адіавенѣ. — Политика Ирода Агриппы I. — Мученичество св. Іакова старшаго. — Арестъ и избавленіе ап. Петра. — Агриппа во всемъ блескѣ его величія. — Пораженъ Богомъ. — Св. Маркъ. 208

ГЛАВА XVIII.

Іудейство и язычество.

Церковь въ Антиохіи. — Возбужденіе миссіонерскаго духа. — Пророки и язычники. — Трудности дѣла. — Враждебность іудеевъ по отношенію къ евангелію. — Отмѣна закона. — Распятый Мессія. — Политическая боязливость. — Ненависть язычниковъ ко всѣмъ іудеямъ и особенно къ іудеямъ-христіанамъ. — Развращенность языческаго міра. — Вторженіе восточныхъ суевѣрій. — Безотрадная гордость стоицизма. — Голосъ Духа 221

Книга VI. Первое миссіонерское путешествіе.

ГЛАВА XIX.

Кипръ.

«Посланные Духомъ Святымъ». — Путешествіе въ древности. — Виды на будущее. — Павелъ, его физическая и нравственная природа. — Его необычайныя дарованія. — Варнава. — Маркъ. — Прибытіе на о. Кипръ. — Языческое населеніе. — Саламинъ. — Сирійская Афродита. — Пафъ. — Сергій Павелъ. — Элима. — Праведное обличеніе и судъ. — «Савлъ, онъ же и Павелъ» 231

XVI

ГЛАВА XX.

Антиохія Писидійская.

Пергія.—Слабость Марка.—Проходы Тавра.—Поглощенность ап. Павла своимъ дѣломъ.—Антиохія Писидійская.—Богослуженіе въ синагогѣ.—Параша и гафтаръ.—Проповѣдь въ синагогѣ.—Образчикъ проповѣдническихъ пріемовъ ап. Павла.—Сила его проповѣди.—Вліяніе ея на іудеевъ.—Непосредственныя слѣдствія.—«Вотъ мы обращаемся къ язычникамъ» 245

Стр.

ГЛАВА XXI.

Конецъ путешествія.

Иконія.—Настойчивая враждебность іудеевъ.—Листра.—Исцѣленіе калѣки.—Нежеланныя почести.—Вѣтряная толпа.—Побіеніе камнями.—Вѣроятная встрѣча съ Тимофеемъ.—Дервія.—Обратный путь.—Возвращеніе въ Антиохію.—Время путешествія.—Значеніе опыта ап. Павла.—Апостолъ народовъ 259

ГЛАВА XXII.

Совѣщаніе въ Іерусалимѣ.

«Нѣкоторые изъ Іудеи» посѣщаютъ Антиохію.—Жестокій законъ.—Обрѣзаніе.—Тяжкое иго.—Негодование ап. Павла.—Собраніе въ Іерусалимѣ.—Уполномоченные отъ Антиохіи.—Первое собраніе.—Частное совѣщаніе.—Три главные апостола склоняются ко взглядамъ ап. Павла.—Ихъ просьбы о помощи бѣднымъ.—Титъ.—Былъ ли онъ обрѣзанъ.—Сильныя основанія въ пользу того, что былъ обрѣзанъ.—Побужденія ап. Павла.—Окончательное собраніе.—Оживленность преній.—Рѣчь ап. Петра.—Св. ап. Іаковъ.—Его характеръ и рѣчь.—Апостольское письмо.—Нерѣшенность вопросовъ.—Несомнѣнная подлинность посланія.—Запрещенія 272

ГЛАВА XXIII.

Апостолы Петръ и Павелъ въ Антиохіи.

Радость въ Антиохіи.—Авторитетъ ап. Павла.—Ап. Петръ въ Антиохіи.—Прибытіе «нѣкоторыхъ отъ Іакова». — «Онъ сталъ таиться и устранился». — Недостатокъ нравственнаго мужества.—Печальныя послѣдствія.—Доводы ап. Павла.—Характеръ ап. Петра.—Публичный укоръ.—Слѣдствія укора.—Злобность лже-кLEMENTINскихъ сочиненій.—Жажда миссіонерства.—Разладъ между Павломъ и Варнавой.—Слѣдствія ихъ раздѣленія.—Все ко благу.—Варнава и Маркъ 295

ГЛАВА XXIV.

Начало втораго миссіонерскаго путешествія.—Ап. Павелъ въ Галатіи.

Павелъ и Сила.—Сухопутная дорога.—Киликійскія ворота.—Дервія.—Гдѣ Варнава?—Листра.—«Тимоеей, сынъ мой». —Его обрѣзаніе и рукоположе-

ніе. —Фригійскій и Галатійскій округъ.—Скудость извѣстій.—Галаты.—Болѣзнь ап. Павла.—Доброта галатовъ.—Различныя формы религіи.—Пессинъ, Анкира и Тавія. — Божественное руководство въ пути. — Троада. — Видѣніе.—«Прійди въ Македонію и помоги намъ».—Встрѣча съ св. Лукой.—Его характеръ и вліяніе	Стр. 305
--	-------------

Книга VII. Христіанство въ Македоніи.

ГЛАВА XXV.

Филиппы.

Отплытіе въ Неаполь.—Филиппы.—Мѣсто молитвы.—Лидія.—Македонскія женщины.—Особенность филиппійскихъ обращенцевъ.—Дѣвица, обладающая «духомъ прорицательнымъ».—Филиппійскіе преторы.—Ихъ несправедливость.—Бичеваніе.—Тюрьма и колоды.—Пѣніе псалмовъ въ темницѣ.—Землетрясеніе.—Обращеніе начальника тюрьмы. — Почетное освобожденіе и отпушеніе изъ Филиппъ	223
---	-----

ГЛАВА XXVI.

Θессалоника. — Верія.

Θессалоника и ея исторія.—Бѣдность апостоловъ.—Щедрость филиппійцевъ.—Успѣхъ среди язычниковъ.—Сущность ученія.—Душевное состояніе ап. Павла.—Чернь и политархи.—Нападеніе на домъ Іасона.—Бѣгство въ Верію.—Жители ея «благомысленнѣе».—Сопатръ.—Бѣгство въ Аѣины	336
--	-----

Книга VIII. Христіанство въ Ахаіи.

ГЛАВА XXVII.

Ап. Павелъ въ Аѣинахъ.

Древнія Аѣины.—Призведенное ими впечатлѣніе на ап. Павла. — Городъ статуй.—Языческое искусство.—Жертвенникъ «Невѣдомому Богу».—Аѣины во времена Римской имперіи. — Стоики и эпикурейцы. — Возбужденное любопытство.—Ареопагъ.—Насмѣшливое судбище.—Рѣчь ап. Павла. — Ея необычайная сила.—Тактъ и мудрость.—Многосторонность ея приложеній.—Издѣвательство надъ ученіемъ о воскресеніи.—Слѣдствія посѣщенія Аѣинъ ап. Павломъ . . .	346
---	-----

ГЛАВА XXVIII.

Ап. Павелъ въ Коринѣ.

Коринѣ. — Его населеніе и промышленность. — Культъ Афродиты.—Аквила и Прискилла. — Оживленная дѣятельность.—Криспъ.—Характеръ коринѣскихъ обращенцевъ.—Вліяніе опыта на проповѣдь ап. Павла.—Разрывъ съ

іудеями.—Еще видѣніе.—Галліонъ.—Непріятное положеніе іудеевъ.—Избіеніе Сосоена.—Поверхностное высокоуміе.	Стр. 369
---	-------------

ГЛАВА XXIX.

Первое посланіе къ Ѳессалоникійцамъ.

Тимоѳей съ ап. Павломъ.—Преимущества ученія при посредствѣ посланій.—Живая непринужденность слога.—Форма привѣтствій ап. Павла.—Употребленіе личныхъ мѣстоименій «мы» и «я». —Благодать и миръ.—Благодареніе.—Личный протестъ противъ тайныхъ клеветъ.—Горькая жалоба на іудеевъ.—Вѣроучительный отдѣлъ.—Пришествіе Господа.—Практическія наставленія.—Безосновательныя опасенія въ отношеніи умершихъ.—Будьте готовы.—Предостереженіе противъ неподчиненія и унынія.—Второе пришествіе.—Заключеніе перваго посланія	384
--	-----

ГЛАВА XXX.

Второе посланіе къ Ѳессалоникійцамъ.

Извѣстіе изъ Ѳессалоники.—Дѣйствіе перваго посланія.—Новая опасность.—Эсхатологическая возбужденность.—«Мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня». —День Господень.—Разрушеніе римскаго и іудейскаго храмовъ.—Предметъ втораго посланія.—Посланія, богатые въ подробностяхъ, но однообразныя по методу.—Состоятъ обыкновенно изъ шести отдѣловъ.—Привѣтствія.—Отдѣлы вѣроучительный и нравоучительный въ посланіи.—Нравственныя предостереженія.—Собственноручное удостовѣреніе.—Мѣсто касательно «человѣка-грѣха». —Таинственный тонъ языка.—Основанія для этого.—Подобное же мѣсто у І. Флавія.—Что разумѣется подъ «удерживающимъ» и подъ «задержкой». —Необъяснимость остальнаго для настоящаго времени	397
--	-----

Книга IX. Ефесъ.

ГЛАВА XXXI.

Ап. Павелъ въ Ефесъ.

Ап. Павелъ оставляетъ Коринѳъ.—Назорейскій обѣтъ.—Четвертое посѣщеніе Іерусалима.—Холодный приѣмъ.—Возвращеніе въ Антіохію.—Утвержденіе церковей въ Галатіи и Фригіи.—Вновь посѣщаетъ Ефесъ.—Торговля, слава и блескъ этого города.—Его великіе люди.—Римское правленіе.—Убѣжище.—Храмъ Артемиды.—Мегабизы.—Ефесскіе амулеты.—Аполлоній Тианскій.—Письма лже-Гераклита.—Аполлосъ.—Ученики Іоанна.—Школа Тиранна.—Непріятность съ сыновьями Скевы.—Сожженіе черныхъ книгъ.—Испытанія и опасность въ Ефесъ.—Печальныя вѣсти изъ Коринѳа.—Ефесія.—Раздраженность художниковъ.—Артемиды.—Димитрій.—Покушеніе схватить ап. Павла.—Мятежъ въ театрѣ.—Гаій и Аристархъ.—Рѣчь блюстителя порядка.—Прощаніе съ церковью ефесской.—Теперешнее состояніе Ефеса	408
---	-----

ГЛАВА XXXII.

Состояніе церкви въ Коринѣ и первое посланіе къ этой церкви.

Стр.

Затрудненія обращенцевъ изъ язычества.—Письмо изъ Коринѣа.—Различные вопросы.—Споры въ церкви.—Партія Аполлоса.—Партія Петра.—Иудейскій учитель.—Безпорядки въ собраніяхъ.—Вечери любви.—Снисходительность къ омерзительному грѣшнику.—Мѣры, принятыя ап. Павломъ.—Посылаетъ Тита въ Коринѣ.—Диктуетъ Сосѣну посланіе къ Коринѣянамъ.—Предметы посланія.—Привѣтствія.—Благодареніе.—Партійный духъ.—Истинная и ложная мудрость.—Приговоръ надъ грѣшникомъ.—Христосъ наша пасха.—Христіанскіе и языческіе судьи.—Позволительная и непозволительная пища.—Бракъ.—Безбрачіе.—Вдовы.—Разводъ.—Идоложертвенное.—Личный примѣръ.—Покрытіе головы.—Безпорядокъ при совершеніи евхаристіи жертвы.—Глоссолалія.—Любовь.—Правила проповѣданія.—Воскресеніе.—Практическія наставленія.—Привѣтствія.—Благословеніе 439

ГЛАВА XXXIII.

Второе посланіе къ Коринѣянамъ.

Безпокойство ап. Павла.—Короткое пребываніе въ Троадѣ.—Встрѣча съ Титомъ.—Впечатлѣніе перваго посланія на коринѣянъ.—Личная оппозиція его авторитету.—Возвращеніе Тита въ Коринѣ.—Испытанія въ Македоніи.—Особенность посланія.—Привѣтствіе.—Скорбь и утѣшеніе.—Самозащита.—Объясненіе.—Метафоры.—Служеніе новаго завѣта.—Краснорѣчивыя обращенія.—Щедрость церкви Македоніи.—Увѣщаніе къ щедрости.—Внезапная перемѣна въ тонѣ.—Негодующая апологія.—Смѣсь ироніи и увѣщанія.—Ложные апостолы.—Незаписанныя испытанія его жизни.—Видѣніе при его обращеніи.—Доказательства истинности его служенія.—Привѣтствіе.—Благословеніе . . . 470

ГЛАВА XXXIV.

Второе посѣщеніе Коринѣа.

Второе пребываніе въ Македоніи.—Краткое замѣчаніе св. Луки.—Иллирія — самый далекій пунктъ его миссіонерскаго путешествія.—Учрежденіе сбора милостыни — Его сотоварищи во время путешествія въ Коринѣ.—Его сотоварищи въ Коринѣ.—Состояніе церкви.—Два посланія, написанныя въ Коринѣ 495

ГЛАВА XXXV.

Важность посланія къ Галатамъ.

Иудействующіе противники ап. Павла среди его галатійскихъ обращенцевъ.—Вѣтряность галатовъ.—Доводы противъ ап. Павла.—Обрѣзаніе какъ предметъ наиболѣе ожесточенной борьбы.—Вопросъ о христіанской свободѣ.—Прозелиты обрѣзанія среди языческихъ царскихъ домовъ.—Смѣлость

и горячность аргументаціи ап. Павла.—Посланіе къ Галатамъ.—Манифестъ свободы отъ ига іудейства	Стр. 503
--	-------------

ГЛАВА XXXVI.

Посланіе къ Галатамъ.

Краткое привѣтствіе.—Взрывъ негодованія.—Подтвержденіе апостольскаго авторитета.—Обзоръ жизни и дѣятельности ап. Павла.—Кратковременность общенія съ апостолами.—Соподчиненное положеніе.—Кифа въ Антиохіи.—Второй взрывъ.—Цѣль закона.—Его отношеніе къ евангелію.—Смѣлость аргументаціи.—Оправданіе вѣрою.—Аллегорія исторіи Сарры и Агари.—Рабство закону.—Свобода во Христѣ.—Похоть плоти.—Плоды Духа.—Практическія наставленія.—Собственноручное заключеніе.—Апостолъ предполагаетъ вновь посѣтить Іерусалимъ, и посланіе къ Римлянамъ	512
---	-----

ГЛАВА XXXVII.

Посланіе къ Римлянамъ и богословіе ап. Павла.

Іудеи въ Римѣ.—Численность христіанскихъ обращенцевъ.—Введеніе христіанства въ Римѣ.—Оно введено не ап. Петромъ.—Изъ кого состояла эта церковь — изъ іудеевъ или язычниковъ?—Разрѣшеніе кажущихся противорѣчій.—Замѣчаніе о шестнадцатой главѣ.—Вѣроятно часть посланія въ Ефесъ.—Главная цѣль посланія.—Написано въ духѣ мира.—Теорія Баура касательно происхожденія посланія.—Происхожденіе и идея посланія.—Очеркъ содержанія.	526
---	-----

II. Общая мысль посланія.

Привѣтствіе.—Благодареніе.—Основная тема.—Праведный живъ будетъ вѣрою.—Изъясненіе смысла этого изреченія	539
--	-----

III. Всеобщность грѣха.

Повинность язычниковъ.—Самооткровеніе Бога язычникамъ въ Его дѣлахъ.—Поэтому грѣхъ ихъ неизвинителенъ.—Пороки языческой жизни.—Іудеи еще болѣе неизвинителенъ, потому что болѣе просвѣщенъ.—Осужденіе не смотря на обрѣзаніе и тщательное исполненіе постановленій закона	545
---	-----

IV. Возраженія и подтвержденіе.

Имѣетъ ли іудей какое-либо преимущество на своей сторонѣ?—Справедливость наказанія.—Опроверженіе ложныхъ и злобныхъ выводовъ.—Іудей и язычникъ — всѣ подъ грѣхомъ.—Цитаты изъ псалмовъ и пророка Исаи . .	550
---	-----

V. Оправданіе вѣрою.

Объясненіе «правды Божіей».—Элементы оправданія.—Вѣра не уничтожаетъ закона.—Вѣра Авраама.—Миръ и надежда — благословенныя слѣдствія вѣры.—Три момента въ религіозной исторіи человѣчества.—Адамъ и Христосъ.—Можемъ ли мы грѣшить, чтобы преизбыточествовала благодать?—Понятіе жизни во Христѣ исключаетъ возможность намѣреннаго и произвольнаго	
---	--

грѣха.— Законъ не можетъ оправдывать.— Законъ умножаетъ преступленія.— Мы не подъ закономъ, но подъ благодатію.— Кажущіяся противорѣчія — Вѣра и дѣла.— Мертвые для закона.— Исторія души.— Избавленіе.— Надежда.— Торжество 553

ГЛАВА XXXVIII.

Предопредѣленіе и свободная воля.

Отверженіе іудеевъ.— Предвѣденіе Божіе.— Противленіе злу.— Горшечникъ и глина.— Свободная воля человѣка.— Безбоязненность и примирительность полемическаго метода ап. Павла.— Отверженіе Израиля.— Не полное и не окончательное.— Проблески надежды.— Христосъ — камень преткновенія для іудеевъ — Пророчество о будущемъ возстановленіи.— Жертва возношенія.— Дикая и садовая маслина.— Всеобщность испускающей благодати.— Славословіе. 571

ГЛАВА XXXIX.

Плоды вѣры.

Перерывъ въ посланіи.— Практическое увѣщаніе.— Христіанскія добродѣтели.— Повиновеніе гражданскимъ властямъ.— Значеніе римскаго закона.— Служебныя обязанности гражданскихъ правителей.— Уплата гражданскихъ повинностей.— Эвѣонитскія тенденціи.— Совѣтъ «сильнымъ и немощнымъ». — Просьба о мотивахъ церкви.— Благословеніе.— Основанія для заключенія, что шестнадцатая глава была обращена къ церкви ефесской — Заключительное славословіе. 581

ГЛАВА XL.

Послѣднее путешествіе въ Іерусалимъ.

Приготовленія къ отправленію въ Іерусалимъ.— Ярость іудеевъ.— Заговоръ убить ап. Павла.— Какъ былъ предотвращенъ.— Сотоварищи въ путешествіи.— Онъ остается въ Филиппахъ съ св. Лукой для проведенія праздника Пасхи.— Троада.— Евтихъ.— Путь отъ Троады до Асса.— Плаваніе среди греческихъ острововъ до Милета.— Прощальная рѣчь пастырямъ ефесскимъ.— Грустная разлука.— Косъ.— Родосъ.— Патара.— Тиръ.— Молитва на морскомъ берегу.— Кесарія.— Филиппъ евангелистъ.— Пророкъ Агавъ.— Предостереженія объ опасности.— Пятое посѣщеніе Іерусалима.— Въ домъ Мнасона кипрянина.— Собраніе старѣйшинъ.— Іаковъ, братъ Господень.— Представленіе милостыни отъ церквей.— Отчетъ ап. Павла о своей дѣятельности.— Холодность приѣма.— Назорейскій обѣтъ.— Тщательная обрядность.— Согласіе ап. Павла.— Политическое состояніе іудеевъ въ это время.— Раздоры съ римлянами.— Дерзость солдатъ.— Раздоры съ самарянами.— Іонаѳанъ.— Феликсъ.— Сикаріи.— Ап. Павелъ во дворѣ женщинъ.— Мятежъ враждебныхъ ему лицъ.— Лизій.— Рѣчь ап. Павла къ черни.— Приготовленія къ бичеванію.— *Civis Romanus sum*. — Судъ предъ синедріономъ.— Ананія первосвященникъ.— «Стѣна подбѣленная». — Извиненіе.— Ап. Павелъ выдаетъ себя за фарисея.— Видѣніе предсказываетъ ему

объ отправленіи его въ Римъ.—Клятва сорока іудеевъ.—Заговоръ открытъ его племянникомъ.—Отправленіе ап. Павла въ Кесарію.—Письмо Лизія къ Феликсу.—Въ тюрьмѣ. 591

ГЛАВА ХLI.

Ап. Павелъ и Феликсъ.

Судъ передъ Феликсомъ.—Рѣчь адвоката іудеевъ Тертулла.—Защита ап. Павла. — Отсрочка судопроизводства. — Рѣчь ап. Павла передъ Феликсомъ и Друзиллой.—Мятежъ въ Кесаріи.—Отозваніе Феликса.—Два года въ тюрьмѣ. 634

ГЛАВА ХLII.

Ап. Павелъ передъ Фестомъ и Агриппой II.

Новый судебный разборъ дѣла передъ Порціемъ Фестомъ. — Энергія и добросовѣстность послѣдняго. — Ап. Павелъ обращается съ апелляціей къ кесарю.—Визитъ Фесту со стороны Агриппы II и Вереники.—Важный случай.—Рѣчь ап. Павла. — Обращеніе къ Агриппѣ II и его отвѣтъ. — Благопріятное впечатлѣніе, произведенное ап. Павломъ 643

ГЛАВА ХLIII.

Путешествіе въ Римъ и кораблекрушеніе.

Ап. Павелъ отсылается въ Римъ подъ надзоромъ сотника Юлія.—Августаны.—Приковываніе узниковъ къ воинамъ.—Планъ путешествія. — Лука и Аристархъ.—День проведенный въ Сидонѣ.—Путешествіе до Миры.—Александрійскій пшеничный корабль. — Плаваніе до Крита.—Вихрь около Хорошихъ Пристаней.—Совѣтъ ап. Павла.—Отверженіе его.—Рѣшеніе Юлія добратъсл до порта Феникса. — Тифонъ. — Эвроквилонъ или эвроклидонъ. — Большая опасность.—Клавда.—Поднятіе лодки.—Обвязываніе корабля.—Другія мѣры для спасенія корабля.—Бѣдственность вслѣдствіе продолжительности урагана.—Видѣніе ап. Павла. — Онъ ободряетъ всѣхъ. — Они близъ земли. — Рас-эл-Кура.—Попытка матросовъ бѣжать съ корабля.—Подкрѣпленіе пищею.—Окончательное кораблекрушеніе.—Воины.—Спасеніе 654

Книга X. Римъ.

ГЛАВА ХLIV.

Ап. Павелъ въ Римѣ.

Гостепріимство островитянъ Мальты по отношенію къ потерпѣвшимъ крушеніе.—Ехидна на рукѣ ап. Павла.—Три мѣсяца на о. Мальтѣ. — Протось.—Исцѣленіе отца Публия — Честь, оказанная ап. Павлу. — Посадка на корабль «Діоскуры». — Сиракузы.—Ригія — ПUTEОЛЫ.—По пути къ Риму. — Встрѣча со стороны собратьевъ въ Appii Forum. — Три Гостинницы. — Аппіева дорога.—

Вступленіе въ Римъ.—Афраній Бурръ.—Состояніе подъ надзоромъ.—Неудобства заключенія.—Собраніе старѣйшинъ іудейскихъ.—Ихъ осторожный отвѣтъ.—Совмѣстимость его съ посланіемъ къ Римлянамъ.—Іудеи выражаютъ желаніе получить дальнѣйшія свѣденія.—Длинное разсужденіе.—Суровое предостереженіе со стороны апостола.—Два года въ тюрьмѣ въ Римѣ.—Постоянство его друзей.—Проповѣдуетъ «невозбранно» 668

ГЛАВА XLV.

Пребываніе ап. Павла въ Римѣ.

На своемъ иждивеніи.—Положеніе апостола вообще.—Его душевное состояніе.—Его жизнь и проповѣдь въ Римѣ.—Состояніе различныхъ классовъ населенія въ Римѣ.—Невѣроятность сказаній о сношеніи ап. Павла съ Сенекой.—Немногіе обращенцы среди аристократіи римской.—Состояніе рабовъ.—Поселеніе іудеевъ въ Римѣ.—Поощреніе имъ отъ Юлія Цезаря.—Ихъ жизнь и положеніе среди римскаго населенія.—Характеръ и правленіе Нерона.—Паденіе Сенеки.—Феній Руфъ и Тигеллинъ—преторіанскіе префекты 680

ГЛАВА XLVI.

Посланія, написанныя въ узахъ.

Исторія тюремнаго заключенія ап. Павла, извлекаемая изъ посланій, написанныхъ въ узахъ.—Четыре группы этихъ посланій.—Отличительныя особенности этихъ группъ.—Основная нота каждого посланія.—Порядокъ посланій.—Доводы въ пользу того, что посланіе къ Филиппійцамъ есть самое раннее изъ посланій, написанныхъ въ узахъ.—Параллели посланія къ Филиппійцамъ и посланія къ Римлянамъ.—Споръ ап. Павла съ іудействомъ почти заканчивается.—Радостные случаи, облегчающіе его состояніе въ узахъ.—Посѣщеніе со стороны Епафродита.—Его болѣзнь и выздоровленіе.—Добродѣтельность церкви Филиппійской.—«Радуйтесь» господствующая мысль посланія 689

ГЛАВА XLVII.

Посланіе къ Филиппійцамъ.

Привѣтствіе.—Подразумѣваемое увѣщаніе къ единенію.—Слова ободренія.—Даже противленіе обращается ко благу.—Увѣщаніе слѣдовать примѣру Христа.—Надежды на освобожденіе.—Епафродитъ.—Внезапный перерывъ.—Взрывъ негодованія противъ іудеевъ.—Еводія и Синтихія.—Сизигъ.—Прощаніе и радость.—Будущность Филиппійской церкви 699

ГЛАВА XLVIII.

Гностицизмъ въ зародышѣ.

Посланія къ Колоссянамъ, Ефесянамъ, Филимону.—Нападеніе на ихъ подлинность.—Епафрастъ.—Лаодикія, Иераполь, Колоссы.—Долина рѣки Лика.—Онисимъ.—Печальныя вѣсти, принесенныя Епафрасомъ.—Новая форма заблуж-

жденія.—Ессейскій учитель. — Ап. Павелъ раскрываетъ противоположную заблужденію истину.—Восточная теософія. — Зародышъ гностицизма.—Христология этихъ посланій.—Всеобщность и древность гностическихъ умозрѣній.— Варіаціи въ слогѣ ап. Павла. 707

ГЛАВА XLIX.

Посланіе къ Колоссянамъ.

Привѣтствіе.—Христосъ какъ превѣчный Сынъ.—Величіе служенія евангелія. — Плирома. — Предостереженія противъ ложныхъ учителей. — Практическія слѣдствія.—Истинное средство противъ грѣха.—Практическія наставленія —Личныя сообщенія.—Реакція противъ ученія ап. Павла въ Азіи. — Папій.—Колоссы 719

ГЛАВА L.

Ап. Павелъ и Онисимъ.

Частныя письма.—Онисимъ. — Низкое положеніе рабовъ. — Фригійскій бѣглець.—Христіанство и рабство.—Письмо Плинія къ Сабиніану. — Жгучій вопросъ.—Противоположность между тономъ Плинія и ап. Павла. 727

ГЛАВА LI.

Посланіе къ Филимону.

Изложеніе посланія.—Сравненіе его съ письмомъ Плинія къ Сабиніану.—Посѣтилъ ли опять ап. Павелъ Колоссы? 734

ГЛАВА LP.

Посланіе къ Ефессянамъ.

Подлинность посланія.—Свидѣтельства о его величіи.—Сходство и различіе между посланіями къ Ефессянамъ и Колоссянамъ.—Слогъ ап. Павла. — Христология позднѣйшихъ посланій. — Вѣроученіе и нравоученіе. — Великія тайны.—Повтореніе руководящихъ словъ. — Привѣтствіе.—«Въ похвалу Его славы».—Христосъ въ Церкви.—Вытекающія отсюда обязанности. — Единство во Христѣ.—Новая жизнь.—Христіанская покорность. — Христіанское всеоружіе.—Конецъ книги Дѣяній Апостольскихъ.—Ожиданія ап. Павла.—Нероново гоненіе. 736

ГЛАВА LIII.

Первое посланіе къ Тимофею.

Посѣтилъ ли ап. Павелъ Испанію?—Характеръ перваго посланія къ Тимофею.—Особенности привѣтствія.—Ложные учителя.—Назначеніе закона. — Отступленія. — Правила общественнаго богослуженія. — Качества лицъ, выбираемыхъ на служеніе церкви. — Діаконы. — Діакониссы.—Тайна благочестія. —

Пастырскій совѣтъ Тимоѳею.—Личный совѣтъ.—Обязанности рабовъ.—Торжественное заклинаніе.—Послѣднее увѣщаніе	Стр. 758
--	-------------

ГЛАВА LIV.

Посланіе къ Титу.

Вѣроятныя движенія ап. Павла.—Христіанство на о. Критѣ.—Миссія Тита.—Привѣтствіе.—Характеръ критянъ.—Здравомысленность.—Пастырскія обязанности.—Увѣщанія различнымъ классамъ.—Предостереженія противъ ложныхъ учителей.—Личныя сообщенія.—«Пусть и наши учатся».—Титъ . .	766
---	-----

ГЛАВА LV.

Послѣдніе дни.

Подлинность пастырскихъ посланій.—Второе посланіе къ Тимоѳею.—Состояніе церкви въ послѣдній годъ жизни ап. Павла.—Его возможныя движенія въ это время.—Арестъ его въ Троадѣ.—Судъ и тюремное заключеніе въ Ефесѣ.—Разлука съ Тимоѳеемъ.—Сотоварищи въ его послѣднемъ путешествіи въ Римъ.—Строгость втораго тюремнаго заключенія и бѣдственность положенія.—Опасность посѣщенія узника.—Исчезновеніе друзей.—Уединенность.—Онисифоръ.—Первый отвѣтъ.—Всѣ оставляютъ ап. Павла.—«Избавленіе отъ челюстей львиныхъ».—Судъ.—Ап. Павелъ передъ Нерономъ.—Противоположность между ними.—Возвращеніе въ тюрьму	774
--	-----

ГЛАВА LVI.

Послѣднее посланіе ап. Павла.

Привѣтствіе.—Отступленія.—Христіанская энергія.—Предостереженія противъ ложныхъ учителей.—Торжественныя пастырскія наставленія.—Личныя просьбы и сообщенія.—Пудъ и Клавдія.—Фелонь.—Пергаментныя книги.—Кожанные свитки.—Торжество среди неудачъ и огорченій.—Тонъ мужества и надежды.	790
--	-----

ГЛАВА LVII.

Конецъ.

Послѣдній судъ.—Мученичество.—Земныя неудачи и вѣчное торжество.—Несравненное величіе ап. Павла.—Герои Божіи.—Странники и пришельцы на землѣ.	799
---	-----

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

	Стр.
I. Слогъ ап. Павла какъ выразитель его характера	807
II Риторика ап. Павла	812
III. Классическія цитаты ап. Павла	816
IV. Ап. Павелъ какъ гагадистъ: Ап. Павелъ и Филонъ	822
V. Гамаліилъ и Тюбингенская школа	827
VI. Смертная казнь: побіеніе св. Стефана камнями	829
VII. Власть Синедріона предавать смерти	831
VIII. Дамаскъ при Аретѣ	832
IX. Савль въ Аравіи	833
X. «Жало въ плоть» ап. Павла	834
XI. Объ іудейскихъ бичеваніяхъ	841
XII. Апоѳеоза Римскихъ императоровъ	843
XIII. Бремя, налагавшееся на прозелитовъ	845
XIV. Ненависть къ іудеямъ въ классической древности	—
XV. Отзвы древнихъ языческихъ писателей о христіанствѣ	847
XVI. Проконсульство Сергія Павла	849
XVII. Ап. Іоаннъ и ап. Павелъ	850
XVIII. Нападенія на ап. Павла въ Клементинахъ	852
XIX. Человѣкъ грѣха или «беззаконникъ»	855
XX. Богословіе и антиноміи ап. Павла	858
XXI. Главные прописные манускрипты Дѣяній Апостольскихъ и посланій ап. Павла	860
XXII. Отличительныя слова, основныя ноты и характеристическія особенности посланій.	862
XXIII. Письмо Плинія къ Сабиніану въ защиту провинившагося отпущенника	863
XXIV. Ироды въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ	864
XXV. Фразеологія и ученіе посланія къ Ефесянамъ	869
XXVI. Данныя въ доказательство освобожденія ап. Павла	871
XXVII. Подлинность пастырскихъ посланій.	874
XXVIII. Хронологія жизни и посланій ап. Павла	887
XXIX. Свидѣтельства преданія о внѣшности ап. Павла	892
Примѣчанія къ тексту	894
Указатель содержанія	1063

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Карта, показывающая первое миссіонерское путешествіе св. ап. Павла	въ заглавномъ листѣ.
Карта втораго миссіонерскаго путешествія	къ стр. 305
Карта третьяго миссіонерскаго путешествія	» » 438
Карта путешествія ап. Павла въ Римъ	» » 655

Стр.	Стр.
1. Голгоза	6
Берегъ Киликіи	9
Карта окрестностей Тарса	11
Водопадъ р. Кидна, близъ Тарса	13
5. Свинцовыя и бронзовыя клейма	15
Дѣланіе палатокъ	16
Жители теперешняго Тарса	18
Монета города Тарса (съ изображеніемъ Гермеса Эріунія)	19
Общій видъ Тарса	23
10. Восточная школа	29
Римская монета съ фигурой Свободы	39
Синай	40
Мѣдный умывальникъ	41
Филактеріи	44
15. Факсимиле древняго манускрипта Новаго Заветѣ, изъ кодекса Alexandrinus. Конецъ посланія къ Римлянамъ	45
Видъ окрестностей Тарса	47
Предполагаемое мѣсто Вознесенія	55
Виванія	57
Отъ Иерусалима къ Виваніи (карта)	58
20. Иерусалимъ и его окрестности	59
Планъ храма Соломонова	60
Елеонская гора и Иерусалимъ	61
Горница въ іудейскомъ домѣ	65
Древніе кимвалы и трубы	68
25. Мечеть Омара въ Иерусалимѣ	70
Бейрутская дорога въ Дамаскъ	72
Фарисей, молящійся на перекресткѣ улицъ	75
Капитель древней колонны, изъ Иерусалима	77
Ворота св. Стефана въ Иерусалимѣ	78
30. Стѣна Иерусалимская	81
Древняя греческая рукопись	82
Полсикуль	83
Подробности украшеній Золотыхъ воротъ	83
Входъ въ Синагогу	85
35. Монеты Птоломея I и Антиоха Епифана	87
Египто-Арамейская надпись	87
Мученичество св. Стефана	91
Близъ воротъ св. Стефана	92
Входъ въ іудейскую синагогу	95
40. Тарсъ	98
Помпей	99
Берега Геннисарета	101
Входъ въ Иерусалимъ	103
Наблусъ (древній Сихемъ) и гора Гаризимъ	109
45. Видъ отъ воротъ св. Стефана	112
Нижній отрогъ горы Ермона	115
Часть башни Антоніи	119

	Стр.
Видъ Дамаска издали	121
Видъ Іерусалима со стороны Дамас- скихъ воротъ	123
50. Видъ Дамаска	125
Карта съ показаніемъ дорогъ изъ Іеру- салима въ Дамаскъ	127
Гора Ермонъ	129
Кедры ливанскіе	131
Башня Антонія	134
55. Прямая улица въ Дамаскъ	136
На прямой улицѣ въ Дамаскъ	137
Деревня Каукаба, по дорогѣ въ Да- маскъ	140
На берегахъ Барады, въ Дамаскъ	142
Рынокъ въ Дамаскъ	150
60. Іудейская гробница	152
Берега Барады	153
Стѣны Дамаска	156
Древняя капитель изъ Іерусалима	158
Развалины Кесаріи	159
65. За стѣнами Іерусалима	160
Портикъ синагоги въ Мейронѣ	165
Римскіе бичи	173
Бюстъ императора Кая Калигулы	175
Остатки свайной стѣны у пристани древняго Тира	178
70. Яффа (древняя Јоппіа)	183
Кровли восточнаго дома	187
Видъ на Антиохію при приближеніи къ ней	195
Развалины стѣнъ Антиохіи	199
Императоръ Юліанъ	205
75. Голова Юліана	207
Видъ рѣки Оронта	208
Монета Артабана	211
Императоръ Клавдій	213
Развалины Кесаріи	216
80. Планъ Кесаріи	218
Монета Ирода Агриппы	219
Голова Антиоха Епифана	220
Антиохія	221
Бюстъ Императора Тиверія	226
85. Колизей въ Римѣ	228
Видъ Ларнаки на о. Кипрѣ	231
Голова Селевка I Сирійскаго	233
Монета Селевка I	234
Борьба съ дикими звѣрями	235
90. Голова Венеры	238
Морская пристань въ Ларнакѣ, на о. Кипрѣ	239

	Стр.
Храмъ Венеры	241
Древняя греческая церковь на о. Кипрѣ	245
Часть горнаго хребта Тавръ, близъ Тарса	247
95. Видъ одного изъ проходовъ въ горахъ Тавра	249
Антиохія Писидійская	251
Видъ ниши въ синагогѣ	253
Монета съ о. Кипра	258
Кара-Дагъ въ Таврѣ	259
100. Волъ для жертвоприношенія	263
Атталія	267
Монета города Иконіи	271
Римская арка въ Тарсѣ	272
Карта Сирии отъ Антиохіи до Самаріи	277
105. Входъ въ гробницу Пресв. Богородицы	281
Развалины синагоги	289
Видъ Киликійскихъ воротъ въ Киликіи	291
Антиохія	295
Древняя капитель изъ Іерусалима	304
110. Ворота въ Тарсѣ	305
Карта страны вокругъ Тарса	306
Адана въ равнинѣ Киликійской	307
Долина р. Кидна	309
Монеты городовъ Листры и Колоссъ	312
115. Знойныя равнины и холодныя горныя проходы въ Малой Азіи	314
Привѣтствія со стороны туземцевъ рим- лянамъ	318
Римскій сотникъ	322
Римскій орелъ	323
Монеты города Фіатиръ	327
120. Служительница Писидіи на треножникѣ	329
Римскій ликторъ съ пучками розогъ	332
Салоники (Фессалоника)	337
Гора Олимпъ	341
Суній	348
125. Заливъ Элевзинскій близъ Аѳинъ	349
Развалины Пароенона	351
Развалины храма Тезея въ Аѳинахъ	352
Жертвенникъ изъ Аѳинъ	356
Сократъ	358
130. Мѣсто ареопага въ Аѳинахъ	361
Неронъ	363
Акрополь въ Коринѣ	371
Борьба гладиаторовъ съ дикими звѣрями	373
Гора Парнасъ	377
135. Римскій мозаичный мостъ	379
Сенека	382
Видъ Коринѣскаго залива	385

	Стр.		Стр.
Развалины христіанской церкви въ Іераполѣ	389	Св. ап. Павелъ	560
Мраморный фонтанъ, найденный въ Тарсѣ, близъ источника св. Павла	396	Входъ въ синагогу	563
140. Римскіе воины въ битвѣ	399	Монета города Тарса, съ изображеніемъ гробницы Сарданапала	570
Нижнія помѣщенія Колизея	401	185. Аппіева дорога къ Риму	571
Колодезь ап. Павла въ Тарсѣ	407	Капитель колонны храма Діаны въ Ефесѣ	580
Придорожный источникъ въ Тарсѣ	408	Римскій законодатель (консулъ въ курульномъ креслѣ)	582
Мостъ близъ Киликійскихъ воротъ	412	Неронъ	583
145. Развалины Сардъ	415	Монета Пергама	590
Діана Ефесская	417	190. Римскій корабль	592
Разрушенная арка въ Ефесѣ	419	Пиршество	595
Деревня близъ Ефеса	423	Воскрешеніе Евтиха	596
Развалины церкви въ Листрѣ	426	Улица въ Родосѣ	599
150. Видъ Пергама	427	Замокъ Росса на берегу Ликіи	601
Ефесъ съ видомъ башни, такъ называемой темницы ап. Павла	431	195. Окно въ церкви св. гроба Господня въ Іерусалимѣ	607
Планъ Ефеса	434	Римская когорта	613
Планъ храма или театра	436	Римскій сотникъ	617
Видъ береговъ Каріи, съ Милетомъ въ отдаленіи	437	Птолемаида, новѣйшая Акра	621
155. Карта Коринѣскаго перешейка	441	Театръ въ Милетѣ	623
Первая страница перваго посланія къ Коринѣянамъ	453	200. Древнія іудейскія гробницы	626
Греческое пиршество	459	Римская конница	632
Гречанка съ покрываломъ на головѣ	461	Мостъ въ Тарсѣ	634
Монета города Коринѣа	470	Башня Антонія въ Іерусалимѣ	636
160. Развалины Троады	471	Монета города Тарса (Коммодъ)	641
Планъ храма Діаны въ Ефесѣ	473	205. Тарсъ въ апрѣлѣ	642
Развалины Анкиры, столицы Галатіи	475	Развалины Кесаріи	647
Часть колонны отъ храма Діаны въ Ефесѣ	479	Римскій Императоръ въ торжественномъ засѣданіи	649
Развалины церкви въ Листрѣ	484	Монета Агриппы II	653
165. Часть триумфальной арки въ Дамаскѣ	491	Сидонъ	654
Монета Ареты	494	210. Развалины цитадели въ Сидонѣ	657
Карта для показанія дороги ап. Павла	496	Островъ Салмона, близъ косы Кура, на Мальтѣ	666
Ефесъ со стороны Айя-Салука	499	Высадка римлянъ съ корабля	667
Монета города Ефеса	502	Мысъ Кура на островѣ Мальтѣ	669
170. Образчикъ арамейскаго письма	505	Ап. Павелъ и ехидна	670
Гробница царицы Елены въ Іерусалимѣ	508	215. Въ Мессинскомъ проливѣ	672
Часть фонтана изъ Анкиры	509	Заливъ ПUTEОЛЬСКІЙ	673
Монета города Анкиры, столицы Галатіи	511	Гладиаторы	680
Равнина въ Киликіи	514	Гробница Цециліи Метеллы въ Римѣ	684
175. Цибела	519	Реджіо (древній Регіумъ или Ригія)	689
Капитель изъ Іерусалима	525	220. Арка Друза въ Римѣ	695
Помпей Великій	527	Водопроводъ въ Кампаньи	699
Фабриціевъ мостъ въ Римѣ	529	Монета города Тарса	703
Статуя ап. Павла	537	Мессинскій проливъ	707
180. Арка Тита въ Римѣ	542	Долина р. Меандра съ Іераполемъ въ отдаленіи	709
Храмъ Минервы въ Римѣ	548		

	Стр.		Стр.
Домъ въ Тарсѣ	711	240. Базилика въ Пергамѣ	763
Монета города Ефеса	718	Долина рѣки Меандра	766
Развалины гимназіи въ Лаодикии	721	Карта острова Крита	767
Развалины Иераполя	724	Большая мечеть въ Тарсѣ	769
Монета гор. Филадельфіи	726	Монета города Тарса	773
230. Отломокъ отъ храма Діаны Ефесской. 730		245. Замокъ и церковь ап. Іоанна въ Ефесѣ. 774	
Древнее изображеніе ап. Павла на стеклѣ 734		Развалины Пергама	777
Храмъ Діаны въ Ефесѣ	736	Базилика св. Константина въ Римѣ. . 780	
Планъ гор. Ефеса	737	Римскій орелъ	790
Скульптурная группа съ подножія ко-		Видъ долины рѣки Килна	795
лонны отъ храма Діаны Ефесской. 738		250. Монета города Тарса	798
235. Посланіе къ Ефесянамъ IV, 5—32. . 740		Тре Fontane, близъ Рима	799
Колонна отъ храма Діаны въ Ефесѣ . 743		Пирамида Цестія, близъ Рима 800	
Осада	748	Древнее изображеніе св. ап. Павла. . 802	
Нижнія помѣщенія Колизея въ Римѣ. 756		Погребальная урна изъ катакомбъ въ	
Входъ на арену въ амфитеатрѣ въ Пу-		Римѣ	804
теолѣ	758		

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

КНИГА I.

ВОСПИТАНІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА.

ГЛАВА I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Онъ есть Мой избранный сосудъ. Дѣян. ix, 15.

ЗѢ двѣнадцати учениковъ, которыхъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ избралъ своими апостолами и провозвѣстниками въ теченіе короткихъ лѣтъ своего земнаго служенія, только двое, можно сказать, наложили на младенческую церковь печать своей личности. Это именно свв. апостолы Іоаннъ и Симонъ. Самъ Спаситель, въ данныхъ имъ прозваніяхъ, указалъ отличительныя особенности въ ихъ характерѣ и преимущество ихъ дарованій. Іоаннъ былъ названъ Сыномъ Грома, а Симонъ долженъ былъ во всѣ вѣка называться Кифой или Петромъ, апостоломъ краеугольнаго камня (1 Петр. ii, 4—8). Петру предоставлена была честь властно допустить перваго необрѣзаннаго язычника, на равныхъ правахъ, въ братство Христово, и онъ всегда считался главнымъ столпомъ первенствующей церкви (Гал. ii, 9). Іоаннъ съ другой стороны есть апостолъ любви, любимый апостолъ и избранный евангелистъ тѣхъ, внутреннее благочестіе которыхъ становится выше внѣшнихъ формъ. Петръ, какъ первый исповѣдавшій божественность Христа, и Іоаннъ, какъ возлюбленный другъ Иисуса какъ человѣка,—вотъ два имени среди общества апо-

столовъ, которыя для человѣческихъ глазъ сіяютъ особеннымъ блескомъ среди тѣхъ двѣнадцати драгоцѣнныхъ камней, что легли въ основу новаго Іерусалима (Откр. ххi, 14)!

Но былъ и еще одинъ апостолъ, которому ввѣрено было еще болѣе широкое, болѣе плодотворное и трудное дѣло,—которому надлежало основать гораздо больше церквей, вынести больше страданій, привлечь въ стадо Христово гораздо болѣе необъятное множество послѣдователей. Защита и поддержаніе новаго общества первоначально лежали на могучихъ плечахъ ап. Петра; и однакоже его терпѣніе не подвергалось столь ужасному испытанію, какъ терпѣніе того, на кого ежедневно падала обязанность «попеченія о всѣхъ церквахъ». Ап. Іоаннъ пережилъ всѣхъ другихъ апостоловъ и онъ едва избѣгъ участи, а вмѣстѣ и славы своего брата — быть однимъ изъ первыхъ мучениковъ за Христа; и однако даже его жизнь, удрученная долгой ссылкой и тяжкими невзгодами, была гораздо меньшимъ испытаніемъ, чѣмъ жизнь того, кто считалъ для себя лишь легкимъ огорченіемъ «каждый день умирать», «быть многократно при смерти» (1 Кор. хv, 31; 2 Кор. xi, 23). Нуженъ былъ третій типъ апостольства. Кромѣ апостола исповѣданія и апостола любви, церковь Христова нуждалась также и въ апостолѣ народовъ.

Поистинѣ невозможно преувеличить широту, значеніе и огромную важность услугъ, которыя оказаны были христіанству Павломъ Тарсійскимъ. Этотъ въ высшей степени самоотверженный дѣятель могъ бы съ основаніемъ указывать на то, что потрудился болѣе такихъ тружениковъ, какъ апостолы. Достаточнымъ правомъ на вѣчную благодарность человѣчества было бы для него и то, что онъ отъ Іерусалима до Иллиріи, отъ Иллиріи до Рима и быть можетъ даже до Испаніи проповѣдывалъ евангеліе, которое вдохнуло новую жизнь въ одряхлѣвшій и растлѣнный міръ. И однакоже все это быть можетъ было наименѣе прочнымъ изъ благъ, которыми воспользовалось человѣчество отъ его генія и жизни. Въ его посланіяхъ именно — какъ ни случайно было происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ — мы находимъ самыя раннія проявленія той христіанской литературы, которымъ міръ обязанъ своими богатѣйшими сокровищами поэзіи и краснорѣчія, правоучительной мудрости и духовнаго утѣшенія. Его именно уму, воспламеняемому любовію и озаряемому духомъ его Господа, мы обязаны первымъ систематическимъ изложеніемъ, во взаимной связи и причинномъ сочетаніи, великихъ истинъ той тайны благочестія, которая сокрытая отъ вѣковъ была открыта въ евангеліи Іисуса Христа. Его именно безбоязненной рѣшительности, его ясному взгляду, его нравственной возвышенности мы обязаны освобожденіемъ религіи отъ невыносимаго ига подзаконности, отдѣленіемъ живаго тѣла христіанства отъ трупа отмѣненнаго левитства (Гал. iv, 9; Рим. viи, 3; Евр. viи, 18). Онъ былъ избраннымъ орудіемъ Бога въ предоставленіи возможности для всеобщаго распространенія христіанства. Какъ апостолъ народовъ, онъ былъ по преимуществу

апостоломъ свободы, культуры, разума; но кромѣ этого еще онъ былъ тѣмъ апостоломъ, который яснѣ всѣхъ показалъ для религіозной совѣсти человѣчества значеніе вѣры и во всѣ времена въ безчисленныхъ христіанахъ возбуждалъ чувство ихъ собственной безпомощности, убѣдительно и неотразимо указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на величіе и всеобщность того искупленія, которое совершилъ Спаситель Христосъ. И поэтому, когда вѣра Христова наиболѣе помрачалась въ сердцахъ людей, когда ея чистѣйшее пламя подвергалось крайней опасности погашенія—подъ мертвымъ ли пепломъ чувственности, или отъ леденящихъ вѣяній скептицизма,—религіозная жизнь большею частію оживала вновь подъ вліяніемъ его именно писаній ¹⁾. Одно изъ его именно строгихъ нравственныхъ правилъ—«будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти» (Римл. хп, 13)—сдѣлалось для бл. Августина руководящей звѣздой изъ мрака нравственныхъ заблужденій ²⁾, и въ его именно ученіи душа всякаго христіанина можетъ находить путь къ высшей ступени святой христіанской свободы—въ единеніи со Христомъ.

Въ промышленіи Божіемъ нерѣдко случалось, что разрушитель извѣстной системы воспитывался въ самомъ лонѣ той системы, которую онъ предназначенъ былъ потрясти или разрушить. Будда получилъ свое воспитаніе въ браминствѣ, Паскаль былъ воспитанъ въ іезуитской школѣ, Спиноза былъ іудей. Тоже самое было и съ апостоломъ Павломъ. Побѣдоносный врагъ языческой философіи и языческаго идолопоклонства провелъ свое дѣтство въ языческой средѣ философскаго города. Непримиимый противникъ іудейской исключительности по своему происхожденію былъ еврей изъ евреевъ. Человѣкъ, нанесшій смертельную рану духу фарисейства, былъ фарисей, сынъ фарисеевъ ³⁾; съ самой юности своей онъ воспитанъ былъ въ Іерусалимѣ у ногъ Гамаліила (Дѣян. хп, 3; ххvi, 4); до совершенства изучалъ законъ отцовъ и жилъ «по строжайшему въ іудейскомъ вѣроисповѣданіи ученію» ⁴⁾. Какъ его дѣятельность во многихъ отношеніяхъ отличалась отъ дѣятельности другихъ апостоловъ, такъ и его воспитаніе было совершенно непохоже на ихъ воспитаніе. Ихъ ранніе годы проведены были въ селеніяхъ Геннисарета; его дѣтство прошло въ людномъ іудейскомъ кварталѣ языческаго города. Они за немногими исключеніями были люди, не отличавшіеся ни могучимъ геніемъ, ни сильными личными особенностями; онъ былъ человѣкъ сильнаго личнаго характера и чудесной умственной мощи. Они были «неучены и невѣжественны», незнакомы съ систематической техникой, неопытны въ методахъ, которые главнымъ образомъ и шли среди іудеевъ за богословскую ученость; онъ же въ качествѣ «ученика мудрецовъ» ⁵⁾ сидѣлъ у ногъ знаменитѣйшихъ изъ раввиновъ и избранъ былъ инквизиціоннымъ агентомъ синедріона потому именно, что всѣхъ своихъ современниковъ превосходилъ пылкой ревностью о преданіяхъ школъ ⁶⁾.

Это именно человѣкъ, жизнь и дѣятельность котораго лучше всего даетъ

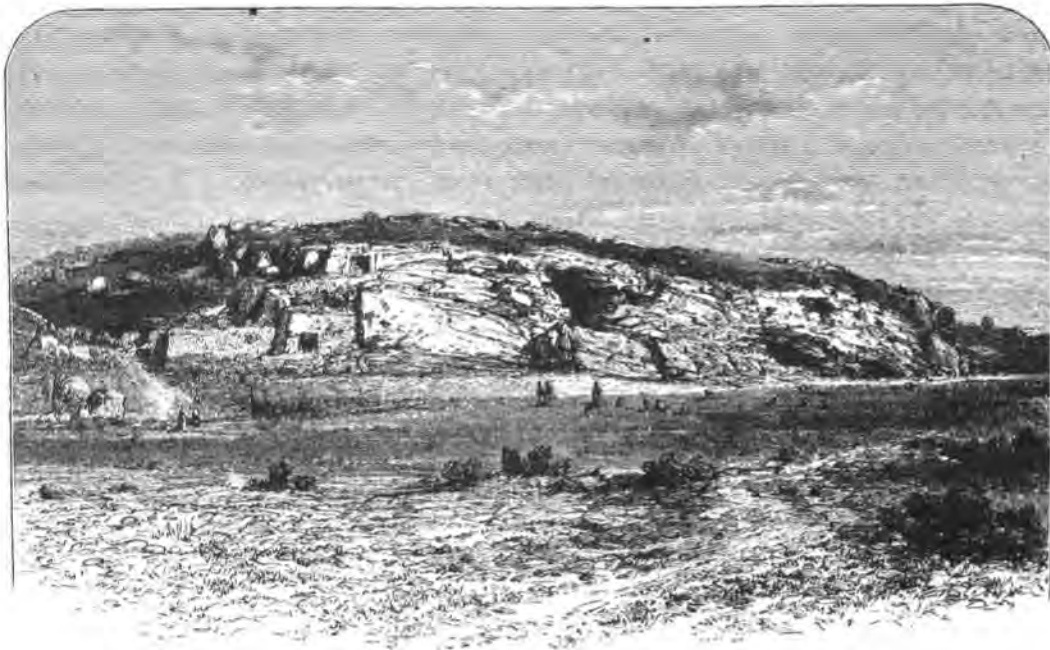

намъ возможность понять и уяснить себѣ зарю христіанства, загоравшуюся надъ тьмою какъ іудейскаго, такъ и языческаго міра; человѣкъ, который высвободилъ христіанство изъ пеленокъ іудейства и вдохнулъ въ разлагавшійся языческій міръ новую радость и надежду. Изученіе его жизни даетъ намъ болѣе полное понятіе о необычайной возвышенности этого человѣка, а также и объ истинахъ, которыя онъ провозвѣщалъ до самой смерти. Мы должны разсмотрѣть эту жизнь во всей ея полнотѣ, съ рѣшимостью видѣть ее—какъ она казалась его современникамъ и какъ казалась самому апостолу. «Хотя онъ и Павелъ, говоритъ св. І. Златоустъ, все-таки онъ человѣкъ былъ», — нѣтъ, мало того, самыя немощи его усугубляли его величіе. Онъ стоитъ безконечно выше того, чтобы нуждаться въ сплошномъ безгрѣшномъ панегирикѣ. Если мы изобразимъ его какъ бы свободнымъ отъ всякой человѣческой немощи, если мы взглянемъ на его дѣйствія такъ, какъ будто-бы они никогда не были ниже своего идеала, то мы не только изобразимъ невозможную личность, но даже станемъ въ прямое противорѣчіе съ его собственными неоднократными свидѣтельствами. Нашему разсмотрѣнію подлежитъ не безгрѣшный образецъ,—но жизнь человѣка, который съ глубочайшею искренностію самъ называлъ себя «первымъ изъ грѣшниковъ»; это дѣятельность того, обиденная жизнь котораго (βίος) была человѣческою, не божественною,—человѣческою по своей порывистости, человѣческою по ея чувствамъ и немощамъ, а также быть можетъ и по ея уступкамъ и приспособленіямъ къ обстоятельствамъ; но внутренняя жизнь его (ζωή) была истинно божественною, насколько она проявлялась въ дѣйствіяхъ Духа Святаго, насколько она была мертва для міра и сокрыта со Христомъ въ Богѣ ⁷⁾. Св. писанію совершенно чуждо намѣреніе изображать намъ нашихъ ближнихъ въ свѣтѣ безгрѣшныхъ героевъ или безупречныхъ полубоговъ. Мнѣніе, считающее неблагоговѣйнымъ предполагать, что въ жизни и дѣятельности апостола могли быть немощи, есть одинъ изъ видовъ того ложнаго смиренія, которое подъ предлогомъ почтенія унижаетъ св. писаніе и вмѣсто живаго послушанія выставляетъ поклоненіе мертвой буквѣ. Для насъ немного можетъ быть поучительнаго въ идеализированномъ изображеніи жизни нашихъ собратій и сослужителей (Откр. xix, 10); но мы дѣйствительно находимъ для себя величайшій источникъ въ высшей степени важныхъ назиданій, когда замѣчаемъ въ борющейся душѣ торжество благодати Божіей, когда видимъ человѣка, который, будучи немощенъ подобно намъ, подвергаясь искушеніямъ и заблужденіямъ какъ и мы, становится однакоже способнымъ, вдохновившись святою цѣлію, побѣдить искушеніе, побороть себялюбіе, воздвигнуть даже среди немощей и грѣховъ величественное зданіе святой жизни, и такъ сказать «построить города Іудеи изъ разрушенныхъ крѣпостей Самаріи» ⁸⁾.

Можетъ показаться страннымъ, если мы скажемъ, что жизнь апостола Павла намъ извѣстна до глубочайшихъ тайнъ его сердца. Правда, что кромѣ немногихъ разрозненныхъ останковъ церковнаго преданія у насъ имѣется только два источ-

ника для изслѣдованія его жизни,—именно книга Дѣяній Апостольскихъ и Посланія самого апостола Павла; притомъ даже и въ отношеніи этихъ источниковъ, въ виду усиленныхъ работъ критической школы, теперь уже едвали можно обойтись безъ достаточнаго оправданія ихъ подлинности. Но для полнаго изслѣдованія этого вопроса потребовалась бы особая книга, да дѣло это уже и достаточно сдѣлано другими, болѣе компетентными въ этомъ отношеніи. Все, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ этомъ здѣсь, это то, что мы тщательно взвѣсили всѣ относящіеся сюда данныя, и если не всегда указываемъ основанія для того или другаго взгляда, все-таки не дѣлаемъ ни одного положенія, не имѣя на то вполне достаточныхъ основаній. О книгѣ Дѣяній Апостольскихъ намъ придется говорить при различныхъ обстоятельствахъ дальше, и не входя въ подробную защиту этой книги противъ нападокъ новѣйшей критики, мы теперь выразимъ только наше убѣжденіе, что даже если допустить, что это «древній ириниконъ», предназначившійся къ улаженію партійныхъ распрей и имѣвшій цѣлю показать отсутствіе непримиримой противоположности между взглядами и постановленіями апостоловъ Петра и Павла; даже если мы отступимся отъ очевиднаго правила, по которому во всѣхъ пунктахъ, гдѣ повидимому является какое-либо противорѣчіе между Дѣянiями и Посланіями, авторитетъ послѣднихъ долженъ имѣть высшее значеніе; мало того, даже если мы признаемъ, что на форму и составъ книги Дѣяній Апостольскихъ имѣли то или другое вліяніе личныя и искусственныя соображенія,—при всемъ томъ книга Дѣяній Апостольскихъ во всѣхъ своихъ главныхъ чертахъ представляетъ подлинную и достовѣрную исторію. Допустимъ, что въ книгѣ Дѣяній мы имѣемъ картину такого полнаго единенія между послѣдователями апостоловъ обрѣзанія и апостола Павла, которое, какъ можно судить по Посланіямъ, не было такимъ полнымъ и ненарушимымъ; допустимъ, что въ книгѣ Дѣяній апостоль Павелъ изображается дѣйствующимъ такъ, какъ онъ не дѣйствовалъ-бы, судя по Посланіямъ. Даже эти уступки имѣютъ весьма спорный характеръ; и однакоже, допуская даже ихъ, мы можемъ сказать лишь—что уже и само по себѣ достаточно очевидно—что оба эти источника имѣютъ завѣдомо неполный и отрывочный характеръ. Они конечно неполны, и ни одна изъ этихъ книгъ даже и не имѣетъ своею цѣлю дать полное повѣствованіе о жизни апостола. Жизнь его—говоря вообще—извѣстна намъ только въ промежуткахъ между ея центральнымъ и позднѣйшимъ періодомъ, между 36 и 66 годами по Р. Х. Она подобна манускрипту, начало и конецъ котораго потеряны безвозвратно. Она подобна одной изъ тѣхъ рѣкъ, которыя, появляясь изъ неведомыхъ источниковъ, уходятъ въ почву, не достигнувъ моря. Но мало того: какъ неполны наши свѣдѣнія даже о той ея части, въ отношеніи которой у насъ имѣется достовѣрная лѣтопись! Въ этомъ отношеніи не можетъ быть болѣе неотразимаго доказательства, чѣмъ то знаменитое мѣсто втораго посланія къ Коринѣянамъ, гдѣ, клеветами враговъ вынужденный противъ своей воли прибѣг-

нута къ оправданію высоты своего апостольства, апостоль Павелъ нашелъ необходимымъ написать очеркъ того, что онъ совершилъ и выстрадалъ въ теченіе своей жизни ⁹⁾. Эта «илиада скорбей» написана была еще задолго до завершенія его дѣятельности, и однакоже изъ упоминаемыхъ тамъ опасностей и невзгодъ на цѣлыхъ одиннадцать нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, хотя тамъ упоминаются и многія другія, происшедшія послѣ этого вынужденнаго очерка. Такъ, напримѣръ, св. Лука не упоминаетъ ни одного изъ пяти бичеваній іудейскими ремнями; упоминаетъ только объ одномъ изъ трехъ истязаній римскими прутьями; не говоритъ ни объ одномъ изъ трехъ кораблекрушеній, хотя съ тщательными подробностями описываетъ позднѣйшее кораблекрушеніе; не дѣ-

Голгоѳа.

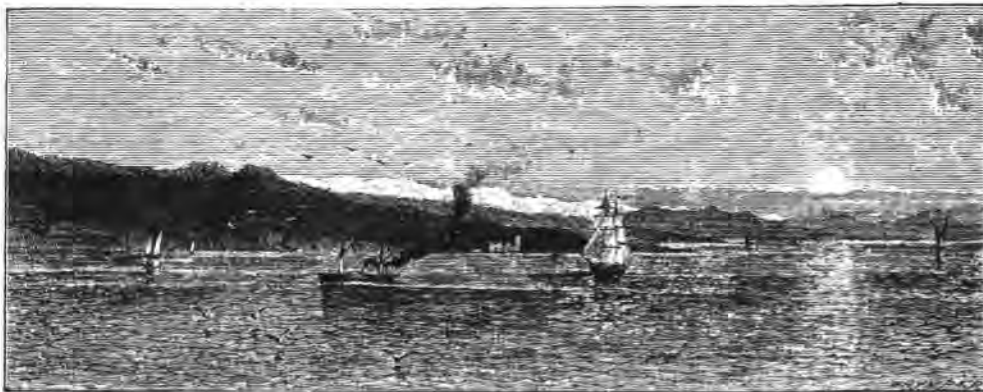
лаетъ ни малѣйшаго намека на тѣ сутки, которыя были проведены въ глубинѣ морской; рассказываетъ только о двухъ изъ семи тюремныхъ заключеній, которыми подвергался апостоль по свидѣтельству св. Климента ¹⁰⁾. Писатель книги Дѣяній не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на цѣлые классы опасностей, перенесенныхъ апостоломъ Павломъ, хотя онъ несомнѣнно былъ въ это время спутникомъ апостола; какъ напримѣръ—не упоминаются опасности на рѣкахъ, опасности отъ разбойниковъ, опасности въ пустынѣ, опасности между лжебратіями, голодь, жажда, постъ, стужа, нагота. И всѣ эти опасности и невзгоды, совершенно опускаемыя въ книгѣ Дѣяній, въ Посланіяхъ упоминаются такъ мимоходно, обще и безъ всякаго хронологическаго порядка, что едвали хоть одну изъ

нихъ можно опредѣлить съ нѣкоторою полнотою и указать ей должное мѣсто въ послѣдовательности событій жизни апостола. Въ такомъ случаѣ, кто можетъ утверждать, что въ такой жизни не было цѣлаго ряда событій, которыя, будучи введены св. Лукой въ свое повѣствованіе даже хотъ просто для выясненія особенностей характера апостола, въ тоже время не нашли или не могли найти себѣ мѣста въ посланіяхъ; равно какъ не было такихъ событій и чертъ характера, которыя, будучи отмѣчены въ посланіяхъ, не находятъ отраженія въ повѣствованіи? А изъ самыхъ посланій—сколько сохранилось до насъ? Только тѣ немногія, которыя заключаются въ нашемъ канонѣ, изъ того несравненно большаго числа, которое написано апостоломъ ¹¹⁾. Но даже изъ этихъ дошедшихъ до насъ нѣкоторыя отдѣлены отъ другихъ большими промежутками времени; иныя почти не содержатъ никакихъ подробностей, которыя могли-бы имѣть біографическое значеніе, и не сохранилось ни одного, которое бы изображало намъ его дѣятельность въ ранній періодъ до вступленія на европейскую почву. Нелѣпо поэтому утверждать, что тотъ или другой изъ этихъ источниковъ долженъ быть отвергнутъ какъ недостоверный на томъ основаніи, что онъ представляетъ намъ новую сторону въ этомъ многостороннемъ характерѣ; или что событія въ повѣствованіи должны быть отнесены къ области едва ли добросовѣстныхъ измышленій на томъ основаніи, что они не согласуются сразу съ тѣмъ, что можно бы предполагать на основаніи краткихъ и разрозненныхъ писемъ изъ разнообразной и разносторонней корреспонденціи этой разнообразнѣйшей и сложнѣйшей жизни. Если-бы въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ было что-нибудь такое, что казалось бы непримиримымъ съ явными свидѣтельствами посланій, то мы безъ смущенія отвергли бы все такое. Но большая часть возраженій (если только не всѣ), выставляемыхъ противъ достовѣрности Дѣяній Апостольскихъ, кажутся намъ—по основаніямъ, которыя будутъ указаны послѣ—не только не состоятельными, но и крайне легкомысленными. Если въ этой книгѣ есть мѣста, которыя какъ будто бы бросаютъ тѣнь непослѣдовательности на характеръ великаго апостола, то всетаки нѣтъ ни одного такого случая, когда-бы какое-либо изъ нихъ не находило полного оправданія и подтвержденія въ несомнѣнныхъ произведеніяхъ самого апостола. Если бы не отверженіе со стороны людей значительной учености и таланта, то было бы совершенно излишне указывать на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ исторіи и въ обыденной жизни мы постоянно встрѣчаемся съ примѣрами, когда одна и таже жизнь съ совершенною добросовѣстностью изображается съ совершенно противоположныхъ сторонъ, или видимъ событія, которыя кажутся противорѣчивыми единственно потому, что неупомянуть пунктъ соглашенія между ними. Помимо этого, точки соприкосновенія между книгой Дѣяній и Посланіями апостола Павла положительно безчисленны, и даже непредназначенныя совпаденія между ними считаются цѣлыми десятками (въ доказательство чего достаточно указать на сочиненіе Палея *Notae Paulinae*). Опровергать всѣ возраженія, выставляемыя

противъ достовѣрности книги Дѣяній, было бы скучнымъ и неблагодарнымъ трудомъ; но рѣшительный отвѣтъ на нихъ данъ будетъ самымъ ходомъ разсказа въ нашей книгѣ, если только конечно не окажется, что намъ не удалось связать отдѣльныя данныя, или что попытка связать ихъ повела къ несообразнымъ и невозможнымъ результатамъ.

Мы думаемъ, поэтому, что у насъ достаточно и даже болѣе чѣмъ достаточно матеріала для того, чтобы показать, какова была жизнь великаго апостола и каковъ былъ самъ апостолъ. Жизнеописаніе, заключающееся въ краткомъ очеркѣ, часто бываетъ болѣе вѣрнымъ и полезнымъ, чѣмъ то, въ которомъ излагаются всѣ мельчайшія подробности. Мы отнюдь не получаемъ больше понятія о великомъ человѣкѣ вслѣдствіе того, что намъ представится случай познакомиться съ мелочными обстоятельствами его обыденной жизни, или вслѣдствіе того, что ложное благоговѣніе передаетъ потомству пеструю и безцвѣтную смѣсь его заурядной переписки. Мы познаемъ человѣка во всей его истинности, когда познаемъ его въ томъ, что было въ немъ самага величественнаго и лучшаго; мы вполне уясняемъ себѣ его значеніе для насъ и для міра, когда видимъ его въ высшемъ развитіи его благороднѣйшей дѣятельности, на самой вершинѣ проходимаго имъ поприща, въ полнѣйшей славѣ его жизни. Есть люди, жизнь которыхъ можетъ быть поучительною вслѣдствіе самой ея мелочности, и біографы такихъ людей понятно должны входить во всѣ подробности ихъ жизни. Но въ отношеніи лучшихъ и величайшихъ людей рѣшительно можно утверждать, что знать о нихъ больше значить знать о нихъ меньше. Вполнѣ возможно, что еслибы, въ отношеніи такой пылкой и порывистой личности, какъ апостолъ Павелъ, мелочная и рабски подробная лѣтопись сохранила намъ всякое поспѣшное выраженіе, всякое бѣглое замѣчаніе, всякое хотъ минутное паденіе съ высоты возвышеннаго идеала, мелкія души, готовыя всегда ликовать при видѣ того, какъ благороднѣйшіе изъ людей хотъ на мигъ спускаются до одного уровня съ ними, могли бы находить кое-что для своего злорадства. Что это могло быть именно такъ, можно вполне заключать изъ той силы и искренности самоосужденія, съ которыми самъ апостолъ признаетъ свои немощи. Но такая жалкая и мелочная лѣтопись, даже если бы она была совершенно правдива, только бы затемнила для насъ образъ великаго апостола Павла, какимъ онъ является намъ въ свѣтѣ исторіи: Павла, какимъ онъ сохранился до насъ въ лѣтописяхъ христіанства; Павла дѣятельнаго подобно Петру, и умозрительнаго подобно Іоанну; Павла какъ героя самоотреченія; Павла какъ могучаго поборника христіанской свободы; Павла какъ величайшаго проповѣдника, величайшаго миссіонера, величайшаго богослова,—Павла, вдохновеннаго апостола народовъ, смиреннаго раба Господа Іисуса Христа.

Берегъ Киликіи.

ГЛАВА II.

ДѢТСТВО ВЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ГОРОДѢ.

Гражданинъ не безъизвѣстнаго города. Дѣян. хх, 39.

ОТЯ съ полною точностью мы не можемъ опредѣлить времени ни рожденія, ни смерти великаго апостола народовъ, но относительно того и другаго можно сдѣлать приблизительное заключеніе. Когда въ первый разъ упоминается о немъ по случаю мученичества св. Стефана, то онъ названъ юношей (Дѣян. vii, 58), а когда онъ писалъ посланіе къ Филимону, то самъ называетъ себя Павломъ—старцемъ ¹²⁾. Хотя слова «юноша» и «старецъ», *νεανίας* и *πρεσβύτερος*, въ древности употреблялись неопредѣленно и точные предѣлы «юности» и «старости» тогда обозначались такъ же неопредѣленно какъ и всегда, однако же изъ того, что немедленно послѣ смерти Стефана Савлу было сдѣлано чрезвычайно важное порученіе и что онъ по всей вѣроятности былъ членомъ синаedrіона, слѣдуетъ, что ему въ то время было не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Затѣмъ, мученичество св. Стефана вѣроятно произошло въ началѣ 37 года по Рожд. Хр., а посланіе къ Филимону написано около 63 года. Въ послѣдній періодъ поэтому апостолу было не менѣе шестидесяти лѣтъ. Это можетъ казаться слишкомъ недостаточнымъ возрастомъ для того, чтобы называть себя старцемъ. Но «старость» весьма относительный терминъ, и тотъ, кто подвергался истязаніямъ и бичеваніямъ, кто томился въ тюрьмѣ и подвергался кораблекрушеніямъ,—тотъ, кто столько лѣтъ, кромѣ тяжкаго бремени умственного труда и отвѣт-

ственности, былъ «томимъ огнемъ Сиріуса и колыхаемъ Евроклидономъ» ¹³⁾,— такой человѣкъ вполне могъ назвать себя старымъ и дряхлымъ уже въ 60-ти лѣтнемъ возрастѣ, когда именно онъ писалъ изъ своей римской тюрьмы ¹⁴⁾. Поэтому можно положить, что онъ родился въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ нашей эры и вѣроятно же всего—въ 3 году по Рожд. Хр. Но такъ какъ наша Діонисіевская эра, какъ теперь извѣстно, на 4 года идетъ позади, то рожденіе величайшаго послѣдователя Христа навѣрно было въ томъ же самомъ десятилѣтіи, какъ и рожденіе Христа ¹⁵⁾.

Но всѣ обстоятельства, окружавшія колыбель и дѣтство Савла, были совершенно отличны отъ тѣхъ, среди которыхъ провелъ свое дѣтство Спаситель. Въ незначительномъ и уединенномъ городѣ Палестины, среди почти исключительно іудейской обстановки, Іисусъ «преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ»; Савлъ же провелъ свои дѣтскіе годы въ знаменитой столицѣ римской провинціи и съ самыми ранними сознательными воспоминаніями его связывались языкъ и обычаи языческаго міра.

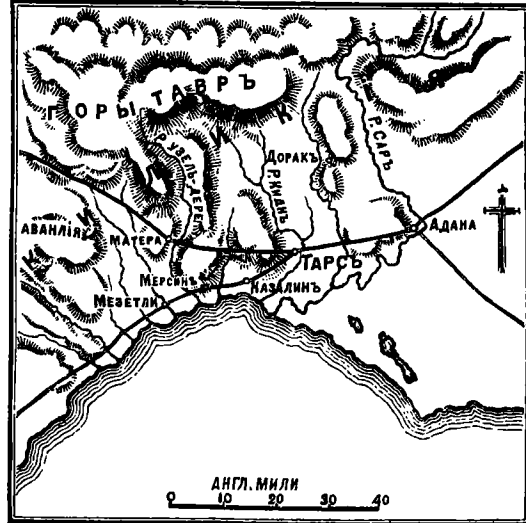
Нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ полной точности выраженія «родившійся въ Тарсѣ», которое приписывается апостолу Павлу въ его еврейской рѣчи къ разъяренной толпѣ со ступеней башни Антоніи (Дѣян. ххп, 3). Что рѣчи въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ передаются не съ буквальной точностью, это можетъ быть вѣрнымъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ; но съ другой стороны тѣ, кто на подобныхъ основаніяхъ стараются смотрѣть на произведеніе св. Луки какъ на простой «трактатъ съ извѣстною цѣлью», должны помнить, что съ этой точки зрѣнія было бы гораздо сообразнѣе съ его цѣлью, если бы онъ заставилъ апостола Павла увѣрять, что онъ родился въ іудейскомъ городѣ. Поэтому мы должны отвергнуть любопытное и дважды повторенное увѣреніе блаженнаго Іеронима ¹⁶⁾, что этотъ апостолъ родился въ Гискалѣ ¹⁷⁾ и былъ взятъ своими родителями въ Тарсѣ, когда они оставили свой родной городъ, вслѣдствіе разрушенія его римлянами. Положеніе это теряетъ свое значеніе вслѣдствіе примѣси къ нему того, что кажется вопіющимъ анахронизмомъ въ отношеніи времени разрушенія Гискалы ¹⁸⁾. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія. Бл. Іеронимъ, при своемъ основательномъ знакомствѣ съ святою землею, въ которой онъ провелъ столько лѣтъ своей жизни, сохранилъ для насъ нѣсколько подлинныхъ отрывковъ преданія, и можно быть увѣреннымъ, что онъ не отвергъ бы произвольно общаго убѣжденія, основаннаго на ясномъ свидѣтельствѣ Дѣяній Апостольскихъ. Если все это дѣло чистаго вымысла, то почти непонятно, чтобы при этомъ избрано было такое незначительное мѣстечко какъ Гискала, которая ни разу не упоминается въ Библии и получила свою извѣстность единственно благодаря Іудѣ Зилоту ¹⁹⁾. Поэтому можно съ правомъ полагать, что преданіе, упоминаемое бл. Іеронимомъ, истинно въ томъ смыслѣ, что родители или дѣды ап. Павла были изъ Галилеи и вслѣдствіе той или другой причины (хотя ею и не можетъ

быть та, о которой упоминается въ преданіи) были вынуждены переселиться изъ Гискалы въ шумную столицу языческой Киликіи.

Если такъ, то это, какъ указываетъ и самъ бл. Иеронимъ, способствуетъ выясненію и другаго затрудненія. Ап. Павелъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ чувствомъ достоинства прилагаетъ къ себѣ званіе не только израильтянина (Іоан. I, 47; Дѣян. XII, 16; Рим. IX, 4), которое

можно считать «титоломъ чести», но также и званіе «еврея» — «еврея отъ евреевъ» (2 Кор. XI, 22; Фил. III, 5). А извѣстно, что слово «еврей» въ своемъ собственномъ и техническомъ значеніи прямо противоположно названію «еллинистъ» (Дѣян. VI, 1), и ап. Павелъ, если онъ воспитанъ въ Тарсѣ, въ строгомъ смыслѣ могъ считаться только іудеемъ разсѣяннаго — однимъ изъ тѣхъ іудеевъ, которые, когда они даже не были не знакомы съ еврейскимъ языкомъ, что иногда случалось и съ ученѣйшими изъ нихъ, все-таки говорили на греческомъ, какъ на своемъ природномъ языкѣ²⁰⁾. Мож-

Карта окрестностей Тарса.

но конечно сказать, что ап. Павелъ употребляетъ слово «еврей» только въ его общемъ значеніи и хотѣлъ имъ выразить то, что онъ не былъ еллинистъ въ такой степени, въ какой напр. былъ даже такой ученый іудей, какъ Филонъ, который при всей своей учености не зналъ ни еврейскаго языка Библии, ни арамейскаго простонароднаго языка, бывшаго еще извѣстнымъ подъ этимъ названіемъ²¹⁾. Быть можетъ ап. Павелъ поарамейски говорилъ даже свободно, чѣмъ онъ говорилъ погречески²²⁾; а о его знакомствѣ съ еврейскимъ можно заключать изъ того, что онъ иногда обращается къ св. писанію въ еврейскомъ подлинникѣ, особенно когда переводъ LXX менѣе соответствовалъ его цѣли. Интереснымъ, хотя и ненамѣреннымъ²³⁾ подтвержденіемъ этого факта служитъ то, что божественный голосъ въ видѣніи на дорогѣ въ Дамаскъ въ высшій моментъ его жизни говорилъ ему на языкѣ, который очевидно былъ языкомъ его собственныхъ внутреннихъ думъ. Такъ какъ поэтому народный еврейскій языкъ для него въ то время нѣкоторымъ образомъ былъ роднымъ языкомъ, а еврейскій языкъ Библии былъ языкомъ, пріобрѣтеннымъ въ школѣ, то ап. Павелъ могъ называть себя евреемъ, хотя строго говоря онъ былъ также и еллинистъ, и названіе это было бы еще болѣе точнымъ и вѣрнымъ, если его родители и предки почти до самаго его рожденія были палестинскими іудеями.

Городъ Тарсъ, въ которомъ родился ап. Павелъ, былъ совершенно непохожъ на тотъ грязный, бѣдный и полуразрушенный магометанскій городокъ, который и теперь еще носить это названіе и стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Естественныя черты города правда не измѣнились: его все еще окружаетъ плодородная равнина; снѣговыя горы Тавра все еще высятся надъ нимъ; прозрачный и быстрый потокъ Кидна все еще освѣжаетъ его ²⁴). Но эти картины красоты и величія природы имѣютъ тѣмъ меньшее значеніе для насъ, что онѣ повидимому не оказали особеннаго вліянія на душу молодаго Савла. Можно вообразить, какъ для другой натуры онѣ служили бы источникомъ постояннаго вдохновенія; какъ онѣ проникли бы въ самый внутренній складъ его мысли; какъ въ людныхъ городахъ и грязныхъ темницахъ онѣ опять и опять предносились бы его внутреннему взору въ тяжкомъ уединеніи! Картины природы, среди которыхъ прошла вся жизнь Давида, были гораздо менѣе величественны и гораздо менѣе разнообразны, чѣмъ многія изъ тѣхъ, среди которыхъ выпало на долю жить ап. Павлу. Однакоже псалмы Давида представляютъ собою богатѣйшій сборникъ поэтическихъ описаній, между тѣмъ какъ въ посланіяхъ ап. Павла мы дышемъ только воздухомъ городовъ и синагогъ. Правда, онъ говоритъ о храмѣ нерукотворномъ, но никогда не указываетъ на его горныя башни, и только разъ намекаетъ на его ночныя звѣзды (Дѣян. хvii, 24; 1 Кор. хv, 41). Для Давида вся видимая вселенная была однимъ обширнымъ домомъ Божиимъ, въ которомъ, подобно ангеламъ служащимъ, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, вѣтеръ и буря исполняютъ слово Его. Для апостола же Павла—хотя и онъ также зналъ, что «невидимое Бога, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы» — все это было безспорной аксіомой, а не убѣжденіемъ только, постоянно обновлявшимся отъ умиленія и восторга. Очень немного писателей, которые, если судить только по ихъ сочиненіямъ, менѣе поддавались впечатлѣніямъ красотъ вѣшняго міра. Хотя ап. Павелъ нѣсколько разъ плавалъ вдоль и поперекъ по синимъ волнамъ Средиземнаго моря и знакомъ былъ съ красотой тѣхъ острововъ Греціи, гдѣ пылкая Сапфо любила и воспѣвала, гдѣ процвѣтали искусства войны и мира; хотя онъ то и дѣло путешествовалъ по одѣтымъ сосновыми лѣсами азіатскимъ холмамъ и во всемъ величіи видѣлъ Иду, Олимпъ и Парнасъ; хотя его жизнь подвергалась опасности въ горныхъ потокахъ, и въ бурныхъ волнахъ, и хотя онъ часто бродилъ еще ребенкомъ по берегамъ своего роднаго потока, ходилъ смотрѣть то мѣсто, гдѣ онъ реветъ водопадомъ на своемъ скалистомъ пути,—его душа была такъ всецѣло поглощена великими нравственными и духовными истинами, которыя ему предстояло впослѣдствіи провозглашать, что онъ ни однимъ стихомъ, ни даже единичнымъ выраженіемъ во всѣхъ своихъ посланіяхъ, не выдаетъ ни малѣйшаго отблеска восторга или умиленія красотами природы. Правда, въ его рѣчи въ Листрѣ есть прекрасное мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о благодати живаго Бога, «который сотворилъ небо и землю, и море

и все, что въ нихъ», и «не переставалъ свидѣлствовать о Себѣ благодѣяніями, подавая намъ съ неба дожди и времена плодоносныя, и исполняя пищую и веселіемъ сердца наши» (Дѣян. хiv, 15, 17). Но при этомъ случаѣ въ рѣчи принималъ нѣкоторое участіе его сотрудникъ Варнавва. Даже самая рѣчь, если какъ предполагають нѣкоторые ²³⁾ она и не указываетъ здѣсь на отрывокъ какой нибудь хоровой пѣсни, по своему тону и по сущности сходна съ нѣкоторыми мѣстами Ветхаго Завѣта (Иов. v, 10; Псал. сп, 15; Псал. схлvi, 8 и 9). Помимо этого намека мы не находимъ ни одного слова, которое показывало бы,

Водопадъ р. Кидна, близъ Тарса.

что ап. Павелъ имѣлъ хоть малѣйшую воспріимчивость къ впечатлѣніямъ природы. Есть натуры, въ которыхъ жгучій пылъ какой нибудь всезахватывающей цѣли подавляетъ всякую другую мысль, всякое другое желаніе, всякіе другіе восторги; а таковъ и былъ ап. Павелъ. Его жизнь была попреимуществу, если не исключительно, духовная жизнь; жизнь, которая была мертва для всякаго другаго интереса труждающагося и обремененнаго творенія,—жизнь, сокрытая со Христомъ въ Богѣ. Онъ видитъ міръ Божій только такъ, какъ онъ отражается въ сердцѣ и жизни человѣка. Правда, какъ показываетъ Гумбольдтъ въ своемъ

«Космосъ», то чувство, которое называется сентиментальною любовью къ природѣ, въ древнее время было менѣе развито, чѣмъ въ наше ²⁶). Но въ ап. Павлѣ это равнодушіе къ внѣшнему міру зависѣло не отъ древности, не отъ его семитическаго происхожденія, а единственно отъ его личнаго характера. Поэзія Ветхаго Заветѣ полна нѣжности и жизни палестинскихъ пастбищъ. Въ бесѣдахъ и рѣчахъ Спасителя мы находимъ частыя указанія на красоту цвѣтовъ, на игривую беззаботность птицъ, на легкіе вѣтерки и красное полыми утреннихъ и вечернихъ облаковъ. Равнодушіе ап. Павла ко всему этому (вѣдь полное отсутствіе самыхъ отдаленныхъ намековъ на нихъ даже въ сравненіяхъ равносильно доказательству того, что внѣшняя природа не произвела глубокаго впечатлѣнія на его сердце) несомнѣнно зависѣло отъ исключительной силы и важности другихъ его думъ. Въ то же время она могла зависѣть также отъ характера того ранняго воспитанія, которое сдѣлало его болѣе знакомымъ съ людными собраніями и толкучими базарами, чѣмъ съ видами и звуками природы ²⁷). Замѣчательно во всякомъ случаѣ, что единственный примѣръ, который онъ беретъ изъ природы, основывается не на естественномъ явленіи, а на искусственномъ процессѣ, и что даже этотъ процессъ, если не совсѣмъ неизвѣстный древнимъ, какъ разъ противоположенъ тому, какимъ онъ признавался обыкновенно ²⁸).

Но если ап. Павелъ остался чуждъ вліянія тѣхъ картинъ природы, которыми окруженъ Тарсъ, если никакіе звуки сосѣднихъ горъ или сосѣднаго моря не примѣшивались къ разнообразнымъ тонамъ его пламенной рѣчи, то другой результатъ этого чудеснаго воспитанія легко замѣтитъ какъ въ его языкѣ, такъ и въ его жизни.

Самое положеніе Тарса дѣлало этотъ городъ центромъ промышленной предпріимчивости и политическаго могущества. Будучи расположенъ на судоходной рѣкѣ, дававшей возможность прямого сообщенія съ заливами Средиземнаго моря, и находясь на плодородной равнинѣ подъ тѣмъ проходомъ чрезъ Тавръ, который извѣстенъ подъ названіемъ «Киликійскихъ воротъ», и въ то же время посредствомъ Аманидскихъ и Сирійскихъ воротъ сообщаясь съ Сиріей, онъ былъ настолько естественнымъ центромъ торговли, что даже ошибка, заставившая его стать на сторону Антонія въ гражданской войнѣ, не могла поколебать его славы и благосостоянія ²⁹). Въ этомъ именно городѣ Клеопатра имѣла свое знаменитое свиданіе съ римскимъ тріумвиромъ, то свиданіе, которое увѣковѣчено Шекспиромъ въ описаніи ея прогулки по серебристому Кидну:

Какъ пышный тронъ сіяла на рѣкѣ
Ея галера кованной кормою
Изъ золота; на парусахъ былъ пурпуръ,
Благоухавшій дотога, что воздухъ
Какбы млѣлъ отъ страсти къ нимъ.
Подъ звуки флейтъ серебряныя весла разомъ

Воды касались, и вода съ любовью,
Лобзая ихъ, стремилась вслѣдъ за ними.

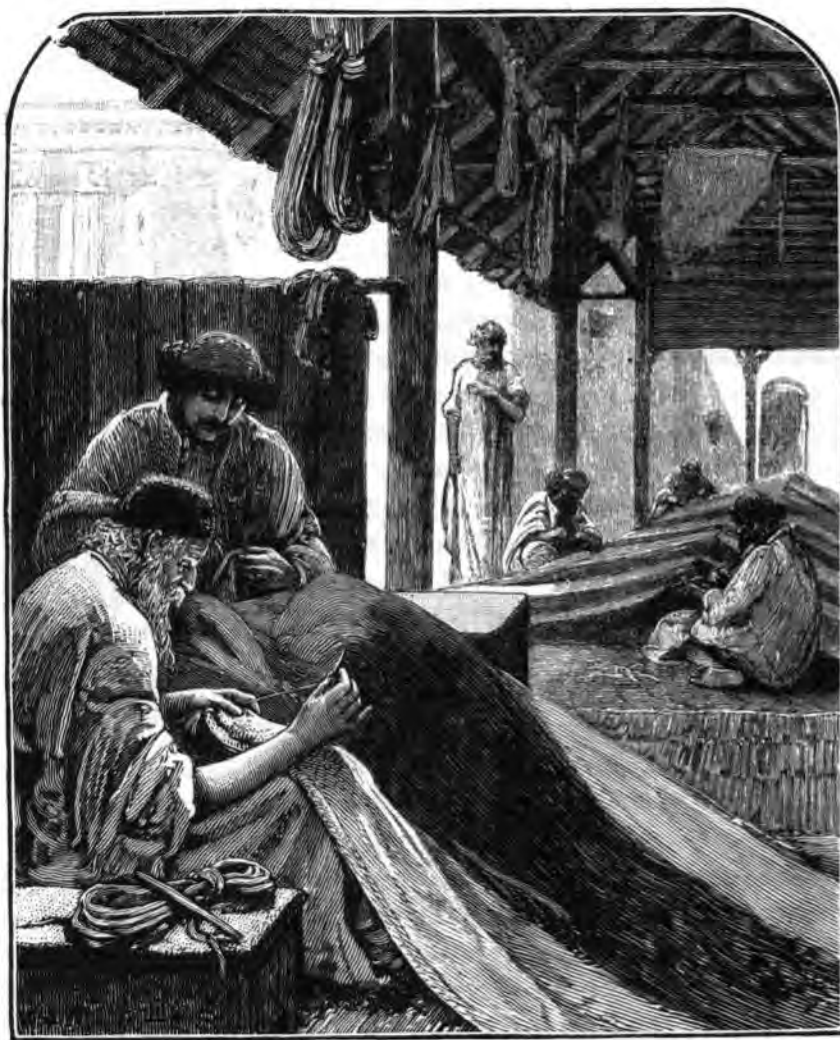
Прощѣтаніе его продолжалось и подъ управленіемъ Августа, и онъ пользовался тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что былъ не только столицей, но и вольнымъ городомъ: *libera et immunitas*. Изъ Тарса именно огромныя массы строеваго лѣса, срубавшагося въ лѣсахъ Тавра, сплавлялись по рѣкѣ къ пристанямъ Средиземнаго моря; здѣсь именно разгружались суда, привозившія въ Азію сокровища Европы; здѣсь сначала сосредоточивались груды богатствъ изъ Малой Азіи предъ отправленіемъ ихъ въ Грецію и Итацію. На своихъ монетахъ городъ этотъ изображенъ сидящимъ среди тюковъ всевозможныхъ товаровъ. Бойкая и промышленная жизнь улицъ и базаровъ навѣрно была первымъ зрѣлищемъ, которое привлекло на себя вниманіе юнаго Савла. Безчестность, которую онъ могъ видѣть въ торговлѣ, могла внушить ему его метафорическія выраженія о «поддѣлкѣ» и «искаженіи» слова жизни ³⁰⁾; тутъ же онъ могъ заимствовать и другія метафоры отъ именъ и значковъ, которыми собственники клеймили свои лежавшіе на пристаняхъ товары ³¹⁾, а также и отъ трудовыхъ денегъ, уплачиваемыхъ покупателями ³²⁾. Быть можетъ даже «собраніе» гражданъ вольнаго города заставило его принять изъ перевода LXX и самое названіе общества послѣдователей Христа словомъ церковь — *ἐκκλησία*, первые примѣры употребленія котораго представляютъ его именно посланія ³³⁾.

Свинцовыя и бронзовыя клейма
(Британскій Музей).

Рожденіемъ въ Тарсѣ обусловилося также и то ремесло, которымъ въ теченіе многихъ дней и ночей труда и самоотреченія апостолъ пріобрѣталъ себѣ насущный хлѣбъ. Главнымъ промысломъ города было плетеніе веревокъ и затѣмъ приготовленіе полотнищъ и покрывалъ для палатокъ изъ шерсти, которая въ огромномъ количествѣ добывалась отъ козихъ стадъ въ горахъ Тавра ³⁴⁾. Такъ какъ приготовленіе этихъ *silicia* было безыскусственнымъ трудомъ самаго зауряднаго свойства, то и ремесло дѣлателей палатокъ ³⁵⁾ не только не пользовалось почетомъ, но и оплачивалось скудно. Отсюда однакоже нельзя еще заключать, что семейство ап. Павла принадлежало къ низшему классу. Изученіе ремесла было обязанностью, которую раввины внушали родителямъ всякаго іудейскаго мальчика ³⁶⁾. Мудрость этого правила вполне оправдалась въ жизни ап. Павла, какъ несомнѣнно и сотенъ другихъ лицъ, когда именно невзгоды и превратности жизни заставили его зарабатывать пропитаніе ручнымъ трудомъ. Конечно, воспитывая такъ своего сына, родители ап. Павла не могли еще предвидѣть, чтобы ему пришлось когда нибудь зарабатывать себѣ хлѣбъ такимъ жалкимъ и худооплачиваемымъ трудомъ ³⁷⁾. Но мы

видимъ, какъ тяжело онъ чувствовалъ бремя этого жалкаго труда, которымъ онъ предпочиталъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, чѣмъ зависѣть отъ милостыни обращенныхъ имъ христіанъ (1 Тесс. II, 6, 9; 2 Тесс. III, 8; 1 Кор. IX, 12, 15). Но этотъ трудъ имѣлъ то важное преимущество, что онъ, будучи совершенно механиче-

Дѣланіе палатокъ.

скимъ, давалъ полную свободу для работы ума. Сплетая черную вонючую козью шерсть, апостолъ могъ въ то же время своею мыслью витать въ превышнихъ небесахъ или вести возвышенный разговоръ съ Аполлосомъ или Акиллой, съ Лукою и Тимофеемъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, какіе только могутъ занимать умъ человѣка.

Прежде чѣмъ дальше разсматривать вліяніе, оказанное мѣстомъ рожденія на будущую судьбу ап. Павла, мы должны остановиться на вопросѣ касательно того, что извѣстно о его ближайшемъ семействѣ. Нужно признаться, что достовѣрнаго мы знаемъ о немъ очень мало. Тотъ фактъ, что оно какимъ то образомъ владѣло правомъ римскаго гражданства и оставило Палестину быть можетъ лишь за нѣсколько времени до рожденія Павла, съ цѣлью присоединиться къ іудеямъ разсѣянія,—равнымъ образомъ тотъ фактъ, что столь многіе изъ сродниковъ ап. Павла носятъ греческія и латинскія имена³⁸⁾ и жили въ Римѣ или Ефесѣ³⁹⁾, можетъ на первый взглядъ повести къ предположенію, что весь его родъ принадлежалъ къ еллинистамъ. Съ другой стороны мы ничего не знаемъ о тѣхъ причинахъ, которыя побудили его родителей оставить Палестину, и можемъ только догадываться касательно принадлежности имъ права гражданства. Если бы даже было несомнѣнно, что *συγγενής* означаетъ «сродники» въ нашемъ смыслѣ этого слова, а не «соотечественники», какъ думаетъ Ольсгаузенъ⁴⁰⁾, то все-таки среди іудеевъ обычай имѣть второе имя, которое они принимали во время пребыванія своего въ языческой странѣ, былъ такъ распространенъ, что Андроникъ и другіе, кого онъ привѣтствуетъ въ послѣдней главѣ посланія къ Римлянамъ, могли быть настоящими евреями. Настоящее имя Іасона могло быть, на примѣръ, Іисусъ, подобно тому какъ и дѣйствительнымъ именемъ Павла было Савль⁴¹⁾. Какъ бы то ни было, еврейскій характеръ этого семейства выдаетъ себя со многихъ сторонъ. Отецъ и дѣдъ ап. Павла были фариसेи (Дѣян. ххп, 6) и слѣдовательно были самыми строгими блюстителями Моисеева закона. Родители его такъ живо помнили о своемъ происхожденіи отъ колѣна Веніамина, одного изъ двухъ колѣнъ оставшихся вѣрными завѣту, что своего сына называли Савломъ⁴²⁾ частью быть можетъ потому, что это имя означаетъ «испрошенный» (отъ Бога), а частью потому, что это было имя того несчастнаго царя изъ ихъ роднаго колѣна, печальная участь котораго повидимому въ теченіе многихъ столѣтій дѣлала самое имя его непопулярнымъ⁴³⁾. Вѣроятно не позже 13-ти-лѣтняго возраста они послали его для полученія образованія у Гамалиила. У нихъ повидимому была замужня дочь въ Іерусалимѣ, сынъ которой при одномъ достопамятномъ случаѣ спасъ жизнь Павла (Дѣян. ххп, 16). Хотя они вѣроятно употребляли Библію обыкновенно въ переводѣ LXX, откуда взято и большинство цитатъ апостола⁴⁴⁾ и откуда берется почти вся его богословская фразеологія, однако же они приучали его къ употребленію арамейскаго языка въ качествѣ своего роднаго языка и къ чтенію писанія въ высокочтимомъ еврейскомъ подлинникѣ, знаніемъ котораго немногіе обладали даже изъ ученыхъ іудейскихъ еллинистовъ.

Что ап. Павелъ былъ «гебраистъ» въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, это видно почти изъ всякаго стиха его посланій. Время онъ считаетъ по еврейскому календарю. Онъ дѣлаетъ постоянныя ссылки на іудейскіе обычаи, іудейскіе законы и іудейскіе праздники. Его метафоры и обороты рѣчи весьма часто заим-

ствованы изъ той спокойной семейной жизни, которою всегда отличались іудеи. Хотя онъ пишетъ погречески, но это никоимъ образомъ не греческій языкъ школь⁴⁵⁾, не тотъ греческій языкъ, который не смотря на случайныя антитезы и игру словъ найденъ былъ бы сноснымъ со стороны риторовъ его роднаго города. Знаменитый критикъ Лонгинъ правда хвалитъ его за мастерство догматическаго стиля, если только мѣсто это подлинно; но навѣрно какой нибудь тарсійскій профессоръ или аѳинскій философъ только насмѣялся бы надъ его еврейскими оборотами, надъ неудачною послѣдовательностью, пестрыми метафорами, странными формами и неправильнымъ построениемъ рѣчи⁴⁶⁾. Бл. Іеронимъ, критикуя его выраженіе *οὐ κατενάρκησα ὑμῶν* во 2 Кор. xi, 9 и xii, 13,—которое въ

Жители тепершняго Тарса.

нашемъ переводѣ передано: «самъ я не былъ вамъ въ тягость», но буквально повидимому означаетъ: я не привелъ васъ въ оцѣпенѣніе,—говорить о многочисленныхъ киликизмахъ его слога, и вѣроятно онъ не чуждъ этого, хотя теперешнему читателю едва ли возможно съ точностью уловить ихъ⁴⁷⁾. Дѣло въ томъ, что хотя Тарсъ былъ городомъ значительнаго просвѣщенія, сама Киликія всетаки считалась варварскою страной въ умственномъ отношеніи и презиралась въ нравственномъ. Собственно языкомъ Киликіи былъ одинъ діалектъ финикійскаго языка⁴⁸⁾, а употреблявшійся въ нѣкоторыхъ городахъ греческій языкъ былъ настолько испорченъ, что послужилъ поводомъ къ термину «солецизмъ», которымъ во всѣхъ языкахъ стали обозначать невозможное построение рѣчи⁴⁹⁾.

Пребываніе іудея въ чужомъ городѣ могло, конечно, содѣйствовать ослабленію въ немъ національной религіи и дѣлать его равнодушнымъ къ его наслѣдственнымъ обычаямъ; но оно въ то же время могло произвести и какъ разъ противоположное дѣйствіе. Не было недостатка въ примѣрахъ такихъ іудеевъ-еллинистовъ, которые еллинизировались даже въ гораздо болѣе важныхъ отношеніяхъ, чѣмъ разговорный языкъ. Но съ другой стороны іудеи, какъ народъ, всегда выказывали почти чудесную живучесть и не только не теряли своей національности вслѣдствіе мѣстожительства среди язычниковъ, но даже укрѣплялись въ напряженности своего патріотизма и своей вѣры. Мы знаемъ, что такъ именно было съ многочисленной и важной общиной іудеевъ Тарса. Въ этомъ отношеніи они значительно отличались отъ іудеевъ Александріи. Они конечно не могли быть совершенно свободны отъ той ненависти, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ тяготѣетъ надъ этой даровитой расой и которая уже въ то время господствовала среди римлянъ. Но все, что мы знаемъ о нихъ, показываетъ, что киликійскіе іудеи были способны, какъ и всѣ ихъ соплеменники, отплачивать за ненависть двойною ненавистью и за презрѣніе двойнымъ презрѣніемъ. Съ ихъ стороны это было еще болѣе вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ условій, которыя окружали ихъ тамъ. Вѣра въ язычество гораздо глубже коренилась въ провинціяхъ, чѣмъ въ Италіи, и особенно сильна была въ Тарсѣ, который въ этомъ отношеніи былъ самымъ подходящимъ мѣстомъ погребенія Юліана отступника. Нѣтъ хуже періода и нѣтъ испорченнѣе мѣстъ, чѣмъ тѣ, которыя заволакиваютъ радужнымъ покрываломъ умственной культуры глубокую язву нравственнаго паденія; а таково именно и было состояніе Тарса. Будучи мѣстомъ знаменитой литературной школы, онъ въ то же самое время былъ столицей провинціи такъ низко цѣнившейся въ общемъ мнѣніи, что она считалась въ числѣ *τρία κάππα κάκιστα*—трехъ худшихъ областей древности, названія которыхъ начинались съ К,—именно Каппадокіи, Киликіи и Крита. Религія тамъ въ этотъ періодъ приняла главнымъ образомъ характеръ восточныхъ оргій, а народная вѣра многихъ даже въ Римѣ была странною смѣсью греческихъ, римскихъ и египетскихъ, фригійскихъ, финикійскихъ и іудейскихъ элементовъ. Дикая фанатическая восторженность оживляла вянувшее и раздѣдаемое тлѣнымъ язычество новыми ощущеніями безумной чувственности и чудовищнаго суевѣрія. Тарсійское идолопоклонство состояло изъ этой странной смѣси. Тамъ во времена Плутарха, на поколѣніе послѣ ап. Павла, еще показывали мечъ Аполлона, чудесно будто бы сохраненный отъ разрушенія и ржавчины. Гермесъ Эрйуній или «счастьеподаватель» еще выступаетъ на ихъ монетахъ съ кошелькомъ въ рукѣ. Эскулапъ, по народному вѣрованію, все еще проявлялъ свое могущество и присутствіе въ сосѣднемъ городѣ Эгахъ⁵⁰). Но по народному преданію основателемъ города считался ассирійанинъ Сардана-

Монета гор. Тарса
(Съ изображеніемъ Гермеса
Erūnia).

паль, полуисторическое существованіе котораго, благодаря синкретизму языческаго культа, смѣшивалось съ различными представителями бога-солнца—азіатскаго Сандана, финикійскаго Ваала и греческаго Геркулеса. Грубая чувственность и самое происхожденіе этого культа, его потворство изнѣженной роскоши, безграничному обжорству и дикой распущенности были вполне достаточны для того, чтобы пробудить негодующее отвращеніе во всякомъ истомъ іудеѣ; и эта возмущенность естественной антипатіи въ сердцахъ народа, въ которомъ истинная религія всегда соединялась съ нравственною чистотою, еще усиливалась отъ патріотическаго негодованія при видѣ того, что въ главномъ празднествѣ этого извращеннаго культа женоподобному Сарданалалу и мужеподобной Семирамидѣ—одинаково омерзительнымъ—богопоклоненіе приносилось въ такихъ обрядахъ, которые по внѣшности походили на чистое и благодарственное ликованіе праздника купцъ. Ап. Павелъ навѣрно бывалъ свидѣтелемъ этого праздника. Онъ навѣрно видѣлъ въ Анхіалѣ и самый беззащѣнно наглый символъ циническаго грубоживотнаго самодовольства, олицетворявшагося въ статуѣ Сарданалала, который въ этомъ изображеніи съ прищелкомъ пальцевъ произноситъ изрѣченіе, выгравированное на пьедесталѣ:

„Ѣшь, пей и наслаждайся, остальное все ничто“ ⁵¹).

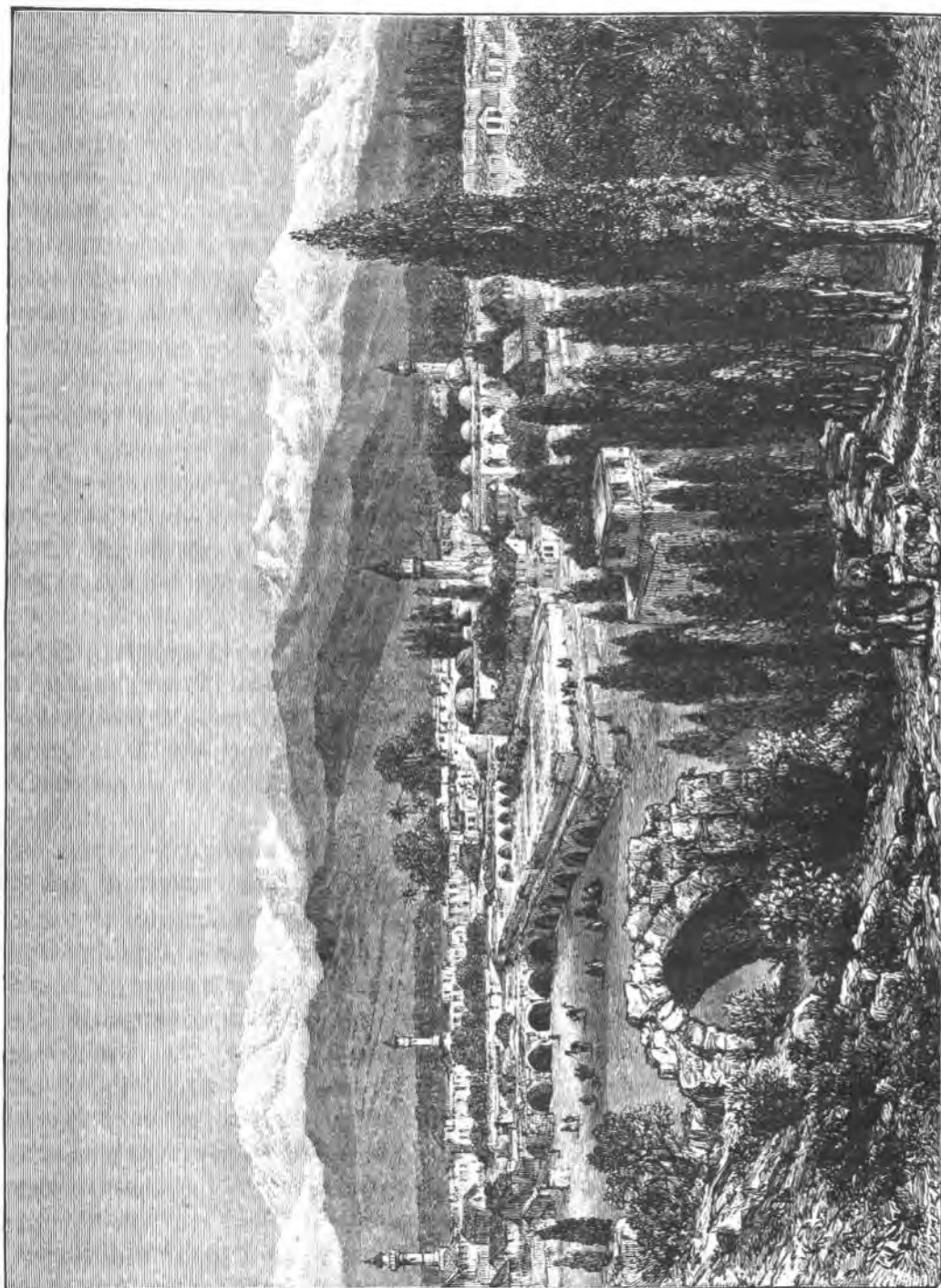
Такія зрѣлища и производимыя ими впечатлѣнія въ его душѣ не могли возбуждать чувства терпимости или только смущеннаго ужаса передъ зломъ. Они возбуждали съ одной стороны чувство отвращенія, а съ другой непоколебимое, усиленное послѣдующими наблюденіями убѣжденіе, что умственное извращеніе ведетъ къ нравственному паденію, которое въ свою очередь усиливаетъ первое, что заблужденіе въ умѣ влечетъ за собою крайнее заблужденіе въ жизни и въ волѣ, что потемнѣніе въ разумѣ неизбѣжно соединяется съ потемнѣніемъ духа и что изъ этой тьмы возникаетъ все то, что разрушаетъ безмертную жизнь. Кто не знаетъ, въ какомъ видѣ язычество представлялось тому, кто видѣлъ его съ самаго дѣтства въ его полномъ развитіи, долженъ прочесть ужаснѣйшее во всемъ св. писаніи мѣсто, въ которомъ полное пламя огня палящаго жгетъ дыханіемъ своего негодованія мерзости языческаго беззаконія. Подъ этимъ пыломъ святаго гнѣва мы видимъ язычество во всемъ его неестественномъ безобразіи. Тутъ оно не окружено ореоломъ воображенія, фантазія не прикрываетъ его своимъ мишурнымъ покровомъ; мы видимъ его какъ оно было. Совсѣмъ въ иномъ видѣ оно могло бы представиться, когда бы на него наброшенъ былъ покровъ еллинской красоты, когда бы его возмутительныя чары были освѣщены луннымъ блескомъ генія Платона или блистательнымъ остроуміемъ Аристофана. Но тотъ, кто хотѣлъ бы составить истинное сужденіе о немъ, кто хотѣлъ бы видѣть его такъ, какимъ оно было, когда на него палъ лучъ вѣчности божества, долженъ видѣть его какъ оно представлялось проницательному взору чистаго и просвѣщеннаго апостольскаго ока. Ап. Павелъ, надѣленный чувствомъ внутренней чистоты и гармоніи въ большей

степени, чѣмъ мы видимъ въ поэмахъ Гомера и Мильтона,—непоколебимо, безъ всякаго очарованія соблазна и ужаса, видитъ въ этой раскрашенной Цирцеѣ не улыбающуюся дѣву, не свѣтлоокую дочь солнца, а грязную и отвратительную блудницу; и схвативъ ее за волосы, онъ клеймитъ ея прокаженное чело пылающимъ клеймомъ ея позора. Отселѣ пусть на всѣ послѣдующія времена и по всему міру она идетъ какъ заклеянная чародѣйка. Всѣмъ понятно это рдѣющее гнойностью клеймо, и никто уже теперь не можетъ обманомъ возбуждать въ народахъ сожалѣнія объ исчезнувшихъ красотахъ того міра, который не зналъ Бога (Рим. 1, 18—32).

Но кромѣ этого безграничнаго ужаса, возбуждавшагося при мрачномъ зрѣлищѣ языческой жизни, ап. Павелъ изъ своего ранняго знакомства съ ея особенностями вынесъ глубокое убѣжденіе, что земное знаніе не находится въ неразрывной связи съ небесною мудростью. Если можно положиться на повѣсть софиста Филострата и если только онъ не присваиваетъ себѣ возрѣній, заимствованныхъ имъ отъ христіанства, то юный Аполлоній Тіанскій, который впослѣдствіи ставился язычниками въ уровень съ Христомъ, учился у оратора Еввиедема въ Тарсѣ въ то самое время, когда онъ былъ также и мѣстопробываніемъ юнаго Павла ⁵²⁾; и даже Аполлоній въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ былъ такъ пораженъ контрастомъ между мудростью, которою славился этотъ городъ, и жалкимъ нравственнымъ состояніемъ, что получилъ отъ своего отца позволеніе удалиться въ Эги и тамъ продолжать свое обученіе какъ въ болѣе религіозно-нравственномъ мѣстѣ ⁵³⁾. Та картина, которая впослѣдствіи нарисована Филостратомъ, картина роскоши, кутежа, мелочности, франтовства и сплетень въ жизни Тарса, какъ ее наблюдалъ серьезный философъ будучи еще мальчикомъ, могла бы не имѣть историческаго значенія, если бы она во всѣхъ своихъ частяхъ не подтверждалась трезвымъ повѣствованіемъ его современника Страбона. «Такъ велика, говоритъ онъ, ревность жителей къ философіи и всякому другому всеобъемлющему образованію, что они превосходили даже Аѳины и Александрію и всякое другое, какое только можно упомянуть, мѣсто, въ которомъ были филологическія и философскія школы» ⁵⁴⁾. Описываемое имъ затѣмъ состояніе вещей, происходящее отъ такой общественной атмосферы, крайне забавно и въ тоже время достойно всякаго презрѣнія. Онъ вводитъ насъ въ профессорскій міръ временъ увяданія язычества. Этотъ профессорскій міръ совсѣмъ не таковъ, какимъ онъ является въ нашихъ университетахъ и академіяхъ, гдѣ христіанское братство и взаимное уваженіе выступаютъ на мѣсто жалкаго соперничества и гдѣ серьезные ученые люди посвящаютъ свою жизнь созерпанію свѣтлаго лика истины въ тихой наукѣ, а напоминаетъ профессорскій міръ временъ «Возрожденія», когда клики завистливыхъ ученыхъ, узкихъ, себялюбивыхъ, беззащитныхъ, низкихъ и безнравственныхъ скептиковъ услаждались сплетнями, скандалами и взаимнымъ соперничествомъ. «Троны» этихъ маленькихъ академическихъ божковъ были такъ же взаимно враждебны между

собою и низки въ нравственномъ отношеніи, какъ и престолы олимпійскихъ божествъ, въ которыхъ они, впрочемъ къ счастью, перестали уже вѣрить. Одинъ знаменитый профессоръ обворовывалъ правительство на поставкѣ масла; другой мстилъ своему оппоненту ѣдкими эпиграммами; третій осквернялъ свой домъ ночными оргіями, а риторическая зависть часто оканчивалась кровавыми раздорами. На это развращающее зрѣлище мелочности въ высокихъ мѣстахъ простой народъ смотрѣлъ съ умиленіемъ въ глазахъ, и мелочные раздоры этихъ интригующихъ софистовъ обсуждалъ какъ предметы необычайной исторической важности ⁵⁵). Можно вообразить, какъ невыразимо отвратительной должна была казаться эта апопееза педантизма серьезному и благочестивому іудею; и быть можетъ эти именно тарсійскія воспоминанія придали особенную остроту частымъ предостереженіямъ ап. Павла, что мудрецы язычества, «называя себя мудрыми, обезумѣли», что они «осустились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце» (Римл. і, 21, 22); что «мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавство ихъ», и еще: «Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны» (1 Кор. ііі, 18—20). Хотя онъ такимъ образомъ подтверждаетъ свое мнѣніе по своему постоянному обычаю цитатами изъ св. писанія, изъ Іова и псалмовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ изъ Исаіи и Іереміи (Іовъ v, 13; Псал. хспі, 11; Ис. ххіх, 14, хххп, 18; хлѣ, 25; Іер. vп, 9; 1 Кор. і, 18—27), но въ то же время онъ то и дѣло повторяетъ на основаніи своего собственнаго опыта, что греки ищутъ премудрости и считаютъ крестъ безуміемъ. Но это безуміе Божіе мудрѣе человѣческой мудрости и слабость Божія сильнѣе человѣческой силы, и Богъ избралъ неразумное міра для того, чтобы поразить мудрыхъ, и низкое міра для пораженія сильнаго, и когда міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоутодно было Богу «юродствомъ прокламацій» ⁵⁶) (въ своей сильной ироніи онъ любитъ прибѣгать къ антитезамъ для обличенія своихъ противниковъ), «юродствомъ проповѣди» спасти вѣрующихъ (1 Кор. і, 18—25; п, 14; ііі, 19; іv, 10; 2 Кор. хі, 16, 19). Если хваленая мудрость греческаго и римскаго міра была такою, какъ видѣлъ ее Савлъ, если самымъ образомъ безсмыслія и безумія было то, во что вѣрилъ обращенный Павелъ, въ такомъ случаѣ Павелъ, какъ онъ говоритъ въ своей пылкой и презрительной ироніи, по крайней мѣрѣ предпочтетъ навсегда быть на сторонѣ и раздѣлить участь—этихъ глупцовъ и безумцевъ.

Затѣмъ ап. Павелъ былъ іудей до самой сердцевины—іудей по образованію, іудей по симпатіямъ, іудей по національности, іудей по вѣрѣ. Его темпераментъ никоимъ образомъ не былъ тѣмъ, что мы обыкновенно называемъ поэтическимъ темпераментомъ; и однако же, когда мы вспомнимъ, какъ вся поэзія, существовавшая въ глубинѣ его нравственной природы, была переполнена возвышенными образами, какъ самая его душа жила мыслями и надеждами его національной литературы; когда мы примемъ во вниманіе, какъ звѣзда Авраама повидимому сіяла

Общий видъ Тарса.

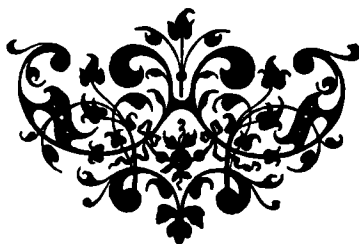
надъ его колыбелью въ языческой странѣ и его дѣтство въ мрачныхъ улицахъ неблагословеннаго Тарса получало свѣжесть и бодрость отъ шелеста и шума дуба мамврійскаго ⁵⁷⁾, то мы можемъ понять, что хотя во Христѣ нѣтъ ни іудея, ни еллина, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, а новое твореніе ⁵⁸⁾, тѣмъ не менѣе онъ ни за какое благо земное не порвалъ бы своей связи съ избраннымъ народомъ. Въ своемъ посланіи къ Римлянамъ онъ говоритъ почти языкомъ талмудиста: «Израиль согрѣшилъ (Ис. Нав. vii, 11), но хотя онъ согрѣшилъ—говоритъ раввинъ Абба Баръ-Завда—онъ всетаки Израиль. Отсюда пословица: миръ среди крапивы всетаки называется миртомъ» ⁵⁹⁾. А когда мы читаемъ многочисленныя мѣста, въ которыхъ онъ восхищается своимъ участіемъ въ надеждахъ сыновъ Израиля, своимъ притязаніемъ на право быть плодоносною вѣтвью въ богатой маслинѣ іудейской жизни, когда онъ говоритъ о ихъ избраніи, о ихъ шехинѣ, о ихъ завѣтахъ, ихъ законѣ, ихъ богослуженіи, ихъ обѣтованіяхъ, ихъ отцахъ, ихъ пророчествахъ, ихъ правахъ на родство съ человѣчествомъ Христа (Римл. ix, 1—5; x, 1; xi, 1): то намъ становится вполне понятною глубина его патріотической ревности, когда, выражаясь языкомъ, который всегда былъ камнемъ преткновенія для религіознаго себялюбія, но который превосходитъ благороднѣйшее выраженіе геройскаго самоотверженія,—онъ объявляетъ, что онъ желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа (Римл. ix, 3) за братьевъ своихъ, родныхъ ему по плоти ⁶⁰⁾. Мужественный духъ іудеевъ Тарса сотнями влекъ ихъ на смерть съ мечемъ въ рукѣ на побоище въ плѣненномъ Іерусалимѣ, гдѣ они проливали свою послѣднюю кровь, какбы желая потопить въ ней самый тлѣнъ пожараща, которое разрушило ихъ возлюбленный храмъ. Тотъ же самый патріотизмъ горѣлъ въ духѣ, та же самая кровь текла въ жилахъ не только Савла фарисея, но и Павла узника Господня.

Изъ сказаннаго видно, что мы совершенно несогласны съ тѣми, кто держится своего излюбленнаго положенія, будто ап. Павломъ въ ранней молодости получено было высшее еллинское образованіе. Его слогъ и діалектическій методъ повидимому могутъ поддерживать этотъ взглядъ ⁶¹⁾. Его слогъ однако же есть слогъ человѣка, который писалъ на особомъ провинціальномъ греческомъ языкѣ, а мыслить на сирійскомъ, а его діалектическій методъ—чисто раввинскій. Что касается до его глубокаго знакомства съ языческою жизнью, то можно быть увѣреннымъ, что оно извлечено не изъ книгъ, а изъ роковаго нечестія, свидѣтелемъ котораго онъ былъ ежедневно. Іудей въ языческомъ городѣ не нуждался въ книгахъ для открытія ему «бездны сатаны». Въ этомъ отношеніи какимъ поразительнымъ откровеніемъ для новѣйшаго міра служатъ безспорныя свидѣтельства развалинъ Помпей! Кто бы могъ ожидать, чтобы пороки городовъ Мертваго моря съ такимъ безстыдствомъ выступали на каждой улицѣ маленькаго провинціальнаго городка Италіи? Понятно, что никакимъ доскомъ нельзя было бы сокрыть преступнаго чела этой несказанно омерзительной жизни. Только землетрясеніе

могло поглотить ее, только вулканъ могъ сжечь ее. А если такова была Помпея, то можно судить на основаніи сочиненій Аристофана и Атенея, Ювенала и Марціана, Петронія и Апулея, Стратона и Мелеагера, которые могутъ считаться оправдателями отзыва ап. Павла о язычествѣ,—каковы были Тарсъ и Ефесъ, Коринѣ и Милетъ въ тѣ времена, когда тьма была такъ глубока, что самыя дѣла тьмы не находили нужнымъ укрываться въ тѣхъ городахъ, гдѣ худшее нечестіе идолопоклонничества токрыто выступало на улицахъ, рисовалось на рынкахъ, освящалось въ богослуженіи и изображалось на монетахъ. Въ такомъ случаѣ нужна-ли была ап. Павлу греческая ученость для того, чтобы постигнуть существо и характеръ этой нечестивой цивилизаціи? Мнѣніе Баумгартена, что ап. Павелъ послѣ своего обращенія ревностно изучалъ греческую литературу въ Тарсѣ въ видахъ своей миссіи среди язычниковъ, или что книги и пергаменты, которые онъ проситъ прислать себѣ изъ дома Карпа въ Троадѣ (2 Тим. iv, 13), были именно этого рода,—есть такое же безосновательное мнѣніе, какъ и то, что его родители посылали его учиться въ Іерусалимъ съ цѣлью отвлечь его отъ чаръ, начинавшихъ овладѣвать его воображеніемъ вслѣдствіе греческой учености. Правда, Гамалиилъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ раввиновъ, которые имѣли либеральный и просвѣщенный взглядъ касательно позволительности *хокма яванитъ* или «мудроты греческой»,—однимъ изъ немногихъ, которые выражали желаніе не совѣмъ разъединять бѣлый таллиѣ Сима отъ пестраго палліума Іафета ⁶²⁾. Но съ одной стороны и самъ Гамалиилъ не доходилъ въ этомъ отношеніи до неразумной и ложной терпимости, которая не различаетъ добраго отъ худаго въ самыхъ полезныхъ предметахъ; а съ другой стороны если Гамалиилъ и позволялъ своимъ ученикамъ читать такія книги или части книгъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ темныя стороны язычества, то Савль во всякомъ случаѣ не былъ такимъ ученикомъ, который хотя бы на моментъ воспользовался такимъ «разрушительнымъ назиданіемъ» ⁶³⁾. Іудеи были такъ строги въ этомъ отношеніи, что иные изъ нихъ даже въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ священныхъ книгъ, какъ напр. книги Есеиръ, держались того мнѣнія, что чтеніе ихъ подлежитъ сомнѣнію. Они не позволяли своей молодежи даже открывать книгу «Пѣснь пѣсней» до 21-лѣтняго возраста. Ничего поэтому не можетъ быть невѣроятнаго въ томъ, что «фарисею изъ фарисеевъ», даже если его дѣтство прошло въ языческомъ Тарсѣ, не позволялось читать, быть можетъ не давалось даже знать о существованіи какихъ нибудь греческихъ книгъ, кромѣ самыхъ безвредныхъ и скромныхъ ⁶⁴⁾. Но кто, читавшій ап. Павла, можетъ думать, что онъ когда нибудь изучалъ Гомера, Эсхилла или Софокла? Если бы онъ дѣйствительно изучалъ ихъ, то неужели у него, какъ такого писателя, который часто «мыслить цитатами», не осталось бы ни слѣда какого-либо воспоминанія или намека на эпическую или трагическую поэзію въ тѣхъ посланіяхъ, которыя онъ писалъ въ Аѣинахъ и Коринѣ, у самыхъ кургановъ Аякса и Ахиллеса? Если бы Павелъ читалъ Аристотеля, то сталъ ли бы

онъ вести доказательства въ томъ стилѣ, который усвоенъ имъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ? ⁶⁵). Если бы онъ читалъ Платона, то неужели XV глава 1 посланія къ Коринѳянамъ не носила бы на себѣ хотя отдаленнѣйшаго намека на великолѣпныя мысли и гаданія Федона? Нѣтъ ничего очевиднѣе, что онъ никогда не проходилъ классическаго образованія; его греческій языкъ не есть языкъ аттиковъ; его риторика не есть риторика школъ, и его логика не есть логика философовъ. Да и сомнительно, не ослабѣла ли бы и не перешла ли бы въ условность несравненная энергія и индивидуальность его слога и его мышленія, если бы онъ прошелъ длинный курсъ того единственнаго образованія, которое только и могли бы дать ему софисты Тарса ⁶⁶).

ГЛАВА III.

ШКОЛА РАВВИНОВЪ.

Я преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ. Гл. 1, 14.

Міръ созданъ ради закона. Недаримъ, 32, 1.

ОСЕЛѢ мы пытались при помощи собственныхъ твореній ап. Павла въ подробности прослѣдить значеніе и характеръ тѣхъ условій, которыя оказывали на его душу вліяніе въ дѣтскіе годы, проведенные имъ въ Тарсѣ, хотя конечно это вліяніе могло измѣниться или углубиться вслѣдствіе долгаго общенія съ язычниками и обращенцами изъ язычества въ позднѣйшіе годы. И мы уже видѣли достаточныя основанія для того, чтобы видѣть, что еллизмъ имѣлъ на него лишь сравнительно поверхностное и временное вліяніе, между тѣмъ какъ еврейское воспитаніе и національность глубоко повліяли на самыя основы его жизни. Еврейскую сторону его характера, столь важную для пониманія его жизни и посланій, мы теперь и постараемся рассмотреть.

Что ап. Павелъ былъ римскій гражданинъ, что онъ могъ вездѣ во всѣхъ странахъ міра сказать въ свою защиту, когда это было нужно или возможно, *civis romanus sum*,—объ этомъ свидѣтельствуется такъ ясно и по обстоятельствамъ дѣла это является такъ вѣроятнымъ, что фактъ этотъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Встрѣчаются, правда, нѣкоторыя затрудненія въ этомъ отношеніи, заставляющія многихъ нѣмецкихъ богослововъ отрицать его истину и приписывать самое свидѣтельство желанію со стороны автора Дѣяній Апостольскихъ «рекомендовать ап. Павла римлянамъ какъ римскаго уроженца» или «устранить

упрекъ, что проповѣдниками христіанства были враги римскаго государства». Правда, что если ап. Павелъ и былъ свободно рожденнымъ римскимъ гражданиномъ, то всетаки его законныя права, установленныя закономъ Порція (lex Porcia)⁶⁷⁾, по его собственному свидѣтельству, восемь разъ были уже нарушены въ то время, когда онъ писалъ второе посланіе къ Коринѳянамъ⁶⁸⁾, причемъ девятое нарушеніе этихъ правилъ было предотвращено только его прямымъ протестомъ. Въ пяти случаяхъ однако же это были іудейскія бичеванія, а это, какъ мы уже сказали и еще будемъ говорить послѣ, можетъ повести насъ къ предположенію, что въ отношеніи къ іудеямъ ап. Павелъ намѣренно воздерживался отъ заявленія своихъ гражданскихъ правъ, которыя въ устахъ іудея были бы сочтены омерзительнымъ знакомъ, что онъ хочетъ изъ подчиненія своей страны чужому игу извлекать личную выгоду. Іудейскія власти имѣли право подвергать бичеванію, и очень вѣроятно, что самъ Савлъ, когда онъ былъ ихъ агентомъ, не разъ бывалъ виновникомъ этого наказанія въ отношеніи другихъ христіанъ. Если это такъ, то онъ чувствовалъ новое побужденіе къ тому, чтобы воздерживаться отъ преимущества, которое могло освобождать его отъ власти его соотечественниковъ, и въ этомъ воздержаніи мы видимъ новую, насколько мы понимаемъ, доселѣ незамѣченную черту его природнаго благородства. Что касается римскихъ бичеваній, то ясно, что авторъ Дѣяній, зная преимущества, дававшіяся римскимъ гражданствомъ, въ то же время зналъ, что при смутныхъ обстоятельствахъ и въ отдѣльных мѣстахъ право это совершенно не принималось во вниманіе въ отношеніи тѣхъ, кто были слишкомъ слабы или незначительны, чтобы настаивать на немъ. Если при полномъ свѣтѣ публичности въ Сициліи, и притомъ когда права римскаго гражданства (civitas) были такою рѣдкостью, какой нибудь Верресъ съ презрѣніемъ могъ игнорировать ихъ въ еще болѣе оскорбительной для римскаго достоинства степени, чѣмъ бичеваніе,—тогда остается очень немного затрудненія въ примиреніи выраженія ап. Павла, что онъ «трижды былъ битъ розгами», съ протестомъ, который онъ выразилъ преторамъ въ Филиппахъ и тысяченачальнику въ Іерусалимѣ. Какъ отецъ или дѣдъ ап. Павла приобрѣлъ это высоко цѣнимое преимущество, мы не имѣемъ возможности знать. Но оно несомнѣнно не принадлежало вообще гражданамъ Тарса, такъ какъ иначе Лисій въ Іерусалимѣ, зная, что ап. Павелъ изъ Тарса, могъ знать также, что онъ имѣетъ право римскаго гражданства. Но Тарсъ не былъ ни colonia, ни municipium, а только urbs libera, а это преимущество, данное ему императоромъ Августомъ, не давало въ то же время никакого права на civitas. Преимущество это могло быть или куплено отцемъ Павла или получено въ награду за какую нибудь особенную услугу, о которой для насъ не осталось ни малѣйшаго извѣстія⁶⁹⁾. Когда Кассій наложилъ на городъ Тарсъ огромный штрафъ за то, что онъ сталъ на сторону Антонія, то многіе тарсяне будто бы были проданы въ рабство въ уплату этого штрафа; и по одному мнѣнію отецъ ап. Павла въ свои

ранніе годы былъ однимъ изъ этихъ лицъ и быть можетъ первымъ былъ освобожденъ изъ рабства и тогда же получилъ право гражданства во время пребыванія въ Римѣ. Но предположеніе это лишь возможно, не болѣе того.

Во всякомъ случаѣ это римское гражданство нисколько не противорѣчитъ постояннымъ заявленіямъ ап. Павла о его чисто іудейскомъ происхожденіи, равно какъ и не оказало замѣтнаго вліянія на его характеръ. Отецъ Савла могъ быть конечно доволенъ тѣмъ, что владѣеть такимъ неотъемлемымъ и могшимъ перейти въ наслѣдство къ его сыну правомъ, которое могло служить ему защитой при многихъ возможныхъ въ тѣ времена опасностяхъ; но это нисколько не вліяло на то образованіе, которое онъ далъ молодому Савлу, а также и на судьбу, которую онъ намѣчалъ для него. Это образованіе, какъ мы ясно видимъ, было

Восточная школа.

обычнымъ образованіемъ всякаго іудейскаго мальчика. «Предразсудки фарисейскаго дома—говоритъ одинъ писатель—окружали его колыбель; іудейскій духъ его возрасталъ подобно горчичному дереву въ Евангеліи, и нетерпимость, фанатизмъ, національная ненависть, гордость и другія страсти построили себѣ гнѣзда среди вѣтвей его» ⁷⁰). Пяти лѣтъ отъ роду онъ началъ изучать Библію съ своими родителями дома, а быть можетъ даже еще раньше этого изучалъ «шему» ⁷¹) или великое аллилуія (псалмы *схн* и *схвш*), все или какую нибудь часть ихъ. Шести лѣтъ онъ уже долженъ былъ идти въ «виноградникъ», какъ позднѣйшіе раввины называли свои школы. Десяти лѣтъ онъ началъ изучать тѣ раннія и простыя откровенія устнаго закона, которыя впоследствии были собраны

въ «мишнѣ»; тринадцати лѣтъ онъ долженъ былъ стать уже «сыномъ заповѣди» ⁷²⁾; пятнадцати лѣтъ долженъ былъ изучать болѣе подробныя и трудныя галахоты—тѣ правила, которыя въ послѣдствіи составили огромную массу гемары. Двадцати лѣтъ или раньше, подобно всякому правовѣрному іудею, онъ навѣрно женился. Въ теченіе нѣсколькихъ затѣмъ лѣтъ онъ числился среди «учениковъ мудрецовъ» ⁷³⁾ и главнымъ образомъ занимался «преданіями отцевъ» ⁷⁴⁾.

Подобнымъ-то образомъ молодой Савлъ изъ Тарса росъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда всякій іудейскій мальчикъ, если только онъ предназначался къ положенію раввина, поступалъ въ школу какого нибудь великаго учителя. Учителемъ, въ число учениковъ котораго записался Савлъ, былъ знаменитый раббанъ Гамалииль, сынъ раббана Сумеона и внукъ Гиллеля, «законоучителя уважаемаго всѣмъ народомъ» ⁷⁵⁾. Титулъ раббана іудеи давали только семи раввинамъ и трое изъ нихъ были Гамалиилы изъ этого рода, изъ которыхъ каждый въ свою очередь достигалъ высокаго положенія «наси» или предсѣдателя школы. Гамалииль I, подобно своему дѣду Гиллелю, занималъ нѣсколько странное положеніе либеральнаго фарисея. Фарисей по своей пламенной ревности къ преданіямъ отцевъ ⁷⁶⁾, онъ въ тоже время не имѣлъ той узкой исключительности, отличавшей Шаммаи, соперника его дѣда, и ту школу, которую основалъ Шаммаи. Свободомысліе его ума сказывалось въ дозволеніи читать языческую литературу; его великодушіе проявилось въ терпимости, которою дышетъ вся его рѣчь предъ синедріономъ. Что онъ былъ тайный христіанинъ ⁷⁷⁾, въ подтвержденіе этого преданія нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Но изъ многочисленныхъ замѣчаній о немъ въ талмудѣ, а также изъ приписываемыхъ ему изрѣченій мы видимъ, что онъ былъ именно человѣкъ такого характера, какимъ мы должны представлять его на основаніи краткаго замѣчанія о немъ и о его воззрѣніяхъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ. Въ обоихъ свидѣтельствахъ мы одинаково видимъ гуманнаго, разсудительнаго, великодушнаго и религіознаго человѣка, который обладалъ достаточнымъ образованіемъ для того, чтобы возвышаться надъ низкими страстями, и достаточной мудростью для того, чтобы видѣть сущность дѣла и дѣйствовать на томъ широкѣмъ началѣ, что поспѣшныя сужденія часто подлежатъ опасности заблужденія, что истина владѣетъ такою силою и такимъ величіемъ, что не нуждается въ помощи преслѣдованія, что свѣтъ небесный падаетъ на судьбы человѣческія и что этотъ свѣтъ Божій «показываетъ всѣ дѣла въ медленной исторіи ихъ созрѣванія».

У ногъ этого знаменитаго члена синедріона Савлъ Тарсійскій по всей вѣроятности провелъ много лѣтъ ⁷⁸⁾; и хотя на нѣкоторое время пламенная ревность его темперамента могла увлекать его до излишествъ нетерпимости, въ чемъ онъ измѣнялъ лучшимъ преданіямъ своей школы, тѣмъ не менѣе, такъ какъ свѣтъ благодати Божіей ускорялъ созрѣваніе въ его душѣ скромныхъ сѣмянъ всего того, что было мудраго и высокаго, мы можемъ думать, что нѣкоторые изъ этихъ

зародышей человѣколюбія были насаждены въ его сердцѣ именно его знаменитымъ учителемъ. Мы не только не видимъ ничего невѣроятнаго въ свидѣтельствѣ, что ап. Павелъ былъ ученикомъ Гамаліила, но даже думаемъ, что это свидѣтельство бросаетъ потокъ свѣта на характеръ и мысли апостола. За исключеніемъ Гиллея, среди іудейскихъ раввиновъ, насколько мы видимъ ихъ въ свѣтѣ исторіи, нѣтъ ни одного, добродѣтели котораго дѣлали бы его наиболѣе подходящимъ учителемъ для Савла, чѣмъ именно внукъ Гиллея. Нужно помнить, что темная сторона фари́сейства, выставленная предъ нами въ евангеліяхъ,—зауряднаго и ходячаго фари́сейства—полулицемѣрнаго, полумеханическаго и настолько себялюбиваго, что оно справедливо навлекло на себя молніеносное обличеніе Христа,—не обнимала собою всего фари́сейскаго начала. Говоря о фари́сействѣ, мы обыкновенно разумѣемъ законничество, перешедшее въ формализмъ, религію, выродившуюся въ обрядность, нравственность, развѣдаемую казуистикой; разумѣемъ торжество и преобладаніе всѣхъ худшихъ и самыхъ низкихъ элементовъ въ религіозномъ духѣ партій. Но фари́сеи были разные. Новый заветъ представляетъ намъ свѣтлую картину откровенности и мудрости въ такихъ фари́сеяхъ, какъ Никодимъ и Гамаліиль. Въ талмудѣ, среди многихъ другихъ величавыхъ фигуръ, выступающихъ въ мирѣ и праведности, достойныхъ народа, происшедшаго отъ Авраама, мы видимъ свѣтлые и благородные характеры Гиллея, Сүмеона, Хайи, Іуды «святаго». При мысли о такихъ-то именно личностяхъ ап. Павелъ, даже долго спустя послѣ своего обращенія, безъ всякаго чувства стыда или противорѣчія, могъ воскликнуть предъ синагогою: «мужи и братья, я фари́сей, сынъ фари́сеевъ». Въ тотъ моментъ онъ могъ сдѣлать это восклицаніе тѣмъ болѣе, что онъ выразительно имѣлъ въ виду воскресеніе изъ мертвыхъ, которое иные слишкомъ поверхностно характеризовали какъ доктрину, «которую Павелъ апостолъ заимствовалъ отъ Савла фари́сея».

Очень интересно, а для изученія посланій ап. Павла и въ высшей степени важно прослѣдить вліяніе, которое эти годы имѣли на его характеръ и умъ. Многое изъ того, чему онъ научился въ теченіе ранней возмужалости до послѣдняго времени, оставалось существенною частью его познаній и опыта. До самаго дня своей смерти онъ не отрицалъ и не уменьшалъ преимуществъ іудея, и первымъ изъ этихъ преимуществъ онъ считалъ обладаніе «словомъ Божиимъ» (Римл. п, 2). Онъ началъ изученіе св. писанія шести лѣтъ отъ роду, и ему, а также толкованіямъ на него, въ теченіе многихъ столѣтій скопившимся въ школахъ іудейскихъ, онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Плоды этого изученія болѣе или менѣе видны въ каждомъ написанномъ имъ посланіи; они особенно замѣтны въ тѣхъ посланіяхъ (какъ напр. посланіе къ Римлянамъ), въ которыхъ онъ всецѣло или отчасти обращался къ церквамъ, гдѣ вообще были многочисленны или преобладали обращенцы изъ іудеевъ.

Глубокое знаніе имъ ветхозавѣтныхъ книгъ показываетъ, какъ велико было

его знакомство съ ними съ ранняго дѣтства. Онъ не только часто ссылается на Псалтирь, на Пророковъ и больше всего на Псалтирь, на каждомъ шагу аргументаціи переходя отъ цитаты къ цитатѣ, какъ будто бы безъ нихъ его доводъ, часто въ дѣйствительности совершенно независимый отъ нихъ, потерялъ бы значительную часть своей силы, но онъ также приводитъ, какъ очевидно, на память и часто въ одну короткую цитату вплетаетъ словесное воспоминаніе нѣсколькихъ страницъ ⁷⁹⁾, хотя конечно, когда это требуется, ссылается и на подлинный еврейскій текстъ. Но настоящей «Библіей» для него былъ греческій переводъ LXX, и онъ, какъ и многіе христіанскіе писатели, зналъ ее настолько, что его фразы постоянно принимаютъ библейскій ритмическій тонъ и его мысли постоянно окрашиваются библейскимъ колоритомъ.

Весьма замѣчательно то употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ цитатъ въ полемическихъ видахъ. На первый взглядъ онъ часто приводитъ мѣста независимо отъ контекста, часто повидимому читаетъ между строкъ ⁸⁰⁾. Часто онъ повидимому обращаетъ вниманіе только на слова писанія, придавая имъ рѣшительное значеніе, независимо отъ ихъ первоначальнаго приложенія (1 Кор. xiv, 21; Римл. x, 6—9; 1 Кор. xv, 45). Слово и буква св. писанія на его взглядъ повидимому исполнены божественнаго таинственнаго вѣщанія, которое можно приводить не только въ дѣлѣ ученія, но и въ качествѣ поясненія въ простыхъ дѣлахъ текущей дѣйствительности (Римл. x, 15—21). Онъ приписываетъ чрезвычайно глубокую важность тому, что для обыкновеннаго читателя можетъ показаться простымъ грамматическимъ оборотомъ (Гал. iii, 16). Но если общимъ характеромъ этого приѣма аргументаціи ап. Павелъ былъ обязанъ долготу воспитанію въ раввинскихъ началахъ толкованія, то не нужно забывать, что хотя эти начала часто и видоизмѣняли форму его выраженій, они никоимъ образомъ не давали существеннаго матеріала его мыслямъ. Совершенно понятно, что чловѣкъ, который прошелъ тщательную школу раввинства, которому до полной возмужалости никогда и на мысль не приходило, что можетъ быть какое нибудь другое образованіе выше этого,—не могъ сразу забыть укоренившихся уроковъ столь многихъ лѣтъ. Но это никоимъ образомъ и не было необходимо въ интересахъ религіозной истины. Традиціонное образованіе въ изъясненіи св. писанія, полученное имъ у ногъ Гамаліила, было не только весьма важно для него въ его спорахъ съ іудеями, но и обогащало его слогъ и придавало особую жизненность его доводамъ, не ослабляя его сужденія и не затемняя его мысли. Изысканность іудейскаго раввина никогда ни на одинъ моментъ не пересиливаетъ въ немъ здраваго смысла и священнаго разума христіанскаго учителя. Хотя приѣмъ ап. Павла въ толкованіи св. писанія несомнѣнно въ своихъ общихъ чертахъ напоминаетъ приѣмъ, господствующій въ талмудѣ, однако же практическая сила, вдохновенная мудрость, ясное созерцаніе великаго апостола дѣлаютъ его далекимъ отъ того чудовищнаго злоупотребленія числительными, каббалистическими,

замысловатыми и до нелѣпости тонкими точностями, которыя всякой мелочи придаютъ свое особое значеніе, отъ всякой попытки подражать замѣчательнымъ экзегетическимъ изворотамъ тѣхъ буквоѣдствующихъ раввиновъ, которые сами гордились тѣмъ, что цѣлыя горы догматовъ навѣшивали на волоскахъ отдѣльныхъ текстовъ. Онѣ несомнѣнно раздѣляли взгляды позднѣйшихъ іудейскихъ школъ— танаимовъ и амараймовъ—на сущность боговдохновенности. По этимъ взглядамъ, какъ мы находимъ ихъ и у Филона, слова св. писанія считались соразмѣрными и тождественными съ словами Бога, а въ грубыхъ и неумѣлыхъ рукахъ болѣе фанатическихъ талмудистовъ мертвой буквѣ часто придавалось такое значеніе, которое подавляло или разрушало всякій живой смыслъ. Но такъ какъ этотъ крайній и механическій буквализмъ, это притязаніе на безусловную непогрѣшимость даже въ случайныхъ подробностяхъ и мимолетныхъ намекахъ, это суевѣрное боготвореніе буквъ и словъ св. писанія, какъ будто бы представляющихъ членораздѣльные слова и непосредственное рукописаніе самого Бога—нигдѣ не поддерживается св. писаніемъ и напротивъ не разъ обличается въ изреченіяхъ Христа, то и въ посланіяхъ ап. Павла нѣтъ ни одного такого мѣста, гдѣ бы этому взгляду хотя бы косвенно придавался догматическій смыслъ ⁸¹⁾. Мало того: самымъ существеннымъ пунктомъ его отличія отъ іудействующихъ христіанъ было его отрицаніе вѣчнаго значенія всей системы законодательства, изложеніе котораго было непосредственною цѣлью Пятокнижія. Въ отвѣтъ на то, что ап. Павелъ обращается съ Вѣтхимъ Завѣтомъ подобно раввинамъ, нужно сказать, что онъ употребляетъ этотъ методъ съ тою цѣлью, чтобы освободить умы отъ рабства іудейству, и что онъ выводитъ при помощи этого метода не каббалу и не талмудъ—«философію для мечтателей и кодексъ для мумій» ⁸²⁾,—но главные идеи Евангелія благодати Божіей.

Разсудительному и непредубѣжденному читателю посланій ап. Павла легко самому удостовѣриться въ томъ употребленіи, которое апостоль дѣлаетъ изъ св. писанія. Онъ держится обычнаго способа ссылокъ, но облагораживаетъ и вышпаетъ его ⁸³⁾. Что онъ не считаетъ этого метода безусловно необходимымъ, видно изъ устраненія его въ тѣхъ изъ посланій, которыя назначались главнымъ образомъ для христіанъ изъ язычниковъ ⁸⁴⁾, равно какъ и въ рѣчахъ въ языческихъ собраніяхъ. Но къ іудеямъ естественно онъ обращался съ тѣмъ приѣмомъ аргументаціи, который былъ вполне согласенъ съ ихъ собственнымъ діалектическимъ приѣмомъ. Многія изъ истинъ, которыя онъ доказываетъ другими соображеніями, могли пріобрѣтать новую силу вслѣдствіе своего созвучія съ извѣстными выраженіями св. писанія. Правда, мы не можемъ быть увѣрены въ нѣкоторыхъ случаяхъ, насколько ап. Павелъ считалъ ту или другую свою цитату доказательствомъ и насколько онъ пользовался ею просто какъ пояснительною формою. Такъ мы не затруднимся допустить принудительность его доказательства касательно того, что какъ іудеи, такъ и язычники были повинны предъ Богомъ. Но мы не

думаемъ, чтобы языкъ Давида касательно его враговъ въ хп и лп псалмахъ, а особенно его сильное выраженіе: «всѣ» и «нѣтъ, нѣтъ ни одного» придавали особенно много значенія всей аргументаціи. Іудей навѣрно взглянулъ бы иначе, и ап. Павелъ, какъ іудей, воспитанный въ этихъ началахъ толкованій св. писанія, конечно долженъ былъ смотрѣть на дѣло такимъ же образомъ. Такъ какъ іудеи легче могли принять всякое положеніе, которое выражалось для нихъ словами св. писанія, то ап. Павелъ, пройдя то же самое воспитаніе, естественно пользовался при толкованіи св. писанія этимъ же приемомъ, особенно когда писалъ къ нимъ. По отношенію къ нимъ подобнаго рода аргументація была такъ сказать аргументаціей изъ снисхожденія (*argumentum ex concessis*). Для насъ доказательная сила такого приѣма гораздо меньше, потому что она не имѣетъ для насъ, какъ имѣла для него и для его читателей, всей силы привычныхъ логическихъ приѣмовъ. При всемъ томъ мы лишь съ сердечною благодарностью можемъ отнести къ апостолу за ту прозорливость, съ которою онъ могъ давать изъясненіе глубоко сокровеннымъ истинамъ и находить въ такомъ повидимому незначительномъ замѣчаніи, какъ напр. замѣчаніе пророка Аввакума, что «душа гордаго человѣка несправедлива, что праведный мужъ будетъ жить въ своей стойкости» ⁸⁵⁾, — т. е. что халдеи не будутъ пользоваться прочнымъ благосостояніемъ, а іудеи, мысленно представляемые здѣсь подъ видомъ праведнаго человѣка, будутъ за свою вѣрность жить безмятежно, — то глубокое значеніе и силу, которыя мы придаемъ главнѣйшей истинѣ богословія ап. Павла, что «праведный вѣрою живъ будетъ» ⁸⁶⁾.

Подобный же, но еще болѣе замѣчательный примѣръ этого кажущагося соподчиненія историческаго контекста въ истолковательномъ приложеніи пророческихъ словъ имѣется въ 1 Кор. хiv, 21. Здѣсь ап. Павелъ говоритъ о дарѣ языковъ и говоритъ о немъ съ полнымъ неодобреніемъ въ сравненіи съ возвышеннѣйшимъ даромъ пророчества, т. е. высшаго духовнаго ученія. Въ доказательство этого своего взгляда, а также и того, что языками, служащими главнымъ образомъ знакомъ невѣрующихъ, нужно пользоваться осторожно и въ извѣстныхъ границахъ въ собраніяхъ вѣрующихъ, онъ приводитъ изъ Ис. ххviii, 11 ⁸⁷⁾ слѣдующій стихъ, который онъ на этотъ разъ беретъ не изъ перевода LXX: «иными языками и иными устами буду говорить народу сему: но и тогда не послушаютъ Меня, говоритъ Господь». Полное значеніе и контекстъ этого стиха, въ подлинникѣ, весьма интересны и обыкновенно понимаются невѣрно. Онъ означаетъ, что такъ какъ пьяные безстыдные священники и лжепророки начали съ оскорбительною презрительностью насмѣхаться надъ способами и путями внушавшаго имъ божественнаго назиданія ⁸⁸⁾, то Богъ заговоритъ съ ними совершенно инымъ путемъ, именно посредствомъ ассиріянъ, говорившихъ языками, которыхъ они не могли понять; и однако же къ такому внушенію, суровому и непонятному внушенію иноземныхъ повелителей, они останутся глухи. Это мѣсто совершенно неестественнымъ, какъ намъ можетъ казаться, способомъ

ап. Павелъ вставилъ въ необыкновенно возвышенный и остроумный доводъ, какъ будто бы онъ вполне объяснялъ, если даже и не доказывалъ, его взглядъ касательно цѣли и предѣловъ тѣхъ рѣчей восторженнаго духовнаго состоянія, которое извѣстно было подъ названіемъ *глоссолаліи* или «дара языковъ».

Еще одинъ примѣръ и быть можетъ самый замѣчательный дать намъ возможность лучше понять эту экзегетическую особенность, бывшую естественнымъ результатомъ многолѣтняго образованія апостола. Въ посланіи къ Галатамъ (III, 16) онъ говоритъ: «но Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его. Не сказано: и потомкамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ, и сѣмени твоему, которое есть Христосъ». На первый взглядъ, конечно, намъ можетъ показаться, что этотъ необыкновенно важный аргументъ здѣсь основывается на употребленіи еврейскаго слова *зера* и соответствующаго ему погречески *спѣрма* у LXX въ единственномъ числѣ⁸⁹⁾; и что выводъ, который дѣлаетъ апостолъ, единственно основывается на томъ, что это слово не употреблено во множественномъ *зераимъ* (*спѣрмата*) и что поэтому обѣтованіе (Быт. XII, 15) указываетъ на особенное исполненіе его въ одномъ изъ потомковъ Авраама. Этотъ взглядъ однако же ошибоченъ, потому что немыслимо, чтобы ап. Павелъ, хорошій гебраистъ и знатокъ еллинистическаго греческаго языка, не зналъ, что множественное *зераимъ*, какъ напр. въ 1 Цар. VIII, 15, Дан. I, 12 и въ названіи талмудическаго трактата, не могло быть употреблено въ подлинномъ текстѣ этого обѣтованія, потому что оно могло означать только «различные роды зерна»—какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ самъ онъ употребляетъ *спѣрмата* въ 1 Кор. XV, 38, и что греческое *спѣрмата* въ смыслѣ потомства было бы не что иное, какъ невозможный варваризмъ. Отсюда аргументъ этотъ (если это только дѣйствительно аргументъ, а не то, что раввины называютъ *содъ*—«тайной») въ дѣйствительности основывается не на томъ, какъ это обыкновенно полагаютъ, что *спѣрма* есть *единственное* число, а на томъ, что это *собирательное* имя и поэтому употреблялось иносказательно вмѣсто «сыновъ» или «дѣтей»⁹⁰⁾. И самъ ап. Павелъ заявляетъ, что этотъ собирательный терминъ прежде всего былъ приложимъ ко Христу, равно какъ въ другихъ мѣстахъ онъ прилагаетъ его духовно и къ рабамъ Христа. Въ толкованіи этого слова такимъ образомъ ап. Павелъ читаетъ между строками подлинника и получаетъ возможность видѣть въ немъ глубокое значеніе, которое хотя и истинно, но всетаки не заключалось въ немъ первоначально. Онъ не говоритъ прямо, что обѣтованія Авраама нашли во Христѣ—какъ по намѣреніямъ Божиимъ они и должны были найти во Христѣ⁹¹⁾—свое высшее и вѣрнѣйшее исполненіе, но, пользуясь своеобразнымъ іудейскимъ приемомъ толкованія, онъ уясняетъ эту высокую истину употребленіемъ собирательнаго имени, которое, по его мнѣнію, таинственно предзнаменовало его⁹²⁾.

Это мѣсто бросаетъ чудесный свѣтъ на тѣ приемы, съ которыми ап. Павелъ обращался съ книгами ветхаго завета. Раввинскій по формѣ его приемъ свободенъ въ

духъ. Не отвергая ни аморейскаго, ни александрійскаго способа толкованія св. писанія, ап. Павелъ никогда не впадаетъ въ чудовищныя нелѣпости того и другаго. Относясь къ буквѣ писанія съ чрезвычайнымъ почтеніемъ, онъ однако же обращаетъ буквальный смыслъ на служеніе духовной мысли. На мертвую букву Урима, заключавшаго въ себѣ имена потерянныхъ колѣнъ, онъ бросилъ таинственно молніеносный лучъ, который озарилъ его свѣтомъ божественнаго невѣдомаго дотоѣ въщанія. Слова священныхъ писателей становились для него лишь колесами и крыльями херувимо ъ, которые неслись туда, гдѣ носился духъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, нѣтъ ничего интереснѣе въ рукахъ боговдохновеннаго учителя, нѣтъ ничего цѣннѣе, чѣмъ такой способъ приложенія. Мы не видимъ въ ап. Павлѣ того холоднаго духа филоновой аллегоріи, который въ значительной степени помрачалъ подлинный и историческій смыслъ св. писанія и главнымъ образомъ направлялся къ извлеченію философскихъ тайнъ изъ его живыхъ страницъ; не видимъ также ни одного примѣра *гематріи* или *нотарикона*, *атбаша* или *албама*, гиллелевыхъ *миддотъ* или метода Акибы, по которому цѣлыя постановленія закона основывались на черточкахъ буквъ. Немыслимо, чтобы въ эту призрачную таинственность и экзегетическую вольность могъ впасть человѣкъ, который отличался глубокою серьезностью и во всемъ томъ, что онъ писалъ, сознавалъ присутствіе Господа. Ни въ одномъ случаѣ онъ не дѣлаетъ изъ этихъ общихъ ссылокъ доказательной основы положенія, которое онъ старается напечатлѣть. При всякомъ случаѣ онъ представляетъ надежный доводъ, на которомъ и основываетъ свое заключеніе, и св. писаніе приводитъ только въ качествѣ подкрѣпленія и освѣщенія сказаннаго. Все это находится въ полномъ согласіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о его духовной исторіи, о той неподдѣльности, для которой она служитъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ. Ни къ одной изъ истинъ своего благовѣстія онъ не дошелъ путемъ логическаго резонерства. Онѣ сами пришли къ нему по мановенію вдохновеннаго убѣжденія во время его чудеснаго обращенія или въ постепенномъ процессѣ послѣдующаго психологическаго опыта. Мы знаемъ изъ его собственныхъ устъ, что сначала онъ не находилъ въ св. писаніи этихъ истинъ и пришелъ къ нимъ не индуктивнымъ процессомъ при его изученіи. Онъ получилъ ихъ, какъ онъ часто говоритъ намъ, непосредственнымъ открытіемъ отъ Христа. Только уже послѣ того, какъ онъ позналъ ихъ истинность, онъ пришелъ къ сознанію, что онѣ *должны* заключаться въ писаніяхъ ветхаго завета. Когда онъ такимъ образомъ былъ озаренъ и сталъ видѣть, что онѣ дѣйствительно заключаются въ писаніи, то нашелъ, что все писаніе было исполнено ими. Зная, что сокровище скрывалось въ полѣ, онъ купилъ все это поле для того, чтобы сдѣлаться его владѣльцемъ. Когда Богъ открылъ ему ученіе объ оправданіи вѣрою, онъ увидѣлъ (какъ можемъ видѣть и мы, но какъ никто не видѣлъ раньше его), что оно заключалось въ вѣрности Авраама и въ «жизни» и «вѣрѣ» Аввакума. Признавая право и даже необходимость придавать духовное

значеніе св. писанію и признавая фактъ, что этимъ правомъ пользовались всё учителя школъ, въ которыхъ воспитывался Павелъ и на которыя съ умиленіемъ взирали его соотечественники, какъ имъ пользовались и всё вообще великіе учителя, мы можемъ получить ключъ ко всёмъ указаннымъ нами мѣстамъ и увидимъ также ту принудительность, которую они имѣли для умовъ тѣхъ, кому и предназначались. Другими словами, ап. Павелъ, обращаясь къ іудеямъ, съ радостью объяснялся съ ними такъ сказать на ихъ собственномъ діалектѣ, а это такой діалектъ, въ которомъ и язычники могли получить немало глубокихъ уроковъ.

Другой примѣръ того же самаго метода мы видимъ тамъ, гдѣ онъ указываетъ на двухъ женъ Авраама, какъ на прообразы іудейскаго и христіанскаго завѣта, и въ борьбѣ и зависти обѣихъ, оканчивающейся изгнаніемъ Агари, иносказательно видитъ предзнаменованіе торжества новаго завѣта надъ ветхимъ. Въ этомъ иносказаніи, по чудесному смѣшенію, плотскіе потомки Сарры становятся съ *духовной* точки зрѣнія потомками Агари, а дѣти Агари становятся истиннымъ духовнымъ потомствомъ Сарры. Обитатели теперешняго Іерусалима, хотя они и произошли отъ Сарры и Авраама, получили предзнаменованіе объ отверженіи подъ видомъ потомства Измаила, а истинныя дѣти Авраама и Сарры суть лишь тѣ, кто дѣти въ духовномъ смыслѣ, а большинство изъ нихъ были не изъ избраннаго народа. Доказательство этого (если только можно употреблять это слово въ смыслѣ того, что самъ ап. Павелъ считаетъ только аллегорическимъ подтвержденіемъ) находится въ Ис. 54, 1, гдѣ пророкъ, обращаясь къ новому Іерусалиму, который долженъ возстать изъ пепелища своихъ вавилонскихъ развалинъ, называетъ его безплодной женщиной и повелѣваетъ ей радоваться, такъ какъ она имѣетъ гораздо больше дѣтей, чѣмъ та, которая имѣетъ мужа. Іудеи иносказательно преобразуются въ потомковъ Агари, язычники—въ сѣмя Авраамово и наслѣдниковъ обѣтованія ⁹³).

Самое это сопоставленіе образа и прообраза, или существующей дѣйствительности и идеальнаго совершенства,—эта сводка, въ которой Агарь, Измаиль, Ветхій Завѣтъ, земной Іерусалимъ, новообращенные іудеи и проч. стоятъ лицомъ къ лицу съ своими духовными противниками: Саррой, Исаакомъ, Новымъ Завѣтомъ, небеснымъ Іерусалимомъ, христіанской церковью и проч.,—есть раввинскій методъ расположенія ряда понятій и такимъ образомъ есть новое доказательство вліянія раввинскаго воспитанія на душу ап. Павла. По одному изъ положеній раввинской системы земля считалась «лишь тѣнью неба, и порядокъ вещей въ нихъ гораздо болѣе схожъ между собой, чѣмъ признается на землѣ». Такое воззрѣніе особенно прилагалось ко всему тому, что относилось къ жизни священнаго народа, и поэтому не было такого событія въ странствованіи по пустыни, которое не выставлялось бы прообразомъ въ дѣлахъ духовнаго опыта или небеснаго упованія ⁹⁴). Это воззрѣніе открыто выражено въ 1-мъ посланіи къ Коринѣянамъ ⁹⁵), гдѣ въ подтвержденіе этого не только манна дѣлается прообразомъ хлѣба евхаристіи,

но, по еще болѣе отдаленной аналогіи, переходъ чрезъ воды Чермнаго моря и руководительство столпомъ облачнымъ изображается какъ крещеніе въ Моисея въ облакъ и въ морѣ, и описывается какъ предъизображеніе крещенія христіанскаго ⁹⁶).

Но ап. Павелъ былъ еврей по своему происхожденію, а также по тому языку, который онъ изучалъ въ качествѣ своего роднаго языка, и хотя онъ, вѣроятно, отвергъ бы названіе себя еллинистомъ, которое дѣйствительно никогда и не прилагается къ нему, однако же самый его гебраизмъ въ одномъ чрезвычайно важномъ отношеніи, которое впрочемъ очень мало обращало на себя вниманіе ученыхъ, имѣетъ еллинистическую основу и окраску. Это видно изъ того, какъ мы уже сказали, что, выражаясь на техническомъ языкѣ іудейскихъ школъ, онъ былъ или во всякомъ случаѣ до замѣтной степени сталъ вполнѣдствіи *гагадистомъ*, а не *галахистомъ* ⁹⁷). Стоитъ только взглянуть въ мишну, а еще лучше въ гемару, чтобы видѣть, что предметомъ, которымъ главнымъ образомъ были заняты мысли и интересы палестинскихъ и вавилонскихъ раввиновъ и который почти составлялъ все воспитаніе ихъ учениковъ, была *галаха* или «правило», и если сравнить талмудъ съ *мидрашимъ*, то сразу будетъ видно, что нѣкоторые іудейскіе ученые посвящали себя почти исключительно *гагадѣ*, а другіе — *галахѣ*, и что имена, часто встрѣчающіяся въ одной области іудейской литературы, рѣдко встрѣчаются въ другой. Эти два разряда ученыхъ презирали другъ друга: гагадисты презирали галахистовъ какъ мелочныхъ педантовъ, и въ свою очередь были презираемы какъ самомнящіе невѣжды. Нѣкоторые раввины совсѣмъ не любили преподавать гагадовы тѣмъ, которые не прошли основательно воспитанія въ галахѣ. «Я держусь увѣщанія моихъ предковъ,—сказалъ раввинъ Іонаанъ въ оправданіе своегоотказа учить гагадѣ раввина Самлаи,—что гагаду не должно преподавать ни вавилонянину, ни южному палестинцу, потому что они надменны и невѣжественны». Слѣдствіемъ взаимнаго презрѣнія, съ которымъ одинъ классъ ученыхъ относился къ другому, было то, что гагадисты главнымъ образомъ занимались пророками, а галахисты—закономъ. Вслѣдствіе этого послѣдніе болѣе и болѣе проникались іудейскимъ, раввинскимъ, фарисейскимъ духомъ. Семь правилъ Гиллея разрослись въ 12 правилъ у Измаила ⁹⁸) и въ 33 правила у Акибы, и при помощи этихъ правилъ можно было почти все вывести изъ истиннаго закона ⁹⁹). Буква закона такимъ образомъ потеряла свою сравнительную простоту въ безконечныхъ осложненіяхъ, пока, какъ свидѣтельствуетъ талмудъ, дѣло не дошло до того, что Моисей съизумленіемъ видѣлъ въ чудесномъ видѣніи, какъ Акиба изъ каждой черточки буквы извлекалъ цѣлыя мѣры законоположеній ¹⁰⁰). Между тѣмъ гагадисты изъ изреченій пророковъ выводили духъ, который почти доходилъ до презрѣнія къ левитской обрядности (Ис. i, 11—15, Lviii, 5—7; Іер. vii, 21), развивали мессіанское преданіе и давали могущественное, хотя часто и совсѣмъ ненамѣренное пособіе логикѣ христіанскаго толкованія. Это потому, что гагадисты улавливали духъ, между

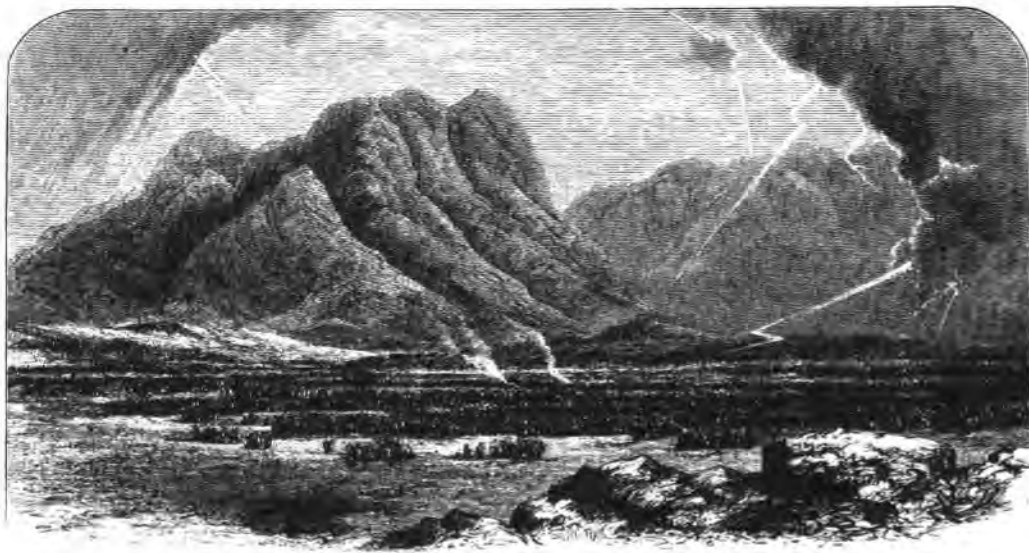

тѣмъ какъ галахисты слѣпо рылись въ массахъ буквъ. Неудивительно, что іудеи становились настолько подозрительными къ гагадѣ, — какъ дающей возможность къ появленію еретическихъ тенденцій *минимовъ*, т. е. христіанъ, — что налагали молчаніе на тѣхъ, кто употреблялъ извѣстные подозрѣваемые гагадистическія выраженія, хотя сами по себѣ они были и совершенно безвредны. «Кто профанируетъ священныя вещи, говоритъ раввинъ Еліезеръ Моденскій въ трактатѣ *Пирке-аботъ*, уменьшаетъ значеніе празднествъ, заставляетъ своего ближняго краснѣть публично, разрушаетъ завѣтъ Авраама и даетъ объясненіе закону, противное галахѣ, тотъ, даже еслибы онъ зналъ законъ и его дѣла были добры, всетаки теряетъ свое право на будущую жизнь» ¹⁰¹⁾.

Изъ этихъ интересныхъ подробностей легко видѣть, что если въ аудиторіи Гамалиила одинаково преподавались какъ гагада, такъ и галаха, то ап. Павелъ; каково бы ни было его первоначальное отношеніе къ изученію послѣдней, не сохранилъ въ своихъ зрѣлыхъ лѣтахъ ни малѣйшаго слѣда такого изученія, хотя онъ въ то же время отнюдь не пренебрегалъ лучшими частями первой, и, озаренный Духомъ Божіимъ, находилъ въ полученномъ имъ воспитаніи по крайней мѣрѣ случайный зародышъ или иллюстрацію тѣхъ христіанскихъ и мессіанскихъ доводовъ, съ которыми онъ обращался съ такою неотразимою силою какъ къ суровымъ гебраистамъ, такъ и къ самымъ изувѣрнымъ еллинистамъ въ послѣдующіе годы ¹⁰²⁾.

Римская монета съ фигурой Свободы.

Спнай.

ГЛАВА IV.

САВЛЪ — ФАРИСЕЙ.

Былъ неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій.
Гл. г. 1, 14.

Я жилъ фарисеемъ по строжайшему въ нашемъ вѣро-
исповѣданіи ученію. Дѣян. xxvi, 5.

СЛИ накоплявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, между 13 и 33 годами жизни, ученость оставила и неизбѣжно должна была оставить явные слѣды на страницахъ посланій ап. Павла, то это тѣмъ болѣе нужно сказать о тѣхъ нравственныхъ подвигахъ, тѣхъ духовныхъ опытахъ и той внутренней борьбѣ, которые онъ долженъ былъ вынести въ теченіе того длиннаго періода, когда онъ «жилъ фарисеемъ».

Мы вполне знаемъ, какая жизнь разумѣется подъ этимъ выраженіемъ. Мы знаемъ мелочную тщательность субботаства, выражавшагося въ неуклонномъ исполненіи всѣхъ тѣхъ *аботъ* и *толдотъ* (этихъ первичныхъ и выводныхъ правилъ и запрещеній, выводовъ изъ этихъ правилъ и запрещеній, сочетаній этихъ выводовъ изъ правилъ и запрещеній, всевозможныхъ тонкостей казуистики совѣсти, возникавшихъ изъ безконечнаго разнообразія обстоятельствъ, когда оказывалось возможнымъ прилагать эти сочетанія выводовъ), которые

сдѣлали изъ субботы какъ «святой и славной отрады Господней» отчасти безжалостное и невыносимое бремя, отчасти сплели изъ нея сѣть поблажекъ, лицемерно предназначавшихся, совершенно въ грубомъ духѣ язычества, для обмана божества простымъ подобіемъ точнаго соблюденія ¹⁰³). Мы знаемъ, съ какою тщательностью соблюдались правила касательно цвѣта оторочекъ и окраски кистей, касательно ѣды и питья. Мы знаемъ, съ какою тщательностью наблюдались тѣ и утомительныя и вмѣстѣ смѣшныя десятины мяты, аниса и тмина, съ которыми связаны были серьезно-комическіе вопросы касательно того, должно ли давать десятину и отъ стеблей, или только отъ сѣмени. Мы знаемъ о двухдневномъ постѣ въ недѣлю, о тройныхъ молитвахъ каждый день и о тройномъ посѣщеніи храма. Мы знаемъ ту разборчивость въ водѣ и винѣ, которая всегда процѣживалась для того, чтобы даже трупъ какого-нибудь насѣкомаго не могъ оскорбить закона левитской чистоты. Мы знаемъ, съ какою тщательностью постоянно обмывались и вытирались мѣдныя чаши, горшки и столы, причемъ эти обмыванія доходили до такой степени, что, по случаю обмыванія золотой канделябры въ храмѣ, саддукеи насмѣшливо замѣчали, что ихъ соперники фарисеи вымыли бы самое солнце, если бы только представился случай къ тому. Мы знаемъ о тѣхъ многочисленныхъ омовеніяхъ, къ которымъ прибѣгали сами фарисеи, причемъ эти омовенія совершались по тщательно выработаннымъ церемоніальнымъ правиламъ и съ извѣстной жестикуляціей, и все это не въ видахъ тѣлесной чистоты, а просто изъ суевѣрной заботливости о томъ, чтобы избѣжать всякой возможности заразиться какою либо обрядовою нечистотою. Мы знаемъ, какъ это понятіе совершенно левитской чистоты съ досадной назойливостью вторгалось во всю обыденную жизнь и приводило къ презрительному удаленію отъ всякаго соприкосновенія даже съ тѣнью тѣхъ людей, которые можетъ быть были гораздо чище и благороднѣе тѣхъ самыхъ обрядниковъ, что опасались прикосновенія къ нимъ даже краемъ своихъ одеждъ. Мы знаемъ назойливыя молитвы (Матѣ. vi, 5),

Мѣдный умывальникъ.

показныя милостыни (Матѣ. vi, 2), широкія филактеріи (Матѣ. xxiii, 5), мелочную обрядность (Марк. vii, 4—8), кастовую заносчивость (Іоан. vii, 49), беззащѣчивый прозелитизмъ (Матѣ. xxiii, 15), ненасытную алчность (Луки xx, 47), высокомерное домогательство преимуществъ (Луки xviii, 11), худоскрываемое лицемеріе (Матѣ. xxi, 17), которые часто скрывались подъ почтеннымъ видомъ высшей святости. И все это мы знаемъ не только изъ частыхъ обличеній Христа ¹⁰⁴), но изъ великолѣпныхъ свидѣтельствъ талмуда, который цѣлый трактатъ посвящаетъ омовенію рукъ ¹⁰⁵), другой трактатъ — истинному способу убиванія дичи ¹⁰⁶), а одинъ трактатъ — вопросу о стебляхъ бобовъ ¹⁰⁷). Но мы можемъ быть увѣрены, что эти крайности и уродства фарисейства были такъ же непріятны и гнусны въ глазахъ юнаго Савла, какъ они были и для всѣхъ благородныхъ фарисеевъ и самого Христа. Изъ семи классовъ фарисеевъ, которые талмудъ перечисляетъ въ различныхъ мѣстахъ, Савлъ тарсійскій, какъ мы можемъ быть совершенно увѣрены, не былъ «ни истекающимъ кровью» фарисеемъ, ни «известковымъ» фарисеемъ, ни «шехимитомъ», ни «боязливымъ» фарисеемъ, ни «спотыкающимся» фарисеемъ, ни «разрисованнымъ» фарисеемъ; но единственный классъ, которому онъ, какъ истинный и благородный израильтянинъ, могъ хотя сколько-нибудь уподобляться, и притомъ не въ духѣ самодовольства, а въ духѣ почти болѣзненной и лихорадочной заботливости исполнять все завѣданное,—былъ тотъ классъ, который назывался: «скажи-мнѣ-еще-какую-заповѣдь-и-я-исполню» ¹⁰⁸).

А такой классъ, какъ бы онъ ни заблуждался самъ по себѣ, какимъ бы болѣзненнымъ чувствомъ ни сопровождался, какое бы чувство неудовлетворенности ни возбуждалъ онъ,—нельзя считать непременно низкимъ. Правда, онъ основанъ на заблужденіи, будто человѣкъ можетъ достигнуть спасенія исполненіемъ внѣшней обрядности, будто онъ можетъ количественною добротою достигнуть входа въ царство Божіе, будто это царство есть пища и питье, а не праведность, миръ и радость въ вѣрѣ. Случайно, по какому-нибудь неожиданному просвѣтленію убѣжденія, нѣкоторые изъ мудрѣйшихъ законоучителей іудейскихъ повидимому приходили отчасти къ сознанію той истины, что человѣкъ спасается не дѣлами подзаконной праведности, а милостью Божіей. Но общимъ религіознымъ убѣжденіемъ у іудеевъ было то, что хотя изъ 248 заповѣдей и 365 запрещеній Моисеева закона инныя были легки, а инныя тяжелы ¹⁰⁹), однако же и всѣ ихъ, и въ отдѣльности и вмѣстѣ, необходимо было исполнять съ строгою тщательностію не только по духу, но и по буквѣ, и не только по буквѣ, но и въ безчисленныхъ выводахъ, къ которымъ могла повести буква, когда даже послѣдній слѣдъ смысла и значенія терялся въ нихъ подъ массой всевозможныхъ «опредѣленій». Этого, по ихъ воззрѣніямъ, будто бы непременно требовалъ Богъ. Только это считалось истиннымъ понятіемъ о безукоризненной праведности закона. И какъ много зависѣло отъ этого! Отъ него зависѣло не менѣе какъ восстанов-

леніе свободы, возстановленіе царства, возстановленіе избранности среди народовъ; не менѣе какъ возстановленіе ихъ національной независимости во всей ея полнотѣ, ихъ національнаго богослуженія во всемъ его блескѣ; не менѣе какъ воспламенѣніе древняго огня на престолѣ, возвращеніе священнаго масла, священнаго ковчега, облака славы промежъ крылъ херувимовъ; не менѣе, наконецъ, какъ осуществленіе надеждъ, которыя они и ихъ предки лелѣяли въ теченіе столькихъ столѣтій. Если бы только одинъ человекъ могъ хотя въ теченіе одного дня исполнить весь законъ и не нарушить его ни въ одномъ пунктѣ,—нѣтъ, даже если бы одно лицо могло исполнить хотя одинъ пунктъ въ законѣ, касавшійся должнаго исполненія субботы, тогда, по ученію раввиновъ, прекратились бы всѣ невзгоды Израиля и наконецъ пришелъ бы Мессія ¹¹⁰).

А къ этому то именно со всѣмъ пыломъ своей сильной натуры и стремился Савль. Сомнительно, чтобы уже въ этотъ періодъ онъ могъ придти къ сознанію крайняго ничтожества устнаго закона. Сознаніе это сквозъ густой туманъ софистики и самомнѣнія иногда пробивалось даже и у раввиновъ, и даже въ ихъ устахъ мы иногда находимъ выраженіе пророковъ, что смиреніе, милость и правда лучше жертвы. «Въ храмѣ нѣкогда была флейта, — говоритъ талмудъ, — сохранившаяся отъ дней Моисея; она была гладкая, тонкая, сдѣланная изъ тростинки. По повелѣнію царя, она была обдѣлана въ золото, которое однако же уничтожило мягкость звука, такъ что золото должны были снять прочь. Были тамъ также кимваль и ступа, которые съ теченіемъ времени попортились и были исправлены мастерами, призванными изъ Александріи. Но этой поправкой они были такъ испорчены, что оказалось необходимымъ возстановить ихъ въ прежнее состояніе» ¹¹¹). Не есть ли это иносказаніе? Не значить ли оно, что отягчая писанный законъ тѣмъ, что они называли золотомъ, но что въ дѣйствительности было мишурой и изгарью устнаго преданія, раввины разрушали или искажали его красоту и пользу? Но Савль вѣроятно не сознавалъ этого. Для него не было различія между относительной важностью писаннаго и устнаго, нравственнаго и обрядоваго закона. Исполнять должно было всѣ правила, а имъ не было числа. Если бы только можно было это сдѣлать, онъ сдѣлалъ бы, и такъ какъ отъ его тщательной точности въ исполненіи закона зависѣло пришествіе Мессіи, то Мессія долженъ былъ придти. Если другіе ученостью достигали законной праведности, то онъ долженъ былъ стать еще болѣе ученымъ. Если другіе были тщательны, то онъ долженъ былъ стать еще болѣе тщательнымъ. Вѣдь Богъ сотворилъ человека свободнымъ ¹¹²). Въ такомъ случаѣ Онъ навѣрно не сталъ бы требовать исполненія закона, если бы это исполненіе было невозможно! Все указывало на завершавшееся окончаніе одной великой эпохи въ исторіи міра и на разсвѣтъ другаго вѣка, которымъ должно было кончиться все. Самые язычники жаждали какого-то избавителя и чувствовали, что не могло быть другаго исхода изъ той физической бѣдственности и нравственной смерти, которыя распространялись въ

ихъ разлагавшемся обществѣ ¹¹³). Глубокій мракъ тяготѣлъ какъ надъ избраннымъ народомъ, такъ и надъ языческимъ міромъ. Отъ востока долженъ былъ возсіять спасительный лучъ, загорѣться очищающее пламя. Пусть же Израиль будетъ вѣренъ и Божіе обѣтованіе будетъ непреложно.

А мы изъ собственныхъ свидѣтельствъ апостола знаемъ, что если внѣшнее благочестіе было все; если повиновеніе закону не означало исполненія всего того, что превосходило всякую возможность осуществленія; если исполненіе его запрещеній не заключало въ себѣ исполненія всего того, что превосходило чувства человѣческія: тогда Савлъ въ отношеніи праведности закона былъ безпороченъ, такъ какъ жилъ по доброй совѣсти предъ Богомъ (2 Кор. xi, 22; Римл. xi, 1; Дѣян. xiii, 3, xiiii, 1—6). Если бы онъ предложилъ великому Учителю вопросъ: «что

Филактеріи.

мнѣ дѣлать, чтобы спастись?» и получилъ бы повелѣніе: «исполнять заповѣди», то онъ несомнѣнно могъ бы отвѣтить вмѣстѣ съ евангельскимъ юношей: «все это соблюлю я отъ юности моея» и могъ бы даже прибавить: «и многое кромѣ того». И однако же мы видимъ въ его посланіяхъ, съ какою горечью сознавалъ онъ пустоту этого внѣшняго послушанія, какимъ ужаснымъ и страшнымъ бременемъ для него было

«проклятiе закона»! Даже нравственное послушаніе не могло заглушить въ немъ голоса совѣсти или удовлетворить порывовъ души, а что же могли сдѣлать эти обрядовыя мелочи? Мучительные вопросы то и дѣло возникали въ его душѣ. Какая польза была изъ всего этого? Откуда вытекала необходимость ихъ? Къ чему могло повести исполненіе ихъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ Богъ слѣдитъ за точностью объема пергаментнаго свитка или за количествомъ строкъ въ написанномъ на немъ текстѣ? или за тѣмъ, какія написаны въ немъ буквы? или за формою ящичка, въ который вложены они? или наконецъ за тѣмъ способомъ, какъ этотъ ящичекъ привязанъ къ рукѣ или ко лбу? ¹¹⁴). Важно ли въ самомъ дѣлѣ то, какъ понимать выраженіе «между двумя вечерами»? Такъ ли, какъ понимали его самаряне: «между закатомъ солнца и тьмою», или какъ утверждали фарисеи: «между началомъ и концемъ солнечнаго заката»? Стоитъ ли

ΤΩΝΑΚΑΚΩΝ ΗΓΑΡΥΜΩΝΥΠΑ
 ΚΟΗΕΙΣΤΑΝΤΑΦΗΚΕΤΟ
 ΣΦΥΜΙΝΟΥΝΧΑΙΡΩ·ΘΕΛΩΛΕ
 ΥΜΑΣΟΦΟΥΣΜΕΝΕΙΝΜΕΙΣΤΩ
 ΑΓΑΘΟΝ ΑΚΑΙΡΕΟΥΣΛΕΕΙΣΤΟ
 ΚΑΚΟΝ ΟΛΕΘΕΤΗΣΕΙΡΗΝΗΟ
 ΟΥΝΤΡΙΨΑΙΤΟΝΣΑΙΤΑΝΑΝ.
 ΕΝΤΑΧΕΙΠΤΟΤΟΥΣΤΟΛΑΣΗΛΩ·
 ΗΧΑΡΙΣΤΟΥΚΥΗΜΩΝΙΥΧΥΜΕΟΥΩ·
 ΑΣΠΑΖΕΤΕΥΜΑΣΤΙΜΟΘΕΟΣ
 ΟΟΥΝΕΡΓΟΣΜΟΥΚΑΙΛΟΥΚΙΟΣ
 ΚΑΙΙΑΣΩΝ ΚΑΙΩΣΕΠΙΑΤΡΟΣ
 ΟΙΟΥΓΓΕΝΕΙΣΜΟΥ
 ΑΣΠΑΖΟΜΑΙΥΜΑΣΕΓΩΤΕΡΤΙΟΣ
 ΟΓΡΑΨΑΣΤΗΝΕΠΙΣΤΟΛΗΝΕΝΚΑ·
 ΑΣΠΑΖΕΤΕΥΜΑΣΙΧΙΟΣΟΖΕΝΟΣ
 ΜΟΥΚΑΙΟΛΗΣΤΗΣΕΚΚΛΗΣΙΑΟ
 ΑΣΠΑΖΕΤΕΥΜΑΣΕΡΑΣΤΟΣΟΟΙ
 ΚΟΝΟΜΟΣΤΗΣΠΟΛΕΩΣ·ΚΑΙ
 ΚΟΥΑΡΤΟΣΟΑΔΕΛΦΟΣ
 ΤΩΔΕΛΥΝΑΜΕΝΩΥΜΑΣΟΤΗΡΙ
 ΣΑΙ ΚΑΤΑΓΓΟΕΥΑΓΓΕΛΙΟΝΜΟΥΚΑΙ
 ΤΟΚΗΡΥΓΜΑΙΥΧΥ ΚΑΤΑΧΤΟΙΚΑ
 ΛΥΨΙΝΜΥΣΤΗΡΙΟΥΧΡΟΝΟΙΣ
 ΛΙΩΝΙΟΙΣΣΕΣΙΓΗΜΕΝΟΥΦΛΑΜΕ
 ΡΩΘΕΝΤΟΣΔΕΝΥΝΔΙΑΤΕΓΡΑΨΩ·
 ΠΡΟΦΗΤΙΚΩΝ·ΚΑΤΕΠΙΤΑΓΗΝ
 ΤΟΥΛΙΩΝΙΟΥΘΥ ΕΙΣΥΠΑΚΟΗ·
 ΠΙΣΤΕΩΣΕΙΣΤΑΝΤΑΓΕΘΝΗ·
 ΓΝΩΡΙΣΘΕΝΤΟΣΜΟΝΩΣΟΦΩ
 ΘΩΔΙΑΙΥΧΥ·ΩΗΔΟΣΔΕΙΣΤΟΥΣ
 ΛΙΩΝΑΣΓΩΝΑΙΩΝΩΝΑΜΗ·

7 3535 4 4 3535 1 3535 3535
 7 4 3535 3535 3535 3535 3535 3535

πρὸς ῥωμῆν = ἡγὰρ·
 7 7 7 7

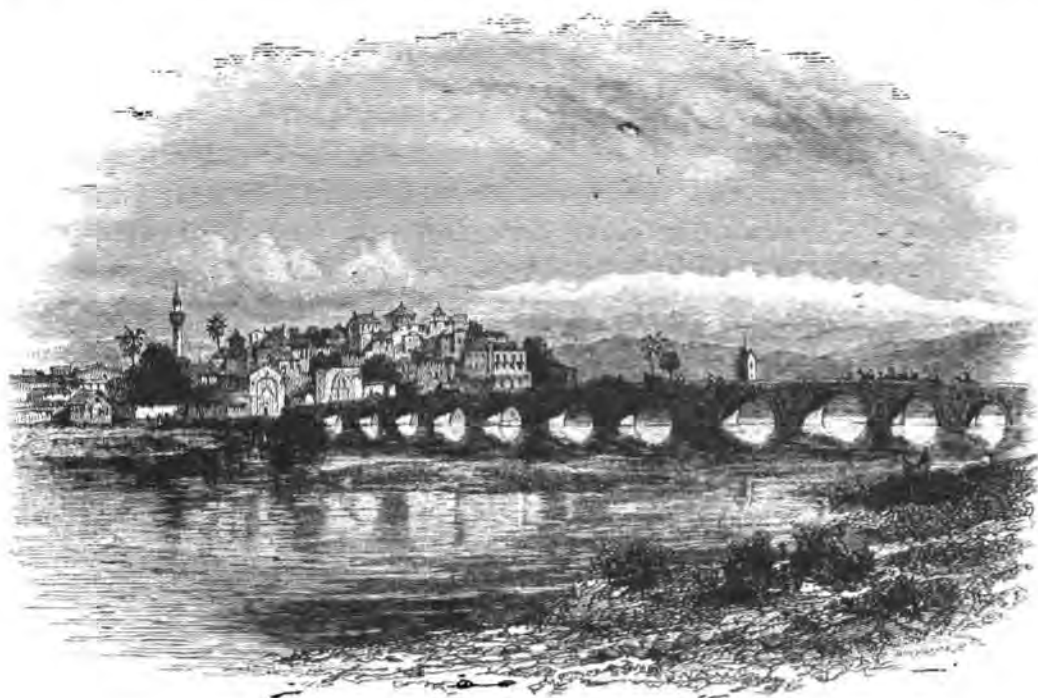

обсужденія двухъ соперничающихъ школъ вопросъ: можно или нельзя ѣсть яйца, снесенныя въ праздникъ? ¹¹⁵). Важны ли вообще эти предметы сами по себѣ? А если они и важны, то неужели погрѣшность въ этихъ мелочахъ дѣйствительно можетъ воспламенить гнѣвъ ревниваго Бога? Какъ они могутъ содѣйствовать красотѣ святости? Какъ они могутъ наполнять душу милосердіемъ, которое лучше жертвы, воспитывать ее въ той справедливости и смиренности, въ томъ терпѣніи и чистотѣ, въ томъ мирѣ и любви, которые, какъ удостоились видѣть нѣкоторые изъ пророковъ, благопріятнѣ Богу чѣмъ тысячи воловъ и тѣмы мѣръ масла? А за всѣми этими вопросами скрывался еще болѣе волновавшій іудейскія школы вопросъ: могъ ли за всѣмъ тѣмъ человѣкъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ достигнуть того идеала праведности, который требовался Богомъ и закономъ? А если онъ не могъ этого достигнуть, то что же оставалось для закона, какъ не изречь надъ нимъ приговора безвозвратнаго осужденія и непремѣнной смерти? (Рим. х, 5; Гал. ш, 10).

Затѣмъ не примѣшивалось ли ко всему этому номинальному обожанію закона глубоко укоренившееся лицемеріе, столь глубокое, что оно въ значительной степени было даже несознательное? Задолго раньше до явленія Христа раввины уже знали искусство оцѣживать комаровъ и проглатывать верблюдовъ. Они давно уже умѣли уничтожать то, что съ виду будто бы защищали. Гиллель, благодаря своей находчивости, могъ обойти всякое Моисеево постановленіе, какое только находилъ практически обременительнымъ. Фарисеи и саддукеи посредствомъ такъ называемыхъ «смѣшеній» могли отмѣнять въ свою пользу все то, что было имъ непріятно въ тщательномъ исполненіи субботы. Основное постановленіе субботняго года посредствомъ *просбола* было низведено на степень юридической фикціи. Учители, бывшіе настолько опытными въ казуистикѣ, что могли построить правила изъ самой ничтожной частички, съ легкостью могли вырабатывать и такія постановленія, при видѣ которыхъ в нѣмомъ изумленіи остановился бы Моисей. Что можетъ быть опредѣленнѣе постановленія въ законѣ касательно нечистоты пресмыкающихся, и однако же талмудъ увѣряетъ, что «никто не можетъ быть назначенъ членомъ синедріона, если онъ не обладаетъ достаточною находчивостью для того, чтобы доказать на основаніи писаннаго закона, что пресмыкающіяся въ обрядовомъ отношеніи чисты» ¹¹⁶). А въ Іавніи былъ такой безукоризненный ученикъ, который могъ привести 150 доводовъ въ пользу обрядовой чистоты пресмыкающихся ¹¹⁷). Подобнаго рода софистика была въ полномъ ходу и въ то время, когда юный тарсійскій ученикъ сидѣлъ у ногъ Гамалиила; и можно ли вообразить такой періодъ въ его жизни, когда бы онъ не тяготился такой бессмысленной, такой тягостной и неискренней системой? Могъ ли онъ не замѣчать, что они «цѣликомъ нарушали то, что исполняли въ мелочахъ»?

Мы можемъ заключать изъ собственныхъ словъ ап. Павла, что эти годы

были трудными для него годами. Подъ достопочтенною внѣшностью фари́сея лежало отчаянно бывшее сердце; подъ широкими филиактеріями пылкій мозгъ работалъ надъ массою тревожныхъ вопросовъ. Савлъ, какъ фари́сей, вѣровалъ въ вѣчность, онъ вѣрилъ въ воскресеніе, вѣрилъ въ ангеловъ и духовъ, въ голоса и явленія, въ сны и видѣнія. Но во всей этой борьбѣ къ достиженію собственной праведности, въ этой до мелочности мучительной и до возмутительности тягостной борьбѣ, повидимому не было никакой надежды на облегченіе или удовлетвореніе, не предстояло ничего кромѣ хотя и ослабленнаго, но всетаки неизбѣж-

Видъ окрестностей Тарса.

наго проклятiя. Богъ былъ какбы глухъ къ нему и небо закрыто. Никакое видѣніе не открывалось для его дремлющаго чувства, ни одинъ голосъ не звучалъ въ его напряженныхъ ушахъ. Сознаніе грѣховности тяготило его; тьма таинственности висѣла надъ нимъ; онъ постоянно падалъ и падалъ, и никакая рука не протягивалась на помощь къ нему. Всей своей душой онъ старался быть послушнымъ закону и былъ послушенъ ему. И всетаки не приходилъ Мессія!

Опытъ Савла Тарсійскаго былъ раздирающимъ душу опытомъ всѣхъ, кто ищетъ мира помимо любви Бога. Что жизнь Савла была свободна отъ вопіющихъ нарушеній закона, мы видимъ изъ его собственнаго смѣлаго указанія на свою

постоянную праведность. Онъ не былъ обращенцемъ изъ нечестія или развращенія. Говоря о своей жизни въ томъ ея видѣ, какъ она представлялась его ближнимъ, онъ постоянно указываетъ на ея строгую законосообразность; но онъ предается сильному самоосужденію, когда начинаетъ думать объ этой жизни, какою она представляется предъ Богомъ. Онъ нашелъ, что никакое внѣшнее законничество не могло дать ему чистаго сердца или вложить въ него правый духъ. Онъ нашелъ, что рабское послушаніе не водворяло мира внутри. Онъ стремился бы къ праведности, если бы только могъ знать такую праведность, которая была бы лучше праведности книжниковъ и фарисеевъ. Іудейскіе законоучители учили и постановляли, что если человѣкъ не чувствовалъ въ себѣ склонности дѣлать то или другое, то онъ долженъ былъ принуждать себя къ тому прямымъ обѣтомъ; «обѣты—говоритъ раввинъ Акиба ¹¹⁸⁾—суть вмѣстилища святости». Но Савлъ фарисей, задолго до того, какъ онъ сдѣлался Павломъ апостоломъ, во всей полнотѣ позналъ тщету этого постановленія. Обѣты могутъ быть вмѣстилищемъ формальнаго благочестія, но они не были и не могли быть школой для беззаконной души, они не могли дать успокоенія тому мѣсту въ человѣческомъ существѣ, гдѣ встрѣчаются между собою двѣ области добрыхъ и злыхъ побужденій ¹¹⁹⁾—именно сердцу, этому полю боевому, гдѣ страстные желанія сталкиваются съ положительными заповѣдями.

Даже по простествіи уже двадцати лѣтъ труда, странствованій, борьбы и страданія, мы все еще можемъ въ посланіяхъ ап. Павла уловить печальные отголоски этихъ дней напряженной борьбы, какбы отголоски грома, которые по прекращеніи грозы еще слышатся въ отдаленныхъ холмахъ. Мы слышимъ эти отголоски болѣе всего въ посланіи къ Римлянамъ; мы слышимъ ихъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о проклятій закона. Мы слышимъ ихъ, когда тономъ глубокаго самосожалѣнія онъ рассказываетъ о своей борьбѣ между плотью и духомъ, между закономъ грѣха въ его членахъ и тѣмъ закономъ Божиимъ, который при всей своей святости, справедливости и пользѣ для жизни, все-таки былъ закономъ къ смерти. Правда, въ то время, когда онъ писалъ такъ, онъ по крайней мѣрѣ самъ уже нашелъ миръ; онъ вынесъ изъ уроковъ своей жизни тотъ тяжелый опытъ, что дѣлами закона человѣкъ не можетъ оправдаться предъ Богомъ, но что только будучи оправданы вѣрою мы можемъ найти миръ съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа. И хотя, вникая въ свою собственную личность и видя въ ней страшную раздвоенность, онъ все еще находилъ внутри себя законъ, боровшійся противъ той внутренней радости, которую онъ чувствовалъ въ законѣ Божіемъ,—хотя, стоя въ этомъ немоощномъ тѣлѣ, онъ чувствовалъ себя какъ заключенный въ тѣлѣ смерти, онъ все-таки въ отвѣтъ на вопросъ: «кто можетъ меня избавить?» въ порывѣ восторга восклицаетъ: «я благодарю Бога чрезъ Іисуса Христа нашего Господа» ¹²⁰⁾. Но если апостоль, найдя уже, что «нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во

Христѣ Иисусѣ» ¹²¹⁾, все-таки еще чувствовалъ силу и продолжающееся дѣйствіе низшаго закона, усиливавшагося низвести его жизнь въ то рабство закону грѣха, отъ котораго освободилъ его Христосъ, то какіе часы умственной тоски долженъ былъ онъ пережить, когда не зналъ никакого другаго отношенія Бога къ своей душѣ, кромѣ невозможной, холодной, мертвенной заповѣди: «дѣлай это и ты будешь живъ!» Но могъ ли онъ дѣлать это? А если не могъ, то въ чемъ могла быть его надежда, въ чемъ его помощь? Былъ ли хотя какой нибудь голосъ сожалѣнія среди громовъ Синаи ¹²²⁾? Могла ли простая кровь воловъ и козловъ быть истиннымъ искупленіемъ за вольные грѣхи?

Но хотя мы и можемъ видѣть умственную борьбу, которую Савль переживалъ въ эти дни фарисейства, однако же событія этого періода покрыты мракомъ неизвѣстности. И только на два глубоко интересные для насъ вопроса мы, быть можетъ, въ силахъ дать нѣкоторый отвѣтъ.

1. Первый изъ нихъ: видѣлъ ли Савль когда нибудь Иисуса Христа?

На первый взглядъ можно бы думать, что на этотъ вопросъ имѣется отвѣтъ и отвѣтъ утвердительный въ 1 Кор. ix, 1, гдѣ онъ спрашиваетъ: «не апостолъ ли я? Не видѣлъ ли я Иисуса Христа Господа нашего?» и еще болѣе во 2 Кор. v, 16, гдѣ онъ говоритъ: «если же мы и знали Христа по плоти, то нынѣ уже не знаемъ» ¹²³⁾.

Но болѣе внимательное разсмотрѣніе этихъ мѣстъ покажетъ, что они не заключаютъ въ себѣ непременно такого значенія. Въ первомъ изъ нихъ ап. Павелъ ни коимъ образомъ не могъ намекать на свое знакомство съ Иисусомъ Христомъ до Его распятія, потому что такое просто внѣшнее зрѣлище въ положеніи невѣрующаго въ Него не только не могло бы служить подтвержденіемъ его притязанія на апостолство, а скорѣй могло бы служить основаніемъ къ отверженію такого притязанія. Оно можетъ относиться только къ явленію ему Христа на дорогѣ въ Дамаскъ или къ какому нибудь подобному откровенію впоследствии ¹²⁴⁾. Значеніе втораго мѣста менѣе очевидно. Тамъ ап. Павелъ выясняетъ основы своего апостолства во всеобъемлющей любви Христа къ человѣку. Онъ показываетъ, какъ эта любовь проявилась въ Его смерти за всѣхъ и какъ слѣдствіемъ этой смерти и воскресенія до такой степени уничтожается себялюбіе въ его чадахъ, до такой степени измѣняется ихъ внутренній характеръ, что если «кто во Христѣ, тотъ новая тварь». Христосъ же, о которомъ онъ говоритъ здѣсь, есть воскресшій, прославленный, торжествующій Христосъ, въ которомъ все обновилось, потому что Онъ примирилъ человѣка съ Богомъ. Отсюда апостолъ не знаетъ никого и не судить никого просто по его человѣческимъ земнымъ отношеніямъ, а только по его союзу съ воскресшимъ Христомъ. Партизаны, которые пользовались и даже, какъ вѣроятно, злоупотребляли именемъ ап. Іакова для того, чтобы вносить свой сварливый юдаизмъ даже въ отношенія между апп. Павломъ и Петромъ, и сѣяли сѣмена раздора между обращенцами церквей, основанныхъ ап. Павломъ,—

постоянно умаляли апостольское значеніе Павла на томъ основаніи, что онъ не былъ очевидцемъ человѣческой жизни Христа. На это апостолъ всегда отвѣчалъ, что и онъ также зналъ Христа по непосредственному откровенію, что Богъ благоволилъ открыть въ немъ «Сына своего, чтобы онъ могъ благовѣствовать Его язычникамъ» ¹²⁵). Было время, когда и онъ зналъ «Христа по плоти»,—не по непосредственному личному общенію съ нимъ во дни Его земнаго служенія, но по тому взгляду, который онъ и другіе составили о Немъ. До своего обращенія онъ считалъ Христа *меситомъ*—обманщикомъ, который обманывалъ народъ, или въ лучшемъ смыслѣ былъ учителемъ, который обманывалъ самого себя. Да и послѣ своего обращенія онъ быть можетъ не сразу постигъ всю *полноту* славы воскресшаго Христа, какъ стоящаго выше всякаго понятія объ іудейскомъ Мессіи. Все это теперь миновало. Постигнуть прославленнаго Сына Божія вѣрой было гораздо болѣе благословеннымъ преимуществомъ, чѣмъ знать живаго Мессію въ земномъ общеніи съ Нимъ. Еслибы даже онъ зналъ Христа какъ живаго человѣка, то знаніе это было бы менѣе близко, менѣе непосредственно, менѣе интимно, менѣе вѣчно по своему характеру, чѣмъ то ближайшее общеніе, въ которомъ онъ теперь жилъ и умиралъ въ Немъ; и хотя онъ зналъ о Немъ сначала только по ложнымъ слухамъ, затѣмъ имѣлъ о Немъ лишь неясное представленіе, какъ объ Іисусѣ Назарянинѣ,—зато теперь земное и человѣческое понятіе исчезло и на его мѣсто выступила истинная и духовная вѣра. Поэтому Христосъ, котораго онъ зналъ, не былъ «Христосъ по плоти», не былъ Христосъ во дни своей плоти, или Христосъ въ своихъ земныхъ отношеніяхъ, а Христосъ, сидящій во вѣки одесную Бога Отца. Видѣть Господа Іисуса своими плотскими глазами само по себѣ было ничто. Тутъ нечѣмъ было гордиться. Его видѣлъ и Иродъ, видѣли Его и первосвященникъ Анна, и Пилатъ, и многіе грубые іудейскіе бѣдняки, и звѣрскіе римскіе солдаты. Но видѣть Его очами вѣры, духовно постигнуть прославленнаго Искупителя—вотъ что значить быть дѣйствительно христіаниномъ.

Всѣ другія мѣста, которыя могутъ быть вообще приведены по этому вопросу, подтверждаютъ этотъ взглядъ и приводятъ насъ къ мысли, что ап. Павелъ никогда не видѣлъ или вообще едва ли видѣлъ Іисуса Христа какъ человѣка. И дѣйствительно, вопросъ: «кто ты, Господи?» ¹²⁶) сохранный во всѣхъ трехъ разказахъ о его обращеніи, повидимому ясно показываетъ, что внѣшній обликъ Спасителя былъ незнакомъ ему, и этотъ взглядъ подтверждается указаніемъ на воскресшаго Христа въ 1 Кор. хv. Тамъ ап. Павелъ говоритъ, что ему, меньшему изъ апостоловъ и недостойному называться апостоломъ, Христосъ явился послѣ всѣхъ, какъ нѣкому извергу изъ апостольской семьи (1 Кор. хv, 9). И въ самомъ дѣлѣ немислимо, чтобы самъ Савлъ могъ дѣйствительно видѣть Іисуса во время Его земной жизни. То неизгладимое впечатлѣніе, которое производилъ самый Его внѣшній видъ, то невыразимое личное величіе, которое устрашало Его злѣйшихъ враговъ и тронуло грубую совѣсть Его римскаго судьи;

то невыразимое обаяніе и могущество слова Того, Кто говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ,—не могли бы пройти для него безъ слѣда. Мы чувствуемъ непреложное убѣжденіе, что Павелъ, еслибы онъ видѣлъ Христа, не только бы часто ссылался на Него, но что онъ въ такомъ случаѣ былъ бы избавленъ отъ того тяжкаго воспоминанія, которое болѣе всего терзало его въ послѣдующіе дни неизгладимымъ укоромъ, именно что онъ преслѣдовалъ Церковь Божію. Если въ самомъ дѣлѣ мы могли бы вообразить, что Савль видѣлъ Христа и, увидѣвъ Его, посмотрѣлъ на Него только съ ожесточенною ненавистью и съ гнѣвнымъ презрѣніемъ іерусалимскаго фарисея, тогда мы могли бы быть увѣрены, что то священное лицо, которое въ смутномъ снѣ видѣла жена Пилата, та безконечная скорбь въ глазахъ, одинъ блескъ которыхъ поразилъ покаяннымъ сокрушеніемъ сердце Петра,—съ такою силою постоянно вторгались бы въ сознаніе ап. Павла, что его грѣхъ въ преслѣдованіи христіанъ сдѣлался бы для него въ десять кратъ тяжелѣе отъ одной мысли, что, гоня и заключая ихъ въ тюрьмы, онъ еще разъ открыто распиналъ Сына Божія и предавалъ Его открытому позору. Сильная впечатлительность души Савла замѣчательнымъ образомъ выступаетъ въ томъ дѣйствіи, которое произвелъ на него предсмертный восторгъ св. Стефана. Слова Стефана, хотя выслушанныя въ то время съ внутреннею яростью, не только запали въ его душу, но и оказали неизгладимое вліяніе на его посланія. Если такое впечатлѣніе произвела рѣчь юнаго еллинаста, то какое же дѣйствіе могли бы произвести тѣ слова, которыя приводили въ восторгъ даже враждебныхъ Христу посланниковъ фарисеевъ? Можно ли понять, чтобы фарисейство Савла осталось нетронутымъ подъ громами того великаго и безпощаднаго обличенія, которое Христосъ произнесъ въ храмѣ въ послѣднюю недѣлю своего служенія, за три дня до своей смерти? Если бы Савль слышалъ одну изъ этихъ послѣднихъ бесѣдъ, видѣлъ одно изъ этихъ чудесъ, присутствовалъ при одномъ изъ этихъ страшныхъ, ужасныхъ и трагическихъ зрѣлищъ, на которыя онъ впослѣдствіи указывалъ какъ на событія величайшей важности во всемъ теченіи человѣческой исторіи, то можетъ ли кто либо хотя на мигъ вообразить, что въ его сочиненіяхъ не осталось бы ни малѣйшаго воспоминанія объ этихъ зрѣлищахъ?

Такимъ образомъ можно считать достовѣрнымъ, что когда полуденный мракъ закрылъ страшную жертву Голгофы, когда народъ кричалъ о помилованіи разбойника - убійцы и требовалъ казни Спасителя, пришествія котораго такъ долго ожидали благороднѣйшіе и святѣйшіе изъ ихъ отцовъ, Савла въ то время не было въ Іерусалимѣ. Гдѣ же онъ былъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить съ достовѣрностью. Онъ могъ быть въ Тарсѣ, который онъ даже послѣ своего обращенія считалъ своей родиной (Дѣян. ix, 30, xi, 25; Гал. i, 21), или еще вѣроятнѣе объясненіе его отсутствія можно видѣть въ Гал. v, 11. Тамъ онъ говоритъ, что нѣкогда онъ былъ проповѣдникомъ обрѣзанія. А мы знаемъ, что одной изъ особенностей тогдашняго фарисейства была живая ревность къ приобрѣтенію

прозелитовъ. «Вы обходите море и сушу—въ пылающихъ словахъ говоритъ имъ Христосъ—дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ» (Матѣ. ххп, 15). Обращеніе, измѣнившее всю глубину религіознаго убѣжденія ап. Павла, не измѣнило конечно естественнаго расположенія его темперамента. Почему таже порывистая ревность, тоже неутолимое желаніе всегда проповѣдывать какую либо истину и дѣлать какое либо доброе дѣло, всегда отличавшее его какъ апостола язычниковъ ¹²⁷⁾, не могли пылать въ немъ также и въ тѣ ранніе дни и дѣлать изъ него миссіонера фари-сейства? Если такъ, то онъ могъ находиться въ какомъ нибудь путешествіи, предпринятомъ по порученію партіи, которой онъ служилъ сердцемъ и душой, и именно въ то время, на которое выпало трехлѣтнее служеніе Христа на землѣ.

2. Другой вопросъ: былъ ли Савлъ женатъ? Имѣлъ ли онъ опору въ какомъ нибудь любящемъ сердцѣ во время тяжелой борьбы своей юности? При всѣхъ колебаніяхъ духа, происходившихъ вслѣдствіе несовершенной и неудовлетворявшей его вѣры, не было ли въ возмущенномъ морѣ его жизни маленькаго роднаго островка, гдѣ бы онъ могъ находить тихое убѣжище отъ непрестанныхъ думъ?

Какъ ни мало мы знаемъ о его домашнихъ обстоятельствахъ, какъ ни избѣгалъ онъ примѣшиванія своихъ личныхъ интересовъ къ занимавшимъ его душу великимъ истинамъ, на этотъ вопросъ, какъ кажется, можно отвѣчать утвердительно. Апостолъ Павелъ, котораго такъ часто укоряли въ эгоизмъ, не имѣлъ ни капли того себялюбія, которое состоитъ въ придачѣ какой либо важности своимъ личнымъ обстоятельствамъ. На обстоятельства своей личной жизни онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто они кромѣ его не имѣли значенія ни для кого. Когда онъ говоритъ о себѣ самомъ, то дѣлаетъ это только по одной изъ двухъ причинъ: или по необходимости отстоять свое апостольское достоинство, или изъ желанія своими замѣчательными житейскими опытами принести пользу другимъ. Все, что случалось лично съ нимъ—радости и лишенія его земной жизни, для него видимо было предметомъ, къ которому онъ относился съ крайнимъ равнодушіемъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они имѣли нравственное значеніе или касались уроковъ, которые онъ желалъ преподать другимъ.

Такимъ образомъ только косвеннымъ путемъ мы можемъ добиться отвѣта на вопросъ о его семейной жизни. Если въ самомъ дѣлѣ онъ былъ членомъ синедріона, то по іудейскимъ правиламъ для такого положенія онъ долженъ былъ быть женатымъ. О его официальном положеніи будетъ сказано послѣ, но касательно его женитбы съ вѣроятностью можно заключать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ его посланіяхъ. Въ 1 Кор. ix, 5 онъ спрашиваетъ у коринѣянъ: «или не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе апостолы и братья Господни, и Кифа»? Это мѣсто не даетъ еще рѣшительнаго отвѣта, хотя и указываетъ на его право какъ состоять въ бракѣ, такъ и взять свою жену съ собою въ проповѣдническое путешествіе, если бы только это оказалось полезнымъ ¹²⁸⁾. Но изъ 1 Кор. vii, 8

повидимому ясно выходить, что онъ причислялъ себя ко вдовцамъ; потому что онъ говоритъ: «безбрачнымъ и вдовымъ говорю: хорошо имъ оставаться (*μενωσιν*) какъ я». Что подъ «безбрачными» онъ здѣсь разумѣетъ «вдовцовъ», для чего въ греческомъ нѣтъ спеціальнаго слова, это ясно изъ того, что къ тѣмъ, которые никогда не были женаты, онъ говорилъ уже раньше въ первыхъ семи стихахъ этой главы¹²⁹). Имъ онъ гораздо свободнѣе чѣмъ другимъ предоставляетъ право вступать въ бракъ, если только они находили это полезнымъ для благочестія, хотя при настоящемъ состояніи вещей онъ выставляетъ и свое личное предрасположеніе къ безбрачію—для тѣхъ, которые владѣли благодатью внутренней чистоты. Но даже и помимо такого толкованія этого мѣста заключеніе касательно того, что ап. Павелъ по опыту зналъ брачную жизнь, можно дѣлать изъ той мудрости и нѣжности, которыми отличаются его замѣчанія объ этой жизни. Не испытавшій никогда брачной жизни едва ли могъ бы писать объ этомъ предметѣ такъ, какъ писалъ онъ, и не могъ бы выказывать такого глубокаго сочувствія къ нуждамъ всѣхъ и пользоваться живымъ довѣріемъ всѣхъ. Дѣлать какойнибудь выводъ изъ нѣжныхъ иносказаній, извлекаемыхъ имъ изъ примѣра кормленія маленькихъ дѣтей (1 Кор. III, 2; VII, 14; IV, 15; 1 Тес. II, 7; V, 3) едва ли было бы основательно. Едва ли вѣроятно, чтобы ап. Павелъ имѣлъ когданибудь дѣтей. Если бы это было такъ, то онъ при своей чувствительной натурѣ едва ли обошелся бы безъ выраженія по отношенію къ нимъ той нѣжной любви, которая въ такой полнотѣ высказывается у него къ его духовнымъ дѣтямъ. Если бы онъ имѣлъ сына или дочь, то Тимофей не былъ бы для него въ такой исключительной степени его «собственнымъ истиннымъ сыномъ» по вѣрѣ. Если мы правы въ своемъ предположеніи, что онъ былъ женатъ, то съ вѣроятностью можно думать, что брачная его жизнь была непродолжительна и что жены его уже не было въ живыхъ.

Но есть еще одно основаніе, хотя доселѣ повидимому не замѣченное, которое повидимому дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что Савль до своего обращенія былъ женатымъ человѣкомъ,—это именно та чрезвычайная важность, которую большинство іудеевъ во всѣ времена придавали браку какъ нравственному долгу, даже какъ положительной заповѣди, обязательной для каждаго человѣка¹³⁰). Мишна опредѣляетъ годомъ брака 18-ти-лѣтній возрастъ¹³¹), а 17-ти-лѣтній даже предпочитается. Вавилонскіе іудеи назначали этотъ возрастъ даже въ 14 лѣтъ¹³²). Бракъ въ дѣйствительности есть первое изъ 613 правилъ. Обязательность брака они выводили частью изъ заповѣди прародителямъ (Быт. I, 28), частью изъ указаній на ранніе браки въ ветхомъ завѣтѣ (Притч. II, 17; V, 18) и частью изъ иносказательныхъ объясненій такихъ мѣстъ, какъ Екклес. XI, 6; Іов. V, 24¹³³). Раввины всѣхъ вѣковъ считали бракъ такою настоятельной обязанностью, что родители обязывались женить и отдавать замужъ своихъ дѣтей молодыми¹³⁴); а тѣ немногіе, которые подобно Бенъ Азаю теоретически ставили выше обязанность быть болѣе свободнымъ отъ

житейскихъ узъ въ видахъ изученія закона, были лишь исключеніемъ изъ почти всеобщаго правила. Но даже и сами эти теоретики были женатые люди. Если бы ап. Павелъ питалъ хотя малѣйшее сочувствіе ко взглядамъ терапевтовъ и ессеевъ, если бы неодобрительное отношеніе его къ браку при извѣстныхъ непосредственныхъ обстоятельствахъ было бы окрашено какимъ нибудь гностическимъ фанатизмомъ касательно его сущности, то мы могли бы придти къ иному заключенію. Но онъ не держался такихъ взглядовъ ни раньше, ни послѣ своего обращенія (1 Кор. vii, 9 и 36; 1 Тим. iv, 3; v, 4); и несомнѣнно, что если онъ жилъ въ Іерусалимѣ неженатымъ фарисеемъ, то это явленіе было бы совершенно исключительнымъ.

Предполагаемое мѣсто вознесенія.

ГЛАВА V.

АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ И ПЕРВАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА.

Онъ былъ избраннѣйшимъ изъ апостоловъ, устами учениковъ и главой ихъ общества. Св. Златоустъ.

ВАКОВЫ бы не были причины отсутствія Савла изъ Иерусалима во время короткаго періода служенія Іисуса Христа, при своемъ возвращеніи онъ всетаки неизбѣжно долженъ былъ много слышаться о Немъ. Но все слышанное имъ конечно передавалось исключительно съ точки зрѣнія фарисеевъ, которые съ такимъ ожесточеніемъ возставали противъ Его ученія, и съ точки зрѣнія саддукеевъ, ненависть и злоба которыхъ привели Его къ смерти. Но Савлу представлялось много случаевъ видѣть, что младенческая церковь не погибла, какъ надѣялись іерусалимскіе іудеи, вслѣдствіе казни ея Основателя. Къ крайнему своему изумленію и негодованію, онъ въ теченіе немногихъ дней своего пребыванія въ Иерусалимѣ могъ уже получить убѣдительное доказательство необыкновенной живучести общины, которую онъ считалъ лишь презрѣнной сектой.

Откуда происходила эта непреодолимая энергія, эта неистощимая живучесть? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить исторія церкви и міра.

За смертью Иисуса Христа слѣдоваль рядъ событій, дѣйствіе которыхъ будетъ чувствоваться до конца временъ,—событій, которыя по изумительной и неоспоримой духовной силѣ преобразили робкую горсть невѣжественныхъ и уstraшенныхъ учениковъ въ величавыхъ апостоловъ и учителей, сдѣлавшихся въ рукахъ Божіихъ орудіемъ возрожденія міра.

Воскресеніе Христа разсѣяло всѣ тучи съ ихъ опечаленныхъ сердецъ. За отчаяніемъ, которое на нѣкоторое время водворилось послѣ сильныхъ надеждъ, что Онъ былъ избавителемъ Израиля, наступило радостное непоколебимое убѣжденіе, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Въ свѣтѣ этого воскресенія все св. писаніе, вся исторія, все то, что они видѣли и слышали во время служенія Иисуса, озарилось и преобразилось. И хотя въ теченіе сорока дней между воскресеніемъ и вознесеніемъ общеніе съ ними воскресшаго Христа было не постояннымъ, а краткимъ и отрывочнымъ ¹³⁵), однако же—какъ свидѣтельствуется самъ ап. Петръ въ подтвержденіе своего свидѣтельства въ обращеніи къ «разсѣяннымиъ іудеямъ», которымъ онъ адресовалъ свое посланіе,—Богъ опять возродилъ ихъ воскресеніемъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ къ упованію живому, къ наслѣдству нетлѣнному, неуувядаемому, хранящемуся на небесахъ (1 Петр. 1, 3 и 4). Но и помимо этой славной истины, избранными свидѣтелями которой они сознавали себя ¹³⁶), ихъ воскресшій Спаситель далъ имъ много обѣтованій и наставленій и бесѣдовалъ съ ними касательно царства Божія. Въ своей послѣдней бесѣдѣ Онъ повелѣлъ имъ оставаться въ Іерусалимѣ и тамъ ожидать изліянія Духа, о которомъ они уже слышали отъ Него (Дѣян. 1, 4; Лук. xxiv, 49). Это обѣтованіе должно было исполниться на нихъ не только лично надъ каждымъ изъ нихъ, но и какъ на обществѣ, какъ на Церкви. И оно должно было исполниться въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ они были свидѣтелями Его крайняго униженія, и они были увѣрены, что имъ не придется ждать долго. Но хотя они и знали, что имъ немного дней спустя предстоитъ «креститься св. Духомъ и огнемъ», однако же съ цѣлью возбужденія ихъ вѣры и поддержанія ихъ въ бодрости точное время для этого не было опредѣлено имъ ¹³⁷).

Затѣмъ послѣдовало то послѣднее шествіе въ Виванію и та торжественная разлука на горѣ Елеонской, когда Спаситель ихъ былъ взятъ отъ нихъ и «облако взяло Его изъ вида ихъ». Но даже въ этой послѣдней бесѣдѣ Онъ ясно показавъ имъ ихъ положеніе и ихъ обязанности. Когда подъ вліяніемъ старыхъ мессіанскихъ мечтаній они спросили Его, не въ это ли время Онъ возстановитъ ¹³⁸) царство Израилю, Онъ прервалъ такіа грубыя мечтанія замѣчаніемъ, что не ихъ дѣло знать «времена или сроки» ¹³⁹), которые Отецъ положилъ въ своей власти ¹⁴⁰). Но хотя эти тайны Божіи не могли быть открыты ни имъ, ни кому либо вообще изъ живущихъ людей, они все-таки должны были получить—когда сойдетъ на нихъ Духъ Святой—особое право быть провозвѣстниками Христа, Его страданій и Его воскресенія сначала въ предѣлахъ св. земли, а затѣмъ и во всемъ мірѣ.

Съ гористыхъ склоновъ Елеона они возвратились обычнымъ субботнимъ поприщемъ ¹⁴¹⁾ въ Іерусалимъ и собрались въ горницѣ ¹⁴²⁾, которая была обыч-

Визанія.

нымъ мѣстомъ ихъ прежнихъ собраній. Это была одна изъ тѣхъ большихъ комнатъ подъ плоскою кровлею іудейскихъ домовъ, которая по ея уютиости

предназначалась для религіозныхъ цѣлей; а въ виду бѣдности этихъ галилейскихъ апостоловъ мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что это была та же самая комната, которою они уже пользовались во время тайной вечери и тѣхъ собраній въ первый день недѣли (Іоан. xx, 19, 26), на двухъ изъ которыхъ являлся имъ Христосъ. Связанная съ столькими чудесными воспоминаніями эта горница повидимому была обычнымъ мѣстомъ пребыванія апостоловъ во время дней ожиданія ¹⁴³). Здѣсь въ назначенные часы молитвы къ нимъ присоединялись Матерь Иисуса ¹⁴⁴) и другія благочестивыя женщины, которыя служили Христу, равно какъ и Его братья, изъ которыхъ особенно одинъ ¹⁴⁵) отселѣ получаетъ важное значеніе въ исторіи церкви. До сихъ поръ эти «братья Господни» едва ли числились среди тѣхъ, кто вѣровалъ во Христа (Матѣ. xii, 46, xiii, 55; Марк. vi, 3; 1 Кор. xv, 7), или если они и вѣровали въ Него, то только въ грубомъ смыслѣ, какъ въ земнаго Мессію. Теперь же, какъ можно съ вѣроятностью

Путь отъ Іерусалима къ Виваніи.

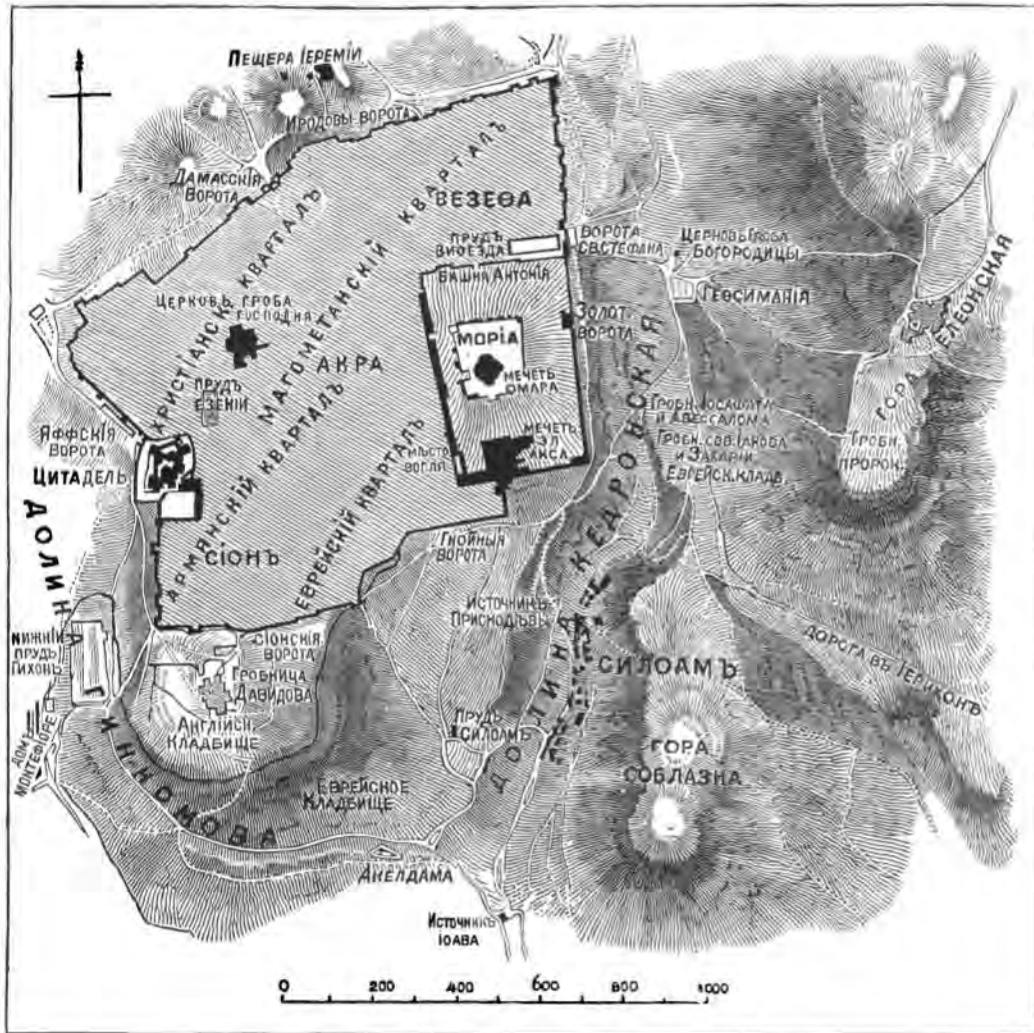
заключать даже независимо отъ преданія, они измѣнили свое убѣжденіе и были обращены «силою Его воскресенія». Даже въ этихъ раннихъ собраніяхъ всей церкви Христовой въ Іерусалимѣ интересно видѣть, что хотя апостолы еще оставались іудеями по своей религіи, не измѣнившись ни въ чемъ, кромѣ вѣры въ Иисуса, какъ Хрис а Сына Бога живаго ¹⁴⁶), они однако же позволяли женщинамъ собираться съ ними на молитву не за особыми отгородками какъ при богослуженіи въ синагогѣ ¹⁴⁷), а въ томъ ра-

венствѣ духовнаго общенія, которое впоследствии должно было развиться въ славное ученіе, что среди искупленныхъ Христомъ нѣтъ уже ни іудея, ни язычника, ни раба, ни свободнаго, нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго, но все одно во Христѣ Иисусѣ (Гал. iii, 28).

Въ теченіе десяти дней, протекшихъ между вознесеніемъ и пятидесятницей, одною изъ первыхъ заботъ апостоловъ было восполнить то мѣсто, которое оказалось въ ихъ обществѣ за выходомъ изъ него Іуды. Это было сдѣлано въ полномъ собраніи вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, которые, вслѣдствіе отсутствія многихъ изъ тѣхъ пятисотъ, кому Христосъ являлся въ Галилеѣ, собрались въ числѣ ста двадцати человекъ. Страшныя обстоятельства самоубійства предателя, о которыхъ передавались различныя ужасныя сказанія, оставили въ ихъ сердцахъ глубочайшую вѣру въ непосредственное Божіе возмездіе виновному. Онъ изъ злодѣйства лишился своего высокаго достоинства и удалился въ «свое собственное мѣсто» ¹⁴⁸). Что

его мѣсто нужно было занять кѣмъ нибудь, это считалось необходимымъ какъ потому, что самъ Иисусъ избралъ двѣнадцать апостоловъ—по священному числу колѣнъ израилевыхъ,—такъ равно и потому, что ап. Петръ и церковь вообще видѣли въ Иудѣ отобразъ Ахитофела и, прилагая къ нему одно мѣсто 108 псалма,

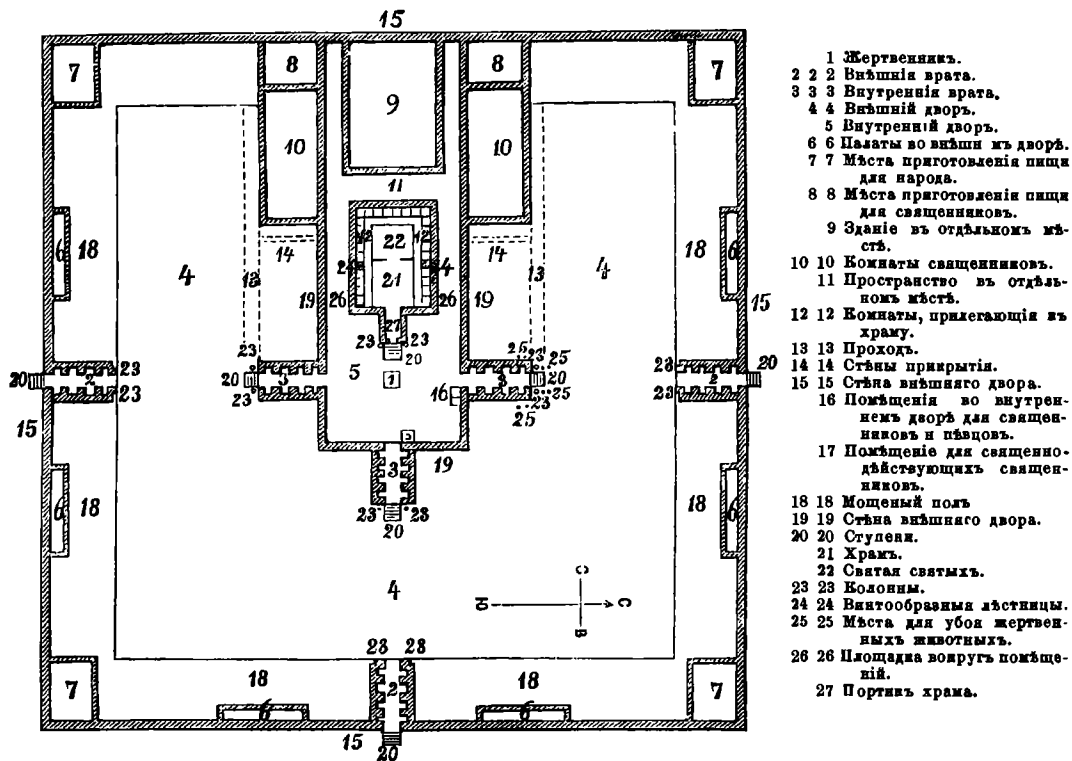

Іерусалимъ и его окрестности.

желали, чтобы по удаленіи его кто нибудь другой занялъ его апостольскую должность ¹⁴⁹). Существеннымъ условіемъ для новаго апостола было то, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ воскресенія и находился въ общеніи съ учениками во все время пребыванія Спасителя съ ними. Способъ этого назначенія, единственный

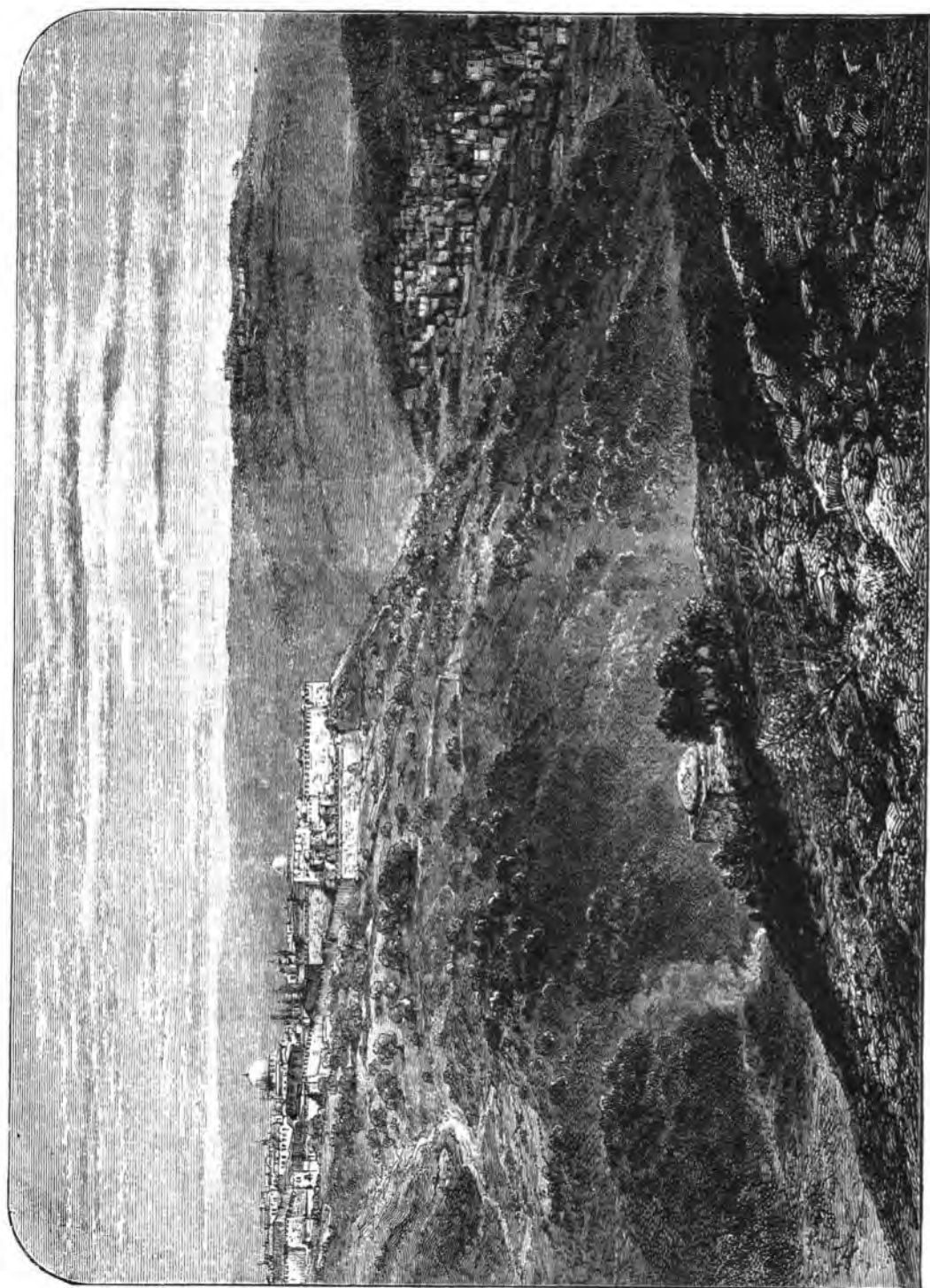
въ новомъ завѣтѣ, повидимому вытекалъ изъ особаго положенія церкви въ теченіе первыхъ дней между вознесеніемъ и сошествіемъ Св. Духа. Какбы чувствуя, что они еще не обладали живою силою истиннаго различенія духовъ, апостолы избрали двоихъ: Іосифа Варсаву, который въ языческихъ кружкахъ обыкновенно прозывался Іустомъ, и Матеія ¹⁵⁰). Затѣмъ согласно ветхозавѣтнымъ примѣрамъ (Числ. xxvi, 55, 56; I. Нав. vii, 14; I Цар. x, 20; Притч. xvi, 33) и иудейскимъ обычаямъ (Лук. i, 9), помолились Богу, чтобы Онъ показалъ ¹⁵¹) того, кого Онъ избралъ. Имена ихъ были написаны на пластинкахъ и опущены въ

Планъ храма Соломонова.

сосудъ. Потрясли сосудъ и изъ него выпало имя Матеія. Онъ поэтому и принятъ былъ въ число двѣнадцати апостоловъ ¹⁵²).

Намъ ничего болѣе неизвѣстно касательно событій въ теченіе тѣхъ десяти дней, которые прошли между вознесеніемъ и пятидесятницей. Съ каждымъ изъ этихъ дней пылкая надежда, напряженное ожиданіе должны были возрастать все болѣе и болѣе, и особенно когда насталъ день пятидесятницы ¹⁵³). Это былъ первый день недѣли и пятидесятый день послѣ 16-го нисана. Самыя обстоятельства этого дня должны были усиливать напряженность ихъ чувствъ. Пятидесятница была не только однимъ изъ трехъ великихъ годовыхъ праздниковъ и

Елеонская гора и Иерусалимъ.

праздникомъ жатвы, но она вмѣстѣ съ тѣмъ въ іудейскомъ сознаніи отождествлялась, и совершенно правильно, съ годовщиной провозглашенія закона на Синаѣ ¹⁵⁴). Одного того обстоятельства, что насталь другой торжественный праздникъ и что во время послѣдняго великаго праздника Спаситель ихъ былъ распятъ въ виду безчисленнаго народа собравшагося на Пасху, было достаточно для того, чтобы въ это торжественное утро ихъ думы всецѣло были поглощены непреодолимымъ предчувствіемъ предвѣстія перелома какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ исторіи міра,—предвѣстіемъ новаго и вѣчнаго посвященія ихъ на служеніе новому закону и на дѣло новой жизни.

Было раннее утро. Прежде чѣмъ насталь «третій часъ дня», когда требовалось идти въ храмъ на утреннюю молитву ¹⁵⁵), вѣрующіе въ числѣ ста двадцати человѣкъ еще разъ по своему обычаю собрались въ горницѣ. Нѣкоторые думаютъ, что великое событіе перваго дня пятидесятницы произошло въ храмѣ. Слово, передаваемое словомъ «домъ» ¹⁵⁶), могло одинаково означать и «палату», и дѣйствительно въ этомъ смыслѣ употребляется Іосифомъ Флавіемъ въ отношеніи тридцати небольшихъ помѣщеній, которыя прилегали къ сторонамъ храма Соломонова съ тридцатью другими комнатами надъ ними ¹⁵⁷). Но въ высшей степени невѣроятно, чтобы бѣдные и находящіеся подъ подозрѣніемъ ученики могли располагать одной изъ такихъ комнатъ. И затѣмъ извѣстно, что если въ Иродовомъ храмѣ эти комнаты были не больше помѣщеній находившихся въ храмѣ Соломоновомъ, то объемъ даже нижнихъ изъ нихъ былъ бы совершенно недостаточенъ для вмѣщенія такого большаго собранія лицъ. Это собраніе вѣроятно было одной изъ тѣхъ святыхъ и простыхъ трапезъ, которыя впослѣдствіи были извѣстны у христіанъ подъ названіемъ *аганъ* или трапезъ любви. Едва ли нужно прибавлять, что нравственное значеніе, которое могло бы соединяться съ совершеніемъ этого событія въ храмѣ, нисколько не потеряло бы своей чудесности, даже если бы мы предположили, что знаменіе новой вѣры совершилось просто на улицѣ и въ простомъ жилищѣ, и именно какъ наглядное объявленіе о наступленіи тѣхъ дней, когда люди должны поклоняться Отцу не на Сіонѣ и не на горѣ Гаризимъ, а поклоняться Ему вездѣ въ духѣ и истинѣ (Іоан. iv, 21—23).

Что составляетъ священность и важность этого событія, это — его внутреннее значеніе. Его необычайность состоитъ въ томъ, что оно было торжественнымъ началомъ новаго и конечнаго фазиса въ отношеніи Бога къ человѣчеству. Аврааму Онъ далъ обѣтованіе, которое было сѣменемъ религіи. Когда Онъ воззвалъ свой народъ изъ Египта, Онъ далъ имъ нравственный законъ и тотъ обрядовый законъ, который долженъ былъ служить оплотомъ для истинной теократіи. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ дѣйствія Моисеева завѣта, скинія и храмъ были видимымъ знакомъ присутствія Божества. Затѣмъ, въ теченіе короткаго періода жизни Христа на землѣ, Онъ обиталъ между людьми, живя въ скиніи подобно нашей и изъ того же самаго вещества ¹⁵⁸). Это смертное тѣло

Христа было храмомъ Божиимъ въ гораздо болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ можно сказать относительно какого бы то ни было дома, построеннаго руками человѣческими. Наконецъ Тотъ, кто далъ людямъ Сына своего для обитанія между ними, далъ имъ также своего Духа въ сердца ихъ. Болѣе этого уже нельзя было дать; ближе этого уже невозможно было стать къ нимъ. Отселѣ Его храмомъ должно было стать смертное тѣло всякаго крещеннаго христіанина, а Его Духъ сталъ предпочитать «всѣмъ храмамъ сердце правое и чистое». Кто признаетъ все это во всей полнотѣ его значенія, чье сердце и совѣсть свидѣтельствуютъ объ этой истинѣ, тотъ въ истинномъ свѣтѣ взглянетъ на исполненіе обѣтованія Христова въ изліяніи Его Духа и, считая внѣшнее чудо *наименѣе* чудесною частью событія въ день пятидесятницы, не будетъ, какъ говорить Неандеръ, пытаться объяснить болѣе меньшимъ или «считать страннымъ, что наичудеснѣйшее событіе во внутренней жизни человѣчества сопровождалось необычайными внѣшними явленіями, какъ чувственными знаками Его бытія» ¹⁵⁹).

Когда сердца учениковъ горѣли такою пылкою ревностью и озарены были такою пламенною надеждою, вдругъ восторженному и ожидающему собранію явилось знаменіе того, чего они желали. Совершилось сошествіе обѣтованнаго Христомъ озаряющаго Духа Божія, совершилось крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ, почувствовалась чудесно преобразующая сила Духа свыше, какъ вѣчное доказательство имъ, а чрезъ нихъ въ непрерывномъ преемствѣ и всѣмъ принимающимъ слово ихъ, что Тотъ, который взятъ былъ отъ нихъ на небо, еще пребывалъ съ ними и будетъ пребывать съ ними навсегда, до скончанія міра.

Знаменіе это сопровождалось шумомъ какбы отъ несущагося сильнаго вѣтра, наполнило весь домъ, гдѣ они находились, явилось на подобіе раздробленнаго пламени ¹⁶⁰), которое, раздѣляясь въ разныхъ направленіяхъ ¹⁶¹), сверкало подобно огненнымъ языкамъ надъ головами каждаго изъ нихъ. Это не былъ вѣтеръ, а только шумъ «какбы отъ несущагося сильнаго вѣтра». Это не былъ огонь, а нѣчто такое, что было подобно трепещущимъ языкамъ пламени, которое горѣло, но не жгло—истинный символъ Св. Духа, который, подобно вѣтру, дуетъ гдѣ хочетъ, хотя мы не знаемъ, откуда онъ приходитъ и куда идетъ, и подобно воспламененному огню любви, горящему на священномъ алтарѣ всякаго вѣрующаго сердца, нерѣдко произноситъ даже лепечущими устами жгучія слова вдохновенія. Что эта первая пятидесятница отмѣтила собою начало новаго величайшаго момента въ судьбѣ человѣчества, этого навѣрно не будетъ отрицать никто. Несомнѣнно во всѣ вѣка съ этого времени сыны Божіи въ неизвѣстной дотолѣ степени были научаемы Духомъ Божиимъ; несомнѣнно съ этого момента въ неизвѣстной дотолѣ мѣрѣ мы можемъ знать, что Духъ Христовъ обитаетъ въ насъ. Мы несомнѣнно можемъ наслаждаться болѣе близкимъ единеніемъ съ Богомъ во Христѣ, чѣмъ сколько это возможно было для святыхъ ветхаго завѣта, и благодарною увѣренностью, что мы видимъ дни, которыхъ желали видѣть цари и

пророки и не видѣли, и слышать истины, которыхъ они желали слышать и не слышали. И этотъ Новый Заветъ во всей своей полнотѣ начался именно отселѣ. Это не было исключительное посвященіе на особое священство, не было отдѣльное возведеніе на степень ограниченнаго апостольства: это было посвященіе всей церкви, ея мужей, женъ и дѣтей, посвященіе на то, чтобы всѣ они были «избраннымъ народомъ», царственнымъ священствомъ, святымъ народомъ, народомъ Божиимъ; это было возведеніе въ особое достоинство, которое должно было распространиться на все человѣчество. Каждый изъ тѣхъ ста двадцати человѣкъ не былъ исключительнымъ свидѣтелемъ откровенія и преемникомъ особаго благословенія, а былъ лишь предтечей и представителемъ послѣдующихъ миллионовъ. Чудо это не было лишь преходящимъ, а оказало свое дѣйствіе на всѣ послѣдующіе вѣка. Это не былъ шумный звукъ и блистательный свѣтъ, видимый только въ теченіе одного момента. Это—живая сила и непрерывающееся вдохновеніе. Это не просто видимый символъ собравшейся горсти человѣческихъ душъ въ горницѣ іудейскаго дома, а животворящее вѣяніе, которое отселѣ будетъ оживлять своимъ дыханіемъ всѣ вѣка исторіи міра, потокъ свѣта, который все болѣе и болѣе будетъ разливаться отъ края до края, пока земля не переполнится знаніемъ Господа, какъ море переполняется водами. Если на это событіе нужно смотрѣть въ этомъ именно свѣтѣ, то внѣшній символъ получаетъ уже второстепенное значеніе. Тѣ, кто признають истинность изложеннаго нами, не будутъ имѣть надобности входить въ утомительные споры касательно того, было ли все это знаменіе, шумѣвшее подобно вѣтру и блиставшее подобно пламени ¹⁶²⁾, внѣшнею дѣйствительностью, или только субъективнымъ впечатлѣніемъ, настолько однако же живымъ, что можно было отождествить его съ самою вещью. Когда душа всецѣло переполнена духовнымъ свѣтомъ и духовнымъ огнемъ; когда она, какъ въ іудейскомъ сказаніи о великомъ законоучителѣ, какбы служить отголоскомъ гармоніи другихъ міровъ; когда она восхищена до третьяго неба и слышитъ слова, которыя невозможно человѣку глаголатъ; когда до отдаленнѣйшаго горизонта своего сознанія она какбы переполняется «шумомъ несущагося вѣтра»; когда, говоря языкомъ бл. Августина, естественная жизнь мертва и душа подъ пыломъ духовнаго озаренія трепещетъ жизнью сверхъестественной, — то что для такой души объективно и что субъективно? На эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: «въ тѣлѣ или внѣ тѣла—сказать не могу; знаетъ лишь Богъ» ¹⁶³⁾.

Но когда отъ этихъ таинственныхъ явленій мы обратимся къ дѣйствию, произведенному ими въ тѣхъ, надъ кѣмъ они совершились, то мы приступаемъ къ явленіямъ, подлежащимъ болѣе точному опредѣленію. Здѣсь однако же необходимо полагать различіе между непосредственнымъ результатомъ и постояннымъ вдохновеніемъ. Первое поразило нѣкоторое собраніе людей, послѣднее оживотворило міръ. Первое повело къ немедленному обращенію, послѣднее есть сила святой жизни. Первое было новымъ и изумительнымъ взрывомъ невѣдомаго чувства

послѣднее стало постоянной силой, дающей возможность душѣ возноситься отъ земли къ небу—въ сильномъ полетѣ на двойственныхъ крыльяхъ вѣры и любви.

Но хотя и не можетъ быть никакого сравненія между дѣйствительной важностью преходящаго явленія и постояннымъ дѣйствіемъ, для истиннаго пониманія вѣка апостольскаго необходимо точнѣе уяснить себѣ то, что сказано намъ о первомъ. «И они исполнились всѣ Духа Святаго—говорится о немъ—и начали говорить на иныхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщать» ¹⁶⁴).

При первомъ взглядѣ на слѣдующее затѣмъ повѣствованіе, независимо отъ аналогій другихъ мѣстъ св. писанія, является убѣжденіе, что за изліяніемъ Духа Святаго въ день пятидесятницы слѣдовалъ взрывъ рѣчей, въ которыхъ общество галилеянъ говорило на множествѣ невѣдомыхъ имъ дотолѣ языковъ; и это повело

Горница въ іудейскомъ домѣ.

къ заключенію, что въ теченіе всей своей жизни апостолы владѣли способностью говорить на языкахъ, которыхъ они никогда не изучали ¹⁶⁵).

Но если мы вникнемъ въ тѣ мѣста, гдѣ указываются или обсуждаются такія явленія, то они намъ покажутъ, что такой взглядъ на предметъ по меньшей мѣрѣ спорный (Марк. хvi, 17). Мы не будемъ касаться вопроса о подлинности этихъ мѣстъ. Слово *καιναις* «новыми» опущено во многихъ переводахъ и манускриптахъ ¹⁶⁶); но если и удерживается гдѣ, то всетаки оно идетъ противъ общаго понятія, такъ какъ указываетъ на странныя рѣчи, а не на чужеземные языки. Въ другихъ мѣстахъ книги Дѣяній Апостольскихъ (х, 46; хix, 6; сн. xi, 15), гдѣ указывается на этотъ даръ св. Духа, не говорится объ употребленіи незнакомыхъ языковъ. Въ дѣйствительности этотъ взглядъ на предметъ главнымъ образомъ утвердился въ народномъ понятіи отъ вставки слова «незнакомый» въ 1 Кор. xiv

(1 Кор. xiv, 4, 13, 14, 27). Глоссолалия или «говорение языками» ставится въ связь съ «пророчествомъ», т. е. восторженною проповѣдью и прославленіемъ Бога. Единственное мѣсто, при помощи котораго мы можемъ уяснить себѣ это, есть тотъ отдѣлъ перваго посланія къ Коринѣянамъ, на который мы только что указали (1 Кор. xii — xiv, 33). При тщательномъ изслѣдованіи этого отдѣла, невозможно не придти къ заключенію, что по крайней мѣрѣ въ Коринѣ «даръ языковъ» не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ иностраннымъ языкамъ. На такое знаніе, если только это единственное мѣсто въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ не есть исключеніе, нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ св. писаніи. Что это мѣсто не есть исключеніе, ясно видно изъ того, что ап. Петръ въ опроверженіе грубой насмѣшки, что будто это явленіе было результатомъ опьяненія, ограничивается лишь наиболѣе подходящей ссылкой въ доказательство столь необычайнаго событія, а то мѣсто пророка Іоиля, исполненіе котораго онъ видитъ въ изліяніи Духа въ день пятидесятницы, не содержитъ ни малѣйшаго намека на иностранные языки. Поэтому мнѣніе, что таково именно было немедленное слѣдствіе изліянія, неизвѣстно первымъ двумъ вѣкамъ и возникло только уже съ затемнѣніемъ истиннаго преданія о немъ. То мнѣніе, что даръ знанія неизучавшихся языковъ предназначался въ пособіе апостоламъ въ ихъ будущей проповѣди, влечетъ за собою массу недоразумѣній. Во первыхъ, такой даръ былъ бы совершенно чуждъ тому закону божественнаго промысленія, по которому ничего не дается человѣку такого, что онъ можетъ самъ пріобрѣсти своими собственными усиліями. Во вторыхъ, благодаря всеобщей распространенности въ то время греческаго и латинскаго языка, въ исторіи не было еще періода, въ который настояло бы менѣе надобности въ такомъ именно дарѣ ¹⁸⁷⁾. Въ третьихъ, хотя всѣ другія чудеса Новаго Завѣта находятъ себѣ аналогическіе примѣры, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени и послѣ смерти апостоловъ, среди нихъ, даже въ раннихъ сказанїяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека, которымъ бы предполагалось существованіе такого чудеснаго дара ¹⁸⁸⁾. Въ четвертыхъ, хотя ап. Павелъ «говорилъ языками» ¹⁸⁹⁾ болѣе всѣхъ своихъ обращенцевъ, но изъ повѣствованія о томъ, что случилось въ Ликаонїи, видно, что въ наиболѣе опасный моментъ онъ не понималъ ликаонійскаго діалекта. Въ пятыхъ, раннее христіанское преданіе явно утверждаетъ, что апостолы не обладали сверхъестественнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, такъ какъ Папій указываетъ, что Маркъ сопровождалъ ап. Павла въ качествѣ «толмача» (*ἐρμηνευτή.*), а Іеронимъ говоритъ, что Титъ былъ полезенъ ап. Павлу вслѣдствіе своего знанія греческаго языка ¹⁹⁰⁾.

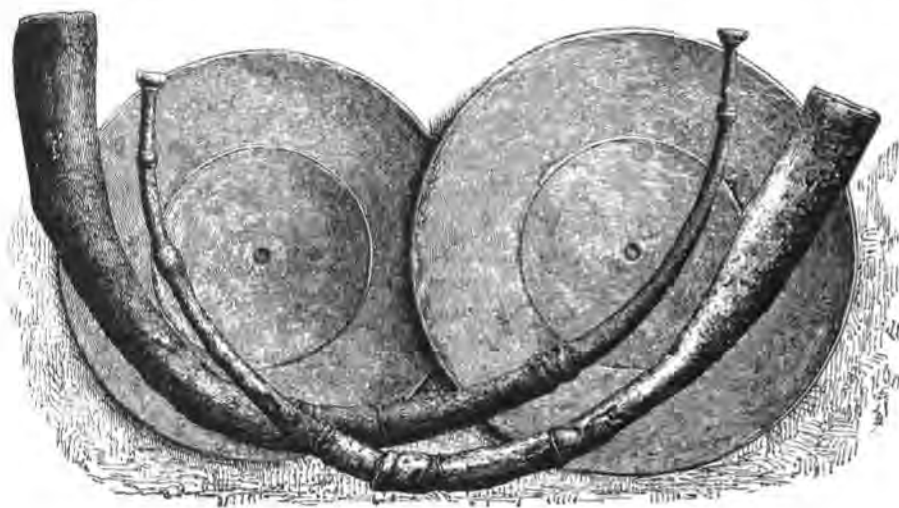
Такимъ образомъ мы по необходимости должны смотрѣть иначе на то выраженіе вдохновенія, которымъ сопровождалось небесное знаменіе въ день пятидесятницы. Ошибочное истолкованіе его возникло вслѣдствіе слишкомъ буквальнаго пониманія драматическаго воспроизведенія евангелистомъ Лукой неопредѣленнаго ропота толпы, ошибочно понявшей сущность того дара, свидѣтельницай

дѣйствительнаго проявленія котораго пришлось ей быть. При внимательномъ разсмотрѣнн дѣла, намъ думается, трудно избѣгнуть заключенія Неандера, что «чужіе языки, на которыхъ апостолы говорили при этомъ случаѣ, были лишь случайнымъ, а не существеннымъ элементомъ языка Духа Святаго» ¹⁷¹⁾.

Въ древнія времена, особенно до Оригена, повидимому господствовало мнѣніе, что апостолы говорили только на одномъ языкѣ, но чудо состояло въ томъ, что каждый слушатель воображалъ, будто это былъ его собственный родной языкъ ¹⁷²⁾. Объясненіе это замѣчательно тѣмъ, что показываетъ, какъ рано уже явилось сомнѣніе въ правильности пониманія этого событія. По новѣйшимъ воззрѣніямъ (опирающимся главнымъ образомъ на мнѣнія св. Кипріана и Эразма), апостолы говорили только на одномъ языкѣ, но вслѣдствіе его особенной силы и знаменательности онъ былъ одинаково понятенъ всѣмъ слушателямъ. Что такое явленіе мыслимо, это вполнѣ можно допустить и оно получаетъ еще болѣе вѣроятности вслѣдствіе многихъ подобныхъ явленій въ исторіи церкви. Сказанія о разныхъ знаменитыхъ христіанскихъ подвижникахъ, надѣленныхъ духовною силою и способностью подавлять страсти, возжигать восторгъ или возбуждать чувство покаянія въ огромныхъ толпахъ, къ которымъ они обращались на языкѣ непонятномъ большинству слушателей, — совсѣмъ не вымыслы, и тотъ, кто когда нибудь присутствовалъ при рѣчи великаго оратора, хотя бы даже и внѣ сферы достиженія его голоса, легко можетъ понять сущность и силу производимаго такимъ образомъ впечатлѣнія ¹⁷³⁾. Но ни одна изъ этихъ теорій, взятая въ отдѣльности, недостаточна для объясненія разсматриваемаго явленія. Почти всѣ теоріи касательно глоссолаліи слишкомъ односторонни; истинный взглядъ можно получить только при сводѣ ихъ. Мнѣніе, что апостолы говорили на языкахъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, или только отчасти извѣстныхъ, или только такихъ, которые раньше были знакомы проповѣдникамъ; что языкъ этотъ былъ мистическій, восторженный, поэтический, облеченный въ необычайную форму фразеологіи и выраженія ¹⁷⁴⁾; что это было диэирамбическое изліяніе страннаго и ритмическаго славословія; что это было пламенное произношеніе отрывочныхъ словъ и текстовъ еврейскаго писанія; что это была дикая, непонятная, не членораздѣльная послѣдовательность звуковъ, которые или не производили никакого впечатлѣнія на обыкновеннаго слушателя, или могли быть доступны лишь тому, кто имѣлъ особенную способность понимать восхищенный и экстатический тонъ, — ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не можетъ быть правильнымъ въ отдѣльности, всѣ они могутъ имѣть нѣкоторую долю истины въ ихъ сочетаніи. Таковъ именно смыслъ выраженія ап. Павла: «роды языковъ». Если мы допустимъ, какъ и должны допустить, что глоссолалія въ Коринѣ и въ другихъ мѣстахъ была тождественна съ глоссолаліей въ день пятидесятницы, тогда мы должны истолковывать рассказъ св. Луки, написанный, нужно сказать, въ гораздо ранній періодъ, въ непосредственномъ соприкосновеніи и даже подъ непосредственнымъ опытомъ

этого явленія, при помощи полного и тщательнаго обслѣдованія этого предмета ап. Павломъ. Что глоссолалія въ Коринѣхъ не была говореніемъ на иностранныхъ языкахъ, это слишкомъ ясно, чтобы требовались для того особаго доказательства. Ап. Павелъ, говоря о ней, сравниваетъ ее съ «бряцаніемъ кимвала», съ «мѣдью звучащей» ¹⁷⁵⁾, съ «неяснымъ звукомъ трубы» ¹⁷⁶⁾, съ «нераздѣльными тонами свирѣли или гуслей» ¹⁷⁷⁾. Мы узнаемъ, что она безъ особаго истолкованія не могла быть назидательною для кого нибудь другаго, кромѣ самого говорящаго ¹⁷⁸⁾; что даже самъ говорящій не всегда понималъ ее (1 Кор. xiv, 19); что она была спорадична въ своихъ проявленіяхъ (xiv, 27), возбужденна, нечленораздѣльна, изумительна (xiv, 2), предназначалась скорѣе въ знаменіе невѣрующимъ, чѣмъ въ пособіе вѣрующимъ; но даже и въ отношеніи невѣрующихъ, если не

Древніе кимвалы и трубы.

ограничивалась извѣстными правилами, могла производить впечатлѣніе бѣснованія ¹⁷⁹⁾; наконецъ, ограничиваемая даже въ своихъ проявленіяхъ со стороны наиболѣе правдивыхъ и благородныхъ подпадавшихъ ея дѣйствию лицъ, она все-таки часто вела къ сомнительнымъ и безпорядочнымъ поступкамъ (1 Кор. xiv, 9, 11, 17, 20—23, 26—28, 33, 40). Всякій, добросовѣстно вникнувъ въ эти указанія, едва ли будетъ сомнѣваться, что, когда сознаніе новой силы снизошло на собравшихся въ горнищѣ учениковъ, они говорили не такъ, какъ обыкновенно говорятъ люди. Ихъ голосъ былъ чудесно необычаенъ въ своей высотѣ, въ своемъ тонѣ, въ своихъ переливахъ, въ своей проникающей, почти подавляющей силѣ ¹⁸⁰⁾; произносимыя ими слова были восторженны, сильны, пламенны, полны таинственнаго значенія; употреблявшійся ими языкъ не былъ ихъ обычнымъ разговорнымъ языкомъ, а былъ еврейскимъ или греческимъ, латинскимъ или арамей-

скимъ, персидскимъ или арабскимъ, на какой только могъ направить ихъ всеподавляющій и несознательный импульсъ момента; ихъ мысли были переполнены восторгомъ, изумленіемъ, благодареніемъ, молитвой, пламеннымъ славословіемъ, диамрамбическимъ гимномъ; ихъ рѣчи были обращены не отъ одного къ другому, но были подобны вдохновенной бесѣдѣ уединенной души съ Богомъ. И среди этихъ странныхъ звуковъ многихъ голосовъ, вдругъ загремѣвшихъ въ стройномъ аккордѣ восторженнаго состоянія ¹⁸¹⁾, нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя было правильно истолковать, такъ какъ они раздавались въ воздухѣ подобно лепету невѣдомыхъ языковъ и никому кромѣ самихъ говорившихъ ими, и притомъ говорившихъ какбы внѣ сознанія, не давали никакого опредѣленнаго значенія, будучи лишь проявленіями одной и той же восхищенности,—отголосками, произведенными въ различныхъ душахъ однимъ и тѣмъ же безграничнымъ святымъ вдохновеніемъ. Такимъ именно, какъ можно заключать изъ замѣчаній св. Луки и ап. Петра и Павла, и былъ «даръ языковъ». При такомъ истолкованіи онъ находится въ строгомъ согласіи съ извѣстными законами психологіи ¹⁸²⁾ и показываетъ намъ, что болѣе естественнаго, болѣе очевиднаго и болѣе сильнаго знаменія изліянія Св. Духа и не могло быть.

Городъ Іерусалимъ въ это время былъ переполненъ смѣшанными толпами іудеевъ и прозелитовъ. Страшный шумъ ¹⁸³⁾ конечно сначала остановилъ на себѣ изумленное вниманіе одного, затѣмъ другихъ и наконецъ цѣлой толпы жителей и прохожихъ. Самый вѣкъ — вѣкъ напряженнаго ожиданія какого-то божественнаго событія; самый день великой годовщины пятидесятницы и Синая; часъ, когда народъ уже начиналъ наводнять улицы по направленію къ храму,— все это конечно могло способствовать увеличенію толпы и возбужденію ея чувствъ. Сначала только нѣкоторые начали взбираться по наружной лѣстницѣ ведущей въ горницу, а затѣмъ стали тѣсниться и въ большемъ количествѣ, пока ихъ настойчивость, ихъ восклицанія страха, изумленія, удивленія и оскорбленія не нарушили святаго восторга апостоловъ. Церковь въ первый разъ лицомъ къ лицу оказалась съ міромъ, и этотъ міръ громко выражалъ свое изумленіе, въ которомъ однакоже слышались и открытые возгласы ненависти и презрѣнія. Что особенно обратило на себя вниманіе лучшей части толпы, это было то, что эти «галилеяне» на странныхъ языкахъ прославляли милость и силу Божію; но большинство зрителей было переполнено чувствомъ презрѣнія, видя во всемъ этомъ одно дикое изуверство. Эти люди—насмѣшливо восклицали нѣкоторые изъ нихъ—слишкомъ рано воспользовались праздникомъ пятидесятницы (Втор. хvi, 11), «они напились сладкаго вина» ¹⁸⁴⁾.

Эти грубые насмѣшки и вынудили апостоловъ на немедленное объясненіе ¹⁸⁵⁾. «Духи пророческіе», какъ говоритъ ап. Павелъ съ мужественною практическою мудростью, которая въ немъ встрѣчается въ такомъ рѣдкомъ сочетаніи съ пламеннымъ энтузіазмомъ, «послушны пророкамъ» (1 Кор.

Мечеть Омара въ Иерусалимѣ.

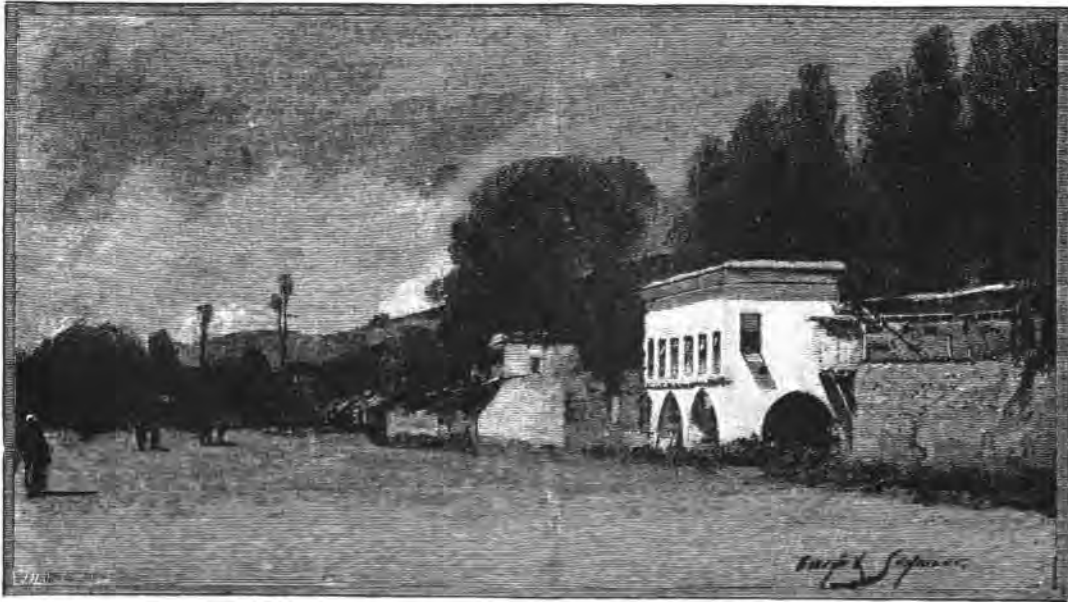
хiv, 32). Апостолы сразу же были въ состояніи не только утишить свою собственную восторженность, но также даже въ этотъ великій моментъ принудить къ полному молчанію восторженное чувство своихъ собратій. Они хорошо видѣ-

ли, что для ихъ положенія, какъ свидѣтелей Божественнаго откровенія, было бы въ высшей степени опасно, если бы что либо въ ихъ богопоклоненіи, хотя даже съ

оскорбительною цѣлю, могло быть представлено въ качествѣ вакханическаго обнаруженія безконтрольнаго чувства. Необходимо было сразу же доказать, что у ученика-христіанина нѣтъ ничего общаго съ изувѣрнымъ факиромъ. Очистивъ комнату отъ всѣхъ вторгшихся въ нее постороннихъ лицъ и освободивъ для себя пространство на верхней площадкѣ лѣстницы, откуда можно было говорить къ переполнявшей улицу толпѣ отъ имени всѣхъ собратій, апостолы выступили впередъ и Петръ первый обратился съ рѣчью, ставъ въ положеніе и начавъ говорить тономъ, который невольно обращалъ на себя вниманіе¹⁸⁶). Онъ прежде всего просилъ серьезнаго вниманія отъ слушателей и началъ говорить народу, что ихъ грубое подозрѣніе опровергалось уже тѣмъ, что было еще только 9 часовъ утра. Затѣмъ онъ продолжалъ объяснять имъ, что это было исполненіе пророчества Іоіля, по которому между другими знаменіями и чудесами послѣднихъ дней будетъ и особое изліяніе Духа Божія, подобное тому, проявленія котораго они сами были очевидцами. Цѣлью остальной его рѣчи было доказать, что этотъ Духъ былъ изліянъ тѣмъ же самымъ Іисусомъ Назореемъ¹⁸⁷), котораго они пригвоздили ко кресту, но воскресеніе и избавленіе отъ нѣдръ смерти котораго было предвозвѣщено въ псалмахъ Его славнаго предка.

Мощь, съ которою эта рѣчь пала на сердца слушателей, сила и безбоязненность, съ которою она произносима была человѣкомъ, который еще какихъ нибудь два мѣсяца тому назадъ отъ простаго вопроса любопытной служанки былъ уstraшенъ до того, что отрекся отъ своего Господа; пониманіе св. писанія, обнаруживавшееся въ людяхъ, которые еще такъ недавно были «неразумны и медлительны сердцемъ» для того, чтобы вѣрить во все то, что пророки говорили касательно Христа (Луки xxiv, 25); три тысячи народа сразу же крестившагося въ исповѣданіе новой вѣры—все это само по себѣ было въ высшей степени убѣдительнымъ доказательствомъ, даже болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ шумящій вѣтеръ, странные языки и трепещущее пламя,—что нынѣ воистину исполнилось обѣтованіе Духа Утѣшителя и что насталъ новый вѣкъ въ отношеніяхъ Бога къ міру.

Бейрутская дорога въ Дамаскъ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВЫЯ ГОНЕНІЯ.

Если отъ Бога дѣло сіе, вы не можете разрушить его.

Гамалиилъ. Дѣян. γ, 39.

ИЗНѢ первыхъ христіанъ была счастливымъ дѣтствомъ церкви въ ея ранней невинности. Она отличалась простотой, радостью, молитвой и братствомъ. Дома и въ мѣстахъ собранія ихъ жизнь была непрерывной молитвой, ихъ трапеза—непрерывною трапезою любви и непрерывной евхаристіей. Въ храмѣ они присутствовали при общественномъ богослуженіи съ единокдушнымъ рвеніемъ. При первыхъ порывахъ братской радости многіе продавали свое имѣніе для увеличенія общаго достоянія. Численность маленькой общины возрастала ежедневно и масса народа смотрѣла на нихъ не только съ чувствомъ терпимости, но и съ любовью и почтеніемъ.

Слѣдовавшія затѣмъ событія сначала всѣ способствовали къ упроченію ихъ положенія. Исцѣленіе хромаго у притвора Соломонова; затѣмъ смѣлая рѣчь Петра; непоколебимая стойкость, съ которою апп. Петръ и Іоаннъ выдерживали ярость саддукеевъ; тотъ способъ, съ которымъ всѣ

ученики относились къ гоненіямъ, даже радуясь имъ, если они испытывались ими при исполненіи своего долга ¹⁸⁸); та сила, съ которою они свидѣтельствовали о воскресеніи своего Господа; прекрасное зрѣлище ихъ единодушія; ужасающая неожиданность, съ которою Ананія и Сапфира были поражены смертію; знаменіе чудесъ совершавшихся ими силою вѣры; ревность и благочестіе, которыми отличались всѣ ихъ собранія въ притворѣ Соломоновомъ, — содѣйствовали быстрому возрастанію численности и возвышенію положенія христіанскихъ собратій. По мѣрѣ усиленія ихъ вліянія, іерархическая клика, которая въ то время заправляла собраніемъ еще носившимъ названіе синедріона, приходила все въ большую и большую тревогу. Вопреки населенію, сочувствіе котораго дѣлало о аснымъ въ то время вмѣшиваться въ дѣла послѣдователей Іисуса, они наконецъ потребовали двухъ главныхъ апостоловъ въ торжественное собраніе синедріона и сената ¹⁸⁹). Въ этомъ, какъ и въ прежнемъ засѣданіи, вѣроятно присутствовала вся іерархическая партія — хитрый Анна, суетный Каіафа ¹⁹⁰), богатая, беззащитная, корыстолюбивая партія камитовъ, фавіевъ, кантеровъ и боетусимовъ ¹⁹¹), фарисейскіе законоучители съ Гамалииломъ во главѣ, Іохананъ — быть можетъ знаменитый Іохананъ Бен-Заккай ¹⁹²); Александръ — быть можетъ богатый братъ ученаго Филона ¹⁹³); тѣ самыя личности, которыя присутствовали и на тѣхъ тайныхъ, преступныхъ, бурныхъ, незаконныхъ собраніяхъ, на которыхъ они предали Господа Іисуса своимъ римскимъ палачамъ, опять собрались и здѣсь, но теперь уже съ чувствомъ нѣкоторой тревоги и страха, собрались для того, чтобы еще разъ сдѣлать послѣднее усиліе для искорененія ереси галилейской.

Апостолы, когда ихъ въ первый разъ потребовали въ синедріонъ, были арестованы вечеромъ начальникомъ храма, и получивъ строгую угрозу, скоро были отпущены и именно отчасти потому, что саддукеи относились къ нимъ слишкомъ свысока, а еще болѣе потому, что они не знали, какъ опровергнуть чудо исцѣленія хромага. Но апостолы тогда же открыто заявили, что законъ вышшаго долга вынуждаетъ ихъ пренебречь этими угрозами, и дѣйствительно продолжали поучать все возраставшія тысячи народа, распространяя то самое ученіе о воскресеніи, которое переполняло саддукеевъ особеннымъ негодованіемъ. Такъ очевидно невозможно было оставлять ихъ на свободѣ, и по приказу первосвященника они ввергнуты были въ тюрьму. Синедріонъ рано собрался для суда надъ ними. Но когда послали за ними въ тюрьму, то оказалось, что апостоловъ уже не было тамъ и что освобожденные Ангеломъ Господнимъ они спокойно учили въ храмѣ. Въ крайнемъ смущеніи члены синедріона еще разъ отправили храмоваго начальника арестовать ихъ, но на этотъ разъ безъ всякаго насилія, которое могло бы повести къ опаснымъ послѣдствіямъ. Апостолы не оказали никакого сопротивленія и тотчасъ же были поставлены тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ ихъ Спаситель — посреди грознаго полукруга гнѣвныхъ судей. Въ отвѣтъ на негодующее напоминаніе со стороны первосвященника о полученномъ ими предосте-

реженіи, ап. Петръ просто высказалъ свой взглядъ на дѣло, что именно когда наша обязанность къ человѣку сталкивается съ нашею обязанностью къ Богу, то мы должны скорѣе повиноваться Богу ¹⁸⁴). Первосвященникъ сказалъ имъ: «вы хотите низвести на насъ кровь Того человѣка». Слова эти представляютъ страшный комментарий на наглый вопль: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Тогда синедрионъ не боялся Иисуса. Теперь онъ трепеталъ при мысли о мщеніи, которое могло быть низведено на него двумя изъ презрѣннѣйшихъ учениковъ. Фраза эта замѣчательна также въ томъ отношеніи, что въ первый разъ представляетъ примѣръ уклоненія называть Христа по имени, что дѣлаетъ также и талмудъ, называя Его большею частью *Пелони* ¹⁸⁵), «нѣкто». Петръ не увеличивалъ тревоги священниковъ; онъ не сдѣлалъ намека на предстоящее мщеніе; онъ только сказалъ, что апостолы и Св. Духъ, дѣйствовавшій въ нихъ, были свидѣтелями воскресенія и прославленія Того, Кого они убили. При этихъ словахъ члены синедриона отъ ярости заскрежетали зубами и стали замышлять новое на законныхъ основаніяхъ убійство, совершеніе котораго однакоже по ихъ собственнымъ правиламъ могло сдѣлать ихъ проклятыми въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, какъ собраніе преданное дѣламъ крови ¹⁸⁶). Этотъ позоръ былъ отвращенъ словами одного мудраго мужа между ними. Насколько для подсудимыхъ апостоловъ послужила защитой вражда, господствовавшая между соперничающими партіями саддукеевъ и фарисеевъ, мы не знаемъ; но несомнѣнно, что только рѣчь Гамаліила избавила ихъ отъ худшихъ послѣдствій, чѣмъ бичеваніе іудейскими плетями,—извѣстные сорокъ ударовъ безъ одного, которые были получены ими, но отъ которыхъ они только ликовали (Втор. xxv, 2).

Эта рѣчь Гамаліила была достойна внука Гиллея, одного изъ тѣхъ семи мудрецовъ, которые одни достигли высшаго титула раббановъ ¹⁸⁷),—того, кто впослѣдствіи былъ предсѣдателемъ синедриона. Она подверглась странному непониманію. Предполагаемый въ ней анахронизмъ (на тридцать лѣтъ) въ указаніи на Оевду заставилъ школу Баура совсѣмъ отрицать подлинность этой рѣчи; но нужно еще доказать, что указаніе это невѣрно. То мнѣніе, что рѣчь эта была вызвана тайной склонностью его въ пользу христіанства и преданіе «кlemenтинскихъ признаній», что Гамаліиль былъ христіанинъ въ душѣ ¹⁸⁸), не имѣютъ ни тѣни вѣроятности въ свою пользу, такъ какъ всѣ указанія на него въ талмудѣ показываютъ, что онъ жилъ и умеръ фарисеемъ. Нѣтъ также ни малѣйшаго основанія для высказаннаго Шрадеромъ негодованія на предполагаемое будто этою рѣчью оправданіе принципа, что успѣхъ религіи служить достаточнымъ свидѣтельствомъ ея истинности. Нужно помнить, что мы имѣемъ лишь краткій очеркъ его рѣчи, и все, что повидимому разумѣлъ Гамаліиль, заключалось въ слѣдующемъ: «оставьте этихъ людей теперь въ покоѣ: насколько мы можемъ видѣть, они лишь жертвы безвреднаго заблужденія. Въ ихъ дѣятельности нѣтъ ничего мятежнаго, въ ихъ ученіи нѣтъ ничего опаснаго. Но если бы и было что

нибудь такое, намъ нечего бояться ихъ и нѣтъ надобности принимать насильственные мѣры предосторожности. Фанатизмъ и обманъ живутъ не долго, когда даже они поддерживаются народнымъ возмущеніемъ. Но во взглядахъ этихъ людей быть можетъ заключается что нибудь больше того, чѣмъ кажется теперь. Быть можетъ нѣкоторый зародышъ истины, нѣкоторый лучъ откровенія возбуждаетъ въ нихъ своеобразный энтузіазмъ, и бороться противъ этого быть можетъ значить бороться противъ Бога». Гамаліиль очевидно стоялъ не столько за систематическую терпимость, сколько за временную осторожность ¹⁹⁹). День полного разрыва между іудействомъ и христіанствомъ былъ очень близокъ, но еще не наступилъ. Его совѣтъ не былъ ни плодомъ безпечной самоувѣренности іудейскаго фанатизма, ни результатомъ того «лживаго взгляда на необходимость полного невмѣшательства въ теченіе вещей, который показываетъ, какъ низко уже пали іудеи въ богословіи и въ политической мудрости, если таковъ дѣйствительно былъ совѣтъ мудрѣйшаго изъ нихъ» ²⁰⁰). Можно еще подождать, думалъ Гамаліиль, и послѣдить за развитіемъ этого новаго братства; вмѣшательство въ его дѣла могло бы только повести къ безполезному раздору между народомъ и синедріономъ; между тѣмъ какъ нѣкоторое терпѣніе можетъ избавить отъ этой непріятности и указать то направленіе, въ которомъ нужно дѣйствовать. Гамаліиль былъ достаточно прозорливъ для того, чтобы видѣть, что огонь неразумнаго фанатизма вымираетъ, когда на него не обращаютъ вниманія, и напротивъ яростно воспламеняется отъ преждевременнаго противоудѣйствія. Пусть тѣ, кто осмѣливаются обличать это возрѣніе мудраго раввина, вспомнятъ, что оно практически тождественно съ изреченіемъ Христа: «всякое растеніе, которое не Отецъ Мой небесный насадилъ, искоренится» ²⁰¹).

Фарисей, молящійся на перекресткѣ улицъ.

Совѣтъ этотъ былъ слишкомъ здравомысленъ и значеніе говорившаго было слишкомъ высоко, чтобы можно было отвергнуть его совѣтъ. Священники и раввины, мучимые уже преступною тревогою за послѣдствія своего страшнаго убійства, возобновили свое тщетное приказаніе апостоламъ не проповѣдывать болѣе во имя Іисуса и, наказавъ ихъ бичеваніемъ за непослушаніе своему первому внушенію, отпустили ихъ. Но ни въ общественныхъ собраніяхъ, ни въ частныхъ мѣстахъ апостолы не отступили отъ своей рѣшимости. Собранія ихъ попрежнему продолжались въ притворѣ Соломоновомъ; вечера любви попрежнему совершались въ домахъ собраній. Оба апостола не только не были уstraшены наказаніемъ, а

напротивъ радовались, что они сподобились чести быть обезпеченными во имя Того, въ котораго они вѣровали.

Но здѣсь мы должны нѣсколько остановиться для разсмотрѣнія тѣхъ основаній, которыя приводились многими новѣйшими критиками въ отверженіе исторической достовѣрности книги Дѣяній Апостольскихъ—съ цѣлію представить ее въ качествѣ повѣсти, написанной будто бы въ видахъ примиренія между іудействующими и павловыми христіанами. Нужно имѣть въ виду, что наша книга не полемическая: какъ въ «Жизни І. Христа», такъ и здѣсь нашей главной задачей было возможно болѣе широкое распространеніе ясныхъ познаній о зарѣ христіанства и возможно полное выясненіе значенія его раннихъ документовъ. Но мы тщательно изучили возраженія, выставляемыя противъ подлинности и свидѣтельства новозавѣтныхъ писаній, и не можемъ подавить изумленія отъ безосновательности многихъ изъ тѣхъ гипотезъ, которыя создавались съ цѣлію умаленія ихъ значенія. Добросовѣстность конечно требуетъ признавать присутствіе ошибки тамъ, гдѣ она можетъ быть доказана. Но та же самая добросовѣстность требуетъ отверженія всѣхъ обвиненій противъ точности священнаго историка, когда они основываются лишь на враждебномъ предубѣжденіи. Намъ кажется, что писатели въ родѣ Баура и Целлера, не смотря на свою обширную ученость и большую литературную проницательность, часто доказываютъ своими придирчивыми возраженіями и невниманіемъ къ противоположнымъ соображеніямъ основную слабость своей собственной системы ²⁰²⁾. Гаусратъ напримѣръ совсѣмъ отвергаетъ то свидѣтельство, что Савль воспитывался «у ногъ Гамаліила», и это лишь на томъ основаніи, что ап. Павелъ самъ называетъ себя ревнителемъ отеческихъ преданій и поэтому скорѣе будто бы долженъ былъ принадлежать къ школѣ Шаммаи. Онъ не могъ, по мнѣнію этого писателя, быть воспитанъ раввиномъ, который отличался мягкостью и снисходительностью. Вслѣдствіе этого онъ предполагаетъ, что авторъ Дѣяній Апостольскихъ прямо выдумываетъ свидѣтельство о воспитаніи ап. Павла у Гамаліила съ цѣлію придать ему особенную важность, такъ какъ слава Гамаліила II, основателя школы въ Іавніи, поддерживала во II столѣтіи славу его дѣда Гамаліила старшаго ²⁰³⁾. Но какое значеніе можетъ имѣть критицизмъ, который такъ презрительно, даже можно сказать клеветнически, противорѣчитъ писателю, точность котораго въ тѣхъ предметахъ, гдѣ онъ можетъ подлежать тщательной провѣркѣ, получаетъ поразительное подтвержденіе изъ самыхъ различныхъ источниковъ! Можно бы считать неособенно важнымъ недостаткомъ въ точности евангелиста Луки, если бы онъ впалъ въ какое нибудь легкое замѣшательство касательно переписи Квирина, тетрархіи абиленской, этнарха при Аретѣ, азіарховъ ефесскихъ, преторовъ филиппійскихъ, политарховъ ессалоникскихъ, протосовъ милетскихъ или въ простѣ о томъ, каковъ собственно былъ при безчисленныхъ перемѣнахъ того времени точный оффиціальныи титулъ римскаго правителя въ Кипрѣ или

Коринѣй—пропреторъ или проконсулъ. На многихъ изъ этихъ пунктовъ рьяныя критики съ торжествомъ обличали его въ невѣжествѣ и ошибкахъ; и однако же во всѣхъ этихъ пунктахъ его тщательная точность теперь совершенно доказана или сдѣлана въ высшей степени вѣроятною. Во всѣхъ историческихъ указаніяхъ, какъ напр. на характеръ Галліона, Феликса, Феста, Агриппы II, Ананіи, на голодъ въ царствованіе Клавдія, на повелѣніе объ изгнаніи іудеевъ изъ Рима, касательно смерти Агриппы I, правленія Ареты въ Дамаскъ и проч.—онъ оказался совершенно правдивымъ и точнымъ въ передачѣ всѣхъ этихъ фактовъ. Можно ли послѣ этого обвинять его въ ложныхъ увѣреніяхъ касательно отношенія ап. Павла къ Гамаліилу, имѣя въ виду естественное предположеніе, что достигнувъ возмужалости ученикъ уклонился отъ ученія своего учителя ²⁰⁴? Будемъ ли мы на подобныхъ же основаніяхъ обвинять Діогена Лаерція во лжи, когда онъ говоритъ, что Антисеенъ циникъ и Аристиппъ киренеецъ—оба были учениками Сократа? Замѣчательный анекдотъ, который будетъ приведенъ послѣ, представляетъ страшную вражду между партіями раввина Еліезера и раввина Іошуа, изъ которыхъ первый назывался шаммаитомъ, а послѣдній—гиллелитомъ ²⁰⁵, и однако же оба они были учениками одного и того же раввина, знаменитаго послѣдователя Гиллея—Іоханана Бен-Заккай. Такихъ примѣровъ можно было бы привести безконечное множество. А если такъ, то что же остается отъ критицизма Гаусрата? Подобно многимъ тюбингенскимъ теоріямъ онъ разлетается въ прахъ ²⁰⁶).

Капитель древней колонны, изъ Іерусалима.
(Изъ Pierotti, Jerusalem).

Ворота св. Стефана въ Іерусалимѣ.

КНИГА II.

СВ. СТЕФАНЪ И ЕЛЛИНИСТЫ.

ГЛАВА VII.

РАЗСЪЯНІЕ: ЕВРЕЙСТВО И ЕЛЛИНИЗМЪ.

Не легко найти обитаемое на землѣ мѣсто, гдѣ бы не было этого племени и котораго бы оно не подчинило себѣ.
СТРАВОНЪ.

ОСТЕПЕННАЯ переменна въ отношеніяхъ между іудеями и христіанами была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расширенія предѣловъ церкви. Между первыми обращенцами были какъ евреи, такъ и еллинисты, и это обстоятельство естественно повело къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ, отъ которыхъ зависѣла историческая будущность христіанства.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что полное пониманіе дѣла ап. Павла и хода событій послѣ вознесенія Христа всецѣло зависитъ отъ нашего взгляда на различіе между этими двумя классами іудеевъ, и такъ какъ этотъ предметъ обыкновенно разсматривается слишкомъ кратко, то мы должны остановиться здѣсь, чтобы разсмотрѣть и показать его въ его собственномъ свѣтѣ.

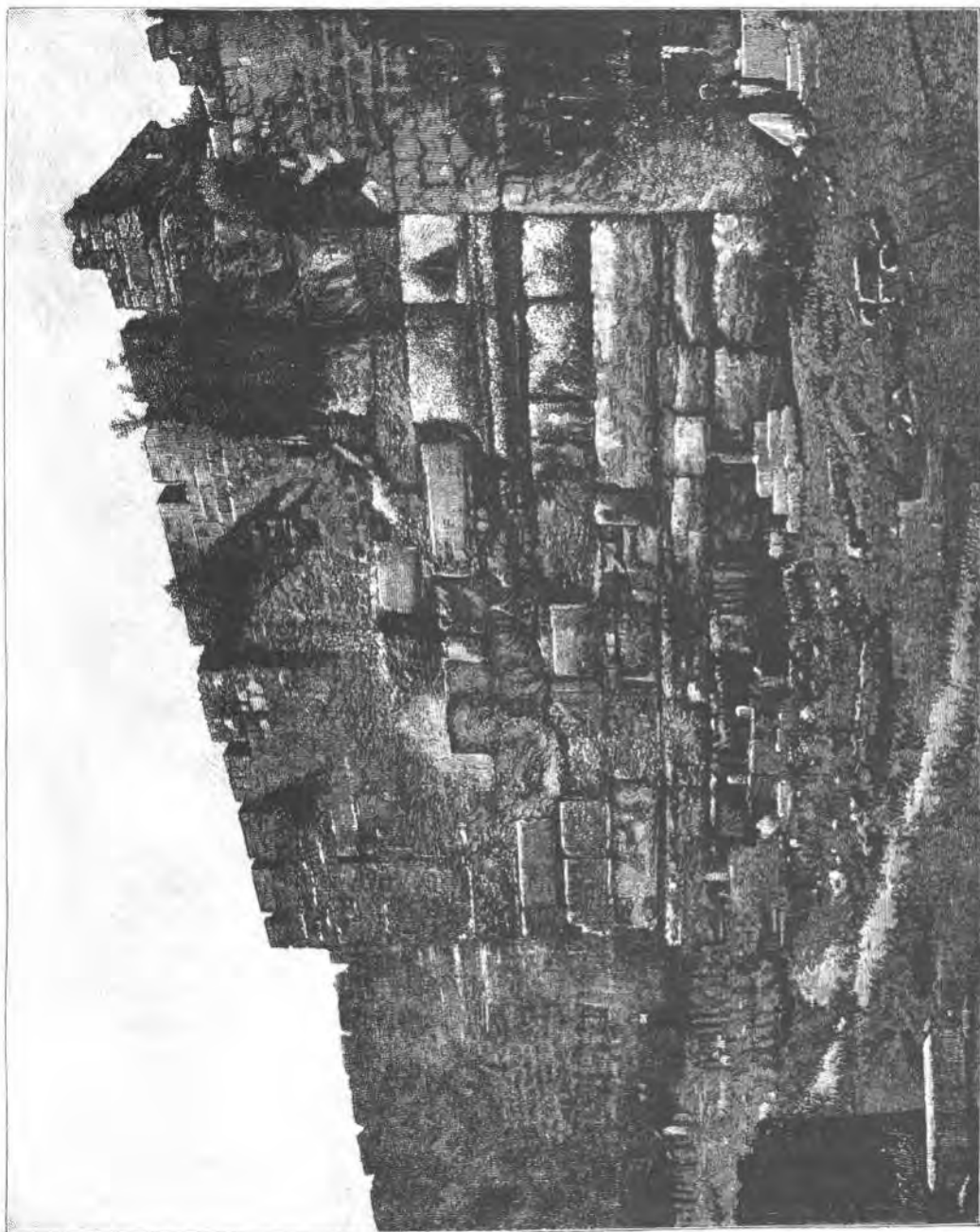
Когда послѣдовательные удары сначала ассирійскаго, затѣмъ вавилонскаго плѣненія разрушили всѣ надежды на политическое могущество и подавили всякое чувство государственнаго самоуваженія въ сердцахъ іудеевъ, то теченію ихъ жизни дано было этимъ совершенно иное направленіе. Поселенные въ странахъ своего плѣненія, іудеи, получивъ тамъ полныя права гражданства и найдя широкое поприще для своей личной предпріимчивости, быстро развили тотъ замѣчательный духъ торговой предпріимчивости, которымъ они отличались во всѣ послѣдующіе вѣка. Только жалкая горсть народа (сравниваемая іудейскими писателями съ мякиной отъ пшеницы) воспользовалась позволеніемъ Кира и послѣдующихъ царей Персіи возвратиться въ свою родную страну ²⁰⁷). Остальные, хотя и ревниво сохранявшіе свою національность и свое преданіе, признавали своимъ отечествомъ всякую страну, въ которую только они заносились потокомъ завоеванія, и постепенно умножались тамъ, пока, какъ говоритъ Іосифъ Флавій ²⁰⁸), они не наполнили cadaго угла обитаемой земли, составивъ то замѣчательное населеніе, которое до настоящаго времени извѣстно подъ названіемъ «іудеевъ разсѣянія» ²⁰⁹).

Это разсѣяніе избраннаго народа было однимъ изъ тѣхъ трехъ великихъ міровыхъ событій, въ которомъ христіанинъ не можетъ не видѣть руки Божіей, направлявшей потокъ исторіи къ приготовленію міра для откровенія Его Сына. Во первыхъ, безпредѣльные пространства, вошедшія въ область завоеваній Александра Македонскаго, дали цивилизованному міру единство языка, безъ котораго, говоря почеловѣчески, было бы невозможно для первыхъ проповѣдниковъ христіанства возвѣщать евангеліе въ различныхъ странахъ, по которымъ они проходили. Во вторыхъ, возникновеніе Римской имперіи создало то политическое единство, которое дало возможность повсемѣстнаго распространенія ученія новой вѣры. Въ третьихъ, разсѣяніе іудеевъ приготовило огромныя массы грековъ и римлянъ къ единству чистой нравственности и единобожія. Евангеліе вышло изъ столицы Іудеи; оно было проповѣдано на языкѣ Аѳинъ; оно распространялось по имперіи Рима. Стопы первыхъ его проповѣдниковъ отъ Евфрата до столбовъ Геркулесовыхъ направлялись по крѣпкимъ прямымъ дорогамъ, которыя римскіе легіоны, «эти грозные молоты земли» ²¹⁰), прокладывали въ пустыняхъ въ качествѣ путей Божіихъ. Семь и аріецъ были несознательными орудіями въ рукахъ Бога для распространенія религіи, которая при первомъ ея началѣ была одинаково ненавидима и презираема ими. Буквы еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, написанныя на крестѣ, были пророческимъ и несознательнымъ свидѣтельствомъ трехъ благороднѣйшихъ языковъ міра о непреложномъ правѣ на высшее достоинство Того, Кто пострадалъ для ослабленія вражды говорившихъ ими народовъ и для объединенія ихъ всѣхъ въ одной великой семьѣ Божіей.

Это соприкосновеніе іудея съ грекомъ повлекло за собою въ высшей степени важныя послѣдствія какъ для арійской, такъ и семитической расы. Правда, огромное различіе между нравами, обычаями, стремленіями, религіоз-

ными системами, всё́мъ тономъ духа и характеромъ жизни этихъ великихъ семействъ человѣческаго рода—возбуждали въ нихъ чувства взаимнаго недовѣрія и почти отвращенія. Изъ хаоса противорѣчивыхъ интересовъ, водворившагося по смерти Александра, возникли два великихъ государства: египетское и сирійское, управлявшіяся Птолемеями и Селевкидами. Эти династіи унаслѣдовали политическія воззрѣнія великаго македонскаго завоевателя и стремились къ сліянію разнородныхъ находившихся подъ ихъ правленіемъ элементовъ. Обѣ одинаково обращали свои взоры на Палестину, которая сдѣлалась мѣстомъ ихъ непрестанныхъ споровъ и постоянно переходила изъ рукъ одного въ руки другого. Птоломеи, продолжая политику Александра, крайне заботились объ усиленіи переселенія іудеевъ въ Египетъ. Селевкиды не только силою, но и различными гражданскими приманками, старались насколько возможно болѣе поселять ихъ въ своихъ западныхъ городахъ. Какъ Лагиды, такъ и Селевкиды понимали значеніе іудеевъ какъ спокойныхъ и любящихъ общественный порядокъ гражданъ. Къ берегамъ Средиземнаго моря стекалась все болѣе возрастающая масса греческихъ купцовъ и греческихъ колонистовъ. «Потокъ греческаго переселенія скоро встрѣтился съ потокомъ іудейскаго выселенія. Подобно двумъ рѣкамъ, вливающимъ свои разноцвѣтныя волны въ одинъ и тотъ же бассейнъ безъ смѣшенія между собою, эти два народа устремились въ новые македонскіе города и тамъ одновременно ослились безъ смѣшенія между собою, будучи постоянно раздѣляемы непримиримымъ различіемъ въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, хотя постоянно входя въ сношенія, благодаря общности торговыхъ дѣлъ и одинаковости защищавшаго ихъ интересы законодательства» ²¹¹).

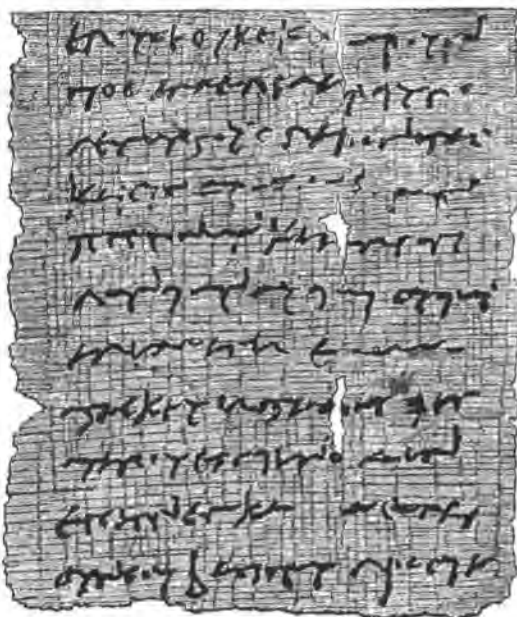
Такое состояніе вещей на грекѣ сказалось меньше, чѣмъ на іудеѣ. Отъ этого сношенія іудейство болѣе еллинизировалось, чѣмъ еллинизмъ окрасился іудействомъ. Трудно найти болѣе поразительное доказательство этого факта, какъ полная потеря «сынами разсѣянія» своего собственнаго роднаго языка. Что вліяніе ихъ на языческій міръ было менѣе благотворнымъ, чѣмъ можно бы ожидать, виною этого въ значительной степени были сами іудеи. Та отталкивающая униженность, которою часто отличается народъ, неимѣющій уже ничего, кромѣ воспоминаній, соединялась у нихъ съ непреодолимымъ предубѣжденіемъ, укоренившимся самомнѣніемъ, нескрываемою антипатіей къ народамъ всякой другой расы и религіи, что вмѣстѣ съ торгашескими наклонностями и обычаями отнюдь не всегда честными, и съ успѣхомъ не всегда добросовѣстнымъ, превратило въ нелюбовь самое сочувствіе, которымъ они должны бы пользоваться повсюду. Языкъ, которымъ говорятъ объ іудеяхъ писатели временъ Римской имперіи, языкъ, выражающій рядомъ съ любопытствомъ сильное отвращеніе къ нимъ, достаточно объясняетъ тѣ взрывы черни, отъ насилій которой іудеи такъ много страдали въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Эти взрывы, при всемъ неодобреніи ихъ со стороны правящихъ властей, часто не встрѣчали должнаго противодѣйствія. И

Стѣна Иерусалимская.

при всемъ томъ вліяніе, незамѣтно оказываемое іудеями на язычниковъ, среди которыхъ они жили, влекло за собою чрезвычайно важныя послѣдствія для христіанства. «Побѣжденные—говоритъ Сенека—предписали законы побѣдителямъ» (victi victoribus leges dederunt). Старое язычество въ интеллигентныхъ кругахъ въ значительной степени потеряло свою силу. Великій Панъ былъ мертвъ; за исключеніемъ отдаленныхъ деревенскихъ округовъ боги Олимпа повсюду были лишь пустыми словами. Въ Римѣ ужасы Тартара были предметомъ насмѣшки школьникова. Религія спустилась до степени механизма ²¹³). Естественныя слѣд-

Древняя греческая рукопись
(изъ Британскаго музея).

ствія этого не замедлили наступить. Тѣ, которые уже слишкомъ пали для того, чтобы чувствовать потребность въ религіи, съ тупымъ самодовольствомъ, подобно дикимъ животнымъ, погрязали въ стигійскомъ омутѣ отвратительной безнравственности; другіе становились приверженцами грубыхъ иноземныхъ суевѣрій ²¹³) или жертвой всевозможныхъ шарлатановъ. Но нѣкоторые были привлечены подъ тѣнь синагоги, и большинство изъ нихъ были женщины ²¹⁴), которыя, при всей ограниченности ихъ вліянія, всетаки не могли не привлечь вниманія своихъ ближайшихъ кружковъ къ принятой ими вѣрѣ. Во всякомъ значительномъ городѣ Римской имперіи богослуженіе въ синагогахъ совершалось погречески и это богослуженіе было открыто для всякаго, кто

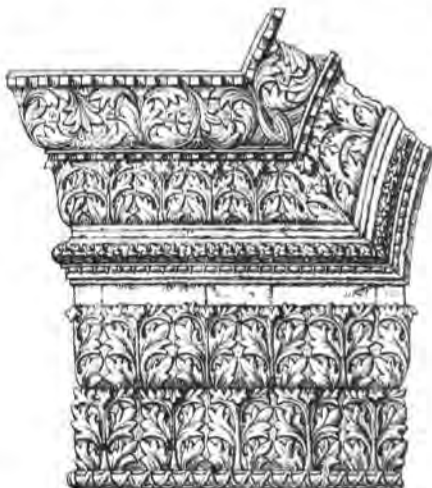
бы захотѣлъ присутствовать при немъ. Греческій языкъ также сдѣлался по преимуществу языкомъ христіанства. Цѣлыя массы первыхъ обращенцевъ предъ тѣмъ, какъ обратиться въ христіанство, были іудейскими прозелитами. Изъ синагоги еллинистовъ они переходили въ церковь Христа.

Вліяніе, производимое «сынами разсѣянія» на самихъ іудеевъ было конечно слишкомъ разнообразно, чтобы можно было опредѣлить его одною чертой. Но мы явно видимъ два послѣдствія, которыя изъ вѣка въ вѣкъ дѣйствовали въ противоположныхъ направленіяхъ, причемъ каждое рѣзко отличалось своимъ особымъ отпечаткомъ. Съ одной стороны они становились болѣе преданными своей религіи, съ другой—болѣе космополитическими въ своихъ взглядахъ. Хотя они и поселялись въ тѣхъ языческихъ странахъ, куда были увлекаемы завоеваніемъ или

путешествіемъ по дѣламъ торговли, но не нужно предполагать, что они уже совсѣмъ пренебрегали своею національностью или забывали свои преданія. Напротивъ того, огромное большинство держалось ихъ съ необычайнымъ упорствомъ. Въ уничтоженіи своей независимости они видѣли грозное возмездіе, давно провозглашенное тѣмъ множествомъ пренебрегавшихся ими пророчествъ, въ которыхъ пророки укоряли ихъ за идолослуженіе. Отъ всѣхъ наклонностей къ многобожію іудей былъ исцѣленъ навсегда, и какбы въ видахъ вознагражденія за минувшіе вѣка неповиновенія и равнодушія, какбы въ видахъ достиженія исполненія того великаго обѣтованія Избавителя, которое было центромъ всѣхъ ихъ упованій, они тѣмъ съ большимъ пыломъ самосознательной гордости предавались тщательнѣйшему соблюденію своего закона и своей обрядности. Ихъ религіозная вѣрность—въ противоположность съ ихъ древ-

Полсикль
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

Подробности украшеній Золотыхъ воротъ
(по Pierotti Jerusalem)

нимъ отступничествомъ—обязана была стараніямъ *соферимовъ* или книжниковъ. Они молились въ направленіи къ Іерусалиму; къ синагогѣ іерусалимской они обращались за судебнымъ рѣшеніемъ дѣлъ; отъ *амораимовъ* и *танаимовъ* іерусалимскихъ они принимали рѣшеніе всѣхъ казуистическихъ затрудненій; изъ Іерусалима подавались огненные знаки, которые во многихъ странахъ возвѣщали имъ истинное начало новолуній; въ сокровищницу Іерусалима они приносили не только установленную храмовую подать въ полсикля, но и гораздо болѣе цѣнные дары, которые свидѣтельствовали о ихъ непоколебимой преданности религіи своихъ отцевъ. Въ Іерусалимѣ они содержали особую синагогу и въ Іерусалимѣ постоянно отправлялись на поклоненіе

святымъ мѣстамъ ²¹⁵). Ненависть, подозрѣніе, презрѣніе, возникавшія во многихъ странахъ вслѣдствіе исключительности ихъ предразсудковъ, особенности ихъ учреждений, зависть къ ихъ успѣхамъ—только еще болѣе фанатически привязывали ихъ къ исполненію своихъ левитскихъ правилъ, придавали имъ окраску мученичества изъ-за исполненія обязанностей. Для нихъ сдѣлалось требованіемъ совѣсти поддерживать тѣ учрежденія, на которыя ихъ языческіе сосѣди нападали съ оружіемъ насмѣшки и презрѣнія. Но эти же самыя обстоятельства способствовали замѣтному вырожденію религіознаго духа. Идолопоклонство, которое въ старыя времена привязывалось къ видимымъ символамъ чужихъ божествъ,

приняло только другую форму, когда сосредоточилось на мертвой буквѣ книгъ и мелочной обрядности богослуженія. Между массою іудейскаго народа религія постепенно почти выродилась въ фетишизмъ. Она потеряла всякую силу и значеніе для сердца и совѣсти, всю свою нѣжность, всю вдохновляющую теплоту, весь свой озаряющій свѣтъ. Она опутывала народъ по рукамъ и по ногамъ сѣтью безсмысленныхъ преданій; даже нравственный кодексъ Моисеева законодательства былъ извращенъ казуистикой, которая въ одно и то же время боялась нарушить букву и смѣло извращала духъ. вмѣсто нравственной возвышенности и духовнаго благоволенія, іудейство въ періодъ своего паденія порождало только неспособность къ духовной проницательности, самоудовлетворенное правовѣріе и преступное высокомеріе. Убіиство и ложь она признавала законными при защитѣ невѣжественныхъ шибболетовъ и бесполезныхъ формъ. Различіе между идеаломъ іудеевъ прежнихъ и позднѣйшихъ временъ можно измѣрить только различіемъ между нравственными началами Моисеева закона и бездушными правилами мишны,—различіемъ, которое отдѣляетъ пятокнижіе отъ талмуда, книгу Исходъ отъ *Абода-Зары* ²¹⁶).

Но рядомъ съ такими результатами, производившимися вліяніемъ языческаго міра, во многихъ іудейскихъ общинахъ были и другіе, которые показывали, что на нѣкоторыя особенно личности окружающій языческій міръ производилъ совершенно иное вліяніе. Въ лучшихъ странахъ языческаго міра можно было почерпнуть много великихъ и прекрасныхъ уроковъ. Если Іерусалимъ сіялъ особенною благодатью, то Аѳины блистали также особенными дарами. Чувство красоты, изысканность искусства, широта и ясность взгляда, совершенство литературной формы, отличавшія грековъ вѣка Перикла, оставили міру безсмертное наслѣдство; и Римъ также могъ съ своей стороны преподавать уроки достоинства, закона, мужества, колонизаціи и справедливости. Торговля имѣетъ по преимуществу космополитическій характеръ. Іудейское плѣненіе вмѣстѣ съ слѣдовавшими за нимъ событіями сдѣлало изъ іудеевъ торговый народъ. Эта внутренняя наклонность народа подавлялась сначала Моисеевымъ законодательствомъ ²¹⁷), а затѣмъ вліяніемъ пророковъ. Но когда эти ограниченія устранились, іудей съ пыломъ отдался дѣлу, отъ котораго его удерживали доселѣ. Раввины не только не считали тождественными понятія «купца и хананея» ²¹⁸), но скоро начали воспѣвать торговлю. «Нѣтъ хуже занятія какъ земледѣліе», сказалъ раввинъ Елеазаръ. «Всѣ нивы міра не вознаграждаютъ васъ такъ, какъ торговля» ²¹⁹), сказалъ Рабъ, смотря на золотистые колосья маиса, стигавшіеся подъ дуновеніемъ лѣтнаго вѣтерка ²²⁰). Такъ легко для народа преступить древнее законодательство, если оно стоитъ на дорогѣ его интересовъ или наклонностей! Моисеевы ограниченія въ отношеніи торговли были конечно непрактичны въ сношеніяхъ съ язычниками, и въ матеріальныхъ успѣхахъ іудей во всякомъ случаѣ находили хоть нѣкоторое возмездіе себѣ за потерю

политической независимости. Бойкая городская жизнь произвела дальнѣйшую перемѣну въ ихъ воззрѣніяхъ. Они начали сознавать, что Богъ никогда не желалъ, чтобы народы міра становились между собой въ отношеніе непримиримой вражды или завистливой разьединенности. Какой нибудь іерусалимскій раввинъ, невѣжественный во всемъ небесномъ, земномъ и преисподнемъ, зная только свою *галлаху*, могъ толковать обо всемъ остальномъ въ мірѣ какъ о совсѣмъ неважныхъ и пустыхъ предметахъ ²²¹). Но образованный александрійскій іудей скоро могъ

Входъ въ Синагогу.

замѣтить, что сыны языческихъ странъ въ свою очередь получили отъ любви небеснаго Отца свою долю при распредѣленіи Имъ своихъ даровъ. Безмолвное и незамѣтное вліяніе жизни часто бываетъ самымъ прочнымъ, и никакая исключительность не могла всецѣло закрыть глазъ болѣе интеллигентныхъ «сыновъ разсѣянія» на важность и значеніе богатѣйшей цивилизаціи. Всякій іудейскій мальчикъ, знакомый съ звуками и видами Тарса или Антіохіи, не могъ не сознавать, что не вся мудрость заключалась въ заурядныхъ разсужденіяхъ раввиновъ;

что было кое-что цѣнное для человѣческаго рода и въ греческой наукѣ, которую іудейское невѣжество поносило какъ чародѣйство; что умственная сила можетъ находить и нѣкоторое лучшее примѣненіе, чѣмъ прозябаніе надъ *миддовами* Гиллея; однимъ словомъ, что съ развитіемъ человѣчества связываются болѣе широкія и возвышенныя обязанности, чѣмъ упорное отстаиваніе исключительныхъ преимуществъ іудей ²²²).

Естественно предполагать, что эти болѣе широкія симпатіи пробуждались особенно среди тѣхъ іудеевъ, которые впервые приходили въ близкое соприкосновеніе съ великими народами арійскаго племени. Это соприкосновеніе впервые совершилось благодаря завоеваніямъ Александра Македонскаго. Онъ поселилъ 8,000 іудеевъ въ Оивахъ; іудеи составляли $\frac{1}{3}$ населенія его новаго города Александріи. Большія массы ихъ были выведены изъ Палестины Птолемеємъ I и постепенно распространились изъ Египта не только «по округамъ Ливіи около Киренъ», но и по всему африканскому берегу Средиземнаго моря ²²³). Селевкъ Никаторъ послѣ битвы при Ипсѣ тысячами переселилъ ихъ изъ Вавилоніи въ такіе города, какъ Антіохія и Селевкія; а когда ихъ благосостояніе и развитіе на время подорваны были бессмысленными гоненіями Антіоха Епифана, то они расселились по всѣмъ направленіямъ, такъ что едва ли оставался такой портъ или коммерческій центръ въ Малой Азіи, Македоніи, Греціи или на Эгейскихъ островахъ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить іудейскихъ общинъ. Огромное большинство этихъ іудейскихъ поселенцевъ приняла греческій языкъ и забыли тотъ арамейскій діалектъ, который былъ со времени плѣненія языкомъ ихъ народа.

Къ этимъ-то именно погречески говорящимъ іудеямъ главнымъ образомъ и относится названіе «еллинистъ». Въ новозавѣтныхъ книгахъ употребляются два слова: еллинъ и еллинистъ. Слово «еллинъ» или грекъ употребляется въ смыслѣ противоположности варварамъ или іудеямъ. Въ первомъ случаѣ оно означаетъ всѣ народы, говорившіе на греческомъ языкѣ ²²⁴); во второмъ оно равнозначуще слову «язычники» ²²⁵). Значеніе слова «еллинистъ» совершенно различно. Что касается формы, то оно прежде всего означаетъ того, кто «еллинизируетъ» въ языкѣ или образѣ жизни, и указываетъ на различіе въ образованіи и условіяхъ жизни, а не на различіе расы ²²⁶). Поэтому оно составляетъ собственно противоположность не по отношенію къ «іудеямъ», такъ какъ множество еллинистовъ были іудеи по рожденію,—но въ строгомъ смыслѣ по отношенію къ «евреямъ». Слово это только дважды встрѣчается въ новомъ завѣтѣ ²²⁷) и въ обоихъ случаяхъ употреблено объ іудеяхъ, которые приняли христіанство, но говорили погречески и употребляли греческій переводъ Библіи LXX вмѣсто подлиннаго еврейскаго или халдейскаго targuma какого нибудь истолкователя ²²⁸).

Но этотъ еллинизмъ имѣлъ много оттѣнковъ и поэтому точное значеніе слова «еллинистъ» разнообразится смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ оно употреблено. Употребленіе языка могло дѣлать изъ человѣка, говоря технически, елли-

ниста, хотя политически и богословски онъ оставался евреемъ. Въ такомъ именно положеніи повидимому были и тѣ еллинисты, которые оспаривали доказательства ап. Павла при его первомъ посѣщеніи Іерусалима (Дѣян. ix, 29). Съ другой стороны, слово это могло означать то отверженіе системы іудейства, которое у

Монеты (А) Птолемея I и (В) Антиоха Епифана (Тарсъ).
(Съ экспонатовъ въ Британскомъ Музее).

нѣкоторыхъ іудеевъ доходило до положительнаго отступничества, такъ что они стыдились своего іудейскаго происхожденія, и не только во времена Іасона и Менелая ²²⁹), но даже при Иродахъ перенимали внѣшніе обычаи жизни отъ грековъ и изглаживали всѣ внѣшніе признаки своей національности ²³⁰). Другіе,

5311 7644 1046 0647 144 7444 49 1 1
 7444 44 444 49
 7444 4444 44 49
 7444 444 4444 4444 44 49
 5311 7644 49 1 1
 5311 7444 49 49

Египто-арамейская надпись
(въ Луврскомъ музее)

напротивъ, подобно хитрымъ иродіанскимъ князьямъ, были лицемѣры, которые, такъ сказать, играли своей религіей, выставляя себя строгими іудеями въ Іерусалимѣ и беззащѣтными язычниками въ Беритѣ или Кесаріи. Но огромное большинство еллинистовъ занимало средину между этими крайностями. Соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ расширяло ихъ умъ и давало имъ возможность на столько поднимать свою голову изъ мутнаго тумана іудейской схоластики, что

они получали возможность отличать то, что вѣчно, отъ того, что имѣетъ только временное значеніе. Вдали отъ Іерусалима, гдѣ только и возможно было соблюдать обрядовый законъ, они вполне естественно приходили къ тому возрѣнію на внѣшніе символы, по которому имъ придавалось значеніе лишь ради заключающихся въ нихъ внутреннихъ истинъ. Къ этому классу принадлежали мудрѣйшіе члены іудейскаго разсѣянія. Имъ-то мы и обязаны переводомъ LXX, сочиненіями Филона и Іосифа Флавія и обширнымъ кругомъ исторической, поэтической и апокрифической литературы. Египетъ былъ главнымъ центромъ этой греко-іудейской дѣятельности и многіе изъ іудеевъ Александріи даже славились въ области искусства, учености и вообще цивилизаціи грековъ²³¹). Едва ли можно удивляться тому, что эти болѣе развитые іудеи не довольствовались бесплоднымъ раввинизмомъ. Неудивительно, что они желали представить факты своей исторіи и учрежденія своей религіи въ такомъ видѣ, чтобы они возможно менѣе возбуждали презрѣніе народовъ, среди которыхъ имъ приходилось жить²³²). Но хотя это и можно было сдѣлать съ полною добросовѣстностью, однако же все это несомнѣнно приводило нѣкоторыхъ изъ нихъ къ принятію незаконныхъ прибавленій къ своей исторіи и незаконныхъ объясненій своего св. писанія — однимъ словомъ къ тому методу толкованія, который, какъ допускавшій возможность выводить все изъ всего, уничтожалъ дѣйствительный смыслъ священныхъ книгъ²³³). Нечего также удивляться тому, что эта александрійская теософія, эти аллегорическія толкованія, этотъ духъ терпимости къ окружавшимъ ихъ языческимъ системамъ, въ глазахъ строгихъ іудеевъ были измѣною Моисееву закону, прикрывавшейся тонкимъ слоемъ безсмысленной фразеологіи²³⁴). Отсюда возникъ антагонизмъ между прогрессивными еллинистами и евреями, все патріотическое бытіе которыхъ сосредоточивалось на Моисеевомъ и устномъ законѣ. Раздѣленіе между этими двумя элементами становилось все шире и шире, по мѣрѣ того какъ іудеи слѣдили за распространеніемъ христіанства въ языческомъ мірѣ. Сознаніе того, что быстрота этого распространенія зависѣла не только отъ большей возвышенности вѣры, но также и отъ низверженія невыносимаго ига, только еще болѣе придавала упорства ихъ исключительности. Незадолго именно до паденія Іерусалима въ школѣ раввина Ананіи Бен-Гискии Бен-Гарона имѣло мѣсто то знаменитое собраніе, въ которомъ принято было 18 постановленій, имѣвшихъ своею исключительною цѣлью расписать пропасть различія между іудеями и язычниками. Эти постановленія, на которыя указывается только въ мишнѣ, находятся въ *Бараитъ* («дополнительномъ прибавленіи») раввина Сумеона Бен-Іогая во II столѣтіи, и они состоятъ изъ запрещеній, дѣлающихъ невозможнымъ никакое сношеніе въ общественной жизни между іудеями и язычниками. Напрасно раввинъ Іошуа и болѣе мягкіе послѣдователи Гиллеля протестовали противъ столь опаснаго изувѣрства. Споръ перешелъ отъ словъ къ дѣйствіямъ. На послѣдователей Гиллеля противники напали съ мечами

и копьями и нѣкоторые изъ нихъ были убиты. «Этотъ день—говоритъ іерусалимскій талмудъ—былъ столь-же гибельнымъ для Израиля, какъ и тотъ, въ который они сдѣлали золотого тельца». Но по господствующему воззрѣнію этимъ 18 постановленіямъ повидимому придавалось такое значеніе, что ихъ не могъ уже отмѣнить и самъ Илія, потому что они были запечатлѣны кровопролитіемъ; и въ народномъ сознаніи они нашли оправданіе въ ужасномъ побоищѣ, постигшемъ іудеевъ въ Беесанѣ, Кесаріи и Дамаскѣ ²⁸⁵). Чувства іудеевъ по отношенію къ язычникамъ походили на ненависть евреевъ къ еллинистамъ. Въ послѣдующее время уже на христіанъ обрушилась вся ярость той ненависти, которою нѣкогда іудейскія сердца пылали противъ еллинизма. Когда возникъ вопросъ о томъ, можно ли сожигать евангеліе и другія книги христіанъ (*минимъ*) въ виду того, что въ нихъ часто встрѣчается имя Бога, то раввинъ Тарфонъ воскликнулъ: «пусть я потеряю своего сына, если только я не брошу эти книги въ огонь, лишь только онѣ попадутъ въ мои руки, сколько бы ни содержалось въ нихъ имени Бога. Человѣкъ, преслѣдуемый убійцей или угрожаемый ядовитой змѣей, долженъ скорѣе искать убѣжища въ храмѣ идола, чѣмъ въ домѣ *минимовъ*, потому что эти послѣдніе знаютъ истину и отрицаютъ ее, между тѣмъ какъ идолопоклонники отрицаютъ Бога потому, что не знаютъ Его» ²⁸⁶).

Въ виду такихъ взглядовъ палестинскихъ іудеевъ въ отношеніи идолопоклонства, антагонизмъ между ними и болѣе свободомыслящими еллинистами возникалъ самъ собою и былъ такъ глубокъ, что неудивительно, если слѣды его встрѣчаются даже въ исторіи церкви, такъ какъ первые христіане—апостолы и ученики Иисуса Христа были почти исключительно евреи и израильтяне ²⁸⁷) (первое названіе указываетъ на общую, а послѣднее—по преимуществу на религіозную особенность). Ихъ отношеніе къ еллинистамъ по направленію и по языку при всемъ смягчающемъ вліяніи христіанской любви было одинаково съ отношеніемъ къ нимъ другихъ іудеевъ. Ревнивость и взаимное недовѣріе этихъ двухъ классовъ легко могли воспламеняться при всякомъ удобномъ случаѣ, и поэтому совершенно согласно съ духомъ времени свидѣтельство, что, «когда умножились ученики», естественнымъ слѣдствіемъ этого былъ у еллинистовъ «ропотъ на евреевъ».

Частною причиною этого ропота было дѣйствительное или воображаемое пренебреженіе къ вдовамъ еллинистовъ въ ежедневной раздачѣ пищи и милостыни. Нѣкоторое неудовольствіе могло возникнуть изъ-за того, что всѣ должности въ церкви находились въ рукахъ у евреевъ, которые естественно могли болѣе обращать вниманіе на нужды своихъ ближайшихъ соотечественницъ. Вдовы же были такимъ классомъ, который болѣе всего нуждался въ помощи. Мы знаемъ, какое вниманіе ап. Павелъ обращалъ на ихъ положеніе даже въ Коринѣ, и мы уже упоминали, что нѣкоторыя изъ мудрѣйшихъ постановленій, приписываемыхъ Гамалиилу, направлялись къ облегченію страданій, неразлучныхъ съ ихъ положеніемъ. Благодаря заключенности, въ которой по вѣковому обычаю жили жен-

пины на востокѣ, доля вдовы при отсутствіи людей, которые могли бы заботиться о ней, могла быть дѣйствительно безотрадною. Неравенство въ отношеніи къ нимъ естественно могло возбудить протестъ, тѣмъ болѣе что до своего обращенія эти вдовы имѣли право на пособіе изъ *корвана* или сокровищницы храма ²³⁸).

Но апостолы отнеслись къ этимъ жалобамъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и великодушіемъ, которое служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало они были повинны въ пристрастіи по отношенію къ вдовамъ евреевъ. Созвавъ учениковъ на собраніе, они сказали имъ, что настало время, когда апостоламъ стало уже неудобно заниматься распредѣленіемъ милостыни ²³⁹),—тѣмъ дѣломъ, которое могло отвращать ихъ отъ болѣе серьезныхъ и важныхъ обязанностей. Поэтому они предложили собранію избрать семь человекъ изъ лицъ безукоризненнаго характера, высокихъ духовныхъ дарованій и практической мудрости, для того чтобы изъ нихъ составить то, что мы называли бы хозяйственнымъ комитетомъ, и избавить апостоловъ отъ этого бремени, чтобы они могли посвятить всѣ свои силы на молитву и пастырскіе труды. Совѣтъ былъ принятъ и апостоламъ было представлено семь наиболѣе подходящихъ къ этому положенію лицъ. Они были допущены къ обязанностямъ своего положенія молитвой и возложеніемъ рукъ, что съ этого времени естественно сдѣлалось обычнымъ посвященіемъ на должность діакона ²⁴⁰).

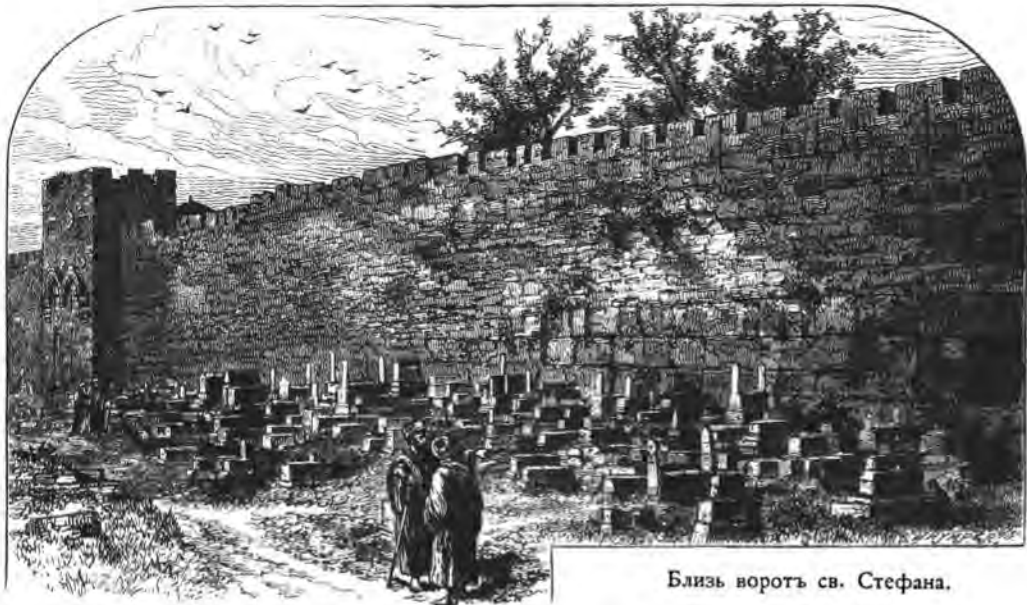
Эти семь избранниковъ были: Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, Никаноръ, Тимонъ, Парменъ и Николай, прозелитъ антiохійскій. На то, что всѣ они носятъ греческія имена, часто ссылались въ доказательство примирительнаго направленія апостоловъ, какъ будто бы они избрали всѣхъ членовъ этого комитета изъ того самаго класса, который имѣлъ нѣкоторое основаніе роптать. Но это едва ли было бы справедливо. Это значило перейти изъ одной крайности въ другую. Иудеи того времени такъ часто принимали греческія имена, что одно это обстоятельство не даетъ возможности дѣлать какого бы то ни было вывода относительно національности избранныхъ. Но хотя и нельзя съ увѣренностью принять мнѣніе Гизелера, что трое изъ нихъ были евреи, трое еллинисты и одинъ прозелитъ, всетаки естественно предполагать, что самое безпристрастіе и здравый смыслъ требовали избранія ихъ изъ различныхъ классовъ церкви. А то обстоятельство, что язычникъ въ родѣ Николая Антіохійскаго былъ также избранъ для занятія столь почетной отвѣтственной должности, служить однимъ изъ многихъ указаній на то, какъ постепенно созрѣвало новое понятіе о царствѣ Божіемъ.

Хотя изъ семи избранниковъ намъ извѣстны только двое ²⁴¹), однако же избраніе это составляетъ весьма важный моментъ въ исторіи церкви. Изъ этихъ двухъ дѣятельность Филиппа мы рассмотримъ послѣ, а теперь должны прослѣдить дѣятельность Стефана, которая, при всей своей кратковременности, отмѣчаетъ начало достопамятной эпохи. На св. Стефана мы должны смотрѣть какъ на непосредственнаго предшественника того, кто игралъ наиболѣе выдающуюся

роль въ дѣлѣ его мученичества; на него нужно смотрѣть какъ на учителя ап. Павла въ гораздо болѣе истинномъ смыслѣ, чѣмъ самъ Гамаліилъ. Самого ап. Павла справедливо называли «исполинскимъ Стефаномъ». Но если бы жизнь св. Стефана была продолжена, если бы онъ не былъ отозванъ быть можетъ еще въ высшія сферы дѣятельности, мы не знаемъ, до какой высоты нравственного величія могъ бы достигнуть онъ. Мы имѣемъ только одну его рѣчь, показывающую его умъ и вдохновеніе, и намъ дано бросить только одинъ взглядъ на его жизнь. Его рѣчь оказала вліяніе на всю жизнь и дѣятельность величайшаго изъ апостоловъ, а его смерть была первымъ мученичествомъ въ исторіи церкви Христовой.

Мученичество св. Стефана
(съ итальянскаго рѣзнаго изображенія VI вѣка).

Близь воротъ св. Стефана.

ГЛАВА VIII.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И МУЧЕНИЧЕСТВО СВ. СТЕФАНА.

Господи! не вѣнни имъ грѣха сего. Дѣян. vii, 60.

НАЗНАЧЕНІЕ семи діаконѣвъ, частью благодаря ихъ ревности и дѣятельности, а частью вслѣдствіе того, что оно предоставило больше свободы апостоламъ, повело къ замѣтному успѣху въ развитіи церкви. Въ Іерусалимѣ не только значительно увеличилось число учениковъ, но къ новой вѣрѣ склонилось даже много священниковъ ²⁴²). До этого времени принятіе евангелія не только не влекло за собою разрыва съ іудействомъ, но было совмѣстимо съ самою строгою привязанностью къ закону. Нужно имѣть въ виду, что священники въ Іерусалимѣ и немногихъ другихъ городахъ представляли собою многочисленный классъ ²⁴³) и что саддукеями въ богословіи и проріанами въ политикѣ была только небольшая аристократическая клика, состоявшая изъ немногихъ чужеземныхъ семействъ. Многіе изъ низшихъ степеней священства несомнѣнно были фарисеи, а такъ какъ фарисеи держались ученія о воскресеніи, то не было ничего несомѣстимаго съ ихъ преданіями и въ допущеніи мессіан-

ства воскресшаго Спасителя. Такое вѣрованіе въ это время и даже долгое время спустя дѣлало мало различія въ ихъ общемъ положеніи, хотя если бы они были истинно вѣрующими, оно должно было производить большое различіе въ ихъ внутренней жизни. Простота, ревность, единство, духовные дары малаго общества галилеянъ способны были привлекать серьезныхъ и разсудительныхъ между ними. Эти стороны могли привлекать ихъ даже больше, чѣмъ непреодолимая логика или подавляющее краснорѣчіе. Апостолы въ это время дѣйствовали не риторикой, и ни на моментъ не воображали себя чѣмъ-либо другимъ, кромѣ того, что они были простецы, неполучившіе образованія въ школахъ техническаго богословія и раввинской мудрости. Если бы они были чѣмъ нибудь другимъ, то аргументъ въ пользу истины христіанства, извлекаемый изъ чрезвычайной быстроты его распространенія, на половину потерялъ бы своей силы. Оружіе апостольской дѣятельности не было вещественнымъ. Они обращали въ свою вѣру не ученостью или аргументаціей, а силою новаго свидѣтельства и духомъ новой жизни.

До этого періода имя Стефана ни разу не встрѣчается въ христіанской исторіи, и такъ какъ преданіе, что онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ, не имѣетъ исторической основы ²⁴⁴), то мы ничего и не знаемъ объ обстоятельствахъ его обращенія въ христіанство. Признаніе имъ однако же въ прославленномъ лицѣ, которое онъ увидѣлъ въ восторженномъ видѣніи, лица Того, Кто на землѣ называлъ себя Сыномъ Человѣческимъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые при жизни слышали ученіе Христа и изъ самаго источника черпали воду жизни ²⁴⁵). Намъ конечно желательно было бы побольше знать о человѣкѣ, который на такомъ короткомъ поприщѣ выказалъ величайшее самоотверженіе и возвышеннѣйшее геройство. Но въ этомъ отношеніи св. Стефанъ раздѣляетъ одинаковую участь съ миллионами тѣхъ, имена которыхъ написаны въ книгѣ жизни: они бываютъ незамѣтны между людьми и о нихъ знаютъ только въ теченіе какого нибудь одного короткаго періода и по одному какому либо великому дѣлу. Только на одинъ мигъ первомученикъ Стефанъ вполнѣ выступаетъ на сцену исторіи. Мы знаемъ о его величіи единственно только изъ свидѣтельства объ одной его рѣчи и объ одномъ днѣ его жизни,—о послѣдней рѣчи, какую когда либо онъ произносилъ, о послѣднемъ днѣ его земной жизни.

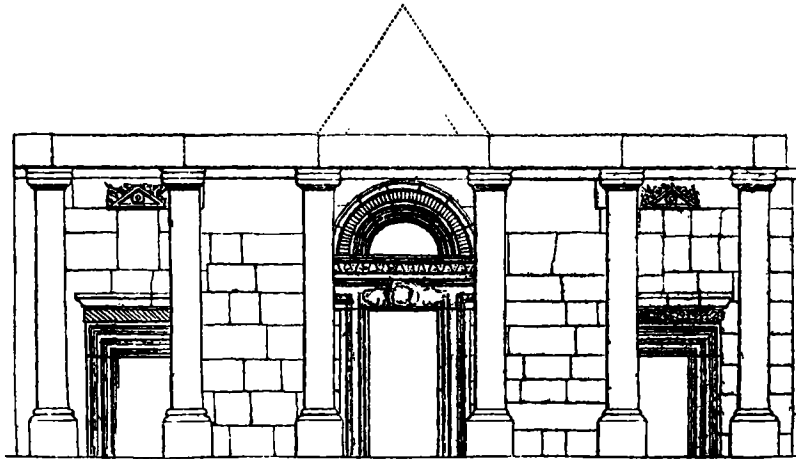
Избраніемъ своимъ въ число «семи» св. Стефанъ обязанъ былъ своей *εμπρη* вмѣстѣ съ своей любвеобильной дѣятельностью и неукоризненной святостью. Лишь только онъ былъ избранъ, какъ сдѣлался наиболѣе виднымъ изъ всѣхъ. Благодать, сіявшая въ его сотоварищахъ, еще ярче сіяла въ немъ ²⁴⁶), и по силѣ совершенія чудесъ въ народѣ онъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ апостолами. Многіе люди, которые иначе умерли бы безвѣстными, раскрывали свойственное имъ величіе, когда имъ ввѣрялась власть. Великій подвигъ, совершенный св. Стефаномъ въ исторіи церкви, зависѣлъ отъ раскрытія тѣхъ силъ, которыя могли бы остаться

безъ примѣненія, если бы онѣ не были вызваны обязанностями, наложенными на него его новымъ положеніемъ. Раздаваніе милостыни было только частью назначеннаго ему дѣла. Подобно Филиппу, онѣ былъ не только діакономъ, но и благовѣстникомъ, и рѣчь, произнесенная имъ предъ синадріономъ, показывающая не только логическую силу и сосредоточенный пылъ великаго оратора, но и опытнаго полемиста, можетъ дать понятіе о томъ, какое впечатлѣніе производила его проповѣдь.

Мѣстомъ этого проповѣдничества были еллинистическія синагоги въ Іерусалимѣ. Раздавателю милостыни въ городѣ, гдѣ было такъ много бѣдныхъ, и необыкновенно краснорѣчивому еллинисту постоянно могли представляться случаи, когда онѣ не только могъ, но и вынуждался прибѣгать къ объясненію началъ новаго общества. До этого времени общество это находилось въ полномъ общеніи съ іудейскою церковью. Одного Стефана обвиняли за выраженіе недовѣрія къ началамъ фарисейства, и это служить явнымъ доказательствомъ того, какъ рано онѣ пришелъ къ истинному разумѣнію словъ Спасителя касательно объема и сущности Его царства. То, что въ душѣ даже ап. Петра было еще только зерномъ горчичнымъ, посѣяннымъ на почвѣ іудейства, въ душѣ св. Стефана выросло уже въ могучее дерево. Нѣкоторые апостолы все еще держались притворовъ синагоги. Для нихъ новое вино царствія небеснаго еще не разорвало старыхъ мѣховъ. Доселѣ они считались лишь главами іудейской секты ²⁴⁷⁾, и хотя вѣрили, что вѣра ихъ скоро станетъ вѣрою всего міра, все-таки они доселѣ повидимому нисколько не думали объ отмѣнѣ Моисеева закона или о свободномъ допущеніи необрѣзанныхъ язычниковъ къ полному равенству въ духовныхъ преимуществахъ. Прозелитъ праведности, въ родѣ Николая Антіохійскаго, принявшій печать обрѣзанія, могъ, правда, пользоваться уваженіемъ; но всякій, кто былъ только «прозелитомъ вратъ» ²⁴⁸⁾, кто уклонился отъ принятія печати заключеннаго съ Авраамомъ завѣта, не считался полнымъ христіаниномъ, какъ не считался и полнымъ іудеемъ.

Поэтому доселѣ не безъ благосклонности относилась къ христіанамъ даже фарисейская партія, которая считала саддукеевъ коварными вѣроотступниками. Фарисеи склонны были даже воспользоваться воскресеніемъ, о которомъ проповѣдывали христіане, какъ удобнымъ средствомъ для пораженія своихъ соперниковъ. Да и не они были виновны въ убіеніи Іисуса. Правда, они не двинули и пальцемъ для Его освобожденія и многіе изъ нихъ,—всѣ тѣ лицемѣры, которыхъ какъ Іисусъ Христосъ, такъ и Іоаннъ Креститель называли порожденіемъ ехиднинымъ,—вѣроятно даже съ удовольствіемъ смотрѣли на преступленіе, посредствомъ котораго ихъ политическіе противники заставили смолкнуть ихъ общаго врага. Однако же они не боялись, чтобы Его кровь могла пасть на *нихъ* или чтобы апостолы когда нибудь стали относить къ нимъ или къ ихъ жизни Его страшное обличеніе. Хотя христіане свои частныя собранія дѣлали въ первый день недѣли, имѣли свое

особое ученіе, свои таинства, свою общую трапезу, однакоже во всей этой обрядности для фарисеевъ не было ничего предосудительнаго, а въ вѣрующей простотѣ и восторженномъ общеніи имуществъ у христіанъ было нѣчто даже привлекательное для нихъ ²⁴⁹). Они во всѣхъ отношеніяхъ были «благочестивые по закону»; они съ ужасомъ уклонились бы отъ всякаго нарушенія правилъ, отдѣлявшихъ чистую пищу отъ нечистой; они не только соблюдали предписанные въ пятокнижій праздники и постъ, но даже принимали и такіе посты, которые освящались преданіями устнаго закона; они должнымъ образомъ обрѣзывали своихъ дѣтей, одобряли и принимали обѣты назореевъ, никогда не уклонялись отъ колѣнопреклоненія въ храмъ и всегда по направленію къ нему обращались съ молитвой во всѣ три назначенные для того срока ²⁵⁰). Достаточно взглянуть только на символику Апокалипсиса, чтобы видѣть, какъ дороги имъ

Входъ въ іудейскую синагогу.

были имена, воспоминанія, левитская обрядность, храмовое богослуженіе ихъ іудейскихъ собратій. Нѣсколько лѣтъ спустя «было много тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ и всѣ они были ревнители закона и считали позоромъ всякое отступленіе отъ законнаго житія» ²⁵¹). Поэтому они просто составляли собою лишь новую синагогу въ городѣ, въ которомъ по свидѣтельству раввиновъ ихъ уже было не менѣе 480. Ихъ собраніе могло называться, да вѣроятно и называлось по географическому опредѣленію—«синагогой назарянъ».

Но это согласіе съ іудейскимъ народомъ могло быть только временнымъ и призрачнымъ. Если бы дѣйствительно первые вѣрующіе никогда не пошли дальше этой точки зрѣнія, то христіанство было бы не больше какъ новая ступень фарисейства, и притомъ еретическая ступень—вслѣдствіе принятія имъ распятаго Мессіи, хотя и достойная уваженія по строгости своей религіозной жизни. Но

если бы христианство никогда не было больше этого, тогда масличная ветвь погибла бы вмѣстѣ съ дикой маслиной, къ которой она была привита. Какъ для церкви, такъ и для міра было необходимо, чтобы это призрачное подобіе единства между религіозными воззрѣніями, которыя по своей сущности были совершенно непримиримы между собою, было явно и прямо разсѣяно навсегда. Было необходимо, чтобы всѣ христіане какъ изъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, увидѣли всю невозможность дѣлать новую заплату на старомъ вретѣищѣ.

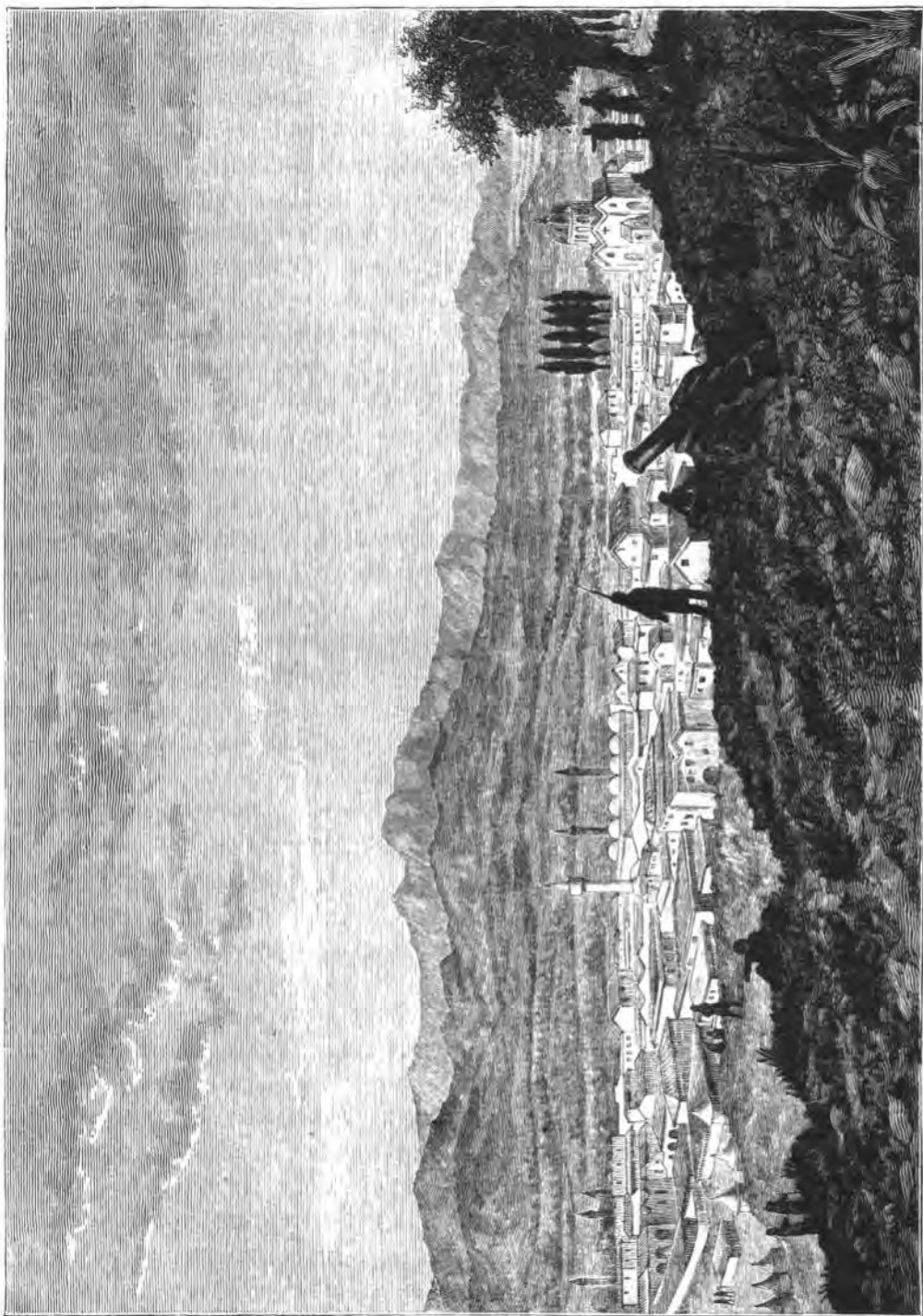
Эту истину Спаситель ясно проповѣдывалъ своимъ апостоламъ; но подобно многимъ другимъ Его словамъ она безплодно лежала въ ихъ умахъ. Послѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ глубочайшихъ бесѣдъ, въ полномъ сознаніи, что Онъ не могъ быть понятъ сразу, Христосъ говорилъ: «имѣющіе уши слышать да слышатъ». А апостолы, какъ они и сами откровенно сознаются, не всегда были изъ тѣхъ, которые имѣютъ уши для того, чтобы слышать. Какъ ни ясны и какъ ни часты были предсказанія, съ которыми Онъ обращался къ нимъ о своемъ распятіи и воскресеніи, первое изъ этихъ событій повергало ихъ въ отчаяніе и ужасъ, а второе поразило смущеніемъ и удивленіемъ. Тотъ, кто повелѣлъ изъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ ихъ сердца познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа (2 Кор. iv, 6, 7); но всетаки они сознавали, что это сокровище у нихъ было въ «глиняныхъ сосудахъ». Приписывать имъ равенство даровъ или полное единодушіе въ мнѣніяхъ — значило бы противорѣчить ихъ собственнымъ свидѣтельствамъ. Отрицать, что познаніе ихъ расширялось постепенно, значитъ игнорировать способъ божественнаго откровенія и идти противъ очевидныхъ фактовъ. До самаго послѣдняго времени они «знали отчасти и пророчествовали отчасти» (1 Кор. xii, 9). Почему Іаковъ, братъ Господень, пользовался въ народѣ такимъ высокимъ уваженіемъ, какъ передаетъ объ этомъ преданіе? Почему іудеи смотрѣли съ такою ненавистью на ап. Павла? А потому, что ап. Павелъ гораздо болѣе чѣмъ Іаковъ сознавалъ, что въ будущемъ судьба христіанства будетъ отдѣлена отъ іудейскихъ учреждений. Распятіе въ дѣйствительности было протестомъ іудея противъ вселенскаго распространенія вѣры. «Съ этого момента судьба іудейскаго народа была рѣшена. Его религія должна была убить его. Но когда храмъ объятъ былъ пламенемъ, то эта религія уже расправила свои крылья и понеслась для завоеванія всего міра» ²⁵²).

Между тѣмъ, какъ можно было ожидать и какъ очевидно предвидѣлъ божественный Учитель, апостолы-галилеяне лишь послѣ всего пришли къ ясному сознанію неизбежности того, что Моисеевъ законъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе широкому откровенію даже для іудея. Говоря почеловѣчески, очень возможно, что истина эта во всей ея полнотѣ едва ли была бы когда постигнута ими, если бы сила ихъ разумѣнія по особенному божественному промыслу не была оживлена новыми уроками, полученными ими отъ разума и вѣры тѣхъ, которые были воспитаны на болѣе широкихъ началахъ. Уничтоженіе естественныхъ

различій не входить въ планъ божественнаго промысленія. Божественное вдохновеніе никогда не разрушаетъ личнаго характера и умственнаго склада святыхъ душъ, которыя оно дѣлаетъ сынами Божиими и пророками. Дары, какъ ап. Павелъ внушалъ младенческимъ церквамъ, могутъ быть различны, какъ бывають и различныя служенія, различныя дѣйствія, хотя во всемъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ же Богъ (1 Кор. хп, 4—6). Св. Стефанъ и Савлъ, благодаря еллинистическому образованію, были съ дѣтства подготовлены къ принятію уроковъ, которые лишь съ трудомъ и при высшемъ озареніи давались разумѣнію апостоловъ изъ галилеянъ.

Между тѣмъ отношеніе закона къ Евангелію было какъ разъ однимъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ Спаситель, согласно съ своею божественною цѣлью, говорилъ съ извѣстною умѣренностью. Цѣлью Его было основать царство, а не провозглашать богословіе. Онъ умеръ не для того, чтобы формулировать систему, а для того, чтобы искупить человѣчество. Его дѣло состояло не въ построеніи догматовъ формальнаго символа вѣры, но въ очищеніи души человѣческой представленіемъ ея въ непосредственное отношеніе къ Отцу небесному. Іудейскимъ обращенцамъ нужно было много лѣтъ для того, чтобы понять значеніе Его изреченія, что Онъ «пришелъ не нарушить законъ, но исполнить». Значеніе этихъ словъ могло стать яснымъ для нихъ лишь при свѣтѣ другихъ изреченій, значеніемъ которыхъ они пренебрегали. Апостолы видѣли, что Онъ исполнялъ законъ; видѣли, какъ Онъ молился въ храмѣ и синагогахъ, и сопровождали Его въ Его путешествіяхъ на праздники. Онъ никогда не говорилъ имъ ясно, что слава закона, подобно сіянію на лицѣ Моисея, должна была современемъ погаснуть. Они не способны были понять внутренняго значенія Его словъ и дѣйствій въ отношеніи субботы (Марк. п, 27; Іоан. v, 17), касательно внѣшней обрядности (Матѣ. ix, 13; хп, 7), касательно развода (Матѣ. xix, 3, 6, 8; v, 32), касательно будущей всеобщности духовнаго богопоклоненія (Іоан. iv, 22). Они несомнѣнно помнили, что Онъ говорилъ имъ о непреложности всякой іоты и черты въ буквѣ закона (Матѣ. v, 18), но они не замѣчали, что мысль о преимуществѣ нравственныхъ обязанностей надъ обрядовыми неизвѣстна самому закону. Они не видѣли также, что исполненіе Имъ закона состояло въ его одухотвореніи, что Онъ не только до безконечности раздвинулъ предѣлы его обязательствъ, но самый авторитетъ ихъ выводилъ изъ глубочайшихъ началъ и исполненію придавалъ божественное освященіе. Въ то же время они не замѣчали, какъ много заключалось въ выразительномъ указаніи Христа на слова пророка Осіи: «хочу милости, а не жертвы» (Матѣ. ix, 13; хп, 7). Они еще не созрѣли для убѣжденія, что придавать первостепенную важность Моисеевымъ постановленіямъ послѣ принятія ихъ въ царство небесное значило обращать свои взоры на угасающую звѣзду въ то время, когда уже постепенно разсвѣталъ день Божій.

О ранней дѣятельности св. Стефана въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ сообщается

Тарсъ
(H. Davis, Life in Asiatic Turkey).

мало; но необычайная важность этого служенія становится тѣмъ болѣе ясною въ свѣтъ послѣдующей исторіи. Вѣроятно, онъ самъ никогда не могъ составить себѣ и отдаленнѣйшаго понятія о томъ огромномъ вліяніи, — вліяніи на миллионы христіанъ въ теченіе вѣковъ послѣдующей жизни, — которое по промыслу Божію должно было оказать первое ясное изложеніе впервые имъ замѣченныхъ истинъ. Если бы онъ сознавалъ это, то могъ бы еще болѣе благодарить Бога за ту ревность, съ которою онъ отдался на ихъ защиту, и за то святое муже-

Помпей
(Изъ Висконти).

ство, съ которымъ онъ ни на мигъ не поколебался подъ бурей насилія и ненависти, возбужденныхъ его словами.

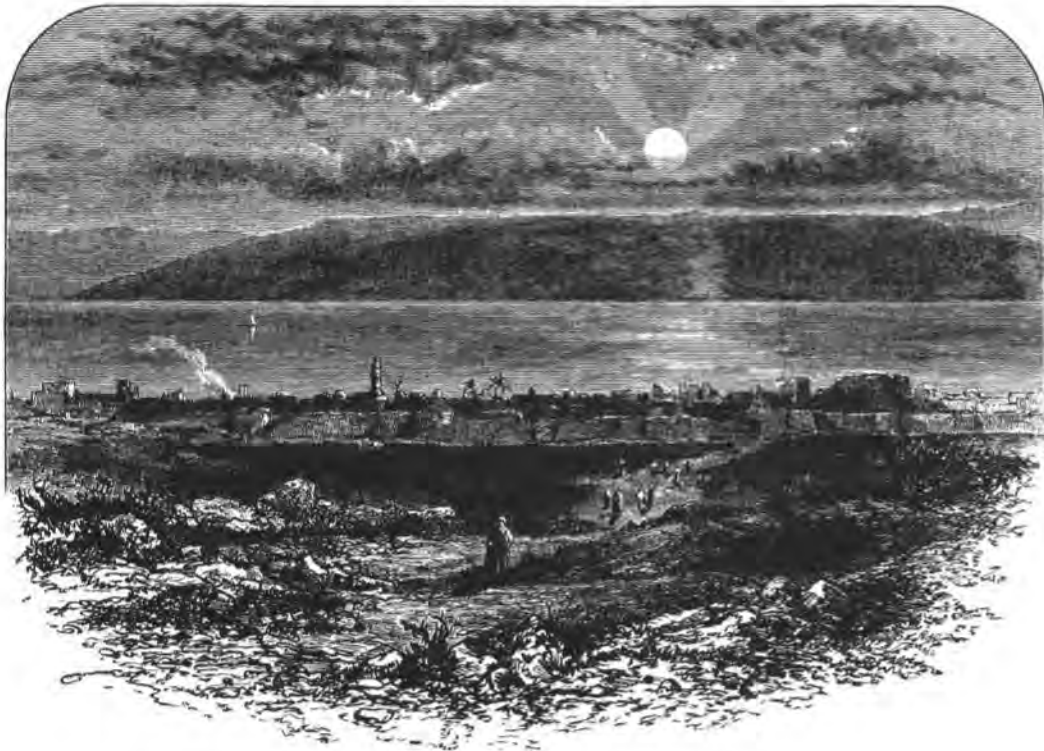
Что именно привело его въ синагоги іудейскихъ еллинистовъ, мы не знаемъ: быть можетъ та же самая миссіонерская ревность, которая впоследствии влекла въ столь многія страны юношу тарсійскаго, бывшаго въ то время въ числѣ его сильнѣйшихъ противниковъ. Все, что мы знаемъ, это то, что нѣкоторые изъ такъ называемой «синагоги либертинцевъ, и киринейцевъ, и александрійцевъ и нѣкоторые изъ Киликіи и Асіи вступили въ споръ съ Стефаномъ». Выраженіе это

такъ темно, что невозможно опредѣлить: разумѣется ли адѣсь то, что противники Стефана были члены *одной* синагоги, соединившей въ себѣ эти разнородные элементы, или *пяти* разныхъ синагогъ, или *трехъ* синагогъ, именно синагоги отпущенниковъ, синагоги африканскихъ и синагоги азіатскихъ еллинистовъ; или же наконецъ *двухъ* различныхъ синагогъ, изъ которыхъ одна была посѣщаема еллинистами изъ Рима, Греціи и Александріи, а другая — еллинистами изъ Киликіи и проконсульской Азіи. Число синагогъ въ Иерусалимѣ, какъ мы уже говорили, было такъ велико, что, какъ можно думать, каждая изъ этихъ общинъ имѣла свое отдѣльное мѣсто религіознаго собранія ²⁵³), подобно тому, какъ и теперь въ Иерусалимѣ, гдѣ есть отдѣльныя синагоги для испанскихъ сефардимовъ, голландскихъ аншегодовъ и нѣмецкихъ и польскихъ ашкеназимовъ ²⁵⁴). Отпущенники или либертинцы могли быть потомками іудеевъ, которыхъ Помпей отправилъ въ плѣнъ въ Италію, а іудеи вообще во множествѣ находились въ Греціи, въ Александріи и въ городахъ Азіи. Но для насъ наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ этихъ говорящихъ погречески іудеевъ является Савль Тарсійскій, который безъ всякаго сомнѣнія былъ членомъ синагоги киликійцевъ ²⁵⁵) и который въ этотъ разъ не только навѣрно принималъ участіе въ спорахъ, поднятыхъ проповѣдничествомъ пылкаго діакона ²⁵⁶), но какъ ученикъ Гамалиила и ревностный фарисей занималъ видное положеніе въ качествѣ стойкаго поборника отеческихъ преданій.

Хотя Савль этого періода долженъ былъ рѣзко отличаться отъ того Павла «раба Іисуса Христа», какимъ мы знаемъ его впоследствии, однако же главныя черты его личнаго характера были одни и тѣ же. Онъ не могъ не признать нравственной красоты, безбоязненнаго мужества, пылкаго одушевленія, скрывавшихся въ нѣжномъ характерѣ св. Стефана. Пепель религіознаго формализма толстымъ слоемъ лежалъ и на его сердцѣ; но подъ нимъ еще горѣлъ огонь полной искренности. Хотя онъ въ теченіе многихъ лѣтъ воспитывался въ тонкостяхъ раввинства, онъ всетаки не до такой степени погрязъ въ этой мертвящей системѣ, чтобы не отличать гроба повапленнаго отъ благодати и свѣжести здоровой жизни. Когда онъ слушалъ св. Стефана, онъ навѣрное чувствовалъ громадное различіе между мертвымъ раввинствомъ и живою вѣрою, между пламеннымъ вдохновеніемъ и сухимъ толкованіемъ, между мелочной разборчивостью въ обрядовыхъ тонкостяхъ и проповѣдью, проникавшей въ глубину возмущеннаго сердца. Даже ярость, часто усиливающаяся отъ неосознательнаго подъема непреодолимаго убѣжденія, не могла всецѣло воспрепятствовать ему замѣтить, что эти проповѣдники евангелія, которое онъ презиралъ какъ жалкое суевѣріе, находили во Христѣ источникъ свѣта и радости, любви и мира, въ сравненіи съ которыми его собственное состояніе походило на состояніе прикованнаго къ трупъ.

Мы лишь мелькомъ видимъ эти яростные споры. Непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ было явное торжество св. Стефана. Еллинисты были не въ силахъ

выстоять противъ мудрости и одушевленности, съ которыми говорилъ онъ. Презрительные раввинисты съ изумленіемъ и ненавистью должны были замѣтить, что тотъ, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло, не былъ грубымъ провинціаломъ, безграмотнымъ *амаарцомъ* или жалкимъ простецомъ въ родѣ рыбаковъ и мытарей галилейскихъ, но что онъ не только получилъ языческое образованіе, но и обладалъ іудейскою ученостью, былъ полемистъ, который могъ бороться съ ними ихъ же собственнымъ оружіемъ и такъ же бойко говорить погречески, какъ и они сами. Воспитанные въ вѣковыхъ предубѣжденіяхъ, пропитанные

Берега Геннисарета.

преданіями, объ истинѣ которыхъ никогда не возникало и вопроса, они конечно воображали, что имъ легко одержать побѣду и убѣдить всякаго разумнаго чело-вѣка, какъ губительно для него принимать вѣру, на которую они съ высоты своего собственного невѣжества смотрѣли съ снисходительнымъ сожалѣніемъ. Каково же было ихъ замѣшательство, когда они нашли, что имъ пришлось стать лицомъ къ лицу не просто съ личнымъ свидѣтельствомъ, которое они могли презрительно отвергать, а съ аргументаціей, основанной на признаваемыхъ ими самими посы-лкахъ, развиваемой по принятымъ ими методамъ и подкрѣпляемой ученостью,

которой они не въ силахъ были побѣдить! Какова была ихъ ярость, когда они слышали, какъ ученіе, ниспровергавшее наиболѣе взлелѣянные ими начала, доказывалось съ мудростью, которая отличалась не только по степени, но и по существу, отъ возвышеннѣйшей мудрости ихъ лучшихъ раввиновъ, даже тѣхъ, которыхъ они за ихъ достоинство награждали лстивыми титулами «двигателей горъ» и «гордости закона!»

Сначала споръ могъ возникнуть только касательно мессіанства Іисуса, значенія Его смерти и факта Его воскресенія. Это такіе предметы, на которые заурядный іудей считалъ едва ли стоящимъ тратить свои слова. Для него крестъ былъ непреодолимымъ камнемъ преткновенія. Во всѣ вѣка мессіанская надежда занимала видное мѣсто въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ іудеевъ, а во время плѣна и возвращенія изъ него она сдѣлалась центральной истиной ихъ религіи. Эта именно вѣра болѣе чѣмъ всякая другая воспламеняла ихъ патріотизмъ, утѣшала ихъ въ скорбяхъ и внушала имъ духъ повиновенія закону. Если Шаммаи обыкновенно проводилъ всю недѣлю въ размышленіи о томъ, какъ ему возможно строже соблюсти субботу, если фариисеи считали главною обязанностью своей партіи воздвигать ограду вокругъ закона, то вдохновляющимъ мотивомъ этого было убѣжденіе, что если бы только хотя въ теченіе одного дня Израиль былъ вполнѣ вѣренъ закону, то Мессія пришелъ бы. И какъ пришелъ бы! Князь дома Давидова, по ихъ воззрѣнію, долженъ былъ поразить всѣ народы мечемъ своихъ устъ; Онъ долженъ былъ разбить ихъ подобно сосуду горшечника, долженъ былъ возвести сыновъ Израиля на степень царей земли, питать ихъ мясомъ бегемота, левіаѳана и птицы бар-юхны и рассыпать у ихъ ногъ всѣ сокровища морей! И послѣ этого говорить, что *Іисусъ изъ Назарета* былъ обѣтованный Мессія, предполагать, что всѣ блестящія пророчества патріарховъ, праотцевъ и царей—отъ божественнаго голоса говорившаго Адаму въ раю до послѣдняго пророчества Малахіи — всѣ указывали или всѣ сосредоточивались на Томъ, кто былъ плотникомъ назаретскимъ и кого они видѣли распятымъ между двумя разбойниками,—говорить, что ихъ самый Мессія только что былъ «повѣшенъ» ²⁵⁷⁾ языческими тиранами по настоянію ихъ іерарховъ,—это для большинства слушателей въ синагогѣ было бы кощунствомъ, если бы и не показалось слишкомъ нелѣпымъ. Развѣ недостаточно было сразу отвѣтить на все это однимъ стихомъ закона: «проклятъ Богомъ всякъ висящій на деревѣ» ²⁵⁸⁾?

И однако же это именно положеніе старался доказать такой человѣкъ какъ Стефанъ, — не невѣжественный галилеянинъ, а ученый еллинистъ, и доказывалъ съ такою силой, что заставлялъ молчать, если не согласиться съ собою, и возбуждалъ если не убѣжденіе, то ненависть. При всемъ своемъ буквопоклонствѣ раввины-фарисеи лишь на половину чтили свое писаніе или чтили его лишь для того, чтобы пользоваться имъ какъ орудіемъ религіозной нетерпимости и выискивать взгляды, которые болѣе всего соотвѣтствовали ихъ личнымъ

предубѣжденіямъ. Въ основу толкованія они клали положеніе, что всѣ книги ихъ канона ни о чемъ другомъ не пророчествовали, кромѣ какъ о дняхъ Мессіи. Какъ въ такомъ случаѣ они могли совершенно упустить изъ виду, что Мессія изображается не только «торжествующимъ», но и «страждущимъ?»²⁵⁹) Это могло бы казаться намъ удивительнымъ, если бы исторія не представляла многочисленныхъ доказательствъ, что люди могутъ всецѣло упускать изъ виду существенныя положенія и перетолковывать значеніе своихъ священныхъ книгъ, потому что при чтеніи этихъ книгъ сердце ихъ задернуто завѣсой упорнаго предубѣжденія. Но когда эта сторона древняго пророчества, доказывавшаго, что Христу надлежало такимъ образомъ пострадать и войти въ славу свою (Луки xxiv, 26), раскрыта была предъ ними съ убѣдительнымъ, озаряющимъ краснорѣчіемъ че-

Входъ въ Іерусалимъ
(Съ саркофага IV столѣтія въ Латеранѣ).

ловѣка, равнаго имъ по учености и превосходящаго ихъ по озаренію, то мы можемъ понять, въ какое затрудненіе они поставлены были этимъ. Какъ напр. они могли ослабить силу 53 главы пророка Исаи, которой ихъ раввины открыто при- давали мессіанское толкованіе? Приложимость къ Мессіи того, что сказано тамъ о «рабѣ Іеговы» и оглубокомъ уничиженіи, переносимомъ ради другихъ, не только встрѣчается въ таргумѣ Іонаана и во многихъ раввинскихъ указаніяхъ вплоть до книги *Зоаръ*, но повидимому оставалось вполне безспорнымъ до тѣхъ поръ, пока средневѣковые раввины не почувствовали крайняго неудобства отъ этого при своихъ спорахъ съ христіанами²⁶⁰). Но это было лишь отдѣльное пророче- ство, а христіане могли приводить цѣлый рядъ мѣстъ, которыя по самымъ пра-

виламъ ихъ противниковъ не только оправдывали ихъ въ признаніи Христомъ того, кого распяли начальники іудейскіе, но даже явно предсказывали посланничество Его предтечи, Его служеніе на берегахъ Геннисарета, Его торжественный входъ въ Іерусалимъ, отверженіе народомъ, невѣріе въ Его предсказаніе, предательство чрезъ одного изъ Его собственныхъ послѣдователей, ничтожную цѣну за Его кровь, Его смерть какъ злодѣя, даже горькій и одуряющій напитокъ, который предложенъ былъ Ему на крестѣ, и жребій бросавшійся о Его одеждѣ, равно какъ и Его побѣду надъ гробомъ въ воскресеніи въ третій день изъ мертвыхъ и о конечномъ прославленіи одесную Отца ²⁶¹). Какую страшную неотразимость такіе доводы должны были имѣть для слушателей св. Стефана, поразительнѣ всего доказываетъ то, что ап. Павелъ самъ пользовался ими послѣ своего обращенія, которому несомнѣнно и содѣйствовали они отчасти. Въ первый разъ вѣроятно онъ услышалъ ихъ отъ св. Стефана, и они оказались для него столь убѣдительными, что онъ постоянно употребляетъ тѣже самые или сходные доводы въ разсужденіяхъ съ своими необращенными соотечественниками (Ефес. II, 20; Римл. IX, 34 и проч.).

Св. Стефанъ по ходу своей аргументаціи очевидно долженъ былъ приводить нѣкоторыя изъ тѣхъ глубокихъ изреченій касательно цѣли жизни Христа, которыя прозорливая ненависть сдѣлала болѣе понятными для враговъ Спасителя, чѣмъ они были на первыхъ порахъ даже для Его учениковъ. Многіе изъ тѣхъ священниковъ-фарисеевъ, которые крестились въ церковь Христову въ убѣжденіи, что ихъ новая вѣра совмѣстима съ неизмѣнною преданностью іудейству, показывали менѣе пониманія изреченій своего Учителя и менѣе оцѣнивали величіе Его миссіи, чѣмъ саддукеи, ненавистью которыхъ Онъ преданъ былъ въ руки гражданской власти. Изъ собственныхъ изреченій Христа естественно вытекало положеніе, что законъ Моисея, который іудеи вмѣстѣ и боготворили и обходили, подлежалъ отміѣнѣ — не тѣ конечно нравственныя постановленія его, которыя имѣютъ вѣчную обязательность, а та запутанная система, въ которой терялись и утопали эти нравственныя заповѣди. Іудейскій народъ по справедливости чтить Моисея, какъ орудіе въ рукахъ Божіихъ для заложения глубочайшихъ основъ національной жизни. Какъ законодатель, десятословіе котораго по своей содержательной краткости превосходитъ всѣ другіе кодексы, какъ единственный законодатель, который наложилъ свое запрещеніе на источникъ зла — смѣлымъ запрещеніемъ даже злыхъ мыслей, какъ пророкъ, установившій для своего народа единобожіе, знаменательное богослуженіе и безпредѣльную надежду, — Моисей заслуживалъ благодарности и уваженія всего человѣчества. Но чтобы какой нибудь ничтожный членъ темной, такъ сказать лишь вчера возникшей, секты осмѣлился направлять свой языкъ противъ этого великаго имени и предсказывать отміѣну постановленій, многія изъ которыхъ были даны ихъ отцамъ въ древности съ пылающихъ скалъ Синая, а другія возвыщены изъ устъ

великаго учителя посредствомъ длиннаго ряда священниковъ и пророковъ,—это для нихъ было нѣчто хуже безумія и дерзости, это было богохульство и преступленіе.

Какъ же онъ смѣлъ сказать хотя одно слово противъ храма и высказать хотя одно сомнѣніе касательно вѣчности Его славы? Восторженные въ талмудѣ описанія его колоссальнаго объема и царственнаго великолѣпія составляютъ только отголоски той пламенной любви, которою дышатъ псалмы. Въ сердцѣ Савла всякое слово, звучащее неуваженіемъ «къ мѣсту, гдѣ обитаетъ честь Божія», должно было возбуждать особенное негодованіе. Когда пожарище охватило кедровыя кровли храма и расплавило его золотые столы, всякій іудей въ городѣ былъ распаленъ яростью, заставлявшей его сражаться съ нечеловѣческой силою противъ безбожныхъ враговъ. Среди этихъ изступленныхъ борцовъ былъ отрядъ изъ тарсійскихъ юношей, которые съ радостью пожертвовали своею жизнью для спасенія Іерусалима. Ихъ душевное настроеніе въ этотъ страшный моментъ показываетъ намъ, что долженъ былъ чувствовать такой зилоть, какъ Савлъ тарсійскій, когда онъ слышалъ, какъ называвшій себя іудеемъ говорилъ вещи, звучащія пренебреженіемъ къ «славѣ всей земли».

Пораженные въ аргументаціи, еллинисты синагогъ прибѣгли къ обычному способу пораженныхъ полемистовъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ власть. Они прибѣгли къ насилію для подавленія спора. Они сначала возбудили народъ, воспламеняющееся невѣжество котораго дѣлало изъ него готовое орудіе для всякаго агитатора, и чрезъ него возбудили вниманіе іудейскихъ властей. Заговоръ ихъ скоро созрѣлъ. Тутъ не было надобности въ полуночной тайнѣ, съ которою совершилось взятіе Іисуса; не было надобности заручаться услугами начальника храма для взятія Стефана при свѣтѣ бѣлаго дня, какъ это было при взятіи апп. Петра и Іоанна; не было надобности даже избѣгать какого либо подобія насилія, чтобы народъ не побилъ ихъ камнями за незаконное вмѣшательство. Обстоятельства дня давали имъ возможность дѣйствовать съ необычайною смѣлостью, потому что въ это время они пользовались чѣмъ-то въ родѣ междуцарствія отъ римской власти. Одобреніе толпы ослабло при первомъ указаніи на недостаточный патріотизмъ. Когда вслѣдствіе выставленныхъ еллинистами лжесвидѣтельствъ всѣ слои іудейскаго общества пришли въ ярость, то они воспользовались этимъ благоприятнымъ моментомъ, неожиданно напали на Стефана ²⁶²), когда онъ или училъ въ синагогѣ, или исполнялъ обязанности раздавателя милостыни, и повидимому безъ всякаго промедленія повели его на судъ засѣдавшаго синедріона. А тутъ все уже было готово, и заранѣе указывало на предстоявшій обвинительный приговоръ. Подъ рукою были лжесвидѣтели, которые дерзко обвиняли свою жертву въ непрестанномъ богохуленіи на «святое мѣсто сіе (откуда повидимому можно заключать, что синедріонъ на этотъ разъ засѣдалъ въ знаменитой палатѣ четырехугольниковъ) и на законъ» ²⁶³). Въ подтвержденіе этого общаго обвиненія лже-

свидѣтели показывали, что они слышали, какъ онъ говорилъ, что Иисусъ, «этотъ назарянинъ» ²⁶⁴), какъ они съ негодованіемъ прибавляли для отличія его отъ другихъ носившихъ тоже самое имя, — «разрушить мѣсто сіе и перемѣнить обычаи, которые передалъ намъ Моисей». Ясно, что лжесвидѣтели пытались основать свое обвиненіе на истинѣ. Это была хорошая уловка, къ которой во всѣ времена прибѣгали лжесвидѣтели. Полуистина часто есть самая гнусная ложь, потому что полную ложь гораздо легче побороть, чѣмъ ту, которая заключаетъ въ себѣ частицу истины. Если Стефанъ и не употреблялъ тѣхъ самыхъ выраженій, въ которыхъ его обвиняли, то навѣрно онъ употреблялъ другія подобныя имъ. Ему принадлежить безсмертная слава, что онъ помнилъ знаменитыя слова Спасителя и правильно истолковалъ ихъ. Противъ нравственного закона великаго десятиглаголія синайскаго или какого либо изъ высоко челоуколюбивыхъ и мягкихъ постановленій, встрѣчающихся среди обрядовыхъ постановленій, онъ не произнесъ ни одного слова, такъ что въ этомъ его не обвиняютъ даже и лжесвидѣтели; но онъ могъ свободно говорить противъ вѣчнаго значенія обрядоваго закона, потому что, какъ мы видѣли, отмѣна его предполагалась уже той маловажною, которую придавалъ ему Иисусъ. Что же касается устнаго закона, то св. Стефанъ, образованіе котораго дѣлало для него невозможнымъ точное исполненіе его постановленій, вѣроятно не придавалъ ему значенія и не показывалъ къ нему особаго почтенія. Употребленное свидѣтелями противъ него выраженіе повидимому показываетъ, что онъ главнымъ образомъ, если не исключительно, разумѣлъ этотъ устный законъ ²⁶⁵). То, что заставляло его учить, что Иисусъ долженъ былъ отмѣнить его постановленія, вѣроятно не было какое нибудь сомнѣніе касательно его подлинности, потому что въ то время критическій духъ еще не былъ развитъ настолько, чтобы возставать противъ ходячаго убѣжденія; но онъ предвидѣлъ будущее уничтоженіе этихъ «отеческихъ преданій» частью вслѣдствіе ихъ внутренней бесполезности, а частью потому, что онъ могъ слышать суровое обличеніе, которое худшія изъ этихъ преданій навлекли на себя изъ устъ самого Христа (Матѳ. хv, 2—6; Марк. vii, 3, 5, 8, 9, 13).

Но хотя св. Стефанъ и видѣлъ, что свидѣтельствовавшіе противъ него были лжесвидѣтели, потому что они перетолковали тонъ и истинное значеніе употребленныхъ имъ словъ; хотя онъ также сознавалъ, какъ опасно было его положеніе въ качествѣ обвиняемаго въ хуленіи противъ Моисея, противъ храма, противъ преданій и противъ Бога, — ему однако же никогда не приходило на умъ избѣжать этой опасности какой нибудь технической уверткой или компромиссомъ. Въ присутствіи того собранія, члены котораго обязаны были преданіямъ немалою частью принадлежавшаго имъ авторитета ²⁶⁶), подрывать довѣріе къ устному закону было небезопасно. Но Стефанъ не намѣренъ былъ ограничивать свою аргументацію этимъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что теперь настало время говорить, что это былъ такой моментъ, въ который онъ, даже если бы нужно

было умереть, долженъ былъ свидѣтельствовать о внутреннемъ значеніи царства своего Господа. Это вдохновеніе свыше придавало необычайное величіе и восторженность его взгляду, его словамъ, его позѣ. Вся его внѣшность получила особенную выразительность, все его существо преобразилось отъ сознанія, озарившаго особымъ блескомъ самое лицо его. Единогласное преданіе церкви свидѣтельствуется о его молодости и красотѣ; но теперь въ немъ было нѣчто еще болѣе прекрасное, чѣмъ юность или естественная красота. Въ сіявшемъ отъ него духовномъ свѣтѣ онъ былъ какбы осѣненъ шехиною, которая давно уже исчезла изъ междукрылій херувимовъ въ храмѣ. Когда свидѣтели высказывали свое жесвидѣтельство, никто еще изъ нихъ не замѣчалъ внезапнаго сіянія, которое начинало покрывать его; но когда обвиненіе кончилось и глаза всѣхъ отъ обвинителей обратились упорными взглядами на обвиняемаго ²⁶⁷⁾, то всѣ сидѣвшіе въ синадріонѣ, а однимъ изъ нихъ по всей вѣроятности былъ Савлъ тарсійскій, смотря на него, «видѣли лице его какъ лице ангела».

При мгновенно наступившемъ безмолвіи раздался голосъ первосвященника Іонаана, который предложилъ обвиняемому обычный формальный вопросъ:

«Такъ ли это»? ²⁶⁸⁾

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ началась рѣчь, которая есть одинъ изъ первыхъ и одинъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ христіанской церкви. Хотя она была сказана передъ синадріономъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она сказана была на греческомъ языкѣ, который при двуязычномъ состояніи Палестины, да и всего вообще цивилизованнаго міра, въ то время могъ быть совершенно понятенъ членамъ синадріона и который быть можетъ былъ единъственнымъ языкомъ, на которомъ Стефанъ могъ говорить свободно ²⁶⁹⁾. Цитаты изъ ветхаго завѣта берутся изъ перевода LXX даже тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ еврейскаго подлинника, и личная своеобразность, какою отличается почти всякое положеніе въ этой рѣчи, запрещаетъ намъ смотрѣть на нее какъ на простой перифразъ. Что она могла сохраниться до насъ, въ этомъ нѣтъ ничего особенно затруднительнаго. Помимо того, что при судебныхъ засѣданіяхъ синадріона всегда присутствовало два секретаря ²⁷⁰⁾, бываютъ такіе слова и выраженія, которыя въ извѣстныя времена неизгладимо напечатлѣваются въ памяти слушателей, и такъ какъ мы имѣемъ возможность судить, какое глубокое впечатлѣніе было произведено этою рѣчью на ап. Павла, то мы не находимъ особенныхъ затрудненій въ принятіи того соображенія, что своимъ сохраненіемъ она обязана именно ему. Изобилующія въ ней *гагадоны*, отступленіе отъ исторической точности, обильныя ссылки на ветхій завѣтъ, шероховатость слога и главнѣе всего сосредоточенная сила, дѣлающая въ отношеніи ея возможными различныя толкованія, — все это такіе характеристическія черты, которыя не оставляютъ и тѣни сомнѣнія, что, кто бы ни передалъ ее намъ, мы по крайней мѣрѣ имѣемъ здѣсь подлинное *изложеніе* самой рѣчи Стефана. И эта рѣчь отмѣчаетъ новую эпоху

въ лѣтописяхъ христіанства. Она повела къ послѣдствіямъ, благодаря которымъ церковь изъ іудейской секты въ Іерусалимѣ превратилась въ церковь язычниковъ и міра. Она отмѣчаетъ начало отдѣленія двухъ установленій, о которыхъ еще не знали, что они взаимно непримиримы.

Такъ какъ обвиненіе св. Стефана было отчасти истиннымъ и отчасти ложнымъ, то ему предстояло ниспровергнуть то, что было ложнаго, и оправдаться отъ порицанія въ томъ, что было истиннаго. Отсюда самозащита и обличеніе проходятъ по всей его рѣчи, но самозащита имѣетъ второстепенное значеніе, между тѣмъ какъ обличеніе главнымъ образомъ направляется къ тому, чтобы пробудить отъ дремоты совѣсть его слушателей. На обвиненіе въ богохульныхъ словахъ онъ ограничивается косвеннымъ опроверженіемъ этого обвиненія всѣмъ тономъ своей рѣчи. Вслѣдъ за деликатной просьбой о вниманіи къ себѣ онъ въ первыхъ же словахъ говоритъ о Богѣ, называя его однимъ изъ возвышеннѣйшихъ наименованій его величія, Богомъ шехины (славы). На исторіи Моисея онъ останавливается со всею восторженностью патріотическаго благоговѣнія. О храмѣ говоритъ съ полнымъ почтеніемъ. О Синаѣ и живыхъ провозвѣстникахъ закона онъ выражается съ такою торжественностью, какъ только могли желать самые набожные раввины. Но показывая такимъ образомъ, какъ нелѣпо обвинять его въ богохульствѣ, онъ въ то же время не упускаетъ изъ вида главную цѣль—выставить факты, которые имѣютъ гораздо болѣе глубокое значеніе, чѣмъ доказательство его невинности. Все искусство его рѣчи сосредоточивается въ томъ, что онъ, занятый повидимому спокойнымъ историческимъ обзоромъ, который съ увлеченіемъ и гордостью могъ бы слушать всякій іудейскій патріотъ, въ тоже время шагъ за шагомъ выводитъ заключенія, которыя съ непреодолимою силою свидѣтельствовали противъ возрѣній его судей. Повидимому обозрѣвая только различныя странствованія Авраама и невзгоды патріарховъ, онъ въ дѣйствительности показываетъ, что завѣты Бога съ избраннымъ народомъ, заключенные въ Урѣ, Харранѣ и Египтѣ, были только частями одной непрерывной цѣпи истины, которая не только не зависитъ отъ обрядности или мѣстъ, но проявлялась уже раньше не только существованія скиніи и храма, не только раньше овладѣнія землей обѣтованной, но даже и раньше самаго обрѣзанія ²⁷¹). Излагая жизнь Іосифа, онъ косвенно указываетъ на отверженіе еще большаго избавителя, чѣмъ Іосифъ. Очерчивая три сороколѣтнихъ періода, изъ которыхъ состояла жизнь Моисея, онъ опять изображаетъ служеніе Христа, и молча указываетъ на то, что еврейскій народъ во всѣ періоды своей жизни былъ невѣренъ какъ Моисею, такъ и Богу. Съ этою-то цѣлію именно онъ рассказываетъ, какъ при первомъ выступленіи Моисея на помощь его страждущимъ соплеменникамъ они грубо отвергли его вмѣшательство и какъ, не смотря на это отверженіе, онъ былъ избранъ для избавленія ихъ отъ рабства. При недовѣріи къ этому особому порученію (при этомъ нужно замѣтить, какъ въ видахъ при-

влеченія глубочайшаго вниманія этотъ основной пунктъ въ его пользу вводится не съ показною торжественностью, а совершенно спокойно, какъ случайность въ общемъ историческомъ обзорѣ) Моисей долженъ былъ самъ приучать ихъ смотрѣть на свое посланничество какъ на временное, убѣждая ихъ повиноваться пророку, который подобно ему явится имъ въ послѣдствіи. Но исторія Моисея, на котораго они полагались, была роковою для ихъ самовосхваленія своею вѣрностью ему. Даже когда онъ былъ еще на Синаѣ, они измѣнили ему и говорили о немъ какъ о «томъ Моисеѣ», о которомъ они не хотѣли знать, что случилось съ нимъ ²⁷²). Но невѣрные Моисею они были еще болѣе невѣрны Богу. Левитскія жертвоприношенія оставлены были съ самаго времени ихъ установленія и замѣнены жерт-

Наблусъ (древній Сихемъ) и гора Гаризимъ.

вами силамъ небеснымъ; скинія Молоха и звѣзда Ремфана ²⁷³) имъ были дорожке скиніи свидѣнія и шехины Божіей. Наконецъ Іисусъ (желая быть выслушаннымъ до конца, Стефанъ не упоминаетъ имени того Іисуса, которымъ наполнены были его мысли) привелъ ихъ со скиніею въ землю, которую онъ отнялъ у язычниковъ. Эта скинія, послѣ темной и безславной исторіи, была взята у нихъ, и взята, можно сказать, вслѣдствіе ихъ равнодушія и пренебреженія къ ней. Давидъ, ихъ собственный Давидъ, хотѣлъ замѣнить ее другою, но въ дѣйствительности построеніе Дома Божія было совершенно менѣе благочестивымъ Соломономъ ²⁷⁴). Но даже въ то самое время, когда построенъ былъ этотъ храмъ, въ молитвѣ Давида и въ посвяtitельномъ моленіи Соломона ²⁷⁵) высказывалось, что «Всевышній не въ

рукотворенныхъ храмахъ живетъ». И для того, чтобы предостеречь отъ опаснаго суевѣрія, въ которое склонно вырождаться благоговѣнїе, оказываемое матеріальнымъ предметамъ, для того, чтобы устранить возможность упованія на пустыя слова въ родѣ: «храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень вотъ здѣсь,»—великій пророкъ воскликнулъ во имя Бога: «Небо престолъ Мой, и земля подножіе ногъ Моихъ. Какой домъ созиждете Мнѣ, говоритъ Господь, или какое мѣсто для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сіе» (Ис. lxvi, 1, 2)? Выводъ изъ этого, что *долженъ* настать день, о которомъ Іисусъ предсказывалъ женщинѣ самарянкѣ, когда люди будутъ поклоняться Отцу небесному ни на Гарижимѣ, ни въ Іерусалимѣ, составлялъ великолѣпную защиту противъ обвиненія, что сказанное имъ могло считаться хуленіемъ противъ храма.

Такъ онъ исчерпалъ предметъ своей рѣчи и показалъ, что хульные слова были далеки отъ его мыслей. Изъ его обзора національной исторіи было ясно, что защищаемыя имъ начала находились въ согласіи съ ученіемъ минувшихъ вѣковъ; что отверженіе Христа начальниками Его народа не могло служить доказательствомъ противъ его достоинства; что храмъ не *могъ* предназначаться въ качествѣ предмета безконечнаго почтенія; наконецъ, если онъ и говорилъ, что Іисусъ *долженъ* былъ измѣнить законодательство, переданное Моисеемъ, то вѣдь самъ Моисей заявлялъ, что въ надлежащее время его завѣту суждено было окончиться. Приэтомъ онъ скорѣе излагалъ основанія, изъ которыхъ слѣдовало такое заключеніе, чѣмъ настаивалъ на самыхъ выводахъ. Это онъ дѣлалъ въ виду ихъ раздраженности и предубѣжденія и съ надеждой спокойно напечатлѣть истину въ ихъ сердцахъ. Онъ могъ бы продолжать исторію въ теченіе столѣтій, ознаменованныхъ слабыми или богоотступными царями, упивавшимися кровію отверженныхъ пророковъ—вплоть до великаго возмездія въ плѣнѣ; могъ бы показать, какъ послѣ плѣна устарѣлое идолослуженіе деревяннымъ и каменнымъ богамъ было замѣнено только болѣе утонченнымъ и самодовольнымъ идолопоклонствомъ формализма и боготворенія буквы; какъ почтеніе къ книгѣ доходило до забвенія содержащихся въ ней истинъ; какъ при заботѣ о десятинѣ мяты, аниса и тмина забывались важнѣйшія истины закона; какъ куренію отъ мертваго жертвоприношенія придавалось болѣе значенія, чѣмъ дѣламъ живаго милосердія; какъ обрѣзаніе и субботство ставилось выше вѣры и нравственной истины; какъ наконецъ длинный рядъ преступленій противъ посланниковъ Божіихъ завершился убіеніемъ Господа славы. Истина, когда на нее только наводятъ, часто сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, чѣмъ когда ее облачаютъ въ слова, и первоначальною цѣлью св. Стефана быть можетъ было скорѣе руководить, чѣмъ опровергать. Но если такъ, то лица его слушателей показывали, что онъ не достигъ своей цѣли. Съ тупымъ самодовольствомъ слушали они разсказъ, въ которомъ знаменательные факты служили имъ поводомъ къ прославленію своихъ отцовъ. Но вѣроятно было что нибудь въ выраженіи лицъ слушателей, что вдругъ убѣдило его въ бесполезности

обращаться съ словами увѣщанія къ такому непреодолимому упорству, и онъ вдругъ прервалъ свой историческій обзоръ и въ упоръ имъ загремѣлъ всеѣмъ громомъ своего гнѣва и презрѣнъя.

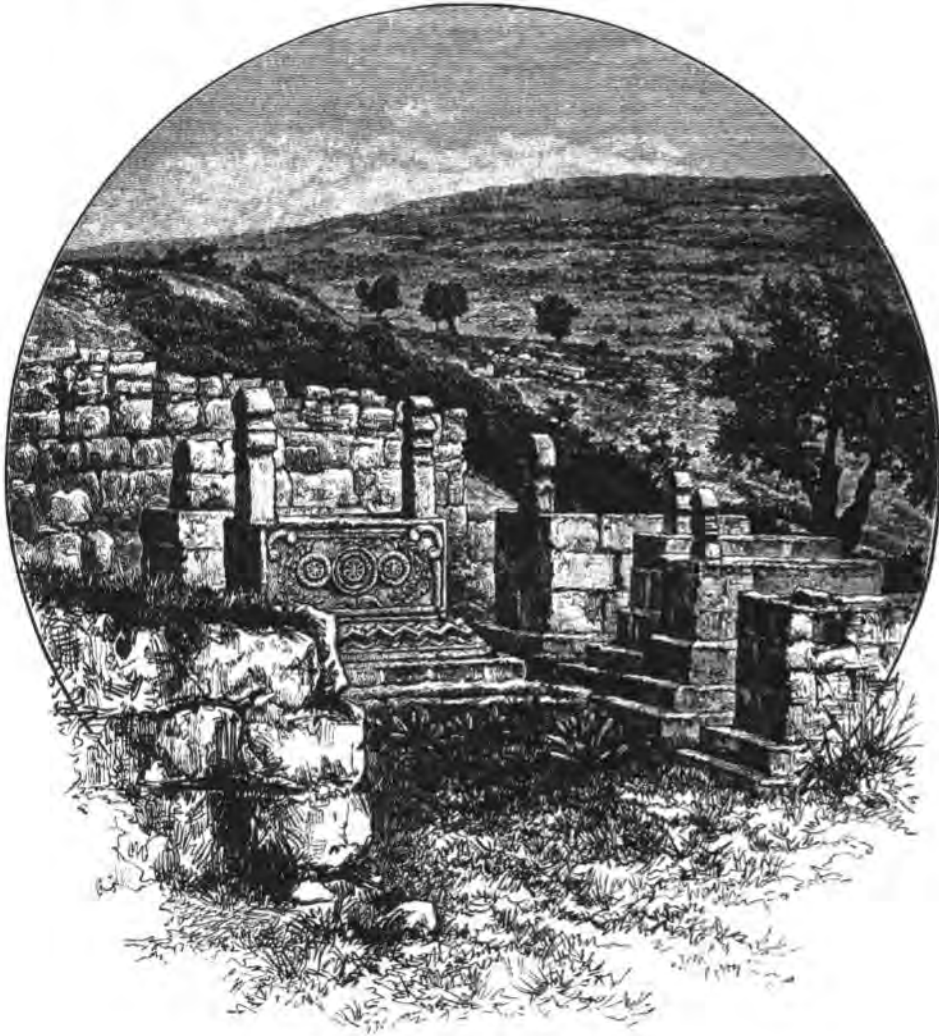
«Жестоковыяныне!» воскликнулъ онъ, «люди съ необрѣзанными сердцемъ и ушами! *вы* всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника, котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы. Вы, которые приняли законъ при служеніи ангеловъ ²⁷⁶⁾, и не сохранили!» ²⁷⁷⁾.

Столь беспощадное и безстрашное обличеніе изъ устъ узника, жизнь котораго зависѣла отъ ихъ воли, должно было поразить ихъ; и этотъ сильный взрывъ справедливаго негодованія противъ тѣхъ, кого онъ называлъ «братъями и отцами», можетъ быть объясненъ только долгимъ сдерживаніемъ чувствъ у того, терпѣніе котораго истощилось. Но онъ едва-ли могъ найти лучшихъ выраженій для того, чтобы расpalить ихъ ярость. Самые термины, которыми онъ характеризовалъ ихъ состояніе, какъ заимствованные въ законѣ и у пророковъ, придавали особенную силу предварительному обозрѣнію исторіи (Второз. ix, 6, 13; x, 16; xxx, 6; Неем. ix, 16; Іезек. xlv, 7; Іерем. ix, 26); а называть ихъ необрѣзанными *сердцемъ и ушами* значило съ презрѣніемъ отвергать праздныя мечтанія, что одного обрѣзанія было достаточно для избавленія ихъ отъ гнѣва Божія, и что необрѣзаніе было хуже всякаго преступленія ²⁷⁸⁾. Выставить ихъ истинными сынами своихъ отцовъ и заклеить ихъ совѣсть, уже до болѣзненности пораженную сознаніемъ виновности, худшимъ убійствомъ, чѣмъ худшее убійство пророковъ, значило не только подрывать ихъ авторитетъ, такъ слѣпо принимавшійся народомъ, но значило привлекать на судъ самыхъ судей его и на нихъ обращать все стрѣлы обвиненія. А такъ именно и поступали они не только въ дѣлѣ преданія ими Мессіи на распятіе, но и въ дѣлѣ неповиновенія ихъ тому данному имъ при посредствѣ ангеловъ закону, на защиту святости и вѣчнаго значенія котораго они въ этотъ самый моментъ повидимому и выступали.

Трудно во всей области литературы найти рѣчь, которая была бы болѣе искусна, содержательна и убѣдительна, чѣмъ эта рѣчь св. первомученика Стефана; и она становится поистинѣ изумительною, если мы вспомнимъ, что она повидимому произнесена была по вдохновенію минуты ²⁷⁹⁾.

Но безбоязненная смѣлость заключительнаго обличенія Стефана распалила ярость членовъ синагоги. На западѣ среди самыхъ пылкихъ народовъ едва ли кто можетъ вообразить себѣ ту яростную запальчивость, которая приводитъ въ бѣшенство толпу восточныхъ изувѣровъ ²⁸⁰⁾. Будучи едва въ силахъ продолжать подобіе судебного разбирательства, они выражали пожиравшую ихъ сердца агонію ненависти внѣшними знаками, которые почти совсѣмъ неизвѣстны у народовъ новѣйшей цивилизаціи, — именно скрежетаніемъ и щелканіемъ зубовъ, мыслимымъ только въ людяхъ, въ которыхъ не совсѣмъ еще такъ сказать умерли «обезьяна и

тигръ». Разсуждать съ людьми, которыхъ страсти низвели на степень дикихъ звѣрей, было хуже чѣмъ бесполезно. Пламя святаго гнѣва погасло въ груди св. Стефана съ быстротою молніи. Это былъ праведный гнѣвъ; онъ относился не къ нимъ, но къ ихъ ослѣпленію; онъ имѣлъ въ виду не оскорблять, но пробуж-

Видъ отъ воротъ св. Стефана.

дать ²⁸¹). Но св. Стефанъ сразу же увидѣлъ, что онъ не достигъ своей цѣли, и теперь все уже было кончено. Въ одинъ мигъ его мысли унеслись къ небу, откуда снизошло на него вдохновеніе. Отъ этихъ лицъ, принявшихъ отъ искажавшей ихъ злобы демонскій характеръ, опечаленный взоръ его обратился горѣ—къ небесамъ.

Тамъ, въ восторженномъ видѣніи, онъ увидѣлъ шехину, славу Божію, Иисуса, «стоящаго» какбы наготовѣ помочь ему и принять его «одесную Бога». Восхищенный этимъ дивнымъ богоявленіемъ превыше всякой мысли объ опасности, онъ, какбы желая и своихъ враговъ сдѣлать участниками этого видѣнія, воскликнулъ: «Вотъ, я вижу небеса отверстыя ²⁸²⁾ и Сына человѣческаго стоящаго одесную Бога!» Въ такой моментъ ему некогда было, да онъ и не въ силахъ былъ взвѣшивать слова, которыя онъ говорилъ; но потому ли, что онъ вспомнилъ тотъ мессіанскій титулъ, который употреблялся самимъ Господомъ, когда Онъ предсказывалъ этому самому синедріону, что они увидятъ впослѣдствіи Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы, но только несомнѣнно, что это единственное мѣсто новаго завѣта, гдѣ І. Христосъ называется Сыномъ человѣческимъ не собственными устами, а устами другаго ²⁸³⁾.

Но этихъ возвышенныхъ словъ не могли выдержать чувства его слушателей. Затыкая свои уши, какбы съ цѣлію предохранить ихъ отъ оскверняющаго богохульства, они массою поднялись съ обѣихъ сторонъ полукруга, въ которомъ сидѣли, и съ дикимъ ревомъ ²⁸⁴⁾ ринулись на Стефана. О законномъ рѣшеніи дѣла теперь уже не было и рѣчи. Въ своей ярости они забыли всякій законъ и повлекли св. Стефана за городскія ворота, чтобы тамъ побить его камнями ²⁸⁵⁾.

Можно судить, какъ ожесточенна была ярость, когда она превратила торжественный синедріонъ въ шайку убійцъ. Правда, въ это время синедріонъ находился подъ саддукейскимъ вліяніемъ, и это вліяніе, какъ и во время суда надъ І. Христомъ, главнымъ образомъ сосредоточивалось въ семействѣ Анны, члены котораго были самыми безжалостными среди этой жестокой секты. Если мученичество это, какъ есть основанія думать, совершилось въ 37 г. по Р. Хр., то по всей вѣроятности это было въ короткое предсѣдательство первосвященника Іонаана, сына Анны. Злополучное семейство человѣка, котораго І. Флавій провозглашаетъ до исключительности благословеннымъ! Сѣдовласый отецъ съ своимъ зятемъ Каіафой обагрили свои руки кровію Иисуса; Іонаанъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего положенія въ должности былъ *наси* того синедріона, который убилъ св. Стефана; Теофилъ, другой сынъ Анны, былъ тѣмъ первосвященникомъ, который во время крайней озлобленности первыхъ гоненій далъ Савлу страшное порученіе въ Дамаскъ; Матеія, третій сынъ его, со времени своего возвышенія въ это достоинство, былъ однимъ изъ тѣхъ вождей іудейскихъ, которыхъ Иродъ Агриппа пытался примирить съ собою убіеніемъ Іакова, сына Зеведеева; и наконецъ Хананъ, младшій сынъ «порожденія ехиднина», незаконнымъ насиліемъ совершилъ убіеніе Іакова брата Господня ²⁸⁶⁾. Такимъ образомъ всѣ эти разсчитанныя убійства—столь рѣдкія въ то время—были направлены на послѣдователей Христа, и всѣ они были направляемы и одобряемы коварными, жадными, беззастѣнчивыми членами одного и того же рода саддукейскихъ іерарховъ ²⁸⁷⁾.

Св. Стефана затѣмъ безъ всякаго соблюденія обычной обрядности повлекли къ мѣсту казни. Его мысли очевидно были заняты печальнымъ зрѣлищемъ Голгофы; оно могло представиться ему теперь тѣмъ съ большею живостью, что онъ по всей вѣроятности проходилъ тѣми же воротами, которыми лишь четыре года предъ тѣмъ несъ крестъ свой Спаситель. Когда началось ужасающее побіеніе (въ слѣпой своей ярости убійцы видимо пренебрегли даже обычными мѣрами для ускоренія казни), онъ почти словами своего Учителя (Лук. ххп, 34, 46) воскликнулъ: «Господи Іисусе! пріими духъ мой!»²⁸⁸). А когда, израненный и истекая кровью, онъ могъ еще стать на колѣни, онъ опять въ духѣ своего Господа молился за своихъ убійцъ, и даже вопль его страданія звучалъ прощеніемъ, показывающимъ, какъ мало злобы было въ его суровыхъ, произнесенныхъ имъ предъ тѣмъ словахъ: «Господи, молился онъ, не вѣни имъ грѣха сего!»²⁸⁹). Съ этимъ возгласомъ онъ отошелъ отъ гнѣва людей въ миръ Божій. Историкъ оканчиваетъ кровавую повѣсть многозначительнымъ и прекраснымъ замѣчаніемъ, что мученикъ «почилъ»²⁹⁰).

Для исполненія своего страшнаго дѣла присутствующіе снимали свои одежды²⁹¹) и клали ихъ «у ногъ юноши, именемъ Савла».

Тутъ въ первый разъ упоминается въ исторіи имя, которому предназначено было отселѣ стать навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ міра. И при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ упоминается оно! Савлъ выступаетъ правда не въ качествѣ дѣятельнаго участника въ дѣлѣ смерти, но онъ стережетъ одежды, сочувствуетъ насилію тѣхъ, что такимъ звѣрскимъ образомъ тушили въ крови свѣтъ на томъ лицѣ, которое какъ лице ангела сіяло вѣрой и любовью.

Св. Стефанъ умеръ, и казалось съ нимъ могла бы умереть и вся та истина, которая была славой и крѣпостью христіанства. Но избавленіе язычниковъ и искупленіе ихъ кровію Христа—это были слишкомъ великія истины, чтобы ихъ можно было уничтожить совсѣмъ. Истину можно подавить на время, даже на долгое время, но она всегда вновь воспрянетъ изъ своей временной могилы. Савонарола и Гуссъ были сожжены, но реформація этимъ не была предотвращена. Св. Стефанъ утонулъ въ своей крови, но на его мѣсто выступилъ юноша, который стоялъ тутъ для возбужденія его убійцъ. Четыре года спустя послѣ того, какъ І. Христосъ умеръ на позорномъ крестѣ, св. Стефанъ былъ побитъ камнями за то, что былъ Его ученикомъ и послѣдователемъ; тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти первомученика Стефана умеръ и его смертельный противникъ, и умеръ за ту же самую вѣру святую.

Малый отрогъ горы Ермона.

КНИГА Ш. ОБРАЩЕНИЕ.

ГЛАВА IX. САВЛЬ—ГОНИТЕЛЬ.

Я даже до смерти гналъ послѣдователей сего
ученія. Дѣян. ххп, 4.

НОГЪ юноши». Выраженіе это неопредѣленное, но есть основанія думать, что Савлу въ это время было не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду ²⁹²). Почтеніе къ старости, сильное вообще на востокѣ, было особенно сильно у іудеевъ, и они никогда не вѣряли власть тѣмъ, кто не достигалъ полныхъ лѣтъ возмужалости. Можно считать несомнѣннымъ, что даже ученикъ Гамалиила, такой геніальный и ревностный какъ Савль, не былъ бы назначенъ довѣреннымъ синедріона въ дѣлѣ отвѣтственнаго порученія раньше тридцатилѣтняго возраста; а если мы придадимъ буквальное значеніе выраженію: «когда убивали ихъ, я подавалъ голосъ» ²⁹³), то это означаетъ, что Савль былъ членомъ синедріона. Если же такъ, то онъ въ это время, по самому свойству своего положенія, былъ человѣкомъ женатымъ ²⁹⁴).

Но если правиломъ, чтобы членъ синедріона былъ женатымъ человѣкомъ, имѣлось въ виду обезпечить духъ нѣжности ²⁹⁵), то въ отношеніи Савла оно не достигало своей цѣли. Въ наступившемъ страшномъ гоненіи на христіанъ,—гоненіи, гораздо болѣе суровомъ, чѣмъ прежнія нападки саддукеевъ на апостоловъ, онъ былъ душею заговора съ цѣлю искоренить христіанскую вѣру. Не довольствуясь вялымъ фанатизмомъ синедріона, онъ былъ и первымъ возбудителемъ, и главнымъ исполнителемъ религіозной мести. Обвиненіе, стоявшее св. Стефану жизни, могло быть приложимо отчасти и къ другимъ христіанамъ—еллинистамъ, и хотя ихъ взгляды могли быть болѣе свободными, чѣмъ взгляды галилейскихъ учениковъ, тѣмъ не менѣе узы любви между двумя вѣтвями церкви были еще такъ сильны, что судьбу одного класса нельзя было отдѣлять отъ судьбы другого. Іудеи въ сущности не любили преслѣдованія. Синедріонъ этого времени навлекъ на себя обвиненіе въ позорной слабости. *Сикаріи* или тайные убійцы не были подавляемы; красная телица не убивалась ²⁹⁶); испытаніе горькой водой не употреблялось, потому что преступленіе прелюбодѣянія возросло въ небывалой степени ²⁹⁷). Когда равв. Еліезеръ арестовалъ нѣсколькихъ воровъ, то раввинъ Іошуа Бен-Корха укорялъ его словами: «Долго ли ты будешь предавать народъ Божій разрушенію? Пусть вырываетъ плевелы господинъ виноградника» ²⁹⁸). Но къ обольстителю (*месситъ*), богохульнику (*мегадефъ*) и идолопоклоннику не было ни снисхожденія, ни состраданія ²⁹⁹). По единодушному свидѣтельству самихъ іудеевъ, христіане не могли быть обвиняемы въ преступленіи идолопоклонства ³⁰⁰); но ихъ всетаки легко было подвести подъ наказаніе чрезъ побіеніе камнями, которое присуждалось за упомянутыя выше преступленія. Право налагать меньшія наказанія—бичеванія и отлученія—повидимому принадлежало не только синедріону, но даже и всякой мѣстной синагогѣ. Каковы бы ни были законныя полномочія этихъ собраній, каково бы своеволіе ни допускалось вслѣдствіе временнаго ослабленія римскаго надзора ³⁰¹), всѣмъ этимъ пользовался и злоупотреблялъ юный Зилотъ. Мудрость терпимости, которую внушалъ Гамаліилъ, проявляется въ томъ фактѣ, что великое гоненіе, разразившееся надъ церковью въ Іерусалимѣ, было во всѣхъ отношеніяхъ важно для новой религіи. Оно разсѣяло іудейство, которое иначе подвергло бы опасности распространеніе христіанства, и показало, что ученикамъ предстояла высшая миссія, чѣмъ прозябаніе въ галилейской синагогѣ. Священный огонь, который сталъ бы лишь теплиться на очагѣ горницы въ Іерусалимѣ, воспламенился съ новою силою и блескомъ, когда искры отъ него разсыпались по всей Іудеѣ и Самаріи и необрѣзанные язычники были допущены къ крещенію въ стадо Христово.

Торжественное погребеніе св. Стефана «благовѣйными мужами»,—христіанами ли еллинистами, или іудейскими прозелитами, — оплакиваніе его ³⁰²) ими съ біеніемъ себя въ грудь и ломаніемъ рукъ не измѣнили намѣренія Савла. Зрѣлище этой страшной смерти, предсмертная агонія и обезображенные останки того, кто

стоялъ предъ синедріономъ подобно ангелу въ красотѣ святости — все это едва ли могло пройти безъ слѣда для столь нѣжнаго отъ природы сердца. Но если мучительно видѣть агонію другихъ и особенно быть главнымъ дѣятелемъ въ ея причиненіи, зато это самое мученіе становилось тѣмъ болѣе высокой заслугой предъ закономъ. Если его безукоризненная строгость во всемъ касающемся подзаконной праведности начинала тайно подтачиваться еретическою неувѣренностью, то тѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость кровью смыть эти закрадывающіяся сомнѣнья. Подобно кардиналу Полю, когда папа Павелъ IV началъ подозрѣвать его правовѣріе, онъ долженъ былъ чувствовать себя полувынужденнымъ на преслѣдованіе, — чтобы доказать свою стойкость въ вѣрѣ.

Дѣятельность его на страшномъ поприщѣ преслѣдованія, намъ кажется, всегда представлялась въ ослабленномъ свѣтѣ. Только когда мы соберемъ всѣ отдѣльныя мѣста (а ихъ не менѣе восьми), въ которыхъ дѣлается намекъ на этотъ печальный періодъ, когда только взвѣсимъ страшное значеніе употребляемыхъ тамъ выраженій, — тогда только мы почувствуемъ то бремя угрызений совѣсти, которое лежало на немъ, и тѣхъ издѣвательствъ, которыми подвергали его злобствующие враги. Онъ «терзалъ», буквально «опустошалъ» церковь ³⁰³). Сильнѣе этого уже нельзя было выразиться. Выраженіе это еще нигдѣ не встрѣчается въ новомъ завѣтѣ, но въ переводѣ LXX и въ классическомъ языкѣ оно прилагается къ дикимъ кабанамъ, подрывающимъ корни виноградниковъ ³⁰⁴). Не довольствуясь обыскомъ синагогъ, онъ получилъ полномочіе на обыскъ частныхъ домовъ, и даже изъ святаго уединенія христіанскихъ семействъ извлекалъ не только мужчинъ, но и женщинъ, предавая ихъ суду и ввергая въ темницы ³⁰⁵). Поиски его были такъ тщательны и слѣдствія ихъ такъ ужасны, что христіане Дамаска, имѣя это въ виду, съ трепетомъ говорятъ о Савлѣ только какъ о томъ, «кто *опустошалъ* (гналъ) въ Іерусалимѣ призывающихъ имя сіе» ³⁰⁶), употребляя сильное выраженіе, приложимое къ нашествію арміи, опустошающей побѣжденную страну огнемъ и мечемъ. Такъ именно передаетъ намъ объ этомъ св. Лука, приводя основаніе для разсѣянія церкви и послѣдующихъ благъ, возникшихъ отъ проповѣданія слова Божія въ болѣе обширныхъ предѣлахъ. Апостолы, прибавляетъ онъ, остались. Что собственно было причиной этого, мы не знаемъ; но такъ какъ прямое позволеніе со стороны Спасителя семидесяти ученикамъ убѣгать отъ преслѣдованія (Матѣ. х, 23) могло бы и для нихъ служить оправданіемъ въ заботѣ о своей безопасности, то причиной этого могло быть и повелѣніе имъ Иисуса оставаться въ Іерусалимѣ до истеченія двѣнадцати лѣтъ ³⁰⁷). Если, какъ думаетъ св. І. Златоустъ, они остались для поддержанія бодрости другихъ, то какъ же случилось, что въ то время, какъ пастыри остались цѣлы, стадо было расхищено? Или нельзя ли думать, что главная ярость гонителей пала на тѣхъ еллинистовъ, которые раздѣляли взгляды первомученика, и что апостолы избавились отъ гоненія благодаря своей строгой преданности Моисееву

закону, въ чемъ особенно выдавался одинъ изъ нихъ, именно такая личность, какъ Іаковъ, братъ Господень? Какъ бы то ни было, они во всякомъ случаѣ не сдѣлались жертвами этой ярости, которая была столь гибельною для многихъ изъ ихъ собратій.

Въ двухъ изъ своихъ рѣчей и въ четырехъ изъ посланій ап. Павелъ обращается къ этому преступленію своего заблудшаго упорства. Въ посланіи къ Галатамъ онъ дважды употребляетъ то же самое выраженіе, которымъ охарактеризованъ его образъ дѣйствій христіанами въ Дамаскѣ ³⁰⁸). Коринѳянамъ онъ пишетъ (1 Кор. xv, 9), что онъ «наименьшій изъ апостоловъ и недостойнъ называться апостоломъ, потому что гналъ церковь Божію». Филиппійцамъ онъ напоминаетъ (Филипп. iii, 6), что его прежняя еврейская ревность въ качествѣ фарисея дѣлала его «гонителемъ церкви Божіей». И даже когда уже начала ложиться на него тѣнь старости, онъ, вполне чувствуя, что прощенъ уже Тѣмъ, кто «пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый», онъ не можетъ подавить въ себѣ горькой мысли, что хотя и по невѣдѣнію онъ былъ прежде «хулителемъ, гонителемъ и обидчикомъ» (1 Тим. i, 13, 15). Обращаясь же къ тѣмъ, кто знали худшее, въ своей рѣчи къ разъяренной черни въ Іерусалимѣ со ступеней башни Антоніи, онъ прибавляетъ еще одинъ фактъ, который бросаетъ мрачный свѣтъ на лѣтописи гоненія. Онъ говоритъ, что кровь св. Стефана была не единственною кровью, которою запятнана его совѣсть. Онъ рассказываетъ народу, что онъ не только вязалъ и заключалъ въ темницы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, но что онъ «гналъ ихъ до смерти» (Дѣян. xxii, 4). Наконецъ въ своей рѣчи въ Кесаріи онъ присоединяетъ еще то, что составляло быть можетъ самое темное воспоминаніе,—именно онъ говоритъ, что, заручившись полномочіями отъ первосвященника, онъ не только безсознательно исполнялъ предсказаніе Христа (Матѣ. x, 17; Марк. xiii, 9), бичуя христіанъ «множественно» и «по всѣмъ синагогамъ», но что даже, когда *возникалъ вопросъ о смерти*, онъ подавалъ свой голосъ на то и по мѣрѣ силъ *принуждалъ ихъ хулить Іисуса* ³⁰⁹). Мы говоримъ «по мѣрѣ силъ», потому что форма употребленнаго имъ глагола указываетъ на стараніе, которое не всегда могло оканчиваться успѣхомъ. Плиній въ одномъ мѣстѣ своего знаменитаго письма къ импер. Траяну изъ Виенніи ³¹⁰) говоритъ, что при допросѣ тѣхъ, которые въ анонимныхъ письмахъ были обвиняемы въ качествѣ «христіанъ», онъ считалъ достаточнымъ для ихъ испытанія заставлятъ ихъ приносить вино и куреніе статуямъ боговъ и изображенію императора и хулить имя Христа, и если они дѣлали это, то онъ отпускалъ ихъ безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, потому что ему передавали, что настоящаго христіанина невозможно принудить къ исполненію чего-нибудь такого.

Мы не знаемъ, испыталъ ли апостолъ въ теченіе своихъ страданій и принужденіе къ богохульству. Со всѣми другими преслѣдованіями, которыя онъ причинялъ христіанамъ, онъ самъ въ послѣдствіи познакомился во всей ихъ полнотѣ

и горечи. Горькую чашу безжалостнаго гоненія онъ выпилъ всю вплоть до дна одинокаго и страшнаго мученичества. Когда онъ уже не былъ высокоумнымъ раввиномъ, самоправеднымъ фарисеемъ, яростнымъ посланникомъ синедріона, снабженнымъ неограниченнымъ полномочіемъ въ подавленіи ереси, а былъ уже

Часть башни Антоніи
(Изъ Pierotti, Jerusalem).

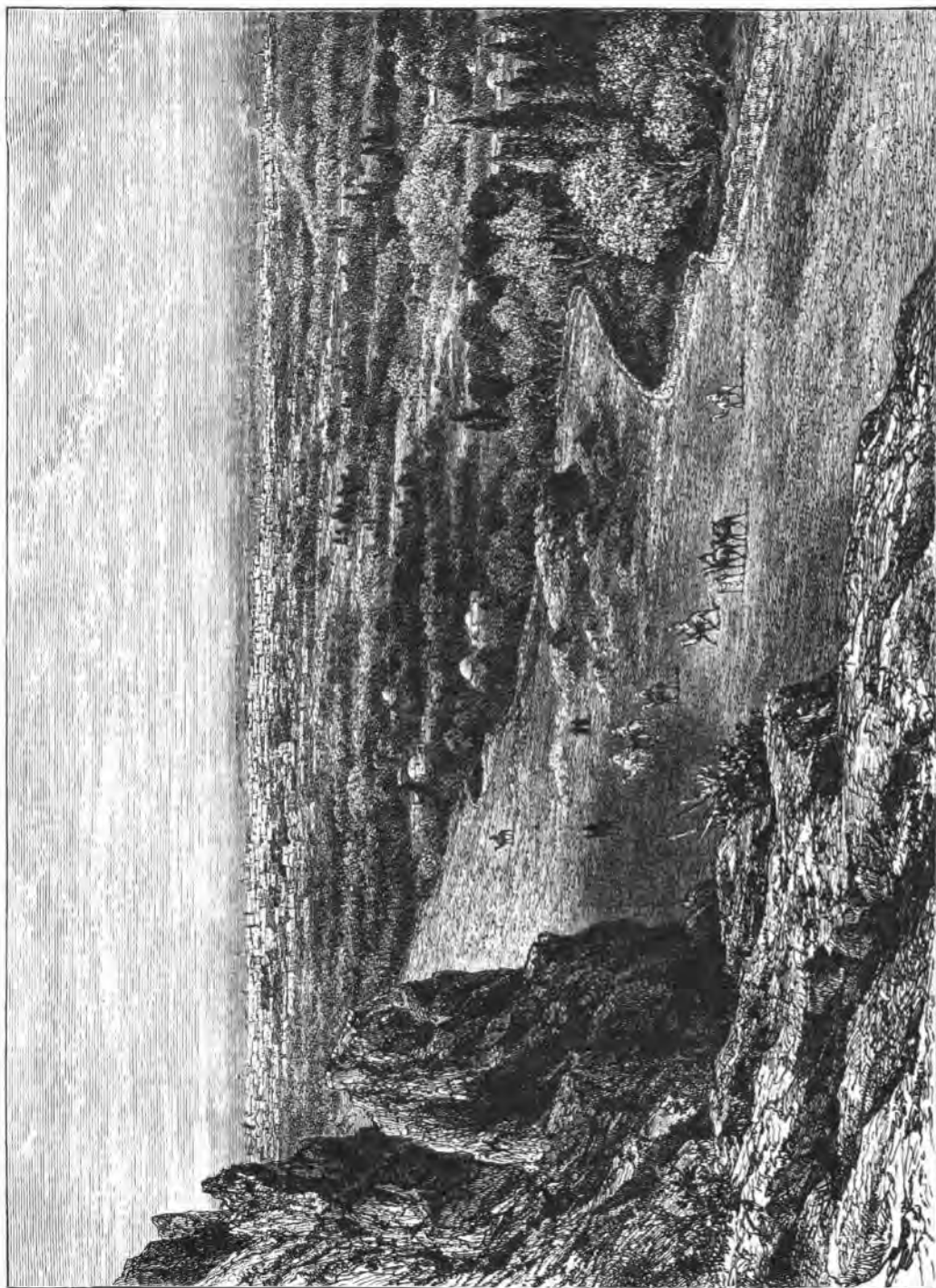
самъ презираемымъ, гонимымъ, ненавидимымъ, полуголоднымъ проповѣдникомъ той вѣры, которую онъ клеймилъ названіемъ богохульной ереси,—въ это время онъ пять разъ получалъ по сорока ударовъ безъ одного отъ разныхъ начальниковъ синагогъ. Онъ также былъ побиваемъ камнями, выдаваемъ своимъ гонителямъ, заключаемъ въ темницы и слышалъ смертный приговоръ, произне-

сенный противъ себя; и во всемъ этомъ онъ признавалъ праведное и милосердное пламя, которое очищало отъ тѣна его нѣкогда заблудшую душу,—легкое наказание, которое онъ заслужилъ, но которое далеко не могло равняться съ вѣчнымъ сокровищемъ достигнутой имъ славы. При всѣхъ этихъ страданіяхъ онъ даже радовался, неся ради Христа то, что онъ заставлялъ нести другихъ и самъ проходя чрезъ ту же печь, которую онъ нѣкогда семь разъ накалялъ для другихъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы какое нибудь изъ этихъ страданій или даже всѣ вмѣстѣ могли въ той же степени терзать его душу, въ какой терзала его мысль, что онъ употреблялъ всю силу своего характера и всю тираннію своей нетерпимости на то, чтобы сломать трость колеблющуюся и погасить лень курящійся,—что онъ старался позорной силой страха и муки принудить нѣкоторые нѣжные сердца къ хуленію своего Господа.

Великое преслѣдованіе, съ которымъ такимъ образомъ связано имя ап. Павла и которое, судя по частымъ указаніямъ, а также и по силѣ относящихся къ нему выраженій, повидимому было болѣе ужасно, чѣмъ обыкновенно думаютъ, съ яростью свирѣпствовало въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ Іерусалимѣ оно было вполне успѣшно. Теперь уже тамъ не было больше проповѣданія или чудесъ у притвора Соломонова: толпы уже не собирались на улицахъ въ ожиданіи прохожденія тѣни апп. Петра и Іоанна; въ домѣ Маріи, матери св. Марка, уже не было больше многочисленныхъ собраній. Если христіане и собирались, то собирались только съ боязливостью и тайкомъ, въ маломъ числѣ, и трапезы любви, если только онѣ вообще совершались, происходили вѣроятно такъ, какъ въ первые дни по воскресеніи, съ запертыми дверями—ради страха іудейскаго. Нѣкоторые изъ христіанъ понесли жестокое мученіе за свою вѣру; менѣе преданные члены церкви несомнѣнно отпали отъ нея; большинство сразу же бѣжало еще до наступленія бури ³¹¹).

Быть можетъ съ цѣлію показать непрерывность враждебной дѣятельности, св. Лука вставляетъ здѣсь повѣствованіе о проповѣдничесвѣ Филиппа, какъ удачномъ введеніи къ дѣятельности апостола языковъ. Къ этому повѣствованію мы возвратимся потомъ, а теперь должны прослѣдить дѣятельность Савла-гонителя и изложить то чудесное событіе, которое, молниеносно сверкнувъ надъ нимъ, сдѣлало его «апостоломъ языковъ», въ одинъ день преобразило Савла гонителя въ Павла—раба Іисуса Христа.

Въ Іерусалимѣ не было больше дѣла для Савла. Христіане разсѣялись изъ него, а тѣ, которые еще оставались тамъ, укрылись въ недоступныя для преслѣдованій мѣста. Но молодой ревнитель отеческихъ преданій не такой былъ человекомъ, чтобы остановиться на половинѣ дѣла. Онъ поразилъ одну голову гидры ³¹²), но другія могли вырасти въ новыхъ мѣстахъ. Онъ вырвалъ ересь съ корнемъ въ священномъ городѣ, но сѣмена ея попадали на плодородную почву въ другихъ мѣстахъ и могли пышно взойти и разростись тамъ; поэтому онъ въ своей чрезмерной ярости, по его собственному выраженію ³¹³), началъ преслѣдовать ихъ даже въ

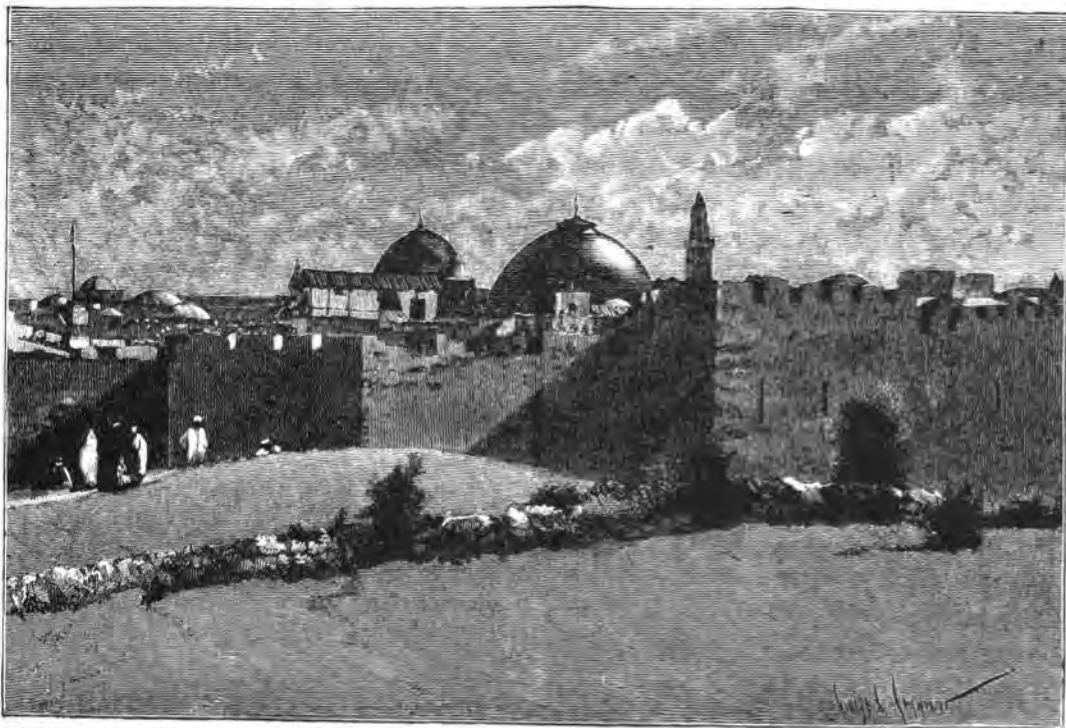

Видъ Дамаска издали.

чужихъ городахъ. Дамаскъ, онъ слышалъ, теперь сталъ главнымъ гнѣздомъ этого ненавистнаго ему заблужденія; тамъ онъ могъ найти широкое поприще для своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что большинство живущихъ тамъ іудеевъ признавали надъ собою главенство синагога. Неудовлетворенный всѣми своими прежними жестокостями, онъ отправился къ первосвященнику, и предсталъ ему въ такомъ душевномъ настроеніи, которое лучше всего опредѣляется выраженіемъ, что онъ «дышалъ угрозами и убійствами на учениковъ Господа» ³¹⁴). Первосвященникъ (по всей вѣроятности Теофилъ, возведенный въ этотъ санъ Вителліемъ въ день пятидесятницы въ 37 году по Р. Хр.) ³¹⁵) былъ саддукей, сынъ ненавистнаго дома Анны. Однакожъ не у него, а у Савла впервые возникла мысль о преслѣдованіи ереси въ Дамаскѣ ³¹⁶). Не смотря на то, что ревнитель принадлежалъ къ другой школѣ и что отвѣтственность за «кровь того чловѣка» должна была пасть и на саддукеевъ вмѣстѣ съ послѣдователями Гиллея, Теофилъ выдалъ письма, которыя уполномочивали Савла устроить судилище въ Дамаскѣ и приводить оттуда въ Іерусалимъ въ цѣпяхъ всѣхъ, кого онъ найдетъ—мужчинъ и женщинъ—для производства надъ ними высшаго суда, примѣромъ милости котораго могла служить для нихъ участь св. Стефана ³¹⁷). Въ обыкновенное время, когда іудейская автономія, которая всегда означала іудейскую нетерпимость, была стѣснена строгими ограниченіями со стороны римскаго правительства, исполненіе такого жестокаго порученія было бы невозможно; этотъ фактъ представлялъ бы непреодолимую трудность, если бы одно случайное выраженіе во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ (хІ, 32) не давало ключа къ объясненію данныхъ обстоятельствъ. Изъ него видно, что городъ въ то время находился болѣе или менѣе въ рукахъ Ареты, могущественнаго эмира Аравіи ³¹⁸). Въ талмудѣ же есть указанія, что Арета находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ іудейскимъ первосвященникомъ ³¹⁹). Такимъ образомъ вотъ сколько стеклось различныхъ обстоятельствъ, чтобы дать Савлу исключительно благопріятный случай приводить христіанъ изъ Дамаска на судъ синагога. Въ другой разъ никогда не могло представиться столько благопріятныхъ обстоятельствъ для искорененія ереси ненавистныхъ назарянъ.

Видъ Іерусалима со стороны Дамаскскихъ воротъ.

ГЛАВА X.

ОБРАЩЕНІЕ САВЛА.

Достигъ меня Христосъ исусъ. Филипп. iii, 12.

НАВЖЕННЫЙ вѣрительными грамотами, Савль отправился въ путь, составляющій около 270 верстъ. Путешествіе это тогда вѣроятно совершалось точно такъ же, какъ оно совершается теперь, на лошадяхъ и мулахъ, которые необходимы для путешественника по тамошнимъ ухабистымъ и дурнымъ дорогамъ, при утомительныхъ подъемахъ и спускахъ по непрерывно тянущимся крутымъ холмамъ. Савль, надо имѣть въ виду, путешествовалъ далеко не такъ, какъ Спаситель и Его смиренные ученики. Проповѣдуя евангеліе бѣдному люду, они не имѣли притязанія на какое либо высшее земное достоинство, на что нибудь выше званія плотника назаретскаго и рыбаковъ галилейскихъ, и потому ходили пѣшкомъ съ посохами въ рукахъ и котомками на плечахъ изъ деревни въ деревню, подобно другимъ «людямъ земли»,

которыхъ такъ презирали долгополые книжники. Савлъ былъ совершенно въ иномъ положеніи, и небольшая свита, назначенная для него, относилась къ нему съ тѣмъ почтеніемъ, которое требовалось вообще въ отношеніи къ фарисею или раввину, а тѣмъ болѣе къ довѣренному посланнику могущественнаго первосвященника Теофила.

Но какъ бы путешествіе ни совершалось, оно не могло занять меньше недѣли, и даже ярая ревность гонителя едва ли могла избавить его отъ обычной на востокѣ медленности путешествія. Такимъ образомъ, совершая свой путь по труднымъ и узкимъ дорогамъ, Савлъ былъ обреченъ на цѣлую недѣлю невольныхъ размышленій. До сихъ поръ онъ вращался въ вихрѣ неустойчивыхъ занятій, оставлявшихъ очень мало времени для спокойнаго размышленія. Тѣ дѣятельные розыски, домашніе обыски, непрерывныя судбища, постоянная распорядительность по исполненію наказаній, заключеніе въ тюрьмы и даже быть можетъ дѣятельное участіе въ побіеніи камнями мужчинъ и женщинъ,—все это поглощало всю его дѣятельность и не давало ему времени прямо въ лицо взглянуть трудному вопросу или вникнуть въ тайныя предчувствія, которыя начинали подниматься въ его душѣ ³²⁰). Гордость,—гордость системы, обычная гордость самостоятельнаго мыслителя, исключительная національная фарисейская гордость, въ которой онъ воспитался,—запрещала ему серьезно подумать, не заблуждался ли онъ наконецъ. Безъ смиренія нѣтъ искренности, безъ искренности не можетъ быть любви къ истинѣ. Савлъ чувствовалъ, что онъ не могъ и не хотѣлъ убѣдиться, чтобы весь опытъ его тридцатилѣтней жизни былъ лишь ничтожной паутиной и чтобы вся подзаконная праведность его была истасканной ветошью. Онъ не могъ и не хотѣлъ допустить возможности, чтобы такіе люди какъ Петръ и Стефанъ могли быть правы, между тѣмъ какъ люди подобные ему и членамъ синагоги могли заблуждаться; или чтобы Мессія могъ быть какимъ нибудь назаретовцемъ, который былъ распятъ какъ злодѣй; или чтобы послѣ столькихъ вѣковъ ожиданія Мессіи, такъ что вся религіозная жизнь еврея вращалась на ожидаемомъ пришествіи Его, Израиль вдругъ могъ оказаться спящимъ и даже умертвить Мессію, когда Онъ наконецъ пришелъ. Если подобныя сомнѣнія на моментъ вторгались въ его мысли, то презрительная самоувѣренность немедленно изгоняла ихъ и они искупались новою ревностью противъ обольстительнаго яда ереси, которая подобно змѣю дерзаетъ заползати въ сердца даже самыхъ ея гонителей. Что, какъ не бѣсовское внушеніе (думалось ему) могло насильно возобновлять въ его сознаніи слова и доводы этихъ хулителей закона и храма? Но онъ ни за что не позволитъ себѣ снизойти въ положеніе какого нибудь заблуждающагося бродяги! Никогда не спустится до уровня невѣжественныхъ людей, которые не знаютъ закона и прокляты за это...

Но навязчивыя сомнѣнія не удалялись отъ него. Пока у него было что дѣлать, онъ могъ разсѣивать вторгающіяся мысли страстью и дѣятельностью. Но когда его дѣло закончилось, когда въ Іерусалимѣ уже некого было преслѣ-

довать, тогда эти сомнѣнія опять стали сгущаться вокругъ него, и онъ явственно слышалъ приближеніе ихъ, какъ явственно слышались звуки отъ подкрадывающихся шаговъ въ пустомъ и чуткомъ пространствѣ. Не это ли и распаляло его ярость, и заставляло его «дышать угрозами и кровью»? Не это ли отчасти и побудило его идти къ коварному саддукею и просить о новомъ порученіи? Этотъ трудъ во имя закона, надѣялся онъ, избавить его отъ затруднительнаго состоянія воли, мучившейся въ борьбѣ противъ жгучихъ терзаній и разрушительныхъ предчувствій.

Видъ Дамаска.

Теперь же, когда онъ день за днемъ подвигался къ Дамаску, могъ ли онъ избавиться отъ собственныхъ мыслей? Съ своими спутниками онъ не могъ разговаривать; они просто назначены были ему для исполненія его приказаній. Они были подчиненные, простые служители синедріона, быть можетъ сторожа храма, невѣжественные левиты, все дѣло которыхъ должно было состоять только въ томъ, чтобы на возвратномъ пути конвоировать злополучную партію трепещущихъ христіанъ. Пустота же мысли, при которой удобно живетъ большинство людей, для Савла, можно быть увѣреннымъ, была невозможною вещью. Онъ не могъ не размышлять; мудрецы заповѣдывали религіозному іудею размышлять о

постановленіяхъ и обѣтованіяхъ закона. Съ того времени, какъ онъ встрѣтился съ Стефаномъ, быть можетъ теперь въ первый разъ онъ, пользуясь дорожнымъ уединеніемъ, имѣлъ полный досугъ спокойно и серьезно обсудить весь вопросъ, при чемъ его мысли не могли быть обиваемы съ пути вліяніемъ фарисейскихъ одномысленниковъ. Онъ принужденъ былъ войти въ тайное судилище своей собственной совѣсти и поставить себя передъ нимъ. Торжественность этого суроваго судилища была гораздо страшнѣе и приговоръ его безпристрастнѣе, чѣмъ въ синедріонѣ или въ ареопагѣ, предъ которымъ ему послѣ приходилось стоять. Если въ характерѣ есть только кака нибудь серьезность; если червь порчи или порока не источилъ еще всего сердца, которое не вѣтряно и не низко по природѣ: то чье міросозерцаніе, чья нравственная жизнь не перевернулись бы совершенно (для многихъ переворотъ совершился бы уже въ этотъ моментъ) подъ давленіемъ серьезныхъ размышленій въ теченіе нѣсколькихъ дней непрерывнаго досуга?

Итакъ можно быть вполне увѣреннымъ, что, когда Савлъ день за днемъ подвигался впередъ при свѣтѣ утренняго солнца или подъ блескомъ яркихъ звѣздъ восточной ночи, мысль его работала упорно. Она то уходила назадъ въ далекое прошлое, то сумрачно заглядывала въ будущее. Вспоминались счастливые годы въ родномъ Тарсѣ, когда онъ ребенкомъ бѣгалъ по берегамъ серебристаго Кидна; счастливые часы въ школѣ Гамалиила, гдѣ впервые засіяла предъ его душой слава Моисея и Соломона, закона и храма, священства и избраннаго народа. Золотые были дни, когда онъ слушалъ объ обѣтованномъ торжествѣ Мессіи и когда ему говорили, какъ близокъ тотъ день, въ который святая земля станетъ владычицей царствъ, и высокомерная твердыня Рима, которая теперь такъ гнететъ подчиненные ему народы, разлетится какъ черепокъ. Но не поблекло ли что нибудь изъ блеска этихъ юношескихъ мечтаній? Что сдѣлала для него праведность закона? Жилъ онъ, насколько касалось людей, честною жизнью. Онъ былъ чрезмѣрно ревностенъ, чрезмѣрно неукоризненъ въ преданіяхъ отцевъ; но какую внутреннюю радость доставили они ему? какое просвѣщеніе? какое избавленіе отъ «закона его членовъ», который, что бы онъ ни дѣлалъ, упорно воюетъ противъ закона его духа? А его грѣхи гордости и страсти, его слабости—развѣ не накажетъ за нихъ ревнивый Богъ? Да есть ли и вообще какое нибудь средство противъ подзаконнаго проклятія «смерти»? Возможно ли вообще какое нибудь избавленіе отъ этой непрерывной борьбы природы, неудовлетворяющейся собою и потому волнующейся подобно возмущенному морю? Обезпечено ли будетъ это избавленіе даже пришествіемъ Мессіи? Для народа это пришествіе будетъ торжествомъ и побѣдой; будетъ ли оно тѣмъ же и для отдѣльных личностей, будетъ ли миромъ совѣсти, оправданіемъ, избавленіемъ отъ тяжкаго рабства, забвеніемъ прошлыхъ грѣховъ, укрѣпленіемъ чловѣка въ его земной слабости?

И по душѣ его молніей сверкнула мысль, что эти назаряне, которыхъ онъ

преслѣдуетъ и убиваетъ, говорятъ, что все это совершилось. Для нихъ Мессія пришелъ, и значитъ они нашли миръ. Правда, что ихъ Мессія былъ презираемъ и отвергнутъ; но не было ли это исполненіемъ того, что сказано объ отроцѣ Іеговы въ томъ пророчествѣ, на которое они постоянно ссылаются и которое обѣщаетъ именно то, въ чемъ болѣе всего нуждается его возмущенная совѣсть:—

«Онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и униженъ Богомъ. Но Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши, и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ» (Ис. лш, 4—6).

Это мѣсто изъ пророка Исаіи давало другой видъ пониманію Мессіи, отличный отъ того, которому его учили. Но раввины говорили, что всѣ пророчества—мессіанскія. Иисусъ былъ распятъ. Распятый Мессія — это ужасная идея; но хуже ли это того, какъ если бы Мессія былъ прокаженнымъ? И однакоже идеальный рабъ Іеговы называется прокаженнымъ³²¹). Но если тѣлесныя качества Его ниже тѣхъ, какихъ вообще ожидалъ Израиль, то несомнѣнно нравственныя качества, духовныя особенности должны быть безконечно возвышеннѣе, какъ онъ и слышалъ это отъ ненавистныхъ галилеянъ. Они говорили,—и это были поистинѣ благословенныя слова,—о Мессіи, что чрезъ Него они получили прощеніе грѣховъ. Если это правда, то какое наступило бы безконечное блаженство; безнадежность тяжелой борьбы кончилась бы навсегда. И законъ обѣщаетъ жизнь за совершенное послушаніе (Лев. xviii, 5; Галат. iii, 12). Но достигалъ ли кто когда нибудь и могъ ли кто достигнуть этого совершеннаго послушанія (Римл. x, 5)? Было ли оно въ языческомъ мірѣ, который хотя и не имѣетъ закона Моисеева, но имѣлъ свой собственный законъ естества? Было ли оно въ іудейскомъ мірѣ?—Увы, сколько глу-

Карта съ показаніемъ дорогъ изъ Іерусалима въ Дамаскъ.

шались это отъ ненавистныхъ галилеянъ. Они говорили,—и это были поистинѣ благословенныя слова,—о Мессіи, что чрезъ Него они получили прощеніе грѣховъ. Если это правда, то какое наступило бы безконечное блаженство; безнадежность тяжелой борьбы кончилась бы навсегда. И законъ обѣщаетъ жизнь за совершенное послушаніе (Лев. xviii, 5; Галат. iii, 12). Но достигалъ ли кто когда нибудь и могъ ли кто достигнуть этого совершеннаго послушанія (Римл. x, 5)? Было ли оно въ языческомъ мірѣ, который хотя и не имѣетъ закона Моисеева, но имѣлъ свой собственный законъ естества? Было ли оно въ іудейскомъ мірѣ?—Увы, сколько глу-

бокаго разочарованія заключается даже въ одномъ этомъ вопросѣ! Анна, Каиафа, Оеофилъ, Измаиль Бенъ Фаби—составляютъ ли они образецъ праведности законной? А если, что также вѣрно, и Израиль не достигъ закона праведности, то на что оставалось надѣяться? ³²²) Да, счастливы тотъ, кому прощена подзаконная праведность, грѣхи кого покрыты! Блаженъ тотъ, кому Господь не вмѣняетъ грѣха! Какое блаженство имѣть вблизи себя безконечнаго Бога, который казался всегда такъ далеко,—видѣть Его лице не затѣненное облаками, не чрезъ сверкающій столпъ огня, но какъ человѣкъ видитъ лице своего друга! О, такой человѣкъ достигъ пристанища отъ бури, покрова отъ непогоды, «тѣни отъ высокой скалы въ землѣ жаждущей» (Ис. xxxii, 2)!

И вотъ онъ съ чувствомъ угрызения въ совѣсти все болѣе и болѣе замѣчалъ, что онъ неудержимо стремится по скользкому пути въ область того самаго ученія, которое онъ смертельно гналъ. Для этихъ назарянъ ихъ Сынъ человѣческой—дѣйствительный образъ невидимаго Бога. Правъ ли онъ былъ въ такомъ случаѣ, стараясь истребить вѣру столь чистую, столь возвышенную? Ересь ли она или нѣтъ, но что она чиста и возвышенна, этого онъ не могъ не признать. Лице Стефана, которое при его глазахъ обито было небеснымъ свѣтомъ, когда оно истекало кровію, неотвязчиво преслѣдовало его, какъ оно преслѣдовало его и послѣ, о чемъ есть достовѣрные свидѣтельства. Могъ ли Моисеевъ законъ вдохнуть такой божественный энтузіазмъ? Могъ ли онъ исполнить страдальцевъ такимъ непостижимымъ спокойствіемъ, такою свѣтлою надеждою? И гдѣ во всемъ пятокнижіи онъ могъ найти наставленія столь нѣжныя, уроки столь дивныя, любовь столь невыразимую, побужденія столь властныя и неодолимыя для души, какъ эти люди нашли въ ученіи и въ любви своего Господа? Эти блаженства, которыя онъ отъ нихъ слышалъ, эти дѣла исцѣляющей любви, о которыхъ свидѣлствуютъ столь многіе, эти притчи, исполненныя божественнаго озаренія, эти нравственные и духовныя истины Учителя, который, хотя народъ и распялъ Его, говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ.... о, кто-же былъ Тотъ, который вдохновлялъ этихъ простыхъ рыбаковъ и невѣжественныхъ мытарей мудростію, недоступною Гиллелю и Гамалиилу? Кто же былъ Тотъ, къ Кому Его послѣдователи умирая обращали свой послѣдній взоръ и возсылали свою послѣднюю молитву, Кто разливалъ надъ ними изъ отверзтыхъ небесъ несказанные славу и миръ, превосходящіе разумѣніе? Кто былъ Тотъ, который по ихъ заявленію воскресъ изъ мертвыхъ; чье тѣло, какъ извѣстно, исчезло изъ гробницы въ скалѣ, въ которую оно было положено; о которомъ эти честные галилеяне (они скорѣе готовы умереть, чѣмъ солгать) свидѣлствовали, что они видѣли и слышали Его, что Онъ являлся имъ въ саду, въ горницѣ, на открытой дорогѣ, четверемъ изъ нихъ на туманномъ озерѣ и болѣе чѣмъ пяти стамъ сразу на галилейской горѣ? Могъ ли быть правымъ тотъ путь, который привелъ его къ преслѣдованію ихъ? Могло ли быть Божіею волею то, что заставило его идти по дорогѣ, упитанной кровію? Требова-

лось ли отъ него производить тѣ ужасы, когда онъ женъ и матерей ввергалъ въ темницы и видѣлъ, какъ грубые служители синагоги безжалостно бичевали людей, жизнь которыхъ была любовью, смиреніемъ и святостью? Не заблуждался ли онъ наконецъ, не принималъ ли гордости за правовѣріе, ярости за ревность? Не избивалъ ли онъ святыхъ земли,—тѣхъ, которые блистали добродѣтелью? Не былъ ли правъ Гамаліиль, когда онъ высказалъ возможность, что, возставая противъ этихъ людей, можно оказаться противникомъ Бога?

Такъ день за днемъ душа его все болѣе и болѣе переполнялась тревожными сомнѣніями, его воображеніе преслѣдовалось сценами жестокости, которыя вопреки всей его ревности терзали его душу, и такъ онъ все далѣе и далѣе ѣхалъ къ Дамаску. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы интересоваться

Гора Ермонъ.

городами и картинами, которые приходилось проѣзжать: Вееилемъ и Силомомъ; бархатнозелеными полями, разстилающимися у подошвы горы Гаризима; гробницаей и колодезѣмъ Іакова; Беѡсаномъ съ его воспоминаніями о несчастной кончинѣ древняго царя, отъ котораго онъ получилъ самое имя свое; голубыми отливами Галилейскаго озера съ его безчисленными воспоминаніями о томъ назаретскомъ Пророкѣ, послѣдователей котораго онъ старался истребить. Но въ теченіе этихъ дней, если мы правильно судимъ, единственнымъ его желаніемъ было двигаться поскорѣе и усиленною дѣятельностью избавиться отъ мучительныхъ мыслей.

И вотъ близокъ уже былъ конецъ пути. Гора Ермонъ давно уже сверкала предъ путниками, а вонъ и цѣпь Антиливана. Они проѣхали голую, мѣловатую, волнистую равнину и достигли деревни Каукабы т. е. «звѣзды». Отсюда откры-

вается видъ, который поражаетъ красотою глаза утомленнаго путника. Благодаря золотоструйной Аванѣ и извилистому Фарпару, протекающимъ по обѣимъ сторонамъ горнаго края, пустыня цвѣтетъ подобно розѣ. вмѣсто сѣрыхъ и каменистыхъ пустырей, путникъ начинаетъ проходить подъ трепещущими тѣнями вѣковыхъ маслинъ. Внизу, изъ тихаго моря зелени, среди листвы орѣховыхъ, гранатовыхъ и пальмовыхъ деревъ, поднимаются террасообразныя кровли и сверкающіе куполы незапамятно-древняго города, во всѣ вѣка сравниваемого съ красотою Божьяго рая. Тамъ, среди садовъ и рощей съ роскошнѣйшими плодами, орошаемыхъ прозрачными водами и озолачиваемыхъ лучами нешелохнушагося утра, виднѣлся Дамаскъ, этотъ «глазъ востока» ³²³). Къ этой-то странѣ потоковъ, къ этому городу источниковъ, къ этому Божьему раю поспѣшалъ теперь Савлъ—не съ вѣстью милости, не для того, чтобы увеличить счастье и красоту этого уголка, но для того, чтобы бичевать, убивать, заключать въ темницы, и именно тѣхъ его обитателей, которые быть можетъ были наиболѣе смиренны, наиболѣе благородны, наиболѣе чисты сердцемъ. А Савлъ, при всей его настойчивости въ достиженіи цѣли, былъ человѣкъ съ хрупкою нѣжностію въ характерѣ ³²⁴). Ревность и увлеченіе могли подвигнуть его на дѣла жестокости, но они никогда не могли подавить въ немъ сочувствія къ человѣку и отвращенія къ страданію и крови. Можно ли сомнѣваться послѣ этого, что при видѣ мерцающаго, подобно (по восточной метафорѣ) «пригоршнѣ жемчуговъ въ сосудѣ изъ смарагда», города—еще сильнѣе онъ почувствовалъ отвращеніе къ своему нечистому дѣлу, и еще больнѣе стали раны отъ угрызений совѣсти?

Былъ полдень, а въ Сиріи полуденное солнце свѣтитъ прямо надъ головой нестерпимымъ пламенемъ; безоблачное небо пышетъ какъ расплавленная мѣдь; поблѣвшая земля блещетъ подобно желѣзу въ печи; воздухъ при вдыханіи дрожитъ и жжетъ какбы проникнутый тонкимъ пламенемъ. Чтобы Савлъ и его спутники продолжали свой путь даже въ такіе часы, для этого надо предположить въ нихъ мучительное нетерпѣніе, страстную торопливость. Въ это время дня обыкновенно путешественникъ отдыхаетъ въ тавернѣ или лежитъ подъ покровомъ своей палатки. Но вѣдь движеніями этой партіи управлялъ Савлъ, а онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ.

И вдругъ—кончилось все: нетерпѣливая поспѣшность, мучительная борьба, страшная миссія, яростное ослѣпленіе, лихорадочное желаніе подавить сомнѣнія преслѣдованіемъ. Вокругъ путниковъ вдругъ заблесталъ сильный свѣтъ съ неба ³²⁵). Его видѣлъ не Савлъ только, но и всѣ его спутники. Надо имѣть въ виду, что сирійское полуденное солнце ни чѣмъ не можетъ быть превзойдено въ своемъ блескѣ; но этотъ свѣтъ съ неба былъ еще поразительнѣе въ своей яркости и еще пронзительнѣе въ своемъ пламени. вмѣстѣ съ свѣтомъ, до спутниковъ Савла донесся какой-то страшный, но невнятный голосъ. Какбы какимъ-то грознымъ мановеніемъ съ неба они всѣ были повергнуты въ оцѣпенѣніи на землю. Когда другіе

встали и отчасти оправились отъ ужаса, Савлъ лежалъ еще на землѣ. Они видѣли, что произошло что-то страшное. Если бы мы могли спросить ихъ, что это такое, то болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они въ состояніи были объяснить намъ. Если бы имъ стали говорить, не были ли это внезапный ударъ грома, или необыкновенно яркій блескъ электрическаго пламени, или ослѣпляющій, удушливый, доводящій до изступленія порывъ сирокко, вообще какое нибудь рѣдкое явленіе, невиданное прежде,—они бы не знали что думать. Видѣніе было не для нихъ. Они видѣли свѣтъ ярче полуденнаго, они слышали, и слышали съ ужасомъ, невѣдомый шумъ, который потрясъ мертвое за-тишье полудня; но они не были обращены этимъ явленіемъ. Для іудея вся земля была наполнена невидимыми слугами Бога. Вѣтры — Его духи; пламень огненный — Его вѣстникъ; громъ —

Кедры ливанскіе.

голосъ Господень, потрясающій кедры, даже кедры ливанскіе. Небесный голосъ могъ снизойти къ іудею въ звукахъ, которыхъ никто кромѣ его не могъ понимать. Другіе могли утверждать, что былъ лишь громъ, когда въ дѣйствительности говорилъ ангелъ (Іоан. хп, 29).

Но то, что произошло теперь, назначалось не для спутниковъ Савла ³²⁶); оно назначалось только для него, и онъ только одинъ могъ быть сознательнымъ свидѣтелемъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ. Они могли сказать только, что свѣтъ сіялъ съ неба, но для Савла это былъ свѣтъ отъ Того, Кто есть лучъ отъ свѣта, къ которому никто изъ людей приблизиться не можетъ (1 Тим. vi, 14—16; 2 Кор. хп, 1).

А относительно того, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ никогда не колебался. Это было основой и тайной его внутренняго бытія; это было неизмѣннымъ убѣжденіемъ его души; это было величайшимъ кризисомъ и самымъ знаменательнымъ моментомъ его жизни. Другіе могли вдаваться въ разныя толкованія или робко высказывать сомнѣнія, Савлъ же твердо *зналъ* ³²⁷). Въ этотъ моментъ Богъ открылъ ему свою тайну и свой завѣтъ. Богъ обрѣлъ его; Онъ повергъ его на землю какбы въ пылу побѣдоноснаго гнѣва — но для того, чтобы привести его къ торжеству, на которое съ умиленіемъ зрять ангелы и люди (2 Кор. п, 14). Богъ говорилъ съ нимъ, повергъ его во тьму среди полудня—но для того только, чтобы зажечь полуденный свѣтъ въ полуночномъ мракѣ его сердца. Съ этого момента Савлъ былъ обращенъ. Надъ нимъ совершилась полная, безповоротная, коренная перемѣна, которая и преобразила его. Богъ призвалъ его, «открылъ въ немъ Сына Своего» (Дѣян. ххп, 21; ххvi, 17, 18; Гал. i, 15, 16), далъ ему милость и власть стать апостоломъ для язычниковъ, послалъ его проповѣдывать вѣру, которую онъ доселѣ разрушалъ, озарилъ его сердце, чтобы «просвѣщать познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа» (2 Кор. iv, 6).

Вся тайна этой мощной перемѣны заключается въ одномъ фактѣ, въ томъ именно, что въ этотъ страшный моментъ онъ видѣлъ Господа Іисуса Христа (1 Кор. ix, 1; xv, 8). Ему—гонителю, ему, какъ нѣкому извергу (1 Кор. xv, 10—29), явился воскресшій, прославленный Іисусъ. Онъ былъ плѣненъ Христомъ. На этомъ явленіи основывалась вся его вѣра; на этомъ залогъ воскресенія,—безсмертія для него самого и для тѣхъ умершихъ, которые умираютъ во Христѣ, — держались всѣ его надежды (1 Кор. xv, 10—29).

Крѣпость этого убѣжденія сдѣлалась руководящей силой для всей послѣдующей жизни ап. Павла. Онъ рассказываетъ, что, когда блескъ славы засіялъ надъ нимъ, онъ былъ повергнутъ на землю и оставался въ такомъ положеніи, пока голосъ не повелѣлъ ему встать; и когда всталъ—глаза его были ослѣплены; онъ открылъ ихъ, но ничего не видѣлъ. Если бы его самого спросили о томъ, о чемъ долго спорили въ новѣйшее время, именно, было ли явленіе ему воскресшаго Христа объективнымъ или субъективнымъ, то, какъ мы убѣждены, онъ даже не понялъ

бы вопроса (2 Кор. хп, 1). Правда, онъ употребляетъ для этого именно событія терминъ «видѣніе». «Я не былъ не послушенъ, говоритъ онъ царю Агриппѣ, небесному видѣнію» ³²⁸). Но слово, употребленное для названія «видѣніе», означаетъ «пробуждающее видѣніе»; онъ поистинѣ видѣлъ и слышалъ, и принялъ откровеніе и посланничество отъ воскресшаго Христа. Развѣ сущность чуда станетъ менѣе чудесною отъ его субъективности, на которую повидимому указываютъ нѣкоторыя выраженія? Развѣ глазъ и ухо единственные органы, которыми проводятся въ душу опредѣленные и достовѣрные истины? Не самые ли, напротивъ, они слабые и ненадежные органы, и не болѣе ли всего подлежатъ они обману? Глазамъ путниковъ Савла Богъ открылся ослѣпительнымъ свѣтомъ; ихъ ушамъ страшнымъ шумомъ; но для души своего избраннаго слуги Онъ былъ видимъ въ неизреченной славѣ и говорилъ на еврейскомъ языкѣ; но проникли ли въ душу эти видѣніе и голосъ ненадежными органами чувствъ, или посредствомъ представлений, безконечно болѣе интенсивныхъ, болѣе живыхъ, болѣе реальныхъ, болѣе неотразимыхъ и убѣдительныхъ для духа, который только и распознаетъ духовные предметы,—это вопросъ, которому тѣ только придадутъ важность, для кого душа есть не что иное, какъ матеріальный организмъ, которые не признаютъ другихъ вѣрныхъ сношеній между человѣкомъ и его Творцомъ кромѣ тѣхъ, что происходятъ посредствомъ несовершенныхъ чувствъ, и которые не могутъ себѣ представить ничего реального, кромѣ того, что можно схватить обѣими руками. Одинъ фактъ остается выше всякаго сомнѣнія, именно, что обращеніе ап. Павла было чудомъ въ высочайшемъ смыслѣ этого слова,—такимъ чудомъ, духовныя послѣдствія котораго простерлись на всѣ послѣдующіе вѣка исторіи человѣчества ³²⁹).

Въ три раза повторяющихся у ап. Павла рассказахъ объ этомъ событіи могутъ быть найдены незначительныя варіаціи, вполне согласимыя и совершенно неважныя; но въ повѣствованіи о главномъ фактѣ нѣтъ ни тѣни разнообразія и нѣтъ возможности для сомнѣнія ³³⁰). А главный фактъ, о которомъ ап. Павелъ постоянно рассказывалъ, состоитъ въ томъ, что послѣ нѣсколькихъ дней пути, когда они уже приближались къ Дамаску, произошло какое-то необычайное явленіе, которое показалось имъ какимъ-то огненнымъ пламенемъ и вмѣстѣ съ сверхъестественнымъ шумомъ остановило ихъ на пути; въ этомъ свѣтѣ, распростертый на землѣ, Савлъ видѣлъ человѣческій образъ ³³¹) и слышалъ человѣческій голосъ, говорящій ему: «Савлъ, Савлъ (замѣчательна живость этого впечатлѣнія, которое сохраняется во всѣхъ формахъ разсказа ³³²), что ты гонишь Меня? Трудно тебѣ идти противъ рожна» ³³³). Но въ этотъ страшный моментъ Савлъ не узналъ Того, кто говорилъ ему, потому что онъ никогда не видѣлъ Его на землѣ. «Кто ты, Господи?» сказалъ онъ.—«Я Іисусъ Назарянинъ, котораго ты гонишь».

«Іисусъ Назарянинъ!» Почему прославленный собесѣдователь принимаетъ здѣсь имя Своего уничиженія на землѣ? Почему Онъ не сказалъ, спрашиваетъ св. І. Златоустъ: «Я Сынъ Божій; Слово изначальное; Тотъ, который сидитъ

одесную Отца; Тотъ, который во образѣ Божіемъ; который распростеръ небеса, сотворилъ землю; Тотъ, который уравнилъ море; который создалъ ангеловъ; который вездѣ и все исполняетъ; Тотъ, который превѣченъ и былъ рожденъ?»

Башня Антонія.

Почему Онъ не высказалъ всѣ эти свои возвышенныя титла и свойства, а сказалъ только: «Я Иисусъ Назарянинъ, котораго ты гонишь» — изъ земнаго города, изъ земнаго жилища? А потому, что гонитель не зналъ Его; если бы онъ зналъ Его, то не преслѣдовалъ бы. Онъ зналъ не то, что Онъ рожденъ отъ Отца, а лишь то, что Онъ происходилъ изъ Назарета. Если бы Онъ сказалъ ему: «Я Сынъ Божій, Слово изначальное; Тотъ, Кто создалъ небо», — Савлъ могъ бы отвѣтить, что онъ преслѣдовалъ не Его. Если бы Онъ высказалъ ему эти необъятныя, свѣтлыя и возвышенныя свойства, Савлъ могъ бы сказать, что Тотъ не былъ распятъ. Но чтобы дать ему знать, что онъ гонитъ Того, который сталъ плотію ³³⁴), который принялъ видъ раба, который умеръ и погребенъ, Онъ называетъ себя именемъ своего земнаго происхожденія. «Я Иисусъ Назарянинъ, котораго ты гонишь». Такимъ образомъ гонимый имъ былъ Мессія, былъ небесный Пастырь его души, который, чтобы направить его блуждающія стопы на правый

путь, держалъ въ своихъ рукахъ невидимый роженъ, противъ котораго онъ, подобно строптивому волу, тщетно шелъ и боролся.

Когда говорящій изъ неприступнаго свѣта повергъ его на землю съ мучительнымъ сознаніемъ этой страшной истины, онъ услышалъ вслѣдъ

затѣмъ: «Встань и иди въ городъ, и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать».

Въ такой формѣ, съ незначительною разницею, слова эти передаются въ повѣствованіи св. Луки и въ рѣчи самого ап. Павла предъ царемъ Агриппой. Изъ этой рѣчи можно бы заключить, что разговоръ былъ продолжительнѣе. Но тутъ слѣдуетъ спросить, могъ ли Савль послѣ перваго ужасающаго вопроса: «Савль, Савль! Что ты гонишь Меня?» — вопроса, который какбы огнемъ опалилъ его сердце,—самъ опредѣлить, сколько откровенія, преобразившаго его жизнь, онъ получилъ въ тѣ моменты, когда онъ, ослѣпленный и трепещущій, лежалъ на землѣ, и сколько въ послѣдующіе часы глубокой внѣпней тьмы и блистающаго внутренняго свѣта. Въ лѣтописяхъ человѣческихъ жизней было много примѣровъ духовныхъ переломовъ, сходныхъ съ этимъ по своей поразительной неожиданности и окончательной безповоротности. Для многихъ возстаніе отъ грѣховной смерти есть медленный и долгій процессъ; но другіе переходятъ отъ смерти къ жизни однимъ переломомъ убѣжденія, однимъ сильнымъ порывомъ. Такіе моменты вѣчность сокращаютъ въ часъ и часъ растягиваютъ въ вѣчность. Когда страшныя предостереженія Божіи пламенными буквами горятъ предъ душой, то она можетъ читать эти предостереженія и знать ихъ значеніе во всей полнотѣ, но она не знаетъ и не заботится о томъ, какихъ формъ были эти буквы. Какъ анатомъ можетъ отдѣлять каждый мускулъ и обнажать каждый нервъ организма и все-таки будетъ безконечно далекъ отъ открытія начала жизни, такъ и ученый критикъ можетъ разгадывать темныя слоги и спорить о возможныхъ разностяхъ ихъ чтенія, но не его дѣло толковать ихъ. Чтобы истинно понимать такіе духовныя опыты, для этого мы должны читать сказанія о нихъ при свѣтѣ, который не на землѣ, а изливается съ неба.

Савль всталъ другимъ человѣкомъ: онъ упалъ въ смерть, а всталъ въ жизнь. Онъ упалъ во мракъ временныхъ вещей, а всталъ съ возвышеннымъ сознаніемъ вѣчныхъ. Онъ упалъ гордымъ, нетерпимымъ, преслѣдующимъ іудеемъ, а всталъ смиреннымъ, сокрушеннымъ въ сердцѣ, кающимся христіаниномъ. Въ этотъ моментъ новый элементъ привзошелъ въ его бытіе. Отселѣ, по его собственному глубокому и любимому выраженію, онъ былъ «во Христѣ». Богъ обрѣлъ его; Иисусъ говорилъ съ нимъ и однимъ мановеніемъ измѣнилъ его изъ яраго фарисея въ истиннаго ученика, изъ убійцы святыхъ въ апостола народовъ. Это было новое рожденіе, новое твореніе. Когда мы читаемъ повѣствованіе объ этомъ, то если хоть одна искра благочестія теплится у насъ въ душѣ, не должны ли мы снять сапоги съ своихъ ногъ, потому что мѣсто, на которомъ мы стоимъ, святое мѣсто?

Савль всталъ, но все вокругъ него было темно. Ослѣпительное видѣніе исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ не стало видно и сверкающаго города, зеленѣющихъ садовъ, палящаго полудня. Изумленные и испуганные спутники взяли его за руку и повели къ Дамаску. Онъ думалъ войти въ городъ со всею важною

посланника отъ синедріона, встрѣтить почетный пріемъ не только въ качествѣ великаго «ученика мудрецовъ», но и въ качествѣ представителя власти, которую всѣ іудеи считали наисвященнѣйшею. Онъ думалъ оставить городъ быть

Прямая улица въ Дамаскѣ.

можетъ среди массъ восторженныхъ соотечественниковъ, въ сопровожденіи многочисленной партіи схваченныхъ имъ ненавистныхъ назарянъ. Но какъ не похоже все это было теперь! Его вели чрезъ городскія ворота — разбитаго, сокрушеннаго, трепещущаго, и онъ уже не дышалъ угрозами и убійствами, а жаждалъ только, чтобы его научили, что ему дѣлать, и былъ нижайшимъ братомъ среди тѣхъ, кого онъ намѣренъ былъ истреблять.

Его отвели въ домъ Іуды, на длинной улицѣ, которая идетъ чрезъ городъ и до сихъ поръ называется Прямою. Тамъ съ мукой въ душѣ, въ слѣпотѣ, въ тѣлесныхъ страданіяхъ, въ умственномъ возбужденіи, безъ пищи и питья, Савлъ пролежалъ три дня; а блескъ поразившаго его свѣта постоянно предносился предъ его темными глазами и звуки того укоряющаго голоса все еще гремѣли въ его ушахъ. Никто не можетъ сказать, что пережила его душа въ эти три дня; какія пронеслись по ней воспоминанія прошлаго, какіе уроки для настоящаго и на-

ставленія для будущаго. Его прежняя жизнь, его прежнее я вырваны были съ корнемъ; но хотя онъ былъ новымъ твореніемъ, кризисъ никогда не проходитъ безъ возбужденія, безъ потрясенія и затменія. Наконецъ буря его душевнаго состоянія нашла облегченіе въ молитвѣ; въ мирномъ видѣніи ему представилось,

что одинъ изъ братій, посѣщенія котораго онъ повидимому съ тщетнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, пришелъ и исцѣлилъ его. Братъ этотъ былъ Ананія, христіанинъ, но такой христіанинъ, котораго уважали всѣ іудеи, и поэтому онъ могъ свободно появиться среди фарисейскихъ приверженцевъ, которыми, надо полагать, Савлъ былъ еще окруженъ. Не безъ боязни однакоже Ананія рѣшился на это посѣщеніе. Онъ слышалъ о ярости Савла въ Іерусалимѣ, о его свирѣпыхъ намѣреніяхъ относительно христіанъ въ Дамаскѣ и даже о письменныхъ полномочіяхъ отъ первосвященника, находившихся еще въ рукахъ у Савла. Онъ слышалъ также о томъ, что случилось съ нимъ на дорогѣ, но это не могло вполнѣ побѣдить въ немъ естественнаго недовѣрія. Тогда божественное внушеніе пришло

На Прямой улицѣ въ Дамаскѣ.

въ подкрѣпленіе того, кто какъ христіанинъ чувствовалъ долгъ вѣровать во все и уповать на все. Господь явился ему въ видѣніи и сказалъ, что этотъ безжалостный гонитель будетъ избраннымъ сосудомъ, чтобы возвѣщать имя Христово предъ язычниками, царями и сынами Израиля. «И Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое» ³³⁵), говорило видѣніе. Добрый Ананія не медлилъ долѣе. Онъ вошелъ въ домъ Іуды, и хотя уже самое появленіе его дышало миромъ, онъ обратился къ страдальцу съ дорогимъ привѣтствіемъ какъ къ брату и, возложивъ руки на его затемненные глаза, велѣлъ ему встать, смотрѣть и быть исполненнымъ св. Духа. «Крестись, прибавилъ онъ, и омой грѣхи твои, призвавъ имя Господа Іисуса». Слова благословенія и довѣрія

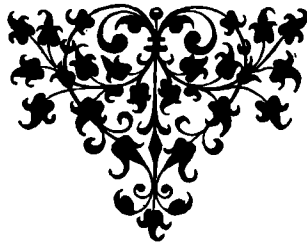

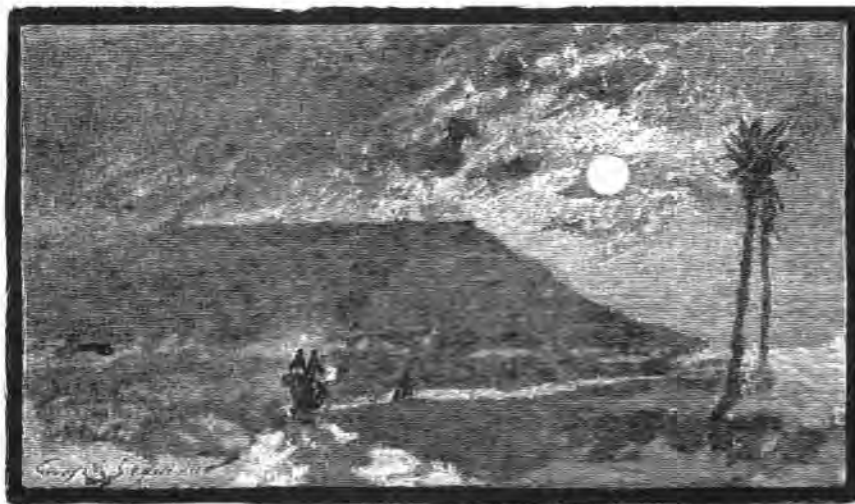
были исцѣленіемъ для возбужденныхъ нервовъ и болящаго сердца страдальца. Тотчасъ же «какбы чешуя отпала отъ глазъ его» ³³⁶). Онъ всталъ и прозрѣлъ, принялъ пищи и укрѣпился; отъ рукъ своего смиреннаго собрата принялъ таинство, которымъ онъ допускался въ полное общеніе новой вѣры. Онъ сталъ членомъ церкви Христовой, истребленіе которой цѣлые мѣсяцы было самымъ страстнымъ его желаніемъ и непреклонною цѣлю жизни.

Бесѣда, которую онъ велъ съ Ананіей, а также несомнѣнно и съ другими братьями, водворила въ немъ сладостное спокойствіе послѣ потрясающихъ моментовъ обращенія. Ананія навѣрно болѣе и болѣе укрѣплялъ его въ высокомъ назначеніи, которое указалъ ему голосъ откровенія. Что случилось съ его порученіемъ, какъ онъ поступилъ съ письмами первосвященника, какъ отнеслись ко всему этому его подчиненные, какія тревожныя вѣсти понесли они назадъ въ Іерусалимъ, какими глазами смотрѣли на него іудейскія синагоги въ Дамаскъ—мы не знаемъ; но мы знаемъ, что для него становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что «Богъ предъизбралъ его, чтобы онъ позналъ волю Его, увидѣлъ Праведника, и услышалъ гласъ изъ устъ Его, и былъ Ему свидѣтелемъ предъ всѣми людьми о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ» (Дѣян. xxii, 14, 15). Выходъ его изъ города былъ уже не такимъ, о какомъ онъ прежде мечталъ: въ страшной опасности быть схваченнымъ или убитымъ, онъ спущенъ былъ въ корзину въ окно за городскую стѣну!

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать о важности факта обращенія ап. Павла, какъ доказательства истинности христіанства. Важность его такъ велика, что ее невозможно и преувеличить. Тотъ фактъ, что Савлъ однимъ порывомъ убѣжденія перешелъ отъ тьмы къ свѣту, отъ одного направленія къ другому, совершенно противоположному, не только характеризуетъ самую личность человѣка, но и доказываетъ силу и значеніе христіанства. Тотъ самый человѣкъ, который только что передъ тѣмъ преслѣдовалъ христіанство съ ожесточеннѣйшею ненавистью, вдругъ увѣровалъ въ Того, послѣдователей котораго онъ старался истреблять, и сталъ отъ этой вѣры «новымъ твореніемъ»: что это такое, какъ не побѣда христіанства, которою оно было обязано не чему другому, какъ обаянію своей собственной внутренней силы? Изъ всѣхъ обратившихся къ вѣрѣ во Христа не было другаго примѣра, въ которомъ бы христіанское начало прорвалось съ такою быстротой и силой чрезъ всѣ враждебныя ему начала и съ такою полнотою водворило свое господство. Отселѣ для Савла христіанство заключилось въ одно слово «Христосъ». И о чемъ же онъ свидѣтельствуетъ касательно Іисуса? Почти о каждомъ въ отдѣльности изъ первостепенныхъ фактовъ Его воплощенія, жизни, страданій, тайной вечери, суда, распятія, воскресенія, вознесенія и небснаго прославленія ³³⁷). Уже около двухъ тысячъ лѣтъ прошло съ того времени, яркость историческихъ событій блекнетъ и даже самыя очертанія ихъ обезцвѣчиваются по мѣрѣ того, какъ они удаляются въ сѣдую глубь вѣковъ. Но развѣ наши современные критики болѣе проникательны, болѣе враждебны и болѣе стараются

ниспровергнуть истинность христіанства, чѣмъ этотъ великій законникъ, почетный раввинъ, посланникъ синедріона, передовой умъ тогдашнихъ школъ, этотъ еврей — ученый какъ Гиллель, патріотичный какъ Іуда Гавлонскій, пылавшій ревностію о законѣ какъ Шаммаи? Его не отдѣляли отъ этихъ событій вѣка времени. Онъ не могъ быть ослѣпленъ яркимъ блескомъ торжествующаго христіанства. Онъ ежедневно вращался между людьми, которые лично слѣдили жизнь Распятаго отъ Виелеема до Голгофы; не только между его простосердечными послѣдователями, но и между его учеными и могущественными врагами. Онъ говорилъ съ первосвященниками, которые присудили Христа къ распятію; онъ убивалъ послѣдователей, которые плакали надъ Его гробомъ. Онъ самъ чувствовалъ и наблюдалъ въ другихъ весь невыразимый ужасъ, который для всякаго правовѣрнаго іудея заключался въ мысли о Мессіи, «висящемъ на деревѣ». Онъ то и дѣло слышалъ доводы, которыми какой нибудь Анна и Гамаліилъ доказывали, что Іисусъ былъ обманщикъ народа. Событія, на которыя ссылались апостолы въ доказательство Его божественности, происходили при полномъ свѣтѣ современнаго знанія, на глазахъ у всѣхъ. Савлу не приходилось имѣть дѣла съ неустойчивыми теоріями критицизма или съ нападками на подлинность текста. Онъ могъ обращаться съ разспросами не къ древнимъ документамъ, а къ живымъ людямъ; онъ могъ анализировать не отрывочныя лѣтописи, а доказательства, бывшія на лицо. Онъ имѣлъ подъ руками тысячи средствъ, чтобы изслѣдовать дѣйствительность или недѣйствительность воскресенія, которое онъ дотолѣ такъ открыто и страстно отрицалъ. Принимая эту полуистребленную имъ вѣру, онъ все терялъ въ мірѣ и ничего осязательнаго не выигрывалъ. И тѣмъ не менѣе, вопреки всего этого, подавленный убѣжденіемъ, противостоять которому онъ чувствовалъ себя не въ силахъ,—Савлъ-фарисей сталъ свидѣтелемъ воскресенія, проповѣдникомъ Креста.

Деревня Каукаба, по дорогѣ въ Дамаскъ.

ГЛАВА XI.

АП. ПАВЕЛЪ ВЪ УЕДИНЕНІИ.

Послѣ того ведетъ его Духъ въ пустыню.
МАРК. I, 12.

АВЛЪ теперь былъ «назаряниномъ», но должны были пройти еще годы въ воспитаніи его жизни и мысли, прежде чѣмъ онъ сталъ совершенно готовъ къ совершенію предназначеннаго ему великаго дѣла.

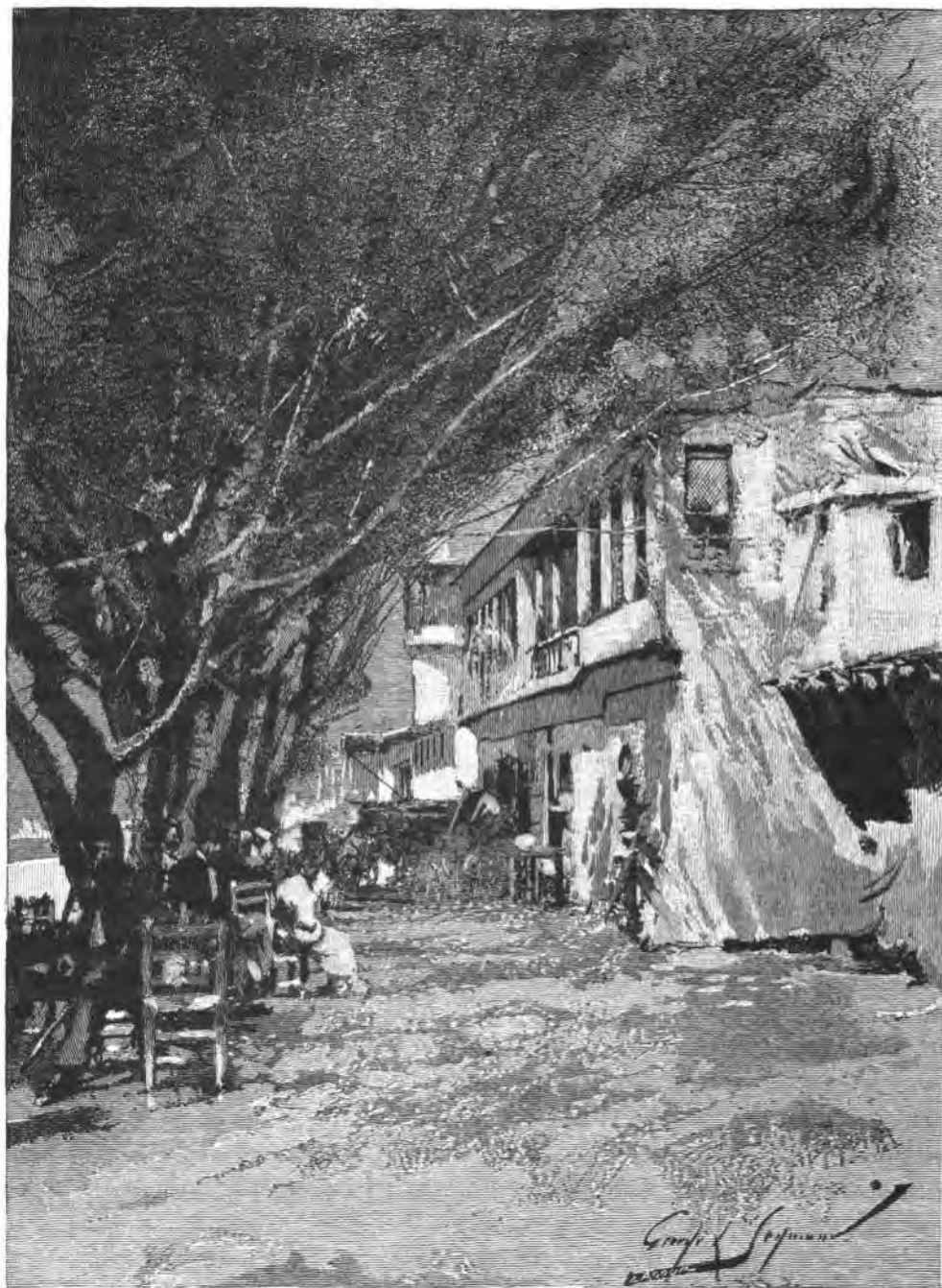
Еслибы книга Дѣяній Апостольскихъ была единственнымъ источникомъ свѣдѣній о немъ, то мы были бы вынуждены предполагать, что онъ немедленно послѣ этого событія выступилъ на поприще проповѣди. «И былъ Савлъ нѣсколько дней съ учениками въ Дамаскѣ, говоритъ св. Лука; и тотчасъ сталъ проповѣдывать въ синагогахъ объ Иисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій» (Дѣян. ix, 19, 20). И затѣмъ повѣствователь рассказываетъ объ изумленіи іудеевъ, о возраставшей силѣ доказательствъ Савла, о заговорѣ противъ него іудеевъ, спустя неопредѣленное время, и наконецъ о бѣгствѣ его изъ Дамаска.

Но св. Лука не даетъ и никогда не выражаетъ даже намѣренія дать полную біографію. Въ теченіе того времени, когда онъ былъ спутникомъ апостола,

его повѣствованіе дѣйствительно изобилуетъ многочисленными и точными подробностями; но даже если и въ этотъ послѣдній періодъ его жизни онъ никогда не упоминаетъ о Титѣ и даже никогда не указываетъ на то, что ап. Павелъ писалъ посланія, то нечего удивляться, что его замѣчанія о раннемъ періодѣ дѣятельности апостола отрывочны—или потому, что онъ не зналъ больше, или потому, что ради сокращенности онъ устранялъ всѣ обстоятельства, которые не относились къ прямой цѣли его повѣствованія.

Вслѣдствіе этого, если мы обратимся къ біографическому обзору въ посланіи къ Галатамъ, въ которомъ ап. Павелъ ссылается на этотъ періодъ въ доказательство независимости своего апостольства, то мы найдемъ, что въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ событія трехъ лѣтъ сокращены въ такое же количество стиховъ, и что вмѣсто того, чтобы немедленно начать проповѣдывать въ Дамаскѣ, онъ немедленно удался въ Аравію ³³⁸). «Когда, говоритъ онъ, Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моей и призвавшій благодатію Своею, благоволилъ открыть во мнѣ Сына Своего, чтобы я благовѣствовалъ Его язычникамъ; я не сталъ тогда же совѣтоваться съ плотію и кровію, и не пошелъ въ Іерусалимъ къ предшествовавшимъ мнѣ апостоламъ, а пошелъ въ Аравію, и опять возвратился въ Дамаскъ».

Едва ли кто, намъ думается, прочитавъ внимательно это мѣсто, можетъ отрицать, что оно указываетъ на намѣренное удаленіе отъ человѣческаго общенія. Многіе изслѣдователи предполагали, что ап. Павелъ сначала проповѣдывалъ въ Дамаскѣ, затѣмъ удался въ Аравію и потомъ возвратился, чтобы съ усилившеюся ревностію и силой опять проповѣдывать въ Дамаскѣ. Собственное выраженіе ап. Павла не только не благопріятно для такого взгляда, но видимо исключаетъ его. Къ чему могли бы привести насъ психологическія соображенія въ такомъ именно положеніи, въ какомъ находился Савлъ Тарсійскій послѣ своего внезапнаго и чудеснаго обращенія? *Менѣ всего* конечно къ тому предположенію, что онъ сразу же выступилъ на проповѣдничество и безъ всякаго промежутка перешелъ отъ положенія главнаго гонителя въ положеніе выдающагося поборника, такъ какъ это совершенно удалило бы его отъ всѣхъ глубокихъ и сильныхъ умовъ, пережившихъ подобный же переломъ въ себѣ. Все это возможно было бы въ человѣкѣ мелкой натуры или поверхностныхъ убѣжденій; но мы не можемъ представить себѣ этого въ ап. Павлѣ. Такъ не бываетъ съ тѣми умами, которые остановлены въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности испытующимъ голосомъ Божиимъ. Подобно тому, какъ орелъ, задержанный и сбитый какимъ-нибудь порывомъ бури, опускается на землю для того, чтобы расправить свои измятыя крылья, такъ и великая душа, прошедшая чрезъ огонь и воду, нуждается въ спокойномъ и безопасномъ мѣстѣ, въ которомъ она могла бы отдохнуть. Самыя глубокія убѣжденія человѣка, которыми онъ жилъ въ теченіе всей своей жизни, могутъ быть перевернуты въ одинъ мигъ и этотъ мгновенный переворотъ часто причиняетъ

На берегахъ Барады, въ Дамаскъ.

чудесную перемѣну. Но самая природа и характеръ человѣка никогда не могутъ совершенно перемѣниться въ одинъ мигъ изъ того, чѣмъ они были прежде. Трудно вообразить болѣе полную перемѣну, болѣе глубокій разрывъ, чѣмъ тотъ, который отдѣлялъ Савла-гонителя отъ Павла-апостола; и мы увѣрены, что, подобно Моисею, подобно Иліѣ, подобно самому Спасителю, подобно почти всѣмъ великимъ умамъ въ древнія или новыя времена, которымъ ввѣрено было дѣло управленія судьбами посредствомъ преобразованія убѣжденій человѣчества,—подобно Буддѣ, подобно Магомету въ пещерѣ Гирской, подобно наконецъ всѣмъ великимъ людямъ, онъ нуждался въ спокойномъ періодѣ, въ которомъ могъ бы переработать свои мысли, утишить бурю своихъ чувствъ и побесѣдовать въ безмолвіи и уединеніи съ своей собственной душой и Богомъ. Ему необходимо было постигнуть св. писаніе, свою старую вѣру привести въ соотвѣтствіе со всѣми новыми убѣжденіями. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что, если бы Савлъ, не зная еще многихъ существенныхъ истинъ христіанства, не испыталъ еще опытомъ его глубочайшей силы, началъ сразу доказывать его и проповѣдывать другимъ, — онъ едва ли бы могъ исполнить то дѣло, которое онъ совершилъ. Предполагать, что истины, проповѣдникомъ которыхъ онъ сдѣлался впоследствии, были всѣ открыты ему, какбы по одному молніеносному манію, во всей своей полнотѣ, значить предполагать то, что совершенно чуждо Богу въ отношеніяхъ съ человѣческой душой, и что въ высшей степени противорѣчитъ появленію того длиннаго ряда посланій, въ которыхъ мы замѣчаемъ развитіе его мыслей. Даже на почвѣ исторической вѣроятности кажется невѣроятнымъ, чтобы Савлъ тотчасъ же способенъ былъ выступить съ проповѣдью вмѣсто гоненія. При такихъ обстоятельствахъ собратіямъ было бы трудно довѣрять ему, а еще труднѣе іудеямъ терпѣть его. Послѣдніе отнесли бы къ нему какъ къ безчестному вѣроотступнику³³⁹), а первые не довѣряли бы ему какъ тайному шпіону.

Можно бы ожидать, что Савлъ спокойно останется среди христіанъ въ Дамаскѣ, смиренно посѣщая ихъ собранія, слушая ихъ, поучаясь отъ нихъ и занимая скромное мѣсто въ ихъ трапезахъ любви. Мы едва ли можемъ предположить, чтобы онъ въ эти первые дни своей христіанской жизни лелѣялъ полное намѣреніе независимо проповѣдывать Евангеліе. Какъ впоследствии ни нападали на него со всѣхъ сторонъ и какъ ни оскорбляемъ онъ былъ больше всего шпіонствомъ ложныхъ собратій и клеветничествомъ тѣхъ, которые желали набросить тѣнь сомнѣнія на его высшій авторитетъ, во всякомъ случаѣ было нѣчто providенціальное въ томъ обстоятельствѣ, что событія, слѣдовавшія за его обращеніемъ, въ значительной степени удаляли его отъ всякаго видимаго ученичества въ отношеніи къ человѣческимъ учителямъ. Какъ фарисей, онъ сидѣлъ у ногъ Гамалиила, какъ христіанинъ онъ никого изъ людей не называлъ своимъ учителемъ. Часто и съ полною убѣжденностью онъ утверждаетъ, что его ученіе, какъ и его авторитетъ, какъ его благовѣстіе, такъ и апостольство получены имъ

непосредственно отъ Бога. Главною цѣлью того въ высшей степени интереснаго и характеристическаго повѣствованія, которое занимаетъ двѣ первыхъ главы посланія къ Галатамъ, служить заявленіе,—которое онъ считалъ необходимымъ сдѣлать какъ можно сильнѣе,—что «Евангеліе, которое онъ благовѣствовалъ, не есть человѣческое, что онъ принялъ его и научился не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа» (Гал. i, 11, 12). Если бы онъ не могъ увѣрять своихъ обращенцевъ въ этомъ, если бы онъ не могъ ссылаться на видѣніе и откровеніе Господа, онъ представилъ бы новый примѣръ человѣка, мнѣнія котораго были ниспровергнуты и подавлены пустымъ авторитетомъ именъ. Не изъ личнаго чувства соперничества, къ которому такая до страстности серьезная натура, какъ онъ, совершенно неспособна, но изъ обязанности обратить вниманіе на истины, которыя онъ проповѣдывалъ,—онъ сознавалъ необходимымъ убѣждать основанныя имъ церкви въ томъ, какъ глубоко было бы ихъ безуміе, если бы онъ позволили отсталымъ проповѣдникамъ подзаконности отвратить себя отъ свободы его благовѣстія. Для распространенія истины необходимо было, чтобы его слушались какъ апостола, «избраннаго не человѣками и не чрезъ человѣка, но Іисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ». Если бы его апостольство истекало отъ (απὸ) двѣнадцати прежнихъ апостоловъ или передано ему чрезъ посвященіе отъ (οὐκ) кого нибудь изъ нихъ ³⁴⁰), тогда они могли бы предполагать въ себѣ нѣкоторую высшую власть, нѣкоторую принудительную силу. Если же, насколько дѣло касалось его, они не имѣли такой власти, то это потому, что онъ самъ получилъ свое апостольство прямо отъ Спасителя. И онъ часто указываетъ на эту независимость своего знанія. Онъ говоритъ Ѳессалоникійцамъ «словомъ Господнимъ» ³⁴¹), что тѣ, которые будутъ еще живы при второмъ пришествіи, не получаютъ преимущества надъ умершими. Онъ говоритъ Ефесянамъ, что Богъ «чрезъ откровеніе возвѣстилъ ему тайну, которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ сыновъ человѣческихъ, какъ нынѣ открыта св. апостоламъ Его и пророкамъ Духомъ Святымъ,—чтобъ и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло, и сопричастниками ³⁴²) обѣтованій Его во Христѣ Іисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго служителемъ сдѣлался онъ по дару благодати Божіей, данной ему дѣйствіемъ силы Его» (Ефес. iii, 3—6). Колоссянамъ (i, 25) онъ говоритъ, что онъ сдѣлался служителемъ церкви «по домостроительству Божію, ввѣренному ему для нихъ, чтобы исполнять слово Божіе, тайну, сокрытую отъ вѣковъ и родовъ». Изъ этого и другихъ мѣстъ видно, что то, что онъ считалъ особеннымъ предметомъ полученнаго имъ откровенія, отчасти были правила, которыми долженъ руководствоваться христіанинъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, отчасти великія обстоятельства воскресенія (1 Кор. xv, 22; 1 Ѳессал. iv, 15), отчасти прямое видѣніе Спасителя, не только воскресшаго изъ мертвыхъ, но и прославленнаго одесную Отца; но особенно главный и отличительный предметъ его проповѣди о

«тайнѣ Христа», нѣкогда невѣдомой, но теперь открытой истинѣ, объ оправданіи вѣрою и свободномъ спасеніи язычниковъ безъ необходимости наложенія того ига рабства, которое даже іудей находилъ тяжелѣе, чѣмъ сколько можно было нести (Кол. iv, 3; Ефес. iii, 3; vi, 19; Римл. xvi, 25).

Едва ли поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что оправившись отъ потрясенія въ своихъ убѣжденіяхъ, отъ котораго душа его должна была долго трепетать, Павелъ провелъ лишь нѣсколько спокойныхъ дней съ Ананіей и съ другими братіями, которые подали ему руку дружбы. Онъ могъ бесѣдовать съ ними о жизни, которою Іисусъ жилъ на землѣ; онъ могъ слышать отъ нихъ тѣ воспоминанія о «жизни безгрѣшной, что подъ сирійскимъ небомъ процвѣтала», драгоценнѣйшіе годы которой впоследствии записаны были четырьмя евангелистами. Слушая все это, онъ питался «словеснымъ молокомъ» ³⁴³). Нельзя также сомнѣваться, что въ эти дни онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь укрощалъ и смирялъ свой духъ, такъ что его духъ былъ какбы новорожденнымъ спеленатымъ младенцемъ. Но о той тайнѣ, которую онъ долженъ былъ потомъ проповѣдывать, о томъ, что онъ выразительно называетъ «своимъ евангеліемъ» (1 Кор. ix, 17; Гал. ii, 2, 7; 2 Тес. ii, 14; 2 Тим. ii, 8),—объ этомъ ничего не могли передать ему ни Ананія (который самъ былъ строгимъ іудеемъ), ни кто либо изъ учениковъ. Ей онъ научился только отъ самого Бога. Она открылась ему при помощи озаоряющей силы Духа Христова въ тѣхъ откровеніяхъ, которыми сопровождался каждый шагъ,—въ томъ чудесномъ ходѣ воспитанія, изъ котораго состояла вся его жизнь.

Но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ долго оставаться въ Дамаскѣ. Его положеніе тамъ было теперь невыносимо. Какъ ужасъ, съ которымъ христіане ожидали его прибытія, такъ и возбужденіе, произведенное имъ среди іудеевъ, дѣлали его предметомъ ненависти и подозрѣнія, молвы и любопытства. Онъ могъ даже подвергнуться опасности ареста со стороны самыхъ своихъ подчиненныхъ, для которыхъ внезапная перемѣна въ его убѣжденіяхъ могла казаться прекращеніемъ его власти. Но еще болѣе сильнымъ побужденіемъ къ удаленію, чѣмъ все это, было желаніе уединиться, сильное желаніе и даже непреодолимая необходимость быть на время наединѣ съ Богомъ. Онъ былъ пораженною ланью, и своимъ внутреннимъ чувствомъ вынужденъ былъ оставить стадо. Въ уединеніи человѣкъ можетъ до сокровеннѣйшаго источника прослѣдить роковыя заблужденія своего прошедшаго; онъ можетъ молиться о томъ небесномъ свѣтѣ, уже не пламеняющемъ полуденнымъ жаромъ, но тихо сіяющемъ во тьмѣ, который сдѣлалъ бы его способнымъ уразумѣть многія тайны жизни. Онъ можетъ ожидать исцѣленія своихъ глубокихъ ранъ отъ той же самой нѣжной руки, которая милостиво причинила ихъ. Онъ можетъ подобно Іліѣ въ пещерѣ Хорива пребыть въ пустынѣ, гдѣ при отдаленности отъ людей больше всего чувствуется близость Бога. И вотъ Савлъ удалился въ Аравію,—какое слово, какъ намъ кажется, должно понимать

въ его народномъ и первоначальномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ Синайскаго полуострова ⁸⁴⁴).

Тотъ, кто былъ гонителемъ въ честь Моисея, отселѣ долженъ былъ самъ выступать въ качествѣ отступника отъ Моисея. Самому ревностному изъ живыхъ служителей Моисеева закона надлежало быть человѣкомъ, который убѣдительно-шимъ образомъ долженъ былъ доказать, что Моисеевъ законъ подлежалъ отмѣнѣ. Не естественно ли поэтому, что у него явилось желаніе посѣтить ту священную землю, гдѣ кустъ пылалъ не пожирающимъ огнемъ и гранитныя скалы трепетали отъ голоса изрекавшаго огненный законъ? Не покажется ли тѣмъ обрядности еще болѣе тѣмъ, если онъ посѣтитъ то самое мѣсто, гдѣ великій законодатель и великій пророкъ находился въ высокомъ общеніи съ Богомъ? Могъ ли онъ даже быть увѣреннымъ, что онъ взойдетъ на гору Сіонъ и въ градъ Бога живаго, небесный Іерусалимъ и къ Іисусу, ходатаю новаго завѣта, пока онъ не посѣтилъ той горы, къ которой можно было прикоснуться, и которая пылала огнемъ, гдѣ среди тьмы и бури, трубныхъ звуковъ и членораздѣльныхъ словъ, самъ Моисей до крайности объять былъ страхомъ и трепетомъ?

Какъ долго онъ находился тамъ, мы не знаемъ. Обыкновенно предполагаютъ, что пребываніе его было непродолжительное; намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что оно заняло не малую часть тѣхъ «трехъ лѣтъ» (Гал. I, 18), которыя, по его словамъ, прошли до посѣщенія имъ Іерусалима. Мало кто сомнѣвается, что эти три года нужно считать со времени его обращенія. Ясно однакоже, что послѣ своего обращенія онъ оставался съ учениками лишь нѣсколько дней (*ἡμέραι τινές*), что затѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ онъ удалился въ Аравію; что послѣ своего возвращенія онъ началъ проповѣдывать и что его служеніе въ Дамаскѣ спустя нѣкоторое время (*ἡμέραι ἱκαναί*) было прервано заговоромъ противъ него іудеевъ. Последнее выраженіе въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ переводится словами «довольно времени»; но хотя его проповѣдничество могло продолжаться нѣсколько дней, которые въ сравненіи съ его первымъ краткимъ пребываніемъ могли быть обозначены словами «довольно времени», но само по себѣ выраженіе это столь неопредѣленно, что его можно было употреблять для обозначенія почти всякаго періода отъ двухъ недѣль до трехъ лѣтъ ⁸⁴⁵). Что касается общей правильности этого заключенія, то мы не можемъ сомнѣваться въ ней; единственно, что можетъ возбуждать сомнѣніе—это то, означаетъ ли выраженіе «три года» три полныхъ года или оно означаетъ одинъ полный годъ и части (какъ бы онѣ ни были коротки) двухъ другихъ лѣтъ. Изъ хронологіи жизни апостола Павла мы не можемъ придти къ достовѣрному рѣшенію касательно этого пункта, хотя всѣ данныя, которыя мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, скорѣе благопріятствуютъ болѣе продолжительному, чѣмъ болѣе короткому періоду.

Очень много зависитъ здѣсь отъ вопроса: не была ли физическая слабость и разстроенное здоровье отчасти причиной этого его удаленія и бездѣтельности?

Но здѣсь мы опять вступаемъ на неувѣренную почву, потому что здѣсь сразу же возникаетъ часто обсуждавшійся вопросъ касательно сущности того страданія, на которое ап. Павелъ съ такою выразительностью указываетъ какъ на «жало въ плоть». Мы должны здѣсь коснуться этого вопроса, потому что думаемъ, что это ужасное страданіе, въ чемъ бы оно ни состояло, произошло въ это самое время ³⁴⁶). Меланхолія, чрезъ которую, подобно полуденному огню, пробивается его восторгъ, глубокое уныніе, которое, подобно подавленному тону, звучитъ даже среди порывовъ овладѣвающей имъ восхищенности,—въ немалой степени зависѣли именно отъ этого страданія. Оно возбуждало въ ап. Павлѣ то мучительное самоиспытаніе, которое само по себѣ есть ежедневная пытка для человѣка, вопреки врожденной любви къ уединенію, противъ своей воли увлекающагося въ шумъ житейской суеты и борьбы. Оно повидимому подрѣзывало крылья его духа, такъ что иногда онъ какъ бы внезапно падаетъ наземь, задержанный и пораженный во время нѣкоторыхъ изъ самыхъ своихъ возвышенныхъ и могучихъ полетовъ.

При самомъ даже бѣгломъ чтеніи посланій ап. Павла нельзя не замѣтить, что онъ въ своей внѣшности или личности замѣчалъ нѣчто такое, что давило его чувствомъ униженія, нѣчто такое, что вопреки всякаго естественнаго расположенія заставляло его прибѣгать къ выраженіямъ, которыя самому ему кажутся само-восхваленіемъ—ненавистнымъ ему, но которое онъ находитъ для себя болѣе необходимымъ, чѣмъ для другихъ людей. Онъ какъ будто сознавалъ, что его внѣшность была не въ его пользу. Всякій разъ, когда онъ переставалъ увлекаться потокомъ какой нибудь жгучей аргументаціи; когда его скорбь отъ коварнаго вторженія заблужденій, противъ которыхъ онъ направлялъ всю силу своего характера, истощалась въ словахъ неизмѣримаго негодованія; когда онъ оставляетъ возвышенный языкъ апостольскаго авторитета и боговдохновеннаго убѣжденія, мы слышимъ какой-то ноющій, умоляющій тонъ въ его личныхъ обращеніяхъ къ своимъ церквамъ, почти невозможный въ человѣкѣ, сознаніе личнаго мужества котораго не было бы подавляемо какими либо внѣшними недостатками, на которые онъ могъ, правда, ссылаться какъ на знаки служенія и вмѣстѣ покровительства своего Спасителя, но которые дѣлали его менѣе способнымъ стоять лицомъ къ лицу съ оскорбленіями противниковъ или съ неблагодарностью друзей. Въ его языкѣ слышится намъ человѣкъ, который былъ крайне чувствителенъ, но чувствительность темперамента котораго оскорблялась мизерностью внѣшности, которая правда могла забываться знавшими его друзьями, но въ незнакомыхъ людяхъ возбуждала предубѣжденіе не всегда преодолимое. Многіе, правда, изъ собратій въ основанныхъ имъ церквахъ привязались къ нему столь крѣпкими узами, что онъ могъ въ своихъ письмахъ говорить о ихъ глубокой любви, нѣжности и благодарности по отношенію къ нему (въ посланіяхъ къ Филиппійцамъ въ разныхъ мѣстахъ), такъ что онъ можетъ называть ихъ своими

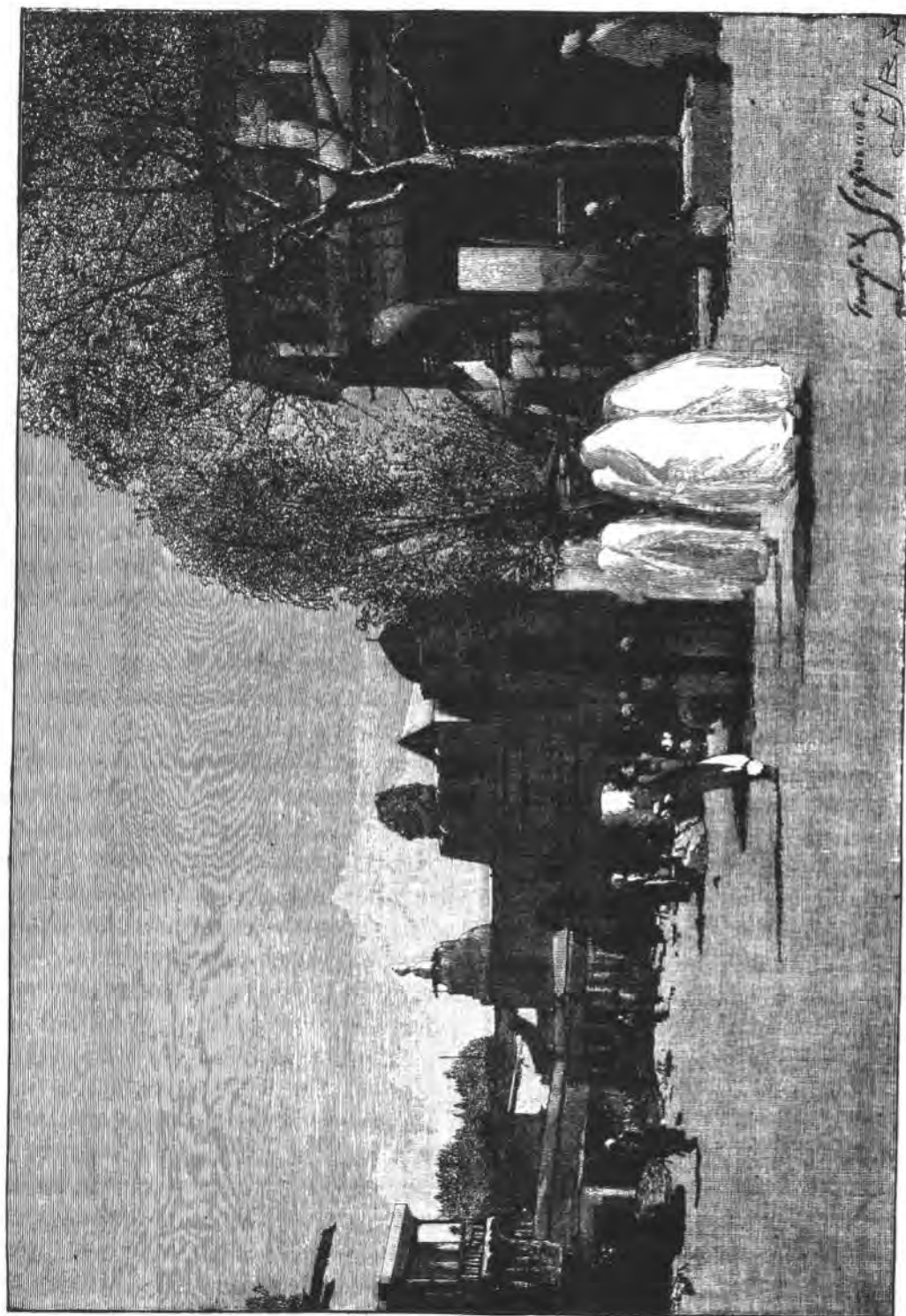
«малыми дѣтьми», можетъ предполагать у нихъ сильное желаніе видѣть его и можетъ снисходить къ ихъ желанію въ качествѣ особаго благорасположенія къ нимъ (2 Кор. i, 15, 23), и даже принужденъ улаживать тѣ чувства ревнующей привязанности, которыя возбуждались принятіемъ съ его стороны помощи отъ одной церкви и непринятіемъ ея отъ другихъ. Но онъ въ то же время хорошо знаетъ, что его ненавидятъ со всею силою ненависти и къ этой ненависти, что особенно уязвляло его духъ, въ значительной степени примѣшивалось несправедливое презрѣніе. Отъ этого презрѣнія даже со стороны презрѣнныхъ, отъ этой ненависти даже ненавистныхъ онъ могъ только страдать, хотя зналъ, что міръ часто награждаетъ услугу наказаніемъ и что это дань, которую добродѣтель получаетъ отъ порока.

Этимъ именно объясняется весь стиль и характеръ его посланій ³⁴⁷⁾. Обвиненія, которыя его врагами дѣлались противъ него, основывались на особенно-стяхъ его метода и общенія, что дѣлало эти обвиненія тѣмъ болѣе опасными и болѣе мучительными, что за ними было нѣкоторое правдоподобіе. Они были въ дѣйствительности новымъ примѣромъ тѣхъ полуистинъ, которыя всегда хуже полной лжи. Такимъ образомъ, усваивая издѣвательство своихъ противниковъ, какъ это онъ дѣлаетъ часто, онъ говоритъ, что онъ лично между ними «скромень» (2 Кор. x, 1, 2) и «невѣжда въ словѣ» ³⁴⁸⁾, и приводитъ ихъ собственный упрекъ, что «въ личномъ присутствіи онъ слабъ и рѣчь его незначительна» (2 Кор. x, 10). Будучи завѣдомо человѣкомъ, который заботился о мирѣ и единеніи, старался о предупредительности ко всѣмъ людямъ,—который былъ готовъ быть всѣмъ для всѣхъ, только бы спасти ихъ, онъ не разъ долженъ прибѣгать къ защитѣ своей личности отъ обвиненій въ неискренности, коварствѣ, безчестности, злобѣ, челоуѣкоугодничествѣ и лести (2 Кор. ii, 17; iv, 2; 1 Тес. ii, 3—5), что все быть можетъ обобщалось въ томъ презрительномъ о немъ мнѣніи, которое онъ съ такимъ негодованіемъ отвергаетъ, именно, что онъ «поступаетъ по плоти» (2 Кор. x, 2) или другими словами, что онъ руководится не духовными, а низкими и себялюбивыми побужденіями. Онъ долженъ также защищать себя отъ клеветы, что его самоуниженіе бесполезно и доведено до излишества (2 Кор. xi, 7); что даже его кажущееся самоотверженіе было только прикрытіемъ для низкихъ видовъ (2 Кор. xii, 16), и что вообще его поведеніе отличалось такою легкомысленностью, что нельзя было полагаться на его обѣщанія (2 Кор. i, 17). Какимъ же образомъ ап. Павелъ могъ сдѣлаться мишенью такихъ клеветъ? Несомнѣнно отъ того, что онъ совершенно противъ своей воли былъ вождемъ партіи и что во всѣ времена существовали люди, которые услаждаются ложью, люди, «сердце которыхъ—пагуба, гортань—открытый гробъ, языкъ—отравленное жало»; но отчасти также и отъ того, что онъ считалъ тактъ, уступчивость, примирительность божественными орудіями, которыя Богъ позволилъ ему употреблять противъ всякаго противодѣйствія, и отчасти потому, что вообще не трудно было издѣваться и

насмѣхаться надъ его уныніемъ духа, надъ смиреніемъ въ жизни, которыя или были прямымъ слѣдствіемъ какого нибудь тѣлеснаго недуга, или могли явиться отъ сознанія этого недуга. Мы сразу видимъ, что все это вполне было бы естественно въ согбенной и слабой фигурѣ, которую изобразилъ Альбрехтъ Дюреръ, но что это было бы невозможно для того величественнаго оратора, котораго Рафаэль помѣстилъ на ступеняхъ ареопага ³⁴⁹).

И ап. Павелъ постоянно указываетъ на это. Едва ли есть такое посланіе, въ которомъ бы онъ не намекалъ на свои душевныя пытки, свои тѣлесныя страданія, свои гоненія и свои слабости. Онъ говоритъ Коринѣянамъ, что «при свиданіи съ ними онъ былъ въ немощи, и въ страхѣ, и въ великомъ трепетѣ» (1 Кор. ii, 3). Онъ напоминаетъ Галатамъ, что онъ благовѣствовалъ имъ въ первый разъ «въ немощи плоти» (Гал. iv, 13). Онъ говоритъ о невыносимомъ бремени жизни, подъ которымъ онъ непрерывно вздыхаетъ ³⁵⁰). Непріятности, стѣсненія, гоненія, низложеніе, которыми постоянно сопровождалась его жизнь, представляются ему постояннымъ, такъ сказать, умерщвленіемъ Христа въ его тѣлѣ ³⁵¹), постояннымъ предательствомъ на смерть ради Христа, постояннымъ проявленіемъ силы смерти въ его внѣшней жизни ³⁵²). Онъ ежедневно умиралъ, часто былъ въ смерти (2 Кор. xi, 23; 1 Кор. xv, 31); онъ былъ какбы убиваемъ въ теченіе всей своей жизни (Римл. viii, 36).

Но это обстоятельство, равно какъ и то, что онъ повидимому писалъ погречески и мыслить посирійски, составляетъ ключъ къ особенностямъ языка ап. Павла. Сознаніе того, что ему не подъ силу было великое дѣло, порученное ему Богомъ, опасеніе, чтобы его личное ничтожество не заставило кого нибудь изъ его слушателей сразу отвергнуть ученіе, провозглашаемое слабымъ, болѣзненнымъ, бѣдствующимъ и обремененнымъ человѣкомъ, который, хотя и посланникъ Христа, въ своей внѣшности имѣлъ такъ мало доказательствъ своего посланничества; сознаніе, что его огненный духъ, «разрывавшій свое глиняное жилище», содержался, подобно свѣтильникамъ въ кувшинахъ Гедеона, въ хрупкомъ глиняномъ сосудѣ (2 Кор. iv, 7)—повидимому такъ неотступно угнетали его, что всѣ слова его становились слишкомъ слабыми для выраженія владавшагося въ нихъ значенія. Отсюда его языкъ во многихъ мѣстахъ носитъ слѣды почти болѣзненной возбужденности, именно въ порывистыхъ переходахъ отъ приниженности къ притязаніямъ на дѣйствительное величіе его трудовъ (1 Кор. xv, 10), отъ презрительности и негодованія въ отношеніи неустойчивыхъ вѣтренниковъ и интригующихъ клеветниковъ къ напряженной и тоскующей любви (см. въ посланіяхъ къ Галатамъ и во 2 посл. къ Коринѣянамъ). Иногда сердце его бьется такимъ живымъ чувствомъ, его мысли стремятся съ такою порывистостью, что вслѣдствіе частыхъ переходовъ и вставокъ все значеніе его рѣчи затемняется (Гал. iv, 12). Чувство его такъ напряженно, что самыя слова его получаютъ необычайную жизненность, дѣлаются какбы живыми существами (Гал. iv, 14; 1 Кор. iv, 13;

РЫНОКЪ ВЪ ДАМАСКѢ.

Филипп. ш, 8). Иногда онъ почти высокомеренъ въ сознаніи своей правоты, которая дѣлаетъ его равнодушнымъ къ вульгарному критицизму (1 Кор. iv, 3), и саркастиченъ до горечи въ своемъ самоуничиженіи (1 Кор. iv, 10; х, 15; 2 Кор. xi, 16—19; хп, 11). Въ одномъ или двухъ примѣрахъ враги могли почти прилагать слово «грубый» къ языку, которымъ онъ осмѣиваетъ, поносить или разоблачаетъ клеветниковъ своего благовѣстія (Гал. ш, 1; iv, 17 въ греческомъ подлинникѣ); въ одномъ или двухъ мѣстахъ онъ говоритъ съ оттѣнкомъ ироніи, почти раздраженія о тѣхъ «почитаемыхъ столпами» «высшихъ апостолахъ», которые, даже если бы они были въ десять кратъ больше, ничего не придали бы ему ³⁵³). Но буря запальчивости утихаетъ въ мигъ; онъ скорбитъ даже изъ-за самой необходимой и вполнѣ заслуженной суровости, и все у него оканчивается выраженіями нѣжности и какбы даже потокомъ слезъ ³⁵⁴).

Правда, въ Савлѣ Тарсійскомъ мы замѣчаемъ ту же неутомимость, напряженность и дѣятельную порывистость, которую мы видимъ въ Павлѣ апостолѣ; но трудно вообразить въ Савлѣ Тарсійскомъ ту нервную боязливость, трепетную чувствительность, то глубокое недоверіе къ своимъ собственнымъ дарамъ и силамъ, помимо благодати Божіей, которыя такъ часто проявляются въ языкѣ Павла, узника Иисуса Христа. Трудно вообразить, чтобы такой человѣкъ, какимъ сталъ апостолъ, могъ быть когда нибудь яростнымъ гонителемъ, вторгавшимся даже въ священное уединеніе мирныхъ домовъ, ревностнымъ истребителемъ ереси даже въ отдаленныхъ городахъ, какимъ былъ Савлъ до видѣнія, бывшего ему на пути въ Дамаскъ. Изъ опыта извѣстно, что какое нибудь физическое страданіе, особенно если оно приметъ форму страшнаго безобразія, часто дѣйствуетъ именно подобнымъ же образомъ на человѣческій характеръ ³⁵⁵). Оно смиряетъ смѣлаго, заносчиваго дѣлаетъ скромнымъ, самонадѣяннаго—боязливымъ, тѣхъ, которые нѣкогда любили общественность, заставляетъ скрываться отъ толпы, уничтожаетъ всякую самоувѣренность и заставляетъ прибѣгать къ смиренному подчиненію волѣ Божіей. Даже опасной болѣзни иногда бываетъ достаточно для произведенія подобныхъ результатовъ; но когда болѣзнь оставляетъ видимый знакъ на тѣлѣ на всю жизнь, вліяніе ея усиливается. Она измѣняетъ веселаго мечтателя въ суроваго аскета, любителя общества—въ трудолюбиваго миссіонера, беззаботнаго воина—въ самоотверженнаго отшельника.

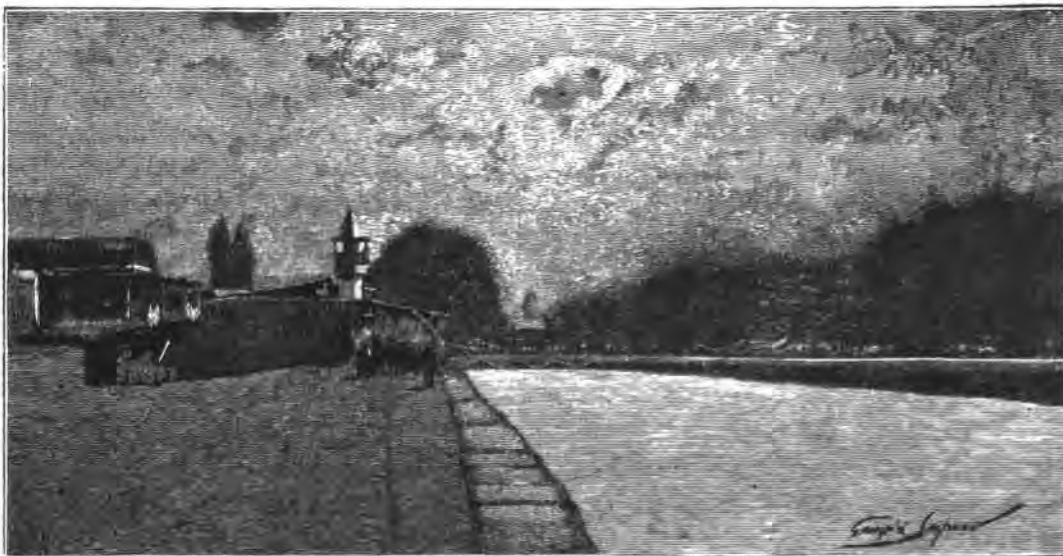
Въ чемъ состояло это «жало въ плоть», мы подробно рассмотримъ въ отдѣльномъ приложеніи ³⁵⁶). Но что оно, въ чемъ бы ни заключалось, было для ап. Павла прямымъ слѣдствіемъ видѣній и откровеній и прямымъ противовѣсомъ тому высокомерию и самопревозношенію, которыя при другихъ обстоятельствахъ не преминули бы явиться въ такомъ характерѣ вслѣдствіе такихъ исключительныхъ явленій,—объ этомъ онъ самъ говоритъ намъ не разъ. Поэтому мы естественно приходимъ къ предположенію, что впервые его здоровью нанесенъ былъ ударъ во время того величайшаго изъ всѣхъ откровеній, когда ему было видѣніе воскресшаго Христа,

именно когда онъ въ полуденное время ѣхалъ въ Дамаскъ. Если такъ, то мы видимъ новое основаніе для его удаленія отъ всякаго труда и общественности, потому что оно было необходимо не только для его души, но и для тѣла.

Иудейская гробница.

Берега Барады.

ГЛАВА XII.

НАЧАЛО ДОЛГОГО МУЧЕНИЧЕСТВА.

Будь смѣлъ какъ леопардъ, быстръ какъ орелъ, подвиженъ какъ молодой конь, храбръ какъ левъ,—чтобы исполнять волю Отца твоего небеснаго. Писажимъ.

СПОКОЕННЫЙ уединеніемъ, укрѣпленный быть можетъ новыми откровеніями воли Божіей, яснѣе сознавая истину и долгъ, Савлъ возвратился въ Дамаскъ. Намъ нѣтъ надобности искать другихъ побужденій къ его возвращенію, чѣмъ тѣ, которыя являлись вслѣдствіе убѣжденія, что онъ теперь былъ достаточно приготовленъ къ исполненію дѣла, на которое призвалъ его Христосъ.

Онъ не сразу выступилъ съ своей миссіей къ язычникамъ. Проповѣдь апостольская прежде всего направлялась къ іудеямъ (Римл. i, 16; Дѣян. iii, 26; xiii, 38, 39, 46; Іоан. iv, 22) и въ этомъ именно смыслѣ прямые указанія даны были самимъ Христомъ (Лук. xxiv, 47; сн. Ис. ii, 2, 3; хлх, 6; Мих. iv, 2). Кромѣ того язычники были такъ незнакомы съ учрежденіемъ проповѣдничества, все ихъ религіозное міросозерцаніе

было такъ чуждо всякой формы догматическаго и нравственнаго убѣжденія, что начинать проповѣдью имъ было почти невозможно. Повліять на язычниковъ было легче всего чрезъ іудеевъ. Прозелиты, многочисленныя въ каждомъ городѣ, были особенно многочисленны въ Дамаскѣ, и при ихъ посредствѣ можно было быть увѣреннымъ, что всякая истина, провозглашенная въ іудейской синагогѣ, хотя бы даже только чрезъ посредство прозелитокъ, могла быстро доходить до языческой агоры.

Поэтому естественно, что Савль прежде всего посвятилъ себя синагогамъ и тамъ началъ проповѣдывать свое благовѣстіе. Такъ какъ христіане все еще находились въ общеніи съ синагогой и храмомъ, такъ какъ ихъ вождь Ананія былъ такъ набоженъ по закону, что пользовался доброй репутаціей у всѣхъ іудеевъ, жившихъ въ Дамаскѣ (Дѣян. ххп, 12), то молодому раввину и не могло представиться въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій; а такъ какъ онъ былъ ученикомъ наиболѣе знаменитыхъ іудейскихъ школъ, то первыя появленія его на аренѣ полемики возбуждали значительное любопытство и вниманіе. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы враждебность къ назарянамъ, которою самъ Савль былъ одержимъ въ Іерусалимѣ, въ то время уже распространилась до Дамаска. Новости медленно распространяются въ восточныхъ странахъ, и тѣ мгновенныя волны мнѣнія, которыя наводняютъ нашу новѣйшую цивилизацію, были неизвѣстны въ древнія времена. Въ столицѣ Сиріи іудеи и христіане все еще жили вмѣстѣ во взаимной терпимости, если не во взаимномъ почтеніи. Они жили такъ и въ Іерусалимѣ, пока искра ненависти не вспыхнула отъ столкновенія еллинистовъ свободомыслящей школы съ еллинистами узкой іудейской школы, христіанскихъ еллинистовъ, приверженцевъ *галады*, съ іудейскими еллинистами, приверженцами *илахи*. Причиною этого столкновенія если не вполне, то въ значительной мѣрѣ былъ Савль, и онъ намѣренъ былъ возбудить ту же борьбу и ту же взаимную ярость и въ Дамаскѣ, когда онъ застигнутъ былъ ³⁵⁷⁾ на своемъ нечистомъ дѣлѣ видѣніемъ и укоромъ своего вознесшагося Господа.

Но полномочіе и письма были предоставлены только ему, и никто, кромѣ немногихъ пылкихъ зилотовъ, въ дѣйствительности не желалъ, чтобы благочестивыя и почтенныя личности въ родѣ Ананіи, — сыны Авраамовы, слуги Моисеевы, — были съ веревкой на шеѣ извлекаемы изъ мирныхъ домовъ и бичуемы народомъ, съ которымъ они жили въ полномъ согласіи, и гонимы въ Іерусалимѣ фанатиками, которые постарались бы принять всѣ мѣры, чтобы добиться противъ нихъ того роковаго приговора, который бы осудилъ ихъ на возмутительные ужасы почти уже вышедшей изъ употребленія казни.

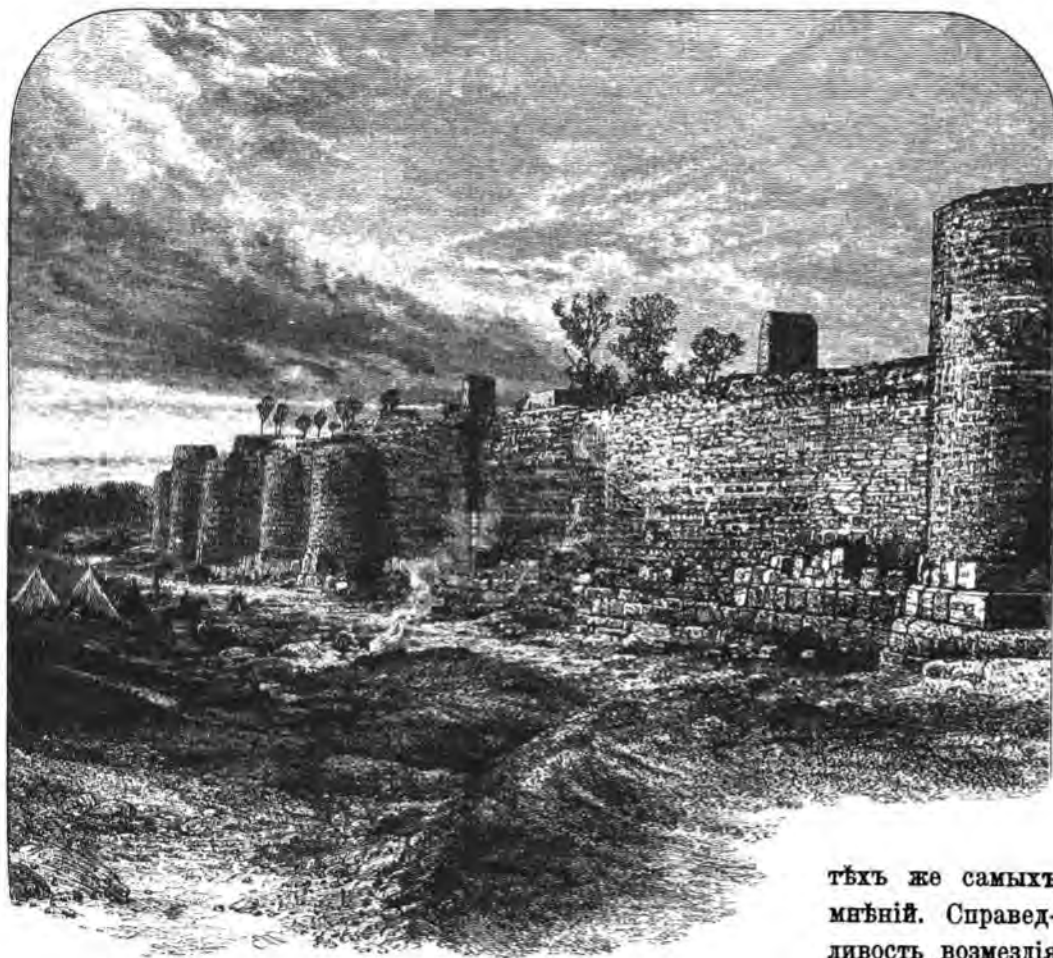
Такимъ образомъ всякій правитель синагоги, котораго Савль могъ поражать всѣмъ блескомъ высокой учености и всею нетерпимостью пламенной ревности, могъ съ удовольствіемъ видѣть и слушать человѣка, который уже не страшилъ его полномочіями синедріона, а самъ подлежалъ тѣмъ же самымъ

наказаніямъ, которыя не за долго предъ тѣмъ онъ готовъ былъ навлекать на другихъ.

И если бы Савлъ оказался только посредственнымъ полемистомъ, то спокойствіе іудейскаго самолюбія не было бы затронуто и онъ не возмутилъ бы застоявшагося потока ихъ законническаго самоудовлетворенія. Онъ не говорилъ объ излишествѣ обрѣзанія, ничего не говорилъ о временности храмоваго служенія или о замѣнѣ его болѣе духовнымъ богослуженіемъ. Онъ не выразилъ ни единого слова касательно обращенія къ язычникамъ. Предметомъ его проповѣди былъ «Исусъ Сынъ Божій» ³⁵⁸). Сначала его проповѣдь не возбуждала особеннаго негодованія. Богомольцы синагогъ чувствовали только крайнее изумленіе ³⁵⁹), что это тотъ самый человѣкъ, который гналъ и истреблялъ въ Іерусалимѣ называющихся «этимъ именемъ» (см. выше стр. 74) и который прибылъ въ Дамаскъ съ непремѣнною цѣлью вести ихъ связанными на судъ первосвященника. Но когда разъ нанесена серьезная рана самолюбію, терпимость рѣдко держится въ обществѣ. Тоже самое было и съ іудеями Дамаска. Они скоро поняли, что имѣли дѣло уже не просто съ Ананіей. Ап. Павелъ въ теченіе всей своей жизни имѣлъ несчастіе возжигать самую сильную вражду, потому что при всей примирительности и нѣжности своего темперамента онъ постоянно вносилъ въ свою аргументацію ту напряженность и прямоту, которыя возбуждаютъ дремлющее противодѣйствіе. Вялый полемистъ всегда встрѣтится съ вялою терпимостью. Но всякій полемистъ, честная убѣжденность котораго въ своемъ собственномъ ученіи дѣлаетъ его всецѣло преданнымъ ему, всегда долженъ рассчитывать на тяжелую жизнь, огорчаемую ненавистью и гнѣвомъ тѣхъ, кому онъ принужденъ внушать непріятное дѣло пересмотра своихъ собственныхъ убѣжденій. Никто не любитъ быть пробуждаемъ внезапно. Іудеи негодовали на человѣка, который нарушалъ глубокую дремоту ихъ ходячихъ убѣжденій. Ихъ довѣренныя учителя не любили, чтобы ихъ тревожили въ ихъ непогрѣшимомъ невѣжествѣ. Они начали въ Дамаскѣ относиться къ Савлу съ тою дикою ненавистью, которая, преслѣдовала его отсель до послѣдняго дня его жизни. На основаніи ихъ собственнаго писанія, при помощи ихъ собственныхъ методовъ толкованія, ихъ собственнымъ стилемъ діалектики, истолкованіемъ тѣхъ же самыхъ пророчествъ, значенія которыхъ они не оспаривали, онъ просто повергалъ ихъ въ смущеніе. Онъ могъ теперь пользоваться тѣми же самыми началами, противъ которыхъ онъ нашелъ невозможнымъ выстоять, слыша ихъ изъ устъ св. Стефана. Результатомъ всего этого было неотразимое доказательство, что наступалъ послѣдній вѣкъ въ земномъ промышленіи Божіемъ, что все старое исчезало и все становилось новымъ.

Если извѣстная аргументація непреодолима и однако же если слышащіе ее не хотятъ уступить ей, то она неизбежно возбуждаетъ ожесточенную ярость. Такъ было и съ іудеями. Прошло уже нѣсколько времени съ возвращенія Савла изъ Аравіи ³⁶⁰), и они не видѣли возможности избавиться

отъ этого опаснаго для нихъ противника. Поэтому они прибѣгли къ тому, что св. Іоаннъ Златоустъ называетъ «силлогизмомъ насилія». Въ оправданіе этого они могли приводить по крайней мѣрѣ то (и какой горькій упрекъ могло возбудить такое оправданіе въ собственной совѣсти Савла!), что они поступали съ нимъ только такъ, какъ онъ самъ поступалъ со всѣми другими, кто держался

Стѣны Дамаска.

тѣхъ же самыхъ мнѣній. Справедливость возмездія такимъ образомъ подносила къ его

собственнымъ устамъ ту отравленную чашу нетерпимости, которую онъ заставлялъ пить другихъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ этотъ періодъ апостолъ подвергся одному и быть можетъ даже болѣе чѣмъ одному изъ тѣхъ пяти іудейскихъ бичеваній, которыя онъ, по его разсказу Коринѣянамъ, потерпѣлъ отъ рукъ іудеевъ: потому что едва ли вѣроятно, чтобы они сразу же прибѣгли къ болѣе сильнымъ мѣрамъ, а бичеваніе могло слу-

жить ему предостереженіемъ, что послѣдуетъ еще нѣчто худшее. Въ дѣйствительности немного имѣется болѣе поразительныхъ доказательствъ той тяжести, которую апостолъ такъ весело, можно сказать даже съ такою радостью, сносилъ въ теченіе своей жизни, чѣмъ то обстоятельство, что въ своей собственной біографіи о всѣхъ этихъ пяти бичеваніяхъ, не смотря на всю ихъ ужасность, онъ упоминаетъ лишь мелькомъ, и что въ своихъ посланіяхъ онъ лишь случайно намекаетъ на нихъ среди еще болѣе невыносимыхъ мученій ³⁶¹).

Но изъ примѣра апостоловъ въ Іерусалимѣ мы знаемъ, что никакія такія страданія или опасности не могли прекратить его проповѣдничества. Подобно имъ, въ такомъ безчестіи онъ видѣлъ честь. Наконецъ іудеи, до невозможности возмущенные человѣкомъ, котораго они ненавидѣли какъ отступника, и котораго не могли даже презирать какъ еретика, составили тайный заговоръ съ цѣлью убить его ³⁶²). Объ этомъ заговорѣ дано было знать Савлу и онъ сталъ остерегаться его. Тогда іудеи прибѣгли къ болѣе сильнымъ и болѣе открытымъ мѣрамъ. Они днемъ и ночью сторожили у городскихъ воротъ для того, чтобы лишить его возможности побѣга. Въ этомъ дѣлѣ имъ помогалъ и правитель области, который давалъ имъ возможность такой охраны. Правитель этотъ былъ или арабскій намѣстникъ Ареты, или главный начальникъ самихъ іудеевъ ³⁶³), который легко могъ имѣть такую власть при дружественномъ князѣ.

Такимъ образомъ Савлу грозила опасность гибели при самомъ началѣ его дѣятельности. Но этому не надлежало быть. Ученики «взяли Савла» ³⁶⁴) (другое изъ тѣхъ выраженій, которыя повидимому показываютъ, что онъ крайне нуждался въ помощи) и, посадивъ его въ большую корзину ³⁶⁵), спустили его внизъ чрезъ окно дома, прилегавшаго къ стѣнѣ ³⁶⁶). Для этого они быть можетъ выбрали благопріятный моментъ, когда патруль прошелъ и не успѣлъ еще возвратиться опять. Во всякомъ случаѣ побѣгъ этотъ былъ крайне унижительный и быть можетъ это униженіе или даже быть можетъ то, что оно совершилось среди раннихъ опасностей, которымъ онъ подвергался, такъ неизгладимо напечатлѣлось въ душѣ ап. Павла. Почти двадцать лѣтъ спустя онъ съ особенною выразительностью упоминаетъ о немъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, и это послѣ многихъ другихъ мукъ и крайне опасныхъ побѣговъ, которые намъ могли бы показаться гораздо болѣе страшными ³⁶⁷).

Здѣсь, такимъ образомъ, позоромъ и опасностью заключилась первая страница бурной и тяжелой дѣятельности Павла. Какъ онъ достигъ Іерусалима, это можетъ быть только предметомъ гаданія. Несомнѣнно, что когда онъ темною ночью пробирался одинъ, особенно когда онъ проходилъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ плѣнилъ его Христосъ, и въ одинъ мигъ его жизни сосредоточилъ всю вѣчность, — его сердце было переполнено думами, которыя слишкомъ глубоки для выраженія въ словахъ. Изъ выраженія, которое онъ употребляетъ въ своей рѣчи къ Агриппѣ, иные выводятъ, что онъ быть можетъ проповѣдывалъ во многихъ

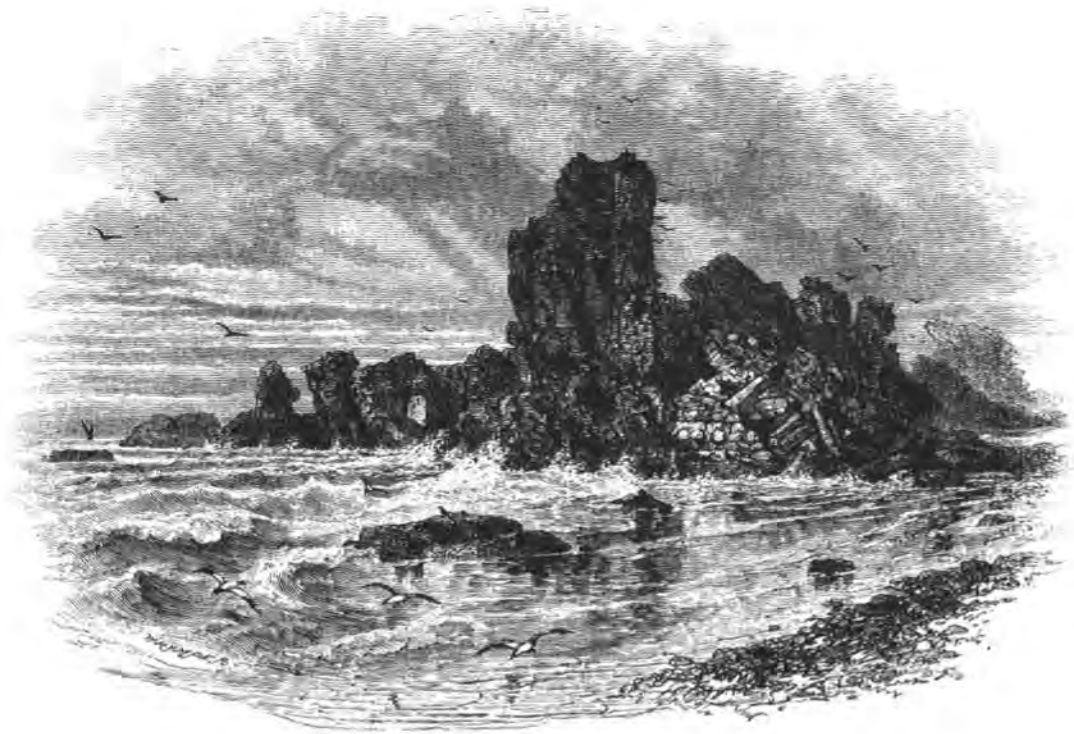
синагогахъ въ тѣ дни, которые проведены были въ путешествіи въ Іерусалимъ (Дѣян. xxvi, 20); но это повидимому противорѣчитъ его собственному заявленію, что «церквамъ Христовымъ во Іудеѣ лично онъ былъ неизвѣстенъ» (Гал. i, 22). Не невѣроятно однако же, что онъ могъ иногда останавливаться въ гостинницахъ, которыя бывали при іудейскихъ синагогахъ, и если такъ, то онъ могъ проповѣдывать первыя истины Евангелія іудеямъ, не входя въ тѣсное соприкосновеніе съ христіанскими общинами.

Во всякомъ случаѣ путешествіе его не могло быть продолжительно, такъ какъ онъ говоритъ, что главною цѣлью его было посѣщеніе ап. Петра, признаніе со стороны котораго было бы драгоцѣнно для него, помимо той помощи и того просвѣщенія, которое онъ несомнѣнно могъ получить отъ бесѣды съ апостоломъ, долго жившимъ въ ближайшемъ общеніи со Христомъ.

Древняя капитель изъ Іерусалима.

Развалины Кесаріи.

ГЛАВА XIII.

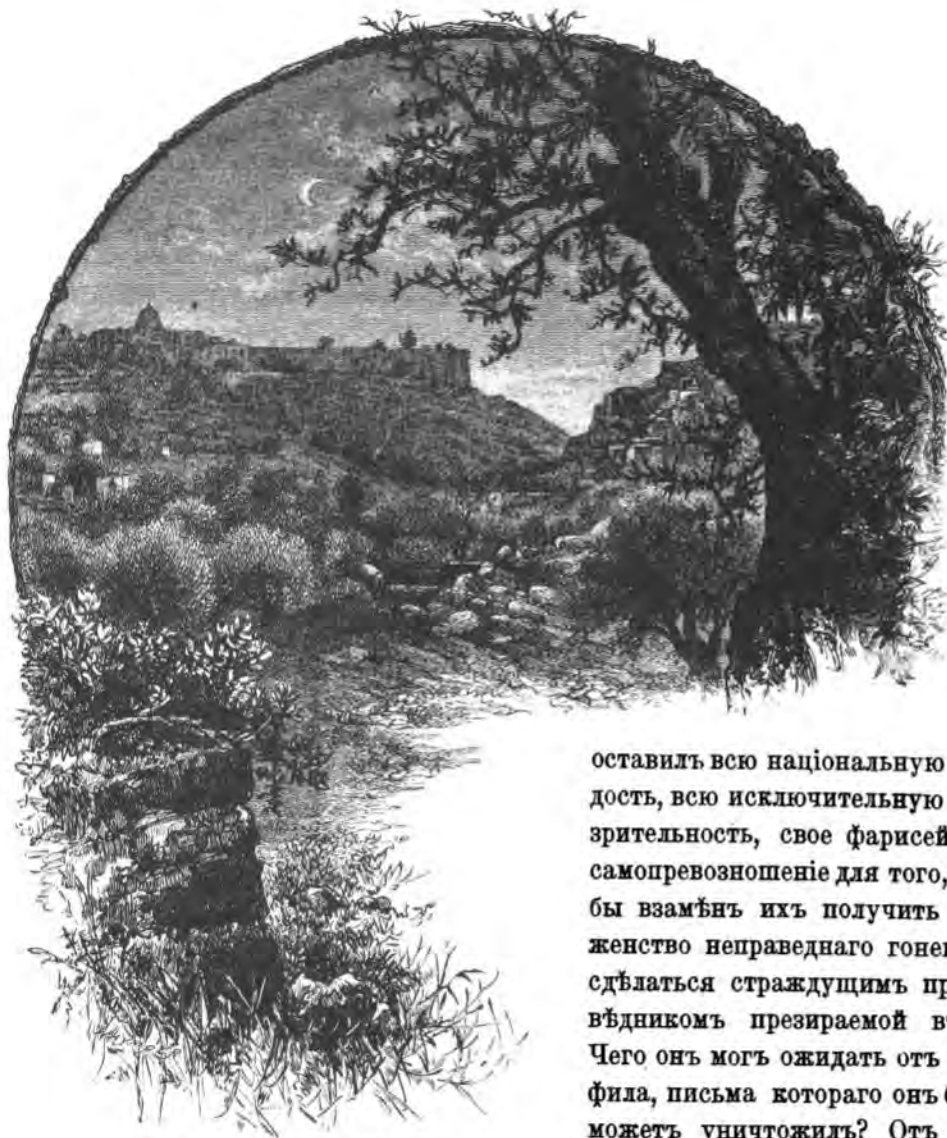
ВОЗВРАЩЕНІЕ САВЛА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Самъ Павелъ, поверженный и наставленный голосомъ небеснымъ, посланъ былъ къ человеку, чтобы принять отъ него таинства. Бл. Августинъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ въ Іерусалимъ должно было стоить не малыхъ усилій будущему апостолу. Какъ мучительны должны были быть угрызенія его совѣсти, когда онъ приближался къ мѣсту, гдѣ онъ видѣлъ трупъ св. Стефана лежащимъ подъ грудой побившихъ его камней! Съ какимъ страшнымъ интересомъ долженъ былъ онъ теперь смотрѣть на мѣсто распятія и на то мѣсто, гдѣ лежалъ въ садовомъ гробу Тотъ, который теперь воскресъ и былъ прославленъ! Въ какомъ ужасномъ смущеніи должно было находиться чувство вслѣдствіе крайней перемѣны его теперешнихъ отношеній къ священникамъ, вѣру которыхъ онъ оставилъ, и къ христіанамъ, Евангеліе которыхъ онъ принялъ! Онъ оставилъ Іерусалимъ раввиномъ, фарисеемъ, фанатическимъ защитникомъ устнаго закона; онъ входилъ въ него человекомъ, который отвер-

галь значеніе подзаконной праведности, который вполнѣ презиралъ жалкіе останки іудейскаго преданія. Высокомѣрный человекъ сдѣлался невыразимо смиреннымъ; дикій гонитель—невыразимо нѣжнымъ; самодовольный раввинъ въ одинъ мигъ

За стѣнами Іерусалима.

оставилъ всю національную гордость, всю исключительную презрительность, свое фарисейское самопревозношеніе для того, чтобы взамѣнъ ихъ получить блаженство несправедливаго гоненія и сдѣлаться страждущимъ проповѣдникомъ презираемой вѣры. Чего онъ могъ ожидать отъ Теофила, письма котораго онъ быть можетъ уничтожилъ? Отъ членовъ синаedrіона, ярость которыхъ онъ распалилъ? Отъ своихъ

старыхъ товарищей по аудиторіи Гамаліила, видѣвшихъ въ Савлѣ Тарсійскомъ человека, который по своей учености былъ гордостью школы Гиллея и по своей ревности соперникомъ школы Шаммаи? Какъ отнесутся къ нему эти друзья его

юности, эти учителя и товарищи его жизни, послѣ того какъ онъ, провозглашая свою систему, свою ученость, свое убѣжденіе, всю свою жизнь, а потому и ихъ, неисправимымъ заблужденіемъ,—сдѣлался открытымъ приверженцемъ маленькой общины, которую онъ нѣкогда гналъ и истреблялъ?

Но среди естественныхъ опасеній, которыми онъ не могъ не волноваться, заглядывая въ будущее, онъ несомнѣнно могъ утѣшать себя мыслью, что онъ найдетъ братскій привѣтъ среди тѣхъ мирныхъ и благородныхъ людей, о вѣрѣ которыхъ онъ зналъ и любви которыхъ другъ къ другу онъ завидовалъ, когда даже еще ненавидѣлъ ихъ. Какимъ блаженствомъ было бы для него участіе въ этомъ мірѣ, который онъ нѣкогда старался разрушить; внушеніе другимъ тѣхъ доводовъ, которые убѣждающимъ образомъ дѣйствовали на его собственную душу, даже когда онъ еще отчаянно противодѣйствовалъ имъ! Какъ пріятно было бы услышать изъ священныхъ и благородныхъ устъ слово о Томъ, Кого онъ нѣкогда хулилъ! Савлъ конечно могъ думать, что любовь, благородство, радость его новыхъ собратій болѣе чѣмъ вознаграждать его за то вліяніе и почетъ, которые онъ добровольно оставилъ, и что пользованіе съ ними высокими плодами духа—любовью, радостью, миромъ, долготерпѣніемъ, нѣжностью, добротою, вѣрою, смиреніемъ, умѣренностью—будетъ блаженствомъ, ради котораго онъ могъ оставить весь міръ. Неудивительно поэтому, что онъ «старался пристать къ ученикамъ» (Дѣян. ix, 26). Его знакомство съ человѣческой природой, правда, могло предупредить его, что «довѣріе лишь медленно растетъ», что такой пріемъ, котораго онъ желалъ, былъ едва ли возможенъ для него. Быть можетъ онъ слишкомъ много рассчитывалъ на перемѣну, произведенную въ человѣческомъ расположеніи благодатію Божіей.

Но, увы! его ожидало новое испытаніе. Ап. Петръ, правда, котораго ему особенно хотѣлось видѣть, сразу принялъ его съ обычнымъ великодушіемъ порывистаго сердца и, будучи женатымъ человѣкомъ, безъ замедленія предложилъ ему гостепріимство (Гал. i, 18); но на первыхъ порахъ этимъ и ограничилось все. Что Петръ раньше другихъ собратій поднялся выше духа подозрительности, это не могло не говорить въ пользу его личнаго величія и доброты и совершенно согласно съ тѣмъ естественнымъ благородствомъ, котораго мы вправѣ ожидать въ человѣкѣ, котораго любилъ и благословлялъ самъ Христосъ. Въ это время онъ былъ вождемъ церкви въ Иерусалимѣ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ не бѣжалъ съ другими при приближеніи бури. Онъ долженъ былъ знать, что у ногъ этого молодого фарисея лежали одежды убійцъ св. Стефана. Онъ навѣрно боялся его, быть можетъ даже скрывался отъ него, когда онъ вторгался въ дома христіанъ. Мало того, сердце Петра вѣроятно поражалось скорбью, когда онъ видѣлъ, какъ его маленькая церковь избивалась, разгонялась и истреблялась, и любвеобильная община, вѣра которой была такъ свѣтла, восторгъ такъ заразителенъ, взаимная любовь такъ нѣжна и чиста, немилосердно разрушалась безжалостнымъ гонитель-

ствомъ «ученика школь». Тѣмъ не менѣе съ несомнѣвающейся прямою свѣтлой натуры, съ тою духовною проницательностью, посредствомъ которой божественная любовь не только замѣчаетъ дѣйствительное достоинство, но даже создаетъ его тамъ, гдѣ оно раньше не существовало, — Петръ открываетъ свои двери тому, кого болѣе низкій человѣкъ могъ бы совсѣмъ отвергнуть какъ коварнохищнаго волка среди стадъ.

Но изъ другихъ вождей церкви, если только кто нибудь изъ нихъ былъ въ это время въ Іерусалимѣ, никто еще не приближался къ новому обращенцу, никто не рѣшался побесѣдовать съ нимъ. Его повсюду встрѣчали холодными недоувѣрчивыми взглядами. Въ одинъ мигъ онъ потерялъ всѣхъ своихъ старыхъ друзей и казалось вѣроятнымъ, что онъ не приобрететъ на мѣсто ихъ новыхъ. Христіане, смотря на него съ ужасомъ и недоувѣріемъ, не вѣрили, чтобы онъ былъ ученикомъ Христа ³⁶⁸). Они бытъ можетъ слышали объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его обращеніе, но эти обстоятельства случились три года передъ тѣмъ. Извѣстія о его недавней проповѣди и недавней опасности въ Дамаскѣ вѣроятно еще не достигли до нихъ; но даже если и такъ, то они казались столь странными, что имъ простительно было смотрѣть съ сомнѣніемъ на гонителя, обратившагося въ собрата,—даже просто изъ боязни, чтобы подъ мнимымъ обращеніемъ не оказалась только хитрость Савла съ цѣлью узнать ихъ тайны и накрыть ихъ для довершенія ихъ окончательной гибели. И такимъ образомъ его сношенія съ христіанами на первыхъ порахъ въ церкви іерусалимской почти ограничились его приѣмомъ въ домъ Петра. «Другаго же изъ апостоловъ не видѣлъ я никого»,—пишетъ онъ къ Галатамъ, «кромѣ Іакова брата Господня». Но хотя онъ и *видѣлъ* Іакова, онъ повидимому имѣлъ мало общенія съ нимъ. Все, что мы знаемъ о первомъ епископѣ іерусалимскомъ, показываетъ, что характеры этихъ двухъ людей были чрезвычайно различны — почти до непримиримой противоположности. Даже съ самимъ Господомъ, какъ ясно показываютъ изреченія евангелія (Мат. хп, 46; Марк. пп, 31; Лук. viи, 19; Іоан. viи, 5), старшій изъ Его братьевъ повидимому въ теченіе всей Его земной жизни имѣлъ мало общенія. Правда, онъ принималъ Его мессіанское достоинство, но принималъ только въ іудейскомъ смыслѣ и былъ недоволенъ тѣмъ, что въ Его жизни было наиболѣе божественнаго. Если преданіе вѣрно изображаетъ его какъ законника, назоря, почти ессея, проводящаго всю свою жизнь въ молитвѣ въ храмѣ, то именно его преданность Моисееву закону, едва измѣненная лишь совнѣ его обращеніемъ къ христіанству, и приобрѣла ему даже отъ іудеевъ названіе «праведнаго». Если онъ, какъ можно думать, былъ авторъ извѣстнаго подъ его именемъ посланія, то мы видимъ, какъ мало еще его духовная жизнь была проникнута тою великою истиной, которая для ап. Павла была самымъ дыханіемъ и жизнью христіанства. Въ этомъ посланіи мы находимъ суровую и возвышенную нравственность, которая ставитъ его безконечно выше грубаго упрека въ томъ,

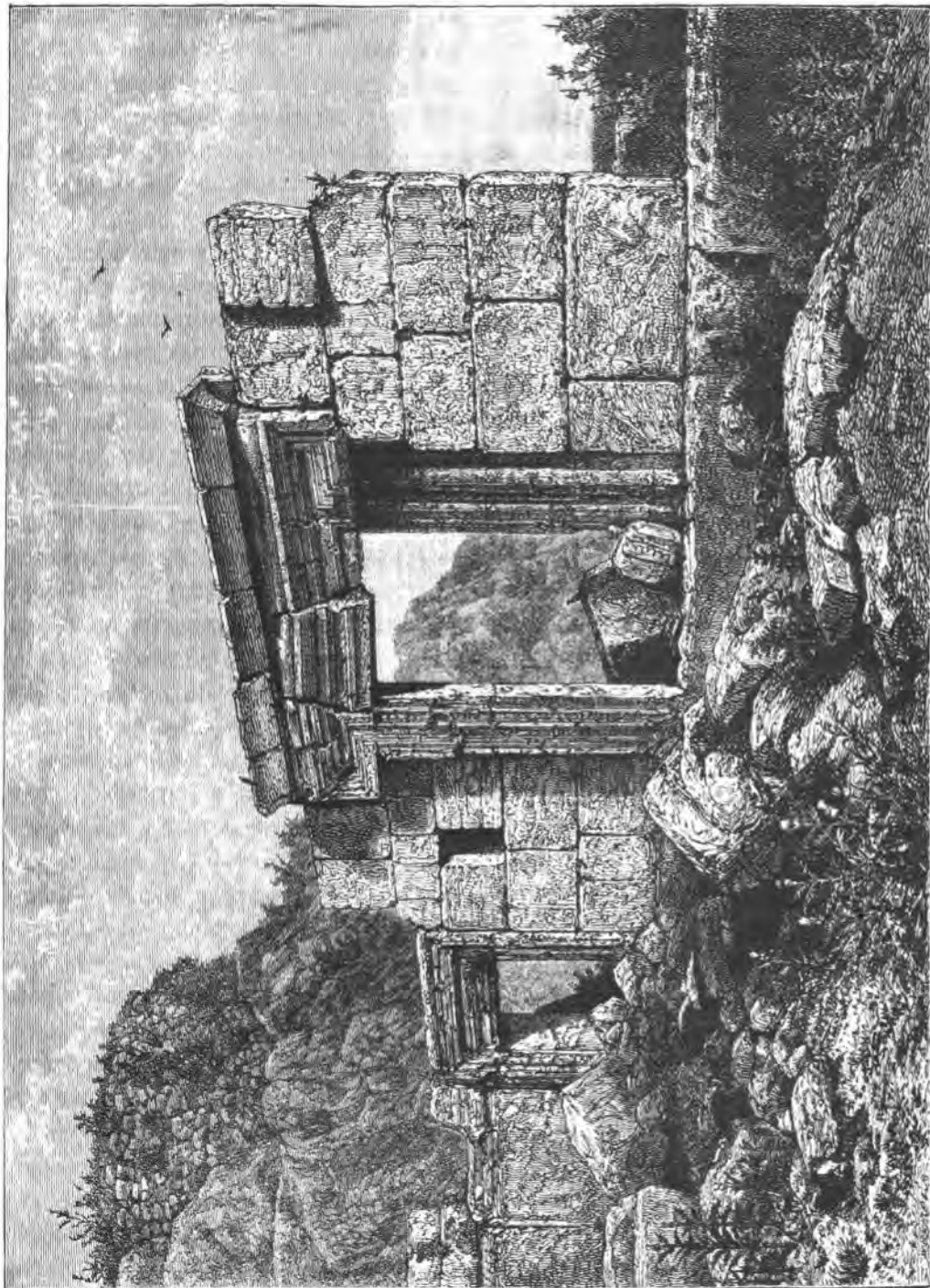
что это «просто соломенное посланіе» ³⁶⁹); но тѣмъ не менѣе мы не находимъ въ немъ ни одного прямого слова касательно воплощенія, или распятія, или искушенія, или оправданія вѣрою, или освященія духомъ, или воскресенія изъ мертвыхъ. Мнѣніе, что оно написано было въ противовѣсъ или ученію ап. Павла, или опаснымъ слѣдствіямъ, которыя иногда могли вытекать изъ этого ученія, въ высшей степени сомнительно; и все, что мы можемъ сказать объ этомъ предположеніи, это — то, что оно по крайней мѣрѣ не такъ чудовищно, какъ измышленное нѣмецкими богословами, по которому будто бы ап. Павелъ и его послѣдователи съ негодованіемъ, хотя и прикровенно, поносятся подъ видомъ Валаама и Іезавели церковью Пергама и Ѳіатиры (Откр. II, 20), николаитовъ церкви Ефесской (Откр. II, 6) и «сатанинскаго сборища изъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, но не суть таковы, а лгутъ» — въ церкви филиadelphійской (Откр. III, 9). И однако же при совмѣстномъ чтеніи посланія Іакова съ любымъ посланіемъ ап. Павла нельзя не замѣтить большаго различія между двумя апостолами. Св. Іаковъ былъ человѣкъ замѣчательно непоколебимый; ап. Павелъ умѣлъ во время уступать, но онъ менѣе всего склоненъ былъ уступать въ тѣхъ именно пунктахъ, которые болѣе всего возбуждали сочувствіе Іакова. То, что мы знаемъ объ ап. Петрѣ, вполне согласно съ тою доброю готовностью, съ которою онъ принялъ подозрѣваемаго и лишеннаго друзей еллинаста. То, что мы знаемъ объ Іаковѣ, заставляетъ насъ напередъ предполагать, что его отношенія къ Павлу никогда не могли имѣть болѣе чѣмъ формальнаго характера, который они и носятъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ и еще болѣе въ посланіи къ Галатамъ. Но то обстоятельство, что между ап. Павломъ и ап. Іаковомъ было мало видимаго сочувствія и взаимообщенія и что они останавливаются на видимо противоположныхъ сторонахъ истины, отнюдь не даетъ намъ права неодобрительно относиться къ тому или другому. Различія, повидимому возникающія изъ анализа истины въ отдѣльныхъ умахъ, сливаются въ общности болѣе широкаго синтеза. Когда ап. Павелъ учитъ, что мы «оправдываемся вѣрою», онъ проповѣдуетъ безконечно великую истину; но въ то же время и ап. Іаковъ проповѣдуетъ драгоцѣнную истину, когда онъ съ различнымъ оттѣнкомъ значенія въ обоихъ словахъ говоритъ, что «человѣкъ оправдается дѣлами» ³⁷⁰). Истины, которыя было поручено проповѣдывать этимъ двумъ великимъ апостоламъ, восполняли и дополняли одна другую, а не противорѣчили между собою. Мы наслѣдовали обѣ стороны этой великой истины.

Человѣкомъ, который вывелъ новаго обращенца изъ этой тяжелой отчужденности, той изолированности, которая въ это время могла бы быть для него еще вдвое мучительнѣе, — былъ мудрый и великодушный Іосифъ. О немъ уже упоминалось въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ какъ о кипрскомъ левитѣ, который, не смотря на предразсудки своего сословія, однимъ изъ первыхъ присоединился къ новой общинѣ и освятилъ ея благочестивое общеніе имѣній продажею своего собственнаго имущества. Достоинство и любвеобильность его характера, не менѣе какъ

принесенныя имъ жертвы, дали ему заслуженное высокое положеніе среди преслѣдуемыхъ собратій; а та сила, съ которою онъ проповѣдывалъ вѣру, пріобрѣла ему названіе Варнавы или «сына увѣщанія» ³⁷¹). Его тѣсныя отношенія съ ап. Павломъ въ послѣдующее время, его путешествіе въ Тарсъ изъ Антіохіи для оказанія ему помощи, и единство ихъ цѣлей до печальной размолвки, окончательно раздѣлившей ихъ, могли бы одни сдѣлать вѣроятнымъ, что они знали другъ друга еще въ этотъ ранній періодъ жизни, въ теченіе котораго по большей части завязывается тѣснѣйшая дружба. Преданіе утверждаетъ, что Іосифъ былъ ученикомъ Гамалила, и тоже самое чувство, которое заставило его пристать къ школѣ, особенностью которой было между прочимъ позволеніе изученія «греческой мудрости», — могло также еще раньше заставить его отплыть съ Кипра, чтобы видѣть, чему можно было научиться въ академіи Тарса. Если такъ, то онъ естественно могъ придти въ соприкосновеніе съ семействомъ Савла, и такимъ образомъ началась дружба, которая продолжалась и въ Іерусалимѣ. Она нарушена была обращеніемъ Варнавы, но теперь возобновилась вслѣдствіе обращенія Савла.

Быть можетъ также этой именно дружбѣ Савлъ былъ обязанъ своимъ допущеніемъ въ качествѣ гостя въ домъ ап. Петра. Между Варнавой и Петромъ была тѣсная связь благодаря личности Марка, который былъ племянникомъ Варнавы (Кол. iv, 10) и котораго Петръ любилъ такъ нѣжно, что называетъ его своимъ сыномъ. Самый домъ, въ которомъ жилъ Петръ, могъ быть домомъ Маріи, матери Марка. Едва ли вѣроятно, чтобы бѣдный рыбакъ галилейскій имѣлъ собственный домъ въ святомъ городѣ. Во всякомъ случаѣ Петръ отправляется въ этотъ домъ немедленно послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы, и если онъ жилъ въ немъ, то отношеніе Варнавы къ его владѣльцѣ давало ему нѣкоторое право просить гостепріимства для Савла. Какъ ни великодушенъ былъ Петръ, отъ него требовалась почти нечеловѣческая степень довѣрія, чтобы сразу же принять подъ свой кровъ чловека, который прибѣгалъ ко всякимъ насиліямъ, чтобы искоренить церковь Христову. Но если такой высокопочитаемый чловекъ, какъ Варнава, готовъ былъ ручаться за него, то конечно Петръ былъ не такимъ чловекомъ, который могъ бы холодно отнестись къ нему. Такимъ образомъ и случилось, что первый доступъ въ среду тѣхъ, кого гналъ раньше Савлъ, онъ получилъ благодаря высокому покровительству величайшаго изъ двѣнадцати апостоловъ.

Воображеніе тщетно старается проникнуть за завѣсу 2,000 лѣтъ, отдѣляющую насъ отъ взаимообщенія этихъ двухъ апостоловъ. Варнава, какъ можно быть увѣреннымъ, часто присутствовалъ въ этомъ маленькомъ кружкѣ и велъ много глубоководныхъ бесѣдъ съ своимъ прежнимъ другомъ. Марія, мать Марка, также могла поразсказать кое-что ³⁷²). Маркъ могъ быть личнымъ свидѣтелемъ болѣе чѣмъ одной трогательной сцены. Но какъ безпредѣльно было богатство духовной мудрости, которое раскрывалъ ап. Петръ! Не ясно-ли, что изъ его именно устъ ап. Павелъ слышалъ о событіяхъ ранняго служенія Іисуса въ теченіе

Портикъ синагоги въ Мейронѣ.
(Съ позволенія, изъ «Memoirs of the Palestine Exploration Fund».)

галилейскаго года, о воскресеніи дочери Іаира, о преображеніи, о бесѣдѣ въ синагогѣ капернаумской и о страшныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ день распятія? И не естественно-ли предполагать, что такой слушатель — столь высоко образованный и въ необычайной степени озаренный Святымъ Духомъ Божиимъ — съ твердостью воспринялъ многія изъ словъ Спасителя и въ самую глубину ихъ значенія проникъ съ тою тонкою прозорливостью, отъ которой въ свою очередь и ап. Петръ могъ многому научиться?

Только тупое воображеніе не остановится хотя на моментъ на тѣхъ немногихъ дняхъ, которые два такихъ человека провели въ интимныхъ бесѣдахъ въ безвѣстномъ домѣ города Іерусалима. Но какъ ни плодотворна была ихъ бесѣда, она однако же не сразу обезпечила новому ученику доступъ къ братьямъ, бѣдность и гонимость которыхъ онъ пришелъ раздѣлить. Тогда-то именно и выступилъ Варнава и спасъ Савла для дѣла церкви. Тоже самое умѣнье разпознавать характеръ, таже самая любвеобильная прозорливость, которая впослѣдствіи дала ему возможность найти въ Маркѣ достойнаго спутника въ ихъ второмъ путешествіи, несмотря на его первую неудачу, теперь заставили его безъ замедленія высказаться въ пользу искренности Савла. Взявъ его за руку, онъ привелъ его къ апостоламъ [какое названіе здѣсь прилагается къ Петру ³⁷³), Іакову, брату Господню ³⁷⁴) и старѣйшинамъ собранной церкви] и тамъ разсказалъ имъ всѣ обстоятельства, о которыхъ они или не слыхали, или въ истинѣ которыхъ еще не были увѣрены. Онъ говорилъ имъ о видѣніи на дорогѣ въ Дамаскъ и о той безбоязненности, съ которою Савлъ доказалъ свою искренность въ томъ самомъ городѣ, куда онъ шелъ съ враждебными намѣреніями. Слова Варнавы оказали свое дѣйствіе и его собственное довѣріе сообщилось и другимъ. Савлъ былъ допущенъ въ среду христіанъ и «пребывалъ онъ съ ними входя и исходя» (Дѣян. ix, 28). Какъ при этомъ, такъ и при послѣдующихъ случаяхъ, апостолъ много былъ обязанъ великодушію и проницательности Іосифа Кипрскаго. Ближе всего къ человеку, который совершаетъ величайшія и наиболѣе благодѣтельные дѣла, стоитъ тотъ, кто самъ, быть можетъ будучи совѣтъ неспособенъ къ высокому дѣлу, однако же первый оказываетъ помощь и ободреніе генію другихъ. Мы часто дѣлаемъ больше добра своимъ сочувствіемъ, чѣмъ своимъ трудомъ, и оказываемъ міру болѣе услуги отсутствіемъ ревности и признаніемъ заслуги, чѣмъ сколько могли бы оказать напряженными усиліями личнаго честолюбія.

Какъ только Савлъ былъ признанъ христіанами въ качествѣ собрата, онъ возобновилъ свою дѣятельность, начатую въ Дамаскѣ. Замѣчательно однако же, что онъ не осмѣлился проповѣдывать христіанамъ изъ евреевъ. Онъ посѣщалъ синагоги еллинистовъ, въ которыхъ впервые раздался голосъ св. Стефана, и проповѣдывалъ тамъ съ неменѣе значительною энергію. На немъ лежала обязанность, хотя и требовавшая не мало мужества, чтобы голосъ его во имя Господа Іисуса

раздался въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде разражался богохульствомъ противъ Него. Но это самое обстоятельство увеличивало и его опасность. Проповѣдничество его опять было прервано заговоромъ убить его ³⁷⁵).

Безполезно поэтому было продолжать проповѣдь въ томъ мѣстѣ, пребываніе въ которомъ грозило вѣрною смертію. Галилейская община признала объ этомъ заговорѣ. Нужно отдать справедливость іудеямъ, что они выказывали мало искусства въ держаніи этихъ кровавыхъ замысловъ въ секретѣ. Церковь естественно не только желала спасти жизнь Савла, но и избѣжать опасности новаго взрыва ненависти. Однако же не безъ борьбы и только послѣ яснаго внушенія, что такова воля Божія, Савлъ уступилъ настоянію своихъ собратьевъ. Какъ тяжело отозвалось на немъ это принудительное бѣгство, можно видѣть изъ той горечи, съ которою онъ говоритъ о немъ ³⁷⁶) даже по истеченіи многихъ лѣтъ. Едва онъ провелъ недѣли двѣ въ Іерусалимѣ, какъ напряженность его молитвъ и чувствъ закончилась видѣніемъ (Дѣян. xii, 17), въ которомъ онъ опять видѣлъ божественное лицо и слышалъ божественный голосъ, остановившій его безумное движеніе къ воротамъ Дамаска. «Поспѣши и выйди скорѣе изъ Іерусалима,—сказалъ ему Іисусъ,—потому что здѣсь не примутъ твоего свидѣтельства обо Мнѣ». Но Савлу показалось невѣроятнымъ, чтобы могли противостоять его свидѣтельству. Если видѣніе воскресшаго Христа, благодаря которому онъ обратился, было доводомъ, который, по самой сущности дѣла, не могъ быть самъ по себѣ убѣдительнымъ для другихъ, то Савлу все-таки казалось, что, узнавъ его умственную силу и сопоставивъ его теперешнюю преданность христіанству съ его прежнимъ гонительствомъ на него, іудеи не могли не слушать такого учителя, какъ онъ. Онъ старался также загладить, насколько отъ него зависѣло, тѣ бѣдствія и ужасы, которые были имъ совершены въ прошломъ; но какъ ни глубоки были его желанія въ этомъ отношеніи, какъ ни пылки были его надежды, божественный голосъ кратко и повелительно сказалъ ему: «иди, Я пошлю тебя далеко къ язычникамъ» ³⁷⁷).

Все противодѣйствіе теперь исчезло; и мы можемъ теперь видѣть то, что въ то время было крайне темнымъ и таинственнымъ для самого ап. Павла, именно, что холодность, съ которою онъ былъ принятъ въ Іерусалимѣ, и полурочевидное желаніе ускорить его уходъ,—событіе, столь чуждое его собственнымъ планамъ и желаніямъ, что онъ даже противодѣйствуетъ божественному голосу, принуждавшему его къ тому,—входила отчасти въ глубокий планъ провидѣнія. Годы спустя, когда ап. Павелъ «стоялъ на высокомъ эшафотѣ послѣдняго позора», онъ могъ въ одной изъ своихъ сильнѣйшихъ рѣчей сослаться на краткость своего пребыванія въ Іерусалимѣ и на малочисленность лицъ, съ которыми онъ входилъ въ общеніе, въ доказательство того, что онъ не отъ церкви іерусалимской получилъ свои полномочія и не апостоламъ въ Іерусалимѣ обязанъ былъ преданностью церкви. Но хотя онъ теперь еще не предвидѣлъ этого, однако же онъ усту-

пилъ внушеніямъ своихъ собратій, и едва прошло двѣ недѣли со времени его прибытія, они проводили его въ прибрежный городъ Кесарію Стратонову ³⁷⁸), откуда онъ могъ отправиться въ свой родной Тарсъ. О его движеніяхъ при этомъ случаѣ мы ничего болѣе не слышимъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ; но въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ, что онъ прибылъ въ страны Сирїи и Киликіи, но оставался совершенно чуждымъ церквамъ Іудеи бывшимъ во Христѣ, такъ какъ все, что они слышали о немъ, ограничивалось слухами, что ихъ прежній гонитель былъ теперь благовѣстникомъ той самой вѣры, которой онъ нѣкогда былъ разрушителемъ,—слухи, которые дали имъ поводъ прославить въ немъ Бога ³⁷⁹).

Такъ какъ мы затѣмъ находимъ его въ Тарсѣ, то можно бы предполагать, что онъ прямо отплылъ туда и остался тамъ. Однако же выраженіе, что онъ «отшелъ» въ страны Сирїи и Киликіи, повидимому показываетъ, что дѣло было не такъ ³⁸⁰). Сирїя и Киликія въ это время были политически раздѣлены между собою, и есть мѣсто для предположенія, что корабль, на которомъ отплылъ апостоль, направлялся не въ Тарсъ, а въ Тиръ или Сидонъ или Селевкію, портъ Антіохійскій. Существованіе друзей и учениковъ Савла въ финикійскихъ городахъ и церквахъ, какъ Сирїи, такъ и Киликіи (Дѣян. ххi, 2; ххvii, 3; хv, 23, 41), указываетъ, хотя только и съ неясною опредѣленностью, на возможность того, что онъ совершилъ часть своего путешествія въ Тарсъ сушей и проповѣдывалъ по пути. Даже нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи ³⁸¹), что направленіе его могло опредѣлиться однимъ изъ тѣхъ кораблекрушеній, которымъ, по его словамъ, онъ подвергался. Но объ обстоятельствахъ этихъ трехъ кораблекрушеній можно только гадать. Они случились въ теченіе того періода, когда св. Лука не былъ спутникомъ ап. Павла и онъ считалъ достаточнымъ дать изъ своего собственнаго журнала живописное повѣствованіе лишь о той послѣдней катастрофѣ, опасности которой онъ раздѣлялъ. Дѣятельность въ Сирїи и Киликіи быть можетъ заняла періодъ между отправленіемъ Савла въ Тарсъ и призывомъ его на новое поприще труда въ Антіохіи Сирійской. Въ теченіе этого времени онъ быть можетъ склонилъ къ вѣрѣ нѣкоторыхъ изъ членовъ своего собственнаго семейства и, быть можетъ, пользовался обществомъ другихъ, которые раньше его увѣровали въ Христа. Но все это не можетъ быть доказано съ достовѣрностью и мы не имѣемъ возможности съ вѣроятностью возстановить событія періода, о которомъ даже преданія забыты были въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Во всякомъ случаѣ пребываніе Савла въ Тарсѣ было главнымъ образомъ періодомъ ожиданія и приготовленія, лѣтопись которыхъ не имѣетъ большаго значенія въ исторіи христіанской церкви. Нивы, на которыхъ ему надлежало жать, теперь еще желтѣли для жатвы; руки жнеца укрѣплялись и сердце его приготовлялось къ труду.

ГЛАВА XIV.

ИМПЕРАТОРЪ КАЙ И ІУДЕИ. — МИРЪ ЦЕРКВИ.

Разсказывать объ остальномъ значило бы разсказывать о чудовищѣ. Светоній о Калигулѣ.

СЛѢДЪ за поспѣшнымъ бѣгствомъ Савла изъ Іерусалима, св. Лука прибавляетъ: «церкви же по всей Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи были въ покоѣ, назидаясь и ходя въ страхъ Господнемъ; и при утѣшеніи отъ Св. Духа умножались» ³⁸²). На первый взглядъ могло бы почти казаться, какъ будто этотъ внутренній миръ, содѣйствовавшій столь счастливому возрастанію, связывался въ умѣ писателя съ отсутствіемъ того, обращеніе котораго возбудило бѣшенство въ выдающихся противникахъ церкви. Однако же этотъ оборотъ выраженія просто означаетъ то, что авторъ возвратился къ прерванной нити своего повѣствованія. Отсутствіе гонительства, содѣйствовавшаго благосостоянію вѣры, достаточно объясняется тѣми событіями, которыя тогда совершались въ языческомъ мірѣ.

Перерывъ въ лѣтописи дѣятельности апостола даетъ намъ возможность также остановиться для того, чтобы сдѣлать обзоръ столкновеній іудейской и языческой жизни, какъ они выразились въ то время въ выдающихся событіяхъ. Едва ли нужно говорить, что такой обзоръ имѣетъ прямое отношеніе ко времени, слѣдовавшему за Христомъ, и къ дѣлу Его великаго апостола.

Множество данныхъ показываютъ, что Савлъ былъ обращенъ въ началѣ 37 года по Рожд. Хр., а его краткое пребываніе въ Іерусалимѣ по тому было въ 39 году. Но вотъ въ мартѣ 37 года императоръ Тиверій умеръ, и Кай, — прозвище котораго Калигула или «сапожекъ», данное ему въ дѣтствѣ солдатами его отца, Германика, вытѣснило его собственное имя, — наслѣдовалъ

владычество надъ міромъ. Какъ ни жестокъ былъ деспотизмъ Тиверіа, онъ распространялъ на религію іудеевъ ту презрительную терпимость, которая была признаннымъ началомъ римской политики. Когда Пилать распалилъ ихъ фанатизмъ вывѣскою позолоченныхъ щитовъ въ своемъ дворцѣ въ Іерусалимѣ ³⁸³), Тиверій, вслѣдствіе сдѣланнаго къ нему обращенія, укорилъ услужливость своего прокуратора и повелѣлъ ему удалить щиты въ Кесарію. Правда, что онъ позволилъ выслать 4000 іудеевъ изъ Рима въ Сардинію и съ безпощадною жестокостью наказывалъ тѣхъ, которые, изъ боязни нарушить Моисеевъ законъ, отказывались отъ военной службы ³⁸⁴); эта суровость однако же не вытекала изъ какой либо враждебности къ самому народу, а только зависѣла отъ негодованія на намѣренное лицемеріе, которое, подъ предлогомъ прозелитства, склонило Фульвію, благородную римскую даму, къ іудейской религіи, и къ тому омерзительному мошенничеству, съ которымъ ея учитель съ своими сотоварищами присвоили себѣ подарки изъ золота и пурпура, ввѣренные имъ ею въ качествѣ приношенія на храмъ іерусалимскій. Но даже и это не мѣшало ему покровительствовать іудеямъ, насколько возможно, въ ихъ собственной странѣ; и когда Вителлій, легатъ сирійскій, пришелъ къ убѣжденію, что навѣрно существуютъ дѣйствительныя причины для жалобъ, которыя поднимались противъ прокуратора во всѣхъ трехъ частяхъ его области, то Пилать, который былъ вызванъ въ Римъ къ отвѣту за свои злоупотребленія, вѣроятно получилъ бы строгій выговоръ отъ престарѣлаго императора. Но прежде чѣмъ Пилать прибылъ, Тиверій окончилъ свою долгую, разочарованную, преступную и мрачную жизнь.

Восшествіе на престолъ Кая было привѣтствовано всѣмъ римскимъ міромъ взрывомъ восторга ³⁸⁵), и болѣе всего оно повидимому должно было водворить золотую эру благоденствія именно между іудеями. Если у юнаго императора и былъ какой нибудь другъ, то это Иродъ Агриппа. Этотъ князь, если онъ и могъ хотя сколько нибудь возбуждать къ себѣ сочувствіе въ качествѣ внука Ирода Великаго, имѣлъ однако же право на преданность къ себѣ іудеевъ какъ сынъ умерщвленнаго Аристовула, внукъ убитой Маріамны и потому прямой потомокъ той великой линіи асмонейскихъ князей, съ именами которыхъ связывалось воспоминаніе о послѣдней славѣ іудейской независимости. Вслѣдствіе этого, когда до Іерусалима дошло извѣстіе, что Тиверій наконецъ умеръ, іудеи вздохнули свободно и не только съ полною охотностью приняли присягу въ преданности Кая, взятую Вителліемъ съ огромныхъ массъ народа, собравшихся на праздникъ Пятидесятницы, но и принесли щедрое всесожженіе о благоденствіи царствованія, которое должно было повергнуть ихъ въ глубочайшее бѣдствіе, въ болѣе мрачное униженіе, чѣмъ то, которому они подвергались въ теченіе царствованія прежняго владыки Рима ³⁸⁶).

Кай не терялъ времени въ публичномъ заявленіи своего благорасположенія къ иродіанскому князю, который съ замѣчательной прозорливостью добивался его

дружбы не только еще когда стало вѣроятнымъ его восшествіе на престолъ, но даже и вопреки прямыхъ внушеній прежняго императора ³⁸⁷). Однажды, прогуливаясь въ одной каретѣ съ Каемъ, Агриппа довольно неосторожно выразилъ свое желаніе скорѣй увидѣть то время, когда Тиверій передастъ имперію своему болѣе достойному преемнику. Такое замѣчаніе легко могло быть перетолковано въ преступленіе государственной измѣны, въ *lesa majestas*, въ оскорбленіе величества. При томъ дворѣ, который изобиловалъ шпіонами и въ которомъ немногіе осмѣливались болѣе чѣмъ шепотомъ выражать свои мысли, было вполне естественнымъ, что продажный рабъ, бывшій у нихъ кучеромъ, сталъ добиваться аудіенціи у Тиверія, чтобы сообщить ему слышанное, и когда, по ходатайству самого Агриппы, онъ получилъ возможность къ этому, его сообщеніе привело стараго императора въ такое негодованіе, что онъ немедленно приказалъ арестовать іудейскаго князя. Несмотря на свое царственное одѣяніе, Агриппа былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи и отведенъ въ тюрьму, въ которой онъ томился въ теченіе шести остальныхъ мѣсяцевъ жизни Тиверія. Почти первою мыслію Кая по восшествіи на престолъ было освободить своего друга, который оказывалъ ему такую дружественную любезность даже раньше, чѣмъ опредѣлилась его судьба. Агриппа тотчасъ же былъ освобожденъ изъ-подъ стражи. Нѣсколько дней спустя Кай послалъ за нимъ, возложилъ на его голову діадему, предоставилъ ему четвертовластничество Ирода, Филиппа и Лизанія, и подарилъ ему золотую цѣпь, равную по вѣсу той желѣзной цѣпи, въ которой онъ былъ закованъ!

Хотя Агриппа и былъ простымъ вѣтраннымъ искателемъ приключеній, однако же онъ имѣлъ одну хорошую черту въ смыслѣ внѣшняго почтенія къ религіи своего народа. Эдомитская примѣсь въ его крови не вполне изгладила болѣе благородные инстинкты асмонейскаго князя, и даже пребываніе на Капреѣ не совсѣмъ изгладило у него изъ памяти то, что онъ велъ свою линію отъ священника модинскаго. Іудеи вполне могли ожидать, что при императорѣ, съ которымъ ихъ князь былъ въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, ихъ интересы будутъ болѣе обезпечены, чѣмъ даже сколько при великодушномъ Юліѣ и либеральномъ Августѣ. Но ихъ надеждамъ суждено было потерпѣть жестокое разочарованіе и никакое царствованіе не повергало ихъ въ болѣе ужасныя бѣдствія, чѣмъ царствованіе друга Агриппы.

Въ августѣ 38 года Агриппа прибылъ въ Александрію по пути въ свое новое царство. Его прибытіе было совершено безъ всякой пышности. Такъ какъ въ Александріи, гдѣ его предшественники были неизвѣстны, онъ менѣе всего хотѣлъ выставлять свою новоиспеченную царственность, то поэтому, хотя завидѣлъ Фаросъ еще въ сумеркахъ, онъ приказалъ капитану остановиться въ открытомъ морѣ, пока не смеркнется совсѣмъ, чтобы пристать незамѣченнымъ ³⁸⁸). Но пребываніе въ городѣ личности, которая была вмѣстѣ и іудеемъ, и царемъ, и идумеяниномъ, и Иродомъ, и любимцемъ кесаря, не могло конечно оставаться

долго въ секретѣ; и если оно было предметомъ восторговъ для іудеевъ, то выше всякихъ границъ распалило зависть египтянъ. Флаккъ, губернаторъ Александріи, посмотрѣлъ на прибытіе Агриппы какъ на намѣренное оскорбленіе ему, и ругательствомъ, тайно высказаннымъ на іудейскаго князя, онъ далъ поводъ къ тѣмъ оскорбленіямъ, которымъ тотчасъ же была готова предаться александрійская чернь. Не пользуясь нигдѣ популярностью, іудеи въ Александріи возбуждали къ себѣ особенную ненависть. Ихъ богатство, ихъ численность, ростовщичество, исключительность, преимущества, которыми они надѣлены были со стороны двухъ первыхъ кесарей³⁸⁹), возбуждали въ низшемъ населеніи разноплеменнаго города ярость и омерзеніе къ нимъ. Мысль объ іудейскомъ царѣ была для нихъ не только смѣшною, но и оскорбительною. По всѣмъ улицамъ раздавались ругательства противъ него, всѣ театры и зрѣлища изощрялись въ дерзкихъ фарсахъ, составленныхъ съ цѣлю его оскорбленія. Наконецъ, буйная чернь схватила одного нагаго бѣднаго идіота, по имени Каравву, который обыкновенно бывалъ мишенью насмѣшекъ уличныхъ мальчишекъ: притащивъ его въ гимназію, буяны одѣли его въ рогожу на подобіе *талмива*, слѣпили для него изъ камышевыхъ листьевъ корону, дали ему камышинку вмѣсто скипетра и, окруживъ его шутовскимъ отрядомъ тѣлохранителей изъ мальчишекъ, вооруженныхъ палками, издѣвательски преклоняли передъ нимъ колѣна и совѣтовались съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Свое издѣвательство буяны заканчивали громкими криками: *марисъ, марисъ!* — сирійскимъ словомъ, означающимъ «государь».

Поощренные безнаказанностью и молчаливымъ одобреніемъ префекта, они затѣмъ подкупили его, чтобы онъ не обращалъ вниманія на болѣе серьезныя буйства. Сначала они подняли крикъ о томъ, чтобы въ синагогахъ были воздвигнуты изображенія Кая надѣясь этимъ вызвать со стороны іудеевъ противодѣйствіе, которое можно бы было истолковать въ смыслѣ измѣны. Это значило бы дать примѣръ, который могъ бы быть роковымъ для іудеевъ не только въ Египтѣ, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Раздраженный быть можетъ рѣшительностью іудеевъ, Флаккъ, вопреки привилегій, давно обезпеченныхъ за ними закономъ и грамотою, издалъ приказъ, въ которомъ онъ называлъ ихъ «чужестранцами и иноплемениками», и согналъ ихъ всѣхъ въ одну часть одного квартала въ городѣ, гдѣ было совершенно невозможно имъ жить. Чернь затѣмъ открыто взбунтовалась и начала грабить лавки оставленнаго квартала, заперла іудеевъ въ отведенномъ имъ узкомъ участкѣ, била и убивала всѣхъ, которые въ мукахъ голода осмѣливались оставить его, и сожигала цѣлыя семьи живыми, иногда даже на сырыхъ дровахъ и вѣтвяхъ, что еще болѣе усиливало ихъ ужасныя мученія. Флаккъ съ своей стороны арестовалъ 38 главныхъ членовъ ихъ совѣта и, лишивъ ихъ всего ихъ имущества, велѣлъ ихъ бить не розгами ликторовъ, а бичами самыхъ заурядныхъ палачей и притомъ съ такою жестокостью, что нѣкоторые изъ нихъ вслѣдствіе этого умерли. Дома ихъ были

обысканы подъ предлогомъ нахождения въ нихъ оружія, но хотя въ нихъ ничего не было найдено, кромѣ обыкновенныхъ столовыхъ ножей, мужчины и женщины были увлекаемы въ театръ, гдѣ имъ приказывали ѣсть свиное мясо и мучили ихъ, если они отказывались отъ него ³⁹⁰).

Но ни эти попытки приобрести популярность среди языческаго населенія попущеніемъ его ярости противъ своихъ іудейскихъ сосѣдей, ни показная публичная преданность и унижительныя частныя искательства не спасли Флакка отъ заслуженной имъ кары. Едва прошло въ этихъ буйствахъ два мѣсяца, какъ Кай прислалъ сотника съ отрядомъ солдатъ, которые, высадившись на берегъ ночью, тотчасъ же направились къ дому Стефаніона, отпущенника Тиверія, съ которымъ Флаккъ въ то время пировалъ арестовали его безъ всякаго затрудненія и отправили въ Римъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, что двое низкихъ демагоговъ, Исидоръ и Лампо, которые дотолѣ были въ числѣ его паразитовъ и постоянно возбуждали въ немъ ненависть къ іудеямъ, теперь были его главными обвинителями. Онъ найденъ былъ виновнымъ. Собственность его была конфискована и самъ онъ сосланъ былъ сначала на мизерный скалистый островокъ Гіару, а затѣмъ на Андросъ. Въ одну изъ тѣхъ бессонныхъ ночей, которыя пробуждали и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливали его бѣшенство, Кай, размышляя о заявленіи одного помилованнаго имъ изгнанника, что во время своей ссылки онъ обыкновенно молился о смерти Тиверія, порѣшилъ окончательно раздѣлаться съ партіей знатныхъ преступниковъ, которыхъ императорская тиранія собрала на безплодныхъ островкахъ Средиземнаго моря. Флаккъ былъ одною изъ первыхъ жертвъ, и Филонъ, съ чувствомъ пожирающей мстительности, рассказываетъ объ ужасномъ способѣ, какимъ онъ во рвѣ былъ изрубленъ на куски слугами деспота ³⁹¹).

Кай началъ свое царствованіе умѣренностью, но крутой переходъ отъ принужденной простоты прежняго времени къ безграничной роскоши и сластолюбію во время самодержавія, крутое погруженіе во все то, что, какъ говоритъ Филонъ ³⁹²), «разрушаетъ какъ душу и тѣло, такъ и всѣ связи, соединяющія и усиливающія ихъ», навлекло на него болѣзнь, которая измѣнила весь складъ его мозга. До этого времени онъ былъ худымъ и жестокимъ человѣкомъ. Отсалѣ онъ сталъ бѣшенымъ и кровожаднымъ чудовищемъ. Послѣ этой именно болѣзни и непосредственно за убійствомъ Тиверія Гемелла, Макрона и Марка Силана, освободившимъ его отъ всякаго опасенія соперничества или ограниченія, онъ дико началъ настаивать на своей божественности. Предшественники его ограничивались тѣмъ, что позволяли считать себя или свое положеніе божественнымъ,

Римскіе бичи.

не присвоивая себѣ дѣйствительнаго достоинства и свойства существующихъ боговъ³⁹³). Но езяря всѣхъ простыхъ полубоговъ въ родѣ Трофонія и Амфіарая, Кай началъ всенародно являться сначала въ видѣ Геркулеса, Бахуса или одного изъ Діоскуровъ, а затѣмъ и въ качествѣ Апполона, Марса, Меркурія и даже Венеры (?) и требовалъ, чтобы хоры воспѣвали гимны въ честь его божескихъ свойствъ; и наконецъ онъ не остановился даже предъ тѣмъ, чтобы настаивать на своемъ совершенномъ равенствѣ съ самимъ Юпитеромъ. Большинство римлянъ, частью изъ низкой трусости, частью изъ презрительнаго равнодушія, не затруднялось насмѣхаться надъ этимъ безумствомъ; но іудеи, къ ихъ вѣчной чести, ни за что не хотѣли согласиться на ужасное признаніе божескаго достоинства за мерзвѣйшимъ изъ человѣчества. Такъ какъ при дворѣ Кая было множество паразитовъ, которые не теряли случая проявить свою враждебность къ іудеямъ, то непримиримая ненависть ко всему этому народу скоро овладѣвала всей его душой. Александрійцы не замедлили воспользоваться этою его антипатіей. Они хорошо знали, что лучшею лестью для императора и наиболѣе ужаснымъ оскорбленіемъ для іудеевъ было именно поставленіе изображенія Кая въ іудейскихъ синагогахъ, и они не только сдѣлали это, но даже въ роскошной и знаменитой главной синагогѣ Александріи³⁹⁴) воздвигли бронзовую статую въ старой золотой *quadriga*, которая нѣкогда принадлежала Клеопатрѣ.

О всѣхъ этихъ событіяхъ Кай получалъ извѣстія частью изъ наиболѣе любимыхъ имъ александрійскихъ газетъ, которыя, какъ говоритъ Филонъ, онъ предпочиталъ всякой другой литературѣ, а частью благодаря непрерывнымъ наговорамъ противъ іудеевъ, внушавшимся ему египетскими шутами въ родѣ пресловутаго Геликона³⁹⁵). Бѣдствія іудеевъ въ Александріи наконецъ сдѣлались столь ужасными, что они отправили почтеннаго Филона съ четырьмя другими лицами съ посольствомъ къ безумному царственному юношѣ, котораго они отказывались боготворить. Филонъ оставилъ намъ объ этомъ посольствѣ разсказъ, который хотя и написанъ съ его обычною риторическою расплывчатостью, однако же крайне интересенъ въ смыслѣ лѣтописи того времени. Онъ открываетъ намъ небольшой просвѣтъ въ обыденную жизнь императорскаго двора въ Римѣ, лѣтъ десять спустя послѣ смерти Христа.

Первое свиданіе посланныхъ съ Каемъ произошло въ то время, когда онъ гулялъ въ саду своей матери на берегахъ Тибра, и кажущаяся любезность его приѣма обманула всѣхъ ихъ, кромѣ самого Филона. Прождавъ нѣкоторое время, іудеи получили приказаніе слѣдовать за нимъ въ Путеолу, и тамъ-то именно одинъ человѣкъ съ безобразнымъ видомъ и кровавыми глазами бросился къ нимъ и съ трясущимся отъ возбужденія тѣломъ и съ подавленнымъ рыданіемъ и голосомъ едва въ силахъ былъ передать имъ страшное извѣстіе, что Кай высказалъ намѣреніе воздвигнуть золотой колоссъ своей личности съ свойствами Юпитера во «святая святыхъ» самаго іерусалимскаго храма. Выразивъ свой

ужасъ и свое возбужденіе, посланные спросили о причинѣ этого сатанинскаго святотатства и имъ было сказано, что этимъ они обязаны совѣту того «скорпіоноподобнаго раба» Геликона, который «съ ядовитымъ аскалонцемъ» по имени Апеллесомъ (низкимъ трагическимъ актеромъ) подсказалъ Каю эту мысль во время припадка ярости, съ которою императоръ услышалъ, что іудеи въ Іамніи разрушили мишурный жертвенникъ, воздвигнутый язычниками того города въ честь его божественности, единственно съ намѣреніемъ нанести ему оскорбленіе.

Бюстъ императора Кая Калигулы
(Изъ Visconti).

Это рѣшеніе не было только временной или праздной угрозой; Кай написалъ объ этомъ Петронію, легату сирійскому, и повелѣлъ ему выполнить его со всею предосторожностью и настойчивостью; и хотя легатъ вполне зналъ объ опасномъ характерѣ этого предпріятія, онъ принужденъ былъ доставить необходимый матеріалъ для статуи художникамъ Сидона.

Лишь только злополучные іудеи услышали объ этомъ угрожающемъ имъ оскверненіи, какъ объаты были невыразимымъ ужасомъ, заставившимъ ихъ

забыть о всемъ другомъ. Тутъ было не до преслѣдованія христіанъ, когда дѣло шло о драгоцѣннѣйшемъ наслѣдствѣ ихъ собственной религіи. Тысячами стекаясь въ Финикію, они переполнили всю страну, раздѣлились на шесть партій: стариковъ, юношей, мальчиковъ, старухъ, женщинъ и дѣвицъ, и наполнили воздухъ воплями и прошеніями, валяясь по землѣ и пригоршнями посыпая пылью свои головы. Петроній, чувствительный и почтенный человѣкъ, былъ тронутъ ихъ бѣдствіемъ и съ цѣлью выиграть время приказалъ сидонскимъ художникамъ, чтобы они дѣлали статую въ совершенствѣ, довольно прозрачно намекая имъ, чтобы они дѣлали ее какъ можно дольше. Между тѣмъ, чтобы испытать іудеевъ, онъ отправился изъ Акры въ Тиверіаду и тамъ видѣлъ тѣ же самыя сцены. Въ теченіе сорока дней, забывъ о посѣвѣ своихъ полей, они валялись на землѣ, и когда легаты спрашивалъ ихъ, не хотятъ ли они выступить войною противъ кесаря, то іудеи отвѣчали, что нѣтъ, но что они готовы скорѣй умереть, чѣмъ видѣть оскверненіе своего храма, и въ доказательство своей искренности протягивали свои шеи. Видя упорство въ ихъ рѣшеніи, осаждаемый просьбами Аристовула и Хелкии старшаго, опасаясь также голода изъ-за пренебреженія полевыми работами, Петроній, хотя съ опасностью для своей собственной жизни, обѣщалъ іудеямъ, что онъ напишетъ и походатайствуетъ о нихъ, если только они разойдутся мирно и возьмутся за свое хозяйство. Какъ іудеи, такъ и язычники считали знакомъ особеннаго благословенія Божія для этого мужественнаго и гуманнаго рѣшенія, что какъ только Петроній окончилъ свою рѣчь, небо, послѣ долгой засухи, заволокло тучами и выпалъ обильный дождь. Онъ сдержалъ свое слово и написалъ письмо Каю, сообщая въ немъ, что если продолжать дѣло со статуей, то іудеи забросятъ свои поля и настанетъ великая опасность видѣть всю страну въ состояніи голода, что будетъ опаснымъ даже для него самого и его свиты, если онъ исполнитъ свое намѣреніе посѣтить эту страну.

Между тѣмъ въ полномъ невѣденіи о всемъ случившемся, Агриппа прибылъ въ Римъ и сразу же прочиталъ на лицѣ императора, что произошло что-то неладное. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ впалъ въ обморокъ и въ теченіе нѣкотораго времени лежалъ въ глубокомъ забытіи. При помощи всего своего вліянія на Кая, онъ успѣлъ только добиться временной пріостановки исполненія его намѣренія, и это было не за долго предъ тѣмъ, какъ императоръ высказалъ о своемъ намѣреніи взять изъ Рима колоссъ изъ позолоченной бронзы съ цѣлью отнять возможность всякаго извиненія въ промедленіи и лично наблюдать за постановкой его въ храмъ, который съ этого времени долженъ будетъ считаться посвященнымъ «новому Юпитеру, блистательному Каю». Даже въ теченіе этого короткаго періода нерѣшительности, онъ былъ такъ разгнѣванъ на Петронія за выказанную имъ гуманность, что написалъ ему письмо съ приказаніемъ совершить самоубійство, если онъ не хочетъ умереть отъ руки палача.

Эти событія и знаменитое посольство Филона къ Каю, о которомъ онъ оста-

вилъ намъ до мучительности живописный разсказъ, вѣроятно происходили въ августѣ 40 года. Въ январѣ слѣдующаго года мстительный мечъ мужественнаго трибуна Кассія Херея избавилъ міръ отъ невыносимаго деспота ³⁹⁶).

Корабль, который везъ Петронію приказъ о совершеніи самоубійства, къ счастью былъ задержанъ бурной погодой и прибылъ уже только 27 дней спустя послѣ полученнаго имъ извѣстія, что тирана не было въ живыхъ. Отъ Клавдія, который своимъ престоломъ всецѣло былъ обязанъ тонкимъ интригамъ Агриппы, іудеи пользовались добротою и вниманіемъ. Петроній получилъ поэтому повелѣніе подавлять и наказывать всѣ попытки оскорблять ихъ ³⁹⁷) въ спокойномъ исполненіи ихъ религіозныхъ обязанностей, и Клавдій строго запретилъ возносить себѣ молитвы и приносить какія бы то ни было жертвы ³⁹⁸).

Остатки свайной стѣны у пристани древняго Тира.

КНИГА IV. ПРИЗВАНІЕ ЯЗЫЧНИКОВЪ.

ГЛАВА XV.

САМАРЯНЕ.—ЕВНУХЪ.—СОТНИКЪ.

Блаженъ и евнухъ, не сдѣлавшій беззаконія рукою, и не помыслившій лукаваго противъ Господа, ибо дастся ему особенная благодать въры и пріятнѣйшій жребій въ храмъ Господень.
Премудр. ш, 14.

ИРЪ, преуспѣяніе и святое созиданіе церкви зависѣли несомнѣнно отъ того покоя отъ гоненій, который наступилъ вслѣдствіе того, что іудеи были всецѣло поглощены стараніями объ отвращеніи ужаснаго кощунства Кая. Но мы не можемъ не спросить при этомъ: неужели христіане безразлично смотрѣли на страшное оскорбленіе, которому готова была подвергнуться ихъ національная религія? Было бы совершенною неожиданностью, если бы они взглянули на оскорбленіе святыни храма Іеговы какъ на вещь, которая къ нимъ не имѣла больше никакого отношенія. Можно-ли предполагать, что Іаковъ, братъ Господень, или Симонъ Зилоть, довольные своею свободою отъ гоненій, не принимали никакого участія въ отчаянныхъ усиліяхъ своего

народа возбудить къ себѣ сочувствіе легата сирійскаго? Мыслимо ли, чтобы они оставались спокойно дома въ то время, когда другіе іудеи десятками тысячъ стремились въ главную его квартиру въ Кесарію или, посыпая прахомъ свои головы, валялись предъ нимъ въ Тиверіадѣ? Или не удерживала ли ихъ собственная личная опасность отъ присоединенія къ массамъ изувѣровъ, съ негодованіемъ отвергавшихъ ихъ содѣйствіе? Не были ли они принуждены ограничивать свою дѣятельность назиданіемъ младенчествующихъ церквей Палестины, такъ какъ имъ даже не позволено было принимать участіе въ надеждахъ и страхахъ своихъ соотечественниковъ? Съ полною вѣроятностью мы можемъ полагать, что іудейскіе хрістіане съ отвращеніемъ смотрѣли на предполагаемое святотатство. Но если школа Гиллеля и Шаммаи, клика Ханана и Ирода ненавидѣли ихъ лишь немного менѣе, чѣмъ они ненавидѣли любимцевъ Кая, всетаки апостоламъ очевидно ничего не оставалось дѣлать, какъ только наслаждаться своею непосредственною свободою отъ опасности и пользоваться наступившимъ такимъ образомъ покоемъ для распространенія царства Божія. Пусть мятутся народы и племена замышляютъ тщетное. Но *имъ* по крайней мѣрѣ можно было безмятежно чтить Сына ³⁹⁹⁾ и пользоваться благословеніемъ тѣхъ, которые уповаютъ на Бога. Это была глубочайшая полночь въ исторіи міра. Но Гесемъ церкви Христовой все болѣе и болѣе серебрился загоравшейся зарей.

Вслѣдствіе этого внѣшняго мира и внутренняго развитія совершилось событіе, которое не потеряетъ своей достопамятной важности до скончанія міра, именно допущеніе язычниковъ въ церковь Христову. Это великое событіе должно было казаться неизбѣжнымъ для людей въ родѣ св. Стефана, еллинистическое воспитаніе которыхъ освободило ихъ отъ суроваго духа іудейской исключительности. Но опытъ всей исторіи показываетъ, какъ трудно для ума освободиться отъ взглядовъ, которые, благодаря воспитанію, вѣдряются въ плоть и кровь; и хотя Іисусъ изрекалъ слова, которыя могли имѣть только одно логическое объясненіе, но прежніе ученики, даже сами апостолы не постигли еще ихъ полного значенія. Откровеніе Бога во Христѣ было только лучемъ во тьмѣ. Внезапно проливать среди полнотной тьмы полный потокъ духовнаго озаренія было бы чуждо способу божественнаго отношенія къ человѣческому роду. Разсвѣтъ уже совершился, но должно было пройти еще много лѣтъ, прежде чѣмъ насталъ полный и ясный день.

Но вотъ наступило и время, когда другія овцы, о которыхъ говорилъ Іисусъ,—овцы не отъ стада сего ⁴⁰⁰⁾—должны были также услышать голосъ Его. Какъ въ косвенномъ, такъ и въ прямомъ отношеніи, человѣчество обязано было этимъ апостолу Павлу въ неизмѣримо болѣе степени, чѣмъ всякому другому человѣку. Правда, ключи царства Божія ввѣрены были ап. Петру въ награду за его великое исповѣданіе,—и согласно съ этимъ высокимъ иносказаніемъ ему же предоставлена была честь открытія язычникамъ дверей хрістіанской церкви. И

въ высшей степени важно, что это именно было такъ. Борьба ап. Павла противъ враждебности іудейства совнѣ и закваски іудейской внутри была сурова и продолжалась въ теченіе всей жизни. И однако же при его смерти одна только вѣра могла дать ему возможность видѣть, что она была не напрасна. Но славныя усилія его жизни были бы безплодны, если бы главный принципъ, о которомъ шло дѣло, не былъ освященъ высокой санкціей, которой никто не осмѣливался оспаривать, — санкціей знаменитѣйшаго и авторитетнѣйшаго изъ двѣнадцати апостоловъ. Хотя такимъ образомъ ап. Петру было предоставлено по божественному промыслу выступить съ починомъ въ этомъ дѣлѣ, однако же только тому, кого до двѣнадцати апостоловъ формально признавали апостоломъ не-обрѣзанія, міръ обязанъ развитіемъ христіанской вѣры въ христіанское богословіе и освобожденіемъ христіанства отъ тѣхъ іудейскъхъ ограниченій, которыя были бы гибельны въ отношеніи его всеобщаго распространенія ⁴⁰¹). Для язычниковъ очевидно было бы невозможно принять дополнительные законы іудейства. Если бы послѣдователи Христа отказались подать имъ руку дружества на какихъ бы то ни было другихъ условіяхъ, тогда міръ пошелъ бы своею собственною дорогою, и Мамона, Велеаръ и Веелзевулъ вполне предавались бы растлѣнію язычества, которое падало глубже и глубже въ бездну нечестія.

И такъ какъ этимъ избавленіемъ язычники обязаны были прямо посланіямъ и трудамъ ап. Павла, то первое начало его косвенно возникло вслѣдствіе тѣхъ самыхъ гоненій, которыхъ онъ былъ наиболѣе яростнымъ дѣятелемъ. Гонитель вѣры несознательно оказался самымъ могучимъ ея распространителемъ. Когда онъ гналъ и истреблялъ членовъ церкви, то они, разсѣявшись по всѣмъ странамъ, вездѣ проповѣдывали евангеліе міру. Для свободомыслящихъ еллинистовъ это былъ золотой случай, и Филиппъ, бывшій сотрудникомъ Стефана, съ радостью воспользовался имъ для проповѣди евангелія ненавистнымъ самарянамъ. Глаза Іисуса уже видѣли въ этой странѣ поля, желтѣющія для жатвы, и Филиппъ, при помощи своихъ высокихъ духовныхъ дарованій и ревности, не только приобрѣлъ множество обращенцевъ, но даже пресѣкъ вліяніе могущественнаго *іоса* или волшебника по имени Симона ⁴⁰²). Іустинъ Философъ называетъ его Симономъ Гиттонскимъ и его вообще отождествляли съ Симономъ волхвомъ, первымъ ересеучителемъ ⁴⁰³), и съ Симономъ Кипрскимъ, которымъ Феликсъ пользовался для уловленія измѣнчивыхъ привязанностей царицы Друзиллы. Этотъ человекъ, хотя, какъ послѣ оказалось, изъ самыхъ своекорыстныхъ и недостойныхъ побужденій, принялъ даже крещеніе, и успѣхъ вѣры между его прежними обращенцами былъ столь замѣчательнъ, что требовалъ немедленнаго присутствія апостоловъ. Апостолы Петръ и Іоаннъ отправились изъ Іерусалима для утвержденія новообращенныхъ, и присутствіе ихъ имѣло своимъ слѣдствіемъ не только публичное посрамленіе Симона ⁴⁰⁴), но также и то изліяніе особыхъ проявленій, которымъ сопровождался даръ обѣтованнаго Утѣшителя.

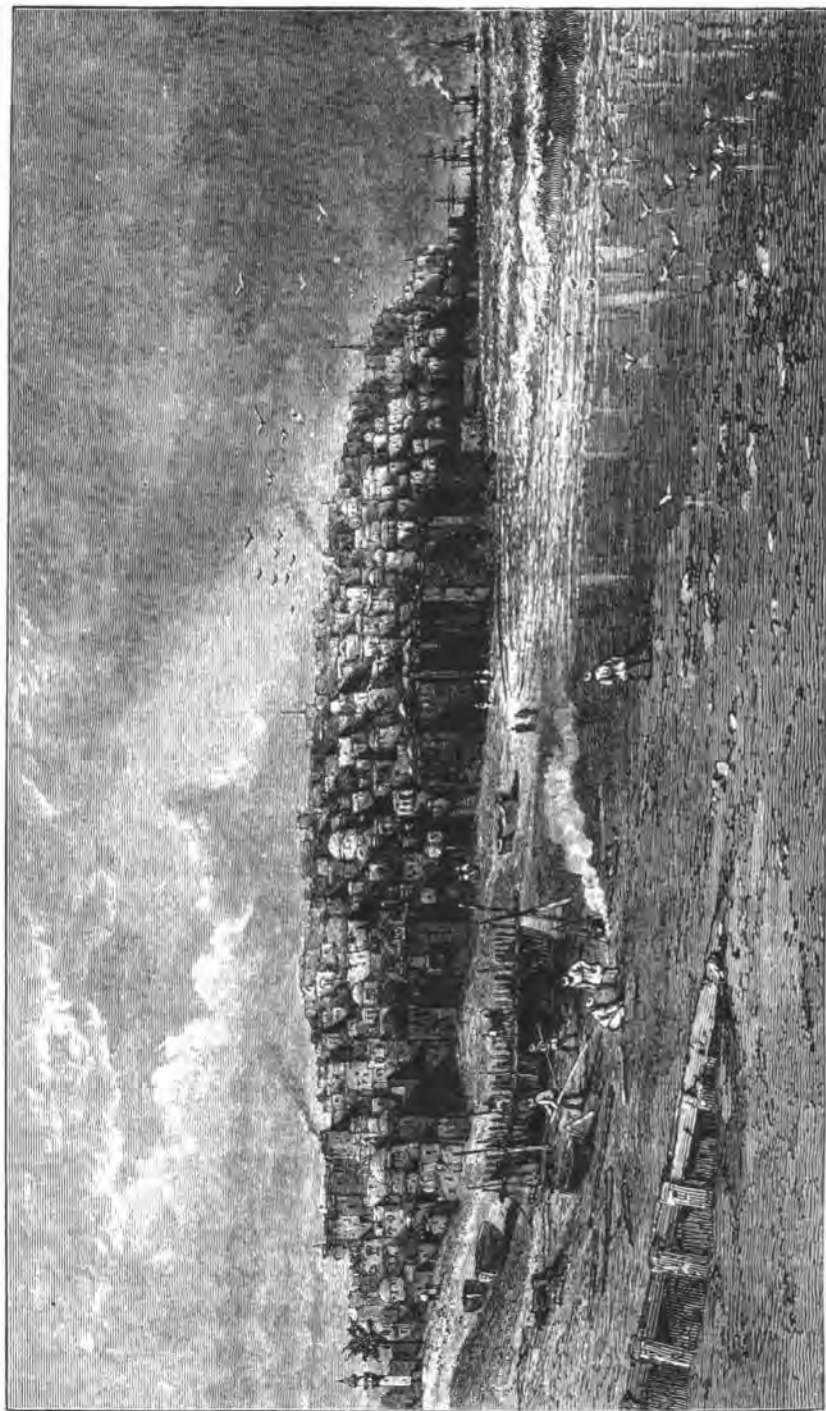
Но Филиппу выпала честь совершить еще одно великое обращеніе, долженствовавшее еще болѣе рѣшительно доказать, что насталъ день, когда правила іудейства должны были потерять свою силу. Руководимый божественнымъ внушеніемъ и голосомъ ангела, онъ направился на югъ по пустынной дорогѣ, ведущей изъ Елевѣрополя къ Газѣ ⁴⁰⁵), и тамъ встрѣтилъ свиту богатаго еіопскаго евнуха, который занималъ высокое положеніе казначея Кандакіи Мероэ ⁴⁰⁶). Есть основаніе думать, что эта страна до извѣстной степени была обращена въ іудейство іудеями, проникшими въ нее изъ Египта во времена Псамметиха, потомки котораго еще существуютъ подъ именемъ Фалазіанъ ⁴⁰⁷). Евнухъ, благочестиво исполняя обязанности прозелита вратъ, что въ его положеніи было болѣе чѣмъ возможно, отправлялся въ Іерусалимъ на богомолье и быть можетъ даже для того, чтобы присутствовать на одномъ изъ великихъ годовыхъ праздниковъ. Бѣдучи въ каретѣ во главѣ своей свиты, онъ, согласно съ правилами раввиновъ, проводилъ время въ чтеніи св. писанія и въ этотъ самый моментъ громко читалъ по греческому переводу LXX ⁴⁰⁸) пророчество Исаіи: «какъ овца веденъ былъ Онъ на закланіе и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отвергаетъ устъ своихъ. Въ униженіи Его судъ Его совершился, но родъ Его кто разъяснить? ибо возьмется отъ земли жизнь Его» ⁴⁰⁹). Филиппъ спросилъ его, понимаетъ ли онъ что читаетъ? Евнухъ сознался, что все это было темно для него, и вѣжливо пригласивъ Филиппа сѣсть къ себѣ въ карету, онъ спросилъ его, кто же это такой, о комъ говоритъ пророкъ? Филиппъ такимъ образомъ получилъ возможность раскрыть христіанское толкованіе этого великаго пророчества и настолько овладѣлъ вниманіемъ своего слушателя, что когда они доѣхали до источника воднаго — быть можетъ въ Беѣцурѣ неподалеку отъ Хеврона ⁴¹⁰)—евнухъ попросилъ Филиппа, чтобы онъ крестилъ его. Просьба эта была обращена къ великодушному еллинисту и немедленно была исполнена, хотя тутъ были основанія, которыя заставили бы призадуматься Іакова или Симона. Но не смотря на запрещеніе Второзаконія ⁴¹¹), Филиппъ видѣлъ, что христіанской церкви надлежало быть безконечно болѣе широкой и болѣе духовной общиной, чѣмъ та, которая предполагалась Моисеевымъ обрядовымъ закономъ. Припоминая быть можетъ величественное предсказаніе Исаіи (Ис. lvi, 3, 8), которое видимо поднималось выше левитскаго запрещенія, припоминая быть можетъ также нѣкоторыя изъ любящихъ словъ и обѣтованій своего учителя Христа, онъ тотчасъ же сошелъ съ евнухомъ въ воду. Произнеся исповѣданіе вѣры ⁴¹²), онъ совершилъ крещеніе надъ тѣмъ, кто былъ не только, какъ вѣроятно, язычникъ по рожденію, но и евнухъ по состоянію. Законъ Второзаконія запрещалъ ему быть членомъ церкви іудейской, но Филиппъ допустилъ его въ церковь христіанскую ⁴¹³), въ которой не было ни іудея, ни еллина, ни мужскаго пола, ни женскаго, ни раба, ни свободного ⁴¹⁴).

Послѣдующая дѣятельность Филиппа въ городахъ Филистіи и морскаго

прибрежья, равно какъ и въ теченіе его долгаго послѣдующаго пребыванія въ Кесаріи ⁴¹⁵), была несомнѣнно плодотворна. Но главное значеніе его жизни для христіанской исторіи заключалось въ его успѣшной проповѣди ненавистнымъ самарянамъ и въ этомъ смѣломъ крещеніи обезображеннаго чужеземца. Хотя онъ былъ и діаконъ, онъ однако же не убоился исполнить божественное внушеніе, которое предзнаменовывало окончательное забвеніе исключительныхъ преимуществъ. Нельзя сомнѣваться, что этотъ именно безбоязненный починъ Филиппа и содѣйствовалъ выработкѣ убѣжденій ап. Петра, равно какъ и то, что ап. Петръ завѣдомо съ логическою послѣдовательностью снизошелъ ко всѣмъ тѣмъ истинамъ, которыя всего дороже были сердцу ап. Павла.

Мирно посѣщая общины, что дѣлалось и возможнымъ, и желательнымъ вслѣдствіе процвѣтанія новой вѣры, ап. Петръ направился на югъ и ободренный многими обращеніями, послѣдовавшими за исцѣленіемъ Энея и воскрешеніемъ Тавионы, онъ остановился въ Юппіи для того, чтобы укрѣпить юныя, но процвѣтающія церкви въ равнинѣ Саронской. Что онъ поселился въ домѣ Симона кожевника, объ этомъ упоминается какъ объ одномъ изъ тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя всегда бываютъ въ разсказахъ писателей, близко знакомыхъ съ описываемыми ими событіями. Но мы можемъ видѣть въ немъ особое значеніе. Оно показываетъ съ одной стороны, какъ скромны были обстоятельства даже главнѣйшаго изъ апостоловъ, такъ какъ именно только бѣдность могла побудить его остановить свой выборъ на этомъ именно домѣ. Но оно показываетъ далѣе, что Петръ уже оставилъ раввинскую щепетильную разборчивость, такъ какъ едва ли можно вообразить, чтобы онъ нашелъ невозможнымъ достать другое жилище ⁴¹⁶), — а въ домѣ кожевника не согласился бы жить ни одинъ строгій и неуклонный послѣдователь устнаго закона. Постоянное соприкосновеніе съ кожами и трупами различныхъ животныхъ, необходимое въ этомъ ремеслѣ, и самые матеріалы, которые требуются для него, дѣлали его нечистымъ и омерзительнымъ въ глазахъ всѣхъ строгихъ законниковъ. Если кожевникъ женился, не упомянувъ о своемъ ремеслѣ, то женѣ дозволялось искать развода ⁴¹⁷). Законъ деверства могъ быть нарушенъ, если деверъ бездѣтной вдовы былъ кожевникъ, Дворъ кожевника долженъ былъ отстоять по крайней мѣрѣ на 50 локтей отъ всякаго города ⁴¹⁸) и даже еще далѣе, какъ сказалъ раввинъ Акиба, если онъ находился къ западу отъ города, откуда сильнѣе была тяга вѣтра. Ремесло, на которое смотрять съ такимъ отвращеніемъ, понятно понижаетъ самоуваженіе и всѣхъ занимающихся имъ, и хотя дворъ Симона быть можетъ и не находился рядомъ съ его домомъ, но самый выборъ его дома въ качествѣ мѣстожительства не только доказываетъ то, какъ скромны были средства, которыми могъ располагать Петръ, но также и то, что онъ уже стоялъ выше іудейскихъ предразсудковъ и могъ признавать достоинство честнаго труда даже въ самомъ низкомъ ремеслѣ.

Два вопроса необычайной важности постоянно должны были предноситься

Яффа (древняя Іоппія).

уму ап. Петра въ это время: именно, отношеніе церкви къ язычникамъ и отношеніе какъ іудейскихъ, такъ и языческихъ христіанъ къ Моисееву закону или, какъ быть можетъ будетъ гораздо точнѣе сказать — хотя различіе это тогда еще и не сознавалось—къ обрядовымъ законамъ. Въ домѣ кожевника въ Іонпії этимъ затрудненіямъ суждено было найти божественное и окончательное разрѣшеніе.

Вопросы эти были крайне затруднительны. Что касается перваго вопроса, то если допускать теперь язычниковъ къ обладанію полными и равными преимуществами, то неужели Богъ оставилъ свой избранный народъ? Неужели древнія обѣтованія потеряли свою силу? Что касается втораго вопроса, то неужели законъ не былъ божественнымъ? Развѣ онъ не былъ провозглашенъ среди громовъ Синая? Могъ ли онъ имѣть обязательную силу для *одного* народа, если онъ не предназначенъ былъ для всѣхъ? Развѣ самъ Іисусъ не былъ послушенъ его заповѣдямъ? Если нужно проводить различіе между обрядовыми и нравственными постановленіями, то гдѣ слѣды этого различія: въ самомъ ли законодательствѣ, или въ словахъ Христа? Развѣ Онъ не велѣлъ прокаженному идти показаться священникамъ и принести за свое очищеніе жертву, какъ заповѣдывалъ Моисей во свидѣтельство имъ (Матѣ. viii, 4; Марк. i, 44)? Развѣ Онъ не сказалъ: «не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, а исполнить» (Матѣ. v, 17)? Развѣ Онъ опять не сказалъ: «доколѣ не преїдетъ небо и земля, ни одна іота или черта не преїдетъ изъ закона, пока не исполнится все» (Матѣ. v, 18; Луки xvi, 17)? Эти недоумѣнія и сомнѣнія должны были еще ждать своего разрѣшенія, пока Богъ опытомъ миссіонерскаго труда не возвысилъ до полной зрѣлости боговдохновенный геній Савла Тарсійскаго. Въ этотъ періодъ вѣроятно никто еще изъ людей не могъ точно опредѣлить будущихъ отношеній между іудеємъ и язычникомъ или разрѣшить затрудненія, возникавшія изъ этихъ вопросовъ. Св. Стефанъ, который могъ бы просвѣтить апостоловъ относительно этого великаго предмета, уже не существовалъ больше. Апостоль Павелъ былъ еще подозрѣваемымъ новичкомъ. Тотъ день, когда эти вопросы были вполне разрѣшены въ великихъ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ, былъ еще далекъ. Въ планахъ Божіихъ нѣтъ поспѣшности. Только уже когда рабство стало невыносимымъ, призванъ былъ Моисей. Только уже когда недоумѣнія достигли высшаго своего развитія, Савлъ выступилъ на арену богословской мысли. Только съ исполненіемъ временъ родился и самъ Христосъ.

Но даже и въ этотъ періодъ ап. Петръ, особенно когда онъ оставилъ Іерусалимъ, навѣрно былъ вынужденъ признать, что возраженія правовѣрнаго іудея противъ одинаковаго участія язычниковъ въ преимуществахъ евангелія могли находить встрѣчныя возраженія одинаковой важности; и что доводы гебраистовъ касательно вѣчнаго значенія Моисеева закона находили противовѣсъ въ логикѣ фактовъ и встрѣчныхъ доводовъ, которыми нельзя уже было больше пренебрегать.

Въ самомъ дѣлѣ если Христосъ сказалъ, что Онъ пришелъ исполнить законъ, то не сказалъ ли Онъ также много такого, что показывало, что эти слова имѣли болѣе глубокое значеніе, чѣмъ то первоначальное, которое можно было придавать имъ? Развѣ Онъ не доказалъ цѣлыхъ шесть разъ болѣе широкой свободы для субботы, чѣмъ сколько допускали книжники ⁴¹⁹? Не выказывалъ ли Онъ нѣчто въ родѣ пренебреженія къ ненужнымъ обрядовымъ омовеніямъ (Матѣ. хv, 20)? Не воздерживался ли Онъ самъ отъ хожденія три раза въ году въ Іерусалимъ на три великихъ праздника? Не приводилъ ли Онъ часто съ одобреніемъ словъ пророка Осіи: «милости хочу, а не жертвы» (Марк. хii, 33; Матѣ. ix, 13; хii, 7)? Не повторялъ ли Онъ часто, что весь законъ и пророки висятъ на двухъ широкихъ и простыхъ заповѣдяхъ (Матѣ. ххii, 40)? Не показывалъ ли Онъ словомъ и дѣломъ своего невниманія къ простому обрядовому оскверненію, которому законъ придавалъ такую глубокую важность (Матѣ. хv, 17; Марк. vii, 19)? Не отказался ли Онъ освятить своимъ авторитетомъ побіенія камнями блудницы? Не говорилъ ли Онъ даже, что Моисей допускалъ многія вещи, сами по себѣ нежелательныя, единственно по жестокости іудейскихъ сердецъ?

И кромѣ всего этого, не ясно ли, что по Его намѣренію церковь Его должна быть вселенскою? И эта вселенскость предлагаемаго благовѣстія, милости и усвоенія развѣ не ясно указывалась въ ветхомъ завѣтѣ? Развѣ пророки не предсказывали объ окончательномъ призваніи язычниковъ (Рим. хv, 9, 10, 11)? Но если язычникамъ надлежало быть допущенными въ число святыхъ и братій; если, какъ предсказывалъ самъ Іисусъ, надлежало быть наконецъ только одному стаду и одному Пастырю ⁴²⁰, то какъ все это могло быть, если за Моисеевымъ закономъ нужно признавать вѣчное и всеобщее значеніе? Не ясно ли, что язычники, какъ масса, никогда не примутъ всей системы Моисеева закона и никогда не примутъ главнымъ образомъ жестокаго установленія обрѣзанія? Не будетъ ли такое требованіе къ нимъ вѣрнымъ поводомъ къ отказу имъ въ христіанскомъ благовѣстіи? Но если они и примутъ его, то мыслимо ли, чтобы язычники никогда не были чѣмъ нибудь больше простыхъ пришельцевъ вратъ, оставленныхъ какбы внѣ притворовъ истиннаго духовнаго храма? Если такъ, то не подрывалась ли въ самомъ корнѣ первоначальная идея христіанства? Не дѣлались ли невозможными его лучшія и существеннѣйшія установленія? Какъ могли быть трапезы любви, какъ могло быть совершеніе евхаристіи, какъ могло быть прекрасное зрѣлище христіанской любви и христіанскаго единенія, если церковь должна была состояться не изъ членовъ, связанныхъ между собою равенствомъ и братствомъ, а изъ пролетаріата терпимыхъ язычниковъ, лишенныхъ даже преимуществъ ѣсть за однимъ столомъ съ аристократіей выше ихъ стоящихъ іудеевъ? Какимъ смутнымъ, умаленнымъ и искаженнымъ былъ бы такой идеаль рядомъ съ величественной идеей искупленныхъ народовъ міра, приходящихъ къ Сіону съ пѣніемъ и ликованіемъ въ сердцахъ!

Но изъ-за всѣхъ этихъ недоумѣній поднимался еще болѣе широкій и вѣковѣчный вопросъ. Христосъ умеръ для того, чтобы взять на себя грѣхи міра: какая же нужда могла быть въ жертвоприношеніяхъ? Какое значеніе могла имѣть тѣнь, когда дарована была самая сущность (1 Кор. xii, 10; Кол. ii, 17; Евр. x, 1)? Въ чемъ могло быть значеніе прообразовъ, когда они исполнились въ славномъ Первообразѣ? Какая польза оставалась въ свѣтильникѣ скиніи, когда уже Солнце правды блистало въ своемъ полномъ величіи?

Такія мысли, такіе вопросы и недоумѣнія, требуя опредѣленнаго отвѣта, которымъ можно было бы руководиться въ ежедневной дѣятельности среди умножающихся затрудненій, неизбежно должны были въ это время занимать мысли многихъ изъ братій. Въ умѣ ап. Петра они должны были получить еще болѣе важное значеніе, такъ какъ отъ него во многихъ отношеніяхъ зависѣлъ самый починъ ⁴²¹⁾. Судьбы міра въ теченіе вѣковъ исторіи, — вопросъ о томъ, должны ли прежде окончанія этого короткаго *эпоха* неоцѣненные блага жизни и смерти Христа ограничиться приверженцами отживающаго завѣта и гибнущей національности, или свободно распространиться на всѣ племена человѣчества, — вопросъ о томъ, должны ли истомленные народы быть принуждаемы къ принятію особенностей семитскаго племени, или не искать другаго убѣжища кромѣ святыни Изида или философской школы въ Афинахъ, — все это, говоря почеловѣчески, зависѣло отъ того, по какому направленію пошелъ бы тотъ, кто былъ на землѣ лишь галилейскимъ рыбакомъ. Но Богъ всегда избираетъ себѣ пригодное орудіе. Въ рѣшеніи первостепенныхъ вопросовъ прямота сердца часто служитъ болѣе вѣрной гарантіей мудрости, чѣмъ сила разума. Когда подлежитъ достиженію самоотверженная цѣль, то никогда не бываетъ недостатка въ сверхъестественномъ озареніи. Когда только мы желаемъ сдѣлать что-нибудь правое, то мы непремѣнно услышимъ голосъ позади насъ говорящій: «это истинный путь, идите имъ», сколько бы мы ни имѣли поводовъ сворачивать съ него направо или налево.

Съ такими недоумѣніями въ душѣ, но вмѣстѣ и съ такимъ желаніемъ найти правый путь, ап. Петръ однажды въ полдень взошелъ на плоскую кровлю дома кожевника для своей полуденной молитвы ⁴²²⁾. Очень возможно, что домъ этотъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ его долго указывали потомъ. Оно лежитъ на югозападномъ краю этого маленькаго городка, и бьющій здѣсь источникъ могъ быть полезенъ кожевнику, если только онъ занимался своимъ ремесломъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ. Смоковница теперь покрываетъ его своею тѣнью, и возможно, что такое же дерево и тогда защищало апостола отъ жгучихъ лучей сирійскаго солнца. Во всякомъ случаѣ взору его представлялась та же самая картина, которую мы можемъ осматривать и теперь съ этого самаго мѣста: маленькій восточный городъ съ рядами своихъ плоскихъ кровлей и низкихъ квадратныхъ домовъ, затѣняе-

мыхъ деревьями и садами; полоса низменныхъ топей и песчаного берега; море, далеко разстилающееся по направленію къ островамъ язычниковъ, подобно золотому зеркалу ярко горящее подъ лучами восточнаго солнца и нарушаемое въ своей тишинѣ лишь крыльями чаекъ, собирающихся на скользкихъ скалахъ внизу города, или лѣнивымъ валомъ, перебѣгающимъ полосу рифа, который сказаніе связываетъ съ исторіей Андромеды. Здѣсь встрѣчаются между собою востокъ и западъ; позади лежатъ Филистія и Св. Земля. За Иорданомъ и за багряными холмами, составляющими восточныя твердыни его долины, и далѣе затѣмъ за Евфратомъ лежали знаменитыя и колоссальныя деспотическія государства, исполинскія формы имперій, которыя давно уже прошли «по пути къ своей гибели». Предъ нами открывается большая дорога народовъ, тѣ воды внутренняго моря, берега котораго въ теченіе многихъ вѣковъ исторіи были мѣстомъ совершенія всего, что есть лучшаго и величайшаго въ исторіи человѣчества. Задумчиво смотря на море и на городъ, не думалъ ли ап. Петръ о томъ древнемъ пророкѣ, который восемь вѣковъ предъ тѣмъ посланъ былъ Богомъ изъ этого самаго порта проповѣдывать покаяніе одному изъ этихъ могущественныхъ царствъ гибнущихъ язычниковъ, и котораго Богъ вразумилъ необычайными путями (Іона 1, 3)?

Быль полдень, и во время своей молитвы и размышленія апостолъ, который всю свою жизнь былъ близко знакомъ съ скудною пищею бѣдности, почувствовалъ сильный голодъ. Но обѣдъ еще не былъ готовъ и во время его ожиданія

Кровля восточнаго дома.

его голодъ, его недоумѣнія, его молитвы о руководствѣ по промышленію Божию направились къ исполненію высшихъ цѣлей. Есть нѣчто неподражаемо естественное въ томъ способѣ, которымъ истины необычайной важности приходили на умъ искателей истины. Повѣствованіе носитъ на себѣ печать подлинности и мы невольно чувствуемъ, что это наиболѣе близкое отраженіе формы, въ которой божественное внушеніе явилось честному и пылкому апостолу, когда онъ въ голодномъ отдыхѣ, послѣдовавшемъ за его полуденной молитвой, полусонно занимался размышленіями на раскаленной плоской кровлѣ подъ палящимъ небомъ, устремивъ свой взоръ къ западу и къ будущности, за сверкающимъ моремъ.

Съ нимъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ изступленія ⁴²³).

Небо казалось открытымъ. Въмѣсто палящихъ лучей, неба и моря, предъ нимъ явилось нѣчто въ родѣ большого полотна ⁴²⁴), которое на веревкахъ, привязанныхъ къ четыремъ краямъ, спускалось къ нему съ неба на землю ⁴²⁵). Въ немъ, какъ въ нѣкомъ ковчегѣ, находились всякія четвероногія земныя, звѣри, пресмыкающіяся и птицы небесныя ⁴²⁶), и былъ гласъ ему: «встань, Петръ, заколи и ѣшь». Но даже при всемъ своемъ голодѣ, еще болѣе усиливаемомъ видомъ пищи, Петръ не забылъ правилъ своего воспитанія. Среди этихъ животныхъ и пресмыкающихся находились свиньи, верблюды, зайцы и вообще твари, которыя не отбрасывали жвачки и не имѣли раздвоенныхъ копытъ, что все ясно было запрещено въ пищу закономъ. Лучше умереть съ голоду, чѣмъ нарушить правила *Кашара* и ѣсть то, самая мысль о чемъ возбуждала ужасъ въ іудеѣ ⁴²⁷). Петру казалось страннымъ, что голосъ съ неба безъ всякаго ограниченія велѣлъ ему убивать и ѣсть тварей, среди которыхъ нечистыя такъ перемѣшаны были съ чистыми. Мало того, самое присутствіе среди нихъ нечистыхъ повидимому оскверняло все полотно ⁴²⁸). Какъ ни кратко повѣствованіе объ этой восхищенности, въ которой тѣлесныя ощущенія, принимая чудовищную форму объективныхъ предметовъ, сдѣлались средствомъ духовнаго озаренія ⁴²⁹), но оно ясно показываетъ, что хотя чистыя и нечистыя животныя были перемѣшаны въ этомъ бѣломъ полотнѣ, взглядъ Петра главнымъ образомъ палъ на послѣднихъ, равно какъ это было и въ отношеніи «грѣшниковъ» изъ язычниковъ и ихъ допущенія къ преимуществамъ братства, чѣмъ главнымъ образомъ вѣроятно и заняты были его мысли. Вслѣдствіе этого съ тою простою и смѣлою самоувѣренностью, которая въ его характерѣ такъ своеобразно сочеталась съ порывами боязливости и подавленности, онъ смѣло отвѣчаетъ обратившемуся къ нему голосу и напоминаетъ небесному собесѣдователю, что онъ, такъ сказать, не принималъ во вниманіе постановленій закона ⁴³⁰).

«Нѣтъ, Господи (читатель тотчасъ же припоминаетъ сцену изъ Евангелія, въ которой ап. Петръ, ободренный похвалою Христа, приступилъ къ Нему и началъ убѣждать Его, говоря: «да не будетъ съ Тобою такъ, Господи»), потому что—прибавилъ онъ съ отгнѣнкомъ истой іудейской гордости—я никогда не ѣлъ ничего сквер-

наго или нечистаго». Тогда въ другой разъ былъ гласъ къ нему: «что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ». Такъ было трижды и затѣмъ видѣніе исчезло; полотно сразу отдернуто было на небо. Изступленіе кончилось. Петръ былъ одинъ съ своими собственными думами; все было тихо; не было ни малѣйшаго шопота съ палящаго неба; у его ногъ безмолвно разливалось сверкающее море.

Что это значило? Голодъ ап. Петра былъ подавленъ недоумѣніями въ истолкованіи странныхъ знаменій, которыми, какъ онъ сразу почувствовалъ, Св. Духъ руководилъ его къ истинѣ,—къ той истинѣ, на основаніи которой онъ долженъ дѣйствовать, какъ бы ни были важны слѣдствія, какъ бы ни были мучительны непосредственные результаты. Не было ли это большое бѣлое полотно изображеніемъ міра омытаго до бѣла ⁴³¹⁾, и не были ли четыре угла его знаменіемъ, что находившимся среди нихъ надлежало быть собранными отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга, и не были ли всѣ эти животныя и пресмыкающіяся, чистыя и нечистыя, образомъ всѣхъ народовъ, обитающихъ землю? А если такъ, то не было ли позволеніе, нѣтъ—даже повелѣніе, ѣсть какъ чистое, такъ и нечистое указаніемъ на то, что левитскій законъ былъ близокъ къ отиѣнѣ (Евр. viii, 13) и что съ нимъ также неизбѣжно должно исчезнуть то отвращеніе отъ всякаго общенія съ языческими народами, которое главнымъ образомъ основывалось на его постановленіяхъ? Что въ самомъ дѣлѣ могло означать повелѣніе, которое прямо противорѣчило повелѣнію Моисея (Лев. xi, 7; Втор. xiv, 8)? Не означало ли оно въ дѣйствительности, что все должно было обновиться? Что даже эти нечистыя твари нужно считать такими, которыя исходятъ съ неба, и что въ этомъ новомъ мірѣ, въ этомъ чистомъ мірѣ нельзя уже больше называть язычниковъ «собаками», но что іудей и язычникъ должны были встрѣтиться въ совершенномъ равенствѣ между собой, одинаково очищенные кровію Христа?

Связь между символомъ и означаемымъ предметомъ здѣсь не такъ отдаленна и произвольна, какъ обыкновенно предполагаютъ. Различіе между чистой и нечистой пищею было одной изъ непреодолимыхъ преградъ между язычникомъ и іудеемъ, преградой, которая не допускала никакого общенія между ними, такъ какъ она дѣлала невозможнымъ для нихъ встрѣтиться за однимъ и тѣмъ же столомъ или въ общественной жизни. Въ обществѣ язычника іудей на каждомъ шагѣ подлежалъ тѣмъ обрядовымъ оскверненіямъ, которыя влекли за собою всевозможныя отлученія и неудобства, и мало того — сами язычники дѣлались нечистыми въ глазахъ іудеевъ главнымъ образомъ чрезъ принятіе нечистой пищи. Едва ли можно выразить словами ту напряженность ужаса и отвращенія, съ которою іудей относился къ свиньямъ ⁴³²⁾. Онѣ были для него самымъ воплощеніемъ всего того, къ чему онъ относился со всею силою омерзенія. Онъ избѣгалъ даже самаго названія свиньи по имени, а говорилъ о ней только какъ о *дабаръ ашеръ* («нѣкая вещь»). Когда при Гирканѣ свинью коварно положили въ сундукъ и подняли на стѣну Іерусалима, то іудеи рассказывали, что тотчасъ землетря-

сеніе поколебало св. землю ⁴³³). И однако же это грязное и свирѣпое животное, о которомъ нельзя было даже и думать безъ оскверненія себя, было не только главнымъ лакомствомъ на языческихъ пирахъ ⁴³⁴), но въ той или другой формѣ было самымъ обыкновеннымъ предметомъ языческаго потребленія. Какъ же могъ іудей соприкасаться или даже говорить съ человѣческимъ существомъ, которое свободно лакомилось свинымъ мясомъ и которое даже быть можетъ въ этотъ самый день ѣло эту мерзость? Очищеніе всякихъ предметовъ пищи было гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ какъ доселѣ думали, условіемъ принятія язычниковъ въ полное равенство во всѣхъ преимуществахъ.

И несомнѣнно, когда такія мысли пронеслись по душѣ ап. Петра, онъ вспомнилъ также ту замѣчательную «притчу» Иисуса, объясненія которой онъ, съ своими братьями, нѣкогда спрашивалъ у Него. Иисусъ въ немногихъ словахъ, но предваря ихъ тѣмъ выразительнымъ обращеніемъ, къ какому Онъ прибѣгалъ для привлеченія особеннаго вниманія къ изреченію, имѣвшему болѣе чѣмъ обыкновенное значеніе и глубину: *«слушайте Меня всѣ и разумѣйте»*; *«имѣющіе уши слышатъ, да слышатъ»* (Марк. vii, 14, 16), — сказалъ: «ничто входящее въ человѣка извнѣ не можетъ осквернить его; но что исходитъ изъ него, то оскверняетъ человѣка». Что Онъ затѣмъ продолжалъ говорить именно о томъ, что оскверняетъ человѣка лишь то, что исходитъ изъ него, — это довольно легко было понять и заключало въ себѣ глубочайшую истину; но имъ такъ трудно было понять первую половину этого положенія, что они попросили Его объяснить «притчу», которая, какъ казалось имъ, находилась въ прямомъ противорѣчій съ Моисеевымъ закономъ. Выражая свое удивленіе недостатку ихъ разумѣнія, Онъ показалъ имъ, что то, что входитъ въ человѣка совнѣ, дѣлается только частью его тѣлеснаго организма, входя «не въ сердце его, а въ чрево и выходя вонъ». *Этимъ именно*, сказалъ Онъ, какъ быть можетъ теперь въ первый разъ съ полною ясностью представилось уму Петра — *«очищается всякая пища»* ⁴³⁵), и продолжалъ затѣмъ развивать тѣ великія истины касательно внутренняго характера всякаго дѣйствительнаго оскверненія и касательно зарожденія всякаго преступленія и злыхъ мыслей, которыя заключаютъ въ себѣ столь торжественное предостереженіе. Намъ кажется, что именно это видѣніе въ Іопіи впервые уяснило ап. Петру истинное значеніе одного изъ тѣхъ ясныхъ изреченій Христа, въ которыхъ высказывалась грядущая отмѣна Моисеева закона. Несомнѣнно тому факту, что ап. Петръ, какъ руководитель св. Марка при написаніи его евангелія и единственный авторитетный свидѣтель этого видѣнія въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, есть источникъ *обоихъ* повѣствованій, — мы обязаны тѣмъ доселѣ незамѣченнымъ обстоятельствомъ, что два слова *«очищать»* и *«осквернять»*, очевидно имѣющія особенное значеніе, являются двумя наиболѣе выдающимися словами въ повѣствованіи *обоихъ* событіяхъ.

Когда такимъ образомъ ап. Петръ размышлялъ, озадаченный, но въ то же

время и озаренный въ своей проясняющейся душѣ новымъ свѣтомъ, случилось обстоятельство, которое придало его видѣнію полное значеніе. Воспитанный, подобно всѣмъ іудеямъ, въ полной вѣрѣ въ постоянную дѣятельность провидѣнія во всѣхъ, какъ величайшихъ, такъ и самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ жизни, Петръ былъ какъ разъ въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ всего болѣе способенъ былъ принять дальнѣйшія указанія воли Божіей, откуда бы они не исходили. Признаннымъ источникомъ такого руководительства въ то время были небесные голоса, которые іудеи считали единственнымъ оставшимся у нихъ способомъ вдохновеннаго вразумленія и которымъ они давали названіе *Бат-колъ* ⁴³⁶). Первые слова, которыя Петръ услышалъ послѣ своего необычайнаго видѣнія, были произнесены голосами язычниковъ. Во дворѣ, подъ нимъ, находились три язычника, изъ которыхъ одинъ былъ въ одѣяніи воина. Спросивъ, гдѣ находится домъ Симона кожевника, они затѣмъ спросили, живетъ ли здѣсь Симонъ, прозываемый Петромъ. Лучъ небеснаго свѣта тотчасъ же озарилъ его душу. Онъ видѣлъ чудесную связь между своимъ видѣніемъ и вопросомъ этихъ язычниковъ, и внутренній голосъ предупредилъ его, что эти люди пришли по внушенію воли Божіей и что онъ долженъ идти съ ними безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ или замедленія. Онъ тотчасъ же повиновался, сошелъ съ крыши, сказалъ спрашивающимъ, что онъ то самое лицо, которое они ищутъ, и спросилъ, чтѣ имъ нужно. Они имѣли странное порученіе. «Корнилій,—сказали они,—сотникъ, мужъ добродѣтельный и боящійся Бога, одобряемый всѣмъ народомъ іудейскимъ, получилъ отъ святаго ангела повелѣніе призвать тебя въ домъ свой и послушать рѣчей твоихъ». Петръ тотчасъ же предложилъ бесплатное и простое гостепріимство, обычное на востокѣ, и такъ какъ было слишкомъ жарко и они слишкомъ были утомлены, чтобы сразу же пускаться въ обратный путь, они остались съ нимъ до слѣдующаго утра. Дальнѣйшій разговоръ могъ показать Петру, что Корнилій былъ сотникомъ итальянскаго отряда ⁴³⁷); что «не только онъ, но и весь его домъ, боялись Бога»; что щедрость его милостыни и искренность его молитвъ были всѣмъ извѣстны и что внушеніе послать за Петромъ дано было ему въ то время, когда онъ постился предыдущимъ днемъ въ три часа дня. Онъ исполнилъ это внушеніе съ такою быстротою, что, не смотря на жаръ и пятидесятиверстное разстояніе по берегу и равнинѣ, посланные имъ прибыли въ Іопію къ полудню слѣдующаго дня.

Слѣдующимъ утромъ всѣ они отправились въ путешествіе, которое должно было имѣть такія важныя слѣдствія. Какое глубокое значеніе самъ ап. Петръ придавалъ послѣдствіямъ, могущимъ произойти изъ этого, видно изъ того, что онъ пригласилъ не менѣе шести изъ своихъ братій въ Іопію сопровождать его и быть свидѣтелями всего, что должно было совершиться ⁴³⁸). Путешествіе продолжалось два дня, такъ какъ на востокѣ вообще путешествуютъ медленно и идти можно было только во время часовъ прохлады. Такимъ образомъ только на чет-

вертый день послѣ видѣнія Корнилія, въ первый разъ въ теченіе 2,000 лѣтъ іудеи и язычники встрѣтились на широкой почвѣ совершеннаго религіознаго равенства предъ Богомъ, ихъ общимъ Отцемъ. Пораженный священнымъ характеромъ этого случая, пораженный также быть можетъ чѣмъ либо во внѣшности главнаго изъ апостоловъ, Корнилій, который вышелъ встрѣчать Петра, на порогѣ повергся къ его ногамъ ⁴³⁹), подобно тому, какъ 300 лѣтъ предъ тѣмъ Александръ Великій повергся къ ногамъ первосвященника Іаддуя ⁴⁴⁰) и шесть столѣтій спустя Эдвинъ Деирскій — къ ногамъ Павлина ⁴⁴¹). Петръ тотчасъ же поднявъ благочестиваго воина и, несомнѣнно къ удивленію сопровождавшихъ его собратій, быть можетъ даже къ своему собственному удивленію, нарушилъ всѣ преданія своей жизни, равно какъ и національные обычаи многихъ вѣковъ, вступивъ съ нимъ въ свободный разговоръ въ присутствіи собравшихся языческихъ родственниковъ сотника. Это онъ дѣлалъ не изъ забывчивости вслѣдствіе особенной восторженности, но съ полнымъ сознаніемъ, что онъ, дѣлая теперь то, что доселѣ считалось нечестивымъ ⁴⁴²), дѣлалъ это согласно съ божественнымъ откровеніемъ. Корнилій затѣмъ разсказалъ о причинахъ, побудившихъ его послать за Петромъ, и апостолъ началъ свою торжественную рѣчь къ нимъ знаменитымъ заявленіемъ, что теперь онъ съ несомнѣнною увѣренностью видѣлъ, что «Богъ не лицепріятенъ, *но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему*» ⁴⁴³). Никогда не изрекалось болѣе возвышенныхъ словъ. Но ихъ нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, въ какомъ толкуютъ ихъ сектанты, именно, что «всякій человѣкъ спасется тою вѣрою, которую онъ исповѣдуетъ, такъ что онъ долженъ стараться сообразовать свою жизнь съ этимъ закономъ и свѣтомъ природы». Если бы это именно разумѣлъ апостолъ, что было бы совершеннымъ анахронизмомъ въ отношеніи его, то ему не было бы надобности проповѣдывать Корнилію, какъ это онъ сдѣлалъ, главныя истины христіанской вѣры; для него было бы достаточно внушить Корнилію продолжать свою молитву и благотворительность, не раскрывая ему единственнаго подъ небесемъ имени Іисуса Христа, чрезъ которое вѣрующій получить прощеніе. Петръ разумѣлъ безразличіе въ національности, а не безразличіе въ религіи. Всѣ, кто по силѣ возможности, боятся и любятъ Бога съ искренностью въ сердцѣ, будутъ спасены чрезъ искупленіе Христа; нѣкоторыхъ изъ нихъ и даже многихъ Онъ приведетъ къ познанію Его въ этой жизни и всѣ увидятъ и познаютъ Его въ жизни грядущей (ср. Римл. II, 6, 10, 14, 15).

Петръ затѣмъ продолжалъ напоминать этимъ язычникамъ все, что они слышали ⁴⁴⁴) объ Іисусѣ Христѣ Господѣ всѣхъ: о Его жизни и служеніи послѣ крещенія Іоаннова; о томъ, какъ Богъ помазалъ Его Святымъ Духомъ и силою; какъ Онъ ходилъ повсюду, благотворя и исцѣляя всѣхъ, страдавшихъ подъ тиранніей діавола; затѣмъ о распятіи и воскресеніи изъ мертвыхъ, свидѣтелями которыхъ были ученики, предназначенные голосомъ своего

воскресшаго Спасителя свидѣтельствовать, что Онъ есть опредѣленный Судія живыхъ и мертвыхъ. И въ то время, когда Петръ продолжалъ разъяснять на основаніи пророковъ, что всѣ, кто вѣруетъ въ Него, должны получить прощеніе грѣховъ имени Его, вдругъ на этихъ некрещеныхъ язычниковъ, какъ и на присутствовавшихъ іудеевъ, снизошло то высшее вдохновеніе, которое дало имъ даръ языковъ, какъ и апостоламъ во время Пятидесятницы: «Духъ Святой сошелъ на всѣхъ». Шесть собратій, которые сопровождали Петра изъ Іонніи, конечно должны были изумиться. Эти некрещенные, необрѣзанные, нечистые люди, бывшіе идолопоклонниками, языческими собаками, пожирателями нечистыхъ животныхъ, самое прикосновеніе къ которымъ влекло за собою обрядовое оскверненіе,—говорили и славили Бога въ выраженіяхъ, которыя могли исходить только изъ сердца до сокровеннѣйшей глубины возбужденныхъ божественнымъ вліяніемъ. Съ смѣлою готовностью Петръ воспользовался благопріятнымъ моментомъ. Видѣнное имъ зрѣлище подняло его выше всѣхъ іудейскихъ предрасудковъ и вздымающійся потокъ убѣжденности смылъ догматы и привычки его раннихъ лѣтъ. Ссылаясь на это доказательство духовнаго равенства язычника съ іудеемъ, онъ спросилъ: «можетъ ли кто запретить креститься водою»? Никто не оспаривалъ принудительности доказательствъ того, что Богъ хотѣлъ допустить Корнилія и его друзей къ преимуществамъ христіанскаго братства. Петръ не только повелѣлъ имъ креститься во имя Господне, но даже охотно принялъ ихъ приглашеніе «пробыть у нихъ нѣсколько дней».

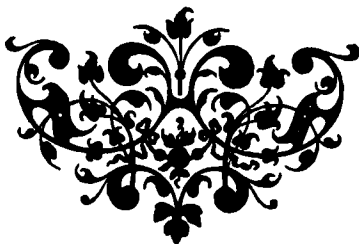
Извѣстіе о такомъ изумительномъ переворотѣ скоро достигло Іерусалима, и когда Петръ возвратился въ св. городъ, то онъ былъ встрѣченъ со стороны болѣе строгихъ зилотовъ, присоединившихся къ христіанству, тѣми изъ нихъ, о которыхъ мы послѣ услышимъ какъ о приверженцахъ обрѣзанія, съ негодующимъ ропотомъ: «*ты ходилъ къ людямъ необрѣзаннымъ и ѣлъ съ ними*» ⁴⁴⁵). Собщаться съ ними, входить въ ихъ домъ—развѣ это не было достаточнымъ оскверненіемъ? Соприкасаться въ обыденной жизни съ людьми, которые никогда не принимали печати завѣта, ежедневно соприкасаться съ тѣми, которые «жрали омерзительныя вещи въ своихъ сосудахъ» — развѣ это не было достаточно ужаснымъ? Но *нѣтъ съ ними*, ѣсть пищу, приготовленную язычниками, вкушать мясо, которое незаконно убито языческими руками, пренебрегать правилами *Кашара*, принимать пищу изъ блюдовъ, оскверненныхъ всякимъ родомъ нечистыхъ насѣкомыхъ или животныхъ и даже быть можетъ «*нѣкою вещью*» — можно ли было подумать объ этомъ безъ ужаса и омерзенія ⁴⁴⁶)?

Такимъ образомъ ап. Петръ былъ встрѣченъ въ Іерусалимѣ чѣмъ-то въ родѣ укора. Но онъ встрѣтилъ эту бурю съ полнымъ мужествомъ ⁴⁴⁷). То, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ не произвольно, а на каждомъ шагу подъ прямымъ водительствомъ Божиимъ. Онъ разказалъ имъ о своемъ видѣніи на кровлѣ въ Іонніи и о томъ явленіи ангела, которое побудило Корнилія обратиться къ нему. Нако-

нецъ онъ сослался на изліяніе Св. Духа, которое въ этихъ язычникахъ проявилось тѣми же самыми знаменіями, какъ и въ нихъ самихъ. Развѣ это не было обѣтованнымъ крещеніемъ Духомъ Святымъ? Не было ли это доказательствомъ того, что Богъ принялъ этихъ язычниковъ въ такой же полнотѣ, какъ онъ принялъ и *ихъ*? «Кто же я, чтобы могъ воспрепятствовать Богу?»

Смѣлая защита на время заставила смолкнуть противниковъ нововведенія, которое они считали противнымъ писанію и закону. Они не могли оспаривать фактовъ, подтвержденныхъ прямымъ свидѣтельствомъ ихъ шести собратій, которыхъ Петръ, сознавая важность событія, благоразумно бралъ съ собою изъ Іонніи, какъ равнымъ образомъ не могли отрицать и видимаго одобренія неба. Большинство было въ пользу недоумѣннаго, но благодарнаго признанія совершившагося. Но послѣдующія событія ясно доказываютъ, что между ними было все-таки недовольно нѣкоторое меньшинство, совершенно не расположенное жертвовать исключительностью своихъ преимуществъ въ пользу равенства въ царствѣ Божіемъ. Даже и въ языкѣ нѣкоторыхъ другихъ ⁴⁴⁸⁾ мы замѣчаемъ слабый отголосокъ недовольства и недоумѣнія. Да и вообще они не хотѣли допустить этого какъ общаго правила. Единственный пунктъ, на который они соглашались, заключался не въ томъ, чтобы язычниковъ допустить къ полному общенію безъ обрѣзанія, а еще менѣе въ томъ, чтобы вообще оправдывать іудеевъ въ принятіи съ ними пищи, какъ это дѣлалъ Петръ, но только въ томъ, что «видно, и языщикамъ далъ Богъ покаяніе въ жизнь».

Между тѣмъ, и насколько мы видимъ, совершенно независимо отъ этого первоначальнаго движенія, церковь переживала новый и важный кризисъ въ Сиріи, который перенесъ митрополию христіанства изъ Іерусалима въ Антіохію, какъ вполнѣдствіи она перенесена была изъ Антіохіи въ Римъ.

Видъ Антиохіи при приближеніи къ ней.

КНИГА V. АНТІОХІЯ.

ГЛАВА XVI. ВТОРАЯ СТОЛИЦА ХРИСТІАНСТВА.

Если злословить васъ за имя Христово,
то вы блаженны. 1 Петр. iv, 14.

Ихъ изъ ненависти и презрѣнья народъ
назвалъ христіанами. Тацитъ.

Я христіанинъ. Муч. Поликарпъ.

ВУКОВОДЯЩІЙ Промыслъ Божій такъ ясно замѣтенъ въ ходѣ человеческихъ событій, что христіанинъ едва ли нуждается въ дальнѣйшемъ доказательствѣ того, что въ нихъ существуетъ «рука направляющая». Въ событіяхъ его собственной незамѣтной жизни дѣйствія Божіи часто бываютъ сокрыты отъ него. Но когда онъ слѣдитъ за исторіей народовъ и религій, онъ ясно можетъ услѣдить божественныя цѣли и видѣть уроки, которые рука Божія пишетъ на всякой страницѣ исторіи. Что кажется крайнею гибелью часто есть полное спасеніе; что считалось жестокимъ бѣдствіемъ постоянно превращается въ величайшее благо.

Такъ именно было съ гоненіемъ, которое послѣдовало по смерти св. Стефана. Если бы оно было менѣе жестоко, то оно не достигло бы предназначенной цѣли. Савлъ, разрушая церковь іерусалимскую, несознательно закладывалъ основы, на которыхъ впослѣдствіи онъ—тотъ же самый, но уже не тотъ же—долженъ былъ самъ созидать зданіе церкви Божіей. Савлъ-гонитель противоположными средствами дѣлалъ то же самое дѣло, какъ и Павелъ-апостоль.

Когда члены юной церкви бѣжали въ ужасѣ изъ св. города, они далеко разнесли съ собою благовѣстіе изъ Іерусалима. Сначала, какъ и естественно было, они бесѣдовали только съ іудеями. Они не скоро могли услышать о томъ, какъ Филиппъ благовѣствовалъ въ Самаріи и какъ своимъ крещеніемъ внуха онъ допустилъ въ церковь Христову того, кого Моисей исключалъ изъ общества Израиля. Крещеніе благочестиваго воина совершилось еще позднѣе и вѣсть о немъ не сразу могла дойти до разсѣянныхъ христіанъ. Въ Финикіи поэтому и на Кипрѣ проповѣдничество ихъ сначала ограничивалось предѣлами іудейства, и только когда уже странствующие еллинисты прибыли въ Антіохію, они осмѣлились *проповѣдывать язычникамъ* ⁴⁴⁹). Были ли это лишь такіе язычники, которые уже приняли «Ноевъ завѣтъ», или между ними были и другіе, которые еще ни въ какомъ отношеніи не были приверженцами синагоги, объ этомъ намъ не сообщается. Греческіе прозелиты въ это время были зауряднымъ явленіемъ во всякомъ значительномъ городѣ имперіи (см. Дѣян. xiv, 1; xviii, 4; Іоан. xii, 20), и возможно предполагать, что они-то и давали большинство по крайней мѣрѣ новыхъ обращенцевъ. Какъ бы то ни было, дѣятельность этихъ безыменныхъ благовѣстниковъ была въ высшей степени успѣшна. Она получила печать благословенія Божія и множество грековъ обратилось къ Господу. Фактъ этотъ есть не что иное, какъ начало обширнаго *обращенія язычниковъ*. Это одинъ изъ великихъ *моментовъ* въ развитіи дѣятельности, начатой Стефаномъ, продолженной Филиппомъ, освященной Петромъ и наконецъ завершившейся въ жизни, дѣятельности и посланіяхъ ап. Павла.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Іерусалима, оно возбудило большое вниманіе, и члены церкви рѣшили послать кого-нибудь изъ своей среды для наблюденія за происходящимъ. Выборъ посланнаго показывалъ, что доселѣ еще преобладали совѣты партіи умѣренности, потому что они отправили великодушнаго и примирительнаго Варнаву. Левитское происхожденіе и та жертва, которую онъ сдѣлалъ изъ своей собственности въ пользу общаго достоянія, сочетались въ немъ съ симпатичнымъ характеромъ и свободною культурою, дававшими ему естественный авторитетъ, которымъ онъ всегда располагалъ въ пользу человеколюбія и мудрости.

Прибытіе такого человѣка было особеннымъ благомъ. Эта новая церковь, которая въ огромной части состояла изъ язычниковъ, предназначена была служить источникомъ новаго направленія въ развитіи христіанства. Варнава увидѣлъ

благодать Божию въ этомъ дѣлѣ и радовался ему, оправдывая свое счастливое наименованіе «сына утѣшенія» увѣщаніемъ вѣрующихъ всѣмъ сердцемъ прилѣпятся къ Господу. Его дѣятельность привлекла еще больше обращенцевъ, потому что, какъ съ выразительнымъ одобреніемъ прибавляетъ св. Лука, «онъ былъ мужъ добрый и исполненный Духа Святаго и вѣры».

Дѣло шло успѣшно въ его рукахъ и требовало столько мудрости, знанія и энергіи, что онъ скоро почувствовалъ нужду въ сотрудникѣ. Несомнѣнно, если бы онъ пожелалъ этого, онъ могъ бы заручиться содѣйствіемъ одного изъ апостоловъ или изъ ихъ довѣренныхъ сотрудниковъ. Но Варнава невольно замѣтилъ, что болѣе свѣжая точка зрѣнія, болѣе ясный умъ, болѣе широкое образованіе, болѣе полная свобода отъ старыхъ убѣжденій нужны были для столь великаго и деликатнаго дѣла. Самъ еллинистъ и теперь будучи призванъ къ служенію не только для еллинистовъ, но и для грековъ, онъ желалъ помощи чловѣка, который бы поддерживалъ дѣло истины и свободы съ наибольшею способностью и непоколебимою убѣжденностью. Былъ только одинъ чловѣкъ, кто во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчалъ его требованіямъ. Это былъ уполномоченный синадріона, зилоть изъ фарисеевъ, нѣкогда бывшій гонителемъ, Савлъ Тарсійскій. Со времени своего побѣга изъ Іерусалима Савлъ сдѣлался болѣе или менѣе незамѣтнымъ у руководящихъ апостоловъ. Мы теряемъ его изъ виду въ Кесаріи на его пути въ Тарсъ, и все, что Варнава теперь знаетъ о немъ, было то, что онъ спокойно жилъ дома, ожидая призванія со стороны Господа. Вслѣдствіе этого онъ отправился за нимъ, и самый оборотъ выраженія показываетъ, что онъ не безъ затрудненія нашелъ его. Павелъ охотно принялъ приглашеніе оставить свое заключеніе и присоединиться къ своему другу на поприщѣ этого новаго труда въ великой столицѣ Сиріи. Такимъ образомъ Варнава дважды спасалъ Савла для дѣла христіанства. Его самоотверженному благородству раньше всѣхъ другихъ принадлежитъ честь признанія пылкой энергіи, неусыпной дѣятельности, непоколебимаго мужества, озареннаго и озаряющаго разума, которымъ предопредѣлено было пойти на дѣло возрожденія и просвѣщенія міра свѣтомъ евангелія.

Для начала такого служенія не могло быть болѣе удобнаго мѣста, чѣмъ Антиохія. Объ этой царцѣ Востока, объ этой третьей митрополіи міра, объ этой резиденціи императорскаго легата Сиріи, объ этомъ обширномъ городѣ быть можетъ съ полумилліоннымъ населеніемъ не должно судить по ничтожному, бѣдному, разрушенному землетрясеніями Антакіе настоящаго времени ⁴⁵⁰). Это былъ не просто восточный городъ съ низкими, плоскими кровлями и грязными, узкими улицами, а греческая столица, обогащенная и увеличенная римскою щедростью. Антиохія лежитъ въ пунктѣ соединенія между хребтами Ливана и Тавра. Ея естественное положеніе на сѣверномъ склонѣ горы Сильпія съ судоходною рѣкою, широкимъ историческимъ Оронтомъ, текущимъ у ея подножія, было и

красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Извивы рѣки орошали всю поросшую лѣсомъ равнину, и такъ какъ городъ находился только въ 28 верстахъ отъ берега, то морское дыханіе давало ему здоровую прохладу. Эти естественныя преимущества еще болѣе увеличены были щедрымъ геніемъ древняго искусства. Построенный Селевкидами ⁴⁵¹⁾ въ качествѣ царственной резиденціи ихъ династіи, городъ на всемъ своемъ обширномъ многоверстномъ пространствѣ былъ окруженъ стѣнами изумительной высоты и толщины, которыя перекинуты были черезъ рывины и вершины горъ съ такимъ смѣлымъ величіемъ замысла, что придавали городу видъ, будто онъ защищался самыми окружающими его горами, какъ будто эти исполинскіе оплоты были его естественными стѣнами. Дворецъ царей Сиріи находился на островѣ, образовавшемся вслѣдствіе искусственнаго канала и рѣки. По всей длинѣ города отъ Золотыхъ или Дафнійскихъ воротъ къ западу проходилъ почти на десять верстъ великолѣпный проспектъ, украшенный деревьями, коллонадами и статуями. Первоначально построенный Селевкомъ Никаторомъ онъ поддержанъ былъ Иродомъ Великимъ, который, какъ для удовлетворенія своей страсти къ архитектурѣ, такъ и въ награду народу антioxійскому за его расположеніе къ іудеямъ, вымостилъ его на пять верстъ плитами бѣлаго мрамора ⁴⁵²⁾. Широкіе мосты перекинуты были чрезъ рѣку и ея различныя притоки; бани, водопроводы, базилики, виллы, театры тѣснились на ровной долиנѣ и, отѣняемые живописными и скалистыми уступами, придавали городу блескъ достойный его славы, уступавшей величіемъ развѣ только Александріи и Риму. Съ этимъ блескомъ соединялись безчисленные признаки роскоши и удобства. Подъ вѣтвистыми деревьями, отѣнявшими берега рѣки, среди садовъ блиставшихъ массами цвѣтовъ, среди лавровыхъ и миртовыхъ рощъ сверкали веселыя виллы богатѣйшихъ жителей, украшенныя греческими фресками со всею изысканностью, какую только римское богатство могло позаимствовать у іонической роскоши. Искусство приходило на помощь для возвышенія красотъ природы и одна исполинская скала горы Сильпія, высившаяся надъ городомъ, была вытесана искусствомъ Леія въ подобіе человѣческое. Во дни Антіоха Епифана эпидемія свирѣствовала въ странѣ и для того, чтобы утишить гнѣвъ боговъ, царь приказалъ скульптору всю горную массу вытесать въ одну огромную статую. Огромное сумрачное лицо подъ скалистымъ подобіемъ короны смотрѣло на площадь города и извѣстно было у антioxійцевъ подъ названіемъ Харонія, будто бы изображавшаго «того мрачнаго перевозчика», который перевозилъ души мертвыхъ въ своей мрачной лодкѣ чрезъ воды Стикса.

Понятно, что такой городъ долженъ былъ привлекать огромную массу жителей, и жители эти были всевозможныхъ національностей. Основа населенія состояла изъ природныхъ сиріянъ, представителями которыхъ въ настоящее время служатъ марониты ⁴⁵³⁾; но сирійскіе цари приглашали множество колонистовъ для населенія ихъ резиденціи, и важнѣйшими изъ нихъ были греки и

Развалины стѣнъ Антіохіи.

іудеи. Послѣ завоеванія Сиріи Помпеемъ къ нимъ прибавился гарнизонъ римлянъ ⁴⁵⁴). Дворъ легата сирійскаго, окруженный военнымъ блескомъ, привлекалъ въ свой блестящій кругъ не только множество хищныхъ и властолюбивыхъ чиновниковъ, но также множество разныхъ льстецовъ, рабовъ, художниковъ, литераторовъ и вообще разныхъ приживаловъ, присутствіе которыхъ казалось необходимымъ для двора императорскаго намѣстника. Автономія города и вслѣдствіе этого свобода его отъ налога на собственность дѣлала его пріятнымъ мѣстомъ обитанія для многихъ другихъ. Мягкіе, уступчивые и легконравные сиріяне, хитрые, увертливые и развращенные греки внесли съ своей стороны не малую долю развращенія, усиливаемого разслабляющимъ климатомъ и легконравнымъ обществомъ. Рядомъ съ ними жила многочисленная колонія іудеевъ, управляемая, какъ и въ Александріи, своимъ собственнымъ архонтомъ и даже чѣмъ-то въ родѣ синедріона, но въ то же время всецѣло преданная центральному правительству въ Іерусалимѣ. Ливаній изъ личнаго опыта могъ утверждать, что тотъ, кто сидѣлъ на рыночной площади Антиохіи, могъ изучать нравы и обычаи всего міра.

Города, въ которыхъ постоянно происходитъ притокъ разноплеменнаго населенія, рѣдко бываютъ не безнравственными и не развращенными. Даже Римъ, при упадкѣ его цезаризма, содрогался при мысли о подонкахъ развращеннаго общества, которое, въ видѣ арлекиновъ, пандаровъ, музыкантовъ и танцовщицъ вливалось въ Тибръ изъ сирійскаго Оронта. Сатирическіе писатели его говорили объ этомъ вліяніи восточной жизни въ томъ смыслѣ, что она вносила новые міазмы даже въ тотъ тлѣнъ, который потокъ славы оставлялъ на голыхъ пескахъ греческой жизни ⁴⁵⁵). Повидимому, таковъ уже законъ человѣческаго общенія, что, когда племена смѣшиваются между собою въ огромныхъ массахъ, худшія качества каждаго изъ нихъ усиливаются до общаго развращенія. Грязь и нечистые осадки соединяющихся потоковъ оскверняютъ чистоту и пріятность, которою они отличались прежде. Если бы іудеи были менѣе исключительны, менѣе высокоумѣрно безразличны къ нравственному благу кого либо кромѣ себя, то они могли бы задерживать потокъ безнравственности. Но ихъ презрительная отчужденность или мѣшала имъ сдѣлать нѣкоторое усиліе для улучшенія состоянія своихъ согражданъ, или дѣлала ихъ усилія тщетными. Ихъ синагоги, одна по крайней мѣрѣ, зданіе которой имѣло притязаніе на нѣкоторую архитектурную красоту, такъ какъ была украшена бронзовою добычей, нѣкогда принадлежавшей храму іерусалимскому ⁴⁵⁶) и возвращенной въ принадлежъ угрыженія совѣсти Антиохомъ Епифаномъ іудеямъ Антиохіи, — гордо вздымались среди сверкающихъ храмовъ боговъ Эллады. Но духъ тѣхъ, которые молились въ нихъ, дѣлалъ ихъ безчувственными свидѣтелями всего окружающаго, и іудеи, подавленные убѣжденіемъ, что они были единственными любимцами Іеговы, проходили съ улыбкой презрѣнія или съ дикимъ изувѣрствомъ плевали въ лицо тѣхъ статуй, которыхъ никакая классическая красота не

могла избавить отъ позора, заключавшагося въ томъ, что онѣ были «нѣмыми идолами». Тамъ несомнѣнно были и другіе прозелиты, кромѣ Николая и Луки; но эти прозелиты, сколько бы ихъ ни было, до этого времени не оказывали замѣтнаго вліянія на веселый и преступный городъ. И если лучшіе изъ іудеевъ пренебрежительно относились ко всѣмъ попыткамъ дѣятельной пропаганды, зато тамъ несомнѣнно много было такихъ коварныхъ и безчестныхъ іудеевъ, которые поддерживали свои собственные интересы пропагандой нечестія. Если іудейская народность произвела не мало лучшихъ и величайшихъ людей въ человѣчествѣ, то въ то же время она произвела не мало и самыхъ гнусныхъ и преступныхъ. Іудеи въ Антиохіи были совершенно такого же смѣшаннаго характера, какъ и іудеи въ Александріи или въ Римѣ, Парижѣ или Лондонѣ; и можно быть совершенно увѣреннымъ, что между ними было много такихъ, которые вмѣсто того, чтобы свидѣтельствовать объ Іеговѣ, только усиливали въ развращенной массѣ безбожное идолопоклонство и развращеніе.

Такимъ образомъ для бѣльшей массы населенія въ Антиохіи не было ничего такого, что могло бы въ полномъ смыслѣ называться религіей, которая служила бы оплотомъ противъ вздымающагося потока римской чувственности и греко-сирійской распущенности. То, что оставалось тамъ отъ религіи, принимало форму грубѣйшаго обожанія природы или самаго безсмысленнаго суевѣрія. За нѣсколько лѣтъ до основанія христіанской церкви въ Антиохіи, въ 37 году, тамъ случилось одно изъ тѣхъ страшныхъ землетрясеній, которыми этотъ городъ подвергался во всѣ времена ⁴⁵⁷). На первый взглядъ казалось бы невѣроятнымъ, чтобы такой умственно развитый и литературный городъ, какъ Антиохія, городъ остряковъ и философовъ, казуистовъ и риторовъ, поэтовъ и сатириковъ, — могъ сдѣлаться сразу предметомъ оболъщенія со стороны жалкаго знахаря, по имени Дебборія, который заявлялъ, что онъ можетъ отвращать подобныя бѣдствія столько же смѣшными талисманами, какъ и пресловутыя пилюли отъ землетрясенія, на которыя такъ часто встрѣчаются намеки въ новѣйшей литературѣ. Однако же, въ дѣйствительности, въ такомъ кажущемся противорѣччіи нѣтъ ничего страннаго. Исторія не разъ доказывала, что границы атеизма соприкасаются съ предѣлами самаго страннаго легковѣрія ⁴⁵⁸).

Въ этотъ-то городъ языческаго удовольствія, въ среду населенія, раззореннаго общественными налогами и оскверненнаго самымъ необузданнымъ развратомъ, въ среду интригъ и беззаконій всякаго рода, худшаго въ человѣческомъ родѣ населенія въ худшемъ изъ періодовъ человѣческой исторіи ⁴⁵⁹), — съ живымъ нетерпѣніемъ направлялся Савль Тарсійскій. По дорогѣ, въ восьми верстахъ отъ города, онъ долженъ былъ видѣть на берегахъ рѣки по крайней мѣрѣ опушку лавровъ, кипарисовъ и миртъ, указывавшихъ на «благодатную рощу Дафна у Оронта» ⁴⁶⁰) и завидѣлъ быть можетъ даже колоссальную статую Апполона ⁴⁶¹), высѣченную Селевкомъ Никаторомъ. Но въ рощи не было уже болѣе ничего благодатнаго, кромѣ ея

естественной и неизгладимой красоты, и несомѣнно набожный іудей ни за что не согласился бы войти въ ея оскверненные предѣлы. Эти предѣлы, которымъ представлено было право убѣжища, были, подобно всѣмъ убѣжищамъ въ древнія и новѣйшія времена, гораздо болѣе покровомъ для омерзительныхъ негодяевъ, чѣмъ для гонимой невинности (2 Макк. iv, 33), и эти тѣнистыя рощи были темными берлогами всякаго нечестія. Къ ихъ картинной живописности, къ ихъ богатой листвѣ, къ ихъ благоухающимъ травамъ, къ ихъ непрерывно бьющимъ фонтанамъ пламенный обращенецъ не могъ относиться съ восторгомъ. Онъ могъ только съ чувствомъ нѣкотораго недовольства вспоминать, что роща эта дала поводъ къ пословицѣ, которая выражала собою преизбытокъ ничтожества ⁴⁶²), и что ея грязные притоны отвергли одинъ рѣдкій случай прикрыть добродѣтель отъ гоненія, когда именно добрый Онія былъ взятъ изъ нея и коварно убитъ правителемъ покровительствуемаго ею города ⁴⁶³).

Таковъ-то былъ городъ, въ которомъ на Сингонской улицѣ началъ проповѣдывать Савль. Онъ могъ вступить въ него тѣми воротами, которыя впослѣдствіи назывались «воротами херувима», потому что 27 лѣтъ спустя (въ 70 г. по Р. Хр.) они были украшены коллосальными золочеными орнаментами, которые Титъ взялъ изъ храма іерусалимскаго. Это былъ населенный кварталъ по близости къ сенату, площади и амфитеатру, гдѣ всякій разъ, когда во время своей проповѣди Савль поднималъ глаза къ нижнимъ скаламъ горы Сильпія, онъ встрѣчался съ суровымъ взглядомъ и скалистой короной мрачнаго перевощика ада. Но почва была готова для его проповѣди. Это былъ глубочайшій мракъ предъ разсвѣтомъ. Когда человѣчество падаетъ до безнадѣжнаго скептицизма, помощь Божія часто бываетъ близко. «Среди развращенныхъ и сластолюбивыхъ антиохійцевъ, подавленныхъ горечью жизни и больныхъ отъ грѣха», тамъ во всякомъ случаѣ было много такихъ, которые, отчаявшись во всякомъ благородствѣ и чистотѣ, готовы были съ восторгомъ привѣтствовать проповѣдь всякой новой вѣры, которая бы обѣщала прощеніе за прошлое и облагороживала настоящее. Дѣятельность развивалась и крѣпла, и въ теченіе цѣлаго года апостолы трудились въ братскомъ союзѣ и при постоянномъ взаимномъ ободреніи. Успѣхъ ихъ трудовъ въ высшей степени рѣшительно обозначенъ былъ изобрѣтеніемъ новаго слова, которое было предназначено для славнаго безсмертія; въ Антиохіи именно ученики Іисуса въ первый разъ названы были **христіанами**.

Всегда интересно отмѣчать возникновеніе новаго и особенно знаменитаго слова. Не мало было и такихъ словъ, которыя, получивъ общее признаніе, однако же существовали лишь временно. Не такъ было съ словомъ «христіанинъ». Оно отмѣчаетъ рѣшительную эпоху и было скорѣе произведеніемъ общества, чѣмъ какого-либо отдѣльнаго человѣка. Болѣе быть можетъ чѣмъ всякое другое когда либо изобрѣтавшееся слово оно составляетъ, если такъ можно выразиться, порогъ въ потокъ всемірной исторіи; оно означаетъ появленіе истинной вѣры среди языч-

никовъ и отдѣленіе этой вѣры отъ вѣроисповѣданія іудеевъ. Всѣ прежніе вѣка, народы и религіи несутъ ему свою дань. Лежащая въ его основѣ идея есть семитическая и сосредоточиваетъ въ себѣ вѣка ожиданія и пророчества въ исторической личности Того, который былъ помазанъ въ качествѣ пророка, первосвященника и царя для всего человѣчества. Но эта іудейская идея передается греческимъ словомъ, въ знакъ того, что великія религіозныя истины, хранителемъ которыхъ была доселѣ іудейская народность, отселѣ становились общимъ достояніемъ человѣчества и должны были поэтому выражаться на языкѣ, на которомъ заключалась наиболѣе совершенная литература міра и который былъ введенъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ народомъ, игравшимъ наиболѣе блестящую роль въ гражданскихъ лѣтописяхъ прошлаго. И эта греческая передача іудейской идеи была запечатлѣна римскою формой, принявъ латинское окончаніе ⁴⁶⁴), какбы въ предзнаменованіе того, что это новое названіе должно было стать соразмѣрнымъ съ тѣмъ огромнымъ владычествомъ, которое располагало судьбами міра. И если слово это такимъ образомъ было связано съ глубочайшими и величественнѣйшими воспоминаніями прошлаго и настоящаго, то какая чудесная исторія предстояла ему въ будущемъ! Отселѣ оно должно было обозначать особенность, указывать сущность всего, что есть нравственновеликаго и идеальноблагороднѣйшаго въ состояніи человѣчества. Съ того времени, когда ревъ дикихъ звѣрей въ амфитеатрѣ прерывался мужественнымъ заявленіемъ *christianus sum*, «я христіанинъ», — съ тѣхъ поръ какъ мученики, подобно «воинству Сцеволы», укрѣпляли свое мужество этимъ названіемъ въ то самое время, когда, такъ сказать, безъ содроганія купались въ пламенѣющемъ огнѣ, съ этимъ именемъ стала соединяться идея всякаго терпѣнія, всякаго героическаго постоянства, всякаго миссіонерскаго предпріятія, всякаго человѣколюбиваго усилія и всякаго самопожертвованія для общаго блага человѣчества. Какъ мало предполагали тѣ остряки въ Антіохіи, которые впервые напали на это слово, казавшееся имъ наиболѣе удачною кличкою для презрѣнной секты, что отселѣ весь ихъ городъ будетъ особенно знаменитъ вслѣдствіе связанныхъ съ нимъ «христіанскихъ» воспоминаній, что слава Селевка Никатора и Антіоха Епифана померкнетъ предъ славой Игнатія и Златоуста, и что долго спустя послѣ того, какъ могущество императорскихъ легатовъ покрыто уже было прахомъ забвенія, равно какъ и блистательный дворецъ Селевкидовъ, въ которомъ они жили, — міръ съ неустаннымъ интересомъ будетъ останавливаться на всякой подробности изъ жизни безвѣстнаго выходца съ Кипра и немощнаго тарсійца, проповѣди которыхъ возбуждали въ нихъ только остроты и смѣхъ. Еще менѣе имъ конечно могло придти на мысль, что отселѣ все лучшее и величайшее въ искусствѣ, въ литературѣ, въ правительствѣ, въ философіи, въ краснорѣчьи, въ наукѣ, въ колонизаціи, наконецъ даже все, что есть лучшаго, чистѣйшаго и прекраснѣйшаго въ созданіяхъ человѣческихъ, будетъ обозначаться именно тѣмъ названіемъ,

которое предназначалось лишь въ смыслъ дерзкаго издѣвательства. Въ этомъ словѣ заключается тайна мудрости греческой, пылкая ревность латинскихъ отцевъ и краснорѣчіе тѣхъ и другихъ; уединенность отшельниковъ, набожность иноковъ, самоотверженность миссіонеровъ, знаніе ученыхъ, величественные планы государственныхъ мужей, отвага рыцарей, мужество реформаторовъ, любовь филантроповъ, чистота и миръ семействъ, все, что только есть благороднаго и возвышеннаго—все это отъ мрачной бѣдности катакомбъ до великолѣпія соборовъ составляетъ исторію христіанской церкви. И почему же все это заключалось въ этомъ одномъ словѣ? Потому именно, что оно является живымъ свидѣтелемъ того, что вѣра челоѣчества сосредоточивается не въ формулахъ, но въ исторической дѣйствительности, не въ мертвой системѣ, но въ живомъ лицѣ его Господа. Ироническая надпись на крестѣ Иисуса Христа была написана греческими, латинскими и еврейскими буквами, и этотъ крестъ, бывшій орудіемъ позора и муки, сталъ символомъ національной гибели іудея, добровольной преданности грековъ и римлянъ, сладостнѣйшихъ надеждъ и пламенной благодарности цивилизованнаго міра. На легкомысленныхъ улицахъ Антиохіи было изобрѣтено смѣшное и оскорбительное названіе, но вокругъ него навсегда сосредоточилась глубочайшая вѣра и чистѣйшая слава челоѣчества.

Мы высказали предположеніе, что названіе это было дано язычниками и дано болѣе въ насмѣшку. Оно не могло быть дано іудеями, которые предпочитали презрительное названіе «галилеянъ» ⁴⁶⁵⁾ и во всякомъ случаѣ не захотѣли бы осквернять грязью отступничества (вѣдь такъ только они смотрѣли на это) слово, въ которомъ сосредоточивались ихъ наиболѣе лелѣянные надежды. Терминъ этотъ, по всей вѣроятности, не былъ изобрѣтенъ и самими христіанами. Въ новомъ завѣтѣ, какъ извѣстно, онъ встрѣчается трижды: одинъ разъ въ историческихъ замѣчаніяхъ о его происхожденіи и только въ двухъ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ названія употребленнаго врагами. Оно было употреблено Агриппою II при его полунасмѣшливомъ, полулюбезномъ распросѣ ап. Павла ⁴⁶⁶⁾ и оно употреблено ап. Петромъ въ смыслѣ обвинительнаго имени, подъ которымъ собратія подлежали преслѣдованію и порицанію (1 Петр. iv, 16). Но въ теченіе жизни апостоловъ оно повидимому не успѣло сдѣлаться ходячимъ среди самихъ христіанъ ⁴⁶⁷⁾, и они предпочитали неопредѣленные и любящія названія въ родѣ: «братія» (Дѣян. xv, 1; 1 Кор. vii, 12), «ученики» (Дѣян. ix, 26; xi, 29), «вѣрующіе» (Дѣян. v, 14), «святые» (Римл. viii, 27; xv, 25), «церковь Христова» (Ефес. v, 25), «путь Господень» ⁴⁶⁸⁾, «избранные» (2 Тим. ii, 10), «вѣрные» ⁴⁶⁹⁾, которыя получали еще болѣе нѣжности вслѣдствіе любвеобильнаго общенія ихъ между собою во время столь тяжелыхъ испытаній и гоненій. Правда, впоследствии, когда названіе христіанъ пріобрѣло столь сильное обаяніе, что самый звукъ его получилъ особенную силу, императоръ Юліанъ пытался запретить его употребленіе особымъ указомъ ⁴⁷⁰⁾ и хотѣлъ возстановить вмѣсто

него болѣе поворное названіе «назарянъ», которое еще и доселѣ въ ходу на востоцѣ. По одному преданію названіе это было изобрѣтено Еводиємъ, первымъ епископомъ антiохійскимъ, и оно даже принято на соборѣ ⁴⁷¹). Но ошибочность его дѣлается ясною уже изъ того, что до этого времени самое слово «Христосъ» едва начало входить въ употребленіе въ качествѣ собственнаго имени, и то ходячее названіе, которымъ стали обозначать приверженцевъ Иисуса, повидимому возникло вслѣдствіе невѣжества и небрежности язычниковъ, которые, думая, что

Императоръ Юліанъ
(Изъ Visconti).

«Христосъ» есть имя, а не титулъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ухватились за первое выдающееся слово, подъ которымъ стало имъ извѣстно христіанское проповѣдничество ⁴⁷²). Но даже и это слово, благодаря преобладанію римскаго вліянія, часто употреблялось въ испорченной формѣ *chrestiani*, какъ будто бы оно произошло отъ греческаго *chrestos* — *χρηστος* (превосходный), а не отъ *christos* — *χριστος* (помазанный) ⁴⁷³). Последнее названіе, возникшее вслѣдствіе возрѣній и обычаевъ, которые дотолѣ были почти исключительно особен-

ностью іудеевъ, могло казаться мало понятнымъ для греческаго или римскаго слуха. Поэтому можно считать за достовѣрное, что это знаменитѣйшее изъ всѣхъ возвышеннѣйшихъ словъ обязано было своимъ происхожденіемъ остроумію, которымъ славились въ древности антиохійцы, часто изобрѣтавшіе удачныя наименованія ⁴⁷⁴). Но въ какомъ бы смыслѣ ни дано было это названіе, ученики скоро должны были принять столь подходящий для нихъ терминъ. Названіе, данное имъ въ качествѣ насмѣшливаго прозвища, они приняли какъ особое отличіе. Тѣ, кто вполнѣдствіи ликовали отъ презрительныхъ поношеній и ругательствъ, радовались, когда ихъ называли даже *sarmenticiae* и *semaxi* ⁴⁷⁵) (отъ названія тѣхъ столбовъ и кольевъ, къ которымъ ихъ привязывали), конечно не могли стыдиться названія, которое въ дѣйствительности было ихъ броней, ихъ побѣдной колесницей ⁴⁷⁶). Они гордились имъ тѣмъ болѣе, что даже невѣжественное искаженіе его, на которое мы только что указали, заключало въ себѣ знаменательный смыслъ. Если греки и римляне говорили правильно Χριστός—Christus, они высказывали невольное свидѣтельство всеобщему Царю; если они невѣжественно говорили Χρησός — Chrestus, они свидѣтельствовали о безгрѣшномъ Богочеловѣкѣ. Говоря *χριστιανοί*—christiani, они показывали, что новая вѣра исходила отъ божественнаго лица; говоря же *χρηστianoί*—chrestiani, они употребляли слово, которое свидѣтельствовало о любвеобильности и благости ⁴⁷⁷). И кромѣ всего этого для самихъ христіанъ имя это было тѣмъ дороже, что оно постоянно напоминало имъ, что они были также помазанными отъ Бога, были святымъ народомъ, царственнымъ священствомъ, что они имѣли помазаніе отъ Св. Духа, который воспомянулъ имъ всякую истину ⁴⁷⁸).

Названіе это отмѣчаетъ въ высшей степени важный шагъ въ развитіи христіанства. Доселѣ на христіанъ смотрѣли какъ на темныхъ сектантовъ въ іудействѣ. Греки при своей легкомысленности, римляне при своей поверхностной презрительности ко всѣмъ «ненавистнымъ» и «иноземнымъ суевѣріямъ», никогда не давали себѣ труда разувать, было ли какое нибудь различіе между іудеями и христіанами, и огуломъ приписывали всѣ внутреннія неурядицы, которыя то и дѣло нарушали миръ среди этихъ ненавистныхъ имъ фанатиковъ, подстрекательствамъ какой-то неизвѣстной личности по имени Chrestus ⁴⁷⁹). Между тѣмъ въ Антиохіи, третьемъ городѣ въ имперіи, народъ видѣлъ, что между двумя этими вѣрованіями было непримиримое различіе, и это онъ выразилъ уже тѣмъ самымъ, что далъ христіанамъ особое названіе, которое и стало навсегда печатью, обозначавшею самую сущность ихъ вѣры и отдѣлявшей ихъ отъ религіи, въ которой они были рождены и воспитаны.

Появленіе такого названія ясно обозначаетъ успѣхъ, которымъ сопровождалось миссіонерское дѣло этихъ первыхъ благовѣстниковъ. Они трудились очевидно на почвѣ, которая обѣщала принести обильный плодъ. Съ какимъ порывомъ радости должны были болѣе благоразумные даже изъ іудеевъ пріивѣтство-

вать проповѣдь евангелія, которое выводило ихъ изъ положенія ненавистной колоніи, живущей въ смертельной враждѣ съ окружающими ихъ язычниками? Съ какимъ пыломъ и язычникъ, сердце котораго было тронуто и глаза котораго были открыты, долженъ былъ восторгаться божественнымъ озареніемъ и безграничнымъ упованіемъ? Какимъ блаженствомъ должно было трепетать его сердце отъ тѣхъ чувствованій, которыя были слѣдствіемъ изліянія Св. Духа и которыми сопровождалась благодать крещенія? Почувствовавъ новую жизнь, начинавшую струиться въ его иссохшихъ костяхъ, съ какимъ омерзеніемъ онъ долженъ былъ отвернуться отъ своего прежняго «я» и съ какимъ глубокимъ рвеніемъ бросить отравленные грозды язычества, чтобы собирать благодатные плоды, растущіе на древѣ жизни въ раю Божіемъ! Какой трепеть, однимъ словомъ, испытывало его сердце, какой восторгъ чувствовала его душа отъ такихъ возвышенныхъ словъ: «и такими были нѣкоторые изъ васъ, но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего» ⁴⁸⁰).

Голова Юліана
(увеличена съ монеты въ Британскомъ музеѣ).

Видъ рѣки Оронта.

ГЛАВА XVII.

МУЧЕНИЧЕСТВО И ВОЗМЕЗДІЕ.

Слово же Божіе росло и распространялось.
Дѣян. хп, 24.

ТАКЪ росла и увеличивалась церковь Христова въ Антиохіи. Въ теченіе цѣлаго года (и это навѣрно былъ счастливѣйшій годъ въ жизни Савла) онъ трудился здѣсь съ своимъ возлюбленнымъ сотоварищемъ. Спокойный и примирительный тактъ Варнавы былъ вдохновляемъ ревностью Савла. Каждый изъ нихъ употреблялъ всѣ свои дарованія для того, чтобы устранить тысячи препятствій, которыя еще затрудняли свободное теченіе потока благодати Божіей. Очень возможно, что при восторженности столь успѣшнаго служенія Савлъ имѣлъ то восхищенное откровеніе, которое онъ описываетъ въ посланіи къ Коринтянамъ, именно когда онъ былъ восхищенъ въ рай до третьяго неба ⁴⁸¹) и слышалъ неизреченныя слова, которые

нельзя человѣку передать. Это было однимъ изъ тѣхъ восхищенныхъ состояній, которыя сами іудеи считали наивысшею формою откровенія, однимъ изъ тѣхъ моментовъ вдохновенія, въ которыхъ душа, подобно Моисею на Синаѣ, видитъ Бога лицомъ къ лицу и не умираетъ. Апостолу Павлу, какъ нужно имѣть въ виду, для совершенія предстоявшаго ему дѣла, требовались болѣе полное самоотверженіе, болѣе непоколебимая вѣра, болѣе безбоязненное мужество, болѣе свѣтлый взглядъ, болѣе славное торжество надъ несознательными предразсудками, чѣмъ всякому другому когда-либо жившему человѣку. Для него нужны были такіе именно моменты для поддержанія его невыразимыхъ тягостей, для возжиганія вдохновляющаго пламени въ такой жизни. Сіяніе на лицѣ Моисея могло исчезнуть какъ отблескъ съ горнаго пика по заходѣ солнца, но пылъ въ сердцѣ Павла никогда не могъ потухнуть. Невыразимые глаголы могли смолкнуть въ его душѣ, но ничто впослѣдствіи не могло изгладить того впечатлѣнія, которое произведено было этимъ вѣчнымъ откровеніемъ. Среди бурь и невзгодъ, среди борьбы и дѣятельности, даже въ тѣ моменты, когда гнила всякая земная надежда, голосъ Божій несомнѣнно все еще раздавался въ его сердцѣ, видѣніе Божіе все еще ярко рисовалось предъ его духовными очами.

Изъ времени этой дѣятельности сообщается только объ одномъ случаѣ, именно о посѣщеніи нѣкоторыхъ собратій изъ Іерусалима, изъ которыхъ одинъ, по имени Агавъ, предсказалъ о скоромъ наступленіи общаго голода. Предостереженіе это было не напрасно. Оно оживило чувство взаимности среди христіанъ въ Антіохіи и дало возможность первымъ изъ языческихъ церквей выразить свое почтеніе по отношенію къ достопочтимымъ собратіямъ, терпѣвшимъ нужду въ церкви іерусалимской, тѣмъ именно, которые «видѣли и слышали, осязали руками своими Слово жизни» (1 Іоан. 1, 1). Обитавшимъ въ Іудеѣ собратіямъ было сдѣлано приношеніе. Жители этой страны и особенно святаго города во всѣ времена, какъ даже и въ настоящее время, обыкновенно рассчитывали на *халуку* ⁴⁸²) или милостыню, которая и теперь охотно дается имъ по ихъ бѣдности іудеями, живущими въ другихъ странахъ. Огромныя суммы, собираемыя въ видѣ храмовой подати, стекались въ переполненные сундуки *Бени Ханана*, какъ это бываетъ и теперь. Отдѣльными ручейками они обыкновенно утекаютъ и въ сундуки старѣйшинъ разныхъ *ашкеназимовъ* и *аншегитовъ*. Но конечно нельзя было надѣяться на то, чтобы изъ этихъ сокровищъ могла перепастъ нѣкоторая часть на облегченіе голода страждущихъ учениковъ. Священники, которые морили голодомъ своихъ ближайшихъ сослужителей и помощниковъ ⁴⁸³), едва ли склонны были оказывать помощь своимъ бѣдствующимъ противникамъ. И вотъ язычники, которые пользовались духовнымъ благодѣяніемъ отъ іудейскихъ христіанъ, съ радостью вознаградили ихъ за это сборомъ милостыни на удовлетвореніе ихъ земныхъ нуждъ (Римл. xv, 26, 27). Собранныя такимъ образомъ суммы были ввѣрены церковью Варнавѣ и Савлу для доставки по назначенію.

Въ точности нельзя опредѣлить, въ которомъ собственно мѣсяцѣ эти посланные прибыли на помощь къ своимъ голодающимъ собратіямъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это было въ 44 году. По своемъ прибытіи они нашли, что церковь находилась въ крайнемъ бѣдствіи отъ воздвигнутаго на нее новаго гоненія. Очень возможно, что свирѣпое гонительство еще разъ разсѣяло главныхъ апостоловъ, такъ какъ намъ ничего не сообщается о сношеніи съ ними посланныхъ представителей церкви антиохійской. Даже прямо говорится, что милостыня была вручена не апостоламъ, а старѣйпинамъ. Правда, что подъ именемъ старѣйшинъ могли подразумѣваться и апостолы. Но быстрый и чисто экономическій характеръ этого посѣщенія и совершенное молчаніе о дальнѣйшихъ подробностяхъ скорѣе повидимому подтверждаютъ первое предположеніе.

Церковь антиохійская была не единственной благотворительницей и помощницей бѣдствующимъ христіанамъ Іерусалима. Если юныя церкви помогали своимъ христіанскимъ братіямъ, то іудеи нашли себѣ благотворителей въ лицѣ членовъ одного замѣчательнаго дома, именно царской семьи адіавенской, исторія которой въ это время связывается съ исторіей Іудеи и проливаетъ знаменательный свѣтъ на раннія лѣтописи христіанства.

Адіавена, нѣкогда провинція Ассиріи, теперь составляетъ часть новѣйшаго Курдистана. Монобазъ, царь этой области, женился на своей сестрѣ Еленѣ и отъ этого брака имѣлъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Изатъ, былъ любимцемъ своихъ родителей ⁴⁸⁴). Чтобы спасти его отъ зависти другихъ его братьевъ, царь и царица послали его ко двору Авеннерига, царя Харакса-Спазинскаго, который выдалъ за него свою дочь. Въ то время какъ онъ жилъ въ этомъ какбы почетномъ изгнаніи, одинъ іудейскій купецъ, по имени Ананія, сумѣлъ найти доступъ въ гаремъ Авеннерига и обратился въ іудейскую вѣру нѣкоторыхъ изъ его женъ. Этимъ путемъ онъ познакомился съ Изатомъ, котораго онъ также сдѣлалъ прозелитомъ. Отецъ предъ своею смертію вспомнилъ объ Изатѣ и предоставилъ ему княжество Харрское; а когда Монобазъ умеръ, то Елена собрала представителей и именитыхъ людей Адіавены и сообщила имъ, что Изатъ назначается наслѣдникомъ престола. Сатрапы приняли это рѣшеніе, но посовѣтывали ей назначить своего старшаго сына Монобаза временнымъ правителемъ до прибытія его брата, а другихъ братьевъ заключить въ оковы, чтобы потомъ подвергнуть ихъ избіенію, согласно съ принятымъ обычаемъ древняго деспотическаго востока ⁴⁸⁵). Изатъ однако же по своемъ прибытіи былъ радостно привѣтствованъ и признанъ своимъ старшимъ братомъ, и самъ освободилъ всѣхъ своихъ остальныхъ братьевъ, хотя и отправилъ ихъ въ Римъ и къ другимъ сосѣднимъ дворамъ въ качествѣ заложниковъ. Впослѣдствіи мы изложимъ тѣ замѣчательныя обстоятельства, которыя привели его къ принятію обрѣзанія ⁴⁸⁶); теперь же только упомянемъ, что его царствованіе было продолжительно и успѣшно и ему удалось оказать столь важныя услуги Артабану, 19-му члену дома Арсакидовъ, что онъ полу-

чиль отъ него царство Низибійское вмѣстѣ съ правомъ носить его тиару съ поднятою вверхъ острокопечностью и спать на золотой кровати, что считалось особеннымъ преимуществомъ царей персидскихъ. Но даже и раньше этихъ событій Елена была такъ поражена успѣхами и благочестіемъ своего сына, что сама приняла іудейство и въ это самое время жила въ Іерусалимѣ. Будучи необыкновенно богата и глубоко благоговѣя предъ іудейскими учрежденіями, она приняла дѣятельныя мѣры для облегченія бѣдствій голода, и привозомъ большого количества хлѣба изъ Александріи и сушеныхъ смоквъ съ Кипра она успѣла многихъ спасти отъ голодной смерти. Ея царственная щедрость находила большую поддержку въ пожертвованіяхъ Изаата ⁴⁸⁷⁾, приношеніями котораго іудеи пользовались и долго спустя послѣ прибытія Савла и Варнавы съ милостыней, привезенной ими изъ Антіохіи для своихъ страждущихъ собратій.

Монета Артабана

Они прибыли очевидно незадолго до пасхи или около половины марта, потому что св. Лука относитъ ихъ посѣщеніе ко времени Иродова гоненія, которое началось какъ разъ предъ этимъ великимъ праздникомъ и приняло бы особенно жестокий характеръ, если бы не было отвращено божественнымъ провидѣніемъ какъ разъ послѣ него. Да и помимо этого можно съ вѣроятностью полагать, что апостолы рассчитывали прибыть именно къ празднику какъ изъ естественнаго желанія присутствовать при этомъ великомъ годичномъ торжествѣ, такъ и потому, что въ это именно время бывало большое стеченіе поклонниковъ, и потому помощь ихъ могла быть особенно благовременною и необходимою.

Они прибыли слѣдовательно въ періодъ крайней опасности для маленькой церкви іерусалимской, которая доселѣ въ теченіе пяти лѣтъ наслаждалась ненарушимымъ миромъ ⁴⁸⁸⁾.

Иродъ Агриппа I, о которомъ мы уже упоминали, былъ однимъ изъ тѣхъ своеобразныхъ характеровъ, въ которыхъ внѣшнее благочестіе уживается съ нравственною распущенностью. Въ другомъ своемъ сочиненіи мы рассказали странную исторію о той роли, которую въ одинъ замѣчательный день ему пришлось играть въ римской исторіи ⁴⁸⁹⁾, а также о томъ, какъ его изворотливая рѣчь и рѣшимость спасли Римъ отъ революціи и поставили страннаго чудака Клавдія на престолъ его племянника. Клавдій, который при всей своей педантической и чисто женской эксцентричности не былъ лишенъ извѣстной доброты и прямоты, не отказался признать, что онъ обязанъ былъ этому іудейскому князю своей жизнью и своей имперіей. Вслѣдствіе этого вѣроятно, или по крайней мѣрѣ благодаря отчасти вліянію Агриппы, онъ вскорѣ, по восшествіи своемъ на престолъ, отменилъ законъ «о нечестіи», на которомъ особенно настаивалъ Кай ⁴⁹⁰⁾ и кото-

рымъ налагались самыя жестокія наказанія за всякое уклоненіе отъ боготворенія императора. Но дальнѣйшее расширеніе власти Агриппы повлекло за собою бѣдственныя послѣдствія для церкви Христовой. Іудеямъ исполнѣ были возвращены всѣ ихъ привилегіи, которыми они когда-либо пользовались, и Агриппа отплылъ въ Палестину, исполнѣ заручившись императорскою благосклонностью и великолѣпными прирѣзками—въ видѣ Іудеи и Самаріи, Авилинеи и округа Ливанскаго ⁴⁹¹⁾ къ Трахонитской тетрархіи Ирода Филиппа, которую онъ получилъ при восшествіи на престолъ Кая ⁴⁹²⁾.

Понятно, что князь асмонейской крови ⁴⁹³⁾, обладая теперь столь же обширнымъ владѣніемъ, какъ и владѣніе его дѣда Ирода Великаго, долженъ былъ попытаться пріобрѣсти любовь народа, управлять которымъ онъ былъ посланъ. Помимо тонкой политики, вынуждавшей поступать такъ, чтобы въ одно и тоже время нравиться іудеямъ и льстить римлянамъ, наслаждаться жизнью среди языческой роскоши и въ тоже время поддерживать репутацію набожнаго фари́сея, — Агриппа повидимому былъ искрененъ въ своемъ желаніи по крайней мѣрѣ въ Іерусалимѣ быть точнымъ блюстителемъ Моисеева закона. Св. Лука даже въ своихъ краткихъ и какбы случайныхъ намекахъ на него обнаруживаетъ замѣчательную вѣрность историческимъ фактамъ, когда именно представляетъ его намъ съ этихъ двухъ сторонъ. Осуществляя свою политику, Агриппа старательно заискивалъ у іудеевъ и особенно у фари́сеевъ. Онъ не упускалъ ничего такого, что могло бы пріобрѣсть ему ихъ довѣріе или польстить ихъ гордости; да и его жена Кипра ⁴⁹⁴⁾ повидимому также была привязана къ этой партіи, какъ и ея родственница Саломія, сестра Ирода Великаго ⁴⁹⁵⁾.

Ясно, что такой царь,—царь, желавшій поджигать чувство національности въ іудеяхъ ⁴⁹⁶⁾, удовлетворялъ саддукеевъ, находитъ поддержку у фари́сеевъ и быть популярнымъ въ толгѣ,—едва поселился въ Іерусалимѣ, который былъ обычнымъ мѣстомъ его пребыванія ⁴⁹⁷⁾, какъ уже долженъ былъ слышаться множества жалобъ на христіанъ. Въ это время они сдѣлались одинаково ненавистны всѣмъ классамъ іудеевъ, такъ какъ считались не только изувѣрами, но и богоотступниками, отвергавшими завѣтъ, заключенный Богомъ съ ихъ предками. Истребленіе христіанъ, поэтому естественно могло мелькнуть въ головѣ Агриппы, было бы лучшимъ и самымъ дешевымъ способомъ пріобрѣсть себѣ общую популярность. И вотъ въ самое время посѣщенія Іерусалима двумя апостолами на праздникъ пасхи въ качествѣ уполномоченныхъ отъ Антиохіи онъ именно и «поднялъ руки на нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ къ церкви, чтобы сдѣлать имъ зло; и убилъ Іакова, брата Іоаннова, мечемъ; видя же, что это пріятно іудеямъ, вслѣдъ затѣмъ взялъ и Петра» (Дѣян. хп, 1—3). Такимъ образомъ одной чертой св. Лука отмѣчаетъ главную суть политики Агриппы, беззащѣнно стремившагося къ той популярности, которую легко можно было пріобрѣсти потворствомъ іудейскимъ предрасудкамъ. Въ первосвященникахъ этого времени онъ могъ найти охотныхъ

помощниковъ. Первосвященникомъ тогда былъ вѣроятно Еліенай, котораго Іосифъ Флавій называетъ сыномъ Кантеры, но котораго талмудъ называетъ сыномъ Каіафы ⁴⁹⁸). Если такъ, то онъ навѣрно былъ одушевленъ наслѣдственною ненавистью къ послѣдователямъ Христа и былъ готовымъ орудіемъ въ рукахъ Ирода. При полномъ согласіи такихъ союзниковъ и при неограниченности власти, которою обладалъ Агриппа, «назарянамъ» легко было нанести смертельный ударъ. Теперь жертвою былъ выбранъ уже не смѣлый еллинистъ, не одушевленный против-

Императоръ Клавдій.

никъ іудейской исключительности. Ап. Іаковъ, какъ старшій братъ возлюбленнаго ученика, быть можетъ какъ родственникъ самого Христа, какъ одинъ изъ первѣйшихъ среди возлюбленнѣйшихъ апостоловъ, какъ одинъ не только изъ двѣнадцати, но изъ трехъ избраннѣйшихъ учениковъ, какъ сынъ отца, очевидно занимавшаго болѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ остальные изъ апостольскаго общества, повидимому занималъ главенствующее положеніе въ христіанской церкви Іерусалима, и на этомъ только основаніи, а не потому, насколько можно

видѣть изъ фактовъ, чтобы онъ имѣлъ что нибудь противъ себя лично, онъ былъ такъ неожиданно схваченъ и замученъ, что не сохранилось ни одной подробности объ обстоятельствахъ его мученической смерти. Два слова ⁴⁹⁹) посвящены лишь разсказу о смерти перваго апостола со стороны историка, который съ такою подробностью повѣствовалъ о мученичествѣ св. Стефана. Дополняя это краткое повѣствованіе, христіанское преданіе свидѣтельствуешь, какъ непреклонность и увѣщанія Іакова обратили самого его обвинителя къ вѣрѣ Христовой, такъ что онъ сдѣлался добровольнымъ участникомъ его смерти ⁵⁰⁰). Но быть можетъ въ этой одинокой и незаписанной кончинѣ «сына Громова» намъ дается нѣкоторое духовное назиданіе. Онъ стоялъ рядомъ съ Іисусомъ у одра дочери Іаировой, на священной горѣ и при мукахъ сада Геесиманскаго; онъ хотѣлъ нѣкогда низвести огонь съ неба на тѣхъ, которые недружелюбно отнеслись къ его Господу; онъ заявлялъ притязаніе на то, чтобы сидѣть по близости къ Его престолу на будущемъ судѣ. И вотъ глубокій урокъ преподавъ намъ въ томъ обстоятельствѣ, что ему пришлось смиренно и безмолвно, въ крайнемъ самоотреченіи, безъ всякаго видимаго утѣшенія, безъ всякаго внѣшняго прославленія, безъ всякой пышности въ обстановкѣ, даже безъ всякаго свидѣтельства о его погребеніи,—погибнуть первымъ изъ вѣрующихъ, изъ тѣхъ немногихъ вѣрующихъ, которые все оставили для того, чтобы слѣдовать за Христомъ, и такимъ образомъ первому осуществить на себѣ то предостерегающее предсказаніе, что онъ долженъ будетъ выпить Его горькую чашу и креститься Его огненнымъ крещеніемъ.

Ап. Іакову суждено было пасть отъ меча мучителя передъ пасхой. Всеобщее одобреніе, заявленное въ отношеніи этого факта со стороны іудеевъ и ставшее еще болѣе замѣтнымъ вслѣдствіе присутствія огромныхъ массъ народа, собравшагося въ Іерусалимъ для празднованія пасхи, подстрекнуло царя (которому не было сладостнѣе благоуханія, чѣмъ голосъ народнаго одобренія) нанести еще болѣе жестокий ударъ христіанамъ арестомъ знаменитѣйшаго изъ апостоловъ. Съ этою цѣлію схваченъ былъ ап. Петръ, но такъ какъ передъ пасхой уже не было времени для окончанія суда надъ нимъ, и іудеи не хотѣли сами причинять ему смерть въ теченіе праздника, то его содержали въ тюрьмѣ до истеченія семи священныхъ дней, чтобы тогда и предать смерти съ возможно большею торжественностью при огромномъ стеченіи народа ⁵⁰¹). День за день апостолъ оставался подъ строгимъ карауломъ, привязанный обѣими руками въ двумъ воинамъ и оберегаемый другими двумя воинами. Видя всю невознаградимость лишенія столь мужественнаго, столь преданнаго, столь одареннаго духовнымъ огнемъ и мудростью апостола, христіане іерусалимскіе изливали свое сердце и душу въ молитвахъ о его избавленіи. И все казалось было тщетно. Наступила послѣдняя ночь праздника; заря слѣдующаго утра должна была возвѣстить Петру о предстоявшихъ ему попыткахъ на судѣ и о вѣрной смерти. Казалось, пришелъ уже день, когда, какъ предсказывалъ ему Спаситель, другой опояшетъ его

и поведетъ его, куда онъ не хочетъ. Но въ этой послѣдней крайности Богъ не оставилъ своего апостола и свою церковь. Въ самую послѣднюю ночь божественнымъ заступничествомъ, столь внезапнымъ, таинственнымъ и поразительнымъ, что самому Петру, когда онъ вполне удостовѣрился въ своемъ спасеніи, оно казалось какбы видѣніемъ (Дѣян. хп, 9), великій апостолъ былъ избавленъ отъ своихъ гонителей. Кратко рассказавъ объ обстоятельствахъ своего избавленія собратіямъ, собравшимся въ домѣ Маріи, матери Іоанна Марка евангелиста, онъ поручилъ имъ передать тоже самое извѣстіе Іакову, брату Господню, и другимъ христіанамъ, которые не присутствовали здѣсь, и удалился на нѣкоторое время въ безопасное уединеніе, между тѣмъ какъ Ироду оставалось изливать свое безсильное мщеніе на неповинномъ отрядѣ воиновъ.

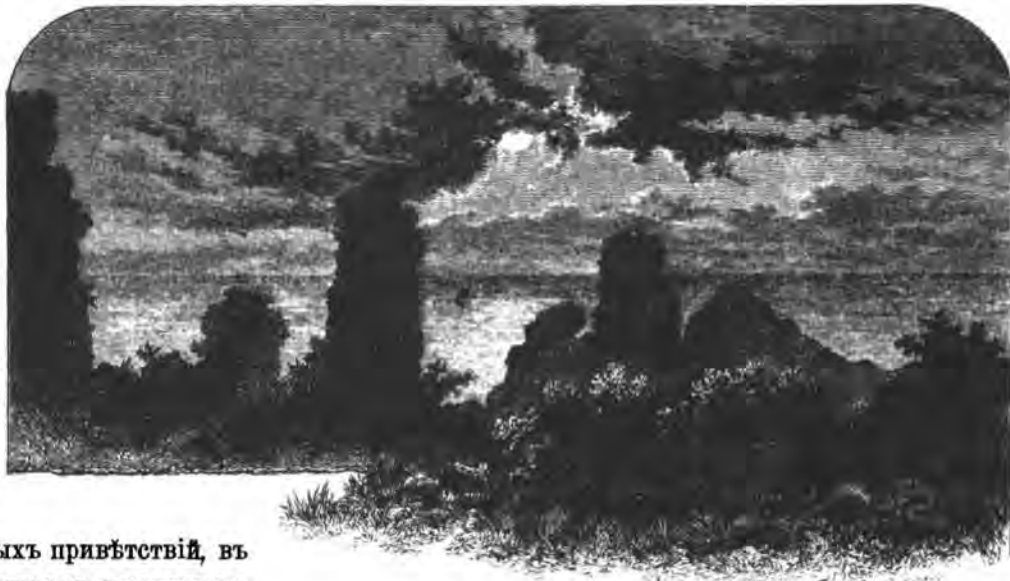
Но кровь мученичества готовила возмездіе на головы тѣхъ, которые ее проливали. Мы видѣли Агриппу въ высокомѣрной полнотѣ своей тиранніи. Но вскорѣ затѣмъ мы видимъ его въ страшныхъ мукахъ своей кончины. Въ началѣ апрѣля 44 года онъ казнилъ Іакова и арестовалъ Петра. Но вѣроятно въ томъ же самомъ мѣсяцѣ окончился короткій и преступный блескъ его царствованія и онъ неожиданно подрѣзанъ былъ такъ сказать въ самомъ разцвѣтѣ своей жизни.

При своей извортливости и космополитичности, какъ и прилично искателю приключеній, испытавшему въ юношествѣ и въ зрѣломъ возрастѣ всевозможныя превратности судьбы, Агриппа могъ изображать изъ себя язычника въ Кесаріи съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ изображалъ изъ себя фарисея въ Іерусалимѣ. Обычная клика раввиновъ и іерарховъ смотрѣла сквозъ пальцы на эту сторону его жизни и умѣла въ своемъ воображеніи различать Ирода, приносившаго всеожженіе въ храмъ, отъ Ирода, сидѣвшаго въ амфитеатрѣ въ Беритѣ; Ирода, плакавшагося въ храмъ во время пасхи на то, что онъ не чистокровный іудей, отъ Ирода, который присутствовалъ на языческихъ зрѣлищахъ во время кесарскихъ юбилеевъ ⁵⁰²). Только одинъ смѣлый фарисей, Симонъ по имени, отважился на нѣкоторое время мужественно выразить свое особое мнѣніе въ этомъ отношеніи. Во время отсутствія Агриппы изъ Іерусалима онъ созвалъ собраніе и объявилъ, что дѣйствія царя настолько незаконны, что на этомъ основаніи, равно какъ и на основаніи его идумейскаго происхожденія, его должно отлучить отъ храма. Такъ какъ въ планы Агриппы не входило порывать отношенія съ фарисеями, то онъ просто послалъ взять этого Симона въ Кесарію, заставилъ его сидѣть съ собою рядомъ въ театрѣ и затѣмъ ласково спросилъ его, видѣлъ ли онъ что нибудь такое, что противорѣчитъ «закону Моисееву». Симонъ дѣйствительно убѣдился (или только хотѣлъ показать, что убѣдился), что тамъ не было никакого открытаго нарушенія Моисеева постановленія, попросилъ прощенія у царя, и потому былъ отпущенъ съ небольшимъ подаркомъ.

Но въ этомъ самомъ театрѣ Агриппа и нашелъ свою кончину. Между Іудеей

и финикійскими городами Тиромъ и Сидономъ возникли важныя недоразумѣнія, и такъ какъ эта прибрежная полоса всецѣло зависѣла въ своемъ существованіи отъ жатвы палестинской, то жителямъ этихъ торговыхъ городовъ было въ высшей степени важно находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ этимъ маленькимъ самодержцемъ (сн. 3 Цар. v, 9; Іезек. xxv, 17; Езд. ii, 7). Тяжелый голодъ, который отозвался на нихъ съ особенною жестокостью, заставилъ ихъ еще болѣе стараться о примиреніи, и посѣщеніе Агриппою Кесаріи по одному торжественному случаю доставило имъ благопріятный для этого случай.

Случаемъ этимъ было извѣстіе, что импер. Клавдій благополучно возвратился изъ своей экспедиціи въ Британію и былъ встрѣченъ въ Римѣ цѣлымъ хоромъ лести-

Развалины Кесаріи.

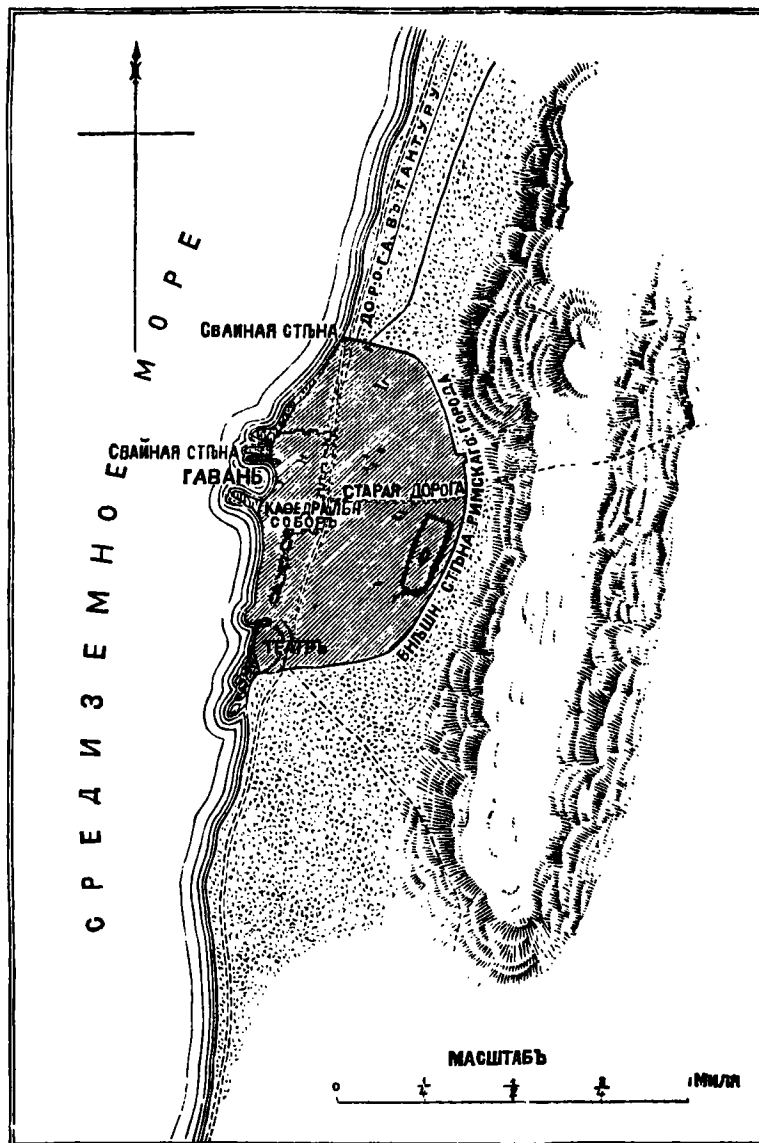
выхъ привѣтствій, въ которомъ своекорыстные областные царьки находили для себя

политичнымъ принимать горячее участіе ⁵⁰³). Агриппа всегда былъ радъ воспользоваться всякимъ случаемъ, который давалъ ему возможность утолить свою страсть къ гладиаторскимъ зрѣлищамъ и къ жестокой пустотѣ римскихъ развлеченій. Вслѣдствіе этого онъ поспѣшилъ въ Кесарію, бывшую тогда римскою столицею Палестины, и приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія для блистательнаго торжества. Въ этотъ городъ прибыли и депутаты отъ Тира и Сидона, позаботившись заручиться однимъ другомъ при дворѣ, въ лицѣ нѣкоего Власта, надзирателя царскихъ спаленъ ⁵⁰⁴). На второе утро праздника, при раннемъ разсвѣтѣ жаркаго дня сирійской весны, Агриппа далъ аудіенцію финикійскому посольству. Это именно было такое время, такое мѣсто и такой случай, при которыхъ онъ былъ радъ развернуть все свое великолѣпіе и свое богатство. Вслѣдствіе этого онъ

вошелъ въ театръ съ своею царскою свитой, въ полномъ одѣяніи шитомъ серебромъ и, сѣвъ на возвышенное мѣсто, обратился къ тирянамъ и сидонянамъ съ изысканною рѣчью. Когда онъ сидѣлъ тамъ, солнце сіяло на его блестящей одеждѣ и облекало его особеннымъ великолѣпіемъ. Театръ былъ переполненъ его креатурами, его подданными, праздной толпой, удовольствія которой онъ доставлялъ щедрою рукой, и народомъ, благосостояніе котораго зависѣло отъ его царскаго благорасположенія. Кое-гдѣ среди толпы стали слышаться голоса, что это говорилъ имъ Богъ ⁵⁰⁵),—Богъ, сіяющее явленіе котораго блистало предъ ихъ глазами. Въ полномъ разцвѣтѣ своей жизни и мужественной красоты, которою отличался его родъ, на вершинѣ своего могущества, въ седьмомъ году своего царствованія, въ полномъ своего богатства ⁵⁰⁶), самодержецъ по своему положенію и еще болѣе самовластный благодаря поддержкѣ со стороны того страннаго существа, котораго его тонкая рѣчь избавила отъ кинжала, чтобы возвести на императорскій тронъ, — окруженный также въ этотъ моментъ льстецами и паразитами и сидя въ срединѣ одного изъ тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми, какъ знали іудеи и язычники, городъ былъ обязанъ архитектурной страсти его рода, слабый умъ Агриппы не выдержалъ этого опьяняющаго куренія. Онъ вообразилъ себя Богомъ, за котораго провозглашалъ его народъ. Почему же и ему не принять также апопееозы, которая такъ подобострастно дѣлалась Калигулѣ или Клавдію? Онъ принялъ богохульственное обоженіе, которое, какъ царь іудейскій, онъ долженъ бы отвергнуть съ ужасомъ и негодованіемъ. Въ этотъ самый моментъ его судьба была рѣшена. Это былъ новый примѣръ той ироніи небесъ, которая часто повидимому ставитъ людей въ особенно пышное положеніе въ тотъ самый моментъ, когда произносится приговоръ, который осуждаетъ ихъ на самое жестокое и ужасное паденіе ⁵⁰⁷).

Совнѣ повидимому не произошло ничего особеннаго. Никакого крика не раздалось въ ухахъ трепещущихъ слушателей. Никакая страшная рука не писала огненныхъ буквъ на стѣнѣ. Св. Лука просто говоритъ, что ангелъ Божій поразилъ Ирода. Иосифъ Флавій приводитъ странный случай, что будто бы на одной изъ веревокъ, протянутыхъ чрезъ театръ, какъ разъ надъ Агриппой сидѣла сова, которую увидѣлъ онъ и призналъ въ ней предзнаменованіе угрожающей ему смерти ⁵⁰⁸). Видѣлъ ли онъ сову или нѣтъ, но онъ былъ увезенъ изъ театра въ свой дворецъ разбитымъ, пораженнымъ рукою Божіею. Пять дней спустя—пять дней внутренней муки и напраснаго отчаянія ⁵⁰⁹) — Агриппа умеръ на 54 году своей жизни и въ 4 году своего царствованія надъ всѣмъ владѣніемъ своего дѣда. И если онъ своими щедрыми благодѣяніями и приобрѣлъ къ себѣ расположеніе іудеевъ, то язычники ненавидѣли его тѣмъ болѣе, что онъ былъ не только іудей, но и отступникъ. Послѣдовательнаго іудея они могли еще терпѣть до нѣкоторой степени, хотя и ненавидя его; но къ этимъ вѣтрянымъ отступникамъ они всегда чувствовали непреодолимое презрѣніе. Иавѣстіе о смерти Агриппы

было принято населеніемъ и особенно солдатами, какъ въ Кесаріи, такъ и въ Севастіи, празднествами, каруселями и всякими видами необузданнаго разгула. Недовольствуясь украшеніемъ себя вѣнками изъ цвѣтовъ и приношеніемъ возліяній

Планъ Кесаріи.

перевозику Стикса, они вытаскивали изъ дворца статуи дочерей Агриппы и подвергали ихъ самымъ поворнымъ издѣвательствамъ. Клавдій, по своей глупой неподвижности, оставилъ это оскорбленіе ненаказаннымъ, и буйные, распущенные

солдаты не мало содѣйствовали тому злу, которое немного лѣтъ спустя разразилось надъ Іудеей бурей огня и меча ⁵¹⁰).

Савлъ и Варнава могли быть личными свидѣтелями этихъ сценъ на своемъ обратномъ пути изъ Іерусалима въ Антиохію. Порядокъ событій въ повѣствованіи св. Луки быть можетъ зависеть отъ представлявшагося удобства послѣдовательнаго разсказа о всемъ томъ, что онъ имѣлъ сказать объ Иродѣ Агриппѣ, и главнымъ образомъ отъ желанія показать, какъ внезапное гоненіе на церковь, повидимому грозившее ей полнымъ истребленіемъ, было остановлено освобожденіемъ Петра и задержано возмездіемъ Божиимъ. Это было бы тѣмъ болѣе естественно если, какъ кажется есть основаніе думать, ужасная смерть Ирода случилась въ томъ самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ пролитіемъ крови невиннаго апостола изъ простой жажды популярности онъ завершилъ свои преступленія ⁵¹¹). Если Савлъ и Варнава были въ Іерусалимѣ во время темничнаго заключенія ап. Петра, то они могли присутствовать и при молитвенномъ собраніи въ домѣ Маріи, матери Марка и родственницы Варнавы. Если такъ, то этимъ сразу же объясняются всѣ тѣ живыя подробности, которыя св. Лука передаетъ касательно событій этого замѣчательнаго времени ⁵¹²).

Монета Ирода Агриппы
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

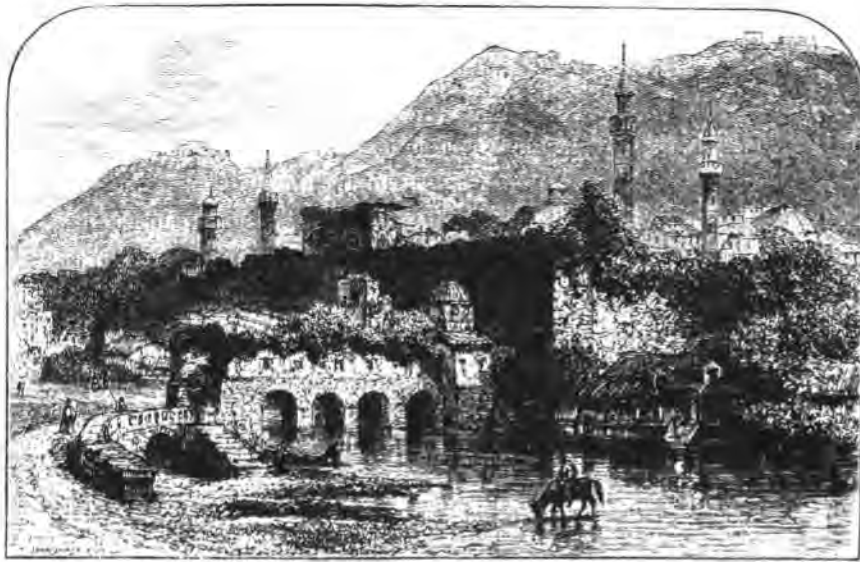
Во всякомъ случаѣ они должны были много разъ слышать толки о смерти Агриппы и признавали въ ней новое доказательство промысла Божія въ мірѣ. Но это для нихъ была основная истина. Ихъ мнимое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ просто вытекало изъ того, что они всецѣло были поглощены другими заботами. Ихъ умы были заняты болѣе важными дѣлами, чѣмъ гордость и паденіе царей, и посѣщеніе ими Іерусалима было лишь простымъ эпизодомъ въ дѣятельности ап. Павла, такъ что въ посланіи къ Галатамъ онъ оставляетъ его почти безъ всякаго упоминанія (Гал. II, 1). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Апостолъ имѣетъ свою цѣль показать самостоятельность своего апостольства. Это второе посѣщеніе Іерусалима поэтому не имѣло никакого отношенія къ тому предмету, которымъ онъ занятъ былъ. Болѣе одиннадцати лѣтъ уже прошло со времени распятія Христа, и очень древнее преданіе говорить, что двѣнадцать лѣтъ (что для іудеевъ могло означать одиннадцать лѣтъ съ небольшимъ) были періодомъ, назначеннымъ Спасителемъ для пребыванія апостоловъ въ святомъ градѣ ⁵¹³). Даже если мы не будемъ придавать особеннаго значенія этому преданію, всетаки достоверно то, что оно близко соотвѣтствуетъ завѣдомымъ фактамъ, и мы поэтому можемъ полагать, что около этого времени апостолы начали разсѣваться въ разныхъ направленіяхъ. Ап. Павелъ проходить молчаніемъ это посѣщеніе съ милостыней или потому, что оно въ такой связи не воспроизвелось въ его памяти, или потому, что упоминаніе о немъ не имѣло никакого отношенія къ его цѣли.

Тѣмъ не менѣе при этомъ посѣщеніи случилось одно обстоятельство, которое повлекло въ будущемъ печальныя послѣдствія для обоихъ апостоловъ. Варнава, какъ мы видѣли, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Іоанну Марку, сыну ⁵¹⁴⁾ той Маріи, въ домѣ которой находилась горница. Поэтому вполне естественно предполагать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Савлъ, въ теченіе своего короткаго пребыванія въ Іерусалимѣ гостили въ домѣ Маріи, и сердце ея сына могло воспламениться огнемъ ревности отъ пылкаго духа его дяди и еще болѣе пламенной ревности его великаго сотоварища. Опасность дальнѣйшаго преслѣдованія повидимому миновала. Но Петра, ближайшаго друга и учителя Марка, уже не было больше въ Іерусалимѣ и, не смотря на естественную озабоченность, причиняемую гнетомъ голода, мать-христіанка согласилась разлучиться съ своимъ сыномъ и онъ оставилъ Іерусалимъ въ сообществѣ съ апостоломъ языковъ.

Голова Антіоха Епифана
(увеличена съ монеты въ Британскомъ музеѣ).

Антиохія.

ГЛАВА XVIII.

ІУДЕЙСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО.

Кто разрушает ограду (по мнѣнію раввиновъ—«ограду вокругъ закона»), того ужалитъ змѣй. Екклес. х, 8.

ОГДА Варнава и Савлъ возвратились въ Антиохію, они нашли, что церковь еще ликовала отъ успѣшной дѣятельности. Ей очевидно предназначено было затмить значеніе св. города въ качествѣ центра, какъ оплота вѣры. Въ церкви іерусалимской было много ослабляющихъ обстоятельствъ, которыхъ не было въ Антиохіи. Она подавлялась гнетущей бѣдностью. Она должна была выносить тяжесть первыхъ гоненій. Жребій ея былъ брошенъ въ самое пекло іудейской ненависти, и въ то же время возрѣнія наиболѣе вліятельныхъ предстоятелей въ ней настолько были сродны съ ихъ старымъ іудейскимъ міросозерцаніемъ, что они естественно менѣе чувствовали побужденій къ пріобрѣтенію прозелитовъ среди язычниковъ.

Совершенно иначе было въ Антиохіи. Тамъ предрасудки іудеевъ отличались болѣе крайнимъ характеромъ и притязанія язычниковъ пріобрѣтали болѣе неотразимую важность. Въ Іерусалимѣ христіане вполне зави-

сѣли отъ милости и капризовъ мелочнаго іудейскаго деспота. Въ Антиохіи іудеи принуждены были относиться къ христіанамъ на почвѣ полного равенства подъ безпристрастнымъ началомъ римскаго закона ⁵¹⁵).

Объ устройствѣ первой церкви въ Антиохіи ничего не говорится, но повѣствуется о небольшой группѣ пророковъ и учителей ⁵¹⁶), которые занимали выдающееся положеніе при богослужебныхъ собраніяхъ. Это были Варнава, Сүмеонъ (прозываемый ради отличія *Нинеромъ* и поэтому быть можетъ, подобно Луцію, уроженецъ Киренъ), Манаилъ и Савлъ. О Сүмеонѣ и Луціѣ совершенно ничего неизвѣстно, такъ какъ предположеніе, что Луцій есть одно и то же лицо съ Лукой евангелистомъ слишкомъ безосновательно, чтобы заслуживать опроверженія. О Манаилѣ, или какъ собственно онъ назывался поіудейски—Манаимѣ, сообщается интересное обстоятельство, что онъ былъ молочнымъ братомъ Ирода Антипы. Поэтому высказывалось предположеніе, что онъ могъ быть сыномъ того ессея, который своимъ высокимъ авторитетомъ оказалъ большое вліяніе на Ирода Великаго ⁵¹⁷) и, когда еще Иродъ былъ мальчикомъ, въ школѣ гладилъ его по головѣ и говорилъ, что онъ нѣкогда будетъ царемъ ⁵¹⁸). Если такъ, то Манаилъ былъ однимъ изъ немногихъ раннихъ обращенцевъ, вышедшихъ изъ богатыхъ сословій. Но такъ какъ ничего нельзя привести въ доказательство того, что онъ находился въ такихъ именно отношеніяхъ съ знаменитымъ есеемъ, то въ такомъ случаѣ едва ли онъ и могъ быть его сыномъ ⁵¹⁹).

Въ этотъ именно періодъ особеннаго служенія, сопровождаемаго постомъ, Святый Духъ внушилъ ученикамъ сильное убѣжденіе въ необходимости новой дѣятельности, предстоявшей въ церкви, а также и въ томъ, что этотъ трудъ поручается Варнавѣ и Савлу ⁵²⁰). Подлинное выраженіе, которымъ изложено это божественное внушеніе, повидимому указываетъ на внезапное убѣжденіе, послѣдовавшее за тщательнымъ обсужденіемъ дѣла, а также и на то, что этими пророками и учителями было совершено особое моленіе и особое пощеніе ⁵²¹) для того, чтобы получить руководство въ рѣшеніи вопроса о направленіи того пути, который былъ уже намѣченъ этимъ двумъ апостоламъ.

Ап. Павелъ навѣрно давно уже ожидалъ того дня, въ который Господь найдетъ его готовымъ къ исполненію Его обѣщанія «послать его далеко къ язычникамъ» (Дѣян. ix, 15, 16). Чѣмъ глубже онъ размышлялъ о предсказанной ему миссіи, тѣмъ болѣе сознавалъ, что она предопредѣлена въ совѣтахъ Божіихъ. Язычники поклонялись идоламъ. Но вѣдь тоже самое дѣлали и ихъ собственные отцы, когда они обитали за Евфратомъ. Іудейскіе раввины допускали, что и самъ Авраамъ былъ лишь первымъ изъ прозелитовъ ⁵²²). Если, какъ свидѣтельствовало преданіе, Фарра былъ дѣлательемъ идоловъ и если Авраамъ получилъ первое свое призваніе, какъ сказалъ св. Стефанъ, еще живя въ Урѣ Халдейскомъ, то почему же не считать среди избранниковъ Божіихъ и тысячъ язычниковъ? Развѣ Богъ не отъ одной плоти и крови произвелъ всѣ народы земли? Развѣ престарѣлый

Сүмеонъ не предсказывалъ, что младенецъ Иисусъ будетъ свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ, равно какъ и славой народа своего Израиля? И развѣ среди Его человѣческихъ предковъ не считались Раавъ, блудница іерихонская, и Руевъ, любящая женщина изъ проклятаго рода моавскаго? Развѣ Гадасса (Есеиръ) не была султаншей въ сералѣ Ксеркса? Развѣ самъ Моисей не былъ женатъ на еіоплянкѣ ⁵²³? И среди великихъ ученыхъ позднѣйшихъ временъ развѣ не высказывалось мнѣніе, что Шаммаи былъ потомкомъ Амана амалекитянина ⁵²⁴? Затѣмъ, какъ ни необходима была враждебность къ смѣшаннымъ бракамъ и ко всякому другому близкому общенію съ язычниками въ преобразовательный періодъ Еадры и Нееміи, всетаки развѣ Софонія не возвѣщалъ голосомъ пророчества, что всѣ люди будутъ поклоняться Іеговѣ «каждый съ своего мѣста, всѣ острова народовъ» (Соф. II, 11)? Мало того, развѣ не заключается въ обѣтованіи Аврааму, что «въ немъ благословятся всѣ народы земли» (Быт. XII, 3; Гал. III, 14), болѣе глубокаго значенія, чѣмъ какое допускалось въ обычномъ толкованіи? Развѣ пророчество, что «всѣ концы земли увидятъ спасеніе нашего Бога» (Ис. XL, 10), означаетъ лишь то, что увидятъ его всѣ за исключеніемъ чужеземцевъ, какъ обреченныхъ на гибель? Если язычники должны придти къ свѣту Сіона и царь — къ восходящему сіянію надъ нимъ, если острова должны были ожидать Бога, равно какъ и корабли еарсійскіе (Ис. LX, 3, 9), то развѣ это означало лишь то, что народы эти будутъ лишь отдаленными и терпимыми слугами, допускаемыми только къ внѣшнему ученію и менѣе возвышеннымъ благословеніямъ и терпимы только какъ сомнительные поклонники на внѣшнихъ дворахъ храмовъ? Не будетъ ли такое благословеніе для нихъ похожимъ на благословеніе Исава (что было почти въ родѣ проклятія), что обитаніе ихъ будетъ отъ тука земли и отъ росы небесной свыше ⁵²⁵? Наконецъ, если такія основанія были неубѣдительны, а если даже и убѣдительны, то всетаки недостаточны для того, чтобы сломить оплотъ предубѣжденій, который былъ болѣе непреодолимымъ препятствіемъ, чѣмъ средостѣніе раздѣленія,—то была ли нужда еще въ какихъ нибудь доводахъ, когда они такъ недавно слышали *заповѣдь* своего Господа, чтобы они *шли во весь міръ проповѣдывать евангеліе всей твари* (Марк. XVI, 15) и предсказаніе, что они будутъ свидѣтелями Христу даже до края земли (Дѣян. I, 8)?

Такими убѣжденіями наверно было наполнено сердце апостола Павла задолго до того, какъ онъ могъ убѣдить другихъ присоединиться къ нему въ осуществленіи ихъ. Постоянный опытъ показываетъ, что сила доводовъ, которые кажется должны бы произвести немедленное дѣйствіе, часто бываетъ недостаточна для приобрѣтенія даже неохотнаго согласія. Но цѣль ап. Павла нашла счастливую поддержку въ открытой искренности Варнавы, въ умственной свѣжести церкви антиохійской и въ необычайномъ дѣйствіи, произведенномъ примѣромъ ап. Петра, который даже церковь іерусалимскую заставилъ примириться съ крещеніемъ сотника Корнилія.

Но и помимо непреодолимаго отвращенія къ язычникамъ, навѣрно существовавшаго въ душахъ іудеевъ и іудейскихъ христіанъ, какъ остатка почти вѣковой нетерпимости, — даже если предположить, что этого отвращенія уже не существовало *внутри* церкви, всетаки попытка склонить къ новой вѣрѣ огромныя противодѣйствующія силы іудейства и язычества *внѣ* ея могла казаться лишь неосуществимымъ мечтаніемъ. Могъ ли кто нибудь, кромѣ тѣхъ, сердца которыхъ пылали ревностью, разрушавшей всякія препятствія, и блистали вѣрой, которою казалось легко было двигать горы, слушать безъ улыбки о томъ предложеніи благовѣствовать міру, которое тогда дѣлалось лишь двумя бѣдными іудеями, — іудеями, которые, какъ іудеи по рожденію, были предметомъ презрѣнія у язычниковъ, и какъ іудеи-отступники отъ того, что казалось самою сущностью іудейства, были предметомъ отвращенія для самихъ іудеевъ? Возможно ли вообразить двухъ проповѣдниковъ, которые могли бы менѣе разсчитывать на успѣхъ своей проповѣди «сначала іудею, потомъ еллина»? И если для принятія такой миссіи требовалось не менѣе какъ религіозный геній и пламенная вѣра Павла, то несомнѣнно только непосредственная помощь Св. Духа могла увѣнчать эту миссію столь величественнымъ и вѣковѣчнымъ успѣхомъ.

Если бы эта миссія даже исключительно предназначалась для іудеевъ, то представляемая ею затрудненія казались бы непреоборимыми. Она должна была потерпѣть полную неудачу, если только іудеи не могъ быть убѣжденъ въ двухъ вещахъ, изъ которыхъ одна была въ высшей степени противна его гордости, а другая въ высшей степени противна его убѣжденіямъ и обѣ крайне чужды его глубочайшимъ предубѣжденіямъ. Дѣлаясь христіаниномъ, онъ былъ бы принужденъ допустить, что всѣ его дѣланнныя мечты о Мессіи были грубо плотскими и ложными и что когда, послѣ двадцативѣковаго ожиданія Его пришествія, Спаситель внезапно пришелъ въ свой храмъ, то іудеи не только отвергли, но даже распяли Его и этимъ довершили вину, которую отцы ихъ навлекли на себя пролитіемъ крови пророковъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ признать, что не только его наслѣдственные обычаи, но даже законъ, страшный огненный законъ, который по его вѣрованію данъ былъ самимъ Богомъ на дымящейся вершинѣ Синаи, долженъ былъ во всемъ, что іудеи считали наиболѣе отличительнымъ въ немъ, уступить мѣсто болѣе возвышенному и болѣе духовному откровенію этого распятаго Мессіи. Наконецъ, онъ безъ ропота не могъ отказаться отъ тѣхъ исключительныхъ преимуществъ, отъ того религіознаго высокомерія, которымъ онъ мстилъ своимъ противникамъ за оскорбленіе себя, считая Бога существомъ, «смотрящимъ на лица», и себя особеннымъ любимцемъ неба.

Но къ ненависти примѣшивался и страхъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ таинственности восточныхъ гаремовъ, въ заднихъ отдѣленіяхъ дворцовъ и теремовъ, въ такихъ безопасныхъ мѣстахъ, какъ гаремъ Авеннерига и пріемный залъ Елены адіавенской, въ палатахъ Маріи пальмирской, Фульвіи жены Сатур-

нина или Поппии въ Золотомъ дворцѣ ⁵²⁶) іудей довольно охотно склонялъ къ своей вѣрѣ вліятельныхъ прозелитовъ, а болѣе умѣренные іудеи довольствовались въ такихъ случаяхъ даже ихъ общимъ сочувствіемъ. Они находили легкимъ для себя поѣхать дома вдовицъ и произносить длинныя молитвы. Но они хорошо сознавали, что всякій дальнѣйшій успѣхъ въ попыткѣ склонить языческихъ прозелитовъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ ихъ религіи повлекъ бы за собою крайнюю опасность для ихъ общины ⁵²⁷) и повелъ бы въ каждомъ городѣ имперіи къ возобновленію такихъ сценъ, свидѣтельницами которыхъ была недавно Александрія. Вѣроятно они остановили бы безтактную ревность со стороны даже самаго правовѣрнаго раввина. Но они наполнялись яростью при видѣ того, что она обнаруживалась человѣкомъ, который, какъ отщепенецъ, возбуждалъ болѣе смертельную ненависть, чѣмъ самый испорченный изъ язычниковъ. Для нихъ Павелъ былъ даже болѣе ненавистенъ, чѣмъ Флаккъ, и Павелъ тѣмъ болѣе былъ ненавистенъ для нихъ, что онъ былъ нѣкогда Савломъ. А чтобы этотъ дерзкій отщепенецъ не только проповѣдывалъ, но проповѣдывалъ язычникамъ, и проповѣдывалъ язычнику ученіе, которое ставило его на одинъ уровень съ іудеями, и еще хуже: ставило его на этотъ уровень безъ принятія съ его стороны обрядовъ, безъ которыхъ іудеи едва ли могъ и считаться іудеями,—эта мысль наполняла ихъ яростью, которая годъ отъ году распалялась все болѣе и болѣе, становясь роковою для жизни ап. Павла, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ была вполне гибельною для его счастья и мира ⁵²⁸).

Но и помимо этихъ препятствій, предполагая даже, что миссіонеры будутъ имѣть успѣхъ въ обращеніи своихъ соотечественниковъ и такимъ образомъ при посредствѣ «пришельцевъ вратъ» будутъ имѣть возможность чрезъ синагогу войти въ первое соприкосновеніе съ языческимъ міромъ, даже и послѣ всего этого не могло ли казаться, что тутъ затрудненія ихъ еще только начинались? Могли ли они питать надежду произвести хотя малѣйшее впечатлѣніе на эту громадную колышавшуюся массу идолопоклонства и растлѣнія? Кое-гдѣ быть можетъ они могли склонить сердце какой нибудь мягкосердечной женщины, смертельно изстрадавшейся отъ жестокости и пошлости, свидѣтельницами которыхъ ей постоянно приходилось быть; кое-гдѣ быть можетъ имъ удастся склонить къ себѣ какого-нибудь раба угнетеннаго, невѣжественнаго, жаждущаго найти убѣжище отъ невыносимыхъ тягостей древняго рабства; но даже если бы они могли питать и такую надежду, то какъ далеко имъ было до обращенія языческаго міра со всей его великолѣпной суетностью и блестящимъ очарованіемъ?

Вѣдь для массы язычниковъ, какъ мы сказали, самая ихъ личность была ненавистною уже потому, что они были іудеи ⁵²⁹). Они не только не могли избѣгнуть этой ненависти, но какъ христіанскіе іудеи должны были вдвойнѣ подвергаться ей. Въ теченіе перваго столѣтія христіанства греки и римляне никогда не задавались мыслію разслѣдовать, не было ли какого нибудь различія

между іудеемъ и христіаниномъ ⁵³⁰). Для нихъ христіанинъ былъ только болѣе опасный, болѣе суевѣрный, болѣе нетерпимый іудей, который къ безумію обыкновенный іудей прибавлялъ еще необъяснимое безуміе боготворенія распятаго злодѣя. Мятежи, которые повлекли за собою изгнаніе іудеевъ изъ Рима, Светоній приписываетъ подстрекательству нѣкаго мятежника, котораго онъ по своему невѣжеству называетъ Chrestus, и воображаетъ Его еще въ живыхъ. Непоколебимость

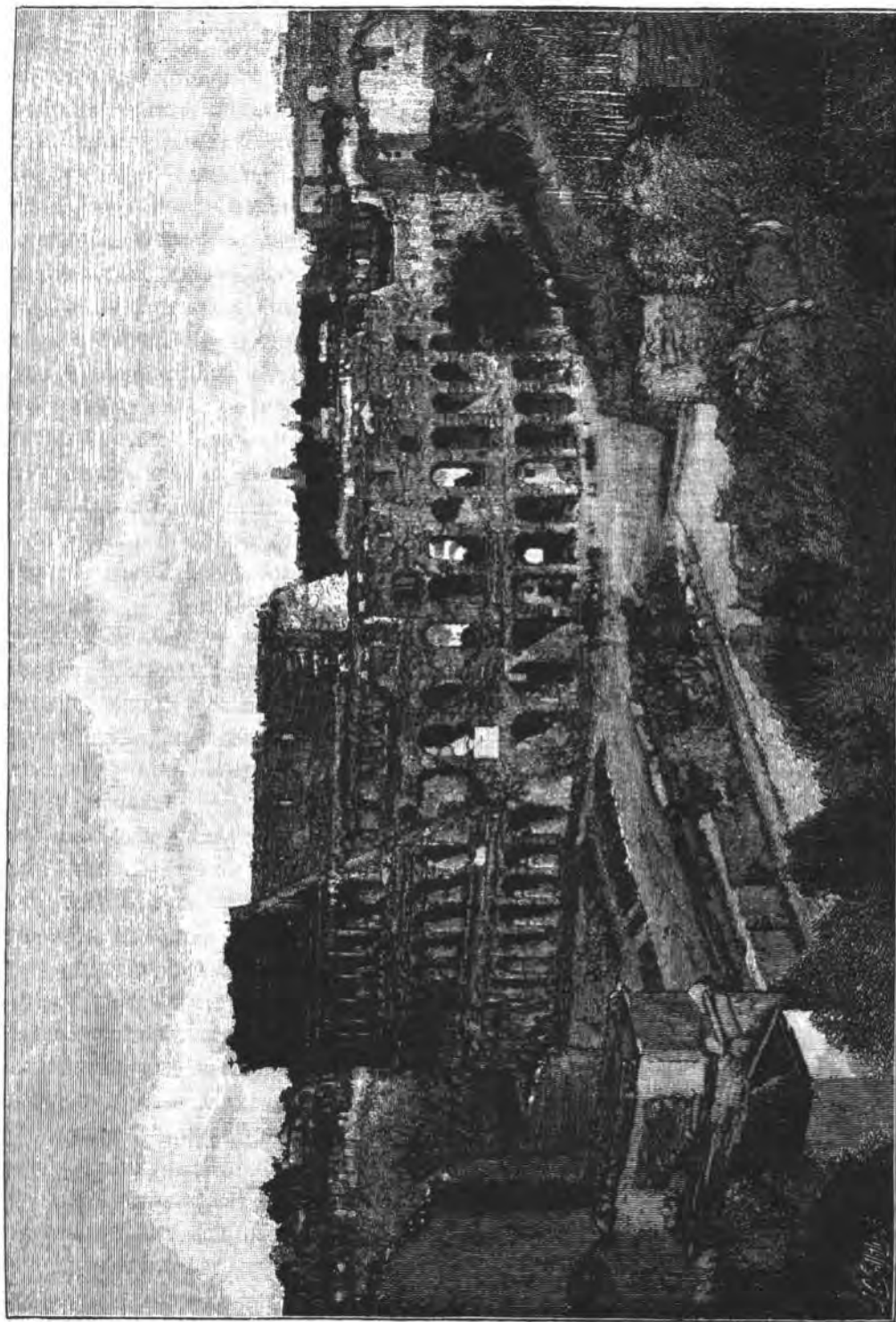

Бюстъ императора Тиверія
(изъ Visconti).

христіанъ во время гоненій возбуждала нѣчто въ родѣ восторженнаго изумленія ⁵³¹). Но даже Плиній могъ назвать христіанство только «безобразнымъ и изувѣрнымъ суевѣріемъ», хотя его откровенное доношеніе о христіанахъ въ Виѣніи отнимаетъ силу у его собственныхъ эпитетовъ; а Тацитъ и Светоній, говоря о христіанствѣ, характеризуютъ его еще болѣе суровыми эпитетами: «убійственнаго», «гибельнаго» и «новаго суевѣрія» ⁵³²).

Языческій міръ, въ который отправлялся апостолъ, какъ «овца среди вол-

ковъ», въ это время находился въ наихудшемъ своемъ состояніи. Западныя страны, къ которымъ направлялся потокъ миссіи, были по преимуществу греческія и римскія; но это были побѣжденная Греція и развращенный Римъ. Это была Греція, которая потеряла свой геній и удерживала свою лживость, и это былъ Римъ, который потерялъ свою простоту и сохранялъ еще свою грубость. Это была Греція въ своей худшей роли обольстительницы и паразита; это былъ Римъ въ эпоху его самаго изысканнаго обжорства и самаго блестящаго тѣна. Сердце Римской имперіи подъ властью кесарей было болотомъ гнющихъ водъ. Римскій цезаризмъ напелъ въ новѣйшее время себѣ защитниковъ и даже Тиверій имѣетъ своихъ панегиристовъ, но никакая защита не заставитъ молчать осуждающую очевидность несомнѣнныхъ фактовъ. Никакая защита не заставитъ смолкнуть страшное обличеніе, которое ап. Павелъ дѣлаетъ обитателямъ императорской столицы ⁵⁸³). Если такъ было съ зеленѣющимъ деревомъ, то что же должно было стать съ сухимъ? Каково же было состояніе волчцовъ, если таково было состояніе могучихъ деревьевъ лѣса? Если св. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ называетъ Римъ блудницею, заставляющею народы пить чашу вина ея блудодѣній, то онъ употребляетъ при этомъ отнюдь не болѣе суровый языкъ, чѣмъ Сенека, который говоритъ о Римѣ, какъ о сточной ямѣ всякой мерзости ⁵⁸⁴), или чѣмъ Ювеналъ, который сравниваетъ его съ грязной водосточной трубой, въ которую стекали омерзительные подонки всякаго ахейскаго и сирійскаго потока ⁵⁸⁵). Подавляемая позоромъ, причиняемымъ ей деспотизмомъ сумасшедшихъ и чудовищъ ⁵⁸⁶); развращаемая распутствомъ сцены и ожесточаемая жестокостями амфитеатра; кипша паразитами, обманщиками, острожниками и распутнѣйшими рабами; не имѣя никакой серьезной религіи, никакого общественнаго воспитанія; устрашаемая наглыми солдатами и обнищавшею чернью—столица міра представляетъ въ этомъ періодѣ картину позора и бѣдствія, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ міра. Но низведенный до отупѣнія кошмаромъ цезаризма римскій міръ искалъ себѣ утѣшенія въ суевѣріи, чувственности и стоицизмѣ. Суевѣріе главнымъ образомъ состояло въ принятіи загадочныхъ системъ жречества, въ возбуждающихъ чувственность обрядахъ, въ ужасныхъ умиловительныхъ жертвахъ, заимствованныхъ изъ разлагающихся мифологій Египта или изъ грубочувственныхъ религій Галатіи и Фригіи ⁵⁸⁷). Все это настолько укоренилось и настолько было опасно для нравственности и порядка, что уже задолго до этого времени сенатъ напрасно пытался запретить обряды, совершаемые въ честь Сабазія, Изиды и Сераписа ⁵⁸⁸). Дребезжанье *sistra* и хриплые голоса безбородыхъ галловъ были знакомы уже каждому римскому городу ⁵⁸⁹). Чувственность сдѣлалась болѣе постыдна и болѣе безстыдна, чѣмъ когда либо въ исторіи. И среди этого поголовнаго развращенія было лишь немного такихъ, которые еще держались добродѣтели и простоты древней семейной жизни и религіи. Стоицизмъ, въ которомъ находили убѣжище болѣе великіе и страждущіе умы того времени — Кремуцій Кордъ,

Колизей въ Римѣ.

Өразея Петъ, Гельвидій Прискъ, Анней Корнута, Мусоній Руфъ, Барея Соранъ—быль благородень и героичень, но жестокъ и неестественъ. Чтобы оцѣнить реакцію болѣе благородныхъ инстинктовъ чловѣка противъ растлѣнія языческой жизни, чтобы составить себѣ понятіе, до какой степени Духъ Божій можетъ содѣйствовать неосознательно ищущимъ его и до какой бездны паденія силы зла могутъ низводить своихъ послушныхъ рабовъ, — должно перейти черезъ пропасть, отдѣляющую Петронія и Аппулея отъ благороднаго достоинства такихъ «по природѣ христіанскихъ душъ», каковы Эпиктетъ и Аврелій. Кто хотѣлъ бы далѣе оцѣнить неоцѣненные заслуги, которыя христіанство можетъ еще оказать даже наиболѣе возвышеннымъ отъ природы душамъ, долженъ сравнить холодъ, мрачность, мучительную напряженность, высокомерную исключительность, надменное отчаяніе стоицизма съ теплотою, огнемъ, сіяющей надеждой, безграничной нѣжностью, свободно-братскою чувствительностью, дѣятельною благотворительностью, безконечно мирнымъ самоудовлетвореніемъ христіанства, какъ оно со всѣми своими сильными и животрепещущими симпатіями проявляется въ посланіяхъ ап. Павла.

И это различіе между стоицизмомъ и христіанствомъ отражается на жизни ихъ послѣдователей. Въ то время какъ послѣдніе истые представители римской государственности и римской доблести считали великимъ дѣломъ держаться поодаль отъ ласкательства, въ которомъ съ беззащитной низостью погрязали всѣ другіе сенаторы,—въ то время какъ они ставились въ образецъ геройства за такіа дѣла, какъ выходъ изъ сената въ тотъ моментъ, когда дѣлалось предложеніе о какой либо болѣе чѣмъ обычной гнусной лести,—въ то время какъ они такимъ образомъ пожирали свои собственныя сердца въ сознаніи бесполезнаго протеста и находили труднымъ охранять даже свои собственныя души отъ «зараженія позоромъ міра»,—два іудея, носившихъ безвѣстное имя, неимѣвшихъ никакого положенія, безъ званія, богатства и вліянія, безъ всякаго литературнаго, политическаго или военнаго генія, безъ всякаго образованія кромѣ такого, которое всякій благородный римлянинъ презиралъ, какъ бесполезное и чудовищное,—но сильные крѣпостью священнаго дѣла и непреодолимые въ ревности сознательнаго вдохновенія, скромно отправились въ первое изъ тѣхъ путешествій, которымъ предстояло обновить міръ. Ихъ выслалъ на него Тотъ, Кто сотворилъ и возлюбилъ міръ, зналъ нужды міра, для спасенія котораго Онъ умеръ, и если Онъ послалъ ихъ безъ всякихъ видимыхъ средствъ для исполненія своего великаго плана, то только потому, что Онъ «избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее,— для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ» (1 Кор. 1, 27, 28, 29).

Какъ ни громадно было такимъ образомъ предстоявшее имъ дѣло, сопря-

женное притомъ повидимому съ непреоборимыми затрудненіями, старѣйшины церкви антиохійской были убѣждены, что Варнава и Савлъ были дѣйствительно избранными Богомъ орудіями для этой миссіи и потому не смѣли долѣе противиться ясному велѣнію воли Божіей. Еще разъ они совершили нарочитое моленіе съ постомъ ⁵⁴⁰), возложили на головы этихъ двухъ великихъ собратьевъ руки посвященія и отправили ихъ въ путь. Уже въ своемъ видѣніи Павелъ былъ предназначенъ быть апостоломъ язычниковъ ⁵⁴¹). Но теперь, послѣ этого торжественнаго посвященія, онъ принимаетъ титулъ апостола въ его болѣе спеціальномъ значеніи (Дѣян. xiv, 4, 14; см. Іоан. xvi, 18; Евр. ii, 1). Въ теченіе нѣкотораго времени, какъ напр. въ своихъ посланіяхъ къ Фессалоникійцамъ, онъ смиренно воздерживается отъ присвоенія себѣ этого титула; но когда имя его поносилось, когда ученіе его отвергалось, когда авторитетъ его подвергался нареканіямъ, онъ не только принималъ его ⁵⁴²), но и настаивалъ на своемъ независимомъ положеніи въ качествѣ учителя и на своемъ правѣ считаться отнюдь не ниже главѣйшихъ изъ двѣнадцати апостоловъ.

Видъ Ларнаки на о. Кипрѣ.

КНИГА VI. ПЕРВОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

ГЛАВА XIX.

КИПРЪ.

Ты скажешь: неужели и Павелъ боялся опасностей? Да, боялся, и даже очень. Хотя и Павелъ, все же человекъ онъ былъ. Но я повтому и удивляюсь ему, что, боясь и даже трепеща опасностей, онъ прошелъ вселенную, повсюду сѣя благовѣстіе. Св. І. Златоустъ.

ОСЛАННЫЕ Духомъ Святымъ», будучи болѣе сознательными орудіями воли Божіей, быть можетъ болѣе, чѣмъ это было раньше или послѣ того, и отправляясь въ путешествіе болѣе великое и важное по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ всякое другое путешествіе когда-либо предпринимавшееся человекомъ, — Савлъ и Варнава, сопровождаемые болѣе юнымъ спутникомъ, Іоанномъ Маркомъ, двинулись въ путь. Какія мысли занимали ихъ умъ, когда они оставляли Антиохію гдѣ они проповѣдывали съ такимъ успѣхомъ? Въ веселомъ и сластолюбивомъ городѣ были десятки тысячъ язычниковъ и тысячи іудеевъ, которые не приняли христіанства; но эти два апостола были призваны на другое дѣло. Они

прошли между театромъ и амфитеатромъ ⁵⁴³), перешли чрезъ главный проспектъ города съ его деревьями, статуями и колоннадами, миновали римскій гарнизонъ охранявшій резиденцію легата Сиріи въ старомъ дворцѣ Селевкидовъ, прошли по мосту чрезъ Оронть и, оставляя рощу Дафна справа на противоположномъ берегу рѣки, пошли среди олендровыхъ и другихъ цвѣтущихъ кустарниковъ, составляющихъ пышную опушку для пурпурныхъ скалъ, по дорогѣ въ Селевкию, отстоявшую на тридцать верстъ отъ Антиохіи. Исторія съ преврѣніемъ изгладила изъ своихъ лѣтописей имена безчисленныхъ царей, которые, во главѣ своихъ армій и со всею пышностью и военнымъ блескомъ отправлялись изъ своихъ столицъ для разоренія или покоренія народовъ; но столѣтія спустя, послѣ того какъ эти завоеватели въ свою очередь были забыты, она все еще сохраняетъ въ благодарной памяти человѣчества имена двухъ бѣдныхъ іудеевъ, которые отправились въ путь лишь съ посохомъ въ рукѣ, не имѣя въ своихъ сумкахъ быть можетъ ничего болѣе, кромѣ немногихъ финиковъ для утоленія голода въ трудномъ пути.

Изъ Антиохіи они могли направиться къ Тарсу. Но ап. Павелъ по всей вѣроятности уже проповѣдывалъ въ своей родной Киликіи ⁵⁴⁴), и такъ какъ Варнава былъ родомъ съ Кипра, то они туда и направили свой путь. Къ западу, именно къ Хиттиму и островамъ язычниковъ, естественно направлялось теченіе миссіи. Всѣ сухопутные тракты болѣе или менѣе были опасны и трудны. Дороги, за немногими исключеніями, были плохи; повозки громоздки и дѣрзкі; разбойники по дорогамъ многочисленны и дерзки. Но благодаря полному подавленію пиратства Помпеемъ, Средиземное море сдѣлалось безопаснымъ и съ развитіемъ мореплаванія оно стало «брачнымъ кольцомъ для народовъ» ⁵⁴⁵). Вдоль восточнаго берега Малой Азіи іудеи давно уже были разсѣяны въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ настоящее время, и если распространенность греческаго языка повсюду облегчала имъ сношеніе съ людьми, то сила римскаго закона, господствовавшего надъ отдаленнѣйшими провинціями имперіи, давала миссіонерамъ полное покровительство и свободу дѣйствій. Въ виду этого они спустились по скалистымъ ступенямъ къ порту Селевкии ⁵⁴⁶) и съ одной изъ его пристаней сѣли на корабль, отправлявшійся на о. Кипръ. И вотъ такимъ образомъ началась «великая христіанская Одиссея» ⁵⁴⁷). Апостольскій корабль поднялъ паруса, подулъ вѣтеръ и на легкихъ крыльяхъ своихъ понесъ евангеліе Христово. Если Римъ вообще имѣлъ много основаній жаловаться на то, что подонки нравственной гнили изъ сирійскаго Оронта сливались въ желтоводный Тибръ, то въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ сирійская рѣка дѣлала вознагражденіе за прошлое, неся на своемъ направлявшемся къ морю потокѣ величайшихъ вѣстниковъ мира и любви.

Плывя на югозападъ по тысячеверстному пространству того синяго моря, по которому одному изъ нихъ суждено было плавать такъ много разъ,—по тому морю, которое четыре раза подвергало его кораблекрушенію на своихъ нелице-

пріятныхъ волнахъ и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ колыхало его въ своей бурной утробѣ; сидя на носовой части и бросая задумчивый взглядъ на холмы, осѣнявшіе мѣсто ихъ будущихъ трудовъ, или оглядываясь назадъ на скалистый съ суровымъ языческимъ изображеніемъ выступъ горы Казія, «на которомъ три столѣтія повдѣе курилась послѣдняя языческая жертва»⁵⁴⁸), они должны были чувствовать глубокое волненіе при мысли, что теперь въ первый разъ вѣра, отъ которой зависѣли надежды міра, отправлялась изъ своей родной Сиріи въ совершенно новыя страны. Ап. Павелъ не зналъ еще, сколько испытаній отъ казующихся неудачъ, сколько ужасныхъ трудностей готовила предстоявшая имъ будущность! Это будущее — та огненная печь, въ которой чистое золото его геройскаго духа должно было очиститься отъ всякой чуждой примѣси—было мило-стиво сокрыто отъ него, хотя въ общихъ очертаніяхъ онъ конечно и могъ кое-что предвидѣть изъ этихъ испытаній. Но если бы онъ предвидѣлъ все ожидавшее его, если бы онъ предвидѣлъ бичеванія, побои, побіеніе камнями, кораблекрушенія (2 Кор. xi, 23—33), непрерывные труды пѣшаго путешествія по невыносимымъ и опаснымъ дорогамъ, опасности отъ разлившихся рѣкъ и бушующихъ потоковъ, опасности отъ горныхъ разбойниковъ, опасности отъ іудеевъ, отъ язычниковъ, отъ ложныхъ христіанъ, опасности въ городѣ, пустынѣ и морѣ, отъ изувѣрной черни, которая почти разорвала его въ куски, томительныя ночи, холодъ, наготу, жажду, голодъ, непрерывную отвѣтственность, хроническую болѣзнь и слабость,—всѣ издѣвательства, всѣ оскорбленія, всѣ взрывы негодованія, которые кляли камни преткновенія на путь слабыхъ⁵⁴⁹), суровое тюремное заключеніе, непрерывную смерть,—все то, что завершилось какбы окончательной неудачей всего дѣла, одиночествомъ, цѣпями, осужденіемъ, мрачной холодной тюрьмой⁵⁵⁰), безвѣстнымъ мученичествомъ,—если бы онъ предвидѣлъ всѣ эти опасности и невзгоды—могли бы онъ вынести все это? Его человѣческій духъ могъ бы ужаснуться предстоявшихъ ему трудовъ и мукъ, вѣроятно болѣе тяжелыхъ, чѣмъ какіе когда либо выпадали на долю человѣка. Мы однако же не сомнѣваемся, что даже и въ этотъ ранній періодъ своей миссіонерской дѣятельности онъ мужественно сказалъ бы: «я не считаю своей жизни дорогой для себя», и вѣра христіанина дала бы ему возможность произнести: «я могу дѣлать все чрезъ Христа, который укрѣпляетъ меня».

Голова Селевка I Сирійскаго
(увелѣчена съ монеты въ Британскомъ музее).

Тѣмъ не менѣе, на всякій чисто человѣческій взглядъ, какъ ап. Павелъ съ физической стороны мало былъ способенъ для столь опаснаго и громаднаго труда, который предстоялъ ему! Сильнѣйшій атлетъ могъ бы содрогнуться при мысли о непрестанномъ трудѣ, безсонныхъ ночахъ, ручной работѣ, умственномъ возбужденіи. Поколебался бы самый могучій ораторъ при мысли, что ему придется стать лицомъ къ лицу съ столь многими враждебными владыками и яростными толпами. Самое возвышенное нравственное мужество могло бы испугаться

Монета Селевка I
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

сплоченнаго противодѣйствія какъ ложныхъ друзей, такъ и яростныхъ враговъ. Апостолъ же Павелъ былъ не Милонъ, не Демосеенъ и не Сципiонъ Африканскій. Онъ былъ физически слабъ и до мучительности чувствителенъ. По внѣшности онъ былъ невзраченъ, рѣчь его неизящна, духъ его часто подавленъ страхомъ. Но надъ слабымъ тѣломъ и боязливой душой господствовалъ столь без-

страшный духъ, что онъ въ теченіе всей своей жизни готовъ былъ смѣло идти на всякое мученіе, стоять противъ черни, обращаться съ рѣчью къ трибуналамъ, и столь же мало трепеталъ предъ гнѣвными тиранами, какъ и предъ бушующими морями. Онъ могъ бы обратиться къ своему немощному тѣлу съ словами, съ которыми обратился одинъ великій герой, вступая въ самую жестокую сѣчу битвы: «а, ты трепещешь! но ты затрепетало бы еще больше, если бы знало, куда я намѣренъ повести тебя сегодня» ⁵⁵¹⁾!

Совмѣстное свидѣтельство преданія и древнѣйшихъ попытокъ изображенія даютъ намъ возможность представить себѣ внѣшній видъ великаго апостола. Одинъ новѣйшій писатель, который не можетъ скрыть своего крайняго отвращенія, примѣшивающагося къ неохотному восторгу, вѣроятно былъ недалекъ отъ истины, назвавъ его «маленькимъ невзрачнымъ іудеемъ» ⁵⁵²⁾. Вотъ предъ вами человѣкъ, внѣшность котораго способна лишь возбудить пренебреженіе. Однако же стоитъ только заговорить съ нимъ, и предубѣжденіе, произведенное его внѣшностью и манерами, мигомъ исчезнетъ. Когда въ моменты вдохновляющаго восторга или тоскующей любви душа просіявала изъ этого блѣднаго немощнаго лица; когда съ зажигающимъ энтузіазмомъ человѣкъ забывалъ о своей внѣшности и своей немощи и раскрывался во всемъ величiи своей героической силы; когда, торжествуя надъ слабостью, онъ поражалъ своихъ враговъ грозными обличеніями или какбы вадымался на крыльяхъ пророчества для того, чтобы вдохнуть отраду и утѣшеніе тѣмъ, которыхъ возлюбилъ онъ, — тогда только можно было видѣть, что это за человѣкъ. Это и есть ап. Павелъ, сидящій, какбы на освѣщенныхъ

солнечнымъ свѣтомъ высотахъ и воспѣвающій славный гимнъ въ честь христіанской любви. Это Павелъ, стоящій лицомъ къ лицу съ Петромъ и оправдывающійся въ своемъ обвиненіи; это Павелъ, предающій сатанѣ дерзкаго преступника въ Коринѣ; это Павелъ съ острою, но деликатною ироніей обличающій вадутыя претензіи мнимой премудрости; это Павелъ, низвергающій на подпольные заговоры іудействующихъ грома своего нравственнаго негодованія; это Павелъ, ослѣпляющій Елиму ужасомъ своего пылкаго укора; это Павелъ, овладѣвающій, такъ сказать, всѣми 270 душами на полуразрушенномъ кораблѣ и простымъ авторитетомъ естественнаго превосходства распоряжающійся сотникомъ и римскими воинами, узникомъ которыхъ онъ былъ; это Павелъ, усмиряющій чернь маніемъ своей руки на ступеняхъ башни Антоніи; это Павелъ, заставляющій трепетать даже Феликса; это Павелъ, высказывающій тономъ равенства высокія любезности правителямъ и царямъ; это Павелъ, «борющійся съ дикими звѣрями» въ Ефесѣ и одинъ выступающій лицомъ къ лицу со львомъ въ Римѣ. Когда вы его видите и слышите, то забываете, что все это сокровище скрывалось въ глиняномъ сосудѣ; изъ жалкаго кувшина сіялъ во тьмѣ скрытый тамъ свѣточъ, который ужасомъ поражалъ враговъ и звѣздой руководящею свѣтилъ для друзей.

Если такимъ образомъ невзрачность, болѣзненность ⁵⁵⁸) и сознание того, что онъ принадлежалъ къ ненавистной сектѣ и проповѣдывалъ презрѣнное безуміе, если все это было ужасно невыгодными для него сторонами, то онъ находили вато болѣе чѣмъ достаточный противовѣсъ въ его несравненныхъ дарованіяхъ. Изъ внѣшнихъ преимуществъ онъ обладалъ основательнымъ знакомствомъ съ умственнымъ сокровищемъ своего народа, хорошимъ знаніемъ греческаго языка, знаніемъ ремесла, которымъ онъ могъ содержать себя, и знакомствомъ

Борьба съ дикими звѣрями
(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музѣ, изъ Весса).

съ правами и обычаями всѣхъ классовъ и народовъ, пріобрѣтеннымъ имъ вслѣдствіе долгаго пребыванія какъ въ іудейскихъ, такъ и въ языческихъ городахъ. Будучи вдовцемъ и бездѣтнымъ, онъ не былъ обремененъ какими-либо семейными связями и могъ нести лишь личную муку, не подвергая ей тѣхъ, которые бы зависѣли отъ него. Наконецъ, обладаніе правами римскаго гражданства, хотя оно и недостаточно было для защиты его отъ областнаго самоуправства и хотя онъ вѣроятно не опирался на него среди своихъ соплеменниковъ, все-таки не разъ могло сослужить ему службу при самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ. Но все это было бы ничто безъ обладанія другими, гораздо болѣе высокими качествами, каковыми именно были: изумительная выносливость, которую не могли истощить никакія испытанія и которая давала возможность физически слабѣйшему изъ апостоловъ⁵⁵⁴) сдѣлаться наиболѣе неутомимымъ и дѣятельнымъ; высокое убѣжденіе, что Богъ призвалъ его къ особому апостольству, чтобы «покорять язычниковъ» вѣрѣ «словомъ и дѣломъ» (Римл. хv, 18); «энтузіазмъ человѣчности», заставлявшій его охотно имѣть общеніе, ради спасенія душъ, съ людьми ли, которые были нѣкогда ворами и пьяницами, или съ кроткими, невинными и нѣжными женщинами (1 Кор. vi, 6—11); деликатность, которая дѣлала его одинаково на мѣстѣ какъ среди рабовъ, такъ и среди царей; сила слога, которая поднималась или понижалась, смотря по обстоятельствамъ, иногда спускаясь до низшей разговорной формы и иногда поднимаясь до вдохновеннѣйшаго краснорѣчія; ясность взгляда, которая всегда имѣла въ виду одну цѣль и для достиженія ея жертвовала всѣмъ другимъ (1 Кор. ix, 19); полная свобода отъ того рабства мелочности, которымъ отличаются мелкія души и благодаря которымъ религія всегда коснѣетъ въ формулѣ или замираетъ въ обрядности; духъ уступчивости, тактъ организаціи, охотность сносить и терпѣть, снисходить и уступать; терпимость къ человѣческимъ предразсудкамъ; довольство, дававшее ему возможность удовлетворяться меньшимъ противъ того, чѣмъ сколько ему надлежало. Но въ душѣ Савла были еще болѣе драгоценныя для дѣла его жизни качества, чѣмъ даже эти. Въ ней онъ пылалъ къ своимъ обращенцамъ нѣжностью, которая заставляетъ его слова иногда звучать такъ, что въ нихъ какбы слышатся приступы рыданія, — особенно когда онъ съ одной стороны думаетъ о ихъ привязанности, а съ другой — о ихъ неблагодарности (1 Тим. ii, 7, 11; Гал. iv, 19; 1 Кор. iv, 15; Фил. 10). Въ немъ была убѣжденность, которая даетъ ему возможность предвосхищать самый приговоръ страшнаго суда (Римл. ii, 16) и заставляетъ его запальчиво восклицать, что даже если бы ангелъ съ неба сталъ проповѣдывать евангеліе отличное отъ его, то и онъ былъ бы обманщикъ (Гал. i, 8). Въ немъ была миссіонерская неусыпность, такъ часто встрѣчаемая въ труженикахъ спасенія, которая влечетъ его изъ города въ городъ, съ одного материка на другой ради дѣла Божія; было пламенное и сильное рвеніе, благодаря которому основывать церкви между язычниками, въ качествѣ перваго вѣстника евангелія мира,

было для него источникомъ высшаго наслажденія въ жизни (Римл. х, 18; ху, 18; Гал. і, 16; 1 Кор. і, 1, ш, 10; іх, 16; 2 Кор. хі, 2); и наконецъ, но быть можетъ важнѣе всего, въ немъ была совершенная вѣра, полнѣйшее самопожертвованіе, самозабвеніе, самоуничженіе, которое заставляло его добровольно, даже съ радостью, приносить въ жертву воаліянія всю свою жизнь, чтобы только переходить изъ города въ городъ въ качествѣ раба и узника за триумфальной колесницей Христовой.

Безконечное личное превосходство ап. Павла почти изгладило воспоминаніе о сотрудникахъ, содѣйствію которыхъ онъ былъ такъ много обязанъ; но мы не должны забывать, что при всѣхъ опасностяхъ его великаго дѣла Варнава всегда былъ рядомъ съ нимъ, руководилъ его своею спокойною мудростью и поддерживалъ его своимъ стойкимъ достоинствомъ. Варнава, другъ его юности, быть можетъ школьный товарищъ по наукѣ, тотъ, кто взялъ его за руку и вывелъ изъ безвѣстнаго уединенія, кто работалъ съ нимъ въ Антиохіи и раздавалъ съ нимъ милостыню въ Іерусалимѣ,—все еще раздѣлялъ его трудности и никогда не завидовалъ и не ропталъ, когда даже видѣлъ, какъ самъ онъ постепенно подчинялся могущественной личности младшаго обращенца. Для насъ Варнава всегда будетъ менѣе видной и памятной личностью, чѣмъ ап. Павелъ; но не будемъ забывать, что до этого времени онъ занималъ болѣе высокое положеніе и оказывалъ болѣе сильное вліяніе на дѣла церкви. Какъ левитъ, какъ проповѣдникъ, какъ человѣкъ, который ради нуждъ общины пожертвовалъ всѣмъ своимъ земнымъ достояніемъ, какъ личность въ высшей степени пользовавшаяся довѣріемъ апостоловъ, Варнава въ эти ранніе дни способенъ былъ придать возрѣніямъ ап. Павла тотъ вѣсъ, который они едва ли могли бы приобрести иначе. Только когда уже началась настоящая дѣятельность, Варнава повидимому естественно снизошелъ въ болѣе подчиненное положеніе. Какъ только они оставили Саламинъ, то измѣнился и самый порядокъ именъ въ повѣствованіи о нихъ. Сергій Павелъ еще посылаетъ за «Варнавой и Савломъ», но именно Савлъ тотчасъ выступаетъ впередъ противъ Елимы; именно «Павелъ съ своими сотоварищами» отплываетъ изъ Пафа въ Пергу; Павелъ отвѣчаетъ на призывъ говорить въ Антиохіи Писидійской; Павелъ подвергается побіенію камнями въ Листрѣ, и вообще отселъ во всей остальной исторіи, кромѣ окружныхъ посланій отъ Іакова и церкви іерусалимской, мы видимъ «Павла и Варнаву» ⁵⁵⁵).

Но мы не должны упускать изъ виду также и младшаго изъ трехъ путешественниковъ, Іоанна, по прозванію Марка, который ходилъ съ ними въ качествѣ ихъ сослужителя, соотвѣтствующаго быть можетъ нашему понятію діакона ⁵⁵⁶). Присутствіе дѣятельнаго послушника, который могъ дѣлать всѣ нужныя приготовленія и распросы, было почти необходимо такому немощному человѣку какъ Павелъ. Если и Варнава, подобно ап. Павлу, съ неохотностью лично совершалъ крещеніе (1 Кор. і, 13—17), то можно предполагать, что между прочимъ въ этомъ помогалъ имъ Маркъ. Важнымъ обстоятельствомъ для ихъ обоихъ было и

то, что Маркъ, какъ завѣдомый другъ и любимецъ ап. Петра, едва ли бы принялъ участіе въ миссіи, если бы она не имѣла полного одобренія его блистательнаго покровителя. Ап. Павелъ несомнѣнно чувствовалъ, что въ этомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ какъ теперь, такъ и въ концѣ своей жизни, Маркъ былъ или могъ быть «полезенъ ему для служенія». Его натура настойчиво требовала утѣшенія въ сотовариществѣ; безъ этого онъ находилъ свое дѣло невыносимымъ и себя жертвою подавляющаго унынія⁵⁵⁷). Принятые имъ начала, его рѣшимость, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не будетъ обременять своихъ обращенцевъ, миссіонерская отвага, приводившая его къ такимъ опасностямъ, противъ которыхъ можетъ выступить только самый мужественный человѣкъ, лишали его того источника женскаго общества — сестры-жены, которымъ пользовались другіе апостолы и которое часто бывало весьма полезно для самыхъ ревностныхъ миссіонеровъ. Но Павелъ былъ миссіонеръ особаго рода, и мы не знаемъ, какъ было раньше, но теперь онъ во всякомъ случаѣ былъ одинокимъ человѣкомъ.

Таковы были трое скромныхъ христіанскихъ миссіонеровъ, корабль которыхъ, направляясь къ югозападу, подплылъ къ горамъ Кипра и, оставляя длинный мысъ Динаретъ справа, вступилъ въ заливъ Саламинскій. Открывшаяся картина навѣрно была очень знакома Варнавѣ. Предъ ними лежалъ цвѣтуцій торговый городъ, извѣстный своимъ храмомъ саламинскаго Юпитера, который преданіе приписывало Тевкеру, сыну Теламона. За храмомъ въ полукругѣ замыкающихъ холмовъ разстиралась богатая равнина, орошаемая обильными потоками Педіея. Мѣсто-

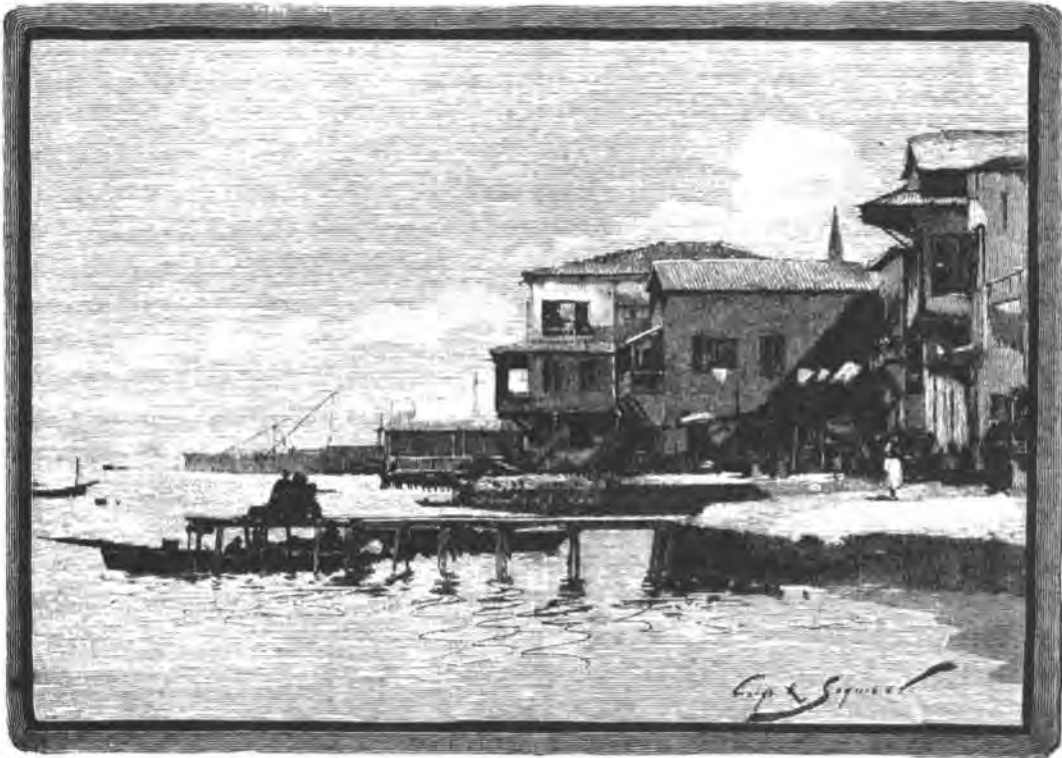

Голова Венеры
(съ павсвой монетой въ Британскомъ музеѣ).

положеніе этого города теперь обозначается немногими развалинами въ семи верстахъ къ сѣверу отъ новѣйшей Фамагосты. Древній городъ никогда не могъ совсѣмъ оправиться отъ страшнаго разгрома, которому онъ подвергся сначала при возстаніи іудеевъ въ царствованіе Траяна, а затѣмъ отъ землетрясенія. Но когда апостолы вступили на берегъ, на одной изъ древнихъ пристаней, развалины которыхъ видны еще и теперь, то это былъ бойкій и важный городъ, и нѣтъ основаній сомнѣваться, что Варнава встрѣтилъ здѣсь многихъ старыхъ знакомыхъ, которые привѣтствовали его на его старой родинѣ. Несомнѣнно также, что тутъ много было и такихъ,

для которыхъ было особенно желательно ихъ посѣщеніе, такъ какъ со времени Стефанова гоненія Кипръ постоянно имѣлъ участіе въ распространеніи христіанства (Дѣян. xxi, 16).

Что Варнава имѣлъ значительный голосъ въ вопросѣ о вознагражденіи такимъ образомъ своего роднаго острова за услугу, оказанную имъ Антиохіи (Дѣян. xi, 20), можно выводить изъ того обстоятельства, что впослѣдствіи, когда онъ разлучился съ Павломъ, онъ вмѣстѣ съ Маркомъ еще разъ избралъ его мѣстомъ своихъ миссіонерскихъ трудовъ. Послѣ этого перваго посѣщенія ап. Павелъ, какъ ни часто онъ бывалъ поблизости его, никогда повидимому не приставалъ къ нему, не желая быть можетъ строить на основаніи другихъ; и ни

Морская пристань въ Ларнакѣ, на о. Кипрѣ.

въ одномъ изъ своихъ посланій онъ не говоритъ ни о Кипрѣ, ни о другихъ кипріотахъ. Заключается или нѣтъ какая нибудь истина въ сказаніи, которое говорить, что Варнава былъ замученъ въ царствованіе Нерона и погребенъ близъ Саламина, но вполне по достоинству ему именно посвящены церковь и лежащій близъ нея гротъ въ этомъ городѣ.

Но помимо тѣхъ удобствъ, которыя заключались въ связяхъ Варнавы съ островомъ, это несомнѣнно было великолѣпное мѣсто въ качествѣ пункта отправленія для благовѣстія міру. Будучи однимъ изъ самыхъ большихъ

острововъ на Средиземномъ морѣ, обладая плодородною почвой, разнообразный въ своемъ физическомъ строеніи и лежа поблизости къ тремъ великимъ материкамъ, онъ самой природой предназначенъ быть удобнымъ центромъ обширной торговли. Торговля естественными произведеніями, главнымъ образомъ металломъ и виномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что императоръ Августъ передалъ мѣдные рудники Ироду Великому, привлекала сюда большое іудейское населеніе. Численность іудеевъ тамъ была такъ велика, что въ царствованіе Траяна (116 г. по Рожд. Христ.) они, подъ предводительствомъ нѣкоего Артемія, возстали противъ туземныхъ жителей и въ страшномъ кровопролитіи избили ихъ до 240,000 человекъ. Возмущеніе было подавлено съ страшною суровостью императоромъ Адріаномъ и послѣ этого времени ни одинъ іудей, подъ страхомъ смерти, не могъ вступать на берегъ Кипра ⁵⁵⁸).

О дѣятельности ап. Павла съ сотрудниками въ Саламинѣ ничего не сообщается кромѣ того, что они «проповѣдывали слово Божіе въ синагогахъ іудейскихъ» ⁵⁵⁹). Изъ этого видно, что Саламинъ былъ однимъ изъ городовъ, гдѣ іудейскій кварталъ былъ достаточно многочисленъ для содержанія нѣсколькихъ синагогъ; а что касается язычниковъ, то если апостолы и входили вообще въ соприкосновеніе съ ними, то вѣроятно только съ прозелитами. Извѣстія объ этой части ихъ путешествія скудны и вообще не дается даже никакого указанія на продолжительность ихъ пребыванія на Кипрѣ. Дѣятельность между язычниками несомнѣнно встрѣчала препятствія въ той апотеозѣ чувственности, которою славился островъ. Соприкосновеніе грековъ съ финикіянами содѣйствовало сліянію между тонкимъ сластолюбіемъ эллинской народности и болѣе пылкою страстностью финикіянь и другихъ народовъ востока; а приморское населеніе, которое приходило на островъ въ столкновеніе со всѣми цивилизованными народами, легко научалось всякому распутству. Венера была главной богиней и такъ какъ она отъ этого обстоятельства получила названіе Киприды, то поэты чаще всего называютъ ее пафійской, амаеузійской или идалійской—по имени ея храмовъ въ различныхъ частяхъ острова. Однако же въ пафійскомъ храмѣ, гдѣ въ жертву не приносилось крови, гдѣ ея древнѣйшее святилище, знаменитое даже во времена Гомера ⁵⁶⁰), распространяло съ многочисленныхъ жертвенниковъ благоуханіе постоянного куренія ⁵⁶¹) и куда прибывали цари и императоры для поклоненія ей, образъ ея, заключавшійся въ самомъ ея *святилищѣ*, былъ не изысканной женской фигурой, созданной рукой Фидія или Скопы, а грубой угловатой глыбой бѣлаго мрамора ⁵⁶²) — въ родѣ Аперы, — какой только и могъ служить фаллическимъ символомъ ассирійскаго и сидонскаго божества, откуда происходила эта форма поклоненія природѣ ⁵⁶³). И такъ какъ ея храмы имѣли право убѣжища,—право, которое способствовало скопленію по сосѣдству съ ними преступниковъ всякаго рода, то и помимо прямыхъ свидѣтельствъ легко представить себѣ, что культъ этотъ былъ до послѣдней степени безнравственный, что пафійское божество было не Афродитой Ураніей ⁵⁶⁴), а нис-

шимъ видомъ Афродиты пандемонійской; что культъ ея былъ просто превращеніемъ религіи въ служеніе похоти. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ между іудеями и греками или финикійскими обитателями должна была существовать смертельная вражда, какая только существовала въ древности между іудеями и хананеями. Взаимная ненависть, питаемая такимъ образомъ, завершилась междуусобицей, скоро разразившейся между соперничающими классами населенія, и это быть можетъ было одной изъ причинъ, почему намъ ничего не сообщается о повѣди язычникамъ на островѣ Кипрѣ.

Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Саламинѣ, миссіонеры обходили весь островъ ⁵⁶⁵). Отъ Саламина до Пафа онъ имѣетъ около 175 верстъ въ длину; и они вѣроятно слѣдовали главной дорогой вдоль берега, сворачивая въ такія мѣста, какъ Китій, родина Зенона стоика, Аматы, одно изъ святилищъ Венеры, и вообще въ такіе города, гдѣ они могли встрѣтить іудеевъ, обращеніе которыхъ къ вѣрѣ было ихъ главною цѣлью. Но объ ихъ путешествіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, пока они не достигли города Пафа. Подъ этимъ названіемъ разумѣется однако же, какъ показываетъ повѣствованіе, не древній и знаменитый Пафъ, новѣйшая Куклія, въ который ежегодно совершались паломничества для поклоненія древнему святилищу, бывшему столь «славно безславнымъ» въ теченіе многихъ вѣковъ, а болѣе новый Пафъ ⁵⁶⁶), новѣйшая Башта, теперь разлагающаяся и бѣдная деревушка, но тогда бойкій портъ и резиденція римскаго проконсула Сергія Павла ⁵⁶⁷). То обстоятельство, что Сергій Павелъ имѣлъ при себѣ, очевидно въ своемъ собственномъ домѣ, іудейскаго обманщика по имени Варъ Исуса, который кичился лестнымъ для себя титуломъ Елимы, т. е. улема или волшебника ⁵⁶⁸), нисколько не набрасываетъ тѣни на умственный уровень личности самого проконсула. Даже такой знатный невѣръ, какъ Филиппъ Egalité, человѣкъ весьма развитой и способный, не отказывался отъ попытки предугадать свою судьбу посредствомъ гаданія надъ чашей и изслѣдованія зеренъ кофе (Κυλικομάντεια; см. Быт. хлvi, 5). Вѣрованіе въ нѣкоторую личную силу, распоряжающуюся человѣческою судьбой, стоящую выше его и надъ нимъ, есть существенная потребность человѣческаго духа. Человѣчество никогда не можетъ обойтись безъ этой вѣры, какъ бы она въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстное время

Храмъ Венеры
(съ кипрской монеты въ Британскомъ музеѣ).

ни казалась отдѣльнымъ лицамъ излишнею. Гордые римляне, потерявъ всякую твердую почву въ своей національной религіи, чувствовали себя вынужденными какою то инстинктивною необходимостью искать хоть какого нибудь сношенія съ невидимымъ міромъ, хотя бы даже при посредствѣ мистическаго волшебства востока. Марій обращался къ предсказательству еврейки Марѳы. Въ этотъ замѣчательный періодъ авгуры, звѣздочеты, халдеи, математики, астрологи, маги, предвѣщатели, предсказатели судьбы, чревовѣщатели, снотолкователи ⁵⁶⁹) во множествѣ стекались въ Римъ и приобретали такое значеніе, что навлекали на себя негодованіе какъ сатириковъ, такъ и историковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Апполонъ Тіанскій и поаднѣ Александръ Абонотихскій и циникъ Перегринъ, обратили на себя всеобщее вниманіе. Едва ли было такое римское семейство, которое не содержало бы у себя своего собственнаго предсказателя судьбы, и Ювеналь говорить, что императоръ Тиверій сидѣлъ на своемъ скалистомъ о. Капрѣѣ «съ цѣлымъ стадомъ халдеевъ» ⁵⁷⁰). Ничего не могло быть поэтому естественнѣе, что интеллигентный и любовнательный римлянинъ, при скучномъ досугѣ своей провинціальной жизни, живя среди смѣшаннаго населенія полуфиникійскаго происхожденія и преданнаго чудовищнымъ формамъ религіи, забавлялся во время досуга странными суевѣріями, которыми онъ былъ окруженъ отовсюду ⁵⁷¹). Частыя землетрясенія на о. Кипрѣ способны были придавать настроенію обитателей его тотъ мрачный и суевѣрный колоритъ, который часто встрѣчается въ странахъ, подлежащихъ такимъ ужаснымъ бѣдствіямъ; а новый Пафъ недавно предъ тѣмъ ⁵⁷²) былъ опустошенъ землетрясеніемъ, которое оставило по себѣ глубокое впечатлѣніе. Быть можетъ вслѣдствіе этого, а быть можетъ и по другимъ причинамъ, Варъ Іисусъ приобрѣлъ необыкновенное вліяніе. Но кромѣ того мы имѣемъ новое подтвержденіе точности св. Луки (одно изъ тѣхъ отдѣльныхъ и случайныхъ и потому неподлежащихъ подозрѣнію подтвержденій, которыя такъ часто встрѣчаются для установленія правдивости священныхъ писателей), именно въ томъ, что Кипръ былъ особенно знаменитъ своими школами религіознаго обмана, изъ которыхъ одна была завѣдомо іудейская. Симонъ волхвъ по всей вѣроятности былъ жителемъ Китія ⁵⁷³). У Плинія есть въ высшей степени замѣчательное мѣсто, которое, если сопоставить его съ указаніемъ его на Сергія Павла, можно считать смутнымъ воспоминаніемъ въ душѣ римскаго повѣствователя объ этихъ самыхъ событіяхъ, слышанныхъ имъ отъ самого проконсула, о которомъ мы говоримъ теперь. Онъ передаетъ, что въ Пафѣ было двѣ школы предсказателей, одна изъ которыхъ считала своими основателями Моисея, Іамнія и Іотапа — іудеевъ, и одного гораздо болѣе недавняго кипрянина ⁵⁷⁴). Къ этой-то школѣ вѣроятно и принадлежалъ Варъ Іисусъ, и указаніе Плинія еще разъ бросаетъ своеобразный свѣтъ на тщательную правдивость священнаго повѣствователя ⁵⁷⁵).

Тѣже самыя чувства, что побуждали Сергія Павла имѣть при себѣ въ прокон-

сульской резиденціи іудейскаго кудесника, естественно могли побудить его послать и за новыми учителями, дѣятельность которыхъ очевидно обратила на себя вниманіе любящею ревностью, столь отличною отъ презрительной холодности синагоги. Но положеніе прорицателя при римскомъ проконсулѣ, даже если бы оно продолжалось только одинъ годъ ⁵⁷⁶), было слишкомъ отъѣнно и выгодно, чтобы уступать его безъ борьбы. Елима поэтому вступилъ въ открытое составленіе съ апостолами и не стѣснялся ни доводами, ни оскорбленіями въ своемъ стараніи убѣдить Сергія въ нецѣлности новой вѣры. Тогда Савлъ (и этимъ моментомъ повѣствователь воспользовался для того, чтобы заявить, что онъ назывался и именемъ Павла, которое отселѣ исключительно и прилагается къ нему) смѣло выступилъ впередъ, чтобы встрѣтить всю силу нападенія кудесника. Менѣе убѣжденный или менѣе смѣлый человѣкъ могъ бы легко устрашиться личнаго столкновенія съ лицомъ, которое очевидно занимало почетное положеніе въ самомъ семействѣ сановнаго римлянина. Но въ душѣ такого человѣка, какъ ап. Павелъ, при всемъ его безконечномъ состраданіи къ невѣжеству, безконечномъ сочувствіи къ слабости, безконечной нѣжности къ покаянію, не было съ другой стороны мѣста для компромисса съ обманомъ, не могло быть снисходительности къ алчности, мира съ хананеємъ. Воспылавъ праведнымъ гнѣвомъ, съ пыломъ негодованія въ душѣ, онъ выступилъ противъ человѣка, низкую жадность и безсовѣстность котораго онъ видѣлъ самъ и хотѣлъ обнажить для другихъ. Устремляя на ложнаго прорицателя и кудесника свой неотразимый взоръ, который дѣлался быть можетъ еще болѣе упорнымъ вслѣдствіе слабости его зрѣнія (сн. Дѣян. xхп, 1), апостолъ воскликнулъ: «О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства, сынъ діавола ⁵⁷⁷), врагъ всякой правды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ»? И затѣмъ, замѣтивъ ужасъ, объявившій душу обличеннаго лицомъбра вслѣдствіе этого смѣлаго и громоноснаго удара, онъ тутъ же прибавилъ: «И нынѣ вотъ рука Господня на тебя: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени» ⁵⁷⁸). Заклятіе мгновенно возымѣло силу; кудесникъ сразу же почувствовалъ, что его обманъ обнаженъ и самъ онъ уничтоженъ, что онъ стоялъ предъ лицомъ карающаго правосудія. Туманъ заволокъ ему зрѣніе, наступила для него полная тьма, и въ отчаяніи, растопыривъ руки, онъ искалъ вожатаго.

Неудивительно, что проявленіе столь поразительной и столь неотразимой духовной силы должно было произвести сильное впечатлѣніе на душу проконсула (Дѣян. xп, 12). Глубока ли была его вѣра въ послѣдствіи или нѣтъ, мы не имѣемъ данныхъ, которыя бы давали намъ возможность судить о томъ. Но молчаніе св. Луки повидимому указываетъ, что онъ не крестился, и мы едва ли можемъ смотрѣть на него какъ на глубокаго и на всю свою жизнь убѣдившагося обращенца, такъ какъ иначе, при рѣдкости сановныхъ людей въ христіанской общинѣ, мы несомнѣнно услышали бы о немъ отъ христіанскихъ повѣствователей, какъ

мы слышимъ о тѣхъ весьма немногихъ, которые въ этотъ періодъ, подобно Флавію Клименту или Флавію Домициллѣ, присоединились къ церкви изъ знатныхъ и вліятельныхъ классовъ.

Часто поднимался вопросъ, почему въ этомъ мѣстѣ повѣствованія имя Савла окончательно замѣняется именемъ «Павелъ» ⁵⁷⁹). Старый отвѣтъ, данный бл. Иеронимомъ, что онъ принялъ это имя какъ трофей совершеннаго имъ обращенія Сергія Павла, давно уже, какъ и слѣдовало быть, оставленъ: въ такомъ рѣшеніи его заключалась бы вульгарность, немыслимая въ ап. Павлѣ. Ничто также не говоритъ и въ пользу того соображенія, что онъ принялъ это имя изъ чувства смиренія въ знакъ того, что онъ былъ «меньшій» изъ апостоловъ ⁵⁸⁰). Гораздо вѣроятнѣе, что онъ или и прежде носилъ попеременно это имя для удобства въ своихъ сношеніяхъ съ язычниками, или это римское имя могло указывать на обладаніе имъ правами римскаго гражданства и быть можетъ на нѣкоторую связь его отца или дѣда съ Эмилиевымъ семействомъ, носившимъ прозваніе Павла. Если онъ усвоилъ это имя при настоящемъ случаѣ, то это быть можетъ потому, что оно ближе всего подходило къ еврейскому имени Савлъ, особенно въ его греческой формѣ. Но эту форму онъ не могъ употреблять въ сношеніяхъ съ греками вслѣдствіе того, что слово это по гречески было бы созвучно съ насмѣшливымъ терминомъ «верхоглядный» или «пустой человѣкъ». Самая переменна имени была такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что она съ давняго времени была въ ходу среди его соотечественниковъ. Иосифъ извѣстенъ былъ у египтянъ подъ именемъ Пафнаѣъ-Панеахъ; Даниилъ у ассиріянъ — подъ именемъ Валтасара; Гадасса у персовъ — подъ именемъ Есѣири; Иисусъ, Гиллель, Онія, Иосифъ, Тарфо у грековъ были извѣстны подъ именами Иасона, Полліона, Менелая, Егезиппа и Трифона. Если не по созвучію, то имя часто измѣнялось по переводу, какъ напр. Петръ вмѣсто «Киѳа», Дидимъ вмѣсто «Θома». Иногда однако же переменна имени среди язычниковъ зависѣла отъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. Иосифъ принялъ прозваніе «Флавій» въ честь Веспасіана. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ и другіе примѣры въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ въ лицѣ Іоанна и Іосіа, которые были извѣстны подъ латинскими именами Марка и Іуста. У ап. Павла однако же, какъ замѣтили уже древніе христіанскіе писатели, переменна имени обозначаетъ также полную переменну во всѣхъ условіяхъ его жизни. «Павелъ терпитъ то, что Савлъ причинялъ; Савлъ побивалъ камнями, а Павелъ былъ побиваемъ камнями; Савлъ подвергалъ христіанъ бичеваніямъ, а Павелъ пять разъ принялъ по сорока ударовъ безъ одного; Савлъ гналъ церковь Божию,—Павелъ былъ спускаемъ въ корзину отъ гонителей; Савлъ вязалъ,—Павелъ былъ въ оковахъ» ⁵⁸¹).

Древняя греческая церковь на о. Кипръ.

ГЛАВА XX.

АНТІОХІЯ ПИСИДІЙСКАЯ.

Учитель язычниковъ отвѣтитъ тебѣ, эта
евангельская труба, сосудъ золотой, сіяющій на
весь міръ. Бл. Іеронимъ.

БОИДЯ теперь Кипръ, «Павель и бывшіе при немъ» — какъ выражается св. Лука, какбы указывая на то, что вся сила миссіи сосредоточивалась теперь въ одномъ человѣкѣ—сѣли на корабль въ Пафѣ, чтобы отправиться въ Пергію въ Памфиліи. Отправились ли они въ Пергію согласно съ преднамѣченнымъ планомъ, или это только была часть «невидимаго провидѣнія Божія» — мы не знаемъ. Для древняго путешественника не всегда было легко съ точностью держаться того направленія, въ какомъ бы онъ желалъ, и ему невольно приходилось, по условіямъ круговаго плаванія того времени, руководиться въ своихъ движеніяхъ случайною встрѣчею судовъ, направлявшихся въ тѣ или другіе порты ⁵⁸²). Между тѣмъ между Пафомъ, политической столицей Кипра, и Пер-

гійей, столицей Памфиліи, въ то время были постоянныя сношенія, какъ было бы вѣроятно еще и теперь между Саталіей и западнымъ портомъ Кипра, если бы не препятствовалъ тому опасный характеръ заброшенной теперь гавани Баффа. И вотъ корабль съ миссіонерами снялся съ якоря и направился въ Пергію. Войдя въ глубокую бухту Атталіи и поднявшись вверхъ по широкой, въ то время судоходной, рѣкѣ Кестръ, они бросили якорь подъ скалами, завершавшимися Акрополемъ веселаго греческаго города Пергіи и мраморными колоннами его знаменитаго храма Артемиды.

Но въ Пергіи они не остановились и ихъ пребываніе тамъ отмѣчено только единственнымъ, но удручающимъ событіемъ. Это именно оставленіе Іоанномъ Маркомъ миссіонерскаго дѣла: «отдѣлившись отъ нихъ, онъ возвратился въ Іерусалимъ». Причины, которыя такимъ образомъ заставили его оглянуться назадъ, послѣ того, какъ онъ уже положилъ свою руку на плугъ, не объясняются; но очевидно, что пылкой душѣ Савла во всякомъ случаѣ онѣ казались достойными порицанія, такъ какъ мы увидимъ, что въ послѣдствіи онъ отказалъ въ предложеніи сотрудничества человѣку, который выказалъ такую недостаточную рѣшимость (Дѣян. xv, 38). Но легко однако же понять смѣшанныя побужденія, которыми руководился Маркъ. Онъ былъ молодъ. Новизна дѣла утомила его. Оно было сопряжено съ немалыми трудностями даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ на Кипрѣ. Мать его была въ Іерусалимѣ быть можетъ одна и даже быть можетъ подвергалась гоненію. Быть можетъ также молодой человѣкъ недоволенъ былъ возрастающимъ превосходствомъ Павла надъ его дядей Варнавой. И кромѣ всего этого Маркъ, воспитанный въ самомъ лонѣ церкви іерусалимской, быть можетъ серьезно началъ опасаться той широкой свободы въ допущеніи членовъ въ церковь, которая повидимому отодвигала на задній планъ древнюю святыню не только устнаго, но даже и писаннаго закона. Таковы быть можетъ были недоумѣнія, опасенія, полусознательная ревность, которыя наполняли его душу. При другихъ условіяхъ его могли бы тревожить угрызенія совѣсти за оставленіе святаго дѣла, но теперь поступокъ его находилъ оправданіе въ предстоявшихъ ему очевидно трудностяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Маркъ взглянулъ на величественный хребетъ Тавра и вспомнилъ, что имъ теперь приходилось проходить страны съ разнородными языками, неупорядоченнымъ правленіемъ, полуварварскимъ населеніемъ, съ перемѣшанными до чудовищности культами, съ разбойничьими притонами памфилійцевъ, селгензовъ, писидійцевъ, ликаонійцевъ, исаврійцевъ, киликійцевъ, клитовъ, гомоданензовъ⁵⁸³), онъ быть можетъ не съ сожалѣніемъ открылъ свое нерасположеніе къ дѣлу, на которое онъ вступилъ по побужденіямъ сыновняго долга. Въ это время его отсутствіе навѣрно было положительнымъ несчастіемъ для ап. Павла даже болѣе, чѣмъ для Варнавы. Варнава, при всемъ своемъ расположеніи къ своему другу и сотруднику, долженъ былъ чувствовать отсутствіе своего

племянника съ его благородной веселостью, живописной рѣчью, живымъ наблюдательнымъ духомъ, которыми онъ облегчалъ суровую сосредоточенность Павла на всецѣло поглощавшемъ его дѣлѣ; и Павелъ, который всегда любилъ личныя услуги младшихъ сотоварищей, навѣрно былъ огорченъ, когда ежедневные труды въ отсутствіи молодаго и сильнаго товарища становились все тяжелѣе. Въ его сердцѣ навѣрно шевелилось чувство нѣкотораго негодованія противъ чловѣка, который оставилъ ихъ въ тотъ самый моментъ, когда меньше всего его можно было замѣнить кѣмъ нибудь другимъ и когда трудности, которыя онъ могъ бы значительно облегчать, начали принимать наиболѣе тяжелый характеръ.

Такимъ образомъ Маркъ оставилъ ихъ, а миссіонеры сразу же направились вовнутрь страны. Хотя намъ и не сообщается о существованіи синагоги въ

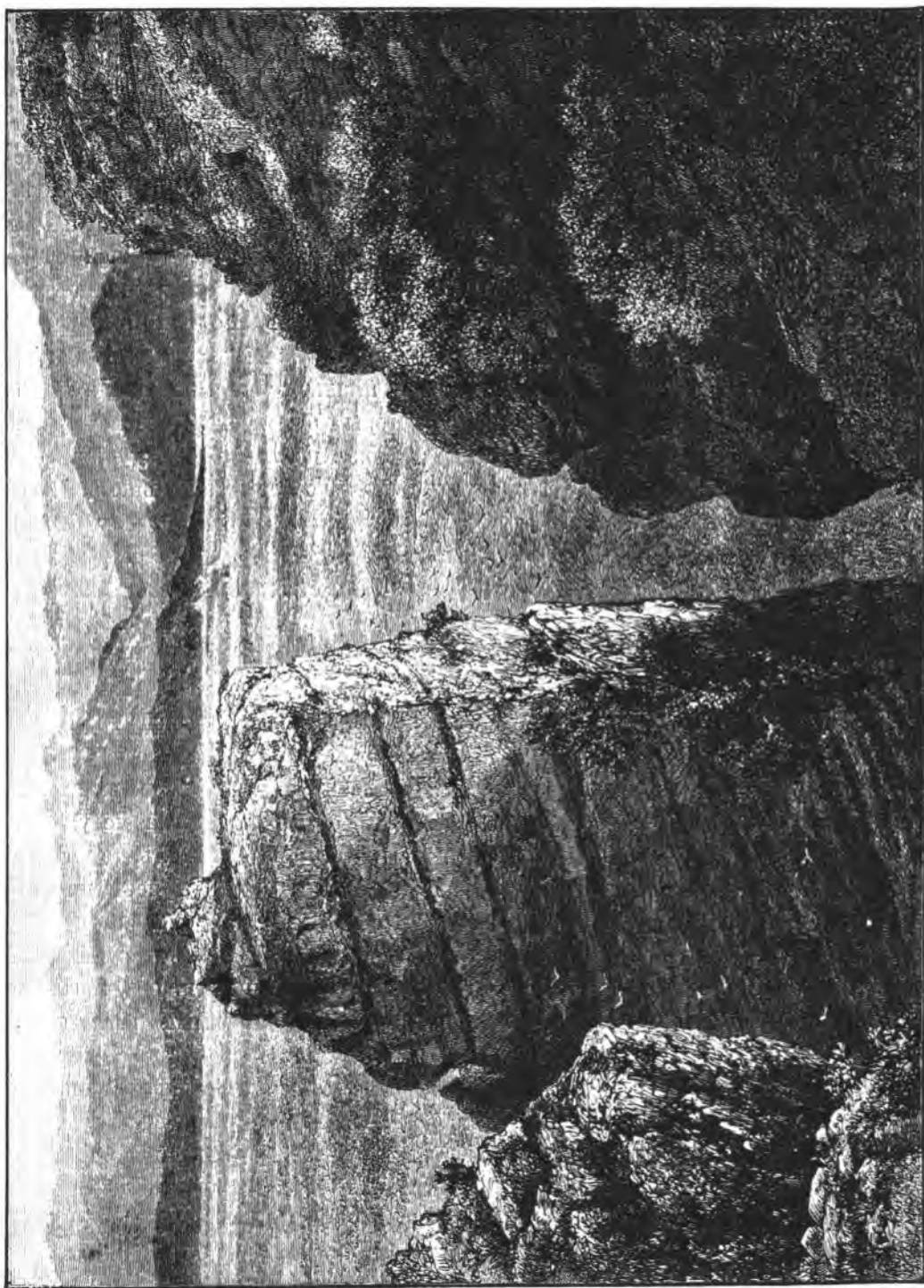

Часть горнаго хребта Тавръ, близъ Тарса.

Пергіи, но такъ какъ они проповѣдывали тамъ на своемъ обратномъ пути, то навѣрно были особыя обстоятельства, которыя заставили теперь оставить это мѣсто. Причину этого указывали въ вѣроятности того, что они прибыли въ этотъ городъ около середины весны ⁵⁸⁴), когда все населеніе городовъ по равнинамъ и берегу моря обыкновенно удаляется во внутрь страны въ Яилы или, какъ сказали бы въ Швейцаріи, въ Альпы,—горныя пастбища, которыя даютъ возможность избѣгать жестокаго и нездороваго жара низменныхъ странъ ⁵⁸⁵). Поэтому было бы бесполезно проповѣдывать въ Пергіи въ то самое время, когда главное населеніе ея было въ отсутствіи; и какой нибудь изъ многочисленныхъ каравановъ или какая нибудь семейная партія переселенцевъ, переполнявшихъ дороги мулами, верблюдами и стадами, могли доставить апостоламъ удобный случай

для путешествія подъ ихъ покровомъ. Безъ такого руководства было бы неразумно, если совсѣмъ не невозможно, имъ самимъ отправиться по тѣмъ опаснымъ дорогамъ, гдѣ вѣроятно снѣговые заносы еще лежали во многихъ мѣстахъ и мосты могли быть разломаны и снесены быстрыми разливами бурныхъ потоковъ.

Тѣ немногіе изъ новѣйшихъ путешественниковъ, которые посѣтили эти области Малой Азіи, подробно и живо описываютъ изобилующіе тамъ обрывистые, скалистые подъёмы; саркофаги и скульптурныя гробницы среди скалъ; узкія долины, по которымъ бурно стремятся рѣки и надъ которыми грозно высятся утесы, изрытые пещерами; неожиданно раскрывающіеся величественные виды, когда вы смотрите «со скалистыхъ ступеней престола зимы на богатую и зеленѣющую равнину лѣта съ голубымъ моремъ вдали». Тутъ встрѣчаются постоянныя пере мѣны климата, различные поясы растительности, смѣняющіеся по мѣрѣ движенія путешественника; среди темныхъ сосновыхъ боровъ, одѣвающихъ низменные склоны, сверкаютъ многочисленныя водопады; чащи гранатовъ и олеандровъ окутываютъ рѣчныя ложбины; дикіе цвѣты своими богатыми узорами украшаютъ траву; безчисленныя стада пасутся на обширныхъ пастбищахъ, безконечныя пространства которыхъ прерываются только видомъ пастушескихъ шляпъ изъ козьей шерсти, дѣлающихся въ настоящее время изъ того же самаго матеріала, при помощи котораго ап. Павелъ своимъ ремесломъ добывалъ себѣ насущный хлѣбъ. И когда путешественникъ выходитъ на обширную центральную плоскость Малой Азіи, то онъ видитъ передъ собой очаровательную красоту прѣсныхъ и соленыхъ озеръ, по берегамъ которыхъ дорога часто вьется на цѣлыя десятки верстъ; черепахи въ мелкихъ прудахъ тамъ грѣются на солнцѣ; встрѣчаются стаи дикихъ лебедей, которые то наполняютъ воздухъ шумомъ своего полета, то расправляютъ свои перья на тихой поверхности водъ; аисты по цѣлымъ часамъ терпѣливо стоятъ на болотистыхъ прудахъ, вылавливая рыбу. Таковы навѣрно были картины, которыя повсюду представлялись взорамъ ап. Павла и Варнавы, когда они пробирались изъ Пергіи въ Антиохію Писидійскую. Всякаго новѣйшаго миссіонера онѣ наполнили бы восторгомъ. Мунго Паркъ въ одномъ трогательномъ мѣстѣ описываетъ, какъ его душа, находившаяся на краю смерти, мгновенно ожила среди скучной растительности и пустыни при видѣ единственнаго пучка изумрудно-зеленаго мха съ его тонкими нитями и красивыми усиками; и вообще записки миссіонеровъ, которые въ новѣйшее время пробирались по этимъ горамъ съ проповѣдью мира, изобилуютъ великолѣпными описаніями картинъ, которыя имъ приходилось встрѣчать и которыя они считали какбы притворами въ величественный храмъ единого истиннаго Бога. Но, какъ мы уже замѣтили раньше, въ описаніяхъ апостола или его историка нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такого чувства. Любовь къ картинамъ природы, которая въ новѣйшее время составляетъ столь постоянный и сильный источникъ наслажденія, была мало извѣстна древнимъ вообще и, за немногими поэтическими исключеніями, быть можетъ менѣе всего знакома была

Видъ одного изъ проходовъ въ горахъ Таура

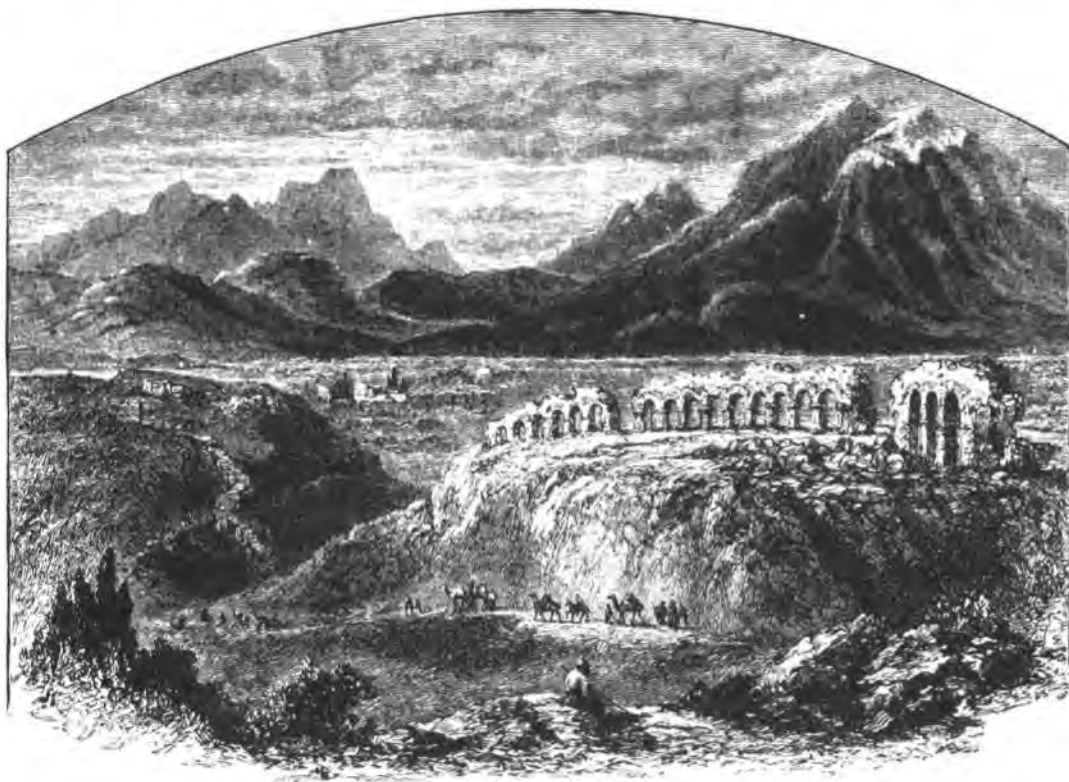
сеμίтамъ ⁵⁸⁶). Какъ часто ап. Павелъ взбирался по горнымъ проходамъ Тавра; какъ часто видѣлъ онъ Олимпъ, «вздымающійся снѣговою вершиной къ роднымъ ему небесамъ»; какъ часто проходилъ онъ пѣшкомъ «по берегамъ тѣхъ великихъ рѣкъ, которыя текутъ какъ Божья вѣчность»; какъ часто его корабль бороздилъ синія воды Эгейскаго моря среди тѣхъ живописно разбросанныхъ острововъ, которые «подобно лиліямъ покрываютъ поверхность моря и ликуютъ въ своей красотѣ, когда тихія воды ласкаютъ берега Эллады». Но всѣ эти славныя и очаровательныя картины не оставили никакого впечатлѣнія на его душѣ, или по крайней мѣрѣ не оставили слѣда на страницахъ его посланій ⁵⁸⁷). Мы могли бы сожалѣть о потери, которую онъ несъ такимъ образомъ, могли бы жалѣть объ отсутствіи для него того источника утѣшенія, который иначе всегда былъ бы у него подъ рукою, если бы для ап. Павла такія утѣшенія не были излишни. Душа, которая жила на небѣ (Фил. III, 20; Еф. II, 6 и проч.), мысли, которыя были полны безсмертныхъ думъ, убѣжденіе, что Господь былъ постоянно близъ него, забота о душахъ, за которыя умеръ Христосъ, дѣлали его равнодушнымъ ко всему остальному. Богъ далъ бы ему и всѣ другія утѣшенія, если бы онъ нуждался въ нихъ; но тѣ ноги, которыя всегда находились на золотыхъ улицахъ новаго Іерусалима, безтрепетно ступали по вулканической почвѣ міра, скрывающей въ себѣ цѣлый адъ огня, который впослѣдствіи долженъ будетъ превратить его въ пепелъ (2 Петр. III, 7). Чаша, которая была полна новаго вина царства небеснаго, не имѣла въ себѣ мѣста для винограднаго плода даже тѣхъ земныхъ удовольствій, которыя являются даже самыми невинными, самыми общедоступными и благословеннѣйшими на землѣ.

Не нужно забывать, что въ такой поглощенности ап. Павла своимъ дѣломъ рядомъ съ невыгодой была и своя выгода. Если ап. Павелъ никогда не указываетъ на преходящія красоты мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не высказываетъ и ни единого слова касательно постоянныхъ неудобствъ, тягостей и трудностей путешествія всякаго рода. Записки новѣйшихъ путешественниковъ рассказываютъ намъ объ ужасающихъ дождяхъ, о палящемъ жарѣ, о страшной истомѣ непрерывной общественности, о ядовитыхъ насѣкомыхъ, объ ослѣпляющихъ буряхъ пыли, объ истощающихъ переменѣхъ погоды, о скудости и дурномъ качествѣ пищи. Но для ап. Павла всѣ эти заурядныя тягости, которыя часто однако же требуютъ для терпѣливаго перенесенія ихъ большаго героизма, чѣмъ тѣ болѣе серьезныя опасности, которыя для препобѣжденія ихъ требуютъ всѣхъ нашихъ силъ, — были ничто. Скуку и тягости путешествія онъ чувствовалъ такъ же мало, какъ мало заботился и о вознагражденіи за нихъ. Все это не имѣло отношенія къ его главной цѣли и составляло безразличный для него порядокъ обыденной жизни.

И вотъ такимъ образомъ апостолы пробирались по долинамъ Кестра, прошли по восточному берегу большаго и прекраснаго озера Эйердира и, пройдя

пространство въ 40 миль, на что вѣроятно потребовалось около недѣли, они прибыли въ цвѣтущій и торговый городъ Антиохію Писидійскую или Антиохію Кесарійскую. Изъ Страбона мы знаемъ, что городъ этотъ основанъ былъ Магнетомъ, переоснованъ Селевкомъ и впоследствии императоромъ Августомъ превращенъ былъ въ римскую колонію съ свободнымъ муниципальнымъ управленіемъ. Выгодное положеніе его на дорогахъ, которыя къ югу соединяли его съ Пергіей и Атталіей, къ западу—съ Апамеей, къ сѣверу—съ большими городами Галатіи

Антиохія Писидійская.

и къ востоку — съ Иконіей и Киликійскими воротами, дѣлало его большимъ коммерческимъ центромъ малоазійской торговли лѣсомъ, масломъ, шкурами, козьимъ волосомъ и ангольской шерстью. Истинное его положеніе, такъ какъ онъ долгое время былъ смѣшиваемъ съ Акшеромъ, древней Филомеліей, — было открыто Арунделемъ въ 1833 году ⁵⁸⁸). Наиболѣе замѣчательны между его развалинами остатки великолѣпнаго водопровода, который свидѣтельствуетъ о быломъ значеніи города. Монеты его главнымъ образомъ замѣчательны тѣмъ, что на нихъ самое видное мѣсто съ одной стороны дается его колониальнымъ

привилегіямъ, а съ другой — его древѣйшему культу луны, какъ божества извѣстнаго подъ именемъ Мин-Архея. Этотъ культъ въ прежнее время былъ очень цвѣтущимъ, и храмъ Мина кипѣлъ іеродулами, жившими на счетъ его имущества и доходовъ. Страбонъ рассказываетъ, что за семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, по смерти царя Аминта, которому Писидія была предоставлена Маркомъ Антоніемъ, храмъ этотъ былъ закрытъ; но хотя богослуженіе быть можетъ и лишилось своего прежняго блеска, оно все-таки вѣроятно еще продолжалось среди невѣжественнаго туземнаго населенія.

Но проповѣдь апостоловъ на первое время была обращена не къ природнымъ писидійцамъ и не къ грекамъ, которые составляли наносный слой въ населеніи, не къ римлянамъ, которые были позднѣйшими пришельцами въ немъ, а къ іудеямъ, которые прибыли туда вмѣстѣ съ потокомъ латинскаго переселенія, обезпечивавшаго за ними одинаковыя преимущества съ другими жителями. Первою заботою апостоловъ (а это именно было такое дѣло, въ которомъ Маркъ могъ бы быть особенно полезенъ для нихъ) было несомнѣнно отправиться «въ помѣщеніе для странниковъ», имѣвшееся при синагогѣ, и затѣмъ найти удобное помѣщеніе въ іудейскомъ кварталѣ, позаботиться о способахъ продажи киликійскихъ палатокъ, плетеніемъ которыхъ ап. Павелъ честнымъ путемъ добывалъ себѣ пропитаніе. Ремесло это занимало только его руки, не мѣшая его размышленіямъ или его проповѣди, и можно съ основаніемъ предполагать, что нѣкоторые изъ его обращенцевъ, особенно лучшихъ, были пріобрѣтены скорѣе ученіемъ и бесѣдами въ уютныхъ комнатахъ, гдѣ онъ трудолюбиво занятъ былъ работой, а не шумными и прерываемыми проповѣдями въ общественныхъ синагогахъ.

Но миссія Павла и Варнавы предназначалась не для немногихъ только. По субботнимъ днямъ они всегда посѣщали синагогу и, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, обращались съ проповѣдью къ собранію. Посѣщеніе Антиохіи Писидійской замѣчательно и интересно событіями, которыя повели къ первой проповѣди ап. Павла, записанной въ повѣствованіи.

Въ городѣ была только одна синагога, которая поэтому навѣрно была большая. Устройство ея несомнѣнно было почти тождественно съ тѣмъ, какимъ оно бываетъ въ настоящее время на востокѣ. При входѣ въ низкое квадратное, ничѣмъ неукрашенное зданіе, отличавшееся отъ языческихъ мѣстъ богослуженія полнымъ отсутствіемъ внутри всякихъ скульптурныхъ украшеній, прежде всего видна была съ одной стороны рѣшетчатая перегородка, за которой безмолвно сидѣла масса закутанныхъ женщинъ. Передъ ними стояла каеэдра чтеца и по близости къ ней, впереди всего остальнаго собранія, находились главныя мѣста, которыя обыкновенно занимались раввинами и фарисеями. *Киблахъ* или священное направленіе, въ которомъ возносилась всякая молитва, былъ Іерусалимъ; и на этой сторонѣ находилась занавѣса, за которой былъ ковчегъ или ящикъ, содержавшій священные свитки ⁵⁸⁹). Павелъ, какъ бывшій членъ синедріона, и Варнава, какъ

левитъ, и оба, какъ люди съ высокимъ іудейскимъ образованіемъ, вполне могли имѣть право занять мѣсто въ креслахъ или на скамьяхъ, отведенныхъ для старѣйшинъ. Но быть можетъ они знали, что говорилъ въ этомъ отношеніи Спаситель, и поэтому заняли мѣста среди обыкновенныхъ богомольцевъ ⁵⁹⁰). Всякій при входѣ покрывалъ свою голову *таллиомъ* и затѣмъ начинались молитвы. Онѣ прочитывались *шеліахомъ* или «апостоломъ прихода» ⁵⁹¹), который стоя читалъ ихъ среди стоящаго собранія. Языкъ приэтомъ вѣроятно употреблялся греческій. Еврейскій языкъ давно уже и для іудеевъ былъ лишь языкомъ школьнымъ, понимался только немногими и въ отдаленныхъ мѣстахъ въ родѣ Антіохіи Писидійской извѣстенъ былъ быть можетъ только двумъ-тремъ членамъ въ городѣ. Не смотря на упорный консерватизмъ нѣкоторыхъ раввиновъ, іудей, какъ народъ, имѣли настолько здраваго смысла, чтобы видѣть, какъ бесполезно было бы произносить

Видъ ниши въ синагогѣ.

молитвы на такомъ языкѣ, который непонятенъ народу ⁵⁹²). Послѣ молитвъ слѣдовало первое чтеніе или *параша*, и оно, благодаря святости, которую іудей приписывали самымъ звукамъ и буквамъ писанія, читалось поеврейски, но переводилось или пересказывалось, стихъ за стихомъ, *метургеманомъ* т. е. толкователемъ. *Хаззанъ* т. е. служитель синагоги бралъ свитокъ *торы* изъ ящика и передавалъ чтецу. Рядомъ съ чтецомъ стоялъ толкователь, если только онъ не исполнялъ эту должность самъ, какъ это легко было для всякаго, такъ какъ переводъ LXX въ то время былъ распространенъ повсюду. Послѣ *параша* читалась краткая *гафтара* или что мы назвали бы вторымъ чтеніемъ изъ пророковъ, причемъ переводъ на общепонятный народный языкъ давался по окончаніи каждыхъ трехъ стиховъ. Затѣмъ слѣдовала *мидрашъ*, изъяснительная бесѣда. Она велась не опредѣленнымъ какимъ-либо священнослужителемъ, а всякимъ желающимъ. Какъ въ настоящее время ко всякому знатному иностранцу, которому случается быть при этомъ, въ видѣ особой чести обращаются съ просьбою прочитать тору, такъ и въ то время *рошъ га-кенесетъ* могъ также попросить проповѣдывать всякаго, кто, по его мнѣнію, могъ сдѣлать это съ пользою для собранія молящихся ⁵⁹³).

Такъ и при этомъ случаѣ, когда *гафтара* и *параша* были кончены, *батланниъ*, «люди досуга», вавѣдывавшіе дѣлами синагоги и соотвѣтствующіе нашимъ

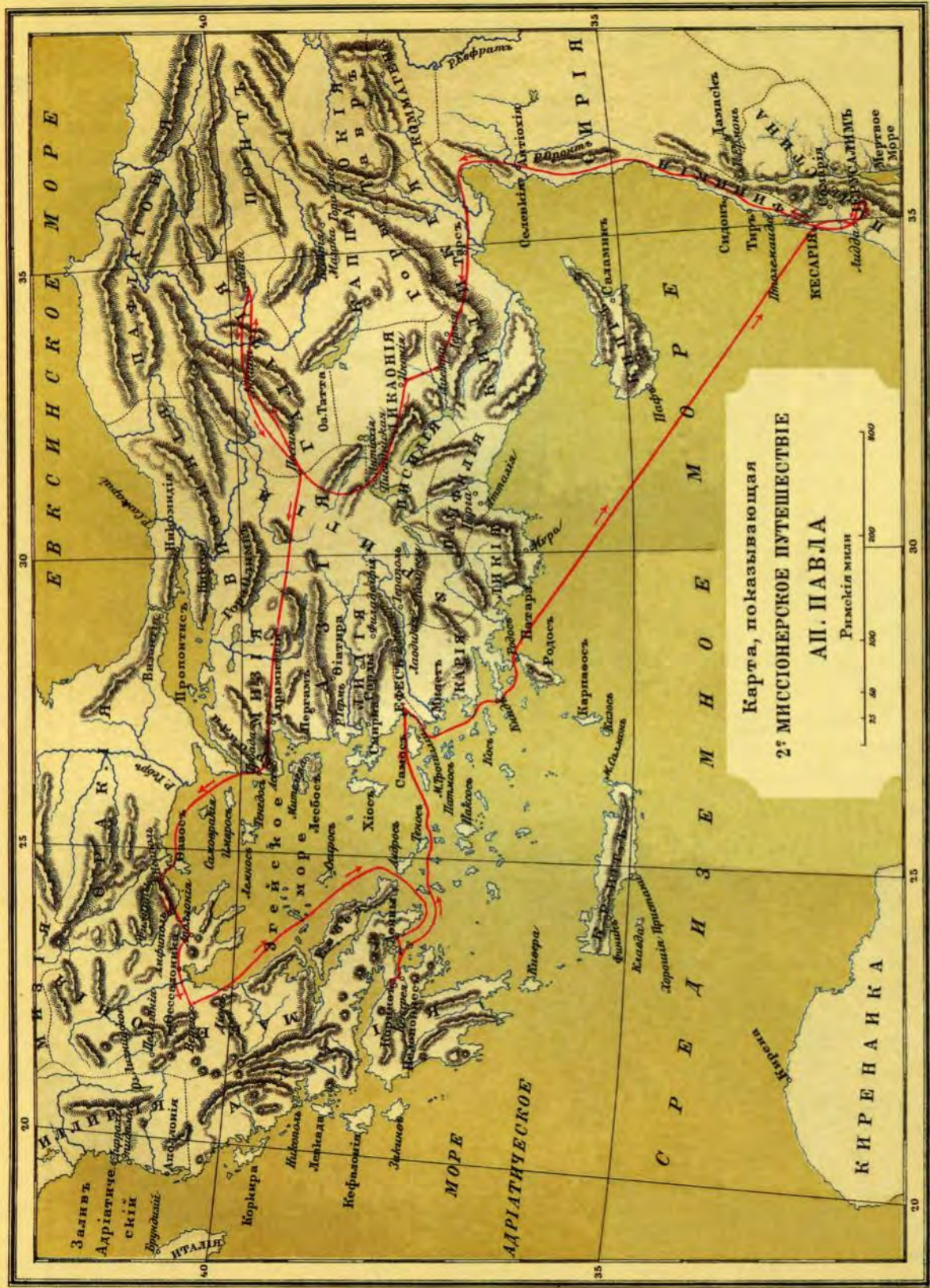
церковнымъ старостамъ, послали хаззана спросить чужестранцевъ, не желаютъ ли они сказать слово назиданія для народа. Нѣкоторая молва, что это были проповѣдники новаго и замѣчательнаго ученія, навѣрно уже распространилась въ маленькой іудейской общинѣ и очевидно народъ уже ожидалъ, что ихъ попросятъ о проповѣди. Ап. Павелъ тотчасъ же принялъ предложеніе ⁵⁹⁴). Іудейскій проповѣдникъ во время произнесенія проповѣди обыкновенно сидѣлъ (Лук. iv, 20), какъ это часто дѣлается и римско-католическими проповѣдниками; но ап. Павелъ, вмѣсто того, чтобы идти на кафедру, повидимому просто всталъ съ своего мѣста и поднявъ руку, съ протянутымъ указательнымъ пальцемъ (сн. Дѣян. xii, 17; xxi, 40; xxvi, 1),—въ положеніи того, который, не смотря на частые приступы робости, судя по дошедшимъ до насъ проповѣдямъ и рѣчамъ, въ моменты восторга и возбужденія былъ смѣлымъ ораторомъ,—началъ свою рѣчь къ ожидающему собранію.

Рѣчь эта, какъ и рѣчь Спасителя въ Назаретѣ, естественно принимала большею частію форму мидраша или толкованія того, что собраніе только что выслушало въ одномъ изъ двухъ предложенныхъ чтеній. Къ тому же методу повидимому прибѣгъ и ап. Павелъ въ этой его первой записанной рѣчи. Два слова въ этой краткой рѣчи, изъ которыхъ одно имѣетъ крайне необычную форму ⁵⁹⁵), а другое употреблено въ крайне необычномъ значеніи ⁵⁹⁶), и тотъ фактъ, что эти два слова встрѣчаются въ I главѣ Второзаконія и въ I главѣ пророка Исаи, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ исторической части этой рѣчи ап. Павелъ занимается предметомъ, указываемымъ въ первой изъ этихъ главъ, а обѣтованіе свободного допущенія прямо подсказывается во второй, — дѣлаютъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что эти именно двѣ главы и были только-что прочитаны въ собраніи. Его рѣчь или скорѣе краткое изложеніе ея, которое только и дается въ краткомъ повѣствованіи св. Луки ⁵⁹⁷), какъ разъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ мастерскаго сочетанія и истолкованія этихъ двухъ дневныхъ чтеній изъ св. писанія, какое только мы и должны были ожидать отъ такого проповѣдника. И когда, обращаясь къ іудейскому указателю чтеній и имѣя въ виду его необычайную древность, мы находимъ, что эти самыя два чтенія соединяются въ качествѣ парашы и гафтары въ одну и ту же субботу, то мы видимъ тутъ убѣдительное доказательство, что эти именно два чтенія и были читаны въ ту субботу въ синагогѣ антиохійской болѣе чѣмъ 1800 лѣтъ тому назадъ ⁵⁹⁸). Здѣсь опять мы находимъ другой поразительный и совершенно случайный примѣръ точной правдивости повѣствованія св. Луки, равно какъ и случайное доказательство того, что ап. Павелъ говорилъ погречески. Послѣднее обстоятельство однако же едва ли нуждается въ доказательствѣ. Греческій языкъ въ это время былъ языкомъ всего цивилизованнаго міра въ гораздо большей степени, чѣмъ французскій есть общій языкъ для образованныхъ классовъ Европы. Всѣ іудеи несомнѣнно понимали его, и сомнительно даже, чтобы многіе изъ нихъ понимали писидійскій

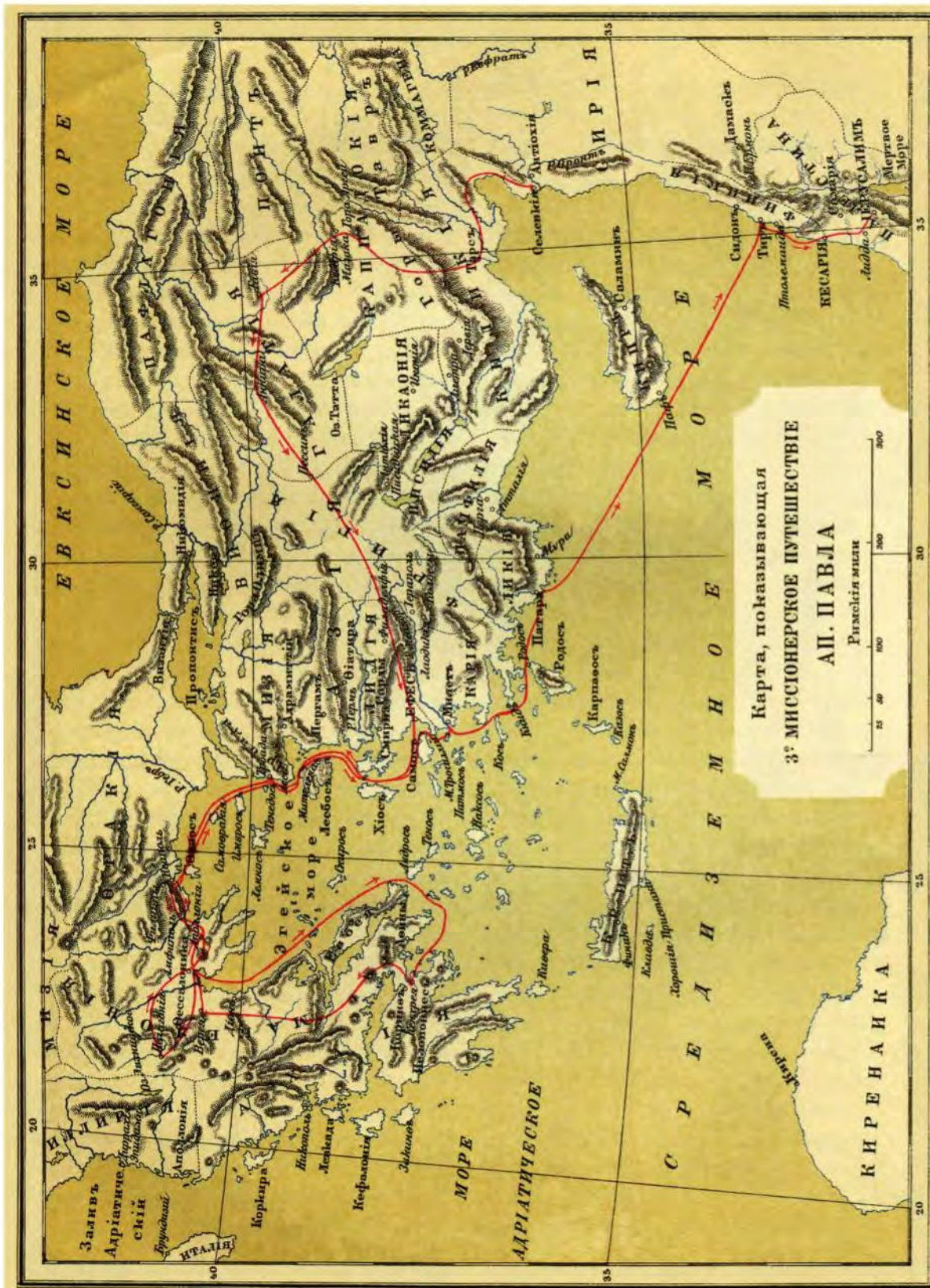

Карта, показывающая
2-е МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
А.П. ПАВЛА

Издание Книгопродавца И.А. ТУЗОВА.

КАРТОГ. ЗАВ. А.ИЛЬИНА С.П.Б.

Изданіе Книгопродавца И.Л.ТУЗОВА.

КАРТОГР. ЗАВ. А.ИВЫНА С.П.Б.

діалектъ; крайне невѣроятно, чтобы ап. Павелъ зналъ что-нибудь пописидійски, а что онъ мгновенно приобрѣлъ его, благодаря дару языковъ, то это можно считать только искусственнымъ предположеніемъ, выходящимъ изъ ошибочнаго толкованія.

Рѣчь ап. Павла интересна не только какъ примѣръ болѣе или менѣе импровизаторскаго такта, съ которымъ онъ пользовался чтеніями св. писанія и произведенными ими свѣжими впечатлѣніями на души своихъ слушателей, но гораздо болѣе еще какъ образецъ тѣхъ фактовъ и доводовъ, съ которыми онъ обращался въ первыхъ своихъ рѣчахъ къ смѣшаннымъ собраніямъ іудеевъ и прозелитовъ. Многочисленныя и исключительно свойственныя ап. Павлу выраженія ⁵⁹⁹), которыми изобилуетъ эта рѣчь, показываютъ, что или запись ея была сохранена нѣкоторыми антюхійскими христіанами, или что онъ самъ сообщилъ ее св. Лукѣ ⁶⁰⁰). Она важна затѣмъ какъ указаніе того, что даже въ этотъ ранній періодъ своей дѣятельности ап. Павелъ, подъ руководствомъ Духа Божія, пришелъ если не къ полному разумѣнію, то по крайней мѣрѣ къ зародышу тѣхъ истинъ, которыя онъ впослѣдствіи развилъ съ такою великою силою и подавляющею убѣдительностью. Ученіе объ оправданіи вѣрою и о бесполезности дѣлъ закона въ достиженіи отпущенія грѣховъ ясно заключается въ этой краткой, но поразительной рѣчи, которая также даетъ намъ возможность проникнуть въ методъ ап. Павла въ отношеніи практическаго приложенія св. писанія, принятія имъ ходячей хронологіи своего народа ⁶⁰¹), и наконецъ видѣть то дѣйствіе, которое было произведено на его душу рѣчами, слышанными имъ отъ ап. Петра и отъ св. Стефана. Отъ послѣдняго изъ нихъ онъ заимствуетъ то, что можно назвать историческимъ методомъ; отъ перваго — замѣчательный мессіанскій аргументъ въ пользу воскресенія, который онъ находитъ въ одномъ мѣстѣ 11-го псалма ⁶⁰²).

Начавъ съ любезнаго обращенія къ іудеямъ и прозелитамъ и похваливъ ихъ ревностное вниманіе, онъ прежде всего коснулся того промысленія Божія въ исторіи Израиля, о которомъ имъ только-что было прочитано въ гафтарѣ. Богъ избралъ ихъ, лелѣялъ ихъ въ Египтѣ, избавилъ ихъ отъ рабства, питалъ ихъ въ пустынѣ, изгналъ ради нихъ семь народовъ изъ Ханаана, управлялъ ими посредствомъ судей въ теченіе 450 лѣтъ и затѣмъ на 40 лѣтъ, по преданію, далъ имъ царемъ человека, котораго (намекая на свое собственное имя и колѣно, что было неподражаемо естественно въ его устахъ) онъ называетъ «Сауломъ, сыномъ Кисовымъ, мужемъ изъ колѣна Веніамина». Затѣмъ, сливая три отдѣльныхъ мѣста св. писанія касательно Давида въ одну общую цитату (13—22), онъ возвѣщаетъ основную истину, проповѣдывать которую и было главною его задачей, именно, что отъ сѣмени Давидова Богъ, по своему обѣтованію, воздвигъ Того, Кто, какъ означаетъ самое Его имя, былъ Спаситель и о которомъ прямо свидѣтельствовалъ великій признаваемый ими пророкъ Іоаннъ Креститель. Правда, правители Іерусалима — и на этой непріятной сторонѣ предмета онъ остано-

ливается лишь слегка — скорѣе по невѣденію, чѣмъ изъ преднамѣренной злобы, предали Его смерти, исполняя такимъ образомъ прямые пророчества св. писанія. Но (и на этотъ великій фактъ онъ ссылался для устраненія страшнаго со-блазна креста)—**Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ** (23 — 31). Это былъ несомнѣнный историческій фактъ, о которомъ какъ фактъ, засвидѣтельство-ванномъ ихъ осязательными чувствами, могли свидѣтельствовать многіе изъ нихъ самихъ. Но чтобы они не смутились отъ этого свидѣтельства, онъ продол-жалъ раскрывать, что оно было въ согласіи со всѣми тѣми пророчествами, которыя въ теченіе вѣковъ были наиболѣе вдохновляющею частью ихъ народной вѣры. Воскресеніе, о которомъ они свидѣтельствовали, было высочайшимъ испол-неніемъ псалма, въ которомъ Богъ обращался къ Давиду какъ къ своему сыну. Въ св. писаніи находятся особенно два мѣста, которыя предвозвѣщали эту великую истину. Одно у пророка Исаи, гдѣ пророкъ общается истиннымъ чадамъ Божиимъ святыя и великія милости Давида; другое есть то, на которомъ ап. Петръ останавливался въ своей рѣчи въ день пятидесятницы, именно увѣренная надежда, выраженная въ *михтамъ* или «золотомъ псалмѣ», что Богъ не оставитъ души Его во адѣ и не дастъ святому своему увидѣть тлѣніе. Въ этомъ пламенномъ убѣжденіи заключалось больше, чѣмъ сколько могло касаться самого Давида. Онъ умеръ, онъ увидѣлъ тлѣніе; но Тотъ, кто отъ сѣмени Давида, кого Богъ воскресилъ, о Немъ только стало истиннымъ то, что Его душа не осталась въ преисподней и Его плоть не увидѣла тлѣнія. По-этому предметомъ ихъ проповѣди было прощеніе грѣховъ чрезъ Него. Въ Моисеевомъ законѣ (и ап. Павелъ опять лишь слегка и въ выраженіяхъ, которыя менѣе всего могли бы причинить оскорбленіе, коснулся этой опасной почвы) не провозглашается отпущенія грѣховъ; но для всѣхъ вѣрующихъ въ Иисуса было не только отпущеніе, но и *оправданіе*. Цитата изъ пророка Аввакума составляла поразительное заключеніе проповѣди, которая такимъ образомъ была переполнена глубочайшими истинами и изумительнымъ свидѣтельствомъ. Она предостерегала ихъ, что какъ ни поразительно это свидѣтельство, но если они не будутъ вѣ-рить ему, какъ отцы ихъ не вѣрили угрозѣ о вавилонскомъ плѣненіи, то этимъ могутъ навлечь на себя страшный и грозный приговоръ (32—41) ⁶⁰³.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія своихъ слушателей, истолковывая только что прочитанныя имъ мѣста, ссылаясь на признаваемые ими пророчества, при-водя писанія, считаемыя ими священными, опираясь на исторію, къ которой они чувствовали такую глубокую привязанность, и изливая потоки свѣта на тѣ «темныя рѣчи на арфѣ», которыя доселѣ нуждались въ своемъ истинномъ объ-ясненіи, сочетая такимъ образомъ любезность съ предостереженіемъ, обѣтованія прошедшаго съ исполненіями ихъ въ настоящемъ, потопляя такъ сказать мрачный ужасъ, возбуждавшійся при мысли о распятомъ Мессіи, въ разгораю-щемся свѣтѣ Его воскресенія,—ап. Павелъ пользуется и аргументаціей, и ссылками,

и свидѣтельствомъ для убѣжденія ихъ въ новомъ и могущественномъ упованіи, которое онъ предлагалъ имъ теперь, и для подготовленія ихъ къ тому, что казалось столь труднымъ для нихъ, именно къ отмінію стараго, которое, достигнувъ своего божественнаго исполненія, должно теперь считаться недѣйствительнымъ символомъ и обветшалою тѣнью, такъ какъ во Христѣ все должно обновиться ⁶⁰⁴).

Не удивительно, что столь сильная бесѣда должна была произвести глубокое дѣйствіе. Даже іудеи были глубоко тронуты ею. Когда народъ началъ расходиться изъ синагоги, то какъ іудеи, такъ и язычники ⁶⁰⁵), одинаково просили, чтобы тотъ же самый предметъ онъ разяснялъ имъ и въ бесѣдѣ на слѣдующую субботу ⁶⁰⁶). И по окончаніи всего собранія многіе какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ «пришельцевъ вратъ», послѣдовали за Павломъ и Варнавою съ цѣлью дальнѣйшихъ распросовъ и бесѣды съ ними. Какъ въ этотъ день, такъ и въ теченіе всей недѣли апостолы дѣлали все, что могли для расширенія познаній этихъ совопросниковъ и для утвержденія ихъ нарождающейся вѣры ⁶⁰⁷). Между тѣмъ вѣсть о великой бесѣдѣ распространилась по всему городу. На слѣдующую субботу огромная толпа народа всѣхъ классовъ, національностей и сословій тѣснилась къ дверямъ синагоги. Надменная исключительность іудеевъ тотчасъ же забила тревогу. Имъ стало досадно, что одна рѣчь этого сомнительнаго странника съ его сомнительными новшествами произвела больше впечатлѣнія, чѣмъ цѣлые годы ихъ прозелитства. Они негодовали, что человѣкъ, вдругъ явившійся среди нихъ какбы изъ среды снѣговъ Тавра съ изумительнымъ благовѣстіемъ, сразу же поразилъ сердца всѣхъ чудодѣйственной симпатіей любви, и проповѣдью о спасеніи могъ совершить больше, чѣмъ сколько совершили они въ теченіе столѣтій построеніемъ недоступной ограды вокругъ исключительной святыни своего закона. Ап. Павелъ—опять главный ораторъ—теперь уже имѣлъ дѣло не съ внимательными и охотными слушателями; онъ то и дѣло былъ прерываемъ плоскими возраженіями и оскорбительными насмѣшками ⁶⁰⁸). Наконецъ оба апостолы видѣли, что настало время для того, чтобы положить конецъ этой сценѣ и прекратить форму дѣятельности, которая вела только къ возбужденію и обидамъ. Собравшись съ мужествомъ (а не многія дѣйствія требуютъ больше мужества, чѣмъ безбоязненное объявленіе въ высшей степени непріятнаго намѣренія разъяренной толпѣ) они воскликнули, что теперь они исполнили свой долгъ и очистили свою совѣсть въ отношеніи своихъ соотечественниковъ. Они сдѣлали имъ предложеніе вѣчной жизни и это предложеніе было презрительно отвергнуто ими ⁶⁰⁹). «Вамъ первымъ надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете его и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то вотъ мы обращаемся къ язычникамъ. Дѣлая такъ, мы исполняемъ пророчество Исаіи, который сказалъ о нашемъ Господѣ, что Онъ былъ предназначенъ во свѣтъ язычникамъ и во спасеніе до края земли».

Съ радостью и благодареніемъ язычники привѣтствовали проповѣдь, которая

теперь исключительно имъ свободно предлагала болѣе и даже болѣе, чѣмъ всѣмъ благословенію іудейства, безъ его законническихъ требованій. Всѣ, кто по благодати Божіей рѣшили войти въ ряды жаждавшихъ вѣчной жизни ⁶¹⁰), принимали вѣру. Болѣе и болѣе начало распространяться слово Господне ⁶¹¹). Но іудеи были слишкомъ могущественны, чтобы можно было легко поразить ихъ. Среди ихъ прозелитовъ было много женщинъ, изъ которыхъ инныя были изъ высокаго званія ⁶¹²). Благодаря своимъ коммерческимъ связямъ, они имѣли также друзей среди главнѣйшихъ представителей города, даже среди муниципальных римскихъ властей. При всей своей терпимости ко всякой узаконенной религіи римляне питали глубокое отвращеніе къ религіознымъ смутамъ, и пока іудеи вели себя мирно, они совершенно охотно давали имъ свое покровительство. Въ виду того, что все шло гладко, пока не явились эти новые пришлецы, римляне легко могли отнестись къ нимъ съ подозрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ съ неудовольствіемъ взглянули и хозяйки ихъ семействъ ⁶¹³). Онѣ приняли участіе въ возбужденіи противъ апостоловъ и имъ удалось достигнуть изгнанія ихъ изъ предѣловъ города. Апостолы отряхли съ ногъ своихъ глубокій прахъ знойныхъ дорогъ во свидѣтельство противъ нихъ (Матѣ. х, 14) и отправились въ Иконію, гдѣ они находились уже подъ другою властью ⁶¹⁴). Но уходъ ихъ не разрушилъ зарождающейся церкви, основанной ими. Можно бы думать, что они въ уныніи оставили своихъ обездоленныхъ обращенцевъ; но это было не такъ. Они оставили по себѣ ликованіе новой надежды, воодушевленіе новой вѣрой, изліяніе Св. Духа въ сердца тѣхъ, которые познали небесное обѣтованіе.

Монета съ о. Кипра
(съ анверса въ Британскомъ музеѣ).

Кара-Дагъ въ Таврѣ.

ГЛАВА XXI.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Ликаонійцы невѣрны, какъ свидѣтельствуеъ и Аристотель. Схолія на Иліаду.

ОГДА васъ будутъ гнать въ одномъ городѣ—бѣгите въ другой, сказалъ Спаситель своимъ двѣнадцати апостоламъ, когда послалъ ихъ на проповѣдь, какъ овецъ среди волковъ (Матѣ. х, 23). Изгнанные изъ Антиохіи ⁶¹⁵), апостолы послѣдовали этому наставленію. Они могли бы перебраться чрезъ Парорійскій хребетъ въ Филомелію и такимъ образомъ направиться на западъ въ Синнаду и Фригійскіе города или въ Колоссы и Лаодикію. Чѣмъ именно они руководились въ своемъ пути, мы не знаемъ; но они пошли къ югу отъ Пароріи и, слѣдуя людной дорогой, направились къ пріятному городу Иконіи. На пространствѣ болѣе чѣмъ ста верстъ дорога идетъ къ юго-востоку по блѣднымъ равнинамъ, по которымъ обитаютъ дикіе ослы и пасутся безчисленныя стада овецъ, пока не достигаетъ зеленаго оазиса, на которомъ стоитъ самая

Иконія ⁶¹⁶). Это тотъ самый городъ, который въ средніе вѣка былъ такъ знаменитъ подъ названіемъ Конье въ качествѣ столицы румскихъ султановъ и мѣста знаменитой осады Готфрея Бульонскаго. Здѣсь на краю безпредѣльной степи и почти окруженные снѣговыми горами, они вошли въ область Ликаоніи и такимъ образомъ вступили въ столичный городъ независимой тетрархіи. Политическая независимость въ управленіи отдѣльных областей, преобладавшая въ это время въ Малой Азіи, была полезна для апостоловъ, именно въ томъ отношеніи, что она давала имъ возможность избѣгать отъ власти одного правителя подъ власть другого. Изгнаніе ихъ изъ Антиохіи навѣрно было утверждено колониальными властями, находившимися подъ властью пропретора Галатійскаго. Но въ Иконіи они были уже внѣ области этого пропретора, такъ какъ этотъ округъ въ царствованіе Августа принадлежалъ разбойническому князю Аминтѣ и былъ еще независимой тетрархіей, состоявшей изъ четырнадцати городовъ ⁶¹⁷).

Какъ и въ Антиохіи, первой ихъ заботой несомнѣнно было найти себѣ помѣщеніе среди своихъ соотечественниковъ, а также и средства для пріобрѣтенія себѣ пропитанія. Въ субботу они, по обыкновенію, вошли въ синагогу, которая одна только и была у тамошняго іудейскаго населенія. Въ приглашеніяхъ къ проповѣди сначала никогда не было недостатка и они проповѣдывали съ одушевленіемъ, которое пріобрѣло имъ многихъ обращенцевъ какъ среди іудеевъ, такъ и прозелитовъ. Батланимы, равно какъ и начальники синагоги, повидимому были противъ нихъ, но сначала противодѣйствіе ихъ не имѣло значенія ⁶¹⁸). Нѣкоторые изъ іудеевъ однако же возбудили умы язычниковъ противъ нихъ ⁶¹⁹). Апостолы повидимому пріобрѣтали особенно сильное вліяніе на «пришельцевъ вратъ». Не легко было поколебать ихъ интересъ къ такому ученію или ихъ благодарности къ тѣмъ, которые жертвовали всѣмъ, что есть дорогаго въ жизни, для своего желанія проповѣдывать это ученіе. Но когда пробудилось іудейское негодование, когда синагога сдѣлалась еженедѣльной сценой яростныхъ споровъ ⁶²⁰), то довольно легко было убѣдить языческихъ жителей города, что эти проповѣдники, какъ уже изгнанные изъ Антиохіи, были опасными поджигателями народныхъ страстей, такъ какъ они вездѣ возмущали миръ городовъ. Не смотря однако же на эти собирающіяся тучи, апостолы удерживали подъ собою почву, и мужество ихъ поддерживалось очевиднымъ благословеніемъ, сопровождавшимъ ихъ труды. Пока они были способны не только увлекать умы своихъ слушателей, но и подтверждать святость своей миссіи знаменіями и чудесами, они чувствовали, что не время еще было уступать противодѣйствію. Ихъ пребываніе поэтому продолжилось, и все населеніе города раздѣлилось на двѣ партіи: одна — состоявшая изъ ихъ враговъ, другая — изъ ихъ приверженцевъ. Наконецъ духъ раздѣленія разгорѣлся настолько, что вожаки враждебной партіи изъ іудеевъ и язычниковъ составили заговоръ убить апостоловъ ⁶²¹). Объ этомъ имъ заблаговременно дано было знать и они еще разъ должны были спастись бѣгствомъ. Оставляя тет-

пархію Иконійскую, они все еще продолжали путь большой дорогой и, пройдя семьдесят верстъ, достигли округа Антиоха IV, царя Коммагенскаго, и вступили въ маленькій городъ Листру Ликаонійскую.

Положеніе Листры доселѣ еще не опредѣлено съ совершенною точностью. Но есть основаніе думать, что она находилась на мѣстѣ, извѣстномъ теперь подъ названіемъ Бин-Бир-Килиссехъ или «тысяча и одна церковь» — нѣкогда бывшая епископская кафедра, заваленная теперь развалинами священныхъ зданій. Оно лежитъ въ сѣверной котловинѣ огромной изолированной массы погасшаго вулкана, «подобно исполину вздымающагося надъ равниной» ⁶²²), называется Кара-Дагъ или «черная гора», и до сихъ поръ служитъ притономъ опасныхъ разбойниковъ.

Но какъ въ Листрѣ, такъ и въ прилегающихъ деревняхъ, апостолы повидимому проповѣдывали съ успѣхомъ и оставались по нѣсколько времени. При одномъ случаѣ ап. Павелъ замѣтилъ среди своихъ слушателей человѣка, который былъ калѣка отъ рожденія. Его очевидная жажда послушать ⁶²³) заставила его выдвинутся впередъ къ апостолу, какъ къ человѣку, который могъ совершать чудесныя дѣла. Изъ повѣствованія очевидно, что ап. Павелъ не всякаго страдальца готовъ былъ исцѣлять. Онъ исцѣлялъ, такъ сказать, только тѣхъ, которые въ своей пламенной вѣрѣ шли на встрѣчу его духовной силѣ. Устремляя на него свой взоръ, апостолъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «встань прямо!» Встрепенувшись отъ чудесной силы, калѣка всталъ и началъ ходить. Толпа, присутствовавшая при проповѣди, которая повидимому на этотъ разъ говорила подъ открытымъ небомъ, была свидѣтельницей этого чуда и вслѣдствіе крайняго возбужденія, быть можетъ изъ чувства страха обращаясь къ своему природному ликаонійскому нарѣчію ⁶²⁴), вскричала: «боги въ образѣ человѣческомъ сошли къ намъ; высокій и почтенный видомъ есть Зевсъ, а другой, младшій и меньшій ростомъ, но говорящій такъ могущественно, есть Эрмій» ⁶²⁵). Не понимая туземнаго нарѣчія, апостолы не знали, что говорила толпа ⁶²⁶) и отправились въ свое помѣщеніе. Между тѣмъ молва объ этомъ поразительномъ событіи распространилась повсюду. Ликаонія была отдаленнымъ уголкомъ, гдѣ еще жила наивная вѣра въ древнія мифологіи ⁶²⁷). Въ центральной Азіи не только было нѣкоторое сходство между ихъ легендами и вѣрованіями іудеевъ ⁶²⁸), но эта мѣстность славилась притомъ нѣсколькими легендарными богоявленіями, знаменитѣйшее изъ которыхъ, какъ повѣствуется въ прекрасномъ сказаніи о Филимонѣ и Бавкидѣ ⁶²⁹), произошло по сосѣдству съ этою именно мѣстностью. Нетронутые возрастающимъ невѣріемъ, относясь съ полною вѣрою ко всѣмъ чудеснымъ сказаніямъ и съ великимъ почтеніемъ ко всякому, кто повидимому облеченъ былъ особенно священнымъ характеромъ ⁶³⁰), ликаонійцы охотно ухватились за мысль, что они еще разъ сподобились посѣщенія боговъ, въ которыхъ они еще вѣрили даже и въ этотъ невѣрующій вѣкъ. А въ такомъ случаѣ

они не хотѣли оказаться виновными въ томъ нечестивомъ скептицизмѣ, который, по народному сказанію, нѣкогда привелъ ихъ соименнаго князя Ликаона къ превращенію въ волка, или въ негостепріимности, которая могла бы лишить всѣхъ, кромѣ одной престарѣлой четы, того, что могло быть источникомъ безконечныхъ благъ для всѣхъ ихъ. Предъ воротами города находился храмъ Зевса, ихъ покровителя бога. Жрецъ Зевса воспользовался этимъ случаемъ. Въ то время, какъ апостолы оставались въ полномъ невѣдѣніи касательно всего происходящаго, онъ досталъ воловъ и вѣнки, и теперь, въ сопровожденіи праздничной толпы, пришелъ къ воротамъ для совершенія имъ жертвоприношенія ⁶³¹). Павелъ и Варнава лишь послѣ всѣхъ узнали, что ихъ хотѣли сдѣлать предметомъ идолопоклонства. Но когда они услышали объ этомъ, то при своемъ живомъ сознаніи страшнаго величія единаго истиннаго Бога были до такой степени поражены ужасомъ, какъ это едва ли и могли понять язычники ⁶³²): разрывая свои одежды, они съ криками бросились къ толпѣ, увѣщевали и умоляли ее вѣрить, что они лишь обыкновенные смертные подобно имъ самимъ и что самую цѣль ихъ миссіи было отвращать ихъ отъ этого пустаго идолопоклонства къ единому, живому и истинному Богу, который сотворилъ и небо, и землю, и море, и все, что въ нихъ. Такимъ образомъ, мало по малу заставляя толпу обратить вниманіе на свои увѣщанія, они объяснили, что въ теченіе прошлыхъ поколѣній Богъ какбы попускалъ всѣмъ народамъ ходить своими путями ⁶³³) и не давалъ имъ особенныхъ откровеній; но даже и въ тѣ дни. Онъ не переставалъ свидѣтельствовать о себѣ благодѣяніями, подавая имъ съ неба «дожди и времена плодоносныя, и исполняя пищей и веселіемъ сердца наши».

Съ такимъ сильнымъ, но любвеобильнымъ и убѣдительнымъ протестомъ обратились апостолы противъ наивнаго суевѣрія простодушныхъ ликаонійцевъ. Въ такой опасный моментъ имъ было не до проповѣди Христа; единственною цѣлью ихъ было отвратить темный народъ отъ идолопоклоннической жертвы и обличить пустоту многобожія, часть котораго составляли такіа жертвоприношенія. Ап. Павелъ, который очевидно былъ при этомъ главнымъ ораторомъ, исполняетъ это съ тѣмъ вдохновеннымъ тактомъ, который всегда можетъ разнообразить свои выраженія соответственно потребностямъ даннаго момента. Нельзя читать этой рѣчи безъ того, чтобы не замѣтить ея тонкое и неподражаемое совпаденіе съ его обычными мыслями и выраженіями ⁶³⁴). Ритмическое заключеніе вполнѣ согласно съ стилемъ его наиболѣе возвышеннаго настроенія; и кромѣ удачной ссылки на естественные дары Божіи въ городѣ, который, самъ по себѣ занимая не невыгодное положеніе, былъ окруженъ безлѣсной равниной, можно естественно предполагать, что выраженіе «исполняя пищей и веселіемъ сердца наши» было подсказано видомъ вѣнковъ и праздничной пышности, окружавшей воловъ, изъ которыхъ народъ послѣ сдѣлалъ бы общественный пиръ. Не невозможно также, что слова эти могли быть отголоскомъ лирическихъ пѣсней ⁶³⁵),

которыя пѣлись при приближеніи процессіи къ воротамъ. Употребленіе ихъ въ болѣе истинномъ и возвышенномъ значеніи было бы совершенно согласно съ счастливой способностью схватывать удачный моментъ аргументаціи, что блистательно выказалъ ап. Павелъ въ Аѳинахъ, когда онъ текстомъ своей проповѣди сдѣлалъ неясную надпись на жертвенникѣ невѣдомому богу.

Но жителямъ Листры не хотѣлось лишиться своего праздника и своего пира; и тѣ, кто были такъ сказать жожаками въ провозглашеніи новаго богоявленія Зевса и Эрмія, вѣроятно ни мало не смутились отъ рѣчей апостола.

Волъ для жертвоприношенія
(снямокъ съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

Ренанъ справедливо замѣчаетъ, что древній язычникъ не имѣлъ понятія о чудѣ, какъ доказательствѣ ученія. Если же апостолы имѣли возможность творить чудеса и однако же безспорно отвергали всякое притязаніе на то, чтобы ихъ считали богами, то что же они такое и что же случилось съ ихъ чудомъ? Ликаонійцы въ непріятномъ смятеніи своихъ чувствъ и съ безпокойнымъ сознаніемъ того, что они поставили себя въ смѣшное положеніе, готовы были отмстить свою ошибку на тѣхъ, которые невинно причинили ее. Это былъ невѣрный и вѣтряный народъ, поддававшійся, кромѣ обычной вѣтренности толпы, мгновеннымъ взрывамъ чувства и увлеченія ⁶³⁶). При своемъ разочарованіи они готовы были допу-

сказать, что если эти два таинственных странника не боги, то они просто преврѣнные іудеи, и если ихъ чудо было не знакомъ ихъ божественности, то оно совершенно темными чарами, о которыхъ имъ передавали римляне. Вслѣдствіе этого, по прибытіи въ Листру іудеевъ Антиохіи или Ликаоніи, имѣвшихъ единственную цѣлью поселить свою ядовитую враждебность къ апостоламъ и въ этой мѣстности, чернь быстро предалась мятежу и буйству. Она начала побивать ап. Павла камнями и когда буяны думали, что онъ уже мертвъ, потащили его за городскія ворота, бросивъ его быть можетъ предъ самымъ храмомъ Юпитера, въ который они и хотѣли предъ тѣмъ ввести его какъ воплощеніе ихъ покровителя бога. Но Павелъ не былъ мертвъ. Это было не іудейское побіеніе камнями, совершаемое съ роковою преднамѣренностью, а внезапный мятежь, не рассчитывавшій на намѣренное убійство. Ап. Павелъ, склонный къ частымъ обморокамъ, былъ ошеломленъ, но не убитъ; и когда ученики въ мучительномъ нетерпѣніи стояли вокругъ него, считая его уже трупомъ, онъ пришелъ въ сознаніе и поднялся съ земли. Толпа между тѣмъ разсѣялась, и онъ быть можетъ переодѣтый или подъ покровомъ вечерняго мрака (всѣ эти подробности не имѣли никакого значенія для ап. Павла и потому не сохранены его біографомъ) опять вошелъ въ городъ.

Не въ домѣ ли Евники и Лойды нашелъ онъ тотъ сладостный покой и нѣжный уходъ, въ которыхъ онъ послѣ столь страшнаго испытанія теперь нуждался болѣе чѣмъ когда нибудь? Если Листра была такимъ образомъ мѣстомъ одного изъ его сильнѣйшихъ страданій и притомъ такихъ страданій, которыя, какъ ни мало онъ останавливался на нихъ, вѣроятно оставили на его уже ослабленномъ тѣлѣ слѣды на всю его жизнь, то она также дала ему по благому промыслу Божію безконечное вознагражденіе. Въ Листрѣ именно онъ обратилъ къ вѣрѣ Христовой сына Евники, тогда быть можетъ пятнадцатилѣтняго мальчика ⁶³⁷), къ которому впослѣдствіи онъ питалъ глубочайшую привязанность и любовь, дышавшія въ каждой строкѣ направленныхъ къ нему посланій. Это былъ Тимофей, котораго онъ избралъ себѣ спутникомъ при своихъ послѣдующихъ путешествіяхъ, котораго онъ посылалъ съ своими наиболѣе важными порученіями, которому онъ вручилъ надзоръ надъ наиболѣе важными церквами, котораго онъ призывалъ къ утѣшенію въ своемъ послѣднемъ тюремномъ заключеніи, котораго всегда считалъ сыномъ по вѣрѣ, ближайшимъ и любезнѣйшимъ своему сердцу. Если бы Лука былъ съ ап. Павломъ въ его первомъ путешествіи, онъ вѣроятно упомянулъ бы объ обстоятельстве которое ап. Павелъ несомнѣнно считалъ однимъ изъ величайшихъ благословеній Божіихъ и которое могло бы загладить чувствомъ благодарности даже горькія воспоминанія о Листрѣ (2 Тим. III, 11). Но мы, зная на основаніи скудныхъ указаній самого ап. Павла, что онъ здѣсь именно впервые встрѣтился съ благороднѣйшимъ и возлюбленнѣйшимъ изъ всѣхъ его обращенцевъ, можемъ съ удовольствіемъ остановиться на мысли, что Тимофей со слезами стоялъ въ той группѣ учениковъ, которые окружали окровавленнаго проповѣдника, что сердце его запылало

восторгомъ и благодарностью, когда онъ увидѣлъ, что апостолъ приходитъ въ сознаніе. Онъ быть можетъ помогъ ему тайно пробраться въ домъ своей матери и тамъ быть можетъ не только перевязалъ его раны, но также читалъ ему въ мрачныя и мучительныя часы какія-нибудь изъ благодатнѣйшихъ мѣстъ того св. писанія, въ которомъ онъ измлада воспитанъ былъ.

Но послѣ столь жестокаго обращенія едва ли было бы безопасно оставаться далѣе, хотя на одинъ день еще, въ городѣ, гдѣ они подверглись столь звѣрскому насилию. Даже если бы ярость черни истощилась сама собой, то злоба іудеевъ едва ли была утолена этимъ. Единственнымъ спасеніемъ еще разъ должно было стать бѣгство; еще разъ они должны были бѣжать въ другую область. Подъ сѣрымъ покровомъ утра, когда городъ еще спалъ, они оставили Листру ликаонійскую и направились въ городъ Дервію ⁶³⁸), который находился отсюда на разстояніи тридцати пяти верстъ въ области Исаврійской. Тяжело подумать, какъ человѣкъ, съ которымъ только-что поступили такъ жестоко, долженъ былъ совершать 35-тиверстное путешествіе, такъ сказать въ собственныхъ рукахъ неся свою жизнь и еще страдая и истекая кровью отъ страшнаго нападенія предыдущаго дня! Но если мрачныя и скалистыя вершины Кара-Дага, бѣлые отдаленныя снѣга горы Эгея ⁶³⁹) и серебристое полотно Бѣлаго озера мало были способны улаживать его истомленные глаза или утишить его возбужденный духъ, зато мы можемъ быть увѣрены, что съ нимъ былъ Тотъ, Кого онъ нѣкогда преслѣдовалъ, но ради котораго теперь былъ готовъ перенести все, и что часъ за часомъ, въ то время, какъ онъ слабыми и усталыми ногами шелъ изъ жестокаго и вѣтрянаго города, онъ все болѣе и болѣе утѣшался блаженнымъ упованіемъ на Бога.

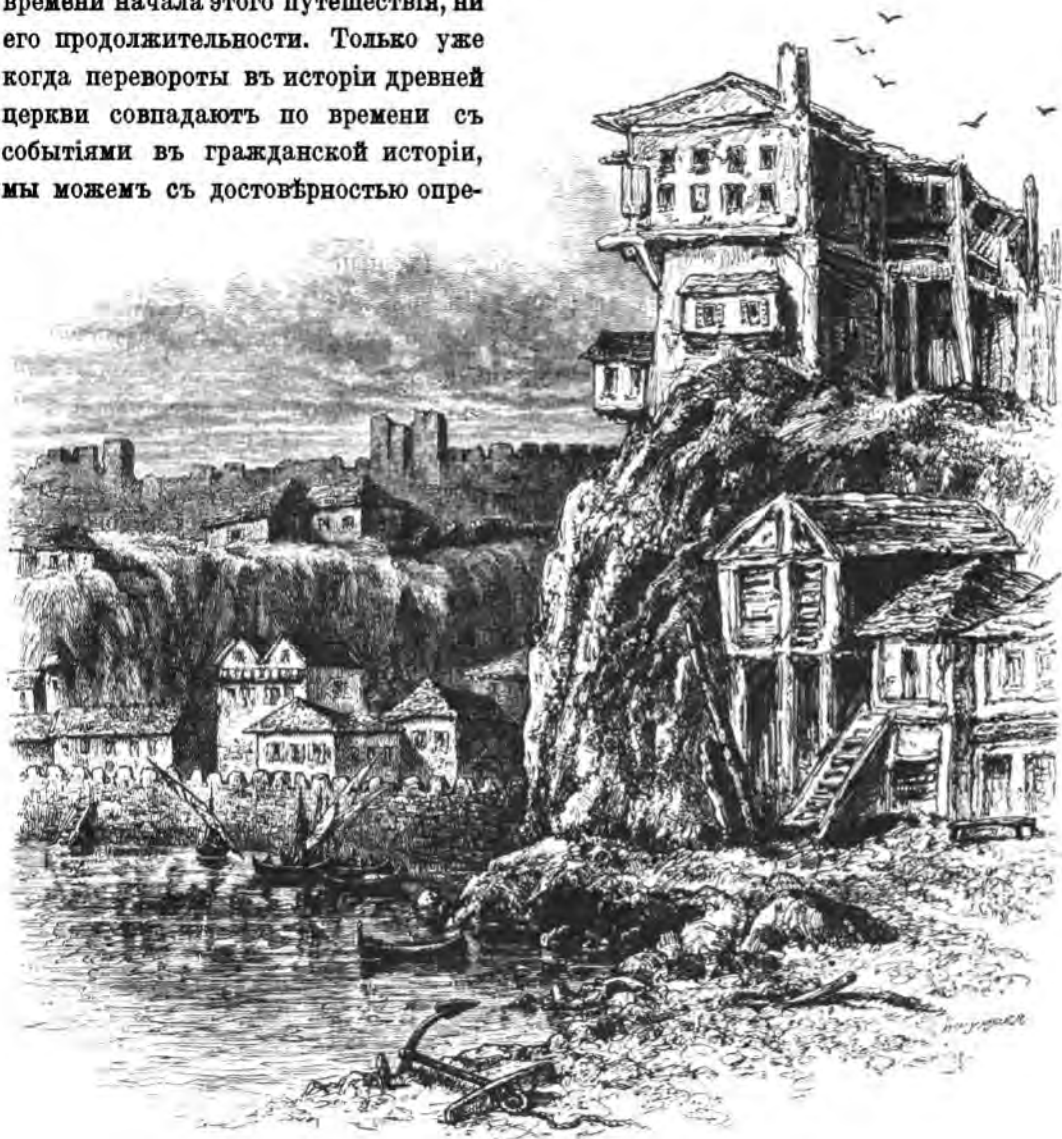
Въ Дервіи миссіонеры имѣли возможность спокойно отдохнуть. Іудеи быть можетъ не знали, что ап. Павелъ былъ еще живъ. Эта тайна, открытіе которой грозило опасностью апостолу, навѣрно глубоко сохранялась маленькой общиной его листрійскихъ учениковъ. Во всякомъ случаѣ, въ Дервію іудеи не послѣдовали за нимъ съ своею неутѣшимой ненавистью. Дервія не упоминается среди тѣхъ мѣстъ, гдѣ, какъ онъ пишетъ Тимоѣю, онъ терпѣлъ страданія и гоненія. Дѣятельность его здѣсь повидимому была счастлива и успѣшна и завершилась обращеніемъ тѣхъ учениковъ, которыхъ онъ всегда считалъ «своей надеждой, радостью и вѣнцомъ ликованія». Здѣсь также онъ приобрѣлъ еще одного друга въ Гайѣ, дервянинѣ, который впослѣдствіи сопровождалъ его при его послѣднемъ посѣщеніи Іерусалима ⁶⁴⁰).

Такъ какъ они теперь были такъ близко отъ Кибистры (новѣйшей Эрегли), отъ которой нѣсколько переходовъ привели бы ихъ къ Киликійскимъ воротамъ, а чрезъ Тарсъ—въ Антиохію, то можно бы думать, что они здѣсь отправятся въ обратный путь. Почему же они не пошли этимъ путемъ? Въ этомъ отношеніи быть можетъ справедливо остроумное замѣчаніе Левина ⁶⁴¹), что «дорога эта, какъ иногда бываетъ и теперь, сдѣлалась въ то время непроходимой отъ

наводненія Ак-Гіюля, разлившагося вслѣдствіе таянія зимнихъ снѣговъ, и что путь чрезъ горы ⁶⁴³⁾ былъ также неудобенъ и небезопасенъ». Но причиной этого могло быть просто и сознаніе того, что въ присутствіи ихъ еще нуждались юныя основанныя ими церкви. Вслѣдствіе этого они пошли назадъ по пустынной и пыльной равнинѣ, тянущейся на тридцать пять верстъ отъ Дервіи къ Листрѣ, на семьдесятъ верстъ отъ Листры къ Иконіи и на сто слишкомъ верстъ отъ Иконіи до Антіохіи. Легко представить, сколько требовалось героизма для того, чтобы еще разъ выступить противъ опасностей, которыя могли предстоять имъ здѣсь. Но они знали значеніе словъ своего Господа: «кто близъ Меня, тотъ близъ огня». Они несомнѣнно приняли всѣ необходимыя предосторожности и охотно подчинились всѣмъ даже унижительнымъ условіямъ, требовавшимся осторожностью, входя въ города быть можетъ переодѣтыми или быть можетъ только въ поздніе часы ночи и рано утромъ. Христіане рано должны были познакомиться съ тайными ходами, полуночными собраніями и таинственными паролями, при помощи которыхъ только они и могли избѣгать ярости своихъ враговъ. Но апостолы благополучно достигли своей цѣли. Они совершили путь свой въ безопасности, повсюду утверждая учениковъ въ вѣрѣ, увѣщевая ихъ къ постоянству, убѣждая ихъ въ спасительности тѣхъ неизбѣжныхъ испытаній, которыми мы только и можемъ входить въ царство Божіе ⁶⁴³⁾. Такъ какъ для обезпеченія порядка и единства въ этихъ маленькихъ общинахъ обращенцевъ нужна была нѣкоторая организація, то они дѣлали торжественныя собранія, на которыхъ съ молитвой и постомъ назначали старѣйшинъ ⁶⁴⁴⁾, прежде чѣмъ сподобить ихъ послѣдняго прощальнаго благословенія. Такимъ образомъ они прошли чрезъ Ликаонію, Иконію и Писидію и достигли Памфиліи; и такъ какъ при первомъ своемъ путешествіи они не имѣли возможности проповѣдывать въ Пергіи, то они проповѣдывали въ ней теперь. Возможно, что они не нашли корабля для отплытія по Кестру къ мѣсту своего назначенія. Поэтому они отправились въ двадцативосьми-верстный сухой путь къ цвѣтущему приморскому порту Атталіи при устьѣ Катаракта, который въ то время пѣнистымъ водопадомъ пробивалъ свой путь къ морю чрезъ скалистый хребетъ; и оттуда (они повидимому никогда не останавливались надолго среди пестраго и непостояннаго населенія этихъ приморскихъ городовъ) сѣли на корабль и отправились въ Селевкію, еще разъ видѣли скалистый островъ горы Казія, поднялись на склоны Корифея и направились подъ великолѣпныя тѣни каменнаго дуба, миртовъ и земляничныхъ деревьевъ на берегахъ Оронта, пока еще разъ не перешли хорошо извѣстный имъ мостъ и завидѣли мрачную голову Харона, уставившагося надъ Сингонской улицей, по сосѣдству съ которой маленькая христіанская община готовилась встрѣтить ихъ съ сердечнымъ привѣтомъ и безграничной любовью.

Такъ окончилось первое миссіонерское путешествіе ап. Павла, первый такъ сказать полетъ орла, который скоро долженъ былъ воспарить еще болѣе смѣлымъ

крыломъ, еще въ болѣе обширныхъ кругахъ, среди еще болѣе яростныхъ бурь. Мы слѣдили за нимъ по краткимъ замѣткамъ св. Луки, но не имѣемъ возможности въ точности опредѣлить ни времени начала этого путешествія, ни его продолжительности. Только уже когда перевероты въ исторіи древней церкви совпадаютъ по времени съ событіями въ гражданской исторіи, мы можемъ съ довѣрностью опре-

Атталія.

дѣлать время, къ которому они должны быть отнесены ⁶⁴⁵). Мы видѣли, что Павелъ и Варнава посѣтили Іерусалимъ около времени смерти Ирода Агриппы, а это было въ апрѣлѣ 44-го г. по Рожд. Христ. Послѣ этого они

возвратились въ Антиохію, и ближайшее, что вслѣдъ затѣмъ сообщается о нихъ это—ихъ послушаніе божественному внушенію, которое избрало ихъ благовѣстниками для язычниковъ. Возможно думать поэтому, что они провели около года въ Антиохіи, такъ какъ имъ не легко было бы найти корабля для путешествія съ одного мѣста на другое, кромѣ тѣхъ мѣсяцевъ, въ которые море считалось открытымъ. Между тѣмъ навигація у древнихъ начиналась съ восходомъ Плеяды, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, и мы съ полною вѣроятностью можемъ полагать, что мартъ 45 года по Р. Х. и есть то время, съ котораго они начали свои проповѣдническіе труды. Все остальное затѣмъ можетъ быть лишь предметомъ гаданій. Въ Кипрѣ они повидимому провели не болѣе одного или двухъ мѣсяцевъ ⁶⁴⁶); въ Антиохіи Писидійской пребываніе ихъ было также несомнѣнно непродолжительно. Въ Иконіи они оставались «значительное время»; но въ Листрѣ, затѣмъ опять въ Дервіи и на ихъ обратномъ пути въ Пергіи и Атталіи, какъ можно судить по повѣствованію, они едва ли оставались подолгу. Принимая во вниманіе время, необходимое на самое путешествіе, мы едва ли можемъ предполагать, чтобы первое путешествіе заняло болѣе одного года и они возвратились въ сирійскую Антиохію быть можетъ поздною весною 46 года ⁶⁴⁷).

Но какъ ни кратокъ былъ періодъ этого путешествія, слѣдствія его были неизмѣримы. Хотя ап. Павелъ возвратился изъ этого путешествія совершенно разбитымъ, хотя двадцать лѣтъ спустя чрезъ завѣсу жестокихъ испытаній онъ все еще обращается взоромъ назадъ, какбы они случились только вчера, «къ гоненіямъ, страданіямъ постигшимъ его въ Антиохіи, Иконіи, Листрѣ, каковыя гоненія онъ перенесъ и отъ всѣхъ ихъ избавилъ его Господь» (2 Тим. ш, 11); хотя путешествія и насилія, непрестанно угрожавшія его жизни, опасности, которыя способны бы были разбить даже самыя желѣзные нервы, дѣлали его болѣе чѣмъ когда нибудь подлежащимъ припадкамъ острыхъ страданій и тяжелаго унынія (Гал. i, 10; vi, 17); однако же, не смотря на все это, онъ возвратился съ жаждою миссіонерства въ своемъ сердцѣ, съ рѣшимостью болѣе сильною, чѣмъ когда либо, опять проповѣдывать міру и быть готовымъ къ назиданію благовременно и безвременно; съ установившимся убѣжденіемъ, что по труду и назначенію жизни, къ которому Богъ призвалъ его, ему надлежало быть именно апостоломъ язычниковъ (1 Кор. ix, 21; Гал. v, 11; Римл. xv, 16; Ефес. ш, 6 и проч.).

Это убѣжденіе постоянно тѣснилось въ его душу, укрѣпляясь отъ живыхъ опытовъ во всѣхъ городахъ, гдѣ только приходилось имъ проповѣдывать. До извѣстнаго предмета, который впрочемъ находился почти у самаго порога ихъ главнаго пункта, и іудеи готовы были слушать ихъ; но когда начинали замѣчать, что проповѣдуемое имъ евангеліе было всеобще, что оно проповѣдывало Бога, которому сынъ Авраама нисколько не дороже, чѣмъ всѣ боящіеся Его и любящіе праведность въ какомъ бы то ни было народѣ, что оно въ дѣйствительности придало титулу «сынъ Авраамовъ» значеніе лишь иносказательное, ни сколько

не зависящее отъ особенныхъ преимуществъ крови, то они тотчасъ же воспламенялись яростнымъ гнѣвомъ. Это было какбы презрѣніе и негодованіе старшаго брата къ возвратившемуся блудному сыну и его отказъ пользоваться преимуществами, которыя отнынѣ онъ долженъ раздѣлять съ другими ⁶⁴⁸). Глубоко укоренившееся въ іудеяхъ религіозно-національное высокомѣріе выступало въ грозномъ всеоружіи. Кто это такіе темные нововводители, осмѣлившіеся идти противъ вѣковыхъ надеждъ и традиціонной славы почти двадцати столѣтій? Кто эти дерзкіе еретики, которые во имя вѣры, отвергнутой всѣми раввинами, проповѣдывали язычникамъ отверженіе исключительности правъ іудеевъ на всѣ обѣтованія и на всѣ преимущества, которыя были такъ дороги цѣлымъ поколѣніямъ ихъ отцовъ?

Но это было еще не все. Отвергать преимущества было уже въ ихъ глазахъ достаточно непатріотичнымъ дѣломъ. Но какой истинный іудей, какой блюститель *законовъ* могъ вынести такое темное беззаконіе, какъ отступничество отъ нея началъ? Развѣ іудеи уже недостаточно дѣлали, свободно допуская въ свои синагоги «пришельцевъ вратъ»? Развѣ они не снисходили даже до того, чтобы считать сыномъ Израиля всякаго язычника, который принималъ завѣтный обрядъ обрѣзанія и обѣщалъ быть вполнѣ преданнымъ писанному и устному закону? Но новые учителя, особенно Павелъ, на ихъ взглядъ, употребляли такіа выраженія, которыя, доведенныя до своего логическаго заключенія, могли означать только крайнее униженіе древнихъ преданій и даже священнаго обряда обрѣзанія. Правда, они быть можетъ никогда открыто не провозглашали отмѣны этого обряда, но ясно, что онъ занималъ второстепенное мѣсто въ ихъ воззрѣніяхъ и они не имѣли склонности дѣлать между ихъ іудейскими и языческими обращеніями то неизмѣримое различіе, которое отдѣляло «пришельцевъ правды» отъ «пришельцевъ вратъ».

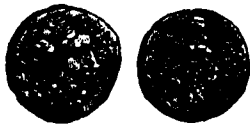
Очень возможно, что только событія этого путешествія окончательно дали возможность созрѣть взглядамъ ап. Павла на этотъ важный предметъ. Обыкновенный законъ природы въ этомъ случаѣ не нарушался, и такъ какъ онъ возрасталъ въ благодати и въ познаніи Господа Иисуса Христа, то его собственныя посланія ⁶⁴⁹), хотя каждое изъ нихъ имѣетъ свою особенную высочайшую цѣль, несомнѣнно обнаруживаютъ нѣкоторое различіе въ способѣ раскрытія истины, что можно отчасти приписать именно созрѣванію его духа. Замѣчательно, что ап. Павелъ, когда его противники насмѣхались надъ нимъ, что онъ нѣкогда былъ проповѣдникомъ обрѣзанія, не отвѣчаетъ на эти издѣвательства отрицаніемъ, а просто говоритъ, что во всякомъ случаѣ его гоненія составляютъ знакъ того, что *теперь* время это миновало. Въ дѣйствительности онъ просто устраняетъ эти указанія на прошедшее словами, которыя дѣлали бы невозможными какія либо сомнѣнія касательно его убѣжденій въ настоящемъ. Тѣмъ же самымъ способомъ въ первой части своего посланія къ Галатамъ (1, 10) онъ предупреждаетъ обвиненіе

себя въ челоуѣкоугодничествѣ (обвиненіе, которое, какъ онъ видѣлъ, было ложно по самому существу, между тѣмъ какъ даже клеветническая злоба могла находить нѣкоторое оправданіе для него въ его широкомъ безразличіи къ мелочамъ) не стараніемъ объяснить свой прежній образъ дѣйствія, а строгимъ обличеніемъ, которое никто не могъ принять за челоуѣкоугодничество или искательство. Правда, во второй главѣ посланія къ Галатамъ ап. Павелъ, повидимому, явно разумѣетъ двѣ вещи. Во первыхъ, что именно предательство и шпіонство лежебратій впервые заставили его придавать этому вопросу первостепенное значеніе; во вторыхъ, что его взгляды на этотъ предметъ въ то время далеко были еще неокончательные и что онъ лишь съ нѣкоторымъ опасеніемъ касательно практическаго рѣшенія его отправился на совѣщаніе въ Іерусалимъ. Результатъ этого совѣщанія, — именно открытіе того, что Іаковъ и Кифа не могли ничего сообщить больше для рѣшенія этого предмета, — именно и заставилъ его впервые рѣшиться противодѣйствовать всѣми силами наложенію этого ига на язычниковъ и прямо вступить на тотъ путь, съ котораго онъ уже потомъ не сходилъ. Но изъ этого путешествія онъ узналъ, что ничто кромѣ мудрости Божіей, уничтожающей челоуѣческое неразуміе, ничто кромѣ благодатнаго Духа Божія, разрушающаго желѣзные мускулы на выѣ плотскаго упорства, не могло принудить іудеевъ къ принятію проповѣдуемыхъ имъ истинъ. Ап. Павелъ видѣлъ, что работниковъ въ виноградникѣ невозможно было никогда привести къ сознанію, что они убили наслѣдника, какъ убили почти и всѣхъ, кто приходили раньше Его. Хотя Онъ впервые пришелъ въ свои собственныя владѣнія, Его собственный народъ отказался принять Его ⁶⁵⁰). Израиль по плоти не могъ низойти съ своего высокоумнаго самодовольства для того, чтобы принять свободный даръ вѣчной жизни.

Поэтому, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, ап. Павелъ убѣдился, что его главное дѣло было среди язычниковъ. Быть можетъ ярость и презрѣніе іудеевъ воспламенили въ немъ, не смотря на его нѣжное сердце и скорбь, слишкомъ опасное для естественнаго челоуѣка негодованіе, слишкомъ пламенный гнѣвъ. Быть можетъ онъ чувствовалъ, насколько другіе были болѣе приспособлены имѣть дѣло съ ними, чѣмъ онъ, — тѣ другіе, сродство которыхъ съ ними было сильнѣе и которые менѣе понимали неизбежное будущее, именно, что язычники очевидно были готовы къ принятію евангелія. Для этихъ другихъ овецъ Божіихъ очевидно настало исполненіе временъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые были расположены къ вѣчной жизни, ученіе о свободномъ спасеніи чрезъ Сына Божія было безконечно сладостно. Не малое число ихъ даже въ іудейскомъ ученіи находило по крайней мѣрѣ нѣчто близкое къ этому ⁶⁵¹). Но принятіе іудейства сопровождалось неизбежнымъ принесеніемъ тяжелой жертвы. Даже для того, чтобы сдѣлаться пришельцемъ вратъ, необходимо было подвергаться многому такому, что было ненавистно для язычниковъ; а сдѣлаться пришельцемъ вратъ еще ничего не значило. Болѣе строгіе изувѣры іудейства придавали такъ мало значенія этой

ступени, что она почти не означала ничего. Какъ же могъ человѣкъ соглашаться на принятіе того, что одно только могло сдѣлать его пришельцемъ правды,—того, что возвышая его на эту ступень, налагало на него бремя обрядностей, которыя, будучи мертвы, какъ въ духѣ, такъ и въ буквѣ, однако же дѣлали его жизнь бременемъ и отдѣляли его не нравственно только, но и въ обществѣ, отъ всего, что онъ наиболѣе любилъ и цѣнилъ ⁶⁵²). Жертвы, которыя долженъ былъ принести африканскій обращенецъ, оставляя полигамію, браминъ — жертвуя своей кастой, представляютъ лишь малую долю того, что долженъ былъ нести язычникъ, если онъ дѣлался іудеемъ. Съ какою же радостью долженъ былъ поэтому такой человѣкъ принять вѣру, которая, предлагая ему чистѣйшую нравственность и сладостнѣйшую надежду въ будущемъ, величайшую силу въ настоящемъ и полнѣйшее отпущеніе грѣховъ въ прошедшемъ, давала ему эти неоцѣнимыя блага безъ унижительнаго обряда обрѣзанія и временныхъ оскорбительныхъ различій въ пищѣ! Стоицизмъ могъ лишь утѣшать его безплодной бездѣйственностью «категорическаго императива»; евангеліе предлагало ему въ качествѣ силы, не нуждавшейся ни въ какомъ дополненіи, духъ живаго Христа. Да, ап. Павелъ чувствовалъ, что язычники не могли отказаться отъ предложеннаго имъ спасенія. Самому ему придется быть можетъ увидѣть лишь зеленѣющія былинки, или въ лучшемъ случаѣ собрать лишь нѣсколько скудныхъ колосьевъ; но послѣ, какъ онъ былъ увѣренъ, будетъ собрана полная жатва. Отселѣ онъ сознавалъ себя исключительно апостоломъ язычниковъ и ради этого высокаго призванія онъ радъ былъ пожертвовать своею жизнью.

Монета города Иконіи
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

Римская арка въ Тарсѣ.

ГЛАВА XXII.

СОВѢЩАНІЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Ибо, будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ
поработалъ себя, дабы больше приобрести.

1 Кор. ix, 19.

ПЕРВЫМЪ дѣломъ ап. Павла и Варнавы, по ихъ прибытіи въ Антиохію, было созвать собраніе церкви и дать отчетъ о своей миссіи и своемъ успѣхѣ, служившемъ очевиднымъ доказательствомъ того, что Богъ теперь, открывая язычникамъ «дверь вѣры», своимъ явнымъ благословеніемъ показалъ, что безбоязненный опытъ миссіи язычникамъ находился въ согласіи съ Его волей.

Нѣкоторое время миссіонеры-апостолы мирно отдыхали отъ своихъ трудовъ и опасностей среди мирныхъ служеній въ новой митрополиі христіанства. Но такова уже доля человѣка, что ненарушимый миръ не можетъ долго пребывать въ этомъ мірѣ. Церковь скоро началъ волновать споръ, который не только имѣлъ подавляющую важ-

ность, но повидимому даже угрожалъ опасностью всей судьбѣ христіанской вѣры.

Обращенцы изъ іудеевъ и язычниковъ въ Антиохіи, отвергнувъ различіе во взглядахъ и обычаяхъ, возникавшихъ изъ ихъ прежнихъ возрѣній, жили вмѣстѣ, будучи душой и тѣломъ соединены узами общей любви къ своему общему Спасителю. Если они вступали въ сомнительныя пренія между собой ⁶⁵³), то скоро оказывались лицомъ къ лицу съ проблемами, которыя имъ трудно было рѣшить; поэтому они предпочитали заниматься только тѣми безконечными духовными преимуществами, въ отношеніи которыхъ они считали себя равными участниками.

Въ эту любящую братскую общину между тѣмъ укралкой вторглись нѣкоторыя личности изъ Іудей ⁶⁵⁴), которыя на время глубоко возмутили миръ церкви. Фарисеи, едва освободившіеся отъ своего фарисейства, іудеи, еще находившіеся въ узахъ своихъ узкихъ предубѣжденій, братья, за которыми едва ли еще могло быть признано святое имя братьевъ ⁶⁵⁵)—всѣ подобныя личности вторглись въ церковь съ мелочнымъ духомъ зависти и шпіонства ⁶⁵⁶), не съ возвышенными какими либо цѣлями, а съ цѣлью измѣннически предать крестъ свободы и подвергнуть свободныхъ христіанъ Антиохіи подзаконному рабству. Св. Лука, вѣрный своей примирительной цѣли, просто называетъ ихъ «нѣкоторыми пришедшими изъ Іудей»; но ап. Павелъ съ пыломъ негодующаго спора и подъ болѣе сильнымъ впечатлѣніемъ ихъ вреднаго вліянія гнѣвно называетъ ихъ «вкравшимися лжебратіями», скрытно приходившими подсмотреть за «свободой» христіанъ ⁶⁵⁷). Но хотя во всѣхъ указаніяхъ на этотъ замѣчательнѣйшій эпизодъ въ исторіи ранняго христіанства апостолъ и евангелистъ пишутъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, они совершенно согласны между собою въ отношеніи сущности дѣла. Сопоставленіе сообщаемыхъ ими подробностей даетъ намъ возможность воспроизвести наиболѣе важныя обстоятельства спора, который навсегда рѣшилъ будущее церкви изъ язычниковъ ⁶⁵⁸).

Эти братія по имени, но враги въ сердцѣ, прибыли съ жестокимъ, по внѣшности правдоподобнымъ, заранѣе составленнымъ ученіемъ, съ однимъ изъ тѣхъ *шибболетовъ*, которыми улаждаются формалисты и которые обыкновенно наносятъ смертельный ударъ болѣе возвышенной и духовной религіи. Они требовали повиновенія закону Моисея, особенно непремѣннаго принятія обрѣзанія ⁶⁵⁹), какъ наиболѣе существеннаго обряда, и отрицали возможность спасенія на какихъ бы то ни было другихъ условіяхъ. Возможно, что до сихъ поръ ап. Павелъ считалъ обрѣзаніе обязательнымъ для іудеевъ, любвеобильно снисходя въ отношеніи къ язычникамъ. Для такого своего взгляда на этотъ вопросъ онъ ожидалъ озаренія свыше, которое и сообщено было ему быстрымъ теченіемъ обстоятельствъ, какъ сообщилось и всему міру чрезъ паденіе Іерусалима. Но даже среди іудеевъ того времени болѣе разумные и болѣе просвѣщенные видѣли, что для благочестиваго язычника простое внѣшнее обрѣзаніе не могло имѣть *существеннаго значенія*. Ананія,

который имѣлъ честь обратить царское семейство въ Адиавенѣ, прямо совѣтовалъ Изату, что для него нѣтъ надобности рисковать своей короной, подвергаясь вѣшному исполненію ненужнаго обряда ⁶⁶⁰). Только уже когда въ дѣло вмѣшались такіе люди, какъ Елеазаръ, изувѣрные и узкіе буквоѣды школы Шаммаи, нѣкоторые стали настаивать на внушеніи пришельцамъ вратъ, что ихъ вѣра и ихъ святость не имѣетъ никакого значенія, если только они не примутъ посвященія въ пришельцевъ правды ⁶⁶¹). Изать и Монобазъ, какъ это вполнѣ естественно у боязливыхъ и суевѣрныхъ натуръ, рисковали всѣмъ, чтобы только удовлетворить взглядамъ этихъ непреклонныхъ зилотовъ, все равно какъ изъ болѣе низкихъ побужденій уступили имъ Азизъ, царь Эмесскій, и Полемонъ Киликійскій съ цѣлью приобрести руки богатыхъ и прекрасныхъ княженъ дома Иродова ⁶⁶²). Но понятно, что такое принятіе Моисеева закона, какъ и можно было ожидать, было крайне исключительнымъ; и ап. Павелъ видѣлъ, что если христіанству суждено снизойти на степень простаго превращенія вѣры во Христа, какъ іудейскаго Мессію, въ самодовольство шаммаитскаго фанатизма ⁶⁶³) или даже въ простую угрозу закономъ, то было невозможно, даже было нежелательно, чтобы оно продолжало самое свое существованіе. Сила привычки, конечно, могла въ природномъ іудеѣ освѣжить новымъ виномъ евангелія старую обрядность, доходившую до охраненія подонковъ раввинскаго преданія. Въ Іерусалимѣ христіанинъ могъ и не чувствовать ущерба, который онъ несъ отъ привязыванія своей новой жизни къ трупъ безсмысленныхъ *малковъ*; но въ Антиохіи во всякомъ случаѣ и еще болѣе въ новопросвѣщенныхъ равнинахъ Малой Азіи такое рабство никогда не могло быть допущено.

Можно вообразить ту скорбь, съ которою ап. Павелъ наблюдалъ за этимъ постояннымъ, этимъ систематическимъ ⁶⁶⁴) покушеніемъ уничтожить все то, что уже было сдѣлано, и сдѣлать невозможнымъ всякій дальнѣйшій успѣхъ для христіанства. Неужели же такимъ образомъ живой жизнедательный духъ долженъ былъ рѣшительно пасть жертвой мертвой буквы? Неужели эти новые фарисеи должны были проходить море и землю для приобрѣтенія хоть одного прозелита въ тѣхъ лишь видахъ, чтобы можно было присоединить высокомѣріе іудея къ пороку язычника и сдѣлать его въ десять разъ болѣе узкимъ, чѣмъ они сами? Неужели суевѣрное поклоненіе мертвымъ постановленіямъ должно было подавлять ниспосланную съ неба свободу чадъ Божіихъ? Если Моисей по божественному водительство наложилъ на народъ, состоявшій изъ грубыхъ и жестоковѣрныхъ рабовъ, не только нравственный законъ, обязательности котораго самъ Христосъ придалъ безконечную важность, но также и гнетущее иго «учрежденій недобрыхъ и постановленій, которыми они не могли быть живы» (Іезек. хх, 25): то неужели это иго, послѣ того какъ оно уже было отмѣнено, послѣ того какъ оно сдѣлалось отчасти невозможнымъ, и въ большей части потеряло свое значеніе, неужели должно было налагать его на выи, которыя оно могло только

раздражать и приводить въ неистовство ⁶⁶⁵)? Неужели Титъ, молодой, мужественный, свободный и чистый, подобно огню горящій любовью ко Христу на алтарѣ своей души, долженъ былъ подходить подъ мѣрку какого нибудь невозрожденнаго фарисея, который, нося свой широкій *теффилинъ* и свои *циционъ* съ точнымъ числомъ нитей и узловъ, былъ однако же совершенно чуждъ любви Христа и ничего не вѣдалъ касательно Его свободнаго для всѣхъ спасенія? Неужели къ христіанамъ, которые всѣ были братьями, избраннымъ родомъ и царскимъ священствомъ, іудеи, которые не имѣли предъ ними никакихъ преимуществъ, кромѣ весьма сомнительнаго преимущества самого іудейства, должны были относиться какъ къ нечистымъ тварямъ, съ которыми имъ непристойно было даже ѣсть? Іудеи были щедрѣе на выраженія своего презрительнаго превосходства по отношенію къ прозелитамъ. Но можно ли было, хотя на одинъ моментъ, терпѣть такія выраженія въ братствѣ Христовомъ ⁶⁶⁶)?

Легко понять, съ какимъ пламенемъ въ душѣ ап. Павелъ долженъ былъ часто возбуждать эти вопросы во время горячихъ, только-что возникшихъ, споровъ (Дѣян. xv, 2). Можно вообразить, съ какимъ живымъ интересомъ языческіе прозелиты ожидали результата спора, который долженъ былъ рѣшить, достаточно ли было для нихъ для вступленія въ церковь Христову приносить такіе плоды, какъ любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, кротость, доброта, вѣра, скромность, умѣренность, или же они также должны воздвигать *мезузоты* на своихъ домахъ, подвергаться обрѣзанію и удерживаться отъ вольныхъ покупокъ на рынкѣ, не прикасаться совершенно безвредныхъ родовъ пищи и одинъ изъ семи дней опутывать строгостію мелочныхъ и условныхъ обрядовъ. Намъ можетъ показаться удивительнымъ, что ясныхъ изреченій пророковъ было недостаточно для того, чтобы показать, что сущность религіи есть *спра*, а не внѣшнее обрядовое служеніе; и что Господь требуетъ отъ насъ не мелочной точности въ отношеніи одежды и пищи, а требуетъ только, чтобы мы дѣлали справедливость, любили милость и смиренно ходили по путямъ Божиимъ (Мих. vi, 8; Втор. x, 12; Осія vi, 6; 1 Цар. xv, 22). Но приверженцы іудейства имѣли преданіе, авторитетъ и пятокнижіе на своей сторонѣ, вслѣдствіе чего подъ давленіемъ привычки многіе іудейскіе обращенцы были неспособны противостоять заключеніямъ, которыя они однако же признавали ложными. Насколько вообще они были истинными христіанами, они не могли не сознавать, что цѣлью заповѣди Христовой была любовь отъ чистаго сердца и чистой совѣсти и вѣра нелицемѣрная; но когда ихъ противники развертывали предъ ихъ глазами свитки *торы* и спрашивали ихъ, неужели они дерзаютъ презирать великую святыню Синая или ослаблять обязательность законовъ, изреченныхъ Моисею среди горящаго пламени, то заурядный іудей и заурядный язычникъ становились втупикъ. Въ отношеніи этихъ предметовъ поученія Іисуса были лишь лучемъ во тьмѣ; они конечно должны были современемъ разгорѣться яркимъ пламенемъ, но теперь еще пока мерпали только

среди глубокой полночи. Они еще не понимали, что исполненіе закона со стороны Христа было его отмѣной и что держаться прообраза при существованіи первообраза значило держать зажженные свѣчи при сіяніи солнца. Отъ этой угрожавшей церкви опасности поглощенія въ исключительной обрядности ее спасъ одинъ человекъ, и именно ап. Павелъ. Со всею силою своей аргументаціи, съ полнымъ сознаніемъ своего авторитета, онъ утверждалъ и настаивалъ, что обращенцы изъ язычниковъ должны оставаться на тѣхъ свободныхъ условіяхъ, на которыхъ они впервые приняли вѣру Христа ⁶⁶⁷).

Когда казалось не предвидится и конца спорамъ по этому вопросу ⁶⁶⁸), стало необходимымъ предоставить его на рѣшеніе церкви въ Іерусалимѣ и особенно тѣхъ апостоловъ, которые жили съ Іисусомъ на землѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что на этомъ планѣ настаивали и даже требовали его сами іудействующие ⁶⁶⁹), которые навѣрно вполне сознавали, что большинство этой церкви съ тревогой и подозрѣніемъ смотрѣло на то, что они считали противоиудейскими новшествами. Въ самомъ способѣ, съ которымъ они выставляли безконечное превосходство авторитета живыхъ свидѣтелей жизни Іисуса, подобно Іакову и Кифѣ, быть можетъ была даже извѣстная доля нахальства (чѣмъ и объясняется почти раздраженный языкъ ап. Павла впослѣдствіи). На самое отправленіе ихъ въ Іерусалимъ они несомнѣнно смотрѣли какъ на необходимый актъ подчиненія, какъ на судъ надъ Павломъ и Варнавой на іерусалимскомъ соборѣ ⁶⁷⁰). Въ этотъ періодъ самъ ап. Павелъ еще очевидно не дошелъ до полного сознанія независимости своего апостольскаго авторитета. Когда онъ говоритъ Галатамъ, что «совѣтывался съ двѣнадцатыю апостолами касательно проповѣданнаго имъ евангелія, что не напрасно ли онъ подвизается», онъ показываетъ, что въ этотъ періодъ онъ не вполне еще достигъ того непоколебимаго убѣжденія, которое давало ему впослѣдствіи возможность сказать, что если бы «онъ или ангелъ съ неба проповѣдывалъ другое евангеліе, да будетъ анаѡема» ⁶⁷¹). Въ дѣйствительности онъ именно на этомъ соборѣ пришелъ къ убѣжденію, что его авторитетъ совершенно равенъ авторитету апостоловъ, которые были во Христѣ раньше его; что они не могли ничему научить его и ничего прибавить ему; что напротивъ были такія области дѣятельности, которыя скорѣе принадлежали ему, чѣмъ имъ, и въ которыхъ они стояли по отношенію къ нему въ положеніи учениковъ (Гал. II, 7 — 9); что Іисусъ исполнилъ свое собственное обѣтованіе, что для его чадъ было *лучше*, если Онъ уйдетъ отъ нихъ, потому что Его общеніе съ ними дарами Св. Духа было тѣснѣе и полнѣе, чѣмъ при Его дѣйствительномъ присутствіи на землѣ. Тѣмъ не менѣе ап. Павелъ долженъ былъ въ рѣшеніи проповѣдуемыхъ имъ истинъ подвергнуться человѣческому авторитету, Это обстоятельство было для него внутреннимъ голосомъ, духовнымъ внушеніемъ, которое открыло ему, что это его направленіе было мудро и необходимо. Св. Лука, передавая внѣшнюю сторону этого событія, говоритъ, что ап. Павелъ пошелъ по

желанію церкви антиохійской; но самъапостоль Павелъ, умалчивая объ этомъ или считая это свое путешествіе выраженіемъ воли небесъ, говоритъ своимъ обращенцамъ, что онъ отправился «по откровенію». Отъ самого апостола Павла также мы узнаемъ интересное сообщеніе, что между сопровождавшими его и Варнаву былъ Титъ, быть можетъ критскій язычникъ, котораго онъ обратилъ въ Кипръ во время своего перваго путешествія ⁶⁷²). Ап. Павелъ взялъ его какъ языческаго представителя своихъ собственныхъ обращенцевъ, живой залогъ и свидѣтеля, что къ необрѣзаннымъ грекамъ, при видѣ того, что они были равными участниками дара Св. Духа, нельзя относиться какъ къ собакамъ и извергамъ. Завѣдомое одобреніе Божіе нельзя было устранять ради фантастическихъ требованій людей, и высокоумная терпимость или нескрываемое презрѣніе іудеевъ къ прозелитамъ было бы не только преступленіемъ, но и невѣжествомъ, когда они выказывали его по отношенію къ брату по вѣрѣ.

Какъ начало, такъ и все продолженіе ихъ сухопутнаго путешествія сопровождалось открытымъ сочувствіемъ къ ихъ взглядамъ. Изъ Антиохіи ихъ съ честью провожали на ихъ пути, и когда они проходили чрезъ Беритъ, Тиръ, Сидонъ и Самарію, повѣствуя церквамъ объ обращеніи язычниковъ, они повсюду встрѣчали единодушныя выраженія одобренія и радости. По прибытіи въ Іерусалимъ, они были приняты апостолами и старѣйшинами, и изложили имъ исторію своей проповѣди и ея результатовъ вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ вопросомъ, который возникъ вслѣдствіе ея. Очевидно, при этомъ именно случаѣ нѣко-

Карта Сиріи отъ Антиохіи до Самаріи.

которые изъ христіанскихъ фарисеевъ сразу же начали упорно настаивать на нравственной необходимости Моисеева закона и обрѣзанія, высказывая такимъ образомъ прямое порицаніе началамъ, на которыхъ вели свою миссію Павелъ и Варнава ⁶⁷³). Изложенный такимъ образомъ противоположными сторонами вопросъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было его рѣшить непосредственнымъ голосованіемъ; свободное сужденіе церкви касательно такого важнаго вопроса могло быть высказано только на общемъ собраніи. Ап. Павелъ воспользовался временемъ до его созванія съ своею обычною мудростью и дѣловитостью. Зная, что рѣшеніе, достигаемое въ смѣшанныхъ собраніяхъ, зависитъ отъ тысячи всевозможныхъ случайностей, опасаясь, чтобы голоса смѣшаннаго собранія не выразили коллективной неспособности или коллективнаго предубѣжденія, онъ постарался склонить на свою сторону вождей церкви частнымъ изложеніемъ сущности того ученія, которое онъ проповѣдывалъ. Вождями этими были въ это время, какъ онъ говоритъ намъ, Іаковъ ⁶⁷⁴), который упомянуть первымъ вслѣдствіе своего положенія въ качествѣ главы церкви іерусалимской, Петръ и Іоаннъ. Ему удалось настолько склонить ихъ на сторону своего дѣла, онъ доказалъ имъ съ такою неотразимою силою, что они не могутъ настаивать на обращеніи христіанъ изъ язычниковъ въ правовѣрныхъ іудеевъ, не навлекая на себя страшной отвѣтственности въ прегражденіи навсегда свободнаго русла благодати Божіей, — что они склонились на его сужденія касательно миссіи язычникамъ. Какъ ни знамениты они были въ своей собственной области, какъ ни велика была сила ихъ характера, какъ ни самобытны ихъ личныя воззрѣнія, они не могли выстоять противъ личнаго превосходства ап. Павла (см. Іоан. хvi, 7). Въ присутствіи человека, вся природа котораго выдавала силу вдохновеннаго убѣжденія, они сознавали, что они не могли удерживать за собой безусловнаго положенія вождей или начальниковъ ⁶⁷⁵). Вслѣдствіе этого съ полнымъ великодушіемъ и благороднымъ сочувствіемъ къ дѣлу своихъ соработниковъ на нивѣ Христовой, они подали Павлу и Варнаву правую руку дружества и признали ихъ апостолами язычниковъ. Съ одной только трогательной просьбой обратились они къ нимъ. Церковь іерусалимская съ самаго начала томила въ крайней бѣдности. Она страдала быть можетъ отъ временнаго опыта общенія имуществъ; она терпѣла также несомнѣнно отъ низкаго класса своихъ первыхъ обращенцевъ, отъ обуревавшихъ ее преслѣдованій и отъ хроническаго голода, которому былъ подверженъ святой городъ. Павелъ и Варнава работали въ богатой Антіохіи и имъ приходилось путешествовать среди язычниковъ, которые если и не были богаты, то во всякомъ случаѣ были вполне обеспечены средствами къ жизни. Поэтому должны ли они допустить умирать съ голоду тѣхъ, которые ходили съ Іисусомъ по берегамъ озера Галилейскаго и сидѣли у ногъ Его, когда онъ говорилъ нагорную проповѣдь? Однажды они уже привезли изъ Антіохіи благодарно принятую *халку* ⁶⁷⁶), которая въ тягчайшую годину голода и преслѣдованія столько же облег-

чила судьбу братьевъ, сильно царственная щедрость Елены поддержала іудеевъ. Конечно, они не позволятъ своимъ религіознымъ разногласіямъ отвратить ихъ отъ помощи голодающей церкви. Возможно, что іерусалимскіе христіане фарисейской партіи относились къ нимъ съ высокоумѣнной враждой и нескрываемымъ отвращеніемъ, но навѣрно это нисколько не повліяетъ на ихъ доброжелательство къ церкви. Три главы страдающей церкви просили миссіонеровъ, трудившихся въ богатомъ языческомъ мірѣ, «чтобы они помнили о бѣдныхъ». Это была просьба во всѣхъ отношеніяхъ пріятная нѣжному и сочувствующему сердцу ап. Павла ⁶⁷⁷). Независимо отъ всякой просьбы, онъ уже выказалъ добровольную ревность (Дѣян. XI, 29) въ святомъ дѣлѣ сочувствія страждущимъ, и теперь, когда къ нему обратились уже прямо съ просьбою, онъ былъ радъ всѣми средствами показывать, что, не желая поступиться ни одной іотой существа истины, онъ готовъ былъ принести всякую жертву дѣлу благотворенія. Съ этихъ поръ ап. Павелъ составилъ планъ собиранія милостыни для бѣдныхъ святыхъ въ Іерусалимѣ и отдался исполненію его съ свойственною ему ревностью. Едва ли среди посѣщенныхъ имъ была такая церковь или такой народъ, отъ которыхъ бы онъ не требовалъ приношенія, и сами галаты знали о тѣхъ постоянныхъ сборахъ, которые онъ производилъ среди нихъ ⁶⁷⁸). Во время самой ожесточенной борьбы съ іудействующими, нагло провозглашавшими себя въ качествѣ посланныхъ отъ Іакова, онъ никогда не ослаблялъ своихъ добрыхъ усилій въ пользу благотворенія іерусалимской церкви, явно доказывая этимъ, что даже богословскія разногласія не затемняли въ немъ благородной чувствительности сердца, которое, вслѣдствіе постоянныхъ огорченій, научилось биться сочувствіемъ къ страждущимъ.

Такимъ образомъ одна часть его миссіи въ Іерусалимѣ была исполнена, когда именно «братъ Господень», великій апостолъ, которому Христосъ вручилъ «ключи царства небеснаго», и возлюбленный ученикъ, который склонялъ свою голову во время тайной вечери на грудь Ему, открыто выразили ему свое дружественное признаніе. Этимъ именно событіемъ онъ попреимуществу и занимается въ посланіи къ Галатамъ. Въ ихъ церквахъ сварливые юдаисты осмѣлились порицать его дѣло и обезславливать его ученіе на основаніи мнимаго авторитета матери церкви и ея епископа. Цѣлью ап. Павла было доказать, что его апостольская независимость была признана тѣми самыми лицами, которые теперь выставались въ противовѣсъ его мнѣніямъ. Въ его выраженіяхъ быть можетъ есть нѣкоторый оттѣнокъ неточности; но съ другой стороны всякій безпристрастный читатель сразу увидитъ, что сущность антагонизма, на который онъ намекаетъ, заключалась въ разьединеніи, а не противодѣйствіи, въ антагонизмъ скорѣ послѣдователей, чѣмъ вождей,—въ личной антипатіи юдаистовъ къ ап. Павлу, а не ап. Павла къ двѣнадцати апостоламъ ⁶⁷⁹).

Но св. Лука занимается другой стороной этого дѣла. Для него авторитетъ ап. Павла былъ внѣ всякаго сомнѣнія и не былъ предметомъ обсуж-

денія у тѣхъ, для кого онъ писалъ; но не то было съ *ученіемъ* ап. Павла, и цѣль св. Луки состоитъ въ томъ, чтобы показать, что главныя начала его не только не были опасны, но нашли формальное признаніе со стороны старѣйшихъ апостоловъ. Что при этомъ была жестокая борьба, онъ и не старается скрыть этого, но приводитъ подлинный документъ въ доказательство того, что она кончилась торжественно въ пользу апостола язычниковъ.

Болѣе частную форму разсужденія приняли вслѣдствіе присутствія Тита, какъ одного изъ спутниковъ ап. Павла. Вокругъ этого молодаго челоуѣка очевидно и возникъ самый ожесточенный споръ. Юдаисты настаивали, что онъ долженъ подвергнуться обрѣзанію. Пока онъ оставался необрѣзаннымъ, они отказывались ѣсть вмѣстѣ съ нимъ или считать его въ истинномъ смыслѣ братомъ. Они даже негодовали на ап. Павла за его свободное товарищество съ этимъ язычникомъ, подобно тому, какъ они прежде негодовали на Петра за принятіе гостепримства отъ Корнилія. Этими спорами были возмущаемы вечера любви, а вмѣстѣ съ ними и совершеніе таинства причащенія. Какъ для Тита, такъ и для ап. Павла, это было вѣроятно безпокойное время, именно благодаря бурѣ сталкивающихся мнѣній, высказываемыхъ съ тою сварливою настойчивостью, которую іудеи всегда проявляютъ при возбужденіи своего религіознаго фанатизма. Даже по прошествіи пяти или шести лѣтъ⁸⁸⁰⁾ ап. Павелъ не можетъ говорить объ этомъ періодѣ въ своей жизни безъ волненія, которое до такой необычайной степени отзывалось на его языкѣ, что дѣлалось неполнѣ яснымъ для насъ даже самый результатъ спора. Галаты несомнѣнно хорошо знали о немъ, но намъ было бы желательно получить болѣе полныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Вопросъ заключается въ томъ, уступилъ ли на этотъ разъ ап. Павелъ, или нѣтъ? Другими словами, былъ ли Титъ обрѣзанъ? Что касается Тимофея, то ап. Павелъ завѣдомо принималъ во вниманіе его іудейское происхожденіе съ материнской стороны и поэтому обрѣзалъ его какъ іудея, а не какъ язычника, потому что иначе было бы невозможно обезпечить за нимъ допущеніе его въ среду іудеевъ. Но даже этого было бы достаточно для возбужденія обвиненій въ непослѣдовательности, которыя, какъ мы знаемъ, поднимались противъ него впослѣдствіи. Но если онъ уступилъ бурѣ, поднятой въ отношеніи Тита,—если онъ, самый стойкій христіанскій поборникъ необрѣзанія, передовой провозвѣстникъ истины, что во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, но вѣра, дѣйствующая любовью, — допустилъ, чтобы варослый языческій обращенецъ подвергся іудейскому обряду, неимѣвшему другаго значенія, кромѣ обязательства исполнять Моисеевъ законъ,—тогда дѣйствительно его можно было бы обвинять въ принесеніи въ жертву того самаго начала, которое онъ отстаивалъ теперь. Онъ конечно могъ бы заявить, что онъ сдѣлалъ это только въ видахъ мира, такъ какъ иначе самая жизнь Тита подверглась бы опасности, или потому, что самое его присутствіе въ святомъ городѣ могло бы возбудить ложные слухи и страшны

волненія ⁶⁸¹), какъ это было въ послѣдующіе годы, вслѣдствіе присутствія Трофима. Онъ могъ бы сказать: «я обрѣзалъ Тита только потому, что не было другой возможности разумно уладить поднятый споръ». Но если онъ и дѣйствительно уступилъ, то какъ бы ни были благородны и человеколюбивы его побужденія, онъ все-таки далъ бы своимъ противникамъ оружіе противъ себя, которымъ они конечно и не преминули бы воспользоваться.

Что его съ особенною настойчивостью побуждали склониться на эту именно мѣру, это очевидно, и быть можетъ чрезвычайная горячность его выраженій зависитъ именно отъ воспоминанія о всемъ томъ, что онъ претерпѣлъ въ этой ожесточенной борьбѣ ⁶⁸²). Выдерживая до конца, онъ несомнѣнно вынужденъ былъ вынести давленіе почти всего общества церкви въ Іерусалимѣ. Быть можетъ даже самъ Варнава, какъ это и было впоследствии, не удержался твердо на почвѣ истинъ, которыя казались достаточно ясными ему, когда онъ трудился одинъ съ ап. Павломъ на пустынныхъ возвышенностяхъ Ликаоніи. Несомнѣнно, нравственное мужество ап. Павла могло восторжествовать надъ этимъ страшнымъ испытаніемъ, если онъ имѣлъ твердость и силу стоять противъ такого сильнаго давленія. Что касается мужества, то конечно никакой страхъ не заставилъ бы его уступить; но не могъ ли онъ уступить на время въ смыслѣ человеколюбивой уступки съ цѣлью обезпечить рѣшительное торжество своихъ началъ въ будущемъ?

Вникнемъ въ его подлинныя выраженія во всей ихъ неподкрашенности. «Потомъ», писалъ онъ чрезъ четырнадцать лѣтъ послѣ этого событія ⁶⁸³), «опять ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита ⁶⁸⁴). Ходилъ же по откровенію и предложилъ тамъ ⁶⁸⁵) и особо знаменитѣйшимъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, не напрасно ли я подвизаюсь ⁶⁸⁶) или подвизался ⁶⁸⁷). Но они и Тита, бывшаго со мною, хотя и еллина, не принуждали обрѣзаться; но (онъ былъ только обрѣзанъ?) изъ-за вкравшихся лжебратій скрытно приходившихъ подсмотрѣть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Іисусѣ Христѣ, чтобы

Входъ въ гробницу Пресв. Богородицы.

поработить насъ ⁶⁸⁸); имъ мы даже ⁶⁸⁹) ни на часъ не уступили *изъ подчиненія*, дабы истина благовѣствованія сохранилась у васъ ⁶⁹⁰). И въ знаменитыхъ ⁶⁹¹) чѣмъ либо, какими бы ни были они ⁶⁹²) когда-либо, для меня нѣтъ ничего особеннаго: Богъ не взираетъ на лице человѣка. И знаменитые не возложили на меня ничего болѣе». Таковъ буквальный переводъ собственныхъ словъ ап. Павла въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ; и онъ затѣмъ продолжаетъ рассказывать о высказанномъ ему признаніи со стороны трехъ главныхъ апостоловъ, что его авторитетъ никоимъ образомъ не терпѣлъ ограниченія въ сравненіи съ ними; мало того, въ отношеніи къ язычникамъ онъ даже считался особенно одареннымъ и находился подъ особеннымъ руководствомъ Божиимъ.

Но разумѣетъ ли онъ въ этомъ мѣстѣ то, что онъ «ни на часъ не уступилъ и не обрѣзалъ Тита, не смотря на огромное давленіе на него», или онъ разумѣетъ лишь слѣдующее: «я допускаю, какъ не прискорбно допускать это, что въ отношеніи Тита я уступилъ. Титъ былъ обрѣзанъ, но не по *принужденію*; я уступилъ, но не изъ *подчиненія*; сдѣланная мною уступка, какъ она ни велика и ни ошибочна, не была однако же полнымъ отступленіемъ отъ начала, а только чертой братолюбивой снисходительности»?

Нужно помнить, что для ап. Павла имѣли значеніе «идеи, а не формы»; то обстоятельство, что обрѣзаніе было дѣломъ само по себѣ безразличнымъ, допускаемая истина, что человѣкъ могъ спастись благодатію Господа Іисуса Христа и только ею — могли побудить его, при сильномъ давленіи (Дѣян. xv, 10), согласиться, чтобы обрядъ этотъ былъ совершенъ съ тѣмъ именно безразличіемъ къ возвеличиванію мелочей, которое заставляетъ его съ взрывомъ горькой ироніи сказать Галатамъ: «о, если бы были удалены возмущающіе васъ! Къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу» (Гал. v, 12). Когда ап. Павелъ принималъ обѣтъ назорейскій, когда онъ обрѣзывалъ Тимофея (Дѣян. xvi, 3), онъ дѣлалъ это изъ благороднаго желанія устранить всѣ ненужные поводы смущенія и не затруднять своего дѣла упорнымъ отказомъ поступиться неважными вещами. Мы знаемъ, что завѣдомымъ пра иломъ его было быть всѣмъ для всѣхъ, если только онъ этимъ могъ приобрести кого нибудь; онъ обладалъ слишкомъ высокимъ духомъ, чтобы препираться изъ-за предметовъ, неимѣющихъ никакого значенія. Но нельзя ли представить, что въ ожесточенномъ спорѣ, благодаря которому самое пребываніе его въ Іерусалимѣ, пока не обрѣзанный Титъ находился среди членовъ церкви, дѣлалось для него тягостнымъ, Павелъ могъ встать и сказать: «я прибылъ сюда для улаженія этого чрезвычайно важнаго предмета. Если присутствіе Тита кажется вамъ оскорбительнымъ подтвержденіемъ отвергнутыхъ вами положеній, то хорошо: это только частный случай, и такъ какъ вопросъ все еще не рѣшенъ, я обрѣжу его и затѣмъ мы болѣе спокойно приступимъ къ обсужденію общаго вопроса». Не могъ ли онъ взглянуть на это дѣло какъ на случай, въ ко-

торомъ небезполезно было на время уступить, чтобы впоследствии достигнуть болѣе полной побѣды? Что касается друзей, раздѣлявшихъ его взгляды, то не могъ ли онъ сказать: «какое значеніе имѣетъ частный случай? онъ рѣшительно не означаетъ ничего. Титъ самъ настолько благороденъ, чтобы желать обрѣзанія ради мира; онъ вполне понимаетъ, что это только уступка жестокому предубѣжденію. Оно можетъ быть чрезвычайно полезно ему для обезпеченія будущаго допущенія въ іудейскія собранія. Для него, равно какъ и для насъ, оно будетъ считаться порѣзаніемъ, а не обрѣзаніемъ; внѣшнюю обрядностью, совершенною изъ добровольнаго добродушія, а никоимъ образомъ не въ смыслѣ торжественнаго правила и прецедента или знаменательнаго обряда»? Да и самъ Титъ не сталъ ли бы просить апостола, чтобы онъ не занимался съ особенной настойчивостью вопросомъ касательно его лично? Не могъ ли онъ вполне естественно сказать: «мнѣ прискорбно, что такой шумъ и споръ возникъ изъ за меня, и я совершенно согласенъ утишить его, сдѣлавшись пришельцемъ правды»? Если Титъ поступилъ именно такимъ благороднымъ образомъ, то нежеланіе ап. Павла воспользоваться его великодушіемъ могло бы еще болѣе увеличиться, и однако же его врагамъ было бы дано въ руки новое оружіе противъ него. «Моисей», сказали бы они, «установилъ обрѣзаніе. Мы не можемъ позволить этому язычнику присутствовать при нашихъ вечерахъ любви безъ него; онъ самъ, къ его чести, совершенно готовъ согласиться на это; почему же ты продолжаешь возмущать миръ нашего Израиля своимъ отказомъ согласиться на это»?

Но что бы ни выставляли противъ этого взгляда, мы не можемъ понять, почему, если бы ап. Павелъ не уступилъ, онъ употребляетъ столь неопредѣленный языкъ, что какое бы мы ни придавали ему значеніе—отрицательное или положительное, онъ все-таки заставляетъ многихъ и теперь, какъ и въ ранніе вѣка церкви, думать, что апостоль сдѣлалъ именно то самое, что, по общему предположенію, онъ самъ отрицалъ. Ничего не могло быть легче или пріятнѣе сказать: «я не обрѣзалъ Тита, хотя дѣлались всевозможныя усилія къ тому, чтобы принудить даже меня къ этому. Неисполненіе этого съ моей стороны—даже въ Іерусалимѣ, при началѣ всего спора, даже въ главныхъ пристанищахъ іудейской тираниі, предъ лицомъ очевиднаго желанія апостоловъ — доказываетъ какъ мою независимость, такъ и мое постоянство». Но неизмѣримо труднѣе было для него объяснить, почему онъ дѣйствительно уступилъ въ столь важномъ случаѣ. Быть можетъ Титъ былъ подлѣ него, когда онъ писалъ это самое мѣсто, и если такъ, то для ап. Павла это было бы еще болѣе тяжкимъ напоминаніемъ объ уступкѣ, которая болѣе чѣмъ все другое могла бы доказывать его подчиненность и его неискренность. Поэтому онъ, стараясь показать, почему онъ поступилъ такъ и какихъ побужденій у него не было при этомъ, въ концѣ концовъ, самъ не замѣчая того, не даетъ достаточной ясности выраженію своей мысли ⁶⁹³). И если послѣ рѣшенія собранія и выдержанной

борьбы ап. Павелъ всетаки нашелъ желательнымъ обрѣзать Тимофея просто съ цѣлю избѣжать смущенія іудеевъ, которыхъ онъ намѣревался посѣтить, то не могли ли тѣ же самыя побужденія руководить имъ и раньше, когда онъ видѣлъ, какъ присутствіе Тита повергало въ волненіе всю церковь? Если ложные выводы, которые можно сдѣлать изъ этой уступки, были гораздо важнѣе въ дѣлѣ чисто-кровнаго язычника, то съ другой стороны необходимость устраненія смуты была также настоятельна, и обязательность обрѣзанія была менѣе оспариваема въ то время. Несомнѣнно однако же, что подобный образъ дѣйствія могъ повести только къ добру. Только при такой мѣрѣ было возможно напр. для Тита быть епископомъ церкви критской. Ни одинъ обрѣзанный іудей въ то время не могъ бы потерпѣть «епископства» необрѣзаннаго язычника.—Мы долго остановились на этомъ вопросѣ потому, что въ жизни ап. Павла не много такихъ обстоятельствъ, которыя имѣли бы болѣе важное значеніе для опредѣленія какъ его характера, такъ и условій его времени. Онъ скорѣе бы умеръ, скорѣе бы вынесъ разрывъ между церковью іерусалимской и церквами его языческихъ обращенцевъ, чѣмъ допустить мысль, что спасеніе не можетъ быть внѣ оградъ Моисеева закона. Въ томъ или другомъ случаѣ онъ былъ готовъ, можетъ быть, благодаря своему великодушію, слишкомъ готовъ для собственнаго мира сдѣлать почти все отъ него зависящее, только бы не привести себя и еще болѣе дорогое для него Евангеліе, которое онъ проповѣдывалъ, въ столкновеніе съ адамантовыми стѣнами фарисейскаго изувѣрства. Но онъ постоянно даетъ понять, что его начало оставалось неприкосновеннымъ, что Христосъ во всякомъ смыслѣ отмѣнилъ проклятіе закона, что кромѣ его всеобщихъ нравственныхъ началъ законъ былъ уже необязателенъ для язычниковъ, что «преданія отцовъ» не имѣли для нихъ больше никакого значенія. Онъ во что бы то ни стало, при почти безграничной уступчивости въ отдѣльныхъ случаяхъ, при непоколебимой устойчивости, когда опасность грозила основнымъ началамъ, хотѣлъ установить, насколько дѣло во всякомъ случаѣ касалось язычниковъ, истину, что Христосъ разорвалъ рукописаніе, направленное противъ насъ, и уничтожилъ его совсѣмъ, пригвоздивъ обрывки его къ кресту своему (Кол. II, 14).

И вотъ такимъ образомъ шелъ этотъ великій споръ. Апостолы, во всякомъ случаѣ вожди ихъ, благодаря частному сношенію съ нимъ, склонились на его сторону. Противники отчасти были приведены къ молчанію, благодаря личной уступкѣ. Ап. Павелъ съ замирающимъ сердцемъ ожидалъ результата собранія, которое должно было рѣшить, долженъ ли былъ Іерусалимъ еще оставаться митрополіей вѣры, или онъ останется въ сторонѣ, какъ сѣдалище отсталаго законничества, между тѣмъ какъ Евангеліе Христа должно было вступить на новый путь отъ Антиохіи къ западу. Одного только не должно быть: онъ не долженъ ежедневно возрастающее, крѣпнущее христіанство закутывать въ обветшавшія пеленки отмѣненной системы. Онъ не долженъ дѣлать христіанство религіей омовеній и очи-

щеній, время и новолѣтій, пищи и питія, а религіей святости и благодати, религіей, въ которой люди могутъ ѣсть или не ѣсть, смотря по своему желанію, и могутъ считать каждый день одинаково священнымъ, такъ чтобы со всею силою проявить въ своей жизни любовь къ человѣку, возникающую отъ корня любви къ Богу.

Неудивительно, что споръ былъ оживленный и горячій⁶⁹⁴). Несомнѣнно, какъ и во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ церкви, при обсужденіи спорныхъ вопросовъ высказывалось не мало взаимныхъ обвиненій и недоразумѣній, не было недостатка въ примѣрахъ несостоятельной аргументаціи, неточности языка, не ясныхъ понятій. Св. Духъ конечно былъ съ ними и тогда, какъ бываетъ и теперь при собраніяхъ вѣрныхъ христіанъ. Онъ былъ съ ними для того, чтобы руководить и вдохновлять ихъ. Но ни тогда, ни теперь—какъ мы ясно видимъ изъ новаго завета и изъ опыта исторіи—Его вліяніе не дѣйствовало съ такою силою чтобы чудесно подавлять человѣческое разномысліе или сглаживать человѣческое несовершенство. Сторонники ап. Павла подвергались страшнымъ для іудея обвиненіямъ въ неустойчивости, безрелигіозности, отступничествѣ, недостаткѣ патріотическаго чувства и въ невѣріи въ откровенную истину. Развѣ Моисей не былъ боговдохновенъ? Развѣ можно священное пятокнижіе низводить на степень мертвой буквы? Развѣ можно идти противъ страшныхъ проклятій, произнесенныхъ на Гевалѣ? Неужели свитки торы нужно было съ презрѣніемъ бросать въ Мертвое море? Съ другой стороны тѣ, которые поддерживали необходимость обрѣзанія и повиновенія закону, становились беззащитными предъ роковымъ вопросомъ: если законъ необходимъ для спасенія, то какое же значеніе послѣ этого имѣло дѣло Христа?

Но когда вопросъ этотъ былъ такимъ образомъ достаточно обсужденъ, поднялся ап. Петръ⁶⁹⁵). На какую сторону онъ станетъ, въ этомъ едва ли можно было сомнѣваться. Въ дѣйствительности онъ уже выступалъ однажды противъ подобнаго же противодѣйствія. Но исключительный случай былъ конечно совершенно отличнымъ дѣломъ отъ общаго правила. Правда, что Петръ стоялъ теперь не одинъ, а находилъ нравственную поддержку, которая была такъ необходима ему, въ спокойномъ достоинствѣ Варнавы и пылкомъ геніѣ Павла. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ задача его была даже болѣе трудною, чѣмъ прежде, и, поднимаясь на высоту этого дѣла, онъ говорилъ съ подавляющей смѣлостью и силой⁶⁹⁶). Его рѣчь вполне соотвѣтствовала практическому, прямому, неказуистическому складу его ума. Исполненный энергическаго убѣжденія въ виду логики фактовъ, онъ напомнилъ собранію, какъ задолго предъ тѣмъ⁶⁹⁷) вопросъ этотъ уже былъ практически рѣшенъ. Богъ избралъ его для приобрѣтенія перваго малаго общества обращенцевъ изъ языческаго міра и даръ Духа Святаго показалъ имъ, что они были очищены вѣрою. Налагать на нихъ бремя закона, бремя въ ежедневной жизни, которую онъ окружалъ бесполезною и часто даже

неисполнимою обрядностью, бремя совѣсти, такъ какъ оно создавало чувство обязательства, въ отношеніи котораго законъ не могъ ни вдохновить къ исполненію, ни избавить отъ упущеній его, налагать такое бремя, которое считалось невыносимымъ какъ со стороны ихъ отцевъ, такъ и ихъ самихъ⁶⁹⁸), значило бы просто искушать Бога поставленіемъ препятствій Его явнымъ цѣлямъ и противоцѣльемъ Его явной воли. Въ одномъ были согласны всѣ присутствующіе (сн. Дѣян. хі, 17), именно, что какъ іудейскіе, такъ и языческіе обращенцы могли спастись только благодатію Господа Іисуса Христа. Выводъ такимъ образомъ былъ очевиденъ, именно, что они не спасались и не могли спастись дѣлами закона. Соблюденія этихъ дѣлъ іудеи, кому они первоначально и заповѣданы были, естественно должны были держаться, пока не явился новый свѣтъ; но эти наслѣдственные обряды никогда не предписывались язычникамъ, и такъ какъ они были не необходимы для спасенія, то они очевидно для язычниковъ были бы не только бременемъ, но и положительно камнемъ преткновенія.

Вліяніе и достоинство ап. Петра водворили въ собраніи молчаніе. Возбужденіе теперь настолько утихло, что Павелъ и Варнава могли быть выслушаны безъ перерывовъ. Варнава, который въ іудейской церкви все еще удерживалъ свое достоинство и который у слушателей вслѣдствіе оказанной имъ раньше щедрости настолько же пользовался сочувствіемъ собранія, насколько ап. Павелъ вслѣдствіе своихъ прежнихъ гоненій—несочувствіемъ,—говорилъ первымъ; но какъ онъ, такъ и ап. Павелъ повидимому воздерживались отъ аргументаціи по этому вопросу. Всѣ доводы были высказаны въ частныхъ совѣщаніяхъ, когда слова могли быть обсуждаемы свободно. Здѣсь они находились не для того, чтобы настаивать на принятіи своихъ взглядовъ, а для того, чтобы выслушать мнѣнія апостоловъ и управляемой ими церкви. Варнава повидимому никогда не вступалъ въ споры, а ап. Павелъ былъ слишкомъ мудръ, чтобы обсуждать богословскія разногласія предъ смѣшаннымъ собраніемъ. Они поэтому ограничились только простымъ изложеніемъ хода своей миссіи, останавливаясь особенно на тѣхъ «знаменіяхъ и чудесахъ», совершенныхъ ими среди язычниковъ, которыя были убѣдительнымъ доказательствомъ того, что хотя они и не могли пріобрѣсти одобренія человѣческаго, зато во все время они пользовались благословеніемъ Бога.

Затѣмъ поднялся Іаковъ. Всякій изъ присутствовавшихъ долженъ былъ чувствовать, что практическое рѣшеніе церкви (а ап. Павелъ долженъ былъ чувствовать, что, говоря почеловѣчески, и будущность христіанства) зависѣло отъ того, что скажетъ онъ. Онъ возбуждалъ у всѣхъ особенное чувство почтенія къ себѣ, равно какъ и благоговѣнія ко всему, что онъ говорилъ и что дѣлалъ. Облеченный таинственнымъ и неопредѣлимымъ достоинствомъ «брата Господня», онъ внушалъ это достоинство всѣмъ своимъ существомъ, своей одеждой, образомъ жизни и внѣшностью. Преданіе, передаваемое однимъ эвѣнгелистскимъ сказаніемъ и заимствованное отсюда Егезиппомъ⁶⁹⁹), изображаетъ его носящимъ не шерстяную одежду,

а одѣтымъ въ тонкое бѣлое полотно съ головы до ногъ, причемъ, вслѣдствіе соприкосновенія въ своей родословной съ священническимъ родомъ, или въ качествѣ символа своего «епископства» въ Іерусалимѣ, онъ носилъ на своемъ челѣ *петалонъ* т. е. золотую дощечку, составлявшую знакъ первосвященства⁷⁰⁰). По свидѣтельству преданія, онъ былъ такъ благочестивъ и такъ высокочтимъ всѣмъ іудейскимъ народомъ, что ему только одному, подобно первосвященнику, позволялось входить въ святая святыхъ; велъ безбрачную⁷⁰¹) и аскетическую жизнь; долгіе часы одиноко проводилъ въ храмѣ, молясь за народъ, пока колѣна его не становились столь жесткими и одеревенѣлыми, какъ у верблюда; имѣлъ силу совершать чудеса; вслѣдствіе его молитвъ выпадалъ дождь; благодаря его заслугамъ угрожавшій гнѣвъ Божій былъ отвращенъ отъ іудейскаго народа; онъ принялъ титулъ «праведнаго» и *обліама* т. е. «оплота народа» и имѣлъ своихъ прообразовъ въ лицѣ пророковъ⁷⁰²). Во всякомъ случаѣ, можно съ полнымъ вѣроятіемъ принимать, что онъ былъ назорей, даже аскетъ, который по наклонности своего характера былъ болѣе привязанъ къ Бану, Іоанну Крестителю и суровымъ общинамъ ессеевъ, чѣмъ къ ученикамъ Того, который свободно ѣлъ и пилъ, изливая на общественную жизнь свѣтъ своей священной радости, присутствовалъ на пиршествѣ фарисеевъ въ Капернаумѣ, на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской и не устранился даже отъ слезъ или благовоній, которыми Марія Магдалина и Марія Виванская омывали ноги Ему.

Такой-то именно человекъ и поднялся теперь съ рѣчью. Онъ носилъ длинные волосы назорея, ниспадавшіе по бѣлой одеждѣ, и поражалъ суровостью взгляда, вполне характеризующаго человека, который былъ такъ строгъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ непоколебимъ въ своихъ сужденіяхъ, такъ рѣшительнъ и остръ въ своей рѣчи. Важность его мнѣнія заключалась въ увѣренности, что она едва ли могла быть, по крайней мѣрѣ номинально, не принята большинствомъ, среди котораго онъ пользовался особенною властью, правда чисто мѣстною и ограниченою, но въ этихъ предѣлахъ гораздо большею, чѣмъ даже власть Петра. Самые яростные фанатики едва ли могли отказаться отъ подчиненія сужденію того, который до глубины своего существа былъ преданнымъ іудеемъ, на кого даже необращенные іудеи смотрѣли съ почтеніемъ, въ сознаніи котораго «законъ», о которомъ апостолы Петръ и Іоаннъ лишь только упоминаютъ въ своихъ посланіяхъ, настолько занималъ преобладающее и выдающееся мѣсто, что онъ даже ни разу не упоминаетъ о евангеліи и говорить о немъ только подъ видомъ то же закона, хотя и «совершеннаго закона свободы» (Іак. I, 25; II, 12).

Его рѣчь, которая, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, носилъ на себѣ внутреннюю печать подлинности⁷⁰³), была совершенно іудейскою въ тонѣ и однако же показывала, что частные доводы апостоловъ язычниковъ не прошли безслѣдно для ума, который, если и нѣсколько суровый и узкій въ сравненіи съ умомъ Павла и даже Петра, все-таки былъ умомъ замѣчательнаго и святаго чело-

вѣка, не способнаго протививиться явному указанію Духа Божія. Ап. Петръ, увлеченный пыломъ сильнаго благодатнаго убѣжденія, порывы котораго часто выводили его за предѣлы обыкновеннаго состоянія, безбоязненно изложилъ тѣ широкія начала, которыя быть можетъ были отголоскомъ мыслей, внушенныхъ ему ап. Павломъ. Трудно было ожидать, чтобы ап. Іаковъ говорилъ съ одинаковою широтою и смѣлостью. Если бы онъ поступилъ такъ, то мы сразу же почувствовали бы, что онъ говорилъ не отъ себя, не языкомъ своего собственнаго посланія и говорилъ не то, чего можно было ожидать отъ него въ виду того, какимъ мы его знаемъ. Но хотя его рѣчь и совершенно отлична отъ рѣчи ап. Петра, хотя въ ней предлагались ограниченія тамъ, гдѣ онъ провозглашалъ свободу, однако же она шла гораздо дальше, чѣмъ можно было предполагать, дальше, чѣмъ желали бы изувѣры, и главнѣе всего она снисходительно относилась къ главному предмету спора, показывая, что обрѣзаніе и обрядовый законъ не имѣли вообще существеннаго значенія для язычниковъ.

Попросивъ къ себѣ вниманія, онъ напоминаетъ собранію, что Симонъ ⁷⁰⁴⁾ (какъ, употребляя еврейскую форму имени, онъ характеристически называетъ своего собрата апостола) рассказалъ имъ о божественномъ внушеніи, которое повело ихъ къ призванію язычниковъ, и это, по его мнѣнію, было совершенно согласно съ древнимъ пророчествомъ и слѣдовательно съ божественнымъ установленіемъ ⁷⁰⁵⁾. Но очевидно—и это было явно для всѣхъ іудеевъ,—что язычники никогда не примутъ всего Моисеева закона. Его авторитетное рѣшеніе ⁷⁰⁶⁾ поэтому приняло форму братскаго снисхожденія. Онъ предлагалъ избавить обращенныхъ язычниковъ отъ всѣхъ ограниченій, кромѣ четырехъ, которыя относились къ тому, что называлось «Ноевымъ завѣтомъ» (см. Быт. ix, 4) — именно отъ воздержанія отъ всѣхъ предметовъ, оскверненныхъ приношеніями идоламъ ⁷⁰⁷⁾, отъ блуда, удавленія и крови ⁷⁰⁸⁾, «ибо», прибавляетъ онъ въ словахъ, имѣющихъ болѣе чѣмъ одно значеніе, «законъ Моисеевъ отъ древнихъ родовъ по всѣмъ городамъ имѣетъ проповѣдующихъ его и читается въ синагогахъ каждую субботу». Этимъ прибавленіемъ онъ вѣроятно хотѣлъ сказать, что такъ какъ законъ Моисеевъ былъ повсюду читаемъ въ синагогахъ, посѣщаемыхъ какъ іудейскими, такъ и языческими обращенцами, то этимъ будетъ дано знать язычникамъ, что этотъ законъ, который читается имъ, неполнѣ обязателенъ для нихъ, а лишь настолько, насколько этого требуетъ снисходительность къ іудею; а іудеямъ этимъ показано будетъ, что апостолы не желаютъ отмѣнять *ради нихъ* того закона, исполненія постановленій котораго они еженедѣльно были свидѣтелями.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ пунктовъ въ этой рѣчи есть аргументъ, выводимый изъ пророчества Амоса, которое сначала считалось пророчествомъ о возвращеніи Израиля изъ плѣна, и которое ап. Іаковъ съ яснымъ пониманіемъ все болѣе расширяющагося кругозора пророчества относитъ къ идеальному возстановленію, именно къ принятію Іеговы въ качествѣ общаго

Отца небеснаго великою семьею человѣчества. Въ возстановленіи разрушенной скиніи Давидовой онъ видитъ созданіе церкви Христовой какъ идеальнаго храма, въ которому должны присоединиться также и язычники. Удивительно также, что, приводя это пророчество, онъ ссылается не на еврейскій подлинникъ, а

Развалины синагоги.

главнымъ образомъ на переводъ LXX ⁷⁰⁹). Греческій текстъ здѣсь существенно разнится отъ еврейскаго и отличается отъ него по самому существу толкованія, такъ какъ онъ истолковывается не только въ смыслъ идеальнаго перехода отъ іудейскаго храма къ церкви, но и въ прямомъ отношеніи къ язычникамъ. Именно:

«Чтобъ *взыскали Господа прочіе челоѣтики* и всѣ народы, между которыми возвѣстится имя Мое,—говорить Господь».

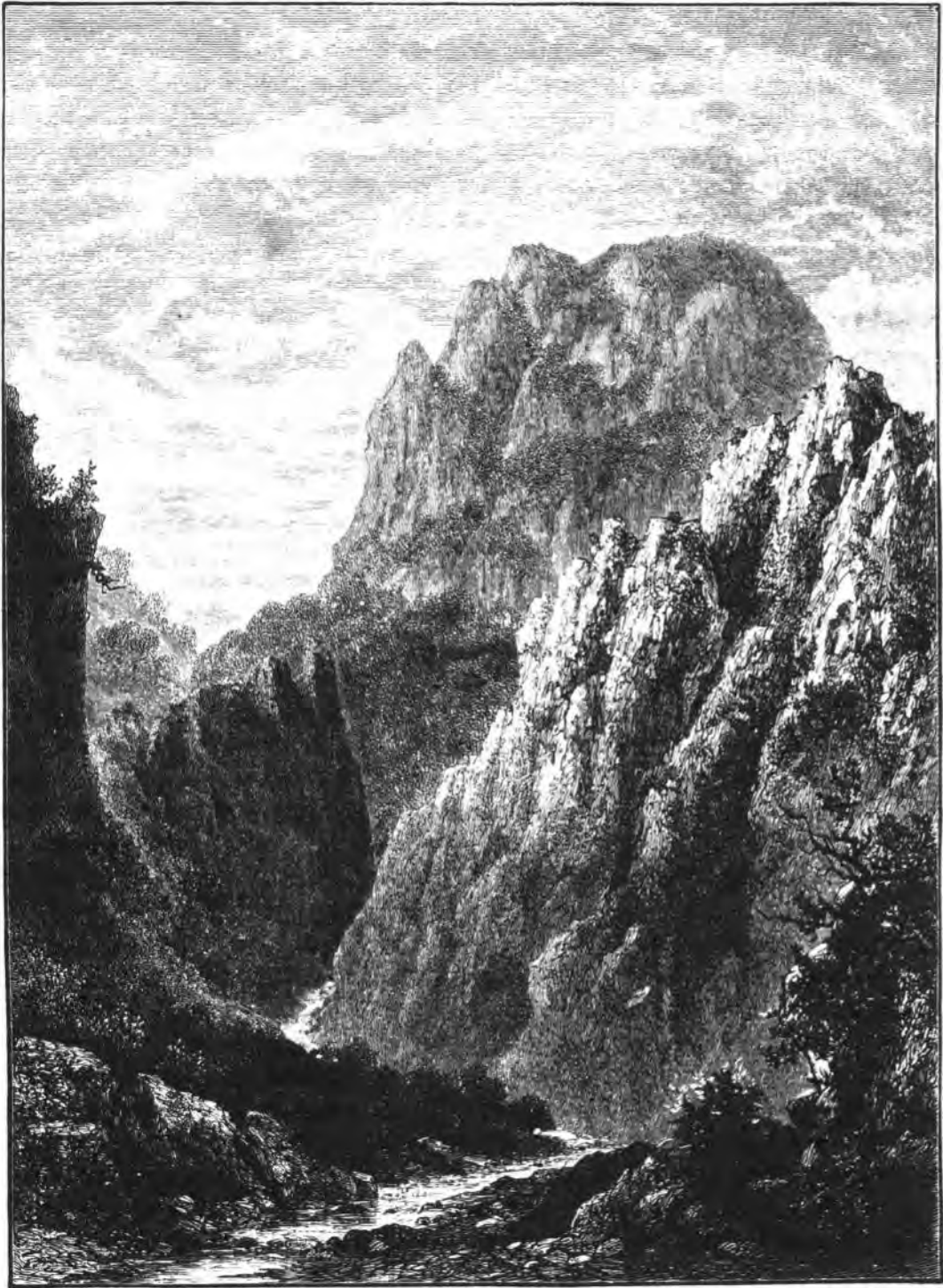
Но еврейскій подлинникъ говоритъ гораздо менѣе для цѣли оратора:

«Чтобъ *они овладѣли останками дома* и всѣхъ народовъ, между которыми возвѣстится имя Мое,—говорить Господь».

Различіе это зависитъ отъ одного изъ тѣхъ безчисленныхъ и часто большихъ разночтеній въ подлинномъ текстѣ, рѣшительнымъ доказательствомъ которыхъ служить переводъ LXX, что и дѣлаетъ этотъ переводъ столь интереснымъ предметомъ изученія ⁷¹⁰). Придаваемое этому мѣсту св. Іаковомъ значеніе можно считать заключающимся скрытно также и въ еврейскомъ текстѣ, и однако же оно болѣе прямо поддерживается другими мѣстами (напр. Псал. lxxxv, 9; xxi, 31; сл. 18; Ис. xlii, 7); но то обстоятельство, что здѣсь и въ другихъ мѣстахъ новозавѣтные писатели приводятъ и основываютъ свои доказательства на несомнѣнно разнящемся отъ подлинника переводѣ LXX, приводя ихъ часто на память и часто отлично какъ отъ этого перевода, такъ и отъ еврейскаго, — показываетъ, насколько ихъ глубокое благоговѣніе къ писанію было далеко отъ суевѣрнаго поклоненія буквамъ или отдѣльнымъ словамъ его.

Споръ теперь прекратился, потому что всѣ вожди высказались по главному вопросу. Возраженія смолкли, голосъ главнѣйшаго старѣйшины произнесъ авторитетное заключеніе. Оставалось только довести это заключеніе до свѣдѣнія тѣхъ, кого оно непосредственно касалось. Апостолы, старѣйшины и вся церковь поэтому утвердили рѣшеніе и избрали двухъ изъ своей среды лицъ, высокопочитаемыхъ Іуду Варсаву и Силу ⁷¹¹) для сопровожденія представителей отъ церкви антиохійской на ихъ обратномъ пути въ качествѣ удостовѣрителей подлинности ихъ письменнаго сообщенія. Посланное съ ними письмо заключало въ себѣ выработанное опредѣленіе и читалось слѣдующимъ образомъ: «Апостолы и пресвитеры ⁷¹²) и братія находящимся въ Антиохіи, Сиріи и Киликии братьямъ изъ язычниковъ: радоваться ⁷¹³). Поелику мы услышали, что нѣкоторые вышедшіе отъ насъ смутили васъ *своими* рѣчами и поколебали ⁷¹⁴) ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали ⁷¹⁵); то мы, собравшись, единодушно разсудили, избравъ мужей, послать ихъ къ вамъ съ возлюбленными нашими Варнавою и Павломъ ⁷¹⁶), челоѣками ⁷¹⁷), предавшими души свои за имя Господа нашего Іисуса Христа ⁷¹⁸). Итакъ, мы послали Іуду и Силу, которые изъяснятъ вамъ тоже и словесно. Ибо угодно Св. Духу ⁷¹⁹) и намъ не возлагать на васъ никакого требованія ⁷²⁰) болѣе, кромѣ сего необходимаго: воздерживаться идоложертвеннаго, и крови, и удавленины, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите. Соблюдая сіе, хорошо сдѣлаете. Будьте здравы» ⁷²¹).

Что касается общаго значенія іерусалимскаго собора, то нужно сказать, что онъ никоимъ образомъ не походилъ на вселенскіе соборы церкви ни по своей

Видъ Киликійскихъ воротъ въ Киликіи.

исторіи, ни по составу, ни по цѣли. Это не было собраніе уполномоченныхъ делегатовъ, а просто собраніе церкви іерусалимской для принятія депутаціи отъ церкви антиохійской. Даже Павелъ и Варнава повидимому не имѣли голоса въ рѣшеніи, хотя ихъ просвѣщенный голосъ конечно могъ бы имѣть больше вѣса, чѣмъ голоса смѣшаннаго собранія, и они вовсе не находились въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ Іакову. Къ церкви іерусалимской могли обращаться за совѣтомъ изъ уваженія къ ней, но она не имѣла права на преимущественный авторитетъ, равно какъ и не имѣла общаго преимущества связывать своими рѣшеніями свободную церковь Божию ⁷²²) «Постановленія» этого «собора» имѣли лишь значеніе мудраго руководства, обращеннаго къ одной области и имѣющаго только временное значеніе ⁷²³). Это въ дѣйствительности было мѣстное *соглашеніе*. Неизвѣстно, какъ отнеслась вселенская церковь къ первымъ двумъ изъ его ограниченій, но третье, немного лѣтъ спустя, было два раза вновь обсуждаемо и рѣшаемо ап. Павломъ на тѣхъ же самыхъ началахъ, но отнюдь не съ тождественнымъ заключеніемъ (Римл. xiv; 1 Кор. vii). Уступка, сдѣланная имъ въ отношеніи язычниковъ въ непризнаніи необходимости обрѣзанія, равнымъ образомъ считалась мертвой буквой со стороны іудействующей партіи и стояла ап. Павлу жесточайшей борьбы, которую ему приходилось вести въ теченіе всей своей жизни. Если это окружное посланіе считать обязательнымъ и окончательнымъ постановленіемъ и если собраніе одной церкви не изъ уполномоченныхъ, а изъ всѣхъ ея членовъ считать соборомъ, то никогда соборное рѣшеніе не было менѣе авторитетнымъ и никогда опредѣленіе не считалось столь недѣйствительнымъ какъ со стороны отвергавшихъ значеніе его уступокъ ⁷²⁴), такъ и со стороны тѣхъ, которые обсуждали не менѣе трехъ изъ его четырехъ ограниченій ⁷²⁵), какъ будто бы они еще представляли собою открытый вопросъ.

Посланіе это для церквей было какбы вѣстью мира. Самая ограниченность его въ это время была лучшимъ доказательствомъ его вдохновенной мудрости. Въ виду тогдашняго состоянія церкви, никакое другое рѣшеніе не могло яснѣе показать въ себѣ руководства Духа Божія ⁷²⁶). Оно было тѣмъ важнѣе, что оставались еще многіе вопросы неразрѣшенными. Главы церкви допускали (а это значило что-нибудь), что обрѣзаніе было *не существенно* для язычниковъ, и они съ замѣчательнымъ свободомысліемъ повидимому не настаивали на различіи между чистою и нечистою пищею, и главнѣе всего не настаивали на воздержаніи отъ свинины. Этими уступками они несомнѣнно устраняли большія затрудненія на пути обращенія изъ язычества. Но за всѣмъ тѣмъ оставалось множество самыхъ настоятельныхъ вопросовъ, и каждой партіи предоставлялось держаться почти совершенно тѣхъ же мнѣній, какъ и прежде. Язычникъ не могъ быть *принуждаемъ* къ обрѣзанію и Моисееву закону. Отлично; но не было ли бы для него безконечно *лучше* принимать ихъ? Не могло ли въ умахъ іудейскихъ христіанъ, какъ и въ умахъ позднѣйшихъ раввиновъ, таиться убѣжденіе, что «даже, если

язычники соблюдаютъ семь Ноевыхъ постановленій, они не получаютъ той же награды, какъ израильтяне?» ⁷²⁷). Ясно во всякомъ случаѣ, что ни теперь, ни послѣ іудействующихъ христіане не допускали догматическихъ началъ ап. Павла, какъ они впоследствии изложены въ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ. Въ лучшемъ смыслѣ они считали его вѣроятно Ананіей для будущихъ Елеазаровъ ⁷²⁸). Кромѣ того оставался незатронутымъ горячій вопросъ объ общественныхъ отношеніяхъ. Титъ подвергся обрѣзанію какъ единственному условію, на которомъ члены церкви въ Іерусалимѣ хотѣли принять его въ полное братство и равенство съ собою. Имъ, конечно, хорошо было рѣшать съ большимъ или меньшимъ равнодушіемъ касательно всѣхъ «дальнихъ» и «внѣшнихъ» ⁷²⁹), предполагая, что гораздо легче мириться съ терпимостью въ отношеніи необрѣзанныхъ христіанъ, если они находились въ отдаленныхъ городахъ; но іудей былъ іудеемъ даже если бы онъ жилъ въ дикихъ пустыняхъ Исавріи или палящихъ равнинахъ Фригіи; и какимъ же образомъ это рѣшеніе, состоявшееся въ Іерусалимѣ, могло помочь ему въ разрѣшеніи практическаго вопроса: «долженъ ли онъ или нѣтъ раздѣлять общую трапезу, ежедневно соприкасаться съ людьми, которые свободно ѣдятъ то, о чемъ ни одинъ истинный іудей не можетъ и подумать безъ содроганія и ужаса,—именно нечистое животное?»

Все это были вопросы, которые за всѣмъ тѣмъ могли быть предоставлены только рѣшенію времени. Предразсудковъ, накопившихся въ теченіе пятнадцати вѣковъ, нельзя было устранить въ одинъ день. Какъ болѣе просвѣщенные, такъ и болѣе суевѣрные изъ іудеевъ и язычниковъ продолжали мыслить въ большинствѣ такъ же, какъ они мыслили и прежде, пока мракъ предубѣжденія не былъ разсѣянъ разгоравшимся свѣтомъ исторіи и разума.

Подлинность этого окружнаго посланія очевидна изъ его поразительной естественности. Авторъ религіознаго вымысла никоимъ образомъ не могъ измыслить нѣчто такое, что оставляло бы такъ много неразрѣшеннымъ. И этою подлинностью также объясняется поразительное явленіе тяжкаго нравственнаго преступленія среди такихъ чисто обрядовыхъ дѣлъ, какъ различіе родовъ пищи. Въ исторіи міра нельзя указать еще другаго періода, въ который апостоламъ было бы тамъ необходимо внушать своимъ обращенцамъ изъ язычества воздерживаться отъ блуда, равно какъ отъ предметовъ, принесенныхъ въ жертву идоламъ, удавленины и крови. Первое изъ этихъ четырехъ запрещеній было совершенно понятно, потому что для христіанина изъ язычниковъ часто было необходимо доказывать своимъ іудейскимъ братьямъ, что онъ не имѣетъ склонности «къ омерзительному идолопоклонству», которое онъ такъ недавно оставилъ. Слѣдующія два запрещенія были желательны какъ снисхожденіе къ невыразимому ужасу, съ которымъ іудеи и многіе другіе восточные народы смотрѣли на употребленіе въ пищу крови, считавшейся «сущностью жизни» ⁷³⁰). Но только въ такой именно періодъ нравственное оскверненіе могло быть поставлено въ уровень съ предметомъ чисто

національнаго предубѣжденія. Что чтеніе это правильно ⁷⁸¹⁾ и что здѣсь запрещается именно грѣхъ блуда ⁷⁸²⁾, а не идолопоклонство, или смѣшанный бракъ, или бракъ между лицами кровнаго родства (1 Кор. v, 1), или двойные браки (1 Тим. iii, 2), или что нибудь другое въ этомъ родѣ,—это можно считать несомнѣннымъ. Какъ же объяснить этотъ фактъ? Только именно безграничнымъ развращеніемъ язычества, только суровою чистотою христіанской нравственности. Иудеи, какъ народъ, вѣроятно были самыми чистыми среди всѣхъ народовъ міра; и однако даже они не считали этого грѣха тѣмъ нравственнымъ преступленіемъ, которымъ учить насъ считать его христіанство ⁷⁸³⁾; и они жили среди міра, который считалъ его настолько безразличнымъ дѣломъ, что Сократъ не высказываетъ ему порицанія ⁷⁸⁴⁾, а Цицеронъ объявляетъ, что ни одинъ языческій моралистъ никогда и не мечталъ отнести къ нему съ полнымъ запрещеніемъ ⁷⁸⁵⁾. Что же именно такъ измѣнило взгляды, съ которыми относится къ чувственности совѣсть древнихъ и новѣйшихъ народовъ? Мы не колеблясь отвѣчаемъ, что причина этого заключается въ чистотѣ, которой дышетъ и которою вдохновляетъ всякая страница Новаго Завѣта, и въ особенности въ словахъ нашего благословеннаго Спасителя и въ доводахъ ап. Павла. Если румянецъ скромности на юныхъ щекахъ есть святое явленіе, если какъ для лицъ, такъ и для народовъ гибельно «сжигать въ безумной пустотѣ» драгоцѣннѣйшіе дары жизни, если распутство есть проклятіе и позоръ, которое, болѣе чѣмъ все другое, снѣдаетъ сердце человѣческаго счастья,—тогда святой благодѣтель, духовности котораго мы обязаны неоцѣнимымъ даромъ запечатлѣнія этихъ истинъ въ сердца юношества всѣхъ христіанскихъ странъ, есть именно апостолъ народовъ. Наученный Духомъ Божиимъ, онъ болѣе ясно, болѣе спокойно, болѣе убѣдительно, чѣмъ кто-либо изъ іудеевъ, навсегда показалъ гнусность, унижительность и заражающую мерзость грѣховъ, которые чрезъ тѣло внѣдряютъ свой ядъ и заражаютъ своимъ тлѣнымъ самую душу,—грѣховъ, которые имѣютъ то гибельное свойство, что не только разрушаютъ миръ и подвергаютъ опасности спасеніе души, отвѣтственной самой за себя, но также и души другихъ, которыя, вслѣдствіе преступнаго вліянія грѣшника, могутъ остаться нераскаянными, хотя ради ихъ, какъ и для него самого, умеръ Христосъ.

Антиохія.

ГЛАВА XXIII.

АПОСТОЛЫ ПЕТРЪ И ПАВЕЛЪ ВЪ АНТІОХІИ.

Отдѣлены въ своихъ трапезахъ, разъединены въ своихъ помѣщеніяхъ. Тацитъ.

ТАКОВЪ именно былъ результатъ совѣщанія, на которомъ настаивали іудействующіе христіане, и насколько дѣло касалось главнаго предмета, то они потерпѣли пораженіе. Апостолы почти съ негодованіемъ отвергли домогательства этихъ людей и выразили имъ свой укоръ. Они высказали свое неудовольствіе на то, что іудействующіе нарушаютъ миръ церкви, и объявили, что обрѣзаніе не должно быть обязательнымъ для язычниковъ. Немного нужно было силы логики для того, чтобы видѣть, что въ виду сущности самого христіанства, рѣшеніе это по крайней мѣрѣ означало, что обращенцы, будутъ ли это іудеи или язычники, должны снисходительно относиться другъ къ другу и сходиться совершенно равными во всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ собраніяхъ. Возвращеніе уполномоченныхъ

поэтому было привѣтствуемо съ радостію въ Антиохіи и присутствіе среди нихъ такихъ просвѣщенныхъ учителей, какъ Іуда и Сила, которые въ дѣйствительности и представляли собою то, на что фарисейская партія живо заявляла свои притязанія, — т. е. прямыхъ выразителей мнѣнія апостоловъ, — внушало общее чувство единства и довѣрія. Послѣ короткаго пребыванія тамъ, эти двое уполномоченныхъ возвратились въ Іерусалимъ ⁷³⁶). На Силу однако же величіе ап. Павла произвело столь сильное впечатлѣніе, что онъ опять возвратился въ Антиохію и на нѣкоторое время соединилъ свою судьбу съ великимъ апостоломъ язычниковъ ⁷³⁷).

И дѣйствительно, ап. Павелъ, благодаря силѣ своихъ убѣжденій, просвѣщенности своего разума, величію своей цѣли, занялъ совершенно господствующее положеніе въ общинѣ. Онъ сталъ во главѣ управленія церкви. Будущность христіанства зависѣла отъ язычниковъ, и для язычниковъ дѣйствія и посланія ап. Павла были гораздо важнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ апостоловъ. Его апостольство было признаваемо ими вполне и рѣшительно. Онъ вступалъ съ ап. Петромъ и Іоанномъ и даже внушавшимъ всеобщее благоговѣніе «братомъ Господнимъ» въ разсужденія и оказался настолько равнымъ съ ними по дарамъ Духа Божія, что для нихъ невозможно было противиться его призванію. Онъ значительно расширилъ ихъ духовный кругозоръ, а они ничего не придали ему. Онъ возвратился изъ Іерусалима болѣе чѣмъ когда-нибудь съ сознаніемъ своей силы и святости своихъ цѣлей въ будущемъ. Онъ вдохнулъ въ церковь Антиохіи свои собственныя убѣжденія съ такою силой, которой никто не могъ противостоять.

Но такъ какъ посланіе изъ Іерусалима возбудило много вопросовъ и не давало общихъ правилъ, то неизбежно должны были возникнуть въ послѣдствіи серьезныя осложненія. Скоро случилось событіе, которое до послѣдней степени подвергло испытанію умственную твердость и нравственное мужество ап. Павла. Ап. Петръ, повидимому около этого времени, началъ тотъ рядъ обширныхъ путешествій, которыя, какъ ни мало мы знаемъ о нихъ, тѣмъ или другимъ путемъ привели его къ его окончательному мученичеству въ Римѣ. Мы уже не слышимъ опять о его присутствіи въ Іерусалимѣ. Іоаннъ по всей вѣроятности продолжалъ оставаться тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а Петръ могъ чувствовать свое присутствіе излишнимъ. Притомъ не невѣроятно также, что такъ какъ ап. Петръ держался болѣе широкихъ взглядовъ, къ которымъ онъ пришелъ вслѣдствіе общенія съ своимъ собратомъ апостоломъ, то онъ быть можетъ оказывался уже менѣе способнымъ сочувствовать іудействующему христіанству, преобладавшему въ Іерусалимѣ. Во всякомъ случаѣ, немного спустя послѣ этого времени, мы находимъ его въ Антиохіи и тамъ онъ такъ открыто принимаетъ взгляды ап. Павла, что не только со всѣми язычниками допускалъ свободное общеніе, какое онъ гораздо раньше имѣлъ съ Корниліемъ, но даже и во многихъ

другихъ отношеніяхъ повидимому отвергъ бремя іудейства ⁷³⁸). Павелъ конечно не могъ не радоваться такому открытому свидѣтельству, что взгляды апостола обрѣзанія по этому предмету совершенно сходились съ его собственнымъ взглядомъ. Но этой радости суждено было вскорѣ серьезно затмиться. Подобно тому, какъ миръ церкви антiохійской былъ предъ тѣмъ возмущенъ «нѣкоторыми пришедшими изъ Іерусалима», такъ и теперь онъ былъ нарушенъ прибытіемъ «нѣкоторыхъ отъ Іакова». До этого времени на вечерахъ любви въ Антіохіи различіе между іудеями и язычниками исчезало въ братолюбивомъ христіанскомъ общеніи, и это братское равенство поддерживалось въ присутствіи апостола, который съ раннихъ поръ своего ученичества жилъ въ ближайшемъ общеніи съ Христомъ. Но вотъ вдругъ тучка затѣнила это братское общеніе ⁷³⁹). Подъ вліяніемъ особой боязливости и своей увлекавшейся натуры Петръ, поддававшійся, какъ и всегда, впечатлѣнію минуты, вдругъ сильно измѣнился. Его отношеніе къ языческимъ обращенцамъ измѣнилось, «онъ сталъ таиться и устраниваться», чтобы не оскорбить строгихъ приверженцевъ брата Господня ⁷⁴⁰). О послѣднихъ не говорится, чтобы они прямо опирались на высокій авторитетъ св. Іакова или имѣли какое нибудь особое порученіе отъ него; но были просто строгіе іудеи, которые, при всей своей снисходительности къ несоблюденію закона со стороны язычниковъ, смотрѣли однако же съ подозрѣніемъ, быть можетъ почти съ ужасомъ на всякаго іудея, отвергавшаго обязанности, которыя *для него* во всякомъ случаѣ они считали обязательными и священными ⁷⁴¹). Ложный стыдъ, боязнь того, что могутъ сказать эти люди, нежеланіе встрѣтиться съ порицаніемъ, усиливавшееся вслѣдствіе многолѣтней укоренившейся привычки, измѣненной видѣніемъ въ Іонніи, но не устранившей совсѣмъ,—быть можетъ тягостное воспоминаніе о всемъ томъ, что происходило раньше, когда онъ «общался съ необрѣзанными и ѣлъ съ ними»—привели Петра къ прямому лицемѣрію ⁷⁴²). Безъ всякой завѣдомой перемѣны во взглядѣ, безъ слова открытаго объясненія, онъ вдругъ перемѣнилъ весь образъ своей жизни, вслѣдствіе чего, почти неизбежно, и другіе христіане изъ іудеевъ должны были послѣдовать примѣру этой перемѣны и неустойчивости. Апостолъ, который казался «столпомъ», оказался «тростью, вѣтромъ колеблемою» ⁷⁴³). Къ огорченію и смущенію Павла, даже Варнава,—Варнава его сотрудникъ въ церквяхъ язычниковъ, — даже Варнава, который стоялъ рядомъ съ нимъ въ дѣлѣ защиты свободы язычниковъ въ Іерусалимѣ, и тотъ былъ увлеченъ потокомъ непослѣдовательности и помня, что онъ левитъ, забылъ, что онъ христіанинъ. Въ дѣйствительности наступила сильная іудейская реакція. Тутъ вопросъ былъ не о снисхожденіи, но о принципѣ. Ёсть съ язычниками, жить, какъ живутъ язычники, было для іудея или законно, или незаконно. При свѣтѣ тѣхъ истинъ, которыя заключались въ самой основѣ Евангелія, это было законно; и если церкви надлежало быть единой и нераздѣльной, то положеніе, что на язычниковъ не должно налагать ига Моисеева закона, повидимому означало, что они

не должны были терять своего положенія въ христіанскомъ обществѣ вслѣдствіе уклоненія отъ этого ига. Но колебаться относительно этого предмета, дѣйствовать сегодня такъ, а завтра совершенно иначе, ставить вопросъ дружественнаго общенія въ зависимость отъ присутствія или отсутствія людей, которые будто бы были представителями суровой личности Іакова, это ни при какихъ обстоятельствахъ не могло быть справедливымъ. Было бы чудовищно, если бы къ необрѣзаннымъ обращенцамъ изъ язычниковъ въ одно время относились какъ къ братьямъ, а въ другое избѣгали ихъ какъ какихъ нибудь парій. Это было настолько неправильное, непрямоє дѣло, что ап. Павелъ ни на одинъ мигъ не могъ согласиться на него. Онъ не могъ видѣть торжества фарисейской партіи надъ нерѣшительностью людей въ родѣ Петра и Варнавы. Къ нравственной слабости, поддающейся извѣстнымъ увлеченіямъ, онъ относился съ величайшею снисходительностью, но никогда не позволялъ себѣ поддерживать миръ съ своекорыстнымъ самолюбіемъ, которое во всякій данный моментъ могло жертвовать долгомъ для избѣжанія неудобствъ. Ап. Павелъ сразу же увидѣлъ, что Киѳа ⁵⁴⁴),—а это еврейское имя лучше всего шло къ его еврейскому недостатку,—былъ неправъ, неправъ умственно, если не нравственно, и что онъ главнымъ образомъ былъ отвѣтственъ за то заблужденіе, которому подвергались и другіе по его примѣру. Онъ поэтому не замедлилъ прямо выступить противъ него. Тутъ не было мѣста для частныхъ переговоровъ. Укоръ долженъ быть такъ же публиченъ, какъ и самое заблужденіе, или все дѣло могло бы подвергнуться страшной опасности. Быть можетъ немногое требуетъ болѣе твердой рѣшимости, чѣмъ открытое порицаніе тѣхъ, которые по возрасту и положенію выше насъ. Для того, кто былъ жестокимъ гонителемъ христіанъ, укорять того, кто жилъ въ постоянномъ общеніи съ Христомъ, было очень труднымъ дѣломъ. Еще мучительнѣе было подвергать тому же самому порицанію Варнаву и другихъ друзей; но этого требовалъ долгъ, а долгъ такая вещь, отъ которой никогда не устранился Павелъ.

Поднявшись въ какомъ нибудь общественномъ собраніи церкви, на которомъ присутствовали какъ іудеи, такъ и язычники, онъ прямо обратился къ Петру съ словами, вполне рассчитанными на то, чтобы показать, что онъ былъ виновенъ ⁷⁴⁵). «Если ты», сказалъ онъ въ присутствіи всѣхъ, «будучи іудеемъ, живешь по язычески, а не поіудейски, то для чего ⁷⁴⁶) язычниковъ принуждаешь ⁷⁴⁷) жить поіудейски?» ⁷⁴⁸). Этимъ выраженіемъ ап. Павелъ изобличалъ своего собрата апостола скорѣе въ непослѣдовательности, чѣмъ въ его настоящемъ образѣ дѣйствій. Онъ имѣлъ въ виду раскрыть непослѣдовательность, которую Петръ хотѣлъ утаить. Онъ прямо обвинялъ его въ дѣланіи того самаго, что онъ хотѣлъ прикрыть своимъ теперешнимъ удаленіемъ отъ языческаго общенія. «Ты жилъ какъ христіанинъ среди язычниковъ-христіанъ; ты можешь перемѣнить свой образъ дѣйствій въ этотъ моментъ, но это будетъ твой свободный выборъ. Если для тебя, природнаго іудея, такъ необходимо содержать законъ, то какъ же можетъ

это быть необходимо, даже въ смыслѣ пособія къ совершенству, въ отношеніи язычниковъ, если они будутъ дѣлать тоже самое? Однако это именно становится необходимымъ или по крайней мѣрѣ желательнымъ, если безъ этого ты даже не считаешь язычниковъ достойными твоего постоянного общенія. Если твое настоящее отчужденіе означаетъ, что ты считаешь нечистотой ѣсть съ ними, то ты практически принуждаешь ихъ быть подобными тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Но пусть будетъ такъ, если таковъ твой взглядъ. Однако пусть же этотъ взглядъ будетъ ясно понятъ всѣми. Церковь не должна заблуждаться касательно того, чему ты служишь примѣромъ. Если въ самомъ дѣлѣ такой образъ дѣйствій неправиленъ, тогда скажи такъ и выскажи намъ свои основанія. Но если этотъ образъ дѣйствій правиленъ, въ такомъ случаѣ имъ признается полное равенство и свобода, во имя Христа, за нашими языческими братьями, и ты не вправе болѣе набрасывать тѣнь сомнѣнія на это своимъ теперешнимъ поведеніемъ». По мнѣнію нѣкоторыхъ, рѣчь ап. Павла къ Петру въ дѣйствительности кончилась этимъ именно вопросомъ и что осталая часть главы представляетъ собою лишь доводы, обращенные къ Галатамъ. Но хотя благодаря своему возбужденію ап. Павелъ и могъ несознательно перейти отъ того, что онъ сказалъ въ собраніи въ Антіохіи, къ аргументаціи, съ которою онъ обращался къ отступникамъ среди обращенцевъ въ Галатѣ, однако же онъ едва ли могъ упустить случай внушить свои ясныя убѣжденія по этому предмету ап. Петру и церкви Антіохійской. Онъ хотѣлъ возможно яснѣе внушить присутствующимъ единственно законное и логическое слѣдствіе изъ установленныхъ уже пунктовъ; и мы едва ли можемъ сомнѣваться, что онъ при этомъ случаѣ употребилъ нѣкоторые изъ тѣхъ поразительныхъ доводовъ, которые мы рассмотримъ впослѣдствіи при изложеніи посланія къ Галатамъ ⁷⁴⁹).

Всѣ эти доводы вращаются на великой истинѣ, которую Св. Духъ такъ твердо укрѣпилъ въ немъ,—на истинѣ оправданія вѣрою. Если никто не можетъ спастись помимо вѣры и милости Христа, то даже для іудея законы становились излишни. Іудей однако же могъ на основаніи національнаго патріотизма, безъ всякой укоризны для себя, продолжать соблюдать свои древніе и почтенные обряды ⁷⁵⁰), если только онъ не считалъ ихъ полнымъ якоремъ спасенія для себя. Но язычникъ никоимъ образомъ не былъ связанъ ими, и относиться къ нему какъ къ низшему вслѣдствіе такой его свободы значило бы дѣйствовать въ противорѣчіи съ первыми началами христіанской вѣры. Противоположные взгляды ап. Павла и іудействующихъ христіанъ здѣсь пришли въ явное столкновеніе и тѣмъ самымъ къ полному выясненію, отъ котораго зависѣло ихъ рѣшеніе. Вѣра безъ закона, говорили іудействующие, означаетъ состояніе языческой «грѣховности»; вѣра съ закономъ, отвѣчалъ ап. Павелъ, означаетъ, что Христосъ умеръ напрасно ⁷⁵¹). Среди добрыхъ и святыхъ людей любовь могла бы послужить умиротвореніемъ; но когда споръ сдѣлался ожесточеннымъ между вдохновеннымъ убѣжденіемъ съ одной стороны и преднамѣреннымъ отщепенствомъ съ другой,

то дѣло дошло до жестокихъ выраженій. «Ваше начало есть уничтоженіе Моисея, боговдохновенности, самой религіи», говорили іудействующие; это прямой раціонализмъ, это явное отступничество. «Ваше евангеліе», отвѣчалъ Апостоль, «вовсе не есть евангеліе; это отрицаніе Евангелія, это рабство плотскимъ началамъ, это отрицаніе Христа».

Укоръ невыносимъ, когда онъ дѣлается изъ-за гордости или ненависти; но раны отъ друга всегда лучше, чѣмъ драгоценные бальзамы отъ врага, разможжающаго голову. Намъ ничего не сообщается о непосредственномъ дѣйствіи словъ ап. Павла на Петра и Варнаву, и въ отношеніи послѣдняго мы даже опасаемся, что, если даже и несознательно, они, благодаря слабости и неустойчивости человѣческой природы, содѣйствовали лишь усиленію чувства прежняго разномыслія. Но если обнаруженная ап. Петромъ слабость была совершенно въ его характерѣ, какъ онъ вообще извѣстенъ намъ, зато равнымъ образомъ въ немъ сильно было и сознаніе благородной натуры, которое сразу же могло сообщить ему твердость. Игла компаса можетъ колебаться и уклоняться, и однако же по своей сущности она всегда указываетъ въ истинномъ направленіи къ сѣверу; такъ и ап. Петръ: если онъ иногда уклонялся отъ совершенства въ силу временныхъ побужденій и искушеній; если послѣ того, какъ онъ первымъ исповѣдалъ божественность Христа, онъ первый и отнесся къ Нему съ высокомеріемъ; если въ одно время онъ становится Его ученикомъ, а въ другое проситъ Его отойти отъ него, потому что самъ онъ грѣшный человѣкъ; если онъ то погружаетъ въ море всякую вѣру, то потопляетъ въ волнахъ всякій страхъ; если то мужественно одинъ извлекаетъ мечъ ради своего Учителя противъ цѣлой толпы вооруженныхъ людей, то отрывается отъ Него съ клятвами при вопросѣ простой служанки,—въ виду всего этого нечего удивляться и тому, что апостоль, который при случаѣ могъ быть мужественнѣйшимъ поборникомъ равенства язычниковъ, на время ради страха человѣческаго поддался искушенію измѣнить дѣлу, совершенію котораго онъ такъ много содѣйствовалъ самъ ⁷⁵²). Но лучшимъ доказательствомъ того, что онъ самъ сожалѣлъ о своей слабости и слишкомъ былъ благороденъ, чтобы питать какую-нибудь вражду къ своему изобличителю,—это видно изъ почтительныхъ и любвеобильныхъ выраженій, въ которыхъ онъ говоритъ объ ап. Павлѣ и его посланіяхъ (2 Петр. III, 15). Это еще яснѣе видно изъ того, что онъ усваиваетъ самыя мысли и доводы ап. Павла и въ обращеніи между прочимъ къ Галатамъ прямо ссылается на тѣ самыя слова посланія, въ которыхъ его образъ дѣйствій подвергался такому сильному осужденію ⁷⁵³).

Но въ то время какъ Петръ при своей простой возвышенной душѣ могъ почти радоваться прямому изобличенію ошибки и далека былъ отъ всякаго гнѣва противъ младшаго и въ этотъ періодъ гораздо менѣе знаменитаго человѣка, который публично обличалъ его, совершенно не такъ отнеслись къ этому дѣлу многіе приверженцы, дѣлавшіе его главою партіи ⁷⁵⁴). Каковы собственно были особенности ученія

Кифовой партіи въ Коринѣ, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, и единственно, что мы можемъ съ вѣроятностью полагать, это то, что ихъ взгляды были тождественны съ менѣе крайними эвѣонитами, которые считали Моисеевъ законъ во всей его полнотѣ обязательнымъ для всѣхъ іудеевъ. Каковы бы ни были дѣйствія Іакова или тѣхъ, которые признавали его авторитетъ ⁷⁵⁵), ни въ Новомъ Завѣтѣ, ни въ древнихъ христіанскихъ сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда вражды между апп. Павломъ и Петромъ или кореннаго разногласія въ ихъ взглядахъ ⁷⁵⁶). Мнѣніе о враждебности между ними возникло просто вслѣдствіе пагубной склонности черезчуръ умничающаго критицизма «пренебрегать ясными фактами и останавливаться на сомнительныхъ намекахъ». Критики этой школы съ радостью ухватились за «Клементины» — злобную и трусливую эвѣонитскую поддѣлку неизвѣстнаго времени — какъ истинный ключъ къ новозавѣтной исторіи, въ то же время преднамѣренно игнорируя и устраняя несомнѣнно болѣе вѣсскій авторитетъ. Такъ молчаніе ⁷⁵⁷) Іустина Философа касательно имени и посланій ап. Павла истолковывается въ смыслѣ прямой враждебности его по отношенію къ нему, между тѣмъ какъ указаніе *подлиннаго* Климента, показывающее полное согласіе между апостолами, приносится въ жертву тайнымъ нападкамъ поддѣльщика, принимающаго его имя. Но вся аргументація ап. Павла сосредоточивается не на предположеніи, что онъ выступалъ съ благовѣстіемъ совершенно противоположнымъ благовѣстію другихъ апостоловъ, но на временной измѣнѣ ап. Петра *его собственной вѣрѣ, его собственнымъ убѣжденіямъ, его собственному* обычному исповѣданію ⁷⁵⁸); и всѣ послѣдующіе факты доказываютъ, что оба эти апостола относились другъ къ другу съ величайшимъ взаимнымъ почтеніемъ и въ теченіе всей своей жизни находились въ дружественныхъ и добрыхъ отношеніяхъ, такъ что даже и сама смерть не раздѣлила ихъ ⁷⁵⁹).

Такимъ образомъ, благодаря ап. Павлу, опять была одержана побѣда, и іудействующіе христіане, которые съ такимъ усердіемъ старались привести малый корабль церкви къ вѣрному крушенію и гибели на скалахъ національнаго изувѣрства, не могли долѣе опираться на санкцію колеблющагося Петра. Но лишь только все уладилось въ церкви антѣохійской, какъ прежняя жажда миссіонерства запыхала въ сердцѣ Павла и съ благороднымъ порывомъ побуждала его прекратить даже кажущуюся недѣятельность. Отправившись къ своему прежнему сотоварищу Варнавѣ, онъ сказалъ: «пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдывали слово Господне, какъ они живутъ». Варнава охотно принялъ предложеніе, но высказалъ мысль, что они должны бы взять съ собой и его племянника Марка ⁷⁶⁰). Но этому ап. Павелъ сразу воспротивился. Молодаго человѣка, который неожиданно ушелъ домой изъ Памфиліи и предоставилъ имъ однимъ, когда уже было поздно найти другаго сотоварища, вѣдаться съ трудностями и опасностями путешествія, — Павелъ не находилъ удобнымъ брать съ собой. Ни тотъ, ни другой не хотѣли уступить; ни

тотъ, ни другой не хотѣли осуществить великаго и смиреннаго христіанскаго урока поступаться своимъ правомъ. Вслѣдствіе этого между этими двумя вѣрными служителями церкви возникъ споръ столь же ожесточенный, какъ и плачевный ⁷⁶¹⁾, и единственная надежда на миръ при такихъ обстоятельствахъ заключалась въ ихъ полномъ разлученіи. Они разлучились и оба страдали по своей общей винѣ. Правда, они разлучились, чтобы простить другъ другу, любить и почитать одинъ другаго, говорить другъ о другѣ съ любовью и почтеніемъ, но уже никогда не трудиться вмѣстѣ, никогда не помогать другъ другу и не способствовать дѣлу Божию сочетаніемъ своихъ разнообразныхъ дарованій, никогда не раздѣлять между собой славу церквей, пріобрѣтенныхъ Христу отъ язычниковъ, и по всей вѣроятности въ теченіе всей своей жизни сожалѣть о томъ самолюбіи, недостаткѣ взаимной уступчивости и устраняющей всякій гнѣвъ кротости, которыя въ одинъ прискорбный моментъ лишили ихъ обоихъ неопѣнимаго утѣшенія взаимной дружбы.

Кто изъ нихъ былъ правъ и кто виноватъ? Нѣтъ надобности соразмѣрять печальную мѣру порицанія между ними ⁷⁶²⁾ или останавливаться на слабостяхъ, пятнавшихъ совершенство людей, которые оставили свѣтлые примѣры въ наслѣдство всему міру. Въ сущности дѣла каждый изъ нихъ былъ отчасти правъ и отчасти виноватъ ⁷⁶³⁾; ошибка ихъ заключалась въ той настойчивости, которая не допускала взаимной уступки. Каждый оставался при своемъ. Варнава быть можетъ слишкомъ поддался вліянію чувства пристрастія къ родственнику; ап. Павелъ—воспоминанію о личномъ негодovanіи. Варнава быть можетъ погрѣшилъ въ сторону снисходительности, Павелъ — въ сторону строгости. Болѣе вины кажется было на сторонѣ ап. Павла, и однако же самая вина его выходила изъ его возвышеннѣйшаго идеала ⁷⁶⁴⁾. Онъ всецѣло былъ проникнутъ всепоглощающимъ сознаніемъ величія и важности своего дѣла и потому не могъ снисходительно относиться къ кому бы то ни было, кто въ самый моментъ, когда начали учащаться опасности, оставилъ великое священное дѣло. Маркъ, уже положивъ свою руку на плугъ, оглянулся назадъ; и вслѣдствіе этого, сознавая серьезность препятствія, которое возникло бы отъ повторенія такого поступка, сознавая возвышенные качества, которыя необходимы были всякому, на кого выпадала честь такой высокой отвѣтственности, ап. Павелъ съ полнымъ правомъ могъ настаивать на томъ, что дѣла этого нельзя ставить въ зависимость отъ нетвердости лица (Притч. xxv, 19). Варнава съ другой стороны могъ настаивать на крайней невѣроятности того, чтобы человѣкъ, который теперь соглашался опять выступить на святое дѣло, опять могъ оставить его, и онъ могъ справедливо спрашивать: неужели одна ошибка должна была заклеить человѣка на всю жизнь? Оба они настаивали на своемъ и оба понесли кару. Ап. Павелъ отправился своимъ путемъ и много разъ въ послѣдовавшіе затѣмъ бурные и тревожные дни онъ навѣрно съ горечью чувствовалъ, среди враждебнаго настроенія окружающихъ людей и народовъ, недостатокъ въ томъ спокойномъ мужествѣ и благородствѣ,

которыми всецѣло дышали жизнь и характеръ «сына утѣшенія». Варнава также пошелъ своей собственной дорогой и, лишившись величія и пылкости Павла, подвергся сравнительному забвенію, и не только уже не раздѣляетъ безсмертную благодарность, окружающую память его сотоварища, но самое имя его никогда уже не встрѣчается опять, кромѣ какъ въ отдѣльных намекахъ въ посланіяхъ его великаго друга.

Дружба ихъ отъ этого однакоже не была разстроена. Варнава не сдѣлался іудействующимъ и никоимъ образомъ не противодѣйствовалъ дѣлу ап. Павла. Посланіе, которое извѣстно подъ его именемъ, подложно ⁷⁶⁵⁾, но тенденція его противоіудействующая, чего не могло бы быть, если бы послѣ размолвки въ Антіохіи онъ постоянно держался противной ап. Павлу партіи. Въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» о немъ не упоминается больше. Ограничивался ли онъ въ своей миссіонерской дѣятельности своимъ роднымъ островомъ, куда онъ почти немедленно отправился съ Маркомъ, или онъ, какъ повидимому можно заключить изъ намека въ посланіи къ Коринѳянамъ, расширилъ ее гораздо дальше—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно продолжалъ работать на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и прежде, не беря съ собою никакихъ женскихъ сотрудницъ и ничего не принимая отъ церквей, которымъ онъ проповѣдывалъ ⁷⁶⁶⁾.

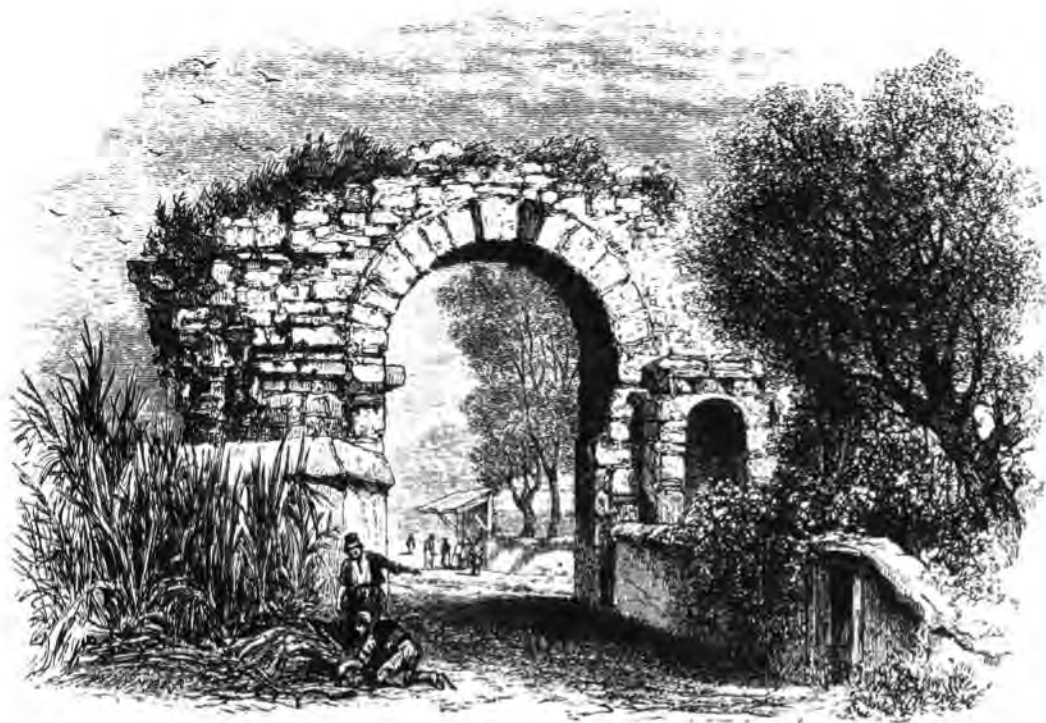
Но хотя эти апостолы, насколько они погрѣшили, оба потерпѣли за свою погрѣшность, однако же Богъ и эту погрѣшность направилъ ко благу. Отселѣ они вели миссіонерскую дѣятельность уже не въ одной, а въ двухъ различныхъ сферахъ, и отселѣ также дѣятельность и взгляды ап. Павла были гораздо свободнѣе и живѣе, такъ какъ менѣе стѣснялись сообществомъ и менѣе подвергались реакціи. До сихъ поръ его положеніе въ церкви іерусалимской много зависѣло отъ вліянія Варнавы. Теперь ему приходилось стоять совершенно одному, полагаться исключительно на себя самого и на свое собственное апостольское достоинство; на благопріятный пріемъ своихъ взглядовъ онъ могъ рассчитывать единственно только въ силу права и разума, а также крупныхъ благотворительныхъ приношеній, которыя онъ удѣлялъ церкви іерусалимской изъ милостыни, собираемой имъ среди церквей отъ обращенныхъ имъ язычниковъ.

Даже и Марку принесла пользу та размолвка, причиной которой онъ былъ. Если нѣжное пристрастіе одного миссіонера еще открывало для него миссіонерскую дѣятельность, то суровый судъ другаго несомнѣнно содѣйствовалъ тому, чтобы сдѣлать изъ него болѣе серьезнаго человѣка. Все, что мы отселѣ знаемъ о немъ, обнаруживаетъ въ немъ какъ великія дарованія, такъ и самоотверженную дѣятельность. Въ своемъ евангеліи онъ съ поразительною живостью воспроизводитъ познанія и опытность своего друга и учителя, ап. Петра, къ которому онъ въ свои позднѣйшіе годы стоялъ въ такомъ же самомъ отношеніи, въ какомъ Тимофей къ Павлу (1 Петр. v, 13). Но даже и ап. Павелъ видѣлъ достаточныя основанія не только измѣнить свое прежнее неблагопріятное мнѣніе о немъ, но даже

пригласить его опять въ качествѣ сотрудника себѣ (Филим. 24). Онъ убѣждаетъ колоссянъ оказать Марку добрый привѣтъ (Кол. iv, 10) и даже письменно обращается къ Тимофею съ просьбою, чтобы онъ привезъ его въ Римъ для утѣшенія его въ его послѣднемъ темничномъ заключеніи, такъ какъ апостоль находилъ его «нужнымъ для служенія» ⁷⁸⁷), полезнымъ въ томъ именно, въ недостаткѣ чего онъ нѣкогда обвинялъ его.

Древняя капитель изъ Иерусалима
(изъ Piccotti, Jerusalem).

Ворота въ Тарсѣ.

ГЛАВА XXIV.

НАЧАЛО ВТОРАГО МИССИОНЕРСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ: АП. ПАВЕЛЪ ВЪ ГАЛАТІИ.

Путру пойдемъ въ виноградники, посмотришь, распустилась ли виноградная лоза.

Псал. vii, 13.

НАМЕНАТЕЛЬНОЕ молчаніе касательно общественнаго сочувствія къ Варнавѣ и Марку вмѣстѣ съ выдающимся указаніемъ на него въ отношеніи ап. Павла повидимому показываетъ, что церковь антиохійская вообще признавала, что ап. Павелъ былъ болѣе правъ. Другимъ указаніемъ на тоже самое служитъ тотъ фактъ, что Сила согласился сдѣлаться его сотоварищемъ. До сихъ поръ Сила такъ тѣсно былъ связанъ съ церковью іерусалимской, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ посланныхъ, которые избраны были для засвидѣтельствованія подлинности окружнаго посланія, и въ самомъ послѣднемъ замѣчаніи о немъ, находящемся въ св. писаніи, мы видимъ его еще въ обществѣ ап. Петра, такъ какъ послѣдній посылаетъ его изъ Вавилона съ письмомъ къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ самыхъ церквей, которыя онъ посѣщалъ съ

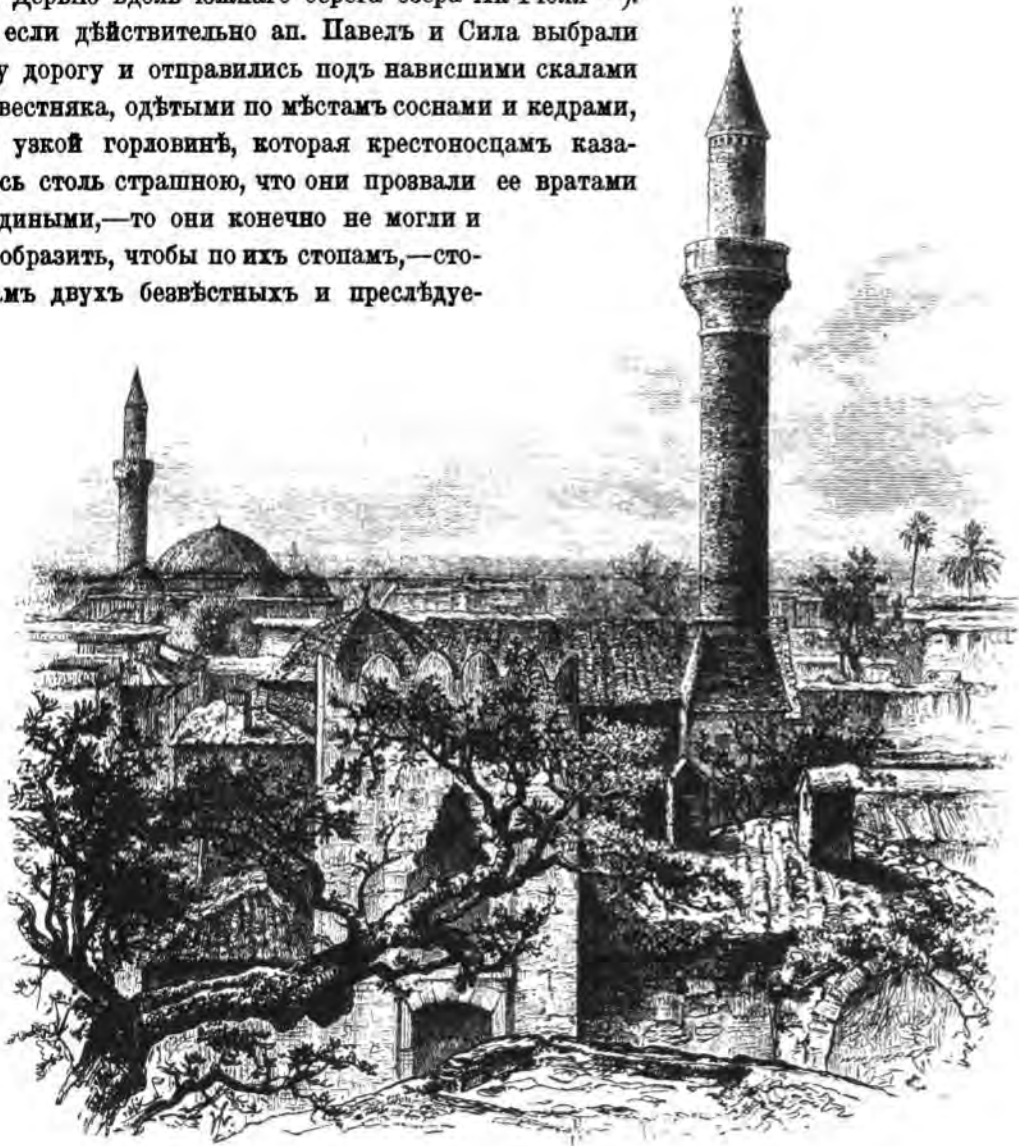
ап. Павломъ ⁷⁶⁸). Его преданность началамъ ап. Павла, не смотря на тѣсную связь, соединявшую его съ іудейскими христіанами, есть достаточное доказательство, что онъ былъ человѣкъ высокаго ума и любвеобильнаго сердца. И въ качествѣ признаннаго пророка Іерусалима и Антиохіи, онъ своимъ сотовариществомъ могъ вполне наполнить пустоту, оставленную въ миссіи уходомъ Варнавы. Самое имя его Селиванъ ⁷⁶⁹), а также и то обстоятельство, что онъ повидимому былъ также римскій гражданинъ (Дѣян. xvi, 20, 37), дають возможность заключать, что онъ имѣлъ нѣкоторую связь съ языческимъ міромъ, для котораго онъ поэтому и могъ быть болѣе пригоднымъ благовѣстникомъ. Во всякомъ случаѣ для ап. Павла было истиннымъ счастьемъ имѣть такого достойнаго сотоварища. И когда они отправились во второе великое путешествіе, неся съ собою надежды и судьбу христіанства, то собратія съ особенною сердечностью поручали ихъ благодати Божіей.

Карта страны вокруг Тарса.

Первою цѣлью ап. Павла было утвердить церкви, которыя онъ уже основалъ. Такое утвержденіе прозелитовъ представляло собою обычное іудейское правило ⁷⁷⁰), и послѣ нѣ котораго колебанія мнѣній, происшедшаго даже въ Антиохіи, ап. Павелъ естественно желалъ знать, насколько благоденствовали новооснованныя имъ общины, такъ какъ онъ подвергались преслѣдованіямъ соvnъ и волновались смутами внутри. Вслѣдствіе этого онъ началъ свою миссію съ посѣщенія церквей Сиріи и Киликіи. Онъ отправился вѣроятно вдоль восточнаго берега Иссійскаго залива и чрезъ Сирійскія и Аманидскія ворота къ городамъ Александріи и Иссу ⁷⁷¹). Тамъ дорога поворачивала на западъ и вела чрезъ Мопсуестію и Адану въ Тарсъ. Изъ Тарса предъ нимъ открывались три дороги: одна вдоль берега Средиземнаго моря къ киликійской Селевкіи, откуда она поворачивала внутрь чрезъ ликаонійскую Ларанду въ Дервію; другая узкая и малоупотребляемая тропинка чрезъ горы Исаврійскія; третья, которую онъ по всей вѣроятности и избралъ какъ самую

безопасную, была наиболѣе употребляемою и наиболѣе удобною: она шла чрезъ знаменитыя Киликійскія ворота ⁷⁷²) и вела прямо въ Тіану, затѣмъ поворачивала на югозападъ, по направленію къ Кивистрѣ, и оттуда въ Дервію вдоль южнаго берега озера Ак-Гіюля ⁷⁷³). И если дѣйствительно ап. Павелъ и Сила выбрали эту дорогу и отправились подъ нависшими скалами известняка, одѣтыми по мѣстамъ соснами и кедрами, по узкой горловинѣ, которая крестоносцамъ казалась столь страшною, что они прозвали ее вратами Іудиными,—то они конечно не могли и вообразить, чтобы по ихъ столамъ,—столамъ двухъ безвѣстныхъ и преслѣдуе-

Адана въ равнинѣ Киликійской.

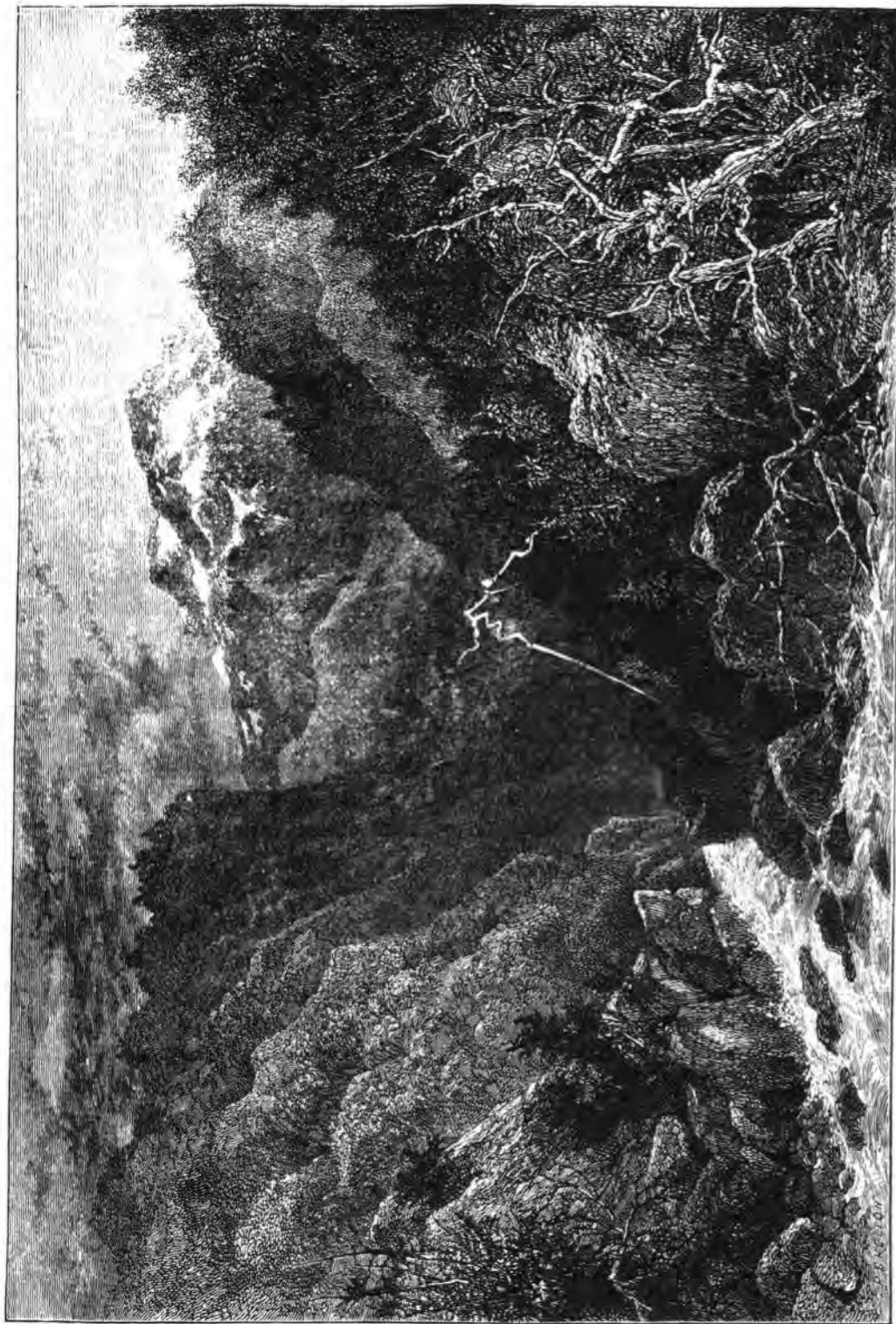
мыхъ іудеевъ,—на нѣсколько вѣковъ послѣ могли проходить этою же самой дорогою цари съ войсками. Они конечно и предположить не могли, чтобы эти войны, представлявшіе собою отборнѣйшее рыцарство Европы, съ крайнимъ отвраще-

ніемъ относясь къ имени іудеевъ, въ то же время клялись избавить св. гробъ Христа, признаваемаго ими своимъ Спасителемъ, изъ рукъ могущественнѣйшаго народа, который также признавалъ Его пророкомъ, хотя и не вѣрилъ въ Его божественность!

Какою бы дорогою ни пошли ап. Павелъ и Сила, во всякомъ случаѣ имъ самимъ приходилось быть вѣстниками о себѣ, самимъ извѣщать о своемъ собственномъ прибытіи. Не трудно вообразить то удивленіе, волненіе и радость христіанъ въ маленькомъ Исаврійскомъ городкѣ, когда они сразу узнавали хорошо знакомую имъ фигуру миссіонера, который, нѣкогда прибывъ съ противоположной стороны, съ зіяющими еще ранами отъ жестокаго побіенія камнями, впервые научилъ ихъ вѣрѣ Христовой. Но мы можемъ также вообразить и то безпокойство, которое во время этого посѣщенія столь возлюбленныхъ имъ церквей должно было часто переполнять сердце Павла, когда почти первый вопросъ, съ которымъ его привѣтствовали со всѣхъ сторонъ, былъ: «гдѣ же Варнава»? Варнава былъ человекъ, который, по самой природѣ своей, внушалъ къ себѣ почтеніе и любовь; и такъ какъ Сила, какъ бы ни велики были его проповѣдническія дарованія и ни высоки его полномочія ⁷⁷⁴⁾, все-таки былъ для нихъ совершеннымъ незнакомцемъ, котораго они не могли привѣтствовать съ одинаковою сердечностью, то мы можемъ быть вполне увѣрены, что если ап. Павелъ погрѣшилъ въ этомъ печальномъ разладѣ, то онъ долженъ былъ часто съ сожалѣніемъ вспоминать о немъ.

Изъ Дервіи они еще разъ отправились въ Листру. Изъ ихъ посѣщенія намъ разсказывается одинъ только случай, но такой, который оказалъ благопріятное вліяніе на всю будущность великаго апостола. При своемъ прежнемъ посѣщеніи онъ обратилъ юнаго Тимофея, и въ домѣ-то матери этого юноши Евники ⁷⁷⁵⁾ и его бабки Лойды онъ съ Силой вѣроятно и былъ принятъ. Эти двѣ набожныя женщины были іудеянки, принявшія теперь христіанскую вѣру. Бракъ Евники съ грекомъ ⁷⁷⁶⁾ и необрѣзанность ея сына указываютъ на неособенно строгую приверженность къ іудейству, которая, какъ не несомнѣваемая «сънелицемерною вѣрою», болѣе всего вѣроятно и содѣйствовала принятію ими Евангелія; и самъ Павелъ свидѣтельству о ихъ искренней религіозности и тщательномъ воспитаніи въ св. писаніи, которое они дали своему ребенку.

Можно предполагать, что Евника была вдова, и если такъ, то она выказала прекрасный духъ самопожертвованія, разлучаясь съ своимъ единственнымъ сыномъ. Юный Тимофей былъ болѣе всего извѣстенъ и болѣе всего любимъ въ томъ маленькомъ кругѣ сотоварищей и послѣдователей, главнымъ образомъ обращенцевъ изъ язычниковъ, которые отсель упоминаются въ связи съ странствованіемъ апост. Павла. Изъ многихъ, кого любилъ ап. Павелъ, ему никто не былъ дороже юнаго ученика изъ Листры. Самъ не имѣя ни жены, ни дѣтей, онъ съ чисто отеческою любовію принялъ Тимофея, считая его какъ бы своимъ собственнымъ

Долина рѣки Кизна.

сыномъ. «Тимоею, моему сыну», «мой истинный сынъ въ вѣрѣ»—таковы названія, съ которыми онъ обращался къ нему (1 Тим. I, 2, 18; 2 Тим. II, 2); а Филиппѣямъ, онъ напоминаетъ, насколько имъ извѣстна была вѣрность Тимоея, такъ какъ «онъ, какъ сынъ отцу, служилъ ему въ благовѣствованіи» ⁷⁷⁷). И какъ ни бѣгли черты, которыя даютъ намъ возможность представить себѣ характеръ юнаго листрійца, онѣ однако же всѣ удивительно живописны и согласны между собой. Онъ былъ настолько безупреченъ въ своемъ характерѣ, что какъ въ его родной Листрѣ, такъ и въ Иконіи, собратья горячо и охотно свидѣтельствовали съ его достоинствахъ ⁷⁷⁸). Не смотря на застѣнчивость и боязливость, усилившіяся вслѣдствіе его молодости (Дѣян. XVI, 2), онъ такъ всецѣло сердцемъ и душою соединился съ апостоломъ, что между своими многочисленными друзьями и сотоварищами апостолъ не находилъ никого еще столь правдивымъ, столь всецѣло самоотверженнымъ, столь искренне преданнымъ дѣлу Христову ⁷⁷⁹). Въ дѣйствительности, онъ былъ болѣе чѣмъ кто либо alter ego апостола. Они вполне знали другъ друга ⁷⁸⁰). И великій миссіонеръ-апостолъ, который при своихъ сердечныхъ страданіяхъ и нравственныхъ мукахъ такъ глубоко нуждался въ искреннемъ сочувствіи и дружествѣ и тяжкіе недуги котораго дѣлали необходимымъ для него личныя услуги какого нибудь всецѣло преданнаго сотоварища,—навѣрно считалъ преданную нѣжность Тимоея особеннымъ благомъ Божиимъ для избавленія его отъ подавляющей скорби. Но какъ ни любилъ его ап. Павелъ, онъ еще больше любилъ свои церкви, и если какая нибудь церковь нуждалась въ предостереженіи или руководствѣ или самъ Павелъ желалъ знать, насколько она преуспѣваетъ, то онъ всегда просилъ Тимоея побѣдить свою робкую скромность ⁷⁸¹), когда нужно ли было утѣшить гонимыя церкви Македоніи (Дѣян. XIX, 22; 1 Фессал. III, 2; Фил. II, 18—20), или утишить самонадѣянную смуту въ Коринѣ (1 Кор. XVI, 10), или быть надзирателемъ церкви Ефесской (1 Тим. I, 3) съ ея многими смутами ювнѣ и внутри. Вообще ни одно имя не связано такъ тѣсно съ именемъ апост. Павла, какъ имя Тимоея. Не только два отдѣльных посланія были адресованы къ нему, но онъ также упоминается вмѣстѣ съ ап. Павломъ въ числѣ тѣхъ пяти лицъ, отъ имени которыхъ подписываются и другія посланія (1, 2 Фессал. I Кор.; Фил.; Кол.); онъ былъ съ ап. Павломъ въ теченіе большей части его второго миссіонерскаго путешествія (Дѣян. XVI, 3; XVII, 14; XVIII, 5); онъ былъ съ нимъ въ Ефесѣ (1 Кор. IV, 17; XVI, 10); онъ сопровождалъ его въ послѣднемъ путешествіи въ Іерусалимъ (Дѣян. XX, 4); онъ утѣшалъ его при первомъ тюремномъ заключеніи въ Римѣ (Фил. II, 18—20); его проситъ ап. Павелъ въ адресованномъ къ нему второмъ посланіи посѣтить изъ Ефеса и принести съ собою релонъ, книги и пергаменты, которые апостолъ оставилъ у Карпа въ Троадѣ, и побыть съ нимъ при его второмъ тюремномъ заключеніи, пока еще можно было увидѣть его живымъ (2 Тим. IV, 9, 13). Прошло уже около шестнадцати лѣтъ между тѣмъ временемъ, когда ап. Павелъ взялъ Тимоея въ сотоварищи себѣ въ

Листрѣ ⁷⁸²), и тѣмъ временемъ, когда въ истомленномъ одиночествѣ своего темничнаго заключенія онъ еще разъ писалъ посланіе своему возлюбленному ученику ⁷⁸³) но даже въ этотъ позднѣйшій періодъ ап. Павелъ обращался къ нему, какъ будтобы онъ былъ все тѣмъ же юношей, какимъ онъ впервые сопровождалъ его на благословенной дѣятельности. «Тимоѳею, говоритъ Гаусратъ, какъ христ. Ахиллесу одно сказаніе приписываетъ вѣчную юность»; что, по мнѣнію этого писателя, составляетъ одинъ изъ признаковъ того, что оба пастырскія посланія, адресованныя къ Тимоѳею, были произведеніемъ писателей втораго вѣка ⁷⁸⁴). Но несомнѣнно и очевидно, что если Тимоѳею, когда ап. Павелъ впервые обратилъ его къ вѣрѣ Христовой, было не болѣе 16—17 лѣтъ отъ роду, то онъ далеко еще не былъ въ возрастѣ полной возмужалости, когда писано было ему второе посланіе. Но даже если бы онъ былъ и старше, то нѣтъ ничего проще и естественнѣе, какъ забывчивость старца, что тѣ, кого онъ зналъ мальчиками, давно уже достигли полной возмужалости ⁷⁸⁵).

Таковъ былъ юноша, который теперь сдѣлался сотоварищемъ ап. Павла. Какъ ни молодъ онъ былъ, но проникательный взглядъ Павла видѣлъ въ немъ духъ любящаго и скромнаго долга,—какъ несомнѣнный признакъ одной изъ тѣхъ простыхъ преданныхъ натуръ, которыя сочетаютъ пылъ мужества съ нѣжностью смиренія. Когда Иисусъ посылалъ своихъ учениковъ, Онъ посылалъ ихъ по-двое; но то было только въ ихъ родной землѣ. Совершенно иное дѣло было путешествовать во всѣхъ климатахъ земли—подъ ослѣпляющею пылью и палящимъ зноемъ равнинъ Ликаоніи и по мрачнымъ вулканическимъ скаламъ и безпріютнымъ горнымъ хребтамъ Азіи. Ап. Павелъ много страдалъ вслѣдствіе ухода Марка изъ Писидіи и съ тѣхъ поръ мы никогда не видимъ его по крайней мѣрѣ безъ двухъ сотоварищей, каковыми были въ это время Сила и Тимоѳей, впослѣдствіи Титъ и Тимоѳей въ Македоніи и Ахаіи, а Лука и Аристархъ при его путешествіи въ Римъ.

Намъ можетъ показаться удивительнымъ, что первою мѣрою, принятою ап. Павломъ, было обрѣзаніе Тимоѳея, и что не смотря на то, что обрядъ этотъ могъ бы быть совершенъ какимъ нибудь израильтяниномъ, онъ совершилъ его собственными своими руками ⁷⁸⁶). Правда, мы видѣли, что по всей вѣроятности онъ принужденъ былъ обрѣзать и язычника Тита; но намъ не сообщается ни о какомъ давленіи на него въ совершеніи того же самаго обряда надъ Тимоѳеемъ, который, хотя и сынъ іудеянки, выросъ безъ исполненія этого обряда. Ничего нѣтъ достовѣрнѣе, какъ то, что по взгляду ап. Павла обрѣзаніе не имѣло значенія. Его образъ дѣйствія поэтому можетъ быть разсматриваемъ только какъ вторая уступка или средство предупрежденія какихъ нибудь столь сильныхъ предразсудковъ, что они иначе могли бы самую дѣятельность его сдѣлать невозможною. Св. Лука говоритъ, что онъ сдѣлалъ это «ради іудеевъ, находившихся въ этихъ мѣстахъ, ибо всѣ знали объ отцѣ его, что онъ былъ еллинъ». Если же это было такъ хорошо

извѣстно, между тѣмъ какъ не вполне извѣстно было то, что мать его іудейка, то ап. Павелъ сознавалъ, что на Тимофея вездѣ стали бы смотрѣть какъ на необрѣзаннаго язычника, съ нимъ ни одинъ истый іудей не сталъ бы ѣсть вмѣстѣ, и поэтому для него было бы невозможно выступить въ качествѣ проповѣдника Мессіи въ синагогахъ, которыя они всегда посѣщали при самомъ началѣ своихъ трудовъ въ каждомъ мѣстѣ. Если съ другой стороны всѣ знали, что онъ по своему рожденію былъ іудейскій юноша, такъ какъ по общему правилу національность считалась по материнской сторонѣ ⁷⁸⁷⁾, то необрѣзанный іудей среди всякаго іудейскаго населенія былъ бы только предметомъ отвращенія. Если затѣмъ Тимофею надлежало посвятить себя на дѣло служенія, то обрѣзаніе было необходимо для его собственной пользы, а его іудейскаго происхожденія было достаточно для того, чтобы лишить этотъ актъ того опаснаго значенія, которое легко могло быть придано ему въ дѣлѣ Тита. Очевидно гораздо лучше было также, если ап. Павелъ совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе самъ по своей собственной

Монеты городовъ Листры и Колоссъ
(съ эвевипляровъ въ Британскомъ музеѣ).

охотѣ, чѣмъ если бы этотъ фактъ получилъ опять нежелательную важность, принявъ видъ вынужденности вопреки протестамъ съ его стороны. Онъ поступилъ такъ не съ цѣлью удовлетворить себя, но съ цѣлью снизить къ слабости немощныхъ (Римл. ху, 1; 1 Кор. ix, 20).

За обрѣзаніемъ Тимофея послѣдовало формальное его посвященіе. Вся церковь была въ сборѣ; юноша сдѣлалъ публичное исповѣданіе вѣры ⁷⁸⁸⁾; старѣйшины и самъ ап. Павелъ торжественно возложили руки на его голову ⁷⁸⁹⁾; пророчества, которыми онъ избранъ былъ для великаго дѣла ⁷⁹⁰⁾, были подтверждены предстоятелями, которые теперь, возлагая на него предстоявшія ему высокія обязанности, въ тоже время предостерегали его объ опасностяхъ, неразлучныхъ съ этими обязанностями ⁷⁹¹⁾; благодать Св. Духа, подобно пламени, снизошла въ его сердце ⁷⁹²⁾, и кроткій юноша изъ Листры былъ отселъ посвященнымъ сотоварищемъ великаго апостола въ трудахъ и странствованіяхъ, плодомъ которыхъ было конечное обращеніе міра.

Миссія открылась при чрезвычайно ободряющихъ обстоятельствахъ. Всѣ трое миссіонеры трудились дружно и самоотверженно. Во всякомъ посѣщенномъ

ими городѣ они объявляли о рѣшеніяхъ, постановленныхъ апостолами и старѣйшинами въ Іерусалимѣ ⁷⁹⁸), и церкви укрѣплялись въ вѣрѣ и ежедневно умножались въ числѣ.

Такимъ образомъ они прошли «Фригійскую и Галатійскую область» ⁷⁹⁴). Много было соображеній касательно городовъ Фригіи, въ которыхъ они останавливались. Но при полномъ молчаніи св. Луки и при крайней неопредѣленности термина «фригійскій», мы не можемъ быть увѣрены, что ап. Павелъ проповѣдывалъ хотя въ одномъ городѣ той области, которая обыкновенно разумѣется подъ этимъ названіемъ. Что онъ не основалъ въ ней ни одной церкви, это повидому ясно изъ отсутствія въ новомъ завѣтѣ всякаго намека на какую либо фригійскую общину. Мнѣніе, что при этомъ случаѣ онъ доходилъ до отдаленныхъ Колоссъ, въ высшей степени невѣроятно, даже если бы оно не опровергалось его собственнымъ очевиднымъ свидѣтельствомъ (Кол. 1, 4, 6, 7; 11, 1). Все, что мы можемъ съ нѣкоторою основательностью предполагать, есть то, что, оставивъ Иконію, онъ направился въ Антіохію Писидійскую (такъ какъ нѣтъ основанія почему бы онъ могъ пренебречь утвержденіемъ основанной имъ тамъ церкви), затѣмъ переправился чрезъ хребетъ Парорейскій въ Филомелію, откуда ему возможно было бы или направиться главною дорогою къ большому фригійскому городу Синнадѣ и оттуда повернуть на сѣверовостокъ въ Пессинъ, или же вступить въ Галатію болѣе короткой и менѣе обычной дорогою, которая не проходила ни чрезъ одинъ болѣе или менѣе значительный фригійскій городъ. Благовѣстіе Фригіи повидому не входило въ планъ ап. Павла. Быть можетъ онъ сначала намѣревался направиться дорогою чрезъ Апамею въ Колоссы и Лаодикію и спуститься по долинѣ Меандровой къ Ефесу. Но если такъ, то его намѣреніе было отклонено указаніемъ Св. Духа ⁷⁹⁵). Такое провиденціальное отклоненіе отъ пути, который казался столь очевиднымъ, могло быть таинственнымъ для ап. Павла; но оно кажется менѣе таинственнымъ для насъ, когда, смотря на него въ свѣтѣ исторіи, мы видимъ, что иначе никогда не могло бы быть написано посланіе къ Галатамъ и такимъ образомъ могъ бы вполне измѣниться весь курсъ христіанскаго богословія.

Поэтому о дѣятельности во Фригіи св. Лукѣ нечего было рассказывать ⁷⁹⁶). Но мы не можемъ не пожалѣть о незнакомствѣ его съ подробностями этого посѣщенія Галатіи, которое было глубоко интересно и важно и свѣдѣнія о которомъ мы должны собирать изъ отрывочныхъ замѣчаній и отдѣльныхъ намековъ въ посланіи къ Галатамъ.

Можно бы предполагать, что, найдя невозможнымъ проповѣдывать въ это время въ большихъ городахъ Лидійской Азіи ⁷⁹⁷), ап. Павелъ съ своими сотоварищами рѣшится затѣмъ направиться къ многочисленнымъ іудейскимъ общинамъ по берегамъ Евксина. У него повидому не было намѣренія проповѣдывать среди столь новаго для нихъ и очевидно столь мало обѣщающаго народа,

какъ галаты. Но Промыслъ готовилъ для нихъ славное поприще; они были задержаны въ Галатіи и ихъ пребываніе тамъ сопровождалось въ высшей степени замѣчательными результатами.

Св. Лука, который пользуется обычнымъ географическимъ терминомъ, подъ именемъ Галатіи несомнѣнно разумѣлъ ту центральную область малоазійскаго полуострова ⁷⁹⁸), которая была населена народомъ, извѣстнымъ древнему міру подъ именами кельтовъ, галатовъ, галловъ и (въ болѣе позднее время) галло-грековъ. Исторія ихъ вкратцѣ такова. Когда огромный потокъ арійскаго переселенія началъ стремиться изъ долинъ Оксуса и степей Туркестана на западъ, кельт-

Знойныя равнины и холодныя горныя проходы въ Малой Азіи.

ское племя раньше другихъ устремилось съ своихъ родныхъ сѣдалищъ ⁷⁹⁹). Оно постепенно заняло большую часть центра и запада Европы. Различныя племена этого семейства были разбросаны различными теченіями и препятствіями, встрѣчавшимися на пути ихъ шествія. Одинъ изъ ихъ Бренновъ ⁸⁰⁰), за четыре столѣтія до христіанской эры, повергъ Римъ въ глубочайшее униженіе, другой, 111 лѣтъ позднѣе ⁸⁰¹), наполнилъ сѣверную Грецію ужасомъ и грабежомъ, и когда его орды были прогнаны назадъ бурями и необычайными явленіями природы, послѣдовавшими за мужественнымъ отпоромъ грековъ въ Дельфахъ, то они присоединились къ другому племени, подъ начальствомъ Леоннорія и

Лутарія ⁸⁰²), какимъ то способомъ пробились чрезъ Галлеспонтъ и побѣдоносно основались въ западныхъ странахъ Малой Азіи. Но ихъ поборы скоро возбудили противъ нихъ возстаніе, которое повело къ полному низверженію ихъ владычества и они постепенно основались въ центральной области, которая отчасти пересѣкается долинами рѣкъ Сантарія и Галиса. Здѣсь мы встрѣчаемъ ихъ въ видѣ трехъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло свою собственную столицу. Въ Фригіи были толистобогі съ своею столицею Пессиномъ, въ центрѣ тектосагі съ столицей Анкирой и къ востоку на берегахъ Понта были трокмы съ столицей Тавіей ⁸⁰³). Эти три племени первоначально раздѣлялись каждое на четыре тетрархіи, но наконецъ, въ 65 г. до Р. Хр., они соединились подъ властью Діотара четвертовластника толистобогскаго—Эгберта Галатійской исторіи ⁸⁰⁴). Римляне, подъ начальствомъ Манлія Вульсона, покорили ихъ въ 189 г. до Р. Хр. ⁸⁰⁵), но оставили имъ номинальность независимую и въ 36 г. до Р. Хр. Маркъ Антоній сдѣлалъ Аминту царемъ. По смерти его, въ 25 г. до Р. Хр., Галатія была присоединена къ Ликаоніи и части Писидіи и сдѣлалась римскою провинціей, и такъ какъ она была одною изъ императорскихъ провинцій, то управлялась пропреторомъ. Таково было политическое состояніе этой страны, когда ап. Павелъ вступилъ въ Пессинъ, который, хотя и былъ одною изъ столицъ, лежалъ на окраинѣ и въ это время назывался Севастомъ толистобоговъ ⁸⁰⁶).

Причиной, заставившей ап. Павла остановиться въ этой странѣ, былъ, какъ онъ самъ говоритъ намъ, жестокій приступъ болѣзни. И самый способъ его указанія на это даетъ намъ основаніе заключать, что это былъ новый приступъ страданія отъ того «жала въ плоть», которое, по нашему мнѣнію, было острой офталміей, сопровождаемой, какъ это часто бываетъ, сильнымъ мозговымъ возбужденіемъ ⁸⁰⁷). Въ своемъ посланіи къ галатскимъ обращенцамъ онъ трогательно говоритъ объ этомъ. Мѣсто это по новѣйшему слововыраженію читалось бы такъ ⁸⁰⁸): «прошу васъ, братія, будьте какъ я (т. е. свободны отъ ита внѣшней и бесполезной обрядности), потому что и я, какъ вы» (Гал. II, 17; I Кор. IX, 21). «Хотя я и іудей, но я поставилъ себя въ уровень съ вами, язычниками. И вотъ, я желаю, чтобы вы стояли со мною на одномъ и томъ же уровнѣ, а не пытались дѣлать изъ себя іудеевъ. Я не хочу говорить, какбы жалуюсь на васъ. Вы ничѣмъ не обидѣли меня ⁸⁰⁹). Нѣтъ, вы знаете, что когда я благоувѣствовалъ вамъ въ первый разъ, то благоувѣствовалъ по причинѣ моей немощи плоти, которая задержала меня на пути; поэтому, вы не могли чувствовать благодарности ко мнѣ, какъ будто бы я пришелъ съ преднамѣренною цѣлью проповѣдывать вамъ; и кромѣ того я былъ въ это время слабъ, мучимъ страданіемъ, подверженъ припадкамъ, съ воспаленными глазами, такъ что вслѣдствіе того недуга, которымъ Богъ испытываетъ меня, вы могли бы возгнушаться мною. Вся моя внѣшность была испытаніемъ для васъ, искушеніемъ къ отвер-

женію меня. Но вы не поступили такъ; вы были очень добры ко мнѣ. Вы могли бы отнестись ко мнѣ съ презрительнымъ равнодушіемъ ⁸¹⁰); вы могли бы взглянуть на меня съ положительнымъ отвращеніемъ ⁸¹¹),—но вмѣсто всего этого вы оказали мнѣ почтеніе, возлюбили меня, приняли меня какъ ангела Божія, даже какъ Того, о которомъ я проповѣдывалъ вамъ. Какъ рады вы были видѣть меня! Съ какимъ рвеніемъ вы поздравляли себя и меня ради этого благословеннаго случая, — нѣтъ, скорѣе ради этого благого промысленія Божія, которое удержало меня среди васъ ⁸¹²). Вы такъ были великодушны и любвеобильны ко мнѣ, что право ради помощи мнѣ въ то время, какъ я бѣдственно находился въ темномъ помѣщеніи, не вынося даже луча свѣта безъ мучительныхъ страданій, вы, если бы только это могло помочь мнѣ, вырвали бы свои собственные глаза и дали бы ихъ мнѣ» ⁸¹³).

Нѣтъ ничего естественнѣе, что обширное странствованіе по палящимъ равнинамъ и знобящимъ горнымъ проходамъ Малой Азіи, постоянная переменна климата, жестокое тѣлесное утомленіе, вихри тонкой ослѣпляющей пыли, укушенія насѣкомыхъ, грубость и скудость ежедневной пищи содѣйствовали возвращенію болѣзни апостола, здоровье котораго уже и такъ было сильно потрясено. И несомнѣнно, это именно отчаяніе и мука, возникшія при видѣ своего собственного удрученнаго состоянія, придавали его ученію ту напряженность, ту побѣдоносную серьезность, которыя производили столь сильное впечатлѣніе на теплыхъ душой галловъ ⁸¹⁴). Если они готовы были принять его какъ Христа Иисуса, то это только потому, что Христосъ Иисусъ былъ альфа и омега, начало и конецъ всей его проповѣди среди нихъ. И поэтому въ своемъ обращеніи къ чувству ихъ стыдливости онъ употребляетъ одно изъ своихъ неподражаемо-живописныхъ выраженій, говоря: «о, несмысленные галаты! Какой дурной глазъ очаровалъ васъ ⁸¹⁵), васъ, у которыхъ передъ глазами предначертанъ былъ мною Иисусъ Христосъ, какбы у васъ распятый» ⁸¹⁶)?

Но живая ревность галатовъ, ихъ порывистая привязанность, ликующая радость, съ которою они приняли новое ученіе, зависѣли не единственно отъ состраданія, которое вмѣстѣ съ удивленіемъ возбуждалъ въ нихъ новый учитель. Все это могло зависѣть въ нѣкоторой мѣрѣ также и отъ сходства, представляемаго новой религіей съ возвышеннѣйшими и благороднѣйшими пунктами ихъ древнихъ вѣрованій; и во всякомъ случаѣ, будучи по природѣ религіозны ⁸¹⁷), они прежде всего были привлечены ученіемъ, которое обѣщало прощеніе чрезъ искупленіе кровію. Но быстрое обращеніе галатовъ еще гораздо больше зависѣло отъ могущественнаго изліянія духа, которымъ сопровождалась проповѣдь Павла и отъ новыхъ силъ ⁸¹⁸), которыя онъ проявилъ среди своихъ обращенцевъ при допущеніи ихъ въ церковь. Но это, конечно, можно сказать только о наиболѣе искреннихъ и преданныхъ среди нихъ обращенцевъ; между ними несомнѣнно много было и такихъ, быстрое обращеніе которыхъ зависѣло отъ той живой

воспріимчивости, той любви къ перемѣнѣ, которой они отличались вообще ⁸¹⁹), какъ сродные по характеру съ греками, съ которыми они въ это время уже были въ значительной степени перемѣшаны. Это былъ слишкомъ быстрый всходъ добраго сѣмени на бѣдной и сухой почвѣ. Это былъ внезапный пылъ огня среди людей легкихъ, сухихъ и горючихъ, какъ солома. Измѣна старой религіи, сердечное принятіе новой, сочетаніе древняго культа съ такимъ, который былъ введенъ совершенно недавно и совершенно непохожъ на него— все это уже имѣло свои примѣры въ исторіи галатовъ. Какъ кельты, они принесли съ собой въ Азію свой старый друидизмъ съ его высокочѣрнымъ жречествомъ и жестокими жертвоприношеніями ⁸²⁰). Но они уже соединяли вмѣстѣ съ нимъ дикое природо-боготвореніе, дикій естественный культъ Агдистиды или Цибелы, матери боговъ. Они вѣрили, что черный камень, упавшій съ неба, былъ ея изображеніемъ и въ теченіе столѣтій, послѣ того какъ онъ былъ увезенъ въ Римъ ⁸²¹), они все еще продолжали почитать ея старый храмъ, давали милостыню ея бродячимъ жрецамъ-евнухамъ, рассказывали о мщеніи, которое она проявила надъ влосчастнымъ Атисомъ, и съ благоговѣйнымъ страхомъ относились къ сосновымъ рощамъ Диндима ⁸²²). И однако же въ то время, какъ этотъ фригійскій культъ процвѣталъ въ Пессинѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи услуги цѣлыхъ массъ жрецовъ-евнуховъ, и въ то время какъ въ Тавіи главнымъ предметомъ богопоклоненія былъ колоссальный бронзовый Зевсъ обыкновеннаго греческаго типа ⁸²³), въ Анкирѣ съ другой стороны установилось римское боготвореніе императора Августа, которому на общественныя пожертвованія въ Азіи былъ построенъ изъ бѣлаго мрамора храмъ, въ развалинахъ существующій еще и теперь ⁸²⁴). Ап. Павелъ навѣрно видѣлъ еще въ полной цѣлости знаменитый *monumentum augsurum*, завѣщаніе Августа, выбитое на мраморѣ въ храмѣ и взятое съ надписи, сдѣланной по его собственному повелѣнію на бронзовыхъ плитахъ предъ его мавзолеемъ; но въ то время, какъ онъ могъ взглянуть на него съ интересомъ и прочесть съ еще болѣе глубокимъ удовольствіемъ на одномъ изъ столбовъ опредѣленіе, въ которомъ императоръ награждалъ преданность ему іудеевъ дарованіемъ имъ религіозной свободы ⁸²⁵), онъ только съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и негодованіемъ могъ размышлять о легкомысліи духа, который съ такою готовностью могъ сочетать древнѣйшія изъ идолопоклонническихъ заблужденій съ новѣйшими, искреннія и дикія оргіи Диндимены съ унижительною лестию коварнаго интригана, равно какъ о страстной преданности одуряющему культу и о разсчетливомъ поклоненіи политическому успѣху. Въ дѣйствительности три столицы этихъ трехъ галатійскихъ племенъ такъ сказать въ сокращеніи давали всю ихъ исторію и опредѣляли ихъ характеръ. Переходя изъ Пессина въ Анкиру и Тавію, апостолъ видѣлъ остатки совершенно устарѣлыхъ культовъ рядомъ съ другими, которые возбуждали смѣхъ своею новизною. Онъ видѣлъ переходъ отъ фригійскаго боготворенія природы чрезъ греческую мифологію къ римскому услов-

ному культу. Онъ не могъ не считать этого худымъ знакомъ и онъ увидѣлъ бы печальный примѣръ еще худшей стороны тѣхъ качествъ, которыя выразились въ его восторженномъ приѣмѣ, если бы могъ читать описаніе нравовъ галатовъ у позднѣйшаго греческаго историка, по которому они съ такою жаждою бросались на все новое, что если бы они только увидѣли край плаща философа, то сразу же схватились бы и прильнули къ нему, какъ стальные пластинки льнуть къ маг-

Привѣтствія со стороны туземцевъ римлянамъ
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

ниту⁸²⁶). Въ дѣйствительности, какъ ему пришлось съ горечью узнать впоследствии, религиозные взгляды галатовъ были болѣе или менѣе отраженіемъ впечатлѣній даннаго момента и они съ наивною страстностью хватались за всякое новое ученіе новаго пришельца. Но при первомъ его посѣщеніи ихъ недостатки, повидимому, не обнаружили для него такъ ясно. Обычная склонность къ мечтательству и соперничеству, къ пьянству и жадности, къ тщеславію и самохвалству,

къ коварству и припадкамъ ярости была незамѣтна между ними⁸²⁷), такъ какъ она видимо сдерживалась, если и не вполне подавлялась могущественнымъ вліяніемъ на нихъ новой вѣры и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ можно думать, испѣлена была также благодатію Св. Духа. Все, что видѣлъ апостоль, это только преданность и любовь, отсутствіе предубѣжденности и жажда учиться,—вся та живость и сердечность, которыя были искупающими чертами въ ихъ кельтскомъ характерѣ⁸²⁸).

Какъ долго ап. Павелъ былъ задержанъ среди нихъ своею болѣзнью, мы не знаемъ; но очевидно настолько долго, что онъ успѣлъ основать нѣсколько церквей—по одной быть можетъ въ каждой изъ трехъ столицъ и даже быть можетъ въ нѣкоторыхъ изъ меньшихъ городовъ. Успѣхъ его среди галловъ былъ очевиденъ, хотя при отсутствіи всякихъ личныхъ привѣтствій въ его посланіи къ нимъ мы не можемъ сказать, принялъ ли вѣру кто нибудь изъ туземныхъ фригійцевъ, греческихъ поселенцевъ или римскаго правительственнаго класса. Но хотя онъ завѣдомо пишетъ имъ какъ бывшимъ язычникамъ и идолопоклонникамъ⁸²⁹), между обращенцами навѣрно было и значительное количество лицъ изъ іудейскаго населенія⁸³⁰), которое во множествѣ было привлечено въ Галатію ея плодородіемъ, выгодной торговлей и привилегіями, обеспечивавшими за нима свободное отправленіе своей религіи. Эти іудеи и ихъ посѣтителі изъ Іерусалима, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оказались весьма опаснымъ элементомъ для юной церкви.

Успѣхъ этой непредназначенной миссіи быть можетъ задержалъ ап. Павла на нѣкоторое время даже послѣ его выздоровленія, и когда онъ возвращался изъ Тавіи въ Пессинъ, ему представился случай, котораго онъ всегда желалъ для утвержденія его недавнихъ обращенцевъ въ вѣрѣ. Изъ Пессина миссіонеры отправились въ Мизію и предполагали проникнуть въ многочисленные и богатые города западной Вионіи, въ то время сенаторской провинціи. Но ихъ планы неизвѣстнымъ для насъ образомъ были опять разстроены. «Духъ Іисуса»⁸³¹) не допустилъ имъ вступить въ страну, которой суждено было, правда, скоро быть обращенной, но не ими, и которая играетъ важную роль въ исторіи первенствующей церкви⁸³²). Еще разъ чудесно задержанные въ исполненіи своихъ намѣреній, они не пытались проповѣдывать въ Мизіи⁸³³), которая въ своихъ скудныхъ малонаселенныхъ возвышенностяхъ представляла мало удобствъ для благовѣстія, а пошли прямо въ Троаду, гдѣ ожидало ихъ необыкновенно важное событіе, котораго одного достаточно для объясненія намѣренія Того, кто предназначалъ цѣли, столь отличныя отъ намѣчаемыхъ самими апостолами.

Со склоновъ Иды⁸³⁴) ап. Павелъ и Сильванъ съ своимъ младшимъ сотоварищемъ спустились въ лоцину, отдѣлявшую эту гору отъ порта и колоніи. Они были на классической почвѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ предъ ними открывались картины, которымъ блистательная поэзія Греціи придавала безсмертный интересъ. Выйдя изъ сосновыхъ роцъ богатаго источниками холма съ его прекра-

снѣ легендой объ Энонѣ и ея возлюбленномъ, они видѣли подъ собою веселыя равнины «вѣтряной Трои», гдѣ великіе герои древнихъ временъ такъ часто «упивались воинственнымъ пыломъ битвъ». Но ихъ умы были заняты другими мыслями.

Городъ, въ который они теперь прибыли, былъ основанъ преемниками Александра Великаго и былъ возведенъ на степень колоніи съ *jus italicum*. Эта привилегія дарована была жителямъ единственно вслѣдствіе романтическаго интереса, который римляне чувствовали къ легендарной колыбели своего величія, — интереса, который едва не заставилъ Константина основать тамъ вмѣсто Византіи столицу западной имперіи. Намъ ничего не сообщается о проповѣди въ Александріи — Троадѣ. Ап. Павелъ посѣщалъ ее по крайней мѣрѣ при трехъ различныхъ случаяхъ. Тамъ именно жилъ Карпъ, у котораго въ домѣ ап. Павелъ вѣроятно⁸³⁵) и останавливался, и онъ нашелъ это мѣсто особенно удобопріемлемымъ для проповѣди Евангелія (2 Кор. II, 12). На этотъ разъ однако же его пребываніе было очень непродолжительно⁸³⁶), потому что ему предназначено было другое дѣло.

Ап. Павелъ уже много лѣтъ трудился среди сирійцевъ, киликійцевъ и смѣшанныхъ племенъ Малой Азіи. Но во время этой миссіонерской дѣятельности ему случалось бывать и въ такихъ римскихъ колоніяхъ, какъ Антіохія Писидійская, и часто поэтому приходилось бывать въ обществѣ грековъ и римлянъ. Онъ самъ былъ римскій гражданинъ, и изъ частыхъ намековъ въ его посланіяхъ видно, что онъ, подобно св. Лукѣ, былъ пріятно пораженъ порядкомъ, дисциплиной, достоинствомъ и почтеніемъ къ закону, которыми отличались римляне, и особенно мужествомъ, рѣшимостью, смѣлымъ духомъ самоотверженія, которыя отличали римскаго воина⁸³⁷). Въ своихъ позднѣйшихъ посланіяхъ онъ говоритъ, какъ часто его мысли обращались къ самому Риму⁸³⁸), и такъ какъ онъ размышлялъ о божественно предопредѣляемой будущности христіанства, то мы не можемъ сомнѣваться, что бродя вокругъ бойкой въ то время, но теперь запущенной и пустынной гавани Троады, онъ съ надеждою и свѣтлыми мечтами обращался взорами къ холмамъ оо. Имброса и Самоераки; и быть можетъ когда въ какой нибудь ясный вечеръ видѣнъ былъ колоссальный пикъ Аеона, онъ казался ему какбы величественнымъ ангеломъ, призывавшимъ его нести благовѣстіе на западъ. Духъ Іисуса, доселѣ руководившій его дѣятельностью, не позволилъ ему проповѣдывать въ древнихъ и знаменитыхъ городахъ Азіи, запретилъ ему вступить въ Виоинію и глубже вонзалъ жало въ его плоть, чтобы онъ опять проповѣдывалъ среди галловъ. Съ нетерпѣніемъ поэтому онъ долженъ былъ ожидать дальнѣйшаго указанія; и оно дано было ему. Однажды ночью ему явился македонскій воинъ⁸³⁹) и сталъ увѣщевать его такими словами: «прійди въ Македонію, и помоги намъ». Когда наступило утро, ап. Павелъ рассказалъ это видѣніе своимъ сотоварищамъ⁸⁴⁰). «Послѣ сего видѣнія, тотчасъ мы положили», говоритъ повѣствователь, который здѣсь

въ первый разъ является спутникомъ ап. Павла, «отправиться въ Македонію, заключая, что призывалъ насъ Господь благовѣствовать тамъ». Съ такою краткостью и простотой рассказывается случай, который важнѣе всѣхъ другихъ въ дѣлѣ введенія Евангелія Христова среди наиболѣе передовыхъ и дѣятельныхъ народовъ міра и притомъ тѣхъ именно народовъ, въ руки которыхъ неизбежно должна была перейти его будущая судьба.

Во время этого же посѣщенія Троады произошла первая встрѣча ап. Павла съ Лукой, авторомъ книги Дѣяній Апостольскихъ и Евангелія. На эту встрѣчу самъ св. Лука съ глубокою скромностью указываетъ неожиданнымъ употребленіемъ мѣстоименія «мы»; но даже и помимо этого живая точность въ передачѣ подробностей въ непосредственно слѣдующемъ повѣствованіи находится въ такомъ поразительномъ контрастѣ съ скудными свѣдѣніями предъидущаго повѣствованія, что мы невольно чувствуемъ личное присутствіе самого писателя на бортѣ корабля, отчаливавшаго теперь въ далекій путь отъ одной изъ тѣхъ гранитныхъ колоннъ, которыя и теперь еще можно видѣть на пустынныхъ берегахъ гавани древней Троады.

Для ап. Павла это была счастливая встрѣча, потому что изъ всѣхъ сотрудниковъ, въ обществѣ съ которыми ему приходилось совершать свое великое дѣло, только одинъ Тимофей былъ дорожее ему, чѣмъ Лука. Изъ появленія и исчезновенія перваго личнаго мѣстоименія въ послѣдующихъ главахъ книги Дѣяній⁸⁴¹⁾ мы видимъ, что св. Лука сопровождалъ ап. Павла въ Филиппы, и затѣмъ семь лѣтъ спустя опять присоединился къ нему тамъ, чтобы уже никогда не разлучаться съ нимъ во все то время, когда мы имѣемъ возможность слѣдить за его жизнью. Какъ глубоко ап. Павелъ былъ привязанъ къ нему, видно изъ даваемого ему титула «возлюбленный врачъ»; какъ всецѣло была его преданность, видно изъ трогательнаго замѣчанія: «только Лука со мною». Онъ раздѣлялъ его путешествіе, его опасности и страшное кораблекрушеніе; онъ посѣщалъ и утѣшалъ его въ долгихъ тюремныхъ заключеніяхъ сначала въ Кесаріи, потомъ въ Римѣ. Болѣе всего этого, онъ сдѣлался біографомъ великаго апостола, и его преданности, его способности, его точной передачѣ фактовъ мы обязаны почти всѣмъ, что мы знаемъ о томъ, кто потрудился болѣе всѣхъ апостоловъ и которому болѣе чѣмъ кому бы то ни было изъ нихъ дѣло Христа обязано своимъ упроченіемъ и распространеніемъ въ мірѣ.

О самомъ Лукѣ, помимо того, что намъ извѣстно о его жизни и характерѣ изъ его собственныхъ книгъ, мы знаемъ немного. Нѣтъ основанія отвергать единоголасное преданіе, что по рожденію онъ былъ антиохіецъ⁸⁴²⁾, и изъ указаній ап. Павла ясно, что онъ былъ обращенецъ (Кол. iv, 10, 11, 24). Что онъ былъ тонкій наблюдатель, точный повѣствователь, человѣкъ образованный и хорошо владѣвшій греческимъ стилемъ⁸⁴³⁾, это мы видимъ изъ его двухъ книгъ, и въ нихъ также открывается его нѣжный и мужественный, симпатичный и самоотверженный

характеръ. Одинъ случайный намекъ ап. Павла показываетъ, что онъ былъ врачъ, и это указаніе замѣчательнымъ образомъ подтверждается своеобразными оборотами его рѣчи ⁸⁴⁴). Положеніе врача въ то время было отнюдь не столь высоко, какъ теперь, и это вовсе не исключаетъ возможности того, что св. Лука могъ быть отпущенникомъ; но въ этомъ и во всѣхъ другихъ касающихся его отношеніяхъ св. писаніе и преданіе не сообщаютъ намъ никакихъ свѣдѣній, Что онъ былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, это поразительно доказывается его рассказомъ о кораблекрушеніи, вслѣдствіе чего высказывалось даже мнѣніе, что онъ занимался медицинскимъ дѣломъ на большихъ торговыхъ корабляхъ, совершавшихъ постоянное плаваніе между различными портами Средиземнаго моря ⁸⁴⁵). Во всякомъ случаѣ, изъ того, что здѣсь впервые вводится въ повѣствованіе его имя, сами собой вытекаютъ два вывода. Именно во-первыхъ тотъ, что онъ уже былъ знакомъ съ ап. Павломъ быть можетъ въ Антиохіи, и во вторыхъ, что хотя онъ по своей жизни и понятіямъ связанъ былъ съ Филиппами и Троадою, но его послѣдующая тѣсная привязанность къ апостолу какъ во время его путешествія, такъ и во время тюремныхъ заключеній быть можетъ возникла изъ желанія съ его стороны принести апостолу пользу своимъ медицинскимъ искусствомъ и оказать ему помощь при частыхъ приступахъ его болѣзни ⁸⁴⁶). Продолжительность болѣзни, удручавшей ап. Павла въ Галатіи, быть можетъ была первой причиной, которая побудила Луку сопровождать апостола и такимъ образомъ начать то братское товарищество, которое сдѣлалось однимъ изъ величайшихъ благъ въ удручаемой скорбями жизни апостола.

Римскій сотникъ.

Римскій орелъ
(изъ Британскаго музея).

КНИГА VII. ХРИСТИАНСТВО ВЪ МАКЕДОНИИ.

ГЛАВА XXV. ФИЛИППЫ.

День коротокъ; дѣла много; въ рабочихъ недостатокъ; награда великая; господинъ торопить.

Пирке-Абогъ.

СПОЛНЕННЫЕ возвышенныхъ надеждъ, вдохновенные сознаниемъ высшаго руководства Духа Божія, благовѣстники вмѣстѣ съ Лукой и Тимофеемъ отплыли изъ порта Троады. Быстро уносимые южнымъ вѣтромъ по назначенному имъ пути, они могли видѣть въ этомъ новый знакъ, что съ ними былъ Тотъ, который повелѣваетъ и вѣтрамъ исполнять волю свою⁸⁴⁷). Вслѣдствіе благопріятнаго вѣтра они въ два дня проплыли то пространство, которое заняло пять дней на обратномъ пути (Дѣян. xx, 6). Въ первый день они прошли мимо о. Тенедоса и Имброса прямо къ о. Самоеракіи и бросили якорь на ночь въ подвѣтренной сторонѣ его. Смотря при звѣздномъ свѣтѣ или при ранней зорѣ на вздымающійся пикъ, подъ тѣнью котораго находится этотъ древній островъ, не размышлялъ ли ап. Павель о связанныхъ

съ нимъ древнихъ мистеріяхъ, не бесѣдовалъ ли съ своими сотоварищами о древнеязыческихъ божествахъ—кабирахъ, или не спрашивалъ ли кого нибудь изъ греческихъ или римскихъ матросовъ о странныхъ названіяхъ Аксіохера, Аксіохерса и Аксіохерсы? Не безынтересно было бы знать объ этомъ, но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ въ этомъ отношеніи, и очень вѣроятно, что ко всѣмъ этимъ второстепеннымъ явленіямъ онъ былъ, по обыкновенію, совершенно равнодушенъ.

На слѣдующій день, все еще быстро увлекаемые тѣмъ же вѣтромъ ⁸⁴⁸), они миновали устье знаменитаго Неста; прошли къ сѣверу отъ Оаза, среди мѣстностей, переполненныхъ воспоминаніями о Фукидидѣ; въ первый разъ любовались «золотоносными утесами» Пангея; видѣли скалистый мысъ и на немъ оживленный морской портъ, надъ которымъ вздымался мраморный храмъ дѣвственной Діаны; и такимъ образомъ, бросивъ якорь на рейдѣ, они, и трое изъ нихъ въ первый разъ, вступили на европейскую почву. Это былъ Неаполь во Фракіи—новѣйшая Кавала,—который служилъ портомъ для македонскихъ Филиппъ. Здѣсь ап. Павелъ не оставался долго; какъ въ Селевкіи, Атталіи, Пергіи, Пиреѣ и Кенхреѣ, онъ повидимому считалъ этотъ портъ лишь мѣстомъ отправленія во внутренній городъ ⁸⁴⁹). Вслѣдствіе этого онъ сразу же оставилъ Неаполь западными воротами и отправился по Эгнатійской дорогѣ, которая, пройдя нѣкоторое пространство по берегу, поворачиваетъ къ сѣверу чрезъ узкій проходъ горы Пангея и затѣмъ извиается по великолѣпной зеленой равнинѣ, гдѣ съ одной стороны по обширнымъ болотамъ среди камышей бродили стада длиннорогихъ буйволовъ, а на лежащихъ на другой сторонѣ богатыхъ луговинахъ, орошаемыхъ тающими снѣгами Гема и освѣжаемыхъ водами Зигакта, цвѣли и благоухали столістныя розы. Чрезъ двѣнадцать верстъ отсюда имъ приходилось потомъ проходить по кладбищамъ, окамлявшимъ дорогу по сосѣдству всѣхъ древнихъ городовъ, и затѣмъ верстахъ въ двухъ далѣе былъ самый городъ Филиппы, акрополь котораго давно уже видѣлся съ вершины своего обрывистаго и башнеобразнаго холма ⁸⁵⁰).

Городъ Филиппы заключалъ въ себѣ достопамятную лѣтопись двухъ обширныхъ имперій. Нѣкогда это было мало извѣстное мѣстечко, называвшееся вслѣдствіе своихъ потоковъ и источниковъ Кренидами; но Филиппъ, отецъ Александра, сдѣлалъ его пограничнымъ городомъ для защиты Македоніи отъ фракійцевъ и содѣйствовалъ возвышенію его значенія чрезвычайно выгодной разработкой находящихся въ его сосѣдствѣ золотыхъ рудниковъ. Августъ, гордый своею побѣдой надъ Брутомъ и Кассіемъ, одержанной при подошвѣ того холма, на которомъ стоитъ этотъ городъ и на вершинѣ котораго Кассій совершилъ самоубійство, возвысилъ его на степень колоніи, что и сдѣлало его, какъ называетъ св. Лука, если и не въ полномъ смыслѣ первымъ, то всетаки однимъ изъ первыхъ городовъ этого округа Македоніи ⁸⁵¹). Вѣроятно поэтому-то именно ап. Павелъ и направился прямо въ него. Когда Персей, послѣдній преемникъ Александра

Великаго, былъ разбитъ въ Пиднѣ (22 іюня 168 г. до Р. Хр.), Македонія была низведена на степень римской провинціи, раздѣленной на четыре округа. Согласно коварной политикѣ Рима, эти округа были разъединены одинъ отъ другаго различіемъ привилегій и особенностью интересовъ, поддерживавшихъ между ними взаимное соперничество. Начинаясь къ востоку отъ рѣки Неста, была «первая Македонія», достигавшая до Стримона; «вторая Македонія»—до Аксіа; «третья Македонія» — до Пеней, и «четвертая Македонія» — до Иллирии и Эпира ⁸⁵²). Столицами этихъ округовъ были: Амфиполь, Фессалоника, въ которой постоянно имѣлъ свою резиденцію проконсулъ всей провинціи, Пелла и Пелагонія. Можно съ основаніемъ полагать, что ап. Павелъ въ отвѣтъ на призывъ видѣнія первоначально намѣревался посѣтить, какъ въ послѣдствіи онъ быть можетъ и посѣтилъ, всѣ четыре столицы. Но Амфиполь, не смотря на свою историческую славу, потерялъ свое прежнее значеніе, между тѣмъ какъ важныя колоніальныя привилегіи сдѣлали въ дѣйствительности Филиппы наиболѣе важнымъ городомъ провинціи.

Ап. Павелъ не безъ любопытства могъ посмотрѣть на знаки римскаго гражданства, которые здѣсь его взглядъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, именно извѣстные S. P. Q. R.; на знаменитыхъ легіонныхъ орловъ; на вооруженіе римскихъ воиновъ, которое въ послѣдствіи приходилось ему такъ точно описывать; на двѣ статуи Августа, изъ которыхъ одна была въ плащѣ императора, а другая—въ полунагому одѣяніи божества. Проходя же Эгнатійской дорогой, пролегавшей черезъ городъ, они навѣрно видѣли и изображеніе покровительствующихъ божествъ, грубо высѣченныхъ на скалѣ, что показывало, что древняя мифологія еще номинально принималась населеніемъ. Можно ли думать, что они были настолько выше всякаго чувства юмора, чтобы не улыбнуться съ своимъ сотоварищемъ Сильваномъ, когда проходя мимо храма, посвященнаго деревенскому богу, носившему также имя Сильвана, они видѣли изображеніе старика «раздувагося отъ ѣды, дряхлаго и безобразнаго», идола, которому поклонялись деревенскіе переселенцы изъ Италіи, бывшіе первыми колонистами города, и приносили ему въ жертву плоды и вино?

Они прибыли въ срединѣ недѣли, и первою ихъ заботою, по обыкновенію, было достать себѣ помѣщеніе и независимое пропитаніе, въ чемъ Лука несомнѣнно могъ содѣйствовать своею медицинской практикой. Быть можетъ они надѣялись встрѣтить здѣсь іудейскую общину, пріютившуюся подъ крыльями римскаго орла; но если такъ, то они ошиблись. Филиппы былъ военнымъ и земледѣльческимъ, а не торговымъ городомъ, и іудеевъ въ немъ было такъ мало, что у нихъ даже не было синагоги. Если въ теченіе этихъ дней апостолы пытались проповѣдывать, то это могло быть только въ частныхъ домахъ, потому что когда пришла суббота, то они даже не были увѣрены, чтобы въ городѣ могла быть *просева* или молитвенный домъ ⁸⁵³). Они однако же достаточно знакомы были съ обычаями іудеевъ, чтобы быть увѣренными, что если была у нихъ моельня, то она находилась

гдѣ нибудь на берегу рѣки, внѣ города. И вотъ они, выйдя за ворота ⁸⁵⁴), отправились вдоль древней шоссейной дороги, которая прямо вела къ Гангитамъ ⁸⁵⁵). Имъ пришлось пройти и подъ триумфальной аркой, построенной въ память великой побѣды Филиппа за 94 года предъ тѣмъ ⁸⁵⁶),—побѣды, окончательно рѣшившей торжество императорской системы, которая имѣла столь громадныя послѣдствія для исторіи міра. Дойдя до берега рѣки, миссіонеры были на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ происходила битва и близъ котораго находились лагери Брута и Кассія, отдѣлявшіеся рѣкой отъ войска Октавіана и Антонія.

Но когда они достигли бѣдной, устроенной на открытомъ воздухѣ молебни ⁸⁵⁷), то къ удивленію они нашли здѣсь въ сборѣ лишь нѣсколько женщинъ. Ясно, что не настало еще время для формальныхъ молитвъ. Они поэтому сѣли и вступили въ разговоръ съ маленькимъ собраніемъ ⁸⁵⁸). Слова ихъ сопровождались полнымъ благословеніемъ. Среди женщинъ сидѣла одна лидійская прозелитка, уроженка города Фіатиры, которая принадлежала тамъ къ классу красильщиковъ ⁸⁵⁹). Необычайная роскошь того времени создавала большой спросъ на пурпуръ на рынкѣ Рима, и Лидія находила выгодный сбытъ для своего ремесла среди гражданъ въ Филиппахъ. Въ то время какъ она сидѣла и слушала, стрѣла убѣжденія пронзила ея сердце. Она приняла вѣру и крестилась вмѣстѣ съ своими рабами и дѣтьми ⁸⁶⁰). Ея обращеніе сразу же принесло добрый плодъ, такъ какъ она вообще была гостепріимна. «Если вы», сказала она, «признали меня вѣрною Господу, то войдите въ домъ мой и живите у меня». Какъ ни скромно высказана была эта просьба, но согласиться на нее не было бы согласно съ тѣми началами, которыми ап. Павелъ руководился при своей дѣятельности. Вполнѣ признавая право всякаго проповѣдника вѣры на матеріальную помощь со стороны тѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ религіозную истину и даже право путешествовать вмѣстѣ съ сестрой-женою или прислуживающею діакониссою, онъ однако же не только не хотѣлъ воспользоваться здѣсь этимъ правомъ, но просилъ какъ особенной милости чтобы она не настаивала на своей просьбѣ, потому что онъ хотѣлъ доказать искренность своего служенія полнымъ его безкорыстіемъ. Лидію однако же нельзя было убѣдить этимъ. Это была очевидно одна изъ тѣхъ благородныхъ натуръ, которыя знаютъ, насколько лучше и благословеннѣе давать, чѣмъ принимать, такъ что и ап. Павелъ не считалъ себя вправе настаивать на своемъ отказѣ. Ремесло Лидіи было очень выгодное, и въ ея богатствѣ, соединенномъ съ тою любовью, которую апостолъ питалъ къ церкви филиппійской гораздо болѣе всѣхъ другихъ церквей, мы видимъ и вѣроятное основаніе, почему онъ возбуждалъ ревность въ другихъ церквахъ, когда принималъ денежную помощь отъ филиппійскихъ обращенцевъ, и только именно отъ нихъ ⁸⁶¹).

Изъ нѣкоторыхъ данныхъ очевидно, что среди македонянъ женщины занимали болѣе независимое положеніе и пользовались большимъ почтеніемъ, чѣмъ у другихъ народовъ древняго міра ⁸⁶²). Въ своихъ посланіяхъ къ филиппійцамъ ап.

Павелъ съ особенною выразительностью упоминаетъ о двухъ женщинахъ Еводиѣ и Синтихиѣ, которыя пользовались большою извѣстностью въ христіанской общинѣ, хотя, къ несчастью, онѣ не могли быть во всемъ согласны одна съ другою (Фил. iv, 2). То значеніе, которое эти женщины имѣли въ распространеніи Евангелія, едва ли можно преувеличить. И если только не случайно, что въ модельнѣ въ первую субботу въ Филиппахъ собрались только женщины, то мы можемъ предположить, что не малое число обращенцевъ (Дѣян. xvi, 40), упоминаемыхъ немного послѣ этого, первоначально были обращены къ вѣрѣ при помощи ихъ именно вліянія. Единственные обращенцы, которые упоминаются по имени, это Елафродитъ, къ которому какъ Павелъ, такъ и филиппійская церковь повидимому относились съ глубо-

Монеты города Θιατιры
(съ вазаплатровъ въ Британскомъ музеѣ).

кимъ почтеніемъ; Климентъ и Сизигъ или «соцремникъ» ⁸⁶³⁾, къ которому ап. Павелъ обращается съ игривымъ намекомъ на значеніе его имени и проситъ его содѣйствовать своимъ евангельскимъ трудомъ поборницамъ евангелія—Еводиѣ и Синтихиѣ. Но кромѣ нихъ были еще и другіе непоименованные соработники, которымъ ап. Павелъ даетъ высокое свидѣтельство, что «имена ихъ записаны въ книгѣ жизни».

Эти первыя недѣли въ Филиппахъ видимо сопровождались счастливымъ успѣхомъ для дѣла, такъ какъ результатомъ ихъ было основаніе церкви, членамъ которой апостолъ находилъ нужнымъ дать лишь нѣсколько предостереженій и противъ которыхъ онъ не выразилъ не единого слова порицанія. Почти

полное отсутствіе іудеевъ было равносильно почти полному отсутствію преслѣдованія. Филиппійцы были всецѣло преданы своей христіанской вѣрѣ. Все посланіе ап. Павла къ нимъ дышетъ радостью и благодарностью. Имѣя въ виду, что онъ пишетъ къ колоніи,—колоніи римскихъ «атлетовъ», онъ напоминаетъ имъ о гораздо болѣе возвышенномъ и болѣе облагораживающемъ гражданствѣ, чѣмъ гражданство Рима ⁸⁶⁴). Епафродита онъ называетъ не только своимъ соработникомъ, но также своимъ совоиномъ, тѣмъ, кто стоялъ съ нимъ плечо къ плечу въ новой македонской фалангѣ, которая должна была двинуться на завоеваніе міра. Свои метафорическія выраженія онъ беретъ съ арены борьбы и состязаній ⁸⁶⁵). Какъ ап. Павелъ, такъ и св. Лука повидимому восторгались сильной, мужественной римской натурой своихъ обращенцевъ, изъ которыхъ многіе были рабы и отпущенники, но большинство были воины, собранные во время гражданскихъ войнъ изъ различныхъ областей Италіи,—люди суроваго закала, воспитанные въ здоровой укрѣпляющей дисциплинѣ римскихъ легионовъ и неиспорченные развращающимъ эллинизмомъ пестраго населенія. Ап. Павелъ любилъ и уважалъ ихъ болѣе чѣмъ мечтательныхъ и суевѣрныхъ ефесянъ, вѣтряныхъ и пылкихъ галловъ или высокомерныхъ и сварливыхъ ахейцевъ. Обращаясь къ Θεσσαλονикѣ и Филиппамъ, онъ обращался къ людямъ гораздо болѣе величаваго и мужественнаго духа, болѣе преданнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ жители Коринѳа съ ихъ горделивымъ, выдававшимъ себя за знаніе невѣжествомъ или чѣмъ жители Азіи съ ихъ сладострастнымъ мистицизмомъ и церемоніальною мелочностью. Теперь онъ въ первый разъ находился среди народа, который считался наиболѣе здоровымъ элементомъ древняго міра ⁸⁶⁶), среди народа, который былъ такъ сказать свѣтильникомъ въ узкихъ и кривыхъ улицахъ сумрачнаго города, или звѣздой, изливающей пріятный свѣтъ на темномъ небосклонѣ; среди неиспорченныхъ дѣтей природы, заброшенныхъ въ среду измельчавшей, но коварной и до ничтожества выродившейся расы (Фил. II, 15).

Но пребываніе ихъ въ этомъ плодоносномъ полѣ труда было прервано однимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, которое затронуло злобную алчность нѣкоторыхъ лицъ, постаравшихся вслѣдствіе этого возбудить противъ Павла и Силы страсти черни. Между преслѣдованіями іудеевъ и язычниковъ замѣчается то характеристическое различіе, что первыя всегда возбуждались религіознымъ фанатизмомъ, а послѣднія—личными и политическими интересами, имѣвшими случайную связь съ религіозными вопросами. Апостолы доселѣ безпрепятственно трудились главнымъ образомъ потому, что въ этомъ городѣ или совсѣмъ не было іудеевъ, или ихъ было тамъ немного, и притомъ безъ всякаго вліянія. Но вотъ однажды, направляясь къ молебнѣ, они встрѣтили одну дѣвицу рабыню, которая отличалась крайне возбужденною, быть можетъ эпилептической натурою. Такъ какъ подобная натура считалась особеннымъ свойствомъ служительницъ Пикей въ Дельфахъ, то, по общему мнѣнію, дѣвица обладала духомъ «прорицательнымъ» ⁸⁶⁷).

Въ древности весьма мало понимали истинный характеръ патологическихъ припадковъ умственного возбужденія, и часто странные проблески ума и даже иногда генія среди мрака извращеннаго разума принимались за вдохновенныя и пророческія изреченія. И эта жалкая дѣвица среди городской черни пользовалась громкой славой гадалщицы и предсказательницы будущаго ⁸⁶⁸). Какъ рабыня, она не могла сама обладать никакою собственностью, кромѣ того, что предоставлялось ей господами, и поэтому плата за всѣ гаданія и предсказанія этой жалкой прорицательницы была хорошимъ источникомъ доходовъ для тѣхъ, кому она принадлежала. Какъ окруженной особеннымъ суевѣрнымъ почтеніемъ, этой дѣвицѣ очевидно предоставлялось больше свободы, чѣмъ сколько допускалось обыкновеннымъ женщинамъ даже въ Филиппахъ, и если она была іудейскаго происхожденія, то вѣроятно слышала кое-что касательно Павла и его ученія. Они произвели на нее сильное впечатлѣніе. Поэтому встрѣтивъ людей, о которыхъ она слышала такъ много, она повернулась ⁸⁶⁹) и послѣдовала за ними къ рѣкѣ, постоянно выкликая—быть можетъ въ тѣхъ самыхъ фразахъ, которыя она слышала отъ нихъ:—«сія челоувѣки рабы Бога всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія» ⁸⁷⁰). На это сначала можно было не обращать вниманія; но наконецъ выкрики ея сдѣлались настолько серьезнымъ препятствіемъ къ продолженію проповѣди, что ихъ нельзя было дольше оставлять безъ всякаго вниманія.

Въ порывѣ жалости и негодованія ⁸⁷¹) — жалости къ страдальцѣ и негодованія на эту постоянную надоѣдливость—ап. Павелъ вдругъ повернулся къ ней и обращаясь къ пивейскому духу, которымъ по общему вѣрованію была одержима дѣвица, сказалъ: «именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ выйти изъ нея». Слова эти произвели мгновенное дѣйствіе. Властно спокойное заклинаніе возстановило въ ея существѣ нарушенную гармонию. Она избавилась отъ припадковъ, а также

Служительница Пифіи на треножникѣ
(съ древней вазы).

прекратились и тѣ неестественные, дикіе выкрики, которые при своей необычайности и пронзительности естественно могли быть принимаемы за сивиллинскія прорицанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для господъ ея исчезла всякая надежда на доходъ отъ ея прорицаній. Источникъ ихъ доходовъ исчезъ вмѣстѣ съ духомъ ⁸⁷²). Часть столь важной для нихъ собственности такимъ образомъ сдѣлалась совершенно бесполезной для нихъ.

Увидѣвъ такой уронъ, господа этой рабыни пришли въ неописанную ярость. Они едва ли могли идти прямо къ властямъ города и заявить, что Павелъ единственнымъ словомъ изгналъ могущественнаго демона; но они рѣшились отомстить ему тѣмъ или другимъ способомъ, тѣмъ болѣе, что въ римской колоніи, составленной первоначально изъ отставныхъ Антоніевыхъ солдатъ и населенной теперь большею частью ихъ потомками, равно какъ и надѣленными отчасти правами гражданства отпущенниками изъ Италіи ⁸⁷³), легко было возбудить вражду противъ двухъ-трехъ, лишенныхъ всякихъ связей, іудеевъ. Это было тѣмъ легче, что филиппійцы быть можетъ слышали извѣстіе о тѣхъ смутахъ и мятежахъ въ Римѣ, которые повели къ изданію указа импер. Клавдія, изгонявшаго всѣхъ іудеевъ изъ столицы ⁸⁷⁴). Они рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы произвести буйство на подобномъ же основаніи ⁸⁷⁵). Они внезапно арестовали Павла и Силу и повлекли ихъ на судъ къ властямъ города ⁸⁷⁶). Эти власти повидимому передали дѣло на разсмотрѣніе дуумвировъ ⁸⁷⁷), которые были главными начальниками колоніи и, въ подражаніе обычаямъ и титуламъ императорскаго Рима, имѣли дерзость называть себя «преторами» ⁸⁷⁸). Ведя своихъ узниковъ къ этимъ «преторамъ», буяны кричали: «сіи люди, будучи іудеями, возмущаютъ нашъ городъ и проповѣдуютъ обычаи, которыхъ намъ, римлянамъ, не слѣдуетъ ни принимать, ни исполнять» ⁸⁷⁹). Чернь знала дѣйствительное состояніе дѣла, но видимо сочувствовала владѣльцамъ рабыни, которые въ этомъ случаѣ по отношенію къ апостоламъ дѣйствовали совершенно такъ же, какъ нѣкогда дѣйствовали гадаряне по отношенію къ Спасителю, когда исцѣленіемъ бѣсноватаго задѣты были ихъ выгоды. Въ душѣ грековъ и римлянъ, какъ мы видѣли, всегда таилась искра отвращенія къ іудеямъ. И вотъ всѣ празднующіе агоры шумно стали на сторону обвинителей, и областные дуумвиры, вдвойнѣ грозные и опасные вслѣдствіе пустой надменности отъ присвоенныхъ ими себѣ павлиныхъ перьевъ «преторскаго достоинства», рѣшили, что чернь права, или что во всякомъ случаѣ подобныя личности изъ іудеевъ непременно всегда настолько виноваты, чтобы заслуживать хорошаго наказанія. Они не смущались тѣмъ, что имъ такую дешевою цѣною придется удовлетворить римское самолюбіе своего города, гордившагося тѣмъ, что граждане его принадлежали къ племени Вольтинія ⁸⁸⁰). Это было новое доказательство того, что самый ничтожный человѣкъ, стоитъ только облечь его хотя самою незначительною властью, готовъ «выкидывать подвиги самаго дерзкаго властолюбія хоть даже предъ самымъ небомъ».

Павлу и Силѣ здѣсь приходилось имѣть дѣло не съ надменнымъ безпристрастіемъ и гордою пренебрежительностію такого образованнаго чловѣка, какъ Галліонъ, но съ грубымъ самоуправствомъ разныхъ «Вивіевъ и Флоровъ», которые въ то время играли свою короткую роль на узкой сценѣ города Филиппъ. Обладая римскимъ гражданствомъ, проповѣдники отнюдь не могли ожидать, чтобы ихъ дѣло милосердія закончилось столь незаконнымъ къ нимъ отношеніемъ, какъ полное пренебреженіе къ ихъ гражданскимъ правамъ, или, чтобы ихъ безъ суда и слѣдствія нахально присудили къ наказанію, котораго заслуживаютъ только самые низкіе злодѣи ⁸⁸¹). А такъ именно и случилось. Мнимые «преторы» хотѣли подражать «божественному» Клавдію, и обрушились на этихъ странствующихъ іудеевъ съ тѣмъ же наказаніемъ, которое злые подвиги ихъ соотечественниковъ навлекли на нихъ въ Римѣ. Такъ какъ судопроизводство происходило несомнѣнно на латинскомъ языкѣ, который Павелъ и Сила быть можетъ не совсѣмъ понимали, и сопровождалось разными законническими формами, съ которыми они были незнакомы, то они или не имѣли времени опереться на свое гражданское право передъ тѣмъ, какъ ихъ уже сдали въ руки ликторовъ ⁸⁸²), или же, если они и ссылались на него, то ихъ голоса были заглушены буйными воплями черни. Не успѣли они еще высказать хотя одно слово въ свою собственную защиту, какъ былъ произнесенъ приговоръ: «*summovete, lictores, despoliate, verberate*». Апостолы были схвачены; одежды ихъ грубо содраны съ нихъ ⁸⁸³); ихъ повлекли и привязали руками къ *palus* или къ бичевальному столбу на городской площади. Вывали ли они тщетно погречески къ своимъ разъяреннымъ врагамъ: «мы римскіе граждане», или, что гораздо вѣроятнѣе, сносили это страшное наказаніе въ томъ величавомъ безмолвіи, которое въ моменты высшаго духовнаго восхищенія лишаетъ боли самое страданіе — неизвѣстно ⁸⁸⁴); во всякомъ случаѣ на той площади, развалины которой сохраняются еще и теперь, въ виду грязныхъ подонковъ провинціальнаго пограничнаго города и своихъ собственныхъ сострадательныхъ друзей, они въ рукахъ звѣрскихъ ликторовъ перенесли то издѣвательство, тѣ удары, пинки, мученія и побои, то безчестіе и крайній позоръ, несправедливое нанесеніе которыхъ даже хладнокровный и жестокій язычникъ не могъ бы описывать безъ волненія и негодованія ⁸⁸⁵). Это было первое изъ тѣхъ трехъ бичеваній розгами римскихъ ликторовъ, которыя перенесъ ап. Павелъ, и нѣтъ надобности останавливаться хотя сколько нибудь на изображеніи его мучительности и опасности для здоровья. Въ наше время мы не можемъ читать безъ содроганія даже о бичеваніи какого нибудь звѣрскаго преступника, и наша кровь заохлодѣла бы отъ невыразимаго ужаса, если бы подобный фактъ, или хотя что нибудь подобное ему случилось въ жизни какихъ либо извѣстныхъ проповѣдниковъ. Но такіе ужасы по крайней мѣрѣ восемь разъ повторялись въ жизни великаго апостола, организмъ котораго былъ истерзанъ отъ непрерывныхъ страданій и въ жизни котораго эти муки были лишь каплею

въ морѣ терпѣнія, такъ что изъ восьми случаевъ, въ которыхъ онъ подвергался этимъ ужаснымъ бичеваніямъ, только этотъ одинъ онъ считалъ стоящимъ мимоходнаго упоминанія впослѣдствіи ⁸⁸⁶).

Но это еще было не все. Не удовольствовавшись столь жестокимъ бичеваніемъ, дуумвиры, съ тѣмъ же чудовищнымъ нарушеніемъ всякихъ законовъ, ввергли Павла и Силу въ темницу и дали тюремщику специальное приказаніе крѣпко накрѣпко содержать ихъ тамъ. Заключивъ изъ этого приказанія, что эти узники виновны въ какомъ либо чрезвычайно тяжеломъ преступленіи, и рѣшившись содержать ихъ подъ усиленной охраной, тюремщикъ не только ввергнулъ ихъ во внутреннее помѣщеніе темницы, мрачной и грязной, но и велѣлъ ноги ихъ забить въ «колоду». «Колода» эта была орудіемъ пытки, употреблявшимся во

Римскій ликторъ съ пучками розогъ.

многихъ странахъ, и состояла изъ бруса, имѣвшаго пять отверстій: по два для рукъ и ногъ и одно для шеи ⁸⁸⁷). Тюремщикъ на этотъ разъ забилъ въ колоду только ихъ ноги; и однако же неудивительно, что память объ этомъ страданіи сохранялась въ душѣ ап. Павла и многіе годы спустя, когда мы представимъ себѣ, что могъ чувствовать страдалецъ, который, вполне сознавая тяжкую несправедливость въ отношеніи къ себѣ и только недавно оправившись отъ тяжелой болѣзни, послѣ долгаго и ужаснаго бичеванія, слѣдовавшаго за буйнымъ и звѣрскимъ насиліемъ, изъ рукъ бушующей черни былъ ввергнутъ въ удушающую и мрачную темницу и въ теченіе всей ночи пробылъ въ такихъ оковахъ, что не было никакой возможности, кромѣ самаго неудобнаго положенія, даже заснуть на грязномъ голомъ полу ⁸⁸⁸).

Однако же и надъ всѣми этими бѣдствіями Павелъ и Сила восторже-

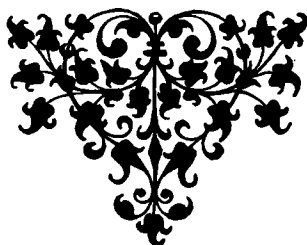
ствовали въ душѣ. Съ геройскою бодростью они утѣшали себя въ теченіе долгихъ темныхъ часовъ ночи молитвою и гимнами ⁸⁸⁹). Для каждого іудея, какъ и для каждого христіанина, псалмы Давида давали неистощимый запасъ священнаго пѣснопѣнія. Въ эту ночь темница такъ сказать бодрствовала. Въ воздухѣ, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, была страшная тишина и жаръ—признакъ наступающей катастрофы; но какъ бы то ни было, преступники филиппійской тюрьмы слышали священные пѣсни двоихъ своихъ союзниковъ, которые, не заслуживъ ничего, страдали тяжелѣе всѣхъ. «Темница», по выраженію одного писателя, «сдѣлалась Одеономъ». И преступники съ завистью и изумленіемъ слушали тѣ «пѣсни ночи», которыми Богъ вдохновлялъ невинныхъ. Никогда быть можетъ не было еще ничего подобнаго въ исторіи міра, и это полное торжество духа мира и радости надъ позоромъ и мукой было знаменіемъ того, что должно было произвести христіанство впослѣдствіи. И въ то время, какъ они пѣли, а заключенники слушали быть можетъ стихи, которые изъ глубины души зывали къ Богу, «уносясь къ Нему предъ утреннею стражей», пѣли быть можетъ слова: «пашущіе пахали на хребтѣ моемъ и проводили длинныя борозды; но праведный Господь разсѣкъ узы нечестивыхъ», или торжественно возвѣщали: «такъ Господь разрушилъ врата мѣдныя и низвергъ вериі желѣзныя», — вдругъ почувствовался сильный ударъ землетрясенія, который потрясъ самыя основы тюрьмы. Темничныя двери открылись; цѣпи узниковъ сорвались съ колець въ стѣнѣ (Дѣян. хvi, 26). Пробужденный отъ сна и увидѣвъ двери темницы открытыми, начальникъ тюрьмы тотчасъ же извлекъ свой мечъ и хотѣлъ убить себя, думая, что его узники убѣжали, и зная, что онъ самъ долженъ будетъ отвѣчать за нихъ своею жизнью ⁸⁹⁰). Самоубійство въ то время было обычнымъ убѣжищемъ отъ бѣдствія, и въ Филиппахъ быть можетъ сочтено было бы не только естественнымъ, но и героическимъ поступкомъ ⁸⁹¹). Ап. Павелъ однако же тотчасъ замѣтилъ его намѣреніе и, всегда въ совершенствѣ владѣя собою даже среди опасности, закричалъ ему громкимъ голосомъ: «не дѣлай себѣ никакого зла, ибо всѣ мы здѣсь». Всѣ эти обстоятельства — землетрясеніе, приступъ внезапнаго ужаса, порывъ радости, отвратившей его отъ самоубійства, скромная терпѣливость и спокойное прощеніе со стороны узниковъ—сразу расплавили сердце этого человѣка. Попросивъ свѣта, онъ бросился во внутренность темницы и въ трепетѣ волненія повергся къ ногамъ Павла и Силы. Затѣмъ освободивъ ихъ ноги отъ колодъ и выведя ихъ изъ внутренняго заключенія, воскликнулъ: «государи мои (κύριοι), что мнѣ дѣлать, чтобы спастись»? Самый тонъ рѣчи показывалъ въ немъ глубокое благоговѣніе. Вопросъ его былъ какбы отголоскомъ вопроса бѣсноватой ⁸⁹²). И апостолы отвѣчали ему отчасти словами, которыя онъ самъ употребилъ: «вѣруй», сказали они, «въ Господа (Κύριον) Иисуса Христа и спасешься ты и весь домъ твой». Глубоко тронутый, начальникъ темницы тотчасъ же собралъ все свое семейство, а Павелъ и Сила, не смотря на всѣ

свои страданія и утомленіе, проповѣдывали имъ о Томъ, въ которомъ они могли найти спасеніе ⁸⁹³). Затѣмъ начальникъ тюрьмы, сжалившись надъ ихъ положеніемъ, омылъ ихъ истерзанныя спины и немедленно затѣмъ со всѣмъ своимъ домомъ крестился въ новую вѣру ⁸⁹⁴). Все это повидимому совершилось въ предѣлахъ тюрьмы. Проповѣдники доселѣ и не подумали о пищѣ или покоѣ. Уведя ихъ по лѣстницѣ въ верхнюю комнату своего дома, онъ накрылъ для нихъ столъ, и въ этотъ возвышенный часъ посѣщенія отъ живаго Бога онъ со всѣмъ своимъ домомъ чувствовалъ тотъ порывъ возвышенной радости, который естественно истекалъ изъ новой вдохновляющей вѣры ⁸⁹⁵).

Разсвѣлъ день, и дуумвиры пришли въ смятеніе. Чувствовали ли они землетрясеніе ⁸⁹⁶) и были испуганы, чтобы эти «рабы Бога Всевышняго» не оказались чѣмъ нибудь болѣе бѣдныхъ іудейскихъ странниковъ, какими они казались, или до нихъ дошло извѣстіе о крайне поразительныхъ событіяхъ этой ночи, они во всякомъ случаѣ устыдились своей грубой несправедливости. Они чувствовали крайнюю необходимость затупить все это дѣло и насколько возможно скорѣе отдѣлаться отъ этихъ странныхъ узниковъ. Вслѣдствіе этого они послали своихъ ликторовъ въ тюрьму, но уже не для того, чтобы употреблять свои розги въ возмутительномъ нарушеніи справедливости, но чтобы «отпустить тѣхъ людей». Начальникъ тюрьмы поспѣшилъ къ Павлу съ извѣстіемъ объ освобожденіи, которое, какъ ему думалось, несомнѣнно будетъ принято съ искреннею радостью. Но ап. Павелъ чувствовалъ, что по крайней мѣрѣ какое нибудь вознагражденіе должно быть дано за невыносимую несправедливость и что ради другихъ, если не для самого себя, этимъ областнымъ судьямъ нужно было преподать урокъ, чтобы они не съ такою легкостью злоупотребляли своею властью по навѣтамъ буйной черни. Пославъ ликторовъ за самими дуумвирами, онъ строго сказалъ имъ, придавая особый вѣсъ каждому слову: «насъ, римскихъ гражданъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ; нѣтъ, пусть придутъ и сами выведутъ насъ» ⁸⁹⁷). Ликторы отправились съ этою вѣстью къ преторамъ и это повергло ихъ въ немалое безпокойство. По своему невѣжеству, предубѣжденію и начальственному высокомерію, они совершили вопіющее нарушеніе римскаго закона ⁸⁹⁸). Они осудили двухъ римскихъ гражданъ, не давъ имъ узаконеннаго права на открытое судопроизводство ⁸⁹⁹); и, осудивъ ихъ, оскорбили родовое право и привилегію гражданства выводомъ ихъ къ позорному столбу и бичеваніемъ. Этимъ они нарушили законъ Порціи ⁹⁰⁰) предъ лицомъ всей черни форума, и притомъ въ присутствіи лицъ, изъ которыхъ иные по крайней мѣрѣ совершенно охотно могли ввязаться въ это дѣло и донести обо всемъ этомъ высшимъ властямъ. Своимъ поступкомъ они прямо публично оскорбили законъ и величіе Рима ⁹⁰¹). Имъ грозила крайняя непріятность самимъ предстать на судъ проконсула съ отвѣтомъ за это вопіющее беззаконіе; поэтому, полагаясь на примирительность іудейскаго характера въ отношеніи простыхъ личныхъ несправед-

ливостей, они прибыли въ тюрьму, сопровождаемые, какъ говоритъ одинъ манускриптъ, многими друзьями ⁹⁰²). Прося прощенія у своихъ узниковъ, они съ особенною настойчивостью просили ихъ оставить городъ, извиняясь тѣмъ, что они ошиблись въ ихъ личности, и указывая на то, что въ случаѣ, если они останутся дольше, они еще разъ могутъ быть причиною буйства черни ⁹⁰³). Павелъ и Сила однако же были достаточно смѣлые люди и не намѣрены были хоть сколько нибудь оправдывать обращеніе съ ними уходомъ изъ города. Изъ темницы они направились къ дому Лидіи и, только уже повидѣвъ всѣхъ собравшихъ братьевъ и давъ имъ свое послѣднее наставленіе, они оставили это плодотворное поприще, гдѣ проповѣдь ихъ была грубо прервана первымъ взрывомъ языческаго гоненія. Но согласно съ принятымъ ап. Павломъ обычаемъ (сн. хvii, 14; хviii, 19; Тит. i, 5; 2 Тим iv, 20) они оставили Луку позади себя ⁹⁰⁴). Въ Филиппахъ ему быть можетъ представилась благопріятная возможность для употребленія своего медицинскаго искусства и въ то же время онъ могъ руководить и укрѣплять маленькую общину филиппійскихъ обращенцевъ, которыхъ ожидали еще впереди дни и годы тяжелыхъ гоненій ⁹⁰⁵).

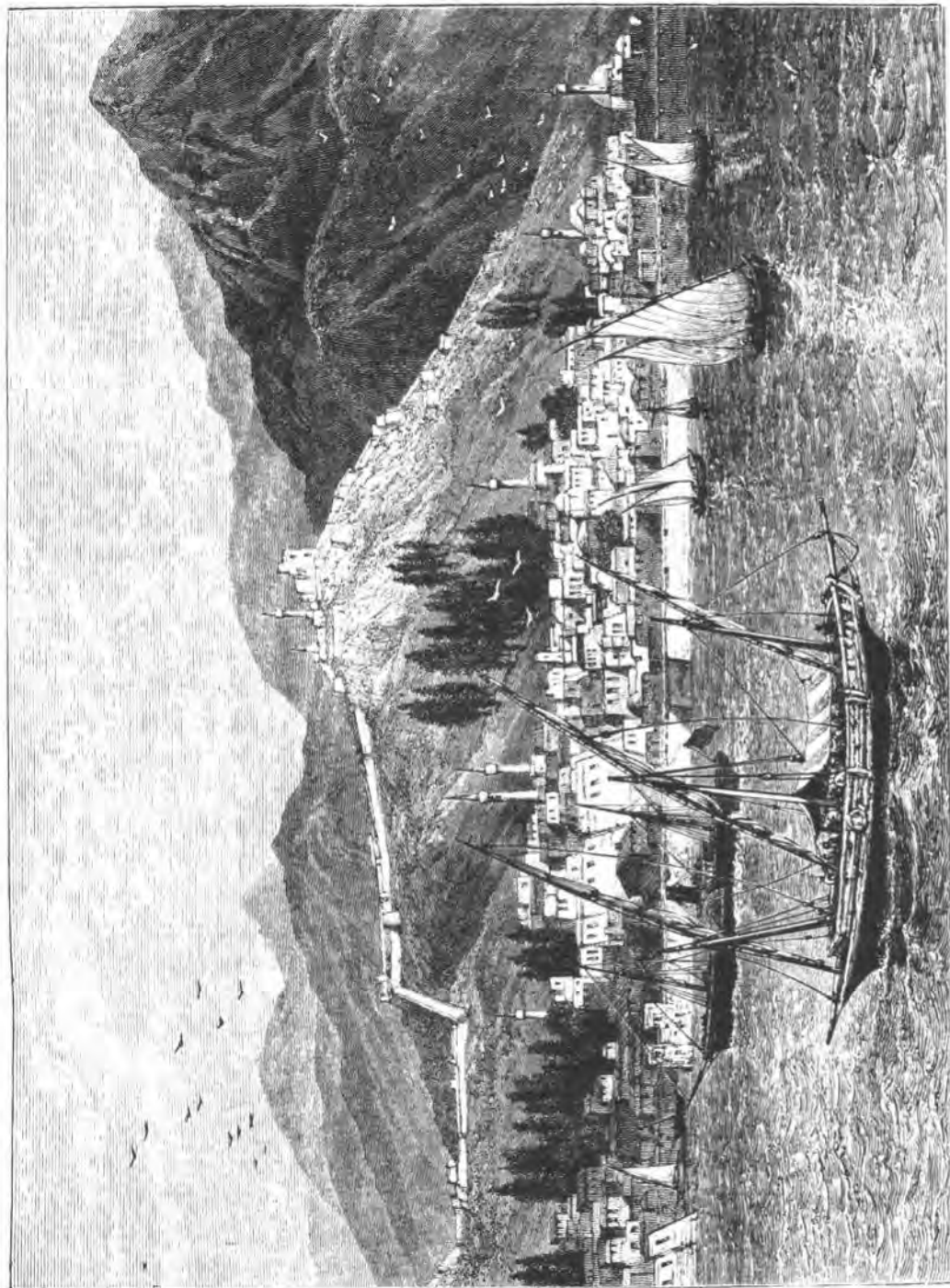
ГЛАВА XXVI.

ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΑ. — ВЕРЕЯ.

Ибо вы помните, братія, трудъ вашъ и
азнуреніе. 1 Θεсс. ii, 9.

СТАВИВЪ Филиппы съ ихъ смѣшаннымъ воспоминаніемъ о страданіи и счастіи, Павелъ съ Сильваномъ и Тимошеемъ отправились къ прекрасному городу Амфиполю, отстоявшему на день пути — верстъ на 50 отсюда. Онъ лежитъ къ югу отъ великолѣпнаго озера, подъ прикрытіемъ холмовъ, въ пяти верстахъ отъ моря, на краю необыкновенно плодородной равнины. Крѣпость его естественнаго положенія, почти окруженнаго большимъ изгибомъ рѣки, лежащія близъ него рудники и сосѣдній лѣсъ, дававшій аеинскому флоту столь превосходный строевой матеріалъ, дѣлали его положеніе необыкновенно важнымъ во время Пелопонезскихъ войнъ. Если ап. Павелъ когда нибудь читалъ Геродота, онъ съ ужасомъ могъ вспомнить о человѣческомъ жертвоприношеніи Ксеркса ⁹⁰⁶), зарывшаго въ этомъ мѣстѣ живыми девять юношей и девять дѣвицъ; и если онъ читалъ Фукидида (что впрочемъ крайне сомнительно, не смотря на нѣкоторую аналогію между ихъ формами выраженія), онъ съ особеннымъ интересомъ посмотрѣлъ бы на погребальный холмъ Бразиды съ воспоминаніями о блистательной побѣдѣ его надъ Клеономъ ⁹⁰⁷). Если онъ читалъ Ливія (что опять отнюдь не вѣроятно), онъ могъ бы вспомнить тотъ фактъ, что въ этомъ городѣ Павелъ Эмилиій ⁹⁰⁸), одинъ изъ того рода, отъ котораго его отецъ или дѣдъ быть можетъ получилъ свое имя, объявилъ отъ имени Рима, что Македонія должна быть свободна. Но все это имѣло мало значенія или даже вовсе не имѣло никакого значенія для этихъ іудейскихъ миссіонеровъ. Въ Амфиполѣ не было синагоги и поэтому не было возможности сразу же обратиться съ проповѣдью къ іудеямъ

Салоники (Фессалоника).

или язычникамъ ⁹⁰⁹). Они повтому на слѣдующій день отправились въ пятидесятиверстный путь, среди необыкновенно прекрасныхъ картинъ природы, вдоль Стримонскаго залива по лѣсистому проходу Авлонскому, гдѣ ап. Павелъ быть можетъ видѣлъ гробницу Эврипида, и вдоль береговъ озера Больбы въ Апполонію. Переночевавъ здѣсь, они на слѣдующій день, держа свой путь чрезъ мысъ Халкидскій и оставивъ къ югу Олинъ и Потидею съ ихъ возбуждающими воспоминаніями, прошли еще почти 60 верстъ по направленію къ знаменитому городу Тессалоникѣ, столицѣ всей Македоніи, которая, хотя и свободный городъ ⁹¹⁰), была однако же резиденціей римскаго проконсула.

Положеніе его на Эгнатійской дорогѣ, командующей входомъ въ два большихъ внутреннихъ округа, и во главѣ Термейскаго залива—дѣлало его важнымъ мѣстомъ торговли. Съ того времени, какъ Кассандръ возстановилъ его и переимѣнилъ его названіе изъ Термы въ Тессалонику въ честь своей жены, дочери Филиппа Македонскаго, онъ всегда былъ цвѣтущимъ городомъ, соединяя съ собою много историческихъ воспоминаній. Здѣсь Цицеронъ провелъ время своего печальнаго изгнанія ⁹¹¹). Здѣсь триумфальная арка, стоящая еще и теперь, служила воспоминаніемъ побѣды Октавія и Антонина въ Филиппахъ. Отсюда, какбы звукомъ трубы, не только во времена ап. Павла ⁹¹²), но и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій слово Божіе провозглашалось среди сосѣднихъ племенъ. Здѣсь импер. Θεодосій совершилъ то ужасное избіеніе, за которое св. Амвросій, съ истинно геройскимъ мужествомъ святителя, на восемь мѣсяцевъ отлучилъ его отъ церкви Миланской. Здѣсь добрый и ученый епископъ Евстаѣій писалъ тѣ латинскія схоліи на Гомера, которыя ставятъ его въ первый рядъ древнихъ комментаторовъ. Онъ получилъ названіе «православнаго города», потому что въ теченіе столѣтій онъ былъ оплотомъ христіанства, но въ 1430 г. былъ взятъ Амуратомъ II. Салоники еще и теперь составляютъ большой торговый портъ съ 70,000 жителей, изъ которыхъ почти треть евреи. И звѣрство магометанскаго фанатизма, которое въ послѣднее время опять сдѣлало его имя знаменитымъ въ исторіи, есть только начало событій, которыя имѣютъ повлечь за собой полное измѣненіе карты и судьбы южной Европы.

Въ этомъ-то городѣ, задавленномъ теперь проклятіемъ ислама, но еще прекрасномъ на своихъ склонахъ, одѣтыхъ виноградниками горъ Пеліона и Олимпа, и остановились миссіонеры, такъ какъ здѣсь была единственная іудейская синагога, которая служила для цѣлаго округа ⁹¹³). Обезпечивъ себѣ средства добыванія насущнаго хлѣба, что было не очень легкимъ дѣломъ, они нашли себѣ помѣщеніе въ домѣ одного іудея, который свое имя Іисуса передѣлалъ на греческій манеръ въ Іасона (Римл. хvi, 21). Даже если помѣщеніе имъ было дано даромъ, ап. Павелъ, не принимая болѣе никакой помощи, принужденъ былъ денно и нощно прибѣгать къ самому тяжелому труду ⁹¹⁴) для того, чтобы хотя сколько нибудь удовлетворять свои нужды. Но даже этого было недостаточно.

Въ добавокъ къ его обычной бѣдности (если даже онъ и обладалъ частными средствами, то теперь онъ видимо всё потерялъ ихъ)⁹¹⁵ — издержки путешествія отъ Филиппъ вѣроятно лишили его и спутниковъ почти всѣхъ бывшихъ у нихъ денегъ. Если бы не временная щедрость филиппійцевъ, то апостолъ былъ бы поставленъ въ весьма затруднительное положеніе и даже быть можетъ лишился бы всѣхъ средствъ продолжать свое путешествіе дальше (Фил. iv, 15, 16). Между извѣстіемъ о двухъ приношеніяхъ отъ Филиппъ и рассказомъ апостола о своихъ собственныхъ трудахъ нѣтъ никакого противорѣчія; потому что ничто не показываетъ, чтобы онъ оставался въ Θεσσαλονικαхъ болѣе трехъ недѣль⁹¹⁶. Въ дополненіе къ тому обстоятельству, что второе приношеніе отчасти требовалось для его новаго путешествія, мы находимъ, что въ это самое время свирѣпствовалъ голодъ, вслѣдствіе котораго цѣна на пшеницу поднялась въ шесть разъ противъ ея обыкновенной цѣны⁹¹⁷. Не смотря на крайнія затрудненія, въ которыя этотъ голодъ ставилъ ап. Павла и его сотоварищей, великій миссіонеръ становился только еще рѣшительнѣе въ своемъ намѣреніи отстранять отъ своего служенія всякія подозрѣнія, дѣлая его исключительно даровымъ. Такое безкорыстіе много укрѣпляло его положеніе особенно въ той «глубокой бѣдности», которая навѣрно преобладала въ тѣ времена среди низкихъ по рожденію прозелитовъ презираемой религіи. Если ап. Павелъ не отказался принять приношеній отъ города Филиппъ, то это потому, что они пришли неожиданно въ часъ наиболѣе тяжелой нужды и притомъ отъ тѣхъ, которые имѣли возможность подѣлиться деньгами и которые, какъ онъ хорошо зналъ, были бы огорчены всякимъ отказомъ въ принятіи предложенной ими помощи. Притомъ всѣмъ извѣстно было, что помощь эта явилась безъ всякой просьбы съ его стороны и что, насколько дѣло касалось личной жизни ап. Павла, онъ былъ крайне равнодушенъ къ лишеніямъ и давалъ примѣръ непоколебимой выносливости, облегчавшейся вслѣдствіе полнѣйшаго упованія на Бога (Фил. iv, 11, 12).

Три субботы подъ рядъ онъ ходилъ въ синагогу и бесѣдовалъ съ іудеями. Можно бы думать, что произведенное надъ нимъ насиліе въ Филиппахъ, отъ котораго еще оставались тяжкіе слѣды, нѣсколько охладить его ревность и заставить его опасаться другаго гоненія. Но какъ ни свѣжи еще были тяжкіе слѣды перенесеннаго имъ избіенія, онъ велъ свои бесѣды съ неослабною ревностью и смѣлостью⁹¹⁸, объясняя пророчества и доказывая на основаніи ихъ, что Мессіи надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ и что «сей Христосъ есть Іисусъ, котораго я проповѣдую вамъ»⁹¹⁹. Слушатели синагоги главнымъ образомъ состояли изъ іудеевъ и нѣкоторые изъ нихъ убѣдились и присоединились къ церкви⁹²⁰. Между ними особенно выдавался своимъ послѣдующимъ благочестіемъ и особенно тѣмъ, что былъ почти единственнымъ горячо преданнымъ обращенцемъ, приобрѣтеннымъ ап. Павломъ изъ «людей обрѣзанія»,—Аристархъ, раздѣлявшій опасности ап. Павла⁹²¹ во время насилій со стороны черни въ

Ефесѣ, принимавшій участіе въ его посѣщеніи Іерусалима, въ его путешествіи и кораблекрушеніи и его послѣднемъ тюремномъ заключеніи. Новую вѣру однако же приняли не малое число прозелитовъ и грековъ ⁹²²), и между ними не мало было женщинъ, изъ которыхъ инныя занимали видное положеніе въ обществѣ. Это застарѣлое упорство іудеевъ, стоявшее въ прискорбномъ противорѣчій съ охотнымъ обращеніемъ язычниковъ и особенно женщинъ, которыя во всѣ времена болѣе отличались религіозною ревностью, чѣмъ мужчины, есть постоянное явленіе въ ранней исторіи христіанства. Да это и неудивительно. Іудей во всякомъ случаѣ имѣлъ религію, которая поднимала его на высоту нравственнаго превосходства надъ его языческими современниками; но у язычника того времени совсѣмъ не было религіи, стоющей этого названія. Если іудей болѣе и болѣе принималъ обрядность за тѣ драгоцѣнныя истины, для которыхъ эта обрядность была лишь внѣшнимъ выраженіемъ, то онъ по крайней мѣрѣ сознавалъ, что въ этихъ обрядахъ и церемоніяхъ, которыя онъ соблюдалъ съ фанатическою ревностью, заключались глубокія истины. Но на какія глубокія истины могла опираться греческая женщина, если ея жизнь была чиста и если ея мысли поднимались выше обыденной домашности, которая считалась единственною добродѣтелью ея пола? Какое утѣшеніе могла она находить въ холодныхъ сѣрыхъ глазахъ Аѳины или въ застывшей улыбкѣ чувственной Афродиты? И когда ѳессалоникійскій грекъ поднималъ свои глаза къ обезлюдѣвшему небу Олимпа, вздымавшемуся надъ синимъ заливомъ, у котораго стоялъ его городъ, когда его воображеніе не могло уже болѣе помѣщать престолъ Зевса и сѣдалища его величественныхъ божествъ на той сверкающей вершинѣ, гдѣ, какъ съ ядовитой ироніей замѣтилъ Цицеронъ, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ снѣга и льда,—чѣмъ онъ могъ восполнить пустоту, оставленную въ его сердцѣ мертвой религіей ⁹²³)? Принявъ обрѣзаніе, онъ могъ стать лишь такъ сказать илотомъ іудейства. И такая жертва не привлекала его. Но евангеліе, которое проповѣдывалъ Павелъ, было общедоступнымъ ученіемъ, не имѣло надменныхъ исключеній или отталкивающихъ обрядовъ. Оно, какъ божественный даръ любви и свободы, одинаково являлось ко всѣмъ, и этотъ даръ заключалъ въ себѣ все, что было наиболѣе дорогаго для настрадавшейся и унылой души. Неудивительно поэтому, что церковь ѳессалоники состояла главнымъ образомъ изъ язычниковъ, какъ это ясно доказывается словами самого ап. Павла (1 ѳесс. I, 9; II, 14) и полнымъ отсутствіемъ какихъ либо ссылокъ на ветхій заветъ въ его двухъ посланіяхъ къ ѳессалонійцамъ. Во время трехнедѣльной проповѣди въ синагогѣ ап. Павелъ ограничивался въ своей аргументаціи св. писаніемъ; но для обращенцевъ изъ язычниковъ, склонившихся къ новой вѣрѣ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такіе доводы были бы непонятны, равно какъ были бы бесполезны для тѣхъ, которые вѣровали въ личное свидѣтельство о воскресшемъ Христѣ.

Упомянувъ о первыхъ трехъ субботахъ, св. Лука не даетъ намъ никакихъ

Гора Олимпъ.

дальнѣйшихъ подробностей о прибываніи ап. Павла въ Θессалоникѣ. Но мы можемъ прослѣдить нѣсколько интересныхъ фактовъ касательно дальнѣйшаго пребыванія его тамъ на основаніи личныхъ указаній его въ своихъ посланіяхъ. Первое посланіе въ Θессалоникійцамъ, самое раннее изъ всѣхъ его дошедшихъ до насъ посланій, было написано мѣсяцъ или два

спустя по его уходѣ оттуда. Въ немъ замѣтенъ тонъ скорби, переходящій въ ожиданіе болѣе свѣтлаго будущаго, что было и естественно въ человѣкѣ, обычная жизнь котораго была жизнью ненавидимаго и гонимаго отверженца. Мы видимъ, что юная церковь

въ Фессалоникѣ отличалась преданностью вѣрѣ, любовью и терпѣніемъ, которыя дѣлали ее славнымъ образцомъ для всѣхъ церквей Македоніи и Ахаіи (1 Фесс. I, 2, 3, 6—8). Она сіяла тѣмъ ярче, вслѣдствіе жестокихъ огорченій, которыя съ самаго начала удручали братьевъ, но не могли поколебать ихъ твердости или затмить ихъ радости (2 Фесс. I, 4, 5; 1 Фесс. II, 14; I, 6). Ап. Павелъ въ своемъ посланіи къ нимъ могъ указывать на собственную дѣятельность и примѣръ между ними; на смѣлость, которую онъ выказывалъ вопреки теперешнему противодѣйствію и прежнимъ гоненіямъ; на полное отсутствіе всякихъ обманчивыхъ обѣтованій въ ученіи, которое явно предостерегало ихъ, что быть близъ Христа значило быть близъ огня ⁹²⁴); на убѣжденіе, подкрѣплявшееся силою Духа Святаго, подтверждавшаго его ученіе (1 Фесс. II, 1, 2); на простоту и искренность, которыя давали ему возможность ссылаться на нихъ, какъ на свидѣтельство того, что его Евангеліе было совершенно чуждо всякой обманчивой лести, грѣховныхъ побужденій или тщеславнаго самоискательства (I, 5); на независимость, которую онъ сохранялъ (II, 3—6); на самоотверженную нѣжность, которую онъ выказывалъ; на постоянные труды по ремеслу (II, 6; 2 Фесс. III, 8—10); на безупречную чистоту жизни; на личный примѣръ въ осуществленіи своихъ назиданій (1 Фесс. II, 9). И этотъ высокій примѣръ произвелъ свое надлежащее дѣйствіе, потому что они приняли его ученіе съ полною сердечностью, какъ божественное благовѣстіе (1 Фесс. II, 13), и вдохновили его тою любовью къ нимъ, въ силу которой ихъ образъ постоянно предносился его воображенію, хотя непреодолимые затрудненія препятствовали осуществить ему два раза высказанное намѣреніе посѣтить ихъ опять.

Посланіе это бросаетъ также свѣтъ на ту особенную черту въ ученіи ап. Павла, которая впослѣдствіи сдѣлалась главнымъ основаніемъ для нападокъ на него. Его страданія естественно обращали его мысли къ будущему; жестокость людей заставляла его все больше полагаться на помощь Божию; злоба земныхъ правителей и преобладаніе неправды на землѣ вмѣстѣ съ обстоятельствами, которыхъ мы коснемся впослѣдствіи, наполняли его ученіе надеждами и пророчествами о новомъ царствѣ и о возвращеніи царя. Его надежда на скорое наступленіе втораго пришествія была источникомъ ободренія среди непрерывныхъ огорченій.

Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни ап. Павла мало было спокойныхъ періодовъ служенія. Ревнивость и ненависть, которыя преслѣдовали его изъ города въ городъ въ Писидіи и Ликаніи, преслѣдовали его также и здѣсь. Всѣ іудеи отъ перваго до послѣдняго, іудеи, къ которымъ онъ въ глубинѣ своего сердца чувствовалъ нѣжнѣйшую привязанность, сдѣлались казнью и бѣдствіемъ для всей его страждущей жизни. Въ Антиохіи и Іерусалимѣ іудеи, номинально числившіеся въ стадѣ Христовомъ, противодѣйствовали его ученію и отравляли ему жизнь; во всѣхъ другихъ городахъ іудеи именно опять поно-

оили и хулили святое имя, о которомъ проповѣдывалъ онъ. При насажденіи церковей ему постоянно приходилось бояться ихъ смертельнаго противодѣйствія; при поливанні ихъ—еще болѣе смертельнаго ихъ содружества. Іудеи, которые ненавидѣли Христа, добивались погубленія и его собственной жизни; іудеи, которые исповѣдывали свою любовь ко Христу, подрывали всѣ его усилія. Одна партія подвергала опасности его существованіе; другая—разрушала его миръ. Никогда до самой смерти онъ не былъ совершенно свободенъ отъ ихъ изувѣрскихъ замысловъ или ихъ коварныхъ клеветъ. Совнѣ они при всякомъ случаѣ набрасывались на него подобно стаѣ волковъ; внутри они сами прикрывались овечьими шкурами, чтобы разгонять и терзать его стада. Въ Тессалоникѣ ему пришлось встрѣтиться съ новою формою преслѣдованія съ ихъ стороны. Это было не чисто іудейское преслѣдованіе, какъ въ Палестинѣ, не чисто языческое, какъ въ Филиппахъ, или совмѣстное, какъ въ Иконіи, а просто было звѣрскимъ нападеніемъ черни, подстрекаемой іудеями. Злобствуя ⁹²⁶⁾ по обыкновенію на то, что ненавистная проповѣдь о распятіи Мессіи въ нѣсколько недѣль пріобрѣла больше приверженцевъ, чѣмъ сколько они могли въ теченіе многихъ лѣтъ склонить къ ученію Моисея, озлобленные больше всего тѣмъ, что они лишились почтенія и преданности со стороны знатныхъ женщинъ, они заключили темный союзъ съ самыми грязными подонками тессалоникійскаго населенія. Благодаря тому унизительному взгляду, съ которымъ въ древнія времена относились ко всякому ручному ремеслу ⁹²⁶⁾, во всякомъ большомъ городѣ была огромная масса празднолюбивыхъ бездѣльниковъ; приживаловъ, питавшихся подавными богатыхъ; льстецовъ, пресмыкавшихся у ногъ вліятельныхъ лицъ; уличныхъ лацарони; обыкновенныхъ бродягъ и шелопаевъ; горлановъ (форума ⁹²⁷⁾), «уголовныхъ дамъ и кавалеровъ», постоянно посѣщавшихъ судебныя засѣданія, и вообще тѣхъ подонковъ, которые повсюду выбрасывались волнами цивилизаціи. Заручившись помощью этихъ негодяевъ и отверженцевъ ⁹²⁸⁾, іудеи возбудили волненіе въ городѣ и подстрекнули чернь напасть на домъ Іасона, чтобы схватить апостоловъ и повести ихъ на судъ народнаго собранія. Но ап. Павелъ заблаговременно получилъ предостереженіе объ этомъ и со своими сотоварищами скрылся въ безопасное мѣсто. Не достигнувъ своей цѣли, іудеи схватили Іасона и еще нѣсколькихъ изъ тѣхъ, кого они считали хрстіанами, поволокли ихъ къ политархамъ ⁹²⁹⁾ или главнымъ начальникамъ свободнаго города Тессалоники. «Эти люди, кричали они, эти всесвѣтные возмутители ⁹³⁰⁾ пришли и сюда, а Іасонъ принималъ ихъ; всѣхъ ихъ слѣдуетъ подвергнуть наказанію на основаніи crimen majestatis, такъ какъ они идутъ противъ указовъ кесаря и говорятъ, что есть другой царь по имени Іисусъ» ⁹³¹⁾. Но черни не удалось достигнуть своей цѣли. Эти семь политарховъ, жившихъ подъ самою тѣнью проконсульской резиденціи, были люди гораздо болѣе высокаго положенія и гораздо болѣе проникнутые римскимъ сознаніемъ законности, чѣмъ провинціальныя дуумвиры

въ Филиппахъ. Ни властямъ, ни вообще населенію города не понравился такой оборотъ дѣла. Было слишкомъ нелѣпо предполагать, чтобы подобные ремесленники, въ родѣ Іасона и его друзей, могли серьезно замышлять революцію или дѣйствительно могли быть виновны въ оскорбленіи величества (*laesa majestas*)⁹³²). Достаточно было немного вникнуть въ дѣло, чтобы видѣть, что это было лишь религиозное мнѣніе, содержащее нѣсколькими бѣдняками. И поэтому, не принимая никакихъ крутыхъ мѣръ и не подвергая ихъ какому бы то ни было наказанію, они удовлетворились тѣмъ, что заставили Іасона и другихъ съ нимъ лицъ дать нѣкоторыя денежные обезпеченія⁹³³), что они не будутъ нарушать общественнаго спокойствія, и затѣмъ отпустили ихъ. Но это уже съ достаточностью показывало, что дальнѣйшая миссіонерская дѣятельность теперь была невозможна. Никакія власти не любятъ присутствія въ области своей юрисдикціи даже невинныхъ элементовъ возбужденія, и если Павелъ и Сила были бы приведены къ нимъ лично, то они не отдѣлялись бы такъ легко. Кромѣ того, при недостаточной организаціи полиціи въ древности, съ вѣрностью можно полагать, что снисходительность городской власти была бы недостаточной защитой для двухъ бѣдныхъ іудеевъ отъ ненависти и насилія черни. Во всякомъ случаѣ, имъ вѣроятно не хотѣлось подвергать Іасона и его друзей раззоренію чрезъ лишеніе тѣхъ скудныхъ заработковъ, которые они должны были оставить въ залогъ. Братья поэтому позаботились о томъ, чтобы дать возможность Павлу и Силѣ бѣжать ночью. Но не невозможно, что Тимофей на нѣкоторое время остался съ ними съ цѣлію благоустроить церковь и преподать послѣднія назиданія и увѣщанія, которыя бы давали имъ бодрость выдерживать гоненія многихъ лѣтъ⁹³⁴). Къ церкви ессалоникійской, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была лучшимъ пріобрѣтеніемъ его миссіи, ап. Павелъ чувствовалъ особую привязанность, выражавшуюся въ зоркой заботливости, съ которою онъ наблюдалъ ея интересы (1 Тесс. II, 18).

Когда ночь утишила буйство, свирѣпствовавшее по улицамъ Тессалоники, Павлу и Силѣ было принесено въ ихъ потаенномъ пребываніи извѣстіе о результатѣ суда предъ политархами. Съ разсвѣтомъ легко могло начаться еще болѣе опасное возмущеніе и поэтому они рѣшили немедленно бѣжать. Они собрали все свое бѣдное достояніе и подъ покровомъ ночи пробрались по безмолвнымъ и безлюднымъ улицамъ подъ триумфальную арку Августа и вышли западными воротами. Куда имъ было теперь идти? Изъ Филиппъ, настоящей столицы первой Македоніи, они были прогнаны въ Тессалонику, столицу второй Македоніи. Случайно затронувъ языческіе интересы, они заплатились въ Филиппахъ бичеваніемъ, насиліемъ и тюремнымъ заключеніемъ. Ярость іудейской ненависти подвергала опасности самую ихъ жизнь и была причиной непріятностей и убытка для ихъ друзей и въ вольномъ городѣ—Тессалоникѣ. Идти ли имъ теперь въ Целлу, знаменитую родину юнаго грека, который покорилъ себѣ міръ и геній котораго оставилъ неизгладимое впечатлѣніе на общественномъ и политическомъ состояніи міра? Но это

было бы совершенно бесполезно. Іудейскія синагоги разсѣянїя находились въ тѣсномъ общенїи между собою и они теперь очевидно порѣшили преслѣдовать бѣглецовъ изъ одного мѣста въ другое съ цѣлью особенно заставить смолкнуть ап. Павла, который, какъ они клеветнически утверждали, былъ главнымъ отступникомъ, убѣждавшимъ всѣхъ людей повсюду оставлять законъ Моисеевъ. Другая и менѣе употреблявшаяся дорога вела къ сравнительно незначительному городу, лежавшему въ сторонѣ отъ большой дороги, и въ немъ, по крайней мѣрѣ на время, ихъ присутствіе могло оставаться незамѣченнымъ. Свернувъ съ Via Egnatia на дорогу, которая шла въ болѣе южномъ направленїи, бѣглецы въ темнотѣ направились ею. Ночное бѣгство на пространствѣ по крайней мѣрѣ 90 верстъ по неизвѣстной дорогѣ, сопряженное съ опасностями преслѣдованїя и переправы чрезъ большія и часто разливавшїяся рѣки, въ родѣ Аксіа, Эхидора, Лидїи и нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ притоковъ Галїакмона,—совершенно было въ полномъ безмолвіи. Можемъ ли мы удивляться вслѣдствіе этого отсутствію всякаго намека на красоты, удовольствїя и приключенїя во время этого путешествїя апостола, которое было лишь тяжкимъ трудомъ и страданїемъ, — путешествїя человѣка, вся жизнь котораго съ ея безконечными испытанїями была зрѣлищемъ для міра, ангеловъ и человѣковъ (1 Кор. iv, 9)?

Городъ, который они имѣли въ виду въ качествѣ мѣста убѣжища, былъ Верея ⁹³⁵), и ихъ побужденіе направиться туда получаетъ неожиданную и поразительную иллюстрацію изъ одного мѣста у Цицерона. Въ своей пламенной филиппикѣ противъ Пизона, онъ говоритъ ему, что послѣ его безобразнаго управленїя Македонїей, онъ сдѣлался столь непопуляренъ, что долженъ былъ инкогнито бѣжать въ Тессалонику ночью ⁹³⁶), и что оттуда, невынося концерта вопилщиковъ и бури жалобъ, онъ оставилъ большую дорогу и побѣжалъ проселочной дорогой въ городъ Верею. Мы не можемъ сомнѣваться, что это сравнительно отчужденное положеніе и было причиной, почему Павелъ и Сила считали его безопаснѣе, чѣмъ болѣе знаменитую и людную Пеллу.

Проходили по прїятнымъ улицамъ городка — «росистымъ отъ сверкающихъ ручьевъ», Павелъ и Сила, не смотря на все свое мужество и рвенїе, навѣрно съ унылымъ сердцемъ направлялись, по обычному исполненію долга, въ синагогу іудейскую. Но если жизнь христіанскаго миссіонера имѣетъ и мрачную сторону, то она имѣетъ и свѣтлыя стороны, и послѣ всѣхъ бурь, встрѣченныхъ ими, они были облегчены въ своемъ тяжеломъ настроенїи въ высшей степени ободряющимъ прїемомъ. Іудеи этой синагоги были менѣе упорны, менѣе коварны, чѣмъ какими ап. Павелъ находилъ ихъ повсюду. Когда онъ изложилъ имъ свои обычные доводы изъ псалмовъ, изъ пророка Ісаїи, изъ Аввакума касательно Мессїи, которому надлежало умереть, пострадать и воскреснуть опять, касательно вѣры, какъ средства оправданїя, то іудеи, даже выполнѣ понявъ цѣль и логическое заключеніе его доводовъ, не набросились на него съ враждою, а оказались ⁹³⁷) «бла-

гомысленнѣе» іудеевъ Фессалоники,—были болѣе великодушны, просты, искренни и преданы истинѣ. Въмѣсто того, чтобы гнѣвно отвергать это новое евангеліе, они ежедневно и прилежно изслѣдовали св. писаніе для того, чтобы провѣрить доводы и ссылки ап. Павла съ подлиннымъ свидѣтельствомъ слова Божія. Слѣдствіемъ этого было то, что какъ греки, такъ и многіе изъ іудеевъ увѣровали,—не только мужчины, но и женщины изъ болѣе почтенныхъ классовъ. Среди этихъ простодушныхъ верейцевъ апостолъ навѣрно провелъ нѣсколько недѣль покоя, потому что два раза во время этого своего пребыванія ап. Павелъ задумывалъ намѣреніе опять идти къ своимъ возлюбленнымъ фессалоникійцамъ. Непредвидѣнные обстоятельства воспрепятствовали этому (1 Фесс. II, 18), и интересы этой преслѣдуемой церкви такъ тяжело давили его душу, что или изъ Вереи, или въ слѣдствіи изъ Аѳинъ онъ послалъ Тимофея для того, чтобы онъ изслѣдовалъ ея состояніе и донесъ ему. Въ Вереѣ былъ приобрѣтенъ одинъ преданный и вѣрный другъ, какъ лично для ап. Павла, такъ и для христіанства, именно въ лицѣ Сопатра.

Но конечно нельзя было надѣяться, чтобы все также хорошо шло и въ будущемъ, особенно, когда извѣстіе объ успѣхѣ проповѣди ап. Павла въ Вереѣ дошло до синагоги фессалоникійской. Ненавистное имя Павла подобно искрѣ воспламенило злобную ярость іудеевъ и они тотчасъ же отправили посланныхъ для возбужденія противъ него черни и въ Вереѣ⁹³⁸). Еще разъ ап. Павелъ заблаговременно получилъ предостереженіе отъ одного изъ своихъ преданныхъ друзей. Противостоять этой настойчивой и организованной ненависти, которая теперь преслѣдовала ихъ изъ города въ городъ не было никакой возможности. И такъ какъ было ясно, что Павелъ, а не Сила былъ главнымъ предметомъ преслѣдованія, то ими было порѣшено, что Павелъ долженъ опять удалиться изъ города, а Сила и Тимофей, которые были его сотрудниками во время пребыванія въ Вереѣ, должны были остаться тамъ для того, чтобы заботиться о нуждахъ церкви и поливать то доброе сѣмя, которое начало произрастать въ ней.

И вотъ, еще разъ въ своемъ обычномъ положеніи бѣглеца, ап. Павелъ оставилъ Верею. Онъ былъ не одинъ, такъ какъ въ слѣдствіе слабости своего зрѣнія онъ постоянно нуждался въ сотоварищахъ. «Братья» проводили ап. Павла по направленію къ морю⁹³⁹), а также несомнѣнно и далѣе на пространствѣ 28 верстъ до колоніи Діона⁹⁴⁰), оттуда онъ отплылъ въ Аѳины. Что онъ отправился не сухимъ путемъ, это кажется несомнѣнно. Это былъ бы болѣе долгій, болѣе дорогой, болѣе опасный и болѣе утомительный путь. Если ап. Павелъ не въ силахъ былъ путешествовать одинъ, такъ что даже морскимъ путемъ нѣкоторые изъ верейскихъ братьевъ должны были сопровождать его, пока онъ не прибылъ въ безопасное помѣщеніе въ Аѳинахъ, то ясно, что сухимъ путемъ его затрудненія, не говоря уже объ опасности преслѣдованія, были бы гораздо больше. Молчаніе св. Луки касательно какого бы то ни было города, посѣщенного на пути, имѣетъ

рѣшающее въ этомъ отношеніи значеніе ⁹⁴¹). И вотъ, какъ можно думать, въ какое либо время осенью ап. Павелъ отплылъ по бурнымъ волнамъ Средиземнаго моря и видѣлъ, какъ снѣговыя вершины Олимпа утопали въ далекой синевѣ. Онъ плылъ вдоль береговъ, на которыхъ каждый холмъ и мысъ переполнены были героическими воспоминаніями; мимо Оссы и Пеліона, мимо берега Θермопильскаго, вдоль береговъ Эвбеи ⁹⁴²), вокругъ «мраморнаго утеса» Сунія, гдѣ еще въ цѣлости высился бѣлый храмъ, — пока не завидѣлъ хорошо извѣстнаго плема и копья богини — покровительницы Аѣинъ на акрополѣ знаменитаго города ⁹⁴³). Обогнувъ племъ и войдя въ великолѣпную гавань, корабль бросилъ якорь въ полномъ виду Пареенона и Пропилея.

Суній.

КНИГА XIII. ХРИСТИАНСТВО ВЪ АХАІИ.

ГЛАВА XXVII. АП. ПАВЕЛЪ ВЪ АѢИНАХЪ.

Гдѣ теперь слава Греціи? Гдѣ имя Аѣинъ?
Гдѣ пустословіе философовъ? Поселянинъ изъ Га-
дизен, поселянинъ изъ Внесанды превозмогъ ихъ
всѣхъ. Св. І. Златоустъ.

ѢИНЫ!... Какимъ трепетнымъ восторгомъ и теперь наполняется душа всякаго путешественника, впервые вступающаго на эту классическую землю! Какимъ жаднымъ взоромъ онъ пробѣгаетъ по окрестностямъ и внѣшнимъ картинамъ города, который на берегу Эгейскихъ волнъ, въ прозрачномъ воздухѣ юга, сверкаетъ какъ глазъ,—городъ, который былъ матерью искусствъ и краснорѣчія! Съ приближеніемъ къ Акрополю какой рой блестящихъ воспоминаній проносится по душѣ; сколько великихъ, героическихъ и прекрасныхъ фигуръ пройдетъ по сценѣ воображенія! Вступая на аттическую почву, мы вступаемъ въ «священную землю идеала»; подходимъ къ самому святилищу «прекрасной гуманности» языческаго міра. Въ Аѣинахъ именно человѣческая форма, благодаря тщательному воспитанію, достигла своего высшаго изящества и

своей обаятельнѣйшей красоты; тутъ человѣческая свобода развернулась во всемъ своемъ блескѣ; человѣческій разумъ достигъ своей наивысшей утонченности и гибкости; искусство достигло наиболѣе законченнаго совершенства; поэзія изда-

Заливъ Элевзинскій близъ Аѣинъ.

вала свои сладостнѣйшіе и возвышенно-очаровательные звуки; философія въ совершенныхъ до музыкальности формахъ изрекла свои глубочайшія мысли. Если бы міру возможно было собственными силами познавать Бога; если бы было во власти человѣка обращать въ хлѣбъ камни пустыни; если бы непреходящее счастье было

посильно человѣческому чувству или было бы однимъ изъ произведеній культуры; если бы человѣку дано было самому безъ посторонней помощи достигать спасенія дарами и качествами своей собственной природы и самому себѣ сдѣлать новый рай, намѣсто потеряннаго Едема, предъ входомъ въ который все еще пламенѣетъ огненный мечъ херувима, — то все это непременно было бы достигнуто въ Афинахъ во дни его процвѣтанія. Никто, воспитавшись на знаменитой учености этого славнаго и блестящаго города и будучи обязанъ лучшими сторонами въ своемъ образованіи часами, проведенными за чтеніемъ исторіи и изученіемъ литературы многихъ славныхъ сыновъ его, не можетъ вступить въ этотъ городъ безъ глубочайшихъ чувствъ благодарности, любви и интереса ⁹⁴⁴).

И ап. Павелъ несомнѣнно долженъ былъ знать по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь о городѣ, на языкѣ котораго онъ говорилъ и съ писателями котораго не былъ незнакомъ. Мнѣніе, что онъ имѣлъ законченное классическое образованіе, не выдерживаетъ критики, и отсутствіе въ его посланіяхъ какихъ бы то ни было историческихъ ссылокъ указываетъ, что онъ подобно громадному большинству своихъ соотечественниковъ былъ равнодушенъ къ исторіи языческаго міра, хотя и основательно знакомъ былъ съ исторіей Израиля. Правда, въ своихъ воззрѣніяхъ онъ былъ не менѣе свободенъ и универсаленъ, можно сказать даже болѣе, чѣмъ самые прогрессивные еллинисты, самые образованные гагадисты его времени. Тѣмъ не менѣе онъ смотрѣлъ на «мудрость греческую» какъ на нѣчто совершенно прозрачное и второстепенное, какъ на результатъ крайне односторонняго и даже не чистаго просвѣщенія, и однакоже снисходительно относился къ «временамъ невѣдѣнія». Поэтому приставъ гдѣ-нибудь въ Фалерѣ или Пирееѣ, ап. Павелъ безъ всякаго трепетнаго умиленія, безъ всякаго восторга красотой и величіемъ смотрѣлъ на величественныя зданія Акрополя, вздымавшася надъ моремъ менѣе значительныхъ храмовъ и блиставшаго ослѣпительной бѣлианой на фонѣ чистаго голубаго неба. Напротивъ, чувство подавленности и тяжести въ сердцѣ, внутреннее безпокойство и волненіе повидимому сразу овладѣли его воспримчивой и пылкой душой, и болѣе всего подавляющимъ образомъ подѣйствовало на него чувство своего одиночества, тягостное чувство отсутствія того братскаго утѣшенія, которое онъ находилъ въ обществѣ своихъ волюбленныхъ сотрудниковъ и которое одно дѣлало возможнымъ для него трудъ или поддерживало его среди ежедневныхъ невзгодъ тяжелой жизни. Когда онъ прощался съ своими преданными верейскими собратьями, которые во все время его путешествія берегли его какъ зѣницу ока, то единственная его просьба была въ томъ, чтобы Сила и Тимофей съ возможною скоростью прибыли къ нему опять. Въ словахъ св. Луки мы еще можемъ уловить отголосокъ той нетерпѣливой настойчивости, которая показываетъ, что одиночество ⁹⁴⁵), и притомъ одиночество въ такомъ мѣстѣ, была бременемъ, сносить которое было ему труднѣе всего.

Но даже если бы эти его двое сотрудниковъ могли немедленно отправиться въ

Аѣины, то всетаки неизбежно должна была пройти по меньшей мѣрѣ недѣля прежде, чѣмъ Сила могъ прибыть къ нему изъ Верей, и еще болѣе продолжительное время прежде, чѣмъ Тимоѳеѣй могъ пріѣхать изъ Фессалоники; а въ эти дни безпокойнаго и тяжелаго ожиданія ему не много было что дѣлать. Когда собратья въ первый разъ провожали его до назначеннаго ему скромнаго помѣщенія, то онъ вѣроятно мало чувствовалъ расположенія замѣчать виды и звуки на улицахъ знаменитаго языческаго города, хотя кто нибудь изъ болѣе зоркихъ его собратій быть можетъ и указывалъ ему, при проходѣ черезъ развалины длинныхъ стѣнъ Фемистокла къ Пирейскимъ воротамъ, на алтари съ надписью

Развалины Парѣнона.

«ΑΓΝΩΣΤΩΙΣ ΘΕΩΙΣ ⁹⁴⁶⁾», которая около этого же самаго времени обратила на себя вниманіе Аполлонія Тіанскаго и пятьдесятъ лѣтъ спустя разсматривалась путешественникомъ Павзаніемъ, проходившимъ тою же дорогой ⁹⁴⁷⁾. Но когда собратья оставили его, онъ, не имѣя случая еще выступить на дѣятельность, облегчалъ свое уныніе и скуку тѣмъ, что бродилъ по городу въ разныхъ его направленіяхъ — съ чувствомъ любопытства ⁹⁴⁸⁾, къ которому въ значительной степени примѣшивались и чувства грусти и негодованія ⁹⁴⁹⁾.

Страна въ это время была разорена римскимъ владычествомъ, но самый городъ все еще сохранялъ кое-что изъ своей древней славы. Никакой Секундъ Карина еще не налагалъ своихъ жадныхъ и грязныхъ рукъ на несравненные

афинскія статуи Фидіа. Чрезвычайное множество этихъ именно статуй въ городѣ, гдѣ, какъ говоритъ Петроній⁹⁵⁰), легче было встрѣтить бога, чѣмъ челоуѣка, главнымъ образомъ и поглотило вниманіе ап. Павла. Съ минутнымъ интересомъ онъ могъ взглянуть на длинныя колоннады магазиновъ, блиставшихъ товарами со всѣхъ портовъ Эгейскаго моря; но подобныя зрѣлища были отчасти знакомы ему въ Тарсѣ, Антиохіи и Фессалоникѣ. Онъ могъ пройти по великолѣпному, Пикилійскому портику (*ποὶά περικίλη*) и тамъ разсматривать живописныя, все еще яркія и свѣжія картины, изображавшія гомеровы совѣты, о которыхъ онъ вѣроятно ничего не зналъ, и тѣ афинскія битвы, къ которымъ онъ, не исключая даже Мараэона⁹⁵¹), не видно чтобы чувствовалъ какой нибудь интересъ. При всей обширности его духовнаго кругозора въ него не входило много гражданскаго

Развалины храма Тезея въ Афинахъ.

знанія, и даже если ап. Павелъ въ этомъ отношеніи стоялъ на одномъ уровнѣ съ Гамалиилами своего времени, то всетаки онъ мало зналъ или даже совсѣмъ не зналъ греческой исторіи⁹⁵²). Вслѣдствіе этого же онъ навѣрно равнодушно отнесся къ безчисленнымъ бюстамъ всевозможныхъ греческихъ знаменитостей, отъ Солона и Эпименида вплоть до новѣйшихъ софистовъ и космоитовъ, и еще болѣе былъ равнодушенъ къ тѣмъ продажнымъ побрякушкамъ, которыя афинское раболѣпіе позволяло римскому самовластію. Въ послѣднемъ отношеніи достаточно было только взглянуть на греческія статуи, съ которыхъ сняты были головы, чтобы на мѣсто ихъ поставить новыя римскія головы, или на пьедесталы, съ которыхъ удалены были прежніе герои, чтобы освободить мѣсто для мясистой и одутлой фізіономіи какого нибудь новаго проконсула. Какой нибудь

удей могъ съ гордостью показать ему статуи Гиркана, асмонейскаго первосвященника, и той прекрасной Вереники, о которой апостоль конечно и не думалъ, что ему придется въ скоромъ времени отстаивать предъ ней свое дѣло ⁹⁵³). Но главное вниманіе ап. Павла навѣрно было устремлено на изумительное множество храмовъ и на безчисленныхъ «идоловъ», которые стояли со всѣхъ сторонъ. АѢины были городомъ статуй. Тамъ были статуи Фидіа, Мирона и Лизикла, а вмѣстѣ съ тѣмъ безчисленныя статуи безвкусныхъ и механическихъ копійстовъ этого мертваго періода въ исторіи народа; статуи такой почтенной древности какъ масляная АѢина, спадшая будто бы съ неба, и статуи такъ сказать вчерашняго производства; статуи исполинскія и крохотныя; статуи всадниковъ, лицъ въ стоячемъ и сидячемъ положеніи, статуи лицъ въ возбужденномъ и созерцательномъ состояніи, одиночныя и цѣлыми группами, простыя и раскрашенныя; статуи деревянныя, глиняныя, каменныя, мраморныя, бронзовыя, изъ слоновой кости и изъ золота, во всевозможныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ, статуи, выглядывавшія изъ каждаго закоулка и подобно часовымъ стоявшія по всѣмъ улицамъ города ⁹⁵⁴). Въ АѢинахъ, говоритъ Павзаній, было болѣе статуй чѣмъ во всей остальной Греціи вмѣстѣ взятой, и многочисленность ихъ должна была тѣмъ болѣе поразить и смутить ап. Павла, что во время долгихъ юношескихъ лѣтъ своего образованія въ Іерусалимѣ онъ никогда не видѣлъ болѣе одного человѣческаго изображенія и даже самымъ воспитаніемъ приученъ былъ смотрѣть какъ на нечестіе на всякую попытку нарушить ясную и выразительную заповѣдь Божію въ этомъ отношеніи. Полученное имъ ранѣе еллинистическое образованіе, его природная широта умственнаго взгляда, послѣдующее знакомство съ языческою жизнью и главнѣе всего полная перемѣна въ его возрѣніяхъ касательно универсальности и непреложности Моисеева закона, правда, безконечно расширили для него сдвинутый горизонтъ іудейской нетерпимости. Но сознаніе достоинства и красоты языческаго искусства было рѣшительно невозможно для того, кто былъ воспитанъ въ школѣ раввиновъ ⁹⁵⁵). Въ его образованіи не было ничего такого, что дало бы ему возможность восхищаться простымъ величіемъ Пропилей, суровой красотой Пареннона, массивными размѣрами храма Тезея, изысканнымъ изяществомъ храма безкрылой Побѣды. Отъ нагой красоты и адоровой мощи юныхъ фигуръ, изображенныхъ на карнизахъ, онъ могъ только отвернуться съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, если даже не съ полнымъ презрѣніемъ. Когда воспитатель Карла V, добрый кардиналъ тортовскій, взомель на папскій престолъ подъ именемъ Адріана VI, и окружающіе его повели его въ Ватиканъ показать ему заключающіяся въ немъ великолѣпныя сокровища безподобныхъ статуй, то единственнымъ его замѣчаніемъ, высказаннымъ съ тѣмъ необработаннымъ акцентомъ, который возбудилъ столько презрѣнія и смѣха у его недостойныхъ подданныхъ, было: *sunt idola antiquorum* ⁹⁵⁶). Замѣчаніе это сдѣлалось источникомъ насмѣшекъ и шутокъ насчетъ почтеннаго папы, и несомнѣнно оно въ первосвященникѣ XVI вѣка показываетъ сильный

духъ іудейства, не смягченнаго и не тронутаго эллинской культурой. Но, какъ допускали даже писатели, проникнутые самыми утонченными эстетическими симпатіями, старый нѣмецъ-папа былъ болѣе чѣмъ на половину правъ. Во всякомъ случаѣ, нѣчто въ родѣ отвращенія, подсказавшаго это невыгодное замѣчаніе о статуяхъ, было бы не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ въ фарисеѣ столицы іудейства, воспитавшемся подъ самою сѣнію храма Всевышняго. Мы, привыкнувъ видѣть Бога во всемъ, что есть изящнаго и прекраснаго; поставленные Его любовью внѣ всякой опасности отъ исчезнущаго язычества; наученные Его словомъ распознавать лучи отъ Источника Свѣта во всякомъ изяществѣ истиннаго искусства и во всякомъ восторгѣ поэтическаго вдохновенія,—можемъ съ признательностью восхищаться изысканными созданіями генія древности; но если бы ап. Павелъ отнесся къ нимъ такъ же, онъ не былъ бы тѣмъ Павломъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. «Предубѣжденія иконоборчествующаго іудея, съ крайнею несправедливостію говоритъ Ренанъ, ослѣпляли его; онъ принималъ эти несравненные изображенія за идоловъ. Павелъ, говоритъ его біографъ, возмущился духомъ при видѣ этого города, полного идоловъ. Да, прекрасные и чистые образы, истинные боги и богини—тренещите! Вотъ человѣкъ, который заноситъ молотъ надъ вами. Онъ уже произнесъ роковое слово: вы *идолы*. Ошибка этого маленькаго невзрачнаго іудея будетъ смертнымъ приговоромъ для васъ»⁹⁵⁷).

Да, имъ былъ произнесенъ смертный приговоръ какъ ложнымъ богамъ и ложнымъ богинямъ, какъ «богамъ язычества»⁹⁵⁸), которые не что иное, какъ идолы; но имъ не былъ произнесенъ смертный приговоръ какъ произведеніямъ искусства, какъ созданіямъ божественно-дарованной способности воображенія, какъ внѣшнимъ отголоскамъ той внутренней красоты, которая есть даръ Божій; имъ не произнесено смертнаго приговора ни въ одномъ изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ онѣ имѣютъ цѣну и значеніе для человѣчества. Христіанство неодобрительно относилось къ искусству лишь настолько, насколько оно было служебнымъ орудіемъ идолопоклонства и порока; какъ только миновала опасность съ этой стороны, оно вдохновляло и облагораживало искусство. Пусть сантименталисты съ сожалѣніемъ вздыхаютъ «о славѣ Греціи и величіи Рима»; но въ языществѣ была и другая, совсѣмъ не приглядная сторона, и вотъ ея-то и былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ ап. Павелъ. Язычество, въ его лучшемъ смыслѣ, было лишь формою естественной религіи и имѣло въ себѣ свои собственныя жизненныя силы; но увы—оно не имѣло въ себѣ достаточно здороваго нравственнаго чувства, чтобы спасти свою жизненную силу отъ порчи. Ап. Павлу не было надобности прибѣгать къ историческимъ справкамъ для того, чтобы убѣдиться, что наивысшая степень культуры можетъ быть совмѣстима съ глубочайшей бездной развращенія и что рядомъ съ изысканной красотой можетъ быть разлагающій тлѣнъ крайней безнравственности. Мало того, онъ по личному наблюденію зналъ то, къ чему мы приходимъ только путемъ логическаго сравненія, именно, что связь между

поверхностнымъ блескомъ и внутреннимъ растлѣніемъ не случайная, что напротивъ самыя цвѣты, дававшіе упоительный медъ древняго искусства, были пропитаны ядомъ, и что совершенство скульптуры было бы не мыслимо безъ нагаго атлетства, способствовавшаго пороку. Для того, кто совершенство челоуѣчества полагалъ въ совершенномъ послушаніи нравственному закону, для кого чистота и строгое самоограниченіе были элементами единственно верховнаго идеала,—въ то время невозможно было любить, невозможно было даже снисходительно смотрѣть на искусство, которое завѣдомо было слугой идолопоклонства и скрытно покровителемъ распутства. Наше сожалѣніе о погибшемъ блескѣ АѢинъ будетъ менѣе горько, если мы будемъ помнить, что этотъ городъ болѣе всѣхъ другихъ былъ развратителемъ міра. Онъ возжигалъ алтари своего генія не чистымъ еиміамомъ, а поддерживалъ его огнемъ чувственности. Гораздо лучше священное варварство, если только это было варварство, для котораго эта прекрасная блудница не имѣла никакого очарованія, чѣмъ прикровенное богоотступничество, старающееся возратить себѣ силу чародѣйства и наполнить чашу своего беззаконія. Гораздо лучше прямое іудейство, вопрошающее, что общаго между Христомъ и веліаромъ, между храмомъ Божіимъ и идолами, чѣмъ растлѣнный еллизнизмъ, который подъ предлогомъ художественнаго воспитанія или археологическаго знанія наложилъ глубокую печать чувственности на новѣйшую литературу и повидимому удовлетворяется только тогда, когда до дна испиваетъ чашу похоти плотской.

Едвали могло подавлять ап. Павла и сознаніе аѢинскаго величія. Если даже онъ обладалъ болѣе глубокимъ знаніемъ прошлой исторіи, чѣмъ какъ это кажется, то все-таки Греція, которую онъ теперь видѣлъ, была лишь тѣнью и трупомъ—«той же самой Греціи, но Греціи уже не живой» ⁹⁵⁹). Въ то время она уже такъ сказать жила воспоминаніями подвиговъ былого; она лишь мертвыми устами повторяла отголоски древней философіи, которая никогда не могла удовлетворить стремленій міра. Ея блескъ не былъ уже произведеніемъ внутренняго огня, а лишь вѣшнимъ мерцающимъ отраженіемъ. Прошли уже столѣтія послѣ того, какъ все, что было великаго и героическаго въ ея исторіи, оставило по себѣ лишь слѣдъ какбы обманчиваго сновидѣнья; теперь она была слабой и презрительно третируемой плѣнницей чужеземнаго варвара ⁹⁶⁰), и лишь надменно величалась пустымъ воспоминаніемъ о той славѣ, для которой сама она не сдѣлала ничего, да даже ничего не имѣла и изъ наслѣдства, кромѣ памятниковъ разложенія и тлѣна. Среди множества всевозможныхъ предметовъ, которые ап. Павелъ видѣлъ въ АѢинахъ, было однакоже нѣчто и такое, къ чему онъ не могъ не отнестись съ сочувствіемъ и восторгомъ. Онъ съ интересомъ, конечно, прочиталъ нравоучительныя надписи на статуяхъ Меркурія (Ερμαι), подаренныхъ гражданамъ тиранномъ Иппархомъ ⁹⁶¹), и съ нѣкоторымъ сочувствіемъ могъ посмотреть на такіе жертвенники, какъ посвященные умѣренности и благочестію.

Но среди множества жертвенниковъ, видѣвшихся на каждой улицѣ, былъ одинъ, на которомъ онъ съ глубочайшимъ волненіемъ прочиталъ древнюю надпись:

ΑΓΝΩΣΤΩΙΘΕΩΙ

Невѣдомому Богу.

Болѣе извѣстные жертвенники, надписи на которыхъ были во множественномъ числѣ и которые только свидѣтельствовали объ универсальности древняго язычества, имѣли для него меньше интереса. Мнѣніе бл. Иеронима, что ап. Павелъ

Жертвенникъ изъ Аѳинъ
(изъ Британскаго музея).

тутъ неправильно прочиталъ въ единственномъ числѣ вмѣсто множественнаго ⁹⁸²⁾, есть лишь одно изъ самоувѣренныхъ положеній, которыми отличается этотъ писатель. Надпись, на которую апостоль обратился вниманіе въ своей рѣчи въ ареопагѣ, очевидно была древняя, которую онъ замѣтилъ только на одномъ жертвенникѣ ⁹⁸³⁾. Былъ ли это одинъ изъ тѣхъ жертвенниковъ, которые Эпименидъ посовѣтовалъ воздвигнуть аѳинянамъ какому бы то ни было богу—*τῷ προσήκοντι Θεῷ*—на томъ мѣстѣ, гдѣ лягутъ черная и бѣлая овцы, которыхъ, по его словамъ, нужно было выпустить изъ ареопага; или онъ былъ посвященъ какому-нибудь богу, имя котораго съ теченіемъ времени стерлось и было забыто ⁹⁸⁴⁾;

или онъ воздвигнутъ былъ аѳинянами во время какого нибудь бѣдствія, источника котораго они не могли доискаться ⁹⁸⁵⁾—все это было безразлично для ап. Павла. По крайней мѣрѣ едва ли онъ могъ предположить, что жертвенникъ этотъ предназначался для того Іеговы, который былъ столь таинственнымъ для языческаго міра ⁹⁸⁶⁾. Онъ взглянулъ на него, какъ на доказательство открытой несостоятельности, неудовлетворенности стремленій язычества. Онъ видѣлъ въ немъ или хотѣлъ прочитать въ его надписи признаніе особаго Божества, къ которому они стремились, но до познанія котораго они не въ силахъ были достигнуть; а это былъ Тотъ, проповѣдь о которомъ онъ признавалъ главной задачей

своей миссиі. Этою-то именно мыслью онъ утѣшался въ своемъ тревожномъ одиночествѣ въ чужомъ для него городѣ; этою именно мыслью воспламенялся въ немъ внутренній огонь, когда онъ бродилъ по уставленнымъ идолами улицамъ ⁹⁶⁷).

Среди іудеевъ онъ трудился немного. Правда, ему нерѣдко приходилось бесѣдовать съ ними ⁹⁶⁸) и ихъ прозелитами въ синагогѣ или въ посѣщаемыхъ ими собраніяхъ ⁹⁶⁹); но вѣроятно этихъ бесѣдъ было немного и мы не находимъ ни слѣдовъ проповѣди, съ которой бы онъ обращался къ нимъ, ни извѣстія о томъ, какъ они отнеслись къ ней. Главную свою дѣятельность онъ проявилъ на рыночной площади Аѣинъ,—на той самой агорѣ, на которой за четыре столѣтія до него Сократъ употреблялъ тотъ же самый методъ ученія ⁹⁷⁰),—проявилъ тѣмъ способомъ, къ которому онъ повидимому не прибѣгалъ еще нигдѣ, бесѣдуя ежедневно и публично со всѣми прохожими. Его личность и ученіе скоро обратили на него общее вниманіе. Аѣины во всѣ времена были городомъ празднующимъ, и даже въ самый вѣкъ процвѣтанія граждане его въ насмѣшку прозывались гапеніанами ⁹⁷¹)—вслѣдствіе того жаднаго любопытства и неизлечимой болтливости, которыя даже тогда были наиболѣе выдающимися ихъ особенностями. Ихъ величайшій ораторъ прямо укорялъ ихъ въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы заблаговременно и мужественно выступить на защиту своихъ вольностей, которымъ угрожала опасность, постоянно забавлялись лишь распросами о самыхъ послѣднихъ новостяхъ ⁹⁷²); а св. Лука, всякій случайный намекъ въ краткомъ повѣствованіи котораго носитъ печать правдивости и знакомства съ дѣломъ, повторяетъ ту же самую характеристику при измѣнившихся обстоятельствахъ постигшей ихъ въ то время превратной судьбы. Даже поселившіеся тамъ иностранцы заражались тѣмъ же недугомъ, и агора въ этотъ поздній періодъ упадка не менѣе гремѣла любознательной болтовней, чѣмъ и въ славные дни Перикла или Платона.

Въ толпѣ любопытствующихъ слушателей конечно рано или поздно должны были показаться и нѣкоторые изъ аѣинскихъ философовъ. Вдоль одной стороны агоры тянулся пикилійскій портикъ или такъ называемая *στοά ποικίλη*, которую Зенонъ сдѣлалъ своей школой и отъ которой стоики получили самое свое названіе; а неподалеку находились и сады Эпикура. Рядомъ съ приверженцами этихъ двухъ философскихъ школъ тутъ были и академики, бывшіе послѣдователями Платона, и перипатетики, преклонявшіеся предъ авторитетомъ Аристотеля, и эклектики всякихъ оттѣнковъ ⁹⁷³). Весь городъ въ дѣйствительности былъ какбы однимъ сплошнымъ университетомъ. Онъ переполненъ былъ профессорами, риторами, учителями, совопросниками, собесѣдователями, лекторами, грамматиками, педагогами и гимнастами всякаго рода; и среди всѣхъ этихъ софистовъ и любомудровъ не было ни одного, кто бы обнаруживалъ хоть частичку самобытности или умственной силы. Лѣстивые скептики жили въ лицемѣрной дружбѣ съ безбож-

ными жрецами, да и не было достаточнаго основанія для возбужденія антагонизма между пустыми словоизверженіями философіи и бездушною обрядностью мертвой религіи ⁹⁷⁴). И изъ этой пестрой толпы дилетантствующихъ претендентовъ на мудрость нѣтъ ни одного имени, которое хоть сколько нибудь всплыло бы на поверхность—изъ полной безвѣстности. Ихъ такъ называемая философія была не лучше простой игры громкими фразами ⁹⁷⁵), скучнымъ повтореніемъ избитыхъ

Сократъ
(изъ Visconti).

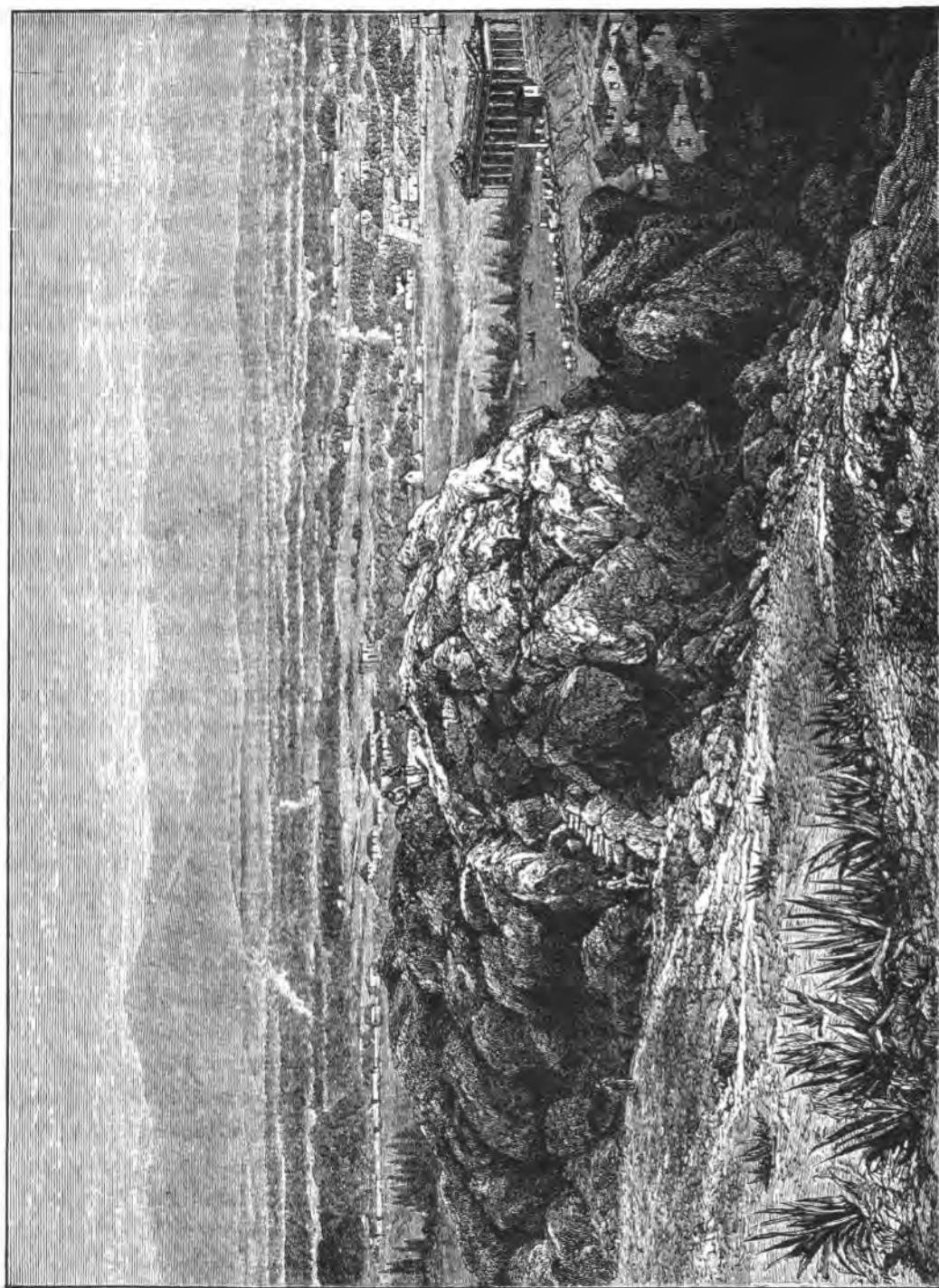
терминовъ, безсмысленнымъ отзвукомъ пустыхъ формулъ. Въ это время она находилась даже въ большемъ упадкѣ, чѣмъ въ то время, когда Цицеронъ, посѣтивъ Аѳины, назвалъ всю ихъ философію простымъ хаосомъ, въ которомъ все *ἀνω κάτω*—перевернуто вверхъ дномъ ⁹⁷⁶). Тутъ были эпикурейцы, которые все еще держались основнаго положенія своего учителя, что высшее благо есть удовольствіе; были стоики, утверждавшіе, что высшее благо есть добродѣтель; но изъ этихъ

эпикурейцевъ нѣкоторые забыли мнѣніе, что лучший источникъ удовольствія заключается въ добродѣтели, а изъ этихъ стоиковъ многіе довольствовались лишь своимъ теоретическимъ мнѣніемъ, мало заботясь о его практическомъ приложеніи. Къ лучшей сторонѣ обѣихъ системъ ап. Павелъ могъ отнести съ сочувствіемъ, но недостатки и вырожденіе ихъ обѣихъ возникали изъ двухъ злыхъ источниковъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ истекають всѣ грѣхи и бѣдствія человѣка, — именно изъ чувственности и гордости. Правда, что когда Эпикуръ проповѣдывалъ міру свое ученіе о томъ, что удовольствіе есть высочайшее благо, онъ и свою жизнь сообразовалъ съ этимъ ученіемъ. Но знаменитый садъ, гдѣ въ скромной умѣренности жилъ самъ Эпикуръ ⁹⁷⁷), скоро выродился въ мѣсто крайняго распутства, и его опредѣленіе удовольствія какъ состоящаго въ отсутствіи тѣлесной боли или умственного разстройства (*ἀταραξία*), привело къ идеалу жизни, граничившему съ женственнымъ изнѣженностію и переходившему въ полнѣйшій эгоизмъ. Онъ передвинулъ лишь центръ тяжести нравственной системы, а его выродившіеся послѣдователи, соглашаясь съ нимъ въ признаніи того, что удовольствіе должно быть цѣлію земнаго бытія, выбирали при этомъ ближайшія и болѣе грубыя удовольствія чувственности предпочтительно предъ удовольствіями разума или одобреніями совѣсти. Болѣе суровые и возвышенные эпикурейцы въ родѣ Лукреція и Кассія были рѣдки; представителями школы обыкновенно выступали низкіе и грубые сластолюбцы, которые руководились девизомъ: «будемъ ѣсть и пить, потому что завтра можемъ умереть» (сн. Екклес. v, 18; Прем. п, 7—9). Съ другой стороны, ихъ великіе стоическіе соперники едва ли имѣли основаніе гордиться предъ ними дѣйствительностью своего болѣе благороднаго ученія. Стремясь къ достиженію подчиненія себѣ не только страстей, но и всѣхъ внѣшнихъ условій, величаясь обманчивымъ равнодушіемъ ко всякому страданію или горю ⁹⁷⁸), высокоумно стоя одиноко въ своей безпомощной независимости и самонящей крѣпости, стояки съ ихъ хвастливой апатіей настолько напрягали силу воли, что она наконецъ надрывалась подъ неестественнымъ напряженіемъ; и это придавало ихъ жизни сознательную неискренность, которая въ худшемъ классѣ изъ нихъ дѣлала изъ ихъ философіи плащъ для прикрытія всякаго честолюбія и безчестности, и наполняла души болѣе благородныхъ между ними скорбію, переходившею въ болѣзненное самолюбіе и непреодолимое отчаяніе. Въ худшемъ своемъ вырожденіи стоицизмъ дѣлался апотеозой самоубійства, а эпикурейство прославленіемъ плотской похоти ⁹⁷⁹).

Какъ ап. Павелъ отнесся ко взглядамъ и аргументамъ этихъ соперничающихъ школъ, этихъ такъ сказать фарисеевъ и саддукеевъ языческаго міра ⁹⁸⁰), мы не знаемъ. Философы эти, вѣроятно, считали бесполезнымъ входить въ разсужденіе объ отвлеченныхъ философскихъ началахъ съ человѣкомъ, формальная логика котораго совсѣмъ не походила на аристотелевскую, который не имѣлъ ни малѣйшаго знакомства съ техническими тонкостями философіи и къ которому

они могли относиться только съ презрѣніемъ какъ къ простому варварскому и необразованному іудею. Быть можетъ и самъ онъ съ такимъ рвеніемъ хотѣлъ довести до нихъ благовѣстіе о царствѣ небесномъ, что вопросы о нравственной точкѣ зрѣнія у него ставились въ соподчиненное отношеніе къ религіозной истинѣ, изъ которой по его убѣжденію единственно могла вытекать нравственность. Они быть можетъ хотѣли бы поразсудить о «высочайшемъ благѣ», а онъ проповѣдывалъ имъ о Христѣ. Во всякомъ случаѣ, когда ему пришлось обратиться къ нимъ съ рѣчью, онъ не дѣлаетъ никакихъ намековъ на болѣе общеизвѣстные пункты различія между философскими школами, а всецѣло останавливается на разностяхъ между ихъ взглядами и его собственнымъ воззрѣніемъ на сущность и свойства Божества. Даже съ философами, толковавшими съ нимъ на площади рынка ⁹⁸¹⁾, онъ говорилъ въ своей бесѣдѣ не объ удовольствіи или добродѣтели, а объ Исусѣ и воскресеніи ⁹⁸²⁾. Единственнымъ результатомъ этого было возбужденіе нѣкотораго любопытства въ нихъ, желанія выслушать болѣе связанное изложеніе того, что онъ говорилъ. Но это любопытство едва ли поднималось выше чувства презрительности. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ какъ будто бы проповѣдывалъ о «чужихъ божествахъ» ⁹⁸³⁾; а по другимъ онъ просто былъ «суетловъ» ⁹⁸⁴⁾, залетная птица, подбирающая крохи чужой учености, жертва подражательнаго увлеченія, собиратель обрывковъ знанія. Таковъ былъ взглядъ большинства этихъ развязныхъ мудрецовъ на проповѣдника значеніе котораго для міра безконечно превосходило всѣ ихъ велеученыя философскія школы.

Нѣкоторыми изъ слушателей однакоже вполне овладѣло любопытство вмѣстѣ съ желаніемъ развлечься чѣмъ нибудь новенькимъ. Насколько они понимали его, имъ казалось, что онъ превозглашалъ новую религію. Толпа на ровномъ пространствѣ агоры дѣлала затруднительнымъ слышать его всѣмъ, и такъ какъ ареопагъ могъ представить не только удобное мѣсто для публичной рѣчи, но и былъ тѣмъ помѣщеніемъ, гдѣ собирався судъ, разсматривавшій всѣ дѣла касательно государственной религіи, то быть можетъ съ чувствомъ нѣкоторой шутиливости они повели его туда по скалистымъ ступенямъ (существующимъ еще и теперь) на верхнюю площадку и поставили его на «камень безстыдства», съ котораго обвиняемые передъ ареопагомъ обыкновенно защищали свое дѣло ⁹⁸⁵⁾. Затѣмъ, съ вѣжливостью, которая однако же звучитъ иронически и въ намѣреніи наиболѣе развязныхъ вожаковъ толпы долженствовала послужить комической пародіей на судебный допросъ, они начали спрашивать его въ томъ же родѣ, какъ и въ древнія времена ихъ предки подвергали суду и осуждали по подобному же обвиненію Анаксагора, Діагора, Протагора и Сократа ⁹⁸⁶⁾. Они сказали ему: «Можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Посему хотимъ знать, что это такое?» И такимъ образомъ слушатели съ живымъ любопытствомъ, выдающимъ однако же худо скрываемое презрѣніе и шутку, размѣстились по каменнымъ ступенямъ и

Мѣсто арсенага въ Аоннахъ.

ведѣ, откуда только можно было слышать, что за новость будетъ проповѣдывать этотъ странный проповѣдникъ новой какой-то вѣры.

Но совсѣмъ не съ легкимъ настроеніемъ отвѣчалъ на всѣ эти разспросы ап. Павелъ. «Маленькій невзрачный іудей», который былъ благороднѣйшій изъ всѣхъ іудеевъ, быть можетъ стоялъ на томъ самомъ камнѣ, на которомъ нѣкогда стоялъ и невзрачный грекъ, бывшій благороднѣйшимъ изъ всѣхъ грековъ, и отвѣчалъ на тоже самое обвиненіе. Но Сократъ могъ шутить даже въ виду опасности, грозившей его жизни; апостолъ же Павелъ, имѣя даже обезпеченіе своей безопасности въ терпимости религіознаго равнодушія своихъ судей, всецѣло былъ проникнутъ свойственнымъ его національности чувствомъ важности и не имѣлъ склонности раздѣлять ихъ шутливость. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые слишкомъ угрюмы и слишкомъ серьезны для легкаго юмора,—одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые всегда и во всемъ поступаютъ серьезно. Одинъ новѣйшій писатель быть можетъ былъ правъ, замѣтивъ, что въ обыкновенномъ обществѣ ап. Павелъ не считался бы занимательнымъ членомъ. Съ другой стороны, онъ былъ слишкомъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, на которое онъ былъ призванъ голосомъ и видѣніемъ самого Спасителя, чтобъ хоть сколько нибудь оскорбиться легкомысленными намеками или презрительными насмѣшками. Онъ не былъ смущенъ и важностью его судейскихъ слушателей, славой его философствующихъ критиковъ или строгимъ характеромъ обстановки, среди которой онъ находился теперь. Надъ нимъ на высотѣ пятнадцати сажень подобно грандіозному алтарю Эллады вздымался скалистый остовъ Акрополя, того Акрополя, который, для грека былъ тѣмъ же, чѣмъ Синай для еврея—блестящимъ пупомъ щита, окаймленнаго концентрическими кругами Аѣины, Аттики, Эллады и міра⁹⁸⁷⁾. Подъ нимъ лежалъ тотъ храмъ страшныхъ богинь, присутствіе которыхъ придавало особенную торжественность этому мѣсту и страшнаго имени которыхъ было достаточно для того, чтобы удержатъ Нерона, хотя онъ повиненъ былъ даже въ матереубійствѣ, отъ вступленія въ этотъ знаменитый городъ⁹⁸⁸⁾. Но ап. Павелъ не былъ подавленъ ни ужасами и блескомъ многобожія въ сѣдалищѣ его величественнѣйшихъ памятниковъ и въ судѣ его наиболѣе внушительной юрисдикціи, ни славой умственной философіи, съ живыми представителями которой онъ стоялъ теперь лицомъ къ лицу. Онъ зналъ, какъ знали и его слушатели, что вѣра у нихъ въ это изящное идолопоклонство исчезла⁹⁸⁹⁾. Онъ зналъ, какъ знали и его слушатели, что ихъ стремленіе къ невидимому не находило удовлетворенія ни въ чужеземныхъ суевѣріяхъ, находившихъ себѣ приверженцевъ въ невѣжественныхъ кругахъ женскаго пола, ни въ тѣхъ пустыхъ системахъ, которыя не въ силахъ были дать духовнаго міра даже немногимъ. Онъ стоялъ подъ голубымъ сводомъ неба⁹⁹⁰⁾, болѣе пространнаго и величественнаго храма, чѣмъ какой можетъ воздвигнуть человѣкъ. И поэтому съ глубочайшею важностью и съ чувствомъ спокойнаго безстрашія онъ обратился къ нимъ съ рѣчью: «Аѣиняне!»⁹⁹¹⁾ сказалъ онъ, окидывая ихъ много-

значительнымъ взглядомъ и протянувъ руку, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ при обращеніи къ народу, — «по всему вижу я, что вы какбы особенно набожны» ⁹⁹²). Этимъ деликатнымъ вступленіемъ, согласнымъ съ благопріятнымъ свидѣтельствомъ и многихъ другихъ писателей въ отношеніи ихъ города, какъ общей святыни Греціи ⁹⁹³), естественно могло быть только болѣе привлечено ихъ вниманіе и даже приобрѣтено нѣкоторое личное расположеніе къ самому оратору. «Ибо, продолжалъ онъ, проходя и осматривая ваши святыни ⁹⁹⁴), я нашелъ и жертвенникъ ⁹⁹⁵), на которомъ написано: **невѣдомому Богу** ⁹⁹⁶). Сего - то, котораго вы не зная ⁹⁹⁷) чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ будучи ⁹⁹⁸) Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ ⁹⁹⁹) храмахъ живетъ, и не требуетъ служенія ¹⁰⁰⁰) рукъ человѣческихъ, какбы имѣющій въ чемъ либо нужду ¹⁰⁰¹), Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все. Отъ одной крови ¹⁰⁰²) онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію (Іов. хп, 23), дабы они искали Бога, не ощущать ли Его ¹⁰⁰³) и не найдутъ ли Его; хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ ¹⁰⁰⁴), ибо мы Имъ живемъ; и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые ¹⁰⁰⁵) изъ вашихъ стихотворцевъ говорили:

(Мы всѣ нуждаемся въ Немъ),

Ибо мы Его и родъ.

«Итакъ мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество

Неронъ
(съ бюста въ Британскомъ музеѣ).

подобно золоту или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго» ¹⁰⁰⁶).

Какъ очевидно ни сокращена здѣсь эта рѣчь, мы, прежде чѣмъ передавать ея заключеніе, остановимся нѣсколько, чтобы отмѣтить высокое искусство, съ которымъ она составлена, и тотъ глубокій смыслъ, которымъ проникнуто каждое изъ глубокихъ и возвышенныхъ ея положеній. Такое искусство особенно необходимо было въ обращеніи къ слушателямъ, которые придавали риторикѣ первостепенную важность, а также необходимо было и въ тѣхъ видахъ, чтобы воспользоваться каждымъ моментомъ, въ который онъ могъ надѣяться овладѣть хоть бѣглымъ вниманіемъ этой разсѣянной и вѣтряной толпы. Вдаваться сразу же въ изложеніе отличительнаго ученія христіанства или дѣйствовать съ тою пренебрежительностью къ чужимъ мнѣніямъ, которая обыкновенно бываетъ неразлучна съ невѣжественнымъ фанатизмомъ—значило бы обречь себя на полную неудачу; а такъ какъ единственнымъ его желаніемъ было расположить въ пользу своего дѣла разумными доводами и любовію, то онъ старается относиться къ нимъ какъ язычникъ къ язычникамъ и говорить съ тою широтою и снисходительностью взгляда, которая ужаснула бы іудеевъ, и съ тѣмъ классическимъ изяществомъ, которое очаровывало язычниковъ. Въ необыкновенно вѣжливыхъ выраженіяхъ и въ изысканно примирительныхъ доводахъ признавая ихъ набожность въ отношеніи своихъ боговъ и подкрѣпляя свои взгляды ссылкой на ихъ собственныхъ поэтовъ, онъ въ то же время ловкимъ оборотомъ примѣненія мысли къ наглядному факту открываетъ основное заблужденіе всѣхъ классовъ своихъ слушателей. Какъ будто останавливаясь только на пунктахъ согласія, въ дѣйствительности онъ во всѣхъ отношеніяхъ разбиваетъ ихъ природное и умственное самодовольство ¹⁰⁰⁷). Благое провидѣніе (другіе, но понятно не ап. Павелъ, сказали бы—счастливый *случай*) ¹⁰⁰⁸), остановившее его вниманіе на надписи на безымянномъ жертвенникѣ, сразу дало ему возможность видѣть у нихъ по крайней мѣрѣ хоть частицу того вѣрованія, которое онъ и старался выяснитъ имъ. Слушатели его изъ эпикурейцевъ думали, что міръ произошелъ изъ сочетанія атомовъ; онъ говоритъ имъ, что міръ и все, что въ немъ, обязаны своимъ происхожденіемъ ихъ невѣдомому Богу, по творческому слову котораго произошло все. Они думали, что боговъ много, но что они находятся далеко и, кромѣ случайнаго метанія перуновъ, совсѣмъ не заботятся о человѣчествѣ; онъ говоритъ имъ, что существуетъ только одинъ Богъ, Господь неба и земли. Вокругъ ихъ поднимался цѣлый рядъ храмовъ—столь прекрасныхъ, какъ только могутъ создавать руки человѣческія; и однако же онъ, подъ самою тѣнію Пропилей и Пареенона и въ виду сотенъ боговъ съ ихъ колоннообразными святилищами изъ великолѣпнаго мрамора, говоритъ народу, что этотъ единый Богъ живетъ не въ ихъ рукотворенныхъ храмахъ ¹⁰⁰⁹), а въ вѣковѣчномъ храмѣ своего собственнаго творенія. Но отвергая такимъ образомъ многобожіе толпы, онъ въ своей рѣчи съ одина-

ковою силою направляется и противъ пантеизма стоиковъ и практическаго безбожія эпикурейцевъ. Когда онъ развѣнчивалъ, такъ сказать, безчисленные храмы, стоики могли совершенно соглашаться съ нимъ¹⁰¹⁰); когда же онъ говорилъ, что Богъ не нуждается въ нашемъ внѣшнемъ служеніи, эпикурейцы въ этихъ словахъ могли почти слышать ученіе своей собственной школы¹⁰¹¹); но съ другой стороны онъ заносилъ топоръ надъ корнемъ ихъ самыхъ излюбленныхъ убѣжденій, когда прибавлялъ, что матерія не есть вѣчная сущность, что Богъ не безличная абстракція и провидѣніе не простое внутреннее тяготѣніе въ насъ, которое подобно теченію атомовъ направляется то въ ту, то въ другую сторону, но что Онъ есть Творецъ и Вседержитель, любящій Господь матеріальной вселенной, всѣхъ Его чадъ въ великой семьѣ человѣчества и всѣхъ народовъ, какъ іудея, такъ и язычника, какъ грека, такъ и варвара, которые всѣ получили отъ Него указаніе предѣловъ своего бытія и своихъ владѣній. Въ одной этой многозначительной мысли онъ выставилъ такъ же ложность всѣхъ притязаній на самобытное происхожденіе народовъ, національнаго самопревозношенія на счетъ другихъ, равно какъ и всѣхъ древнихъ мнѣній касательно мѣстной ограниченности дѣйствія народныхъ боговъ. Презрѣнный іудей, надъ которымъ они издѣвались, принадлежитъ къ народу, который такъ же дорогъ Богу, какъ и изящный грекъ, и Его попеченіе съ высоты небеснаго трона, съ котораго Онъ зрѣтъ на всѣхъ обитателей земли, простирается одинаково и на всѣхъ варваровъ. И когда онъ говорилъ имъ, что Богъ далъ имъ способность находить Его и что они лишь смутно искали Его въ темотѣ, когда онъ извѣстнымъ полустипіемъ Арата и Клеанеа (быть можетъ знакомымъ имъ изъ употребленія его на торжественныхъ празднествахъ) подтвердилъ истину, что мы близко къ Нему и дороги Ему, овцы пажити Его и люди рукъ Его,—то всѣмъ этимъ они были подготовлены къ заключенію, что всѣ эти художественныя фигуры (на которыя онъ во время рѣчи указывалъ рукой), всѣ эти рѣзные, кованыя и литыя изображенія не были и не могли быть подобіями Его, и имъ не должно поклоняться¹⁰¹²), хотя бы они были такъ же почтенны, какъ «съ неба спадшій образъ»—*διοπετες ἀγάλμα*—ихъ покровительницы-богини, или такъ же славны, какъ золотослонокостная статуя, на которую Фидій употребилъ весь свой художественный геній, а Аѣины свои богатства.

Доселѣ такимъ образомъ съ снисходительною осторожностью, избѣгавшей всякой оскорбительности, и съ силой аргументаціи и краснорѣчія, къ которой нельзя было остаться равнодушнымъ, ап. Павелъ раскрывалъ заблужденія своихъ слушателей, главнымъ образомъ сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими истинами, провозглашеніе которыхъ было главной задачей его миссіи¹⁰¹³). Но чтобы простое раскрытіе заблужденій не окончилось только равнодушіемъ и отчаяніемъ, онъ хотѣлъ научить стоиковъ воспитывать въ себѣ симпатію вмѣсто апатіи, смиреніе вмѣсто гордости, и то сознаніе собственной слабости, которое вмѣсто самонадѣянности, отрицающей всякую нужду въ Богѣ, во всемъ полагается на Него:

хотѣлъ и эпикурейцевъ привести къ сознанію привосходства духовнаго блага надъ чувственнымъ удовольствіемъ, живаго Спасителя надъ отдаленными и равнодушными богами. Поэтому онъ продолжалъ говорить имъ, что въ теченіе долгихъ вѣковъ ихъ исторіи Богъ, оставляя ¹⁰¹⁴) времена ихъ невѣдѣнія, теперь, когда пришло и для нихъ царство небесное, призываетъ и ихъ къ покаянію,—теперь, когда назначенъ уже день, въ который Онъ будетъ праведно судить вселенную, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, того самаго Іисуса, дѣло котораго Богъ запечатлѣлъ и удостовѣрилъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ...

Но этого было довольно. Взрывъ грубыхъ насмѣшекъ прервалъ его слова ¹⁰¹⁵). Греки и сами философы могли слушать съ удовольствіемъ, даже съ нѣкоторою склонностію къ убѣжденію, когда онъ раскрывалъ имъ ничтожество боговъ Акрополя, надъ которыми даже ихъ отцы, на четыре столѣтія раньше, не боялись уже издѣваться. Но теперь, когда онъ дошелъ до предмета, въ которомъ къ его проповѣди примѣшивались уже чисто іудейскія воззрѣнія и чудеса, когда онъ началъ говорить имъ о томъ крестѣ, который былъ для нихъ безуміе, и о томъ воскресеніи изъ мертвыхъ, которое было совершенно чуждо ихъ строю мысли, то весь интересъ рѣчи пропалъ для нихъ. Для нихъ это было въ родѣ того, какъ еслибы помѣшанный въ вообще здравую и складную рѣчь вставилъ одно изъ дикихъ измышленій своего разстроеннаго ума. «Чужія божества», о которыхъ онъ по ихъ мнѣнію проповѣдывалъ, сдѣлались слишкомъ чудовищными, чтобы даже останавливаться дольше на разслѣдованіи о нихъ. Они не находили стоящимъ тратить на такой предметъ досуга, который былъ имъ нуженъ для менѣе чудовищной болтовни ¹⁰¹⁶). Сами они не настолько близко къ сердцу принимали свои религиозныя убѣжденія и этого слабого безвѣстнаго проповѣдника не считали настолько важнымъ лицомъ, чтобы заботиться о примѣненіи къ ап. Павлу того постановленія ареопага, которое привело Сократа къ принятію яда, выпитаго въ тюрьмѣ почти на глазахъ у нихъ; но они отнеслись къ великому проповѣднику съ тою презрительною терпимостью, которая гибельнѣе для успѣха, чѣмъ всякое противодѣйствіе. Начавъ расходиться, нѣкоторые изъ нихъ разразились открытыми издѣвательствами, между тѣмъ какъ другіе, сознавая, что такой ораторъ заслуживалъ по крайней мѣрѣ нѣкоторой вѣжливости въ отношеніи къ себѣ, съ вѣжливой ироніей сказали ему: довольно на этотъ разъ. «Объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время». Но даже если они и серьезно говорили это, удобнаго времени для этого уже не представилось больше, какъ не представилось въ послѣдствіи и Феликсу (Дѣян. xxiv, 25). На этомъ холмѣ, передъ этой толпой ап. Павелъ уже никогда не проповѣдывалъ больше. Онъ удалился изъ среды ихъ, опечаленный быть можетъ ихъ насмѣшками, сознавая ихъ духовную неспособность и видя, что его общественная дѣятельность въ этомъ городѣ миновала. Онъ смѣло могъ выступить противъ противодѣйствія, но равнодушіе отняло у него силу. Правда, онъ приобрѣлъ одного достойнаго послѣдователя — но только

одного ¹⁰¹⁷)—въ Діонисіѣ Ареопагитѣ ¹⁰¹⁸) и еще въ одной женщинѣ, вѣроятно іудеянкѣ, самое имя которой съ достовѣрностью неизвѣстно ¹⁰¹⁹); но въ АѢинахъ онъ не основалъ церкви, аѢинянамъ не писалъ посланія, и въ АѢины, какъ ни часто онъ бывалъ по сосѣдству, никогда уже не ступалъ ни ногой. И св. Лука говоритъ намъ чистую, прямую правду. Ап. Павелъ подвергся тамъ презрѣнію и насмѣшкамъ, и онъ ни на минуту не пытается представить дѣло какъ нибудь иначе; рѣчь ап. Павла, въ отношеніи ея непосредственной цѣли, потерпѣла полную неудачу, и св. Лука не скрываетъ этой неудачи ¹⁰²⁰). Онъ показываетъ намъ, что апостолъ подвергался не только преслѣдованіямъ отъ отчаяннаго изуверства, но и насмѣшкамъ отъ религіознаго равнодушія.

И однако же посѣщеніе имъ АѢинъ не было напраснымъ. Для него оно было очень печально. Даже когда Тимошей прибылъ для утѣшенія его въ уныніи и одобренія его въ одиночествѣ, онъ чувствовалъ столь сильную тоску по своимъ вѣрнымъ и испытаннымъ обращенцамъ въ Фессалоникѣ, что, такъ какъ имъ все еще приходилось выдерживать бурю гоненія, онъ пожертвовалъ своими собственными чувствами и отослалъ его назадъ для поддержанія и ободренія этой борющейся церкви ¹⁰²¹). Онъ оставилъ АѢины, какъ и жилъ въ нихъ, презираемымъ и одинокимъ. И однако же, какъ мы уже сказали, посѣщеніе его не было напраснымъ. Многія изъ глубочайшихъ мыслей въ посланіи къ Римлянамъ возникли быть можетъ вслѣдствіе размышленій апостола о видимой неудачѣ его въ АѢинахъ. Волна можетъ отхлынуть и превратиться въ пѣнистый дождь, но напоръ прилива продолжается съ неотразимымъ величіемъ и силой. Конечно высокомѣрные аѢинскіе философы и предположить не могли, что незначительный случай, въ которомъ они снисходительно приняли участіе, былъ для нихъ началомъ конца ¹⁰²²). Ксерксъ съ своими персами останавливался лагеремъ на мѣстѣ ареопага и предавалъ пламени храмы Акрополя на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія приводилъ ап. Павелъ, именно, «что боги не могутъ быть заключены въ стѣнахъ, и что вся вселенная ихъ обиталище и храмъ» ¹⁰²³). И однако же мечъ и огонь Ксеркса, всѣ милліоны его необъятнаго полчища, были ничто, если мы сравнимъ достигнутые ими результаты съ тѣмъ, что послѣдовало за видимой неудачей бѣднаго и презираемаго дѣлателя палатокъ. Огромное большинство посѣтителей АѢинъ связываютъ ихъ въ своемъ воспоминаніи съ именемъ апостола Павла, хотя со времени блестящаго періода въ нихъ ступали ноги поэтовъ, царей и побѣдителей. Они не вспоминаютъ о Цицеронѣ, Виргиліѣ или Германикѣ, а думаютъ о странствующемъ дѣлатель палатокъ. Во всѣхъ его кажущихся пораженіяхъ скрытно лежалъ зародышъ вѣрной побѣды. Онъ не основалъ церкви въ АѢинахъ, но тамъ, быть можетъ при содѣйствіи новообращеннаго Ареопагита, — все-таки возникла церковь. Въ слѣдующемъ столѣтіи она дала общему дѣлу христіанства своихъ мучениковъ-епископовъ и краснорѣчивыхъ апологетовъ ¹⁰²⁴). Въ третьемъ столѣтіи она процвѣтала въ мирѣ и чистотѣ. Въ

четвертомъ она имѣла своихъ представителей на Никейскомъ соборѣ, и благородное краснорѣчіе двухъ великихъ христіанскихъ друзей св. Василія Великаго и Григорія Назіанзіна было выработано въ христіанскихъ школахъ этого города. И не много прошло еще вѣковъ, какъ будучи не въ силахъ выстоять противъ прободенныхъ рукъ, держащихъ деревянный крестъ, тысячи боговъ его бѣжали во мракъ забвенія, и сама дѣва-богиня, покровительница города, не смотря на свои молніеносные глаза, увѣковѣченные Гомеромъ, и на могучее копьѣ, сдѣланное изъ трофеевъ Мараѳона, уступила свой храмъ той смиренной галилейской Дѣвѣ, что жила подъ кровлей плотника Назаретскаго,—уступила Дѣвѣ, Матери распятаго Христа ¹⁰²⁵).

ГЛАВА XXVIII.

АП. ПАВЕЛЪ ВЪ КОРИНѢ.

Немудрое Божіе премудрѣе чловѣковъ, и
немощное Божіе сильнѣе чловѣковъ.

1 Кор. I, 25.

АКИМЪ же незамѣтнымъ незнакомцемъ, какимъ и прибылъ, еще быть можетъ даже незамѣтнѣе, ап. Павелъ оставилъ Аѣины. Посѣщеніе этого города такъ мало произвело на него впечатлѣнія, что только разъ впослѣдствіи онъ намѣкаетъ на него въ своихъ посланіяхъ, и хотя съ акрополя коринѣскаго ему быть можетъ часто приходилось видѣть знаменитый акрополь аѣинскій, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія побывать въ немъ опять. Это былъ его единственный опытъ столкновенія съ языческимъ фарисействомъ пышной философіи. Гораздо болѣе подавали надежды озлобленные іудеи и невѣжественные варвары, болѣе надежды подавали даже испорченные и жалкіе рабы, чѣмъ тѣ, которые сдѣлались глупцами, потому что въ своемъ самомнѣніи считали себя исключительно мудрыми;

которые задавлены были духовнымъ невѣжествомъ, происходившимъ отъ нравственной слѣпоты, и вслѣдствіе того, что совѣсть потеряла всякую силу надъ ними, сдѣлались пустыми въ своемъ мечтательствѣ, и безуміемъ омрачились ихъ сердца.

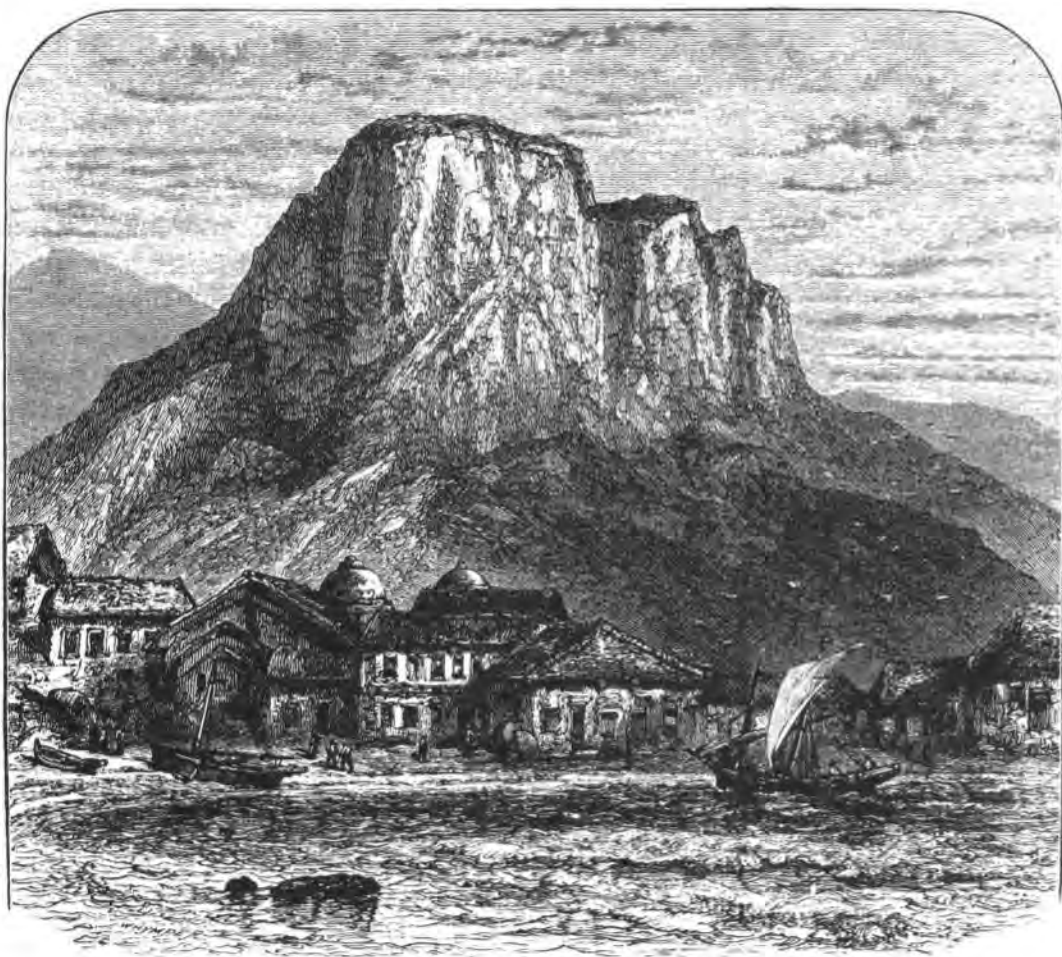
Онъ отплылъ въ КоринѢ, который въ то время былъ столицей южной Греціи, составлявшей римскую провинцію Ахаію. Бѣдность, нежеланіе терять время, а также и болѣзненное состояніе апостола дѣлаютъ почти несомнѣннымъ, что онъ отправился не сухимъ путемъ, который семидесятиверстнымъ пространствомъ отдѣляетъ Аѣины отъ Коринѣа и который повелъ бы его черезъ Элев-

винъ и Мегару, а отплылъ прямо по Саронскому заливу, черезъ пять часовъ плаванія по которому корабль могъ бросить якорь у низкихъ зеленыхъ холмовъ и сосноваго лѣса Кенхрей. Оттуда, пройдя пѣшкомъ вдоль Экзамильской долины, на разстояніи пятнадцати верстъ, онъ могъ прибыть въ самый городъ, гнѣздящійся подъ огромной массой своей скалистой цитадели. Подъ сѣнью этого коринесскаго вышгорода (Акрокоринѳа), поочередно бросавшаго свою тѣнь на два прилегавшихъ къ нему моря ¹⁰²⁶), ап. Павлу суждено было провести почти два года своей богатой приключеніями жизни.

Тотъ городъ, въ который онъ вступилъ теперь, не былъ уже древнимъ Коринѳомъ—Коринѳомъ Періандра, Эукидида или Тимолеона,—а просто «Колонія Юлія» или «*Laus Juli Corinthus*», возникшій на развалинахъ древняго города. Когда гегемонія отошла отъ Спарты и Аѳинъ, то Коринѳъ занялъ ихъ мѣсто и въ качествѣ вождя ахейскаго союза считался свѣтомъ и славой Греціи. Фламиній, послѣ того какъ битва при Киноскефалахъ разрушила надежды Филиппа, провозгласилъ (въ 196 г. до Р. Хр.) въ Коринѳѣ независимость Эллады. Но когда городъ былъ взятъ Л. Мумміемъ въ 146 году, то жители его подверглись страшному избіенію, всѣ богатства и сокровища его были захвачены торжествующимъ побѣдителемъ и самый городъ былъ разрушенъ и опустошенъ. Въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ онъ лежалъ въ развалинахъ и только уже Юлій Цезарь, заинтересованный красотой и важностью его положенія, изъ желанія обратить вниманіе на богиню, культомъ которой славился этотъ городъ и за потомка которой онъ выдавалъ самого себя, заново перестроилъ его и опять населилъ его колоніей ветерановъ и отпущенниковъ ¹⁰²⁷).

Колонія почти сразу же разцвѣла пышно и богато. Стоя такъ сказать на мосту между двумя морями, она своими двумя гаванями—Лехейской на Коринѳскомъ и Кенхрейской на Саронскомъ заливѣ—быстро стянула къ себѣ торговлю востока и запада. Діолкъ или земляной каналъ, по которому корабли можно было перетаскивать черезъ перешеекъ, былъ въ постоянномъ употребленіи, потому что онъ избавлялъ путешественниковъ отъ необходимости огибать опасный мысъ Малею ¹⁰²⁸). Іудеи, своимъ острымъ чутьемъ предугадывая хорошіе торговые барыши, греки, привлекаемые извѣстностью самаго мѣста и славой знаменитыхъ истмійскихъ игръ, массами стекались подъ покровительство римской колоніи. Останки классическихъ древностей, находимыхъ подъ мусоромъ развалинъ и пепелища, и удачныя подражанія, къ которымъ повели они, составили одинъ изъ самыхъ раннихъ предметовъ занятія и торговли города. Великолѣпныя зданія, обогащаемыя древними колоннами изъ мрамора и порфира и украшенныя золотомъ и серебромъ, скоро начали подниматься бокъ-о-бокъ съ жалкими деревянными лачугами съ соломенными кровлями, дававшими убѣжище массѣ бѣднѣйшаго люда ¹⁰²⁹). Торговля оживлялась все болѣе и болѣе. На рынки, которые посѣщались всѣми народами цивилизованнаго міра, скоро проникли и всевоз-

можные предметы роскоши—арабскій бальзамъ, египетскій папирусъ, финикійскіе финики, ливійскія издѣлія изъ слоновой кости, вавилонскія ткани и ковры, киликійскій козій волосъ, ликаонійская шерсть, фригійскіе рабы. Съ богатствомъ водворилась поверхностная утонченность и развились литературные вкусы. Жизнь богатѣйшихъ горожанъ отличалась изысканною роскошью и умственною возбуж-

Акрополь въ Коринѣ.

денностью, и этою господствующею тенденціей заражена была и вся народная масса, вплоть до рабовъ. Коринѣ былъ «базаромъ житейской суеты» въ римской имперіи, былъ такъ сказать и Лондономъ и Парижемъ перваго вѣка христіанской эры.

Въ среду этого-то пестраго и разнороднаго населенія греческихъ авантю-

ристовъ и римскихъ мѣщанъ съ примѣсю финикійскихъ подонковъ, въ среду этой массы іудеевъ, отставныхъ солдатъ, философовъ, купцовъ, матросовъ, отпущенниковъ ¹⁰³⁰), рабовъ, ремесленниковъ, разносчиковъ и агентовъ всякихъ видовъ порока,—въ колонію «безъ аристократіи, безъ преданій и безъ солидныхъ гражданъ»—направлялся истомленный іудейскій странникъ. Онъ вступилъ въ нее такъ же, какъ вступилъ и въ Аѳины—разбитымъ и одинокимъ труженикомъ; но здѣсь онъ еще болѣе терялся среди низкой и безпечной толпы. Однако же это былъ именно тотъ городъ, изъ котораго и жителямъ котораго ему пришлось писать тѣ знаменитыя посланія, влияние которыхъ должно было простираться на всю исторію міра. Какъ мало мы понимаемъ происходящее вокругъ насъ! Богатые магнаты Коринѳа конечно и не подозрѣвали, что главное историческое значеніе ихъ города въ теченіе этой эпохи будетъ сосредоточиваться на преніяхъ, происходившихъ въ жалкой синагогѣ, и на мысляхъ, высказанныхъ въ мастерской дѣлателя палатокъ согбеннымъ и истомленнымъ іудеемъ—столь одинокимъ и жалкимъ, запыленнымъ съ дороги и истощеннымъ приступами болѣзни и гоненій! Поистинѣ люди часто ничего не знаютъ о живущихъ среди нихъ величайшихъ дѣятеляхъ міра.

Обращаясь къ посланіямъ къ Ѳессалоникійцамъ и Коринѳянамъ и вникая въ чувства, волновавшія апостола въ это время, мы видимъ, что онъ крайне страдалъ отъ тѣлесной немощи ¹⁰³¹) и безпокойства, отъ внѣшнихъ невзгодъ и внутреннихъ тревоженій. Онъ напоминаетъ Ѳессалоникійцамъ, что онъ предупреждалъ ихъ о своихъ и ихъ собственныхъ скорбяхъ, и трогательно говоритъ о томъ утѣшеніи, которое онъ получилъ отъ извѣстія о твердости ихъ вѣры—среди своихъ тяжкихъ страданій (1 Ѳесс. III, 4, 7). Если бы онъ обладалъ темпераментомъ новѣйшаго времени, то могъ бы часто облегчать себя и водворять въ своей душѣ миръ, взбираясь на крутизну коринѳскаго акрополя и съ его грандіозной вершины любуясь двумя морями, что бѣлѣли парусами всевозможныхъ странъ, или наблюдая за огненнымъ шаромъ заходящаго солнца, въ заревѣ котораго тонули острова и горы, кипарисовыя и сосновыя рощи. Но весь его интересъ заключался въ тѣхъ людныхъ улицахъ, гдѣ у Господа было такъ много народа, и въ разнообразныхъ обстоятельствахъ обыденной жизни. Какое глубокое впечатлѣніе произвело на него все это, можно видѣть изъ его коринѳскихъ посланій. Примѣры свои онъ беретъ главнымъ образомъ изъ языческихъ обычаевъ,—упоминаетъ о борьбѣ съ дикими звѣрями ¹⁰³²), которой никогда бы не допустили въ Аѳинахъ, гдѣ былъ даже особый жертвенникъ «Жалости»; говоритъ о прекрасной аренѣ, на которой онъ съ интересомъ смотрѣлъ на изящество, крѣпость и ловкость молодыхъ атлетовъ; о состязаніяхъ въ бѣгѣ (1 Кор. IX, 24) и кулачной борьбѣ (ст. 27), объ оскорбительномъ тщеславіи римскаго триумфа (2 Кор. II, 14—16), о длинныхъ волосахъ женоподобныхъ денди (1 Кор. XI, 14), о трибуналѣ проконсула (2 Кор. V, 10), о зрѣлищахъ въ театрѣ (1 Кор. IV, 9) и увядающемъ вѣнкѣ изъ истмійскихъ цвѣтовъ (1 Кор. IX, 25).

Въ языческой жизни была одна особенность, которая съ подавляющею силою открылась предъ его сознаниемъ въ Коринѣ и наполнила его чистую душу безпредѣльною скорбію. Это именно грубая безнравственность города, славившагося своею распущенностью даже среди наиболѣе распущенныхъ городовъ разлагавшагося язычества ¹⁰⁸³). Самое названіе его сдѣлалось синонимомъ безобразнаго кутежа и распутства. Эта ужасающая распущенность Коринѣа зависѣла

Борьба гладіаторовъ съ дикими звѣрями
(съ мраморнаго барельефа, найденнаго будто бы въ театрѣ Марцелла въ Римѣ).

частью отъ массы постоянно прибывавшихъ матросовъ, которые дѣлали его вертепомъ пороковъ всякаго рода, а частью отъ громаднаго численнаго превосходства рабовъ, которыхъ два столѣтія спустя тамъ насчитывались цѣлыя десятки тысячъ ¹⁰⁸⁴). Между тѣмъ религія не только не служила преградой къ этой поголовной безнравственности, а напротивъ сама принимала подъ свое покровительство тѣ самыя безобразія, подавлять которыя было ея главной задачей. Тысяча іеродуловъ или жрецовъ были посвящены на служеніе «нечистотѣ» въ гнусномъ

храмъ Афродиты Пандемской. Знаменитыя гетеры (Лаиды) древняго времени, гробницы которыхъ въ Коринѣ обозначались сфинксомъ съ человѣческой головой между лапами, имѣли многихъ безстыдныхъ и алчныхъ послѣдовательницъ. Съ востока и запада сливались подонки мерзости въ этотъ новый Содомъ классической культуры ¹⁰³⁵), и оргіи Пафской богини славились такъ же, какъ и оргіи Изиды или Ашеры. Изъ этого именно города, и изъ среды его безнадежнаго пролетаріата апостолъ бралъ краски для своей ужасающей картины состоянія языческаго міра (Рим. I, 21—32). Къ христіанамъ этого именно города онъ чаще всего обращался съ торжественными предостереженіями и пылающимъ негодованіемъ, съ суровыми запрещеніями плотскаго грѣха (1 Кор. V, 1; VI, 9—20; X, 7, 8; 2 Кор. VI, 14; VII, 1). Обращенцамъ именно, пріобрѣтеннымъ изъ гнусныхъ вертеповъ коринѣскихъ рабовъ и ремесленниковъ, онъ пишетъ, что они также погрязали въ безднѣ грѣха и позора (1 Кор. VI, 9—11; 2 Кор. XII, 21). Въ отношеніи этого именно города высказывается печальное положеніе, что въ мірѣ язычества чистая и честная жизнь была почти совсѣмъ незнакомымъ дѣломъ (1 Кор. V, 9, 10). Всѣ грѣхи тѣсно связаны между собой тончайшими нитями родства. Распутство отнюдь не было единственнымъ порокомъ, которымъ славился Коринѣ. Это былъ и городъ пьяницъ ¹⁰³⁶), городъ шарлатановъ и обманщиковъ всякаго рода. Но чѣмъ хуже былъ городъ, тѣмъ болѣе нужны были труды апостола и тѣмъ болѣе было вѣроятности, что многіе въ немъ жаждутъ избавленія отъ рабства растлѣнія къ славной свободѣ чадъ Божіихъ.

Въ такомъ именно мѣстѣ болѣе чѣмъ гдѣ и когда либо было необходимо для ап. Павла, чтобы онъ не только представлялъ собой примѣръ полнѣйшей безукоризненности, но и воздерживался даже отъ такихъ вещей, которыя, сами по себѣ будучи совершенно позволительны, давали бы однакоже оружіе къ руки врагамъ Христа. И поэтому, чтобы какіе нибудь жадные лавочники и ремесленники не стали обвинять его въ исканіи своихъ собственныхъ выгодъ, онъ рѣшился ничего не принимать изъ ихъ рукъ. Въ такомъ міровомъ портѣ онъ легко могъ зарабатывать себѣ пропитаніе выдѣлкой палатокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно счастливъ. Онъ встрѣтилъ тутъ одного іудея изъ Понта, по имени Акилу ¹⁰³⁷), который съ своей женой Прискиллой занимались этимъ именно ремесломъ. Такъ какъ ничего не говорится ни о ихъ крещеніи, ни о ихъ обращеніи, то вѣроятно они были уже христіанами, и Павелъ подружился съ ними на всю жизнь и былъ обязанъ этой дружбѣ многими счастливыми часами своей жизни. Эта прекрасная чета жила теперь въ Коринѣ вслѣдствіе указа импер. Клавдія, которымъ всѣ іудеи были изгнаны изъ Рима ¹⁰³⁸). Какъ ни жестока была эта мѣра, но она скоро сдѣлалась мертвой буквой и вѣроятно причинила лишь немного безпокойства этимъ изгнанникамъ, такъ какъ самое свойство ихъ ремесла повидимому дѣлало даже желательнымъ для нихъ переходить съ мѣста на мѣсто. Въ Коринѣ, какъ впослѣдствіи и въ Ефесѣ, ап. Павелъ

работалъ у нихъ въ качествѣ компаньона и пользовался частью общей выручки. Заработки однакоже къ несчастію были скудны. Это было время общаго застоя, и хотя апостолъ трудился дѣнно и ночью, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ не въ состояніи былъ зарабатывать себѣ достаточнаго пропитанія даже для утоленія голода (2 Кор. xi, 9; 1 Кор. iv, 11, 12; ix, 4). Онъ зналъ, что значить страдать даже по мукамъ голода, но даже и при такомъ голоданіи онъ не хотѣлъ принимать пособія отъ своихъ ахейскихъ обращенцевъ. Онъ пришелъ къ полной рѣшимости, что, будучи готовъ принимать необходимую помощь отъ общинъ, которыя любили его и были любимы имъ, онъ не хотѣлъ пользоваться подобнымъ пособіемъ, которое онъ считалъ несомнѣннымъ правомъ апостола, здѣсь въ Коринѣ, и именно въ тѣхъ видахъ, чтобы кто нибудь не сказалъ, что и онъ также, подобно массѣ промышленниковъ кругомъ его, дѣйствуетъ лишь изъ своекорыстныхъ видовъ (см. Дѣян. xx, 34; 1 Кор. ix, 12; 2 Кор. vii, 2; 1 Тесс. ii, 9; 2 Тесс. iii, 8). Охотно поэтому, даже съ радостью, онъ сдѣлался сотоварищемъ по работѣ этой почтенной четы, которые оба были соплеменниками и братьями; тѣмъ болѣе, что и при самомъ упорномъ трудѣ онъ все-таки могъ давать желавшимъ наставленіе. Но теперь болѣе чѣмъ когда либо субботній покой давалъ ему возможность для его главнаго дѣла. Въ этотъ день его всегда можно было найти въ іудейской синагогѣ, и его еженедѣльные бесѣды производили глубокое впечатлѣніе какъ на іудеевъ, такъ и на грековъ.

Но когда съ прибытіемъ Силы изъ Вереи и Тимофея изъ Фессалоники окончилось время его одиночества, онъ получилъ возможность проявить еще болѣе усиленную дѣятельность. Не только самое присутствіе ихъ было поддержкой для него, но они также ободрили его доброю вѣстію, и доставили ему приношеніе отъ филиппійцевъ (Фил. iv, 15; 2 Кор. xi, 9), которое облегчило его гнетущую нужду. Вслѣдствіе этого за прибытіемъ ихъ послѣдовалъ новый подъемъ миссіонерскаго духа и апостолъ еще съ болѣе пылкимъ усердіемъ работалъ въ пользу дѣла своего Учителя¹⁰³⁹). Въ этотъ періодъ проповѣдь его была обращена главнымъ образомъ къ іудеямъ и единственною цѣлію его было доказать изъ св. писанія мессіанское достоинство Иисуса (1 Кор. xv, 3). Но въ отношеніи ихъ онъ не имѣлъ болѣе или менѣе замѣтнаго успѣха. Правда, имъ обращенъ былъ Криспъ, управитель синагоги, со всѣмъ своимъ семействомъ; и ап. Павелъ, быть можетъ по причинѣ отсутствія своихъ сотрудниковъ, отступилъ даже отъ своего обычнаго правила и крестилъ его собственными руками (1 Кор. i, 14). Но іудеи вообще отнеслись къ нему враждебно, что наконецъ выразилось въ языкѣ, образцы котораго представляетъ талмудъ¹⁰⁴⁰). Такъ какъ затѣмъ ничего болѣе нельзя было достигнуть стараніемъ убѣдить ихъ, то онъ наконецъ отрясъ прахъ одеждъ своихъ и, призывая ихъ во свидѣтели своей неповинности въ ихъ крови (Іезек. xxxiii, 4), объявилъ имъ, что съ этихъ поръ будетъ проповѣдывать только язычникамъ.

Онъ уже и обратилъ нѣсколько язычниковъ низшаго и вѣроятно рабскаго

происхожденія, и первымъ изъ нихъ было семейство Стефаново ¹⁰⁴¹). Съ Криспомъ и этими преданными новообращенцами онъ перешелъ изъ синагоги въ сосѣднее помѣщеніе, которое предоставлено было въ его распоряженіе прозелитомъ, по имени Густомъ ¹⁰⁴²). Въ этомъ помѣщеніи онъ продолжалъ проповѣдывать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Все число коринескихъ обращенцевъ было вѣроятно невелико, скорѣе считалось десятками, чѣмъ сотнями. Это съ вѣроятностью можно полагать, иначе они не могли бы всѣ собираться въ одной комнатѣ небольшихъ домовъ древности, и не могли бы всѣ присутствовать за общей трапезой. Подробныя правила касательно замужнихъ женщинъ, вдовъ и дѣвицъ повидимому показываютъ, что женскій элементъ въ этомъ небольшомъ обществѣ вѣрующихъ значительно преобладалъ надъ мужскимъ, вслѣдствіе чего оказалось необходимымъ даже постановить правило, чтобы женщины не учили и не проповѣдывали среди нихъ, хотя Прискилла и Фива и отличались своими заслугами въ общемъ дѣлѣ (Рим. xvi, 1, 2). И однако же, какъ ни мало было это общество вѣрующихъ, какъ ни низко общественное положеніе большинства изъ нихъ, какъ ни порочно прошлое нѣкоторыхъ между ними,—не смотря на все это, благодаря общедоступности метода, содержаніе проповѣди ап. Павла быстро и съ жаждой усваивалось ими. Самъ онъ отнюдь не чувствовалъ себя спокойно среди этихъ бойкихъ, интеллигентныхъ, любящихъ споры и риторикъ, софистическихъ грековъ. Они не имѣли открытой простоты его вессалоникійскихъ обращенцевъ, нѣжной симпатіи филиппійскихъ и отзывчивой впечатлительности его галатскихъ христіанъ. Они скорѣе похожи были на насмѣшливыхъ и самодовольныхъ аеинянъ. Въ Аеинахъ онъ прибѣгалъ къ поэтическому и изящному стилю, и почти совсѣмъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Въ Коринѣ поэтому онъ началъ дѣйствовать совершенно инымъ способомъ. Будучи настолько немощенъ и робокъ, что иногда даже дрожалъ во время своей проповѣди (1 Кор. ii, 3), сознавая, что его внѣшность была совсѣмъ неприглядна въ глазахъ этихъ знатоковъ красоты, и его рѣчь могла возбуждать лишь презрѣніе въ этихъ опытныхъ цѣнителяхъ краснорѣчія ¹⁰⁴³); зная вообще, что въ земномъ его существованіи вся сила его могла заключаться лишь въ его немощахъ (2 Кор. xii, 5, 9), апостолъ однако же намѣренно рѣшился не избѣгать, какъ это было въ Аеинахъ, проповѣди о крестѣ (1 Кор. i, 23; ii, 2). Изъ Коринѣа онъ могъ видѣть снѣговыя вершины Парнасса и Геликона; но онъ порѣшилъ никогда болѣе не украшать своей проповѣди поэтическими цитатами или убѣдительными изреченіями человѣческой мудрости ¹⁰⁴⁴), а полагаться только на простое величіе самаго предмета своей проповѣди и на изліяніе Духа, которымъ несомнѣнно сопровождалась она. Конечно, въ его рѣчахъ была и мудрость, но это не мудрость міра сего, не та мудрость, которой искали греки. Это была мудрость духовная, изъ которой онъ могъ открыть имъ лишь начатки, не жесткую пищу какъ взрослымъ, а лишь молоко какъ младенцамъ въ вѣрѣ. Онъ старался только о ясномъ и

простомъ изложеніи ученія распятаго Христа (1 Кор. i, 17; п, 2; 2 Кор. i, 18). Но чего недоставало въ формальной силлогистикѣ или ораторской декламаци, то болѣе чѣмъ восполнялось силою свыше. Ап. Павелъ рѣшилъ, что если пріобрѣтать послѣдователей Христу, то нужно пріобрѣтать не человѣческимъ краснорѣчіемъ, а божественною любовію. И онъ не ошибся въ этомъ высшемъ упованіи. Среди всѣхъ невзгодъ, отличавшихъ его пребываніе среди ахейнъ, онъ ссылагается на ихъ личное знаніе, что какъ и чего бы ни думали и ни говорили они промежь себя касательно слабости его рѣчи, но они не могли отрицать тѣхъ «знаменій,

Гора Парнасъ.

чудесъ и силъ» (2 Кор. xii, 12), которыми при помощи Св. Духа сопровождалась его дѣятельность. Они помнили, какъ часто подъ скромною кровлею Іуста развѣзались источники сильнаго и глубокаго религіознаго чувства, среди восторженнаго собранія раздавались чудесные звуки «языковъ» и совершались дѣла, которыя показывали этому малому обществу вѣрующимъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ была высшая сила, чѣмъ какая свойственна человѣку, и она могла убѣждать и утѣшать ихъ. И такимъ образомъ многіе коринѣяне, и язычники гораздо въ большемъ числѣ чѣмъ іудеи, приняты были чрезъ крещеніе въ церковь (Дѣян. xviii, 8).

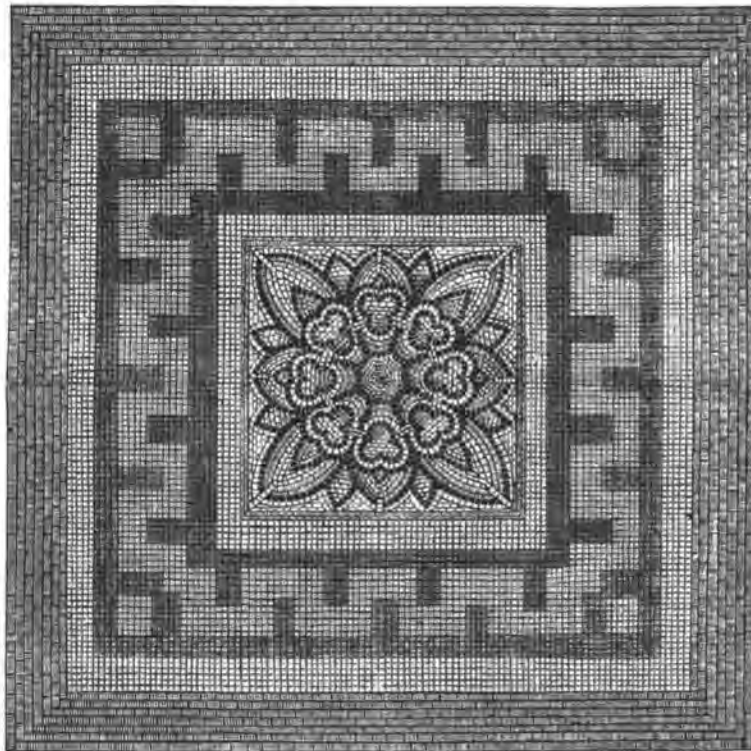
Большинство изъ нихъ было изъ низшихъ классовъ; но всетаки между ними было нѣсколько и богатыхъ жителей, каковы Гай, а можетъ быть и Хлоя, и даже Ерасть, казначей города. Да и не въ Коринѣ только начали обращаться въ христіанство. Ап. Павелъ «весь міръ считалъ своимъ приходомъ», и едва ли вѣроятно, чтобы при своей неутомимой ревности къ дѣлу онъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ безвыходно оставался въ стѣнахъ города. Мы знаемъ, что церковь была и въ Кенхреяхъ, діаконисса которой впоследствии «носила подъ полой своего одѣянія всю будущность христіанскаго богословія» ¹⁰⁴⁵⁾, а малыя общины святыхъ были разсѣяны по всей Ахаіи ¹⁰⁴⁶⁾.

И однакоже, при всемъ успѣхѣ дѣла, требовалось не мало мужества проповѣдывать это ученіе въ такомъ городѣ, и самое сосѣдство синагоги съ домомъ Іуста навѣрно часто приводило къ непріятнымъ столкновеніямъ между іудеями и маленькой общиной христіанъ. Среди всѣхъ скорбей, на какія указываетъ ап. Павелъ при всякомъ упоминаніи объ этомъ долгомъ пребываніи въ Коринѣ, съ особенною горечью онъ жалуется на своихъ соплеменниковъ. Въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ онъ отзывается о нихъ съ необычайнымъ негодованіемъ, говоря, что они «не угождаютъ Богу, и всѣмъ челоуѣкамъ противятся» и что своими попытками препятствовать проповѣданію язычникамъ о Христѣ переполняютъ мѣру своихъ грѣховъ (1 Ѳесс. II, 14—16). Разрывъ съ ними былъ открытый и рѣшительный. Если они отлучили его и одна мысль о нихъ наполняла его такимъ гнѣвомъ и отчаяніемъ, то несомнѣнно борьба съ ними была постояннымъ источникомъ безпокойства и опасности. Все это могло бы даже окончиться удаленіемъ ап. Павла на новое поприще труда, если бы онъ въ крайнемъ уныніи, какъ это часто бывало въ его тягчайшей нуждѣ, не получилъ поддержанія въ небесномъ видѣніи. Господь, котораго онъ видѣлъ на пути въ Дамаскъ, явился ему ночью и сказалъ: «Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я съ тобою, и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ этомъ городѣ».

Но вотъ наконецъ споръ между іудеями и христіанами дошелъ до яростной вражды. Проконсулъ Ахаіи ¹⁰⁴⁷⁾ окончилъ въ это время срокъ своей службы и на его мѣсто на должность эту императоромъ назначенъ былъ Маркъ Анней Новатъ, который, будучи усыновленъ дружественнымъ риторомъ Луціемъ Юніемъ Аннеемъ Галліономъ, принялъ послѣднее имя, подъ которымъ онъ и извѣстенъ вообще. Среди своихъ современниковъ онъ пользовался совершенно инымъ мнѣніемъ, чѣмъ то, которое ошибочно сдѣлало его имя въ христіанскомъ мірѣ синонимомъ индифферентизма. Въ отношеніи своихъ друзей это былъ въ высшей степени пріятный и симпатичный челоуѣкъ. Братъ Сенеки и дядя Лукана, онъ былъ самымъ популярнымъ и любимымъ членомъ этого знаменитаго дома. Онъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ свѣтлымъ и милымъ характеромъ, который составляетъ признакъ высшей утонченности, и ему лишь одному изъ

древнихъ постоянно придается знаменательный эпитетъ—«милый Галліонъ» ¹⁰⁴⁸). «Ни одинъ смертный не милъ такъ отдѣльному лицу, какъ онъ милъ всѣмъ» ¹⁰⁴⁹), писалъ о немъ Сенека. «Даже тѣ, которые любятъ моего брата Галліона всѣми силами своей души, любятъ его еще недостаточно» ¹⁰⁵⁰), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ былъ самымъ цвѣткомъ языческой любезности и языческой культуры,—былъ римлянинъ со всѣмъ римскимъ достоинствомъ ¹⁰⁵¹) и римскою серьезностью, и однако же обладалъ всѣмъ изяществомъ и изысканностью грека» ¹⁰⁵²).

Таковъ-то былъ человѣкъ, отъ рѣшенія котораго зависѣла судьба ап. Павла. Кто бы ни былъ прежнимъ проконсуломъ, но онъ во всякомъ случаѣ не былъ человѣкомъ, съ которымъ іудеи осмѣливались бы шутить и они ни разу не пытались отдѣлаться отъ своего соперника передачей его въ руки гражданской власти. Но вотъ, когда прибылъ новый проконсулъ, который быть можетъ былъ еще не знакомъ съ обязанностями своей должности и котораго желаніе быть популярнымъ при началѣ сво-

Римскій мозаичный помостъ.

его управленія могло заставлять любезно относиться къ зажиточнымъ іудеямъ, имъ думалось, что они безнаказанно могутъ совершить нѣкоторое насиліе. Они собрались толпой, схватили Павла и поволокли его къ мощеному возвышенію, на которомъ находилось судейское сѣдалище проконсула. Они очевидно рассчитывали на неопытность и на признанную всѣми мягкость характера новаго проконсула, и вотъ со всею мятежностью и буйностью, отличавшими этотъ народъ, они съ криками обвиняли Павла въ томъ, что онъ «учить людей чтить Бога не по закону». Хотя императоръ Клавдій и изгналъ іудеевъ изъ Рима, но ихъ религія была всетаки *religio licita*, то есть дозволенною

со стороны государства; но религія «этого человѣка», какъ настаивали они, хотя и могла сходить подъ названіемъ іудейства, была совсѣмъ не іудействомъ; это была фальшивая поддѣлка подъ іудейство и, направляясь противъ Моисеева закона, тѣмъ самымъ становилась *religio illicita*, недозволенной религіей ¹⁰⁵³). Таково было обвиненіе, на которомъ съ гвалтомъ настаивали іудеи, и лишь только оно выяснилось, ап. Павелъ готовъ былъ выступить на самозащиту. Но Галліонъ не намѣренъ былъ утруждать себя выслушиваніемъ этой беспорядочной процедуры. Онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на ап. Павла и просто отвѣчалъ іудеямъ презрительнымъ отверженіемъ ихъ обвиненія и удаленіемъ ихъ самихъ отъ судилища. Вполнѣ зная и уважая существующіе законы, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаясь чисто римскою нелюбовію къ лѣстивопримирительному языку и еще болѣе тѣмъ римскимъ высокомеріемъ къ народу, который онъ подобно своему брату вѣроятно ненавидѣлъ и презиралъ, онъ прекратилъ все это дѣло заявленіемъ, что ихъ обвиненіе противъ Павла какъ нарушителя Моисеева или вообще какого бы то ни было закона, какой только онъ могъ признавать, было крайне безосновательно. «Если бы тутъ было какое нибудь гражданское преступленіе или противонаправственное дѣйствіе ¹⁰⁵⁴), то я имѣлъ бы причину вникнуть въ дѣло и выслушать васъ; но когда дѣло идетъ объ ученіи ¹⁰⁵⁵), о простыхъ названіяхъ и о *вашемъ* законѣ, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей въ этомъ». Потушивъ такимъ образомъ дѣло, «государь Галліонъ» приказалъ ликторамъ очистить судъ. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что они живо и коротко исполнили приказаніе, изгоняя и выталкивая обезкураженную и ропщущую толпу, на разочарованную злость которой, если только на его лицѣ отражались выраженные въ его словахъ чувства, онъ съ не скрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ съ высоты своего трибунала ¹⁰⁵⁶). Потребовалось почти два столѣтія для того, чтобы римляне поняли наконецъ, что христіанство есть нѣчто безконечно болѣе важное, чѣмъ іудейская секта, за которую они ошибочно его принимали. Было бы гораздо лучше для нихъ и для міра, если бы они освободились отъ этого презрѣнія и постарались понять, въ чемъ заключается тайная сила религіи, которой они не могли ни искоренить, не подавить. Но сожалѣя о такомъ отсутствіи философскаго взгляда на дѣло, отдадимъ справедливость, по крайней мѣрѣ римскому безпристрастію. Въ Галліонѣ, Феликсѣ, Фестѣ, въ сотникѣ Юліѣ и даже въ Пилатѣ ¹⁰⁵⁷), какъ ни на различныхъ стояли они ступеняхъ нравственнаго сознанія правды, мы не можемъ не восхищаться тою разсудительною проникающею, съ которою они сразу же замѣчали подпольную несправедливость и кляузную враждебность іудеевъ съ ихъ ложными обвиненіями, возводимыми на невинныхъ людей. Какъ ни глубоко было невѣденіе Галліона въ отношеніи сущности представленнаго на его судъ дѣла, но онъ поступилъ согласно строжайшей справедливости, когда «прогналъ ихъ отъ судилища».

Но дѣло не кончилось этимъ. Легкомысленные греки¹⁰⁵⁸), не смѣя вмѣшиваться въ это дѣло до объявленія приговора проконсула, теперь крайне забавлялись при видѣ того, какое полное фіаско потерпѣлъ злобный умыселъ іудеевъ; и такъ какъ высшая власть объявила обвиненіе противъ Павла незаконнымъ, то они воспользовались случаемъ расправиться съ самими обвинителями. Коноводомъ іудейской партіи былъ нѣкій Сосеенъ, который быть можетъ былъ преемникомъ Криспа по должности начальника синагоги и ревность котораго быть можетъ болѣе всего поджигалась недостатками въ этомъ отношеніи его предшественника¹⁰⁵⁹). Знали ли коринѣяне, что ап. Павелъ былъ римскій гражданинъ или нѣтъ, но они по крайней мѣрѣ видѣли, что онъ отдѣлился отъ синагоги и что его взглядовъ держались многіе язычники. Они считали поэтому нетерпимымъ, чтобы іудеи съ такою наглостью ввели обвиненія на человѣка, который въ нѣкоторой степени принадлежалъ къ нимъ. Слишкомъ соблазнительно былъ теперь случай показать этимъ жидамъ, какія чувства питаютъ они къ нимъ, и дать имъ урокъ, какъ они должны вести себя въ будущемъ. И вотъ они схватываютъ Сосеена и подвергаютъ его избіенію въ самой базиликѣ передъ судилищемъ, на самыхъ глазахъ проконсула. Древняя глосса говоритъ, что Галліонъ прикинулся, будто ничего не видѣлъ, что они дѣлали¹⁰⁶⁰); но самый текстъ показываетъ, что онъ съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на это ихъ самоуправство. Пока дѣло не доходило съ ихъ стороны до серьезнаго нарушенія общественнаго спокойствія, ему не было никакого дѣла до того, какъ они тамъ считались между собой. Онъ былъ знакомъ съ такими буйствами въ Римѣ. Іудеи вездѣ были мятежнымъ, фанатичнымъ народомъ. Что же ему было за дѣло, если какіе нибудь греческіе уличные мальчишки хотѣли произвести надъ ними вполне заслуженную экзекуцію? Тѣмъ лучше будетъ, если они хорошенько проучатъ этого Сосеена, а съ нимъ кое-кого и еще изъ жидовъ. Тѣмъ скорѣе, думалось ему, они будутъ соблюдать порядокъ въ будущемъ и меньше охоты будетъ нарушать его своими низкими происками и злобой, своими буйствами и распрями¹⁰⁶¹).

Объ одномъ однакоже мы не можемъ не пожалѣть въ этомъ дѣлѣ. Именно о томъ, что слишкомъ нетерпѣливое чувство справедливости Галліона лишило насъ другой рѣчи ап. Павла, которая, произнесенная при такихъ обстоятельствахъ и передъ такимъ судьей, имѣла бы глубочайшій интересъ. Но Галліонъ отклонилъ все это дѣло, какъ незаслуживающее никакого вниманія. Если только онъ находилъ стоящимъ упоминать о немъ въ какомъ нибудь изъ писемъ къ своему брату Сенекѣ, то навѣрно онъ писалъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «Едва я прибылъ, какъ іудеи попытались испробовать мою неопытность, и привлекли ко мнѣ нѣкоего Павла, который повидимому приверженецъ Хреста или Христа,— о комъ мы слышали кое-что и въ Римѣ. Я не считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ ихъ злобныя суевѣрія и приказалъ выпроводить ихъ вонъ. Греки воспользовались этимъ, стали на сторону Павла и въ отмщеніе злобѣ іудеевъ избили

одного изъ нихъ. Ты бы посмѣялся, если бы былъ тутъ, надъ глупыми шалостями этой *turba furens*. *Sed haec haec*». *hactenus*.

Но легкомысліе, судящее обыкновенно по внѣшности, всегда навлекаетъ на себя возмеадіе. Оно боготворитъ смертное и презираетъ божественное; привѣтствуетъ обманщика и отвергаетъ ангела. Оно составляетъ свои сужденія по внѣшнимъ случайностямъ и игнорируетъ вѣчную реальность. Надменный, знатный и образованный Гал-

Сенека
(изъ Visconti).

ліонъ, братъ знаменитаго Сенеки, проконсулъ Ахаіи, популярнѣйшій человѣкъ и извѣстный писатель своего времени, былъ бы конечно крайне изумленъ, если бы кто нибудь сказалъ ему, что такое ничтожное событіе будетъ навѣчно занесено въ исторію; что это будетъ единственное событіе въ его жизни, которымъ будетъ интересоваться потомство; что ему будетъ обязанъ онъ своимъ бессмертіемъ; что во всѣ времена о немъ будутъ судить по тому, какимъ онъ выказалъ себя въ это утро; что онъ лишился высшаго блага своей жизни, когда не далъ высказаться жалкому іудейскому узнику,

котораго онъ своимъ рѣшеніемъ избавилъ изъ ярости его соплеменниковъ; что будетъ измышлена и перейдетъ къ потомству цѣлая переписка между іудеємъ Савломъ или Павломъ и его великимъ братомъ Сенекой¹⁰⁶²); что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій будетъ господствовать убѣжденіе, что этотъ жалкій узникъ обратилъ блистательнаго философа къ своему «проклятому суевѣрію», и что Сенека заимствовалъ у него благороднѣйшія мысли своихъ сочиненій; что въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ этотъ согбенный, съ больными глазами, немощный, безвѣстный іудей, противъ котораго всѣ другіе іудеи возставали съ какимъ-то озлобленіемъ, будетъ считаться безконечно важнѣе всѣхъ обоженныхъ императоровъ и стойковъ; что тѣ вопросы объ ученіи, простыхъ именахъ и іудейскомъ законѣ, выслушать которые онъ отказался съ такимъ презрѣніемъ, сдѣлаются въ послѣдствіи важнѣйшими изъ всѣхъ вопросовъ, когда либо волновавшихъ весь цивилизованный міръ. И однако же все это именно было такъ.

Да и самъ ап. Павелъ навѣрно такъ же мало подозрѣвалъ все это, какъ и «милый Галліонъ». Съ потрясеннымъ отъ этого новаго насилія сердцемъ и быть можетъ печально размышляя объ изреченіи своего Учителя, что Онъ пришелъ низвести на землю не миръ, а мечъ, онъ направился отъ *бемы* великаго проконсула въ домъ Іуста или быть можетъ въ свое помѣщеніе въ убогой мастерской Акилы и Прискиллы.

ГЛАВА XXIX.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ФЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ.

Послѣдній день сокрытъ, дабы лучше
соблюдались всѣ остальные дни.

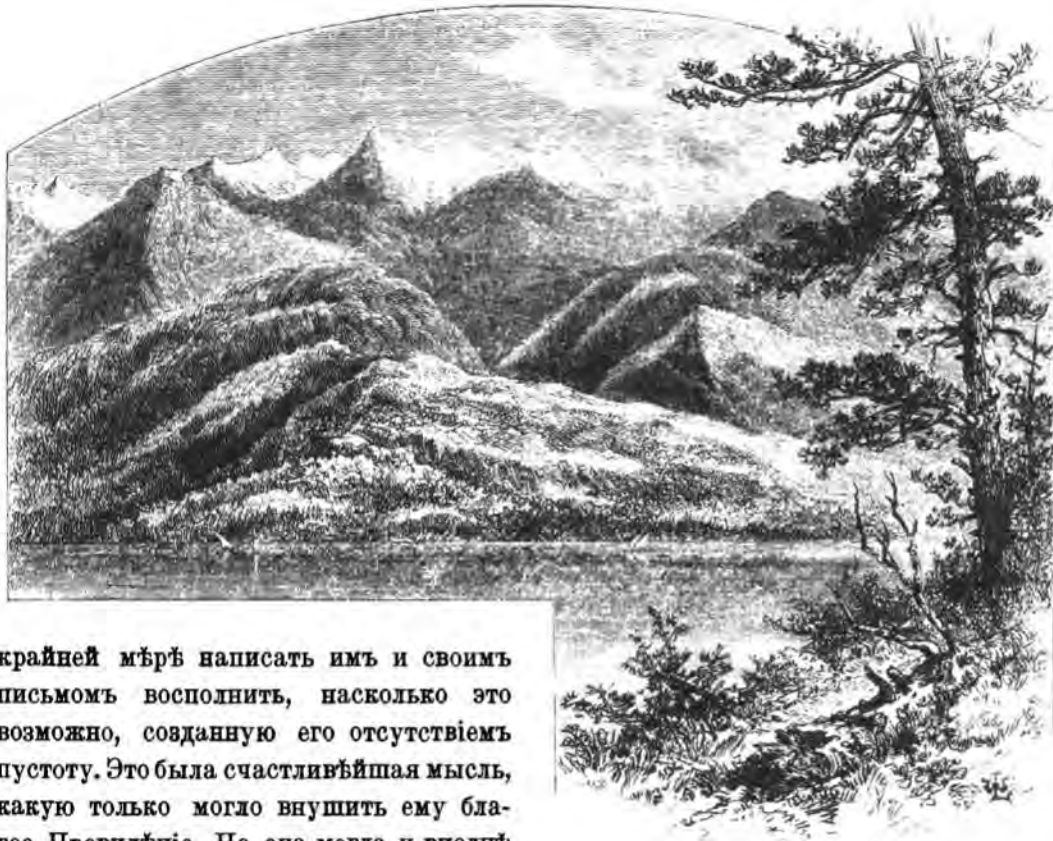
Бл. Августинъ.

О ВРЕМЯ пребыванія апостола Павла въ Коринѣи и вѣроятно передъ арестомъ его со стороны іудеевъ въ началѣ 53 или въ концѣ 52 года по Р. Х. совершилось событіе, имѣвшее неизмѣримое значеніе какъ въ жизни самого апостола, такъ и въ исторіи христіанства. Онъ написалъ къ жителямъ Фессалоники, гдѣ онъ проповѣдывалъ и основалъ церковь раньше посѣщенія Аѣины и Коринѣа, письмо, которое быть можетъ было первымъ письмомъ, какое когда либо онъ писалъ христіанскимъ церквямъ¹⁰⁶³), и которое несомнѣнно по времени написанія есть первое изъ тѣхъ, какія только дошли до насъ. Онъ началъ имъ ту новую форму дѣятельности, которая оказала неизмѣримое вліяніе на всѣ поколѣнія христіанскаго міра.

Мы уже видѣли, что ап. Павелъ оставилъ Тимофея въ Македоніи и, соединившись съ нимъ въ Аѣинахъ, опять разстался съ нимъ, хотя и съ сильною неохотою и большимъ самоотреченіемъ, такъ какъ сердце его рвалось къ его фессалоникійскимъ обращенцамъ и онъ дважды встрѣчалъ препятствіе къ исполненію своего искренняго желанія посѣтить ихъ еще разъ. Сдѣлавъ все возможное для утѣшенія и поддержанія ихъ въ ихъ многочисленныхъ испытаніяхъ, Тимофеей, въ сопровожденіи Силы, возвратился въ Коринѣи, и апостолъ безъ сомнѣнія долго и съ глубокимъ интересомъ бесѣдовалъ съ ними о друзьяхъ и собратяхъ, которые пріобрѣтены были Христу въ этомъ македонскомъ городѣ. Состояніе тамошней церкви, возбуждая въ общемъ чувство радости, требовало нѣкотораго совѣта и ободренія. Но теперь уже ап. Павелъ не могъ послать туда

Тимофея. Онъ нуженъ былъ здѣсь для другаго дѣла. Другія церкви нуждались въ его личныхъ услугахъ. Да онъ и самъ не могъ обходиться безъ сотоварищей по труду среди города, который требовалъ отъ него всей энергіи и силы. Но если онъ ни самъ не могъ отправиться къ фессалоникійцамъ, ни послать къ нимъ своимъ вѣрнѣйшихъ и возлюбленнѣйшихъ соратниковъ, то могъ по

крайней мѣрѣ написать имъ и своимъ письмомъ восполнить, насколько это возможно, созданную его отсутствіемъ пустоту. Это была счастливѣйшая мысль, какую только могло внушить ему благое Провидѣніе. Но она могла и вполнѣ естественно придти ему въ голову, такъ какъ у іудейскихъ общинъ издавна былъ обычай сноситься между собою посредствомъ странствующихъ депутацій, и необычайное развитіе сношеній между главными городами Италіи, Греціи и Азіи дѣлало удобнымъ отправленіе того или другаго изъ братій въ качествѣ посыльнаго съ извѣстными порученіями. А письменная корреспонденція по самой своей формѣ лучше всего соотвѣтствовала личному характеру апостола. Она соотвѣтствовала той пламенности чувства, которая не могла мириться съ составленіемъ формальныхъ трактатовъ. Она могла вестись или прерываться, смотря по требо-

Видъ Коринесскаго залива.

Видъ Коринесскаго залива.

ванію обстоятельствъ или чувствъ писателя. Она допускала полную свободу выраженія, которая гораздо сильнѣе и гораздо естественнѣе у апостола, чѣмъ правильные силлогизмы или округленные періоды книги. Она допускала нѣкоторую нѣжность и нѣкоторую фамильярность личнаго сношенія. Ни въ какую другую литературную форму онъ не могъ излить ту духовную полноту, которая заставила одного христіанскаго писателя справедливо сказать, что онъ одинъ только изъ писателей повидимому писалъ не пальцами, перомъ и чернилами, а самымъ своимъ сердцемъ, самыми своими чувствами, обнаженнымъ трепетаніемъ своего внутренняго существа ¹⁰⁶⁴),—которая заставила бл. Иеронима сказать, что въ его писаніяхъ что ни слово, то молнія и громъ ¹⁰⁶⁵),—которая заставила Лютера сказать, что его выраженія подобны живымъ существамъ съ руками и ногами. Богословское значеніе этого факта неизмѣримо, и къ глубокому ущербу церкви имъ слишкомъ пренебрегали доселѣ. Богословы относились къ языку ап. Павла такъ, какъ будто бы онъ каждое слово выводилъ съ аккуратностью холоднаго діалектика, съ мелочною тщательностью ученаго, съ бездушнымъ формализмомъ философствующаго догматика. Его посланія, взятые въ цѣломъ, со всѣми ихъ неразрѣшимыми антиноміями, такъ же отрицаютъ этотъ невозможный и вредный способъ отношенія къ нимъ, какъ и нагорная проповѣдь. Эпистолярная форма имѣетъ въ высшей степени свободный, личный, подвижной и сердечный характеръ. Диктованное письмо есть какбы разговоръ, записанный стенографомъ. Однимъ словомъ, она лучше всего давала возможность ап. Павлу быть самимъ собой и со всею живостью напоминать его духовнымъ дѣтямъ о томъ нѣжномъ, страждущемъ, вдохновенномъ, уныломъ, страшномъ, пылкомъ, смиренномъ и непреклонномъ учителѣ, который прежде всего училъ ихъ быть подражателями ¹⁰⁶⁶) ему и его Господу и отвращаться отъ пустой обрядности или мертвыхъ идоловъ, чтобы служить живому и истинному Богу и ожидать Его Сына съ небесъ, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ,—того Іисуса, который избавляетъ насъ отъ грядущаго гнѣва.

И одною изъ причинъ этой живой, отличающей посланія ап. Павла, свѣжести стили было то, что они всѣ, или за немногими исключеніями, не носятъ на себѣ печати предварительной усидчивой обдуманности или схоластической правильности, но прямо со всею свѣжестью и пыломъ выливались изъ сердца, переполненнаго страстною искренностью горячихъ, непосредственныхъ чувствъ. Онъ писалъ иногда письмо даже въ пылу возбужденнаго чувства, съ сильнымъ безпокойствомъ ожидая затѣмъ извѣстія о томъ, какъ оно принято было, полусожалѣя и даже болѣе чѣмъ полусожалѣя, что и послалъ его (2 Кор. vii, 8). Еслибы онъ писалъ болѣе формально, то никогда бы не подвинулъ такъ, какъ онъ подвинулъ теперь, сердце человѣчества. Возьмите изъ посланій ап. Павла слѣды страсти, гнѣвныхъ выраженій, тоскующей любви, грознаго обличенія, ѣдкаго сарказма печальнаго самовосхваленія, быстрыхъ вопросовъ, пламенной мольбы, откровенной

разговорности, личныхъ подробностей,—тѣ слѣды его собственной личности на каждой страницѣ, которые невѣжественными и нелѣпыми критиками назывались проявленіями крайняго себялюбія, и они никогда бы не были тѣмъ, чѣмъ они являются теперь рядомъ съ псалмами Давида—драгоценнѣйшимъ сокровищемъ христіанскаго благочестія, послѣ четырехъ евангелій самою любимую и лелѣянную книгою христіанскаго міра. Мы не можемъ не любить человѣка, совершеннѣйшая искренность котораго даетъ намъ возможность чувствовать самое біеніе его сердца; человѣка, который не умѣетъ носить той маски сдержанности и фари-сейства, что даетъ другимъ возможность употреблять рѣчь лишь для того, чтобы скрывать свои мысли,—который если бить, такъ бьетъ прямо, безъ всякаго обманчиваго поцѣлуя,—который мужественно и открыто высказываетъ свои чувства, говорить своимъ языкомъ и прямо выражаетъ свою любовь, ненависть, свое презрѣніе и негодованіе,—который не завистливый ученикъ, не поносящій клеветникъ, не изощренный краснобай правдоподобнаго лицемѣрія, не механическій повторитель затасканныхъ девизовъ, а человѣкъ, который если понадобится — съ градомъ слезъ возьмется за перо, чтобы излить свои глубочайшія думы (2 Кор. II, 4), который съ одинаковою правдивостью и искренностью можетъ убѣждать и обличать, наказывать и миловать, жалѣть и прощать какъ врага, такъ и друга,—человѣкъ, торжествующая вѣра и несравненное вліяніе котораго въ немалой степени возбуждали тотъ безбоязненный и ликующій энтузіазмъ, что преобладалъ въ жизни первенствующей церкви.

И такимъ образомъ, когда Тимоеей разсказалъ ему все, что замѣтилъ въ жизни братій въ Тессалоникѣ, то можно быть увѣреннымъ, что, переполненный въ своемъ сердцѣ новою заботою, онъ захотѣлъ письменно высказать имъ совѣтъ и утѣшеніе ¹⁰⁶⁷⁾, и чрезъ нѣсколько дней онъ диктовалъ вступительныя слова:

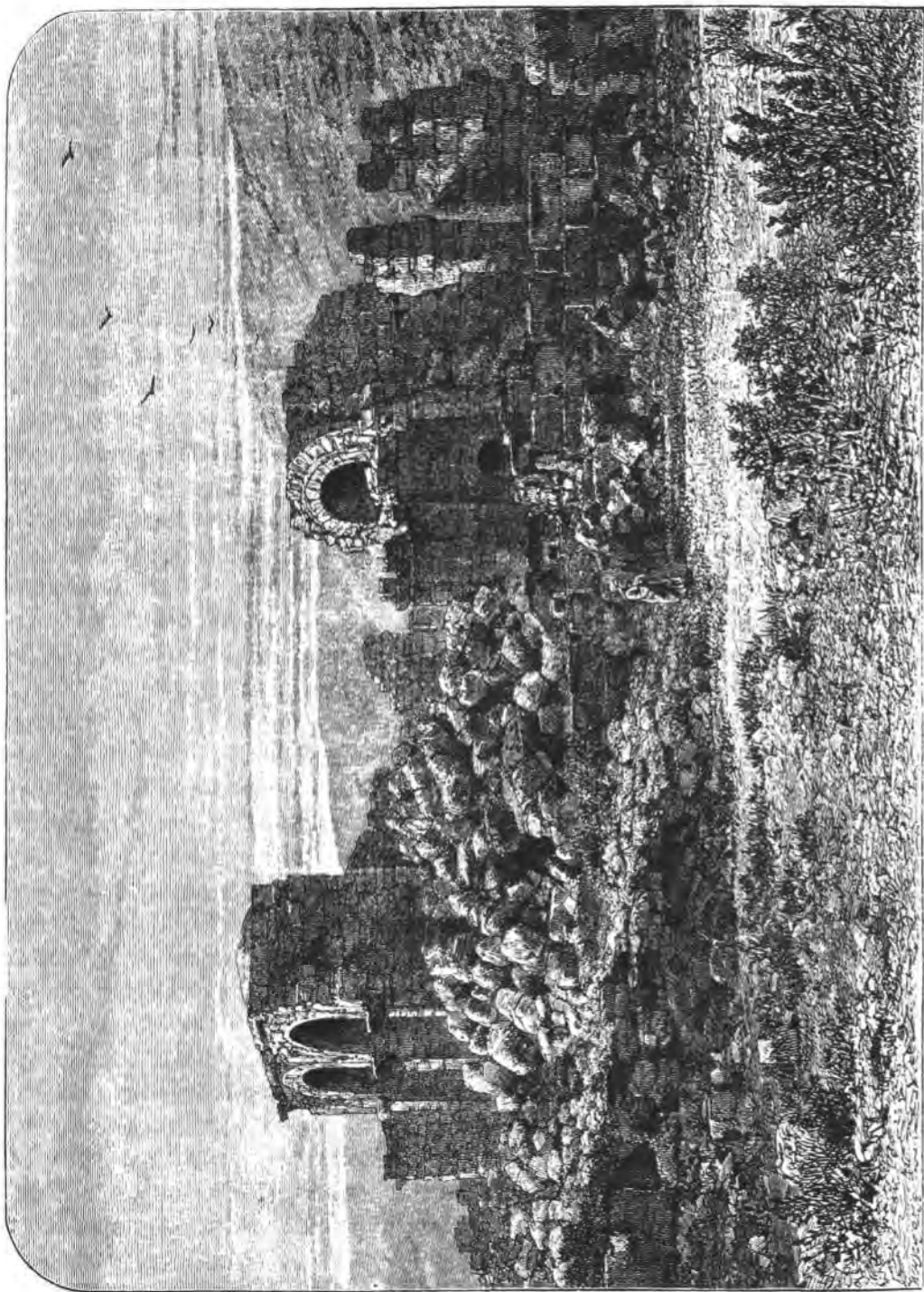
«Павелъ и Силуанъ и Тимоеей церкви ¹⁰⁶⁸⁾ Тессалоникской въ Богѣ Отцѣ и Господѣ Исусѣ Христѣ: благодать вамъ и миръ отъ Бога, Отца нашего, и Господа Исуса Христа» ¹⁰⁶⁹⁾.

Это вступленіе само по себѣ составляетъ интересную иллюстрацію характера ап. Павла. Хотя это исключительно его собственныя письма, однакоже онъ избѣгаетъ личнаго самовыставленія, и ставитъ рядомъ съ собой не только почтеннаго Силу (Дѣян. XV, 22, 32, 34), но даже и юнаго Тимоеея ¹⁰⁷⁰⁾, и въ этихъ своихъ болѣе раннихъ посланіяхъ постоянно употребляетъ «мы», а не «я». Этимъ онъ не имѣетъ въ виду показать, что самое посланіе написано совмѣстно съ этими его сотоварищами, такъ какъ онъ употребляетъ ту же форму, когда говорить только о себѣ лично ¹⁰⁷¹⁾; но онъ дѣйствуетъ такъ изъ скромности (обычной въ языкахъ и литературахъ всѣхъ народовъ), которая не любитъ безъ нужды часто выставять первое личное мѣстоименіе ¹⁰⁷²⁾. Въ посланіяхъ ко всѣмъ другимъ церквамъ, кромѣ Филиппійской, для которой этотъ титулъ былъ ненуженъ, онъ называетъ себя Павломъ апостоломъ, но онъ не употребляетъ этого

титула прямо въ посланіи къ Фессалоникійцамъ (см. 1 Фесс. п, 6), потому что его право на этотъ титулъ въ его болѣе спеціальному смыслу еще не оспаривалось коварными юдаистами ¹⁰⁷³). Въ своихъ первыхъ пяти посланіяхъ онъ всегда обращается къ «церкви», въ своихъ послѣднихъ посланіяхъ къ «святымъ», хотя причина этого для насъ не ясна ¹⁰⁷⁴); но всѣмъ церквамъ одинаково онъ повторяетъ свое вступительное привѣтствіе. «благодать вамъ и миръ» ¹⁰⁷⁵). Это—прекрасное и замѣчательное сочетаніе привѣтствій іудея и грека, востока и запада, съ ихъ господствующими идеалами спокойствія и душевной радости. Торжественнымъ привѣтомъ іудея было: *шаломъ*—«миръ вамъ»; болѣе легкій привѣтъ грека былъ *καίρειν*—«радоваться»; церковь Христова, обладательница радости, которой не поколеблетъ смута, и наслѣдница мира, превосходящаго разумѣніе, — соединила эти два привѣтствія, но внесла въ оба болѣе глубокое и болѣе духовное значеніе ¹⁰⁷⁶).

Послѣ этого привѣтствія ¹⁰⁷⁷) апостолъ начинаетъ свое письмо выраженіемъ благодарности Богу за нихъ самихъ, съ чѣмъ онъ обращается даже къ коринѳянамъ, дѣла которыхъ находились въ слишкомъ прискорбномъ противорѣчій съ идеальнымъ ихъ названіемъ «святыхъ», и онъ никогда не опускаетъ его, кромѣ гнѣвнаго посланія къ богоотступнымъ галатамъ. Эта черта такъ характеристична для его духовнаго настроенія и стиля, что получила даже техническое названіе, и нѣмецкіе ученые называютъ ее «Danksagung» («благодареніемъ») посланій ¹⁰⁷⁸). Это не былъ лишь условный комплиментъ или риторическая формула. Тѣ, къ кому онъ писалъ, какъ ни низко падали они съ высоты своего идеала, все таки были обращенцы, были церковью, святыми, братьями. Среди нихъ могли быть немошные, могли быть ложные, могли быть грѣшные члены; но какъ церковь они были омыты, освящены и оправданы, и жизнь даже тѣхъ изъ нихъ, которые были недостойны своего высокаго званія, представляла однакоже благопріятный контрастъ съ жизнью окружавшихъ ихъ язычниковъ. Но выраженіе благодарности за фессалоникійцевъ особенно полно и сердечно. Это преизбытокъ сердечной признательности, да и вообще все посланіе отличается особенною ласкою и любвеобильностію ¹⁰⁷⁹). Апостолъ пишетъ имъ, что онъ всегда благодаритъ Бога за всѣхъ ихъ, поминая ихъ въ своихъ молитвахъ, постоянно памятуя дѣйственность ихъ вѣры, силу ихъ любви, терпѣливость ихъ надеждъ ¹⁰⁸⁰). Онъ напоминаетъ имъ о силѣ, полнотѣ и духовной помазанности, которыми сопровождалась его проповѣдь евангелія, а также и о томъ, какъ они сдѣлались ¹⁰⁸¹) подражателями ¹⁰⁸²) ему и Христу — съ такою духовною радостью среди столь тяжелыхъ скорбей ¹⁰⁸³), что стали образцомъ для всѣхъ церквей сѣверной и южной Греціи, и ихъ вѣра сдѣлалась какбы трубнымъ звукомъ ¹⁰⁸⁴), пронесшимся по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Ихъ вѣра въ Бога была такъ извѣстна всѣмъ и повсюду, что ап. Павлу или его сотоварищамъ не было надобности рассказывать, какъ они потрудились въ Фессалоникѣ, такъ какъ всякій слышалъ объ ихъ

Развалины христианской церкви въ Иераполе.

обращеніи отъ идолопоклонства къ вѣрѣ въ живаго Бога ¹⁰⁸⁵⁾ и къ ожиданію пришествія воскресшаго Христа, который избавляетъ насъ отъ грядущаго гнѣва.

Онъ обращается къ нимъ поэтому, какъ къ неподкупнымъ свидѣтелямъ подлинности его посѣщенія ихъ и той смѣлости, съ которою онъ встрѣтилъ опасности въ Фессалоникѣхъ послѣ столь недавняго и мучительнаго насилія, перенесеннаго въ Филиппахъ. Даже изъ этихъ вступительныхъ выраженій благодаренія очевидно, что въ его словахъ есть скрытый намекъ на тѣхъ, которые при случаѣ не преминули бы дать совершенно иной рассказъ о его образѣ дѣйствія и побужденійхъ ¹⁰⁸⁶⁾. Эти ссылки на ихъ знаніе жизни, характера и дѣятельности Павла и его двухъ сотрудниковъ-миссіонеровъ были бы излишни, если бы они никогда не подвергались нареканіямъ. Но легко понять, что какъ іудеи въ своемъ рвеніи возвратить себѣ тѣхъ членовъ синагоги, которые присоединились къ христіанской общинѣ, такъ и язычники, раздражаемые безмолвнымъ укоромъ своей грѣховой жизни, не прочь были отъ наушнической клеветы на новаго учителя и не прочь также попытаться внушить и другимъ свои подозрѣнія касательно его. Города того времени кипѣли обманщиками и шарлатанами всякаго рода. Не были ли и эти трое бѣдные іудеи—этотъ молчаливый и важный старецъ, этотъ застѣнчивый и кроткій юноша, и этотъ маленькій невзрачный мечтатель—не были ли они лишь новою разновидностью этихъ *ioesē*, въ родѣ странствующихъ галловъ и поклонниковъ Изиды, разныхъ халдеевъ, математиковъ, или жрецовъ Митры? ¹⁰⁸⁷⁾. Что у нихъ за цѣли? Не съ худыми ли намѣреніями заманиваютъ они въ свои общины вдовъ и дѣвицъ? Не нагрѣваютъ ли они этимъ втихомолку себѣ руки? Или не собственнаго ли прославленія добиваются они? Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, на нихъ сыпались всевозможныя обвиненія и нападки, которыя переполняли ап. Павла горькимъ негодованіемъ; но на клевету такого рода онъ могъ отвѣчать спокойно. Такая клевета была слишкомъ самоочевидна и нелѣпа, чтобы повредить имъ; подозрѣнія слишкомъ злостны, чтобы могъ кто нибудь вѣрить имъ. Чтобы опровергнуть ихъ, ему стоило только сослаться на извѣстные факты; и въ самомъ дѣлѣ, не было никакой надобности въ опроверженіи, такъ какъ его фессалоникскіе друзья сами *знали* все, и Богъ былъ свидѣтелемъ тому (1 Фесс. II, 5), что въ дѣятельности и проповѣди миссіонеровъ не было обмана, или чего-нибудь нечистаго, не было худыхъ побужденій, тайной корысти, желанія склонить на свою сторону лестью или низкимъ ласкательствомъ. Они трудились не изъ себялюбія, а изъ любви къ ближнимъ; не ради славы, но чтобы излить нѣжность своего сердца и всю жизнь свою положить за своихъ обращенцевъ ¹⁰⁸⁸⁾, лелѣя ихъ съ такою же нѣжностью ¹⁰⁸⁹⁾, съ какою кормящая мать лелѣетъ своихъ дѣтей у своей теплой груди ¹⁰⁹⁰⁾, отрекаясь отъ своихъ собственныхъ правъ и ничего не беря отъ нихъ, не налагая на нихъ ни малѣйшаго бремени ¹⁰⁹¹⁾. Братія знали, что свое проповѣдничество они считали славнымъ преимуществомъ ¹⁰⁹²⁾,

и такъ какъ единственнымъ ихъ желаніемъ было угодить Богу, то они терпѣли и трудились ¹⁰⁹³) денно и нощно ¹⁰⁹⁴), чтобы заработать себѣ насущный хлѣбъ, представляя безукоризненный примѣръ святости въ отношеніи Бога и праведности въ отношеніи людей, и всегда увѣщаывая своихъ послѣдователей всѣхъ и каждого ¹⁰⁹⁵) жить достойно Бога и царства Христа Его (п, 1—12).

Вотъ почему ессалоникійцы, благодареніе Богу, приняли ихъ проповѣдь за то, чѣмъ она была—за божественное, а не человѣческое благовѣстіе, сносили страданіе отъ рукъ своихъ языческихъ сосѣдей съ тѣмъ же примѣрнымъ мужествомъ, какъ и церкви іудеевъ, которыя одинаковымъ образомъ были гонимы іудеями. И здѣсь ап. Павелъ, какъ это нерѣдко бываетъ у него, «ухватывается за слово». Одно случайное упоминаніе объ іудеяхъ заставляеть его уклониться отъ прямого предмета, чтобы перейти къ обличенію ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ во время самаго разгара борьбы, окончившейся его негодующимъ удаленіемъ изъ ихъ синагоги въ Коринѣѣ, при живомъ воспоминаніи о томъ, какъ эти убійцы Господа и пророковъ ¹⁰⁹⁶), не угождая Богу ¹⁰⁹⁷) и будучи общими врагами челоѣка ¹⁰⁹⁸), гонялись за нимъ изъ города въ городъ и пытались помѣшать его проповѣди язычникамъ. И такимъ-то образомъ, говоритъ онъ, они переполняютъ мѣру своей виновности, но конечный гнѣвъ приближается къ нимъ — въ довершеніи ихъ грѣховъ. Самый ихъ грѣхъ (какбы такъ говоритъ онъ), грѣхъ препятствія проповѣди евангелія, былъ для нихъ наказаніемъ; ихъ ярость противъ Христа была гнѣвомъ Бога противъ нихъ; ихъ духовное настроеніе было и будетъ грознымъ приговоромъ для нихъ ¹⁰⁹⁹).

Уклонившись такимъ образомъ, вслѣдствіе своего чувства негодованія на іудеевъ, отъ предмета собственной самозащиты (по которому въ сущности и не было надобности еще что нибудь говорить), онъ затѣмъ продолжаетъ, что считаетъ ессалоникійцевъ своей надеждой, радостью и вѣнцомъ похвалы (Іезек. хvi, 12 по lxx) въ пришествіи Христа; чувствуя въ отсутствіи ихъ какъ чувствуетъ отецъ, лишенный своихъ дѣтей ¹¹⁰⁰), онъ дважды намѣревался побывать у нихъ и дважды воспрепятствовалъ ему сатана ¹¹⁰¹). Онъ однако же сдѣлалъ все, что только можно было при такомъ положеніи. Онъ разстался съ Тимоеемъ въ Аѣинахъ и отправилъ его къ нимъ, чтобы не дать имъ поддаться ¹¹⁰²) тѣмъ жестокимъ скорбямъ, о необходимости которыхъ они заранѣе получили отъ него надлежащее предостереженіе, и удостовѣриться въ ихъ вѣрѣ, чтобы какъ не искусить ихъ искушитель и не сдѣлался тщетнымъ самый трудъ проповѣди среди нихъ ¹¹⁰³). Когда Тимоей возвратился къ нему въ Коринѣѣ, то принесенныя имъ извѣстія были столь благопріятны, сообщенія его объ ихъ вѣрѣ, любви, стойкости и преданности были такъ радостны, что все это, не смотря на всѣ его тяжкія страданія, привело апостола въ восторгъ, и было для него какбы свѣжимъ источникомъ жизни. Онъ не находить словъ благодарить Бога за такое благословеніе, и оно усилило его молитвы къ Богу, чтобы Онъ сподо-

билъ его побывать у нихъ и повидѣть ихъ, и восполнить то, чего недостаетъ ихъ вѣрѣ. Этотъ историческій или личный отдѣлъ своего посланія апостоль заключаетъ пламенной молитвой, чтобы Богъ усугубилъ духъ любви, преобладающій уже среди нихъ, и такимъ образомъ сподобилъ бы ихъ въ непорочной святости предстать предъ Нимъ въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа со всѣми святыми Его ¹¹⁰⁴).

Отъ этихъ искреннихъ и любящихъ внушеній онъ обращается къ практической части своего посланія. Онъ проситъ ¹¹⁰⁵) и умоляетъ ихъ не останавливаться въ дѣлѣ своего самоусовершенствованія, а все болѣе и болѣе идти впередъ по тому христіанскому пути, который онъ намѣтилъ для нихъ. И затѣмъ онъ приступаетъ къ тѣмъ спеціальнымъ внушеніямъ, которыя, какъ онъ зналъ, были нужнѣе всего. Впервыхъ и прежде всего онъ восхваляетъ добродѣтель чистоты. Фессалоникійцы лишь недавно были призваны изъ язычества, которое очень легко смотрѣло на грѣхи плоти. Поборотъ грѣховныя привычки цѣлой жизни нельзя было въ одинъ день. Имъ еще угрожала опасность уклоненія ко грѣху чувственности. Имъ необходимо было напомнить, что, не смотря на всю легкость отношенія язычниковъ къ блуду ¹¹⁰⁶) и даже еще болѣе тяжкимъ и смертнымъ грѣхамъ ¹¹⁰⁷), эти грѣхи были прямо противны заповѣдямъ Божиимъ и немедленно навлекутъ на себя возмездіе Того, воля котораго была ихъ освященіемъ и который наложилъ на нихъ долгъ — хотя и трудный — пріобрѣтать твердое и спокойное господство надъ своею плотію и ея похотями ¹¹⁰⁸). Если же нѣкоторые среди нихъ открыто пренебрегали этими заповѣдями, какъ будто бы это были лишь заповѣди самого апостола, то имъ напоминаетъ, что этимъ самымъ они отвергаютъ не человѣческаго какого нибудь учителя, а Бога, который призвалъ ихъ не къ нечистотѣ, а къ святости ¹¹⁰⁹), и давая имъ Духа своего Святаго не только усугублялъ ихъ долгъ, но и вдохновлялъ ихъ новой силой освящать храмъ Его въ сердцахъ своихъ ¹¹¹⁰).

Слѣдующая христіанская добродѣтель, о которой онъ говоритъ, есть братолюбіе. Онъ считаетъ нужнымъ говорить о ней потому ¹¹¹¹), что самъ Богъ научилъ ихъ какъ сознать этотъ долгъ, такъ и осуществлять его въ жизни не только въ отношеніи къ членамъ собственной своей церкви, но въ отношеніи всѣхъ христіанъ Македоніи (iv, 9, 10).

Затѣмъ они должны болѣе преуспѣвать и усердно стараться о томъ, чтобы жить тихо ¹¹¹²), дѣлать свое дѣло, работать своими собственными руками ¹¹¹³), не вмѣшиваться въ дѣла другихъ и не рассчитывать на помощь другихъ, а поступать благоприлично предъ всѣми, даже не принадлежащими къ церкви (ст. 11, 12).

И вотъ этими нравственными увѣщаніями, этимъ приглашеніемъ къ поддержанію отъ чрезмѣрнаго возбужденія по вопросу о кончинѣ міра, къ спокойному исполненію насущныхъ обязанностей, ближе всего касавшихся ихъ теперь, онъ подготовилъ почву для устраненія серьезнаго недоумѣнія, удручавшаго нѣко-

торыхъ изъ нихъ. Со времени ухода ап. Павла изъ Фессалоники въ ихъ маленькой общинѣ умерло нѣсколько членовъ, и эта смерть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поселила крайнее уныніе духа. Они слышали ученіе, возбуждавшее въ нихъ надежду на пришествіе Христа. Это благословенное пришествіе должно было разрѣшить для нихъ всѣ недоумѣнія, уладить всѣ неправды, вознаградить за всѣ страданія. Чѣмъ надежда на рожденіе Мессіи была для іудея, тѣмъ надежда на Его второе пришествіе со всѣми Его святыми была для первенствующихъ христіанъ. Естественнo поэтому, что вопросъ объ этомъ занялъ видное мѣсто въ посланіи къ церкви, которая съ самаго своего основанія и въ теченіи многихъ послѣдующихъ лѣтъ подвержена была особеннымъ скорбямъ (2 Кор. vii, 5). Что же нужно было думать о тѣхъ, которые умерли и поэтому не видѣли пришествія Христа? Что думать о тѣхъ, жизнь которыхъ окончилась самымъ обыденнымъ образомъ — безъ исправленія неправдъ и безъ утѣшенія въ бѣдахъ? Не лишились ли они обѣтованія, не обманулись ли въ своихъ надеждахъ, не дождавшись даже событія, на которое они устремляли всю свою вѣру? А если съ ними было такъ, то не будетъ ли такъ же и съ *другими*? Если для умершихъ такимъ образомъ оказалось напраснымъ ихъ ожиданіе, то не будетъ ли тоже и съ живыми? Ап. Павелъ уже далъ имъ совѣтъ, который могъ удерживать ихъ отъ слишкомъ сильнаго раздумья касательно неизвѣстнаго момента пришествія Христа. Онъ убѣждалъ ихъ быть чистыми, любящими, прилежными, и проводить свою обыденную жизнь въ честной простотѣ и вѣрности долгу. Но въ тоже время онъ не оставилъ своихъ обращенцевъ въ недоумѣніи касательно ихъ умершихъ друзей. Въ словахъ, въ которыхъ съ тѣхъ поръ находили утѣшеніе милліоны скорбящихъ у гроба, онъ говоритъ имъ, чтобы они не скорбѣли какъ тѣ, которые совсѣмъ не имѣютъ надежды ¹¹¹⁴), потому что «если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ» ¹¹¹⁵). При этомъ онъ входитъ даже въ подробности. Онъ говоритъ имъ «словомъ Господнимъ» ¹¹¹⁶), что смерть въ дѣйствительности не дѣлаетъ различія между живыми и умершими, потому что въ страшный моментъ великаго дня самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ архангела ¹¹¹⁷) и трубѣ Божіей ¹¹¹⁸), сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, а потомъ мы оставшіеся въ живыхъ ¹¹¹⁹) вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ, въ срѣщеніе Господу на воздухѣ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ. «И такъ, заключаетъ онъ, утѣшайте другъ друга сими словами» ¹¹²⁰).

Но когда же это будетъ? Послѣ какого времени или срока? ¹¹²¹). Это вопросъ, отвѣчать на который ему не было надобности, такъ какъ имъ самимъ въ точности ¹¹²²) извѣстенъ былъ единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на него, что именно день Господень прійдетъ какъ тать въ нощи, какъ внезапная пагуба для тѣхъ, что возлюбили тьму. Но они не чада тьмы, а чада свѣта, такъ что, какъ бы ни внезапно насталъ этотъ день, они не окажутся неготовыми къ нему ¹¹²³).

Пусть же поэтому они будутъ всегда трезвы и бодрственны, какъ воины, вооруженные вѣрою и любовію вмѣсто панцыря и надеждой спасенія вмѣсто шлема ¹¹²⁴), такъ какъ Богъ предназначилъ ихъ не для гнѣва, но для полученія спасенія чрезъ Того, который умеръ для того, чтобы они—въ жизни ли, или смерти—могли жить съ Нимъ во вѣки (v, 1—11). Онъ увѣщаетъ ессалоникійцевъ постоянно назидать и утѣшать другъ друга этими словами. Но развѣ не спрашивали нѣкоторые изъ нихъ: «что же станетъ съ іудеями? съ язычниками? съ грѣшниками и отступниками среди насъ самихъ»? Быть можетъ и спрашивали. Но здѣсь, какъ и въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Коринѳянамъ, ап. Павелъ или не предполагалъ такихъ вопросовъ, или не находилъ нужнымъ отвѣчать на нихъ. Быть можетъ онъ зналъ прекрасный еврейскій афоризмъ: учись говорить—*не знаю*». Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что для него идея воскресенія такъ тѣсно связана съ идеей вѣры, надежды и нравственнаго возрожденія, что когда бы онъ ни говорилъ о ней, онъ всегда и почти исключительно говоритъ въ связи съ воскресеніемъ святыхъ ¹¹²⁵).

Къ тѣмъ мыслямъ, которыя высказываются въ разсужденіи ап. Павла по этому важному предмету, мы возвратимся потомъ. Свое посланіе онъ оканчиваетъ нравственными увѣщаніями, подсказанными несомнѣнно нуждами церкви, увѣщаніями, отличающимися поразительной жизненностью, силой и красотой. Среди ессалоникійцевъ замѣчались слѣды *непослушанія*, и онъ увѣщаетъ ихъ оказывать должное почтеніе и любовь, ради успѣшности труда, духовнымъ труженикамъ и вождямъ ихъ общины ¹¹²⁶) и быть въ мирѣ между собою. Далѣе онъ говоритъ имъ, быть можетъ въ этихъ послѣднихъ стихахъ обращаясь спеціально къ пресвитерамъ,—чтобы они предостерегали тѣхъ изъ своихъ безпокойныхъ собратій, которые склонны были къ неповиновенію. Среди нихъ замѣчалось уныніе, и онъ проситъ ихъ «утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ, быть долготерпѣливыми ко всѣмъ». Они должны избѣгать воздаянія зломъ за зло, а всегда искать добра и другъ другу и всѣмъ (12—15) ¹¹²⁷). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ неопѣненныхъ увѣщаній. Закрадывается ли уныніе въ ихъ сердце? Пусть они отражаютъ его воспоминаніемъ, что постоянная радость, непрестанная молитва, всеобщее благодареніе—такова о нихъ воля Божія во Христѣ Иисусѣ. Если среди нихъ случались житейскія столкновенія, разногласія во мнѣніяхъ среди возбужденныхъ мечтателей, всецѣлая поглощенность которыхъ ожиданіемъ пришествія Христа отнимала у нихъ всякую энергію или желаніе исполнять свои обыденныя обязанности, дѣлая ихъ также неспособными къ воспріятію болѣе спокойныхъ увѣщаній, въ такомъ случаѣ, кромѣ увѣщанія къ миру и предложенія благогоднаго правила избѣгать всякихъ видовъ зла ¹¹²⁸), онъ предостерегаетъ ихъ, что они не должны угащать Духа иля уничижать пророчества, то-есть не должны ни подавлять пылаго вдохновенія, ни унижать спокойной бесѣды (1 Кор. xiv, 39), но испытывать все, что говорится имъ, и держаться хорошаго ¹¹²⁹).

Затѣмъ, указавъ на отзывчивость Бога къ молитвамъ, онъ еще разъ молитъ, чтобы Богъ освятилъ ихъ во всей полнотѣ, ихъ тѣла, духъ и душу ¹¹³⁰) сохранилъ во всей цѣлости безъ порока въ пришествіе Господа. Онъ проситъ ихъ молитвъ за себя, проситъ ихъ привѣтствовать всѣхъ братій лобзаніемъ святымъ ¹¹³¹); закликаетъ ихъ Господомъ ¹¹³²) прочесть его посланіе всей церкви и такимъ образомъ заканчиваетъ своимъ обычнымъ благословеніемъ: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами. Аминь» ¹¹³³). Эти послѣдніе три стиха были вѣроятно написаны имъ собственною рукою.

Легко представить, съ какимъ восторгомъ было привѣтствовано такое письмо со стороны юной, гонимой и недоумѣвающей церкви; сколько оно утѣшило скорбей, сколько разрѣшило сомнѣній, сколько вдохнуло радости, надежды и свѣжаго энтузіазма. Во всякомъ случаѣ, какъ пріятно было имъ получить утѣшеніе среди бури внѣшней вражды, найти ободреніе среди унынія отъ внутренняго недостатка вѣры—и притомъ въ словахъ возлюбленнаго учителя, благовѣстіе котораго измѣнило все теченіе ихъ жизни! Имъ пріятно было чувствовать, что и отсутствуя лично апостолъ присутствовалъ съ ними въ сердцѣ (1 Фесс. II, 17), молясь за нихъ и заботясь о нихъ, и въ то же время радуясь извѣстіямъ объ ихъ постоянствѣ; но еще важнѣе было получить слово, которое могло уврачевать зарождавшіяся несогласія этой малой и любящей, но неопытной и неполнѣ еще устроенной общины, и слышать божественно-авторитетное ученіе, которое разсѣвало ихъ мрачныя опасенія. Но мало этого, если посланіе ап. Павла производитъ такое сильное впечатлѣніе и теперь на насъ, не смотря на притупленіе нашей чувствительности вслѣдствіе долгаго обыденнаго знакомства съ нимъ, то какимъ молніеноснымъ блескомъ должны были сіять слова апостола для фессалоникійцевъ въ своей свѣжей оригинальности, — слова, сіяющія такъ сказать свѣтомъ самаго неба? «Принявъ слово при многихъ скорбяхъ съ радостію Духа Святаго» (I, 6)—это не искусственный *аксиморонъ*, игра противорѣчивыми словами, а слово, пришедшее изъ новаго міра, котораго они были счастливыми обладателями. «Іисусъ избавляющій насъ отъ грядущаго гнѣва» (I, 10); «Богъ призвавшій васъ съ свое царство и славу» (II, 12); «воля Божія есть освященіе ваше» (IV, 3); «такъ всегда съ Господомъ будемъ» (IV, 17); «всѣ вы сыны свѣта и сыны дня» (V, 5); «смотрите, чтобы кто кому не воздавалъ зломъ за зло» (V, 15); «всегда радуйтесь» (V, 16): какія свѣтлыя надежды, какія святыя обязанности, какія золотыя обѣтованія, какая славная отвѣтственность, какіе возвышенные идеалы, какая высота нравственности, никогда не достигавшаяся ихъ величайшими писателями, какое чудесное обновленіе всего духа и смысла жизни—заклучались для нихъ въ этихъ простыхъ словахъ ¹¹³⁴)! Это короткое посланіе выяснило имъ радостную истину, что они могли въ своей обыденной жизни пользоваться тѣмъ вѣнцомъ мысли, котораго достигали только рѣдкіе и величайшіе умы ихъ народа въ самые возвышенные моменты вдохновенія, а вмѣстѣ и величіемъ той жизни, которая,

въ своей совершенной невинности въ отношеніи къ Богу и человѣку, не была извѣстна даже и имъ.

Замѣчательно, что въ этомъ посланіи ап. Павелъ не менѣе четырехъ разъ намекаетъ на пришествіе Христа (и, 19; ш, 13; iv, 15; v, 23) и употребляетъ приэтомъ слово *παρουσία*—«присутствіе», которое въ этомъ смыслѣ встрѣчается также во второмъ посланіи (2 Тесс. ii, 1, 8), и только еще однажды во всѣхъ другихъ посланіяхъ (1 Кор. xv, 23). Быть можетъ онъ въ послѣдствіи, послѣ ошибочныхъ выводовъ, сдѣланныхъ ессалоникійцами изъ его письма, и вредныхъ послѣдствій, произведенныхъ на нихъ частыми эсхатологическими указа-ніями, сталъ менѣе выдвигать это ученіе. Достоверно однако же лишь то, что эта именно неправильность въ толкованіи его письма и произведенное ею понятное возбужденіе и беспокойство¹¹³⁵) и побудили его вскорѣ послѣ полученія свѣдѣній объ этихъ результатахъ написать второе посланіе¹¹³⁶). Несомнѣнно также, что съ этого времени видимое личное пришествіе Христа и близость конца, составляющія преобладающій предметъ перваго посланія къ Тессалоникійцамъ, получаютъ уже гораздо болѣе второстепенное значеніе, и хотя языкъ апост. Павла въ посланіи былъ понятъ неправильно, но это ложное пониманіе было не преднамѣреннымъ, а совершенно естественнымъ, и что въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ онъ скорѣе говоритъ о своей смерти, чѣмъ о второмъ пришествіи, когда онъ встрѣтитъ Господа. Божественный и постоянно разгорающійся свѣтъ исторіи сдѣлалъ яснымъ для церкви, что предсказанія Спасителя касательно Его возвращенія первоначально относились къ прекращенію іудейскаго завѣта, къ завершенію всего прошедшаго и къ наступленію послѣдняго великаго періода въ отношеніяхъ Бога къ человѣчеству.

Мраморный фонтанъ, найденный въ Тарсѣ близъ источника ап. Павла.

ГЛАВА XXX.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ФЕССАЛОНИКІЯЦАМЪ.

Ибо этому надлежитъ быть прежде, но
не тотчасъ конецъ. Лук. xxi, 9.

НЕ ПРОШЛО еще нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ап. Павелъ услышалъ, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ фессалоникійцы все еще продолжали и даже болѣе чѣмъ прежде волноваться вопросомъ о кончинѣ міра, — къ крайнему вреду для своего нравственнаго усовершенствованія. Когда онъ писалъ имъ раньше, они удручаемы были уныніемъ по случаю смерти собратій, которые по ихъ предположенію лишились такимъ образомъ крайней мѣрѣ части тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, которыя были главной, почти единственной поддержкой для нихъ въ огненной печи скорбей. Ясное увѣреніе апостола повидимому устранило всякое безпокойство въ этомъ отношеніи; но теперь они считали немедленное пришествіе Христа столь несомнѣннымъ, что нѣкоторые изъ нихъ склонны были даже пренебрегать его увѣщаніями и проводили свою жизнь въ бездѣльномъ религіозномъ возбужденіи ¹¹³⁷). Ап. Павелъ видѣлъ, какъ пагубно было бы такое состояніе для всякаго успѣха христіанства, и главною цѣлію его втораго посланія было успокоить и обуздать тотъ болтливый энтузіазмъ, который грозилъ выродиться въ распущенность и празднолюбіе. Они не должны были оставлять трудный путь настоящаго ради того миража, который повидимому такъ близко подводилъ ихъ къ зеленѣющему эдему будущаго; они не должны были святыню непосредственнаго долга приносить въ жертву сладкой мечтѣ неосуществимыхъ ожиданій. Пришествіе Христа могло быть близко; но оно еще не такъ скоро наступало, какъ они воображали изъ ложнаго пониманія того, что онъ говорилъ имъ, или на основаніи ошибочныхъ слуховъ, а быть можетъ и письменныхъ поддѣлокъ, приписывавшихъ апостолу

слова, которых онъ никогда не говорилъ, и мнѣній, которыхъ онъ никогда не держался.

Выраженіе, за которое особенно ухватился апокалипсическій фанатизмъ менѣе благоразумныхъ ессалоникійцевъ, было слѣдующее: «Мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ» (1 Тесс. iv, 15). Не было ничего неестественнаго въ томъ, что они истолковали это мѣсто въ томъ смыслѣ, что самъ учитель ихъ ожидалъ дожить до пришествія Господа¹¹³⁸). Если такъ, то оно близко, и если близко, то къ чему мелочныя заботы обыденной жизни, къ чему мелочныя усилія обыденныхъ трудовъ? Развѣ не достаточно было какъ-нибудь прожить до зари этого близкаго дня или до сѣни той быстро близящейся ночи, когда смолкнуть и исчезнуть всѣ земные интересы, лишь только прогремѣть голосъ Божій и раздастся трубный гласъ архангельскій?

Теперь вопросъ: таково ли было дѣйствительно значеніе словъ ап. Павла? Вопросъ этотъ много разъ подвергался самымъ всестороннимъ и горячимъ обсужденіямъ. Его дѣлали даже (безъ всякой надобности) боевымъ полемъ для рѣшенія вопроса о боговдохновенности. Нѣкоторые старались отстаивать немыслимое и едва ли искреннее мнѣніе, что ни ап. Павелъ, ни апостолы вообще не ожидали близкаго пришествія Христова; другіе напротивъ утверждали, что они вполне были убѣждены въ томъ, что пришествіе это состоится при жизни ихъ ближайшаго поколѣнія, даже при собственной ихъ жизни.

Не въ интересахъ полемики, а въ интересахъ истины, мы постараемся показать, что ни одно изъ этихъ крайнихъ воззрѣній не можетъ быть принято. Если бы взглядъ ессалоникійцевъ былъ совершенно безоснователенъ, то ап. Павлу было бы легко сказать имъ, какъ сказали за него новѣйшіе толкователи: «вы ошибочно приняли мое общее выраженіе за специфическое и личное». Когда я сказалъ: «мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня», я не имѣлъ въ виду ни себя самаго, ни васъ въ особенности, а вообще *живущихъ* — тѣхъ, къ которымъ мы теперь принадлежимъ, въ отличіе отъ мертвыхъ, о состояніи которыхъ я говорилъ вамъ¹¹³⁹). Вы ошиблись, предполагая, будто я разумѣлъ, что Господь явится еще до моей смерти». Но онъ совсѣмъ не говоритъ этого¹¹⁴⁰); онъ только говоритъ имъ, чтобы они не срывались съ якоря своей тихой жизни, не отталкивались, какъ онъ выражается, отъ своего здраваго смысла¹¹⁴¹) предположеніемъ, что онъ говорилъ о немедленности¹¹⁴²) наступленія дня Господня. Онъ ясно говоритъ имъ, что прежде наступленія того дня произойдутъ еще извѣстныя событія; и эти-то событія исключали возможность того, чтобы второе пришествіе совершилось завтра или на слѣдующій день. Но съ другой стороны онъ не говоритъ имъ, что день Господень не близокъ (εγγύς). Если бы онъ сдѣлалъ такъ, онъ лишилъ бы нѣкотораго значенія тѣ увѣщанія, которыя составляли главный предметъ его проповѣди въ Тессалоникѣ, такъ какъ они представляли единственно выдающійся пунктъ ученія въ его первомъ посланіи¹¹⁴³). Если

судить о взглядахъ ап. Павла по его собственному языку, а не по предзанятымъ мнѣніямъ школьной учености, то мы можемъ угадать, что бы отвѣтилъ онъ на прямой вопросъ: «думаешь ли ты лично дожить до втораго пришествія Господня»? Въ этотъ періодъ своей жизни онъ отвѣтилъ бы такъ: «я не могу съ рѣшительностью говорить объ этомъ предметѣ. Я ясно вижу, что до Его пришествія

Римскіе воины въ битвѣ
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

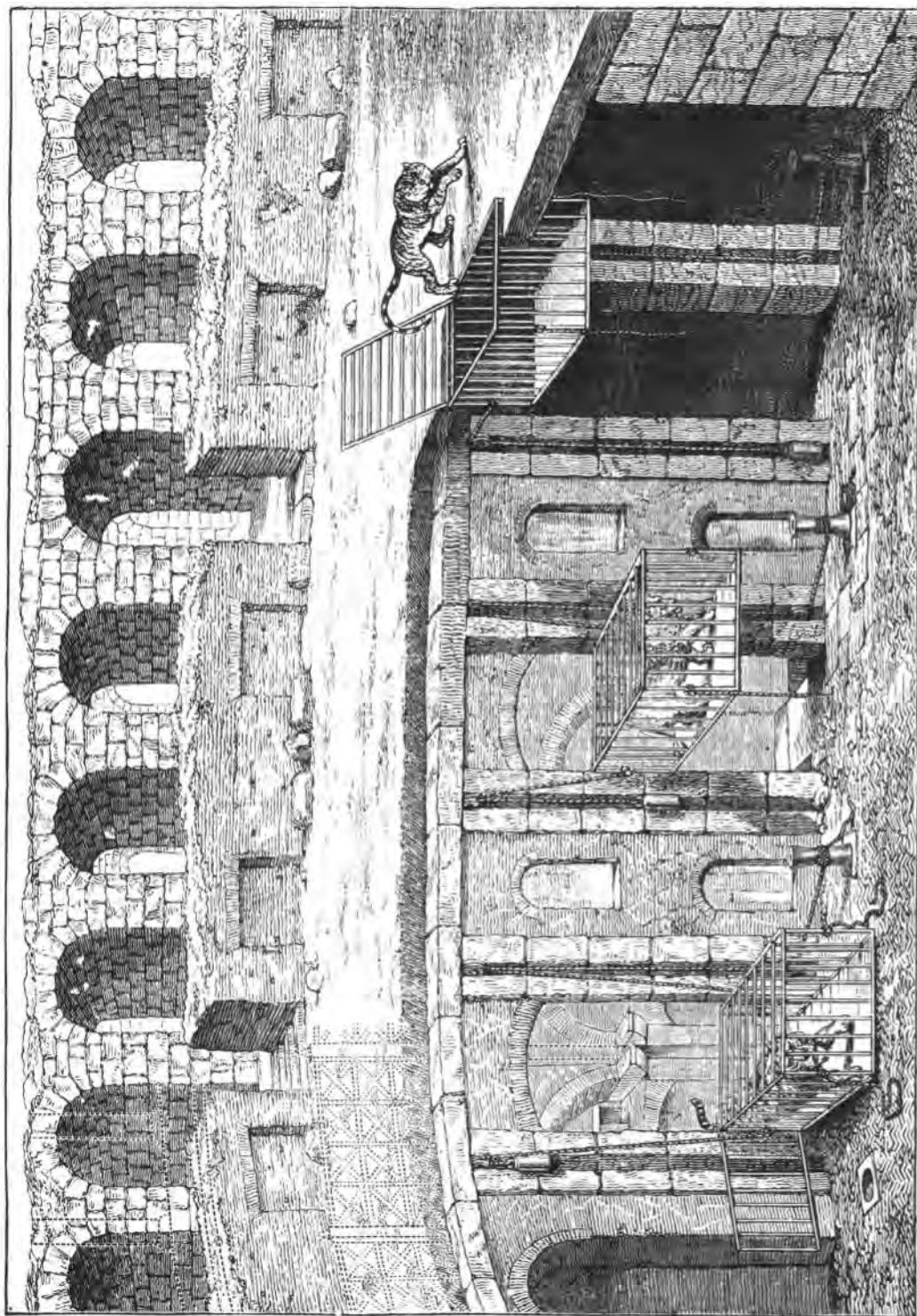
должны совершиться извѣстныя событія; но вообще я ожидаю Его». Но въ повдѣйшій періодъ своей жизни онъ сказалъ бы такъ: «Быть можетъ и такъ, я не могу сказать. Вообще же я не надѣюсь дожить до этого дня; да и нѣтъ особенной важности въ томъ—доживу ли я, или нѣтъ. Въ тотъ день живые не будутъ имѣть никакого преимущества надъ умершими. Чего я теперь ожидаю, къ чему стремлюсь — это моя собственная смерть. Я знаю, что когда умру, я

буду со Христомъ, и вотъ объ этой-то стезѣ къ Нему теперь я и забочусь. Въ болѣе ранніе годы по моемъ обращеніи всѣ мы ожидали болѣе быстрого преуспѣянія антихриста, болѣе быстрого устраненія сдерживающихъ силъ, болѣе скорого озаренія облаковъ у пламенѣющихъ ногъ Спасителя. Къ чему я теперь стремлюсь, это скорѣе духовное единеніе съ Господомъ, чѣмъ Его видимое пришествіе. Возможно также, что Онъ придетъ многими путями. Если мы въ Его пророчествѣ ближайшія событія принимали за отдаленнѣйшія, то это только было частью того невѣдѣнія, которое, какъ Онъ самъ предупреждалъ насъ, въ отношеніи этого предмета раздѣляютъ даже ангелы на небесахъ. Развѣ Онъ не сказалъ, когда еще былъ съ нами: «не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ Человѣческій; ни ангелы, которые на небесахъ, ни Сынъ, но только Отецъ? Одно только мы знаемъ, что Господь всегда близъ насъ, и изъ Его пришествія мы извлекаемъ тотъ урокъ, который Онъ преподалъ намъ и которому мы научились отъ Него, именно: «бодрствуйте и молитесь, ибо *не знаете*, когда настанетъ это время».

Что таковы именно были взгляды ап. Павла и другихъ апостоловъ на кончину міра, касательно которой они сами по слову Спасителя не могли знать ничего опредѣленнаго и точнаго, это, какъ намъ кажется, будетъ очевидно для всякаго, кто добросовѣстно взвѣситъ и сравнитъ между собой всѣ приведенныя нами мѣста ¹¹⁴⁴).

Между тѣмъ насколько подъ этимъ «днемъ Господнимъ» разумѣлись такія событія, какъ паденіе Іерусалима и окончательный приговоръ надъ іудейскимъ народомъ, то даже самое буквальное толкованіе ихъ словъ находится въ полномъ согласіи съ дѣйствительными событіями. Не нужно упускать изъ вида этого замѣчательнаго совпаденія. 19 декабря 69 года по Рожд. Хр. капитолійскій храмъ былъ сожженъ во время войны между Вителліемъ и Веспасіаномъ,—войны, которую Тацитъ называетъ прискорбнѣйшимъ и позорнѣйшимъ ударомъ и знакомъ гнѣва боговъ. 10 августа 70 года римскій воинъ бросилъ головню и въ храмъ іерусалимскій. «Такимъ образомъ, говоритъ Деллингерь ¹⁴⁵), въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ національное святилище Рима и храмъ Божій, два важнѣйшихъ мѣста богослуженія въ древнемъ мірѣ, были обязаны своимъ разрушеніемъ римскимъ солдатамъ — безсмысленнымъ орудіямъ высшаго рѣшенія и суда Божія. Нужно было очистить мѣсто для поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ. Наслѣдники этихъ двухъ храмовъ, капитолійскаго и іудейскаго, горсть ремесленниковъ, нищихъ, рабовъ и женщинъ — жили въ это время въ темныхъ закоулкахъ Рима; и только за два года предъ тѣмъ, когда они впервые обратили на себя общественное вниманіе, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ осуждены были на сожженіе живыми въ императорскихъ садахъ, и другіе — на растерзаніе дикихъ звѣрей».

Мы можемъ поэтому кратко сказать, что цѣлю втораго посланія къ Тесса-

Нижня поміщення Колизея.

лоникійцамъ было отчасти увѣрить ихъ, что хотя ап. Павелъ и считалъ день Господень близкимъ, хотя онъ не исключалъ возможности для нихъ дожить до него, однако же день этотъ наступалъ не такъ еще скоро, чтобы по крайней мѣрѣ оправдывать прекращеніе обыденныхъ обязанностей жизни ¹¹⁴⁶). Говоря: «мы живущіе», онъ отнюдь не утверждалъ съ положительностью, что онъ доживетъ до втораго пришествія, какъ положительно не утверждалъ и того, что онъ умретъ прежде его совершенія, когда, годы спустя, онъ писалъ: «что воскресившій Господа Иисуса воскреситъ чрезъ Иисуса и насъ» (2 Кор. iv, 14). Что «мы» въ этихъ случаяхъ имѣло общій характеръ, это очевидно изъ того, что онъ употребляетъ его о мертвыхъ и о живыхъ въ томъ же самомъ посланіи, говоря въ одномъ мѣстѣ: «не всѣ мы умремъ» ¹¹⁴⁷) и въ другомъ: «Богъ воскреситъ и насъ силою Своею» ¹¹⁴⁸).

О близости конечнаго миссіанскаго пришествія іудейскій и христіанскій міръ были согласны между собой, и даже язычники находились въ состояніи безпкойнаго ожиданія. Испытанія апостола заставляли его естественно останавливаться на этомъ предметѣ какъ въ своей проповѣди въ Фессалоникѣ, такъ и въ своемъ первомъ посланіи. Второе его посланіе въ общихъ чертахъ слѣдуетъ за первымъ, которое въ дѣйствительности сдѣлалось образцомъ для всѣхъ другихъ. Въ высшей степени замѣчателенъ тотъ способъ, какимъ посланія сочетаютъ однообразіе метода съ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія ¹¹⁴⁹). Въ этомъ отношеніи они составляютъ отраженіе жизни безконечно разнообразной въ своихъ приключеніяхъ и однако же направляемой одною господствующею идеей. Кромѣ случаевъ, когда особенныя обстоятельства, какъ въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ, видоизмѣняютъ его обычный планъ, его посланія состоятъ обыкновенно изъ шести частей, именно: 1) торжественнаго привѣтствія; 2) выраженія благодарности Богу за Его дѣло среди тѣхъ, кому онъ пишетъ; 3) отдѣла, посвященнаго религіозной доктринѣ; 4) отдѣла, посвященнаго практическому назиданію; 5) отдѣла, состоящаго изъ личныхъ подробностей и привѣтствій, и 6) заключительнаго собственноручнаго благословенія, которое служило знакомъ подлинности посланія. Мы уже замѣтили, что таково общее построеніе перваго посланія, и это же самое не менѣе будетъ видно и въ предлагаемомъ изложеніи втораго ¹¹⁵⁰).

Послѣ привѣтствія, въ которомъ апостолъ, какъ и въ первомъ посланіи, упоминаетъ вмѣстѣ съ собой Силу и Тимоея ¹¹⁵¹), онъ еще разъ благодаритъ Бога за преуспѣяніе ¹¹⁵²) ихъ вѣры, за избытокъ любви, соединяющей ихъ другъ съ другомъ, что дало ему, какъ и другимъ ¹¹⁵³), возможность считать ихъ среди церквей Божіихъ ¹¹⁵⁴) образцомъ вѣры и терпѣнія, не смотря на всѣ гоненія и скорби, переносимыя ими. Эти невзгоды, говоритъ онъ, составляютъ доказательство того, что настоящее состояніе вещей не можетъ быть окончательнымъ; что настанетъ время, когда гонители ихъ будутъ наказаны, а сами они получатъ облегченіе отъ бѣдствій ¹¹⁵⁵),—и это время настанетъ съ явленіемъ Господа Иисуса

съ неба въ пламенѣющемъ огнѣ ¹¹⁵⁶), съ ангелами силы Его, для совершенія отмщенія язычникамъ, не познавшимъ Бога и не покоряющимся благовѣствованію Господа Іисуса Христа. Отмщеніе это будетъ состоять въ вѣчномъ отчужденіи отъ присутствія и славы могущества Христа ¹¹⁵⁷), когда Онъ придетъ прославиться въ святыхъ своихъ и явится дивнымъ во всѣхъ увѣровавшихъ въ Него ¹¹⁵⁸). А чтобы они удостоились этой славы, онъ молится, чтобы Богъ содѣлалъ ихъ достойными ихъ званія и совершилъ всякое благоволеніе благодати, которой они наслаждаются ¹¹⁵⁹), и дѣйственность ихъ вѣры какъ къ славѣ ихъ Господа, такъ и къ ихъ собственной славѣ, по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа (2 Фесс. і, 3—12).

Затѣмъ слѣдуетъ наиболѣе замѣчательный отдѣлъ посланія, тотъ, ради котораго очевидно и написано оно. Въ первомъ своемъ посланіи онъ увѣщевалъ ихъ къ спокойствію и прилежанію; но безпокойство обѣщанія, непредназначенно увеличенное его собственными словами, пересилило его увѣщанія, и теперь онъ хотѣлъ дать имъ дальнѣйшее и болѣе опредѣленное наставленіе по этому великому предмету. Это особенно становилось необходимымъ вслѣдствіе того, что ихъ надежды разгарались въ пожирающее пламя частью отъ пророчествъ, которыя считались свышеврожденными, частью отъ словъ или писемъ, которыя выдавались за запечатлѣнные его авторитетомъ. Поэтому онъ пишетъ языкомъ, въ которомъ замѣтна нѣкоторая таинственность и недосказанность ¹¹⁶⁰).

«Молимъ васъ, братія, касательно ¹¹⁶¹) пришествія Господа нашего Іисуса Христа и нашего собранія ¹¹⁶²) къ Нему, не спѣшить колебаться умомъ и смущаться ни отъ духа ¹¹⁶³), ни отъ слова, ни отъ посланія какбы нами посланнаго ¹¹⁶⁴), будто уже наступаетъ день Христовъ ¹¹⁶⁵). Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо ¹¹⁶⁶) доколѣ не прійдетъ прежде отступленіе, и не откроется человекъ грѣха ¹¹⁶⁷), сынъ погибели ¹¹⁶⁸), противящійся ¹¹⁶⁹) и превозносящійся выше всего называемаго Богомъ ¹¹⁷⁰), или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ ¹¹⁷¹) какъ Богъ, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у васъ, говорилъ вамъ это? И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ ему открыться въ свое время (а не раньше). Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь ¹¹⁷²). И тогда откроется беззаконникъ, котораго Господь Іисусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ, и истребитъ явленіемъ пришествія Своего ¹¹⁷³); того, котораго пришествіе, по дѣйствію сатаны, будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными, и со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ ¹¹⁷⁴), за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія. И за сіе пошлетъ имъ Богъ ¹¹⁷⁵) дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи (1 Тим. іv, 1, 2), да будутъ осуждены всѣ, не вѣровавшіе истинѣ, но возлюбившіе неправду» ¹¹⁷⁶).

Объ этомъ своеобразномъ, но несомнѣнно подлинномъ мѣстѣ, которое однако же такъ непохоже на все остальное въ посланіяхъ ап. Павла, мы скажемъ

потомъ. Апостолъ затѣмъ говоритъ имъ, что ихъ положеніе, благодареніе Богу совершенно отлично отъ тѣхъ, которые обольстились антихристомъ, такъ какъ они видятъ, что Богъ избралъ и призвалъ ихъ отъ начала ¹¹⁷⁷⁾ къ освященію, спасенію и славѣ ¹¹⁷⁸⁾. Поэтому онъ увѣщаетъ ихъ прежде всего твердо стоять и держаться того ученія и преданія, которое они приняли какъ отъ него лично, такъ и изъ его посланія, и молить, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ нашъ утѣшилъ и утвердилъ ихъ во всякой благодати (2 Фесс. II, 13—17).

Начиная практическій отдѣлъ, онъ молить, чтобы евангеліе также свободно распространялось и между другими, какъ и среди ихъ, и чтобы ему избавиться отъ беспорядочныхъ и лукавыхъ людей ¹¹⁷⁹⁾; и выражая свое упованіе на Бога и свою увѣренность въ нихъ, онъ молить Господа, дабы Онъ управилъ сердца ихъ въ любовь Божію и въ терпѣніе Христово ¹¹⁸⁰⁾. Этого терпѣнія недоставало нѣкоторымъ изъ нихъ, которые, какъ ему передавали, поступали безчинно, не слѣдуя постановленнымъ имъ правиламъ и данному имъ примѣру. Постановленное же имъ правило состояло въ томъ, что человѣкъ, который не работаетъ, не имѣетъ права и ѣсть, а данный имъ примѣръ былъ, какъ они знали, примѣромъ порядка, мужественной самопомощи, упорнаго трудолюбія, ради котораго онъ добровольно отказался даже отъ своего права на содержаніе отъ нихъ (III, 1—11).

Поэтому онъ именемъ Христа повелѣваетъ и увѣщаетъ ¹¹⁸¹⁾ тѣхъ, которые вели себя безчинно, и тѣхъ, все занятіе которыхъ состояло въ пустой суетливости ¹¹⁸²⁾, чтобы они жили мирно, трудолюбиво зарабатывая себѣ пропитаніе; и если кто-либо и по полученіи этого его письма не станетъ слушать его совѣта, то они должны имѣть его на замѣчаніи и не имѣть съ нимъ общенія, чтобы устыдить его, не считая однако же его врагомъ, а увѣщая какъ брата. Что касается остальныхъ, то пусть они не ослабѣваютъ въ добрѣ ¹¹⁸³⁾; и затѣмъ онъ и это письмо заканчиваетъ молитвой, да дастъ Самъ Господь мира имъ миръ всегда и во всемъ. Господь да будетъ со всѣми ими (III, 12—16).

Продиктовавъ такимъ образомъ письмо — вѣроятно своему преданному сотоварищу Тимофею,—апостолъ самъ беретъ перо, пользоваться которымъ онъ едва могъ вслѣдствіе своего слабаго зрѣнія, и пишетъ:

«Привѣтствіе моею рукою Павловою, что служить знакомъ во всякомъ посланіи ¹¹⁸⁴⁾; пишу я такъ: Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Аминь» ¹¹⁸⁵⁾.

Какъ ни цѣнны для насъ и вообще для христіанскаго міра практическія наставленія этого короткаго посланія, но явнымъ побужденіемъ къ его написанію было очевидно желаніе разсѣять заблужденія касательно близости пришествія Христа, которыя препятствовали слабымъ и нетерпѣливымъ должнымъ образомъ исполнять свои обязанности, и этимъ подрывали то почтеніе къ нимъ среди язычниковъ, которое способна была внушать безпорочность первыхъ христіанъ. Для ессалоникійцевъ трактатъ объ этомъ предметѣ могъ имѣть глубочайшій интересъ. Для насъ онъ

уже не представляет такого непосредственного интереса, тѣмъ болѣе, что и трудно опредѣлить въ точности, что собственно имѣлъ въ виду ап. Павелъ, или другими словами—ни въ его и ни въ послѣдующее время не совершалось такихъ событій, которыя бы христіане единогласно могли признать соответствующими излагаемому имъ состоянію. Нѣтъ надобности однако же печалиться, что это мѣсто должно быть отнесено къ тѣмъ очень немногимъ въ новомъ завѣтѣ мѣстамъ, которыя представляютъ для насъ неразрѣшимую загадку. Тимотею важно было знать, что имъ нѣтъ надобности вставать каждое утро съ подавляющимъ чувствомъ трепетнаго ожиданія, что вотъ солнце померкнетъ еще до своего захода, въ воздухѣ прогремитъ труба архангела и все земное потеряетъ всякое значеніе. Что касается такихъ увѣреній, то все въ нихъ отчетливо и ясно. Нѣтъ ничего неяснаго и въ языкѣ ап. Павла. Трудности этого мѣста возникаютъ исключительно вслѣдствіе нашей неспособности объяснить его послѣдующими событіями. Но эти два—три неясныхъ мѣста нисколько не уменьшаютъ значенія посланій ап. Павла ¹¹⁸⁶). Такъ какъ его единственная цѣль всегда есть назиданіе, то мы можемъ быть увѣрены, что предметы, которые у него являлись случайно, обозначены неясно и не вполне обработаны, составляютъ не существенную часть тѣхъ главныхъ истинъ, распространенію которыхъ онъ посвятилъ свою жизнь. На мессіанскія обстоятельства втораго пришествія онъ едва намекаетъ опять. Онъ все болѣе и болѣе останавливается на таинственномъ единствѣ со Христомъ и все менѣе и менѣе на Его второмъ пришествіи. Онъ часто говоритъ о внутреннемъ присутствіи Христа и о соединеніи съ Нимъ вѣрующихъ, и едва уже упоминаетъ о томъ срѣщеніи Его въ воздухѣ, о которомъ онъ говорилъ въ этомъ посланіи (1 Кор. vii, 6; Гал. iii, 28; Ефес. iv, 6 и пр.).

Можно положить за правило, что писатель всегда желаетъ быть понятымъ ¹¹⁸⁷) и обыкновенно пишетъ такъ, чтобы его поняли особенно тѣ, къ которымъ онъ обращается. Не трудно видѣть, что апостолъ здѣсь говоритъ тимотею о томъ, что какъ ни близко пришествіе Христа, оно во всякомъ случаѣ наступаетъ не такъ скоро, какъ думали они, потому что, прежде чѣмъ оно совершится, должно наступить «отступленіе», которое найдетъ свое конечное и полное осуществленіе въ явленіи «человѣка грѣха»—воплощеннаго сатаны, который самъ вторгнется въ храмъ Божій и выступитъ соперникомъ Ему. Затѣмъ, съ нѣкоторою таинственностью и неясностью, напоминающими книгу пророка Давіида и откровеніе ап. Іоанна ¹¹⁸⁸), и съ нѣкоторою неопредѣленностью языка онъ напоминаетъ имъ о неоднократныхъ своихъ устныхъ наставленіяхъ касательно чего-то и относительно какого-то лица ¹¹⁸⁹), сила котораго сначала должна быть устранена, прежде чѣмъ тайна беззаконія достигнетъ своего личнаго и конечнаго осуществленія. Они знаютъ, говоритъ онъ, что служитъ «задержкой» для полнаго развитія этого враждебнаго нечестія, которое уже въ дѣйствиіи и будетъ дѣйствовать, пока не устранится «удерживающій». По устраненіи его, беззаконникъ, вооруженный могуще-

ствомъ и ложными знаменіями для привлеченія тѣхъ, которые осуждены на гибельное обольщеніе, заявить о себѣ съ силою, которую убьетъ Христосъ духомъ устъ своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего. Между спасенными такимъ образомъ и вторымъ пришествіемъ лежатъ два событія—«удаленіе удерживающаго» и появленіе «беззаконника». Гибель послѣдняго будетъ одновременна съ событіемъ, котораго они, какъ часто увѣщевалъ ихъ апостолъ, должны были ожидать съ нетерпѣніемъ.

Объ этомъ именно ясно говоритъ ап. Павелъ; но какъ же объяснить все это? и почему все это выражено такъ загадочно?

На второй вопросъ отвѣтить не трудно. Оно выражено загадочно по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что все кажущееся намъ загадочнымъ было уже устно объяснено ессалоникійцамъ, которые поэтому ясно понимали все это; и во вторыхъ потому, что съ самымъ изложеніемъ этого предмета на письмѣ связывалась очевидная опасность. Это само по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что онъ разумѣетъ здѣсь римскую имперію и римскаго императора. Тонъ апост. Павла здѣсь совершенно сходенъ съ тономъ Іосифа Флавія, когда онъ объясняетъ пророчество Даниила. Всѣ іудеи подъ четвертой монархіей разумѣли римскую имперію; но когда І. Флавій доходитъ до камня, который долженъ въ дребезги разбить гордый истуканъ, онъ останавливается и замѣчаетъ, что «онъ не находитъ удобнымъ объяснять это»¹¹⁹⁰), по той очевидно причинѣ, что для него было бы политически опасно дѣлать объясненіе этого.

Эта причина сразу же устраняетъ то предположеніе, что подъ «задержкой» или «удерживающимъ» разумѣется какая нибудь отдаленная сила или личность, въ теченіе столѣтій не появлявшаяся на историческомъ горизонтѣ, даже если бы мы и могли вообще принять мнѣніе, что ап. Павелъ высказывалъ нѣкоторое отдаленное предсказаніе событій, которыя, хотя и могли осуществиться въ отдаленные вѣка, но не могли имѣть никакого значенія для ессалоникійцевъ. Когда нѣкоторые римско-католическіе комментаторы говорятъ, что реформація именно была «отступленіемъ», Лютеръ «человѣкъ грѣха», а Германская имперія «задержка»; или когда многіе протестантскіе писатели не задумываясь отождествляютъ папу римскаго съ человѣкомъ грѣха, то можно только спросить, неужели, помимо традиціоннаго экзегезиса, они дѣйствительно держатся такого взгляда? Если, какъ мы видѣли, ап. Павелъ дѣйствительно считалъ день Господень близкимъ, хотя и не немедленнымъ, то неужели подобные комментаторы предполагаютъ съ одной стороны, что ап. Павелъ имѣлъ представленіе о Лютерѣ? Или съ другой стороны—что главнымъ осуществленіемъ беззаконности, главнымъ представителемъ силы сатаны является папство? Можетъ ли кто нибудь, изучившій исторію церкви во всей ея полнотѣ, серьезно доказывать, что папство и есть по преимуществу та сила, которая *противится и превозносится* выше всего, называемаго Богомъ или святынею?¹¹⁹¹) что существенною особенностью его служатъ беззаконіе, ложныя

чудеса и богохульственное самопревозношеніе? или что уничтоженіе папства (которое давно уже политически и органически такъ слабо) «духомъ устъ и явленіемъ пришествія»—будетъ главною цѣлію втораго пришествія Христа? Затѣмъ, неужели они предполагаютъ, что ап. Павелъ, во время своего перваго посѣщенія фессалоникийцевъ, неоднократно говорилъ имъ о развитіи и возвышеніи папства—о событіи, которое въ ихъ значеніи этого слова могло считаться имѣющимъ наступить только по истеченіи многихъ столѣтій,—фессалоникийцамъ, которые думали, что пришествіе Христа можетъ наступить не сегодня такъ завтра, и для которыхъ потребовались два посланія, чтобы разувѣрить ихъ въ этомъ? Если эти предположенія не падаютъ подъ тяжестью своей внутренней безосновательности, то пусть они во имя спокойнаго разума и христіанской любви будутъ отнесены отнынѣ къ той обширной области гипотезъ, которая съ накопленіемъ данныхъ современемъ оказывались совершенно несостоятельными ¹¹⁹²).

Что подъ «задержкой» разумѣется римская имперія, а подъ «удерживающимъ» римскій императоръ, это можно считать несомнѣннымъ; всѣ остальные соображенія—лишь неувѣренныя гаданія. Въ особомъ приложеніи мы съ возможною краткостью укажемъ, какъ сомнительны и большею частью крайне безцѣнны были всѣ дѣлавшіяся доселѣ попытки дать болѣе или менѣе определенное объясненіе употребленнымъ здѣсь выраженіямъ; и затѣмъ съ такою же краткостью укажемъ на тѣ области, гдѣ мы должны искать иллюстрацій, могущихъ пролить нѣкоторый свѣтъ на то, что разумѣлъ здѣсь ап. Павелъ ¹¹⁹³). А затѣмъ, имѣя въ виду крайній недостатокъ единства между христіанскими толкователями, мы ограничимся теперь заявленіемъ бл. Августина: «признаюсь, я совершенно не знаю, что разумѣетъ апостоль».

Колодезь ап. Павла въ Тарсѣ.

Придорожный источникъ въ Тарсѣ.

КНИГА IX.

ЕФЕСЪ.

ГЛАВА XXXI.

АП. ПАВЕЛЪ ВЪ ЕФЕСЪ.

Богъ же творилъ не мало чудесъ руками
Павла. Дѣян. xix, 11.

ПРАВЕДЛИВОСТЬ Галліона обезпечила ап. Павлу спокойное пребываніе въ Коринѣ, какъ оно и было предсказано видѣніемъ, ободрившимъ его среди прежнихъ невгодъ. Этимъ затишьемъ бури вражды онъ воспользовался для дальнѣйшей проповѣди, продолжавшейся быть можетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и затѣмъ порѣшилъ вновь посѣтить Іерусалимъ, въ которомъ онъ уже не былъ почти три года. Быть можетъ онъ собралъ кое что въ пользу бѣдныхъ; но во всякомъ случаѣ онъ сознавалъ важность поддерживать дружественныя отношенія съ другими апостолами и съ матерью-церковью. Ему хотѣлось также присутствовать на приближавшемся праздникѣ, по всей вѣроятности Пятидесятницѣ, и тѣмъ показать, что не смотря на свои дѣятельные труды въ языческихъ городахъ, и на свободу, которую онъ отстаивалъ

для языческихъ обращенцевъ, не смотря на ожесточенную вражду многихъ синагогъ, стоившую ему уже такъ дорого, онъ всетаки въ душѣ оставался вѣрнымъ, хотя и свободомыслящимъ іудеемъ. Поэтому онъ простился съ своими обращенными имъ къ вѣрѣ друзьями, и въ сопровожденіи Прискиллы и Акилы отправился въ Кенхрей. Въ этомъ оживленномъ морскомъ портѣ, гдѣ уже образовалась маленькая церковь, въ которой Фива была діакониссой, онъ представилъ еще новое доказательство своей вѣрности Моисееву закону. Въ благодарность за нѣкоторое избавленіе ¹¹⁹⁴)—быть можетъ отъ припадка болѣзни или насилія іудеевъ—онъ принялъ по нему обѣтъ назорейства. Согласно съ этимъ обѣтомъ онъ воздерживался отъ вина и отпустилъ длинные волосы. По законному обряду очищенія, служившему окончаніемъ этого обѣта, онъ долженъ былъ обрить свою голову и непременно въ Іерусалимѣ; но такъ какъ странствующему іудею часто невозможно было побывать въ святомъ городѣ въ то самое время, когда оканчивался періодъ его обѣта, то назорею повидимому позволялось стричь свои волосы ¹¹⁹⁵), подѣ условіемъ однако же, чтобы онъ сохранялъ отстриженные пряди, пока не принесетъ жертвы всесоженія, жертвы за грѣхъ и жертвы мира въ храмѣ, когда волосы на головѣ сбривались дочиста и всѣ сожигались на огнѣ подѣ приношеніемъ жертвы мира. Поэтому ап. Павелъ остригъ свои волосы въ Кенхреяхъ и затѣмъ отплылъ въ Ефесъ. Упомянутое объ этомъ фактѣ отнюдь не лишено важнаго значенія. Принятый ап. Павломъ обѣтъ былъ высокосъзнаменательнымъ доказательствомъ его *личной* вѣрности левитскимъ установленіямъ и его желанія усвоить примирительный образъ дѣйствій въ отношеніи іудейскихъ христіанъ святаго города ¹¹⁹⁶).

Черезъ нѣсколько дней плаванія, если только была хорошая погода, корабль могъ бросить якорь въ знаменитой гавани Панорма, которая въ то время представляла лѣсъ мачтъ въ центрѣ всей торговли Средиземнаго моря, а теперь есть лишь покрытое камышемъ болото въ области заустѣнія. Прибытіе его совпало или съ кануномъ субботы, или однимъ изъ трехъ недѣльныхъ собраній въ синагогѣ, и онъ сразу же, съ своимъ обычнымъ рвеніемъ и самозабвеніемъ, появился среди ефесскихъ іудеевъ. Они представляли собой многочисленную и вліятельную общину, дѣятельно занятую торговлей, и пользовались нѣкоторыми особыми привилегіями отъ римскихъ императоровъ ¹¹⁹⁷). Не только дозволена была ихъ религія, но даже молодежь ихъ была изъята отъ воинской повинности. Одинъ изъ нихъ, нѣкій «халдей» или «астрологъ» Балбиллъ, воспользовавшись все усиливающимся суевѣріемъ, неразлучнымъ съ разложеніемъ религіи, сумѣлъ въ это время проникнуть даже въ высшіе слои римскаго общества, пока не сдѣлался приближеннымъ самого Нерона ¹¹⁹⁸). Привыкнувъ въ этой кипучей митрополи встрѣчаться со всевозможными мнѣніями и воззрѣніями, іудеи сначала не оказали никакого противодѣйствія доводамъ странствующаго раввина, который проповѣдывалъ о распятомъ Мессіи. Мало того, они даже просили его подольше

побыть у нихъ. Его желаніе побыть въ Іерусалимѣ и сполнить свой обѣтъ сдѣлало это невозможнымъ, но прощаясь съ ними онъ обѣщалъ, что если Богу угодно (Іак. iv, 15) онъ скоро возвратится сюда. Еще разъ поэтому онъ сѣлъ на корабль и отплылъ въ Кесарію. Оттуда онъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ, который онъ теперь посѣщалъ уже въ четвертый разъ по своемъ обращеніи. Онъ вступилъ въ него нѣкогда обновленнымъ человѣкомъ (около 37 г. по Рожд. Хр.); во второй разъ онъ былъ въ немъ съ приношеніемъ отъ церкви Антиохійской страдавшимъ отъ голода бѣднякамъ (въ 44 г.); въ третій разъ онъ приходилъ сюда за рѣшеніемъ споровъ, возникшихъ между іудействующими и языческими христіанами и грозившихъ, даже уже тогда, разорвать нешвенный хитонъ Христа (около 50 года по Рожд. Хр.). Четыре года теперь прошло съ того времени, и онъ прибылъ еще разъ—въ качествѣ слабого и гонимаго миссіонера, чтобы найти сочувствіе въ своихъ раннихъ обращенцахъ (около 54 г.), подкрѣпить свой духъ единеніемъ съ ними, повѣдать имъ важнѣйшія извѣстія о церквяхъ, основанныхъ имъ во время втораго его путешествія, не только въ Азіи, но и въ первый разъ въ Европѣ также, и даже въ столь важныхъ городахъ, какъ Филиппы, Фессалоника и Коринѣ. Если бы христіане въ Іерусалимѣ знали, какъ важны будутъ для будущности христіанства послѣдствія этихъ опасныхъ и трудныхъ путешествій, если бы они видѣли, что труды ап. Павла болѣе всего содѣйствовали вселенскому дѣлу церкви Христовой,—то съ какою бы любовію и съ какимъ благоговѣніемъ привѣтствовали они его! Какъ бы они старались всѣми видами доброты, ободренія, почести, сердечной молитвы поддержать и укрѣпить его и еще ярче зажечь въ немъ пылающій огонь энтузіазма, чтобы еще болѣе подготовить его въ будущемъ къ еще болѣе геройскимъ жертвамъ и еще болѣе безграничнымъ усиліямъ! Если бы было нѣчто подобное, то св. Лука въ интересахъ своего великаго христіанскаго *приникона*, самъ ап. Павелъ въ повѣствованіи галатамъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ двѣнадцатью апостолами—едвали бы не рассказали объ этомъ. Между тѣмъ Лука поспѣшно проходитъ все это событіе, ограничившись тремя словами, что ап. Павелъ «привѣтствовалъ церковь» (Дѣян. xiv, 22), не останавливаясь даже на извѣщеніи, что онъ исполнилъ свой обѣтъ, или произведено ли было какое благопріятное впечатлѣніе въ отношеніи его іудейскаго правовѣрія самымъ фактомъ исполненія такого обѣта ¹¹⁹⁹). Есть основанія однакоже опасаться, что сдѣланный ему пріемъ былъ холодный и нелюбезный; что даже, если св. Іаковъ и принялъ его побратсткі, то окружавшіе «брата Господня» іудействующіе христіане отнеслись къ нему иначе. Ихъ ревнивое несочувствіе къ тому свободному отношенію къ закону, которое онъ установилъ среди своихъ обращенцевъ изъ язычниковъ, повело къ рѣшенію со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовать по его пятамъ, подрывать его вліяніе, что все, къ великому огорченію его послѣдующихъ дней, имѣло столь пагубное для него значеніе. Съ печальнымъ сердцемъ, съ чувствомъ даже быть можетъ него-

дованія на такую недружелюбную холодность, долженъ бы былъ ап. Павелъ посѣщить окончить это свое посѣщеніе. Но въ немъ не шевельнулось ни одно изъ такихъ чувствъ. Онъ рѣшилъ раздѣлять одинаковую участь съ своимъ Господомъ, котораго ненавидѣли фарисеи и убили саддукеи. Онъ раздѣлялъ одинаковую участь со всѣми великими пророками и всѣми истинно великими мыслителями, жившими какъ раньше такъ и послѣ его. Такъ какъ онъ не дорожилъ своею жизнью, то конечно никакая злоба застоявшейся традиции или пренебрежительность подозрительной узкости не могли отклонить его съ этого божественно назначеннаго ему пути. Богъ сподобилъ его великой чести,—поручилъ ему священное дѣло. Ему нужно было трудиться, нужно было проповѣдывать евангеліе! Если повинуюсь этому призванію Бога онъ встрѣчалъ сочувствіе и доброту въ людяхъ—хорошо; если нѣтъ, то и не важно. Жизнь могла быть тяжелою, но вѣдь она коротка, и легкое временное огорченіе было ничто въ сравненіи съ лучезарной и вѣчной славой. Еще разъ онъ отправился изъ Іерусалима, чтобы вступить въ новый и, какъ оказалось, въ высшей степени блистательный, въ высшей степени плодотворный и въ высшей степени тяжелый періодъ своей трудовой жизни.

Изъ Іерусалима онъ отправился въ Антиохію, гдѣ, какъ легко представить себѣ, его ожидалъ болѣе теплый и радушный пріемъ. Въ этомъ сердечномъ кругу онъ пробылъ нѣкоторое время, и оттуда, послѣ нѣсколькихъ дней труда и борьбы, ободряемый по всей вѣроятности сообществомъ Тимофея и Тита, а быть можетъ также Гаія, Аристарха и Ераста, онъ еще разъ прошелъ чрезъ знаменитыя Киликійскія ворота Тавра ¹²⁰⁰) и сухимъ путемъ прошелъ по восточной части Малой Азіи ¹²⁰¹), утверждая на своемъ пути церкви Галатіи и Фригіи. Въ Галатіи онъ велѣлъ каждое воскресенье производить сборъ для бѣдныхъ въ Іерусалимѣ ¹²⁰²). Онъ нашелъ необходимымъ также сдѣлать имъ нѣкоторыя серьезныя внушенія, и хотя тогда еще не было у нихъ прямого уклоненія отъ преподаннаго имъ ученія, онъ однакоже могъ замѣтить нѣкоторое ослабленіе того пылкаго рвенія, съ которымъ онъ принять былъ въ первый разъ этимъ славнымъ, но вѣтрянымъ населеніемъ (Гал. iv, 16; v, 21). Позабывшись такимъ образомъ объ обезпеченіи заложеннаго имъ раньше основанія, онъ спустился съ фригійскихъ возвышенностей и предъ нимъ снова открылся Марсель Эгейскаго моря, встрѣчное и складочное мѣсто востока и запада, великая столица проконсульской Азіи. Посѣщеніе это сопровождалось въ высшей степени важными послѣдствіями.

Ефесъ былъ третьей столицей и новымъ исходнымъ пунктомъ христіанства. Въ Іерусалимѣ христіанство родилось въ колыбели іудейства; Антиохія была исходнымъ пунктомъ церкви христіанъ изъ язычниковъ; Ефесу суждено было стать свидѣтелемъ его полнаго развитія и окончательнаго сочетанія его разрозненныхъ элементовъ въ трудѣ Іоанна, апостола любви. Онъ лежалъ верстахъ въ

двухъ отъ Икарійскаго залива, въ великолѣпной азіатской луговинѣ, гдѣ тысячи лебедей и другихъ водяныхъ птицъ кишѣли по извилинамъ р. Кайстера ¹²⁰⁸). Зданія его гнѣздились у подошвъ Коресса и Пріона, въ пріятномъ сосѣдствѣ

Мостъ близъ Киликійскихъ воротъ.

ортигійскихъ
дубравъ. Га-

вань его, бывшая нѣкогда одною изъ самыхъ защищенныхъ и удобныхъ на Средиземномъ морѣ, отчасти была уже испорчена ошибочными инженерными работами, но все-таки еще посѣщалась множествомъ кораблей со

всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра. Онъ находился на встрѣчномъ пунктѣ большихъ дорогъ, которыя вели къ сѣверу въ Сарды и Троаду, къ югу въ Магнезію и Антіохію, и такимъ образомъ владѣлъ легкимъ доступомъ къ большимъ рѣчнымъ

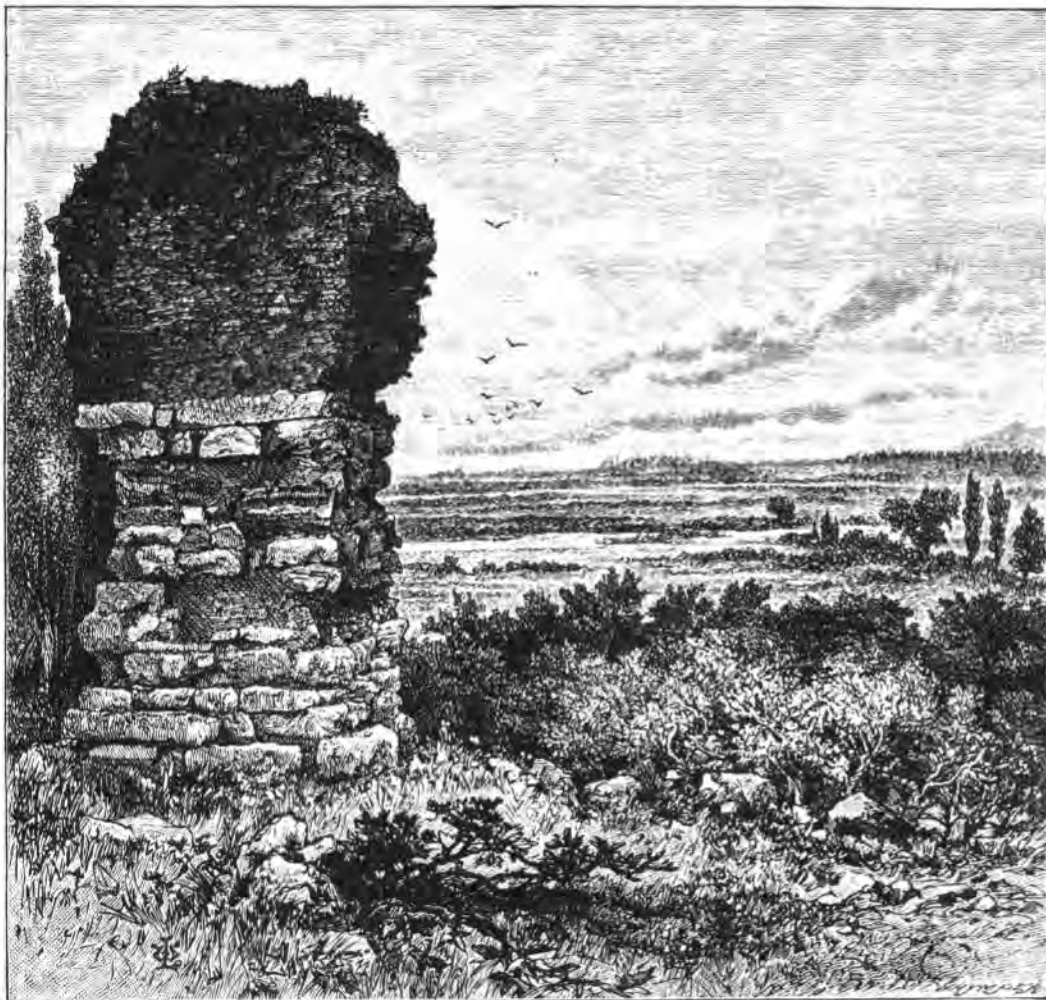
долинамъ Герма и Меандра и ко всей внутренности материка. Озера и рѣки кругомъ изобиловали рыбой, и при здоровомъ воздухѣ и несравненномъ мѣстоположеніи населеніе его было разнообразное и огромное. Рынки его, блиставшіе произведеніями всемірнаго искусства, были своего рода базарными центрами Азіи. Они доставили патмосскому изгнаннику своеобразный колоритъ для тѣхъ страницъ Апокалипсиса, въ которыхъ онъ перечисляетъ «товары золотые и серебряные, и камни драгоценные, и жемчугъ, и виссонъ, и порфиру, и шелкъ, и багряницу, и всякое благовонное дерево, и всякія издѣлія изъ слоновой кости, и всякія издѣлія изъ дорогихъ деревьевъ, изъ мѣди и желѣза и мрамора, корицу и еиміамъ и мѣро и ладанъ, и вино и елей, и муку и пшеницу, и скоть и овецъ, и коней и колесницы, и тѣла и души человѣческія» (Откр. хviii, 12, 13).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ефесъ былъ столько же славенъ, сколько богатъ и обширенъ. Быть можетъ ни одна еще страна въ мірѣ не была мѣстомъ столькихъ знаменитыхъ событій въ древней исторіи, какъ именно берега Малой Азіи. Весь берегъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ сѣдалищемъ лучшей эллинской культуры, и Геродотъ заявляетъ, что это было прекраснѣйшее мѣсто для городовъ его времени ¹²⁰⁴). Тутъ именно—въ Лесбосѣ, Смирнѣ, Ефесѣ и Галикарнасѣ зародились и процвѣтали лирическая и эпическая поэзія, философія и исторія, и въ лѣтописяхъ человѣческой культуры нѣтъ болѣе славнаго имени, чѣмъ имя великой столицы іонійской. Здѣсь именно Анакреонъ создавалъ и пѣлъ тѣ легкія пѣсни, которыя такъ шли къ мягкому темпераменту греческихъ колонистовъ въ этомъ роскошномъ воздухѣ; здѣсь именно Мимнермъ писалъ свои элегіи, Фалесъ далъ первый импульсъ философіи, Анаксимандръ и Анаксименъ провозгласили тѣ космогоническія теоріи, которыя потрясли наивныя вѣрованія аѳинскихъ гражданъ; здѣсь глубочайшій изъ греческихъ мыслителей «Гераклитъ мрачный» размышлялъ о тѣхъ истинахъ, которыя онъ выражалъ съ такою несравненною силой; здѣсь его другъ Гермодоръ потерпѣлъ наказаніе за свою добродѣтельную жизнь, будучи изгнанъ изъ города, который чувствовалъ укоръ своимъ порокамъ въ его простомъ безмолвномъ присутствіи ¹²⁰⁵); здѣсь Гиппонакъ вливалъ въ свои сатиры ихъ смертоносный ядъ ¹²⁰⁶); здѣсь наконецъ Перразій и Апеллесъ изучали свое безсмертное искусство. И это все еще въ сущности былъ греческій городъ. Правда, что съ того времени, какъ Атталъ, царь пергамскій, почти за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ, завѣщавъ свое царство въ наслѣдство римлянамъ, власть ихъ постепенно расширилась во всѣхъ направленіяхъ, пока они не сдѣлались окончательно повластными господами Фригіи, Мизіи, Каріи, Лидіи и всѣхъ прилегающихъ острововъ Греціи, вслѣдствіе чего блескъ Ефеса въ матеріальномъ отношеніи возросъ еще болѣе, такъ какъ онъ сдѣлался резиденціей римскаго проконсула. Но присутствіе нѣсколькихъ сановныхъ римлянъ съ ихъ свитами, усиливая пышность и могущество города, не вліяло однакоже на преобладавшій въ немъ особенный эллинистическій складъ цивилизаціи, которая была гораздо больше пропитана

восточными, чѣмъ западными элементами. Ефесцы пресмыкались у ногъ императоровъ, льстили имъ съ отвратительнымъ раболѣпствомъ, строили храмы въ честь ихъ пороковъ и слабостей, боготворили ихъ на своихъ надписяхъ и монетахъ ¹²⁰⁷). Даже сенатъ, это жалкое подобіе его, не прочь былъ принимать участіе въ общей гнусности и боготворился гражданами за потворство въ ней ¹²⁰⁸). Римляне, видя, что имъ нечего бояться этихъ выродившихся іонійцевъ, помогали имъ матеріально, когда они терпѣли отъ землетрясеній, щедро раздавали почетные титулы, которые сами по себѣ были униженіемъ для нихъ, оставляли за ними номинальную автономію и вполнѣ предоставляли имъ прожигать жизнь въ безумныхъ вакханаліяхъ, которыя поочередно происходили въ паніонскихъ, ефесскихъ, артемидскихъ и лукулловскихъ играхъ. Таковъ-то былъ городъ, въ которомъ ап. Павелъ нашелъ себѣ сферу дѣятельности, отличную отъ всѣхъ другихъ, гдѣ только приходилось ему трудиться доселѣ. Онъ былъ болѣе эллинистиченъ, чѣмъ Антиохія, отличался болѣе восточнымъ характеромъ чѣмъ Коринѣ, былъ болѣе многолюденъ чѣмъ Аѳины, болѣе богатъ и утонченъ чѣмъ Фессалоника, отличался болѣе скептическимъ духомъ, чѣмъ Анкира или Пессинъ. И этотъ городъ, за единственнымъ исключеніемъ Рима, былъ наиболѣе важнымъ мѣстомъ его труда, и въ послѣдствіи ему суждено было стать не только первою изъ семи церквей Азіи, но и мѣстомъ засѣданія одного изъ тѣхъ великихъ вселенскихъ соборовъ, которые опредѣлили вѣру христіанскаго міра.

Сами ефесцы пользовались въ то время весьма худою славой. Ефесъ былъ центромъ отжившихъ суевѣрій, которыя поддерживались единственно благодаря своекорыстію различныхъ жреческихъ обществъ. Къ югу отъ города находилась орошаемая водами Кенхрія масличная и кипарисовая роща Лето ¹²⁰⁹), гдѣ все еще показывалось масличное дерево, за которое схватывалась богиня, когда она произвела на свѣтъ своихъ славныхъ близнецовъ. Здѣсь находился холмъ, съ котораго Эрмесъ объявилъ объ ихъ рожденіи ¹²¹⁰); здѣсь куреты, съ своими сверкающими мечами и щитами, защищали ихъ въ дѣтствѣ отъ дикихъ звѣрей; здѣсь самъ Аполлонъ нашелъ себѣ убѣжище отъ ярости Зевса, когда онъ убилъ циклоповъ; здѣсь Вакхъ или Бахусъ побѣдилъ и пощадилъ амазонокъ во время своего шествія по Востоку. Таковы именно были доводы, которые представлены были ефесскими уполномоченными римскому сенату съ цѣлію отклонить рѣшеніе ограничить ихъ право убѣжища. Это право главнымъ образомъ принадлежало великому славившемуся по всему міру храму Артемиды, названіемъ «служителя» котораго величался Ефесъ ¹²¹¹). Они конечно знали, что право это было губительнымъ для нравственности и благосостоянія города. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка святилища привлекали къ себѣ всякій сбродъ и все что было негоднаго, всякихъ мошенниковъ, должниковъ и убійцъ окружной мѣстности, которые неизбежно объѣднали и развращали и всю окружающую мѣстность ¹²¹²), такъ и вокругъ великаго храма ефесскаго собиралась всевозможная мерзость Азіи. Легенда раз-

сказывала, какъ по окончаніи построенія храма Митридатъ сталъ на его кровлѣ и объявилъ, что право убѣжища въ немъ будетъ простираться по черту кругомъ его—куда только онъ можетъ дотрѣлить изъ лука, и стрѣла чудесно пролетѣла на разстояніе почти ста сажень. Слѣдствіемъ этого было то, что Ефесъ, и безъ того

Развалины Сардъ.

находясь подъ развращающимъ вліяніемъ условій, обычныхъ во всѣхъ большихъ приморскихъ городахъ, еще въ самомъ себѣ имѣлъ особый источникъ опасности и заразы ¹²¹³). Іонія была развратительницей Греціи ¹²¹⁴), Ефесъ былъ развратителемъ Іоніи — любимой сценой самыхъ сладострастныхъ сказаній, яркимъ зрѣлищемъ самыхъ вопіющихъ пороковъ.

Храмъ, который былъ главной гордостью города и однимъ изъ чудесъ свѣта ¹²¹⁵), во всемъ своемъ величіи видѣнъ былъ прямо съ гавани. Ефесъ былъ наиболѣе величественнымъ изъ того, что Овидій называетъ «величественными городами Азіи» ¹²¹⁶), и храмъ былъ его великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ. Древній храмъ былъ сожженъ Геростратомъ—ефесскимъ сумасбродомъ, пожелавшимъ увѣковѣчить этимъ свое имя въ исторіи—въ самую ночь рожденія Александра Великаго. Онъ былъ вновь построенъ съ щедрымъ великолѣпіемъ изъ добровольныхъ пожертвованій всей Азіи, причемъ даже женщины жертвовали свои драгоценности, подобно тому какъ женщины іудейскія жертвовали нѣкогда на построеніе скинии въ пустынѣ. Для предохраненія отъ землетрясеній, основы его были заложены при огромныхъ расходахъ на искусственномъ фундаментѣ изъ кожь и древеснаго угля, загрунтованныхъ въ болотистомъ мѣстѣ ¹²¹⁷). Уже издали онъ сверкалъ лучами подобно звѣздѣ ¹²¹⁸). Окружавшая его галлерей состояла изъ ста двадцати колоннъ іонійскаго типа, высѣченныхъ изъ парійскаго мрамора. Надъ рѣзными изъ кипарисова дерева вратами были столь огромныя и тяжелыя перекладины, что требовалось чудо для того, чтобы поднять ихъ на мѣсто. Ведшая на кровлю лѣстница была будто бы высѣчена изъ одной громадной виноградной лозы съ о. Кипра. Нѣкоторыя изъ колоннъ отличались живописной рѣзбой изысканной красоты ¹²¹⁹). Внутри были образцовыя произведенія Праксителя и Фидія, Скопы и Поликлета. Картины величайшихъ греческихъ художниковъ, изъ которыхъ одна—портретъ Александра Великаго, исполненный Апеллесомъ—была приобрѣтена будто бы за сумму, равную 30,000 рублей на новѣйшія деньги, украшали внутреннія стѣны. Самая кровля храма была изъ кедроваго дерева и поддерживалась колоннами изъ яшмы, на основахъ изъ парійскаго мрамора ¹²²⁰). На этихъ колоннахъ висѣли необычайной цѣнности дары, приношенія по обѣтамъ признательнаго суевѣрія. Въ концѣ его стоялъ большой жертвенникъ, украшенный барельефами Праксителя, и за нимъ огромными складками падала пурпурная завѣса. За этой завѣсой находилось мрачное и страшное святилище, въ которомъ стоялъ самый священный идолъ классическаго язычества; и затѣмъ, позади этого святилища была комната, которая, находясь подъ непосредственнымъ покровомъ святилища, считалась богатѣйшимъ и самымъ надежнымъ банкомъ древняго міра.

Идолъ, для котораго воздвигнуто было это несравненное капище, былъ такъ древній, что вмѣстѣ съ Аеиной акропольской, Артемидой таврической, Димитрой сицилійской, Афродитой пафской и Цибелой пессинской раздѣлялъ ту великую честь, что статуя его считалась *Διοπέτης Αγκύρα*—«спадшей съ неба» ¹²²¹). Самый матеріалъ, изъ котораго она была сдѣлана, былъ предметомъ спора: одни говорили—изъ виноградныхъ лозъ, другіе изъ чернаго дерева, нѣкоторые изъ кедра, и иные—изъ камня ¹²²²). Это не былъ безформенный метеоритъ въ родѣ каабы въ Меккѣ, Геркулеса гіетскаго ¹²²³), или чернаго камня въ Пессинѣ; не былъ также фалли-

ческій конусъ въ родѣ финикійской Афродиты въ Пафѣ ¹²²⁴), равно какъ не быть и простой чурбанъ въ родѣ кадмейскаго Вакха ¹²²⁵); но въ тоже время мы не должны, руководясь именемъ Артемиды, предаваться ложному представлению, что она въ нѣкоторомъ родѣ была похожа на трепетную «охотницу—чистую и прекрасную» греческой и римской мифологии. Ее часто слишкомъ идеализировали въ новѣйшихъ изображеніяхъ ¹²²⁶), но въ дѣйствительности это былъ омерзительный фетишъ, первоначально служившій символомъ плодородія и производительной силы природы. На монетахъ, которыя, такъ какъ они носятъ изображеніе головъ Клавдія и Агриппины, навѣрно ходили въ это время и быть можетъ бывали и въ рукахъ ап. Павла, она изображается въ видѣ фигуры, закутанной въ родѣ муміи, покрытой чудовищнымъ нагрудникомъ ¹²²⁷), съ трезубцемъ въ одной рукѣ и съ дубиной въ другой. Самое безобразіе и неуклюжесть идола увеличивали суевѣрный страхъ къ нему, и къ статуѣ Артемиды ефесской относились съ болѣе трепетнымъ благоговѣніемъ, чѣмъ къ Аѳинѣ Фидіа или Юпитеру капитолійскому. Іудейскія воззрѣнія и чувства ап. Павла, хотя онъ и воздерживался отъ хуленія богини ¹²²⁸), конечно заставляли его считать оскверненіемъ вступать въ ея храмъ; но на монетахъ, изображеніяхъ и въ снимкахъ ему навѣрно часто приходилось видѣть странный образъ великой Артемиды ефесянъ, культу которой, подобно культу столь многихъ и болѣе прекрасныхъ и гуманныхъ идоловъ язычества, суждено было пасть и подвергнуться забвенію вслѣдствіе его именно проповѣди ¹²²⁹).

Діана Ефесская.

Хотя греки и соперничали съ персами въ щедрости приношеній на возобновленіе этого храма, но идолослуженіе въ немъ въ сущности имѣло совершенно восточный характеръ. Жрецы щедро пользовались доходами съ обширныхъ имуществъ и цѣнныхъ рыбныхъ ловлей, и этими жрецами или мегабизами, равно какъ и стоявшимъ во главѣ ихъ «ессеномъ» ¹²³⁰), были жалкіе персидскіе или фри-

гійскіе евнухи, которые только вмѣстѣ съ мелиссами или дѣвственными жрицами и массой праздныхъ рабовъ и могли совершать идолослуженіе этой «матери боговъ». Сколько разъ на площадяхъ и въ окрестностяхъ Ефеса ап. Павлу навѣрно приходилось съ скорбію и негодованіемъ видѣть этихъ до отвращенія обрюзглыхъ и безбородыхъ представителей гнуснаго культа¹²³¹)! Много разъ ему навѣрно приходилось изъ іудейскаго квартала слышать пронзительный пискъ ихъ флейтъ и нескладное бречанье тамбуриновъ; много разъ навѣрно приходилось видѣть ихъ отвратительныя пляски и коривантическія процессіи, когда съ развѣвающимися волосами и съ дикими выкриками, потрясая смоляными факелами, они всячески старались заразить и толпу сочувствіемъ къ оргіеобразному культу, который мало отличался отъ самаго безобразнаго распутства¹²³²). Даже греки, при всей своей неспособности увлекаться такими порывами религіознаго изуверства, повидимому поддавались вліянію этихъ безобразныхъ фанатиковъ. Ни въ одномъ еще городѣ не собирались они такими многотысячными толпами въ театрѣ, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ издавать одинъ и тотъ же крикъ, какъ будто бы всѣ они были персидскими дервишами или индійскими йогами. Это бессмысленное повтореніе одного и того же клика было отголоскомъ крикливыхъ причитаній, бывшихъ одною изъ особенностей культа Диндимены въ Песинѣ¹²³³).

Неудивительно будетъ вслѣдствіе этого, что подъ покровомъ такого культа должно было процвѣтать суевѣріе всякаго рода. Ефесъ отличался отъ другихъ посѣщенныхъ ап. Павломъ городовъ главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что это былъ по преимуществу городъ астрологій, волшебства, причитаній, амулетовъ, заклинаній и чародѣйственнаго шарлатанства всякаго рода. На статуѣ богини, или вѣрнѣе быть можетъ на перевернутой вверхъ дномъ пирамидѣ, служившей основой для ея закутанныхъ и безформенныхъ ногъ, были написаны извѣстныя таинственныя формулы, которымъ придавалось волшебное значеніе. Это повело къ происхожденію пользовавшихся славой «ефесскихъ писаній», которыми алчное шарлатанство съ избыткомъ надбѣляло жаждущее суевѣріе. Среди нихъ были слова: *аскіонъ*, *катаскіонъ*, *ликсъ*, *тетрисъ*, *дамнаменеусъ*, *эсіа*¹²³⁴), которые по смыслу и дѣйствию были почти одинаковы съ *daries*, *derdaries*, *astataries*, *ista*, *pista*, *sista*, считавшимися Катонъ Старшимъ лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ отъ вывиха¹²³⁵), или *шаврири*, *врири*, *ирири*, *рири*, *ири*, *ри*, произносимыми съ пристукиваніемъ по крышкѣ кувшина, что у раввиновъ считалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для изгнанія бѣса слѣпоты¹²³⁶).

Разсказы, которые вездѣ встрѣчены были бы съ насмѣшкой, въ Ефесѣ находили полную и охотную вѣру. Вѣроятно около времени посѣщенія этого города ап. Павломъ онъ былъ посѣщенъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ, и здѣсь именно жизнеописатель его Филостратъ выводитъ на сцену нѣкоторые изъ его подвиговъ. Одинъ изъ нихъ тѣмъ болѣе интересенъ, что совершенъ

былъ въ томъ самомъ театрѣ, отъ вступленія въ который едва уговорили ап. Павла, хотя ему грозила опасность быть разорваннымъ на куски. Во время посѣщенія Ефеса Аполлоніемъ Тіанскимъ тамъ свирѣпствовала эпидемія и вслѣдствіе этого онъ пригласилъ народъ на собраніе въ театрѣ. Когда народъ собрался, то онъ всталъ и указалъ имъ на дряхлаго и жалкаго старика, который будто бы и былъ причиной свирѣпствовавшей чумы. Народъ тотчасъ же схватился за камни и, несмотря на протесты несчастнаго старика, убилъ его до смерти. Когда

Разрушенная арка въ Ефесѣ.

потомъ откопали подъ камнями злополучную жертву, то тамъ оказался трупъ молосской собаки, въ которую преобразился демонъ¹²³⁷), и на этомъ мѣстѣ ефесяне воздвигли статую Геракла Алотропейскаго! Филостратъ писалъ свое баснословное жизнеописаніе не раньше 218 г. по Р. Х., и его героя Аполлонія новѣйшіе невѣры пытались выставять даже въ нѣкоторомъ родѣ языческимъ соперникомъ Іисуса евангелій. Пусть однако же всякій прочитаетъ это жалкое произведение и посудитъ самъ! Языческій софистъ, при всемъ своемъ высокоуміи образованіи и до раздражительности перетонченной изысканности рѣчи, изобилуетъ анекдотами, которые показались бы до жалости глупыми, если бы они

были переданы необразованными рыбаками галилейскими, не смотря на то, что они были чужды всякой культуры и писали на полтора столѣтія раньше.

Съ другой, еще болѣе мрачной стороны, рисуется Ефесъ этого времени въ письмѣ псевдо-Гераклита. Какой-то образованный и умный іудей¹²³⁸), принявъ псевдонимъ великаго древняго философа, написалъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ объясняетъ причину, почему его называютъ «плачущимъ философомъ», и почему его никогда не видѣли смѣющимся. Въ нихъ онъ вполне оправдываетъ традиціонное замѣчаніе, что все населеніе Ефеса заслуживало бы того, чтобы все его задушить до послѣдняго человѣка. Тутъ онъ спрашиваетъ, какимъ же образомъ, не смотря на крайнее развращеніе, городъ находится въ цвѣтущемъ состояніи, и совершенно въ духѣ ветхаго завѣта онъ видитъ въ этомъ благосостояніи иронию и проклятіе неба. Что касается Артемиды и ея культа, то онъ не находитъ словъ для выраженія своего презрѣнія къ нимъ. Сумракъ ея святилища есть символъ нечестія, что ненавидитъ свѣтъ. Онъ предполагаетъ, что статуя ея «каменная» въ томъ презрительномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется у Гомера, то есть глупая и грубая. Онъ осмѣиваетъ стоящую вверхъ дномъ пирамиду, на которой стоитъ она. Онъ говоритъ, что смертные, благоденствующіе подъ ея покровительствомъ, хуже скотовъ, въ виду того, что даже собаки не уродуютъ одна другую, между тѣмъ какъ ея мегабия долженъ быть изуродованъ, такъ какъ богиня слишкомъ скромна, чтобы позволить служить у себя здоровому мужчине. Но вмѣсто восхваленія ея скромности, жрецы ея должны бы проклинали ее за распутство, вслѣдствіе котораго было небезопасно иначе приближаться къ ней и которое такъ дорого стоило имъ. Что касается оргій, факельныхъ торжествъ и древнихъ церемоній, то онъ только и можетъ сказать о нихъ, что все это—покрывало для всякой мерзости. Все это сдѣлало его одинокимъ человѣкомъ. Вотъ почему онъ не могъ смѣяться. Какъ могъ онъ смѣяться, когда онъ слышалъ гвалтъ этихъ безстыдныхъ бродячихъ жрецовъ и былъ свидѣтелемъ всякой невыразимой мерзости, такъ гордо процвѣтавшей вслѣдствіе ихъ развращающаго вліянія, — свидѣтелемъ убійствъ, мотовства, разврата, обжорства и пьянства? И затѣмъ онъ переходитъ къ нравственнымъ и религіознымъ увѣщаніямъ, показывающимъ, что мы имѣемъ предъ собою сочиненіе какого нибудь іудейскаго необращеннаго Аполлоса, который однакоже есть ревностный и краснорѣчивый проповѣдникъ единого Бога и Моисеева закона.

Въ этомъ городѣ ап. Павелъ видѣлъ, что «для него отверста великая и широкая дверь», хотя и «противниковъ много» (1 Кор. хvi, 9). Во время его отсутствія произошелъ случай, который получилъ глубокое значеніе для будущаго. Среди тысячъ народа, привлекавшагося въ Ефесъ по дѣламъ или ради удовольствій и вообще тѣмъ, что называется случайностью, былъ одинъ іудей изъ Александріи по имени Аполлоній¹²³⁹) или Аполлосъ, который не только обладалъ образованіемъ, составлявшимъ гордость и славу іудеевъ этого города

въ вѣкъ Филона, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ глубокимъ знаніемъ св. Писанія и особеннымъ даромъ пламеннаго краснорѣчія ¹²⁴⁰). Онъ былъ лишь настолько христіанинъ, насколько зналъ и принялъ крещеніе Іоанна; но и при такомъ неполномъ знакомствѣ съ ученіемъ христіанства, онъ однакоже говорилъ и разсуждалъ въ синагогахъ съ такою силою и смѣлостью, что обратилъ на себя вниманіе іудейскихъ дѣлателей палатоевъ—Прискиллы и Акилы. Они пригласили его къ себѣ въ домъ и показали ему чисто начаточный характеръ ученія Іоаннова. Быть можетъ слышанные имъ отъ нихъ расказы о коринеской церкви пробудили въ немъ желаніе посѣтить Ахаію, и они, замѣтивъ, какъ его служеніе могло бы быть полезно среди тонкихъ и развитыхъ грековъ, не только одобрили его желаніе ¹²⁴¹), но написали даже для него «рекомендательное письмо» ¹²⁴²) къ коринескимъ старѣйшинамъ. Въ Коринѣ его краснорѣчіе произвело громадное впечатлѣніе и онъ сдѣлался столпомъ крѣпости для собратій. Онъ настолько воспользовался ученіемъ ап. Павла, какъ оно могло отразиться въ бесѣдахъ съ нимъ Прискиллы и Акилы, что въ своихъ публичныхъ спорахъ съ враждебными іудеями онъ съ непреодолимою силою на основаніи ихъ собственнаго писанія доказывалъ мессіанство Христа и такимъ образомъ былъ сколько пріятенъ христіанамъ, столько же страшенъ для іудеевъ. Онъ поливалъ то, что насадилъ ап. Павелъ ¹²⁴³).

Ко времени прибытія ап. Павла въ Ефесъ Аполлосъ уже выбылъ въ Коринѣ. Онъ однакоже возвратился сюда до отбытія ап. Павла, и великій апостолъ съ любопытствомъ и интересомъ долженъ былъ смотрѣть на этого пламеннаго и даровитаго обращенца. Въ менѣе возвышенной душѣ могла бы даже шевельнуться зависть къ его дарованіямъ, тѣмъ болѣе, что не смотря на свою меньшую высоту они однакоже своимъ блескомъ производили болѣе непосредственнаго впечатлѣнія, чѣмъ его собственныя. Но ап. Павелъ былъ слишкомъ благороденъ духомъ, чтобы допустить въ себѣ хоть малѣйшее проявленіе столь обыкновеннаго, но въ то же время и столь низкаго чувства. Аполлосъ ненамѣренно подорвалъ преданность къ нему нѣкоторыхъ изъ его коринескихъ обращенцевъ; его имя сдѣлалось въ этой безпорядочной общинѣ девизомъ раздѣленія. И однако же ап. Павелъ никогда не говоритъ о немъ безъ теплаго сочувствія и восторга (Тит. iii, 13), и очевидно цѣнилъ высокую и благородную деликатность, которая заставила его отказаться отъ вторичнаго посѣщенія Коринѣа (1 Кор. xvi, 12), не смотря на самыя настойчивыя приглашенія, и это изъ очевиднаго желанія не давать поощренія увлекающимся сторонникамъ, которые старались поставить его въ недостойное соперничество съ неизмѣримо болѣе его великимъ апостоломъ.

Среди огромнаго населенія Ефеса были всевозможныя формы религіознаго вѣрованія, и Аполлосъ былъ не единственнымъ обращенцемъ къ несовершенной и полуразвитой формѣ христіанства. Ап. Павелъ по своему прибытіи нашелъ тамъ странный по своей запоздалости остатокъ религіознаго воззрѣнія въ лицѣ

какихъ-то двѣнадцати лицъ, которыя, подобно Аполлосу и быть можетъ въ связи съ нимъ, были еще учениками Іоанна Крестителя. Хотя и при жизни Спасителя были люди, которые держались своего прежняго учителя до самой его казни, и хотя прежняя слава его проповѣди приобрѣла ему много такихъ послѣдователей, которые и по смерти его продолжали сплоченно жить въ темныхъ сектахъ ¹²⁴⁴), но оставаться въ такомъ положеніи можно было только по невѣденію. Ап. Павелъ поэтому обратился къ нимъ съ разспросами, и найдя, что они мало или ничего не знали объ окончательномъ фазисѣ ученія Іоанна или объ откровеніи Христа, не знали даже самаго имени Духа Святаго, онъ преподалъ имъ дальнѣйшее наставленіе, пока они не сдѣлались способными къ принятію крещенія и не проявили тѣхъ даровъ св. Духа—говоренія языками и пророчества,—которые считались общепринятымъ доказательствомъ полнаго и истиннаго вступленія въ Церковь Христову (см. Евр. vi, 4—6).

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, согласно съ своимъ обычнымъ планомъ, апостолъ былъ постояннымъ посѣтителемъ синагоги и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы посредствомъ назиданія и аргументаціи возвести на степень полнаго убѣжденія произведенное имъ на первыхъ порахъ впечатлѣніе. Св. Лука кратко проходить эти обстоятельства, но тамъ навѣрно было не мало ожесточенной борьбы и возбужденныхъ споровъ, прежде чѣмъ іудеи въ концѣ концовъ не только прибѣгли къ рѣшительному отверженію его, но и къ такой яростной враждѣ, что ап. Павелъ еще разъ, какъ и въ Коринѣѣ, принужденъ былъ выдти изъ ихъ общины. Мы не можемъ вполне представить себѣ той мучительности, которую причиняли ему такія обстоятельства. Его жизнь была такъ удручена испытаніями, что каждое испытаніе, какъ ни тяжелое само по себѣ, проходило среди массы другихъ еще болѣе мучительныхъ и тяжелыхъ. Но нужно помнить, что ап. Павелъ, будучи и христіаниномъ, все еще считалъ себя истиннымъ израильтяниномъ и на немъ чувствительно отзывалось это невольное отчужденіе отъ религіозной общины своего дѣтства. Можно думать, что во время этой ранней борьбы онъ еще разъ добровольно подчинился признанному авторитету синагогъ и понесъ нѣкоторыя изъ тѣхъ пяти бичеваній отъ іудеевъ, изъ которыхъ каждое было бы ужаснымъ событіемъ въ обыденной жизни человѣка.

Пока оппозиція ограничивалась законными средствами, ап. Павелъ охотно присутствовалъ при богослуженіи въ синагогахъ и предлагалъ обычные «мидраши», или пояснительныя поученія на чтенія изъ св. Писанія; но когда іудеи не только отвергли и оклеветали его, но даже стали стараться на каждомъ шагѣ поставять ему преграды для миссіонерской дѣятельности среди своихъ сосѣдей—язычниковъ, то онъ увидѣлъ, что настало время вполне выдѣлить своихъ учениковъ изъ среды іудейства ¹²⁴⁵), и такъ какъ число ихъ было теперь уже значительно, то онъ нанялъ для нихъ школу Тиранна—какого-то языческаго софиста этого, довольно ходячаго въ то время, имени ¹²⁴⁶). Это была одна изъ тѣхъ школъ риторики и

философіи, которыя были обычнымъ явленіемъ въ такихъ городахъ какъ Ефесъ, гдѣ было много лицъ, гордившихся преслѣдованіемъ интересовъ чисто умственной и литературной жизни. Это новое мѣсто богослужебнаго собранія дало апостолу возможность видѣть своихъ собратій ежедневно, между тѣмъ какъ въ синагогѣ это было возможно лишь три раза въ недѣлю. Его труды и проповѣдничество не оставались безъ успѣха. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ онъ продолжалъ дѣлать Ефесъ центромъ своей миссіонерской дѣятельности, и такъ какъ слава его про-

Деревня близъ Ефеса.

повѣди начала распространяться повсюду, то онъ несомнѣнно самъ предпринималъ небольшія путешествія по окрестнымъ мѣстамъ, такъ что, по сильному выраженію св. Луки: «всѣ жители Азіи слышали проповѣдь о Господѣ Иисусѣ, какъ іудей, такъ и еллины» ¹²⁴⁷). Въ самомъ Ефесѣ слава о немъ достигла необычайной степени — особенно вслѣдствіе необычайныхъ чудесъ, «которыя Богъ творилъ руками Павла» ¹²⁴⁸). Самъ онъ ничего не говоритъ объ этомъ — даже намекомъ, и хотя въ своей извѣстной рѣчи ефесскимъ пресвитерамъ ¹²⁴⁹) говоритъ имъ о своихъ слезахъ, испытаніяхъ и опасностяхъ всякаго рода, ни словомъ не

упоминаетъ о знаменіяхъ и чудесахъ, на совершеніи которыхъ онъ явно останавливается въ посланіи къ Коринѣянамъ. Хотя ап. Павелъ и вѣровалъ, что Богъ, для содѣйствія дѣлу евангелія, далъ ему власть творить чудеса, превосходящія всякую возможность человѣческаго опыта, и въ нихъ смиренно признавалъ дѣло Духа Святаго, снисходившаго къ его вѣрѣ и молитвѣ, но все-таки онъ отнюдь не часто пользовался этимъ даромъ и никогда—для своихъ собственныхъ цѣлей, или даже въ болѣзни дорогихъ ему собратій. Въ Ефесѣ чудотвореніе и употребленіе цѣлительнаго волшебства и всевозможныхъ чаръ было самымъ обычнымъ дѣломъ. Нечего поэтому удивляться, что ефесяне придавали цѣлебную силу даже одеждѣ, принадлежавшей ап. Павлу, его платкамъ и переднику, употреблявшемуся имъ во время занятія своимъ ремесломъ ¹²⁵⁰), и ихъ носили для накладыванія на больныхъ и бѣсноватыхъ. Св. Луки въ это время не было съ апостоломъ въ Ефесѣ, и потому онъ не передаетъ никакихъ подробностей; ясно однако, что передававшій ему объ этомъ воздержался отъ заявленія, что все это дѣлалось съ позволенія апостола. Но такъ какъ Ефесъ былъ центромъ всякаго языческаго волшебства и заклинанія, то цѣлебное приложеніе платковъ и опоясаній ап. Павла получило важное значеніе, представляя явное доказательство превосходства христіанской вѣры даже въ твердыни язычества и подготавливая почву для введенія святой религіи въ центрѣ восточнаго фанатизма и греческаго порока. Тотъ, кто «не слѣдуя Іисусу», былъ однако же способенъ изгонять бѣсовъ именемъ Его, едва ли не былъ прообразомъ и тѣхъ другихъ, которые, хотя и безъ всякаго права, дѣйствуя въ пользу добра, находили въ сопредѣльной области естественнаго и сверхъестественнаго силу, дававшую имъ возможность совершать дѣла, которыя направлялись къ утвержденію и поддержанію истины.

Но чтобы этимъ не дать повода къ ложнымъ и суевѣрнымъ представленіямъ о сущности дѣла, св. Лука сохранилъ рассказъ, заключающій прямой укоръ механическому чудодѣйству. Среди іудеевъ было чрезвычайно распространено искусство заклинаній, и оно часто связывалось съ грубѣйшимъ легковѣріемъ и съ вопіющимъ обманомъ ¹²⁵¹). Въ Ефесѣ въ то время былъ іудейскій знатный священникъ по имени Скева ¹²⁵²), семеро сыновей котораго ходили изъ мѣста въ мѣсто, заявляя о своей силѣ изгонять бѣсовъ. Когда до нихъ дошла слава ап. Павла и они услышали несомнѣнно и объ исцѣленіяхъ, производившихся вслѣдствіе приложенія платковъ его, то сразу же сообразили, что они, присоединивъ его имя къ имени Іисуса, получаютъ способность совершать исцѣленія даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ безсильны были даже «кольцо и корень Соломона» ¹²⁵³) Ободренные быть можетъ нѣкоторымъ на первыхъ порахъ успѣхомъ (такъ по крайней мѣрѣ выходитъ изъ рассказа), двое изъ этихъ семи странствующихъ парлатановъ ¹²⁵⁴) посѣтили человѣка, который очевидно страдалъ буйнымъ сумасшествіемъ, но повидимому сохранялъ еще ясное сознаніе въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ, какъ это часто бываетъ у многихъ умалишенныхъ. Обра-

щаясь къ злымъ духамъ, они воскликнули: «заклинаемъ васъ Иисусомъ, котораго проповѣдуетъ Павелъ». На этотъ разъ однако же заклинаніе потерѣло позорную неудачу. Бѣсноватый съ злою усмѣшкой отвѣтилъ имъ: «Иисуса я знаю ¹²⁵⁵), и Павелъ мнѣ извѣстенъ; а вы кто такіе?» и затѣмъ, бросившись на нихъ, съ неимовѣрною силою изорвалъ на нихъ одежду и нанесъ имъ такіе побои, что они едва вырвались изъ дома—избитые и нагіе.

Столь замѣчательное событіе не могло остаться незамѣченнымъ. Оно съ быстротою молніи разнеслось среди болтливыхъ ефесянъ и произвело не мало ужаса и смущенія, и результатомъ этого было одно чрезвычайно благотворное слѣдствіе. Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что раннимъ христіанамъ, искупленнымъ изъ язычества, въ грубой ли безнравственности рабскаго положенія или въ утонченной мерзости высшихъ классовъ, нужна была страшная борьба, чтобы при помощи Божіей освободиться отъ рабства прежней грѣховности. Сурово торжественная выразительность частыхъ предостереженій ап. Павла и самые факты, случавшіеся въ ранней исторіи Церкви, рѣшительно показываютъ, что къ первымъ обращенцамъ нужно было относиться съ крайнею снисходительностью, и отъ духовныхъ властей ихъ требовалось неусыпное наблюденіе за ними. Произведенный случившеюся съ сыновьями Скевы непріятностію переполохъ послужилъ къ обнаруженію поразительнаго факта, что нѣкоторые изъ собратій, принявъ христіанство, не оставляли однако вѣры въ чародѣйство. Устрашенные въ своей совѣсти, эти тайные грѣшники, прибѣгавшіе къ помощи «цѣлебныхъ искусствъ», въ общемъ собраніи исповѣдывали и открывали дѣла свои. Да и не только обманутые сознавались въ своемъ заблужденіи, сами обманщики признавались въ своихъ темныхъ дѣлахъ и представили рѣшительное доказательство искренности, съ которою они отказывались отъ всякаго шарлатанства въ будущемъ. Они снесли дорогія кабалистическія книги ¹²⁵⁶), служившія для нихъ орудіемъ ихъ ремесла, и публично сожгли ихъ. Это было нѣчто въ родѣ *Monte della Pietà*, воздвигнутой кающимися жителями Флоренціи по увѣщанію Савонаролы; и это тайное чернокнижіе практиковалось въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что цѣнность книгъ, сожженныхъ такимъ образомъ чернокнижниками въ порывѣ покаянія, восходила до пятидесяти тысячъ драхмъ серебра, что по нашему счету составитъ не менѣе 12,500 рублей золотомъ ¹²⁵⁷). Этотъ необычайный костеръ, который навѣрно продолжался довольно значительное время ¹²⁵⁸), былъ столь поразительнымъ протестомъ противъ господствующаго легковѣрія, что это несомнѣнно было однимъ изъ обстоятельствъ, которыя придали проповѣдничеству ап. Павла столь широкую извѣстность по всей Азіи.

Этимъ маленькимъ рядомъ событій и ограничивается св. Лука въ повѣствованіи о знаменитомъ пребываніи ап. Павла въ Ефесѣ, которое, по собственнымъ словамъ апостола, обнимало періодъ въ три года ¹²⁵⁹). Если бы мы не имѣли болѣе никакихъ данныхъ, то можно бы предполагать, что до самаго послѣдняго мятежа

это былъ періодъ почти непрерывнаго успѣха и благополучія. Однако же, какъ мы видимъ изъ посланій ¹²⁶⁰⁾ и изъ рѣчи ап. Павла къ ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. xx, 18 — 35), дѣло было далеко не такъ. Правда, это было ревностное, непрестанное, трудолюбивое пастырское служеніе, которое доводило увѣщаніе и поученіе до каждаго отдѣльнаго члена церкви. Но это служеніе въ тоже время сопровождалось потоками слезъ, и хотя вообще увѣнчивалось успѣхами, но было временемъ такихъ подавленныхъ испытаній, болѣзни, гоненія и бѣдственности, что по своей скорбности вѣроятно превосходило всякій другой періодъ въ жизни

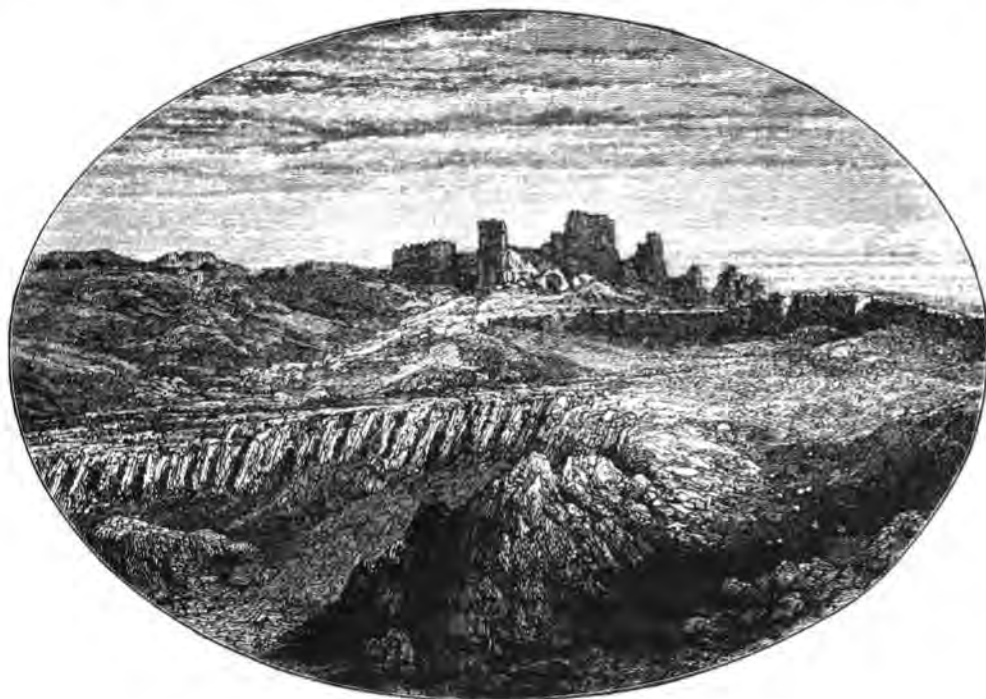

Развалины церкви въ Листрѣ.

апостола. Можно предполагать, что во время этого именно періода испытаны имъ многія изъ тѣхъ опасностей, которыя онъ съ такою пылкою краткостью перечисляетъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ. Онъ не былъ вполне безопасенъ ни отъ іудеевъ, ни отъ язычниковъ, ни отъ номинальныхъ христіанъ. Онъ одинаково терпѣлъ какъ отъ рукъ разбойниковъ, такъ и важныхъ властей; онъ подвергался по-

біенію камнями отъ грубыхъ провинціаловъ въ Листрѣ, битъ былъ римскими поселенцами въ Филиппахъ, преслѣдуемъ греческою чернью въ Ефесѣ, арестованъ яростными іудеями въ Коринѣ, и терпѣлъ всевозможныя козни и клевету отъ фарисействующихъ іудеевъ изъ Іерусалима. Разбойниковъ онъ могъ встрѣчать и въ окрестностяхъ города (2 Кор. xi, 26), какъ это по преданію впоследствии было съ ев. Іоанномъ, и внутри страны, когда онъ отправлялся для основанія различныхъ церквей ¹²⁶¹⁾. Онъ несомнѣнно подвергался тамъ опасностямъ отъ своихъ собственныхъ соплеменниковъ, потому что онъ напоминаетъ пресвитерамъ Ефеса, что онъ вытерпѣлъ отъ козней іудеевъ ¹²⁶²⁾. Часто долженъ былъ онъ подвергаться опасностямъ и отъ язычниковъ на узкихъ улицахъ города. О его опасностяхъ отъ лежебратій, въ родѣ Фигелла, Гермогена и Александра, можно составить понятіе по тѣмъ клеветническимъ навѣтамъ на его личность и по той междоусобной оппозиціи его ученію, которыя такъ часто огорчали его до глубины души. Опасности въ пустынѣ и на морѣ были неизбѣжнымъ удѣломъ всякаго, кому приходилось предпринимать большія путешествія въ то время, когда мореплаваніе было еще такъ несовершенно и пути сообщенія такъ опасны. Обо всѣхъ этихъ опасностяхъ

онъ писалъ именно скорѣ послѣ отбытія изъ Ефеса и если, какъ можно думать, онъ предпринималъ болѣе чѣмъ одно путешествіе изъ гавани Ефеса въ различные мѣста по берегамъ Леванта, то быть можетъ въ это именно время онъ потерпѣлъ то особенно опасное кораблекрушеніе, спасаясь отъ котораго онъ проплавалъ цѣлыя сутки по бурнымъ волнамъ ¹²⁸³). И во все это время, съ трепещущимъ отъ сочувствія, или пылающимъ отъ негодованія сердцемъ (2 Кор. xi, 29), онъ совершалъ обязанности многотруднаго пастырскаго служенія, неся на себѣ безпокойное бремя всѣхъ церквей, изъ которыхъ инныя, подобно церквамъ Коринеа и Галатіи, при-

Видъ Пергама.

чиняли ему самыя тяжкія страданія. Не было недостатка и въ чисто физическихъ лишеніяхъ и испытаніяхъ. Вѣрный своему правилу—не ѣсть чужаго, ставящаго въ зависимость, хлѣба (Дѣян. xx, 34), онъ неустанно трудился въ Ефесѣ для своего пропитанія, и не только онъ самъ, но даже и Аристархъ и другіе бывшіе съ нимъ собратья; и однако даже всѣ его труды и страданія, всѣ бессонныя ночи, работы и опасности не спасали его отъ холода и наготы, отъ постоянныхъ мукъ голода во время вынужденныхъ или добровольныхъ постовъ ¹²⁸⁴). И въ то время какъ онъ, подобно полководцу на полѣ битвы, зорко наблюдалъ за всѣми слабыми или подвергавшимися опасности пунктами; въ то время какъ сердце его разры-

валось отъ извѣстій о недостаткахъ тѣхъ, за которыхъ онъ готовъ былъ положить свою душу; въ то время какъ новая могущественная и организованная партія вела противъ него враждебную дѣятельность въ тѣхъ самыхъ церквахъ, которыя онъ основалъ съ такимъ трудомъ и опасностями ¹²⁶⁵); въ то время какъ онъ подвергался постояннымъ бичеваніямъ, нападеніямъ черни и оскорбленіямъ, страдая въ то же время отъ частыхъ припадковъ болѣзни и унынія духа; въ то время какъ онъ единолично и велъ борьбу и направлялъ весь ходъ великаго дѣла,—при всемъ этомъ онъ находилъ еще время путешествовать для основанія или утвержденія другихъ церквей и писать, какбы самою кровію своею, письма, которыя должны были приковывать вниманіе тысячъ самыхъ возвышенныхъ умовъ въ теченіе восемнадцати столѣтій послѣ того, какъ самъ онъ уже слегъ въ безвѣстную могилу. Изъ нихъ мы видимъ, что во время самаго повидимому успѣха онъ находился среди людскаго безумія, слабости и позора, съ висящимъ надъ его головой смертнымъ приговоромъ; былъ поражаемъ, гонимъ и тревожимъ со всѣхъ сторонъ; безпріютный, терпя голодъ, жажду и недостатокъ въ одеждѣ, онъ былъ поносимъ и злословимъ и какъ соръ для міра былъ попираемъ всѣми (1 Кор. iv, 8—13; 2 Кор. iv, 8, 9). Мало того, онъ былъ какбы на аренѣ съ дикими звѣрями и не только каждый день, но каждый часъ, говоря почеловѣчески, онъ боролся съ дикими звѣрями въ этомъ большомъ, распутномъ городѣ іонійскомъ; каждый день онъ жилъ такъ сказать заживо поборовшей его смертью. Онъ говоритъ, что онъ былъ подобно преступному рабу заклеименъ клеймомъ Господа Іисуса (Гал. vi, 17); что его умерщвляли всякій день (Римл. viii, 36); что онъ былъ «многократно при смерти» (2 Кор. xi, 23); что онъ постоянно носилъ съ собою мертвость распятаго Христа (2 Кор. iv, 10); его жизнь была безконечнымъ умерщвленіемъ, его исторія—надпись на крестѣ. Удивительно ли, если при такихъ бѣдствіяхъ были времена, когда падалъ и его геройскій духъ? Удивительно ли, если онъ говоритъ о слезахъ, трепетѣ и уныніи сердца, о крайнемъ безпокойствѣ, когда, подавляемый выше всякой мѣры и силы, онъ отчаявался въ самой своей жизни (2 Кор. i, 8), въ то же время подвергаясь почти сверхчеловѣческимъ испытаніямъ безъ борьбы и безъ страха? Удивительно ли, если онъ нашелъ себя вынужденнымъ сказать, что если такова вся жизнь въ надеждѣ на Христа, то онъ былъ бы самымъ жалкимъ изъ людей (1 Кор. xv, 19)? И однако же, полагаясь на Спасителя, съ какимъ торжествомъ держался онъ противъ прилива подавляющихъ невзгодъ? Во всеоружіи Божіемъ съ какою безбоязненностью онъ не переставалъ бросаться въ самый пылъ нескончаемой битвы, въ которой нѣтъ пощады ¹²⁶⁶)? Неукротимый духъ! Повергнутый на земь, прикованный подобно плѣннику къ триумфальной колесницѣ своего Господа (2 Кор. ii, 14—16), влачимый какбы изъ города въ городъ въ узахъ и среди оскорбленій (Дѣян. xx, 23), какъ позорное зрѣлище, служа для уличной черни жалкимъ свидѣтелемъ гордаго торжества побѣдителя,—онъ всетаки благодаритъ Бога, что онъ такой именно плѣнникъ, и

величается своими невзгодами и немощами. Несравненный и геройскій духъ! Много святыхъ Божіихъ трудились, страдали, путешествовали, проповѣдывали, были злословимы, гонимы, заключаемы въ темницы и мучимы за дѣло Христово. Они величаво вздымаются надъ грубымъ стадомъ себялюбивыхъ и ищущихъ благъ жизни людей; но даже всѣ труды нѣкоторыхъ изъ величайшихъ изъ нихъ вмѣстѣ, всѣ ихъ страданія взятые вмѣстѣ не были равны трудамъ и страданіямъ ап. Павла, и только очень немногіе были тѣмъ, чѣмъ былъ онъ — великимъ, самобытнымъ мыслителемъ, равно какъ и преданнѣйшимъ практическимъ труженникомъ для дѣла своего Господа.

Но изъ этого періода мы знаемъ изъ Дѣяній Апостольскихъ только объ одномъ заключительномъ событіи¹²⁸⁷⁾, и сомнительно даже, изображено ли оно для насъ хоть въ половину столь ужасными красками, какъ оно было въ дѣйствительности. Достоверно то, что нѣкоторые изъ отмѣченныхъ нами невзгодъ должны быть отнесены къ этой завершающей опасности, и что при всей его привычности къ ежедневнымъ опасностямъ въ самыхъ худшихъ ихъ формахъ эта особенная опасность и сопровождавшія ее обстоятельства, которыя скорѣе мелькомъ указываются, чѣмъ подробно излагаются въ повѣствованіи, произвели самое сильное впечатлѣніе на душу апостола.

По истеченіи около двухъ лѣтъ, онъ, при своей неусыпной ревности, почувствовалъ, что ему невозможно было долѣе оставаться въ школѣ Тиранна. Онъ составилъ планъ отправиться изъ Ефеса послѣ пятидесятницы, еще разъ посѣтить церкви Македоніи и Ахаіи, основанныя имъ во время втораго путешествія, и отплыть изъ Коринѳа для пятаго посѣщенія Іерусалима, послѣ котораго уже онъ надѣялся увидѣть и Римъ, великую столицу цивилизованнаго міра. Сообразно съ этимъ планомъ онъ уже отправилъ двухъ изъ своихъ сотрудниковъ, Тимофея и Ераста, въ Македонію съ повелѣніемъ имъ присоединиться опять къ нему въ Коринѳѣ. Ерастъ¹²⁸⁸⁾—если только это казначей города—былъ человекомъ вліятельнымъ и потому лучше всего могъ позаботиться какъ о приготовленіяхъ къ приему апостола, такъ и о приведеніи въ исполненіе еженедѣльныхъ сборовъ, которыми въ это время сильно интересовался апостолъ Павелъ. Посѣщеніе Іерусалима дѣлалось необходимымъ для доставленія бѣдствующимъ христіанамъ этого города милостыни, которую онъ теперь собиралъ среди языческихъ церквей и которую естественно желалъ доставить лично, какъ возможно лучшій знакъ прощенія и братства, представителямъ недружелюбной къ нему общины. Не таковъ впрочемъ былъ его первоначальный планъ (2 Кор. I, 16—23). Онъ первоначально намѣревался и даже объявилъ о своемъ намѣреніи въ недошедшемъ до насъ письмѣ¹²⁸⁹⁾ отплыть изъ Ефеса прямо въ Коринѳъ, пройти оттуда сухимъ путемъ къ церквамъ Македоніи, оттуда вновь отплыть въ Коринѳъ и такимъ образомъ еще разъ отправиться моремъ изъ Коринѳа въ Іерусалимъ. Вѣскія основанія, какъ надо думать, заставили отказаться отъ этого плана. Худыя извѣстія

касательно состоянія Коринеской церкви, полученные имъ отъ рабовъ Хлои, заставили его написать его первое пространное посланіе къ Коринѣянамъ, въ которомъ онъ молча оставляетъ свое первоначальное намѣреніе, но посылаетъ Тита и съ нимъ «брата» для улаженія по возможности возникшихъ среди нихъ грубыхъ безпорядковъ (1 Кор. xvi, 5—7). Вѣроятно въ это же самое время онъ послалъ извѣстіе къ Тимоеею, не будучи увѣренъ однако же—дойдетъ ли оно къ нему въ время, — чтобы онъ не ходилъ въ Коринѣ, но или возвратился къ нему, или ожидалъ его въ Македоніи. Первое посланіе къ Коринѣянамъ было написано около праздника пасхи—въ апрѣлѣ, и вѣроятно въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ совершилось событіе, которое въ самый послѣдній моментъ сдѣлало опаснымъ его дальнѣйшее пребываніе въ Ефесѣ и ускорило его отбытіе изъ него.

Быль мѣсяцъ май, и повидимому ничто уже не грозило мирному окончанію сопряженнаго съ столькими тревоженіями служенія. Но мѣсяцъ этотъ былъ спеціально посвященъ богинѣ Ефеса и назывался по ея имени—Артемидинымъ¹²⁷⁰). Въ теченіе этого мѣсяца происходила большая ярмарка, называвшаяся Ефесія, которая привлекала огромную массу народа со всѣхъ концовъ Азіи, и сопровождалась чрезвычайнымъ блескомъ и шумнымъ разгуломъ. Дѣлалось почти то же, что и на большихъ христіанскихъ празднествахъ въ средніе вѣка—съ ихъ мальчиками-епископами и безпутными аббатами. Боги были олицетворяемы избиравшимися представителями, которые въ теченіе цѣлаго мѣсяца пользовались притворно комическимъ поклоненіемъ. Какойнибудь Алитархъ изображалъ Зевса, Грамматей игралъ роль Аполлона, Амфиаль олицетворялъ Гермеса, и въ безчисленныхъ процессіяхъ, съ церемоніями и жертвоприношеніями, они проходили по улицамъ; ихъ ставили на возвышенность въ публичныхъ мѣстахъ, одѣвали въ бѣлыя или золототканья одежды и увѣнчивали коронами, осыпанными жемчугомъ и драгоценными камнями. Театръ и арена переполнялись праздничными толпами—слушать музыкальныя состязанія, любоваться конными бѣгами и атлетическимъ молодечествомъ, или съ трепетомъ болѣе жестокаго чувства смотрѣть на ужасающую борьбу людей со звѣрями. Огромные расходы по этимъ продолжительнымъ празднествамъ и пышнымъ зрѣлищамъ всецѣло неслись коллегіей десяти азіарховъ, которые такимъ образомъ исполняли то же назначеніе, какъ и *Curule Aediles* въ Римѣ. Это были высокочнатные люди, ежегодно выбиравшіеся изъ богатѣйшихъ гражданъ главныхъ городовъ Азіи, и на нихъ лежала обязанность управлять играми и увеселеніями и наблюдать за порядкомъ въ театрѣ. Тяжелое денежное бремя этой должности окупалось почетными привилегіями и общественными отличіями. Имена ихъ чеканились на монетахъ и заносились въ общественныя надписи, а гирлянды и пурпурныя одежды, которыми они отличались во все продолженіе празднества, были внѣшними знаками народной признательности¹²⁷¹).

Въ теченіе священнаго мѣсяца городъ стономъ стоналъ отъ всякаго рода

ликованій; веселыя процессіи постоянно шествовали къ знаменитому храму; пьянство и разгуль разливались все шире; даже въ мягкую всеннюю ночь агора кишѣла оживленными толпами празднующихъ и кутилъ¹²⁷²). Въ такое время

Ефесъ съ видомъ башни, такъ называемой
темницы ап. Павла.

было неизбѣжно особенное огрубѣніе фанатизма, и нѣтъ ничего

невѣроятнаго, что безстыдная и распутная чернь, подстрекаемая евнухами-жрецами и іеродулами Артемиды, избрала предметомъ своихъ оскорбленій маленькую общину, собиравшуюся въ школѣ Тиранна, и ея вѣсьмъ извѣстнаго учителя. Въ этомъ году замѣчалось видимое уменьшеніе безшабашнаго разгула во время Артемидина

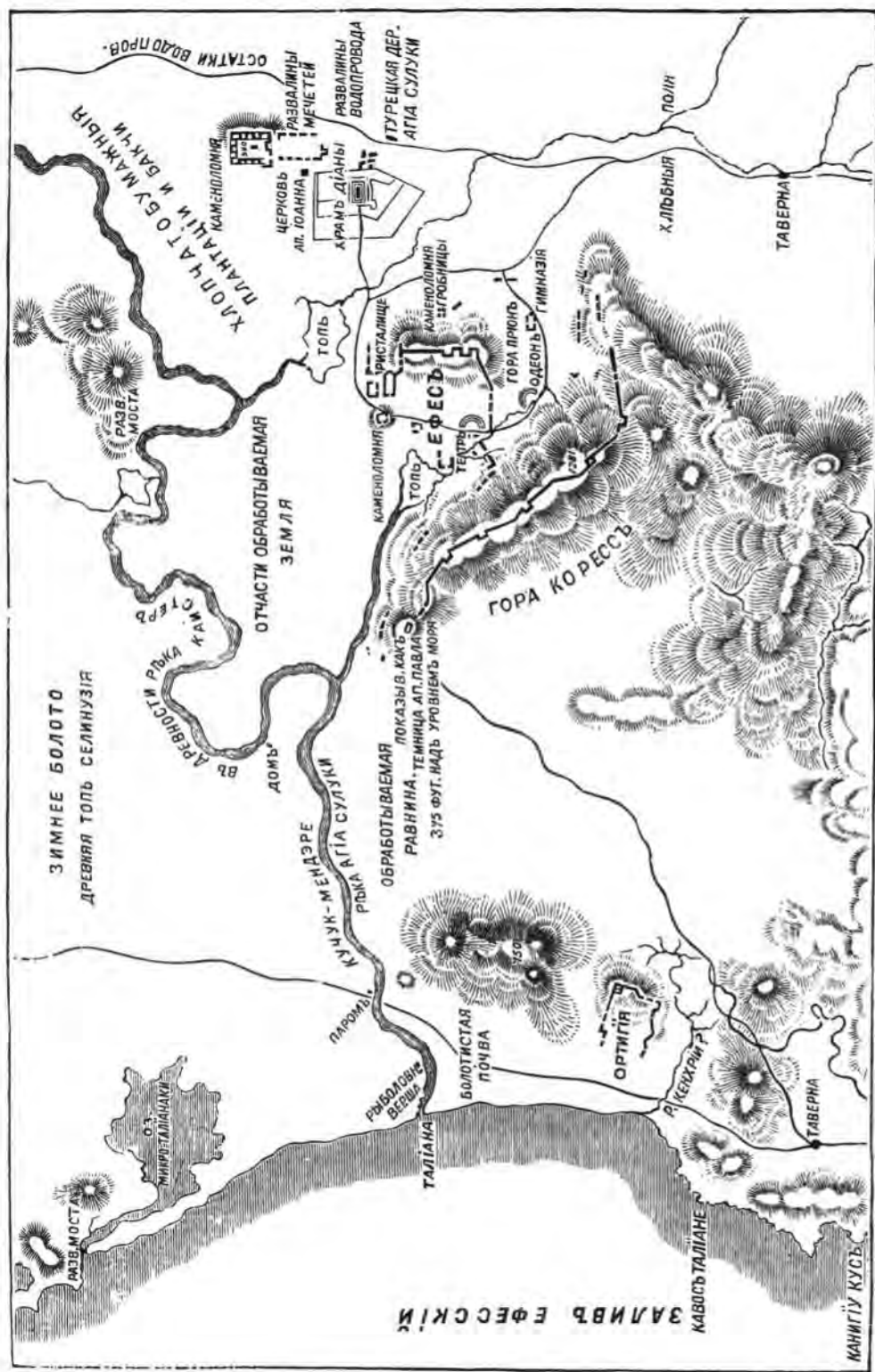
мѣсяца, и причина этого упадка была вполне извѣстна¹²⁷³). Не только въ Ефесѣ, но и во всѣхъ главныхъ городахъ проконсульской Азіи былъ возбужденъ глубокий интересъ проповѣдничествомъ нѣкоего Павла, который въ самой столицѣ идолопоклонства, какъ извѣстно, спокойно проповѣдывалъ, что тѣ, кои сдѣланы

человѣческими руками, совсѣмъ не боги. Много народа склонилось къ принятію этой проповѣди; еще болѣе было такихъ, которые по крайней мѣрѣ подъ вліяніемъ ея стали равнодушно относиться къ безсмысленной обрядности и причитаніямъ, и даже къ храмамъ и идоламъ. Слѣдствіемъ этого было то, что въ Ефесѣ «произошелъ не малый мятежъ противъ пути Господня». Павелъ и его проповѣдь, «братья» и ихъ собранія—были у всѣхъ на языкѣ, и не мало ропщущихъ проклятій произносилось противъ нихъ мегабизомъ и мелиссами, а также и сотнями приживалокъ, собирающихся вокругъ всякаго большого учрежденія. Наконецъ это худоскрываемое озлобленіе прорвалось наружу. Болѣе всего убытковъ понесъ отъ уменьшенія благоговѣнія къ богинѣ и ея святилищу нѣкій серебряныхъ дѣлъ мастеръ, по имени Димитрій, который продавалъ поклонникамъ маленькія серебряныя модели храма и изображенія въ память посѣщенія ими Ефеса¹²⁷⁴) и его храма. Они были похожи на маленькія алебастровыя или серебряныя копія Лоретто и другихъ знаменитыхъ зданій Италіи; да и не только въ Ефесѣ, но и въ каждомъ знаменитомъ центрѣ языческаго культа спросъ на эти вещи вызывалъ большое предложеніе ихъ со стороны промышленниковъ. Димитрій напелъ, что его промышленность начинаетъ подрываться, и такъ какъ изможденная толпа священныхъ рабовъ и музыкантовъ не осмѣливалась вступить за культъ, который питалъ ихъ преступную праздность, онъ рѣшился самъ, насколько это было возможно для него, остановить это грозящее ему бѣдствіе. Созвавъ на собраніе всѣхъ художниковъ и простыхъ рабочихъ, занимавшихся этимъ ремесломъ¹²⁷⁵), онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сначала возбудилъ ихъ страсти предостереженіемъ о грозящемъ имъ разореніи (сн. Дѣян. хvi, 19), и затѣмъ взывалъ къ ихъ дремлющему фанатизму объ отмщеніи за оскорбленное величіе ихъ храма и упадающее великолѣпіе богини, которую боготворила вся Азія и весь міръ¹²⁷⁶). Рѣчь эта была какбы искрой для горячаго матеріала. Интересы ихъ страдали¹²⁷⁷) и суевѣріе ихъ подвергалось опасности; а ярость, которая могла встрѣтить лишь презрѣніе, если бы возникала только изъ матеріальной алчности, принимала болѣе почтенный видъ, когда прикрывалась плащомъ религіозной ревности. Отвѣтомъ на рѣчь Димитрія былъ единодушный кликъ—девизъ Ефеса: «велика Артемида Ефесская»! Такое большое собраніе ремесленниковъ произвело много возбужденія въ городѣ. Толпы народа стекались отовсюду—изъ cadaго портика, съ агоры, гимназіи и улицъ. Весь городъ повергся въ состояніе мятежа, и народъ устремился въ іудейскій кварталъ и къ мастерской Акилы. Чтò собственно произошло тамъ, объ этомъ мы не имѣемъ подробностей, кромѣ того, что жизнь апостола была въ величайшей опасности. Чернь однако же обманулась въ своей добычѣ. Ап. Павла, какъ при подобной же опасности въ Фессалоникѣ, или не было дома въ это время, или онъ удачно скрытъ былъ Прискиллою и ея мужемъ, которые сами подвергались опасности быть убитыми при своихъ усиліяхъ защитить его (Рим. хvi, 4). Такъ какъ однако же мятежники

не могли найти главнаго предмета своихъ розысковъ, то они схватили двоихъ изъ его спутниковъ, Гаіа македонянина ¹²⁷⁸) и преданнаго ему Аристарха ¹²⁷⁹). Захвативъ этихъ двухъ лицъ, толпа съ дикостью устремила въ обширное помѣщеніе театра ¹²⁸⁰), который всегда стоялъ открытымъ и еще видимыя развалины котораго—«развалины грандіознаго вида»—показываютъ, что это былъ одинъ изъ величайшихъ театровъ въ мірѣ и могъ вмѣщать до 30,000 зрителей ¹²⁸¹). Ап. Павелъ, гдѣ бы онъ ни былъ спрятанъ, находился въ положеніи, дававшемъ ему возможность сноситься съ своими учениками. Крайне безпокоясь за неизвѣстную судьбу своихъ сотоварищей, онъ хотѣлъ прямо идти въ театръ и тамъ обратиться съ рѣчью къ мятежникамъ. Быть можетъ нѣтъ болѣе великаго мужества чѣмъ то, которое требуется отъ человѣка, который, въ виду грозящей опасности быть разорваннымъ на куски, осмѣливается выступить лицомъ къ лицу съ оскорбленіями и яростью дико-озлобленной толпы. Но силы и духъ ап. Павла всегда поднимались на высоту великихъ событій, и хотя онъ былъ такъ чувствителенъ, что не могъ писать суроваго письма безъ потоковъ слезъ, и такъ немощенъ, что едва могъ выносить одиночество даже въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ былъ вполне способенъ на этотъ въ высшей степени геройскій подвигъ. Онъ всегда хотѣлъ стоять впереди всѣхъ въ битвѣ за дѣло своего Учителя. Но его друзья лучше оцѣнивали величіе опасности. Гаіи и Аристархъ занимали слишкомъ соподчиненное положеніе, чтобы дѣлаться козлами отпущенія для мщенія толпы; но они были увѣрены, что простое появленіе этой согбенной фигуры съ истомленнымъ и изможденнымъ лицомъ, которая была такъ хорошо извѣстна во многихъ городахъ Азіи, было бы немедленнымъ сигналомъ для ужаснаго кровопролитія. Ихъ противодѣйствіе нашло подтвержденіе въ дружественномъ сообщеніи отъ нѣкоторыхъ азіарховъ ¹²⁸²), которые справедливо предполагали возможность геройскаго побужденія, могшаго заставить апостола выступить противъ народной бури. Стараясь предотвратить кровопролитіе и спасти жизнь того, дарованія и величіемъ котораго они привыкли восторгаться, и вполне зная воспламененность ефесской черни, они послали ап. Павлу рѣшительное предостереженіе—не показываться въ театръ.

Мятежъ между тѣмъ мало-по-малу улегся, ограничившись простымъ шумомъ. Рабочіе, правда, захватили Гаіа и Аристарха; но такъ какъ толпа не нуждалась въ этихъ жалкихъ грекахъ, самый видъ которыхъ не показывалъ ихъ связи съ христ. общиной, считавшейся вообще просто іудейскою сектой, то они и не знали, что имъ дѣлать съ ними. Большинство въ этомъ смѣшенномъ собраніи, не имѣя возможности разобраться въ противорѣчивыхъ крикахъ, поднимавшихся со всѣхъ сторонъ, не знали даже хорошенько, зачѣмъ они тутъ. Быть можетъ они смутно догадывались, что кого-то хотятъ бросить дикимъ звѣрямъ, и несомнѣнно между разнообразными выкликами не было недостатка и въ голосахъ подобныхъ тѣмъ, которыми нѣсколько лѣтъ спустя оглашался театръ въ Смирнѣ—во время мучени-

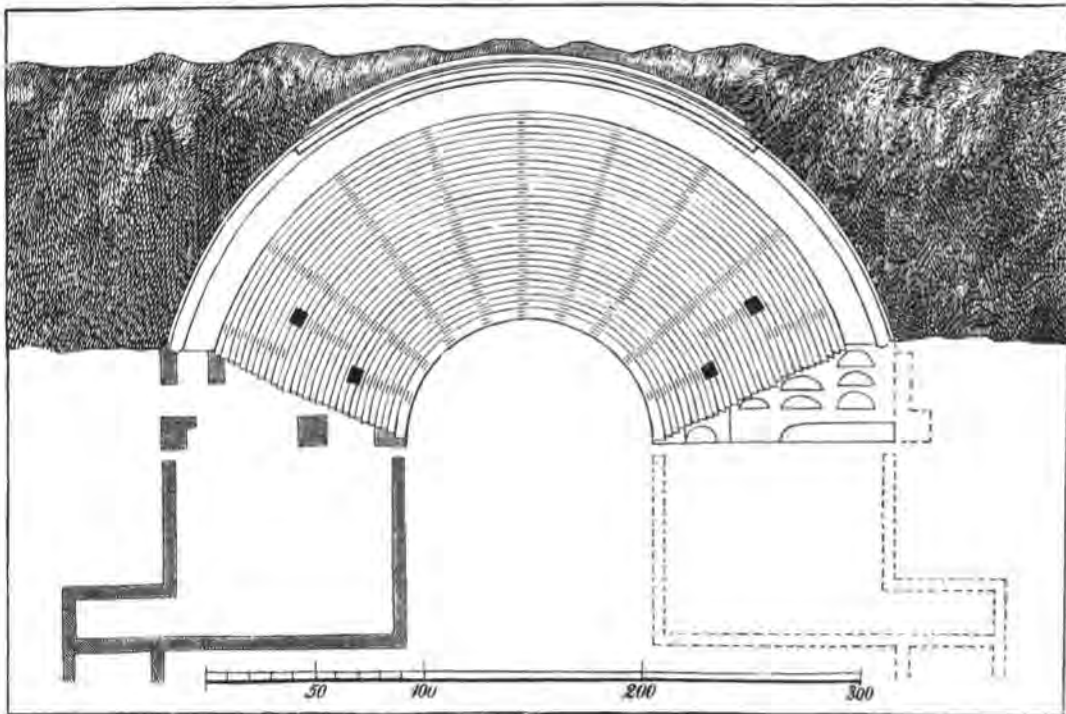
Планъ Ефеса.

чества св. Поликарпа: «Павла на съѣденіе лвамъ»! «Христіанъ отдать лвамъ» ¹²⁸³)! Одно только вообще было извѣстно всѣмъ, что именно люди, послужившіе причиной возмущенія, были іудейскаго происхожденія, а греческая чернь никогда не прочь была выразить свою крайнюю ненависть къ іудейскому народу. Іудеи, съ другой стороны, считали крайне обиднымъ, что имъ, такъ долго жившимъ рядомъ съ ефесянами въ совершенно дружелюбныхъ торговыхъ отношеніяхъ, приходилось переносить непопулярность ради секты, которую они такъ же ненавидѣли, какъ только могли ненавидѣть ее и греки. Они старались объяснить грекамъ и римлянамъ, чего тѣ никакъ не могли постигнуть сами, что іудеи отнюдь не христіане, хотя христіане и могли быть іудеями. Вслѣдствіе этого они обратились съ просьбою къ нѣкому Александру, чтобы онъ заступился за нихъ и объяснилъ въ чемъ дѣло. Этотъ человѣкъ вѣроятно былъ мѣдникъ, который впослѣдствіи много также зла сдѣлалъ ап. Павлу и который по сродству ремесла съ нѣкоторою вѣроятностью могъ бы повліять на Димитрія и его рабочихъ. Эта попытка свалить всю народную ненависть на христіанъ потерпѣла полную неудачу. Александру удалось кое-какъ пробраться впередъ, гдѣ онъ и выступилъ передъ чернью съ поднятой рукою, пытаясь обратить вниманіе толпы на свою рѣчь. Но лишь только въ толпѣ разглядѣли хорошо знакомыя черты іудейской фізіономіи, какъ вся народная ненависть вырвалась въ отчаянномъ воплѣ: «велика Артемида Ефесская!» ¹²⁸⁴), который переливался изъ устъ въ уста, пока не прогремѣло отдаленное эхо въ скалахъ Пріона и Коресса, и въ этомъ привычномъ и единодушномъ кликѣ утонуло все другое.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ эта пестрая греческая толпа, на подобіе завывающихъ дервишей, продолжала непрерывно издавать свой безсмысленный вопль ¹²⁸⁵). Этимъ временемъ между тѣмъ она уже достаточно утомилась, чтобы дать возможность объясниться. До сихъ поръ власти, опасаясь, чтобы это происшествіе не окончилось пробужденіемъ римской подозрительности и не повело къ ограниченію ихъ привилегій, тщетно старались остановить потокъ возбужденія; но теперь, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, блюстителю порядка—комическому ли то чиновнику, выбиравшемуся сенатомъ и народомъ на время артемидина празднества, или, что болѣе вѣроятно, постоянному городскому должностному человѣку—удалось возстановить порядокъ ¹²⁸⁶). Это было тѣмъ легче ему, что человѣкъ, умѣвшій сказать такую искусную и умную рѣчь, едва ли не могъ не внушать къ себѣ уваженія, возвышавшагося достоинствомъ самаго положенія. «Ефесяне! воскликнулъ онъ: какой человѣкъ не знаетъ, что Ефесъ есть служитель ¹²⁸⁷) великой богини Артемиды и Діонета? Если же въ этомъ нѣтъ спора, то надобно вамъ быть спокойными, и не поступать опрометчиво ¹²⁸⁸) А вы привели этихъ мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали ¹²⁸⁹), ни богини вашей не хулили ¹²⁹⁰). Если же Димитрій и другіе съ нимъ художники имѣютъ жалобу на кого нибудь; то есть судебныхъ собранія ¹²⁹¹), и есть проконсулы ¹²⁹²): пусть жалуются

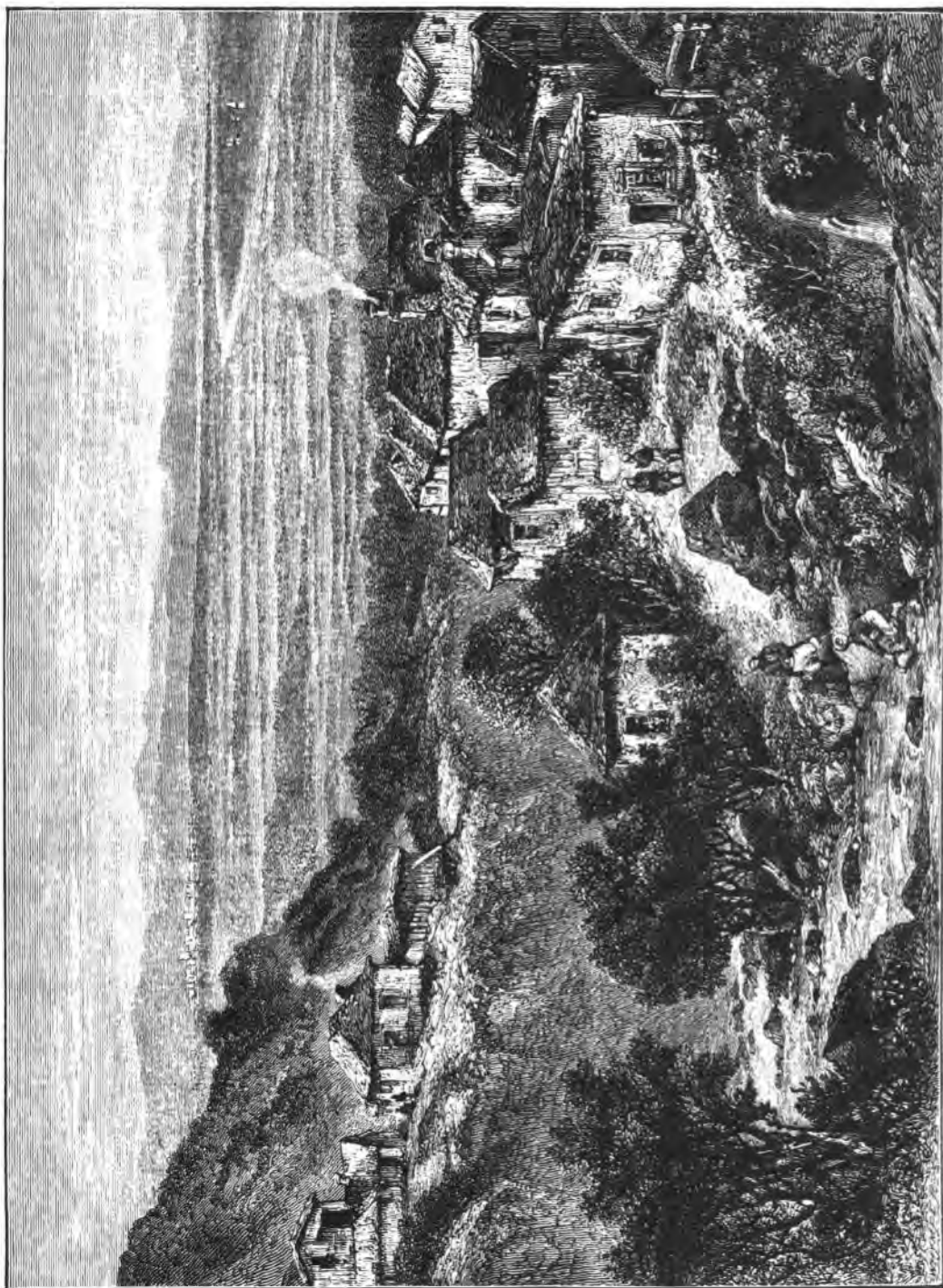
другъ на друга. А если вы ищете чего-нибудь другаго, то это будетъ рѣшено въ другомъ собраніи ¹²⁹³). Ибо мы находимся въ опасности за происшедшее нынѣ быть обвиненными въ возмущеніи, такъ какъ нѣтъ никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище».

Рѣчь эта сразу произвела поразительное дѣйствіе. Смятеніе прекратилось. Умная рѣчь этого всѣми уважаемаго человѣка заставила толпу раскаяться въ своемъ неразумномъ мятежѣ, и испугаться его возможныхъ послѣдствій, какъ это намекнулъ блюститель порядка въ своей рѣчи, попеременно дѣйствовавшій

Планъ храма или театра.

лестью, запугиваніемъ, вразумленіемъ и успокоеніемъ. Она живо напомнила имъ, что такъ какъ Азія была сенаторскою, а не императорскою провинціей и управлялась поэтому проконсуломъ съ нѣсколькими чиновниками, а не пропре- торомъ съ легиономъ солдатъ, то они сами были отвѣтственны за сохраненіе добраго порядка и навѣрно были бы сочтены виновниками нарушенія спокойствія. День безпорядка могъ на цѣлые годы невыгодно отозваться на ихъ привиле- гіяхъ. Рѣчь блюстителя порядка есть образецъ обращенія къ народу. Такое смятеніе со стороны ефесянъ было недостойнымъ, такъ какъ величіе ихъ культа не подвергалось никакому оскорбленію; оно не оправдывалось ничѣмъ, такъ какъ

Видъ береговъ Каріи, съ Милегомъ въ отдаленіи.

нельзя было ничего доказать противъ этихъ лицъ; оно было излишне, такъ какъ подъ рукой были и другія средства для возмездія имъ; наконецъ, если ни гордость, ни справедливость не могли повліять на нихъ, то по крайней мѣрѣ страхъ римлянъ ¹²⁹⁴) могъ воздержать ихъ. Народъ крайне устыдился своего поступка и блюститель порядка получилъ возможность распустить его изъ театра.

Однако же, собственно для личности. ап. Павла, опасность едва ли могла прекратиться въ теченіе мѣсяца, празднества котораго были испорчены имъ, и въ городѣ, который, такъ сказать, былъ переполненъ подорванными интересами и оскорбленными суевѣріями. Былъ ли онъ ввергнутъ въ темницу, или вообще каковы были опасности, на которыя онъ намекаетъ потомъ, или какимъ путемъ Богъ избавилъ его «отъ столь близкой смерти» (2 Кор. 1, 10), мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ для него стало невозможнымъ осуществить свое намѣреніе пребыть въ Ефесѣ до пятидесятницы ¹²⁹⁵). Все, что намъ сообщается о дальнѣйшихъ событіяхъ, это то, что когда прекратился мятежъ, апостолъ созвалъ своихъ учениковъ и, высказавъ имъ утѣшеніе ¹²⁹⁶), простился съ ними — вѣроятно на многіе годы, и быть можетъ на-всегда ¹²⁹⁷). Онъ отправился, моремъ или сухимъ путемъ — мы не знаемъ, въ Македонію. Съ Силой онъ окончательно разстался въ Іерусалимѣ. Тимоѳей, Титъ, Лука, Ерастъ — всѣ находились въ другихъ мѣстахъ; но Гаій и Аристархъ, спасенные отъ своего опаснаго положенія въ театрѣ, были еще съ нимъ, и къ нему еще присоединилось двое ефесянъ — Тихикъ и Трофимъ, которые оставались преданными ему до самаго окончанія его дѣятельности.

Основанная ап. Павломъ въ Ефесѣ церковь сдѣлалась знаменитой христіанской митрополіей, давшей цѣлый рядъ епископовъ, и тамъ четыре столѣтія спустя происходилъ великій вселенскій соборъ, который низложилъ Несторія, еретическаго патріарха константинопольскаго ¹²⁹⁸). Но «свѣтильникъ» ея на цѣлыя столѣтія былъ «сдвинутъ съ мѣста» (Откр. 1, 5): жалкая магометанская деревня, ближайшая къ мѣстоположенію древняго Ефеса, не имѣетъ ни одного христіанина въ своемъ незначительномъ населеніи ¹²⁹⁹). Храмъ его представляетъ сѣрую груду развалинъ; гавань — поросшее камышемъ болото, гдѣ слышатся лишь стоны болотной выпи; лихорадки и забвеніе царствуютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатство древней цивилизаціи скоплялось среди самыхъ грубыхъ суевѣрій и омерзительнѣйшихъ пороковъ. «Шумный полетъ воронъ, говоритъ новѣйшій путешественникъ, какбы оскорблялъ его безмолвіе; мы слышали выкрики перепела въ предѣлахъ его бывшаго театра и расталища» ¹³⁰⁰).

ГЛАВА XXXII.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ КОРИНѢ.

Горе мнѣ, если не благоговѣваю.

1 Кор 1х, 16

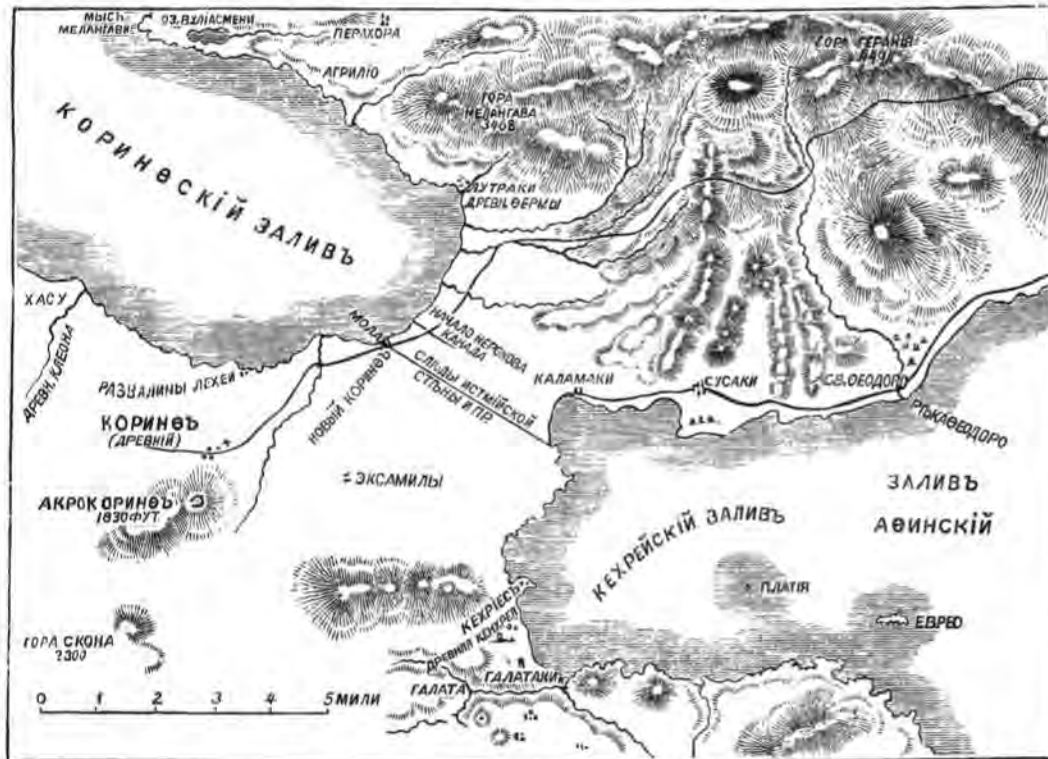

ТРУДНО представить испытанія и безпокойства, которыя удручали жизнь великаго апостола во время его пребыванія въ Ефесѣ, если не принимать во вниманіе всей важности причинъ, заставлявшихъ страдать его вслѣдствіе заблужденій другихъ его обращенцевъ. Первое посланіе къ Коринѣянамъ было написано въ теченіе послѣдней части его трехлѣтняго пребыванія въ іонійской митрополіи ^{130.}) и оно раскрываетъ предъ нами состояніе вещей, которое должно было раздирать его сердце. Всякій, кому выпадала тяжелая привилегія чувствовать глубокую личную отвѣтственность за какое нибудь великое и возлюбленное учрежденіе, лучше всего оцѣнить всѣ огорченія, которыя какбы волна за волной проносились по морю его житейскихъ невзгодъ, когда онъ время отъ времени получалъ мрачныя извѣстія изъ Галатіи и Коринѣа, показывавшія, какъ успѣшно вражьи плевелы возрастали среди доброй, посѣянной имъ пшеницы.

Аполлосъ, по своемъ возвращеніи въ Ефесъ, должно быть разсказалъ ему нѣсколько очень неблагопріятныхъ подробностей. Теперь ап. Павелъ уже не былъ у коринѣянъ почти три года и они, какъ можно видѣть, ожидали его прибытія къ нимъ съ такимъ нетерпѣніемъ, которое дѣлало ихъ даже несправедливыми по отношенію къ нему. Эта маленькая община, состоявшая изъ обращенцевъ, вышедшихъ большею частью изъ низкаго положенія, а отчасти даже изъ вертеповъ зазорной жизни, изъ рабовъ, и притомъ самаго низшаго разбора, оставлена была имъ среди языческаго міра, который въ Коринѣ представлялся подъ самыми веселыми и заманчивыми формами. Привычекъ

жизни нельзя оставить въ одинъ день. Даже тѣ изъ христіанъ, обращеніе которыхъ было наиболѣе искренно, должны были всетаки вести страшную борьбу противъ двухъ искушеній: искушенія безчестности, которое примѣшивалось къ обычнымъ способамъ добыванія средствъ жизни, и искушенія чувственности, которое сплеталось съ самою сущностью языческаго бытія. Съ христіанствомъ въ нихъ пробудилась совѣсть. Грѣхи, которымъ они раньше съ такою легкостью предавались, какъ совершенно безразличному дѣлу, теперь требовали напряженнаго усилія для того, чтобы противодѣйствовать имъ или побѣдить ихъ, и за всякой неудачей, а тѣмъ болѣе при коварной немощи, слѣдовали муки угрызенія совѣсти и позоръ. И когда они вспоминали о сравнительно болѣе веселой и легкой жизни, которую они проводили будучи еще язычниками; когда они ежедневно испытывали, сколько грѣховъ можно было совершать безъ малѣйшаго смущенія; когда они чувствовали, что тяжесть ихъ жизни удвоилась, а тѣ земныя удовольствія, которыя они нѣкогда считали единственнымъ облегченіемъ, стали теперь для нихъ невозможными или преступными,—въ виду всего этого они, будучи еще неспособны представить себѣ великое утѣшеніе христіанской радости и христіанской надежды, чувствовали непреодолимый соблазнъ совсѣмъ отпасть въ язычество, или съ жадностью слушать всякаго учителя, ученіе котораго, будучи развито логически, могло содѣйствовать ослабленію строгости ихъ священныхъ обязанностей. Когда съ ними былъ ап. Павелъ, то они находились въ сравнительно безопасномъ положеніи. Непреодолимая сила его личнаго вліянія дѣйствовала на нихъ обаятельнымъ образомъ, и при его возвышающемъ присутствіи, при вдохновляющихъ бесѣдахъ, при его ободряющемъ примѣрѣ они находили гораздо легче сбрасывать съ себя все, что было низкаго и преступнаго, потому что имъ тогда было доступнѣе все высшее и святѣйшее. Но когда его такъ долго не было съ ними, когда они ежедневно жили въ большихъ разгульныхъ улицахъ, среди хитрыхъ, многочисленныхъ торговцевъ, видя и слыша все, что могло подавлять духовное стремленіе и поджигать плотскія желанія; когда веселая обыденная жизнь кипѣла кругомъ ихъ, а колесницы Господа были еще далеко,—то едва ли будетъ удивительно, если ихъ христіанское настроеніе начало ослабѣвать. Они были омыты чистой водой крещенія; они питались въ таинствѣ тѣломъ и кровію Христа; но, увы! Коринѣе не былъ небомъ и проза обыденной жизни смѣнила поэзію ихъ первоначальной восторженности, и имъ стало трудно представить себѣ, чтобы эти шумныя улицы могли для нихъ ежедневно оживляться чудесною манной. Ихъ состояніе было подобно раздумью и вздоху жены Лота, когда среди страшной бури сѣры и огня она оглянулась на Содомъ съ его плотскими удовольствіями. Неужели имъ нельзя было больше принимать участія въ *сисситіяхъ* по праздничнымъ днямъ? Неужели имъ нельзя принимать участія въ веселой брачной процессіи въ сумерки и слушать веселыя шутки? Неужели имъ нельзя смотрѣть на пляски іеродуловъ при какомъ нибудь великолѣпномъ празднествѣ въ храмахъ Акрокоринѣа? Неужели

вся жизнь должна состоять для нихъ изъ тернистыхъ сомнѣній? Неужели съ этихъ поръ они должны жить лишь въ области странныхъ мечтаній о будущемъ, не смотрѣть на веселыя лица юныхъ божествъ, увѣнчанныхъ гирляндами изъ розы и гіацинта, а взирать только на искаженное лицо Того, Кто былъ украшенъ терновымъ вѣнкомъ? Да, имъ трудно было предпочесть царство Божіе, трудно было помнить, что они теперь избавлены были отъ рабства египетскаго; трудно было при ихъ испорченности дышать здоровымъ и рѣзкимъ воздухомъ чистой пустыни; трудно было отказаться отъ грубаго и близкаго ради нематеріальнаго и далекаго;

Карта Коринѣскаго перешейка.

трудно не стремиться къ кипящимъ котламъ съ мясомъ и не отвращаться отъ легкой ангельской пищи; трудно отказаться отъ краснаго вина въ блистающей чашѣ ради холодной воды изъ духовнаго источника; трудно побороть и распинать страсти, которыя нѣкогда освящались подъ покровомъ религіи; трудно не считать всѣ эти искушенія непреодолимыми и видѣть путь избавленія, который Богъ указалъ имъ въ отношеніи каждаго изъ нихъ; трудно было радоваться, а не страдать даже до ропота на всѣ эти тягости жизни. А голосъ, который научилъ ихъ дѣламъ Божіимъ, теперь уже давно замолкъ, потому что уже въ теченіе трехъ

лѣтъ они не видѣли апостола, рука котораго указала имъ путь къ небу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ было тоже самое, что и съ Израилемъ, когда Моисей находился на Синаѣ: они стали ѣсть, пить и веселиться — въ честь золотого тельца. Многіе, даже очень многіе изъ нихъ, иные впрочемъ со стыдомъ и тайно, а другіе открыто, оправдывая свою измѣну демонскимъ ученіемъ извращенной истины, опять погрузились въ плотскую нечистоту, пьянство, грубое себялюбіе, какъ будто бы они никогда не слышали небснаго призванія или никогда не принимали вѣчнаго дара.

Обо всемъ этомъ ап. Павелъ могъ узнать и отъ Аполлоса, и поэтому когда представился ¹⁸⁰² ему случай написать имъ письмо (оно потеряно и быть можетъ потому, что было очень коротко и представляло собою дѣловую записку), въ которомъ онъ извѣщалъ коринѳянъ о своемъ предположеніи, впоследствии впрочемъ оставленномъ, опять посѣтить ихъ съ цѣлію производства благотворительнаго сбора въ пользу бѣдныхъ святыхъ въ Іерусалимѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ этомъ письмѣ кратко, но выразительно, просилъ ихъ не имѣть общенія съ блудниками (1 Кор. х, 1—14).

Но вотъ пришло письмо изъ Коринѳа. Оно однако же не только не выражало сожалѣнія о пагубныхъ безпорядкахъ, въ которые впали члены церкви, но отличалось тономъ полного самодовольства, обнаруживая въ тоже время существованіе многихъ недоумѣній касательно ученія и связанныхъ съ нимъ нѣкоторыхъ практическихъ предметовъ. Самая постановка подобныхъ вопросовъ сама собою выдавала нѣкоторыя изъ нравственныхъ и умственныхъ заблужденій, которыя община такъ неумѣло хотѣла скрыть при писаніи этого письма ¹⁸⁰³).

1. Послѣ привѣтствій ему и отвѣта, сдѣланнаго въ приводимыхъ имъ словахъ, что они «все его помнятъ и держатъ преданіе такъ, какъ онъ передалъ имъ» (1 Кор. хі, 2), они предлагали ему цѣлый рядъ вопросовъ касательно безбрачія и брака, которые очевидно горячо обсуждались въ общинѣ и рѣшались въ очень различныхъ смыслахъ. Какъ смотрѣть на брачную жизнь: не преступна ли она сама по себѣ, и если нѣтъ, то быть можетъ всетаки не желательна? Или если не нежелательна, то всетаки не ниже ли она и не менѣе ли богоугодна, чѣмъ безбрачіе? Что касается лицъ уже находящихся въ брачномъ состояніи, то не должны ли они или во всякомъ случаѣ не благопристойнѣе ли и не святѣе ли для нихъ жить между собою такъ, какъ будто бы они были не въ бракѣ? Могутъ ли вдовы и вдовцы вступать въ бракъ во второй разъ? Можно ли терпѣть смѣшанные браки между христіанами и язычниками, или христіанскій супругъ долженъ отвергнуть языческую жену, христіанская жена оставить языческаго мужа? Должны ли отцы заботиться объ устроеніи браковъ своихъ дочерей, или оставлять ихъ въ дѣвствѣ?

2. Затѣмъ, что имъ думать касательно жертвъ, приносимыхъ идоламъ? Своему вопросу по этому предмету они предпослали самоувѣренное замѣчаніе, что они «все знаютъ объ этомъ» (1 Кор. viii, 1), и быть можетъ высказывали свое мнѣніе

въ томъ смыслѣ, что идолъ есть ничто въ мірѣ и что ихъ христіанской свободѣ позволительно все. Однако же имъ желательно было знать, могли ли они когда нибудь присутствовать при идолопоклонническихъ празднествахъ? Вопросъ этотъ былъ важенъ для бѣдныхъ, для которыхъ *visceratio* ¹³⁰⁴) было не малымъ пособіемъ и развлеченіемъ. Можно ли было покупать на открытомъ рынкѣ то мясо, которое безъ ихъ вѣдома быть можетъ приносилось идоламъ? Могли ли они въ качествѣ гостей ходить къ своимъ языческимъ друзьямъ и родственникамъ и подвергаться опасности принимать въ пищу то, что составляло часть жертвоприношенія идоламъ ¹³⁰⁵)?

3. Затѣмъ между ними возникъ также споръ касательно правила, которое нужно соблюдать въ собраніяхъ. Должны ли мужчины сидѣть въ нихъ съ покрытыми головами? Могутъ ли женщины являться съ непокрытыми головами? И могутъ ли онѣ вести бесѣды и учить публично?

4. Они затруднялись также касательно духовныхъ даровъ. Что важнѣе: говорить языками, или проповѣдывать? Когда двое или трое начинали проповѣдывать или говорить языками въ одно и тоже время, то какъ нужно было поступать въ такомъ случаѣ?

5. Нѣкоторые изъ нихъ были смущаемы сильными сомнѣніями касательно воскресенія. Были даже такіе, которые думали, что подъ воскресеніемъ разумѣется нѣчто совершенно духовное и что оно уже совершилось. Этотъ взглядъ возникъ вслѣдствіе громадныхъ въ чисто матеріальномъ отношеніи затрудненій, которыми окруженъ весь предметъ воскресенія тѣла. Не разрѣшить ли имъ ап. Павелъ нѣкоторыхъ изъ этихъ затрудненій?

6. Апостолъ просилъ ихъ произвести сборъ въ пользу бѣдныхъ въ Іудеѣ, но имъ хотѣлось бы услышать нѣсколько болѣе касательно этого. Какой-бы планъ онъ посоветовалъ имъ при этомъ сборѣ?

7. Наконецъ имъ очень хотѣлось еще разъ видѣть среди себя Аполлоса. Они восхищались его краснорѣчіемъ и увлекались его познаніями. Не побудить ли его ап. Павелъ опять придти къ нимъ, а также не посѣтитъ ли ихъ и самъ, какъ онъ общалъ имъ?

Таковы, какъ мы видимъ изъ перваго посланія къ Коринѣянамъ, были вопросы, заключавшіеся въ письмѣ, принесенномъ апостолу въ Ефесѣ Стефаномъ, Фортунатомъ и Ахайкомъ. Ап. Павелъ конечно подробно бесѣдовалъ съ этими достойными рабами о церкви, отъ которой они были посланы. Въ самомъ уже письмѣ содержалось достаточно матеріала, чтобы возбудить нѣкоторую тревогу въ его душѣ, а нѣкоторые изъ вопросовъ явно выдавали возбужденное состояніе умовъ въ членахъ этой церкви. Но когда онъ подробно поговорилъ съ этими посѣтителеми, принадлежавшими дому Хлои, и они рассказали ему всю чистую правду, то онъ былъ пораженъ ужасомъ и въ то же время подавленъ скорбью. Въ отвѣтъ на его разспросы они невольно, пунктъ за пунктомъ, раскрыли состояніе вещей, которое еще болѣе омрачило и безъ того удрученную невзгодами душу апостола.

8. Прежде всего онъ узналъ отъ нихъ, что основанная имъ церковь была плачевно раздираема партіями.

Это было результатомъ посѣщенія Коринѳа различными учителями, которые были тамъ послѣ ап. Павла и на его основаніи воздвигали зданія изъ весьма сомнительныхъ матеріаловъ. «Много учителей, много спору»—таково было одно изъ мудрыхъ изреченій великаго Гиллея, и оно вполне оправдалось въ Коринѳѣ, гдѣ, по саркастическому выраженію ап. Павла, они имѣли «десять тысячъ учителей». При партійныхъ раздорахъ упущена была изъ виду возвышенная цѣль христіанства, и глубочайшая духовность его содержанія испарилась въ сварливыхъ преніяхъ. Онъ получилъ печальную вѣсть о господствующихъ среди ихъ «раздорахъ, зависти, гнѣвѣ, ссорахъ, ябедахъ, клеветахъ, гордости и безпорядкахъ» (2 Кор. xii, 20).

I. Изъ всего этого обнаружилось, что даже посѣщеніе и ученіе Аполлоса принесло вредъ, — вредъ, котораго онъ конечно не намѣренъ былъ причинять и о которомъ, какъ преданный другъ и послѣдователь Павла, онъ конечно первый и сожалѣлъ. Проповѣдь самого ап. Павла въ Коринѳѣ отличалась намѣренною простотою, состояла главнымъ образомъ въ изложеніи ученія объ Искупителѣ, распятомъ за грѣхи міра, и выражена была языкомъ, который не имѣлъ никакого притязанія на ораторское краснорѣчіе. Между тѣмъ Аполлосъ, посѣтившій Коринѳъ послѣ него, при всей своей даровитости, оказался неопытнымъ христіаниномъ, и не только блескомъ своего пылкаго и чарующаго краснорѣчія, но также и изысканной утонченностью, столь свойственной александрійскому уму, ненамѣренно далъ коринѳянамъ поводъ прежде всего пренебрежительно отнестись къ несофистической простотѣ ученія ап. Павла и затѣмъ дать волю всѣмъ тѣмъ скептическимъ мечтаніямъ, которыми расшатывалась ихъ вѣра. Какъ способъ, такъ и содержаніе пылгаго обращенца настолько увлекали ихъ, что, вопреки его собственному желанію, они вывысили Аполлоса на степень главы партіи и довели его взгляды до опасныхъ крайностей. Приверженцы Аполлоса такъ кичились самомнѣніемъ своего знанія, такъ переполнялись важною своею умственной свободой, что начали также притязать на роковую свободу и въ нравственномъ отношеніи. Они развлекали воскресныя собранія тщеславными выходками соперническаго ораторства; выказывали презрительное отношеніе къ строгому благочестію болѣе слабыхъ братьевъ; побуждали женщинъ ораторствовать въ публичныхъ собраніяхъ наравнѣ съ мужчинами; повинны были въ крайне непослѣдовательномъ и неустойчивомъ поведеніи, и даже старались прикрыть плащомъ софистическаго извиненія одно столь гнусное преступленіе, что къ совершившему его чувствовали омерзеніе самые язычники. Изъ рассказовъ, переданныхъ ап. Павлу объ этой Аполлосовой партіи, онъ не могъ не видѣть, что все дѣло заключалось въ ложномъ выводѣ изъ его собственнаго ученія, — въ тѣхъ полуистинахъ, которыя всегда гораздо опаснѣе прямыхъ заблужденій. Если даже преподавныя имъ самимъ

истины можно было извратить въ еретическія мнѣнія, какъ они и были въ послѣдствіи провозглашены Маркіономъ, то своимъ острымъ взглядомъ онъ могъ сразу открыть въ излишествахъ александрійскаго краснорѣчія Аполлоса страшный зародышъ того, что въ послѣдствіи развилось въ антиномистическій гностицизмъ.

II. Но Аполлосъ былъ не единственный учитель, посѣтившій КоринѢ. Туда приходили и нѣкоторые іудейскіе хрістіане, которые съ такимъ же увлеченіемъ приняты были іудейскими членами церкви, какъ Аполлосъ греками ¹⁸⁹⁶). Снабженные рекомендательными письмами отъ нѣкоторыхъ изъ двѣнадцати апостоловъ въ Іерусалимѣ, они добивались признанія авторитета Петра или, какъ они предпочитали называть его, Кифы. Правда, они не учили обязательности обрѣзанія, какъ другіе представители ихъ партіи въ Галатіи. Мѣстные обстоятельства давали тамъ нѣкоторые шансы на успѣхъ ученію, которое въ КоринѢ было бы отвергнуто съ презрѣніемъ; притомъ быть можетъ они чувствовали по крайней мѣрѣ нѣкоторое уваженіе къ соглашенію, состоявшемуся въ Іерусалимѣ. Однако же вліяніе ихъ было въ высшей степени вредно и послужило причиной возникновенія «Петровой» партіи въ церкви. Эта партія,—духовные предки тѣхъ, которые въ послѣдствіи изливали свою ненависть на ап. Павла въ лже-кLEMENTИНАХЪ, — открыто и тайно подрывала его авторитетъ и возбуждала къ отверженію его ученія. Кифа, говорили они, есть истинный глава апостоловъ, а слѣдовательно и хрістіанъ; въ его руки Христосъ передалъ ключи царства; на камнѣ его исповѣданія надлежитъ строиться церкви Мессіи. Павелъ же дерзкій самозванецъ, отношеніе котораго къ Кифѣ въ Антіохіи было въ высшей степени непристойно. Кто такой въ самомъ дѣлѣ Павелъ? Совсѣмъ не апостолъ, а самозванный нововодитель. Онъ былъ членомъ синагоги, гнавшимъ церковь, и сдѣлался отступникомъ отъ іудейства. Что такое представлялъ онъ собою въ КоринѢ? Проповѣдующаго дѣлателя палатокъ и ничего больше. Кифа и другіе апостолы и братія Господни во время путешествій были сопровождаемы своими женами или служащими женщинами и пользовались почетомъ и содержаніемъ, на которое они имѣли право. Почему же Павелъ не дѣлалъ того же самаго? Очевидно потому, что онъ чувствовалъ непрочность своего положенія. А что касается его втораго посѣщенія, то этотъ слабый, колеблющійся никѣмъ неуполномоченный самозванецъ навѣрно не придетъ опять. Самое ученіе его еретическое, особенно въ виду того равнодушія, которое онъ проповѣдывалъ въ отношеніи левитскаго закона. Не разрушалъ ли онъ той самой ограды вокругъ закона, возведеніе которой было вѣковой задачей знаменитѣйшихъ раввиновъ? Совсѣмъ иначе было послѣ проповѣди ап. Петра въ праздникъ пятидесятницы! Истиннымъ знакомъ духовности было говореніе языками, а не простое сомнительное теоретическое увѣщаніе.—Вся эта подпольная интрига противъ апостола народовъ конечно не находила ни малѣйшаго одобренія ни въ

любящей и благородной натурѣ ап. Петра, ни въ деликатной скромности Аполлоса, именемъ котораго также она прикрывалась отчасти.

III. Затѣмъ прибыли представители еще новой партіи іудействующихъ, и для одного изъ нихъ было недостаточно имени даже самого Кифы. Онъ выдавалъ себя за приверженца Іакова¹⁸⁰⁷), и для него даже ап. Петръ былъ недостаточно правовѣренъ. Онъ называлъ себя послѣдователемъ Христа и отвергалъ всякое другое имя. Быть можетъ онъ былъ одинъ изъ Деспосиновъ. Во всякомъ случаѣ онъ гордился тѣмъ, что лично видѣлъ Христа и зналъ Его во плоти. Основываясь на безбрачїи Спасителя, равно какъ и Іакова, епископа іерусалимскаго, этотъ учитель видимо раздѣлялъ ессейское отвращеніе къ браку. Это онъ именно возбудилъ всѣ тонкіе вопросы касательно безбрачїа и брачной жизни. Онъ также собралъ вокругъ себя нѣсколькихъ іудеевъ съ эвѣнитскими наклонностями, и они-то сдѣлали девизомъ партіи даже священное имя Христа¹⁸⁰⁸).

9. Такимъ образомъ, какъ теперь впервые узналъ вполнѣ ап. Павелъ, церковь коринеская была мѣстомъ раздоровъ, споровъ и раздѣленій, которыя разрушали и ея единство, и ея крѣпость. Всѣ эти неприглядныя стороны коринѣяне обошли въ своемъ самодовольномъ письмѣ едва ли добросовѣстнымъ молчаніемъ. Но это еще и не все, что они скрыли. Они спрашивали касательно духовныхъ даровъ, но только домочадцы Хлои сообщили ап. Павлу печальную вѣсть, что собранія церкви выродились въ столь шумныя, дикія, безпорядочныя сцены, что были даже случаи, когда язычникъ, случайно попавши на эти собранія, могъ сказать только, что всѣ они сумасшедшіе. Иногда сразу вставали съ полдюжины энтузіастовъ, изливая цѣлый рядъ звуковъ, которыхъ не могъ понять ни одинъ человѣческій разумъ, а иногда даже среди этихъ неприличныхъ, полупритворныхъ восторговъ (особенно какъ это могло быть съ нѣкоторыми изъ сирійскихъ эмиссаровъ) раздавались иногда слова, отъ которыхъ стыла кровь и всѣ содрогались отъ ужаса¹⁸⁰⁹). Иногда двое или трое проповѣдниковъ перебивали другъ друга, стараясь завладѣть вниманіемъ собранія всѣ въ одно и тоже время. Женщины на перебой предлагали свои собственныя мнѣнія, являясь притомъ въ собранія съ непокрытыми головами и какъ будто не стыдясь даже того, что ихъ принимали за гетеръ, которыя однѣ только дозволяли себѣ эту неприличную вольность. Изъ мѣста мира воскресныя собранія сдѣлались мѣстомъ бурныхъ, запальчивыхъ, самолюбивыхъ, бессмысленныхъ и вредныхъ словопреній.

10. Но было еще нѣчто худшее. Можно было бы по крайней мѣрѣ предполагать, что вечера любви сохраняли еще хотя сколько нибудь свой прежній братскій любвеобильный характеръ, достойный великой евхаристической жертвы. Но далеко было не такъ. Губительная закваска себялюбїа, выражающаяся въ формахъ чувственности и гордости, проникла даже въ эти нѣкогда святыя и братолюбивыя собранія. Цѣлованіе мира сдѣлалось лишь лицемѣрной формой между братїями, которые въ этотъ самый моментъ быть можетъ тягали другъ друга на

судъ къ трибуналу языческаго претора изъ-за какого нибудь самаго пустого и зауяднаго предмета. Богатые приносили съ собою свою собственную изысканную провизію и жадно пожирали ее, не дожидаясь остальныхъ; между тѣмъ какъ бѣдные и жалкіе Лазари,—полумертвые отъ голода рабы, неимѣвшіе сами ничего для приношеній, съ ненавистью и завистью смотрѣли на своихъ счастливыхъ, но недружелюбныхъ собратій, не дававшихъ имъ ни крохи отъ своихъ приношеній. Жадность и себялюбіе такимъ образомъ вторглись въ область самаго священнаго союза; а отъ господствующаго коринесскаго грѣха упоенія участники вечери воздерживались такъ мало, что были случаи, когда иные въ пьяномъ безстыдствѣ простирали свои руки къ самой чашѣ Господней!

11. Наконецъ и хуже всего было то, что не только распущенность находила своихъ открытыхъ защитниковъ, такъ что христіане не стыдились сидѣть за трапезой среди чувственной обстановки языческихъ храмовъ, но одинъ выдающійся членъ церкви жилъ даже въ позорномъ грѣхѣ съ своею собственною мачихой при жизни своего отца; и хотя сами язычники съ гнусностью относились къ этому преступленію, онъ все-таки не былъ изгнанъ изъ христіанскаго общества, не только не принужденъ былъ къ покаянію, но даже находилъ собратій, которые готовы были не только снисходительно смотрѣть на его грѣхъ, но даже хвастались тѣмъ, что они оставляли его безнаказаннымъ. Человѣкъ этотъ повидимому былъ знатною, вліятельною личностью, которую церкви, болѣею частью состоявшей изъ рабовъ и женщинъ, выгодно было имѣть въ своей средѣ. Несомнѣнно это-то именно и заставляло относиться къ нему снисходительно, что отчасти можно было оправдывать началомъ христіанской свободы, а отчасти извѣстнымъ раввинскимъ мнѣніемъ, что старыя связи признавались какъ бы несуществующими вслѣдствіе новыхъ условій положенія прозелита, или какими либо особыми обстоятельствами, неизвѣстными намъ. Но эта личность лишь наиболѣе выдавалась своею преступностью, и примѣръ ея отнюдь не былъ единственнымъ. Среди коринянъ были христіане, даже многіе, которые безнаказанно предавались плотской нечистотѣ, блуду и распутству (2 Кор. xii, 21). Ни въ одномъ изъ посланій предостереженія апостола противъ этого грѣха,—господствующаго грѣха Коринѣа,—не высказываются съ болѣе торжественною и внушительною строгостью (1 Кор. v, 11; vi, 15—18; x, 8; xv, 33, 34).

Когда ап. Павелъ слушалъ этотъ перечень беззаконій, когда онъ слушалъ мрачный рассказъ о крушеніи всѣхъ его лучшихъ надеждъ, которыя онъ лелѣялъ во время своего полугодового миссіонерскаго труда, то поистинѣ сердце его должно было разрываться отъ скорби. Онъ могъ бы въ крайнемъ отчаяніи опустить руки; могъ бы провозгласить всю свою жизнь и свою проповѣдь печальной неудачей; могъ бы, подобно Иліѣ, бѣжать въ отдаленную пустыню и молиться: «теперь, Господи, возьми мою жизньъ, ибо я не лучше своихъ отцевъ». Но не такъ повліяли всѣ эти печальныя извѣстія на неукротимаго

апостола. Правда, сердце его трепетало отъ скорби, глаза его переполнялись слезами когда онъ, до конца выслушавъ все, что ему передали рабы Хлои, приступилъ къ размышленію о томъ, что ему дѣлать. Прежде всего конечно нужно было отказаться отъ имѣвшагося у него въ виду скорого посѣщенія Коринѳа. Ни онъ, ни они не были теперь въ такомъ настроеніи, въ которомъ бы ихъ встрѣча могла имѣть какой либо другой, а не безконечно мучительный характеръ. Онъ долженъ сразу же отправить Тита въ Коринѳъ съ извѣстіемъ о перемѣнѣ его плана, равно какъ и для того, чтобы озаботиться сборомъ и сдѣлать все, что возможно до встрѣчи съ нимъ въ Троадѣ. Нужно было отправить также посланнаго къ Тимофею съ сообщеніемъ, чтобы онъ въ настоящее время не отправлялся въ Коринѳъ. Затѣмъ онъ могъ бы написать также апокалипсическое письмо, полное пылаго обличенія и грозныхъ анафемъ; онъ могъ бы разразиться надъ этими надменными, развратными и сварливыми поносителями христіанскаго имени страшными укорами и прогремѣть надъ ихъ трепещущею совѣстью громами Синаи. Не таковъ однако же духъ, съ которымъ онъ приступилъ къ письму. Въ глубокомъ волненіи, которое онъ однако же сумѣлъ почти вполнѣ подавить, собравшись со всѣмъ мужествомъ своей натуры, забывъ всѣ опасности и испытанія, окружавшія его въ Ефесѣ, прося Бога о мудрости и руководствѣ, въ которыхъ онъ такъ глубоко нуждался, подавляя въ себѣ всякое личное негодованіе, всякое возможное чувство себялюбивой мстительности за тѣ униженія, которымъ онъ былъ подвергнутъ лично,—онъ подзвалъ къ себѣ Сосвена и, отдавшись предстоявшему ему дѣлу со всѣмъ пыломъ преисполненнаго чувствами сердца, онъ началъ диктовать ему одно изъ наиболѣе изумительныхъ и краснорѣчивыхъ своихъ писемъ—первое пространное посланіе къ Коринѳянамъ. Какъ ни различны предметы, которыми оно занимается, какъ ни глубоки были затрудненія, съ которыми ему предстояло вѣдаться, какъ ни новы были вопросы, которые онъ долженъ былъ рѣшать, какъ ни чужды ему были многіе изъ обращенцевъ, къ которымъ онъ долженъ былъ обращаться, мы сразу же видимъ, что посланіе это отнюдь не было произведеніемъ долгаго и усидчиваго труда. Озаренный Духомъ Божиимъ, ап. Павелъ обладалъ тою прозорливостью, которая сразу же проникаетъ въ сердцевину всякаго нравственнаго затрудненія. Онъ съ одинаковою способностью умѣлъ вѣдаться какъ съ іудейскою узкостью и іудейскимъ фарисействомъ, такъ и съ греческою культурою и греческою чувственностью. Съ величайшимъ мастерствомъ онъ прилагаетъ начала христіанства къ частнымъ и сложнымъ обстоятельствамъ жизни, равно какъ съ божественнымъ авторитетомъ порѣшаетъ величайшіе вопросы догматическаго богословія. Способъ іудейскаго противодѣйствія, съ которымъ ему приходилось имѣть здѣсь дѣло, былъ видоизмѣненъ соприкосновеніемъ съ эллинизмомъ; но онъ все еще покоился на началахъ обрядности и поэтому его нужно было опровергать духовными истинами. Какъ бы ни были темны проблемы, какъ бы ни были

запутаны частности, сами истины сразу становятся прозрачными и стройными при свѣтѣ сравнительнаго ихъ анализа. При назиданіи своихъ обращенцевъ ап. Павлу не было надобности долго сидѣть при полуночномъ огнѣ. Даже самыя обработанныя его посланія не были предметомъ тщательной обработки. Они подобно яркимъ искрамъ прямо вылетали изъ сердца, въ которомъ огонь любви къ Богу до самой смерти горѣлъ все болѣе и болѣе разгоравшимся пламенемъ.

1. Самое вступительное привѣтствіе перваго посланія къ Коринѣянамъ выказываетъ всю полноту сердца апостола. Такъ какъ авторитетъ его оспаривался, то онъ называетъ себя «волею Божіею призваннымъ апостоломъ Іисуса Христа» и обращается къ коринѣянамъ какъ къ церкви, освященной во Христѣ Іисусѣ и призванной быть святыми, соединяясь съ ними въ молитвѣ о ниспосланіи благодати и мира всѣмъ, кто какъ бы ни были различны отгѣнки ихъ мнѣнія или ихъ мѣсто жительства — всѣ призываютъ имя Господа нашего Іисуса Христа ¹³¹⁰). Такимъ образомъ въ самомъ привѣтственномъ обращеніи къ нимъ онъ заявляетъ свои права апостольскій авторитетъ и требуетъ единства и святости, въ которыхъ они такъ глубоко нуждались. «Замѣть также», говоритъ Златоустъ, «какъ онъ всегда пригвождаетъ ихъ къ имени Христа, не упоминая иного человека—апостола ли, или учителя, но постоянно упоминая о Томъ, къ которому они стремятся какъ люди, готовящіеся пробудить тѣхъ, которые находятся въ дремотѣ послѣ кутежа. Нигдѣ еще ни въ какомъ другомъ посланіи имя Христа не употребляется такъ часто. Здѣсь же оно употребляется постоянно и онъ сплетаетъ изъ него почти все свое введеніе» ¹³¹¹).

2. Хотя въ надписаніи и присоединено имя Сосвѣна ¹³¹²), онъ однако же далѣе продолжаетъ говорить имъ въ первомъ лицѣ, что непрестанно благодаритъ Бога за благодать, данную имъ во Христѣ Іисусѣ, за краснорѣчіе и знаніе, которыми они обогатились въ Немъ, такъ что, ожидая откровенія Христа, они не имѣли недостатка ни въ какомъ дарованіи; и такъ какъ свидѣтельство Христа утвердилось среди нихъ, то пусть Христосъ укрѣпитъ ихъ быть непорочными до конца, ибо вѣренъ Богъ, который призвалъ ихъ въ общеніе Сына Своего Іисуса Христа Господа нашего ¹³¹³).

3. Это общеніе прямо подводитъ его къ одному изъ тѣхъ предметовъ, которыми было переполнено его сердце. Онъ слышалъ изъ безспорнаго источника и не отъ одного только лица о раздѣленіяхъ и раздорахъ между ними; поэтому онъ именемъ Христа умоляетъ ихъ стремиться къ большому единству въ мысли и дѣйствіи ¹³¹⁴). Они говорили: «я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ». Но развѣ раздѣлился Христосъ ¹³¹⁵)? Нѣкоторые изъ нихъ называли себя его партіей; но развѣ онъ распялся за нихъ? Развѣ въ его имя они крестились? Очень возможно, что Аполлосъ подѣ живымъ впечатлѣніемъ крещенія Іоанна, которому онъ слѣдовалъ, особенно останавливался на важности этого вступительнаго обряда; но люди были такъ склонны придавать важность простому человѣческому свя-

щеннослуженію, что ап. Павелъ, какъ его учитель, намѣренно воздерживался отъ его совершенія, и за исключеніемъ Криспа и Гаія и, какъ онъ вспоминаетъ въ слѣдствіи, Стефана и его семейства, онъ не можетъ вспомнить, чтобы крестилъ кого нибудь изъ нихъ. Христосъ послалъ его не крестить, но проповѣдывать и притомъ не въ премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Упоминаніе о проповѣди переносить его мысль къ заблужденіямъ партіи Аполлоса. Они придавали необыкновенную важность краснорѣчію, логикѣ, тому, что они называли и восхваляли какъ мудрость. Онъ показываетъ, что они находились на совершенно ложной дорогѣ. Такую человѣческую мудрость, такое ласкающее слухъ краснорѣчіе, такіа поверхностныя и вѣщныя приманки онъ отвергалъ съ преднамѣренностью. Онъ мало училъ о человѣческой мудрости. Она устранялась откровеніемъ ¹³¹⁶); она не привела міръ къ познанію Бога; она не удержала міръ отъ распятія Христа. И поэтому онъ не проповѣдывалъ имъ о Логосѣ или зонахъ, не проповѣдывалъ Филоновыми аллегоріями или съ философскою утонченностью. Онъ не предлагалъ ни знаменія іудеямъ, ни премудрости грекамъ. То, что онъ имѣлъ проповѣдывать, міръ считалъ презрѣннымъ безуміемъ, именно крестъ и ученіе распятаго Мессіи, — что для іудеевъ соблазнъ; распятаго Спасителя — что для грековъ кажется смѣшнымъ; но Богу угодно было спасти вѣрующихъ юродствомъ (съ точки зрѣнія міра) его проповѣди ¹³¹⁷), которая для бывшихъ на пути спасенія была премудростью и силою Божіей. Проповѣдники Христа не суть мудрые, могущественные и знатные міра сего, но обыкновенно неразумные, немощные и презираемые ¹³¹⁸). Не съ могуществомъ міра, а съ его безсиліемъ, не съ его силою, а съ слабостью, не съ его знаніемъ, а съ невѣденіемъ, не съ его знатностью, а съ безславіемъ, не съ царями и философами, но съ рабами и женщинами дружили проповѣдники религіи Христа и чрезъ нихъ то Богъ предопредѣлилъ такъ открыть свою божественную силу, что никакая слава не можетъ прибавиться человѣку, кромѣ какъ чрезъ полное уничтоженіе всякой *человѣческой* славы. Поэтому то ап. Павелъ и приходилъ къ нимъ не съ риторікою, но съ простымъ ученіемъ о распятомъ Христѣ ¹³¹⁹); не съ ораторскимъ достоинствомъ и блескомъ, а въ слабости, страхѣ и трепетѣ; не съ заманчивымъ краснорѣчіемъ, а съ духовнымъ откровеніемъ и духовною силою, такъ чтобы человѣкъ могъ совершенно теряться въ Богѣ и они могли бы вполне чувствовать, что происхожденіе ихъ вѣры не человѣческое, но божественное ¹³²⁰).

4. Однако же они не должны заключать изъ этого смѣлаго парадокса, что содержаніе и методъ его ученія были полнымъ безуміемъ. Напротивъ, это особая мудрость глубочайшаго и возвышеннѣйшаго рода; только эта мудрость Божія сокрыта отъ мудрыхъ міра сего; мудрость проникновенія въ предметы, которые никогда не видѣлъ глазъ, и которыхъ никогда не слышало ухо, и которые никогда не всходили на сердце человѣку ¹³²¹); мудрость — открытая ему тѣмъ Духомъ Божіимъ, который одинъ испытуетъ глубины Божіи ¹³²²). Объ этихъ то предметахъ онъ

учить въ словахъ, пріобрѣтенныхъ не отъ земной мудрости, но отъ того самаго Духа Божія, который сочетаетъ духовное съ духовнымъ¹³²³); и эта то духовная мудрость для естественнаго человѣка¹³²⁴) и есть безуміе, потому что она можетъ быть постигнута только духовною способностью, которой совсѣмъ лишенъ естественный человѣкъ. Она для него то же, что живопись для слѣпаго, или музыка для глухаго¹³²⁵). Но духовный человѣкъ обладаетъ тонкою способностью распознаванія и, участвуя въ Духѣ Христа, тѣмъ самымъ поднимается выше простаго естественнаго разумѣнія.

5. И затѣмъ апостолъ прибавляетъ съ нѣкоторою ироніей, что объ этомъ божественномъ состояніи, которое было земнымъ безуміемъ, онъ могъ преподавать имъ только самые простые начатки; въ своемъ совершенствѣ оно было только для совершенныхъ; но они, которые считали себя столь мудрыми и учеными, были въ духовной мудрости лишь младенцами, нуждавшимися въ молокѣ, которое онъ и давалъ имъ, а не въ жесткой пищѣ, которую они, будучи плотскими, еще не способны были принимать по своей слабости¹³²⁶). Эти слова могли бы имъ показаться жесткими; но, при господствѣ у нихъ зависти, распрей и раздѣленія, какъ могутъ они считать себя чѣмъ либо другимъ, а не людьми плотскими, совсѣмъ не духовными? Павелъ и Аполлосъ! Кто такіе Павелъ и Аполлосъ, какъ не простые человѣческіе служители? Павелъ насаждающій, Аполлосъ поливающій—оба они сами по себѣ ничто, но каждый изъ нихъ составляетъ одно по своему служенію и каждый изъ нихъ отвѣтственъ за свою собственную долю въ немъ. Только Богъ давалъ жатву. «Мы—Божіи соработники; вы—Божіе поле и Божіе зданіе». Павелъ, какъ мудрый архитекторъ, заложилъ основаніе, другіе строили на немъ уже различныя зданія. Но основаніе было и могло быть только одно, именно Христосъ; а золото, серебро, дорогой мраморъ, брусья, сѣно, солома и другіе строительные матеріалы, употребляемые для возведенія зданія на немъ, должны быть испробованы въ своемъ истинномъ качествѣ всеиспытующимъ огнемъ Божіимъ¹³²⁷) и, если окажутся негодными, должны быть уничтожены, какъ бы ни былъ добросовѣстенъ строитель. Если его построеніе устоитъ, то онъ будетъ награжденъ; а если окажется неустойчивымъ, то оно будетъ сожжено всепожирающимъ пламенемъ, и онъ понесетъ уронъ, хотя самъ онъ, такъ какъ онъ строилъ на истинномъ основаніи, и спасется какъ бы отъ огня¹³²⁸). Развѣ они не знаютъ, что они храмъ святой, храмъ для Духа Божія? Если кто разрушаетъ храмъ Божій, того разрушаетъ Богъ. А человѣческая мудрость можетъ только разрушать его, потому что предъ Богомъ человѣческая мудрость есть безуміе. Простая человѣческая мудрость того или другаго любимаго учителя не имѣетъ никакого значенія для дѣйствительнаго назиданія. Если человѣкъ нуждается въ божественной мудрости, то пусть онъ пріобрѣтаетъ ее смиренными стезями того, что считается человѣческимъ безуміемъ. Какъ поэтому недостойно хвалиться простыми человѣческими учителями, какъ недостойно это ихъ безконечнаго пре-

имущества и надежды, когда все было ихъ—Павелъ, Аполлосъ, Кифа, вселенная, жизнь, смерть, теперешнее, настоящее и отдаленное будущее, все было ихъ, а они сами—Христовы, а Христосъ—Божій. Ихъ партійные вожаки лишь жалкія твари, отъ которыхъ требуется лишь одно—преданность. Что касается его самого, то для него очень мало значить, какъ они судятъ о немъ, — на основаніи ли своихъ соблазнительныхъ мнѣній, или по ничтожности слабаго преходящаго дня человѣка¹³²⁹). Но онъ и самъ не судить о себѣ. Правда, онъ ничего не знаетъ за собой предосудительнаго, никакого грѣха въ своемъ служеніи¹³³⁰). Но даже онъ и на это не полагается въ своемъ оправданіи, а полагается только на судъ Божій. «Посему не судите никакъ прежде времени, пока не прійдетъ Господь, который и освѣтитъ скрытое во мракѣ, и обнаружить сердечныя намѣренія». Тогда и только тогда каждому изъ нихъ будетъ отъ Бога заслуженная похвала (iv, 1—4).

6. Апостолъ съ деликатностью намѣренно выдвинулъ свое собственное имя и имя Аполлоса (вмѣсто имени Кифы или іерусалимскаго посланнаго), какъ невольныхъ вождей партій, къ которымъ они относились крайне пренебрежительно, именно въ тѣхъ видахъ, чтобы коринтеяне не мудрствовали сверхъ того, что имъ преподано¹³³¹), и увидѣли, что онъ, понося ихъ дутую ожесточенность между собою въ соперническомъ выставленіи того, что въ концѣ концовъ было не внутренними ихъ заслугами, если бы онѣ даже и существовали, руководился не какими либо чувствами зависти или ревности, а даромъ Божиимъ¹³³²). И какое же хвастовство выказали они во всемъ этомъ партійномъ духѣ! Для нихъ голодъ, бѣдность и борьба—все это миновало. Какого довольства и пресыщенія достигли вы; какъ вы богаты; на какихъ престолахъ возсѣдаете вы—и все это безъ насъ! Если это дѣйствительно все такъ, то о, если бы мы могли по крайней мѣрѣ участвовать въ вашемъ царственномъ возвышеніи! Но положеніе насъ, бѣдныхъ апостоловъ, совершенно иное, «ибо я думаю, что намъ, послѣднимъ посланникамъ, Богъ судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти¹³³³), потому что мы сдѣлались позорищемъ для міра, для ангеловъ и человѣковъ. Мы—безумны Христа ради, а вы—мудры во Христѣ; мы—немоцны, а вы—крѣпки; вы—въ славѣ, а мы—въ безчестіи. Даже донинѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу (срав. 2 Кор. xi, 27), и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ—мы благословляемъ; гонятъ насъ—мы терпимъ; хулятъ насъ—мы молимъ; мы какъ соръ для міра¹³³⁴), какъ прахъ всѣми попираемый донинѣ». Я знаю, что это горькія ироническія слова контраста между вами и нами; но я пишу не къ постыженію вашему. Я только вразумляю васъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей моихъ. Ибо вы всетаки мои дѣти. Множество учителей, какъ я знаю, слѣдовало за мною; но (здѣсь встрѣчается одно изъ характеризующихъ его порывистыхъ выраженій) даже если бы вы имѣли тысячи наставниковъ¹³³⁵) во Христѣ, у васъ всетаки было бы не много отцовъ. Вѣдь «я родилъ васъ во

ΠΑΥΛΟΣ ΑΠΟΣΤΟΛΟΣ ΙΗΣΟΥ ΧΡΙΣΤΟΥ
 ΑΝΗΜΕΙΝΟΣ ΕΥΑΓΓΕΛΙΟΝ ΕΝ ΤΗ
 ΦΟΙΝΙΚΗ ΚΑΙ ΤΗ ΚΑΙ ΤΗ ΚΑΙ ΤΗ ΚΑΙ ΤΗ
 ΕΝ ΚΟΡΙΝΘΩΝ ΗΓΑΘΟΜΕΝΟΙΣ
 ΕΝ ΧΩΡΙΟ ΚΑΙ ΤΟΙΣ ΑΓΙΟΙΣ ΟΥ
 ΤΤΑΣΙΝ ΤΟΙΣ ΕΠΙΚΛΑΔΟΥΜΕΝΟΙΣ
 ΤΟ ΟΝΟΜΑ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΕΝ ΤΗ
 ΤΟΤΩ ΑΥΤΩΝ ΤΟ ΚΑΙ ΗΜΕΝ
ΧΑΡΙΣ ΕΜΙΝ ΚΑΙ ΕΡΗΝΗ ΧΑΡΙΣ
ΕΤΕΡΗ ΕΙΡΗΝΗ ΕΙΡΗΝΗ ΧΑΡΙΣ
 ΟΥΤΗΛΟΟΕΙΣ ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΝ ΧΩΡΙΟ
 ΟΤΙ ΕΝ ΤΑΝΤΩ ΕΙΡΗΝΗ ΧΑΡΙΣ
 ΕΝ ΑΥΤΩ ΕΝ ΤΑΝΤΩ ΟΥΚΑΙ
 ΤΑΣΙΝ ΤΩΝ ΕΝ ΚΑΘΩΣ ΤΟ ΜΥ
 ΤΥΡΙΟΝ ΤΟΥ ΧΥΕ ΕΒΑΙΩΟΝ
 ΕΝ ΤΗ ΜΕΝ ΤΩ ΜΑΘΗΤΩ
 ΡΕΙΣ ΕΕΝ ΜΗΛΕΝΙ ΧΑΡΙΟΜΑΙ
 ΑΤΙ ΕΚΛΕΧΟΜΕΝΟΥΣ ΤΗΝ
 ΧΡΙΟ ΚΑΙ ΤΗΝ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΜΩΝ
 ΙΟΥ ΟΥΚΑΙ ΕΒΑΙΩΟΕΙΣ
 ΕΩΣ ΤΕΛΟΥΣ ΑΝΕΓΙΚΑΙΝ ΤΟΥ
 ΕΝ ΤΗ ΗΜΕΡΑ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΜΩΝ
ΠΙΣΤΟ ΟΘΕΟΙ ΟΥΣ ΚΑΙ ΗΝ ΤΕ
 ΕΙΣ ΚΟΙΝΩΝΙΑΝ ΤΟΥ ΙΟΥΛΟΥ
 ΙΟΥ ΧΥ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΜΩΝ
ΠΑΡΑ ΚΑΙ ΑΛΕΥΜΑΧΑΧΑ ΦΟΙΛΑ
 ΤΟΥ ΟΝΟΜΑ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΜΩΝ
 ΙΟΥ ΧΥΝΑ ΤΟΥ ΤΟ ΕΓΗΓΕΤΑΝ
 ΤΕΣ ΚΑΙ ΜΗΝ ΕΝ ΤΗ ΜΕΝ ΧΙΣ ΜΑ
 ΗΤΕ ΕΚΑΤΗΡΤΙΣ ΜΕΝ ΟΙ ΕΝ
 ΤΩ ΑΥΤΩ ΝΟΙ ΚΑΙ ΕΝ ΤΗ ΧΥΤΗ
 ΓΝΩΜΗ ΕΛΗΧΩΟΝ ΓΑΡ ΜΟΙ
 ΠΕΡΙ ΤΩ ΜΩΝ ΑΛΕΧΑΧΑ ΦΟΙΜΟΥ
 ΤΩΝ ΧΛΟΝ ΟΤΙ ΕΙΡΗΝΗ ΕΝ ΤΗ
 ΜΙΝΕΙΣ ΙΝ ΛΕΓΩ ΕΤΟΥΣ
ΟΤΙ ΕΚΑΤΟ ΟΥ ΜΩΝ ΛΕΓΕΤΕ
 ΜΕΝΕΙΜ ΠΑΥΛΟΥ ΕΓΩ Ε
 ΧΙΤΟΛΑΧΑ ΕΓΩ ΕΚΗΦΛΕΧΩ
 ΜΕ ΜΕΡΙΣ ΤΑΙ ΟΧΣ ΜΗΤΑΥΛ
 ΕΣΤΑΥΡΩΟΝ ΤΗ ΕΡΥΜΩΝ
 ΝΕΙΣ ΤΟ ΟΝΟΜΑ ΤΑΥΛΟΥ ΕΒΑ
 ΤΤΙΣ ΕΝ ΤΕ ΕΥΧΑΡΙΣΤΩ ΤΩ
 ΘΩ ΜΟΥ ΟΤΙ ΟΥΧ ΕΝ ΑΥΜΑ
 ΕΒΑΤΤΙΣ ΕΙΜΗ ΧΡΙΣΤΟΝ
 ΚΑΙ ΓΑΙΟΝ ΙΝΑ ΜΗΤΙΣ ΕΠΗ
 ΟΤΙ ΕΙΣ ΤΟ ΕΜΟΝ ΟΝΟΜΑ ΕΒΑ
 ΤΤΙΣ ΕΝ ΤΕ ΕΒΑΤΤΙΣ ΑΔΕΚΑ
 ΤΟΝ ΣΤΕΦΑΝΟΝ ΚΟΝΛΟΠΙ
 ΟΥΚ ΟΥΔΑ ΕΙΤΙΝ ΑΛΛΟΝ ΕΒΑ

ΤΤΙΣ ΕΟΥΤΑΡΤΙΤΕΣ
 ΜΕΧΕΒΑΤΤΙΤΟΙΝ ΑΛΛ
 ΓΕΛΙΖΕΟΟΟΟΥΚΕΝ ΕΩ
 ΛΟΓΟΥΝ ΑΜΗΚΕΝΙΩΝ
 ΡΟΣ ΤΟΥ ΧΥ ΟΛΟΓΟΙΤΑΡ
 ΟΥ ΤΟΙΟΜΟΝ ΧΙΤΟΛΛΥ
 ΝΟΙΟΜΑΙ ΕΑΝ ΟΤΙ ΤΟΙΣ
 ΕΩΖΟΜΕΝΟΙΣ ΜΗΝ ΑΥΜ
 ΜΙΣ ΟΥ ΕΣΤΙΝ ΤΕΡΑΤΑ
ΑΤΟΚΩΤΗΝ ΟΟΦΑΝΤΩΝ
 ΦΩΝ ΚΑΙ ΤΗΝ ΟΥΝ ΕΣΤΙΝ ΤΩ
 ΟΥΝ ΕΣΤΙΝ ΑΝΘΩΤΗΝ ΕΩ
ΠΟΥΣ ΟΦΘΟΥ ΓΡΑΜΜΑΤΕΥ
 ΤΟΥΣ ΕΥΝΖΙΤΙΤΙΤΙΤΟΥΛΩ
 ΝΟΣ ΤΟΥ ΤΟΥ ΟΥΧΙ ΕΜΟΥ ΡΑΝ
 ΟΒΕΤΗΝ ΕΣΟΦΙΑΝ ΤΟΥ ΚΟΜ
ΕΤΕΙΛΗΓΑΡ ΕΝ ΤΗ ΕΣΟΦΙΑ ΤΟΥ
 ΟΥ ΟΥΚ ΕΓΝΩΟΚΟΜΟΣ Α
 ΤΗΣ ΕΣΟΦΙΑΣ ΤΟΝ ΕΝ ΕΒΑΡΚ
 ΕΝ ΟΟΦΑΙ ΑΤΗ ΟΜΩΡΙΑΣ ΤΟΥ
 ΚΗΡΥΓΜΑΤΟΣ ΕΩΣ ΑΙΤΟΥΣ
 ΟΤΕ ΟΥΝ ΤΑΣ ΕΠΕΙΛΗΚΑΙ ΟΥ
 ΔΑΙ ΟΙΟΝ ΜΕΙΣ ΑΙΤΟΥΣ ΙΝ ΚΑΙ
 ΕΛΛΗΝΕΣ ΕΣΟΦΙΑΝ ΕΠΙΖΗΤΗ
 ΗΜΕΙΣ ΕΚΗΡΥΣΟΜΕΝ ΚΑΙ
 ΕΣΤΑΥΡΩΜΕΝ ΟΥ ΑΛΛΟΙ
 ΜΕΝ ΟΙ ΚΑΝ ΑΛΛΟΝ ΕΒΕΝΕΙΝ
 ΔΕ ΜΟΥ ΡΑΝ ΑΥΤΟΙΣ ΕΓΗΓΕ
 ΚΑΝ ΤΟΙΣ ΙΟΥΛΑΙΟΙΣ ΕΓΗΓΕ
 ΑΝ ΕΙΝ ΧΥΝ ΟΥ ΑΥΝΑ ΜΗΝ ΚΑΙ
 ΕΥΣΟΦΙΑΝ ΟΤΙ ΤΟ ΜΩΡΟΝ
 ΤΟΥ ΟΥ ΕΣΟΦΩΤΕΡΟΝ ΤΩ
 ΑΝΩΝ ΕΣΤΙΝ ΚΑΙ ΤΟ ΑΣΕ
 ΝΕΣ ΤΟΥ ΟΥ ΕΙΣ ΧΥΡΟΙ ΕΡΟΝ
 ΤΩΝ ΧΑΝΩΝ ΕΣΤΙΝ ΕΛΛΕΙ
ΓΑΡ ΤΗΝ ΚΑΙ ΗΝ ΕΥΜΩΝ ΑΛΕ
 ΦΟΓΟΓΙΟΥ ΤΟ ΑΛΛΟΙΣ ΟΦΟΙΚΑ
 ΑΧΑΡΚΑ ΟΥ ΠΟΛΛΟΙ ΑΥΝ ΚΑΙ
 ΟΥ ΠΟΛΛΟΙ ΕΥΓΕΝΕΙΣ ΑΛΛ
 ΤΑ ΜΟΥ ΧΤΟΥΚΟΜΟΥ ΕΞΕΛ
 ΧΑΤΟ ΟΟΦΙΑΝ ΚΑΤΑΙΣ ΧΥΛΗ
 ΓΑΙΣ ΧΥΡΑΙ ΚΑΙ ΤΑ ΕΝ ΤΟΥ
 ΚΟΟΜΟΥ ΚΑΙ ΤΑ ΕΞΟΥΘΕΝ
 ΜΕΝ ΕΞΕΛΕΧΑΤΟ ΟΕΣ ΤΑ Μ
 ΟΝΤΑ ΙΝΑ ΤΑ ΧΟΝΤΑ ΚΑΤΑΡΤ
 ΟΤΙ ΕΣΜΗ ΚΑΙ ΧΟΝΤΕ Μ
 ΟΥ ΕΝΩΠΟΝ ΤΟΥ ΕΥ
ΕΣΤΑΥΡΩ ΕΥΜΕΙΟ ΕΣΤ ΜΕΝ
 ΧΥ ΟΥ ΕΓΕΝΗΘΕΝ ΕΝ ΕΣΟΦΙΑ
 ΗΜΙΝ ΑΠΟΘΥΝ ΚΑΙ ΟΥΝ
 ΚΑΙ ΑΓΙΟΣ ΜΟΣ ΚΑΙ ΑΠΟΛΥΤΩ

Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ, посему умоляю васъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу. Для сего я послалъ къ вамъ моего возлюбленнаго и вѣрнаго сына Тимофея, который напомнитъ вамъ о путяхъ моихъ во Христѣ, какъ я учу вездѣ во всякой церкви» ¹³³⁶). Не думайте однако же, что я боюсь лично выступить противъ распаленной вражды тѣхъ, которые говорятъ, что я въ дѣйствительности не намѣренъ придти самъ. Я приду и приду скоро, если угодно будетъ Господу, и испытаю не то, что говорятъ эти возгордившіеся критики, а то, что они на самомъ дѣлѣ, не слово только, но дѣйствительность. «Чего вы хотите? съ жезломъ придти къ вамъ, или съ любовью и духомъ кротости?» (iv, 6—21).

7. Для одного по крайней мѣрѣ требовался жезлъ. О поступкѣ того негодяя, который живетъ съ женою своего отца,—столь омерзительномъ, что подобнаго ему не бываетъ даже среди язычниковъ ¹³³⁷), вполне извѣстно между вами, и однако же, вмѣсто того, чтобы изгнать преступника со скорбью и позоромъ, вы (о, какъ чудовищна тайна неизбежной связи между чувственностью и гордостью) вы изощрялись въ софистической мудрости для извиненія этого дѣла ¹³³⁸), «а я, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, уже рѣшилъ, какъ бы находясь у васъ» сдѣлавшаго такое дѣло въ собраніи вашемъ, во имя Господа нашего Іисуса Христа, обще съ моимъ духомъ, силою Господа нашего Іисуса Христа, предать сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа» ¹³³⁹). Если какое либо мѣсто письма было написано съ рыданіями, находящими отголосокъ въ самыхъ словахъ, которыя Сосеонъ записывалъ изъ устъ апостола, то именно это. Онъ самъ беретъ произнести страшный приговоръ отлученія. Онъ отсутствуетъ, но онъ какбы тамъ, и тамъ, силою Христа, онъ произноситъ грозный приговоръ, которымъ предаетъ преступника сатанѣ — съ цѣлію необычайнаго милосердія, чтобы разрушеніемъ его тѣла спасти его душу. И затѣмъ онъ прибавляетъ: «нечѣмъ вамъ хвалиться ¹³⁴⁰); развѣ не знаете, что малая закваска кваситъ все тѣсто? И такъ, очистите старую закваску, чтобы быть вамъ новымъ тѣстомъ, такъ какъ вы (духовно) безквасны ¹³⁴¹), ибо пасха наша, Христосъ, заклана за насъ ¹³⁴²); посему станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины» (v, 1—9).

И здѣсь онъ останавливается для того, чтобы объяснить то мѣсто въ его послѣднемъ посланіи, которое возбудило удивленіе. Въ немъ онъ запретилъ имѣть общеніе съ блудниками. Это побудило ихъ поставить удивленный вопросъ ¹³⁴³): неужели они обязаны совершенно удалаться отъ міра? Онъ разумѣлъ, какъ онъ объясняетъ имъ теперь, что если какой либо христіанинъ завѣдомо виновенъ или въ блудодѣяніи или въ какомъ либо другомъ смертномъ грѣхѣ ¹³⁴⁴), съ такимъ они не должны имѣть общенія, даже не должны сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Все это должно бы быть весьма понятно для нихъ. Какое дѣло ему, какое дѣло имъ судить касательно внѣшняго для нихъ міра? Это мѣсто имѣетъ

какбы характеръ надстрочной прибавки, и онъ затѣмъ присоединяетъ краткое общее правило: «и такъ, извергните развращеннаго изъ среды васъ» ¹³⁴⁵).

8. Намекъ на осужденіе естественно приводитъ его къ другому предмету. Какъ смѣютъ они, предназначенные быть судіями міра и ангеловъ, обращаться по своимъ житейскимъ дѣламъ къ человѣческому суду и притомъ къ суду языческому? Почему бы имъ лучше не поставить самыхъ смиренныхъ членовъ своей церкви судьями надъ собою въ такихъ дѣлахъ? Пусть постыдятся! Столько мудрыхъ между ними и однако же нѣтъ никого настолько мудраго, чтобы разобратъ простыя житейскія распри! Гораздо лучше не имѣть совсѣмъ распри между собою, а понести неправду и потерю; но увѣ! вмѣсто этого нѣкоторые изъ нихъ сами причиняютъ неправду и потерю и притомъ причиняютъ своимъ собственнымъ собратьямъ. Затѣмъ слѣдуетъ суровое предостереженіе, что неправедные не наследуютъ царства Божія: «не обманывайтесь!»—формула, которою онъ всегда начинается самыя торжественныя мѣста—«ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не наследуютъ, и такими были нѣкоторые изъ васъ» ¹³⁴⁶), но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Христа и духомъ Бога нашего». Нѣкоторые изъ нихъ, очевидно склонны были обманываться; имъ нравилось заблуждаться по этому пункту и они смѣло говорили, что христіанинъ свободенъ, что «все ему позволительно», потому что онъ находится уже не подъ закономъ, но подъ благодатью. «Все мнѣ позволительно». Да, говоритъ ап. Павелъ, но не все полезно. «Все мнѣ позволительно».—Да, но я не хочу стать рабомъ роковой тираніи чего либо. Онъ разумѣетъ не яства, которыя быть можетъ побудили ихъ доказывать, что они могутъ дѣлать все, что имъ угодно, независимо отъ Моисеева закона. Это *adiaphora*, вещь безразличная, въ отношеніи которой каждый человѣкъ можетъ поступать какъ ему угодно; они и воспринимавшій эти яства желудокъ суть нѣчто преходящее, которое пройдетъ само собою. Не такъ съ тѣломъ; оно создано не для блуда, но для Господа, и какъ Богъ воскресилъ Христа, такъ Онъ воскреситъ и тѣла святыхъ Христовыхъ. И затѣмъ—такимъ образомъ случайно, какбы только мимоходомъ—онъ излагаетъ на всѣ времена непреложное правило, лежащее въ основѣ священной обязанности цѣломудрія. Онъ говоритъ имъ, что ихъ тѣла и ихъ, члены не ихъ собственные, но Христовы; что единство со Христомъ разрушается союзомъ съ нечистотой; что чувственность есть грѣхъ противъ собственного тѣла человѣка, что тѣло христіанина не его собственное, а есть храмъ живущаго въ немъ Духа и что самъ онъ не принадлежитъ себѣ, а купленъ дорогою цѣною. «Посему», говоритъ онъ, вполне сознавая, что теперь изложилъ истины, которыя будутъ непреоборимы для какого бы то ни было скептицизма, «прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи» ¹³⁴⁷).

9. Этотъ параграфъ, касающійся трехъ предметовъ, именно: цѣломудрія, яствъ, приносимыхъ въ жертву идоламъ, и воскресенія, служить естественнымъ введеніемъ къ его отвѣтамъ на ихъ вопросы по этимъ предметамъ, и они отличаются возвышеннымъ характеромъ въ своемъ человѣколюбіи, своей мудрости и великодушіи. Онъ не говоритъ о бракѣ отвлеченно, но о бракѣ въ отношеніи къ близкому пришествію Христа, и въ отношеніи къ обстоятельствамъ и условіямъ Коринѳа, какъ самага развращеннаго города древней Греціи. Письмо отъ коринѳянъ было повидимому писано тѣми членами церкви, которые (частію быть можетъ изъ негодующаго протеста противъ возрѣній той партіи, которая приняла антиномистическія мнѣнія) считали, повидимому, безбрачіе единственно совершенной формой жизни. Въ отвлеченномъ смыслѣ ап. Павелъ вполне соглашается съ ними ¹³⁴⁸). Онъ приводитъ съ нѣкоторымъ одобреніемъ ихъ выраженіе, что дѣвственная жизнь лучше ¹³⁴⁹), и выражаетъ желаніе, чтобы всѣ имѣли ту же духовную благодать ¹³⁵⁰)—даръ воздержанія—какъ и онъ самъ. Но такъ какъ этого не было, то въ качествѣ позволительнаго средства противъ всеобщаго преобладанія безнравственности онъ рекомендуетъ (но не въ видѣ какого либо внушенія), что христіане должны жить вмѣстѣ въ брачномъ состояніи, а не въ безбрачномъ отшельничествѣ (уп, 1—7). Что касается вдовцевъ ¹³⁵¹) и вдовицъ, то ихъ безбрачіе въ останкѣ ихъ жизни должно быть почетнымъ состояніемъ; но бракъ былъ бы лучше, чѣмъ постоянныя плотскія похоти ¹³⁵²). Разводъ не одобрялся самимъ Христомъ и соотвѣтственно съ этимъ апостолъ высказался противъ самовольнаго расторгенія брачныхъ союзовъ уже существующихъ между язычниками и христіанами, такъ какъ дѣти отъ такихъ союзовъ святы, а поэтому и союзы священны, и такъ какъ вѣрующая жена или вѣрующій мужъ могли склонять къ вѣрѣ и своихъ невѣрующихъ сочленовъ. Общее правило, которое, какъ онъ выразительно желалъ, должны были соблюдать всѣ христіане, состояло въ томъ, чтобы они оставались въ томъ состояніи, въ которомъ были призваны, обрѣзанные ли или не обрѣзанные, такъ какъ «обрѣзаніе ничто и необрѣзаніе ничто, но все въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ» ¹³⁵³). Даже если христіанинъ былъ рабомъ и не могъ получить себѣ свободу, то ему лучше и не смущаться своимъ рабствомъ ¹³⁵⁴), зная, что земное состояніе не имѣетъ никакого значенія съ духовной точки зрѣнія ¹³⁵⁵). Что касается дѣвицъ, то онъ могъ только высказать свое мнѣніе, что имѣя въ виду близость конца, настоящую бѣдственность и огорченія, съ которыми въ такое время неизбежно связывалось замужество, для нихъ было бы лучше не выходить замужъ. Бракъ, правда, какъ онъ ясно говорилъ имъ, не есть грѣхъ, но онъ желаетъ избавить ихъ отъ связанныхъ съ нимъ невзгодъ; онъ не желаетъ, чтобы онѣ въ это короткое время ¹³⁵⁶) несли на себѣ удручающее бремя преходящихъ земныхъ и человѣческихъ заботъ или вполне пользовались міромъ симъ ¹³⁵⁷), но чтобы обратили всѣ свои помыслы къ Богу ¹³⁵⁸). Если поэтому отецъ рѣшилъ не отдавать свою

дочь, дѣвицу, въ замужество, онъ дѣлалъ хорошо; но если любящій искалъ ея руки и обстоятельства направляли къ этому, то онъ не дѣлалъ ничего худого и отдавая ее въ замужество ¹³⁵⁹). Вдовицы могутъ, если хотятъ, вступать опять въ бракъ, но согласно съ изложенными имъ началами онъ думалъ, что имъ было бы лучше не вступать въ него. Это лишь его желаніе и его совѣтъ; онъ не высказываетъ приэтомъ никакого опредѣленнаго правила; однако же, давая такой совѣтъ, онъ думалъ, что онъ также, какъ заявляли и другіе учителя, имѣлъ Духа Божія (vп, 1—40).

10. Что касается настоящаго вопроса, затрогивавшаго ихъ ежедневную жизнь ¹³⁶⁰), касательно яствъ, приносимыхъ идоламъ, то онъ приводитъ, но только не въ видахъ опроверженія, ихъ самодовольное замѣчаніе, что они «все знаютъ»;—но знаніе во всякомъ случаѣ гораздо ниже челоуѣколюбія и самое притязаніе на то, что они владѣютъ имъ, было доказательствомъ ихъ духовной гордости и невѣденія. Если они знаютъ, что идолъ есть ничто въ мірѣ и ихъ совѣсть касательно этого предмета была совершенно чиста и спокойна, то лично для нихъ не было бы грѣхомъ ѣсть эти жертвы; но если другіе, совѣсть которыхъ слаба, видя ихъ пирующими въ языческихъ храмахъ, нашли бы въ этомъ показномъ выставленіи отсутствія всякаго смущенія ¹³⁶¹) поводъ подражать имъ въ томъ, что они сами считали дурнымъ, тогда это ихъ знаніе и свобода становятся камнемъ преткновенія, гибельнымъ примѣромъ ¹³⁶²), источникомъ смерти для совѣсти брата; и такъ какъ поражать такимъ образомъ не мощную совѣсть брата есть грѣхъ противъ Христа, то онъ лучше никогда бы не прикоснулся мяса опять, пока существуетъ міръ, чѣмъ быть повиннымъ въ гибельномъ соблазнѣ для своего брата ¹³⁶³).

11. Въ этомъ мѣстѣ начинается замѣчательное отступленіе, которое, не смотря на уклоненіе отъ предмета, косвенно однако же поддерживаетъ то положеніе, которое нѣкоторые изъ его противниковъ старались поколебать, и хотя въ своихъ подробностяхъ имѣетъ личный характеръ, однако же, какъ это постоянно бываетъ у ап. Павла, содѣйствуетъ подтвержденію вѣчныхъ истинъ. Они могли возразить, что тѣмъ, что высказано имъ, онъ ограничивалъ ихъ свободу и дѣлалъ совѣсть слабыхъ узами для разума сильныхъ. Но, подробно излагая ихъ возраженія, онъ показываетъ имъ, что онъ самъ исполнялъ то, чему училъ. Онъ также былъ свободенъ и апостолъ, во всякомъ случаѣ ихъ апостолъ, и имѣлъ полное право дѣлать то, что дѣлали и другіе апостолы—Деспосины и самъ Кифа, рассчитывая на церкви, что онѣ будутъ содержать ихъ и женъ ихъ ¹³⁶⁴). Онъ даже довольно пространно защищаетъ это право, какъ земными примѣрами изъ жизни воина, работника и пастуха (ix, 7), такъ и прекраснымъ раввинскимъ мидрашемъ о незагражденіи рта волу молотящему (ix, 8—10); обычнымъ правиломъ благодарности за полученное благодѣяніе (11, 12); постановленіемъ іудейскаго храма (13) и правиломъ Христа (14); но какъ ни ясно было это право и какъ

ни настойчиво онъ поддерживалъ его, онъ однако же самъ никогда не пользовался имъ и, что бы ни говорили враги, никогда не будетъ пользоваться имъ. Онъ *долженъ* проповѣдывать евангеліе, не смотря ни на какія затрудненія; единственной его наградой оставалась возможность хвалиться, что онъ никогда не добивался своихъ правъ исполнѣ, но проповѣдывалъ евангеліе даромъ и такимъ образомъ устранялъ всякій возможный источникъ соблазна. Какъ ни свободенъ однако же онъ былъ, онъ сдѣлалъ себя рабомъ (какъ въ немногихъ отношеніяхъ онъ просилъ и ихъ быть) ради другихъ; рабомъ для всѣхъ, чтобы можно было приобрѣсти больше; ставя себя въ ихъ положеніе, отвѣчая на ихъ сочувствіе и даже на ихъ предразсудки; дѣлаясь іудеемъ для іудеевъ, законникомъ для законниковъ, человѣкомъ безъ закона для людей безъ закона (не будучи чуждъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу) ¹³⁶⁵), слабымъ для слабыхъ, всѣмъ для всѣхъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. И если онъ такъ отрекся отъ самого себя, то не должны ли они также отречься отъ себя ¹³⁶⁶)? Въ своихъ истинскихъ играхъ каждый изъ нихъ старался получить вѣнокъ, и сколько труда и терпѣнія они должны были вынести для того, чтобы выиграть этотъ тѣнный вѣнецъ! Ап. Павелъ дѣлалъ тоже самое. Онъ прямо стремился къ цѣли; онъ прямо наносилъ удары и не по воздуху только, но по противнику ¹³⁶⁷); мало того, онъ усмирилъ и поработилъ тѣло свое ¹³⁶⁸), чтобы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ или вычеркнутымъ изъ списка бойцовъ ¹³⁶⁹).

Если онъ старался такъ много, то могли ли *они* думать, что имъ все достанется легко? Не такъ это было съ израильтянами въ пустынѣ. Они также въ нѣкоторомъ смыслѣ были крещены въ Моисея въ столпѣ облачномъ и въ волнахъ Чермнаго моря ¹³⁷⁰), они также въ нѣкоторомъ смыслѣ принимали евхаристію въ небесной маннѣ и пили изъ духовнаго камня ¹³⁷¹); и однако же какъ многіе изъ нихъ ¹³⁷²) пали вслѣдствіе объяденія, идолослуженія, похоти, возмущенія, ропота, и навсегда сдѣлались предметомъ страшнаго предостереженія противъ необузданнаго самовольства! Да, стезя долга трудна, но не невозможна, и нѣтъ такого искушенія, которое бы превосходило силу человѣческую, потому что вмѣстѣ съ испытаніемъ Богъ даетъ и возможность его преодоленія. Пусть они остерегаются всякаго подозрительнаго равнодушія касательно идолослуженія. Какъ евхаристія соединяла ихъ въ тѣснѣйшемъ общеніи со Христомъ и другъ съ другомъ, такъ что всѣ отъ вкушенія одного хлѣба становятся однимъ тѣломъ и однимъ хлѣбомъ, такъ и вкушеніе языческой жертвы было равносильно общенію съ демонами ¹³⁷³). Идолъ, какъ они высказывались, есть ничто; но онъ *представляетъ* собою злаго духа ¹³⁷⁴), и общеніе съ демонами есть нечистая и чуждая примѣсь къ ихъ дружеству во Христѣ, опасное пренебреженіе къ ихъ союзу съ Богомъ. Онъ еще разъ повторяетъ, что то, что позволительно, не всегда полезно или назидательно. Пусть братолюбіе, а не себялюбіе будетъ ихъ руководящимъ правиломъ. Отъ нихъ не требуется щепетильной разборчивости. Они могутъ покупать на рынкѣ,

могутъ ѣсть за частнымъ столомъ у язычниковъ все, что угодно, не разспрашивая о происхожденіи этой пищи; но если ихъ вниманіе нарочито обращено на то, что какое либо блюдо составляло часть идоложертвеннаго, тогда, какъ бы они ни настаивали на томъ, что «Господня земля и исполненіе ея», что имъ кажется тяжкимъ стѣсненіемъ, когда ихъ судятъ или ограничиваютъ ихъ свободу въ совершенно безразличныхъ дѣйствіяхъ, которыя они могли бы совершать даже въ религіозномъ духѣ,—тѣмъ не менѣе пусть они подражаютъ примѣру самого Павла, который только что подробно выясненъ имъ, который былъ въ дѣйствительности примѣромъ Христовымъ и состоялъ въ полномъ самоотреченіи и удаленіи отъ всякаго преднамѣреннаго соблазна какъ для іудеевъ, такъ и для язычниковъ и вообще церкви Божіей.

Въ этомъ возвышенномъ отдѣлѣ посланія, столь замѣчательномъ по своимъ любвеобильнымъ началамъ и по своему высокому здравому смыслу, совершенно ясно, что всѣ симпатіи ап. Павла теоретически были съ сильными, хотя онъ по видимому чувствуетъ нѣчто въ родѣ *практической* наклонности въ сторону аскетизма. Онъ ни подъ какимъ видомъ не одобряетъ показнаго, наглаго, оскорбительнаго своевольтва. До извѣстной степени должны быть уважаемы и предразсудки, даже нелѣпыя и изувѣрные предразсудки, и было бы грубымъ себялюбіемъ и ненужною несправедливостью уязвлять ихъ. Кромѣ того, было бы несправедливо подавать имъ примѣръ насилія надъ смущающею совѣстію. Но когда это смущеніе и это изувѣрство слабыхъ дѣлались въ свою очередь навойливыми, тогда, какъ вполне сознаетъ ап. Павелъ, ихъ нужно подавлять и останавливать, чтобы слабость не поставляла закона для силы. Иное дѣло терпѣть слабыхъ, иное дѣло давать имъ тиранически относиться къ другимъ. Ихъ невѣденіе не должно становиться предѣломъ для дѣйствительнаго знанія, ихъ близорукость не должна заграждать горизонта для истинной прозорливости, ихъ рабское суевѣріе не должно стѣснять свободы Христовой. Въ предметахъ, гдѣ небольшою снисходительностью и самоотреченіемъ можетъ быть устранено смущеніе, тамъ сильные должны уступать и ограничивать себя въ своихъ пра-

Греческое пиршество
(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

вахъ; но въ томъ, что касалось ежедневной практики, какъ напр. покупки мяса на рынкѣ или принятія обычныхъ приглашеній, тамъ немощные не должны становиться назойливыми или добиваться преобладанія. Нѣкоторые, несомнѣнно, могли неодобрительно высказаться касательно этихъ уступокъ. Они могли обвинять ап. Павла, какъ они обвиняли и ап. Петра, въ нарушеніи страшнаго Синайскаго закона. Они могли назвать его «беззаконникомъ» или другимъ какимъ-либо оскорбительнымъ именемъ, какъ только хотѣли; но онъ не такой человѣкъ, чтобы можно было застращать его этимъ или заставить отказаться отъ яснаго и вѣрнаго начала дружнымъ, но бессмысленнымъ шумомъ. Если бы его стали обвинять въ ниспроверженіи мудраго опредѣленія собора іерусалимскаго, то онъ могъ бы спокойно отвѣтить, что это было лишь временное и мѣстное правило, установленное для нѣсколькихъ по преимуществу іудейскихъ церквей; что ему не придавалось какого либо всеобщаго или вѣчнаго значенія, но что онъ теперь рассматривалъ предметъ по самой его сущности и излагалъ начала, приложимыя ко всякой церкви, въ которой, какъ въ коринеской, язычники составляли наиболѣе многочисленный классъ.

12. Затѣмъ его вниманіе привлечено было однимъ второстепеннымъ предметомъ. Нѣкоторые мужчины, какъ видно, въ собраніяхъ сидѣли съ покрытыми головами, а нѣкоторыя женщины—съ открытыми, и коринѣяне спрашивали его мнѣнія касательно этого предмета. Благодаря ихъ за ихъ добрую почтительность къ его правиламъ и желаніямъ, онъ сразу же рѣшаетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія высшихъ началъ. Что касается мужчинъ, то ихъ обыкновеніе сразу могло показаться вызывающимъ недоумѣніе, такъ какъ по іудейскому и римскому обычаю молиться они всегда должны были съ покрытою головою, а по греческому обычаю съ непокрытою головою. Ап. Павелъ рѣшаетъ въ пользу греческаго обычая. Христосъ есть глава человѣка и мужчина можетъ поэтому стоять предъ Богомъ съ непокрытою головою; но если онъ покрываетъ свою голову, то этимъ безъ всякой нужды наноситъ ей безчестье, потому что отрекается отъ высшей славы, полученной имъ чрезъ воплощеніе Христа. Совсѣмъ иное дѣло въ отношеніи женщинъ. Глава женщины есть мужчина, и поэтому въ молитвѣ, въ присутствіи Господа, своего господина, она должна являться съ покрытою головою¹³⁷⁵). Сама природа, давая женщинѣ покровъ изъ волосъ, научаетъ, что это рѣшеніе правильно, и преподавая естественный урокъ, что остриженная голова была бы безчестьемъ для женщины, какъ и длинные волосы, знакъ женственности, были бы безчестьемъ для мужчины. Открытая голова мужчины есть также знакъ его превосходства, и такъ какъ женщина согрѣшила первая и вообще болѣе подлежитъ искушенію ко грѣху, то она должна носить на головѣ своей знакъ власти надъ нею, для ангеловъ¹³⁷⁶). Мужъ и жена составляютъ одно во Христѣ, но по этой то причинѣ и должны быть соблюдаемы различія въ ихъ внѣшности. Во всякомъ случаѣ ап. Павелъ не намѣренъ входить въ какое-либо особое разсужденіе касательно этого

предмета. Если природа не убѣдила ихъ въ томъ, что онъ правильно разрѣшилъ этотъ вопросъ, то онъ могъ только отослать ихъ къ установившемуся обычаю, который и долженъ имѣть рѣшающее значеніе для всѣхъ, исключая разумѣется тѣхъ, которые любятъ спорить ¹³⁷⁷).

13. Затѣмъ слѣдуетъ суровый укоръ—тѣмъ болѣе суровый, что онъ прикрывается дважды повтореннымъ выраженіемъ «не хвалю васъ»,—за позорную самолюбивость и беспорядочность, которыми они позволили вторгнуться въ ихъ вечера любви, сопровождающія таинство Господне,—въ особенности за объѣденіе, пьянство и показное хвастовство богатѣйшихъ членовъ общины и презрительное равнодушіе, которое они показывали къ нуждамъ и потребностямъ своихъ болѣе бѣдныхъ собратьевъ. Простое повѣствованіе объ установленіи и цѣли вечера Господней, которое онъ получилъ отъ Господа и передавалъ имъ, и торжественное предостереженіе объ опасности, связанной съ ея профанаціей и проявившейся уже въ болѣзни, слабости и смерти многихъ изъ нихъ, онъ выставляетъ какъ врачебное средство противъ ихъ грубыхъ беспорядковъ. Онъ говоритъ имъ, что отсутствіе способности различенія (*διακρισις*) въ ихъ сердцахъ сдѣлало необходимымъ судъ (*κρίμα*), который былъ милостивымъ приготовленіемъ (*παίδευσίς*) къ спасенію ихъ отъ окончательнаго осужденія (*κατάκριμα*) ¹³⁷⁸). Разрѣшеніе всѣхъ второстепенныхъ предметовъ, о которыхъ они спрашивали его, хотя и не сознавались въ существованіи у нихъ позорныхъ неурядицъ, оставлено апостоломъ до его личнаго прибытія къ нимъ (XI, 17—34).

14. Слѣдующія три главы, изъ которыхъ XIII, содержащая описаніе челоувѣколюбія, есть славнѣйшій перлъ даже въ посланіяхъ ап. Павла,—занимаются отвѣтомъ на ихъ вопросы касательно духовныхъ даровъ. При тѣхъ страшныхъ беспорядкахъ, которые указаны нами, едва ли будетъ удивительнымъ, что глоссо-

Гречанка съ покрываломъ на головѣ
(съ терракотной статуей въ Британскомъ музее).

лалія приводила къ ужаснымъ злоупотребленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видимъ, или потому, что необузданно предавались всякому возбужденію и поэтому становились безсильными жертвами всякой богохульной мысли, случайно проносившейся по ихъ смутному уму; или вслѣдствіе какого-либо отуманивающего философскаго мудрованія, старавшагося сдѣлать различіе между Логосомъ и распятымъ Христомъ, между человѣкомъ Иисусомъ и Господомъ Христомъ; или быть можетъ вслѣдствіе какого либо еще неразрѣшеннаго іудейскаго затрудненія касательно стиха: «проклятъ всякій висящій на деревѣ» (Втор. xxi, 23) — среди непонятныхъ и темныхъ восклицаній издавали иногда даже восклицанія *Αναθεμα Ἰησοῦν* — «да будетъ проклятъ Иисусъ». Имѣя еще очень смутное понятіе касательно истинной сущности дара языковъ, коринѣяне, въ своемъ великомъ смущеніи, спрашивали ап. Павла, что имъ думать объ этомъ? Онъ торжественно далъ имъ прямой отвѣтъ. Когда они были невѣжественными поклонниками нѣмыхъ идоловъ, они быть можетъ привыкли къ ложному вдохновенію Пиеи или Сивиллы, которыя могли производить такое настроеніе въ человѣкѣ, что онъ съ распущенными волосами и пѣною у рта произносилъ отрывочныя восклицанія, что они и считали духомъ Пиеона, Трофонія или Диса; но теперь онъ излагаетъ имъ великое правило того «различенія духовъ», которое дало бы имъ возможность дѣлать различіе между восхищенными выраженіями божественнаго вдохновенія и механическими и безумными бреднями женской слабости или лицемѣрнаго суевѣрія. Каковы бы ни были внѣшнія явленія, главное значеніе имѣютъ выраженія духа. Ни одинъ человѣкъ, истинно вдохновленный свыше, не можетъ произнести анафемы на Иисуса ¹³⁷⁹), равно какъ не вдохновленный имъ не можетъ сказать отъ сердца «Иисусъ есть Господь». *Χαρίσματα* или дары различны; различны также и «служенія» или способы ихъ проявленія; различны также дѣйствія силы и слѣдствія ихъ; но источникъ ихъ одинъ и тотъ же — одинъ Св. Духъ, отъ котораго они всѣ исходятъ; одинъ Господь, отъ котораго получаетъ свой авторитетъ всякое истинное служеніе; одинъ Богъ, отъ котораго исходитъ всякое дѣяніе доброе и всякъ даръ совершенный (Іак. i, 17). И это различное проявленіе одного и того же Духа, практическая ли мудрость или научное знаніе, героизмъ вѣры съ исходящими отъ нея дарами исцѣленія или сила власти, безстрастно выраженная, способность различать между истинными и ложными духовными проявленіями, или наконецъ роды языковъ, истолкованіе языковъ ¹³⁸⁰),—все это соподчинено одной и той же цѣли — назиданію. И поэтому допускать какое-либо столкновеніе между дарами, предаваться какому либо соперничеству въ ихъ проявленіи, значитъ раздирать единство, господствующее надъ всѣмъ этимъ богатымъ разнообразіемъ, высказывать сомнѣнія касательно единства ихъ происхожденія, разрушать единство ихъ дѣйствія. Эти дары: чудотвореніе, пророчество, различеніе духовъ, разные языки — отдѣльно встрѣчались въ различныхъ лицахъ; но каждый изъ нихъ, апостолъ ли, пророкъ

или учитель, есть только крещенный членъ одного тѣла Христова; и новымъ приложеніемъ древней классической басни Мененія Агриппы апостолъ еще разъ поясняетъ роковыя слѣдствія, которыя всегда происходятъ отъ всякаго спора между тѣломъ и его членами ¹³⁸¹). Пусть они желаютъ лучшихъ даровъ (и языки, которыми они наиболѣе тщеславились, онъ намѣренно назвалъ послѣдними), и однако онъ теперь желаетъ указать имъ путь гораздо болѣе возвышенный, чѣмъ всякіе дары. И затѣмъ, поднимаясь на крыльяхъ вдохновеннаго выраженія, онъ, какбы съ озаренныхъ солнцемъ горныхъ высотъ, изливаетъ свой славный гимнъ **христіанской любви**. Безъ нея, пусть человѣкъ даже говоритъ не только человѣческими, но даже и ангельскими языками, онъ всетаки будетъ лишь мѣдью звенящей или кимваломъ звучащимъ ¹³⁸²); безъ нея—пусть онъ имѣетъ даръ пророчества, знаетъ всѣ тайны и имѣетъ всякія познанія и всю вѣру, такъ что можетъ и горы переставлять, — онъ всетаки ничто. Пусть онъ раздастъ все свое имѣніе и отдастъ все свое тѣло на сожженіе, а любви не имѣетъ, то нѣтъ ему никакой пользы въ томъ. Затѣмъ слѣдуетъ то описаніе любви, которое должно бы написать золотыми буквами на сердцѣ каждаго христіанина. «Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; любовь не завидуетъ, любовь не превозносится ¹³⁸³), не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла ¹³⁸⁴), не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ» ¹³⁸⁵). Пророчества, языки и знаніе—все это имѣетъ лишь временный характеръ и все исчезнетъ, когда придетъ совершенное; а любовь — это цвѣтокъ, который никогда не увядаетъ ¹³⁸⁶). Все это лишь лепетаніе чувства и разсужденіе младенца; но любовь принадлежитъ къ совершенному мужеству, когда мы увидимъ Бога не какъ въ смутномъ отраженіи зеркала, но лицомъ къ лицу, и узнаемъ Его не отчасти, а вполне, подобно тому, какъ и Онъ знаетъ насъ вполне. Вѣра, надежда и любовь—вотъ три не преходящихъ дара, но постоянно обитающая благодать; но величайшая изъ нихъ есть любовь—величайшая потому, что она составляетъ корень двухъ другихъ; величайшая потому, что тѣ служатъ ради насъ, а любовь — для другихъ; величайшая потому, что не въ вѣрѣ и не въ надеждѣ находится настоящее пользованіе небомъ, а только въ возвышенномъ и озаренномъ благословеніи «вѣры, дѣйствующей любовью»; величайшая потому, что вѣра и надежда имѣютъ человѣческій характеръ, а любовь божественна по самой своей сущности (хп, 31—хп, 13).

15. На этомъ основаніи, столь божественномъ, столь незыблемомъ, легко было построить рѣшеніе касательно взаимнаго отношенія между духовными дарами, Легко видѣть, что проповѣдничество выше глоссолатіи, потому что одно было въ высшей степени непонятнымъ дѣломъ, а другое—источникомъ общей пользы. Говорящій языками, если только онъ не могъ въ то же время истолковывать или не могъ кто нибудь другой истолковывать за него нечленораздѣльныхъ востор-

говъ, произноситъ лишь невнятные звуки, подобно неопредѣленному звуку трубы или смѣшаннымъ звукамъ арфы или флейты. При отсутствіи всякаго истолкованія, говореніе языками есть лишь говореніе на воздухъ. Оно не имѣетъ никакого значенія и такъ же бесполезно, какъ жаргонъ варвара. Такъ какъ они особенно гордились этимъ даромъ, то пусть они молятся о полученіи способности истолковывать свои изреченія. Молитва, пѣснь духа должны сопровождаться согласіемъ разума; иначе «языкъ» будетъ бесполезенъ всякому обыкновенному молящемуся, такъ какъ онъ, не понимая говоримаго, не можетъ отвѣчать «аминь»¹³⁸⁷⁾ на голосъ священнодѣйствующаго. Ап. Павелъ благодаритъ Бога, что онъ также былъ способенъ къ этому глубокому духовному движенію, поддавался вдохновенію глоссолаліи даже болѣе, чѣмъ кто либо изъ нихъ¹³⁸⁸⁾; и однакоже онъ такъ мало цѣнилъ этотъ даръ, можно сказать даже — такъ унижалъ его, какъ часть общественнаго богослуженія, — что сказавъ имъ, что онъ скорѣе готовъ сказать пять понятныхъ словъ для наученія другихъ, чѣмъ десять тысячъ словъ на «невѣдомомъ языкѣ»¹³⁸⁹⁾, онъ проситъ ихъ не быть младенцами въ разумѣ, а быть младенцами въ порокахъ, и приводитъ въ духъ того истолкованія, съ которымъ могли быть знакомы его іудейскіе обращенцы, мѣсто изъ пророка Исаіи¹³⁹⁰⁾, въ которомъ Іегова угрожаетъ пьянымъ священникамъ Іерусалима, что такъ какъ они не хотятъ слушать простой проповѣди пророка, то онъ преподастъ имъ урокъ (хотя также бесполезно) посредствомъ завоевателей, говорящихъ языкомъ, котораго они не понимаютъ. Изъ этого онъ выводитъ, что «языки» совсѣмъ не предназначаются для церкви, а суть только знакъ для невѣрующихъ, и что они, употребляемые такъ смутно и безпорядочно, какъ это было въ Коринѣ, могли только возбуждать даже въ невѣрующихъ презрительное замѣчаніе, что они сами представляютъ собою секту бессмысленныхъ фанатиковъ, между тѣмъ какъ слѣдствіемъ проповѣди могло бы быть внутреннее убѣжденіе, пламенная молитва и признаніе присутствія Божія среди нихъ (xiv, 1—26).

16. Безпорядки затѣмъ въ коринтской церкви возникали вслѣдствіе себялюбиваго соперничества между ними выказать свой собственный спеціальнѣйшій даръ — языкъ ли, псаломъ, ученіе или откровеніе. Если они будутъ помнить, что цѣль молитвы есть назиданіе, то такіа сцены не повторятся. Только немногіе поэтому въ извѣстное время должны говорить языками и только въ томъ случаѣ, если кто нибудь можетъ изъяснять; иначе они должны подавлять въ себѣ побужденія къ этому. Не должны также двое проповѣдывать въ одно и тоже время. Если соперничество въ бессмысленныхъ восклицаніяхъ среди глоссолалистовъ поддерживалось какимъ нибудь сирійскимъ энтузіастомъ, то болѣе терпимый, но еще болѣе непріятный безпорядокъ производимъ былъ соперничествомъ страдавшихъ «эгоизмомъ ораторства» проповѣдниковъ, приверженцевъ и поклонниковъ Аполлоса. Для исцѣленія этого недуга апостоль излагаетъ

правило, что если говоритъ одинъ проповѣдникъ, а другой чувствуетъ непреодолимое желаніе сказать что нибудь, то первый долженъ перестать. Безполезно ссылаться на то, что они не въ силахъ воздерживаться отъ проповѣдничества. Духи, вдохновляющіе истиннаго пророка, находятся подъ должнымъ контролемъ пророка, и Богъ есть виновникъ не смятенія, а мира. Женщины не должны говорить въ церкви совѣмъ, и если онѣ нуждаются въ какомъ нибудь поясненіи, то должны спрашивать объ этомъ своихъ мужей дома. Таково было общее правило для всѣхъ церквей, и никто не имѣлъ права измѣнять этого мудраго и добраго постановленія. Развѣ коринѣяне представляли собою самую первую церковь? Развѣ они были только единственною церковью? Истинный проповѣдникъ, человѣкъ истинно духовный, сразу признаетъ, что эти постановленія суть заповѣди Господа, а для непреодолимаго изувѣрства и упорнаго невѣжества ап. Павелъ не желаетъ ничего говорить больше. Самъ собою выступаетъ отсюда тотъ выводъ, что проповѣдничество нужно ободрять и глоссолалію не запрещать, если только она не нарушала общаго правила, что все должно совершаться прилично и въ порядкѣ. Изъ выясненнаго отношенія ап. Павла къ «языкамъ»,—явленію первоначально священному и важному, но подлежащему легкой возможности поддѣлки и тяжкаго злоупотребленія и поэтому непригодному для полезнаго служенія,—можно замѣчать однакоже, что апостольскій склоняется даже къ полному подавленію проявленія самаго чувства, о которомъ онъ отзывается такъ неодобрительно. Во всякомъ случаѣ, съ этого времени мы мало или ничего не слышимъ о «дарѣ языковъ». Нѣчто сходное съ нимъ проявлялось иногда въ различныхъ мѣстахъ и въ различные эпохи исторіи христіанской церкви. По своей сущности это есть естественное слѣдствіе свѣжаго и всеувлекающаго религіознаго чувства, но ему такъ легко подражать симптомами истерики и онъ часто ведетъ къ столь беспорядочнымъ и плачевнымъ слѣдствіямъ, что за рѣдкими отдѣльными исключеніями онъ вообще имѣлъ противъ себя то сознаніе необходимости приличія и порядка, которое излагаетъ здѣсь ап. Павелъ, что потомъ и было вполне признано спокойною мудростью христіанской церкви. Контроль и подавленіе восторженнаго чувства, выражавшагося въ глоссолаліи, есть практическое его уничтоженіе, хотя это ни коимъ образомъ не влечетъ за собою необходимаго подавленія вдохновляющаго убѣжденія, изъ котораго оно впервые возникло (xiv, 26—40).

17. Затѣмъ слѣдуетъ безсмертная глава, въ которой апостольскій утверждаетъ въ коринѣянахъ вѣру въ воскресеніе и разрѣшаетъ ихъ затрудненія касательно его. Если они не хотятъ совершенно отвергнуть принятаго ими Евангелія, въ которомъ они пребывали и которымъ они спасались, то они твердо должны держаться вновь повторяемыхъ имъ теперь истинъ, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, былъ погребенъ и въ третій день воскресъ. Онъ перечисляетъ Его явленія по воскресеніи, именно явленіе Кифѣ, двѣнадцати, болѣе чѣмъ пяти стамъ братій сразу, изъ которыхъ большинство еще были живы, Іакову, всѣмъ апостоламъ;

наконецъ, какбы нѣкому извергу, и ему самому ¹³⁹¹); «ибо я, прибавляетъ онъ, наименьшій изъ всѣхъ апостоловъ и недостойнъ называться апостоломъ, потому что гналъ церковь Божию; но благодатию Божіею есмь то, что есмь; и благодать Его во мнѣ не была тщетна; но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился: не я впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною; и такъ, я ли, они ли, мы такъ проповѣдуемъ, и вы такъ увѣровали» ¹³⁹²).

Если же Христосъ воскресъ, то откуда явилось чудовищное ученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, что не будетъ воскресенія мертвыхъ? Эти двѣ истины не отдѣлимы одна отъ другой. Если Христосъ не воскресъ, то тщетна вѣра ихъ, грѣхи ихъ не прощены, умершіе ихъ погибли; и если ихъ надежда во Христѣ не предназначена къ осуществленію, то они самые жалкіе изъ людей. Но такъ какъ Христосъ воскресъ, то воскреснемъ также и мы, и какъ всѣ люди принимаютъ участіе въ смерти, принесенной Адамомъ, такъ и всѣ оживутъ въ новую жизнь во Христѣ ¹³⁹³). Но каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, потомъ Христовы, въ пришествіе Его; а затѣмъ конецъ, когда Онъ передастъ царство Богу Отцу, и когда истребится послѣдній врагъ—смерть и Богъ будетъ все во всемъ. А если бы не было воскресенія, то зачѣмъ имъ и креститься для мертвыхъ ¹³⁹⁴) и зачѣмъ апостолы мужественно идутъ на встрѣчу опасности смерти? Въ похвалу себѣ о нихъ во Христѣ онъ заявляетъ, что онъ каждый день какбы умираетъ. И если, говоря почеловѣчески, онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ ¹³⁹⁵), то какая ему польза, если мертвые не воскреснутъ? Эпикурейцы могли находить нѣкоторое оправданіе для своего дикаго и печальнаго правила: «будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ». Неужели общеніе съ язычниками произвело въ нихъ это опасное невѣріе? О, пусть они не обманываются, пусть остерегаются этой опасной закваски. «Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы». Пусть они сразу же пробудятся къ праведности отъ опьяняющаго сновидѣнія своего невѣрія и пусть отвергнуть привившіяся къ нимъ грѣховныя привычки! Къ стыду ихъ приходится сказать, что «нѣкоторые изъ нихъ не знаютъ Бога» (xv, 12—35).

Что же касается матеріальныхъ затрудненій, то ап. Павелъ не только устраняетъ ихъ однимъ восклицаніемъ: «безразсудный!», но говорить, что тѣло умираетъ, какъ умираетъ и сѣмя, и наши тѣла въ воскресеніи будутъ отличны отъ теперешнихъ, какъ вновь выросшее зерно отличается отъ посѣяннаго, и между собой такъ же различны, какъ различны тѣла небесныя и тѣла земныя, или какъ одна звѣзда разнится отъ другой въ славѣ. Тлѣнность, уничиженность, немощность смертнаго тѣла, въ которое при рожденіи насаждается душа, уступать мѣсто нетлѣннѣ, славѣ, силѣ воскресшаго тѣла. Намѣсто матеріальнаго явится духовное; небесный образъ оживляющаго духа Христова замѣнить земной образъ Адама, простую душу живу ¹³⁹⁶). Такимъ образомъ въ немногихъ простыхъ словахъ ап. Павелъ опровергаетъ заблужденія коринѳянъ каса-

тельно физическаго тождества воскресшаго тѣла съ теперешнимъ, мнѣніе, которое подавало поводъ къ столь многимъ презрительнымъ матеріалистическимъ возраженіямъ. Ап. Павелъ не говоритъ съ Пруденціемъ:

Me ne dente, nec ungue
Fraudatum redimet patefacti fossa sepulchri,

но что «плоть и кровь» не могутъ наследовать царствіе Божіе; что съ пришествіемъ Христа тѣла живыхъ измѣнятся во мгновеніе ока, а тѣла умершихъ воскреснутъ въ небесное, духовное и прославленное тѣло ¹⁸⁹⁷⁾.

Такимъ образомъ тѣло будетъ не то же самое, но духовное тѣло, чѣмъ сразу устранялись всѣ грубыя матеріалистическія возраженія. Въ извѣстный моментъ живые и мертвые, при звукѣ послѣдней трубы, измѣнятся отъ тлѣнія къ нетлѣнію, отъ смертнаго естества къ безсмертію. «Тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою. Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда ¹⁸⁹⁸⁾? Жало же смерти—грѣхъ, а сила грѣха—законъ. Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. И такъ, братья мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспѣвайте въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ вашъ не тщетенъ предъ Господомъ» ¹⁸⁹⁹⁾.

Такъ оканчивается эта знаменитая глава—надежда миллионовъ живущихъ, утѣшеніе въ утратѣ умершихъ. И если, какъ мы видѣли, ап. Павелъ былъ наиболѣе страждущимъ и въ этой жизни наиболѣе жалкимъ изъ людей, то какое же славное преимущество было у него при этихъ невзгодахъ, какая славная награда предстояла ему за всѣ его труды и страданія въ томъ именно, что онъ такъ былъ одаренъ и озаренъ Духомъ святымъ, что могъ такимъ образомъ какбы случайно даже изливать слова, которыя поднимаются въ область, стоящую выше всѣхъ затрудненій и возраженій, и которыя научаютъ насъ признавать въ смерти не проклятіе, а вѣнецъ, не пораженіе, а побѣду, не ядовитаго змія, а сокровеннаго ангела, не злѣйшаго врага, но величайшее родовое право человечества. Не обличеніемъ въ неправовѣріи, не нетерпѣливымъ подавленіемъ всякаго разсужденія, не перунами негодующей власти встрѣчаетъ онъ чудовищное невѣріе, такъ близко затрогивающее самыя основныя истины христіанства, именно отрицаніе воскресенія. Онъ старается опровергнуть его личными доводами, полезными примѣрами, спокойнымъ и возвышеннымъ размышленіемъ, пылкими увѣщаніями, пламеннымъ краснорѣчіемъ вдохновеннаго убѣжденія. Анаэма тутъ была бы болѣе, чѣмъ бесполезна; на отлученіе онъ едва лишь намекаетъ; но опроверженіе опаснаго заблужденія посредствомъ изложенія возвышающей истины получило свою высшую и непреходящую награду въ утвержденіи вѣры, въ озареніи надежды безчисленныхъ поколѣній.

Замѣтимъ также, что вдохновенное убѣжденіе ап. Павла въ истинѣ воскресенія основывается, какъ и все его богословіе, на мысли, что жизнь христіанина

есть «жизнь во Христѣ». Онъ не касается мнѣній Платона касательно нашихъ воспоминаній о прежнемъ состояніи бытія; но вмѣсто неосуществившихся идей, на которыхъ создаетъ свое ученіе Платонъ, онъ предлагаетъ осуществившійся идеаль Христа. Онъ не основываетъ своихъ доводовъ, какъ это дѣлаетъ Кантъ, на неспособности человѣчества повиноваться «категорическому императиву» долга, а указываетъ на безгрѣшнаго человѣка. Онъ не слѣдуетъ древнимъ и не останавливается на ложныхъ аналогіяхъ, доставляемыхъ бабочкой или мотылькомъ; и его не сбиваетъ, какъ это было съ знаменитѣйшими ему современниками и послѣдующими мыслителями, господствовавшая тогда басня о фениксѣ. При своей аргументаціи онъ не основывается на законѣ непрерываемости, на неразрушимости атомовъ, на сохраненіи силы или на общей вѣрѣ человѣчества. Но единственная его мысль, единственный его доводъ состоитъ въ слѣдующемъ: вы Христовы, а Христосъ воскресъ; если вы умерли съ Нимъ ко грѣху, то и должны жить съ Нимъ въ праведность здѣсь, а слѣдовательно и къ славѣ потомъ. Жизнь, которою вы теперь живете, находится въ вѣрѣ въ Сына Божія, и будучи вѣчна по своей сущности, она содержитъ въ себѣ залогъ своей собственной неразрушимой жизненности. Онъ учитъ насъ какъ въ явленіяхъ человѣческаго грѣха, такъ и въ явленіяхъ человѣческой святости видѣть истину воскресенія. Христосъ умеръ для прощенія грѣха, для награды, надежды и поддержанія святости. Онъ обитаетъ одесную Бога. Онъ не столько приводитъ доказательства въ пользу воскресенія, сколько изображаетъ его и заставляетъ насъ чувствовать его силу. Воскресеніе христіанина отъ смерти грѣха къ жизни праведности превосходитъ и поглощаетъ собою меньшее чудо его воскресенія отъ сна смерти къ жизни вѣчной.

18. Посланіе заканчивается практическими указаніями и привѣтствіями. Апостолъ учреждаетъ еженедѣльный сборъ приношеній, какъ это онъ сдѣлалъ и въ Галатіи, для святыхъ въ Іерусалимѣ. Онъ пишетъ коринѳянамъ, что онъ, если будетъ возможность, или самъ отнесетъ собранную у нихъ милостыню въ Іерусалимъ, или поручитъ ее какимъ либо посланнымъ отъ нихъ, снабженнымъ ихъ рекомендательными письмами. Безъ всякаго разъясненія онъ объявляетъ имъ объ отмѣнѣ своего намѣренія касательно посѣщенія ихъ мимоходомъ при проходѣ чрезъ Македонію, равно какъ и по возвращеніи своемъ оттуда, но извѣщаетъ ихъ, что намѣренъ придти къ нимъ изъ Македоніи и быть можетъ перезимуетъ у нихъ, такъ чтобы они могли помочь ему въ его дальнѣйшемъ путешествіи, и что онъ намѣренъ остаться въ Ефесѣ до пятидесятницы, потому что для него «отверста великая и широкая дверь, и противниковъ много».

Къ нимъ быть можетъ придетъ Тимофей. Если такъ, то они не должны презрительно относиться къ его юности или смущать его своимъ противодѣйствіемъ, но содѣйствовать ему въ его святомъ дѣлѣ и помогать ему мирно на его пути къ апостолу съ тѣми, которые будутъ сопровождать его. Они просили,

чтобы опять посѣтилъ ихъ Аполлосъ. Ап. Павелъ сдѣлалъ все для удовлетворенія ихъ желанія, но Аполлосъ, хотя и надѣялся посѣтить ихъ въ будущемъ, отказался придти къ нимъ въ настоящее время, руководясь по всей вѣроятности благороднымъ чувствомъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ его посѣщеніе принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы ¹⁴⁰⁰).

При этомъ высказывается краткое, живое увѣщаніе: «Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды; все у васъ да будетъ съ любовью».

Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько словъ доброй похвалы Стефану, Фортунату и Ахаику; изъ нихъ Стефанъ былъ самымъ первымъ его ахейскимъ обращенцемъ, и всѣ они посвятили себя на служеніе святымъ, своимъ посѣщеніемъ утѣшили *его* въ его отсутствіи отъ нихъ и *ихъ самихъ* доставленіемъ этого посланія. Онъ внушаетъ оказывать должное почтеніе и уваженіе къ такимъ истиннымъ труженикамъ. Очень возможно, что эти слова были прибавлены послѣ, чтобы коринѣяне не предположили, что это именно отъ нихъ—въ особенности если они были изъ семейства Хлои — ап. Павелъ слышалъ такіе печальные рассказы о ихъ церкви, и такимъ образомъ склонны были бы недружелюбно принять ихъ по ихъ возвращеніи. Затѣмъ слѣдуетъ заключительное собственноручное привѣтствіе: «мое, Павлово, привѣтствіе собственноручно»; но прежде чѣмъ написать послѣднее благословеніе, въ немъ еще разъ проявляется взрывъ сильнаго и негодующаго чувства. «Кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ анаема ¹⁴⁰¹); *маранаа*, Господь близокъ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами». Всего естественнѣе было окончить этимъ, но ему пришлось такъ долго увѣщавать, высказать столь много суроваго, что онъ, для того чтобы показать, какъ не смотря на все это была непоколебима его любовь къ нимъ, дѣлаетъ необычное прибавленіе: «а любовь моя со всѣми вами во Христѣ Іисусѣ. Аминь» ¹⁴⁰²).

Такъ оканчивается длиннѣйшее и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ величайшее и наиболѣе характеристическое изъ посланій ап. Павла. При написаніи его онъ подавилъ въ себѣ волновавшія его глубочайшія чувства; но когда оно было отправлено, онъ, опасаясь послѣдствій, которыя оно могло произвести, боялся, не сказалъ ли онъ слишкомъ много; боялся, чтобы излишняя суровость не произвела отчужденія въ тѣхъ, которыхъ онъ желалъ только приблизить къ себѣ; его собственная душа была потрясена полусдержаннымъ громомъ и онъ опасался, чтобы посланная имъ молнія не поразила слишкомъ глубоко души, въ которыя онъ метнулъ ея. Онъ желалъ бы даже воротить это посланіе (2 Кор. vii, 8) и съ трепетнымъ безпокойствомъ ожидалъ первыхъ извѣстій о томъ, какъ оно было принято въ Коринѣ. Но Богъ все направилъ къ лучшему; тѣ писанія, которыя естественно и вольно вытекаютъ изъ благороднаго и искренняго чувства, при всей своей суровости способны произвести глубочайшее впечатлѣніе на міръ, и меньше встрѣчаютъ противодѣйствія; во всякомъ случаѣ, они всегда бываютъ болѣе полезны чѣмъ заученныя и тщательныя выраженія, составленныя по

всѣмъ правиламъ изысканной условности. Не только церковь Коринѳа, но и весь христіанскій міръ получилъ неизмѣримую пользу не только отъ искренности одушевлявшихъ апостола чувствъ, но и отъ порывистой самопроизвольности языка, въ который воплотились они въ его первомъ посланіи къ Коринѳянамъ.

Монета города Коринѳа
(съ экземпляровъ въ Британскомъ музеѣ).

Развалины Троады.

ГЛАВА XXXIII.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ КОРИНТЯНАМЪ.

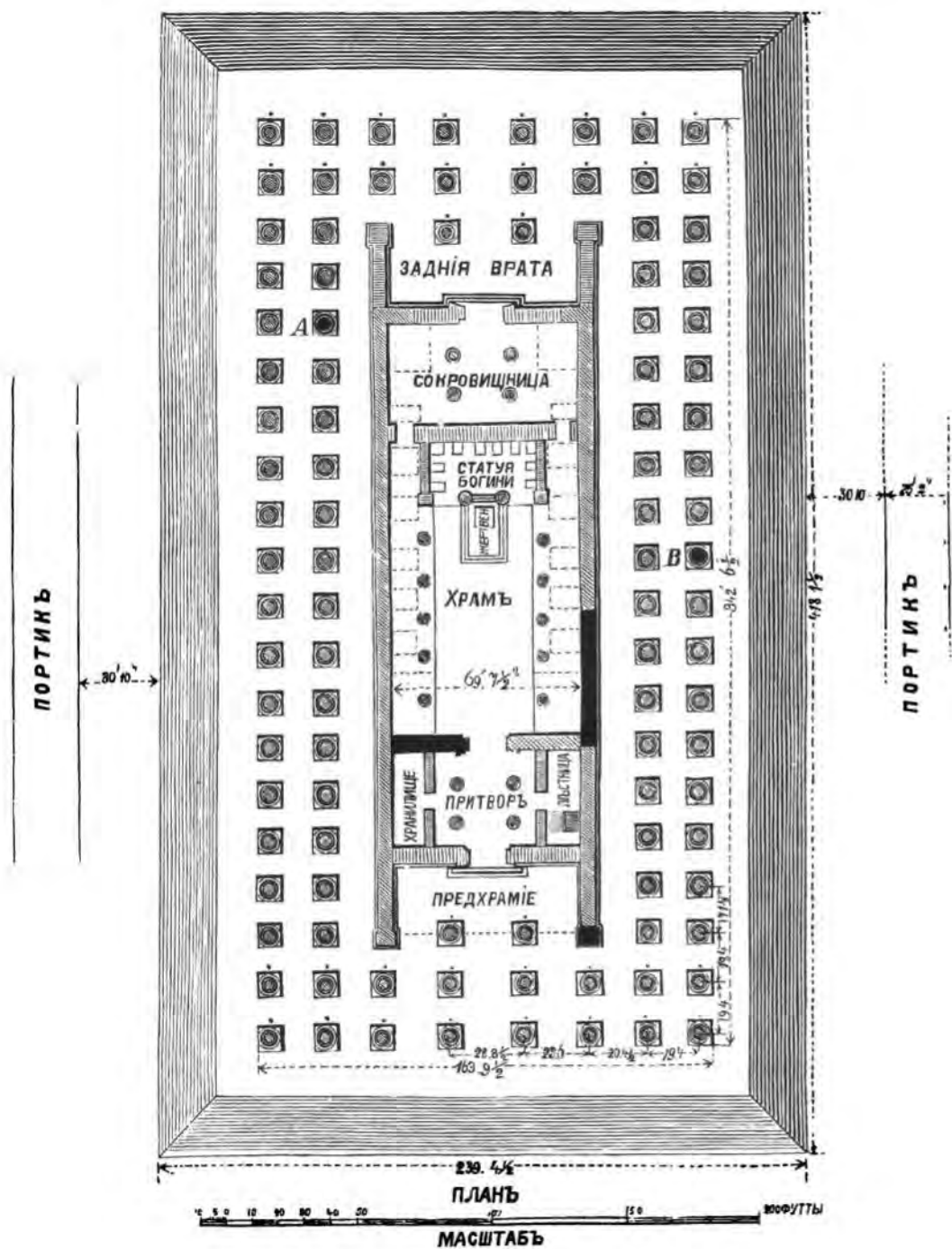
Есть три вѣща: вѣнецъ закона, вѣнецъ священства и вѣнецъ царства: но вѣнецъ добраго имени выше ихъ всѣхъ. Парке-Абоеъ.

О ОСТАВЛЕНІИ Ефеса ап. Павелъ прямо отправился въ Троаду съ своею обычною высокою цѣлью проповѣдывать Евангеліе Христа (2 Кор. II, 12, 13). Онъ былъ въ этомъ городѣ и раньше; но его пребываніе тамъ было очень коротко, вслѣдствіе умоляющаго видѣнія человека изъ Македоніи, которое и рѣшило его великое намѣреніе нести благовѣстіе въ Европу. Но хотя проповѣдь его была теперь успѣшна и «дверь была открыта ему въ Господѣ»¹⁴⁰³), онъ не могъ оставаться тамъ, вслѣдствіе своего крайняго безпокойства: «онъ не имѣлъ покоя для своего духа, потому что не нашелъ тамъ своего брата Тита». Титу вѣрно было присоеди- ниться къ нему въ Троадѣ; но быть можетъ вслѣдствіе уско- реннаго ухода изъ Ефеса ап. Павелъ прибылъ въ этотъ

городъ раньше, чѣмъ ожидалъ Титъ, тѣмъ болѣе, что при неправильности навигаціи того времени легко было всегда запоздать. Во всякомъ случаѣ его не было тамъ и ап. Павелъ становился болѣе и болѣе безпокойнымъ, такъ что наконецъ впалъ въ невыносимо тяжелое настроеніе духа и чувствуя, что не можетъ болѣе продолжать своего дѣла, оставилъ Троаду, чтобы отправиться въ Македонію. Тамъ наконецъ онъ встрѣтилъ Тита, который облегчилъ его мучительное настроеніе духа извѣстіемъ изъ Коринѳа, которое, хотя и не вполне высказанное, было однакоже вообще благопріятно. Отъ Тита онъ узналъ, что перемѣна его намѣренія касательно посѣщенія Коринѳа послужила поводомъ къ неблагопріятнымъ сужденіямъ (2 Кор. i, 17), и что много обидныхъ замѣчаній касательно его характера и способа дѣятельности старательно распространялось особенно однимъ іудейскимъ учителемъ (ш, 1; v, 11; vii, 2, 3; x, 10; xi, 18—20). Тѣмъ не менѣе дѣйствіе перваго посланія было удовлетворительно. Оно причинило коринѳянамъ скорбь, но скорбь эта была спасительная и имѣла своимъ послѣдствіемъ порывъ въ нихъ усердія, приступъ плача и ревности по апостоламъ (vii, 6—11). Самъ Титъ былъ принятъ сердечно, даже со страхомъ и трепетомъ (vii, 13, 15). Съ гнуснымъ преступникомъ, изблеченнымъ въ посланіи апостола, коринѳяне расправились быстро и даже сурово (ii, 5—10), и все, что ап. Павелъ говорилъ Титу въ похвалу церкви, оправдалось на томъ, что онъ видѣлъ (vii, 14). Вслѣдствіе этого, онъ опять послалъ къ нимъ Тита (viii, 6) для окончанія начатаго имъ добраго дѣла и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ испытаннаго и вѣрнаго брата, во всѣхъ церквахъ похваляемаго за благовѣствованіе (viii, 18, 23); и на этотъ разъ Титъ отправился не только съ охотой, но даже съ полнымъ рвеніемъ ¹⁴⁰⁴).

Въ какомъ городѣ Македоніи ап. Павелъ встрѣтился съ Титомъ, а также съ Тимофеемъ, мы не знаемъ. Съ подробностями ихъ движеній сопряжены значительныя неясности, и вообще всѣ событія этой части путешествія оставлены въ повѣствованіи безъ всякаго вниманія; можно только предполагать, что въ теченіе его ап. Павелъ доходилъ даже до Иллиріи (Римл. xv, 19). Гдѣ нибудь во время этого путешествія, но вѣроятно не въ Филиппахъ, какъ говоритъ надпись къ посланію,—потому что, какъ очевидно изъ самаго посланія, онъ посѣтилъ большую часть церквей Македоніи ¹⁴⁰⁵),—онъ написалъ свое второе посланіе къ Коринѳянамъ. Изъ него мы узнаемъ, что въ этой области онъ удрученъ былъ какою-то особенною скорбію—влѣдствіе ли тяжелой болѣзни или внѣшняго преслѣдованія, внутренняго безпокойства или быть можетъ всего этого вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ во время своего пребыванія въ Македоніи онъ страдалъ отъ того же самаго подавляющаго бѣдствія, которымъ закончилось его пребываніе въ Ефесѣ и которое заставило его удалиться изъ Троады (viii, 2). Самыя церкви находились въ бѣдственномъ состояніи, которое ап. Павлу естественно приходилось раздѣлять (iv, 8—12), и по его собственному описанію онъ находился въ полномъ умственномъ и нравственномъ изможденіи. «Плоть наша не имѣла никакого покоя; но мы были

Планъ храма Діаны въ Ефесѣ.

стѣснены отвсюду: отвѣтъ нападенія, внутри страхи» (vii, 5). Но это помогаетъ намъ уяснить себѣ дѣйствительное значеніе и содержаніе этого посланія, писаннаго среди такихъ обстоятельствъ. Если **надежда** есть основной тонъ посланія къ Θεссалоникійцамъ, **радость**—въ посланіи къ Филиппійцамъ, **вѣра**—въ посланіи къ Римлянамъ и **небо**—въ посланіи къ Ефесянамъ, то **скорбь** есть господствующее слово во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ ¹⁴⁰⁸). Посланіе къ Θεссалоникійцамъ содержитъ воззрѣніе апостола на второе пришествіе; посланіе къ Галатамъ есть торжественное выраженіе его негодованія на отступленіе іудействующихъ; посланіе къ Римлянамъ есть систематическое и такъ сказать научное изложеніе его воззрѣній о томъ, что можно назвать, выражаясь новѣйшимъ языкомъ, схемою спасенія; посланіе къ Филиппійцамъ есть изліяніе нѣжной и радостной привязанности къ своимъ возлюбленнымъ обращенцамъ; первое посланіе къ Коринѳянамъ показываетъ намъ, какъ онъ прилагалъ начала христіанства къ обыденной жизни въ отношеніи къ вопіющимъ заблужденіямъ наиболѣе неудовлетворительной церкви; его второе посланіе къ Коринѳянамъ открываетъ окно въ самыя чувствованія его сердца и есть взволнованная самозащита уязвленнаго и любящаго сердца въ отношеніи неблагодарныхъ и заблуждающихся, но еще не вполне погибшихъ и подающихъ надежду на исправленіе душъ ¹⁴⁰⁷).

И эта самозащита не была излишнею. Въ этомъ посланіи, какъ видно изъ него, ап. Павелъ въ первый разъ открыто выступаетъ противъ заблужденія іудействующихъ, которое приняло страшные размѣры и грозило извратить основныя начала проповѣдуемаго имъ Евангелія. Изъ него видно, что въ нѣкоторыхъ изъ основанныхъ имъ церквей возникла іудейская партія, которая находила подкрѣпленіе въ письмахъ изъ Іерусалима и не только опровергала его мнѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ грубо поносила его личный характеръ и его побужденія. Даже изъ неясныхъ намековъ и косвенныхъ внушеній можно видѣть ея коварную дѣятельность; и въ этомъ посланіи мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ нею и ея беззастѣнчивымъ противодѣйствіемъ, которое притомъ по своему характеру сильно отличается отъ прежняго. Ап. Павелъ уже не борется противъ безумія воображаемой мудрости или злоупотребленія истинной свободой; онъ уже не занимается исправленіемъ практическихъ безпорядковъ и теоретическихъ заблужденій. Онъ выставляетъ свои собственныя права противъ мнимыхъ правъ его противниковъ и поддерживаетъ свой апостольскій авторитетъ, который такъ грубо и такъ открыто подрывали его враги.

Очень возможно, что нападеніе это было вызвано приговоромъ ап. Павла на гнуснаго преступника ¹⁴⁰⁸). По его дѣлу между коринѳскими христіанами повидимому произошелъ раздоръ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ стояли за него, а другіе — за отца. По всему дѣлу видно, что мы не знаемъ всѣхъ его обстоятельствъ, такъ какъ иначе непонятно, какъ такой преступникъ, если бы не было смягчающихъ данныхъ, могъ бы находить защитниковъ своего преступленія,

возбуждавшаго ужасъ даже въ средѣ язычниковъ. Даже тѣ, кто ставили плотской грѣхъ на одинъ уровень съ яденіемъ идоложертвеннаго и поэтому считали его дѣломъ безразличнымъ, и взглядъ которыхъ ап. Павелъ съ такимъ благороднымъ негодованіемъ опровергаетъ въ своемъ первомъ посланіи, не могли бы стать на

Развалины Анкиры столицы Галатіи.

сторону этого лица, если бы въ его преступленіи не было какого нибудь оправдывающаго обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было такъ, онъ едва ли бы осмѣлился оставаться членомъ церкви и вмѣстѣ съ своимъ оскорбленнымъ отцомъ посѣщать вечера любви и участвовать въ таинствахъ. Вполнѣ вѣроятно, и на это повидимому указываютъ всѣ намеки на него во второмъ посланіи, что онъ былъ скорѣе человекъ немощный, чѣмъ безнравственный. Но даже это не

было бы для него оправданіемъ въ преступленіи, за которое самъ Галліонъ приговорилъ бы его къ смерти или ссылкѣ, и за которое Моисеевъ законъ наказывалъ исключеніемъ изъ общества (Лев. xvii, 8; xx, 11; Втор. xxvii, 20). Поэтому навѣрно было что нибудь такое, чѣмъ можно было извинять гнусность его преступленія, и ап. Павелъ долженъ былъ прямо сказать коринѣянамъ, что къ его рѣшенію не примѣшивалось никакого личнаго чувства (2 Кор. vii, 11, 12). Онъ очевидно внушалъ, чтобы всѣ члены церкви на своемъ общемъ собраніи какбы въ присутствіи самого апостола предали преступника сатанѣ, такъ чтобы осужденіе пало на его тѣло ради спасенія его души. Такъ именно онъ и повелѣвалъ сдѣлать церкви. Но сдѣлали ли они это? Это, по меньшей мѣрѣ, кажется сомнительнымъ. Что они удалили его отъ своего общенія,—это несомнѣнно, и самая угроза отлученія, висѣвшая надъ нимъ, сопровождаемая (какъ съ несомнѣнностью вѣровали какъ онъ, такъ и вся церковь) сверхъестественнымъ осужденіемъ, была достаточна для того, чтобы повергнуть его въ бездну скорби и покаянія. Въ это время среди коринѣскихъ христіанъ свирѣпствовали болѣзни и смерть, и ап. Павелъ говорилъ имъ, что это было прямое наказаніе за ихъ профанацію вечери Господней. Преступникъ очевидно не упорствовалъ, и въ своемъ второмъ посланіи ап. Павелъ открыто прощаетъ ему, снимаетъ свой приговоръ, очевидно, на томъ основаніи, что коринѣяне уже сдѣлали тоже. И въ самомъ дѣлѣ, если желаемая цѣль покаянія человѣка и очищеніе церкви отъ всякаго сообщничества или безнравственнаго равнодушія къ его преступленію были достигнуты безъ принятія крайнихъ мѣръ, то ап. Павелъ даже увѣщеваетъ коринѣянъ утѣшить и простить этого человѣка и въ дѣйствительности возвратитъ ему полное членство въ церкви. Тѣмъ не менѣе они повидимому не вполне точно исполнили повелѣніе апостола, и какъ будто противодѣйствующая ему партія, такъ сказать, возстала противъ него и стала подрывать самый его авторитетъ. Противники апостола говорили, что онъ не пришелъ и не придетъ. Конечно-де можно писать строгія и угрожающія письма, но вѣдь не письмами, а совершеніемъ чудесныхъ дѣлъ Кифа поразили неправду въ лицѣ Ананіи и Сапфиры, равно какъ и Симона волхва. Павелъ не могъ сдѣлать этого. Да и какъ можно ожидать этого отъ человѣка столь мизернаго по внѣшности, столь колеблющагося въ своихъ намѣреніяхъ и столь слабого въ рѣчи? Вѣдь Павелъ не былъ избранъ двѣнадцатымъ апостоломъ, да онъ и не апостолъ совсѣмъ. Какъ злоупотребленія среди его послѣдователей показывали, что его ученіе опасно, такъ и его неспособность исправить ихъ есть доказательство, что его авторитетъ призраченъ. Самый фактъ, что онъ не требовалъ отъ своихъ обращенцевъ средствъ содержанія для себя, показываетъ только, какъ онъ не увѣренъ въ своемъ собственномъ положеніи. То, въ чемъ дѣйствительно нуждается церковь, это именно прежняя строгость Моисеева закона, кто нибудь изъ Іерусалима, какой нибудь истинный апостолъ съ своей женою, который сталъ бы

управлять ими съ дѣйствительнымъ авторитетомъ, или по крайней мѣрѣ какой нибудь посланный отъ Іакова и братьевъ Господнихъ проповѣдывать «другое Евангеліе» — болѣе согласное съ волею Іисуса ¹⁴⁰⁹). Павелъ, доказывали они, никогда не зналъ Іисуса и совершенно ложно представлялъ Его (2 Кор. xi, 4), потому что Христосъ сказалъ, что ни одна іота или черта не должна погибнуть изъ закона и хлѣбъ дѣтей не должно бросать псамъ. Павелъ проповѣдывалъ лично отъ себя (2 Кор. xii, 5) и повидимому едва ли былъ отвѣтственъ за то, что онъ проповѣдывалъ. Онъ человѣкъ полоумный, и однако же въ его безуміи есть нѣкоторый методъ, который проявляется отчасти въ самопревозношеніи и отчасти въ жадности, каковыя оба качества очень вредны для интересовъ его послѣдователей ¹⁴¹⁰). Что напр. можетъ быть лукавѣе и коварнѣе образа дѣйствій въ отношеніи сбора, о произведеніи котораго онъ настаиваетъ повсюду ¹⁴¹¹)? Онъ велѣлъ имъ произвести сборъ въ своемъ первомъ письмѣ ¹⁴¹²); въ отвѣтъ на ихъ вопросы (1 Кор. xvi, 1—4) онъ велитъ, чтобы они производили этотъ сборъ, какъ и въ галатскихъ церквахъ, еженедѣльно, и послѣ этого послалъ еще Тита для поддержанія ревности въ этомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, лучшаго посланнаго и нельзя было избрать для этого дѣла, потому что Титъ самъ грекъ и поэтому вполне пригоденъ для завѣдыванія такими дѣлами среди грековъ; и вдобавокъ еще онъ посѣтилъ Іерусалимъ, такъ что могъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій говорить о томъ бѣдствіи, которое угнетало бѣдныхъ собратій; присутствовалъ затѣмъ при великомъ собраніи въ Іерусалимѣ, въ которомъ Павелъ и Варнава получили особенное порученіе заботиться о бѣдныхъ. Однако, даже это удивительно разумное назначеніе и видимая независимость и деликатность души, заставлявшія Павла (высказавшаго при этомъ полнѣйшее знаніе ихъ характера, какъ и показали дальнѣйшія событія) исполнѣ отказаться отъ всякой матеріальной поддержки съ ихъ стороны,—не могли защитить его отъ грубой клеветы, что это была лишь хитрая уловка скрыть дѣйствительное намѣреніе и лучше заручиться возможностью полученія денегъ. Противъ такихъ то низкихъ и безстыдныхъ клеветъ и рѣшился защищать себя ап. Павелъ! Злостная клевета, подобно гадюкѣ, гнѣздилась въ сухихъ листьяхъ павшихъ и иссохшихъ сердець отъ начала міра. Даже добрые люди не всегда совершенно свободны отъ нея; и первенствующая христіанская церковь, при всей близости своей къ чистому идеалу невѣсты Господа Іисуса, была однакоже (какъ видно изъ посланій ап. Павла) во многихъ отношеніяхъ отравлена ея ядомъ. Чистое одѣяніе крещенія не сохранялось незапятнаннымъ ни въ томъ, ни въ какомъ-либо другомъ вѣкѣ. Нужно помнить, что церковь, къ которой писалъ ап. Павелъ, состояла изъ мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ большинство съ самой колыбели было знакомо со всею низостью и порочностью бѣднѣйшихъ классовъ языческаго міра—въ самомъ испорченномъ городѣ язычества. Ихъ невѣжество и порочность, все ихъ воспитаніе и теперешняя бѣдность естественно дѣлали ихъ подозри-

тельными, и хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что они были нравственно лучшими изъ того класса, къ которому они принадлежали, хотя между ними былъ не одинъ безгласный Эпиктетъ (который хотя и рабъ былъ любезенъ безсмертнымъ), и хотя самое принятіе ими христіанства доказывало стремленіе ихъ сердце къ лучшему, чувствительную совѣсть, терпѣливый духъ, однакоже многіе изъ нихъ не могли конечно побѣдить въ себѣ застарѣлыхъ привычекъ жизни. Но Божіе милосердіе обращаетъ даже зло къ добру, и недостойной злобѣ темныхъ іудейскихъ клеветниковъ мы обязаны наставленіями, которыя мы получаемъ изъ большей части посланій ап. Павла ¹⁴¹³). Какая-нибудь легкая особенность часто лучше, чѣмъ все другое, можетъ показать общее направленіе извѣстнаго творенія. Мы уже замѣтили, что выдающеюся мыслью въ этомъ посланіи является «скорбь»; но можно еще замѣтить, что хотя «похвальба» была болѣе всего чужда истинной скромности ап. Павла, наиболѣе противна его чувствительному смиренію, однакоже бахвальство его беззащитныхъ противниковъ заставило его ради самозащиты дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ, и слово «похвала» въ этихъ немногихъ главахъ встрѣчается не менѣе 29 разъ, между тѣмъ какъ оно встрѣчается только 26 разъ во всѣхъ остальныхъ посланіяхъ ап. Павла ¹⁴¹⁴).

Второе посланіе къ Коринѳянамъ и посланія къ Галатамъ и Римлянамъ представляютъ три главныхъ фазиса въ его полемикѣ съ іудействомъ. Въ посланіи къ Галатамъ онъ навсегда опровергъ отталкивающее требованіе, чтобы язычники обрѣзывались; въ посланіи къ Римлянамъ онъ навсегда установилъ положеніе, что іудеи и язычники были одинаково повинны предъ Богомъ и могли оправдаться только вѣрою, но не дѣлами закона. Въ обоихъ этихъ посланіяхъ онъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, опредѣляетъ второстепенное и чисто дисциплинарное значеніе закона, какъ подготовительной ступени для раздаянія свободной благодати. Въ обоихъ посланіяхъ онъ окончательно показываетъ, что вмѣсто ложнаго увѣренія, будто «тщетно быть христіаниномъ, не будучи іудеемъ», нужно поставить совершенно противоположную истину, что тщетно быть христіаниномъ, если кто-либо, будучи христіаниномъ, полагается на то, что онъ іудей. Но при всей неотразимости этихъ доводовъ, они были бы бесполезны, если бы іудействующимъ удалось поколебать его апостольскій авторитетъ и доказать, что онъ не имѣлъ права считать себя учителемъ. Защита его апостольскаго права поэтому далеко была не его личнымъ дѣломъ; она заключала въ себѣ защиту самой истины его благовѣстія. Однакоже эта защита противъ нападенія столь глубоко уязвляющаго и столь вреднаго для его дѣла представляла непреоборимую трудность. Его противники могли ссылаться на «рекомендательныя письма» и по крайней мѣрѣ на данный имъ авторитетъ отъ апостоловъ, которые жили съ Иисусомъ (2 Кор. ii, 1 — 18). Ап. Павелъ не могъ и не хотѣлъ дѣлать того же. Свой авторитетъ онъ имѣлъ не отъ двѣнадцати; его общеніе съ ними было непродолжительно. Свое апостольство онъ получилъ не отъ нихъ, а непосред-

ственно отъ Христа. Онъ также «видѣлъ Господа» (1 Кор. ix, 1), но онъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ, частью потому, что его общеніе съ Христомъ было несравненно меньше, чѣмъ общеніе Петра или Іакова, а отчасти потому, что онъ ясно видѣлъ и желалъ, чтобы его обращенцы видѣли, что духовное единеніе гораздо тѣснѣе и важнѣе, чѣмъ личное общеніе. Онъ могъ ссылаться

Часть колонны отъ храма Діаны въ Ефесѣ
(въ Британскомъ музеѣ).

только на двѣ вещи: на видѣніе и откровеніе, полученное имъ отъ Господа, и главнымъ образомъ на свое чудесное обращеніе; равно какъ и на тотъ успѣхъ, на ту дѣятельность и духовную силу, которыя налагали печать божественнаго одобренія на его безпримѣрное служеніе (2 Кор. ii, 14; iii, 2; i, 20—23; 1 Кор. ix, 1; xv, 10 и проч.). Но первое изъ этихъ свидѣтельствъ прямо и легко отстранялось какъ субъективное—какъ во время его собственной жизни, такъ и столѣтіе

послѣ ¹⁴¹⁵). Трудность убѣдить его противниковъ въ этомъ предметѣ отражается въ горячности апостола, той горячности, которая возникала отчасти вслѣдствіе того, что заставляла его прибѣгать къ нѣкоторому ненавистному для него самовозвеличенію. Его единственнымъ непреодолимымъ оружіемъ былъ «мечъ духовный, который есть слово Божіе».

Теперь перейдемъ къ самому изложенію этого замѣчательнаго посланія. По крайней напряженности духа, съ которою оно было писано, и постоянной борьбѣ между чувствами благодарности и негодованія, по своеобразности выраженій ¹⁴¹⁶) и причинной связи оно гораздо труднѣе всякаго другаго. Трудный стиль посланія съ его переходами отъ горькой ироніи къ пламенной искренности, тотъ способъ, по которому слово за словомъ, то «скорбь», то «утѣшеніе», то «похвала», то «слабость», то «простота», то «явленіе» овладѣваютъ душою апостола — съ особенною силою только показываютъ частые взмахи восторженнаго краснорѣчія. Открывающаяся адѣсь глубина нѣжности ко всѣмъ благороднымъ и истиннымъ можетъ служить мѣрою дерзости и неправды, которыя вызвали въ заключительныхъ словахъ его столь суровое негодованіе. Изъ всѣхъ посланій это одно даетъ намъ возможность проникнуть въ самую глубину сердца апостола.

Другая характеристическая черта этого посланія замѣчена зоркимъ взглядомъ Бенгеля. «Все посланіе», говоритъ онъ, «напоминаетъ намъ дорожный путеводитель, но заключающій въ себѣ драгоцѣннѣйшія наставленія». «Самыя стадіи его путешествія отмѣчены въ немъ», говоритъ Станлей, — «невзгоды въ Ефесѣ, безпокойство въ Троадѣ, утѣшеніе въ Македоніи и предстоящій путь въ Коринѣ» ¹⁴¹⁷).

Послѣ привѣтствія, гдѣ апостоль упоминаетъ вмѣстѣ съ собою Тимофея, который вѣроятно былъ его писцомъ, и съ краткою выразительностью называетъ себя «волею Божіею апостоломъ Иисуса Христа», онъ начинаетъ обычнымъ выраженіемъ благодарности, въ которомъ слова «скорбь» и «утѣшеніе» неразрывно сочетаются между собою съ выраженіемъ предположенія, что коринѣяне имѣютъ единеніе съ нимъ въ обѣихъ.

«Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія, утѣшающій насъ во всякой скорби нашей, чтобы мы могли утѣшаться находящихся во всякой скорби тѣмъ утѣшеніемъ, которымъ Богъ утѣшаетъ насъ самихъ! Ибо по мѣрѣ какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше; скорбимъ ли мы, скорбимъ для вашего утѣшенія и спасенія, которое совершается перенесеніемъ тѣхъ же страданій, какъ и мы терпимъ ¹⁴¹⁸). И надежда наша о васъ тверда. Утѣшаемся ли, утѣшаемся для вашего утѣшенія и спасенія, зная, что вы участвуете какъ въ страданіяхъ нашихъ, такъ и въ утѣшеніи» ¹⁴¹⁹).

Затѣмъ онъ намекаетъ на страшную скорбь, чрезвычайную и превосходящую его силы, причиненную ли внѣшними врагами или болѣзнью, только что

перенесенною имъ въ Азіи,—скорбь, которая привела его на край отчаянія и могилы, дабы онъ могъ полагаться только на Того, кто воскрешаетъ мертвыхъ, «Того, который избавилъ насъ отъ столь *близкой* смерти, и избавляетъ, и на котораго надѣмся, что и еще избавитъ». И такъ какъ молитвой многихъ была пріобрѣтена для него эта великая милость, то онъ проситъ, чтобы свои благодаренія они присоединили къ благодареніямъ многихъ и чтобы ихъ молитвы все еще продолжались о немъ ¹⁴²⁰).

Какъ бы ни были зловны клеветы противъ него, онъ вполне сознаетъ прямоу ¹⁴²¹) и искренность своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ и особенно къ тѣмъ, которые «не по плотской мудрости, но по благодати Божіей». Нѣкоторые подозрѣвали его въ томъ, что онъ пишетъ частныя письма и секретныя посланія, входитъ въ тайныя сношенія съ отдѣльными членами своей общины; но онъ говоритъ имъ, что ничего не писалъ, кромѣ того, что они теперь читаютъ и вполне признаютъ, и будутъ, какъ онъ надѣется, признавать и впредь, и даже больше чѣмъ теперь, такъ что нѣкоторые изъ нихъ ¹⁴²²) уже и теперь признали, что они и онъ взаимно составляютъ предметъ похвалы въ день Господень. Вотъ основаніе, почему онъ намѣревался первоначально посѣтить ихъ дважды. Былъ ли онъ тогда повиненъ въ легкомысліи, вѣтряности, капризности, въ которыхъ обвиняли его вслѣдствіе переменъ имъ своего намѣренія? Значитъ ли его «да»—«да» тоже, что «нѣтъ»—«нѣтъ», подобно измѣнчивымъ мнѣніямъ вѣтрянаго человѣка ¹⁴²³)? Если имъ угодно говорить это о немъ, какъ о *человѣкѣ*, то во всякомъ случаѣ въ немъ есть одно выразительное «да», одно неизмѣнное рѣшеніе, и это именно проповѣдь о Христѣ. Иисусъ Христосъ Сынъ Божій, проповѣдуемый имъ вмѣстѣ съ Сильваномъ и Тимоѳеемъ, не есть «да» и «нѣтъ»; но въ Немъ одно «да», и поэтому также вѣчный «аминь» христіанина слѣдуетъ за всѣми обѣтованіями Божіими ¹⁴²⁴). Тотъ, кто утвердилъ (*eis christon*) и помазалъ ихъ (*christas*)—есть Богъ, который и запечатлѣлъ и далъ залогъ духа въ сердца ихъ ¹⁴²⁵). Апостолъ призываетъ Бога въ свидѣтели своей собственной души, что онъ не приходилъ доселѣ ¹⁴²⁶) въ Коринѣ, щадя ихъ. И затѣмъ, сознавая, что на каждой фразѣ его письма будутъ останавливаться враждебныя взгляды съ желаніемъ направлять его смыслъ противъ него, онъ говоритъ, что, употребляя выраженіе «щадя ихъ», онъ не хочетъ этимъ выразить какого либо своего господства надъ ихъ *тѣрой*, потому что вѣра свободна и стоитъ сама по себѣ; но что онъ говоритъ какъ соучастникъ ихъ радостей, и поэтому рѣшилъ, что его второе прибытіе къ нимъ не должно быть въ скорби ¹⁴²⁷). Естественно ли для него желать скорби для тѣхъ, кто причинялъ ему радость, или понести скорбь отъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ долженъ былъ получать радость? Его радость, какъ онъ былъ вполне увѣренъ, была и ихъ радостью также, и поэтому онъ, вмѣсто того, чтобы придти къ нимъ, написалъ имъ; и это прежнее письмо, какъ ни горько было его содержаніе, написано было не съ цѣлью огорченія ихъ, но написано въ скорби и уныніи сердца и многихъ слезахъ, чтобы они

могли понять, какъ сильно онъ любить ихъ. Правда, онъ чувствовалъ огорченіе; но это огорченіе касалось не его только, но и ихъ, и онъ не хотѣлъ, чтобы оно всею тяжестью ложилось на всѣхъ ихъ ¹⁴²⁸). А грѣшникъ, который причинилъ эту общую скорбь, потерпѣлъ уже достаточное наказаніе отъ укора большинства изъ нихъ ¹⁴²⁹); такъ что теперь напротивъ они должны простить и утѣшить его, чтобы человѣкъ этотъ—виновный, опозорившій себя, но теперь искренно кающийся—не былъ поглощенъ чрезмерною печалью. Пусть они теперь увѣряютъ его въ своей любви. Цѣль прежняго письма была достигнута испытаніемъ ихъ повиновенія. Если простили они (что они уже отчасти и сдѣлали тѣмъ, что не строго исполнили его приговоръ), то прощаетъ и онъ; «ибо и я, если въ чемъ простилъ кого ¹⁴³⁰), простилъ для васъ отъ лица (Притч. viii, 30 по lxx) Христова, чтобы не сдѣлалъ намъ ущерба сатана: ибо намъ не безъизвѣстны его умыслы» (i, 2—ii, 11).

Да, онъ не пришелъ къ нимъ лично, а написалъ имъ; и что же было слѣдствіемъ этого? Его безпокойство касательно того, какое дѣйствіе произведетъ его письмо, а также и перемѣна его плана, было такъ сильно, что почти убило его. Какъ ни успѣшно было начало его проповѣди Евангелія Христова въ Троадѣ, онъ оставилъ свое дѣло тамъ, потому что не могъ вынести тревоги и сердечной боли, причиненной ему неприбытіемъ Тита. Онъ поэтому отправился въ Македонію. Тамъ, наконецъ, онъ встрѣтилъ Тита; но апостоль не упоминаетъ объ этомъ, вслѣдствіе желанія скорѣе возблагодарить Бога, который такимъ образомъ явно руководилъ его въ дѣлѣ служенія Христу. Благоуханіе этого служенія распространяется повсюду, но для однихъ оно живительный запахъ на жизнь, а для другихъ—запахъ смертоносный на смерть. Эта метафора такъ овладѣваетъ ап. Павломъ, что онъ даже не останавливается для объясненія ея. Онъ въ одно и то же время и побѣжденный врагъ, увлекаемый въ триумфъ, и благоуханіе, сожигаемое въ знакъ торжества побѣдителей. Горящій ѳиміамъ для однихъ есть знакъ жизни, постоянно возобновляющейся въ свѣжихъ порывахъ, для другихъ есть знакъ пораженія, постоянно приближающаго ихъ къ смерти. Для него самого, вмѣстѣ и плѣнника, и участника въ торжествѣ, оно есть знакъ смерти, и смерти ежедневной, и въ то же время оно есть залогъ жизни выше жизни самой ¹⁴³¹). И кто способенъ къ такому служенію? Ибо онъ не повреждаетъ слова Божія, какъ дѣйствуютъ многіе ¹⁴³²),—разные торгаша, поддѣльщики и обманные разгласители поддѣльнаго ученія, но проповѣдуетъ искренно, какбы въ присутствіи самого Бога, въ единеніи со Христомъ (ii, 12—17; см. Ис. i, 22, по lxx).

Но не есть ли это самоличная рекомендація его по отношенію къ нимъ? Неужели ему нужны одобрительныя письма къ нимъ ¹⁴³³)? И здѣсь опять слѣдуетъ одна изъ тѣхъ странно запутанныхъ и однако же сильныхъ метафоръ, столь свойственныхъ величайшему, въ высшей степени чувствительному воображенію. «Вы», пишетъ ап. Павелъ,—«наше письмо, написанное въ сердцахъ нашихъ,

узнаваемое и читаемое всѣми человѣками. Вы показываете собою, что вы письмъ, Христово, чрезъ служеніе наше написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотныхъ скрижаляхъ сердца» ¹⁴³⁴). Онъ не нуждается въ рекомендательномъ письмѣ къ нимъ; они сами его рекомендательное письмо ко всѣмъ людямъ. Это письмо Христово, котораго онъ только писецъ и носитель ¹⁴³⁵). И оно написано не на гранитѣ, подобно закону Моисея, а на самыхъ сердцахъ ихъ. Такимъ образомъ они въ одно и то же время есть одобрительное письмо, написанное на сердцѣ Павла, и имѣютъ письмо Христа, написанное на ихъ собственныхъ сердцахъ Духомъ Божиимъ, и въ написаніи этого то письма ап. Павелъ былъ видимымъ орудіемъ (ш, 1—3).

Это было смѣлое выраженіе, но оно выходило изъ той увѣренности, которою вдохновлялъ Христосъ, и относилось къ дѣлу Божию. Дѣло это состояло въ служеніи новаго завета не въ мертвящей буквѣ, а въ животворящемъ Духѣ ¹⁴³⁶), способность къ которому дана отъ Бога. И какое славное служеніе? Если служеніе закона,—не смотря на то, что онъ направлялся къ смерти, написанъ былъ земными буквами, начертанъ на гранитныхъ плитахъ,—проявляло въ себѣ такую славу, что сыны Израиля не могли смотрѣть на лице Моисея по причинѣ славы лица его преходящей ¹⁴³⁷), то насколько славно то служеніе жизни, праведности и духа, въ сравненіи съ которымъ всякая другая слава есть тьма ¹⁴³⁸), и притомъ слава не преходящая (*δια δόξης*), но постоянная (*ἐν δόξῃ*). Сознаніе того, что ему поручено такое служеніе, придавало ему увѣренность. Моисей обыкновенно полагалъ покрывало на свое лице, чтобы сыны Израиля не могли видѣть потемненія преходящей славы, и то покрывало, которое онъ носилъ на своемъ свѣтломъ лицѣ, когда говорилъ съ ними, напоминаетъ апостолу о томъ покрывалѣ, которое они все еще носили на своихъ ожесточенныхъ умахъ—при самомъ чтеніи ими закона, который долженъ былъ потерять свою силу, лишь только они обращались отъ Моисея ко Христу ¹⁴³⁹), отъ буквы къ духу, отъ рабства къ свободѣ. «Мы же всѣ открытымъ лицемъ, какъ въ зеркалѣ, взирая на славу Господню, преобразуемся ¹⁴⁴⁰) въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа». Какъ же можетъ тотъ, кому ввѣрено такое служеніе, падать духомъ? Какъ можетъ онъ (какъ обвиняли его враги) снисходить до «постыдныхъ дѣлъ»? Крайне лжива ¹⁴⁴¹) такая клевета. Онъ не руководился коварствомъ; онъ не искажалъ чистаго слова Божія, но его одобрительное письмо, единственное, въ которомъ онъ нуждался, должно было открывать истину, которую онъ предоставлялъ совѣсти всякаго человѣка предъ Богомъ. На истинахъ, которыя онъ проповѣдывалъ, не было никакого покрывала; если и было покрывало, то только въ потемненномъ разумѣ погибающихъ, столь ослѣпленныхъ невѣріемъ со стороны бога міра сего ¹⁴⁴²), что и свѣтъ Евангелія славы Христовой не могъ возсіяť для нихъ. О немъ именно, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ, образѣ Божіемъ, о Немъ, а не о себѣ самихъ проповѣдывали Павелъ и всѣ истинные апостолы. Его обвиняли въ свое-

корыстіи и самовосхваленія. Такіе грѣхи *невозможны* для того, который зналъ цѣну славы своего благовѣстія. Все, что онъ могъ проповѣдывать о себѣ, это то, что Христосъ—Господь, а онъ ихъ рабъ ради Христа, «потому что Богъ, повелѣвшій изъ тмы возсіять свѣту, озарилъ и ихъ сердца, дабы просвѣтитъ ихъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа» (ш, 4—iv, 6).

Служеніе славно; но какъ немощны служители! Подобно свѣтильникамъ, сокрытымъ Гедеономъ въ кувшинахъ, ихъ сокровище свѣта заключалось въ глиняныхъ сосудахъ ¹⁴⁴⁸), чтобы преизбыточная слава ихъ побѣды надъ міромъ и

Развалины церкви въ Листрѣ.

идолослуженіемъ міра была приписываема Богу, а не имъ. Вотъ почему они въ одно и то же время и слабы и сильны—слабы сами по себѣ, сильны въ Богѣ: — «отвсюду притѣсняемы, но не стѣснены; въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся; гонимы, но не погибаемъ; всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ; ибо мы

живые непрестанно предаемся на смерть ради Іисуса, чтобы жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей, такъ что смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь—въ васъ». Испытанія главнымъ образомъ—наши, благословенія—ваши. Однакоже мы знаемъ, что за этою ежедневною смертію нашею послѣдуетъ воскресеніе. Воскресившій Христа воскреситъ также и насъ отъ ежедневной смерти нашей огорченной жизни ¹⁴⁴⁴) и отъ смерти, которою кончается она, и приведетъ насъ съ вами къ славѣ Божіей умноженіемъ благодати и болѣе обильнымъ преизбыткомъ благодаренія. По этой то причинѣ мы не боимся; но даже, если бы нашъ внѣшній человѣкъ былъ разрушенъ, то внутренній человѣкъ обновляется изо дня въ день. «Ибо кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вѣчно» ¹⁴⁴⁵). «Земный нашъ домъ, эта хижина, разрушится; но мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный». Мы стонемъ, мы подавлены въ этой хижинѣ плоти ¹⁴⁴⁶) и желаемъ облечься въ небесное наше жилище, только бы намъ вообще не оказаться нагими ¹⁴⁴⁷), но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью ¹⁴⁴⁸). И Богъ, который создалъ насъ для этой цѣли, далъ намъ залогъ Духа, чтобы такъ именно и было. Отсюда,

такъ какъ мы ходимъ вѣрою, то сама смерть теряетъ для насъ всякій ужасъ; это будетъ лишь допущеніе въ ближайшее присутствіе нашего Господа. Благоугождать ему—это наше единственное желаніе, потому что всѣ мы станемъ предъ Его судилищемъ для принятія того, что сдѣлано нами съ тѣломъ, получить все по заслугамъ за наше добро и зло, не по произволу, а по дѣйствительной заслугѣ¹⁴⁴⁹). Въ этомъ заключается наша торжественная вѣра и ее-то мы стараемся внушить и вамъ¹⁴⁵⁰). Богъ видитъ искренность, и мы надѣемся, что она также видна будетъ и для нашей совѣсти, такъ какъ мы говоримъ вамъ все это не ради внушенія къ себѣ довѣрія, но единственно съ тою цѣлію, чтобы вы могли хотя что-нибудь сказать тѣмъ, которые хвалятся лицомъ, а не сердцемъ, т. е. совершенно внѣшними преимуществами, а не внутренними. Они называютъ насъ безумнымъ (см. Дѣян. xxvi, 24),—хорошо, если такъ, то это для Бога; а если мы здравомыслящи, то это для васъ¹⁴⁵¹). Наше единственное побужденіе есть любовь Христова. Такъ какъ Онъ умеръ за всѣхъ, то всѣ въ Его смерти умерли для грѣха, и поэтому цѣлію Его смерти было то, чтобы мы не жили болѣе сами для себя, но для Того, который умеръ и воскресъ за насъ. Поэтому мы не признаемъ отселѣ никакого другаго отношенія къ Нему, кромѣ чисто духовнаго. Ваши іерусалимскіе пришельцы хвалятся тѣмъ, что они знали Христа во время Его земной жизни, и на этомъ основываютъ свое превосходство надъ нами. Если мы когда либо признавали за собою такое преимущество, если мы когда нибудь ссылались на то, что мы видѣли живаго Христа, съ этого момента мы отказываемся отъ всѣхъ такихъ взглядовъ¹⁴⁵²). «Итакъ, кто во Христѣ, тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все новое». Тотъ, котораго мы проповѣдуемъ, есть духовный Христосъ, прославленный Христосъ, котораго Богъ отдалъ за грѣхи наши, въ которомъ Богъ примирялъ міръ съ собою, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ. И наше служеніе есть служеніе примиренія, которое поручено намъ Богомъ и въ силу котораго мы, какъ посланники отъ имени Христова, умоляемъ васъ примириться съ Богомъ. «Ибо незнавшаго грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ»¹⁴⁵³). Какъ своихъ споспѣшниковъ, мы умоляемъ васъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами. И чтобы это наше служеніе не подвергалось порицанію, «мы никому ни въ чемъ не полагаемъ претыканія, но во всемъ являемъ осяз¹⁴⁵⁴), какъ служители Божіи, въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ постахъ, въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ благодати, въ Духѣ Святомъ, въ нелицемѣрной любви, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ; насъ почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны; мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы; насъ наказываютъ, но мы не умираемъ; насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся;

мы нищи, но многих обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ» (iv, 7—vi, 10).

Апостолъ съ правомъ можетъ указывать на этотъ взрывъ пылкаго красно-рѣчія какъ на доказательство того, что уста его открыты и сердце его отверсто для нихъ, и какъ на основаніе его просьбы, чтобы вмѣсто своей узкой зависти и подозрѣній, они, какъ дѣти, любили его съ такимъ же открытымъ сердцемъ, и такимъ образомъ вознаграждали бы его тѣмъ же и отстранялись отъ непристойнаго имъ содружества по невѣрію ¹⁴⁵⁵), отъ неестественнаго сочетанія правды и свѣта съ беззаконіемъ и тьмой, Христа съ ничтожествомъ ¹⁴⁵⁶), храма Божія съ идолами, — всего того, чрезъ что они могли бы лишиться славныхъ обѣтованій Божіихъ ¹⁴⁵⁷). Пусть они очистятся отъ своихъ нечистотъ внутри и совѣй. И затѣмъ, какбы съ цѣлію запечатлѣть все сказанное и этимъ закончить свой предметъ, онъ восклицаетъ: «примите же насъ! мы никого не обидѣли, никому не повредили, ни отъ кого не искали корысти. Всѣ такія обвиненія противъ насъ ложны. Не въ осужденіе говорю. Ибо я прежде сказалъ, что вы въ сердцахъ нашихъ, такъ чтобы вмѣстѣ и умереть и жить. Я смѣло говорю это, потому что исполненъ утѣшенія, преизобилую радостью, при всей скорби нашей. Ибо, когда пришли мы въ Македонію, плоть наша не имѣла никакого покоя; но мы были стѣснены отъсюду: отънѣ нападенія, внутри страха. Но Богъ, утѣшающій смиренныхъ ¹⁴⁵⁸), утѣшилъ насъ прибытіемъ Тита и не только прибытіемъ его, но и утѣшеніемъ, которымъ онъ утѣшался о васъ, пересказывая намъ о вашемъ усердіи, о вашемъ плачѣ, о вашей ревности по мнѣ, такъ что я еще болѣе обрадовался. Посему, если я опечалилъ васъ посланіемъ, не жалѣю, хотя и пожалѣлъ было; ибо вижу, что посланіе то опечалило васъ, впрочемъ на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились къ покаянію; ибо опечалились ради Бога, такъ что нисколько не понесли отъ насъ вреда. Ибо печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію; а печаль мірская производитъ смерть. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело въ васъ усердіе, какія извиненія, какое негодованіе *на виновнаго*, какой страхъ, какое желаніе, какую ревность, какое взысканіе. По всему вы показали себя чистыми въ этомъ дѣлѣ. Итакъ, если я писалъ къ вамъ, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленнаго; но чтобы вамъ открылось ¹⁴⁵⁹) попеченіе наше о васъ предъ Богомъ. Посему мы утѣшились утѣшеніемъ вашимъ; а еще болѣе обрадованы мы радостію Тита, что вы всѣ успокоили духъ его. Итакъ, я не остался въ стыдѣ, если чѣмъ либо о васъ похвалился предъ нимъ; но какъ вамъ мы говорили все истину, такъ и предъ Титомъ похвала наша оказалась истинною. И сердце его весьма расположено къ вамъ, при воспоминаніи о послушаніи всѣхъ васъ, какъ вы приняли его со страхомъ и трепетомъ. Итакъ радуюсь, что во всемъ могу положиться на васъ» (vi, 11—vii, 16).

Апостолъ затѣмъ представляетъ имъ доказательства этого. Церкви Маке-

доніи, говоритъ онъ, не смотря на свою бѣдность ¹⁴⁶⁰), на всѣ свои огорченія, выказали похвальную щедрость, безграничную преданность и восторженное одушевленіе къ его желаніямъ, и, полагаясь на Бога выше всякихъ его ожиданій, не только произвели большой сборъ въ пользу святыхъ, но просили также его принять участіе въ самомъ его совершеніи. Ободренный этимъ, онъ просилъ Тита позаботиться объ устройствѣ этого добраго дѣла и среди нихъ. И такъ какъ они преизобилуютъ столь многими дарами и благодатію, то пусть покажутъ также изобиліе и этой добродѣтели. Онъ говоритъ имъ это не въ видѣ повелѣнія, а только сообщаетъ имъ о томъ, что сдѣлали другіе, и проситъ (не для себя конечно) доказательства ихъ любви, такъ какъ Христосъ далъ имъ примѣръ обогащенія другихъ своею собственною ницетою. Они первые начали сборъ пожертвованій, но Македонія уже окончила его. Они не должны давать больше, чѣмъ сколько могутъ, потому что Богъ смотритъ не на даръ, но на духъ дателя. Не желаетъ онъ ихъ и обѣднить, чтобы обезпечить другихъ, а желаетъ только установить между іудейскими и языческими общинами взаимность въ помощи во время нужды. Титъ съ радостью принялъ это порученіе, и вмѣстѣ съ нимъ онъ послалъ еще одного брата, который похваляется во всѣхъ перквахъ за благовѣствованіе и который притомъ избранъ отъ церквей сопутствовать ему въ дѣлѣ этого благотворенія. Ап. Павелъ такъ твердо рѣшился не давать ни малѣйшаго повода для низкихъ клеветъ, что самъ не хотѣлъ имѣть никакого соприкосновенія съ денежными дѣлами ¹⁴⁶¹). Вмѣстѣ съ Титомъ и названнымъ братомъ, онъ послалъ еще третьяго, ревность котораго не разъ была испытана при многихъ обстоятельствахъ и который нынѣ сталъ еще усерднѣе вслѣдствіе сильной своей увѣренности въ коринѣянахъ. Если имъ желательно знать что нибудь относительно этихъ трехъ посѣтителей, то Титъ былъ его сотоварищемъ и сотрудникомъ у нихъ; а другіе двое собратія—посланники церквей ¹⁴⁶²), слава Христова. Пусть коринѣяне дадутъ доказательство своей любви и оправдаютъ предъ всѣми церквами его похвалу въ отношеніи ихъ. Что касается общей желательности сбора, то ему нѣтъ надобности распространяться о ней. Онъ всегда хвалился ихъ ревностью и рассказывалъ церквамъ македонскимъ, что Ахаія взялась за это дѣло еще съ прошлаго года, и ревность ихъ поощрила многихъ. Братьевъ послалъ онъ къ нимъ для того, чтобы похвала его касательно ихъ не оказалась тщетною въ томъ случаѣ, если бы на самомъ дѣлѣ оказалось, что они не исполнили того, въ чемъ, какъ онъ говорилъ, они уже давно готовы. Поэтому онъ увѣщаетъ ихъ, чтобы они были щедры, уповая на Бога, что онъ вознаградитъ ихъ. Пусть каждый изъ нихъ удѣляетъ по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо доброхотно дающаго любить Богъ. «При семъ скажу: кто сѣетъ скупо, тотъ скупо и пожнетъ; а кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ» ¹⁴⁶³). «Богъ же силенъ обогатить васъ всякою благодатію, чтобы вы, всегда и во всемъ имѣя всякое довольство, были богаты на всякое

доброе дѣло». И этотъ сборъ будетъ не только въ помощь святымъ, но также и для славы Божіей въ качествѣ благодаренія Ему и молитвой за нихъ. «Благодареніе», — говоритъ онъ, воспроизводя въ себѣ чувство благодарности приѣмлющихъ—«благодареніе Богу за неизреченный даръ Его» (vш, 1—ix, 15).

Въ этомъ мѣстѣ измѣняется весь тонъ посланія — измѣняется настолько, что въ этомъ отдѣлѣ его (х, 1 — хш, 10) многіе видѣли не только совершенно отдѣльное письмо, но даже съ нѣкоторою правдоподобностью отождествляли его съ тѣмъ суровымъ посланіемъ, упоминаемымъ въ viи, 8 — 12, которое повергло коринѣянъ въ такую скорбь и побудило ихъ къ той оживленной дѣятельности, которая обыкновенно ставится въ связь съ первымъ существующимъ посланіемъ ¹⁴⁶⁴). Такую гипотезу однакоже трудно принять, въ виду представляемыхъ всѣми манускриптами данныхъ; а когда мы примемъ во вниманіе существованіе постоянного обмѣна извѣстій между различными церквами, то гораздо проще и естественнѣе предположить, что если первая часть посланія была писана въ то время, когда онъ безпокоился касательно ихъ, а вторая послѣ того, какъ его душа была облегчена прибытіемъ Тита, то эта третья часть посланія была написана по прибытіи нѣкоторыхъ новыхъ вѣстниковъ, принесшихъ страшное извѣстіе, что изъ Іерусалима прибылъ какой-то учитель, противодѣйствіе котораго ап. Павлу было еще открытѣе и беззащитнѣе, чѣмъ тѣхъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло доселѣ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что эти главы были написаны въ совершенно различномъ духѣ отъ прежнихъ ¹⁴⁶⁵). Въ нихъ нѣтъ той нѣжной изліятельности и искренней хвалы, которыми отличается только что изложенная часть, а преобладаетъ тонъ подавленного негодованія, въ которомъ нѣжность борется съ горькой ироніей, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самый языкъ дѣлается труднымъ и темнымъ ¹⁴⁶⁶), подобно рѣчи человѣка, который съ трудностью воздерживается отъ выраженія того, что под-сказывается его внутреннимъ чувствомъ. Однако же въ высшей степени интересно и замѣчательно, что «смиреніе и кротость Христовы» повсюду господствуютъ и въ этой ироніи и онъ не изрекаетъ ни единого гнѣвнаго слова. Замѣтенъ также тонъ повелѣвающей власти, къ которой писатель принужденъ прибѣгнуть какъ къ крайнему средству, такъ какъ всякая снисходительность приводила только къ печальнымъ злоупотребленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, и особенно одна личность ¹⁴⁶⁷), щедро разсыпали свои порицанія и хуленія на ап. Павла, говоря, что его личность невзрачная (х, 1, 10), что его рѣчь необработанная (xi, 6), что самъ онъ смѣлъ только на словахъ и притомъ въ отдаленіи, что онъ поступаетъ «по плоти» ¹⁴⁶⁸), что онъ несомнѣнно человѣкъ слабый и вѣроятно неразумный ¹⁴⁶⁹). Свое единеніе съ Христомъ они выставляли какъ предметъ самовозношенія (х, 7); проповѣдывали другаго Христа и иное Евангеліе, внося иной духъ ¹⁴⁷⁰); неизмѣримо хвалились своимъ превосходствомъ. Они вторгались въ ту область дѣятельности, въ которой они не трудились (х, 15), и подпольными

внушеніями отравляли въ коринөянахъ простоту ихъ первоначальной вѣры (х, 3). Въ то время какъ ап. Павелъ въ своей дѣятельности содержался собственнымъ трудомъ и относился ко всѣмъ съ любвеобильною снисходительностью, эти люди и ихъ главные вожди выставляли свое притязаніе на апостольскій авторитетъ съ дерзостью, хищничествомъ и насиліемъ (х, 20, 21), которыя заставили ап. Павла иронически замѣтить, что его слабость въ снисходительности къ своимъ обращенцамъ, вмѣсто господства надъ ними, была позоромъ для него. Но удивительно, что дѣятельность и ученіе подобной личности и его клики вызвали отдаленный отголосокъ сочувствія въ сердцахъ непостоянныхъ коринөянъ. Они самовольно приняли ихъ къ себѣ; были ослѣплены ихъ необычайными притязаніями; оглушены громомъ ихъ жадности и нашли подтвержденіе въ ихъ смѣломъ неуваженіи къ желаніямъ и постановленіямъ своего истиннаго учителя (х, 18; х, 8, 20; х, 13, 14).

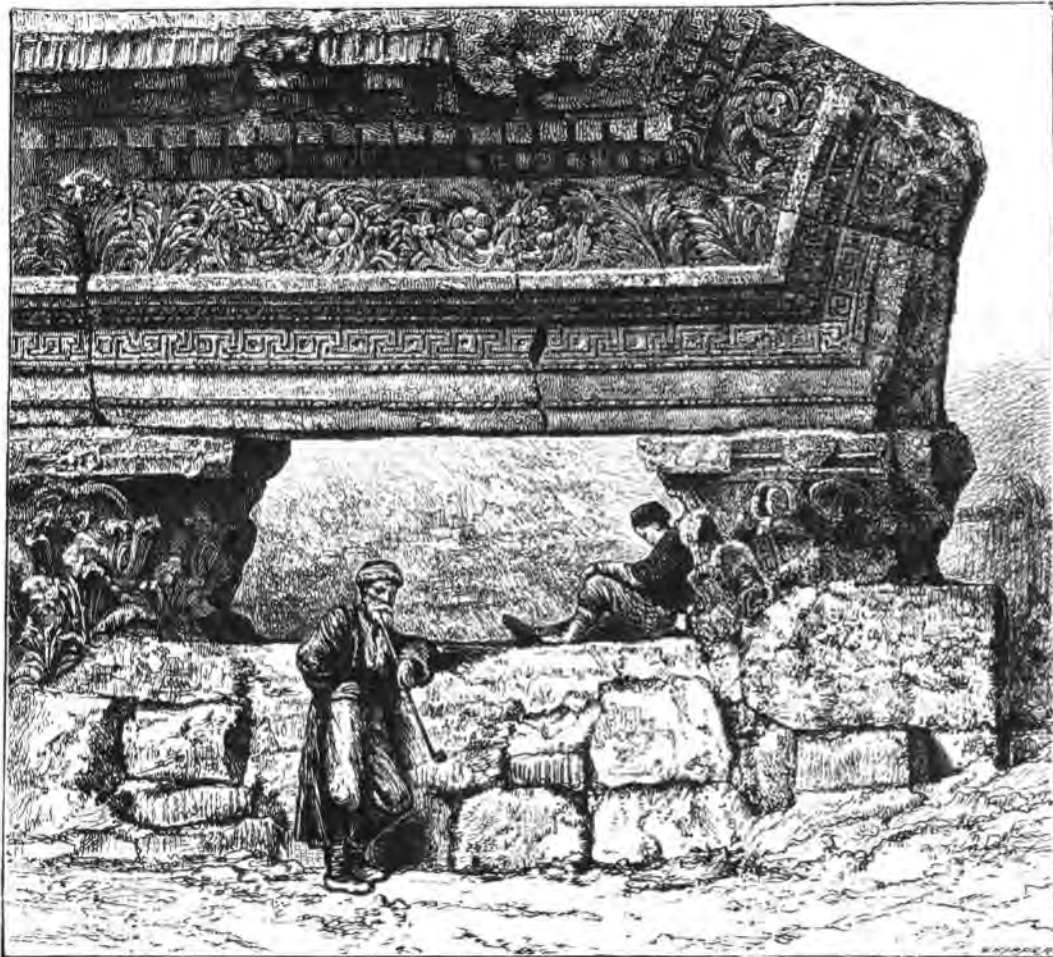
На этихъ-то пришельцевъ ап. Павелъ «мечетъ негодованіемъ своей неотразимой апологіи». «Какъ ни невзраченъ онъ по виду» ¹⁴⁷¹⁾, онъ убѣждаетъ ихъ кротостію и снисхожденіемъ Христовымъ, чтобы, когда онъ придетъ къ нимъ, онъ не былъ вынужденъ прибѣгнуть къ той твердой смѣлости, которую онъ думалъ употребить противъ нѣкоторыхъ, помышляющихъ о немъ, что онъ поступаетъ по плоти. «Если онъ и ходитъ по плоти, то не по плоти воинствуетъ», достаточно силенъ для того, чтобы подавить всякое превозношеніе, наказать всякое непослушаніе и разрушить твердыни противодѣйствія, и такимъ образомъ плѣнить всякое помышленіе въ послушаніе Христу. Судятъ ли они по внѣшности? Они должны убѣдиться, что онъ такъ же близокъ ко Христу, какъ и всякій членъ той партіи, которая присваиваетъ себѣ Его имя. Они должны убѣдиться, что каковъ онъ на словахъ въ посланіяхъ заочно, таковъ и на дѣлѣ лично ¹⁴⁷²⁾. Онъ, конечно, не снизойдетъ на низкую арену сравненія ¹⁴⁷³⁾ себя съ тѣми, которые сами себяставляютъ, такъ какъ они измѣряютъ себя сами собою, и сравниваютъ себя съ собою неразумно; и не будетъ подражать имъ въ безмѣрной хвалѣ. Онъ ограничится въ своей похвалѣ тою мѣрою, которая дана ему Богомъ и какой достаточно для того, чтобы даже достигнуть и до нихъ, какъ и его Евангеліе дѣйствительно впервые достигло до нихъ, потому что онъ не простираетъ, подобно своимъ противникамъ, своей похвалы и въ область не своего собственного труда, но надѣется, что съ увеличеніемъ ихъ вѣры, они будутъ цѣнить его еще выше и предѣлъ его труда распространится еще шире до неизвѣданныхъ странъ. «Пусть же хвалящійся хвалится о Господѣ, такъ какъ не тотъ достоинъ, кто самъ себя хвалитъ, но кого хвалитъ Господь» ¹⁴⁷⁴⁾.

Апостоль проситъ ихъ быть снисходительными къ нему даже въ его неразуміи,—мало того, онъ увѣренъ, что они отнесутся къ нему именно такъ ¹⁴⁷⁵⁾. Онъ ревнуетъ о нихъ ревностію Божіею, желая видѣть ихъ въ качествѣ чистой невѣсты Христу; но боится, чтобы какъ змѣй хитростію своею прельстилъ Еву,

такъ не повредились бы и умы ихъ, уклонившись отъ простоты во Христѣ. Для нихъ, повидимому, было бы безразлично, если бы этотъ новый проповѣдникъ ¹⁴⁷⁶⁾ проповѣдывалъ имъ другаго Христа, инаго Духа, иное Евангеліе; но онъ заявляетъ, что проповѣдуетъ тоже самое, а въ такомъ случаѣ его авторитетъ не выше авторитета апостола, который заявлялъ, что у него нѣтъ ни въ чемъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ ¹⁴⁷⁷⁾. Хотя онъ и невѣжда въ краснорѣчіи, но во всякомъ случаѣ у него нѣтъ недостатка въ познаніи. Впрочемъ, они хорошо знаютъ его въ этомъ отношеніи ¹⁴⁷⁸⁾, такъ что нѣтъ надобности и говорить объ этомъ, если только онъ не погрѣшилъ въ униженіи себя ради ихъ возвышенія, проповѣдуя имъ даромъ. Проповѣдуя коринеянамъ, онъ въ то же время причинялъ издержки другимъ церквамъ, такъ какъ другія платили ему за эту проповѣдь. Хотя онъ постоянно терпѣлъ нужду, находясь среди нихъ, онъ не утруждалъ ихъ своими вымогательствами, подобно какому нибудь гимноту, но пользовался пособіемъ отъ македонянъ и старался не налагать какого бы то ни было бремени на нихъ. Похвала эта не можетъ быть отнята у него ¹⁴⁷⁹⁾, не потому (какъ Богу извѣстно!), чтобы онъ не любилъ ихъ, но потому, что онъ хочетъ отнять оружіе у тѣхъ, кому оно нужно, такъ чтобы въ этомъ предметѣ похвалы онъ и его противники стали на одной и той же почвѣ. Последнее замѣчаніе есть острый сарказмъ, такъ какъ если противники ап. Павла обвиняли его въ принятіи денегъ, то обвиняли его въ томъ, чего не дѣлалъ онъ, но что дѣлали именно они ¹⁴⁸⁰⁾. «Ибо таковые», съ пылкой суровостью прибавляетъ онъ, «лжеапостолы— лукавые дѣлатели, принимающіе видъ апостоловъ Христовыхъ. И неудивительно, потому что самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта ¹⁴⁸¹⁾. А потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ. Еще скажу: не почти кто нибудь меня неразумнымъ; а если не такъ, то примите меня, хотя какъ неразумнаго, чтобы и мнѣ сколько нибудь похвалиться». Онъ хвалится не чѣмъ либо возвышеннымъ, священнымъ, или духовнымъ. Это конечно неразуміе, но не по его собственной винѣ. Такъ какъ многіе усвоили себѣ этотъ именно способъ похвалы, то и онъ намѣренъ выступить противъ нихъ съ ихъ же собственнымъ оружіемъ; и коринеяне, по своему благоразумію, навѣрно охотно будутъ терпѣть просто безвредныхъ глупцовъ, такъ какъ они терпятъ даже людей гораздо болѣе вредныхъ,—и людей, которые повергаютъ ихъ въ рабство, пожираютъ ¹⁴⁸²⁾, и мѣняють ихъ,—людей, которые заявляютъ самыя дерзкія притязанія,—людей, которые поражаютъ ихъ прямо въ лице ¹⁴⁸³⁾. «Къ стыду говорю, что *на это* у насъ не доставало силъ; а если кто смѣетъ хвалиться чѣмъ либо, то (скажу по неразумію) смѣю и я. Они еврей? и я. Израильтяне? и я. Сѣмя авраамово? и я ¹⁴⁸⁴⁾. Христовы служители? (въ безуміи говорю) я больше». Затѣмъ слѣдуетъ чудесный отрывокъ, какой только можно встрѣтить въ автобіографіи,—отрывокъ, рядомъ съ которымъ самая опасная жизнь наиболѣе страждущихъ святыхъ теряетъ свой ужасъ, и

который показываетъ намъ, какъ неполно наше знаніе о подробностяхъ жизни ап. Павла. «Я гораздо болѣе *былъ* въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку *ударовъ* безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ во глубинѣ

Часть триумфальной арки въ Дамаскѣ.

морской ¹⁴⁸⁵). Много разъ *былъ* въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жадѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ

наготѣ. Кромѣ постороннихъ приключеній, у меня ежедневное стеченіе людей ¹⁴⁸⁶), забота о всѣхъ церквахъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немоцію моею. Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословенный во вѣки, знаетъ, что я не лгу. Въ Дамаскѣ областный правитель царя Ареты стерегъ городъ Дамаскъ, чтобы схватить меня: и я въ корзинѣ былъ спущенъ изъ окна по стѣнѣ, и избѣжалъ его рукъ» ¹⁴⁸⁷).

Таково было его «приготовленіе немощи», безъ котораго онъ не могъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и не могъ бы сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ. Таковъ просвѣтъ на жизнь, не имѣющую себѣ подобной по самоотверженію, какъ вообще безпримѣрную въ исторіи міра. Здѣсь онъ порываетъ эту часть предмета. Не было ли у него намѣренія подобнымъ же образомъ перечислить и рядъ другихъ опасностей? Или, оглянувшись на эти опасности, не оканчиваетъ ли онъ самую первую и самую позорную? Или быть можетъ у него никогда не было намѣренія рассказывать объ этомъ и онъ хотѣлъ лишь привести примѣръ позорнаго бѣгства въ Дамаскъ, столь возмутительнаго для естественнаго достоинства восточнаго человѣка вообще и раввина въ особенности, какъ верхъ понесеннаго имъ безчестія? — Нѣтъ возможности отвѣтить на эти вопросы. Но въ этомъ мѣстѣ, потому ли, что его прервали, или потому, что измѣнилось его душевное настроеніе, или потому, что ему показалось, что онъ уже достаточно показалъ свое превосходство въ слабости добровольнаго униженія даже надъ «высшими» апостолами, — онъ останавливается и такимъ образомъ лишаетъ насъ неопѣннаго рассказа, который весь міръ читалъ бы съ затаеннымъ дыханіемъ и изъ котораго мы могли бы почерпнуть неопѣнные уроки. Какъ бы то ни было, онъ вдругъ восклицаетъ: «не полезно хвалиться мнѣ ¹⁴⁸⁸), ибо я прійду къ видѣніямъ и откровеніямъ Господнимъ. Знаю человѣка во Христѣ, который, назадь тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла ¹⁴⁸⁹, не знаю, Богъ знаетъ), восхищенъ былъ до третьяго неба ¹⁴⁹⁰). И знаю о такомъ человѣкѣ (*только* не знаю, въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать. Такимъ *человекомъ* могу хвалиться; собою же не похваюсь, развѣ только немощами моими. Впрочемъ, если захочу хвалиться, не буду неразуменъ; потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумалъ о мнѣ болѣе, нежели сколько во мнѣ видитъ, или слышитъ отъ меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностію откровеній, дано мнѣ жало въ плоть ¹⁴⁹¹), ангелъ сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалилъ его отъ меня. Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается въ немощи. И потому я гораздо охотнѣе буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мнѣ сила Христова ¹⁴⁹²). Посему я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Хри-

ста: ибо, когда я немощенъ, тогда силенъ. Я дошелъ до неразумія, хвалясь: вы меня къ сему принудили. Вамъ бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ ¹⁴⁹³), хотя я и ничто. Признаки апостола оказались передъ вами всякимъ терпѣніемъ, знаменіями, чудесами и силами. Ибо чего у васъ недостаетъ передъ прочими церквами, развѣ только того, что самъ я не былъ вамъ въ тягость? Простите мнѣ такую вину. Вотъ, въ третій разъ я готовъ идти къ вамъ, и не буду отягощать васъ; ибо я ищу не вашего, а васъ. Не дѣти должны собирать имѣніе для родителей, но родители для дѣтей. Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что, чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами. Положимъ, что самъ я не обременялъ васъ; но, будучи хитръ, лукавствомъ бралъ съ васъ. Но пользовался ли я чѣмъ отъ васъ чрезъ кого нибудь изъ тѣхъ, кого посылалъ къ вамъ? Я упросилъ Тита и послалъ съ нимъ одного изъ братьевъ: Титъ воспользовался ли чѣмъ отъ васъ? Не въ одномъ ли духѣ мы дѣйствовали? Не однимъ ли путемъ ходили? Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся передъ вами ¹⁴⁹⁴)? Мы говоримъ предъ Богомъ, во Христѣ, и все это, возлюбленные, къ вашему назиданію. Ибо я опасаюсь, чтобы мнѣ, по пришествіи моемъ, не найти васъ такими, какими не желаю; также чтобы и вамъ не найти меня такимъ, какимъ не желаете,—чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоръ, клеветъ, ябедъ, гордости, безпорядковъ, чтобы опять, когда прійду, не уничтожилъ меня у васъ Богъ мой, и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые согрѣшили прежде и не покаялись въ нечистотѣ, блудодѣяніи и непотребствѣ, какое дѣлали. Въ третій уже разъ иду къ вамъ ¹⁴⁹⁵). При устахъ двухъ или трехъ свидѣтелей будетъ твердо всякое слово. Я предварялъ и предваряю, какбы находясь у васъ во второй разъ, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрѣшившимъ и всѣмъ прочимъ, что, когда опять прійду, не пощажу. Вы ищите доказательства на то, Христосъ ли говоритъ во мнѣ: Онъ не безсиленъ для васъ, но силенъ въ васъ. Ибо хотя Онъ и распятъ въ немощи, но живъ силою Божіею; и мы также хотя немощны въ Немъ, но будемъ живы съ Нимъ силою Божіею въ васъ. Испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы; самихъ себя изслѣдывайте. Или вы не знаете самихъ себя, что Иисусъ Христосъ въ васъ? Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть. О насъ же, надѣюсь, узнаете, что мы то, чѣмъ быть должны. Молимъ Бога, чтобы вы не дѣлали никакого зла, не для того, чтобы намъ показаться, чѣмъ должны быть; но чтобы вы дѣлали добро, хотя бы мы казались и не тѣмъ, чѣмъ должны быть. Ибо мы не сильны противъ истины, но сильны за истину. Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о семъ-то и молимся, о вашемъ совершенствѣ. Для того я и пишу сіе въ отсутствіи, чтобы въ присутствіи не употребить строгости ¹⁴⁹⁶) по власти, данной мнѣ Господомъ къ созиданію, а не къ разоренію» (хп, 13—хп, 10).

Но онъ не хотѣлъ кончить словами, въ которыхъ къ его безконечной и

самоотверженной снисходительности примѣшивалась такая непреклонная строгость. Поэтому онъ прибавляетъ своею рукою: «Впрочемъ, братія, радуйтесь, усовершеншайтесь, утѣшайтесь, будьте единомысленны, мирны: и Богъ любви и мира будетъ съ вами. Привѣтствуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ. Привѣтствуютъ васъ всѣ святые». И затѣмъ слѣдуетъ самое полное изъ его апостольскихъ благословеній, «оттолѣ принятыхъ церковью на всѣ вѣка, какъ конечное благословеніе ея служенія»: «благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общеніе Святаго Духа со всѣми вами. Аминь» ¹⁴⁹⁷).

Монета Ареты

(съ нисемплара въ Британскомъ музей).

ГЛАВА XXXIV.

ВТОРОЕ ПОСѢЩЕНІЕ КОРИНѠА.

Рабу Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ.

2 Тимов. II, 24.

ВТОРОМЪ пребываніи ап. Павла въ Македоніи св. Лука говорить необыкновенно кратко. Причиною этого вѣроятно было то, что періодъ этотъ не ознаменовался какими либо особыми событіями, заслуживавшими того, чтобы отвести имъ мѣсто на его страницахъ. Онъ не имѣлъ своею задачею останавливаться на изслѣдованіи источниковъ внутренней скорби, такъ угнетавшей душу ап. Павла, или подробно передавать о тѣхъ огорченіяхъ, которыя составляли суть его обычной жизни. Ап. Павелъ быть можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ когда либо жившихъ людей (даже если мы возьмемъ тѣхъ, которые принесли свою жизнь въ жертву какому либо великому дѣлу Божию), опытомъ зналъ, что жизнь сплетается

изъ множества испытаній, все различіе которыхъ состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ легче, другія — тяжелѣе. Но св. Лука, не говоря уже объ особыхъ цѣляхъ, повидимому руководившихъ имъ при писаніи своей книги, даетъ намъ полный рассказъ только о событіяхъ, которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ¹⁴⁹⁸), или тѣхъ, которыя онъ считалъ наиболѣе важными и касательно которыхъ онъ могъ получить несомнѣнно достовѣрныя свѣденія. Однимъ изъ многихъ доказательствъ неполноты его біографіи служить то, что онъ даже не упоминаетъ о такомъ сотрудникѣ ап. Павла, какъ грекъ Титъ, столь любезный ему, столь способный, дѣятельный и преданный, восторженною дѣятельностью

котораго ап. Павелъ такъ много пользовался въ организаціи милостынныхъ сборовъ и особенно въ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ сношенія съ коринѣскими христіанами въ самый неудовлетворительный періодъ ихъ смутной исторіи.

Св. Лука, поэтому минуя душевную скорбь и внѣшнія гоненія, которыя ап. Павелъ, по его собственному свидѣтельству, испытывалъ въ это время, ничего не говоритъ о тѣхъ многихъ тревоженіяхъ, относительно которыхъ, на основаніи посланій, мы можемъ сообщить кое-что. Все, о чемъ онъ сообщаетъ намъ, это лишь то, что ап. Павелъ проходилъ чрезъ эти страны и ободрялъ ихъ своимъ увѣщаніемъ. Онъ не упоминаетъ даже объ интересномъ обстоятельстве, что послѣ

Карта для показанія дороги ап. Павла.

проповѣди, во время своего второго путешествія, въ Филиппахъ, Фессалоникѣ и Вереѣ—трехъ столицахъ первой, второй и третьей Македоніи, онъ воспользовался намѣренной отсрочкой своего посѣщенія Коринѣа для того, чтобы пройти и четвертую Македонію вплоть до Иллиріи. Доходилъ ли онъ только до границы Иллиріи, или проникъ въ самую страну и достигъ даже до Деррахія и Никополя, и разумѣется ли подъ Иллиріей греческій округъ или римская провинція¹⁴⁹⁹), извѣстный подъ этимъ названіемъ, мы не можемъ сказать; но во всякомъ случаѣ ап. Павелъ упоминаетъ эту страну для обозначенія предѣла самаго далекаго круга своихъ миссіонерскихъ путешествій, центромъ которыхъ былъ Іерусалимъ.

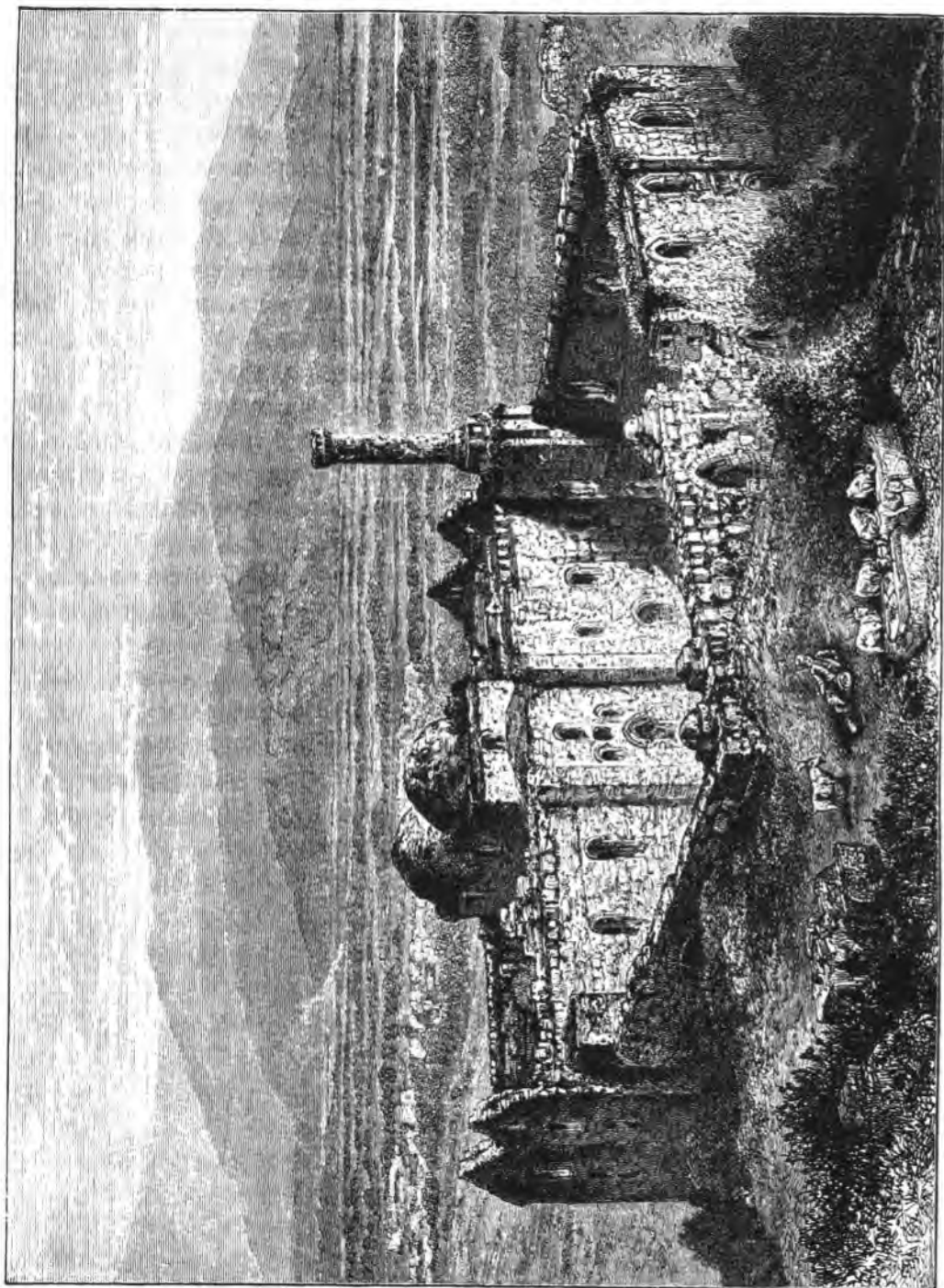

Что сборъ милостыни сильно занималъ ап. Павла въ это время, это ясно изъ его частыхъ намековъ на нее и особенно изъ того мѣста, которое онъ отводитъ этому предмету въ своихъ посланіяхъ къ Коринѣянамъ. Однимъ изъ его испытаній было именно то, что онъ долженъ былъ постоянно обращаться за денежными пособіями къ малымъ общинамъ своихъ обращенцевъ, большинство изъ которыхъ при всей своей бѣдности должны были приносить большія жертвы ради своей христіанской вѣры. Онъ ясно видѣлъ, что этимъ обстоятельствомъ враги его съ беззастѣнчивостью могли воспользоваться для того, чтобы обратить его въ орудіе противъ него. Какъ бы ни были старательны и дѣловиты его распоряженія въ этомъ отношеніи, какъ бы ни настойчиво утверждалъ онъ, что самъ онъ не принимаетъ никакого личнаго участія при распредѣленіи и даже сбереженіи этихъ суммъ, не было недостатка въ личностяхъ, которыя втихомолку распространяли низкую клевету, что Павелъ дѣйствовалъ при этомъ изъ своекорыстныхъ выгодъ, и что даже то упорное трудолюбіе, съ которымъ онъ день и ночь занимался своимъ ремесломъ, не вполне удовлетворявшимъ его собственныя потребности, было только прикрытіемъ для затаеннаго плана алчности и самообогащенія. Еще тяжелѣе было для него, когда эти обвиненія исходили отъ представителей той самой церкви, ради бѣдныхъ которой онъ предпринималъ этотъ непріятный трудъ выпрашиванія милостыни¹⁵⁰⁰). Но въ мірѣ не было чловѣка, какъ бы ни былъ онъ невиненъ или святъ, который бы избѣжалъ людской злобы и клеветы; и въ дѣйствительности сила этой злобы и настойчивость этой клеветы часто бываютъ пропорціональны мужеству, съ которымъ онъ встрѣчаетъ низость міра. Ап. Павелъ не старался казаться равнодушнымъ къ этому жалу ненависти и клеветы. Онъ не скрывалъ того страданія, которое оно причиняло ему. Напротивъ, онъ жестоко чувствовалъ грубую несправедливость по отношенію къ нему, а также и тѣ препятствія, которыя она поставляла великому дѣлу его жизни; и та горькая иронія и горячность, съ которыми онъ при всякомъ удобномъ случаѣ отвѣчаетъ имъ, служатъ показателемъ той мѣры страданія, которое они причиняли ему. Но обыкновенно онъ оставлялъ эти клеветы безъ всякаго вниманія и прощалъ тѣмъ, которые наносили ему это страданіе. Это былъ не такой чловѣкъ, чтобы пренебрегать долгомъ на томъ основаніи, что онъ непріятенъ, или потому, что его побужденія въ исполненіи его могутъ быть перетолкованы въ худую сторону. А побужденія, которыми онъ руководился въ этомъ дѣлѣ, были особенно священны. Прежде всего главные апостолы въ Іерусалимѣ взяли съ него торжественное обѣщаніе заботиться о ихъ бѣдныхъ и поставили это обѣщаніе почти условіемъ того соглашенія, по которому ихъ церковь въ вопросѣ о положеніи обращенныхъ язычниковъ отказывалась налагать на нихъ иго закона. Вовторыхъ, нужда существовала въ дѣйствительности и помощь была необходима; поэтому было вполне согласно съ собственными чувствами ап. Павла дать имъ прекрасное доказательство той братской любви, которую онъ считалъ выше всѣхъ христіан-

скихъ добродѣтелей. Затѣмъ, въ ранніе годы его жизни, его неумѣренная ревность нанесла церкви іерусалимской страшный вредъ, и теперь онъ хотѣлъ показать искреннее сокрушеніе своего покаянія, дѣлая все, что для него было возможно, для вознагражденія за прежнее. Наконецъ онъ имѣлъ надежду, иногда усиливавшуюся, а иногда ослабѣвавшую, что такое явное доказательство безкорыстнаго братства со стороны основанныхъ имъ языческихъ церквей навѣрно тронетъ сердца фарисейской партіи матери церкви, и если оно и не въ состояніи будетъ совсѣмъ уничтожить разногласіе между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, то по крайней мѣрѣ предотвратитъ бесполезное расширеніе отдѣлявшей ихъ грани. Въ моменты глубокаго унынія, пиша изъ Коринѳа въ Римъ (Рим. хv, 25—32), признавая возможность усердіемъ со стороны христіанъ изъ язычниковъ показать, посредствомъ пособія въ земныхъ нуждахъ, свое сознаніе обязательства за духовное благодѣяніе, полученное ими отъ святаго города, и смотря на матеріальныя приношенія какъ на жатвенный сборъ для доказательства іудейскимъ христіанамъ истинности посѣяннаго между язычниками сѣмени,—апостоль однакоже не скрываетъ своихъ опасеній касательно того духа, въ которомъ можетъ быть принято даже это приношеніе, и убѣдительно проситъ римлянъ не только подвизаться съ нимъ въ молитвахъ къ Богу, чтобы ему избавиться отъ іудейскаго насилія въ Іудеѣ, но также, чтобы и жертва, главнымъ совершителемъ которой былъ онъ, могла быть милостиво принята. Быть можетъ испытанія отъ столкновеній съ іудействующими въ Коринѳѣ въ это время нѣсколько охладили пылъ его надеждъ, но до своего прибытія туда (2 Кор. viii, 24; ix, 12—15) онъ выражалъ пылкую надежду, что ихъ человеколюбивые дары не только облегчатъ незаслуженное бѣдствіе, но и будутъ доказательствомъ ихъ искренней преданности Евангелію Христову и вызовутъ такимъ образомъ глубокую благодарность Богу (2 Кор. ix, 14). Увы! этимъ пламеннымъ ожиданіямъ (какъ есть много основаній опасаться) суждено было потерпѣть крайнее разочарованіе.

Закончивъ свое дѣло во всей Македоніи и не находя болѣе случаевъ для практическаго приложенія своей дѣятельности въ этихъ странахъ¹⁵⁰¹), онъ наконецъ отправился въ свое путешествіе въ Коринѳъ. Это было вѣроятно къ концу 57 года. Но путешествовалъ ли ап. Павелъ моремъ или сушей и изъ какого мѣста онъ отправился, мы не знаемъ. Послѣ его путешествія въ четвертую Македонію онъ быть можетъ возвратился въ Фессалонику, которая была удобнымъ мѣстомъ сбора различныхъ братьевъ, теперь сопровождавшихъ его. Въ виду значительнаго числа его спутниковъ становится въ высшей степени вѣроятнымъ, что онъ избралъ наиболѣе дешевый, хотя въ это позднее время года и болѣе опасный, путь и отправился на кораблѣ изъ Фессалоники въ Кенхреи. Такъ какъ онъ самъ положительно рѣшился не имѣть никакого соприкосновенія съ денежными дѣлами, то становилось необходимымъ, чтобы его повсюду сопровождали казначеи, назначенные разбросанными общинами для завѣдыванія деньгами. Сообщество этихъ

Ефесь со стороны Айя-Салука.

соразработниковъ навѣрно было источникомъ великаго счастья для подавленнаго испытаніями и истомленнаго трудами апостола, и сочувствіе такихъ преданныхъ друзей навѣрно было какбы небесною освѣжительной росой для его духа. Тутъ былъ юный, спокойный Тимофей, возлюбленный сотоварищъ его жизни; тутъ былъ Тихикъ, который вышелъ изъ школы Тиранна и оставался преданнымъ ему до самой кончины (2 Тим. iv, 12); тутъ былъ Гаій Дервининъ, живой памятникъ добраго дѣла, совершеннаго имъ въ его первое миссіонерское путешествіе. Фессалоника дала этому маленькому обществу цѣлыхъ три члена — Іасона, его соотечественника, если не родственника, того самаго, домъ котораго при первомъ пребываніи ап. Павла въ Фессалоникѣ подвергся нападенію отъ разъяренной черни, которая, не найдя въ немъ гостя, повлекла его самого на судъ къ политархамъ; Аристарха, который раздѣлялъ съ нимъ опасности въ Ефесѣ, какъ въ послѣдствіи раздѣлялъ его страшное кораблекрушеніе на пути въ Римъ, и Секунда, подробности о которомъ неизвѣстны. Кромѣ ихъ, Верея отправила Сопатра, іудейскаго обращенца, того самаго, который вмѣстѣ съ другими посылаетъ свое привѣтствіе римскимъ христіанамъ ¹⁵⁰²). Въ самомъ Коринѣ онъ опять предполагалъ встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ своихъ любезнѣйшихъ друзей — съ Титомъ, мужество и здравый смыслъ котораго дѣлали его столь неоцѣненнымъ для апостола; съ Лукою, «возлюбленнымъ врачомъ», который, по всей вѣроятности, былъ уполномоченнымъ отъ Филиппъ; съ Трофимомъ, ефесскимъ грекомъ, ставшимъ роковой, но неповинной причиной ареста ап. Павла въ Іерусалимѣ, тѣмъ самымъ, которому долгое время спустя суждено было отправиться съ нимъ въ его путешествіе въ качествѣ узника, но раздѣлять его послѣднія страданія которому помѣшала болѣзнь, постигшая его въ Милетѣ (2 Тим. iv, 20), и со многими коринескими христіанами: Іустомъ, Сосееномъ, Ерастомъ, Тертіемъ, Квартомъ, Стефаномъ, Фортунатомъ, Ахаикомъ и наконецъ Гаіемъ коринескимъ, у котораго ап. Павелъ намѣревался остановиться, и открытый домъ и христіанское гостепріимство котораго высоко цѣнились церковью.

Сообщество столь многихъ вѣрныхъ христіанъ не могло не быть свѣтлою точкой въ туманномъ календарѣ жизни ап. Павла. Въ какихъ счастливыхъ бесѣдахъ должны были проходить у нихъ вечера, особенно въ виду того, что ручной трудъ апостола никоимъ образомъ не мѣшалъ изліянію его души! Какое это было радостное и сердечное общеніе, возможное въ своей высшей степени только для чистыхъ и святыхъ душъ! Какой тутъ происходилъ обмѣнъ мыслей и надеждъ по глубочайшимъ предметамъ! Какіе часы взаимнаго утѣшенія среди глубокихъ невзгодъ; какія умиленные трапезы любви; какое благословенное причастіе въ таинствѣ евхаристіи; какое изліяніе пламенныхъ молитвъ! Въ Коринѣ ап. Павелъ пробылъ три мѣсяца, и въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ онъ написалъ, по всей вѣроятности, посланіе къ Галатамъ и несомнѣнно посланіе къ Римлянамъ—два изъ глубочайшихъ и знаменитѣйшихъ его посланій ¹⁵⁰³). И такъ какъ

только изрѣдка онъ писалъ собственной рукой, такъ какъ у него въ обычаѣ въ надписяхъ своихъ посланій упоминать вмѣстѣ съ собою одного или нѣсколькихъ, а иногда и цѣлое общество своихъ сотрудниковъ, равно какъ и посылать при- вѣтствіе отъ нихъ,—то нельзя ли съ несомнѣнностью предполагать, что эти письма громко прочитывались въ кругу маленькаго собранія друзей и составляли плодотворный предметъ долгихъ и искреннихъ разсужденій? Но предполагалъ ли ап. Павелъ, что эти немногіе свитки папируса до послѣднихъ вѣковъ міра будутъ признаваться его неоцѣнимымъ сокровищемъ?

Но въ какомъ состояніи апостолъ нашелъ дѣла, когда онъ перешелъ изъ дома Гаія въ домъ Густа? Св. Лука имѣетъ свою цѣлью показать то единство, которое существовало между христіанами въ отношеніи сущности и основныхъ предметовъ вѣры, и поэтому не останавливается на временныхъ разногласіяхъ, которыя, къ несчастію, раздѣляли ихъ. Правда, онъ не скрываетъ самаго существованія несогласія; но его желаніемъ повидимому было показать существенную гармонію, которую эти несогласія могли лишь нарушать, но не могли разрушить. Поэтому онъ не сообщаетъ ни одной подробности о встрѣчѣ ап. Павла съ ложными апостолами, обманными дѣятелями, которые искажали и поддѣлывали слово Божіе, или съ тѣмъ дерзкимъ и надменнымъ учителемъ, который, при своей осанистой внѣшности, обработанной рѣчи и огромныхъ притязаніяхъ, опираясь на одобрительныя письма изъ Іерусалима и быть можетъ на преимущества личнаго знакомства съ Христомъ, отрицалъ апостольство ап. Павла и не упускалъ случая очернить его характеръ. Выступилъ ли этотъ человѣкъ прямо лицомъ къ лицу противъ ап. Павла? Высказали ли его послѣдователи то пренебрежительно наглое отношеніе къ апостолу, которое они уже высказали противъ него заочно? Какъ совершился тамъ опасный кризисъ, послужившій рѣшительнымъ испытаніемъ, на чьей сторонѣ находилась истинная сила? Пришелъ ли наконецъ апостолъ съ жезломъ, или съ духомъ кротости? Чѣмъ онъ доказалъ свое апостольство—строгимъ ли примѣненіемъ дисциплины и произнесеніемъ отлученія, ужасомъ поразившаго дерзкихъ отступниковъ, или же въ виду возобновленія вѣрности заблуждающейся паствы и водворенія мира и доброй нравственности между ними сдѣлалось излишнимъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ? На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать болѣе или менѣе увѣреннаго отвѣта. Мы можемъ лишь вообразить себѣ торжественное безмолвіе ожиданія, съ которымъ маленькая община, собравшись въ домѣ Густа, встрѣтила первое появленіе и первое слово того, любовь котораго они подвергали столь страшному испытанію и противъ личности котораго они высказывались съ столь недостойнымъ издѣвательствомъ. Личные вопросы однако же имѣли для него наименьшее значеніе. Всѣ хорошо знали, что его громы страшны не для партійной оппозиціи, а для нравственнаго упорства. Такъ какъ многіе безъ нихъ были гнусными грѣшниками, такъ какъ многіе даже не раскаивались и послѣ строгихъ укоровъ, то какъ они должны были содрогаться,

какъ ихъ виновная совѣсть должна была вселять во всѣхъ ихъ робость, когда наконецъ спустя болѣе чѣмъ три года они стояли лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ апостоломъ, который могъ предать ихъ сатанѣ со всѣми страшными, связанными съ этимъ приговоромъ послѣдствіями. Но надъ всѣмъ этимъ лежитъ завѣса забвенія. Перо единственнаго человѣка, который могъ бы разсказать обо всемъ этомъ, ничего не написало и мы не слышимъ объ этомъ ничего и изъ другихъ источниковъ. Но что на время апостолъ торжествовалъ, что вслѣдствіе ли дѣйствительнаго примѣненія власти, или сердечнаго раскаянія со стороны его противниковъ, его апостольскій авторитетъ вновь установился твердо,—это можно выводить изъ его собственнаго намека, что пока не были устранены коринѣскія затрудненія, онъ не могъ приниматься ни за какое другое дѣло, и что въ посланіяхъ, которыя онъ писалъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ столицѣ Ахаіи, онъ строитъ планы уже для болѣе обширныхъ миссіонерскихъ трудовъ и свободно предается новой дѣятельности (Рим. I, 13; XV, 24, 32).

Не смотря на отсутствіе завѣдомыхъ фактовъ, мы имѣемъ возможность читать сокровеннѣйшія мысли, какія только проносились по душѣ ап. Павла. Два посланія, которыя онъ отправилъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, во многихъ отношеніяхъ были самыми важными, какія только когда либо онъ писалъ. И можно представить себѣ всю высоту его умственной силы, когда онъ въ теченіе столь короткаго періода, при множествѣ отягчавшихъ его другихъ обязанностей и тревоженій, все-таки находилъ время для того, чтобы диктовать посланіе къ Галатамъ, которое отмѣчаетъ эпоху въ исторіи церкви, и посланіе къ Римлянамъ, которое прямо можно считать важнѣйшимъ изъ всѣхъ его вкладовъ въ систему христіанскаго богословія!

Монета города Ефеса

(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXV.

ВАЖНОСТЬ ПОСЛАНИЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

Кто вникнетъ въ законъ совершенный,
законъ свободы, тотъ блаженъ будетъ въ
своемъ дѣйствованіи. Гал. 4, 25.

Ы уже видѣли, что при своемъ второмъ краткомъ посѣщеніи церковей Галатіи на пути въ Ефесъ ап. Павелъ повидимому уже не встрѣчалъ того сердечнаго увлеченія, съ которымъ встрѣчено было его первое проповѣдничество. Своимъ проницательнымъ взглядомъ онъ замѣтилъ зародыши наступающей опасности и высказанныя имъ предостереженія ослабили теплоту его прежняго отношенія къ нимъ. Но онъ едва ли могъ ожидать болѣе мучительнаго извѣстія, что обращенцы, бывшіе нѣкогда столь дорогими для него и столь любящими, уклонились отъ его истиннаго благовѣстія и увлеклись поверхностной обрядностью его іудействующихъ противниковъ. Эти люди, какимъ бы авторитетомъ ни прикрывались они, уже испортили его лучшее дѣло, смутивъ его счастливыхъ учениковъ въ Антиохіи и Коринѣѣ, и теперь рассчитывали произвести тоже и въ Ефесѣ. Вторгаться такимъ образомъ въ область трудовъ другаго, предоставлять ему выносить всѣ опасности и труды съ желаніемъ воспользоваться ихъ плодами, равнодушно и враждебно наблюдать за тѣмъ, какъ сѣятель со слезами возвращалъ свое доброе сѣмя, чтобы затѣмъ нахально и дерзко приступить съ своими безстыдными и алчными серпами къ зрѣющей жатвѣ, преслѣдовать по стопамъ смѣлаго самоотверженнаго миссіонера при посредствѣ легкомысленныхъ обезпеченныхъ челоѣкоугодниковъ, которые, безъ всякаго лично для себя риска, въ его отсутствіе вторгались въ устроенныя имъ паствы для того, чтобы расхищать его беззащитныхъ овецъ, возмущать своей мелочною обрядностью и механическимъ правовѣріемъ чистую воду христіанской

простоты и христіанскаго счастія, подвергать опасности такимъ образомъ всю будущность христіанства попыткой отвращенія его отъ свободы вселенскаго Евангелія къ рабству іудейскаго закона, построить ограду, которая, въ силу обязательнаго обрѣзанія, исключала бы изъ церкви благороднѣйшихъ изъ язычниковъ, допуская въ тоже время худшихъ изъ іудеевъ, — все это на проницательный взглядъ ап. Павла уже было довольно худо. Но вторгаться такимъ образомъ въ маленькія общины его галатскихъ обращенцевъ, пользоваться ихъ теплою привязанностью и слабымъ разумомъ, играть на колеблющемся легкомысліи, которое столь легко дѣлало ихъ жертвой особенно тѣхъ, которые водворяли у нихъ вѣтшій культъ, въ ущербъ духовной религіи, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что онъ имѣлъ обаятельное для нихъ сходство съ ихъ древнимъ церемоніальнымъ язычествомъ, — все это ап. Павлу казалось низкимъ до невыносимости. Раздраженный этою вѣтряностью галатовъ и уязвленный справедливымъ негодованіемъ на тѣхъ, которые пользовались ею, онъ взялся за перо, чтобы исполнѣ яснымъ и прямымъ языкомъ выразить свое мнѣніе о ложности и бесполезности тѣхъ границъ, въ которыя эти христіанскіе фарисеи хотѣли заключить начала христіанства, — тѣ изношенные и расхудившіеся мѣхи, въ которые они старались вливать богатое, свѣжее и бродящее вино. Тутъ не было времени для любезныхъ распросовъ касательно побужденій, для тщательнаго взвѣшиванія элементовъ, не было мѣста для неопредѣленнаго компромиса или деликатной ссылки на дѣйствительный или предполагаемый авторитетъ. Правда, люди этого рода прибыли изъ Іерусалима и принадлежали къ той самой іерусалимской церкви, для бѣдныхъ членовъ которой онъ дѣлалъ столь большіе сборы, и въ одномъ выдающемся случаѣ они имѣли или по крайней мѣрѣ заявляли, что имѣли за себя авторитетъ св. Іакова. Но возможно ли, чтобы Іаковъ, при всей своей склонности къ Моисееву закону, настолько переступалъ всякую грань въ этомъ отношеніи, чтобы дать санкцію своего имени дѣлу, которое, какъ видѣлъ ап. Павелъ, было крайне губительно для болѣе широкихъ надеждъ христіанства? Если такъ, то нечего было дѣлать. Іаковъ былъ человѣкъ — правда, святой человѣкъ, вдохновленный знаніемъ великихъ и возвышенныхъ истинъ, — но не болѣе непогрѣшимъ, чѣмъ Петръ и самъ Павелъ. Если Петръ не разъ выказывалъ замѣтное колебаніе, то могъ также колебаться и св. Іаковъ; а если такъ, то Іаковъ въ свою очередь былъ несомнѣнно не правъ. Но ап. Павелъ во всякомъ случаѣ никогда не говоритъ этого и не употребляетъ ни одного непочтительнаго слова по отношенію къ «брату Господню». Церковь іерусалимская при одномъ прежнемъ случаѣ «открыто отвергла» лицъ, которыя самочинно выступали въ качествѣ представителей отъ нея; и нѣтъ ни малѣйшаго доказательства того, чтобы она когда либо одобряла этотъ родъ противодѣйствующей шпіонской миссіи, которая была столь губельна для всякаго истиннаго прогресса, для всякой свободы, для всякой нравственности. Кто бы ни были эти іудейскіе учителя, но тщеславіе, партійный духъ и чув-

ственность были ихъ отличительными и неразлучными качествами. Судить о нихъ должно по плодамъ ихъ, а эти плоды были горьки и ядовиты. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ были люди худые, старавшіеся лукаво дружить со всѣми и истинную религію замѣнять внѣшнимъ благочестіемъ. Алчность, самохвалство, внѣшняя обрядность для нихъ составляли все; крестъ былъ ничто. Если бы они

Образчикъ арамейскаго письма
(изъ Бриггскаго музея).

не были худыми людьми, то они не были бы до такой нелѣпости непоследовательны, чтобы искажать и обходить тотъ самый законъ, о преданности которому они трубили повсюду. Если бы они не были худыми людьми, то не пользовались бы худшимъ изъ полемическихъ орудій—недостойнымъ издѣвательствомъ и личною клеветой. Однакоже этими именно низкими средствами они всячески усиливались подорвать вліяніе своего великаго противника. Они систематически

ослабляли его авторитетъ. По ихъ словамъ, онъ былъ не апостолъ совѣтъ; онъ несомнѣнно не изъ числа двѣнадцати; онъ никогда не видѣлъ Иисуса Христа, кромѣ какъ въ видѣніи, и такимъ образомъ не имѣлъ существеннаго качества для апостольства; все свое знаніе о христіанствѣ онъ почерпнулъ въ Іерусалимѣ и притомъ злонамѣренно извратилъ его; его евангеліе не было истиннымъ Евангеліемъ; свой авторитетъ онъ просто получилъ отъ главъ церкви въ Іерусалимѣ, суду которыхъ и нужно подвергать его ученіе. Многія изъ его прежнихъ толкованій Христова ученія были-де просто богохульственны. Это было дерзкое отступничество отъ устнаго и даже писаннаго закона, возстаніе противъ преданій отцовъ и даже противъ самого Моисея. Не было ли его проповѣдничество отрицаніемъ всякой боговдохновенности? Не могли ли они выставить противъ него цѣлый рядъ безчисленныхъ текстовъ? Не всякая ли почти строка пятокнижія Моисея говоритъ противъ него? Кто этотъ Павелъ, этотъ отступникъ отъ раввиновъ, который, по извѣстнымъ ему только побужденіямъ, сдѣлался номинальнымъ христіаниномъ изъ ожесточеннаго гонителя? Кто такой онъ, чтобы могъ возставать противъ великаго законодателя? ¹⁵⁰⁴). Онъ утверждалъ, что законъ отміненъ, но какъ онъ могъ доказать это? Христосъ никогда не говорилъ такъ. Напротивъ, Онъ самъ сказалъ, что ни одна черта буквы закона не должна пройти, пока онъ не будетъ исполненъ весь. Объ этомъ могли засвидѣтельствовать двѣнадцать апостоловъ. Они сами исполняютъ законъ. Они живутъ въ мирѣ съ своими іудейскими братьями, которые однакоже не признаютъ Иисуса Мессіей. Не противны ли поэтому воззрѣнія Павла ихъ воззрѣніямъ, если онъ единственный христіанинъ, который не могъ показать своего лица въ Іерусалимѣ, не возбуждая опаснаго возмущенія? Кромѣ того, ему въ дѣйствительности и нельзя довѣрять. Онъ постоянно колеблется, говоритъ то одно, то другое, съ очевиднымъ намѣреніемъ челоукоугодничества. Что можетъ быть болѣе непослѣдовательнаго, чѣмъ его ученіе и образъ дѣйствія въ отношеніи обрѣзанія? Онъ говорилъ галатамъ, что не нужно обрѣзываться, и однакоже онъ самъ нѣкогда проповѣдывалъ обрѣзаніе, и не только проповѣдывалъ, но даже самъ совершалъ его! Можетъ ли онъ отвѣтить на два важныхъ вопроса: кто обрѣзалъ Тимофея? кто обрѣзалъ Тита?

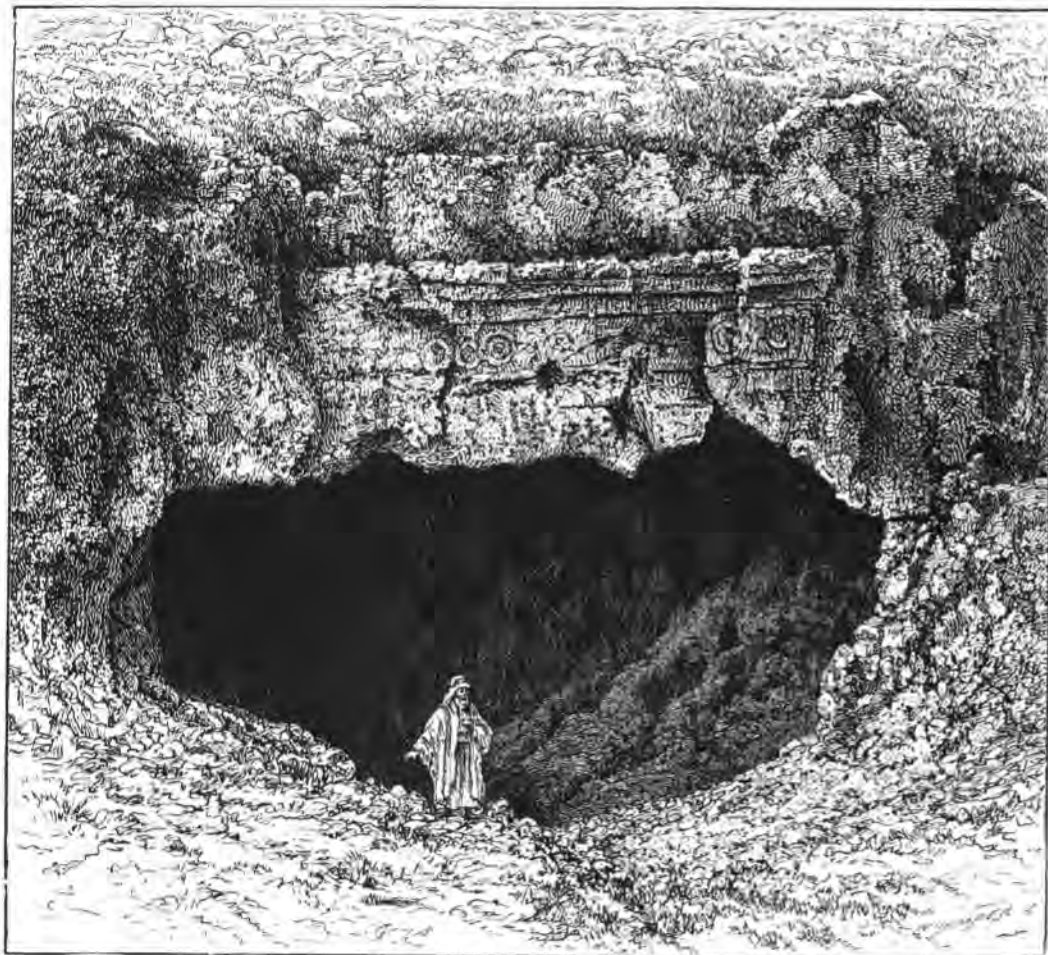
Ап. Павелъ видѣлъ, что настало время высказаться открыто. Дѣло шло о весьма жизненномъ предметѣ,—о самой сущности Евангелія, о самой свободѣ данной Христомъ, о самомъ искупленіи, ради котораго умеръ Онъ. Исходъ борьбы, очевидно, зависѣлъ единственно отъ него. Онъ одинъ былъ апостоломъ язычниковъ. Ему одному дано было видѣть все значеніе этого дѣла. Новая вѣра не должна быть задавлена при своемъ зарожденіи старыми предразсудками ея номинальныхъ приверженцевъ. Изъ ея пеленокъ не долженъ такимъ образомъ сдѣлаться для нея саванъ. Насталъ часъ, когда уступка сдѣлалась невозможною, и въ характерѣ его примирительности не должно быть мѣста для двухъ путей. Вслѣдствіе этого,

онъ отбросилъ всякую сдержанность и всякій компромисъ. пылая праведнымъ гнѣвомъ, онъ началъ писать посланіе къ Галатамъ. Это его знамя борьбы съ несостоятельностью традиціоннаго авторитета, его трубный гласъ отлученія всѣмъ фарисеямъ христіанства, и онъ не издалъ фальшиваго звука ¹⁵⁰⁵).

Къ счастью, онъ могъ придать особенную отчетливость своей аргументаціи, подводя ее къ одному опредѣленному пункту. Возстановивъ дѣла въ Галатіи, онъ могъ перенести борьбу на почву самаго Іерусалима. Новые учителя утверждали, какъ и раньше въ Антиохіи, что обрѣзаніе необходимо для христіанъ изъ язычниковъ. Если ап. Павлу удастся разбить этотъ бастіонъ іудействующаго христіанства, то, какъ онъ зналъ, должна будетъ пастъ и вся ихъ твердыня. Обрѣзаніе было существеннымъ знаменемъ іудейской народности, самымъ узломъ іудейской обрядности, самымъ древнимъ, самымъ своеобразнымъ и самымъ неизгладимымъ изъ іудейскихъ обрядовъ. Адамъ, Ной, Іаковъ, Іосифъ, Моисей, Валаамъ—всѣ были обрѣзаны ¹⁵⁰⁶). Оно было такою полною печатью завѣта, что дано было даже не Моисею, а Аврааму. Іосифъ видѣлъ, что оно должнымъ образомъ совершалось въ Египтѣ. Моисей настаивалъ на необходимости его въ землѣ Мадіамской. Іисусъ Навинъ возобновилъ его въ Ханаанѣ и оно считалось столь священнымъ, что каменные ножи, которыми оно совершалось, были зарыты въ его могилѣ въ Оамнаѣ-сарай. Былъ ли хоть одинъ такой царь или пророкъ, который не былъ бы обрѣзанъ? Развѣ самъ Іисусъ не подвергался обрѣзанію? Развѣ Ілія не присутствовалъ всегда, хотя и невидимо для того, чтобы быть свидѣтелемъ его должнаго совершенія? Не считалось ли механическое отверженіе его наиболѣе омерзительнымъ изъ еллинистическихъ отступленій? Правда, что въ соборномъ посланіи апостоловъ, составленномъ на іерусалимскомъ совѣщаніи, было заявлено, что оно *не необходимо* для обращенцевъ изъ язычниковъ; но и не необходимая вещь можетъ быть въ то же время крайне *желательной*. Пусть они разсудятъ сами. Неужели они не слыхали читаннаго закона? Развѣ законъ не боговдохновененъ? Если такъ, то какъ можно самовольно отвергать его ¹⁵⁰⁷?

Такъ то всегда дѣйствовалъ юдаизмъ, который, начиная съ псалмовъ и чистаго монотеизма, переходилъ къ ношу обрѣзанія и къ игу левитскаго закона, налагая его и давая имъ своихъ послушныхъ рабовъ ¹⁵⁰⁸). Такъ то іудействующіе проходили море и землю для пріобрѣтенія хоть одного прозелита и, пріобрѣтая его, въ десять разъ дѣлали его болѣе сыномъ геенны, чѣмъ сами. Высшимъ предметомъ похвалы іудея было именно то, что онъ такимъ образомъ клалъ свою національную мѣтку на самомъ тѣлѣ презрѣннаго и ненавистнаго для него язычника, который притомъ дѣлался въ глазахъ его почти еще болѣе презрѣннымъ и ненавистнымъ, если онъ надѣялся сравняться съ нимъ въ преимуществахъ, соглашаясь сдѣлаться іудеемъ. Такимъ то образомъ они завлекли въ свою сѣть царское семейство Адіавенское. Елена, милостивая царица, которая кормила бѣдняковъ Іерусалима сушеными смоквами и гроздами во время голода, бывшаго въ

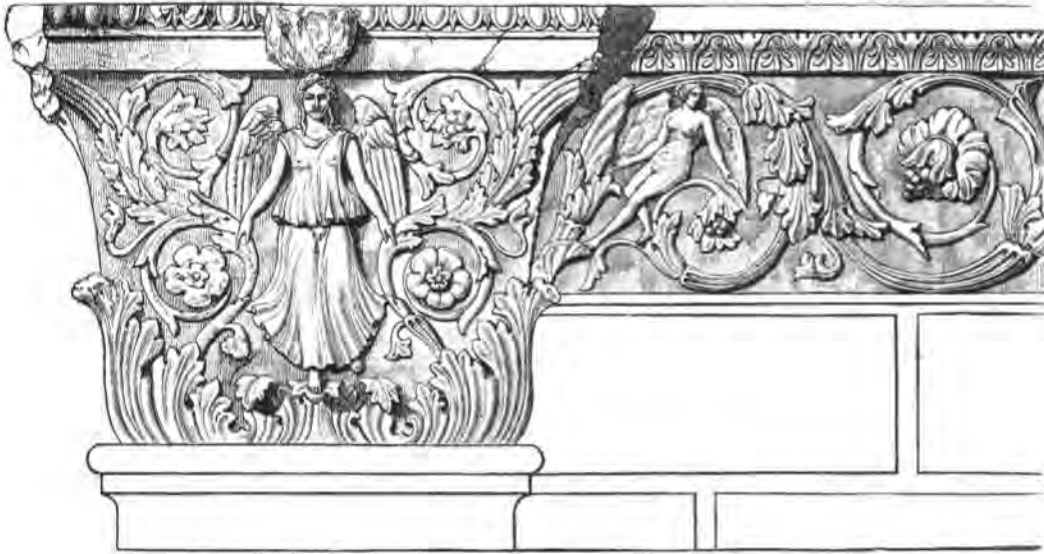
царствованіе Клавдія, и которая погребена была съ нѣкоторыми изъ ея дѣтей въ «гробахъ царей», приняла обѣтъ назорейства на семь лѣтъ. Какъ разъ предъ окончаніемъ обѣта въ Іерусалимѣ, по случайности ли, или по какому-либо умыслу—она прикоснулась къ труну и поэтому должна была продолжить свой обѣтъ еще на семь лѣтъ. При окончаніи и этого срока она опять подверглась какому то

Гробница царицы Елены въ Іерусалимѣ

ничтожному оскверненію и опять должна была возобновить его еще на семь лѣтъ. Ананія, іудейскій купецъ, по дѣламъ своей торговой промышленности, получилъ доступъ въ гаремъ царя Авеннерига и тамъ сдѣлалъ царицу прозелиткой, а благодаря ея вліянію и двоихъ ея сыновей: Изата и Монобаза. Но у него было настолько здраваго смысла, чтобы сказать имъ, что сущность закона состоитъ

въ любви къ Богу и любви къ ближнему. Онъ вѣроятно былъ гагадистъ и главнымъ образомъ цѣнилъ великія истины, для которыхъ внѣшняя обрядность Моисеева закона была лишь временнымъ хранилищемъ, и признавалъ даже, что ради внѣшняго обряда, который не могъ вліять на сердце, не стоило смущать народъ и подвергать опасности самую династію. Онъ видимо обладалъ такою просвѣщенностью, которая не хотѣла смѣшивать тѣни съ сущностью¹⁵⁰⁹), и руководился убѣжденіемъ, что надпись на *хелъ* должна изгладиться и самый *хелъ* (средостѣніе) долженъ разрушиться (Ефес. II, 14). Но по стопамъ просвѣщеннаго Ананіи прибылъ узкій изувѣръ, раввинъ Еліезеръ Галилейскій, и онъ въ отношеніи молодыхъ и неустойчивыхъ князей воспользовался тѣмъ же самымъ аргументомъ,

Часть фронтона изъ Анкиры.

какимъ іудействующій учитель, кто бы онъ ни былъ, пользовался въ отношеніи галатовъ: «царь мой, сказалъ онъ, ты грѣшишь противъ закона, а поэтому и противъ Бога. Недостаточно читать законъ; ты долженъ исполнять законъ. Прочти самъ, что онъ говоритъ объ обрѣзаніи, и ты увидишь, какъ ты не правъ»¹⁵¹⁰). Принцъ Изать былъ такъ пораженъ этимъ «непреклоннымъ правовѣріемъ», что онъ тайно удалился въ другую комнату и тамъ при помощи своего врача исполнилъ этотъ обрядъ. Не долго спустя онъ съ своимъ братомъ читалъ пятокнижіе и когда дошелъ до закона объ обрѣзаніи въ книгѣ Исходъ XII, 48, то Монобазъ взглянулъ на своего брата и сказалъ ему: «мнѣ жаль тебя, братъ мой!» и Изать сдѣлалъ тоже самое замѣчаніе относительно его. Это повело къ разговору, и братья сознались сначала другъ другу, а затѣмъ и царицѣ Еленѣ, что они оба тайно обрѣзались.

Царица естественно встревожилась и испугалась, такъ какъ дѣло могло повлечь за собой опасныя слѣдствія. Но это было ничто для іудейскаго фанатика. Его подвиговъ могъ быть только новымъ источникомъ гласности и похвалы для него плотію его прозелитовъ. Затѣмъ, какъ мы читаемъ въ Талмудѣ, Раввинъ ¹⁵¹¹) былъ «великимъ другомъ» императора Антонія. При одномъ случаѣ императоръ спросилъ его: «дашь ли ты мнѣ кусокъ левіаана въ будущемъ мірѣ?» (мясо левіаана и птицы барьюхны, какъ извѣстно, по вѣрованію іудеевъ, будутъ предметомъ пиршества блаженныхъ). «Да», отвѣчалъ Раввинъ.—«Но почему же ты не позволяешь мнѣ ѣсть пасхальнаго агнца?» «Какъ могу я», отвѣчалъ Раввинъ, «когда написано, что никто не обрѣзанный не долженъ ѣсть его». Услышавъ это, Антоній будто бы совершилъ надъ собой обрядъ обрѣзанія и принялъ іудейство. Воображенію раввиновъ-фарисеевъ льстила мысль, что даже императоры, при всемъ своемъ величіи, принимали ихъ *илаховъ*. Съ какимъ же чувствомъ могли они такимъ образомъ относиться къ человѣку, который предлагалъ величайшее благословеніе избраннаго народа безъ всякаго іудейскаго обряда самымъ низкимъ и презрѣннымъ рабамъ?

Своекорыстіе было добавочной и могучей приманкой для этихъ іудействующихъ проповѣдниковъ. Будучи христіанами, они, подобно двѣнадцати, подобно даже самому Павлу, были въ тоже время и іудеями. Въ Іерусалимѣ они продолжали неуклонно посѣщать богослуженіе въ храмѣ и собранія въ синагогахъ. Отлученіе отъ синагоги въ маленькихъ іудейскихъ общинахъ, въ родѣ тѣхъ, которыя находились въ Анкирѣ и Пессинѣ, было дѣйствительно очень важнымъ дѣломъ. Безконечно удобнѣе для нихъ было поэтому находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ іудеями, дѣлая обращенцевъ ап. Павла прозелитами правды. Такимъ образомъ обрѣзаніе было только такъ сказать остриемъ клина (Гал. v, 3, 6, 12—14). Имъ можно было обойти грозную опасность гоненій. Оно естественно повело бы къ принятію всѣхъ обрядовъ, о которыхъ обращенцы постоянно слышали изъ чтеній въ іудейскихъ собраніяхъ; но если нѣтъ, то и не важно. Въ дѣйствительности они не считали необходимымъ содержать весь законъ. Достаточно было внѣшняго принятія его. Дѣлая это, они могли въ дѣйствительности дѣлать все, что имъ хотѣлось. Противъ такого то лицемѣрія, противъ этого отступничества, этой низости, этой мертвящей внѣшности, этого ограниченія всей религіи механическимъ исполненіемъ обрядовъ и выступилъ ап. Павелъ съ своимъ грознымъ посланіемъ. Онъ не долженъ оставлять больше сомнѣнія касательно того, какъ онъ мыслить и чему учить. Онъ долженъ ринуться въ самую среду своихъ враговъ и сжечь свои корабли за собою. Онъ долженъ извлечь свой мечъ противъ этого ложнаго евангелія и бросить ножны. И вотъ по такому то поводу ап. Павелъ написалъ свое посланіе къ Галатамъ. Это былъ манифестъ свободы. Оно отмѣчало собою эпоху въ исторіи ¹⁵¹²). Къ церквамъ Галатіи онъ никогда не приходилъ опять, но слова, начертанныя на этихъ немногихъ листахъ папируса, независимо отъ того,

произвели ли они свое непосредственное дѣйствіе или нѣтъ, должны были произвести эхо, которое, «раскатываясь отъ души къ душѣ, будетъ гремѣть во вѣки вѣковъ».

Монета города Анкиры, столицы Галатіи.
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXVI.

ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛАТАМЪ.

Главное посланіе противъ іудейства.
Тертуліанъ.

ЖЕ въ первой строкѣ привѣтствія апостола становится ясной одна часть его цѣли—именно защита своего апостольскаго авторитета ¹⁵¹³). Въ посланіяхъ къ Фессалоникійцамъ онъ не принималъ никакого титула власти; но со времени написанія этихъ посланій іудействующие обнаружили наклонность ограничивать титулъ «апостола» почти исключительно двѣнадцатью и затѣять всѣхъ другихъ ихъ безграничнымъ авторитетомъ. Слово это имѣло два техническихъ смысла. Въ обыкновенномъ смыслѣ оно просто означало посланника или труженика въ дѣлѣ Евангелія и, какъ равное обычному іудейскому названію *шеліагъ*, свободно придавалось сравнительно безвѣстнымъ христіанамъ въ родѣ Андроника и Юнія ¹⁵¹⁴). Теперь ап. Павелъ высказывалъ свое право на этотъ титулъ въ его высшемъ смыслѣ, и не изъ тщеславія или самовозвышенія, а просто потому, что это было необходимо для блага его обращенцевъ. Онъ имѣлъ первостепенное качество апостола въ томъ, что онъ видѣлъ Христа, хотя изъ выясненныхъ имъ въ послѣднемъ посланіи основаній онъ и уклонялся отъ настаиванія на этомъ. Онъ затѣмъ имѣлъ и дальнѣйшія качества, именно то, что его апостольство и апостольство Варнавы было открыто признано церковью іерусалимской. Но это основаніе онъ также предпочиталъ устранить, какъ неосязательное и даже сбивчивое, потому что его апостольство было получено не просто отъ чело-вѣческой власти. Въ посланіи къ коринѣянамъ, изъ которыхъ иные оспаривали

его право, онъ намѣренно называлъ себя «волею Божіею призваннымъ апостоломъ Иисуса Христа». Въ посланіи къ этимъ вѣтрянымъ отступническимъ галатамъ необходимо было высказаться еще яснѣе, и вслѣдствіе этого онъ обращается къ нимъ съ своимъ полнымъ привѣтствіемъ, въ которомъ говоритъ какъ о своемъ собственномъ авторитетѣ, такъ и о дѣлѣ Христовомъ. Отвергая первый, они ставили временное отношеніе выше духовнаго промышленія; заблуждаясь относительно послѣдняго, они уничтожали ученіе о крестѣ.

«Павелъ Апостолъ, *избранный* не человѣками и не чрезъ человѣка, но Иисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и всѣ находяшіеся со мною братія ¹⁵¹⁵) церквамъ галатійскимъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, который отдалъ Себя Самого за грѣхи наши, чтобы избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка по волѣ Бога и Отца нашего. Ему слава ¹⁵¹⁶) во вѣки вѣковъ. Аминь» (I, 1—5).

Это привѣтствіе замѣчательно не только по выраженному въ немъ утвержденію независимости его апостольства, но и по искусству, съ которымъ апостолъ соединяетъ съ этимъ предметомъ своего посланія великую богословскую истину о нашемъ свободномъ избавленіи ¹⁵¹⁷) смертию Христа, а также и строгою краткостью терминовъ въ привѣтствіи тѣмъ, къ кому онъ пишетъ. Чувствомъ гнѣва на заблужденіе отдастъ отъ самой полноты его личнаго титула и отъ той краткости рѣчи, съ которою онъ обращается къ галатамъ. Къ ессалоникійцамъ онъ обращался какъ «къ церкви ессалоникской въ Богѣ Отцѣ и Господѣ Иисусѣ Христѣ». Къ коринѣянамъ онъ писалъ, какъ къ «церкви Божіей, находящейся въ Коринѣѣ, освященнымъ во Христѣ Иисусѣ, призваннымъ святымъ». Около этого же самага времени онъ писалъ къ римлянамъ, какъ къ «возлюбленнымъ Божіимъ призваннымъ святымъ». Къ филиппійцамъ, ефесянамъ, колоссянамъ онъ прибавляетъ слова: «святымъ во Христѣ Иисусѣ» и «святымъ и вѣрнымъ братіямъ». Но въ посланіи къ этимъ галатамъ, при своемъ пылкомъ желаніи сразу же приступить къ обличенію ихъ заблужденія, онъ употребилъ только краткое простое обращеніе къ «церквамъ галатійскимъ».

Затѣмъ, не выразивъ ни одинаго слова благодарности за ихъ святость, ихъ дары или полученную ими благодать, о чемъ говорится во всѣхъ другихъ его общихъ посланіяхъ, онъ сразу же переходитъ къ предмету, который наполнялъ его душу праведнымъ негодованіемъ:

«Удивляюсь, что вы отъ призвавшаго васъ благодатію Христовою такъ скоро переходите къ иному благовѣствованію, которое впрочемъ не иное ¹⁵¹⁸), а только есть люди, смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаеема ¹⁵¹⁹). Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаеема ¹⁵²⁰). У людей ли я нынѣ ищу благоволенія, или у Бога?

людямъ ли угождать стараюсь? Если бы я понынѣ угождалъ людямъ; то не былъ бы рабомъ Христовымъ» 1821).

Съ такою поражающею порывистостью, такою пылкою простотой, показалъ

Равнина въ Киликіи.

онъ имъ, что время для примиренія миновало. Ихъ іудейскіе учителя говорили, что Павелъ человекъ вѣ-

тряный и заискивающій и что онъ проповѣдывалъ имъ не истинное евангеліе. Онъ пишетъ имъ, что это они-то именно и извратили Евангеліе и что если они, или вообще кто либо

даже самъ Ангелъ будетъ проповѣдывать противно тому, что онъ проповѣдывалъ, то пусть падетъ на него отлученіе—*херема*. Онъ говорилъ объ этомъ и прежде, и чтобы показать имъ, что это не простая гнѣвная фраза, онъ теперь опять выразительно повторяетъ ее и обращается къ ней какъ къ торжественному доказательству, что въ чемъ бы они ни обвиняли его касательно прежнихъ его

дѣлъ и словъ, теперь во всякомъ случаѣ онъ высказывается такъ, что нельзя не понять его.

«Возвѣщаю вамъ, братія, что Евангеліе, которое я благовѣтствовалъ, не есть человѣческое. Ибо и я принялъ его и научился не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа. Вы слышали о моемъ прежнемъ образѣ жизни въ іудействѣ; что я жестоко ¹⁵²²) гналъ церковь Божию и опустошалъ ее, и преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій. Когда же Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моей, и призавшій благодатию своею, благоволилъ открыть во мнѣ Сына Своего, чтобы и я благовѣтствовалъ Его язычникамъ; я не сталъ тогда же совѣтоваться съ плотію и кровію, и не пошелъ въ Іерусалимъ къ предшествовавшимъ мнѣ апостоламъ, а пошелъ въ Аравію, и опять возвратился въ Дамаскъ.

«Потомъ, спустя три года, ходилъ я въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ, и пробылъ у него дней пятнадцать. Другаго же изъ апостоловъ я не видѣлъ никого, кромѣ Іакова, брата Господня ¹⁵²³). А въ томъ, что пишу вамъ, предъ Богомъ, не лгу ¹⁵²⁴).

«Послѣ сего отшелъ я въ страны Сиріи и Киликіи. Церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ лично я не былъ извѣстенъ: а только слышали онѣ, что гнавшій ихъ нѣкогда нынѣ благовѣствуетъ вѣру, которую прежде истреблялъ; и прославляли за меня Бога (1, 11—24).

«Потомъ черезъ четырнадцать лѣтъ, опять ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою Тита ¹⁵²⁵). Ходилъ же по откровенію, и предложилъ тамъ, и особо знаменитѣйшимъ, благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ ¹⁵²⁶), не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался ¹⁵²⁷). Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и еллина, не принуждали обрѣзаться; но (онъ былъ обрѣзанъ лишь?) изъ-за вкравшихся лжебратій, скрытно приходившихъ подсмотрѣть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Христѣ Іисусѣ, чтобы поработить насъ; имъ мы даже ни на часъ не уступили изъ подчиненія (см. стр. 281), дабы истина благовѣствованія сохранилась у васъ ¹⁵²⁸). И въ знаменитыхъ чѣмъ либо, какими бы ни были они когда либо, для меня нѣтъ ничего особеннаго: Богъ не взираетъ на лице человѣка ¹⁵²⁹). И знаменитые не возложили на меня ничего болѣе. Напротивъ того, увидѣвъ, что мнѣ ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ (ибо содѣйствовавшій Петру въ апостольствѣ у обрѣзанныхъ содѣйствовалъ и мнѣ у язычниковъ), и узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, и Клифа, и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, только чтобы мы помнили нищихъ, что и старался я исполнять въ точности ¹⁵³⁰).

«Когда же Петръ пришелъ въ Антиохію, то я лично противостоялъ ему; потому что онъ подвергался нареканію ¹⁵³¹). Ибо, до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова

(см. Дѣян. ху, 24), ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками; когда тѣ пришли ¹⁵³²), сталъ таиться и устранился, опасаясь обрѣзанныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили прочіе іудеи, такъ что даже Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемѣріемъ ¹⁵³³). Но когда я увидѣлъ, что они не прямо поступаютъ по истинѣ евангельской, то сказалъ Петру при всѣхъ: если ты, будучи іудеемъ, живешь поязычески, а не поіудейски: то для чего язычниковъ принуждаешь жить поіудейски? Мы по природѣ іудеи, а не изъ язычниковъ грѣшники ¹⁵³⁴); однакоже, узнавъ, что чловѣкъ оправдывается не дѣлами закона, а только вѣрою въ Іисуса Христа, и мы увѣровали во Христа Іисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа, а не дѣлами закона; ибо дѣлами закона не оправдается никакая плоть ¹⁵³⁵). Если же, ища оправданія во Христѣ, мы и сами оказались грѣшниками: то неужели Христосъ есть служитель грѣха ¹⁵³⁶)? Никакъ. Ибо, если я снова созидаю, что разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ. Закономъ я умеръ для закона, чтобы жить для Бога ¹⁵³⁷). Я сораспялся Христу. И уже не я живу, а живетъ во мнѣ Христосъ. А что нынѣ живу по плоти, то живу вѣрою въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня. Не отвергаю благодати Божіей; а если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ ¹⁵³⁸).

Теперь онъ достаточно защитилъ независимость своего апостольства, и такъ какъ это уничтоженіе смерти Христовой было практическимъ результатомъ отпаденія галатовъ къ іудейской обрядности, то онъ естественно переходитъ къ той догматической истинѣ, которой онъ коснулся также въ своемъ привѣтствіи, и излагаетъ ее теперь съ новымъ приступомъ изумленія и негодованія:

«О, несмысленные галаты ¹⁵³⁹)! Кто прельстилъ васъ не покоряться истинѣ,— васъ, у которыхъ предъ глазами предначертанъ былъ Іисусъ Христосъ, какъ бы у васъ распятый ¹⁵⁴⁰). Сіе только хочу знать отъ васъ: чрезъ дѣла ли закона вы получили Духа, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ? Такъ ли вы несмысленны, что, начавъ духомъ, теперь оканчиваете плотію? Столь многое потерпѣли вы неужели безъ пользы? ¹⁵⁴¹) О, если бы только безъ пользы! Подающій вамъ духа и совершающій между вами чудеса, чрезъ дѣла ли закона сіе *производитъ*, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ? Такъ Авраамъ повѣрилъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность (Быт. ху, 6). Познайте же, что вѣрующіе суть сыны Авраама. И писаніе, провидя ¹⁵⁴²), что Богъ вѣрою оправдаетъ язычниковъ ¹⁵⁴³), предвозвѣстило Аврааму: въ тебѣ благословятся всѣ народы (Быт. хii, 3). Итакъ вѣрующіе благословляются съ вѣрнымъ Авраамомъ. А всѣ, утверждающіеся на дѣлахъ закона, находятся подъ клятвою. Ибо написано: проклятъ всякъ, кто не исполняетъ постоянно всего, что написано въ книгѣ закона (Втор. ххvii, 26). А что закономъ никто не оправдывается предъ Богомъ, это ясно: потому что праведный вѣрою живъ будетъ (Аввак. ii, 4). А законъ не по вѣрѣ; но кто исполняетъ его, тотъ живъ будетъ имъ (Лев. хviii, 5). Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою (ибо написано: проклятъ всякъ, висящій на древѣ ¹⁵⁴⁴) (Втор. хxi, 23),

дабы благословеніе Авраамово чрезъ Христа Іисуса распространилось на язычниковъ, чтобы намъ получить обѣщаннаго Духа вѣрою» (п, 1—14).

Затѣмъ высказываются нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ доводовъ, которыми онъ обосновываетъ эти великія истины, — доводы, изумительно приспособленные къ убѣжденію тѣхъ, кому онъ писалъ, потому что они, не смотря на поразительную самобытность дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ, заимствовались изъ ихъ собственныхъ началъ и основаны были на ихъ собственныхъ методахъ. Простаго перевода ихъ, безъ всякаго объясненія, будетъ достаточно для того, чтобы читатель могъ видѣть всю ихъ силу и все ихъ значеніе.

«Братія! говорю по *разсужденію* человѣческому ¹⁵⁴⁵); даже человѣкомъ утвержденнаго завѣщанія никто не отмѣняетъ, и не прибавляетъ къ нему. Но Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его. Не сказано: и потомкамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ, и сѣмени твоему, которое есть Христосъ ¹⁵⁴⁶) (Быт. хп, 7). Я говорю то, что завѣта о Христѣ, прежде Богомъ утвержденнаго, законъ, явившійся спустя чотыреста тридцать лѣтъ ¹⁵⁴⁷), не отмѣняетъ такъ, чтобы обѣтованіе потеряло силу. Ибо если по закону наслѣдство; то уже не по обѣтованію; но Аврааму Богъ даровалъ *оное* по обѣтованію» (п, 15—18).

«Для чего же законъ? спрашиваете вы, какая польза отъ него»? Очень кратко ап. Павелъ даетъ имъ отвѣтъ, который въ посланіи къ Римлянамъ онъ излагаетъ съ гораздо большею полнотою.

Практическій отвѣтъ можетъ быть высказанъ въ положеніи, что законъ имѣетъ осудительный, временный, посредственный и воспитательный характеръ ¹⁵⁴⁸). Онъ данъ былъ для того, чтобы возбуждать въ душѣ сознаніе грѣха и такимъ образомъ приводить къ Спасителю, который въ должное время долженъ былъ прійти для того, чтобы сдѣлать его ненужнымъ ¹⁵⁴⁹); и онъ преподавъ былъ чрезъ Ангеловъ ¹⁵⁵⁰), рукою человѣческаго посредника. Поэтому онъ былъ не обѣтованіемъ, а договоромъ; а обѣтованіе прямо отъ Бога гораздо выше договора, заключеннаго при человѣческомъ посредствѣ между Богомъ и человѣкомъ ¹⁵⁵¹). Законъ поэтому былъ лишь «дополнительнымъ, вставочнымъ, временнымъ условіемъ». Съ какимъ изумленіемъ должны были относиться къ такимъ доводамъ тѣ, которые съ самаго ранняго дѣтства привыкли считать законъ божественнымъ, вдохновеннымъ, совершеннымъ и вѣчнымъ дѣломъ на землѣ; предметомъ, который стоилъ того, чтобы изучать его въ теченіе цѣлой жизни, толковать и защищать въ теченіе длиннаго ряда поколѣній! И въ какомъ величіи выступаетъ въ апостолѣ самобытность, которая такимъ образомъ могла разрушить узы образовавшагося съ незапамятныхъ временъ предразсудка, и мужество, которое могло такимъ образомъ смѣло выступать противъ гнѣва оскорбленнаго убѣжденія! Это было озареніе и вдохновеніе Святаго Духа Божія; да, но Духъ дѣйствуетъ посредствомъ человѣческихъ орудій, которыя пригодны для принятія присущей Ему силы; а по великолѣпному изреченію китайскаго философа: «свѣтъ неба не можетъ сіять въ

извращенное чрево». Многіе глубокомысленные и искренніе іудеи, благодаря этому мгновенному проникновенію въ исторію своего народа и человѣчества, должны были признать, что они отводили закону слишкомъ высокое и исключительное положеніе; что обѣтованіе Аврааму было событіемъ, имѣвшимъ гораздо большее значеніе, чѣмъ синайское законодательство; что обѣтованіе, а не законъ было первоначальной и самобытной основой іудейства и что поэтому отпадать отъ христіанства опять къ іудейству значило отпадать отъ духа къ буквѣ, совершать неестественное отступленіе отъ того, что установилъ Богъ. Но затѣмъ онъ продолжаетъ:

«И такъ законъ противенъ обѣтованіямъ Божиимъ? Никакъ». Въ Божіемъ домостроительствѣ соединено и то и другое, и законъ есть *относительная* цѣль Божія, которая въ отношеніи абсолютной цѣли имѣетъ значеніе средства ¹⁵⁵²). «Ибо если бы данъ былъ законъ, могущій животворить; то подлинно праведность была бы отъ закона. Но писаніе всѣхъ заключило подъ грѣхъ, дабы обѣтованіе вѣрующимъ дано было по вѣрѣ въ Иисуса Христа. А до пришествія вѣры мы заключены были подъ стражею закона, до того *времени*, какъ надлежало открыться вѣрѣ. Итакъ законъ былъ для насъ дѣтководителемъ ко Христу ¹⁵⁵³), дабы намъ оправдаться вѣрою. По пришествіи же вѣры, мы уже не подъ *руководствомъ* дѣтводителя. Ибо всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Иисуса; всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника, ни раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Иисусѣ ¹⁵⁵⁴). Если же вы Христовы, то вы сѣмя Авраамово, и по обѣтованію наслѣдники (III, 21—29). Еще скажу: наслѣдникъ, доколѣ въ дѣтствѣ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя и господинъ всего. Онъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ до срока, отцемъ *назначенною*. Такъ и мы, доколѣ были въ дѣтствѣ, были порабощены вещественнымъ началамъ міра. Но когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына Своего (Единороднаго), который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе ¹⁵⁵⁵). А какъ вы сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва, Отче! Посему ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій *чрезъ* Иисуса Христа. Но тогда, не зная Бога, вы служили *богамъ*, которые въ существѣ не боги. Нынѣ же, познавъ Бога, или лучше, получивъ познаніе отъ Бога, для чего возвращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ ¹⁵⁵⁶), и хотите еще снова поработить себя имъ? Наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы. Боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился у васъ» (IV, 1—11; см. Кол. II, 16).

Въ этомъ отдѣлѣ смѣлость мысли и выраженія даже еще болѣе поразительны. Апостолъ не только высказываетъ превосходство христіанскаго завѣта, но говорить объ іудейскомъ какъ просто юридическомъ дѣтствѣ и дѣйствительномъ рабствѣ; мало того, онъ говоритъ объ обрядовомъ исполненіи левитскаго закона

какъ «о бѣдномъ вещественномъ началѣ» и даже случайно сравниваетъ его съ обрядами язычества, давая этимъ знать, что нѣтъ существеннаго различія между

Цибела

(съ статуи въ Британскомъ музеѣ).

соблюденіемъ полнолуній въ синагогѣ и соблюденіемъ ихъ въ храмѣ Мина; между живущими въ лиственныхъ кущахъ осенью или издающими вопли въ Альтисѣ весною; даже между обрѣзаніемъ и безобразнымъ увѣщаніемъ, которому подвергались

жрецы Цибалы ¹⁵⁵⁷). Восемнадцать вѣковъ прошло съ того времени, какъ написано было это посланіе, и оно такъ настроило весь складъ христіанской мысли, что въ настоящее время мы принимаемъ эти воззрѣнія какъ самое обыкновенное дѣло; однако же не нужно особенныхъ усилій воображенія для того, чтобы понять, какой яростный гнѣвъ воспламенялся въ душахъ іудеевъ и даже въ душахъ іудействующихъ христіанъ отъ словъ, которыя не только выражали презрѣніе къ обрядамъ, бывшимъ для нихъ самымъ дыханіемъ жизни, но и уязвляли до живаго ихъ естественную гордость, ставя ихъ лелѣянную вѣками обрядность и даже самый древній и высокоцѣнный залогъ ихъ національности на одинъ уровень съ языческими обычаями, къ которымъ они всегда относились съ ненавистью и презрѣніемъ. И однако же ап. Павелъ писалъ все это безъ малѣйшаго желанія затронуть ярость предразсудка. Обрядность языческаго культа, насколько она заключала въ себѣ или поддерживала искру истиннаго благочестія, не была предосудительною, а имѣла полезное назначеніе; въ этомъ отношеніи она стояла на одномъ уровнѣ съ обрядностью іудейства. Безконечное превосходство іудейскаго обряда состояло въ томъ, что онъ былъ тѣнью будущихъ благъ. Онъ исполнилъ свое назначеніе, и теперь долженъ подвергнуться отмѣнѣ. Вѣдь не ради горшка мы ухаживаемъ за цвѣткомъ, и горшокъ можетъ быть разбитъ, когда совѣмъ завяль цвѣтокъ. Лнуть къ тѣни, когда на мѣсто ея явилась уже самая вещь, значило ниспровергать порядокъ Божій.

Затѣмъ дѣлается сильное и нѣжное обращеніе къ галатамъ:

«Прошу васъ, братія, будьте, какъ я; потому что и я, какъ вы ¹⁵⁵⁸). Вы ничѣмъ не обидѣли меня. Знаете, что *хотя* я въ немощи плоти благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ: но вы не презрѣли искушенія моего во плоти моей и не возгнушались *имъ* ¹⁵⁵⁹), а приняли меня, какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса. Какъ вы были блаженны! Свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои, и отдали мнѣ. Итакъ, неужели я сдѣлался врагомъ вашимъ, говоря вамъ истину?» ¹⁵⁶⁰).

«Ревнуютъ по васъ не чисто, а хотятъ васъ отлучить, чтобы вы ревновали по нимъ ¹⁵⁶¹). Хорошо ревновать въ добромъ всегда, а не въ моемъ только присутствіи у васъ ¹⁵⁶²). Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ! Хотѣлъ бы я теперь быть у васъ, и измѣнить голосъ мой ¹⁵⁶³), потому что я въ недоумѣніи о васъ» (iv, 17—20).

Затѣмъ, возвращаясь какбы къ нападенію, онъ обращается къ нимъ съ любопытной аллегоріей о двухъ женахъ Авраама: Саррѣ и Агари и ихъ сыновьяхъ Измаилѣ и Исаакѣ ¹⁵⁶⁴). Это прообразы двухъ завѣтовъ. Агарь представляетъ собою Синай, соотвѣтствуетъ или находится на одномъ уровнѣ съ закономъ, съ ветхимъ завѣтомъ и слѣдовательно земнымъ Іерусалимомъ, который находится въ рабствѣ подъ закономъ; Сарра же соотвѣтствуетъ свободѣ и обѣтованію и слѣдовательно новому завѣту и новому Іерусалиму, который есть свободная мать

всѣхъ насъ. Между ними долженъ быть антагонизмъ, какъ онъ былъ и между братьями, сыновьями рабыни и свободной; но онъ окончился для сына рабыни изгнаніемъ. Такъ и теперь: невѣрующіе іудеи, естественные потомки настоящей Сарры, суть духовные потомки Агари, изгнанной рабыни Синаитской пустыни, и они преслѣдуютъ язычниковъ, которые по пророчеству потомки истинной Сарры. Духовные потомки Сарры должны наслѣдовать благословеніе, въ которомъ іудеи, происшедшіе отъ нея тѣлесно, не должны имѣть участія. Исаакъ, сверхъ естественный сынъ обѣтованія, представляетъ духовное сѣмя Авраамово, т. е. Христа и всѣхъ тѣхъ, которые, іудеи ли, или язычники, пребываютъ въ Немъ. «Поэтому, братія», прибавляетъ онъ, отождествляя себя гораздо болѣе съ язычниками, чѣмъ съ іудеями, «мы дѣти не рабы, но свободной. И такъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» (iv, 22—v, 1).

Какою странною и обидною должна была показаться іудеямъ такая аллегорія! Она имѣла филоновско-раввинскій характеръ, но была великолѣпнѣе, чѣмъ всякая аллегорія у Филона, потому что она не извращала исторію въ метафору и отличалась большею проницательностью, чѣмъ всякая аллегорія у раввиновъ ¹⁵⁶⁵). Это поистинѣ значило «братъ перо изъ душистаго гнѣзда феникса», чтобы сдѣлать изъ него стрѣлу, которая бы пронзила ему грудь. Іудеи, потомки Сарры, по непреодолимой логикѣ своего собственного излюбленнаго метода, сами оказываются отождествленными съ потомками презрѣнной и ненавистной Агари, все равно, какъ ранѣе предъ тѣмъ они слышали доказательства того, что не они, а обращенные язычники суть истинное сѣмя Авраамово (iv, 21—31).

И галаты не должны вводить себя въ заблужденіе: они не могутъ служить двумъ господамъ, не могутъ сочетать законъ съ Евангеліемъ. Они не должны воображать, что они легко могутъ избѣгнуть преслѣдованія, принимая обрѣзаніе; и, останавливаясь на этомъ пунктѣ, ап. продолжаетъ: «Смотрите, вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа. Еще свидѣтельствую всякому человѣку обрѣзывающемуся, что онъ долженъ исполнить весь законъ. Вы, оправдывающіе себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати. А мы духомъ ожидаемъ и надѣемся праведности отъ вѣры. Ибо во Христѣ Иисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовью» (v, 2—6). «Въ этомъ», какъ говоритъ Бенгель, «заключается все христіанство».

«Вы шли хорошо; кто остановилъ васъ, чтобы вы не покорялись истинѣ? Такое убѣжденіе не отъ Призывающаго васъ. Малая закваска заквашиваетъ все тѣсто. Я увѣренъ о васъ ¹⁵⁶⁶) въ Господѣ, что вы не будете мыслить иначе; а смущающій васъ, кто бы онъ ни былъ, понесетъ на себѣ осужденіе. За что же гонять меня, братія, если я и теперь проповѣдую обрѣзаніе? Тогда соблазнъ креста прекратился бы. О, если бы возмущающіе васъ пошли нѣсколько дальше обрѣзанія и сдѣлались бы подобно жрецамъ Цибелы ¹⁵⁶⁷)!

«Къ свободѣ призваны вы, братія; только бы свобода ваша не была поводомъ къ *уиужденію* плоти: но любовію служите другъ другу (1 Петр. II, 16). Ибо весь законъ въ одномъ словѣ исполненъ ¹⁵⁶⁸): люби ближняго твоего, какъ самого себя (Лев. XIX, 18). Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ ¹⁵⁶⁹).

«Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелѣній плоти. Ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы. Если же вы духомъ водисеть, то вы не подѣ закономъ. Дѣла плоти извѣстны, они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство ¹⁵⁷⁰), вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, (соблазны), ереси, ненависть, убійства ¹⁵⁷¹), пьянство, безчинство ¹⁵⁷²), и тому подобное. Предваряю васъ, какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наследуютъ. Плодъ же духа ¹⁵⁷³): любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны. Не будемъ тщеславиться, другъ друга раздражать, другъ другу завидовать» (V, 16—26).

Въ этомъ мѣстѣ происходитъ перерывъ. Быть можетъ нѣкоторыя обстоятельства въ Коринѣ сильно взволновали его. Быть можетъ въ этой непостоянной церкви совершилось новое нравственное паденіе, или что нибудь могло вдругъ напомнить ап. Павлу о подавляющемъ дѣйствіи, произведенномъ приговоромъ на того гнуснаго грѣшника, котораго онъ порѣшилъ предать сатанѣ. Какъ бы то ни было, но онъ говоритъ съ особою торжественностью:

«Братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы духовные исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена ¹⁵⁷⁴) другъ друга, и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ. Ибо кто почитаетъ себя чѣмъ нибудь, будучи ничто, тотъ обольщаетъ самъ себя. Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ. Ибо каждый понесетъ свое бремя ¹⁵⁷⁵). Наставляемый словомъ дѣлись всякимъ добромъ съ наставляющимъ (1 Кор. IX; Рим. XII, 13; 1 Тесс. V, 12). Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посеетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную. Дѣлая добро, да не унываемъ: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. И такъ, доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ (VI, 6—10).

«Видите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою ¹⁵⁷⁶). Желашіе хвалиться по плоти принуждаютъ васъ обрѣзываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крестъ Христовъ. Ибо и сами обрѣзывающіеся не соблюдаютъ закона, но хотятъ, чтобы вы обрѣзывались, дабы похвалиться въ вашей плоти. А я не желаю хвалиться, развѣ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа,

которымъ для меня міръ распять, и я для міра. Ибо во Христѣ Іисусѣ ничего не значить ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь ¹⁵⁷⁷). Тѣмъ, которые поступаютъ по сему правилу, миръ имъ и милость, и Израилю Божію. Впрочемъ никто не отягощай меня: ибо я ношу язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ¹⁵⁷⁸). Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братія. Аминь ¹⁵⁷⁹).

Таково посланіе къ Галатамъ. Безъ нѣкотораго знакомства съ тѣмъ, чѣмъ было іудейство въ то время и чѣмъ оно все болѣе и болѣе становилось, невозможно составить вѣрнаго понятія о томъ смѣломъ мужествѣ, той великолѣпной самобытности (скажемъ лучше: о той вдохновенной и вдохновляющей вѣрѣ), которая давала возможность ап. Павлу сбрасывать такимъ образомъ иго незапамятно-древнихъ преданій и смѣло пренебрегать ненавистью тѣхъ, среди которыхъ онъ былъ воспитанъ, какъ еврей и какъ фарисей. Нужно помнить, что въ это самое время школы раввинства окружали законъ ревнивою исключительностью, годъ отъ году увеличивавшеюся въ своей напряженности; и въ то самое время, какъ ап. Павелъ свободно открывалъ язычникамъ всѣ наиболѣе возвышенныя надежды и преимущества іудейства, не налагая ни одного изъ его тяжестей, раввины и раббаны уже прямо подходили къ заключенію, что всякій язычникъ, осмѣливавшійся идти дальше семи Ноевыхъ законовъ, всякій язычникъ, который бы напримѣръ имѣлъ смѣлость соблюдать субботу какъ день покоя, не дѣлаясь пришельцемъ правды и не принимая такимъ образомъ всего ига обрядоваго закона, «безъ прибавленія къ нему и безъ всякаго уменьшенія отъ него»,—заслуживалъ избіенія и наказанія, съ провозглашеніемъ, что онъ этимъ законно навлекъ на себя наказаніе смерти ¹⁵⁸⁰). Какое дѣйствіе произвело это посланіе на церкви галатскія, мы не можемъ сказать; но для церкви Христовой имъ сдѣлано было великое дѣло. Этимъ посланіемъ язычники навсегда были освобождены отъ опасности подчиненія своего христіанства невозможнымъ и плотскимъ условіямъ. Въ посланіи къ Римлянамъ обрѣзаніе уже не выступаетъ въ качествѣ важнаго практическаго вопроса. Правда, іудейство продолжало въ теченіе нѣкотораго времени оказывать на христіанство сильное вліяніе. Но посланіе Варнавы относится къ обрѣзанію съ пренебреженіемъ и приписываетъ его даже обольщенію злаго ангела ¹⁵⁸¹); въ посланіи св. Игнатія сдѣланное ап. Павломъ различіе между истиннымъ и ложнымъ обрѣзаніемъ уже принимается вполне ¹⁵⁸²) и даже въ «Клементинскихъ бесѣдахъ», не смотря на преобладаніе въ нихъ іудейскаго духа, не говорится ни слова о необходимости обрѣзанія, а говорится только, что всякій, желающій перестать быть еллинистомъ, можетъ достигнуть этого крещеніемъ и новымъ рожденіемъ ¹⁵⁸³).

За посланіемъ къ Галатамъ быстро слѣдовало посланіе къ Римлянамъ, которое въ одно и то же время отличается и замѣчательнымъ сходствомъ и вмѣстѣ несходствомъ съ нимъ. Въ это время душу ап. Павла не удручала никакая внѣшняя вражда, никакая глубокая внутренняя скорбь. Это былъ небольшой рождыхъ въ его трудовой жизни. Періодъ его зимняго пребыванія въ Коринѣ приближался

къ концу. Апостолъ уже обсуждалъ болѣе широкій кругъ своего ближайшаго миссіонерскаго путешествія. Потокъ его мыслей всецѣло направлялся къ западу. Онъ желалъ видѣть Римъ и утвердить Евангеліе въ столицѣ міра. Онъ не рассчитывалъ на долгое пребываніе среди римскихъ христіанъ, потому что его неизмѣннымъ правиломъ было не строить на основаніи другихъ. Но онъ желалъ найти въ нихъ помощь (а ее только и можно было найти въ великой столицѣ) при своемъ путешествіи въ Испанію, гдѣ еще не проповѣдано было Евангеліе. Его сердце рвалось къ тѣмъ берегамъ, корабли которыхъ онъ видѣлъ въ портахъ Лехея и Кенхрей и бравыхъ моряковъ которыхъ онъ могъ часто встрѣчать на людныхъ улицахъ востока.

Но прежде чѣмъ отправиться къ нимъ, онъ рѣшился совершить давно предполагавшееся посѣщеніе Іерусалима. Какъ бы ни относились къ нему члены этой церкви, любили ли они его или ненавидѣли, хотѣли ли они дать его обращенцамъ правую руку дружества или держать ихъ въ отдаленіи отъ себя, онъ самъ во всякомъ случаѣ желалъ имъ только добра. Онъ хотѣлъ оказать существенную помощь массѣ ихъ борющихся съ нуждой бѣдняковъ; хотѣлъ самъ сопровождать уполномоченныхъ, которые несли имъ вещественныя доказательства любви и великодушія христіанъ изъ язычниковъ и хотѣлъ самъ передать апостоламъ тѣ суммы (навѣрно достигшія въ это время значительнаго объема), которыя были собраны единственно благодаря его неустаннымъ стараніямъ. Съ какою ревностью и даже строгостью внушалъ онъ этотъ долгъ галатамъ, какъ устно, такъ и письменно! Съ какою настойчивостью онъ увѣщевалъ коринѳяны, во избѣжаніе всякой неувѣренности въ пожертвованіяхъ, давать ихъ въ видѣ еженедѣльнаго приношенія! Какъ онъ поощрялъ македонянъ ревностью ахеянъ и ахеянъ щедростью македонянъ! И послѣ всѣхъ этихъ усилій и стараній, всѣхъ грубыхъ клеветъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться для того, чтобы достигнуть своей благотворительной цѣли, было вполне естественно для столь искренно сердечнаго человѣка желаніе пожать хотя малую земную награду за всѣ свои труды, хотя бы въ видѣ личнаго присутствія при выраженіи того удовольствія, которое это приношеніе могло доставить матери церкви, и той помощи, которую оно могло оказать ей наиболѣе бѣднымъ членамъ. Но онъ не скрывалъ отъ самого себя, что при посѣщеніи Іерусалима онъ могъ подвергнуться великимъ опасностямъ. Онъ влагалъ свою голову въ лъвиную пасть іудейства, а весь его прежній опытъ показывалъ, что въ такомъ мѣстѣ и среди яраго фанатизма, особенно распалывшагося по случаю годовыхъ праздниковъ, ему на каждомъ шагѣ могли угрожать опасности какъ отъ его соотечественниковъ, такъ и опасности отъ его лжебратій. Удастся ли ему избѣжать этихъ опасностей, это было извѣстно одному Богу. Ап. Павелъ былъ человѣкъ, который не любилъ самообмана. Онъ слишкомъ глубоко изучилъ книги священнаго писанія и книгу жизни, чтобы не знать того, какъ Богъ поступаетъ съ своими святыми. Онъ зналъ, какъ Ілія, какъ Исаія, какъ

Іеремія, какъ Іезекииль, какъ Даніилъ, какъ Іоаннъ креститель, какъ самъ Господь Іисусъ жили и умерли. Онъ зналъ, что преданность дѣлу Божію не обезпечиваетъ собою защиты отъ земныхъ бѣдствій и испытаній, и онъ безропотно приводилъ грустные слова псалмопѣвца: «за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе» (Рим. viii, 36). Но угодно ли будетъ Богу, чтобы онъ избѣжалъ этихъ опасностей, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, думалось ему, было бы хорошо написать римскимъ христіанамъ, отвѣтить на всѣ возраженія и устранить всѣ сомнѣнія касательно дѣйствительной сущности его ученія — систематическимъ изложеніемъ его вѣры, касательно истинныхъ отношеній между іудеями и язычниками, между закономъ и Евангеліемъ, какъ они выступаютъ въ свѣтѣ великаго христіанскаго откровенія, что мы оправдываемся вѣрою во Христа. Только такое изложеніе могло избавить его отъ іудейскаго противодѣйствія со стороны лжеименныхъ христіанъ, которые разрушили половину его дѣла и грозили лишить всякаго значенія крестъ Христовъ. Онъ поэтому воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы написать и отправить величайшее изъ всѣхъ его посланій, — одно изъ величайшихъ и глубокомысленнѣйшихъ и наиболѣе вліятельнѣйшихъ изъ всѣхъ сочиненій, когда-либо писанныхъ перомъ человѣческимъ, — именно посланіе къ Римлянамъ.

Капитель изъ Іерусалима
(изъ Pierotti, Jerusalem).

ГЛАВА XXXVII.

ПОСЛАНІЕ КЪ РИМЛЯНАМЪ И БОГОСЛОВІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА.

Какъ человеку быть праведнымъ предъ Богомъ? Іов. хху, 4.

Павелъ великій провозвѣстникъ истины, похвала церкви. Св. І. Златоустъ.

I.

Вступленіе.

РЕЖДЕ чѣмъ приступить къ изслѣдованію посланія къ Римлянамъ, необходимо по возможности уяснить главную цѣль, которую апостолъ имѣлъ въ виду, равно какъ и условія церкви, къ которой онъ обращался.

Первый завоеватель, который въ значительномъ числѣ поселилъ іудеевъ въ Римѣ, былъ великій Помпей, относившійся къ этому народу съ крайнимъ презрѣніемъ¹⁵⁸⁴). Въ столицѣ міра іудеи не замедлили обнаружить ту изумительную самопомощь, которою всегда отличался этотъ народъ. По особенностямъ своего религіознаго вѣрованія, они были слишкомъ бесполезны и мятежны, чтобы быть въ качествѣ обыкновенныхъ рабовъ. Но они во всѣхъ отношеніяхъ выказывали замѣчательное умѣнье приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, что вмѣстѣ съ ихъ изумительною выносливостію обезпечивало за ними прочное и постоянно усиливавшееся положеніе въ мірѣ. Они скоро поэтому добились своей эмансипаціи, и начали быстро умножаться и богатѣть. Тѣсныя дружескія отношенія, существовавшія между Августомъ и Иродомъ Великимъ, еще болѣе содѣйствовали улучшенію ихъ положенія, и на зарѣ христіанской эры они уже настолько признавались составною частью римскаго населенія съ правами и собствен-

ною религіей, что политически мудрый императоръ отвелъ имъ особый кварталъ за Тибромъ, который они и занимали въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ ¹⁵⁸⁵). Изъ мрачныхъ переулковъ этого-то квартала, гдѣ они продавали сѣрныя спички, старое платье и разбитую посуду и откуда ходили просить милостыню и предсказывать судьбу на Цестіевъ или Фабриціевъ мостъ ¹⁵⁸⁶), іудеи въ числѣ восьми тысячъ человѣкъ выходили для сопровожденія уполномоченныхъ, прибывшихъ изъ Іерусалима съ просьбою къ Августу ¹⁵⁸⁷). Несомнѣнно, опасность, возбуждаемая ихъ быстрымъ умноженіемъ, повела къ той жестокой попыткѣ Сеяна избавиться отъ

Помпей Великій

(увеличено съ монеты въ Британскомъ музѣ).

нихъ, о которой не только безъ всякаго сожалѣнія, но даже съ полнымъ злорадствомъ рассказываетъ Тацитъ ¹⁵⁸⁸). Послѣдующій, не менѣе жестокий указъ Клавдія (Дѣян. xviii, 2) повелъ къ дружбѣ ап. Павла съ Акиллой и Прискиллой и его вѣроятно можно отождествлять съ той мѣрой, о которой упоминаетъ Светоній въ знаменитомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ «Impulsor Chrestus» ¹⁵⁸⁹). Если такъ, то почти несомнѣнно, что христіане не были отдѣлены отъ іудеевъ въ этомъ общемъ несчастіи, причиненномъ ихъ мессіанскими разногласіями ¹⁵⁹⁰). Но, какъ признаетъ Тацитъ, говоря о попыткѣ изгнать астрологовъ изъ Италіи, эти мѣры по обык-

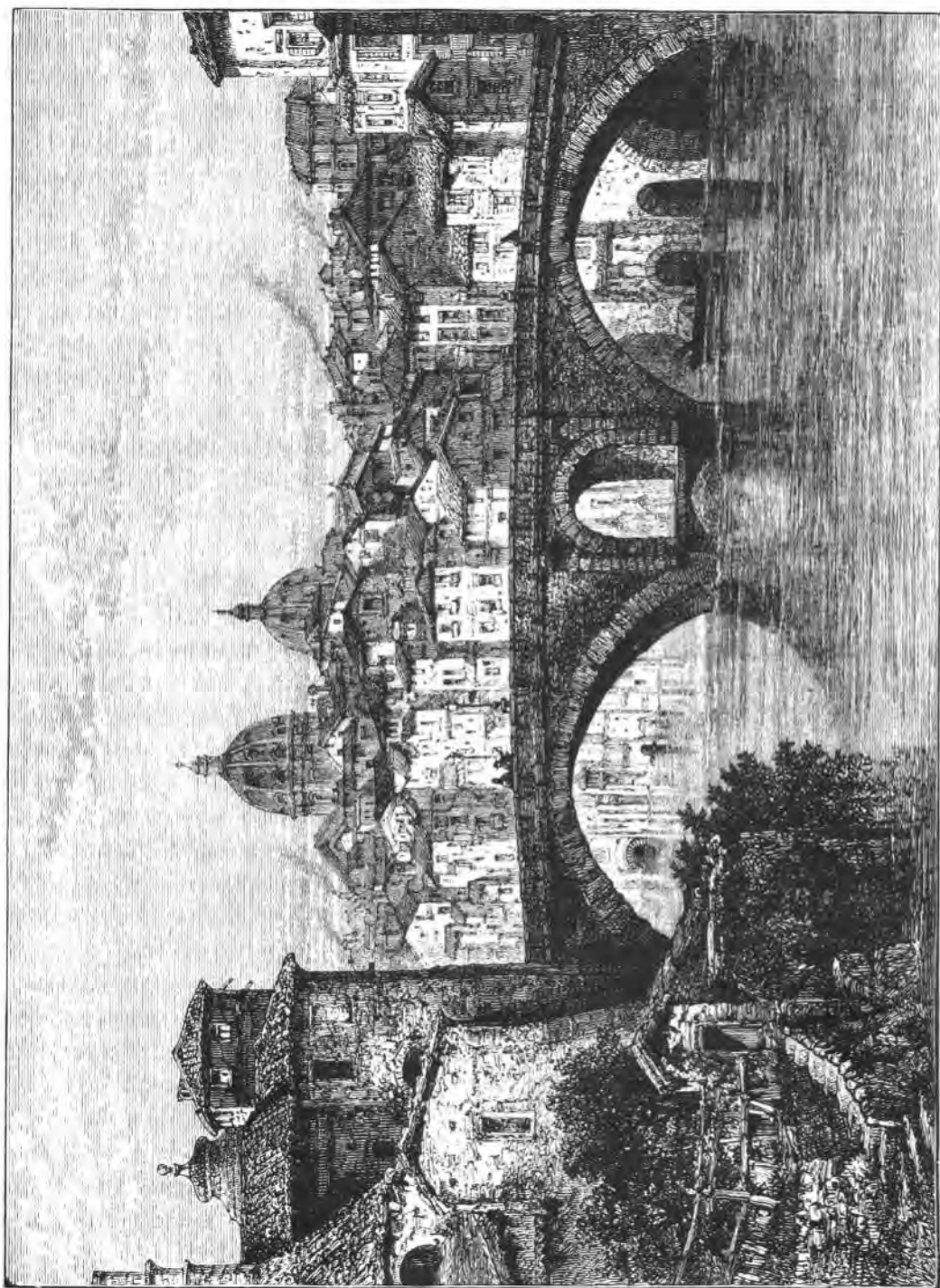
новенію были столь же бесполезны, какъ и жестоки ¹⁵⁹¹). Іудеи, оставивъ на время Римъ, скоро опять начали возвращаться въ него ¹⁵⁹²). Ихъ подпольный прозелитизмъ ¹⁵⁹³) даже уже въ царствованіе Нерона получилъ столь сильное развитіе, что Сенека ¹⁵⁹⁴), отзывавшійся объ іудеяхъ какъ самомъ дурномъ народѣ въ мірѣ (*gens sceleratissima*), свидѣтельствуешь о ихъ необычайномъ распространеніи. Поэтому несомнѣнно, что когда ап. Павелъ впервые прибылъ въ Римъ (въ 61 г. по Рожд. Хр.) и даже въ то время, когда онъ писалъ свое посланіе къ нимъ (въ 58 г.), іудеи, не смотря на неотмѣненный еще указъ Клавдія, данный только шесть лѣтъ предъ тѣмъ, составляли уже настолько большую общину, что опять были предметомъ безпокойства и ревности императорскаго правительства.

Мы не имѣемъ возможности даже приблизительно опредѣлить, сколько было христіанъ въ этой іудейской общинѣ и сколько вообще было членовъ въ христіанской церкви въ Римѣ. Но что ихъ было довольно много въ Римѣ, объ этомъ отчасти можно судить изъ неопредѣленнаго увѣренія Тацита, что «огромное множество» ея невинныхъ членовъ были избиты Нерономъ во время гоненія, которыми онъ старался отстранить отъ себя подозрѣніе въ преступномъ участіи въ пожарѣ 19 іюля 64 года ¹⁵⁹⁵). Даже привѣтствія, которыми наполнена послѣдняя глава посланія къ Римлянамъ, не помогаютъ намъ въ этомъ отношеніи. Тамъ привѣтствуются по имени двадцать шесть лицъ, кромѣ «домашней перкви» Акиллы и Прискиллы, нѣкоторыхъ изъ «домашнихъ» Аристовула и Наркисса ¹⁵⁹⁶), «братъевъ» съ Асинкритомъ и другими, и «святыхъ» съ Олимпаномъ и другими (Рим. xvi, 5, 14, 15). Все, что мы можемъ заключить изъ этихъ данныхъ (если бы мы только могли быть увѣрены, что шестнадцатая глава дѣйтельно была обращена къ Риму), это то, что римскіе христіане не имѣли еще общаго мѣста собранія, а были раздѣлены по крайней мѣрѣ на три общины, группировавшіяся около различныхъ центровъ, собирались въ различныхъ мѣстахъ для богослуженія и не имѣли еще никакихъ видимыхъ слѣдовъ церковной организаціи. Но изъ этого еще не видно, насколько велики или малы были эти общины; притомъ шестнадцатая глава, хотя и несомнѣнно принадлежитъ ап. Павлу, вѣроятно же всего была обращена къ ефесской, а не къ римской церкви.

Допуская поэтому, какъ выразительно сообщаетъ намъ Тацитъ, что христіане въ Римѣ были многочисленны, остается для разрѣшенія два весьма темныхъ вопроса. Одинъ изъ нихъ: когда и какъ христіанство было введено въ Римъ? и другой: состояла ли римская церковь по преимуществу изъ іудеевъ, или по преимуществу изъ язычниковъ?

1. Преданіе отвѣчаетъ на первый вопросъ сообщеніемъ, что ап. Петръ былъ первый основатель христіанства въ Римѣ; но отвѣтъ этотъ почти до очевидности несостоятельный. Впервые мы встрѣчаемъ его въ злонамѣренномъ и притомъ подложномъ сочиненіи, написанномъ уже въ концѣ втораго столѣтія для поддер-

Фабрициевъ мостъ въ Римѣ

жанія особой партіи. Это именно лже-кLEMENTины ¹⁵⁹⁷), въ которыхъ говорится, что Петръ былъ первымъ епископомъ Рима. Преданіе, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи выставляя новыя данныя, постепенно начало съ большею или меньшею увѣренностью утверждать, что онъ прибылъ въ Римъ во второй годъ царствованія Клавдія (въ 42 г. по Р. Хр.); что онъ встрѣтилъ и посрамилъ тамъ Симона волхва; былъ епископомъ римскимъ въ теченіе 25 лѣтъ; потерпѣлъ наконецъ мученичество чрезъ распятіе по его собственному смиренному желанію внизъ головою и что это совершилось 29 іюня, въ одинъ день съ мученическою смертію ап. Павла. Въ удостовѣреніе ихъ мученичества Гайъ указываетъ на ихъ «трофеи» близъ города ¹⁵⁹⁸). Позднее происхожденіе этихъ подробностей, ошибки, съ которыми онѣ перемѣшаны, и очевидно партійный духъ, послужившій побужденіемъ къ ихъ измышленію, запрещаютъ намъ придавать имъ историческое значеніе. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы ап. Петръ могъ прибыть въ Римъ раньше года своей смерти. Во всякомъ случаѣ въ новомъ завѣтѣ единственно предполагаемый слѣдъ его пребыванія въ Римѣ находится въ крайне спорномъ намекѣ: «привѣтствуютъ васъ и изъ Вавилона» ¹⁵⁹⁹). Онъ могъ умереть въ Римѣ; могъ даже проповѣдывать въ Римѣ; могъ даже быть принятъ іудейскимъ классомъ римскихъ христіанъ въ качествѣ своего «епископа»; но что онъ не былъ и не могъ быть ни въ какомъ истинномъ смыслѣ «первоначальнымъ основателемъ» римской церкви, это свободно допускаютъ даже сами римско-католическіе писатели.

Въ какое именно время были занесены сѣмена христіанства на берега Италіи (Дѣян. xxviii, 14), мы рѣшительно не можемъ сказать. Чтобы это совершилось еще во время земной жизни Христа—крайне невѣроятно, равно какъ не заслуживаетъ ничего болѣе простаго упоминанія и то сказаніе, которое приписываетъ императору Тиверію благоприятное мнѣніе касательно божества Христа ¹⁶⁰⁰). Все, что можно съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ утверждать, это то, что благовѣстіе Христово вѣроятно было принесено туда впервые нѣкоторыми изъ тѣхъ іудеевъ и прозелитовъ изъ Рима, которые слышали рѣчь ап. Петра въ день Пятидесятницы (Дѣян. ii, 9), или какими либо другими лицами, которыя подобно самому ап. Павлу первыя сѣмена христіанскаго убѣжденія получили изъ неотразимыхъ доводовъ и пламеннаго краснорѣчія св. Стефана, когда именно имъ приходилось быть случайными посѣтителями синагоги отпущенниковъ (Дѣян. vi, 9).

2. Если это предположеніе вѣрно, то церковь римская очевидно должна была состоять сначала какъ изъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Простая вѣроятность не даетъ намъ возможности рѣшить, какой изъ этихъ классовъ преобладалъ, и если мы обратимся къ посланію, то встрѣтимся съ столь смутными указаніями, что различные изслѣдователи приходили къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ ¹⁶⁰¹). Бауръ не можетъ вообразить, какъ возможно избѣгнуть заключенія, что апостоль имѣетъ въ виду исключительно іудейскихъ христіанъ

Ольсгаузенъ съ другой стороны съ одинаковою увѣренностью высказывается въ пользу преобладанія язычниковъ. Тотъ и другой ссылаются на достаточные доводы, выводимые изъ самаго обращенія апостола. При самомъ началѣ ап. Павелъ, повидимому, обращается ко всей церкви, какъ состоящей изъ язычниковъ: въ хі, 13, онъ говоритъ: «вамъ говорю, язычникамъ»; въ хv, 15, 16 пишетъ о себѣ какъ исключительно объ апостолѣ язычниковъ ¹⁶⁰²), а въ х, 1 говоритъ объ іудеяхъ въ третьемъ лицѣ ¹⁶⁰³), но съ другой стороны въ iv, 1 онъ говоритъ «объ Авраамѣ, отцѣ нашемъ» и заявляетъ, что онъ пишетъ тѣмъ, которые «знаютъ законъ» и нѣкогда были подъ рабствомъ ему. Если затѣмъ множество цитатъ изъ іудейскихъ писаній ¹⁶⁰⁴), по предположенію, могло имѣть значеніе только въ отношеніи іудеевъ (хотя мы находимъ то же самое въ посланіи къ Галатамъ), то съ другой стороны въ апологетическомъ отдѣлѣ (ix—xi) аргументація скорѣе касается іудеевъ, чѣмъ обращается къ нимъ (ix, 1; x, 1; xi), и нравоучительныя правила въ главахъ о практической жизни, повидимому, имѣютъ въ виду свободомыслящихъ язычниковъ гораздо болѣе, чѣмъ евіонитствующихъ іудеевъ. Взгляды послѣднихъ не опровергаются прямо, между тѣмъ какъ первые убѣждаются скорѣе отказаться отъ своей личной свободы, чѣмъ причинить кому нибудь личный соблазнъ.

Въ виду этихъ противорѣчивыхъ данныхъ, вообще принимается то рѣшеніе ¹⁶⁰⁵), что даже обращенцы изъ язычниковъ въ большинствѣ образовались изъ прозелитовъ, которые въ Римѣ были особенно многочисленны ¹⁶⁰⁶), такъ что «римская церковь казалась вмѣстѣ и іудейскою и языческою, іудейскою — по чувству, языческою — по происхожденію; іудейскою — потому, что апостолъ вездѣ разсуждалъ съ ними какъ съ іудеями; языческою — потому, что онъ выразительно обращается къ нимъ какъ къ язычникамъ». Таково несомнѣнно было состояніе другихъ церквей, и вѣроятно таково же было состояніе и церкви въ Римѣ. Но такъ какъ эта гипотеза никоимъ образомъ не разрѣшаетъ всѣхъ недоумѣній, то намъ кажется болѣе предпочтительнымъ предположеніе, что ап. Павелъ не столько обращается къ какому либо особому классу въ церкви Римской, сколько преднамѣренно обсуждаетъ основной вопросъ и излагаетъ его отвлеченнымъ и догматическимъ методомъ. Съ римскими христіанами, какъ общиной, онъ завѣдомо незнакомъ былъ лично; но онъ зналъ, что іудеи и язычники, каждый съ своими особыми недоумѣніями и предразсудками существовали бокъ о бокъ въ каждой церкви, какую только ему приходилось посѣщать. Поэтому онъ хотѣлъ сразу изложить для всѣхъ, не только для римскихъ христіанъ, но и для всѣхъ вообще, кому бы ни пришлось читать его посланіе, начала, которыми они могли бы руководствоваться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Онъ излагаетъ истины, которыя однѣ только могли совершенно обезпечить единство той церкви будущаго, въ которой должны были исчезнуть всѣ различія между іудеями и еллинами. Естественно потому, что прежде чѣмъ лично посѣтить незнакомую церковь и притомъ столь важную, какъ церковь Рима, ему хотѣлось ясно изло-

жить имъ то Евангеліе, которое онъ намѣренъ проповѣдывать имъ. Но при этомъ едва ли вѣроятно, чтобы онъ пользу отъ этого своего усиленнаго труда хотѣлъ ограничить единичною церковью. Предположеніе, что съ этого посланія было сдѣлано нѣсколько копій, которыя съ соответствующими заключительными при- вѣтствіями были разосланы цѣликомъ или по частямъ и другимъ церквамъ, кромѣ римской, не только имѣетъ за себя внутреннюю правдоподобность, но даже способствуетъ объясненію и нѣкоторыхъ особенностей, представляемыхъ манускриптами, особенно въ построеніи заключительныхъ главъ ¹⁸⁰⁷).

3. Затѣмъ мы приступаемъ къ вопросу: что было главною цѣлью посланія къ Римлянамъ? И здѣсь мы не должны удивляться, если встрѣтимся съ различными отвѣтами. Высочайшія произведенія генія во всѣхъ сочиненіяхъ, какъ въ гражданской, такъ и въ священной литературѣ, по самому своему существу многосторонни. Кто можетъ передать въ немногихъ словахъ основную идею такого произведенія, какъ «Prometeus Vincit» или «Гамлетъ»? Кто можетъ объединить всѣ мнѣнія касательно главной цѣли Екклесіаста или книги Іова? Однако, хотя цѣль посланія къ Римлянамъ вслѣдствіе недостаточности нашего знакомства съ данными касательно его происхожденія и точнаго состоянія церкви, къ которой оно было писано, истолковывается различно, все-таки невозможно излагать его, не опредѣливъ предварительно той или другой его существенной идеи.

Прежде всего скажемъ касательно общаго характера посланія. Какой характеръ имѣетъ оно: дидактическій или полемическій? общій или спеціальный? Толкователи высказывали различные взгляды, но ихъ легко примирить здѣсь. Полемическій элементъ имѣетъ въ немъ лишь косвенное и второстепенное значеніе; обсужденіе главнаго предмета имѣетъ общій характеръ, хотя непосредственный мотивъ къ нему былъ спеціальный. Тонъ его нисколько не имѣетъ той пылкой напряженности, которую всегда обнаруживаетъ ап. Павелъ, когда онъ занятъ полемикой съ прямыми своими противниками. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ хотѣлъ имъ защитить предъ римской церковью свой апостольскій авторитетъ, и несомнѣнно такая защита косвенно заключается въ мастерской аргументаціи посланія; однакоже, какъ весь стиль его непохожъ на ту горячность, съ которою апостолъ говоритъ въ посланіяхъ къ коринѳянамъ! Епископъ Вортсвортъ говоритъ, что это «апологія Евангелія противъ іудейства»; но гдѣ здѣсь пылкая укорительность и негодующее краснорѣчіе посланія къ Галатамъ? Здѣсь нѣтъ и слѣда ни крайней распущенности Коринѳеа, ни мечтательнаго аскетизма Колоссъ, ни рабскаго фарисейства Галатіи. Ясно, что апостолъ не имѣетъ здѣсь дѣло съ какими либо особенными неурядицами, ересями или нападками на его авторитетъ ¹⁸⁰⁸). Самое свое значеніе въ качествѣ систематическаго изложенія богословія ап. Павла посланіе къ Римлянамъ получаетъ вслѣдствіе того спокойствія и ясности, съ которыми апостолъ убѣждаетъ слѣдовать за нимъ въ обсужденіи отвлеченныхъ истинъ. Тутъ уже онъ повидимому совсѣмъ не имѣетъ дѣла съ узкимъ фана-

тизмомъ лицъ, которыя настаивали на невозможности спасенія помимо обрѣзанія. Еллинистическое іудейство великаго города, при всемъ его невѣжествѣ и застоѣ, было неспособно къ столь грубой нелѣпости, и при постановкѣ болѣе широкихъ и глубокихъ вопросовъ, естественно возникавшихъ между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, уже не было ничего такого, что могло бы раздражать апостола чувствомъ пагубнаго антагонизма. Правда, недалеко было то время, когда въ этомъ самомъ городѣ, которому онъ писалъ, нѣкоторые начали проповѣдывать Христа изъ злостнаго желанія увеличить тяжесть его узъ¹⁶⁰⁹); но это еще было въ неизвѣстномъ будущемъ. Онъ писалъ во время одного изъ тѣхъ немногихъ промежутковъ покоя и надежды, которые бываютъ даже въ самой тяжелой и гонимой жизни. Смуты въ Коринѣ временно стихли и авторитетъ его былъ восстановленъ. Съ глубочайшимъ интересомъ онъ устремлялъ свой взоръ на новыя поприща миссіонерскаго труда. Хотя онъ, вѣрный своему правилу никогда не строить на основаніи другихъ, и не могъ проповѣдывать въ Римѣ, тѣмъ не менѣе онъ утѣшался надеждой встрѣтить сердечный пріемъ въ императорскомъ городѣ, чтобы оттуда отправиться для насажденія креста на дѣвственной почвѣ Испаніи. А церковь Рима въ общемъ мнѣніи стояла высоко. Она состояла изъ іудеевъ и язычниковъ, изъ которыхъ первые недолго спустя стали повидимому въ упорно-враждебное отношеніе къ Евангелію; но ап. Павелъ конечно такъ же мало могъ предвидѣть это, какъ и то, что во второмъ столѣтіи евіонитство этого класса церкви поведетъ къ злостнымъ нападкамъ на его личный характеръ. Въ это время тамъ повидимому не было никакихъ открытыхъ раздѣленій или ожесточенной вражды¹⁶¹⁰). Тамъ были разногласія между «слабыми», которые придавали большую важность различію въ пищѣ и питьѣ, и «сильными», которые нѣсколько презрительно отвергали ихъ; но вообще іудеи повидимому были снисходительны, а язычники умѣренны. Быть можетъ обѣ партіи обязаны были своей свободой отъ раздоровъ переходу язычниковъ въ церковь чрезъ двери синагоги; или быть можетъ еще болѣе незаконченности церковной организаціи, которая давала возможность иностраннымъ и греко-римскимъ обращенцамъ спокойно совершать богослуженіе въ своихъ маленькихъ общинахъ, собиравшихся подъ кровлею Акилы или Олимпана. Если іудейскія и языческія общины и были подѣлены между собою замѣтными различіями, то все-таки столкновеній между ними повидимому не существовало.

Какъ бы то ни было, но ап. Павелъ очевидно въ мирномъ настроеніи духа диктовалъ Тертію тѣ великія истины, составляющія предметъ посланія къ римлянамъ, которыя онъ дотолѣ никогда не развивалъ съ такою логическою полнотою¹⁶¹¹). Широкій дидактическій характеръ посланія, его свобода отъ тѣхъ приступовъ чувства, которыя мы находимъ въ другихъ его посланіяхъ, совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ историческимъ обстоятельствамъ, среди которыхъ оно было написано; другими словами, тѣмъ текущимъ событіямъ, которыя

вызывали его, какъ и всякое изъ другихъ его посланій. Ап. Павелъ находился на своемъ пути въ Іерусалимъ, и его тайныя опасенія касательно результатовъ этого посѣщенія были умѣряемы надеждой, что собранная имъ милостыня уладитъ путь къ благопріятному для него приему. Римъ былъ слѣдующимъ важнымъ мѣстомъ, которое онъ намѣревался посѣтить. Какъ онъ будетъ принятъ христіанами великаго города? Дошли ли до нихъ слухи отъ фарисеевъ іерусалимскихъ, что онъ безбожный и опасный отщепенецъ, пренебрегавшій всякимъ авторитетомъ и отвергавшій всякую истину? Во всякомъ случаѣ можно было ожидать съ вѣроятностью, что, даже если бы имъ не изобразили его въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, о немъ могли наговорить имъ только какъ о человѣкѣ, который готовъ отвергать не только всякія преимущества, но даже и исключительныя надежды и обѣтованія іудейства. Въ значительной степени это была правда, и если правда, то какія серьезныя, даже какія поразительныя слѣдствія связывались съ такимъ убѣжденіемъ! Эти воззрѣнія были столь противны убѣжденію минувшихъ вѣковъ, что они во всякомъ случаѣ заслуживали самага тщательнаго изложенія, самой сильной защиты, самага полнаго оправданія на основаніи древнихъ писаній. Такую защиту, послѣ глубокаго размышленія объ истинахъ, которыя Духъ Божій открылъ ему, ап. Павелъ и рѣшился предложить самымъ примирительнымъ и самымъ нѣжнымъ языкомъ,—языкомъ, который показывалъ, что и непреклонная твердость его убѣжденія отнюдь не погасила въ немъ огня патріотизма и не притупила живости его чувства ¹⁶¹²). Онъ заявляетъ неискоренимую любовь къ своимъ соплеменникамъ, глубокое сознаніе ихъ славныхъ преимуществъ въ тотъ самый моментъ, когда излагаетъ причины, почему эти его соплеменники временно были отвергнуты, и показываетъ, что эти преимущества безвозвратно уничтожены для нихъ ¹⁶¹³). Онъ объявляетъ свою готовность быть даже «отлученнымъ отъ Христа» ради Израиля—въ тѣхъ самыхъ строкахъ, въ которыхъ онъ, къ ужасу и негодованію своихъ іудействующихъ читателей, показываетъ, что не плотское, а духовное сѣмя Авраамово есть единственно истинный Израиль Божій ¹⁶¹⁴).

Если обычныя отношенія іудеевъ къ язычникамъ отличались ожесточеннымъ характеромъ, если іудеи обыкновенно относились къ нимъ въ духѣ враждебной надменности, то очень возможно, что отдѣлъ, касающійся относительнаго положенія іудеевъ и язычниковъ (ix—xi), составляетъ, какъ доказываетъ Бауръ, зерно всего посланія, въ томъ смыслѣ, что это были первыя мысли, которыя представились уму апостола. Однако же было бы ошибочно сказать, что «все догматическое разсужденіе посланія можно считать не чѣмъ инымъ, какъ самымъ радикальнымъ и полнымъ опроверженіемъ іудейства и іудейскаго христіанства» ¹⁶¹⁵). Въ своей реакціи противъ чисто догматическаго взгляда, разсматривающаго посланіе какъ «сокращенное изложеніе догматики Павла въ формѣ апостольскаго посланія ¹⁶¹⁶)», Бауръ пришелъ къ взгляду, въ которомъ истори-

ческому элементу придается слишком неумѣренное значеніе; и при своемъ нежеланіи считать центральный отдѣлъ простымъ сводомъ ученій, изложенныхъ въ первыхъ восьми главахъ, онъ заходитъ слишкомъ далеко, называя ихъ сердцевиной цѣлаго, для которой все остальное есть лишь добавленіе. Эти главы могутъ быть первыми въ порядкѣ мысли, не будучи первыми по степени важности; онѣ могли составлять первоначальный мотивъ посланія и однако же могли имѣть совершенно второстепенное значеніе въ сравненіи съ величіемъ идей, къ которымъ привели онѣ.

Нельзя ли предположить, что посланіе произошло слѣдующимъ образомъ. Ап. Павелъ, намѣреваясь отправиться въ Іерусалимъ и затѣмъ начать новую миссію на западѣ, пришелъ къ мысли воспользоваться спокойнымъ промежуткомъ для того, чтобы написать посланіе римской церкви, къ которой онъ, хотя и не основанной имъ самимъ, не могъ не чувствовать глубочайшаго интереса. Ему извѣстно было, что какъ бы ни многочисленны въ ней были христіане изъ язычниковъ, зерно церкви во всякомъ случаѣ состояло изъ іудеевъ и прозелитовъ, которымъ было бы очень трудно принять истину, что Богъ не взираетъ на лица. Но эту то именно истину онъ и призванъ былъ проповѣдывать. Если іудеи не могли принять ее безъ смущенія, и если даже наиболѣе благоразумные между ними не могли не находить трудно постижимою мысль, чтобы ихъ обѣтованный Мессія,—Мессія, къ которому они стремились въ теченіе столѣтій бѣдствій и всякихъ невзгодъ, оказался въ концѣ концовъ даже болѣе Мессіей язычниковъ, чѣмъ іудеевъ, то ему въ высшей степени было необходимо изложить для нихъ эту истину съ такою ясностью и съ такимъ убѣдительнымъ сочувствіемъ, чтобы, на сколько возможно, смягчить неизбѣжный ударъ ихъ глубоко укоренившимся предубѣжденіямъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, обращаясь къ болѣе свободомыслящимъ юдаистамъ, онъ имѣлъ дѣло не съ невѣжественною злобою тѣхъ, которые совращали его простодушныхъ галатовъ. Въ посланіи къ церквамъ Галатіи, онъ, поражая однимъ потрясающимъ ударомъ змѣиную голову фарисейства, тѣмъ самымъ облегчалъ свою душу отъ накипѣвшей бури праведнаго негодованія. Теперь онъ могъ писать съ полнымъ спокойствіемъ, излагая болѣе важные вопросы касательно положенія христіанъ въ отношеніи къ закону и въ отношеніи іудейства къ язычеству и обоихъ ихъ къ христіанству. Что язычники были никоимъ образомъ не ниже іудеевъ въ отношеніи духовныхъ преимуществъ, — мало того, что язычники въ дѣйствительности даже превосходили іудеевъ тѣмъ рвеніемъ, съ которымъ они стремились въ церковь Христову¹⁶¹⁷⁾, это былъ фактъ, который невольно обращалъ на себя вниманіе всякаго христіанина изъ іудеевъ. Неужели же Богъ отвергалъ Израиля? Центральный отдѣлъ посланія (ix—xi) занимается разрѣшеніемъ этого именно важнаго недоумѣнія; и апостолъ старается тамъ показать, что 1) духовное сыновство не зависитъ отъ естественнаго происхожденія, такъ какъ истинное оправданіе челоуѣка, именно

оправданіе вѣрою, одинаково открыто какъ для іудеевъ, такъ и язычниковъ (ix); что 2) насколько іудеи теряли свое первенство въ божественномъ благорасположеніи, это зависѣло отъ ихъ собственнаго отверженія того свободнаго предложенія, которое было сдѣлано имъ (x); и что 3) это видимое отверженіе смягчается двойнымъ соображеніемъ: что а) оно не полное, не безусловное, такъ какъ все-таки «и въ нынѣшнее время по избранію благодати сохранился остатокъ истинныхъ израильтянъ»; и б) оно временное, неокончательное, такъ какъ когда окончательно будетъ обеспечено полное благословеніе язычниковъ, то все-таки останется славная надежда, что въ концѣ концовъ спасется и весь Израиль ¹⁶¹⁸).

Но съ этого пункта его мысли неизбѣжно должны были обратиться назадъ, и истины, которымъ онъ теперь въ первый разъ давалъ полное и формальное выраженіе, должны были получить подавляющую важность, въ сравненіи съ которой все другое получило лишь второстепенный интересъ. Отъ *относительнаго* его мысли перешли къ безусловному. Отъ вопроса касательно уничтоженія исключительныхъ преимуществъ іудеевъ онъ перешелъ къ вопросу о предопредѣленномъ планѣ Божиѣмъ для спасенія человѣчества—о его сущности, его міровой свободѣ, его необходимости. Этотъ планъ апостола выражается въ одной формулѣ *оправданія вѣрою*, и чтобы установить и объяснить ее, онъ долженъ былъ доказать всеобщность человѣческаго грѣха, неспособность, какъ іудея, такъ и язычника достигнуть спасенія дѣлами закона; показать вслѣдствіе этого «соподчиненное, относительное, отрицательное» значеніе закона, полную отмѣну всякаго различія между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ въ свѣтѣ впервые теперь открывающагося завѣта. И такимъ образомъ дѣйствительное основаніе этого, какъ и всякаго другаго посланія, есть «Христосъ, какъ общее основаніе, на которомъ могутъ стоять іудей и язычникъ, внутренняя связь человѣческаго общества, корень человѣческой праведности» ¹⁶¹⁹). Вполнѣ можно допустить, что чрезъ всю эту возвышенную аргументацію и по многимъ затрогиваемымъ ею вопросамъ проходитъ скрытый тонъ полемики, и что апостолъ никогда не теряетъ изъ виду своей основной цѣли—доказать римскимъ христіанамъ, а чрезъ нихъ и всей церкви, новое поразительное ученіе, что такъ какъ уничтоженіе грѣха стало возможнымъ посредствомъ вѣры, то всѣ притязанія, основанныя на іудейской исключительности, низводились на ничто. Это главный пунктъ. Но даже практическіе вопросы, которые получаютъ краткое рѣшеніе въ концѣ посланія, разсматриваются въ строгомъ согласіи съ великими началами, которыя онъ такимъ образомъ установилъ касательно всеобщности грѣха и всеобщности благодати ¹⁶²⁰).

Таковы, какъ намъ думается, происхожденіе и основная идея посланія къ римлянамъ, въ которомъ Толюкъ видитъ «христіанскую философію всемірной исторіи». Общій очеркъ его можетъ быть данъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ полнаго и торжественнаго привѣтствія, апостолъ переходитъ самымъ простымъ и

Статуя ап. Павла
(изъ базилики св. ап. Павла въ Римѣ).

естественнымъ способомъ къ изложенію своего основнаго положенія объ оправданіи вѣрою ¹⁶²¹), которое онъ поясняетъ и подкрѣпляетъ ссылкой на Аввак. п, 4 по переводу лхх. Необходимость этого способа спасенія основывается на всеобщности грѣха, — явленія, о которомъ правда учить человѣческой опытъ, но которое легко упускается изъ виду и поэтому нуждается въ обстоятельномъ подтвержденіи. Такимъ образомъ іудеи и язычники низводятся на одинъ и тотъ же уровень, и исключительность преимуществъ іудея усугубляетъ лишь его осужденіе (і, 16 — ш, 20). Слѣдовательно дѣлами закона, естественнаго ли, или Моисеева закона, никакая плоть не можетъ оправдаться и оправданіе можетъ быть достигнуто только вѣрою человѣка, принимающаго искупленіе Христово, такъ что всѣ одинаково зависятъ отъ свободной воли Божіей (ш, 21—30) ¹⁶²²). Сознавая крайнюю новизну этихъ выводовъ, апостоль объясняетъ ихъ священнымъ писаніемъ (ш, 31 — iv, 25), и затѣмъ останавливается на благословенныхъ слѣдствіяхъ самаго оправданія (v, 1—11). Эти слѣдствія предназначаются во всей нравственной и религіозной исторіи человѣчества, какъ сосредоточивающейся въ двухъ періодахъ, представляемыхъ Адамомъ и Христомъ (v, 12—21). Закончивъ такимъ образомъ изложеніе своего великаго ученія, апостоль отвѣчаетъ на возраженіе, которое можетъ быть выставлено противъ него. Оно не только не уменьшаетъ тяжести грѣха или не стремится къ его умноженію, но, какъ показываетъ апостоль, имъ проповѣдуется окончательное уничтоженіе грѣха (vi). Если бы кто нибудь былъ изумленъ этимъ близкимъ сопоставленіемъ закона и грѣха, то апостоль показываетъ, что между тѣмъ какъ законъ самъ по себѣ святъ, справедливъ и добръ, съ другой стороны все, что онъ сказалъ о немъ въ отношеніи къ человѣчеству, доказывается его психологическими слѣдствіями, и что въ дѣйствительности законъ для измѣненной природы вѣрующаго замѣщенъ новымъ началомъ жизни — Духомъ Божіимъ, животворящимъ сердце человѣческое (vii, 1—viii, 11). Это естественно приводитъ его къ серьезному увѣщанію своихъ читателей жить достойно этой измѣненной природы и къ величественному взрыву благодаренія, которое наконецъ поднимается до вершины пламеннаго краснорѣчія (viii, 12—39).

Въ этомъ пунктѣ апостоль оказывается лицомъ къ лицу съ вопросомъ, изъ котораго вѣроятно и вышли его мысли, — объ отношеніи іудейства къ язычеству и христіанства къ обоимъ. Въ отдѣлѣ, имѣющемъ безконечно важное значеніе, особенно для того вѣка, апостоль показываетъ, что обѣтованія Божіи Израилю, при правильномъ ихъ пониманіи, *были* и *будутъ* исполнены, и что если и казалось, что они не исполнялись, то это зависѣло отъ упрямой жестокости самого избраннаго народа (ix—xi). Остальная часть посланія имѣетъ болѣе практической и популярный характеръ. Онъ увѣщаетъ къ обязанностямъ святости, смиренія, единства, достойнаго пользованія обстоятельствами, надежды и главнѣе всего любви, на которой онъ останавливается съ особенною настойчивостью и

подробностью (хп). Затѣмъ, быть можетъ спеціально имѣя въ виду теократическія убѣжденія іудейскихъ христіанъ, онъ внушаетъ обязанность повиновенія гражданской власти и еще разъ обращается къ любви, какъ главнѣйшей изъ христіанскихъ добродѣтелей; подкрѣпляя эти практическія увѣщанія мыслью, что ночь грѣха и невѣденія теперь уже въ значительной степени прошла и уже близокъ былъ день (хп), онъ затѣмъ указываетъ на необходимость взаимнаго снисхожденія и взаимной любви между сильными и слабыми—т. е. между тѣми; которые считали себя связанными предписаніями закона, и тѣми, которые признавали, что они были освобождены отъ этихъ обязательствъ славною свободою дѣтей Божіихъ; и ссылается при этихъ увѣщаніяхъ на тѣ взгляды, которые онъ уже выразилъ касательно взаимнаго отношенія іудеевъ и христіанъ (хiv—хv, 13). Остальная часть посланія имѣетъ главнымъ образомъ личный характеръ. Онъ прежде всего предлагаетъ серьезную и прекрасную апологію въ томъ, что онъ осмѣлился обратиться къ чужой церкви,—апологію, основанную на его апостольской миссіи (хv, 14—21), и затѣмъ представляетъ очеркъ его будущихъ плановъ, въ особенности прося ихъ молитвъ о благомъ успѣхѣ предстоящаго ему посѣщенія Іерусалима. Въ послѣдней главѣ, которая, какъ мы высказали уже, обращена была, по крайней мѣрѣ отчасти, не къ римлянамъ, а къ ефесянамъ, онъ внушаетъ Фивѣ благостно печись о церкви (1, 2); посылаетъ искреннее привѣтствіе двадцати шести братьямъ (3—16); даетъ строгое предостереженіе тѣмъ, которые сѣяли раздоры, и заключаетъ ее обѣтованіемъ и благословеніемъ (17—20); повторяетъ послѣ нѣсколькихъ привѣтствій отъ бывшихъ съ нимъ друзей благословеніе (21—24) и заканчиваетъ полнымъ и выразительнымъ славословіемъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ «литургическій антифонъ, созвучный съ основнымъ мыслію посланія» ¹⁸²³).

II.

ОБЩАЯ МЫСЛЬ ПОСЛАНІЯ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Праведный вѣрою живъ будетъ.

АВВ. П. 4.

Теперь мы подробнѣе изложимъ это посланіе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ, факторовъ христіанскаго богословія, и попросимъ читателей, съ библіей въ рукѣ слѣдовать шагъ за шагомъ за великими истинами, какъ онѣ будутъ постепенно развертываться предъ нашимъ взглядомъ.

Привѣтствіе, занимающее первые семь стиховъ, замѣчательно тѣмъ, что оно самое длинное и самое торжественное изъ всѣхъ, находящихся въ посланіяхъ

ап. Павла. Если бы онъ руководился обычнымъ методомъ своего времени, то началъ бы свое письмо просто словами: «Павелъ, апостолъ Иисуса Христа, римскимъ христіанамъ привѣтствіе» ¹⁶²⁴). Но онъ съ совершенною самобытностью предпочиталъ придавать своему первому привѣтствію болѣе знаменательный и менѣе условный оборотъ, и дѣлаетъ его проводникомъ истинъ, къ которымъ онъ съ самаго перваго начала хотѣлъ приковать вниманіе. Такимъ образомъ въ одномъ величественномъ положеніи, единство котораго не теряется несмотря на всѣ отступленія, разъясненія и вставки, онъ говоритъ римскимъ христіанамъ о своемъ торжественномъ избраніи ¹⁶²⁵) благодатію къ апостольству; о цѣли и вселенскомъ характерѣ этого апостольства; объ истинѣ, что Евангеліе не есть смѣлое новшество, но предопредѣленное исполненіе возвѣщеннаго въ писаніи завѣта ¹⁶²⁶); о происхожденіи Христа отъ Давида по плоти и возстановленіи Его въ силѣ какъ Сына Божія по духу святыни ¹⁶²⁷), чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ ¹⁶²⁸).

Читая это предложеніе, мы спрашиваемъ: заключалъ ли кто либо когда нибудь болѣе мыслей въ меньшемъ количествѣ словъ, и писано ли было когда либо письмо, которое бы открывало столь обширный горизонтъ мысли въ столь немногихъ начальныхъ строкахъ? ¹⁶²⁹).

Послѣ привѣтствія апостолъ переходитъ къ своему обычному благодаренію «чрезъ Иисуса Христа» за то, что вѣра Христа въ Римѣ возвѣщается во всемъ мірѣ ¹⁶³⁰), и торжественно увѣряетъ римлянъ, какъ въ своихъ непрестанныхъ молитвахъ о нихъ онъ молить Бога о дарованіи ему возможности посѣтить ихъ, потому что онъ съ нетерпѣніемъ желаетъ ихъ видѣть и преподать имъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію ихъ ¹⁶³¹). Затѣмъ, съ безконечною деликатностью, поправляя выраженіе, которое незнающимъ его могло отозваться выставленіемъ своего авторитета, онъ объясняетъ, что то, чего онъ давно желаетъ,— это *обмѣна* между ними взаимнаго одобренія ¹⁶³²); потому что желаетъ сообщить имъ ¹⁶³³), что хотя онъ и встрѣчалъ препятствія доселѣ, но часто намѣревался придти къ нимъ, чтобы и среди ихъ пожать плодъ своего служенія, какъ онъ пожиналъ и среди другихъ языческихъ народовъ. Ему поручено было нести благовѣстіе и онъ считаетъ его своею обязанностью, какбы своимъ долгомъ, который онъ долженъ платить всѣмъ язычникамъ, какъ грекамъ, такъ и не грекамъ, какъ цивилизованнымъ, такъ и не цивилизованнымъ народамъ. Поэтому онъ по силѣ своей возможности желаетъ проповѣдывать Евангеліе даже въ императорскомъ Римѣ (I, 8—15).

Это приводитъ его къ основной темѣ, которая и составляетъ предметъ его разсужденія. Многіе стыдились Евангелія; но не стыдился онъ ¹⁶³⁴); «потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему, во первыхъ іудею ¹⁶³⁵), потомъ и еллину. Въ немъ открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру, какъ написано: праведный вѣрою живъ будетъ» (I, 16, 17).

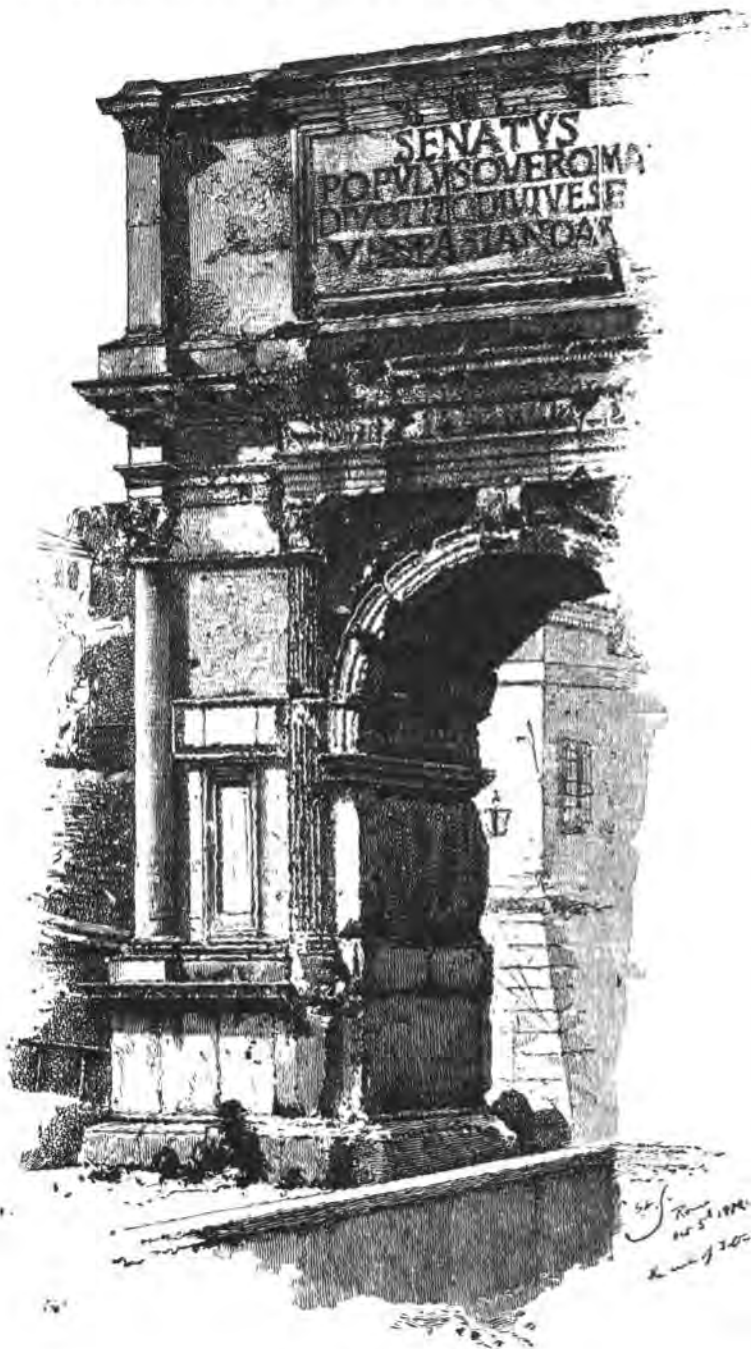
Какъ легко читать эти слова! И однакоже, они для своего надлежащаго

объясненія требуютъ цѣлаго посланія, и много томовъ было написано для изъясненія ихъ значенія. Римъ былъ центромъ человѣческой культуры, сѣдалищемъ самаго могущественнаго, самаго высокомернаго деспотизма, когда либо видѣннаго міромъ, и апостолъ вполне знаетъ, что для культуры и могущества міра крестъ есть безуміе и слабость. И однакоже онъ не стыдится проповѣди объ этомъ крестѣ, потому что для всѣхъ, кто вѣруетъ въ него, для іудея ли, которому оно было преподаано впервые, или для грека, которому оно теперь проповѣдуется, оно есть проявленіе силы Божіей съ цѣлью обезпеченія ихъ спасенія. Даже эти немногія слова: «во первыхъ іудею, *потомъ и еллина*» служатъ знакомъ, что для міра насталъ новый вѣкъ; и указавъ такимъ образомъ въ двухъ строкахъ источникъ (силу Божію) дѣйствія (спасенія) и всеобщность Евангелія (іудею и язычнику), апостолъ затѣмъ излагаетъ его сущность. «Въ немъ», говоритъ онъ, «открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру».

Мы часто повторяемъ эти столь знакомыя намъ слова; но какое значеніе должны мы соединять съ ними? Потребовалась бы цѣлая жизнь для того, чтобы прочесть все, что написано о нихъ въ безконечныхъ томахъ, переполненныхъ сухой экзегетикой, туманными размышленіями и скучной полемикой. Различныя партіи и секты спорили изъ за нихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и усѣяли поле полемическаго богословія развалинами и мусоромъ техническихъ терминовъ и анаемъ. Отъ блаженнаго Августина до Томы Аквината и затѣмъ отъ Томы Аквината до послѣдняго времени богословская полемика главнымъ образомъ вращалась на этихъ словахъ. Не покажется ли поэтому дерзостью попытка выразить въ одномъ простомъ предложеніи заключающуюся въ нихъ основную мысль ¹⁸³⁶? Нѣтъ, если мы будемъ различать между «идеями головы» и «чувствами сердца»; нѣтъ, если мы будемъ помнить, что эта полемика возникала главнымъ образомъ изъ послѣдующихъ богословскихъ положеній. Мы можемъ понять воззрѣнія ап. Павла только въ свѣтѣ его собственныхъ частыхъ поясненій, дополненій и различныхъ способовъ выраженія; и съ этимъ руководствомъ, подводя итогъ результатамъ безконечныхъ разсужденій, продолжавшихся въ теченіе тысячи лѣтъ, мы можемъ истолковать эти его слова въ томъ смыслѣ, что по Евангельскому откровенію ¹⁸³⁷ міру, превѣчная правда Божія, которую, по оправдательному приговору, произнесенному однажды за всѣхъ въ искупительной смерти Христа, Онъ вмѣняетъ грѣшному человѣку, и которая, начинаясь для cadaго отдѣльнаго лица полнымъ съ его стороны принятіемъ этого примиренія своего съ Богомъ во Христѣ, оканчивается тѣмъ таинственнымъ единеніемъ со Христомъ, благодаря которому Христосъ становится для cadaго человѣка новой природой, оживляющей духъ.

Въ болѣе короткихъ словахъ едва ли возможно дать полное объясненіе этого глубокомысленнѣйшаго богословскаго положенія. Цѣль Евангелія Божія есть спасеніе человѣка. Человѣкъ грѣшенъ и не можетъ достигнуть святости никакими

своими собственными усиліями. Между тѣмъ безъ святости человѣкъ не можетъ

Арка Тита въ Римѣ.

узнѣть Господа. Поэтому, безъ святости человѣкъ не можетъ быть спасенъ. Какъ же возможно достигнуть святости? Евангеліе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, и это посланіе есть самое полное и самое рѣшительное изложеніе этого божественнаго завѣта. Сущность отвѣта исключается въ одной фразѣ: «оправданіе вѣрою». Въ этомъ стихѣ оно выражено какъ «праведность и правда Божія», которая «открывается отъ вѣры въ вѣру». Слово «праведность» передается также словомъ «оправданіе». Но ни этому слову, ни слову «вѣра» ап. Павелъ никогда не давалъ формальнаго опредѣленія. Значеніе его можно понять только изъ его постоянно разнообразящихся выраженій, а также изъ тѣхъ доводовъ, которыми онъ подкрѣпляетъ, и цитатъ, которыми онъ объяс-

няетъ ихъ. Многіе писатели думали, что значеніе его неопредѣленно и обще,

такъ что его нельзя свести къ строгому логическому опредѣленію, невозможно заключить въ формальную схему спасенія. Мы не должны упускать изъ виду одного элемента, который придаетъ истинность этимъ увѣреніямъ. Несомнѣнно громадная пропасть лежитъ между смѣлыми и пылкими изліяніями таинственнаго вдохновенія и холодными, аналитическими разсужденіями технического богословія; между вдохновенными выраженіями и выработанными системами; между ап. Павломъ и Томой Аквинатомъ. Умозрительная метафизика, *ученіе* о грѣхѣ, *теорія* о вѣнненіи, трансцендентальная онтологія—все это становится неизбѣжнымъ съ теченіемъ времени; но все это не составляетъ сущности и даже важнаго элемента въ христіанствѣ. Эта истина слишкомъ часто забывается. Но нужно строго различать между пониманіемъ того, что разумѣлъ ап. Павелъ, и претензіей изслѣдовать самую глубину вѣчныхъ истинъ, лежащихъ въ основѣ его ученія. Планъ домостроительства Божія, насколько онъ касается нашихъ дѣйствій и нашихъ надеждъ, мы можемъ постигнуть, не пытаясь даже втиснуть въ тѣсныя клѣтки нашихъ логическихъ формулъ тѣ непостижимыя тайны, которыя окружаютъ единственно доступную нашей учености часть ея.

1. Мы можемъ поэтому съ вѣроятною основательностью сказать, что въ этомъ знаменитомъ положеніи посланія выраженіемъ «правда Божія», обозначающимъ прежде всего свойство Божіе, ап. Павелъ пользуется съ цѣлію выразить вѣнненіе этой правды свободнымъ дарованіемъ ея человѣку, такъ что человѣкъ можетъ считать ее какъ данную себѣ,—выразить праведность, которая исходитъ отъ Бога и составляетъ новое отношеніе человѣка къ Нему,—оправданіе человѣка, провозглашеніе его невинности, благодатное оправданіе въ виновности чрезъ Христа, то постановленное самимъ Богомъ начало, которое опредѣляетъ религіозный характеръ человѣчества и которымъ обусловливается религіозное сознаніе личности ¹⁶³⁸).

2. Говоря, что эта «правда Божія» открывается отъ «вѣры», ап. Павелъ разумѣетъ не то, что вѣра нѣкоторымъ образомъ есть заслуженная *причина* ея, потому что, какъ онъ показываетъ, человѣкъ оправдывается свободною благодатію, самое оправданіе имѣетъ свое основаніе въ свободномъ благорасположеніи Божіемъ, и *причина* его заключается въ искупительномъ дѣлѣ Христа ¹⁶³⁹); но онъ разумѣетъ то, что вѣра есть пріемлющее орудіе его ¹⁶⁴⁰), личное усвоеніе примиряющей любви Божіей, которая разъ навсегда осуществлена для всего рода человѣческаго крестною смертію Христа.

3. Наконецъ, говоря, что эта «правда Божія» открывается въ Евангеліи «отъ вѣры въ вѣру», апостолъ разумѣетъ часто разъясняющуюся въ его посланіяхъ истину, что христіанская вѣра имѣетъ различныя ступени и качества въ своемъ развитіи ¹⁶⁴¹). Оставляя безъ вниманія мертвую вѣру (*fides in formis*) ученыхъ, низшую ступень ея составляетъ 1) теоретическое убѣжденіе въ благости Божіей къ намъ во Христѣ на болѣе высокихъ основаніяхъ, чѣмъ чувственное

воспріятіе и обыденный опытъ, именно на самомъ фактѣ нашего упованія на Бога (*assensus fiducia*). На высшей ступени она 2) достигаетъ внутреннихъ чувствъ сердца и становится вѣрной пріемницей дара благорасположенія Божія, «когда она свободно передаетъ сердце благостной волѣ Божіей, какъ она является намъ въ словѣ примиреніе». На еще высшей ступени она 3) достигаетъ таинственной глубины и становится таинственнымъ сочетаніемъ со Христомъ (*unio mystica*) въ единствѣ любви и жизни, практическимъ опознаніемъ со Христомъ, которое завершается личнымъ усвоеніемъ Его жизни и смерти. Въ своемъ окончательномъ и полнѣйшемъ развитіи, она 4) поднимается отъ пассивнаго положенія пріемлющей на степень свободной дѣятельной силы, — «становится живымъ импульсомъ и силой добра во всякой фазѣ личной жизни» ¹⁶⁴³). На этой послѣдней ступени она столь тѣсно соединяется съ *духомъ*, что они становятся неотдѣлимы между собой, такъ что то, что разсматриваемое совнѣ есть «вѣра», разсматриваемое свнутри — есть «духъ». Вѣра во всей широтѣ ея значенія у ап. Павла есть вмѣстѣ и единичный актъ, и развивающееся начало. Какъ единичный актъ, она есть самопреданіе души Богу, прилѣпленіе ко Христу какъ единственному средству, которымъ возможно для насъ усвоить эту примирительную любовь, и съ этой точки зрѣнія она можетъ быть разсматриваема какъ корень новаго отношенія человѣка къ Богу въ оправданіи и усыновленіи. Какъ развивающееся начало, она есть обновленіе личной жизни въ освященіи ¹⁶⁴³), поддержаніе «правды Божіей», *объективно* перенесенной на насъ, во внутренней и всеуглубляющейся праведности нашей собственной жизни; это въ дѣйствительности новая духовная жизнь, жизнь въ вѣрѣ Сына Божія, который возлюбилъ насъ и предалъ себя за насъ ¹⁶⁴⁴). И отсюда сразу становится очевидно нелѣпость радикальнаго противопоставленія между христіанской вѣрой и христіанскими дѣлами, потому что они такъ же не могутъ существовать въ разъединеніи другъ съ другомъ, какъ дерево въ разъединеніи съ своимъ корнемъ.

Согласно съ своимъ обычнымъ пріемомъ при провозглашеніи новой истины, ап. Павелъ старается подкрѣпить ее священнымъ писаніемъ ветхаго завѣта и въ словахъ «праведный вѣрою живъ будетъ», которыя пророкъ Аввакумъ первоначально употребилъ въ гораздо болѣе простомъ и обыденномъ смыслѣ, именно, что «праведный будетъ избавленъ своею вѣрностью», читаетъ глубочайшее значеніе. Эти простые слова онъ читаетъ въ свѣтѣ своего собственнаго духоозаренія, которое, подобно таинственному блеску урима, заставляя ихъ блистать еще болѣе божественнымъ значеніемъ. Словамъ «вѣра» и «жизнь» онъ придаетъ то значеніе, которое постигнуто изъ откровенія, и вслѣдствіе этого, какъ справедливо замѣчено, онъ начинаетъ тамъ, гдѣ оканчивается Аввакумъ. И самое его выраженіе «оправданіе вѣрою» отмѣчаетъ собой встрѣчный пунктъ двухъ завѣтовъ. Понятіе «оправданія» коренится въ іудействѣ. Понятіе «вѣры» есть особенность христіанства. Послѣднее слово настолько господствуетъ надъ первымъ,

что *dikaioσύνη* отъ своего перваго значенія «правды», какъ качества Божія, переходитъ въ субъективное значеніе «оправданія», какъ такого состоянія человѣка, въ которомъ онъ долженъ стоять по отношенію къ Богу. Усвоеніе человѣкомъ примирительной любви Божіей во Христѣ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ перемѣну въ личной жизни человѣка: оправданіе становится освященіемъ, которое и есть залогъ будущей славы.

III.

Всеобщность грѣха.

Какъ іудей, такъ и еллины всѣ подъ грѣхомъ. Римл. III, 9.

Выяснивъ такимъ образомъ одинъ предметъ, лежащій въ основѣ всей богословской системы ап. Павла, мы попытаемся уловить главную нить его мысли въ остальной части посланія.

I. Такъ какъ апостолъ уже останавливался на всеобщности Евангелія, то необходимо было показать, что оно одинаково примѣнимо какъ къ іудеямъ, такъ и къ язычникамъ, что всеобщность свободной благодати обуславливалась всеобщностью злонамѣреннаго грѣха. Праведность и грѣхъ, ученіе о спасеніи и ученіе о грѣхѣ — основныя мысли въ богословской системѣ ап. Павла. Первое есть теоретическое слѣдствіе нашей идеи о сущности Бога; второе есть историческій фактъ, выводимый изъ опыта и совѣсти.

Какъ есть праведность Божія, открывающаяся въ Евангеліи, такъ есть и грѣхъ Божій противъ грѣха, всегда открывающійся съ неба, вслѣдствіе неизбежнаго дѣйствія предустановленныхъ законовъ Божіихъ, противъ всякаго нечестія и неправды тѣхъ, которые неправдою своею подавляютъ истину¹⁸⁴⁵), и такъ какъ міръ состоитъ главнымъ образомъ изъ язычниковъ, то апостолъ прежде всего и говоритъ о язычникахъ. Нѣкоторые могли думать, что ихъ невѣденіе Бога служило для нихъ извиненіемъ. Но это не такъ. Факты, которые лишаютъ ихъ возможности извиненія¹⁸⁴⁶), состоятъ въ томъ, во-первыхъ, что Богъ въ дѣйствительности открылся и имъ, и невидимыя свойства Его, — вѣчная сила и божество, — ясно были видимы въ Его дарахъ¹⁸⁴⁷); и во-вторыхъ, что хотя они знали Бога, однакоже, отрицая должную Ему славу и благодарность, они сами допустили себя погрузиться въ преступную тьму безсмысленнаго умствованія и въ карающее безуміе самовозвеличенной мудрости и самомнящей гордости падающей культуры, пока наконецъ не впали въ такую бездну духовнаго безсилія, которая доходила даже до идолослуженія гадамъ пресмыкающимся¹⁸⁴⁸); и въ-третьихъ,

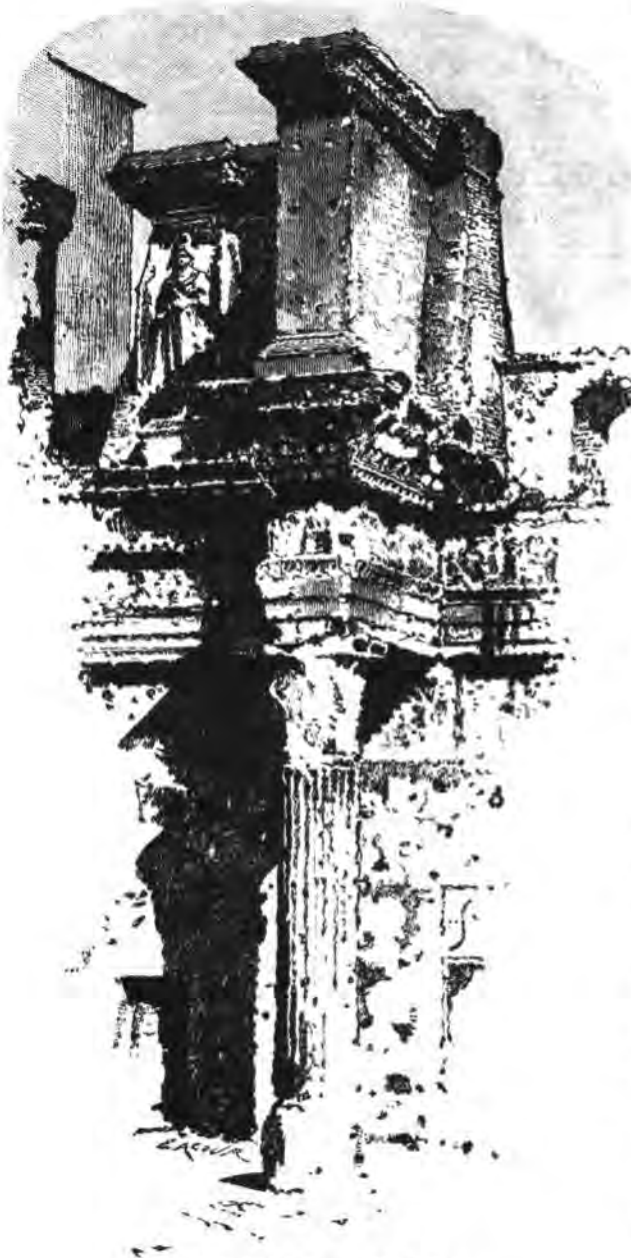
что умственная горделивость привела къ своему естественному результату и страшному наказанію—къ нравственному преступленію. Грѣхъ ихъ былъ неизвинителенъ, потому что онъ былъ произведеніемъ и возмездіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и естественнымъ плодомъ всеобщаго грѣха. Такъ какъ они преступно оставили Бога, то и Богъ предалъ ихъ нечестію ¹⁸⁴⁹). Сознательная ложь идолопоклонства сдѣлалась сознательнымъ позоромъ нечистоты. Эти «постыдныя страсти», которыми Богъ предалъ ихъ, растлили сердце человѣчества своимъ карающимъ тлѣномъ и заразили даже женщинъ своимъ позоромъ ¹⁸⁵⁰). Языческое общество, въ своемъ гнусномъ разложеніи, сдѣлалось одною отвратительною болѣзнью неестественнаго развращенія. Гангрена его вѣлась въ самое сердце; міазмы его заразили воздухъ. Даже моралисты языческаго міра заражены были его развращеніемъ ¹⁸⁵¹). Богъ каралъ ихъ за это нравственное невѣденіе, попуская имъ падать еще глубже. Онъ наказалъ ихъ за презрѣніе, предавая ихъ еще большему презрѣнію. Простымъ слѣдствіемъ этого оставленія ихъ Богомъ было естественное имъ возмездіе, начинающееся даже въ этой жизни, вслѣдствіе чего ихъ нежеланіе познавать *Его* сдѣлалось *неспособностью* различать ¹⁸⁵²) самыя элементарныя свойства благородства и стыда. Поэтому сердца ихъ были отягчены всякимъ нечестіемъ, нечистотою на самыхъ низкихъ ея ступеняхъ; ненавистью въ самомъ худшемъ и сильномъ ея развитіи; безстыдствомъ, доходящимъ до преднамѣреннаго изысканія новыхъ видовъ зла ¹⁸⁵³); жестокостью и лживостью въ самыхъ отвратительныхъ проявленіяхъ. Но злѣйшимъ преступленіемъ, дальше котораго не можетъ уже идти самое преступленіе, было ужасающее развитіе нравственнаго зла, которое, не смотря на то, что они знаютъ о праведномъ судѣ Божіемъ, по которому дѣлающіе такія дѣла достойны смерти ¹⁸⁵⁴), не только дѣлаютъ ихъ сами, но, съ демонскимъ злорадствомъ къ человѣческому паденію и человѣческому растлѣнію, положительно злорадствуютъ тѣмъ, которые также совершали такое зло. Грѣхъ, по справедливому замѣчанію, достигаетъ своей вершины, когда онъ возводится въ злыя *правила* и злыя *начала*. Тутъ порокъ не есть уже результатъ нравственной слабости или произведеніе худаго воспитанія, но порокъ добровольно принимаемый, со всѣми его послѣдствіями, порокъ, принимающій видъ самооправданія, порокъ, въ дѣйствительности вырабатываемый въ особую теорію, — некраснѣющее безстыдство Содомы въ ужасающемъ возрастаніи своего омерзительнаго грѣха ¹⁸⁵⁵).

Такъ ап. Павелъ бичевалъ дерзкую преступность языческой жизни. Для міра вообще, но особенно для тѣхъ вѣковъ переходности и увяданія, когда замѣчается внутреннее тяготѣніе къ языческимъ идоламъ, весьма полезно знать, что такое было язычество и къ чему оно стремилось. Міру полезно было, чтобы ему открыли разъ навсегда, какія черты выглядывали изъ-подъ улыбающейся маски, какое страдающее сердце, уязвленное ненавистью, напыщенное самоуслажденіемъ ¹⁸⁵⁶) билось подъ пурпурной одеждой. И въ описаніи ап. Павла нѣтъ ни одного обви-

ненія слишкомъ ужаснаго, нѣтъ ни одной краски слишкомъ темной. Онъ открываетъ намъ только то, что сами языческіе писатели, безъ всякаго смущенія, открываютъ намъ на тѣхъ страницахъ, на которыхъ они, подобно волнамъ взбаломученнаго моря, выворачиваютъ свою собственную грязь и тину (Іуд. 13; Ис. lvi, 20). Совершенно ложно утверждаютъ тѣ, которые говорятъ, что христіанство увеличило мрачность въ жизни человѣчества. Совершенно ложна мысль, что оно ослабило литературу, подорвало искусства. Въ этомъ отношеніи сущность его преднамѣренно извращалась. Правильно истолковываемое, оно не освящаетъ ни одной доктрины, ни одного такого начала, которымъ бы предполагалось уменьшить хотя одинъ счастливый импульсъ или омрачить хотя одно невинное удовольствіе. Оно лишь предостерегаетъ насъ противъ стремленія къ низшимъ и кратковременнымъ удовольствіямъ, какъ къ конечной цѣли. А таково именно и было роковое заблужденіе популярнаго въ то время идонизма. Сдѣланный ап. Павломъ очеркъ его нравственнаго растлѣнія и неизбѣжно слѣдовавшихъ за нимъ стыда и позора, есть новое и лучшее доказательство той истины, что «кто слѣдуетъ удовольствію, удовольствіе убиваетъ его, и гнѣвъ Божій разражается надъ нимъ».

II. Исполнивъ такимъ образомъ одну сторону своей задачи, доказавъ виновность язычниковъ, апостолъ обращается къ іудеямъ. Но онъ дѣлаетъ это съ необычайнымъ тактомъ. Онъ не затрогиваетъ всѣхъ ихъ предразсудковъ, чтобы сразу же не возстановить ихъ противъ себя, а начинаетъ съ совершенно общаго положенія: «итакъ¹⁶⁵⁷⁾, неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другаго». Это «итакъ» стремительно предвосхищаетъ то основаніе, почему тотъ, кто судитъ другихъ, неизвинителенъ на этотъ разъ — именно потому, что онъ дѣлаетъ тоже самое. Онъ не говоритъ сразу, какъ могъ бы сказать: «вы, іудеи, такъ же неизвинительны, какъ и язычники, потому что, судя ихъ, вы осуждаете самихъ себя, и хотя вы обыкновенно называете ихъ грѣшниками, вы и сами грѣшны не менѣе ихъ»¹⁶⁵⁸⁾. Это — заключеніе, которое онъ имѣетъ въ виду; но онъ хочетъ шагъ за шагомъ привести іудеевъ къ самоосужденію и притомъ къ дѣйствительному осужденію, а не въ его общемъ неопредѣленномъ значеніи¹⁶⁵⁹⁾. Онъ, конечно, говоритъ какъ объ іудеяхъ, такъ и объ язычникахъ *вообще*, не отрицая возможности исключеній. Но аргументацію противъ іудеевъ онъ долженъ выставить съ особенною тщательностью и постепенностью, потому что, ослѣпленные своими собственными преимуществами, они склонны были на себя совершенно иначе смотрѣть. Но они были менѣе извинительны, потому что были болѣе просвѣщены. Поэтому онъ начинаетъ словомъ «человѣкъ», а не «іудей», и спрашиваетъ воображаемую личность, къ которой онъ обращается, неужели онъ думаетъ, что Богъ сдѣлаетъ для него личное исключеніе въ своихъ неумолимыхъ опредѣленіяхъ? или неужели онъ намѣревается пренебрегать богатствомъ долготерпѣнія Божія, игнорируя¹⁶⁶⁰⁾, что единственное намѣреніе Его

привести къ покаянію,—и такимъ образомъ неужели онъ хочетъ собрать самому себѣ ужасное сокровище конечной гибели? Законъ Божій строгъ, универсаленъ,

Храмъ Минервы въ Римѣ.

безусловенъ. Въ силу его Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его ¹⁶⁶¹). Этотъ законъ поясняется двоякимъ приложеніемъ, которое, начинаясь и оканчиваясь наградой за добро и въ срединѣ предложенія вставляя наказаніе за грѣхъ ¹⁶⁶²), выражаетъ мысль, что это правило приложимо ко *всѣмъ*, причемъ апостолъ дважды повторяетъ, что оно приложимо сначала къ іудею, а потомъ и къ еллину, но къ іудею *вопервыхъ*, единственно вслѣдствіе его болѣе полного знанія и поэтому болѣе глубокой отвѣтственности. И упомянувъ такимъ образомъ имя іудея, онъ твердою рукою излагаетъ вѣчное правило (столь благословенное и однакоже столь поразительно новое для предубѣжденных народа, который, въ теченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ, упивался еиміагомъ духовнаго высокомерія), что *нѣтъ лицепріятія у Бога*: всякій народъ въ человечествѣ будетъ судимъ согласно съ его собственнымъ состояніемъ.

«Тѣ, которые, не имѣя закона, согрѣшили, внѣ закона и погибнутъ; а тѣ, которые подъ закономъ согрѣ-

шили, по закону осудятся». Праведность предъ Богомъ зависитъ не отъ *обладанія* закономъ, а отъ повиновенія ему. Законъ былъ какъ у іудеевъ, такъ и

у язычниковъ; у іудеевъ — Моисеевъ законъ, у язычниковъ — естественный законъ, написанный на сердцахъ ихъ и достаточно ясный для того, чтобы въ день суда ¹⁶⁶³) обезпечить имъ оправданіе или осужденіе предъ прозорливымъ судомъ своей совѣсти въ согласіи съ рѣшеніемъ Христа судьи ¹⁶⁶⁴). Такимъ образомъ іудей и язычникъ стоятъ предъ Богомъ одинаково повинными, потому что одинаково осуждены за неисполненіе нравственнаго закона, который Богъ назначилъ имъ въ руководство въ ихъ жизни. Слово «*всѣ*», какъ справедливо замѣчено, есть господствующее слово всего посланія. *Всѣ* одинаково повинны, *всѣ* одинаково искуплены, *всѣ* временно отвергнуты и *всѣ* наконецъ будутъ приняты. *Всѣ* наконецъ будутъ приведены къ живой гармоніи съ Богомъ, который есть надъ всѣми, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ,—чрезъ котораго и отъ котораго все, и къ которому стремится все (Рим. v, 15—20; x, 12; 1 Кор. xv, 28; Кол. iii, 11; 2 Кор. v, 15; Евр. ii, 8 и проч.).

И затѣмъ ап. Павелъ обращается къ самодовольному іудею, который такимъ образомъ незамѣтно былъ какбы уловленъ логическимъ признаніемъ своей собственной виновности. Изобразивъ немногими чертами его самодовольное притязаніе на духовное, нравственное и умственное превосходство и затѣмъ оставляя свою мысль неоконченною, апостолъ съ негодующимъ краснорѣчіемъ ставитъ вопросъ, въ которомъ уже нѣтъ никакого прикрытаго сарказма, а выступаетъ страшное обличеніе въ неотрицаемыхъ грѣхахъ. Онъ не употребляетъ ни одного слова открытой насмѣшки, не поноситъ слишкомъ яркимъ изображеніемъ слабостей, глупости и лицемерія фарисея, и однако же картина эта, сама по себѣ состоящая изъ выраженій совершенно изящныхъ и даже видимо изысканныхъ, поразительно рисуетъ самомнящаго ханжу со всею его мнимою непогрѣшимостью, какбы высокомерно говорящей: «стань поодаль, потому что я святѣй тебя».

«Если же ¹⁶⁶⁵) ты называешься іудеемъ ¹⁶⁶⁶) и успокоиваешь себя закономъ ¹⁶⁶⁷), и хвалишься Богомъ, и знаешь волю Его, и разумѣешь лучше ¹⁶⁶⁸), научаясь изъ закона, и увѣренъ о себѣ, что ты путеводитель слѣпыхъ, свѣтъ для находящихся во тьмѣ, наставникъ невѣждъ, учитель младенцевъ, имѣющій въ законѣ образецъ вѣдѣнія и истины, *какъ же ты, уча другаго, не учишь самого себя?* Проповѣдуя не красть, крадешь? Говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь ¹⁶⁶⁹)? гнушаясь идоловъ, святотатствуешь ¹⁶⁷⁰)? хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога? ибо (и здѣсь апостолъ оставляетъ вопросительный оборотъ рѣчи, чтобы произнести на нихъ категорическое осужденіе, которое тогда было такъ же справедливо, какъ и во дни приводимаго пророка) «ради васъ, какъ написано, имя Божіе хулится у язычниковъ» ¹⁶⁷¹). Они полагались на жертвы и приношенія, на десятины и филактеріи, на омовенія и *мезузоты*, но «*omnia vanitas praeter amare Deum et illi soli servire*» — «все пустота, кромѣ любви къ Богу и служенія Ему»,— и это то важнѣйшее постановленіе закона они совершенно забывали при тщательномъ исполненіи его

самых ничтожных мелочей. Въ дѣйствительности различіе между язычествомъ и іудействомъ предъ Богомъ состояло въ различіи между порокомъ и грѣхомъ. Іудеи были виновны въ грѣхѣ нарушенія прямыхъ и явныхъ заповѣдей; язычники ниспали на уровень извращенной природы. Язычники были наказаны за неестественное извращеніе истиннаго порядка міра тѣмъ, что они извратили всѣ естественныя отношенія и такимъ образомъ подверглись нравственному самоуничтоженію; а іудеи были допущены къ самому святилищу и такимъ образомъ повинны были въ болѣе глубокомъ святотатствѣ ¹⁶⁷²).

Отъ этой пылко напряженной рѣчи апостолъ переходитъ (весьма характеристическимъ для его стиля способомъ) къ болѣе спокойному тону. «Но»—какъ могъ возразить иной іудей съ упрямымъ предубѣжденіемъ богословскаго самовѣрія, которое переходило у нихъ въ непобѣдимое убѣжденіе—«но мы *обрѣзаны!* Ты конечно, не ставишь насъ на одинъ уровень съ необрѣзанными—съ собаками и грѣшниками-язычниками»? На такое возраженіе, касающееся совершенно второстепеннаго пункта, хотя бы сами іудеи и придавали ему съ своей стороны необычайную важность, ап. Павелъ теперь можетъ дать совершенно рѣшительный отвѣтъ, потому что онъ изумительною силою аргументаціи уже лишилъ ихъ всякаго истиннаго преимущества и подвелъ ихъ подъ общее осужденіе. Поэтому онъ отвѣчаетъ словами, которыя, какъ ни спокойны и ни серьезны сами по себѣ, для іерусалимскаго фарисея звучали язвительнымъ парадоксомъ.

«Обрѣзаніе полезно, если исполнять законъ; а если ты преступникъ закона, то обрѣзаніе твое *стало необрѣзаніемъ* ¹⁶⁷³). И такъ, если необрѣзанный соблюдаетъ постановленіе закона, то его необрѣзаніе не вѣнчится ли ему въ обрѣзаніе? ¹⁶⁷⁴). И необрѣзанный по природѣ, исполняющій законъ, не осудитъ ли тебя, преступника закона при писаніи и обрѣзаніи? Ибо не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно, на плоти; но тотъ іудей, кто внутренно таковъ, и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ; ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога» (п, 25—29).

IV.

Возраженія и подтвержденіе.

Дѣлами закона не оправдается предъ
Нимъ никакая плоть. Рим. III, 20.

Доселѣ такимъ образомъ, какъ фактами, такъ и теоріей, ап. Павелъ показывалъ, что іудеи и язычники равны предъ Богомъ: одинаково виновны и одинаково искуплены. Но здѣсь іудей могъ съ ужасомъ воскликнуть: неужели же іудей не имѣетъ никакого преимущества? неужели обрѣзаніе не приноситъ никакой пользы?

Ап. Павелъ на это дѣлаетъ охотную уступку и отвѣчаетъ: у нихъ есть «великое преимущество во всѣхъ отношеніяхъ. А наипаче въ томъ, что имъ вѣрено слово Божіе». Результатомъ этого преимущества было то, что іудей стоялъ на болѣе высокой ступени религіознаго сознанія, чѣмъ язычникъ. Іудейство было религіей откровенія и поэтому религіей обѣтованія; а слѣдовательно религіей, которая прообразовательно и символически содержала элементы христіанства; религіей идеи, которая осуществилась въ христіанствѣ. Христіанство было въ дѣйствительности одухотворенное іудейство, переходъ отъ обыкновеннаго рабства къ свободѣ, отъ дѣтства къ совершеннолѣтію, отъ плоти къ духу; но даже съ этой стороны іудейство было, вслѣдствіе сокровища своего откровенія, подготовленіемъ къ безусловной религіи ¹⁸⁷⁵). Это было его первымъ преимуществомъ. Что апостоль могъ бы прибавить къ этому во-вторыхъ и въ-третьихъ, можно заключить изъ послѣдующаго намека (ix, 4, 5). Но въ этомъ пунктѣ онъ уклоняется отъ своего предмета въ сторону, стараясь скорѣе показать, что его прежніе доводы не указываютъ на оставленіе Богомъ Его великихъ обѣтованій. Это можно бы выставить въ качествѣ возраженія на то, что онъ говорилъ. Онъ отвѣчаетъ на это однимъ словомъ: «Ибо что же? если нѣкоторые изъ іудеевъ и невѣрны были, такъ неужели ихъ невѣрность уничтожаетъ вѣрность Божію? Совсѣмъ нѣтъ» ¹⁸⁷⁶). Какъ священное писаніе, такъ и разумъ указываютъ на вѣрность Божію, хотя бы лживъ былъ всякій человѣкъ. Ужасъ, съ которымъ апостоль отвергаетъ самую мысль, чтобы Богъ оказался невѣрнымъ, мѣшаетъ ясности его дѣйствительнаго отвѣта. Онъ заключается въ словѣ «нѣкоторые». Обѣтованія Божіи истинны; истинны народу, какъ народу, потому что *нѣкоторые* были уничтожены нравственнымъ непослушаніемъ, имѣющимъ свой корень въ невѣріи, но для всѣхъ истинныхъ іудеевъ обѣтованія эти непреложны (iii, 1—4).

Могло быть выставлено еще болѣе смѣлое возраженіе. «Всѣ люди, ты говоришь, виновны. Если же наша неправда открываетъ правду Божію, то что скажемъ: не будетъ ли Богъ несправедливъ, когда изъявляетъ гнѣвъ»? Апостоль останавливается на самой срединѣ этого возраженія и, какбы извиняясь даже за то, что онъ формулируетъ столь богохульственную мысль, прибавляетъ: «говорю по человѣческому разсужденію» ¹⁸⁷⁷), «эти мысли не мои»; и затѣмъ съ негодованіемъ отвергаетъ самую эту мысль: «никакъ! ибо иначе какъ Богу судить міръ»? ¹⁸⁷⁸). Подкрѣпившись такимъ образомъ этимъ, такъ сказать, *reductio ad absurdum* и очищенный нравственнымъ оправданіемъ, онъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ за этой безбожной логикой до ея послѣдняго вывода: «ибо если вѣрность Божія возвышается моею невѣрностью къ славѣ Божіей, за что еще меня же судить, какъ грѣшника? и не дѣлать ли намъ зло, чтобы вышло добро, какъ нѣкоторые злословятъ насъ и говорятъ, будто мы такъ учимъ»? На это чудовищное извращеніе его ученія онъ не намѣренъ давать дальнѣйшаго отвѣта. Какъ въ природѣ, такъ и въ богословіи есть свои антиноміи. Отно-

сительная истинность доктринъ, ихъ истинность въ отношеніи человѣчества, не нарушается тѣмъ, что ихъ отодвигаютъ въ область абсолютнаго, и показываютъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ противорѣчіе, если ихъ низвести на силлогизмы. Мы не можемъ истины конечнаго и временнаго отодвигать въ область безконечнаго и вѣчнаго. Изложенное силлогистически существованіе зла можетъ считаться доказательствомъ или слабости или жестокости Бога; но такіе силлогизмы, помимо всякаго отвѣта на нихъ, отвергаются какъ безсмысленные и нечестивые вѣрою и сознаниемъ человѣчества. Простое изложеніе нѣкоторыхъ возраженій есть самое дѣйствительное ихъ опроверженіе. Оно покажетъ, что въ нихъ заключается очевидная нелѣпость. Какъ бы ни были они правильны въ логическомъ отношеніи, въ нравственномъ они такъ отвратительны, духовно такъ ложны, что молчаніе есть единственный отвѣтъ, котораго заслуживаютъ они. А таково именно и есть только что изложенное ап. Павломъ возраженіе. Достаточно просто отвергнуть его съ чувствомъ ужасающаго отвращенія, тѣмъ *horror naturalis*, при которомъ достаточно одного *μη γένοιτο*. Достаточно просто отвергнуть его, какъ мы отвергли бы самоочевидное зло. Нѣкоторые говорили, будто ап. Павелъ училъ гнусной лжи, что можно грѣшить ради опыта; или грѣшить для того, чтобы увеличить искупляющую славу Христову; или что цѣль оправдываетъ средства; или что мы можемъ дѣлать зло, чтобы вышло добро. Но на всѣ эти нелѣпыя злословія ап. Павелъ находитъ нужнымъ сказать только одно, именно, что «праведень судъ на таковыхъ» (III, 5—8).

На какое же преимущество можетъ ссылаться въ такомъ случаѣ іудей¹⁸⁷⁹⁾? Рѣшительно ни на какое! Не смотря на всѣ возраженія, какъ іудей, такъ и язычникъ одинаково оказываются подъ грѣхомъ. Здѣсь можно бы закончить этотъ отдѣлъ доказательства, и на доказанномъ фактѣ человѣческой исторіи ап. Павелъ могъ бы основать богословіе своего Евангелія. Но ни ему самому, ни его читателямъ доказательство это не могло казаться полнымъ безъ подтвержденія его священнымъ писаніемъ ветхаго завѣта. Поэтому онъ приводитъ рядъ отрывочныхъ мѣстъ изъ пятого, девятого, тринадцатаго, сто тридцать девятого псалмовъ, изъ пятидесяти девятой главы пророка Исаи, значеніе которыхъ въ этомъ случаѣ основывается на употребленіи въ нихъ слова «всѣ», подъ которымъ разумѣются какъ язычники, такъ и іудеи. Законъ (подъ которымъ здѣсь разумѣется ветхій завѣтъ вообще) долженъ *включать* іудеевъ, потому что онъ специально *обращенъ* къ іудеямъ. Слѣдствіемъ закона является то, «что заграждаются всякія уста и *весь міръ* становится виновенъ предъ Богомъ»; виновенъ потому¹⁸⁸⁰⁾, что дѣлами закона¹⁸⁸¹⁾—вслѣдствіе того именно, что ни іудей, ни язычникъ не повиновались ему — никакая плоть не оправдается предъ Богомъ. Такимъ образомъ апостолъ исполнилъ половину своей задачи. Прежде чѣмъ онъ могъ доказать свое положеніе (I, 17), что въ Евангеліи открывалось оправданіе вѣрою, ему сначала необходимо было доказать, что оправданіе не могло быть достигнуто никакими дру-

гими средствами. «Ибо», — говоритъ онъ, вводя здѣсь мысль, которая потомъ подробно доказывается въ его посланіи, «закономъ познается грѣхъ» ¹⁶⁸²).

V.

ОПРАВДАНИЕ ВѢРОЮ.

Человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣла закона. Рим. п, 28.

III. «Но нынѣ, — говоритъ онъ, и этимъ начинается одна изъ самыхъ знаменитыхъ страницъ во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла, — «независимо отъ закона (котораго никто не исполнялъ) явилась правда Божія, о которой свидѣлствуютъ законъ и пророки». Сущность этого свидѣтельства онъ показываетъ послѣ, а теперь останавливается для того, чтобы дать болѣе полное и исчерпывающее опредѣленіе того, что онъ разумѣетъ подъ «правдой Божіей». «Правда Божія чрезъ вѣру въ Иисуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ: ибо нѣтъ различія; потому что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ, котораго Богъ предложилъ въ жертву умиловленія ¹⁶⁸³ въ крови Его чрезъ вѣру, для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ, содѣланныхъ прежде, во время долготерпѣнія Божія, къ показанію правды Его въ настоящее время, да *живится* Онъ праведнымъ и оправдывающимъ вѣрующаго въ Иисуса» ¹⁶⁸⁴).

Остановимся нѣсколько для того, чтобы перечислить отдѣльныя истины этого великаго положенія. Предъ нами раскрываются:

- 1) *Оправданіе*, — новое отношеніе примиренія между человѣкомъ и Богомъ.
- 2) *Вѣра*, — всецѣло преданное принятіе человѣкомъ дара Божія, восходящее до безусловной самопреданности, завершающейся личнымъ единеніемъ со Христомъ и дѣйствующее внутри его въ качествѣ духа новой жизни.
- 3) *Всеобщность* этого оправданія вѣрою, — возможность, предлагаемая всѣмъ, потому что въ немъ чувствуется нужда всѣми.
- 4) Это средство спасенія *дано*, а не приобрѣтено, и не можетъ быть приобрѣтено; оно есть свободный даръ милости или благодати Божіей.
- 5) Цѣль этой вѣры, источника спасенія, есть *жизнь и смерть Христа*, какъ а) искупленіе, т. е. выкупъ человѣчества отъ прямого рабства закону, грѣху и наказанію; и б) какъ умиловительная жертва ¹⁶⁸⁵) не въ отношеніи Бога (исключая грубаго, несовершеннаго и сбивающаго съ толку антропоморфизма), но съ конечной и несовершенной точки зрѣнія человѣка; и поэтому апостолъ

прибавляетъ, что Христосъ дѣлается такимъ *для насъ* посредствомъ вѣры въ Его кровь.

6) *Основаніе* для этого—откровеніе правды Божіей, которая могла бы иначе быть заподозрѣна вслѣдствіе отпущенія прежнихъ грѣховъ.

7) Имѣющаяся въ виду *цѣль*—чтобы въ совершенномъ согласіи съ правдою Богъ могъ оправдать всѣхъ, новая жизнь которыхъ коренится въ вѣрѣ.

Самовосхваленіе поэтому невозможно, такъ какъ не существуетъ заслуги. Дѣлами она недостижима, и въ тоже время исключается самымъ понятіемъ *спасенія*. Это одинаково истинно какъ въ отношеніи іудея, такъ и въ отношеніи язычника, и оправданіе есть свободный даръ Божій человѣку, какъ человѣку ¹⁶⁸⁶), потому что онъ одинъ есть Богъ какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Для іудея вѣра есть источникъ, для язычника—орудіе этого оправданія ¹⁶⁸⁷).

Но здѣсь нужно было опровергнуть новое возраженіе. Іудеи могъ сказать: «но этой вѣрой ты уничтожаешь законъ»—разумѣя подъ закономъ весь Моисеевъ законъ и вообще ветхій заветъ, какъ содержащій исторію избраннаго народа. Напротивъ, отвѣчаетъ ап. Павелъ, я устанавливаю его на твердомъ основаніи (III, 31; см. VI, VII, 4; XIII, 10), потому что яставляю его въ истинномъ свѣтѣ, открывая его въ его истинныхъ отношеніяхъ; показывая, что онъ есть божественно необходимая часть высшей системы; усугубляя его духовность; дѣлая возможнымъ радостное повиновеніе его требованіямъ; указывая его божественное исполненіе. Я показываю, что сознаніе грѣха, явившись съ закономъ, есть необходимое подготовленіе къ принятію благодати. Но начнемъ съ самаго начала. Пойдемъ отъ Моисея даже къ Аврааму. Что же Авраамъ, отецъ нашъ, приобрѣлъ дѣлами? ¹⁶⁸⁸). Своими дѣлами онъ ничего не приобрѣлъ предъ Богомъ, какъ ап. Павелъ и доказываетъ стихомъ, что «повѣрилъ Авраамъ Богу и это вѣрилось ему въ праведность» ¹⁶⁸⁹). Слово «вѣрилось» повторяется одиннадцать разъ въ этой главѣ, есть основная нота всего этого мѣста и имѣетъ наибольшую важность въ дѣлѣ аргументаціи съ іудеями, которые думали, что Авраамъ повиновался закону даже прежде, чѣмъ онъ данъ былъ ¹⁶⁹⁰). Для насъ оно имѣетъ лишь второстепенно значеніе, такъ какъ апостолъ не *выводилъ* своихъ взглядовъ изъ этихъ соображеній, а открывалъ истины, почерпнутыя имъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, пока онъ не истолковывалъ ихъ такимъ образомъ, повидимому не заключали въ себѣ этого глубочайшаго значенія. Нужно, говоритъ Де-Веттэ, не мало проницательности для того, чтобы соединить высшую точку религіознаго развитія съ историческимъ пунктомъ, на которомъ начался рядъ ступеней религіознаго развитія. «Воздающее дѣлающему», доказываетъ ап. Павелъ, «вѣрируется не по милости, но по долгу»; но вѣра Авраама была вѣрена ему въ праведность, равно какъ и всѣмъ, которые вѣруютъ въ Того, кто оправдываетъ нечестиваго. «Такъ и Давидъ называетъ блаженнымъ человѣка, которому Богъ вѣняетъ праведность, независимо отъ дѣлъ»; но это вѣнчаніе не имѣетъ никакого отношенія къ обрѣзанію,

потому что фраза эта употребляется еще раньше, чѣмъ былъ обрѣзанъ Авраамъ, и обрѣзаніе было только печатью, *знакомъ* ¹⁸⁹¹⁾ праведности, вмѣненной ему по его вѣрѣ, дабы онъ считался «отцемъ вѣрующихъ», будутъ ли они обрѣзаны или не обрѣзаны. Закономъ ли дано Аврааму то великое обѣтованіе, на которое рассчитывали всѣ іудеи? Нѣтъ, и именно по двумъ основаніямъ. Вопервыхъ, обѣтованіе это было гораздо раньше закона и было бы совершенно уничтожено, если бы было поставлено въ зависимость отъ послѣдующаго закона; и вовторыхъ, законъ причиняетъ чувство грѣховности (вн, 2 и слѣд.) и такимъ образомъ производитъ гнѣвъ, а не обѣтованіе. Отсюда сила вѣры Авраамовой проявилась въ томъ, что онъ ожидалъ исполненія обѣтованія Божія, не смотря на преклонность своего собственного возраста и возраста Сарры ¹⁸⁹²⁾, и она то вмѣнилась ему въ праведность; и объ этомъ передано намъ, потому что вѣра, обѣтованіе и рожденіе не просто историческія обстоятельства, но всѣ имѣютъ духовное значеніе, благословенное для всѣхъ «вѣрующихъ въ Того, кто воскресилъ изъ мертвыхъ Иисуса Христа, Господа нашего, который преданъ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего» ¹⁸⁹³⁾.

Этимъ образомъ доказано, что ученіе объ оправданіи не противно писанію и не уничтожаетъ, но на самомъ дѣлѣ устанавливаетъ законъ; и въ послѣднемъ стихѣ искусно вводится новое понятіе о смерти Христовой за наши грѣхи и о Его воскресеніи для вмѣненія намъ праведности, то понятіе, которое подробнѣе развивается въ послѣдующихъ главахъ.

Но сначала, доказавъ этотъ пунктъ, апостолъ останавливается на его великихъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ быть выражены двумя словами: миръ и надежда.

Они разсматриваются вмѣстѣ. Мы имѣемъ миръ ¹⁸⁹⁴⁾, потому что чрезъ Христа имѣемъ доступъ къ свободной благодати Божіей, и можемъ не только наслаждаться надеждою на будущее, но даже и радоваться при скорбяхъ настоящаго, потому что онѣ внушаютъ надежду, такъ какъ отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія—опытность, отъ опытности—надежда (Матѣ. v, 10—12; Дѣян v, 41; 1 Петр. iv, 13, 14; 2 Кор. xii, 10, 11). Вѣрность нашей надежды зависитъ отъ любви Божіей, излитой въ наши сердца Духомъ Его Святымъ, и она дѣлается несомнѣнною для насъ, потому что съ неизвѣстнымъ для человечества подвигомъ самопожертвованія ¹⁸⁹⁵⁾ Христосъ умеръ за насъ, не ради какой-либо праведности, а еще менѣе какого-либо достоинства нашего, но потому, что мы были грѣшниками и врагами. И такъ какъ мы примирены съ Богомъ Его смертію, то тѣмъ болѣе, примирившись, спасемся жизнью Его, такъ что наша надежда, основанная на этомъ примиреніи съ Богомъ, станетъ еще больше предметомъ хвалы съ нашей стороны ¹⁸⁹⁶⁾. Наша миръ поэтому есть непосредственное чувство, не требующее внѣшняго доказательства; и наша надежда основывается на любви Божіей, удостовѣряемой для насъ тремя способами, именно: смертію Христа за

насъ, когда мы еще были врагами Божиими; твердостью въ перенесеніи скорбей и видимостью благословеннаго плода ихъ и, главнѣ всего, единеніемъ со Христомъ въ жизни и смерти (v, 1—12).

Мысль о всеобщности грѣха и всеобщности оправданія приводитъ ап. Павла къ одному изъ его великихъ очерковъ религіозной исторіи человѣчества. Для него эта исторія сосредоточивается въ трехъ великихъ моментахъ, связанныхъ съ жизнью Адама, Моисея и Христа, изъ которыхъ миссія Моисея была наименѣе важною. Эти три имени соотвѣтствуютъ тремъ ступенямъ религіозной исторіи міра—обѣтованію, закону и вѣрѣ, изъ которыхъ третья есть осуществленіе первой. Адамъ былъ прообразомъ Христа, и каждый изъ нихъ стоитъ какбы во главѣ длиннаго ряда потомковъ. Каждый представляетъ начало цѣлой эпохи. Перво-родный грѣхъ Адама породилъ грѣховное начало, отъ котораго никто не могъ освободиться въ его потомствѣ; а Христосъ ввелъ возможность новаго и спасительнаго начала, необходимость котораго стала очевидною вслѣдствіе закона Моисея. Здѣсь однако же, какъ замѣчается и въ другихъ мѣстахъ, логическое изложеніе не полно и запутано, и именно вслѣдствіе необычайно быстрого теченія мыслей апостола ¹⁸⁹⁷).

«Посему, какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ—смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили» ¹⁸⁹⁸),—къ чему апостолъ вѣроятно хотѣлъ прибавить, въ качествѣ второй половины параллели—*«такъ равно однимъ человѣкомъ пришло оправданіе и такимъ образомъ жизнь была возвращена всѣмъ»*. Окончаніе этой мысли было однако же устранено желаніемъ скорѣе разъяснить одно затрудненіе. Онъ сказалъ: «всѣ согрѣшили». Но нѣкоторые могли возразить: «какъ же такъ? ты уже сказалъ намъ, что гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и преступленія; какъ же могли грѣшить люди между Адамомъ и Моисеемъ»? Отвѣтъ на это далеко не ясенъ для пониманія. Ап. Павелъ могъ бы сослаться на законъ природы, преступленіе котораго влечетъ за собою грѣхъ; но онъ просто говоритъ: «ибо и до закона грѣхъ былъ въ мірѣ: но грѣхъ не вмѣняется, когда нѣтъ закона». Если бы онъ сказалъ: «грѣхъ не приводится къ самосознанію», его мысль была бы вмѣстѣ и ясна, и послѣдовательна; но употребленный имъ глаголъ (*ἐλλογείται*) не допускаетъ этого смысла. Быть можетъ мы можемъ принять это слово въ томъ ходячемъ смыслѣ, что «онъ не такъ можно признается или вмѣняется»,—взглядъ, который можетъ находить поясненіе въ замѣчаніи Спасителя, что грѣхъ Содомы и Гоморры былъ менѣе непростителенъ, чѣмъ грѣхъ Хоразина и Вивсаиды. Повидимому, онъ хотѣлъ выставить различіе между «грѣхомъ» въ общемъ смыслѣ и «преступленіемъ» какого либо особаго закона или законовъ въ частности ¹⁸⁹⁹). «Всякій грѣхъ», какъ говоритъ Фома Аквинатъ, «можетъ быть названъ преступленіемъ настолько, насколько имъ претупается естественный законъ; но гораздо важнѣе претупать вмѣстѣ и законъ естественный, и законъ писанный. И такимъ образомъ, когда

данъ законъ, преступленіе усиливается и заслуживаетъ бѣльшаго наказанія». Но единственное доказательство, представляемое ап. Павломъ для того, что грѣхъ *былъ* и во время этого періода, заключается въ томъ, что въ теченіе его также царствовала смерть ¹⁷⁰⁰). Когда однако же онъ переходитъ отъ этого нѣсколько темнаго отвѣта (13, 14) для того, чтобы показать, какъ Адамъ былъ прообразомъ Христа, мысль его опять становится ясною. Онъ прежде всего останавливается на пунктахъ различія (15—18) и затѣмъ на пунктахъ сходства (18, 19). Результаты, произведенные Адамомъ и Христомъ, различаются между собою и качественно, и количественно, различаются какъ по степени, такъ и по роду.

1. Преступленіемъ Адама подверглись смерти многіе. Но въ гораздо бѣльшей степени преизбыточествуетъ для многіхъ свободная благодать Христова ¹⁷⁰¹).

2. Осужденіе рода человѣческаго на смерть произошло отъ *единичнаго* преступленія одного человѣка; оправданіе свободно давалось вопреки *многихъ* преступленій.

3. Вслѣдствіе преступленія Адама началось царство *смерти*; но всѣ приѣмлющіе обиліе благодати и даръ праведности гораздо бѣлье будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единого Іисуса Христа. Но вмѣстѣ съ этими различіями есть также и глубокое сходство. За однимъ преступленіемъ (грѣхомъ Адама) слѣдуетъ и одно осужденіе для всѣхъ; за однимъ актомъ правды (смертію Христа) слѣдуетъ и одно оправданіе, дающее жизнь всѣмъ; непослушаніемъ одного ¹⁷⁰²) сдѣлались грѣшниками многіе ¹⁷⁰³); послушаніемъ одного многіе сдѣлаются праведными (12—20). Такимъ образомъ ап. Павелъ въ этомъ мѣстѣ излагаетъ происхожденіе грѣха; но какъ бы онъ ни разрѣшалъ антиноміи его *родовой* необходимости и *индивидуальнаго* происхожденія, что онъ оставляетъ неразрѣшеннымъ, онъ несомнѣнно былъ бы готовъ сказать съ псевдо-Варухомъ, что «каждый изъ насъ есть Адамъ для своей собственной души».

Но здѣсь еще разъ возникаетъ вопросъ: что же станетъ съ закономъ? Неужели это божественное откровеніе окончится ничѣмъ? На этотъ вопросъ ап. Павелъ уже далъ одинъ отвѣтъ въ посланіи къ Галатамъ; теперь онъ даетъ другой, который, до своего полнаго объясненія, могъ бы произвести смущеніе. Галатамъ онъ объяснялъ, что до мессіанскій періодъ былъ *tirosinim* міра и что въ теченіе этого періода законъ былъ необходимъ какъ педагогическое руководство. Римлянамъ онъ представляетъ новую точку зрѣнія и показываетъ, что законъ былъ не только необходимымъ звеномъ между обѣтованіемъ и его исполненіемъ, но и существеннымъ факторомъ въ религіозномъ развитіи міра. Онъ выставляется со стороны «силы грѣха», съ той именно стороны, съ которой онъ, давая познаніе о грѣхѣ, могъ стать посредникомъ между грѣхомъ и благодатью. «Законъ, говоритъ апостолъ, пришелъ (употребленное имъ при этомъ слово имѣетъ почти унижающій смыслъ ¹⁷⁰⁴), который, вѣроятно, не имѣлся имъ въ виду), чтобы умножилось преступленіе». Ужасная въ самомъ дѣлѣ цѣль, и онъ объясняетъ

ее вполнѣдствіи (vii): но даже здѣсь онъ спѣшитъ прибавить, что гдѣ умножился грѣхъ, тамъ стала преизобиловать благодать, что какъ грѣхъ царствовалъ къ смерти, такъ и благодать воцарилась чрезъ праведность къ жизни вѣчной Иисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ ¹⁷⁰⁵).

Слѣдующая глава (vi) имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ ней излагается возраженіе, которое могло казаться столь ужаснымъ, и показывается, какъ относиться къ этой видимой несообразности. Если благодать преизбыточествуетъ надъ грѣхомъ, то почему намъ не продолжать оставаться въ грѣхѣ? Отвергнувъ эту мысль своимъ обычнымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ «никакъ», апостолъ переходитъ въ этой главѣ къ доказательству, сначала въ таинственномъ (vi, 1—15) и затѣмъ въ болѣе общедоступномъ изложеніи (15—23), нравственныхъ слѣдствій своего ученія. Въ первой половинѣ этой главы онъ пользуется метафорой смерти, въ послѣдней—метафорой *освобожденія*, для того, чтобы выяснить мысль, что между христіаниномъ и грѣхомъ нѣтъ ничего общаго.

Съ общей теоретической точки зрѣнія излишне и говорить христіанину о томъ, чтобы онъ не грѣшилъ; онъ *мертъ* для грѣха; самое названіе «избранный» или «святый» исключаетъ всякую мысль о грѣхѣ, потому что христіанинъ находится «во Христѣ». Это слово выражаетъ самую сущность всего, что есть наиболѣе отличительнаго въ богословіи ап. Павла, и однакоже оно совершенно тождественно съ основною мыслью ап. Іоанна, который (какъ намъ предлагаютъ думать беззастѣнчивые критики) будто бы издѣвается надъ нимъ въ Апокалипсисѣ какъ надъ Валаамомъ и Іезавелью, какъ надъ фальшивымъ іудеемъ и ложнымъ апостоломъ! Что въ выраженіи — «во Христѣ» заключается самая тайна, откровенное таинство христіанской жизни, особенно какъ о ней учатъ апостолы Павелъ и Іоаннъ, это самоочевидно для всякаго мыслящаго читателя. Если это таинственное единеніе, къ которому то и дѣло обращаются оба апостола, выражено ап. Павломъ въ иносказаніи о камняхъ въ храмѣ, для котораго Христосъ есть основаніе (Ефес. ii, 19—22; см. 1 Петр. ii, 5; Ис. xlviii, 16), о членахъ тѣла, котораго Христосъ есть глава (Рим. xii, 5; Ефес. iv, 16; 1 Кор. xii, 12, 13, 27; Кол. i, 18), то ап. Іоаннъ приводитъ иносказаніе (на которое намекаетъ также и ап. Павелъ) о вѣтвяхъ и лозѣ виноградной (Іоан. xv, 5; Рим. vi, 5; Фил. i, 11), и оба апостола безъ всякаго образа, то и дѣло заявляютъ, что христіанская жизнь есть жизнь духовная, жизнь сверхъестественная, такая, какою мы можемъ жить только вѣрою, единеніемъ и участіемъ въ жизни Сына Божія (2 Кор. v, 17; Рим. vi, 8; Гал. ii, 20; Ефес. iii, 6; Кол. iii, 3; Іоан. x, 28; xiv, 19; xv, 4—10; 1 Іоан. v, 20; ii, 24 и проч.). Въ воззрѣніи обоихъ апостоловъ Христосъ есть наша жизнь и помимо Его мы не имѣемъ истинной жизни (Іоан. iii, 27; v, 24; xi, 25; xiv, 20; Гал. ii, 20; Кол. iii, 4; 1 Іоан. i, 1; v, 12 и проч.). Ап. Павелъ затѣмъ любитъ метафору объ облеченіи во Христа, какъ въ одѣяніе, объ облеченіи въ новаго человека (Гал. iii, 27; Рим. xiii, 14; Ефес. iv, 24; Кол. iii, 10), о преобразеніи въ образъ славы Его

(2 Кор. iii, 18). Вообще слова «во Христѣ» и «со Христомъ» самыя частыя и употребительныя у него выраженія. Мы трудимся для Него, живемъ въ Немъ, умираемъ въ Немъ, встаемъ въ Немъ и оправдаемся въ Немъ. Мы овцы Его, ученики Его, воины Его и слуги Его.

Такъ какъ жизнь христіанина сокрыта со Христомъ въ Богѣ, то и его смерть со Христомъ есть смерть для грѣха, его воскресеніе со Христомъ есть воскресеніе къ жизни. Погруженіе подъ водою крещенія есть единеніе съ смертію Христа; выходъ изъ воды крещенія есть воскресеніе съ Христомъ и рожденіе къ новой жизни. Что крещеніе для отдѣльнаго лица, то смерть Христова для всего рода человѣческаго. Если христіанинъ *соединился съ Христомъ въ Его смерти*, то онъ соединится также съ Нимъ и въ Его воскресеніи ¹⁷⁰⁶). Древнее рабствующее грѣху человечество распято со Христомъ и новый человѣкъ оправданъ отъ грѣха, потому что онъ мертвъ для него и живетъ во Христѣ. Это идеаль. Живите по нему. Свергните грѣхъ, который властвуетъ надъ вашей немощной природой. «Не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте ¹⁷⁰⁷) себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу въ орудія праведности. Грѣхъ не долженъ надъ вами господствовать, ибо вы не подъ закономъ, но подъ благодатію» (vi, 1—15). «Умрите для грѣха, умрите для похоти, умрите для вашего стараго, рабскаго тлѣннаго я, умрите для побужденій животной страсти и самовласти мірскихъ желаній; потому что Христосъ умеръ также, и вы соединяетесь съ Нимъ въ смерти для того, чтобы соединиться съ Нимъ и въ жизни». Но эти слова опять выдвигаютъ призракъ стараго возраженія. «Что же, станемъ ли грѣшить, потому что мы не подъ закономъ, а подъ благодатію»? И это возраженіе ап. Павелъ опять отвергаетъ тѣмъ же самымъ аргументомъ, покрѣпляемымъ болѣе очевидной и менѣе таинственной иллюстраціей, въ которой онъ разъясняетъ изреченіе Спасителя: «не можете служить двумъ господамъ». Человѣкъ долженъ быть или рабомъ грѣха, или рабомъ послушанія въ праведность ¹⁷⁰⁸). Благодареніе Богу! вы уже освобождены отъ этого прежняго рабства грѣху, когда вы подчинились тому ученію, которое дано вамъ провидѣніемъ Божиимъ; и затѣмъ, если изъ снисхожденія къ вашей человѣческой слабости я могу воспользоваться несовершеннымъ выраженіемъ, «вы стали рабами праведности» ¹⁷⁰⁹). Плодомъ того прежняго рабства были позоръ и бѣдствіе. заключеніемъ его была смерть. Это же новое рабство Богу есть совершенная свобода. Плодъ его «есть святость, а конецъ вѣчная жизнь, ибо возмездіе за грѣхъ—смерть, а даръ Божій—жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ» (vi, 15—23).

IV. Въ этомъ пунктѣ своей аргументаціи апостоль чувствовалъ настоятельную нужду яснѣе опредѣлить и рѣшительнѣе установить свой взглядъ касательно положенія закона въ планѣ спасенія. Помимо обсужденія этого вопроса въ посланіи къ Галатамъ, онъ уже и въ этомъ посланіи сдѣлалъ три случай-

ныхъ намека на предметъ, который могъ устрашать незнакомыхъ съ его взглядами іудеевъ и языческихъ христіанъ Рима. Онъ уже говорилъ:

1) что «дѣлами закона не оправдается предъ Богомъ никакая плоть; ибо закономъ познается грѣхъ» (III, 20);

2) что «законъ пришелъ послѣ, и такимъ образомъ умножилось преступленіе» (V, 20);

3) что христіанинъ не подъ закономъ, но подъ благодатію и что *поэтому* грѣхъ не долженъ господствовать надъ нимъ (VI, 14).

Св. ап. Павелъ

(съ изображенія по слоновой кости V или VI вѣка).

Такія положенія, оставленныя безъ объясненія и подтвержденія, могли бы сразу же отклонить всякаго іудейскаго читателя отъ надлежащаго изслѣдованія этого вопроса и возбудили бы только чувство недовѣрія и отвращенія; и поэтому апостолъ переходитъ къ трудной задачѣ оправданія своихъ взглядовъ.

Задача эта была трудна потому, что ему приходилось доказывать, на основаніи священнаго писанія и діалектически, истины, къ которымъ онъ пришелъ совершенно инымъ способомъ. Центральнымъ пунктомъ его собственнаго убѣжденія была проходящая чрезъ все посланіе къ Галатамъ (Гал. II, 21; III, 21)

мысль, что если бы спасеніе можно было приобрѣтать «дѣлами», если бы законъ былъ достаточенъ для оправданія, то смерть Христа была бы излишня и напрасна. Если онъ правъ въ своемъ безусловномъ убѣжденіи, что только вѣрою въ кровь Спасителя мы оправдываемся предъ Богомъ, тогда ясно, что законъ явно обличался въ неспособности достигнуть этого результата. Подъ закономъ же ап. Павелъ разумѣлъ *весь* Моисеевъ законъ, такъ какъ онъ не полагаетъ различія между его отдѣльными частями. Въ посланіи къ Евреямъ эта мысль доказывается тѣмъ, что законъ былъ отмѣненъ полнотою его исполненія, что недостаточность его доказываетъ только его прообразовательный характеръ, и что прообразъ исчезъ съ исполненіемъ сущности, какъ звѣзда меркнетъ при свѣтѣ солнца. Этотъ аллегорическій методъ, къ которому нерѣдко прибѣгаетъ ап. Павелъ ¹⁷¹⁰), былъ естественнымъ результатомъ его раввинскаго образованія въ школѣ Гамалиила. Если бы ап. Павелъ прибѣгъ къ этому методу теперь, то хотя это несомнѣнно сдѣлало бы его аргументацію «менѣе рѣзкою и менѣе оскорбительною для сознанія іудеевъ» ¹⁷¹¹), но въ то же время сдѣлало бы ее и менѣе дѣйствительною для освобожденія церкви и міра. Законъ нужно было, такъ сказать, низвести изъ его первенствующаго положенія въ умахъ іудеевъ въ то отрицательное, дополнительное, второстепенное, недостаточное положеніе, которое одно только и принадлежало ему, прежде чѣмъ можно было съ нѣкоторымъ благоразуміемъ возстановить его въ положеніе разумнаго почета. Онъ имѣлъ только второстепенную, предварительную важность. Онъ введенъ былъ только *per accidens*. Цѣль его была воспитательная, а не конечная. Разсужденіе ап. Павла могло причинять скорбь. Но скорбь, которую онъ причинялъ, была необходимая и спасительная; и великимъ благомъ было какъ для іудеевъ, такъ и для всего міра, что, стараясь сдѣлать свои доводы удобопріемлемыми изложеніемъ ихъ въ возможно примирительномъ тонѣ, апостолъ въ то же время не старался смягчить производимаго ими смущенія ослабленіемъ ихъ внутренней силы.

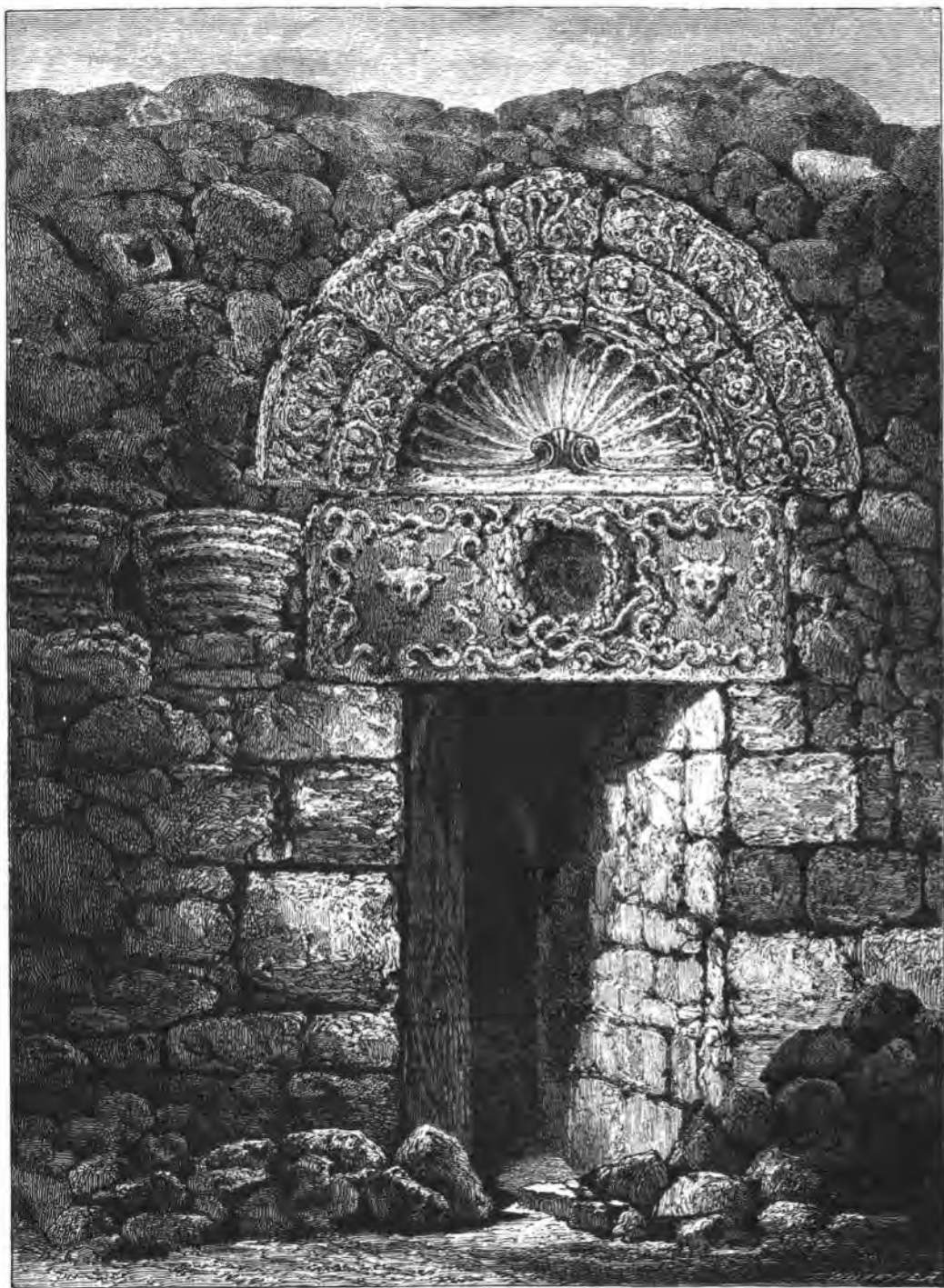
I. Первымъ его положеніемъ было то, что закономъ нельзя оправдаться (Рим. ш, 20). Что имъ нельзя оправдаться, это очевидно, потому что если бы при посредствѣ закона можно было достигать этого, то смерть Христа была бы излишня. Но *почему же* законъ былъ такъ неэффектителенъ? Ап. Павелъ скорѣе указываетъ, чѣмъ ясно излагаетъ, причину этого въ слѣдующей главѣ (vш). Это потому, что законъ, насколько дѣло касается его формы, имѣетъ внѣшній характеръ; это—повелѣніе со-внѣ; это—буква, которая произноситъ приговоръ смерти на нарушителей (2 Кор. ш, 6); онъ не имѣетъ въ себѣ силы сочувствія, которымъ можно тронуть сердце; онъ не имѣетъ силы для покоренія себѣ воли. Онъ въ одномъ смыслѣ «духовенъ», потому что «святъ, праведенъ и добръ»; но онъ ни коимъ образомъ не имѣетъ въ себѣ *животворящаго духа* и поэтому не можетъ вдохнуть жизнь. Почему же? Просто потому, что онъ встрѣчаетъ себѣ сильнаго,

поборающего его противника въ самомъ существѣ человѣка—въ господствѣ грѣха въ плоти. Законъ былъ «ослабленъ плотію»—т. е. чувственнымъ началомъ, господствующимъ надъ всѣмъ человѣкомъ въ душѣ и тѣлѣ ¹⁷¹²). Въ человѣческомъ *духѣ* ап. Павелъ замѣчалъ нравственную склонность къ добру, въ *плоти* же—нравственную склонность ко злу, и отъ этихъ то разнородныхъ элементовъ возникаетъ «дуализмъ антагонистическихъ нравственныхъ началъ» ¹⁷¹³). Естественная самопроизвольность человѣка противится божественному опредѣленію. Субъективная воля сильнѣе объективной заповѣди. Даже если бы человѣкъ могъ исполнить одну часть закона, онъ все-таки не могъ бы оправдаться, потому что законъ возложилъ проклятіе на того, кто не исполнялъ *всѣхъ* его требованій, невозможность чего явно чувствовалась и нравственнымъ сознаниемъ (Гал. iii, 10; Іак. ii, 10).

II. Но второе положеніе ап. Павла, что законъ умножилъ преступленіе (Рим. v, 2), звучало почти страшнымъ оскорбленіемъ. «Законъ, — какъ онъ уже говорилъ въ посланіи къ Галатамъ, — данъ до времени пришествія обѣтованнаго сѣмени *по причинѣ преступленій*» ¹⁷¹⁴). Объяснять это положеніе въ смыслѣ «*оплота* противъ преступленій», хотя бы съ другой точки зрѣнія и въ другомъ отношеніи это могло бы быть и вѣрнымъ ¹⁷¹⁵), — въ этомъ мѣстѣ нелѣпо, потому что ап. Павелъ доказываетъ неспособность закона произвести это дѣйствіе. Затѣмъ это совершенно противорѣчило бы тому, что онъ говоритъ, именно, что слѣдствіемъ закона было *умноженіе* преступленій. Правда, «грѣхъ» (*ἀμαρτία*) могъ бы существовать и внѣ закона, хотя, не будучи приведенъ къ свѣту самосознанія, онъ не сознавался бы человѣкомъ (Рим. v, 13; vii, 7); но апостолъ уже говорилъ намъ, что внѣ закона нѣтъ «преступленія» (iv, 15) и нѣтъ «вмѣненія» (v, 13), и человѣкъ живетъ въ состояніи относительной невинности, мало озабочиваемый существованіемъ объективнаго зла ¹⁷¹⁶). Поэтому ап. Павлу предстояла трудная задача окончательно отдѣлать законъ отъ всякой *прямой* связи съ спасеніемъ, показать именно, что, при разсчитываніи дѣла съ богословской точки зрѣнія (а эта именно точка зрѣнія и звучала для іудея столь парадоксально и оскорбительно), Богъ явно предназначалъ его не для предупрежденія грѣха и совершенія праведности, но для *умноженія грѣха и содѣланія гнѣва* ¹⁷¹⁷). Онъ умножалъ грѣхъ потому, что, по психологическому закону, который мы не можемъ объяснить, но который ап. Павелъ излагаетъ здѣсь съ чудеснымъ проникновеніемъ въ человѣческую природу,—самое существованіе заповѣди дѣйствуетъ въ качествѣ побужденія къ ея нарушенію («*Permissum fit vile nefas*»); приводя грѣхъ къ полному самосознанію, законъ тѣмъ самымъ вызываетъ гнѣвъ ¹⁷¹⁸) и такимъ образомъ дѣлается источникомъ жестокаго бѣдствія,—именно возбуждая въ совѣсти то чувство виновности, которое есть сознаніе разлада съ Богомъ, омрачая жизнь тѣнію страха и самопрезрѣнія, создавая чувство нравственной смерти и придавая тѣлесной смерти ея самое страшное жало (Рим. iv, 15; vii, 10—13).

III. Третье положеніе, что «мы не подъ закономъ, но подъ благодатію»

Входъ въ синагогу.

(Рим. vi, 14), было уже достаточно разъяснено; и нужно имѣть въ виду, что цѣлью ап. Павла было показать, что истинное богословское положеніе закона — т. е. его истинное положеніе въ божественномъ домостроительствѣ спасенія, заключается въ томъ, чтобы становиться между грѣхомъ и благодатію, быть побудительнымъ элементомъ въ совершеніи дѣла спасенія. Апостолъ доказалъ уже это исторически и экзегетически въ пятой главѣ, равно какъ и въ Гал. iii, настаивая на томъ обстоятельстве, что законъ, какъ дополнительное установленіе (Гал. iii), не можетъ уничтожить свободнаго обѣтованія, которое дано было на сорокъ три года раньше его и освящено клятвою. Законъ поэтому доказываетъ, во-первыхъ, невозможность какого либо другого пути въ достиженіи исполненія обѣтованія, кромѣ свободнаго благорасположенія, и во вторыхъ, невозможность считать это обѣтованіе въ качествѣ *дома* (*οφείλημα*), когда оно есть свободный даръ. Съ этой точки зрѣнія законъ исполняетъ должность побудителя, заставляющаго человѣка добиваться того оправданія, которое возможно въ вѣрѣ. Объективно и исторически поэтому исторія человѣка можетъ быть разсматриваема въ четырехъ фазисахъ: грѣхѣ, обѣтованіи, законѣ, благодати — Адамъ, Авраамъ, Моисей, Христъ; субъективно и индивидуально также въ четырехъ фазисахъ — относительной невинности, пробужденной совѣсти, вмѣняемомъ преступленіи, свободномъ оправданіи. Одна есть божественная, другая — человѣческая сторона одного и того же процесса, и обѣ онѣ находятъ свое объясненіе, хотя независимо одна отъ другой, въ богословіи ап. Павла (Римл. v, vii, xi; Гал. iii и iv).

Если въ качествѣ новѣйшаго возраженія противъ этого богословія и методовъ аргументаціи и экзегезиса ап. Павла утверждаютъ, что они возбуждаютъ множество затрудненій; вливаютъ новое вино въ старые мѣхи, которые лопаются отъ его броженія; заключаютъ въ себѣ таинственную идеализацію полутора-тысячелѣтней исторіи и простаго буквального смысла большей части ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго писанія, и что самъ Моисей былъ бы утраченъ положеніемъ, что цѣлью его закона было только умноженіе преступленій и усиленіе чувства тяжести грѣха, какъ это и было съ нимъ, когда онъ по одному сказанію увидѣлъ, какъ раввинъ Акиба приписывалъ ему цѣлыя тысячи правилъ, которыхъ онъ никогда не постановлялъ; что законъ былъ очевидно данъ съ намѣреніемъ, чтобы ему повиновались, а не съ намѣреніемъ, чтобы его нарушали; что самъ ап. Павелъ говорилъ въ этомъ самомъ посланіи «объ оправданіи исполнителей закона», о дѣлахъ закона, о дѣланіи добра и о вознагражденіи за него (Рим. ii, 6—13; iv, 4) и о пожинаніи посѣяннаго (Гал. vi, 7; 2 Тим. iii, 13; 1 Кор. xv, 58); что онъ въ каждомъ изъ своихъ посланій настаивалъ на необходимости нравственныхъ обязанностей, не какъ неизбѣжномъ результатѣ того единенія со Христомъ, въ которое ѣ состоитъ жизнь христіанина, но какъ о цѣли, къ которой христіане должны стремиться и для исполненія которой они должны прибѣгать къ настойчивымъ и суровымъ усиліямъ (1 Кор. ix, 25—27; Фил. iii, 14);

и что въ его пастырскихъ посланіяхъ эти нравственные разсужденія, подобно посланіямъ апп. Петра и Іакова, видимо все болѣе выступали впередъ (Мих. vi, 12; 1 Тим. iv, 7, 8; п. 3; Тита iii, 8; п. 14; 2 Петр. i, 10, 11; Іак. ii, 17, 24), между тѣмъ какъ высокія богословскія истины, повидимому, все болѣе отодвигались на задній планъ,—если будутъ высказаны эти возраженія, какъ они часто и высказывались въ дѣйствительности, то на нихъ можно также дать различные отвѣты. Мы нисколько не намѣрены игнорировать этихъ затрудненій, хотя при отдѣльномъ изслѣдованіи ихъ было бы легко показать, что излагать ихъ такимъ образомъ значитъ не вникать въ истинный характеръ умственной перспективы. Что касается стиля аргументаціи ап. Павла, то тѣ, которые видятъ въ ней фальсификацію священнаго писанія, неправильное обращеніе съ словомъ Божиимъ (противъ чего явно возстаетъ самъ ап. Павелъ ¹⁷¹⁹), должны прежде всего удостовѣриться, не потерпѣли ли они сами нѣкотораго умственного помраченія вслѣдствіе узкой подозрительности и невѣжественной предубѣжденности (2 Кор. iv, 1—7). Ап. Павелъ считалъ священное писаніе несомнѣннымъ словомъ Божиимъ, и однако, даже когда онъ повидимому приписываетъ простымъ словамъ и звукамъ чудодѣйственное значеніе, онъ никогда не позволяетъ буквѣ священнаго писанія затѣнять свѣтъ (φωτισμός) духовнаго озаренія (2 Кор. iv, 4). Даже когда онъ, повидимому, имѣлъ противъ себя все пятокнижіе, онъ никогда не допускалъ того, чтобы какимъ либо внѣшнимъ выраженіемъ поработить внутреннюю идею. Онъ зналъ, что одно слово Божіе не можетъ противорѣчить другому, и его аллегорическій и одухотворяющій методъ (который, въ той или другой формѣ, безусловно необходимъ, такъ какъ законъ говорить языкомъ сыновъ человѣческихъ, а человѣческій языкъ, даже въ лучшемъ смыслѣ, есть асимптотъ мысли) не дѣлается орудіемъ механическаго вывода или личнаго каприза, но употребляется для подтвержденія общихъ истинъ, плодотворныхъ идей, духовнаго убѣжденія, прямыхъ откровеній, которыя подобны вѣчному храму, созидаемому во временной оградѣ отмѣненнаго завѣта. За этотъ именно способъ обращенія съ священнымъ писаніемъ его и считало богохульникомъ непросвѣщенное и грубое фарисейство его времени, но онъ былъ въ этомъ отношеніи прямой преемникъ пророковъ, которые относились къ прежнимъ откровеніямъ съ духомъ священной независимости ¹⁷²⁰), и съ ихъ мантией онъ получилъ двойную долю ихъ духа. Онъ сознавалъ, что истины, которыя его противники называли «безуміемъ» и «богохульствомъ», были такъ же святы, какъ трисвятое серафимовъ; что его «отступничество отъ Моисея» ¹⁷²¹) вытекало изъ гораздо болѣе глубокаго благоговѣнія къ нему, чѣмъ какое было у его защитниковъ, и въ самыхъ крайнихъ изъ его мнимыхъ новшествъ заключалось вѣчное значеніе.

А что касается видимыхъ противорѣчій, то ап. Павелъ, подобно всѣмъ великимъ мыслителямъ, очень мало заботился о нихъ. Сомнительно даже, предположили ли они явственно его уму. Онъ зналъ, что предопредѣленія безконечнаго

не могутъ быть заключены въ системы конечнаго. Онъ зналъ, что какъ въ чело-вѣческихъ, такъ и въ божественныхъ истинахъ встрѣчаются извѣстныя антиноміи, непримиримыя для простаго разума и однако же совершенно способны слиться въ единство при свѣтѣ божественно озареннаго разума или, какъ сказалъ бы онъ, духа чело-вѣческаго, таинственно соединеннаго съ духомъ Христовымъ. Онъ зналъ, что его ученіе, какъ схема, какъ система, какъ теорія спасенія, рассмат-риваемая съ отвлеченной и идеальной точки зрѣнія, было истинно, и что его изложеніе божественнаго преднамѣренія несомнѣнно, потому что онъ сознавалъ, что получилъ его не отъ чело-вѣка и не черезъ чело-вѣка ¹⁷²²), а по волѣ Божіей. Но идеальное не тоже что дѣйствительное, и тѣ же самыя истины, будемъ ли мы ихъ разсматривать въ ихъ богословскомъ отношеніи какъ часть одной обширной философіи плана спасенія, или излагать обыденнымъ языкомъ въ ихъ непосредственномъ отношеніи къ фактамъ обыденной жизни, являются намъ въ совершенно различномъ свѣтѣ. Потому то, утверждая, что чело-вѣкъ оправды-вается вѣрою, а не дѣлами закона, ап. Павелъ могъ въ тоже время свободно говорить о томъ, что язычники исполняютъ законъ по природѣ вещей, что исполняющій законъ будетъ оправданъ и что Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его (Рим. ii, 13, 14; xiv, 10; см. также 2 Кор. v, 10; Гал. vi, 7; Ефес. vi, 8; Кол. iii, 24, 25).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ теперь продолжать изложеніе посланія, главные идеи котораго отмѣчены нами. Переходя такимъ образомъ къ дальнѣйшему изложенію своихъ взглядовъ касательно закона и обращаясь (vii гл.) къ тѣмъ, которые знаютъ его, апостолъ затѣмъ подтверждаетъ метафору, что христіанинъ умеръ для своего прежняго нравственнаго состоянія и воскресъ къ новому. Женщина, мужъ которой умеръ, можетъ опять вступить въ бракъ; мы мертвы для закона и потому свободны соединиться съ Христомъ. На этой мимолетной иллюстраціи очевидно нельзя было настаивать особенно, потому что она не включаетъ въ себѣ надлежащей полноты: она неполна потому, что слово «мертвый» употреблено здѣсь въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ, и потому, что для того, чтобы сдѣлать эту аналогію полною, нужно думать, что законъ умеръ для насъ, а не мы для закона. Но ап. Павелъ дѣлаетъ лишь мимоходное употребленіе изъ этихъ примѣровъ для того, чтобы показать, что новая жизнь христіанина влечетъ за собою совершенно новыя отношенія (2 Кор. xi, 2; Ефес. v, 25), что со смертію естественно оканчиваются всѣ законныя обязательства, и что наша связь съ воскресшимъ Христомъ такъ тѣсна, что она можетъ быть сравнена съ брачнымъ союзомъ. Отсюда, все наше прежнее состояніе, какъ по характеру, такъ и по результатамъ, измѣнилось, и съ нашею новою жизнью воскресъ изъ мертвыхъ новый законъ, которому мы должны служить въ обновленіи духа, а не въ ветхости буквы. Тотъ, кто умеръ для грѣха, умеръ и для закона, потому что законъ можетъ царствовать, пока лишь царствуетъ

грѣхъ, и потому, что Христосъ въ своемъ распятомъ тѣлѣ уничтожилъ тѣло грѣха ¹⁷²³).

Но ап. Павелъ сознаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ такъ близко сопоставилъ законъ и грѣхъ, что могъ причинить этимъ глубочайшее смущеніе. Чтобы лучше и полнѣе уяснить свою мысль, онъ приступаетъ къ психологическому размышленію, необычайная важность котораго всегда признавалась независимо даже отъ его положенія въ системѣ богословія. Здѣсь онъ пишетъ какбы самую кровію своего собственнаго сердца. Онъ обмакиваетъ перо въ свой внутренній духовный опытъ. Здѣсь онъ имѣетъ дѣло не съ идеальнымъ или отвлеченнымъ, а съ страшными испытаніями своей дѣйствительной жизни. Дѣлалось множество изслѣдованій о томъ, говоритъ ли онъ здѣсь о себѣ лично или о другихъ, имѣетъ ли онъ въ виду возрожденнаго или невожатеннаго человѣка. Но пусть даже нравственно добрые люди взглянутъ внутрь своего собственнаго сердца, и отвѣтъ будетъ ясенъ. Идеально христіанинъ безусловно составляетъ едино съ Христомъ и мертвъ для грѣха; въ дѣйствительности же, какъ то и дѣло ап. Павелъ говоритъ далѣе о себѣ самомъ, его жизнь есть борьба, въ которой нѣтъ пощады. Въ каждомъ изъ насъ есть и Адамъ и Христосъ. «Ангель ведетъ насъ за руку, а змѣй—за сердце». Здѣсь именно онъ изъ самопознанія своего собственнаго сердца, подтверждаемаго знаніемъ сердца другихъ, объясняетъ, что законъ хотя и не есть причина грѣха, есть однако же поводъ къ нему; и что въ каждомъ человѣческомъ существѣ дѣйствуютъ два закона, т. е. двѣ противоположныхъ наклонности, которыя время отъ времени овладѣваютъ имъ и влекутъ его въ противоположныхъ направленіяхъ. На основаніи такого опыта онъ написалъ какбы сокращенную исторію жизни души. Когда мы разъ уяснимъ себѣ, что «я» въ этомъ мѣстѣ употребляется въ различныхъ смыслахъ,—иногда въ смыслѣ плоти, низшей природы, въ отношеніи къ которой ап. Павелъ могъ говорить о себѣ, какъ о первомъ изъ грѣшниковъ; иногда о высшей природѣ, могущей подниматься до той высоты духовной жизни, которую онъ разсматривалъ предъ тѣмъ; иногда вообще о себѣ, какъ членѣ человѣческаго рода, — то тогда легко будетъ слѣдить за его великой исторіей духа.

Самъ по себѣ законъ не есть грѣхъ, но онъ вызываетъ непослушаніе ¹⁷²⁴) и создаетъ *сознаніе* грѣха. И безъ него существуетъ грѣхъ, но онъ мертвъ; другими словами, скрытъ и несознательнъ. Это вѣкъ воображаемой невинности, животнонеразумной жизни, нестыдящейся наготы. Но это есть состояніе «безнравственной успокоенности», которая не можетъ быть постоянной; состояніе неумѣстной увѣренности, которая имѣетъ своимъ слѣдствіемъ частое уклоненіе отъ долга. Когда слѣпое стремленіе ко злу становится сознательнымъ отъ столкновенія съ прямою заповѣдью, тогда грѣхъ пріобрѣтаетъ новую жизнь на счетъ того бѣдствія и поворота, который есть духовная смерть ¹⁷²⁵). Такимъ образомъ грѣхъ, подобно сатанѣ, является подъ видомъ ангела свѣта и, взявъ поводъ отъ

заповѣди, обольщаетъ и умерщвляетъ ею человѣка, хотя самъ по себѣ «законъ святъ и заповѣдь свята, и праведна, и добра» ¹⁷²⁶).

«Какъ же такъ?» можетъ спросить кто нибудь: «неужели *доброе* сдѣлалось *смертоноснымъ*? Никакъ, отвѣчаетъ апостолъ, но грѣхъ, оказывающійся грѣхомъ потому, что посредствомъ добраго причиняетъ мнѣ смерть, такъ что грѣхъ становится крайне грѣшенъ посредствомъ заповѣди». Какъ же случилось это? Это произошло вслѣдствіе борьбы высшихъ и низшихъ элементовъ нашего существа, вслѣдствіе спора между плотскою и рабскою натурой ¹⁷²⁷) и первоначальною духовностью закона, результатомъ чего является то, что во мнѣ являются какбы два человѣка, живущіе двумя различными жизнями; «ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ: а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, т. е. въ плоти моей, доброе; ибо желаніе добра *есть* во мнѣ, но чтобъ сдѣлать оное, того не нахожу; добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое ¹⁷²⁸); ибо по внутреннему человѣку ¹⁷²⁹) нахожу удовольствіе въ законѣ Божиѣмъ: но въ членахъ моихъ вижу другой законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти?»

«Благодарю Бога моего Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ!» Признакъ напряженности чувства, съ которымъ апостолъ писалъ это посланіе, явно сказывается въ томъ, что онъ характеристически опускаетъ упомянуть то самое, за что онъ благодаритъ Бога. Но слова: «Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ» достаточно показываютъ, что его благодарность воспламенена убѣжденіемъ, что избавленіе возможно, что избавленіе совершено ¹⁷³⁰). «Итакъ, тотъ же самый я умомъ моимъ ¹⁷³¹) служу закону Божию, а плотію—закону грѣха» ¹⁷³²); но это рабство значительно ослаблено, даже практически свергнуто. «Итакъ, нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Иисусѣ ¹⁷³³) живутъ не по плоти, но по духу». Грѣхъ есть рабство и смерть; духъ есть свобода и жизнь. Законъ, ослабленный плотію, былъ безсиленъ, но Богъ послалъ Сына своего въ подобіи плоти грѣховной, въ жертву за грѣхъ ¹⁷³⁴), и осудилъ ¹⁷³⁵) грѣхъ во плоти, чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ, живущихъ не по плоти, но по духу ¹⁷³⁶). Смерть Христа, такъ сказать, передвинула центръ тяжести нашей воли. Хотя Христосъ и въ насъ, тѣло всетаки можетъ подлежать смерти по причинѣ грѣха, но духъ, наша собственная духовная жизнь (апостолъ не говоритъ просто «содержать элементы жизни», но выразительно говорить) *есть* жизнь, вслѣдствіе праведности, насажденной животворящимъ Духомъ Божиимъ. Если въ насъ обитаетъ тотъ Духъ, который воскресилъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ, то Тотъ, кто вос-

кресилъ Христа изъ мертвыхъ, дать и намъ полную жизнь, отчасти здѣсь, но окончательно за гробомъ ¹⁷³⁷). Но даже и здѣсь, въ нынѣшнемъ мірѣ, мы достигаемъ «жизни духа». Правда, мы никогда не можемъ исполнить *всего* закона (Гал. ш, 10), но вмѣсто количественнаго исполненія поставляется исполненіе качественное и «всецѣлость расположенія заключаетъ въ себѣ всецѣлость закона». На этой ступени жизнь въ полномъ смыслѣ становится жизнью. Законъ духа есть «законъ духа жизни во Христѣ Иисусѣ».

Это именно и показываетъ намъ истинный законъ и истинный результатъ нашей *жизни*. Если мы руководимся Духомъ Божиимъ, то мы сыны Божіи, и духъ страха становится духомъ сыновства, и вопль рабства—воплемъ довѣреннаго обращенія къ Отцу небесному. Такимъ образомъ мы дѣлаемся сонаслѣдниками со Христомъ, и поэтому, чтобы раздѣлять Его славу, мы должны также раздѣлять Его страданія. Полная слава этого сыновства будетъ получена нами за гробомъ, и въ сравненіи съ нею страданія этой жизни ничто. «Ибо тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ: потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго его, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится до нынѣ, и не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего, ибо мы спасены въ **надеждѣ**. Надежда же, когда видитъ, не есть надежда: ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи» (vш, 18—25).

Надежда не есть обладаніе, не есть реальность. Она заключаетъ въ себѣ лишь ожиданіе будущаго плода; это вѣра во Христа, направленная къ будущему. Но мы имѣемъ даже нѣчто лучшее, чѣмъ надежда. Мы имѣемъ помощь въ немощи, заступленіе отъ святаго Духа Божія, когда даже мы не знаемъ, о чемъ должны молиться Ему. Притомъ мы знаемъ также, «что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу. Ибо кого онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братьями. А кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ оправдалъ, а кого оправдалъ, тѣхъ и *прославилъ*» (vш, 26—30).

«Что же сказать на это»? Что же кромѣ величественнаго изліянія довѣрія и восторга ¹⁷³⁸), назвать которое ораторскою рѣчью значило бы ослабить его силу, такъ какъ въ ап. Павлѣ немыслима ни какая искусственность построенія. Этимъ изліяніемъ онъ удачно заканчиваетъ свое долгое и трудное разсужденіе, въ которомъ онъ провозгласилъ истины, еще никогда не формулировавшіяся съ самаго начала міра, но которыя отселѣ никогда не будутъ забыты—до скончанія его. Тонкость діалектики, трудность полемической аргументаціи, новый

методъ одухотворяющаго экзегезиса—все это онъ закончилъ; и, твердый въ своемъ собственномъ откровенномъ убѣжденіи, онъ внѣдрилъ въ сознаніи міра и навсегда укрѣпилъ въ убѣжденіи христіанъ глубочайшія истины Евангелія, вѣренныя его проповѣди. Что же остается, какъ не дать полную волю своему чувству восторга, вопреки всѣмъ земнымъ страданіямъ, и «низвести всякое сомнѣніе на степень нецѣлости» рядомъ быстрыхъ, одушевленныхъ, торжествующихъ вопросовъ, которые вызываютъ въ душѣ его слушателей лишь одинъ неотразимый отвѣтъ? Вопреки всѣмъ страданіямъ, которыя только можетъ причинить гоненіе, вопреки всякой борьбѣ, которую можетъ возбудить мятежная плоть, «все сіе мы преодолеваемъ силою возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ ¹⁷³⁹⁾ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ». Не смотря на неудачи, не смотря на несовершенства, наша жизнь соединена съ жизнью Христа, нашъ духъ оживленъ духомъ Христовымъ. И чего же намъ бояться, если все время и все пространство, вся природа, всѣ ангелы небесные и всѣ демоны ада не въ силахъ нанести намъ вреда ¹⁷⁴⁰⁾?

Монета города Тарса, съ изображеніемъ гробницы Сарданапала
(съ экземпляра въ британскомъ музеѣ).

Аппіева дорога въ Римѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ.

Все предвидѣно и свободная воля дана.
Миръ судится по благодати и все согласно дѣлѣ.
Акиба въ Пирне-Абоеѣ.

ТЕПЕРЬ мы переходимъ къ тремъ знаменитымъ главамъ (ix, x, xi), въ которыхъ ап. Павелъ занимается вопросомъ, побудившимъ его изложить предъ іудеями и язычниками Рима самую сущность его богословія. Онъ сообщилъ имъ свое благовѣстіе, которое онъ долженъ былъ проповѣдывать имъ, и въ силу котораго онъ былъ апостоломъ язычниковъ. Онъ показалъ, что іудеи и язычники одинаково повинны, одинаково искуплены. Искупленіе совершилось и именно вѣрою, въ томъ смыслѣ этого слова, которое онъ такъ полно объяснилъ. Увы! при всемъ томъ было ясно, что въ то время, какъ язычники принимали это великое спасеніе и стремились къ царству небесному, іудеи высокомерно держались поодаль и роковымъ образомъ *возманили* все свое упованіе на отмѣненную уже теперь систему, на преимущества, которые теперь уже не были исключительными. Ихъ національныя надежды, ихъ личныя надежды зиждились одинаково

на ложномъ основаніи, опровергнуть которыя и было неумолимымъ долгомъ ап. Павла. Противъ ихъ естественной исключительности онъ выставляетъ непреклонное начало, что у нашего Отца небеснаго нѣтъ лицепріятія; противъ ихъ стремленія къ оправданію закономъ онъ доказываетъ, что они, подобно язычникамъ, грѣшники и не могутъ закономъ достигнуть оправданія. Очевидно, онъ такимъ образомъ становится лицомъ къ лицу съ трагическимъ фактомъ и страшной проблемой. Фактъ заключался въ томъ, что іудеи были отвергнуты, а язычники приняты. Даже въ такой ранній періодъ исторіи христіанства становилось уже яснымъ, что церковь будущаго должна быть главнымъ образомъ церковью язычниковъ, что іудейскій элементъ въ ней будетъ становиться болѣе и болѣе незначительнымъ и можетъ существовать только по мѣрѣ потери своей іудейской исключительности. А проблема заключалась въ вопросѣ: какъ все это возможно въ виду всѣхъ древнихъ обѣтованій, при свѣтѣ ихъ величественной исторіи? Неужели Богъ нарушилъ свои обѣтованія? Неужели Богъ забылъ, что они были «сѣменемъ Авраама, раба Его, — чадами Іакова, котораго Онъ избралъ»? На этотъ глубоко важный вопросъ было два отвѣта: одинъ—богословскій, а другой—историческій. Богословскій отвѣтъ состоялъ въ томъ, что принятіе и отверженіе зависятъ отъ безусловной воли Божіей и согласуются съ предопредѣленнымъ Имъ избраніемъ къ милости или гнѣву. А историческій отвѣтъ состоялъ въ томъ, что отверженіе іудеевъ было естественнымъ результатомъ ихъ собственнаго упорства и жестоковѣйности. Два эти отвѣта могли казаться взаимно непримиримыми; но ап. Павелъ, сильный вѣрою, вдохновеніемъ и искренностью, никогда не отступаетъ отъ кажущихся несообразностей вѣчной истины. Онъ часто излагалъ истину въ ея различныхъ видахъ, не стараясь показать, что эти различные виды для свѣдѣннческаго разума дополняютъ другъ друга, а не противорѣчатъ, какъ это можетъ казаться, между собою. Предопредѣленіе есть извѣстная истина разума и откровенія; свободная воля есть истина откровенія и опыта. Онѣ обѣ вѣрны, и однако же кажутся взаимно исключительными, взаимно противорѣчивыми. Предвѣденіе Божіе допускается всѣми, но это никоимъ образомъ не разрѣшаетъ затрудненія касательно безусловнаго предопредѣленія. Если мы скажемъ, что ап. Павелъ здѣсь главнымъ образомъ имѣетъ въ виду большія массы людей, людей въ народахъ, и различіе между іудеями и язычниками, то это отчасти вѣрно; но онъ въ высшей степени ясно говоритъ также и о лицахъ, и Богъ есть не только Богъ народовъ, но и Богъ отдѣльныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, это принесеніе личности въ жертву интересамъ массы только бы увеличило затрудненіе. Мысль, что многіе, даже хотя бы едомитяне, будутъ спасены, и многіе, хотя бы израильтяне, погибнутъ, можетъ сдѣлать предвѣзбраніе Израиля и отверженіе Исава еще до рожденія ихъ менѣе поразительнымъ для насъ, и при посредствѣ извѣстныхъ особенностей семитскаго ідіома было бы вполне возможно экзегетически смягчить мучительную жестокость послѣдняго термина. Но даже и

тогда мы становимся лицомъ къ лицу съ фактомъ предопредѣленнаго ожесточенія сердца фараонова. Ап. Павелъ признаетъ, какъ признаетъ и все священное писаніе, естественность вопля человѣческой души; но безчувственная логика богословія, которая принуждена холодно разсуждать касательно предвѣденія Божія, можетъ лишь поразить высокоуміемъ конечныхъ аргументовъ жезломъ откровенныхъ тайнъ. Человѣкъ есть лишь глина въ рукахъ горшечника. Богъ всемогущъ, Богъ всевѣдущъ, и однако же существуетъ зло, существуетъ грѣхъ, существуетъ смерть и послѣ смерти—судъ; грѣхъ прощенъ, и однако же мы получимъ воздаяніе за все содѣянное нами въ тѣлѣ и будемъ судимы по дѣламъ нашимъ. Все такимъ образомъ оканчивается тайной и всѣ тайны сводятся къ одной, именно къ существованію зла. Но, къ счастью, эта тайна никоимъ образомъ не можетъ тяготить насъ, потому что она утопаетъ въ полнотѣ Божіей. Объясненіе ея практически не имѣетъ никакого отношенія къ намъ. Она находится въ области совершенно отдѣльной отъ фактовъ обыденной жизни. Когда ап. Павелъ говоритъ намъ, что «помилованіе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося», то онъ имѣетъ здѣсь дѣло съ порядкомъ трансцендентальныхъ идей; но когда онъ переходитъ къ обыденнымъ фактамъ христіанской жизни, то онъ увѣщаваетъ насъ желать и убѣждаетъ насъ подвизаться въ достиженіи нашего собственнаго спасенія со страхомъ и трепетомъ; подобно тому, какъ говоритъ, что оправданіе достигается вѣрою, а не дѣлами, и однако же постоянно побуждаетъ насъ къ добрымъ дѣламъ и говоритъ, что Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его ¹⁷⁴¹). Дальше этого мы не можемъ идти. Богословіе должно пояснять свои непреложныя опредѣленія сокрушительными аналогіями, но оно не можетъ коснуться сферы практическаго опыта или ослабить увѣщаніе христіанской нравственности. Богъ предопредѣляетъ, а человѣкъ свободенъ. Какъ это бываетъ, мы не можемъ сказать, но это такъ. Ап. Павелъ не пытается примирить эти два положенія. «Ни здѣсь, ни гдѣ либо, онъ не чувствуетъ себя призваннымъ къ разсмотрѣнію умозрительныхъ крайностей. И какъ бы ни умозрительно рѣшался этотъ вопросъ, безусловная зависимость и нравственное самопредопредѣленіе оба заключаются въ непосредственномъ христіанскомъ самосознаніи» ¹⁷⁴²). Конечное не можетъ низводить безконечнаго въ предѣлы условности или выражать силлогизмами взаимныя отношенія между ними. Истины эти должно только излагать, когда есть нужда въ изложеніи ихъ, хотя каждая изъ нихъ относится къ отдѣльнымъ порядкамъ идей. Такъ какъ ихъ нельзя примирить, то онѣ должны быть оставлены одна подлѣ другой. Въ отношеніи такихъ вопросовъ, какъ внушаетъ св. писаніе, необходимо, чтобы сфера догмата и сфера бесѣды часто разсматривались, какъ будто бы онѣ практически были отдѣлены одна отъ другой, хотя въ дѣйствительности онѣ входятъ одна въ другую. И это потому, что обѣ онѣ заключаются въ окружающей гораздо болѣе обширной сферѣ, именно сферѣ божественной, центръ которой для насъ находится повсюду и окружность хотя и нельзя сказать, чтобы «нигдѣ»,

но неизмѣримо дальше области нашего зрѣнія ¹⁷⁴³). Это одно утѣшеніе. Затѣмъ, подобно тому какъ ап. Павелъ отказывается находить субстанціальную сущность нравственности гдѣ либо помимо глубочайшаго внутренняго расположенія, совершенно такъ же онъ относится и къ личному «я», поднимая его на степень всеобщаго «я», на степень той «человѣческости», которая присуща и отождествляется со всякимъ отдѣльнымъ лицомъ ¹⁷⁴⁴). Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ *категорически утверждаетъ*, и безъ всякихъ ограниченій, искупленіе вселенной и человѣческаго рода (см. Рим. viii, 19—24; xi, 32; 1 Тим. ii, 3—6; см. Дѣян. iii, 21; Откр. xxi, 4; xxii, 3). Въ этой мысли и въ мысли о безконечной любви Божіей заключается проблескъ свѣта для самой печальной судьбы, какъ и для самой удручающей тайны въ судьбѣ личности. Логическое заключеніе догматики исправляется неизмѣнною увѣренностью нравственнаго убѣжденія и вдохновенною надеждою сыновней любви.

Но рассмотримъ подробнѣе, какъ ап. Павелъ относится къ столь странному для cadaго іудея факту, какъ преднамѣренное отрицаніе у израиля всякой тѣни особаго преимущества въ царствѣ Божіемъ; посмотримъ, какъ онъ доказываетъ ученіе, противъ котораго, на первый взглядъ, повидимому возстаетъ весь ветхій завѣтъ и полуторатысячелѣтняя исторія.

Нужно замѣтить, что при самой горячей полемикѣ ап. Павелъ всегда соединяетъ совершенную примирительность тона съ безусловною прямою изложеніемъ. Если онъ долженъ причинить смущеніе, онъ готовъ причинить его, на сколько оно неизбѣжно возникаетъ изъ истины, провозглашеніе которой онъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ. Несомнѣнно также, что многое изъ сказаннаго имъ могло быть перетолковано въ худую сторону; но пусть будетъ такъ. Есть люди, которые обращаютъ во зло даже самый солнечный свѣтъ Божій и ученіе о прощеніи превращаютъ въ проклятіе. Должны ли мы изъ за этого тушить солнечный свѣтъ? Должны ли мы говорить, что Онъ не прощаетъ? Нѣкоторые іудеи несомнѣнно были страшно потрясены въ своихъ убѣжденіяхъ провозглашеніемъ евангелія. Но должно ли заблужденіе быть безсмертнымъ на томъ основаніи, что искорененіе его сопряжено съ страданіемъ? И не лучше ли, какъ говоритъ Григорій Великій, причинить страданіе, чѣмъ оставить истину въ угнетеніи? Нѣтъ возраженія противъ провозглашенія новой или забытой истины болѣе ложнаго и болѣе несостоятельнаго, чѣмъ то, что она «опасна». Но на всѣхъ проповѣдующихъ истину Божію лежитъ обязанность излагать ее со всевозможною откровенностью и снисходительностью. Полемическій приѣмъ ап. Павла представляетъ въ высшей степени поразительный контрастъ съ богословскою полемикой почти всѣхъ вѣковъ. Онъ совершенно противоположенъ обычной злобности партійнаго критицизма и фарисейству холоднаго правовѣрія.

Такимъ образомъ, вполне зная, что высказанное имъ, будетъ въ высшей степени непріятно для іудеевъ, вполне зная, какъ жестоко они его ненавидятъ.

съ какимъ постоянствомъ ставили препятствія его ученію и преслѣдовали его самого, онъ начинаетъ свою рѣчь выраженіемъ самой нѣжной и самой сильной любви къ нимъ. «Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуется мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему». И затѣмъ, вълѣдствіе напряженности своихъ чувствъ, онъ забываетъ выяснитъ причину своей печали, потому что она достаточно выясняется послѣдующимъ и тѣмъ, что было сказано раньше. Это печаль отъ мысли, что израиль такъ ожесточилъ свое сердце противъ евангелія. «Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа ¹⁷⁴⁵⁾ за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ, которымъ принадлежатъ усыновленіе (2 Кор. vi, 18), и слава (Исх. xvi, 10; 1 Цар. iv, 22 и проч.), и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованія; ихъ и отцы, и отъ нихъ Христосъ по плоти, сущій надъ всѣмъ Богъ, благословенный во вѣки. Аминь» ¹⁷⁴⁶⁾. Объ этомъ торжественномъ заявленіи своей готовности даже отказаться отъ всѣхъ надеждъ на спасеніе, если бы только можно было спасти своихъ братьевъ по плоти, мы находимъ нужнымъ сказать только, что самая форма, въ которой оно выражено, показываетъ сознаніе имъ того, что такое желаніе по самой своей сущности невозможно. Дальнѣйшія объясненія излишни для тѣхъ, кто сознаетъ, какъ естественно, какъ возможно желаніе даже этого великаго самопожертвованія для людей съ такимъ великимъ сердцемъ, какъ Моисей или ап. Павелъ.

«Но не то, чтобы слово Божіе не сбылось» ¹⁷⁴⁷⁾. Этотъ пунктъ и предстоитъ доказать ап. Павлу, и онъ доказываетъ его тѣмъ, что дары Божіи составляютъ дѣло такого свободного избранія, что іудей никоимъ образомъ не можетъ имѣть на нихъ исключительнаго притязанія.

Въ дѣйствительности не всѣ іудеи по природѣ въ тоже время и іудеи по духу, и поэтому не всѣ наслѣдники обѣтованія въ истинномъ смыслѣ. Быть сѣменемъ Авраама есть ничто само по себѣ. Авраамъ имѣлъ много сыновей, но только за однимъ изъ нихъ, сыномъ Сарры, было признано обѣтованіе ¹⁷⁴⁸⁾.

Мало того, даже изъ двухъ сыновей сына обѣтованія одинъ былъ отвергнутъ; и это настолько зависѣло отъ избранія и настолько было независимо отъ заслуги, что прежде чѣмъ могъ быть вопросъ о заслугѣ, даже въ утробѣ матери старшій былъ осужденъ на рабство, а младшій избранъ для господства, какъ и написано у пророка Малахіи: «Іакова Я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ» ¹⁷⁴⁹⁾.

«Что же, скажемъ, неужели неправда у Бога»? Для естественной логики вопросъ этотъ могъ казаться очень извинительнымъ, но ап. Павелъ просто устраняетъ его какъ неблагоговѣйный и невозможный, вновь излагая самый фактъ, которымъ онъ вызванъ, приводя два рѣшительныхъ мѣста изъ священнаго писанія ¹⁷⁵⁰⁾. Богъ имѣетъ безусловное право любить, кого Онъ хочетъ; ибо онъ говоритъ Моисею: «кого миловать—помилую, кого жалѣть—пожалѣю»; такъ что

«помилованіе зависит не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго». Богъ имѣетъ такое же безусловное право ненавидѣть, кого онъ хочетъ, потому что «Писаніе говоритъ Фараону: для того самаго Я и поставилъ тебя, чтобы показать надъ тобою силу Мою и чтобы проповѣдано было имя Мое по всей землѣ»¹⁷⁵¹).

Такимъ образомъ Богъ жалѣетъ и Богъ ожесточаетъ, кого Онъ хочетъ.

Но снова возникаетъ естественный вопросъ: «за что же еще обвинять, ибо кто противостанетъ волѣ Его»? Если грѣховность есть результатъ божественной воли, то что станетъ съ нравственною отвѣтственностью?

Ап. Павелъ прежде всего показываетъ, что вопросъ этотъ нелѣпъ. «Ты кто человѣкъ, что споришь съ Богомъ»? Не важно, что станетъ съ нравственною отвѣтственностью, это во всякомъ случаѣ не касается опредѣленія Божія. Человѣкъ есть лишь страдательная глина въ рукахъ горшечника; онъ можетъ придать ей форму, какую только хочетъ¹⁷⁵²).

Но ап. Павелъ не хотѣлъ такимъ образомъ просто уничтожить робкое совопросничество грѣшниковъ произвольною безотвѣтственною безконечной силы. Онъ даетъ проблескъ надежды; проливаетъ потокъ свѣта на конечныя цѣли Божія. Онъ задаетъ вопросъ, который самъ по себѣ заключаетъ великій и славный отвѣтъ, и самая форма вопроса показываетъ, какъ мало онъ желаетъ останавливаться на неизмѣняемыхъ практическаго значенія неразрѣшимыхъ тайнахъ божественнаго изволенія.

«Что же, если Богъ, желая показать гнѣвъ и явить могущество свое, съ великимъ долготерпѣніемъ щадилъ сосуды гнѣва готовые къ гибели, дабы вмѣстѣ явить богатство славы Своей надъ сосудами милосердія, которые Онъ приготовилъ къ славѣ, надъ нами, которыхъ Онъ призвалъ не только изъ іудеевъ, но и изъ язычниковъ»? Это призваніе поясняется двумя мѣстами изъ пророка Осіи (Осія 1, 9, 10; II, 23), въ которыхъ пророкъ называетъ своего сына и дочь *До-амми* и *До-руама* (не-мой народъ и не-попущенный), вслѣдствіе отверженія израиля, но въ тоже время предсказываетъ день, когда они опять будутъ Его народомъ и Онъ будетъ ихъ Богомъ; и двумя мѣстами изъ пророка Исаіи (Ис. XL, 22; I, 10), въ которыхъ онъ предсказываетъ вмѣстѣ и отверженіе массы израиля и спасеніе только остатка его¹⁷⁵³).

По установленіи такимъ образомъ этого факта на основаніи св. писанія, какое же слѣдуетъ изъ него заключеніе? Не то ли, что въ виду полной зависимости избранія отъ свободной благодати Божіей, язычники, хотя и не искавшіе праведности, однако же достигали оправданія вѣрою; и что іудеи, хотя и искавшіе законной праведности, не достигали оправданія? Какъ можетъ быть объяснена эта странная аномалія? Каково бы ни было дѣйствіе божественнаго избранія, но отверженіе іудеевъ, говоря по человѣчески, зависитъ отъ ихъ собственной вины. Имъ хотѣлось стремиться къ невозможному оправданію дѣлами, и они отвергли

оправданіе вѣрой. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ ап. Павелъ опять ссылается на пророка Исаію (Ис. viii, 14; xxviii, 16). Они находили камень преткновенія во Христѣ. Для нихъ, какъ и для всѣхъ вѣрующихъ, Онъ могъ быть твердымъ камнемъ основанія; а они сдѣлали изъ Него камень соблазна ¹⁷⁵⁴). Желаніе его сердца, его молитва къ Богу есть ихъ спасеніе. Но ихъ религіозная ревность приняла ложное направленіе. Они стремятся къ оправданію дѣлами и поэтому не хотятъ принять того способа Божія, который есть оправданіе вѣрою (ix, 30—х, 4).

По пути дѣлъ они не могутъ имѣть успѣха, потому что законъ находитъ свой единственный конецъ, свою цѣль и исполненіе во Христѣ ¹⁷⁵⁵), а чрезъ Него только и возможно оправданіе. Даже эти истины апостолъ находитъ въ св. писаніи или поясняетъ ихъ цитатами изъ него. Онъ сопоставляетъ изреченіе Моисея, что человѣкъ, исполнившій законъ, живъ будетъ имъ ¹⁷⁵⁶), съ тѣми другими изреченіями, которыя онъ влагаетъ въ уста какбы олицетворенной праведности: «не говори въ сердцѣ твоёмъ, кто взойдетъ на небо? т. е. Христа свести, или кто сойдетъ въ бездну? т. е. Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что говорить писаніе? Близкое къ тебѣ слово въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, т. е. слово вѣры, которое проповѣдуемъ. Ибо если устами твоими будешь исповѣдывать Іисуса Господомъ, и сердцемъ твоимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься». Это опять подтверждается двумя цитатами почти въ тѣхъ же словахъ, одною изъ пророка Исаіи (xxviii, 16): «всякій вѣрующій въ Него не постыдится»; и одною изъ пророка Іоіля (ii, 32): «всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется», — и подъ «всякимъ» конечно разумѣется какъ іудей, такъ и язычникъ ¹⁷⁵⁷).

Но пользовались ли дѣйствительно іудеи благопріятнымъ случаемъ послушать Евангеліе? Рядомъ вопросовъ, соподчиненныхъ одинъ другому съ великою риторическою красотою, ап. Павелъ показываетъ, что сдѣлано было все, что только необходимо было для того, чтобы довести до ихъ слуха Христово благовѣстіе. Къ нимъ являлись проповѣдники, ноги которыхъ, какъ написано, прекрасны и которые проповѣдуютъ благовѣстіе мира; но увы! у нихъ не было *вѣры*, а поэтому не было и призванія Бога. Не всѣ послушали благовѣствованія. И это не потому, чтобы недостаточно его слышали, потому что согласно съ пророчествомъ (Ис. xvi, 4) слово проповѣдниковъ пронеслось по всему міру; но это было по недостатку вѣры, и объ этомъ также было предсказано пророкомъ Исаіей: «Господи, кто повѣрилъ слышанному отъ насъ»? Не было это и отъ недостатка предостереженія. Моисей (Втор. xxxii, 21) уже за цѣлые вѣка предъ тѣмъ говорилъ, что Богъ возбудитъ въ нихъ ревность и воспламенитъ ихъ гнѣвъ посредствомъ тѣхъ язычниковъ, которыхъ они по своей заносчивой исключительности презирали какъ «не-народъ»; и Исаія (lxi, 1, 2) прямо говоритъ: «Меня нашли не искавшіе Меня; Я открылся не вопрошавшимъ о Мнѣ», объ Израилѣ же онъ

говорить: «цѣлый день Я простиралъ руки Мои къ народу непослушному и упорному» (х, 14—21).

Такимъ образомъ цитатой за цитатой (и ихъ девять въ одной только этой главѣ, взятыхъ главнымъ образомъ изъ Второзаконія, Исаіи и Псалмовъ) ап. Павелъ излагаетъ свое убѣжденіе касательно теперешняго отверженія Евангелія израильскимъ народомъ; причемъ онъ старается смягчить ожесточенную ярость, которая естественно могла возникнуть какъ противъ него, такъ и противъ его ученія, излагая его въ словахъ, которыя могли удесятить авторитетъ принятой имъ діалектической аргументаціи. Но установивъ такимъ образомъ двѣ весьма горькихъ и на первый взглядъ противоположныхъ истины — именно, что іудеи лишились всякихъ исключительныхъ преимуществъ по опредѣленію Божію (ix), и что этимъ своимъ лишеніемъ они обязаны были своему собственному преступному безвѣрію (х), апостолъ теперь приступаетъ къ болѣе утѣшительной и возвышенной задачѣ, именно къ объясненію того, какъ эти горькія истины теряютъ свое острѣйшее жало, когда мы признаемъ, что онѣ только частныя и преходящія явленія, случайно появляющіяся въ развитіи благословенной вселенской и вѣчной схемы спасенія.

«Итакъ, спрашиваю: неужели Богъ отвергъ народъ свой? Никакъ. Ибо и я израильтянинъ отъ сѣмени Авраамова, изъ колѣна Веніаминава»; и затѣмъ апостолъ приводитъ примѣръ тѣхъ семи тысячъ человѣкъ, которыхъ Богъ «соблюлъ себѣ», именно тѣхъ, которые въ дни Иліи не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ. При этомъ онъ остановился, чтобы сдѣлать замѣчаніе, что самое выраженіе: «Я соблюлъ себѣ» означаетъ, что они были спасены вѣрою, а не дѣлами. Но какимъ же образомъ случилось, что большинство не достигло своей цѣли, къ которой оно стремилось? Это потому, отвѣчаетъ онъ, что они ожесточились; «Богъ», какъ пророчествовалъ Исаія, «далъ имъ духъ усыпленія, глаза, которыми не видятъ, и уши, которыми не слышатъ, даже до сегодня» (xi, 1—11).

Затѣмъ возникаетъ другой страшный вопросъ: неужели это ожесточеніе, эта духовная слѣпота окончательная? «Неужели они преткнулись, чтобы совсѣмъ пасть»? Ап. Павелъ опять восклицаетъ: «никакъ»! Самое ихъ паденіе предназначалось для спасенія язычниковъ и для возбужденія ихъ сердецъ къ лучшему. И здѣсь его читатели не могли не чувствовать, что онъ объяснялъ факты, которые совершались на ихъ собственныхъ глазахъ. Вездѣ Евангеліе сначала предлагалось іудею, и іудеи всегда отвергали его, и вслѣдствіе этого именно упорства его теперь стали предлагать повсюду язычнику. Мессія, отвергаемый іудеями, теперь постоянно прославлялся какъ Искупитель язычника. Церковь Христова теперь уже была обоснована съ достаточною твердостью, но уже и теперь Антиохія, Римъ, Ефесъ и Фессалоника были гораздо болѣе ея столицами, чѣмъ святой городъ. Но этотъ фактъ предзнаменовалъ славную будущность. Если ихъ оскудѣніе такимъ образомъ было богатствомъ для язычниковъ, то какова же

будетъ полнота ихъ! Его великой миссіей было проповѣдывать благовѣстіе язычникамъ и этимъ, если возможно, подвинуть и іудеевъ къ соревнованію, потому что «если ихъ отверженіе есть примиреніе міра, то что будетъ принятіе, какъ не жизнь изъ мертвыхъ»?

А что именно будетъ такое возстановленіе Израиля, онъ это доказываетъ двумя пояснительными примѣрами.

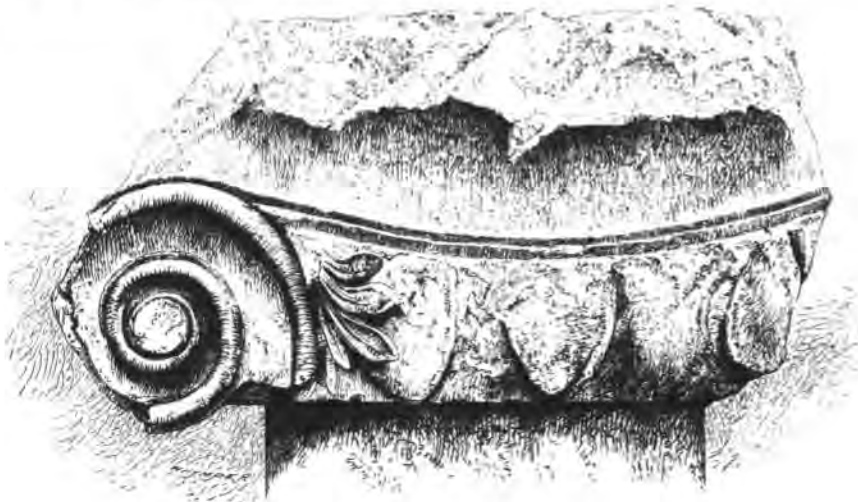
1. Когда приносилась жертва возношенія, то все тѣсто пріобрѣтало святость отъ того, что часть его посвящалась Господу. Такъ будетъ и съ іудеями. Ихъ начатокъ—Авраамъ и патріархи были святы, и ихъ святость идеально переносилась и на весь народъ.

2. Второй примѣръ имѣетъ болѣе широкую приложимость. Корень маслины есть источникъ ея плодovitости; но если нѣкоторыя изъ ея вѣтвей теряютъ свою плодovitость и засыхаютъ, онѣ отламываются и ихъ замѣщаютъ вновь привитыми вѣтвями дикой маслины, которыя затѣмъ вполнѣ пользуются всѣмъ богатствомъ соковъ дерева. Такими засохшими вѣтвями было въ настоящее время невѣрующее большинство израиля. Что они должны были отломиться, это происходило вслѣдствіе справедливой и необходимой строгости Бога. Объясненіе этой горькой истины, приведеніе ея къ сознанію самого народа было одною изъ цѣлей этого великаго посланія, и апостолъ выполнилъ ее съ неуклонною искренностью. Но между тѣмъ, если язычники въ свою очередь могли впадать въ искушеніе предаваться той исключительности, которою такъ долго похвалялись іудеи надъ ними, то какое же предостереженіе давалось и имъ въ изложеніи того, что предстояло въ будущемъ! И сколько утѣшенія могъ находить іудей въ этомъ иносказаніи для того, чтобы съ помощію болѣе возвышенныхъ и святыхъ мыслей оживить ослабѣвшія надежды своего патріотизма, облегчить свою уязвленную національную гордость? Вѣдь Христосъ всетаки есть лоза отъ ствола Іессеева и вѣтвь отъ корней его. Язычники допущены были въ церковь чрезъ притворы храма. Слово Божіе до этого момента находилось у іудеевъ. Самые зародыши христіанства находились въ іудействѣ съ его преимуществами, обѣтованіями и пророчествами. Своею богатою плодovitостью язычники обязаны были дереву, къ которому они были привиты. Поэтому у нихъ было мало причинъ, мало основаній для того, чтобы превозноситься надъ природными вѣтвями. У нихъ была глубокая причина находить предостереженія для себя въ судьбѣ, которой подвергались эти вѣтви. Они сами въ свою очередь могли также отломиться и (хотя здѣсь иносказаніе само по себѣ прерывается) старыя вѣтви могутъ быть опять привиты къ своему прежнему мѣсту¹⁷³⁸). Пусть они помнятъ, что источникомъ ихъ новыхъ преимуществъ была вѣра, равно какъ недостатокъ ея былъ причиною гибели тѣхъ, которыхъ они замѣстили; пусть они не высокоумствуютъ, но боятся (хл, 16—24).

Заключительныя слова этого отдѣла посланія открываютъ славную перспек-

тиву окончательной надежды для всѣхъ, сердца которыхъ достаточно велики и любящи для воспріятія ея. Апостоль не хочетъ оставить собратій въ невѣденіи касательно тайны, что это ожесточеніе Израиля есть лишь условное и оно будетъ продолжаться только до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ; и онъ ссылается на священное писаніе (Ис. lix, 20) въ подтвержденіе своего пророчества, что «весь Израиль спасется», такъ какъ въ отношеніи къ благовѣстію они враги ради язычниковъ, а въ отношеніи къ избранію возлюбленные Божіи ради отцовъ.

«Ибо дары и призваніе Божіе непреложны»; разъ данные, они даны навсегда ¹⁷⁵⁹). Нѣкогда сами непослушные, язычники теперь были помилованы вслѣдствіе непослушанія іудеевъ; такъ іудеи теперь непослушны для помилованія язычниковъ, дабы и сами они были помилованы ¹⁷⁶⁰). «Ибо»—таково величественное заключеніе этого продолжительнаго изложенія божественныхъ плановъ—«всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать».—Многіе, согласно съ своими богословскими взглядами, стараются ослабить или объяснить какъ нибудь иначе значеніе этихъ словъ; показать, что «всѣ» не означаютъ собственно «всѣ» въ радостномъ, хотя оно означаетъ это именно въ печальномъ предложеніи; или показать, что «всѣхъ помиловать» совершенно несовмѣстимо съ окончательною гибелью огромнаго большинства. Но какъ бы то ни было, апостоль, созерцая всеобщность свободно искупающей благодати, заканчиваетъ взрывомъ хвалы и пророчества: «О, бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! Ибо кто позналъ умъ Господень? Или кто былъ совѣтникомъ Ему? Или кто далъ Ему напередъ, чтобы Онъ долженъ былъ воздать? Ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему. Ему слава во вѣки. Аминь».

Капитель колонны храма Діаны въ Ефесѣ
(теперь въ Британскомъ музее).

ГЛАВА XXXIX.

ПЛОДЫ ВѢРЫ.

Люби ближняго твоего какъ самого себя.

Лев. xix, 18.

ВЪ ЭТОМЪ пунктѣ посланія къ Римлянамъ замѣтенъ перерывъ, и по всему видно, что писатель теперь уже достигъ своей главной цѣли, изъ-за которой онъ собственно и приступилъ къ посланію. Но какъ и ко всѣмъ своимъ посланіямъ, онъ присоединяетъ еще возвышенныя практическія наставленія, которыя такимъ образомъ опирались теперь на прочномъ основаніи началъ, уже изложенныхъ имъ въ догматической части посланія. Никто глубже ап. Павла не сознавалъ, что для обезпеченія нашей вѣрности въ исполненіи даже малыхъ обязанностей требуются великія начала, и что всякая обязанность, какъ бы она ни была незначительна, приобрѣтаетъ дѣйствительное величіе, когда разсматривается именно въ свѣтѣ этихъ началъ, изъ которыхъ возникаетъ ея исполненіе. Такъ какъ поэтому милосердіе Божіе, будучи источникомъ Его свободной благодати, было главнымъ предметомъ этого посланія, то ап. Павелъ начинаетъ практическую часть его словами: «итакъ, умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіемъ» (потому что оно именно, а не ученіе объ избраніи и отверженіи составляетъ господствующій элементъ въ его душѣ), «представьте тѣла ваши въ жертву живую (а не мертвую, въ родѣ приношеній язычества или іудейства), святую, благоугодную Богу для разумнаго служенія вашего, и не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь ¹⁷⁶¹) обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная» (Рим. xii, 1 и 2).

Это общее увѣщаніе затѣмъ переходитъ въ подробности, правда не систематически и даже не синтаксически, но за то съ очевидною стремительностью и пылкостью чувства, что придаетъ языку совершенство, невозможное для сознательнаго искусства ¹⁷⁶²). Преобладающая мысль есть обязанность любви: къ братьямъ—любви безъ притворства; къ церкви—любви безъ самовозношенія; къ гражданской власти—любви безъ страха; въ міру—любви безъ пренебреженія его правами или безъ участія въ его безнравственности ¹⁷⁶³). Прежде всего, по

Римскій законодатель (консулъ въ курульномъ креслѣ).

данной ему благодати, апостоль убождаетъ ихъ не думать о себѣ болѣе, нежели должно думать; но думать «скромно» (хп, 3) по мѣрѣ вѣры, какую каждому Богъ удѣлилъ; и онъ поясняетъ и подкрѣпляетъ эту обязанность скромной простоты въ исполненіи ихъ взаимныхъ служеній ¹⁷⁶⁴) опять указаніемъ на извѣстную аналогію отношенія тѣла и его членовъ (1 Кор. хп, 12—27), которою онъ уже пользовался въ своемъ посланіи къ Коринѣянамъ. Нравоученіе этого иносказанія состоитъ въ томъ, что «разнообразіе безъ единства есть безпорядокъ; а единство

безъ разнообразія есть смерть» ¹⁷⁶⁵). Затѣмъ съ свободной смѣлой частичекъ неокончательныхъ и повелительныхъ наклоненій, мѣшая съ общими увѣщаніями частныя, апостолъ убѣждаетъ римскихъ христіанъ къ любви, добротѣ, ревности, надеждѣ, терпѣнію, молитвѣ, великодушію, прошенію, сочувствію, взаимному почтенію, самоограниченію, постоянной любви къ Богу, постоянному отвращенію отъ зла и усиліямъ побѣждать пороки добродѣтелями. Ясно, что опасности, которыя онъ болѣе всего предполагалъ среди римскихъ христіанъ, состояли

Неронъ

(увеличенъ съ монеты въ Британскомъ музеѣ).

именно въ той ожесточенности, которая возникаетъ изъ нелюбящей и высоко-мѣрной самоувѣренности; но онъ придаетъ общую форму всѣмъ своимъ наставленіямъ, и глава эта не имѣетъ себѣ подобныхъ въ смыслѣ вдохновеннаго очерка лучшихъ добродѣтелей, какими только можетъ быть украшена жизнь христіанина ¹⁷⁶⁶).

Первая часть тринадцатой главы имѣетъ очевидно болѣе спеціальное приложеніе. Она содержитъ въ себѣ самое настойчивое увѣщаніе къ послушанію гражданской власти, обоснованное на частомъ повтореніи истины, что она установлена Богомъ; что цѣль ея есть необходимое подавленіе зла; что она при

обыкновенныхъ обстоятельствахъ не должна быть источникомъ страха для безукоризненной жизни и что ей должно повиноваться не изъ насильственного принужденія, но по праву и по совѣсти ¹⁷⁶⁷). На этомъ основаніи они платили и подати ¹⁷⁶⁸) и уплата ея должна считаться обязанностью по отношенію къ Богу (хш, 1—7).

Теплота, съ которою ап. Павелъ говоритъ такимъ образомъ о должностяхъ гражданскихъ правителей, можетъ на первый взглядъ показаться удивительною, когда мы вспомнимъ, что въ префектурѣ главою былъ такой человекъ какъ Гелій, въ преторіи—Тигеллинъ, въ провинціяхъ—Гессій Флоръ, а на императорскомъ тронѣ — Неронъ. Съ другой стороны нужно помнить, что нероново гоненіе еще не начиналось, и что темныя дѣла отдѣльныхъ императоровъ и отдѣльныхъ правителей, проявившіяся въ необузданной алчности, честолюбіи и безобразномъ сластолюбіи, отнюдь еще не разрушили величественнаго идеала римскаго закона. Если были худые правители, то были также и добрые. Рядомъ съ какимъ нибудь Вербесомъ или Феликсомъ, областными правителями были и такіе высоконравственные люди какъ Цицеронъ и Барей Соранъ. Римское правительство, не смотря на то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ оно обнаруживало крайнюю испорченность, было всетаки величественною силою, сдерживавшею анархическіе элементы, которые благодаря ему могли вести лишь подпольную дѣятельность. Если они иногда и прорывались наружу—въ незначительныхъ случаяхъ, а изрѣдка и въ болѣе важныхъ дѣлахъ, то всетаки цѣлая область законныхъ постановленій оставалась неприкосновенною отъ посягательствъ преступной несправедливости. Самъ ап. Павелъ потерпѣлъ отъ мѣстнаго самоуправства въ Филиппахъ; но вообще до этого времени онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе быть признательнымъ къ безпристрастію римскаго закона. Въ Коринѣ онъ нашелъ защиту въ гордой справедливости Галліона; въ Ефесѣ—въ разумной рѣчи общественнаго блюстителя порядка, а не долго спустя онъ обязанъ былъ своею жизнью мужественной энергіи Лизія и безпристрастному покровительству Феста и даже Феликса. Мало того, даже при первомъ судѣ надъ нимъ его беззащитная невинность восторжествовала не только надъ всѣмъ авторитетомъ саддукеевъ и враждебнаго ему синедріона, но даже и надъ тайнымъ вліяніемъ Алитур и Поппеи. Да и не было никакого основанія для іудеевъ быть мятежными и непокорными. Если жестокость Сеяна и святотатство Клавдія причинили имъ много страданій въ Римѣ, то съ другой стороны они пользовались покровительствомъ Юлія и Августа и владѣли законными правами, которыя давали ихъ религіи признанное достоинство *religio licita*. Можно съ достовѣрностью сказать, что во многихъ большихъ городахъ самымъ своимъ существованіемъ они обязаны были непоколебимой твердости и величію римскаго закона; потому что еслибы онъ не давалъ имъ своего покровительства, то они погибли бы отъ истребительной ярости языческаго населенія, которое вмѣстѣ и завидовало имъ и ненавидѣло ихъ ¹⁷⁶⁹).

Нѣтъ сомнѣнія, что сила этихъ доводовъ могла быть вполне признаваема тѣми іудеями, которые воспользовались еллинистической культурой. Очевидно однако же, что здѣсь ап. Павелъ имѣетъ дѣло скорѣе съ религіозными, чѣмъ политическими или даже теократическими предубѣжденіями. Первенствующая церковь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ не была чужда вліянія ессейскихъ и евіонитскихъ элементовъ, и свое доказательство той истины, что гражданская власть получаетъ свой авторитетъ отъ Бога, ап. Павелъ противопоставляетъ лишь ходячему предубѣжденію, что она была лишь вассальствомъ діавола. Невѣроятно, чтобы въ Римѣ могъ существовать такой зилотскій фанатизмъ, который считалъ бы незаконнымъ для іудея признавать какого либо другаго земнаго правителя, кромѣ Бога, и смотрѣлъ на уплату подати какъ на своего рода отступничество (Матѣ. ххп, 17). Гораздо вѣроятнѣе, что апостолъ старается здѣсь противодействовать тому мятежному неповиновенію, которое могло возникать изъ преобладанія хилиастическихъ воззрѣній, въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ въ кlementинскихъ бесѣдахъ, именно, что «настоящій міръ со всѣми его земными властями есть царство діавола», и что сынъ будущаго не только не долженъ смотрѣть на гражданскихъ правителей какъ на «служителей Бога къ добру», но какъ на воплощенныхъ представителей духовнаго врага. Сторонники этого дикаго дуалистическаго взгляда могли ссылаться въ свою пользу даже на нѣкоторыя изреченія въ Евангеліи, указывающія на нравственную негодность міра, хотя эти изреченія имѣли совершенно иной смыслъ ¹⁷⁷⁰), и поэтому ап. Павелъ, съ своею обычною твердостью, въ ясныхъ положеніяхъ излагаетъ правило, которое, говоря почеловѣчески, одно только и могло спасти возникающую церковь отъ полнаго истребленія,—именно правило держаться вдали отъ политическихъ тревоженій. Въ общемъ, какъ іудеи, такъ и христіане, хорошо усвоили себѣ это наставленіе, и поэтому тѣмъ болѣе было необходимо, чтобы добрыя слѣдствія этого вѣрнаго исполненія обязанностей гражданина, на которое указываютъ какъ іудейскіе историки, такъ и христіанскіе отцы, не должны были вытѣсняться фанатическими теоріями зарождавшагося манихейства.

Вопросъ касательно уплаты гражданскихъ налоговъ естественно приводитъ ап. Павла къ вопросу объ уплатѣ и другихъ повинностей. Единственный долгъ, который христіанинъ долженъ всѣмъ людямъ, есть долгъ любви, — той любви, которая предотвращаетъ насъ отъ всякой неправды и есть поэтому исполненіе закона. Къ этой любви онъ приглашаетъ ихъ сильнымъ иносказаніемъ о глубокой полночи и приближающемся днѣ, такъ что теперь пора отвергнуть дѣла тьмы и облечься въ оружіе свѣта ¹⁷⁷¹), — мало того, облечься даже въ Господа, Иисуса Христа, именно въ тѣсное духовное общеніе съ Нимъ ¹⁷⁷²).

Четырнадцатая глава опять открываетъ существованіе евіонитскихъ элементовъ въ римской церкви. Въ чужомъ городѣ и особенно на свободѣ, строгій іудей, нетронутый вліяніемъ еллинизма, находилъ себя въ полной невозможности

исполнять требованія закона касательно чистой и нечистой пищи, а еще болѣе многія мелочныя прибавленія, сдѣланныя къ этимъ постановленіямъ раввинскимъ фарисействомъ, такъ что ему по необходимости приходилось или жертвовать своими убѣжденіями, или ограничиваться въ своей пищѣ самыми простыми веществами. Такъ какъ ап. Павелъ указываетъ на законъ, то вѣроятно здѣсь онъ имѣетъ въ виду гораздо болѣе глубоко укоренившіяся привычки. Его цѣль — примирить антагонистическія чувства двухъ классовъ христіанъ, которыхъ онъ называетъ относительно «сильными» и «слабыми». «Сильные» считали всѣ дни одинаково святыми или, какъ сказали бы «слабые», одинаково несвятыми; между тѣмъ какъ «слабые» окружали субботу и іудейскія празднества рядомъ постановленій, рассчитанныхъ на самое строгое ихъ соблюденіе¹⁷⁷³). Затѣмъ «сильные» ѣли всякаго рода пищу безъ малѣйшаго смущенія, между тѣмъ какъ «слабые» смотрѣли на всякую животную пищу съ такимъ отвращеніемъ и подозрѣніемъ, что ничего не хотѣли ѣсть кромѣ злаковъ¹⁷⁷⁴). Усвоивая столь строгія правила, они очевидно шли дальше постановленій Моисеева закона; и такъ какъ мы видимъ, что тѣже самые взгляды и привычки существовали въ Римѣ и въ теченіе слѣдующаго столѣтія¹⁷⁷⁵), то едва ли возможно избѣжать подозрѣнія, что іудействующее христіанство этихъ «слабыхъ» собратій было окрашено тѣми ессейскими, фригійскими и пиеагорейскими элементами, которые заставляли ихъ смотрѣть на матеріальное и чувственное какъ на нѣчто само по себѣ опасное, если и не положительно злое. Елифаній говоритъ, что Евіонъ лично посѣщалъ Римъ¹⁷⁷⁶), и хотя болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы когда либо существовала такая личность, однакоже это извѣстіе указываетъ на преобладаніе тамъ такихъ взглядовъ. Между тѣмъ однимъ изъ евѳонитскихъ началъ было то, что всякая животная пища нечиста¹⁷⁷⁷), въ клементинскихъ бесѣдахъ яденіе мяса приписывается нечистымъ демонамъ и кровожаднымъ исполинамъ; и ап. Петру влагается въ уста сдѣланное имъ Клименту заявленіе, что «онъ питается только хлѣбомъ, маслинами и (въ маломъ количествѣ) другими овощами»¹⁷⁷⁸),—преданіе, которое у Климента Александрійскаго связывается также съ именами св. Матѳея и Іакова «брата Господня», изъ которыхъ послѣдній, какъ сообщаетъ оно, не пилъ вина или крѣпкихъ напитковъ¹⁷⁷⁹). Очень возможно, что ап. Павелъ не видѣлъ необходимости формально предостерегать римскихъ христіанъ противъ тенденцій дуализма. Такимъ могло быть подпольное происхожденіе ложныхъ мнѣній, прежде чѣмъ оно поднялось до яснаго сознанія. Что ап. Павелъ видѣлъ—это именно опасность, что если будутъ преобладать «немошные», то христіанство могло выродиться въ тяжелую и холодную обрядность; или что «сильные» могли относиться къ своимъ слабѣйшимъ братьямъ съ тѣмъ грубымъ и самохвальнымъ презрѣніемъ, которое или подвергло бы насилію нѣжную совѣсть иныхъ, или произвело бы полный разрывъ между различными членами церкви (Гал. III; v, 1—9; vi, 12, 13).

Это затрудненіе онъ разсмариваетъ тѣмъ же мастерскимъ способомъ—соче-

тающимъ свободу мысли съ сочувствіемъ къ немощамъ человѣческимъ, непоколебимое убѣжденіе съ снисходительностью къ предразсудкамъ, — который онъ уже имѣлъ случай проявить по подобному же вопросу въ своемъ посланіи къ Коринтянамъ. Но въ высшей степени замѣчательно различіе между тономъ этой главы и тономъ посланія къ Галатамъ: оно показываетъ въ апостолѣ удивительный тактъ и гибкость. Тамъ ему приходилось отстаивать права христіанской свободы противъ посягательства на нихъ фарисейства, вслѣдствіе чего утвержденіе свободы язычниковъ было дѣломъ существенной важности. Поэтому онъ говоритъ, какъ и слѣдовало говорить, съ почти суровою презрительностью о тѣхъ «бѣдныхъ вещественныхъ началахъ», которымъ іудействующіе усиливались придавать важное жизненное значеніе. Здѣсь тонъ его совершенно иной, потому что и цѣль его совершенно иная, равно какъ иного рода и его читатели. Здѣсь онъ можетъ съ полною безусловностью допускать *право* пользованія христіанской свободой. Что касается до важности исполненія отдѣльныхъ постановленій закона, съ которымъ такую важную заслугу соединяли «немощные», то ему не представляется случая болѣе чѣмъ косвенно заявить о своемъ собственномъ равнодушіи въ этомъ отношеніи. Все, что онъ считаетъ нужнымъ, это—предостеречь «сильныхъ», чтобы они не были заносчивы въ своемъ осужденіи, и «немощныхъ», чтобы они не были слишкомъ высокомѣрны въ своемъ самовозношеніи. Онъ доказалъ всеобщность благодати и теперь долженъ показать священный долгъ единодушія между ними, какъ одинаково призванными, и защищаетъ это единодушіе противъ порицанія съ одной стороны и противъ презрѣнія съ другой.

Онъ не пытается скрыть, куда клонится его собственное сочувствіе; онъ совершенно ясно объявляетъ себя на сторонѣ «сильныхъ». Жизнь христіанина есть жизнь во Христѣ и стоитъ безконечно выше мелочей подзаконной обрядности. «Царство Божіе» — такую великую аксіому онъ предлагаетъ для рѣшенія всѣхъ подобныхъ вопросовъ — «не пища и питіе; но праведность и миръ и радость въ Святомъ Духѣ». Поэтому «сильные», по сужденію ап. Павла, были правы. Но по этой самой причинѣ необходимо было предостеречь ихъ противъ презрительнаго по отношенію къ слабымъ превозношенія въ своей высшей нравственной свободѣ и мудрости.

1. Пусть всякая партія идетъ своимъ путемъ, если только она считаетъ его лучшимъ, но пусть каждая воздерживается отъ преступнаго и безумнаго осужденія другой. Богъ, а не человѣкъ, да будетъ имъ судія, передъ судомъ котораго долженъ оправдываться всякій человѣкъ. И онъ найдетъ свое оправданіе, потому что Богъ дастъ ему силу къ тому. Самомнѣніе въ обладаніи особенною озаренностью есть такое же оскорбленіе противъ закона, какъ и ханжествующее самодовольство. Первый совѣтъ поэтому, на которомъ апостолъ останавливается съ особенною настойчивостью, есть взаимная снисходительность, тщательное избѣганіе пререканій и распрей касательно спорныхъ предметовъ. Пусть поэтому не

будетъ между ними ни нетерпѣливой строгости, ни гордой презрительности, но пусть всѣ избѣгаютъ спора и взаимно признають честность убѣжденій. Это разномысліе не имѣетъ существенной важности и человѣку не должно относиться съ презрительностью или насиліемъ къ тѣмъ, которые отличаются отъ него въ своихъ воззрѣніяхъ. Партийный духъ религіозныхъ общинъ слишкомъ часто находить пищу для своихъ ожесточенныхъ споровъ въ простой соломѣ и плеве-лахъ¹⁷⁸⁰).

2. Второй преподаваемый апостоломъ совѣтъ заключается въ тщательной заботливости о томъ, чтобы не смущать нѣжной совѣсти ближняго. Нужно имѣть снисхожденіе къ немощи другихъ, довольствоваться меньшимъ чѣмъ должно и поступаться своими собственными правами¹⁷⁸¹). По его собственному положительному убѣжденію эти правила касательно пищи не имѣютъ существеннаго значенія, и нѣтъ такой пищи, которая была бы нечиста сама по себѣ. Но если, дѣйствуя въ этомъ убѣжденіи, мы побуждаемъ и другихъ дѣлать тоже самое, не смотря на протестъ ихъ совѣсти, то въ угоду мнимому самоудовлетворенію мы разрушаемъ дѣло Божіе и убиваемъ душу, за которую умеръ Христосъ (1 Кор. viii, 13). Скорѣе чѣмъ сдѣлать это или поставить ненужный камень преткновенія на пути какаго-либо брата-христіанина, мы должны не есть мяса и не пить вина, потому что христіанская любовь гораздо дороже, чѣмъ даже христіанская свобода (xiv, 13—21).

3. Третій его совѣтъ касается повиновенія яснымъ убѣжденіямъ¹⁷⁸²). Счастливъ человѣкъ, который не находитъ смущенія въ вопросѣ о безвредныхъ по существу предметахъ. Но если другой не можетъ освободиться отъ этого смущенія, какъ бы оно ни было, безосновательно и однакоже будетъ стараться, не смотря на протестующій голосъ совѣсти, въ своемъ образѣ дѣйствій проявить такую же свободу, тогда онъ навлекаетъ на себя самоосужденіе. Почему? Потому что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ ложно по отношенію къ той вѣрѣ, которая есть господствующее начало его христіанской жизни, а все что не отъ вѣры, все, что заключаетъ въ себѣ жизнь саму по себѣ, а не жизнь во Христѣ—есть грѣхъ¹⁷⁸³).

Отсюда вытекаетъ истинное правило жизни, что мы не должны угождать самимъ себѣ, какъ и Христосъ не угождалъ себѣ, но носить немощи слабыхъ и стремиться къ взаимному назиданію. Такъ учить священное писаніе, и ап. Павелъ молится о томъ, чтобы Богъ терпѣнія и утѣшенія, вдохновлять которое есть цѣль св. писанія, даровалъ имъ единомысліе между собою, по ученію Христа Иисуса; и обращаясь какъ къ «слабымъ» іудействующимъ, такъ и къ «сильнымъ» язычникамъ, онъ заключаетъ этотъ совѣтъ тѣмъ же самымъ общимъ правиломъ, которымъ онъ и началъ: «посему принимайте другъ друга, какъ и Христосъ принялъ васъ во славу Божію» (xv, 1—7).

Самъ Христосъ далъ собой примѣръ любви и помощи обѣимъ великимъ составнымъ частямъ церкви. Онъ сдѣлался служителемъ для обрѣзанныхъ ради

истины Божіей, чтобы исполнить данное отцамъ обѣтованіе, и служителемъ для язычниковъ изъ состраданія къ нимъ. Христосъ такимъ образомъ показалъ милость тѣмъ и другимъ; а что язычники дѣйствительно были сдѣланы участниками этой милости, которую они сами въ высокоумномъ сознаніи своей свободы быть можетъ не всегда чувствовали себя склонными простирать и на своихъ болѣе слабыхъ собратій,—онъ затѣмъ доказываетъ ссылкой на Второзаконіе, пророка Исаію и Псалмы (Втор. xxxii, 43; Псал. xvi, 49; схvi, 1; Ис. xi, 10). Последняя цитата оканчивается словами: «язычники надѣются будутъ», и онъ заключаетъ этотъ отдѣлъ еще новою молитвою: «Богъ же надежды да исполнитъ васъ всякой радости и мира въ вѣрѣ, дабы вы силою Духа Святаго обогатились надеждою».

Но на этомъ еще не оканчивается посланіе. Ап. Павелъ еще разъ берется за перо, чтобы увѣрить римскихъ христіанъ въ своей увѣренности въ нихъ и извиниться въ смѣлости своего посланія. Онъ указываетъ на то, что онъ по мѣрѣ своихъ силъ желалъ исполнить то служеніе для язычниковъ, которое онъ называетъ здѣсь священнодѣйствіемъ, потому что онъ есть какбы орудіе для принесенія язычниковъ въ жертву благопріятную Богу ¹⁷⁸⁴). Этимъ апостольствомъ (воздавая всякую славу Богу), этими знаменіями, которыми оно сопровождалось, этою обширностью поприща его благовѣствованія, простиравшагося отъ Іерусалима до Иллиріи, онъ можетъ смиренно похвалиться.

Но онъ и еще стремится проповѣдывать въ странахъ, гдѣ еще не проповѣдано было имя Христово. Онъ не останется у нихъ, потому что онъ достаточно видѣлъ, сколько зла причиняють разные строители, строящіе на основаніи, котораго не закладывали; но онъ часто чувствовалъ сильное желаніе посѣтить ихъ на своемъ пути въ Испанію ¹⁷⁸⁵), чтобы, насладившись ихъ обществомъ ¹⁷⁸⁶), найти у нихъ пособіе для своего дальнѣйшаго путешествія. Доселѣ обстоятельства препятствовали ему предпринять это путешествіе, но теперь, когда его дѣло на востокѣ было закончено,—онъ надѣется привести его въ исполненіе и удовлетворить свое искреннее желаніе повидѣть ихъ. Въ настоящее время однакоже онъ намѣренъ отправиться въ Іерусалимъ для сопровожденія уполномоченныхъ, которые должны доставить бѣднымъ святымъ нѣчто изъ земныхъ даровъ отъ христіанъ Македоніи и Ахаіи, что составляетъ лишь малую благодарность за тѣ духовные дары, которые были приняты отъ нихъ язычниками. По окончаніи этого дѣла онъ отправился въ Испанію и на своемъ пути туда посѣтитъ и ихъ, и увѣренъ, что придетъ къ нимъ съ полнымъ благословеніемъ благовѣствованія Христова. Поэтому онъ усердно проситъ ихъ молитвъ, чтобы ему избавиться отъ тѣхъ опасностей, которыя, какъ онъ зналъ, грозили ему со стороны іудеевъ въ Іерусалимѣ, и чтобы приношеніе, собранное его трудами, было благопріятно святымъ, такъ чтобы ему въ радости, если Богу угодно, прійти къ нимъ и успокоиться съ ними ¹⁷⁸⁷). «Богъ же мира да будетъ со всѣми вами. Аминь» (xv, 9—33).

Этимъ, по всей вѣроятности, и заканчивалось посланіе къ римлянамъ. Мы уже привели достаточное основаніе въ подтвержденіе остроумнаго предположенія ¹⁷⁸⁸), что большая часть шестнадцатой главы была обращена къ ефесской церкви ¹⁷⁸⁹). Даже при бѣгломъ чтеніи ея нельзя не замѣтить указанія на то, чего бы совсѣмъ нельзя предполагать на основаніи первой части посланія,—именно, что въ римской церкви были раздѣленія и безпорядки (17—20) и что разные учителя, рабы собственныхъ измышленій, старательно и злонамѣренно, ласкательствомъ и лживымъ краснорѣчіемъ обольщали сердца простодушныхъ (Фил. ш, 2, 18; 2 Кор. xi, 10). Затѣмъ нельзя не замѣтить также и того, что отношеніе апостола къ тѣмъ, къ кому онъ пишетъ въ 19 стихѣ этой главы, отличается гораздо болѣе суровымъ, отеческимъ и властнымъ характеромъ, чѣмъ въ другихъ главахъ. Если, какъ съ основательною вѣроятностью предполагаютъ, ап. Павелъ желалъ, чтобы кромѣ незнакомой ему церкви римской и другія церкви воспользовались плодомъ его наиболѣе зрѣлыхъ мыслей и прочитали самое зрѣлое изложеніе проповѣдуемаго имъ Евангелія, то вѣроятно съ главной части посланія было сдѣлано нѣсколько копій писцами, изъ которыхъ однимъ былъ Тертій, тѣмъ болѣе, что услугами его апостолу было весьма легко воспользоваться въ это время. Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего вѣроятнѣе того, что окончанія различныхъ копій должны были разнообразиться соответственно обстоятельствамъ различныхъ церквей, и нѣтъ ничего болѣе возможнаго, чѣмъ то, что въ одной какой нибудь копіи тщательно сохранены были всѣ эти различныя заключенія. Во всякомъ случаѣ этимъ предположеніемъ просто и легко объясняется существованіе трехъ заключительныхъ благословеній (20, 24, 27), которыя встрѣчаются только въ этой главѣ.

Самое полное изъ посланій ап. Павла заключается самымъ полнымъ изъ его славословій ¹⁷⁹⁰): «Могущему же утвердить васъ по благовѣствованію моему и проповѣди Іисуса Христа, по откровенію тайны, о которой отъ вѣчныхъ временъ было умолчано, но которая нынѣ явлена, и чрезъ писанія пророческія по повелѣнію вѣчнаго Бога возвыщена всѣмъ народамъ, для покоренія ихъ вѣрѣ, единому премудрому Богу, чрезъ Іисуса Христа, слава во вѣки. Аминь» ¹⁷⁹¹).

Монета Пергама
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XL.

ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Покажи мнѣ человѣка, который бы дѣйствовалъ согласно исповѣдуемымъ имъ началамъ. Покажи мнѣ человѣка, который былъ бы боленъ и счастливъ, въ опасности и счастливъ, при смерти и счастливъ, въ изгнаніи и счастливъ, въ поношеніи и счастливъ. Эпиктетъ.

БЫЛО около февраля мѣсяца 58 года по Р. Хр., и дѣло, принятое ап. Павломъ въ Коринѣ, было удовлетворительно закончено. Пробывъ такимъ образомъ девять мѣсяцевъ въ Европѣ¹⁷⁹²), апостолъ теперь желалъ добраться до Іерусалима къ празднику Пасхи, и потому онъ намѣренъ былъ отплыть прямо изъ Коринеа въ одинъ изъ портовъ Палестины. Всѣ приготовления были сдѣланы и повидимому онъ уже вошелъ на бортъ корабля, когда его извѣстили о неожиданномъ¹⁷⁹³) заговорѣ со стороны іудеевъ съ цѣлью убить его. Намъ неизвѣстны подробности этого заговора. Мы знаемъ, что прежній заговоръ іудеевъ почти на пять лѣтъ раньше (въ 53 году) былъ разстроенъ здравомысліемъ Галліона; но даже если бы въ нихъ могло погаснуть чувство мщенія, нельзя всетаки сомнѣваться, что подъ тлѣющимъ пепломъ ихъ ненависти съ того времени могло вновь накопиться достаточно горячаго матеріала. Изъ cadaго морскаго порта Эгейскаго моря, съ возвышенности Малой Азіи, съ ея населенныхъ береговъ, изъ Троады подъ тѣнію горы Иды до Аѳинъ подъ тѣнію горы Пентелика, отовсюду до нихъ доносилась молва о томъ смѣломъ исповѣданіи, которое повидимому попирало всѣ ихъ убѣжденія и отдавало язычникамъ ихъ самыя лелѣяныя надежды. Іудейскіе учителя, которые старались возбуждать іудействующихъ христіанъ противъ ап. Павла, находились въ совершенно дружескихъ отношеніяхъ

съ ними, и эти іудействующіе съ большимъ удовольствіемъ распространяли самыя худыя слухи объ ученіи и дѣятельности ап. Павла. Но помимо всякаго искаженія, его дѣйствительной аргументаціи было совершенно достаточно для того, чтобы довести ихъ до безумной ярости. Мы можемъ быть увѣрены, что

Римскій корабль
(съ Трапезной колонны).

ап. Павелъ училъ такъ же, какъ онъ и писалъ. И такъ какъ особенностью его ума, какъ мы замѣтили, было то, что онъ часто увлекался *словами* и наиболѣе сильными выраженіями ¹⁷⁹⁴⁾, то можно напередъ заключить, даже если бы это и не доказывалось съ избыткомъ его посланіями, что онъ еще болѣе поддавался и поглощался *мыслями*, которыя могли въ извѣстное время возникать въ его непо-

средственномъ сознаніи. Мы можемъ считать психологически вѣрнымъ, что его бесѣды въ Коринѣхъ были отблескомъ тѣхъ самыхъ доводовъ, которыми наполнены два его посланія, писанныя имъ въ Коринѣхъ; а для іудеевъ тѣ выводы, къ которымъ они направлены, могли казаться вопіющимъ богохульствомъ. «Нѣтъ ни іудея, ни язычника»—что же поэтому случилось съ завѣтомъ, съ Авраамомъ и съ его сѣмемъ? «Нѣтъ ни обрѣзанія, ни необрѣзанія»—гдѣ же Моисей и весь блескъ Синая? «Немощныя и бѣдныя начала»—если эти названія прилагать къ боговдохновенной, священной, вѣчной Торѣ, въ которой говорилъ самъ Богъ, то гдѣ же слава міра? Неудивительно, что іудеи прибѣгли къ заговору. Ап. Павелъ подъ эгидой римской власти былъ безопасенъ въ городѣ, но они могли отмстить ему, лишь только корабль его оставитъ берегъ. Богатые іудейскіе купцы Коринѣа безъ затрудненія могли склонять на свою сторону матросовъ и капитановъ кораблей, которые находились въ достаточной зависимости отъ нихъ, чтобы произвести какое угодно насиліе за небольшое вознагражденіе.

Какъ былъ открытъ этотъ заговоръ—мы не знаемъ. Сцены смятенія и опасныхъ приключеній были столь обычнымъ явленіемъ въ жизни ап. Павла, что ни онъ, ни его спутники не считали нужнымъ рассказывать подробности о нихъ. Мы знаемъ только, что послѣ быстрого обсужденія дѣла было рѣшено, чтобы ап. Павелъ, въ сопровожденіи уполномоченныхъ, достаточно многочисленныхъ для защиты его отъ обычныхъ опасностей, отправился круговымъ путемъ чрезъ Македонію. Надежда достигнуть Іерусалима къ Пасхѣ конечно была оставлена: оставалась единственная надежда прибыть туда къ Пятидесятницѣ. Что все это случилось такъ, это послужило несомнѣнно къ благу, потому что еслибы ап. Павелъ былъ въ святомъ городѣ во время Пасхи, то онъ былъ бы замѣпанъ своими врагами въ мятежѣ и кровопролитіи, которыми въ это время ознаменовалось безумное возстаніе египетскаго обманщика, называвшаго себя Мессіей ¹⁷⁹⁵).

Изъ семи обращенцевъ ¹⁷⁹⁶), которые сопровождали ап. Павла—именно: Сосипатръ, сынъ Пирра ¹⁷⁹⁷), верейнинъ, Аристархъ и Секундъ изъ Фессалоники, Гаій Дервянинъ, Тимофей изъ Листры, Тихикъ и Трофимъ изъ Ефеса и Лука, всѣ, исключая послѣдняго, видимо оставили его въ Филиппахъ и отправились въ Троаду, чтобы ожидать его тамъ ¹⁷⁹⁸). Св. Лука находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Филиппами, гдѣ ап. Павелъ оставилъ его при своемъ первомъ посѣщеніи ¹⁷⁹⁹), и оба они остались въ римской колоніи для соблюденія Пасхи. Очень счастливо, можно думать, и спокойно проведено было это время ап. Павломъ въ лонѣ церкви, которую онъ любилъ больше всѣхъ,—среди самыхъ безупречныхъ и самыхъ любвеобильныхъ изъ всѣхъ его обращенцевъ. Навѣрно прошли годы, прежде чѣмъ ему опять пришлось провести Пасху въ столь мирномъ и счастливомъ кругу ¹⁸⁰⁰).

Восьмидневное празднество въ томъ году окончилось въ понедѣльникъ 3 апрѣля, и на слѣдующій день они отплыли. Задержанные штилемъ или про-

тивными вѣтрами, они плыли цѣлыхъ пять дней ¹⁸⁰¹⁾ до Троады, и тамъ опять оставались семь дней (срав. xx, 6; xxi, 4; xxviii, 14). Медлительность эта непостижима, особенно въ виду той поспѣшности, съ которою апостоль повидимому старался прибыть въ Іерусалимъ къ празднику Пятидесятницы. Было уже около 10 апрѣля, и такъ какъ Пятидесятница въ томъ году выпала на 17 мая, то ап. Павлу, при всей неправильности древней навигаціи, нельзя было терять ни одного дня. Можно быть вполне увѣреннымъ, что его вовсе не удерживали здѣсь ни блескъ города съ его гранитными храмами и массивной гимназіей, ни древнія и поэтическія воспоминанія окрестностей, ни даже очаровательность роцъ, горъ и видовъ синяго моря. Хотя во время своихъ прежнихъ посѣщеній этого города онъ два раза принуждаемъ былъ сокращать пребываніе въ немъ—однажды македонскимъ видѣніемъ и однажды желаніемъ встрѣтить Тита,—то все-таки едва ли могъ задержать его тамъ даже интересъ, который онъ по необходимости долженъ былъ чувствовать къ юной и процвѣтающей церкви города, какъ одного изъ тѣхъ немногихъ городовъ, въ которыхъ онъ не подвергался преслѣдованію. Медлительность поэтому вѣроятно происходила вслѣдствіе затрудненія найти или нанять требовавшееся ему судно (2 Кор. ii, 13).

Какъ бы то ни было, недѣльное пребываніе его тамъ ознаменовалось случаемъ, который въ высшей степени интересенъ, какъ одно изъ немногихъ даваемыхъ новымъ завѣтомъ указаній на древнее христіанское богослуженіе. Дикая безурядица, представлявшая въ церкви Коринтской столь странное зрѣлище тщеславія, фанатизма и алчности, могла бы дать намъ, если бы мы не считали ея совершенно исключительною, въ высшей степени неблагоприятное понятіе о древнихъ воскресныхъ собраніяхъ. Къ счастью, совершенно иная картина представляется намъ въ это апрѣльское воскресенье—въ Александріи-Троадѣ въ 58 г. по Р. Х. ¹⁸⁰²⁾.

Это было вечернее собраніе. Имѣли ли христіане уже въ этотъ періодъ обычай собираться дважды—рано утромъ до зари для пѣнія и молитвъ и поздно вечеромъ для участія въ вечери любви и таинствъ Господнемъ, какъ это дѣлалось у нихъ лѣтъ пятьдесятъ послѣ этого времени въ сосѣдней провинціи Вифиніи ¹⁸⁰³⁾,—мы не знаемъ. Соблюденіе воскреснаго дня въ первомъ столѣтіи довольно неясно. Іудейскіе христіане несомнѣнно продолжали соблюдать субботу, но ап. Павелъ не одобряетъ принятія такого обычая среди язычниковъ. Изъ его выраженій можно заключать даже, что онъ и вообще не смотрѣлъ благосклонно на всякое соблюденіе временъ или дней, когда оно отзывалось субботничествомъ (Римл. xiv, 5; Гал. iv, 10; Кол. ii, 16). Все, что мы знаемъ, это то, что со времени воскресенія Христа первый день недѣли ознаменовывался особыми христіанскими собраніями для религіозныхъ цѣлей, и что въ этотъ именно воскресный вечеръ члены церкви Троадской, согласно съ своимъ постояннымъ обычаемъ, собрались для участія въ вечери любви и для воспоминанія смерти Христовой въ таинствѣ евхаристіи ¹⁸⁰⁴⁾.

Собраніе могло быть тѣмъ болѣе многочисленно, что на слѣдующій день апостолъ съ своими спутниками долженъ былъ оставить ихъ. Они собрались въ одной изъ тѣхъ верхнихъ комнатъ третьяго этажа, которыя были самымъ прохладнымъ и пріятнымъ отдѣленіемъ восточнаго дома. Труды дневные были закончены, солнце уже сѣло, и такъ какъ прошло уже три недѣли съ пасхальнаго полнолунія, то только блѣдный серпъ луны могъ разгонять ночную тьму. Но горница была переполнена свѣтильниками ¹⁸⁰⁵); и въ порывѣ своего переполненнаго сердца ап. Павелъ, зная по многимъ таинственнымъ внушеніямъ объ ожидавшихъ его опасностяхъ, продолжалъ свою бесѣду съ ними до полночи.

Пиршество

(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

На широкомъ подоконникѣ одного изъ открытыхъ оконъ, затворки котораго были настежь открыты для доступа прохладнаго морскаго вѣтерка, сидѣлъ юноша по имени Евтихъ ¹⁸⁰⁶). Время было очень позднее, бесѣда необыкновенно затянулась, предметы, о которыхъ шла рѣчь, вѣроятно превосходили его разумніе. Хотя онъ сидѣлъ въ самомъ пріятномъ мѣстѣ комнаты, гдѣ могъ пользоваться свободнымъ доступомъ свѣжаго воздуха, однако же жаръ отъ люднаго собранія и свѣтъ многихъ свѣтильниковъ, а также непрерывный потокъ рѣчи проповѣдника ¹⁸⁰⁷) совершенно усыпили Евтиха. Яркое описаніе св. Луки почти заставляетъ думать, что онъ наблюдалъ за нимъ, не желая быть можетъ тревожить его, но въ то же время и сознавая отчасти его опасность; но вотъ юноша началъ

опускаться, голова его упала ему на грудь и наконецъ съ крикомъ и шумомъ онъ упалъ изъ третьяго этажа внизъ на дворъ ¹⁸⁰⁸). Можно себѣ представить смятеніе и крики, которыми сразу былъ прерванъ голосъ проповѣдника, когда нѣкоторые изъ собравшихся бросились внизъ по лѣстницѣ ¹⁸⁰⁹), чтобы посмотрѣть, что случилось. Было темно ¹⁸¹⁰) и бѣдный юноша лежалъ безъ чувствъ и поднять былъ замертво ¹⁸¹¹). Крикъ ужаса и вопля вырвался у окружающихъ; но Павелъ, сойдя внизъ, палъ на него и обнимая ¹⁸¹²) его своими руками, сказалъ:

Воскрешеніе Евтиха

(со снимка въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Подлинникъ въ Лонѣ).

«не безпокойтесь, потому что его жизнь въ немъ». Успокоивъ этимъ замѣчаніемъ возбужденіе, онъ оставилъ юношу подъ благотворнымъ вліяніемъ покоя и тишины, а также быть можетъ и доброй заботливости діакониссъ и другихъ присутствующихъ женщинъ; потому что повѣствованіе просто прибавляетъ, что апостоль опять пошелъ вверхъ и послѣ «преломленія хлѣба» ¹⁸¹³) (какъ описывается евхаристическое священнодѣйствіе) и совершенія трапезы, которая послѣ называлась *агапой*, онъ продолжалъ дружески бесѣдовать съ собраніемъ до разсвѣта дня и затѣмъ вышелъ. Тѣмъ временемъ Евтихъ вполне оправился и его привели живаго—очевидно въ верхнюю комнату, и не мало утѣшились всѣ.

На слѣдующій день уполномоченные—«эти первые христіанскіе паломники въ святую землю»—сѣли на корабль и поплыли вокругъ мыса Лектейскаго, между тѣмъ какъ самъ ап. Павелъ отправился сухимъ путемъ¹⁸¹⁴⁾ по низменной части мыса для присоединенія къ нимъ въ Ассѣ. Нужно ли ему было посѣтить друзей по пути, или онъ желалъ пройти эти тридцать пять верстъ пріятными дубовыми рощами по римскимъ дорогамъ въ безмолвномъ общеніи съ своимъ собственнымъ духомъ—мы не знаемъ; подобныя натуры, какъ ни сильны онѣ желаніемъ сочувствія, часто однако же чувствуютъ непреодолимую потребность въ уединеніи. Если онъ слышалъ объ остроумномъ приложеніи, какое сдѣлано было Стратоникомъ изъ стиха Гомера (*Ἀστρον ἰδ' ὧς κεν εἰσσοῖεν σλέθρον τετραεὶς ἱχθαί*), то улыбаясь этой веселой шуткѣ, направленной противъ крутаго схода изъ города въ гавань, онъ могъ думать, что и для него также — на его пути къ узамъ и тюремному заключенію и быть можетъ къ самой смерти—заключалось печальное значеніе въ этой строкѣ¹⁸¹⁵⁾. Пройдя между двумя саркофагами по улицѣ гробовъ и выйдя древними воротами, которыя въ развалинахъ стоятъ еще и теперь, онъ направился по крутому сходу къ гавани и тамъ нашелъ ожидавшій его корабль. Св. Лука, между другими находившійся на палубѣ корабля, даетъ намъ страницу изъ своего дневника, когда корабль летѣлъ на парусахъ среди острововъ Греціи. Плаваніе повидимому было вполнѣ благопріятное. Сѣверо-западный вѣтеръ, господствующій въ это время года, каждый день надувалъ паруса, и корабль быстро неся по синему морю подъ тѣнію древнихъ поэтическихъ горъ, мимо знаменитыхъ городовъ и вдоль зеленѣющихъ береговъ. Въ тотъ же самый вечеръ они прибыли въ Митилену, великолѣпную столицу Лесбоса, родину Сапфо и Алкея и колыбель лирической пѣсни. Здѣсь они бросили якорь, потому что безлунная ночь дѣлала небезопаснымъ путь среди многихъ выступовъ скалистаго берега. На слѣдующій день они бросили якорь у скалистаго Хіоса, зеленая равнина котораго были сказочной родиной Гомера¹⁸¹⁶⁾, а на слѣдующій на короткое время остановились въ Самосѣ и затѣмъ, пройдя узкій каналъ, на ночь бросили якорь въ гавани Трогиллія подъ хребтомъ Микалы, столь знаменитой побѣдой Конона. На слѣдующій день, проплывъ мимо гавани Ефеса, они бросили якорь въ Милетѣ. Ап. Павелъ съ радостью посѣтилъ бы Ефесъ, если бы позволило время, но ему такъ хотѣлось прибыть въ Іерусалимъ къ Пятидесятницѣ, что, во избѣжаніе всякаго замедленія добровольнаго или случайнаго, онъ противился всякому подобному искушенію. Въ Милетѣ однако же корабль долженъ былъ остановиться, и ап. Павелъ рѣшилъ воспользоваться этимъ краткимъ пребываніемъ тамъ. Онъ вѣроятно прибылъ около полудня и сразу же послалъ вѣстника къ старѣйшинамъ города Ефеса, чтобы они пришли повидаться съ нимъ¹⁸¹⁷⁾. Ихъ отдѣляло лишь пространство въ 50—60 верстъ по хорошей дорогѣ, и старѣйшины¹⁸¹⁸⁾ легко могли быть у него на слѣдующій день, который, считая съ отправленія его изъ Троады, былъ вѣроятно воскресенья. Этотъ день

онъ провелъ въ ихъ обществѣ, и прежде чѣмъ разстаться съ ними, обратился къ нимъ съ рѣчью, которая изобилуетъ своеобразными формами выраженія и даетъ глубоко интересный очеркъ его дѣятельности въ Ефесѣ.

«Вы знаете, сказалъ онъ,—какъ я съ перваго дня, въ который пришелъ въ Асію, все время былъ съ вами, работая Господу со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами, среди искушеній, приключавшихся мнѣ по злоумышленію іудеевъ ¹⁸¹⁹); какъ я не пропустилъ ничего полезнаго ¹⁸²⁰), о чемъ вамъ ни проповѣдалъ бы и чему ни училъ бы васъ всенародно и по домамъ, возвѣщая іудеямъ и еллинамъ покаяніе предъ Богомъ и вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа. И вотъ нынѣ я по влеченію Духа ¹⁸²¹) иду въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ встрѣтятся со мною. Только Духъ Святыи по всѣмъ городамъ свидѣтельствуется, говоря, что узы и скорби ждутъ меня. Но я ни на что не взираю ¹⁸²²) и не дорожу своею жизнью, только бы съ радостью совершить поприще мое и служеніе ¹⁸²³), которое я принялъ отъ Господа Иисуса проповѣдать ¹⁸²⁴) Евангеніе благодати Божіей. И нынѣ вотъ я знаю, что уже не увидите лица моего всѣ вы, между которыми ходилъ я, проповѣдуя царство Божіе ¹⁸²⁵). Посему свидѣтельствую вамъ въ нынѣшній день, что чистъ я отъ крови всѣхъ, ибо я не упускалъ возвѣщать вамъ всю волю Божію. И такъ, внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святыи поставилъ васъ блюстителями пасти церковь Господа и Бога ¹⁸²⁶), которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ ¹⁸²⁷) возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года, ночь и день ¹⁸²⁸), непрестанно со слезами ¹⁸²⁹) училъ каждого изъ васъ. И нынѣ предаю васъ, братія, Богу и слову благодати Его, могущему назидать васъ болѣе и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ; сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили»—и приэтомъ онъ протянулъ свои тонкія истощенныя трудомъ руки предъ ними—«руки мои сіи. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Онъ самъ сказалъ: блаженнѣе давать, нежели принимать» ¹⁸³⁰).

Послѣ этихъ словъ, которыя такъ ярко изображаютъ неутомимое трудолюбіе, глубокое смиреніе, совершенную нѣжность его апостольскаго служенія, трогательная торжественность сцены произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Онъ закончилъ свою молитву среди взрыва плача, и когда они прощались съ нимъ, тревожась за его будущее, тревожась и за свое собственное будущее, то всѣ склонили свои головы къ нему на шею (срав. Быт. хlv, 14; хlvі, 29) и горячо цѣловали его ¹⁸³¹), огорченные особенно его замѣчаніемъ, что они уже никогда не увидятъ его какъ видѣли доселѣ ¹⁸³²), никогда не будутъ больше смотрѣть на дорогое имъ лицо своего учителя, который столько вынесъ ради ихъ

Улица въ Родосѣ.

и котораго они такъ любили. Если ап. Павелъ возбуждалъ къ себѣ сильную ненависть въ своихъ противникахъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, при всѣхъ недостаткахъ своей внѣшности, онъ также вдохновлялъ къ себѣ и самую сильную привязанность. Онъ долженъ былъ, по сильному выраженію св. Луки ¹⁸³³), вырваться отъ нихъ. Печальные и подавляемые разными мрачными предчувствіями, они пошли съ нимъ къ кораблю, который въ это время ожидалъ его, и мы можемъ быть вполне увѣрены, что ап. Павелъ горько плакалъ, когда онъ вступалъ на палубу корабля, и въ свою очередь на берегу плачъ собратій раздавался до тѣхъ поръ, пока паруса не слились въ неясное бѣлое пятно на далекомъ горизонтѣ; и пресвитеры ефесскіе съ тяжелымъ сердцемъ возвратились назадъ, чтобы еще разъ, уже безъ всякой надежды на помощь отъ своего духовнаго отца, встрѣтить испытаніе, ожидавшее ихъ въ городѣ Артемиды.

Вѣтеръ былъ совершенно благопріятный для путешественниковъ и вечеромъ они прямымъ курсомъ прибыли въ Косъ. Ни вина, ни пурпуръ, ни благовонія Коса не могли много интересовъ эту малую общину ¹⁸³⁴); но если бы представилась возможность, то можно было увѣреннымъ, что «возлюбленный врачъ» не упустилъ бы случая осмотрѣть достопримѣчательности Асклепіадъ—великой медицинской школы древняго міра. На слѣдующій день корабль обогнулъ мысъ Книдъ и направился къ Родосу, гдѣ, по вступленіи въ гавань, они могли любоваться изумительнымъ, вошедшимъ въ пословицу, плодородіемъ этого прекраснаго острова розъ, и съ любопытствомъ посмотрѣли бы на развалины его величественнаго колосса, огромная масса бронзы котораго была уже разрушена землетрясеніемъ, хотя ноги его еще стояли на своемъ пьедесталѣ ¹⁸³⁵), съ котораго они тринадцать вѣковъ спустя были разломаны и унесены на девятистахъ верблюдахъ въ качествѣ безславной добычи іудея ¹⁸³⁶). Эта чудовищная масса,—одно изъ чудесъ свѣта,—была изображеніемъ солнца, и если языческіе обращенцы могли останавливаться на ней съ чувствомъ художественнаго очарованія, то ап. Павелъ вѣроятно могъ лишь съ улыбкою подумать о Дагонѣ, когда онъ палъ и осрамилъ своихъ поклонниковъ; или указать на него, какъ на символъ грядущаго дня, когда всѣ идола падутъ и расточатся при возвращающейся зарѣ солнца правды. Морская держава, въ память которой была воздвигнута эта огромная статуя, такъ же рушилась и исчезла, какъ долженъ былъ исчезнуть и культъ Аполлона. И для ап. Павла произведеніе Хареса Линдскаго, не смотря на все его изящество и красоту, было лишь огромнымъ идоломъ, достойнымъ всякаго сожалѣнія, причемъ къ храму, воздвигнутому этому идолу богоотступнымъ идумейскимъ узурпаторомъ, называвшимъ себя царемъ іудеевъ, можно было относиться только съ праведнымъ презрѣніемъ ¹⁸³⁷).

На слѣдующій день, пройдя семь мысовъ, оканчивающихъ горный крайъ «зеленѣющаго Крага», и устье желтой рѣки, дававшей свое имя Ксанѣ столицѣ Ликіи, и такимъ образомъ издали видя храмы, богатые мраморомъ, теперь укра-

шающимъ Британскій музей, корабль, несшій на себѣ одного изъ величайшихъ рѣшителей судьбы будущаго, направилъ свой путь на востокъ къ Патарѣ. Подъ холмомъ, вздымавшимся надъ амфитеатромъ, среди пальмовыхъ деревьевъ, поднимался также храмъ и оракулъ Аполлона Патарскаго, отъ всего былаго блеска котораго теперь остается лишь единственная колонна и яма, быть можетъ употреблявшаяся для какихъ нибудь суевѣрныхъ обрядовъ ¹⁸³⁸).

Замокъ Россо на берегу Ликии.

Здѣсь ап. Павлу съ своими спутниками пришлось разстаться съ своимъ кораблемъ, на которомъ они совершили столь пріятный и, не смотря на всѣ мрачныя предчувствія, столь счастливый путь. Или назначеніе его кончилось здѣсь, или онъ направлялся дальше къ берегамъ Памфиліи или Киликіи. Но къ счастью они нашли здѣсь другой корабль, прямо направлявшійся въ Финикію, и они тотчасъ же сѣли на него и поплыли дальше. Вѣтеръ опять благопріятствовалъ имъ. Плыя не только днемъ, но и ночью при лунномъ свѣтѣ и дѣлая по сто-семидесяти-пяти верстъ въ сутки, они на разсвѣтѣ завидѣли ¹⁸³⁹) свѣтловыя вершины Кипра и, минуя Пафъ, гдѣ ап. Павелъ могъ вспомнить о Сергіѣ Павлѣ

и Элимѣ, въ какіе нибудь четыре дня прибыли въ Тиръ, гдѣ корабль ихъ долженъ былъ сложить свой грузъ. Ап. Павелъ теперь навѣрно уже пересталъ тревожиться касательно возможности своего прибытія въ Іерусалимъ къ Пятидесятницѣ, такъ какъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, теперь онъ имѣлъ въ запасѣ цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ Тирѣ было нѣсколько учениковъ и ап. Павелъ быть можетъ видѣлъ ихъ при прежнихъ случаяхъ (Дѣян. ххvi, 20; Гал. i, 21); но въ такомъ людномъ и промышленномъ городѣ требовалось не мало усилій для того, чтобы найти ихъ ¹⁸⁴⁰). Съ ними ап. Павелъ пробылъ свой обычный семидневный періодъ, и они, по внушенію Духа, говорили ему, чтобы онъ не ходилъ въ Іерусалимъ. Хотя онъ и самъ сознавалъ о предстоящей ему опасности, однакоже онъ вполнѣ отдавался водительству того же самага Духа, который велъ его впередъ какбы добровольнаго узника. По прошествіи недѣли ¹⁸⁴¹), ап. Павелъ оставилъ ихъ, и въ это короткое время онъ такъ глубоко привязалъ ихъ къ себѣ, что всѣ члены маленькой общины, съ своими женами и дѣтьми, вышли провожать его въ путь. Прежде чѣмъ дойти до корабля, они всѣ, мужчины, женщины и дѣти, пали на колѣна гдѣ нибудь на скалистомъ берегу ¹⁸⁴²), близъ того мѣста, гдѣ стоялъ корабль, и молились вмѣстѣ—онъ за нихъ, а они за него, прежде чѣмъ возвратиться домой; а онъ еще разъ взшелъ на корабль для послѣдняго переѣзда въ своемъ путешествіи отъ Тира до Птолемаиды, новѣйшей Акры. Тамъ они окончательно оставили свой корабль и отправились привѣтствовать учениковъ, съ которыми они пробыли одинъ день, и затѣмъ сухимъ путемъ отправились чрезъ равнину Саронскую, блиставшую въ это время тысячами весеннихъ цвѣтовъ, и прошли восьмидесятиверстный путь, отдѣляющій Акру отъ Кесаріи. Здѣсь ап. Павелъ остался до самага кануна праздника. Всегда готовый встрѣтить опасность, когда призывалъ его долгъ, онъ не имѣлъ желанія растягивать ея продолжительность или увеличивать ея неизбежность. Въ Кесаріи поэтому онъ оставался съ своими сотоварищами въ теченіе нѣсколькихъ дней и это были послѣдніе счастливые дни той свободы, которою онъ наслаждался дотолѣ. Богу угодно было освѣжить его духъ этимъ краткимъ промежуткомъ радостнаго общенія и покоя. Въ Кесаріи они гостили у того, кто былъ связанъ съ ап. Павломъ тѣсными узами глубочайшаго сочувствія, именно у Филиппа евангелиста. Будучи подобно ему еллинистомъ и притомъ свободомыслящимъ еллинистомъ, Филиппъ, какъ конечно съ радостью призналъ ап. Павелъ, былъ первымъ, кто выказывалъ ему то сочувствіе и ясное пониманіе, безъ которыхъ было бы невозможно самое дѣло ап. Павла. Это былъ Филиппъ, который благовѣствовалъ ненавистнымъ самарянамъ; Филиппъ, который имѣлъ смѣлость крестить еіюпскаго евнуха. Судьба этихъ двухъ благородныхъ тружениковъ была тѣсно связана между собой. Яростное гоненіе Савла фарисея и было главной причиной, которая разсѣяла церковь іерусалимскую и такимъ образомъ сдѣлала бесполезнымъ учрежденіе семи діаконовъ. Вслѣдствіе бѣгства отъ этого именно гоненія измѣнилась дѣятельность Филиппа.

Съ другой стороны эта новая дѣятельность началась именно тѣмъ, что составляло задачу всей жизни Павла апостола. Когда ап. Павелъ и Филиппъ бесѣдовали между собою въ эти немногіе драгоцѣнные часы, они могли перебрать въ своей душѣ много трогательныхъ воспоминаній о тѣхъ дняхъ, когда свѣтъ небесный, нѣкогда сіявшій на лицѣ Стефана, обращенномъ къ небу въ агоніи мученичества, палящимъ предзнаменовательнымъ огнемъ отразился также и на лицѣ юноши, имя котораго было Савлъ. И помимо общенія мыслей и воспоминаній, домъ Филиппа былъ благословенъ нѣжнымъ уходомъ четырехъ дочерей его, которыя, ожидая пришествія Христа, посвятили на служеніе Евангелію свою дѣвственную жизнь ¹⁸⁴³).

Къ этой маленькой счастливой общинѣ вѣрующихъ пришелъ изъ Іудеи пророкъ Агавъ, который въ ранніе годы дѣятельности ап. Павла въ Антіохіи предостерегъ церковь отъ имѣвшаго наступить голода. Принявъ символическій образъ древнихъ пророковъ (сн. 3 Цар. ххп, 11; Ис. хх, 2; Іерем. хп, 1 и проч.), онъ подошелъ къ ап. Павлу, развязалъ поясъ, которымъ подвизанъ былъ его *кетонееъ*, и, связывая имъ себѣ руки и ноги, сказалъ: «такъ говоритъ Духъ Святой: мужа, чей этотъ поясъ, такъ свяжутъ въ Іерусалимѣ іудеи и предадутъ въ руки язычниковъ». Собратья уже и сами знали о связанной съ предстоящимъ посѣщеніемъ опасности, но они еще не имѣли доселѣ столь опредѣленнаго извѣщенія объ этомъ, равно какъ и не предвидѣли, чтобы іудейское нападеніе могло окончиться римскимъ тюремнымъ заключеніемъ. Услышавъ это, сотоварищи ап. Павла усердно просили его, чтобы онъ остался тамъ, гдѣ находился, а они одни отправятся въ Іерусалимъ и доставятъ приношеніе отъ языческихъ церквей; и даже члены Кесарійской церкви присоединили свои слезныя мольбы къ слезнымъ мольбамъ его возлюбленныхъ сотоварищей, упрашивая его не идти на явную опасность. Зачѣмъ ему подвергать опасности свою драгоцѣнную жизнь? Такъ какъ Духъ дѣлалъ ему столь много предостереженій, то не было ли бы даже съ его стороны неразумнымъ выступать такимъ образомъ противъ самаго оплота его ожесточеннѣйшихъ враговъ? Ап. Павелъ не былъ нечувствителенъ къ ихъ любящимъ просьбамъ и доводамъ. И если бы онъ рѣшилъ, что для него совершенно неразумно настаивать на своемъ намѣреніи, то могъ бы имѣть для себя много извиненій; но этому не суждено было быть такъ. Намѣреніе его было непоколебимо. Даже голосъ пророка не могъ отвратить его отъ послушанія призыву, который, по его сознанію, происходилъ отъ Бога. Какъ узникъ, приговоренный къ торжествующей колесницѣ Христа—что могъ онъ дѣлать? Что могъ онъ дѣлать, какъ не благодарить Бога, даже если Евангеліе, которое было для нѣкоторыхъ благоуханіемъ жизни, дѣлалось для него благоуханіемъ земной смерти? Разъ перстъ Божій указалъ путь возвышенной душѣ, она не свернетъ съ него ни направо, ни налево. «Что вы дѣлаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?» сказалъ онъ имъ; «я не только хочу быть узникомъ, но готовъ и

умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса». Тогда всѣмъ стало ясно, что дальнѣйшія упрасиванія были бы мучительны для него и вмѣстѣ бесполезны. Поэтому они успокоились и отерли свои слезы, говоря: «да будетъ воля Господня».

Слишкомъ скоро счастливые дни покоя и любящихъ бесѣдъ пришли къ концу. Отъ Кесаріи до Іерусалима было двадцать верстъ — три дня обычнаго пути. Праздникъ въ томъ году начинался съ закатомъ солнца въ среду 17 мая ¹⁸⁴⁴). Последнимъ днемъ въ Кесаріи было воскресенье. На слѣдующій день путники уложили свой багажъ ¹⁸⁴⁵)—(а онъ былъ драгоцененъ, потому что содержалъ въ себѣ *халюку*)—и сопровождаемые нѣкоторыми изъ кесарійскихъ обращенцевъ съ массою другихъ іудеевъ, стремившихся въ Іерусалимъ въ послѣдній день предъ началомъ праздника ¹⁸⁴⁶), съ все болѣе омрачавшимся сердцемъ отправились въ путь въ святой городъ. Народу къ Пасхѣ собралось въ Іерусалимѣ такъ много, что простому страннику не легко было найти себѣ даже помѣщеніе, такъ что онъ по необходимости долженъ былъ искать себѣ убѣжища въ какомъ нибудь временномъ шалапѣ за стѣнами города. Но собратья позаботились о томъ, чтобы приготовить ап. Павлу и уполномоченнымъ отъ церквей кровь въ домѣ Мнасона Кипрянина, одного изъ первоначальныхъ учениковъ. У ап. Павла повидимому жила сестра въ Іерусалимѣ. Но мы не знаемъ, была ли она христіанка, и во всякомъ случаѣ ея домъ, который могъ быть хорошо извѣстенъ многимъ тарсійскимъ іудеямъ, не былъ бы безопаснымъ мѣстомъ покоя для человѣка, которому угрожало столько опасностей. И вотъ въ пятый разъ по своему обращеніи ап. Павелъ вступилъ въ Іерусалимъ. Онъ рѣдко вступалъ въ него такъ, чтобы не имѣть какой нибудь причины для безпокойства, и едва ли могло быть у него хотя одно воспоминаніе, которое бы не было для него безконечно мучительнымъ. Школа Гамалиила, синагога либертинцевъ, домъ, гдѣ первосвященникъ давалъ ему порученіе въ Дамаскъ, мѣсто, гдѣ обогрѣнная трава упивалась кровію Стефана—все это должно было возбуждать въ немъ мучительное чувство. Но никогда онъ не ступалъ по улицамъ святаго города съ столь глубокою скорбью, какъ теперь, когда онъ, избѣгая насколько возможно любопытныхъ глазъ, вступилъ въ него въ маленькомъ караванѣ кесарійскихъ поклонниковъ и языческихъ обращенцевъ. Онъ вступалъ въ городъ, гдѣ друзей было не много и гдѣ почти всякій изъ тѣхъ тысячъ, среди которыхъ онъ двигался, былъ дѣйствительнымъ или возможнымъ врагомъ, для которыхъ одного упоминанія его имени могло быть достаточно для того, чтобы они выхватили кинжалы изъ своихъ ноженъ или издали крикъ ненависти, могшій стать сигналомъ для яростнаго мятежа. Но онъ несъ съ собою пособіе, которое могло быть осязательнымъ доказательствомъ его преданности матери церкви, и братія, которыхъ онъ встрѣтилъ въ этотъ вечеръ въ домѣ Мнасона, съ радостью привѣтствовали его. Это могло на время ободрить его сердце, но не подавило тяжелаго сознанія,

что онъ находился въ городѣ, который былъ убійцей пророковъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ ту пылкую вражду, которая возжигалась при его присутствіи, потому что слишкомъ хорошо помнилъ, какова была его собственная вражда и вражда его партіи противъ христіанскихъ еллинистовъ въ прежнее время. Гнѣвъ, который онъ чувствовалъ тогда, теперь былъ пещью, семь разъ накаленною для него самого.

Слѣдующій день до солнечнаго заката прошелъ въ праздничныхъ церемоніяхъ, и большая часть его была проведена ап. Павломъ и его малымъ обществомъ въ собраніи пресвитеровъ, которые собрались для принятія его подъ предсѣдательствомъ св. Іакова ¹⁴⁴⁷). Пресвитеры уже были въ сборѣ, когда пришли и посѣтители, и можно вообразить, съ какимъ трепетомъ любопытства, почти съ мучительною робостью, такіе «робкіе провинціальныя неофиты», какъ Тимофей и Трофимъ (особенно послѣдній, какъ необрѣзанный язычникъ, котораго учитель его поощрялъ считать себя совершенно свободнымъ отъ іудейскаго закона), чувствовали себя въ страшномъ присутствіи Іакова, «брата Господня», Іакова строгаго, въ бѣломъ одѣяніи, таинственнаго пророка, въ средѣ собранія его іудейскихъ пресвитеровъ. Они чувствовали себя совершенно свободно въ своихъ собственныхъ азійскихъ или еллинскихъ домахъ; но здѣсь въ Іерусалимѣ, «въ святомъ и славномъ градѣ», подъ самою тѣнію храма, лицомъ къ лицу съ вилитами и фарисеями, нуженъ былъ весь геній ап. Павла, чтобы безъ тѣни робости добиваться той божественной свободы, которая подвергалась суду отъ имени богатой чудесами исторіи и всей литературы боговдохновенныхъ книгъ. Этотъ свободный духъ былъ урокомъ, котораго не могли постигнуть сами іудеи. Нужно было землетрясеніе, которое бы повергло храмъ ихъ въ развалины и разсѣяло ихъ народъ на четыре вѣтра міра, чтобы они могли наконецъ убѣдиться въ тщетности своихъ вѣрованій, къ которымъ они лѣзли съ такою пылкостью. Они не перестали бы противиться этой логикѣ аргументаціи, если бы самъ Богъ въ надлежащее время не опровергъ все ихъ богословіе непреодолимой логикой фактовъ. Разрушеніе Іерусалима гораздо болѣе разубѣдило ихъ въ своемъ вѣковѣчномъ убѣжденіи, чѣмъ даже посланія ап. Павла.

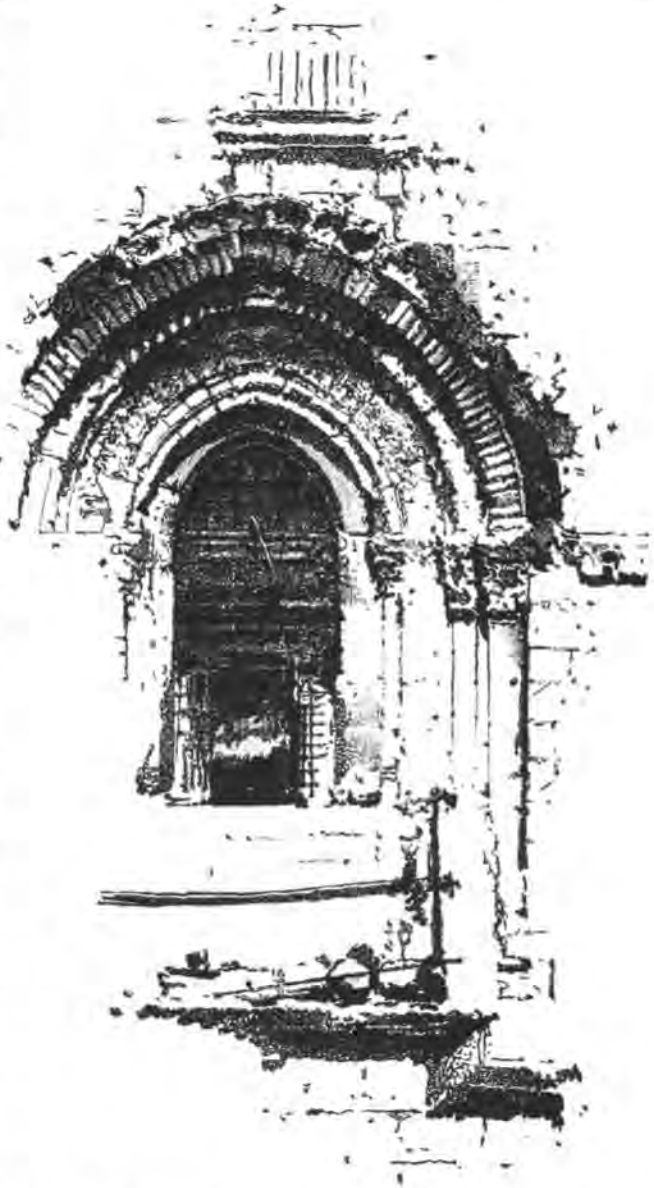
Когда мы читаемъ повѣтствованіе книги Дѣяній Апост. при свѣтѣ посланій ап. Павла, то трудно устранишься отъ впечатлѣнія, что встрѣча между ап. Павломъ и старѣйшинами Іерусалима отличалась холодною. Понятно конечно, что первою цѣлью этой встрѣчи было представленіе пособія, отъ котораго ап. Павелъ ожидалъ такъ много. Одного за другимъ вызывалъ онъ впередъ своихъ возлюбленныхъ уполномоченныхъ, чтобы они могли своими собственными руками положить къ ногамъ Іакова тѣ суммы денегъ, которыя его языческія церкви собрали отъ своей скудости и которыя каждой своей монетою свидѣтельствовали о ихъ благородномъ самоотверженіи. Вотъ предъ ними лежали всѣ эти деньги, какъ поразительное доказательство той ревности, съ которою ап. Павелъ во всякомъ

случаѣ выполнилъ съ своей стороны состоявшееся въ Іерусалимѣ соглашеніе, когда—почти какъ бы въ вознагражденіе за уступки, противъ которыхъ всѣми силами возставали іудействующие, — три главныхъ апостола просили его позаботиться о бѣдныхъ. Это навѣрно было гораздо большее приношеніе, чѣмъ они имѣли основаніе ожидать, и при этомъ случаѣ можно бы ожидать сердечнаго сочувствія и искренняго радушія со стороны общины, которая получала столь осязательное доказательство благорасположенія язычниковъ. Однако же въ повѣствованіи не передается ни одного слова благодарности, и мы слишкомъ ясно видимъ, что едва скрываемое предчувствіе ап. Павла касательно того, какъ будетъ принять его даръ (Рим. хv, 31), подтвердилось. Принимающіе милостыню въ Іерусалимѣ никогда не отличались своею благодарностью¹⁸⁴⁸). Если бы теперь было иначе, то несомнѣнно св. Лука занесъ бы на страницы своего повѣствованія самый способъ, какимъ принято было это приношеніе. Хотя нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ братій приняли ап. Павла съ радостью, старѣйшины церкви не посмѣли однако же выразить ему свое привѣтствіе предыдущимъ вечеромъ, и послѣдующіе вечера слишкомъ ясно доказываютъ, что его главная награда заключалась лишь въ собственномъ сознаніи того, что онъ самъ поступалъ съ добротою и справедливостію, а не въ томъ, что ему удалось смягчить сердце іудействующихъ христіанъ. Благодарность не всегда пріобрѣтается вниманіемъ. Сборъ для святыхъ занимаетъ много страницъ въ посланіяхъ ап. Павла, какъ онъ много лѣтъ занималъ и его мысли. Но мы не видимъ никакой признательности со стороны принявшихъ приношеніе за тотъ трудъ любви, безъ котораго оно никогда не было бы собрано.

По окончаніи сдачи пожертвованій, ап. Павелъ подробно¹⁸⁴⁹) рассказалъ о совершенномъ имъ дѣлѣ, а также о церквахъ, которыя онъ утвердилъ или основалъ въ это третье описанное нами путешествіе. Сколько любви и восторга должно бы возбудить такое повѣствованіе! Но намъ единственно сообщается лишь то, что они, «выслушавъ, прославили Бога и сказали»:—что же именно? повторили лишь отголосокъ горькихъ, если даже невраждебныхъ укоровъ противъ ап. Павла съ прибавленіемъ заявленія, которое имѣло характеръ какъ бы угрозы для него: — «видишь, братъ, сказали они, сколько тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ, и всѣ они ревнители закона». Выраженіе это замѣчательно. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ такую раннюю пору было «много тысячъ» іудейскихъ христіанъ, когда мы знаемъ, какъ незначительны по численности были церкви даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Римъ и Коринѣ, и когда мы знаемъ, какъ незначительно было число христіанъ, которые спустя десятилѣтія искали убѣжища въ Целлѣ отъ предстоявшаго разрушенія Іерусалима? Если принять это выраженіе буквально, если было бы даже хотя двадцать тысячъ христіанъ, строгихъ ревнителей закона, то это только показываетъ, какъ велика была опасность для церкви, если бы она поглощена была, лишь нѣсколько отличной отъ прежней, синагогой. Во всякомъ случаѣ замѣчаніе

это указывало на крайнюю опасность положенія ап. Павла въ этомъ притонѣ яростнаго фанатизма, особенно когда старѣйшины прибавили къ сказанному: «и всѣ они» — т. е. всѣ эти тысячи, принявшіе вѣру и бывшіе ревнителями закона — «наслышались о тебѣ ¹⁸⁵⁰⁾», что ты всѣхъ іудеевъ, живущихъ между язычниками, учишь отступленію отъ Моисея, говоря, чтобы они не обрѣзали дѣтей своихъ и не поступали по обычаямъ. И такъ, что же? Вѣрно соберется народъ; ибо услышать, что ты пришелъ. Сдѣлай же, что мы скажемъ тебѣ: есть у насъ четыре человека, имѣющіе на себѣ обѣтъ. Взявъ ихъ, очистишься съ ними и возьми на себя издержки на жертву за нихъ, чтобы остригли себѣ голову, и узнаютъ всѣ, что слышанное о тебѣ несправедливо, но что и самъ ты продолжаешь соблюдать законъ. А объ увѣровавшихъ язычникахъ мы писали, положивъ, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя отъ идоложертвеннаго, отъ крови, отъ удавленны и отъ блуда».

Что же означало это предложеніе? Оно означало, что освобожденіе отъ обѣта назорейскаго могло совершиться только въ Іерусалимѣ и въ храмѣ, и что оно сопровождалось столь цѣннымъ приношеніемъ, какое только возможно было для бѣднаго человѣка. Поэтому возникъ обычай, по которому богатые люди принимали

Окно въ церкви св. гроба Господня въ Іерусалимѣ.

на себя необходимы при этомъ издержки, и это считалось дѣломъ челоуколюбія и благочестія. Иудеи смотрѣли на этотъ родъ благотворенія, дѣлавшій возможнымъ для бѣдныхъ, какъ и для богатыхъ, принимать обѣты въ моменты испытанія и опасности, столь благопріятно, что, когда Агриппа I въ первый разъ посѣтилъ Іерусалимъ, онъ заплатилъ подобные расходы, давшіе возможность большому числу назореевъ остричь свои головы ¹⁸⁵¹), не только потому, что онъ желалъ выставить на показъ свое почтеніе къ обрядовому закону, но также и потому, что онъ зналъ, что этимъ путемъ легче всего можно было приобрести популярность у фарисейской партіи. Лицо, которое такимъ образомъ уплачивало издержки, настолько считалось принимающимъ участіе въ обѣтѣ, что отъ него требовалось оставаться съ назореями въ теченіе цѣлой недѣли, которая, какъ мы видимъ изъ повѣствованія св. Луки, должна была пройти между объявленіемъ священнику объ окончаніи обѣта и его формальнымъ заявленіемъ, что онъ законнымъ образомъ окончился ¹⁸⁵²). Поэтому, ап. Павелъ, въ случаѣ принятія предложенія, долженъ былъ въ теченіе недѣли жить съ четырьмя бѣдняками въ помѣщеніи храма, назначенномъ для этой именно цѣли; затѣмъ заплатить за шестнадцать жертвенныхъ животныхъ—жертвенное приношеніе ихъ; стоять среди этихъ назореевъ, когда священникъ приносилъ четыре одногоднихъ безпорочныхъ агнца въ жертву всесожженія и четыре одногоднихъ безпорочныхъ агницы въ жертву за грѣхъ, четыре безпорочныхъ барана въ жертву мира; затѣмъ смотрѣть на то, какъ назореямъ стриглись головы и какъ они сжигали свои волосы подъ кипящимъ котломъ жертвы мира въ то время, какъ священникъ бралъ четыре вскипаченныхъ бараньихъ плеча, четыре опрѣсночныхъ пряника изъ четырехъ корзины и четыре опрѣсночныхъ хлѣбца, помазанныхъ масломъ, и клалъ ихъ на руки назореевъ и возносилъ ихъ въ качествѣ жертвы возношенія предъ Господомъ, что затѣмъ священникъ получалъ въ вознагражденіе себѣ. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать не только для опроверженія несомнѣнной клеветы на него, что именно онъ училъ іудеевъ отступленію отъ Моисея (какъ будто бы вся его проповѣдь была простымъ отрицаніемъ!), но и для того, чтобы доказать, что молва о немъ была несправедлива и что онъ оставался неуклоннымъ исполнителемъ закона.

Все это дѣло конечно сопряжено было съ большими расходами; но важность заключалась не въ этомъ. Ап. Павелъ, при своей обычной бѣдности, едва ли могъ заплатить за все это; но если бы встрѣтилось какое нибудь затрудненіе съ этой стороны, то устраненіе его лежало бы на обязанности тѣхъ, которые сдѣлали самое предложеніе. Но было ли обвиненіе противъ него ложнымъ въ духѣ, какъ оно было ложно въ буквѣ? Правда ли, что онъ цѣнилъ и во всякомъ случаѣ съ нѣкоторою тщательностью все еще соблюдалъ законъ? Не заключалось бы въ такомъ образѣ дѣйствій съ его стороны нѣчто такое, что могло подвергнуться опасности перетолкованія въ смыслѣ оставленія имъ своихъ собственныхъ началъ?

Если «эти іудействующіе, которыхъ онъ не щадилъ такими названіями, какъ «лже-апостолы», «лже-братія», «лукавые дѣятели», «посланники сатаны», «обрѣзанныки» (2 Кор. xi, 13; Гал. ii, 4; Фил. iii, 2), и прежде колебали преданность къ нему его обращенцевъ, обвиняя его въ непослѣдовательности, то не случилось ли бы они еще большее основаніе для этого теперь? Правда, что въ концѣ своего втораго путешествія онъ добровольно принялъ на себя обѣтъ назорея. Но съ того времени обстоятельства сильно измѣнились. Въ это время вражды со стороны лжебратій уже не было; они не преслѣдовали его по стопамъ своими клеветами; они не отравляли вѣру его обращенцевъ внушеніемъ имъ законнической обрядности; они не подсылали своихъ приверженцевъ подрывать его ученіе и убѣждать основанныя имъ церкви къ отверженію его авторитета. И если всѣ эти обстоятельства измѣнились, то онъ измѣнился и самъ. Его вѣра никогда не была стереотипнымъ шиболетомъ или отупляющимъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ. Его жизнь, подобно жизни всѣхъ возвышенно добрыхъ и мудрыхъ людей, была постояннымъ воспитаніемъ. Его взгляды въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которыя онъ жилъ исключительно среди языческихъ церквей и въ большихъ городахъ, сдѣлались яснѣе и рѣшительнѣе. Не говоря уже о ясныхъ началахъ, изложенныхъ имъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, онъ написалъ уже посланіе къ Галатамъ и возвѣщенный тамъ начала подробно развилъ въ посланіи къ Римлянамъ. Самою цѣлью этихъ посланій было доказать ничтожество закона въ дѣлѣ оправданія. Человѣкъ, который писалъ, что ученіе іудействующихъ совершенно отлично отъ его благовѣстія и что всякій, проповѣдующій его, проклятъ (Гал. i, 6—9), — который открыто обличалъ Петра, когда онъ, поживъ съ христіанами изъ язычниковъ (ii, 14), затѣмъ обратился къ жизни іудействующихъ, — который сдѣлалъ своимъ основнымъ правиломъ, что «дѣлами закона не оправдается никакая плоть» (ii, 16), — который говорилъ, что снова созидать то, что разрушено, значитъ дѣлать себя самого преступникомъ (ii, 18), — который отзывался о законѣ какъ о проклятій, отъ котораго избавилъ насъ Христосъ, и заявлялъ, что законъ никогда не можетъ принести праведности (Рим. iii, 20; Гал. ii, 16), — который даже заявлялъ, что законъ, какъ рабство «немогущимъ и бѣднымъ началамъ», могъ быть приравниваемъ къ обрядамъ культа Цибелы и боготворенія луны, и отзывался объ обрѣзаніи лишь какъ о презрѣнномъ уродованіи (Фил. iii, 2; Гал. v, 12), — который то и дѣло говорилъ о смерти для закона и открыто искалъ содружества скорѣе у язычниковъ, которые были духовными, чѣмъ у отверженныхъ и преступно ослѣпленныхъ іудеевъ, которые были лишь плотскими потомками Авраама, — неужели такой человѣкъ, способенъ былъ, не производя ложнаго впечатлѣнія, избѣгать столь привычной для него опасности смерти, выставкою на показъ своего правовѣрія въ подозрѣваемомъ отношеніи? Одинъ новѣйшій писатель сказалъ, что онъ не могъ сдѣлать этого, не впадая въ неправду, и что предполагать, чтобы авторъ посланій къ

Римлянамъ и Галатамъ стоялъ въ теченіе семи дней съ масляными лепешками въ рукѣ въ притворѣ храма и подчинялся всѣмъ обрядностямъ, которыми раввинская мелочность окружила Моисеево установленіе касательно завершенія назорейскаго обѣта, предполагать, чтобъ въ средѣ невѣрующихъ фарисеевъ и левитовъ онъ терпѣливо сносилъ все обрядовое ничтожество храмоваго служенія въ этотъ періодъ и такимъ образомъ довелъ все дѣло до описанной выше скучной процедуры,—значило бы дѣлать прямую несправедливость апостолу языковъ¹⁸⁵³).

Но предположеніе это ошибочное. Правда, естественный темпераментъ ап. Павла, нѣкоторая особенность также въ его восточномъ характерѣ склоняли его идти гораздо дальше по пути уступокъ, чѣмъ можно было предполагать; но помимо этого обстоятельства его положеніе было совершенно иное почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мы можемъ вполне вообразить, что это неожиданное предложеніе было непріятно ему во многихъ отношеніяхъ; быть можетъ онъ не безъ нѣкотораго нетерпѣнія отнесся къ скучной церемоніальности системы, которая, какъ онъ зналъ, близилась къ своему паденію и обречена была на скорое уничтоженіе. Однако же при этомъ имѣлись въ виду два великихъ начала, которыхъ онъ твердо держался и по которымъ дѣйствовалъ постоянно. Однимъ изъ нихъ было снисхожденіе ради человеколюбія въ предметахъ безразличныхъ, такъ что онъ охотно дѣлался іудеемъ для іудея, чтобы спасти іудеевъ; и другое состояло въ томъ, что во время короткаго остававшагося ему времени и подъ давленіемъ настоящей необходимости обязанностью каждаго человѣка было сообразоваться съ положеніемъ, на которое онъ былъ призванъ. Онъ былъ іудей и поэтому для него іудейскій церемоніаль имѣлъ значеніе національнаго обычая и узаконеннаго учрежденія. Для него онъ имѣлъ, если не религіозное, то по крайней мѣрѣ гражданское значеніе. Если бы іудеи перетолковали его образъ дѣйствія въ нѣчто такое, чего онъ не имѣлъ въ виду, то это было бы исключеніе въ родѣ того, къ которому они постоянно прибѣгали по отношенію къ нему. Во время его перваго миссіонерскаго путешествія ему несомнѣнно часто приходилось нарушать строгія постановленія того закона, чести и процвѣтанію котораго онъ посвятилъ свою юность. Но хотя онъ не считалъ себя обязаннымъ исполнять все, что требовалось закономъ и раввинами, однако же онъ и не чувствовалъ въ себѣ препятствія исполнять все то, что не было незаконнымъ. Онъ возставалъ противъ левитства не какъ противъ внѣшняго подчиненія закону, но только какъ противъ вытѣсненія внѣшностью вѣры, къ которому могло приводить это законничество. Онъ не столько возставалъ противъ обрядовъ, сколько противъ полного упованія на нихъ. Онъ могъ желать, чтобы все это было не такъ, чтобы сдѣланное ему предложеніе влекло за собою менѣе тяжкую жертву. Быть можетъ онъ былъ бы радъ, если бы старѣйшины сказали ему: «братъ, тебя ненавидятъ здѣсь; во всякій моментъ можетъ подняться противъ тебя враждебный вопль толпы или кинжалъ сикарія можетъ вонзиться въ твое сердце. Мы не можемъ при такихъ

обстоятельствахъ быть отвѣтственны за твою жизнь. Ты далъ намъ великолѣпное доказательство твоей преданности и христіанской любви твоихъ обращенцевъ. Праздникъ окончился ¹⁸⁵⁴). Удались теперь же въ безопасности, и съ нашими молитвами и благословеніемъ продолжай твое славное дѣло». Увы! таковъ совѣтъ только «могъ быть». Апостолъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и на слѣдующій же день вступилъ въ храмъ съ тѣми четырьмя назореями, прошелъ все предварительное очищеніе, которое считалось необходимымъ въ устномъ законѣ, и извѣстилъ священниковъ, чтобы они съ этого времени начали счетъ тѣхъ семи дней, которые должны пройти до окончательныхъ жертвоприношеній и завершенія обѣта ¹⁸⁵⁵).

Если пресвитеры преувеличивали примирительное значеніе этого дѣйствія въ отношеніи къ исполненію закона, то они несомнѣнно не вполнѣ видѣли опасность, которой оно повергало великаго апостола, который болѣе всѣхъ ихъ потрудился для того, чтобы исполнить послѣднюю заповѣдь Христа, что они должны идти во весь міръ проповѣдывать Евангеліе всей твари. Городъ былъ переполненъ пришельцами изъ всѣхъ странъ міра, и мѣсто, гдѣ они болѣе всего любили собираться, это притворы храма. Поэтому даже если бы ап. Павелъ, въ виду того, что невзгоды многихъ лѣтъ состарили его лицо и согнули его станъ, былъ настолько счастливъ, чтобы остаться неузнаннымъ со стороны какого нибудь враждебнаго священника, знавшаго его въ прежнее время, то все-таки едва ли было возможно, чтобы кто нибудь изъ тѣхъ тысячъ, кого онъ встрѣчалъ въ чужестранныхъ городахъ, не узналъ его въ лицо и по фигурѣ. Если ему необходимо было жить въ святомъ городѣ, то гораздо безопаснѣе было бы ему оставаться въ безвѣстномъ домѣ Мнасона. Онъ могъ бы жить тамъ такъ же спокойно, какъ въ этомъ помѣщеніи назореевъ; но даже если въ теченіе этихъ семи дней, принужденный къ бездѣятельности, онъ скрывался тамъ какъ только могъ, и даже если другіе назореи воздерживались отъ раскрытія тайны столь знаменитаго имени, то было положительно невозможно, чтобы онъ вполнѣ избѣжалъ взора тѣхъ тысячъ народа, которыя проходили по дворамъ храма и принимали участіе въ его многочисленныхъ церемоніяхъ.

Между тѣмъ іудеи въ это время находились въ чрезвычайно горячемъ настроеніи духа, и чувствовался уже трепетъ землетрясенія, который долженъ былъ скоро поколебать подъ ихъ ногами землю и повергнуть ихъ храмъ и городъ въ груды развалинъ.

По смерти Ирода Агриппы I (въ 44 г. по Рожд. Христ.), императоръ Клавдій, думая, что его сынъ былъ еще слишкомъ юнъ для того, чтобы наслѣдовать управленіе столь мятежнымъ народомъ, содержалъ его подъ своимъ надзоромъ въ Римѣ и назначилъ Куспія Фада на должность прокуратора Іудеи. Чтобы укрѣпить владычество надъ іудеями, онъ приказалъ, чтобы корона Агриппы и, что еще было несравненно важнѣе, «золотыя одѣянія» первосвященника были

какимъ нибудь образомъ заперты подъ охрану римлянъ въ башню Антоніи. Ярость іудеевъ, при одной мысли, что эти священныя одѣянія будутъ подъ нечистой охраной язычниковъ, была такъ велика, что приказаніе это можно было исполнить только въ присутствіи въ Іерусалимѣ Кассія Лонгина, префекта Сиріи, и притомъ съ помощью большой военной силы. Клавдій почти непосредственно за этимъ отмѣнилъ это приказаніе по просьбѣ депутаціи изъ Рима, поддерживаемой вліяніемъ молодаго Агриппы. Клавдій обязанъ былъ отцу Агриппы самымъ престоломъ, и такъ какъ юноша наслѣдовалъ всю красоту, талантливость и изворотливость своего рода, то онъ былъ большимъ любимцемъ при императорскомъ дворѣ. Фаду наслѣдовалъ Тиверій Александръ, племянникъ Филона ¹⁸⁵⁶), который былъ особенно ненавистенъ іудеямъ, такъ какъ онъ былъ отступникомъ отъ ихъ религіи. За нимъ слѣдовалъ Куманъ, и около того же самага времени Агриппа II былъ надѣленъ маленькимъ царствомъ халкидскимъ, освободившимся вслѣдствіе смерти его дяди Ирода, и ему былъ порученъ надзоръ за храмомъ и корваномъ, а также предоставлено и право назначенія первосвященника (въ 49 г. по Р. Х.). Прокураторство Кумана ознаменовалось началомъ страшныхъ мятежей. Въ самую первую Пасху, при которой только ему пришлось присутствовать, случилось событіе, которое было страшнымъ предзнаменованіемъ будущаго. Подобно тому, какъ и въ настоящее время турецкіе солдаты всегда готовы выступить изъ дома турецкаго губернатора при первомъ проявленіи какого нибудь безпорядка между разновѣрными паломниками, такъ и у римскаго коменданта башни Антоніи было обыкновеніе ставить отряды солдатъ вдоль кровли зданій, которыми крѣпость соединялась съ площадью храма, — такъ что они во всякій моментъ могли сойти по лѣстницамъ и появиться среди самой толпы поклонниковъ. Вслѣдствіе такого положенія воиновъ и произошелъ теперь въ высшей степени характерный случай. Одинъ римскій воинъ, стоя на караулѣ, утомленный бездѣятельностью и чувствуя глубокое отвращеніе ко всему тому, что происходило передъ его глазами и что казалось ему лишь презрѣнною глупостью ненавистныхъ іудеевъ, выразилъ свое презрѣніе къ нимъ жестомъ самага возмутительнаго неприличія ¹⁸⁵⁷). Іудеи тотчасъ же были охвачены приступомъ ярости. Они проклинали новаго прокуратора и начали бросать въ солдатъ камнями, которые повидимому всегда были наготовѣ у этого пылкаго народа. Опасаясь, что отрядъ у башни будетъ слишкомъ слабъ для усмиренія столь яростнаго возмущенія, Куманъ отправилъ въ покрѣпленіе ему всѣ свои силы изъ преторіи. При звукѣ шаговъ и блескѣ мечей воиновъ, жалкая безоружная толпа поклонниковъ была поражена паникой и всѣ бросились въ бѣгство. Толпа страшно стѣснилась въ воротахъ храма, и множество народа, отъ десяти до двадцати тысячъ, какъ различно опредѣляется эта цифра, было задавлено и задушено до смерти.

За этимъ ужаснымъ бѣдствіемъ слѣдовала другая трагедія. Одинъ императорскій посланникъ былъ ограбленъ разбойниками въ Беѣ-Горонѣ, неподалеку

отъ Іерусалима. Разъяренный такимъ оскорбленіемъ, Куманъ привлекъ къ отвѣтственности сосѣднія деревни; при обыскѣ одной изъ нихъ, римскій солдатъ захватилъ экземпляръ священнаго писанія и сжегъ его предъ поселянами съ открытымъ богохульствомъ. Ужасъ оскорбленія состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что этотъ священный свитокъ содержалъ во многихъ мѣстахъ страшное и непроизносимое имя. Подобно тому, какъ во времена Пилата, когда онъ хотѣлъ

Римская когорта
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

вывѣсить позлащенные посвященные щиты въ Іерусалимъ и когда Калигула издалъ повелѣніе, чтобы его изображеніе было поставлено въ храмъ, іудеи тысячами устремились въ Кесарію и поверглись тамъ ницъ предъ трибуномъ прокуратора. На этотъ разъ Куманъ счелъ за лучшее для отвращенія опасныхъ послѣдствій отдѣлаться принесеніемъ въ жертву рядоваго солдата, и іудеи на время были удовлетворены казнью своего оскорбителя.

Затѣмъ послѣдовало еще болѣе серьезное возмущеніе. Самаряне, побуждае-

мые старою ненавистью къ іудеямъ, убили нѣсколько галилейскихъ паломниковъ къ празднику Пасхи въ Ень-Ганнимъ, пограничной самарійской деревнѣ, той самой, которая нѣкогда отвергала Спасителя ¹⁸⁵⁸). Будучи не въ силахъ добиться отъ Кумана, котораго самаряне подкупили, наказанія виновной деревни, іудеи, тайно поощряемые первосвященникомъ Ананіей и его сыномъ Ананомъ, взяли за оружіе и, подъ предводительствомъ разбойника Елеазара, совершили надъ самарянами страшное мщеніе. Куманъ, услышавъ объ этомъ, отправился противъ нихъ съ войскомъ и разбилъ ихъ. Возобновленіе борьбы было предупреждено просьбами представителей Іерусалима, которые, узнавъ о страшныхъ послѣдствіяхъ этого дѣла, поспѣшили на поле битвы въ саванахъ и съ посыпанными пепломъ головами. Между тѣмъ на сцену выступилъ префектъ Сиріи Титъ Умидій Квадратъ и, выслушавъ обѣ стороны, нашелъ Кумана и его трибуна Целера виновными въ принятіи взятки и отправилъ ихъ въ Римъ вмѣстѣ съ Ананіей и Ананомъ на судъ къ императору ¹⁸⁵⁹). Ионаанъ, одинъ изъ самыхъ способныхъ экс-первосвященниковъ коварнаго дома Анны, былъ отправленъ ходатайствовать о дѣлѣ іудеевъ. Въ это время Агриппина была всемогущею у императора, а отпущенникъ Палласъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ какъ на него, такъ и на Агриппину, которая сама была много обязана его дружескимъ услугамъ. Тонкій Агриппа познакомилъ Ионаана съ Палласомъ и между ними повидимому былъ заключенъ даже нѣкоторый договоръ, чтобы Палласъ склонилъ императора рѣшить дѣло въ пользу іудеевъ, а Ионаанъ взялся просить его, чтобы онъ, ради іудеевъ, назначилъ на доходное мѣсто прокуратора его брата Феликса. Заговоръ вполнѣ удался. Самаряне были обвинены, ихъ вожаки казнены, Куманъ сосланъ въ ссылку, Целерь отправленъ въ Іерусалимъ для обезглавленія, Ананія и Ананъ торжественно были оправданы, и въ 52 году, за шесть лѣтъ до послѣдняго прибытія ап. Павла въ Іерусалимъ, Феликсъ, подобно своему брату, аркадскій рабъ—принявшій имя Антонія, въ честь своей первой наложницы, и имя Клавдія, въ честь своего покровителя,—сдѣлался прокураторомъ Іудеи.

Новый прокураторъ сначала дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ приличіемъ и сдержанностью. Но скоро онъ началъ показывать себя въ своемъ истинномъ свѣтѣ и всевозможными видами жестокости и распутства выказывалъ и въ своей высокой должности низкую природу раба. Вслѣдъ за освобожденіемъ его изъ рабства, ему было поручено командованіе отрядомъ вспомогательныхъ войскъ, и онъ, дѣйствуя съ искусствомъ и проворствомъ отважнаго воина, успѣшно выполнилъ дѣйствительно полезное дѣло истребленія бандитовъ. Однако даже іудеи роптали на безстыдное равнодушіе, съ которымъ этотъ Борджіа перваго вѣка заманилъ главнаго бандита Елеазара къ себѣ подъ предлогомъ дружественнаго уваженія къ его искусству и храбрости и, немедленно заключивъ его въ цѣпи, отправилъ его узникомъ въ Іерусалимъ. Еще болѣе глубоко смущены они

были его дружбой съ Симономъ волхвомъ, который жилъ у него въ Кесаріи въ качествѣ гостя, и при помощи низкихъ ухищреній котораго «этому мужу или прелюбодѣю трехъ царицъ» удалось соблазнить даже Друзиллу, прекрасную сестру Агриппы II (прибывшаго теперь въ качествѣ царя въ Іудею) — отъ ея мужа Азиза, царя емесскаго. Но ровно за годъ до прибытія ап. Павла совершилось еще болѣе мрачное и гнусное преступленіе. Іонаанъ, которому часто съ горечью напоминали о его участіи въ томъ бѣдствіи, которое навлечено было на народъ учрежденіемъ должности прокуратора, день-о-то-дня все болѣе становившагося вымогательнымъ и жестокимъ, думалъ, что его высокое положеніе и важныя услуги самому Феликсу давали ему право на предъявленіе особыхъ требованій. Феликсъ однако съ такою настойчивостью отвергъ всякое вмѣшательство съ его стороны, что подкупилъ даже Дору, друга Іонаана, съ цѣлью совсѣмъ отдѣлаться отъ него. Дора подкупилъ какихъ то бандитовъ, которые, вооружившись кинжалами, закололи первосвященника въ одинъ изъ годовыхъ праздниковъ. Успѣхъ и полная безнаказанность этого преступленія послужили какбы преміей на убійство; убійства стали такъ часты въ Іерусалимѣ, какъ они были въ Римѣ во время папства Александра VI. Самый храмъ былъ обогрѣнъ кровью. Всякій, кому нужно было отдѣлаться отъ какого нибудь общественнаго или личнаго врага, находилъ это легкимъ и возможнымъ дѣломъ при помощи наемнаго убійцы. Въ это именно время впервые въ іудейской исторіи появляется зловѣщій терминъ *sicarius* или «тайный убійца».

Это было въ 57 г. по Р. Хр., а вѣроятно въ Пасху 58 года—только за семь недѣль до того времени, къ которому мы теперь подошли — египетскому лже-мессіи удалось увлечь съ собою къ мятежу тридцать тысячъ послѣдователей, которыхъ онъ увлекъ заманчивымъ обѣщаніемъ, что онъ поведетъ ихъ къ горѣ Елеонской и стѣны Іерусалима чудесно падутъ предъ ними. Четыре тысячи этихъ обманутыхъ бѣдняковъ повидимому сопровождали его до самой горы Елеонской. Но тамъ Феликсъ напалъ на нихъ, разбилъ ихъ при первой стычкѣ, четыреста человѣкъ убилъ, множество взялъ въ плѣнъ и подавилъ все движеніе. Египтянинъ однакоже какимъ то способомъ успѣлъ скрыться и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего болѣе неизвѣстно. Но одно уже то, что послѣдователи стекались тысячами даже къ такому жалкому обманщику, показывало, какое опасное настроеніе умовъ господствовало среди іудеевъ.

Таково было состояніе вещей, въ такомъ возбужденномъ состояніи находились вожди и самый народъ іудейскій въ то самое время, какъ ап. Павелъ находился въ помѣщеніяхъ назореевъ. Прошло уже четыре дня и повидимому являлась надежда, что такъ какъ число паломниковъ начало уже рѣдѣть, онъ могъ рассчитывать на безопасность и въ теченіе трехъ остальныхъ дней, послѣ которыхъ ничто уже не могло бы ему воспрепятствовать исполнить свое давно лелѣянное желаніе посѣтить Римъ и оттуда отправиться на проповѣдь Евангелія

даже въ Испанію. Увы! ему пришлось посѣтить Римъ, но не въ качествѣ свободнаго человѣка.

На пятый день во дворѣ женщинъ появились нѣкоторые іудеи изъ Ефеса и другихъ городовъ Азіи, а между ними быть можетъ и мѣдникъ Александръ; и пылъ ненависти мгновенно засвѣтился въ глазахъ одного изъ нихъ, когда онъ узналъ знакомыя ему черты ненавистнаго Савла. Онъ тотчасъ же обратилъ на него вниманіе нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, кому хорошо было извѣстно ученіе Павла. Извѣстіе это мгновенно разнеслось по вспыльчивой, беспокойной, фанатической толпѣ, и въ одну минуту поднялся одинъ изъ тѣхъ страшныхъ воплей, которые всегда служатъ первымъ началомъ мятежа. Дикіе азіаты бросились на ап. Павла и взволновали всю огромную толпу крикомъ: «мужи израильскіе, помогите! Этотъ человѣкъ всѣхъ повсюду учитъ противъ народа и закона и мѣста сего; при этомъ и еллиновъ ввелъ въ храмъ и осквернилъ святое мѣсто сіе». Дѣйствительно ли они думали такъ или нѣтъ, мы не можемъ сказать; но у нихъ не было основаній для такого безумнаго обвиненія, кромѣ того обстоятельства, что они видѣли вмѣстѣ съ Павломъ на улицахъ Іерусалима ефесянина Трофима и предполагали, что Павелъ бралъ его съ собою также и въ священные предѣлы храма. Осквернять храмъ считалъ своимъ долгомъ всякій врагъ іудеевъ. Его оскверняли Антиохъ, Иліодоръ, Помпей; и очень недавно предъ тѣмъ народъ обвинялъ самарянъ въ злонамѣренномъ оскверненіи его посредствомъ разбрасываемыхъ въ его предѣлахъ мертвыхъ человѣческихъ костей. Тотчасъ же повсюду разнеслась молва, что это былъ тотъ самый Савлъ, о которомъ они слышали такъ много, Савлъ *месиевъ*; Павелъ, одинъ изъ галилейскихъ *минимовъ*, одинъ изъ послѣдователей «повѣшеннаго»; Павелъ богоотступникъ, раввинъ, который училъ и писалъ, что язычники имѣютъ одинаковыя преимущества съ іудеями; человѣкъ, который богохульствовалъ противъ *Торы*; человѣкъ, котораго тщетно бичевали въ синагогѣ; человѣкъ, который странствовалъ изъ города въ городъ, повсюду ставя іудеевъ въ непріятное отношеніе къ римлянамъ; и что онъ былъ схваченъ въ то самое время, когда взялъ съ собою въ храмъ языческую собаку, необрѣзаннаго *іера* ¹⁸⁶⁰). Наказаніемъ за такое преступленіе по закону была смерть,—смерть съ полнаго позволенія самихъ римлянъ; смерть даже противъ римлянина, который бы осмѣлился войти дальше *хела*. Они теперь находились во дворѣ женщинъ, но стоило только пройти чрезъ коринѣскія ворота и спуститься на пятнадцать ступеней внѣ ихъ, чтобы подойти къ самому *хелу*—«средостѣнію раздѣленія», той низкой каменной балюстрадѣ съ обелисками, на каждомъ изъ которыхъ была вырѣзана на каменныхъ доскахъ надпись на греческомъ и латинскомъ языкѣ, что «никакой чужеземецъ не долженъ вступать въ эту ограду подѣ страхомъ неминуемой смерти» ¹⁸⁶¹). Тутъ такимъ образомъ представлялся великолѣпный случай для должнаго отмщенія отступнику, который училъ отступленію. Толпа бросилась на ап. Павла и крикъ «на помощь!» разно-

силъ повсюду по улицамъ ¹⁸⁶²). Защищаться было невозможно. Какой голосъ могъ бы быть слышимъ среди дикаго рева этого всевозрастающаго гвалта? Неужели же насталъ для апостола конецъ? Неужели онъ будетъ разорванъ на куски въ самыхъ предѣлахъ храма? Если бы онъ находился на дворѣ, то это было бы его неизбѣжною участію; но его спасла святость мѣста. Буяны поволокли его, тщетно старавшагося противоудѣйствовать или говорить къ нимъ, чрезъ великія «прекрасныя» ворота изъ коринеской бронзы внизъ по ступенямъ,

Римскій сотникъ.

между тѣмъ какъ левиты и начальникъ храма, озабочиваясь защитой священныхъ предѣловъ отъ оскверненія кровью, употребляли всѣ свои усилія для того, чтобы запереть тяжелыя ворота за толпой, устремившейся вслѣдъ за своей жертвой ¹⁸⁶³). Между тѣмъ римскій сотникъ, поставленный подъ оружіемъ съ своими воинами на кровлѣ западныхъ пристроекъ, замѣтилъ, что вдругъ произошло дикое возмущеніе. Взрывъ ярости у этой восточной черни подобенъ смутному шуму лѣса, иногда вдругъ нарушающему глубокую тишину тропической

ночи. Молва мгновенно распространилась от храма по всему городу и толпы народа со всѣхъ сторонъ потекли къ обширной площади двора язычниковъ. Во всякій моментъ можно было опасаться, что эти бѣлыя колонны и этотъ мозаичный полъ будутъ обогрѣны кровью. Сотникъ тотчасъ же отправилъ извѣстіе Лизію, коменданту башни, что іудеи кого то схватили въ храмъ и старались убить. Римляне, наученные долгимъ опытомъ своего пребыванія во враждебныхъ странахъ, были привычны къ быстрымъ движеніямъ, а тѣмъ болѣе въ городѣ, который, какъ пришлось горькимъ опытомъ узнать цѣлому ряду префектовъ и прокураторовъ, былъ, такъ сказать, центромъ пылкаго, бессмысленнаго и неопостижимаго фанатизма. Одного слова было достаточно для того, чтобы вокругъ Лизія собрался хорошо дисциплинированный отрядъ сотниковъ и воиновъ, и онъ мгновенно же ринулся внизъ на дворъ язычниковъ. Хорошо извѣстный звонъ римскаго оружія остановилъ вниманіе толпы. Еще такъ недавно ими былъ полученъ столь ужасный урокъ. Воспоминаніе о томъ ужасномъ днѣ, когда они давили другъ друга до смерти цѣлыми тысячами, чтобы спастись отъ когорты Кумана, было еще свѣжо въ ихъ памяти. Они не осмѣливались выступить противъ закаленного войска своихъ побѣдителей.

Лизій съ своими воинами направился прямо чрезъ толпу къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ап. Павелъ, и избавилъ его отъ его разъяренныхъ враговъ. Взявъ его и приковавъ его руки къ двумъ воинамъ цѣпами, онъ обратился къ нему съ вопросомъ, «кто онъ и что сдѣлалъ» ¹⁸⁶⁴). Въ отвѣтъ поднялись такіе безпорядочные крики, что изъ нихъ ничего нельзя было узнать, и, отчаявшись достигнуть чего нибудь опредѣленнаго при такомъ положеніи дѣла, Лизій приказалъ вести апостола въ казармы ¹⁸⁶⁵). Но лишь только онъ успѣлъ подняться на лѣстницы, ведшія на вершину зданія и затѣмъ въ крѣпость ¹⁸⁶⁶), какъ чернь, опасаясь, что она будетъ лишена удовольствія совершить свое мщеніе, сдѣлала на него новое нападеніе съ дикими криками «смерть ему!» ¹⁸⁶⁷) и ап. Павелъ, будучи не въ силахъ самъ идти въ своемъ скованномъ положеніи, взятъ былъ солдатами на руки и унесенъ изъ толпы. Онъ былъ избавленъ отъ участи быть разорваннымъ на куски главнымъ образомъ тѣмъ, что Лизій держалъ его вблизи себя. И когда спасшій его отрядъ уже готовъ былъ вступить въ казармы, ап. Павелъ сказалъ ему погречески: «можно ли мнѣ сказать тебѣ нѣчто»? «Ты знаешь погречески»? удивленно спросилъ комендантъ, «такъ не ты ли тотъ египтянинъ ¹⁸⁶⁸), который предъ сими днями произвелъ возмущеніе ¹⁸⁶⁹) и вывелъ въ пустыню четыре тысячи человѣкъ разбойниковъ»? ¹⁸⁷⁰). «Нѣтъ», отвѣчалъ Павелъ, «я іудеянинъ, тарсянинъ, гражданинъ небезъизвѣстнаго киликійскаго города ¹⁸⁷¹); прошу тебя, позволь мнѣ говорить къ народу».

Такое смѣлое требованіе было высказано человѣкомъ, жизнь котораго была только что спасена (да и спасена ли еще!) отъ этой яростной черни, и который въ этотъ самый моментъ страдалъ отъ жестокаго избіенія. Большинство людей

въ такомъ положеніи были бы объаты и подавлены отчаяніемъ и опасеніемъ за свою жизнь и единственнымъ желаніемъ ихъ было бы только какъ нибудь поскорѣй скрыться изъ вида толпы. Не такъ было съ ап. Павломъ. Избавленный отъ своихъ свирѣпыхъ гонителей, едва спасенный отъ одной изъ самыхъ страшныхъ опасностей, именно кровожадной ярости толпы своихъ соотечественниковъ, онъ проситъ позволенія не только посмотрѣть на нихъ, но даже возвратиться назадъ и обратиться съ рѣчью къ густой многотысячной толпѣ, которая отдѣлялась отъ него лишь жидкимъ рядомъ римскихъ мечей ¹⁸⁷²). Лизій далъ ему позволеніе говорить и вѣроятно приказалъ расковать одну изъ его рукъ. Занявъ видное мѣсто на лѣстницѣ, ап. Павелъ съ поднятой рукой далъ знакъ народу, что онъ желалъ обратиться къ нему съ рѣчью ¹⁸⁷³). Чернь смолкла, потому что на востокъ толпа скорѣй поддается впечатлѣнію, чѣмъ у насъ въ Европѣ; и ап. Павелъ, говоря на сирійскомъ, туземномъ языкѣ Палестины и замѣчая священниковъ и членовъ синагога среди толпы, началъ свою рѣчь словами:

«Мужи, братія и отцы! ¹⁸⁷⁴) Выслушайте теперь мое оправданіе передъ вами».

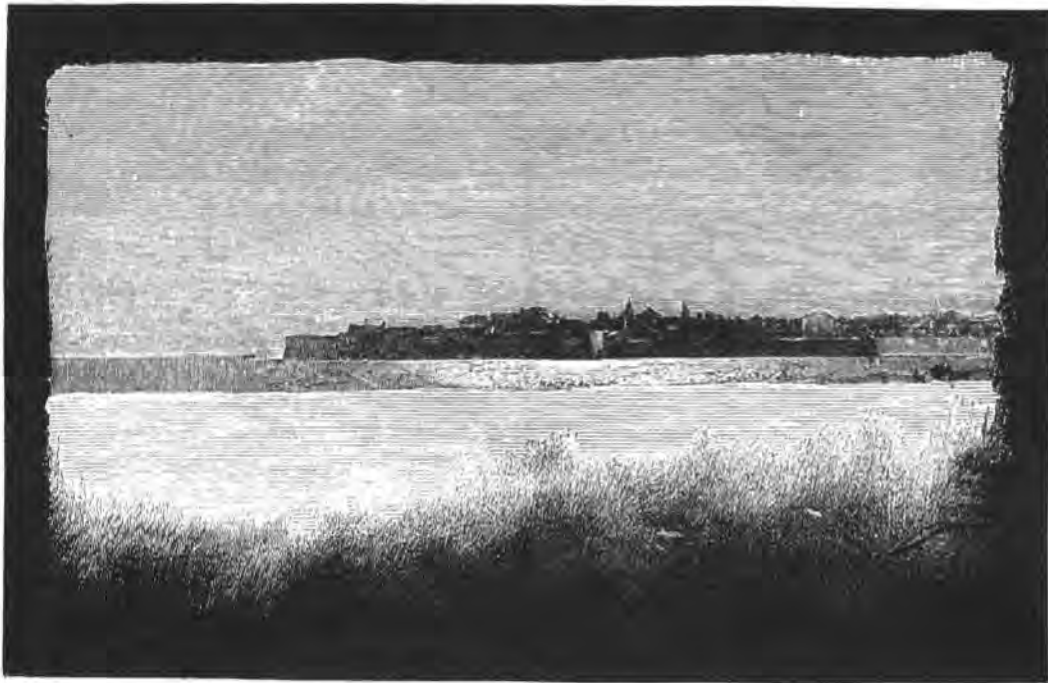
Звукъ ихъ собственнаго языка, показывавшій, что ораторъ былъ во всякомъ случаѣ не простой еллинистъ, на время утишилъ ярость толпы и водворилъ глубокое молчаніе. Въ этой безмолвной тишинѣ ап. Павелъ продолжалъ свою рѣчь. Она была приспособлена къ своей цѣли съ тѣмъ изумительнымъ искусствомъ, которое даже въ самые опасные моменты повидимому никогда не оставляло великаго апостола. Выказывая имъ всю истину, онъ однако же опустилъ всѣ обстоятельства, которыя могли бы раздражать іудеевъ и которыя не имѣли прямого отношенія къ его непосредственной цѣли. А цѣль эта состояла въ томъ, чтобы показать, что онъ могъ вполне сочувствовать имъ въ этомъ взрывѣ ревности, потому что онъ самъ нѣкогда раздѣлялъ ихъ состояніе духа, и что лишь божественное откровеніе измѣнило направленіе его религіи и его жизни. Нѣкогда онъ и самъ былъ іудей ¹⁸⁷⁵), рожденный правда въ Тарсѣ, но воспитанъ съ самой ранней молодости въ Іерусалимѣ у ногъ такого учителя, какъ ихъ великій раввинъ Гамаліилъ; что онъ былъ не просто іудей, но фарисей, который изучалъ самыя глубокія тайны *иалахи* ¹⁸⁷⁶), и настолько былъ, подобно имъ, ревнитель по Богѣ, что до смерти гналъ послѣдователей «сего ученія», повергая въ темницу не только мужчинъ, но даже и женщинъ, въ доказательство чего онъ сослался на свидѣтельство бывшаго первосвященника Теофила и многихъ еще остававшихся въ живыхъ членовъ синагога, которые снабжали его довѣрительными письмами въ Дамаскъ. Что же такое измѣнило весь духъ его жизни? Не что иное, какъ божественное видѣніе Иисуса Назарянина, который повергъ его ослѣпленнымъ на землю и велѣлъ ему вступить въ общеніе съ Ананіей ¹⁸⁷⁷). Онъ не говоритъ имъ, что Ананія былъ христіанинъ, но (что также истинно)—что онъ былъ правовѣрный блюститель закона, такъ что къ нему относились съ почтеніемъ всѣ іудеи Дамаска. Ананія исцѣлилъ его отъ слѣпоты и сказалъ ему, что

«Богъ отцовъ нашихъ» предъизбралъ его, чтобы онъ позналъ волю Его, увидѣлъ «Праведника»¹⁸⁷⁸⁾ и услышалъ голосъ изъ устъ Его: такъ чтобы онъ могъ быть для Него «свидѣтелемъ передъ всѣми людьми» о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Затѣмъ онъ говоритъ о своемъ крещеніи и возвращеніи въ Іерусалимъ и, минуя всѣ ненужныя подробности, переходитъ къ тому пункту, что когда онъ двадцать лѣтъ тому назадъ молился въ этомъ храмѣ, то пришелъ въ изступленіе и опять увидѣлъ воскресшаго Іисуса, который повелѣлъ ему поспѣшно выйти изъ Іерусалима, потому что тамъ не примутъ его свидѣтельства о Немъ. Не только не желая идти отсюда, онъ даже сталъ увѣрять своего божественнаго Собесѣдователя, что необычайная перемѣна изъ Савла, яростнаго гонителя, — Савла, который заключалъ въ темницы и истязалъ вѣрующихъ по синагогамъ, Савла, у ногъ котораго складывались одѣянія тѣхъ, которые убивали Его исповѣдника¹⁸⁷⁹⁾ Стефана,—перемѣна такого человѣка въ Савла христіанина и проповѣдника Евангелія Іисуса Христа не могла не пріобрѣсти довѣрія къ его свидѣтельству. Но говорившій ему не позволилъ ему болѣе обращаться къ своимъ соплеменникамъ. Кратко, но рѣшительно послышался отвѣтъ, который былъ поворотнымъ пунктомъ для всей его послѣдующей жизни и дѣятельности: «иди, Я пошлю тебя далеко, къ язычникамъ»!

Этого роковаго слова, котораго онъ доселѣ тщательно избѣгалъ, но котораго невозможно было избѣгать больше, было довольно. До этого пункта іудеи продолжали слушать его съ глубочайшимъ вниманіемъ. Многіе изъ нихъ несомнѣнно были незнакомы съ фактами, на которые онъ ссылался теперь. Его необычайная серьезность и мастерство любимаго ими языка очаровали ихъ тѣмъ болѣе, что стоявшіе кругомъ воины не могли понять ни одного слова изъ того, что онъ говорилъ имъ, такъ что его рѣчь имѣла видъ конфиденціального сообщенія однимъ только іудеямъ, причемъ чужеземнымъ варварамъ предоставлялось тщетно вслушиваться въ непонятную имъ рѣчь и мучиться отъ неудовлетвореннаго любопытства и подозрѣнія. Кто знаетъ, не вырвется ли вдругъ изъ его устъ какое нибудь мессіанское объявленіе? Не могъ ли тотъ, который восторженно излагалъ разсказъ объ этихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, разсказать о какомъ нибудь новомъ видѣніи, которое могло бы стать знакомъ, что насталъ послѣдній часъ, который зажжетъ ихъ сердца столь яростнымъ и всепожирающимъ огнемъ, что отъ него желѣзныя цѣпи римлянъ растаютъ какъ воскъ? Но неужели этимъ и должно кончиться все? Неужели можно ссылаться на видѣніе въ защиту невѣрія богоотступника? Неужели можно позволять этому злому человѣку приводить святое свидѣтельство въ пользу своихъ вопіющихъ преступленій? Возможно ли было сносить заявленіе, что видѣніе съ неба велѣло ему проповѣдывать «грѣшникамъ изъ язычниковъ» и открывать, какъ это онъ дѣлалъ, священныя преимущества іудеевъ этимъ необрѣзаннымъ псамъ? Вся народная толпа была объята однимъ и тѣмъ же чувствомъ; одинаковая и общая всѣмъ имъ ненависть мгно-

венно запылала въ ихъ сердцахъ. Слово «язычники», подтверждая всѣ ихъ худшія подозрѣнія, упало подобно искрѣ на воспламеняющуюся массу ихъ фанатизма. Лишь только онъ произнесъ его ¹⁸⁸⁰), какъ поднялся страшный крикъ: «истреби отъ земли такого, ибо ему не должно жить» ¹⁸⁸¹)!

Тогда началось одно изъ самыхъ отвратительныхъ и гнусныхъ зрѣлищъ, какія только можно видѣть на землѣ, именно зрѣлище восточной черни, которая, обезумѣвъ отъ безсильной ярости, выла, гоготала, проклинала, скрежетала зубами, размахивала руками, рвала на себѣ голубыя и красныя одежды, бросала пригоршнями пыль въ воздухъ, сопровождая все это самыми дикими тѣлодвиженіями, къ какимъ только способенъ необузданный фанатизмъ ¹⁸⁸²).

Олемаида, новѣйшая Акра.

Къ счастью, ап. Павелъ былъ недоступенъ для неистовой ярости іудеевъ ¹⁸⁸³). У нихъ доставало смѣлости потрясать воздухъ своими отчаянными и дикими криками и дѣлать дворъ храма какбы убѣжищемъ толпы сумасшедшихъ; но они не осмѣливались броситься на выставленное противъ нихъ остріе широкихъ римскихъ мечей. Въ страшномъ возбужденіи комендантъ приказалъ увести узника въ казармы и подвергъ его пыткамъ посредствомъ бичеванія, такъ какъ совершенно не понимая того, что говорилъ ап. Павелъ, онъ хотѣлъ узнать, что именно онъ сдѣлалъ для возбужденія этихъ яростныхъ криковъ. Солдаты тотчасъ же связали ему руки, раздѣли его до-нага и согнули его — въ положеніе той страшной и

часто роковой пытки, которой недалеко отъ этого самаго мѣста нѣкогда подвергался и Спаситель ¹⁸⁸⁴). Три раза уже предъ тѣмъ на своей изъязвленной спинѣ ап. Павелъ чувствовалъ розги римскихъ ликторовъ; пять разъ онъ подвергался іудейскому бичеванію по сорока ударовъ безъ одного. Здѣсь предстоялъ новый видъ муки, именно кнуть—*horribile flagellum*,—который римляне употребляли для принужденія посредствомъ пытки къ сознанию въ истинѣ ¹⁸⁸⁵). Но на этотъ разъ ап. Павелъ, не потерявъ самообладанія даже въ крайности, возразилъ противъ приказанія. Возраженіе бывало раньше бесполезнымъ, могло оказаться бесполезнымъ и теперь; но не мѣшало во всякомъ случаѣ испробовать его, тѣмъ болѣе, что какъ солдаты, такъ и ихъ сотники повидимому были уже благопріятно пре расположены къ нему его благороднымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ среди столь страшныхъ и столь неожиданныхъ опасностей. Онъ поэтому спокойнымъ голосомъ спросилъ ихъ: «развѣ вамъ позволено бичевать римскаго гражданина, да и безъ суда»? Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ сотнику, который стоялъ почти рядомъ съ нимъ для наблюденія за должнымъ исполненіемъ пытки. Сотникъ былъ крайне удивленъ этимъ вопросомъ. Это очевидно былъ не простой самохвалъ, не просто человѣкъ, который могъ бы выдумать это право для избѣжанія опасности или мученія. Притомъ немногіе даже осмѣлились бы присвоить себѣ высокое право сказать «*civis romanus sum*» ¹⁸⁸⁶), такъ какъ обманъ наказывался смертю ¹⁸⁸⁷); и сотникъ вполнѣ понималъ, что этотъ узникъ во всякомъ случаѣ не поступитъ такъ. Онъ приказалъ воинамъ остановиться, пошелъ къ коменданту и сказалъ ему съ нѣкоторою римскою грубостью: «смотри, что ты хочешь дѣлать ¹⁸⁸⁸»? Этотъ человѣкъ римскій гражданинъ». Заявленіе было важное. Если узникъ былъ римскій гражданинъ, то тысяченачальникъ уже два раза нарушилъ законъ, дававшій узнику право на защиту, такъ какъ онъ не только заковывалъ его въ цѣпи, но и вопреки явному указу Августа велѣлъ начать надъ нимъ слѣдствіе посредствомъ пытки. Кромѣ того, будучи человѣкомъ, который самъ придавалъ высочайшее значеніе этому *jus civitatis*, онъ уважалъ его и во всѣхъ другихъ. Быстро подойдя къ нему, онъ спросилъ:

— «Скажи мнѣ, ты римскій гражданинъ»?

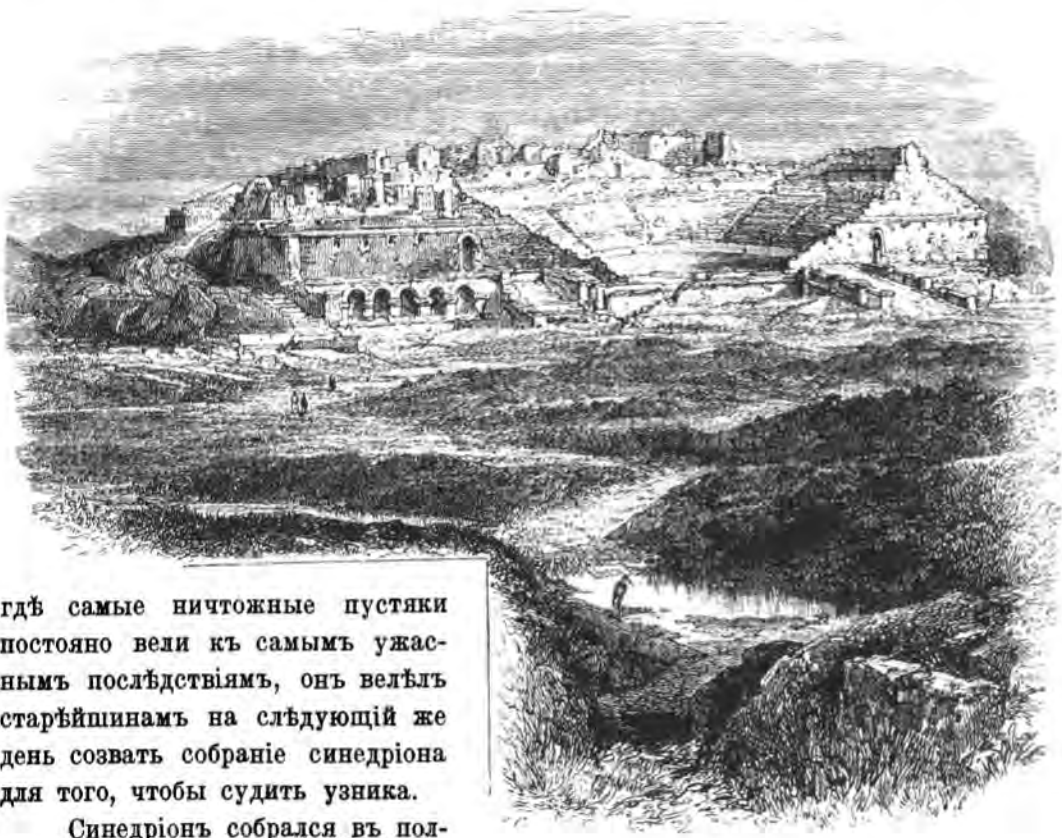
— «Да».

Но взглянувъ на узника, Лизій не могъ не усумниться. Онъ самъ былъ грекомъ или сирійцемъ, который купилъ себѣ это право гражданства и затѣмъ присвоилъ себѣ прозваніе Клавдія въ то время, когда пріобрѣтеніе этого преимущества было сопряжено съ большими расходами ¹⁸⁸⁹). Былъ ли ап. Павелъ римскій гражданинъ или нѣтъ, но онъ очевидно былъ іудей и несомнѣнно очень бѣдный іудей: какъ же онъ могъ пріобрѣсть это право?

— «Я за большія деньги пріобрѣлъ это гражданство» ¹⁸⁹⁰), замѣтилъ онъ съ тономъ сомнѣнія въ голосѣ.

— «А я и родился въ немъ», былъ спокойный отвѣтъ на недосказанное подозрѣніе Лизія.

Права гражданства за узникомъ очевидно нельзя было отвергать больше. Павелъ былъ раскованъ и воины опустили свои бичи. Но Лизій отнюдь не былъ свободенъ отъ безпокойства за послѣдствія своего незаконнаго образа дѣйствія ¹⁸⁹¹). Стараясь сбыть съ своихъ рукъ это непріятное ему дѣло въ городѣ,

Театръ въ Милетѣ.

гдѣ самые ничтожные пустыки постоянно вели къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ, онъ велѣлъ старѣйшинамъ на слѣдующій же день созвать собраніе синедріона для того, чтобы судить узника.

Синедріонъ собрался въ полномъ составѣ членовъ. Онъ засѣдалъ уже не въ «лишкатъ гапаззитъ», знаменитой палатѣ съ мозаичнымъ поломъ, находившейся на южной сторонѣ двора священниковъ ¹⁸⁹²). Если бы онъ собирался еще тамъ, то Лизій и его воины никогда не были бы допущены до того, чтобы своими нечистыми ногами вступать въ помѣщеніе, лежавшее за средостѣніемъ раздѣленія, за которое даже прокураторъ не смѣлъ вступать подѣ страхомъ смерти. Въ это время синедріонъ вѣроятно дѣлалъ свои собранія въ *хануйосетъ* т. е. «лавкахъ», самое существованіе которыхъ было доказательствомъ могущества и богатства «ехиднина дома Анны» ¹⁸⁹³). Въ это мѣсто и повелъ Лизій своего узника

и поставилъ его передъ вождями народа. *Наси* или предсѣдателемъ по обычаю былъ первосвященникъ¹⁸⁹⁴). Апостолу сдѣланы были предварительные вопросы, и затѣмъ онъ, устремляя на собраніе свой упорный взглядъ¹⁸⁹⁵), началъ свою защитительную рѣчь словами: «мужи братія! Я всею доброю совѣстью жилъ предъ Богомъ до сего дня»¹⁸⁹⁶). Въ этихъ словахъ что то особенно оскорбило первосвященника. Ему быть можетъ не понравилось самое употребленіе термина «братія», обозначавашаго нѣкоторое равенство, вмѣсто одного изъ тѣхъ многочисленныхъ выраженій раболовства, которое только и считалось приличнымъ для людей въ родѣ настоящаго узника при обращеніи къ великому собранію мудрыхъ. Но ап. Павелъ не былъ *ам-и-арецъ*; напротивъ, онъ былъ такой же раввинъ, такой же *хакамъ*, какъ и лучшій «двигатель горь» между ними, и онъ быть можетъ даже намѣренно употребилъ слово «братія» вмѣсто «отцы», потому что онъ также нѣкогда былъ членомъ синадріона. Смѣлое завѣреніе совершенной невинности затѣмъ еще болѣе раздражило предсѣдательствующаго *наси*, и на немъ быть можетъ нѣсколько мучительно отозвалось то, что его собственная общественная жизнь никоимъ образомъ не велась съ доброю совѣстью ни передъ Богомъ, ни передъ людьми. Первосвященникъ Ананія, сынъ Неведея¹⁸⁹⁷), назначенный на эту высокую должность Иродомъ халкидскимъ, былъ однимъ изъ худшихъ, если не самымъ худшимъ образчикомъ совершенно мірскихъ и безрелигіозныхъ саддукеевъ того вѣка, въ которомъ главные іерархи походили на распутнѣйшихъ кардиналовъ Авиньона или ѣздившихъ на охоту и пьянствовавшихъ епископовъ самаго темнаго періода среднихъ вѣковъ¹⁸⁹⁸). Исторія повѣствуетъ о возмутительномъ неразуміи его образа дѣйствій по отношенію къ самарянамъ и далеко неблагородныхъ средствахъ, при помощи которыхъ онъ избѣжалъ послѣдствій своей замѣшанности въ ихъ избіеніи. Къ этому изображенію его талмудъ прибавляетъ, что онъ былъ хищный тиранъ, который при своей алчности и жадности довелъ низшихъ священниковъ почти до голодной смерти, лишая ихъ принадлежащихъ имъ десятинъ¹⁸⁹⁹), и что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ хищниковъ, которые посылали своихъ слугъ съ дубинами на гумна для забирая десятинъ силою¹⁹⁰⁰). Должность первосвященника онъ занималъ въ теченіе періода, который по этимъ смутнымъ временамъ былъ необыкновенно продолжителенъ¹⁹⁰¹), хотя онъ и прерывался его отсутствіемъ, когда онъ въ качествѣ узника отправленъ былъ въ Римъ отвѣчать за свои преступныя дѣйствія. При этомъ случаѣ, благодаря одному актеру и наложницѣ, онъ повидимому выигралъ свое дѣло¹⁹⁰²); но впослѣдствіи былъ низложенъ для того, чтобы освободить мѣсто Измаилу Бенъ Фаби, и лишь немногіе пожалѣли о немъ, когда онъ былъ вытащенъ изъ водосточной трубы, куда онъ спрятался, и погибъ отъ кинжала сикаріевъ, которыхъ во время своего благоденствія онъ безъ смущенія употреблялъ самъ для своихъ цѣлей¹⁹⁰³).

Его образъ дѣйствія по отношенію къ ап. Павлу вполне показываетъ его

характеръ. Едва апостолъ высказалъ первое положеніе своей защитительной рѣчи, какъ съ безобразною противозаконностью Ананія приказалъ приставамъ суда бить его по устамъ¹⁹⁰⁴). Узвѣленный столь вопіющимъ оскорбленіемъ, столь незаслуженнымъ насиліемъ, ап. Павелъ естественно запылалъ тѣмъ внезапнымъ чувствомъ гнѣва, котораго нечуждъ бываетъ самый возвышенный и благородный характеръ. Ни одинъ возвышенный характеръ не можетъ быть совершенно равнодушенъ къ невыносимому поправленію справедливости. Оправляясь отъ удара, апостолъ воскликнулъ: «Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная! Какъ! ты сидишь, чтобы судить по закону¹⁹⁰⁵) и вопреки закона велишь бить меня?»¹⁹⁰⁶) Выраженіе это подвергалось порицанію какъ непристойное по своей запальчивости, и его въ неблагопріятномъ смыслѣ для апостола сопоставляли съ смиреніемъ Христа предъ судилищемъ своихъ враговъ. «Гдѣ», спрашиваетъ блаженный Іеронимъ, «то терпѣніе Спасителя, Который—какъ агнецъ ведомый на закланіе не открываетъ устъ своихъ—такъ кротко спрашиваетъ бьющаго: если Я сказалъ худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? Мы не унижаемъ этимъ апостола, но объявляемъ славу Богу, который, пострадавъ въ плоти, царствуетъ надъ неправдой и немощью плоти»¹⁹⁰⁷). Но намъ нѣтъ нужды напоминать читателю, что и Христосъ не разъ давалъ волю своему праведному негодованію и поражалъ дерзость и лицемеріе молніей святаго гнѣва. Присутствующіе повидимому изумлены были смѣлостью укора ап. Павла, такъ какъ они сказали ему: «Первосвященника Божія поносишь»? Гнѣвъ апостола изсякъ въ этомъ мгновенномъ взрывѣ и онъ тотчасъ же извинился съ изысканною вѣжливостью и самообладаніемъ. «Я не зналъ, братія», сказалъ онъ, «что онъ первосвященникъ»; прибавляя къ этому, что еслибы онъ зналъ это, то не обратился бы къ нему съ укорительнымъ названіемъ «стѣны подбѣленной», потому что онъ всегда поступалъ по наставленію св. писанія: «начальствующаго въ родѣ твоёмъ не злословь»¹⁹⁰⁸).

Нѣкоторые находятъ крайне удивительнымъ, чтобы ап. Павелъ не зналъ, что Ананія былъ первосвященникъ, и эти его простыя слова подвергались всевозможнымъ объясненіямъ. Слова эти, однакоже, не могутъ означать того, что онъ не способенъ былъ распознать титула Ананіи¹⁹⁰⁹), или что онъ говорилъ въ этотъ моментъ, не принимая во вниманіе его должности¹⁹¹⁰), или что вообще онъ не могъ признавать первосвященника въ человѣкѣ, который поступалъ съ такимъ дерзкимъ беззаконіемъ. Принимая во вниманіе безславіе и незначительность, до которой ниспало первосвященство въ рукахъ людей, лишь на короткое время занимавшихъ эту высокую должность, лишь бы только посидѣть на первосвященническомъ креслѣ¹⁹¹¹); принимая во вниманіе, что одинъ изъ этихъ безрелигіозныхъ проходимцевъ сталъ даже носить шелковыя перчатки, чтобы не испачкать своихъ рукъ при жертвоприношеніи; въ виду того также, что римляне и Ироды постоянно возводили одного и низвергали другаго по своимъ

личнымъ капризамъ и что народъ часто считалъ дѣйствительнымъ первосвященникомъ чловѣка, который въ дѣйствительности уже не занималъ этой должности; въ виду того также, что первосвященство этихъ раболѣпныхъ саддукеевъ сдѣлалось лишь тѣнью того, чѣмъ оно нѣкогда было и что дѣйствительная преданность народа вполне перешла къ болѣе знаменитымъ раввинамъ,—будетъ совершенно понятно, что ап. Павелъ, послѣ своего долгаго отсутствія изъ Іерусалима ¹⁹¹²), не имѣлъ возможности въ теченіе немногихъ и притомъ всецѣло занятыхъ трудами дней, протекшихъ со времени его возвращенія въ Іерусалимъ, разузнать, кто именно—Каміеъ, Воеузимъ, или Канеера въ этотъ именно моментъ украшалъ себя пустымъ титуломъ, который онъ вѣроятно къ тому же позорилъ своею негодностью. Онъ конечно долженъ былъ знать, что первосвященникъ былъ *наси* синедріона, но въ многочисленномъ собраніи онъ могъ и не замѣтить, кто именно приказалъ его бить. Благодаря своему слабому зрѣнію, все, что онъ видѣлъ предъ собою, это — закутанную бѣлую фигуру, отъ которой вышелъ

Древнія іудейскія гробницы.

жестокій приказъ, и къ этой то личности, которая при своей внѣшней бѣлизнѣ и внутренней чернотѣ такимъ образомъ напоминала ему о набѣленной стѣнѣ гробницы, онъ и обратился съ своимъ негодующимъ обличеніемъ. Что онъ долженъ былъ извиниться, узнавъ важное положеніе виновника, это совершенно согласно съ тою высокою благовоспитанностью совершенно благороднаго чловѣка, которую онъ постоянно обнаруживалъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Но оправдывая минутное допущеніе чловѣческой слабости, если только можно такъ назвать его внезапную вспыльчивость, мы однакоже не можемъ защищать его послѣдующаго образа дѣйствія на этомъ собраніи. Конечно, было болѣе чѣмъ извинительно, если въ этотъ день апостолъ былъ нѣсколько возбужденъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, вслѣдствіе именно дикихъ и страшныхъ испытаній, перенесенныхъ имъ наканунѣ. Происходившее касательно его дѣла разсужденіе, его знакомство съ синедріономъ, котораго онъ нѣкогда былъ членомъ, легко давали ему возможность понять, что его судьи все еще главнымъ образомъ

раздѣлялись на двѣ партіи: саддукейскихъ священниковъ и фарисейскихъ старѣйшинъ и книжниковъ. Послѣдніе были популярны и многочисленны, а первые богаты и могущественны. Ап. Павлу хорошо было извѣстно, что эти двѣ партіи находились между собою въ непримиримой враждѣ, которая смолкала только въ присутствіи предмета общей ненависти. Онъ зналъ также, что однимъ изъ главныхъ предметовъ спора между ними былъ вопросъ касательно невидимаго міра и жизни за гробомъ ¹⁹¹³). Видя поэтому, что онъ не встрѣтитъ въ этомъ судѣ ни справедливости, ни милосердія, онъ рѣшилъ бросить между ними яблоко раздора, и, среди вавилонскаго смѣшенія языковъ, закричалъ: «мужи, братія! я фарисей, сынъ фарисея; за чаяніе воскресенія мертвыхъ меня судятъ!» Планъ этотъ обнаружили въ немъ тонкую прозорливость, и постоянное такимъ образомъ раздѣленіе было на время чрезвычайно удачно; но достойно ли оно было ап. Павла? Между нимъ и фарисеями несомнѣнно были нѣкоторыя точки соприкосновенія. «Они учили о воскресеніи мертвыхъ: тоже и онъ. Они учили о пришествіи царства Божія: тоже и онъ. Они учили о пришествіи Мессіи: тоже и онъ. Они учили о сообщеніи Бога съ людьми посредствомъ ангеловъ, сновидѣній и видѣній: тоже и онъ. Онъ вполне раздѣлялъ съ фарисеями всѣ тѣ ученія, на основаніи которыхъ саддукеи и считали его соблазнителемъ народа». Все это правда, но съ другой стороны его вѣра въ воскресшаго Мессію не была тѣмъ пунктомъ, по которому главнымъ образомъ и призванъ онъ былъ къ отвѣту ¹⁹¹⁴). Это вѣрованіе, еслибы оно было одно, могло бы быть пройдено синадріономъ въ худшемъ смыслѣ какъ безвредное заблужденіе. Мало того, даже нѣкоторые изъ фарисейскихъ членовъ синадріона могли быть номинально христіанами (Дѣян. xv, 5). Но ярость противъ ап. Павла возбуждалась гораздо болѣе тѣми вопросами, которые возникали изъ его ученія о ничтожествѣ закона и о допущеніи язычниковъ къ равнымъ преимуществамъ съ сѣменемъ Авраамовымъ. Не заключали ли поэтому слова апостола ложнаго намека? Имѣлъ ли онъ право разжигать существующую враждебность ¹⁹¹⁵)? Могъ ли онъ съ достоинствомъ сказать: «я фарисей»? Не отличается ли онъ въ дѣйствительности отъ фарисеевъ во всѣхъ основныхъ особенностяхъ ихъ системы? Не есть ли фарисейскій духъ по самой своей сущности противенъ христіанскому? (Матѣ. xxiii, 25, 27; Іоан. xii, 43; Римл. ii). Не доказывали ли два написанныхъ имъ величайшихъ посланія, что все ихъ богословіе во всѣхъ своихъ чертахъ было ложно? Не состояла ли вся дѣятельность его жизни въ томъ, чтобы разрушать всѣ эти законническія предписанія, изъ которыхъ они старались сдѣлать ограду? Не занимались ли они, какъ ему извѣстно было лучше всѣхъ, кованіемъ желѣзныхъ оковъ того ига рабства, которое онъ старался разбить звено за звеномъ? Не заключалось ли въ томъ, что онъ сказалъ, нѣчто похожее на *suggestio falsi*? Сдѣлаемъ всевозможныя извиненія въ человѣческой слабости; допустимъ внезапную и временную разсчетливость, притомъ гораздо менѣе важную, чѣмъ какою нѣкогда увлекся его великій

собрать апостолъ въ Антиохіи; допустимъ даже, что непоколебимая прямота и рыцарская неуклонность въ дѣйствіи зависятъ отъ извѣстной національной черты, которая среди сѣверныхъ народовъ есть естественный результатъ вѣковаго воспитанія; признаемъ также безъ всякаго смущенія и стыда, что нѣкоторое условное отношеніе къ истинѣ въ позднѣйшіе вѣка считалось среди христіанскихъ добродѣтелей. Однакоже, не смотря на все это, мы не можемъ въ этомъ случаѣ вполнѣ видѣть, какъ ап. Павелъ могъ въ такомъ собраніи сказать безъ всякаго объясненія: «я фарисей». Если мы не находимъ возможнымъ порицать его за его строгій укоръ первосвященнику; если, подвергая образъ его дѣйствія тому окончательному суду, который состоитъ въ сравненіи съ началами и примѣромъ Спасителя, мы вполнѣ можемъ понять, что тотъ, кто назвалъ Ирода «лисицей», назвалъ бы также Ананію «подбѣленной стѣной»; то съ другой стороны мы не можемъ не думать, что это искусственное усиленіе раздора между общими врагами на почвѣ самаго ограниченнаго соглашенія съ извѣстными положеніями, содержимыми нѣкоторыми изъ нихъ, было едва ли достойно ап. Павла; совершенно зная, что такое были фарисеи, мы не можемъ вообразить, чтобы божественный Учитель его когда либо при такихъ обстоятельствахъ могъ сказать: «я фарисей». Кромѣ того, этотъ образъ дѣйствія не былъ даже полезенъ. Онъ придалъ еще больше запальчивости разъяренной реакціи въ людяхъ, которые сознавали, что они были жертвою удачнаго замысла, и въ замѣчаніи ап. Павла предъ судилищемъ Феликса ¹⁹¹⁶) мы склонны видѣть—хотя никто этого не замѣчалъ раньше—извѣстное чувство самообвиненія въ томъ способѣ, какимъ онъ освободилъ себя отъ угрожавшей ему опасности.

Но, какъ мы сказали, планъ этотъ на время сопровождался почти магическимъ успѣхомъ. Враги ап. Павла тотчасъ же схватились между собой. Первосвященникъ Ананія былъ такъ нелюбимъ фарисейскою партіей, что столѣтіе спустя все еще существовало преданіе о его насиліяхъ и алчности ¹⁹¹⁷). Тотчасъ же поднялся страшный шумъ гнѣвныхъ голосовъ, и книжники, которые держали сторону фарисеевъ, всѣ поднялись для того, чтобы объявить ап. Павла невиновнымъ. «Ничего худаго мы не находимъ въ этомъ человѣкѣ; если же Духъ или Ангелъ говоритъ ему, не будемъ противиться Богу» ¹⁹¹⁸). Іудеи, даже эти знатные іерархи-раввины, опять выказали полную неспособность къ самообладанію. Даже въ священныхъ предѣлахъ синедріона за шумомъ послѣдовало столь сильное смятеніе, что ап. Павлу еще разъ грозила опасность быть разорваннымъ на куски, и на этотъ разъ притомъ руками ученыхъ и знатныхъ лицъ. Клавдій Лизій, болѣе и болѣе изумляясь буйности іудеевъ, которые сначала съ такимъ единодушіемъ напали на Павла въ храмѣ и половина которыхъ въ синедріонѣ повидимому теперь боролась въ его защиту, порѣшилъ не отдавать своего согражданина ожидающей его позорной участи и еще разъ приказалъ отряду воиновъ сойти внизъ, взять его изъ среды іудеевъ и отвести его въ такое мѣсто въ Іеру-

салимѣ, гдѣ величайшій іудей только и могъ найти себѣ безопасность, именно въ казармахъ чужеземныхъ завоевателей.

Рядъ такихъ возмутительныхъ сценъ въ теченіе двухъ дней подъ-рядъ конечно долженъ былъ истомить и истощить ап. Павла, и даже столь безбоязненное мужество, какимъ обладалъ онъ, не могло непоколебимо подвергаться этой постоянной опасности неожиданной смерти. Слѣдующему дню суждено было опять принести новую опасность; но прежде чѣмъ она настала, милосердный Богъ, который всегда поддерживалъ своего вѣрнаго слугу при самыхъ худшихъ и мрачныхъ обстоятельствахъ, послалъ ему видѣніе, которое избавило его отъ всякой тревоги за его жизнь на много долгихъ и тяжкихъ дней. Какъ въ Іерусалимѣ при его первомъ видѣніи, какъ въ Коринѣѣ, и какъ въ послѣдствіи на бурномъ морѣ, Господь явился ему и сказалъ: «дерзай Павелъ, ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ».

Разсвѣтъ слѣдующаго дня съ достаточностью доказалъ, что его маневръ въ синаedrіонѣ имѣлъ только временный успѣхъ. Ярость противъ него была такъ неутѣшима и чувство разочарованія у членовъ синаedrіона, въ виду того, что Лизій освободилъ его отъ ихъ мщенія, было такъ велико, что на слѣдующее утро сорокъ человекъ изъ іудеевъ связали себя страшнымъ *херемомъ* не ѣсть и не пить, пока они не убьютъ его ¹⁹¹⁹). Іудеи, подобно нѣкоторымъ христіанамъ въ худшія времена христіанства, вѣрили въ святость права убійства, какъ средства освобожденія отъ тирана или богоотступника ¹⁹²⁰). Преступная слѣпота заставляла ихъ освящать даже религіозное убійство! Какую мрачную картину представляетъ намъ состояніе іудейской нравственности въ это время, показываетъ то обстоятельство, что подобно тому, какъ Іуда торговался съ членами синаedrіона о деньгахъ за кровь Спасителя, такъ и эти сорокъ сикаріевъ, безъ малѣйшаго стыда, но съ очевиднымъ сознаніемъ доблести пришли къ враждебной партіи синаedrіона съ цѣлью измышленія лжи, которая бы могла облегчить имъ убійство. «Мы клятвою заклѣались не ѣсть ничего, пока не убьемъ Павла. Итакъ, нынѣ же вы съ синаedrіономъ дайте знать тысяченачальнику, чтобы завтра онъ вывелъ его къ вамъ, какъ будто бы вы хотите точнѣе разсмотрѣть дѣло о немъ; мы же, прежде нежели онъ приблизится, готовы убить его». Не только не ужасаясь и не отвергая эту мысль, какъ отвергли бы ее даже язычники, выродившіеся іудеи, нахальные іерархи охотно согласились на это. Но тайна, извѣстная ¹⁹⁴⁰) заговорщикамъ и требующая сообщества еще большаго числа людей, вовсе не была уже тайной. Темные намеки, зловѣщія тѣлодвиженія, слова худо скрываемого торжества и вообще отвращеніе къ человѣку, который училъ «отступленію отъ Моисея», несомнѣнно дѣлались такъ прозрачно у іудеевъ и даже, какъ можно опасаться, среди нѣкоторыхъ номинальныхъ іудейскихъ христіанъ, что во многихъ кругахъ и не думали скрывать кровожаднаго намѣренія. Когда ап. Петръ

былъ въ темницѣ и находился въ опасности подвергнуться казни, христіанская община въ Іерусалимѣ находилась въ состояніи тревоги и печали, и молитва къ Богу непрерывно возносилась о немъ днемъ и ночью; но къ ап. Петру и особенно къ ап. Петру этого ранняго періода относились съ совершенно иными чувствами, чѣмъ съ какими іудейскіе вѣрующіе смотрѣли на смѣлаго человѣка, который съ опасною независимостью относился къ Моисееву закону и его существенному завѣту, какъ къ предмету совершенно излишнему для обратившихся язычниковъ. Мы не слышимъ о молитвѣ какихъ нибудь старѣйшинъ или тысяччъ народа объ ап. Павлѣ. Своимъ избавленіемъ онъ обязанъ былъ одному своему родственнику. Въ Іерусалимѣ жила его замужняя сестра, которая, сочувствовала она или нѣтъ взглядамъ своего брата (то обстоятельство, что нигдѣ не упоминается ни о ней, ни о ея семействѣ, и что ап. Павелъ повидимому никогда не заходилъ въ ея домъ, дѣлаетъ это по меньшей мѣрѣ весьма сомнительнымъ), имѣла однако же достаточно естественной привязанности къ нему, чтобы попытаться разстроить кроваваго плана его убійства. Было бы желательно побольше узнать касательно подробностей всего этого, но намъ сообщается лишь то, что сынъ этой женщины, видимо простой мальчикъ, услышавъ о предполагаемой засадѣ, тотчасъ же отправился въ казармы крѣпости Антоніи и, получивъ доступъ къ своему дядѣ, который, какъ римскій гражданинъ, былъ свободенъ отъ оковъ и содержался только подъ военной стражей (*custodia militaris*), открылъ ему о заговорѣ. Ап. Павелъ поступилъ съ своимъ обычнымъ здравомысліемъ и проворствомъ. Пославъ за однимъ изъ десяти сотниковъ гарнизона, онъ сказалъ ему: «отведи сего юношу къ тысяченачальнику; ибо онъ имѣетъ нѣчто сказать ему»¹⁹²¹). Сотникъ немедленно отправился къ Лизію и сказалъ: «узникъ Павелъ, призвавъ меня, просилъ отвести къ тебѣ этого юношу, который имѣетъ нѣчто сказать тебѣ». Въ томъ приѣмѣ, съ какимъ римскій начальникъ отнесся къ іудейскому мальчику, проглядываетъ нѣкоторая ласка. Видя быть можетъ, что онъ былъ безпокоенъ и испуганъ, какъ вслѣдствіе опасности, которой онъ подвергался открывая эту тайну (такъ какъ подозрѣніе естественно могло пасть на него), такъ и вслѣдствіе того, что оказался въ присутствіи самой могущественной личности въ Іерусалимѣ, именно военнаго уполномоченнаго страшнаго прокуратора,—Лизій взялъ его за руку и отошелъ съ нимъ на такое мѣсто, гдѣ бы ихъ никто не могъ слышать, и началъ спрашивать его, что онъ имѣлъ сообщить ему. Мальчикъ сообщилъ ему, что онъ немедленно получить просьбу отъ синедріона созвать на слѣдующій день собраніе и еще разъ привести къ нимъ Павла для болѣе точнаго разсмотрѣнія его дѣла, и что болѣе сорока сикаріевъ согласились касательно времени и мѣста для того, чтобы убить его узника; такъ что единственнымъ средствомъ разрушить этотъ заговоръ было отказать въ просьбѣ синедріона. Лизій видѣлъ важность тайны и немедленно принялъ свои мѣры. Онъ сказалъ мальчику, чтобы онъ не говорилъ никому о томъ, что онъ сдѣлалъ это

сообщеніе касательно заговора и, призвавъ двухъ сотниковъ, приказалъ имъ снарядить двѣсти легіонеровъ, семьдесятъ всадниковъ, двѣсти копьеносцевъ¹⁹²³) съ двумя запасными лошадьми, чтобы быть готовыми сопровождать Павла въ безопасности въ Кесарію въ тотъ же самый вечеръ въ 9 часовъ. Онъ былъ чрезвычайно радъ освободиться отъ узника, который произвелъ столько возбужденія и который былъ предметомъ столь яростной вражды, что она во всякій моментъ могла повести къ бунту. Въ то время притомъ съ самою опасною беззащитностію разсыпались обвиненія въ подкупѣ. Целеръ, римскій всадникъ, гораздо болѣе высокаго чѣмъ онъ положенія, былъ варварски таскаемъ іудеями вокругъ стѣнъ Іерусалима и наконецъ обезглавленъ за принятіе подкупа отъ самарянъ¹⁹²³); Агриппа I былъ вслѣдствіе такого же обвиненія уволенъ изъ Антиохіи, и даже такая личность, какъ прокураторъ Куманъ, былъ заключенъ въ тюрьму и лишился всѣхъ почестей. Римская администрація была такъ испорчена даже въ лицѣ высшихъ чиновниковъ, что еслибы ап. Павелъ былъ убитъ, то Лизія легко могли бы обвинить въ принятіи подкупа, заставившаго его снисходительно отнестись къ этому злодѣйскому умыслу¹⁹²⁴). Теперь былъ достаточный предлогъ къ быстрой и тайной отсылкѣ ап. Павла, чѣмъ онъ и могъ освободиться отъ тяжелой отвѣтственности. Въ девять часовъ, въ тотъ же вечеръ, когда стемнѣло и улицы обезлюдѣли, большой отрядъ изъ четырехъ сотъ семидесяти воиновъ, отрядъ, необходимость котораго показываетъ опасное состояніе страны и степень тревоги Лизія, стоялъ готовымъ у воротъ казармъ, и прежде чѣмъ топотъ конскихъ копытъ и шумъ оружія началъ раздаваться по безмолвнымъ улицамъ города, комендантъ далъ командующему сотнику письмо, которое въ своей очевидной подлинности выдаетъ изумительную смѣсь правды и лжи и ни коимъ образомъ не оправдываетъ того мнѣнія, что Лизій былъ человѣкъ тупой и глупый. Письмо представляло собой одно изъ тѣхъ изложеній уголовныхъ обвиненій, называемыхъ *elogia*, которыя обыкновенно представлялись при передачѣ узника въ вѣденіе высшаго судьи; и оно было составлено такъ умно, что имъ устранялась всякая возможность обвиненія въ незаконномъ отношеніи къ римскому гражданину. Поступокъ Лизія, хотя нѣсколько поспѣшный на первый взглядъ, вообще былъ добръ и честенъ; и самъ онъ вѣроятно былъ увѣренъ ап. Павломъ, что, насколько дѣло касалось его лично, Лизій могъ отложить всякое попеченіе касательно мѣръ для защиты неотъемлемыхъ правъ, даваемыхъ правомъ римскаго гражданства.

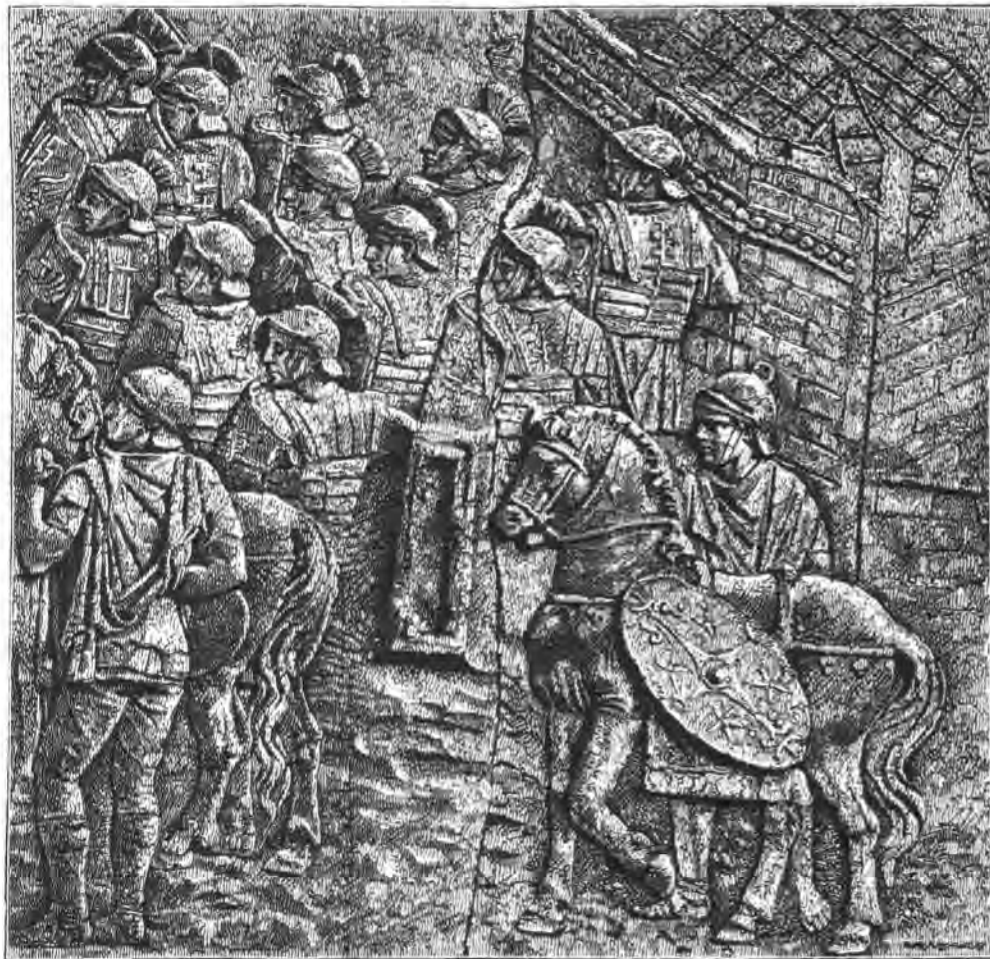
Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Клавдій Лизій его превосходительству прокуратору Феликсу—радоваться.

«Сего человѣка іудеи схватили и готовы были убить; я, пришедши съ воинами, отнялъ его, узнавъ, что онъ римскій гражданинъ. Потомъ желая узнать, въ чемъ обвиняли его, привелъ его въ синедрионъ ихъ, и нашелъ, что его обвиняютъ въ спорныхъ мнѣніяхъ касательно закона ихъ, но что нѣтъ въ немъ

никакой вины, достойной смерти или оковъ. А какъ до меня дошло, что іудеи злоумышляютъ на этого человѣка; то я немедленно послалъ его къ тебѣ, приказавъ и обвинителямъ говорить на него предъ тобою. Будь здоровъ!»

Ап. Павла посадили на одну изъ приготовленныхъ для него лошадей и отрядъ быстро двинулся въ путь по окрестностямъ Іерусалима, строго высмат-

Римская конница
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

ривая за засадой. Миновавъ эту опасность, отрядъ, будучи слишкомъ многочисленъ и хорошо вооруженъ, чтобы опасаться простыхъ разбойниковъ, спокойно направился по римской дорогѣ въ отстоявшую на шестьдесятъ верстъ Антипатриду¹⁹²⁵). Здѣсь онъ остановился на ночлегъ. На слѣдующій день четыреста легіонеровъ и копьеносцевъ возвратились въ Іерусалимъ, между тѣмъ какъ конные

воины поѣхали дальше въ лежавшую въ пятидесяти верстахъ оттолѣ Кесарію. Ап. Павелъ такимъ образомъ вступилъ въ Кесарію съ пышною свитою, совершенно непохоже на то, какъ онъ оставилъ ее среди маленькой партіи своихъ собратій христіанъ. Они вступили в городъ уже при полномъ разсвѣтѣ дня и столь большая масса проходившихъ по улицамъ должна была привлечь на себя вниманіе любопытныхъ. Какъ Филиппъ и другіе христіане Кесаріи должны были удивиться, узнавъ о быстромъ исполненіи ихъ предчувствія, когда они увидѣли, что ихъ великій учитель, съ которымъ они расстались съ такими слезами, ѣхалъ по улицамъ прикованный своею правой рукой къ рукѣ всадника, среди толпы воиновъ изъ гарнизона Антоніи! Это шествіе ап. Павла какбы среди своихъ римскихъ тѣлохранителей было послѣднимъ предъ тѣмъ, какъ послѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія началось его путешествіе въ Римъ.

Сотникъ тотчасъ же представилъ своего узника Феликсу. Феликсъ, прочитавъ письмо Лизія, сдѣлалъ быстрый допросъ ап. Павлу, изъ какой онъ области, узнавъ что изъ Киликіи, сказалъ: «я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители» ¹⁹²⁶). Затѣмъ онъ передалъ ап. Павла воину для содержанія его въ одной изъ комнатъ, прилегавшихъ къ старому Иродову дворцу, который теперь составлялъ великолѣпную резиденцію прокураторовъ Іудеи.

Мостъ въ Тарсъ.

ГЛАВА ХLI.

АП. ПАВЕЛЪ И ФЕЛИКСЪ.

Антоній Феликсъ, по своей алчности
и распутству, съ рабскою низостью зло-
употреблялъ властью. Тацитъ.

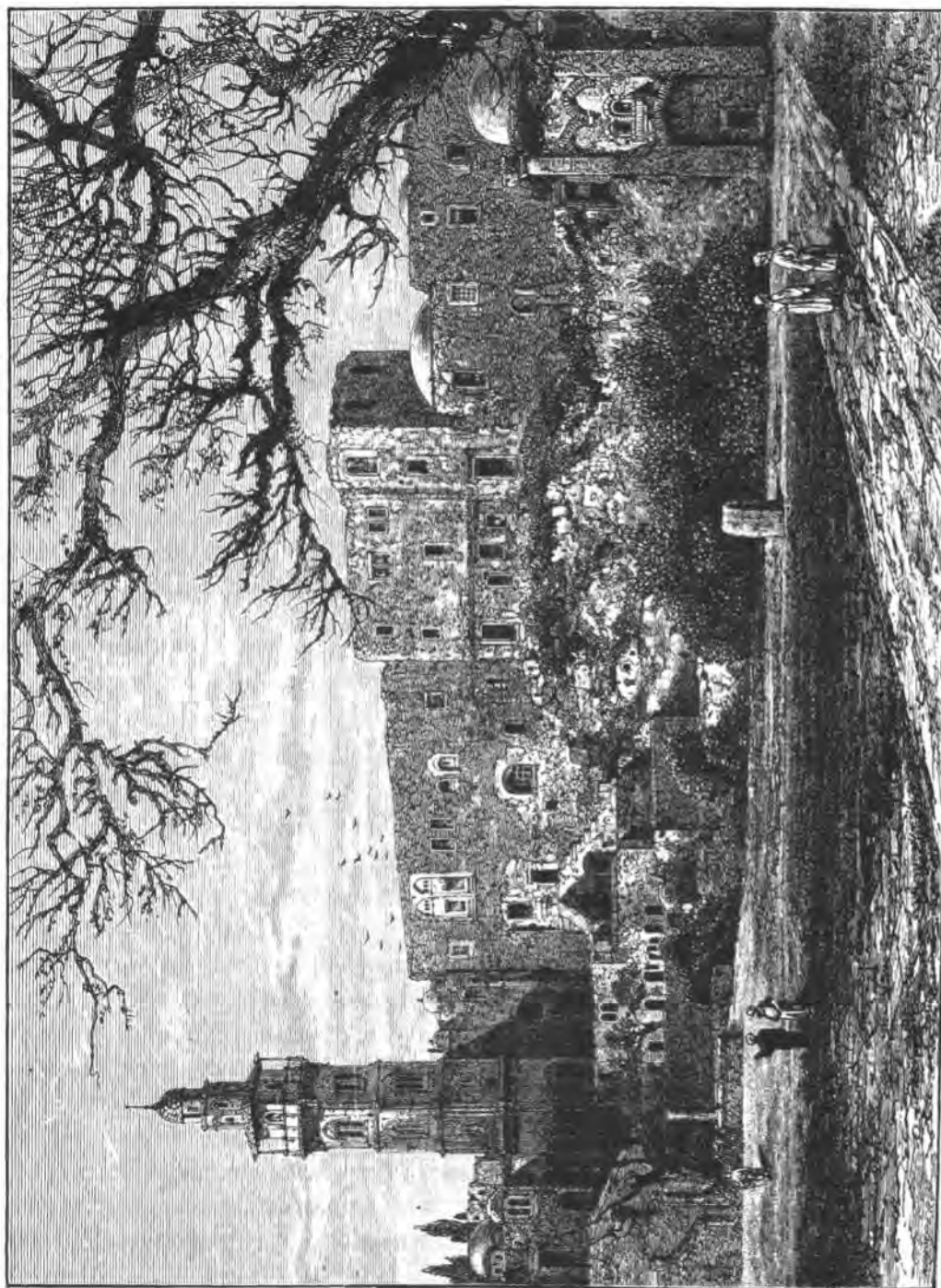

ДИМСКІЙ судья, къ которому приводился узникъ съ *elogium*, обязанъ былъ по возможности разсмотрѣть его дѣло въ теченіе трехъ дней. Феликсъ однакоже долженъ былъ послать извѣстіе въ Іерусалимъ и назначить время для суда, чтобы при немъ могли присутствовать обвинители; и такъ какъ путешествіе отсюда требовало почти двухъ дней, то только на пятый день по прибытіи ап. Павла въ Кесарію онъ преданъ былъ суду. Временный поворотъ въ его пользу, котораго въ это время фарисеи вѣроятно уже сами устыдились, смѣнился единодушною ненавистью. Старѣйшины вѣроятно обѣихъ партій поспѣшили для обвиненія своего противника. Ананія лично сопровождалъ ихъ, стремясь отмстить человѣку, который сравнилъ его съ повапленнымъ гробомъ. Этимъ высокопостав-

леннымъ личностямъ навѣрно было крайне непріятно, что онѣ вынуждены были поспѣшно отправиться въ утомительный стодвадцативерстный путь изъ религіозной столицы Іудеи въ политическую, чтобы побудить языческую собаку предать богоотступнаго *месива* ихъ юрисдикціи; но члены синедріона, раздраженные неудачей, вѣроятно приняли всевозможныя мѣры для того, чтобы какъ нибудь отмстить своему оскорбителю.

Они хотѣли во что бы то ни стало добиться выдачи имъ ихъ жертвы и, будучи малоспособны защищать свое дѣло погречески или полатыни и болѣе или менѣе невѣжественны въ порядкѣ римскаго судопроизводства, они поручили свое дѣло областному адвокату по имени Тертуллу. Все было сдѣлано съ должною формальностью. Сначала они изложили свою жалобу, а затѣмъ противъ нихъ выставленъ былъ узникъ, чтобы онъ могъ слышать и, если возможно, опровергнуть ихъ обвиненіе. Тертулла очевидно былъ опытный ораторъ и св. Лука вѣрно передалъ очеркъ его пространной рѣчи. Говоря съ ловкою любезностью, какъ будто бы и самъ онъ былъ іудей, онъ началъ льстивымъ комплиментомъ Феликсу, что служило обычнымъ *captatio benevolentiae*. Указавъ на прежніе подвиги Феликса противъ разбойниковъ и на недавнее подавленіе египетскаго лже-месіи, онъ началъ увѣрять его превосходительство, съ истинно юридическою округленностью рѣчи, въ общей и неизмѣнной благодарности іудеевъ за миръ, который онъ обезпечилъ имъ, и за многія реформы ¹⁹²⁷⁾, которыя были начаты его правительственною мудростью. Въ дѣйствительности Феликсъ былъ крайне ненавидимъ народомъ, и хотя онъ несомнѣнно подавилъ отчасти разбойниковъ, однакоже съ самыхъ первыхъ дней своего управленія гораздо болѣе содѣйствовалъ разбойничеству ¹⁹²⁸⁾ и даже обвинялся въ участіи въ ихъ добычѣ вмѣстѣ съ Вентидіемъ Куманомъ, когда подъ его властью особо находилась Самарія ¹⁹²⁹⁾. Затѣмъ Тертулла столь же кратко извинился за нарушеніе спокойствія его превосходительства, такъ какъ необходимо было утрудить его тремя обвинительными актами противъ обвиняемаго, именно, что, во-первыхъ, онъ былъ общественною язвою, жившею возбужденіемъ раздоровъ между іудеями по всему міру; во-вторыхъ, что онъ былъ коноводъ назарейской ереси; и въ-третьихъ, что онъ пытался осквернить храмъ. Вслѣдствіе этого то именно іудеи схватили его и хотѣли судить согласно съ своимъ собственнымъ закономъ; но Лизій насильственно вмѣшался въ ихъ дѣло и взялъ его изъ ихъ рукъ, приказавъ его обвинителямъ явиться къ прокуратору. Его превосходительство, обратившись къ Лизію ¹⁹³⁰⁾, могъ вполне удостовѣриться въ истинѣ этихъ обвиненій. Когда рѣчь кончилась, іудеи, за неимѣніемъ настоящихъ свидѣтелей, одинъ за другимъ стали говорить противъ ап. Павла ¹⁹³¹⁾, подтверждая истинность всего сказаннаго Тертуллою.

Тогда прокураторъ, уже достаточно убѣжденный, что это, какъ извѣстилъ его Лизій, была какая нибудь іудейская смута касательно мелочей Моисеева

Башня Антонія въ Іерусалимѣ.

закона, надменно далъ знакъ узнику, чтобы онъ сказалъ что нибудь противъ обвиненія. Въ своемъ *captatio benevolentiae* ап. Павелъ поступилъ совершенно отлично отъ Тертулла. Оно состояло просто въ совершенно истинномъ замѣчаніи, что онъ могъ защищать себя тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ передъ Феликсомъ, что онъ былъ теперь прокураторомъ весьма значительное время ¹⁹³²) и поэтому, вслѣдствіе своего знакомства съ іудейскими дѣлами, легко могъ удостовѣриться, что прошло лишь двѣнадцать дней ¹⁹³³) съ праздника Пятидесятницы, на который онъ прибылъ совсѣмъ не съ мятежными цѣлями, а просто помолиться въ Іерусалимѣ; и что въ теченіе этого времени онъ не бесѣдовалъ ни съ кѣмъ и не имѣлъ случая привлекать толпы или производить возмущеніе ни въ храмѣ, ни въ синагогѣ, ни въ какой либо части города. Поэтому онъ положительно опровергалъ первый и третій пункты обвиненія и требовалъ отъ іудеевъ, чтобы они представили свидѣтелей въ подтвержденіе ихъ. Что касается до втораго пункта, то онъ готовъ былъ допустить, что принадлежитъ къ тому, что они называли сектой; но это была не болѣе незаконная секта, чѣмъ та, къ которой принадлежатъ они сами, такъ какъ онъ поклоняется Богу, поклоняться которому его, какъ іудея, учили всегда, открыто принималъ все ихъ св. писаніе, вѣрилъ, подобно большинству изъ нихъ, въ воскресеніе праведныхъ и неправедныхъ. Вслѣдствіе этой именно вѣры онъ всегда старался быть съ чистою совѣстью какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми. До этого времени онъ не былъ въ Іерусалимѣ въ теченіе пяти лѣтъ и, при возвращеніи съ милостыней для бѣдныхъ своего народа и съ приношеніями для храма, іудеи нашли его въ храмѣ, гдѣ онъ спокойно и очищалъ себя по закону. Въ мятежѣ, который послѣдовалъ затѣмъ, онъ былъ неповиненъ. Онъ поднять былъ нѣкоторыми азіатскими іудеями, которые должны бы присутствовать въ качествѣ свидѣтелей и отсутствіе которыхъ было доказательствомъ слабости обвиненія противъ него. Но если нельзя было привести ихъ въ качествѣ свидѣтелей, то онъ требовалъ отъ самихъ обвинителей, чтобы они изложили результатъ своего суда надъ нимъ передъ синедріономъ, и доказали, есть-ли у нихъ хотя одинъ фактъ противъ него, кромѣ его восклицанія, сдѣланнаго имъ въ то время, когда онъ стоялъ предъ ними, что его судили по вопросу о воскресеніи изъ мертвыхъ.

Обвиненіе, очевидно, оказывалось несостоятельнымъ. Сдѣланное ап. Павломъ изложеніе фактовъ прямо противорѣчило единственному сдѣланному противъ него показанію. Разногласія въ ученіи между іудеями и имъ ни коимъ образомъ не могли послужить предметомъ судебного разбирательства, такъ какъ они касались вопросовъ, которые не подлежали вѣденію римскаго закона. Ап. Павлу не было надобности доказывать ученіе назарянъ или оправдывать себя въ принятіи его, такъ какъ въ это время оно еще не было объявлено *religio illicita*. Феликсъ совершенно сознавалъ это. Онъ имѣлъ гораздо болѣе точное знаніе объ этомъ ученіи, чѣмъ іудеи и ихъ нанятый адвокат ¹⁹³⁴). Поэтому онъ

не хотѣлъ передать Павла синедріону, что могло бы быть опаснымъ и было бы несомнѣнно несправедливымъ; но въ тоже время онъ не хотѣлъ и оскорблять этихъ вліятельныхъ лицъ. Поэтому онъ отложилъ разбирательство дѣла — *rem ampliavit* — и именно на основаніи отсутствія Лизія, который могъ бы быть важнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ, общая однакоже дать свое окончательное рѣшеніе, лишь только онъ прибудетъ въ Кесарію. Ап. Павелъ былъ отведенъ подъ стражу, но Феликсъ далъ особое приказаніе сотнику ¹⁸³⁵), чтобы стража надъ нимъ не была жестокою и чтобы друзьямъ его дозволялся свободный доступъ въ его тюрьму. Св. Лука и Аристархъ несомнѣнно пользовались этимъ позволеніемъ, и тяжелые часы заключенія несомнѣнно были облегчаемы также посѣщеніями Филиппа благовѣстника и другихъ христіанъ небольшой кесарійской общины, которымъ былъ такъ дорогъ ап. Павелъ ¹⁸³⁶).

По своемъ возвращеніи въ Кесарію съ своей женой Друзиллой, Феликсъ, видимо желая удовлетворить ея любопытство увидѣть человѣка, слухи о странной исторіи и чудесномъ могуществѣ котораго были такъ распространены въ народѣ, еще разъ потребовалъ къ себѣ ап. Павла и велѣлъ ему изложить передъ собою свое вѣроученіе. Апостолъ не преминулъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ. Феликсъ былъ язычникъ и притомъ его судья, а ап. Павелъ не имѣлъ своею обязанностью судить тѣхъ, которые находились внѣ церкви. Съ полнѣйшею вѣжливостью и почтеніемъ къ предрежащей власти, апостолъ началъ излагать вѣру во Христа, проповѣданіе которой было возложеннымъ на него долгомъ, и притомъ такъ, что невольно затронулъ тѣ добродѣтели, въ которыхъ болѣе всего нуждалась слушавшая его бесѣду преступная чета. Сластолюбивая принцесса должна была краснѣть, когда онъ бесѣдовалъ о воздержаніи; хищный и несправедливый правитель долженъ былъ чувствовать укоры совѣсти, когда онъ говорилъ о справедливости, и оба они должны были содрогаться, когда онъ разсуждалъ о будущемъ судѣ. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе эта бесѣда произвела на Друзиллу, потому что хитрая принцесса сокрыла его въ своемъ непроницаемомъ сердцѣ. Феликсъ же, менѣе привычный къ такимъ истинамъ, былъ глубоко взволнованъ ими. Оглянувшись на преступное и позорное прошлое, онъ ужаснулся за самого себя. Нѣкогда онъ былъ рабомъ въ худшемъ изъ всѣхъ положеній, въ преступнѣйшую эпоху, въ развращеннѣйшемъ изъ городовъ. вмѣстѣ съ своимъ братомъ Палласомъ онъ достигъ положенія царедворца въ распутнѣйшемъ изъ дворцовъ. Онъ былъ начальникомъ тѣхъ вспомогательныхъ войскъ, хуже которыхъ не было въ мірѣ. Какія преступныя тайны похоти и крови скрывались въ его прежней жизни—мы не знаемъ; но простые и безспорныя свидѣтельства, іудейскія и языческія, священныя и гражданскія вполнѣ открываютъ намъ, что такое онъ былъ: какъ онъ былъ жаденъ, какъ необузданъ, какъ коваренъ, какъ преступенъ, какъ запятнанъ кровью частныхъ убійствъ и народныхъ избіеній въ теченіе тѣхъ восьми лѣтъ, которыя теперь онъ провелъ въ управленіи сначала

Самаріи и затѣмъ Палестины. Позади себя онъ оставилъ цѣлый рядъ преступленій и теперь невольно чувствовалъ, что какбы вся земля колебалась подъ нимъ. Онъ не могъ вынести новаго ощущенія закрадывавшагося къ нему ужаса или укоровъ смущеннаго, чувствующаго свою вину сердца, которое начало трепетать даже въ его закаленной груди. Онъ прервалъ бесѣду апостола. «Теперь пойдѣ», сказалъ онъ, «а когда найду время, позову тебя». Однако же и утрезненія совѣсти его не были совершенно безкорыстны. Ап. Павелъ очевидно произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и Феликсъ, пораженный его образомъ дѣйствій, его гениемъ и нравственною силою, нерѣдко призывалъ его къ себѣ для бесѣды съ нимъ касательно его вѣрованій. Но этотъ кажущійся интересъ въ религіозныхъ предметахъ былъ въ дѣйствительности сроденъ съ тѣмъ духомъ суевѣрія, который заставлялъ его поддаваться обману Симона волхва и который не исключалъ у него надежды на полученіе взятки, которую, какъ онъ былъ увѣренъ, могъ дать ему Павелъ, принесшій столь значительныя суммы въ Іерусалимъ. Онъ не преминулъ дать ему намекъ, который не оставлялъ никакого сомнѣнія касательно его намѣренія. Но ап. Павелъ былъ невиненъ и не хотѣлъ ни воспользоваться какимъ либо незаконнымъ средствомъ для обезпеченія себѣ свободы, ни вообще отягчать своихъ духовныхъ чадъ сборомъ съ нихъ денегъ для выкупа, котораго онъ самъ не могъ заплатить по своей бѣдности. Онъ не хотѣлъ сомнительными человѣческими способами нарушать плана Божія касательно его, или представить сомнительный примѣръ будущимъ libellatici. Поэтому онъ уклонился отъ принятія намековъ Феликса, а вслѣдствіе этого и долженъ былъ въ теченіе двухъ лѣтъ томиться въ темницѣ.

Но вотъ къ концу этого времени онъ былъ пораженъ ужаснымъ шумомъ на улицахъ Кесаріи. Правда, въ городѣ, состоявшемъ на половину изъ іудеевъ и на половину изъ грековъ или сирійцевъ, между ними постоянно происходили споры, переходившіе въ открытую вражду, изъ-за преимуществъ. Всѣмъ своимъ блескомъ городъ—съ его амфитеатромъ, его храмами и дворцомъ—былъ обязанъ одушевлявшей перваго Ирода страсти къ строительству. Іудейское населеніе было многочисленно и богато, и такъ какъ ихъ царь сдѣлалъ такъ много для города, то они считали его своею исключительною собственностью. И дѣйствительно, если бы не Иродъ, то Кесарія никогда бы не получила извѣстности въ исторіи. Единственно полезное учрежденіе его состояло въ гавани, которую Иродъ построилъ для него съ огромными расходами денегъ и труда и которая чрезвычайно нужна была на этомъ негостепріимномъ берегу. Но греки утверждали, что это ихъ городъ, доказывая, что онъ былъ построенъ Стратономъ и назывался башней Стратона, пока Иродъ изъ своей обычной лести къ императорскому дому не перемѣнилъ его названія. Къ концу тюремнаго заключенія ап. Павла греки и іудеи дошли до открытаго враждебнаго столкновенія на площади рынка, и такъ какъ греки были побиты въ схваткѣ съ своими разъяренными противниками, то

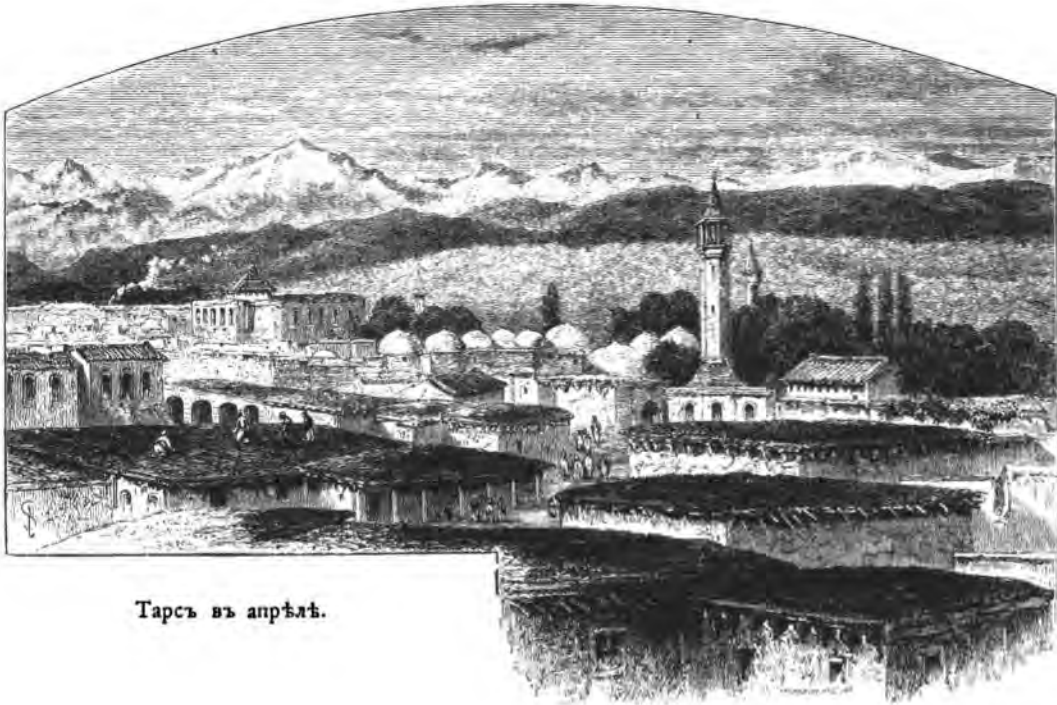
Феликсъ явился съ своими когортами и приказалъ іудеямъ разсѣяться. Такъ какъ побѣдоносная сторона не тотчасъ же повиновалась его повелѣнію, то Феликсъ, который, подобно всѣмъ римлянамъ, держалъ сторону языческой партіи, двинулъ на нихъ своихъ воиновъ. Воины эти вѣроятно были не настоящіе римляне, а набраны изъ провинціи ¹⁹³⁷). Поэтому они съ злорадствомъ ринулись на іудеевъ, многіе изъ которыхъ тотчасъ же пали подъ ударами ихъ мечей. Недовольствуясь этимъ, Феликсъ, отвращеніе котораго ко всему іудейскому народу съ каждымъ годомъ увеличивалось, позволилъ имъ грабить дома богатѣйшихъ іудеевъ ¹⁹³⁸). Этотъ послѣдній поступокъ не могъ остаться незамѣченнымъ. Правда, Феликсъ по свидѣтельству Тацита, такъ привыкъ полагаться на неотразимое вліяніе Палласа на императора Клавдія, что началъ даже думать, что онъ можетъ безнаказанно совершать какое угодно преступленіе. Но отравленные грибы Агриппины произвели свое дѣйствіе на Клавдія, и вліяніе какъ Палласа, такъ и Агриппины уже исчезало. Іудеи принесли формальную жалобу противъ Феликса на его образъ дѣйствій въ Кесаріи, и онъ отозванъ былъ въ Римъ къ отвѣту. Сопровождаемый Друзиллой и Симономъ волхвомъ, который въ это время занималъ у него положеніе домашняго волшебника, онъ отплылъ въ Италію, и самый послѣдній актъ его былъ дѣломъ вопіющей несправедливости. Онъ уже злоупотребилъ властью областного правителя и въ томъ, что отложилъ судъ надъ ап. Павломъ на два года. Римскій законъ страдалъ однимъ важнымъ недостаткомъ: хотя онъ и предписывалъ немедленно разсматривать дѣло всякаго узника, препровожденнаго въ высшую инстанцію суда съ *elogium*, но въ то же время не постановлялъ никакого правила касательно непремѣннаго окончанія суда, и такимъ образомъ давалъ въ руки несправедливаго префекта страшное орудіе пытки. Ап. Павелъ теперь уже два года томился въ Иродовомъ дворцѣ, а Феликсъ все еще не рѣшалъ его дѣла. Подобный же примѣръ упоминается у Филона, именно когда Флаккъ держалъ Лампона въ теченіе двухъ лѣтъ въ темницѣ въ Александріи ¹⁹³⁹) по обвиненію въ «оскорбленіи величества», надѣясь истомить его наказаніемъ, которое было хуже смерти. У Феликса не было такого намѣренія, потому что онъ повидимому чувствовалъ къ ап. Павлу искреннее уваженіе; но такъ какъ Павелъ не хотѣлъ дать ему взятки, то Феликсъ не освобождалъ его и, будучи болѣе рабомъ своекорыстія, чѣмъ сколько онъ былъ рабомъ Антоніи, онъ наконецъ оставилъ его въ оковахъ съ цѣлью дать удовлетвореніе злобѣ іудеевъ, которыхъ онъ такимъ образомъ старался, но совершенно напрасно, склонить на свою сторону. Ему думалось, что онъ могъ примирить ихъ съ собою по нѣкоторымъ пунктамъ обвиненія противъ него, принеся въ жертву ихъ религіозной ненависти нѣкоторую долю справедливости. Но это быть можетъ было послѣдней каплей въ переполненной чашѣ его беззаконія. Какъ онъ закончилъ свою преступную жизнь, мы не знаемъ. Требовалось крайнее напряженіе падающаго вліянія его брата Палласа, чтобы

спасти его отъ наказанія, которое онъ заслужилъ своими преступленіями; и хотя онъ не былъ преданъ смерти или отправленъ въ ссылку, но долженъ былъ однако же съ цѣлію выпутаться изъ затрудненія растратить большую часть своего несправедливо пріобрѣтеннаго богатства. Друзилла имѣла отъ него одного сына, и этотъ сынъ, имя котораго было Агриппа, погибъ подъ лавой Везувія девятнадцать лѣтъ спустя послѣ этихъ событій ¹⁹⁴⁰). Самъ Феликсъ съ этихъ поръ исчезаетъ со страницъ исторіи въ безвѣстности и позорѣ.

Монета города Тарса (Коммодъ)
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

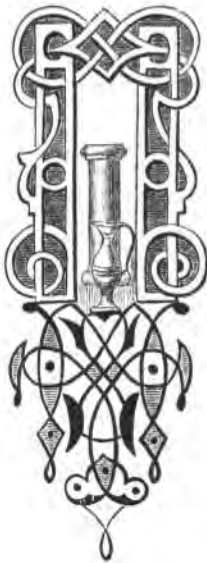
Тарсъ въ апрѣлѣ.

ГЛАВА XLII.

АП. ПАВЕЛЪ ПЕРЕДЪ АГРИППОЙ II.

Молилъ бы я Бога, чтобы всѣ сдѣлались
такими какъ я, кромѣ этихъ узъ.

Дѣян. xxvi, 29.

РЕЕМНИКОМЪ Феликса былъ Порцій Фестъ (въ 60 году по Р. Хр.)¹⁹⁴¹, который, будучи также вѣроятно, по своему происхожденію, не болѣе какъ отпущенникъ, оказался однакоже гораздо болѣе достойнымъ и честнымъ правителемъ. Его прокураторство было очень непродолжительно и ему пришлось управлять страной въ то время, когда въ ней господствовала самая необузданная анархія и раздоры дошли до кроваваго духа мщенія. Если бы онъ подольше оставался прокураторомъ, то при всей трудности задачи обузывать яростную ненависть между іудеями и язычниками онъ могъ бы достигнуть болѣе значительныхъ результатовъ. Священный повѣствователь выставляетъ его въ менѣе неблагопріятномъ свѣтѣ, и онъ во всякомъ случаѣ составляетъ въ

высшей степени благопріятную противоположность съ своими непосредственными предшественникомъ и преемникомъ, и именно тѣмъ, что онъ старался дѣйствовать вполне справедливо и не запятналъ своихъ рукъ взятками ¹⁹⁴²⁾.

Первыя его дѣйствія обнаруживаютъ въ немъ человѣка живаго и дѣятельнаго. Онъ прибылъ въ Палестину около мѣсяца августа и чрезъ три дня по своемъ прибытіи въ Кесарію прямо отправился въ Іерусалимъ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, съ которыми онъ долженъ былъ встрѣтиться, было дѣло ап. Павла. Двухлѣтнее тюремное заключеніе, воспрепятствовавшее осуществленію злаго умысла іудеевъ, не могло подавить въ нихъ смертельной ненависти къ человѣку, который свободнымъ предложеніемъ евангелія язычникамъ давалъ въ ихъ глазахъ одно изъ самыхъ роковыхъ предзнаменованій угрожающаго имъ паденія. Страшное побоище на площади рынка между іудеями и сирійскими греками, послужившее причиной отставки Феликса, оставило послѣ себя неискоренимую вражду, и кесарійскіе іудеи единодушно ¹⁹⁴³⁾ требовали немедленнаго наказанія ап. Павла. Когда Фестъ прибылъ въ Іерусалимъ, то его встрѣтили съ воплемъ о томъ же ¹⁹⁴⁴⁾, и смерть Павла требовалась не только чернью, но и депутаціями главнѣйшихъ представителей Іерусалима, предводимыхъ Измаиломъ Бенъ-Фаби, новымъ первосвященникомъ ¹⁹⁴⁵⁾. Мы уже имѣли случай видѣть, съ какою ловкостью іудеи пользовались неопытностью всякаго вновь прибывавшаго къ нимъ правителя, съ цѣлью настроить его по возможности въ свою пользу, пока еще онъ могъ руководствоваться желаніемъ произвести на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Но Фестъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ низкихъ и слабохарактерныхъ прокураторовъ, которые готовы были совершить преступленіе, лишь бы пріобрѣсти популярность. Палестинскіе іудеи скоро нашли, что имъ приходилось имѣть дѣло съ человѣкомъ, который весьма походилъ на «милаго» Галліона. Народъ, во главѣ съ своими іерархами, просилъ его, въ качествѣ первой милости имъ, не исключать дѣла ап. Павла изъ ихъ вѣденія, но привести узника въ Іерусалимъ, чтобы еще разъ подвергнуть его суду синедріона, на которомъ будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не могъ увернуться отъ этого суда при помощи возбужденія богословскихъ распрей между ними. Въ дѣйствительности эти обрядники, гораздо менѣе смущавшіеся убійствомъ, чѣмъ церемоніальнымъ оскверненіемъ ¹⁹⁴⁶⁾, уже позаботились о томъ, что если Фестъ согласится на ихъ просьбу, то ихъ наемные убійцы немедленно покончатъ съ ап. Павломъ еще на дорогѣ. Фестъ однакоже проникъ въ ихъ злые умыслы и уклонился отъ согласія на ихъ просьбу, подъ предлогомъ вѣжливаго предложенія, что такъ какъ ап. Павелъ теперь находился въ Кесаріи, то онъ немедленно возвратится туда и вполне выслушаетъ ихъ жалобы. Такъ какъ они продолжали настаивать на своей просьбѣ, то Фестъ далъ имъ высокоумѣнный и чисто римскій отвѣтъ, что каковы бы ни были ихъ восточныя понятія о справедливости, но у римлянъ не въ обычаѣ жертвовать жизнью личности въ пользу

ея обвинителей и что поэтому онъ долженъ поставить обвиняемаго на личную ставку съ обвинителями и дать обвиняемому полную возможность самозащиты. Первосвященникъ съ своими соучастниками, находя, что они ничего не могли выиграть ни запугиваніемъ Феста, ни лестью ему, должны были еще разъ ограничиться составленіемъ наиболѣе вліятельной депутаціи для того, чтобы имѣть успѣхъ въ обвиненіи. Черезъ восемь или десять дней затѣмъ Фестъ возвратился во дворецъ въ Кесарію и на слѣдующій же день занялъ свое судейское мѣсто на трибуналѣ для выслушанія этого дѣла. Іудеи теперь уже нашли возможнымъ обойтись безъ наемнаго адвоката и судопроизводство превратилось въ сцену запальчиваго шума, въ которомъ ап. Павелъ на многія обвиненія противъ него отвѣчалъ спокойнымъ отрицаніемъ. Іудеи, шумной толпой окружая судилище, повторяли свои обвиненія его въ ереси, святотатствѣ и измѣнѣ; но такъ какъ противъ него не выступало ни одного свидѣтеля, то ап. Павлу ничего не оставалось болѣе, какъ вновь изложить самые факты. Въ это время іудеи повидимому точнѣе опредѣляли сущность обвиненія, именно, что Павелъ возбуждалъ смуту въ іудеяхъ разсѣянія, причемъ старались запугать Феста, какъ нѣкогда запугали Пилата, именемъ Кесаря (Дѣян. xxv, 8). Но Фестъ слишкомъ хорошо зналъ римскій законъ, чтобы не видѣть чрезъ всю эту ослѣпительную бурю ярости два ясныхъ факта, что онъ имѣлъ предъ собою неподсудное ему дѣло, такъ какъ весь вопросъ касался предмета, который входилъ въ область іудейскаго богословія; и что если бы даже была хотя капля истины въ іудейскихъ обвиненіяхъ, все-таки ап. Павелъ не былъ виновенъ ни въ чемъ такомъ, что бы приближалось къ уголовному преступленію. Желая положить конецъ этой сценѣ (а для достоинства благовоспитаннаго римлянина ничего не могло быть противнѣ этихъ воющихъ фізіономій, сверкающихъ глазъ и злобныхъ выкриковъ презрѣнныхъ жидовъ), — Фестъ спросилъ ап. Павла, желаетъ ли онъ идти въ Іерусалимъ и подвергнуться суду синедріона подъ его покровительствомъ¹⁸⁴⁷). Практически это было предложеніе перенести дѣло отъ римской юрисдикціи къ іудейской. Но ап. Павелъ очень хорошо зналъ, что онъ гораздо болѣе могъ рассчитывать на справедливость въ рукахъ римлянъ, чѣмъ въ рукахъ іудеевъ, преступленія которыхъ теперь приводили къ гибели самый Іерусалимъ. Іудейскіе суды постоянно и съ яростью обвиняли его; языческіе трибуналы съ такими судьями, какъ Галліонъ, политархи, азіархи, Лизій, Феликсъ, Фестъ, даже такое чудовище, какъ Неронъ, всегда признавали его невиннымъ. Но ему уже надоѣли эти отсрочки, это яростное повтореніе клеветы, которую уже онъ опровергъ десять разъ; ему надоѣло быть яблокомъ раздора для взаимной вражды, равно какъ надоѣли и произвольные капризы областныхъ правителей. Скучныя казармы Кесаріи для пламенной ревности Павла были столь же ужасны, какъ и мрачная тюрьма Махера для свободной души Іоанна Крестителя. Какъ навѣрно ненавистенъ былъ ему этотъ дворецъ, обогранный кровью убитыхъ Иродовъ и преслѣдуемый худшими воспо-

минаніями о ихъ преступленіяхъ! Какъ утомляла его бездѣтельность, какъ тяжело ему было сносить празднولیбіе и распутство областныхъ солдатъ и мятежное столкновеніе между іудеями и язычниками, шумъ которыхъ постоянно доносился ему съ улицъ этого неблагоустроеннаго города! Его заключеніе несомнѣнно было для него періодомъ глубокаго внутренняго спокойствія и роста. Онъ зналъ, что дѣятельность его еще не кончена. Онъ ожидалъ исполненія воли Божіей. Онъ видѣлъ, что ему нечего было больше ожидать отъ первосвященниковъ или прокураторовъ, и поэтому онъ воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы избавиться отъ всего этого. Какъ римскій гражданинъ онъ имѣлъ одно важное преимущество, именно то право обращенія къ кесарю, которое все еще оставалось высшимъ трофеемъ народнаго торжества въ вѣковой борьбѣ. Ему стоило только произнести одно слово «*appello*» и на время должны были смолкнуть всѣ враги, жаждавшіе его крови ¹⁹⁴⁸). Онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ правомъ. Прокураторъ былъ лишь тѣнью кесаря. Его предложеніе повидимому было добросовѣстно, но быть можетъ ап. Павелъ предвидѣлъ его послѣдствія. «Я стою», сказалъ онъ, «предъ судомъ кесаревымъ, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть судиму. Іудеевъ я ничѣмъ не обидѣлъ, какъ и ты хорошо знаешь. Ибо если я не правъ и сдѣлалъ что нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть: а если ничего того нѣтъ, въ чемъ судьи обвиняютъ меня, то никто не можетъ выдать меня имъ», и затѣмъ онъ воскликнулъ: «*Caesarem appello!*» (требую суда Кесарева).

Обращеніе это поразило всѣхъ своею неожиданностью; даже Фестъ, который дѣйствовалъ съ добротою и справедливостію, хотя быть можетъ и не чуждою нѣкоторой лъстивости по отношенію къ своимъ новымъ подчиненнымъ, былъ немного оскорбленъ имъ. Ему было непріятно, что его юрисдикція устранялась обращеніемъ къ высшей власти по самому первому дѣлу, какое только пришлось ему разсматривать. Ап. Павелъ не имѣлъ еще времени изучить его характеръ. Онъ несомнѣнно могъ бы болѣе положиться на него, если бы зналъ его лучше; но дѣла дошли до безнадежной запутанности, и быть можетъ ап. Павелъ имѣлъ нѣкоторое внутреннее предчувствіе, что таковъ былъ предназначенный Богомъ способъ, какимъ ему суждено было посѣтить Италію и принести благовѣстіе въ Римъ.

Заявленіе это сразу же положило конецъ всему производству въ судѣ. Фестъ сдѣлалъ краткое совѣщаніе съ своими *consiliarii*, т. е. совѣтомъ своихъ помощниковъ, можно ли было признать это обращеніе къ кесарю законнымъ или нѣтъ. Дѣло было слишкомъ ясно, чтобы возможно было какое нибудь сомнѣніе въ этомъ отношеніи, и, подумавъ немного, Фестъ произнесъ слова, которыя, какъ ни были они грубо высказаны, должны были трепетомъ поразить всѣхъ находившихся въ этомъ собраніи и болѣе всего сердце самого апостола: «*Caesarem appellasti, ad Caesarem ibis*» (ты потребовалъ суда кесарева, къ кесарю и отправишься). За свое

уязвленное тщеславіе Фестъ быть можетъ отомстилъ невысказанною мыслію «ты мало знаешь, что значить обращаться къ кесарю!»

Прежде чѣмъ могъ представиться случай для отправки ап. Павла изъ Кесаріи въ Италію, конечно должно было пройти нѣсколько дней. Нужно было достать корабль, а также разсмотрѣть дѣла и другихъ узниковъ, которыхъ быть можетъ нужно было также отправить на рѣшеніе императора. Замедленіе это имѣло важное значеніе. Оно доставило ап. Павлу счастливый случай провозгласить истины христіанства въ присутствіи всѣхъ іудейскихъ и языческихъ вельможъ столицы и послѣднихъ представителей того идумейскаго дома блистательныхъ авантюристовъ, которые связывали себя съ принцами Асмонеискими и носили титулъ «іудейскихъ царей».

Не прошло и двухъ дней послѣ этого суда, какъ Агриппа II, послѣдній изъ Иродовъ, съ своей сестрой Вереникой прибыли въ Кесарію для заявленія своего почтенія новому прокуратору. Это была любезность, которой они никогда не могли опустить безъ ущерба для себя, и поэтому они послѣдовательно дѣлали подобные же визиты каждому новому прокуратору. Царская власть Агриппы при тогдашнемъ ея положеніи, зависѣла не отъ народной поддержки, а просто и единственно отъ воли императора. Какъ одно мановеніе императора сдѣлало его первымъ царемъ Халкиды (въ 48 году по Р. Хр.), затѣмъ царемъ тетрархіи Филиппа (въ 52 году) и наконецъ различныхъ другихъ городовъ (въ 55 году), такъ въ одинъ прекрасный день тоже самое мановеніе могло и лишить его царства. Онъ не былъ, подобно своему отцу, «царемъ іудеевъ», и поэтому св. Лука, съ своею обычною точностью во всѣхъ этихъ подробностяхъ, называетъ его только «царемъ»; но такъ какъ онъ наслѣдовалъ своему дядѣ Ироду халкидскому и въ правѣ охраненія храма съ его священными одеждами, а также и въ правѣ назначенія на должность первосвященника, то онъ практически сдѣлался позолоченнымъ орудіемъ сохраненія порядка для римлянъ, и для него поэтому было чрезвычайно важно оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ ними ¹⁹⁴⁹). Они въ свою очередь находили не излишнимъ лстить безвредному тщеславію этого призрачнаго царька.

Во время этого то именно визита Агриппы и Вереники Фестъ воспользовался случаемъ обратить вниманіе своего высокаго гостя на затруднительное дѣло узника Павла. Онъ разсказалъ Агриппѣ о той ярости, которая возбуждалась во всемъ іудейскомъ народѣ при одномъ упоминаніи этого имени и о бесплодности результатовъ только что законченнаго суда. Какъ бы іудеи ни старались искажать сущность дѣла, ясно было, что она состояла въ техническихъ особенностяхъ Моисеева закона ¹⁹⁵⁰), а также въ вопросѣ «о какомъ то Іисусѣ умершемъ, о которомъ Павелъ утверждалъ, что Онъ живъ» ¹⁹⁵¹), и вообще въ предметахъ, которые не входили въ юрисдикцію Феста. Да и нельзя было предполагать, чтобы онъ могъ знать что либо о нихъ. Узникъ однако же отказался подвергнуться суду предъ синедріономъ и обратился къ рѣшенію кесаря.

• Развалины Кесаріи.

«Хотѣлъ бы и я послушать этого человѣка», сказалъ Агриппа¹⁹⁵²). Фестъ съ удовольствіемъ согласился на это и на слѣдующій же день позаботился объ удовлетвореніи желанія царя.

Это не былъ, какъ обыкновенно представляютъ, новый судъ. Онъ никоимъ образомъ не былъ уже возможенъ. Агриппа не имѣлъ никакихъ судейскихъ правъ, да и самый авторитетъ прокуратора былъ устраненъ обращеніемъ къ кесарю. Это скорѣе было частное выслушаніе дѣла, нѣчто въ родѣ случайнаго зрѣлища для увеселенія царственныхъ гостей и празднои аристократіи Кесаріи какъ іудейской, такъ и языческой. Фестъ приказалъ приготовить для этого случая особый залъ и пригласилъ всѣхъ главныхъ начальниковъ войска и главнѣйшихъ обитателей города. Ироды любили зрѣлища и Фестъ удовлетворилъ ихъ страсть величественнымъ церемоніаломъ. Онъ несомнѣнно явился въ своемъ пурпурномъ плащѣ, съ полной свитой ликторовъ и тѣлохранителей, которые съ оружіемъ въ рукахъ стояли позади золоченыхъ креселъ, поставленныхъ для него и его высокихъ гостей. Повѣствователь ясно говоритъ, что Агриппа и Вереника торжественно вступили въ преторію: она несомнѣнно въ блескѣ всѣхъ своихъ драгоценностей, а онъ въ своемъ пурпурномъ одѣяніи, оба съ золотыми коронками на головахъ, и въ сопровожденіи большой свиты во всей роскоши восточнаго одѣянія. Съ ихъ стороны было любезностью по отношенію къ новому правителю сдѣлать ему визитъ съ возможно большимъ блескомъ, и какъ онъ, такъ и его гости не прочь были представить зрѣлище, которое бы сразу показало ихъ важность и ихъ взаимную сердечность. Подумалъ ли Агриппа о своемъ прапрадѣдѣ Иродѣ и объ избіеніи невинныхъ младенцевъ? о своемъ двоюродномъ прадѣдѣ Антипѣ и объ убійствѣ Іоанна Крестителя? о своемъ отцѣ Агриппѣ I и о казни Іакова Старшаго? Вспомнилъ ли онъ при этомъ о томъ обстоятельстве, что они всѣ умерли или понесли позоръ скоро послѣ или даже прямо вслѣдствіе пролитія невинной крови мучениковъ? Сознавалъ ли онъ, какъ тѣсно, даже неразрывно вѣра въ этого «какого то Іисуса» свазана была съ судьбами его дома? Напомнила ли ему теперешняя пышность о бывшемъ шестнадцать лѣтъ раньше подобномъ же блескѣ, когда гораздо болѣе могущественный отецъ его стоялъ въ этомъ же самомъ театрѣ въ блистательномъ, шитомъ серебромъ одѣяніи и когда народъ кричалъ ему, что онъ Богъ?¹⁹⁵³). Не омрачило ли его лицо какое-либо изъ этихъ мрачныхъ воспоминаній, когда онъ вступалъ въ этотъ бывший дворецъ его рода?—Едва ли. Крайнее тщеславіе, удовлетворенное самолюбіе всецѣло поглощали душу этого названнаго царька, когда онъ во всей пышности призрачной царственности величественно шелъ по обширной палатѣ, сѣлъ съ своею прекрасною сестрою рядомъ съ прокураторомъ и съ холоднымъ любопытствомъ взглянулъ на бѣднаго, истомленнаго, изможденнаго узника, бѣднаго отъ болѣзни и долгаго заключенія, котораго привели къ нему по его приказанію.

Фестъ открылъ засѣданіе короткой льстивой рѣчью, въ которой изложилъ причину настоящаго собранія, сказавъ, что съ одной стороны іудеи были въ высшей степени озлоблены противъ этого человѣка, и что съ другой, насколько можно было видѣть, онъ былъ совершенно неповиненъ въ какомъ либо уголовномъ преступленіи. Такъ какъ Павелъ былъ римскій гражданинъ и заявилъ объ аппелляціи къ кесарю, то необходимо было послать «государю» (Дѣян. xxv, 26)

Римскій императоръ въ торжественномъ засѣданіи
(снимокъ съ изображенія по слоновой кости III или IV столѣтія по Р. Хр. въ Врестіи).

какое нибудь болѣе подробное изложеніе дѣла въ видѣ *elogium*'а, и Фестъ находился въ затрудненіи касательно того, что именно нужно сказать. Поэтому онъ былъ радъ случаю привести узника въ это знаменитое собраніе, чтобы оно и особенно царь Агриппа могли выслушать, что онъ имѣетъ сказать въ свою защиту, и тогда, благодаря этому какбы предварительному суду, Фестъ будетъ избавленъ отъ смѣшнаго положенія, заставлявшаго его отправлять узника безъ

возможности выразить какое-либо определенное мнѣніе о преступленіи, въ которомъ онъ обвинялся.

Такъ какъ обвинителей тутъ не было, и притомъ собраніе это ни коимъ образомъ не было судейскимъ, то Агриппа, какъ личность, для которой была устроена вся эта сцена, сказалъ Павлу, что ему позволяется говорить въ свою защиту. Если бы ап. Павелъ былъ человѣкъ мрачнаго характера, то онъ могъ бы съ презрѣніемъ отнестись къ пустотѣ этой пародіи на судопроизводство. Если бы онъ руководился какими нибудь личными побужденіями, то онъ могъ бы воспользоваться случаемъ, въ отсутствіи своихъ враговъ, лестью склонить собраніе въ свою пользу. Но господствующей чертой въ его характерѣ, какъ и въ характерѣ всѣхъ великихъ людей, была постоянная серьезность, и единственнымъ его желаніемъ было защищать не свое собственное дѣло, а дѣло своего Учителя. Фестъ, съ чисто римскимъ ласкательствомъ, которое въ этотъ вѣкъ пресыщало даже аппетитъ абсолютизма, употребилъ титулъ «государя», за который съ жадностью хватались позднѣйшіе императоры, но который болѣе ранніе и лучшіе изъ нихъ съ презрѣніемъ отвергали ¹⁹⁵⁴). Но ап. Павелъ не разсыпался подобными преувеличенными титулами почтенія и не чувствовалъ ни малѣйшей робости предъ этимъ пышнымъ безсиліемъ призрачной власти.

Въ его рѣчи нѣтъ ни слова, которое бы не доказывало, въ какомъ онъ былъ спокойномъ настроеніи духа. Пурпурный плащъ прокуратора, связки прутьевъ ликторовъ, мечи легионеровъ, блистательное оружіе тысяченачальниковъ не смущали его ни на одинъ мигъ,—они были ужасомъ не для добрыхъ, а для злыхъ людей, и онъ сознавалъ, что его служеніе стояло выше всякой земной власти.

Протянувъ свою руку по обычаю всѣхъ вообще ораторовъ, которыхъ онъ часто слышалъ въ Тарсѣ или въ Антиохіи ¹⁹⁵⁵), апостоль началъ рѣчь искреннимъ замѣчаніемъ, что онъ былъ особенно счастливъ дѣлать свою защиту предъ царемъ Агриппой, не потому (что было бы ложно), чтобы онъ отличался какими либо особыми достоинствами, но потому, что этотъ князь получилъ отъ своего отца, усердіе котораго въ исполненіи закона, какъ писаннаго, такъ и устнаго, было всѣмъ извѣстно, тщательное воспитаніе во всемъ, касающемся іудейской религіи и обрядности, и поэтому онъ не могъ не чувствовать интереса къ вопросу, въ которомъ онъ былъ столь компетентнымъ судьей. Поэтому онъ просилъ терпѣливо выслушать его и еще разъ изложилъ извѣстную исторію своего обращенія изъ строгаго и изувернаго фарисея къ вѣрѣ, что мессіанскія надежды его народа уже дѣйствительно исполнились въ лицѣ того Іисуса Назарянина, послѣдователей котораго онъ сначала яростно гналъ, но который, лично открывъ ему славу свою, привелъ его къ познанію, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Почему эта вѣра могла бы казаться неправдоподобною и его слушателямъ? Такою она сначала была и для него самого; но какъ онъ могъ противостоять личному свидѣтельству полуденнаго видѣнія? И какъ онъ могъ не повиноваться небес-

ному голосу, который послалъ его отрыть глаза какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ, чтобы они могли обратиться отъ тьмы къ свѣту и отъ силы сатаны къ Богу, чтобы по вѣрѣ въ Иисуса они могли принять отпущеніе грѣховъ и часть со святыми? Онъ не былъ непослушенъ этому велѣнію. Въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, по всей Іудеѣ и впослѣдствіи среди язычниковъ онъ былъ проповѣдникомъ покаянія и обращенія къ Богу, а также и соотвѣтствующей этому жизни. Вотъ почему іудеи схватили его въ храмѣ и пытались разорвать его въ куски; но въ этой, какъ и во всякой другой опасности, Богъ пришелъ къ нему на помощь, и свидѣтельство, которое онъ приносилъ малымъ и великимъ, не было ни богохульствомъ, ни богоотступничествомъ, а простой истиной, прямо согласной съ ученіемъ Моисея и пророковъ, что именно Мессія долженъ былъ подвергнуться страданіямъ и что изъ Его воскресенія изъ мертвыхъ долженъ возсіять свѣтъ для просвѣщенія какъ язычниковъ, такъ и его народа.

Ап. Павелъ былъ вполне увлеченъ тѣмъ потокомъ священнаго и вдохновеннаго краснорѣчія, которое было столь могущественнымъ орудіемъ его миссіонерской дѣятельности. Онъ излагалъ царямъ, правителямъ и начальникамъ то свидѣтельство, которое было самою цѣлью его жизни. Была ли его рѣчь о другихъ предметахъ столь слабою и презрѣнною, какъ старались представлять ее враги его, мы не знаемъ; но объ этомъ предметѣ онъ во всякомъ случаѣ говорилъ съ своею привычною силою и съ пыломъ увлекающаго убѣжденія. Онъ вѣроятно сталъ бы подробно раскрывать великое положеніе, которое онъ только что кратко изложилъ, но въ этомъ пунктѣ его прервали. Всѣ эти факты и открытія были новостью для Феста. Хотя достаточно знакомый съ истиннымъ образованіемъ, чтобы признать ихъ даже въ этой восточной оболочкѣ, онъ могъ лишь съ удивленіемъ слушать этотъ вдохновенный рассказъ о видѣніяхъ, откровеніяхъ, древнихъ пророчествахъ и объ іудейскомъ Пророкѣ, который былъ распятъ и однако же воскресъ изъ мертвыхъ и былъ Богомъ, который могъ прощать грѣхи и божественнымъ свѣтомъ своего ученія разгонять тьму какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ. Онъ болѣе и болѣе чувствовалъ изумленіе, и послѣднее замѣчаніе пересилило наконецъ его терпѣніе. Онъ вдругъ въ страшномъ возбужденіи громко прервалъ оратора: «безумствуешь ты, Павелъ! ¹⁸⁵⁶⁾ Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія». Это неожиданное восклицаніе остановило величественный потокъ краснорѣчія апостола, но оно не ослабило его изысканной вѣжливости. «Нѣтъ, достопочтенный Фестъ», сказалъ онъ, «я не безумствую, но говорю слова истины и здраваго смысла». Но не Фестъ былъ главнымъ лицомъ, къ которому была обращена рѣчь апостола, и притомъ онъ едва ли и могъ понять подобные доводы. Иное дѣло Агриппа. Онъ читалъ Моисея и пророковъ и отъ множества свидѣтелей слышалъ по крайней мѣрѣ о тѣхъ событіяхъ, на которыя указывалъ Павелъ. Къ нему поэтому апостолъ обратился съ доказательствомъ своего совершеннаго здравомыслія. «Ибо знаетъ»,

сказалъ онъ, «объ этомъ царь, предъ которымъ и говорю смѣло. Я отнюдь не вѣрю, чтобы отъ него было что нибудь изъ сего скрыто, ибо это не въ углу происходило». И затѣмъ, желая продолжать нить своей аргументаціи въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ она была прервана и гдѣ она могла быть наиболѣе поразительною для іудея, онъ спросилъ:

«Вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь».

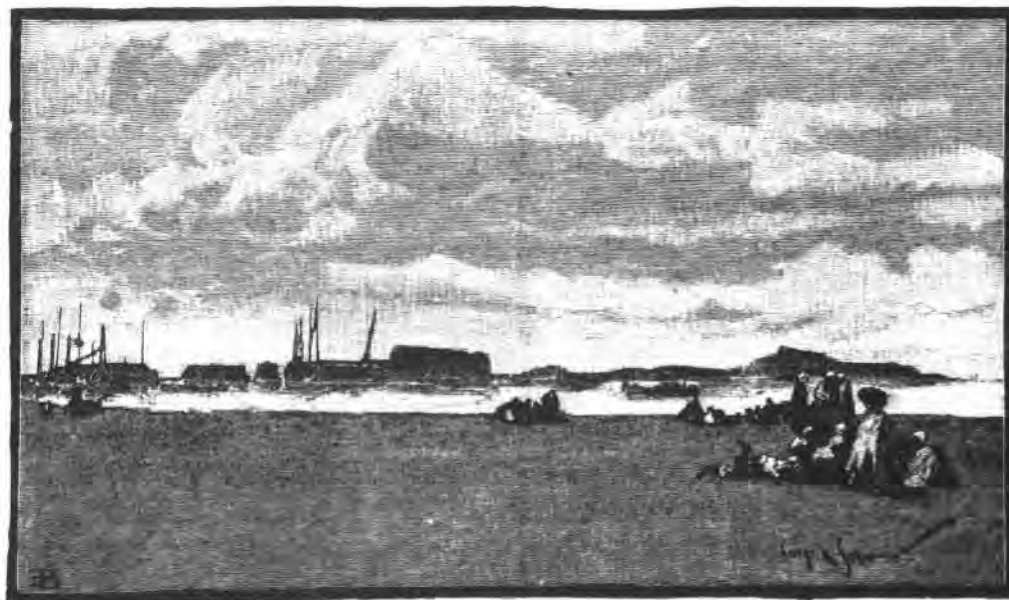
Но Агриппѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ это разсужденіе, а тѣмъ менѣе выразить свое согласіе. Не старый еще по лѣтамъ, но съ дѣтства привыкнувъ къ атмосферѣ циническаго невѣрія, онъ могъ только съ добродушнымъ презрѣніемъ свѣтскаго человѣка улыбаться восторженной серьезности человѣка, который могъ даже на моментъ вообразить себѣ, что будтобы онъ—царь Агриппа—способенъ склониться къ ереси назарянъ съ ихъ распятымъ Мессіей! Однако же онъ не хотѣлъ показаться невѣждою. Нельзя было не восхищаться пылкою ревностю оратора, которой не могли потушить ни бичеванія, ни темницы, той ясновидящей вѣрой, которой не могъ затмить даже и окружающій блескъ.

«Ты сразу хочешь убѣдить меня сдѣлаться христіаниномъ»¹⁹⁵⁷⁾! сказалъ онъ съ полуподавленной улыбкой, и этимъ ловкимъ изворотомъ придворной любезности отвѣтилъ на серьезный вопросъ ап. Павла. Его изысканное замѣчаніе объ этомъ приѣмѣ приобрѣтенія обращенцевъ несомнѣнно прозвучало очень остроумнымъ для всего знатнаго собранія, и они съ трудомъ могли подавить свой смѣхъ при одной мысли о томъ, что Агриппа, любимецъ Клавдія, другъ Нерона, царь Халкиды, Итуреи, Трохинита, назначающій первосвященника и верховный хранитель сокровищъ храма, склонится къ убѣжденію этого страннаго іудея! Чтобы Павелъ могъ сдѣлать царя *христіаниномъ* (!)—это казалось слишкомъ смѣшнымъ. Но смѣхъ этотъ былъ тотчасъ же подавленъ изъ сожалѣнія и удивленія къ бѣдному, но благородному узнику, когда онъ съ совершеннымъ достоинствомъ воспользовался двусмысленнымъ выраженіемъ Агриппы и сказалъ со всею пылкою искренностью любящаго сердца: «молилъ бы я Бога, чтобы мало ли, много ли¹⁹⁵⁸⁾, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ»—прибавилъ онъ, поднимая свою скованную руку, — «кромѣ этихъ узъ». Всѣ видѣли, что это не простой узникъ; человѣкъ, который могъ приводить такіе доводы, какъ приводилъ онъ, и говорить такъ, какъ говорилъ онъ; человѣкъ, наполненный восторгомъ вдохновляющей идеи, столь богатый счастьемъ твердой вѣры и спокойной совѣсти, что могъ говорить имъ, какъ онъ молится о томъ, чтобы всѣ они—всѣ эти царственные и знатные люди—могли стать такими же, какъ онъ, и который даже въ духѣ полного прощенія желалъ, чтобы участіе въ его вѣрѣ не соединялось съ участіемъ въ его скорбяхъ и несчастіяхъ, — долженъ былъ человѣкомъ, какого они еще никогда не видѣли или не знали ни въ мірѣ іудейства, ни въ мірѣ язычества. Но было бесполезно продолжать это зрѣлище. Любопытство теперь съ достаточностью было удовлетворено, и теперь, болѣе чѣмъ

когда либо, стало ясно, что хотя и можно считать Павла-узника мечтательнымъ энтузіастомъ или восторженнымъ фанатикомъ, но онъ никоимъ образомъ не былъ уголовнымъ преступникомъ. Царь, вставая съ своего сѣдалища, далъ знакъ о прекращеніи собранія; Вереника съ Фестомъ и съ своими свитами также поднялись съ своихъ мѣстъ, и когда знатное собраніе начало расходиться, то со всѣхъ сторонъ слышались замѣчанія, что Павелъ не заслуживаетъ смерти или даже заключенія. И въ самомъ дѣлѣ онъ произвелъ глубоко благопріятное на всѣхъ впечатлѣніе. Рѣшеніе Агриппы было дано вполнѣ въ пользу его оправданія. «Этого человѣка», сказалъ онъ Фесту, «можно было бы освободить, если бы онъ не потребовалъ суда у кесаря». Въ Агриппѣ было слишкомъ мало фарисейства и слишкомъ много свѣтскаго свободомыслія, чтобы онъ не видѣлъ, что простое свободомысліе нельзя и не должно стѣснять внѣшними насиліями. Рѣшеніе этого дня вѣроятно спасло жизнь ап. Павлу на цѣлыхъ два года. Фестъ, въ виду того, что его собственное мнѣніе на основаніи римской справедливости было вполнѣ подтверждено съ іудейской точки зрѣнія защитникомъ храма, едва ли преминулъ написать Нерону такой eulogium, въ которомъ узникъ совершенно освобождался отъ всякаго уголовного обвиненія; и даже еслибы противъ него выступили іудеи съ своими обычными интригами, Неронъ не могъ осудить на смерть человѣка, котораго Феликсъ и Лизій, Фестъ, Агриппа и даже іудейскій синедрионъ на произведенномъ ими разбирательствѣ дѣла единогласно признали неповиннымъ въ какомъ бы то ни было уголовномъ преступленіи.

Монета Агриппы II
(съ оригинала въ Британскомъ музеѣ).

Сидонъ.

ГЛАВА XLIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ И КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Многіе дни не видно было ни солнца, ни звѣздъ, и исчезала всякая надежда къ спасенію.

Дѣян. xxvii, 20.

Ъ первымъ благопріятнымъ случаемъ ап. Павелъ вмѣстѣ съ другими узниками ¹⁹⁵⁹), тоже обратившимися къ суду кесаря, были отправлены въ Италію подъ надзоромъ Юлія, сотника Августовой когорты. Эта Августова когорта была какимъ либо мѣстнымъ отрядомъ расположенныхъ въ Кесаріи войскъ этого имени, такъ какъ названіе «Августовъ» въ то время было такимъ же обыкновеннымъ, какъ у насъ названіе «императорскій»; отрядъ этотъ могъ также принадлежать къ Augustani—тѣмъ ветеранамъ, которые первоначально были собраны Августомъ въ качествѣ его лейбъ-гвардіи ¹⁹⁶⁰); или онъ былъ дѣйствительно частью самой преторской гвардіи, которая, хотя и не часто, была посылаема изъ Италіи и въ другія страны для приведенія въ исполненіе какихъ либо важныхъ императорскихъ порученій ¹⁹⁶¹). Въ повѣствованіи однако же не говорится, чтобы Юлій былъ с опроваждаемъ своей когортой, и очень возможно, что онъ былъ командированъ съ

немногими избранными воинами изъ наиболѣе знатныхъ римскихъ полковъ для того, чтобы придать особенный блескъ прибытію Феста въ Палестину, какъ одну изъ богатѣйшихъ, но наиболѣе недовольныхъ императорскихъ провинцій ¹⁹⁶²). Если это такъ, то Юлій сотникъ могъ быть тѣмъ самымъ Юліемъ Прискомъ, который впослѣдствіи достигъ блистательнаго положенія одного изъ двухъ префектовъ преторіанцевъ и совершилъ самоубійство по случаю позорнаго низверженія своего покровителя ¹⁹⁶³). Во время этого путешествія мы достаточно знакомимся съ нимъ, чтобы видѣть, что это былъ человѣкъ разсудительный, почтенный и добрый.

Римскіе воины по закону отвѣчали собственною жизнью за безопасность ввѣренныхъ имъ узниковъ, и отсюда произошелъ обычай — столь мучительный для узниковъ и тѣмъ болѣе непріятный, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякой нужды раздражалъ и легіонеровъ,—именно обычай приковывать узниковъ длиною легкою цѣпью рука съ рукой къ римскимъ воинамъ, которые въ этомъ отношеніи смѣнялись другъ друга. Можно вообразить, какъ страшно тяжело было не имѣть ни одного момента свободнымъ и быть прикованнымъ въ такой ужасной близости къ человѣку, который могъ быть самымъ грубымъ обрасчикомъ низшихъ классовъ и, съ дѣтства окруженный грубымъ и безнравственнымъ сообществомъ, могъ представлять собою лишь дерзкаго и развратнаго провинціала или угрюмаго и звѣрскаго поселянина изъ подонковъ итальянскаго населенія. Можно съ вѣроятностью полагать, что при вступленіи на берегъ узникамъ нигдѣ не позволялось ходить безъ этого тяжелаго присмотра; но можно надѣяться, что они не всегда подвергались такимъ оковамъ на самой палубѣ огромнаго, качающагося, неуклюжаго купеческаго корабля, на которомъ имъ приходилось совершать свое вынужденное путешествіе.

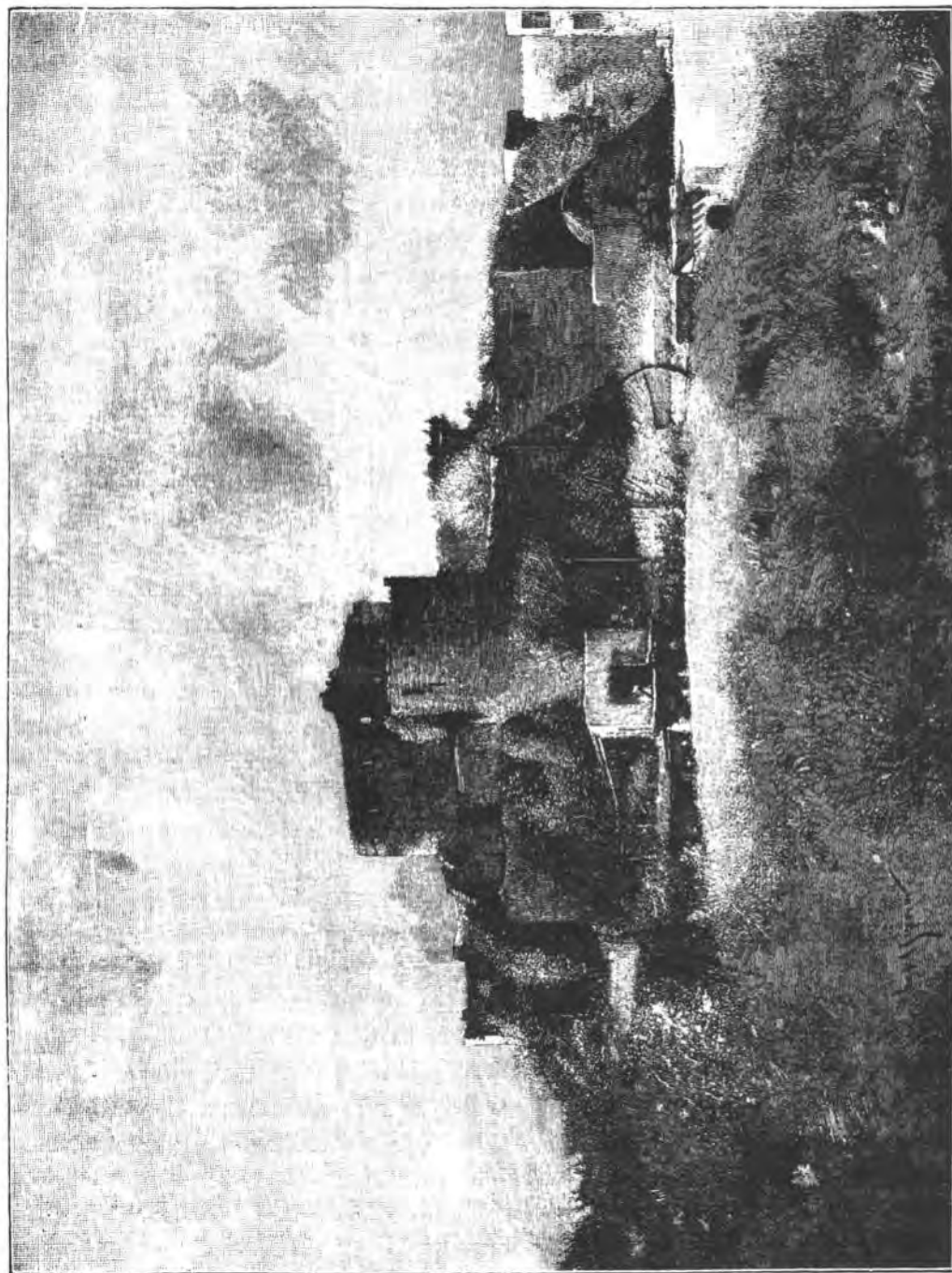
Такъ какъ Фестъ прибылъ въ Палестину къ концу іюня, то теперь дѣло подходило вѣроятно къ концу августа, и быстро приближалось время, когда обыкновенно оканчивалась въ древности навигація; съ каждымъ днемъ погода становилась болѣе неувѣренною и путешествіе болѣе опаснымъ. И такъ какъ время было настоящее, то Юлій, которому дано было это порученіе, посадилъ своихъ узниковъ на бортъ береговаго купеческаго корабля изъ Мизійскаго города Адромиттія. Такъ какъ корабль долженъ былъ приставать въ главныхъ портахъ западной Азіи, то имъ представлялась полная возможность найти корабль въ Ефесѣ или какомъ нибудь изъ ближайшихъ портовъ, на которомъ бы и можно было имъ совершить остальную часть своего путешествія; а если нѣтъ, то Юлій могъ въ крайнемъ случаѣ отправить своихъ воиновъ съ узниками изъ Адромиттія въ Троаду и оттуда на кораблѣ въ Неаполь, откуда по большой Эгнатійской дорогѣ, уже столь извѣстной ап. Павлу, можно было проникнуть чрезъ Филиппы и Фессалонику въ Диррахій. Диррахій и Брундузій были для римлянъ тоже, что Кале и Дувръ для англичанъ; переплывъ Эгейское море, Юлій могъ направиться по

Аппіевой дорогѣ—среди тѣхъ самыхъ, только въ обратномъ направленіи, картинъ, которыя съ такимъ живымъ юморомъ описаны Гораціемъ въ его *Iter ad Brundisium*,—и такимъ образомъ могъ прибыть въ Римъ. Эта именно дорога была пройдена св. Игнатіемъ съ его «десятью леопардами», которые сопровождали его на его мученичество и о которыхъ, съ намекомъ на непріятное сообщество ихъ, онъ говоритъ, что всю дорогу боролся съ дикими звѣрями. Однако же крайне невѣроятно, чтобы сухопутное путешествіе входило въ ближайшіе планы Юлія. Такъ какъ подъ своимъ надзоромъ онъ имѣлъ нѣсколько узниковъ, изъ которыхъ для каждаго требовалось десять воиновъ для охраны, то такое путешествіе было бы крайне тяжелымъ и долгимъ; и поэтому Юлій скорѣе всего могъ рассчитывать найти какой нибудь корабль, отправлявшійся изъ одного изъ большихъ портовъ Азіи въ столицу міра.

Ап. Павелъ во время этого путешествія былъ избавленъ отъ одного изъ самыхъ тяжелыхъ для него обстоятельствъ, именно одиночества. Его сопровождали Лука и Аристархъ: неизвѣстно, таково ли было ихъ первоначальное намѣреніе или нѣтъ, но оба они во всякомъ случаѣ силою обстоятельствъ были вынуждены оставаться вмѣстѣ съ нимъ и во время значительной части его тюремнаго заключенія въ Римѣ. Они несомнѣнно сопровождали его въ качествѣ простыхъ путешественниковъ, а не узниковъ, и должны были или сами заплатить издержки этого путешествія ¹⁹⁶⁴), или были также снабжены деньгами съ этою цѣлью со стороны христіанъ, которые знали, какъ необходима была помощь столь немоцному тѣлесно человѣку, какъ ихъ блистательный апостолъ.

Путешествіе началось счастливо и благополучно. Главный западный вѣтеръ былъ настолько благопріятенъ, что въ одинъ день по отплытіи они сдѣлали около ста двадцати верстъ, и вступили въ гавань Сидона. Тамъ они остановились, и Юлій, который едва ли не присутствовалъ среди блистательнаго собранія, слушавшаго рѣчь ап. Павла предъ Агриппой, былъ такъ милостиво расположенъ къ нему, что далъ ему даже позволеніе, быть можетъ просто на честное слово, выйти на берегъ и навѣстить своихъ друзей, составлявшихъ малую христіанскую общину въ этомъ городѣ. Его доброта была неоцѣнима для ап. Павла. Двухгодовное тюремное заключеніе навѣрно неблагопріятно отразилось на его здоровьи и онъ лишь скудно могъ быть снабженъ всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго путешествія. Употребленное св. Лукой выраженіе, что Юлій позволилъ ему сходить къ своимъ друзьямъ и воспользоваться ихъ усердіемъ ¹⁹⁶⁵), повидимому показываетъ, что даже въ теченіе перваго дня путешествія онъ страдалъ или отъ морской болѣзни или отъ общей слабости. День, проведенный въ Сидонѣ, былъ счастливымъ промежуткомъ, который долженъ былъ приготовить его ко многимъ недѣлямъ страданія и ужаса на разъяренномъ морѣ.

Начиная съ этого дня, все путешествіе сдѣлалось рядомъ отсрочекъ и случайностей, которыя, послѣ двухъ мѣсяцевъ бурь и опасностей, закончились ужаснымъ

Развалины цитадели въ Сидонѣ.

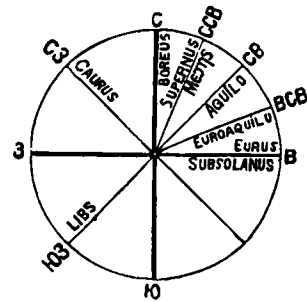
кораблекрушеніемъ. Лишь только они оставили Сидонскую гавань, какъ встрѣтились съ порывистыми этезійскими вѣтрами, которые упорно дуютъ съ сѣверо-запада. Это было непредвидѣнное обстоятельство, такъ какъ этезійскіе вѣтры обыкновенно прекращаются къ концу августа и смѣняются южными вѣтрами, на которые вѣроятно и рассчитывалъ капитанъ купеческаго корабля, надѣясь при посредствѣ ихъ прибыть въ портъ Адромитскій. Естественнымъ для него направленіемъ было бы плыть прямо отъ Сидона къ Патарѣ, оставляя Кипръ справа; но тѣ самые вѣтры, которые за два года предъ тѣмъ такъ неожиданно направили ап. Павла къ его кесарійскому тюремному заключенію, теперь были противъ его возвращенія, и корабль долженъ былъ плыть къ мысу Педальскому на юго-восточномъ берегу Кипра, такъ что островъ этотъ очутился слѣва, подъ защитой берега котораго они и плыли до мыса Динарета ¹⁹⁶⁶). Обогнувъ этотъ мысъ, они могли идти противъ вѣтра при помощи сухопутныхъ вѣтерковъ и западныхъ теченій и направились прямо черезъ море, омывающее берега Киликіи и Памфіліи, и бросили якорь въ устьѣ рѣки Андриака, насупротивъ холма, увѣнчаннаго величественными зданіями Миры, прежней столицы Ликіи ¹⁹⁶⁷).

Здѣсь они къ счастью, или, какъ оказалось послѣ, къ несчастью, нашли большой александрійскій хлѣбный корабль ¹⁹⁶⁸), который, потерпѣвъ подобную же участь и будучи сбитъ съ прямого пути тѣми же самыми вѣтрами, которые сбили и адромитскій корабль, теперь намѣревался слѣдовать обычнымъ въ такихъ обстоятельствахъ путемъ, перебираясь черезъ Эгейское море отъ острова къ острову, къ сѣверу отъ Крита и такимъ образомъ къ югу отъ о. Кнееры и затѣмъ въ Сиракузы ¹⁹⁶⁹). Этотъ корабль, построенный для цѣлей торговли, снабжавшей всю Италію жизненными припасами, легко могъ доставить помѣщеніе для сотника съ его воинами и узниками, а также и для нѣсколькихъ пассажировъ, желавшихъ сопровождать ихъ. Они поэтому сѣли на этотъ корабль и отплыли въ Книдъ, послѣдній пунктъ, гдѣ они могли рассчитывать на прикрытіе береговой полосы съ его вѣтерками и теченіями. Разстояніе между этими двумя пунктами составляетъ около двухъ сотъ верстъ, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ они могли прибыть къ своему назначенію чрезъ сутки. Но противные этезійскіе вѣтры все еще продолжали дуть съ необычайнымъ упорствомъ, и поэтому даже для того, чтобы достигнуть Книда, потребовалось много тяжелыхъ и непріятныхъ дней. И когда они прибыли наконецъ въ эту прекрасную и удобную гавань, то имъ суждено было потерпѣть новое тяжкое разочарованіе, такъ какъ они не могли войти въ нее. Если бы у нихъ была возможность сдѣлать это, то въ виду того, что время было уже позднее и вѣтеръ дулъ постоянно противный, едва ли можно сомнѣваться, что они, если бы только не рѣшили продолжать путешествія сухимъ путемъ, должны были ждать тамъ болѣе благопріятнаго вѣтра, или—даже вовсе остановиться на зимовку въ портѣ, гдѣ было

все подъ рукой для удобства столь большого корабля и его многочисленного экипажа. Такъ какъ однако же вѣтеръ не позволялъ имъ ни зайти въ Книдъ ¹⁹⁷⁰), ни продолжать своего прямого пути, который долженъ бы идти къ сѣверу отъ Крита, то имъ оставался лишь одинъ исходъ—направиться къ мысу Салмону у восточной оконечности этого острова и тамъ плыть подъ его прикрытіемъ. Достигнуть Салмона было сравнительно легко; но когда они обогнули его, то имъ чрезвычайно трудно было идти вдоль бурнаго берега, пока они не прибыли въ мѣсто, извѣстное подъ названіемъ Хорошія Пристани, немного къ востоку отъ мыса Маталы и неподалеку отъ малоизвѣстнаго города Ласей. Пока вѣтеръ оставался въ прежнемъ направленіи, имъ бесполезно было продолжать свой путь, такъ какъ за мысомъ Маталой берегъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и тамъ они встрѣтились бы съ страшною яростью этезійскихъ вѣтровъ и, имѣя съ боку берегъ, неизбѣжно были бы выброшены на него бурей. Поэтому имъ необходимо было пристать въ Хорошихъ Пристаняхъ и подождать переменъ вѣтра. Время шло, а вѣтеръ все не перемѣнялся. Дѣло подходило уже къ концу сентября. Въ Хорошихъ Пристаняхъ ап. Павелъ и бывшіе съ нимъ іудейскіе хрістіане вѣроятно совершили *киппоръ* или великій день очищенія ¹⁹⁷¹), единственный постъ іудейскаго календаря, который въ томъ году выпалъ на 24 сентября. Осеннее равенство миновало. Прошелъ и праздникъ Кушей, и нѣкоторые изъ матросовъ быть можетъ съ суевѣрнымъ ужасомъ наблюдали бывшее въ тотъ вечеръ затменіе солнца. Іудейскій сезонъ навигаціи теперь уже кончился ¹⁹⁷²), но язычники не считали море закрытымъ до 11 ноября ¹⁹⁷³). Возникъ споръ касательно того, остаться ли имъ здѣсь на зиму, или воспользоваться первымъ благопріятнымъ вѣтромъ, чтобы, обогнувъ мысъ Маталу, добраться до порта Фениксъ или Финикъ, который лежалъ только на шестьдесятъ верстъ дальше. Ап. Павелъ, замѣтное превосходство котораго надъ окружающими обнаруживалось при всѣхъ обстоятельствахъ, получилъ позволеніе высказать свое мнѣніе и онъ выразительно совѣтывалъ остаться на зиму тамъ, гдѣ они находились: «мужи» ¹⁹⁷⁴), сказалъ онъ, «я вижу, что плаваніе будетъ съ затрудненіями и большимъ вредомъ не только, для груза и корабля, но и для нашей жизни». Его мнѣніе могло имѣть большое значеніе, такъ какъ при своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ онъ былъ вполне знакомъ съ вѣтрами и опасностями моря, въ которомъ онъ три раза уже терпѣлъ кораблекрушеніе и однажды проплавалъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Однакоже капитанъ и владѣлецъ судна высказались за противоположное мнѣніе; и нужно допустить, что они имѣли въ свою пользу важное соображеніе. Хорошія Пристани давали защиту отъ столь долго господствовавшаго сѣверо-восточнаго вѣтра, но онъ были совершенно беззащитны противъ восточныхъ вѣтровъ и вообще были открыты съ большей части сторонъ. Поэтому было бы опасно зимовать въ такой гавани, и она была тѣмъ болѣе неудобна, что мѣсто само по себѣ было бѣдное, не близко даже къ городу Ласеѣ, и не могло представлять ни источниковъ зара-

ботка, ни развлеченій для воиновъ и матросовъ. Было бы чрезвычайно тяжело проводить три или четыре мѣсяца въ такомъ скучномъ и пустынномъ мѣстѣ, и поэтому казалось гораздо лучшимъ по возможности добраться до порта Феникса. Этотъ городъ, новѣйшій Лутро, до котораго имъ можно было достигнуть въ нѣсколько часовъ плаванія, былъ единственною гаванью на южной сторонѣ Крита, которая давала защиту отъ всякой погоды, почему и была обычнымъ мѣстомъ убѣжища для александрійскихъ хлѣбныхъ кораблей. Гавань его была окружена и защищена маленькимъ островомъ и, по описанію тѣхъ, которые выставляли ея выгоды, «лежала противъ югозападнаго и сѣверозападнаго вѣтра» (противъ Либса и противъ Кавра). Комментаторы крайне затруднялись объяснить это выраженіе въ виду того, что входъ въ гавань Лутро (который есть несомнѣнно древній Фениксъ) обращенъ къ востоку, а два ея отверстія на оконечностяхъ прикрывающаго ее острова обращены какъ разъ въ противоположныхъ направленіяхъ, именно къ сѣверовостоку и къ юговостоку. Объясненіе этой своеобразной аномаліи нужно искать не въ грамматическихъ примѣрахъ, а въ субъективномъ представленіи матросовъ, которые смотрятъ на гавань въ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ они vyplываютъ въ нее, и могли напримѣръ сказать, что гавань лежала къ сѣверу, если только при вступленіи въ нее они поворачивали свой корабль къ сѣверу; все равно какъ далѣе они говорятъ о «нѣкоторой приближающейся къ нимъ землѣ», когда въ дѣйствительности они сами приближались къ этой землѣ¹⁹⁷⁵). Но и кромѣ безопасности портъ Фениксъ очевидно былъ гораздо болѣе желательнымъ мѣстомъ для зимовки почти трехсотъ человѣкъ, чѣмъ сравнительно неизвѣстныя и одинокія Хорошія Пристани, такъ что вообще въ виду всѣхъ этихъ основаній казалось стоило сдѣлать маленькій рискъ, чтобы добраться до него. Эти доводы склонили большинство, и сотникъ, отъ котораго зависѣло рѣшеніе, порѣшилъ, что такъ и должно быть. Ап. Павелъ не настаивалъ особенно на высказанномъ имъ мнѣніи¹⁹⁷⁶) и конечно всѣ надѣялись безопасно проплыть столь небольшое разстояніе. Однакоже послѣдствія показали, что апостолъ былъ правъ. Хорошія Пристани, не представляя собою первостепенной гавани, были всетаки защищены отчасти рифами и островками, и хотя было не совсѣмъ безопасно зимовать тамъ, однакоже рискъ былъ гораздо меньше, чѣмъ тотъ, который приходилось дѣлать, огибая мысъ Маталу и такимъ образомъ подвергаясь возможности попасть подъ одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ сѣверныхъ урагановъ, которые могли подвергнуть корабль почти несомнѣнному крушенію. Но въ человѣческой натурѣ есть склонность играть своей судьбой, и сотникъ во всякомъ случаѣ едва ли могъ не послѣдовать мнѣнію знатоковъ морскаго дѣла, интересы которыхъ глубоко затрогивались тѣмъ или другимъ положеніемъ дѣла, предпочтительно предъ мнѣніемъ узника, знакомство котораго съ дѣломъ не было профессиональнымъ и который въ матеріальномъ отношеніи конечно менѣе всѣхъ ставилъ на ставку.

Желанный случай скоро представился ¹⁹⁷⁷). Поднялся мягкій южный вѣтеръ, и бодро снявшись съ якоря, они, поднявъ паруса главной мачты и взявъ свою лодку на буксиръ, поплыли по-близости берега до мыса Маталы, и затѣмъ имъ оставалось лишь нѣсколько часовъ хорошаго и бойкаго плаванія до прекрасной и удобной гавани, ради которой они оставили скучную и неуютную Ласею. Вотъ наконецъ повидимому нѣкоторый лучъ засіялъ для нихъ въ ихъ утомительномъ и несчастномъ путешествіи. Быть можетъ они не мало добродушно посмѣялись надъ совѣтомъ ап. Павла, который бы лишилъ ихъ предстоящихъ удобствъ. Но увы! мягкій шелестъ южнаго вѣтерка въ парусахъ и снастяхъ былъ лишь пѣснью сирены, заманивавшей ихъ къ гибели. Только что они миновали мысъ, какъ яростный тифонъ ¹⁹⁷⁸), который подъ этими широтами часто наступаетъ вслѣдъ за мягкимъ вѣяніемъ южнаго вѣтра, разразился съ критскій Иды и съ ужасающею силою ринулся на злополучный корабль. Этотъ «левантіецъ», какъ онъ теперь называется, въ древности извѣстенъ былъ подъ названіемъ Euroaquilō или Эвроклидона, которое въ точности указываетъ его направленіе, такъ какъ изъ послѣдующихъ замѣчаній св. Луки мы видимъ, что это навѣрно былъ востокосѣверо-восточный вѣтеръ, который и продолжалъ дуть во всю остальную часть ихъ путешествія ¹⁹⁷⁹). Съ самаго перваго момента, какъ только этотъ роковой буранъ ринулся съ холмовъ и захватилъ хлѣбный корабль ¹⁹⁸⁰), положеніе его практически стало безнадежнымъ. Для него положительно было невозможно, да невозможно было бы и для самаго лучшаго судна, «противиться вѣтру» ¹⁹⁸¹). Внезапность и ярость бурнаго порыва не дала возможности матросамъ даже спустить паруса главной мачты, или вообще предпринять что-нибудь, и поэтому они должны были предоставить корабль бурѣ, которая и понесла его съ бѣшеною быстротою ¹⁹⁸²) по направленію къ маленькому острову Клавдѣ ¹⁹⁸³), на разстояніи сорока верстъ, гдѣ они и поплыли подъ его защитой. Къ счастью направленіе вѣтра, а также и то обстоятельство (и въ немъ нельзя не видѣть явной руки Промысла), что буря разразилась надъ ними вскорѣ по минованіи мыса Маталы, а не позднѣе немного на ихъ пути, избавили ихъ отъ неминуемаго крушенія на скалахъ и рифахъ, которыя лежатъ дальше къ сѣверо-западу между островами Кандіей и Клавдой; но положеніе ихъ въ другихъ отношеніяхъ было если и не совсѣмъ безнадежно, то всетаки крайне опасно. Въ древности корабли имѣли только одну большую мачту и одинъ большой парусъ; всѣ другія мачты или снасти были сравнительно малы и незначительны. Поэтому напоръ на корабль отъ рычага мачты былъ страшный, и было немыслимо, чтобы александрійскій корабль, какъ бы онъ ни былъ крѣпко построенъ, могъ идти на своемъ огромномъ

парусѣ подѣ напорами тифона, не выворачивая балокъ. Онѣ очевидно имѣлъ уже серьезную течь. На маленькомъ островѣ не было сносной гавани, и поэтому капитанѣ, который повидимому выказалъ лучшую морскую опытность, какая только возможна была въ то время, воспользовался краткимъ и временнымъ затишьемъ, которое дало имъ возможность подѣ прикрытіемъ острова сдѣлать два въ высшей степени необходимыхъ и настоятельныхъ дѣла, именно во-первыхъ—обезпечить средства спасенія, по крайней мѣрѣ хотъ для нѣкоторой части экипажа, въ случаѣ потопленія судна, и затѣмъ насколько возможно отдалить катастрофу. Поэтому онѣ отдалъ приказаніе сразу же поднять лодку на бортъ и такимъ образомъ предохранить ее отъ возможности увлеченія бурей. Но эта задача была отнюдь не легкая. Лодка, которую они спустили на буксиръ, надѣясь безопасно проплыть до порта Феникса, во время ихъ бѣшеннаго плаванія должна была потерпѣть значительныя поврежденія и быть можетъ была полузатоплена водой; и хотя теперь повидимому сдѣлалось потише, но вѣтеръ рвалъ все еще съ такою силой, что трудно было дѣлать самое простое дѣло. Имъ удалось однако же (и св. Лука между прочимъ помогаль при этомъ ¹⁹⁸⁴) поднять лодку на бортъ какъ послѣднее убѣжище отъ грозящей опасности; и затѣмъ матросы приступили къ первобытному и неуклюжему способу, употреблявшемуся у древнихъ съ цѣлію не дать развалиться судну. Онѣ состоялъ въ обвязываніи судна—крѣпкими канатами, которые нѣсколько разъ закручивались у носа и затѣмъ крѣпко накрѣпко завязывались по срединѣ остова корабля ¹⁹⁸⁵). Этими они обезпечили себя противъ двухъ наиболѣе настоятельныхъ опасностей; но оставалась еще третья: не было нигдѣ мѣста, гдѣ бы они могли найти защиту отъ вѣтра; въ то-же время имъ нельзя было долго пользоваться прикрытіемъ, отчасти дававшимся береговой полосой островка, и они слишкомъ хорошо знали, что вѣтеръ гналъ ихъ прямо къ Гудвиновымъ мелямъ Средиземнаго моря—къ страшному заливу Большой Сирты ¹⁹⁸⁶). Имъ оставался только одинъ способъ спасенія—направить носъ корабля на штирбортъ, насколько возможно ближе къ направленію вѣтра, опустить главный парусъ и снасти, спустить тяжелую райну на такую высоту, чтобы можно было дать возможность главному парусу уравновѣшивать корабль ¹⁹⁸⁷), поднять артемо или бурный парусъ, и такимъ образомъ—сдѣлавъ все это съ такою поспѣшностью, какъ только позволяли обстоятельства, предоставить ему, придерживаясь нѣсколько береговой защиты, плыть по волѣ вѣтра и волнъ. Такъ они и поступили, и такъ окончился злополучный день, который начался было такимъ пріятнымъ вѣтеркомъ, внушавшимъ самыя увѣренныя надежды ¹⁹⁸⁸).

Буря бушевала въ теченіе всей ночи, и корабль, не смотря на обвязку, продолжалъ течь. На слѣдующій день поэтому они время отъ времени выбрасывали за бортъ все что было возможно, чтобы только сколько нибудь облегчить корабль ¹⁹⁸⁹); но даже и это не помогало. Слѣдующая ночь не принесла облегченія;

корабль все текъ и текъ, и всѣ труды при выкачиваніи были напрасны. Имъ грозила очевидно судьба, обыкновенно постигавшая корабли въ древности—именно затопленіе. На третій день поэтому стало необходимымъ принять еще болѣе рѣшительную мѣру. Въ новѣйшее время это значило бы срубить мачты; на древнихъ корабляхъ, на которыхъ мачты не имѣли теперешней высоты, мѣра эта состояла въ выбрасываніи за бортъ огромной главной мачты, что, какъ видно, потребовало дружнаго усилія всѣхъ способныхъ рукъ на кораблѣ¹⁸⁹⁰). Она съ громаднымъ всплескомъ рухнула въ море, и корабль получилъ большое облегченіе. Но теперь сильная боковая качка корабля—тѣмъ болѣе чувствительная при сыпучемъ грузѣ—сдерживалась только ничтожнымъ штурмовымъ парусомъ. Тифонъ правда превратился въ обыкновенную бурю, но корабль теперь находился въ самомъ жалкомъ состояніи, свирѣпыя пѣнистые валы то и дѣло окачивали его яростной влагой, и никто не зналъ, куда его уносило, подъ свинцовыми и безлунными небесами. Мрачное отчаяніе начало болѣе и болѣе овладѣвать матросами и пассажирами. На кораблѣ не было никакой возможности ни готовить пищи, ни зажигать огня; кухонныя принадлежности и посуда навѣрно давно уже были смыты волнами за бортъ; провизія навѣрно была испорчена соленой водой, свободно гулявшей по кораблю; и вообще при видѣ надвигающейся гибели никто и не думалъ о ѣдѣ. Голодные и нравственно убитые, на быстро заливающимся кораблѣ, при ежедневно уменьшающихся надеждахъ они безпомощно неслись туда, гдѣ имъ казалась неизбежною ужасная смерть.

Но среди общаго отчаянія одинъ человѣкъ сохранилъ спокойствіе и мужество. Это былъ ап. Павелъ, узникъ, который какъ слабѣйшій вѣроятно по физическому здоровью и страдалъ больше всѣхъ. Но въ такіе именно моменты мужество благороднѣйшихъ душъ выступаетъ во всемъ своемъ блескѣ, и душа ап. Павла была внутренне озарена. Когда онъ со всѣмъ спокойствіемъ безпорочной совѣсти молился, ему открыто было, что Богъ исполнить обѣтованное ему назначеніе побывать въ Римѣ и что, сохраняя ему жизнь, Богъ даруетъ ему также и жизни тѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, къ которымъ его челоуколюбивое сердце, не смотря на все недостойнство, которое скоро доказали иные изъ нихъ, чувствовало глубокую жалость. Въ то время какъ остальные предавались отчаянію, апостолъ поднялся на палубу, и кротко упрекнувъ ихъ за отверженіе даннаго имъ совѣта, который бы избавилъ ихъ отъ этого бѣдствія и убытковъ, онъ убѣждалъ ихъ ободриться, такъ какъ, даже если корабль погибнетъ и они будутъ выброшены въ море у какого нибудь острова, изъ нихъ никто не потеряетъ жизни. Вѣдь имъ извѣстно было, что онъ узникъ, апеллировавшій къ кесарю, а въ эту ночь ему явился ангелъ Бога, служителемъ котораго былъ онъ, и не только увѣрилъ его, что ему придется предстать предъ кесаря, но что также Богъ, въ знакъ особенной милости, даровалъ ему и жизнь всѣхъ плившихъ съ нимъ. Онъ убѣждалъ ихъ поэтому ободриться и раздѣлять его собственное убѣжденіе, что видѣніе это оправдывается.

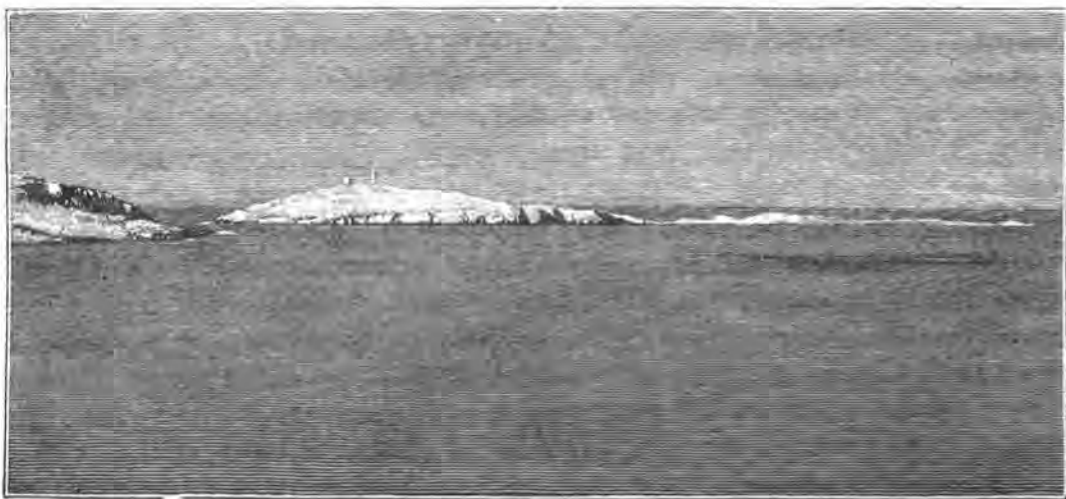
Кто можетъ сказать, сколько эти спокойныя увѣренныя слова предназначены были свыше къ тому, чтобы способствовать ихъ дѣйствительному исполненію? Многое еще оставалось сдѣлать; много еще энергичныхъ мѣръ нужно было предпринять для отвращенія гибели; а Богъ помогаетъ тѣмъ, которые принимаютъ всѣ мѣры самопомощи. Гордые слова *Caesarem vehis* ¹⁹⁹¹⁾ могли одушевить матроса къ напряженнымъ усиліямъ въ открытой лодкѣ достичь берега Иллиріи, и несомнѣнно безбоязненное ободреніе ап. Павла именно вдохновило въ этихъ голодныхъ, измученныхъ и отчаивающихся морякахъ рѣшимость употребить усилія, которыя окончательно обезпечили имъ безопасность. Черезъ четырнадцать дней, въ теченіе которыхъ разрушающійся корабль какъ щепку било и бросало яростными волнами Адриатики ¹⁹⁹²⁾, вдругъ на четырнадцатую ночь матросы, среди монотоннаго рева бури, слышали какъ будто грохотъ береговаго прибоя. Подозрѣвая, что они приближаются къ землѣ, и быть можетъ даже замѣчая свѣтящійся отблескъ песчанаго берега, виднѣющагося издалека даже въ самую темную ночь, они бросили лотъ и глубина оказалась въ двадцать сажень. Вымѣривъ еще разъ, они нашли глубину въ пятнадцать сажень ¹⁹⁹³⁾. Ихъ подозрѣнія и опасенія теперь стали несомнѣнны, и теперь имъ представилась новая опасность наскочить на какую нибудь бережную скалу. Въ виду этой новой опасности оставалось только одно—бросить якорь. Если бы они стали на якорь обычнымъ образомъ—съ носа ¹⁹⁹⁴⁾, то корабль могъ бы при поворотѣ удариться о рифъ; да они, слыша необычайный шумъ береговаго прибоя, и не могли предположить, что въ этотъ моментъ находятся еще въ полуверстѣ отъ земли. Поэтому они бросили четыре якоря ¹⁹⁹⁵⁾ черезъ клюзы, въ которыхъ обыкновенно двигались два большихъ лопастеобразныхъ руля, такъ какъ эти послѣдніе, давно уже ставъ бесполезными вслѣдствіе гонки по направленію бури, наполовину поднялись изъ воды и били въ корму ¹⁹⁹⁶⁾. Сдѣлавъ это, они могли только съ крайнимъ напряженіемъ ожидать разсвѣта дня. Въ теченіе всѣхъ остававшихся часовъ этой длинной зимней ночи они стояли лицомъ къ лицу съ агоніей смерти. При своемъ теперешнемъ состояніи, когда течъ все болѣе и болѣе усиливалась и волны постоянно заливали палубу, корабль каждую минуту могъ затонуть, даже еслибы сдержали якоря. Но они не знали, какъ знаемъ это мы теперь, что якоря ихъ засѣли въ чрезвычайно цѣпкой глинѣ, что и было единственнымъ обстоятельствомъ, избавившимъ ихъ отъ безнадёжнаго крушенія.

Но вотъ чрезъ непроглядную мглу дождя и бури началъ разсвѣтать надъ бѣдствующимъ экипажемъ сумрачный день. Лишь только они получили возможность въ сумракѣ различать другъ друга съ испытанными и искаженными отъ бѣдствія и лишеній лицами, какъ замѣтили, что они стоятъ неподалеку отъ низменнаго берега, на который съ яростною силою накатывались огромныя волны. Не зная, что это коса Кура, на сѣверо-восточномъ берегу Мальты ¹⁹⁹⁷⁾, и не имѣя возможности составить какое либо представленіе о мѣстѣ своего нахож-

денія, матросы-язычники только и могли придумать одинъ исходъ — оставить корабль и пассажировъ на произволъ судьбы, спасаясь сами на лодкѣ, которая съ такими усиліями была поднята на бортъ. Поэтому, подъ предлогомъ сбросить больше якорей съ цѣлію уменьшенія килевой качки ¹⁹⁹⁸), они начали отвязывать лодку и спускать ее въ море. Если бы имъ удалось осуществить свой планъ, то вѣроятно волной ихъ выбросило бы на косу, а всѣ оставшіеся на кораблѣ, не имѣя никакихъ средствъ противоѣдствія потопленію корабля, неизбежно погибли бы. Отъ этой опасности какъ пассажиры, такъ и матросы опять избавлены были быстрой энергіей и смѣлливостью ап. Павла. Видя худой замыселъ, онъ спокойно замѣтилъ Юлію, который былъ самымъ властнымъ лицомъ на кораблѣ: «если матросы не останутся на кораблѣ, то вы не можете спастись». Онъ говоритъ «вы», а не «мы». Твердо уповая на обѣтованіе Божіе, онъ нисколько не сомнѣвается въ собственномъ спасеніи, но обѣтованіе касательно спасенія всѣхъ остальныхъ пассажировъ зависѣло отъ исполненія всѣми своихъ обязанностей. Воины, столпившіеся съ своими узниками на палубѣ, слышали это замѣчаніе апостола, и такъ какъ въ этотъ страшный моментъ опасности онъ одинъ сохранялъ спокойствіе и былъ поэтому истиннымъ начальникомъ и капитаномъ, то безъ всякаго замедленія они извлекли свои мечи и обрубили канаты лодки, вслѣдствіе чего она рухнула въ пѣнящееся море. Невѣроятно, чтобы матросы особенно возстали противъ этого. Замыселъ ихъ былъ крайне низокъ, да притомъ и давалъ лишь сомнительную надежду на спасеніе. Но вотъ съ разсвѣтомъ стало яснѣе, и приближался часъ, когда все должно было зависѣть отъ ихъ ловкости и искусства, а также и отъ присутствія духа всѣхъ находящихся на кораблѣ. Еще разъ поэтому апостоль ободрилъ ихъ и побуждалъ всѣхъ хоть сколько нибудь подкрѣпить себя пищей. «Сегодня, сказалъ онъ, четырнадцатый день, какъ вы, въ ожиданіи, остаетесь безъ пищи, не вкушая ничего. Потому прошу васъ принять пищу; это послужитъ къ сохраненію вашей жизни; ибо ни у кого изъ васъ не пропадетъ волосъ съ головы». И давъ имъ такое ободреніе, онъ самъ показалъ имъ примѣръ. «Сказавъ это и взявъ хлѣбъ, онъ возблагодарилъ Бога предъ всѣми и, разломивъ его, началъ ѣсть». Поддавшись этой спокойной увѣренности, промокшая и жалкая толпа пассажировъ въ 276 душъ, такъ долго изнывавшихъ въ страшныхъ бѣдствіяхъ и неудобствахъ, ежеминутно ожидая смерти на своемъ разбитомъ и бросаемомъ свирѣпыми волнами кораблѣ подъ нависшими надъ нимъ огромными тучами, вновь ободрилась, и всѣ они принялись за пищу; зная, что это была уже послѣдняя ихъ трапеза на разрушающемся кораблѣ и что уже не было никакой возможности спасти груза, они начали съ цѣлію облегченія и выправленія корабля выбрасывать за бортъ пшеницу, которая во время продолжительнаго бурнаго плаванія отъ Кладвы на разстояніи 830 верстъ навѣрно слишкомъ ссыпалась на одинъ бокъ и въ опасной степени усиливала качку. Когда полный разсвѣтъ далъ имъ возможность изслѣдовать берегъ, они не видѣли

въ одного знакомаго пункта, такъ какъ теперешняя Валетта, гавань на о. Мальтѣ, въ которую часто заходили корабли, находится въ двѣнадцати верстахъ къ востоко-сѣверо-востоку отъ того мѣста, гдѣ они потерпѣли крушеніе; но они увидѣли заливъ, въ одной оконечности котораго скалы спускались въ отлогій берегъ, и единственно, на что можно было рассчитывать, это какъ нибудь вывести корабль изъ его теперешняго направленія и посадить его на мель въ этомъ мѣстѣ. Направлять разбитый корабль вопреки вѣтра было дѣло отнюдь не легкое, но всетаки необходимо было попытаться. Поэтому они обрубали якорные канаты, бросивъ ихъ съ обрубками въ море ¹⁹⁹⁹), развязали и привели въ бездѣйствіе рули ²⁰⁰⁰), подняли артемо или малый парусъ ²⁰⁰¹), — который одинъ только и

Островъ Салмона, близъ косы Кура, на Мальтѣ.

остался у нихъ, — по вѣтру и направили корабль прямо по направленію къ берегу. Но ихъ маневръ, не смотря на всю его рѣшительность, потерпѣлъ полную неудачу. Они, сами не зная того, стояли на якорѣ у Расъ-эл-Куры. Противъ нихъ виднѣлось нѣчто въ родѣ другаго мыса, но въ дѣйствительности это былъ островъ Салмонетта, отдѣленный отъ материка глубокимъ, узкимъ и стремительнымъ каналомъ. По этому каналу, имѣющему около сорока пяти сажень въ ширину, проходило теченіе, и въ бурномъ водоворотѣ, гдѣ этотъ потокъ сталкивался съ водами залива, корабль ²⁰⁰²) не повиновался рулю, и все, что имъ оставалось дѣлать, это — сразу же направить его на берегъ. Къ счастью корабль набѣжалъ не на скалу, а на тинистую мель, какая еще и теперь существуетъ въ этомъ самомъ мѣстѣ. Здѣсь носъ глубоко засѣлъ въ тинѣ и остался недвижимъ, между тѣмъ какъ корма оставалась на свободѣ. Всѣ бросились къ носовой части, между тѣмъ какъ волны, яростно налегая на корму, сразу же начали разбивать ее въ

куски. Тутъ, даже въ этой крайности, ап. Павлу и другимъ узникамъ предстояла новая, неожиданная и тѣмъ болѣе ужасная опасность. Воины по закону отвѣчали за своихъ узниковъ жизнью. Римскій законъ былъ строгъ, суровъ и непреклоненъ, не допускалъ никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Пока смерть угрожала всѣмъ и при отвращеніи гибели полезны были руки всѣхъ

Высадка римлянъ съ корабля
(съ Трапизской колонны въ Римѣ).

находившихся на кораблѣ, то узники вѣроятно были раскованы; но при теперешнемъ положеніи что могло помѣшать кому нибудь изъ нихъ броситься въ воду и такимъ образомъ убѣжать? Поэтому воины согласились умертвить ихъ. Было бы ужасно, если бы кровію и убійствомъ запятнана была палуба потерпѣвшаго крушеніе корабля въ тотъ самый моментъ, когда повидимому достигнуто было спасеніе, и это жертвоприношеніе человѣческихъ жизней, избавленныхъ Промысломъ, было бы единственнымъ благодареніемъ со стороны спасшихся.

Еще болѣе ужасно было бы то, еслибы люди, которые во время крушенія въ виду смотрѣвшей имъ въ лицо смерти невольно подружились и побратались между собою, вонзили свои мечи въ сердца, которыя столь долго бились взаимнымъ страшнымъ сочувствіемъ въ испытанныхъ ужасахъ и надеждахъ. Отъ этой опасности узники опять были избавлены человѣкомъ, совѣтъ и ободреніе котораго во все время были прямымъ источникомъ ихъ спасенія. Если нужно было умерщвлять узниковъ, то въ этомъ отношеніи справедливость или несправедливость требовала одинаковой участи для всѣхъ, и Юлій чувствовалъ, что было бы вопіющей неблагодарностью убить человѣка, которому, по промысленію Божию, они обязаны были избавленіемъ своей собственной жизни. Онъ поэтому запретилъ имъ прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ, и далъ приказаніе, чтобы всѣ, умѣвшіе плавать, первыми бросились въ воду иплыли къ берегу ²⁰⁰³). Остальные должны были спастись на доскахъ, обломкахъ корабля, какъ только кто могъ ²⁰⁰⁴). Вѣтеръ прибивалъ ихъ къ берегу, и наконецъ при помощи умѣющихъ плавать всѣ они были спасены, и вотъ на пустынномъ, обдаваемомъ пѣнистыми брызгами берегу, въ знобящее и бурное ноябрьское утро, въ томъ мѣстѣ острова Мальты, которое благодаря правдивой точности повѣствованія легко узнать еще и теперь, стояла пестрая группа почти изъ трехсотъ человѣкъ промокшихъ до костей и трясущихся отъ холода матросовъ, воиновъ, узниковъ и пассажировъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы можемъ быть увѣрены, сердечно присоединились къ ап. Павлу въ глубокомъ благодареніи Богу, который хотя и не совершилъ чуда для прекращенія бури, однако же благополучно доставилъ ихъ на сушу при всѣхъ опасностяхъ этого бурнаго мѣсяца.

Мысъ Кура на о. Мальтѣ.

КНИГА Х.

РИМЪ.

ГЛАВА XLIV.

ПРИБЫТІЕ АП. ПАВЛА ВЪ РИМЪ.

Павелъ въ Римѣ — торжество Евангелія.

Бенгелъ.

АКЪ окончилось четвертое кораблекрушеніе ап. Павла. Видъ корабля привлекъ туземцевъ острова³⁰⁰⁵), простую пуническую народность, смѣшанную съ греческими поселенцами и находившуюся подъ римскимъ владычествомъ. Даже въ болѣе недавнія времена и на болѣе близкихъ къ центрамъ цивилизаціи берегахъ бывали случаи, когда несчастные, спасшіеся съ потерпѣвшаго крушеніе корабля, должны были скорѣе опасаться быть ограбленными и убитыми, чѣмъ разсчитывать на гостепріимство и состраданіе прибрежныхъ жителей; но эти мальтійскіе финикіяне почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ привѣтствовали потерпѣвшихъ кораблекрушеніе съ необычайнымъ радушіемъ. Наступили страшные ливни и

злополучные крушенники цѣпенѣли отъ изнеможенія и холода. Сжалившись надъ ихъ положеніемъ, туземцы разложили огромный костеръ изъ хвороста и валежника, такъ что они могли осушить свои одежды, и вообще отнеслись къ нимъ съ немалымъ человѣколюбіемъ. Ап. Павелъ, съ его неукротимою дѣловитостью и самоотверженіемъ, которыхъ не могли остановить ни истомленіе, ни холодъ, съ усердіемъ собиралъ хворостъ. Онъ собралъ большую охапку терновника ²⁰⁰⁶⁾ и

Ап. Павелъ и ехидна
(съ древняго изображенія по слоновой кости).

только что бросилъ ее въ огонь, какъ ехидна, лежавшая въ оцѣпенѣннѣи и теперь отогрѣвшаяся вслѣдствіе огня, выскочила изъ связки и «повисла на рукѣ» апостола. Увидѣвъ висящую у него на рукѣ ядовитую змѣю и замѣтивъ, что онъ колодникъ, простодушные островитяне начали переговариваться другъ съ другомъ, что это должно быть какой-нибудь убійца, когда его спасагоса отъ моря праведное мщеніе преслѣдуетъ и на сушѣ. Апостолъ же, нисколько не встревоженный, спокойно стряхнулъ гадюку въ огонь, не потерпѣвъ никакого вреда ²⁰⁰⁷⁾.

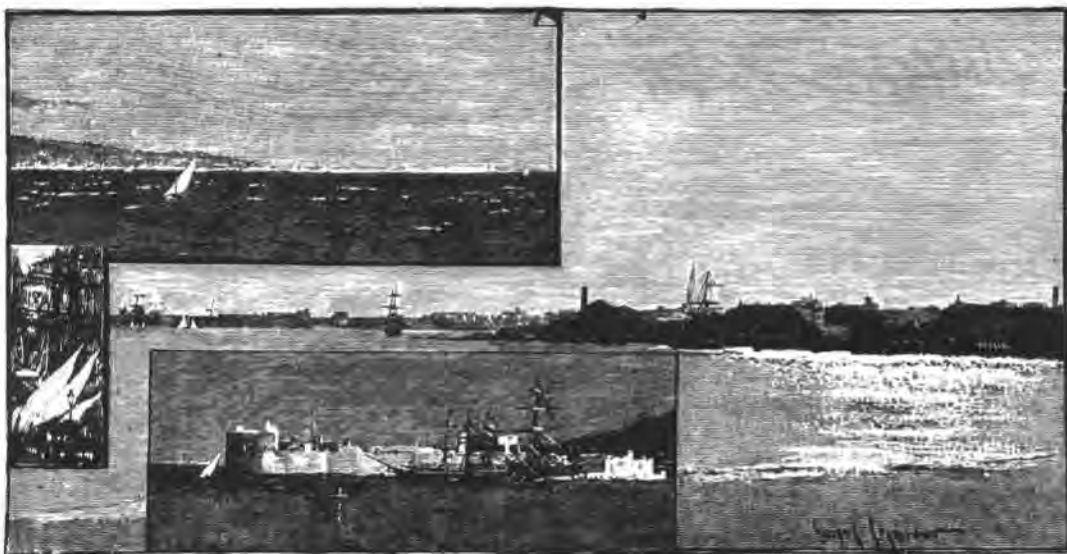
Туземцы ожидали, что онъ сейчасъ же упадетъ замертво ²⁰⁰⁸). Долго они съ тревогой наблюдали за нимъ, и когда замѣтили, что не послѣдовало никакого вреда, то подобно грубымъ жителямъ Листры постепенно перемѣнили свой взглядъ, и говорили, что онъ Богъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, до начала февраля, когда открывалась навигація, кораблекрушенники жили на Мальтѣ, и въ продолженіе этого періода, благодаря опять вліянію ап. Павла, какъ съ нимъ, такъ и съ его сотоварищами жители обращались съ крайнею добротою. Неподалеку отъ мѣста кораблекрушенія лежалъ городъ, называемый теперь Альта Веччія, резиденція Публія, правителя острова, который былъ вѣроятно легатомъ претора Сициліи. Такъ какъ сотникъ Юлій былъ знатною личностью, то этотъ римскій сановникъ, носившій титулъ *протоса* («первый») — мѣстное названіе, точность ко ораго подтверждается надписями ²⁰⁰⁹), — оказалъ сотнику любезное гостепріимство, въ которомъ дозволено было принять участіе и ап. Павлу съ его друзьями. Случилось, что въ это время отецъ Публія лежалъ въ горячкѣ, осложнявшейся болѣю въ животѣ (диссентеріей). Св. Лука былъ врачъ, но его искусство было не такъ дѣйствительно, какъ сила ап. Павла, который вошелъ въ комнату больного, помолился у его постели, возложилъ на него руки и исцѣлилъ его. Слухъ объ этомъ исцѣленіи распространился по всему острову, и вслѣдствіе этого жители отовсюду начали приводить къ нему больныхъ, и они получали исцѣленіе. Мы можемъ быть увѣрены, что ап. Павелъ, хотя и не основалъ здѣсь церкви, не упустилъ благоприятнаго случая для проповѣди евангелія. Онъ произвелъ глубокое и въ высшей степени благоприятное впечатлѣніе, и со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ знаками почтенія. Во время кораблекрушенія они навѣрно потеряли все, кромѣ быть можетъ тѣхъ денегъ, которыя они могли спасти на себѣ; поэтому они крайне нуждались въ помощи ²⁰¹⁰) и въ изобиліи получали ее отъ любви и благодарности островитянъ, которымъ невольное пребываніе ихъ на островѣ принесло столько благодѣяній.

Въ гавани Валетты зимовалъ и другой александрійскій корабль «Діоскуры», болѣе счастливый, чѣмъ его подвергшійся крушенію сотоварищъ; и когда опять открылась навигація, Юлій съ своими воинами и узниками сѣлъ на него, и онъ направился въ Сиракузы, отстоявшія отсюда на сто сорокъ верстъ. Во время этого путешествія ап. Павелъ впервые могъ любоваться исполинскимъ остовомъ Этны, перваго дѣйствующаго вулкана, какой только когда-либо онъ видѣлъ. Въ Сиракузахъ имъ пришлось пробыть въ теченіе трехъ дней, въ ожиданіи болѣе благоприятнаго вѣтра. Такъ какъ его однако же не наступало, то они отплыли по круговому направленію ²⁰¹¹), которое и привело ихъ въ Регіумъ (Ригію). Тутъ опять имъ пришлось прождать одинъ день, и когда подулъ южный вѣтеръ, котораго они только и желали, то они быстро понеслись чрезъ Мессинскій проливъ между хребтами снѣговыхъ горъ, и миновавъ слѣва огромный и вѣчно сверкающій конусъ Стромболи, на слѣдующій день, послѣ великолѣпнаго плаванія

на пространствѣ 320 верстъ, бросили якорь въ прелестномъ заливѣ Путеоль. Развернутый верхній парусъ могъ издали дать знать о прибытіи александрійскаго хлѣбнаго корабля всѣмъ досужимъ людямъ и празднующимъ этого веселаго порта, которые сотнями собирались на набережной пристани и съ криками привѣтствовали корабли, привозившіе хлѣбъ въ эти житницы Рима. Здѣсь ап. Павелъ встрѣтилъ неожиданную радость, именно нашелъ маленькую христіанскую общину, и братья просили его побыть у нихъ семь дней. Это дало ему возможность провести вмѣстѣ съ ними субботу и воскресенье, на что вполне согласился добрый и признательный Юлій. Здѣсь, такимъ образомъ, они могли отдохнуть въ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей на землѣ,

Виды въ Мессинскомъ проливѣ.

особенно когда Везувій еще не былъ дѣйствующимъ вулканомъ и до самой вершины зеленѣлъ виноградниками и садами. Ап. Павелъ не могъ безъ восторга взглянуть на роскошь и великолѣпіе окружающихъ городовъ. Вотъ были Баи, гдѣ къ негодованію Горація римскіе нобили построили дворцовъ надъ самымъ моремъ, и гдѣ кесарь, на судѣ передъ которымъ апостолу предстояло защищать свое дѣло, совершилъ гнусную трагедію умерщвленія своей матери, и преслѣдуемый ея фуріями бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто вдоль берега ²⁰¹²). Въ отдаленіи виднѣлась Пандатарія и другіе отдаленные скалистые островки, переполненные ссыльными изъ знатнѣйшихъ классовъ, гдѣ Агриппа Постумъ, послѣдній изъ истыхъ кесарей, пытался остановить муки голода жеваніемъ набивки своего матраца и гдѣ дочь великаго Августа въ невыразимой бѣдственности закончила свою позорную

жизнь. Неподалеку были Кумы, съ ихъ сивиллинской славой, Павзилипъ съ гробницей Virgilia, и Капрея, гдѣ двадцать три года передъ тѣмъ Тиверій довлѣчалъ до гроба свою жалкую старость. Неподалеку также находились небольшіе города Геркуланъ и Помпея, которые, блистая грекоподобною роскошью и веселостью жизни, конечно и не подозрѣвали, какъ скоро сосѣдняя гора похоронитъ ихъ подъ своей разрушительной лавой.

Заливъ ПUTEОЛСКІЙ.

Здѣсь, на свободѣ, среди братьевъ по вѣрѣ, ап. Павелъ провелъ семь мирныхъ дней. На восьмой день они отправились въ Римъ, который находился отсюда лишь въ 245 верстахъ. Извѣстіе о ихъ прибытіи дошло до христіанъ, и когда они прошли около 175 верстъ, миновавъ Капую и пройдя богатыми виноградниками Италіи, а также Помптинскими болотами, ап. Павелъ, Лука и Аристархъ среди барочниковъ и торговцевъ, тѣснившихся на Аппіевой площади ²⁰¹³), встрѣтили группу христіанъ, которые вышли почти на семьдесятъ верстъ, чтобы привѣтствовать ихъ. Дальше этого они не могли идти, такъ какъ отъ Арріи Forum въ Римъ можно было идти двумя путями, и сотникъ могъ предпочесть менѣе утомительный путь—каналомъ. Черезъ семнадцать верстъ дальше, въ Трехъ Тавернахъ, они встрѣтили другую группу христіанъ, которые также ожидали ихъ. Хотя въ Римѣ не много было преданныхъ ап. Павлу людей,

но онъ зналъ могущество, многочисленность и мятежность огромнаго собранія синагогъ въ большомъ городѣ, а отъ ихъ благосклонности или враждебности должна была зависѣть, говоря по-человѣчески, въ значительной степени его будущая судьба. Естественно поэтому, что когда онъ увидѣлъ эту небольшую толпу христіанъ, то возблагодарилъ Бога и ободрился вслѣдствіе такого доказательства ихъ любви. Его ничто такъ не ободряло и не вдохновляло, какъ именно человѣческое сочувствіе, и привѣтствіе со стороны этихъ собратій должно было озарить счастливымъ предзнаменованіемъ его приближеніе къ городу, въ который онъ, при всемъ своемъ давнемъ желаніи видѣть его, вступалъ теперь при гораздо болѣе печальныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ когда-либо могъ ожидать.

И вотъ среди все болѣе и болѣе интересныхъ картинъ, вдоль дороги, по которой все болѣе учащались великолѣпные памятники былаго, подвигалось впередъ смиренное триумфальное шествіе раба и узника Христова. Ап. Павлу приходилось видѣть много великолѣпныхъ городовъ въ своей жизни, но онъ не видѣлъ еще никогда города, къ которому бы вела столь прямая и дорогая по своему сооруженію дорога. Проходя мимо извѣстныхъ достопримѣчательностей, радушные собратья могли обращать его вниманіе на гробницы Сципіоновъ и Цециліи Метеллы, а также и тысячи другихъ гробницъ съ ихъ архитектурной красотой, поразительными барельефами и трогательными надписями; низкія сидѣнья для отдыха путниковъ черезъ каждые сорокъ футовъ; безчисленныя статуи Dei Viales; придорожныя таверны и безчисленный потокъ повозокъ для путешественниковъ всякаго класса—убогія *birotae*, удобныя *rhedae* и красивыя *carpenta*,—а также *lecticae* или носившіяся на плечахъ рабами носилки, съ которыхъ знатные путешественники высокомерно озирали массы пѣшеходовъ, взадъ и впередъ двигавшихся по дорогѣ къ могущественной столицѣ древняго мира. Кого только не было здѣсь! Преторы и проконсулы спѣшили къ своимъ провинціямъ или возвращались въ столицу въ своихъ государственныхъ формахъ, съ ликторами и другими знаками своей власти; легіоны и когорты двигались взадъ и впередъ, обгоняемые конными и летучими отрядами; посольства изъ отдаленныхъ странъ изумленно проходили по Аппіевой дорогѣ—въ своихъ разнообразныхъ костюмахъ, вплоть до бѣлыхъ шелковыхъ тюрбановъ на головахъ смуглыхъ лицъ...

Сколько взглядовъ презрительнаго любопытства навѣрно бросалось на скованнаго узника и его іудейскихъ друзей, когда они проходили подъ конвоемъ солдатъ! Но ап. Павлу все это было ничто, когда онъ зналъ, что ему не придется быть одинокимъ среди громадной и тѣсной пустыни человѣческихъ жилищъ, которыя онъ завидѣлъ впервые, когда они поднялись на склонъ Албанской горы. Быть можетъ, когда они оставили у себя слѣва Албанскую гору, собратья рассказали апостолу мрачную лѣтопись маленькаго храма Ариціи, построеннаго у берега очаровательнаго зеркальнаго, какбы дремлющаго озера, подъ сумрачной тѣнью деревъ котораго совершались ужасныя кровавыя боины жрецовъ. И такимъ

образомъ по все удлинявшимся рядамъ пригородныхъ виллъ и чрезъ все увеличивавшуюся толпу народа они достигли дѣйствительныхъ предѣловъ города, завидѣли Капитолій и императорскій дворецъ, прошли по рошѣ и мимо источника Эгеріи, съ его колоніей нищенствующихъ іудеевъ ²⁰¹⁴), миновали пирамиду Цестіа, и пройдя аркой Друза, Капенскими воротами ²⁰¹⁵), слѣва мимо «великаго цирка» и среди множества храмовъ, статуй и триумфальныхъ аркъ, достигли наконецъ *Excubitorium* или казармъ той части преторіанскихъ когортъ, обязанностью которыхъ было содержать стражу непосредственно у личности императора. Такъ то исполнилась давняя мечта ап. Павла, и вотъ въ мартѣ 61 года по Р. Х., въ седьмой годъ царствованія Нерона, въ консульство Цезеннія Пета и Петронія Турпиліана, онъ вступилъ въ Римъ.

Здѣсь оканчивалось служебное порученіе сотника Юлія, хотя мы едва ли можемъ предполагать, чтобы онъ совершенно забылъ и оставилъ безъ вниманія своего благороднаго узника, которому по Божію промысленію онъ обязанъ былъ своею собственною жизнью и безопасностью другихъ порученныхъ ему узниковъ. Оффициально однако же его связь съ узниками окончилась, когда онъ передалъ ихъ въ вѣденіе префекта преторіанской гвардіи. Съ этого времени, да и раньше, было всегда два *praefecti praetorio*, но въ этомъ именно году эту чрезвычайно важную должность занимало одно лицо—честный и солдатски-прямодушный Афраній Бурръ ²⁰¹⁶). Въ этомъ отношеніи ап. Павелъ былъ счастливъ, такъ какъ прямой и гуманный офицеръ едва ли могъ съ ненужною суровостью обращаться съ узникомъ, который не обвинялся въ какомъ либо страшномъ преступленіи, и во всякомъ случаѣ не въ такомъ, которое бы стоило особаго вниманія высокаго римлянина, и который притомъ имѣлъ за себя прекрасные отзывы какъ отъ прокураторовъ Іудей, такъ и отъ сотника, приведшаго его подъ конвоемъ изъ Іерусалима. Грубый и беспечный тиранъ могъ бы огуломъ заключить, что это какой нибудь сикарій (тайный убійца), которыми кишѣла въ то время Іудея, и такимъ образомъ подвергъ бы его безнадежному и невыносимому тюремному заключенію. Но доброе слово, замолвленное за него Юліемъ, и прямая честность Бурра оказали апостолу неоцѣнимую услугу: онъ былъ подвергнутъ только такого рода *custodia militaris*, какая извѣстна была подъ названіемъ *observatio* (военнаго надзора). Въ теченіе первыхъ трехъ дней онъ пользовался гостепріимствомъ какого то члена изъ христіанской общины ²⁰¹⁷), и впослѣдствіи ему позволено было нанять даже собственное помѣщеніе, съ полнымъ правомъ свободно сноситься съ своими друзьями—какъ письменно, такъ и лично. Правда, по римскому тюремному правилу его продолжали приковывать къ солдату, но это уже было неизбѣжное явленіе въ римской системѣ. Въ задобриваніи этого-то невыносимаго сотоварища его тюремнаго заключенія и могло сказываться наиболѣе благотворнымъ образомъ благорасположеніе его римскихъ друзей. Во всякомъ случаѣ, это было испытаніе, которое требовало не мало мужества и терпѣнія, а

для іудея оно было еще гораздо мучительнѣе, чѣмъ для язычника. Два язычника могли имѣть много у себя общаго, могли интересоваться общими предметами, руководиться общими началами и привычками; но іудей и язычникъ отдѣлялись взаимной антипатіей и могли постоянно приходить къ раздражительнымъ столкновеніямъ. Что на ап. Павлѣ тяжело отзывалось такое невольное сообщничество, это можно видѣть изъ его намековъ на «узы» или «двойственную цѣпь» въ каждомъ посланіи изъ узъ. Когда Агриппа впервые заключенъ былъ въ темницу Тиверіемъ, Антонія, изъ дружбы къ его роду, подкупомъ склонила преторіанскаго префекта Макрона, чтобы онъ отдалъ его въ вѣденіе добраго сотника, и насколько возможно заручилась тѣмъ, чтобы его приковывали къ добрымъ солдатамъ. Нѣчто подобное могло быть сдѣлано и для ап. Павла; но самая служба была раздражительна, и навѣрно были такіе солдаты, которые своимъ глупымъ и сварливымъ нравомъ причиняли ужасную пытку узнику. Однако даже на этихъ грубыхъ, необразованныхъ язычниковъ любезная, мягкая и обаятельная разсудительность апостола оказывала облагораживающее вліяніе. Если его приковывали къ солдату, то и солдата приковывали къ нему; и въ теченіе скучныхъ часовъ этой службы до смѣны не мало воиновъ могли съ радостью слушать изъ его устъ высокія истины христіанской вѣры — во всей ихъ безсмертной новизнѣ для нихъ. Бодрая вѣра апостола изъ самыхъ худшихъ испытаній дѣлала полезнѣйшее употребленіе, и слѣдствіемъ его продолжительнаго тюремнаго заключенія было распространеніе евангельскихъ истинъ въ средѣ лучшаго полка той арміи, которая менѣе столѣтія спустя имѣла въ своей средѣ «громоносный легіонъ», а менѣе чѣмъ черезъ три столѣтія послѣ этого замѣнила на своемъ знамени императорскаго серебрянаго орла ненавистнымъ дотолѣ орудіемъ пытки раба и казни убійцы—крестомъ.

Одною изъ самыхъ первыхъ заботъ апостола было созвать главныхъ членовъ іудейскаго населенія въ Римѣ и объяснить имъ свое положеніе. Обращаясь къ нимъ, какъ къ «братьямъ», онъ увѣрялъ ихъ, что не враждебенъ ихъ народу и не разрушаетъ ихъ учрежденій. Не смотря на это, онъ былъ схваченъ въ Іерусалимѣ и преданъ римскимъ властямъ. Однакоже римляне, по разслѣдованіи дѣла, объявили его совершенно невиннымъ и готовы были освободить, если бы противодѣйствіе іудеевъ не принудило его перенести свое дѣло на рѣшеніе кесаря. Но онъ всячески старался дать имъ понять, что онъ отнюдь этимъ не имѣлъ въ виду возстановить римской власти противъ своего народа, и что причина его оковъ была его вѣра въ исполненіе той мессіанской надежды, которую питалъ весь Израиль.

Отвѣтъ іудеевъ былъ очень дипломатиченъ. Раздѣленія въ ихъ собственной средѣ, возникшія, какъ мы видѣли, въ связи съ именемъ Христа, возбудили во всѣхъ такое негодованіе противъ нихъ, что менѣе чѣмъ десять лѣтъ предъ тѣмъ они подверглись разорительному и позорному изгнанію изъ Рима, по указу императора

Клавдія. Указъ этотъ, правда, не былъ со всею строгостью приведенъ въ исполненіе; но іудеямъ не хотѣлось опять подвергаться столь унижительному бѣдствію. Поэтому они дали неопредѣленный отвѣтъ, заявивъ (насколько истинно—мы не знаемъ), что ни письменно, ни словесно не получали никакого худаго извѣстія объ апостолѣ. Если бы кто либо изъ іудеевъ и отправились съ цѣлью поддерживать предъ кесаремъ обвиненіе противъ него со стороны синедріона, то они могли отправиться въ путь только въ одно время съ Юліемъ и такимъ образомъ могли быть задержаны тѣми же бурями. Іудеи однако желали узнать отъ ап. Павла сущность его религіозныхъ воззрѣній, а въ виду того, что онъ былъ завѣдомый христіанинъ, они могли сказать только, что *объ этомъ ученіи вездѣ спорятъ* ²⁰¹⁸). Такимъ отвѣтомъ они очевидно хотѣли сказать только какъ можно менѣе. Немыслимо, чтобы іудеи въ Римѣ никогда ничего не слышали противъ ап. Павла, но, будучи тонкими политиками, и видя, что къ ап. Павлу благосклонно относились знатныя лица, они не хотѣли сразу становиться къ нему во враждебныя отношенія. Кажущееся ихъ невѣденіе въ то же время не служитъ доказательствомъ противъ существованія въ Римѣ такой важной христіанской общины, къ какой ап. Павелъ обращается въ своемъ посланіи къ Римлянамъ ²⁰¹⁹). Іудеи могли гордиться двумя-тремя знатными прозелитами; и возможно, что Помпонія Грецина, жена Плавта, одного изъ покорителей Британіи, была христіанкой. Но если и такъ, то она давно уже была подвергнута строжайшему заключенію ²⁰²⁰), а обращеніе консула Флавія Клемента и его жены, Флавіи Домициллы, замученныхъ Домиціаномъ, произошло лишь нѣкоторое время спустя. Христіанская церковь состояла изъ самаго низкаго населенія, и ея іудейскіе и языческіе члены вѣроятно составляли двѣ почти отдѣльных общины, подъ главенствомъ отдѣльных пресвитеровъ ²⁰²¹). Конечно, съ необрѣзанными христіанами изъ язычниковъ низкаго разбора представители іудеевъ не могли входить въ какое-либо общеніе, даже если бы они знали о ихъ существованіи. Но нужно помнить, что Римъ въ это время былъ городомъ съ болѣе чѣмъ двухмилліоннымъ населеніемъ. Поэтому, нѣтъ ничего невѣроятнаго, еслибы среди такого огромнаго населенія одна небольшая «секта» была совершенно неизвѣстна постороннимъ, какъ это часто и теперь бываетъ въ большихъ городахъ.

Такъ какъ однако же римскіе іудеи выразили желаніе получить дальнѣйшія свѣденія о христіанствѣ, то ап. Павелъ просилъ ихъ назначить особый день для выслушанія того, что онъ изложитъ имъ. Они собрались къ нему въ значительномъ числѣ. Что тутъ могли быть приглашены только главнѣйшіе представители ихъ общины, это ясно само собою. Помѣщеніе ап. Павла могло принять только маленькое число іудеевъ, которыхъ въ это время въ Римѣ было до 60,000 человекъ. Въ Римѣ, какъ думаютъ, было семь синагогъ ²⁰²²) и однихъ начальниковъ въ нихъ было столько, что вѣроятно къ нимъ только и могъ ап. Павелъ обратиться съ рѣчью. Въ теченіе цѣлаго дня, отъ разсвѣта до вечера, онъ изла-

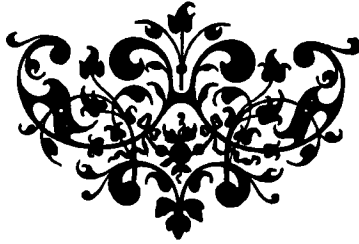
галъ предъ ними свое личное свидѣтельство и приводилъ доводы изъ св. писанія. Что бесѣда его не прошла безслѣдно, это видно изъ самой ея продолжительности; но все таки лишь немногіе убѣдились, а всѣ другіе остались при своемъ невѣріи. Бесѣда къ концу пріобрѣла даже нѣсколько бурный характеръ, и прежде ея окончанія ап. Павелъ обратился къ невѣрующимъ съ рѣчью, напоминающею его прежнюю энергическую пылкость, причемъ онъ приложилъ къ нимъ мѣсто изъ пророка Исаи, нѣкогда приводившееся и Спасителемъ, именно, что они не узрятъ и не услышатъ, ибо не *хотятъ* ни видѣть, ни слышать, и что ихъ слѣпота и глухота есть карающее слѣдствіе огрубѣнія сердецъ ихъ. И затѣмъ оно сурово предостерегалъ ихъ, что спасеніе Божіе теперь посылалось язычникамъ, и что они услышатъ предлагаемое имъ благовѣстіе ²⁰²³).

Съ этихъ поръ ап. Павелъ пошелъ своей собственной дорогой, не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ сношеній съ своими упорными соотечественниками. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ онъ оставался въ Римѣ закованнымъ узникомъ, но жилъ на своемъ собственномъ иждивеніи ²⁰²⁴), ободряемый посѣщеніями своихъ наиболѣе преданныхъ и возлюбленнѣйшихъ соработниковъ. Тихій и набожный Тимоѣей навѣрно служилъ ему въ качествѣ писца и, конечно, оказывалъ ему чисто сыновнюю любовь (Фил. і, 1; ц, 19 сл.; Кол. і, 1; Филим. 1); высокообразованный Лука былъ его исторіографомъ и врачомъ (Кол. iv, 14, Фил. 14); Аристархъ такъ неотступно ухаживалъ за нимъ, что получилъ названіе его союзника (Кол. iv, 10; Фил. 24); Тихикъ приносилъ ему извѣстія изъ Ефеса (Еф. vi, 21; Кол. iv, 7); Епафродитъ ободрялъ его сердце приношеніями, показывавшими благородную привязанность къ нему церкви Филиппійской (Фил. ii, 25; iv, 18); Епафрасъ приходилъ къ нему совѣтоваться касательно ересей, начинавшихъ закрадываться въ церкви Лаодикии, Іераполя и Колоссъ (Кол. і, 7, iv, 12); Маркъ, любезный апостолу какъ племянникъ Варнавы, болѣе чѣмъ вознаградилъ за прежнюю нетвердость своимъ теперешнимъ постоянствомъ (Кол. iv, 10; Фил. 24; 2 Тим. iv, 11), и Димасъ еще не поколебалъ того добраго мнѣнія, которымъ онъ пользовался на первыхъ порахъ (Кол. iv, 14; Фил. 24 2; Тим. iv, 10). Время отъ времени какой-нибудь интересный случай изъ его служенія, вродѣ посѣщенія и обращенія Онисима, облегчалъ скучное однообразіе его узничества (Кол. iv, 9; Фил. 10). Да и вообще время заключенія не проводилось безслѣдно, какъ это отчасти было въ Кесаріи. Въ теченіе всего этого періода апостолъ продолжалъ проповѣдывать царствіе Божіе, открыто уча о Господѣ Іисусѣ Христѣ «невозбранно».

Этимъ вѣсскимъ словомъ ἀκολύτωςъ заканчивается повѣствованіе книги Дѣяній Апостольскихъ. Изъ посланій, написанныхъ въ узахъ, мы узнаемъ, что несмотря на свою скованность въ одной комнатѣ апостолъ своимъ изустнымъ ученіемъ пріобрѣлъ многихъ обращенцевъ, изъ которыхъ иные по крайней мѣрѣ были люди вліятельные, и такъ какъ воины одинъ за другимъ приковывались къ нему, то

не только его узы, но и его благовѣстіе стали извѣстны всей преторіанской гвардіи. Кромѣ того Богъ обратилъ это двухлѣтнее тюремное заключеніе ап. Павла и ко благу всего міра. Два тюремныхъ заключенія вдали отъ книгъ, вдали отъ всякой возможности публичной проповѣди, каждое продолжавшееся въ теченіе двухлѣтняго періода и раздѣленные между собою лишь ужаснѣйшимъ кораблекрушеніемъ — какимъ печальнымъ бѣдствіемъ были бы они для большинства людей! И однако же во время перваго изъ этихъ тюремныхъ заключеній, даже помимо всего другаго, мы видимъ, что мысли ап. Павла все болѣе и болѣе созрѣвали какбы въ безмолвномъ возрастаніи; а во время этого втораго тюремнаго заключенія онъ написалъ посланія, которыя дали ему возможность оказывать на весь міръ гораздо болѣе сильное вліяніе въ пользу церкви Христовой, чѣмъ если бы онъ все это время посвятилъ бесѣдамъ въ синагогахъ и миссіонерскимъ путешествіямъ по всѣмъ странамъ земли.

Гладиаторы
(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XLV.

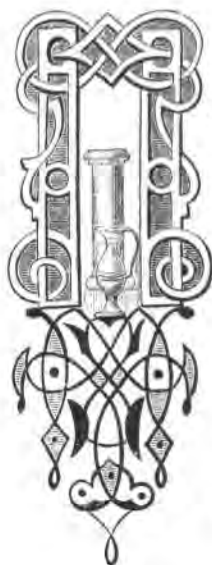
ПРЕБЫВАНІЕ АП. ПАВЛА ВЪ РИМѢ.

Городъ этотъ—кабъ вселенная въ сокращеніи.

Аениагоръ.

Fumum et opes strepitumque Romae.

Горацій.

ПРЕБЫТІЕ ап. Павла въ Римѣ во многихъ отношеніяхъ было поворотнымъ пунктомъ въ его апостольской дѣятельности, и такъ какъ онъ трудился тамъ столь долгое время, то важно и интересно изслѣдовать то состояніе вещей, съ которымъ ему пришлось сталкиваться во время его долгаго пребыванія тамъ.

Самаго города онъ вѣроятно мало или вовсе не видѣлъ до самаго освобожденія, кромѣ, разумѣется, тѣхъ летучихъ видовъ, которые представились ему по пути къ мѣсту заключенія. Хотя его друзьямъ и былъ свободный доступъ къ нему, но самому ему не позволялось посѣщать ихъ, и притомъ скованный іудейскій узникъ не могъ свободно ходить по городу съ своимъ караульнымъ воиномъ. Тѣмъ не менѣе, по пути

къ преторіанскимъ казармамъ онъ долженъ былъ отчасти видѣть узкія и кривыя улицы, равно какъ и большія открытыя площади древняго Рима; видѣлъ сколько-нибудь блескъ общественныхъ зданій и убожество бѣднѣйшихъ кварталовъ, какъ и вообще поражающій контрастъ между показною роскошью неистощимаго богатства и жалкимъ ниществомъ хроническаго пауперизма ²⁰²⁵). И въ теченіе своего пребыванія въ столицѣ міра онъ навѣрно часто видѣлъ или слышалъ о томъ, какимъ опасностямъ отовсюду подвергались тамъ густыя массы человѣческихъ существъ ²⁰²⁶), о томъ, какъ люди подвергались искалѣченію отъ неуклюжихъ саггусае, громыхающихъ по улицамъ съ массой огромныхъ камней или брусевъ, какъ рушились дома, не выдерживавшіе на своихъ непрочныхъ основаніяхъ взымавшіеся на нихъ этажи надъ этажами; какъ женщины и дѣти задавливались потокомъ празднаго люда, стремившагося присутствовать при ужасающей кровавой бойнѣ въ амфитеатрѣ; слышалъ о насиліяхъ ночныхъ разбойниковъ, о непреодолимой ярости частыхъ пожаровъ ²⁰²⁷). Само собой понятно, что ему не позволили бы искать себѣ помѣщенія въ іудейскомъ кварталѣ за Тибромъ, такъ какъ ему необходимо было сообразоваться съ удобствами смѣны воиновъ, на обязанности которыхъ было стеречь его. Возможно, правда, что онъ могъ помѣщаться гдѣ-нибудь по близости казармъ, но кажется болѣе вѣроятнымъ, что помѣщавшіеся тамъ преторіанцы были слишкомъ обременены караулами во дворцѣ, чтобы имъ оставался досугъ для содержанія подъ стражей неограниченнаго числа отдѣльныхъ узниковъ. Поэтому мы заключаемъ, что помѣщеніе ап. Павла находилось гдѣ-нибудь въ ближайшихъ предѣлахъ самихъ преторіанскихъ казармъ. Среди заключенныхъ тамъ узниковъ онъ могъ видѣть іудейскихъ священниковъ, которые были отправлены въ Римъ Феликсомъ и которые заслужили отъ своего народа высокое одобреніе за воздержаніе, наложенное ими на себя въ рѣшимости не осквернить себя никакимъ видомъ нечистой пищи ²⁰²⁸). Здѣсь также онъ могъ видѣть Карадока, британскаго принца, геройское сопротивленіе и простое благородство котораго вызывали похвалу даже у его римскихъ враговъ ²⁰²⁹). То обстоятельство, что апостолъ находился не въ тѣсныхъ городскихъ предѣлахъ, давало ему возможность съ меньшей платой достать лучшее помѣщеніе, чѣмъ какой-нибудь душный чердакъ, которые, по выразительному описанію Ювенала, были въ одно и то же время и до разорительности дороги и до безобразія неудобны. Имѣя въ виду его положеніе въ качествѣ узника, нужно допустить, что жизнь его не была особенно тяжела. Если ему и приходилось страдать отъ тяжелыхъ огорченій, то въ то же время онъ могъ и благодарить Бога за разныя счастливыя облегченія его доли. Правда, ему приходилось болѣть душой при видѣ долгаго неосуществленія его надеждъ и испытывать огорченія отъ тяжелыхъ проволочекъ судебной процедуры. Разборъ его дѣла отложенъ былъ на неопредѣленное время—быть можетъ вслѣдствіе потери во время кораблекрушенія сдѣланнаго о немъ Фестомъ *elogium*'а, вслѣдствіе неявки его обвинителей, вслѣдствіе затягиванія

ими дѣла съ цѣлью выиграть время для того, чтобы достать необходимыхъ свидѣтелей, или, быть можетъ, вслѣдствіе легкомысленной и безчеловѣчной безпечности того жалкаго юноши, который въ то время былъ императоромъ міра. Онъ былъ опечаленъ отверженіемъ его ученія со стороны его невѣрующихъ соплеменниковъ, а также враждебностью и подозрительностью іудействующихъ христіанъ. Онъ не могъ не чувствовать унынія при видѣ того, какъ иные проповѣдывали Христа съ низкими и злобными цѣлями увеличить тяжесть его узъ (Фил. 1, 16). Сердце его должно было иногда обливаться кровью при видѣ выростанія тонкихъ ересей въ младенчествующей церкви ²⁰³⁰). Но, съ другой стороны, теперь онъ былъ по крайней мѣрѣ свободенъ отъ опасностей и тревоженій минувшихъ двадцати лѣтъ; и въ то же время онъ былъ лишенъ возможности, а слѣдовательно и избавленъ отъ тяжелой необходимости непрерывнымъ трудомъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. И затѣмъ, если имъ пренебрегали іудеи и іудействующие, то зато благосклонно относились многіе язычники; если его благовѣстіе и искажалось недостойными проповѣдниками, то всетаки Христосъ проповѣдывался; если его узы были тяжки, то всетаки они вдохновляли другихъ ревностью и мужествомъ; если одинъ видъ дѣятельности по волѣ Божіей прекратился, зато другіе все еще были открыты ему, и укрѣпляя отдаленныя церкви своими посланіями и посланниками, онъ въ то же время все шире распространялъ благовѣстіе Божіе въ императорскомъ Римѣ. Онъ лишь съ малыми успѣхами проповѣдывалъ въ Аѳинахъ, которыя были по преимуществу сѣдалищемъ челоуѣческаго разума; но онъ ежедневно пожиналъ плоды своихъ трудовъ въ столицѣ имперіи, — въ городѣ, который вырвалъ скипетръ изъ рукъ своего старшаго брата, — въ столицѣ того народа, который былъ представителемъ закона, порядка и величія міра.

Чтобы многіе изъ знатныхъ классовъ обращались къ его ученію, это едва ли вѣроятно, равно какъ нѣтъ ни капли истины въ томъ преданіи, поддерживавшемся подложными письмами, будто философъ Сенека былъ однимъ изъ его друзей и велъ съ нимъ переписку. Мы видѣли, что Галліонъ съ надменностью игнорировалъ даже самое его существованіе; а Сенека какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, несомнѣнно раздѣлялъ чувства своего брата. Въ своихъ обширныхъ сочиненіяхъ онъ едва намекаетъ на христіанъ, и даже въ этихъ случаяхъ говоритъ совершенно тѣмъ же языкомъ, который употребляли на много лѣтъ позднѣе и слѣдовательно съ гораздо меньшею извинительностью даже такіе просвѣщенные умы какъ Плиній, Тацитъ, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій. Ничего не можетъ быть менѣе сроднаго съ внутреннимъ духомъ христіанства, чѣмъ пышное и пустое высокомеріе этого дилеттантскаго стоицизма, который Сенека проповѣдывалъ въ каждомъ своемъ письмѣ и трактатѣ и который онъ ниспровергалъ всѣмъ тономъ своей жизни. Правда, онъ умѣлъ постигнуть нѣкоторыя великія нравственныя начала, которымъ онъ и давалъ краснорѣчивое выраженіе; но они принадлежали духу того вѣка, когда христіанство носилось

въ воздухѣ и когда возвышеннѣйшія натуры, измученныя омерзительностью или пресыщеніемъ всеобщаго порока, находили убѣжище въ коллективныхъ мысляхъ мудрецовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Сомнительно, чтобы Сенека когда либо могъ слышать о христіанахъ что нибудь больше простаго ихъ имени; объ іудеяхъ онъ говорить только съ неискоренимымъ презрѣніемъ. Заурядная жизнь богатаго и знатнаго римлянина во время ап. Павла была слишкомъ подѣлена между отвратительнымъ страхомъ и невыразимымъ распутствомъ, чтобы ее помимо почти чудеснаго озаренія можно было тронуть добромъ.

Положеніе низшихъ классовъ дѣлало ихъ болѣе способными къ воспріятію облагораживающаго вліянія вѣры Христовой. Правда, что они жили также среди всевозможныхъ мерзостей растлѣнія. Но для нихъ порокъ представлялся во всей своей наготѣ и возмутительной гнусности, и у нихъ не было богатства для прикрытія его мерзостей внѣшней позолотой. Жизнь и ея искушенія представлялись въ совершенно иномъ видѣ для господина, который могъ свободно располагать душами и тѣлами тысячи безпомощной челяди, и для жалкаго раба, который былъ жертвою его капризовъ и тиранніи. Какъ и во всякомъ городѣ, гдѣ рабы далеко превосходили своею численностью свободное населеніе, ихъ приходилось поддерживать въ подчиненіи законами ужасающей жестокости. Неудивительно, что обращаясь съ письмомъ къ церкви, столь многіе члены которой находились въ этомъ печальномъ состояніи, ап. Павелъ считалъ необходимымъ внушать имъ долгъ послушанія и почтенія къ предрежающимъ властямъ (Рим. xiii, xiv). Въ домѣ богатаго римлянина были рабы всякаго званія, всякой народности и всякаго образованія, и считались не десятками, а сотнями. Господинъ могъ убить или замучить своего раба безнаказанно; но если кто нибудь изъ нихъ, доведенный невыносимою несправедливостью до запальчиваго мщенія, осмѣливался поднять руку противъ своего владѣтеля, то всѣ члены его familia, съ ихъ женами и дѣтьми, какъ бы онѣ ни были невинны, предавались смерти ²⁰⁸¹). Римская дама великолѣпно выглядѣла на пиру, но предъ этимъ она заклеила раскаленнымъ желѣзомъ злополучную дѣвушку-рабыню, которая невѣрно сдѣлала ей локонъ ²⁰⁸²). Триклиніи пира блистали драгоценностями и муринскими чашами; но если рабъ случайно ронялъ какую нибудь хрустальную вазу, то его могли тотчасъ же бросить въ пищу рыбамъ въ увеселительномъ пруду его господина. Сенаторъ и всадникъ, благодушно развалившись на мягкихъ подушкахъ въ амфитеатрѣ, съ наслажденіемъ смотрѣли на отчаянную борьбу гладіаторовъ; но для гладіатора это значило выносить всю омерзительную дикость lanista и принимать страшную клятву, что онъ «какъ истый гладіаторъ» позволяетъ себя вязать, жечь, бить или убивать—по желанію его собственника ²⁰⁸³). Въ Римѣ, конечно, было много и добрыхъ господъ; но система рабства была сама по себѣ безнадежно развращенной, и мы не можемъ удивляться, а можемъ только радоваться, что начиная съ дома Кесаря и ниже въ этомъ состояніи было много такихъ,

которые находили въ христiанскомъ ученiи свѣтъ и миръ небесный. Какъ ни была низка ихъ земная доля, они такимъ образомъ получали столь надежную и утѣшительную вѣру, что въ самыхъ катакомбахъ они окружали мрачные памятники смерти эмблемами мира и красоты и въ своихъ причудливыхъ, безграмотныхъ надписяхъ выражали сіяющее блаженство и безграничную надежду.

Гробница Цециліи Метеллы въ Римѣ.

Отъ римской аристократіи такимъ образомъ ап. Павлу нечего было ожидать, равно какъ нечего и бояться; вся жизнь этихъ классовъ — физическая, нравственная и умственная — шла совершенно по чуждому для него пути. Среди народныхъ массъ главнымъ образомъ онъ могъ разсчитывать на обращеніе изъ язычества, а отъ іудеевъ съ одной стороны и отъ императора съ другой ему

приходилось лишь наиболѣе опасаться за себя. Первый страшный ударъ, направленный на церковь среди язычниковъ, былъ нанесенъ императоромъ, и рука императора, какъ вѣроятно, направлялась тайнымъ коварствомъ іудеевъ. Этого удара—взрыва Неронова гоненія—ап. Павелъ правда избѣгъ на время, благодаря промыслу, освободившему его изъ тюремнаго заключенія какъ разъ передъ великимъ пожаромъ Рима; но такъ какъ онъ избѣгъ его только на время и такъ какъ оно обрушилось на многихъ, кого онъ поучалъ и любилъ, то мы и укажемъ эти двѣ главныя силы антихриста въ императорской столицѣ.

I. Іудеи начали приобрѣтать значеніе въ Римѣ, какъ мы видѣли, со времени Помпея ²⁰³⁴). Юлій Цезарь, какъ сообщаетъ Филонъ, питалъ нескрываемое удивленіе къ той мужественной независимости, съ которой они держались вдали отъ идолопоклонническаго раболѣпства, охватившаго все выродившееся римское общество, и позволилъ имъ селиться на большомъ участкѣ за Тибромъ и ежегодно отправлять депутаціи и храмовую подать въ свой святой городъ. Съ этого времени они стали постоянной мишенью полупрезрительнаго и полутревожнаго остроумія и негодованія римскихъ писателей. Отведенный имъ участокъ, по своей близости къ пристанямъ, гдѣ обыкновенно разгружались барки изъ Остіи, былъ чрезвычайно удобенъ для той мелочной торговли, которою они главнымъ образомъ занимались ²⁰³⁵). Они увеличивались въ численности почти съ невѣроятною быстротою. Особыя корзины съ клочками сѣна, бывшія ихъ неразлучною принадлежностью и предназначавшіяся для предохраненія ихъ отъ опасности вкушенія нечистой пищи, были извѣстны повсюду. Марціалъ описываетъ, какъ іудейскіе разносчики своимъ завываньемъ прерывали его утренній сонъ, а Ювеналъ жалуется на тѣ способы, которыми ихъ женщины, подобно цыганкамъ, пробирались въ будуары богатыхъ и глупыхъ римскихъ дамъ для истолкованія ихъ сновъ ²⁰³⁶). Иные изъ нихъ, съ тонкою изворотливостью, сдѣлавшею бы честь самимъ грекамъ, вторгались во всякій домъ и принимались за всякое дѣло, съ полнѣйшимъ безстыдствомъ погружались въ языческіе пороки и дѣлались полезными орудіями богатаго разврата и беззастѣнчивыми довѣренными «золотой молодежи» ²⁰³⁷). Нѣкоторые дѣлались фаворитами при дворѣ и приобрѣтали номинальных прозелитовъ изъ знатныхъ дамъ, которыя подобно Поппеѣ обладали всѣмъ кромѣ добродѣтели ²⁰³⁸). Но каково бы ни было ихъ положеніе, они одинаково были ненавидимы массою населенія. Если они измѣняли своей религіи, ихъ поносили какъ вѣроотступниковъ; если они оставались вѣрны ей, то ихъ субботы, ихъ обрѣзаніе и ихъ отвращеніе къ свиньѣ, ихъ формы клятвы, ихъ иллюминаціи и торжественныя празднества подвергались злобнымъ издѣвательствамъ ²⁰³⁹), какъ признаки отвратительнѣйшаго суевѣрія. Если римлянинъ видѣлъ группу іудейскихъ нищихъ, то онъ съ омерзеньемъ отворачивался отъ нихъ; замѣтивъ статую какого нибудь іудейскаго царя или Алабарха, онъ съ негодованіемъ проходилъ мимо нея,

видя въ ней доказательство развращенности вѣка. Богатый или бѣдный, иродіанскій князь, или жалкій продавецъ спичекъ—іудей для латинскихъ расъ былъ предметомъ отвращенія и презрѣнія. Къ нимъ относились съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ гражданинъ Санъ-Франциско относится къ китайскому переселенцу, какъ вторженцу, конкуренція котораго опасна, — какъ къ чужеземцу, обычаи котораго омерзительны. И не смотря на это, іудеи страшно заставляли чувствовать свое присутствіе. Римъ, столь терпѣливый и равнодушный въ своихъ собственныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, иногда былъ поражаемъ изумленіемъ при яростной буйности ихъ внутреннихъ споровъ. Цицеронъ, за сто двадцать лѣтъ до этого періода, гордился своею смѣлостью при защитѣ Флакка противъ ихъ обвиненій, хотя былъ вынужденъ говорить свою рѣчь пониженнымъ тономъ въ голосъ, изъ опасенія возбудить мятежъ среди тысячъ іудеевъ, осаждавшихъ судъ съ цѣлю изобличенія своего врага. Здравомыслящіе квиниты съ изумленіемъ слушали ихъ дикіе вопли вокругъ погребальной колесницы ихъ покровителя Юлія Цезаря²⁰⁴⁰). Даже поэты и сатирики показываютъ, что тѣ, которые, увлекаемые суевѣріемъ, усвоивали нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ, далеко не были малочисленны по количеству, или незначительны по положенію²⁰⁴¹).

При императорѣ Августѣ ихъ положеніе въ сущности не измѣнилось. Тиверій, считая ихъ опаснымъ элементомъ въ населеніи, пытался задерживать увеличеніе ихъ численности безпощадными военными наборами и высылками. Кай, съ другой стороны, при всей грубости своего отношенія къ самымъ почтеннымъ ихъ посланникамъ, настолько былъ привязанъ къ старшему Агриппѣ, что уважалъ ихъ религіозныя и политическія права. Положеніе иродіанскихъ князей при дворѣ давало имъ достаточную возможность покровительствовать іудеямъ въ теченіе большей части царствованія Клавдія. Въ царствованіе Нерона и, слѣдовательно, въ самое время тюремнаго заключенія ап. Павла, они втайнѣ пользовались могущественнымъ покровительствомъ, такъ какъ Поппея никогда не задумывалась заступаться за нихъ и отдала даже приказаніе, чтобы послѣ ея смерти тѣло ея, согласно съ іудейскимъ обычаемъ, было погребено, а не сожжено.

II. Если ап. Павлу немного можно было ожидать отъ іудейской общины въ Римѣ, то еще меньше у него было основанія полагаться на справедливость, милосердіе или даже простую внимательность кесаря, съ апелляціей къ которому онъ обратился по своему дѣлу. Первые три кесаря были истинные государственные люди и умные правители. Для Кая смягчающимъ обстоятельствомъ могло служить природное уменіе. Клавдій освобождался отъ презрѣнія извѣстною долею образованія и природнаго благодушія. Но Неронъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ хуже всѣхъ своихъ предшественниковъ. При безнадёжной порочности, неисцѣлимой легкомысленности, при отсутствіи всякаго образованія, кромѣ смѣшной или жалкой выложенности, его самолюбіе настолько воспалялось отъ неограниченнаго самовластія, что не было такого преступленія, къ которому бы

онъ не былъ способенъ, не было такой низости, къ которой бы онъ не готовъ былъ снизойти. Человѣчество никогда еще не вручало императорскаго самовластия болѣе презрѣнному члену своего рода. Это былъ балаганный актеръ, надѣленный безотвѣтственной властью. Во всякой благородной душѣ онъ возбуждалъ ужасъ, облегчавшійся лишь презрѣніемъ. Первые пять лѣтъ его царствованія, то «золотое *quingennium*», которое считалось идеаломъ счастливаго управленія—были простой иллюзіей ²⁰⁴²). Внѣшній успѣхъ и благополучіе этихъ лѣтъ зависѣли исключительно отъ мудрыхъ совѣтовъ Бурра и Сенеки, такъ какъ Неронъ, которому было только семнадцать лѣтъ, когда его отчимъ Клавдій былъ отравленъ его матерью Агриппиной,—былъ слишкомъ невѣжественъ, безпеченъ или преданъ личнымъ удовольствіямъ, чтобы оспаривать ихъ. Но въ отношеніи его личнаго поведенія и поведенія Агриппины даже и эти пять лѣтъ ознаменовались страшными жестокостями и низостями, худшія изъ которыхъ и передать невозможно. Самый первый его годъ ознаменовался не только открытою неблагодарностью къ его друзьямъ, но также умерщвленіемъ Юнія Силана и отравленіемъ юнаго сына Клавдія Британника, четырнадцатилѣтняго мальчика, у котораго онъ похитилъ престолъ. Второй годъ ознаменовался безобразными подвигами ночнаго маскированного мародерства среди мирныхъ подданныхъ. Затѣмъ онъ, пройдя всю бездну порока и преступленія, дошелъ до убійства своей матери, публичной игры въ театрѣ ²⁰⁴³), бѣгства изъ одного мѣста въ другое подъ ужасающимъ гонительствомъ мучимой совѣсти, и наконецъ, когда онъ нашель, что даже и такихъ преступленій было недостаточно для того, чтобы омерзить раболѣпство или поколебать преданность своего народа, онъ предался самому отвратительному распутству. Это послѣднее обстоятельство дало ему смѣлость сбросить всякую тѣнь внѣшняго контроля. Вскорѣ послѣ прибытія ап. Павла Бурръ умеръ—не безъ подозрѣнія, что онъ былъ отравленъ своимъ царственнымъ властелиномъ. Неронъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы лишить Сенеку его высокаго положенія. Чтобы занять освободившуюся со смертію Бурра вакансію, онъ возвратился къ прежнему порядку и назначилъ двухъ преторіанскихъ префектовъ. Это были Феній Руфъ, человѣкъ безъ всякаго личнаго значенія, но пользовавшійся популярностью ради своего благодушнаго характера ²⁰⁴⁴), и Софоній Тигеллинъ, одинъ изъ худшихъ людей того худаго вѣка. Тигеллинъ былъ милъ Нерону по необычайной жестокости и порочности своей натуры, и практически ему была ввѣрена вся власть ²⁰⁴⁵). Ссылка и затѣмъ умерщвленіе жены Нерона Октавіи, несчастной дочери Клавдія, совершились въ томъ самомъ году, когда ап. Павелъ прибылъ въ Римъ.

Таковы то были обстоятельства, о которыхъ ап. Павлу быть можетъ приходилось слышать по секрету отъ содержавшихъ надъ нимъ караулъ преторіанцевъ; и если его положеніе стало болѣе тяжелымъ съ возвышеніемъ такого негодяя, какъ Тигеллинъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ также сознавать, что его надежды на будущее еще болѣе омрачились съ паденіемъ Сенеки, и особенно

вслѣдствіе того, что теперь тиранія гнуснаго матереубійцы, передъ судилищемъ котораго ему надлежало скоро предстать, сдѣлалась совсѣмъ необузданною. Но если мрачныя опасенія касательно исхода предстоящаго суда чередовались съ мимолетной надеждой, то всетаки ни естественный страхъ, ни земныя надежды нисколько не нарушали тихой безмятежности его души. Онъ спокойно продолжалъ исполнять свой долгъ, насколько это возможно было для него въ состояніи узничества, а обо всемъ остальномъ онъ зналъ, что жизнь его въ рукахъ Божіей, и что ожидала ли его жизнь или смерть — все было его, какъ настоящее, такъ и будущее, а самъ онъ Христовъ, а Христосъ Божій. Какъ на сценѣ бурной общественности, такъ и въ уединенности своего печальнаго заключенія его жизнь одинаково была сокрыта со Христомъ въ Богѣ.

Реджіо (древній Регіумъ или Ригія).

ГЛАВА XLVI.

ПОСЛАНИЯ, НАПИСАННЫЯ ВЪ УЗАХЪ.

Павелъ—узникъ Иисуса Христа.

Филим. 1.

СТОРИЮ перваго тюремнаго заключенія ап. Павла, равно какъ и занимавшія его тогда мысли, можно извлечь только изъ посланій, написанныхъ въ узахъ. Существующія посланія ап. Павла естественно распадаются на четыре связанныхъ между собою группы, «отдѣленные одна отъ другой какъ хронологическими промежутками, такъ и внутренними особенностями». Это именно, во-первыхъ, посланія втораго миссіонерскаго путешествія (1 и 2 Тесс.); во-вторыхъ, посланія третьяго миссіонерскаго путешествія (1 и 2 Кор., Галат., Рим.); въ-третьихъ, посланія во время перваго тюремнаго заключенія (Филип., Колос., Филим., Ефес.) и наконецъ посланія втораго тюремнаго заключенія (1 и 2 Тим., Тит.). Изъ этихъ группъ первую составляютъ посланія эсхатологическія (1 и 2 Тесс.); вторую—посланія, имѣющія противоудейскій поле-

мическій характеръ (1 и 2 Кор., Галат., Рим.); третью—посланія противъ зарождающагося гностицизма (Колос., Ефес.) и четвертую—пастырскія посланія (1 и 2 Тим., Тит.). Посланія къ Филиппійцамъ и къ Филимону во многихъ отношеніяхъ стоятъ отдѣльно отъ той группы, къ которой они относятся.

1. Первые посланія, къ Θεσσαλονикійцамъ, самыя простыя по своему содержанию и изложенію и занимаются главнымъ образомъ (какъ мы видѣли) вопросомъ о второмъ пришествіи Христа. Они написаны были около 52 г. по Рожд. Хр.

2. Слѣдующая большая группа посланій можетъ быть названа въ одномъ отношеніи полемическими письмами, направленными противъ іудеевъ. Эта группа содержитъ два посланія къ Коринѣянамъ, которыя показываютъ методъ ап. Павла въ разсмотрѣніи вопросовъ ученія и дисциплины въ безпокойной, умственно дѣятельной и отчасти недовольной церкви, и посланія къ Галатамъ и Римлянамъ. Они были написаны между 57 и 58 годами по Рожд. Хр., въ періодъ, отличавшійся особенной бурностью и напряженіемъ въ жизни апостола, физическимъ страданіемъ и умственнымъ безпокойствомъ, слѣды которыхъ глубоко напечатлѣлись на самомъ слогѣ посланій.

Изъ нихъ посланія къ Коринѣянамъ по преимуществу занимаются личнымъ вопросомъ касательно апостольства Павла. Его іудейско-христіанскіе противники находили гораздо легче подрывать его авторитетъ, чѣмъ опровергать его доводы. Поэтому для него сдѣлалось долгомъ и необходимою доказывать даже свое право въ качествѣ учителя, имѣющаго равный авторитетъ съ верховнѣйшими изъ двѣнадцати апостоловъ.

Посланія къ Галатамъ и Римлянамъ содержатъ защиту его главного положенія въ отношеніи закона, опредѣленіе отношеній между христіанствомъ и іудействомъ, и изложеніе и доказательство Евангелія, ввѣреннаго ему особымъ откровеніемъ. Изъ нихъ послѣднее имѣетъ болѣе спокойный, полный и болѣе примирительный тонъ и служить лучшимъ комментариемъ для перваго.

Посланіе къ Филиппійцамъ беретъ свой главный мотивъ въ совершенно отличномъ порядкѣ идей. Въ немъ мы только слышимъ замирающіе отголоски великой борьбы, и если одинъ взрывъ сильнаго негодованія противъ противниковъ (ц, 3—6, 18) напоминаетъ намъ о пылкости посланія къ Галатамъ, то съ другой стороны здѣсь апостолъ подавляетъ въ себѣ естественное чувство глубокаго личнаго оскорбленія и даже произноситъ выраженіе радости, что эти самыя противники, каковы бы ни были ихъ побужденія, все еще остаются проповѣдниками Евангелія Христова (і, 14—20).

3. Слѣдующія два посланія—посланія къ Колоссянамъ и Ефесянамъ—отмѣчаютъ собою возникновеніе новаго фазиса заблужденія. Они составляютъ полемику съ зарождающимся гностицизмомъ. Отсюда также они являются главнымъ образомъ какъ посланія христологическія и церковныя, посланія христіанской догматики, посланія вселенской церкви. Идея и организація церкви Христовой

должна была стать оплотомъ противъ всякой ереси, и ученіе Христа было единственной охраной противъ вторженія заблужденія. Главная мысль въ посланіи къ Колоссянамъ есть Христосъ, господствующій надъ всѣмъ; главная мысль въ посланіи къ Ефесянамъ есть вселенская церковь во Христѣ.

Посланіе къ Филимону, нѣчто въ родѣ прибавленія къ посланію къ Колоссянамъ, стоитъ отдѣльно, какъ письмо, адресованное единственно къ личному другу, хотя оно заключаетъ въ себѣ изложеніе одного общаго безсмертнаго начала.

4. Въ послѣдней группѣ находятся три пастырскихъ посланія, содержащихъ, какъ и должно было ожидать, доказательства того, что въ то время съ одной стороны развивалась гностическая тенденція, а съ другой — церковная организація. Во второмъ посланіи къ Тимоѳею мы имѣемъ послѣднія слова и мысли великаго апостола предъ его мученичествомъ ²⁰⁴⁶).

Если пойти дальше и попытаться сдѣлать краткую характеристику каждаго посланія въ отдѣльности, то можно сказать, что первое посланіе къ Фессалоникійцамъ есть посланіе утѣшенія въ надеждѣ на возвращеніе Христа, и второе трактуетъ о непосредственныхъ препятствіяхъ къ этому возвращенію и о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ нему. Первое посланіе къ Коринѳянамъ есть рѣшеніе практическихъ задачъ въ свѣтѣ вѣчныхъ началъ; второе посланіе къ нимъ есть горячая защита его подвергавшагося сомнѣнію апостольскаго авторитета, его *apologia pro vita sua*. Посланіе къ Галатамъ есть манифестъ свободы отъ рабства закону; посланіе къ Римлянамъ есть трактатъ объ оправданіи вѣрою; посланіе къ Филиппійцамъ есть урокъ христіанской благодарности и христіанской радости въ скорби; посланіе къ Колоссянамъ есть посланіе Христа, вселенскаго Господа; посланіе къ Ефесянамъ, столь богатое и многостороннее, есть посланіе о «небесномъ», посланіе благодати, посланіе вознесенія съ вознесшимся Христомъ, посланіе Христа въ Его единой и вселенской церкви; посланіе къ Филимону есть великая хартія освобожденія; первое посланіе къ Тимоѳею и посланіе къ Титу суть руководства для христіанскаго пастыря; второе посланіе къ Тимоѳею есть послѣднее завѣщаніе христіанина передъ смертью ²⁰⁴⁷).

Ап. Павелъ несомнѣнно писалъ и другія посланія кромѣ этихъ; но какъ бы ни былъ великъ для насъ богословскій и психологическій интересъ даже самыхъ незначительныхъ его писаній, мы можемъ быть вполне увѣрены, что тѣ посланія, которыя мы имѣемъ теперь, были сохранены для насъ особымъ провидѣніемъ Божиимъ и составляютъ самое драгоцѣнное и самое важное изъ всего, что написалъ онъ.

Что четыре посланія, которыя мы теперь будемъ изслѣдовать, были написаны въ Римѣ, а не въ Кесаріи, какъ воображали нѣкоторые критики, можно считать безусловно достовѣрнымъ. Хотя Римъ и не упоминается ни въ одномъ изъ нихъ, однако факты, на которые они указываютъ, и намеки, которыми они изобилуютъ, совершенно согласуются съ древнимъ и единогласнымъ преданіемъ, что они напи-

саны были во время его римскаго заключенія ²⁰⁴⁸), менѣе всего въ то же время согласуясь съ новою и фантастическою гипотезою, что они были посланы изъ Кесаріи ²⁰⁴⁹). Если бы для этого преданія требовалось какое либо особое подтвержденіе, то, насколько дѣло касается посланія къ Филиппійцамъ, его можно найти въ привѣтствіи, которое ап. Павелъ посылаетъ отъ обращенцевъ «изъ Кесарева дома». Что касается другихъ трехъ посланій, то достаточно сказать, что внутреннія данныя рѣшительно доказываютъ, что всѣ они три были написаны въ одно и то же время, равно какъ и отправлены были съ тѣми же самыми посыльными, и что между тѣмъ какъ во время своего заключенія въ Кесаріи ап. Павелъ выражалъ желаніе посѣтить Римъ (Дѣян. xix, 21; xxiii, 11), тутъ, во время писанія этихъ посланій, онъ уже желалъ посѣтить, во-первыхъ, Македонію, а затѣмъ Колоссы (Филип. ii, 24; Филим. 22). Мало того, намеки въ этихъ посланіяхъ указываютъ, что не смотря на то, что онъ былъ узникомъ, онъ все таки былъ способенъ оказывать сильное вліяніе въ дѣлѣ распространенія Евангелія въ имѣвшемъ величайшее значеніе городѣ (Ефес. vi, 19, 20; Колос. iv, 3, 4). Мейеръ, правда, съ тою черзчуръ критическою остроумностію, которая, подобно неумѣренному честолюбію, такъ часто переходитъ всякія границы и перескакиваетъ чрезъ здравый смыслъ,—доказываетъ, что Онисимъ скорѣй могъ бѣжать изъ Колоссъ въ Кесарію, чѣмъ въ Римъ; но объ этомъ доводѣ мы можемъ только сказать, что Кесарія—простая прокураторская резиденція, наполненная іудеями—менѣе всего могла быть тѣмъ городомъ, который естественно могъ бы представиться въ качествѣ убѣжища для бѣжавшаго азіатскаго раба. Мейеръ съ такою же основательностію могъ бы доказывать, что лондонскій карманникъ вѣроятно могъ бы скрыться въ Біаррицѣ, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ. Другіе его доводы, основанные на томъ, что имя Онисима не упоминается въ посланіи къ Ефесянамъ, и на случайномъ выраженіи «вы также» въ этомъ посланіи, слишкомъ незначительны чтобы подвергать ихъ серьезному обсужденію.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ написаны были эти посланія? и первое впечатлѣніе, что посланіе къ Филиппійцамъ повидимому было писано при приближеніи судебнаго рѣшенія его дѣла, принималось какъ достаточное доказательство того, что оно было написано послѣ другихъ трехъ. Съ другой стороны тоже самое ожиданіе приближавшагося освобожденія находится и въ посланіи къ Филимону, такъ что на этомъ обстоятельствѣ нельзя построить никакихъ заключеній. Мнѣніе, что это посланіе выдаетъ слѣды болѣе глубокаго унынія, чѣмъ другія, и что это можетъ быть объяснено перемѣной, происшедшей въ его положеніи вслѣдствіе вліянія Тигеллина и Поппеи, отчасти не подтверждается дѣйствительностію, такъ какъ основной нотой посланія является духъ святой радости; и отчасти несообразно само по себѣ, такъ какъ если и дѣйствовали противъ него враждебныя вліянія, то вѣдь они дѣйствовали такъ же при началѣ тюремнаго заключенія ап. Павла въ Римѣ, какъ и въ концѣ его ²⁰⁵⁰).

Правда, что письмо это не могло быть написано въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ заключенія въ Римѣ, такъ какъ нужно допустить извѣстное время для того, чтобы извѣстіе о прибытіи ап. Павла могло достигнуть филиппійцевъ; для отправленія Епафродита съ ихъ приношеніями; для его болѣзни въ Римѣ; для прибытія извѣстія касательно этого въ Филиппы и для возвращенія ихъ выраженной скорби и сочувствія ²⁰⁵¹). Путешествіе изъ Рима въ Филиппы—на разстояніи 1220 верстъ—при обычныхъ обстоятельствахъ заняло бы около мѣсяца. Но такъ какъ мы не предполагаемъ, чтобы какое-либо изъ этихъ посланій было писано въ теченіе перваго года тюремнаго заключенія, то такимъ образомъ оказывается достаточное время для этихъ путешествій, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть высказано никакого возраженія противъ подтверждаемаго преданіемъ первенства посланія къ Филиппійцамъ.

Еще менѣе можно ссылаться на отсутствіе привѣтствій отъ Луки и Аристарха или на намекъ на Тимофея, какъ представлявшаго единственное исключеніе изъ общаго себялюбія, которое апостолъ съ сожалѣніемъ замѣчалъ въ окружающихъ его лицахъ. *Присутствіе* извѣстныхъ именъ въ привѣтствіяхъ того или другаго посланія можетъ доставлять вѣроятное или даже положительное доказательство для опредѣленія времени его написанія, но *отсутствіе* ихъ есть указаніе крайне неопредѣленнаго свойства. Достаточно самаго зауряднаго ежедневнаго опыта для того, чтобы доказать крайнюю ошибочность «аргумента изъ молчанія», и мы знаемъ слишкомъ мало о непрестанныхъ миссіяхъ и движеніяхъ изъ церкви въ церковь, съ континента на континентъ, о спутникахъ ап. Павла, чтобы имѣть возможность на основаніи неупоминанія имени дѣлать то или другое заключеніе о нихъ. Такъ какъ поэтому нѣтъ достаточныхъ основаній противъ того, чтобы считать посланіе къ Филиппійцамъ самымъ раннимъ изъ четырехъ посланій, написанныхъ въ узахъ—хотя оно могло быть написано только нѣсколькими мѣсяцами раньше другихъ трехъ,—то полное значеніе должно быть придано внутреннимъ доказательствамъ, которыя вполне благопріятствуютъ этому предположенію. Эти внутреннія данныя состоятъ въ общемъ сходствѣ этого посланія съ посланіями прежней группы,—особенно съ посланіемъ къ Римлянамъ,—которое даетъ намъ возможность смотрѣть на него какъ на непосредственное звено между посланіями изъ узъ и посланіями третьяго апостольскаго путешествія ²⁰⁵²). Съ посланіемъ къ Римлянамъ оно имѣетъ много близкихъ параллелей въ мысли и языкѣ, между тѣмъ, какъ общій тонъ его и духъ, сравнительное спокойствіе, духовная радость, дышащая святымъ самоотреченіемъ, отсутствіе пылкихъ доводовъ и стремительной аргументаціи, указываютъ на его родство съ тѣми тремя, которыя непосредственно слѣдовали за нимъ. Хотя прошло не болѣе четырехъ лѣтъ съ того времени, какъ Павелъ—свободный человѣкъ и дѣятельный апостолъ—выработалъ въ Коринѣ великій аргументъ, съ которымъ онъ обращался къ язычникамъ и прозелитамъ, составлявшимъ главную массу въ церкви Рима, его полемика съ іудей-

ствомъ до нѣкоторой степени отступила на задній планъ. Всѣ основанныя имъ церкви теперь вполне знакомы были съ его воззрѣніями касательно тѣхъ вопросовъ, которые служили предметомъ спора между защитниками іудейской строгости и евангельской свободы. Въ посланіи къ Филиппійцамъ не было надобности останавливаться на этихъ спорахъ, такъ какъ какія бы опасности ни угрожали имъ—опасности достаточно серьезныя, чтобы вызвать одинъ энергическій взрывъ, напоминающій намъ о болѣе раннемъ тонѣ апостола,—до сего времени они однако же доказали свою вѣрность его ученію и до сихъ поръ ихъ совѣсть не была возмущена никакимъ вмѣшательствомъ пришельцевъ изъ Іерусалима. Іудействующие могли достаточно слышать о преданности филиппійцевъ ап. Павлу, чтобы понять неразумность преслѣдованія его по стопамъ въ христіанскихъ церквяхъ Македоніи. Они могли предоставить эту роль тѣмъ необращеннымъ іудеямъ, которые никогда не задумались бы въ пользу своихъ воззрѣній пустить въ дѣло преслѣдованія всякаго рода. Такимъ образомъ ап. Павлу не было надобности входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, которымъ такъ недавно онъ посвящалъ всѣ свои силы, и въ посланіи къ Филиппійцамъ мы видимъ только замирающіе отголоски этой борьбы. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, въ его чувствительной душѣ извѣстныя струны продолжали долго трепетать и послѣ того, какъ по нимъ былъ произведенъ ударъ плектромъ извѣстнаго чувства. Ему вспомнилось о бывшихъ преніяхъ, о холодности и пренебреженіи общины, въ которой нѣкоторые «проповѣдывали Христа даже по любопренію, думая увеличить тяжесть его узъ». Если же онъ и останавливается на разсмотрѣніи догматическихъ вопросовъ въ посланіи, переполненномъ любящими привѣтствіями общинѣ, которая была наиболѣе дорогою его сердцу, то естественно это были тѣ вопросы, которые болѣе всего занимали его мысли. Въ то время, когда онъ садился диктовать посланіе къ Колоссянамъ, на него обрушился новый рядъ испытаній. Его религіозныя думы были обращены въ совершенно иномъ направленіи вслѣдствіе посѣщенія его Епафрасомъ Колосскимъ. Онъ получилъ извѣстіе о новыхъ заблужденіяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, съ которыми онъ уже боролся, и церкви провинцiальной Азіи очевидно нуждались въ томъ, чтобы его ученіе направилось на тѣ вопросы, которые совершенно не входили въ предметъ полемики послѣднихъ восьми лѣтъ. Съ другой стороны мы считаемъ психологически достовѣрнымъ то, что если бы посланіе къ Филиппійцамъ было написано, какъ думаютъ многіе критики, послѣ посланій къ Ефессянамъ и Колоссянамъ, то оно не могло бы не отражать на себѣ нѣкоторыхъ слѣдовъ полемики съ тою смѣшанною философіею—тою іудейскою формою зарождающагося гностицизма, съ которой ему такъ недавно приходилось имѣть дѣло. Эти соображенія, какъ намъ кажется, и рѣшили истинный порядокъ посланій, написанныхъ въ узахъ, и придаютъ единственную важность вопросу, который иначе имѣлъ бы мало значенія.

Посланіе къ Филиппійцамъ ²⁰⁵³⁾ возникло прямо вслѣдствіе одного изъ тѣхъ

немногихъ счастливыхъ случаевъ, которые разнообразили скучную неувѣренность заключенія ап. Павла. Это было посѣщеніе Епафродита, главнаго пресвитера церкви филиппійской, съ четвертымъ денежнымъ приношеніемъ, которыми эта любящая и великодушная церковь облегчала его въ нуждѣ. Въ Римѣ ап. Павелъ не имѣлъ возможности своими скованными руками зарабатывать себѣ пропитаніе, и очень возможно, что онъ не могъ бы найти сбыта для произведеній своего ремесла. Можно бы думать, что члены римской церкви были достаточно многочисленны и достаточно богаты для того, чтобы имѣть возможность легко удовлетворять его нужды; но непонятное равнодушіе, съ которымъ они повидимому относились къ нему, и на которое онъ жалуется какъ во время этого, такъ и послѣдняго своего тюремнаго заключенія, показываетъ, что многого нельзя было ожидать отъ ихъ любви, что стояло въ такомъ странномъ противорѣчій съ ревностнымъ почтеніемъ, съ которымъ они вышли за шестьдесятъ или семьдесятъ верстъ встрѣчать и привѣтствовать его. Возможно конечно и то, что они имѣли желаніе помочь ему, но онъ самъ отклонялъ эту помощь, къ которой онъ вообще относился съ крайнею осторожностью. Но филиппійцы знали и цѣнили то благо, которымъ они, и быть можетъ они только, обязаны были своему отцу во Христѣ, чтобы пользоваться особой привилегіей въ оказаніи пособія ему въ нуждѣ. По всей имперіи было въ обычаѣ облегчать тяжкую судьбу узниковъ дружескими приношеніями²⁰⁵⁴); и мы можемъ быть увѣрены, что когда филип-

Арка Друза въ Римѣ.

пійцы услышали о его положеніи, то друзья его, въ родѣ Лидіи и другихъ обращенцевъ, располагавшихъ извѣстными средствами, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для облегченія его участи. Епафродитъ прибылъ около осенняго времени и, сердечно отдавшись на служеніе Евангелію, — которое въ такомъ городѣ, какъ Римъ, навѣрно требовало величайшей энергіи отъ всякаго труженика, — былъ подавленъ тяжкимъ трудомъ въ это нездоровое время и подвергся опасной и почти роковой болѣзни. Извѣстіе объ этой болѣзни дошло до Филиппъ и возбудило большую тревогу въ церкви (Филип. II, 26). При всѣхъ своихъ цѣлительныхъ дарахъ, апостолы повидимому не считали себя вправѣ пользоваться ими въ своемъ непосредственномъ кругу или въ цѣляхъ личныхъ удобствъ. Кромѣ тѣхъ ежедневныхъ чудесъ, которыя происходили изъ пламенныхъ молитвъ, чудесъ совершалось немного ²⁰⁵⁵). Самъ ап. Павелъ долженъ былъ выносить множество испытаній, и смерть «его брата Епафродита», какъ онъ нѣжно называетъ его, повергла бы его въ еще болѣе глубокую скорбь. Мы не можемъ сомнѣваться, что онъ молился Богу о жизни своего болящаго друга и Богъ помиловалъ его. Епафродитъ выздоровѣлъ; и какъ бы ни былъ радъ ап. Павелъ, при своемъ одинокомъ и грустномъ положеніи, имѣть его около себя, однако же онъ съ своимъ обычнымъ самоотверженіемъ уступилъ желанію Епафродита отправиться домой и желанію христіанъ филиппійскихъ опять видѣть своего отсутствующаго пастыря. Поэтому онъ послалъ его обратно, а съ нимъ и письмо съ выраженіемъ своей благодарности за ту постоянную любовь, которая такъ ободрительно вліяла на его душу.

Вотъ почему именно посланіе къ Филиппійцамъ наименѣе систематично, наименѣе специально по характеру изъ всѣхъ посланій ап. Павла. Но это именно и ставитъ подлинность письма выше всякаго разумнаго и конечно непридирчиваго сомнѣнія. Тюбингенская школа, въ своемъ раннемъ періодѣ, напала на него съ обычными доводами своего легковѣрнаго скептицизма. У этихъ критиковъ если извѣстное посланіе касается пунктовъ, въ которыхъ оно согласно съ повѣствованіемъ Дѣяній, оно является измышленнымъ въ соотвѣтствіе съ нимъ; если оно повидимому разногласитъ съ нимъ, то это разногласіе показываетъ его подложность. Если извѣстное изреченіе носитъ на себѣ характеристическую особенность стиля ап. Павла, то оно выставляется какъ несомнѣнное подражаніе; если оно не имѣетъ этой особенности, то оно-де не могло выйти отъ этого апостола. Мнѣніе, что оно подложно, сочинено для того, чтобы ввести имя Климента, такъ какъ онъ былъ смѣшиваемъ съ Флавіемъ Климентомъ и такъ какъ Климентъ былъ сотрудникомъ ап. Петра, а это могло привести его въ связь съ ап. Павломъ,—и мнѣніе, что въ Филип. II, 6—8 слова «образъ» и «видъ» выражаютъ гностическія понятія и что стихи эти указываютъ на валентиніанскій Эон-Софію, стремившійся къ равенству съ Богомъ,—основаны отчасти на полномъ извращеніи текста и отчасти свидѣтельствуютъ объ

извращенности критицизма, который напрягъ свое зрѣніе до такой степени, что потерялъ способность видѣть ²⁰⁵⁶). Посланіе это подлинно и стоитъ выше всякой тѣни подозрѣнія или сомнѣнія. Филиппійская церковь была по преимуществу свободна отъ заблужденій въ ученіи и отъ безпорядковъ въ жизни. Никакой расколъ не раздѣлялъ ее, никакія ереси не подрывали вѣры въ ней, никакіе ложные учителя не колебали ея преданности апостолу. Одинъ только недостатокъ — и только одинъ — повидимому нуждался въ исправленіи, и онъ имѣлъ столь личный и ограниченный характеръ, что, вмѣсто обличенія его, ап. Павелъ считаетъ нужнымъ только мягко и съ любящею просьбою указать на него. Это именно недостатокъ единства между нѣкоторыми изъ ея женскихъ членовъ, особенно между Евдіей и Синтихией, которыхъ ап. Павелъ проситъ примириться другъ съ другомъ, и вражду которыхъ, а вмѣстѣ и возбуждавшійся ею партійный духъ, онъ молчаливо и осторожно укоряетъ постояннымъ повтореніемъ слова «всѣ» въ отношеніи тѣхъ, которыхъ онъ можетъ считать только однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ. Въ дѣйствительности можно сказать, что разъединеніе и уныніе были главною угрожавшею имъ опасностью; отсюда «всѣ» и «радуйтесь» — два господствующихъ въ немъ слова и понятія. Но это отсутствіе всякой специальной цѣли дѣлаетъ это посланіе менѣе отличительнымъ въ ученіи, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ болѣе полемическій характеръ. Оно даже было бы безцвѣтно, если бы не получало нѣкоторой окраски отъ богатой индивидуальности писателя. Это не есть, подобно первому посланію къ Θεσσαλονικійцамъ, утѣшеніе скорбящимъ, заключающееся въ напоминаніи о близкомъ пришествіи Господа ²⁰⁵⁷); и не есть рядъ отвѣтовъ на вопросы, подобно ббльшей части перваго посланія къ Коринѣянамъ; оно не есть также грозное обличеніе могущественныхъ и нападающихъ на него противниковъ, какъ посланіе къ Галатамъ, не есть также и богословскій трактатъ, подобно посланію къ Римлянамъ; но представляетъ собою теплое, свободное изліяніе любящаго сердца, неудержимо выражающаго благодарность и нѣжность въ отношеніи къ возлюблѣннѣйшимъ чадамъ его служенія. Если въ немъ излагается менѣе чѣмъ въ другихъ посланіяхъ ап. Павла сущность его ученія, то все-таки оно имѣетъ высокій интересъ для насъ потому, что оно болѣе показываетъ намъ его характеръ и чувства. Въ этомъ отношеніи оно нѣсколько походитъ на второе посланіе къ Коринѣянамъ, исключая того, что въ немъ ап. Павелъ пишетъ къ тѣмъ, которые были наиболѣе добры и наиболѣе преданы ему, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ коринѣянамъ онъ имѣлъ мало причины для благодарности и много нужды въ снисхожденіи. Среди испытаній и тягостей мрачнаго заключенія, оно открываетъ намъ не прямо, но какбы несознательно существованіе неизсякаемой радости, какбы миръ въ утробѣ океана при всей бурной возбужденности его поверхности. Оно диктовано было изможденнымъ и скованнымъ іудеемъ, жертвой грубаго предубѣжденія и добычей самодовольной вражды; диктовано въ то время,

когда онъ раздражаемъ былъ сотнями противниковъ и утѣшаемъ лишь немногими, которые любили его; и однако же сущность его можетъ быть выражена въ двухъ словахъ χαίρω, χαίρετε (я радуюсь, радуйтесь вы). Если сравнить духъ знаменитѣйшихъ классическихъ писателей въ ихъ несчастіи съ тѣмъ, который былъ обыченъ въ гораздо болѣе глубокихъ тягостяхъ и болѣе ужасныхъ страданій ап. Павла, — если сравнить посланіе къ Филиппійцамъ съ «Tristia» Овидія, съ посланіями Цицерона изъ изгнанія или съ трактатомъ, который Сенека посвятилъ Полибію изъ своей ссылки въ Корсикѣ, то вполнѣ станетъ очевидно та разница, которую христіанство произвело въ счастіи человѣка.

Водопроводъ въ Кампаньи.

ГЛАВА XLVII.

ПОСЛАНИЕ КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ.

Радуюсь и сорадуюсь всѣмъ вамъ. И вы радуйтесь и сорадуйтесь мнѣ. Филип. II, 18.

НО начинается привѣтствіемъ отъ «Павла и Тимофея, рабовъ Іисуса Христа, всѣмъ святымъ во Христѣ Іисусѣ, находящимся въ Филиппахъ, съ епископами и діаконами». Тимофеей естественно упоминается съ нимъ какъ лицо, трудившееся съ нимъ въ Филиппахъ. Но этимъ такъ мало указывается на какое-либо участіе его въ самомъ посланіи, что ап. Павелъ впоследствии говоритъ о немъ въ третьемъ лицѣ. «Епископамъ» (т. е. пресвитерамъ) и «діаконамъ» высказывается особенное привѣтствіе, быть можетъ потому, что они принимали дѣятельное участіе въ сборѣ приношенія. Онъ не называетъ себя апостоломъ, потому что для нихъ не было надобности въ подтвержденіи его авторитета²⁰⁵⁸).

Слѣдующее затѣмъ благодареніе отличается необычайною полнотою. Въ немъ говорится что онъ благодаритъ Бога при всякомъ воспоминаніи о нихъ, *всегда во всякой молитвѣ своей за всѣхъ ихъ* съ радостью принося свою молитву за ихъ участіе въ благовѣствованіи отъ перваго дня, когда онъ посѣтилъ ихъ — десять лѣтъ тому назадъ — донынѣ; и онъ увѣренъ въ томъ, что начавшій въ нихъ доброе дѣло будетъ совершать его даже до дня Іисуса Христа²⁰⁵⁹); каковое убѣжденіе возникаетъ изъ его искренняго сознанія, что *всѣ* они соучастники благодати, дарованной ему Богомъ, о чемъ они и засвидѣтельствовали своею сочувственною помощью въ его узахъ, при защитѣ и

утвержденіи благовѣствованія. Богъ — свидѣтель, какъ онъ любитъ всѣхъ ихъ любовію Іисуса Христа; и онъ молится о томъ, чтобы любовь ихъ еще болѣе и болѣе возростала въ познаніи истины и въ прозорливости касательно ея приложенія, такъ чтобы они могли познавать все лучшее и высочайшее ²⁰⁶⁰), быть чистыми предъ Богомъ и непорочными предъ людьми въ день Христовъ, исполнены плодовъ праведности Іисусомъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію (1, 3—11).

Они не должны предполагать, говорить онъ имъ, что онъ апостоль погибшаго дѣла, или что его тюремное заключеніе есть знакъ гнѣва Божія къ его дѣлу и что это дѣло близится къ уничтоженію; напротивъ, онъ желаетъ, чтобы они знали, что его бѣдствія направляются къ бѣдшему успѣху благовѣствованія. Само то обстоятельство, что онъ былъ сковываемъ цѣпями съ сторожившими его одинъ за другимъ воинами, изо-дня въ день и изъ ночи въ ночь, содѣйствовало увеличенію извѣстности его положенія, какъ узника ради Христа, среди всѣхъ преторскихъ когортъ ²⁰⁶¹) и всѣхъ прочихъ; и большая часть изъ братьевъ въ Господѣ, ободрившись его узами, начали съ большею смѣлостью, безбоязненно проповѣдывать слово Божіе. Нѣкоторые изъ нихъ проповѣдуютъ Христа съ добрымъ расположеніемъ, но нѣкоторые, увы! рассказываютъ исторію Христа не искренно ²⁰⁶²), просто по зависти и любопренію. Первые вдохновляются любовью къ нему, зная, что онъ назначенъ для защиты Евангелія; послѣдніе возвѣщаютъ Христа изъ привязанности къ худымъ побужденіямъ, думая увеличить тяжесть узъ его ²⁰⁶³). Было время, когда ап. Павелъ могъ обличать ихъ тономъ пылающаго укора; но теперь онъ уже Павелъ узникъ, хотя еще и не Павелъ старецъ. Онъ болѣе и болѣе познавалъ, что гнѣвъ человѣческій, даже не въ святомъ дѣлѣ, не составляетъ правды Божіей; онъ поднялся и болѣе и болѣе поднимается выше всякихъ личныхъ соображеній. Что до того, если даже эти проповѣдники хотятъ только оскорбить его и еще болѣе отягчаютъ его узы? Въ концѣ концовъ «какъ бы ни проповѣдали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь», и какія бы гнѣвные чувства ни пытались подняться въ моемъ сердцѣ — «я буду радоваться» ²⁰⁶⁴).

Такимъ образомъ ап. Павелъ прежде всего попираетъ змѣя всякой чисто человѣческой досады, могущаго заполнить въ его скорбное сердце, и поражаетъ его тѣмъ рѣшительнѣе, если змѣй этотъ пытается сдѣлать внятнѣе свое шипѣніе. Въ это время апостоль достигъ полноты святаго самоотреченія.

«Ибо знаю, что это послужить мнѣ во спасеніе по вашей молитвѣ и содѣйствіемъ ²⁰⁶⁵) Духа Іисуса Христа, при увѣренности ²⁰⁶⁶) и надеждѣ моей, что я ни въ чемъ посрамленъ не буду: но при всякомъ дерзновеніи, и нынѣ, какъ и всегда» — онъ хотѣлъ сказать: «я возвеличу Христа», но съ своею обычною чувствительностью, устранившись отъ всякаго самовозношенія, онъ поставляетъ третье лицо ²⁰⁶⁷) и говоритъ: «возвеличится Христосъ въ тѣлѣ моемъ, жизнью ли то или смертію. Ибо для меня жизнь — Христосъ, и смерть — приобрѣтеніе ²⁰⁶⁸). Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то не знаю, что избрать. Вле-

четъ меня то и другое; имѣю желаніе разрѣшиться ²⁰⁶⁹) и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше ²⁰⁷⁰); а оставаться во плоти нужнѣе для васъ. И я вѣрно знаю, что останусь и пребуду ²⁰⁷¹) со всѣми вами, для вашего успѣха и радости въ вѣрѣ, дабы похвала ваша во Христѣ Іисусѣ умножилась чрезъ меня, при моемъ вторичномъ къ вамъ пришествіи» ²⁰⁷²).

Только во всякомъ случаѣ онъ проситъ ихъ жить достойно не только римскихъ, но и христіанскихъ гражданъ ²⁰⁷³), чтобы онъ, прійдя ли самъ и видя ихъ состояніе, или только слыша о немъ издали, могъ узнать, что они твердо стоятъ въ единомъ духѣ съ единымъ сердцемъ, подвизаясь за вѣру евангельскую и не страшась ни въ чемъ противниковъ,—что для этихъ противниковъ было бы предзнаменованіемъ гибели, а для нихъ спасенія, и это отъ самого Бога, потому что имъ дано ради Христа не только вѣровать въ Него, но и страдать за Него, какъ участникамъ подвига, какой они видѣли въ ап. Павлѣ, когда онъ былъ среди нихъ, и какимъ, какъ они слышали, онъ былъ занятъ и теперь (1, 27—30).

И это приводитъ его къ одной изъ главныхъ цѣлей его посланія, которая состояла въ слѣдующей важной просьбѣ къ нимъ:

«Итакъ если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада любви, если есть какое общеніе духа, если есть какое милосердіе и сострадательность ²⁰⁷⁴): то дополните мою радость, имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны. Ничего не *дѣлайте* по любопренію, или по тщеславію, но по смиренномудрію ²⁰⁷⁵) почитайте одинъ другаго вышшимъ себя. Не о себѣ *только* каждый заботься, но каждый и о другихъ ²⁰⁷⁶). Ибо въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ. Онъ будучи образомъ (*μορφή*) Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ ²⁰⁷⁷) быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ ²⁰⁷⁸), и по виду (*τῆς ὁμοιότητος*) ставъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной».

Слова эти составляютъ высшій пунктъ посланія; стараясь внушить филиппійцамъ примѣръ смиренія и несебялюбія, какъ единственно возможныхъ основъ единства, онъ излагаетъ предъ ними божественное самоуничиженіе, которое постепенно снизошло до самой бездны униженія. Онъ говоритъ имъ о предвѣчномъ обладаніи Христомъ свойствами Бога; объ отреченіи Имъ отъ всякаго права на это равенство; о добровольномъ отверженіи всякой славы; о принятіи Имъ свойствъ раба и о томъ, что во всей своей внѣшности Онъ сталъ человѣкомъ; о послушаніи Его Отцу даже до смерти, и не просто смерти, но (и это трепетомъ поражаело сердца тѣхъ, которые обладали правомъ римскаго гражданства и были поэтому изъяты отъ возможности столь ужаснаго униженія) смерти чрезъ распятіе.

Таковы степени самоуничиженія Христа! Однако же это самоуничиженіе приобрѣло Ему безконечную награду, потому что «посему и Богъ превознесъ Его, и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось

всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ²⁰⁷⁹), что Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца» (п, 9—11).

Можно ли было дать имъ болѣе сильное побужденіе? Въ своемъ отсутствіи, какъ и въ своемъ присутствіи, онъ увѣщаетъ ихъ быть послушными и совершать свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ, потому что Богъ производитъ въ нихъ и хотѣніе и дѣйствіе, по Своему благоволенію²⁰⁸⁰). Пусть же они оставляютъ всякій ропотъ и всѣ раздоры, бывшіе главнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы они могли стать неукоризненными и чистыми, чадами Божіими непорочными среди строптивого и развращеннаго рода, въ которомъ они сіяютъ, какъ свѣтила въ мірѣ²⁰⁸¹), содержа слово жизни, къ похвалѣ его въ день Христовъ, что онъ не тщетно подвизался и не тщетно трудился. «Но если я и содѣлываюсь жертвою за жертву и служеніе вѣры вашей²⁰⁸²), то радуюсь и сорадуюсь всѣмъ вамъ. О семъ самомъ и вы радуйтесь и сорадуйтесь мнѣ»²⁰⁸³).

Быть можетъ однако же онъ никогда не придетъ къ нимъ: «надѣюсь же въ Господѣ Иисусѣ скорѣ послать къ вамъ Тимофея, дабы и я, узнавъ о вашихъ обстоятельствахъ, утѣшился духомъ. Ибо, съ печалію прибавляетъ онъ, я не имѣю никого равно усерднаго, кто бы столь искренно заботился о васъ: потому что всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Иисусу Христу. А его вѣрность вамъ извѣстна, потому что онъ, какъ сынъ отцу, служилъ мнѣ въ благовѣствованіи. Итакъ я надѣюсь послать его тотчасъ же²⁰⁸⁴), какъ скоро узнаю, что будетъ со мною. Я увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро прійду къ вамъ. Впрочемъ я почелъ нужнымъ послать къ вамъ Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего (2 Тим. п, 3; Филим. 2), а вашего посланника и служителя въ нуждѣ моей; потому что онъ сильно желалъ *видѣть* всѣхъ васъ, и тяжело скорбѣлъ о томъ, что до васъ дошелъ слухъ о его болѣзни. Ибо онъ былъ боленъ при смерти; но Богъ помиловалъ его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мнѣ печаль къ печали. Посему я скорѣ послалъ его, чтобы вы, увидѣвъ его снова, возрадовались, и я былъ менѣе печаленъ. Примите же его въ Господѣ со всякою радостію, и такихъ имѣйте въ уваженіи. Ибо онъ за дѣло Христово былъ близокъ къ смерти, подвергая опасности жизнь²⁰⁸⁵), дабы восполнить недостатокъ вашихъ услугъ мнѣ (п, 19—30). Впрочемъ, братія мои, радуйтесь о Господѣ²⁰⁸⁶). Писать вамъ о томъ же для меня не тягостно, а для васъ назидательно» (ш, 1).

Тутъ наступилъ внезапный перерывъ²⁰⁸⁷). Апостолъ очевидно намѣревался въ этомъ пунктѣ закончить письмо и заключить его повтореніемъ уже часто повторявшагося увѣщанія (въ чемъ онъ отчасти какбы извиняется) къ большому миру и единству ихъ между собою²⁰⁸⁸). Вполнѣ возможно, что эти послѣднія слова могли бы, какъ въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ, получить значительную распространенность (1 Фесс. iv, 1). Но здѣсь случилось нѣчто такое, что нарушило послѣдовательность въ мысляхъ апостола. Когда онъ снова приступилъ къ диктовкѣ, онъ сдѣлалъ отступленіе, въ которомъ видѣнъ гораздо

болѣ суровый и взволнованный тонъ, чѣмъ въ остальной части его посланія, и онъ возвращается къ прерванной нити своего прежняго предмета только уже во 2 стихѣ IV главы, гдѣ, вмѣсто всякаго общаго увѣщанія, онъ дѣлаетъ прямое личное обращеніе.

Что касается причины перерыва, то мы не можемъ даже и предположить ее. Она могла состоять просто въ перемѣнѣ война, стоявшаго на стражѣ; но въ условіяхъ жизни, которая, не смотря на заключеніе, была однако же полна занятій, многія обстоятельства могли причинять небольшія задержки, прежде чѣмъ могло быть все готово и переписчикъ могъ опять занять свое мѣсто. А между тѣмъ въ это время случилось нѣчто такое, что взволновало апостола и даже возмутило его до глубины души. Это нѣчто могло быть только столкновеніемъ въ той или другой формѣ съ іудействующими учителями. Что нибудь или поставило его въ прямое соприкосновеніе или довело до его свѣденія особенности ученія лжеапостоловъ того же самаго рода, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Коринѣ и о которыхъ слышалъ, въ церквахъ Галатіи. Еще разъ мысли и тонъ посланія къ Галатамъ истины и доводы посланія къ Римлянамъ въ бурномъ волненіи пронеслись по его душѣ; и съ взрывомъ негодованія, охватившаго его въ этотъ моментъ еще сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде, онъ, приступивъ къ продолженію своего письма, диктуетъ Тимофею писать все еще неукротенной церкви такіа слова: «берегитесь псовъ ²⁰⁸⁹), берегитесь злыхъ дѣлателей (сн. 2 Кор. xi, 13; Матѣ. xxiii, 15), берегитесь обрѣзанія» ²⁰⁹⁰)!

Монета города Тарса
(съ аэсиплаира въ Британскомъ музеѣ).

Слова эти чрезвычайно суровы. Апостолъ разумѣетъ: «они называютъ насъ псами, но они, а не мы, истинные псы; мы, а не они, истинно обрѣзанные; ихъ обрѣзаніе есть лишь порѣзаніе, простое уродство плоти; мы служимъ Духомъ Божиимъ ²⁰⁹¹), мы величаемся во Христѣ Иисусѣ, а они лишь уповаютъ на плоть». И почему они выступаютъ съ соперничествомъ противъ него? Если только можно полагаться на внѣшнее, то онъ могъ въ этомъ отношеніи имѣть даже больше правъ, чѣмъ кто либо иной. Онъ былъ обрѣзанъ, когда ему было восемь дней отъ рожденія; онъ былъ израильтянинъ и притомъ одного изъ благороднѣйшихъ колѣнъ израильскихъ, не простой еллинистъ, а еврей и притомъ еврей изъ евреевъ ²⁰⁹²); затѣмъ если перейти отъ вопроса о наслѣдственномъ и плотскомъ преимуществѣ къ личному, то въ отношеніи закона онъ былъ фарисей; что касается іудейской ревности, то онъ даже преслѣдовалъ церковь; что касается законной праведности, то онъ стоялъ выше всякаго упрека въ этомъ отношеніи. Все это въ одно время онъ считалъ величайшимъ приобрѣтеніемъ своей жизни, но теперь ради Христа онъ признаетъ все это потерей для себя.

«Но что для меня было преимуществомъ, то ради Христа я почелъ тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познанія Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я отъ всего отказался ²⁰⁹³), и все почитаю за соръ ²⁰⁹⁴), чтобы пріобрѣсть Христа, и найтись въ Немъ не съ своею праведностью, которая отъ закона, но съ тою, которая чрезъ вѣру во Христа, съ праведностью отъ Бога по вѣрѣ ²⁰⁹⁵); чтобы познать Его, и силу воскресенія Его, и участіе въ страданіяхъ Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресенія (разумѣя не общее воскресеніе, но воскресеніе тѣхъ, которые во Христѣ) мертвыхъ» ²⁰⁹⁶).

И однакоже, какъ онъ продолжаетъ предостерегать ихъ,—хотя онъ самъ имѣлъ всѣ эти преимущества для упованія на вѣшность, хотя онъ отвергъ все это ради Христа, какъ простой соръ и ненужную ветошь, хотя все упованіе его теперь было на праведность Христа, а не на его собственную,—онъ все-таки былъ еще такъ далекъ отъ полной и высокоумѣнной увѣренности своихъ враговъ, что не считалъ себя достигнувшимъ всей полноты награды или совершенства. «Говорю такъ не потому, чтобы я уже достигъ или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли и я, какъ достигъ меня Христосъ Иисусъ ²⁰⁹⁷). Братія, я не почитаю себя достигшимъ, а только забываю заднее, и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Иисусѣ».

Онъ подобенъ одному изъ тѣхъ пылкихъ всадниковъ, о которыхъ его стражники такъ часто говорили ему, когда они возвращались съ состязаній въ circus maximus, гдѣ они вмѣстѣ съ тысячами зрителей криками привѣтствовали своихъ любимыхъ наѣздниковъ, которые наклонившись, съ распущенными удилами на своихъ бодрыхъ коняхъ, забывая все—всякія опасности, всякаго соперника, всѣ препятствія на своемъ пути, стремглавъ летѣли къ цѣли, у которой сидѣли судьи съ пальмовыми вѣнками, составлявшими призь ²⁰⁹⁸).

«Итакъ, кто изъ насъ совершенъ, такъ долженъ мыслить; если же вы о чемъ иначе мыслите ²⁰⁹⁹), то и это Богъ вамъ откроетъ; впрочемъ до чего мы достигли, такъ и должны мыслить и по тому правилу жить» ²¹⁰⁰).

И въ качествѣ дальнѣйшаго предостереженія противъ всякой опасности злоупотребленія съ ихъ стороны ученіемъ о свободномъ дарѣ благодати въ незаконной жизни, онъ прибавляетъ:

«Подражайте, братія, мнѣ, и смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ по образу, какой имѣете въ насъ. Ибо многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ какъ враги креста Христова. Ихъ конецъ погибель, ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамѣ; они мыслятъ о земномъ. Наше же жительство на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, который униженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его ²¹⁰¹), силою, *которою* Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ себѣ все. И такъ, братія мои возлюбленные и возжелѣнные, радость и вѣнецъ мой, стойте такъ въ Господѣ, возлюбленные» (III, 17—IV, 1).

Затѣмъ послѣ этого длиннаго отступленія, которое, начинаясь сильнымъ негодованіемъ, нисходитъ до патетическаго увѣщанія, онъ еще разъ обращается съ увѣщаніемъ къ единству, которымъ и намѣревался заключить посланіе. Онъ убѣждаетъ двухъ женщинъ Еводию и Синтихію къ единству духа во Христѣ и съ любовію проситъ также Сизига ²¹⁰²),—изъ имени котораго (соузникъ) онъ дѣлаетъ игру словъ, называя его истиннымъ сотрудникомъ, сотрудникомъ въ сердцѣ, какъ и въ имени ²¹⁰³),—помочь этимъ женщинамъ въ улаженіи ихъ взаимной распри, которая была тѣмъ болѣе печальна, что обѣ онѣ были достойными членами церкви, подвизались въ благовѣствованіи вмѣстѣ съ нимъ, и съ Климентомъ и съ прочими сотрудниками, которыхъ имена въ книгѣ жизни ²¹⁰⁴).

«Радуйтесь всегда въ Господѣ, и еще говорю, радуйтесь. Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ чловѣкамъ. Господь близко. Не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ; и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Иисусѣ. Наконецъ, братія мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель ²¹⁰⁵) и похвала, о томъ помышляйте. Чему вы научились, что приняли, и слышали, и видѣли во мнѣ, то исполняйте; и Богъ мира будетъ съ вами» (iv, 4—9).

Затѣмъ слѣдуетъ теплое и однако же деликатное выраженіе его искренней благодарности имъ за денежное приношеніе, которымъ теперь уже въ четвертый разъ они, и только они, помогали ему въ нуждахъ, которыхъ теперь онъ не могъ удовлетворять своимъ собственнымъ трудомъ.

«Еще одно слово: я весьма возрадовался въ Господѣ, что вы уже вновь начали заботиться о мнѣ ²¹⁰⁶); вы и прежде заботились, но вамъ не благопріятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь: ибо я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть. Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи, научился всему и во всемъ, насыщаться и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи, и въ недостаткѣ. Все могу въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ. Впрочемъ вы хорошо поступили, принявъ участіе въ моей скорби. Вы знаете, филиппійцы, что въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кромѣ васъ однихъ. Вы и въ Фессалонику и разъ и два присылали мнѣ на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искалъ даванія; но ищу плода, умножающагося въ пользу вашу. Я получилъ все ²¹⁰⁷), и избыточествую; я доволенъ, получивъ отъ Епафродита посланное вами, какъ благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу (Быт. viii, 21). Богъ мой да восполнитъ всякую нужду вашу, по богатству Своему въ славѣ, Христомъ Иисусомъ. Богу же и Отцу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь (iv, 10—20).

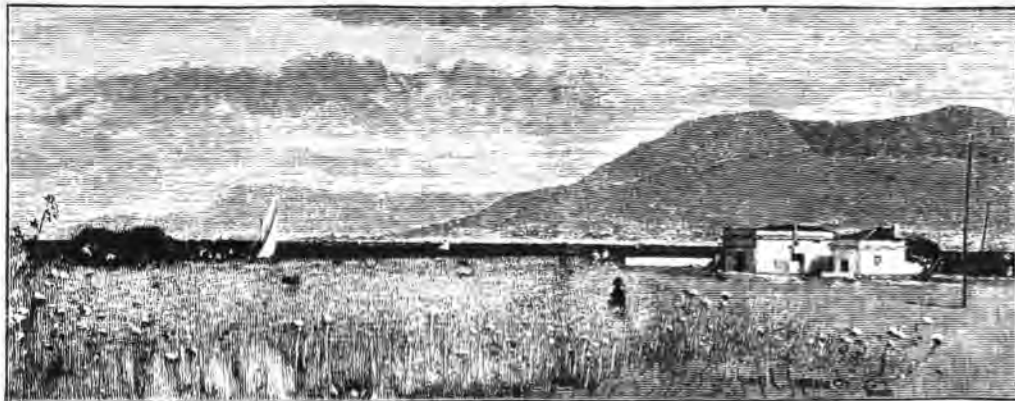
«Привѣтствуйте всякаго святаго во Христѣ Иисусѣ. Привѣтствуютъ васъ

находящіеся со мною братія. Привѣтствуютъ васъ всѣ святыя, а наипаче ²¹⁰⁸) изъ Кесарева дома ²¹⁰⁹). Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всѣми вами. Аминь».

Филиппійскую церковь не ожидала великая будущность. Полстолѣтія спустя св. Игнатій прошелъ чрезъ Филиппы съ своими «десятью леопардами» на своемъ пути къ мученичеству; и св. Поликарпъ писалъ этой церкви посланіе, которое, подобно посланію ап. Павла, наполнено похвалами. Кромѣ этого мы мало что слышимъ о ней впослѣдствіи. На мѣстѣ ея теперь стоитъ бѣдная деревня Филиппиджекъ. Но, не смотря на свѣтлое обѣтованіе при ея рожденіи, «церковь Филиппійская по неизслѣдуемому совѣту Божию жила безъ исторіи и погибла, не оставивъ памятника» ²¹¹⁰).

Мессинскій проливъ.

ГЛАВА XLVIII.

ГНОСТИЦИЗМЪ ВЪ ЗАРОДЫШѢ.

Посланъ людямъ не ангелъ или слугитель,
а самъ Деміургъ вселенной.

Посл. къ Диогнету.

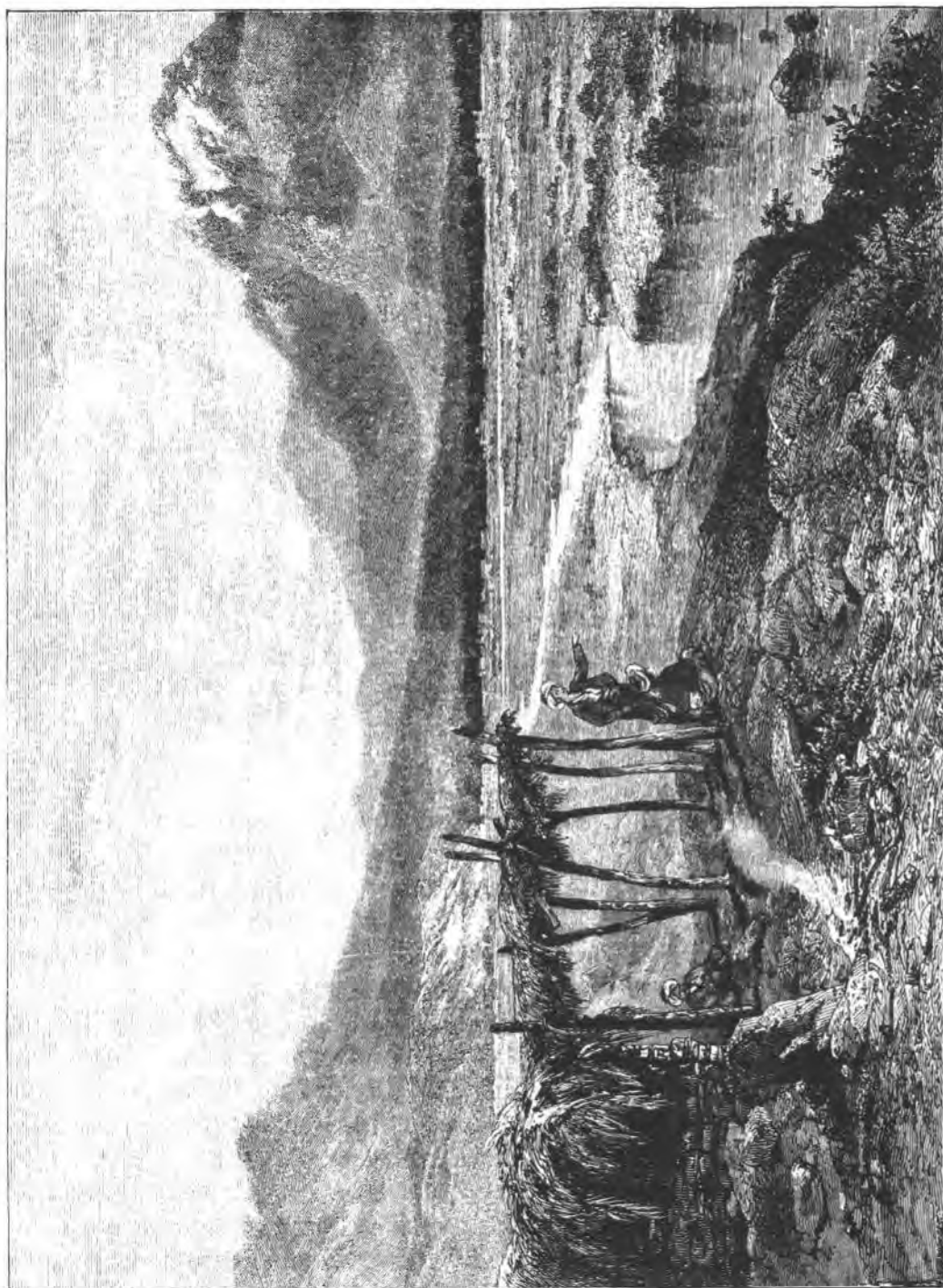
СТАЛЬНЫЯ три посланія изъ узъ были написаны на короткомъ разстояніи одно отъ другаго и отправлены были съ тѣми же посыльными. Тихикъ былъ посланъ съ посланіями къ Ефесянамъ и Колоссянамъ; Онисимъ, который естественно взялъ съ собою письмо къ Филимону, былъ посланъ въ одно и то же время съ нимъ, какъ это видно изъ упоминанія его имени въ посланіи къ Колоссянамъ. Въ обоихъ изъ этихъ послѣднихъ посланій есть также обращеніе и къ Архиппу.

Какое изъ этихъ посланій было написано первымъ, для рѣшенія этого нѣтъ ничего кромѣ внутреннихъ данныхъ. Посланіе къ Филимону было однако же просто частнымъ прибавленіемъ къ посланію къ Колоссянамъ, которое могло быть написано во всякое время. Письмо къ этой церкви должно было предшествовать окружному посланію, которое вообще извѣстно какъ посланіе къ Ефесянамъ. Основаніе для такого мнѣнія очевидно: посланіе къ Колоссянамъ было вызвано особенною нуждою, чего нельзя сказать о другомъ посланіи. Вслѣдствіе этого было бы въ точномъ психологическомъ согласіи съ особенностями душевнаго настроенія и стиля ап. Павла, если, написавъ письмо, вызванное особыми обстоятельствами и поведшее къ изложенію особыхъ истинъ,

онъ воспользовался случаемъ отправленія его для того, чтобы послать и другое письмо, которое не имѣло такой непосредственной цѣли и на которомъ однако же могъ еще отзываться тонъ перваго посланія. Когда онъ исполнилъ свой непосредственный долгъ въ отношеніи церкви Колосской, то предметы, на которыхъ онъ останавливался въ посланіи къ сосѣднимъ церквамъ, естественно могли имѣть близкое сходство съ тѣми, которые только что предъ тѣмъ занимали его мысли. Даже помимо спеціальнаго назиданія, ап. Павелъ могъ находить желательнымъ предостеречь Ефесъ и прилегающія къ нему мѣста противъ опасности, которая чувствовалась на столь близкомъ разстояніи отъ нихъ; и поэтому было вполне естественно, что рѣчь его къ нимъ должна была отличаться тѣми именно особенностями, которыя отдѣляютъ посланіе къ Колоссянамъ отъ посланія къ Ефесянамъ. Первое имѣетъ специфическій, конкретный и полемическій характеръ; послѣднее—отвлеченный, дидактический и общій. Тѣ же самыя слова и выраженія преобладаютъ въ обоихъ; но сходство гораздо болѣе замѣтно и часто въ практическихъ наставленіяхъ, чѣмъ въ догматическомъ изложеніи. Въ посланіи къ Колоссянамъ апостолъ главнымъ образомъ занимается опроверженіемъ заблужденія; въ посланіи къ Ефесянамъ онъ весь поглощенъ восторженнымъ раскрытіемъ возвышенной истины. Главная тема посланія къ Колоссянамъ есть личность Христа; въ посланіи къ Ефесянамъ—жизнь Христа, проявляющаяся въ живучей энергіи Его церкви (Колос. II, 19; Ефес. IV, 16). Въ первомъ Христосъ есть «полнота», синтезъ и цѣлокупность всякаго свойства Божія; въ послѣднемъ идеальная церковь, какъ тѣло Христово, есть полнота, воспринимающая отъ всей полноты того, Который наполняетъ все всѣмъ²¹¹¹). Личность Христа есть господствующій пунктъ въ посланіи къ Колоссянамъ; тѣло Христа—церковь Христова—въ посланіи къ Ефесянамъ.

Подлинность этихъ двухъ посланій часто подвергалась сильному нападенію, и основанія для этого нападенія отнюдь не такъ фантастичны, какъ тѣ, въ виду которыхъ были отвергаемы другія посланія какъ подложныя. Подробно останавливаться на внѣшнихъ доказательствахъ не входитъ въ нашу задачу, и основанія, на которыхъ внѣшнія данныя повидимому рѣшительно склоняются въ ихъ пользу, даже при полномъ и самомъ добросовѣстномъ признаніи всѣхъ встрѣченныхъ затрудненій, лучше всего будутъ видны, когда мы рассмотримъ событія, изъ которыхъ они возникли и которыя придали имъ и съ достаточностью объясняютъ отличающія ихъ особенности.

Къ концу римскаго тюремнаго заключенія ап. Павла, когда приближеніе освобожденія казалось столь несомнѣннымъ, что онъ даже проситъ Филимона имѣть наготовѣ для него помѣщеніе, онъ былъ посѣщенъ Епафрасомъ изъ Колоссъ. Ему быть можетъ принадлежала высокая честь основанія церкви не только въ своемъ родномъ городѣ, но также въ Лаодикии и Іераполѣ, которые лежатъ на разстояніи двадцати восьми верстъ одна отъ другаго въ долину

Долина р. Меандра съ Гераполема въ отдаленіи.

рѣки Лика. Эта замѣчательная рѣка похожа на Аніонъ тѣмъ, что покрываетъ всю мѣстность, по которой она протекаетъ, известковыми отложеніями; и въ нѣкоторыхъ частяхъ своего теченія, въ особенности близъ Колоссъ, она протекала подъ естественными мостами—изъ сверкающихъ бѣлизной известковыхъ глыбъ, наслоенныхъ ея собственными водами, теченіе которыхъ часто видоизмѣнялось какъ вслѣдствіе этой особенности, такъ и вслѣдствіе ужасныхъ землетрясеній, которыми всегда была подвержена эта долина. Предъ путешественникомъ, слѣдовавшимъ по теченію Лика въ юго-восточномъ направленіи отъ долины Меандра, въ которую она течетъ, прежде всего открывался на полянѣ, высоко поднимающейся надъ ея сѣвернымъ берегомъ, большой и великолѣпный городъ Іераполь, знаменитый въ качествѣ родины того, кто въ Никополѣ «училъ Арріана, когда жестокий сынъ Веспасіана очистилъ Римъ отъ того, что было для него наибольшимъ позоромъ» ²¹¹²), и славившійся также чудесными свойствами зловоннаго источника, испаренія котораго могли быть безопасно вдыхаемы только одними жрецами Цибелы. На десять верстъ дальше, на южномъ берегу рѣки, расположена была Лаодикія, людная и гордая метрополія «кивирійской юрисдикціи», которая одна изъ городовъ проконсульской Азіи была достаточно богата и независима, чтобы возстановить свои улицы и храмы на свои собственные средства, когда черезъ годъ послѣ того, какъ были написаны эти письма, она была разрушена землетрясеніемъ ²¹¹³). Пройдя по долинѣ верстъ семнадцать дальше, путешественникъ до солнечнаго заката могъ достигнуть Колоссъ, города, который былъ наиболѣе древній изъ нихъ, но находился въ сравнительномъ упадкѣ и теперь былъ совершенно затѣненъ своими промышленными и честолюбивыми сосѣдями ²¹¹⁴).

Эту замѣчательную долину и эти величественные города ап. Павелъ, странно сказать, никогда не посѣщалъ. Какъ ни широко распространялись по Азіи плоды его проповѣдничества въ Ефесѣ, его труды для Ефесской церкви были такъ непрерывны и неуспыны, что не давали ему досуга для болѣе широкихъ миссіонерскихъ предпріятій (Дѣян. xx, 31). И хотя въ этихъ городахъ было много іудеевъ, но божественное руководство при его прежнихъ трудахъ не привело его въ эту мѣстность. Правда, св. Лука неопредѣленно говоритъ, что во второмъ миссіонерскомъ путешествіи ап. Павелъ прошелъ чрезъ «Фригію и Галатійскую страну» ²¹¹⁵), а въ неустойчивомъ этнологическомъ смыслѣ этого термина города Ликійской долины могли считаться принадлежащими къ Фригіи. Но выраженіе это повидимому скорѣе означаетъ, что путь его лежалъ по худо избраннымъ дорогамъ этихъ двухъ областей—дальше къ сѣверу и востоку отъ рѣки Лика. Въ его третьемъ путешествіи естественный путь отъ городовъ Галатіи въ Ефесъ шелъ по долинамъ рѣкъ Герма и Кайстера и къ сѣверу отъ горной цѣпи Мессогиса, отдѣляющей ихъ отъ Лика и Меандра. Изъ собственнаго выраженія ап. Павла кажется вѣроятнымъ, что церкви въ этихъ трехъ городахъ были основаны трудами Епафраса, и что онъ никогда «не видѣли лица его въ плоти» въ то время, когда онъ

писалъ эти посланія, хотя не невозможно, что впослѣдствіи онъ и посѣтилъ ихъ (Колос. i, 4, 6, 9; п, 1).

И однако же, онъ не могъ не чувствовать глубочайшаго интереса къ ихъ благосостоянію, потому что если и не прямо, то косвенно онъ все-таки былъ осно-

Домъ въ Тарсѣ.

вателемъ ихъ.

Ефесъ, какъ мы видѣли, былъ центромъ торговли, культа и политической жизни страны; и среди тысячъ, какъ іудеевъ, такъ и грековъ, «почти по всей Азіи»

слышавшихъ его проповѣдь слова Господня (Дѣян. xix, 10—26), вѣроятно былъ и Филимонъ (Филим. 1, 2), его домочадецъ Архиппъ, Епафрасъ и Нимфанъ, которые были главными представителями Ликійскихъ церквей (Колос. iv, 12, 13, 15).

Писать къ колосскимъ христіанамъ у ап. Павла была особая причина. Жившій тамъ Филимонъ имѣлъ негоднаго раба, Онисима, имя котораго при данныхъ обстоятельствахъ естественно давало поводъ къ сатирической игрѣ словъ, потому что вмѣсто того, чтобы быть «благотворительнымъ», онъ былъ какъ разъ обратнаго свойства: сначала обокралъ своего господина и затѣмъ убѣжалъ отъ него. Римъ въ древнія времена былъ наиболѣе удобнымъ мѣстомъ, гдѣ всякій преступный бѣглець могъ найти себѣ безопасное убѣжище, и туда то, даже болѣе чѣмъ въ новѣйшій Лондонъ, неизбѣжно стекалось все, что было преступнаго и жалкаго въ мірѣ. Филимонъ былъ христіанинъ, и какое нибудь бѣдствіе или опасность умереть съ голода могли заставить бѣгло раба отдаться на состраданіе христіанскаго учителя, котораго быть можетъ онъ видѣлъ, когда ему приходилось сопровождать своего господина на большія празднества въ Ефесѣ. Доброе сердце ап. Павла всегда было открыто; онъ всегда питалъ глубокое

сочувствіе къ самымъ низкимъ и бѣднымъ членамъ человѣческаго рода, потому что въ самыхъ низкихъ и бѣдныхъ онъ видѣлъ тѣхъ, «за которыхъ умеръ Христосъ». Его собственныя страданія также научили его понимать цѣну помощи въ страданіяхъ другихъ, и онъ радушно принялъ жалкаго безчестнаго бѣглеца и послужилъ орудіемъ, посредствомъ котораго была произведена въ немъ та перемѣна, которая превратила «non tressis agaso» въ брата возлюбленнаго. Но Онисимъ юридически все еще оставался должникомъ и рабомъ Филимона; и ап. Павелъ, всегда строгій въ исполненіи закона, считалъ своимъ долгомъ отослать его назадъ. Онъ отдалъ его подъ заботливое покровительство Тихика Ефесскаго и послалъ его съ письмомъ, которое не могло не обезпечить ему прощенія. Ему поэтому приходилось писать гражданину колосскому, а другое обстоятельство заставило его написать также и церкви Колосской.

Отъ Епафраса онъ услышалъ странное и печальное извѣстіе. Имъ часто представлялась возможность сноситься между собой, потому что буквально или иносказательно Епафрасъ раздѣлялъ его узы и не сразу возвратился въ свой родной городъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ ап. Павломъ онъ разсказалъ ему о коварной формѣ заблужденія, непохожей на тѣ, съ которыми доселѣ приходилось встрѣчаться апостолу. Виноградникъ насажденія Господня—увы! — былъ повидимому похожъ на виноградникъ земли по множеству опасностей, которыя ему приходилось преодолѣть прежде чѣмъ онъ могъ принести плодъ свой. То лисицы портили его лозы; то дикій вебрь подрывалъ его корни; то вслѣдствіе преступнаго пренебреженія уходомъ почвы или ея неплодія неподрѣзанныя вѣтви приносили только гроды Гоморры. Ложное направленіе, теперь еще только что зарождавшееся и неразвитое, но такое, въ которомъ зоркій глазъ ап. Павла сразу же увидѣлъ опасность для будущаго, незамѣтно проникало въ эти юныя церкви. Хотя онѣ знали апостола только по имени, онъ считалъ себя вынужденнымъ употребить всю силу своего авторитета и аргументаціи для подавленія столь опаснаго зла. Епафрасъ несомнѣнно настойчиво просилъ у него совѣта и сочувствія и побудилъ апостола открыто обличить и ясно опровергнуть новыя заблужденія, справиться съ которыми самъ онъ не чувствовалъ себя въ силахъ.

Эта новая форма заблужденія имѣла отчасти іудейскій характеръ, потому что она дѣлала различіе въ пищѣ, придавала важность новолуніямъ и субботамъ (Колос. II, 16) и настаивала на высокомъ значеніи обрѣзанія, если только не на полной его необходимости (Колос. II, 11). Однако же въ общемъ она не похожа была на галатійское іудейство и не вытекала, въ родѣ оппозиціи въ Антиохіи, изъ партіи іерусалимской, равно какъ не связывалась, подобно коринѣски расколамъ, съ личною враждебностью къ авторитету ап. Павла. Іудейскимъ характеромъ она отличалась не столько по существу, сколько по внѣшнему проявленію; не вслѣдствіе какого либо особаго сочувствія національному и левитскому еврейству, но скорѣе вслѣдствіе того, что въ самомъ іудействѣ были нѣкоторыя черты,

которыя близко сходны были съ чертами другихъ восточныхъ религій и которыя поэтому возбуждали широкое сочувствіе къ ней въ восточномъ мірѣ.

Объ отличительной особенноти зарождавшейся ереси мы должны судить столько же по тѣмъ истинамъ, которыми ап. Павелъ старается остановить ея развитіе, сколько и по тѣмъ ея положеніямъ, которыя онъ прямо затрогиваетъ ²¹¹⁶). Предостерегая колоссянъ касательно этой ереси, онъ проситъ ихъ быть на-сторожѣ противъ увлеченія со стороны такого учителя, котораго такъ называемая философія и пустое обольщеніе скорѣе согласовались съ человѣческими преданіями и мірскими элементами, чѣмъ съ истиной Христа. Пустая и ложная система этого учителя, помимо важности придаваемой ею обрядности, которая въ лучшемъ смыслѣ имѣла значеніе только какъ тѣнь символа,—пыталась затѣмъ липить своихъ приверженцевъ награды за ихъ христіанскіе подвиги, представляя Бога существомъ настолько отдаленнымъ отъ нихъ, что они могли приближаться къ Нему только чрезъ цѣлый рядъ ангеловъ - посредниковъ. Она такимъ образомъ затемняла драгоцѣнную истину, что единый посредникъ есть Христосъ, и самое смиреніе обращала въ порокъ, дѣлая его покровомъ для вздутаго и плотскаго умствованія. Въ дѣйствительности это было не болѣе, не менѣе какъ гордость, которая такимъ образомъ надѣвала маску смиренія; и стараясь внушить недостойное самоотреченіе въ отношеніи прямого общенія съ Богомъ чрезъ Христа, составляющаго драгоцѣннѣйшее преимущество христіанина, она не только ставила всевозможныя низшія средства между Имъ и душой, но также постановляла множество правилъ и положеній, которыя составляли нѣчто въ родѣ новаго Моисеева закона безъ истинной Моисеевой санкции. Эти правила по самой своей сущности были ложны, призрачны и ничтожны. Они выставляли на показъ ненужное самоуниженіе и настаивали на жестокомъ аскетизмѣ, но въ то же самое время они опасно льстили душѣ призракомъ запутанной учености, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они были такъ же бесполезны противъ самопослабленія, какъ и всякое средство. Что эти аскетическія привычки и фантастическія мечты сопровождались гордостью, высокомѣрно приписывавшей себѣ, въ качествѣ исключительнаго владѣнія, нѣкоторыя истины, которыя были недоступны для всякаго простаго ума; что исповѣдуя вѣру въ Христа колоссскій мистикъ представлялъ Его въ качествѣ одного изъ многихъ существъ, находящихся между Богомъ и человѣкомъ; что онъ считалъ матерію вообще и тѣло въ особенности какъ нѣчто такое, чему присуще было зло ²¹¹⁷), — все это повидимому можно вывести изъ христологіи этого посланія, которое въ этомъ особомъ направленіи развито гораздо болѣе, чѣмъ мы находимъ въ какомъ либо изъ прежнихъ посланій ап. Павла. Уже въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ сказалъ, что «если онъ и зналъ когда либо Христа по плоти, то нынѣ уже не знаетъ Его болѣе», и въ этомъ посланіи личность Спасителя, какъ вѣчнаго сосуществующаго Сына, изображается съ той божественной стороны, разумѣніе которой есть даръ безконечно болѣе возвы-

шенный, чѣмъ человѣческое и внѣшнее познаніе Іисуса въ Его земномъ уничиженіи. И однако же,—какбы во избѣжаніе всякой Керинеовской попытки различенія между Іисусомъ—человѣкомъ скорбей, и Христомъ—воскресшимъ Господомъ, между Іисусомъ распятымъ и Іисусомъ вѣчнымъ Словомъ,—онъ даже въ этомъ посланіи выразительно заявляетъ, что это одно и тоже (і. 20, 22; п, 6). Сказать, что тутъ замѣчается нѣкоторая перемѣна въ основномъ воззрѣніи ап. Павла на Христа, было бы явною ложью, такъ какъ даже сопоставленіе Господа Іисуса Христа съ Богомъ Отцомъ, какъ источникомъ всякой благодати, и заявленіе, что все, и между прочимъ мы сами, существуетъ только чрезъ Него,—такія положенія касательно Его божественности въ раннихъ посланіяхъ ап. Павла ²¹¹⁸) такъ сильны, что не много уже можно было впослѣдствіи прибавить къ нимъ. Но доселѣ ап. Павелъ имѣлъ возможность говорить о Немъ главнымъ образомъ какъ о Судіи живыхъ и мертвыхъ — въ посланіи къ Тессалоникійцамъ; какъ о невидимомъ главѣ и правителѣ церкви — въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ; какъ виновникъ всякой духовной свободы отъ обрядоваго рабства и Искупитель міра отъ ига грѣха и смерти — въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ; какъ о Спасителѣ, воскрешающемъ изъ мертвыхъ, какъ о жизни всякой жизни, источникъ всякой радости и мира—въ посланіи къ Филиппійцамъ. Теперь нужно было выставить новую сторону Его величія, ту, которая хотя и заключалась уже во всякомъ ученіи, какое только ап. Павелъ излагалъ касательно Его, какъ часть благовѣствованія, полученнаго имъ чрезъ откровеніе, но къ объясненію которой во всей ея полнотѣ не приводило еще никакое внѣшнее обстоятельство. Это именно ученіе о Христѣ, какъ вѣчномъ, предсуществующемъ и однако же воплощенномъ Словѣ. Теперь онъ долженъ былъ говорить о Немъ, какъ о томъ, въ которомъ и чрезъ котораго божественно освящается вселенная, и не только въ ея существующемъ положеніи, но и въ самой матеріи и ея сущности, такъ что нѣтъ ничего неискупимаго, ничего внутренно враждебнаго святости ни въ матеріи, ни въ тѣлѣ человѣка; какъ о Томъ, въ которомъ живетъ «полнота» божественныхъ совершенствъ, такъ что никакое другое ангельское существо не можетъ завладѣть какимъ либо участіемъ въ Богѣ, котораго бы не было въ Немъ; какъ о Томъ, который есть единый владыка, единый посредникъ, единый Спаситель, глава тѣла, которое есть церковь, и источникъ ея жизни во всякомъ членѣ. Выраженіе этой истины стало необходимымъ вслѣдствіе заблужденія. Колосскіе учителя пытались дополнить христіанство теоретически болѣе глубокою мудростью, практически болѣе воздержною святостью. У ап. Павла былъ прекрасный методъ бороться съ ложнымъ ученіемъ, насколько возможно меньше посредствомъ обличенія и полемики (хотя объ эти формы по временамъ имѣютъ свое необходимое мѣсто) и насколько возможно больше выставленіемъ соотвѣтствующей истины. Мы можемъ поэтому видѣть богословскія заблужденія колоссянъ, какъ они отражаются въ положи-

тельномъ богословіи, которое здѣсь развивается въ противовѣсъ имъ. Въ нравственныхъ и практическихъ разсужденіяхъ этого посланія мы видимъ истинную замѣну того чрезмѣрнаго и дутаго аскетизма, который имѣлъ свое происхождение отчасти въ своевольномъ богослуженіи, въ показномъ смиреніи, упованіи на дѣла, и отчасти въ ошибочныхъ представленіяхъ касательно присущности зла въ тѣлѣ человѣка. Ап. Павелъ доказываетъ имъ, что освобожденія отъ грѣха нужно искать не въ мертвыхъ правилахъ и аскетической суровости, которыя имѣютъ роковую тенденцію ослаблять волю, съ такою силою направляя воображеніе на тѣ самые грѣхи, противъ которыхъ они выставляются въ качествѣ цѣлебнаго средства, что часто придаютъ этимъ самымъ грѣхамъ гораздо болѣе роковое обаяніе, — но въ той смерти для грѣха, которая необходимо заключается въ жизни, сокрытой со Христомъ въ Богѣ. Отъ этой новой жизни, отъ этого воскресенія отъ смерти грѣха, повиновеніе нравственнымъ законамъ Божиимъ и добросовѣстность въ обычныхъ отношеніяхъ жизни являются не какъ трудные и имѣющіе значеніе заслуги подвиги, но какъ естественная сила живаго импульса въ сердцѣ, которое бьется уже не своею собственною жизнью, но жизнью во Христѣ.

Такимъ образомъ, какъ изъ ясныхъ замѣчаній, такъ и изъ отрицательныхъ указаній посланія, мы можемъ съ удовлетворительною ясностью воспроизвести черты колосской ереси, и мы сразу видимъ въ ней вліяніе той восточной теософіи, тѣхъ мистическихъ умозрѣній, тѣхъ туманныхъ космогоній и нравственныхъ заблужденій, которыми отличалась многоглавая гидра системы, обозначающейся въ послѣдствіи однимъ словомъ «гностицизмъ». Это именно обстоятельство и было главнымъ основаніемъ, вслѣдствіе котораго подвергалась сомнѣнію подлинность посланія. Утверждали, что гностицизмъ принадлежитъ болѣе позднему поколѣнію и что эти предостереженія направляются противъ послѣдователей Керинеа, который училъ уже только послѣ смерти ап. Павла, или даже противъ послѣдователей Валентина, основателя гностической системы во второмъ столѣтіи. Въ подтвержденіе такого взгляда указываютъ на то, что посланіе это изобилуетъ несвойственными ап. Павлу выраженіями и словами, которыя не встрѣчаются ни въ какомъ другомъ посланіи, и техническими гностическими выраженіями, какъ полнота, тайна, премудрость, знаніе, сила, свѣтъ, тьма. Что гностицизмъ, какъ вполне развитая система, относится къ болѣе позднему періоду, это допускается всѣми; но мнѣніе, что принятіе подлинности этого посланія заключаетъ въ себѣ анахронизмъ, зависитъ единственно отъ предположенія, что гностическія выраженія²¹¹⁹) не могли употребляться и гностическія тенденціи не могли тайно существовать задолго до того, какъ они окончательно сложились въ формальную ересь. Что касается до этихъ выраженій, то нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ технического характера, пока не придается имъ гностическое значеніе, а другія, въ родѣ «знаніе» (γνῶσις), «полнота» (πλήρωμα), хотя и начинали принимать техническій характеръ, здѣсь употреблены въ совершенно отличномъ смыслѣ отъ того,

который впоследствии связывался съ ними. Что касается до предполагаемыхъ *следовъ* воззрѣній, имѣющихъ явный и систематически гностическій характеръ, то вполне доказано, что они, какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ, встрѣчались уже и во время апостольскаго вѣка, какъ раньше, такъ и послѣ. Эзотерическая исключительность, ревниво охранявшая тайну этихъ ученій отъ общаго знанія; дуализмъ, который сдѣлался почти манихейскимъ въ попыткѣ различенія между добрыми и злыми побужденіями; мнѣніе, что «полнота» Божія могла истекать только во множествѣ несовершенныхъ изліяній; послѣдующая тенденція возвеличивать и боготворить постепенность ангельской іерархіи; правила и очищенія, предназначившіяся для возможнаго уменьшенія всякой заразы отъ неизбежнаго соприкосновенія съ матеріей; попытка объяснять присущность зла въ матеріи пустыми и мечтательными космогоніями; сложность обрядности; низведеніе пищи и питія на самыя скудныя вещества, съ исключеніемъ всѣхъ формъ животной жизни; подозрительное уклоненіе отъ брака или неохотная терпимость въ отношеніи къ нему, какъ губительной и возмутительной необходимости,—все это встрѣчается въ различныхъ восточныхъ религіяхъ и можно прослѣдить въ философскихъ ученіяхъ, получившихъ свое происхожденіе среди грековъ Азіи. Эти воззрѣнія находятъ явное выраженіе въ ученіи ессеевъ ²¹²⁰). Появленіе ихъ въ лонѣ христіанской общины было правда новымъ, но не было ничего новаго въ самомъ ихъ существованіи, не было ничего такого въ нихъ, съ чѣмъ, какъ внѣшними формами заблужденія, ап. Павелъ при своемъ изученіи іудейской и языческой религіи, даже при своемъ только знаніи есеевскихъ воззрѣній и александрійскаго умозрѣнія, не былъ бы совершенно знакомъ. Что они появились во фригійской церкви, вполне подлежавшей іудейскимъ вліяніямъ и однако же состоявшей изъ язычниковъ, воспитанныхъ среди мистерій и церемоніальнаго культа природы, и привыкшихъ къ выраженіямъ умозрительной философіи ²¹²¹),—это должно было огорчить ап. Павла, но не могло поразить его неожиданностью. Доказательство, что онъ могъ ожидать появленія этой ереси, дѣлается еще болѣе принудительнымъ при знаніи того, что въ этотъ же короткій періодъ времени она дѣйствительно появилась въ опредѣленной и систематической формѣ въ ереси Керинеа, съ которымъ самъ ап. Іоаннъ, по преданію, входилъ въ личное столкновеніе ²¹²²). А при такихъ обстоятельствахъ, не только не видя въ этомъ признака подложности, мы скорѣе выводимъ случайный доводъ въ пользу подлинности посланія изъ самаго свойства заблужденій, обличеніе которыхъ, какъ мы видимъ, онъ при этомъ имѣлъ въ виду. Многіе критики старались доказать, что ап. Павелъ не могъ написать его, потому, что они отвергаютъ то основное ученіе о вѣчномъ божествѣ Христа, для котораго эта группа посланій служитъ столь сильнымъ оплотомъ; однако же это было очевидно настолько главнымъ членомъ въ символѣ вѣры ап. Павла, что доказательство въ пользу этого едва ли было бы ослаблено даже и тѣмъ, еслибы эти посланія могли быть исключены изъ канона,

принадлежность ихъ къ которому враждебному критицизму противъ воли пришлось только доказать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Христологія этихъ посланій такимъ образомъ есть не что иное, какъ систематическое изложеніе того откровенія касательно природы Христа, которое скрытно содержится во всемъ, что писано о Немъ въ новомъ завѣтѣ ²¹²³); и такъ называемый «гностицизмъ», съ которымъ имѣютъ дѣло эти посланія, есть не болѣе, какъ форма заблужденія,—фазисъ коварной дѣятельности систематическаго обольщенія, которое свойственно умственнымъ, нравственнымъ и духовнымъ заблужденіямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Она находится въ Зендъ-Авестѣ, встрѣчается у Филона, есть въ неоплатонизмѣ, находится въ каббалѣ, наконецъ у Валентина. Чрезмѣрное жречество, суевѣрная обрядность, чрезвычайный аскетизмъ, крайнее безвѣріе, заставляющее людей отвергать преимущества непосредственнаго доступа къ Богу и безъ разбора поставлать между душой и ея единымъ Посредникомъ всевозможныхъ человѣческихъ и небесныхъ посредниковъ; честолюбіе, построяющее на крайней боязливости своихъ приверженцевъ свое собственное тираническое возвышеніе; вытѣсненіе религіи сердца легко исполнимою внѣшнею церемоніальностью; мнѣніе, что Богу пріятно даже бесплодное самоотреченіе, которое, не углубляя нашей собственной духовной жизни, не приноситъ и блага нашимъ ближнимъ; тщательная выработанность безсмысленныхъ системъ, которыя придаютъ пышное названіе богословія пустословнымъ умозрѣніямъ, выводимымъ посредствомъ мелочныхъ и несостоятельныхъ заключеній изъ отдѣльныхъ выраженій, противорѣчія которыхъ неразрѣшимы и истинная экзегетическая исторія которыхъ преднамѣренно игнорируется; отупляющія реакціи, которыя, въ одной и той же сектѣ и даже въ одномъ и томъ же лицѣ, приводятъ къ противоположнымъ крайностямъ суровой строгости и беззаконной распущенности ²¹²⁴):—вотъ зародыши не одной, а всѣхъ ересей; это болѣе или менѣе элементы почти всякой ложной религіи. Тяжеловѣсныя техническія выраженія систематика; своекорыстныя самовозношенія жреца; фантастическія умозрѣнія мистика; фарисейское самомнѣніе обрядника; полемическіе шибболеты сектанта; духовная гордость и узкая односторонность самоистязателя; гибельное отождествленіе той спасающей вѣры, которая есть единеніе со Христомъ и сопричастіе въ Его жизни, съ теоретическимъ принятіемъ извѣстнаго числа формулъ: — всѣ эти элементы съ самой ранней зари христіанства смѣшивались въ мутномъ потокѣ ересей съ элементами невѣжества, своекорыстія и заблужденія. Гностицизмъ былъ во времена ап. Павла, какъ есть гностицизмъ и теперь, хотя ни тогда, ни теперь онъ не выступаетъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Мы можемъ поэтому приступить къ изложенію этого посланія съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ немъ нѣтъ ни одного выраженія, которое, по этимъ по крайней мѣрѣ основаніямъ, опровергало бы его подлинность. Никто кромѣ ап. Павла не могъ написать его. Говорить, что оно не Павлово по своему ученію, значитъ

дѣлать произвольное утвержденіе, такъ какъ оно не излагаетъ ни одной истины, которая бы не заключалась въ его прежнемъ ученіи. То обстоятельство, что оно представляетъ собою великолѣпное развитіе этого ученія или вѣрнѣе болѣе распространенное изложеніе его въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями, свидѣтельствуется только въ его пользу. Да мы и не видимъ, какъ кто-либо знакомый съ слогомъ и умственнымъ характеромъ ап. Павла можетъ не замѣтить его отраженія въ этомъ посланіи. Что слогу здѣсь недостаетъ огня и страсти — *megas flammis* — посланія къ Галатамъ и свободного пламеннаго изліянія мысли и чувства, которымъ отличаются посланія къ Фессалоникійцамъ, Коринѳянамъ и Филиппійцамъ, — это совершенно естественно. Изъ всѣхъ обращенцевъ, къ которымъ писалъ ап. Павелъ, одни только колоссяне были совершенно незнакомы ему. Правда, онъ не посѣщалъ и церкви Рима, но многіе члены этой церкви были извѣстны ему лично, и онъ писалъ имъ на знакомую тему, которая въ теченіе многихъ лѣтъ занимала его мысль. Одно то обстоятельство, что онъ уже писалъ о томъ же предметѣ къ Галатамъ, могло заставлять его мысли изливаться легче и свободнѣе. Но въ посланіи къ Колоссянамъ онъ имѣлъ дѣло съ новою темою, опровергалъ новое заблужденіе, съ которымъ среди христіанъ онъ еще не входилъ въ личныя столкновенія и особенности котораго онъ зналъ только изъ вторыхъ рукъ. Когда въ посланіи къ Ефесянамъ онъ обращается къ тому же порядку понятій ²¹²⁵), рѣчь у него льется съ гораздо болѣею легкостью. Слогъ человѣка никогда не дѣлается стереотипнымъ и менѣе всего это бываетъ съ человѣкомъ столь многостороннимъ, столь пылкимъ и самобытнымъ, какимъ былъ ап. Павелъ. Его приемы, какъ мы уже не разъ замѣчали, въ необычайной степени отражаютъ впечатлѣнія времени, мѣста, настроенія, въ которомъ онъ писалъ. Тысячи неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ могли придать этому посланію тотъ суровый характеръ, тотъ недостатокъ подвижности въ мысляхъ, которые привели даже Эвальда къ невѣроятному предположенію, что текстъ посланія принадлежалъ Тимоѳею, хотя предметъ и мысли были высказаны ап. Павломъ. Но различіе въ слогѣ между этимъ и другими посланіями не больше, чѣмъ мы находимъ въ твореніяхъ другихъ авторовъ въ различные періоды ихъ жизни и чѣмъ мы ежедневно наблюдаемъ въ сочиненіяхъ и рѣчахъ живыхъ людей, которые обсуждаютъ различные предметы при различныхъ настроеніяхъ духа.

Монета города Ефеса.

ГЛАВА XLIX.

ПОСЛАНИЕ КЪ КОЛОССЯНАМЪ.

Въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества
тѣлесно. Кол. II, 9.

ОСЛѢ краткаго привѣтствія «находящимся въ Колоссахъ святымъ и вѣрнымъ братіямъ во Христѣ Іисусѣ» ²¹²⁶), апостолъ переходитъ къ своему обычному «благодаренію», говоря имъ, какъ въ своихъ молитвахъ онъ всегда благодаритъ за нихъ Бога, Отца нашего ²¹²⁷), услышавъ о вѣрѣ ихъ во Христа и о любви ко всѣмъ святымъ, въ надеждѣ на уготованное имъ на небесахъ. Объ этой надеждѣ они слышали, когда Евангеліе было прежде проповѣдано имъ въ его истинной подлинности; и какъ это Евангеліе возрастало и приносило плодъ ²¹²⁸) во всемъ мірѣ, такъ оно дѣйствовало и между ними съ того дня, какъ они услышали благодать Божію и познали ее во всей ея полнотѣ, научившись отъ Епафраса, возлюбленнаго союзника апостола и вѣрнаго для нихъ пастыря ²¹²⁹). Епафрасъ извѣстилъ его о ихъ любви въ духѣ, и съ того дня, какъ онъ услышалъ о ихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, онъ не переставалъ молиться о нихъ и просить, чтобы они усовершенались познаніемъ воли Божіей во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ, въ практической святости, «принося плодъ во всякомъ дѣлѣ благомъ, возрастая въ познаніи Бога, укрѣпляясь всякою силою по могуществу славы Его, во всякомъ терпѣніи и великодушіи съ радостію, постоянно благодаря Бога, призвавшаго насъ къ участию въ наслѣдіи святыхъ во свѣтѣ, избавившаго насъ отъ власти тьмы и введшаго въ царство возлюблен-

наго Сына Своего, въ которомъ мы имѣемъ искупленіе кровію Его и прощеніе грѣховъ» ²¹³⁰).

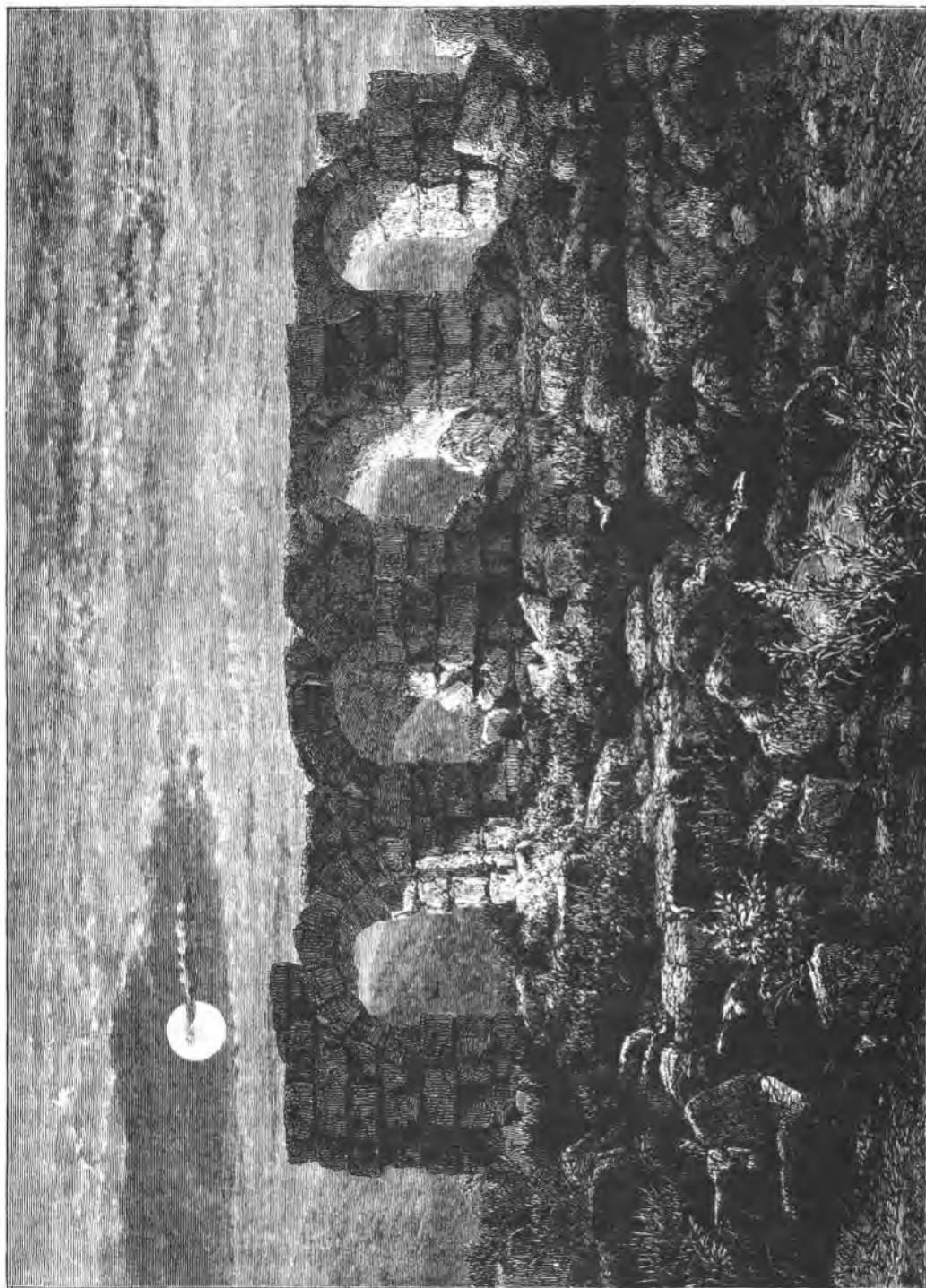
О природѣ Сына Божія, искупительнаго дѣла котораго онъ такимъ образомъ коснулся, апостолъ продолжаетъ говорить въ слѣдующихъ пяти стихахъ. Они составляютъ одно изъ двухъ знаменитыхъ мѣстъ, въ которыхъ содержится богословская сущность этого посланія. Они представляютъ полное изложеніе тѣхъ истинъ въ отношеніи лица Христа, которыми только и можно было опровергнуть заблужденія, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, къ которымъ подъ вліяніемъ нѣкоего ессейскаго учителя склонялись колоссяне. Ученіе о Христѣ, какъ божественномъ Словѣ, подобіи Бога явившагося людямъ, предсуществуящемъ Господѣ сотвореннаго міра, одно могло только отвратить ихъ отъ дуализма и аскетической суровости, которыя ихъ фригійскій мистицизмъ и умственные наклонности заставляли ихъ вводить въ систему христіанства. И поэтому, сказавъ о Христѣ, онъ показываетъ «Его безусловное господство въ отношеніи къ вселенной,—естественному творенію (15—17), и въ отношеніи къ церкви,—новому нравственному творенію» (18) ²¹³¹).

«Онъ есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари. Ибо Имъ создано ²¹³²) все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли ²¹³³): все Имъ и для Него создано ²¹³⁴). И Онъ есть ²¹³⁵) прежде всего, и все Имъ стоитъ. И Онъ есть глава тѣла Церкви; Онъ начатокъ, первенецъ изъ мертвыхъ, дабы имѣть Ему во всемъ первенство: ибо благоугодно было *Отцу*, чтобы въ Немъ обитала ²¹³⁶) всякая полнота ²¹³⁷), и чтобы посредствомъ Его примирить съ Собою все, умиротворивъ чрезъ Него, кровію креста Его, и земное и небесное. И васъ, бывшихъ нѣкогда отчужденными и врагами, по расположенію къ злымъ дѣламъ, нынѣ примирилъ ²¹³⁸) въ тѣлѣ плоти Его, смертію *Его*, чтобы представить васъ святыми и непорочными и неповинными предъ Собою; если только пребываете тверды и непоколебимы въ вѣрѣ, и не отпадаете отъ надежды благовѣствованія, которое вы слышали, которое возвѣщено всей твари поднебесной, котораго я, Павелъ, сдѣлался служителемъ» ²¹³⁹).

Неизмѣримое величіе этого откровенія и мысль, что оно ввѣрено *его* служенію, въ одно и тоже время и возвышаетъ, и уничижаетъ его, и онъ чрезвычайно характеристически (сн. Ефес. iii, 2—9; 1 Тим. i, 11) продолжаетъ:

«Нынѣ радуюсь въ страданіяхъ моихъ за васъ, и восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ за тѣло Его, которое есть Церковь ²¹⁴⁰), которой сдѣлался я служителемъ по домостроительству Божію, ввѣренному мнѣ за васъ, чтобы исполнить слово Божіе, тайну ²¹⁴¹), сокрытую отъ вѣковъ и родовъ, нынѣ же открытую святымъ Его, которымъ благоволилъ Богъ показать, какое богатство славы въ тайнѣ сей для язычниковъ, которая есть Христосъ въ васъ, упованіе славы, котораго мы проповѣдуемъ, вразумляя всякаго человѣка, и научая

Развалины гимназии въ Лаодикий.

всякой премудрости, чтобы представить всякаго человѣка совершеннымъ во Христѣ Иисусѣ ²¹⁴²); для чего я и тружусь, и подвизаюсь силою Его, дѣйствующею во мнѣ могущественно (I, 24—29). Желая, чтобы вы знали, какой подвигъ ²¹⁴³) имѣю я ради васъ и ради тѣхъ, которые въ Лаодикии и Іераполѣ, и ради всѣхъ, кто не видѣлъ лица моего во плоти; дабы утѣшились сердца ихъ, соединенныя ²¹⁴⁴) въ любви для всякаго богатства совершеннаго разумѣнія, для познанія тайны Бога и Отца и Христа ²¹⁴⁵), въ которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія»,—сокрыты, но намъ, какъ показываетъ весь смыслъ рѣчи, теперь уже открыты (Притч. II, 4; Матѣ. XIII, 44; I Кор. II, 7; IV, 5). «Это говорю я (т. е. говорю о возможности для васъ всѣхъ знать откровенную премудрость Божию) для того, чтобы кто нибудь не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами; ибо хотя я и отсутствую тѣломъ, но духомъ нахожусь съ вами, радуясь, и видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей во Христа. Посему какъ вы приняли Христа Иисуса Господа, такъ и ходите въ Немъ, будучи укоренены и утверждены ²¹⁴⁶) въ Немъ, и укрѣплены въ вѣрѣ, какъ вы научены, преуспѣвая въ ней съ благодареніемъ» (II, 1—7).

Такимъ образомъ онъ высказалъ общее предостереженіе противъ увлеченія ложнымъ ученіемъ. Онъ изложилъ для нихъ твердою рукою и съ безусловною опредѣленностью истину, что полнота постоянно пребываетъ во Христѣ—единомъ Господѣ сотворенной вселенной, и поэтому есть гарантія того, что въ матеріи нѣтъ присущаго элемента неистребимаго зла; единомъ главѣ церкви; единомъ искупителѣ міра; единомъ центрѣ, источникѣ и открывателѣ премудрости одинаково всѣмъ, какъ они и научены были давно. Но теперь была пора приступить къ болѣе частнымъ предостереженіямъ, къ болѣе непосредственному приложенію этихъ великихъ вѣчныхъ началъ, и онъ продолжаетъ:

«Смотрите, братія, чтобы кто ²¹⁴⁷) не увлекъ васъ философіею ²¹⁴⁸) и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра ²¹⁴⁹), а не по Христу; ибо въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества ²¹⁵⁰) тѣлесно. И вы имѣете полноту въ Немъ, который есть глава всякаго начальства и власти» (II, 7—10).

Изъ этой великой истины вытекаютъ различныя практическія слѣдствія. Напр. ессейскій мистикъ, который увлекалъ ихъ пустой и своеобразной софистикой, которую онъ называлъ философіей, выставялъ предъ ними значеніе обрѣзанія, хотя, какъ кажется, и не съ тою настойчивостью, какъ христіанскіе фарисеи, вторгшіеся въ Галатію. Но какая польза могла быть имъ отъ обрѣзанія? Ихъ обрѣзаніе духовное и уже было совершенно надъ ними не человѣческими руками, но самимъ Христомъ; не какъ нѣкоторое искаженіе одного члена, но какъ полное совлеченіе съ нихъ всего тѣла плоти ²¹⁵¹). Это именно ихъ крещеніе, въ которомъ они были погребены со Христомъ, а также и воскресли съ Нимъ чрезъ свою вѣру въ силу Бога, который воскресилъ Его изъ мертвыхъ (сн. Филипп. III, 10).

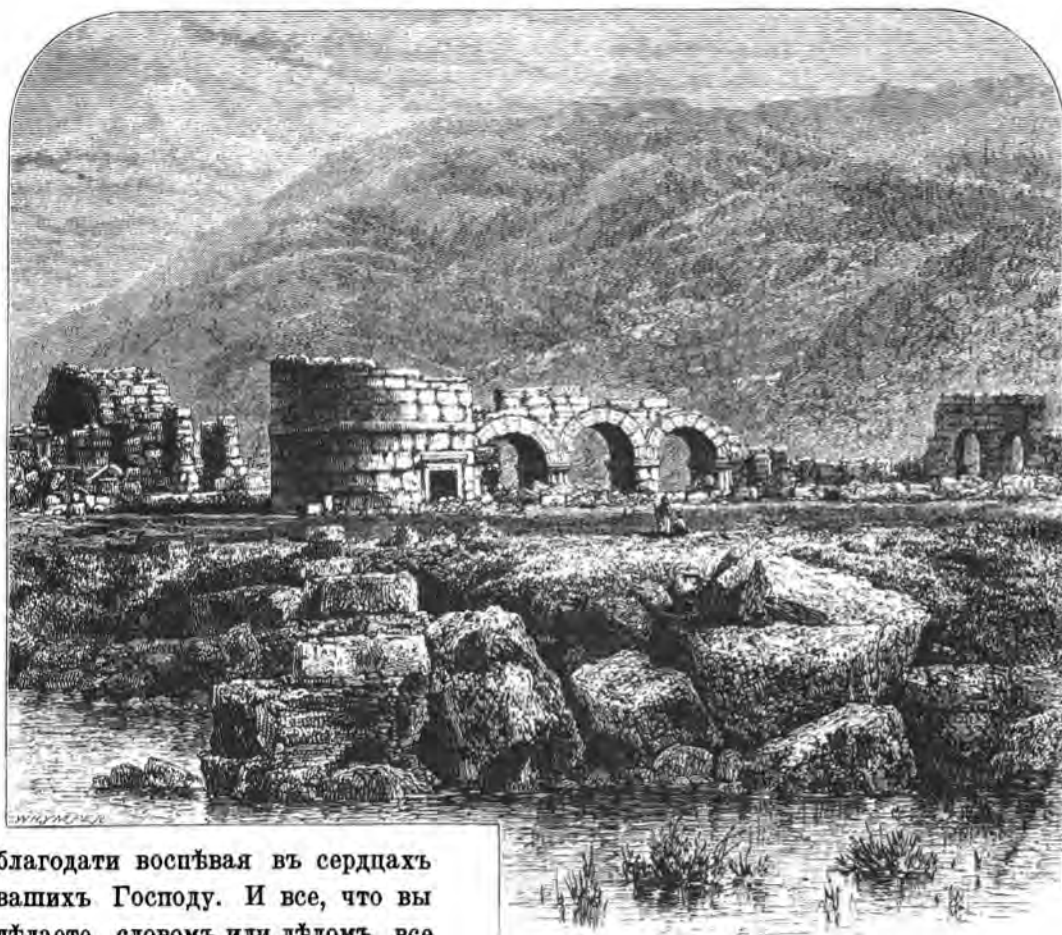
«И васъ, которые были мертвы во грѣхахъ и въ необрѣзаніи плоти вашей, Богъ оживилъ вмѣстѣ съ Нимъ, простивъ намъ всѣ грѣхи, истребивъ учениемъ бывшее о насъ рукописаніе ²¹⁵²), которое было противъ насъ, и Онъ взялъ его отъ среды и пригвоздилъ ко кресту. Отнявъ силы у начальствъ и властей (грѣховности ²¹⁵³), властно подвергъ ихъ позору, восторжествовавъ надъ ними Собою» ²¹⁵⁴), дѣлая такимъ образомъ висѣлицу раба своимъ feretrum, чтобы нести добычу своего триумфа въ качествѣ вѣчнаго побѣдителя послѣ смертельной борьбы съ дерзкими силами духовной злобы.

Такъ какъ затѣмъ простыя законныя обязательства составляютъ часть мертваго договора—изорванныхъ и разбитыхъ узъ, которыя теперь пригвождены къ кресту Христа, то «никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе ²¹⁵⁵), или за какой нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу ²¹⁵⁶): это есть тѣнь будущаго, а тѣло во Христѣ. Никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ ²¹⁵⁷) и служеніемъ ангеловъ ²¹⁵⁸), вторгаясь въ то, чего не в дѣль ²¹⁵⁹), безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ, и не держась главы, отъ которой все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо, растетъ возрастомъ Божіимъ ²¹⁶⁰). Итакъ, если вы со Христомъ умерли для стихій міра, то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій: не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся (что все истлѣваетъ отъ употребленія, Марк. vii, 1—23), по заповѣдямъ и ученію человѣческому? Это имѣетъ только видъ мудрости въ самовольномъ служеніи ²¹⁶¹), смиренномудріи и изнуреніи тѣла, въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти» ²¹⁶²).

Истинное средство противъ этого, какъ онъ продолжаетъ показывать, совершенно различно:

«Итакъ, если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. О горнемъ помышляйте, а не о земномъ. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ. Когда же явится Христосъ, жизнь ваша, тогда и вы явитесь съ Нимъ во славѣ. Итакъ умертвите земныя члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть и любостыжаніе, которое есть идолослуженіе, за которыя гнѣвъ Божій ²¹⁶³) грядетъ на сыновъ противленія, въ которыхъ и вы нѣкогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнѣвъ, ярость, злобу, злорѣчіе, сквернословіе устъ вашихъ; не говорите лжи другъ другу, совлеки ветхаго человѣка съ дѣлами его, и облекшись въ новаго, который обновляется въ познаніи по образу создавшаго его: гдѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скива ²¹⁶⁴), раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ. Итакъ облекитесь, какъ избранные Божіи, святыя и возлюбленные, въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ другу и прощая взаимно, если кто на кого имѣетъ жалобу: какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы. Болѣе же всего *облекитесь въ любовь*, которая есть совокупность совершенства. И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ

Божій, къ которому вы и призваны въ одномъ тѣлѣ, и будьте дружелюбны. Слово Христова да вселяется въ васъ обильно, со всякою премудростію; научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ ²¹⁶⁵) и духовными пѣснями, во

Развалины Іераполя.

благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу. И все, что вы дѣлаете, словомъ или дѣломъ, все *дѣлайте* во имя Господа Иисуса Христа, благодаря чрезъ Него Бога и Отца» (ш, 1—17).

Затѣмъ слѣдуютъ различныя практическія увѣщанія: женамъ любить своихъ мужей, какъ подобаетъ въ Господѣ ²¹⁶⁶); мужьямъ любить своихъ женъ и не поступать съ ними жестоко; дѣтямъ повиноваться своимъ родителямъ; родителямъ не раздражать своихъ дѣтей, чтобы они не унывали ²¹⁶⁷). Рабамъ, объ обязанностяхъ положенія которыхъ ему навѣрно часто приходилось думать недавно вслѣдствіе его заботы объ Онисимѣ, онъ даетъ правило повиноваться своимъ земнымъ господамъ, какбы имѣя постоянно предъ собою око своего великаго Госпо-

дина, ожидая награды за вѣрность тому кто также воздастъ и дѣлающему злое. Господамъ онъ внушаетъ справедливость и снисходительность къ своимъ рабамъ, замѣчая, что они имѣютъ также Господа на небесахъ ²¹⁶⁸).

Затѣмъ онъ внушаетъ имъ быть въ постоянной молитвѣ и благодареніи и просить ихъ молитвъ, дабы Богъ даровалъ успѣхъ тому служенію, за которое онъ теперь былъ въ узахъ. Въ отношеніи внѣшняго міра онъ наставляетъ ихъ вести себя съ мудростью, пользуясь временемъ и обращаясь другъ съ другомъ съ благодатію и пріятностью, такъ чтобы слово ихъ было «приправлено солью» (iv, 1—6).

Апостолъ не посылаетъ никакихъ личныхъ извѣстій, потому что все это будетъ передано Тихикомъ, его возлюбленнымъ братомъ, вѣрнымъ служителемъ и соратникомъ въ Господѣ, котораго онъ посылаетъ съ этою цѣлью ²¹⁶⁹), для укрѣпленія ихъ сердець, съ Онисимомъ, ихъ согражданиномъ, а *теперь* ихъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ, чѣмъ бы онъ ни былъ раньше. Онъ посылаетъ имъ привѣтствія отъ Аристарха, своего союзника ²¹⁷⁰), отъ Марка, племянника Варнавы ²¹⁷¹), о возможности посѣщенія которыхъ они быть можетъ получили особые извѣстія; отъ Іисуса прозываемаго Іустомъ,—единственныхъ трехъ іудейскихъ христіанъ, которые трудились съ нимъ въ дѣлѣ распространенія царства Божія и сдѣлались такимъ образомъ источникомъ утѣшенія для него. Привѣтствуетъ ихъ также Епафрасъ ихъ, рабъ Іисуса Христа, всегда подвижающійся за нихъ въ молитвахъ, чтобы они пребыли совершенны и исполнены всѣмъ, что угодно Богу, — человекъ, который глубоко интересовался состояніемъ ихъ церквей. Привѣтствуетъ ихъ также Лука, врачъ возлюбленный, и Димасъ ²¹⁷²). Онъ проситъ ихъ привѣтствовать Лаодикійскихъ братьевъ, Нимфана и церковь въ домѣ его и его друзей ²¹⁷³). Онъ повелѣваетъ прочесть свое посланіе всенародно, не только въ Колосской, но также и въ Лаодикійской церкви, и повелѣваетъ имъ прочесть окружное посланіе, которое они могли получить изъ Лаодокіи ²¹⁷⁴). «Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебѣ исполнить служеніе, которое ты принялъ въ Господѣ» ²¹⁷⁵). Посланіе заканчивается его собственноручнымъ привѣтствіемъ, къ которому онъ кратко прибавляетъ: «примите мои узы. Благодать со всѣми вами. Аминь» ²¹⁷⁶).

Въ нашу теперешнюю задачу не входитъ изслѣдованіе послѣдующей исторіи церквей въ долинѣ Лика. Послѣдователи Баура въ Германіи и Ренана во Франціи пытались представить дѣло такъ, что ученіе ап. Павла въ Азіи сопровождалось реакціей, въ которой его имя злословилося и его ученіе отвергалось. Теорія эта весьма сомнительна. Ученіе и предостереженія ап. Іоанна семи церквамъ весьма близко похожи и иногда почти буквально тождественны съ ученіемъ и предостереженіями ап. Павла; и сущность ученія обоихъ апостоловъ о всѣхъ важнѣйшихъ сторонахъ христіанства почти до точности одна и таже. Несостоятельное заключеніе выводили изъ предполагаемаго молчанія Папія объ

ап. Павлѣ. Сколько мы можемъ судить изъ указаній Евсевія, цѣлью Папія было собирать свидѣтельства *преданій* отъ различныхъ апостоловъ и учениковъ, а ап. Павелъ *не могъ* быть однимъ изъ нихъ. Папій былъ епископомъ Іераполя, въ который ап. Павелъ никогда не могъ заносить свою ногу. Но даже если онъ и былъ тамъ, то посѣщеніе его было кратковременно и совершилось задолго до того, какъ писалъ Папій, между тѣмъ какъ послѣ разрушенія Іерусалима ап. Іоаннъ провелъ много лѣтъ въ Ефесѣ и тамъ около него собраны были Андрей, Филиппъ, Аристіонъ и другіе лично знавшіе Спасителя. Къ этимъ то источникамъ Папій и обращался за своими нѣсколько неопредѣленными и легковѣрными преданіями, и онъ могъ сослаться также и на ап. Павла, какъ это дѣлаетъ Поликарпъ, хотя Евсевію и не случилось упомянуть объ этомъ обстоятельстве. Тутъ не только нѣтъ доказательства общаго отступленія отъ началъ ап. Павла, но въ опредѣленіяхъ собора, происходившаго въ Лаодикиіи около половины четвертаго столѣтія, мы читаемъ тѣ же самыя предостереженія противъ боготворенія ангеловъ, іудейства и восточнаго умозрѣнія, которыя находятъ себѣ мѣсто въ этихъ посланіяхъ, написанныхъ въ узахъ. Самыя Колоссы, подвергавшіяся постояннымъ землетрясеніямъ, дѣлавшимся еще болѣе разрушительными вслѣдствіе особенностей Лика съ его каменьющими водами,—были постепенно оставлены, и церкви Азіи наконецъ погибли подъ мертвящимъ тѣломъ ислама съ его жестокостью, разложеніемъ и безпечностью.

Монета гор. Филадельфіи.

ГЛАВА Л.

АП. ПАВЕЛЪ И ОНИСИМЪ.

Какъ будто боги пекутся о рабахъ!..

МАКРОВІЙ.

In servos superbissimi, crudelissimi, contumeliosissimi vultus.

СЕНЕКА.

Въ посланіи къ Колоссянамъ ап. Павелъ не посылалъ привѣтствія Филимону — который былъ знатнымъ членомъ этой церкви, — потому что онъ намѣренъ былъ написать ему особое письмо. Такому человѣку, какъ ап. Павелъ, сильно любящее сердце котораго пріобрѣтало ему столь много глубоко преданныхъ друзей, вѣроятно часто приходилось сноситься съ ними краткими письмами; но посланіе къ Филимону есть единственное частное письмо, сохраненное намъ изъ этой корреспонденціи, — единственное частное письмо въ канонѣ новаго завіта, за исключеніемъ краткаго посланія ап. Іоанна къ возлюбленному Гаію²¹⁷⁷). Мы не можемъ не пожалѣть объ этой потерѣ. До насъ дошли сотни писемъ Цицерона, Сенеки и Плинія, и хотя нѣкоторые изъ нихъ составляютъ образецъ изящества и краснорѣчія, съ какою радостью мы отказались бы отъ всѣхъ ихъ даже ради одного или двухъ писемъ, написанныхъ этимъ апостоломъ! По стилю своему это письмо, правда, совершенно небрежно и необработано; но въ то время какъ письма великихъ римлянъ, при всей ихъ литературной художественности и законченности, часто оставляютъ въ насъ невольное впечатлѣніе тщеславія, неискренности, даже въ иныхъ случаяхъ полной нравственной неустойчивости ихъ авторовъ, это краткое письмо ап. Павла съ другой стороны открываетъ намъ еще новую сторону въ его характерѣ, достойную благороднѣйшихъ изреченій, какія только мы находимъ въ другихъ посланіяхъ. Эти многія строки въ одно и то же время столь теплыя и дышація такимъ достоин-

ствомъ, которыя однакоже критическое изувѣрство нѣкогда склонно было презрительно третировать даже какъ неимѣющія никакого значенія, выражаютъ такія вѣчныя начала, которыя даже до позднѣйшихъ временъ оказывали не мало вліянія на ходъ развитія всемірной исторіи. При всей небрежности слога и сравнительной незначительности вызвавшего его случая, письмо это есть образецъ такта, сочувствія, высокаго нравственнаго благородства. Эта маленькая «идиллія прогресса христіанства» ²¹⁷⁸⁾ показываетъ, что подъ изношеннымъ и заплатаннымъ плащомъ странствующаго миссіонера билось сердце истинно благороднаго человѣка, высоко благовоспитанное обхожденіе котораго сдѣлало бы честь при всякомъ дворѣ ²¹⁷⁹⁾.

Мы видѣли, что во время своего тюремнаго заключенія ап. Павелъ былъ приведенъ «тѣмъ невидимымъ провидѣніемъ, которое люди часто называютъ случаемъ», въ соприкосновеніе съ бѣглымъ рабомъ изъ Колоссъ, имя котораго было Онисимъ т. е. «благодѣтельный». Онъ бѣжалъ въ Римъ—эту общую *sentina* міра ²¹⁸⁰⁾—для того, чтобы скрыться отъ послѣдствій своихъ преступленій, за которыя языческій господинъ безъ малѣйшаго сокрушенія могъ осудить его на *ergastulum* или крестъ; и въ подвалѣ одного изъ огромныхъ римскихъ *insulae*, или въ хижинѣ какого нибудь товарища по преступленію и бѣдственности, въ этой огромной массѣ человѣческаго убожества, которое гибло подобно взбитой пѣнѣ на окраинѣ блистающаго прилива цивилизаціи, онъ скорѣе могъ рассчитывать на укрытіе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Что именно избавило его отъ страшнаго паденія, которое и могло быть единственно возможнымъ результатомъ такой худо начатой жизни, мы не знаемъ. Онъ вѣроятно скоро истратилъ все, что укралъ у своего господина, и такъ какъ Римъ былъ переполненъ рабами и всякими празднолюбцами, такъ какъ занятій для содержанія себя даже въ крайней бѣдности было очень мало, то трудно видѣть, какой источникъ жизни могъ оставаться ему кромѣ преступленій. Быть можетъ въ этомъ положеніи онъ встрѣтился съ своимъ колосскимъ согражданиномъ Епафрасомъ, который, какъ пресвитеръ колосскій, могъ быть хорошо извѣстенъ Филимону. Быть можетъ Аристархъ или кто другой изъ тѣхъ, которые были сотоварищами ап. Павла въ Ефесѣ, встрѣтивъ его, узнали въ немъ слугителя Филимона, бывшаго при немъ во время обращенія его ап. Павломъ. Быть можетъ и самъ онъ присутствовалъ при нѣкоторыхъ изъ тѣхъ ежедневныхъ бесѣдъ и разсужденій въ школѣ Тиранна, которыя, не тронувъ его сердца въ то время, во всякомъ случаѣ показали ему все благородство проповѣдника и открыли инстинктивному чувству человѣка, принадлежавшаго къ угнетенному классу, присутствіе души, которая могла сочувствовать всякому страданію. Какъ это случилось, мы не знаемъ, но знаемъ только, что онъ не обманулся въ своихъ надеждахъ. Апостоль принялъ его ласково, съ сочувствіемъ и даже нѣжностью. Раввины говорили: «не позволительно учить раба закону» ²¹⁸¹⁾. «Какъ будто небо печется о рабахъ»! говорилъ заурядный язычникъ съ насмѣшкой ²¹⁸²⁾. Не такъ думалъ ап. Павелъ. Въ христіанствѣ нѣтъ

ничего эсотерического, ничего исключительнаго. Онисимъ сдѣлался христіаниномъ. Сердце, которое было твердо какъ алмазъ противъ фарисейства и тиранніи, было въ тоже время нѣжно какъ сердце матери ко всякой скорби и покаянію. Ап. Павелъ учился въ школѣ Того, кто позволялъ кающейся блудницѣ омыwać свои ноги слезами и отирать ихъ волосами своей головы; въ школѣ Того, который сказалъ осужденной блудницѣ: «и я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши». Ап. Павелъ отнюдь не раздѣлялъ того антихристіанскаго лицепріятія, которое заставляло нѣкоторыхъ лицъ во времена блаженнаго Іеронима ²¹⁸³) доказывать, что заботиться о бѣгломъ рабѣ было ниже его достоинства. Онъ понималъ лучше, чѣмъ всякіе позднѣйшіе учителя, что религія Христа есть великая хартія человечества. Неводь Его «ловцовъ людей» опускался до самой глубины соціального моря. Вотъ былъ человѣкъ, положеніе котораго было самымъ низкимъ, какое только можно себѣ представить. Это былъ рабъ; рабъ страны, рабы которой считались самыми худшими; рабъ, который сначала обокралъ своего добраго господина и затѣмъ убѣжалъ отъ него; рабъ, на котораго ходячія пословицы указывали какъ на исключительно негоднаго ²¹⁸⁴), заслуживающаго только палокъ и нестоющаго даже ихъ ²¹⁸⁵). Однимъ словомъ, это былъ рабъ, фригійскій рабъ, воровской азійскій бѣглый рабъ, который не имѣлъ никакихъ признанныхъ правъ и въ отношеніи къ которому никто не имѣлъ никакихъ признанныхъ обязанностей. Онъ былъ просто «живою собственностью» ²¹⁸⁶), простымъ «орудіемъ съ голосомъ» ²¹⁸⁷), безправною и какбы бездушною вещью. Но ап. Павелъ обладалъ его и этотъ рабъ сдѣлался христіаниномъ, братомъ возлюбленнымъ и полезнымъ, наслѣдникомъ безсмертія, сыномъ царства, членомъ царственнаго рода святаго священства. Сатирикъ Персій съ крайнимъ негодованіемъ говоритъ о той быстротѣ, съ которою рабъ становился отпущенникомъ и гражданиномъ: «вотъ стоитъ какой-нибудь Дама — грошевый конюхъ мальчикъ, негодный воришка; преторъ касается его своимъ волшебнымъ жезломъ, поворачиваетъ его кругомъ въ знакъ освобожденія, и вотъ въ одно мгновеніе онъ становится римскимъ гражданиномъ и важной персоной — Маркомъ Дамой» ²¹⁸⁸). Но различіе между Дамой, негоднымъ рабомъ, и Маркомъ Дамой, важнымъ и знатнымъ гражданиномъ, было до безконечности ничтожно въ сравненіи съ дѣйствительнымъ и несравненнымъ различіемъ, которое отдѣляло Онисима, негоднаго фригійскаго бѣглеца, отъ Онисима—возлюбленнаго и вѣрнаго брата.

Такимъ образомъ посланіе къ Филимону становится въ дѣйствительности манифестомъ христіанства противъ ужасовъ и беззаконія древняго и новѣйшаго рабства ²¹⁸⁹). По самой сущности христіанской церкви, потому именно, что она была «царствомъ не отъ міра сего» — она не могла быть революціонною. Господство при помощи физическаго насилія или провозглашеніе посредствомъ меча никогда не было свойственно ея духу. Она была откровеніемъ вѣчныхъ началъ, а не разработкой практическихъ подробностей. Она не вмѣшивалась и не пыта-

лась вмѣшиваться въ явленія установившагося порядка. Если бы она вмѣшалась въ нихъ, то должна была бы погибнуть въ бурѣ смятенія, которую она неизбежно возбудила бы противъ себя. Открывая истину, протестуя противъ преступленія, она тѣмъ самымъ обезпечила себѣ окончательную, хотя и безмолвную побѣду. Она знала, что гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода. Она была вѣрна властямъ предержащимъ. Она не возвышала голоса и не отказывалась отъ подати даже Гаію или Нерону. Она не поносила рабства и не проповѣдывала роковой или гибельной рабской войны. Она не возбуждала своихъ Онисимовъ играть роль какого нибудь Евна или Артемія, и однако же она вдохнула чувство свободы, которое на всѣ вѣка стало грознымъ врагомъ тиранніи, и провозгласила боже-

Отломокъ отъ храма Діаны Ефесской
(теперь въ Британскомъ музеѣ).

ственное равенство и братство, которое, оставляя неприкосновеннымъ обычное общественное различіе, сдѣлало рабство невозможнымъ въ просвѣщенныхъ странахъ христіанскаго міра ²¹⁹⁰).

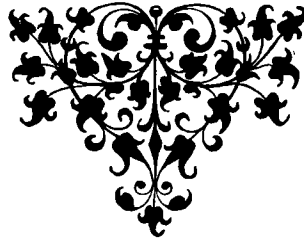
Это деликатное отношеніе къ существующему строю общества великолѣпно иллюстрируется посланіемъ къ Филимону. Безпокойство, всегда производимое существованіемъ рабскаго населенія, чрезвычайно преобладающаго своею численностью, чувствовалось въ это время съ особенною напряженностью. Менѣе чѣмъ за два года предъ тѣмъ, какъ ап. Павелъ писалъ къ Филимону, одинъ консулъ, префектъ города, по имени Педаній Секундъ, былъ убитъ рабомъ при гнуснѣйшихъ обстоятельствахъ, которыми вообще отличалась вся эта эпоха. Вопреки сожалѣнію народа,

сенатъ опредѣлилъ, чтобы на этотъ разъ приведенъ былъ въ исполненіе древній безпощадный законъ, возстановленный Силанскимъ указомъ при Августѣ, и вся familia рабовъ была предана смерти. Не смотря на угрозы населенія, Неронъ приказалъ, чтобы приговоръ этотъ былъ приведенъ въ дѣйствіе при помощи военной силы, и 400 человѣческихъ существъ всякаго возраста и пола были отведены среди солдатъ къ мѣсту своего избіенія, не смотря на несомнѣнную невинность огромнаго большинства изъ нихъ. Это ужасное событіе вмѣстѣ съ бурнымъ дебатомъ, происшедшимъ вслѣдствіе этого въ сенатѣ, сдѣлало предметъ рабства «жгучимъ вопросомъ» въ Римѣ и придадо больше значенія общему сознанию, которое давно уже нашло свое выраженіе въ пословицѣ, что «чѣмъ больше рабовъ, тѣмъ больше враговъ». Во время этого знаменитаго дебата Кассій Лонгинъ утверждалъ, что единственное средство, при которомъ богатые могли съ нѣкоторою безопасностью жить въ Римѣ (немногіе среди массъ, погрязавшихъ въ ужасающемъ состояніи голодной бѣдности и нищеты), заключалось въ безпощадномъ примѣненіи этого древняго и кроваваго закона.

Таково то было состояніе вещей, при которомъ ап. Павелъ сѣлъ писать свое письмо съ цѣлью заступиться за фригійскаго бѣглеца. Онъ не могъ обличать самаго рабства; онъ не могъ даже освободить Онисима; но подобно тому, какъ Моисей «по жестокосердію вашему» (Матѣ. хіх, 8) не могъ отвергнуть lex talionis, многоженство или существованіе кровавой мести, но, по возможности лишилъ ихъ почвы, отнялъ у нихъ, насколько возможно было, ихъ роковое жало посредствомъ видоизмѣненія и ограниченія, такъ и ап. Павелъ установилъ истины, которыя дѣлали рабство сноснымъ и поднимали раба до такой степени достоинства, которое самое освобожденіе дѣлало какбы второстепеннымъ дѣломъ и даже неимѣющимъ особаго значенія. Рабству былъ нанесенъ ударъ въ самый корень, когда Спаситель сказалъ: «вы всѣ — братья». Въ христіанской общинѣ рабъ могъ быть епископомъ, а его господинъ — только оглашеннымъ; и ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѣяна проситъ ихъ оказывать должное почитеніе и подчиненіе дому Стефана, хотя нѣкоторые изъ коринѣянъ были люди высокаго положенія, а это семейство были рабы ²¹⁹¹). За неоцѣненный даръ своего избавленія отъ нравственной и духовной смерти Онисимъ заплатилъ благодарностью, любовью, дѣятельными и преданными услугами престарѣлому узнику. Ап. Павелъ, удручаемый столькими огорченіями и видя такъ мало вокругъ себя преданныхъ лицъ, съ радостью удержалъ бы у себя этого сердечно преданнаго ему юношу, качества к тому, какъ они ни были испорчены прежнею жизнью, были по природѣ такъ нѣжны и любвеобильны, что апостолъ чувствовалъ къ нему всю привязанность какъ отецъ къ сыну ²¹⁹²). И если бы онъ удержалъ его у себя, онъ былъ увѣренъ, что Филимонъ не только извинилъ бы его въ этомъ, но даже обрадовался бы, что принадлежавшій ему человѣкъ исполнялъ нѣкоторыя изъ тѣхъ добрыхъ обязанностей въ отношеніи апостола въ его тяжеломъ положеніи,

которыхъ онъ не имѣлъ возможности исполнить самъ ²¹⁹³). Но ап. Павелъ былъ слишкомъ благороденъ ²¹⁹⁴), чтобы расчитывать на доброту даже возлюбленнаго обращенца. И кромѣ того совершенный Онисимомъ проступокъ не долженъ былъ остаться безъ нѣкотораго возмездія. Необходимо было показать примѣромъ, что, гдѣ только возможно, за покаянiемъ должно слѣдовать прощенiе, но что виновный въ большомъ проступкѣ не долженъ быть неправильно защищаемъ отъ его законныхъ послѣдствiй. Если бы Филимонъ былъ язычникъ, то послать къ нему Онисима значило бы осудить бѣднаго раба на вѣрную пытку, быть можетъ даже на распятiе ²¹⁹⁵). Онъ несомнѣнно сдѣлался бы съ этихъ поръ «заклейменнымъ бѣглецомъ» ²¹⁹⁶), или былъ бы ввергнутъ въ рабскую темницу для работы въ цѣпяхъ. Но Филимонъ былъ христiанинъ, а «Евангелiе Христа, христiанизировавъ господина, освобождало раба» ²¹⁹⁷). Ап. Павелъ былъ вполне увѣренъ, что онъ посылалъ бѣглеца (который сдѣлался его возлюбленнымъ сыномъ и съ которымъ онъ не могъ теперь разстаться безъ усилий) для прощенiя, внимательной ласки и по всей вѣроятности для свободы въ будущемъ; но право во всякомъ случаѣ было правомъ, и апостолъ сознавалъ, что онъ не долженъ былъ отступать и предъ личной жертвой при разставанiи съ нимъ. Онъ поэтому отослалъ его назадъ подъ добрымъ попеченiемъ Тихика и — къ счастью для насъ — съ «рекомендательнымъ» письмомъ, въ отверженiи котораго извиняется даже Бауръ, и которое съ восторгомъ цѣнитъ весь мiръ ²¹⁹⁸). Гроцій и др. сравнивали его съ изящнымъ и трогательнымъ письмомъ Плинія младшаго къ своему другу Сабинiану съ цѣлью заступничества за провинившагося отпущенника, который со слезами умолялъ его о заступничествѣ. Это до изящества естественное и прекрасно составленное письмо дѣлаетъ честь какъ сердцу, такъ и головѣ Плинія; и однако же, при всей обработанности своего стиля, оно въ красотѣ и значенiи далеко уступаетъ письму къ Филимону, хотя послѣднее написано было ап. Павломъ съ нѣкоторою благородною небрежностью въ выраженiяхъ. Прежде всего оно написано въ защиту отпущенника, который пользовался глубокою любовью, а не въ защиту бѣглаго раба. Затѣмъ оно имѣетъ чисто личный характеръ, и въ немъ совершенно нѣтъ того великаго божественнаго начала, которое лежитъ въ основѣ письма ап. Павла. Между ними есть и другiя важныя различiя. Ап. Павелъ нисколько не сомнѣвается касательно будущаго добраго поведенiя Онисима; Плиній думаетъ, что юный отпущенникъ можетъ совершать проступки и опять. Плиній допускаетъ, что Сабинiанъ сердится и будетъ сердиться; ап. Павелъ нисколько въ этомъ отношенiи не опасается касательно Филимона. Ап. Павелъ въ своей защитѣ опирается на широкую основу искупленiя человѣчества во Христѣ; Плиній ссылается на слезы и юность отпущенника и на ту привязанность, которую нѣкогда чувствовалъ къ нему его господинъ. Ап. Павелъ не считаетъ необходимымъ просить Филимона не наказывать своего бѣглаго раба; Плиній вынуждается просить своего друга не прибѣгать къ пыткамъ. Ап. Павелъ

не дѣлаетъ никакихъ упрековъ Онисиму; Плиній сурово бранилъ своего юнаго просителя и говорилъ ему,—не думая сдержать своего слова,—что онъ никогда не заступится за него опять. Письмо Плинія есть письмо прекраснаго язычника; но различіе, отдѣляющее язычника отъ христіанина, явственно выступаетъ въ каждой строкѣ ²¹⁹⁹).

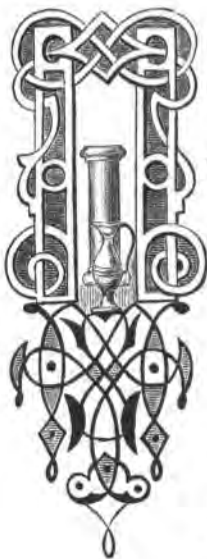

Древнее изображеніе ап. Павла на стеклѣ
(изъ Британскомъ музеѣ; вѣроятно самое раннее изображеніе апостола).

ГЛАВА LI. ПОСЛАНІЕ БЪ ФИЛИМОНУ.

Посланіе это написано съ евангельскою
красотою. Бл. Іеронимъ.

Servi sunt? immo conservi. СЕНЕКА.

АВЕЛЪ, узникъ Иисуса Христа, и Тимоеей братъ, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфіи (сестрѣ) ²²⁰⁰) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви: благодать вамъ и миръ отъ Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.

«Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебѣ въ молитвахъ моихъ, слыша о твоей любви и вѣрѣ, которую имѣешь къ Господу Иисусу и ко всѣмъ святымъ ²²⁰¹), дабы общеніе вѣры твоей оказалось дѣятельнымъ въ познаніи всякаго у васъ добра во Христѣ Иисусѣ, ибо мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви твоей; потому что тобою, братъ, успокоены сердца святыхъ.

«Посему, имѣя великое во Христѣ дерзновеніе приказывать тебѣ, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, какъ я, Павелъ старецъ ²²⁰²), а теперь и узникъ Иисуса Христа; прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ. Онъ былъ нѣкогда негоденъ для тебя ²²⁰³), а теперь годенъ тебѣ и мнѣ ²²⁰⁴); я возвращаю его. Ты же прими его, какъ мое сердце ²²⁰⁵). Я хотѣлъ при себѣ удержать его, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ въ узахъ за благовѣствованіе: но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, можетъ быть, онъ для того на время отлучился, чтобы тебѣ принять его навсегда, не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по плоти, и въ Господѣ. Итакъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня. Если же онъ чѣмъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай это на мнѣ. Я, Павелъ, написалъ моею рукою: я заплачу ²²⁰⁶); не говорю тебѣ о томъ, что ты и самимъ собою мнѣ долженъ. Такъ, братъ, дай мнѣ воспользоваться отъ тебя въ Господѣ ²²⁰⁷): успокой мое сердце въ Господѣ. Надѣясь на послушаніе твое, я написалъ къ тебѣ, зная, что ты сдѣлаешь и болѣе, нежели говорю. А вмѣстѣ приготовь для меня и помѣщеніе; ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ.

«Привѣтствуетъ тебя Епафрасъ, узникъ вмѣстѣ со мною ради Христа Иисуса, Маркъ, Аристархъ, Димасъ, Лука, сотрудники мои.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духомъ вашимъ. Аминь» ²²⁰⁸).

Когда Плиній заступался предъ Сабиніаномъ за сдѣлавшаго проступки отпущенника, онъ имѣлъ возможность вскорѣ затѣмъ писать: «ты хорошо сдѣлалъ, принявъ своего отпущенника въ свой домъ и къ своему сердцу. Это доставить тебѣ удовольствіе, какъ оно доставляетъ удовольствіе и мнѣ; во-первыхъ потому, что оно доказываетъ мнѣ твое самообладаніе, и во-вторыхъ потому, что ты достаточно уважаешь меня, чтобы уступать моему авторитету и дѣлать снисхожденіе на мои просьбы». Каковъ былъ результатъ посланія ап. Павла, намъ не сообщается; но мы можемъ быть вполне увѣрены, что довѣріе того, кто съ такою проникательностью читалъ человѣческіе характеры, не посрамилось; что Филимонъ принялъ своего раба съ такою же добротою, какъ Сабиніанъ принялъ своего отпущенника; что онъ простилъ его и не только возвратилъ ему свою прежнюю благосклонность, но сдѣлалъ также и то, чего не просилъ, но очевидно желалъ ап. Павелъ, именно отпустилъ его на свободу ²²⁰⁹). Мы можемъ быть также вполне увѣрены, что если ап. Павелъ когда-либо имѣлъ возможность совершить свое предполагаемое посѣщеніе Колоссъ, то Филимонъ приготовилъ ему не просто «помѣщеніе», но истиннорадушный домъ подъ своей собственной и Апфіевою кровлей, гдѣ они и нѣсколько нетвердый Архиппъ, а также и община, собиравшаяся въ ихъ домъ, могли наслаждаться обществомъ и назидаться безсмертными словами своего возлюбленнаго учителя.

Храмъ Діаны въ Ефесѣ.

ГЛАВА III.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЕФЕСЯНАМЪ.

Ни въ одномъ посланіи ап. Павла не заключено столько многозначительныхъ тайнъ.

Бл. Іеронимъ.

Одно тѣло и одинъ духъ. Ефес. IV, 4.

УВѢ посланія къ Колоссянамъ полемическая, и изъ сравненія его съ посланіемъ къ Ефессянамъ²²¹⁰), первыя главы котораго отличаются гораздо болѣе величественною общностью великихъ истинъ, повидимому (какъ мы уже и замѣтили) вытекаетъ рѣшительное доказательство того, что послѣднее, до нѣкоторой степени, возникло изъ перваго, и что оно было написано потому, что апостолъ желалъ воспользоваться отбытіемъ Тихика съ письмомъ, которое вызвано было ересями въ Колоссахъ.

Касательно подлинности этого посланія, не смотря на всѣ выставившіеся противъ него доводы, мы не можемъ имѣть ни тѣни сомнѣнія. Мы изслѣдуемъ этотъ вопросъ безъ малѣйшей предвзятости. Если бы доводы противъ принадлежности

его ап. Павлу оказались достаточно сильными, то мы не стали бы бороться противъ нихъ, да и глубочайшія истины посланія не сдѣлались бы для насъ менѣе глубокими или священными отъ того обстоятельства, что преданіе невѣрно указало его автора ²²¹¹).

Скульптурная группа съ подножія колонны отъ храма Діаны Ефесской
(теперь въ Британскомъ музеѣ).

На доводы, которыми старались доказать, что «Федонъ» не былъ написанъ Платономъ, считалось достаточнымъ отвѣтить:

Εἰ με Πλάτων οὐ γράψε δὴ αὐτὸ ἐγένοντο Πλάτωνες
(Если писалъ его не Платонъ, то значить два было Платона).

Несомнѣнно, если посланіе къ Ефессянамъ писалъ не ап. Павелъ, то надо предположить, что было два ап. Павла. Бауръ презрительно говоритъ о такомъ доводѣ ²²¹²), но можетъ ли ктонибудь серьезно думать, чтобы поддѣльщикъ, способный произвести посланіе къ Ефессянамъ, могъ прожить и умереть безвѣстно среди свя-

тыхъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень заурядныхъ людей и посредственныхъ писателей, которые обратили на себя вниманіе въ церкви перваго столѣтія? Правда, Де-Ветте и его послѣдователи ²²¹³) трактуютъ это посланіе съ высоты своего величія какъ пустословное и безцвѣтное произведеніе, стоящее совершенно ниже подлинныхъ посланій ап. Павла и отличающееся бѣдностью мыслей и обиліемъ словъ. На это мы можемъ отвѣтить только, что это предметъ вкуса. Даже яркочерный цвѣтъ не производитъ никакого впечатлѣнія на человѣка, страдающаго неспособностью различать цвѣта; и для нѣкоторыхъ читателей это посланіе казалось столь же мало безцвѣтнымъ, какъ и сводъ небесный въ своемъ ясномъ состояніи. Св. Златоустъ — отнюдь не плохой судья въ отношеніи стиля и риторики — находилъ въ немъ благородную возвышенность чувствъ. Теофилактъ останавливается на этомъ посланіи совершенно съ такою же характеристикой. Гроцій говоритъ, что ап. Павелъ здѣсь выражаетъ возвышенность своихъ мыслей словами болѣе возвышенными, чѣмъ какія когда-либо изрекалъ языкъ человѣческій. Лютеръ считалъ его среди возвышеннѣйшихъ книгъ Новаго Завѣта. Витсій называетъ его божественнымъ посланіемъ, пламенѣющимъ огнемъ христіанской любви и блескомъ святаго свѣта, бьющимъ фонтаномъ живой воды. Кольриджъ говорилъ о немъ: «въ этомъ божественнѣйшемъ произведеніи человѣка заключается всякое ученіе христіанства: во-первыхъ — доктрины, составляющія особенность христіанства, и во-вторыхъ — начала, общія ему съ естественной религіей». Наконецъ Альфордъ называетъ его «величайшимъ и божественнѣйшимъ произведеніемъ того, самое воображеніе котораго населено небеснымъ и самая фантазія котораго восхищена въ видѣніяхъ Бога». Пфлейдереръ, отвергая даже подлинность этого посланія, говоритъ, что «изъ всѣхъ формъ, чрезъ которыя павлинизмъ прошелъ на пути своего перехода къ каеоличности, посланіе къ Ефесянамъ есть самое развитое и самое богатое въ догматическомъ отношеніи».

Близкое сходство въ выраженіи и въ многихъ мысляхъ съ посланіемъ къ Колоссянамъ, вмѣстѣ съ существенными отличіями ²²¹⁴), отдѣляющими между собою эти два посланія, кажется намъ безусловно неотразимымъ доказательствомъ въ пользу подлинности ихъ обоихъ, даже если бы внѣшнія данныя были слабѣе, чѣмъ какъ они есть. Говоря вообще, мы можемъ сказать, что слогъ посланія къ Колоссянамъ отличается «богатою краткостью»; слогъ посланія къ Ефесянамъ — болѣе расплывчатою полнотою. Посланіе къ Колоссянамъ имѣетъ опредѣленный и логическій характеръ; посланіе къ Ефесянамъ — лирическій и азіатскій. Въ первомъ ап. Павелъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду заблужденіе, во-второмъ онъ выставляетъ соотвѣтствующую истину. Въ посланіи къ Колоссянамъ онъ воинъ, въ посланіи къ Ефесянамъ — онъ строитель. Въ первомъ онъ ратуетъ противъ тщетной и обманчивой философіи; во-второмъ онъ открываетъ небесную премудрость. Въ посланіи къ Колоссянамъ апостолъ выступаетъ со стороны своего

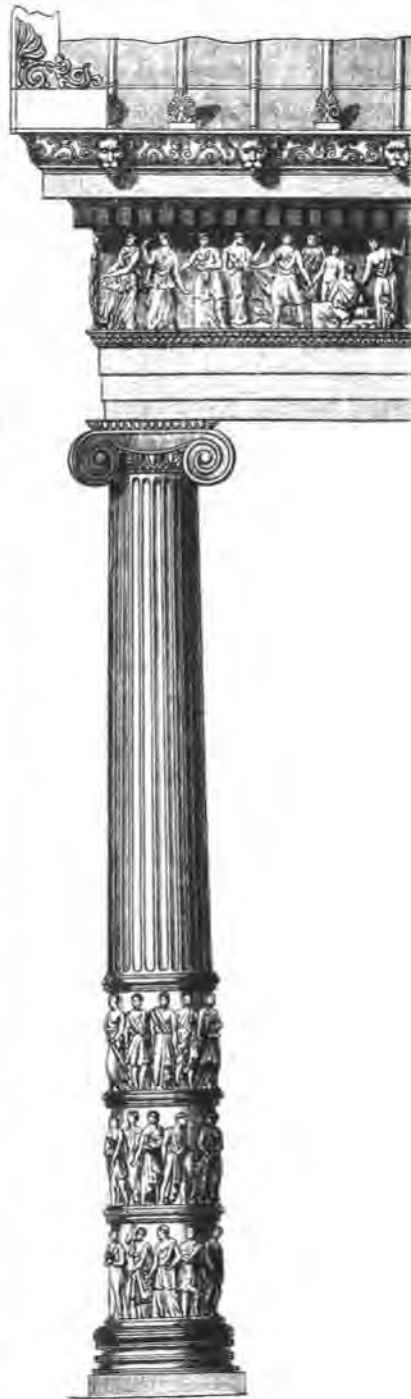
зауряднаго труда; посланіе къ Ефесянамъ есть назиданіе, переходящее въ молитву, исповѣданіе, восходящее до степени возвышеннѣйшихъ, истинно евангельскихъ псалмовъ. Какъ различія, такъ и сходства запечатлѣны индивидуальностью стиля, который стоитъ совершенно внѣ всякой возможности подражанія ²²¹⁵). Поддѣльщикъ могъ конечно, принявшись за сочиненіе съ преднамѣренною цѣлью, заимствовать слова, выраженія и мысли изъ посланія къ Колоссянамъ; но и въ такомъ случаѣ было бы совершенно выше его силъ произвести письмо, которое при всѣхъ такихъ сходствахъ давало бы столь различныя впечатлѣнія въ стилѣ, отличающемся такою характерностью и такимъ необычайнымъ напряженіемъ чувства ²²¹⁶). Даже если бы можно было считать возможнымъ, чтобы кто нибудь могъ излить истины столь возвышенныя и нравственное ученіе столь чистое и глубокое въ посланіи, которымъ онъ намѣренно хотѣлъ обмануть церковь и міръ (ш, 1, 8 и пр.), то все-таки было бы невозможно, чтобы человѣкъ, руководящійся такою цѣлью, могъ съ успѣхомъ подражать пылу и порывамъ чувства, которыми отличаются другія посланія ап. Павла и которые выражаются въ столь кипучемъ столкновеніи приливовъ и отливовъ мысли, въ столь великомъ потокѣ выраженій и предполагаемыхъ имъ цѣлей. Стилъ ап. Павла можно сравнить съ морскимъ приливомъ, непреодолимо наступающимъ на подлежащій ему берегъ, но на всемъ своемъ пути постоянно встрѣчающимъ песчаныя мели или скалистые утесы, о которые съ пѣнистыми брызгами разбиваются его могучія волны ²²¹⁷). Еще съ болѣею точностью можно бы сравнить его съ рѣкою, чистыя воды которой при всякомъ промежуткѣ спокойствія отражаютъ какъ въ зеркалѣ краски неба, причемъ однакоже въ нее съ шумомъ вливаются горные потоки, отличительныя струи которыхъ, когда поверхность ея подергивается рябью отъ вѣтра, лишь смутно могутъ быть различаемы въ тысячахъ трепещущихъ цвѣтовъ. Если сдѣлать труднодопустимую уступку, что и всякій другой умъ, кромѣ ап. Павла, могъ сдѣлать то величественное изложеніе христіанской истины, какое заключается въ догматической части этого посланія, то мы все-таки съ полною увѣренностью на однихъ литературныхъ основаніяхъ можемъ утверждать, что никакой писатель, при всемъ желаніи своемъ обратить вниманіе на такія высокія откровенія, не могъ такъ вполне поглотить свою собственную личность въ личности другаго, чтобы даже подражать обычнымъ у ап. Павла сложнымъ вставкамъ, отступленіямъ по поводу извѣстнаго слова, привнесенію меньшаго потока чувства на поверхности того, что полнымъ русломъ течетъ подъ нимъ, несознательному повторенію неотступныхъ выраженій, борьбъ и напряженію съ цѣлью найти достойное выраженіе для мыслей и чувствъ, прорывающихся чрезъ слабыя связи языка, преобладанію силлогизма чувства надъ силлогизмомъ грамматики, и многимъ другимъ мелкимъ особенностямъ, которыя налагаютъ столь неизгладимую печать на безспорныя произведенія апостола. Это, намъ думается, съ нѣкоторою увѣренностью можно считать психологическою невозможностью. Напряженность чувствъ писателя

выдается въ каждомъ предложеніи въ томъ способѣ, которымъ великія истины переплетаются одна съ другою и однако же всѣ соподчинены одной главной и величественной идеѣ. Можно воспроизвести внѣшній пріемъ стиля; но пусть кто нибудь попытается поддѣлаться подъ языкъ искренняго чувства, и всякій читатель скажетъ ему, до какой смѣшной степени онъ потерпѣлъ неудачу. Критики, доказывавшіе подложность нѣкоторыхъ посланій ап. Павла, намъ думается, совершенно не понимаютъ необычайной трудности навязать міру даже самое успѣшное подражаніе самому живому, самому задушевному стилю, какой когда либо былъ извѣстенъ міру. Тотъ духъ, съ которымъ поддѣльщикъ принялся бы за письмо, не былъ бы духомъ, который могъ бы излить столь величественный евхаристическій гимнъ, какъ посланіе къ Ефесянамъ ²²¹⁸). Пылъ, напряженность, возвышенность, единящая — или, если можно употребить такое выраженіе, — эмпластическая сила воображенія надъ многими соподчиненными истинами, стремящимися къ выраженію; ревность, которая неудержимо влечетъ ап. Павла къ его главной цѣли, вопреки глубоко важныхъ мыслей, вторгающихся въ длинные вставки и почти безконечные параграфы, — все это по самой сущности литературнаго творенія стояло гораздо выше силъ всякаго, который, преднамѣренно вооружившись ложью, сталъ бы писать ложную надпись и съ трепещущимъ смиреніемъ похвалиться несравненными духовными преимуществами, ввѣренными ему какъ апостолу народовъ.

Сильная предубѣжденность особенно сказывается по отношенію къ излагаемому въ этомъ посланіи догматическому ученію. Но есть ли въ дѣйствительности что нибудь необычайное въ христологіи позднѣйшихъ лѣтъ ап. Павла? Что его воззрѣнія касательно верховной божественности Христа никогда не колебались—это, намъ думается, не будетъ отрицать ни одинъ добросовѣстный критикъ. Они столь же ясно, хотя и не столь открыто, выступаютъ въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ, какъ и во второмъ посланіи къ Тимофею. Ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ подлинности посланія къ Римлянамъ; и однако же Павлово благовѣстіе, логически развиваемое въ этомъ посланіи, совершенно тождественно съ тѣмъ, которое онъ съ такою торжественностью излагаетъ въ настоящемъ. Тутъ, какъ замѣтилъ Рейссъ, не двѣ системы, а два метода изложенія. Въ посланіи къ Римлянамъ точка зрѣнія ап. Павла *психологическая* и его богословіе построено на нравственныхъ явленіяхъ — всеобщности грѣха и безсилія человѣка, и отсюда спасеніе благодатію Божіею, чрезъ единеніе вѣрующаго съ умершимъ и воскресшимъ Христомъ. Въ посланіи же къ Ефесянамъ его точка зрѣнія есть богословская—идея осуществленія вѣчныхъ плановъ Божіихъ въ теченіе вѣковъ и единство во Христѣ искупленнаго человечества съ родомъ небеснымъ. Есть ли въ посланіи къ Ефесянамъ хотя одно такое слово касательно возвышенія Христа, которое бы указывало на иной смыслъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ ап. Павелъ въ пятнад-

цатой главѣ перваго посланія къ Коринѣянамъ говорить о Христѣ какъ о конечномъ побѣдѣ. Можно думать, что когда апостолъ началъ диктовать это окружное посланіе церквамъ Азіи, преобладающею мыслью въ его душѣ было идеальное величіе и совершенство церкви Христовой и вытекающій отсюда долгъ святости, лежащій на всѣхъ ея членахъ. Мысль о человѣчествѣ, возрожденномъ во Христѣ по вѣчному домостроительству и вытекающій изъ нея долгъ всѣхъ жить согласно съ этимъ божественнымъ озареніемъ — вотъ тѣ крылья, которыя поддерживаютъ его на одномъ уровнѣ въ теченіе всего его восхищеннаго полета. Отсюда посланіе это естественно распадается на два большихъ отдѣла—догматическій и практический, заключающихъ въ себѣ идею и ея осуществленіе, чистое богословіе и прикладное богословіе, славное единство церкви во Христѣ какъ ея живомъ главѣ и нравственное увѣщаніе, которыя съ непреодолимою силою вытекаютъ изъ этой божественной тайны. Но такъ какъ онъ во всякомъ своемъ ученіи закладывалъ основаніе для жизни и повсюду основывалъ правила дѣятельности на ученіи, то два эти элемента не настолько рѣзко отдѣляются между собою, чтобы не смѣшиваться и не сочетаться въ общей цѣли. Слава призванія христіанина неразрывно связана съ возникающими изъ нея практическими обязанностями, на которыя и имѣлось въ виду указать посланіемъ. Великія начала находятъ свое полное осуществленіе въ ревностномъ исполненіи малыхъ обязанностей.

Вполнѣ естественно, что въ первыхъ трехъ главахъ ап. Павелъ подавленъ величіемъ своей темы. Всеобщее примиреніе во Христѣ, какъ центральномъ существѣ вселенной, есть главная мысль какъ посланія къ Ефесянамъ, такъ и посланія къ Колоссянамъ. Ап. Павелъ старается напечатлѣть въ умахъ всѣхъ христіанъ,

Колонна отъ храма Діаны въ Ефесѣ.

что они вступили въ новый періодъ домостроительства Божія, періодъ идеальной церкви Божіей, которая должна обнять все на небѣ и на землѣ. Вокругъ этого центрального понятія, какъ вокругъ фокуса напряженного свѣта, лучеобразно исходятъ соображенія, которыя онъ и желаетъ особенно внушить имъ: именно, что эта совершенная идея есть произведеніе предвѣчно предположенной цѣли; что домостроительство ²²¹⁹⁾ всѣхъ прошлыхъ событій исторіи было прежде всѣхъ вѣковъ предназначено для достиженія ея осуществленія; что это тайна, т. е. тайна сокрытая отъ прежнихъ вѣковъ и открытая теперь; что каждое лицо божественной Троицы принимало прямое участіе въ немъ; что этотъ планъ есть результатъ свободной благодати; что онъ не измѣримъ ни по широтѣ и по долготѣ, ни по высотѣ и глубинѣ, такъ какъ есть проявленіе любви, богатство которой неизсякаемо и превосходитъ всякое знаніе; что блага его распространяются какъ на іудея, такъ и на язычника; что онъ сосредоточивается въ личности воскресшаго Христа, и что самому апостолу, при всемъ его недостойнствѣ, вручена страшная отвѣтственность проповѣди о немъ среди язычниковъ.

Непрестанное повтореніе господствующихъ словъ въ связи съ этими различными мыслями есть замѣчательная черта первыхъ трехъ главъ ²²²⁰⁾. Такимъ образомъ, стараясь выразить, что вся великая схема искупительной любви есть часть божественной «воли» и «опредѣленія», онъ часто повторяетъ эти два слова. Благодать (*χάρις*) занимаетъ настолько выдающееся мѣсто въ умѣ апостола, что слово это употреблено тринадцать разъ и можетъ считаться основной нотой всего посланія ²²²¹⁾. Мысли писателя настолько заняты воскресшимъ и вознесшимся Христомъ, какъ главою, центромъ и жизнью церкви, что онъ шесть разъ употребляетъ выраженіе «небесное» безъ ограниченія временемъ или мѣстомъ ²²²²⁾. Онъ такъ глубоко чувствуетъ необходимость духовной прозорливости для противопоставленія ея безумію воображаемой мудрости, что дѣятельность Духа Божія въ духѣ человѣческомъ здѣсь выставляется съ особенною силою ²²²³⁾. Слова «богатство» ²²²⁴⁾ и «слава» ²²²⁵⁾, «тайна» ²²²⁶⁾ и «полнота» ²²²⁷⁾ показываютъ также господствующія ноты, звучація въ его душѣ, между тѣмъ какъ частыя сложныя слова съ предлогами *ἐν*, *πρὸς* и *σὺν* ²²²⁸⁾ показываютъ, какъ глубоко онъ пораженъ возвышенностью, предопредѣленностью и плодами этого благовѣстія въ объединеніи іудея и язычника въ одномъ великомъ духовномъ храмѣ, средостѣніе котораго было разрушено навсегда. «Самое продолжительное изученіе», говоритъ Морисъ, «было бы вполнѣ вознаграждено изслѣдованіемъ того, въ какомъ порядкѣ вводятся эти подробности, въ какомъ отношеніи онѣ стоятъ одна къ другой, какъ всѣ онѣ относятся къ одному основанію—благоволенію Божію, и къ одной цѣли—собиранію всего въ Христѣ ²²²⁹⁾. Но какъ ни желательно подробное изслѣдованіе такого рода въ отношеніи этого посланія, читатель долженъ всецѣло послѣдовать за апостоломъ въ его быстромъ и возвышенномъ полетѣ,

если онъ хочетъ знать что либо о той высотѣ, съ которой апостолъ нисходитъ и къ которой возвращается» ²²⁸⁰).

Послѣ своего обычнаго привѣтствія святымъ, апостолъ восторженно начинаетъ предложеніемъ, которое есть «не только вступленіе въ посланіе, но также и объявленіе его цѣли»:

«Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословившій насъ во Христѣ всякимъ духовнымъ благословеніемъ въ небесахъ; такъ какъ Онъ избралъ насъ въ Немъ прежде созданія міра, чтобы мы были святы и непорочны предъ Нимъ въ любви, предопредѣливъ усыновить насъ Себѣ чрезъ Іисуса Христа, по благоволенію воли Своей, въ похвалу славы благодати Своей, которою Онъ облагодатствовалъ насъ въ Возлюбленномъ» ²²⁸¹).

Это приводитъ его къ мѣсту, въ которомъ главнымъ образомъ выступаетъ дѣятельность Сына въ этомъ великомъ предустановленномъ планѣ:

«Въ Немъ мы имѣемъ искупленіе кровію Его, прощеніе грѣховъ, по богатству благодати Его, каковую Онъ въ избытокъ даровалъ намъ во всякой премудрости и разумѣніи, открывъ намъ тайну Своей воли по Своему благоволенію, которое Онъ прежде положилъ въ Немъ, въ устроеніе полноты временъ, дабы все небесное и земное соединить подъ главою Христомъ. Въ Немъ мы и сдѣлались наслѣдниками, бывъ предназначены *къ тому* по опредѣленію Совершающаго все по изволенію воли Своей, дабы послужить къ похвалѣ славы Его намъ, которые ранѣе уповали на Христа» (I, 7—12).

Этимъ повтореніемъ выраженія «къ похвалѣ славы Его» вводится дѣятельность третьяго лица Божественной Троицы: «въ Немъ (Христѣ) и вы (равно какъ и іудейскіе христіане, которые прежде уповали на Христа), услышавъ слово истины, благовѣствованіе вашего спасенія, и увѣровавъ въ Него, запечатлѣны обѣтованнымъ Святымъ Духомъ, который есть залогъ наслѣдія нашего, для искупленія удѣла Его, *въ похвалу славы Его*» (I, 13, 14).

Такъ какъ слѣдов. это есть опредѣленное предустановленіе Божіе отъ вѣчности, что именно человѣкъ долженъ чрезъ искупленіе Христово принять похвалу славы предвѣчной Троицы и принять печать Духа, какъ залогъ полного и окончательнаго вступленія въ свое наслѣдство, то ап. Павелъ говоритъ имъ, что, слыша о ихъ вѣрѣ и любви, онъ непрерывно молился, дабы Богъ—Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы—даровалъ имъ полное познаніе ²²⁸²) Его, «просвѣтивъ очи сердца ихъ», дабы они познали, въ чемъ состоитъ ихъ призваніе, богатство и слава ихъ наслѣдства, и безмѣрное величіе державной силы, которою Онъ воздѣйствовалъ во Христѣ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную себя на небесахъ, какъ верховнаго и вѣчнаго правителя всякой духовной и земной силы, и поставивъ Его выше всего главою Церкви, которая есть тѣло Его, «полнота (т. е. наполненное содержаніе, переполненный сосудъ) Наполняющаго все во всемъ» ²²⁸³).

Но для кого предназначены были эти великія преимущества и какъ они были дарованы? Полный отвѣтъ на это содержится во второй главѣ. Они предназначались для всѣхъ, какъ для іудея, такъ и для язычника, и были дарованы свободно благодатію. Въ этомъ отдѣлѣ господствующая мысль есть единство человѣчества «на небесахъ, во Христѣ». Язычники были мертвы, по преступленіямъ и грѣхамъ своимъ, поглощены временнымъ и внѣшнимъ ²²³⁴), показывая въ своемъ непослушаніи вліяніе князя силы воздушныя; и іудеи также всецѣло заняты были похотями плоти, исполняя велѣнія плоти и помысловъ, и были по природѣ чадами гнѣва ²²³⁵), какъ и прочіе; но Богъ, богатый милостію, по своей великой любви, оживотворилъ какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, еще мертвыхъ въ своихъ преступленіяхъ, воскресилъ ихъ, и посадилъ на небесахъ во Христѣ Иисусѣ, — каковое выраженіе повторяется въ стихѣ за стихомъ, будучи въ самомъ сердцѣ мыслей апостола. Совершающая сила этого великаго спасенія есть благодать, дѣйствующая чрезъ вѣру; и цѣль новаго домостроительства состоитъ въ томъ, чтобы «явить въ грядущихъ вѣкахъ преизобильное богатство благодати Божіей въ благости къ намъ», и чтобы мы, какъ заново созданные такимъ образомъ во Христѣ и не имѣя поэтому возможности хвалиться ²²³⁶) тѣмъ, что достигаемъ своего спасенія добрыми дѣлами, однакоже ходили въ добрыхъ дѣлахъ, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять ²²³⁷). Язычники поэтому должны помнить, что ихъ прежнее необрѣзаніе, насколько оно имѣло значеніе, было духовнымъ необрѣзаніемъ, которое состояло въ крайнемъ отчужденіи отъ Христа, Его царства и Его обѣтованія. Но теперь во Христѣ они, нѣкогда бывшіе далеко, стали близки кровію Христовою. Ибо Онъ нашъ миръ; Онъ разрушилъ средостѣніе — вражду между двумя членами Его великой человѣческой семьи, — отмѣнивъ законъ постановленій и опредѣленій ²²³⁸), чтобы пересоздать ихъ обоихъ — іудея и язычника — въ новое человѣческое существо, водворить миръ, и въ одномъ тѣлѣ примирить ихъ обоихъ съ Богомъ посредствомъ креста, убивая такимъ образомъ вражду между ними обоими и между ними и Богомъ. Результатъ Его пришествія есть такимъ образомъ миръ всѣмъ — далекимъ и близкимъ; потому что чрезъ Него мы всѣ имѣемъ доступъ чрезъ одного Духа къ Отцу. Язычники «уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Иисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно ²²³⁹), возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ» (II, 1—22).

Затѣмъ слѣдуетъ глава вставокъ или скорѣе мыслей, наводящихъ на мысли и примыкающихъ одна къ другой, какъ и во всемъ посланіи, посредствомъ отдѣльныхъ связей ²²⁴⁰). Возвращаясь къ молитвѣ (I, 17), нить которой была прервана полнымъ изліяніемъ великихъ истинъ, которыми онъ хотѣлъ просвѣтить ихъ, апостолъ говоритъ: «для сего-то» — именно для всей этой великой тайны, которую онъ излагалъ и которая вытекаетъ изъ ихъ единенія во Христѣ —

«я, Павелъ, сдѣлался узникомъ Иисуса Христа за васъ, язычниковъ»,—и затѣмъ молитва вновь прерывается вставкой, которая тянется на тринадцать стиховъ. Имѣя въ виду, что посланіе это обращено было не только къ ефесянамъ, изъ которыхъ большинство были вполне извѣстны ему, но также и къ другимъ азіатскимъ церквамъ, изъ которыхъ инныя онъ даже не посѣщалъ и которыя едва ли знали болѣе чѣмъ по имени ²²⁴¹), онъ останавливается на возвышенномъ характерѣ порученной ему миссіи и выражаетъ въ то же самое время собственное чувство крайняго личнаго недостойнства. Назвавъ себя «узникомъ Иисуса Христа за васъ, язычниковъ», онъ продолжаетъ:

«Какъ вы слышали о домостроительствѣ благодати Божіей, данной мнѣ для васъ, потому что мнѣ чрезъ откровеніе возвѣщена тайна (о чемъ я и выше писалъ кратко); то вы, читая, можете усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ сыновъ человѣческихъ, какъ нынѣ открыта святымъ апостоламъ Его ²²⁴²) и пророкамъ Духомъ Святымъ, чтобъ и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло, и сопричастниками ²²⁴³) обѣтованія Его во Христѣ Иисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго служителемъ сдѣлался я по дару благодати Божіей, данной мнѣ дѣйствіемъ силы Его. Мнѣ, наименьшему ²²⁴⁴) изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія, благовѣствовать язычникамъ неизслѣдимое ²²⁴⁵) богатство Христово, и открыть всѣмъ, въ чемъ состоитъ домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ, создавшемъ все Иисусомъ Христомъ, дабы нынѣ содѣлалась извѣстною чрезъ Церковь начальствамъ и властямъ на небесахъ многоразличная премудрость Божія ²²⁴⁶), по предвѣчному опредѣленію, которое Онъ исполнилъ во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, въ которомъ мы имѣемъ державленіе и надежный доступъ чрезъ вѣру въ Него. Посему прошу васъ не унывать при моихъ ради васъ скорбяхъ, которыя суть ваша слава. Для сего преклоняю колѣна мои предъ Отцемъ Господа нашего Иисуса Христа ²²⁴⁷), отъ котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ вамъ по богатству славы Своей крѣпко утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ ²²⁴⁸), вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши; чтобы вы, укорененные и утвержденные въ любви, могли постигнуть со всѣми святыми, чтò широта и долгота, и глубина и высота, и уразумѣть превосходящую разумѣніе любовь Христову, дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіею ²²⁴⁹). А Тому, кто дѣйствующею въ насъ силою можетъ сдѣлать несравненно больше ²²⁵⁰) всего, чего мы просимъ, или о чемъ помышляемъ, Тому слава въ Церкви во Христѣ Иисусѣ во всѣ роды, отъ вѣка до вѣка. Аминь» (п, 2—21).

Этимъ онъ заключаетъ догматическую часть посланія; остальная половина имѣетъ строго практическій характеръ. Ап. Павелъ не дѣлалъ ни какого пониженія въ мысли при переходѣ отъ самыхъ возвышенныхъ истинъ къ самымъ скромнымъ нравственнымъ обязанностямъ. Онъ знаетъ, что святость есть сущность бытія Божія и въ святости христіанъ видѣтъ превосходный резуль-

татъ той предопредѣленной цѣли, которая, вырабатываясь до постепеннаго совершенства въ домостроительствѣ прошлыхъ *эпохъ*, теперь вполнѣ проявилась и открылась во Христѣ. Онъ зналъ, что возвышеннѣйшія начала составляютъ необхо-

Осада

(съ Траиновой колонны въ Римѣ).

димую основу для самыхъ простыхъ актовъ добродѣтельности, и что все, что есть наиболѣе чистаго, любвеобильнаго и добраго въ христіанской жизни, единственно есть результатъ всего, что есть самаго возвышеннаго въ вѣрѣ христіанина.

Блескъ планетъ можетъ быть слабымъ и тусклымъ, и однако же онъ составляетъ отраженіе общаго солнца. Такъ и добродѣтель искупленнаго человѣка, какбы она ни была блѣдна сама по себѣ, всетаки священна, потому что она есть отраженіе солнца правды. Отраженный свѣтъ нравственности есть ничто помимо свѣта той религіи, изъ которой онъ истекаетъ. Въ честности мало добродѣтельнаго, когда она просто является результатомъ хорошей расчетливости; равнымъ образомъ и въ цѣломудріи, когда оно поддерживается единственно изъ боязни наказанія, даже вообще въ добродѣтели, когда она усвоится на основаніи холоднаго разсчета, что она приводитъ къ величайшему счастью наибольшее число людей. Не такъ смотрѣлъ на нравственность ап. Павелъ. Многія изъ положеній, которыя онъ излагаетъ въ практическихъ отдѣлахъ своихъ посланій, могли бы также быть изложены не безъ достоинства какимъ-либо Эпиктетомъ или Маркомъ Авреліемъ; но то, что полагаетъ неизмѣримое разстояніе между ученіемъ ап. Павла и ихъ ученіемъ, есть обстоятельство, что по взгляду ап. Павла святость не есть несовершенный результатъ личной самодисциплины, но естественное слѣдствіе божественной жизни, внушаемой Тѣмъ, Кто есть общая глава всего рода человѣческаго и при участіи въ полнотѣ котораго самый скромный актъ самопожертвованія пріобрѣтаетъ священную цѣну и священное значеніе. Между возвышеннымъ ученіемъ стоицизма и божественными увѣщаніями христіанства находятся между многими другими и слѣдующіе пункты различія. Стоицизмъ обращался только къ немногимъ благородно-возвышеннымъ сердцамъ, относясь съ презрѣніемъ и отчаяніемъ къ заурядному стаду человѣчества во всѣхъ его классахъ, какъ къ неспособному къ философскому воспитанію или нравственному возвышенію. Христіанство, во имя Бога нелицепріятнаго, обращалось ко всѣмъ самымъ слабымъ и худшимъ людямъ, считая ихъ всѣхъ искупленными во Христѣ. Затѣмъ стоицизмъ помрачался и затемнялся до самой своей сердцевины со стороны его недостойнѣйшихъ приверженцевъ глубокою недоумѣнностью и неизлечимою мрачностью; христіанство во всякомъ изреченіи дышетъ радостнымъ духомъ побѣды и надежды. Даже лучшіе изъ стоиковъ смотрѣли на жизнь окружающихъ ихъ людей съ отвращеніемъ, къ которому примѣшивалось презрѣніе, и это презрѣніе ослабляло чувство взаимности и питало гордость. Но ап. Павелъ обращается съ откровеніемъ несравненно болѣе возвышеннымъ, болѣе глубокимъ, болѣе духовнымъ, чѣмъ какое могъ предлагать стоицизмъ, къ людямъ, которые, какъ онъ хорошо зналъ, жили въ узахъ худшихъ грѣховъ язычества и едва ли даже еще вполне освободились отъ этихъ узъ. Онъ обращается съ увѣщаніями о безпорочной чистотѣ и сознательной добродѣтельности завѣдомо къ людямъ, которые были ворами и прелюбодѣями, а часто и хуже того; и при этомъ онъ, будучи совершенно далекъ отъ всякаго самовозношенія въ отношеніи своего собственнаго нравственнаго превосходства, хотя и считаетъ свою собственную жизнь открытою со Христомъ въ Богѣ, но признаетъ ее такъ мало способною вдохновлять

чувство удовлетворенія, что теряется въ убѣжденіи относительно своего собственнаго недостойнства въ сравненіи съ богатствомъ милосердія Божія и касательно неизреченнаго величія той, такъ долго бывшей сокровенною, тайны, которую открыть теперь въ надлежащее время и поручено было ему. Смѣна молитвы и гимна въ этомъ величественномъ посланіи обусловливается «чувствомъ противоположности — единенія слабости и силы, скорби и славы, всего что было и что будетъ, безусловной любви Божіей, откровенія этой любви человѣку въ Ходатаѣ, дѣйствія этой любви въ человѣкѣ чрезъ Духа Святаго, сопричастія ничтожнѣйшей плотской твари на землѣ съ духами на небѣ, покровы любви вверху и бездны любви внизу, обнимающей всякую тварь».

«Итакъ я», продолжаетъ апостолъ—и какъ много заключается въ этомъ «итакъ», по отношенію ко всѣмъ тѣмъ величественнымъ истинамъ, которыя были изложены имъ!—«итакъ я, узникъ въ Господѣ, умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны». Это основная нота всего, что слѣдуетъ затѣмъ. Земной успѣхъ или счастье такъ ничтожны въ сравненіи съ безконечной и вѣчной славой, которой они достигли посредствомъ скорбей, что, убѣждая ихъ не падать духомъ при видѣ его невзгодъ, онъ дѣлаетъ самыя эти невзгоды предметомъ увѣщанія, сознавая, что онъ можетъ говорить имъ тѣмъ съ большимъ влияніемъ, что онъ «узникъ въ Господѣ» и «посланникъ въ узахъ». Достойное возвышеніе на степень своего призванія они должны были показывать добродѣтелями, которыя въ ихъ языческомъ состояніи они почти относили къ презрѣннымъ порокамъ,—именно, самоуничтоженіемъ, смиреніемъ, терпѣніемъ и снисходительностью, взаимнымъ самопочтеніемъ. Запальчивые споры, безумная зависть, непримиримые раздоры, яростный духъ мщенія, которыми они отличались въ своемъ языческомъ состояніи, должны были пыломъ любви расплавиться въ одно великое и духовное единство и миръ. Единство, результатъ любви, есть господствующая мысль этого отдѣла (iv, 3—13). «Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми и черезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ» ²²⁵¹). Это единство однако же не есть мертвый уровень однообразности. Каждый имѣетъ свою особую мѣру благодати, данной Тѣмъ, Кто, восходя въ торжествѣ надъ грѣхомъ и смертію, «далъ дары людямъ» ²²⁵²), сначала снизойдя для того, чтобы восхожденіемъ «превыше небесъ» Онъ могъ наполнить все. Поэтому апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя, всѣ назначены, въ силу данныхъ имъ даровъ, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія для созиданія тѣла Христова, пока всѣ окончательно не прійдемъ ²²⁵³) въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова. Но чтобы содѣйствовать этому совершенному возрастанію, мы должны отложить всякое нравственное и духовное младенчество; мы должны твердою рукою держаться за руль, чтобы не колебаться и не увлекаться всякимъ

вѣтромъ ученія по лукавству челоѣковъ, по хитрому искусству обольщенія. Быть истинно любящими—вотъ тайна христіанскаго возрастанія ²²⁵⁴). Искренность и челоѣколюбіе составляютъ жизненную кровь въ жилахъ той Церкви, для которой Христосъ есть глава и сердце, «изъ котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви» (iv, 1—16).

Послѣ изложенія обязанности стремиться къ единству, апостолъ возвращается къ своему увѣщанію; и какъ прежде онъ увѣщевалъ ихъ ходить достойно своего званія, такъ теперь онъ убѣждаетъ ихъ не поступать, какъ поступаютъ прочіе народы, которые, по суетности ума своего будучи помрачены въ разумѣ, отчуждены отъ жизни Божіей, по причинѣ ихъ невѣжества и ожесточенія сердца ихъ ²²⁵⁵); вслѣдствіе чего они, потерявъ всякое чувство сокрушенія о грѣхѣхъ ²²⁵⁶), предались распутству такъ, что дѣлаютъ всякую нечистоту съ ненасытимостью ²²⁵⁷). «Но вы не такъ познали Христа; потому что вы слышали о Немъ и въ Немъ научились, такъ какъ истина во Іисусѣ ²²⁵⁸), отложить прежній образъ жизни ветхаго челоѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума вашего, и облечься въ новаго челоѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» (iv, 17—24).

Затѣмъ слѣдуетъ много практическихъ приложений, которыя являются результатомъ этого облеченія души въ новосозданное челоѣчество. Отвергнемъ всякую ложь, потому что мы члены другъ друга ²²⁵⁹). Пусть праведный гнѣвъ нашъ не вырождается въ хроническое ожесточеніе, и солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ нашемъ, такъ чтобы не давать мѣста діаволу. Пусть честная работа, приобрѣтающая достаточно даже для милостыни, выступить на мѣсто воровства; никакое гнилое слово ²²⁶⁰) да не сходитъ изъ устъ нашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ, такъ какъ словесная нечистота есть оскорбленіе Святаго Духа, которымъ мы запечатлѣны въ день искупленія. Затѣмъ, возвращаясь къ своему главному предмету — единству, онъ говоритъ: «всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ; но будьте другъ ко другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ. И такъ подражайте Богу, какъ чада возлюбленныя, и живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ, и предалъ Себя за насъ въ приношеніе и жертву Богу, въ благоуханіе пріятное» (iv, 25—v, 2).

Затѣмъ, переходя къ другимъ практическимъ обязанностямъ, онъ запрещаетъ всякую форму нечистоты или безстыдства въ словѣ или въ дѣлѣ, а также и ту свѣтскую заносчивость ²²⁶¹), которая иногда сродна съ ними, такъ какъ все это неприлично христіанину; виновные въ нихъ не имѣютъ наслѣдства въ царствѣ Божіемъ, такъ какъ эти пороки составляютъ постоянный источникъ

гнѣва Божія ²²⁶²). Пусть благодареніе у нихъ выступить на мѣсто сквернословія, потому что хотя они и *были* тьмой, теперь они свѣтъ въ Господѣ. Пусть же они поступаютъ какъ чада свѣта, потому что плодъ свѣта ²²⁶³) состоитъ во всякой благодости, праведности и истинѣ. Свѣтъ есть господствующее здѣсь понятіе, какъ любовь въ предыдущей главѣ ²²⁶⁴). Пусть же они не принимаютъ участія въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, «но обличайте, ибо о томъ, что они дѣлаютъ тайно, стыдно и говорить; все же обнаруживаемое дѣлается явнымъ отъ свѣта, ибо все, дѣлающееся явнымъ, свѣтъ есть» ²²⁶⁵). Таковъ то именно смыслъ изреченія, которое быть можетъ взято изъ христіанскаго гимна:

Ἐγείρε ὁ καθύπνου
Ἀνάστα ἐκ τῶν νεκρῶν
Ἐπιφάνσει σοι ὁ Χριστός.

«Встань спящій,
«И воскресни изъ мертвыхъ,
«И освѣтитъ тебя Христосъ» ²²⁶⁶).

«Итакъ смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы. Итакъ не будьте неразумительны, но познавайте, чтѣ есть воля Божія» (v, 3—17).

Такимъ образомъ, переища частныя увѣщанія съ общими началами, апостоль переходить къ предостереженію ихъ отъ пьянства и, какбы припоминая то одушевленіе, съ которымъ они, быть можетъ вмѣстѣ съ нимъ, пѣли только что приведенныя имъ слова, онъ проситъ ихъ искать духовнаго возвышенія въ томъ святомъ энтузіазмѣ, который проявляется въ мелодіяхъ христіанскихъ пѣснопѣній и въ благородной музыкѣ сердца, когда въ тоже время всѣ они взаимно подчиняются другъ другу въ страхѣ Божіемъ (v, 18—21).

Упомянувъ такимъ образомъ случайно объ обязанности взаимнаго послушанія, онъ затѣмъ разъясняетъ и подтверждаетъ ее въ трехъ главныхъ общественныхъ отношеніяхъ ²²⁶⁷). Жены должны повиноваться своимъ мужьямъ, какъ Церковь повинуется Христу; мужья должны любить своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова; чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна или порока или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна, какъ часть Его Самого въ неразрывномъ единствѣ. Дѣти должны повиноваться своимъ родителямъ и родители не должны раздражать своихъ дѣтей. Рабы должны служить съ усердіемъ, будучи какбы рабами своего невидимаго Господина—Христа, и поэтому должны честно исполнять обязанности того положенія въ жизни, въ которое Онъ поставилъ ихъ. Сами господа въ обращеніи съ рабами также должны умѣрять свою строгость, зная, что и надъ ними есть на не-

бесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія и предъ лицомъ котораго всѣ равны (v, 22—vi, 9).

Изложивъ главныя обязанности домашней и общественной жизни, какъ онѣ представляются въ свѣтѣ ученія Христова, онъ проситъ ихъ наконецъ «укрѣпляться Господомъ и могуществомъ силы Его» ²²⁶⁸). Это увѣщаніе приводитъ ему на память образъ оружія, съ которымъ былъ такъ знакомъ изможденный и престарѣлый узникъ. Каждый день тяжелая цѣпь, которою его правая кисть была прикована къ лѣвой кисти руки римскаго легіонера, звучала при всякомъ движеніи его или воина. Военный кушакъ, военная обувь, продолговатый щитъ, шлемъ, латы и мечъ преторіанскаго стража — все это онъ видѣлъ предъ собою изо дня въ день. Но мы не можемъ сомнѣваться, что при своемъ глубоко гуманномъ отношеніи къ жизни и юности вообще апостолъ, который зналъ, что языческій міръ былъ также искупленъ во Христѣ, дѣтство котораго прошло въ языческомъ городѣ, который любилъ человѣка какъ еловѣка, потому что онъ видѣлъ образъ всего человѣчества въ Богѣ,—часто бесѣдовалъ съ усталыми солдатами, которые стерегли его, стараясь полезной и ласковой бесѣдой разсѣять ихъ скуку; такъ что, какъ легко вообразить, легіонеры, исполнявшіе эту непріятную обязанность, не смотря на крайнее національное отвращеніе, стали при скываніи предпочитать Павла, іудейскаго узника, всякому, кто только по капризу ли, справедливости, или тираніи поручался ихъ военному надзору. Солдаты несомнѣнно разсказывали ему, въ какихъ странахъ они стояли лагеремъ, какихъ варваровъ они усмиряли или покоряли римской власти. Онъ навѣрно спрашивалъ ихъ, въ какой битвѣ былъ попорченъ шлемъ, въ какой стычкѣ нанесены были замѣтные на щитахъ удары и вслѣдствіе чего произошли зазубрины на мечахъ ²²⁶⁹). Они навѣрно разсказывали ему о страшной борьбѣ съ врагами въ отчаянныхъ стычкахъ и о *falagicae* ²²⁷⁰)—стрѣлахъ, обернутыхъ горящей паклей, отъ которой только щиты и могли спасать ихъ во время осады. Переносясь мыслю при этомъ къ болѣе ожесточенной брани противъ болѣе смертельныхъ враговъ, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ ²²⁷¹),—брани, которую ведутъ всѣ чада Божіи, онъ проситъ христіанскихъ обращенцевъ облечься во всеоружіе Божіе, чтобы можно было стать противъ козней діавольскихъ. Итакъ, пусть стануть они, препоясавъ ²²⁷²) чресла свои истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувь ноги въ готовность благовѣствовать миръ ²²⁷³); и вдобавокъ къ этому пусть они возьмутъ щитъ вѣры, которымъ и могутъ угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго. Единственное ихъ оружіе есть мечъ духовный, который есть слово Божіе ²²⁷⁴). Пусть они постоянно пребываютъ въ молитвѣ и бодрствованіи; и кромѣ молитвъ о всѣхъ святыхъ онъ проситъ также и молитвъ о себѣ самомъ, не о томъ, чтобы онъ былъ избавленъ отъ узъ, отъ цѣпей, но чтобы ему дерзновенно и мужественно проповѣдывать тайну благовѣствованія, для котораго онъ и есть посланникъ—не непрекосновенный

по своему положенію, не блистательный посланникъ, но «посланникъ въ устахъ»²²⁷⁵).

Въ этомъ посланіи апостолъ не посылаетъ никакихъ извѣстій или личныхъ привѣтствій, потому что онъ посылаетъ съ нимъ своего вѣрнаго и возлюбленнаго Тихика, который лично передастъ имъ, равно какъ и другимъ городамъ, все касательно его; но онъ заканчиваетъ свое посланіе особенно полнымъ благословеніемъ: «миръ братіямъ и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа. Благодать со всѣми, неизмѣнно любящими Господа нашего Іисуса Христа. Аминь» (vi, 21—24).

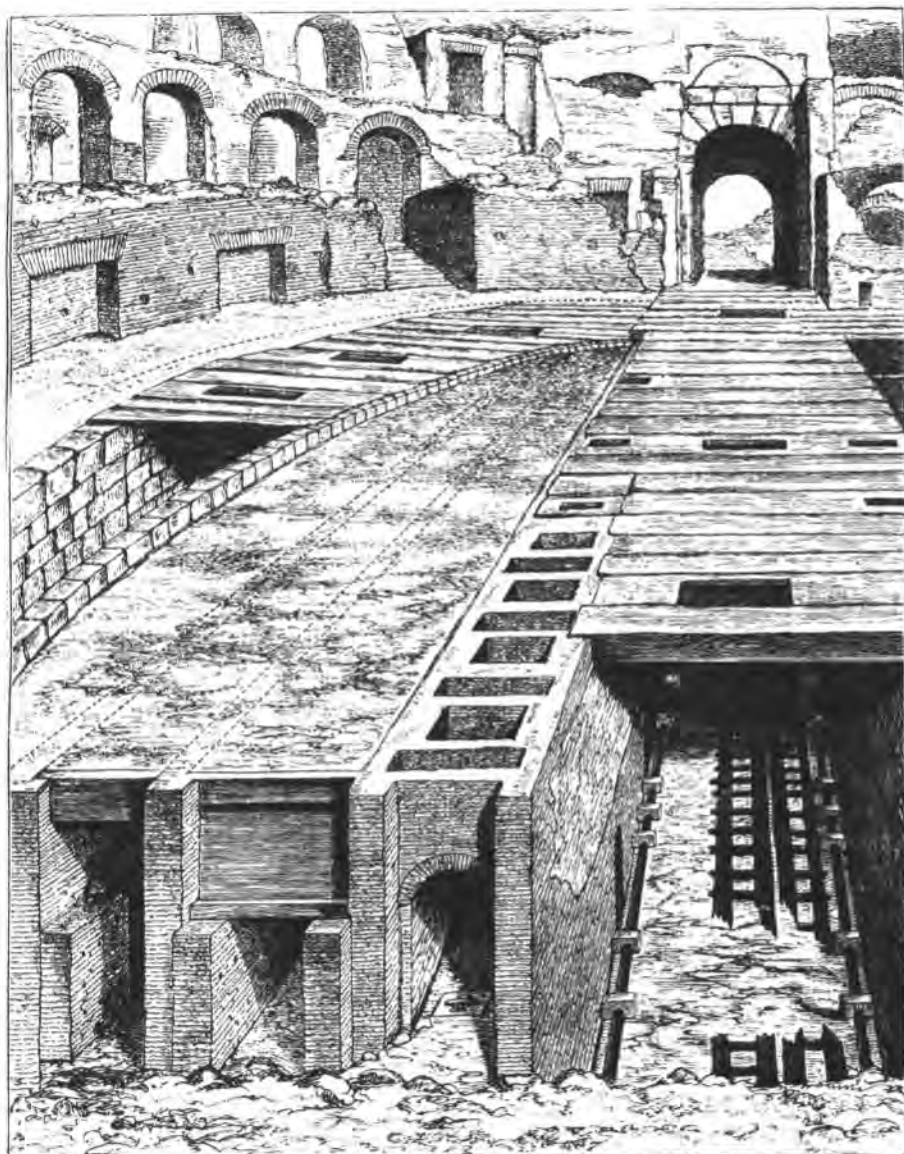
Теперь мы изслѣдовали всѣ посланія ап. Павла, кромѣ послѣдней группы ихъ, именно трехъ посланій, адресованныхъ къ Тимофею и Титу. Они обыкновенно называются пастырскими посланіями, потому что въ нихъ излагаются обязанности христіанскаго пастыря. Мы ничего не говоримъ о посланіи къ Евреямъ, такъ какъ надѣемся говорить о немъ впоследствии, тѣмъ болѣе, что оно ничего не прибавляетъ къ нашимъ познаніямъ касательно жизни и дѣятельности апостола. Если бы намъ не сохранилось пастырскихъ посланій, то мы кромѣ этого не знали бы ни одного новаго факта, кромѣ тѣхъ конечно, которые мы можемъ получить изъ неопредѣленныхъ и колеблющихся преданій.

Книга Дѣяній Апостольскихъ оканчивается заявленіемъ, что ап. Павелъ «жилъ цѣлыхъ два года на своемъ иждивеніи и принималъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему, проповѣдуя царство Божіе и уча о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно»²²⁷⁶). Вопросъ, почему св. Лука какбы намѣренно закончилъ свой очеркъ жизни апостола въ этомъ именно пунктѣ, такого рода, что никогда не можетъ получить рѣшительнаго отвѣта. Онъ изложилъ только такія обстоятельства, которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ или которыхъ онъ зналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, и вслѣдствіе этого его повѣствованіе, не смотря на его замѣтные пробѣлы, становится гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ если бы оно было составлено на основаніи менѣе достовѣрнаго матеріала. Можно однако же спокойно утверждать, что такъ какъ онъ находился съ ап. Павломъ въ теченіе по крайней мѣрѣ нѣкоторой части его тюремнаго заключенія въ Римѣ, то онъ довелъ свою исторію до того періода, въ который онъ началъ писать свою книгу. Тысячи обстоятельствъ могли препятствовать ему продолжать свою лѣтопись; во всякомъ случаѣ невысказано, чтобы ап. Павелъ почти непосредственно послѣ этого потерпѣлъ мученичество и чтобы св. Лука, зная объ этомъ до опубликованія своей книги, не сдѣлалъ ни малѣйшаго указанія на это событіе²²⁷⁷). То мнѣніе, что Теофилу извѣстно было все остальное, такъ что не было надобности передавать всего этого въ книгѣ, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ кто бы ни былъ этотъ Теофилъ, во всякомъ случаѣ ясно, что св. Лука

писалъ не для него только. Имѣеть нѣкоторую вѣроятность и то соображеніе, что вскорѣ послѣ окончанія этихъ двухъ лѣтъ въ состояніи узника могла произойти какая нибудь замѣчательная перемѣна. Что такая перемѣна дѣйствительно произошла, объ этомъ свидѣлствуетъ почти единогласно преданіе церкви. Какъ бы ни были незначительны основанія для этого въ прямыхъ свидѣтельствахъ, но во всѣ вѣка господствовало общее убѣжденіе, что (около начала 64 года по Р. Хр.) ап. Павелъ былъ подвергнутъ суду, оправданъ и освобожденъ; и что спустя уже два года свободы, въ теченіе которыхъ онъ продолжалъ свои миссіонерскіе труды, онъ былъ арестованъ опять и послѣ втораго тюремнаго заключенія былъ преданъ смерти въ Римѣ. Это мнѣніе по крайней мѣрѣ согласуется съ предчувствіемъ, выраженнымъ въ его собственныхъ посланіяхъ. Хотя онъ былъ еще узникомъ, когда писалъ посланіе къ Филиппійцамъ, но дѣло его, очевидно, находилось уже близко къ судебному разбирательству, и общая послать Тимофея разузнать касательно своей судьбы, онъ прибавляетъ: «я увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро прійду къ вамъ»; и это совсѣмъ не случайная надежда, такъ какъ онъ даже проситъ Филимона «приготовить для него помѣщеніе, ибо надѣется, что онъ будетъ дарованъ имъ по ихъ молитвамъ». Конечно, вполне возможно, что свѣтлыя ожиданія ап. Павла могли и не осуществиться ²²⁷⁸), но онъ навѣрно не выразилъ бы ихъ такъ явно, не имѣя достаточныхъ основаній думать, что за него хлопотали вліятельные друзья. Употребляли ли въ его пользу свое вліяніе Фестъ, Агриппа, Ливій или Публий, или быть можетъ онъ имѣлъ основаніе рассчитывать на благоприятное впечатлѣніе, произведенное имъ среди преторскихъ воиновъ, или быть можетъ онъ получилъ извѣстіе, что іудеи видѣли основаніе отстать отъ безосновательнаго и злобнаго преслѣдованія его, — судить объ этомъ намъ нѣтъ никакой возможности ²²⁷⁹); но его сильное убѣжденіе въ томъ, что онъ будетъ освобожденъ, по крайней мѣрѣ служить подтвержденіемъ многихъ данныхъ, заставляющихъ насъ думать, что онъ и дѣйствительно былъ освобожденъ. Если такъ, то это навѣрно было очень скоро по истеченіи двухъ лѣтъ его пребыванія въ Римѣ, которымъ такъ неожиданно и заканчиваетъ свое повѣствованіе св. Лука.

Въ іюлѣ 64 года въ Римѣ разразилось противъ христіанъ страшное гоненіе, котораго конечно не избѣгъ бы и ап. Павелъ, еслибы онъ находился еще въ Римѣ. Если поэтому допустить, что пастырскія посланія не подлинны, то значить это были послѣднія слова ап. Павла, и въ послѣднемъ стихѣ Дѣяній завѣса навсегда закрывается отъ насъ остальную часть его жизни. Но обратимъ вниманіе на то, что говорить преданіе, и посмотримъ, можно ли признавать подлинными посланія къ Тимофею и къ Титу. Если свѣденія, извлекаемыя изъ этихъ источниковъ, въ какой бы то ни было степени правдоподобны, то намъ представляется возможность познакомиться съ дальнѣйшими мыслями и воззрѣніями апостола. Мы получимъ возможность по крайней мѣрѣ отчасти прослѣдить за его послѣдними движеніями и

получимъ вполне вѣрное представление о его душевномъ состояніи до самаго момента его смерти. Если преданіе заблуждается и если посланія эти подложны, тогда

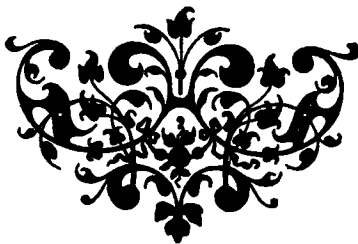
Нижнія помѣщенія Колизея въ Римѣ (Stagnum и Arena).

мы должны примириться съ фактомъ, что мы ничего не знаемъ больше объ апостолѣ и что онъ погибъ среди того «огромнаго множества» христіанъ, которыхъ въ 64 году худшій изъ императоровъ, худшій почти изъ всѣхъ человѣ-

ческихъ существъ, принесъ въ жертву слѣпому бѣшенству, возбужденному противъ нихъ чудовищнымъ обвиненіемъ. Если дѣйствительно ап. Павелъ погибъ среди этой массы безыменныхъ мучениковъ, то конечно едва ли могло быть обращено какое-нибудь вниманіе на его право римскаго гражданства. Онъ могъ погибнуть, подобно имъ, посредствомъ распятія; быть можетъ былъ завернутъ подобно имъ въ шкуру дикаго звѣря и разорванъ собаками, или, быть можетъ, стоя на кострѣ, бросалъ умирающіе взгляды на преступнаго императора торжествующаго язычества, когда живой факель ужаснаго мученичества мрачнымъ отблескомъ освѣщаль сады золатаго дворца ²²⁸⁰). Отъ всего этого однако же, какъ мы можемъ быть вполне увѣрены, онъ, по милости Божіей, былъ избавленъ на время ²²⁸¹).

Правда, не сходя съ почвы прямыхъ данныхъ, мы можемъ только сказать, что изъ собственныхъ словъ ап. Павла становится вѣроятнымъ, что онъ былъ освобожденъ, и эта вѣроятность находитъ нѣкоторую поддержку въ общемъ преданіи, подтверждаемомъ авторитетомъ нѣкоторыхъ отцевъ. Но самое преданіе не идетъ дальше голаго факта. Если искать дальнѣйшихъ свѣденій для біографіи ап. Павла, то они должны быть извлекаемы изъ пастырскихъ посланій и только изъ нихъ однихъ. Если же они не подлинны, то у насъ не имѣется ни одной болѣе подробности касательно его судьбы.

Нужно допустить, что много критиковъ, сильныхъ какъ своей ученостью, такъ и единопущіемъ, приходили къ заключенію, что посланія къ Тимофею и Титу написаны не ап. Павломъ ²²⁸²). Ихъ доводы заслуживаютъ почтительнаго вниманія, и они несомнѣнно указываютъ на тѣ трудности, устранить которыя, въ виду незнакомства со всѣми подробностями исторіи этихъ раннихъ вѣковъ, дѣло отнюдь не легкое. Тѣмъ не менѣе, тщательно и безпристрастно взвѣсивъ всѣ данныя, мы пришли къ рѣшительному убѣжденію, что посланія эти подлинны и что первые два изъ нихъ были написаны въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя прошли между освобожденіемъ ап. Павла и его мученичествомъ въ Римѣ.

Входъ на арену въ амфитеатръ въ Путоолѣ.

ГЛАВА ЛІІІ.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ТИМОФЕЮ.

Тимофею, истинному сыну въ вѣрѣ.

1 Тим. II, 2.

БЫ лишь въ немногихъ чертахъ раскроемъ тотъ періодъ въ жизни апостола, который начался съ окончаніемъ его тюремнаго заключенія въ Римѣ. Мы сознаемъ, что наши свѣденія касательно его дѣятельности дѣлаются крайне неопредѣленными съ того момента, какъ св. Лука оставляетъ насъ своимъ руководствомъ. Трудно думать, чтобы онъ имѣлъ возможность осуществить свое намѣреніе касательно посѣщенія Испаніи. Біографическія указанія въ двухъ его пастырскихъ посланіяхъ, повидимому, не оставляютъ мѣста для такого путешествія; а если бы оно дѣйствительно осуществилось, то можно ли вообразить, чтобы о немъ не сохранилось ни одной подробности? Но даже если апостолъ дѣйствительно совершилъ это новое миссіонерское путешествіе, мы все таки не имѣемъ возможности упомянуть ни одной церкви, которую бы онъ основалъ, ни одного порта, въ которомъ бы онъ приставалъ тамъ. Говорить о его дѣя-

тельности въ Испаніи поэтому значило бы производить неправильное впечатлѣніе. Если только онъ вообще путешествовалъ туда, то это навѣрно вскорѣ послѣ своего тюремнаго заключенія, такъ какъ первоначальнымъ его намѣреніемъ было просто посѣтить Римъ на своемъ пути «къ предѣламъ запада». Въ посланіи къ Римлянамъ онъ выражалъ надежду, что онъ въ ихъ помощи найдетъ содѣйствіе въ этомъ своемъ путешествіи. Судя по равнодушію, съ которымъ они относились къ нему во время его обоихъ тюремныхъ заключеній, мы имѣемъ слишкомъ много основаній опасаться, что ему суждено было въ обоихъ случаяхъ разочароваться въ своихъ надеждахъ. Слѣдующее указаніе на его жизнь находится въ первомъ посланіи къ Тимофею. Это посланіе имѣетъ менѣе органическій характеръ, т. е. отличается меньшимъ единствомъ въ построеніи, чѣмъ всякое другое изъ посланій ап. Павла. Время и мѣсто его написанія совершенно неизвѣстны, потому что единственное содержащееся въ немъ историческое указаніе состоитъ въ томъ, что «отходя въ Македонію, Павелъ просилъ Тимофея пребыть въ Ефесѣ» ²²⁸³).

«Павелъ, апостолъ Іисуса Христа, по повелѣнію Бога, Спасителя нашего, и Господа Іисуса Христа, надежды нашей, Тимофею, истинному сыну въ вѣрѣ. благодать, милость, миръ отъ Бога, Отца нашего ²²⁸⁴), и Христа Іисуса» (1, 1, 2)

Это привѣтствіе замѣчательно приложеніемъ названія «Спаситель» къ Богу Отцу, что вѣроятно произошло вслѣдствіе недавняго предъ тѣмъ изученія псалма lxx, 7, причемъ оно употребляется во всѣхъ пастырскихъ посланіяхъ; замѣчательно также приложеніемъ эпитета «надежда наша» къ Христу, что вѣроятно заимствовано изъ того же самаго стиха; и наконецъ словомъ «милость», которое такъ естественно у изможденнаго и удрученнаго старца, поставляющаго это слово между словами «благодать» и «миръ» (сн. Гал. vi, 16).

«Отходя въ Македонію, я просилъ тебя пребыть въ Ефесѣ и увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили иному, и не занимались баснями и родословіями безконечными ²²⁸⁵), которыя производятъ больше споры, нежели Божіе назиданіе ²²⁸⁶) въ вѣрѣ» ²²⁸⁷). Предложеніе здѣсь, что весьма характеристично, остается неоконченнымъ; но ап. Павелъ очевидно хотѣлъ сказать: «я повторяю увѣщаніе, которое я преподавалъ тогда».

Въ противоположность этимъ ложнымъ учителямъ, онъ говоритъ ему, что цѣль Евангелія есть любовь отъ чистаго сердца и доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры, отъ чего отступивъ нѣкоторые уклонились въ пустословіе, желая быть законоучителями, но неразумѣя ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ.

Намекнувъ здѣсь на іудейскій законъ, апостолъ переходитъ къ указанію его истиннаго назначенія ²²⁸⁸). Для тѣхъ, которые оправдались вѣрой, онъ не нуженъ, будучи поглощенъ высшимъ закономъ жизни въ единеніи со Христомъ. Но истиннымъ его назначеніемъ было предостерегать и воздерживать тѣхъ, ко-

торые жили подѣ господствомъ страсти въ языческомъ нечестіи ²²⁸⁹). Для этихъ, а не для возрожденныхъ, необходимы громы Синае «по славному благовѣстію блаженнаго Бога, которое мнѣ вѣрено» (1, 8—11).

Затѣмъ онъ, отступая отъ своего предмета, сразу переходитъ къ выраженію сердечной благодарности Богу за ту благодать, которая восторжествовала надъ его прежнимъ невѣжественнымъ невѣріемъ, — невѣріемъ, приводившимъ его къ насиліямъ и преступленіямъ, которыя только и можно оправдать невѣденіемъ. «Вѣрно ²²⁹⁰) и всякаго принятія достойно слово, что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый ²²⁹¹). Но для того я и помилованъ, чтобы Іисусъ Христосъ во мнѣ первомъ показалъ все долготерпѣніе въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него въ жизни вѣчной. Царю же вѣковъ ²²⁹²) невидимому, невидимому, единому, премудрому Богу ²²⁹³) честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь» ²²⁹⁴).

«Преподаю тебѣ, сынъ мой, Тимоеѣй, сообразно съ бывшими о тебѣ пророчествами ²²⁹⁵), такое завѣщаніе, чтобы ты воинствовалъ согласно съ ними какъ добрый воинъ ²²⁹⁶), имѣя вѣру и добрую совѣсть, которую нѣкоторые отвергнувъ потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ. Таковы Именей и Александръ, которыхъ я предалъ сатанѣ, чтобы они научились не богохульствовать» ²²⁹⁷).

Въ этомъ отдѣлѣ какъ видно онъ начинаетъ съ рѣчи о ложныхъ учителяхъ и послѣ двухъ отступленій—одного, подсказаннаго упоминаніемъ о законѣ, и другаго—личнымъ врученіемъ ему проповѣди Евангелія, опять возвращается къ нимъ.

Вторая глава содержитъ правила для общественнаго богослуженія, обязанность молиться за предержащихъ властей и о взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ въ религіозныхъ собраніяхъ, правила, прерываемыя краткими и естественными отступленіями касательно всеобщности божественной благодати и касательно его собственной апостольской должности. Онъ постановляетъ прежде всего «совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія ²²⁹⁸) за всѣхъ чловѣковъ, за царей ²²⁹⁹) и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную, во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины. Ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и чловѣками, чловѣкъ Христосъ Іисусъ ²³⁰⁰), предавшій себя для искупленія всѣхъ. Таково было въ свое время свидѣтельство, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ (истину говорю во Христѣ ²³⁰¹, не лгу ²³⁰²), учителемъ язычниковъ въ вѣрѣ и истинѣ» (II, 1—7).

Послѣ этого двоякаго отступленія, апостолъ выражаетъ желаніе, чтобы на всякомъ мѣстѣ произносили молитвы мужи ²³⁰³), «воздѣвая чистыя руки ²³⁰⁴) безъ гнѣва и сомнѣнія; чтобы также и жены въ приличномъ одѣяніи, со стыдливостью и цѣломудріемъ, украшали себя не плетеніемъ волосъ, ни золотомъ, ни жемчугомъ, ни многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично

женамъ, посвящающимъ себя благочестію». Пусть онѣ учатся въ безмолвіи со всякою покорностію. Это правило онѣ подкрѣпляетъ исторіей паденія, какъ показывающей родовое различіе между полами ²³⁰⁵), прибавляя однакоже, что, не смотря на большую возможность подчиненія обману и грѣху, женщина «спасется чрезъ чадородіе, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви и въ святости съ цѣломудріемъ» ²³⁰⁶).

Третья глава переходитъ къ опредѣленію качествъ для занятія должности въ церкви. Она предваряется какбы христіанскимъ афоризмомъ: «вѣрно слово: если кто епископства ²³⁰⁷) желаетъ, добраго дѣла желаетъ». Качества, которыя указываетъ для этого ап. Павелъ, состоятъ въ непорочности, домовитости ²³⁰⁸), трезвости, цѣломудріи, благочиніи, страннолюбіи и учительности. Ищущій епископства «долженъ быть не пьяница, не бійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ, но тихъ, миролюбивъ, не сребролюбивъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностію; ибо кто не умѣетъ управлять своимъ собственнымъ домомъ, тотъ будетъ ли пещись о церкви Божіей? Не долженъ быть изъ новообращенныхъ ²³⁰⁹), чтобы не возгордился и не подпалъ осужденію съ діаволомъ ²³¹⁰). Онъ долженъ также пользоваться хорошимъ мнѣніемъ и у своихъ языческихъ сосѣдей, чтобы не впасть въ нареканія и сѣть діавольскую» (ш, 1—7).

«Діаконы также должны быть честны, не двуязычны, не пристрастны къ вину, не корыстолюбивы, хранящіе тайнство вѣры въ чистой совѣсти», и въ своихъ качествахъ они должны быть предварительно испытываемы, прежде чѣмъ допускать ихъ до служенія ²³¹¹).

Діакониссы ²³¹²) должны быть также честны, не клеветницы, трезвы, вѣрны во всемъ. Домашнія отношенія діаконѣ и діакониссы должны быть безупречны; потому что почетное діаконство обезпечиваетъ почетное положеніе (ш, 11—13) и великое дерзновеніе въ вѣрѣ ²³¹³).

«Сіе пишу тебѣ, надѣясь скорѣ прійти къ тебѣ ²³¹⁴); чтобы, если замедлю, ты зналъ, какъ должно поступать въ домѣ Божіемъ, который есть Церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины» ²³¹⁵).

«И безприкословно, великая благочестія тайна: Богъ ²³¹⁶)

•Явился во плоти,
•Оправдалъ Себя въ Духѣ,
•Показалъ Себя Ангеламъ,
•Проповѣданъ въ народахъ,
•Принятъ вѣрою въ мірѣ,
•Вознесся во славу» ²³¹⁷).

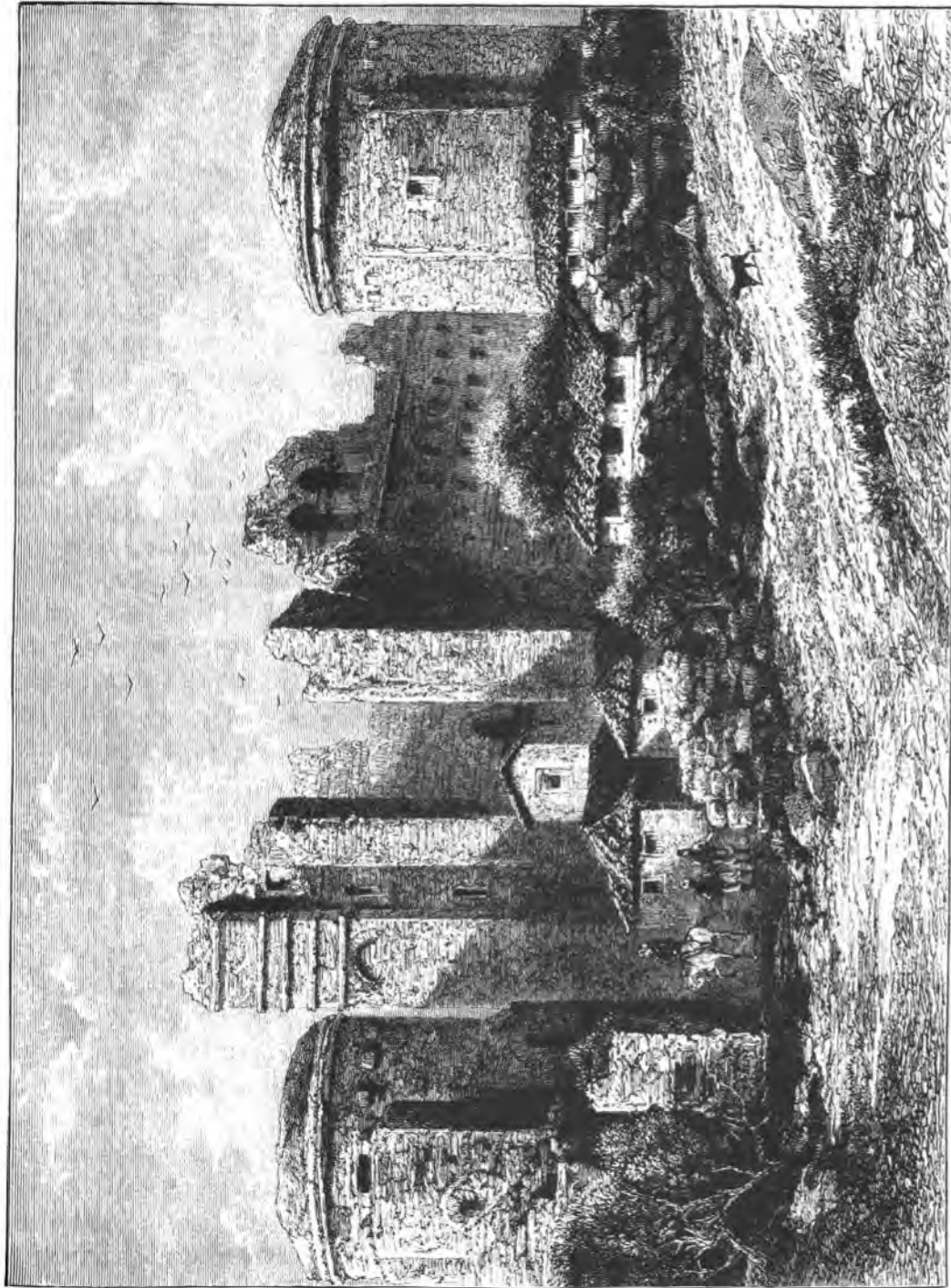
Истинное ученіе опять приводитъ его къ вопросу о ложныхъ учителяхъ. Кромѣ настоящей опасности, «Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ

бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей». Это отступленіе отчасти въ настоящемъ, отчасти въ будущемъ отличается дуалистическими тенденціями. Лжеучители запрещаютъ вступать въ бракъ ²³¹⁸) и употреблять въ пищу то, что сотворено Богомъ (сн. Рим. xiv, 1—4; 1 Кор. viii, 8; x, 20), забывая, что благодарность и молитва освящаютъ все. Другая черта зарождающейся ереси есть склонность къ «негоднымъ и бабьимъ баснямъ». Третья есть тѣлесный аскетизмъ. Это послѣднее имѣетъ нѣкоторое значеніе; но вообще «тѣлесное упражненіе мало полезно; а благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей (слово сіе вѣрно и всякаго принятія достойно): ибо мы для того и трудимся и поношеніе терпимъ ²³¹⁹), что уповаемъ на Бога живаго, который есть Спаситель всѣхъ человѣковъ, а наипаче вѣрныхъ» ²³²⁰). Эти истины Тимоѳеѣй долженъ проповѣдывать, показывая собою образецъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ, такъ чтобы никто не относился пренебрежительно къ его юности ²³²¹). Пока не придетъ самъ ап. Павелъ, онъ долженъ заниматься чтеніемъ ²³²²), наставленіемъ, ученіемъ, не пренебрегая пребывающимъ въ немъ дарованіемъ, которое дано ему по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства ²³²³).

Затѣмъ преподается совѣтъ, какъ относиться къ различнымъ лицамъ своей церкви. Онъ не долженъ укоризненно обращаться къ старцу, но увѣщевать его какъ отца; младшихъ какъ своихъ братьевъ; старыхъ женщинъ какъ матерей; молодыхъ какъ сестеръ, но со всякою чистотою ²³²⁴). Особенности указанія даются въ отношеніи вдовъ (Дѣян. ii, 44; vi, 1). Тѣ только истинныя вдовы, которыя какъ слѣдуетъ воспитываютъ своихъ дѣтей или внуковъ, которыя исполняютъ свою обязанность въ отношеніи къ родителямъ и пребываютъ въ постоянной молитвѣ. Слостолюбивый же характеръ во вдовицѣ есть живая смерть; потому что въ христіанинѣ пренебреженіе домашними обязанностями и отношеніями гораздо хуже, чѣмъ язычество. Вдовица должна быть избираема поэтому не менѣе какъ шестидесятилѣтняя, бывшая женою одного мужа ²³²⁵), извѣстная по добрымъ дѣламъ, т. е. если она воспитала дѣтей, принимала странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ и была усердна ко всякому добродѣлю. Но Тимоѳеѣй не долженъ ничего говорить молодымъ вдовамъ, желающимъ опять вступить въ бракъ, когда онѣ начинаютъ становиться нетерпимыми къ игу Христа. Онѣ подлежатъ осужденію, потому что отвергли прежнюю вѣру ²³²⁶). Для избѣжанія опасности поощренія праздности и непристойныхъ сплетенъ, лучше всего избѣгать всякаго повода къ соблазну, спокойно опять вступая въ брачную жизнь. Поэтому всѣ болѣе молодыя вдовы должны получать содержаніе отъ своихъ родственниковъ и не обременяли бы церкви (v, 1—16).

Возвращаясь къ пресвитерамъ, апостолъ приводитъ мѣсто изъ Второзаконія: «не заграждай рта у вола молотящаго» и прибавляетъ положеніе: «трудящійся достоинъ награды своей» ²³²⁷), въ подкрѣпленіе своего правила, что «сугубая честь» должна

Базилика въ Пергамѣ.

быть оказываема преданнымъ и трудолюбивымъ пастырямъ ²³²⁸). Если они поступаютъ неправильно, то они должны понести укоръ за это, но не иначе, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ. «Предъ Богомъ и Господомъ Иисусомъ Христомъ и избранными ангелами ²³²⁹) заклинаю тебя сохранить сіе безъ предубѣжденія, ничего не дѣлая по пристрастію». Тимоѳеѣ не долженъ никого посвящать слишкомъ поспѣшно, чтобы не навлечь на себя отвѣтственности за ихъ грѣхи, и эта осторожность тѣмъ болѣе необходима, что есть такіе вопіющіе грѣхи, которые приводятъ человѣка къ суду, и скрытые грѣхи, которые украдкой слѣдуютъ за ними. Равнымъ образомъ и добрая дѣла у иныхъ явны, а у другихъ скрыты, хотя въ концѣ концовъ все должно открыться въ своемъ истинномъ свѣтѣ.

Въ самой срединѣ этихъ мудрыхъ и важныхъ постановленій вставляется два личныхъ увѣщанія. Одно изъ нихъ: «храни себя чистымъ» — естественно могло быть подсказано мыслью, что тотъ, обязанности котораго заключаются въ тщательномъ надзорѣ за другими, долженъ быть особенно строгъ къ самому себѣ, чтобы быть свободнымъ отъ всякаго упрека. Другое—«впредъ пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» ²³³⁰), — имѣетъ настолько случайный характеръ, что хотя мы сразу же видимъ, какъ оно могло представиться уму апостола Павла — такъ какъ иначе первое правило могло бы повести къ еще болѣе суровому ²³³¹) и даже вредному для здоровья самоотреченію, — но оно слишкомъ естественно и самопроизвольно, слишкомъ не связано со всѣмъ, что предшествуетъ и что слѣдуетъ, чтобы могло явиться въ умѣ какого либо подражателя. Подражатель, даже при всей своей способности къ естественной игрѣ мысли, которой обязано своимъ происхожденіемъ положеніе «храни себя чистымъ», съ гораздо болѣею вѣроятностью, особенно въ посланіи, которое съ такою строгостью запрещаетъ невоздержаніе въ винѣ всѣмъ должностнымъ лицамъ церкви, прибавилъ бы: «и чтобы поддерживать свою чистоту принимай вина какъ можно меньше или избѣгай его совсѣмъ» (v, 17—23).

Затѣмъ онъ переходитъ къ обязанностямъ рабовъ ²³³²). Обращеніе ихъ въ христіанство не должно служить для нихъ предлогомъ для ниспроверженія общественнаго порядка или давать извиненіе для злоупотребленія Евангеліемъ. Къ христіанскимъ господамъ нужно всетаки относиться какъ къ господамъ и служить имъ тѣмъ съ болѣею сердечностью, что они «вѣрные и возлюбленные и благодѣлываютъ имъ». Здѣсь апостолъ опять обращается къ ложнымъ учителямъ (которые бытъ можетъ извратили истину христіанскаго равенства въ лже-соціализмъ) и изобличаетъ ихъ напыщенное невѣжество и вредную болтливость какъ источникъ зависти и раздоровъ испорченныхъ людей, смотрящихъ на благочестіе какъ на источникъ прибытка ²³³³). Оно дѣйствительно становится приобритеніемъ, когда сопровождается довольствомъ ²³³⁴), возникающимъ изъ сознанія наготы нашей въ рожденіи и смерти и ограниченности нашихъ дѣйстви-

тельныхъ нуждъ (Фил. iv, 11—13). Между тѣмъ желаніе богатства возбуждаетъ многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу. «Корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе ²³³⁵», предавшись которому нѣкоторые уклонились отъ вѣры и сами себя подвергли многимъ скорбямъ». Апостолъ увѣщаетъ своего сына по вѣрѣ убѣгать всего этого, преуспѣвать ²³³⁶) въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости; подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры; держаться вѣчной жизни, «къ которой ты и призванъ и исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями». Самымъ торжественнымъ образомъ онъ закликаетъ его «предъ Христомъ Иисусомъ, который засвидѣтельствовалъ предъ Понтіемъ Пилатомъ ²³³⁷) доброе исповѣданіе, соблюсти заповѣдь чисто и неукоризненно даже до явленія Господа нашего Иисуса Христа, которое въ свое время откроетъ блаженный и единый сильный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единый, имѣющій безсмертіе, который обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ. Ему честь и держава вѣчная. Аминь». (vi, 6—16).

Можно бы думать, что этимъ величественнымъ описаніемъ божественныхъ свойствъ и закончится посланіе. Поддѣльщикъ такъ естественно поступилъ бы. Но ап. Павелъ никогда не руководился такими стилистическими соображеніями. Исполненный мыслью объ опасностяхъ богатства въ такомъ городѣ какъ богатый Ефесъ, онъ еще разъ, въ видѣ приписки къ письму ²³³⁸), совѣтуетъ Тимофею увѣщать богатыхъ, «чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго все обильно для наслажденія»; и пользовались своимъ богатствомъ мудро и благородно, «собирая себѣ сокровища, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни» ²³³⁹).

Затѣмъ какбы съ прощальнымъ указаніемъ на ложныхъ учителей ап. Павелъ заканчиваетъ свое посланіе словами: «о, Тимофей! Храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго знанія, которому предавшись нѣкоторые уклонились отъ вѣры. Благодать съ тобою» ²³⁴⁰).

«Аминь» ²³⁴¹) вѣроятно есть благочестивое прибавленіе; и различныя надписи, которыя говорятъ намъ, что посланіе это было писано изъ Лаодикии, «митрополи Фригіи Пакатіанской», или «изъ Никополя», или «изъ Аѳинъ, руками его ученика Тита», или «изъ Македоніи»,—суть не что иное какъ праздныя догадки, изъ которыхъ только послѣдняя имѣетъ нѣкоторую правдоподобность, хотя и она представляетъ собою лишь сомнительный выводъ изъ стиха, подавшаго къ ней нѣкоторый поводъ.

Долина рѣки Меандра.

ГЛАВА LIV.

ПОСЛАНИЕ КЪ ТИТУ.

Явилась благодать Божія, спасительная для
всѣхъ человѣковъ. Тит. II, 11.

ЗѢ посланія ап. Павла къ Филимону мы видимъ, съ какою поспѣшностью онъ, по своемъ освобожденіи, посѣтилъ Ефесъ и города долины Лика. Даже если бы онъ отложилъ это посѣщеніе до того времени, какъ привелъ въ исполненіе свой нѣкогда делѣнный планъ посѣщенія Испаніи, мы всетаки знаемъ, что въ тотъ самый моментъ, какъ рѣшена была его судьба, онъ послалъ Тимоѳея въ Филиппы, намѣреваясь и самъ послѣдовать за нимъ чрезъ непродолжительный промежутокъ времени (Филип. II, 19—23), когда именно Тимоѳей опять присоединился къ нему, вѣроятно, въ Ефесѣ. Онъ оставилъ его тамъ, какъ мы видѣли, для окончательнаго улаженія дѣлъ въ церкви и самъ отправился на второе обѣщанное путешествіе въ Македонію. Невѣроятно, чтобы онъ чувствовалъ какое нибудь желаніе опять побывать въ Іерусалимѣ и подвергнуться второму риску быть разорваннымъ на куски разъяренными фарисеями. Въ этомъ злополучномъ городѣ новый взрывъ гоненія окон-

чился за годъ предъ тѣмъ (въ 63 году) убіеніемъ Іакова «брата Господня»²³⁴²). Вскорѣ послѣ занятія Гессіемъ Флоромъ мѣста прокуратора, по всей Іудеѣ происходили сильныя возмущенія. Война, закончившаяся полнымъ разрушеніемъ іудейскаго государства, правда, началась только въ 66 году, но общій духъ мятежа, глубоко затаенное недовольство управленіемъ Агриппы II и чрезвычайное размноженіе сикаріевъ показывали, что все было готово для окончательнаго возстанія²³⁴³). Мы можемъ быть увѣрены, что когда корабль адрамитскій отплылъ изъ Тира, ап. Павелъ въ послѣдній разъ видѣлъ святую землю. Изъ Македоніи онъ несомнѣнно отправился въ Коринѣ и затѣмъ могъ побывать съ Титомъ на островѣ Критѣ.

На южных берегахъ этого богатаго легендами острова ему невольно приходилось быть во время бѣдственнаго путешествія изъ Миры, окончившагося

Карта острова Крита.

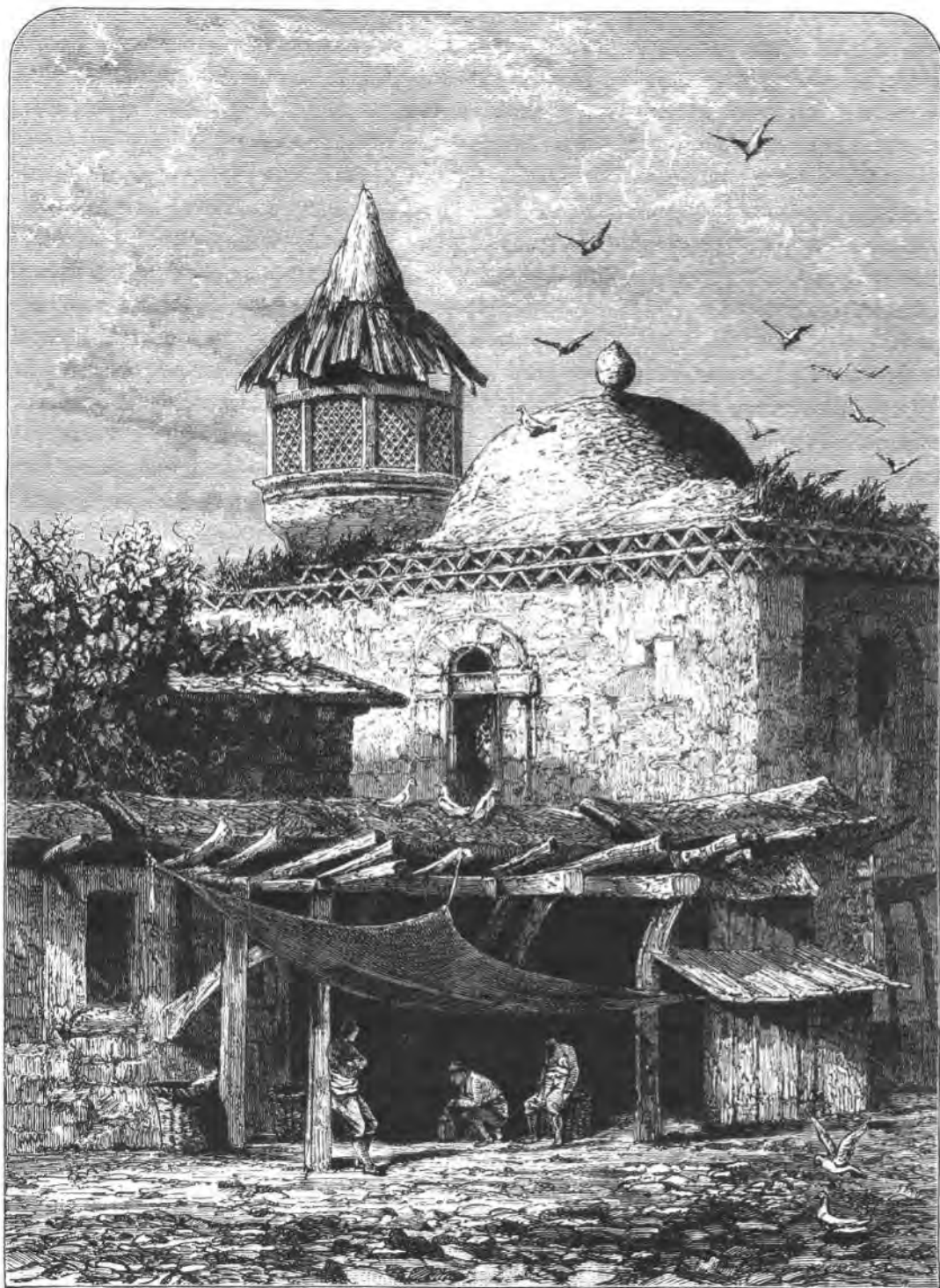
полнымъ кораблекрушеніемъ у Мальты. Но въ положеніи узника, на пути къ судебному разбирательству, на переполненномъ народомъ александрійскомъ хлѣбномъ кораблѣ, ждавшемъ только перваго удобнаго случая для отплытія, онъ имѣлъ лишь мало случаевъ для проповѣди Евангелія даже въ Хорошихъ Пристаняхъ и Ласеѣ, такъ что сразу же можно отвергнуть праздное предположеніе, что церковь Критская тогда впервые была основана имъ. Первое благовѣстіе христіанства вѣроятно было занесено на этотъ островъ тѣми критскими іудеями, которые слышали чудесную проповѣдь ап. Петра на праздникъ Пятидесятницы; и недостаточность знакомства этихъ церквей съ евангеліемъ можетъ быть объяснена отчасти этимъ обстоятельствомъ, а отчасти и врожденными недостатками въ характерѣ критянъ. Бурные берега Крита и дурная репутація его обитателей съ самаго мѣническаго періода могли даже быть причиною уклоненія ран-

нихъ проповѣдниковъ христіанства отъ посѣщенія его съ миссіонерскою цѣлью. То обстоятельство, что младенческая вѣра обращенцевъ на Критѣ переплетена была съ іудейскими суевѣріями, въ точности подтверждаетъ это предположеніе. Короткое пребываніе ап. Павла на этомъ островѣ съ Титомъ было, вѣроятно, первой серьезной попыткой утвердить юныя борющіяся и подвергающіяся опасности церкви; и не трудно вообразить, что именно необходимость въ окончаніи этого неотложнаго дѣла и заставила апостола вопреки желанія оставить своего путника позади. Для этого нельзя было найти болѣе мудраго и болѣе твердаго человѣка, чѣмъ тотъ, кто уже сумѣлъ заставить чувствовать свое вліяніе и уважать свой авторитетъ даже среди сварливыхъ и самомнящихъ софистовъ буйнаго Коринеа. Тѣ, кто доказываютъ, что, такъ какъ ап. Павелъ лишь недавно разстался съ Титомъ, то совѣтъ, содержащійся въ посланіи къ нему, былъ бы де излишенъ, выставляютъ чисто воображаемое затрудненіе, призрачность котораго доказывается постоянными опытами обыденной жизни. Возраженія этого рода просто изумительны. И когда намъ говорятъ, что даваемая въ немъ наставленія слишкомъ неопредѣленны и общи, чтобы имѣть какую либо цѣну, и что «неопредѣленность указаній должна была дѣлать ихъ совершенно бесполезными для проповѣдника» ²⁸⁴⁴), мы можемъ только отвѣтить, что христіанская церковь во всѣ вѣка, не смотря на непрерывную тенденцію поставить догматъ выше простой дѣятельности, однако же принимала пастырскія посланія какъ руководство, которое никогда не было превзойдено послѣ.

Изъ Крита ап. Павелъ могъ возвратиться чрезъ Ефесъ и Троаду въ Македонію и оттуда въ Далматію и Иллирію (Рим. хv, 19). И изъ посланія къ Титу мы знаемъ, что онъ былъ сопровождаемъ нѣсколькими друзьями, для которыхъ онъ нашелъ полезное употребленіе въ миссіонерской дѣятельности для различныхъ церквей. Онъ намѣревался провести зиму въ Никополѣ, который, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ извѣстнымъ и цвѣтущимъ городомъ Эпира, построеннымъ императоромъ Августомъ въ воспоминаніе его побѣды при Акціумѣ. Когда онъ писалъ посланіе къ Титу, онъ намѣренъ былъ послать Артему или Тихика къ нему въ Критъ для продолженія организаторской дѣятельности тамъ, давая въ то же время Титу повелѣніе присоединиться къ апостолу въ Никополѣ до наступленія зимы.

Какъ мало въ дѣйствительности мы знаемъ относительно Тита, лучше всего видно изъ теорій, которыя пытаются отождествить его съ Титомъ (или Титіемъ) Іустомъ (Дѣян. хviii, 7), съ Силой и даже съ Тимофеемъ! Хотя о немъ не упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (вѣроятно потому, что ему никогда не приходилось быть спутникомъ апостола въ то самое время, когда былъ съ нимъ св. Лука) онъ, повидимому, былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ и самыхъ возлюбленныхъ членовъ благороднаго кружка друзей и учениковъ ап. Павла. Такъ какъ онъ былъ грекъ по рожденію, то ап. Павелъ,

Большая мечеть въ Тарсѣ.

обращенцемъ котораго онъ былъ, нашелъ нужнымъ взять его съ собою въ Иерусалимъ, во время того достопамятнаго посѣщенія, которое закончилось признаніемъ свободы язычниковъ отъ ига Моисеева закона (Гал. II, 3; Тит. I, 4). Если вѣрно наше предположеніе, что благородное самоотверженіе Тита при этомъ случаѣ избавило ап. Павла отъ печальной борьбы, если и не отъ страшной опасности, то можно вообразить, какъ тѣсна была личная связь между ними. Титъ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ съ Коринеомъ, въ который апостоль и посылалъ его три раза во время безпорядковъ въ этой легкомысленной общинѣ (2 Кор. VII, VII). Та теплота, съ которою ап. Павелъ всегда говоритъ о немъ какъ о своемъ братѣ, сотоварищѣ и сотрудникѣ, а также тоскливое безпокойство, которое дѣлало его положительно несчастнымъ, когда ему не удалось встрѣтить его въ Троадѣ, показываютъ, что онъ не былъ зауряднымъ чело-вѣкомъ; а отсутствіе въ этомъ посланіи личныхъ предостереженій и увѣщаній, которыя находятся въ посланіяхъ къ Тимофею, заставляетъ насъ думать, что если Тимофей былъ болѣе нѣжно любимъ апостломъ, то Титъ былъ гораздо болѣе глубоко уважаемъ имъ. Последнее извѣстіе о немъ связывается съ его посѣщеніемъ Далматіи во время втораго тюремнаго заключенія, и мы можемъ чувствовать полную увѣренность, что путешествіе это было предпринято во исполненіе особаго долга и что онъ недобровольно оставилъ своего друга и учителя, которому онъ такъ долго и вѣрно служилъ. Посланіе, съ которымъ обращается къ нему ап. Павелъ, трактуетъ почти о томъ же самомъ, какъ и посланіе къ Тимофею, но съ добавочными подробностями и совершенно инымъ способомъ. Оно возбуждало теплое восхищеніе толкователей, изъ которыхъ одинъ говорить о немъ: «посланіе это краткое, но оно настолько заключаетъ въ себѣ сущность христіанскаго ученія и изложено такимъ мастерскимъ образомъ, что содержитъ все, что необходимо для христіанскаго познанія и жизни». Предметы затрогиваются здѣсь въ томъ же свободномъ и естественномъ порядкѣ, какъ и въ другихъ пастырскихъ посланіяхъ, и случайное упоминаніе о такихъ мало извѣстныхъ въ кругу друзей апостола личностяхъ, какъ Артема и Зина законникъ, вмѣстѣ съ замѣтными варіаціями въ начальныхъ и заключительныхъ привѣтствіяхъ, среди многихъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ, чрезвычайно сильно подтверждаютъ аргументъ въ пользу его подлинности.

Привѣтствіе, которымъ апостоль открываетъ свое посланіе, нѣсколько темно и запутано, благодаря неопредѣленности точнаго значенія различныхъ употребленныхъ здѣсь выраженій. Оно отличается отъ всѣхъ другихъ привѣтствій выраженіемъ «рабъ Божій», вмѣсто «рабъ Иисуса Христа», и особенностью его является также то, что названіе «Спаситель» прилагается какъ къ Богу, такъ и ко Христу²⁹⁴⁵).

«Павелъ, рабъ Божій, апостоль же Иисуса Христа, по вѣрѣ избранныхъ Божіихъ и познанію истины, относящейся къ благочестію, въ надеждѣ вѣчной

жизни, которую обѣщаль неизмѣнный въ словѣ Богъ прежде вѣковыхъ временъ, а въ свое время явилъ Свое слово въ проповѣди, вѣренной мнѣ по повелѣнію Спасителя нашего, Бога, Титу, истинному сыну по общей вѣрѣ: благодать, милость и миръ отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего».

Послѣ этого торжественнаго привѣтствія апостолъ сразу переходитъ ко многимъ практическимъ указаніямъ, которыя составляютъ цѣль его письма. Онъ оставилъ Тита въ Критѣ для завершенія всѣхъ необходимыхъ установленій и особенно для рукоположенія пресвитеровъ въ каждомъ городѣ, которые должны быть людьми безупречнаго характера, имѣть хорошее хозяйство, такъ какъ «епископъ» долженъ быть непороченъ, какъ Божій домостроитель, не дерзокъ, не гнѣвливъ, причемъ перечисляются другія положительныя и отрицательныя качества, которыя уже перечислены въ посланіи къ Тимооею, съ прибавленіемъ, что онъ долженъ любить доброе и держаться истиннаго слова, согласно съ полученнымъ имъ наставленіемъ, чтобы имѣть возможность наставлять въ здоровомъ ученіи и обличать противящихся (і, 5—9).

Эти противящіеся описываются какъ непокорные, пустословы и обманщики, особенно изъ обрѣзанныхъ (іудейскихъ христіанъ), которые, ради гнусной корысти, готовы перевернуть вверхъ дномъ всякое семейство. Къ нимъ, какъ и вообще къ критянамъ, ап. Павелъ прилагаетъ колкую строку изъ ихъ соотечественника Эпименида:

«Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя» ²³⁴⁶),—

вслѣдствіе чего ихъ нужно строго обличать, дабы они были здравы въ вѣрѣ, не внимая іудейскимъ баснямъ и постановленіямъ людей, отвращающихся отъ истины ²³⁴⁷). Подъ этими постановленіями, повидимому, разумѣются отчасти тонкія различія между чистымъ и нечистымъ, что апостолъ отвергаетъ рѣшительнымъ образомъ, говоря, что для чистыхъ все чисто, между тѣмъ какъ для оскверненныхъ и не вѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, такъ какъ осквернены самые ихъ умъ и совѣсть, именно для тѣхъ, которые, исповѣдуя Бога на словахъ, въ дѣлахъ отрицаютъ Его, будучи гнусны, и непокорны, и неспособны ни къ какому доброму дѣлу (і, 10—16).

«Ты же говори то, что сообразно съ здоровымъ ученіемъ». Основная нота всего этого ученія есть здравомысліе. Старцы должны быть бдительны, степенны, цѣломудренны, здравы въ вѣрѣ, въ любви, въ терпѣніи. Старицы должны одѣваться какъ прилично святымъ, не быть клеветницами, не порабощаться пьянству ²³⁴⁸), учить добру, чтобы вразумлять молодыхъ женщинъ также быть здравомыслящими, внушая имъ поддерживать честь своего христіанскаго исповѣданія смиреннымъ, прилежнымъ, покорнымъ исполненіемъ своихъ домашнихъ обязанностей. Титъ долженъ также увѣщавать юношей быть цѣломудренными и во всѣхъ отношеніяхъ показывать собою образецъ добрыхъ дѣлъ, въ учительствѣ чистоту, степенность, неповрежденность. Рабы должны повиноваться своимъ господамъ и

быть «украшеніемъ ученію Спасителя нашего, Бога», безмолвнымъ послушаніемъ и открытою честностью.

«Ибо явилась благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, научающая насъ, чтобы мы, отвергнувъ нечестіе и мірскія похоти, цѣломудренно, праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ожидая блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа ²³⁴⁹), который далъ Себя за насъ, чтобы избавить насъ отъ всякаго беззаконія; и очистить Себѣ народъ особенный, ревностный къ добрымъ дѣламъ. Сіе говори, увѣщавай и обличай со всякою властію, чтобы никто не пренебрегалъ тебя» ²³⁵⁰).

Послѣ этого быстрого и совершеннаго обзора христіанской жизни, какъ въ ея матеріальныхъ, такъ и духовныхъ отношеніяхъ, апостоль обращается къ необходимымъ предметамъ практическаго назиданія. Критянамъ, какъ мятежнымъ по природѣ, нужно постоянно напоминать о долгѣ подчиненія во всемъ справедливомъ и добромъ. Какъ по природѣ свирѣпые, они должны быть увѣщаемы къ кротости въ словахъ и дѣлахъ по отношенію ко всѣмъ людямъ, ибо и Богъ показалъ къ намъ Свое человеколюбіе, когда мы жили въ бессмысленномъ и непослушномъ заблужденіи, будучи рабами различныхъ страстей и живя въ ожесточенной взаимной ненависти. «Когда же»—и здѣсь слѣдуетъ другое сосредоточенное изложеніе ученія ап. Павла, несравненное по красотѣ и законченности—«когда же явилась благодать и человеколюбіе Спасителя нашего, Бога, Онъ спасъ насъ не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрожденія и обновленія Святымъ Духомъ, котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Іисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатію, мы по упованію содѣлались наслѣдниками вѣчной жизни».

Вѣрно слово это ²³⁵¹), и согласно съ нимъ онъ желаетъ, чтобы Титъ училъ объ этомъ съ должною настойчивостію, дабы увѣровавшіе въ Бога старались быть прилежными къ добрымъ дѣламъ. Ученіе это хорошо и полезно, между тѣмъ какъ глупыя состязанія ²³⁵²) и родословія, споры и распри о законѣ совершенно бесполезны и суетны. Но если послѣ одного или двухъ увѣщаній человѣкъ не откажется отъ своего заблужденія и развращенія, тогда Титъ не долженъ ничего больше говорить ему ²³⁵³).

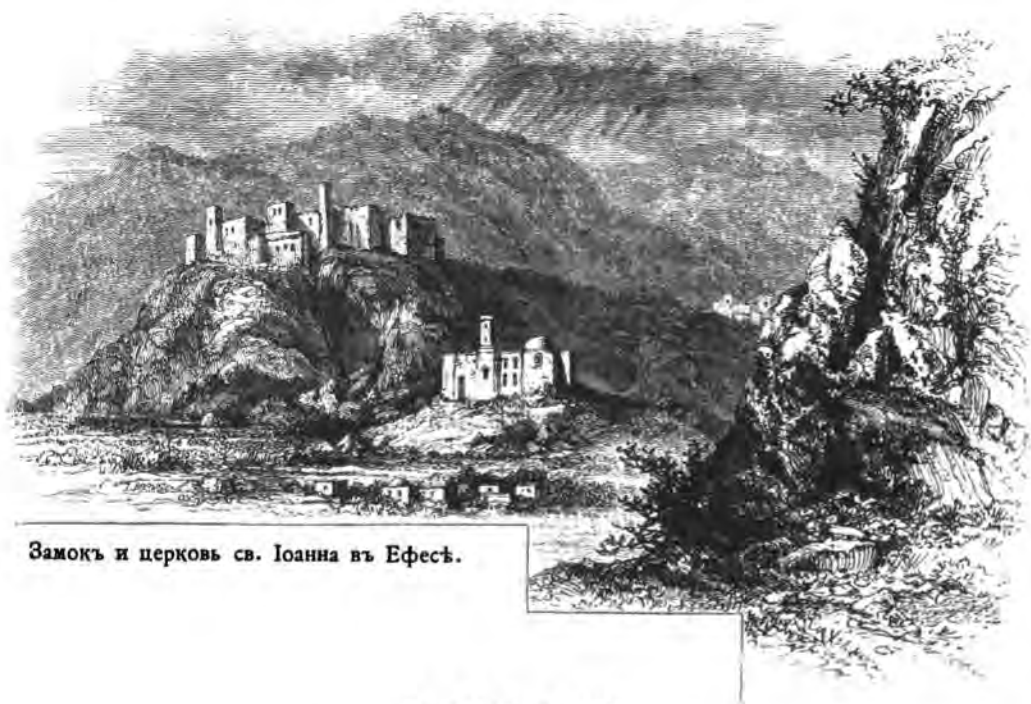
Это краткое посланіе заканчивается немногими личными сообщеніями. Титъ могъ скоро ожидать прибытія Артемы или Тихика ²³⁵⁴), и по прибытіи когонибудь изъ нихъ онъ долженъ со всею поспѣшностью отправиться къ нему въ Никополь, гдѣ апостоль положилъ провести зиму. Апостоль проситъ его также позаботиться о снабженіи всѣмъ необходимымъ Аполлоса и Зину законника ²³⁵⁵) въ ихъ путешествіи, и выражаетъ желаніе, чтобы *все наши* учились слѣдовать примѣру этихъ добрыхъ услугъ по отношенію ко всѣмъ, кто нуждается въ нихъ, дабы не быть безплодными. «Привѣтствуютъ тебя всѣ находящіеся со мною. Привѣтствуй любящихъ насъ въ вѣрѣ. Благодать со всѣми вами».

Эти послѣднія три привѣтствія заключаютъ нѣсколько интересныхъ особенностей. Они показываютъ намъ, что ап. Павелъ, которому предстояло вскорѣ быть такъ печально и недостойно оставленнымъ, все еще продолжалъ свою разнообразную миссіонерскую дѣятельность въ обществѣ преданныхъ друзей. То обстоятельство, что они по своему выраженію отличаются отъ всѣхъ другихъ заключительныхъ привѣтствій, есть признакъ подлинности, потому что поддѣльщикъ навѣрно ограничился бы рабскимъ, неподдающимся подозрѣнію повтореніемъ одной изъ формъ, встрѣчающихся гдѣ-либо раньше. Но что разумѣетъ ап. Павелъ подъ замѣчательнымъ выраженіемъ: «пусть и *наши* учатся упражняться въ добрыхъ дѣлахъ»? Оно обыкновенно объясняется въ смыслѣ «другіе вѣрующіе, равно какъ и ты». Но это объясненіе, очевидно, недостаточное. Съ другой стороны мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для объясненія его въ томъ смыслѣ, что у Аполлоса были свои обращенцы, составлявшіе отдѣльную общину отъ обращенцевъ ап. Павла. Самая неясность этого выраженія служитъ признакомъ того, что оно составляетъ намекъ на какое то обстоятельство, которое было извѣстно Титу, но неизвѣстно намъ.

Титъ затѣмъ совершенно сходитъ со страницъ христіанской исторіи. Остальная часть его біографіи расплывается въ туманныхъ очертаніяхъ позднѣйшихъ сказаній, едва ли заслуживающихъ того, чтобы называть ихъ даже преданіемъ.

Монета города Тарса.

Замокъ и церковь св. Іоанна въ Ефесѣ.

ГЛАВА LV.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ.

Въ послѣдніе дни наступаютъ времена тяжкія.
2 Тим. iii, 1.

АЖЕ нѣкоторые изъ критиковъ, наиболѣе враждебныхъ къ подлинности пастырскихъ посланій, чувствовали крайнее смущеніе, когда имъ приходилось отнести въ область вымысла второе посланіе къ Тимоѳею и такимъ образомъ лишить міръ этого въ высшей степени благороднаго и нѣжнаго завѣщанія умирающаго воина Христова. Иные, даже отвергая два другихъ пастырскихъ посланія, дѣлали исключеніе въ пользу этого. Мы съ своей стороны можемъ выразить только изумленіе, что кто-либо, будучи настолько знакомъ съ христіанской литературой первыхъ двухъ вѣковъ, чтобы видѣть, какъ мало въ то время было писателей, выказывавшихъ хотя отдаленную способность къ произведенію такого письма,—можетъ чувствовать какое-либо затрудненіе въ признаніи того, что посланіе это написано ап. Павломъ. Тюбингенскіе критики доказываютъ, что эти три посланія неразрывны между собою и потому должны быть вмѣстѣ или признаны или отвергнуты, и думаютъ, что такъ какъ первое посланіе къ Тимоѳею показываетъ при-

знаки подложности, то это влечетъ одинаковую судьбу и для другихъ двухъ посланій. Принимая тѣсную связь между этими тремя посланіями и видя достаточно оснований въ первомъ посланіи къ Тимоѳею и въ посланіи къ Титу для признанія по крайней мѣрѣ весьма сильной вѣроятности ихъ подлинности, мы думаемъ, что вѣроятность эта восходитъ на степень достовѣрности въ виду несомнѣнной подлинности второго посланія къ Тимоѳею. Если дѣйствительно ап. Павелъ никогда не былъ освобожденъ отъ своего перваго тюремнаго заключенія въ Римѣ, то пастырскія посланія должны быть признаны подложными, такъ какъ попытка Визелера и другихъ доказать, что они могли быть написаны въ теченіе какой нибудь части періода, входящаго въ повѣствованіе книги Дѣяній,—въ теченіе напр. трехлѣтняго пребыванія въ Ефесѣ, или полуторагодичнаго пребыванія въ Коринѣ,—падаетъ сама собою не только подъ тяжестью произвольности этихъ предположеній, но даже еще болѣе въ виду состоянія церкви и духа, а также и вообще обстоятельствъ апостола, которыя явно обнаруживаютъ эти посланія. Но такъ какъ освобожденіе и второе тюремное заключеніе ап. Павла находятъ рѣшительное подтвержденіе въ преданіи и даютъ самое легкое и естественное объясненіе всѣмъ намекамъ въ этихъ и въ болѣе раннихъ посланіяхъ, и такъ какъ нельзя выставить противъ этого предположенія ни одного сильнаго возраженія, то мы думаемъ, что критики никогда не попытались бы опровергнуть возможность его, если бы при этомъ не руководились худо скрываемымъ желаніемъ отвергнуть какъ эти посланія, такъ и истины, для которыхъ они служатъ столь поразительнымъ свидѣтельствомъ.

Намеки во второмъ посланіи хотя слишкомъ отрывочны и незначительны, чтобы къ нимъ могъ прибѣгнуть какой либо подражатель, всетаки только намеки, и совершенно понятно, что они не могутъ доставить намъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы имѣть возможность получить связанное повѣствованіе о событіяхъ въ исторіи жизни апостола между его первымъ и вторымъ тюремными заключеніями, такъ что и останавливаться на этихъ событіяхъ съ нѣкоторою подробностью поэтому не безопасно; но въ тоже время конечно возможно построить предположеніе, которое, будучи просто само по себѣ, сообразуется со всѣми обстоятельствами, на которыя дѣлается здѣсь указаніе. Вѣроятность этого предположенія и естественность, съ которою оно сообразуется со всѣми подробностями, на которыя указываетъ ап. Павелъ, есть еще одно изъ многихъ доказательствъ того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подлинными письмами.

Если мы поэтому сдѣлаемъ сводку всѣхъ личныхъ указаній этого посланія, то они дадутъ намъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу ап. Павла послѣ той зимы, которую онъ провелъ въ Никополѣ въ обществѣ съ Титомъ. При его преклонномъ возрастѣ и возрастающихъ недугахъ, при невольномъ сознаніи также нерѣдко появляющихся внутреннихъ предчувствій, что его жизнь клонится къ концу, въ высшей степени невѣроятно, чтобы онъ выступилъ на новую миссію-

нерскую дѣятельность, тѣмъ болѣе, что болѣе чѣмъ достаточное поприще для своей дѣятельности онъ могъ найти въ утвержденіи многихъ основанныхъ имъ греческихъ и восточныхъ церквей и въ стараніяхъ защитить ихъ отъ тонкой закваски распространяющихся ересей. Главная часть его труда была закончена: въ Іерусалимѣ и Антиохіи онъ навсегда обезпечилъ свободу язычниковъ отъ ига левитскаго закона. Въ своихъ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ онъ объявилъ какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ, что мы не подъ закономъ, но подъ благодатію. Онъ избавилъ христіанство отъ опасности превращенія въ іудейскую секту, отличающуюся отъ іудейства только принятіемъ исполненія мессіанскихъ надеждъ. Трудясь, какъ не трудился ни одинъ еще апостоль, онъ проповѣдалъ Евангеліе въ главныхъ городахъ міра отъ Іерусалима до Рима и быть можетъ даже до Испаніи. Въ теченіе краткаго періода въ двадцать лѣтъ онъ возвѣстилъ Христа распятаго простодушнымъ язычникамъ Ликаоніи, вѣтрянымъ фанатикамъ Галатіи, мечтательнымъ мистикамъ Фригіи, мужественнымъ колонистамъ Македоніи, поверхностнымъ диллетантамъ Аѳинъ, чувственнымъ и самодовольнымъ промышленникамъ Коринѳа, полуварварскимъ жителямъ Далматіи, пользовавшимся худою славою островитянамъ Крита, рабамъ, воинамъ и необъятной массѣ населенія Рима. Онъ создалъ богословскую терминологію, сформулировалъ истины христіанства. Ему выпало рѣдкое счастье служить Евангелію въ одно и то же время и въ качествѣ дѣятельнаго миссіонера, и въ качествѣ глубокаго мыслителя. Главная часть его труда теперь была совершена. Теперь уже не было опасности «отъ тѣхъ, которые отъ обрѣзанія» или «отъ тѣхъ, которые пришли отъ Іакова». Правда, возникали новыя опасности, но худшіе результаты ихъ находились еще въ далекомъ будущемъ²⁸⁵⁶). Какъ Карлъ Великій, уже закончивъ главное дѣло своей жизни, именно покореніе ломбардовъ и саксонцевъ, зарыдалъ, увидѣвъ на открытомъ морѣ суда норманскихъ пиратовъ, хотя былъ увѣренъ, что они не сдѣлаютъ много зла во время его жизни, и плакалъ только вслѣдствіе мысли о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя они причинятъ впослѣдствіи: такъ и ап. Павелъ глубоко предчувствовалъ будущія опасности отъ ессейскихъ элементовъ, которымъ суждено было созрѣть въ гностицизмъ, хотя и не дожилъ до того, чтобы быть личнымъ свидѣтелемъ ихъ полнаго развитія. Его желаніемъ было не основывать новыя церкви, но предостеречь и укрѣпить тѣ возлюбленныя церкви, которыя уже были основаны имъ.

Поэтому, по оставленіи Никополя, онъ естественно могъ отправиться назадъ въ Верею, Фессалонику, Филиппы и такимъ образомъ чрезъ Неаполь въ Троаду, гдѣ онъ остановился въ домѣ ученика по имени Карпа. Здѣсь повидимому засталъ его послѣдній кризисъ его судьбы. Можно по крайней мѣрѣ предположить, что онъ не оставилъ бы въ домѣ Карпа своихъ драгоценныхъ книгъ и плаща, который былъ такъ необходимъ ему, еслибы его отбытіе не было поспѣшнымъ и быть можетъ невольнымъ. Его дѣятельность и сопровождавшій его успѣхъ въ этомъ городѣ были достаточно замѣтны, чтобы привлечь общее

вниманіе, а это былъ такой городъ, въ которомъ онъ болѣе всего могъ подвергнуться внезапному аресту. Со времени гоненія Нерона на христіанъ, они неизбѣжно болѣе или менѣе стали предметомъ ненависти и подозрѣнія по всей имперіи и особенно въ провинціальныхъ городахъ Малой Азіи, которые всегда

Развалины Пергама.

склонны были льстить императору, такъ какъ ихъ благосостояніе, а иногда почти и самое существованіе зависѣли отъ его личнаго благорасположенія. Всякій чиновникъ, желавшій выставиться чѣмъ нибудь, всякій злобный іудей, искательный житель востока, могли послужить причиной ареста апостола; и если

онъ произведенъ былъ въ Троадѣ, особенно если по какому нибудь поводу, представленному Александромъ мѣдникомъ или имѣвшему отношеніе къ продолжительной и извѣстной дѣятельности ап. Павла въ Ефесѣ, то при обычномъ порядкѣ дѣла его могли отправить подъ конвоемъ въ Ефесъ на судъ къ прокон-

сулу. До окончательнаго суда надъ нимъ онъ, конечно, былъ заключенъ въ тюрьму; и то обстоятельство, что мѣсто его тюремнаго заключенія еще до сихъ поръ указывается среди развалинъ Ефеса, хотя о тюремномъ заключеніи въ Ефесѣ прямо нигдѣ не упоминается въ Священномъ Писаніи, придаетъ быть можетъ новую вѣроятность этимъ предположеніямъ. Здѣсь именно онъ испыталъ отъ рукъ Онисифора доброту, которая не оставила его и въ Римѣ ²³⁵⁷⁾ и на которую онъ намекаетъ тѣмъ съ болѣею сердечною благодарностью, что Онисифоръ повидимому очень скоро послѣ этого умеръ.

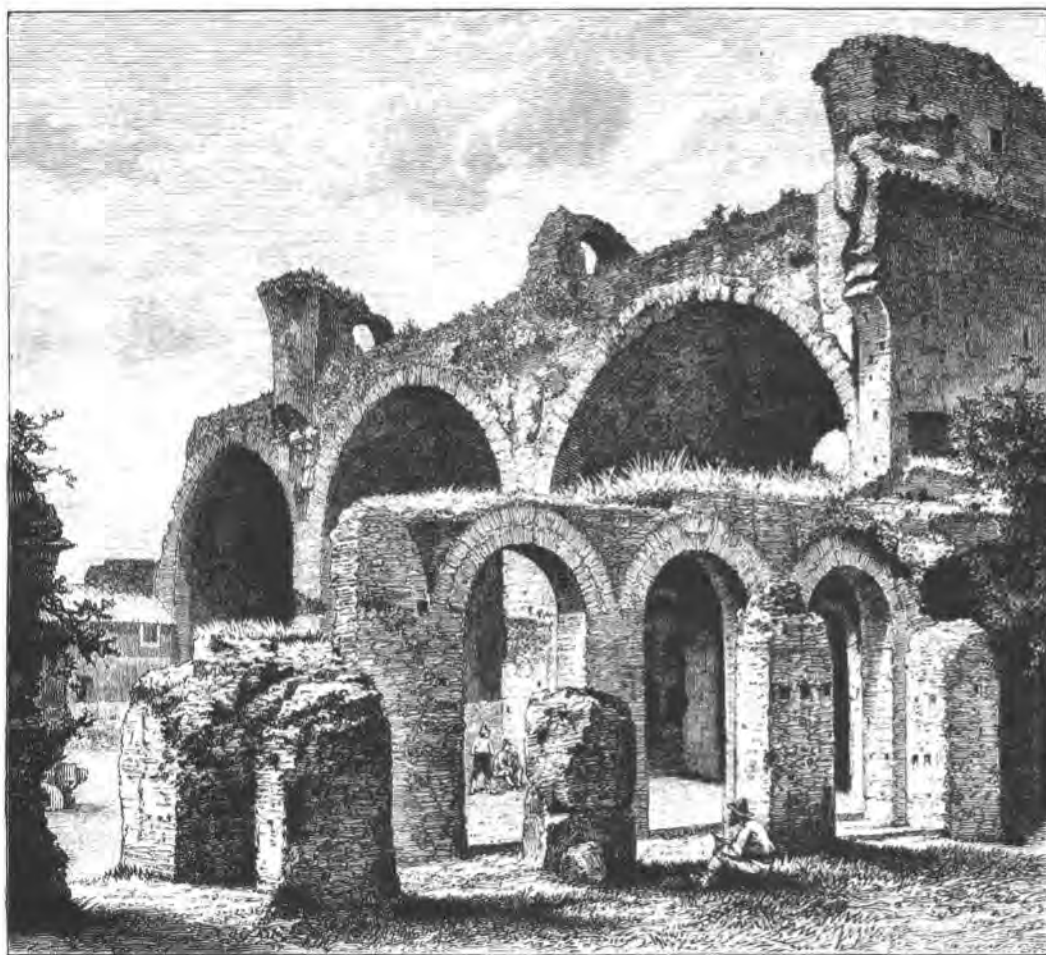
Послѣ суда въ Ефесѣ, гдѣ его дѣло могло страдать отъ мѣстныхъ предубѣжденій, онъ еще разъ могъ найти необходимымъ апеллировать къ кесарю. Марій Соранъ, тогдашній проконсулъ, былъ конечно радъ, какъ въ послѣдствіи Плиній въ Виѳиніи, отправить это дѣло на высшее судилище. Тимофеей естественно выразилъ желаніе сопровождать его, но въ это время апостоль все еще пылкій, все еще сопровождаемый другими друзьями, все еще склонный думать, что его жизнь, которая столь долго была бесполезна для него, могла быть спасена отъ человѣческаго насилія, какъ ни близокъ могъ быть ея естественный конецъ,—считалъ необходимымъ оставить своего друга въ Ефесѣ для противодѣйствія опасностямъ и исполненія обязанностей пастырства, касательно котораго послѣдній недавно получилъ столь много важныхъ назиданій. Естественно, что они должны были разстаться съ глубокою грустью въ это столь опасное и тяжелое время. Ап. Павелъ, сидя въ своемъ скучномъ и уединенномъ заключеніи въ Римѣ, съ благодарностью вспоминаетъ о потокахъ слезъ во время этого прощанія, доказывавшихъ, какъ глубоко чувствовалась сыномъ его сердца его привязанность къ нему. Во всѣхъ его странствованіяхъ, при всякой болѣзни, во всѣхъ гоненіяхъ, во всѣхъ его тюремныхъ заключеніяхъ, при всѣхъ его частыхъ и горькихъ невзгодахъ, неизмѣнною отрадой для него, постояннымъ утѣшеніемъ, постоянною земною радостью было для него благородное сотоварищество, вѣрная преданность, неизмѣнная любовь этого ликаонійскаго юноши. Ради ап. Павла, ради Евангелія, онъ оставилъ свою мать, свой домъ, друзей своего отца, и съ радостью отдался тяжелой жизни презрѣннаго и гонимаго миссіонера. Грекъ по происхожденію, онъ по обрѣзанію соединилъ свою долю съ іудеемъ, по вѣрѣ—съ христіаниномъ; и его высокой наградой на землѣ была не тѣнь безсмертной чести, но сущность возвышеннаго служенія въ дѣлѣ истины, которой суждено было покорить себѣ весь міръ. Тѣсное содружество между нимъ и апостоломъ началось въ духовномъ сыновствѣ обращенія и закрѣплялось общеніемъ надеждъ и опасностей, пока оно не сдѣлалось одною изъ самыхъ сильныхъ связей въ жизни. Въ теченіе тяжелыхъ лѣтъ невзгодъ они утѣшали другъ друга въ скорбяхъ среди самыхъ тяжелыхъ трудовъ. Самое различіе въ ихъ возрастѣ, самое несходство въ характерахъ дѣлали ихъ взаимную любовь еще болѣе священной и болѣе глубокою. Пылкій, порывистый, властный характеръ

и неотступная настойчивость одного находили свое завершение и успокоение въ робкомъ, уступчивомъ, застѣнчивомъ характерѣ другаго.

Можно надѣяться, что апостолъ, сдѣлавшись опять узникомъ, былъ не одинъ, когда онъ оставилъ Ефесъ для того, чтобы въ послѣдній разъ переплыть Средиземное море. Изъ Никополя его вѣроятно сопровождали Титъ и Тихикъ²³⁵⁸); Димасъ могъ присоединиться къ нему въ Фессалоникѣ, Лука въ Филиппахъ, и Трофимъ, неустрашенный прежними опасностями въ Іерусалимѣ, выразилъ желаніе сопровождать его изъ Іонійской столицы. Но добрыя намѣренія послѣдняго не осуществились, такъ какъ онъ заболѣлъ въ Милетѣ, и тамъ маленькая община христіанъ должна была со скорбію оставить его, когда корабль отправился въ путь²³⁵⁹). Ерастъ, если только онъ находился съ нимъ въ Ефесѣ, оставилъ ихъ, когда они достигли его роднаго Коринѳа.

О подробностяхъ этого путешествія мы ничего не знаемъ. Очень возможно, что оно направлялось изъ Ефеса въ Кенхреи чрезъ Діолкъ въ Лехейскій заливъ и затѣмъ вдоль Коринѳскаго залива и чрезъ Адриатическое море въ Брундузію откуда узникъ, его сторожа и его спутники направились сухимъ путемъ по большой Аппіевой дорогѣ въ Римъ. На этотъ разъ никакіе ученики не встрѣтили его въ Арріи Еогит или Трехъ Тавернахъ, и вообще не случилось ничего такого, что бы требовало особаго мужества ап. Павла. Ужасное Нероново гоненіе подавило, разсѣяло и быть можетъ въ большинствѣ уничтожило малую христіанскую общину; а іудеи, которые принимали ап. Павла во время его перваго тюремнаго заключенія съ видимымъ равнодушіемъ, превратились съ того времени—частію несомнѣнно вслѣдствіе слуховъ, разсѣваемыхъ эмиссарами изъ Іерусалима, а частію вслѣдствіе взаимныхъ обвиненій послѣ пожара въ Римѣ—въ ожесточеннѣйшихъ и нахальнѣйшихъ враговъ. При прежнемъ случаѣ, послѣ короткой задержки въ преторіанской казармѣ, ап. Павлу позволено было жить въ своемъ собственномъ помѣщеніи, и даже если оно находилось на самыхъ убогихъ окраинахъ Трастевера среди іудейскихъ продавцевъ сѣрныхъ спичекъ и разбитой посуды²³⁶⁰), то все-таки оно было собственное и давало ему возможность, конечно въ ограниченномъ кругу, продолжать свои труды миссіонерской проповѣди. Но теперь христіанство подозрѣвалось въ политическихъ цѣляхъ и поэтому практически было низведено на степень *religio illicita*. Въ это время у апостола уже не было благорасположеннаго Лизія, который бы могъ замолвить за него доброе слово, не было дружескихъ свидѣтельствъ Феста или Агриппы въ его пользу. Правленіе Нерона, худое почти съ самаго начала, ухудшалось изъ года въ годъ съ тревожною быстротою, и въ это время оно представляло зрѣлище ужасной жестокости и страшнаго паденія, какое рѣдко бывало въ цивилизованномъ мірѣ. Въ то время, когда высокій постъ преторіанскаго префекта занималъ честный солдатъ въ родѣ Бурра, политическій узникъ могъ по крайней мѣрѣ быть увѣренъ, что съ нимъ не будутъ обращаться съ безумною жестокостью; но чего можно было ожидать,

когда эту должность занималъ Тигеллинъ,—тотъ Тигеллинъ, грязныя руки котораго еще были обогреты христіанскою кровію и гнусная жизнь котораго была запятнана всевозможными видами мерзости и порока? Въ это послѣднее тюремное заключеніе апостола, прежде чѣмъ окончательно падеть завѣса надъ нимъ, мы можемъ проникнуть только однимъ взглядомъ, но этотъ взглядъ съ достаточною

Базилика св. Константина въ Римѣ.

показываетъ намъ, какъ жестоко было оно. Среди быть можетъ еще чернѣющихъ развалинъ города и вопіющей бѣдственности его обитателей, среди быть можетъ многихъ яростныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на ненавистнаго христіанина, Павла вели къ его темницѣ, и тамъ, когда дверь захлопнулась за нимъ, онъ сидѣлъ закованный въ цѣпи денно и ночью, не имѣя уже ни малѣйшей надежды на будущее, сидѣлъ какъ завѣдомо осужденный на смерть.

Посѣщать его теперь уже не значило болѣе посѣщать человѣка, противъ котораго не было никакихъ серьезныхъ обвиненій и который производилъ самое благопріятное впечатлѣніе на лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Это значило посѣщать человѣка, носившаго имя, которое ненавидѣли императоръ и его приближенные; это значило посѣщать коновода тѣхъ, на которыхъ указывали какъ на виновниковъ бѣдствія гораздо болѣе ужаснаго, чѣмъ какое когда либо обрушивалось на городъ со времени разрушенія его галлами. Просто быть добрымъ къ такому человѣку значило навлекать на себя позоръ и подозрѣніе. Этого нельзя было сдѣлать, не подвергаясь грубымъ оскорбленіямъ со стороны солдатъ ²³⁶¹). Мало того, это могло повлечь за собою прямую политическую опасность. Римъ кипѣлъ шпионами, которые готовы были обвинять всякаго въ оскорбленіи величества при всякомъ возможномъ случаѣ. А кто кромѣ христіанина могъ посѣщать христіанина? Какой почтенный гражданинъ могъ имѣть дѣло съ самымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ вѣры, которую сначала съ презрѣніемъ игнорировали, но которую даже спокойные и образованные люди начинали считать оскорбленіемъ человѣчества ²³⁶²)? И если какой нибудь христіанинъ былъ обвиняемъ въ приверженности къ христіанству на томъ основаніи, что онъ посѣщалъ ап. Павла, то какъ онъ могъ оправдываться въ этомъ обвиненіи и какъ, не опровергнувъ его, могъ избавиться отъ страшной опасности?

При такихъ обстоятельствахъ положеніе апостола было совершенно отличнымъ отъ того, въ какомъ онъ находился три года предъ тѣмъ. Въ то время друзья его имѣли свободный доступъ къ нему, и онъ могъ учить о Христѣ Иисусѣ съ полною смѣлостью и невозбранностью. Теперь лишь немногіе или даже никто изъ его друзей не могли посѣщать его, а учить объ Иисусѣ Христѣ значило навлекать на себя вѣрную смерть. Онъ слишкомъ хорошо зналъ человѣческое сердце, чтобы не понимать, какъ естественно большинство людей должны были избѣгать общенія съ нимъ и участія въ его узахъ. Одинъ за другимъ его азіатскіе друзья стали оставлять его ²³⁶³). Первыми оставили его Фигеллъ и Ермогенъ ²³⁶⁴). Затѣмъ искушенія настоящаго положенія дѣла, прелесть свободной и безопасной жизни увлекли Димаса, и онъ также, послѣ долгаго сотоварищества, теперь оставилъ его. Крискентъ отправился быть можетъ по какому нибудь необходимому миссіонерскому дѣлу къ церквамъ Галатіи, а Титъ—къ церквамъ Далматіи. Тихика онъ самъ отправилъ въ Ефесъ не задолго предъ тѣмъ, какъ написать это посланіе. Съ нимъ остался только одинъ другъ—возлюбленный врачъ, преданный, скромный, образованный Лука ²³⁶⁵). Жестокость положенія ничего не значила для ап. Павла; вся его жизнь состояла изъ безконечныхъ жестокостей, и онъ научился совершенно обходиться безъ всякихъ внѣшнихъ удобствъ; но въ положеніи человѣка, подверженнаго постояннымъ мукамъ, остаться совершенно безъ всякихъ сотоварищей было бы испытаніемъ, которое было слишкомъ тяжело сносить даже и для ап. Павла.

Одно счастливое неожиданное посѣщеніе нарушило тяжесть его одиночества и утѣшило его среди скорбей. Въ Римѣ прибылъ добросердечный ефесянинъ Онисифоръ, который уже выдавался среди христіанъ своего родного города по своей необычайной добротѣ. Онъ зналъ, что ап. Павелъ находился гдѣ-то въ этомъ городѣ въ качествѣ узника и рѣшился стать выше боязливаго себялюбія своихъ соотечественниковъ: онъ отправился искать апостола, и въ городѣ, переполненномъ узниками, при правительствѣ, готовомъ съ самою циническою беззастѣнчивостію привязываться къ каждому подозрѣнію, было отнюдь не безопаснымъ дѣломъ искать безвѣстнаго, престарѣлаго и глубоко огорченнаго узника. Если бы Онисифоръ былъ менѣе преданъ апостолу, то ему легко было бы найти извиненіе въ глазахъ другихъ христіанъ и предъ своею собственною совѣстью, что онъ не зналъ, гдѣ находился ап. Павелъ, что онъ искалъ его, но нигдѣ не могъ найти. Но онъ не хотѣлъ оставить своихъ усердныхъ поисковъ, пока не найдетъ апостола ²³⁶⁶). Да онъ и не удовольствовался однимъ посѣщеніемъ. Будучи радъ выносить позоръ и презрѣніе ради своего искренняго дружескаго къ узнику, положеніе котораго было такъ жестоко, онъ нѣсколько разъ приходилъ къ апостолу и ободрялъ его душу тѣмъ самымъ утѣшеніемъ—чувствомъ человѣческаго сочувствія,—котораго больше всего жаждала душа его ²³⁶⁷). Смерть этого истиннаго и добросердечнаго ефесянина, вѣроятно, случилась въ Римѣ, такъ какъ ап. Павелъ выражаетъ пламенное желаніе, чтобы онъ могъ найти милость Господню въ великій день, и въ посланіи къ Тимофею онъ посылаетъ привѣтствіе его семейству, а не ему самому (2 Тим. iv, 19). Тонъ необычайной благодарности, которымъ дышатъ эти немногіе стихи, гдѣ апостолъ намекаетъ на него, даетъ намъ чувствовать, что мужественная и любящая дружба этого истиннаго брата, въ противоположность трусливому духу другихъ азіатцевъ, была самымъ яркимъ лучемъ свѣта, который только падалъ на глубокій мракъ его втораго тюремнаго заключенія въ Римѣ.

Наконецъ настало время, когда апостолъ долженъ былъ предстать предъ великимъ римскимъ трибуналомъ. Наступило то, что въ римскомъ законѣ называлось *prima actio* ²³⁶⁸). Св. писаніе писалось не съ тою цѣлію, чтобы удовлетворять наше любопытство подробностями историческихъ сценъ, какъ бы онѣ ни были знамениты или важны. То, что Богъ открываетъ намъ въ писаніи, есть скорѣе домостроительство Его предвѣчнаго плана спасенія человѣчества, чѣмъ полное жизнеописаніе тѣхъ, которые сподобились славы и чести служенія Его намѣреніямъ. Съ какимъ живымъ интересомъ мы конечно прочитали бы подробности этого процесса, но ап. Павелъ передаетъ намъ только единственную частности. Его молчаніе еще разъ показываетъ неизмѣримое различіе между древней и новѣйшей перепиской. Въ настоящее время въ письмѣ къ другу всякій конечно передалъ бы нѣсколько подробностей, въ увѣренности, что онѣ не могутъ не интересоваться его. Въ данномъ случаѣ эти подробности могли быть конечно переданы тѣми,

съ кѣмъ было отправлено письмо. Можетъ быть и такъ; но если судить объ ап. Павлѣ по его собственнымъ посланіямъ и по аналогіи съ другими великими, духовно-настроенными людьми, то мы должны заключить, что многія дѣла этого рода лишь мало интересовали его. Часто ссылаясь на свои высокія духовныя преимущества, постоянно указывая на фактъ своего особаго апостольства, ап. Павелъ однако же очень мало и никогда въ подробности не говоритъ о внѣшнихъ событіяхъ своей жизни. Они относились къ преходящему зрѣлищу міра, къ тому, что являлось и исчезало. Двумя только живыми чертами раскрываются предъ нами обстоятельства дѣла. Одна изъ нихъ есть тотъ плачевный фактъ, что у него не оказалось ни одного друга, который бы имѣлъ достаточно смѣлости выступить рядомъ съ нимъ на защиту общаго дѣла. Онъ долженъ былъ защищаться самъ одиноко. Не было при немъ ни *patronus* для ободренія его, ни *advocatus* для защиты его дѣла, ни *deprecator*, который бы замолвилъ слово въ его пользу. «Никого, говоритъ онъ, не было со мною; но всѣ меня оставили. Да не вѣрится имъ!» Но съ другой стороны даже въ этой крайности, предъ лицомъ страшнаго тирана, въ упоръ обращеннымъ на него, при сверканіи топоровъ въ пучкахъ прутьевъ ликторовъ передъ глазами—мужество его не поколебалось. Если люди оставили его, то Богъ укрѣплялъ его. Если даже Лука оставилъ его одного въ судѣ, то съ нимъ былъ самъ Господь. Апостоль говорилъ на судѣ, и говорилъ достойнымъ своего дѣла образомъ. Какой массой языческой литературы охотно пожертвовали бы мы даже за краткій очеркъ этой рѣчи, какой напр. могъ бы намъ дать св. Лука, если-бы только онъ присутствовалъ при этомъ! Сколько величайшаго интереса могло бы заключаться въ защитительной рѣчи, произнесенной ап. Павломъ въ римскомъ форумѣ или въ римской базиликѣ! Увы! отголоски его словъ замерли навсегда. Мы знаемъ о ней лишь то, что передаетъ намъ самъ произнесшій ее. Но онъ передаетъ весьма мало. Онъ чувствовалъ, что Господь укрѣпилъ его, чтобы чрезъ него проповѣдь евангелія могла быть доведена до конца и чтобы всѣ язычники услышали ее. И онъ успѣлъ въ защитѣ своего дѣла, успѣлъ несомнѣнно не просто для того, чтобы продлить свои дни въ бесплодной и безнадежной бѣдственности, но для нѣкоторой высшей цѣли, и быть можетъ между прочимъ для того, чтобы имѣть возможность оставить намъ свои послѣднія драгоцѣнныя думы во второмъ посланіи къ его любезнѣйшему сыну по вѣрѣ. Но опасность все еще угрожала, и неизбѣжный результатъ былъ только отсроченъ. «Я избавился, говоритъ онъ, изъ львиныхъ челюстей». Всякій присяжный засѣдатель получалъ три голосовальныхъ таблички: одну съ буквой А (*absolvo*—признаю невиновнымъ), другую съ буквой С (*condemno*—обвиняю) и третью съ буквами N. 1. (*non liquet*—обвиненіе не доказано). На этотъ разъ большинство голосовъ очевидно было третьяго рода, и результатомъ голосованія было *ampliatio*, т. е. отсрочка суда съ цѣлію приведенія дальнѣйшихъ доказательствъ по дѣлу. Но ап. Павелъ не поддавался какимъ-либо обманчивымъ надеждамъ. «Я изба-

вился изъ львиныхъ челюстей. И избавить меня Господь» — не отъ смерти или опасности, но — «отъ всякаго злаго дѣла ²⁸⁶⁹», и сохранить для своего небеснаго царства». Смерть чрезъ мученичество не была такимъ «злымъ дѣломъ» ²⁸⁷⁰; отъ нея онъ не ожидалъ избавленія, — нѣтъ, онъ зналъ и быть можетъ даже надѣялся, что этими узкими вратами онъ скорѣе всего проникнетъ въ небесное царство Христа. Но ему вѣроятно пришлось пережить нѣсколько опасныхъ и страшныхъ часовъ, такъ какъ иначе онъ едва ли бы употребилъ эту метафору (2 Тим. IV, 17), подсказанную быть можетъ воспоминаніемъ сильнаго образа, употребленнаго пастухомъ-пророкомъ: «какъ иногда пастухъ исторгаетъ изъ пасти львиной двѣ голени или часть уха» ²⁸⁷¹).

Но кто этотъ левъ? Разумѣется ли подъ нимъ сатана (1 Петр. V, 8), или Гелій, префектъ города, или самъ Неронъ ²⁸⁷²? Или это просто лишь общее выраженіе? Даже если и такъ, то все-таки нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ защищалъ свое дѣло передъ самимъ Нерономъ. Право рѣшенія дѣлъ римскіе императоры всегда ревниво удерживали за собою; и если судъ надъ апостоломъ происходилъ весной 66 года, то это было еще до путешествія Нерона въ Грецію, и почти вѣроятно, что онъ могъ лично обратить вниманіе на дѣло человѣка, который больше всѣхъ сдѣлалъ для распространенія имени Христа. Неронъ крайне старался о томъ, чтобы свалить на неповинныхъ христіанъ тяжелую вину въ томъ ужасномъ пожарѣ, въ которомъ онъ подозрѣвался самъ, причемъ одно это подозрѣніе, не будучи отклонено на кого нибудь другаго, могло привести даже къ низверженію его съ императорскаго трона. И вотъ теперь передъ нимъ стоялъ въ оковахъ величайшій изъ христіанъ, самый корифей ненавистной ему секты. Тотъ, для кого популярность, подорванная отчасти ужасающими преступленіями и пороками, стала дѣломъ чрезвычайной важности, видѣлъ, какъ дешево онъ могъ бы возстановить ее, принеся съ жертву болѣзненнаго, покинутаго всѣми, престарѣлаго узника, за котораго никто не замолвитъ добраго слова и къ которому, очевидно, относились съ крайнею ненавистью язычники изъ Азіи, столичная чернь и іудеи со всѣхъ концовъ свѣта. Цицеронъ передаетъ намъ живописную картину того, какъ около полутора вѣка предъ тѣмъ огромная толпа іудеевъ съ криками, воплями и отчаянными жестами, оттѣснивъ солдатъ и ликторовъ, окружила трибуналъ, гдѣ разбиралось дѣло ихъ притѣснителя Флакка, и своими угрозами до того устранила всѣхъ, что самъ онъ, какъ адвокатъ обвиняемаго, будучи притомъ такимъ высокопоставленнымъ лицомъ какъ римскій консулъ и «отецъ своего отечества», вынужденъ былъ произносить свою защитительную рѣчь пониженнымъ голосомъ — изъ боязни ихъ отчаянной ярости. Если въ 89 г. до Р. Х. римскіе іудеи вслѣдствіе своего озлобленія на Флакка могли навести такой страхъ даже на Цицерона, то вѣроятно ли, чтобы они воздержались отъ враждебныхъ демонстрацій противъ столь ненавистнаго имъ и въ то же время столь беззащитнаго своего врага, какимъ былъ въ то время ап. Павелъ?

Ап. Павелъ передъ Нерономъ!.. Если это было дѣйствительно такъ, то какой контрастъ представляетъ это сопоставленіе двухъ такихъ характеровъ, — изъ которыхъ одинъ порочнѣйшій и гнуснѣйшій, а другой лучшій и святѣйшій въ чело-вѣчествѣ! Тутъ мы поистинѣ видимъ лицомъ къ лицу двѣ расы, двѣ цивилизаціи, двѣ религіи, двѣ исторіи и двѣ міровыхъ *эпохи*. Неронъ представлялъ въ своемъ лицѣ могущество легіоновъ, повидимому непобѣдимыхъ; ап. Павелъ олицетворялъ ту еще болѣе непреодолимую немощь, которая потрясла міръ. Одинъ представлялъ собою вѣнецъ и цвѣтокъ пышнаго порока и преступнаго блеска; другой — земную бѣдственность блаженнѣйшихъ святыхъ Божіихъ. Въ одномъ мы видимъ воплощенную Немезиду или кару за прошлую преступность; въ другомъ славный образецъ христіанской святости. Одинъ былъ обоженнымъ самодержцемъ языческаго міра; другой — смиреннымъ посланникомъ Христа. Діадема императора теперь впервые стала лицомъ къ лицу съ крестомъ жертвы, предъ которымъ менѣе чѣмъ чрезъ три вѣка она должна была смиренно уступить.

Неронъ, не имѣя еще и тридцати лѣтъ отъ роду, былъ уже запятнанъ всевозможными пороками преступленіями и по горло утопалъ въ мерзости самаго гнуснаго разврата. Изъ всѣхъ гнусныхъ и смертныхъ грѣховъ, противъ которыхъ, какъ часто напоминаетъ своимъ языческимъ обращенцамъ ап. Павелъ, всегда пылаетъ гнѣвъ Божій, едва ли оставался хоть одинъ, въ которомъ не былъ бы виновенъ Неронъ. Безобразный грабитель, безжалостный деспотъ, интриганъ, отравитель, убійца, матереубійца, лжецъ, трусъ, пьяница, обжора, гнусный, невыразимо грязный и омерзительный развратникъ, о низкой натурѣ котораго даже язычники говорили, что она составляетъ «смѣсь крови и грязи», искалъ чудовищныхъ средствъ для утомленія, если уже не утоленія своей ненасытной склонности къ пороку. Это былъ наихудшій образецъ челоуѣческаго нечестія, челоуѣкъ, который, не довольствуясь всѣми существующими формами порока и грѣха, какими только когда-либо пятнала себя челоуѣческая природа, сдѣлался «изобрѣтателемъ злыхъ дѣлъ». Онъ похитилъ тронъ; онъ отравилъ, подъ маской нѣжной любви, благороднаго мальчика, который былъ законнымъ наслѣдникомъ римскаго престола; онъ женился на сестрѣ этого мальчика съ единственною цѣлію измучить ее своимъ звѣрствомъ и наконецъ отдать приказъ умертвить ее; онъ сначала самъ составилъ, а затѣмъ приказалъ исполнить — планъ убійства своей родной матери, которая, при всей своей собственной преступности, совершала однакоже большинство своихъ преступленій изъ любви къ нему; онъ вѣроломно погубилъ великаго полководца, побѣды котораго дали хоть какой-либо блескъ его царствованію; среди другихъ убійствъ, перечислять которыя было бы слишкомъ долго, онъ приказалъ умертвить храбраго воина и блистательнаго философа, которые старались хоть сколько нибудь сдерживать его распутное и нетерпимое сердце; онъ опозорилъ императорскій авторитетъ всѣми видами удручающей и чудовищной глупости; красоту юности и естественное достоинство

возмужалости онъ проволочилъ въ самой омерзительной грязи; онъ убилъ пинкомъ недостойную, но красивую женщину, которую онъ отнялъ у мужа, чтобы сдѣлать ее своей второй женой; онъ превратилъ въ пепелъ свою собственную столицу; фиглярствовалъ, игралъ и пѣлъ своимъ хриплымъ голосомъ въ публичныхъ театрахъ, не обращая вниманія на бѣдственность и голодъ тысячъ ея разоренныхъ гражданъ; онъ свалилъ свою вину въ пожарѣ на неповинныхъ христіанъ, и сотнями замучивалъ ихъ до смерти самыми ужасными видами мученичества; онъ сдѣлалъ все возможное для него, чтобы обезславить свое положеніе, свою страну, своихъ предковъ, самое имя римлянина, и наконецъ — даже имя человѣка вообще.

А ап. Павелъ всю свою жизнь провелъ въ распространеніи истины и водвореніи святости. Будучи съ самаго дѣтства серьезнымъ и ревностнымъ изслѣдователемъ закона Божія, онъ превосходилъ ученостью и преданностью всѣхъ другихъ «учениковъ мудрыхъ» въ школѣ величайшаго законника; и если стремительная пылкость его натуры и самая обыкновенная немощъ даже возвышеннѣйшихъ умовъ, — именно гордость ложнаго убѣжденія, не терпящаго сознанія въ заблужденіи, — на-время направили его на путь безпощадной нетерпимости, въ которой онъ въ послѣдствіи раскаявался со всею пылкостью своей натуры; то даже и этотъ грѣхъ проистекалъ у него изъ слѣпой, ложно направленной ревности къ дѣлу, которое онъ принималъ, или по крайней мѣрѣ на время думалъ, что принималъ — за дѣло Божіе. Кто первымъ бросить въ него камень? Не бросятъ даже и тѣ ученые и великіе мужи, вся обыденная жизнь которыхъ показываетъ, какъ трудно отречься отъ престола непогрѣшимаго невѣжества, и послѣ жизни зауряднаго заблужденія смиренно идти учиться въ школу истины. Но если онъ и заблуждался на-время, зато какъ величественно, какою жизнью геройскаго самопожертвованія онъ искупилъ свою вину! Кто изъ людей потрудился такъ, какъ потрудился этотъ человѣкъ? Поднимался ли когда кто-либо до болѣе благородной высоты надъ заурядными предметами человѣческихъ желаній? Посвящалъ ли когда-либо человѣкъ полнѣе и безропотнѣе всю свою жизнь Богу? Удавалось ли когда-либо какому-нибудь другому человѣку, не смотря на всѣ испытанія, препятствія, гоненія, вопреки скрежету зубовъ всякаго сопротивленія, добиться столь полнаго совершенія божественнаго, порученнаго его попеченію, дѣла? Устраняясь отъ всякой враждебности съ теплою чувствительностью натуры, всегда жаждущей человѣческой любви, онъ однакоже смѣло выступалъ противъ ненависти и вражды всякаго рода, — ненависти не только враговъ, но и друзей, не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыхъ партій; не только чужеземцевъ, но и своихъ собственныхъ соплеменниковъ; не только іудеевъ, но даже тѣхъ, которые исповѣдывали одну и ту-же вѣру съ нимъ²³⁷³). Съ робкою чувствительностью страпаша всякаго страданія, онъ однакоже въ теченіе двадцати лѣтъ вынесъ всевозможныя формы мучительнаго страданія въ своемъ ослабленномъ непрестанными трудами и невзго-

дами тѣлѣ. Многочисленные опасности и невзгоды, описанные нами, составляютъ только часть того, что претерпѣлъ онъ. А что онъ сдѣлалъ? Онъ обезпечилъ торжество, установилъ вселенскость, создалъ языкъ, упорядочилъ доктрины, превозмогъ препятствія на пути къ той вѣрѣ, которая есть существенный источникъ надежды, любви и нравственнаго возвышенія міра.

И вотъ эти два человѣка были поставлены лицомъ къ лицу—императорское могущество и апостольская немощь; юность растлѣнная порочностью, и старость увѣнчанная святостію; тотъ, вся жизнь котораго была возрастающимъ грѣхопаденіемъ, и тотъ, жизнь котораго совершила освобожденіе человѣчества. Они стояли лицомъ къ лицу какъ представители двухъ расъ—семитической во всемъ ея славномъ блескѣ, аріійской—во всемъ ея ужасающемъ паденіи; какъ представители двухъ системъ воспитанія—жизни полнаго самопожертвованія и жизни неизмѣримаго самоулаженія; какъ представители двухъ религій—христіанства въ его ярко разгорающейся зарѣ и язычества въ его изможденномъ отчаяніи; какъ представители двухъ теорій жизни—простоты, самоотверженнаго терпѣнія, готоваго самую душу положить на благо другихъ, и роскоши безстыднаго идонизма, который ни во что не ставилъ всякія божескія или человѣческія начала въ сравненіи съ новой формой грубощувственнаго наслажденія; какъ представители двухъ духовныхъ силъ—рабъ Христа и воплощеніе антихриста. И ихъ сравнительное положеніе показывало, насколько въ это время ходъ міра сего находился подъ дѣйствіемъ князя силы воздушныя, такъ какъ гнусность и матереубійство были одѣты въ пурпуръ и возсѣдали на царственномъ тронѣ среди эмблемъ безпредѣльнаго блеска и неограниченной власти; а тотъ, вся жизнь котораго представляла все, что есть великаго и благороднаго въ сердцѣ человѣческомъ, стоялъ въ опасности смертной казни—презираемый, ненавидимый, въ оковахъ и лохмотьяхъ.

Но римскій законъ всетаки еще былъ римскимъ закономъ, такъ что исключая отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ вмѣшивались до крайности необузданныя страсти, все еще оказывалось нѣкоторое уваженіе къ формамъ справедливости. На-время, по крайней мѣрѣ, ап. Павелъ избавился отъ пасти львиной. Могъ оказаться какой-нибудь проболъ въ обвинительномъ актѣ или какой-нибудь недостатокъ въ доказательствахъ; и хотя ап. Павелъ хорошо зналъ, что это лишь отсрочка окончательнаго рѣшенія его участи, онъ всетаки на-время опять былъ отосланъ въ свою темницу. И Неронъ, если только онъ разумѣется подо «львомъ», предъ которымъ происходилъ этотъ первый судебный отвѣтъ великаго апостола, не имѣлъ уже болѣе случая для своего покаянія въ этой жизни. Не трепеталъ ли онъ, когда ап. Павелъ говорилъ ему объ умѣренности, праведности и грядущемъ судѣ? Не съ тревогой ли онъ слушалъ все это, какъ слушалъ Иродъ Антипа суровыя рѣчи Іоанна Крестителя? Не обнаружилъ ли онъ хоть тѣни мимолетной краски стыда на своемъ обрюзгомъ лицѣ, обезображенномъ слѣдами гнусной страсти, какъ

покраснѣлъ на констанцскомъ соборѣ императоръ Сигизмундъ, когда Іоаннъ Гуссъ укорялъ его въ нарушеніи даннаго имъ слова? Императоръ, который ближе всѣхъ по гнусному распутству стоялъ къ Нерону и, подобно ему самъ будучи невыразимо грязнымъ и безнравственнымъ, былъ глубоко убѣжденъ, что всѣ люди въ сущности таковы же, обыкновенно обращался къ серьезнымъ людямъ съ самыми оскорбительными вопросами, и если негодующая кровь у кого бросалась въ лицо, то онъ обыкновенно восклицалъ: *Erubuit, salva res est*— «покраснѣлъ, значитъ все ладно» ²⁸⁷⁴). Но о Домиціанѣ прямо говорится, что онъ *не могъ* краснѣть, что его пылавшія щеки были непроницаемой броней для всякаго приступа стыда ²⁸⁷⁵). И Неронъ, по всей вѣроятности, ушелъ уже слишкомъ далеко, чтобы краснѣть. Гораздо болѣе вѣроятно, что онъ подобно Галліону слушалъ защитительную рѣчь изможденнаго и престарѣлаго апостола-іудея только съ худо скрываемымъ нетерпѣніемъ и глубочайшимъ презрѣніемъ, смотря на такого человѣка какъ на болѣе презрѣнную вещь, чѣмъ самый прахъ подъ его ногами. Онъ могъ только предполагать, что ап. Павелъ считалъ для себя величайшимъ счастьемъ самую честь хотѣ подышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ съ императоромъ Рима. Больше ему уже не представлялось случая послушать словъ истины. Около этого времени онъ отправился въ свою легкомысленную экспедицію въ Грецію; и затѣмъ, почти до невѣроятной степени опозоривъ и самое имя римлянина публичнымъ пѣніемъ своихъ жалкихъ самодѣльных куплетовъ и призрачными побѣдами, которыми ловкіе и безстыдные греки одурачили его до самой маковки, онъ по возвращеніи въ Римъ нашелъ, что мятежъ Гальбы получилъ полную силу, такъ что онъ принужденъ былъ ночью переодѣтымъ бѣжать изъ своего дворца, утолялъ свою жажду изъ лужи и вообще обнаружилъ такую трусость, что сталъ презрѣннымъ въ глазахъ самыхъ своихъ низайшихъ клеветовъ, и закончилъ тѣмъ, что дрожащей рукой помогъ своему рабу вонзить себѣ въ горло кинжалъ.

Но неудивительно, что когда ап. Павелъ среди развалинъ улицъ, повергнутыхъ пожаромъ въ пепелъ, возвращался въ свою одинокую темницу, у него явилось одно земное желаніе, исполненія котораго онъ все еще жаждалъ. Это—еще разъ повидать дорогаго друга своихъ раннихъ лѣтъ,—тѣхъ лѣтъ, въ которыя при всей тяжести испытанныхъ въ теченіе ихъ страданій надежда на пришествіе Христа во славу судить міръ казалась столь близкой и предзнаменованія тяжелой смерти и, повидимому, полной неудачи всего дѣла еще не тяготѣли надъ его головой. Онъ жаждалъ еще разъ повидѣть Тимоея, освѣжиться сердечною преданностью и благочестіемъ этого молодаго человѣка, ободриться и утѣшиться дружественнымъ общеніемъ этого истиннаго сына во Христѣ, сердце котораго всецѣло билось заодно съ нимъ; побыть съ человѣкомъ, который съ такою полнотою раздѣлялъ его симпатіи и надежды, который изъ долгаго и дружескаго общенія зналъ, какъ лучше всего ободрить его духъ и удовле-

творить его нужды. Это-то именно и заставило его написать второе письмо къ Тимоѳею, которое такъ сказать было его «лебединою пѣснью»; и въ немъ среди многихъ другихъ совѣтовъ и наставленій онъ настоятельно и неоднократно просить своего друга придти къ нему, придти скоро, придти до зимы (2 Тим. IV, 9, 21), придти пока не поздно, повидать его и помочь ему, а также и получить отъ него благословеніе предъ ожидающей его смертью.

Римскій орелъ
(въ Британскомъ музее).

ГЛАВА LVI. ПОСЛѢДНЕЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА.

Да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ. 2 Тим. III, 17.

ПОСТОЛЪ началъ это посланіе своей обычной формой: «Павелъ, волею Божіею ²³⁷⁶) апостолъ Иисуса Христа, по обѣтованію жизни во Христѣ Иисусѣ, Тимоею, возлюбленному сыну, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего. Благодарю Бога, которому служу отъ прародителей съ чистою совѣстію, что непрестанно воспоминаю о тебѣ въ молитвахъ моихъ днемъ и ночью, и желаю видѣть тебя, воспоминаая о слезахъ твоихъ ²³⁷⁷), дабы мнѣ исполниться радости ²³⁷⁸); приводя на память ²³⁷⁹) неліцемерную вѣру твою, которая прежде обитала въ бабкѣ твоей Лойдѣ и матери твоей Евникѣ; увѣренъ, что она и въ тебѣ ²³⁸⁰).

Быть можетъ печаль Тимоѳея, слезы о своемъ отсутствующемъ и заключенномъ въ темницу учителѣ затрудняли его въ дѣятельности и повергали его въ слишкомъ крайнее уныніе; и поэтому ап. Павелъ, напоминая ему о всѣхъ надеждахъ, которыя онъ высказывалъ въ началѣ своего служенія, продолжаетъ:

«По сей причинѣ ²³⁸¹) напоминаю тебѣ возгрѣвать даръ Божій, который въ тебѣ чрезъ мое рукоположеніе. Ибо далъ намъ Богъ духа не боязни, но силы и любви и цѣломудрія ²³⁸²). Итакъ не стыдись свидѣтельства Господа нашего Іисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай съ благовѣстіемъ Христовымъ силою Бога, спасаго насъ, и призавшаго званіемъ святымъ, не по дѣламъ нашимъ, но по своему изволенію и благодати, данной намъ во Христѣ Іисусѣ прежде вѣковыхъ временъ, открывшейся же нынѣ явленіемъ Спасителя нашего Іисуса Христа, разрушившаго смерть, и явившаго жизнь и нетлѣніе чрезъ благовѣстіе, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ и учителемъ язычниковъ. По сей причинѣ я и страдаю такъ; но не стыжусь. Ибо я знаю, въ Кого увѣровалъ, и увѣренъ, что Онъ силенъ сохранить залогъ мой на оный день» (1, 6—12). Послѣ этого двойнаго отступленія, вызваннаго словомъ «благовѣстіе», подсказавшимъ ему, что означаетъ это слово (9, 10), и затѣмъ напомнившимъ ему о его собственной миссіонерской дѣятельности, апостолъ, возвращаясь къ своему увѣщанію, говоритъ: «держишь образца здраваго ученія ²³⁸³), которое ты слышалъ отъ меня, съ вѣрою и любовію во Христѣ Іисусѣ. Храни добрый залогъ Духомъ Святымъ, живущимъ въ насъ» (1, 13, 14). Затѣмъ онъ касается нѣсколько печальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы уже говорили—оставленія его азіатскими обращенцами ²³⁸⁴), а также ревностной ободряющей доброты Онисифора, за котораго онъ возсылаетъ сердечную молитву (1, 15—18).

«Итакъ укрѣпляйся, сынъ мой, въ благодати Христомъ Іисусомъ; и что слышалъ отъ меня, при многихъ свидѣтеляхъ, то передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить. Итакъ переноси страданія, какъ добрый воинъ Іисуса Христа». Условія этого воинства онъ поясняетъ тремя подобіями, взятыми изъ жизни воина, атлета и труженика, чѣмъ несомнѣнно хотѣлъ подсказать Тимоѳею качества, которыя въ этотъ тяжелый періодъ болѣе всего были необходимы для него. Воинъ долженъ оставить всѣ свои житейскія дѣла, чтобъ угодить военачальнику. Атлетъ, если онъ желаетъ получить вѣнецъ, долженъ соблюдать всѣ правила борьбы. *Трудящійся* земледѣлецъ первый долженъ вкусить отъ плодовъ (II, 1—6). Такимъ тонкимъ путемъ онъ внушалъ Тимоѳею обязанности самоотверженія, вниманія къ условіямъ христіанской жизни и напряженнаго труда, и чтобы онъ не упустилъ изъ вида значенія этихъ уподобленій, апостолъ прибавляетъ: «разумѣй, что я говорю. Да дастъ ²³⁸⁵) тебѣ Господь разумѣніе во всемъ». Примѣромъ своихъ собственныхъ страданій онъ напоминаетъ ему, что главныя истины Евангелія достаточны для того, чтобы вдохновлять терпѣніе и трудъ.

«Помни», говоритъ онъ, «Господа Иисуса Христа, отъ сѣмени Давидова, воскресшаго изъ мертвыхъ, по благовѣствованію моему, за которое я страдаю даже до узъ, какъ злодѣй; но для слова Божія нѣтъ узъ. Посему я все терплю ради избранныхъ, дабы и они получили спасеніе во Христѣ Иисусѣ съ вѣчною славою. Вѣрно слово:

«Если съ Нимъ мы умерли, то съ Нимъ и оживемъ» ²³⁸⁶).

«Если терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ;

«Если отречемся, и Онъ отречется отъ насъ.

«Если мы невѣрны, Онъ пребываетъ вѣренъ;

«Ибо Себя отречься не можетъ» ²³⁸⁷).

«Сіе напоминай»; и съ этого стиха до конца главы апостолъ обращается къ ложнымъ учителямъ, между которыми трудился Тимофей и противъ которыхъ онъ предостерегалъ его въ первомъ посланіи, «заклиная предъ Господомъ, не вступать въ словопренія, что ни мало не служить къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ» ²³⁸⁸); «старайся представить себя Богу достойнымъ, дѣлателемъ неукоризненнымъ» ²³⁸⁹), вѣрно преподающимъ слово истины». Онъ долженъ удалиться непотребнаго пустословія людей, въ родѣ Именея и Филита ²³⁹⁰), съ ихъ возрастающимъ нечестіемъ и распространяющимся заблужденіемъ ихъ ученія, которое отождествляло воскресеніе съ духовнымъ освобожденіемъ отъ смерти грѣха и отрицало всякое другое воскресеніе ²³⁹¹), къ пагубному разрушенію вѣры другихъ, хотя и безплодно, «потому что твердое основаніе Божіе стоитъ съ двойною надписью на себѣ (сн. Откр. ххi, 14): «позналъ Господь своихъ» и: «да отступить отъ неправды всякій, исповѣдающій имя Господа» (сн. Числ. хvi, 5, 26). Однако же не нужно удивляться, что такіа заблужденія возникаютъ въ видимой церкви. Она подобна большому дому, въ которомъ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни въ почетномъ, а другіе въ низкомъ употребленіи. Все, что каждый долженъ дѣлать, это очистить себя отъ всякой оскверняющей связи съ худыми и низкими сосудами и стараться быть «сосудомъ въ чести, освященнымъ и благопотребнымъ Владыкѣ, годнымъ на всякое доброе дѣло» ²³⁹²). Поэтому онъ долженъ убѣгать юношескихъ похотей ²³⁹³), а держаться правды, вѣры, любви и мира, «въ единеніи со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца»; долженъ уклоняться отъ глупыхъ и невѣжественныхъ составаній, способныхъ возбуждать только ссоры, недостойныя кроткаго и терпѣливаго смиренія раба Господня, которому должно быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостію наставляя противниковъ (Матѣ. хп, 19, 20), въ надеждѣ, что Богъ дастъ имъ покаяніе къ познанію истины, «чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю» ²³⁹⁴).

Въ третьей главѣ продолжается рѣчь объ этихъ злыхъ учителяхъ и объ успѣхѣ ихъ ученія въ будущія трудныя времена. Рисуется до суровости

печальная картина того, до чего люди дойдутъ тогда при своемъ самолюбіи, сребролюбіи, гордости, надменности, злорѣчивости, непокорности родителямъ, неблагодарности, нечестіи и недружелюбіи, предательствѣ, безбожіи и сластолюбіи. Апостолъ проситъ Тимоѳея удаляться отъ такихъ учителей съ ихъ лицемѣрной набожностью, ихъ пресмыкающимся интриганствомъ, ихъ гибельнымъ вліяніемъ, такъ какъ они вкрадываются въ дома и обольщаютъ женщинъ ²³⁹⁵), утопающихъ во грѣхахъ, водимыхъ различными похотями, всегда учащихъ и никогда не могущихъ дойти до познанія истины. Они противятся истинѣ, какъ Іанній и Іамврій, древніе египетскіе чародѣи ²³⁹⁶), противились Моисею. Но они немного успѣютъ, ибо ихъ безуміе обнаружится предъ всѣми, какъ случилось и съ тѣми ²³⁹⁷). Но Тимоѳей, который слѣдовалъ всему, чѣмъ былъ ап. Павелъ въ ученіи, стремленіяхъ и страданіяхъ жизни, и хорошо знаетъ, какъ Господь спасалъ его отъ многихъ испытаній и гоненій во время его перваго путешествія ²³⁹⁸), долженъ ожидать преслѣдованія и быть мужественнымъ и стойкимъ, не уподобляясь въ своей жизни обманщикамъ, быть вѣрнымъ воспитанію, полученному еще въ дѣтствѣ въ священныя писанія, которыя могли умудрить его во спасеніе вѣрою въ Христа Іисуса: «такъ какъ все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія ²³⁹⁹), для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ» (ш, 1—17).

Четвертая глава начинается торжественнымъ увѣщаніемъ его исполнять свой долгъ въ качествѣ пастыря «во время и не во время» ²⁴⁰⁰), потому что скоро настанетъ время, «когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху».

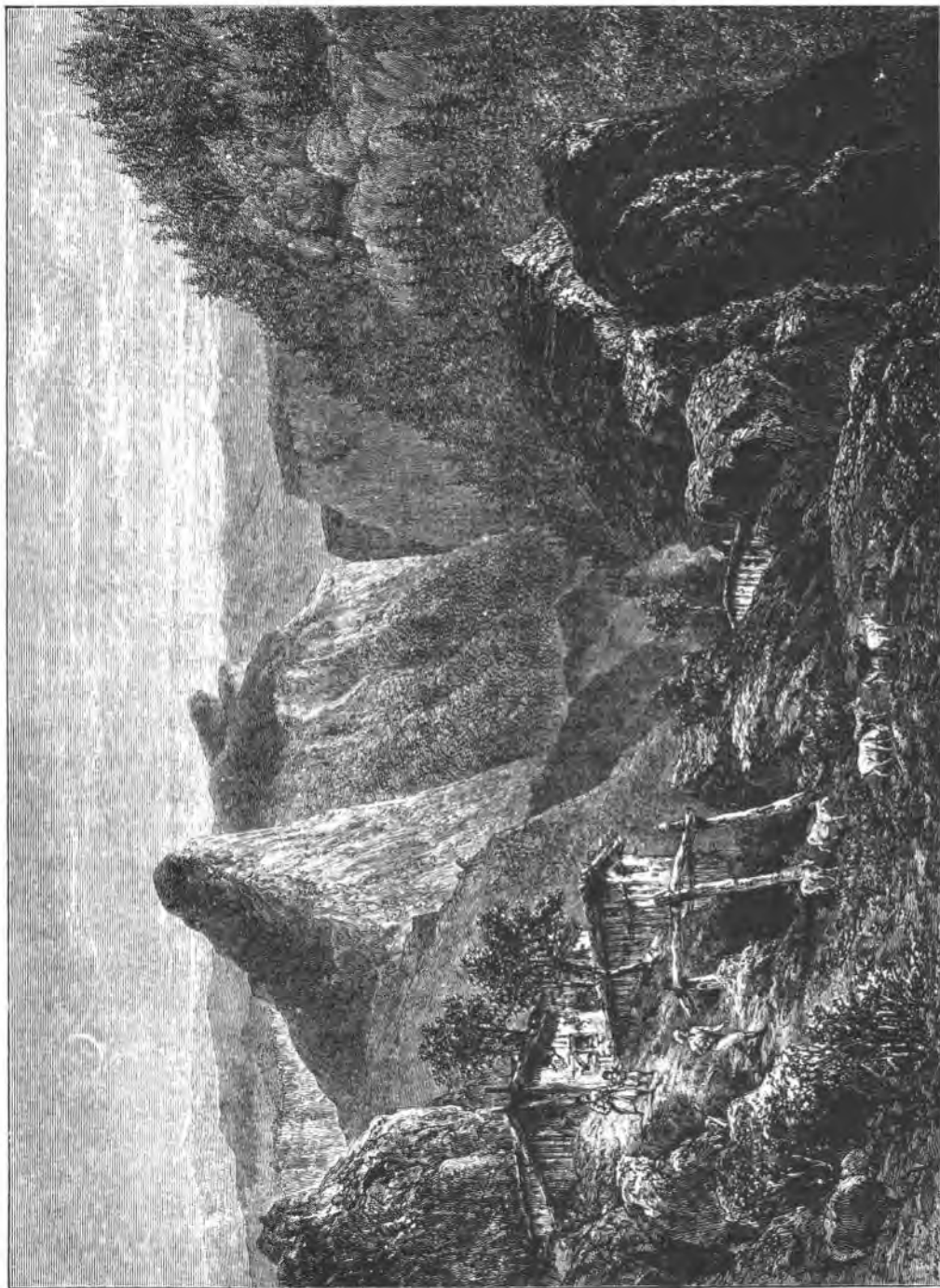
«Но ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествія ²⁴⁰¹) настало. Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день оный; и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его» ²⁴⁰²).

Въ практическомъ отношеніи это послѣднее слово ап. Павла. Остальная часть посланія занимается личными сообщеніями, передаваемыми въ естественномъ, свободномъ, случайномъ порядкѣ частнаго письма, и содержитъ просьбу къ нему, чтобы онъ пришелъ поскорѣй: «постарайся прійти ко мнѣ скоро». Димасъ, Крискентъ, Титъ—всѣхъ ихъ уже не было съ нимъ; Ерастъ сопровождалъ его только до Коринѳа; Трофимъ заболѣлъ въ Милитѣ; оставался только одинъ Лука. Маркъ полезенъ ему для услуженія — быть можетъ потому, что онъ зналъ латинскій языкъ,—и поэтому Тимоѳей долженъ найти его гдѣ нибудь по пути и привести къ нему ²⁴⁰³); Тихикъ уже находился на пути въ Ефесъ ²⁴⁰⁴), такъ что онъ по своемъ прибытіи могъ занять мѣсто Тимоѳея. Тимоѳей долженъ остере-

гаться явной враждебности Александра мѣдника ²⁴⁰⁵). Затѣмъ слѣдуетъ трогательное указаніе на его первый судъ и освобожденіе, о которыхъ мы уже говорили. Привѣтствіе посылается Прискиллѣ, Акиллѣ и дому Онисифора. Еще разъ повторяется просьба: «постарайся прійти до зимы»; если онъ прибудетъ позже, то быть можетъ будетъ уже слишкомъ поздно. «Привѣтствуетъ тебя Еввулъ и Пудъ, и Линъ, и Клавдія, и всѣ братія. Господь Іисусъ Христосъ со духомъ твоимъ. Благодать съ вами. Аминь» ²⁴⁰⁶).

Мы намѣренно опустили одну простую, трогательную просьбу, высказанную случайно и съ неподражаемою естественностью. «Когда пойдешь, принеси фелонь который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги, особенно кожаныя» ²⁴⁰⁷). Стихъ этотъ не разъ подвергался критикѣ какъ слишкомъ обыденный и недостойный высшаго вдохновенія. Но свое мнѣніе о вдохновеніи должно составлять по фактамъ, а не приводить факты въ соотвѣтствіе съ своими теоріями. Даже на этихъ основаніяхъ стихъ этотъ имѣетъ свою собственную цѣну для всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ затемнять божественнаго вдохновенія или искажать истиннаго значенія и святости писанія подставленіемъ невольной непогрѣшимости вмѣсто свободнаго движенія человѣческихъ чувствъ въ душѣ, глубоко подвинутой Святымъ Духомъ Божиимъ. Но даже и въ другомъ отношеніи какъ много потеряли бы мы безъ этого стиха! Какой потокъ свѣта проливаетъ онъ на послѣдніе печальные дни гонимаго апостола! То обстоятельство, что эти необходимыя принадлежности (быть можетъ все, что апостолъ могъ назвать своею собственностью въ этомъ мірѣ) были оставлены въ домѣ Карпа, можетъ, какъ мы видѣли, указывать на внезапный его арестъ или въ Троадѣ, или на пути въ нее. Узнику, котораго влекутъ изъ одного мѣста въ другое недружелюбные стражники, некогда заботиться о своей собственности. Но теперь апостолъ опять нашелъ постоянное мѣстопребываніе, хотя и въ темницѣ, и онъ ясно чувствуетъ, что это пойдетъ для него на всю остальную жизнь. Наступила зима, а зимой въ римской темницѣ, какъ онъ хорошо зналъ по опыту, могло быть очень холодно. Онъ желаетъ поэтому, чтобы ему доставили его старый фелонь. Это была широкая безрукавная одежда, которую можно назвать плащемъ. Быть можетъ ап. Павелъ самъ выткалъ его изъ черной козьей шерсти своей родной области. И такъ какъ апостолъ былъ бѣднымъ человѣкомъ, то несомнѣнно это былъ его старый товарищъ, много разъ намокавшій въ потокахъ Азіи, убѣлявшійся пылью римскихъ дорогъ, забрызгивавшійся пѣною во время кораблекрушенія, когда эвродидонскій ураганъ вспѣнивалъ Адриатическое море. Подъ его теплымъ покровомъ онъ быть можетъ спалъ на леденящихъ фригійскихъ высотахъ подъ звѣзднымъ сводомъ неба, и имъ же онъ, быть можетъ, прикрывалъ свои израненные и трепещущіе члены въ темницѣ въ Филиппахъ. Онъ конечно малоцѣненъ; но теперь старецъ-апостолъ, сидя сгорбившись въ какомъ нибудь мрачномъ холодномъ подвалѣ подъ дворцомъ или на скалистомъ каменномъ полу Туллианума,

Видъ долины рѣки Кидна
(съ верш. Джебеля).

въ виду приближенія зимнихъ ночей, невольно воспоминаетъ о своемъ старомъ плащѣ въ домѣ Карпа и проситъ Тимофея, чтобы онъ принесъ его съ собою. «Принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ, у Карпа». «И книги, особенно кожаныя» ²⁴⁰⁸). Книги—папирусныя книги—немногія конечно, но также бывшія его старыми друзьями. Онъ быть можетъ купилъ ихъ, когда еще учился въ школѣ Гамалиила въ Іерусалимѣ; или онѣ могли быть даны ему его болѣе богатыми обращенцами ²⁴⁰⁹). Папирусныя книги поэтому пусть принесетъ Тимофей, но особенно кожаныя книги—пергаменты. Что же это такое? Быть можетъ между ними былъ дипломъ его на право римскаго гражданства, или это были драгоценныя свитки книгъ пророка Исаи и псалмовъ, а также и малыхъ пророковъ, которыми отецъ или мать снабдили его какъ сокровищемъ въ тѣ отдаленныя счастливыя дни, когда, мало еще думая о всемъ, что могло случиться съ нимъ, онъ игралъ счастливымъ мальчикомъ въ дорогомъ домѣ роднаго Тарса. Скучны и длинны дни, а еще длиннѣе и скучнѣе вечера въ этой римской темницѣ; и поэтому съ какимъ удовольствіемъ онъ почиталъ бы еще разъ, какъ Давидъ и Исаія при своихъ глубочайшихъ невзгодахъ научались, какъ научился и онъ, страдать и мужаться. Просьба такимъ образомъ о старомъ плащѣ и нѣкоторыхъ книгахъ проста, но очень трогательна. Они хоть немного облегчили бы его въ страшно томительной скукѣ этихъ послѣднихъ тяжелыхъ дней. Ему быть можетъ думается, что онъ будетъ имѣть возможность отдать ихъ какъ завѣщаніе при разставаніи самому Тимофею или скромному и преданному Лукѣ, чтобы въ своихъ преданныхъ сердцахъ они вспоминали о немъ, когда море жизни спокойно закроется надъ его безмолвной могилой. Это было бы совершенно подобно тому, какъ столѣтія спустя отшельникъ Антоній завѣщалъ свой плащъ изъ овчинной шкуры архіепископу Аеанасію,—правда, малый даръ, но въ немъ состояло все, что онъ имѣлъ. Какъ же бѣденъ инвентарь имущества апостола! Онъ не стоилъ и сотой доли того, что получалъ какой нибудь шутъ за одну удачную шутку во дворцѣ кесаря, или акробатъ за ловкій пріемъ въ амфитеатрѣ; но промѣнялъ ли бы онъ ихъ на драгоценности авантюриста Агриппы или на пурпуръ ужаснаго Нерона? Нѣтъ, онъ болѣе чѣмъ доволенъ. Его душа радуется въ Богѣ. У него есть плащъ для того, чтобы прикрыться имъ отъ стужи, книги и пергаменты для того, чтобы поучаться и ободряться духомъ; если при немъ будетъ Маркъ, чтобы помогать ему во всемъ, и если, главнѣе всего, придетъ къ нему Тимофей, тогда жизнь прольетъ на него свои послѣдніе свѣтлые лучи; и въ маломъ, какъ и во многомъ, онъ съ благодарностью, даже съ восхищеніемъ будетъ ожидать жертвеннаго изліянія тѣхъ послѣднихъ капель крови своего сердца, богатый и полный потокъ которой въ теченіе многихъ лѣтъ изливался на алтарь Божій въ добровольномъ жертвоприношеніи ²⁴¹⁰).

Въ послѣднихъ словахъ ап. Павла нѣтъ никакихъ жалобъ, нѣтъ никакого ропота, нѣтъ ничего страждущаго или угнетеннаго. Если пастырскія посланія,

и главнѣе всего это именно, не подлинны, необходимо предположить, что они написаны лицомъ, которое не только обладало въ высшей степени совершеннымъ литературнымъ искусствомъ, но также съ изумительною проворливостью проникало въ характеръ и сердце ап. Павла,—Павла, а не обыденныхъ людей, даже необыкновенныхъ великихъ людей. Угасающая жизнь обыкновенно отличается разочарованіемъ, чувствомъ неотразимой тягости, неизбѣжнаго унынія. Мы видимъ его въ Иліѣ, Іоаннѣ Крестителѣ; мы видимъ его въ Маркѣ Авреліѣ и другихъ величавыхъ личностяхъ исторіи. «Все суета! Мы жили, говоря почеловѣчески, почти безцѣльно и бесполезно». «Мы не лучше нашихъ отцевъ». «Ты ли Тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго»? «Я долженъ умереть и народъ скажетъ: мы рады избавиться отъ этого учителя». «Мое повелѣніе выше моихъ собственныхъ силъ». «Люди недостойны той заботы, которую я имѣлъ о нихъ». «Мы должны принимать людей, какъ находимъ ихъ, и не можемъ измѣнять ихъ натуры». Въ такомъ именно родѣ высказывались всѣ эти и многіе другіе великіе люди. Они пришли къ крайнему разочарованію и скорѣе были уже склонны останавливать ревность, охлаждать энтузіазмъ, омрачать тѣнью опытности блистательныя надежды своихъ юныхъ послѣдователей. Если такое чувство разочарованія, такое убѣжденіе, что жизнь слишкомъ тяжела для насъ и что мы не можемъ низвергнуть подавляющей тяжести ея судебъ, можетъ быть извинительнымъ во всякомъ человѣкѣ, то оно можетъ быть извинительно и въ ап. Павлѣ. Какого видимаго успѣха достигъ онъ? Единственно основанія немногихъ церквей, изъ которыхъ большинство уже холодно относились къ нему; въ которыхъ, какъ онъ видѣлъ, его труды постепенно подрывались еретическими учителями; которыя всѣ подвергались страшному испытанію ужасныхъ гоненій. Онъ видѣлъ, что міръ былъ крайне враждебенъ вѣрѣ Христа. Князь міра сего направлялъ противъ креста весь свой разумъ и всю свою силу. Христосъ еще не возвращался, и что же могли дѣлать Его голуби среди змѣй, Его овцы среди волковъ? Самое имя «христіанинъ» теперь считалось однозначущимъ съ названіемъ «преступникъ»; іудей и язычникъ, соединившись подобно водѣ съ огнемъ въ ужасающемъ разрушеніи во время какой нибудь великой бури, съ враждебностью обрушивались на истины, которыя проповѣдывалъ онъ. А чего достигъ онъ лично? Богатства? Но онъ даже въ хлѣбѣ насущномъ зависѣлъ отъ случайныхъ даровъ другихъ. Силы? Въ его тягчайшей нуждѣ у него остался всего лишь одинъ преданный другъ. Онъ горькимъ опытомъ узналъ, какъ мало было людей, которые не стыдились признаваться въ своемъ знакомствѣ съ нимъ во время его бѣдственнаго положенія. И теперь, послѣ всего этого, послѣ всего, что онъ перенесъ, и всего, что онъ сдѣлалъ, каково было его положеніе? Онъ былъ одинокій узникъ, какъ злодѣй ожидающій смерти. Какія же земныя блага принесли ему его долгія страданія и долгіе труды его жизни? Всего одинъ старый плащъ и нѣсколько книгъ! И однако же въ какомъ настроеніи духа пишетъ онъ къ Тимоѳею? Жалуется ли онъ на

свое тяжелое положеніе? Сожалѣетъ ли онъ о своей жизни? Охлаждаетъ ли онъ мужественную ревность своего юнаго друга заявленіемъ, что почти всякія земныя надежды обречены на гибель и что борьба противъ человѣческаго нечестія безплодна?—Нѣтъ. Его послѣднее письмо есть скорѣе восторженный гимнъ, чѣмъ скорбная жалоба. Для него борьба уже миновала, состязаніе окончено, сокровище окончательно заручено. Дѣятельность въ виноградникѣ его Учителя почти уже закончена. Когда она совсѣмъ будетъ закончена, когда онъ вступитъ въ присутствіе своего Господа, тогда и тамъ, а не теперь и не здѣсь, онъ получитъ вѣнецъ праведности и неизреченную награду. И вслѣдствіе этого его посланіе къ Тимоѳею все проникнуто радостью и ободреніемъ даже среди естественной скорби. Унывало скорѣе сердце юноши, чѣмъ апостола-старца. Тимоѳею, а не Павлу, угрожала опасность поддаться робости и унынію и забыть, что духъ, сообщаемый Богомъ, не есть духъ страха, а духъ силы, любви и здравомыслія. «Переноси же скорби вмѣстѣ со мною. Будь крѣпокъ въ благодати Іисуса Христа. Раздувай пламя этихъ горящихъ углей ревности и мужества. Будь добрымъ воиномъ, истиннымъ атлетомъ, прилежнымъ труженикомъ. Ты думаешь о моихъ цѣпяхъ и о моихъ тягостяхъ? Не думай о нихъ, онѣ не стоятъ того. Будь мужественъ. Не стыдись. Мы слабы и можемъ потерпѣть пораженіе; но тѣмъ не менѣе краеугольный камень Божій твердо стоитъ, имѣя двойную печать на себѣ, печать утѣшенія и печать назиданія. Будь крѣпокъ и вѣренъ, сынъ мой, Тимоѳею, даже до смерти». Такъ передаетъ онъ возлюбленному, но робкому сотруднику, факель истины, который въ его собственныхъ рукахъ, въ теченіе всей его жизни, не укрывала никакая трусость, не затемняла безпечность, не гасила никакая буря. «Славный апостолъ! О, если бы голосъ всякаго вождя, при его паденіи, могъ гремѣть такимъ трубнымъ звукомъ, проникая юныя сердца, что подвизаются въ славной битвѣ, и они никогда бы не отчаявались въ окончательной побѣдѣ!» ²⁴¹¹).

Монета города Тарса
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

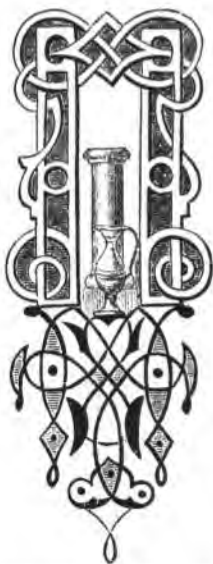

Тге Fontane, близъ Рима.

ГЛАВА LVII.

КОНЕЦЪ.

Кто желаетъ разрѣшиться и быть со Хри-
стомъ, тотъ живетъ съ терпѣніемъ и умираетъ
съ радостью. Бл. Августинъ.

ОЛУЧИЛЪ ЛИ ап. Павелъ свой старый плащъ и книги, и особенно дорогіе ему пергаментные свитки? Прибылъ ли къ нему и самъ Тимофей? ²⁴¹²). Никто не можетъ отвѣтить на это. Въ послѣднемъ стихѣ втораго посланія къ Тимофею мы слышимъ послѣднее слово ап. Павла. Въ какой нибудь римской базиликѣ, быть можетъ передъ Геліемъ отпущенникомъ императора, въ присутствіи тѣсной толпы любопытныхъ или враждебныхъ іудеевъ и язычниковъ, дѣло его было разобрано еще разъ, по случаю его второй защиты или втораго изложенія обвиненія противъ него; и на этотъ разъ большинство засѣдателей опустили въ голосовальную урну табличку съ буквою С—табличку осужденія, — и предѣлательствующій судья произнесъ приговоръ на обезглавленіе, такъ какъ узникъ, хотя и обвинялся въ приверженности къ опасному и незаконному суевѣрію, былъ всетаки римскій гражданинъ. Былъ ли онъ одинъ при этомъ второмъ своемъ процессѣ, какъ и при первомъ? Слышали ли язычники отъ него

опять объ Иисусѣ и воскресеніи? Не доказывалъ ли онъ имъ, какъ и аѳинянамъ, что Богъ, евангеліе котораго ему поручено было проповѣдывать, есть тотъ самый Богъ, котораго несознательно и ощупью искали ихъ предки, не найдутъ ли Его въ попущенные вѣка невѣденія, еще прежде чѣмъ, съ исполненіемъ временъ, стрѣлка вѣчности указала, что наступилъ предназначенный часъ? Тщетно задаются

Пирамида Цестія, близъ Рима.

всѣ такіе вопросы. Въ одномъ только мы можемъ быть увѣрены, что великій апостолъ выслушалъ произнесенный надъ нимъ приговоръ не безъ чувства радости... Но никакихъ подробностей ни о томъ, какъ онъ держалъ себя на судѣ, ни о послѣдующей судьбѣ его у насъ не имѣется. Если какой нибудь робкій, унылый христіанинъ и стоялъ гдѣ нибудь тайно въ толпѣ, слушая судопроизводство надъ великимъ христіанскимъ учителемъ; если изъ развалинъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

были магазины и дворцы передъ тѣмъ какъ пожаръ подобно свирѣпой бурѣ пронесся по узкимъ и худопостроеннымъ улицамъ, или изъ бѣднѣйшихъ окраинъ Трастevera и изъ мрачныхъ убѣжищъ катакомбъ и осмѣливался проникнуть въ судебную палату какой нибудь обращенный рабъ, или бѣдствующій азіатецъ, вѣровавшій въ Иисуса, то все-таки никто не оставилъ никакого повѣствованія объ этомъ, даже не разсказалъ о судѣ надъ апостоломъ своимъ сотоварищамъ съ такою ясностью, чтобы разсказъ этотъ могъ сохраниться въ преданіи. Мы ничего болѣе не знаемъ о судьбѣ апостола. Завѣса навсегда опустилась надъ жизнью благороднѣйшаго и величайшаго изъ людей.

Можно конечно въ своемъ воображеніи слѣдовать за апостоломъ до послѣдней заключительной сцены его мученичества, но всякая подробность должна быть заимствуема единственно изъ области воображенія. Возможно однако же, что описаніе его смерти въ сказаніяхъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если такъ, то подъ конвоемъ сотника и солдатъ, которымъ приказано было наблюдать за совершеніемъ казни, онъ оставилъ Римъ чрезъ тѣ ворота, которыя теперь называются по его имени. Близъ этихъ воротъ, неподалеку отъ англійскаго кладбища, стоитъ пирамида Цестіа, и подъ сѣнію ея лежатъ смертныя останки многихъ, оставившихъ по себѣ возлюбленное или славное имя. Но даже и среди этихъ трогательныхъ памятниковъ путешественникъ съ болѣе глубокимъ интересомъ взглянетъ на древнюю пирамиду, потому что это былъ послѣдній предметъ, на которомъ становился взоръ ап. Павла. Печальное шествіе продолжалось почти шесть верстъ, и подонки населенія, обыкновенно услаждающіеся ужасными зрѣлищами, несомнѣнно толпою слѣдовали за нимъ. Верстахъ въ пяти отъ Рима, неподалеку отъ Остійской дороги, находится зеленая, ровная поляна, съ низкими холмами кругомъ, извѣстная въ древности подъ названіемъ *Aquae Salviae*, а теперь *Tre Fontane*. Тамъ приказано было остановиться; осужденный сталъ на колѣна, сверкнулъ мечъ, и жизнь величайшаго изъ апостоловъ погасла ²⁴¹³)...

Разсуждая по земному, едва ли могло быть что нибудь безславнѣ этой кончины. Никакимъ ореоломъ славы не были озарены послѣдніе часы жизни великаго апостола; не было и многочисленнаго собранія народа, который бы съ умиленіемъ и благоговѣніемъ окружалъ его въ послѣдніе дни, приготовляя къ принятію вѣнца мученичества. Близъ того самаго мѣста, гдѣ онъ потерпѣлъ мученіе, робкіе послѣдователи вѣроятно похоронили его въ безвѣстной могилѣ—въ какомъ-нибудь мѣстѣ, о которомъ помнили двое-трое знавшихъ и любившихъ его учениковъ. Какъ мало они знали, какъ мало понималъ даже и самъ онъ, что кажущаяся неудача трудовъ его жизни въ дѣйствительности была безконечнымъ успѣхомъ! Кому изъ тѣхъ, что присутствовали при этой безславной и жалкой кончинѣ, могло придти на умъ, что самый Римъ не тождько приметъ бла-

Св. ап. Павелъ
(Снимокъ съ изображенія по слоновой кости XI или XII в.).

говѣстіе этого жалкаго отщепенца, но даже получить отъ его мученичества, вмѣстѣ съ мученичествомъ его соапостола, свою главную священную славу въ глазахъ христіанскаго міра; что надъ его останками воздвигнется храмъ — блистательнѣе всякой древней базилики, и что надъ городомъ болѣе обширнымъ чѣмъ Римъ золотой крестъ будетъ сіять на главѣ величественнаго собора, посвященнаго его имени?

А люди — какъ мало они сознавали его величіе! Вотъ былъ человѣкъ, къ которому никто не можетъ быть приравненъ изъ когда либо жившихъ людей на землѣ — ни раньше его, ни послѣ. Если мы взглянемъ на него только какъ на писателя, то какъ безконечно превосходить онъ въ своихъ совершенно случайныхъ посланіяхъ величайшихъ авторовъ — языческихъ ли то, или христіанскихъ — какъ своей, такъ и послѣдующихъ эпохъ! Плиній младшій славился мастерствомъ своихъ писемъ, и однакоже Пли-

нѣй младшій не написалъ ни одного столь изящнаго письма, какъ посланіе къ Филимону. Сенека, какъ моралистъ, стоялъ почти на недосыгаемой высотѣ, и однакоже у него къ золоту не только значительно примѣшивается глина, но даже его прекраснѣйшіе нравственные афоризмы по широтѣ и силѣ ниже совершенно случайныхъ изреченій ап. Павла. Эпиктетъ и Маркъ Аврелій даютъ намъ чистѣйшіе и благороднѣйшіе образцы стоической возвышенности мысли, и однакоже глава ап. Павла о челоуѣколюбіи стоитъ несравненно выше всего, что когда либо они написали всѣ. Если мы взглянемъ на христіанскій міръ, то величайшій дѣятель въ каждой области христіанскаго служенія представляетъ лишь низшую сторону одного только фазиса изъ разностороннихъ преимуществъ ап. Павла. Какъ богослова, формулировавшаго ученіе христіанства, мы можемъ сравнить его съ бл. Августиномъ или Ѳомой Аквина томъ; и однакоже какъ чужды ему мечтательная риторика и догматическая жесткость одного, и схоластическая сухость другаго! Если мы взглянемъ на него какъ на нравственнаго преобразователя, то можемъ приравнить къ нему Савонаролу; но въ практическомъ самообладаніи даже въ высшей степени неудержимыхъ духовныхъ порывовъ, въ подчиненіи пророческаго духа пророку—въ какомъ величавомъ свѣтѣ выступаетъ онъ передъ увлекающимся флорентинцемъ! Тоже самое окажется, если мы подыщемъ ему сравненіе въ величайшихъ проповѣдникахъ, преобразователяхъ, миссіонерахъ и устроителяхъ церковной жизни христіанскаго міра: всѣ они блѣднѣютъ предъ блистающимъ образомъ великаго апостола народовъ. Многимъ и другимъ святымъ давалъ Богъ великія дарованія, но ни одинъ еще святой Божій не достигалъ такой высоты въ столькихъ дарованіяхъ, никогда не получалъ даровъ Св. Духа въ столь щедромъ изліяніи, не носилъ въ своемъ смертномъ тѣлѣ столь очевидную печать Господа. Въ теченіе своей жизни онъ былъ отнюдь не позади верховнѣйшихъ изъ апостоловъ, и несомнѣнно величаво вздымается надъ величайшими изъ всѣхъ святыхъ, которые когда-либо съ того времени старались слѣдовать его примѣру въ служеніи и преданности Господу.

«Богъ погребаетъ своихъ дѣятелей, но продолжаетъ ихъ дѣло». Не земной награды ищутъ герои Божіи, и даже не награды упованія на посмертный успѣхъ дѣла, которому они посвятили свою жизнь. Всякій успѣхъ или неудачу они вполне предоставляли въ руки Божіи. Единственнымъ ихъ желаніемъ было остаться совершенно вѣрными тому, что только знали они лучшаго; всѣ ихъ молитвы сводились къ одному: «Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Богъ мой; Духъ Твой благій да ведетъ меня въ землю правды». О своемъ земномъ благосостояніи они не заботились и все упованіе свое возлагали на Бога. Св. ап. Павелъ не выразилъ ни единой жалобы на удручавшія его внѣшнія неудачи и напасти, и непоколебимо вѣрилъ, что подвергаться тому, что могло казаться неудачей, въ дѣлѣ Божіемъ—значило имѣть успѣхъ, превосходящій всякія мечты земнаго честолюбія.

Вѣра его никогда не колебалась среди жесточайшихъ испытаній, и его надежда не отуманивалась среди самыхъ горькихъ разочарованій; и когда онъ отъ темницы и мученичества перешелъ къ своему вѣнцу праведности, то оставилъ позади себя жизнь, которая посѣяна была для того, чтобы силою Божіею возродиться на нивѣ міровой исторіи, гдѣ она будетъ продолжать приносить плодъ свой до скончанія временъ среди всевозрастающей благодарности поколѣній еще нерожденныхъ. Къ нему вполне приложимо то, что сказано вообще о великихъ труженикахъ на нивѣ Божіей: «Всѣ сии умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій, а только издали видѣли оныя, и радовались и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ; ибо тѣ, которые такъ говорятъ, показываютъ, что они ищутъ отечества. И если бы они въ мысляхъ имѣли то *отечество*, изъ котораго вышли, то имѣли бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, то есть къ небесному; посему и Богъ не стыдится ихъ, называя себя ихъ Богомъ: ибо Онъ приготовилъ имъ городъ».

Погребальная урна изъ катакомбъ, въ Римѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

И

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ

ПРИЛОЖЕНІЯ

УЧЕНЫХЪ ИЗЫСКАНІЙ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ИЗЪ ЖИЗНИ

СВ. АП. ПАВЛА.

ПРИЛОЖЕНІЕ I (къ стр. 18).

Слогъ ап. Павла какъ выразитель его характера.

Для читателя быть можетъ небезынтересно будетъ слѣдующее собраніе нѣсколькихъ различныхъ отзывовъ о слогѣ великаго апостола:

Лонгинъ (ап. Павелъ какъ образецъ догматическаго слога):

Κορωνίς δ' ἔστω λόγου παντός καὶ φρονήματος Ἑλληνικοῦ Δημοσθένους κ. τ. λ. πρὸς τοῦτοις Παῦλος ὁ Ταρσεὺς ὄντινα καὶ πρῶτόν φημι προϊστάμενον ἰδούματος ἀνυποδείκτου.

Св. Златоустъ (Ап. Павелъ ратоборець и его посланія стѣна адамантова вокругъ церкви):
ὥςπερ γὰρ τεῖχος ἐξ ἀδάμαντος κατασκευασθέν οὕτω τὰς παντῶν τῆς σιλουμένης ἐκκλησίας τὰ τοῦτου τευχίζει γράμματα καὶ καθάπερ τις ἀριστεὺς γενναϊότατος ἔστηκε, κ. τ. λ.
(привод. 2 Кор. X, 5). О священствѣ, 1, IV, 7.

Бл. Иеронимъ (слова ап. Павла подобны молніи и грому):—«Paulum proferam quem quotiescunque lego, video mihi *non verba audire sed tonitrum*... Videntur quidem verba simplicis et quasi innocentis hominis et rusticani et qui nec facere nec declinare noverit insidias, *sed quocumque respexeris fulmina sunt*. Haeret in causa; capit omne quod tetigerit; tergum vertit ut superet; fugam simulat ut occidat» (Epist. ad Pammach. 68, 13).

Дантъ. — Vidi due vecchi in abito dispari

Ma pari in atto ognuno onesto e sodo.

L' un ¹⁾ si monstrava alcun de famigliari

Di quel sommo Ippocrate, che natura

Agli animali fe'ch'ella ha piu cari.

Monstrava l'altro ²⁾ la contraria cura

¹⁾ Св. Лука „возлюбленный врачъ“.

²⁾ Ап. Павелъ.

Con una spada lucida ed acuta ¹⁾
Tal che di qua del rio mi fe'paura.

Purgatorio, xxix, 134.

Andovvi poi lo *Vas d'elezione* ²⁾
Per recarne conforto a quella Fede
Ch'è principio alla via di salvazione.

Inferno, II, 28.

ЛЮТЕРЪ: «Paulus meras flammās loquitur tamque vehementer ardet ut incipiat etiam quasi Angelis maledicere» (in Gal. I).

«In S. Paulo und Johanne ist eine sonderliche fürtreffliche Gewissheit und *Plerophoria*; sie reden davon als sey es schon allbereit vor Augen» (Tischreden, IV, 399, ed. Forstemann).

ЕПИСКОПЪ ГЕРВЕРТЪ ДЕ-ЛОЗИНГА:—«Certe, fratres, verba Pauli, non verba hominis, sed aetheris tonitrua esse videntur» (Life and Sermons, II, 309).

ЭРАЗМЪ (слогъ ап. Павла подобенъ громовой бурѣ):—«Non est cujusvis hominis Paulinum pectus effingere; tonat, fulgurat, meras flammās loquitur Paulus» (ad Col. IV, 16).

И еще (риторическое искусство ап. Павла подобно теченію потока): «Sudatur ab eruditissimis viris in explicandis poetarum ac rhetorum consiliis, at in hoc rhetore longe plus sudoris est ut deprehendas quid agat, quo tendat, quid velit; adeo stropharum plenus est undique, absit invidia verbis. Tanta vafrities est, non credas eundem hominem loqui. Nunc ut turbidus quidam fons sensim ebullit, mox torrentis in morem ingenti fragore devolvitur, multa obiter secum rapiens, nunc placide leniterque fluit, nunc late velut in lacum diffusus exspatiatur. Rursum alicubi se condit ac diverso loco subitus emicat; cum visum est miris maeandris nunc has nunc illas lambit ripas, aliquoties procul digressus, reciprocatō flexu in sese redit (Id. Paraph. *Dedicat.*).

КАЗАНОВЪ:—«Ille solus ex omnibus scriptoribus non mihi videtur digitis, calamo et atramento scripsisse, verum ipso corde, ipso affectu, et denudatis visceribus» (Adversaria, ap. Wolf, p. 135).

Съ другой стороны КАЛВИНЪ, указавъ на его анаколуфы, эллипсы и пр., говоритъ: Quae sunt quidem orationis vitia sed quibus nihil majestati decedit caelestis sapientiae quae nobis per apostolum traditur. Quin potius singulari Dei providentia factum est, ut *sub contemptibili verborum humilitate* altissima haec mysteria nobis traderentur, ut non humanae eloquentiae potentia, sed sola spiritus efficacia niteretur nostra fides».

ГЕИСТЕРГУЗИЙ (характеръ цвѣтовъ краснорѣчія ап. Павла):—«Eloquentia ejus non in flosculis verborum et rationis calamistratae pigmentis... sed indolis excelsae notis et pondere rerum... In ejus epistolis nullae non extant oratorum figurae, non illae quidem et rhetorum loculis et myrotheciis depromptae... Verum affectus animi coelesti ardore inflammatus haec scriptionis lumina sponte sub manum praevenientia perginebat».

РЕЙССЪ: «Обыкновенно онъ начинается фразами какъ нельзя больше озадачивающими... Но лишь только вступаетъ въ настоящую колею, какъ его слогъ вполне становится вѣрнымъ зеркаломъ его индивидуальности. Онъ не отличается ни правильностью, ни классичностью; въ немъ нѣтъ звучнаго ритма. Парадоксальныя антитезы, поразительные переходы, настойчивые вопросы, пылкія восклицанія,

¹⁾ Посланія.

²⁾ Σκεῦος ἐκλογῆς, „сосудъ избранія“ (Дѣян. IX, 15). Другія указанія см. *Parad.* XVIII, 131; XXI, 119.

неотразимая иронія, оживленная быстрота, наконецъ, не дающая отдохнуть читателю, — все это пережегается съ наивными и трогательными изліяніями, которыя увлекаютъ сердце» (Theol. Chret. II, 11).

ГѢТТОНЪ: «Кто, изучавшій ап. Павла, не замѣчалъ смѣло парящей діалектики, съ которою онъ поднимается надъ формами нашей конечной земной мысли къ безконечной духовной жизни, воплощенной въ нихъ? Какая свобода, быстрота и сила взмаха въ этомъ негодующемъ полетѣ, въ которомъ онъ уносится въ высъ отъ мелочныхъ распрей въ церкви коринтской; въ полетѣ, который прекращается лишь тогда, когда жалкіе предметы спора, хотя однимъ изъ нихъ является онъ самъ, повидимому теряются подобно песчинкамъ подъ вадимающимися небесами!.. До расточительности щедрая и богатая натура, заставлявшая ап. Павла то прибѣгать къ дипломатіи, то въ порывѣ своего проповѣдничества метать перуны, есть источникъ всѣхъ его прекраснѣйшихъ чертъ; когда онъ напр. желаетъ быть даже отверженнымъ отъ Христа, еслибы только этимъ можно было спасти его іудейскихъ братьевъ» (R. H. Hutton, Essays, 321—330).

Авторъ сочиненія «Савль Тарсійскій»: «Апостолъ какбы не выдерживаетъ величія предмета своей проповѣди, какбы развлекается безконечностью обсуждаемыхъ интересовъ, каждое слово, сходящее съ его устъ, какбы подсказываетъ рой глубочайшихъ и обширнѣйшихъ ассоціацій, попеченіе обо всѣхъ церквяхъ какбы даетъ всѣмъ фактамъ разнообразное, но осязательное значеніе... Человѣческую рѣчь нужно порицать за ея бѣдность; человѣческую опытность, развивающую рѣчь, за ея узкость. Его жизнь всегда была въ его рукъ, его сердце всегда на его устахъ. Сердце это часто было слишкомъ переполнено, чтобы свободно изливаться въ рѣчи» (Saul of Tarsus, стр. 229).

МАРТИНО: «Что можетъ быть болѣе свободнаго и зыбучаго, чѣмъ его посланія при всемъ ихъ разнообразіи? Влестящія, отрывистыя, стремительныя какъ горный только что наполнившійся потокъ, успокаивающійся и утихающій лишь предъ тѣмъ, какъ дѣлать какойнибудь смѣлый скачокъ, бурный только передъ тѣмъ, какъ вступать въ бассейнъ зеркальнѣйшей прозрачности, они повсюду представляютъ образъ здоровой пгривости. Подъ формами ихъ теософическихъ разсужденій и ихъ намековъ глубокой философіи можно слышать тайный лирический тонъ славной хвалы, прорывающійся иногда открыто и требующій присоединенія къ этому хору и другихъ... Его жизнь была битвой, въ которой во времена добраго успѣха слова его звучали пѣснью побѣдной» (Martineau, Hours of Thought, p. 156).

Проф. Джеттъ говоритъ о немъ, что онъ преподаетъ свое великое ученіе «въ ломаныхъ словахъ и несвязной формѣ рѣчи, безъ всякой красоты или изящества слога».

Бауръ, указавъ, насколько его слогъ до избытка переполненъ формами и элементами мысли, и что мысли не только съ трудностью слѣдуютъ за мыслями, но что эти мысли слѣдуютъ одна за другой, какъ опредѣленія и моменты какой-нибудь одной идеи, своимъ величіемъ превосходящей всѣ ихъ, такъ что мысль развивается такъ сказать изъ своей собственной глубины и опредѣляется воспріятіемъ своихъ собственныхъ моментовъ, прибавляетъ: «отсюда своеобразная печать на языкѣ апостола; онъ съ одной стороны отличается точностью и сжатостью; съ другой стороны — онъ поражаетъ своею шероховатостью и необдѣланностью, которыя заставляютъ думать, что мысль слишкомъ тяжела для языка и едва можетъ найти надлежащую форму для точнаго выраженія имѣющагося въ избыткѣ матеріала» (Baur, Paul, II, 281).

Гаусратъ: «Трудно охарактеризовать эту индивидуальность, въ которой такъ чудесно смѣшались христіанское любвеобиліе, раввинская проницательность и античная сила воли. Какъ все волнуется, стремится и напираетъ въ его посланіяхъ! Какая смѣна пылкихъ изліяній и острой аргументаціи! Тутъ онъ побѣждаетъ язычество любвеобиліемъ Іисуса. Тамъ онъ поражаетъ іудейство — во

всеоружіи самых тонких раввинских доводов из писанія. Менѣ всего участія въ его внутреннемъ мірѣ имѣетъ фантазія. Языкъ часто труденъ и шероховатъ, потому что онъ только что разрѣшился отъ бремени мысли. Употребляемые имъ образы большею частью безцвѣтны... Вотъ предѣлъ его духовной жизни. Тутъ онъ всегда оставался раввиномъ» (*Hausrath, Der Apostel Paulus*, стр. 502).

Ренанъ (слогъ ап. Павла подобенъ разговорной рѣчи): «Эпистолярный слогъ ап. Павла самый личный, какой только можетъ быть; языкъ его, если можно такъ выразиться, растрепанный; нѣтъ ни одной фразы послѣдовательной. Невозможно съ большою смѣлостью нарушать—не скажу геній греческаго языка, но логику вообще человѣческаго языка; это можно бы сказать быстрый разговоръ, записанный стенографомъ и переданный безъ исправленій... Его преслѣдуетъ одно слово... Это не отъ скудости, а отъ избытка духа и полной беззаботности о правильности слога» (*Renan, St. Paul*, стр. 232).

Менѣ благопріятные изъ приведенныхъ выше отзывовъ отчасти прикрываются положеніемъ, что самъ ап. Павелъ признавалъ за своимъ слогомъ популярный и заурадный характеръ. Но такія мѣста, какъ 2 Кор. xi, 6, не подтверждаютъ этихъ замѣчаній. Его языкъ, правда, не былъ таковъ, чтобы вызывать восторгъ у педантическихъ пуритовъ и рабски гонящихся за аттическими формами профессоровъ; онъ находится въ такомъ же отношеніи къ греческому языку Платона, въ какомъ латинскій языкъ Мильтона къ языку Цицерона. Но эта особенность и составляетъ самую суть его жизни. Этотъ слогъ слишкомъ жизненъ, слишкомъ проникнутъ и увлеченъ личнымъ чувствомъ, чтобы требовать отъ него полировки сообразно съ искусственными образцами и тщательными правилами школь. Онъ скорѣе походитъ на слогъ Фукидида, чѣмъ какого-либо другаго великаго писателя древности¹⁾. Что въ немъ можно много указать недостатковъ, это вѣрно; но съ одной важной точки зрѣнія эти недостатки гораздо лучше, чѣмъ всякія красоты, такъ какъ они вытекаютъ изъ личнаго характера ап. Павла. Во всѣхъ отдѣлахъ его посланій самый недостатокъ его слога изобличаетъ его слогъ. Его слогъ, какъ и всякаго великаго челоѣка, имѣетъ недостатокъ въ своихъ качествахъ. «Le style, сказалъ Бюффонъ не (какъ обыкновенно приводится это изреченіе) *c'est l'homme*, но «*c'est de l'homme*»²⁾. Онъ, какъ и всякій великій писатель, имѣетъ «*le style de sa pensée*»; онъ имѣетъ стиль генія, если и не имѣетъ генія стиля³⁾.

Послѣ изложенія столь замѣчательныхъ и разнообразныхъ отзывовъ, намъ нѣтъ надобности писать особый трактатъ о слогѣ апостола. Что онъ, когда это нужно было, могъ владѣть слогомъ замѣчательнаго изящества и краснорѣчія, не уменьшая его естественной силы, это доказывается непрестанными созвучіями и равновѣсіемъ предложений и выраженій (*парексисъ, парисосисъ, параміосисъ*) въ такихъ мѣстахъ, какъ 2 Кор. vi, 3—11. И однакоже съ такою вообще благородною небрежностью относится онъ къ внѣшней красотѣ слога и до такой степени простое изящество выраженія находится у него въ соподчиненіи цѣли точнаго выраженія мысли, что онъ никогда, даже въ величе-

¹⁾ См. хорошія замѣчанія Баура: „Такія мѣста какъ 1 Кор. iv, 12, 13; vii, 29—31; 2 Кор. vi, 9, 10; звучатъ истинно Фукидидомъ не только въ выраженіи, но и въ стилѣ мысли. Истинный діалектическій духъ проявляется у того и другаго въ любви къ антитезамъ и контрасту, доходящей нерѣдко до парадоксальности... У обоихъ этихъ писателей связи національнаго партикуляризма уступаютъ мѣсто обобщающей тенденціи ихъ мысли и космополитизмъ занимаетъ мѣсто націонализма“ (*Baur, Paul*, II, 281). Онъ ссылается на *Bauer, Philologia Thucydideo-Paulina*, 1773, котораго мы не видѣли.

²⁾ *D'Alembert, Oeuvres*, vi, 13. Частица *de* въ изреченіи Бюффона встрѣчается уже въ позднѣйшихъ изданіяхъ.

³⁾ *Grimm. Corresp.* 1788.

ственнѣйшихъ потокахъ ритмическаго краснорѣчія, не останавливается предъ употребленіемъ слова, какбы оно ни было разговорно, которое точно выражаетъ отгѣнокъ значенія ¹⁾.

Все, что было писано объ особенностяхъ слога ап. Павла, можно, намъ думается, выразить въ двухъ словахъ—напряженная индивидуальность. Его слогъ, это—онъ самъ. Его природный темпераментъ и обстоятельства, при которыхъ приходилось постоянно дѣйствовать этому темпераменту; его воспитаніе какъ іудейское, такъ и эллинистическое; его обращеніе и освященіе, претворившія всю его жизнь и всѣ его мысли,—все это вмѣстѣ и составляетъ слогъ ап. Павла, какимъ мы его знаемъ. И все это въ отдѣльности оказывало замѣтное вліяніе на его слогъ.

1. Поглощенность одною предносящеюся ему мыслью, заставляющею его безъ упорядоченія излагать истины, которыя, взятая во всеѣхъ объемѣхъ его словъ, кажутся взаимно непримиримыми; драматическіе, быстрые, подавляющіе ряды вопросовъ, которые показываютъ, что на своихъ полемическихъ страницахъ онъ мысленно всегда стоитъ лицомъ къ лицу съ возраженіемъ ²⁾; *центробѣжная* сила умственной дѣятельности, принуждающая его непрерывно отступать и привязываться къ слову, происходящая вслѣдствіе живости его представленія; *центростремительная* сила воображенія, сдерживающая всѣ эти отступленія подъ контролемъ одной господствующей мысли ³⁾; величественная запутанность иносказаній ⁴⁾; бурность, заставляющая его любить самыя сильныя словосложенія ⁵⁾; иронія ⁶⁾ и сарказмъ ⁷⁾; рыцарски деликатная любезность ⁸⁾; преизбыточное сочувствіе къ іудею, язычнику и варвару, къ святому и узнику, царю и рабу, мужчине и женщинѣ, юному и старому ⁹⁾; страстность, заставляющая его голосъ то гремѣть негодованіемъ ¹⁰⁾, то прерываться рыданіями ¹¹⁾; скупченность и разнообразіе словъ—изъ желанія изложить истины, которыя онъ провозглашаетъ во всевозможныхъ видахъ ¹²⁾; чувствительная восторженность и личная окраска его слога ¹³⁾; подавленная уничиженность, переходящая въ безпредѣльное самовозношеніе ¹⁴⁾—все это зависѣло отъ его *природнаго темперамента*, отъ той атмосферы полемики и противодѣйствія съ одной стороны, и глубокой преданности съ другой,—въ которой приходилось дѣйствовать ему.

2. Риторическія фигуры, игра словъ, созвучія, оксимороны, антитезы его стиля, подробно разсматриваемыя въ слѣдующемъ Приложеніи; постоянное расширеніе его горизонта ¹⁵⁾; замѣтное вліяніе городовъ и даже отдѣльныхъ спутниковъ на его словарь ¹⁶⁾; указанія на эллинскую жизнь ¹⁷⁾;

¹⁾ Напр. *φωρίσω* и *περπαρῶνται* въ 1 Кор. XIII, 3, 4; *κατανάρκησα* 2 Кор. XI, 8; *ἀποκόφονται*, Гал. V, 12.

²⁾ Рим. X; 2 Кор. VI, XI, по мѣстамъ.

³⁾ 2 Кор. II, 14—16; XII, 1—3; 12—16; Ефес. IV, 8—11; V, 12—15; *Paley*, *Hor. Paulinae*.

⁴⁾ 2 Кор. III, 1; Кол. II, 6.

⁵⁾ Особенно сложенія съ *ὅπερ*. См. ниже, прим. 1152.

⁶⁾ 1 Кор. IV, 8; 2 Кор. XI, 16—20 и по мѣстамъ.

⁷⁾ Филип. III, 2; Гал. IV, 17; V, 12 и по мѣстамъ.

⁸⁾ 1 Кор. I—III; Филим. и Филип. по мѣстамъ; Дѣян. XXVI, 29 и пр.

⁹⁾ Рим. I, IV, и во всѣхъ посланіяхъ по мѣстамъ.

¹⁰⁾ Галат., Коринѣ., Филип., 2 Тим. *passim*.

¹¹⁾ Всѣ посланія по мѣстамъ.

¹²⁾ Всѣ посланія по мѣстамъ.

¹³⁾ Всѣ посланія по мѣстамъ.

¹⁴⁾ 2 Кор. II, 14; Рим. VII, 25 и пр.

¹⁵⁾ „Его (ordine Epistolarum chronologico) constituto... incrementum Apostoli spirituale cognoscitur“ (*Bengel*, ad Rom. I, 1).

¹⁶⁾ См. выше стр. 810 и ниже прим. 846.

¹⁷⁾ См. Приложение III.

методъ цитированія св. Писанія; раввинскій стиль толкованія, уже изслѣдованный нами ¹⁾, — все это было слѣдствіемъ его воспитанія въ Тарсѣ и Іерусалимѣ, его жизни въ Коринѣ, Ефесѣ и Римѣ.

3. Дерзновенная вѣра, никогда не боящаяся затрудненія ²⁾; неразрѣшенныя антиноміи, которыя однакоже не беспокоятъ его и при своей неразрѣшенности ³⁾; «смѣло парящая діалектика, съ которой онъ поднимается надъ формами одной конечной и земной мысли до безконечной и духовной жизни, воплощенной въ нихъ»; «языкъ экстаза», который у него былъ, какъ онъ предполагалъ и въ отношеніи своихъ обращенцевъ, языкомъ его обыденнаго труда; тотъ «трансцендентальный абсурдъ», какъ онъ кажется міру, составлявшій самую жизнь какъ его совѣсти, такъ и его разума, и дѣлавшій его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ; тотъ способъ, какимъ онъ, какъ бы могучимъ взмахомъ крыла, уносится отъ мелочныхъ земныхъ распрій къ духовному и безконечному; «боязливая немощь и самопрезрѣніе, скрывающіяся въ чѣмъ-то въ родѣ ореола откровенія, приизбыточнаго чрезъ мѣру» ⁴⁾ — все это зависѣло отъ того, что его гражданство было на небѣ, а его жизнь сокрыта со Христомъ въ Богѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ II (къ стр. 18).

Риторика ап. Павла.

Характеризуя греческій языкъ ап. Павла какъ эллинистически греческій, переполненный гебраизмами и сирийскими оборотами, дѣлавшими его едва понятнымъ образованному читателю того періода, Ренанъ говоритъ, что если апостолъ получалъ даже элементарные уроки въ грамматикѣ или риторикѣ въ Тарсѣ, то непонятно, какъ онъ могъ писать такимъ визагге, неправильнымъ, не-эллинискимъ слогомъ, какимъ написаны его посланія.

Мы однакоже не думаемъ, чтобы ап. Павелъ могъ сдѣлать относительно своихъ познаній въ греческомъ языкѣ тоже замѣчаніе, какое дѣлаетъ І. Флавій, который говоритъ, что ему стоило много труда одолѣть греческую ученость и правила греческаго языка. Ап. Павелъ изучилъ греческій языкъ совершенно естественно въ греческомъ городѣ, и намъ думается мы рѣшительно доказали, что онъ обладалъ лишь неполнымъ и поверхностнымъ знакомствомъ съ греческой литературой. Но мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что онъ, подобно І. Флавію, сказалъ бы, что онъ такъ привыкъ говорить по-сирийски, что не могъ произносить греческихъ словъ съ достаточною точностью, и что іудеи не поощряли настойчивыхъ стараній къ приобрѣтенію изящнаго греческаго стиля, на который они смотрѣли какъ на дѣло рабовъ и отпущенниковъ ⁵⁾. Однако же прочитавъ прилагаемый списокъ образцовъ *syntaxis opata* ап. Павла, немногіе, намъ думается, будутъ въ состояніи противиться убѣжденію, что онъ во время пребыванія въ Тарсѣ посѣщалъ какіе-нибудь начальныя классы греческой риторики. Мы ограничимся здѣсь лишь краткими ссылками; и если читателю желательно получить дальнѣйшія свѣденія по этому предмету, то отсылаемъ его къ своей статьѣ въ *Expositor*, за 1879 годъ.

Фигуры (*σχήματα*) у греческихъ и латинскихъ риторовъ раздѣляются на «фигуры языка»

¹⁾ См. также Приложение IV.

²⁾ См. Посл. къ Римлянамъ, по мѣстамъ.

³⁾ См. Приложение XXI: „Антиноміи ап. Павла“.

⁴⁾ См. 2 Кор. х—хiii, по мѣстамъ, и нѣкоторыя прекрасныя замѣчанія въ *Hutton, Essays*, I, 325—330.

⁵⁾ І. Флав. *Antt.* xx, 11, § 2.

(figurae verborum, elocutionis, λέξεως) и «фигуры мысли» (sententiae, διανοίας). Они дѣлали между ними то различіе, что фигуры языка большею частью исчезаютъ, когда измѣняются слова или ихъ порядокъ; между тѣмъ какъ фигуры мысли все еще остаются ¹⁾. Различіе это недостаточное и поверхностное и быть можетъ было бы гораздо точнѣе раздѣлить фигуры на 1) фигуры *цѣпта*, зависящаго отъ воображенія, какъ метафора, подобіе, аллегорія, олицетвореніе, *метонимы*, *катахрисиς* и пр. 2) фигуры *формы*, идущія на огромномъ пространствѣ отъ естественнаго выраженія страстей, каковы: *иронія*, *апосіопесисъ*, *эротесисъ* и пр. до простой изысканности словеснаго украшенія и варіаціи слога (каковы *зевгма* и пр.) или порядка (каковы *хиазмъ*, *истеронъ-протеронъ* и пр.); 3) фигуры *звука*, зависящія отъ аналогіи словъ, сходства звуковъ, несознательныхъ ассоціацій идей и пр., каковы *аллитерація*, *парисосисъ*, *параміосисъ*, *парехесисъ*, *параномасія*, *оксиморонъ*, игра именами и пр.

1) Фигуры *цѣпта* мы уже касались ²⁾. Въ качествѣ примѣровъ двухъ другихъ классовъ въ посланіяхъ ап. Павла, мы можемъ взять слѣдующіе (причемъ за объясненіемъ техническихъ терминовъ отсылаетъ къ своему сочиненію Brief Greek Syntax или къ другимъ подобнымъ книгамъ):

2) Фигуры *формы*:

Хиазмъ—перекрестное расположеніе словъ или предложеній, какъ въ Рим. II, 6, 10 (Эта фигура еще болѣе свойственна посланію къ Евреямъ). Хорошій примѣръ ея:

1 Кор. III, 17—*εἰ τις τὸν ναὸν τοῦ Θεοῦ φθειρεῖ, φθερεῖ αὐτὸν ὁ Θεός.*

Евфимизмъ:

1 Кор. V, 1, 2—*ἔχειν... ὁ τὸ ἔργον τοῦτο ποιήσας.*

2 Кор. VII, 11—*ἐν τῷ πράγματι.*

1 Тесс. IV, 6, см. прим. 1110.

Литотисъ:

Рим. I, 28—*ποιεῖν τὰ μὴ καὶ ἀνέχοντα.*

Ефес. V, 4—*τὰ οὐκ ἀνέχοντα.*

1 Кор. XI, 22—*ἐπαινέσω ὑμᾶς ἐν τούτῳ; οὐκ ἐπαινῶ.*

Филип. 18 *εἰ δέ τι ἠδίκησέ σε ἢ ὀφείλει.*

Филип. 11 *τόν ποτέ σοι ἄχρηστον.*

Міосисъ ³⁾:

(Римл. III, 9, *οὐ πάντως* (ср. 1 Кор. XVI, 12).

1 Кор. I, 29, *ὅπως μὴ καυχῆσθαι πᾶσα σὰρξ.*

Рим. III, 20 *ἐξ ἔργων νόμου οὐ δικαιωθήσεται πᾶσα σὰρξ.*

Антитезъ, *парисосисъ*, *параміосисъ* ⁴⁾, *парадоксъ*, *аллитерація*, *эротесисъ*, *эпексеріасія*—всѣ выступаютъ въ такихъ глубокопрочувствованныхъ мѣстахъ, какъ 2 Кор. VI, 3—16; XI, 22—28; 1 Кор. IV, 8—11.

Эпанофоры:

Филип. IV, 8 *ὅσα... ὅσα... κ. τ. λ. εἴ τις, κ. τ. λ.*

¹⁾ Такъ Аквилла, Рутилій и пр. вслѣдъ за Cicero, De Orat. 3. См. Voss, Instt. Orat. V, 1; Glass, Philologia Sacra, p. 953 и пр.

²⁾ См. выше, стр. 10—14.

³⁾ Употребленіе здѣсь однако же имѣетъ идиоматическій характеръ (Winer, § 26).

⁴⁾ См. Arist. Rhet. III, 9, 9.

Филип. II, 1, εἰ τις... εἰ τί... κ. τ. λ.

2 Кор. VII, 11, ἀλλὰ... ἀλλὰ... κ. τ. λ.

Аποсіонесисъ:

2 Тесс. II, см. прим. 1110, 1170 и сл.

Пропаретесисъ, проверенія, captatio benevolentiae и пр.:

«Благодареніе» въ началѣ каждаго посланія, кромя посланія къ Галатамъ.

Римл. IX, 1—5.

Дѣян. XXIV, 10 (передъ Феликсомъ) и XXVI, 2, 3 передъ Агриппой.

Парамитсисъ (praeterita):

Филип. 19 ἵνα μὴ λέγω σοι.

1 Тесс. IV, 9, οὐ χρειαν ἔχετε ὑμῖν γράφεσθαι (сн. V, 1; 2 Кор. IX, 1).

Намѣренный анаколумъ:

Гал. II, 6 ἀπὸ δὲ τῶν δοκούντων εἶναι τι...

2 Тесс. II, 3, ὅτι ἐὰν μὴ ἔλθῃ ἡ ἀποστασία πρῶτον...

2 Тесс. II, 7, μόνον ὁ κατέχων ἄρτι...

(Анаколумъ отъ простаго недосмотра, зависящій отъ стремительной быстроты мысли, встрѣчаются постоянно у ап. Павла, какъ въ Рим. II, 17—21; XVI, 25—27 и пр. и пр.).

Climax:

Римл. V, 3—5.

Римл. VIII, 29, 30.

Римл. X, 14, 15 и пр.

Зевгма:

1 Кор. III, 2 γὰρ ὑμᾶς ἐπότισα καὶ οὐ βρώμα.

1 Тим. IV, 3, κωλυόντων γυμνεῖν, ἀπέχεσθαι βρωμάτων.

Оксиморонъ:

2 Кор. VI, 9 θανατούμενοι καὶ ἰδοὺ ζῶμεν (будучи убиты, мы однако же живы).

1 Тим. V, 6 ζῶσα τεθνηκεν (заживо умерла).

Римл. I, 20 τὰ ἀόρατα αὐτοῦ... καθοράται (невидимое Его... ясно видимо).

Римл. XII, 11 τῇ σπουδῇ μὴ δκηροί (въ усердіи не лѣнны).

1 Тесс. I, 6 ἐν θλίψει πολλῇ μετὰ χαρᾶς (при скорбяхъ съ радостію).

1 Тесс. IV, 11 φιλοτιμεῖσθαι ἡσυχάζειν (усердно стараться жить тихо).

1 Кор. VIII, 10 οἰκοδομηθήσεται.

Римл. I, 22 φάσκοντες εἶναι σοφοὶ ἐμωράνθησαν.

Ефес. VI, 15 евангеліе *мира* какъ часть всеоружія *борьбы*.

2 Кор. VIII, 2 *нищета* ихъ превзыбываетъ въ *богатствѣ* ихъ радущія.

2 Кор. XII, 10 «когда я немощенъ, тогда силенъ».

Что касается другихъ фигуръ, то достаточно будетъ просто указать на нихъ, какъ *анадиплосисъ* (Рим. IX, 30; Филип. II, 8), *эпанодъ* (Гал. II, 16), *эпанорѳосисъ* (Рим. VIII, 34; Гал. II, 20; III, 4 и пр.), *асиндетонъ* (1 Кор. XV, 43; 1 Тим. I, 17; 2 Тим. III, 2—5, 10, 11 и пр.); *антип-тосисъ* (Кол. IV, 17; Гал. VI, 1; IV, 11), *ипербатонъ* (2 Тесс. II, 5 и пр.); *аллитерація* (1 Кор.

п, 13; 2 Кор. viii, 22; ix, 8 и пр.); *constructio praegnans* (2 Θεсс. ii, 4 и пр.) и многія меньшія фигуры.

3) Переходя къ фигурамъ третьяго класса—къ фигурамъ *звука*, мы находимъ, что ап. Павелъ дѣлаетъ наиболѣе замѣчательное и частое употребленіе *парономасіи*.

Напр. а) Парономасія, зависящая отъ перемѣны одной или двухъ буквъ ¹⁾:

Рим. i, 29 *πορνεία πονηρία... φθόνου, φόβου*.

Римл. i, 30 *ἀσυνέτους, ἀσυνδέτους*.

Римл. xi, 17 *τινες τῶν κλάδων ἐξεκλάσθησαν*.

Сн. Евр. v, 8 *ἔμαθεν ἀφ' ὧν ἔπαθεν*.

б) Парономасія, зависящая отъ игры словъ одинаковыхъ по звуку или производству. Это наиболѣе частая риторическая фигура ап. Павла.

2 Кор. iii, 2 *γινωσκόμενη καὶ ἀναγινωσκομένη* ²⁾.

Римл. i, 28 *οὐκ ἐδοκίμασαν... ἀδόκιμον νοῦν*.

Филип. iii, 2, 3 *κατατομή* (порѣзаніе)... *περιτομή* (обрѣзаніе).

Римл. ii, 1 *κρίνεις... κατακρίνεις*.

1 Кор. xi, 29 и сл. *διακρίσις... κρίμα... κατακρίμα*.

Римл. xii, 3: «не *думайте* (ὑπερφρονεῖν) о себѣ болѣе нежели должно *думать* (φρονεῖν); но *думайте* скромно» (τωφρονεῖν). Сн. *Тим.* ii, 62 *οὐ φρονήματι μόνον, ἀλλὰ καὶ καταφρονήματι*.

1 Кор. vii, 31 *χρώμενοι... καταχρώμενοι*.

2 Кор. vi, 10 *ἔχοντες... κατέχοντες*.

2 Кор. iv, 8 *ἀπορούμενοι... ἐξαπορούμενοι*.

2 Тим. iii, 4, *φιλήδονοι... φιλόθεοι*.

2 Θεсс. iii, 11 *ῥυαζομένους... περιεργαζομένους* ³⁾.

1 Тим. v, 13 *οὐ μόνον δὲ ἀργαί, ἀλλὰ καὶ περιεργοί*.

Корнелій а-Ляпиде и другіе находили скрытую парономасію въ 1 Кор. i, 23, 24. Если ап. Павелъ мыслилъ приэтомъ по-сирійски, то мѣсто это могло читаться такъ: «для іудеевъ *мисколъ*, а для эллиновъ *машкалъ*, для самихъ же призванныхъ—Христосъ *секемъ* Божій». Но это вѣроятно просто остроумная догадка ⁴⁾.

в) Третій классъ парономасій состоитъ въ игрѣ именами, которой у ап. Павла три примѣра:

Филип. ii, 11—*Ὁνήσιμον... ἄχρηστον* ⁵⁾.

Филип. ii, 20—*Ναὶ, ἐγὼ σου δναίμην*.

Филип. iv, 3, *Σύζυγε γνήσιε* «согласный по имени и согласный по природѣ».

¹⁾ См. *Cic. De Orat.* ii, 63; *Auct.*, ad *Herenn.* iv, 24; *Quint. instt. Orat.* ix, 3, 66 и пр.

²⁾ Ср. Дѣян. viii, 30 и замѣчаніе Василія Великаго импер. Юліану ἀνέγνως οὐκ ἔγνως εἰ γὰρ ἔγνως οὐκ ἂν κατέγνως.

³⁾ См. *Domitius Afer*: *Non agentes sed satagentes* (*Quint.* vi, 3, 54).

⁴⁾ См. въ толкованіи это мѣсто, гдѣ я указалъ возможность второй парономасіи въ *ἄχρηστον* *ἐυχρηστον*.

⁵⁾ См. *ad loc.*

Блаженный Иеронимъ находить еще въ Гал. 1, 6, гдѣ по его мнѣнію μεταίθεσθε есть игра именемъ «Галаты» и еврейскимъ *галалъ* «перекатываться», переходить.

Такъ какъ мы поэтому находимъ у ап. Павла до пятидесяти примѣровъ почти до тридцати греческихъ риторическихъ фигуръ, и такъ какъ ихъ гораздо больше въ его посланіяхъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Новаго Завѣта, и нѣкоторыя находятся только у него, то не можемъ ли мы заключить, что во время дѣтства въ Тарсѣ онъ посѣщалъ какой нибудь элементарный классъ по греческой риторикѣ, чтò быть можетъ отчасти входило въ его образованіе при грамматическомъ изученіи греческаго языка? Въ Тарсѣ было много профессиональныхъ раторовъ, и если отецъ ап. Павла, видя блестящія способности своего сына, предназначалъ его для школы Гамалиила, то онъ могъ думать, что элементарное знакомство съ греческой риторикой могло проложить ему дорогу къ его будущему высокому положенію среди гиллелитовъ Іерусалима; такъ какъ такое знаніе, какъ мы видимъ изъ Талмуда, открывало нѣкоторымъ раввинамъ блестящую карьеру. Если такъ, то уроки, выученные юнымъ Савломъ, не пропали даромъ, хотя они обращены были въ направленіи совершенно отличныхъ цѣлей, чѣмъ какія могли когда либо придти въ голову человѣку, который предназначалъ мальчика къ тому, чтобы онъ былъ подобно ему самому — фарисеемъ изъ фарисеевъ и евреемъ изъ евреевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ III (къ стр. 25).

Классическія цитаты и ссылки ап. Павла.

I. Тѣ, кто признають за ап. Павломъ высокое классическое образованіе, ссылаются на то, что онъ цитуетъ греческихъ и римскихъ писателей или намекаетъ на нихъ.

Постоянно приводятся три цитаты. Одна изъ нихъ есть экзаметръ, написанный критскимъ поэтомъ Эпименидомъ въ суровое и презрительное изобличеніе характера своихъ соотечественниковъ:

Κρήτες αἰεὶ ψεύσται, κακὰ θηρία, γαστέρες ἀργαῖ ¹⁾
(«Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя»).

Другая есть полуэкзаметръ, въ которомъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, въ рѣчи въ Ареопагѣ, что нѣкоторые и изъ ихъ родныхъ поэтовъ говорили:

Τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν ²⁾
(«Ибо мы Его и родъ»).

Третья цитата есть нравственное предостереженіе коринѳянамъ:

Φθείρουσιν ἥδη χρηστὰ ὁμιλία κακαὶ ³⁾
(«Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы»).

Если мы теперь внимательнѣе рассмотримъ эти цитаты, то увидимъ, какъ мало доказательства доставляютъ онѣ въ пользу чего нибудь болѣе, чѣмъ самое поверхностное знакомство съ греческими

¹⁾ Тит. 1, 12.

²⁾ Дѣян. xvii, 28.

³⁾ 1 Кор. xv, 33.

писателями. Первая из них есть какъ разъ такая ходячая національная характеристика ¹⁾, которая могла переходить вездѣ изъ устъ въ уста и которую ап. Павелъ могъ повторять, не прочитавъ ни строки поэмы Эпименида объ *Оракулахъ* или поэмы Каллимаха *Гимнъ къ Зевсу*, въ обѣихъ изъ которыхъ она встрѣчается ²⁾. Вторая цитата есть общепризнанное ходячее выраженіе языческой мудрости, въ параллель которому можно бы привести много притѣвъ, но у Клеанеа находится ³⁾ почти въ той формѣ, въ которой приводитъ его ап. Павелъ. Настоящая цитата взята изъ одной изъ тѣхъ скучныхъ поэвъ, которыя въ это время были въ большомъ ходу, именно изъ *Феноменъ* Арата ⁴⁾. Съ сочиненіями этого писателя ап. Павелъ могъ познакомиться какъ потому, что они были совершенно безвредны, — что едва ли можно сказать о другихъ языческихъ произведеніяхъ, бывшихъ популярными въ это время, — а также потому, что Аратъ былъ киликійнинъ и очень вѣроятно тарсянинъ ⁵⁾. Третья цитата была однимъ изъ тѣхъ ходячихъ правоучительныхъ изреченій, которыя превратились въ пословицу и которыя, по всей вѣроятности, Менандръ въ своей *Таудѣ* заимствовалъ изъ какой-нибудь потерянной трагедіи Эврипида. Гораздо вѣроятнѣе, что ап. Павелъ слышалъ это изреченіе въ ходячемъ разговорѣ, или видѣлъ его въ надписи на одной изъ Эрмъ въ Тарсѣ или въ Аѣнахъ, чѣмъ прочитавъ его у Менандра или даже, какъ повидимому думаютъ Сократъ ⁶⁾ и Златоустъ, у одного изъ греческихъ трагиковъ. Въ этихъ цитатахъ затѣмъ замѣчательно то, во-первыхъ, что *всѣ три* изъ нихъ были ходячія, такъ какъ онѣ встрѣчаются каждая по крайней мѣрѣ у двухъ поэтовъ; и затѣмъ то, что двѣ изъ нихъ встрѣчаются въ самомъ началѣ *Гимновъ къ Зевсу*. Если можно было въ какой-нибудь книжной лавкѣ въ Аѣнахъ найти какой-нибудь сборникъ *Гимновъ къ Зевсу*, то это была бы какъ разъ та книга, къ которой вѣроятнѣе всего могъ обратиться ап. Павелъ съ своимъ гуманнымъ сочувствіемъ для того, чтобы подтвердить ею свой свободный и просвѣщенный взглядъ, что Богъ открылся даже язычникамъ въ достаточной степени для ихъ блаженства и спасенія, если бы только они хотѣли воспользоваться этимъ благомъ ⁷⁾. Третій весьма замѣчательный пунктъ состоитъ въ томъ, что въ цитатѣ изъ Менандра или Эврипида громадное большинство лучшихъ манускриптовъ читаютъ $\chi\rho\eta\sigma\acute{\alpha}$, а не $\chi\rho\eta\sigma\omega$ ⁸⁾, — чтеніе, которое можно поэтому считать достоверно подлиннымъ, такъ какъ никому бы не пришло на умъ измѣнить правильный метръ, если бы онъ находился въ подлинномъ манускриптѣ. Если же такъ, то это повидимому указываетъ, что слухъ ап. Павла былъ незнакомъ или, что было бы тоже самое, былъ безразличенъ даже къ такому

¹⁾ См. касательно Критянъ *Leonidas*, Anthol. III, p. 369; Polyb. VI, 47; Diod. Sic. XXXI, Fr.; Wetst. ad loc.

²⁾ *Callim*, Hymn. in Jov. 8. $\text{Κρήτες ἀεὶ φεύσονται, καὶ γὰρ, τάφον δ' ἄντιο Κρήτες ἐτεκτήναντο}$. См. Златоустъ и Иеронимъ на Тит. I, 12. Кромѣ того, строка эта послужила поводомъ къ одному изъ самыхъ ходячихъ загадочныхъ силлогизмовъ, называемыхъ „лжецы“. „Эпименидъ сказалъ, что Критяне—лжецы; но Эпименидъ былъ Критянинъ; поэтому Эпименидъ былъ лжецъ; поэтому Критяне не были лжецы; слѣдовательно Эпименидъ не былъ лжецъ“, и пр. и пр. (Diog. Laert. II, 108). Силлогизмъ этотъ былъ изобрѣтенъ Еввулидомъ; см. Cic. Div. II, 4, „mentiens“.

³⁾ *Cleanthes*, Hymn. in Jov. 5.

⁴⁾ Аратъ процвѣталъ около 270 года до Р. Хр. Его поэмы пользовались изумительною популярностью. Онъ переводился, между прочимъ, Цидерономъ и Цезаремъ Германикомъ.

⁵⁾ *Buhle*, *Aratus*, II, 429.

⁶⁾ Hist. Ecc. III, 16.

⁷⁾ Дѣян. XIV, 17; XVII, 27; Рим. I, 20.

⁸⁾ $\aleph, A, B, D, E, F, G$ и проч. ταρσεῖον τραγικόν . *Clem. Alex.* Strom. I, 14, 59; *Meineke*, Fr. Com., p. 75.

обыкновенному ритму, какъ ритмъ ямбическаго стиха. Отсюда мы заключаемъ, что отдѣльныя цитаты ап. Павла доказываютъ его ученость въ греческой литературѣ не болѣе, чѣмъ цитата такой національной эпиграммы, какъ

„Inglese italianato, Diavolo incarnato“

или цитата такой строки, какъ

„Lasciate ogni speranza voi ch'entrate“,

служили бы необходимымъ доказательствомъ, что приводящій ихъ англійскій писатель есть полный знатокъ итальянской литературы или читалъ поэмы Данта. Ап. Павелъ былъ человѣкъ замѣчательной восприимчивости и, какъ мы видѣли, любитель цитать. Кромѣ посланій, предназначавшихся для читателей, для которыхъ цитаты изъ Ветхаго Завета были бы непонятны, онъ едва можетъ написать пять предложеній безъ того, чтобы не сослаться на Библію. Полное отсутствіе чего-нибудь подобнаго въ отношеніи даже возвышеннѣйшихъ классическихъ писателей служитъ доказательствомъ или того, что онъ намѣренно пренебрегалъ ими, или что во всякомъ случаѣ они мало производили впечатлѣнія на умъ, столь отзывчивый ко всякому сродному вліянію. А что его обширная память сохраняла въ себѣ не одно только свящ. писаніе іудейскаго канона, это видно изъ того свободнаго употребленія, которое онъ дѣлаетъ изъ книги Премудрости и быть можетъ изъ другихъ книгъ іудейскихъ апокрифовъ ¹⁾. Это можно прослѣдить также въ той степени, въ какой онъ постоянно преслѣдуется тѣмъ или другимъ словомъ ²⁾, и въ новыхъ и часто рѣдкихъ выраженіяхъ, которыя находятся въ каждомъ изъ его посланій ³⁾ и которыя показываютъ намъ умъ крайне восприимчивый къ впечатлѣніямъ, получаемымъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ и даже отъ сношенія съ лицами, среди которыхъ онъ обыкновенно вращался.

2. Но хотя греческая образованность Тарса имѣла мало или совсѣмъ не имѣла никакого вліянія на ходъ мыслей ап. Павла, было бы ошибочно предполагать, что она совсѣмъ не произвела никакого вліянія на его жизнь или на его слогъ. Кромѣ прямыхъ цитатъ, у него есть нѣсколько отдѣльных мѣстъ, которыя могутъ быть отдаленнымъ отголоскомъ классическихъ воспоминаній. Такова напр. апологія заносчивыхъ членовъ въ 1 Кор. xii, которая сразу напоминаетъ намъ глубокомысленную басню Мененія Агриппы ⁴⁾; и ужасная метафора въ Рим. vii, 24, которая, хотя и съ меньшею вѣроятностью, могла относиться къ истинному разсказу о семействѣ Регула ⁵⁾. Притомъ далеко не невѣ-

¹⁾ См. Hausrath, p. 23. Онъ сравниваетъ 1 Кор. vi, 2 съ Премудр. iii, 8, образъ христіанскаго всеоружія съ Премудр. v, 17, метафору о горшечникѣ, дѣлающемъ одинъ сосудъ для высокаго и другой для низкаго употребленія съ Премудр. xv, 7. Замѣчательное, три раза повторенное изреченіе „не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе“ (Гал. v, 6; vi, 15; 1 Кор. vii, 19), по мнѣнію Фотія, Синкелла и другихъ, есть цитата изъ „Откровенія Моисея“. Лайтфутъ (въ толкованіи на Гал. vi, 17) показываетъ, что есть нѣкоторое основаніе сомнѣваться въ этомъ, и говорить, что „крайне невѣроятно, чтобы мысль эта, служащая самой основой ученія ап. Павла, была выражена въ какомъ-нибудь болѣе раннемъ іудейскомъ сочиненіи; и если она дѣйствительно встрѣчалась въ названномъ апокрифическомъ произведеніи, то это произведеніе или было написано или интерполировано послѣ уже времени ап. Павла“ (см. Lücke, Offenb. d. Iohan. i, p. 232).

²⁾ Напр. ἰνομαι въ 1 Тесс. i; τὰ ἐπουράνια въ Ефес. i; χαίρω и χάρις въ Фил.; μὴ γένοιτο въ Рим.; φυσίω въ 1 Кор. iv; καυχᾶσθαι во 2 Кор. xi; παρηκαλέω во 2 Кор. i; λύπη во 2 Кор. ii и пр.

³⁾ Какъ напр. καταναρκάω и ἡμέρα въ 1 Кор.; πλήρωμα въ посланіяхъ изъ узъ; βυτίς въ пастырскихъ посланіяхъ и проч.

⁴⁾ Лив. ii, 32. Замѣчательная параллель находится также у Сенеки De ira, ii, 31.

⁵⁾ Предлогъ ἔκ говоритъ противъ этого предположенія. Съ другой стороны περικαθήματα и περιφύμα въ 1 Кор. iv, 13 быть можетъ составляютъ намекъ на древнія умилоостивительныя жертвоприношенія.

роятно, что въ какомъ-нибудь «классѣ риторики» въ Тарсѣ апостолъ приобрѣлъ зародышъ по крайней мѣрѣ того аргументативнаго склада ума, того дара экстенпоральной рѣчи и той любви къ хіазму, паронимасіи, паралепсису, оксиморону и другимъ риторическимъ фигурамъ, которыми отличается его слогъ ¹⁾. Тамъ же онъ могъ научиться и той оборотливости, той общественной деликатности, той замѣчательной выразительности, той обширной опытности и способности въ отношеніи къ различнымъ интересамъ и самымъ запутаннымъ дѣламъ, которыя дѣлали его въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ слова истинно благороднымъ, христіанскимъ человѣкомъ въ мірѣ сего. Онъ въ своемъ сердцѣ и чувствѣ былъ идеальнымъ образцомъ того, что греки называютъ καλὸς καὶ ἀγαθός — «прекраснымъ и добрымъ человѣкомъ» — и его обращеніе съ образованными греками могло повести къ озаренію его отличающагося «совершенно истой аттической деликатностью» ²⁾ духа — болѣе гибкаго и болѣе очаровательнаго, чѣмъ естественное семитическое достоинство, — которымъ дышетъ каждая строка посланія къ Филимону.

3. Замѣчательнымъ свойствомъ этого природнаго дарованія служить то, что, не смотря на пылкую ненависть къ идолопоклонству, которую, какъ мы видимъ, онъ былъ одушевленъ, онъ былъ въ то же время способенъ смотрѣть съ сочувствіемъ и даже восхищеніемъ на нѣкоторыя изъ болѣе благородныхъ и болѣе невинныхъ сторонъ языческой жизни, которую его соотечественники осуждали всю безъ различія ³⁾. Освященіе языческихъ символовъ, употребленіе метафоръ, заимствованныхъ изъ языческой жизни для иллюстраціи христіанскихъ истинъ и христіанскихъ обязанностей, есть весьма замѣчательная черта въ стилѣ ап. Павла. Строгіе фарисеи къ немногимъ изъ преступленій Ирода относились съ болѣе нескрываемымъ ужасомъ и ненавистью, чѣмъ къ построенію имъ театра въ Кесаріи. Однако же ап. Павелъ, совершенно свободно и безъ всякаго смущенія, усвоивая метафору, которая бы породила ужасъ во всякомъ палестинскомъ фарисеѣ, сравниваетъ преходящій образъ міра съ мимолетной сценой театральнаго представленія, и въ другихъ мѣстахъ представляетъ всю вселенную театромъ, на сценѣ котораго изображались страданія апостоловъ какъ зрѣлище ангеламъ и человѣкамъ ⁴⁾. Мы видимъ въ немъ также болѣе свободнаго духомъ сына разсѣяннаго — человѣка, мысли котораго были расширены путешествіемъ и сношеніемъ съ людьми инаго воспитанія и иныхъ народовъ, — именно въ томъ живомъ сочувствіи, съ которымъ ап. Павелъ беретъ нѣкоторыя изъ своихъ любимыхъ метафоръ изъ здоровыхъ состязаній въ греческихъ играхъ ⁵⁾. Эти игры составляли самую свѣтлую и самую

¹⁾ Напр. хіазмъ, Рим. II, 7—10; паронимасія, 2 Фесс. III, 11 (см. выше, ad loc); паралепсисъ, 1 Фесс. IV, 9; V, 1; оксиморонъ, Рим. I, 20; Филип. II, 11; литотисъ, 1 Кор. XI, 22 и проч. (См. приложение II: „Риторика ап. Павла“).

²⁾ Krenkel, p. 12. Arist. M. Mor. II, 9, 2.

³⁾ Талмудъ изобилуетъ мѣстами, которыя выражаютъ не что иное какъ безграничное презрѣніе къ язычникамъ, даже къ самымъ ихъ добродѣтелямъ. Въ трактатѣ Babha Bathra, f. 10, 2 есть замѣчательное разсужденіе на Притч. XIV, 34. Оно переводится: „праведность возвышаетъ народъ, и доброта народовъ есть грѣхъ“. Раввинъ Елеазаръ объяснялъ его въ такомъ смыслѣ: „праведность возвышаетъ Израиля; но доброта другихъ народовъ есть грѣхъ, такъ какъ она происходитъ только отъ ихъ самовозношенія“. Раввинъ Гамалиль сказалъ: „они имѣли значеніе только въ видѣ укора для недостатковъ Израиля“; а раввинъ Нехунія Бенъ Гакана давалъ такую пунктуацию этому стиху: „праведность возвышаетъ народъ (Израиля) и доброту: но народы есть приношеніе за грѣхъ“. Это объясненіе было принято раввиномъ Иохананомъ Бенъ Заккаемъ.

⁴⁾ 1 Кор. VII, 31, παράγει τὸ σῆμα τοῦ κόσμου. 1 Кор. IV, 9, θέατρον ἐγγυθήμεν (сн. Евр. X, 33, θεατριζόμενοι).

⁵⁾ 1 Кор. IX, 24; Филип. III, 14; 1 Тим. VI, 12; 2 Тим. IV, 8; II, 5; 1 Фесс. II, 19.

невинно привлекательную черту эллинской жизни. Въ теченіе своего долгаго пребыванія въ Ефесѣ и Коринѣ, онъ несомнѣнно не разъ бывалъ зрителемъ тѣхъ рукопашныхъ схватокъ, тѣхъ высокохудожественныхъ состязаній въ борьбѣ, тѣхъ быстрыхъ бѣговъ съ цѣлью полученія вянущихъ лавровыхъ вѣнковъ, которые для нѣкоторыхъ изъ его языческихъ обращенцевъ и особенно для болѣе молодыхъ изъ нихъ не сразу могли потерять свою прелесть. Мы вполне можемъ вообразить, какъ какойнибудь юный ефесянинъ или коринѳянинъ могъ настаивать, чтобы ап. Павелъ пошелъ съ нимъ посмотрѣть на борьбу и состязаніе; и какъ тотъ, который отличался въ своихъ чувствахъ столь живою гуманностью съ трепещущимъ интересомъ могъ посмотрѣть на зрѣлище этого многотысячнаго собранія народа на обширномъ ристалищѣ, могъ съ любопытствомъ наблюдать за необычайною напряженностью глазъ и лицъ, а также и за напряженностью слуха, съ которою они слушали провозглашеніе герольда, на отважныхъ всадниковъ на колесницахъ съ развѣвающимися позади ихъ волосами, а также и слышать громоносныя восклицанія, съ которыми народъ привѣтствовалъ юнаго побѣдителя, который съ краскою смущенія выступалъ для полученія своего приза. Если эти прекрасные юноши трудятся такъ много и выносятъ такъ много для того, чтобы получить жалкій вѣнокъ себѣ на голову, свѣжесть котораго увядала даже раньше захода солнца, то неужели они не употребятъ никакихъ усилій, никакой борьбы для того, чтобы пріобрѣсти вѣнецъ праведности, который никогда не увянетъ? И затѣмъ также здѣсь побѣда одного была позоромъ и разочарованіемъ для всѣхъ остальныхъ, между тѣмъ въ этомъ другомъ состязаніи каждый и всѣ вѣстѣ могли быть одинаково побѣдителями, и побѣда каждого будетъ новой славой для всѣхъ, которые подвизались для достиженія той же высокой награды ¹⁾. И когда такія мысли проходили по его душѣ, то у него не было іудейской узкости, а были лишь благородное сочувствіе и готовность восхищаться тѣмъ, что было невиннаго и прекраснаго въ человѣческихъ обычаяхъ, когда онъ писалъ своимъ обращенцамъ въ Коринѣ: «не знаете ли, что бѣгущіе на ристалищѣ бѣгутъ всѣ, но одинъ получаетъ награду? Такъ бѣгите, чтобы получить ²⁾. Всѣ подвижники воздерживаются отъ всего: тѣ для полученія вѣнца тлѣннаго, а мы—нетлѣннаго. И потому я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное, бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю и поработаю тѣло мое, дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ» ³⁾.

4. Но ап. Павелъ во время своего пребыванія въ Тарсѣ познакомился не съ греческими обычаями только. Онъ очевидно долженъ былъ также обладать нѣкоторымъ знаніемъ и римскаго закона. Его мысли часто имѣютъ юридическую форму. Онъ говоритъ о наслѣдствѣ по закону, о законномъ меньшинствѣ, о правахъ женъ и дочерей ⁴⁾. Привилегіи и права, которыми онъ обладалъ вслѣдствіе своего права *Civitas*, неизбѣжно должны были обращать его мысли въ этомъ направленіи. Законы «двѣнадцати таблицъ» опредѣляли власть, которую отцы могли имѣть надъ своими сыновьями даже послѣ достиженія ими зрѣлаго возраста (*patria potestas*) такимъ способомъ, который, какъ говоритъ Гай, былъ стовѣственъ римской юриспруденціи, съ единственнымъ исключеніемъ его существованія среди *Galatae*. Если здѣсь разужются «галаты», то это придавало бы особое значеніе иллюстраціи

¹⁾ См. близкую параллель въ *Sen. Ep. Mor. LXXVIII, 16.*

²⁾ *Καταλάβετε.* Сн. Филипп. III, 12—14, *κατὰ σκοπόν... ἐπὶ τὸ βραβεῖον.*

³⁾ 1 Кор. IX, 24—27; ἀδύναμις; *vocabulum agonisticum* (Beng.; Philo, de Cherub. § 22). Объ ограниченномъ воспитаніи состязателей см. *Hor. A. P., 412; Epict. Enchir. 35; Dissert. III, 15; Tert. ad Mart. 3.* ἀέρα δέρειν значитъ вести *σκληρά* (т. е. дѣлать одно подобіе борьбы). (*Eustath. ad Il. XX, 446; Athen. 154, A, и проч.; Virg. Aen. V, 376.* Κηρύξας быть можетъ „возвѣщая законы состязанія“ (*Aesch. Eum. 566.*)

⁴⁾ Гал. III, 17, 18; IV, 1, 2; Рим. VII, 2 и проч.

въ Гал. iv, 1, которая во всякомъ случаѣ доказываетъ знакомство ап. Павла съ римскими учрежденіями, не существовавшими среди іудеевъ. Равнымъ образомъ Мэнъ говоритъ, что «истинное значеніе завѣщанія» нигдѣ не опредѣлялось въ іудейскомъ кодексѣ законовъ, и что римляне «изобрѣли завѣщаніе». Между тѣмъ на правила завѣщанія по наслѣдству и неотмѣнимость ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ ап. Павелъ, повидимому, дѣлаетъ явный намекъ (Гал. iii, 15). Затѣмъ онъ явно выставляетъ римскую идею искусственнаго «усыновленія» даже до такой степени, что дѣлаетъ видимое указаніе на тотъ фактъ, что сынъ, вполне усыновленный, оставляетъ домашніе обычаи (сасга) своего собственнаго семейства и привязывается къ обычаямъ своего новаго родителя (Гал. iv, 5; Ефес. i, 5) ¹⁾.

5. Мы можемъ взять еще одно мѣсто—хотя въ этомъ случаѣ оно не заключаетъ въ себѣ никакого восторга или сочувствія—для того, чтобы показать, какъ тщательно обычаи языческой жизни были наблюдаемы ап. Павломъ въ томъ разнообразномъ опытѣ, который дѣлалъ его въ лучшемъ смыслѣ этого слова гражданиномъ всего міра. Вслѣдствіе полнаго незнанія этого, это мѣсто часто совершенно не понималось. Оно находится во 2 Кор. ii, 14—16: «но благодареніе Богу, который всегда ведетъ насъ повсюду въ триумфъ ²⁾» во Христѣ, и благоуханіе познанія о Себѣ распространяетъ нами во всякомъ мѣстѣ. Ибо мы Христово благоуханіе Богу въ спасаемыхъ и въ погибающихъ. Для однихъ запахъ смертоносный на смерть; а для другихъ запахъ живительный на жизнь».

Здѣсь также (хотя подробности метафоры крайне запутаны) общая идея, которая была въ мысляхъ апостола и руководила его выраженіемъ, заимствована изъ обычаевъ римскаго триумфа. Главною чертою такого «оскорбительнаго тщеславія» было то, что главные плѣнники торжественно водились передъ колесницей побѣдителя и на улицахъ курились сладостныя благовонія въ то время, какъ колесница его поднималась къ Капитолію ³⁾. Но когда онъ достигалъ подошвы капитолійскаго холма, тамъ дѣлалась роковая остановка, которая, при крайнемъ отсутствіи всякаго чувства сожалѣнія, быть можетъ была моментомъ новаго торжества для побѣдителя, но которая была смертью для плѣнника: такъ какъ въ этомъ мѣстѣ плѣнники переставали составлять часть процессіи, ихъ отводили въ сторону въ скалистые подвалы Tullianum, и тамъ въ этихъ мрачныхъ и сырыхъ пещерахъ они подвергались задушенію отъ руки палача. И такимъ образомъ сладостныя благовонія, которыя для побѣдителя—какого нибудь Маріа или Юлія Цезаря—и для зрителей были символомъ славы, успѣха и счастья, для несчастныхъ жертвъ—какого нибудь Югурты или Верцингеторикса—были запахомъ смерти. Приведа себѣ на память эту сцену по поводу словъ «ведетъ насъ въ триумфъ», ап. Павелъ тотчасъ же воображаетъ себя плѣнникомъ предъ колесницей Бога—плѣнникомъ въ связи со Христомъ; и затѣмъ воображеніе его поражаетъ другая мысль. Проповѣдники Христа подобны тому дымящемуся куренію, запахъ котораго наполнялъ торжествующія улицы ⁴⁾, но это не былъ запахъ жизни и въ немъ не заключалась на-

¹⁾ Эти примѣры указываются у Merivale, Boyle Lectures, и St. Paul at Rome, pp. 172—180. Указанныя мѣста Гаія см. въ Instt. I, 55 (сн. Caesar, B. G. VI, 19), 189; Digests, XXVI, 3; но я не могу утверждать, что эти заключенія безспорны.

²⁾ Переводъ: „который всегда даетъ намъ торжествовать во Христѣ“ невозможенъ философически (сн. Колос. ii, 15) и спутываетъ иносказаніе до такой степени, что оно становится совершенно непонятнымъ. Ап. Павелъ быть можетъ слышалъ о знаменитомъ триумфѣ Клавдія надъ британцами за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (въ 51 году по Р. Хр.), въ которомъ Карактакъ шелъ въ качествѣ плѣнника (Θραμβευθεὶς), но „перешелъ изъ рядовъ погибшихъ въ ряды спасенныхъ“ (Тас. Ann. xiii, 36). (См. Plumtre ad loc.). Клеопатра гордо сказала: οὐ θραμβευθήσομαι.

³⁾ Dion Cass. LXXIV; Hor. Od. IV, ii, 50; Plut. Aemil., p. 272.

⁴⁾ Ап. Павелъ стоитъ выше вульгарнаго предразсудка раввиновъ, которые говорили, что „тотъ человѣкъ грѣшникъ, который, проходя частью города, обитаемой идолопоклонниками, намѣренно вдыхаетъ въ себя запахъ приносимаго ими куренія“ (Berachóth). f. 53, 1).

дежда. Какъ ни пріятенъ свѣтъ, но онъ причиняетъ боль больному глазу, какъ ни сладокъ медъ, но онъ кажется горькимъ для болѣзненнаго вкуса ¹⁾, такъ и благовоніе, при всей своей естественной пріятности, могло быть всетаки для многихъ,—благодаря ихъ собственнымъ грѣхамъ и порочности, — только запахомъ смерти. Вѣсть о спасеніи была истиннымъ благовѣстіемъ, но для преступно ожесточеннаго и злонамѣренно порочнаго человѣка оно могла быть приговоромъ гнѣва и осужденія ²⁾.

Ап. Павлу быть можетъ и не приходило на умъ, когда онъ писалъ эти слова, что триумфъ Божій, въ которомъ онъ былъ водимъ изъ мѣста въ мѣсто, какъ добровольная жертва, могъ окончиться для него также въ подвалахъ того самого тулліанума ³⁾, описаніе котораго въ его мысляхъ быть можетъ смѣшивалось съ другими подробностями римской пышности, и что если не изъ Мамертинской, то изъ какой нибудь другой римской тюрьмы ему также придется пойти на страшную смерть.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV (къ стр. 38).

Ап. Павелъ какъ гагэдистъ: ап. Павелъ и Филонъ.

Иудейская ученость распадается на два большихъ отдѣла, которые могутъ быть подведены подъ рубрики *гагадоэ*, т. е. незаписанныхъ легендъ, и *галахоэ*, т. е. правилъ и прецедентовъ въ объясненіи сомнительныхъ или неопредѣленныхъ пунктовъ законной обрядности ⁴⁾. Естественно немного слѣдовъ послѣдней могло быть въ писаніяхъ апостола, явную цѣлью котораго было освободить язычниковъ отъ невыносимаго ига законническаго іудейства. Но хотя въ его писаніяхъ мало слѣдовъ этого отдѣла, самъ онъ выразительно говоритъ намъ, что онъ нѣкогда былъ ревностнымъ въ его исполненіи ⁵⁾. «Я», пишетъ онъ галатамъ, «преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій» ⁶⁾. И его посланія изобилуютъ признаками, что съ *гагадовами* онъ былъ чрезвычайно знакомъ и что онъ постоянно ихъ имѣетъ въ виду въ своей мысли. Такъ во 2 Тим. iii, 8 онъ по преданію упоминаетъ имена Іаннія и Іамврія,

¹⁾ См. Теофилактъ, ad loc.

²⁾ Равнымъ образомъ раввины говорили о законѣ, какъ „ароматъ жизни“ для тѣхъ, которые идутъ на право, и „ароматъ смерти“ для тѣхъ, которые идутъ на лѣво (Shabbath, f. 88, 2).

³⁾ Тулліанумъ, согласно древнему преданію, есть мѣсто послѣдняго тюремнаго заключенія предъ мученичествомъ какъ ап. Петра, такъ и ап. Павла. Это была высѣченная въ скалѣ низкая тюрьма, присоединенная Сервіемъ Тулліемъ къ сагсер Анка Марція. Раскопки, произведенныя въ послѣднее время, доказываютъ, что она была гораздо больше, чѣмъ предполагалось доселѣ.

⁴⁾ Я пытался вполне изложить сущность *галахи* и *гагады* въ Expositor за октябрь 1877 г. Первая имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ пятокнижіемъ, послѣдняя съ правоучительными книгами (Нагиогграфна). Дейтчъ (библ. словарь Смита, подъ сл. „Versions“) говоритъ: „если *галаха* пользовалась словомъ св. писанія какъ послѣднимъ и наиболѣе страшнымъ доказательствомъ, послѣ котораго не могло быть дальнѣйшаго протеста, то *гагада* пользовалась имъ какъ золотымъ гвоздемъ, на который можно было вѣшать ея собственное пышное рукодѣлье. Если первая была желѣзнымъ оплотомъ вокругъ національности Израиля, то послѣдняя была изумительнымъ цвѣтникомъ среди крѣпостныхъ стѣнъ“.

⁵⁾ Галат. i, 14.

⁶⁾ *Парадосис* не означало писаннаго закона, но устный законъ, *патриа їѣη*, о которомъ такъ много говоритъ Іосифъ Флавій; это въ дѣйствительности зародышъ *галахоэ*, мишны и гемары.

двух египетских волхвовъ, которые противоѣствовали Моисею. Онъ принимаетъ ходячую іудейскую хронологию въ Дѣян. III, 20, 21. Онъ намекаетъ на мнѣніе, что Адамъ Быт. I есть идеальный или духовный, а Адамъ Быт. II — конкретный и грѣховный Адамъ ¹⁾). Понятіе о послѣдней трубѣ ²⁾), о томъ, что законъ при Синаѣ данъ былъ ангелами ³⁾), что сатана есть богъ міра сего и князь силы воздушныя ⁴⁾), о небесной и адской іерархіи ⁵⁾) — все это встрѣчается въ талмудическихъ сочиненіяхъ. Когда въ I Кор. XI, 10 онъ говоритъ, что «жена должна имѣть на головѣ своей покрывало ⁶⁾ для ангеловъ», то здѣсь, намъ думается, не можетъ быть сомнѣнія въ непредубѣжденной душѣ всякаго читателя, знакомаго съ тѣми іудейскими взглядами на этотъ предметъ, въ которыхъ воспитывался ап. Павелъ, что онъ здѣсь имѣетъ въ виду общее раввинское толкованіе Быт. VI, 2 (LXX, кодексъ A, «ангелы»), гдѣ Таргумъ, и вообще всѣ іудейскіе авторитеты, даже авторъ книги Еноха (приведенный въ посланіи Іуды) ⁷⁾), приписываетъ паденіе ангеловъ ихъ преступной любви къ земнымъ женщинамъ. Ап. Павелъ не могъ не быть знакомъ съ мнѣніемъ, которое въ теченіе многихъ вѣковъ повидимому господствовало въ іудейской душѣ ⁸⁾), съ мнѣніемъ, которое то и дѣло встрѣчается въ Талмудѣ и которое еще настолько сильно среди восточныхъ іудеевъ, равно какъ и среди магометанъ ⁹⁾), что они никогда не позволяютъ своимъ женщинамъ съ непокрытой головой появляться публично изъ опасенія, чтобы *шедимъ*, т. е. злые духи, не нанесли вреда имъ и другимъ ¹⁰⁾).

¹⁾ I Кор. XV, 47. Оно встрѣчается также у Филона, De Opif. Mund. I, 32.

²⁾ I Кор. XV, 52; I Тим. IV, 16.

³⁾ Галат. III, 19.

⁴⁾ Ефес. II, 2.

⁵⁾ Ефес. I, 21; III, 10; VI, 12; Колос. I, 16; II, 15.

⁶⁾ Таковъ, повидимому, очевидный смыслъ *ἐξουσία* въ I Кор. XI, 10, каковъ бы ни былъ специальный отгѣнокъ мысли въ употребленіи этого слова, — что можетъ быть и простымъ провинциализмомъ. Ап. Павелъ даетъ три основанія для этого правила: 1) наше инстинктивное чувство, что непокрытая голова, подобно бритой головѣ, есть безчестіе для женщины, волоса которой есть слава для нея; 2) тотъ фактъ, что волоса женщины указываютъ на ея соподчиненное положеніе по отношенію къ мужчине, какъ покрытая голова мужчины означаетъ его соподчиненіе Богу; 3) «для ангеловъ».

⁷⁾ 2 Петр. II, 4; Іуд. 6. 14.

⁸⁾ То доказательство, что слово *ἄγγελοι* никогда не употребляется въ Новомъ Заветѣ, кромѣ какъ въ отношеніи добрыхъ ангеловъ, совершенно не имѣетъ цѣны, такъ какъ падшіе ангелы, по предположенію, были добрыми ангелами до своего паденія, и если они такимъ образомъ пали, то ничто не доказываетъ невозможности, чтобы не могли подобнымъ же образомъ пасть и другіе. Такое толкованіе безъ всякаго смущенія даетъ Тертуліанъ de Virg. Vel 7, „propter angelos, scilicet quos legimus a Deo et coelo excidisse ob concupiscentiam feminarum“. Я тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ статьѣ Homiletic Quarterly 1878 г. и привелъ тамъ много раввинскихъ иллюстрацій (Tanchuma, f. 51, 4; Abhōth of Rabbi Nathan, c. 34).

⁹⁾ См. весьма замѣчательный рассказъ Хаджи, который заявляетъ, что именно Гавріилъ, который являлся Магомету, тотчасъ же улетѣлъ, когда она сняла съ себя покрывало, „зная отъ Варака, что добрый ангелъ долженъ улетѣть отъ лица непокрытой женщины“ (Weil, Mohamed, 48). (См. обстоятельное примѣчаніе декана Станлея, Кор. стр. 187)

¹⁰⁾ См. Berachōth, f. 6, 1: „Авва Ваниаминъ говоритъ, что если бы намъ позволено было видѣть ихъ, то ни одинъ бы не устоялъ предъ этими вредоносными бѣсами. Равъ Гуна говоритъ, что каждый изъ насъ имѣетъ 1000 на лѣвой и 10000 на правой рукѣ (Пс. XC, 7)“ и проч. и проч. Причина, почему постель Соломона была охраняема 605 тѣлохранителями съ извлеченными мечами, заключается „въ боязни ночи“ (Пѣсп. III, 7, 8). „Не ходи одинъ ночью, потому что Еграва, дочь Махлава, бродитъ кругомъ — вмѣстѣ съ 180,000 разрушительныхъ ангеловъ, и каждый изъ

Затѣмъ въ Римл. iv, 5, 13 ап. Павелъ, очевидно, принимаетъ преданіе, указываемое также св. Стефаномъ, что Авраамъ былъ необрѣзаннымъ идолопоклонникомъ, когда онъ впервые послушался призванія Бога, и что онъ тогда получилъ обѣтованіе—неизвѣстное тексту св. Писанія—«что онъ будетъ наслѣдникомъ міра»¹⁾. Въ Рим. ix, 9, вслѣдствіе формы цитаты, предполагали намекъ на раввинское мнѣніе, что Исаакъ былъ сотворенъ въ утробѣ творческою силою Бога; въ Гал. iv, 29—на *чагаду*, что Измаиль не только смѣялся надъ Исаакомъ, но оскорблялъ, поносилъ и всячески обижалъ его²⁾, и во 2 Кор. xi, 14—на мнѣніе, что ангелъ, боровшійся съ Іаковомъ, былъ злымъ ангеломъ, принявшимъ подобіе ангела свѣта. Эти три послѣднихъ примѣра незначительны и сомнительны; но есть замѣчательный намекъ на источенную скалу въ пустынѣ, которая въ 1 Кор. x, 4 называется «духовнымъ *послѣдующимъ* камнемъ». Выраженіе это можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ. Среди многихъ чудовищныхъ измышлений, созданныхъ умомъ іудейскихъ учителей, занимавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій исключительнымъ изученіемъ своихъ священныхъ книгъ, была одна мысль, къ которой они постоянно обращаются, именно, что скала, изъ которой истекла вода, была круглою подобно пчелиному улью и катилась за израильтянами во все время ихъ странствованія. Когда основана была скинія, камень этотъ подкатился и сталъ въ притворѣ. Тогда пришли князья и, ставъ близъ него, воскликнули: «наполняйся водою, о, колодезь; пойте ему»,³⁾ и онъ заструился и наполнился водою. Какъ смотрѣть на эти странныя легенды? Можемъ ли мы предполагать, что мудрые и разумные раввины, въ родѣ Гиллея и Гамалила, понимали ихъ буквально? Нѣтъ ни малѣйшаго основанія для такого предположенія, и въ дѣйствительности рѣшительно невозможно предполагать, чтобы кто-нибудь принималъ буквально всѣ басни Талмуда, которыя во многихъ случаяхъ не только бессмысленны, но и самопротиворѣчивы. Многія изъ нихъ несомнѣнно считались простою игрою благочестиваго воображенія, простымъ упражненіемъ ума, любящаго силлогистику. Другія, представляя только восточный способъ выраженія таинственныхъ истинъ,—были въ дѣйствительности намѣренными аллегоріями. Иныя въ своихъ общихъ чертахъ были національными преданіями, которыя могли часто соотвѣтствовать дѣйствительности и во всякомъ случаѣ пользовались общимъ и несомнѣннымъ довѣріемъ въ тѣ вѣка, которые мало смущались духомъ историческаго критицизма⁴⁾. Хотя ап. Павелъ могъ совершенно естественно намекать, указывать и даже пользоваться нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ, все-таки было бы крайне ошибочно предполагать, что онъ непремѣнно придавалъ имъ какую-нибудь объективную важность. Если онъ и намекаетъ на простѣйшія и наиболѣе разумныя изъ нихъ,

---

нихъ имѣетъ особое позволеніе разрушать» (Pesahim, 112; 2). Они называются *рухинъ*, *шедимъ*, *лилинъ*, *тигаримъ* и проч. (Гамбургеръ подъ словомъ „Gespenster“). Изъ другихъ взглядовъ на это мѣсто единственно возможнымъ (исторически) мнѣ кажется только взглядъ св. Златоуста: „потому что добрые ангелы, присутствующіе при христіанскомъ богослуженіи, радуются при видѣ того, что все дѣлается прилично и въ добромъ порядкѣ“.

¹⁾ Рим. iv, 13; см. Ис. Нав. xiv, 15.

²⁾ Sanhedr. f. 89, 2.

³⁾ Числ. xxi, 17.

⁴⁾ Сами раввины дѣлаютъ различіе между мѣстами, которыя нужно понимать буквально (משפטים) и тѣми, которыя имѣютъ „гиперболическій характеръ, по обычаю восточнаго слово-выраженія (משפטים)“ (Reland, Antt. Hebr. p. 140). Нужно затѣмъ помнить, что многое въ Талмудѣ состоитъ изъ криптографовъ, которые преднамѣренно скрываютъ смыслъ *פסוקים* отъ „гонимыхъ и еретиковъ“. Недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ здѣсь, но я могу отослать интересующихся этимъ предметомъ къ моимъ статьямъ о галахъ и гагадъ, талмудическихъ криптографахъ и проч. въ Expositor за 1877 годъ.

то онъ дѣлаетъ это случайно, въ смыслѣ украшенія или поясненія своей рѣчи, и по всей вѣроятности не придавалъ имъ никакого другаго значенія, кромѣ того, которое они имѣли въ связи съ прекрасными воспоминаніями о томъ, чему онъ учился въ аудиторіи Гамалиила или въ своемъ старомъ родительскомъ домѣ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ посланія къ Коринтянамъ слово «послѣдующій» (*ἀκολουθεύσας*) есть только прекрасный намекъ на наименѣе фантастическій элементъ легенды, способный имѣть духовное значеніе; и ап. Павелъ немедленнымъ прибавленіемъ словъ «камень же былъ Христосъ» показываетъ, какъ легко и случайно это указаніе на чисто гагадистическіе элементы, которые въ національномъ сознаніи перемѣшались съ великой исторіей о странствованіи въ пустынь ¹⁾. Въ виду этого — такъ какъ въ мысляхъ ап. Павла имѣется въ виду духовный, а не матеріальный камень — можетъ ли кто нибудь держаться столь рабскаго и противнаго писанію взгляда на боговдохновеніе, чтобы думать, что такой мимолетный намекъ или требуетъ отъ насъ буквального принятія указываемаго факта, или, если мы отвергнемъ его, ослабляетъ весь апостольскаго авторитета? Если новѣйшій богословъ-писатель укажетъ мимоходомъ на какую нибудь ходячую легенду изъ новѣйшей или древней исторіи, то будетъ ли это значить, что онъ имѣетъ въ виду доказать ея историческую достовѣрность? Если онъ сошлется на Мильтона, гдѣ онъ говоритъ, что нагрудникъ Аарона «сверкалъ драгоценными оракулами», то неужели это значить, что онъ держится раввинской теоріи касательно свѣта, исходявшаго изъ нихъ? Считалъ ли кто нибудь себя обязаннымъ буквально понимать семь небесъ на томъ основаніи, что ап. Павелъ, въ полномъ согласіи съ іудейскимъ понятіемъ, говоритъ намъ, что онъ былъ восхищенъ въ рай даже до третьяго неба ²⁾?

Эти слѣды іудейскаго воспитанія особенно интересны въ одномъ отношеніи. Они показываютъ необычайно сильный здравый смыслъ въ апостолѣ и показываютъ также его боговдохновенное превосходство надъ всѣми вліяніями его прежняго воспитанія. Что онъ иногда прибѣгаетъ къ аллегоріи, это вполне понятно и интересно; но когда мы изучаемъ то употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ аллегорическаго метода въ отношеніи Сарры и Агари, мы сразу же видимъ его безконечное превосходство надъ фантастическимъ отношеніемъ къ тѣмъ же фактамъ со стороны ученаго Филона. На сколько тревѣе ап. Павелъ относится къ человѣческимъ и историческимъ элементамъ въ этомъ разсказѣ и на сколько проще и естественнѣе дѣлаемые имъ изъ него выводы! Затѣмъ когда онъ указываетъ на легенды и преданія своего народа, то съ какою мудростью онъ относится къ нимъ! Стоитъ только сравнить ап. Павла съ Филономъ, съ талмудистами, съ кѣмъ-нибудь изъ учителей церкви въ первые три вѣка, и мы тогда яснѣе увидимъ ту пропасть, которая отдѣляетъ апостола отъ величайшихъ писателей какъ его собственнаго народа, такъ и первенствующей христіанской церкви.

На вопросъ, читалъ ли ап. Павелъ Филона, или нѣтъ, отвѣтить не легко. Сочиненіе Гфрѣрера о Филонѣ могло служить повидимому рѣшительнымъ доказательствомъ, что онъ читалъ. Изъ обширныхъ сочиненій краснорѣчиваго александрійца несомнѣнно могутъ быть приведены многія мѣста, которыя могли бы заставить насъ повторить старое замѣчаніе, что «или Павелъ послѣдователь Филона, или Филонъ христіанинъ». Филонъ, подобно ап. Павлу, говоритъ о словѣ Божіемъ какъ противоположѣ манны, источеннаго камня и столповъ облачнаго и огненнаго; какъ о посредникѣ, какъ рожденномъ прежде

¹⁾ На семь такихъ ходячихъ національныхъ преданій указывается въ рѣчи св. Стефана (См. ниже, прим. 279).

²⁾ 2 Кор. xii, 2, 4; Ефес. iv, 10. Многія другія мѣста и выраженія ап. Павла находятъ иллюстрацію въ Талмудѣ — напр. 1 Кор. xv, 37, 45 *γῆρὸν κόκκων*; Ефес. ii, 14 (*χελὶ*); 1 Кор. v, 2 (*ἀραιόες*, „другія земли“); 2 Кор. ii, 16, *ὁσμὴ θανάτου*; 2 Кор. v, 2, *ἐκτενέμεθα* и проч. (См. объясненіе Мейера на эти мѣста).

всѣхъ міровъ и какъ небесномъ человѣкѣ. Онъ говоритъ о борьбѣ между плотскою и разумною душою; о вспомошествующей благодати Божіей; о молокѣ ученія; о видѣніи Бога, какбы въ зеркалѣ; объ истинныхъ богатствахъ и о вѣрѣ Авраама. Кромѣ согласія въ отдѣльныхъ фразахъ, Филонъ близко сходится съ ап. Павломъ также въ указаніи на непреодолимые откровенія ¹⁾, въ способахъ цитирования и толкованія Св. Писанія, въ употребленіи аллегорій, въ важности, которую онъ придаетъ духовному значенію постановленій сравнительно съ плотскимъ, и во многихъ другихъ особенностяхъ. Но когда мы всмотримся ближе, то увидимъ, что многія изъ этихъ выраженій и точекъ зрѣнія не были исключительной особенностью Филона. Онѣ, такъ сказать, носились въ воздухѣ. Онѣ относятся къ той же самой категоріи, какъ и сходныя съ христіанскими чувства и мысли, которыя можно привести изъ сочиненій Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелія, и могутъ быть объяснены поэтому скорѣй преобладающимъ теченіемъ нравственно-религіознаго чувства, чѣмъ какимъ либо подражаніемъ или сознательнымъ взаимобмѣномъ мысли. Рядомъ съ этими сходствами между ап. Павломъ и Филономъ громадны также и различія. Главное понятіе Филона есть понятіе Логоса, а это именно понятіе, которое *въ этомъ смыслѣ* никогда не употребляется ап. Павломъ. Ап. Павелъ дѣлаетъ лишь одинъ или два отдаленныхъ и легкихъ намека на древнюю греческую философію, которой Филонъ придавалъ чрезвычайное значеніе. Ап. Павелъ дѣлаетъ лишь второстепенное употребленіе изъ аллегорическаго метода, который для Филона составляетъ все. У Филона патріархи дѣлаются просто олицетворенными добродѣтелями; для ап. Павла они живые люди. Филонъ обращается съ своимъ эсotericскимъ эклектизмомъ къ немногимъ просвѣщеннымъ; ап. Павелъ смотритъ на всѣхъ одинаково, какъ на равныхъ чадъ Бога, не взирающаго на лица. Филонъ рабски держится іудейской обрядности, хотя онъ придаетъ ей таинственное значеніе; ап. Павелъ считаетъ ее отжѣвшею для язычниковъ и несущественною для іудеевъ. Филонъ еще держится безусловнаго преимущества іудея надъ язычникомъ; ап. Павелъ учитъ, что во Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни іудея, ни язычника. Въ Филонѣ мы видимъ безсиліе эллинистующаго рационализма; въ ап. Павлѣ силу духовной истины. Филонъ объясняетъ и любомудрствуетъ въ каждомъ направленіи; ап. Павелъ никогда не отступаетъ предъ парадоксомъ и оставляетъ рядомъ неразрѣшенные антиноміи. Филонъ, подобно ап. Павлу, много говоритъ о вѣрѣ; но *въра* Филона есть нѣчто далеко непохожее на преобразующее начало ²⁾, между тѣмъ какъ въра ап. Павла есть возрожденіе всего существа человѣка чрезъ таинственное единеніе со Христомъ. Сочиненія Филона представляютъ собою собраніе холодныхъ отвлеченностей, между тѣмъ какъ сочиненія ап. Павла есть живой источникъ духовной мудрости. «Филонъ, говоритъ проф. Джуэттъ, былъ іудей, ап. Павелъ христіанинъ. Филонъ эклектикъ, ап. Павелъ говорилъ какъ бы духомъ Божіимъ. Филонъ былъ восточный мистикъ, ап. Павелъ проповѣдывалъ воскресеніе тѣла. Филонъ идеализировалъ, ап. Павелъ одухотворялъ ветхій завѣтъ. Филонъ былъ философъ, ап. Павелъ проповѣдникъ; одинъ преподавалъ систему для іудеевъ, другой проповѣдывалъ вселенскую религію. Одинъ бытъ можетъ нѣсколько увеличилъ число отшельниковъ на берегахъ Нила, другой измѣнилъ міръ. Одинъ былъ представителемъ мертвой безсмысленной литературы, равнодушной къ прогрессу человѣчества, другой былъ началомъ жизни для разума, равно какъ и для сердца. Между тѣмъ какъ одинъ пересталъ существовать, другой пережилъ, безъ увяданія, перемѣны въ правленіи и перевороты въ мысли въ теченіе 18 вѣковъ» ³⁾.

¹⁾ De Cherubim, I, 443.

²⁾ По высшему опредѣленію Филона въра есть „улучшеніе во всемъ души, всецѣло положившейся на помощь Творца всего“ (De Abraham, II, 39).

³⁾ Romans, I, 416.

Изъ неканоническихъ книгъ ап. Павелъ почти съ несомнѣнностью былъ знакомъ по крайней мѣрѣ съ одной, именно съ книгой Премудрости. Намъ думается, что едва ли кто усомнится въ этомъ, сравнивъ его взгляды на идолопоклонство и способъ, какъ онъ выражаетъ ихъ, съ тѣми главами, въ которыхъ эта краснорѣчивая книга относится къ культу язычества съ сосредоточеннымъ преврѣщенъ, едва ли уступающимъ въ этомъ отношеніи пророку Исаи; или кто сопоставитъ мѣста, на которыя мы указывали въ одномъ изъ прежнихъ примѣчаній. Если среди книгъ, о которыхъ ап. Павелъ писалъ во время своего послѣдняго тюремнаго заключенія, были и неканоническія, то мы можемъ быть вполне увѣрены, что между ними была и книга Премудрости ¹⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ V (къ стр. 77).

Гамалииль и Тюбингенская школа.

Мы не находимъ нужнымъ часто останавливаться для опроверженія того, что намъ кажется безосновательнымъ возраженіемъ; но такъ какъ имя Гамалиила всегда будетъ связываться съ именемъ ап. Павла, то быть можетъ стоитъ на этотъ разъ сдѣлать нѣкоторое исключеніе. Намъ кажется однако же, что обвиненіе противъ св. Луки основано на массѣ ошибокъ ²⁾. Гамалииль, подобно ап. Павлу, былъ фарисей, сынъ фарисеевъ, и несомнѣнно, что его благородство и откровенность душевнаго склада внѣдрили въ апостола лучшіе элементы фарисейства. Пламенная ревность юнаго тарсійца могла на время побудить его усвоить болѣе суровый тонъ школы Шаммаи, что однако же никоимъ образомъ не могло изгладить впечатлѣній прежняго воспитанія. Но въ дѣйствительности даже Гиллель и Гамалииль, несмотря на ихъ общую мягкость, не затруднились бы назвать себя «крайними ревнителями отеческихъ преданій». Ихъ уступчивость обстоятельствамъ была или уступчивостью въ ихъ отношеніяхъ къ язычникамъ, или уступчивостью въ виду необходимости и общей пользы ³⁾. Различіе между двумя этими фарисейскими школами было не такъ велико, какъ между двумя великими іудейскими сектами. Фарисеи безспорно примыкали къ зилотамъ въ политическомъ сочувствіи, между тѣмъ какъ саддукеи естественно льнули къ иродіанамъ. Во всемъ, что мы знаемъ о Гамалиилѣ, мы видимъ духъ, тонъ, точку зрѣнія, которые явно выдають сходство съ духомъ, тономъ и точкой зрѣнія его великаго ученика. Его постановленіе, чтобы солдаты въ военное время и всѣ люди, занятые дѣлами милосердія, долга и необходимости, могли быть изъяты отъ болѣе строгихъ субботскихъ постановленій; призваніе имъ права собранія колосеевъ для бѣднѣйшихъ братій ⁴⁾; его постановленіе, чтобы при-

¹⁾ Срав. Рим. v, 12; xi, 32; 1 Кор. vi, 2; 2 Кор. v, 4 и проч. съ Премудр. ii, 24; xi, 23—26; iii, 8; ix, 15 и пр.

²⁾ Правило Гамалиила: „приобрѣти себѣ учителя, избѣгай того, что сомнительно, и не увеличивай ненадежныхъ десятиновъ“ (Pirke Abbôth, i, 15) могло произойти отъ самого Шаммаи. Въ дѣйствительности различіе между двумя школами существовало гораздо болѣе въ мелочныхъ подробностяхъ, чѣмъ въ основныхъ началахъ.

³⁾ מִצְוַת הַיָּדִינָה „для добраго порядка міра“ (Derenbourg, Palestine, p. 189). Трудно однако же объяснить тотъ фактъ, что Гамалииль имѣлъ на своей печати выгравированную фигуру, если этотъ рассказъ принадлежитъ ему.

⁴⁾ См. Ginsbourg, s. v. in Kitto's Cycl. и Grätz, Gesch. d. Juden, iii, 274, sq.; Jost, Gesch. d. Judenthums, i, 281; Frankel, Hodegetica in Mischnam, 57; Derenbourg, Palestine, 239, sq.

вѣтствие «миръ вамъ» было обращено даже къ язычникамъ въ ихъ праздничные дни ¹⁾—все это въ точности согласно съ извѣстными намъ воззрѣніями апостола; въ тоже время справедливыя, гуманныя и свободныя постановленія, которыя онъ сдѣлалъ съ цѣлью устранить возможность недобросовѣстнаго отношенія мужей къ ихъ разведеннымъ женамъ и непослушныхъ дѣтей въ отношеніи къ ихъ матерямъ, тождественны, по своему духу, съ тѣми, которыя ап. Павелъ постановляетъ въ подобныхъ же случаяхъ. Разсказъ, что онъ купаясь, въ банѣ въ Птолемаидѣ, украшенной статуей Афродиты, на укоры *мина* отвѣтилъ замѣчаніемъ, что статуя эта очевидно была сдѣлана для бани, а не баня для статуи,—принадлежитъ не ему, а его внуку, съ которымъ его часто смѣшиваютъ ²⁾. Последнему также принадлежитъ доброе и мудрое правило о погребеніи мертвыхъ въ простомъ бѣломъ одѣяніи вмѣсто дорогихъ одеждъ. Впрочемъ единство ученія, связывающее между собою слѣдовавшихъ одинъ за другимъ президентовъ школы Гиллеля было такъ велико, что мы можемъ смотрѣть на всякій анекдотъ, относящійся къ болѣе позднему Гамалиилу, какъ на вѣрную характеристику взглядовъ старшаго; и аргументъ Гамалиила II, что еслибы ему удалаться отъ всякаго мѣста, которое было осквернено правами идолопоклонства, то ему нельзя было бы найти ни одного мѣста, гдѣ бы вообще жить, напоминаетъ намъ болѣе чѣмъ одно мѣсто въ аргументаціи ап. Павла касательно яденія идоложертвеннаго. Поэтому можно считать знаменательнымъ тотъ фактъ, что, не смотря на эти либеральныя начала, Гамалиилъ іамскій санкціонировалъ «проклятіе противъ еретиковъ» ³⁾, каковое постановленіе стоитъ двѣнадцатымъ по порядку въ молитвѣ *Шемоне Езре* ⁴⁾. Его дѣдъ, который былъ

¹⁾ Въ трактатѣ Jer. Berachôth, ix (Schwab. p. 159) есть разсказъ, что, встрѣтивъ красивую языческую женщину, онъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ *шаломъ алаилъ*. „Возможно ли это?“ удивленно замѣчаетъ Гемара. „Не сказалъ ли раввинъ Зефра, на основаніи раввина Іозе баръ Р. Ганина и Р. Ба или Р. Гіиля, на основаніи раввина Іоханана, что никто не долженъ выражать восхищенія въ отношеніи къ язычникамъ?“ (правило это основано на нѣкоторой игрѣ словъ, заимствуемой изъ Втор. vii, 3). На это слѣдуетъ отвѣтъ, что Гамалиилъ отнесся къ ней лишь только съ такимъ восторгомъ, съ какимъ онъ могъ отнестись напр. къ красивой лошади или верблюду, восклицая, что какія прекрасныя вещи Іегова создалъ во вселенной. Талмудистъ затѣмъ переходитъ къ оправданію Гамалиила въ гнусности смотрѣнія на женщину на томъ основаніи, что это могло случиться лишь нечаянно въ узкой улицѣ.

²⁾ Abhoda Zaga, f. 44, 2. Кониберъ и Гаусонъ, Кренкель, Левинъ и другіе смѣшиваютъ анекдоты, относящіеся къ этому Гамалиилу (*га-закенъ* или „старшему“) и Гамалиилу II, чему также не чуждъ *Otho*, Lex. Rabb., s. v. (*Etheridge*, Hebr. Lit., p. 45).

³⁾ Berachôth, f. 28, 2. Первое изреченіе этого трактата таково: „пусть не будетъ упованія тѣмъ, которые отступаютъ отъ истинной религіи; и пусть еретики (*минимъ*), сколько бы ихъ ни было, всѣ погибнуть какбы въ одинъ мигъ“. Дѣйствительный авторъ этой молитвы былъ Самуилъ Малый (Га-катонъ) (Grätz, iv, 105, 434). Мнѣніе, что этотъ Самуилъ Малый (это имя, вѣроятно, дано было ему въ отличіе его отъ пророка Самуила: срав. *бъ мѣуацъ*, какъ титулъ Ирода, „жизнь Іисуса Христа“, прим. 89) имѣетъ нѣкоторое соотношеніе съ Савломъ (Шаулъ есть сокращеніе имени Самуилъ, а Павелъ, по предположенію, означаетъ *малый*; *Alting*, Schilo, iv, 28; *Basnage*, iii, i, pp. 12, 13) есть нелѣпость, едва заслуживающая мимоходнаго упоминанія (*Eisenmeng.* Entd. Judenth. п, 107; *Buxtorf*, Lex. Talm, 1, 201, 2, 662; *Wolf*, Bibl. Hebr. i, 1, 119).

⁴⁾ Въ дѣйствительности молитва эта окружена значительною неясностью. *Шемоне-езре* или *амида* есть молитва, читаемая послѣ *Шемы*. Она называется такъ вслѣдствіе „восемнадцати благословеній“ или отдѣловъ, изъ которыхъ она состоитъ, и читается три раза въ день, а въ праздничные дни и чаще. Въ дѣйствительности она содержитъ девятнадцать отдѣловъ, изъ которыхъ 12-тый (въ сущности считающійся 11 bis) есть знаменитая *Birkath ha-Minim*, т. е. мо-

одинаково свободомыслящимъ въ многихъ своихъ воззрѣніяхъ, былъ бы вѣроятно совершенно склоненъ признать подобную же молитву. Его разсчетливая политика имѣла такъ мало общаго съ какимъ-либо равнодушіемъ къ чистому Моисееву закону, что когда онъ умеръ, то въ народѣ говорили, что чистота и праведность фарисейства исчезли и слава закона прекратилась ¹⁾. Такимъ образомъ ни въ первоначальной ревности ап. Павла объ устномъ и писанномъ законѣ, ни въ свободахъ его послѣдующихъ взглядовъ и рѣшеній касательно Моисеевой обрядности мы не находимъ никакого основанія сомнѣваться въ изложенномъ его отношеніи къ Гамалилу, и напротивъ находимъ, что оно подтверждается многими мелкими и на первый взглядъ противорѣчащими указаніями. На сколько дѣло касается извѣстной рѣчи Гамалила, то его терпимость вѣроятно имѣла ограниченный предѣлъ. Такъ какъ отнюдь не видно, чтобы онъ *впослѣдствіи* не санкціонировалъ попытки подавить христіанъ, то никоимъ образомъ не невѣроятно, что до этого времени даже Савль Тарсійскій, если онъ присутствовалъ на этомъ собраніи, могъ соглашаться съ полутерпимыми, но въ то же время и полупрезрительными взглядами своего великаго учителя. Хотя фарисеи въ своей смертельной враждѣ къ саддукеямъ всегда были готовы смотрѣть съ удовольствіемъ на ту часть христіанства, которая основывалась на вѣрѣ въ воскресеніе, событія слѣдующихъ немногихъ мѣсяцевъ весьма много измѣнили общее отношеніе церкви не только къ нимъ, но также и ко всему вообще іудейскому народу, изъ котораго до этого времени весьма многіе относились къ его равнинъ проявленіямъ съ изумленіемъ и радостью.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI (къ стр. 113).

Смертная казнь: побіеніе св. Стефана камнями.

Говоря вообще, синедріонъ не былъ кровавадымъ судилищемъ. Члены его содрогались при всякой необходимости кровопролитія и пытались избѣгнуть этой необходимости безчисленными постановленіями. Такъ великъ былъ ихъ ужасъ, когда приходилось предавать израильтянина смерти, что для нихъ казалось желательнымъ всякое средство для избѣжанія этого. Симеонъ Бенъ Шатахъ есть единственно выдающійся раввинъ, который, какъ говорили о немъ, вслѣдствіе его жестокости при рѣшеніи дѣлъ, «былъ горячъ на руку». Иосифъ Флавій прямо считаетъ позоромъ для саддукеевъ, что они, вопреки остальнымъ членамъ народа, были жестоки въ своихъ наказаніяхъ. Мы имѣемъ свѣде-

---

литва противъ *минимъ* или еретиковъ. Въ трактатѣ Jer. Berachôth, iv, § 3 однако же явно говорится, что эта молитва была присоединена къ *Амидѣ* въ Іамніи и слѣдовательно Гамалиломъ II во второмъ столѣтіи долго спустя послѣ разрушенія Іерусалима (*Cohen, Hist. de la Prière*, p. 30, sq. и *Megillah*, f. 17, 2). Какъ примирить это съ положеніемъ, что смерть Самуила Малаго была раньше разрушенія Іерусалима, это лишь одинъ примѣръ той путаницы и противорѣчія, которыя постоянно встрѣчаются въ талмудической литературѣ. Галлель (приводимый Швабомъ) говорить, что молитва эта иногда называется „благословеніемъ (въ смягчающемъ смыслѣ) саддукеевъ“, и она предназначается въ качествѣ протеста фарисеевъ противъ смѣшенія неустойчивости и жестокости, которыми саддукеи разорили свою страну. Хронологія показываетъ, что это весьма сомнительно.

¹⁾ Sotah, f. 49, 1. Онъ или его внукъ съ большимъ уваженіемъ цитуются въ отношеніи различныхъ мелкихъ постановленій въ трактатѣ Berachôth (См. *Schwab's Traité des Berachôth*, pp. 1, 11, 12 и проч.).

нія, что даже если *одинъ* разъ въ теченіе семи лѣтъ (раввинъ Бенъ Азарія говорилъ даже, что если однажды въ семьдесятъ лѣтъ) синедріонъ произнесетъ смертный приговоръ, то онъ заслуживалъ укоризненного названія «кровожаднаго» ¹⁾). Переселеніе синедріона за сорокъ лѣтъ до разрушенія Іерусалима изъ его «палаты четырехъугольниковъ», находившейся рядомъ съ великимъ дворомъ храма въ Хануфоѣ т. е. «лавки», находившіяся подъ двумя кедрми на горѣ Елеонской, было несомнѣнно вызвано ихъ желаніемъ возможно болѣе удалиться отъ священныя предѣловъ храма, чтобы членамъ синедріона чувствовать себя свободнѣе при присужденіи къ строгимъ наказаніямъ по закону ²⁾). Но если послѣ строгаго и торжественнаго голосованія чловѣкъ осуждался на какой-нибудь изъ четырехъ видовъ смертной казни, то принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы лишить это наказаніе всякаго подобія мстительной поспѣшности. Въ дѣлѣ осужденнаго богохульника законъ присуждалъ смертную казнь посредствомъ побіенія камнями, и въ книгѣ Левитъ постановлено, что свидѣтели должны возложить свои руки на его голову и все собраніе побить его камнями ³⁾). Во Второзаконіи мы читаемъ дальнѣйшія постановленія, что рука свидѣтеля должна быть первою на него ⁴⁾) — и эта ужасная обязанность была однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ, удерживавшихъ отъ ложныхъ или легкомысленныхъ обвиненій. Но если мы примемъ свидѣтельство Мишны, то процессъ былъ тщательный. Послѣ провозглашенія приговора, осужденнаго передавали въ руки *шотеримовъ* или ликторовъ синедріона и вели его къ мѣсту казни. Одно должностное лицо стояло у дверей палаты судилища ⁵⁾), держа въ своей рукѣ платокъ; другое лицо, верхомъ на лошади, становилось какъ разъ въ виду перваго, и если даже въ послѣдній моментъ какой-нибудь свидѣтель могъ явиться съ показаніемъ въ пользу невинности осужденнаго, то первый давалъ знакъ своимъ платкомъ, и второй, съ возможною быстротою, скакалъ къ мѣсту казни для того, чтобы возвратить осужденнаго, которому и самому позволялось требовать возвращенія четыре или пять разъ, если только онъ могъ привести хотя одно сносное доказательство въ свою пользу. Если онъ не могъ привести никакого доказательства, то его уводили, причѣмъ предъ нимъ шелъ герольдъ, провозглашавшій его имя, его преступленіе и имена свидѣтелей, по показаніямъ которыхъ онъ былъ осужденъ. На разстояніи десяти шаговъ отъ мѣста смерти ему предлагали признаваться, такъ какъ іудейскій законъ не менѣе римскаго цѣнилъ достоинство, получаемую изъ «*confitentem reum*», и іудеи изъ исторіи Ахана выводили то заключеніе, что его наказаніе, въ отношеніи будущаго міра, будетъ достаточно полнымъ искупленіемъ за его преступленіе ⁶⁾). Затѣмъ ему давался горькій напитокъ, содержащій въ себѣ крупицу ладона съ цѣлью притупить его чувства и такимъ образомъ ослабить ужасъ смерти. На разстояніи четырехъ локтей отъ роковаго мѣста съ него снимали верхнее одѣяніе и, согласно болѣе древнему и простому плану дѣйствія, его затѣмъ побивали камнями, причѣмъ свидѣтели первыми бросали въ него камни ⁷⁾). Но

¹⁾ הבלנית Maccoth, f. 7, 1; Derenbourg, p. 201.

²⁾ *Дини кенасотъ* или карательныя опредѣленія (Abhoda Zara, f. 8, 2; Shabbath, f. 15, 1). Раши заключалъ изъ Втор. хvп, 10, что малые синедріоны въ Іерусалимѣ не могли произносить смертныхъ приговоровъ (*дини нефашотъ*), если только большій синедріонъ не засѣдалъ на горѣ храма.

³⁾ Лев. ххiv, 14.

⁴⁾ Втор. хvп, 7.

⁵⁾ Всѣ эти особенности я беру изъ трактата Sanhedrin Mishna, cap. vi. (Surenhus. II, p. 234, seqq.).

⁶⁾ Tanchuma, f. 39, § 3; Schöttg. Hor. Hebr. ad Дѣян. vii, 58.

⁷⁾ Tanchuma, ubi sup.; Втор. хvп, 7.

позднѣйшій обычай повидимому былъ болѣе сложный. Мѣсто казни ¹⁾ возвышалось на двѣнадцать футовъ, и одинъ изъ свидѣтелей сталкивалъ виновнаго, большею частью задомъ, съ этой возвышенности внизъ, и другой немедленно бросалъ тяжелый камень на его грудь. Если это не причиняло смерти, то всѣ присутствующіе присоединялись къ побіенію его камнями, и его тѣло послѣ этого вѣшалось за руки на деревѣ до наступленія вечера ²⁾.

Мы можемъ быть вполне увѣрены, что ни одно изъ этихъ тщательныхъ предписаній не было исполнено вполне во время мученической смерти св. Стефана. Онъ былъ убитъ въ одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ взрывовъ ярости, опасности отъ которыхъ нѣсколько разъ подвергалась жизнь Спасителя.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII (къ стр. 114).

Власть синедріона предавать смерти.

Часто поднимался вопросъ, какимъ образомъ у синедріона въ это время оказалась власть предавать смерти? Извѣстное мѣсто Евангелія Іоанна: «намъ не позволено предавать смерти никого» повидимому стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ этимъ повѣствованіемъ. Объясненіе этого мѣста въ томъ смыслѣ, что «намъ непозволено во время праздника»,—несостоятельно какъ филологически, такъ и исторически. И повидимому едва ли можно сомнѣваться въ истинѣ положенія Талмуда, что около сорока лѣтъ—извѣстный неопредѣленный терминъ у іудейскихъ писателей—до паденія Іерусалима синедріонъ отказался (вѣрнѣе бы сказать, былъ лишенъ) власти предавать смерти ³⁾. Это лишеніе было результатомъ прямого вмѣшательства римлянъ, которые не хотѣли оставлять высшія судебныя функціи въ рукахъ людей столь легко поддававшихся злоупотребленію ими для мятежныхъ цѣлей. Когда они приписывали уменьшеніе славы ихъ «Дома суда» своей собственной уступчивости, своему отвращенію отъ пролитія крови всякаго потомка Авраама, послѣдующему увеличенію преступленій и переселенію изъ палаты четырехъ-угольниковъ въ «лавки» Бени Хананъ, то это быть можетъ есть лишь только попытка раввиновъ прикрыть свое національное униженіе. Но съ другой стороны мы знаемъ то хитрое потворство, съ которымъ римляне всегда готовы были относиться къ дѣйствіямъ, проистекавшимъ изъ религіознаго возбужденія, а не изъ общественнаго возмущенія ⁴⁾. Они рѣдко вмѣшивались въ національныя суевѣрія. Даже Пилать, хотя никоимъ образомъ не лишенный чувства справедливости, былъ совершенно готовъ предать Іисуса всякому крайнему фанатическому мненію, если бы только не падала на него прямая отвѣтственность. Мало того, есть всѣ основанія думать, что мученичество св. Стефана находится въ близкомъ соотношеніи съ убіеніемъ Іакова, брата Господня. Оно было совершено младшимъ Хаваномъ во время его трехлѣтняго первосвященства, когда онъ пользовался краткимъ междуцарствіемъ, послѣдовавшимъ по смерти Феста и предшествовавшимъ прибытію его преемника Албина. Въ такое именно междуцарствіе, какъ можно думать, и совершилась смерть св. Стефана. Повтій Пилать былъ отправленъ въ Римъ своимъ официальнымъ начальникомъ

¹⁾ Оно называлось בית הדין.

²⁾ Втор. xxi, 22, 23.

³⁾ Abhoda Zaga, f. 8, 2.

⁴⁾ Политика Рима въ отношеніи къ его восточнымъ подданнымъ была политикой презрительной терпимости во всемъ, что касалось ихъ мѣстнаго культа.

Вителліемъ, префектомъ Сиріи, къ отвѣту предъ императоромъ по поводу жалобъ, принесенныхъ на его жестокости и оскорбленія жителями всѣхъ областей, входившихъ въ его прокураторство. До его прибытія императоръ Тиверій умеръ. Такое великое событіе ослабило строгость правительства во всѣхъ провинціяхъ имперіи ¹⁾, и хотя Вителлій назначилъ Марцелла въ качествѣ временнаго *locum tenens* до прибытія Маруллы, который былъ назначенъ на мѣсто прокуратора императоромъ Гаіемъ ²⁾, синедріонъ могъ однако же собраться въ то время, когда совсѣмъ не было прокуратора, и во всякомъ случаѣ могъ легко убѣдить такого временнаго начальника, какъ Марцелла, или такого новичка какъ Маруллу, что для нихъ было бы бесполезно вѣшиться въ простой мятежъ, окончившійся совершенно заслуженнымъ наказаніемъ богохульнаго эллиниста. Однимъ словомъ мы находимъ, что возможность мятежныхъ взрывовъ, которые могли оканчиваться смертью чрезъ побіеніе камнями, постоянно признается въ Новомъ Завѣтѣ ³⁾; и синедріону было бы весьма легко выставить побіеніе камнями св. Стефана въ такомъ именно свѣтѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII (въ стр. 122).

Дамаскъ при Аретѣ.

Арета былъ тесть Ирода Антипы; но съ того времени, какъ слабость этого жалкаго царька привела его къ связи, въ одно и тоже время и прелюбодѣйной, и гнусной, съ Иродіадой, женой его брата Филиппа, Арета сдѣлался неумолимымъ врагомъ четвертовластника Галилеи. Вражда ихъ окончилась битвой, въ которой войска Ареды одержали замѣчательную побѣду. Послѣ своего пораженія, въ которомъ іудеи видѣли мщеніе за убіеніе Іоанна Крестителя ⁴⁾, Антипа обратился съ жалобой къ императору Тиверію, который послалъ Вителлія для наказанія дерзкаго эмира, осмѣливагося поразить союзника Рима. Но когда Вителлій прибылъ въ Іерусалимъ, то услышалъ извѣстіе о смерти Тиверія. Смерть римскаго императора часто влекла за собою столь огромную перемѣну въ политикѣ, что Вителлій не осмѣлился безъ новыхъ инструкцій возобновить войну. Подробности о томъ, что послѣдовало за этимъ, до насъ не дошли. Чтобы Арета осмѣлился взять Дамаскъ, это не вѣроятно. Вителлій былъ слишкомъ сильнымъ легатомъ, и арабскій князь слишкомъ боялся императорскаго Рима, чтобы осмѣлиться на столь дерзкій актъ возмущенія. Съ другой стороны не невозможно, что императоръ Гаій—который

¹⁾ Что въ это время было особенное желаніе умиротворить іудеевъ, которые были такъ сильно раздражены жестокостями Пилата, это ясно изъ того обстоятельства, что Вителлій, послѣ величественнаго приѣма въ Іерусалимѣ, тотчасъ же возстановилъ іудеямъ право храненія первосвященническихъ одѣяній, которыя со времени Ирода Великаго содержались въ башнѣ Антоніи

Флав. Antt. xv, 11, § 4; xviii, 4, § 2). Привиллегія эта затѣмъ опять была отнята и опять возвращена имъ императоромъ Клавдіемъ по просьбѣ Агриппы II (id. xx, 1, § 2). Власть налагать меньшее наказаніе, повидимому, всегда оставалась у іудеевъ, какъ она остается у многихъ религіозныхъ общинъ *райи* даже подъ тиранническимъ господствомъ турокъ (Renan, Les Apôtres, p. 144).

²⁾ I. Флав. Antt. xviii, 6, § 10 (сн. 4, § 2).

³⁾ Іоан. viii, 59; x, 31—33; Мате. xxiii, 37; Дѣян. v, 26. См. *Orig. ad African.* § 14, apud Wordsworth.

⁴⁾ I. Флав. Antt. xviii, 5, §§ 1, 2.

любилъ распредѣлять царства между любимыми имъ князьями ¹⁾ и душа котораго была ожесточена противъ Антипы его другомъ и фаворитомъ Агриппой I—отдалъ назадъ Аретѣ городъ, который въ старыя времена принадлежалъ Навусеевой династии ²⁾. Предположеніе это получаетъ нѣкоторое независимое подтвержденіе. Найдены дамаскія монеты, которыя носятъ изображенія Августа, Тиверія и затѣмъ Нерона, но ни одна изъ нихъ не носитъ изображенія Гаія или Клавдія. Это заставляетъ заключать, что въ теченіе этихъ царствованій Дамаскъ находился подъ мѣстнымъ правительствомъ ³⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX (къ стр. 146).

Савль въ Аравіи.

Немного такихъ географическихъ названій, которыя бы у древнихъ писателей употреблялись въ болѣе неопредѣленномъ смыслѣ, чѣмъ «Аравія»; и нѣкоторые видѣли объясненіе молчанія св. Луки касательно удаленія ап. Павла въ возможности того, что онъ едва ли уходилъ дальше собственно области Дамаска. Іустинъ Философъ влагасть въ уста Трифона отрицаніе, что Дамаскъ «принадлежитъ и принадлежалъ Аравіи, хотя теперь онъ причисленъ къ тому, что называется Сирофиникіа». Нѣкоторая тѣнь вѣроятности можетъ быть придана мнѣнію, что ап. Павелъ не отправлялся далеко отъ Сиріи, въ виду того, что арабскій переводчикъ посланія къ Галатамъ передаетъ мѣсто въ Гал. I, 17 и проч. «немедленно я оправился въ Эл-Бэлку»; и въ Галат. IV, 25, неправильно понимая значеніе слова *αὐτοῦ* (которое означаетъ «отвѣчаетъ на», «соотвѣствуетъ чему», «относится къ тому же классу»), онъ говоритъ, что «гора Синай или Эл-Бэлка соприкасается съ Іерусалимомъ» ⁴⁾. Но такъ какъ Синай, конечно, находится не въ Эл-Бэлкѣ, которую только мы знаемъ — именно въ мѣстности къ сѣверо-востоку отъ Мертваго моря, — то этотъ любопытный переводъ не заслуживаетъ какого либо особеннаго вниманія. Несомнѣнно, при тогдашнихъ смутныхъ и неустойчивыхъ отношеніяхъ между римскою имперіей и различными восточными княжествами, ап. Павелъ могъ легко достигнуть какого нибудь для себя убіжища, предпринимавъ лишь короткое путешествіе изъ предѣловъ Дамаска.

Но не болѣе ли вѣроятно и то, что когда ап. Павелъ говоритъ о своемъ посѣщеніи Аравіи, онъ разумѣетъ Аравію въ томъ еврейскомъ смыслѣ, въ которомъ это слово понималось большинствомъ его читателей? Мы правда не можемъ принять того доказательства его знакомства съ этими странами, которое берется изъ чтенія принятаго текста: «ибо Агаръ означаетъ гору Синай въ Аравіи», и изъ предположенія, что Агаръ было мѣстнымъ названіемъ для самой горы ⁵⁾. Истинное чтеніе этого стиха,

¹⁾ Такъ въ 38 году по Р. Хр. онъ отдалъ Итурею—Согейму, Малую Арменію—Котису, часть Фракіи—Реметалку; Понтій и проч.—Полеому II (Dion. Cass. lxx, 12). Кеймъ думаетъ, что Арета могъ имѣть отчасти юрисдикцію въ Дамаскѣ.

²⁾ I. Флав. Antt. xiii, 5, §§ 2, 3; Wieseler, Chron. des Apost. Zeitalt. 174.

³⁾ Визелеръ въ своей статьѣ объ Аретѣ въ Herzog Encycl. ссылается на Міоннета, стр. 204, какъ на свой авторитетъ въ отношеніи существованія монеты Ареты, носящей число 101 (по Р. Хр. Если это число относится къ Помпеевой эрѣ, то монета эта должна относиться къ 37—38 годамъ по Р. Хр., къ тому самому времени, къ которому относилась и миссія Савла въ Дамаскъ.

⁴⁾ Lightfoot, Galatians, p. 81.

⁵⁾ Галат. IV, 25.

повидимому, таково: «ибо Синай есть гора въ Аравіи»; притомъ, какъ показавъ Ляйтфутъ, нѣтъ достаточнаго основанія для утвержденія—быть можетъ происшедшаго первоначально вслѣдствіе ошибки Златоуста,—что гора Синай когда либо называлась горою Агарь. Кромѣ того сомнительно, могъ ли ап. Павелъ, даже путемъ аллегорической паронимасіи, отождествить *Агарь*—«странницу» съ *хад-жарь*—«камень», особенно въ виду того, что Филонъ, у котораго также есть аллегорія касательно Агари и Сарры, всегда извлекалъ нравственное значеніе отъ правильнаго производства. Но съ устраненіемъ этого древняго аргумента ничего, повидимому, не можетъ быть болѣе естественно, чѣмъ то, что ап. Павелъ, будучи въ положеніи уже отчасти бѣглеца и почти несомнѣнно страдая душою и тѣломъ, увлекаемый непреодолимою потребностью уединенія, направилъ свои стопы въ ту страну, гдѣ онъ могъ быть и безопасенъ, и свободенъ отъ всякаго бремени, и въ уединеніи съ Богомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ X (къ стр. 151).

„Жало въ плоть“ ап. Павла.

Имѣется два главныхъ мѣста, на которыхъ мы должны основывать наше заключеніе касательно «жала въ плоть», и производимое ими впечатлѣніе только усиливается болѣе изолированными указаніями. Эти два мѣста въ ихъ хронологическомъ порядкѣ суть слѣдующія: 2 Кор. xii, 1—10 ¹⁾ и Гал. iv ²⁾.

I. Первое изъ нихъ читается слѣдующимъ образомъ:—показавъ, что при всей своей слабости и недостойнствѣ, онъ всетаки трудился и страдалъ болѣе, чѣмъ «первоверховные Апостолы»,—похвала, самую тѣнь которой онъ ненавидитъ, но къ которой онъ постоянно долженъ былъ прибѣгать, вслѣдствіе интригъ и злословія его враговъ,—онъ упоминаетъ о своемъ опасномъ побѣгѣ изъ Дамаска, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на его память, и затѣмъ продолжаетъ: «неполезно хвалиться мнѣ; ибо я приѣду къ видѣніямъ и откровеніямъ Господнимъ ³⁾. Знаю человѣка во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла, не знаю, Богъ знаетъ), восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ или внѣ ⁴⁾ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать. Такимъ человѣкомъ могу хвалиться; собою же не похваюсь, развѣ только немощами моими. Впрочемъ, если захочу хвалиться, не буду неразуменъ; потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумалъ о мнѣ болѣе, нежели сколько во мнѣ видитъ, или слышитъ отъ меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровеній, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны ⁵⁾, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о томъ, чтобы удалить его отъ меня. Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совер-

¹⁾ Написано не ранѣе осени 57 года по Р. Хр

²⁾ Написано быть можетъ весною 58 года по Р. Хр.

³⁾ Чтеніе этого стиха крайне сомнительно; см. выше, ad loc.

⁴⁾ Χωρίς В, D, E, которое съ большою вѣроятностью было измѣнено въ ἐκτός предыдущаго стиха (N, F, G).

⁵⁾ 1 Кор. v, 5.

шается въ немощи ¹⁾. И потому я гораздо охотнѣе буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мнѣ сила Христова. Посему я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа: ибо когда я немощенъ, тогда силенъ ²⁾.

II. Другое мѣсто есть Гал. IV, 12—16. Ап. Павелъ настойчиво убѣждалъ галатовъ не падать на низкій уровень ихъ прежняго рабства отъ свободы Евангелія, и среди своихъ доводовъ и увѣщаній онъ вставляетъ такое нѣжное увѣщаніе: «прошу васъ, братія, будьте какъ я; потому что и я, какъ вы. Вы ничѣмъ не обидѣли меня. Знаете, что хотя я въ немощи плоти благоувѣствовалъ вамъ въ первый разъ: но вы не презрѣли искушенія моего во плоти ³⁾ моей, и не возгнушались имъ, а приняли меня какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса. Какъ вы были блаженны! Свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы ⁴⁾ очи свои и отдали мнѣ. И такъ, неужели я сдѣлался врагомъ вашимъ, говоря вамъ истину?»

III. Наиболѣе выдающіеся намеки на тотъ же самый тѣлесный недугъ находятся въ Гал. vi, 17: «впрочемъ, никто не отягощай меня: ибо я ношу извы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ⁵⁾»; 2 Кор. iv, 10; «всегда носимъ въ тѣлѣ жертвостъ Господа Іисуса»; и быть можетъ косвенно, Колос. i, 24: «нынѣ радуюсь ⁶⁾ въ страданіяхъ моихъ за васъ, и восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ за тѣло Его, которое есть Церковь». Когда мы также вспомнимъ, что слово «жало» есть только болѣе презрительная форма для выраженія слова «крестъ», ⁷⁾ то новый намекъ на это особенное испытаніе заключается въ словахъ: «я сораспялся Христу» ⁸⁾.

а) Изъ перваго изъ этихъ мѣстъ мы видимъ, что ап. Павелъ, будучи далекъ отъ похвалы своими исключительными откровеніями, упоминаетъ о нихъ только потому, что они находятся въ связи съ столь тяжкими недугами, которые дѣлаютъ смѣшною и преступною для него вообще всякую похвалу, если только онъ не можетъ хвалиться тѣмъ, что самая его слабость была лишь болѣе знаменательнымъ доказательствомъ той силы Христовой, которая давала ему возможность дѣлать и страдать болѣе, чѣмъ самые верховные апостолы.

б) Мы видимъ, что его испытаніе было чѣмъ то въ родѣ агоніи, иначе онъ не называлъ бы его «жаломъ въ плоть» ⁹⁾; таинственное по своей сущности, иначе онъ не называлъ бы его «ангеломъ сатаны»; перемежающееся, какъ можно заключать изъ слова «удручать», и какъ также видно изъ различныхъ частныхъ припадковъ, на которые указываетъ ап. Павелъ, и есть прямое слѣдствіе или во всякомъ случаѣ находится во внутренней связи съ его наиболѣе возвышенными моментами откровенія и восхищенія.

¹⁾ μὴ οὐκ опущено въ кодексахъ N, A, B, D, F, G.

²⁾ 2 Кор. xii, 1—10.

³⁾ Истинное чтеніе: τὸν περὶ ἡμῶν ἐν τῇ σαρκί μου.

⁴⁾ Опущеніе частицы ἄν (сн. Іоан. xix, 11, Матѣ. xxvi, 28) даетъ гораздо болѣе живости этому выраженію (См. Brief Greek Syntax, § 137).

⁵⁾ Чтеніе τοῦ Ἰησοῦ во всѣхъ кодексахъ кромѣ прописныхъ.

⁶⁾ Чт. Νῦν χαίρω (A, B, C).

⁷⁾ Lipsius de Cruce, i, 4. Отсюда σκολιζω-σταυρώω (сн. stipes).

⁸⁾ Гал. ii, 19, Χριστῷ συνσταυρούμαι. Это посланіе переполнено указаніями на „крестъ“ и было написано подъ живымъ впечатлѣніемъ (по крайней мѣрѣ) этого „жала“. Намекъ 1 Θεсс. ii, 18 „но сатана воспрепятствовалъ намъ“ слишкомъ неопредѣленъ, чтобы съ нѣкоторой вѣроятностью относить его къ этому недугу.

⁹⁾ Ἄκανθα καὶ σκόλοψς ὁδὸν αὐτοῦ σημαίνουσι διὰ τὸ δξύ (Artemid. iii, 33, Meyer); (сн. Числ. xxxiii, 55; I. Нав. xxiii, 13; Іезек. xxviii, 24; σκόλοψ πικρία, Ос. ii, 6 по LXX).

в) Во вторых мѣстахъ мы имѣемъ добавочныя подробности, что испытаніе это было слѣдствіемъ какого-то рѣзкаго припадка его болѣзни, удержавшей его въ Галатіи; что эта болѣзнь была такого свойства, что составляла истинное испытаніе для галатовъ и естественно располагала ихъ смотрѣть на него съ презрѣніемъ, если не съ положительнымъ отвращеніемъ; но что они настолько побѣдили въ себѣ это чувство, что даже приняли его почти съ божескими почестями, и настолько обрадовались его прибытію, что были бы готовы, если бы только это было возможно, вырвать свои собственные глаза и отдать ихъ своему страждущему учителю.

г) Другія мѣста подтверждаютъ это заключеніе. Въ одномъ изъ нихъ мы видимъ, что ап. Павелъ смотрѣлъ на свои физическіе недуги какъ на священное клеймо, которымъ Іисусъ заклеилъ его какъ своего раба, чтобы обезпечить его противъ отягощенія¹⁾; и въ другихъ мѣстахъ мы видимъ, что онъ считалъ удручавшую его заживо смерть какъ бы продолженіемъ распятія своего Господа и дополненіемъ къ тѣмъ страданіямъ ради Его церкви, участія въ которыхъ Христосъ сподобилъ своихъ слугъ посредствомъ взятія ими своего креста и слѣдованія за Нимъ въ дѣлѣ служенія человечеству²⁾.

Эти мѣста, какъ видно, сразу же исключаютъ девять десятыхъ тѣхъ предположеній, которыя такъ свободно высказывались и которыя не могли бы быть совсѣмъ высказаны тѣми, кто тщательно разсмотрѣлъ бы данныя этого вопроса. Многія изъ этихъ предположеній не заслуживали бы даже мимолетнаго упоминанія, если бы они съ одной стороны не имѣли нѣкотораго археологическаго интереса, какъ относящіеся къ исторіи экзегетики, и съ другой стороны не представляли бы собою нѣкоторыхъ отрывковъ древняго преданія или не указывали бы на нѣкоторыя черты въ характерѣ апостола.

1. Напр. вполне ясно, что это жало въ плоть не было чѣмъ-нибудь духовнымъ по своему существу. Если такіе люди, какъ Жанъ Жерсонъ³⁾, Лютеръ, Кальвинъ, съ большею или меньшею увѣренностью рѣшаютъ, что выраженіе это намекаетъ на *высокія духовныя искушенія*, каковы напр. уклоненіе отъ обязанностей какъ апостола, мучительныя сомнѣнія и угрызенія совѣсти за прошлое, то рѣшеніе это интересно только какъ доказательство, что эти толкователи могли сочувственно относиться къ этимъ мучительнымъ препятствіямъ. Однако же такое объясненіе совершенно невозможно. Оно сразу же устраняется указаніемъ на немощь, какъ имѣющую физическій характеръ. Оно также исключается характеромъ ап. Павла и обстоятельствами его жизни. Въ его посланіяхъ мы видимъ много утомленія и скорби, вѣшной борьбы и внутреннихъ страховъ, но нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы огонь его ревности погасалъ на алтарѣ его сердца даже въ моменты самыхъ сильныхъ неудачъ. Притомъ мучительныя сомнѣнія едва ли могли имѣть много значенія въ душѣ того, который видѣлъ воскресшаго Христа и который постоянно сподоблялся личнымъ откровеніямъ, не только рѣшавшихъ для него различные вопросы, но даже руководившихъ движеніями его жизни⁴⁾.

2. Но отвергая этотъ взглядъ великихъ реформаторовъ, мы съ такой же рѣшительностью должны отвергнуть и установившееся мнѣніе большинства знаменитыхъ римскихъ католиковъ. Неопредѣленныя выраженія у блаж. Иеронима, Августина и Григорія Великаго, повидимому, дали поводъ къ мнѣнію, что жало въ плоть есть *нѣкоторая форма плотскаго искушенія*⁵⁾. Этому взгляда, повто-

¹⁾ Гал. vi, 17.

²⁾ 2 Кор. iv, 10; Колос. i, 24; Филип. iii, 10; Гал. ii, 20.

³⁾ Быть можетъ авторъ, или отчасти авторъ, извѣстнаго сочиненія *Imitatio Christi* (См. *Companions of the Devout Life*, p. 8, sq.).

⁴⁾ Дѣян. xvi, 7; xxi, 4; xxii, 17; Гал. ii, 2 и проч.

⁵⁾ *Greg. Moral.* x, 8, 315. См. ссылки въ Tillemont, i, 222 (ed. 1693).

реннаго Бедой достопочтеннымъ, продолжали держаться Аквинатъ, Белларминъ, Корнелій Аляпиде и другіе римско-католическіе писатели вплоть до Ванъ-Эста въ шестнадцатомъ столѣтіи, пока онъ не сдѣлался почти стереотипнымъ въ экзегетикѣ римско-католической церкви. Онъ возникъ вслѣдствіе двусмысленнаго перевода выраженія «жало въ плоть» словами *stimulus carnis* въ Вулгатѣ. Въ этомъ случаѣ также (хотя съ печальнымъ интересомъ можно замѣтить, что борьба отшельниковъ съ цѣлью подавленія своихъ плотскихъ страстей заставляла ихъ утѣшаться вѣрой, что даже въ лицѣ ап. Павла такая немощь никогда не была совершенно устраниена) мы тѣмъ не менѣе принуждены рѣшительно отвергнуть это объясненіе. Оно никоимъ образомъ не удовлетворяетъ общему тону выраженія ап. Павла. Это во всякомъ случаѣ не такая немощь, которой бы онъ могъ хвалиться. Мы не можемъ представить себѣ столь возмутительнаго пятна на характерѣ апостола, которое вызывается предположеніемъ, что такая слабость, если бы онъ только былъ удрученъ ею, могла проявиться на столько, чтобы служить препятствіемъ для его служенія и источникомъ отвращенія для тѣхъ, кто слушали его. Еще возмутительнѣе воображать, что такое преступное сластолюбіе было наложено на него какъ противовѣсъ духовной гордости, которая въ противномъ случаѣ могла бы происходить вслѣдствіе его особыхъ откровеній. Но кромѣ всего этого оно приписываетъ апостолу слабость, которой, какъ можно думать, онъ былъ до исключительности чуждъ. Правда, что въ посланіи къ Римлянамъ онъ чрезвычайно трогательно описываетъ борьбу въ душѣ между добрыми и злыми побужденіями—*Иецеръ-а-тобъ* и *Иецеръ-а-ра*, о которыхъ онъ столь много слышалъ въ Бееъ Мидрашѣ въ періодъ своего воспитанія. Но напрасно воображать, что столь разнообразную борьбу должно относить только къ одному изъ ея проявленій. И мы думаемъ, что ап. Павелъ очень рано подавилъ въ себѣ всѣ движенія чувственности, не только потому, что не было еще человѣка, который бы изрекалъ слова болѣе возвышенной чистоты; не только потому, что на его началахъ, болѣе чѣмъ на началахъ всякаго другаго моралиста, покоятся самыя основы христіанскаго воздержанія; не только потому, что онъ съ безпримѣрною въ литературѣ силою заклеилъ позоръ нечистоты, не оскорбляя деликатности христіанской мысли ¹⁾; но болѣе всего потому, что онъ былъ способенъ увѣщавать другихъ, чтобы они учились изъ его примѣра, какъ жить по правиламъ святаго воздержанія. Допуская, какъ это онъ дѣлаетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, что лучше жениться, чѣмъ разжигаться медленно внутреннимъ огнемъ сладострастія ²⁾, онъ однако же говоритъ безбрачнымъ: «хорошо имъ оставаться какъ я», и что онъ «желалъ бы, чтобы всѣ люди были какъ и я» ³⁾. Въ этихъ словахъ было бы лицемеріе и даже нѣчто худшее чѣмъ лицемеріе, если бы «жало въ плоть», которое еще не было устраниено, когда онъ писалъ второе посланіе, было тѣмъ, что подъ нимъ разумѣли указанные комментаторы ⁴⁾.

3. Можно такимъ образомъ считать за достовѣрное, что «жало въ плоть» была какая-нибудь

¹⁾ Рим. 1, Ефес. 4 и проч.

²⁾ 1 Кор. VII, 9, *κρείσσον γὰρ ἔστι πειροσθαι*.

³⁾ 1 Кор. VII, 7, 8.

⁴⁾ Трудно думать, что во 2 Кор. VII, 2; XI, 8 и 1 Тим. II, 3 имѣется въ виду опровергнуть обвиненія, которыя ввозились даже противъ самого ап. Павла. Тутъ быть можетъ имѣлось въ виду противопоставить его собственный образъ дѣйствія съ образомъ дѣйствія другихъ учителей, и въ дѣйствительности первыя два мѣста даже и не указываютъ непремѣнно на нецѣломудріе. *Ἀχαθροία* въ 1 Тим. II, 3 объясняется даже Златоустомъ въ смыслѣ худыхъ и шарлатанскихъ искусствъ, а Ольсгаузенъ, Люнеманъ, Альфордъ, Эликоттъ и другіе всѣ предполагаютъ, что оно относится первоначально къ *αἰσχροκέρδεια* и подобнымъ нечистымъ мотивамъ.

физическая болѣзнь; такъ какъ мнѣніе, сначала упоминаемое Златоустомъ и затѣмъ принимаемое другими греческими отцами, равно какъ Иларіемъ и Августиномъ, что подъ нимъ разумѣется *вражда и гоненіе*, которыя ап. Павелъ терпѣлъ отъ рукъ иудействующихъ и быть можетъ особенно отъ вождя ихъ, который былъ «шпиомъ въ его боку»¹⁾, слишкомъ не соответствуетъ условіямъ вопроса, чтобы заслуживать дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Но когда въ желаніи понять и, на сколько возможно, сочувствовать личности апостола, мы всетаки спросимъ, что же это была за болѣзнь, то мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Не говоря уже о болѣе сомнительныхъ предположеніяхъ, ни припадки головной боли, ни ушная боль, упоминаемая по преданію Тертулліаномъ и Иеронимомъ, ни каменная болѣзнь, какъ предполагаетъ Аквинатъ, не представляютъ тѣхъ чертъ внѣшней омерзительности, на которыя ап. Павелъ очевидно указываетъ какъ на неразлучныя съ его недугомъ. Единственное соображеніе, которое имѣетъ за себя сильную вѣроятность, заключается въ предположеніи, что онъ страдалъ или отъ эпилепсін, или отъ офталміи.

4. Въ пользу того взгляда, что это была эпилепсія, можно сказать кое-что. Она мучительна; она перемежающаяся; она составляетъ чрезвычайное затрудненіе для всякой усиленной дѣятельности; она во всякое время можетъ послужить причиной временной пріостановки дѣлъ; она крайне унижительно для лица, страдающаго отъ нея; она производитъ отталкивающее вліяніе на тѣхъ, которые бываютъ зрителями ея ужасныхъ проявленій. Кромѣ того, въ древнія времена она считалась сверхъестественною по своему характеру, окружалась суевѣрными вымыслами и прямо приписывалась іудеями бѣсовскому обладанію²⁾. Далѣе самъ ап. Павелъ связываетъ свою немощъ съ своими сновидѣніями и видѣніями, а душа человѣка такъ создана, что всякое прямое общеніе съ невидимымъ міромъ—даже въ низшемъ порядкѣ, всякое глубокое поглощеніе религіозною мыслью или припадокъ религіознаго чувства—ведетъ къ усиленному разстройству нервнаго организма³⁾. Предположеніе это является весьма вѣроятнымъ въ отношеніи человѣка, темпераментъ котораго былъ столь чувствителенъ, какъ темпераментъ ап. Павла. Не невозможно, что изможденіе, слѣдовавшее за его обращеніемъ, могло произойти вслѣдствіе потрясенія, которое получено было его нервной системой отъ чудеснаго обращенія его на дорогѣ въ Дамаскъ; и что это потрясеніе, влекущее за собою хроническую подверженность такимъ припадкамъ, повторилось также послѣ втораго видѣнія въ храмѣ, которое рѣшило его будущую судьбу въ качествѣ апостола языковъ. Третье изступленіе случилось съ нимъ за четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, какъ онъ писалъ второе посланіе къ Коринѳянамъ и слѣд. въ какой нибудь періодъ во время его втораго пребыванія въ Тарсѣ. Если принять слова «трижды просилъ я Господа» въ буквальномъ смыслѣ, то мы можемъ затѣмъ думать, что именно при одномъ изъ этихъ скорбныхъ случаевъ при возобновленіи особыхъ откровеній онъ обращался съ наиболѣе усердною молитвой о томъ, чтобы быть избавленнымъ отъ нападеній этого ангела сатаны; и что только во время или

¹⁾ Определенное лицо можетъ быть указывается во 2 Кор. х, 7, 10, 11, 18; хі, 4, 20 и въ Гал. і, 9; іи, 1; vi, 7, 12.

²⁾ *Morbus Comitialis*, *Dion Cass.* xlvі, 33; *Gell.* xix, 2. Кренкель, въ *Hilgenfeld's Zeitschr.* xvi (ii) 233—244, отмѣчаетъ любопытный фактъ, что худое предчувствіе эпилепсін отвращалось посредствомъ *плеванія*. Отсюда Плавтъ называетъ ее *morbus qui sputatur* (*Captiv.* iii, 4, 15; cf. *Plin. H. N.* х, 23, 33; xlviii, 4, 7). Онъ связываетъ ее съ *εφεπτόματα* (какъ будто бы это означало «вы не плевали») Гал. iv, 14.

³⁾ Изступленія Сократа, припадки Магомета, сопровождавшіеся пѣною изо рта и глубокимъ истощающимъ сномъ, обмороки и экстазы св. Бернарда, Франциска и Екатерины Сіенской приводятся въ качествѣ параллельныхъ случаевъ (*Hausrath*, pp. 52—56).

послѣ его третьяго и наиболѣ знаменитаго видѣнія Господь объяснилъ ему значеніе этого испытанія и сказалъ ему, что хотя оно не могло быть совершенно устранено, но всетаки онъ будетъ уврѣпленъ благодатію, которая дастъ ему возможность выносить его ¹⁾).

5. Но если даже въ этомъ именно заключалось «жало въ плоть», то есть всетаки сильное основаніе думать, что ап. Павелъ страдалъ затѣмъ отъ *острой офталміи*, которая также во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ условіямъ этого факта. Это предположеніе находитъ подтвержденіе еще въ томъ, что оно наиболѣе аналогично съ дѣяніями Бога, такъ какъ было бы испытаніемъ не произвольно наложеннымъ, но такимъ, которое могло возникнуть естественно или, выражаясь болѣе точно, провиденціально—изъ самыхъ обстоятельствъ, чрезъ которыя прошелъ ап. Павелъ. Мы знаемъ, что онъ физически былъ ослѣпленъ блескомъ свѣта, окружавшаго его, когда онъ видѣлъ воскресшаго Господа. Всѣ обстоятельства этого событія—полуденное путешествіе подъ жгучимъ сирійскимъ солнцемъ, блескъ свѣта, превзошедшаго даже этотъ полуденный свѣтъ, и слѣпота, послѣдовавшая за нимъ—могли произвести воспаленіе и ослабленіе его глазъ. Его пребываніе въ пустынѣ и Дамаскѣ—странахъ, отличающихся распространенностью этой именно болѣзни—могло усилить этотъ разъ происшедшій недугъ; и хотя нигдѣ не говорится подробно, что апостолъ страдалъ отъ недостаточности зрѣнія, однако же въ этомъ отношеніи такъ много ненамѣренно совпадающихъ намековъ, что мы можемъ считать это вполне удостовѣреннымъ фактомъ. Помимо прямой вѣроятности, что глаза, разъ потерпѣвшіе столь сильное поврежденіе, могли быть подвержены и послѣдующимъ припадкамъ той же болѣзни, мы имѣемъ слѣдующія указанія:—I. Говоря о своей немощи галатамъ, ап. Павелъ разумѣетъ, что она могла сдѣлать его предметомъ отвращенія; а такъ именно особенно и бываетъ съ рѣзкой офталміей. Самые жалкія существа рядомъ съ прокаженными, которыхъ путешественникъ постоянно видитъ на востокѣ,—люди, которые скорѣй всего заставляютъ его отворачивать свое лицо съ ужасомъ сожалѣнія и почти невольнаго отвращенія—это какъ разъ именно жертвы этой болѣзни ²⁾. II. И это въ свою очередь придаетъ болѣе глубокой пагость и значеніе свидѣтельству, что галаты, въ первомъ порывѣ своей радости, когда взглянули на этого проповѣдника благовѣстія какъ на ангела Божія, готовы были, если бы было возможно, *вырвать свои собственные глаза*, чтобы отдать ихъ страдалцу. III. Самое выраженіе «жало въ плоть» наиболѣе подходило бы къ такой болѣзни, потому что всѣ, испытавшіе ее, знаютъ, что образъ, который она наиболѣе естественно вызываетъ, есть именно какъ бы острое жало, пронзающее глазъ ³⁾. IV. Кромѣ того, она въ свою очередь могла причинять эпилептическіе и другіе симптомы, такъ какъ при сильныхъ припадкахъ она часто сопровождается мозговымъ разстройствомъ. V. Не смотря на сомнѣніе, которому въ недавнее время было подвергнуто обычно принимаемое значеніе выраженія, употребляемаго ап. Павломъ въ отношеніи къ галатамъ: «видите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою», нужно во всякомъ случаѣ допустить, что оно вполне согласуется съ предположеніемъ состоянія, которое дѣлало для него мучительнымъ и труднымъ писать вообще. Что таково именно было обычное состояніе ап. Павла, это повидимому вытекаетъ изъ его почти постоянной практики, по которой онъ обыкновенно употреблялъ писца и

¹⁾ Срав. интересныя параллели изъ жизни Альфреда и св. Бернарда.

²⁾ Когда Ляйфутъ, отвергающій эту теорію, говоритъ, что выраженія ап. Павла заставляютъ разумѣть «болѣе сильныя страданія», онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду болѣе слабыя формы офталміи, которыя только извѣстны въ Европѣ, а не тѣ жестокіе припадки, которые обычны въ Сиріи и производятъ ужасное искаженіе на человѣческомъ лицѣ.

³⁾ Замѣчаніе Альфорда, что офталмическій недугъ обыкновенно не сопровождается мучительностью, крайне ошибочно.

собственноручно прибавлялъ только немногие послѣднихъ словъ привѣтствія или благословенія, бывшихъ необходимыми для удостовѣренія его посланій въ тотъ вѣкъ, въ которомъ религіозныя поддѣлки были отнюдь не неизвѣстны. VI. Очевидно также, что глазная боль, какъ бы она ни произошла, могла быть вполне сравниваема съ клеймомъ, налагаемымъ господиномъ на раба. VII. Наконецъ, нѣтъ другаго достаточнаго объясненія того обстоятельства, что когда ап. Павелъ высказалъ негодующій отвѣтъ первосвященнику и получилъ укоръ за это, онъ сразу же откровенно, въ оправданіе свое сказалъ, что «онъ не могъ разсмотрѣть, что сказавшій это былъ первосвященникъ». Между тѣмъ, имѣя въ виду положеніе первосвященника, какъ *наси* синедріона, сидѣвшаго въ концѣ палаты съ *Аб-Бео-Диномъ* по одну его сторону и *Хахамомъ* по другую ¹⁾, почти непонятно, чтобы ап. Павелъ не зналъ его сана, если бы не страдалъ недостаточностью зрѣнія. Все, что онъ видѣлъ своимъ омраченнымъ зрѣніемъ, это—блѣлая фигура, притомъ и этой фигуры онъ не видѣлъ съ такою ясностью, чтобы имѣть возможность различить, что этотъ дерзкій тиранъ былъ никто иной, какъ самъ первосвященникъ ²⁾.

Но если всѣ эти соображенія вѣрны—(намъ они кажутся почти достовѣрными),—то какъ неизмѣримо они въ нашемъ мнѣніи возвышаютъ геройство ап. Павла; насколько они увеличиваютъ изумленіе и восхищеніе, когда мы видимъ, сколько онъ вытерпѣлъ и сколько онъ совершилъ! Человѣкъ, который почти одинъ собственными руками пронесъ Евангеліе Христа отъ Дамаска до Рима, такъ жестоко страдалъ отъ воспаленія глазъ, что на него часто жалко было смотрѣть; не могъ писать, кромѣ какъ съ мукой и притомъ крупными буквами; подверженъ былъ припадкамъ жестокой агоніи, сопровождавшейся по временамъ потерей сознанія. Онъ былъ такъ слабъ и болѣзненъ, что при опасностяхъ лично былъ совершенно безпомощенъ; что его нужно было другимъ переводить изъ мѣста въ мѣсто; что для него было почти невозможно, а не хочу сказать только проповѣдывать, но даже пройти обыкновенную рутину жизни безъ спутниковъ, которые бы указывали ему пути, защищали и вели его за руку ³⁾. Мы можемъ отсюда видѣть, какъ необходимо было для ап. Павла имѣть кого-нибудь «кто бы служилъ ему»; какъ сильно онъ могъ чувствовать необходимость, чтобы всегда во время его миссіонерской дѣятельности его сопровождали вѣрные друзья ⁴⁾; какъ много скорби могло заключаться въ его замѣчаніи, что, благодаря своей сильной любви къ ессалоникійцамъ, онъ былъ даже готовъ, ради ихъ, разстаться съ своимъ возлюбленнымъ Тимоеемъ и остаться въ Аѳинахъ *одинъ* ⁵⁾. Какъ крѣпка

¹⁾ Дѣян. ххп, 5. Возможно, что присутствіе римскихъ чиновниковъ нарушило этотъ порядокъ.

²⁾ Выраженіе „устремляя упорный взглядъ“ (ἀτενίσας) часто приводилось какъ новый признакъ, что зрѣніе ап. Павла было слабо и поэтому онъ прибѣгалъ къ упорному взгляду, столь обычному у близорукихъ людей. Этотъ аргументъ однако же несостоятеленъ, такъ какъ слово это любимое у св. Луки (Дѣян. хп, 9; ххп, 1) и прилагается не только къ ап. Павлу, но также къ ап. Петру, св. Стефану и даже къ цѣлымъ обществамъ людей (Лук. iv, 20; ххп, 56; Дѣян. i, 10; п, 2—4; VI, 15; vii, 55).

³⁾ Дѣян. хviii, 14, τὸν Παῦλον ἐξαπέστειλαν οἱ ἀδελφοί; 15, οἱ δὲ καθίστανοντες (καθιστῶντες въ Е. Г. Н.) τὸν Παῦλον ἡγαγόν ὡς Ἀθῆνας. Эти фразы, повидимому, имѣютъ болѣе специфическій характеръ, чѣмъ фразы въ Быт. хviii, 16; Рим. xv, 24 (προπεμφθήναι).

⁴⁾ Левинъ (St. Paul, i, 189, третье изданіе), какъ я думаю, первый указалъ на эти мѣста, какъ имѣющія отношенія къ этому вопросу. Они не имѣютъ въ себѣ ничего рѣшительнаго; но когда мы находимъ тѣ же самыя слова употребленными въ Дѣян. ix, 30 (на которыя не ссылагается Левинъ), когда мы можемъ вполне предполагать, что новый припадокъ слѣдовалъ за новымъ откровеніемъ, то они съ вѣроятностью могутъ указывать на то же состояніе вещей, которое предполагается нами.

⁵⁾ 1 Θεсс. iii, 1.

поэтому и какъ нѣжна была связь взаимной благодарности и привязанности, которыя неизбѣжно возникали при такихъ обстоятельствахъ между нимъ и малой общиной учениковъ, которые постоянно сопровождали его! Съ какимъ глубокимъ огорченіемъ могъ онъ чувствовать жестокость пренебреженія и неблагодарности, когда при первомъ допросѣ его на судѣ съ нимъ не было никого и всѣ оставили его! ¹⁾).

ПРИЛОЖЕНИЕ XI.

Объ іудейскихъ бичеваніяхъ.

Даже одного іудейскаго бичеванія могло бы быть достаточно для того, чтобы дать человѣку право считаться мученикомъ. Наказываемому обыкновенно давалось тридцать девять ударовъ, если только конечно не оказывалось, что силы наказываемого слишкомъ истощились, чтобы онъ могъ вынести полное число. Обѣ его руки привязывались къ чему-то такому, что иногда называлось столбомъ, но въ дѣйствительности было коломъ въ полтора локтя вышины ²⁾). Особый чиновникъ затѣмъ разрывалъ на немъ одежды, такъ чтобы совершенно обнажалась грудь. Палачъ становился на камнѣ позади преступника. Бичъ состоялъ изъ двухъ ремней, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ четырехъ воловьихъ ремней и одинъ изъ двухъ ослиныхъ ремней, продернутыхъ чрезъ отверстія въ ручкѣ. Палачъ, которымъ обыкновенно былъ *хаззанъ* синагоги, могъ такимъ образомъ укоротить или удлинить ихъ по своему желанію, такъ чтобы не ударять слишкомъ низко ³⁾). Узникъ сгибался для принятія ударовъ, которые наносились одной рукой, но изо всей силы — тринадцать по груди, тринадцать по правому и тринадцать по лѣвому плечу. Въ то время, когда происходило наказаніе, главный судья громко читалъ Втор. xxv, 58, 59: «если не будешь стараться исполнять всѣ слова закона сего, написанныя въ книгѣ сей, и не будешь бояться сего славнаго и страшнаго имени Господа Бога твоего: то Господь поразитъ тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими, постоянными, и болѣзнями злыми и постоянными». Затѣмъ онъ читалъ Втор. xxi, 9: «соблюдайте же всѣ слова завета сего и исполняйте ихъ, чтобы вамъ имѣть успѣхъ во всемъ, что ни будете дѣлать»; и наконецъ Пс. lxxvii, 38, 39: «но Онъ милостивый прощалъ грѣхъ и не истреблялъ ихъ; многократно отвращая гнѣвъ свой и не возбуждая всей ярости своей». Если наказаніе еще не кончилось во время чтенія этихъ трехъ мѣстъ, то они повторялись, и чтеніе ихъ такъ рассчитывалось, чтобы какъ разъ закончиться съ самымъ наказаніемъ. Между тѣмъ второй судья считалъ удары, а третій предъ каждымъ ударомъ восклицалъ: «*аккеу*» (ударяй его). Всѣ эти подробности мы заимствуемъ изъ трактата о наказаніяхъ (מכות, *Маккоэ* въ Мишнѣ ⁴⁾). Жестокость такого мученія можетъ быть лучше всего понята изъ краткаго прибавленія: «если преступникъ умретъ отъ наказанія, то палачъ не признается виновнымъ, если только онъ по ошибкѣ не дастъ одного удара лишняго, въ каковомъ случаѣ онъ подвергается ссылкѣ».

¹⁾ 2 Тим. iv, 16.

²⁾ Мраморные „столбы“, по преданію, назначавшіеся для этой цѣли, показываются среди священныхъ останковъ римско-католическихъ церквей; напр. столбъ бичеванія въ церкви Св. Гроба; столбъ бичеванія ап. Павла въ S. Paolo fuori de' Muri въ Римѣ и проч.

³⁾ Это было не въ строгомъ согласіи съ Втор. xxv, 2; но странно видѣть, какъ традиционное потворство у іудеевъ мѣшалось съ бессмысленнымъ буквѣнствомъ.

⁴⁾ См. *Surenhusius*, *Mishna*, vol. iv, p. 286, seqq.

Эти факты имѣютъ болѣе глубокий интересъ, чѣмъ просто археологическій. Они не только показываютъ, какъ ужасны были испытанія, которыя приходилось переносить ап. Павлу, если даже такіа испытанія считаются едва достойными упоминанія въ повѣствованіи, но въ тоже время они чрезвычайно иллюстрируютъ ту мелочную тщательность, которая господствовала во всей обрядности іудейской. Если напр. наносилось только тридцать девять ударовъ вмѣсто сорока, то это дѣлалось не только для того, какъ обыкновенно думаютъ, чтобы избѣжать возможности ошибки въ счетѣ, но также (такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Маймонидъ¹⁾ и потому, что законъ говоритъ «въ числѣ сорокъ»²⁾, а не «сорокъ въ числѣ»; отсюда они заключали, что они могли назначать меньшее, а не большее число ударовъ; и быть можетъ также потому, что слово «твой братъ» (רִפְיָא) по гематріи стоитъ вмѣсто тридцати девяти³⁾. Другимъ основаніемъ для этого считалось то, что мѣсто Псалма (לִחְיִן, 38, 39), читавшееся при этомъ случаѣ, оканчивается стихомъ 39. Бичъ дѣлался отчасти изъ воловьей шкуры, отчасти изъ ослиной, на томъ изумительномъ основаніи, что немедленно послѣ мѣста во Второзаконіи, которымъ предписывается наказаніе бичеваніемъ, слѣдуетъ стихъ: «не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ»⁴⁾; и что въ Ис. 1, 3 мы находимъ: «волъ знаетъ владѣтеля своего и оселъ ясли господина своего; а Израиль не знаетъ (Меня), народъ Мой не разумѣетъ». И такимъ образомъ считалось справедливымъ, чтобы тѣ, которые знаютъ, наказывали того, который не знаетъ⁵⁾! Преступникъ долженъ былъ получить только тринадцать ударовъ по груди, но двадцать шесть по плечамъ, потому что изъ Втор. xxv, 2, выводилось, что только по спинѣ должно было его бить⁶⁾, «смотря по винѣ его», такъ что спина получала двойное количество ударовъ. Обязанность громкаго чтенія во время продолженія бичеванія выводилась также особымъ образомъ изъ словъ св. Писанія⁷⁾.

Человѣкъ подлежалъ этому наказанію, если онъ преднамѣренно нарушалъ какое-либо изъ отрицательныхъ постановленій закона, или по неосторожности одно изъ тѣхъ, которыя, если бы онъ нарушилъ его преднамѣренно, угрожали изгнатию изъ среды народа⁸⁾ или «смертію чрезъ посѣщеніе

¹⁾ *Maimon. Sanhedr.* 17.

²⁾ במספר ארבעים.

³⁾ Гематрія (геометрія) была однимъ изъ каббалистическихъ методовъ толкованія посредствомъ числоваго значенія буквъ. Много примѣровъ ея я представилъ въ своей статьѣ *Rabbinic Exegesis* (*Expositor*, May, 1877). Такъ напр. въ виду того, что *Машиахъ* и *нахашъ* „эмѣй“ численно означаютъ 358, они дѣлали заключеніе, что тутъ разумѣлся Мессія, который согрѣтъ главу эмѣя и проч.

⁴⁾ Втор. xxv, 4.

⁵⁾ Такъ Маймонидъ и раввинъ Ob. de Bartenora у Суренгузіа l. с.

⁶⁾ *Buxtorf*, *Synag.* p. 523. См. также *Praef. Libr. de Abbreviaturis*. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, въ которыхъ іудеи отличались большимъ законничествомъ, чѣмъ самъ законъ. Подобнымъ образомъ они растягивали субботу въ маленькую субботу, состоящую изъ одного часа до настоящей субботы и одного часа послѣ нея. Во время Пасхи имъ запрещено было имѣть въ своихъ домахъ квасный хлѣбъ и они удерживались даже отъ употребленія этого самаго слова. Въ виду того, что имъ запрещено было свинное мясо, они избѣгали самаго слова „свинья“ и называютъ свинью דַּבָּרֵי אֶחָד *daabarъ acherъ*, „нѣкая вещь“ и проч. (*Godwin*, *Moses and Aaron*, viii, 12). Вотъ обрascивни „ограды закона“.

⁷⁾ Втор. xxv, 4, בקרת תורה „hinc colligimus plagas infigi debere inter legendum“ (*R. Ob de Bartenora*, ap. *Surenhus. Mishna*, iv, 290).

⁸⁾ כרת.

Божіе» ¹⁾. За которое изъ безчисленныхъ преступленій, влекшихъ это наказаніе, подвергался ему пять разъ ап. Павелъ, рѣшить это отнюдь не легко. Просматривая ихъ всѣ, какъ они изложены въ трактатѣ *Маккоо* ²⁾ и развиты Маймонидомъ ³⁾, мы не можемъ найти ни одного, въ которомъ могъ бы быть повиненъ апостолъ. Однако же при желаніи наказать его предлога не пришлось бы долго ожидать. Бичеваніе его было навѣрно тѣмъ меньшимъ, но все таки ужаснымъ наказаніемъ, которое называлось «законнымъ бичеваніемъ» или «бичеваніемъ сорока» ⁴⁾, такъ какъ еще болѣе ужасное бичеваніе палками, которое называлось раввинскимъ бичеваніемъ или бичеваніемъ послушанія ⁵⁾, никогда не употреблялось въ предѣлахъ святой земли, и оно очевидно было прямо бичеваніемъ на смерть.

Если преступникъ понесъ бичеваніе, то этимъ наказаніемъ устраивалась опасность «отсѣченія» ⁶⁾, и на него смотрѣли даже такъ, какъ будто оно не оставляло по себѣ никакого безчестія. Гуманное выраженіе Моисея, что при наказаніи не должно было превышать сорока ударовъ, «дабы братъ твой не показался безчестнымъ предъ тобою», истолковывалось въ томъ смыслѣ, что когда наказаніе кончилось, то наказанный «возстановлялся во всей своей прежней невинности». Это толкованіе принималось въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что даже самъ первосвященникъ, если бы онъ подвергся бичеванію, впоследствии могъ быть «возстановленъ во всея его величій». Но хотя предполагалось, что онъ не понесетъ дальнѣйшихъ оскорбленій и скорѣй даже можетъ быть увѣренъ въ приобрѣтеніи наслѣдія въ будущемъ, однако же конечно если онъ дѣлалъ преступленіе опять, то опять и подвергался бичеванію ⁷⁾. Возможно было даже, что за одно преступленіе, если оно заключало неповиновеніе нѣсколькимъ отрицательнымъ постановленіямъ, онъ могъ подвергаться нѣсколькимъ послѣдовательнымъ бичеваніямъ, причемъ заботились только о томъ, чтобы онъ достаточно поправился послѣ перваго бичеванія, прежде чѣмъ наносить ему второе. Поэтому отнюдь не невозможно или даже вѣроятно, что въ теченіе этихъ «многихъ дней», которые ап. Павелъ провелъ въ Дамаскѣ, пытаясь убѣдить тѣхъ горячихъ полемистовъ, онъ подвергся этому наказанію нѣсколько разъ.

Отказъ подвергнуться этому наказанію и попытка найти защиту отъ него въ преимуществѣ своего римскаго гражданства повели бы къ отлученію и окончательно лишили бы его права бывать въ синагогахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XII.

Апофеоза римскихъ императоровъ.

Первые императоры скорѣй не одобряли, чѣмъ поощряли лстивую тенденцію преждевременнаго боготворенія ихъ. Если имъ строились храмы въ теченіе ихъ жизни, то эти храмы всегда предназначались для ихъ «геніевъ», или по крайней мѣрѣ связывались—какъ въ Афинахъ—съ боже-

¹⁾ מיתה בידי שמים.

²⁾ ш, 1, 2, 3, 4.

³⁾ Hilkoth Sanhedr. хvш, хix.

⁴⁾ Malkooth, דאורייתא или ארבעים.

⁵⁾ מדרות См. *Saprov. App. Crit.* p. 589. По-гречески τομπανισμός.

⁶⁾ 2 Мак. ш, 35.

⁷⁾ Они приводили Лев. хvш, 29; 2 Мак. ш, 15.

ствомъ Рима ¹⁾. Императоръ Августъ съ этими ограниченіями уступилъ на усердныя просьбы населенія Пергама и Никоидіи, но выразительно запретилъ римлянамъ принимать какое либо участіе въ этомъ новомъ культѣ. Этотъ низкій примѣръ быстро распространился по провинціямъ, и хотя, какъ вѣроятно, Августъ въ душѣ своей не безъ удовольствія относился къ столь изумительному доказательству его собственнаго могущества, онъ однакоже съ виду смѣялся надъ всѣмъ этимъ, какъ исполнѣ свѣтскій человѣкъ ²⁾. Въ изступленіи рабской лести, составляющей неизбѣжный недугъ деспотизма, это боготвореніе живаго человѣка исполнѣ могло распространиться изъ провинцій на Италію, и, вопреки увѣренію Діона Кассія, что въ Италіи никто не осмѣливался боготворить Августа, изъ *Cogrus Inscriptio* нш съ несомнѣнностью видно, что во время его смерти, съ его ли позволенія или безъ всякаго его вѣщательства, явились жрецы Августа въ Помпей, фламинны въ Пренестѣ, *Augusteum* въ Пицѣ, *Caesareum* въ Путеолахъ; и это—хотя и зависѣло гораздо болѣе отъ религіознаго упадка вѣка, чѣмъ отъ изступленнаго высокомѣрія самодержца—сдѣлалось источникомъ ожесточенныхъ порицаній противъ него, когда онъ умеръ. Даже въ Римѣ ³⁾, хотя до его смерти ему не воздвигнуто было ни одного храма, стоятъ только обратиться къ поэзіи Виргілія, Горація и Овидія ⁴⁾, чтобы видѣть, что къ нему вообще обращались какъ къ божеству (*numen*) и Богу, и что жертвы приносились или ему или его имени; и, какъ видно изъ надписей, даже въ Римѣ, если его и не боготворили прямо, то боготворили косвенно, воздвигая жертвенники его добродѣтелямъ и его законамъ и вознося его имя среди именъ древнихъ божествъ въ пѣсняхъ коллегіи «братьевъ полей». Послѣ смерти Августа культъ его получилъ безграничное развитіе. Онъ былъ извѣстенъ вездѣ подъ именемъ Августа божественнаго, — фраза, которая сдѣлалась столь же ходячею, какъ и *fecit le roi* ⁵⁾.

Тиверій изъ политическихъ видовъ поддерживалъ и даже до извѣстной степени усиливалъ этотъ новый культъ, но онъ также не одобрялъ крайности, когда старались божественныя почести присылать и ему во время его жизни, чѣмъ онъ не только удовлетворилъ свой беззащитный цинизмъ, но и показалъ свой сильный здравый смыслъ. Но склонность къ апофеозу въ его время уже твердо установилась. Онъ конечно послѣ смерти былъ обоготворенъ, и его панегиристъ, Веллей Патеркулъ, передаетъ намъ разсказъ, что когда онъ находился въ походѣ въ странѣ Хавковъ, начальникъ варваровъ получилъ позволеніе видѣть его и, переѣхавъ чрезъ рѣку для исполненія своего желанія, долго смотрѣлъ на него въ молчаніи и, восклицая, что теперь онъ видѣлъ боговъ ⁶⁾, просилъ позволенія прикоснуться къ его рукѣ и затѣмъ оттолкнулъ свою лодку къ противоположному берегу, до послед-

¹⁾ *Dion. Cass.* л. 20; *Suet.* Aug. 52. Хотя онъ зналъ, что даже проконсуламъ въ провинціяхъ посвящались храмы, однако же „nullâ provinciâ, nisi communi suo Romaeque nomine recepit“. См. великолѣпную главу о „L'Apothéose Impériale“, in *Boissier*, *La Religion Romaine*, I, 123—205.

²⁾ *Quintil.* *Instt. Orat.* VI, 3, 77.

³⁾ Тац. *Ann.* I, 10, „Nihil deorum honoribus relictum, cum se templis et effigie numinum per flamines et sacerdotes coli vellet“; *Aurel. Vict. de Cæsar.* I, „Huicque, uti Deo, Romæ provinciisque omnibus, per urbes celeberrimas vivo mortuoque templa sacerdotes et collegia sacravere“. Это однакоже положительная ошибка, такъ какъ Плиніи, *Nat. Hist.* XII, 19, упоминаетъ о храмѣ, который Ливія воздвигла ему послѣ его смерти (*Divo*) на Платинѣ. Светоній, весьма высокій авторитетъ по этому предмету, говоритъ, что онъ съ крайнимъ упорствомъ отказывался отъ этой почести въ Римѣ, когда ему настойчиво предлагали ее (*Aug.* 52, „In urbe quidem pertinacissime abstinuit hoc honore“).

⁴⁾ См. примѣчанія Бентлея *Hor. Ep.* II, I, 16; *Virg. Eccl.* I, 7; *Georg.* I, 42; *Hor. Od.* I, 2, 41; III, 5, 1; IV, 5, 16; *Ov. Trist.* II, 8, 9; IV, 9, 111 (*Boissier*, I, 153).

⁵⁾ Тац. *Ann.* I, 73, „Caelum decretum“.

⁶⁾ *Vell. Paterc.* II, 107, „Quos ante audiebam hodie vidi deos“.

ного момента не спуская глазъ съ живаго божества. Недугъ низкой лъстивости такъ быстро возростъ, что, согласно Светонію, у Домициана вошло въ обычай начинать свои письма словами: «*Dominus et Deus noster sic fieri jubet*»—«такъ повелѣваетъ нашъ Господь и Богъ, Домиціанъ!»¹⁾).

ПРИЛОЖЕНІЕ XIII.

Бремя, налагавшееся на прозелитовъ.

Въ Талмудѣ говорится, что если язычникъ желалъ сдѣлаться прозелитомъ, то у него спрашивали о причинахъ этого желанія и заявляли ему, что Израиль теперь находится въ бѣдѣ, преслѣдуется и поражается всѣми родами страданій. Если онъ отвѣчалъ, что знаетъ это и не достоинъ принять участіе въ ихъ страданіяхъ, то его допускаютъ, но въ то же время достаточно говорятъ ему о «легкихъ» и «тяжелыхъ» постановленіяхъ для того, чтобы предостеречь его во-время воздержаться отъ этого шага, если онъ не искрененъ, такъ какъ, сказалъ Рабъ Хелбо, «прозелиты такъ вредны Израилю, какъ короста». Ему сообщаются правила касательно очищенія, десятины, касательно наказаній, налагаемыхъ за каждое преступленіе закона, и заявляются, что отнынѣ, если онъ осквернитъ субботу, онъ подлежитъ смерти чрезъ побіеніе камнями. Если онъ подчиняется всему этому, то его обрѣзываютъ и даже обрѣзываютъ во второй разъ, если допущена была какая нибудь небрежность при первомъ исполненіи этого обряда. Послѣ своего выздоровленія, онъ безъ замедленія погружается въ водѣ крещенія, и два «ученика мудрыхъ» стоятъ рядомъ съ нимъ, повторяя нѣкоторыя изъ «легкихъ» и «тяжелыхъ» постановленій²⁾. Въ дѣйствительности язычникъ могъ сдѣлаться прозелитомъ, лишь подчинившись всему игу раввинства, тираніи отжившихъ, ребяческихъ и утомительныхъ *галахотъ*, которыя изъ года въ годъ все съ большею тяжестью ложились на іудейскія плечи, благодаря педантизму ихъ богословскихъ школъ. Что язычники обыкновенно сосредоточивали свое вниманіе на простыхъ переходящихъ іудейскихъ *обрѣдахъ*, а не на вѣчныхъ *началахъ*, открытыхъ имъ Богомъ, въ этомъ виноваты сами іудеи. Можемъ ли мы удивляться этому, встрѣчая изреченіе раввина Елеазара Бенъ Хасмы, что правила касательно птицъихъ гнѣздъ (*кинимъ*) и «нечистоты» женщинъ (*нидда*) составляютъ *сущность* закона?³⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ XIV.

Ненависть къ іудеямъ въ классической древности.

И интересно, и виѣстъ тяжело видѣть, съ какими смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, отвращенія и презрѣнія языческая древность относилась къ іудеямъ, начиная съ Манефона, египетскаго

¹⁾ *Suet. Domit.* 13.

²⁾ *Yebhamôth*, f. 47, 1.

³⁾ *Pirke Abhôth*, III, 28. Въ защиту іудеевъ отчасти можно сказать, что нѣкоторые склонны были къ прозелитству съ цѣлью избѣжать военной службы (*Tac. Ann.* II, 35; *Suet. Tib.* 36; *Ios. Antt.* XVIII, 3, § 5), другіе были прозелитами *шекемитами*—т. е. дѣлались прозелитами съ цѣлью жениться на богатыхъ іудеянкахъ (*id.* XVI, 7, § 5; XX, 7, §§ 2, 3), иные наконецъ были „львами прозелитами“—т. е. изъ боязни (4 Цар. XVII, 26; I. Флав. В. I. II, 17, § 10). *Herzog, Real-Enc.*, s. v.

жреца, который повидимому былъ первымъ виновникомъ клеветы, что іудеи были народомъ прокляженных¹⁾, вплоть до Аннея Флора, который клеймилъ ихъ названіемъ нечестиваго народа²⁾, указанія на нихъ въ свѣтской литературѣ представляютъ собою массу нелѣпныхъ клеветъ или язвительныхъ сарказмовъ. Херемонъ говоритъ о нихъ, какъ о нечистыхъ и оскверненныхъ³⁾; Лизимахъ, какъ о болѣзненныхъ и необщительныхъ⁴⁾; Діодоръ Сицилійскій, какъ о приверженцахъ къ страннымъ обрядамъ и враждебныхъ къ чужеземцамъ⁵⁾; Апполовій Молонъ, греческій риторъ временъ Цицерона, изображаетъ ихъ «безбожными и человѣконенавистными»⁶⁾; Цицеронъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ высказывается о нихъ въ своей рѣчи въ защиту прославившагося своимъ вымогательствомъ и тиранніей Флакка⁷⁾, и въ рѣчи о консульскихъ провинціяхъ называетъ ихъ «народомъ, рожденнымъ для рабства»⁸⁾; Гораций издѣвается надъ ихъ прозелитизмомъ, надъ ихъ обрѣзаніемъ и ихъ субботами⁹⁾; Сенека называетъ ихъ «самымъ отверженнымъ народомъ»¹⁰⁾; Марціалъ, кромѣ гнусныхъ намековъ на ихъ національный культъ, изливаетъ свое презрѣніе на ихъ бѣдность, ихъ нищенство, ихъ религію и ихъ низкое ремесло по продажѣ спичекъ и по покупкѣ разбитыхъ стеколъ, и онъ, повидимому, первый высказалъ ту клевету, которая повторена Томасомъ Брауномъ въ его «Popular Errors»¹¹⁾; Квинтиліанъ, при всей своей деликатности, однако же не воздерживается отъ ожесточеннаго замѣчанія противъ іудеевъ и Моисея¹²⁾; Луканъ намекаетъ на ихъ «невѣдомое божество»¹³⁾; Петроній Арбитеръ, повидимому, думаетъ, какъ и многіе изъ древнихъ, что іудеи не отвращались отъ свиньи, но въ дѣйствительности боготворили ее¹⁴⁾; Тацитъ въ своей «Исторіи» упрекаетъ ихъ въ грубой чувственности, низкомъ коварствѣ и сильной ненависти ко всѣмъ націямъ, кромѣ своей, и во всей полнотѣ и съ полною важностью передаетъ нелѣпую исторію касательно почитанія ими осла¹⁵⁾. Въ своихъ «Анналахъ» онъ говоритъ съ одинаковымъ ужасомъ и одинаковымъ невѣжествомъ объ іудеяхъ и христіанахъ, и думаетъ, что если бы тысячи іудеевъ, отправленныхъ въ Сардинію, умерли, то эта была бы неважная потеря¹⁶⁾; Ювеналъ высказываетъ презрительный намекъ на ихъ сквалыжничество, нищенство,

¹⁾ Флавій с. Ар. I, 26.

²⁾ Говоря о Помпее, Флоръ говоритъ: „et vidit illud grande impiae gentis arcanum“.

³⁾ Ios. с. Ар. I, 32.

⁴⁾ Id. I, 34.

⁵⁾ Diod. Sic. XL.

⁶⁾ I. Флавій с. Ар. II, 14.

⁷⁾ Cic. pro Flacco, XXVIII.

⁸⁾ De Prov. Cons. V.

⁹⁾ Hor. Sat. I, IV, 143; V, 100; IX, 69.

¹⁰⁾ Ap. Aug. De Civ. Dei, VII, 36, „Usque eo sceleratissimae gentis consuetudo convaluit“ (Sabbath) ut“ и проч.

¹¹⁾ Mart. Ep. I, 42; XII, 30, 35, 57; IV, 4; VII, 82; XI, 94; I, 4. Cf. Stat. Silv. I, 6. Отношеніе Иродовъ къ кесарямъ обратило значительное вниманіе на іудеевъ въ императорскую эпоху. Pers. V, 179—184; Juv. VI, 157.

¹²⁾ De Instt. Orat. III, 7.

¹³⁾ Pharsal. II, 593, „incerti Judaea Dei“.

¹⁴⁾ Satiric. Büchler, p. 221, „Judaus licet et porcinum numen, adoret“, и проч. (Cf. Plut; Synop. IV, 5).

¹⁵⁾ Tac. Hist. V, 2—5; Diod. Sic. I, 28; Plut. Synop. IV, 5. Объ этомъ разсказъ см. Geiger, Juden und Judenthum, Illustr. Monatsch. d. Judeneth., Oct. 1865.

¹⁶⁾ Ann. XV, 44; II, 85, „si ob gravitatem caeli interissent, vile damnum“. (Cf. Suet. Tib. 36. Jos. Antt. XVIII, 3, § 5; Philo, Leg. 24).

мятежность, суетѣріе, шарлатанство и празднолюбіе ¹⁾; Цельсъ обзываетъ ихъ шарлатанами и бродягами ²⁾; Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о нихъ, какъ объ «отвратительныхъ и производящихъ шумъ» ³⁾; Рутилій Нумаціанъ заключаетъ длинный списокъ гнѣвныхъ поношеній взрывомъ издѣвательства, въ которомъ онъ называетъ Іудею «глушей рабской кѣткой» ⁴⁾. Іеремія призывалъ іудеевъ къ молитвѣ о мирѣ и благосостояніи города ихъ плѣна, «ибо при благосостояніи его и вамъ будетъ миръ» ⁵⁾. Для древнихъ іудеевъ было бы гораздо лучше, еслибы они жили въ духѣ этого возвышеннаго увѣщанія. Но язычники хорошо знали, что въ іудейскихъ синагогахъ заключалось отступленіе отъ мертваго однообразія римской имперіи и что тамъ ихъ обычаи поносились и трактовались съ открытымъ и ожесточеннымъ презрѣніемъ, за что они и возмѣщали десятирицей ⁶⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ XV.

Отзывы древнихъ языческихъ писателей о христіанствѣ.

Свѣтоній (умеръ около 110 г. по Р. Хр.).

«Judeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Româ expulit» (Claud. 25) ⁷⁾.

«Afflicti supplicii Christiani genus hominum superstitionis novae et maleficae (Nero, 16).

«Percrebuerat Oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis, ut eo tempore. Iudaea profecti rerum potirentur» (Vesp. 4).

Тацитъ (Consul suffectus, умеръ въ 97 г. по Р. Хр.).

«Ergo abolendo rumori Nero subdidit reos, et quaesitissimis poenis affecit, quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat. Auctor ejus nominis Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pont. Pilatum supplicio affectus est; repressaque in praesens exitiabilis superstitio rursum erumpebat non modo per Judaeam originem ejus mali, sed per urbem etiam quo cuncta undique atrocita aut pudenda confluunt celebranturque. Igitur primum correpti qui fatebantur, deinde indicio eorum multitudo ingens, haud perinde in crimine incendii quam odio generis humani convicti sunt. Et pereuntibus addita ludibria, ut ferarum tergis contexti laniatu canum interirent, aut crucibus affixi aut flammandi, atque ubi defecisset dies, in usum nocturni luminis urerentur... unde quamquam adversus fontes et novissima exempla meritos miseratio oriebatur tamquam non utilitate publicâ sed in saevitiam unius absumerentur» (Ann. xv, 44).

¹⁾ Sat. vi, 542—547, 156—160; xiv, 96—107. См. другіе намеки *id.* iii, 13, 296.

²⁾ *Orig. c. Cels.* i, 33, γοήτων.

³⁾ *Ammian Marc.* xii, 5, „fetentes Judaei“. (См. „Gentiles“ in *Kitto*).

⁴⁾ *Itinerar.* i, 3, 89. Въ приведенныхъ выше цитатахъ и ссылкахъ я (съ нѣкоторыми прибавленіями) воспользовался сочиненіемъ *Galli's Notices of the Jews by Classic. Authors* (см. также *Meier's Judaica*, и статью Гейгера, указанную выше).

⁵⁾ *Іерем.* xxix, 7.

⁶⁾ *Ps. Heacliit.* Ер. vii; *Hausrath*, N. T. Gesch. ii, 79. Образики этой презрительности можно видѣть у I. Флавія с. Ар. ii, 34, 35.

⁷⁾ Согласно свидѣтельству Сульпиція Севера (*Hist. Sacr.* ii, 30), Титъ опредѣлилъ разрушить храмъ, чтобы христіанство и іудейство искоренить вмѣстѣ. Quippe has religiones, licet contrarias sibi, iisdem tamen auctoribus profectas; Christianos ex Judaeis exstitisse; radice sublata, stirpem facile perituram“. Бернейсъ думаетъ, что это цитата изъ Тацита.

Язычники въ посланіи церквей Вьенской и Ліонской жалуются *ξένον τινα καὶ καὶνὴν ἡμῖν εἰσαγούσι Ὁρθόξειαν* (ар. Euseb. H. E. v, 1).

Плиній Младшій (умеръ около 117 г. по Р. Хр.).

Его знаменитое письмо къ Траяну слишкомъ длинно, чтобы приводить здѣсь. Онъ спрашиваетъ въ немъ, наказывать ли ему людей просто за то, что они христіане, или за тѣ преступленія, которыя связываются съ обвиненіемъ въ этомъ (помеп ipsum, si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia поміні). Онъ говоритъ, что онъ наказывалъ тѣхъ, которые, послѣ угрозы наказанія, все еще продолжали объявлять себя христіанами, такъ какъ онъ думаетъ, что ихъ «непреклонное упрямство» во всякомъ случаѣ должно быть наказано. Другіе равнымъ образомъ совѣтывали ему (similis amentiae), чтобы онъ отправлялъ въ Римъ тѣхъ, которые были римскими гражданами. Получивъ анонимное обвиненіе, въ которомъ обвинялись многіе, онъ подвергалъ ихъ допросу, въ случаѣ отрицанія обвиненія въ принадлежности къ христіанству, заставляя ихъ призывать боговъ и приносить куреніе и вино изображенію императора и проклиная Христа. Если они исполняли все это, то онъ отпускалъ ихъ, такъ какъ ему говорили, что ни одинъ истинный христіанинъ не сдѣлаетъ этого. Нѣкоторые говорили, что они давно уже отказались отъ христіанства, но заявляли, что главная ихъ «вина» или «заблужденіе» просто состояло въ обычаѣ собираться до разсвѣта и пѣть антифоны Христу, какъ Богу, и связывать себя клятвою¹⁾ не воровать, не грабить, не прелюбодѣйствовать, не нарушать данного слова; не нарушать сдѣланнаго имъ довѣрія; послѣ чего они расходились, собираясь опять для безвредной трапезы,—обычай, который они оставили послѣ приказа Плинія, запрещавшаго всякіе союзы. Едва довѣряя этому странному разсказу объ ихъ невинной жизни, онъ предавалъ двухъ діакониссъ (ex duabus ancillis quae ministras dicebantur) пыткамъ, но онѣ не обнаружили ничего кромѣ безобразнаго и неприличнаго суетвѣрія (pravam, immodicam). Онъ поэтому обращается за совѣтомъ къ Траяну, такъ какъ въ числѣ обвиненныхъ было много людей всякаго возраста, сана и пола, какъ въ городѣ, такъ и въ провинціи. «Зараза этого жалкаго суетвѣрія» распространилась такъ широко, что храмы были почти пусты и едва оставался кто нибудь для покупки жертвъ (Ер. х, 97).

На это письмо Траянъ кратко отвѣчаетъ, что христіанъ должно наказывать, если они будутъ осуждены, но вообще не преслѣдовать ихъ; прощать, если они будутъ приносить жертвы, и не подвергать ихъ суду по анонимнымъ обвиненіямъ.

Эпиктетъ (умеръ въ 117 г. по Р. Хр.).

«При безуміи возможно для человѣка быть расположеннымъ къ этимъ вещамъ» (т. е. быть равнодушнымъ къ міру) «и къ галилеянамъ по привычкѣ» (Dissert. iv, 7).

М. Аврелій Антонинъ (умеръ въ 180 г. по Р. Хр.).

Говоря о готовности умереть, онъ говоритъ, что это благородное расположеніе, «такъ какъ оно выходитъ изъ собственнаго размышленія человѣка, а не изъ простаго упрямства (*διὰ ψιλὴν παρὰταξιν*) какъ у христіанъ, но съ разсудительностью и съ достоинствомъ» (Euseb. xi, 3).

Лукіанъ (умеръ около 200 г. по Р. Хр.).

Его издѣвательства и пародіи надъ тѣмъ, что онъ называетъ *θηυμαστὴ σοφία* христіанъ, можно найти въ его *Ver. Historia* i, 12, 30; ii, 4, 11—12 (*Alexand. (Pseudomantis) xiv, 38*). *Philopatris* принадлежитъ не Лукіану, а на сто лѣтъ позднѣйшаго происхожденія.

¹⁾ Этотъ фактъ интересенъ въ смыслѣ самаго ранняго христіанскаго употребленія слова „таинство“ (*Waterland, On the Eucharist, 1*).

Галленъ, великій писатель по физикѣ (умеръ въ 200 г. по Р. Хр.).

Въ своей книгѣ *De different. pulsuum* онъ дважды указываетъ на упрямство христіанъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVI (къ стр. 241).

Проконсульство Сергія Павла.

Титулъ «проконсула», приданный этому правителю острова, составляетъ одну изъ тѣхъ мелкихъ чертъ точности, которыя на каждой страницѣ встрѣчаются въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ.

Могло бы показаться серьезнымъ затрудненіемъ здѣсь то обстоятельство, что имя Сергія Павла встрѣчается въ *Fasti* консуловъ только долгое время спустя уже послѣ этого періода ¹⁾; но затрудненіе это исчезаетъ, когда мы видимъ, что титулъ проконсула давался губернатору сенаторской провинціи, каковъ бы ни былъ его прежній санъ ²⁾. Но выставляется и другое, еще болѣе серьезное затрудненіе. Провинціи были двухъ родовъ: императорскія и сенаторскія, изъ которыхъ тѣ и другія назывались епархіями (*ἐπαρχίαι*). Императорскими были тѣ провинціи, въ которыя губернаторы посылались императоромъ, такъ какъ съ ихъ обязанностью соединялась обязанность командованія войскомъ. Августъ, подъ предлогомъ освобожденія сената отъ бремени болѣе безпокойныхъ провинцій, ловко предоставилъ своей личной администраціи тѣ страны имперіи, гдѣ требовалось присутствіе войска. Такъ какъ титулъ претора (погречески *Στρατηγός* т. е. генералъ) все еще удерживалъ нѣкоторую тѣнь своего прежняго военнаго значенія, то губернаторы этихъ провинцій назывались пропреторами или *ἀντιστρατήγοι*, вмѣсто котораго въ Новомъ Завѣтѣ часто употребляется болѣе общій терминъ *ἡγεμόν*. Это греческое слово для обозначенія «губернаторъ» одинаково употребляется какъ для обозначенія «прокураторъ», такъ и для *praeses* или *legatus*, что напр. было обычнымъ названіемъ правителей Сиріи. Эти президы, легаты или пропреторы зависѣли въ своемъ положеніи отъ благорасположенія императора, и часто, особенно въ царствованіе Тиберія, по много лѣтъ оставались спокойно на своихъ постахъ. Проконсулы или *ἀνθύπατοι* съ другой стороны, назначавшіеся сенатомъ, занимали свои посты только въ теченіе одного года. Изъ Страбона однакоже видно, что когда въ 27 году до Р. Хр. Августъ подѣлилъ провинціи между собою и сенатомъ, Кипръ былъ оставленъ въ качествѣ одного изъ императорскихъ округовъ (*στρατηγικὴ ἐπαρχία*), съ чѣмъ согласенъ и Діонъ Кассій ³⁾. Вслѣдствіе этого даже такіе извѣстные писатели, какъ Гроцій, думали, что св. Лука здѣсь впалъ въ ошибку; и Бароній предполагаетъ, что Кипръ въ это время былъ почетнымъ прибавленіемъ къ проконсульству Киликіи, между тѣмъ какъ Гроцій высказываетъ предположеніе, что греческая льстивость могла часто придавать пропретору болѣе высокій титулъ проконсула, и что св. Лука могъ употребить этотъ титулъ въ согласіи съ разговорнымъ его употребленіемъ. Но болѣе тщательное изслѣдованіе повело къ открытію, что хотя Кипръ сначала былъ императорской провинціей, равно какъ и впослѣдствіи считался такою, однако Августъ отдалъ его вмѣстѣ съ Галліей Нар-

¹⁾ Сергій Павелъ, *consul. suffectus*, въ 21 г. по Р. Хр. и другой *Consul.* въ 168 г. по Р. Хр.

²⁾ *Dion. Cass. l. III, 13, καὶ ἀνθυπάτους καλεῖσθαι μὴ ἐπὶ τοὺς δύο τοὺς ὑπατευκότας* (экс-консуловъ) *ἀλλὰ καὶ τοὺς ἄλλους τῶν ἐστρατηγηκότων* (экс-преторовъ) и проч.

³⁾ *Dion. Cass. l. III, 12; Strabo. xiv, 685; Suet. Aug. 47.*

бонской сенату ввѣнѣ Далмаціи, такъ какъ онъ находилъ, что они не нуждались въ присутствіи войскъ ¹⁾. И въ довершеніе всего найдены были мѣдныя монеты и надписи изъ этой самой эпохи въ Куріи и Цитіи, гдѣ титулъ проконсула дается Коминію Проклу, Юлію Корду и Авну Бассу, которые навѣрно были непосредственными предшественниками или преемниками Сергія Павла ²⁾.

Имя Сергія Павла интересно само по себѣ. Объ этомъ проконсулѣ, правда, мы не знаемъ ничего, кромѣ похвалы священнаго историка, что это былъ человѣкъ разумный ³⁾ и что на него произвело глубокое впечатлѣніе ученіе ап. Павла. Но Плині Старшій въ своей «Естественной Исторіи» три раза указываетъ на Сергія Павла какъ на личность, интересующуюся умственными изслѣдованіями; и не невозможно, что этотъ Сергій Павелъ не кто иной, какъ этотъ именно кипрскій проконсулъ ⁴⁾. Если такъ, то характеръ, приданный ему однимъ мимоходнымъ словомъ у св. Луки, вполне подтверждается, и мы чувствуемъ новое удовольствіе, находя подобныя же черты въ другихъ лицахъ того же имени, которые могли быть его потомками; напр. въ Сергій Павлѣ, который болѣе ста лѣтъ спустя получаетъ епископію отъ физика Галена за его извѣстность въ качествѣ какъ теоретическаго, такъ и практическаго философа ⁵⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVII (къ стр. 297).

Ап. Іоаннъ и ап. Павелъ.

Изъ трехъ «названныхъ столповъ» ап. Іоаннъ повидимому не принималъ никакого участія въ соборѣ Іерусалимскомъ, или, если и принималъ, то участіе его было недостаточно рѣшительнымъ, чтобы оно могло найти мѣсто въ повѣствованіи. Ясно одно, что онъ въ это время принадлежалъ къ церкви обрѣзанія, и, насколько мы знаемъ, это былъ единственный случай, при которомъ онъ входилъ въ общеніе съ ап. Павломъ. Но мы имѣемъ ясное свидѣтельство ап. Павла (единственное мѣсто, гдѣ о немъ упоминается въ посланіяхъ), что онъ признавалъ его апостольство; и Апокалипсисъ, его самое раннее произведеніе, не только не показываетъ непримиримой ненависти къ ученію ап. Павла, о чемъ съ совершенно непонятнымъ легкомысліемъ утверждаетъ и съ необычайною небрежностью твердитъ критика, но представляетъ съ посланіями ап. Павла въ мысляхъ и началахъ близкую параллель, которая тѣмъ болѣе поразительна, что имѣетъ замѣтное отличіе въ тонѣ и выраженіи. Намъ съ увѣренностью утверждаютъ, даже не пытаясь представить сколько вѣбудь удовлетворительное доказательство, что «ложный іудей», «ложный апостолъ», «ложный пророкъ», «Валаамъ», «Іезавель», «Николайтъ», «начальникъ синагоги сатаны», всѣ эти названія, упоминаемыя въ Апокалипсисѣ ⁶⁾, будто бы съ несомнѣнностью относятся къ ап. Павлу, равно какъ и враждебные намеки, при-

¹⁾ Dion. Cass. lxx, 13, τὴν Κύπρον... τῷ δημῷ ἀπέδωκεν; lxx, 4, καὶ οὕτω ἀνθύπατοι καὶ ἐκ ἐκεῖνα τὰ ἔθνη πέμπεσθαι ἤρξαντο.

²⁾ Eckhel, iii, 84; Akerman, Numism. Illustr. pp. 39, 42; Bœckh, Corp. Inscr. 2631, 2632.

³⁾ Дѣян. xiii, 7, ἀνὴρ συνετὸς. Имя проконсула Павла найдено на надписи въ Соли (Cesnola, Cyprus, p. 495).

⁴⁾ Plin. H. N. I. Плиніи писалъ только двадцать лѣтъ спустя послѣ этого періода.

⁵⁾ Renan, St. Paul, p. 15, который ссылается на Orelli, 2414, 4938. Galen, De Anatom., 1 (apud Wetstein), ἀνὴρὸς τὰ πάντα πρωτεύοντος ἔργου τε καὶ λόγου τοῖς ἐν φιλοσοφίᾳ.

⁶⁾ Откр. ii, 2, 6, 9, 14, 15, 20, 24; iii, 9 (см. Renan, St. P., 302—305, который спокойно утверждаетъ это, какъ будто бы безспорную истину). Однако же самъ ап. Павелъ первый употребилъ это самое сравненіе съ Валаамомъ (1 Кор. x, 7, 8) и первый обличилъ крайнюю преступность полагать камень преткновенія предъ другими (Рим. xiv, 21; 2 Кор. xi, 29).

кровенно дѣлаемые на него, подъ названіемъ Симона волхва, въ лже-кLEMENTинахъ. Однако же на какомъ основаніи построено все это заключеніе? Просто на сходствѣ въ тонѣ подложнаго эвѣнгелистскаго сказанія (кLEMENTинъ) съ фразами: «тѣ, которые говорятъ, что они апостолы, небудучи апостолами», «тѣ, которые говорятъ, что они іудеи, не будучи іудеями», и съ намеками на тѣхъ, которые держались ученія Валаама и «жены Іазавели», научавшей народъ «совершать блудъ и ѣсть идоложертвенное». Правда, что были іудействующие, которые отвергали право ап. Павла на апостолство; но утверждать, что ап. Іоаннъ былъ однимъ изъ нихъ, значитъ прямо лгать на ап. Павла, между тѣмъ какъ относить ап. Павла къ одному разряду съ тѣми, «которые говорятъ, что они іудеи, не будучи іудеями», значитъ ложно перетолковывать извѣстнѣйшіе факты касательно того, кто былъ фарисей изъ фарисеевъ и еврей изъ евреевъ. Затѣмъ смѣло утверждать, что ап. Павелъ всегда училъ ѣсть идоложертвенное, значитъ прямо противорѣчить его собственнымъ словамъ, такъ какъ онъ явно предостерегалъ своихъ обращенцевъ не дѣлать этого, и приводить въ подтвержденіе своего предостереженія то самое основаніе, что дѣлать такъ—значило бы «полагать камень преткновенія предъ сынами Израиля» ¹⁾. Въ дѣйствительности, хотя ап. Павелъ отрицалъ, что ѣсть идоложертвенное есть преступленіе само по себѣ, его уступки въ этомъ отношеніи однако же лишь немного шли дальше тѣхъ, которыя допускаются въ самомъ Талмудѣ ²⁾. Затѣмъ могло ли быть хотя малѣйшее основаніе для того, чтобы говорить, что ап. Павелъ всегда училъ людей «совершать блудодѣяніе?» — грѣхъ, противъ котораго, въ буквальный или иносказательный смыслъ, онъ высказывалъ увѣщанія гораздо болѣе глубокаго и болѣе способнаго тронуть сердце, болѣе способнаго связать совѣсть, чѣмъ всѣ другіе писатели въ Новомъ Завѣтѣ взятыя вмѣстѣ. Что даже уже въ раннее время возникали антиномистскія секты, которыя были повинны въ такомъ гнусномъ ученіи, это мы знаемъ изъ церковной исторіи и находимъ намеки даже у священныхъ писателей; и поэтому указанія Апокалипсиса нужно понимать въ такомъ же буквальный смыслъ, какъ и ветхозавѣтныя аналогіи, на которыя ап. Іоаннъ ссылается часто также, какъ и ап. Павелъ ³⁾. Что подъ «блудомъ» въ Апокалипсисѣ разумѣются «смѣшанные браки», это мнѣніе не имѣетъ ни тѣни основанія для себя, да и не было никакого основанія говорить, что ап. Павелъ одобрялъ ихъ. Хотя онъ употреблялъ, какъ объ этомъ, такъ и о другихъ предметахъ, языкъ благоговѣнія и снисходительности, однако же все его ученіе направляется къ неодобренію ихъ ⁴⁾. Кромѣ того, если здѣсь имѣлся въ виду ап. Павелъ, и если ап. Іоаннъ, апостолъ любви, былъ дѣйствительно злословнымъ и изувѣрнымъ іудействующимъ, какъ пришлось бы заключить тогда изъ этихъ намековъ, то непонятно, что ни одного слова не сказано было касательно тѣхъ пунктовъ, въ отношеніи которыхъ въ глазахъ іудействующаго онъ долженъ былъ безконечно болѣе подвергаться укорамъ, именно касательно весьма невысокаго взгляда ап. Павла на обрѣзаніе и его завѣдомаго убѣжденія, что дѣлами закона человѣкъ не можетъ оправдаться предъ Богомъ. Въ Апокалипсисѣ едва ⁵⁾ даже упоминается объ обрѣзаніи, законѣ, Моисеѣ или устномъ преданіи,

¹⁾ 1 Кор. viii, 12 (сн. х, 32).

²⁾ Трактатъ Ketubhōth, f. 15, 1, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ съ ап. Павломъ, излагаетъ правило, что если человѣкъ купилъ мясо и сомнѣвается касательно того, чисто ли оно по закону, то онъ не долженъ его ѣсть; но если онъ случайно получить его, то онъ можетъ его ѣсть безъ всякаго смущенія. Мясо, которое объявлялось чистымъ по закону (*maṣor*), клеймилось оловянною печатью, на которой стояло слово *kaṣar* („позволительно“, *καθαρὸν*). (I. D'Israeli, *Senius of Judaism*, p. 154)

³⁾ 1 Кор. х, 7, 8 (см. нѣсколько превосходныхъ замѣчаній у Ляйтфута, Gal. pp. 290, 335).

⁴⁾ См. особенно 2 Кор. vi, 14.

⁵⁾ Это будетъ видно изъ объясненія Откр. xv, 3.

между тѣмъ какъ ученіе касательно искупленія кровію агнца и всеобщности этого искупленія, какъ простирающагося на «всякое колѣно и языки и народъ и племя» ¹⁾, утверждаетъ въ немъ съ такою рѣшительностью и безусловностью, какъ только могъ утверждать его самъ ап. Павелъ. Далѣе, достаточно лишь болѣе внимательнаго изученія ап. Іоанна и ап. Павла, чтобы видѣть, что «Іисусъ Христосъ» у обоихъ изъ нихъ есть божественная тайна и основная идея всего христіанства. Ап. Іоаннъ былъ въ это время болѣе созерцателенъ, менѣе дѣятеленъ, чѣмъ ап. Іоаннъ евангелій. «Скрытый огонь его натуры еще не разгорѣлся въ пламя». Два случая, рассказываемые намъ въ Евангеліяхъ, дѣйствительно показываютъ, что въ немъ былъ огонь ²⁾; но не ранѣе того, какъ Іаковъ, братъ Господень, Петръ и самъ Павелъ уже сошли со сцены, онъ сдѣлался тѣмъ смѣлымъ и непреклоннымъ вождемъ, совѣты котораго были вѣщими для азіатской церкви. Тѣмъ не менѣе мы можемъ быть увѣрены, что ап. Іоаннъ не былъ среди противниковъ ап. Павла. Оппозиція ему всегда связывается съ приверженцами ап. Іакова. Во время земной жизни Іисуса Христа Іаковъ не вполне принималъ Его служеніе и повидимому обратился только вслѣдствіе Его воскресенія. Онъ поэтому не жилъ, какъ другіе апостолы, въ ежедневномъ общеніи съ духомъ и вліяніемъ Іисуса и вслѣдствіе этого былъ болѣе глубоко проникнутъ воззрѣніями своего ранняго іудейскаго воспитанія и менѣе преобразованъ въ своемъ разумѣ дыханіемъ новой жизни. Но Петръ и Іоаннъ болѣе всѣхъ живущихъ людей должны были знать, въ чемъ заключался духъ Христа. Мы знаемъ, что они были едиными въ своемъ сердцѣ, и мы должны быть увѣрены, что тѣ, которые ходили вмѣстѣ для посѣщенія и утвержденія ненавистныхъ самарянъ и засвидѣтельствованія ихъ участія въ дарахъ Св. Духа, менѣе всего могли бы быть склонны съ низкою завистью сморгнуть на равную свободу еще болѣе широкаго распространенія царства Божія.

ПРИЛОЖЕНІЕ XVIII (къ стр. 301).

Нападенія на ап. Павла въ Клементинахъ.

Что ап. Павелъ, вслѣдствіе смертельнаго удара, нанесеннаго имъ іудейскому фарисейству, былъ преслѣдуемъ одной партіей іудейско-христіанской церкви съ непреклонной враждебностью,—это фактъ исторіи. Нѣтъ надобности въ другихъ доказательствахъ, кромѣ большихъ отдѣловъ въ его посланіяхъ, занимающихся аргументаціей противъ фарисейскаго или гностическаго іудейства, которое вводило церкви Коринѳа, Галатіи, Колоссъ и Крита. Но если онъ и принужденъ былъ въ теченіе всей своей жизни бороться съ одной партіей, то во всякомъ случаѣ ложно утвержденіе, что онъ оставался долго непризнаннымъ церковью вообще. Такое предположеніе возникло вслѣдствіе исключительной литературной дѣятельности особой партіи христіанскихъ эвѳонитовъ. Ляйтфутъ въ своей статьѣ объ «ап. Павлѣ и трехъ главныхъ апостолахъ» тщательнымъ и совершенно откровеннымъ изслѣдованіемъ доказалъ, что даже церковь іудейская была не вся и не исключительно враждебнаю ап. Павлу, и что враждебная ему партія среди нея, насколько она представляла собою тенденціи всей христіанской церкви, не была представительницей даже всѣхъ христіанъ Палестины. Христіане изъ іудеевъ

¹⁾ Откр. v, 9; vii, 9.

²⁾ Лук. ix, 54; Матѳ. xx, 21.

Святой Земли естественно продолжали вообще соблюдать Моисеевъ законъ—какъ соблюдалъ и самъ ап. Павелъ, насколько это было возможно для него, безъ вреда для освобожденія язычниковъ,—пока паденіе Іерусалима не сдѣлало все такое соблюденіе предметомъ простаго издѣвательства и позора ¹⁾. Если совершеніе Пасхи, центральнаго установленія Моисеева закона, сдѣлалось просто невозможнымъ, то самъ Богъ уже показывалъ этимъ, что *этотъ* закона закончился. Удаленіе христіанъ въ Пеллу, вызванное воспоминаніемъ о предостереженіяхъ Іисуса, могло казаться іудеямъ чѣмъ-то въ родѣ непатріотическаго уклоненія отъ общаго народнаго дѣла; и яростныя поношенія на *минимовъ*, ведущія свое начало съ этаго именно времени, были лишь признакомъ начала того отвращенія іудеевъ къ христіанамъ, которое завершилось варварскимъ избиеніемъ со стороны Баръ-Кохбы тѣхъ христіанъ, которые отказывались отъ отступничества и богохульства на Христа. Когда иня Іерусалима было замѣнено названіемъ Эліа Капитолина и христіанамъ было позволено жить тамъ, куда іудею нельзя было занести свою ногу, то церковь новаго города составила главнымъ образомъ изъ язычниковъ и на первый разъ управлялась епископомъ изъ язычниковъ ²⁾. Только уже послѣ этого періода мы слышимъ о двухъ сектахъ, отличныхъ одна отъ другой, но часто смѣшиваемыхъ. Это были назорей и евіониты. *Назорей* были отнюдь не враждебны дѣлу и памяти ап. Павла и отличались отъ другихъ христіанъ только мнѣніемъ, что законъ былъ еще обязателенъ для іудейскихъ обращенцевъ. Книга «Завѣты двѣнадцати патріарховъ» (книга, которая написана ли она назореемъ или нѣтъ, вполне выражаетъ ихъ общія начала, на сколько они извѣстны намъ),—не только не противодѣйствуетъ ученію ап. Павла, но, хотя написанная съ іудейско-христіанской точки зрѣнія, влагаетъ въ уста Веніамина великолѣпную похвалу ап. Павлу, какъ человѣку, который возстанетъ изъ этого колѣна, «возлюбленнаго Господомъ, слушающаго Его голосъ, озаряющаго всѣхъ язычниковъ новымъ познаніемъ». *Евіониты*—съ другой стороны могущественная и фанатическая секта—дышали какъ разъ одинаковымъ духомъ съ іудействующими врагами ап. Павла и взгляды многихъ изъ нихъ были сильно окрашены гностическими тенденціями болѣе передовыхъ ессеевъ. Этому классу евіонитовъ мы обязаны подложными сочиненіями, извѣстными подъ названіемъ «Клементинскихъ бесѣдъ», «Признаній» (*Recognitiones*), существующихъ въ латинскомъ парафразѣ Руфина ³⁾, и подложнымъ письмомъ Петра къ Іакову. Въ бесѣдахъ коварно дѣлаются нападенія на ап. Павла подъ видомъ Симона волхва ⁴⁾. Намекъ на его укоръ ап. Петру въ Антиохіи слишкомъ ясенъ, чтобы не замѣтить его, и тутъ внушается недовѣріе къ его ученію, его откровеніямъ и его независимому положенію по отношенію къ Іакову. Въ письмѣ ап. Петра онъ поносится еще болѣе жестоко, хотя и болѣе скрытно, какъ «врагъ», ученіе котораго есть нелѣпое и антиноміанское, и который клеветнически утверждалъ, что ап. Петръ держался одного взгляда и освящалъ другой. Въ «Признаніяхъ» эти нападенія не выступаютъ такъ явно, но подъ «врагомъ», посланнымъ Каіафой арестовать Петра въ Антиохіи и низвергающимъ ап. Іакова со ступеней храма, очевидно разумѣется ап. Павелъ, и эта извѣстная исторія будто бы заимствована изъ подложнаго сочиненія, называемаго «восхожденія Іакова», которое также есть источникъ злостной клеветы, будто бы ап. Павелъ былъ язычникъ, принявшій обрѣзаніе въ надеждѣ жениться на дочери первосвященника и отступившій отъ Моисеева закона только тогда, когда его надежды не оправдались ⁵⁾.

На такихъ то совершенно слабыхъ, безчестныхъ и злостныхъ основаніяхъ нѣкоторые утверж-

¹⁾ *Grätz*, *Gesch. d. Juden*, iv, 112.

²⁾ *Marcus*, B. C. 132. *Just. Mart.* Apol. i, 31, p. 72.

³⁾ И отчасти на Сирійскомъ.

⁴⁾ *Baur*, *First Three Centuries*, i, pp. 89—98.

⁵⁾ *Epiph.* *Haeres.* xxx, 16. Ренанъ также ссылается на *Massehta Gêrim*, 1, ed. Kirchheim.

даютъ мнѣніе, что между ап. Павломъ и Дѣвѣнадцатю была смертельная вражда, и что его миссія совершенно не признавалась до конца втораго столѣтія. Въ дѣйствительности же эти евіонитскіе клеветники и поддѣльватели были представителями лишь одной незначительной секты. Іустинъ Философъ жилъ въ Самаріи въ первой половинѣ втораго столѣтія и не обнаруживаетъ ни слѣда этого взгляда. Егезиппъ былъ іудейскій христіанинъ, который, путешествуя въ Римъ въ половинѣ втораго столѣтія, посѣщалъ многія христіанскія церкви; и Евсевій, который знакомъ былъ съ его писаніями, свидѣтельствуетъ о его полномъ православіи ¹⁾. Въ такомъ случаѣ едва ли даже необходимо доказывать, что другія церкви втораго столѣтія никонимъ образомъ не были враждебны ап. Павлу. Быть можетъ правда, что нѣкоторое время въ церкви Рима существовали два класса—іудейскій и языческій, и даже каждый классъ имѣлъ своего особаго епископа, возможныхъ пресмниковъ какъ апостоловъ обрѣзанія, такъ и апостоловъ необрѣзанія ²⁾. Но если такъ, то эти два класса въ концѣ перваго столѣтія были уже объединены подъ правленіемъ кроткаго и преданнаго вѣрѣ Климента; и даже, допуская сомнительную гипотезу, что «Клементины» имѣли римское происхожденіе, ихъ косвенность (осторожный, подпольный, боязливый способъ нападенія на великаго апостола) одна уже служить рѣшительнымъ доказательствомъ, что поддѣльщикъ *никоимъ образомъ не могъ разсчитывать на общее сочувствіе читателей, въ руки которыхъ попали его сочиненія.* И однако же на этомъ то неустойчивомъ основаніи построяется громадная, но вверхъ дномъ стоящая пирамида того заключенія, которое окончательно заявляетъ, что посланіе ап. Іуды есть образецъ одного изъ тѣхъ писемъ, дышащихъ крайнею ненавистью и вопіющею лживостью, которыя будто бы были отправлены изъ Іерусалима отъ имени апостоловъ и при составленіи которыхъ (такъ какъ Іаковъ и Іуда вѣроятно не могли говорить по-гречески) они, вѣроятно, пользовались греческими секретарями ³⁾. Пусть всякій прочитаетъ посланіе Іуды и разсмотритъ стихъ за стихомъ, возможно ли прилагать его къ ап. Павлу и насколько эта теорія противорѣчитъ всякому достовѣрному факту его отношенія къ апостоламъ, равно какъ и характеру и дѣйствию самихъ апостоловъ, и онъ будетъ въ силахъ оцѣнить все значеніе критицизма, который спокойно выставляетъ въ качествѣ научной исторіи этотъ ватемняющій туманъ выводовъ изъ ничтожныхъ данныхъ жалкаго измышленія.

¹⁾ Это нисколько не опровергается тѣмъ, что онъ заимствуетъ евіонитскій разсказъ о св. Іаковѣ; и его предполагаемое осужденіе ап. Павла за употребленіе выраженія „глазъ не видѣлъ“ и проч. повидному основывается на полномъ недоразумѣніи (Lightfoot, Gal. p. 311).

²⁾ Что нибудь въ родѣ этого факта можетъ лежать въ основѣ замѣчанія Тертуліана, что Климентъ былъ рукоположенъ во епископа ап. Петромъ, между тѣмъ какъ Ириней полагаетъ Лина и Аненклета раньше его.

³⁾ Renan, St. Paul, p. 300. „Оставляя Антиохію, агенты іерусалимской партіи поклялись ниспровергнуть основы Павла, разрушить церкви, уничтожить все, что онъ создалъ съ такими трудами. Повидному, при этомъ случаѣ даны были новыя посланія изъ Іерусалима отъ имени апостоловъ. Очень можетъ быть, что одинъ экземпляръ этихъ враждебныхъ писемъ сохранился до насъ въ посланіи Іуды, брата Іакова и подобно ему „брата Господня“, которое составляетъ часть канона“ и проч. Выставляемый рядъ авторитетовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе такихъ выводовъ, въ дѣйствительности не имѣетъ отношенія къ нимъ и по болѣе тщательному изслѣдованію ограничивается тѣми узкими предѣлами, которые указаны ниже. Притомъ Ренанъ не приводитъ ни одного доказательства или чего-нибудь хоть нѣсколько похожаго на доказательство въ пользу того, что подъ *porreia* Апокалипсиса и посланіе Іуды разумѣли ученіе ап. Павла (id. p. 300), или чтобы относительная умѣренность арх. Михаила (Іуд., 9) противопоставлялась заносчивости ап. Павла (!), или вообще въ пользу какого либо изъ другихъ крайне дикихъ заключеній, до которыхъ дошло извращенное умничанье тюбингенскихъ теоретиковъ. См. далѣе приложеніе объ ап. Іоаннѣ и Павлѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIX (къ стр. 407).

Человѣкъ грѣха или «беззаконникъ».

„Ego prorsus quid dixerit fateor me ignorare“.—

Бл. Августинъ.

Различныя предположенія касательно «человѣка грѣха» и «того, который удерживаетъ», могутъ быть подведены подъ три отдѣльныхъ воззрѣнiя, изъ которыхъ: I—почти современное, II—отдаленно-пророческое и III—субъективно-общее. И каждымъ изъ этихъ взглядовъ предполагаются прототипы или а) общiй и безличный, или б) индивидуальный и спеціальный.

I. Принятiе перваго мнѣнiя, конечно, будетъ значительно зависѣть отъ той степени, до которой разгромъ иудейства при разрушенiи Иерусалима можно разматривать «какъ пришествiе Господа». Тѣ, которые, согласно съ наиболѣе опредѣленными по времени пророчествами св. Писанiя, думаютъ, что ап. Павелъ долженъ былъ намекать здѣсь на нѣчто *почти современное*, нѣчто такое, что уже появлялось на горизонтѣ и слѣдов. нѣчто такое, что только одно могло бы имѣть прямое отношенiе къ жизни современныхъ христіанъ,—объясняютъ отступничество и человѣка грѣха въ томъ смыслѣ, что они представляютъ собою: а) вообще фарисеевъ, гностицизмъ или возростанiе ереси; или б) лично Нерона или какого нибудь римскаго императора, Симона волхва или Симона сына Гiоры, и видятъ «задержку» вообще въ римскомъ императорѣ, или иудейскомъ законѣ, или духовныхъ дарахъ ¹⁾, или во времени, назначенномъ Богомъ ²⁾, или лично въ какомъ нибудь императорѣ (напр. Клавдіѣ = qui claudit = ὁ κατέχει ³⁾, или въ Іаковѣ Праведномъ ⁴⁾, или въ самомъ ап. Павлѣ!

II. Тѣ, которые принимали *отдаленно-пророческій* взглядъ на это мѣсто, объясняютъ, что отступничество человѣка грѣха есть: а) вообще—папство, или реформація, или рационализмъ, или что нибудь еще неразвившееся; или б) лично—Магометъ, Лютеръ, Наполеонъ, или какой нибудь будущiй личный антихристъ; между тѣмъ какъ «задержку» видятъ или, какъ выше, въ римской имперiи, или въ германской имперiи, или, еще въ болѣе общемъ смыслѣ, въ системѣ человѣческой политики.

III. Наконецъ тѣ, которые принимаютъ совершенно широкiй и субъективный взглядъ на это мѣсто, видятъ въ немъ только неопредѣленное предчувствiе того, что находитъ свое исполненiе во всякой христіанской и даже во всякой гражданской исторiи, именно постоянной борьбы двухъ противоположныхъ силъ—добра и зла, Христа и антихриста, *Иецерь тобѣ* и *Иецерь-га-ра*, беззаконнаго насилiя и ограничивающей власти.

Изъ всѣхъ этихъ объясненiй, одно только можно считать съ нѣкоторымъ основанiемъ достовѣрнымъ—именно то, которое видитъ «задержку» въ римской имперiи ⁵⁾ и «удерживающаго» въ рим-

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ.

²⁾ Θεοδωρίτῃ (ὁ τοῦ Θεοῦ ἔρως).

³⁾ Гитцигъ—на очень недостаточныхъ основанiяхъ.

⁴⁾ Wieseler, Chron. 268—273.

⁵⁾ „Quis nisi Romanus status?“ (Tert. de Resurr. Carn. 24). „Clausulam saeculi acerbitates horrendas comminenter Romani imperii commeatu scimus ratardari“ (id. Apol. 32). Это было тѣмъ болѣе естественно, что римская имперiя считалась четвертымъ царствомъ Данила. Профессоръ Джуэттъ возражаетъ: 1) что апостолъ не могъ ожидать, чтобы она такъ скоро уничтожилась;

скомъ императорѣ. Это толкованіе можно считать достаточно установившимся и оно получило уже широкое распространеніе, во-первыхъ потому, что оно соотвѣтствуетъ условіямъ, предполагающимъ нѣчто присутствующее и осязательное; во-вторыхъ потому, что мы видимъ очевидное основаніе, почему здѣсь на это только намекается, такъ какъ выразить это прямо значило бы подвергать положительной опасности какъ писателей, такъ и общину¹⁾; и въ-третьихъ потому, что, какъ указалъ епископъ Вордсвортъ, посланіе было сначала читано публично и ессалоникійцы должны были связывать съ нимъ какое-либо значеніе, и это значеніе перешло къ намъ по преданію съ самыхъ раннихъ временъ²⁾. Каковы бы ни были дикія блужданія критической мысли, выражающейся въ формѣ комментарія, ранніе отцы по крайней мѣрѣ почти единогласно разумѣли подѣ «удерживающей силой» римскую имперію³⁾ и подѣ «удерживающимъ» какого-нибудь римскаго императора⁴⁾. При этомъ-кажется очевиднымъ, что одна главная черта въ богохульномъ самовозношеніи и противодѣйствіи Богу, отличающемъ человѣка грѣха, подсказана безумными и святотатственными дѣлами Калигулы (въ 40 году по Р. Хр.), бывшими тринадцать лѣтъ предѣ тѣмъ, равно какъ и гоненіями Антіоха Епифана. Другія черты могли быть подсказаны притязаніями и чародѣйствомъ Симона волхва и подобныхъ пользовавшихся широкою вѣрою обманщиковъ. Неронъ сдѣлался для христіанъ нѣсколько лѣтъ спустя олицетвореніемъ самого антихриста.

Но чтобы составить какое либо понятіе о томъ, что разумѣетъ ап. Павелъ, мы, руководясь его вѣрой въ вѣроятную близость втораго пришествія и необходимымъ предположеніемъ, что сказанное имъ должно было имѣть какое-нибудь значеніе для его слушателей, должны принять во вниманіе: а) умозрѣнія того вѣка; б) употребленные имъ символы и в) его собственное послѣдующее выраженіе, когда онъ говоритъ о подобномъ же предметѣ.

Обращаясь же къ этимъ фактамъ, мы находимъ, что а) ап. Павелъ вполнѣ сознавалъ, что при тогдашнемъ состояніи торжество Христа не могло быть окончательнымъ или полнымъ. Онъ могъ слышать о торжественномъ вопросѣ Христа: «но Сынъ человѣческій пришедши найдетъ ли вѣру на

и 2) что это предположеніе не *in pari materiâ*. Но (1) смотри 1 Тесс. i, 10; v, 4; 1 Кор. xvi, 22 и проч.; и (2) ап. Павелъ ежедневно видѣлъ отношеніе имперіи къ распространенію и положенію христіанства.

¹⁾ Ап. Павелъ уже видѣлъ это по опыту, даже хотя его бесѣда съ ессалоникійцами и имѣла сравнительно частный характеръ. Но когда церковь возросла и язычники нерѣдко появлялись въ ея собраніяхъ, то для нихъ было бы въ высшей степени опаснымъ говорить о разрушеніи римской имперіи, какъ предстоящемъ въ недалекомъ будущемъ.

²⁾ Раввины держались подобнаго же взгляда. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Мессія не придетъ, пока весь міръ не побѣтитъ отъ проказы“ (Лев. xiii, 13) вслѣдствіе принятія христіанства римской имперіей“ (Sanhedrin, f. 97, 1, Soteh, f. 49, 2 (Amsterd. ed.).

³⁾ Такъ *Tert. De Resurr. Carnis*, 24; *Iren.* v, 25, 26; *Aug. De Civ. Dei.* xx, 19; *Ier. Qu. XI ad Algas.*; *Lact.* vii, 15 и проч.

⁴⁾ Императоромъ былъ Клавдій, когда было писано это посланіе, въ началѣ 54 года по Р. Хр. Есть ли какой нибудь намекъ на его имя въ словѣ κατέχω, я не имѣю возможности сказать. Кернъ думаетъ, что подѣ „беззаконникомъ“ разумѣется Неронъ, и поэтому (въ виду того, что первыя пять лѣтъ Нерона были тѣмъ „золотымъ пятилѣтіемъ“, которое такъ восхваляютъ римскіе писатели) заключаетъ, что посланіе это подложно. Откр. xvii, 10, 11 указываетъ на болѣе позднее время быть можетъ на преобладающее къ удивленію мнѣніе, что Неронъ въ дѣйствительности не умеръ, но явится вновь въ должное время. Употребленные здѣсь выраженія очевидно окрашены изображеніемъ Антіоха Епифана въ Дан. xi. Онъ называется „человѣкомъ грѣха“ (ἀνὴρ ἁμαρτωλός) въ 1 Макк. ii, 48, 62.

землѣ?»¹⁾). Даже такъ рано въ своей дѣятельности онъ своимъ проникательнымъ взглядомъ могъ замѣтить слѣды той іудейской и антихристіанской партіи, которая въ послѣдствіи столь много вредила его дѣлу и отравила столь многіе годы его жизни, и о нихъ то онъ говоритъ въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ. Онъ могъ уже замѣтить зародыши различныхъ формъ гностицизма, изъ которыхъ въ своемъ посланіи къ Тимоѳею онъ описываетъ «бѣсовскія ученія» языкомъ, напоминающимъ нѣкоторыя изъ его выраженій въ этомъ мѣстѣ²⁾. И взгляды раннихъ христіанъ, какъ они выражены другими апостолами, всѣ также основывались на предостереженіяхъ, высказанныхъ Христомъ, и всѣ указываютъ въ томъ же направленіи³⁾.

Что ап. Павелъ могъ своимъ предчувствіемъ придать конкретную форму, это было естественно для него, какъ знакомаго съ ветхозавѣтнымъ пророчествомъ⁴⁾, какъ склоннаго къ олицетворенію и воспитаннаго въ ожиданіи Мессіи, который долженъ былъ явиться личнымъ побѣдителемъ всякаго беззаконія въ лицѣ исконнаго врага, *раша*, антихриста. Что это олицетвореніе могло также отчасти позаимствовать свой цвѣтъ отъ чудовищнаго нечестія и богохульнаго безумства императоровъ, въ родѣ Тиверія и Калигулы, это совершенно естественно, тѣмъ болѣе, что и въ дѣйствительности надежды и опасенія іудеевъ вліяли на міръ язычества, который въ свою очередь воздѣйствовалъ на нихъ. Въ высшей степени интереснымъ подтвержденіемъ этого факта служить то, что іудеи придавали антихристу имя *Армиллусъ* (Ὀρμιλλᾶς). Такъ въ Таргумѣ Іонаана на Ис. xi, 4 мы находимъ: «духомъ устъ Своихъ Онъ истребитъ нечестиваго Армиллуса»; и въ Іерусалимскомъ Таргумѣ на Числ. xi, 26 и Втор. xxxiv, 2 сообщается объ Армиллусѣ нечестивомъ. Тутъ, повидимому, есть намекъ на извѣстные браслеты (*armillæ*), которые съ полнымъ пренебреженіемъ ко всякому общественному достоинству публично носилъ Калигула⁵⁾. Мы видимъ отсюда, каковы были предчувствія ап. Павла въ этотъ моментъ. Онъ думалъ, что не долго спустя римская имперія, по крайней мѣрѣ какъ она представлялась царствующимъ императоромъ, будетъ уничтожена; что затѣмъ существующія тенденціи нечестія и отступничества въ іудействѣ или въ самой христіанской церкви сосредоточатся въ лицѣ какого нибудь страшнаго противника, и что уничтоженіе этого противника будетъ совершенно личнымъ пришествіемъ Господа. Въ это время въ воздухѣ носились знаменія и предсказанія въ высшей степени тревожнаго характера. Гнусныя тайны императорскаго двора шопотомъ рассказывались среди народа. Носились слухи о чудовищныхъ ожиданіяхъ, о кровавыхъ дождяхъ, о неестественныхъ предзнаменованіяхъ⁶⁾. Хотя Клавдій послѣднимъ узналъ о гнусныхъ оргіяхъ своей жены Мессалины и быть можетъ меньше всѣхъ подозрѣвалъ кроваваго намѣренія своей жены и племянницы Агриппины, однакоже въ это время даже и онъ не могъ не сознавать, что жизнь его висѣла на волоскѣ. Какъ ни мало знали еще о Неронѣ въ провинціяхъ, но можно было ожидать, еще до обманчиваго обѣщанія первой части его царствованія, что сынъ такого отца и такой матери могъ сдѣлаться лишь такимъ чудовищемъ, какимъ ожидать его отецъ и какимъ онъ въ послѣдствіи и сдѣлался въ дѣйствительности. Если ап. Павелъ предполагалъ, что настоящее

¹⁾ Лук. xviii, 8.

²⁾ 1 Тим. iv, 1—3 (сн. 2 Тим. i, 15; iii, 1—9; Колос. ii, 8, 16—19; Дѣян. xx, 29).

³⁾ Лук. xviii, 8; 1 Іоан. iv, 3; 2 Петр. ii, 1—2; iii, 3; Откр. xiii и по мѣстамъ, и посланіе Іуды.

⁴⁾ Іезек. xxxviii, 16, 17.

⁵⁾ *Suet. Calig. 52* „*Armillatus in publicum processit*“ (*Hitsig, Gesch. Is. 583*). Годовщина его смерти соблюдалась какъ праздникъ (*Derenbourg. Palest. 208*). Другіе однако же поставляютъ *Armillus* въ связь съ Ἐρμιλλᾶος или „*Romulus*“ (*Hamburger, Talm. Wörterb. s. v.*).

⁶⁾ *Tac. Ann. xii, 64; Suet. Claud. 43; Dion Cass. lx, 34, 35.*

состояніе правленія погибнетъ вѣстѣ съ Клавдіемъ, царствующимъ императоромъ, и что его преемникъ будетъ «человѣкомъ грѣха», то его предчувствіе оправдалось. Если онъ затѣмъ предвидѣлъ, что это представительство беззаконной и уже дѣйствующей оппозиціи Богу и Его Христу будетъ уничтожено вторымъ пришествіемъ, онъ также былъ совершенно правъ, насколько дѣло касалось іудейскихъ элементовъ и насколько подъ вторымъ пришествіемъ подразумѣвалось разрушеніе Іерусалима; и его ожиданія не оправдались только по тому пункту, касательно котораго всякое знаніе завѣдомо было невозможно, именно по вопросу объ опредѣленіи времени личнаго втораго пришествія Христова, въ чемъ онъ мыслилъ одинаково со всѣми христіанами въ первомъ вѣкѣ христіанства. Нѣтъ надобности удивляться также, что онъ могъ смѣшать іудейскіе и языческіе элементы въ тѣхъ краскахъ, которыми онъ изображалъ пришествіе антихриста. Въ этомъ отношеніи онъ поступалъ совершенно согласно съ тѣмъ, что и должно было быть, и съ туманными ожиданіями язычества, не менѣе какъ и съ раввинскими мнѣніями касательно соперника Мессіи ¹⁾. Далѣе этого мы не можемъ идти; и въ виду этой невозможности—въ виду того, что всѣ попытки болѣе точнаго уясненія этого предмета терпѣли неудачу, равно какъ и въ виду того, что по явному намѣренію Божію мы, столь же, какъ и ессалоникійцы, не имѣемъ точнаго знанія о времени пришествія Христа—ясно, что мы не теряемъ *жизненной* истины Евангелія вслѣдствіе нашей неспособности найти точное истолкованіе загадки, которая доселѣ остается неразрѣшимою и точный смыслъ которой, если бы онъ былъ необходимъ для насъ, не былъ бы сокрытъ отъ насъ ²⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ XX (къ стр. 466).

Богословіе и антиноміи ап. Павла.

Мы такъ полно изложили главныя черты богословія ап. Павла въ очеркѣ посланія къ Римлянамъ, что нѣтъ надобности входить подробно въ изложеніе его здѣсь, но быть можетъ читателю будетъ удобнѣе однимъ взглядомъ обнять два изъ его наиболѣе многозначительныхъ пунктовъ. Это Рим. iii, 21—26; Тит. iii, 3—7, болѣе полное изложеніе которыхъ сдѣлано на стран. 553 и 772.

Рим. iii, 21—26: «но нынѣ, независимо отъ закона, явилась правда Божія, о которой свидѣтельствуется законъ и пророки; правда Божія чрезъ вѣру въ Иисуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ: ибо нѣтъ различія; потому что всѣ согрѣшили, и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ, котораго Богъ предложилъ въ жертву умилостивленія въ крови Его чрезъ вѣру, для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ, содѣланныхъ прежде, во время долготерпѣнія Божія, къ показанію правды Его въ настоящее время, да явится Онъ праведнымъ и оправдывающимъ вѣрующаго въ Иисуса».

Тит. iii, 3—7: «когда же явилась благодать и человеколюбіе Спасителя нашего, Бога, Онъ спасъ насъ не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости, банею воз-

¹⁾ Лишь немного лѣтъ спустя послѣ этого времени Балбилъ, ефесскій іудей, заявившій о своемъ знаніи астрологін, пользовался пророчествами ветхаго завѣта для увѣренія Нерона, что онъ будетъ царемъ въ Іерусалимѣ.

²⁾ Ессалоникійцы, говоритъ Бл. Августинъ, знали, что разумѣлъ ап. Павелъ, но мы не знаемъ. „Nos qui nescimus quod illi sciebant pervenire labore ad id quod sensit Apostolus cupimus, nec valemus“.

рождения и обновления Святымъ Духомъ, котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатію, мы по упованію содѣлались наслѣдниками вѣчной жизни».

Подъ «антиноміями» мы разумѣемъ видимую противорѣчивость божественныхъ фактовъ чело-вѣческому разуму. Такія антиноміи необходимо возникаютъ, когда разумъ старается узнать нѣчто изъ абсолютнаго, выступающаго за предѣлы опыта.

Между видимыми антиноміями, оставленными безъ всякой попытки—потому что тутъ и нѣтъ никакой возможности—ихъ примиренія съ нашимъ конечнымъ разумомъ, въ посланіяхъ ап. Павла являются слѣдующія:

1. Предопредѣленіе.
(Абсолютная зависимость).

Рим. ix (гдѣ объясняется отверженіе Израиля съ объективной и богословской точки зрѣнія).

- Свободная воля.
(Нравственное самоопредѣленіе).

Рим. ix, 30—х, 21 (гдѣ объясняется отверженіе Израиля съ нравственной и антропологической точки зрѣнія).

2. Грѣхъ чрезъ паденіе Адама, Рим. v, 12—21.

Грѣхъ, какъ присущій плоти, 1 Кор. xv, 50 и слѣд.

3. Христосъ, какъ судія *всѣхъ христіанъ* при своемъ второмъ пришествіи, Рим. ii, 16; xiv, 10; 1 Кор. iii, 13; 2 Кор. v, 10.

Богъ, какъ окончательно судящій *всѣхъ людей* чрезъ Христа, 1 Кор. iv, 5 (xv, 24, 25)

4. Воздаяніе *всѣмъ* по дѣламъ, Рим. ii, 6—10; 2 Кор. v, 10.

Свободное прощеніе искупленныхъ, Рим. iv, 4; ix, 11; xi, 6.

5. Всеобщее возстановленіе и блаженство, Рим. viii, 19—23; xi, 30—36.

Двойкій конецъ, Рим. ii, 5—12. «Погибель», 2 Кор. ii, 15 и проч.

6. Необходимость чело-вѣческаго подвига, 1 Кор. ix, 24. «Такъ бѣгите, чтобы получить».

Недѣйствительность чело-вѣческаго подвига, Рим. ix, 16: «помилованіе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго».

То и другое высказывается въ Филип. ii, 12, 13: «совершайте свое спасеніе... Потому что Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе».

Къ этимъ примѣрамъ можно бы прибавить и другіе, но ни одна изъ этихъ антиномій не должна смущать христіанина. Съ одной стороны мы знаемъ, что *omnia exeunt in mysterium*, и что мы не можемъ и пяти минутъ размышлять о какомъ либо предметѣ, имѣющемъ связь съ духовною жизнью, не достигая того пункта, при которомъ крылья души тщетно бьются противъ стѣны адамантовой. Съ другой стороны мы должны имѣть въ виду, что ап. Павелъ почти создалъ языкъ христіанскаго богословія; что онъ часто въ одномъ словѣ включаетъ цѣлый міръ идей и что онъ всегда отказывается слѣдовать за великими, спасающими истинами религіи въ простыхъ умозрительныхъ крайностяхъ. Если мы не можемъ жить доселѣ въ области совершеннаго и всеобщаго свѣта, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ свѣтильникъ, который бросаетъ кругъ свѣта вокругъ насъ при ежедневномъ нашемъ хожденіи.

	Вѣкъ.	Дѣянія Апостольскія.	Римл.	1 Кор.	2 Кор.	Гал.
№—Sinaiticus, въ С.-Петербургѣ, Импер. Публ. Библ.	IV	Всѣ.	Все.	Все.	Все.	Все.
A—Alexandrinus, Британск. музей.	V	Всѣ.	Все.	Все.	I—IV, 13 XII, 7 до конца.	Все.
B—Vaticanus, въ Римѣ, Ватиканск. библ.	IV	Всѣ.	Все.	Все.	Все.	Все.
C—Ephraemi, въ Парижѣ (Импер. библ.), Палимпсестъ.	V	I, 2—IV, 3 V, 35—X, 43 XII, 1—XVI, 37 XX, 10—XXI, 31 XXII, 21—XXIII, 18 XXIV, 15—XXVI, 19 XXVII, 17—XXVIII, 5	I, 1—II, 5 III, 21—IX, 6 X, 15—XI, 31 XIII, 10 до конца.	I, 1—VII, 18 IX, 7—XIII, 8 XV, 40 до конца.	I, 2—X, 8	I, 21 до конца.
D ₁ —Bezae, въ Кембриджѣ (Универ. библ.)	VI	I, 1—VIII, 29 X, 14—XXI, 2 XXI, 10—16 XXI, 18—XXII, 10 XXII, 20—29	. . .	. . .	. . .	. . .
D ₂ —Claramontanus, Парижъ, Импер. библ.	VI	. . .	I, 7 до конца.	Все.	Все.	Все.
E ₂ —Laudianus, Оксфордъ, (Bodleian).	VI	I, 1—XXVI, 29 XXVIII, 26 до конца.	. . .	. . .	. . .	. . .
E ₃ —Sangermanensis, СПб. (Импер. библ.) копія съ D ₂ , испорч.	X	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
F ₁ —Augiensis, Trinity College, Кембриджъ.	IX	. . .	III, 19 до конца.	I, 1—III, 8 III, 16—VI, 7 VI, 16 до конца.	Все.	Все.
F ₂ —Coislinianus, въ Парижѣ.	VII	. . .	Нѣкоторые	отрывки посл.	даній находя	тся въ замѣт.
G ₁ —Angelicus, Римъ (Август. мон.).	IX	VIII, 10 до конца. Тотъ же самый какъ и L ₂ . См. ниже.	Послѣнія ап. вѣстны какъ	Павла въ этомъ MS из- L ₂ .		
G ₂ —Boernerianus, Дрезденъ, (Королев. библ.).	IX	. . .	I, 1 и далѣе.	Этотъ манускриптъ	родственъ съ	
H ₁ —Mutinensis, Модена, (великогерцогск. библ.).	IX	V, 28—IX, 39 X, 19—XIII, 36 XIV, 3—XXVII, 4	. . .	. . .	. . .	. . .
H ₂ —Coislinianus (12 листовъ въ Парижѣ, 2 въ СПб.).	VI	. . .	. . .	X, 23—29 XI, 9—17	. . .	I, 4—10 II, 9—14
I—Fragmenta, Palimpsesta Tischendorfiana. Семь фрагментовъ, въ СПб.	V—VII	II, 6—17 XXVI, 7—18 XXVIII, 8—17	. . .	XV, 53—XVI, 9	. . .	. . .
K ₂ —Mosquensis, въ Москвѣ.	IX	. . .	I, 1—X, 18	I, 13—VIII, 7 VIII, 12 до конца.	Все.	Все.
L ₂ —Angelicus, Римъ. Тоже что G ₁ .	IX	VIII, 10 до конца. См. G ₂ выше.	Все.	Все.	Все.	Все.
M ₁ —Ruber. Фрагменты въ Гамбургѣ и Брит. музей.	X	. . .	. . .	XV, 52 до конца.	I, 1—15 X, 13—XII, 6	. . .
P—Porphyrianus, издавъ Тишендорфомъ. Monumenta sacra inedita (см. Alford, Vol. II).	IX	II, 14 до конца.	. . .	I, 1—XII, 23 XIII, 6—XIV, 23 XIV, 39 до конца.	Все.	Все.

Таблица эта любезно составлена для насъ достопочтен. Дж. С. Норткотомъ. — Читателю неспециалисту есть копія третьей редакціи D (Claramontanus); 3) что F (Augiensis) въ большинствѣ случаевъ тождественъ съ

Ефес.	Филип.	Колос.	1 Тесс.	2 Тесс.	1 Тим.	2 Тим.	Тит.	Филим.
Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	. . .	. . .	. . .	. . .
ц, 18—iv, 17	1, 22—iii, 5	1, 2 до конца.	1, 2—ii, 9	. . .	iii, 9—v, 20	1, 3 до конца.	1, 4 до конца.	3 до конца.
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
Все.	Все.	1, 1—ii, 1 ii, 8 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	1—21
нахъ на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ
MS F., восполняютъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ	на поляхъ
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	iii, 7—14	. . .	1, 1 1, 15—ii, 5 iii, 13 до конца.	. . .
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	1, 1—13	. . .
Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
Все.	Все.	1, 1—iii, 16 iv, 8 до конца.	1, 1—iii, 5 iv, 17 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.

нелишне замѣтить: 1) что D и E означаютъ различные MSS для Дѣяній и Посланій; 2) что E (Sangermanensis) G (Boernerianus).

ПРИЛОЖЕНИЕ XXII (къ стр. 691).

Отличительныя слова, основныя ноты и характеристическія особенности посланій.

На индивидуальность посланій ап. Павла быть можетъ будетъ обращено должное вниманіе, если мы постараемся указать, какъ нѣкоторыя изъ нихъ можно въ общемъ смыслѣ характеризовать руководящими словами или понятіями.

I. Эсхатологическая группа.

1-е посланіе къ Тессалоникійцамъ.—Это посланіе отличается чрезвычайно мягкостью своего тона. Основная нота его есть надежда. Руководящія слова въ немъ *παρουσία*, *ἐλπίς*. Главная тема есть утѣшеніе на основаніи надежды на второе пришествіе, iv, 17, 18, *ἡμεῖς οἱ ζῶντες ἀρπαγήσμεθα*, и проч. *παράκαλεῖτε ἀλλήλους ἐν τοῖς λόγοις τούτοις* ¹⁾).

2-е посланіе къ Тессалоникійцамъ.—Основная нота есть п, 1, 2, *μὴ τάχως σαλευθῆναι... ὥς οἱ ἐνέστηκεν ἡ ἡμέρα τοῦ κυρίου*. Характеристическій отдѣлъ есть ученіе о человѣкѣ грѣха.

II. Противоиудейская группа.

1-е посланіе къ Коринѳянамъ.—Любовь и единство среди разногласія мнѣній. Мелкія подробности, рѣшаемы великими началами. Жизнь *ἐν* мірѣ, но не *по* міру.

2-е посланіе къ Коринѳянамъ.—*Apologia pro vitâ suâ* ап. Павла. Руководящія слова съ I—VI «скорбь» и «утѣшеніе». Въ VIII и до конца главная идея «похвала не заслугами, но немощами».

Посланіе къ Галатамъ.—Независимый авторитетъ Апостола. Христіанская свобода отъ ига закона. Ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но...

Посланіе къ Римлянамъ.—Всеобщность грѣха и всеобщность благодати (*πᾶς* — руководящее слово). Оправданіе вѣроу. Это посланіе выражаетъ сущность богословія ап. Павла и Рим. I, 16, 17 есть сущность самаго посланія.

III. Христологическая или антигностическая группа.

Посланіе къ Филиппійцамъ.—Радость въ скорби. «*Summa Epistolae, gaudeo, gaudete*» (Bengel).

Посланіе къ Колоссянамъ.—Христосъ все во всемъ. Полнота. Руководящая идея, п, 6, *ἐν αὐτῷ περιπατεῖτε*. «*Nic epistolae scopus est*» (Bengel).

Посланіе къ Филимону.—Можетъ ли христіанскій господинъ относиться къ своему собрату какъ къ рабу? Главная идея, 12, *προσλαβού αὐτόν*.

Посланіе къ Ефесянамъ.—Христосъ въ Своей церкви. Посланіе вознесенія. Руководящія слова *χάρις, τὰ ἐπουράνια, ἐν Χριστῷ*.

¹⁾ Habet haec epistola meram quandam dulcedinem, quale lectori dulcibus affectibus non assueto minus sapit quam ceterae severitate quadam palatum stringentes (Bengel „Im Ganzem ist es ein Trostbrief“. Hausrath, p. 299).

IV. ПАСТЫРСКАЯ ГРУППА.

1-е посланіе къ Тимоѳею
и посланіе къ Титу.

Руководства для христіанскаго пастыря въ его отношеніи къ
вѣрнымъ пасомымъ и ложнымъ учителямъ. Руководящія идеи;
цѣломудріе въ поведеніи, *здравость* въ вѣрѣ.

2-е посланіе къ Тимоѳею.—Послѣднія слова. Будь бодръ и вѣренъ, какимъ и я старался быть
Приходи скорѣе, приходи до зимы; приходи прежде чѣмъ я умру. IV, 6, *ἔγω γὰρ ἤδη σπένδομαι*.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXIII (къ стр. 732).

Письмо Плинія къ Сабиніану въ защиту провинившагося отпущенника.

«C. Plinius Sabiniano suo S.

«Libertus tuus, cui succensere te dixeras, venit ad me advolutusque pedibus meis tanquam tuis haesit. Flevit multum, multum rogavit, multum etiam tacuit, in summa fecit mihi fidem paenitentiae. Vere credo emendatum, quia deliquisse se sentit. Irasceres, scio, et irasceres merito, id quoque scio: sed tunc praecipua mansuetudinis laus, cum irae caussa iustissima est. Amast hominem et, spero, amabis: interim sufficit ut exorari te sinas. Licebit rursus irasci, si meruerit, quod exoratus excusatus facies. Remitte aliquid adolescentiae ipsius, remitte lacrimis, remitte indulgentiae tuae: ne torseris illum, ne torseris etiam te. Torqueris enim, cum tam lenis irasceres. Vereor ne videar non rogare, sed cogere, si precibus eius meas iunxero. Jungam tamen tanto plenius et effusius, quanto ipsum acrius severiusque corripui, districte minatus numquam me postea rogaturum. Hoc illi, quem terreri oportebat; tibi non idem. Nam fortasse iterum rogabo, impetrabo iterum: sit modo tale ut rogare me, ut praestare te deceat. Vale!».

Переводъ.

«К. Плиній своему Сабиніану, привѣтствіе:

Твой отпущенникъ, который, какъ ты говорилъ мнѣ, причинилъ тебѣ большую досаду, пришелъ ко мнѣ и, бросаясь мнѣ въ ноги, не отставалъ отъ нихъ, какъ будто бы это были твои ноги. Онъ много плакалъ, много умолялъ меня но въ то же самое время оставилъ многое невысказаннымъ и, однимъ словомъ, увѣрилъ меня, что онъ искренно раскаявался. Я вѣрю, что онъ дѣйствительно исправился, потому что онъ сознаетъ свою виновность. Я знаю, что ты гнѣваешься; что ты гнѣваешься справедливо, это я тоже знаю; но кротость какъ разъ наиболѣе похвальна тамъ, гдѣ гнѣвъ наиболѣе справедливъ. Ты любилъ этого жалкаго человѣка, и я надѣюсь, полюбишь его опять; достаточно только уступить этому заступничеству. Если онъ когда-либо заслужитъ того, ты можешь опять разгнѣваться на него, и тѣмъ извинительнѣе, если уступишь теперь. Сдѣлай нѣкоторое извиненіе его юности, его слезамъ, уступи своему собственному доброму расположенію. Не мучь его, чтобы не мучить и себя, такъ какъ вѣдь дѣйствительно мука для человѣка, когда онъ, будучи твоей доброй природы, принужденъ гнѣваться. Я боюсь, какъ бы ты не подумалъ, что я не прошу тебя, а принуждаю,

присоединяя мои просьбы къ его мольбѣ; но я дѣлаю это тѣмъ съ большею полнотою и охотностію, что сначала я отнесся къ нему съ строгостію и суровостію, угрожая, что никогда не замолвлю опять ни слова въ его пользу. Это я сказалъ ему потому, что его нужно было хорошенько напугать; но этого я не говорю тебѣ, потому что мнѣ быть можетъ опять придется замолвить слово за него и опять добиваться того же; если только, конечно, моя просьба выражаетъ лишь то, что мнѣ прилично просить, а тебѣ снисходить на эту просьбу. Прощай!»

ПРИЛОЖЕНІЕ XXIV (къ стр. 212 и 646).

Ироды въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ.

Если есть достаточное основаніе для правдоподобнаго предположенія, которое отождествляетъ Агриппу I и Кипру съ царемъ и царицей, выступающими въ двухъ слѣдующихъ анекдотахъ Талмуда, то мы увидимъ, что роль, которую ему приходилось играть, не всегда была легкою и даже повела къ серьезнымъ осложненіямъ.

I. Талмудъ рассказываетъ, что при одномъ случаѣ на праздникъ въ царской кухнѣ найдена была ящерица. Она оказалась мертвою, вслѣдствіе чего весь пиръ долженъ былъ стать въ обрядовомъ отношеніи нечистымъ. Царь сообщилъ объ этомъ царицѣ, а царица раббану Гамалиилу. Онъ спросилъ, гдѣ она была найдена, въ тепломъ или холодномъ мѣстѣ. «Въ тепломъ мѣстѣ», отвѣчали ему. «Такъ полейте холодной воды на нее». Они сдѣлали такъ. Ящерица ожила, и пиръ былъ объявленъ чистымъ. Такъ что, самодовольно прибавляетъ писатель, судьба цѣлаго праздника зависѣла въ концѣ концовъ отъ раббана Гамалиила ¹⁾).

II. Другой рассказъ болѣе серьезенъ. Во время одного праздника Пасхи царь и царица были извѣщены своими приближенными, что для нихъ были убиты два рода жертвъ—ягненокъ и козленокъ; такъ какъ оба соотвѣтствовали постановленіямъ закона, то они сомнѣвались касательно того, которую изъ двухъ жертвъ нужно было предпочесть. Царь, который думалъ, что нужно было предпочесть козленка и былъ менѣе преданъ фарисеямъ, чѣмъ его жена, послалъ спросить первосвященника Иссахара Кефаръ-Бархайскаго, думая, что такъ какъ онъ ежедневно приносилъ жертвы, то ему и лучше знать. Иссахаръ, который былъ человѣкомъ такого же надменнаго, буйнаго, склоннаго къ роскоши характера, какъ и всѣ многочисленные саддукейскіе первосвященники того времени, сдѣлалъ крайне презрительный жестъ въ лицо царю и сказалъ, что если козленокъ предпочтительнѣе, то законъ не постановлялъ бы, чтобы ягненокъ приносился въ ежедневномъ жертвоприношеніи. Негодуя на его грубость, царь приказалъ отсѣчь ему правую руку. Иссахаръ однако же подкупилъ палача и далъ отсѣчь ему лѣвую руку. Царь, узнавъ объ обманѣ, приказалъ ему отсѣчь также и правую руку ²⁾. Такъ эта исторія рассказывается въ трактатѣ Песахимъ, и затѣмъ говорится, что когда востановились

¹⁾ Pesachim, f. 88, 2.

²⁾ Pesachim, f. 57, 1. Въ трактатѣ Kerithoth, f. 28, 2 рассказывается объ этомъ съ нѣкоторыми варіаціями и царь называется Іаннеемъ. Однако же Талмудъ вообще придаетъ это имя Асмонеискимъ царямъ (Derenbourg, p. 211). Не возникъ ли этотъ дикій рассказъ вслѣдствіе негодованія іудеевъ противъ перваго первосвященника, который носилъ перчатки для того, чтобы не замарать своихъ рукъ во время жертвоприношенія?

никло сомнѣніе, то царь послалъ къ царицѣ, а царица къ раббану Гамалилу, который далъ совершенно резонный отвѣтъ, что такъ какъ и та и другая жертва была законная и такъ какъ царь и царица совершенно безразлично давали приказаніе объ убіеніи пасхальныхъ жертвъ, то они могли ѣсть ту, которая была убита первою ¹⁾).

Такъ какъ этотъ рассказъ не былъ особенно благопріятенъ для Агриппы I, то мы находимъ достаточное основаніе для объясненія того, почему I. Флавій проходитъ молчаніемъ самое имя Иссахара въ своихъ замѣткахъ о первосвященникахъ ²⁾). Его имя не было такимъ, которое бы могло пріятно звучать въ ушахъ Агриппы II. Старшій Агриппа, повидимому, на этотъ разъ прибѣгъ къ насилию, которое не было неестественно въ чловѣкѣ, жившемъ при дворѣ Тиверія, но которое было грубымъ нарушеніемъ его плана угожденія священнической партіи, между тѣмъ какъ Кипра принимала фарисеевъ подъ свое особое покровительство. Иссахаръ, повидимому, былъ между Теофиломъ, сыномъ Ханана, и Симономъ, сыномъ Канееры Воеузима ³⁾). Каковы бы ни были склонности Кипры и его собственное расположеніе, для Агриппы было важно сохранить себѣ поддержку священническихъ аристократовъ; а имъ въ свою очередь было вполне пріятно наслаждаться, въ быстрой послѣдовательности, въ качествѣ особаго наслѣдія полдюжины семействъ, тягостнымъ достоинствомъ преемника Ааронова.

Фарисеи съ другой стороны съ удовольствіемъ рассказывали фактъ, что лишь только Агриппа прибылъ въ Іерусалимъ, какъ онъ приказалъ вывѣсить на колоннахъ *улама*, т. е. храмоваго притвора, массивную золотую цѣпь, полученную имъ отъ императора Кая, какъ вознагражденіе за его тюремное заключеніе ⁴⁾; былъ въ высшей степени щедръ въ своихъ дарахъ народу; ежедневно присутствовалъ при жертвоприношеніяхъ въ храмѣ; обратилъ вниманіе легата Петронія на указъ Клавдія въ пользу іудейскихъ привилегій и этимъ навлекъ наказаніе на жителей Дора ⁵⁾, которые оскорбили іудеевъ, воздвигнувъ въ ихъ синагогѣ статую императора. Они также съ одобреніемъ рассказывали, что онъ носилъ корзину съ первыми плодами въ храмъ, какъ всякій обыкновенный израильтянинъ ⁶⁾, и что хотя каждый долженъ былъ уступать дорогу на улицахъ царю и его свитѣ, однако же Агриппа всегда уступалъ правую сторону дороги всякой свадебной или похоронной процессіи ⁷⁾. Съ особеннымъ удовольствіемъ они останавливались на двухъ рассказахъ. По одному изъ нихъ, онъ въ одинъ день,—быть можетъ въ день своего прибытія въ Іерусалимъ,—принесъ въ жертву тысячу жертвъ. Когда онъ подвергались сожженію, то пришелъ бѣднякъ съ двумя голубями. Священникъ отказался отъ этой жертвы подъ предлогомъ, что въ тотъ день ему не приказано было приносить какихъ либо жертвъ кромѣ царскихъ; но онъ уступилъ усердной просьбѣ бѣдняка, когда узналъ, что голуби эти приносились во исполненіе обѣта, по которому онъ долженъ былъ приносить половину своего дневнаго заработка; и Агриппа съ сердечностью одобрилъ это неповиновеніе его приказанію ⁸⁾. При другомъ случаѣ, въ праздникъ Кушъ, онъ получилъ изъ рукъ первосвященника свитокъ закона и не садясь прочиталъ дневное чтеніе, которое было Второзаконіе xvi, 14—20.

¹⁾ Id. 88 b. Когда я присутствовалъ при самарянской пасхѣ на вершинѣ горы Гаризима, то въ жертву принесено было шесть ягнятъ и одинъ козленокъ.

²⁾ Antt. xx, 10, § 1.

³⁾ Иродъ великій былъ женатъ на дочери Воеа.

⁴⁾ Middôth, iii, 7. Иос. Флавій (Antt. xix, 6, § 1) говоритъ, что она была повѣшена „надъ сокровищницей“.

⁵⁾ Jos. Antt. xix, 6, § 3.

⁶⁾ Bikkurim, iii, 4; Derenbourg, p. 217.

⁷⁾ Bab. Kethubhoth, f. 17, 1; Munk. Palest. p. 571.

⁸⁾ Vayyikra—rabba, iii.

Когда онъ дошелъ до словъ: «не можешь поставить надъ собою царемъ иноплеменца, который не братъ тебѣ» мысль о его собственномъ иудейскомъ происхожденіи промелькнула въ его душѣ, и онъ залился слезами. Но со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ: «не бойся, Агриппа, ты нашъ братъ, ты нашъ братъ» ¹⁾.

Агриппа прибѣгалъ и къ другимъ дѣйствіямъ, которыя могли пріобрѣсти ему одобреніе народа, не менѣе чѣмъ и одобреніе фарисеевъ. Такова была напр. ранняя отиѣна имъ домовою подати въ Іерусалимѣ, которая считалась особенно обременительною, а также и построеніе имъ новаго квартала святаго города, называвшагося Безеа ²⁾. Раввины, правда, отказались признать за новымъ округомъ святость стараго, потому что онъ открытъ былъ не въ присутствіи царя, пророка, Урима и Туммина, синедріона изъ семидесяти одного члена, двухъ процессій и хора ³⁾. Отнюдь не невѣроятно, что этимъ прибавленіемъ къ Іерусалиму имѣлось въ виду главнымъ образомъ усилить его естественныя средства защиты и что Агриппа питалъ тайное намѣреніе сдѣлаться независимымъ отъ Рима. Если такъ, то его планы были разстроены бдительною зоркостью Вибія Марса ⁴⁾, который былъ послѣ Петронія префектомъ Сиріи. Онъ письменно извѣстилъ императора о подозрительныхъ дѣйствіяхъ Агриппы, и императорскимъ указомъ повелѣно было остановить работы по этимъ построеніямъ. Петроній находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ Агриппой, но Марсъ не довѣрялъ ему и жестоко оскорблялъ его ⁵⁾. По окончаніи величественнаго театра и другихъ зданій, которыя онъ подарилъ Веритѣ, онъ былъ посѣщенъ множествомъ сосѣднихъ князей—Антиохомъ, царемъ Коммагенскимъ, Сампсигерамомъ Емесскимъ, Котисомъ изъ Малой Арменіи, Полемономъ изъ Понта и его братомъ Иродомъ, царемъ Халкидскимъ. Эти царственные посѣщенія вѣроятно имѣли не просто характеръ любезности, но могли быть узломъ заговора противъ римской власти. Если такъ, то ихъ замыслы были разсѣяны презрительной энергіей префекта, который относился съ истинно римскимъ равнодушіемъ къ блестящему безсилію этихъ восточныхъ вассаловъ. Такъ какъ собраніе происходило въ Тиверіадѣ, то онъ отправился туда, и Агриппа, въ характерѣ котораго, равно какъ и въ характерѣ всего его рода, была большая склонность къ показному величію ⁶⁾, выѣхалъ на семьсотъ сажень изъ города, на встрѣчу ему, съ пятью другими царями въ своей колесницѣ. Марсу не понравилось зрѣлище этой комбинаціи, и онъ

¹⁾ Sota f. 41, 1, 2. Но, какъ показываетъ Деренбургъ, не было недостатка и въ строгихъ раввинахъ, которые безъ смущенія осуждали это „лѣстительство царю“ (См. также Jost, Gesch. d. Judenthums, 420. Неизвѣстно еще съ достовѣрностью, не можетъ ли этотъ анекдотъ относиться къ Агриппѣ II). Продолжая рассказъ касательно совѣта Бабы-Бенъ-Буты Ироду Великому касательно возобновленія храма, Талмудъ прибавляетъ, что римляне отнюдь не относились къ этому съ сочувствіемъ, но что дѣло было уже на половину сдѣлано до возвращенія посланника, которому намѣренно приказано было провести три года въ своей миссіи. Между прочимъ, римляне говорили: „если ты, благодаря насилію, успѣлъ у себя дома, то мы здѣсь имѣемъ генеалогію. Ты ни царь, ни сынъ царя, но освобожденный рабъ“ (Babha Bathra, f. 3, 2).

²⁾ I. Флавій (B. J. v, 4, § 2) говоритъ, что это слово означаетъ „новый городъ“; но въ другихъ мѣстахъ (Antt. xii, 10, § 2; 11, § 1) онъ пишетъ его въ формѣ *Бео-Зеео* или „домъ маслинъ“. Въ Сирійскомъ переводѣ Дѣян. i, 12, *ἐλαιὸν масличный дворъ*, передается Бео-Зеео; и въ B. J. ii, 19, § 4 Иос. Флавій повидимому дѣлаетъ различіе между Безеа и новымъ городомъ (Munk, Palest., p. 45). Деренбургъ однако же думаетъ, что Безеа есть транскрипція халдейскаго Бео-Гадта, и что Иос. Флавій правъ (Palest., p. 218).

³⁾ Jer. Sanhedr. i, 3; Иос. Флав. B. J. v, 4, § 2.

⁴⁾ Иос. Флав. B. J. ii, 11, § 6.

⁵⁾ Иос. Флав. Antt. xix, 7, § 2.

⁶⁾ Такъ на монетѣ, изображеніе которой дано Аккерманомъ въ его „Numism. Illustr.“, онъ называется βασιλεὺς μέγας.

послалъ своихъ слугъ къ царямъ съ холоднымъ приказаніемъ, что имъ лучше всего сразу же отправиться по домамъ. Вслѣдствіе этого то преднамѣреннаго оскорбленія, послѣ смерти Агриппы, Клавдій, въ уваженіе къ его памяти и вслѣдствіе просьбы, полученной отъ него, лишилъ Марса его положенія и на мѣсто его послалъ Кассія Лонгина ¹⁾.

Агриппа и Вереника.

Въ груди Агриппы II, повидимому, никогда не теплилось ни искры истиннаго патріотизма. Онъ былъ такимъ же полнымъ отступникомъ, какъ и его другъ Іосифъ Флавій ²⁾, но безъ его изворотливости и генія. Всѣ свои ранніе годы онъ провелъ въ отравленной атмосферѣ такихъ дворовъ, какъ дворы импер. Кая и Клавдія, и теперь находился въ превосходныхъ отношеніяхъ съ Нерономъ. Уже то обстоятельство, что онъ былъ фаворитомъ у Мессалинъ, Агриппинъ и Поппей, и вообще двора, переполненнаго самыми низкими интригами, съ достаточностью осуждаетъ его. Дѣлавшіяся имъ назначенія на первосвященство были также худы, какъ и назначенія его предшественниковъ, и онъ навлекъ на себя неудовольствіе іудеевъ тою быстротою, съ которою онъ постоянно производилъ смѣны. Почти единственно выдающимися событіемъ, отмѣчающимъ его царствованіе, былъ споръ касательно одного вида изъ окна. Въ крайне непатріотическомъ и непочтительномъ духѣ онъ такъ устроилъ банкетный залъ во дворцѣ Ирода, въ Іерусалимѣ, что видъ изъ него открывался на дворы храма. Залъ этотъ предназначался для двойной цѣли—удовлетворять лѣнивое любопытство своихъ гостей при возлежаніи за столомъ, давая имъ зрѣлище на богослуженіе храма во всѣхъ его священнѣйшихъ подробностяхъ, а также поддерживать нѣкоторое шпіонство надъ движеніями богомольцевъ, что во всякій моментъ дало бы ему возможность извѣстить римскихъ военновъ, если только нужно было произвести какое нибудь виѣшательство. Негодуя на этотъ примѣръ презрительнаго любопытства и презрительнаго коварства, іудеи возвели стѣну, которая заградила этотъ видъ. Агриппа, не имѣя возможности самъ сдѣлать что нибудь призвалъ на помощь прокуратора. Стѣна іудеевъ заграждала не только видъ Агриппы, но также и видъ коменданта башни Антоніа, и Фестъ приказалъ имъ снести ее. Іудеи воспротивились этому, требованію съ своею обычною рѣшительною яростью, и Фестъ настолько уступилъ, что позволилъ имъ отправить посольство въ Римъ въ ожиданіи рѣшенія кесаря. Іудеи отправили Измаила Бенъ Фаба первосвященника, Хелкію казначея и другихъ знатныхъ посланниковъ, и, коварно склонивъ на свою сторону Поппею,—которая будто бы была прозелиткой (если вѣрно, то такой прозелиткой, которой искренно должны были бы стыдиться іудеи), добились рѣшенія въ свою пользу. Женщины въ родѣ Поппей, пантомимисты въ родѣ Алитуря—таковы были въ это время защитники храма для іудеевъ противъ ихъ нечистокровныхъ царей! Затѣмъ мы мало слышимъ что нибудь объ Агриппѣ II до самаго начала войны, закончившейся разрушеніемъ Іерусалима. Какъ и можно было ожидать, онъ, подобно Іосифу Флавію, подобно Тиверію Александру и другимъ знатымъ ренегатамъ, оказался въ рядахъ римскихъ завоевателей, начавшихъ войну противъ святаго города. Онъ вѣроятно видѣлъ, какъ храмъ погибалъ среди разрушительнаго пламени. Подобно Іосифу Флавію, онъ могъ изъ римскаго окна наблюдать величественную процессію, въ которой побѣдитель торжественно несъ священную добычу храма, въ то время какъ

¹⁾ Іос. Флав. Annt. xix, 8, § 1.

²⁾ Напр. онъ переимѣнилъ названіе Кесаріи Филипповой на названіе Нероніа; ограбилъ Іудею для украшенія Берита и даже снизошелъ до прозванія *Марка*, которое встрѣчается на одной изъ его монетъ (Antt. xx, 9, § 4; *Eckhel*, Doct. Num. Vet. III, 493).

жалкіе плѣнники изъ числа его соотечественниковъ угнетеннымъ шагомъ шли у высокой колесницы торжествующаго побѣдителя. Послѣ этого онъ подвергся заслуженной неизвѣстности и закончилъ свою легкомысленную жизнь опозоренной старостью.

Таковъ былъ князь, прибывшій для привѣтствія Феста, и онъ былъ сопровождаетъ своей сестрой, которая пользуется печальною извѣстностью даже среди наиболѣе худославныхъ знатныхъ женщинъ того развращеннаго времени. Вереника была Лукреція Борджіа Иродова рода. Она была прекрасна, какъ и всѣ княжны этого дома. До шестнадцатилѣтняго возраста она вышла замужъ за своего дядю Ирода Халкидскаго и, оставшись вдовою менѣе чѣмъ двадцатилѣтняго возраста, отправилась въ Римъ, чтобы жить тамъ съ своимъ одинаково юнымъ братомъ. Ея красота, знатность, блескъ ея драгоценностей и интересъ и любопытство, привлекаемые ея родомъ и домомъ, сдѣлали ее выдающейся личностью въ обществѣ столицы, и брилліантъ, какъ бы онъ ни былъ блестящъ и цѣненъ, увеличивался еще въ цѣнѣ, если было извѣстно, что онъ когда нибудь сверкалъ на пальцѣ Вереники и былъ подаркомъ ей отъ ея брата ¹⁾. Отношенія между ними давали поводъ къ самымъ грязнымъ толкамъ, которые находили полное довѣріе, такъ какъ въ поведеніи или характерѣ этихъ лицъ не было ничего такого, что бы могло противорѣчить этимъ толкамъ. Толки эти сдѣлались такъ настойчивы, что Вереника стала добиваться новаго брака. Она заключила брачный союзъ съ Полемономъ II, царемъ Халкидскимъ, настоявъ однако же, чтобы онъ избавилъ ее отъ всякаго нарушенія іудейскаго закона, подчинившись обряду обрѣзанія ²⁾. Обрѣзанія, а не обращенія,—вотъ все, чего она требовала. Обвиненіе, высказываемое какъ ап. Павломъ въ его посланіяхъ, такъ и писателями Талмуда, настолько истинно въ томъ отношеніи, что іудеи настаивали на обрѣзаніи единственно для того, чтобы имъ можно было похвалиться въ плоти ³⁾. Подчиненіе язычника этому требованію, въ знакъ внѣшняго почтенія, было все, о чемъ они заботились, и когда это было сдѣлано, то *геръ* могъ идти своей распутной дорогой—хоть даже въ геенну ⁴⁾. Обрѣзаніе для нихъ значило больше, чѣмъ всѣ положительныя постановленія, и поэтому ставилось даже выше любви къ Богу или любви къ ближнему ⁵⁾. Безъ сомнѣнія, Полемонъ стояло чего нибудь принятіе обрѣзанія съ цѣлью удовлетворить правотѣ и тщательность распутной іудейки; но ея богатство было слишкомъ могущественной приманкой, чтобы можно было устоять противъ нея. Конечно нельзя было считать вѣроятнымъ, чтобы такой бракъ могъ быть прочнымъ. Онъ очень скоро былъ нарушенъ бѣгствомъ Вереники, послѣ чего Полемонъ немедленно сбросилъ всякую тѣнь приверженности къ іудейской религіи, и Вереника возвратилась въ домъ своего брата, пока ея хорошо сохранившаяся, но уже состарѣвшаяся красота вмѣстѣ съ щедростью ея подарковъ не покорила себя сначала стараго Веспасіана, а затѣмъ его сына Тита ⁶⁾. Покоритель Іудеи былъ такъ ослѣпленъ любовью къ этой безпутной княгинѣ, что онъ взялъ ее съ собою въ Римъ и серьезно рассчитывалъ сдѣлать ее

¹⁾ „Adamas nottissimus, et Verenices
In digito factus pretiosior; hunc dedit olim
Barbarus incestæ, dedit hunc Agrippa sorori“.

Jur. Sat. vi, 156; *Jos. Antt.* xx, 6, § 3.

²⁾ *Antt.* xx, 7, § 3.

³⁾ Гал. vi, 13. Конечно іудеи считали торжествомъ для себя сдѣлать царя не только *геръ* *воишль* или прозелитомъ томъ вратъ (Исх. xx, 14), но даже и *геръ иицедекъ*, „прозелитомъ праведности“ или „завѣта“. Эти послѣдніе презирались какъ іудеями, такъ и язычниками (*Suet. Claud.* 25; *Domit.* 12; *Yebhamoth*, xlvii, 4; см. *Wetstein on Matt.* xxiii, 15).

⁴⁾ См. *Mc. Caul*, *Old Paths*, pp. 63 seqq.

⁵⁾ *Nedarim*, f. 32, c. 2.

⁶⁾ *Jos. Antt.* xx, 7, § 3.

участницей своего императорского трона ¹⁾. Но это было болѣе, чѣмъ сколько могли вынести римляне, далеко превосходило все, чему могло уступать ихъ раболѣпство и льстительство. Ропотъ и негодованіе, возбужденныя этимъ предполагаемымъ бракомъ, были такъ сильны и открыты, что Титъ увидѣлъ, какъ было бы опасно жениться на іудейкѣ, имя которой обезчещено было самымъ худшимъ позоромъ. Онъ отпустилъ ее — *invitus invitam*, и мы ничего болѣе не слышимъ о ней. Такъ въ пятомъ поколѣніи солнце Иродова дома закатилось въ безвѣстной темнотѣ, взошедши предъ тѣмъ въ крови; а виѣстѣ съ нимъ померкъ также и болѣе древній и чистый блескъ Асмонеискихъ князей. Они смѣшали почетную кровь Іуды Маккавея съ кровью Идумейскихъ авантюристовъ, и наслѣдники величественнѣйшихъ преданій іудейскаго патріотизма погибли виѣстѣ съ представителями худшихъ интригъ времени іудейскаго паденія.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXV (къ стр. 745).

Фразеологія и ученіе посланія къ Ефесянамъ.

Въ этомъ посланіи есть нѣкоторыя новыя и рѣдкія выраженія; ²⁾ но они достаточно объясняются своеобразностью писателя и особенностью предметовъ, которыми ему приходилось заниматься. Чудовищно предполагать, чтобы въ сочиненіяхъ такого живаго и свѣжаго человѣка, какъ ап. Павелъ, словарь не разнообразился широко на протяженіи почти двадцати лѣтъ въ сочиненіяхъ, писанныхъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ, весьма различными общинами и по поводу весьма различныхъ богословскихъ споровъ. Большое несходство въ мысли и выраженіи между посланіями *допускаемой* подлинности должно съ достаточностью показывать, какъ неосновательно пренебрегать большими вѣроятностями и почти всеобщимъ свидѣтельствомъ на основаніи особенностей, многія изъ которыхъ можно усмотрѣть только при тщательномъ анализѣ. Нужно помнить, что въ этотъ періодъ фразеологія христіанства находилась въ пластическомъ, можно почти сказать, въ текучемъ состояніи. Ни одинъ апостолъ, ни одинъ писатель вообще не внесъ въ нее и десятой доли той связности и точности, сколько ап. Павелъ. Должны ли мы поэтому отвергать это посланіе и посланіе къ Колоссянамъ на такихъ непрочныхъ основаніяхъ, какъ тотъ фактъ, что въ нихъ въ первый разъ онъ говоритъ о прощеніи грѣховъ какъ *ἄφεσις* (Ефес. 1, 7; Колос. 1, 14) виѣсто того, чтобы сказать *ἰσχύς* (Рим. 3, 25); или что въ посланіи къ церкви, состоящей преимущественно изъ язычниковъ, онъ говоритъ «еллины и іудеи» (Кол. 3, 11) виѣсто «іудеи и еллины» (Рим. 1, 16 и проч.); или что онъ употребляетъ слово «церковь» въ болѣе отвлеченномъ и общемъ смыслѣ, чѣмъ въ своихъ прежнихъ посланіяхъ; или что онъ употребляетъ риторическое выраженіе, что Евангеліе было проповѣдано во всемъ мірѣ (Кол. 1, 6, 23)? При такомъ способѣ разсужденія было бы возможно доказать въ отношеніи почти всякаго много писавшаго автора, что половина приписываемыхъ ему произведеній написана кѣмъ-нибудь другимъ. Такая аргументація только заваливаетъ бесполезнымъ мусоромъ поле критицизма. Въ нихъ есть правда одно весьма необычное выраженіе, своеобразность котораго допускается всѣми добросовѣстными критиками. Это именно замѣчаніе, что тайна Христа теперь открылась «святымъ апостоламъ и пророкамъ»

¹⁾ *Suet. Tit. 7; Tac. H. II, 81.*

²⁾ Таковы или *ἀπαξ λεγόμενα*, необычныя выраженія какъ *τὰ ἰσχυρά*, *κοσμοκράτορες*, *πολυποικίλος*, *περιποίησις*, *ἀφθαρσία*, *διάβολος*.

(III, 5). Подъ пророками (какъ во II, 20; IV, 11) несомнѣнно разумѣются пророки Новаго Завѣта—тѣ, которые получили отъ Духа Святаго особенные дары озаренія; но эпитетъ этотъ является неожиданнымъ. Его можно объяснить только общимъ достоинствомъ и полнотою (*sermōnis*) стиля, которымъ написано это посланіе; и этотъ эпитетъ, если онъ подлинный, есть, какъ едва ли нужно говорить объ этомъ, официальный и безличный.

Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы отрицательная критика могла привести хотя одинъ рѣшительный примѣръ ученія несвойственнаго богословію ап. Павла. Демонологія посланія тождественна съ демонологіей раввинскаго воспитанія Павла ¹⁾. Ученіе о первородномъ грѣхѣ, даже если бы оно и отнюдь не непремѣнно выводилось изъ Ефес. II, 3 (чего однако же нѣтъ, такъ какъ слово *peccata* не тождественно съ словомъ «по рожденію»), совершенно съ такой же ясностью заключается въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Сошествіе Христа во адъ не съ необходимостью заключается въ IV, 8; и даже если бы это было такъ, то все-таки то обстоятельство, что ап. Павелъ нигдѣ не указываетъ на него, не представляетъ ни тѣни доказательства, что онъ не держался его. Методъ цитированія св. Писанія есть методъ всѣхъ іудейскихъ писателей въ вѣкъ Павла, и воспоминанія Ветхаго Завѣта въ IV, 8 и V, 14 (если послѣднее мѣсто есть воспоминаніе) едва ли имѣютъ болѣе чисто буквальный характеръ, чѣмъ другія, встрѣчающіяся въ посланіяхъ, касательно которыхъ никогда не высказывалось никакихъ сомнѣній. Съ другой стороны открыто допускается всѣмъ, что во всѣхъ существенныхъ особенностяхъ воззрѣнія этого посланія носятъ на себѣ явную печать воззрѣній ап. Павла. Отношенія христіанства къ іудейству; всеобщность человѣческаго растлѣнія черезъ грѣхъ; потопленіе язычества и іудейства въ высшемъ единствѣ христіанства; преимущество, даваемое вѣрѣ и любви; безусловная свобода благодати; недостаточность и однако же нравственная необходимость добрыхъ дѣлъ—все это находится въ абсолютномъ согласіи съ самыми основными воззрѣніями признанныхъ посланій ап. Павла. Если нѣкоторыя изъ этихъ великихъ истинъ богословія здѣсь получаютъ болѣе полное, болѣе зрѣлое и болѣе самобытное развитіе, то это лишь такого рода фактъ, котораго мы должны были ожидать отъ сильнаго ума, никогда не перестававшаго возрастать въ благодати и премудрости и считавшаго возрастаніе въ благодати и премудрости естественнымъ преимуществомъ христіанской души. Съ другой стороны мы могли бы вполне изумляться, если бы первыя сто лѣтъ послѣ смерти Христа произвели такого совершенно неизвѣстнаго писателя, который, принимая имя Павла, раскрываетъ истину, порученную ему открыть, съ такою изумительною силою, которую рѣдко выказывалъ и самъ апостолъ и несомнѣнно никогда не превосходилъ ее. Пусть всякій изучитъ писанія мужей Апостольскихъ, и онъ вполне удивится той легкости, съ которою писатели Тюбингенской школы и ихъ послѣдователи допускаютъ существованіе Павловъ, которые жили и умерли въ полной безвѣстности, хотя въ умственномъ и духовномъ отношеніяхъ они были равными самому апостолу, если даже не превосходили его! Ни въ какомъ еще посланіи точка зрѣнія не имѣетъ такой ясности, возвышенности и законченности; ни въ одномъ другомъ посланіи ученіе не составляетъ столь очевиднаго результата и плода истинъ, которыя предъ тѣмъ были раскрыты менѣе полно и глубоко; нигдѣ не является такого полного цѣлѣнаправленія отъ ростковъ, при насажденіи которыхъ мы, такъ сказать, были свидѣтелями. Въ верховныя эпохи чело-вѣческаго просвѣщенія повидимому цѣлыя столѣтія мысли отдѣляются между собою сочиненія нѣсколькихъ годовъ. Вопросы, занимающіе апостола въ посланіяхъ къ Фессалоникійцамъ и къ Галатамъ, повидимому, лежатъ безконечно далеко за предѣлами цѣли, которой теперь достигли его мысли. Въ болѣе раннихъ посланіяхъ онъ занятъ былъ охраненіемъ свободы язычниковъ отъ тиранической

¹⁾ *Takhsifis*—общество бѣсовъ, и *Исбабиты* (см. *Verachöth*. f. 51, 1).

узкости іудейской обрядности: здѣсь, съ другой стороны, онъ останавливается на предопредѣленномъ величіи равной и всеобщей церкви. Въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ онъ обосновывалъ права христіанства на «философіи исторіи религій», показывая, что Христосъ есть второй Адамъ и обѣтованное сѣмя Авраама; здѣсь онъ созерцаетъ планъ, предопредѣленный до начала вѣковъ земли, и стремленіе ихъ къ назначенной цѣли, такъ что эонъ за эономъ открываютъ новыя формы и виды много-различной премудрости, и язычники (*καὶ ὑμεῖς*, I, 13), равно какъ и іудеи, включаются въ предопредѣленное избраніе (*ἐκκλησίᾳ θεμεν, προορισθέντες*, I, 11) для искупленія удѣла Христова (*περιποίησις*, 14). Чтобы не останавливаться больше на изложеніи многообразныхъ сторонъ этого, такъ называемого, «безцвѣтнаго» посланія, достаточно сказать, что тотъ способъ, которымъ оно выражаетъ идею пораженія духовной смерти чрезъ единеніе съ воскресшимъ Христомъ (II, 1—6); настоящая реализація, имманентное сознаніе общенія съ Богомъ; всепроникающее верховенство Бога во Христѣ; важность чистаго духовнаго познанія; достоинство, придаваемое церкви какъ дому (II, 20—22); тѣлу (IV, 12—16) и невѣстѣ (V, 25—27) Христа—все это дѣлаетъ его самымъ возвышеннымъ, самымъ глубокимъ и, если можно употребить такое выраженіе, самымъ развитымъ и законченнымъ выраженіемъ той тайны Евангелія, которую и дано было ап. Павлу впервые провозгласить во всей ея полнотѣ языческому міру.¹⁾ Неудивительно, что когда эти истины разъ нашли выраженіе, онѣ должны были оказать иѣкоторое вліяніе на ученіе апп. Петра и Іоанна; но это отнюдь не составляетъ основанія для того, чтобы съ подозрѣніемъ относиться къ подлинности самаго посланія²⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVI (къ стр. 757).

Данныя въ доказательство освобожденія ап. Павла.

Главныя мѣста касательно остальной жизни ап. Павла, имѣющія важное историческое значеніе, слѣдующія:

I. Климентъ Римскій, вѣроятно личный другъ и сотрудникъ ап. Павла, если только это тотъ Климентъ, который упоминается въ Филип. IV, 3³⁾, но несомнѣнно епископъ римскій и писатель перваго столѣтія, говоритъ слѣдующее:

«Вслѣдствіе зависти, Павелъ также получилъ награду за терпѣніе, семь разъ будучи закованъ въ цѣпи, изгоняемъ и побиваемъ камнями. Послѣ того, какъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, какъ на востокъ, такъ и на западъ, онъ приобрѣлъ высокую славу за свою вѣру, научивши праведности весь міръ и дошедши до предѣловъ запада, и свидѣтельство⁴⁾ предъ начальниками. Такъ

¹⁾ Не смотря на все мое разногласіе съ Пфлейдереромъ, его сочиненіе *Paulinismus* (II, 162—193, въ англійскомъ переводѣ) оказало мнѣ большую помощь при изученіи этого посланія.

²⁾ См. I Петр. I, 14 (Ефес. IV, 14); I Петр. I, 20 (Ефес. I, 4); I Петр. I, 7 (Ефес. I, 6); I, 5 (Ефес. III, 5); II, 9 (Ефес. I, 14); I, 3 (Ефес. I, 17); II, 11 (Ефес. II, 3), III, 7 (Ефес. III, 6); V, 10 (Ефес. IV, 2) и проч. См. Weiss, *Petrinisch. Lehrbegr.* 434).

³⁾ Мы можемъ только сказать, что это древнее и не невозможное преданіе (См. *Lightfoot, Philippians*, pp. 166—169).

⁴⁾ Слово это въ этотъ періодъ еще не значило *непрямѣнно* „понесенное мученичество“, но вѣроятно уже намекало на него.

онъ былъ освобожденъ отъ міра и отошелъ въ святое мѣсто, показавъ себя преимущественнымъ примѣромъ терпѣнія» ¹⁾).

II Отрывокъ Мураторіева канона (около 170 года по Р. Хр.), хотя темень и испорченъ и даетъ возможность только къ неувѣренному предположенію и толкованію, однако же въ общемъ, повидимому, указываетъ на тотъ фактъ, что «ап. Павелъ отправился изъ города на своемъ пути въ Испанію» ²⁾).

III. Евсевій, въ четвертомъ столѣтіи, говоритъ:

«Есть преданіе, что послѣ своей защиты апостолъ опять отправился на служеніе своей проповѣди, и во второй разъ вступивъ въ тотъ же городъ (Римъ), завершилъ свое служеніе мученичествомъ предъ нимъ (Неронъ)» ³⁾).

IV. Св. Златоустъ (умеръ въ 407 году) говоритъ:

«Побывавъ въ Римѣ, онъ опять отправился въ Испанію. Но возвратился ли онъ оттуда въ эти страны (востока), мы не знаемъ» ⁴⁾).

V. Бл. Иеронимъ (умеръ въ 420 году) говоритъ, что «Павелъ былъ освобожденъ Нерономъ, дабы онъ могъ проповѣдывать Евангеліе Христа также и въ странахъ запада» ⁵⁾).

Мы не обращаемъ вниманія на найденную, будто бы, въ Испаніи надпись (Gruter, pp. 238—9), которая признательно рассказываетъ, что Неронъ очистилъ эту провинцію отъ разбойниковъ и отъ приверженцевъ новаго суевѣрія; потому что даже при предположеніи, что она подлинна, она не имѣетъ непрѣмнѣно отношенія къ этому вопросу. Притомъ ни одинъ еще другой писатель, хотя бы малѣйшаго авторитета, не представляетъ никакихъ болѣе или менѣе важныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, такъ какъ нельзя думать, чтобы для рѣшенія его могли имѣть хотя нѣкоторую вѣроятность общія утвержденія Кирилла Іерусалимскаго и Θεодорита, что ап. Павелъ посѣщалъ Испанію; равно какъ нельзя принимать въ смыслъ противоположнаго доказательства то, что Оригенъ не упоминаетъ Испаніи, когда онъ замѣчаетъ, что «онъ проповѣдывалъ Евангеліе отъ Іерусалима до Иллирій и впослѣдствіи былъ замученъ въ Римѣ во время Нерона». Даже въ такой поздній періодъ, какъ четвертое столѣтіе, ни одинъ писатель не осмѣливается болѣе чѣмъ отдаленно намекать на предполагаемый фактъ, откуда можно заключать, что касательно этого предмета не существовало ни одной подробности и что преданіе ничего осязательнаго не можетъ прибавить къ тѣмъ даннымъ, которыя сообщаются

¹⁾ Διὰ ζύλον [καὶ ὁ] Παῦλος ὑπομονῆς βραβεῖον ὡς περὶ ἐπτάκις δεσμὰ φορέσας, φυγαδεύσας, λιθοσθεῖς, κήρυξ γενόμενος ἐν τῇ ἀνατολῇ καὶ [τῇ] δύσει, τὸ γενναῖον τῆς πίστεως αὐτοῦ κλέος ἔλαβεν, δικαιοσύνην διδάξας ὅλην τὴν κόσμον καὶ ἐπὶ τὸ τέλος τῆς δούσεως ἐλθὼν, καὶ μαρτυρήσας ἐπὶ πάντων ἡγουμένων ὁδῶν ἀπηλλάγη τοῦ κόσμου καὶ εἰς τὸν ἅγιον τόπον ἐπορεύθη, ὑπομονῆς γενόμενος μέγιστος ὑπογραμμός. Ερ. I ad Cor. 5 (см. *Lightfoot*, *Epistles of Clement*, pp. 46—52).

²⁾ „Lucas obtine Theophile comprindit quia sub praesentia ejus singula gerebantur, sicuti et emote passionem Petri evidenter declarat, sed profectionem Pauli ab urbe ad Spaniam proficiscentis...“

³⁾ Τότε μὲν οὖν ἀπολογησάμενον, αὐθις ἐπὶ τὴν τοῦ κηρύγματος διακονίαν λόγος ἔχει σταλίσθαι τὸν ἀπόστολον, δεύτερον δ' ἐπιβάντα τῇ αὐτῇ πόλει τῇ κατ' αὐτὸν (Νέρωνα) τελειωθῆναι μαρτυρίᾳ (Euseb. H. E. II, 22, 25). Онъ приводитъ Діонисія Коринѣскаго для того, что апп. Петръ и Павелъ оба были въ Римѣ (id. ib. 25), о чемъ говоритъ также Игнатій (ad Rom. iv).

⁴⁾ Μετὰ τὸ γενέσθαι ἐν Ρωμῇ πάλιν εἰς τὴν Σπανίαν ἀπήλθεν· εἰ δὲ ἐκεῖθεν πάλιν εἰς ταῦτα τὰ μέρη οὐκ ἴσμεν (Злат. на 2 Тим. iv, 20).

⁵⁾ Sciendum est... Paulum a Nerone dimissum ut evangelium Christi in occidentis quoque partibus praedicaret (Jer. Catal. Scrip.). См. также *Tert. Scorp.* 15, *De Praescr.* 36; *Lactant De Mort. Persec.* 2.

Новымъ Завѣтомъ, или къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ ведетъ онъ. Съ другой стороны свидѣтельство псевдо-Діонисія (въ 170 году по Р. Хр.), что апп. Петръ и Павелъ, послѣ основанія церкви въ Коринѣ, отправились въ Италію—повидимому вмѣстѣ (*ὁμολογῶντες*)—и были тамъ замучены около одного и того же времени, въ нѣкоторой степени неблагопріятно испанскому путешествію и во всякомъ случаѣ доказываетъ, что даже во второмъ столѣтіи преданіе старалось скрывать свое невѣденіе въ избыткомъ пескъ ошибочныхъ общихъ предположеній.

Если насъ спросятъ, каково *историческое значеніе* этихъ данныхъ, то мы должны отвѣтить, что оно очень небольшое. Свидѣтельство Климента, который допускаетъ, что оно подлинно, имѣло бы важность вслѣдствіе своего ранняго происхожденія, если бы оно не было столь неопредѣленнымъ. Это чисто риторическое мѣсто, въ которомъ, повидимому, имѣется въ виду сравнить ап. Павла съ солнцемъ, восходящимъ на востокъ и заходящимъ на западъ. Выраженія, что «онъ училъ праведности весь міръ», показываетъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло скорѣе съ восторженными фразами, чѣмъ съ строгими фактами. Выраженіе «дошедшаго до предѣловъ запада» не говоритъ въ пользу путешествія въ Испанію. «Предѣлъ запада» (хотя несомнѣнно для автора, писавшаго изъ Рима, подъ этимъ разумѣлась бы Испанія, если бы онъ говорилъ простой и ясной прозой) не заключаетъ непременно такого значенія въ пылкомъ сравненіи и меньше всего при предположеніи, что родиной писателя были Филиппы. Если однако же здѣсь разумѣется Испанія и если слово «песа свидѣтельство» (*μαρτυρία*) означаетъ мученичество, то авторъ, понимаемый *буквально*, разумѣлъ бы, что ап. Павелъ погибъ въ Испаніи. Аргументъ, что выраженіе «предъ начальниками» вѣроятно указываетъ на Гелія и Поликлета или Тигеллина и Нимфинія Сабина или двухъ другихъ президентовъ, поставленныхъ въ качествѣ регентовъ во время экспедиціи Нерона въ Грецію, есть лишь паутина нить натянутого заключенія. Авторитетъ Климента поэтому долженъ быть устраненъ, какъ слишкомъ неопредѣленный, чтобы имѣть здѣсь какое либо рѣшающее значеніе ¹⁾).

Не имѣетъ большаго значенія и изреченіе въ канонѣ втораго вѣка, открытѣ Мураторіемъ въ Миланѣ. Нужно еще подыскать глаголъ, который бы имѣлъ близкое отношеніе къ такому значенію, и даже возможно, что писатель могъ имѣть намѣреніе указать на молчаніе Луки касательно путешествія въ Испанію въ доказательство того, что преданіе касательно его (что естественно подсказывалось Рим. хv, 24) не имѣетъ авторитета въ свою пользу.

Евсевій, правда, говоритъ болѣе ясно, но съ одной стороны онъ жилъ такъ поздно, что его свидѣтельство не можетъ имѣть значенія, если только оно не подтверждается ссылкой на болѣе древнія авторитеты; и съ другой стороны онъ настолько далекъ отъ своего постоянного обычая приводить въ пользу своего утвержденія какой либо авторитетъ, что явно приписываетъ его преданію. Онъ просто замѣчаетъ, что «такъ говорятъ», и затѣмъ переходитъ къ подтвержденію вѣроятности этого преданія чрезвычайно ложнымъ перетолкованіемъ 2 Тим. iv, 16, 17, гдѣ онъ находитъ доказательство въ пользу втораго заключенія апостола на томъ основаніи, что онъ говорилъ объ освобожденіи отъ перваго, когда сказалъ: «я избавился отъ пасти льва». Свидѣтельство его еще болѣе теряетъ свою цѣну вслѣдствіе того, что въ своей «Лѣтописи» Евсевій почти на десять лѣтъ ошибается во времени

¹⁾ См, однако же Döllinger, First Age, 78, seq.; Westcott, Hist. of Canon, p. 479, и Lightfoot, Ep. of Clement, p. 508, который ссылается на Strabo, II, 1, Vell. Paterc. 1, 2, чтобы показать, что здѣсь, вѣроятно, разумѣется Испанія.

перваго тюремнаго заключенія, и его ошибочный выводъ изъ 2 Тим. повидимому показываетъ, что ходячій слухъ основывался на простомъ предположеніи, вытекавшемъ изъ самихъ посланій ¹⁾. Дѣйствительныя доказательства освобожденія ап. Павла, какъ мы видѣли, совершенно различнаго характера.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXVII (къ стр. 757).

Подлинность пастырскихъ посланій.

Такъ какъ наши свѣденія о жизни ап. Павла послѣ его перваго тюремнаго заключенія всецѣло зависятъ отъ рѣшенія касательно подлинности пастырскихъ посланій, то мы вкороткѣ изслѣдуемъ здѣсь относящіяся сюда данныя.

I. Обращаясь прежде всего къ виѣшнимъ даннымъ въ ихъ пользу, мы находимъ почти безспорное указаніе на первое посланіе къ Тимоѳею у Климента Римскаго ²⁾. Что они пользовались общимъ признаніемъ со стороны церкви во второмъ столѣтіи, это несомнѣнно, такъ какъ они находятся въ Сирійскомъ Пешито, упоминаются въ Мураторіевомъ канонѣ и цитуются Игнатіемъ, Поликарпомъ, Егезиппомъ, Аинагоромъ, Иринеємъ, Климентомъ Александрійскимъ, Теофиломъ Антиохійскимъ и быть можетъ Іустиномъ Философомъ. Послѣ втораго столѣтія свидѣтельства о нихъ рѣшительны и полны, и Евсевій, въ четвертомъ столѣтіи, считаетъ ихъ среди омологуженъ или признанныхъ посланій ап. Павла. За исключеніемъ Маркіона и Таціана, отвергавшихъ два посланія къ Тимоѳею, повидимому не было никакого сомнѣнія касательно ихъ подлинности, начиная съ перваго столѣтія до времени Шмидта и Шлейермахера. На какомъ основаніи Маркіонъ отвергалъ ихъ, намъ неизвѣстно. Возможно, что Бауръ правъ въ предположеніи, что онъ не зналъ объ ихъ существованіи ³⁾. Но это не было бы рѣшительнымъ доказательствомъ противъ нихъ, такъ какъ въ сохраненіи и распространеніи совершенно частныхъ писемъ, обращенныхъ къ отдѣльнымъ лицамъ, навѣрно было гораздо менѣе обезпеченія, чѣмъ въ отношеніи другихъ писемъ, обращенныхъ ко всѣмъ церквамъ. Но въ такомъ случаѣ авторитетъ Маркіона имѣетъ лишь немного значенія. Онъ относился къ Св. Писанію съ чисто субъективной точки зрѣнія. Отверженіе имъ Ветхаго Завѣта и всѣхъ Новозавѣтныхъ книгъ, кромѣ десяти посланій ап. Павла и искаженнаго Евангелія ев. Луки, показываетъ, что онъ не задумывался исключать изъ своего канона всякую книгу, противорѣчившую его своеобразному ученію. Не имѣетъ большаго значенія и авторитетъ Таціана. Единственное основаніе, почему онъ признавалъ посланіе Тита подлиннымъ, отвергая въ то же время посланіе къ Тимоѳею, повидимому состояло въ томъ, что въ посланіи къ Титу фаза зарождающагося гностицизма, встрѣчающая себѣ осужденіе апостола, болѣе явно отождествляется съ іудейскимъ ученіемъ ⁴⁾.

Но быть можетъ можно доказать, что пастырскія посланія были подложно сочинены во второмъ столѣтіи и что болѣе раннія мѣста, считающіяся намеками на нихъ или цитатами изъ нихъ, въ дѣй-

¹⁾ Прибытіе ап. Павла въ Римъ онъ полагаетъ въ 55 году по Р. Хр.

²⁾ „Будемъ же приближаться къ Нему въ святости души, воздѣвая къ Нему чистыя и непятнанныя руки“.—Ер. 1 ad Cor. 29; см. 1 Тим. II, 8.

³⁾ *Baur*, *Pastoralbriefe*, p. 138.

⁴⁾ Тит. I, 10, 14; III, 9. Таціанъ основалъ секту гностическихъ энкратитовъ къ концу втораго столѣтія.

ствительности заимствованы у Климента, Поликарпа и Егезиппа писателемъ, который желалъ опереться на предполагаемый авторитетъ ап. Павла въ осужденіи распространявшагося гностицизма втораго столѣтія. Никто не будетъ доказывать, что лишь *случайная* связь находится между 1 Тим. vi, 20 «отвращайся негоднаго пустословія и прекословія (антитезы) лжеиженнаго знанія (гносисъ)» и изреченіемъ Егезиппа: «сочетаніе нечестиваго заблужденія возникло вслѣдствіе обмана лжеучителей (*ἑτεροδιδασκαλῶν*, срав. 1 Тим. i, 3, *ἑτεροδιδασκαλεῖν*), которые отселѣ старались проповѣдывать свое лжеиженное знаніе¹⁾. Но Бауръ доказываетъ, что подложный сочинитель посланія заимствовалъ этотъ терминъ у Егезиппа и что имъ указывалось на маркіонитовъ, на которыхъ особенно намекается въ словѣ «антитезы», подъ каковыми названіемъ написана была Маркіономъ книга съ цѣлью показать противорѣчіе между Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтомъ, равно какъ между тѣми частями Новаго Завѣта, которыя онъ отвергалъ, и тѣми, которыя онъ принималъ²⁾. Между тѣмъ «антитезы» могутъ просто означать «противоположности», и изреченіе это, по объясненію Златоуста и Теофилакта и даже Де-Ветте, означаетъ, чтобы Тимофей не занимался праздными и безплодными прекословіями. Но даже если предположить, что здѣсь разумѣются «антилогіи», то есть ли хотя малѣйшее доказательство, что ничего подобнаго не существовало среди «негоднаго пустословія» ессейскаго умозрѣнія? «Егезиппъ», говоритъ Бауръ³⁾, «въ виду его эвѣнгелистскихъ взглядовъ, едва ли могъ заимствовать изъ посланія по предположенію принадлежавшаго Ап. Павлу». Трудно думать, чтобы это замѣчаніе было совершенно серьезнымъ⁴⁾; но если такъ, то мы спросимъ: не гораздо ли болѣе невѣроятно, чтобы *falsarius*⁵⁾ тотчасъ же бы осудилъ свое собственное произведеніе въ качествѣ подложнаго, вставляя въ него выдающіяся мѣста изъ Климента, Поликарпа и Егезиппа, что сразу узнали бы его просвѣщенные читатели и что было бы рѣшительно роковымъ для успѣха его намѣренія?

II. Перейдемъ затѣмъ къ внутреннимъ даннымъ. Доказываютъ, что эти три посланія не могли быть написаны ап. Павломъ—1) потому, что «они стоятъ гораздо ниже той самобытности, того богатства мысли и всей духовной сущности и значенія, которыми отличаются подлинныя посланія⁶⁾»; 2) потому, что они изобилуютъ словами и изреченіями, несвойственными Павлу; 3) потому, что богословіе ихъ отличается отъ богословія этого Апостола; 4) потому, что они занимаются порядками церковной организаціи, которая получила свое существованіе уже долго спустя послѣ вѣка апостольскаго; 5) потому, что въ нихъ заключаются намеки на повдѣйшее развитіе гностической ереси. Эти возраженія мы вкратцѣ и рассмотримъ.

¹⁾ *Euseb.* Н. Е. iii, 32.

²⁾ *Tert. Adv. Marc.* i, 19; iv и проч. Бауръ также (*Paul*, ii, 111) останавливается на употребленіи слова *ὑγιής* «здравый», «полезный» у Егезиппа и въ 1 Тим. i, 10.

³⁾ *Paul.* ii, 101.

⁴⁾ Давидсонъ свободно допускаетъ, что «нѣтъ большаго затрудненія предполагать, что онъ читалъ пастырскія посланія, писанныя отъ имени Павла, и запомнилъ нѣкоторые изъ ихъ выраженій» (*Introd.* ii, 181).

⁵⁾ Допуская, что «псевдонимство и литературный обманъ» въ древности считались совершенно различными вещами, я охотно избѣжалъ бы слова «поддѣльщикъ», если бы можно было съ удобствомъ замѣнить его чѣмъ нибудь другимъ. Я совершенно соглашаюсь съ Де-Ветте, Шлейермахеромъ, Бауромъ и друг., что слово это означаетъ болѣе, чѣмъ оно должно бы было означать въ приложеніи къ писателю первыхъ двухъ столѣтій, и что «о поддѣлкѣ такихъ посланій не должно судить согласно новѣйшему понятію о литературной честности, но согласно духу древности, который не придавалъ такого неопредѣленнаго значенія, какъ мы, литературной собственности и цѣнилъ вещь гораздо больше, чѣмъ личность» (*Baur, Paul.* ii, 110).

⁶⁾ *Baur, Paul.* ii, 106.

1. Что касается прежде всего слога этих посланий, то мы сразу же допускаем, что онъ ниже слога величайшихъ произведеній ап. Павла. По краснорѣчію, сжатости, глубинѣ, пылости и логической цѣли, они никоимъ образомъ не могутъ идти въ сравненіе съ посланіями къ Коринѳянамъ, Римлянамъ, Галатамъ или Ефесѳянамъ. Ап. Павелъ здѣсь является не въ лучшемъ своемъ свѣтѣ или не на величайшемъ своемъ пунктѣ. «Его неутомимая энергія», говоритъ Альфордъ ¹⁾, «все еще въ дѣйствіи; но эта энергія переѣнила свой характеръ; она перешла отъ діалектическаго характера его прежнихъ посланій, отъ чудесной всеобъемлемости и разсудительности его послѣдующихъ посланій къ настоячивости, повторенію и изложенію истинъ, которыя составляли пищу его жизни; въ нихъ замѣчается привязанность къ прежнимъ выводамъ, постоянная цитация *temporis acti*, что вводитъ насъ въ наиболѣе интересную фазу характера великаго апостола. Мы видимъ здѣсь скорѣе послѣдовательный рядъ блестящихъ искръ, чѣмъ ровное пламя, пылкія слова, правда, и глубокій пафосъ, но не цвѣтъ его твердости, какъ въ его посланіи къ Галатамъ; не полдень его свѣтлаго теплаго краснорѣчія, какъ въ неподражаемомъ Псалмѣ любви» ²⁾.

Но какимъ образомъ все это подрываетъ ихъ подлинность? Мы совершенно несогласны съ преувеличеннымъ ослабленіемъ ихъ значенія со стороны Баура; если мы допустимъ, что они такъ бѣдны содержаніемъ, такъ безцвѣтны по изложенію, такъ недостаточны по мотивамъ и связности, такъ исполнены монотонности, повтореній и подражанія, какъ утверждаетъ Бауръ, — то что же изъ этого? Неужели писатель долженъ являться всегда въ своемъ величайшемъ свѣтѣ? Не доказываетъ ли даже самое малое знакомство съ исторіей литературы, что писатели подлежатъ чрезвычайнымъ переѣнамъ въ своей литературной способности? Не представляютъ ли ихъ болѣе короткія и менѣе важные сочиненія во многихъ случаяхъ крайне удивительный контрастъ съ ихъ болѣе обработанными сочиненіями? Развѣ сочиненія Платона всѣ одинаковой цѣнности? Развѣ въ *Эпикимидѣ* мы находимъ то же величіе и ту глубину, которыми отличаются *Федонъ* и *Феететъ*? Развѣ *Законы* такъ же богаты стилемъ его, какъ и *Федръ*? Развѣ нѣтъ различія между *Анналами* Тацита и діалогомъ *De Oratoribus*? Развѣ не одна и та же рука писала „*Потерянный трудъ любви*“ и „*Гамлета*“? Развѣ кто читая болѣе прозаическія части „*Возвращеннаго Рая*“, узналъ бы въ нихъ поэта первой или шестой книги „*Потеряннаго Рая*“? Развѣ стиль Борка въ его *Essay on the Sublime and Beautiful* тотъ же самый, какъ и стиль въ *трактатѣ о французской революціи*? Было бы совершенно излишне приводить еще больше примѣровъ этого рода. Если утверждаютъ, что пастырскія посланія не имѣютъ цѣны или недостойны ихъ автора, то намъ нетрудно выдержать споръ съ возражающими, и независимо отъ нашего собственнаго сужденія мы можемъ сказать, что въ такомъ случаѣ они не обманули бы критической прозорливости цѣлыхъ вѣковъ мыслителей, изъ которыхъ многіе были величайшими знатоками литературы. Если съ другой стороны просто указываютъ на то, что слогъ ихъ не имѣетъ жизненности и силы болѣе раннихъ посланій, то мы отвѣтимъ на это, что это какъ разъ то, чего мы и должны были ожидать. Допуская, что «эти посланія не имѣютъ своей цѣли, какъ предыдущія посланія, полно развить какую нибудь существенно Павлову идею, которая еще требовала подтвержденія доказательствъ и сообразно съ которой должны были формироваться сознаніе и жизнь христіанъ, но скорѣе имѣютъ въ виду приложить содержаніе христіанскаго ученія къ практической жизни въ ея различныхъ обстоятельствахъ», мы отвѣчаемъ, что ничего и не могло быть болѣе естественнаго. Допуская, что въ отличіе отъ всѣхъ другихъ посланій они не имѣютъ истиннаго органическаго раз-

¹⁾ Greek Test. III, 83.

²⁾ 1 Кор. XIII.

витія; что они не выходятъ изъ одной коренной идеи, которая бы проникала все ихъ содержаніе и связывала бы внутреннія части внутреннимъ единствомъ, потому что болѣе глубокія отношенія покрываютъ внѣшнюю несвязанность; что ни одна творческая мысль не опредѣляетъ ихъ содержанія и построения; что они не проявляютъ настоящаго діалектическаго движенія, въ которомъ бы мысль обладала достаточною присущею себѣ силою для того, чтобы самобытно произвести всѣ стадіи своего развитія ¹⁾; допуская, мы говоримъ (и это безъ нужды большая уступка), что этой глубины концепціи, этого методическаго развитія, этого діалектическаго прогресса недостаетъ въ этихъ трехъ посланіяхъ, мы въ тоже время совершенно отказываемся допустить, чтобы этотъ недостатокъ органическаго построения могъ вести къ отрицанію ихъ принадлежности ап. Павлу. Почти нелѣпо предполагать, чтобы каждое изъ писемъ ап. Павла, какъ бы оно ни было кратко, случайно или частно, должно было отличаться тѣми же самыми качествами, какъ и посланія къ Римлянамъ или къ Галатамъ. Мы осмѣливаемся сказать, что всякое возраженіе этого рода сразу падаетъ само собою, въ виду того простаго факта, что это были не величественныя и торжественныя творенія касательно великихъ вопросовъ, нарушавшихъ миръ церкви, которымъ они предназначались для чтенія, но заурядныя частныя письма, обращенныя старшимъ и начальствующимъ къ друзьямъ, которыхъ онъ вѣроятно зналъ съ ранняго дѣтства и которые были вполне знакомы съ главными чертами его ученія и его вѣры. Стоитъ только прибавить еще три обстоятельства—что одно изъ этихъ писемъ было написано во время жестокаго тюремнаго заключенія, во время котораго жизнь апостола клонилась къ своему концу; что они вѣроятно были написаны его собственной рукой, а не при помощи обычнаго у него писца ²⁾; и что они навѣрно были написаны въ старческомъ возрастѣ—и мы сразу же увидимъ, какъ эти обстоятельства вполне объясняютъ общія особенности ихъ слога особенно въ отношеніи недостатка связности и сжатости. Въ этихъ посланіяхъ есть неподражаемое указаніе, что мы читаемъ письма старца. Въ нихъ нѣтъ ни старческой немощи, ни говорливости, но есть достоинство и опытность, которыми отличается *jucunda senectus* ³⁾. Отступленія становятся болѣе расплывчатыми, общія мѣста болѣе частыми, повторенія болѣе замѣтными ⁴⁾. Формулы повторяются съ настойчивостью, которая вызывается не столько нуждою настоящаго, сколько воспоминаніями прошлаго. Отступленія по вопросу о личныхъ дѣлахъ въ письмахъ къ Тимофею, который такъ долго былъ его любимѣйшимъ спутникомъ, становятся болѣе многочисленными и нормальными ⁵⁾. И однако же невозможно не чувствовать, что авторъ ихъ есть все-таки ап. Павелъ. Въ нихъ есть проблески глубочайшаго чувства, взрывы сильнѣйшихъ выраженій. Въ славословіяхъ есть ритмическое движеніе и превосходная величавость, и идеалъ христіанскаго пастыря начертывается не только твердою рукой, но и съ красотою, полнотою и простотою, съ которыми даже сравнятся

¹⁾ Baur. Paul. II, 107.

²⁾ Посланіе къ Галатамъ и заключительное славословіе посланія въ Римлянамъ были написаны также собственноручно; и деканъ Альфордъ (съ которымъ лишь немногіе могутъ сравниться въ близкомъ знакомствѣ съ стилемъ ап. Павла во всѣхъ его особенностяхъ) указалъ цѣлый рядъ сходствъ между этими и пастырскими посланіями (Greek Test. III, 86).

³⁾ Даже въ то время, когда онъ писалъ посланіе къ Филимону, онъ уже называетъ себя Павломъ старцемъ, а съ того времени онъ еще испыталъ многое. Предполагая, что онъ обратился тридцати лѣтъ отъ роду, ему теперь навѣрно было около шестидесяти, и онъ едва ли могъ выглядѣть иначе, чѣмъ старцемъ, въ виду той болѣзненности и тѣхъ испытаній, которыми разбили и истощили его слабый организмъ.

⁴⁾ 1 Тим. I, 15; II, 4—6; III, 16 и проч.; 2 Тим. I, 9; II, 11—13; Тит. I, 15; II, 11; III, 3 и проч.

⁵⁾ 1 Тим. I, 11 и слѣд.; 2 Тим. I, 11 и слѣд.; 15 и слѣд. IV, 6 и слѣд.

не может весь последующий тысячелетний опыт, а тем более превзойти их. В этих посланиях прямая логическая полемика в значительной степени оставляется как ненужная. Все, что нужно было апостолу сказать в видѣ аргументаціи, вѣроятно часто уже высказывалось его корреспондентамъ въ той или другой формѣ. Для нихъ, какъ получившихъ порученіе касательно надзора надъ важнѣйшими христіанскими общинами, излишне было развивать ученіе, съ которымъ они были знакомы. Гораздо болѣе необходимо было предостеречь ихъ касательно роковыхъ нравственныхъ тенденцій, порождавшихъ ереси, и роковыхъ нравственныхъ заблужденій, къ которымъ онѣ такъ часто приводили.

Что касается слога, то какъ много въ немъ заключается такого, что сразу же даетъ благоприятныя данныя для заключенія касательно подлинности этихъ посланій. Возьмемъ первое посланіе къ Тимоѳею только, на которое больше всего слышится нападеній и которое, будто бы, навлекаетъ сомнѣніе и на другія пастырскія посланія очевидностью своей подложности. Не находимъ ли мы въ немъ достаточныхъ слѣдовъ знакомаго намъ слога? Мыслимо ли даже, чтобы поддѣльщикъ могъ начать посланіе анаколутою или незаконченнымъ періодомъ? Такихъ предложеній много въ слогѣ ап. Павла и подражать имъ съ совершенною естественностью было бы нелегкимъ дѣломъ. Но даже предполагая возможность подражанія, могъ ли бы поддѣльщикъ сразу начать такъ? Затѣмъ нетрудно было бы конечно копировать или грубо подражать той разсѣянности, которую мы приписываемъ знакомству и возрасту; но воспроизводить эту особенность такъ просто и естественно, какъ здѣсь — для этого требовалось бы высокое литературное искусство. Могъ ли бы подражатель намѣренно отступить отъ обычнаго привѣтствія ап. Павла, вставивъ «милость» между «благодатію» и «миромъ»? Легко понять на психологическихъ основаніяхъ, что ап. Павелъ могъ назвать себя первымъ изъ грѣшниковъ (I, 15); но могъ ли преданный послѣдователь такъ написать о немъ? Могъ ли онъ *намѣренно и постоянно* терять главную нить своего предмета какъ во II, 3, 7? Писатель съ твердымъ убѣжденіемъ въ истинахъ, которыя, какъ онъ знаетъ, дополняютъ одна другую, никогда бы не смутился видимымъ противорѣчіемъ его прежнимъ мнѣніямъ; тѣмъ менѣе смутился бы видоизмѣнить эти мнѣнія согласно съ обстоятельствами; но могъ ли бы поддѣльщикъ съ такою смѣлостью противорѣчить во II, 15 тому, что ап. Павелъ училъ въ I Кор. VII? Былъ ли бы онъ достаточно искусенъ въ томъ, чтобы подражать простому и естественному способу, которымъ нѣсколько разъ апостолъ вновь начинаетъ продолжать свое посланіе послѣ того, какъ повидимому готовъ уже былъ закончить его какъ въ II, 14, 15? Ап. Павелъ, подобно большинству знаменитѣйшихъ писателей, совершенно равнодушенъ къ запутанности метафоръ; но могъ ли подражатель слѣдовать ему съ такимъ властнымъ безразличіемъ, какъ въ VI, 19? Въ письмѣ къ близкимъ друзьямъ нѣтъ ничего естественнѣе, какъ совершенно случайная вставка мелкихъ и неважныхъ подробностей. Въ другихъ посланіяхъ ап. Павла нѣтъ ничего подобного, даже нѣтъ въ посланіи къ Филимону, и поэтому поддѣльщикъ не имѣлъ бы образца для себя въ этомъ отношеніи. Какимъ великимъ литературнымъ художникомъ поэтому долженъ былъ быть поддѣльщикъ, который, — пиша съ нѣкоторою теоріею боговдохновенности, подъ тѣнью великаго имени и имѣя въ виду спеціальныя цѣли, — могъ давать случайныя подробности такъ естественно, такъ интересно, и даже такъ патетически, какъ въ I Тим. V, 23, или вводить, въ видѣ предосторожности, такія особенности — «безпримѣрныя въ другихъ посланіяхъ апостола, не основанныя ни на какомъ событіи, не ведущія ни къ какому результату» — какъ просьба къ Тимоѳею принести съ собою въ Римъ, фелонь, «который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги, особенно кожаныя». Намъ кажется, что подложное сочинительство, даже подъ господствующимъ вліяніемъ одной подавляющей истины и одной верховной идеи, есть отнюдь не легкая и не простая вещь, какою оно кажется приверженцамъ Тюбингенской критической школы. Сравнительно не трудно сдѣлать подражаніе напр. Клименту Рим-

скому или Игнатію, но едва ли вѣроятно, чтобы міръ долго оставался въ заблужденіи касательно сочиненій, ложно пущенныхъ подъ именемъ хотя бы Мильтона, а тѣмъ болѣе ап. Павла.

2. Критики говорятъ, что посланія эти изобилуютъ необычными изолированными и несвойственными ап. Павлу выраженіями. Между ними указываются: «вѣрно слово это» ¹⁾, «благочестіе» и «благочестиво» (*εὐσεβεια εὐσεβῶς*), встрѣчающіяся восемь разъ въ этихъ посланіяхъ и нигдѣ еще въ другихъ книгахъ, кромя 2 Петр. ²⁾; эпитетъ «здравый» (*ὑγιής, ὑγιαίνειν*), прилагаемый къ ученію девять разъ въ этихъ посланіяхъ и еще нигдѣ болѣе ³⁾; употребленіе слова *δεσπότης* — «Господь» вмѣсто *Κύριος* ⁴⁾; употребленіе глагола *ἀρνεῖσθαι* «отрицать», вмѣсто отверженія истиннаго ученія; и *παραιτεῖσθαι* «избѣгать», изъ которыхъ послѣднее впрочемъ употреблено ап. Павломъ въ его рѣчи предъ Фестономъ, и которое равно какъ и *προσεχεῖν* съ дательнымъ падежомъ въ смыслѣ «ходить за кѣмъ», онъ, вѣроятно, усвоилъ во время бесѣды съ св. Лукой, которому свойственны оба эти слова ⁵⁾. Никто, намъ кажется, не будетъ серьезно озадаченъ этими необычными выраженіями и они не поколеблютъ нашего убѣжденія въ подлинности этихъ посланій, когда мы вспомнимъ, что нѣтъ ни одного посланія у ап. Павла, въ которомъ не было бы этихъ *ἀπαξ λεγόμενα* или изолированныхъ выраженій. Критики, тщательно изслѣдовавшіе сравнительную терминологию новозавѣтнаго писанія, говорятъ намъ, что въ посланіи къ Римлянамъ не менѣе 111 своеобразныхъ терминовъ, 186 во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ, 57 въ посланіи къ Галатамъ и 54 въ посланіи къ филиппійцамъ, 6 даже въ такомъ короткомъ письмѣ, какъ посланіе къ Филимону. Отнюдь поэтому неудивительно, что ихъ встрѣчается 74 въ первомъ посланіи къ Тимофею, 67 во второмъ и 13 въ посланіи къ Титу. Еще менѣе мы удивимся, когда изслѣдуемъ ихъ. Нужно помнить, что ап. Павелъ былъ главнымъ творцемъ богословскаго языка. Въ пастырскихъ посланіяхъ онъ имѣетъ дѣло съ новыми обстоятельствами, а новыя обстоятельства неизбежно должны были вызвать новыя термины. Всякій, кто прочтетъ списокъ необычныхъ выраженій въ посланіи къ Тимофею, сразу увидитъ, что огромное большинство ихъ прямо находится въ связи съ новой формой заблужденія, съ которой въ послѣднее время приходилось имѣть дѣло ап. Павлу. Люди, одаренные живою силою воображенія, чрезвычайно склонны усваивать новыя фразы, воплощающія ихъ собственныя мысли и убѣжденія, и эти фразы часто встрѣчаются въ различные періоды ихъ жизни и варьируются время отъ времени ⁶⁾. Это простой фактъ психологическаго наблюденія, и онъ совершенно достаточно объяс-

¹⁾ 1 Тим. I, 15; III, 1; IV, 9; 2 Тим. II, 11; Тит. III, 8.

²⁾ 1 Тим. II, 2; III, 16; IV, 7; VI, 11; 2 Тим. III, 5, 12; Тит. I, 1; II, 12. Пфлейдереръ высказываетъ мнѣніе, что слово *εὐσεβεια* можетъ быть принимаемо, какъ основная идея христіанской благочестивой жизни, такъ какъ слово „вѣра“ постепенно получило болѣе внѣшнее значеніе.

³⁾ 1 Тим. I, 10; VI, 3, 4; 2 Тим. I, 13; IV, 3; Тит. I, 9, 13; II, 1, 8. *ὑγιαινειν* и *σοφειν*, какъ естественная антитеза, прилагаются къ ложному ученію.

⁴⁾ 1 Тим. VI, 1, 2; 2 Тим. II, 21; Тит. II, 9.

⁵⁾ Alford, l. c. Не зависитъ-ли употребленіе слова *δεσπότης*, вмѣсто *Κύριος*, отъ литературнаго неудобства, которое постепенно возникло вслѣдствіе того обстоятельства, что послѣднее слово стало болѣе и болѣе употребляться въ качествѣ титула Господа Иисуса Христа?

⁶⁾ Я убѣжденъ, что тюбингенскимъ методомъ, въ его приложеніи къ сочиненіямъ Карлейля (напримѣръ) или Рускина, самымъ очевиднымъ образомъ можно бы доказать, что нѣкоторые изъ ихъ сочиненій подложны: а) вслѣдствіе ихъ сходства и б) вслѣдствіе ихъ несходства съ другими ихъ сочиненіями. Но Альфордъ удачно говоритъ: „въ свѣжемъ и сильномъ стилѣ всегда будутъ, такъ сказать, размахи за строгіе предѣлы привычки, какіе только можно назначить; и о нихъ нужно судить не по ихъ простой численности, но по тому, находится-ли ихъ субъективный характеръ въ согласіи или нѣтъ съ извѣстными особенностями даннаго писателя“ (Test. III, 54).

няютъ упомянутыя нами выраженія и многія другія. Трудно представить себѣ устойчивость языка въ періодъ его созданія, и мы никогда не должны забывать, что ап. Павелъ самъ долженъ былъ находить правильное и естественное выраженіе для идей, которыя были еще крайне мало извѣстны. Съ каждымъ годомъ долженъ былъ увеличиваться его словарь, который на первыхъ порахъ былъ болѣе или менѣе условный, и жатва новыхъ выраженій всегда должна была быть наиболѣе богатою, гдѣ истины уже знакомыя приходили въ столкновение съ совершенно новыми ересями. Списокъ новыхъ словъ въ примѣчаніи ¹⁾ показываетъ, что всѣ они зависятъ не отъ различія авторства, но отъ требованій времени.

3. Гораздо болѣе серьезнымъ — если даже не роковымъ — было бы возраженіе противъ подлинности этихъ посланій, если бы могло быть доказано, что богословіе ихъ отличается отъ богословія ап. Павла. Но немного нужно изслѣдованія, чтобы показать, что въ нихъ нѣтъ такого противорѣчія — нѣтъ ничего, что шло бы дальше различнаго выраженія истинъ, которыя дополняютъ, но не противорѣчатъ одна другой. Нѣкоторыя притомъ изъ предполагаемыхъ разногласій слишкомъ тонки, чтобы даже уловить ихъ. Если христіанство называется «ученіемъ» и «здравымъ ученіемъ» ²⁾; если слово «вѣра» приобрѣло болѣе объективное значеніе, такъ что иногда почти означаетъ сумму истинъ, противоположныхъ ереси ³⁾; если названіе «Спаситель» — рѣдкое у ап. Павла — прилагается къ Богу, а не ко Христу ⁴⁾; если «палингенесія» (возрожденіе) встрѣчается только въ посланіи къ Титу ⁵⁾; то все это — особенности языка, но не разногласіе въ богословіи. Въ этихъ посланіяхъ господствуетъ практическая тенденція; — то же самое, отвѣтимъ мы, и во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла. Авторъ ихъ постоянно настаиваетъ на значеніи и важности добрыхъ дѣлъ ⁶⁾; — но можно ли назвать это «утилитаризмомъ и религіознымъ эвдемонизмомъ» и рѣшительно пізистическимъ разжиженіемъ ученія ап. Павла? Не настаиваетъ ли на нихъ апостолъ даже въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ, хотя тамъ онъ развиваетъ теорію, а здѣсь завѣдомо занимается нравственными наставленіями? Можетъ ли кто нибудь доказать, что ап. Павелъ — въ этихъ ли посланіяхъ или въ другихъ — держался какого-либо другаго взгляда на добрыя дѣла, а не того, что они хотя и маловажны для достиженія спасенія, но нравственно необходимы? ⁷⁾ Дальнѣйшее возраженіе Де-Ветте, что ап. Павелъ здѣсь дѣлаетъ апологію закона (1 Тим. I, 8), но его попытка провести тонкое различіе между универсальностью этихъ посланій и другихъ посланій ап. Павла не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Методъ и цѣль ап. Павла здѣсь совершенно отличны отъ метода и цѣли его посланій къ церквамъ, состоявшимъ изъ разнородныхъ и часто враждебныхъ элементовъ; но можно утверждать, не боясь противорѣчія, что въ виду не-теоретическаго обсужденія предметовъ,

¹⁾ Γενεολογίαι, 1 Тим. I, 4, Тит. III, 9; καταλόγος, 1 Тим. I, 6, Тит. I, 10; κενοφωνίαι 1 Тим. VI, 20, 2 Тим. II, 16; λογομαχίαι, παραθήκη, βέβηλος, ἀστοχεῖν, τυφοῦσθαι и пр.

²⁾ 1 Тим. I, 10; VI, 1.

³⁾ 1 Тим. I, 19; II, 7; III, 9; IV, 1—6; VI, 10, 21. *Pfleiderer*, Paulinism. II, 201,

⁴⁾ Пфлейдереръ говоритъ, что въ Тит. II, 13 Христосъ называется „нашимъ великимъ Богомъ и Спасителемъ“ и что „это идетъ дальше всей прежней христологіи ап. Павла“. Но не можетъ быть сомнѣнія, что фраза эта въ этомъ мѣстѣ прилагается къ Богу, какъ и въ 1 Тим. I, 1; II, 3; IV, 10; Тит. I, 3; II, 10. Употребленіе здѣсь слова *Σωτήρ* не составляетъ сильнаго грамматическаго возраженія.

⁵⁾ Тит. II, 5.

⁶⁾ *Baur*, Paul. II, 106; *De Wette*, Pastoralbr. 117, с.; *Pfleiderer*, Paulinism. 210; *Reuss*, Les Epîtres, II, 314.

⁷⁾ Рим. II, 6—10; XIII, 3; Гал. V, 6 и проч.; Ефес. II, 8—10 и проч.

которых онъ касается здѣсь, и того факта, что онъ пишетъ друзьямъ и ученикамъ, уже совершенно убѣдившимся въ главныхъ истинахъ его богословія,—въ этихъ посланіяхъ нѣтъ ни одного слова, которое бы противорѣчило или серьезно отступало отъ основныхъ идей ап. Павла. Даже Бауръ—добросовѣстный при всѣхъ его чрезчуръ критическихъ предразсудкахъ—видитъ въ нихъ «несомнѣнное нѣчто, свойственное специфической Павловой доктринѣ съ преобладающей практической тенденціей», «приложеніе содержанія христіанской доктрины къ различнымъ обстоятельствамъ практической жизни»¹⁾.

4. Однако же пастырскія посланія подвергались наиболѣе серьезнымъ нападеніямъ не на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Изложенныя соображенія, которыя, какъ мы видѣли, оказываются несостоятельными, въ дѣйствительности обязаны своимъ происхожденіемъ произвольнымъ выводамъ; а нападенія на подлинность этихъ посланій главнымъ образомъ возникли вслѣдствіе мнѣнія, что это «тенденціозныя сочиненія», имѣвшія въ виду служить двойной цѣли возвеличенія церковной организаціи и скрытаго нападенія на гностицизмъ, который получилъ распространеніе только уже долго спустя послѣ времени апостола. Эти два предмета отнюдь не находятся въ разединеніи. Гностики, какъ первые еретики въ собственномъ смыслѣ этого слова, будто бы впервые дали поводъ къ епископской организаціи церкви; и если бы въ это время не было такихъ еретиковъ, то эти церковныя установленія будто бы не имѣли бы никакого историческаго повода или связи! Мы исследовали самыя сильныя и самыя полныя изъ этихъ возраженій и попытаемся изложить основанія, почему они кажутся намъ совершенно безосновательными. Мы вполнѣ допускаемъ, что въ этихъ посланіяхъ есть нѣкоторыя замѣчательныя особенности; мы не отрицаемъ, что они представляютъ нѣкоторыя трудности, для которыхъ мы не можемъ представить вполнѣ удовлетворительнаго объясненія; мы не можемъ идти такъ далеко, чтобы говорить, что возраженія, дѣлаемыя противъ нихъ, «несостоятельны даже на столько, чтобы возбудить хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ ихъ подлинности»; но вслѣдствіе этого именно мы можемъ сказать съ полнѣйшею искренностью, что каковы бы ни были второстепенныя недоумѣнія и сомнѣнія, главные аргументы тѣхъ, кто отвергаетъ эти посланія—не обращая вниманія даже на внѣшнія свидѣтельства и внутреннія доказательства въ ихъ пользу—были совершенно добросовѣстно ввѣшены и опровергнуты по всей линіи.

а) Разсмотримъ сначала вопросъ о церковной организаціи. Здѣсь мы сразу же встрѣчаемся съ предварительнымъ и основнымъ возраженіемъ Баура, что въ посланіяхъ, дающихъ намъ вѣрнѣйшій образецъ началъ ап. Павла, онъ нигдѣ не выдаетъ ни малѣйшаго интереса въ отношеніи церковныхъ учрежденій, ни даже тамъ, гдѣ они повидимому прямо подходили къ его предмету; и что этотъ недостатокъ интереса въ такомъ предметѣ не просто случайный, но глубоко лежитъ въ основѣ всего духа и характера Павлова христіанства.

Но это возраженіе ни на одну минуту не выдерживаетъ критики. Къ подробностямъ церковныхъ учрежденій, какъ вызывавшихся простыми партійными спорами, ап. Павелъ могъ и не чувствовать интереса; и ко всякому возвышенію человѣческихъ служителей онъ могъ даже относиться съ неодобреніемъ. Но говорить, что онъ считалъ излишнимъ давать указанія касательно организаціи нарождающихся церквей и былъ совершенно равнодушенъ къ обязанностямъ и качествамъ священнослужителей, было бы несомнѣнно ложно. Этому прямо противорѣчатъ историческіе факты. Его

¹⁾ Paul. II, 107. По взгляду нѣкоторыхъ враждебныхъ критиковъ азійскія посланія (Ефес. и Кол.) принадлежатъ Павлу, но имѣютъ чуждыя ап. Павлу вставки; пастырскія же посланія не принадлежатъ Павлу, хотя и имѣютъ Павлово содержаніе.

путешествія съ цѣлью утвержденія церковей, его торжественное назначеніе пресвитеровъ съ молитвами и пощеніемъ во время самаго перваго его миссіонерскаго путешествія ¹⁾ и призывъ ихъ Ефесскихъ пастырей, чтобы они могли получить отъ него его послѣдній совѣтъ и проститься съ ними, — однихъ этихъ фактовъ было бы достаточно для доказательства того, что такіе предметы занимали, да и необходимо должны были занимать значительную часть его вниманія. Можно ли предполагать, что онъ не далъ никакихъ пастырскихъ наставленій Тимоѳею, когда онъ посылалъ его къ церквамъ Македоніи, или Титу, когда онъ назначилъ его какбы уполномоченнымъ для улаженія безпорядковъ въ церкви Коринтской?

Правда, что лже-кLEMENTИНЫ, апостольскія постановленія, нѣкоторыя части посланій св. Игнатія и, по всей вѣроятности, другія раннія сочиненія были составлены съ видимою цѣлью дать раннюю и болѣе возвышенную санкцію позднѣйшему церковному развитію и, главнѣе всего, предполагаемому приматству Рима. Но можетъ ли быть что болѣе несходнаго съ такимъ развитіемъ, чѣмъ совершенно простыя правила и установленія пастырскихъ посланій? При быстромъ возрастаніи христіанской церкви и вмѣстѣ возрастаніи заблужденія, установленіе дисциплины и управленія почти съ самаго начала должно было сдѣлаться предметомъ настоятельной нужды. Даже въ посланіяхъ къ Коринтіанамъ и Римлянамъ мы находимъ термины, которые указываютъ на существованіе діаконовъ, діакоניссъ, учителей, пророковъ, апостоловъ, начальниковъ, надзирателей, пресвитеровъ и евангелистовъ. Сравненіе указанныхъ мѣстъ покажетъ, что всѣ эти названія, за исключеніемъ перваго ²⁾, употреблялись неопредѣленно и до извѣстной степени даже синонимически или только въ смыслѣ обозначенія различныхъ сторонъ одной и той же должности ³⁾. Если возложеніе рукъ упоминается въ посланіяхъ къ Тимоѳею, то о немъ упоминается и въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ ⁴⁾. Мнѣніе, что формальное исповѣданіе вѣры требовалось при рукоположеніи, такъ мало вытекаетъ изъ 2 Тим. 1, 13, что самый слѣдующій стихъ съ достаточностью опровергаетъ такое мнѣніе. Если бы пастырскія посланія содержали ясную защиту епископальной системы втораго столѣтія, то это можно бы считать достаточнымъ доказательствомъ ихъ неподлинности; но полное отсутствіе чего нибудь такого есть одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ, что они принадлежатъ апостольскому вѣку. Епископъ и пресвитеръ все еще синонимныя названія, какъ и вездѣ въ Новомъ Завѣтѣ ⁵⁾. Если *ἐπίσκοπος* «надзиратель» или «епископъ» употреблено въ единственномъ числѣ, то это отчасти случайность языка въ общемъ родовомъ употребленіи греческаго члена и отчасти зависитъ отъ самой сущности дѣла вообще, какъ переходной ступени къ окончательному значенію этого слова, — такъ какъ даже въ пресвитерствѣ неизбѣжно какой-нибудь одинъ пресвитеръ долженъ былъ стоять во главѣ. Тимоѳею и Титу исполняютъ обязанности, которыя теперь

¹⁾ Дѣян. xiv, 23.

²⁾ 1 Кор. xii, 28; xvi, 15; Рим. xii, 7; xvi, 1; Филип. i, 1; 1 Тесс. v, 12; Ефес. iv, 11; Дѣян. xx, 17, 28.

³⁾ До извѣстной степени однакоже епископы, пресвитеры, діаконы, въ отношеніи своей должности, соответствовали *шемаху, рошъ га-кенессеу хаазану* синагоги.

⁴⁾ 1 Тим. iv, 14; 5, 22; Дѣян. vi, 6; viii, 17.

⁵⁾ Такъ въ 1 Тим. iii ап. Павелъ сразу переходитъ отъ «епископовъ» (1—7) къ «діаконамъ» (8—13), и затѣмъ говоритъ о тѣхъ же самыхъ епископахъ какъ «пресвитерахъ», и въ Тит. i, 5—7 отождествленіе безспорно. Извѣстно, что епископы и пресвитеры въ Новомъ Завѣтѣ не разграничиваются (Дѣян. xx, 17—28, Филип. i, 1, 1 Петр. v, 2). Фактъ этотъ былъ вполне извѣстенъ отцамъ, *οἱ πρεσβύτεροι τὸ καλαὶὸν ἀκαλοῦντο ἐπίσκοποι .. καὶ οἱ ἐπίσκοποι πρεσβύτεροι* (Злат. на Филип. i, 1; Иерон. на Тит. i, 5). Болѣе замѣтное отличіе между этими двумя названіями впервые встрѣчается у св. Игнатія ad. Polyc. 6.

можно назвать епископскими; но они не называются «епископами»; ихъ обязанности временны и они дѣйствуютъ только въ качествѣ авторитетныхъ уполномоченныхъ апостола язычников¹⁾. Предъявляемыя къ нимъ требованія имѣютъ почти исключительно нравственный характеръ. Даваемые имъ указанія имѣютъ также «нравственный, а не іерархическій характеръ». И однако же критики утверждаютъ, что одною изъ главныхъ цѣлей перваго посланія къ Тимоѳею было «установить главенство епископовъ надъ пресвитерами»²⁾. Болѣе произвольнаго мнѣнія едва ли можно высказать. Пусть всякій обратится отъ этого посланія къ посланіямъ св. Игнатія³⁾, гдѣ онъ прочтетъ: «оказывайте почтеніе епископу, дабы и Богъ также почтилъ васъ»; къ лже-Игнатію⁴⁾, который говоритъ, что «тотъ, кто дѣлаетъ что нибудь безъ вѣдома епископа, служитъ діаволу»; къ лже-кLEMENTинамъ, которыя говорятъ, что «епископъ занимаетъ мѣсто Христа и долженъ быть почитаемъ какъ образъ Божій»⁵⁾; и онъ увидитъ, какой вопіющій анахронизмъ представляетъ собою предположеніе, что оно написано было въ срединѣ втораго столѣтія для противодѣйствія маркіонитамъ, и до какой степени отличенъ мягкій и естественный авторитетъ, который апостолъ приписываетъ епископамъ, отъ гнета того неотвѣтственного авторитета, которому писатели втораго столѣтія охотно предавали свою христіанскую свободу и который нашелъ въ послѣдствіи свое полное и окончательное выраженіе въ системѣ «непогрѣшимаго» папства.

Относящіяся сюда меньшія возраженія мы рассмотримъ, когда перейдемъ къ тѣмъ самымъ мѣстамъ, къ которымъ они относятся и гдѣ особенно находится трудное выраженіе, въ которомъ церковь видимо называется «столпомъ и утвержденіемъ истины»⁶⁾. Но другимъ основаніемъ для возраженія служатъ правила касательно вдовъ, которыя, какъ утверждаетъ Бауръ, «могутъ быть съ успѣхомъ объяснены только изъ церковнаго словаря втораго столѣтія», гдѣ терминъ *χήρας* прилагается къ классу, состоявшему не только изъ овдовѣвшихъ лицъ, но даже изъ молодыхъ дѣвицъ⁷⁾. Что такого употребленія этого слова еще не было во время апостола, это можно вполне допустить; но если въ указываемомъ мѣстѣ нѣтъ ни одного факта, который дѣлаетъ его необходимымъ, то возраженіе это падаетъ само собою. Единственный аргументъ Баура заключается въ томъ, что если *χήρας* дѣйствительно вдовы, то апостолъ даетъ два прямо противорѣчивыхъ постановленія касательно ихъ, побуждая болѣе юныхъ вдовъ выходить замужъ опять (1 Тим. v, 11—14) и въ тоже время постановляя, что второй бракъ долженъ, въ случаѣ, если бы онѣ опять сдѣлались вдовами, лишать ихъ права на содержаніе отъ церкви. Но гдѣ же противорѣчіе? Изъ Дѣяній Апостольскихъ мы знаемъ, что церковь продолжала держаться милосерднаго и полезнаго (принятаго ею отъ синагоги) обычая содержать

¹⁾ 1 Тим. i, 3; iii, 14; 2 Тим. iv, 9, 21; Тит. i, 5; iii, 12.

²⁾ *Pfleiderer*, Paulinism. II, 205. Однакоже онъ допускаетъ (стр. 203), что во второмъ посланіи замѣчанія, обращенныя къ Тимоѳею, «весьма далеки отъ позднѣйшихъ воззрѣній на положеніе епископа», и что даже въ первомъ посланіи «различіе между епископами и пресвитерами не имѣетъ еще установившагося характера какъ различныхъ должностей».

³⁾ *Ad Polyc.* 6. Если болѣе короткая форма семи посланій Игнатія подлинна, то они показываютъ, что даже вначалѣ втораго столѣтія церковное развитіе пошло гораздо дальше пастырскихъ посланій, что и доказываетъ подлинность послѣднихъ.

⁴⁾ *Ad Smyrn.* 9.

⁵⁾ *Clem.* Ром. iii, 62, 66, 70. Эти и другія цитаты см. въ трактатѣ Лайтфута о христіанскомъ священнослуженіи (*Philippians*, p. 209, seqq.).

⁶⁾ 1 Тим. iii, 15.

⁷⁾ τὰς παρθένους τὰς λεγόμενας χήρας (*Ign. ad Smyrn.* 13). Подлинность этого мѣста далеко недостоверна.

тѣхъ вдовъ, которыя, вслѣдствіе особенныхъ условій восточнаго и древняго общества, были наиболѣе бѣдными членами и безпомощное положеніе которыхъ вызывало особенное сожалѣніе. Но вполне естественно, что каждая церковь должна была попытаться, насколько возможно утилизировать это учрежденіе, и что сами вдовы должны были желать оказывать какую-нибудь услугу собратьямъ, которымъ они были обязаны своими средствами къ жизни. Отсюда «вдовы» стали особо признанною степеню и приобрѣли полупереховное положеніе. Въ эту степень ап. Павелъ мудро запрещаетъ допускать вдовъ, которыя находятся еще въ возрастѣ, дающемъ имъ возможность опять вступать въ бракъ. О женскомъ характерѣ вообще онъ обыкновенно говоритъ не въ очень высокихъ терминахъ и въ этомъ отношеніи онъ поступаетъ лишь подобно большинству древнихъ писателей, хотя въ то же время, вопреки окружающимъ условіямъ общества, видитъ нравственное возвышеніе всего этого пола во Христѣ. Онъ считалъ почти неизбѣжнымъ, чтобы религіозныя обязанности «класса вдовъ», хотя и заключающія въ себѣ нѣчто въ родѣ освященія целибата для остальной ихъ жизни, никогда не могли служить достаточнымъ препятствіемъ для ихъ желанія вновь вступить въ бракъ; и онъ думалъ, что нравственное вырожденіе и внѣшній соблазнъ послѣдовали бы за вторженіемъ такихъ мотивовъ въ исполненіе священныя обязанности. Тутъ нѣтъ противорѣчій, и нѣтъ ни тѣни доказательства въ пользу того, чтобы въ языкѣ этого посланія разумѣлось какое-либо отождествленіе вдовъ съ классомъ дѣвственницъ или юныхъ монахинь ¹⁾).

б) Теперь мы переходимъ къ послѣднему возраженію, самому сильному и самому настойчивому, равно какъ и самому раннему. Подложность пастырскихъ посланій главнымъ образомъ доказывается на томъ основаніи, что они указываютъ на существованіе гностицизма, который воплилъ развился только послѣ смерти ап. Павла. Но едва ли когда теорія строилась на болѣе неустойчивомъ основаніи ²⁾. Одно слово *антитезисъ* въ 1 Тим. vi, 20 кажется Бауру яснымъ доказательствомъ, что первое посланіе къ Тимофею есть прикровенная полемика противъ Маркіона въ половинѣ втораго столѣтія. На такую столь необычайную гипотезу болѣе чѣмъ достаточно отвѣтить, что еретическія тенденціи этихъ лжеучителей имѣли явно іудейскій характеръ, между тѣмъ какъ нѣтъ ни одной гностической системы, которая бы не считала іудейство или несовершеннымъ или пагубнымъ. Возраженія этого рода можно считать только фантастическими, пока не будетъ представлено какое нибудь доказательство того, что 1) зародыши гностицизма не существовали въ апостольскій вѣкъ и что 2) фразы гностицизма не были заимствованы изъ Новаго Завѣта или фразы Новаго Завѣта изъ гностическихъ системъ. Зная же въ дѣйствительности, что слово «Эонъ» заимствовано такимъ образомъ Валентиномъ ³⁾ и что «гносисъ» начиналъ уже приобретать техническое значеніе уже въ то время, когда ап. Павелъ писалъ свое посланіе къ Коринѳянамъ ⁴⁾, мы видимъ, что съ одной стороны гностическіе термины не составляютъ доказательства намека на гностическія ученія, и съ другой стороны, что гностическія тенденціи въ неразвитомъ состояніи существовали съ самой ранней эпохи христіанской церкви. Гораздо вѣрнѣе было бы сказать, что отсутствіе чего-нибудь похо-

¹⁾ 1 Кор. xiv, 34; 1 Тим. ii, 12—14; 2 Тим. iii, 6 и проч.

²⁾ Повидимому, употребленіе слова *ἐτεροδιδασκαλεῖν* въ 1 Тим. i, 3 въ сравненіи съ *ἐτεροδόξαλος* у Егезиппа впервые дало поводъ Шлейермахеру сомнѣваться въ подлинности перваго посланія.

³⁾ Ипполитъ (R. H. vi, 20) сообщаетъ, что Валентинъ далъ названіе зонамъ эманациямъ, которыя Симонъ волхвъ называлъ корнями.

⁴⁾ 1 Кор. vii, 1. Прилагательное «гностическій» приписывается офитамъ или Карпократу (Jren. Haeg. i, 25; Euseb. H. E. iv, 7, 9).

жаго на опредѣленный намекъ, на дѣйствительно характеристическіе элементы маркіонитскаго или валентиніанскаго ученія есть рѣшительное доказательство, что эти посланія относятся къ гораздо болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ говорить, что они составляютъ попытку воспользоваться великимъ именемъ Павла для опроверженія этихъ тонкихъ ересей. Въ посланіи къ Колоссянамъ ап. Павелъ формально имѣлъ дѣло съ мнимой философіею и высокоумной прозорливостію, зарождающимся дуализмомъ, безосновательной ангелологіею и крайнимъ аскетизмомъ мѣстныхъ еретиковъ, теософическія измышленія которыхъ уже получили значительную распространенность ¹⁾. Въ этихъ посланіяхъ онъ лишь слегка касается ихъ, потому что въ частныхъ письмахъ къ возлюбленнымъ сотрудникамъ не было надобности входить въ прямую полемику съ этими ложными доктринами. Но онъ намекаетъ на эти элементы съ явнымъ указаніемъ, что они іудейскаго происхожденія. Валентинъ отвергалъ Моисеевъ законъ; Маркіонъ былъ антиномистъ; но эти ефесскіе и критскіе учителя, хотя ихъ дуализмъ явно выступаетъ въ ихъ аскетическомъ неодобреніи брака, въ отрицаніи воскресенія и въ ихъ безконечныхъ «генеалогіяхъ» и мнагахъ ²⁾, не только сами были іудеи, но и свои измышленія и умозрѣнія основывали на Моисеевомъ законѣ ³⁾. Въ дѣлѣ съ этими послѣдними ап. Павелъ далеко оставилъ позади себя эпоху своей борьбы съ фарисейскими обрядниками Іерусалима. Мысль движется съ сильною быстротой; въ эпоху сильнаго религіознаго возбужденія системы развиваются въ постоянно разнообразящіяся комбинаціи въ изумительно короткое пространство времени, и такъ какъ зарождающійся гностицизмъ апостольскаго вѣка обнаруживаетъ многіе изъ элементовъ, которые впоследствии вполне созрѣли при позднѣйшемъ развитіи, то это уже показываетъ опасную наклонность безпокойнаго умозрѣнія къ вырожденію въ нечестивую гордость и чрезмѣрнаго аскетизма къ сочетанію съ нетерпимой распушенностію ⁴⁾. Эти умозрѣнія и наклонности принадлежатъ не одной только какой нибудь странѣ и не одному какому нибудь вѣку. Системы и идеи, близко родственныя съ гностицизмомъ, находятся въ религіяхъ и философскихъ системахъ Греціи, Персіи, Индіи, Китая, Египта, Финикіи; онѣ находятся у Платона, Зороастра, въ Ведахъ, въ писаніяхъ буддистовъ, у Филона, въ неоплатонизмѣ и въ іудейской каббалѣ. Во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ онѣ производили тѣ же самыя умственные комбинаціи и тѣ же самыя нравственные результаты. Писатель втораго столѣтія никоимъ образомъ не могъ задаться цѣлію написать подложное сочиненіе, которое въ его время имѣло бы слишкомъ неопредѣленный характеръ, чтобы получить какое нибудь полемическое значеніе ⁵⁾. Съ другой стороны, апостолъ 65 или 66 года, знакомый съ ессейскими и восточными воззрѣніями, современникъ Симона волхва, пресловутаго основателя всякаго гностицизма, и Керинеа, его первѣйшаго ересеарха, могъ имѣть полное основаніе, даже помимо божественнаго руководства и пророческаго вдохновенія, предостерегать своихъ учениковъ,

¹⁾ См. Колос. 1, 16—17; II, 8, 18 и Mansel, The Gnostic Heresies, p. 54.

²⁾ 1 Тим. I, 4; IV, 4; 2 Тим. II, 18.

³⁾ 1 Тим. I, 7; Тит I, 10, 14; III, 9.

⁴⁾ 1 Тим. I, 7, 19; IV, 2; 2 Тим. II, 17; III, 1—7; Тит. I, 11, 15, 16.

⁵⁾ Неопредѣленность эта все еще зависитъ отъ неустановившихся особенностей еретическаго ученія. Указываемый здѣсь „гностицизмъ“ различными критиками отождествлялся съ каббализмомъ (Баумгартенъ), съ фарисействомъ (Визингеръ), съ ессействомъ (Мангольдъ), съ маркіонизмомъ (Бауръ). Но будемъ ли мы разсматривать гностицизмъ какъ богословское умозрѣніе (Гизелеръ), или аристократическую и исключительную философію религіи (Неандеръ), или аллегорическій дуализмъ (Бауръ), если „еще трудна задача уловить среди такой массы неопредѣленныхъ, туманныхъ, просто неясныхъ и только отчасти истинныхъ положеній тѣ пункты, которые даютъ ясное понятіе о немъ“, то очевидно было бы напрасно говорить, что его духъ въ своемъ неразвитомъ состояніи не могъ существовать во дни апостоловъ.

которымъ онъ поручалъ заботу и устройство его церквей, противъ тенденцій, которыя уже начали обнаруживать опасную дѣятельность и производить опасное обаяніе. Если тамъ едва ли есть хотя одно предостереженіе, которое не могло бы быть приложеннымъ къ позднѣйшимъ гностикамъ, то одинаково вѣрно и то, что тамъ нѣтъ ни одного предостереженія, которое одинаково не могло бы быть приложеннымъ къ заблужденіямъ, явственно обличаемымъ въ посланіяхъ къ Филиппійцамъ, Коринѳянамъ и Колоссянамъ, равно какъ въ соборныхъ посланіяхъ къ церквамъ апостоловъ Петра, Іуды и Іоанна ¹⁾. Греческія тонкости, восточное воображеніе, іудейскій мистицизмъ—однимъ словомъ присущее любопытство и присущій манихейзмъ невосрожденной человѣческой природы—стали съ самаго начала, подобно раку, разѣдать развертывающійся бутонъ христіанской вѣры.

Всякій, кто пожелалъ бы познакомиться со всевозможными доводами, какіе только можно привести противъ принадлежности этихъ посланій ап. Павлу, можетъ найти ихъ всѣ у Давидсона въ послѣднихъ изданіяхъ его «Введеніи къ изученію Новаго Завѣта» ²⁾. Отвѣчать на нихъ пунктъ за пунктомъ было бы скучнымъ дѣломъ, такъ какъ многіе изъ нихъ чрезвычайно мелочны ³⁾; да это и не могло бы быть убѣдительнымъ, такъ какъ критики порѣшаютъ этотъ вопросъ на болѣе широкихъ и общихъ началахъ, которыя только что изслѣдованы нами. Но чтобы выразить сущность дѣла, мы скажемъ, что хотя и не можемъ быть абсолютно увѣрены въ подлинности этихъ посланій, какъ мы увѣрены въ подлинности раннихъ посланій, однако же едвали для принятія ихъ подлинности останется хотя одно затрудненіе, если мы будемъ имѣть въ виду слѣдующія соображенія: 1) Въ такія времена, какъ періодъ ранняго христіанства, системы развиваются и учрежденія организуются съ необычайною быстротою. 2) Эти посланія были написаны не съ цѣлью входить въ прямую полемику, но съ цѣлью руководить общимъ поведеніемъ тѣхъ, на которыхъ лежала эта особенность и которые были уже вполне знакомы съ установившеюся суммою истинъ, составлявшихъ основу апостольскаго ученія. 3) Они изобилуютъ необычными выраженіями, потому что новыя формы заблужденія требовали новаго способа изложенія истины. 4) Единство ихъ менѣе замѣтно и стиль ихъ менѣе логиченъ потому, что они представляютъ собою частныя и неформальныя письма наставника, писанныя во время упадка жизненныхъ силъ, когда жизнь его быстро приближалась къ предѣлу, за которымъ прекращалась всякая земная полемика. Въ виду того, что въ значительной степени ихъ фразеологія, ихъ основное ученіе, ихъ достоинство и святость тона, равно какъ ихъ нѣжность и вѣстѣ суровость, ихъ отступленія, построеніе и личный характеръ ихъ стиля совершенно свойственны ап. Павлу, то подлинность двухъ изъ нихъ мы можемъ принимать съ абсолютнымъ убѣжденіемъ, а третье—первое посланіе къ Тимоею, которое болѣе другихъ подвергается сомнѣнію,—по крайней мѣрѣ съ сильною вѣрою, что, читая его, мы читаемъ слова величайшаго изъ апостоловъ ⁴⁾.

¹⁾ Филип. III, 18; 1 Кор. XV.

²⁾ Том. II, стр. 137—195.

³⁾ Мы однако же касаемся нѣкоторыхъ изъ нихъ при отдѣльномъ разсмотрѣніи этихъ посланій. Указывалось на то, что Палей пользуется разнорѣчіями между дѣяніями Апостольскими и этими посланіями, въ доказательство ихъ независимости, и сходствомъ для установленія ихъ правдивости. Съ достовѣрностію однако же можно сказать, что Тюбингенская школа приводитъ несвойственныя Павлу выраженія для доказательства не подлинности, а Павловы выраженія для доказательства подложности.

⁴⁾ Даже Устери, Люкке, Неандеръ и Блеекъ не убѣждены въ подлинности перваго посланія. Отто, Визелеръ и Рейссъ сказали все, что можно сказать въ пользу единичнаго тюремнаго заключенія; но при предположеніи, что пастырскія посланія подлинны, такая теорія возбуждаетъ

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVIII.

Хронологія жизни и посланій ап. Павла.

Для подробнаго изслѣдованія хронологіи этого періода потребовалась бы отдѣльная книга, и хотя теперь увеличивается возможность соглашенія по этому предмету, однакоже соглашеніе не идетъ дальше приблизительныхъ цифръ. Такъ какъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ и въ посланіяхъ мало опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, то систему лѣтосчисленія приходится составлять при помощи вычисленій взадъ или впередъ (на основаніи часто весьма неопредѣленныхъ данныхъ) отъ тѣхъ немногихъ событій, которыя въ свящ. повѣствованіи совпадаютъ съ какими-либо опредѣленными событіями гражданской исторіи. Эти данныя слѣдующія:

Смерть Ирода Агриппы I, въ 44 г. по Р. Хр.

Изгнаніе іудеевъ изъ Рима, въ 52 г. по Р. Хр.

Прибытіе Феста въ качествѣ прокуратора въ 60 г.

Нероново гоненіе въ 64 г.

Какъ сильно расходятся между собой системы, принятыя различными хронологами, можно видѣть изъ прилагаемой таблицы, составленной по Мейеру.

массу несообразностей. Убѣжденіе, къ которому я пришелъ, можетъ быть выражено такъ: если ап. Павелъ былъ преданъ смерти въ концѣ своего перваго тюремнаго заключенія, то пастырскія посланія навѣрно должны быть подложными. По есть сильнѣйшія данныя, доказывающія, что два изъ нихъ по крайней мѣрѣ подлины и есть большая вѣроятность въ пользу остального. Они поэтому даютъ намъ доказательства въ пользу ходячаго преданія, что судъ надъ нимъ, какъ онъ и ожидалъ, закончился оправданіемъ и что двухлѣтній періодъ еще прошелъ между его освобожденіемъ и его послѣдующимъ арестомъ, тюремнымъ заключеніемъ и смертью.

СОБЫТІЯ.	Мейеръ.	Евсевій.	Іеронимъ.	Пасхальная хроника.	Бароніи.	Петавій.	Ушеръ.	Шпангеймъ.	Пирсонъ.	Талльмонъ.
Вознесеніе Христа	31	33	32	31	32	31	33	33	33	33
Мученичество св. Стефана	33 или 34	...	...	Клавдій I	32	31	33	38?	34	33
Обращеніе ап. Павла	35	...	33	Клавдій II	34	33	35	40	35	34
Первое путешествіе ап. Павла въ Іеру- салимъ	38	...	...	Клавдій III	37	36	38	43	38	37
Прибытіе ап. Павла въ Антиохію . . .	43	...	...	Клавдій III	41	40	43	43?	42	43
Смерть св. Іакова	44	...	...	...	42	41	44	...	44	44
Голодь	44	41	44	...	42	42	44	44	44	44
Второе путешествіе ап. Павла въ Іеру- салимъ	44	...	...	46	42	41	44	44	44	44
Первое миссіонерское путешествіе ап. Павла	45 до 51	...	...	Клавдій V	44 до 47	42	45 до 46	...	44 до 47	44 до 46
Третье путешествіе ап. Павла въ Іеру- салимъ до апостольскаго собора . .	52	...	...	...	49	49	52	53	49	51
Ап. Павелъ начинаетъ второе миссіонер- ское путешествіе	52	...	...	...	49	49	53	...	50	51
Изгнаніе іудеевъ изъ Рима	52	...	49	...	49	49	54	...	52	49 до 52
Ап. Павелъ прибылъ въ Коринѣ . . .	53	...	...	...	50	50	54	54?	52	52
Четвертое путешествіе ап. Павла въ Іеру- салимъ (ал. Кесарію), и третье мис- сіонерское путешествіе	55	...	...	...	52	52	56	54?	54	54
Пребываніе ап. Павла въ Ефесѣ . . .	56 до 58	...	...	...	53 до 55	52 до 54	56 до 59	56 до 58	54 до 57	54 до 57
Пятое путешествіе ап. Павла въ Іеру- салимъ, и тюремное заключеніе . .	59	...	...	53 или 54	56	55	60	59	58	58
Отправка ап. Павла изъ Кесаріи въ Римъ.	61	55	57	При Неронѣ	56	56	62	60	60	60
Двухлѣтнее тюремное заключеніе ап. Пав- ла въ Римѣ	62 или 64	...	до Нерона IV	...	57 до 59	...	63 до 65	61 до 63	61 до 63	61 до 63

Басмач.	Бенгаль.	Михалев.	Эйгорь.	Евиль.	Евнер.	Де-Ветте.	Прадор.	Ольгаузан.	Ангра.	Сангемангъ и Идесер.	Визалер.	Эвалль.	Деллер.	Бордсворгъ.	Альфоргъ.
33	30	33	32	33	30?	...	35	33	31	29 Ид.	30	33	...	30	30
37	30	...	37	37 или 38	37?	...	35	...	37	...	39?	38	...	33	37
37	31	37?	37 или 38	40	38?	37 или 38	39	35	38	35 или 38	40	38	между 37 и 41	34	37
40	33	...	40 или 41	43	41	40 или 41	42	38	41	38 или 41	43	41	...	37	40
40	39	...	42	...	...	43 или 44	43	41	43 или 44 или 45?	...	44	44	...	43	41
44	42	ОКОЛО 44	44	43 или 44	44	44	44	...	43 или 44	...	44	44	...	...	44
42	44	44	44 до 45	44	44	...	...	...	44 или 45 или 46?	...	45	45 до 46	между 41 и 45	44	44
42	41 до 44	44	44	44	45	44 или 45	44	44	44 или 46?	44	45	45 до 46	...	44	44
45 до 47	45 до 46	...	45 ff.	...	...	...	44 до 46	до 49	до ОКОЛО 48	...	45 до 47	48 до 51	46 до 48	45	45
50	47	...	52	52	51	50 или 51	47	52	51	52	ОКОЛО 50	52	...	49 до 50	50
50	47	...	53	...	...	51 или 52	47	52	51	...	ОКОЛО 50	52	...	51	51
51	...	54?	54?	52	52	между 52 и 54	49	...	51 или 52	...	52	52	...	...	...
51	48	54?	ОКОЛО 54	52	52	52 или 53	49	53	52	...	52	53	...	53	53
53	49	...	56	...	54	53 или 54	51	55	54	56	54	55	54 или 55	54	54
53 до 55	50 до 52	...	57 до 59	...	55 до 57	54 или 55 ff.	51 ff.	56 и 57	54 до 57	...	54 до 57	до 58	55 до 57	54 до 57	55
56	53	60	60	57	58	58 или 59	59	60	58	60	58	59	58	58	58
59	55	62	62	59	60	60 или 61	61	62	60	62	60	61	60	61	61
60 до 62	56 до 58	63 до 65	63 до 65	60 до 62	61 до 63	62 или 64	62 до 64	63 до 65	61 до 63	63 до 65	61 до 64	62 до 64	62 до 64	61 до 63	61 до 63

Прилагаемъ еще особую таблицу, показывающую годы написанія Посланій, какъ они приняты въ этой книгѣ. Основанія для нихъ изложены in loco, но читатель пойметъ, что годы въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть опредѣлены только *приблизительно*.

Время написанія посланій.

ПОСЛАНІЕ	ГДѢ НАПИСАНО	КОГДА
1 Тессалоникійцамъ.	Въ Коринѣ.	52 по Р. Хр.
2 Тессалоникійцамъ.	Въ Коринѣ.	52.
1 Коринѣянамъ.	Въ Ефесѣ.	57.
2 Коринѣянамъ.	Въ Филиппахъ (?).	58 (въ началѣ).
Галатамъ.	Въ Коринѣ.	58.
Римлянамъ.	Въ Коринѣ.	58.
Филиппійцамъ.	Въ Римѣ.	61 или 62.
Колоссянамъ } Филимону }	Въ Римѣ.	63.
Ефессянамъ.	Въ Римѣ.	63.
1 Тимофею.	Въ Македоніи (?).	65 или 66.
Титу.	Въ Македоніи (?).	66.
2 Тимофею.	Въ Римѣ.	67.

Слѣдующая таблица показываетъ вѣроятное время главныхъ событій жизни ап. Павла въ сопоставленіи съ тѣми событіями гражданской исторіи, съ которыми они совпадаютъ по времени.

Таблица современныхъ правителей и пр.

	Императоры.	Прокураторы.	Легаты Сиріи.	Цари.	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
14	ТИВЕРІЙ					
25	(одинъ императ.).					
26	...	ПОНТІЙ ПИЛАТЪ.	...	...	Каиафа.	
29						
30						
31						
32	Удаляется въ Капрею.					
33						
34	Видѣнъ будто бы фениксы въ Египтѣ.	...	Вителлій.			
35						
36						

	Императоры.	Прокураторы.	Легаты Сири.	Цари	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
37	Калй (Калигула) (марта 16).	Марулъ (Ἰππάρχης).	...	...	Ионаанъ.	Мученичество св. Стефана.
38	...	...	...	...	Феофилъ.	
39	...	...	Петроній Турпилианъ.	Иродъ Агриппа I.	...	Первое посѣще- ніе Іерусалима. Въ Тарсѣ.
40	Приказываетъ по- ставить свою ста- тую въ храмѣ. По- сольство Филона.	...	...	...	...	
41	Клавдій (января 24).	...	...	...	Симонъ Кан- еера.	Въ Антиохіи.
42	Ученики называ- ются христіана- ми въ Антиохіи.	...	Виб Марсъ.	Иродъ Агриппа I. Расширенія владѣнія.	Матеія	
43	...	...	...	...	Эліоней, сынъ Канееры.	
44	Голодъ (I. Флав. Antt. xx, 5, § 2).	Куспій Фадъ.	Кассій Лонгинъ.	Смерть Иро- да Агриппы I.	...	Второе путеше- ствіе въ Іеруса- лимъ
45	...	...	...	...	Іосифъ Бенъ Камитъ.	Первое миссіо- нерское путеше- ствіе.
46	...	Тиверій Александръ.	...	...	Ананія, сынъ Неведея.	
47	...	...	...	...	...	
48	...	Вентидій Ку- манъ.	Умидій Квадратъ.	...	...	
49	Изгнаніе іудеевъ изъ Рима.	...	...	Агриппа II, царь Халки- ды	...	
50	Карактакъ отводит- ся въ Римъ.	...	...	...	...	
51	...	...	...	...	...	Третье посѣще- ніе Іерусалима и соборъ. Въ Ко- ринѣ. 1 и 2 Тессал.
52	...	...	...	Агриппа II, (Батанея и Трохонитъ).	Измаилъ Бенъ Фаби.	
53	...	Клавдій Фе- ликсъ.	...	...	...	Четвертое посѣ- щеніе Іерусали- ма.
54	Неронъ (13 окт.).	...	...	...	...	
55	Рожденіе Траяна.	...	...	...	...	
56	Судъ надъ Помпоні- ей Грециной (какъ христіанкой?).	...	...	...	...	Ап. Павелъ въ Ефесъ. 1 Коринѣ.
57	...	...	...	...	...	2 посл. къ Ко- ринѣ. Посланіе къ Галатамъ.
58	...	...	...	...	...	
59	Умерщвленіе Аг- риппины.	...	...	...	...	
60	...	Порцій Фестъ	Корбулонъ.	...	...	

	Императоры.	Прокураторы.	Легаты Сарин.	Цари.	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
61	Возстаніе Боадикен	...	...	...	Иосифъ Каби.	Въ Римѣ.
62	Смерть Бурра, Октавіи и Паллады. Неронъ женится на Поппеѣ.	Албинъ.	...	...	Ананъ.	Посланіе къ Филиппійцамъ.
63	Могущество Тигеллина.	...	...	...	Иисусъ, сынъ Дамнея.	Посланіе къ Колоссянамъ. Филимону и Ефесѣнамъ. Освобожденіе ап. Павла.
64	Большой пожаръ въ Римѣ. Гоненіе на христіанъ.	Гессій Флоръ	...	...	...	1 Посланіе къ Тимофею. Посланіе къ Титу.
65	Смерть Сенеки.					
66	Начало іудейской войны. Неронъ въ Греціи.	...	...	...	...	Второе посланіе къ Тимофею. Мученичество.
67	Осада Іотопаты.					
68	Самоубійство Нерона (іюнь). Гальба.	Веспасіанъ беретъ Іерихонъ.	...	...	...	

ПРИЛОЖЕНІЕ XXIX.

Свидѣтельства преданія о внѣшности ап. Павла.

Свидѣтельства преданія о внѣшности великаго апостола слишкомъ поздны, чтобы имѣть независимое значеніе, но очень вѣроятно, что гдѣ они совпадаютъ между собой, тамъ съ точностью сохраняютъ нѣкоторыя черты его. Въ виду этого читателю быть можетъ небезъинтересно видѣть ихъ въ переводѣ; но онъ долженъ помнить печальную вѣроятность, что въ жизни ап. Павла были періоды, когда онъ, обезображенный приступами его недуга, не представлялъ привлекательнаго вида.

Въ шестомъ столѣтіи Іоаннъ Антиохійскій, обыкновенно называемый Малала ¹⁾, пишетъ, что «Павелъ по внѣшности былъ круглоплечъ (τῇ ὀλικίᾳ κοινδοειδής), съ простѣдью въ головѣ и бородѣ, съ орлинымъ носомъ, сѣроватыми глазами, сходящимися бровями ²⁾, блѣдноокраснымъ цвѣтомъ лица и полною бородой. При оживленномъ выраженіи лица, онъ былъ чувствителенъ, серьезенъ, общедоступенъ, радушенъ и вдохновенъ Духомъ Святымъ».

¹⁾ х, 257.

²⁾ Это *συνοφρύα* и выраженіе *ἀσπίλας* могутъ быть единственнымъ основаніемъ для заключенія, что глаза у ап. Павла были сѣрые и свѣтлые.

Никифоръ Каллистъ ¹⁾, историкъ XV вѣка, говоритъ: «Павелъ былъ малъ ростомъ, карликообразенъ по стану и какбы скорченъ повнѣшности и согбенъ. Лицо его было блѣдно, и его видъ располагающій въ свою пользу. Онъ былъ лысоголовъ, съ свѣтлыми глазами. Носъ выдающійся, орлиный, борода густая и довольно длинная, и какъ она, такъ и голова его покрыты были просѣдью».

Въ «дѣяніяхъ Павла и Тимотея», повѣсти третьяго вѣка, онъ описывается какъ «малый ростомъ, плѣшивый, кривоногій, съ сходящимися бровями, крючконосый, чрезвычайно пріятный» ²⁾.

Наконецъ въ Филопатридѣ псевдо-Лукіана ³⁾, подложномъ сочиненіи четвертаго вѣка ⁴⁾, о немъ презрительно говорится какъ «о плѣшивомъ, крючконосомъ галилеяннинѣ, который ходилъ по воздуху до третьяго неба и узналъ прекраснѣйшія вещи».

Предоставляемъ самому читателю судить, могла ли хоть крупница истины сохраниться въ этихъ свидѣтельствахъ, отдѣленныхъ цѣлыми вѣками преданія. Такъ какъ они не противорѣчатъ, а скорѣе подтверждаютъ самыя раннія описанія, какія только сохранились до насъ, то быть можетъ мы можемъ на основаніи ихъ вывести то заключеніе, что ап. Павелъ былъ малъ ростомъ,—о чемъ упоминается также псевдо-Златоустомъ ⁵⁾ и на что быть можетъ онъ самъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ горькой ироніи намекалъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ ⁶⁾; что онъ былъ нѣсколько сутуловатъ, если не вовсе согбенъ, что носъ у него былъ орлиный и его рѣдкіе волосы уже рано блесѣли «серебромъ». Изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ также заключить, что лицо у него было блѣдное, быстро всыхивавшее и мѣнявшее свое выраженіе, и что когда онъ не былъ совершенно обезображенъ своею болѣзнію или когда получалъ возможность освободиться отъ мучительнаго самоуничиженія, причинявшагося ею, то увлекательность и сладостность его рѣчи, достоинство и живость его движеній, совершенно устранили первое неблагопріятное впечатлѣніе, производившееся его невзрачною внѣшностью. Что такъ именно и было, можно заключать изъ многихъ обстоятельствъ его сношенія съ людьми и церквами, а также и изъ того, что грубые жители Листры приняли его—когда еще онъ не достигъ средняго возраста и не былъ еще жестоко изможденъ послѣдующими недугами—за воплощеніе юнаго и краснорѣчиваго Эрмеса.

¹⁾ Hist. Eccles. II, 37.

²⁾ Я ничего не могу вывести изъ Εβνημος послѣ ἀγκύλος ταῖς κνήμας.

³⁾ Philopat. 12.

⁴⁾ Таково мнѣніе Геснера въ его диссертациі: De Aetate et Auctore Philopatridis.

⁵⁾ ὁ τρίπηχος ἀνδρῶπιος.

⁶⁾ 2 Кор. X, 10—16, особенно стихъ 14.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

ГЛАВА I. 1) См. *Heandery*, *Planting*, англ. пер. стр. 78.

2) Aug. Confess. VIII. 12—18, *Krenkel*, *Paulus der Ap. d. Heiden* стр. 1.

3) Дѣян. Апост. XXIII. 6 (Фил. III. 5). Истинное чтеніе *διὰς Φαρισαίων* (N, A, B, C, Сир. пер. и Вулг.); онъ былъ фарисей третьяго поколѣнія, *τριφαρισαίος*.

4) Дѣян. XXVI. 5. *θρησκεία* есть скорѣе „культъ“, „внѣшнее служеніе“, чѣмъ „религія“.

5) תלמידי חכמים,—похвалами и описаніями преимуществъ которыхъ наполненъ Талмудъ.

6) Гал. I, 14, *προέκοπτον ἐν τῷ Ἰουδαϊσμῷ* (т. е. въ іудейской обрядности) *ἐπὶ* и пр., *περισσότερος ζήλωτος* и проч.

7) *Віос*—*vita quam vivimus*, *ζωή*—*vita quā vivimus* (Гал. II. 20).

8) *Bossuet* (1 Kings. XV. 22). Дѣян. XIV. 15.

9) 2 Кор. XI. 24 — 33, написано около 57 года по Рожд. Хр., почти за 10 лѣтъ до его смерти.

10) Ἑπτάκις δεκά φορέας (Ер. ad. Сог. 5).

11) По принятой авторомъ системѣ, посланіе къ Евреямъ не могло войти въ эту книгу и историко-экзегетическое изложеніе его отнесено къ слѣдующему сочиненію: „Первые дни христіанства“. *Прим. переводч.*

ГЛАВА II. 12) Фил., ст. 9. Нужно, однако же, упомянуть, что будемъ-ли мы читать *προβότης* или *προσβυτής*, значеніе можетъ быть: „Павелъ посланникъ, а теперь даже посланникъ въ узахъ Иисуса Христа“. Сравни прекрасный антитезисъ *ἐπὶ ὃ προσβύω ἐν αἰσέσι*, „для котораго я исполню посольство въ узахъ“ (Еф. VI. 20). Тотъ его послѣднихъ посланій, однако же, выдаетъ старца.

13) „Онъ былъ палимъ жаромъ Сиріуса и колышаемъ бурными волнами Эвродиклона“, какъ выражается Дж. Тэйлоръ.

14) Роджеръ Бэконъ называетъ себя „senem“, повидимому 53 лѣтъ отъ роду, а Вальтеръ Скоттъ говорить о себѣ, какъ о „сѣдомъ старикѣ“ 55 лѣтъ (см. Ляйтфутъ, *Colossians*, стр. 404). По Филону человекъ былъ *νεανίας* между 21 и 28 годами; но его разграниченіе чисто искусственное. Человекъ, повидимому, могъ называться *νεανίας* и даже *νεανίσκος* до 40-лѣтняго возраста (*Хен. Мем. I, 2, 35; Krüger, Vit. Хен. 12*).

15) Эти данныя довольно близко сходятся съ заявленіемъ Псевдо-Хризостома (*Orat. Епсом. in Pet. et Paul., opp. VIII, ed. Montfaucon*), что онъ былъ въ теченіе 35 лѣтъ служителемъ Христа и потерпѣлъ мученичество 68 лѣтъ.

16) *Ier. de Viris Illustr. 5*: „de tribu Benjamin et oppido Judaeae Giscalis fuit, quo a Romanis capto, cum parentibus suis Tarsum Ciliciae commigravit“. Часто утверждали, что бл. Иеронимъ отвергаетъ или подвергаетъ сомнѣнію это преданіе въ своемъ комментаріѣ на посл. къ Филим. (Опр-IV, 454), гдѣ онъ говоритъ, что нѣкоторые понимали терминъ „мой союзникъ“ въ томъ смыслѣ, что Епафрастъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Гискалѣ въ то же самое время, какъ и Павелъ, и былъ поселенъ въ Колоссахъ. Даже Неандеръ (*Planting. p. 79*) слѣдуетъ этому ходячему заблужденію на томъ основаніи, что Иеронимъ говоритъ: „quis sit Eraphras concaptivus Pauli talem *fabulam* asserimus“ Но что эта *fabula* не означаетъ здѣсь „ложнаго разсказа“, какъ онъ переводитъ это слово, достаточно доказывается тѣмъ, что бл. Иеронимъ заключаетъ: „quod si ita est, possumus et Eraphram illo tempore captum suspicari, quo captus est Paulus“.

17) Гискала, теперь Эл-Джишъ, долѣе всѣхъ другихъ мѣстъ въ Галилеѣ держалась противъ Римлянъ (*J. Flav. B. J. II, 20 § 6; IV, 2, §§ 1—5*).

18) Она взята была въ 67 году по Рожд. Христ.

19) *I. Flav. B. Jud. II, 21, § 1; Vit. 10*. Онъ называетъ его Πολιχνή.

20) „Parentum conditionem adolescentulum Paulum secutum, et sic posse stare illud, quod de se ipso testatur „Hébraei sunt? et nego“, etc., quae illum Judaeum magis indicant, quam Tarsensem“ (*Jer.*).

21) Незнаніе Филономъ еврейскаго языка допускается всѣми.

22) Дѣян. XXI. 40: τῇ Ἑβραϊῇ διαλέκτῳ т. е. конечно на сирійскомъ. Эти палестинскіе іудеи въ большинствѣ могли понимать Библію, если не въ еврейскомъ подлинникѣ, то во всякомъ случаѣ при помощи парафраста.

23) Напр. въ 1 Кор. III. 19; 2 Кор. VIII. 15; 2 Тим. II. 19. Существовала ли какая нибудь народная Библія въ извлеченіяхъ рядомъ съ переводомъ LXX, я не буду входить въ разсужденіе объ этомъ. См. Hilgenfeld, *Zeitschr. XVIII* (1875), p. 118.

24) Рѣка Киданъ, однако же, теперь уже не течетъ чрезъ Терсусъ, какъ это было раньше (*Strabo, XIV. 5; Plin. H. N. VI. 22; Beauport's Karamania, 271*).

25) Мнѣніе это было высказано Гумфри, *ad loc.*

26) Сравни удивленіе, выраженное афинскимъ юношей описанію Сократомъ прекрасной сцены въ началѣ Федра § 10 Ἐὶ δὲ γὰρ ὁ θαυμάσιος ἀποφάτατος τῆς ψυχῆς. Прекрасная глава объ этомъ предметѣ находится у *Friedländer, Sittengesch. Roms., VII. 5, § 3*. Читатель припомнитъ аналогичные случаи изъ жизни св. Бернарда, который по цѣлымъ днямъ ѣздилъ вдоль берега Женевского озера и спрашивалъ по вечерамъ, гдѣ это было; извѣстно также, что Кальвинъ не выказывалъ ни малѣйшаго слѣда восторга въ отношеніи красотъ Швейцаріи, а Вайтфильдъ, проповѣдникъ методизма, повидимому не вынесъ ни одного впечатлѣнія изъ своихъ 13-ти переездовъ чрезъ Атлантическій океанъ и своихъ странствованій отъ штата Георгіи до Бостона.

27) „Вѣдь я воспитанъ въ большомъ городѣ, среди каменныхъ стѣнъ,

И не привыкъ къ красотѣ неба и звѣздъ“.

Колмриджъ.

28) Я разумѣю знаменитый примѣръ привитія дикой маслины (Рим. XI. 16—25). По аргументу ап. Павла требуется, чтобы дикій отростокъ далъ цвѣтъ на плодоносномъ деревѣ, т. е. ἀγρίελαος язычества на ἐλατῶν іудейства. Но едва ли нужно замѣчать, что этого никогда не дѣлалось, а совершалось какъ разъ противоположное, именно плодородная вѣтвь привилась на дикомъ стволѣ. Скорѣе отпрыскъ садовой маслины могъ быть привить къ дикой маслинѣ, а не дикая маслина къ садовой (Авг. на Псал. LXXI). Правда, ап. Павелъ здѣсь заботится только объ общей аналогіи и былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что она не согласовалась съ обычнымъ способомъ ἐγχευτρισμός. Притомъ, такъ какъ онъ говоритъ παρὰ φύσιν (XI. 24), то повидимому нѣтъ надобности показывать, практиковался ли когда въ дѣйствительности такой родъ

привитія. Однако же при подобных же обстоятельствах таковой примѣръ едва ли былъ бы употребленъ писателемъ болѣе знакомымъ съ явленіями природы. Мнѣніе, что ап. Павелъ здѣсь разумѣлъ болѣе рѣдкій африканскій обычай привитія дикой маслины (или эіопской маслины) къ садовой для укрѣпленія послѣдней (См. *Плин.* Ест. Ист. XVII, 18; *Colum.* De re Rust. V, 9; *Palladius* и пр.), крайне неправдоподобно даже на томъ основаніи, что оно уничтожаетъ всю силу истины, которую онъ и желаетъ сообщить (см. *Ewbank*, II, 112; *Tholuck*, Rom. 617, *Meyer*, 343). Ему быть можетъ была извѣстна пословица ἀκαρπότερον ἀγριελαίου. Смотри однако же нѣсколько различныхъ взгляды у Томсона въ его *Land and Book*, 53.

29) Тарсъ противодѣйствовалъ партіи Брута и Кассія, но былъ покоренъ Люціемъ Руфомъ въ 43 г. до Рожд. Хр., и многіе тарсяне были проданы въ рабство для уплаты штрафа въ 1500 талантовъ, который онъ наложилъ на городъ (*Appian*, Bell. Civ. IV, 64). Τάρσος... πᾶς αὐτοῖς τῶν πόλεων ἀξιολογώτατη μητρόπολις ὅσα (J. *Флав.* I, 6, § 1).

30) 2 Кор. II. 17 καπηλεύοντες; IV. 2, δολοῦντες.

31) Еф. I. 13, IV, 30 ἐσφραγισθήτε.

32) 2 Кор. I. 22 ἀρραβών.

33) ἡγεῖ 3 Цар. XII, 2 (по LXX). Слово „церковь“ въ его болѣе техническомъ новѣйшемъ смыслѣ (какъ въ посл. къ Ефес. и Колос.) развилось изъ болѣе простаго значенія *собранія* въ болѣе раннихъ посланіяхъ ап. Павла.

34) См. *Филонъ*, De Victim. 836; *Плин.* Nat. H. N. V, 32.

35) Σκηνοποιός, Дѣян. XVIII, 3; σκηνοβάτης, *Ps. Chrysost.* Orat. Encom. (Opp. VIII, изд. Montfauc.). Когда Златоустъ называетъ его σκηνότομος „рѣзальщикомъ кожи“ (Hom. IV, 3, стр. 864 на 2 Тим. II), то это едва-ли можетъ быть правильно, потому что къ этому ремеслу не отнеслись бы благопріятно строгіе фарисеи. Объ употребленіи *cilicium* вмѣсто палатки см. *Veget.* Milit. IV, 6; *Serv. ad Virg. Georg.* III. 313. Они служили для многихъ другихъ цѣлей, какъ напр., садовыхъ чучель, обуви и постели (*Colum.* XII, 46; *Лув.* XXXVIII, 7; *Mart.* XIV, 140; *Иерон.* Ер. 108). Заниматься „olentis barba mariti“ не могло быть пріятнымъ ремесломъ. Она „добывалась отъ стадъ Тавра и продавалась греческимъ мореплавателямъ Леванта“. Слово *cilice* до сихъ поръ на французскомъ языкѣ означаетъ волосяную одежду.

36) Объ этомъ предметѣ смотри въ моемъ сочиненіи „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 139. Самъ Гамалиилъ былъ авторомъ знаменитаго афоризма, что „ученіе всякаго рода לֵךְ לְךָ חֵן (т. е. даже изученіе закона), не сопровождаемое ремеслами, оканчивается ничѣмъ и приводитъ къ грѣху“. (*Pirke Abboth*, II, 2). Раввинъ Іуда справедливо сказалъ, что „трудъ дѣлаетъ честь труженику“ (*Nedarim*, f. 49, 2); раввинъ Мейръ сказалъ: „пусть человѣкъ всегда учить своего сына чистымъ и легкимъ ремесламъ“ (*Toseft*, въ *Kidd.* f. 82, 1); раввинъ Іуда говоритъ, что не учить своего сына ремеслу равносильно тому, какъ если бы учить его разбойничеству (*Kidduschin*, f. 30, 2).

37) Причина, почему онъ научился этому именно ремеслу, могла быть чисто мѣстною. Возможно, что его отецъ въ дѣтствѣ наученъ былъ тому же самому ремеслу. „Человѣкъ не долженъ мѣнять своего ремесла, ни ремесла своего отца“, говоритъ раввинъ Іохананъ, ибо сказано: „Хирамъ изъ Тира былъ сынъ вдовы... и отецъ его былъ... мѣдникъ“ (3 Цар. VII 13—14). (*Egachin*, f. 16, 2).

38) Рим. XVI. 7; Андроникъ, Юнія или быть можетъ Юній (Юніанъ); 11, Иродіонъ; 21, Люцій, Іасонтъ, Сосипатръ (συγγενής).

39) См. ниже по вопросу о подлинности XVI главы посланія къ Римлянамъ.

40) Какъ напр. въ посланіи къ Римлянамъ IX, 3.

41) Когда греческое или римское имя звучало сходно съ іудейскимъ, то для іудея очевидно

было удобно сдѣлать маленькую въ немъ перемѣну. Такъ Досеай дѣлался Доснеемъ; Тарфонъ—Трифономъ, Еліакимъ—Алкимомъ и проч.

42) שָׁאֻל — Шаулъ, Саулъ, Савль.

43) Оно встрѣчается въ качествѣ еврейскаго имени въ Пятоннижѣ (Быт. XXXVI, 37; XLVI, 10; Исх. VI, 15; Числ. XXVI, 13); но по смерти царя Саула оно не встрѣчается еще до времени апостола и позднѣе у Иосифа Флавія (Antt. XX, 9 § 4; B. Ind. II, 17, § 4; *Krenkel*, *Paulus*, 217).

44) Въ Новомъ Заветѣ имѣется до 278 цитатъ изъ Ветхаго Завета. Изъ нихъ 53 тождественны въ еврейскомъ LXX и въ Новомъ Заветѣ; въ 10 LXX правильно измѣненъ; въ 76 неправильно измѣненъ, т. е. болѣе удаленъ отъ еврейскаго; въ 37 онъ принятъ тамъ, гдѣ отличается отъ еврейскаго; въ 99 всѣ три текста отличаются между собою; и три цитаты сомнительнаго характера (см. *Turpie*, *The Old Test. in the New*, 267 и въ другихъ мѣстахъ).

45) Между многочисленными объясненіями выраженія *πῆλικοις γράμμασιν* Гал. VI. 11 по одному его греческія буквы имѣли такое худое начертаніе по недостатку практики, что казались почти смѣшными.

46) См. ниже приложение I: „Слогъ апостола Павла“ и приложение II: „Риторика апостола Павла“.

47) „Multa sunt verba, quibus juxta morem urbis et provinciae suae, familiaris Apostolus utitur: e quibus exempli gratia pauca ponenda sunt“. Онъ указываетъ на *καταναρχησα* (2 Кор. XI, 9), *ἐπὶ ἀνθρωπίνης ἡμέρας* (1 Кор. IV, 3), и *καταβρῆυέτω* (Кол. II, 18) и прибавляетъ „quibus, et aliis multis, usque hodie utuntur Cilices“ (*Иерон.* Ер. ad. Algas. qu. 10). Ветштейнъ, однако же, выводитъ *ἀποναρχάω* изъ Плутарха *De Libero*. Евс. р. 8 и *ναρχάω* встрѣчается у LXX (Быт. XXXII, 25, 32; Иов. XXXIII, 19), и у Иосифа Флавія *Antt.* VIII, 8 § 5; *ναρχη* есть torpedo или *gymnotus*. Такъ какъ *καταναρχάω* встрѣчается только у Гиппократъ, то Плюмпръ думаетъ, что это могло быть медицинское слово, употреблявшееся въ школахъ Тарса. Григорій Нисскій, на 1 Кор. XV. 28, приводитъ *ἐκένωσεν* (Фил. II. 7); *ὁμαρμόμενοι* (1 Тим. II, 8) *περπερεύεται* (1 Кор. XIII, 4), *ἐριθείας* (Рим. II, 8) и пр., какъ примѣры произвольнаго распоряженія апостола Павла словами.

48) См. *Herodotus* I. 74; VII. 91; *Есеноф.* Ἀνάβ. II, 26.

49) *Σολοικισμός*. См. *Strabo*, 663; *Diog. Laert.* I, 51. Но произведение отъ Soli недостоверно.

50) *De Def. Oras.* 41; *Hausrath*, pp. 7—9. Смотри также Плутархъ *περί δεσποδαιμονίας καὶ ἀθεότητος*, II; *Neander*, Церк. Ист. I, 15 и сл.

51) *Strabo*, XIV, 4; *Athen.* XII, 529; *Циц.* *Tusc. Disp.* V, 35. Гаусратъ, стр. 7, находитъ слѣдъ этого въ 1 Кор. XV, 32, что однако же съ одинаковою вѣроятностью могло возникнуть вслѣдствіе распространенной басни объ эпикурейской мухѣ, умирающей въ горшкѣ съ медомъ: *καὶ βέβρωκα καὶ πέπωκα καὶ λέλουμαι καὶ ἀποθάνω οὐδὲν μέλει μοι*.

52) *Philostr.* *Vit. Apoll.* I, 7.

53) Ὁ δὲ τὸν μὲν διδάσκαλον εἶχετο τὸ δὲ τῆς πόλεως ἡθὺς ἀποπὸν τε ἡγεῖτο καὶ οὐ χρηστὸν ἐμφιλοσοφῆσαι. Τρυφῆς τε γὰρ οὐδαμοῦ μᾶλλον ἀπτονται, σκωπτόλκι τε καὶ ὀβρισταὶ πάντες (*Philostr.* *Vit. Apoll.* изд. *Oleag.* 1709).

54) *Strabo* XIV, 4, стр. 672, 673. См. также *Есеноф.* Ἀνάб. I, 2, 23; *Пли.* V, 22; *Q. Curt.* III, 5, 1. Стоики—Аенинодоръ, учитель Августа, и Несторъ, учитель Тиверія, жили въ Тарсѣ; упоминаются и другіе.

55) Ποταμός τε αὐτοὺς διαρρέει Κύδνος, ᾧ παρακάθηνται, κάθαπερ τῶν ὀρνίθων οἱ ὕργοι (*Philostr.* *ubi supr.*).

56) 1 Кор. I, 21 διὰ τῆς μωρίας τοῦ κηρύγματος.

57) *Hausrat*, 20.

⁵⁸⁾ Κτῖς, Гал. VI, 15; III, 28.

⁵⁹⁾ *Sanhedr.* f. 44, 1; Римл. III, 2; IX по мѣстамъ.

⁶⁰⁾ Всякій, кто желаетъ видѣть натяжки узкаго толкованія, съ цѣлю выпутаться изъ яснаго смысла, который слишкомъ благороденъ для простаго пониманія, образчики его можно видѣть въ комментаріяхъ на этотъ текстъ. Это, увы! только доказательство того духа, который такъ часто чтеніе обыкновеннаго комментарія на апостола Павла дѣлаетъ однимъ изъ самыхъ скучныхъ, тяжелыхъ и бесполезныхъ занятій. Странно, что, имѣя примѣръ Христа предъ своими глазами, многіе ученые христіанскіе комментаторы знаютъ такъ мало о высотѣ самоутверженія, что заставляютъ насъ искать примѣра въ Моисей, даже въ Дантонѣ, чтобы дать намъ возможность понять истинное благородство Павла! Въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякій, желающій получить изъ посланій апостола Павла ихъ истинное и часто совершенно простое и очевидное значеніе, долженъ совершенно отвернуться отъ накопившагося мусора цѣлыхъ вѣковъ заблужденія.

⁶¹⁾ Смори *Schaff*, *Hist. of Anct. Christianity*, I, 68.

⁶²⁾ См. „Жизнь Іисуса Христа“, прилож. IV стр. 628. На изученіе греческой литературы, допускавшееся Гамалииломъ, равнины снисходительно будто-бы смотрѣли на томъ основаніи, что имъ нужно было знаніе греческаго языка въ гражданскихъ и дипломатическихъ сношеніяхъ въ пользу ихъ соотечественниковъ (см. *Etheridge*, *Heb. Lit.* 45). Раввинъ Шимонъ Бенъ Гамалиилъ будто-бы сказалъ, что въ домѣ его отца было 1,000 дѣтей, изъ которыхъ 500 изучали законъ и 500—мудрость греческую и что изъ всѣхъ ихъ только двое погибли (въ мятежѣ Бар-кохбы?) (*Babha Kama* f. 83, 1). Авторомъ знаменитаго изреченія, что, „такъ какъ два сына Ноя, Симъ и Іафетъ, соединились для прикрытія одной одеждой наготы своего отца, то Симъ получилъ отороченный плащъ (*таллиотъ*), а Іафетъ—философскій плащъ (*паллиумъ*), которые должны были соединиться опять“,—былъ раввинъ Іохананъ Бенъ Напуха (*Midr. Rabbah*, Быт. XXXVI; *Iep. Sotah*, ad. f.; *Selden*, *De Synedr.* II, 9, 2; *Biscoe*, 60). Съ другой стороны болѣе узкіе равнины отождествляли греческую ученость съ египетскимъ чародѣйствомъ; и когда раввинъ Еліезеръ Бенъ Дама спросилъ своего дядю раввина Измаила, нельзя-ли изучать греческую мудрость послѣ изученія всего закона, то раввинъ Измаилъ въ отвѣтъ привелъ Ис. Нав. I, 8 и сказалъ: „иди и найди моментъ, который не былъ бы ни днемъ, ни ночью, и тогда посвяти себя въ него изученію греческой мудрости“ (*Menachoth*, 99, 2).

⁶³⁾ I Кор. VIII, 10, ἡ συνελθὼς αὐτοῦ ἀσθενοῦς ὄντος οἰκοδομηθήσεται εἰς τὸ τὰ ἐκκλησίᾳ αὐτοῦ. Ruinosa aedificatio, Кальвинъ ad loc.

⁶⁴⁾ См. *Sota*, 49, 6; и сильное осужденіе всѣхъ языческихъ книгъ у раввина Акибы, *Bab Sanhedr.* 99, а. *Gfrörer*, *Jahrb. d. Heils*, I, 114; *Philo* II, 350; *Grätz*, III, 502; *Derenbourg*, *Palest.* 114). Въ трактатѣ *Йадаимъ*, IV, 6, саддукеи жалуются на нѣкоторыхъ фарисеевъ за мнѣніе, что книги Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней „оскверняютъ руки“, между тѣмъ какъ „книги Гомера“ не оскверняютъ. Толкованіе на это замѣчаніе показываетъ однако же въ высшей степени поразительное невѣжество. Двое раввиновъ (*in loco*) принимаютъ „Мерось“ собственное имя, предшествуемое членомъ и, производя его отъ *razas*—„разрушать“, выставляютъ поэмы Гомера книгами, которыя подкапываются подъ законъ и осуждены на истребленіе. Грець отрицаетъ, что מרסן есть Гомеръ.

⁶⁵⁾ „Melius haec sibi convenissent“, говоритъ Фриче, намекая на одну изъ антиномій ап. Павла, „si Apostolus Aristotelis non Gamalielis alumnus fuisset“.

⁶⁶⁾ См. прил. I: „Слогъ ап. Павла“; прил. II: „Риторика ап. Павла“; и прил. III: „Классическія цитаты и ссылки ап. Павла“. Выводы этихъ изысканій можно выразить замѣчаніемъ, что ап. Павелъ имѣлъ лишь нѣкоторое знакомство съ греческой литературой, но что онъ по всей

вѣроятности посѣщалъ какіе нибудь элементарные классы въ Тарсѣ, въ которыхъ онъ приобрѣлъ познанія въ греческой риторикѣ и даже быть можетъ въ началахъ стоической философіи.

ГЛАВА III. 67) Porcia lex virgas ab omnium civium Romanorum corpore amovet (Дич. pro Rab. 3; Лив. X, 9).

68) Тогда апостолу было около 53 лѣтъ отъ роду.

69) О такомъ способѣ приобретѣнія этого права смотри Смет. Aug. 47; I. Флаас. В. I. II, 14; Дѣян. XXII, 28. Право гражданства нужно было доказать дипломомъ и Клавдій за ложное присвоеніе его наказывалъ смертю (Сметон. Claud. Calig. 28; Nero 12; Epict. Dissert. III, 24).

70) Гаусратъ, стр. 19.

71) Собственно Второзак. VI, 4—9; но также XI, 13—27; Числ. XV, 37—41.

72) Bar Mitsvah.

73) Pirke Abhoth, v, 21. См. великолѣпную статью Гинцбурга о „Востаніи“ въ Kitto, Bibl. Cycl.

74) Pirke Abhoth I, 1. Двумя излюбленными словами фарисеевъ были *акрифа* и *та патриа* 137. См. Дѣян. XXVI 5, XXII, 3; J. Флаас. В. J. II, 8, § 14; I, 5, § 2; Antt. XIII, 10, § 6, XVII, 2 ad fin.

75) Дѣян. V, 34; XXII, 3. См. Graetz, Gesch. d. Juden, III, 274.

76) Дальше (см. прил. V) я указываю на трудность достовѣрнаго рѣшенія вопроса, какой именно изъ Гамалиловъ разумѣется въ Талмудѣ. Это однакоже не имѣетъ особенной важности, такъ какъ всѣ они были одной и той же школы и всецѣло преданными Моисееву закону. Какая въ послѣдствіи произошла перемѣна во взглядахъ ап. Павла, будетъ видно, если сравнимъ Римл. XIV, 5, Кол. II, 16, Гал. IV, 10, съ слѣдующимъ анекдотомъ: „оселъ раввина Гамалила разъ былъ нагруженъ медомъ и найденъ былъ мертвымъ въ одинъ субботній день вечеромъ, потому что онъ не хотѣлъ развѣчаться въ этотъ день“ (Schabbat f. 154. с. 2).

77) Recogn. Clem. I, 65; Phot. Cod. 171, стр. 199; Thilo, Cod. Aposcr. p. 501 (Meyer, на Дѣян v, 34).

78) Дѣян. XXII, 3. Иудейскіе раввины сидѣли на высокихъ креслахъ, а ихъ ученики сидѣли у ихъ ногъ на полу или на скамейкахъ. Въ пользу преданія, что до времени смерти Гамалила будто-бы былъ обычай для учениковъ стоять, не имѣется достаточныхъ основаній (4 Цар. II, 3; IV, 38; Bab. Sanhedr. VII, 2; Biscoe p. 77).

79) Напр Римл I, 24; III, 6, IV, 17; IX, 33; X, 18, XI, 8; 1 Кор. VI, 2; IX, 7, XV, 45, и пр.

80) Римл. II, 24; III, 10—18; IX, 15; 1 Кор. X, 1—4; Гал. IV, 24—31 и проч. Это сущность позднѣйшей каббалы съ ея *Пардесъ*—имена, *Пешатъ* „объясненіе“, *Ремесъ* „намекъ“, *Дерушъ* „бесѣда“ и *Содъ* „тайна“. Однако же у ап. Павла нѣтъ и слѣда методовъ (*Geneth*), Гематріи, Нотарикона или Темуры, которые іудеи уже *очень рано* прилагали къ ветхозавѣтному толкованію. Значеніе этихъ терминовъ я подробно объяснилъ въ статьѣ Rabbinic Exegesis, *Expositor*, May, 1877.

81) 2 Тим. III, 16 не есть исключеніе; даже если *θεσπις* считать тамъ какъ предикать, ничего не могло-бы быть чудовищнѣе, какъ основывать на этомъ единственномъ прилагательномъ важную гипотезу буквальной диктаціи (см. ниже, *ad loc.*). По вопросу о боговдохновенности я полно и ясно изложилъ свой взглядъ въ *Bible Educator*, I, 190 sq.

82) Reuss, Theol. Chret, I, 268 и 408—421.

83) См. Jowett, Romans I, 353—362.

84) Цитатъ изъ св. Писанія нѣтъ въ 1, 2 посл. къ Θεσσαλονик., Филим. и Колос.

85) Аввак. II, 4 (евр. *יְהוָה אֱלֹהֵינוּ*) по своей правдивости. См. Lightfoot на Гал. III, 11 и стр. 149).

⁸⁶⁾ Гал. III, 11; Римл. I, 17; также Евр. X, 38. Ап. Павелъ опускаетъ греческое *μου* LXX, не имѣющее въ еврейскомъ.

⁸⁷⁾ Цитата эта предваряется замѣчаніемъ: „написано въ законѣ“, каковое названіе часто прилагалась ко всему Ветхому Завету.

⁸⁸⁾ Они издѣвались надъ повтореніями пророка Исаіи, говоря, что пророчества его заключались только въ слѣдующихъ словахъ: *Цае ла-цае, цае ла-цае, кав ла-кае, кав ла-кае, и пр* (повелѣлъ и повелѣлъ, повелѣлъ и повелѣлъ; запретилъ и запретилъ, запретилъ и запретилъ). См. великолѣпную статью объ этомъ предметѣ у Кокса *Expositor*, I, стр. 101.

⁸⁹⁾ *וְיָ*.

⁹⁰⁾ См. *Лайтфутъ*, ad loc, стр. 139.

⁹¹⁾ Какъ въ Быт. III, 15. Иудеи не могли отрицать силы этого аргумента, такъ какъ они Быт. IV, 26 и пр. истолковывали въ смыслѣ указанія на Мессію. Но замѣчаніе бл. Иеронима, „*Galatis, quos paulo ante stultos dixerat, factus est stultus*“, какъ будто-бы Апостолъ нарочито употребляетъ аргументъ по „аккомодаци“, основано на ложныхъ началахъ.

⁹²⁾ Чисто пояснительный характеръ этого указанія кажется яснымъ изъ различнаго, хотя не менѣе одухотвореннаго смысла, даваемого этому тексту въ посланія къ Римл. IV, 13, 16, 18; IX, 8; Гал. III, 28, 29.

⁹³⁾ Другіе примѣры толкованія, сходнаго въ результатахъ съ извѣстными взглядами раввиновъ, можно находить въ Римл. IX, 33 (сравни съ Ис. VIII, 14; XXVIII, 16; Лув. II, 34), такъ какъ раввины оба мѣста, указывающія на „камень преткновенія“ и „краеугольный камень“, относили къ Мессіи; и въ 1 Кор. IX, 9, гдѣ по счастливой аналогіи (также встрѣчаемой у Филона, *De Victimis Offerentibus* 1) запрещеніе налагать намордникъ волю молоташему прилагается къ обязанности содержанія священнослужителей (1 Кор. IX, 4, 11; Еф. IV, 8). Выраженія въ Римл. V, 12; 1 Кор. XI, 10; 2 Кор. XI, 14; Гал. III, 19; IV, 29) имѣютъ соответствующія себѣ параллели въ Таргумахъ и пр. Къ нимъ можно присоединить еще различные образы и выраженія, въ 1 Кор. XV, 36; 2 Кор. XII, 2; 1 Фес. IV, 16 (см. *immer*, *Neut. Theol.* 210; *Krenkel*, стр. 218).

⁹⁴⁾ „*Quicquid evenit patribus signum filiis*“ и пр. (Ветштейнъ и Шёттгенъ на 1 кор. X 11). См. Премудр. XI, XVI—XVIII).

⁹⁵⁾ 1 Кор. X, 6, *Таῦτα δὲ τόποι ἦσαν ἐνερθήσαν.* О маннѣ (= *δαίμων λόγος*), ср. *Фил.* *De Leg. Alleg.* IV, 56; о скалѣ (= *σοφία τοῦ θεοῦ*), *id.* II, 21.

⁹⁶⁾ Такъ Григорій Назіанзинъ *Orat.* 39. стр. 688; *Иерон.* *Ep. ad. Fabiol.* и большинство комментаторовъ. Но нужно замѣтить, что типологія здѣсь совершенно случайная и главное значеніе имѣетъ нравственный урокъ (1 Кор. X, 6, 11).

⁹⁷⁾ См. прил. IV „Апостолъ Павелъ какъ гагадистъ“.

⁹⁸⁾ См. *Derenbourg*, *Palest.*, стр. 397.

⁹⁹⁾ Даже раввинъ Измаилъ, который вмѣстѣ съ раввиномъ Акибой раздѣляетъ титулъ „отца міра“, допускаетъ, что онъ нашелъ три случая, въ которыхъ Галаха противорѣчитъ буквѣ Пятикнижія, но было бы не трудно найти и гораздо больше.

¹⁰⁰⁾ *Menachoth*, 29, 2.

¹⁰¹⁾ *Pirke Abboth*, III, 8; *Graetz*, III, 79.

¹⁰²⁾ См. *Derenbourg*, *Hist. de la Pal.* гл. XXI, и XXIII, что кажется мнѣ проливающимъ много свѣта на взгляды и раннее воспитаніе ап. Павла.

ГЛАВА IV. ¹⁰³⁾ См. правила о смѣшеніяхъ (*Egrubhin*) въ „Жизни Иисуса Христа“ прим. 716 и Прилож. IX.

¹⁰⁴⁾ См. *Schöttgen*, *Hog. Hebr.* стр. 7, 160, 204.

¹⁰⁵⁾ *Yadayim*.

¹⁰⁶⁾ *Cholin*.

¹⁰⁷⁾ Ozekin.

¹⁰⁸⁾ Jer. Berachôth, IX, 7 и пр. См „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 475, гдѣ имена эти объяснены.

¹⁰⁹⁾ См. „Жизнь Иисуса Христа“, стр. 470. Всѣ эти различія составляли часть *Сейма*, ограды закона, созиданіе которой и было главною задачею раввинизма. Цѣлью всей іудейской учености было дѣлать изъ *мишмереа* („постановленія“, Лев. XVIII, 30) Божій *мишмереа* (Yedhamoth, f. 21, 1).

¹¹⁰⁾ См. Дѣян. III, 19, гдѣ *ἵνα* „чтобы“ (Schabbath, f. 118, b).

¹¹¹⁾ Eirechîn, f. 10, 2.

¹¹²⁾ Раввины говорили: „все въ рукахъ неба, кромѣ страха неба“. „Все устроится Богомъ, но дѣйствія человека его собственныя“ (Barclay, Talmud, 18).

¹¹³⁾ Virg. Ecl. IV; Светом Aug. 94; Vesp. 4.

¹¹⁴⁾ Я привелъ множество примѣровъ изъ раввинскихъ писателей касательно необычайной важности, придаваемой ими всѣмъ подробностямъ въ устроении двухъ филактерій на рукѣ (Terphillin shel Yad) и на головѣ (Terph. shel Rôsh) въ журналѣ Expositor 1877, N XXVII.

¹¹⁵⁾ См. Bitsah, 1 ad in.

¹¹⁶⁾ Sanhedr. f. 17, 1.

¹¹⁷⁾ Erubhin, f. 13, 2.

¹¹⁸⁾ נִרְרִים סִינַי לְפָרִישׁוֹ, Pirke Abhoth, III, 10.

¹¹⁹⁾ Yetser tobh и Yetser ha-ra Талмуда.

¹²⁰⁾ См. Римл. VI, VII, VIII, по мѣстамъ.

¹²¹⁾ Римл. VIII, 1. Въ англійскомъ (и русскомъ) переводѣ послѣдняя часть этого стиха есть вѣроятно глосса или повтореніе, такъ какъ ея нѣтъ въ *℣*, *В*, *С*, *Д*, *Е*, *Г*.

¹²²⁾ „Догнавшій тебя человекъ“, сказалъ христіанинъ, „былъ Моисей. Онъ не щадитъ никого и не знаетъ милосердія къ тѣмъ, которые преступаютъ его законъ“ (Pilgrim's Progress).

¹²³⁾ *Et καὶ ὅτι* *ἡμεῖς*. Совершенно вѣрно, что *et καὶ* (*quamquam*, „даже хотя“, *wenn auch*) у классическихъ писателей—хотя быть можетъ менѣе замѣтно у ап. Павла—допускаетъ фактъ, между тѣмъ какъ *et si* (*etiam si*, „даже если“) полагаетъ гипотезу; но объясненіе здѣсь зависить не отъ признаваемого за частичками значенія, но отъ того, что разумѣется подъ „знаніемъ Христа по плоти“.

¹²⁴⁾ См. Дѣян. XVIII, 9; XXII, 18; 2 кор. XII, 1. Отсутствіе такихъ *личныхъ* указаній на Иисуса Христа въ посланіяхъ ап. Павла въ 1 Петр. II, 21 и слѣд., III, 18 и слѣд., 1 Иоан. I, 1—подтверждаетъ этотъ взглядъ (Ewald, Gesch. VI, 389).

¹²⁵⁾ Гал. I. 16. Я не могу согласиться съ Лайтфутомъ (слѣдующимъ Иерониму, Еразму и др.), что *ἐν ἑμοὶ* означаетъ „откровеніе, сдѣланное черезъ Павла другимъ“, какъ въ стихѣ 24, 1 Тим. I, 16; 2 Кор. XIII, 3; потому что, какъ замѣчаетъ намъ одинъ другъ, тутъ есть точный параллелизмъ, выраженный между I, 11, 12 и 13—17, и *ἀποκαλύψαι τὸν διὸν αὐτοῦ ἐν ἑμοὶ* составляетъ противовѣсъ *δὲ ἀποκαλύψας Ἰησοῦ Χριστοῦ* въ стихѣ 12.

¹²⁶⁾ Дѣян. IX, 5 (XXII, 8, XXVI, 15) Нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности въ мнѣніи Эвальда, что ап. Павелъ былъ тѣмъ юношей, одѣтымъ въ *симдонъ*, о которомъ говорится въ евангеліи Марк. XIV, 52.

¹²⁷⁾ Гал. I, 16 (см. Krenkel, стр. 18).

¹²⁸⁾ Мнѣніе, что „искренній сотрудникъ“ (*γνήσια σύνεργα*) Фил. IV, 3, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ этому вопросу, есть заблужденіе, современное Клименту Александрійскому (см. Strom. III, 7; *Ps. Ignat. ad Philad.* 4, *Ὁς Πέτρος καὶ Παύλος καὶ τῶν ἄλλων ἀποστόλων τῶν γάρμας διμολογάντων*).

¹²⁹⁾ Если такъ, то *Ώς* *ἔσπερος* ошибался, говоря: „Я знаю, что апостолъ былъ холостъ“, т. е. *καρθεῖνος*, Откр. XIV, 4. Прологъ къ Wife of Bath's Tale. Стихъ 7 не противорѣчитъ этому взгляду,

потому что тамъ онъ намекаетъ не на свое состояніе, а на благодать воздержанія. Неправда, будто раннее преданіе единогласно свидѣтельствуетъ, что онъ никогда не былъ женатъ. Тертуліанъ (De Monogam. 3) и Иеронимъ (Epist. 22) говорятъ такъ; но Оригенъ сомнѣвается, а Мееодій (Conviv. 45), равно какъ Климентъ Александрійскій и Игнатій (см. выше), говорятъ, что онъ былъ вдовецъ.

130) „Юдей, который не имѣетъ жены, не есть человѣкъ“ (Быт. V, 2, Yebhamôth, f. 63, 1),

131) Pirke Abhoth, V, 21.

132) Богъ, по ихъ вѣрованію, проклялъ всѣхъ, которые не были женаты въ 20 лѣтъ (Kid-dushin, 29, 1; 30; Yebhamôth, 62, 63. См. *Hamburger*, Talmud, Wörterb. подъ сл. Ehe, Verheirathung; *Weill*, la morale du Judaïsme 49 и сл.). Положеніе это выводилось изъ изреченія: „онъ назвалъ ихъ нѣя *человѣкъ*“ (единственное число) и оно находится въ раввинскомъ изложеніи Tur-Shulchan Aruch.

133) См. Сирах. VII, 25, XLII, 9; снеси 1 Кор. VII, 36.

134) Ранніе браки и теперь составляютъ несчастье іудеевъ въ восточныхъ странахъ. Дѣвочки иногда выходятъ замужъ въ 10 лѣтъ, а мальчики женятся четырнадцати (*Frankl*. Jews in the East. II, 18, 84). Недавно одна іудейская дѣвочка въ Іерусалимѣ 14 лѣтъ, будучи спрошена въ школѣ, почему она опечалена, отвѣчала, что она уже три раза развелась съ мужьями.

ГЛАВА V. 135) Дѣян. I, 3, δι ἡμερῶν τεσσαράκοντα ὁπταβήμωνος αὐτοῦ. Это единственное мѣсто въ св. Писаніи, которое говоритъ намъ о промежуткѣ, протекшемъ между Воскресеніемъ и Вознесеніемъ.

136) Дѣян. II, 32; III, 15; IV, 33; V, 32; X, 40, 41; Лук. XXIV, 48 и пр. На этомъ предметѣ св. Лука останавливается часто и съ особенною выразительностью (См. Meyer on Acts I, 22).

137) Златоустъ, толкованіе на это мѣсто. „Numerus dierum non definitus exercebat fidem apostolorum“ (Bengel). Чтеніе ἡμερῶν τεσσαράκοντα кодекса D и сагидскій переводъ есть простая глосса.

138) Дѣян. I, 6, ἀποκαθίσταμεν.

139) Дѣян. I, 7, χρόνους ἢ καιροὺς, «періоды или кризисы».

140) Мы увидимъ въ послѣдствіи, что ап. Павелъ вмѣстѣ со всѣми древними христіанами (1 Θεсс. IV, 16, 17; 2 Θεсс. II, 8; Римл. XIII, 12; 1 Кор. XVI, 22; Фил. IV, 5; 1 Петр. IV, 5; Іак. V, 8; Евр. X, 37) надѣялся на близкое пришествіе Христа на землю.

141) 2000 локтей разстоянія между скиніей и отдаленнѣйшею частью стана (См. Числ XXXV, 5). Это единственное мѣсто, въ которомъ намекается на него въ Нов. Завѣтѣ.

142) Вѣроятно или верхняя комната дома, которая въ Марк. XIV, 15 называется ἀνώγειον.

143) Дѣян. I, 13, οἱ ἄνθρωποι καταμένοντες ὃ τε Πέτρος и т. д.

144) Здѣсь въ послѣдній разъ упоминается въ Нов. Завѣтѣ.

145) Яко-бы братъ Господень.

146) „Церковь, такъ сказать, только еще полународилась; другая половина еще оставалась въ утробѣ синагоги. Послѣдователи Иисуса находились подъ руководствомъ апостоловъ, но продолжали признавать авторитетъ Моисея въ Іерусалимѣ“ (Dr. Döllinger, *First Age*, p. 43).

147) *Phlae*. Ant. XV, 11, § 5; *Philo*, II, 476.

148) Дѣян. I, 25 εἰς τὸν τόπον τὸν Ἰων (al. δίκαιον). Эта глубокая и почтительная мягкость выраженія есть одинъ изъ многихъ слѣдовъ той сдержанности, съ которою древняя церковь говорила о судьбѣ отшедшихъ братій. Сдержанность эта тѣмъ болѣе замѣчательна, если слово „мѣсто“ здѣсь намекаетъ на тоже самое слово въ первой части текста, гдѣ истинное чтеніе есть

τόπον τῆς διακονίας (A, B, C, D), а не κλήρον. Это поразительное выраженіе быть можетъ произошло изъ раввинскихъ толкованій на Числ. XXIV, 25, гдѣ „Валаамъ вошелъ въ свое собственное мѣсто“ объясняется въ смыслѣ „геенны“. Ср. Суд. IX, 55, יוֹרְדָן и Тарг. Екклес. VI, 6; *Schöttgen*, стр. 407 и св. *Clem. Rom.* ad Cor. I, 5; *Polyc.* ad Phil. 9; *Ignat.* ad Magnes 5 (Meyer) См. также Дан. XII, 13.

¹⁴⁹⁾ Псал. XL, 9; CVIII, 8. Перемѣна въ переводѣ LXX αὐτῶν на οὐτοὺς представляетъ хорошій примѣръ свободы въ цитатахъ и въ толкованіи Ветхаго Завета, принятый вообще въ Нов. Заветѣ. Псаломъ CVIII назывался псалмомъ искаріотскимъ.

¹⁵⁰⁾ О нихъ ничего неизвѣстно, если только не правда, что они были среди 70 учениковъ (*Евсев.* Церк. Ист. I, 12; *Епиф.* Наег. I, 20), и что Іосифъ выпилъ ядъ безъ всякаго вреда (Папій у *Евсев.* Ц. Ист. III, 39). О неувѣренномъ производствѣ Варсаввы (такъ въ M, A, B, E) см. *Lightfoot.* Ног. Hebr. ad loc. Въ Дѣян. XV, 22 упоминается Іуда Варсавва. О Матеевѣ говорится, что онъ былъ замученъ (*Никиф.* II, 60) и есть апокрифическія сочиненія, связанныя съ его именемъ (*Евсев.* Церк. И. III, 23; *Елим. Алекс.* Strom. II, 163).

¹⁵¹⁾ ἀνέδειξον „указывать“, а не „показывать“: Лук. X, I, μετὰ δὲ ταῦτα ἀνέδειξεν ὁ Κύριος ἐτέρους ἑβδομήκοντα. Слово это въ Нов. Заветѣ составляетъ особенность св. Луки. Касательно ἐξελέξω см. Дѣян. I, 2, τοὺς ἀποστόλους . . . οὓς ἐξελέξατο. Едва ли нужно указывать на странный взглядъ, что избраніе св. Матеія было жалкой ошибкой, сдѣланной до полученія дара Св. Духа, и что въ дѣйствительности Павелъ предназначенъ былъ быть двѣнадцатымъ Апостоломъ! (*Stier*, *Reden*, d. Apost. I, 15).

¹⁵²⁾ Способъ, какъ бросался жребій (см. Левит. XVI, 8; Іезек. XXIV, 6), неизвѣстенъ, но выраженіе ἑδωκαν вмѣсто ἔβαλον κλήρους αὐτοῖς, какъ у Лук. XXIII, 34, говоритъ противъ мнѣнія, что тогда бросался жребій. „Жребій *намъ* на Матеія“ есть обычное выраженіе во всѣхъ языкахъ (См. *Илиад.* V, 316; *Одисс.* 209; ПС. XXI, 18; Іон. I, 7 и пр.; ut cujusque sors excederat; *Лук.* XXI, 42). Отъ употребленія слова κλήρος въ этомъ мѣстѣ въ стихѣ 17 и въ VIII, 21, XXVI, 18, вѣроятно произошло латинское *clerus* и *clerici*, κλήρος = τὸ σύνστημα τῶν διακόνων καὶ πρεσβυτέρων (*Ceuda*) *Wordsworth* ad loc.

¹⁵³⁾ Таково, очевидно, значеніе συμπληροῦσαι, а не „приближался“ (снес. Ефес. I, 10), или „прошелъ“.

¹⁵⁴⁾ Правда, что на этотъ пунктъ не указываютъ ни Филонъ, ни Іосифъ Флавій. Заключение это однакоже съ такою очевидностью вытекаетъ изъ сравненія Исх. XII, 2; XIX, 1, что мы едва ли можемъ предполагать, что оно совершенно ложно (см. *Schöttgen* ad loc., *Иерон.* Ер. ad Fabiolam, XII; *Август.* с. Faustum XXXII, 12; *Маймон.* Mor. Nevoch. III, 41). *Симхаэ* *Тора* или „праздникъ ликованія закона“ совершается въ послѣдній день праздника кушей, когда читается послѣдняя *Гаѳтара* изъ Пятикнижія.

¹⁵⁵⁾ Т. е. въ 9 часовъ утра (св. Лук. XXIV, 53, Дѣян. II, 46; III, 1).

¹⁵⁶⁾ Дѣян. II, 2, οἶκον.

¹⁵⁷⁾ *Г. Флав.* Antt. VIII, 3, § 2.

¹⁵⁸⁾ Архіепископъ Лейтонъ, Іоан. I, 14, ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν.

¹⁵⁹⁾ *Неандеръ*, стр. 3.

¹⁶⁰⁾ Дѣян. II, 2, 3 ὁππότε πνοῆς... ὥστε πурός (ср. Лук. III, 22 ὥστε περιστράν; Іезек. I, 24; XLIII, 2; 3 Цар. XIX, 11).

¹⁶¹⁾ γλῶσσαι διαμερίζομεναι. Выраженіе „огненный языкъ“ встрѣчается также въ Ис. V, 24, но тамъ говорится о пожирающемъ пламени.

¹⁶²⁾ Дѣян. II, 2, 3, ὁππότε . . . ὥστε.

¹⁶³⁾ „Меня очень печалило то, что я не знала тогда, что возможно видѣть иѣчто иначе, чѣмъ глазами тѣла“ (*St. Teresa, Vida*, VII, 11).

164) Дѣян. II, 4. λαλεῖν „говорить“ въ отличіе λέγειν „сказать“ указываетъ скорѣе на самое произношеніе, чѣмъ на мысли, сообщаемыя словами; ἀποφθέγγεσθαι, *eloqui*, означаетъ краткое усиленное произношеніе. Ни ἑταῖροι, ни γλῶσσαι не проливаютъ свѣта на сущность явленія, кромѣ какъ въ соотношеніи съ Ис. XXVIII, 11.

165) Противъ этого взгляда (который въ противоположность съ Вавилономъ и проч. не встрѣчается, мнѣ думается, раньше отцевъ IV и V столѣтій) см. *Herder*, Die Gabe d. Sprache; *Bunsen*, Hippol. II, 12; *Ewald*, Gesch. Jsr. VI, 110, *Heanderz*, Planting, 13, 14; *De Wette*, Einleit. 27—37. *Hilgenfeld*, Einleit. 275; *Reuss*, Hist. Apost. 50—55; *Olshausen*, ad loc; *De Pressensé*, Trois prem. Siècles. I, 355, и почти всякаго непредубѣжденного изъ новѣйшихъ толкователей. Мейеръ (*ad loc.*) говоритъ даже: „мгновенное сообщеніе дара говоренія на чуждыхъ языкахъ ни логически невозможно, ни психологически и нравственно непонятно“.

166) С, L, A, копт., арм. Независимо отъ этихъ вопросовъ неограниченная всеобщность этого обѣтованія приводитъ насъ къ мнѣнію что Спаситель здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, употребляетъ языкъ духовнаго иносказанія. Многие великіе миссіонеры проповѣдники говорили „новыми языками“ въ высшемъ смыслѣ этого слова, хотя находили непреодолимую трудность въ приобрѣтеніи знанія чужихъ языковъ.

167) Напр. всѣ въ толпѣ изъ 15 странъ, представители которыхъ слышали апостоловъ говорящими „на ихъ собственныхъ языкахъ“ о чудесныхъ дѣлахъ Божіихъ, однакоже понимали рѣчь, съ которой ап. Петръ обращался къ нимъ погречески. Отсюда такая сила говоренія на невученныхъ иностранныхъ языкахъ была бы „luxus-wunder“ (*Immer*, Neut. Theol. 195). Совершенно иначе было съ истинной глоссолаліей, которая въ предѣлахъ управленія ея заключала духовную силу до глубины возбуждать сердца невѣрующихъ (1 Кор. XIV, 22).

168) Middleton, Mirac. Powers, 120. Мѣсто Иринея (Haer. V, 6, 1), обыкновенно приводимое въ пользу такого взгляда, свидѣтельствуетъ совершенно объ иномъ, такъ какъ цѣлью παντοδαπαί γλῶσσαι тамъ выставляется τὰ κρύφια τῶν ἀνθρώπων εἰς φανερόν ἄγειν.

169) 1 Кор. XIV, 18 γλῶσσαι (N, A, D, E, F, G).

170) Папій у *Euseb.* Церк. Ист. III, 39; см. *Ирин.* III, 1; *interprea. Tert. adv. Marc.* IV, 5

171) *Planting*, 13, 14. Я не коснулся новѣйшихъ аналогій этимъ духовнымъ явленіямъ, но соглашаюсь со взглядомъ Деллингера, который говоритъ, что они совершались „въ низшей сферѣ и безъ всякаго чудеснаго дара . . . были необычайнымъ явленіемъ, но не выходящимъ изъ предѣловъ естественныхъ дѣйствій, которыя даромъ апостольскаго вѣка были возвышены и облагорожены“ (*First Age of Church*, 315).

172) *Григор. Нисс.* De Spir. Sanct. *Martensen*, Christl. Dogmatik, 381; *Overbeck* App. 26 и многие другіе. Часто повторяемое возраженіе Григорія Назіанзіна (*Orat.* XLIV), что это значить переносить чудо на слушателей, не имѣетъ особеннаго значенія. Дѣйствіе на слушателей было только слѣдствіемъ силы новаго духовнаго „языка“.

173) См. *Chapters on Language*, 63; *Marsch*, Lect. on Lang. 486—488; *Цицер.* de Orat. III, 216.

174) Глῶσσαι иногда означаетъ „необыкновенное выраженіе“ (*Арист.* Rhet. III, 2, 14). См. особенно *Bleek*, Stud. u. Krit. 1829. „Linguam esse cum quis loquatur obscuras et mysticas significationes“ (*Асигм.* de Gen. ad litt. XII, 8).

175) 1 Кор. XIII, 1, Χαλκός ἤχων, κύμβαλον ἀλαλάζον.

176) XIV, 8, ἅν ἀθλον φωνῆν σάλπιγξ εἶναι. Св. Златоустъ говоритъ совершенно неодобительно о подобныхъ же проявленіяхъ въ Константинополѣ (Hom. на Пс. VI; 12; см. интересную статью Пюмпитра въ словарѣ Смита III т. 1560 стр.).

177) XIV, 7, ὅπως τὰ ἀφύχα φωνῆν διδόντα и пр., ἅν διαστολὴν τοῖς φθόγγοις μὴ εἶναι.

178) XIV, 2 οὐκ ἀνθρώποις λαλεῖ. 4, αὐτὸν οἰκδομεῖ. См. 11. Собственные значенія словъ

λαλεῖν, γλώσσα, φωνή всѣ указываютъ въ этомъ направленіи. Въ словоупотребленіи св. Луки для обозначенія языка употребляется γλώσσα, а не διάλεκτος.

179) XIV, 23 οὐκ ἐροῦσιν οὐτα μαίνοσθε.

180) Такъ мы заключаемъ изъ указаній ап. Павла, которыя находятъ иллюстрацію въ новѣйшихъ аналогическихъ случаяхъ. Стопфордъ описываетъ „неизвѣстный языкъ“ ирландскихъ Ревивалистовъ 1859 года „какъ звуки, которыхъ я никогда не слыхалъ прежде, какбы неземные и необъяснимые“.

181) Фактъ, когда народъ начиналъ вдругъ говорить при такихъ же обстоятельствахъ, нѣсколько разъ приводится въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Онъ былъ очевидно сходенъ, если быть можетъ не совсѣмъ тождественъ съ „глоссолаліей“—краснорѣчіемъ религиознаго восторга, звучащаго восхищенностью и убѣжденностью.

182) Сравни въ Ветхомъ Заветѣ примѣры Саула и пр. (1 Царс. X, 11; XVIII, 10, XIX, 23 24. „Это бурный и таинственный языкъ экстаза“ *De Pressensé*, I, 355).

183) Въ Дѣян. II, 6 слова γυναικὸς δὲ τῆς φωνῆς ταύτης означаютъ не „теперь, когда былъ шумъ“, но „когда этотъ шумъ произошелъ“ (Снес. ἡχος, ст. 2; Иоан. III, 8; Откров. VI, 1). Это очевидно намѣкъ на *Бат-колъ* (*Bath-kol*). (См. *Herzog*, Real Encycl. подъ эт. словомъ).

184) γλεῦκος не „новое вино“, потому что Пятидесятница была въ іюнѣ, а собраніе винограда въ августѣ.

185) Дѣян. II, 15, ὅς ἐστις ἀπολαύσας. Нѣкоторое извиненіе въ этомъ оскорбленіи можно находить въ томъ, что духовная возбужденность часто появляется въ дѣйствіяхъ сходныхъ съ дѣйствіями отъ опьяненія (Ефес. V, 18; 1 Цар. X, 10, 11; XVIII, 10—евр. „неистовствовалъ“). Сравни нѣмецкое выраженіе: „Ein Gott—trunkener Mann“.

186) Дѣян. II, 14 σταθεῖς... ἐπῆρε τὴν φωνήν.

187) Дѣян. II, 22. Ναζωραῖος, галилейская форма Ναζαρεθ.

ГЛАВА VI. 188) Замѣчательно то, что въ первый разъ, когда апостолы Петръ и Іоаннъ были потребованы на судъ къ іерархамъ, они были отпущены съ угрозами и предостереженіями, но безъ всякаго наказанія, потому что совѣтъ былъ убѣжденъ (*καταλαβόμενοι*), что они были „не книжники и простые люди“ (Дѣян. IV, 13). Слова эти могутъ однако же звучать слишкомъ презрительно для новѣйшихъ читателей. Ἀγράμματοι просто означаетъ, что ихъ іудейское образованіе ограничивалось знаніемъ Св. Писанія; ἰδιῶται, что они никогда не учились въ раввинскихъ школахъ. Слово *идіотъ* (*ιδιώτης*) часто встрѣчается въ Талмудѣ и подъ нимъ разумѣется человѣкъ, стоящій гораздо выше *ам-іаареца*. Подъ *идіотомъ* разумѣется тотъ, который хотя и не посѣщалъ школы, однако же признаетъ авторитетъ раввиновъ; *ам-іаарецъ* напротивъ тотъ, кто ненавидитъ и презираетъ этотъ авторитетъ. Гиллель отличался своею снисходительностью къ невѣжеству *идіотовъ* (*Babha Metzia*, f. 104, I). Сравни Иоан. VII, 15: „какъ Онъ знаетъ писаніе *не учившись*?“

189) „*Populus sanior quam qui praesunt*“ (Bengel). Употребленіе слова γερουσία въ Дѣян. V, 21 нѣсколько затруднительно, потому что мы не знаемъ ничего ни о какомъ іудейскомъ „сенатѣ“ помимо синедріона, и потому, что если γερουσία принимать скорѣе въ этимологическомъ, чѣмъ въ политическомъ смыслѣ, то синедріонъ *включалъ* въ себя старшинъ (IV, 8; XXV, 15). При неясности этого предмета невозможно сдѣлать различіе между *политическимъ* и *талмудическимъ* синедріономъ. См. у Деренбурга (*Palestine*, 213), который думаетъ, что Агриппа первый ввелъ раввиновъ въ синедріонъ.

190) Оба они упоминаются въ качествѣ присутствовавшихъ при первомъ собраніи и этимъ вѣроятно дается знать, что они присутствовали также и на этомъ собраніи.

191) О нихъ см. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 536 и сл.

192) *Lightfoot*, Cent. Chor. на Мате. гл. XV.

193) *I. Phasiū*, Antt. XVIII, 8, § 1.

194) Сн. *Плат.* Aроl. 29. *πεῖσμαι δὲ θεῷ μᾶλλον ἢ ἄνθρωπῳ.* „Для меня лучше было бы называться глупцом во все дни моей жизни, чѣмъ сдѣлаться злымъ предъ Га-Макомъ“, т. е. Богомъ; буквально „мѣстомъ“ (Edioth, гл. V, 6).

195) По-испански и португальски *fulano* (отъ арабскаго). Название *otho haish*, „тотъ чело-вѣкъ“, еще болѣе презрительно. *יֵשׁוּ* (Yeshu) употребляется какъ сокращеніе вмѣсто *יֵשׁוּעַ*, и состоитъ изъ начальныхъ буквъ проклятiя.

196) „Синедрионъ имѣетъ своею цѣлью не разрушеніе жизни, но спасеніе“ (Sanhedr. 42 b). (См. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 560 и ниже прил. VII).

197) Всѣ раббаны, кромѣ Іоханана Бенъ Закая, были потомками Гамалиила.

198) *Thilo*, Cod. Aroscr., стр. 501.

199) Выраженію *ἀν ἢ ἄνθρωπον* быть можетъ придавали слишкомъ много значенія въ противоположность съ выраженіемъ *ἐἴ ἢ ἐκ θεοῦ ἔστιν*, стихи 38, 39; сн. Гал. I, 8, 9—(Бенгель *ἀν ἢ si fit, conditionaliter, ἐκ θεοῦ si est, categoricé*)—какъ будто Гамалиилъ склонялся къ послѣднему взгляду, „по которому данный *второй* случай кажется наиболѣе вѣроятнымъ Гамалиилу“ (Мейеръ). Оно просто означаетъ:—„если оно отъ чело-вѣкъ, какъ покажутъ результаты“ и „если какъ я въ настоящее время предполагаю, отъ Бога“ (см. Винеръ).

200) Альфордъ, слѣдующій Шрадеру, въ своемъ сочиненіи „*Der Apostel Paulus*“.

201) См. Мат. XV, 3. Въ этомъ именно смыслѣ Лютеръ внушалъ совѣтъ Гамалиила Электру Тревскому.

202) См. *Baur*, Paul. I, 35; *Zeller*, Die Apostelgeschichte—стр. 134. Бауръ утверждаетъ, что Гамалиилъ не могъ произнести приписываемой ему рѣчи вслѣдствіе „поразительной хронологической ошибки въ указаніи на примѣръ Ѳевды“. И однако же онъ не приводитъ ни одного доказательства въ пользу ни того, что упоминаемый здѣсь Ѳевда *тождественъ* съ Ѳевдой Іосифа Флавія, ни того, что Іосифъ Флавій *непремѣнно правъ*, а св. Лука *непремѣнно неправъ*. Целлеръ, входившій въ болѣе полное обсужденіе этого предмета, повидимому былъ пораженъ только сходствомъ между двумя обманщиками, не отрицая однако же различія въ разсказахъ о нихъ; и онъ придаетъ необычайную важность молчанію Іосифа Флавія о томъ незначительномъ движеніи прежняго фанатика, на котораго повидимому указывалъ Гамалиилъ. Онъ не указываетъ также на возможность, допускаемую даже іудейскимъ писателемъ (*Jost*, Gesch. d. Jud. II, 76), что Ѳевда Гамалиила могъ быть Симономъ, рабомъ Ирода, о которомъ говоритъ Іосифъ Флавій (Antt. XVII, 10, § 6; *Tam. Hist.* V, 9). Объ этомъ тождествѣ см. *Sonntag*, Stud. u. kritik. 1837, стр. 622, и *Hackett* ad loc. Затѣмъ критики тюбингенской школы указываютъ на предполагаемую нелѣпность положенія, чтобы синедрионъ могъ допустить „общезвѣстное чудо“ и въ тоже время наказать людей, которые совершили его. Но это значитъ разсуждать съ точки зрѣнія новѣйшаго времени. Іудеи никогда не отрицали чудесъ Іисуса, но на этомъ основаніи они однако же не вѣрили въ Его миссію. Подобно тому какъ новѣйшій протестантъ, знакомый съ особенностями нервной болѣзни, можетъ принять повѣствованіе о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ въ Ла-Саллетѣ, ни на моментъ не допуская въ тоже время дѣйствительности видѣнія, которое, будто бы, освятило это мѣсто, такъ и іудеи свободно допускали возможность чудесъ, которыя они приписывали *кишуу* (т. е. чародѣйству, совершающему чудеса при помощи нечистой силы) или *קישורין*, фантазмагоріи—обману глазъ (Деренбургъ, Palest. 106 п. 3; 361, п. 1). Такъ они признавали чудесную силу за идолами (Abhoda Zara, f. 54, 2). Въ Талмудѣ есть анекдотъ (быть можетъ родъ аллегоріи на Еклез. X, 8), который вполне разъясняетъ этотъ предметъ. Раввинъ Еліезеръ Бенъ Дама былъ укушенъ змѣей и Іаковъ *миш* (христiанинъ) *предложилъ исцѣлить его именемъ Іисуса*. „Бенъ Дама, это запрещено!“ сказалъ ему его дядя, раввинъ Измаилъ. „Но дай мнѣ сдѣлать это“, настаивалъ Іаковъ; „я докажу вамъ закономъ, что это позволительно“. Неуспѣли они еще закончить споръ, какъ больной умеръ. „Счастливы Бенъ Дама!“ воскликнулъ его дядя; „ты предалъ свою душу

въ чистотѣ, не нарушивъ правила мудрыхъ" (Abhoda Zaga, сн. 27, 6; 55, 1; Jer. Schabbath, 14, 4). Въ повѣствованіи св. Луки Гамалиилъ говоритъ объ „Іудѣ Галилейскомъ“, между тѣмъ какъ Іуда былъ рожденъ въ Гамалѣ и извѣстенъ былъ вообще подъ именемъ Іуды Гавлонита (Γαυλωνίτης ἀνὴρ, *І. Флав.* Antt. XVIII, 1, § 1): эта ничтожная особенность была бы несомнѣнно выставлена нѣмецкимъ критикомъ въ доказательство неисторическаго характера этой рѣчи, но по счастливой случайности Іосифъ Флавій, по сферѣ его дѣятельности, три раза называетъ его ὁ Γαλιλαῖος (Antt. XVIII, 1, § 6; XX, 5, § 2; B. Jud. II, 8, § 1).

²⁰³⁾ Га-завенъ, какъ онъ называется.

²⁰⁴⁾ Обращаясь къ *Buddaeu Philosoph.* Hebraeorum (1720), я нахожу, что онъ давно уже отвѣтилъ на это возраженіе. Интересный анекдотъ въ трактатѣ *Berachoth*, f. 16, 2, показываетъ, что природная доброта Гамалиила была слишкомъ велика для суровости его собственнаго ученія.

²⁰⁵⁾ Jer. Shabbath, I, 7.

²⁰⁶⁾ См. приложение V: „Гамалиилъ и тюбингенская школа“.

ГЛАВА VII. ²⁰⁷⁾ Изъ всего народа возвратилось только 42,360 человѣкъ, и такъ какъ отдѣльное количество возвратившихся семействъ, даваемое Ездрой и Нееміей, восходитъ только до 30,000, то іудеи съ малою вѣроятностью предполагали, что остальные состояли изъ членовъ 10 колѣнъ. Въ массѣ же своей эти 10 колѣнъ были окончательно и совершенно поглощены народами (быть можетъ семитическаго происхожденія), между которыми они были разсѣяны (*І. Флав.* Antt. XI, 5, § 2; 2 Ездр. XIII, 45). Такія выраженія какъ: τὸ διασπαρῆλον *Іак.* I, 1; Дѣян. XXVI, 7, скорѣе указываютъ на прошлыя воспоминанія, на патріотическія стремленія и на свято сохраняемыя генеалогическія лѣтописи немногихъ семействъ, чѣмъ на осязаемую дѣйствительность. Изъ священническихъ семействъ возвратились только четыре череды изъ 24-хъ (*Ездра*, II, 36—39).

²⁰⁸⁾ *Іос. Флав.* Antt. XIV, 7, § 2.

²⁰⁹⁾ Слово это въ первый разъ встрѣчается въ этомъ смыслѣ во Второзак. XXVIII, 25; Пс. CXLVI, 2, „онъ собираетъ изгнанниковъ (גִּלְגָּלִים по LXX τὰς διασποράς) Израиля“. Оно встрѣчается также во 2 Макк. I, 27, „собери разсѣяніе наше, освободи поработенныхъ язычниками“. Они сначала назывались Benī Galootha (*Ездра* VI, 16). Въ *Іоан.* VII, 35 τὴν διασπορὰν τῶν Ἑλλήνωνъ означаетъ іудеевъ разсѣянныхъ среди греческаго міра. Единственный мѣста, гдѣ оно еще встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ, суть *Іак.* I, 1; 1 *Петр.* I, 1.

²¹⁰⁾ *Shairp*, Modern Culture.

²¹¹⁾ *Reuss*, Theol. Chret. I, 1, 93, и въ *Hersog.* Real.-Enc. подъ слов. „Hellenism“. Объ этомъ космополитизмѣ см. *І. Флав.* С. Ар. II, 4.

²¹²⁾ См. *Юв.* II, 149; *Boissier*, La Religion Romaine, I, 374—450 и contra *Friedländer*, Sittengeschichte Roms (который впрочемъ заходитъ слишкомъ далеко).

²¹³⁾ Потому что эти болѣе туманныя понятія о Божественномъ гораздо легче обнять, чѣмъ величественныя, конкретныя образы (см. *Hausrath*, Neut. Zeitg. II, 76) и потому, что греческая религія была слишкомъ радостна для больного и страждущаго міра (*Апол.* Metam. XI, passim). См. *Cat.* X, 26; *Ов. F.* IV, 309; *А. А. I.* 78; *Јув.* VI, 489, 523; *Тас.* Апп. XVI, 6 и пр.

²¹⁴⁾ Какую важную роль играли эти прозелиты (которые также назывались σαρβινοί, σαρβεῖς, σάλαβεῖς), можно видѣть въ Дѣян. X, 2; XIII, 43; XVI, 44 и проч. и въ другихъ мѣстахъ. Благодаря мучительному и, по эллинскому представленію, возмутительному обряду обрѣзанія, женщины гораздо чаще обращались въ іудейство, чѣмъ мужчины. Іосифъ Флавій (*В. J.* II, 20, § 2) говоритъ, что почти всѣ женщины въ Дамаскѣ приняли іудейство; и даже въ первомъ столѣтіи

три знаменитых раввина были сыновья языческих матерей, принявших вѣру Моисея (*Derenbourg, Palest, 223*).

²¹⁵) См. *Philo, Legat.* 36; in *Flacc.* 7; *I. Флавій*, *Antt.* XVI, 6, § 3; XVIII, 9, § 1; *Циц. pro Flacc.* 28; *Shecalim*, 7, 4; *Rosh Hashana* 2, 4.

²¹⁶) Авторъ Пятонкижія и *Танаимы* жили въ совершенно различныхъ сферахъ идей (*Kuenen, III, 291*).

²¹⁷) Второзак. XVI, 16, 17; Лев. XXV; Пс. CVI, 23. См. *I. Флавій* с. Ар. I, 12. Глава эта начинается замѣчаніемъ: ἡμεῖς τοίνυν οὕτε χόραν οἰκοῦμεν παράλιον οὐτ' ἐμπορίας χαίρομεν οὐδέ ταῖς πρὸς ἄλλους διὰ τούτων ἐπιμελείας. Мункъ (*Palest.*, стр. 393) дѣлаетъ нѣсколько превосходныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, показывая, что торговля не только могла побуждать къ сношенію съ язычниками, но также разрушала общественное равенство, къ которому стремились Моисей, что было невозможно, пока строго соблюдался законъ (*Осія XII, 8; Амос. VIII, 4—6* и пр.).

²¹⁸) Таргумъ Ионаана (*Зах. XIV, 21*).

²¹⁹) Рабъ былъ современникомъ Равви (Иуды святаго) и былъ „главою плѣна“.

²²⁰) *Yebhamoth*, f. 63, 1.

²²¹) עַל־הָאֲדָמָה „въѣ земли“ (*Frankl, Jews in the East, II, 34*). Нѣчто въ родѣ французскаго la-bas.

²²²) Многие изъ раввиновъ считали язычниковъ немногимъ лучше, чѣмъ топливо для огней геенны. Раввинъ Іозія такъ толкуетъ Ис. XXXIII, 12: „И народы будутъ горѣть подобно извести“. Рабъ Баръ Шило объяснялъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что „они будутъ сжигаемы вслѣдствіе пренебреженія закона, который былъ написанъ на извести“. См. любопытную гагаду въ трактатѣ *Sotah*, f. 35, 2). Но эллинисты скоро могли придти къ убѣжденію, что „не все знаніе заключено въ законѣ Моисея, Пятонкижіи или Пророкахъ, что и язычники знаютъ кое-что изумительное, научаемые свѣтомъ природы“. Мильтонъ „Возвращ. Рай“, IV, 225.

²²³) См. *Филомъ* с. Fl. II, 523; *I. Флав.* *Antt.* XIV, 7, § 2; *Deutsch* въ *Kitto' Cycl.* подъ словомъ „Dispersion“, и кан. *Весткоттъ* въ библич. слов. *Смита*.

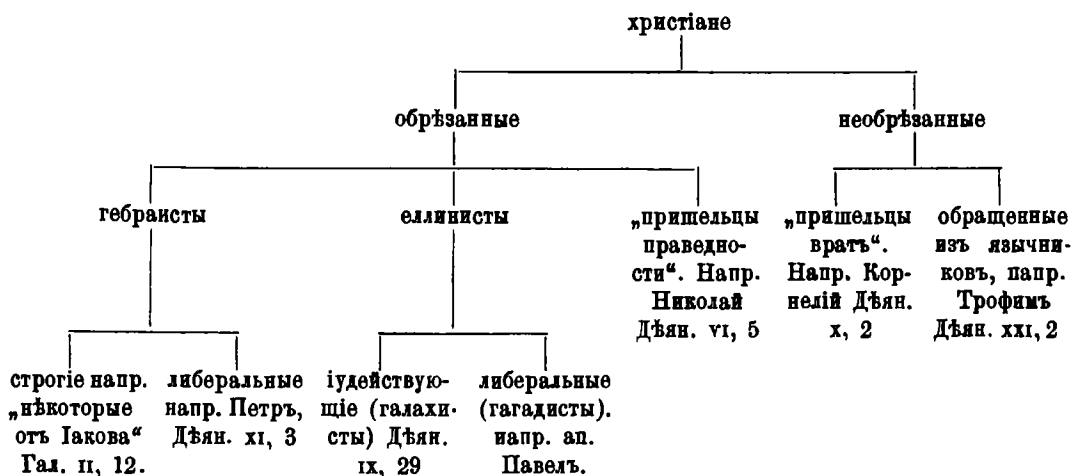
²²⁴) См. Дѣян. XVIII, 17; 1 Кор. I, 22, 23; Римл. I, 14. Посланники Авгаря (если только это были они), обращавшіеся къ Филиппу, когда они желали видѣть Іисуса, были греки, а не эллинисты (*Іоан., XII, 20*).

²²⁵) Римл. I, 16; II, 9; III, 9; 1 Кор. X, 32. Гал. II, 3 и пр. Такъ во 2 Мак. IV, 13 Ἑλληνισμόςъ равносильно ἑλληνοφυλισμόςъ; и въ IV, 10, 15; VI, 9 та Ἑλληνικὰ ἡθῆη означаетъ „язычество“, а въ Ис IX, 12 „филлистимляне“ переводятся у LXX Ἑλλήνας.

²²⁶) Ср. *Ксеноф.* Анаб. VII, 3, 12.

²²⁷) Дѣян. VI, 1; IX, 29. Въ XI. 20 истинное чтеніе есть Ἑλλήνας.

²²⁸) Нѣкоторые изъ гебраизирующихъ эллинистовъ ненавидѣли даже переводъ LXX (*Geiger, Urschr.* 419, 439; *Zunz, Gottesd. Vort.* 95). Различные классы христіанъ могутъ быть распредѣлены въ слѣдующей таблицѣ:

²²⁹⁾ См. 2 Мак. IV, 13 и слѣд. „Такъ явилась склонность къ эллинизму и сближеніе съ иноплеменичествомъ вслѣдствіе непогрѣнаго нечестія Іасона, этого безбожника, а не первосвященника. . . . такъ что священники. . . . презирая храмъ. . . . спѣшили принимать участіе въ противныхъ закону играхъ палестры по призыву бросаемаго диска“ и проч. מלכות יון הרשעה „омерзительное царство Явана“—въ этомъ выраженіи обыкновенно выражалась ненависть къ греческимъ обычаямъ и порядкамъ.

²³⁰⁾ ἑπιστολικός (1 Кор. VII, 18). Состояніе πρῶτος (1 Макк. I, 15; *I. Флав.* Antt. XII, 5, § 1). (Объ іудейскомъ эллинизмѣ смотри *Ewald*, Gesch. V, § II, 4).

²³¹⁾ Такъ нѣкій Езекиль написалъ трагедію о Моисѣ; другой, Филонъ, написалъ поэму объ Іерусалимѣ; Θεοδότης—трагедію о похищеніи Дины; Дмитрій Эвполемъ написалъ гражданскую исторію. Исторія Сусанны есть подобнаго же рода разсказъ. Но болѣе строгіе іудеи неодобрительно относились къ такимъ формамъ литературныхъ произведеній. Въ письмѣ Аристееа говорится, что Θεοπομπή былъ пораженъ сумасшествіемъ, а Θεοδεκτής—слѣпотою за дѣла этого рода (*Hausrath*, Neut. Zeitg. II, 130).

²³²⁾ Такова была главная цѣль Іосифа Флавія въ его „Древностяхъ“.

²³³⁾ Взгляды этихъ либеральныхъ эллинистовъ можно видѣть въ трудахъ псевдо-Аристееа, псевдо-Аристовула, въ стихахъ Фокилида (*Kuenen*, Religion of Israel, III, 180). Цѣлый циклъ литературы имѣлъ своею цѣлью доказать, что вся греческая мудрость была заимствована изъ іудейскихъ источниковъ и имена Орфея и Сивиллы часто давались іудейскимъ измышленіямъ и поддѣлкамъ (*Елм. Алекс.* Strom. V, 4; *Евсеев.* Праер. Evang. VII, 14; VIII, 10; XIII, 12). Белъ и драконъ, посланіе Іеремиа, письма псевдо-Гераклита и проч. принадлежатъ къ этому роду сочиненій. Смотри также „премудрость Соломона“ X—XII; *I. Флав.* с. Ap. II, 39, *Hausrath*. N. Zeitgesch. II, 100 и сл. Іосифъ Флавій говоритъ, что Пифагоръ заимствовалъ изъ Моисея (contr. Ap. I, 22).

²³⁴⁾ Къ такимъ гебраизирующимъ эллинистамъ принадлежитъ авторъ „посланія Іеремиа“ и (вообще) Премудрости (см. VII, 22 и сл., XIII—XIX). „Либеральныя эллинисты одухотворяли и испаряли средостѣніе между іудеями и язычниками“, такъ что, хотя Филонъ говоритъ, что стѣна должна еще держаться, неудивительно было встрѣтить, что его племянникъ прокураторъ Тиверій Александръ отрекся отъ іудейства (*I. Флав.* Antt. XX, 5, § 2; *Kuenen*, Rel. of Israel, III).

²³⁵⁾ Shabbat, I, 7; *Graetz*, III, 494; *Derenbourg*, Palest. 274.

²³⁶⁾ Shabbath, 116 a; *Derenbourg* 380.

²³⁷⁾ Эллинскія имена Филиппа и Андрея ничего не доказываютъ, потому что въ эту эпоху такіа имена были въ ходу у іудеевъ. Но они могли имѣть связи съ греками (Іоан. XII, 20).

²³⁸⁾ 2 Мак. III, 10, „первосвященникъ“ (Иліодоръ) показалъ, что это есть вѣренное на сохраненіе имущество вдовъ и сиротъ“.

²³⁹⁾ Дѣян. VI, 2, *διακονεῖν τραπεζαῖς*. Что *τραπεζα* не имѣетъ здѣсь значенія „банка“ (*Г. Флаас*. *Antt.* XII, 2, § 3; см. *τραπεζῖταις* Матѳ. XXV, 27, *τράπεζαν* Лук. XIX, 23), это ясно изъ контекста.

²⁴⁰⁾ Семь избранниковъ не были однакоже „діаконами“ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, а также и не простыми раздавателями милостыни. Специальный титулъ, даваемый имъ, есть евангелисты (Дѣян. XXI, 8). Какъ ихъ дары, такъ и ихъ обязанности гораздо возвышеннѣе, чѣмъ тѣ, которые требуются отъ діаконѳвъ въ 1 Тим. III. Діаконѳ въ новѣйшемъ смыслѣ находятъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ *νεώτεροι* и *νεανίσκοι* (Дѣян. V, 5, 10; см. Лук. XXII, 26) и въ *κατακλιματῶν* синагоги (Лук. IV, 20). Эти семь избранныхъ мужей, какъ замѣчаетъ Златоустъ, скорѣе имѣли обязанность пресвитерѳвъ и ихъ нужно считать обществомъ, избраннымъ единственно для особой цѣли—*τῶς εἰς τοῦτο ἐχειροτονήθησαν*. Другое сходство съ этимъ назначеніемъ представляется въ существующемъ учрежденіи трехъ раздавателей милостыни (*парнасимѳвъ*), которые производили сборъ и распредѣленіе „милостыни чаши“ (см. *Ginsburg* въ *Kitto* подъ слов. „Synagogue“) и „милостыни ящика“ въ іудейскихъ синагогахъ; и эти лица всегда были избираемы всѣмъ собраніемъ синагоги, какъ и здѣсь, по заявленію апостоловъ, должно бы быть при избраніи этихъ новыхъ должностныхъ лицъ.

²⁴¹⁾ Николай не составляетъ исключенія. Если, какъ утверждаетъ раннее преданіе, самъ Лука былъ „прозелитомъ Антиохійскимъ“ (*Евсев.* Церк. И. III, 4; *Иерон.* De Virg. illustr. 7), то быть можетъ этотъ фактъ и подсказалъ данное выраженіе. Данные, по которымъ его связываютъ съ „сектой николаитѳвъ“ (Откр. II, 6, 15) и съ исторіей, что они усвоили какъ названіе, такъ и свое омерзительное ученіе, изъ превратнаго толкованія его замѣчанія, что мы должны *παρὰ ἑρῆδαι τῇ σαρκί*, недостаточны. *Παρὰ ἑρῆδαι* хотя и употребляется въ смыслѣ необузданной распущенности (Свида), имѣетъ также значеніе *διακρῆδαι* умерщвлять (*Густин.* Фил. Apol. 49). Ириней (с. Нѣг. I, 47), за которымъ слѣдуютъ многіе изъ отцевъ (*Ипполитъ*, R. Н. VII, 36; Тертулл. De Præsc. Нѣгет. с. 46), принимаетъ преданіе о связи его съ этою сектою. Климентъ Александрійскій, защищая его отъ обвиненія въ личной безнравственности и допуская, что значеніе его словъ (которые были лишь неудачно выбраны) было совершенно перетолковано (*τῶν ἐκμῆταιων τῶν περισπουδαστῶν ἡδονῶν* то „*παρὰ ἑρῆδαι τῇ σαρκί*“ *ἐκδιδάσκει*, Strom. III, IV, 26, ed. Pott. p. 523), однако же называетъ сомнительной и вѣроятно ошибочной исторію о его поведеніи, когда его обвиняли въ ревности къ своей женѣ. Этотъ рассказъ повторяется у Евсевія и у другихъ отцевъ. Подробнѣе объ этомъ предметѣ и объ отождествленіи Кокдеемъ Николая съ Валаамомъ въ Откр. II смотри *Gieseler*, Eccles. Hist. I, 86, англ. пер.; *Mansel*, Gnostic. Her. 72; *Derenbourg*, 363.

ГЛАВА VIII. ²⁴²⁾ Сн. Іоан. XII, 42. Комментаторы прибѣгали къ необычайнымъ уловкамъ для того, чтобы избавиться отъ этого простаго свидѣтельства, которое, какъ я показалъ въ текстѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Нѣкоторые хотѣли бы принять совершенно неимѣющее никакого значенія чтеніе въ первомъ стихѣ *ἱουδαῖων*, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ курсивныхъ манускриптахъ и Филоксеніевомъ сирійскомъ переводѣ. Другіе принимаютъ предположительную поправку Безы *πολύς τε ὄχλος καὶ ἱερεῶν* (sc. *τινῶς*). Иные еще слѣдуютъ Геинзіусу и Эльснеру въ предположеніи, что *ὄχλος τῶν ἱερέων* означаетъ „священниковъ низшаго разряда“, „плебейскихъ священниковъ“, что іудеи называли бы *קטנים* т. е. „священниками простонародья“ въ отличіе отъ *Thalmidî hachachâtim* или „ученыхъ священниковъ“; но нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы существовало такое различіе, хотя само по себѣ вполне вѣроятно, что ни одинъ изъ этихъ обращенцевъ не вышелъ изъ семейства аристократическихъ и высококѣрныхъ Воеузизмовъ,

Камитовъ и проч. Но ни здѣсь, ни въ I, 15 *δχλος ἀνομάτων*, слово *δχλος* не имѣетъ презрительнаго смысла.

243) Съ Ездрой возвратились 4,289 человекъ (II, 36—39).

244) *Epirh.* Наег. XL, стр. 50.

245) Что онъ былъ эллинистъ—есть не только натянутое заключеніе изъ греческой формы его имени, что могло быть только передачею арамейскаго *Kellil*, но вытекаетъ изъ самаго повѣствованія и подтверждается характеромъ его рѣчи; но воспитывался ли онъ въ Римѣ или былъ римскимъ отпущенникомъ (Плюмптръ и Дѣян. VI, 5) и что привело его въ Иерусалимъ—мы не знаемъ.

246) *Χάριτος* (N, A, B, D и пр.), а не *πίστεως*, истинное чтеніе въ Дѣян. VI, 8.

247) Дѣян. XXIV, 5; XXVIII, 22. *Αφροσς*.

248) Названіе это возникло уже позже, но здѣсь употреблено ради удобства.

249) Иудеи въ это время считали ихъ *хаберимами*, обществомъ людей, собравшихся для особенной цѣли, совершенно безвредной.

250) Часы эти назывались *חורין*—*шахритъ*, въ 9 ч.; *מנחה* *минха* въ 3 ч. 30 м.; и *ערב*—*меарибъ* ночью (Дѣян. II, 1; III, 1; X, 30).

251) Дѣян. XXI, 20, 24. Въ подтвержденіе фактовъ въ предыдущихъ параграфахъ смотри Дѣян. X, 9, 14, 30, XIII, 2, 3; XVIII, 18, 21; XX, 6, 16; XXII, 3; Римл. XIV, 5; Гал. IV, 10; V, 2; Фил. III, 2; Откр. II, 9; III, 9; VII, 15; XI, 19 и пр. *Reuss.*, Theol. Chret. I, 291, который приводитъ Sulpic. Sever. II, 31: „Christum Deum sub legis observatione credebant“.

252) *Kuenen*, Rel. of Isr. III, 281.

253) Утверженіе Талмуда (сн. Sanhedr. f. 58, 1), что въ Иерусалимѣ было 480 синагогъ, въ дѣйствительности не имѣетъ значенія, потому что отзывы раввиновъ объ Иерусалимѣ, Вееирѣ и вообще о Палестинѣ крайне преувеличены; но, какъ замѣчаетъ Ренанъ (*Les Apôtres*, p. 109), это не можетъ показаться совсѣмъ невозможнымъ для тѣхъ, кто знакомъ съ безчисленными мечетями магометанскихъ городовъ. Мы знаемъ изъ Талмуда, что каждая синагога имѣла школу не только для обученія Св Писанію, но также для изученія преданій (*למוד למשנה*, *Megillah*, f. 73, 4).

254) См. *Frankl*, Jews in the East, II, 21.

255) Онъ быть можетъ былъ также либертинцемъ или отпущенникомъ.

256) Дѣян. VI, 9 *συζητούντες*.

257) *חורין*.

258) Втор. XXI, 23, *κακὰ τὴν αἰώνον ἐπὶ τοῦ θανάτου*. Последній взглядъ на это: „всякій повѣщенный есть оскорбленіе Богу“ возникъ изъ того обстоятельства, что иудейскіе патріоты въ иудейской войнѣ были распинаемы цѣлыми десятками. Ап. Павелъ, приводя этотъ стихъ, опускаетъ *ἐπὶ τοῦ θανάτου* (Гал. III, 13 и *Лайтфутъ*, стр. 133).

259) Понятіе о страждущемъ Мессіи, Бенъ Иосифъ, въ отличіе отъ торжествующаго сына Давидова (*Раши* на Ис. XXIV, 18; *Succah*, 52, 1, 2, гдѣ дѣлается ссылка на Зах. XII, 10, Пс. II и проч. См. *Otho*, Lex. Rab. сл. „Messiah“), не встрѣчается въ иудейской литературѣ до позднѣйшаго времени. Ссылка ап. Павла на Моисея и пророковъ—*ἐν πάσῃ τῇ ὁ Χριστός*, Дѣян. XXVI, 23—вызвала только усмѣшку со стороны Агриппы II.

260) Доказательство этого положенія можно найти у *Wünsche*, Die Leiden des Messias, а различныя цитаты изъ его книги можно найти въ *Speaker's Commentary*, *ad loc.*

261) См. Ис. XL, 3; Марк. I, 3; Малах. III, 1; Мат. XI, 10; Ис. VIII, 14; IX, 1; Мат. IV, 14; Ис. LXI, 1; Лук. IV, 18; Пс. LXXVII, 2; Мат. XIII, 35; Пс. CXVII, 22; Лук. II, 34; Дѣян. IV, 11; XIII, 41; Пс. XL, 9; Зах. XI, 12; Іоан. XIII, 18; Мат. XXVI, 15; XXVII, 9, 10;

Зах. XII, 10; Иоан. XIX, 37; Ис. LIII, 9; Пс. XV, 10; Мат. XII, 40; Дѣян. II, 27; Пс. CIX, 1; Дѣян. II, 33, Евр. I, 13 и проч. (См. *Davidson*, On Prophecy, по мѣстамъ; *Hausrath*, 112 и сл.).

262) Дѣян. VI, 12, *ἐπιστάτες*, см. XVII, 5.

263) Дѣян. VI, 13, *οὐ παύεται ῥήματα λαλῶν*.

264) Дѣян. VI, 14, *Ἰησοῦς, ὁ Ναζωραῖος οὗτος*.

265) Дѣян. VI, 14, *τὰ ἔθνη ἃ παρέδωκεν ἡμῖν Μωϋσῆς* (см. *Г. Флав.* Antt. XIII, 10, § 6 и 16, § 2).

266) *Maimon*. Pref. къ *Yad Nachazakah*. *McCaul*, Old Paths, 335.

267) Дѣян. VI, 15, *ἀτενίσαντες εἰς αὐτὸν πάντες*.

268) Св. Златоустъ въ видимой мягкости этого вопроса видитъ указаніе на то, что первосвященникъ и синедрионъ были устрашены сверхъестественнымъ блескомъ вѣшняго вида мученика—*ὁρᾷς ὡς μετὰ ἐπισκίασιν ἡ ἀρώτησις καὶ οὐδὲν τέως φοβικὸν ἔχουσα*; (Homil. XV на Дѣян.). Но заданный вопросъ былъ обычной формой вопроса. Это въ высшемъ іудейскомъ судѣ было тоже, что „виновенъ или невиновенъ“ въ нашихъ судахъ.

269) Противъ этого взгляда выставлялись, во-1-хъ, невѣроятность, чтобы св. Стефанъ защищалъ свое дѣло передъ синедриономъ погречески; во-2-хъ, употребленіе гебраизма *οὐρανοὶ* въ Дѣян. VII, 56. Но что касается перваго пункта, то если даже Филонъ не зналъ еврейскаго языка, то конечно могъ не знать его и Стефанъ, а во-2-хъ, слово *οὐρανοὶ* указываетъ лишь на особенное іудейское вѣрованіе независимо отъ языка.

270) См. *Jahn*, *Archeol. Bibl.* § 248. Онъ не указываетъ источника и я сначала нѣсколько сомнѣвался въ этомъ положеніи, но нахожу его въ Мишнѣ, *Sanhedr.* IV, 2

271) Какое впечатлѣніе на душу ап. Павла произвелъ этотъ аргументъ, можно видѣть изъ той выразительности, съ которою онъ останавливается на „вѣрѣ отца нашего Авраама, которую имѣлъ онъ въ необрѣзаніи“ (Рим. IV, 12). Насколько необходимо было указать на это, видно будетъ изъ мнѣній послѣдующихъ раввиновъ. „Авраамъ“, говоритъ Равви, какъ *кад' эзох'у* называется „Іуда Святой“, составитель Мишны, „не назывался совершеннымъ, пока онъ не былъ обрѣзанъ, и вслѣдствіе обрѣзанія съ нимъ былъ заключенъ завѣтъ касательно дарованія земли“. (*Joreh Deah*, 260, ар. *McCaul*, old Paths, 451; *Nedarim*, f. 31, 2). Излишне прибавлять, что это послѣднее положеніе есть прямое противорѣчіе Быт. XV, 18.

272) Быть можетъ тутъ есть мимоletный намекъ на выраженіе: „Иисусъ Назарянинъ“, которое они только что слышали изъ устъ лжесвидѣтелей.

273) Чтеніе LXX для еврейскаго *Хиу*.

274) Должно остаться сомнительнымъ, разумѣется ли здѣсь нѣкоторый контрастъ между *снѣхуца* (см. Свидѣ, подъ этимъ словомъ), предначертанной Давидомъ, и *оіаос*, построеннымъ Соломономъ.

275) 3 Цар. VIII, 27; 1 Парал. XXIX, 11; чит. ап. Павломъ въ Дѣян. XVII, 24.

276) Дѣян. VII, 52; чит. *ἐγένεσθε* A, B, C, D, E.

277) Дѣян. VII, 53, *ἐλάβετε τὸν νόμον εἰς διατάξεις ἀγγέλων*; Гал. III, 19, *ὁ νόμος διατάξεις δι' ἀγγέλων*; Второз. XXXIII, 2; LXX, *ἐκ θεῶν αὐτοῦ ἀγγελοι μετ' αὐτοῦ*; пс. LXVI, 18; евр. II, 2, Въ пс. LXVII, 12 они читаютъ *מלאכי* „ангелы“, вмѣсто *מלכי* „цари“ (*Шаббатъ*, f. 88, 2).

278) Равви (Іуда Святой) сказалъ, что „обрѣзаніе равносильно всѣмъ заповѣдямъ, заключающимся въ законѣ“ (*Недаримъ*, f. 32, 1).

279) О впечатлѣніи, которое произведено было этимъ на сердцѣ ап. Павла, нигдѣ не говорятъ ни св. Лука, ни самъ апостолъ; но слѣдами этого впечатлѣнія служить рядъ совпаденій, которыя подтверждаютъ подлинность этой рѣчи. Въ своей самой ранней рѣчи въ Антиохіи ап. Павелъ прибѣгаетъ къ тому же самому риторическому методу, столь пригодному для внушенія истины, не затрогивая предразсудковъ; онъ приводитъ тѣ-же самые тексты въ той же поразительной фразеологіи и въ томъ же приложеніи (ср. Дѣян. VII, 48, 51 съ Дѣян. XVII, 24; Рим. II, 29); намѣ-

каеть на то же преданіе (Дѣян. VII, 53; Гал. III, 19); пользуется тѣмъ же стилемъ рѣчи (Дѣян. VII, 2, XXII, 1) и придаетъ то же самое значеніе вѣрѣ Авраама (Рим. IV, 9, Гал. III, 7) и отношеніямъ Бога къ нему до заключенія завѣта обрѣзанія (Дѣян. VII, 5 — 8; Рим. IV, 10 — 19). Нельзя также сомнѣваться, что 2 Тим. IV, 16 было отголоскомъ послѣдней молитвы Стефана, въ примѣненіи отчасти къ нему самому. Въ рѣчи Стефана замѣчается по меньшей мѣрѣ семь *ана-доез*—Дѣян. VII, 2 (призваніе Авраама); 4 (смерть Фарры); 14 (семьдесятъ пять душъ); 16 (погребеніе патриарховъ въ Сихемѣ); 22 (египетское воспитаніе Моисея); 23 (сорокъ лѣтъ); 42 (идолопоклонство въ пустынѣ); 53 (ангелы при Синаѣ). Что касается мелкихъ примѣровъ *σφάλμα μνημονικόν* въ 6, 7, 14 и 16 стихахъ, то это просто „obiter dicta, auctoris aliud agentis“. Попытка привести ихъ въ строгое соотвѣтствіе съ Вѣтхимъ Завѣтомъ повела къ многимъ натяжкамъ въ толкованіи. Рѣчь св. Стефана называли „сокращеннымъ изложеніемъ Вѣтхаго Завѣта, сдѣланнымъ по отрывкамъ перевода LXX“ (*Greenfield, Apol. for the LXX, 103*). „Онъ обращаетъ вниманіе на значеніе, а не на слова“ (Иеронимъ).

280) Дѣян. VII, 54, *διεπρόντο τὰς καρδίαις αὐτῶν, καὶ ἔβρουχον τοὺς ὀδόντας ἐπ' αὐτόν*.

281) „Non fratri irascitur qui peccato fratris irascitur“ (Августинъ).

282) ян. VII, 56 чит. *διηνοῦμένους* N, A, B, C.

283) Смотри однакоже Откр. I, 13; XIV, 14.

284) Дѣян. VII, 57, *κράξαντες φωνῇ μεγάλῃ*.

285) См. прилож. VI: „Смертная казнь“.

286) I. Флав. Antt. XVIII, 4, § 3; 5, § 3; XIX, 6, § 2; XX, 9 § I.

287) Всякій изъ употребленныхъ мною эпитетовъ болѣе чѣмъ оправдывается тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ семействѣ изъ Новаго Завѣта, изъ I. Флавія, изъ Талмуда. См. приложение VII: „Власть Синедріона предавать смерти“.

288) *Ἐπικαλούμενον* значитъ „призывая Иисуса“. Тутъ не представляется надобности въ остроумномъ предположеніи Бентли, что *ON* потерялось вслѣдствіе созвучія съ *ON*.

289) Таковъ именно порядокъ этихъ словъ (N, A, B, C, D). „Saevire videbatur Stephanus: lingua ferox, cor lene“ (*Август. Serm. 315*). „Si Stephanus non orasset ecclesia Paulum non habuisset“. Съ самымъ выраженіемъ ср. Откр. XIV, 13. Въ словѣ *σῆτος* кажется можно видѣть намекъ на іудейское вѣрованіе, что грѣхи человѣка неотступно слѣдовали за нимъ и въ будущую жизнь (1 Тим. V, 24; *Sotah, f. 3, 2*).

290) Такъ въ прекрасной эпиграммѣ Анеологіи мы находимъ строки: *ἱερὸν βίβιον κοιμᾶται θνήσκειν μὴ λέγει τοὺς ἀγαθοὺς*. Это *нешика* іудеевъ (Второз. XXXIV, 8). Что торжественный ритмическій эпитритъ *ἐκοιμήθη* не совсѣмъ ненамѣренный, это повидимому ясно изъ одинаково тяжелого *αὐλωτός*, которымъ, какъ указываетъ епископъ Вордсвортъ, оканчиваются Дѣянія Апоспольскія. Св. Лука очевидно любитъ созвучія, все равно какъ и ап. Павелъ (сн. *κατ'ἐξουσίαν ἀποστόλων*, Дѣян. V, 41). Это третій случай смерти въ христіанской общинѣ: первая была самоубійствомъ, вторая казнью и третья мученичествомъ.

291) На этотъ обычай не указывается въ Мишнѣ или Гемарѣ.

ГЛАВА IX. 292) I. Флавій употребляетъ слово *κακίας* о Агриппѣ I, когда ему было по меньшей мѣрѣ сорокъ лѣтъ (Antt. XVIII, 6, § 7; см. выше стр. 9).

293) Дѣян. XXVI, 10 *ἀνακρουμένων τε αὐτῶν κατ'ἐνῆκα ψῆφον*.

294) *Selden, De Synedr. II, 7, 7*. Въ Мишнѣ при опредѣленіи правоспособности на членство въ синедріонѣ говорится только, что человѣкъ не долженъ быть игрокомъ въ кости, ростовщикомъ, голубятникомъ, или торговцемъ продуктами въ субботнемъ году (*Sanhedr. III, 3*); но въ Гемарѣ и у позднѣйшихъ іудейскихъ писателей мы находимъ, что, кромѣ упомянутыхъ качествъ въ Исх. XVIII, 21 и Втор. I, 13—16, кандидатъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго физическаго порока, безупречнымъ въ характерѣ, ученымъ въ наукѣ, знакомымъ болѣе чѣмъ съ однимъ языкомъ и имѣющимъ свое собственное семейство, такъ какъ такіе будто бы были менѣе склонны

къ жестокости и могли болѣе сочувствовать семейнымъ привязанностямъ (*Horajoth*, I, 4; *Sanhedr.* f. 17, 1, 36, b; *Menachoth* f. 65, 1; *Маймонъ* Sanhedr. II; *Otho*, Lex. Rabb. подъ этимъ словомъ). Не говоря о другихъ качествахъ, послѣднее вѣроятно во всякомъ случаѣ строго соблюдалось, и это придаетъ новую силу нашему предположенію, что ап. Павелъ былъ нѣкогда женатъ (1 Кор. VII, 8; см. выше стр. 52 и сл. См. *Эвальдъ*, *Sendschr. d. Ap. Paulus*, 161; *Geschichte d. Apost. Zeitalt.* 371).

²⁹⁵⁾ См. *Surenhusius*, Мишна IV; Praef.

²⁹⁶⁾ *Sotah*, f. 47, 1.

²⁹⁷⁾ *Маймон.* въ *Sotah*, с. 3. Въ пользу отрицанія числ. V, 18 привод. Ос. IV, 14. Сн. Мате. XII, 39; XVI, 4.

²⁹⁸⁾ *Babba Metsia* f. 82, 2; *Otho*, Lex. Rabb. подъ слов. *Synedrium*.

²⁹⁹⁾ Втор. XIII, 8, 9; *Sanhedr.* f. 29, 1; 32, 3.

³⁰⁰⁾ Въ трактатѣ *Abhoda Zara* т. е. о „чужихъ религіяхъ“ нѣтъ ни одного слова о христіанахъ.

³⁰¹⁾ Маркеллъ, который въ это время былъ губернаторомъ *ad interim*, занималъ постъ не прокуратора ἡγεμῶν, а только ἐπιμελητής (*I. Флав.* Antt. XVIII, 4 § 2).

³⁰²⁾ Дѣян. VIII, 2 κοπετός μέγας. Слово это находится у LXX, Быт. L, 10 и пр., но въ Нов. Зав. только здѣсь.

³⁰³⁾ Дѣян VIII, 3 Ἐλυμαίνο τοὺν ἐκκλησίαν.

³⁰⁴⁾ Пс. LXXVIII, 14; *Callim.* Нупт. in Dian. 156, οὐκ ἔργα οὐκ φυτὰ λυμαίνονται.

³⁰⁵⁾ Эти враждебныя мѣры завершились въ δακνὴ καὶ ἐπὶ οὐρανῶν τοῖς ἁγίοις Ананіи, который говоритъ, что слухъ этотъ доходилъ до него изъ многихъ источниковъ (Дѣян. IX, 13).

³⁰⁶⁾ Дѣян. IX, 21 ὁ πορθέρας.

³⁰⁷⁾ См. выше стр. 219 Краткое посѣщеніе Самаріи „утвердить церкви“ (Дѣян. VIII, 14) не противорѣчило этому повелѣнію.

³⁰⁸⁾ Гал. I, 13, гдѣ онъ также говоритъ, что онъ преслѣдовалъ ихъ жестоко (καθ' ὑπερβολήν); и I, 23.

³⁰⁹⁾ Дѣян. XXVI, 11 ἡνάγκαζον βλασφημεῖν. Возможно, что въ ἀχρι θανάτου предыдущаго мѣста и въ κατήνευκα ψῆφον этого ап. Павелъ намекаетъ на свое собственное стараніе (сн. Гал. VI, 12) добиться для нихъ смертной казни, не показывая, что приговоръ былъ совершенъ. Мы переводимъ ἀναγκραζόμενον въ этомъ именно смыслѣ, который быть можетъ получаетъ новую вѣроятность отъ Евр. XII, 4: „Вы еще не до крови сражались“, если только это посланіе специально адресовалось палестинскимъ іудеямъ.

³¹⁰⁾ *Плин.* Ер. X, 97... „praeterea maledicere Christo; quorum nihil cogi posse dicuntur qui sunt revera Christiani“.

³¹¹⁾ Это вытекаетъ изъ ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ и изъ аориста διεσπάρησαν Дѣян. VIII, 1.

³¹²⁾ Домиціанъ и Максиміанъ чеканили медали Геркулеса и Гидры съ надписью: „Deleta religione Christiana quae orbem turbabat“.

³¹³⁾ Дѣян. XXVI, 11 περισσῶς ἐμμανόμενος αὐτοῖς.

³¹⁴⁾ Дѣян. IX, 1 ἐμπνέων ἀπειλῆς καὶ φόνου.

³¹⁵⁾ *I. Флав.* Antt. XVIII, 5, § 3.

³¹⁶⁾ Дѣян. IX, 2: „кто найдетъ послѣдующихъ сему ученію“. Слово Χριστιανισμός было изобрѣтено позднѣе (см. выше стр. 203). Іудейскіе писатели подобнымъ образомъ говорятъ о „деревахъ га-Ноцеримъ“ т. е. „ученіи (пути) назарянъ“.

³¹⁷⁾ Неоднократныя указанія на наказаніе женщинъ показываютъ не только безпощадность гоненія, но также и то, что женщины принимали большое участіе въ распространеніи религіи, которая впервые выводила ихъ изъ униженнаго состоянія въ гаремѣ и изъ заключенности тере-

мовъ. Эти женщины—мученицы великаго гоненія—были предшественницами свв. Екатерины, Варвары, Агнесы, Доротеи, Цециліи и Фелицитаты, которыя своими именами украшаютъ лѣтописи христіанскаго геройства.

318) См. Прилож. VII: „Дамаскъ при Аретѣ“.

319) Существуетъ разсказъ, что однажды первосвященникъ Симеонъ Бенъ Камиеъ лишень былъ правоспособности отправлять свои первосвщ. обязанности въ день очищенія, вслѣдствіе того, что во время дружественнаго разговора съ Аретой капля слюны эмира пала на одежду первосвященника (см. *Niddah*, f. 33, 2).

ГЛАВА X. 320) См. Рим. VII, 8, 9, 10. Эта картина умственнаго состоянія Савла не есть просто плодъ воображенія; отъ всего такого я тщательно воздерживался какъ въ „Жизни І. Христа“, такъ и здѣсь. Она прямо и неизбѣжно вытекаетъ изъ его собственныхъ посланій и изъ укора Христа: „трудно тебѣ идти противъ рожна“. Эти слова вслѣдъ за вопросомъ: „что ты гонишь Меня?“ съ неподражаемою краткостью заключаютъ въ себѣ значеніе: „развѣ ты не видишь, что *Я* преслѣдующій, а *ты* преслѣдуемый?“ Что же это за роженъ? Противъ него не было другаго рожна, кромѣ рожна, подставляемаго его собственною совѣстью. Угрызенія совѣсти, муки постоянныхъ предчувствій наносили ему раны, которыя давно уже говорили ему, что онъ идетъ по ложной дорогѣ. Они были аналогичны съ предостереженіями, какъ внутренними, такъ и внѣшними, которыя „запретили безуміе“ месопотамскаго кудесника. Валаамъ также изъ опыта узналъ, какая ужасная вещь „прать противъ рожна“. На настойчивую внутреннюю борьбу ап. Павла указывается также въ „призваніи“ Гал. I, 15, предшествующемъ „откровенію“. См. *Monod*, Cinq Discours, 168: *Stier*, Reden d. Apost. II, 299; *Pressensé*, Trois Prem. Siècles I, 434).

321) Ис. LII, 14; LIII, 4 „пораженный“ по евр., см. Лев. XIII, 13; Sanhedr. f. 98.

322) Рим. IX, 31. Когда равв. Елеазаръ былъ боленъ и Акиба ликовалъ, такъ какъ боялся, что Елеазаръ получалъ заслуженное въ этой жизни, то страдалецъ воскликнулъ: „Акиба, есть ли что нибудь такое въ законѣ, чего бы я не исполнилъ?“—„Равви, отвѣчалъ Акиба,—ты учишь: нѣтъ праведнаго человѣка на землѣ, который бы дѣлалъ добро и не согрѣшилъ“. Екклес. VII, 20 (Sanhedr. f. 101, 1).

323) См. *Porter*, Syria, стр. 435.

324) См. *Ad. Monod*, проповѣдь Les Larmes de St. Paul.

325) Дѣян. IX 3 *περίστρεψεν* „заблестало кругомъ“. Слово это еще употреблено въ XXII, 6, но не встрѣчается у LXX и неизвѣстно въ классическомъ языкѣ.

326) Дѣян. IX, 7 *ἰσχυρίσταν μὲνεν θεωροῦντες*. См. Дан. X, 7: „И только одинъ я, Даниилъ, видѣлъ это видѣніе, а другіе бывшіе со мною не видѣли этого видѣнія; но сильный страхъ напалъ на нихъ и они убѣжали, „чтобы скрыться“ Такъ въ Schemoth Rabba, секц. 2, f. 104, 3, говорится, что съ Монсеемъ были и другіе, но только онъ одинъ видѣлъ пылающій вустъ (Исх. III, 2). Подобнымъ образомъ Раши, въ началѣ своего комментарія на книгу Левитъ, говоритъ, что когда Богъ звалъ Монсея, голосъ этотъ слышенъ былъ только ему одному.

327) Мы находимъ слѣды сомнительной усмѣшки въ Клементинскихъ *Бесѣдахъ*, XVII, 13: „кто вѣрить видѣнію... на самомъ дѣлѣ можетъ быть обольщенъ злымъ демономъ, . который въ дѣйствительности есть ничто, и когда онъ спросить, кто это является ему (намекъ на τὸ εἰ χόρις; IX, 5), онъ можетъ отвѣчать, что ему угодно“,—и далѣе въ томъ же родѣ.

328) Дѣян. XXVI, 19 τῇ ὁρᾷ αὐτοῦ. Когда Захарія вышелъ изъ храма вѣнчанъ, народъ понялъ, что онъ видѣлъ *ὁρασία* (Лук. I, 22). Жены мѣроносицы, возвращаясь отъ гроба, говорятъ, что онъ видѣлъ *ὁρασία ἀγγέλων* (Лук. XXIV, 23). Слово это такимъ образомъ составляетъ особенность св. Луки и книги Дѣяній Апостольскихъ, равно какъ и многія другія слова. Это слово однакоже употреблено въ только что приведенномъ мѣстѣ посланія къ Коринѣянамъ, и *ὁρασία* тамъ не даетъ ему полной увѣренности, каково оно было — тѣлесное или духовное. LXX

употребляют его (Дан. IX, 23 и пр.) для передачи еврейскаго מַלְאָכָה, которое въ Бытіи XLVI, 2 употреблено о ночномъ видѣніи. Фаворинъ ясно говоритъ, что *δραμα*, днемъ ли или ночью, отлично отъ *ἐνυκτιον* „сновидѣнія“, и св. Лука повидимому разумѣетъ подъ *δραμα* во всякомъ случаѣ нѣчто болѣе объективное, чѣмъ то, что онъ разумѣетъ подъ *δραμα* (Дѣян. IX, 10—12; XI, 5; XII, 9; XVI, 9; XVIII, 9) или *ἐκστασις* (Дѣян. XI, 5; XXII, 17). „*Ορασις* въ Нов. Завѣтѣ встрѣчается только въ Откр. IV, 3; IX, 17 и въ цитатѣ, Дѣян. II, 17.

329) Въ такіе моменты живетъ только духъ, а *ψυχή*, животная жизнь, какъ *ὄργανον ληπτικόν*, едва ли способна постигать такіа откровенія. См. *August. De Genesi ad Litt.*, XII, 3. „Главное, мы не должны терять изъ вида великій евангельскій принципъ пріаго соприкосновенія между духомъ Божиимъ и духомъ человѣческимъ, соприкосновенія, которое ускользаетъ отъ анализа разума. . . Евангельскій мистицизмъ, открывая человѣческому чувству міръ непрерывныхъ чудесъ, избавляетъ его отъ труда заниматься малымъ количествомъ тѣхъ, которыя подвергаются противорѣчивому анализу со стороны критическаго раціонализма и раціонализма правовѣрнаго (*Reusz, Hist. Apostolique*, 114). „Христосъ стоялъ передъ мною“, сказала св. Тереза. „Я видѣла Его очами души гораздо яснѣе, чѣмъ я могла бы видѣть Его очами тѣла“ (*Vida*, VII, 11).

330) Излишне повторять примиреніе этихъ небольшихъ разногласій, потому что всѣ они примирены и объяснены въ самомъ текстѣ повѣствованія. Если бы они имѣли хоть малѣйшую важность, еслибы они были такого рода, что хоть на одинъ мигъ становились бы неразрѣшимыми для здраваго смысла, то такой тщательный писатель, какъ св. Лука, не оставилъ бы ихъ одно подлѣ другаго.

331) Этого хотя въ повѣствованіи и не утверждается прямо, но оно съ очевидностью заключается въ *ᾠφετην σοι* XXVI, 16, въ противоположности *μηδένα θωροῦντες* IX, 7, въ выраженіи ст. 17—*Ἰησοῦς ὁ ᾠφετής σοι ἐν τῇ ὁδῷ* въ *πῶς ἐν τῇ ὁδῷ εἶδεν τὸν κύριον* стиха 27, и въ уже приведенныхъ ссылкахъ (1 Кор. IX, 1; XV, 8). Замѣчаніе Златоуста *καὶ μὴν οὐκ ᾠφετὴ ἀλλὰ διὰ πραγμάτων ᾠφετὴ* повидимому совершенно искренне, но при сравненіи съ предыдущимъ мѣстомъ показываетъ менѣе тщательности и разсудительности, чѣмъ сколько свойственно великому оратору.

332) Въ другихъ мѣстахъ онъ всегда называется *Σάουλ*, а здѣсь *Σαούλ*.

333) Это прибавленіе подлинно въ Дѣян. XXVI, 14; и *ὁ Ναζωραῖος* несомнѣнно въ XXII, 8. Изъ многихъ поясненій, приведенныхъ Ветштейномъ и повторяемыхъ за нимъ послѣдующими комментаторами, наиболѣе удачны и интересны *Aesch. Agam.* 1633, *Prom.* 323, *Eurip. Bacch.* 791, *Ter. Phorm.* I, 22, 7. Замѣчательно однакоже, что хотя воловы рожны представляютъ собой заурядное явленіе на востокѣ, нельзя однакоже привести ни одной восточной или семитической параллели этому выраженію. Ссылка на Втор. XXXII, 15 совершенно не соответствуетъ цѣли, хотя намекъ на роженъ дѣлается въ Суд. III, 31, Сирах. XXXVIII, 25. Ап. Павелъ былъ конечно знакомъ съ ходячими греческими пословицами, и только тѣ будутъ удивлены тѣмъ, что Спаситель обратился къ нему съ греческой пословицей, которые никогда не будутъ способны понять простую истину, что вдохновеніе всегда говорить (какъ даже признавали раввины) „на языкѣ сыновъ человѣческихъ“.

334) Златоустъ прибавляетъ *τὸν μετ' αὐτοῦ συναναστράφοντα*, но это, намъ думается, ошибка.

335) *Fortia agere Romanum est; fortia pati „Christianum“* (Cornel. à Lap.).

336) Замѣчательная параллель находится въ Тов. XI, 13, — *καὶ ἐλεπίσθη ἀπὸ τῶν κύνων τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τὰ λευκώματα*.

337) Смотри между прочимъ Рим. VIII, 3, 11; 1 Тим. III, 16; Рим. IX, 5; 2 Кор. I, 5; Кол. I, 20 II; 1 Кор. I, 23; II, 2; V, 7; X, 16; Гал. VI, 19; Ефес. II, 13; Рим. V, 6; VI, 4, 9; VII, 11; XIV, 15; XV, 3; 1 Кор. XV въ разныхъ мѣстахъ; Рим. X, 6; Кол. III, 1; Ефес. II, 6; 1 Тим. III, 16 и пр.

ГЛАВА XI. 338) *Εὐδοκῶς* Гал. I, 16 я понимаю въ смыслѣ—немедленно послѣ обращенія

ап. Павла; εὐθέως Дѣян. IX, 20 въ смыслѣ—немедленно по возвращеніи его въ Дамаскъ. Удаленіе въ Аравію должно быть истолковано въ качествѣ пробѣла или въ срединѣ Дѣян. IX, 19, или въ концѣ этого стиха, или послѣ стиха 21. Основанія, почему я принимаю первую изъ этихъ альтернативъ, приведены въ самомъ текстѣ. Въ пользу предположенія Ольсгаузена и Кинеля, что это было послѣ его бѣгства изъ Дамаска, ничего нельзя сказать, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ или во всякомъ случаѣ дѣлаетъ излишнимъ πάλιν Гал. I, 17. Мы можемъ быть вполне увѣрены, что ап. Павелъ не много говорилъ объ этомъ періодѣ своей жизни. Ни одинъ человѣкъ, даже въ средѣ своихъ близкихъ друзей, не будетъ дѣлать наиболѣе торжественныхъ критисовъ своей жизни предметомъ обыденнаго разговора; Павелъ никоимъ образомъ не былъ человѣкомъ, который бы носилъ свое сердце снаружи. Всѣ, читающіе это мѣсто, при малѣйшей вдумчивости замѣтятъ, что помимо писанныхъ записокъ и даже при помощи ихъ ни одинъ живой человѣкъ не могъ бы написать свою собственную біографію съ безусловною точностью. Какое же основаніе предполагать, что это могло быть иначе въ отношеніи ап. Павла? Какое же основаніе предполагать, что онъ передалъ св. Лукѣ всѣ важнѣйшіе факты, происшедшіе съ нимъ, когда мы видимъ, что то, что св. Лука могъ рассказывать касательно его, не изображаетъ и четвертой части его жизни и не сохраняетъ и одной десятой воспоминаній о его страданіяхъ? И нужно замѣтить, что въ Дѣян. XXII, 16, 17, гдѣ дѣло не касалось его непосредственнаго предмета, ап. Павелъ самъ опускаетъ всѣ указанія на свое удаленіе въ Аравію.

339) Они назвали бы его ἡμιμαρτυρῆς—отвергшимся отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

340) Гал. I, 1, οὐκ ἀπ' ἀνθρώπων, οὐδὲ δι' ἀνθρώπων.

341) 1 Θεсс. IV, 15, ἐν λόγῳ Κυρίου.

342) συγκληρονόμα καὶ σύσσωμα καὶ συμμετόχα.

343) 1 Петр. II, 2, τὸ λογικὸν ἄδολον γάλα.

344) См. прил. IX: „Савль въ Аравіи“.

345) Оно употреблено о трехъ годахъ въ 1 Цар. II, 38.

346) Въ выраженіи εὐόδη μοι въ 2 Кор. XII, 7 нѣтъ ничего такого, чтобы исключало это значеніе. Болѣзнь не могла *во всей силѣ* развиваться до того періода, который былъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его обращенія около 43 г. по Р. Хр., когда ап. Павелъ находился въ Антиохіи, или Іерусалимѣ или Тарсѣ.

347) См. прил. I: „Слогъ ап. Павла, какъ выразитель его характера“.

348) 2 Кор. XI, 6, ὁλώτης ἐν λόγῳ.

349) Hausrath, стр. 51.

350) 2 Кор. V, 4, οἱ ὄντες ἐν τῇ σκηνῇ στενάζομεν βαρούμενοι.

351) 2 Кор. IV, 8—10, θλιβόμενοι... ἀπορούμενοι... διωκόμενοι... καταβαλλόμενοι... πάντοτε τὴν νεκρωσιν τοῦ Ἰησοῦ ἐν τῇ σῶματι περιφέροντες.

352) Id. 11, καὶ γὰρ ἡμεῖς οἱ ζῶντες, εἰς θάνατον παραδιδόμεθα.

353) Гал. II, 6, τῶν δοκούντων εἶναι, τι—ἄπολοι ποτε ἦσαν, οὐδὲν μοι διαφέρει: 9, οἱ δοκούντες στύλοι εἶναι: 11, κατεγνώσμενος ἦν. 1 Кор. XV, 9; 2 Кор. XI, 5, τῶν ὑπερλίαν ἀποστόλων. 2 Кор. XII, 11, οὐδὲν ὑστέρησα τῶν ὑπερλίαν ἀποστόλων εἰ καὶ οὐδὲν εἰμι.

354) Гал. IV, 19; 2 Кор. II, 4; Римл. IX, 1—3. Въ отношеніи этого предмета всякій съ удовольствіемъ прочтаетъ извѣстные стихи Ньюмана:

I dreamed that with a passionate complaint
I wished me born amid God's deeds of might,
And envied those who had the presence bright
Of gifted prophet or strong-hearted saint,

Whom my heart loves, and fancy strives to paint.
 I turned, when straight a stranger met my sight,
 Came as my guest, and did awhile unite
 His lot with mine, and lived without restraint.
 Courteous he was, and grave; so meek in mien,
 It seemed untrue, or told a purpose weak;
 Yet, in the mood, could he with aptness speak
 Or with stern force, or show of feeling keen,
 Marking deep craft, methought, and hidden pride;
 Then came a voice: *St. Paul is at thy side!*

(„Мнѣ снилось, что я съ нетерпѣніемъ желалъ бы побывать тамъ, гдѣ можно бы во всемъ величіи повидѣть дѣла могущества Божія, и завидовалъ свѣтлоликимъ пророкамъ и святымъ, которыхъ любить мое сердце и воображеніе стремится изобразить. Повернувшись, я вдругъ увидѣлъ предъ собою незнакомаго, который пришелъ ко мнѣ въ качествѣ гостя и запросто дѣлилъ мою житейскую долю. Онъ былъ любезенъ и серьезенъ; столь скромный по внѣшности, что нельзя и повѣрить, застѣнчивый въ разговорѣ; но въ хорошемъ настроеніи духа онъ могъ бойко говорить—складно и съ силой или глубокимъ чувствомъ, обнаруживая глубокое искусство и, какъ мнѣ думалось, прикровенную гордость. И голосъ свыше сказалъ: *это св. ап. Павелъ съ тобой!*“).

355) Ἐξούη во 2 Кор. XII, 7 показывается, что „жало въ плоть“ не было чѣмъ нибудь природнымъ или органическимъ.

356) См. прил. X: „жало въ плоть“ ап. Павла“.

ГЛАВА XII. 357) Фил. III, 12 κατελθέτην ὑπὸ τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ.

358) Ἰησοῦν, а не Χριστόν—истинное здѣсь чтеніе (М, А, В, С, Е).

359) Дѣян. IX, 21, ἐξίστατο.

360) Дѣян IX, 23, ἡμέραι ἱκαναί.

361) См. Прил. XI: „Объ іудейскихъ бичеваніяхъ“.

362) Эти тайные заговоры достигли страшнаго развитія въ эти дни сикаріевъ (I. Флавій, Antt. XX, 8, § 5).

363) 2 Кор. XI, 32, ὁ ἐθνάρχης ἐφροῦρει τὴν πόλιν. Дѣян. IX, 24, οἱ Ἰουδαῖοι παρατήρουν τὰς πόλεις. Этнарь, равнокакъ и Алабархъ, былъ титулъ іудейскихъ правителей въ греческихъ городахъ.

364) Дѣян. IX, 25. Чтеніе οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ, хотя и имѣетъ за себя хорошія основанія, едва ли можетъ быть правильно.

365) Ο σπῆρις см. въ моей „Жизни І. Христа“ прим. 667 и 781. Во 2 Кор. XI, 33 она названа σαργάνη, что опредѣляется у Исихія какъ πλέγμα τι ἐκ σχοινίου.

366) Такія окна еще и теперь можно видѣть въ Дамаскѣ. О подобныхъ же побѣгахъ смотр. Ис. Нав. II, 15; 1 Царс. XIX, 12.

367) 2 Кор. XI, 32. Обращеніе ап. Павла совершилось около 37 г. по Р. Хр. Второе посланіе къ Коринѳянамъ написано въ 57 г. или въ началѣ 58 г.

ГЛАВА XIII. 368) Дѣян. IX, 26, ἐπειράτο κολλᾶσθαι τοῖς μαθηταῖς (прошедш. несоверш. указываетъ на неуспѣхъ усилій) καὶ πάντες ἐφοβοῦντο αὐτόν, μὴ πιστεύοντες ὅτι ἐστὶν μαθητὴς.

369) Ein recht strohern Epistel, denn sie doch kein evangelisch Art an ihu hat“ (Luther, Praef. N. T. 1522); но онъ въ послѣдствіи измѣнилъ свое мнѣніе.

370) Іак. II, 24. Едва ли будетъ парадоксальнымъ сказать, что ап. Іаковъ подъ „вѣрой“ разумѣлъ нѣчто аналогичное тому, что ап. Павелъ разумѣлъ подъ дѣлами.

371) מִנְיָן רַבִּי „смыслъ пророчества“. Что онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ, это

вѣроятно простая догадка (Euseb. Н. Е. I, 12: *Clem. Alex. Strom.* II, 176). „*Παράκλησις* late patet: ubi desides excitat est *hortatio*, ubi tristitiae medetur est *solatium* (Bengel).

372) Ап. Іоаннъ и другіе апостолы были, вѣроятно, въ отсутствіи, частью быть можетъ вслѣдствіе самаго преслѣдованія, въ которомъ Павелъ былъ главнымъ дѣятелемъ.

373) Дѣян. IX, 27; Гал. I, 19. Истинное чтеніе въ Гал. I, 18, повидимому есть „*Кифа*“ (κ, Α, Β и большинство важнѣйшихъ переводовъ); также и во II, 9, 11, 14. Эта еврейская форма этого примѣчанія встрѣчается также въ 1 Кор. IX, 5; XV, 5. Хотя и въ другихъ мѣстахъ (напр. II, 7, 8) ап. Павелъ употребляетъ „Петръ“ безразлично съ *Кифой*, какъ это доказывается согласіемъ манускриптовъ, ясно однако же, что въ мѣстѣ ап. Павла ап. Петръ гораздо болѣе отождествлялся съ іудейскою церковью, чѣмъ съ церковью вообще. Въ глазахъ ап. Павла Симонъ былъ особенно апостоломъ обрѣзанія.

374) Гал. I, 19, *ἑτέρων δὲ τῶν ἀποστόλων οὐκ εἶδον εἰ μὴ Ἰάκωβον*... На основаніи формы этихъ словъ невозможно сказать, разсматривается ли здѣсь Іаковъ, какъ апостолъ въ *строжайшемъ* смыслѣ этого слова или нѣтъ. Прибавка „братъ Господень“—какъ называетъ ее св. Златоустъ,—отличаетъ его отъ Іакова, брата Іоаннова, и отъ Іакова *малаю*, сына Алфеева.

375) Дѣян. IX, 29, *ἐπεχείρουν αὐτὸν ἀναιρεῖν*. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ о десяти такихъ опасностяхъ убійства въ жизни ап. Павла.

376) 1 Θεсс. II, 15, „вы убили и Господа Іисуса, и Его пророковъ и насъ *измали*“ (*ἡμᾶς ἐκδιωξάντων*).

377) Дѣян. XXII, 17—21. Опушеніе этого видѣнія въ прямомъ повѣствованіи Дѣян. IX есть доказательство, что молчаніе касательно того или другаго событія въ краткомъ повѣствованіи св. Луки не должно быть принимаемо какъ доказательство, что онъ не зналъ объ опускаемомъ событіи. Можно также отмѣтить въ этомъ мѣстѣ появленіе интереснаго слова *μάρτυς*. Здѣсь несомнѣнно оно имѣетъ свой первоначальный смыслъ „свидѣтеля“; но оно содержитъ въ себѣ зародышъ своего позднѣйшаго значенія въ смыслѣ того, кто исповѣдывалъ Христа добровольною смертию.

378) Чтò онъ не былъ посланъ въ Кесарію *Филиппову*, это настолько очевидно, что почти не требуетъ доказательствъ. Ни *κατ'ἡγᾶγον*, означающее шествіе внизъ, т. е. къ берегу, ни *ἐξαπέστειλαν* совсѣмъ неумѣстны были бы въ отношеніи долгаго путешествія къ сѣверу къ *Κεσαρίῳ Φιλιπποῦ*; и вѣроятно также, чтобы Савлъ отправился въ Тарсъ сухимъ путемъ, идя въ направленіи опаснаго Дамаска, когда онъ легче могъ отправиться моремъ. Гораздо интереснѣе изслѣдовать, дѣйствительно ли, какъ высказывалось иными предположеніе, эти слова *κατ'ἡγᾶγον* и *ἐξαπέστειλαν* означаютъ болѣе, чѣмъ обыкновенную *пассивность* въ движеніяхъ ап. Павла, и не происходила ли эта пассивность отъ приступовъ болѣзни, которая была слѣдствіемъ его недавняго видѣнія.

379) Гал. I, 21—24, *ἡμῖν ἀγνοούμενος .. ἀκούοντες ἡσαν... εὐχγγελίζεσθαι... ἐπὶ ὁρᾷ*.

380) Гал. I, 21. Выраженіе это не имѣетъ рѣшительнаго характера, такъ какъ Киликія могла считаться просто опредѣлительнымъ прибавленіемъ для обозначенія той части Сиріи, въ которую онъ отправился (*Ewald, Gesch. d. Apost. Zeitalt.* p. 439).

381) St. Paul, I, 77.

ГЛАВА XIV. 382) Дѣян. IX, 31, *ἡ μὲν οὖν ἐκκλησία* (κ, Α, Β, С. и главные переводы). Я слѣдую здѣсь той пунктуаціи стиха, которая кажется мнѣ лучше.

383) Жизнь Іисуса Христа“, стр. 557.

384) *Ιωσήφ Φλαβίῳ*, Antt. XVIII, 3, § 5; *Suet. Tib.* XXXVI.

385) *Suet. Calig.* 13, 14.

386) Сравни въ отношеніи всего этого повѣствованія *Suet. Caligula; Philo. Leg. ad Gaium* и in Flaccum; *Ι. Φλαβίῳ*, XVIII, 6—8; В. J. II, 10, § 1; *Dion Cass.* IIX, 8 seq.; Grätz. III, 270—277; *Jahn, Hebr. Commonwealth*, 174.

³⁸⁷⁾ Приключенія Ирода Агриппы составляютъ одинъ изъ безчисленныхъ романовъ, которые даютъ намъ столь ясное понятіе о состояніи общества во время перваго періода имперіи. Посланный въ Римъ своимъ дѣдомъ, онъ съ самой ранней юности дышалъ въ душной и опьяняющей атмосферѣ императорскаго двора въ качествѣ сверстника Друза, сына Тиверія. По смерти Друза онъ былъ исключенъ изъ двора и доведенъ былъ почти до самоубійства болѣзненностью, бывшею слѣдствіемъ крайняго распутства. Спасенный отъ своего злаго намѣренія своею женой Кипрой, онъ прошелъ чрезъ цѣлый рядъ испытаній отъ долговъ, безчестія и невольныхъ укрывательствъ, пока наконецъ опять не вошелъ въ милость у Тиверія на Капрѣѣ.

³⁸⁸⁾ Деренбургъ поэтому ошибся (стр. 222), предполагая, что Агриппа „предался ребяческому самоуслажденію, со всею царскою пышностью, развернувъ свою роскошь въ мѣстности, гдѣ его нѣкогда трактовали презрѣннымъ бѣднякомъ“.

³⁸⁹⁾ *I. Флавій* Antt. XIV, 7, § 2; XIX, 5, § 2; XIV, 10, passim (указы Юлія).

³⁹⁰⁾ На эти смуты, повидимому, ясно указывается въ 3 Макк. (по мѣстамъ).

³⁹¹⁾ Но невозможно, что Иродъ Антиппа погнѣбъ вслѣдствіе этого самаго повелѣнія Каіа. Правда Светоній (Calig. 28) говорить только „Misit circum *insulas* qui omnes (exsules) trucidarent; но *эта причина* могла быть приложена также ко всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, и Діонъ (LIX, 18) ясно говорить, что онъ предалъ Антиппу смерти (κατέφαγε). Судъ надъ Антиппой происходилъ въ Путеолі, вскорѣ послѣ Филонова посольства, въ 39 г. по Рожд. Хр.

³⁹²⁾ De Leg. 2.

³⁹³⁾ См. прил. XII: „Апотеоза римскихъ императоровъ“.

³⁹⁴⁾ Синагога Діаплевстонъ.

³⁹⁵⁾ *Philo*, Lég. ad Gai, XXV.

³⁹⁶⁾ Иудеи вѣрили, что *Баазъ-Колъ* изъ святая святыхъ возвѣстилъ его смерть первосвященнику (Симону Праведному) и годовщину его было запрещено соблюдать даже въ качествѣ постнаго дня (Megillath. Taanith, § 26; Sotah, f. 33, 1; *Derenbourg*, Palest. p. 207).

³⁹⁷⁾ См. указъ Клавдія противъ жителей Дора, которые поставили его статую въ іудейской синагогѣ.

³⁹⁸⁾ *Dion. Cass.* LX, 5.

ГЛАВА XV. ³⁹⁹⁾ Пс. II, 12, יְהוָה יִשְׁמַח בְּעֶבְרֵי הָעָם „цѣлованіе сына“ или „чистое богопоклоненіе“. Какой переводъ вѣренъ, споры объ этомъ идутъ со времени Іеронима (Adv. Ruff. I). См. *Perowne*, Psalms, I, 116.

⁴⁰⁰⁾ Іоан. X, 16. Въ этомъ стихѣ надо дѣлать различіе между ἀλλή и ἑαυτῶν.

⁴⁰¹⁾ *Immer*, Neut. Theol. 206.

⁴⁰²⁾ Я не имѣю мѣста для того, чтобы дать полный разсказъ о странной дѣятельности и мнѣніяхъ этого „романическаго героя ереси“, какъ онъ дается въ лже-кlementиновыхъ *Бесѣдахъ* и *Признаніяхъ*, и поэтому удовольствуюсь ссылкой на *Hippolyt.*, Philosoph. p. 161 seq.; *Iren.* Haer. I, 23; *Meander*, Ch. Hist. I, 454; Planting. 51—64; *Gieseler*, Eccl. Hist. I, 49; *Mansel*, Gnostic Heresies, 91—94; De Pressensé I, 396 seq. Разсказы о немъ имѣютъ сказочный характеръ (*Arnob.* Adv. Gent. 11, 12), и предполагаемая статуя ему (*Just. Mart.* Apol. I, 26, 56; *Iren.* Adv. Haer. I, 23; *Tert.* Apol. 13), какъ думаютъ на основаніи таблицы, найденной въ 1574 г. на Insula Tiberina, была статуей сабинскому богу Semo Sancus (*Baronius*, in ann. 44; *Burton*, Vampt. Lect. 375). Типическимъ обманщикомъ этой эпохи былъ Александръ Абонотихъ (см. *Lucian*, Pseudo-mantis, 10—51, и объ общемъ преобладаніи магіи и чародѣйства, *Döllinger*, Judenth. u. Heidenth. VIII, 2, § 7).

⁴⁰³⁾ Πάσης ἀπόσεως ἐβρετῆς (*Cyril.* Iren. adv. Ноер. I, 27; II, praef.). „Гиттонъ“ очень возможно есть смѣшеніе съ Citium, откуда „Chittim“ и проч.

⁴⁰⁴⁾ Отъ его старанія получить духовную должность подкупомъ произошло слово *симонія*.

⁴⁰⁵⁾ Выраженіе *αὐτὴ ἐστὶν ἔρημος* въ VIII, 26, вѣроятно, относится къ *доротъ*. Газа была разрушена лишь въ 65 г. по Рожд. Хр. (*Robinson*, *Bibl. Res.* II, 640). Мнѣніе Ланге (*Apost. Zeit.* II, 109), что *ἔρημος* означаетъ „правственную пустыню“, не можетъ быть предметомъ вопроса. Хотя паронимасія такъ часто употребляется въ Новомъ Заветѣ, однако же я не могу думать, чтобы нѣчто намѣренное заключалось въ выраженіяхъ *ἐς Γάζαν* въ 26 и *τῆς γάζης* въ 27 стихахъ.

⁴⁰⁶⁾ Титулъ царицы Мерое (*Pliny*, Н. Н. VI, 35, *Dion Cass.* liv. 5). (О сокровищницѣ Эіопіи см. Ис. XLV, 14). Эіопское преданіе даетъ внуку имя Индиа. Объ отношеніяхъ іудеевъ къ Эіопіи см. Соф. III, 10; Пс. LXVII, 31, и о другомъ вѣрномъ эіопскомъ внухѣ, также „слугѣ царя“ (Эбедъ-мелехъ) см. Іер. XXXVIII, 7; XXXIX, 16.

⁴⁰⁷⁾ *Repan*, *Les Apôtres*, p. 158.

⁴⁰⁸⁾ Ис. LIII, 7, 8. Цитата въ Дѣянiяхъ VIII, 33 взята изъ LXX. Можно бы предполагать, что внухъ читалъ древній эіопскій переводъ, основанный на LXX, но въ такомъ случаѣ Филиппъ не понималъ бы его.

⁴⁰⁹⁾ Это мѣсто во многихъ отношеніяхъ отличается отъ нашего еврейскаго текста.

⁴¹⁰⁾ Ис. Нав. XV, 58; Неем. III, 16; *Іер.* Ер. СIII. Источникъ этотъ называется *Айнъ Эдъ-Джирвеахъ*. Но Робинзонъ указываетъ его мѣсто вблизи Тел-Эл-Гаси (*Bibl. Res.* II, 641). Преданіе, указывающее его въ Айнъ Ганиехъ, близъ Іерусалима, гораздо позднѣйшаго происхожденія.

⁴¹¹⁾ Втор. XXIII, 1. Что касается національности эіоплянина, то нужно имѣть въ виду, что даже нѣкогда самъ Моисей женился на эіопской женщинѣ (Числ. XII, 1).

⁴¹²⁾ Исповѣданія Дѣян. VIII, 37 не находится въ *М*, *А*, *В*, *С*, *Г*, *Н*, и выраженіе *τὸν Ἰησοῦν Χριστόν* вообще неизвѣстно св. Лукѣ. Поэтому едва ли оно было подлинное.

⁴¹³⁾ Значеніе этого акта на этихъ основаніяхъ есть вѣроятно главное, если не единственное основаніе для повѣствованія о немъ; если *ἐνδοῦχος* просто означаетъ „царедворецъ“, то не было бы надобности прибавлять слово *δυνατός* въ ст. 27. Пьюмпръ (*New Testament Commentary*, in loc.) приводитъ интересную параллель изъ перваго опредѣленія перваго вселенскаго собора (*Conc. Nic. Can.* 1).

⁴¹⁴⁾ Гал. III, 28. Св. Иринеѣ, Наег. III, 12, и Евсевіѣ, Н. Е. II, 1, говорятъ, что онъ обратился въ христіанство свою страну.

⁴¹⁵⁾ Дѣян. XXI, 8, 9. Замѣчательно намѣренное совпаденіе въ его привѣтствіи апостола языковъ. Въ этомъ пунктѣ онъ исчезаетъ со сцены христіанской исторіи. Этотъ Филиппъ, который умеръ въ Іераполѣ (*Euseb.* Н. Е. III, 31), вѣроятно есть Филиппъ апостолъ.

⁴¹⁶⁾ Лидда и Іоппіа были исключительно іудейскими городами (Флав. В. J. II, 19, § 1).

⁴¹⁷⁾ *Ketubhōth*, f. 77, 1.

⁴¹⁸⁾ *Babha Bathra*, f. 25, 1, 16, 2 (гдѣ это замѣчаніе приписывается Баръ Каппарѣ). „Ни одно ремесло“, говоритъ Равви, „никогда не исчезнетъ съ лица земли; но счастливъ будетъ тотъ, родители котораго принадлежать къ почетному ремеслу. . . . Миръ не можетъ существовать безъ кожевниковъ. . . . но горе тому, кто кожевникъ“ (*Kiddushin*, f. 82, 2).

⁴¹⁹⁾ Лук. XIV, 1—6; Іоан. V, 10; Марк. II, 23; Матѣ. XII, 10; Іоан. IX, 14; Лук. XIII 14; XVI, 16 (см. „Жизнь Іисуса Христа“, стр. 386).

⁴²⁰⁾ Іоан. X, 16, *ποῖμνῃ*.

⁴²¹⁾ „Lo maggior Padre di famiglia“ (*Dante*, *Parad.* XXXII, 136).

⁴²²⁾ Матѣ. X, 27; XXIV, 17; Лук. XVII, 31. Кровли домовъ въ древнія времена были обычнымъ мѣстомъ идолопоклонства (Іер. XIX, 13; Соф. I, 5 и пр.).

⁴²³⁾ Дѣян. X, 10, *ἐγένετο ἐπ' αὐτὸν ἔκστασις* (*М*, *А*, *В*, *С*, *Е* и пр.).

⁴²⁴⁾ *ἐθόνη*—(ср. Іоан. XIX, 40).

⁴²⁵⁾ Это, повидимому, заключается въ выраженіи *ἀρχαίς* (См. *Eur. Hippol.* 762, и *Wetst.*

ad loc). Но *δεδεμένον καὶ ἡτὶς* въ *κ*, *Α*, *Β*, *Ε*. Въ Вульгатѣ читается „quatuor initiis submiti de caelo“.

⁴²⁶⁾ Дѣян. X, 12, *πάντα τὰ*—„всѣ“, а не „всякіе“, что было бы *παντοῖα*. Бл. Августинъ употребляетъ сравненіе съ ковчегомъ (с *Faust.* XII, 15); опускается *καὶ τὰ θηρία* въ *κ*, *Α*, *Β*, и пр.

⁴²⁷⁾ О *Каишаръ* см. ниже стр. 293 Примѣръ Данила (I, 8—16) дѣлалъ іудеевъ болѣе разборчивыми. I. Флавій (Vit. 3) рассказываетъ, что нѣкоторые священники, заключенные въ тюрьмахъ въ Римѣ, жили только сливами и орѣхами.

⁴²⁸⁾ Въ Талмудѣ (Sanhedr. f. 59, col. 2) есть любопытный рассказъ касательно нечистыхъ животныхъ сверхъестественнымъ образомъ представленныхъ раввину Шимону Бенъ Халифѣй, который *убиваетъ ихъ для пищи*. Это приводитъ къ замѣчанію: „ничто нечистое не сходитъ съ неба“. Не имѣемъ ли мы здѣсь косвеннаго аргумента противъ значенія видѣнія ап. Петра? Раввинъ Измаилъ сказалъ, что стараніе Израиля избѣжать пресмыкающихся было бы одно достаточнымъ основаніемъ того, почему Богъ избавилъ ихъ изъ Египта (*Babha Metzia*, f. 61, 2). Однакоже всякій членъ синаedrіона долженъ былъ быть настолько остроуменъ, чтобы доказать, что пресмыкающееся чисто (*Sanhedrin*, f. 17, 1).

⁴²⁹⁾ См. прекрасное замѣчаніе Неандера, *Planting*, I, 73.

⁴³⁰⁾ Ср. Іоан. XIII, 8. Возрастающее знакомство съ іудейскими сочиненіями всегда углубляетъ наше убѣжденіе, что въ Новомъ Завѣтѣ мы имѣемъ дѣло съ правдивыми рассказами. Зная отношеніе іудеевъ къ божественнымъ внушеніямъ, мы можемъ вполне предположить, что даже и не въ изступленіи Петръ могъ бы возразить противъ велѣнія *Всѣхъ Кола*, и однакоже мы какъ разъ тоже самое находимъ въ Св. Писаніи (3 Царст. XIX, 14; Іона IV, 1, 9; Іер. I, 6), въ предыдущихъ рассказахъ самого Петра (Матѣ. XVI 22), ап. Павла (Дѣян. XXII, 19) и въ талмудическихъ писаніяхъ. Немногіе рассказы Талмуда даютъ болѣе непоколебимое убѣжденіе въ неотразимой обязательности закона, чѣмъ рассказъ о противодѣйствіи даже голосу съ неба со стороны собранія раввиновъ, въ *Babha Metzia*, f. 59, 2 (я приводилъ его въ *Expositor* 1877 г.). Онъ не только поясняетъ этотъ именно фактъ, но болѣе чѣмъ все другое показываетъ намъ подавляющія силы, противъ которыхъ долженъ былъ бороться ап. Павелъ.

⁴³¹⁾ Такъ думаетъ Икуменій.

⁴³²⁾ Ис. LXV, 4; LXVI, 3; 2 Мак. VI, 18, 19; I. Флав. С. Ар. II, 14. Это отвращеніе къ свинѣ раздѣлялось многими восточными народами (*Hdt.* II, 47; *Pliny*, Н. N. VIII, 52; *Koran*). Причиной этого отчасти были ея грязныя привычки (2 Петр. II, 22).

⁴³³⁾ Jer. Berachôth, IV, 1; *Derenbourg*, Palest. 114; Grätz, III, 480 (Исторія эта также рассказывается въ *Babha Kama*, f. 82, 2; *Menachôth*, f. 64, 2; *Sotah*, f. 49, 2).

⁴³⁴⁾ *Sumen*, in *Plaut. Curs.* II, 3, 44; *Pers.* I, 53; *Plin.* Н. N. XI, 37.

⁴³⁵⁾ Марк. VII, 19. Это толкованіе, обязанное своимъ происхожденіемъ древнимъ отцамъ,—встрѣчающееся у св. Златоуста въ *Бесѣдѣ* на Евангеліе Маттея (LI, стр. 526), и Григорія Чудотворца,—было возобновлено 40 лѣтъ тому назадъ достопочтеннымъ Фильдомъ въ примѣчаніи къ его изданію *Бесѣдъ* св. Златоуста (III, 112) (См. *Expositor* за 1876 г., гдѣ я подробно разобралъ это мѣсто). Здѣсь однако же оно было незамѣченнымъ, пока наконецъ совершенно недавно не обратило на себя вниманія, котораго оно заслуживаетъ. Истинное чтеніе навѣрно *καθαρίζων*, а не *καθαρίζων* нашего изданія,—чтеніе, происшедшее по всей вѣроятности вслѣдствіе невозможности согласовать *καθαρίζων* съ *ἀφειράναι*. Потеря истиннаго толкованія этого мѣста была очень серьезной. Теперь оно однакоже къ счастью возобновлено. Оно имѣетъ болѣе прямое отношеніе, чѣмъ всякое другое, къ главному практическому затрудненію Апостольскаго вѣка.

⁴³⁶⁾ „Жизнь Іисуса Христа“, прим. 206.

⁴³⁷⁾ Эта итальянская когорта, вѣроятно, состояла изъ „*Velones*“, итальянскихъ волонтеровъ

„Cohors militum voluntaria, quae est in Syria“ (Gruter, Inscr. I, 484; Akerman, Num. Plustr. 34). Она особенно нужна была въ Кесаріи.

⁴³⁸⁾ Ср. Дѣян. X, 23 съ XI, 12.

⁴³⁹⁾ Кодексъ D и сирійскій имѣютъ прагматическое прибавленіе: „и когда Петръ приблизился къ Кесаріи, одинъ изъ рабовъ, побѣжавъ впередъ, далъ знать о прибытіи; и Корнелій, вскочивъ и выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, падая къ его ногамъ, поклонился ему“.

⁴⁴⁰⁾ См. I. Флав. Antt. XI, 8, § 5.

⁴⁴¹⁾ Исторія эта рассказывается у Беды, Eccl. Hist. Angl. II, 12.

⁴⁴²⁾ Дѣян. X, 28, ἀδελφόν: см. Іоан. XVIII, 28. *Lightf.* Hor. Hebr. ad Matt. XVIII, 17.

⁴⁴³⁾ Слова ап. Петра стоятъ въ крайне категорическомъ противорѣчій съ раввинскими толкованіями на Притч. XIV, 34, которые утверждали, что праведныя дѣла, совершаемыя язычниками, были грѣхомъ для нихъ. Это положеніе поддерживалось даже послѣдователями Гиллеля въ родѣ Гамалила II и раввина Еліезера Модинскаго (Babba Bathra, f. 10, 2) (См. ниже стр. 509 и 534).

⁴⁴⁴⁾ Дѣян. X, 36. Понимать τὸν λόγον здѣсь въ Іоанновомъ смыслѣ кажется мнѣ невыдерживающимъ критики.

⁴⁴⁵⁾ „Кто ѣстъ съ необрѣзаннымъ человѣкомъ, ѣстъ какбы съ собакой; кто касается его, касается какъ мертвца тѣла, и кто моется въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ нимъ, моется какбы съ прокаженнымъ“ (Pirke Rabbi Eliezer, 29).

⁴⁴⁶⁾ До сихъ поръ правовѣрные іудеи скорѣе готовы подвергнуться неудобствамъ, чѣмъ прикоснуться къ мясу, убитому языческимъ мясникомъ (*McCaul*, Old Paths, 397, seq). Это иногда приводить не только къ монополіи, но даже къ прямой тираніи со стороны мясника, имѣющаго *кадиму* (*Frankl*, Jews in the East, II).

⁴⁴⁷⁾ Дѣян. XI, 2 ἀκριβόντο πρὸς αὐτόν. См. Іуд. 9.

⁴⁴⁸⁾ Дѣян. XI, 18, ἀρχὴ καὶ τοὺς ἑθνικοὺς.

ГЛАВА XVI. ⁴⁴⁹⁾ Дѣян. XI, 20. Не можетъ быть сомнѣнія, что истинное чтеніе есть Ἑλλήνας, а не Ἑλληνιστάς (какъ принято англійскимъ переводомъ). 1) Внѣшнее доказательство въ пользу Ἑλλήνας правда недостаточно, такъ какъ оно встрѣчается только къ кодексъ A (который также имѣетъ Ἑλλήνας даже въ IX, 29, гдѣ Ἑλληνιστάς есть единственно *возможное* чтеніе) и D. N имѣетъ ὁδοῦ γαλιλαίας, которое было измѣнено въ Ἑλλήνας; но какъ N, такъ и B читаютъ καὶ πρὸς ἀλάλουν, которое указываетъ на новое и важное заявленіе. Нѣкоторые изъ важѣйшихъ переводовъ не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ установленія чтенія въ этомъ мѣстѣ, потому что не имѣютъ специфическаго слова, которымъ бы можно было отличить Ἑλληνισταὶ и Ἑλλήνας. Икуменій и Теофилактъ читаютъ Ἑλληνιστάς, также дѣлаетъ и Златоустъ въ своемъ текстѣ, но въ своемъ толкованіи онъ принимаетъ Ἑλλήνας какъ и Евсевій. Но, во 2) если мы обратимся къ внутреннимъ доказательствамъ, то ясно, что „еллины“, а не „еллинисты“,—т. е. язычники, не говорящіе по гречески іудеи,—есть единственно допустимое чтеніе; потому что а) еллинисты были обыкновенные іудеи, и такъ какъ совершенно достоверно, что Ἰουδαίος предыдущаго стиха не можетъ означать только гебранстовъ, то этотъ 20 стихъ ничего бы не прибавилъ къ этому повѣствованію, если бы „еллинисты“ было правильнымъ чтеніемъ. б) Указаніе это является заключительнымъ и завершающимъ пунктомъ повѣствованія, въ которомъ выразительною цѣлью было описаніе допущенія *язычниковъ* въ церковь. Чтеніе „еллинисты“ затемняетъ стихъ, на которомъ вращается все повѣствованіе Дѣяній Апостольскихъ. в) Обращеніе множества еллинистовъ въ Антиохіи не возбуждало бы особеннаго вниманія и не потребовалось бы особой миссіи для изслѣдованія, въ виду того, что существующая церковь въ Іерусалимѣ сама состояла въ большинствѣ изъ еллинистовъ. Весь контекстъ поэтому рѣшительно доказываетъ, что Ἑλλήνας есть правильное чтеніе и поэтому оно было принято въ текстъ, не смотря на внѣшнія данныя противъ него, всѣми лучшими изда-

телями: Грисбахомъ, Лахманомъ, Шольцомъ, Тишендорфомъ, Мейеромъ, Альфордомъ (русскимъ переводомъ) и др. Причиной искаженія текста было, повидимому, предположеніе, что это повѣствованіе имѣетъ ретроспективный характеръ и что предполагать допущеніе язычниковъ къ вѣрѣ, прежде чѣмъ Петръ открылъ имъ двери царства, значило бы посягать на его авторитетъ. Но эта проповѣдь въ Антиохіи могла быть послѣ обращенія Корнелія, и во всякомъ случаѣ авторитетъ Петра для большинства въ церкви далъ неоспоримое рѣшеніе въ отношеніи правъ язычниковъ.

⁴⁵⁰⁾ Теперь это пятнадцатитысячный турецкій городокъ съ 6000 жителей (*Porter's Syria*, p. 568).

⁴⁵¹⁾ Въ 301 г. до Р. Хр., 23 апрѣля.

⁴⁵²⁾ *Jos. Antt.* XVI, 5, § 3.

⁴⁵³⁾ *Renan*, *Les Apôtres*, p. 228.

⁴⁵⁴⁾ Сирія была обращена въ Римскую провинцію въ 64 г. до Р. Хр. Эмилиј Скарвъ отправился туда въ качествѣ *Quaestor pro Praetore* въ 62 г. до Р. Хр.

⁴⁵⁵⁾ „Jam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes
Et linguam, et mores, et cum tibicine chordas
Obliquas, necnon gentilia tympana secum
Vexit, et ad circum jassas prostare puellas“.

Juv. Sat. III, 62—65.

⁴⁵⁶⁾ *I. Флавій*, *B. Jud.* VII, 3, § 3.

⁴⁵⁷⁾ Источники для описанія состоянія Антиохіи чрезвычайно богаты. Главные между ними *I. Флавій*, *B. J.* VII, 3, § 3; *Antt.* XII, 3, § 1; XVI, 5, § 3; *C. Ap.* II, 4; 1 *Мак.* III, 37; XI, 13; 2 *Мак.* IV, 7—9, 33; V, 21; XI, 36; *Philostr.* *Vit. Apollon.* III, 58; *Libanius*, *Antioch.* pp. 355, 356; *Chrysost.* *Homil. ad Pop. Antioch.* VII, in *Matth.*, et passim; *Iulian*, *Misopogon*; *Pliny*, *H. N.* V, 18; и главнѣе всего *Chronographia* Іоанна Антиохійскаго, болѣе извѣстнаго подъ его сирійскимъ прозваніемъ Малала или оратора. Мюллеръ въ своихъ *Antiquitates Antiochenae* (Gött, 1830) тщательно изслѣдовалъ всѣ эти и другіе источники. Нѣкоторыя описанія новѣйшей Антиохіи со стороны путешественниковъ, посѣщавшихъ ее, можно найти у *Pocock's Descript. of the East* II, 192; *Chesney*, *Euphrates Expedition*, I, 425, seqq.; *Ritter*, *Paläst. u. Syria* IV, 2. Ея безнадежное паденіе начинается съ 1268 г., когда она была завоевана магометанами.

⁴⁵⁸⁾ Состояніе этого города было описано мастерской рукой. „Онъ былъ“,—говоритъ Ренанъ, особенно живописный въ своемъ описаніи, благодаря знакомству съ новѣйшимъ Парижемъ,—„небывалымъ сборищемъ паяцовъ, шарлатановъ, пантомимистовъ, маговъ, чародѣевъ, кудесниковъ и жрецовъ-обманщиковъ; городомъ скачекъ, игръ, плясокъ, процессій, праздниковъ, вакханалій, необузданной роскоши; всѣхъ излишествъ Востока, безобразнѣйшихъ суевѣрій, фанатическихъ оргій. Поочередно рабскіе и неблагодарные, безсовѣстные и дерзкіе, антиохійцы были прекраснымъ образчикомъ сбродной толпы, преданной цезаризму, толпы, не имѣющей своего отечества, своей національности, родовой чести или имени. Великолѣпный Корсо, прорѣзывавшій городъ, былъ подобенъ театру, въ которомъ въ теченіе всего дня разливались волны пустаго, развращеннаго, мятежнаго, иногда остроумнаго населенія, занятаго пѣснями, пародіями, удовольствіями и кутежами всякаго рода. Это было“—какъ продолжаетъ онъ послѣ описанія извѣстныхъ плясокъ и состязаній въ плаваніи, о которыхъ необходимо упомянуть, если мы хотимъ понять упадокъ языческой нравственности, — „нѣчто въ родѣ упоенія, сна Сарданапала, въ которомъ всѣ удовольствія, всѣ безобразія развертывались въ странномъ смѣшеніи, не исключая нѣкоторой утонченности и изящества“ (*Les Apôtres*, p. 221). Оронтъ никогда не текъ болѣе гнилою грязью, чѣмъ когда на его берегахъ началъ пробивать благодатный источникъ воды живой.

⁴⁵⁹⁾ Авсоній говоритъ объ Антиохіи и Александріи:

„Turbida vulgo

Utraque et amentis populi malesana tumultu“ (*Ordo Nob. Urb.* III).

⁴⁶⁰⁾ См. знаменитое мѣсто у Гиббона Decline and Fall, ch. XXIII.

⁴⁶¹⁾ Теперь *Бейта-ал-Маа*—уединенная долина. Нѣсколько разбитых мельниц обозначаютъ то мѣсто, гдѣ золотомъ и драгоценностями нѣкогда блистало святилище Аполлона. Когда Юліанъ отступникъ торжественно посѣтилъ его, онъ встрѣтилъ тамъ единственно только одного гуса! Бабъ Болъ или „врата Павла“ находятся на Алепской дорогѣ. Городъ все еще славится своею распушенностью и заключаетъ въ себѣ лишь нѣсколько сотъ христіанъ (См. *Carne's, Syria, I, 5* и др.).

⁴⁶²⁾ „Daphnici mores“.

⁴⁶³⁾ *Иос. Флавій*, Antt. XII, 5, § 1.

⁴⁶⁴⁾ Греческое прилагательное отъ *Χριστός* было бы *χριστός*. Правда, что *ηνός* и *ινός* суть греческія окончанія, но *анис* есть римское окончаніе, и едва ли можно сомнѣваться, что оно обязано своимъ происхожденіемъ—не дорическому диалекту конечно!—но преобладанію римской терминологіи въ Антиохіи, даже если допустить, что распространеніе Имперіи сдѣлало въ это время *анис* общиннымъ окончаніемъ по всему Востоку (ср. *Mariani, Pompeiani* и проч.). Слово „христіанство“ (*χριστιανισμός*) впервые встрѣчается у Игнатія (ad Philad. 6), какъ это и естественно было для епископа Антиохіи; и слово „наволическое“ (*Jgnat. ad Smyrn. 8*) вѣроятно изобрѣтено было въ томъ же самомъ городѣ (id. 78) (См. *Bingham, Antt. II, i, § 4*).

⁴⁶⁵⁾ Или Назарянинъ. Дѣян. XXIV, 5 (сн. Іоан. I, 46; Лук. XIII, 2). Кирил. Catech. X.

⁴⁶⁶⁾ Дѣян. XXVI, 28. Это (что было на 20 лѣтъ позднѣе) есть первое послѣ этого упоминаніе этого имени. Епифаній (Наег. 29, п. 4) говоритъ, что древнѣйшимъ названіемъ христіанъ было *Ἰησοῦται*.

⁴⁶⁷⁾ Намекъ на него въ Іак. II, 7 по меньшей мѣрѣ сомнительный.

⁴⁶⁸⁾ Дѣян. XIX, 9, 23. Сравни названіе „методистъ“.

⁴⁶⁹⁾ Еф. I, 1 и проч. Позднѣ имена въ родѣ *prisciculi* и пр. имѣли также нѣкоторую распространенность.

⁴⁷⁰⁾ *Greg. Naz. Orat. III, 81; Julian, Epp. VII, IX; Gibbon, V, 312. ed Milman; Renan Les Apôtres, 235.*

⁴⁷¹⁾ *Suid. II, 3930 a, ed. Gaisford; Malala, Chronogr. 10, p. 318, ed. Mill.*—Плюмпръ (*Pau in Asia, 74*) предполагаетъ, что Еводій и Игнатій могли быть современными пресвитеро-епископами іудейскихъ и эллинистическихъ общинъ въ Антиохіи. Вавила мученикъ и Павелъ Самосатскій, ересеархи, оба были епископами антиохійскими, какъ и Мелетій, крестившій св. Златоуста.

⁴⁷²⁾ *Christus non proprium nomen est, sed nuncupatio potestatis et regni* (Lact. Div. Instt. IV, 7; См. „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 476. Названіе „христіанинъ“ выражало презрительное равнодушіе, а не рѣшительную ненависть. Тацитъ съ неудовольствіемъ употребляетъ его—„quos vulgus Christianos appellabat“ (Ann. XV, 44).

⁴⁷³⁾ Въ 1 Петр. II, 3 нѣкоторые видѣли указаніе на то, что „Господь“ есть какъ *χριστός*, такъ и *χρηστός*, все равно какъ нѣкоторая игра словъ *ἱάται* и *Ἰησοῦς* повидимому заключается въ Дѣян. IX, 34; X, 38.

⁴⁷⁴⁾ См. *Julian, Misorogon* (отвѣтъ на ихъ оскорбленіе въ отношеніи его бороды); *Zosim. III, 11; Procop. B. P. II, 8, γελοιοῦς τε καὶ ἀταξία ἱκανῶς ἔχονται. Philostr. Vit. Appolon. III, 16; Conyb. and. Hows. I, 130.*

⁴⁷⁵⁾ *Tert. Apol. 50.*

⁴⁷⁶⁾ 1 Петр. IV, 16 *et deus ὡς χριστιανός, μὴ αἰσχυνέσθω δοξαζέτω δε τὸν θεὸν ἐπὶ τῷ ὀνόματι* (А, В и пр., а не *μέρεαι* какъ въ авгл. и русск. перев.) *τούτω*. Самое названіе сдѣлалось преступленіемъ. *Διῶκουσι τοίνυν ἡμᾶς οὐκ ἀδίκους εἶναι καταλαβόντες, ἀλλ' αὐτῷ μόνῳ, τῷ χριστιανῶς εἶναι τὸν βίον ὑπολαμβάνοντες* и пр. (*Елим. Алекс. Стром. IV, II, § 81*).

⁴⁷⁷⁾ „Sed quum et perperam Chrestiani nuncupamur a vobis (nam nec nominis certa est

notitia penes vos) de *suavitate et benignitate compositum est* (Tert. Apol. 3). ΟΙ εΙΣ ΧΡΙΣΤΟΝ ΠΑΠΙΣΤΗΚΟΤΕΣ ΧΡΗΣΤΟΙ ΤΕ ΕΙΣΙ ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑΙ (Clem. Alex. Strom. II, 4 § 18). См. Just. Mart. Apol. 2

478) Это было прекрасное дополнение къ мысли. Τοῦτου ἔνεκεν καλοῦμεθα χριστιανοὶ ἐπὶ χρίσματος ἑλαίου θεοῦ. (Theoph. ad Autol. I, 12; Tert. Apol. 3). Ср. нѣмецкое *Christen* (Jer. Taylor, Disc. of. Confirm., 3). Подобное указаніе есть у Амвросія De Obi. Valent. и у Іеронима на Пс. CIV, 15 („Nolite tangere Christos meos“). См. Pearson, On the Creed. Art. II.

479) Ренанъ (Les Apôtres 232) думаетъ, что даже у Эпиктета (Dissert. IV, 7, 6) и у Марка Аврелія (XI, 3) „христиане“ означаютъ *sicarii*. Это кажется мнѣ очень сомнительнымъ. Сульпицій-Северъ (II, 30) сохраняетъ выраженіе, въ которомъ Тацитъ говоритъ о христіанствѣ и іудействѣ: „Nas superstitiosae, licet contrarias sibi, „iisdem tamen auctoribus profectas“ Christianos a Judaeis exstitisse (Bernays, Ueber die Chronik Sulp. Sev. p. 57). См. Spartianus Sept. Sever. 16; Caracalla, 1, Lampridius, Alex. Sev. 22—45, 51. Смѣшеніе это было крайне печально, и мирные христіане были постоянно преслѣдуемы, между тѣмъ какъ мятежные іудеи были защищаемы (Tert. Apol. 2, 3; Ad Nat. I, 3; Justin. Apol. I, 4—7, n).

480) 1 Кор. VI, 11, ταῦτά τις ἐστὶ ἀλλ' ἀπαλόμασθε и пр.

ГЛАВА XVII 481) „Третье небо“ называется „Зевулъ“ у Раши (cf. Chagigach f. 12, 2). „Въ такихъ видѣніяхъ душа не имѣетъ очей для того, чтобы видѣть, ушей для того, чтобы слышать, и однако же видѣть и слышать, и вся есть глазъ, вся есть ухо“. Св. Тереза, описывая свои видѣнія, какъ неописуемыя, говоритъ: „беспокойная маленькая бабочка памяти спалила теперь свои крылышки и не можетъ летѣть“ (Vida, XVIII, 18).

482) По свидѣтельству Франкля (Jews in the East, II, 31), въ Іерусалимѣ ежегодно стекается сумма въ 818,000 піастровъ для іудейскаго населенія въ количествѣ 5,700 душъ. Она распредѣляется частью какъ *жалюка*, т. е. поголовно безъ различія возраста или пола, и частью какъ *кадима*—по положенію и званію лицъ.

483) Degenbourg, p. 232, seq.

484) I. Флавій (Antt. XX, 2, § 1) приписываетъ это особенное пристрастіе пророческому сновидѣнію.

485) Отсюда сообщается, что „царь Мумбаза сдѣлалъ золотыя ручки къ сосудамъ, употреблявшимся въ храмѣ въ день покаянія“ (Yota, 37 а).

486) См. ниже стр. 509.

487) Oros. VII, 6; Jos. Antt. XX, 2, § 5. Елена также будто бы пожертвовала въ храмъ золотой свѣтильникъ и золотой столъ съ надписью „судъ ревности“ (Yota, 37 а).

488) Приказъ Калигулы о поставленіи его статуи въ храмѣ былъ данъ въ 39 г. по Р. Хр. Иродъ Агриппа умеръ въ 44 г.

489) Seekers after God, p. 76.

490) Dion. Cass. LX, 3, 5.

491) Jos. Antt. XIX, 5, §§ 2, 3.

492) Id. XVIII, 5, § 4.

493) Агриппа I былъ внукомъ Ирода Великаго и Маріамны. Маріамна была внучка Гиркана II, который былъ внукомъ Гиркана I, бывшаго сыномъ Симона, старшаго брата Іуды Маккавея. Нѣкоторые раввины старались однакоже отрицать всякую каплю асмонейской крови въ Иродовомъ семействѣ. Они рассказываютъ, что Иродъ Великій былъ рабомъ у одного изъ асмонеевъ и однажды услышалъ голосъ бабъ Кола, говорящій: „всякій рабъ, что нынѣ возстаетъ, будетъ наследовать“. Согласно съ этимъ, онъ умертвилъ все семейство, кромѣ одной молодой дѣвицы, которую онъ оставилъ себѣ для брака. Но она взшла на кровлю, закричала: „всякій кто будетъ утверждать, что онъ изъ асмонейскаго дома, отсель будетъ рабомъ, потому что она одна только осталась отъ этого дома“, и, бросившись внизъ, убила. Нѣкоторые говорятъ, что въ

теченіи 7 лѣтъ Иродъ сохранялъ ея тѣло въ меду для того, чтобы заставить народъ думать, что онъ былъ женатъ на асмонейской княжнѣ. Разгнѣвавшись на раввиновъ, которые настаивали на Втор. XVII, 15, онъ избилъ ихъ всѣхъ, исключая Бабы-Бенъ-Буты (котораго онъ ослабилъ, обязавъ его глаза щетинистой свиной шкурой), чтобы онъ могъ быть единственнымъ его совѣтникомъ. Переодѣвшись и напрасно пытаясь склонить Бабу-Бенъ-Буту сказать что-нибудь дурное о немъ, онъ открылся ему и спросилъ, что онъ долженъ сдѣлать въ вознагражденіе ему. Слѣпецъ отвѣчалъ: „ты погасилъ свѣтъ міра (см. Мате. V, 14); зажги его построеніемъ храма“ (Babha Bathra, f. 3, 2, seqq.).

494) Кипра было имя жены Антипатра и матери Ирода Великаго. Она происходила отъ Навуеева рода; ея имя, которое вѣроятно имѣло связь съ 7ED (Kerpher), носилось нѣсколькими иродіанскими князьями (Derenbourg, Palest. p. 210).

495) См. прил. XXIV: „Ироды въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ“.

496) *Jos. Antt.* XX, 1, § 1.

497) Тамъ же, XIX, 7, § 3.

498) *Jos. B. J.* XIX, 8, § 1; Para, III, 5; Ben Nakkaiph; Derenbourg, p. 215.

499) Дѣян. XII, 2, ἀνέλε μαχαίρα.

500) Климентъ Александр. у Евсев. Церк. Ист. II, 9. Апостолъ будто бы нѣсколько посмотрѣлъ на него и затѣмъ поцѣловалъ его съ словами: „миръ тебѣ“, какъ разъ предъ тѣмъ, какъ они оба были убиты.

501) Дѣян. XII, 4, ἀνάγειν.

502) *I. Флав.* Antt., XIX, 7, § 4.

503) *Dion Cass.* LX, 23; *Suet. Claud.* 17; *Philo Leg.* 45. См. *Lewin*, Fasti Sacri, §§ 1688, 1674; and contra *Wieseler*, Chron. d. Apost. Zeit. 130.

504) ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος—*cubicularius*, praefectus cubiculi.

505) См. *I. Флавій* Antt. XIX, 8, § 2, который въ точности подтверждаетъ повѣствованіе Дѣян. XII.

506) Его доходъ, будто бы, доходилъ до 12.000.000 драхмъ или болѣе чѣмъ на 3.000.000 рублей въ годъ.

507) См. сочиненіе Турльваля Essay on the Irony of Sophocles.

508) Онъ говоритъ, что сова сидѣла на деревѣ въ день ареста Агриппы въ Капреѣ и что германскій прорицатель предсказалъ, что онъ сдѣлается царемъ, но будетъ на краю смерти, когда увидитъ эту сову опять. См. также Евс. Церк. Ист. II, 10, который замѣняетъ сову ангеломъ.

509) *I. Флав.* Antt. XIX, 8, § 2, γαστρός ἀλγύμασι διαρχασθεας: Дѣян. XII, 23, σκοληκώδρωτος ἀπέθανεν. Такая болѣзнь, которую въ строгомъ смыслѣ можно назвать феириасисъ, *morbus pedicularis*, это, какъ я уже говорилъ въ „Жизни Иисуса Христа“, прим. 87, болѣе чѣмъ сомнительно. Смерть Ирода Агриппы, подобно смерти его дѣда, приписывалась этой болѣзни, но не священными повѣствователями. Это однако же совершенно историческій фактъ, что многіе жестокіе тираны умерли отъ язвъ, которыя народная молва описывала также, какъ Лактанцій описываетъ ихъ въ своемъ трактатѣ De mortibus persecutorum. Таковы, напримѣръ—Феретима (*Herod.* IV, 205, εὐλέων ἐξέτεσεν, гдѣ болѣзнь эта впервые указывается какъ возмездіе за тиранію); Антиохъ Епифанъ (2 Макк. V, 9); Иродъ Великій (*I. Флавій*. Antt. XVII, 6, § 5, B. Jud. I, 33, §§ 8, 9); Максимій Галерій (*Euseb.* Н. Е. VIII, 16); Максиміанъ (id. IX, 10, 11; *Lact.* De Mort. persec. XXXIII); Клавдій Люцій Герминіанъ (*Tertull.* ad Scap. III, cum vivus vermibus ebullisset „Nemo sciat“ dicebat „ne gaudeant Chistiani“); герцогъ Альвскій и проч.

510) *I. Флавій*, Antt. XIX, 9, § 1.

511) Савль и Варнава, повидимому, отправились изъ Антиохіи съ намѣреніемъ прибыть въ Іерусалимъ къ Пасхѣ 1 Апрѣля 44 г. по Р. Хр. Мученичество Іакова непосредственно пред-

шествовало Пасхѣ, и заключеніе Петра въ темницу произошло во время пасхальной недѣли (Дѣян. XII, 3—6). Непосредственно затѣмъ Иродъ отправился въ Кесарію, и если предметомъ его посѣщенія было торжество по случаю возвращенія Клавдія изъ Британіи, то это навѣрно было въ томъ же самомъ мѣсяцѣ. Такъ какъ Клавдій возвратился въ началѣ 44 года, и для того, чтобы извѣстіе объ этомъ достигло Іерусалима, не требовалось много времени. Затѣмъ І. Флавій говоритъ, что Агриппа царствовалъ семь лѣтъ (Antt. XIX, 8, § 2), и такъ какъ онъ назначенъ былъ въ апрѣлѣ 37 года, то эти семь лѣтъ оканчивались въ апрѣлѣ 44 года. Смотри полное изслѣдованіе этого вопроса у Левина, *Fasti Sacri*, p. 280.

⁵¹²⁾ Въ кодексѣ D упомянуто даже число ступеней отъ темницы Петра до улицы.

⁵¹³⁾ См. Apollon. ap. Euseb. H. E. V, 18; *Clem. Alex. Strom.* VI, p. 762 ed. Potter.

ГЛАВА XVIII. ⁵¹⁴⁾ Колос. IV, 10, ὁ ἀνέφελος—означаетъ „сынъ брата“, а не „сынъ сестры“ что было бы ἀδελφεός.

⁵¹⁵⁾ „Eruditissimis hominibus liberalissimisque studiis affluens“ (*Cic. pro Archia*, III).

⁵¹⁶⁾ Точное различіе между „пророками“ и „учителями“ нигдѣ не изложено, но ясно, что въ Апостольскомъ вѣкѣ оно вполне понималось (1 Кор. XII, 28; Ефес. IV, 11). Но естественно возникаетъ вопросъ: разумѣется ли здѣсь то, что Варнава и Савлъ были „пророки“ или „учители“, или, что они были то и другое. Последнее быть можетъ есть правильный взглядъ. Пророкъ стоялъ выше учителя, былъ болѣе непосредственно вдохновленъ, говорилъ съ болѣе возвышеннымъ авторитетомъ, но учитель, дѣятельность котораго была болѣе скромнаго и кроткаго характера, могъ въ великіе моменты и подъ сильнымъ вліяніемъ подниматься до силы пророчества, между тѣмъ, какъ пророкъ также могъ при обыденныхъ случаяхъ исполнять обязанности учителя (см. *Neander*, *Planting*, p. 133, seqq.).

⁵¹⁷⁾ Jos. Antt. XV, 10, § 5.

⁵¹⁸⁾ Случаи этого рода рассказываются также о Гальбѣ (*Tac. Ann.* VI, 20; *Suet. Gabb.* 4, *Jos. Antt.* XVIII, 6, § 9), о Генрихѣ VII и Людовикѣ Филиппѣ.

⁵¹⁹⁾ Такъ какъ Манаилъ Ессеининъ долженъ былъ находиться уже въ среднемъ возрастѣ, когда Иродъ Великій былъ мальчикомъ, и такъ какъ мы теперь дошли уже до 45 г. по Р. Хр., то этотъ Манаилъ могъ родиться только тогда, когда другой былъ уже въ крайне преклонныхъ лѣтахъ.

⁵²⁰⁾ Дѣян. XIII, 2 Ἀφ' ὧν καὶ ἐν „ну, отдѣлите мнѣ“. Значеніе λειτουργούντων (отсюда слово „литургія“) есть вѣроятно общее. Златоустъ объясняетъ его въ смыслѣ κηρυττόντων. Другіе при- мѣры этого слова см. Луки I, 23; Римл. XV, 16; 2 Кор. IX, 12; Фил. II, 30. Выраженіе ὁ προσ- κείμενος αὐτοῖς, означаетъ конечно, что Варнава и Савлъ уже приняли призваніе къ дѣлу (См. Дѣян. IX, 15; XXII, 21; Римл. I, 1; Гал. I, 1). Гукеръ думаетъ, что Павелъ былъ сдѣланъ апостоломъ потому, что Іаковъ не могъ оставить Іерусалима, и Варнава для того, чтобы занять мѣсто Іакова, брата Іоаннова (Eccl. Pol. VII, IV, 2).

⁵²¹⁾ О постѣ смотри Bingham, XXI, ch. 2.

⁵²²⁾ Ис. Нав., XXIV, 2. Апологія газели, пасущейся среди стада овецъ, встрѣчаемая въ Талмудѣ и приписываемая Гиллею, прекрасно выражаетъ терпимость мудрѣйшихъ и болѣе просвѣщенныхъ раввиновъ; но прозелитизмъ, конечно, считался дѣйствительнымъ приобрѣтеніемъ при абсолютномъ согласіи съ іудейскими началами.

⁵²³⁾ Раввины, для того, чтобы обойти этотъ поразительный фактъ, истолковывая кусиѳъ („эеоплянка“) посредствомъ *Gematrin*, выводили изъ него значеніе „прекрасная лицомъ“; такъ какъ кусиѳъ=736=еврейскимъ словамъ для обозначенія „прекрасная очами“.

⁵²⁴⁾ Подобнымъ образомъ говорилось, что Акиба происходилъ отъ Сисары.

⁵²⁵⁾ Быт. XXVII, 39: „вотъ, отъ тука земли будетъ обитаніе твое, и отъ росы небесной свыше“ (см. Калишъ, in loc.).

⁵²⁶⁾ I. Флавій, Antt. XIII, 9, § 1; 11, § 3; 15, § 4; XVIII, 3, § 5; XX, 2, § 4; В J. II, 17, § 10, С. Ар. II, 39; Tac. Ann. II, 85; Н. V, 5; Hor. Sat. I, IV, 142; Dion Cass. XXXVII, 17 и проч. Juv. Sat. VI, 546. См. также Деренбургъ, Palestine, p. 223, и сл.

⁵²⁷⁾ Уже въ 139 году до Р. Хр. иудеи были изгнаны изъ Рима за допущеніе прозелитовъ къ субботѣ (Mommson, Röm. Gesch. II, 429). О широкомъ распространеніи субботства даже среди язычниковъ см. I. Флавій,—С. Ар. II, 11, § 29. Есть слѣды, указывающіе на то, что иудеи принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы ежегодно приобрести *одного* прозелита (ἐνα προσήλυτον Матѳ. XXIII, 15), для *прообразованія* возможности спасенія язычниковъ (Taylor, Pirke Abhōth. p. 36).

⁵²⁸⁾ См. прил. XIII: „Бремя, налагавшееся на прозелитовъ“.

⁵²⁹⁾ См. прил. XIV: „Ненависть къ иудеямъ въ классической древности“.

⁵³⁰⁾ У Діона (LXVII, 12 — 14) христианинъ (?) мученикъ Акилій Глабрионъ называется иудеемъ.

⁵³¹⁾ Marc. Aurel. XI, 3; Mart. X, 25; Epict. Dissert. IV, 8.

⁵³²⁾ Plin. Ep. X, 97, „Superstitionem pravam et immodicam“; Tac. Ann. XV, 44, „exitibilis superstitio“; Suet. Nero, 16, „novae et maleficae superstitionis“, См. прил. XV: „сужденіе древнихъ языческихъ писателей о христианствѣ“.

⁵³³⁾ См. Friedländer, Sittengesch. Roms. B. V. Denis, Idées morales dans l'antiquité, II, 218—236.

⁵³⁴⁾ Сн. Sall. Cat XXXVII, 5, „Hi Romam sicut in sentinam confuxerunt“.

⁵³⁵⁾ Juv. III, 62; Tac. Ann. XV, 44.

⁵³⁶⁾ Сн. Tac. Ann. II, 85; IV, 55, 56; Suet. Tib. 35; Ov. Fast. II, 497, seq.

⁵³⁷⁾ Таковы были тавроболы и кріоболы—омерзительныя кровавыя бани.

⁵³⁸⁾ Валерій Максимъ (I, III, 3) рассказываетъ, что когда сенатъ приказалъ разрушить Серапіи въ Римѣ (въ 535 г. отъ основанія Рима), ни одного рабочаго нельзя было заставить повиноваться этому приказанію и самъ консулъ долженъ былъ открывать дверь топоромъ (См. также Liv. XXXIX, 8—18; Cic. de Legg. II, 8, Dion. Halic. II, 20; Dion. Cass. XL, 47; Tert. Apol. 6; Adv. Nat. I, 10, привод. у Ренана, Les Apôtres p. 316, и касательно культа Изиды Appul. Metam. XI).

⁵³⁹⁾ Фирмицій Матеръ въ царствованіе Константина не считалъ стоющимъ опровергать греческую и римскую миеологию (De errore profanae relig.), а только обряды Изиды, Митры, Цибелы и проч.

⁵⁴⁰⁾ Дѣян. XIII, 3, ὑποτασσάμενοι. προστεταγμένοι.

⁵⁴¹⁾ Дѣян. XXVI, 17, ἐξαπροβμένος σε ἐκ τοῦ λαοῦ καὶ τῶν ἑθνῶν εἰς οὗς ἐγὼ σε ἀποστέλλω.

⁵⁴²⁾ Кромѣ немногихъ совершенно частныхъ строкъ, писанныхъ имъ къ Филимону, и въ посланіи къ своимъ возлюбленнымъ филиппійцамъ, которые не нуждались въ подтвержденіи его права.

⁵⁴³⁾ См. тщательные планы изображенія древней и новѣйшей Антиохіи въ сочиненіи Левина. St. Paul, I, pp. 92—95.

⁵⁴⁴⁾ Гал. I, 21; Дѣян. IX, 30; XI, 25. Что въ Киликіи были церкви, видно изъ Дѣян. XV, 41.

⁵⁴⁵⁾ См. нѣсколько хорошихъ замѣчаній у Ренана, Les Apôtres, p. 280, seq; обстоятельный трактатъ по этому предмету у Герцфельда, Gesch. d. jüdischen Handels.

⁵⁴⁶⁾ Полибій, V, 59.

⁵⁴⁷⁾ Renan, les Apôtres, p. 386; cf. St. Paul p. 13. „Это была вторая поэзія христианства. Озеро Тиверіадское и лодки рыбаковъ доставили первую. Теперь болѣе могущественное вѣяніе стремленій къ отдаленнѣйшимъ странамъ влечетъ насъ на открытое море“.

⁵⁴⁸⁾ Эл-Джебел эл-Акра, „лысая гора“ (*Chesney*, *Euphrat*. I, 386; *Amm. Marcell.* XXII. 14, § 8; *Julian.* *Misop.* 361).

⁵⁴⁹⁾ 2 Кор. XI, 29, *τις σκανδαλίζεται, καὶ οὐκ ἐγὼ πυροῦμαι.*

⁵⁵⁰⁾ *Clem. Rom.* *Ep.* ad loc. I, 5.

⁵⁵¹⁾ Маршалъ Тюреннъ.

⁵⁵²⁾ Даже Лютеръ описываетъ ап. Павла: „ein armes dürres Männlein wie unzer Philippus“ (*Melanchton*).

⁵⁵³⁾ См. 2 Кор. X, 10; Гал. IV, 13; 1 Кор. II, 3; 2 Кор. IV, 7; VII, 5; XI, 6; XII по мѣстамъ.

⁵⁵⁴⁾ Ἀσθενής есть основная нота въ 2 Кор. XIII, 3—9.

⁵⁵⁵⁾ Дѣян. XV, 25 и Дѣян. XIV, 14, гдѣ Варнава принять былъ за верховное божество.

⁵⁵⁶⁾ Дѣян. XIII, 5, ὑπέρτης. Въ Лук. IV, 20 ὑπέρτης есть *хаззанъ* синагоги. Маркъ, подобно Варнавѣ, могъ имѣть также связь съ колѣномъ Левитинымъ; о названіи и о преданіяхъ касательно его см. Эвальдъ, *Gesch* 445.

⁵⁵⁷⁾ 1 Тесс. III, 1; 2 Кор. II, 13; Фил. II, 19, 20; 2 Тим. IV, 11. Одинъ писатель говорить, что ап. Павелъ „имѣлъ тысячу друзей и любилъ каждого какъ свою собственную душу, и повидимому жилъ тысячею жизней въ нихъ и умиралъ тысячею смертей, когда онъ долженъ былъ оставлять ихъ“.

⁵⁵⁸⁾ *Strabo*, XIV, 682; *Tac.* Н. II, 2, 4; *Jos. Antt.* XIII, 10, § 4; XVI, 4, § 5; XVII, 12, §§ 1, 2; B. J. II, 7, § 3; *Philo*, *Leg.* p. 587; *Milman*, *Hist of Jews*, III, 111. О новѣйшей исторіи его см. *Meursius*, *Opp.* III; о новѣйшемъ состояніи его теперь, столь интересно для насъ, см. *General Cesnola's Cyprus*.

⁵⁵⁹⁾ Дѣян. XIII, 5, κατήγγελλον.

⁵⁶⁰⁾ Одиссея, 8, 362 ст.

⁵⁶¹⁾ *Виргилій*, *Энеида*, I, 417.

⁵⁶²⁾ Такъ какъ онъ былъ бѣлый (τὸ δὲ ἀγαλμα οὐκ ἂν εἰκάσαις ἄλλῃ τῇ ἢ πυραμίδι λευκῇ), то нельзя много сомнѣваться касательно того, что онъ былъ изъ мрамора, хотя Максимъ Тиръ и прибавляетъ ἡ δὲ ὕλη ἀγνοεῖται (*Diss.* 8, 8). „*Apud Cyprios Venus in modum umbilici vel ut quidam volunt, Metae, colitur*“ (*Serv. ad AEn.*, I, 724).

⁵⁶³⁾ *Tac.* Н. II, 3; *Strabo*, XIV, 683; *Athen.* XV, 18. Полулуніе и звѣзда, изображаемыя на монетахъ въ качествѣ украшенія къ фронту храма, быть можетъ представляютъ собою слѣдъ финикійскаго происхожденія этого культа и указываютъ на связь между пафійской Венерой и финикійской Ашерой (*Mövers*, *Phön.* 607). Солнце въ Эмесѣ имѣло подобное *κονοειδὲς σχῆμα* (*Herodian.* V, 3), нѣчто въ родѣ *βασιλικὸν διπτεῖς*. Модели его были проданы (*ἀγαλμάτων σπιθαμιαίων*. *Athen.* XV, 18).

⁵⁶⁴⁾ Дѣва Марія боготворится у кипріотовъ подъ именемъ Афродитиссы! (*Löhber*, *Cyprus*, p. 105).

⁵⁶⁵⁾ Дѣян. XIII, 6, διαλθόντες δὲ ἔλγην τὴν νῆσον K, A, B, C, D, E.

⁵⁶⁶⁾ „Пляска, музыка и пѣніе священнѣхъ процессій, совершавшихся 3000 лѣтъ тому назадъ, замѣнились криками совы и другихъ ночныхъ птицъ и жалостнымъ лаемъ голодныхъ собакъ, заброшенныхъ не менѣе голодными хозяевами, которые предоставили имъ бѣгать по восточной деревнѣ въ поискахъ за пищею. Вотъ Пафъ настоящаго времени“ (*Cesnola's*, *Cyprus*, p. 216).

⁵⁶⁷⁾ См. прил. XVI: „Проконсульство Сергія Павла“.

⁵⁶⁸⁾ Ренавъ однако же говорить: „Элима или мудрецъ... есть арабское слово, множественное число котораго есть *улама*. Слово это не существуетъ ни въ еврейскомъ, ни въ арамейскомъ; и это дѣлаетъ очень сомнительною эту этимологию Элимы“ (*St. Paul*, p. 15). Эвальдъ думаетъ, что онъ былъ набатеянинъ (*Gesch.* VI, 453).

⁵⁶⁹⁾ *Juv.* III, 27. „Augur, schœnobates, medicus, magus“.

⁵⁷⁰⁾ *Tac.* Н. V, 3; *Hor.* Sat. I, II, 1; *Od.* I, XI, 2; *Juv.* Sat. III, 42, 60; VI, 543, 553, 562; X, 93; *Suet.* Tib., 36, 69; *Aul. Gell.* I, 9; *Jos. Antt.* XVIII, 6, § 9; XX, 5, § 1; B. J. VI, 5, § 1. Ср. Матѣ. XXIV, 23, 24; Дѣян. VIII, 9; XVI, 16; XIX, 19; 2 Тим. III, 13 (γόητες); Откр. XIX, 20.

⁵⁷¹⁾ См. I. Флавій, *Antt.* XX, 7, § 2.

⁵⁷²⁾ Въ царствованіе Августа (*Dion. Cass.* LIV, 23).

⁵⁷³⁾ См. выше стр. 180.

⁵⁷⁴⁾ *Tac.* Н. V, 3. *Plin.* Н. N. XXX, 2, 6. „Est et alia factio a Mose et Jamne et Jotape Judæis pendens, sed multis millibus post Zoroastrem. Tanto recentior est Cypria. Въ Іамнѣ и Іотапѣ, повидимому, есть смутное смѣшеніе предполагаемыхъ іудеевъ съ традиционными египетскими магами, Іанніемъ и Іамвриемъ (2 Тим. III, 8).

⁵⁷⁵⁾ Лук. I, 3, ἀκριβῶς παρηκολούθησάντι.

⁵⁷⁶⁾ Діонъ Кассій говорить, что эти сенаторскія назначенія были ἀπατήσιοι καὶ κληρωτοί (LIII, 13).

⁵⁷⁷⁾ Вѣроятно въ намекъ на его имя Варъ Исусъ—какбы такъ онъ сказалъ: „называемый сынномъ спасенія Іеговы, но въ дѣйствительности сынъ дьявола и врагъ всякой правды“. О διὰβολοςъ св. Іоанъ VIII, 44. Чтеніе Пешито *Bar-Шума*, „сынъ раны“ или „сынъ имени“ едва ли объяснимо, если только не по благозвучію (*Castell. Lex.* Syr. S. V).

⁵⁷⁸⁾ Дѣян. XIII, 11, ἀχρὶ καιροῦ—буквально „до благопріятнаго времени“ или, какъ мы сказали бы, „на настоящее время“. „Sciebat Apostolus, sui memor exempli, de tenebris oculorum, mentis posse resurgere ad lucem“, Беда—слѣдую намеку св. Златоуста, что οὐ καλῶς οὐτος ἦν τὸ ῥῆμα ἀλλ' ἐπιστρέφοντος.

⁵⁷⁹⁾ „A primo ecclesiae spolio Proc. Serg. Paulo victoriae suae trophaea retulit, erexitque vexillum ut Paulus a Saulo vocaretur“ (*Jer. ad Philem.* 1). Въ трактатѣ *Толдошъ Іешу* названіе это ставится въ связи съ לָוֶה „онъ работалъ“. Если такъ, то въ виду того, что оба эти слова суть причастія страдательнаго залога, измѣненіе, вѣроятно, произведено отъ „искалъ“ къ „работалъ“; и я не могу не думать, что истинное объясненіе заключается здѣсь. Гейнрихъ объясняетъ Σαῦλος δὲ, ὁ καὶ Παῦλος „der auch so wie der Proconsul, ebenfalls Paulus hiess“.

⁵⁸⁰⁾ Paulus, сокращенное изъ Pauxillus, означаетъ „малѣйшій“. „Paulus enim parvus“ (*Aug. Sermon.* CLXIX). „Non ob aliud, quantum mihi videtur hoc nomen elegit nisi ut se ostenderet tamquam minimum Apostolorum“ (*Aug. De Spir. et Lit.* XII). При своей обычной изысканности воображенія онъ противопоставляетъ „маленькаго“ Савла Вениаминова съ высокимъ царемъ гонителемъ. Но въ *Conf.* VIII, 4 онъ склоняется къ другой теоріи, „Ipse minimus Apostolorum tuorum, & c... Paulus vocari amavit ob tam-magnae insignie victoriae“.

⁵⁸¹⁾ *Ap. Aug. Append. Sermon.* 204.

⁵⁸²⁾ См. главу о древнихъ способахъ путешествія у *Friedländer, Sittengesch. Roms.*

⁵⁸³⁾ Страбонъ XII, 6, 7. См. *Lewin*, I, 130 и сл.

⁵⁸⁴⁾ *Con.* и *Howson*, I, 177, которые ссылаются на *Spratt* и *Forbes, Travels in Lycia*, I, 48, 242, 248; *Fellowes, Lycia*, 238.

⁵⁸⁵⁾ Поразительное описаніе такого переселенія среди киргизовъ можно найти въ *Travels Аткинсона*.

⁵⁸⁶⁾ Ап. Павелъ былъ homo desideriorum по преимуществу; человѣкъ, который подобно всѣмъ лучшимъ іудеямъ жилъ надеждами на будущее (*Рим.* VIII, 24; XV, 4; *Тит.* II, 13 и пр.)

⁵⁸⁷⁾ Прекрасныя замѣчанія объ этомъ предметѣ находятся у Фридендера, *Sittengesch. Roms* VII, 5, 3. Онъ показываетъ, что древніе замѣчали скорѣе подробности, чѣмъ общія дѣйствія. Они никогда не намекаютъ на полусвѣтлые цвѣта на синеву отдаленныхъ холмовъ, или

воздушную перспективу. Изображение ландшафтовъ, возвращеніе экзотическихъ растений и поэзія естествознанія развили въ людяхъ новѣйшаго времени всѣ эти чувства (*Гумбольдтъ*, *Cosmos*, II).

⁵⁸⁸⁾ Это близъ незначительнаго новѣйшаго города Ялобацъ, и отождествленіе его, благодаря монетамъ и надписямъ, дѣлается вполне достовѣрнымъ. См. *Arundell*, *Asia Minor*, гл. XII; *Hamilton*, *Researches in Asia Minor*, I, гл. XXVII; у *Con. and Hows*, I, 182.

⁵⁸⁹⁾ חִיכָרָה.

⁵⁹⁰⁾ Матѣ. XXIII, 6, *πρωτοκαθεδρα*, קרדיר. Филонъ часто указываетъ на порядокъ и обстановку богослуженія въ синагогахъ въ это время.

⁵⁹¹⁾ שליו צִבּוֹר.

⁵⁹²⁾ *Berachoth*, f. 3, 1; *Sota*, f. 21, 1.

⁵⁹³⁾ Προελθὼν δὲ ὁ πρεσβύτερος καὶ τῶν δογμάτων ἐμπειρότατος διαλέγεται (*Филонъ*, *Quod Omn. Prob.* 12). Франкль въ своемъ сочиненіи *Jews in the East* говоритъ, что его часто призывали для отправленія этой обязанности. Полныя подробности синагогскаго богослуженія можно найти у Маймонида, *Jad Nachezaka* (*Hilch. Tephil.* VIII, 10—12) и подъ словами *Naphtarah* и *Synagogue* въ *Kitto*, *Cyclopaedia*; ст. Гинсбурга.

⁵⁹⁴⁾ Мы едва ли можемъ вообразить, что онъ выказывалъ притворное отвращеніе, внушаемое раввинами (*Berachoth*, 34, 1).

⁵⁹⁵⁾ Дѣян. XIII, 18, *ἐτροποφόρησεν* (A, C, E) „носили ихъ, какъ человекъ носить своего маленькаго сына“. LXX, Втор. I, 31; см. Исх. XIX, 4; Ис. LXIII, 9; Ам. II, 10 и проч. Онъ не упрекаетъ ихъ здѣсь, а только говоритъ о милости Божіей къ нимъ. Слово это встрѣчается также во 2 Мак VII, 27.

⁵⁹⁶⁾ Дѣян. XIII, 17, *ὀψωσεν* — въ смыслѣ „онъ воспиталъ ихъ“ (Ис. I, 2); между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ оно означаетъ „возвысилъ“ или „поднялъ“ (Луки I, 52; 2 Кор. XI, 7). Въ стихѣ 19 онъ употребляетъ *κατεκληρονόμησεν* (K, A, B, C, D, E, G, H и проч.) въ рѣдкомъ смыслѣ „раздѣлилъ какъ наслѣдство“ (отсюда въ нѣкоторыхъ текстахъ есть поправка *κατεκληροδότησεν*), какъ напр. во Втор. I, 38.

⁵⁹⁷⁾ Не нужно забывать, что ни одна рѣчь ап. Павла въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ“ не потребовала бы для своего произнесенія болѣе пяти минутъ.

⁵⁹⁸⁾ Они читаются въ субботу, которая отъ перваго слова главы у Исаіи называется субботой *Газонъ*. Въ настоящемъ спискѣ іудейскихъ ученій, Втор. I—III, 22 и Ис. I, 1—22 стоитъ сорокъ четвертымъ чтеніемъ по порядку подъ Мазоретскимъ названіемъ צִבְרִי. Это блистательное соображеніе высказано Бенгелемъ.

⁵⁹⁹⁾ Смотри (въ грескомъ текстѣ) Дѣян. XIII, 25, сравненное съ XX, 24, 2 Тим. IV, 7; 26 съ XX, 32; 27 съ XXIV, 21; 39 съ Рим. VI, 7; 39 съ Рим. V, 9, Гал. III 11 и др. въ ссылкѣ Альфорда. Сравни также мысли и выраженія стиховъ 33, 34 съ Рим. I, 4, VI, 9; и 39 съ Рим. VIII, 3, Гал. III, 11.

⁶⁰⁰⁾ Быть можетъ лучше гипотеза, что въ общемъ очертаніи три главныя части ея (Дѣян. XIII, 16—22, 23—31, 32—41) могли часто повторяться (*Ewald*, VI, 658).

⁶⁰¹⁾ Напр. въ стихѣ 20 онъ обозначаетъ періодъ судей продолжавшимся въ 450 лѣтъ. Правда, что здѣсь лучшіе прописные манускрипты относятъ *ἔτσι τετρακοσίοις καὶ πεντήκοντα* къ предыдущему стиху (K, A, B, C и коптскій, сагидскій и армянскій переводы). Но это какъ разъ одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ „парадипломатическія“ данныя совершенно переиживаютъ данныя манускриптовъ. Чтеніе текста встрѣчается въ E, G, H и многихъ другихъ манускриптахъ; и въ то время, какъ мы видимъ очевидное основаніе, почему онъ могъ бы быть измѣненъ, мы не видимъ основаній, почему могло бы быть вставлено другое чтеніе. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Хронологія, которая опредѣляетъ періодъ судей въ 450 лѣтъ, находится въ прямомъ противорѣчій съ 3 Цар. VI, 1, которая четвертый годъ царствованія Соломона отно-

силь къ 480 году по Исходѣ. Почему же новѣйшіе издатели принимаютъ его вопреки древнихъ прописныхъ манускриптовъ? Это, какъ говорятъ Вордсвортъ, совсѣмъ не „изъ произвольнаго каприза“, или не изъ-за неудовлетворенія болѣзненнаго аппетита скептицизма къ изобрѣтаемымъ имъ противорѣчіямъ и приписываемымъ Св. Писанію“, а также и не изъ „обычной любви къ открытію разногласій въ Св. Писаніи“; но по причинамъ, которыя онъ навѣрно хорошо сознавалъ, т. е. потому, что во-1-хъ эта самая ошибочная хронологія встрѣчается у І. Флавія (Antt. VIII, 3, § 1, а быть можетъ также въ XX, 10, § 1) и поэтому, очевидно, была ходячею среди іудеевъ; а была ходячею, во-2-хъ, потому, что это точный періодъ, даваемый *прибавленіемъ неопредѣленныхъ и часто синхроническихъ періодовъ, даваемыхъ въ самой книгѣ судей*; въ 3, даже если мы примемъ правильное чтеніе, которое можетъ быть дано только вопреки правилу „*faciliori lectioni praesta arguat*“, мы создадимъ только новое хронологическое затрудненіе. О такихъ предметахъ познанія Павла и другихъ апостоловъ никогда не поднимались выше познаній ихъ времени. Приписывать имъ чудесное превосходство надъ познаніями ихъ времени въ предметахъ, которые могутъ быть постижимы человѣкомъ безъ высшей помощи, есть ошибка, которую величайшіе новѣйшіе богословы справедливо отвергли, какъ сопряженную со многими опасностями. Подобнымъ образомъ въ 33 стихѣ ἐν τῷ πρώτῳ φάσματι, хотя находится только въ D, есть несомнѣнно правильное чтеніе противъ δευτέρῳ, которое встрѣчается Ѳ и другихъ прописныхъ, что есть просто лишь поправка, потому что цитата взята изъ Пс. П, 7; при этомъ упускается также изъ вида, что среди іудеевъ во времена ап. Павла второй псаломъ считался первымъ, а первый былъ введеніемъ въ Псалтирь“.

⁶⁰² Ср. Дѣян. XIII, 35—37—съ рѣчью ап. Петра въ Дѣян. II, 27.

⁶⁰³ Дѣян. XIII, 41, „презрители“ соотвѣтствуютъ „среди язычниковъ“ подлинника въ Аввак. I, 5, потому что LXX, который ап. Павелъ приводитъ здѣсь, повидимому читалъ בְּיָדֵינוּ (богедимъ) „надменные“ вмѣсто בְּיָדֵינוּ (баимимъ), представляя одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ разности чтенія въ еврейскомъ текстѣ, для чего греческій текстъ представляетъ столь поразительное доказательство.

⁶⁰⁴ Ап. Павелъ не высоко говоритъ о своемъ собственномъ краснорѣчіи; но изъ записанныхъ образчиковъ его рѣчей къ варварамъ въ Писидіи, философамъ въ Аѳинахъ и іудеямъ въ Іерусалимѣ мы видимъ, какою силою отличался его методъ; и мы увѣрены также, что въ нихъ заключалось „*vividus vultus, vividae manus, vividi oculi, denique omnia vivida*“.

⁶⁰⁵ Дѣян. XIII, 42. Въ принятомъ текстѣ читается „язычники просили“; но τὰ ἰδιώτη ἐστὶν простая глосса, не встрѣчаемая въ Ѳ A, B, C, D, E и проч.

⁶⁰⁶ Εἰς τὸ μεταξὺ σάββατον. Употребленіе μεταξὺ, вмѣсто „слѣдующій“, озадачивало комментаторовъ и вело ихъ къ такимъ ошибочнымъ переводамъ, какъ напр. „въ промежуточную недѣлю“; но оно встрѣчается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ (Jos. B. J. V, 4, § 2; C. Ap. I, 21; Plut. Inst. Lac. 42) и есть простое расширеніе классическаго греческаго ідиома (см. мой „краткій греческій синтаксисъ“, § 82, IV).

⁶⁰⁷ Дѣян. XIII, 43, „убѣждали ихъ пребывать въ благодати Божіей“; см. XX, 24. Выраженіе это вполне свойственно Павлу (1 Кор. XV, 10; 2 Кор. VI, 1 и проч.).

⁶⁰⁸ Дѣян. XIII, 45, ἀντάλεγον.

⁶⁰⁹ Дѣян. XIII, 46, οὐκ ἀξίους κρίνεται αὐτοὺς τῆς αἰωνίου ζωῆς.

⁶¹⁰ ἐσθὶ ἡσυχία τεταγμένου εἰς ζ. αἰ. Только тѣ найдутъ въ этомъ выраженіи суровый кальвинизмъ, которые упускаютъ изъ виду полусреднее употребленіе частички, встрѣчающейся въ XX, 13 (см. II, 47) и у Филона. Въ кальвинистическомъ смыслѣ затѣмъ слово это находится въ прямой антиноміи съ XIII, 46. Близкое сопоставленіе этихъ двухъ фразъ показываетъ опасность построенія противныхъ Св. Писанію системъ на измѣнчивой перспективѣ отдѣльныхъ выраженій.

⁶¹¹ Дѣян. XIII, 49, διεφέρετο.

⁶¹²⁾ Jos. B. J. II, 20, § 2; cf. Strab. VII, 2, πάντες τῆς δεσποδαιμονίας ἀρχηγούς διοῦνται τὰς γυναῖκας; cf. *Juv. Sat.* VI, 542. Въ Пс. LXVII, 12, „Господь дастъ слово: провозвѣстницъ великое множество“ (ἐπαγγελιστρίαι LXX), фантастическіе комментаторы буквоѣдскаго типа находятъ въ томъ обстоятельстве, что פִּרְשֵׁי טוֹרָה есть женскаго рода, указаніе на выдающуюся дѣятельность женщинъ въ распространеніи Евангелія.

⁶¹³⁾ αὐταὶ δὲ καὶ τοὺς ἄνδρας προκαλοῦνται (*Strabo*, I. c.). Говоря объ отношеніи римлянъ къ іудеямъ въ провинціи, Ренанъ ссылается на *Jos. Antt.* XIV, 10, § 11; XIV, 6, §§ 2, 4, 6, 7; *Cic. pro Flacco* и пр.

⁶¹⁴⁾ Антиохія была римскою колоніей подъ общею юрисдикціей пропретора Галатіи. Иконія была подъ властью мѣстнаго тетрарха (*Plin. H. N.* V, 27).

ГЛАВА XXI. ⁶¹⁵⁾ Дѣян. XIII, 51, ἐξέβαλον αὐτοὺς.

⁶¹⁶⁾ *Страбонъ*, XII, 6. Упоминается въ *Xen. Anab.* I, 19; *Cic. ad Fam.* III, 8; V, 20; XV, 4, какъ лежащій на пересѣченіи важныхъ дорогъ между Ефесомъ и Тарсомъ и пр.

⁶¹⁷⁾ *Plin. H. N.* V, 25. Нѣкоторое сомнѣніе, повидимому, связывается съ этимъ вслѣдствіе существованія монеты царствованія Нерона, въ которой онъ называется Claudiconium, и монеты Галліена, въ которой онъ называется колоніей; но присвоеніе имени Клавдія могло быть просто выраженіемъ лести, а послѣдняя привилегія была дана долго спустя.

⁶¹⁸⁾ Хотя и неподлинное, это преданіе можетъ имѣть нѣкоторое основаніе, въ чтеніи D и отчасти на поляхъ сирійскаго перевода, οἱ δὲ ἀρχηγὸν ἀγῶνι τῶν Ἰουδαίων καὶ οἱ ἀρχόντες τῆς συναγωγῆς ἐπύργον αὐτοῖς διωγμὸν κατὰ τῶν δικαίων .... ὁ δὲ κύριος ἔδωκεν ταχὺ εἰρήνην.

⁶¹⁹⁾ Это повидимому подсказано контрастомъ Ἑλλήνων въ стихѣ 1 съ ἔθνων стиха 2.

⁶²⁰⁾ Ренанъ сравниваетъ путешествіе апостоловъ отъ іудейскаго поселенія къ поселенію съ путешествіями Араб-Ибн-Батуты и средневѣковаго путешественника Веніамина Тудіеллы. Болѣе новѣйшую аналогію можно находить въ сочиненіи Франкля *Jews in the East*. Приѣмъ этихъ христіанскихъ учителей отдаленными общинами іудеевъ въ точности повторялся въ новѣйшія времена когда новѣйшіе іудеи принимали миссіонеровъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ болѣе многочисленныхъ молдавскихъ общинъ взрывами яростныхъ проклятій, отлученій, нападеній черни и побіенія камнями. Вотъ какъ одинъ миссіонеръ описываетъ подобную сцену: „въ синагогѣ уже были произнесены страшныя отлученія, произносящія наиболѣе ужасный судъ на всякаго іудея, имѣющаго общеніе съ нами; или на тѣхъ, которые принявъ какое либо изъ нашихъ изданій, не предавали ихъ тотчасъ же пламени. Движеніе и волненіе среди ихъ было такъ велико, что мы должны были совѣщаться между собою, идти ли намъ противъ этого противодѣйствія или бѣжать изъ города. Мы рѣшились остаться и выступить противъ опасностей во имя Божіе, и такъ какъ слѣдующій день былъ іудейскою субботой, то мы отправились съ кипой нашихъ изданій. Когда мы приблизились къ синагогѣ, то мы были прогнаны отъ нея кричащею, проклинаящею и богохульствующею толпой, которая буквально затмила воздухъ камнями, полетѣвшими въ насъ. Мы находились въ величайшей опасности быть убитыми. Въ концѣ концовъ мы однако же выступили противъ нихъ и мягкими доводами и доказательствами заставили ихъ слушать себя“ (*Speech of the Rev. M. Wolkenberg at Salisbury, August 8, 1876*).

⁶²¹⁾ *Acta Pauli et Theclae*, въ которыхъ одна сцена полагается въ Иконіи, настолько апокрифичны, что едва ли заслуживаютъ даже упоминанія. Они напечатаны Грабе *Spicileg. 1; Tishendorf, Acta Apost. Aposcr.* р. 40. Тертуліанъ говоритъ, что одинъ пресвитеръ въ Азіи былъ низложенъ за сочиненіе этого разсказа изъ любви къ Павлу (*De Bapt.* 17); Іеронимъ прибавляетъ, что низложилъ его ап. Іоаннъ.

⁶²²⁾ *Kinneir, Travels in Karamania*, p. 212.

⁶²³⁾ Дѣян. XIV, 9, ἤκουε τοῦ Παύλου λαλοῦντος.

⁶²⁴⁾ Яблонскій въ своей монографіи *De lingua Lycæniâ* пришель къ заключенію, что это

былъ испорченный ассирійскій языкъ, а слѣдов. семитическій діалектъ; Гулинъ—что это былъ греческій, испорченный примѣсю сирійскаго. Единственное ликаонійское слово, извѣстное намъ, есть *δέλφαια*, которое означаетъ можжевеловникъ, какъ это мы находимъ у Стефана Византійскаго.

⁶²⁵⁾ Едва ли стоитъ приводить классическія цитаты для того, чтобы показать, что Эрмесъ былъ богъ краснорѣчія (*Hor. Od. I, 10; Macrob. Saturn I, 8*). Отсюда его эпитетъ *Ἀδύιος* (*Orph. Hymn. XXII, 6*). „Quo didicit culte lingua favente loqui. *Ov. F. V, 668*).

⁶²⁶⁾ См. Злат. Ном. XXX. Мыслие бл. Иеронима, что способность апостоловъ говорить ликаонійцамъ на ихъ собственномъ языкѣ была одною изъ причинъ, почему народъ принялъ ихъ за боговъ, крайне безосновательна.

⁶²⁷⁾ Нѣкоторые замѣчательныя доказательства приводятся у Деллингера (*Judenth. u. Heidenth. VIII, 2, § 5*).

⁶²⁸⁾ Напр. нѣчто въ родѣ смутнаго преданія о потопѣ въ Аламеа Кивотосъ.

⁶²⁹⁾ *Ov. Met. VIII, 626 seq.; Fast. V, 495; Dio Chrysost. Orat. XXXIII, 408*. Объ общемъ мнѣніи касательно этихъ богоявленій см. *Hom. Od. XVI, 484; Hes. Opp. et. D. 247; Cat. LXV, 384*.

⁶³⁰⁾ Тиана, мѣсто рожденія современнаго чудотворца Аполлонія, который вездѣ былъ принимаемъ съ столь глубокимъ благоговѣніемъ, находится неподалеку къ востоку отъ Листры и Дервіа.

⁶³¹⁾ Вѣроятно врата дома, см. XII, 13, *Jul. Poll. Onomast. I, 8, 77* (cf. *Virg. Ecl. III, 487; Tert. De Cor. Mil. X*).

⁶³²⁾ Менексенъ врачъ Александра, считалъ себя богомъ, какъ и Александръ Абонотихскій, не говоря уже о *Divi Caesares*.—*Ἐξελήθησαν* кодексовъ *κ, Α, Β, Γ, Δ, Ε* и проч. Варнава ставится первымъ, потому что онъ почитался *Zeus Poliouchos*. Въ сказаніи о Бавкидѣ и Филимонѣ чудо тотчасъ же повело къ жертвоприношенію.

⁶³³⁾ Дѣян. XIV, 16, *πάντα τὰ εἰδέναι*.

⁶³⁴⁾ Сравни XIV, 15, *ἀπὸ τούτων τῶν ματαίων ἐπιστρέφειν ἐπὶ θεὸν ζῶντα* съ I *Θес. I, 9, ἐπιστρέφατε πρὸς τὸν θεὸν ἀπὸ τῶν εἰδῶλων* и пр. и безчленное *θεὸν ζῶντα* съ Рим. IX, 26 и пр. Ср. также весьма замѣчательныя выраженія и мысли ст. 16 съ рѣчью въ Аѳинахъ, XVII, 30, Рим. I 20, II, 15 и пр. и стихъ 17 съ Рим. I, 19, 20. Чтенія „насъ“ и „наши сердца“ (*ἡμῖν* и *ἡμῶν*—*A, B, G, H*, коптскій и эіопскій переводы) недостоверны, такъ какъ это именно тѣ пункты, въ которыхъ дипломатическія доказательства едва-ли могутъ имѣть значеніе; но они несомнѣнно гораздо болѣе свойственны ап. Павлу и иллюстрируютъ ту великую симпатію, съ которою онъ всегда готовъ былъ стать всѣмъ для всѣхъ и поэтому говорилъ язычникамъ, какбы и самъ будучи язычникомъ.

⁶³⁵⁾ Гумфри принимаетъ это за отрывокъ какой-нибудь лирической пѣсни, и хотя большинство издателей отвергли его соображенія, мнѣ думается, что эта кажущаяся невѣроятность можетъ быть отчасти устранена высказаннымъ въ текстѣ предположеніемъ (см. ниже, приложение III стр. 817).

⁶³⁶⁾ Разсуждая объ измѣнѣ Пандара въ Ил. IV, 88—92, схолиастъ приводитъ свидѣтельство Аристотеля невѣрнаго характера Ликаонійцевъ; и см. также *Cic. Err. ad. Att. V, 21* и пр., который говоритъ о жителяхъ этихъ странъ съ большимъ презрѣніемъ.

⁶³⁷⁾ Это едва ли можно считать сомнительнымъ, если мы сравнимъ Тим. I, 2, 18 и 2 Тим. II, 1 съ Дѣян. XVI, 1.

⁶³⁸⁾ Это ясно доказывается данными монетъ при сопоставленіи съ *Dio Cass. LIX, 8*, что какъ Дервіа, такъ и Листра находились подъ властью Антиоха IV Коммагена (*Eckhel, III, 255; Lewin, Fasti Sacri p 250*). Если это заключеніе правильно, то они не могли даже въ политическомъ смыслѣ называться „царствами въ Галатіи“.

⁶³⁹⁾ Мѣстоположеніе Дервіа еще и до сихъ поръ сомнительно. Страбонъ (XII, 6) называетъ

ее *φρούριον Ἰσαυρίας καὶ λιμὴν*, гдѣ, какъ долго думали, истиннымъ чтеніемъ должно быть *λίμνη*, и если это такъ, то это озеро должно быть Акъ Гюль или „бѣлое озеро“. Близъ этого мѣста Гамильтонъ нашелъ мѣсто, называемое Дивле, что было бы легкимъ измѣненіемъ для имени *Δελβειν*, какъ иногда назывался этотъ городъ; но другое мѣсто, находящееся гораздо больше къ сѣверу, гдѣ онъ нашелъ развалины акрополя, кажется болѣе вѣроятнымъ. Это послѣднее, отмѣченное на картѣ Киперта, болѣе соотвѣтствуетъ даннымъ Страбона, XII, 6, такъ какъ оно находится на границѣ Исавріи и Каппадокіи на озерѣ и неподалеку отъ Ларанды (Караванъ). См. *Lewin*, I 151.

⁶⁴⁰⁾ Дѣян. XX, 4. Гай, въ XIX, 29, былъ македонянинъ, а упоминаемый въ Римл. XVI, 23 и 1 Кор. I, 14, былъ коринѳянинъ.

⁶⁴¹⁾ Онъ ссылается на Гамильтона (*Researches*, II, 313), который нашелъ дорогу изъ Эрегли непроходимую вслѣдствіе этой причины.

⁶⁴²⁾ *Strabo*, XII, vi, 2—5; *Tac. Ann.* III, 48; XII, 55; *Cic. ad Att.* V, 20, 5 и проч.

⁶⁴³⁾ Дѣян. XIV, 22. *Ἦμας* можетъ означать общехристіанское чувство. Въ этой связи на него нельзя полагаться, какъ на показаніе присутствія св. Луки.

⁶⁴⁴⁾ Дѣян. XIV, 23, *ἡμετέρον ἴσαντες* имѣетъ совершенно общій характеръ, какъ во 2 Кор. VIII, 19.

⁶⁴⁵⁾ См. хронологическое приложеніе, XXVIII.

⁶⁴⁶⁾ Дѣян. XIV, 3, *ἰκανὸν χρόνον*. Это можетъ означать время отъ одного или двухъ мѣсяцевъ до года или болѣе. Эта фраза часто встрѣчается у св. Луки (см. Дѣян. VIII, 11; XXVII, 9; Луки VIII, 27; XX, 9).

⁶⁴⁷⁾ Что Антиохія Писидійская, Иконія, Дервія и Листра не были церквями Галатіи, какъ высказывали Бѣтгеръ (*Beiträge*, I, 28 sq.), Ренанъ, Гаусратъ и др., это можетъ быть доказано. Галатія имѣла два значенія: первое—этнографическое, второе—политическое. Этнографическое употребленіе было популярнымъ и всеобщимъ. Оно означало тотъ небольшой центральный округъ М. Азіи, около 350 верстъ въ длину, занимавшійся тремя галльскими племенами: трокмами, толистобогамъ и тектосагамъ съ тремя столицами: Тавіей, Пессинонъ и Анкирой. Политически оно означало „департаментъ“ или „административную группу“, простое собраніе округовъ, связанныхъ между собою политическими случайностями. Въ этомъ политическомъ значеніи римская провинція Галатія была основана на царствѣ Аминты (*Dion Cass. LIII*, 26), богатаго скотопромышленника и грабителя, который получалъ отъ Марка Антонія царство Писидійское и благодаря послѣдующимъ пріобрѣтеніямъ сдѣлался владѣтелемъ Галатіи въ собственномъ смыслѣ, Ликаоніи, частей Памфіліи и Киликіи Асперы. По смерти его произошли многія перемѣны, но когда Павелъ и Варнава совершали свое первое путешествіе, то Памфілія находилась подъ властью пропретора; Иконія была отдѣльной тетрархіей, а Листра и Дервія принадлежали Антиоху IV Коммагену. Галатія, Писидія къ сѣверу отъ Пароріи и большая часть Ликаоніи составляли римскую провинцію Галатію. Но даже если мы допустимъ, что ап. Павелъ и св. Лука могли употреблять слово Галатія въ ея искусственномъ смыслѣ, даже тогда Антиохія Писидійская, повидимому, была единственнымъ городомъ, упоминаемымъ въ томъ округѣ, который дѣйствительно находился въ римской провинціи. Одного этого достаточно кажется для опроверженія гипотезы, что при первомъ путешествіи мы имѣемъ повѣствованіе объ основаніи Галатійской церкви. Затѣмъ, на сколько дѣло касается св. Луки, то въ отношеніи его при его тщательной точности было бы весьма запутаннымъ сначала употреблять слова Писидія, Ликаонія, Памфілія и позднѣе въ его повѣствованіи Мисія и другіе округа въ ихъ географическомъ смыслѣ и затѣмъ вдругъ, безъ всякаго замѣчанія о томъ, употреблять слово Галатія въ Дѣян. XVI въ ея политическомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ политическій смыслъ былъ измѣнчивъ и не имѣлъ значенія. Едва ли можно предполагать, что такъ какъ онъ сотни разъ навѣрно слышалъ отъ ап. Павла упомина-

ніе о церквахъ Галатіи, если бы это были галатійскія церкви, онъ ни разу бы не упомянулъ объ этомъ фактѣ и, совершенно игнорируя римскую провинцію, говорилъ бы объ Антіохіи „Писидійской“, о Листрѣ и Дервіи, „городахъ Ликаонійскихъ“. На основаніи этихъ соображеній, равно какъ и на путаницѣ, которую она вводитъ въ хронологію жизни ап. Павла, можно придти къ полному отверженію этой гипотезы. Немногіе доводы, выставленные въ пользу этого взгляда, какъ напр. намекъ на Варнаву въ посланіи къ Галатамъ, XII, 1,—совершенно недостаточны для поддержанія его противъ многихъ встрѣчныхъ невѣроятностей. Въ самомъ дѣлѣ, почти единственное серьезное соображеніе, выставленное въ ея пользу, именно весьма мимолетное указаніе въ Дѣян. XVI, 6 на то, что, какъ мы узнаемъ изъ посланія, было основаніемъ важнѣйшей изъ церквей—уничтожается встрѣчающею насъ повсюду увѣренностью въ томъ, что Дѣянія Апостольскія не представляютъ намъ полной біографіи, и въ другихъ случаяхъ также, какъ напр. въ отношеніи церквей Сиріи и Киликіи повѣствователь оставляетъ насъ также въ сомнѣніи касательно времени и способа перваго имъ благовѣстія. Другая форма этой теоріи, которая видитъ основаніе галатійской церкви въ словахъ καὶ τὴν περικύριον (Дѣян. XIV, 6) избѣгаетъ нѣкоторыхъ пѣз этихъ возраженій, но представляетъ еще гораздо большія трудности, чѣмъ общее мнѣніе, которое видѣть указаніе на благовѣстіе Галатіи въ летучемъ намекѣ въ Дѣян. XVI, 6.

⁶⁴⁸) Раввины, которые учили въ болѣе истинномъ и болѣе свободномъ духѣ, были рѣдки. Правда, мы находимъ въ Berachoth, f. 34, 2, замѣчательное объясненіе стиха: „миръ, миръ тому, кто далеко, и тому, кто близко“, которое состоитъ въ признаніи, что кающіеся и заблудшіе дороже Богу (такъ какъ къ нимъ прежде всего дѣлается обращеніе здѣсь), чѣмъ фарисеи и старѣйшіе братья; но при этомъ имѣются въ виду кающіеся изъ среды *Израиля*, подобно тому, какъ нѣкоторые изъ отцевъ распространяли упованіе блаженной жизни лишь на христіанъ (единственно на основаніи этого преимущества), отрицая его для другихъ (Jer. in Isa. LXVI, 16, in Eph. IV, 12 и пр.).

⁶⁴⁹) 2 Кор. V; 16; 1 Кор. XIII, 9—12. Бенгель говоритъ, что если посланія распредѣлить хронологически, „*incrementum apostoli spirituale cognoscitur*“ (р. 583).

⁶⁵⁰) Иоан. I, 11, εἰς τὰ ἱεῖα οὐ ἔβη.

⁶⁵¹) Далѣе самаго крайняго предѣла іудейства они не могли проникнуть. Религіозная серьезность въ язычникѣ была преступленіемъ: „язычникъ, который изучаетъ законъ (кромя семи Ноевыхъ заповѣдей), повиненъ смерти“; ибо сказано (Втор. XXXIII, 4): „законъ далъ намъ Моисей, наслѣдіе обществу Іакова“, а не языникамъ и поэтому Раши прибавляетъ, что изученіе закона со стороны язычниковъ есть разбойничество (Sanhedrin, f. 59, 1). Смотри Маймонидъ Dig. Hilchoth. Menachin, X, 9).

⁶⁵²) „Язычникъ который предлагаетъ подчиниться всѣмъ словамъ закона, *кромя* одного, не принимается“. Раввинъ Іозе-Бенъ-Рабби-Іегуда сказалъ: „даже если онъ отвергаетъ одну изъ *алахотъ* книжниковъ“ (Berachoth, f. 30, 2).

ГЛАВА XXII. ⁶⁵³) Рим. XIV, 1, μὴ εἰς διακρίσεις διαλογισμῶν.

⁶⁵⁴) Гал. II, 4, παρεισήλθον: сн. Іуда 4, παρεισέδυσαν „вкрались“.

⁶⁵⁵) Объ этомъ выразительно говорится на полѣ позднѣйшаго сирійскаго перевода и въ двухъ скорописныхъ манускриптахъ, 8, 137. Епифаній говоритъ, что „ихъ предводители были Керинѣи, въ послѣдствіи гностическій противникъ св. Іоанна, и Эвіонъ“ (Наег. 28, 30). Но Эвіонъ есть просто „мнѣическій сомнѣнникъ“ *Mansel*, Gnostic. Her. 125; *Tert. De praescr.* 33). Эвіонитъ есть эпитетъ (*Epiphan.* Наег. XXX) и означаетъ „бѣдный“ (*Orig. C. Cels.* II, 1; *Neander. Ch. Hist.* II, 14).

⁶⁵⁶) Гал. II, 4, κατασκοπήσαι. Я предполагаю, что названіе ΓΑΡΟΥΖ (мумахъ)—уполномоченный дипломомъ давать рѣшенія—технически могло бы быть приложимо къ этимъ посѣтителямъ.

⁶⁵⁷) Гал. II, 4, τοὺς παρεισάκτους ψευδαδελφούς, „falsos et superinducticios fratres“ (*Tert.*

adv. Marc. V, 3). Сильно негодующее значеніе *παρεισάγειν* можетъ быть видѣно во 2 Петр. II, 1, „лжеучители, которые введутъ (*παρεισάξουσιν*) пагубныя ереси“.

658) Прибавка въ D и замѣтка на подѣ сирійскаго перевода, καὶ τῷ ἔθει Μωυσεως περιπατῆτε и въ „Постановленіяхъ Апостольскихъ“, καὶ τοὺς ἔθειν οἱ διατάξατο, хотя не подлинное, показывается, въ какомъ собственно смыслѣ понималось это мѣсто.

659) Дѣян. XV, 1, περιπατῆτε „когда либо обрѣжетесь“; M, A, B, C, D. Даже I. Флавій (см. слѣдующее примѣчаніе) повидимому думаетъ, что страшная смерть Апіона была нѣкоторымъ образомъ наказаніемъ за его насмѣшку надъ обрѣзаніемъ (С. Ар. II, 14). Въ виду такого разсказа, мы можемъ судить о мужествѣ ап. Павла и необычайной ненависти, возбужденной его взглядами.

660) I. Флавій, какъ либеральный фарисей, держался того же самаго взгляда (Antt. XX, § 4; Vit. 23, 31). Талмудъ упоминаетъ о нѣкомъ Акилѣ (котораго нѣкоторые отождествляютъ съ Аквиллой, греческимъ переводчикомъ Библии), который будто-бы подвергся обрѣзанію, а также объ одномъ римскомъ сенаторѣ (Abhōda Zara 10; Hamburger s. v. „Beschneidung“). Римлянинъ Метилій спасъ свою жизнь принятіемъ обрѣзанія (Jos. B. J. II, 17, § 10). Антоній *запретилъ* его для языческихъ прозелитовъ (Gieselser, I, § 38).

661) „Обрѣзаніе такъ велико“, сказалъ рабби (Іегуда-Гаккодешъ), „что если бы не оно, то Святѣйшій, да будетъ Онъ благословенъ, никогда бы не сотворилъ міра; ибо сказано (Іер. XXXIII, 25): если бы не завѣтъ Мой (т. е. обрѣзаніе), то Я не создалъ бы ни дня, ни ночи, ни уставовъ неба и земли Я не утвердилъ бы“ (Nedarim. f. 31, 2). „Авраамъ не былъ названъ совершеннымъ, пока онъ не былъ обрѣзанъ. Оно такъ велико, какъ всѣ другія заповѣди“ (Исх. XXXIV, 27). (Id. f. 32, 1). Это былъ одинъ изъ тѣхъ законовъ, въ отношеніи которыхъ іудеи предпочитали смерть неповиновенію (Shabbath, f. 130, 1). „Добрый царь“ въ *псевдо-Варухъ*, (§§ 61, 66) не допускаетъ существованія ни одного необрѣзаннаго человѣка на землѣ.

662) Изатъ и Монобазъ были бы названы „львами-прозелитами“, а Азисъ и Полемонъ— „шехемицкими прозелитами“.

663) „Какъ много законовъ имѣете вы?“ спросилъ язычникъ у Шаммаи. „Два“, отвѣчалъ Шаммаи, „письменный и устный“. „Я вѣрую въ первый“, сказалъ язычникъ, „но не въ послѣдній: прими меня въ качествѣ прозелита на основаніи изученія мною только писаннаго закона“. Шаммаи выгналъ его съ проклятіемъ (Shabbath, f. 31, 1).

664) Дѣян. XV, 1, ἐδιδακτον.

665) Circumcidere genitalia instituere ut diversitate noscantur“, говоритъ Тацитъ (Hist. V, 5) и прибавляетъ съ особеннымъ удареніемъ „transgressi in morem eorum idem usurpant“.

666) Вотъ образчикъ языка іудейскихъ раввиновъ въ отношеніи къ прозелитамъ: „прозелиты и тѣ, которые играютъ съ своими дѣтьми (значеніе сомнительное) замедляютъ пришествіе Мессіи. Что касается до прозелитовъ, то Рабъ Хелбо замѣчаетъ въ поясненіе этого, что они такъ же вредны для Израиля, какъ короста (такъ какъ въ Ис. XIV, 1 сказано, что иноплеменики будутъ присоединены къ нимъ (גֵּרִים)), а גֵּרִים означаетъ „короста“; потому что, говоритъ Раши, не исполняютъ постановленій и причиняютъ бѣдствіе Израилу“ (Niddah, f. 13, 2).

667) Ср. манускриптъ D, ἔλεγεν γάρ ὁ Παῦλος μένειν οὕτως καὶ ὡς ἐπισταύσαν διαχυρίζόμενος.

668) Выраженіе Дѣян. XV, 2, γενομένης οὖν στασεως καὶ συζητήσεως οὐκ ὀλίγης и пр. очень сильное. Στασις есть „возстаніе“ (Марк. XV, 7 Лук. XXIII, 19). Касательно συζητήσεως см. Дѣян. VI, 9; XXVIII, 29; Марк. IX, 14.

669) Какъ опять утверждается въ D, παρήγγειλαν αὐτοῖς τῷ Παύλῳ καὶ τῷ Βαρναβᾶ καὶ τισὶν ἄλλοις ἀναβαίνειν πρὸς τοὺς ἀποστόλους и пр., Ὅπως κριθῶσιν ἐπ' αὐτοῖς περὶ τοῦ ζητήματος τούτου.

670) См. сдѣланное раньше извлеченіе изъ D.

671) Здѣсь я безъ колебанія предполагаю, что посѣщеніе въ Іерусалимъ, о которомъ гово-

рится въ Гал. II, 1 — 10, хотя тамъ упоминается о немъ, какъбы уже о *второмъ* посѣщеніи, было тождественно съ посѣщеніемъ, упоминаемымъ въ Дѣян. XV, и поэтому въ сущности было *третьимъ* посѣщеніемъ. Въ Дѣян. Апостольскихъ говорится о *пяти* посѣщеніяхъ ап. Павломъ Іерусалима, именно: 1) послѣ его обращенія (IX, 26); 2) съ антиохійской милостыней (XI, 30); 3) для совѣщанія съ апостолами касательно необходимости обрѣзанія для язычниковъ (XV, 2); 4) послѣ его втораго миссіонерскаго путешествія (XVIII, 22); 5) послѣ его тюремнаго заключенія въ Кесаріи (XXI). Это посѣщеніе, Гал. II, не могло быть никомъ образомъ *первымъ*; а какъ доказывается Гал. II, 7 и всей хронологіей его жизни, оно не могло быть и *вторымъ*; но затѣмъ, какъ видно изъ присутствія Варнавы (ср. Гал. II, 1 съ Дѣян. XV, 39), оно не могло быть и *четвертымъ*, потому что нельзя предполагать его такимъ, не обвиняя ап. Павла въ преднамѣренномъ умолчаніи, когда онъ говорилъ Галатамъ объ этомъ единственномъ сношеніи, которое онъ имѣлъ съ апостолами; а что оно не было *плымъ*, это совершенно ясно доказывается Гал. II, 11. Тщательно изслѣдовавъ поэтому, мы видимъ, что посѣщеніе, о которомъ говорится въ Гал. II, навѣрно было *третьимъ*. Можно бы, правда, думать, что это было какое нибудь посѣщеніе, о которомъ не рассказываетъ авторъ Дѣяній Апостольскихъ, если бы было какое нибудь основаніе для такого предположенія; но когда мы примемъ во вниманіе невозможность того, чтобы такое посѣщеніе случилось безъ вѣдома св. Луки и чрезвычайное согласіе связанныхъ съ нимъ событій со взглядами, которые онъ желалъ провести, а также и трудность найти какой нибудь другой случай, при которомъ это посѣщеніе могло бы естественно состояться, — мы не имѣемъ здравыхъ основаній для принятія такой гипотезы. Да и не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ ничего яснѣе, какъ тождество обстоятельствъ въ описываемыхъ такимъ образомъ посѣщеніяхъ. Въ двухъ повѣствованіяхъ тѣ же самыя лица идутъ въ то же самое время изъ того же самаго мѣста, съ тою же самою цѣлю, вслѣдствіе того же самаго внимательства тѣхъ же самыхъ агитаторовъ съ тѣми же самими результатами. Противъ абсолютной несомнѣнности того заключенія, что описываемыя здѣсь посѣщенія были однимъ и тѣмъ же, рѣшительно нельзя ничего выставить кромѣ незначительныхъ различій въ подробностяхъ, изъ которыхъ каждая объясняется въ текстѣ. Что касается неупоминанія ап. Павломъ такъ называемаго „опредѣленія“, то оно достаточно объясняется его мѣстнымъ, частнымъ, временнымъ и, насколько дѣло касалось принциповъ, нерѣшительнымъ характеромъ, тѣмъ фактомъ, что галаты не *просили снисхожденія*, а искали рабства; и рѣшимостью апостола не жертвовать для улаженія такихъ вопросовъ подчиненіемъ его апостольской независимости какому бы то ни было авторитету, который исходилъ бы отъ чело-вѣка или вообще чему либо, исключая началъ, открытыхъ самимъ Духомъ Божиимъ. Профессоръ Джуэттъ (Gal. I, 233) говоритъ о ненарушимой гармоніи, представляемой повѣствованіемъ Дѣяній, стоящимъ въ противорѣчій съ тономъ Гал. II, 2—6; но „ненарушимая гармонія“ несомнѣнно согласна съ πολλή συζήτης Дѣян. XV, 7, что очевидно составляетъ продолженіе *στασις καὶ ζήτησις* *ὅχι ἀλίγη* стиха 2. Та степень, до которой Дѣянія „бросаютъ завѣсу времени на разногласіе апостоловъ“, какъ мнѣ кажется, часто преувеличивалась.

672) Ewald, Gesch. VI, 456.

673) Παρεβήθησαν ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας Дѣян. XV, 4 указываетъ на предварительное собраніе въ отличіе отъ συνεβήσαν τε ст. 6.

674) Онъ теперь уже не называется здѣсь „братомъ Господнимъ“, потому что Іакова, сына Заведеева, не было уже въ живыхъ, а Іаковъ, сынъ Алфеевъ, былъ апостоломъ, о которомъ ничего неизвѣстно.

675) Гал. II, 7, ἰδόντες; 9, γινόντες.

676) ἡρώδης.

677) Гал. II, 10. 8 καὶ ἐσπούδασα αὐτὸ τοῦτο ποιῆσαι, буквально „что и старался я дѣлать точь въ точь“. „Quod etiam sollicitus fui hoc ipsum facere“ (Вулгата).

⁶⁷⁸⁾ 1 Кор. XVI, 3; см. 2 Кор. VIII, IX; Рим. XV, 27. Даже много лѣтъ спустя мы находимъ, что ап. Павелъ искренно исполняетъ эту часть взаимнаго соглашенія (Дѣян. XXIV, 17) Одна только Фригія; повидимому, не принимала участія въ пожертвованіяхъ.

⁶⁷⁹⁾ Jowett, Romans, & c., I, 326. Въ этой статьѣ и въ статьѣ Ляйтфута „объ ап. Павлѣ и трехъ другихъ Апостолахъ“ (Gal. 276—346) читатель найдетъ до росовѣстное изложеніе и тщательное изслѣдованіе этихъ фактовъ.

⁶⁸⁰⁾ „Соборъ“ Іерусалимскій былъ около 51 г. по Рожд. Хр.; посланіе къ Галатамъ написано въ 58 году.

⁶⁸¹⁾ Этотъ элементъ опредѣленія всегда упускался изъ вида. Язычники конечно были въ Іерусалимѣ, но для іудея свободно допустить необрѣзаннаго язычника, какъ полнаго участника всѣхъ религиозныхъ обрядовъ въ іудейско-христіанской общинѣ, было страшно опаснымъ испытаніемъ. Если все вліяніе и сила І. Флавія едва могли спасти отъ избіенія двухъ знаменитѣйшихъ и имѣвшихъ высокія связи язычниковъ, которые бѣжали къ нему, ища защиты, хотя при этомъ и не имѣлось въ виду предоставить имъ какія-либо религиозныя преимущества, а только потому, что въ толпѣ говорилось, что „ихъ не должно оставлять въ живыхъ, если они не перемѣнятъ своей религіи на религію тѣхъ, къ которымъ они бѣжали ради безопасности“ (Vit 31), то *какъ могъ Павелъ отвечать за жизнь Тита?*

⁶⁸²⁾ Таковъ взглядъ Ляйтфута (Gal. p. 102), который говоритъ: „совѣщанія апостоловъ касательно обрѣзанія суть подводная скала, о которую разбивается грамматика предложенія“; и „замѣтный оттѣнокъ чувствъ, разбитыя грамматическія предложенія, очевидный оттѣнокъ своеобразныхъ фразъ—все это производитъ впечатлѣніе, что хотя конечная побѣда была уже полная, она всетаки достигнута была не безъ борьбы, въ которой ап. Павелъ поддерживалъ иногда почти единолично дѣло языческой свободы“. Впослѣдствіи я привожу основанія, почему я принимаю различный выводъ. Сознаніе полной побѣды, имѣвшейся въ виду, годы спустя едва ли бы произвело все это волненіе. На нее указывалось бы съ спокойною скромностью сознательной силы. Не такъ бываетъ съ ошибочнымъ сужденіемъ, заключающимъ въ себѣ серьезныя послѣдствія, хотя и не руководимымъ лучшими побужденіями. *Если Титъ былъ не обрѣзанъ, то почему Павелъ не говоритъ ясно объ этомъ?*

⁶⁸³⁾ Гал. II, 1—6. Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ его перваго посѣщенія.

⁶⁸⁴⁾ И нѣкоторые другіе, которыхъ онъ однако же едва ли могъ бы „взять съ собой“ (Дѣян. XV, 2).

⁶⁸⁵⁾ Ἀνεθέμεν αὐτοῖς „сообщилъ“ или „донесъ имъ“, а не „вручилъ имъ“ (см. Дѣян. XXV, 14), Тертуліанъ говоритъ „ad patrociniū Petri“ и проч. что слишкомъ сильно.

⁶⁸⁶⁾ Я принимаю τρεῶν, какъ изъяснительное, но оно можетъ быть сослагательнымъ, какъ въ 1 Тесс. III, 5, и о метафорѣ этой смотри Фил. II, 16.

⁶⁸⁷⁾ Ляйтфутъ принимаетъ это въ такомъ смыслѣ: „мои прошлые и настоящіе труды не могутъ быть уничтожены противодѣйствіемъ или недоразумѣніемъ“. Такъ и Теофилактъ ad loc., ἵνα μὴ στάσις γένηται καὶ ἵνα ἀρθῇ τὸ σκάνδαλον. Контекстъ, какъ мнѣ кажется, показываетъ, что онъ заключаетъ въ себѣ желаніе со стороны ап. Павла знать, можно ли что-нибудь серьезно выставить противъ его личнаго убѣжденія. Такъ понимаетъ Тертуліанъ adv. Marc. I, 20; V, 3; IV, 2. Допущеніе возможности недоразумѣнія касательно практическаго результата прибавляетъ только новую силу къ послѣдующему утвержденію. Неувѣренность и моментальное колебаніе ап. Павла можно сравнить съ неувѣренностью и колебаніемъ Іоанна Крестителя (Мат. XI, 3).

⁶⁸⁸⁾ Καταβολήσους (K, A, B, C, D, E). Здѣсь въ подлинникѣ—смѣлый солицизмъ, который не неизвѣстенъ былъ еллинистическому греческому языку и вслѣдствіе котораго выраженіе это выигрываетъ въ живости (см. IV, 17 ἵνα ζηλοῦτε).

⁶⁸⁹⁾ Вслѣдствіе вставки, опущенія или разночтенія этихъ двухъ словъ οἱς οὐδὲ манускрипты

и цитаты становятся столь же возбужденными и неуверенными, как и стиль писателя. Если бы мы могли думать, что слово *οὐδὲ* — „даже не“ подложно, то мнѣ думается тогда было бы очевидно, что ап. Павелъ имѣлъ въ виду сказать слѣдующее: „благодаря этимъ лжебратіямъ, я правда сдѣлалъ временную уступку (*πρὸς ὧν*), но только съ дѣлю въ концѣ концовъ обезпечить за вами постоянную свободу (*διαλείψω πρὸς ὑμᾶς*); „ostendens“, какъ говоритъ Тертуліанъ, *propter quid fecerit quod nec fecisset nec ostendisset, si illud propter quod fecit non accidisset* (adv. Marc. V, 3). Но данныя манускриптовъ видимо склоняются въ пользу удержанія отрицательной частицы, хотя она опускается у Иринея, отсутствуетъ во многихъ латинскихъ спискахъ, объявляется на сомнительномъ авторитетѣ Викторина отсутствующей въ большинствѣ латинскихъ и греческихъ манускриптовъ и по увѣренію Тертуліана будто бы обманнымъ способомъ вставлена еретикомъ Маркіономъ. Несомнѣнно, связанная съ нею неуверенность вѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что даже и самое *удержаніе* ея въ текстѣ никомъ образомъ не исключаетъ предположенія, что Павелъ къ своему великому, вполнѣдовѣдствію, сожалѣнію уступилъ протесту во время обсуждения этого вопроса, — составляютъ данныя въ пользу того, что это именно было такъ. Если этотъ взглядъ вѣренъ, то это придавало бы гораздо болѣе глубокое значеніе такимъ мѣстамъ, какъ Гал. I, 10; IV, 11. Въ такомъ случаѣ его колебаніе было ошибкой, не допускать возможность которой въ этомъ случаѣ значитъ не болѣе, чѣмъ допускать вообще нравственную ошибку въ чловѣкѣ, какою напр. была ошибка ап. Петра въ Антиохіи; но это была бы ошибка въ практическомъ дѣлѣ, а не въ установившемся принципѣ; ошибка благороднаго самоотреченія, а не робкой уступчивости. И навѣрно, ап. Павелъ менѣе всѣхъ людей сталъ бы приписывать себѣ полную обезпеченность отъ возможности ошибки. „Полнота божественныхъ даровъ“, говоритъ Нюманъ, „не разрушала въ немъ того, что было человѣческаго, а только одухотворяла и совершенствовала послѣднее“.

⁶⁹⁰⁾ *διαλείψω*.

⁶⁹¹⁾ *δοκούντες*.

⁶⁹²⁾ Ренанъ и другіе видятъ въ этомъ скрытый намекъ на прежнее невѣріе ап. Іакова. Но это крайне невѣроятно въ виду того, что такое указаніе дѣлается также и на ап. Петра и Іоанна. Оно означаетъ скорѣе: „какъ бы ни велико было ихъ прежнее преимущество вслѣдствіе близости къ живущему Христу“ (Сн. 2 Кор. VI, 16). Правда, гораздо лучше присоединить *ποτε* къ *ὅποτε* — „*qualescunque*“.

⁶⁹³⁾ „Это дѣло дорого стоило ап. Павлу, и фраза, въ которой онъ говоритъ о немъ, есть одна изъ наиболѣе оригинальныхъ, когда либо написанныхъ имъ. Слово это, повидимому, не могло сойти съ его пера. Фраза эта на первый взглядъ повидимому говорить, что Титъ не былъ обрѣзанъ, между тѣмъ какъ она заключаетъ въ себѣ смыслъ, что онъ былъ обрѣзанъ“ (Renan, St. Paul, p. 92). Едва ли нужно говорить, что здѣсь не можетъ быть и вопроса объ умолчаніи, такъ какъ я предполагаю, что фактъ этотъ былъ вполнѣ извѣстенъ. Мы находимъ подобную же особенность въ стилѣ и характерѣ въ Рим. IX. Бауръ съ другой стороны (но на очень недостаточномъ основаніи) думаетъ, что „ничего не можетъ быть болѣе нелѣпаго“. Однако же таковъ былъ взглядъ и Тертуліана (с. Marc. V, 3), и Бауръ одинаково не вѣритъ утверждаемому факту обрѣзанія Тимофея.

⁶⁹⁴⁾ См. объ этомъ разладѣ Hooker, Escl. Pol. IV, xi, 4.

⁶⁹⁵⁾ О взглядахъ св. Іоанна см. приложение XVII „Св. Іоаннъ и св. Павелъ“.

⁶⁹⁶⁾ Дѣян. XV, 7—11. Здѣсь мы опять должны отмѣтить интересное обстоятельство, что въ этой краткой рѣчи языкъ имѣетъ всѣ отличительныя свойства языка Петра. Такіе мелкіе признаки подлинности стоятъ внѣ всякой возможности вымысла.

⁶⁹⁷⁾ Выраженіе *ἀφ' ἡμερῶν ἀρχαίων* естественно относитъ бы къ *ἀρχῇ* Евангелія (сн. XI, 15; XXI, 16; Фил. IV, 15); но если обращеніе Корнилія произошло во время „покоя“, наступившаго

для церкви вслѣдствіе всецѣлой поглощенности іудеевъ стараніями отстранить безумное воцѣпство имп. Кая въ 40 г. по Р. Хр., то это было не раньше двѣнадцати лѣтъ до того времени.

⁶⁹⁸⁾ Гал. V, 3. Законъ былъ $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\varsigma\ \delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$, Евангеліе $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\varsigma\ \chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$, $\phi\omicron\rho\tau\iota\omicron\nu\ \epsilon\lambda\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ (Mat. XI, 29, 30).

⁶⁹⁹⁾ „Вознесеніе Іакова“. Повѣствованіе Егезиппа пространно приводится у Евсевія, Н. Е II, 23. Другія относящіяся къ нему мѣста *Epirhan*, Нѣг LXXIII, 7, 13, 14; *Jer. De Virg. Illustr. 2*; Comm. in Gall. II, 19.

⁷⁰⁰⁾ *Epirhan*, Нѣг. XXIX, 4. Та же самая исторія рассказывается о ап. Іоаннѣ на основаніи Поликрата, епископа Ефесскаго (*Euseb.* Н. Е. III, 31; V, 24). Или Поликратъ принялъ буквально какое нибудь метафорическое указаніе, или Іоаннъ дѣйствительно иногда принималъ символъ христіанскаго первосвященства. Первое предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ.

⁷⁰¹⁾ Это дѣлается сомнительнымъ вслѣдствіе 1 Кор. IX, 5, если только онъ не былъ исключеніемъ изъ другихъ *Деспосимовъ*.

⁷⁰²⁾ Дан. I, 8, 12; Тов. I, 11, 12. $\acute{\omicron}\varsigma\ \alpha\iota\ \pi\rho\omicron\phi\eta\tau\alpha\iota\ \delta\eta\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\ \pi\alpha\rho\iota\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ (Егезиппъ, тамъ же). Это быть можетъ относится къ Ис. III, 10. Если онъ Іаковъ изъ Кефара Сеханіи, то на него смотрѣли какъ на *мима*, но однако же онъ изображается имѣющимъ различныя сношенія съ правовѣрными раввинами (*Grätz*, *Gnostic. u. Judaism.* p. 25). Имя Обліа, אֲבִי־לֵוִי по объясненію Гаусрата, означаетъ „Іегова моя цѣпь“ съ намекомъ на назорейскій обѣтъ. Гитцигъ (Кі. *Propheten.*) думаетъ, что имя это указываетъ на жезлъ, называемый „узами“ въ Захар. XI, 7. Возможно ли, чтобы это имя было нѣкоторымъ искаженіемъ имени *Аб-Леамъ*, „отца народа?“.

⁷⁰³⁾ Напр. „чтобы составить изъ нихъ народъ во имя свое“; см. Іак. II, 7.

⁷⁰⁴⁾ Какъ во 2 Петр. I, 1. Это послѣднее упоминаніе Петра въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ.

⁷⁰⁵⁾ Амос. XI, 11, 12. Истинное чтеніе здѣсь среди безчисленныхъ разночтеній повидимому есть $\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\acute{\alpha}\ \alpha\pi'\ \alpha\iota\omega\varsigma$ (Н, В, С), „это было извѣстно издревле“. Іаковъ утверждаетъ то, о чемъ пророчествовалъ Амосъ, но рѣчь его не свободна отъ затрудненій (см. *Baur*, *Raul.* I, 124).

⁷⁰⁶⁾ $\epsilon\gamma\omega\ \chi\rho\iota\omega$, но онъ былъ только *primus inter pares* (см. Дѣян. XV, 6; XXI, 25).

⁷⁰⁷⁾ Дѣян. XV, 20, $\alpha\lambda\iota\sigma\gamma\eta\mu\alpha\tau\alpha\ \tau\omicron\nu\ \epsilon\iota\delta\omega\lambda\omega\nu$ — $\epsilon\iota\delta\omega\lambda\omicron\delta\theta\upsilon\tau\alpha$ (ст. 29; XXI, 25). $\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\gamma\epsilon\omega$ —*iaa.iz*—„искупить кровью“ (Дан I, 8; Малах I, 7). Объ іудеяхъ времени Антиоха сообщается, что они скорѣе готовы были умереть, чѣмъ $\epsilon\iota\delta\omega\lambda\omicron\delta\theta\upsilon\tau\omega\nu\ \alpha\pi\omicron\gamma\epsilon\upsilon\omicron\sigma\theta\alpha\iota$.

⁷⁰⁸⁾ Эти два ограниченія практически тождественны, такъ какъ запрещалось только $\pi\iota\nu\kappa\acute{\alpha}$, потому что съ нимъ непремѣнно связывалось яденіе крови. $\alpha\iota\mu\alpha$ не можетъ означать „пролитіе крови“—человѣкоубійство, какъ предполагали нѣкоторые отцы. Объ „удавленіи“ и „крови“ смотри *Tert. Apol.* IX; *Schöttgen*, *Hor. Hebr. in loc.*; *Kalisch* on Gen. IX, 4.

⁷⁰⁹⁾ $\pi\alpha\rho\epsilon\nu\omicron\chi\lambda\epsilon\iota\nu$ (ст. 19) встрѣчается только у LXX.

⁷¹⁰⁾ LXX повидимому ясно читали $\alpha\delta\alpha\mu\acute{\iota}\varsigma$ (*адамъ*) „человѣкъ“, вмѣсто $\epsilon\delta\omicron\mu\acute{\iota}\varsigma$ (*эдомъ*). Давидсонъ, *Sacr. Names*, p. 462, предполагаетъ даже, что іудеи измѣнили здѣсь еврейскій текстъ.

⁷¹¹⁾ Упоминаемый въ Дѣянїяхъ Сила есть конечно Сильванъ для удобства имени этому приданъ былъ римскій характеръ посланій (1 Тесс. I, 1; 2 Тесс. I, 1) и быть можетъ 1 Петр. V, 12. О немъ не упоминается въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ послѣ перваго посѣщенія ап. Павломъ Коринѳа и по ненамѣренному совпаденію съ этимъ его имя исчезаетъ въ надписи посланій послѣ этого времени (см. Вордсвортъ толкованіе на Фил. I, 1).

⁷¹²⁾ Хотя $\kappa\alpha\iota\ \alpha\iota$ опускаются (Н, А, В, С, Вульгата и армянскій переводъ, Ириней и Оригенъ и $\kappa\alpha\iota$ въ кодексахъ D), я всетаки считаю эти частицы подлинными. Дипломатическія данныя правда противъ нихъ, но значеніе названныхъ выше прописныхъ выше значенія Е, G, H, большинства скорописныхъ и сирійскаго, коптскаго и эіопскаго переводовъ. Но возраженіе касательно видимаго равенства, приписываемаго братіямъ, могло бы повести, даже въ раннее время, къ опущенію ихъ. Между тѣмъ если бы они не были подлинными, то не легко видѣть,

почему ихъ могли вставить. Они также лучше согласуются со ст. 22, „со всею церковью“ и ст. 24, „уходя изъ среды насъ“. Важность этого чтенія видна изъ его отношенія къ такимъ вопросамъ, какъ вопросъ о допущеніи мірянъ на церковныя собранія и проч. Вордсвортъ приводитъ изъ Бевериджа, *Codex Canonum Vindicatus*, р. 20, правило „*Laici ad iudicium de doctrina aut disciplina Ecclesiastica ferendum nunquam admissi sunt*“.

713) χαίρειν буквально: „радоваться“. Любопытное обстоятельство, что греческое привѣтствіе — такъ какъ еврейскимъ привѣтствіемъ было бы „миръ“ — встрѣчается только въ письмѣ язычника Клавдія Лизія (XXIII, 26) и въ письмѣ того, который долженъ былъ принимать главное участіе въ написаніи этого письма (Іак. I, 1).

714) ἀναστρέφοντες, буквально „подрывая въ самыхъ основахъ“ (*Thuc.* IV, 116).

715) Не смотря на это полное отрицаніе, существуютъ однако же цѣлыя разсказы касательно встрѣчныхъ посольствъ въ прямой противоположности ап. Павлу и организованныхъ, будто бы, Іаковомъ, очевидно построенные на выраженіи въ Гал. II, 12 τινὲς ἀπὸ Ἰακώβου, хотя оно немного сильнѣе, чѣмъ τινὲς κατελθόντες ἀπὸ τῆς Ἰουδαίας XV, 1 и не такъ сильно, какъ τινὲς ἐξ ἡμῶν ἐκαλθόντες здѣсь.

716) Съ тою цѣлью, конечно, чтобы не могло возникнуть сомнѣній въ отношеніи письма, какъ выраженія ихъ дѣйствительныхъ воззрѣній.

717) Въ подлинникѣ дѣлается различіе между ἀνδρας и ἀνδρώπους, но единственное различіе заключается въ томъ, что послѣднее выраженіе имѣетъ болѣе общій характеръ.

718) Они были мучениками, по крайней мѣрѣ добровольно (*Амфордъ*).

719) Сн. Исх. XIV, 31; 1 Цар. XII, 18. Отсюда „*Sancto Spiritu suggerente*“, обыкновенно прилагаемое къ опредѣленіямъ соборовъ.

720) Слово это (сн. 10), повидимому, указываетъ руку Петра (сн. Откр. II, 24).

721) Въ D, а за нимъ и въ нѣкоторыхъ переводахъ и многихъ скорописныхъ манускриптахъ, есть любопытная прибавка: „и чего вы не желаете, чтобы вамъ дѣлали, не дѣлайте другому. Будьте здоровы, ходя въ Св. Духѣ“. Съ этими *минимальными* требованіями, которыми имѣлось въ виду поставить язычниковъ на одинъ уровень съ прозелитами вратъ, срав. Лев. XVII, 8—16; XVIII, 26.

722) См. Членъ XXI. Папа Бенедиктъ XIV говоритъ „*Speciem quandam et imaginem Synodi in praedicta congregatione eminere* (De Synod, I, 1—5; ap. Denton, Act. II, 82).

723) *Hooker*, Eccl. Pol. IV, xi, 5.

724) Гал. III, 1, V, 2 и въ др. мѣстахъ. Удивительно, что даже Іустинъ объявляетъ яденіе εἰδωλοθύτου также дурнымъ, какъ идолопоклонство, и не хочетъ имѣть общенія съ тѣми, кто дѣлаетъ это (*Dial. с. Tryph.* 35); но причиной было то, что въ это время (какъ и во времена Маккавеевъ) оно принималось язычниками какъ свидѣтельство отступничества (Ср. 1 Кор. X, 20, 21 (*Ritschl*, Alt. Kath. Kirch. 310, 2 ed.).

725) Ап. Павелъ обсуждаетъ вопросъ объ идоложертвенномъ безъ малѣйшаго отношенія къ этому опредѣленію, и западная церковь никогда не считала себя обязанною воздерживаться отъ „удавленія“ и отъ крови (*Aug.* с. Faust. XXXII, 13). Молчаніе ап. Павла касательно этого опредѣленія, когда онъ пишетъ къ Римлянамъ, быть можетъ возникаетъ вслѣдствіе его временнаго и частнаго характера. Оно было направлено только къ языческимъ обращенцамъ „Антиохіи, Сиріи и Каликіи“.

726) „Они видѣли, что единственнымъ средствомъ избѣжать великихъ вопросовъ было просто не рѣшать ихъ... предоставить этимъ вопросамъ самимъ по себѣ жить и умереть“ (*Renan*, St. P. 93).

727) *Abhōda Zara*, f. 3, 1.

728) См. *Pfleiderer*, II, 13.

729) Дѣян. II, 39, οἱ εἰς μακράν; Кол. IV, 5, οἱ ἔξω.

730) Быт. IX, 4; Лев. XVII, 14. Также и Коранъ, Сура V, 4. См. *Bähr. Symbolik*, II, 207. Съ другой стороны „кровь“ была особеннымъ лакомствомъ у язычниковъ (*Hom. Od.* III, 470; *XVIII*, 44; *Ов. Tet.* XII, 154); и поэтому „удавленина“ была самымъ обыкновеннымъ предметомъ пищи. Рутилій называетъ иудея „*Humanis animal dissociate cibis*“ (*It.* I, 384). Даже это запрещеніе влекло за собою крайне неудобную необходимость никогда не ѣсть другого мяса, кромѣ *кошера*, т. е. мяса, приготовленнаго иудейскими мясниками въ полномъ согласіи съ законами объ убоѣ (שחיטה). Оно принуждало болѣе или менѣе къ тому, что для язычниковъ было во всякомъ случаѣ наиболѣе отвратительнымъ—*sorpinus foenitumque suppellex*“ (*Juv. Sat.* III, 14), чѣмъ вслѣдствіе такихъ основаній было особенностью иудеевъ (*Sidon. Ep.* VII, 6).

731) Нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности въ предположеніи Бентлея о *пёркеи*. Въ то же самое время нужно обратить вниманіе, какъ на особенное свободомысліе со стороны иудействующихъ, на то, что они не требуютъ воздержанія отъ свинаго мяса со стороны своихъ языческихъ собратьевъ (*Ιουδαίος θάττον ἀν ἀποθάνοι ἢ χοίρειον φάγοι, Sext. Emp.* (см. *Tac. H.* V, 4; *Sen. Ep.* 108, 22; *Macrob. Sat.* II, 4). Это воздержаніе было общимъ на Востокѣ (*Dion. Cass. LXXIX.* 11).

732) Мнѣніе, что *πορνεῖα* можетъ означать то, что продавалось (*πέρνημι*) на рынкѣ послѣ идоложертвенныхъ пиршествъ, крайне также несостоятельно. См. изслѣдованіе этого вопроса у Баура, *Paul.* I, 146, *Seq.* Кромѣ того, эти четыре запрещенія соответствуютъ тѣмъ, которыя приписываются Петру у лже-Климента *Hom. VII*, 4, гдѣ *μὴ ἀκάθαρτος βιβὼν = πορνεῖα*.

733) Въ дѣйствительности, иудеи вѣроятно относились къ другимъ тремъ вещамъ съ гораздо большимъ ужасомъ, чѣмъ къ этому. Практика даже ихъ собственныхъ раввиновъ, хотя и прикрываемая извѣстнымъ приличіемъ формъ, была гораздо свободнѣе, чѣмъ она должна бы быть, какъ это доказывается нѣкоторыми мѣстами въ Талмудѣ (*Gittin*, f. 30; *Joma*, f. 18, 2; *Selden Ux. Hedr.* III, 17).

734) *Xen. Mem.* III, 13.

735) Это мѣсто замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно исходитъ отъ одного изъ чистѣйшихъ въ нравственномъ отношеніи древнихъ писателей (*Cic. pro Cael. XX*; cf. *Ter. Adelph.* I, 2, 21). Старшій Катонъ считался образцомъ строгой римской добродѣтели; однако же, чтобы подумать во времена христіанства о человѣкѣ, который бы говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ онъ (*Hor. Sat.* I, 2, 31)? Если Катонъ могъ такъ относиться къ этому грѣху, то какъ же относился вообще народъ къ нему? Не нужно также забывать, что письмо это было обращено къ иудеямъ и язычникамъ, какъ знакомымъ съ тою эпохой, въ которую въ теченіе многихъ предыдущихъ столѣтій этотъ грѣхъ и даже еще болѣе гнусные грѣхи составляли признанную часть религіознаго культа извѣстныхъ божествъ (ср. Варухъ VI, 43; Страбонъ VIII, 6) и когда страницы писателей, наполненные подобными предметами, составляли часть текущей литературы. Немного такихъ обстоятельствъ которыя могли бы съ болѣею ясностью показывать ту перемѣну, которая была произведена христіанствомъ. Но всякому читателю письма могла бы быть слишкомъ очевидною непосредственная связь между *εὐκολοδύα* и *πορνεῖα*. Затѣмъ нужно постоянно имѣть въ виду, что указанія—суровыя и въ то же время нѣжныя, непреклонныя и въ то же время милостивыя—въ собственныхъ посланіяхъ ап. Павла касательно преобладанія этого грѣха, въ высшей степени рѣшительно показываютъ, что если обращеніе сразу же открывало христіанамъ истинную гнусность его, то оно всетаки не всегда могло обезпечивать ихъ противъ искушенія къ его совершенію.

ГЛАВА XXIII. 736) Истинное чтеніе есть не *πρὸς τοὺς Ἀποστόλους*, а „къ тѣмъ, которые послали ихъ“ (*πρὸς τοὺς ἀποστείλαντας αὐτοὺς*—*н, А, В, С, D*).

737) Чтеніе нашего перевода стиха 34: „но Сила разсудилъ остаться тамъ“ есть прагматическая глосса немногихъ манускриптовъ, къ которымъ *D* прибавляетъ *μόνος δὲ Ἰουδας ἐπореῖδεν*. Его нѣтъ въ *н, А, В, G, E, H*. Конечно, въ ст. 40 имѣется въ виду или этотъ фактъ или воз-

вращеніе Силы, но отдѣльная вставка его какъ разъ есть одна изъ тѣхъ мелочей, которые древніе писатели были менѣе склонны отвѣчать, чѣмъ повѣйшіе.

⁷³⁸⁾ Гал. II, 14, ἐθνικῶς καὶ οὐχ Ἰουδαϊκῶς ζῆς. Ничего опредѣленнаго нельзя вывести изъ преданія, что ап. Петръ былъ первымъ епископомъ Антиохіи.

⁷³⁹⁾ Еслибы чтеніе ἦλθεν въ Гал. II, 12 было вѣрно, то оно указывало бы только на самого Іакова; но это было бы фактомъ, котораго преданіе не могло бы забыть, и Іаковъ, повидимому, никогда не оставлялъ Іерусалима.

⁷⁴⁰⁾ Гал. II, 12, ὑπετάλλεν καὶ ἀφώριζεν ἑαυτὸν.

⁷⁴¹⁾ Насколько Іаковъ старался примирить возбужденную толпу, которая была „ревностна къ закону“, это очевидно изъ Дѣян. XXI, 24.

⁷⁴²⁾ Поддѣльщикъ письма отъ Петра къ Іакову, напечатаннаго въ 60 главѣ Клементинскихъ *Бесѣдъ*, глубоко сожалѣетъ объ этомъ выраженіи, § 2. Но „лицемѣріе“ ап. Петра состояло въ „показаніи смущенія, котораго онъ въ дѣйствительности не чувствовалъ или котораго его прежніе обычаи не оправдывали“ (*Jowett. Gal. I, 245*). Напрасно говорить, что это указываетъ на отсутствіе всякаго законнаго „опредѣленія“; соборъ, какъ я уже сказалъ, оставилъ вопросъ о сношеніи съ язычниками совершенно неопредѣленнымъ.

⁷⁴³⁾ См. *Hausrath*, стр. 252. „Смѣлость и боязливость — сначала смѣлость, потомъ боязливость — были характеристическими особенностями его натуры (*Jowett, I, 243*). См. также приложеніе XVII: „Апостолы Іоаннъ и Павелъ“.

⁷⁴⁴⁾ Гал. II, 11, Κηρᾶς (κ, Α, Β, С).

⁷⁴⁵⁾ Гал. II, 11, κατενωσμένος ἦν. Это то самое слово, которое такъ претитъ поддѣльщику Клементинскихъ *Бесѣдъ*, XVII, 18, 19. „Ты стоялъ противъ меня какъ оппонентъ (ἐναντίος ἀντεστηκας μοι). Если ты называешь меня осужденнымъ (κατενωσμενος), ты обвиняешь Бога, который открылъ мнѣ Христа“ и т. д. въ томъ же родѣ.

⁷⁴⁶⁾ πῶς какъ, для чего.

⁷⁴⁷⁾ Гал. II, 14. Неправильное придыханіе въ выраженіи οὐχ Ἰουδαϊκῶς быть можетъ есть киликизмъ. Но, конечно, издатели должны были передать намъ Ἰουδαϊκῶς. 'Εφ' ἐλπίδι лучшихъ манускриптовъ въ 1 Кор. IX, 10 поддерживается тѣмъ, что ἐλπίς встрѣчается въ надписяхъ.

⁷⁴⁸⁾ ἀναγκάζεις „вы обязываетесь практически вашимъ теперешнимъ поведеніемъ“. „Онъ былъ полуязычникъ и хотѣлъ сдѣлать язычниковъ совсѣмъ іудеями“ (*Jowett, Galat. I, 244*).

⁷⁴⁹⁾ См. объясненіе на Гал. II, 15—21, стр. 516.

⁷⁵⁰⁾ См. нѣсколько великолѣпныхъ замѣчаній по этому предмету бл. Августина, Ер. LXXXII. Онъ доказываетъ, что послѣ откровенія вѣры во Христа постановленія закона потеряли свою жизнь: но какъ тѣла мертвыхъ должны быть провожаемы къ могилѣ съ почетомъ, не съ притворною честью, но съ дѣйствительною торжественностью и не должны быть сразу же оставляемы на издѣвательство враговъ или предоставляемы собакамъ, — такъ необходимо было также относиться съ почтеніемъ и къ Моисееву закону, котораго не должно было сразу же и грубо отвергать. Но, говорить онъ, даже и для христіанъ изъ іудеевъ соблюдать то, что можно еще было бы соблюдать изъ закона, послѣ того, какъ онъ былъ отиѣненъ намѣреніемъ. Божиимъ въ разрушеніи Іерусалима, значило бы играть роль не того, который почитаетъ мертваго, но того, кто вырываетъ изъ мѣста покоя погребенный прахъ убитаго.

⁷⁵¹⁾ *Holstein, Protestantenbibel, 729*. Этотъ разладъ, если только его можно назвать разладомъ, между двумя великими апостолами долженъ поразить тѣхъ, которые, вопреки св. Писанію, настаиваютъ на взглядѣ на апостоловъ какъ на образцы сверхъестественнаго совершенства. Конечно, ошибки добрыхъ людей, даже если бы онѣ были простыми ошибками боязни съ одной стороны и запальчивости — съ другой, всегда сдѣлаютъ ихъ предметомъ

издѣвательства невѣрныхъ. Но когда Цельсъ говоритъ объ апостолахъ, что они „постыдно клеветали другъ на друга въ своихъ распряхъ“, то онъ, насколько Новый Завѣтъ показываетъ намъ характеръ апостоловъ, повиненъ въ грубой клеветѣ (др. Orig. с. Cels. V, 64). „Пятно заблужденія“, въ которомъ Порфирій обвинялъ ап. Петра, показываетъ только, что онъ былъ человѣкъ, и ни Евангелія, ни посланія не пытаются скрыть его слабости. „Дерзость языка“, въ которой обвиняетъ онъ ап. Павла, не находитъ оправданія въ строгомъ и торжественномъ тонѣ его укоровъ; и выводитъ изъ этого спора „ложь мнимаго опредѣленія“ значить просто злоупотреблять аргументомъ. Мы можемъ безъ малѣйшаго чувства стыда или скорби сразу же устранить мнѣніе (*Clem. Alex.* ap. Euseb. Н. Е. I, 12), что этотъ Кифа не былъ ап. Петръ, а одинъ изъ семидесяти, и чудовищную мысль — чудовищную, хотя высказанную такимъ человѣкомъ какъ Оригенъ (ар. Јер. Ер. СХІІ) и принятую такимъ человѣкомъ, какъ Златоустъ (ad loc.) и нѣкоторое время Іеронимомъ, — что вся эта сцена была просто разыграна двумя апостолами съ поучительною цѣлью! Какъ будто бы такое при творство было бы не безконечно болѣе постыдно для нихъ, чѣмъ временное несогласіе въ дѣйствіяхъ! То, какъ смиренно ап. Петръ снесъ этотъ укоръ, и простилъ и любилъ того, кто высказалъ его, въ десять разъ болѣе дѣлаетъ ему чести, чѣмъ безчестить его временная непослѣдовательность.

⁷⁵²⁾ Въ такую переходную эпоху было неизбѣжно, чтобы обвиненія въ непослѣдовательности щедро сыпались на обѣ стороны и притомъ съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ. Сн. Гал. VI, 13.

⁷⁵³⁾ Ср. 1 Петр. II, 16, 17 съ Гал. V, 1, 13, 14 и 1 Петр. II, 24 съ мѣстомъ этого самаго доказательства (Гал. II, 20).

⁷⁵⁴⁾ „И я о Кифѣ“; но когда ап. Павелъ опять указываетъ на эти партіи, онъ, принимая во вниманіе его истинное благородство, деликатно опускаетъ имя Кифы.

⁷⁵⁵⁾ Подробные рассказы о встрѣчномъ посольствѣ, отправленномъ будто бы Іаковомъ, есть не что иное какъ грубая выдумка, основанная на единственномъ незначительномъ выраженіи (τινὰς ἀπὸ Ἰακώβου), приложимомъ лишь съ нѣкоторою вѣроятностью къ тому событію, къ которому оно относится. Въ Гал. II, 12; IV, 16; 1 Кор. I, 12; IX, 1, 3, 7; 2 Кор. III, 1; X, 7; Фил. I, 15, 17, мы видимъ слѣды продолжающейся оппозиціи ап. Павлу со стороны партіи, которая въ порядкѣ вещей должна была имѣть свое главное мѣстопробываніе въ Іерусалимѣ; и конечно вожаки ея въ Іерусалимѣ не могли устраняться совершенно отъ вліянія со стороны направленія мысли кругомъ ихъ и отъ тѣхъ воззрѣній, которыя носились въ той самой атмосферѣ, которую они постоянно дышали. Однако же они открыто отреклись отъ назойливыхъ членовъ своей общины (Дѣян. XV, 24) и лично по отношенію къ ап. Павлу всегда, насколько мы знаемъ, относились съ совершенно братскою любезностью и добротою, и въ отношеніи ихъ лично онъ самъ никогда не высказываетъ ни одного непочтительнаго или небратскаго слова. Въ спорѣ между ними и имъ нѣтъ и слѣда того суроваго и ожесточеннаго тона, какой мы находимъ напр. въ спорѣ между Бернардомъ и Абеяромъ, Лютеромъ и Эразмомъ, Фенелономъ и Боссюэтомъ, Весли и Вайтфильдомъ. Онъ всегда говоритъ о нихъ съ кротостью и почтеніемъ (1 Кор. IX, 5; Ефес. III, 5 и проч.).

⁷⁵⁶⁾ Даже *Praedicatio Pauli* (сохраненное въ сочиненіяхъ Кипріяна, *De Rebaptismate*) показываетъ, что они примирились въ Римѣ до своего мученичества. „*Postremo in urbe, quasi tunc primum invicem, sibi esse cognitos*“.

⁷⁵⁷⁾ Объясненіе этого молчанія, которое однако же не исключаетъ видимыхъ указаній, см. *Westcott Canon* p. 135; *Lightfoot, Galat.* p. 310. Кто можетъ предположить, что выраженіе Іустина *γίνεσθαι ὡς εἰς ὅτι κατὰ ἤμην ὡς ὁμαίς* (*Cohort. ad Graec.* p. 40) носитъ только случайное сходство съ Гал. IV, 12?

⁷⁵⁸) *Maurice*, *Unity* 497.

⁷⁵⁹) См. приложение XVIII: „Нападенія на ап. Павла въ Клементинахъ“. Въ римской церкви ап. Павелъ всегда упоминается неразлучно съ Апостоломъ Петромъ. Въ дни праздниковъ, назначенные для каждаго святаго, послѣдній обыкновенно прославляется особеннымъ образомъ.

⁷⁶⁰) Истинное чтеніе Дѣян. XV, 37 есть *βούλετο*; см. *κ*, А, В, С, Е, сирійскій, коптскій эіопскій, и проч. переводы (*Vulg. volebat*). Слово это особенно мягко въ сравненіи съ одинаково характеристическою рѣзкостью *ἤθιλον*... *μή* ап. Павла.

⁷⁶¹) Обращаетъ на себя вниманіе выразительный тонъ подлинника въ Дѣян. XV, 39. Слово *παροξυσμός* („exasperatio“, „раздраженіе“, „огорченіе“) означаетъ обмѣнъ рѣзкими выраженіями; но оно также означаетъ временную вспышку, а не постоянный раздоръ. Въ другихъ мѣстахъ оно встрѣчается также въ Евр. X, 24; Втор. XXI, 28 (LXX).

⁷⁶²) *Viderint ii qui de Apostolis judicant; mihi non tam bene est, immo non tam malé est, ut Apostolos commitam* (*Tert. de Praescr.* 24).

⁷⁶³) *Paulus severior, Barnabas clementior; uterque in suo sensu abundat; et tamen dissensio habet aliquid humanae fragilitatis* (*Jer. Adv. Pelag.* II, 522).

⁷⁶⁴) *Ὁ Παῦλος ἐζητεῖ τὸ δίκαιον, ὁ Βαρνάβας τὸ φιάνθρωπον* (Злат.).

⁷⁶⁵) Оно изслѣдуется и отвергается между прочими у Гефеле, *Das Sendschr. d. ap. Barnabas* (Tübingen. 1840).

⁷⁶⁶) 1 Кор. IX, 6; Гал. II, 9. Изъ упоминанія о Маркѣ, какъ извѣстномъ церквамъ Визиніи, Понта, Каппадокіи, Галатіи (1 Петр. I, 1; V, 13) и Колоссъ (Кол. IV, 10) и изъ его долгаго пребыванія впослѣдствіи въ М. Азіи (2 Тим. IV, 11), заключали, что, если онъ продолжалъ сопровождать своего двоюроднаго брата Варнаву, то М. Азія и особенно ея восточныя части могли быть мѣстомъ ихъ трудовъ (*Lewin*, I, 165). Намекъ въ Кол. IV, 10 принимался въ томъ смыслѣ, что въ это время (въ 63 г. по Р. Хр.) Варнава уже не былъ больше въ живыхъ. Болѣе достовѣрнаго ничего неизвѣстно касательно мѣста, способа или времени его смерти. *Acta et Passio Barnabae in Cypro* имѣютъ апокрифическій характеръ. Св. Маркъ, по преданію, потерпѣлъ мученичество въ Александріи.

⁷⁶⁷) 2 Тим. IV, 11, *εἰς διακονίαν*.

ГЛАВА XXIV. ⁷⁶⁸) 1 Петр. V, 12. Тожество не можетъ однако же считаться несомнѣннымъ.

⁷⁶⁹) Сила могъ быть семитическаго происхожденія. I. Флавій упоминаетъ о четырехъ восточныхъ лицахъ этого имени (*Krenkel*, p. 78).

⁷⁷⁰) См. *Schleusner*, подъ слов. *στηρίζω*.

⁷⁷¹) Сирійскія ворота теперь называются проходомъ Бейланскимъ; Аманидскія ворота называются Кара-Капу.

⁷⁷²) Теперь Кюлекъ-Богазъ.

⁷⁷³) О дальнѣйшихъ географическихъ подробностяхъ смотри *Con. and Howson* ch. VIII, and *Lewin*, ch. X. Унизительно думать, что дороги во времена ап. Павла были несравненно лучше и содержались исправнѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда простыхъ развалинъ ихъ бываетъ достаточно для народовъ, томящихся подъ растлѣвающимъ вліяніемъ турецкаго правленія.

⁷⁷⁴) *προφήτης* (Дѣян. XV, 32).

⁷⁷⁵) Имя Евники, какъ чисто греческое, могло указывать на прежнее общеніе ея съ язычниками.

⁷⁷⁶) Въ то же самое время смѣшанные браки были гораздо менѣе строго запрещены для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. Друзилла и Вереника вышли за мужъ за языческихъ князей, но принудили ихъ сначала принять обрѣзаніе. Оупущеніе завѣтнаго обряда въ отношеніи Тимофея могло зависѣть отъ запрещенія, даннаго грекомъ отцемъ ребенка.

777) Фил. II, 22, ἐδούλευσεν εἰς τὸ εὐαγγέλιον.

778) Былъ ли Тимофей из Листры или из Дерви — это не важно, но что в действительности онъ былъ жителемъ Листры, это повидимому настолько ясно изъ сравненія Дѣян. XVI, 1, 2; XX, 4 и 2 Тим. III, 11, что даже странно, какъ могло быть столь много бесполезныхъ споровъ касательно этого предмета. Мнѣніе, что „Гай“ вѣ Дѣян. XX, 4 не могъ быть изъ „Дерви“, такъ какъ есть Гай изъ Македоніи (въ XIX, 29), который можетъ и не быть Гаиемъ (Рим. XVI, 23; 1 Кор. I, 14), — все это подобно доказательству, что если есть Смитъ изъ Портсмута, то не можетъ быть уже другаго Смита изъ Лондона; и передѣлка на этомъ основаніи эпитета Δερβαιοῦ на Τιμόθεος, при отсутствіи всѣхъ данныхъ въ манускриптахъ, есть простое своеволие.

779) Фил. II, 20—21: οὐδένα γὰρ ἔχω ἰσόψυχον, ὅστις γνησίως τὰ περὶ ὑμῶν μεριμνήσει οἱ πάντες γὰρ τὰ ἑαυτῶν ζητοῦσιν, οὐ τὰ τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ.

780) 2 Тим. III, 10, Σὺ δὲ παρηκολούθηκας μου τῇ διδασκαλίᾳ τῇ ἀγωγῇ и пр.

781) 1 Кор. IV, 17; XVI, 10, ἀφόβως.

782) Около 51 г. по Р. Хр.

783) Около 66 г. по Р. Хр.

784) Гаусратъ, стр. 259. Онъ допускаетъ, что „они содержатъ важное историческое указаніе“.

785) Въ поэмѣ Теннисона «бабушка» всѣ признаютъ въ высшей степени естественныя черты, что она говоритъ о своихъ пожилыхъ сыновьяхъ, какъ будто они еще мальчики. Но даже если Тимофей достигъ сорокалѣтняго возраста въ то время, когда онъ назначенъ былъ епископомъ Ефеса, то всетаки не было бы ничего несообразнаго сказать о немъ — Μηδεις σου τῆς νεότητος καταφρονεῖτω (1 Тим. IV, 12), или τὰς δὲ νεωτερικὰς ἐπιθυμίας φεῦγε (2 Тим. II, 22), особенно если эти посланія были написаны немного лѣтъ спустя послѣ μὴ τις οὖν αὐτὸν ἐξουθενήσῃ въ 1 Кор. XVI, 11.

786) Оно не могло быть совершенно однако же никѣмъ, *исключая* израильтянина (Abhoda Zaga, f. 27, 1).

787) „Partus sequitur ventrem“ есть правило Талмуда (Bechoroth, 1, 4 и проч. Wetst. ad loc.). Если иудеи знали, что его мать была иудейка и однако же онъ не принялъ печати завета, то они относились къ нему какъ къ *мамсеру* (См. Ewald, Alterth. 257).

788) 1 Тим. VI, 12, ὁμολόγησας τὴν καλὴν ὁμολογίαν ἐνώπιον πολλῶν μαρτύρων.

789) 1 Тим. IV, 14, τὸ χάρισμα ὃ ἐδόθη σοι διὰ προφητείας μετὰ ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν τοῦ πρεσβυτέρου. 2 Тим. I, 6, διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν μου.

790) 1 Тим. I, 18, κατὰ τὰς προαγοῦσας ἐπὶ σέ προφητείας. Сравни удачное предсказаніе Стаупица касательно дѣятельности Лютера.

791) 1 Тим. I, 18, ἵνα στρατεύῃ ἐν αὐταῖς τὴν καλὴν στρατείαν; см. IV, 14; VI, 12.

792) 2 Тим. I, 6 ἀναζωπυρεῖν (= «раздувать свѣжее пламя», κυρίως τοὺς ἀνθρακας φουᾶν, *Свида*; σφοδρότερον τὸ πῦρ ἐργάζεσθαι, *Теофилактъ*) τὸ χάρισμα τοῦ Θεοῦ, ὃ ἐστὶν ἐν σοὶ и пр.

793) Въ неточномъ смыслѣ даже Антиохія и Иконія могли считаться церквами Киликіи, такъ какъ Тарсъ (какъ видно изъ монетъ, Lewin, I, 171) считался столицей Ликаоніи, Исавріи и даже Каріи. Затѣмъ окружное письмо было написано съ болѣе или менѣе яснымъ отношеніемъ къ тому, что происходило въ этихъ церквахъ (Дѣян. XV, 12).

794) Истинное чтеніе есть τὴν Φρυγίαν καὶ Γαλατικὴν χώραν (κ, А, В, С, D).

795) Изъ этого видно, что я принимаю выраженіе κωλυθέντες и т. д. (Дѣян. XVI, 6) въ ретроспективномъ смыслѣ, — т. е. въ смыслѣ причины, указываемой для ихъ удаленія во фригійскій и галатійскій округа. Если они имѣли намѣреніе проповѣдывать въ Азіи, т. е. въ Лидіи, то естественной дорогой туда могла бы быть дорога изъ Антиохіи Писидійской, и едва

ли вѣроятно, чтобы они *намыренно* свернули сначала въ сторону въ полуварварскія страны Фригіи и Галатіи; правда, мы имѣемъ явное указаніе самого ап. Павла (Гал. IV, 13), что его благовѣстіе въ Галатіи было результатомъ случайной болѣзни. Позволеніе проповѣдывать въ Азіи было только *отложено* (Дѣян. XIX, 10).

⁷⁹⁶⁾ Что пріобрѣтены были нѣкоторые обращенцы, это видно изъ Дѣян. XVIII, 23. Отсутствіе опредѣленной Фригійской церкви доказывается молчаніемъ о какомъ либо сборѣ милостыни тамъ.

⁷⁹⁷⁾ „Азія“ въ Дѣян. Апост. (cf. Catull. XLVI, 5), повидимому, всегда означаетъ страну около древняго „азіатскаго луга“, Гомеръ (Илліада, II, 2, 461), — т. е. всю длину и равнину Каистра, — т. е. Лидіи. Всѣ „семь церквей, которыя въ Азіи“ (Откр. I, 3), находятся въ Лидіи.

⁷⁹⁸⁾ Названіе Малая Азія впервые употреблено Орозіемъ въ четвертомъ столѣтіи (Oros. I, 2).

⁷⁹⁹⁾ О переселеніяхъ кельтовъ см. сочиненіе автора Families of Speech, второе изданіе (перепечатанное въ Language and Languages) стр. 329.

⁸⁰⁰⁾ Въ 390 г. до Р. Хр. Слово Бреннъ есть латинизированная форма титула, который сохраняется въ Валлійскомъ *brenin*, „король“.

⁸⁰¹⁾ Въ 279 г. до Р. Хр.

⁸⁰²⁾ Ливій, XXXVIII, 16. Эти названія — кельтскія слова неизвѣстнаго происхожденія съ латинскими окончаніями — живо подхватываются нѣмецкими путешественниками и комментаторами и отождествляются съ Леонардомъ и Лотаремъ (Лютеръ), для того чтобы доказать, что народы Галатіи были не кельты, а тевтоны. Почему какъ французы, такъ и нѣмцы, съ такимъ рвеніемъ добиваются родства съ этими не очень заслуживающими довѣрія галатами, я не могу сказать; но между тѣмъ нужно считать несомнѣннымъ, что галаты были кельты и не только кельты, но Кимврійскіе кельты. Единственное доказательство для противоположной стороны, кромѣ этихъ двухъ именъ, приводимое Визелеромъ и другими нѣмецкими писателями, заключается въ слѣдующемъ: во 1) имя Германополь есть позднѣйшее и безобразное измышленіе, которое въ лучшемъ смыслѣ указываетъ лишь на поселеніе нѣкоторой Тевтонской общины среди галловъ; во 2) племя тевтободіаковъ, о которыхъ мы знаемъ такъ мало, что не можемъ сказать, что означаетъ это названіе; и въ 3) увѣреніе бл. Иеронима, что галаты (которыхъ онъ лично посѣщалъ) говорили на языкѣ, подобномъ языку тревовъ (Jeg. in Ep. Gal. II, praef.). Этотъ аргументъ однакоже свидѣтельствуетъ какъ разъ о противоположномъ, такъ какъ выраженія Цезаря и Тацита рѣшительно доказываютъ, что треверы были галлы (Tas. App. I, 43, Н. IV, 71; Caes. B. G. II, 4 и проч.), хотя они и подражали тевтонскимъ обычаямъ (Caes. B. G. VIII, 25; Tas. Germ. 28). Всякая черта въ ихъ характерѣ, всякая несомнѣнная особенность ихъ языка, всякій доказанный фактъ ихъ исторіи выше всякаго сомнѣнія доказываютъ, что галаты или галлы были не славяне и не тевтоны, а кельты; и въ высшей степени вѣроятно, что самыя названія галаты и кельты этимологически тождественны. Умничанье, которое старается всѣми способами ниспровергнуть принятые и доказанные заключенія, ведетъ лишь къ безконечной тратѣ времени и мѣста. Кому любопытно найти нѣчто болѣе касательно этого предмета, найдетъ все нужное въ изслѣдованіи Лайтфута Galatians, pp. 229 — 240.

⁸⁰³⁾ Названіе толлстобогіи или толосатобогіи, повидимому заключаетъ въ себѣ элементы Толоза (Тулуза) и Бойи. Этимологическое происхожденіе названія Тектосаги (которое встрѣчается также въ Аквитинѣ Caes. B. G. VI, 24; Strabo, p. 187) и Трокомы — теперь неизвѣстно. Другіе города галатовъ были Абростола, Аморій, Толосохоріонъ — города толлстобогъ; Корбей и Аспона — города тектосаговъ; Митрадацій и Данала — города трокмовъ.

⁸⁰⁴⁾ Strabo, p. 567.

⁸⁰⁵⁾ Liv. XXXVIII, 12: „Hi jam degeneres sunt; mixti et Gallograeci vere, quod appellantur“.

⁸⁰⁶⁾ Теперь это простая куча развалинъ.

⁸⁰⁷⁾ Объ этомъ предметѣ смотри ниже приложение X: „Жало въ плоть“.

⁸⁰⁸⁾ Гал. IV, 12—14. Это мѣсто показываетъ, какъ необходимъ точный переводъ, основанный на лучшихъ чтеніяхъ. Только при тщательномъ изученіи характеристическаго греческаго подлинника ап. Павла мы получимъ, такъ сказать, возможность положить свои руки на грудь ему и подслушать всякое бѣненіе его сердца.

⁸⁰⁹⁾ Сн. 2 Кор. II, 5, οὐκ ἐμὲ λάλουτε.

⁸¹⁰⁾ Сн. 2 Кор. X, 10. Его тѣлесная вѣнность ἀσθενής, а его рѣчь ἐξουθενημένος.

⁸¹¹⁾ Буквально: „вы не отнеслись съ презрѣніемъ и не поддались искушенію въ отношеніи моей плоти“; одно изъ тѣхъ благородно безпечныхъ выраженій писателя, который руководится чувствомъ, а не грамматикой. Оно означаетъ: „вы не презрѣли меня“ и проч., „хотя моя тѣлесная вѣнность была искушеніемъ для васъ“. „Grandis tentatio discipulis, si magister infirmetur“ (Primas). Касательно отношенія ἐξουθενᾶτε къ эпилопсiи см. ниже стр. 838. Но это точнѣе всего могло бы быть объяснено офталміа.

⁸¹²⁾ Страданія Ап. Павла отъ путешествія при его болѣзненномъ состояніи тѣла удачно сравниваются Гаусономъ съ страданіями Златоуста и Генриха Мартина въ Понтѣ. Они оба погребены въ Токаѣ (Команѣ) (Conib and How I, 295).

⁸¹³⁾ Никто не оспариваетъ, что это само по себѣ можетъ быть метафорическимъ выраженіемъ, взятымъ съ какой нибудь жестокой жертвы, какъ напр. Cat. LXXXII:

Quinti si tibi vis oculos debere Catullum,

Aut aliud si quid carius est oculis.

Но какъ несравненно болѣе живымъ и поразительнымъ, несравненно болѣе соответствующимъ дѣлу становится это выраженіе, если это былъ припадокъ офталміа, отъ которой страдалъ ап. Павелъ!

⁸¹⁴⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что галаты, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не были галльскіе крестьяне, которые были презираемы и невѣжественны (paene servorum loco habentur, Caes. B. G. VI, 13); галло-греки, не были болѣе образованные и эллинизированные Галлы городовъ (Long. in Dict. Georg. s. v.).

⁸¹⁵⁾ Гал. III, 1. τῇ ἀληθείᾳ μὴ παῖσθαι опущено въ ꙗ, A, B, D, E, F, G, и пр., а ἐν ὑμῖν въ ꙗ, A, B, C.

⁸¹⁶⁾ Гал. III, 1, οἷς κατ' ὀφθαλμοὺς Ἰησοῦς Χριστὸς προεγράφη ἐσταυρωμένος. Правда, что προγράφειν во всѣхъ другихъ мѣстахъ употребляется въ смыслѣ „писать раньше“ (Рим. XV, 4; Еф. III, 3), а не „прибивать къ столбу“ или „объявлять“ (Ar. Av. 450), даже въ эллинистическомъ и позднѣйшемъ греческомъ (1 Макк. X, 36; Иуда 4; Justin, Apol. II, 52, B); но смыслъ и контекстъ здѣсь повидимому показываютъ, что ап. Павелъ употребилъ его — какъ часто употребляются въ новѣйшее время сложные слова — въ иномъ смыслѣ (προεχωγραφῆθαι). Величественная картина Иисуса Христа распятаго развѣшывалась предъ умственнымъ взоромъ этихъ духовныхъ чадъ Галатіи („Dicitur fascinus proprie infantibus posere“ — Primas.) для того, чтобы отвратить ихъ блуждающіе взоры отъ опаснаго чародѣйства, (τις ὁμᾶς ἐβάστασεν) дурнаго глаза (ῥυ ῥυ, Притч. XXIII, 6; Сирах. XIV, 6 и проч.; βάστασεν Aelian. N. A. I, 53). При этомъ можно упомянуть объ огромномъ сверкающемъ знамени, по которому Августинъ и сопутствующіе ему монахи завидѣли Этельберта въ Кентерберіи.

⁸¹⁷⁾ „Natio est omnis Gallorum admodum dedita religionibus“ (Caes. B. G. VI, 16).

⁸¹⁸⁾ Гал. III, 5, ὁ ἐπιχορηγῶν (= съ избыткомъ снабжая; см. Фил. I, 19; 2 Петр.

I, 5) ὁμῶν τὸ πνεῦμα καὶ ἐνεργῶν δυνάμεις ἐν ὑμῖν. Последнее предложеніе несомнѣнно означаетъ: „совершая чудеса среди васъ“; но параллельныя мѣста 1 Кор. XII, 10; Мате. XIV, 2 повидимому показываютъ, что оно означаетъ: „совершая силы въ васъ“. См. также Ис. XXVI, 12; Евр. XIII, 21. ἐνεργῆμα означаетъ, какъ говоритъ епископъ Андриксъ, „дѣло совершенное въ насъ“. Въ 1 Кор. XII, 10 „чудотворенія“ отличаются отъ „даровъ исцѣленій“.

⁸¹⁹⁾ Цезарь жалуется на ихъ „mobilitas“, „levitas“ и „infirmitas animi“, и говоритъ: „in consiliis capiendis mobiles et novis plerumque rebus studentes“ (В. G. II, 1; IV, 5; III, 10; в Liv. X, 28).

⁸²⁰⁾ Страбонъ, XII, 5, стр. 567, говоритъ, что они собирались на совѣщаніе въ Дри-неметѣ т. е. „святыня дуба“ (δρυ слав. дрѣ; и nemed „храмъ“), въ родѣ того, какъ Verne-metum = „великое святилище“ (Venant. Fortun. I, 9) и Augustonemetum = „святилище Августа“.

⁸²¹⁾ Въ 204 г. до Р. Хр. См. Левит. XXIX, 10, 11. Названіе города ставилось въ весьма сомнительную связь съ περσῶν (Herodian. I, 11).

⁸²²⁾ Liv. XXXVIII, 18, Strabo p. 489; Diod. Sic. III, 58. Юліанъ нашелъ, что культъ Цибелы все еще продолжалъ существовать въ Пессинѣ въ 363 г. по Р. Хр., и сдѣлалъ неудачную попытку возстановить его къ новой жизни (Amm. Marc. XXII, 9). Выгодный характеръ культа Цибелы — продажа оракуловъ и сборъ милостыни — могли имѣть притягательную силу для алчныхъ галловъ.

⁸²³⁾ Страбонъ, XII, 5. Самое мѣстоположеніе Тавіи неизвѣстно.

⁸²⁴⁾ Анкира, извѣстная тогда подъ названіемъ Себастія Тектосагумъ (въ честь Августа), теперь есть цвѣтущій коммерческій городъ Ангора. Бавлосъ-Дагъ — Павлова гора — близъ Ангоры и теперь еще напоминаетъ путешественнику о посѣщеніи ап. Павломъ этихъ городовъ, что еще болѣе дѣлается вѣроятнымъ вслѣдствіе того, что они рано уже имѣли въ себѣ епископскія кафедръ.

⁸²⁵⁾ Флав. Antt. XVI, 6, § 2. О боготвореніи Цезаря см. Tac. Ann. IV, 55, 56.

⁸²⁶⁾ Themistius, Or. XXIII, p. 299; ap. Wetstein на Гал. I, 6. καὶ τριβωνίου παραφανέν-τος ἐκχρέμανται εὐθὺς ὡπὲρ τῆς λίθου τὰ σιδήρια.

⁸²⁷⁾ Гал. V, 7, 15, 21, 26. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что они были такіе пьяницы (κάτοινοι καθ' ὑπερβολήν) что насыщались даже необдѣланнымъ виномъ, привозимымъ купцами, и пили съ такою жадностью, что или теряли сознание и засыпали или разъярялись до безумія (V, 26; слав. Ammian. Marc. XV, 12). Онъ также называетъ ихъ „чрезвычайно алчными“ (V, 27; Liv. XXXVIII, 27) и рассказываетъ о ихъ беспорядочныхъ и буйныхъ припадкахъ ярости (V, 31; Ammian. Marc. I. c.).

⁸²⁸⁾ Живучесть особенностей характера у нѣкоторыхъ народовъ необычайна, и всякій признаетъ нѣкоторыя изъ этихъ особенностей кельтовъ въ валлійцахъ, а другія — въ ирландцахъ. Древнія свидѣтельства о ихъ слабостяхъ и порокахъ собирались часто, но болѣе свѣтлыя черты, существовавшія тогда, какъ онѣ существуютъ и теперь, главнымъ образомъ находятъ своего свидѣтеля въ ап. Павлѣ.

⁸²⁹⁾ Гал. IV, 8; V, 2; VI, 12 и проч. Съ другой стороны IV, 9 приводится (Jowett, I, 187) какъ „почти явное свидѣтельство, что они были іудеи“; это однако же не слѣдуетъ съ полною необходимостью. Несомнѣнно, пиша о церкви, въ которой были какъ іудеи, такъ и язычники, ап. Павелъ могъ употреблять выраженія, которыя иногда болѣе примѣнимы къ одному классу, а иногда къ другому, „но немощныя и бѣдныя вещественныя начала“, къ которымъ обращенцы „возвращаются“, могутъ относиться какъ къ іудейской, такъ и къ языческой обрядности, и нѣкоторые изъ нихъ быть можетъ прошли оба эти фазиса.

⁸³⁰⁾ Ап. Петръ, обращаясь къ разсѣянными въ Галатіи и другихъ округахъ (1 Петр. I, 1),

вѣроятно имѣлъ въ виду какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ. Частыя ссылки и примѣры изъ Вѣтхаго Завета въ посланіи къ Галатамъ быть можетъ представляютъ доказательство того, что нѣкоторые изъ обращенцевъ были первоначально прозелитами. Иначе невозможно было бы объяснить того обстоятельства, что „ни въ одномъ изъ посланій ап. Павла аргументація не имѣетъ болѣе іудейскаго характера“ (Jowett, I, 186). Гал. III, 27, 28 могутъ указывать на существованіе обращенцевъ изъ обоихъ классовъ.

⁸³¹⁾ Дѣян. XVI, 7. Это *ἡ παρὰ λεγόμενον*, которое есть несомнѣнно правильное чтеніе (K, A, B, C², D, E, и многіе переводы и отцы церкви), быть можетъ указываетъ, что и св. Лука употребляетъ здѣсь нѣкоторый документъ, который доставилъ ему краткія замѣтки объ этой части путешествія ап. Павла. Тотъ замѣчательный фактъ, что въ полемикѣ о Filioque ни одна изъ сторонъ не ссылалась на это выраженіе, показываетъ, какъ рано текстъ началъ подвергаться измѣненіямъ со стороны переписчиковъ.

⁸³²⁾ См. письмо Плинія къ Траяну (X, 97), когда онъ былъ проконсуломъ въ Виеннѣ и спрашивалъ совѣта, какъ ему поступать съ христіанами.

⁸³³⁾ Таково должно быть значеніе *παρελθόντες* (= *ἀφέντες*, „пренебрегая“). Его нельзя переводить „проходя чрезъ“, что было бы *διελθόντες*, хотя взглядъ на карту покажетъ, что они должны были проходить чрезъ Мисію безъ остановки. Причиной этого могло быть отсутствіе синагогъ и далеко неизвѣстный характеръ страны.

⁸³⁴⁾ Дѣян. XVI, 8, *κατέβησαν*.

⁸³⁵⁾ Дѣян. XX, 1, 2 въ сопоставленіи съ 2 Кор. II, 12; 1 Кор. XVI, 5—9; и Дѣян. XX, 6; 2 Тим. IV, 13.

⁸³⁶⁾ Дѣян. XVI, 10, *εὐθέως ἐζητήσαμεν* означаетъ, что они воспользовались первымъ ко- раблемъ, какой только могли найти для путешествія въ Македонію.

⁸³⁷⁾ Это видно изъ многихъ воинскихъ и атлетическихъ метафоръ въ его посланіяхъ.

⁸³⁸⁾ Дѣян. XIX, 21; срав. Рим. I, 13 — „я многократно намѣревался придти къ вамъ“; XV, 23 — „я съ давнихъ лѣтъ имѣлъ желаніе придти къ вамъ“. Эти мѣста были написаны въ Ахаіи — вѣроятно въ Коринѣ — шесть или семь лѣтъ спустя послѣ этого.

⁸³⁹⁾ На это указываютъ *ἀνὴρ* и *ἑστώς*, а также и то что онъ сразу узнавъ въ немъ македонянина. Видѣніе это называется *δράμα*, каковое слово употребляется о болѣе ясныхъ вѣщаніяхъ, чѣмъ сновидѣніе. Дѣян. X, 3, *ἐν δράματι φανερώς*. Мате. XVII, 9 (преображеніе).

⁸⁴⁰⁾ D, *διεγερθεὶς οὖν διηγήσατο τὸ δράμα ἡμῖν* (Дѣян. XVI, 10).

⁸⁴¹⁾ „Мы“ начинается въ Дѣян. XVI, 10; оканчивается, когда Павелъ оставляетъ Филиппы, XVII, 1. Оно вновь появляется въ Филиппахъ къ концу третьяго миссіонерскаго путешествія, XX, 5, и продолжается до прибытія въ Іерусалимъ XXI, 18. Появляется опять въ XXVII, 1 и продолжается во все время путешествія въ Римъ. Лука находился апостоломъ также во время его перваго (Кол. IV, 14; Филим. 24) и втораго тюремнаго заключенія (2 Тим. IV, 11). Что 2 Кор. VIII, 18 относится къ нему, это далеко не несомнѣнно.

⁸⁴²⁾ Euseb. H. E. III, 4; Jer. De Virg. Illustr. Такіе намеки, какъ „Николай, прозелитъ Антіохійскій“ и упоминаніе о христіанахъ, важныхъ тамъ, но неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ, придаютъ вѣроятность этому преданію (срав. XI, 20, XIII, 1 и проч.). Если бы мы хотѣли придать нѣкоторую важность чтенію D въ Дѣян. XI, 28 (*συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν*), то оно показало бы намъ, что Лука былъ въ Антіохіи въ теченіе того года, когда Павелъ и Варнава трудились тамъ до наступленія голода. Имя Lucas есть сокращеніе имени Lucanus, какъ Сила сокращеніе изъ Silvanus; но мнѣніе, что это было одно и то же лицо, совершенно недѣло.

⁸⁴³⁾ Случайное подтвержденіе того, что онъ былъ язычникъ, Вордсвортъ (въ толкованіи на 1 Фесс. II, 9) замѣчаетъ въ томъ, что онъ говоритъ „день и ночь“ (Дѣян. IX, 24),

между тѣмъ какъ когда онъ передаетъ рѣчь ап. Павла (Дѣян. XX, 31; XXVI, 7, въ греческомъ подлинникѣ), онъ, подобно самому ап. Павлу (1 Тим. III, 10; 2 Тим. III, 8; 1 Тим. V, 5 и проч.), всегда говоритъ „ночь и день“, согласно съ іудейскимъ понятіемъ, что ночь предшествовала дню. Болѣе рѣшительное указаніе, что Лука былъ язычникъ, находится въ Дѣян. I, 19, въ выраженіи τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ αὐτῶν, проскользнувшемъ въ рѣчи ап. Петра. „Lucas, medicus Antiochensis, ut scripta ejus indicant“ (Jer.).

⁸⁴⁴⁾ См. великолѣпную статью Плюмптра о св. Лукѣ и ап. Павлѣ (The Expositor No. XX, Aug. 1876). Онъ приводитъ слѣдующее доказательство его медицинскихъ познаній: сочетание лихорадочныхъ припадковъ съ диссентеріей (Дѣян. XXVIII, 8) и употребленіе τιμῇ въ смыслѣ (?) honorarium; βάσεις и σφοδρά въ Дѣян. III, 7 (сн. Hippocrates, p. 637); инерустация, причиняемая офталміей (Дѣян. IX, 18); ἔκστασις (Дѣян. X, 9, 10); σκωληρόβρωτος (Дѣян. XII, 23); „врачъ, испѣли самого себя“ находится только у Луки, IV, 23; θρόμβοι (Лук. XXII, 44 и проч.).

⁸⁴⁵⁾ Смитъ, Voy. and Shipwreck, p. 15, показываетъ, что мореплавательныя познанія св. Луки хотя точны и однако же не показываютъ профессиональнаго знатока.

⁸⁴⁶⁾ Плюмптръ (тамъ же) пытается показать, что бесѣды съ Лукой врачомъ оставили свои слѣды на языкѣ и тонѣ мысли ап. Павла, какъ напр. въ частомъ употребленіи ὑγιαίνω (1 Тим. I, 10; VI, 3 и проч. въ восьми мѣстахъ), которое три раза встрѣчается у св. Луки и ни разу въ другихъ Евангеліяхъ; νοσῶ (1 Тим. VI, 4); γάγγραινα (2 Тим. II, 17); τυφῶς (1 Тим. III, 6; VI, 4 и проч.); κελυττρίασμένοι (1 Тим. IV, 2); κνηθόμενοι (2 Тим. IV, 3); Гиппократъ, стр. 444; γυμνασία (1 Тим. IV, 8); στόμαχος (1 Тим. V, 23); анти-аскетическій совѣтъ Кол. II, 23 (что означаетъ, что „аскетическія правила не имѣютъ значенія въ отношеніи тѣлесной полноты“, т. е. не могутъ служить средствомъ противъ ея послѣдствій отъ распушенныхъ страстей); κατаторῇ (Фил. III, 2); σκόβαλα (Фил. III, 8 и проч.). Факты эти любопытны и замѣчательны, даже если бы они и не давали вполне дѣлаемаго изъ нихъ вывода.

ГЛАВА XXV. ⁸⁴⁷⁾ См. Con. и Hows. I, 305. Описаніе путешествія у св. Луки, при всей своей краткости, однако же по обыкновенію чрезвычайно точно до малѣйшихъ подробностей.

⁸⁴⁸⁾ Св. Лука съ замѣчательною точностью опускаетъ εὐθυδρομήσαντα въ описаніи второго дня путешествія; ЮЮВ вѣтеръ — а такіе именно преобладаютъ по временамъ въ этой части Эгейскаго моря — быстро могъ нести ихъ прямо къ Самоеракии, но не въ столь же прямомъ направленіи отъ Самоеракии къ Неаполю.

⁸⁴⁹⁾ См. выше стр. 266.

⁸⁵⁰⁾ Arrian, IV, 105. На мѣстѣ, гдѣ теперь находится небольшая турецкая деревня Филебеджикъ.

⁸⁵¹⁾ Полное названіе „Colonia Augusta Julia Victrix Philippensium“ находится на надписяхъ (Miss. Archéol. p. 18). Много было писано касательно выраженія ἥτις ἐστὶ πρώτη τῆς μεριδὸς τῆς Μακεδονίας πόλις κολωνία. Обычное объясненіе состоитъ въ томъ, что оно означаетъ „первый городъ Македоніи, въ который они пришли“, считая Неаполь какъ бы находящимся технически во Фракии. Обѣ части этого объясненія въ высшей степени невѣроятны: если πρώτη означаетъ только „первый, куда они пришли“, то это было бы легкомысленное замѣчаніе и потребовало бы члена и несовершеннаго времени; и Неаполь, какъ портъ Филиппъ, считался несомнѣнно македонскимъ городомъ. Прωτή можетъ быть оправдано политически — потому что Филиппы, хотя и не столица Первой Македоніи, были несомнѣнно важнѣе, чѣмъ Амфиполь. По мнѣнію Вордсвораа оно означаетъ „главный городъ границы Македоніи“ (Срав. Іезек. XLV, 7).

⁸⁵²⁾ Ливій, XLV, 18—29. Мы не можемъ быть увѣрены, что эти раздѣленія еще существовали.

⁸⁵³) Дѣян. XVI, 13. Таковъ именно смыслъ, который я извлекаю изъ различныхъ чтеній κ , A, B (?), C, D и изъ переводовъ.

⁸⁵⁴) Дѣян. XVI, 13, $\kappa\acute{o}\lambda\eta\varsigma$ въ κ , A, B, C, D и проч.

⁸⁵⁵) Быть можетъ отъ того же самаго корня, какъ Гангъ (Reuan, стр. 145).

⁸⁵⁶) Она называлась Кимеръ (Miss. Archéol. p. 118).

⁸⁵⁷) Эти молебни представляли собою кругообразныя загороди, совершенно открытыя сверху (*Epirhan*, Наер. LXXX, 1), часто строились на берегу моря или рѣкъ (*Phil. in Flacc.* 14; *Jos. Antt.* 10 § 23; *Tert. ad Nat.* I, 13; *Juv. Sat.* III, 12), для удобства частыхъ омоуеній, которыя требовались иудейскимъ богослуженіемъ.

⁸⁵⁸) Дѣян. XVI, 13, $\epsilon\lambda\alpha\lambda\acute{o}\upsilon\mu\epsilon\nu$; 14, $\tau\omicron\iota\varsigma\ \lambda\alpha\lambda\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\varsigma$.

⁸⁵⁹) Провинція Лидія славилась искусствомъ окраски въ пурпурный цвѣтъ (*Hom.* II. VI. 141; *Claud. Rapt. Proserp.* I, 270; *Strabo*, XIII, 4, 14). Узелеръ нашелъ надпись въ $\Theta\iota\alpha\tau\iota\rho\acute{\iota}$, гласящую „красильщикъ“ ($\omicron\iota\ \beta\alpha\phi\epsilon\iota\varsigma$).

⁸⁶⁰) Дѣян. XVI, 14, $\eta\chi\omicron\upsilon\epsilon\nu\ldots\ \delta\iota\eta\nu\omicron\iota\epsilon\nu$. Какъ не похоже на вымыселъ повѣствованіе, что призванный видѣніемъ въ Македонію онъ первымъ и самымъ важнымъ обращенцемъ своимъ имѣлъ женщину изъ Азіи, въ которой духъ запретилъ ему проповѣдывать!

⁸⁶¹) 1 Тес. II, 5, 7, 9; два раза въ Фессалоникѣ, Фил. IV, 16; разъ въ Аеннахъ, 2 Кор. XI, 9; разъ въ Римѣ, Фил. IV, 10.

⁸⁶²) См. *Lightfoot*, Philip. p. 55.

⁸⁶³) Правда, что имя это еще нигдѣ не встрѣчается, но я не могу ни на моментъ думать вмѣстѣ съ Климентомъ Александрійскимъ (*Strom.* III, 6, § 53) и Елифаніемъ (Н. Е. III, 30), что слово $\Sigma\acute{\upsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ означаетъ „жена“. Лидія не упоминается въ посланіи, если только имя этой лидійской женщины не было Эводія или Синтихія. Она быть можетъ умерла или возвратилась въ свой родной городъ въ промежуточные годы. Она несомнѣнно была бы поименована, если бы посланіе это было подложнымъ.

⁸⁶⁴) Фил. I, 27, πολιτεύετε : III, 20, πολιτεύμα .

⁸⁶⁵) Фил. I, 27, $\sigma\tau\acute{\eta}\chi\epsilon\tau\epsilon$: III, 12, $\delta\iota\acute{o}\kappa\omega$: 14, $\epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\ \beta\rho\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\nu$: IV, 3, $\sigma\upsilon\nu\eta\lambda\lambda\eta\sigma\alpha\nu$: I, 27, $\sigma\upsilon\nu\alpha\theta\lambda\omicron\upsilon\tau\epsilon\varsigma$: III, 16, $\tau\tilde{\omega}\ \alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}\ \sigma\tau\omicron\iota\chi\epsilon\iota\nu$.

⁸⁶⁶) См. превосходное замѣчаніе Гаусрата, стр. 281 и слѣд.

⁸⁶⁷) Дѣян. XVI, 16, πνεῦμα πύθωνα (κ , A, B, C, D и проч.). Соотвѣтствующее ветхозавѣтное выраженіе есть נִבִּיָּה — *объ* (Лев. XX, 6). Оно указываетъ на употребленіе тревовѣщанія, какъ я и показалъ подъ словомъ „Divination“ въ библейскомъ словарѣ Смита. Въ этотъ періодъ, какъ и задолго прежде, люди этого рода, обыкновенно женщины, считались прорицательницами, вдохновляемыми Пивейскимъ Апполономъ (πυθοληπτοί). Отсюда они назывались Πυθῶνες ; и Εὐρυκλείς , отъ древняго прорицателя по имени Эвриклъ, и ἐγγαστρίμοχοι отъ конвульсивныхъ движеній и говоренія изъ глубины желудка, которыми сопровождалась ихъ припадки (*Софокл.*, *Tr. στερνύμαντις*). См. *Плутархъ*, *De Defect.* Орас. 9; *Galen.* Gloss. Hippocr. ($\text{ἐγγαστρίμοχοι οἱ κελεισμένοι τοῦ στόματος φεγγόμενοι διὰ τὸ δοχεῖν ἐκ τῆς γαστρὸς φέγγεσθαι}$). *Исих.* подъ этимъ словомъ *Schol. ad Ar. Vesp.* 1019. Тертуліанъ, *Apol.* 23, явно опредѣляетъ ихъ людьми, „qui de Deo pati existimantur, qui anhelando praeantur“. Неандеръ приводитъ изъ Элиаса интересный фактъ, что жрецъ Обо оказался неспособнымъ воспроизвести свои прежніе конвульсивные восторги предполагаемаго вдохновенія послѣ своего обращенія въ христіанство.

⁸⁶⁸) Мы знаемъ, что „идолъ ничто въ мірѣ“, и поэтому выраженіе, что эта дѣвица имѣла „Пивейскаго духа“, есть только ходячая языческая фразеологія касательно его. Гиппократъ приписывалъ эпилептическія болѣзни обладанію Апполономъ, Цибелой, Посейдономъ и проч., *De Morbo Sacr.* (Con. and H. I, 321).

⁸⁶⁹⁾ Дѣян. XVI, 16, ἀπαυτῆσαι: 17, κατακολουθήσασα.

⁸⁷⁰⁾ Рабы; срав. Дѣян. IV, 29; Рим. I, 1; Тит. I, 1.

⁸⁷¹⁾ Дѣян. XVI, 18, διαπονηθεῖς. Тоже самое слово употреблено въ сильныхъ угрозахъ священниковъ въ отношеніи ученія апостоловъ въ Іерусалимѣ (Дѣян. IV, 2).

⁸⁷²⁾ Дѣян. XVI, 19, ἐξῆλθεν ἡ ἑλπίς τῆς ἐργασίας αὐτῶν. Употребленіе того же самаго слова послѣ ἐξῆλθεν (τὸ πνεῦμα) αὐτῇ τῇ ᾧра быть можетъ намѣренно.

⁸⁷³⁾ Это доказывается надписями, найденными въ Филиппахъ, которыя говорятъ о жертвователяхъ на храмъ Силвана, изъ которыхъ почти всѣ были рабы или отпущенники (Miss. Archéol., p. 75).

⁸⁷⁴⁾ Дѣян. XVIII, 2; Suet. Claud. 25. См. Ewald, VI, 488.

⁸⁷⁵⁾ Іудейство было religio licita, но всякій дѣятельный прозелитизмъ подлежалъ строгому наказанію. См. Paul. Sentent., 21; Scriv. Virg. AEn. VIII, 187: и замѣчательный со- вѣтъ Мецената Августу презирать и наказывать всѣхъ религіозныхъ нововводителей (τοὺς δε ξενίζοντας τι περὶ αὐτὸ [τὸ θεῖον] καὶ μίσει καὶ κόλαζε. Dio. Cass, VII, 36). „Quoties“, говоритъ Лавій, „hoc patrum avorumque aetate negotium est ut sacra externa fieri vetarent, sacrificulos vatesque foro, circo, urbe prohiberent“ (Liv. XXXIX, 16).

⁸⁷⁶⁾ Быть можетъ aediles (Miss. Archéol. p. 71).

⁸⁷⁷⁾ Дѣян. XVI, 19, εἰλκυσαὶν πρὸς τὴν ἀγορὰν ἐπὶ τοὺς ἄρχοντας: 20, καὶ προσαγο- γόντες τοῖς στρατηγοῖς. Различные глаголы, изъ которыхъ второй гораздо мягче, именно, и раз- личные титулы вѣроятно, указываютъ на то, что сказано въ текстѣ.

⁸⁷⁸⁾ Дѣян. XVI, 20. στρατηγός есть греческій переводъ первоначальнаго военного титула „Praetor“; и это былъ также греческій титулъ вообще для главныхъ властей въ маленькихъ городахъ (Ar. Polit. VII, 8). Обычай этотъ, повидимому, былъ введенъ въ Италію, гдѣ Цице- ронъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ съ забавностью отмѣчаетъ „cupiditas“, которая побуждала Капуан- скихъ дуумвировъ величаться титуломъ „преторовъ“, и высказалъ предположеніе, что они скоро дойдутъ до такого безстыдства, что будутъ называть себя „консулами“. Онъ замѣчаетъ также, что ихъ „ликторы“ носили не только прутья (bacilli), но настоящіе пучки розогъ съ топо- рами внутри (fasces), какъ въ Римѣ (De Leg. Agrar. 34). Название „stradigo“ держалось въ нѣко- торыхъ городахъ до новѣйшаго времени (Wetst. in loc.).

⁸⁷⁹⁾ Дѣян. XVI, 20, Ἰουδαῖοι ὑπάρχοντες: 21, Ρωμαῖοις οὖσι. Такъ какъ ни „заклинанія“, ни „іудейство“ (хотя они считали Іудею какъ „suspiciosa et maledica civitas“, Cic. pro Flacc. 28 и вообще teterrima, Tac. H. V, 8), не считались преступленіями, то владѣльцы рабыни должны были прибѣгнуть къ неопредѣленному обвиненію въ введеніи прозелитизма.

⁸⁸⁰⁾ Miss. Archéol. p. 40.

⁸⁸¹⁾ Іудей, къ которымъ такъ безчестно относился Флаккъ, считали это, какъ считалъ и самъ Павелъ (1 Θεσ. II, 2, ὑβρισθέντες, ὡς οἴδατε, ἐν Φιλίπποις), жестокимъ отягченіемъ ихъ страданій (Philo, in Flacc. 10, αἰκισθῆναι μίστιν αἰς ἔθος τοὺς καχοῦργων πονηροτάτους προπιλακίσσασθαι).

⁸⁸²⁾ Языкъ ап. Павла въ стихѣ 37 быть можетъ имѣеть общій характеръ. Если такъ, то едва ли бы онъ сталъ настаивать на преимуществѣ, которое могло бы защитить его одного.

⁸⁸³⁾ Объ этомъ разрываніи одеждъ см. Liv. VIII, 32, Tac. H. IV, 27; Val. Max. II, 7, 8; Dion Halic. IX, 39. Здѣсь употребленные глаголы scindere, spoliare, lacerare (также техническое слово для выраженія истерзанія спины розгами), περικαταρρήξει, показываютъ, что бичеваніе произведено было съ жестокостью и полнымъ издѣвательствомъ.

⁸⁸⁴⁾ Болѣе низкое положеніе, чѣмъ положеніе апостола, на половину уменьшило бы мучительность этого истязанія (cf. Cic. in Verr. II, V, 62, „Hâc se commemoratione civitatis omnia verbera depulsurum, cruciatumque a corpore dejecturum arbitrabatur“).

⁸⁸⁵⁾ Cato ap. Aul. Gell. X, 3.

⁸⁸⁶⁾ Пяти иудейским бичеваніямъ онъ вѣроятно подвергся безъ всякаго протеста (см. выше стр. 28). Противъ четвертаго почти звѣрскаго бичеванія плетью (?) онъ защитилъ себя своимъ гражданскимъ преимуществомъ (Дѣян. XXII, 25). То и другое показываетъ, какъ легко, среди возбужденія, римскій гражданинъ могъ лишиться своего права быть выслушаннымъ или понятымъ; и примѣръ, упоминаемый Цицерономъ, который говоритъ, какъ безжалостно Верресъ бичевалъ одного гражданина изъ Мессины, хотя „inter dolorem crepitumque plagarum“ онъ не переставалъ восклицать „Civis Romanus sum“, показываетъ, что въ провинціяхъ грубыя власти могли иногда издѣваться надъ правами тѣхъ, которые не имѣли возможности настаивать на нихъ (Cic. in Verr. I, 47; V, 62 и проч.). Затѣмъ уваженіе къ этимъ правамъ тѣмъ болѣе ослаблялось еще безстыдной продажей ихъ отпущенникамъ и другимъ со стороны безчестной Мессалины (Dion Cass. LX, 676). А еще легче было растянуть законъ на столько, чтобы истолковать его такъ, что будто бы они лишались этого своего права вслѣдствіе своихъ преступленій. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что во времена Имперіи не только граждане, но даже сенаторы подвергались бичеванію, были мучимы и предаваемы смерти, не находя ни малѣйшей защиты въ законахъ Порціи и Валеріи (Tac. Н. I, 6; II, 10 и проч.). И хотя ап. Павелъ добровольно, даже съ радостью, переносилъ неизбѣжныя испытанія, которыя встрѣчались ему при исполненіи долга (2 Кор. XI, 23), я не думаю, чтобы онъ принялъ обиду или несправедливость, которой имѣлъ полное право избѣгнуть.

⁸⁸⁷⁾ Дѣян. XVI, 24, ζύλον или πόδοχακη (сн. Іовъ, XIII, 27). Въ латинскомъ текстѣ *nervus*. Колода эта имѣла пять отверстій и отсюда называлась πεντεσύριγγον (*Schol. Ar. Eq.* 1046; сн. Poll. VIII, 72; *Plaut. Capt.* III, 79; *Euseb.* Н. Е. VI, 39; Job. XIII, 27; XXXIII, 11; Jer. XXIX, 26).

⁸⁸⁸⁾ Если по *Tullianum* въ Римѣ мы можемъ судить и о другихъ тюрьмахъ, а имя это, повидимому, было нарицательнымъ для самой низкой тюрьмы или самой внутренней ея части, даже въ провинціальныхъ городахъ (*Appul. Met.* IX, 183; Соп. и Н. I, 326), — то есть основаніе думать, что это было ужасное мѣсто. И на самомъ дѣлѣ каковы должны были быть древнія языческія областныя тюрьмы, когда мы примемъ во вниманіе, что представляли собою англійскія, христіанскія, лондонскія тюрьмы какихъ нибудь 50 лѣтъ тому назадъ?

⁸⁸⁹⁾ Нога „ничего не чувствуетъ въ колодкахъ“, говоритъ Тертуліанъ, „когда душа находится на небѣ; хотя тѣло держится крѣпко, но духъ свободенъ“. Надъ христіанскимъ терпѣніемъ насмѣхались, какъ надъ „дикимъ упорствомъ“. Въ язычницѣ оно восхвалялось бы, какъ величественное геройство.

⁸⁹⁰⁾ См. *De custodia et exhibitione reorum*, XLVIII, III, 12 и 16.

⁸⁹¹⁾ *Sen. De Prov.* II, 6; *Ep.* 58; *Diog. Laert.* VII, 130; *Cic. de Fin.* I, 15, и проч.

⁸⁹²⁾ Дѣян. XVI, 17, ὁδὸν σωτηρίας: ст. 30, ἵνα σωθῶ.

⁸⁹³⁾ Дѣян. XVI, 33, ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ.

⁸⁹⁴⁾ Ἐλούσεν καὶ ἐλούθη — „онъ омылъ и былъ омытъ“, говоритъ Златоустъ. О значеніи выраженія οἱ αὐτοῦ πάντες (Дѣян. XVI, 33) и ὁ οἶκος αὐτῆς (ст. 15), сн. XVIII, 8; 1 Кор. I, 16. О крещеніи младенцевъ см. *Coleridge, Aids to Reflection*. Церковь англиканская не дѣлаетъ прямого употребленія этого аргумента въ членѣ XXVII. Но хотя замѣчаніе Бенгеля „*Quis credat in tot familiis nullum fuisse infantem?*“ не имѣетъ рѣшительнаго значенія, но остальная часть его замѣчанія „*Et Judaeos circumcidendis, Gentiles lustrandis illis assuetos non etiam obtulisse illos baptismo?*“ имѣетъ много вѣса.

⁸⁹⁵⁾ Дѣян. XVI, 34, ἡγαλλίατο, прошед. несоверш. С. D различные переводы и проч. Καίτοι οὐδὲν ἦν ἀλλὰ ῥήματα μόνον καὶ ἐλπίδες χρησταί.

⁸⁹⁶⁾ Дѣян. XVI, 35. D прибавляетъ ἀναμνησθέντες τὸν σεισμόν τὸν γεγονότα.

⁸⁹⁷⁾ Дѣян. XVI, 37. Выраженіе Ῥωμαίους ὑπάρχοντας быть можетъ есть намекъ на дерз-

кихъ Ἰουδαῖοι ὑπάρχοντες и Ῥωμαῖοι οὖσαν обвинителей (ст. 21). См. Lex Cornelia, Dict. of Antt. p. 638; *Paulus*, Instt. let. IV De incuriis § 8.

⁸⁹⁸) Целлеръ высказываетъ (*Hilgenfeld's Zeitschr.* 1864, p. 103) удивительную теорію, что это есть воспроизведеніе разсказа, находящагося въ сочиненіи Лукіана Тохарис (27—34) касательно греческаго студента медика по имени Антифила, который заключенъ былъ въ тюрьму въ Египтѣ съ своимъ слугой по ложному обвиненію въ воровствѣ изъ храма. Кренкель (стр. 221) называетъ „перетонченнымъ умничаньемъ“ теорію, что повѣствованіе Дѣяній есть подражаніе этому разсказу. И это называется критицизмомъ!

⁸⁹⁹) *Cic.* in Verr. II, 1, 9; *Plaut.* Curcul. V, 3, 16; *Tac.* H. I, 6.

⁹⁰⁰) *Cic.* pro Rabir. 3.

⁹⁰¹) „Faciens est vinciri civem Romanum, scelus verberari“, *Cic.* in Verr. V, 66.

⁹⁰²) Дѣян. XVI, 39, D, παραγενόμενοι μετὰ φίλων πολλῶν εἰς τὴν φυλακὴν.

⁹⁰³) Все это въ высшей степени вѣроятно, иначе я конечно не привелъ бы этого на единственномъ и мечтательномъ авторитетѣ кодекса D, εἰπόντες ἡγνοήσαμεν τὰ καθ' ὑμᾶς ὅτι ἔστε ἄνδρες δίκαιοι и проч. и μήποτε πάλιν συσταφῶσιν ἡμῖν ἐπικράζοντες καθ' ὑμῶν.

⁹⁰⁴) Третье лицо вновь употребляется въ Дѣян. XVII, 1, а первое лицо опять встрѣчается въ Дѣян. XX, 5.

⁹⁰⁵) Фил. I, 28—30. Хотя кое-гдѣ апостолы приобрѣтали обращенцевъ изъ высшихъ классовъ, но они считали своею славой, чтобы послѣдователи ихъ главнымъ образомъ были младенцы и дѣти человѣческаго разума, а не мудрецы, не знатные и богатые, а слабые міра сего. „Философія“, говоритъ Вольтеръ, „никогда не имѣла значенія для народа. Саванілле настоящаго времени совершенно похожъ на саванілле послѣднихъ 4000 лѣтъ. Намъ нѣтъ дѣла до просвѣщенія чеботарей и служанокъ. Это дѣло апостоловъ“. Да, и это было дѣло Христа.

ГЛАВА XXVI. ⁹⁰⁶) Геродотъ, VII, 114.

⁹⁰⁷) Фукидидъ, IV, 103—107; V, 6—11.

⁹⁰⁸) Ливій, XLV, 30.

⁹⁰⁹) Городъ этотъ сдѣлался столь незначительнымъ, что Страбонъ даже не упоминаетъ о немъ.

⁹¹⁰) *Plin.* H. N. IV, 17.

⁹¹¹) *Cic.* pro Planc. 41.

⁹¹²) 1 Θεс. I, 8, ἐξήχηται.

⁹¹³) Дѣян. XVII, 1. ἡ συναγωγὴ вѣроятно правильное чтеніе, хотя ἡ и нѣтъ въ R, A, B, D. Во всякомъ случаѣ оно, очевидно, означаетъ, что тамъ была лишь одна синагога, и преданіе еще указываетъ на мечеть — нѣкогда христіанскую церковь св. Димитрія, которая будто бы стояла на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ Салоникахъ теперь почти сорокъ іудейскихъ синагогъ.

⁹¹⁴) 1 Θεс. II, 9, νυκτὰς γὰρ καὶ ἡμέρας ἐργαζόμενοι, πρὸς τὸ μὴ ἐπιβαρῆσαι τίνα ὑμῶν и пр.

⁹¹⁵) Фил. III, 8, τὰ πάντα ἐζημιώθη.

⁹¹⁶) Онъ едва ли бы преминалъ тамъ побыть по долѣе, потому что Филиппы находились въ 175 верстахъ отъ Θεσσαλονίκης и для полученія извѣстій туда и обратно потребовалось бы значительное время.

⁹¹⁷) На это указываетъ *Lewin*, Fasti Sacri, p. 290; St. Paul, I, 231.

⁹¹⁸) 1 Θεс. II, 2, ἐπαρρησιασάμην: Дѣян. XVII, 2, διελέγετο αὐτοῖς. Ученіе въ синагогѣ допускало разсужденія и отвѣты (Іоан. VI, 25 и проч.), какъ это и теперь бываетъ въ раввинскихъ синагогахъ.

⁹¹⁹) Дѣян. XVII, 3, διανοήων καὶ παρτιθέμενος.

⁹²⁰⁾ Одинъ изъ нихъ былъ Секундъ (Дѣян. XX, 4) и быть можетъ Гаій (XIX, 29). Имена эти довольно ходячіе, но любопытно совпаденіе, что они, какъ и имя Сосипатра, находятся на надписи среди политарховъ на триумфальной аркѣ Θεσσαλονικίας.

⁹²¹⁾ Дѣян. XIX, 29; XX, 4; Кол. IV, 10, συναρχμάλωτος; Филим. 24.

⁹²²⁾ Въ Дѣян. XVII, 4, даже если манускрипты не даютъ достаточныхъ данныхъ въ пользу чтенія τῶν τε σεβομένων καὶ Ἑλλήνων (A, D, Вулг., Коптскій переводъ), однако же посланія рѣшительно доказываютъ, что язычники преобладали среди обращенцевъ.

⁹²³⁾ „Subversae Deorum arae, lares a quibusdam in publicum abjecti“ (Suet. Calig. 5). „Plures nusquam jam Deos ullos interpretabantur“ (Plin. Epp. VI, 20; см. выше стр. 19).

⁹²⁴⁾ 1 Θεс. III, 4. „Мы и тогда предсказывали вамъ, что будемъ страдать“. Ὁ ἐγγὺς μοῦ ἐγγὺς τοῦ κυρίου (изреченіе Спасителя. Orig. Hom. in Jerem. III, 778).

⁹²⁵⁾ Это съ достаточной очевидно, будемъ ли мы читать ζήλωσαντες въ Дѣян. XVII, 5 (A, B, E, и многіе переводы), или нѣтъ.

⁹²⁶⁾ „Illiberales autem et sordidi quaestus mercenariorum omniumque quorum operae non artes sunt; est enim ipsa merces auctoramentum servitutis“ (Cic. De Off. I, 42).

⁹²⁷⁾ Subrostrani (Cic. Epp. Fam. VIII, 1, 2), subbasilicani (Plant. Capt. IV, 2, 35), turba forensis.

⁹²⁸⁾ Дѣян. XVII, 5, τῶν ἀγοραίων ἄνδρας τινὰς ποιητοὺς. Сн. Ar. Eg. 181; Sen. De Benef. 7.

⁹²⁹⁾ Названіе это неизвѣстно въ классической литературѣ. Это могло бы дать прекрасное поприще для подозрительной изобрѣтательности Баура и Целлера, если бы оно въ счастью не сохранилось въ титулѣ Θεσσαλονικійскихъ властей на надписи, которую еще можно читать на триумфальной аркѣ въ Θεσσαλονικίᾳ, извѣстной подъ названіемъ Вардарскихъ воротъ (Böckh. Inscr. 1967). Эта арка въ недавнее время была разрушена, но обломки ея были спасены англійскимъ консуломъ и перевезены въ Британскій музей въ 1876 году. Тамъ можно видѣть семь именъ и между ними имена Сосипатра, Гаія и Секунда. Въ Urbs Libera Θεσσαλονικίᾳ нѣтъ самозванныхъ στρατηγοὶ или ῥαβδοῦχοι какъ было въ колоніи въ Филиппахъ, но тамъ были δήμος и πολιτάρχαι.

⁹³⁰⁾ Выраженіе это показываетъ, какъ широко было распространено христіанство и быть можетъ указываетъ на недавнія событія въ Римѣ, которыя могли бы быть достаточнымъ основаніемъ для самихъ іудеевъ держаться нѣсколько въ сторонѣ и возбуждать язычниковъ къ изгнанію апостоловъ.

⁹³¹⁾ Эта полуистина, которая дѣлала обвиненіе тѣмъ болѣе ложнымъ, заключается въ проповѣди апостола о второмъ пришествіи (въ 1 и 2 посланіяхъ въ Θεσσαλονικίαις) и о царствѣ Христа (1 Θεс. II, 12; 2 Θεс. II, 5), а также быть можетъ и въ нѣкоторомъ искаженіи того, что онъ говорилъ имъ о ὁ κατέχων и τὸ κατέχων (2 Θεс. II, 6, 7). „Nec Caesaribus honor“ есть одна изъ жалобъ Тацита на іудеевъ (Hist. V, 5).

⁹³²⁾ На страницахъ Тацита мы видимъ, что безконечная растяжимость этого обвиненія — въ crimen majestatis — и дѣлала именно столь страшнымъ систему тираниіи (Ann. III, 38). Упоминаемые здѣсь факты поразительно подтверждаютъ это. Всякій, кому бы захотѣлось сдѣлаться delator, могъ бы погубить безвѣстнаго іудея также легко, какъ могъ бы погубить и какого нибудь знатнаго и сильнаго человѣка.

⁹³³⁾ Дѣян. XVII, 9, λαβόντες τὸ ἱκανόν звучитъ въ родѣ перевода латинской фразы „satisfactio accepta“. Срав. Левитъ XXV, 26 (LXX). По іудейскому мнѣнію Римляне любили справедливость, и это-то тѣмъ охотнѣе заставило іудеевъ принять ихъ иго (Jos. Antt. XVII, 0, § 4; 13 § 2; B. J. VI, 6, § 2; Dion. Cass. XXXVI, 37). Титъ лишилъ ихъ всѣхъ общихъ преимуществъ, которыми они надѣлены были въ Римѣ (I. Fl. B. J. VI, 2, § 4).

⁹³⁴⁾ Я согласенъ съ Альфордомъ въ томъ мнѣніи, что упоминаніе Тимофея въ надписаніи

обоихъ посланій и посольство его къ нимъ изъ Аѳинъ доказываютъ, что онъ былъ съ ап. Павломъ во время этого посѣщенія.

⁹³⁵) Верея быть можетъ македонское искаженіе названія Ферей (срав. Βίλιππος вм. Φιλίππος). Теперь она называется Кара Ферія.

⁹³⁶) *Cic. in Pis.* 36. Приведено у *Wetstein* ad loc.

⁹³⁷) Дѣян. XVII, 11 εὐγενέστεροι. Выраженіе это интересно, какъ примѣръ εὐγενής употребляемаго (какъ въ новѣйшія времена) во второстепенномъ или нравственномъ смыслѣ. Лучшій комментарий на нее есть „Nobilitas sola est atque unica virtus“.

⁹³⁸) Дѣян. XVII, 13, σαλεύοντες τοὺς ὄχλους.

⁹³⁹) Дѣян. XVII, 14, ὡς ἐπὶ τὴν θαλάσσαν есть просто плеонастическая фраза для выраженія „въ направленіи моря“ (Страбонъ, XVI, 2 и проч.). Ἐως, чтеніе кодексовъ R, A, B, F и другія варіаціи текста, повидимому возникли вслѣдствіе сравнительной рѣдкости его употребленія. Мнѣніе, что онъ будто бы только притворялся, что отправился къ морю и затѣмъ повернулъ, чтобы отправиться сухимъ путемъ, возникаетъ изъ ошибочнаго толкованія этой фразы.

⁹⁴⁰) Быть можетъ въ Аморъ или Метону (*Renan*, St. Paul, p. 166; *Strabo*, VII pp. 20, 12; *Leake*, III, 435).

⁹⁴¹) Прибавка Δ παρῆλθεν δὲ τὴν Θερσαλίαν ἐκωλύθη γὰρ εἰς αὐτοὺς κυρεῖται τὸν λόγον не проливаетъ никакого свѣта на этотъ вопросъ.

⁹⁴²) Отплылъ ли ап. Павелъ по Эврипу или къ востоку отъ Эвбеи, неизвѣстно. Первый путь былъ болѣе обыкновеннымъ.

⁹⁴³) *Pausan*, Attic. I, 28, 2; *Herod*, V, 77.

ГЛАВА XXVII. ⁹⁴⁴) О чувствахъ, испытанныхъ Цицерономъ, Сульпиціемъ, Плиніемъ, Аполлоніемъ Тианскимъ и другими, можно читать въ *Cicero*, Ep. ad Quint. frat. I, 1; Ep. Jam. IV, 5; ad Att. V, 10; VI; *Tac. Ann.* II, 56; *Plin.* Ep. VIII, 24; *Philostr.* Vit. Apoll. V, 41; *Renan*, St. Paul, 167; но, какъ прибавляетъ послѣдній, „Павелъ принадлежалъ иному міру; его святая земля была не здѣсь“.

⁹⁴⁵) Дѣян. XVII, 15, λαβόντες ἐντολὴν πρὸς τὸν Σίλαν καὶ τὸν Τιμόθεον ἵνα ὡς τάχιστα ἔλθωσιν πρὸς αὐτὸν.

⁹⁴⁶) *Pausan*, I, I, 4; *Исхидъ* подъ слов. Ἀγνώτες θεοί: см. стр. 356.

⁹⁴⁷) Они находились на дорогѣ между Фалерскимъ портомъ и городомъ, и ап. Павелъ быть можетъ присталъ къ берегу въ Фалерѣ, ближайшей, хотя и не самой обычной, пристани для кораблей, приходящихъ изъ Македоніи.

⁹⁴⁸) Дѣян. XVII, 23, διερχόμενος καὶ ἀναθεωρῶν τὰ τεράσματα ὑμῶν.

⁹⁴⁹) Дѣян. XVII, 16, παρωξύνετο τὸ πνεῦμα αὐτοῦ. Сн. 1 Кор. XIII, 5 οὐ παροξύνεται „не раздражается“.

⁹⁵⁰) *Petron*, Sat. 17.

⁹⁵¹) Мартино, послѣ замѣчанія, что новѣйшія жизнеописанія ап. Павла очень много похожи на „пояснительныя руководства, столь богатые свѣдѣніями, что большая часть ихъ была бы новостью для самого ап. Павла“, прибавляетъ, что „въ окрестностяхъ Саламина или Мараеона онъ вѣроятно не болѣе вспоминалъ о прошедшемъ, чѣмъ браминъ, при путешествіи по полямъ Эдонгилла или Марстонской равнины“ (*Studies in Christianity*, p. 417).

⁹⁵²) Въ Талмудѣ ничто такъ не изумляетъ, какъ полное отсутствіе всякаго географическаго, хронологическаго и историческаго смысла. Истинъ іудей того фарисейскаго класса, въ средѣ котораго былъ воспитанъ ап. Павелъ, болѣе заботился о какой нибудь мелочной *галахѣ*, о нитяхъ въ *миццотѣ*, чѣмъ о всей исторіи изыскаго міра.

⁹⁵³) *I. Флавій*, Antt. XIX, 8, § 5.

⁹⁵⁴⁾ „Athenæ simulacra deorum hominumque habentes omni genere et materiæ et artium insignia“ (Ливий, XLV, 27).

⁹⁵⁵⁾ Читатель припомнить порицание, выраженное Гамалиилу просто за то, что онъ вошелъ въ баню, въ которой находилась статуя Афродиты (См. ниже стр. 828).

⁹⁵⁶⁾ Онъ повернулся назадъ и никогда не входилъ сюда болѣе (*Symonds, Renaissance*, стр. 347).

⁹⁵⁷⁾ *Renan, St. Paul*, 172. Слово *κατεῖδων* однакоже принадлежитъ св. Лукѣ, а не ап. Павлу.

⁹⁵⁸⁾ „Языческое боготворение красоты... облагороживало искусство и портило природу; извлекало чудеса изъ каменоломень Пентелика и ужасы изъ населенія Рима и Коринфеа; усовершенствовало мраморъ храма, и унижало человѣческое достоинство богомольца. Язычество выродилось въ чудовищное сочетаніе физической красоты и нравственного безобразія“ (*Martineau, Hours of Thought*, p. 306).

⁹⁵⁹⁾ См. *Apollonius*, Ер. LXX (тамъ же). „Ἑλληνες οἰέσθε δεῖν ὀνομάζεσθαι... ἀλλ' ὁμῶν γε οὐδὲ τὰ ὀνόματα μένει τοῖς πολλοῖς, ἀλλ' ὑπὸ νέας ταύτης εὐδαιμονίας (покровительства Рима) ἀπολωλέκασιν τὰ τῶν προγόνων σύμβολα.“

⁹⁶⁰⁾ Номинальная свобода Аѳинъ была сохраняема рядомъ завоевателей. Хотя онѣ всегда были на побѣжденной сторонѣ съ Митридатомъ, Помпеемъ, Брутомъ, Кассіемъ и Антоніемъ, но римскіе императоры всегда оставляли за ними презрительную привилегію нестѣсняемой болтливости. Это былъ періодъ самаго сильнаго упадка знаменитаго города. „Это не былъ уже городъ Тезея, и это не былъ еще городъ Адріана“ (*Renan*, p. 178). Около этого самаго времени городъ былъ посѣщенъ извѣстнымъ чудотворцемъ Аполлоніемъ Тіанскимъ, и, согласно Филострату, онъ сдѣлалъ очень нелестную ему оцѣнку... οὐ μένοντες Ἑλληνες ὅπως δὲ οὐ μένοντες ἐγὼ φράσω, Γέρων σοφὸς οὐδεὶς Ἀθηναῖος... ὁ κόλαξ παρὰ ταῖς πόλεις, ὁ συχοφάντης πρὸς τὴν θεὸς δὲ οὐδὲ Σοῦνιον ἔχει (Opp. *Philostr.* ed. Olear. II, 406).

⁹⁶¹⁾ Таковы напр. Μνήμα τόδ' Ἰππάρχου στήθεα δίκαια φρόνων, или Μνήμα τόδ' Ἰππάρχου μη φρον ἐξαπάτα.

⁹⁶²⁾ *Inscriptio aræ non ita erat ut Paulus asseruit ignoto Dei; sed ita: Diis Asiæ et Europæ et Africæ, Diis ignotis et peregrinis. Verum quia Paulus non pluribus Diis ignotis indigebat, sed uno tantum ignoto Deo, singulari verbo usus est. Иерон. ad Tit. I, 12 (См. Biscoe, p. 210).*

⁹⁶³⁾ Дѣян. XVIII, 23 — „жертвенникъ, на которомъ написано“, *ζομέν ὃ ἐπετέγραπτο*. Тотъ фактъ, что Павзаній (*Attic. I, 1*), Филостратъ (*Vit Apollon VI, 3*) и другіе (*Diog. Laert. I, X, 100* и пр.) упоминаютъ о жертвенникахъ — ἀγνώστων δαιμόνων, конечно не доказываетъ, что тамъ не было жертвенника съ надписью въ единственномъ числѣ; да и неизвѣстно еще, не означаютъ ли эти слова жертвенники, на *каждомъ* изъ которыхъ была надпись Ἀγνώστῳ θεῷ, какъ понимаетъ ихъ Винеръ. Плюмистръ склоняется къ мнѣнію, что надпись эта значитъ: „Непознаваемому Богу“; и сравниваетъ ее съ знаменитой надписью на покрывалѣ Изиды, и съ митранческой надписью, найденной на жертвенникѣ въ Остіи: „Signum indeprehensibilis Dei“ и 1 Кор. I, 21.

⁹⁶⁴⁾ Мнѣніе Эйхгорна.

⁹⁶⁵⁾ Мнѣніе I. Златоуста.

⁹⁶⁶⁾ Язычники называли Іегову ὁ πάγκριφος (Иуст. Филос. *Parænet. ad. Græcos*, 38; *Apol. II, 10*; Филонъ *Leg. § 44*).

⁹⁶⁷⁾ Дѣян. XVII, 16. И однакоже его высокая самобытность проявляется въ томъ фактѣ, что онъ, вопреки обыкновению своего народа, не излилъ своего негодованія въ оскорбленіяхъ: „Gens contumelia numinum insignis“ (*Plin. H. N. XIII, 9*; *Cic. p. Flacc. 67*). Клавдій, подтверждая ихъ привилегіи, предостерегалъ ихъ μή τὰς τῶν ἄλλων ἐθνῶν δεισιδαιμονίας ἐξουθενίζετω

(I. Флав. Antt. XIX, 5, § 3). *κατείδωλον* означаетъ „полный идоловъ“, „non simulacris dedita, sed simulacris referta“ (Herm. ad. Vig. p. 638), см. *κατάμπελος*, *κατάδενδρος*. Слово это получается въ высшей степени интересную иллюстрацію у Ветштейна, которыми пользуются всѣ послѣдующіе комментаторы.

⁹⁶⁸) Дѣян. XVII, 17, *διαλέγεται*.

⁹⁶⁹) Въ Аѳинахъ не найдено и слѣда такого строенія, которое могло бы служить синагогой. О существованіи ея дѣлаются заключенія изъ свидѣтельства Талмуда, что іудеи были многочисленны въ Аѳинахъ; но эти мѣста относятся уже къ гораздо болѣе позднему періоду и во всякомъ случаѣ Талмудъ не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ прямого историческаго указателя.

⁹⁷⁰) Сократъ умеръ въ 399 г. до Р. Хр.

⁹⁷¹) *Καχηνάτοι*. *Ar. Eg.* 1262. Демадъ сказалъ, что знаменемъ Аѳинъ долженъ бы быть длинный языкъ. „Alexander qui quod cuique optimum est eripuit Lacaedemona *servire* jubet, Athenas *tacere*“ (Sen. Ep. 94; см. Демосѳенъ, Phil. IV); *τὴν πόλιν ἀπαινεῖ τῶν Ἑλλήνων ὑπολαβάνουσι ὡς φιλόλογός τε ἐστὶν καὶ πολύλογος* (*Plat. Legg.* I, II).

⁹⁷²) *Καινότερον* (см. Матѳ. XIII, 52). „Nova statim sordebant *noviora* quaerebantur“ (Bengel). Джиллъ говорить, что подобный вопросъ *מבין רבין* былъ общимъ въ раввинскихъ школахъ (*Bammidbar Rabba*, f. 212, 4).

⁹⁷³) Прекрасно Мильтонъ въ своемъ „Возвращ. Раѣ“ говорить обо всѣхъ этихъ философахъ, „изъ устъ которыхъ медоточивыя рѣки истекали и которые наводили собою всѣ академіи и школы, — философовъ разныхъ оттѣнковъ отъ такъ называемыхъ перипатетиковъ до легкомысленныхъ эпикурейцевъ и строгихъ стоиковъ“.

⁹⁷⁴) См. Ренанъ, *St. Paul*, 186, который ссылается на *Цицерона* ad *Jam.* XVI, 21; *Luciana*, *Dial. Mort.* XX, 5; *Just. Филос.* Apol. V, 17.

⁹⁷⁵) *Φιλοσοφία Ἑλλήνων λόγων φάρος*. Тертуллианъ спрашиваетъ: „Quid simile philosophus et Christianus?“ (*Tert. Apol.* 46); но ап. Павелъ, относившійся со вседенской широтой ко всякимъ истинамъ, привѣтствовалъ бы и тѣ истины, которыя могли открыть бы ему греческіе философы (*Clem. Alex. Strom.* VI, 8, § 65 и по мѣстамъ). *Χρησίου πρὸς θεοσέβειαν γίνεται προπεδεία τῆς ούσας* (*Idem*, I, 8, § 28; *Aug. De Civ. Dei*, II, 7).

⁹⁷⁶) Мы лучше можемъ понять это, прочитавъ такую книгу, какъ Спин. Шнейдера *Christliche Klänge aus den Griech und Röm. Classikern* (1865). Независимость, бодрость, царственность, богатство истиннаго христіанина напоминаютъ стоическую „царственность“ *αὐτάρκεια* — то самое слово, которое употребляетъ ап. Павелъ (2 Кор. IX, 8; Филип. IV, 11—18; 1 Кор. IV, 8—10 и пр., сравни съ *Cic. De Fin.* III, 22; *Hor. Sat.* I, III, 124—136; *Sen. Ep. Mor.* IX). Но какое различіе между этими повидимому сходными взглядами, если мы взглянемъ на стоическое и христіанское ученіе — 1) въ ихъ дѣйствительномъ значеніи и 2) въ ихъ практическомъ приложеніи.

⁹⁷⁷) *Juv. Sat.* XIII, 172; XIV, 319.

⁹⁷⁸) Еще не было на свѣтѣ философа такого,

Который бы съ терпѣніемъ снесъ зубную боль.

Шекспиръ.

⁹⁷⁹) Древніе философы во времена Римской имперіи (*ἱκ πάγωνος σοφοί*, *Phoenicides* ap. *Meincke*, *Com. Fr.*, IV, 611; *Lucian*, *Eun.* 8; *Lact. Instt.*, III, 25; *Bactroperitae*, *Jer.* на Матѳ. XI, 10 и пр.) въ качествѣ класса спустились почти до положенія лѣнивыхъ и нищенствующихъ монаховъ въ средніе вѣка (см. *Sen. Ep. Mor.* V, 1, 2; *Tac. Ann.* XVI, 32; *Juv.* III, 116; *Hor. Sat.* I, 3, 35, 133). Укоры, высказываемые имъ римскими сатириками, очень похожи на

тѣ, которыми Чосеръ бичевалъ нищенствующихъ проповѣдниковъ, и Ульрихъ фонъ Гуттенъ громилъ выродившихся монаховъ.

⁹⁸⁰⁾ I. Флавій находилъ явную аналогію между фарисеями и стоиками (Antt. XIII, 1, § 5; XVIII, 1, § 2; B. Jud. II, 8, §§ 2—14); а „эпикурейцы“ есть постоянное названіе для еретиковъ и пр. въ Талмудѣ.

⁹⁸¹⁾ Когда Аполлоній присталъ въ Пиреѣ, онъ нашелъ Аѳины очень людными и жаркими. На пути къ городу онъ встрѣчалъ многихъ философовъ, изъ которыхъ иные читали, другіе ораторствовали, третьи спорили, и всѣ привѣтствовали его. Παῖσι δὲ οὐδαίς αὐτόν, ἀλλὰ τεκμηραίμενοι πάντες ὥς εἴη Ἀπολλώνιος συναναστρέφοντό τε καὶ ἡσπάζοντο χαίροντες (Philostr. Vit. IV, 17).

⁹⁸²⁾ Дѣян. XVII, 18. Слово „добродѣтель“ встрѣчается только разъ у ап. Павла (Фил. IV, 8), а ἡδονή въ классическомъ смыслѣ только въ Тит. III, 3. Мнѣніе, что философы приняли „воскресеніе“ за новую богиню Ἀνάστασις, хотя и принимается Златоустомъ, Теофилактомъ, Икумениемъ и проч., даже въ новѣйшее время Ренаномъ („Большинство, говорить онъ, повидающему приняли Ἀνάστασις за имя богини, и думали, что Иисусъ и Анастасіисъ были нѣкоей новой божественной четой, которую и проповѣдывали эти восточные мечтатели“ St. Paul, p. 190), кажется мнѣ совсѣмъ нелѣпнымъ. Это значило бы предполагать или крайнюю неясность въ проповѣди ап. Павла, или крайне невѣроятную тупость въ его слушателяхъ.

⁹⁸³⁾ Почти невозможно предположить, чтобы св. Лука не имѣлъ при этомъ въ виду обвиненія противъ Сократа, ἀδικεῖ Σωκράτης... καὶ τὰ δαιμονία ἀσφείρων (Ксеноф. Мем. I, 1).

⁹⁸⁴⁾ Στερνολόγος — птица, выклеывающая сѣмена; слово это въ смыслѣ презрительнаго прозвища прилагалось къ аѳинскимъ лавочнымъ ворахъ и уличнымъ карманникамъ (Eustath. ad. Od. V, 490), а затѣмъ и къ болтунамъ вообще, толковавшимъ о предметахъ, въ которыхъ они ничего не понимали. Это то самое замѣчаніе, которымъ Демосѳенъ метнулъ противъ Эскина (pro Corona, p. 269, ed. Reiske). Сравни термины gobemouch, engoulevent и пр.

⁹⁸⁵⁾ Дѣян. XVII, 19 — Ἐπιλεβόμενοι αὐτοῦ Совершенно ошибочно предполагать при этомъ, что здѣсь разумѣется нѣкоторое насиліе. См. IX, 27. Касательно λίθος ἀναδείλας источникомъ для насъ служить Павзаній (Attic. I, 28, 5).

⁹⁸⁶⁾ Разсѣдываніе дѣлъ по введенію Ἐπίθета ἐρα было главнымъ занятіемъ ареопага. Многіе писатели думали, что это былъ судебный процессъ, а по мнѣнію Вордворта это былъ ἀνάκρισις. Повѣствованіе, однакоже, производитъ совершенно иное впечатлѣніе. Аѳиняне гораздо менѣе заботились о религіи, чѣмъ Аѳинѣ и Милетъ во время Сократа, а если тутъ имѣлось въ виду именно судебное слѣдствіе, то только, какъ мы замѣтили уже, въ видѣ преднамѣренной пародіи.

⁹⁸⁷⁾ Aristid. Papathen, I, 99; С. и Н., I, 383.

⁹⁸⁸⁾ Семны или Евмениды (Свет. Нер. 34).

⁹⁸⁹⁾ Трудно конечно видѣть благочестіе въ людяхъ, которые смѣялись при издѣвательствахъ Аристофана надъ народной религіей (Lysistr. 750).

⁹⁹⁰⁾ Ὑπαίθριοι ἰδρυάζοντο (Pollux. VIII, 118).

⁹⁹¹⁾ Ἄνδρες Ἀθηναῖοι и пр. Это было обычное начало ораторской рѣчи.

⁹⁹²⁾ Дѣян. XVII, 22 — δεισιδαιμονέστερους. „Quais superstitiores“ — по Вульгатѣ, „религіознѣйшій изъ народовъ“ по Ренану и пр. Слово это пять разъ употребляется у I. Флавія и всегда въ почтительномъ смыслѣ, какъ и въ Дѣян. XXV, 19. Изъ многихъ неудачныхъ переводовъ этого выраженія переводъ „слишкомъ суевѣрны“ (allzu abergläubisch — Лютеръ) самый несостоятельный. Онъ сразу измѣняетъ весь тонъ рѣчи и лишаетъ ее примирительнаго характера. Ап. Павелъ едва ли бы сталъ дѣйствовать вопреки предосторожности, которую Аполлоній

Тіанскій считалъ крайне необходимою: σωφρονέστατον καὶ τὸ περὶ πάντων θεῶν εὖ λέγειν καὶ τοῦτο Ἀθήνησιν αὐτὸ καὶ ἀγνώστων δαιμόνων βοῆαι ἰδρυνταί (*Philostr.* Vit., VI, 3).

998) Ὀλη βωμός' ὅλη θύμα θεοῖς καὶ ἀνάθημα (*Хсен.* De Rep. Athen; Alcib II, 97; *Pausan.*, Attici. 24) τοὺς εὐσεβεστάτους τῶν ἑλλήνων (I. Флавій, с. Ар. II, 12; *Isocr.* Paneg. 33; *Thuc.* II, 38); *Aelian*, Var. Hist. V, 17; *Павсан.* XXIV, 3). Когда Аполлоніи Тіанскіи прибылъ въ Аѳины, Филостратъ говоритъ: τὴν μὲν δὴ πρώτην διάλεξιν ἐπεὶ οὖν φιλοθύτας τοὺς Ἀθηναίους εἶδεν, ὅπερ ἱερῶν διαλέξατο (Vit. VI, 2). Φιλόθυτοι μάλιστα πάντων εἰσὶ (*Jul.* Misopogon).

999) *Philostr.* Vit. Apoll. IV, 19, стр. 156.

1000) καὶ. Вмѣсто ἀναθεσθῶν D читаетъ διὰ σθῶν, perspicuus, d. Выраженіе ἐπιγέγραπτο означаетъ постоянство и быть можетъ древность.

1001) δ... τοῦτο, K, A, B, D, съ Оригеномъ и Іеронимомъ. Сн. *Hor.* Epod., V, I. „At O Deorum quicquid in caelo regit“; и частая умиловительная надпись: „Sei Deo sei Deae“. Неопредѣленное выраженіе „божественное“—обычно у греческихъ писателей.

1002) Ст. 23 ἀγνοοῦντες, не „невѣжественно“, что было бы несогласно съ деликатностью ап. Павла, а именно „не зная“, въ отношеніи къ ἀγνώστῳ (сн. Рим. I, 20). Слово εὐσεβεῖς означаетъ также истинное благочестіе.

1003) ὑπάρχων.

1004) Очевидный отголосокъ рѣчи св. Стефана (VII, 48; сн. *Eurip.* Fragm. ap. *Clem.* Alex. Strom. V, II, 76).

1005) Замѣчаніе, съ которымъ охотно согласились бы эпикурейцы.

1006) Θεραπεύεται. Разумѣется служеніе посредствомъ приношеній на жертвенникѣхъ и пр. (сн. *Iliada* I, 39, εἰ ποτὲ τοι χαίρειν' ἐπὶ νηὶν ἔρεφα).

1007) αἷματος — выраженіе сомнительное, и его нѣтъ въ K, A, B. Коптскомъ, Сагидскомъ и др. переводахъ. Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ Мейеръ, ἀνθρώπου было бы болѣе естественной глоссою, чѣмъ αἷματος; и іудеи обыкновенно говорили πῶς ὡς καὶ „кровь міра“.

1008) Ψηλαφᾶν — идти ощупью, подобно слѣпцу или въ темнотѣ (*Arist.* Рах 691; Быт. XXVII; Ис. LIX, 10; сн. Рим. I, 21; X, 6—8).

1009) Онъ хочетъ сказать, что въ этомъ они сами были виноваты — вслѣдствіе своего собственнаго удаленія отъ Бога, а не вслѣдствіе удаленія Бога отъ нихъ.

1010) Слова эти приведены изъ Арата Киликійскаго, быть можетъ даже Тарсійскаго, и строкой этой начинаются его Φαινόμενα:

παντὴ δὲ διὸς καυχρήμεθα παντες
τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν.

Но ап. Павелъ говоритъ „нѣкоторые“ — τίνες, потому что та же мысль, почти въ тѣхъ же словахъ, находится у Клеанеа, Нумн. in Jov. 5, εἰ καὶ τοῦ γὰρ γένος ἐσμέν, и вообще нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это было ходячее выраженіе и другихъ священныхъ и богослужебныхъ пѣсней. Сн. *Virg.* Georg. IV, 221 — 225. Бентлей замѣчаетъ, что „одна эта глава указываетъ, что ап. Павелъ былъ великій знатокъ всей греческой учености“ (Boyle Lectures, III). Это большое преувеличеніе. См. Приложение III, стр. 817 и сл.

1011) „Judaea gens Deum sine simulacro colit“ (*Varro*, Fr. p. 229). Отсюда „Nil praeter nubes et caeli numen adorat“, Ювенала, XIV, 97 и „Dedita sacris Incerti Judaea Dei“ Лукіана II, 592; *Тац.* Н. V, 6.

1012) Ап. Павелъ обладалъ тѣмъ прекраснымъ духомъ человеколюбія, который видитъ добрую душу даже въ худыхъ дѣлахъ. Какъ ни былъ онъ враждебенъ по отношенію къ себялюбивому идонизму эпикурейцевъ и къ жестокой безчувственности стоиковъ, онъ всетаки видѣлъ добрую сторону въ философіи какъ Эпикура, такъ и Зенона, такъ какъ Эпикуръ

проповѣдывалъ о „блаженствѣ просвѣщенной и самодовольной души“, а Зенонъ содѣйствовалъ поднятію нравственности.

1008) Слово *τόχη* нигдѣ не встрѣчается въ Н. Завѣтѣ.

1009) 2 Парал. VI, 32, 33. *Ποτὸς ἐκὼν οἶκος τεκτόνων πλασθεὶς ὑπο Δέμας τὸ θεῖον περιβάλοι τοῦτων πτυχᾶς*; (*Eur. ap. Clem. Alex. Strom. V, XI, 76*).

1010) *Seneca, ap. Lact. Instt. VI, 25* и *Ep. Mor. XXXI, 11*.

1011) *Omnis enim per se Divom natura necesse est*

Immortali aevo summâ cum pace fruatur...

Ipsa suis pollens opibus, nihil indiga nostri. Lucr. II, 650.

1012) Касательно языческаго взгляда см. *Cic. de Nat. Deor. I, 18*.

1013) Эпикурейское понятіе о счастіи какъ результатѣ грубѣйшихъ атомовъ такъ же материально, какъ и понятіе Палея, который считаетъ его „извѣстнымъ состояніемъ нервной системы въ той части этой системы, въ которой мы чувствуемъ радость и скорбь... и которая быть можетъ составляетъ верхнюю область желудка или тонкую сѣть, облегающую всю область *предсердія* (*Poley, Moral Philos. гл. VI*).

1014) Дѣян. XVII, 30 *ἡμετέριον* (см. Рим. I, 24). Слово это встрѣчается еще въ I. Сирах. XXX, 11. „Времена невѣдѣнія“ — это было политехническое выраженіе, въ родѣ арабскаго *йялилуйя* — для обозначенія времени до Магомета.

1015) Дѣян. XVII, 32. „Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, они насмѣхались“. *Ἐχέσασον*, только здѣсь встрѣчающееся въ Н. Зав., есть очень сильное слово. Оно означаетъ выраженія презрительности губами, какъ *ροκνηρίζω* ноздрями. Оно употреблено Аквилой въ Притч. XIV, 9, въ выраженіи „глупые смѣются надъ грѣхомъ“. Это не значить, что древніе вообще считали смѣшными мнѣнія о воскресеніи *души*; только ученіе о воскресеніи *тѣла* имъ казалось дѣтски наивнымъ. См. *Плин. Nat. Hist. VII, 55*; *Lucianus, De Mort. Peregr. 13*. Язычникъ Цецилій у Минуція Феликса (*Oct. II, 34*) говоритъ: *Oraculis fabulas adstruunt. Renasci se ferunt post mortem et cineres et favillas, et nescio qua fiducia mendaciis invicem credunt*. См. *Orig. с. Cels. V, 14*; *Arnob. II, 13*; *Athenag. De Resurr. III, 4*; *Tert. De Cap. Christi, 15* и пр.

1016) Въ словѣ *ἐγκαίρουν* (Дѣян. XVII, 21) слышится удачная игра словъ. Это не классическое слово, но оно означаетъ, что они были слишкомъ заняты важнымъ дѣломъ болтовни и сплетней, чтобы имѣть досугъ еще на что нибудь другое.

1017) „Педагогъ менѣе всѣхъ людей способенъ къ обращенію“ (*Ренанъ, 199*). „Необходимо болѣе чѣмъ чудо для того, чтобы обратить къ смиренію креста мудреца вѣка сего“. (*Quesnel*).

1018) Христіанское преданіе дѣлаетъ его епископомъ и мученикомъ (*Евсев. Церк. Ист III, 4; IV, 23*; *Никиф., III, 11*), и онъ постепенно превратился въ Сень-Дениса Франціи. Приписываемыя ему сочиненія о небесной іерархіи, объ именахъ Божіихъ и проч. относятся не ранѣе какъ къ пятому вѣку.

1019) *Ἀράλις* „красная телица“ — было бы аналогичнымъ именемъ съ Дорка и пр. Дамаръ — еще не встрѣчается нигдѣ и вѣроятно есть только другое произношеніе того же имени. Оно не имѣетъ никакого отношенія къ *δάμαρ*, хотя повело къ предположенію, что она была сирійскаго происхожденія. Достовернаго о ней ничего неизвѣстно.

1020) И однако же скептическіе критики постоянно утверждаютъ, что св. Лука нарочито измышлялъ имена знаменитыхъ обращенцевъ — чтобы прославить ап. Павла!... Всякій, кто сравнитъ Филостратову „жизнь Аполлонія Тіанскаго“ съ Дѣяніями Апостольскими, скоро увидитъ всю разницу между туманною повѣстью панегириста и простымъ повѣствованіемъ правдиваго біографа.

1021) Какъ можно заключать изъ 1 Тесс. III, 2. Присоединялся ли къ нему въ Афинахъ также и Сила и былъ ли отосланъ также назадъ (въ Верію)? *ἤμας* въ пользу этого предположенія, а *μόνοι* противъ него.

1022) Ренанъ указываетъ на указъ Юстиніана, закрывавшій афинскую кафедру философій 474 года спустя послѣ этого событія.

1023) *Цицер.* Legg. II, 10.

1024) Публий, 179 г. по Р. Хр.; Квадратъ (Церк. Ист. *Евсевія*, IV, 23); Аристидъ въ 126 и Аенинагоръ около 177 года по Р. Хр.

1025) Это вѣроятно было уже въ VI столѣтіи, когда Юстиніанъ закрылъ школы философій, Парменионъ былъ посвященъ Дѣвѣ Маріи и храмъ Тезея св. Георгію Каппадокійскому.

ГЛАВА XXVIII. 1026) *Stat. Theb.* VII, 106.

1027) Въ 44 г. до Р. Хр. *Павзан.* II, 1, 3; *Плут.* Caes. 57; *Страбонъ* VIII, 6.

1028) Мысль Матапанъ. У грековъ была пословица: „Прежде чѣмъ плыть вокругъ Мален, сдѣлай завѣщаніе“ (*Страбонъ*, VIII, стр. 368). „Formidatum Maleae caput“ (*Stat. Theb.* II, 33).

1029) 1 Кор. III, 12; *Hausrath*, 317.

1030) 'Επίσκοπος τοῦ ἀπελευθερωκοῦ γένους πλεῖστον (*Страбонъ*, VIII, 6).

1031) Въ это время вѣроятно съ нимъ былъ второй припадокъ его болѣзни (1 Кор. II, 3).

1032) 1 Кор. XV, 32; *Lucian*, Demonach, 57; *Philostr.* Apollon. IV, 22.

1033) *Исук.* подъ слов. Κορινθιάζεισθαι. Ветштейнъ (неисчерпаемый источникъ классическихкихъ примѣровъ въ поясненіе Нов. Завѣта, запасомъ которыхъ щедро пользовались всѣ позднѣйшіе писатели) и другіе ссылаются на *Ar. Plut.* 149; *Hor. Ep.* I, XVII, 36; *Athen.* VII, 13; XIII, 21, 32, 54; *Strabon*, VIII, 6, 20—21; XII, 3, 36; *Cic. De Rep.* II, 4 и *Aristid.* Or. III, 39 и пр.

1034) О числѣ рабовъ въ древнее время см. *Athenaeus*, VI, стр. 275 (изд. Casaubon).

1035) *Ювен.* VIII, 112; *Горац.* Ep. I, XVII, 36; *Страб.* VIII, 6; *Авин.* XIII, стр. 573, изд. Casaubon. Намекъ на безнравственность города можно еще и теперь слышать въ употребленіи слова „Коринѣяне“ въ отношеніи распутныхъ празднолюбцевъ.

1036) На театральной сценѣ коринѣяне обыкновенно изображались пьяными. *Aelian.* V. H. III, 15; *Athen.* X, 438; IV, 137; 1 Кор. XI, 21; *Hausrath.* 323.

1037) Аквила или Акила, іудей изъ Понта, переведшій Ветх. Зав. на греческій языкъ болѣе близко къ подлиннику, чѣмъ LXX, жилъ болѣе чѣмъ на столѣтіе позже, быть можетъ былъ внукомъ этого Аквилы. Понтій Аквила — это было знатное римское имя (*Цицер.* ad Fam. X, 33; *Свет.* Jul. 78); но этотъ Аквила могъ быть оттушенникомъ этого дома, а чтобы св. Лука допустилъ здѣсь ошибку, ставя его въ связь съ Понтомъ — это мнѣніе не имѣетъ за себя и тѣни правдоподобія (см. Дѣян. II, 9; 1 Петр. I, 1). Его настоящее имя могло быть *Онкелосъ* (Deutsch. Lit. Rem. стр. 336), гебраизированное изъ 'Ακυλας, или быть можетъ Ὠσλ, латинизированное въ Аквилу; но все это простыя соображенія, не имѣющія никакого значенія. Онъ былъ дѣлательмъ палатокъ, женатъ на дѣлательной и доброй женщинѣ, которая жила иногда въ Римѣ, иногда въ Коринѣѣ и иногда въ Ефесѣ (Дѣян. XVIII, 26, 1 Кор. XVI, 19; Рим. XVI, 3; 2 Тим. IV, 19); ап. Павелъ очень любилъ ихъ и они оказали чрезвычайно важныя услуги дѣлу христіанства. Прискилла вѣроятно была даже наиболѣе дѣлательною изъ нихъ, иначе она не была бы упомянута на первомъ мѣстѣ въ Дѣян. XVIII, 18, 26; Рим. XVI, 3; 2 Тим. IV, 19 (*Ewald*, VI, 489; *Plumptre*, Bibl. Studies. 417).

1038) Въ 52 году по Р. Хр. отношенія Іудей къ Риму начали становиться крайне тревожными (*Тац.* Ann. XII, 54); вмѣстѣ съ галлами и кельтами, изгнанными изъ Рима (въ 9 г. по Р. Хр.) по полученіи извѣстія о гибели Вара и его легіоновъ, и іудеямъ было при-

казано оставить Римъ. Светоній говоритъ: „Judeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Româ expulit“ (иудеи, крайне мятежныхъ по наущеніямъ Хреста, изгнали изъ Рима). *Claud.* 25. Былъ ли этотъ Хрестосъ какой-нибудь неизвѣстный коноводъ мятежа среди безчисленнаго іудейскаго населенія въ Римѣ, — столь многочисленнаго, что изъ іудейскаго квартала (Ghetto) за рѣкой Тибронъ не менѣе 8,000 человекъ подписали петицію противъ восшествія на престолъ Архелая (І. Флавій, *Antt.* XVII, 11, § 1), или это невѣжественное искаженіе имени Христа, — вопросъ этотъ невозможно рѣшить. Мы знаемъ, что христіанство очень рано было введено въ Римѣ (Рим. XVI, 7; Дѣян. XXVIII, 14), и знаемъ также, что гдѣ оно ни вводилось, тамъ начинались іудейскіе бунты (Дѣян. XVII, 13; XIV, 19; XIII, 50), и что римляне никогда не давали себѣ труда дѣлать разграниченіе между іудеями и христіанами. Впрочемъ возможно поэтому, что эти непрестанные мятежи возникали вслѣдствіе споровъ о Мессіи. Діонъ Кассій дѣйствительно и поправляетъ Светонія, и говоритъ, что іудеи настолько были многочисленны, что ихъ *нельзя было изгнать* безъ опасности и поэтому Клавдій ограничился закрытіемъ ихъ синагогъ (*Dio Cass.* LX, 6). Указъ быть можетъ былъ изданъ объ этомъ, но никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе; и Аквила быть можетъ былъ однимъ изъ тѣхъ іудеевъ, которые повиновались ему безъ особаго затрудненія по высказанной въ текстѣ причинѣ. Можетъ быть даже онъ предназначенъ былъ къ особому изгнанію въ качествѣ главнаго виновника возбужденія, если только, какъ предполагаютъ иные, онъ съ своей женой были основателями христіанства въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе указа было непродолжительно, такъ какъ вскорѣ потомъ мы опять встрѣчаемъ іудеевъ въ большомъ количествѣ въ Римѣ (Рим. XVI, 3; Дѣян. XXVIII, 17). Не невозможно, что указъ этотъ былъ тождественъ или былъ частью указа De Mathematicis Italiâ pellendis, о которомъ Тацитъ говоритъ какъ о atrox et irritum. Несомнѣнно указъ этотъ изданъ былъ въ это именно время (*Тац.* *Ann.* XII, 52), и многіе изъ іудеевъ, занимавшіеся всевозможными безчестными промыслами и дѣлами (І. *Флав.* *Antt.* I, 1), легко могли быть отнесены въ одинъ разрядъ съ „Mathematici“ (См. *Lewin*, *Fasti Sacri*, 1774, 5).

¹⁰³⁹) Несомнѣнное чтеніе въ Дѣян. XVIII, 5 есть συνεῖχτο τῷ λόγῳ „былъ побуждаемъ словомъ“, какъ свидѣлствуетъ большинство кодексовъ M, A, B, D, E, G, а не τῷ πνεύματι (какъ въ русск. перев.) „былъ понуждаемъ *духомъ*“. См. касательно слова συνεῖχτο Лук. XII, 50; 2 Кор. V, 14. Де-Ветте придаетъ этому выраженію значеніе „былъ озабоченъ“ (Вульг. instabat verbo), но едва ли вѣрно.

¹⁰⁴⁰) Дѣян. XVIII, 6 ἀντιπαρομένων... καὶ βλασφημούντων. См. „Жизнь І. Христа“, стр. 470.

¹⁰⁴¹) 1 Кор. XVI, 15 „начатокъ Ахаіи“ (въ Римл. XVI, 5 истинное чтеніе есть „*Асін*“). Фортунатъ и Ахаикъ были вѣроятно рабы или отпущенники, равно какъ и „семейство Хлои“; Терцій, который имѣлъ высокую честь быть писцомъ посланія къ Римлянамъ и Квартъ были вѣроятно потомки римскихъ ветерановъ, которые были первыми поселенцами города и быть можетъ младшими братьями Секунда. Луцій, Іасовъ и Сосипатръ были іудеи (Рим. XVI, 21).

¹⁰⁴²) Нѣтъ достаточныхъ основаній называть его Титіемъ Юстомъ, хотя къ этому и даютъ поводъ нѣкоторые кодексы и переводы: это зависѣло просто отъ созвучія въ ὀνόματι. Еще менѣе основаній отождествлять его съ Титомъ.

¹⁰⁴³) 2 Кор. X, 1, 10. Лютеръ, повидимому, глубоко знавшій жизнь ап. Павла, такъ отзывается о немъ: „Ein armes dürges Männlein wie unser Philippus“ (Жалкій сухенькій человекъ, какъ нашъ Филиппъ) (Меланхтонъ).

¹⁰⁴⁴) 1 Кор. II, 1—5. ἀνθρωπίνης — есть пояснительная глосса нѣкоторыхъ кодексовъ (A, C, I и др.).

¹⁰⁴⁵) *Renan*, *St. Paul*, стр. 219.

¹⁰⁴⁶⁾ 2 Кор. I, 1; Римл. XVI, 1. Ближайшими ахейскими городами были бы Лехей, Схепъ, Кенхрей, Кроммюнъ, Сикюнъ, Аргосъ.

¹⁰⁴⁷⁾ Терминъ проконсулъ исторически точенъ. Правительство Ахаіи такъ часто мѣнялось, что была бы извинительна и ошибка. Ахаія была проконсульскою при Августѣ; императорскою, на время, при Тиверіѣ (*Тац. Ann. I, 76*); проконсульскою послѣ 44 года по Р. Хр. при Клавдіѣ (*Свет. Claud. XXV*); свободою при Неронѣ (*Свет. Nero, 24*); и опять проконсульскою при Веспасіанѣ (*Свет. Vesp. VIII*). См. выше стр. 241 и Приложение XVI.

¹⁰⁴⁸⁾ „Dulcis Gallio“ (*Stat. Sylv. II, 7, 32*) См. Seekers after God. 16—21. Нѣтъ надобности упоминать здѣсь о нелѣпомъ мнѣніи, что Галліонъ посылалъ нѣкоторые изъ писаній ап. Павла къ своему брату Сенекѣ. Объ этомъ см. *Aubertin, Seneca et St. Paul*, стр. 117. Нѣтъ надобности также указывать на сходство между римскимъ философомъ и апостоломъ, о чемъ я уже говорилъ въ своемъ сочиненіи объ „искателяхъ Бога“, стр. 174—183, и вопросъ этотъ полно разработанъ у Ляйтфута (*Фил. 268—331*).

¹⁰⁴⁹⁾ Nemo mortalium uni tam dulcis est quam hic omnibus (*Сенек. Quaest. Nat. IV, praef. § 11*). Онъ посвящаетъ ему свои сочиненія De Ira и De Vita Beata, и намекаетъ на него въ Ep. CVI. Consol. ad Helv. 16.

¹⁰⁵⁰⁾ Gallionem, fratrem meum, quem nemo non parum amat etiam qui amare plus non potest (*Nat. Qu. IV, praef. § 10*).

¹⁰⁵¹⁾ Сенека (Ep. 104), въ знакъ его высшаго положенія, игриво называетъ его „Государь мой Галліонъ“. Онъ совершилъ самоубійство послѣ гибели его семейства въ заговорѣ противъ Нерона, хотя его жизнь была помилована при этомъ (*Тац. Ann. XV, 73; Dion. Cass. LXII, 25; Евсев. Chron. ad A. U. C. 818*).

¹⁰⁵²⁾ *Dion Cass. LX, 35*.

¹⁰⁵³⁾ Отсюда, хотя παρά τὸν νόμον ст. 13, означаетъ „противно іудейскому закону“ (си. ст. 15), она могла такимъ путемъ сдѣлаться подсудной римскому закону.

¹⁰⁵⁴⁾ Ст. 14 ἀδικησις — гражданское преступленіе; ἀντιθετικὴν — противонравственное дѣйствіе.

¹⁰⁵⁵⁾ Ζητήματα, какъ выражаются нѣкоторые кодексы. Римская презрительность къ этому Gens sceleratissima слышится въ каждомъ звукѣ „Государя Галліона“.

¹⁰⁵⁶⁾ Быть можетъ нигдѣ еще у древнихъ авторовъ, при всей ихъ нелюбви къ іудеямъ, не высказывается во всей полнотѣ и характерности тотъ взглядъ, съ которымъ римляне относились къ этому своеобразному народу, чѣмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тацитъ рассказываетъ, какъ импер. Тиверій сослалъ 4,000 отпущенниковъ, „зараженныхъ этимъ суевѣріемъ“, въ Сардинію съ цѣлю подавленія разбойничества на этомъ островѣ — но съ очевидной надеждой, что нездоровый климатъ поможетъ избавиться отъ нихъ — „et si, ob gravitatem caeli interissent, vile dampnum“ (*Ann. II, 85*). Светоній съ еще болѣе жестокимъ равнодушіемъ рассказываетъ, что Тиверій подъ предлогомъ военной службы разсылалъ ихъ по всѣмъ нездоровымъ областямъ, изгоняя остальныхъ подъ страхомъ обращенія въ рабство (*Свет. Tib. 36; I. Флав. Antt. XVIII, 3, § 5*).

¹⁰⁵⁷⁾ Дѣян. XXIII, 29; XXV, 19. Невѣжественный провинциализмъ судей въ Филиппахъ былъ слишкомъ низкаго свойства, чтобы понимать римскій законъ.

¹⁰⁵⁸⁾ Дѣян. XVIII, 17. πάντες, οἱ Ἕλληνες нѣкоторыхъ кодексовъ есть глосса манускриптовъ D, E, хотя и правильная.

¹⁰⁵⁹⁾ Я высказываю взглядъ, который мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, минуя массу праздныхъ соображеній. Если этотъ Сосеенъ тождественъ съ Сосееномъ 1 Кор. I, 1, то онъ вѣроятно впоследствии обратился въ христіанство; но это очень ходячее имя, и едва ли вѣроятно, чтобы послѣдовательно два начальника синагоги приняли новую вѣру.

¹⁰⁶⁰) „Tunc Gallio fingeat enim non videre“ (Ms. d).

¹⁰⁶¹) Палей (Hog Paul.) обращает внимание на правдивость, съ которою св. Лука рассказывает о высокоумномъ равнодушіи высокопоставленныхъ лицъ къ обстоятельствамъ, касавшимся жизни апостола. Но то, о чемъ „ни мало не беспокоился Галліонъ“, было не „царство небесное“, а избіеніе іудея со стороны грековъ.

¹⁰⁶²) Теперь уже никто не сомнѣвается въ подложности переписки между ап. Павломъ и Сенекой (*Fleury*, St. Paul and Sénèque, II, 300; *Aubertin*, Sénèque et St. Paul, 409; *Lightfoot*, Phil. 327; *Boissier*, La Religion Romain II, 52—104). Касательно сходства между ними см. *Seekers after God*, стр. 270 и др. Тамъ видно будетъ, какъ мало основанія для выраженія Тертуліана „Seneca saepe noster“.

ГЛАВА XXIX. ¹⁰⁶³) Я высказываю это только, какъ вѣроятное предположеніе. Что ап. Павелъ писалъ и другія посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ даже многія потеряны, это я считаю несомнѣннымъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы онъ (наприм.) не написалъ ни слова благодарности филиппійцамъ за пожертвованія, которыя они два раза посылали ему въ Фессалонику, или чтобы ничего не написалъ самимъ фессалоникийцамъ, когда посылалъ имъ Тимофея изъ Аѳинъ. Не показываетъ ли весь стиль этихъ посланій, что они были не первыми образцами этого рода сношеній? Нѣтъ ничего удивительнаго, если при смѣненіи тѣхъ временъ могли погибнуть письма, писанныя на непрочномъ матеріалѣ, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ могли и не имѣть отношенія къ ученію. Могъ ли бы ап. Павелъ сказать во 2 Фесс. III, 17 *ὅτι σήμερον ἐν πόλει ἐπιστολῆς*, если бы онъ написалъ только одно передъ тѣмъ?

¹⁰⁶⁴) *Casaubon*, *Adversaria* ap. Wolf, стр. 135.

¹⁰⁶⁵) *Иерон.* ad *Rammach* Ep. 48.

¹⁰⁶⁶) 1 Фесс. 16. *μικτά*. См. приложение I: „Стиль ап. Павла какъ показатель его характера“.

¹⁰⁶⁷) Что внѣшнія данныя вполне достаточны для доказательства подлинности посланія къ Фессалоникийцамъ, это можно видѣть у *Амфорда* III, *Prolegom.*; *Davidson*, *Introd.* I, 19—28; *Westcott*, *On the Canon*, 68, прим. 168 и пр. Внутреннія доказательства, выводимыя изъ слога и пр., непреодолимы (*Jowett*, I, 15—26). Противоположные доводы Керна, Шрадера, Баура и пр. основываются по обыкновенію на разногласіяхъ и совпаденіяхъ, на дѣйствительныхъ сходствахъ и предполагаемыхъ разнорѣчіяхъ, на утверждаемыхъ ссылкахъ и воображаемыхъ противорѣчіяхъ съ Дѣяніями Апостольскими, — и они молчаливо опровергаются въ текстѣ. Они не имѣютъ убѣдительной силы и находятъ немного послѣдователей; Бауръ (*Paul*, II, 85—97) въ значительной степени даетъ положительные аргументы противъ своихъ собственныхъ выводовъ. (См. *Linnemann*, *Bgr. an die Thessal.* 10—15). Гроцій, Эвальдъ, Бауръ, Бунзенъ, Давидсонъ и др. думаютъ, что это первое посланіе есть въ дѣйствительности второе; но гипотеза эта идетъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ данныхъ, совершенно излишня и создаетъ очевидныя затрудненія. Потребовались бы цѣлыя томы для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ теорій касательно каждаго посланія; но хотя у меня и нѣтъ мѣста для нихъ здѣсь, я всетаки съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ возбуждаемымъ ими затрудненіямъ и во многихъ случаяхъ косвенно показалъ основанія, заставляющія меня не придавать имъ значенія. Одинъ изъ наиболѣе неподражаемыхъ признаковъ его подлинности есть общее сходство тона между этимъ посланіемъ и тѣмъ, что написано было на десять лѣтъ позже къ другой главной македонской церкви—въ Филиппахъ (См. *Lightfoot*, въ словарѣ Смита).

¹⁰⁶⁸) Такъ въ 1 и 2 Фесс. 1, 2 Кор. и Гал. Но въ другихъ посланіяхъ *τοῖς ἀγίοις*.

¹⁰⁶⁹) Это прибавленіе быть можетъ неподлинно. Оно принадлежитъ къ 2 Фесс. I, 2 и прибавлено было потому, что привѣтствіе слишкомъ коротко. Такъ какъ мы теперь дошли

до перваго посланія ап. Павла, то я долженъ отослать читателя къ тому приложенію, въ которомъ дается списокъ прописныхъ манускриптовъ посланій, см. приложение XX.

1670) Сила и Тимофей упоминаются вмѣстѣ съ нимъ въ 2 Тесс.; Сосоевъ въ 1 Кор.; Тимофей въ 2 Кор., Филип., Кол. и Филим. Отъ своего собственнаго имени ап. Павелъ пишетъ только къ Римлянамъ и Лаодикійцамъ, каковыя церкви онъ не посѣщалъ лично. Оригенъ говоритъ, что сочетаніе Павла и Силы производило молнію этихъ посланій (Hom. V, in Ierem 588 b.).

1671) Въ 1 Тесс. III, 2, 6, и въ Филип. II, 19 говорится о Тимоѣѣ, хотя упоминается вмѣстѣ съ Павломъ въ привѣтствіи. 1 Тесс. II, 18 „мы... я Павелъ“.

1672) „Мы“ — есть характеристическая черта обоихъ посланій къ Тессалоникійцамъ. Въ 2 Тесс. единственное мѣсто, гдѣ оно переходитъ въ „я“ — есть II. 5.

1673) Это было бы неумѣстно въ частномъ письмѣ Филимону.

1674) Другая легкая особенность состоитъ въ томъ, что въ своихъ первыхъ двухъ посланіяхъ онъ говоритъ „церковь Тессалоникійцевъ“; между тѣмъ какъ въ слѣдующихъ трехъ онъ предпочитаетъ выраженіе „церковь въ“ такомъ-то и такомъ городѣ. Но это можетъ и не имѣть никакого значенія.

1675) Въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ онъ прибавляетъ слово *ἀγάπη* „милость“. Мы можемъ такъ сгруппировать особенности привѣтствій: 1) „апостолъ“ во всѣхъ посланіяхъ кромѣ Филип. и Филип.; 2) „церкви“ въ 1 и 2 Тесс., 1 и 2 Коринв., Гал.; 3) „церкви“ *такой-то* 1 и 2 Тесс.; но „церкви, находящейся въ“ такомъ городѣ 1 и 2 Кор., Гал. Во всѣхъ другихъ посланіяхъ „святѣмъ“; 4) „Благодать и миръ“ во всѣхъ кромѣ пастырскихъ посланій, въ которыхъ: „благодать, *милость* и миръ“.

1676) *Ἐν ᾧ*, quae est principium omnis boni; *ἐν ᾗ*, quae est finale bonorum omnium (Θома Акв.).

1677) Посланіе это, имѣющее главнымъ образомъ личный и практическій характеръ, можетъ быть анализировано слѣдующимъ образомъ: 1) I — III историческая часть. 2) IV, V — увѣщательная; каждая оканчивается молитвой: а) I, 1 Краткое привѣтствіе. I, 2—10. Благодареніе за ихъ обращеніе и святость. II, 1—12. Ссылка на нихъ въ отношеніи характера его служенія. II, 13—16. Новое выраженіе благодарности за ихъ твердость въ преслѣдованіяхъ и черная жалоба на іудеевъ. II, 17—III, 10. Его личныя чувства къ нимъ и посѣщеніе Тимоѣея. III, 11—13. Его молитва за нихъ. б) IV, 1—18. Предостереженіе отъ нечистоты. IV, 9—10. Увѣщаніе къ братской любви, и 11, 12 почетное трудолюбіе. IV, 13—V, 11. Единственно догматическая часть Посланія; IV, 13—8. Утѣшеніе касательно умершихъ. V, 1—11. Обязанность быть наготовѣ, такъ какъ пришествіе Господа близко, и время его неизвѣстно. V, 12—15. Обязанности ихъ другъ къ другу. 16—22. Духовныя увѣщанія. 23, 24. Его молитва за нихъ. 25—28. Послѣднія слова и благословеніе. Посланіе отличается простотою слога и отсутствіемъ положеній и развитаго ученія. Основной тонъ его „надежда“, какъ основной тонъ посланія къ Филиппійцамъ есть „радость“.

1678) *Ewald*, „Die Sendschreiben des Ap. Paulus, 19, 39 и пр. Можно пожалуй сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ особенностей зависятъ отъ обыденной стереотипной формулы корреспонденціи въ низшихъ классахъ. Такъ въ папирусныхъ свиткахъ Британскаго Музея (изданныхъ Форшаллемъ) мы находимъ такія фразы, какъ *εἰς τὸν ὅς τοις θεοῖς εὐχαριμένη διατελῶ*, и даже повидимому *σοὺ διὰ παντός πνεῖται ποιοῦμενοι*. Но постоянныя варіаціи ап. Павла показываютъ, какъ мало склоненъ онъ былъ къ простымъ формуламъ.

1679) „Habet haec Epistola meram quandam dulcedinem (*Bengel*).“

1680) Сн. Гал. V, 6. Такимъ образомъ въ самыхъ первыхъ строкахъ, какія только вышли изъ-подъ его пера, мы встрѣчаемся съ его основной трилогіей христіанскихъ добродѣтелей —

вѣры, надежды, любви. Сн. V, 8; Кол. I, 4; Еф. I, 15, 18; III, 17, 18, 20 и пр. См. *Reuss*, Theol. Chret. II, 240.

1081) Ап. Павелъ, подобно многимъ отличающимся глубиною чувства и впечатлительнымъ писателямъ, постоянно преслѣдуется однимъ и тѣмъ же словомъ, которое онъ и повторяетъ то и дѣло — *ἡ τις ἀκούοντας νεωτέρη ἀμφιπέληται ἀκούοντας*. Онъ употребляетъ слово *ἴνωμα* не менѣе восьми разъ, хотя, какъ замѣчаетъ епископъ Эликоттъ, онъ встрѣчается только двѣнадцать разъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ, кромѣ цитатъ изъ LXX. „Къ нему привязывается одно слово и онъ приводитъ его на страницахъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Но это не отъ скудости словъ: это отъ самоудовлетворенія духа и полного нерадѣнія къ правильности стили“ (*Renan*, стр. 233).

1082) *μιμηταί* „подражатели“.

1083) I, 6. Читатель замѣтитъ изысканную оригинальность мысли въ словахъ, *ἐν θλίψει πολλῇ μετὰ χαρᾶς Πνεύματος Ἁγίου*. Это не историческій оксिमоронъ, а знакъ новаго періода (*отъка*) въ исторіи міра.

1084) I, 8, *ἐζήχηται*. *ὃς ἐπὶ σάλπινγος λαμπρόν ἤχουστος* (Теофил.). При допущеніи теплоты чувства, подсказавшей это выраженіе, оно не представляетъ никакого затрудненія, когда мы вспомнимъ, что со времени его посѣщенія быть можетъ прошелъ уже годъ, и что Фессалоника была „posita in gremio imperii Romani“ (*Цицер.*), и стояла „на одномъ уровнѣ съ Коринѳомъ и Ефесомъ въ отношеніи торговли Леванта“.

1085) I, 10. *Ἀληθινῶς* (1 Иоан. V, 20). *Ζῶντι* въ противоположность мертвымъ людямъ и идоламъ (Прем. XIV, 15; Гал. IV, 8), которые суть просто *элими* „ничтожество“ (Лев. XIX, 4) и *габалимъ* „паръ“. Выраженіе это показываетъ, что Фессалоникская церковь состояла главнымъ образомъ изъ язычниковъ, что согласуется и съ Дѣян. XVII, 4, если читать *καὶ Ἑλλήνων* (см. выше стр. 340). Если мы опустимъ *καὶ*, то и тогда не будетъ еще противорѣчія, такъ какъ очевидно было обращено много язычниковъ, особенно женщинъ, а даже прозелиты вѣкогда были идолопоклонниками.

1086) 1 Фесс. II, 5, 9. Эти фразы не объясняются противоположностью съ *языческими* обманами; *ὅτιν τοῖς πιστεύουσιν* стиха 10 значить „хотя *другіе* не такъ относились къ нашему образу дѣйствія“.

1087) *Haustrath*, стр. 300; *μάγοι καὶ γόητες* (Теофил.); II, 3, *ἐν ὀσφ* (2 Кор. II, 17; IV, 2; XI, 13). *ἀκαθαρσία* можетъ означать только „нечистыя побужденія“ (напр. алчность; см. 2 Кор. XI, 8; 1 Тим. III, 8; Тит. I, 7); „Unlauterkeit, Beimischung menschlicher Begehrnisse“ (*Ewald*); стихъ 5, *πλεονεξία* (Дѣян. XX, 33; 1 Кор. IX, 15; 2 Кор. XII, 14).

1088) II, 8, *чит.* *δυνατόμενοι* *ἤ* A, B, C, D, E, F, G „лыня къ вамъ“; *προσδεόμενοι* (Теофил.); *ἀντεχόμενοι* *ὁμῶν* (Екумен.).

1089) II, 7, *ἡπιοι*, находится также во 2 Тим. II, 24. *νήπιοι* кодексовъ *ἤ* B, C, D, F, G есть очевидный примѣръ простаго совпаденія звуковъ.

1090) II, 7 *θάλαττα*.

1091) *ἐν βάραι εἶναι* — *operi esse*“ (Вульг.). Оно можетъ означать — быть повелительнымъ (πολλῆς ἀπολαύσαι τιμῆς, Златоустъ), но см. стихъ 9; 2 Кор. XI, 9; XII, 16; 2 Фесс. III, 8.

1092) II, 4, *δαδονιμασμεθα*.

1093) II, 9, *κόπος*, „дѣятельный трудъ“; *μόχθος* „стойкая выносливость въ трудѣ“.

1094) Ап. Павелъ употребляетъ обычное еврейское выраженіе (III, 10; 2 Фесс. III, 8 и пр.), которое возникло изъ мнѣнія, встрѣчаемаго въ древней пограничной клятвѣ, что „Богъ сотворилъ землю въ шесть дней и семь ночей“. Отсюда также слово *νοχθήμαρον*. Св. Лука, пиша отъ собственного лица, говоритъ „день и ночь“ (Дѣян. IX, 24). Тотъ

фактъ, что среди прозелитовъ были богатыя и знатныя женщины (Дѣян. XVII, 4), дѣлалъ это самоотреченіе еще болѣе поразительнымъ.

1095) II, 11, *ἐν ἑκαστῷ οἴκῳ*. Златоустъ говоритъ: *βάβαι ἐν τοσοῦτῳ πλῆθει μηδὲνα παραλίπευ*; но вѣроятно христіане въ Фессалоникѣ составили бы крайне малый по нашему времени приходъ.

1096) *ὁδὸς* опускается въ K, A, B, D и пр. „*Sous adjectio est haeretici*“ (т. е. Маркіона) — *Тертул.* adv. Marc. V, 15.

1097) *μη ἀρροκόντων*... *μη*, хотя и „преобладающая въ Новомъ Завѣтѣ частица“ (Элликоттъ), однакоже нѣсколько менѣе сурова, чѣмъ если бы онъ употребилъ *οὐκ*.

1098) Мгновенная огорченность противъ іудеевъ должна была быть необыкновенно сильною въ душѣ ап. Павла, если она заставила его прибѣгнуть къ такимъ словамъ. Мы какъ бы почти слышимъ отголосокъ здѣсь сильнаго негодованія, съ которымъ язычники относились къ іудеямъ, какъ ненавистникамъ рода человѣческаго („*Odium generis humani*“ — *Тас.* Н. V, 5; *Ювен.* Sat. XIV, 100), и такой взглядъ на нихъ (который Люпеману не удастся опровергнуть здѣсь) долженъ былъ причинять глубокую скорбь тому, кто оставался истиннымъ патриотомъ (См. Рим. IX, 1 — 5). Но торжество іудеевъ надъ нечестивой попыткой Калигулы было причиною крайняго возбужденія фанатизма среди нихъ.

1099) II, 14 — 16. Бауръ, доказывая, что это могло быть написано послѣ разрушенія Іерусалима, дѣлаетъ двойную ошибку. Во-первыхъ, онъ принимаетъ *ἡφθαήμεν* въ смыслѣ *ἡφθαήμεν*, что составляетъ ошибочную глоссу кодексовъ B, D; и во-вторыхъ онъ не видитъ нравственнаго смысла, который я старался выяснитъ. Гнѣвъ Божій нашелъ свое полное завершеніе въ полнотѣ ихъ преступности (Матѣ. XXVII, 25); приговоръ надъ ними тогда совершился. Онъ окончательно приведенъ былъ въ исполненіе въ паденіи Іерусалима, на восемнадцать лѣтъ позже, но были уже очевидны признаки, что исполненіе его не замедлитъ совершиться. Для проицательнаго взора ап. Павла начинавшіяся смуты въ Палестинѣ и недавнее предъ тѣмъ изгнаніе іудеевъ изъ Рима съ достаточностью могли оправдывать его выраженіе. Въ истиннопророческомъ духѣ онъ *неизбѣжное* рассматриваетъ какъ уже *дѣйствительное*. Возможно также, что ап. Павелъ имѣетъ въ виду великую бесѣду Христа (Матѣ. XXIII, 37—39; XXIV, 6, 16. Сн. Рим. I, 18. Дан. IX, 24).

1100) II, 17 *ἀπορρακόντες ἀφ' οἴκῳ*.

1101) Однажды повидимому въ Веріи, однажды въ Аѳинахъ. Сатанинскимъ препятствіемъ въ Веріи могли быть іудейскія гоненія, въ Аѳинахъ — слабость здоровья (Сн. Рим. XV, 22). Онъ пишетъ обращенцамъ изъ язычниковъ, и потому, нужно замѣтитъ, онъ не приводитъ ни одного мѣста изъ ветхаго завѣта, съ которымъ они конечно тогда еще могли быть мало знакомы; но отнесеніе испытаній, болѣзни и разныхъ затрудненій на счетъ сатаны и теперь можно замѣтитъ на востокѣ въ оборотахъ народной рѣчи. Даже въ Библии слово „сатана“ иногда прилагается ко „всякому противнику“ или „враждебному вліянію“ (Ср. 1 Парал. XXI, 1 с. 1 Цар. XXIV, 1). „Діаволъ“ *ὁ διάβολος*, въ отличіе отъ нечистыхъ духовъ — *δαίμονες*, употреблено ап. Павломъ только въ Ефес. IV, 27; VI, 11; и три раза въ посланіяхъ къ Тимоѳею. Гдѣ онъ находилъ препятствіе сатанинскимъ, онъ исполнялъ свое намѣреніе въ другой разъ; а гдѣ оно было божественнымъ запрещеніемъ (Дѣян. XVI, 6, 7), онъ окончательно оставлялъ его. Дѣян. XXI, 4 есть единственное кажущееся исключеніе.

1102) Онъ употребляетъ здѣсь метафору *σάλισσα* — отъ ласкающей робости пугливыхъ животныхъ; въ другихъ мѣстахъ онъ употребляетъ метафору *στέλλω* „поднимать паруса для верхняго вѣтра“. Тимоѳею онъ называетъ „соратникомъ Божиимъ“ (*συνεργὸν τοῦ Θεοῦ*), но выраженіе это измѣнено въ нѣкоторыхъ манускриптахъ, вслѣдствіе его смѣлости (1 Кор. III, 9; 2 Кор. VI, 1).

¹¹⁰³) III, 5 μή πως ἐπείρασεν... καὶ εἰς κενὸν γένηται.

¹¹⁰⁴) II, 17 — III, 13. Παρουσία встрѣчается шесть разъ въ этихъ двухъ посланіяхъ, и кромѣ ихъ только въ 1 Кор. XV, 23. Слово „пришествіе“, „adventum“ впервые встрѣчается будто бы въ *Тертулл.* De Resurrect. 24. „Святые“ повидимому относятся не къ ангеламъ (Пс. LXXXVIII, 7; Матѣ. XVI, 27; Іуд. 14 и пр.), такъ какъ ап. Павелъ не употребляетъ такого названія въ отношеніи къ ангеламъ (*κεδουσίμz*, пс. CXXXVIII, 7), а къ упоминаемымъ въ IV, 16; 1 Кор. VI, 2.

¹¹⁰⁵) ἐρωτήσαν какъ въ V, 12; 2 Θεсс. II, 1; слово это употреблено только еще въ посланіи къ другой его македонской церкви (Филип. IV, 3).

¹¹⁰⁶) *Cic.* pro Caelio, 48; *Hor.* Sat. I, II, 32; *Ter.* Adelph. I, II, 21; *Jer.* Ep. 77; *Aug.* De Civit. Dei XIV, 18.

¹¹⁰⁷) Ст. 7, ὁδ... ἐπὶ ἀκαθαρσίᾳ ἀλλ' ἐν ἀγαπῇ.

¹¹⁰⁸) IV, 4. Точное значеніе выраженія εἰδέναι ἑκάστον ὁμῶν τὸ αὐτοῦ σκεῦος κτᾶσθαι и пр остается неизвѣстнымъ. Я придамъ то, что было бы прекраснымъ и сильнымъ значеніемъ этихъ словъ, но нельзя считать за достовѣрное, что σκεῦος означаетъ „тѣло“ (сн. 2 Кор. IV, 7, Злат., Теофил., Икумен., Θεодор., Тертулл. и большинство новѣйшихъ писателей). Такое пониманіе я однакоже считаю какъ наиболѣе вѣроятное (сн. 1 Цар. XXI, 5; 2 Кор. IV, 7). Такъ ἀγγέιον употребляется въ смыслѣ „тѣла“ у Филона, vas — у латинскихъ писателей (сн. *Cic.* T. Disp. I, 22; *Lucr.* III, 44). Θεодоръ Мопсуетскій и Августинъ придаютъ ему значеніе „его собственная жена“; въ такомъ случаѣ сохранило бы свое значеніе внушеніе къ духу цѣломудрія и продолжалось бы въ святомъ бракѣ (Евр. III, 4). Этотъ взглядъ въ послѣднее время былъ принятъ Шоттомъ, Де-Ветте и др., какъ раньше Θ. Аквинатомъ и Эстіемъ. Въ пользу его еврейское וְאִשָּׁתוֹ въ смыслѣ „жена“ (сн. раввинскіе примѣры у Шёттгена, Ног. Hebr. ad loc.) и фраза κτᾶσθαι γυναῖκα (Сирах. XXXVI, 29; сн. Еф. V, 28; 1 Кор. VII, 2; 1 Петр. III, 7). Но поняли ли бы ессалоникійцы, женщины которыхъ занимали гораздо болѣе высшее и свободное положеніе, чѣмъ женщины на востокѣ, этотъ нѣсколько отталкивающий ориентализмъ? Было ли бы употребленіе его достойно утонченности ап. Павла и не говорить ли онъ, какъ замѣчаетъ Θεодоритъ, не только къ семейнымъ людямъ, но и къ безбрачнымъ и женщинамъ?

¹¹⁰⁹) *Чит.* διδοῦναι ἅ, B, D, E, F, G.

¹¹¹⁰) IV, 1 — 8 Греческіе комментаторы думаютъ, что онъ разумѣетъ здѣсь не только прелюбодѣяніе, но и болѣе глубокія бездны нечестія (См. *Döllinger*, Judenthum und Heidenthum).

¹¹¹¹) Этотъ видъ παράλειψις (или praeteritio), замѣченный здѣсь Теофилаксомъ, есть риторическая фигура, составляющая отличительную черту любезности ап. Павла (сн. V, I; 2 Кор. IX, 1; Филип. 19). Но фраза эта означаетъ также, что *легче* учить христіанина добродѣтели, чѣмъ искоренять преступныя привычки.

¹¹¹²) Одинъ изъ счастливыхъ оборотовъ выраженія ап. Павла (*оксиморонъ*, Рим. XII, 11; ср. Ис. XXX, 7).

¹¹¹³) Это показываетъ, что ессалоникійскіе обращенцы были главнымъ образомъ ремесленники.

¹¹¹⁴) Что язычники въ это время обыкновенно мрачно смотрѣли на смерть, не смотря на неясныя надежды и великолѣпныя гаданія, это несомнѣнно. „Mortuus nec ad Deos, nec ad homines acceptus est“ (Corp. Inscr. I, 118; *Boissier*, La Rel. Rom. I, 304 и сл.). См. болѣе древній греческій взглядъ. *Эск.* Еум. 648 и пр. Тѣнь Ахиллеса говоритъ Одиссею въ аду: „Не говори о царствованіи въ этомъ печальномъ мракѣ; не думай, что пустыя слова облегчатъ мою долю; гораздо лучше сносить бремя скорбей и дышать свѣжимъ воздухомъ,

быть работою послѣдняго поденщика, едва зарабатывающаго себѣ хлѣбъ, чѣмъ быть неограниченнымъ царемъ мертвыхъ“.

1115) IV, 14. Если διὰ τοῦ Ἰησοῦ братъ съ κοιμηθέντας „уснувшихъ о Иисусѣ“. Сн. Дѣян. III, 16; Рим. I, 8; V, 11; 2 Кор. I, 5 и пр.

1116) „Quasi eo ipso loquente“ (Beza). Такъ какъ это едва ли можетъ быть отнесено къ Матѣ. XXIV, 31 и должно быть сравниваемо съ еврейскою фразою (3 Цар. XX, 35 и пр.), то мы можемъ понять ее или въ отношеніи къ незаписанному изреченію Христа или къ особому откровенію апостолу. Эвальдъ однакоже говорить (Sendschr. 48) „Aus Christusworten die ihnen gewiss auch schriftlich vorlagen“.

1117) Архангелъ упоминается только здѣсь и въ Іуд. 9.

1118) Образъ этотъ заимствованъ изъ Исх. XIX, 16.

1119) Эти слова будутъ объяснены ниже.

1120) IV, 13—18. Эти стихи составляютъ руководящій *мотивъ* посланія.

1121) V, 1, περί διὰ τῶν χρόνων καὶ τῶν καιρῶν.

1122) V, 2, ἀκριβῶς.

1123) V, 4, Α, Β читаютъ κλέπτας, что произвело бы нѣкоторое измѣненіе въ метафорѣ. „Weil der Dieb nur in und mit der Nacht kommt, vom Tage aber überrascht wird“ (Эвальдъ). Сн. Матѣ. XXIV, 37; Рим. XIII, 11—14.

1124) Зародыши сильной и прекрасной фигуры всеоружія христіанина, вполне развитой въ Ефес. VI, 13—17; Рим. XIII, 12 (Сн. Прем. V, 18; Варух. V, 12).

1125) *Pfleiderer*, I, 276; Рим. VI, 23; 1 Кор. XV, 22 и пр. Сн. *Reuss*, Theol. Chret. II, 214.

1126) Эти неопредѣленные термины, повидимому, показываютъ, что церковная организація церкви была еще неустойчива.

1127) V, 15, сопоставъ съ *Сопф.* Philoct. 679.

1128) Быть можетъ „отъ всякаго злаго явленія“, отъ всего, что имѣетъ худой видъ: быть можетъ относится къ худымъ γένη духовнаго ученія.

1129) Ст. 16 — 21. Въ чемъ они пужались это — διακρίσις πνευμάτων (1 Кор. XII, 10; Евр. V, 14), и въ томъ, чтобы быть διόκτοι τραπεζίται.

1130) V, 23, обра „тѣло“; ψυχὴ — вся человѣческая жизнь съ ея способностями; πνεῦμα — божественно вднутый духъ, высшая область жизни. Ὁλοκατελες, ἐλόκληροι (Jak. I, 4). *Trench*, Synop, p. 70.

1131) Τοὺς ἀδελφοὺς πάντας должно означать „одинъ другаго“ какъ въ Рим. XVI, 16; 1 Кор. XVI, 20; 2 Кор. XIII, 12; 1 Петр. V, 14, если только эти заключительныя строки не обращены специально къ старѣйшинамъ. О „цѣлованіи любви“ — восточномъ обычаѣ — см. *Bingham*, Antiq. III, 3, 3; *Hooker*, Pref. IV, 4.

1132) Это сильное заклинаніе быть можетъ стало необходимымъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ несогласій между обращенцами и руководящими членами общины, на которыя намекаетъ апостолъ въ V, 12—15. Нѣкоторыя вліятельныя личности, которымъ письмо было впервые передано, могли чувствовать склонность скрыть нѣкоторыя его части, съ которыми они не соглашались или которыя повидимому осуждали ихъ воззрѣнія или ихъ образъ дѣйствій. Тимоѣей могъ принести извѣстіе, что какое-нибудь прежнее письмо апостола къ той или другой церкви не получило надлежащей гласности. Какъ легко это могло быть на самомъ дѣлѣ, мы видимъ изъ 3 Іоан. 9: „Я писалъ церкви; но любящій первенствовать у нихъ, Диотрефъ, не принимаетъ насъ“ (см. *Эвальдъ*, Sendschr. p. 51). Діонисій Коринѣскій жалуется на искаженіе его собственныхъ писемъ (*Евсеев*. Ц. II, IV, 23). Ап. Павелъ вообще испрашивалъ молитвы о себѣ въ концѣ письма (Ефес. VI, 19; Кол. IV, 3; 2 Тим. III, 1).

1133) Эта γυφίστρα или печать подлинности, съ нѣкоторыми варіаціями, находится въ концѣ всѣхъ посланій ап. Павла. Такъ:

а) Въ 1 Θεсс. V, 28; 1 Кор. XVI, 23 мы имѣемъ: „благодать Господа нашего Иисуса Христа съ вами“, къ чему слово „всѣми“ прибавлено во 2 Θεсс. III, 18; Рим. XVI, 24; Филип. IV, 23.

б) Въ Филип. 25; Гал. VI, 18 мы имѣемъ: „благодать Господа нашего Иисуса Христа съ духомъ вашимъ“ („братія“ Гал.).

в) Въ Кол. IV, 18; 1 Тим. VI, 21; 2 Тим. IV, 22 мы имѣемъ самую коренную форму: „благодать съ вами“ (тобою), къ чему въ Тит. III, 15 прибавлено „со всѣми“

г) Въ Ефес. VI, 24 мы имѣли варіацію: „благодать со всѣми, неизмѣнно любящими Господа нашего Иисуса Христа“ и во 2 Кор. XIII, 14 только полное „апостольское благословеніе“.

Надписанія, приданныя посланіямъ въ гораздо позднѣйшій періодъ, по большей части не имѣютъ значенія (*Paley*, *Hogae Paulinae*, гл. XV).

1134) Бауръ (*Paul*, II), Кернъ (*Tüb. Zeitschr.* 1839), Ванъ-деръ-Ваайеръ (*Die beiden Briefen aan de Thessal.* Де-Ветте (*Einleit.*), Фолькмаръ, Целлеръ и др., и Тюбингенская школа вообще, кромѣ Гильгенфельда (*Die Thessalonicherbriefe*), отвергаютъ оба посланія къ Θεσσαλονικійцамъ, какъ неподлинныя, и Бауръ называетъ первое посланіе „*mattes Nachwerk*“. Я тщательно изучилъ ихъ аргументы, но они кажутся мнѣ столь легкими, что едва ли заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Затрудненія, создаваемыя отверженіемъ этихъ посланій, въ десять разъ болѣе, чѣмъ тѣ, которыя вызываются ими. Если не предубѣжденный ученый, знакомый съ предметомъ, не можетъ *чувствовать* біенія сердца ап. Павла въ каждомъ предложеніи этихъ посланій, то едва ли его можно убѣдить какимъ нибудь аргументомъ. Видѣнія данныя (*Iren.* Haer. V, 6, 1; *Clem. Alex. Paedag.* I, p. 109, изд. Potter; *Tert. De Ressurg. Carnis*, гл. 24), хотя и достаточно сильны, едва ли даже требуются. Не только Бузенъ, Эвальдъ и др., но даже Гильгенфельдъ (l. c.), Гольдманъ (*Thessal.* у Шенкеля въ *Bibel-Lexicon*), Пфлейдереръ (*Paulinism.* 29), Гаусратъ, Вейссе, Шмидтъ и пр. принимаютъ первое.

1135) Мы находимъ въ собственныхъ словахъ ап. Павла болѣе чѣмъ достаточное доказательство, что ученіе его искажалось и поносилось, и ап. Петръ даетъ намъ прямо положительное увѣреніе, что такъ и было (2 Петр. III, 16).

1136) Преданіе должно бы имѣть нѣкоторый вѣсъ, и πρὸς Θεσσαλονικαῖς β' есть чтеніе Α, Β, Δ, Ε, Γ. Внутреннія данныя также (мы обращали вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ) кажутся мнѣ имѣющими рѣшающее значеніе.

ГЛАВА XXX. 1137) Читатель будетъ пораженъ близкой аналогіей этого искушенія съ тѣмъ, которое причинило столько бѣдъ среди анабаптистовъ и другихъ сектъ во времена Реформациі. Θεσσαλονικійская церковь могла также имѣть своихъ Карштадтовъ, которыхъ ап. Павлу необходимо было предостерегать, со всею силою своею мужественнаго смысла, противъ грубыхъ религіозныхъ заблужденій, получившихъ свой источникъ въ извращеніи его собственнаго ученія.

1138) Ἐπιφάνεια τῆς παρουσίας.

1139) 1 Θεсс. IV, 15 ἡμεῖς... οὐ παρὶ αὐτοῦφθίσιν—ἀλλὰ τοὺς πιστοὺς λέγει (Злат.).

1140) Онъ никогда въ своихъ объясненіяхъ не измѣняетъ своихъ взглядовъ — на томъ лишь основаніи, что они подверглись извращенію, а просто выставляетъ ихъ въ полномъ и собственномъ значеніи.

1141) μὴ ταχέως σαλευθῆναι ἀπὸ τοῦ νοῦς (2 Θεсс. II. 2).

1142) ἀνέστηκεν.

1143) Какъ справедливо замѣчаетъ Бауръ (Paulus, II, 94). Но полагать, что поэтому посланіе это не можетъ принадлежать ап. Павлу — въ высшей степени некритично. Кромѣ того, хотя въ немъ и нѣтъ другихъ „догматическихъ идей“, которыя выставлялись бы съ особенною выразительностью, но сами по себѣ „догматическія идеи“ *предполагаются* въ каждой строкѣ.

1144) Указанія на второе пришествіе: 1 Фесс. I, 9, 10 — „вы обратились къ Богу.... ожидать съ неба Сына Его“; 1 Кор. I, 7 — „ожидаю явленія Господа нашего Иисуса Христа“; (сн. 2 Фесс. III, 5); 1 Кор. XV, 51 — „не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся“ (сн. 1 Фесс. IV, 15—17); Іак. V, 8, 9 — „пришествіе Господне приближается... вотъ, судія стоитъ у дверей“; 1 Петр. IV, 7 — „близокъ всему конецъ“; 1 Іоан. II, 18 — „и теперь явилось много антихристовъ, то мы и познаемъ изъ того, что послѣднее время“: Откр. XXII, 20 — „ей, граду скоро“. Объ изреченіяхъ Спасителя, на которыхъ быть можетъ было основано это „ожиданіе“ (Матв. XXIV, 29, 30, 34), см. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 482 и сл. Съ другой стороны, если ап. Павелъ имѣлъ въ виду возможность дожить до дня Господня, то онъ видѣлъ также, что хотя день этотъ былъ близко, но наступалъ все-таки не немедленно (2 Кор. IV, 14; 2 Фесс. II; Рим. XI, 24—27) и въ позднѣйшій періодъ скорѣе ожидалъ уже своей смерти (Филип. I, 20 и 23).

1145) Judenth. u. Heident. IX, ad. f.

1146) Боязнь какой-то угрожающей міровой катастрофы, предшествуемой чудовищными явленіями, въ это время была всеобщей (*Tac. Ann.* VI, 28; XII, 43, 64; XIV, 12, 22; XV, 22; *Hist.* I, 3; *Soc. Nero*, 36, 39; *Dion. Cass.* LX, 35; LXXI, 16—18 и пр.). *Haus-rath*, N. Zeitgesch. II, 108; *Renan*, L'Antechrist, p. 36; „Въ народѣ только и говорили: что о чудовищныхъ явленіяхъ и бѣдствіяхъ“.

1147) 1 Кор. XV, 51, о чтеніи см. стр. 467 съ относящимися примѣч.

1148) 1 Кор. VI, 14. Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, одно мѣсто изъ Талмуда бросаетъ въ высшей степени важный свѣтъ на мнѣнія ап. Павла, которыя, по такому предмету — гдѣ всякое особое озареніе устранялось — неизбѣжно окрашены были тономъ возрѣній, господствовавшихъ въ его народѣ: „Когда придетъ Мессія?“ спросилъ равв. Іошуа Бенъ-Лэвъ у Іліи Фесвитянина. „Пойди и спроси Его самого“. — „Но гдѣ же Онъ?“ — „У воротъ Рама“. — „Какъ же я узнаю Его?“ — „Онъ сидитъ среди больныхъ бѣдныхъ“ (Раши приводитъ Ис. LIII, 5). Всѣ другія перемѣняютъ свои перевязки на своихъ „ранахъ“ сразу, а Онъ перемѣняетъ ихъ постепенно, чтобы, въ случаѣ зова, не могло замедлиться Его пришествіе“. Равв. Іошуа Бенъ-Лэвъ пошелъ къ Нему и привѣтствовалъ Его словами: „Миръ тебѣ, раввуні, мой учитель“. „Миръ тебѣ, сынъ Лэва“ — былъ отвѣтъ Мессіи. „Когда придетъ Учитель?“ спросилъ раввинъ. „Сегодня“, былъ отвѣтъ. Въ то время какъ раввинъ окончилъ этотъ разговоръ Іліи, солнце закатилось. „Какъ?“ спросилъ раввинъ: „Онъ не пришелъ! Развѣ онъ солгалъ мнѣ?“ — „Нѣтъ“, сказалъ Ілья: „Онъ разумѣлъ--сегодня, если вы услышите голосъ Его“ (Пс. XCIV, 7). *Sanhedr. f.* 98, 1. Разговоръ этотъ заключаетъ въ себѣ ту же истину, какъ и знаменитое замѣчаніе бл. Августина: „Ergo latet ultimus dies, ut obseventur omnes dies“, что было сказано также равв. Еліезеромъ.

1149) См. *Reuss*, Theol. Chret II, 11.

1150) 1) Привѣтствіе, 2 Фесс. I, 1, 2; 2) Благодареніе, вмѣстѣ съ утѣшеніемъ, извлекаемымъ изъ пришествія Христа; I, 3—12; 3) догматическая часть, которую въ этомъ случаѣ составляетъ замѣчательный и единственный отдѣлъ о человѣкѣ грѣха II, 1—12; новое благодареніе съ увѣщаніями, оканчивающееся молитвой, II, 13—17; 4) практическая часть, состоящая въ просьбѣ о ихъ молитвахъ, III, 1—5; 5) увѣщанія и извѣщенія, также оканчивающіяся молитвой, III, 6--16; 6) собственноручное заключеніе и благословеніе, III, 17,

18. Эти отдѣлы однако же не имѣютъ строгаго и формальнаго характера; одинъ отдѣлъ естественно переходитъ въ другой безъ всякаго замѣтнаго скачка. Каждая изъ молитвъ (II, 16; III, 16) начинается тѣми же самыми словами, *Αὐτός δὲ ὁ Κύριος*.

1151) Этимъ точно обозначается время написанія этого посланія, какъ написаннаго въ Коринѣхъ вскорѣ послѣ перваго. Сила перестаетъ быть соработникомъ ап. Павла и видимо присоединяется къ ап. Петру, послѣ посѣщенія Иерусалима въ концѣ двухгодичнаго пребыванія въ Коринѣхъ. Умственные и религіозныя склонности Силы вѣроятно болѣе согласовались съ старыми апостолами, пославшими его въ Антиохію, чѣмъ съ ап. Павломъ.

1152) *ὑπεραυξάνει*. Особенностью восторженнаго стиля ап. Павла отчасти является то, что онъ любилъ сложные слова съ *ὑπερ*, какъ напр. *ὑπεροχή*, *ὑπερῶν*, *ὑπερβάλλω*, *ὑπερεκπερισσοῦ* и проч.

1153) 2 Θεсс. I, 4 *ἡμᾶς αὐτούς*.

1154) Это сильный аргументъ противъ взгляда Эвальда, что посланіе это было писано изъ Верин; но оно не доказываетъ, какъ говоритъ I. Златоустъ, что должно было пройти значительное время. Такъ какъ онъ писалъ изъ Коринѣа, то были еще церкви какъ въ Македоніи, такъ и въ Ахаіи, на которыя и указываетъ ап. Павелъ. Едва ли можно сомнѣваться, что посланіе это было написано въ концѣ 53 или въ началѣ 54 года по Р. Х.

1155) *ἀνασιν*.

1156) Исх. III, 2; XIX, 18; XXIV, 17; 2 Парал. VII, 1 и пр. *κ, Α, Κ, Ι* имѣютъ — *πρὶ φλογός*.

1157) I, 9. Это единственное во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла мѣсто, гдѣ его эсхатологія касается будущности нераскаянныхъ. Когда I. Златоустъ торжественно спрашиваетъ: „Гдѣ же Оригенисты?“ Онъ называетъ разрушеніе *αἰώνων* его собственныя замѣчанія въ другихъ мѣстахъ показываютъ, что онъ едва ли самъ не могъ не видѣть, что эта его риторика о „домостроительствѣ“ могла звучать убѣдительно только для его слушателей, но нисколько не относилась къ серьезнымъ взглядамъ Оригена. Нужно замѣтить, что 1) *διδοῦναι ἰκετικῶς* (сн. 2 Парал. XXII, 48, LXX) не означаетъ „отомщать“. 2) Огонь не есть огонь наказанія, но Шехина — слава Пришествія (Дан. VII, 9; Исх. III, 2). 3) Тѣ, о комъ говорится, не грѣшники вообще, а злонамѣренные враги и гонители. 4) Возмездіе не есть „погибель“, а „погибель отъ лица Господня“, т. е. отстраненіе отъ блаженнаго видѣнія. 5) „Вѣчная погибель“ въ этомъ мѣстѣ происходитъ при первомъ явленіи Христа, а не въ послѣдній день Страшнаго суда.

1158) Они будутъ внушать удивленіе, потому что не будутъ въ тотъ день отражать его сіяніе.

1159) I, II, *πληρώσει εὐδοκίαν ἀγαθωσύνης*. *Ἐυδοκία* часто относится къ Богу (Ефес. I, 5, 9 и пр.), но *ἀγαθωσύνη*, четыре раза употребленная ап. Павломъ, есть „нравственная и человѣческая доброта“, классическая *χρηστότης*. Слово это заимствовано у LXX (См. Екклес. IX, 18).

1160) Тутъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, переводы дѣлаются съ подлинника и въ терминахъ, которые дали бы возможность легче понять текстъ современному читателю.

1161) *ὑπερ* въ Нов. Завѣтѣ не есть заклинаніе, и однакоже нѣсколько сильнѣе *πρὶ*.

1162) Очевидный намекъ на 1 Θεсс. IV, 17. Существительное *ἐπισυναγωγή* встрѣчается только въ Евр. X, 25, но глаголъ въ Мате. XXIII, 37. XXIV, 31 „какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья“ (сн. Иоан. XI, 20).

1163) Т. е. посредствомъ изреченія, выдаваемого за вдохновенное. „Различеніе духовъ“ или испытаніе, какія изреченія боговдохновенны, а какія нѣтъ, было однимъ изъ наиболѣе важныхъ *χρίσματα* въ первенствующей церкви.

1164) Комментаторы отъ Іоанна Златоуста до Θεодорита почти всѣ единогласно понимаютъ это въ томъ смыслѣ, что по этимъ предметамъ было составлено подложное письмо отъ имени ап. Павла и оно увеличило возбужденіе ессалоникійцевъ. Мнѣ кажется, будетъ вполне соответствующимъ этому выраженію, если мы сдѣлаемъ болѣе вѣроятное предположеніе, что между ними ходило письмо—быть можетъ анонимное, а быть можетъ и съ совершенно честными намѣреніями—которое выдавало себя за точное воспроизведеніе его воззрѣній, въ дѣйствительности же перетолковывало ихъ.

1165) Ἐνεστέληενъ можетъ имѣть значеніе—наступилъ уже (Рим. VIII, 38; Гал. I, 4 и пр.). Τινὲς γὰρ προφητεύοντες ἐπλάκων τὸν λαὸν ὡς ἤδη παρόντος τοῦ Κυρίου (Θеодор.). Τὰ ἐνεστέληα означаетъ „настоящее“. См. Рим. VIII, 38; 1 Кор. III, 22.

1166) Онъ намѣренно пропускаетъ слова „Господь не придетъ“. (Въ русск. переводѣ курсивомъ вставлены въ текстъ слова: *ибо день тотъ не придетъ*).

1167) Откровеніе антихриста.

1168) Конецъ котораго есть погибель (Филип. III, 19; Іоан. XVII, 12).

1169) Человѣческій сатана или противникъ (*Renan*, p. 255).

1170) ὑπεραιρόμενος... ἐπὶ, быть можетъ „чрезвычайно превозносится“ или „величается“.

1171) Καθίστη... εἰς,—constructio praegnans (см. мой *Brief Greek syntax*, § 89). Ὡς θεὸν опущено въ Ѳ, А, В, D и пр. Ναὺν сильнѣе ἱερὸν, чѣмъ и естественно могло быть понимаемо только о храмѣ іудейскомъ.

1172) „Tantum qui nunc tenet (teneat) donec de medio fiat“ (*Tert. De Resurr. Carn.* 25).

1173) Ис. XI, 4; Прем. XI, 20, 21. Раввинское выраженіе: „Prima adventus ipsius emissio“ (*Bengel*).

1174) Ἐν вѣроятно подложно, потому что опущено въ Ѳ, А, В, D, F, G.

1175) Чит. Πάπται Ѳ, А, В, D, F, G. „Дѣйствіе заблужденія“ — это карательная слѣпота, отнятіе разума передъ наказаніемъ.

1176) 2 Θεсс. II, 1—12. При переводѣ этого мѣста необходима тщательная справка съ манускриптами.

1177) ἀπ' ἀρχῆς (Ефес. I, 4). В, F, G имѣютъ ἀπαρχήν „какъ начатокъ“; но это не такъ (Дѣян. XVI).

1178) εἰς περιποίησιν δόξης „для достиженія славы“; см. 1 Θεсс. V, 9; Евр. X, 39.

1179) Намекъ на его борьбу съ іудеями въ Коринѣхъ. „Synagogas Judaeorum fontes persecutionum“ (*Tert. Scorp.* 10), ἀτοπος только въ Лук. XXIII, 41 и въ Дѣян. XXVIII, 6.

1180) Т. е. въ терпѣніе, подобно Его терпѣнію.

1181) Эти внушенія болѣе выразительны, властны и точны, чѣмъ въ первомъ посланіи; другой знакъ, что это слѣдовало за тѣмъ. παραγγέλλω гораздо сильнѣе чѣмъ ἐρωτῶ, и въ этомъ посланіи встрѣчается четыре раза (III, 4, 6, 10, 12), а въ другихъ его посланіяхъ только въ 1 Θεсс. IV, 11; 1 Тим. VI, 13; 1 Кор. VII, 10; XI, 17.

1182) 2 Θεсс. III, 11, οὐκ ἐργαζομένους ἀλλὰ περιεργαζομένους (см. стр. 815 „Риторика ап. Павла“).

1183) Καλοποιούντες—„ведя себя прекрасно“; „дѣлая добро“—будетъ ἀγαθοποιούντες (см. 2 Кор. VIII, 21).

1184) III, 17, 18. Эта удостовѣрительная собственноручная подпись, излишняя въ первомъ письмѣ, стала необходимою потому, что стало распространяться и принималось на вѣру не авторизованное имъ сообщеніе, на которое намечается во II, 2. Выразеніе „во всякомъ посланіи“ показываетъ, что апостолъ намѣренъ съ этихъ поръ часто писать церквамъ Конечно, посланія, отправлявшіяся съ довѣренными посланными (напр. 2 Кор. и Филип.), не нуждались въ удосто-

вѣреніи. Обычнымъ заключеніемъ писемъ было *ἔρχομαι* „прощайте“. Касательно удостовѣрительной подписи см. *Cic. ad Att. VIII, 1; Suet. Tib. 21, 32.*

1185) „Со всѣми“ находится только во 2 Кор., Рим. и Тит. (см. Ефес. VI, 24 и Евр. XIII, 25), но особенно выразительно здѣсь, такъ какъ послѣднія слова его были главнымъ образомъ укорительныя.

1186) См. *Reuss, Theol. Chret. II, p. 10.*

1187) „Никто не пишетъ съ намѣреніемъ непонятно“ (*Paley, Hor. Paulinae*). Онъ остроумно замѣчаетъ, какъ самая темнота этого мѣста даетъ одинъ сильный аргументъ въ пользу подлинности этого посланія, которое, замѣчу мимоходомъ въ качествѣ курьеза, Гильгенфельдъ считаетъ „маленькимъ Павловымъ апокалипсисомъ послѣдняго года царствованія Трояна“ (*Einl. 642*).

1188) Эти таинственные и неясныя намеки (см. Дан. XII, 10), ходившіе среди древнихъ христіанъ (въ родѣ привѣтствія и символа *ἰχθῆς*), а также загадочное звѣренное число (666=ϞϞϞ ϩ ϞϞ ΝεροϞ Caesar: см. *I. Флавій B. Jud. VI, 5, § 1; Suet. Ner. 40, Vesp. 4; Tac. H. V, 13*) въ Откровеніи XIII, 18 и въ Сивиллиныхъ книгахъ были необходимы вслѣдствіе окружавшихъ всюду опасностей. Съ годами, протекшими между этимъ посланіемъ и апокалипсисомъ, взгляды христіанъ касательно антихриста сдѣлались гораздо опредѣленнѣе (*Renan, L'Antechrist, p. 157 и пр.*).

1189) 2 Тесс. II, 6, 7 *ὁ κατέχων—τὸ κατέχων.*

1190) См. поучительное мѣсто у *I. Флавія, Antt. X, 10, § 4.*

1191) Упомянутый ап. Павломъ „беззаконникъ“ и „человѣкъ грѣха“, который будетъ уничтоженъ съ пришествіемъ Христа, долженъ имѣть нѣкоторую хронологическую аналогію съ „антихристомъ“ ап. Іоанна. Въ посланіяхъ же ап. Іоанна антихристъ есть главнымъ образомъ еретическій гностицизмъ („*omnis haereticus Antichristus*“) и отрицаніе пришествія Иисуса Христа во плоти (1 Іоан. IV, 3). Въ Апокалипсисѣ это—Неронъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ антихристъ есть Антиохъ Епифанъ.

1192) Если противъ этого возразятъ, что такого взгляда держались многіе извѣстные богословы прежняго времени (*Jewell, Hooker, Andrewes, Sanderson и пр.*), то можно отвѣтить, что знаніе церкви не стоитъ на одномъ уровнѣ. Духъ Божій живетъ въ ней и ведетъ ее все къ большому и полнѣйшему познанію истины. Если бы эти богословы жили теперь, то несомнѣнно расширили бы свои воззрѣнія соотвѣтственно успѣхамъ, сдѣланнымъ въ толкованіи св. Писанія. Немногіе менѣе сочувствуютъ, чѣмъ я, особенностямъ въ ученіи римской церкви; но, не смотря на многія важныя свои заблужденія, она все-таки церковь и притомъ христіанская церковь, и многіе изъ папъ ея были добрые, благородные, святые люди, великіе благодѣтели человѣчества, блистательные хранители вѣры Христовой, и я отказываюсь смотрѣть на нихъ, какъ на „сыноу погибели“ или представителей богохульства и беззаконія.

1193) См. приложение XIX: „Человѣкъ грѣха“. Касательно этихъ символовъ см. *Іезек XXXVIII, 16, 17; Дан. VII, 10, 11, 23—26; XI, 31, 36.*

ГЛАВА XXXI 1194) См. *I. Флавій, B. Jud. II, 15, § 1* и мишну, трактатъ *Nazir, II, 3*. Спенсеръ (*De Leg. Hebr. III, 6 § 1*) съ крайнею невѣроятностью думаетъ, что это было сдѣлано съ цѣлью имѣть счастливое путешествіе. См. *Juv Sat. XII, 81.*

1195) *Κατράμενος* — „совлекши“, остригши (см. 1 Кор. XI, 14; ап. Павелъ не любилъ длинныхъ волосъ). Мнѣніе, что обѣтъ, былъ принятъ не ап. Павломъ, а Аквилей, можетъ быть окончательно оставлено; оно возникло вслѣдствіе того лишь, что Аквила упоминается послѣ своей жены; но это, какъ мы уже видѣли, повторяется также въ 2 Тим. IV, 19; Рим. XVI, 3 и есть ненамѣренное совпаденіе—быть можетъ благодаря ея большей ревности къ дѣлу.

1196) „Кто даетъ обѣтъ, тотъ какбы основываетъ частный жертвенникъ, и если онъ исполняетъ его, приноситъ какбы жертву на немъ“ (*Yebhamoth, f. 109, 2; Nedarim, f. 59, 1*). Воззрѣ-

нія раввиновъ на обѣтъ можно найти въ Erubbin f. 64, 2; Chagigah f. 10, 1; Rosch Hashanah f. 10, 1; Nedarim f. 2, 1; f. 30, 2 и пр. Они собраны Гершономъ въ его еврейскомъ комментарий на книгу Бытія—исключительно изъ Талмуда, въ синоптическомъ примѣчаніи къ Быт. XXVIII, 20. Они мало проливаютъ свѣтъ на обѣтъ ап. Павла. По правилу всякіе обѣтные термины—*корванъ*, *конемъ*, *конесъ* или *конехъ*—всѣ одинаково имѣютъ обязательную силу (Nedarim, f. 2, 1). Быть можетъ ап. Павелъ придавалъ значеніе временному аскетическому элементу въ этомъ обѣтѣ (1 Кор. IX, 25; *I. Флавій*, В. Jud. II, 15, § 1).

¹¹⁹⁷⁾ *I. Флавій*, Antt. XIV, 10.

¹¹⁹⁸⁾ *Светон.* Неро, 40; *Дион. Касс.* 66, 9.

¹¹⁹⁹⁾ Св. Лука не болѣе какъ только упоминаетъ слово Іерусалимъ, но слово *ἀναβάς* опровергаетъ мнѣніе, будто ап. Павелъ ходилъ не дальше Кесаріи.

¹²⁰⁰⁾ Отъ Антиохіи до Киликійскихъ воротъ, черезъ Тарсъ, 720 верстъ.

¹²⁰¹⁾ 'Ανωτέρω практически равносильно слову *ἀνατολικά*.

¹²⁰²⁾ 1 Кор. XVI, I, 2. Но сборъ этотъ, повидимому, не былъ посланъ вмѣстѣ со сборами греческихъ церквей (Рим XV, 25, 26). Быть можетъ іудейскіе посланные захватили его.

¹²⁰³⁾ Теперь Кучук-Мендере, или Малый Меандеръ.

¹²⁰⁴⁾ Hist. I, 142. Полныя свѣдѣнія объ Ефесѣ см. въ *Guhl*, Ephesiaca (Berl. 1843).

¹²⁰⁵⁾ *Strabo*, XIV, 642; *Cic.* ad Fam. VII, 24.

¹²⁰⁶⁾ *Cic.* pro Flacco, 27; *Plin.* Н. Н. V, 28; ар. *Hausrath*, l. c.

¹²⁰⁷⁾ См. *Corpus. Inscr. Gr.* 2957, 2961 и пр. (*Renan*, p. 338, который приводитъ также *Plut.* Vit. Ant. 24). *Chandler*, Travels, I, 25; *Falkner*, Ephesus, 111; *φιλοτίματος* и *φιλόκτισαρ* часто встрѣчается въ ефесскихъ надписяхъ.

¹²⁰⁸⁾ Θεός или ἱεὺς Σούκλητός на монетахъ и пр. (*Renan*, стр. 352).

¹²⁰⁹⁾ *Strabo*, XIV, стр. 947.

¹²¹⁰⁾ *Tac.* Ann. III, 61.

¹²¹¹⁾ Дѣян. XIX, 35, *νεωκόρος*.

¹²¹²⁾ Я уже указывалъ на этотъ фактъ, говоря о Дафнѣ и Пафѣ, стр. 202 и 240. По этому-то Тиверій и старался закрыть всѣ эти „*asyla*“ (*Suet.* Tib. 37).

¹²¹³⁾ На это указываетъ Филостратъ въ личности Аполлонія Тианскаго. Онъ хвалитъ ихъ за ихъ пиршества и обрядность, и прибавляетъ: *μαρτυροῦντα δὲ σύνιοι καὶ τῇ θεῷ νόμιμα τε καὶ ἡμέτερος ἢ οὐκ ἂν ὁ κλέπτῃς τε καὶ ληστῆς καὶ ἀνδραποδιστῆς καὶ πᾶς εἴ τις ἄδικος ἢ ἱεροσυλὸς ἦν ἐρμώμενος αὐτοῦ θεοῦ. τὸ γὰρ τῶν ἀποστερουμένων τεχνὴς ἐστίν.* См. также *Strabo*, XIV, 1, 23

¹²¹⁴⁾ Отсюда пословица „іонійская изнѣженность“. Объ ихъ пышныхъ нарядахъ см. *Athen.* стр. 525. „Наученный нѣжными іовіями“ (*Dyer*, Ruins of Rome).

¹²¹⁵⁾ *Philo*, Byzant. De Sept. Orbis miraculis, 7, *μόνος ἐστὶ θεῶν οἶκος*. *Falkener*, Ephesus, стр. 210—346.

¹²¹⁶⁾ *On. Pont.*, II, X, 21.

¹²¹⁷⁾ См. *Плин.* Н. Н. XXXVI, 21; *Дион. Лаерт.* II, 8; *Ат.* De Civ. Dei, XXI, 4 Старый Лондонскій мостъ былъ построенъ изъ доходовъ съ пошлины на шерсть. Анекдотъ объ открытіи бѣлаго мрамора Писидоромъ передается въ *Vitruv.* X, 7.

¹²¹⁸⁾ *μεταωροφάνης*.

¹²¹⁹⁾ Одинъ великолѣпный экземпляръ украшеній этихъ „*columnae caelatae*“ (*Plin.*) находится теперь въ Британскомъ музеѣ. Полныя свѣдѣнія касательно этого храма и его открытія см. у *Wood*, Ephesus. стр. 267 и сл.

¹²²⁰⁾ Теперь въ мечети св. Софій.

¹²²¹⁾ Плиній (Н. Н. XVI, 79) и Афинагоръ (*Pro Christo*, 14) говорятъ, что она была сдѣлана Евдеемъ, ученикомъ Дедала.

1222) *Vitruv.* II, 9; *Callim.* Hymn. Dian 239.

1223) *Pausan.* IX, 24.

1224) См. стр. 240.

1225) *Pausan.* IX, 12. См. *Guhl*, Ephesiaca, стр. 185; *Falkener*, Ephesus, 287. Херонейскій Зевсъ былъ скипетръ (*Pausan.* IX, 40); Киммерійскій Марсъ—палашъ (Геродотъ, IV, 62).

1226) Напр. въ статуѣ, хранящейся въ Museo Borbonico въ Неаполѣ, которая, если можно судить по монетамъ, очень непохоже воспроизводить почтенное безобразіе подлинной статуи.

1227) πολύμαστος, multimamma; „omnium bestiarum et viventium nutrix“ (*Иерон.* Proem. in Ep. ad Eph.).

1228) Дѣян. XIX, 37, ὅτε βλασφημοῦντας τὴν θεῶν ἑμὴν.

1229) „Что случилось съ храмомъ Діаны? Можетъ ли чудо земли уничтожиться подобно при-видѣнію, не оставляя и слѣда? Напрасно мы ищемъ храмъ теперь; городъ умеръ и богиня ушла“ (*Chandler*; см. *Sibyll. Orac.* V, 293—305). Изумленіе увеличивается при видѣ массивности гордыхъ обломковъ въ Британскомъ музеѣ. Что турецкое названіе Айя Солукъ есть искаженіе названія Ἀῖα θεολόγου и поэтому напоминаетъ объ ап. Іоаннѣ, это доказывается открытіемъ монетъ, носившихъ эти надписи и найденныхъ въ Айясалукѣ (*Wood*, стр. 183). Быть можетъ ап. Іоаннъ первоначально получилъ это названіе какъ бы въ противоположность Theologi этого храма.

1230) Сходство этого слова и характера съ „ессеями“ случайное. Оно означаетъ: „царь или царица пчелъ“ (матка пчелиная).

1231) *Quint.* V, 12. Что это были за жалкія существа, можно видѣть изъ *Juv.* VI, 512; *Prop.* II, 18, 15; *Appuleius*, *Metamorph.*

1232) Аполлоній Тіанскій, въ своей первой рѣчи къ ефесянамъ, сказанной съ платформы храма, увѣщавалъ ихъ оставить свою лѣность, глупость и бражничество, и обратиться къ изученію философіи. Онъ касается ихъ плясокъ и говоритъ: αὐτὸν μὲν πάντα μετὰ ἡν, μετὰ δὲ ἀνδρογύνων, μετὰ δὲ κτύπων и т. д. (*Philosfr.* Vit. Apoll. IV, 2, стр. 141). Онъ хвалитъ ихъ однакоже за ихъ интересъ къ философіи и пр. (VIII, 8, стр. 339). Курители еиміама, флейщики и трубачи упоминаются въ надписи, найденной Чандлеромъ (*Inscr. Ant.* стр. 11).

1233) *Hausrath*, стр. 342.

1234) *Clem. Alex.* Strom. V, 46.

1235) *Cato*, De Re Rustica Fr. 160 (см. *Donaldson*, *Varron.* стр. 234).

1236) *Abhoda Zara*, f. 12, 2.

1237) *Vit. Apoll.* IV, 10, стр. 147. Александръ Абонотихъ, гораздо болѣе отвратительный обманщикъ чѣмъ Аполлоній Тіанскій, до старости жилъ тѣмъ богатствомъ, которое онъ скопилъ на счетъ простодушныхъ жертвъ своего обмана, и серьезно убѣждалъ міръ, что матерью его дочери была богиня луны!

1238) По теоріи Бернэя письма эти были написаны язычникомъ, но іудеямъ въ нихъ сдѣланы вставки.

1239) Такъ значится въ кодексѣ D.

1240) Дѣян. XVIII, 25—ζῶον τῷ πνεύματι (см. Рим. XII, 11).

1241) προτρεψάμενοι, т. е. αὐτὸν (Дѣян. XVIII, 27).

1242) συστατικῇ ἐπιστολῇ (2 Кор. III, 1).

1243) 1 Кор. III, 6. Нѣкоторые видятъ различіе между учениками Аполлоса и Павла въ Тит. III, 14 οἱ ἡμέτεροι, но смотри ad loc.

1244) Сабоеяне, Мендеяне и пр. (*Неандеръ*, Церк. Ист. II, 57). Изъ Клементянскихъ Recognitiones мы видимъ, что нѣкоторые изъ учениковъ Іоанна Крестителя продолжали проповѣдывать о немъ, какъ о Мессіи.

1245) Епенетъ (Рим. XVI, 5, leg. *Αστας*) былъ первымъ его обращенцемъ.

1246) I. Флавій, В. Jud. I, 26, § 3; 2 Макк. IV, 40. Крайне невѣроятно, чтобы это былъ Бееъ-Мидрашъ (Meyer), такъ какъ цѣлю ап. Павла было устраниваться отъ иудеевъ.

1247) Отсюда, 40 лѣтъ спустя, въ Вониніи, Плиній (Ер. 96) пишетъ: „Neque enim civitates tantum, sed vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est“.

1248) Дѣян. XIX, II, *δυνάμεις οὐ τὰς τοῦ ὁσίου*.

1249) „Послание къ Ефессянамъ“, будучи окружнымъ посланіемъ, естественно содержать лишь немного частныхъ намековъ, которые, будучи понятны одной христіанской общинѣ, были бы непонятны другой. Можно бы ожидать такихъ намековъ въ его рѣчи; но „omittit Doctor gentium narrare miracula, narrat labores, narrat ærumnas, narrat tribulationes quae Paulo Paulique imitatoribus ipsis miraculis sunt clariores“ (*Novarinus*).

1250) *σοῦδαρια*, sudaria; *ἡμισινθία*, semicinctia.

1251) I. Флавій, Ant. VIII, 2, § 5. Объ этомъ смѣшномъ шарлатанствѣ, повидимому обманувшемъ Веспасіана, см. въ моей „Жизни I. Христа“, прим. 392. О многочисленности іудейскихъ заклинателей свидѣлствуетъ Іустинъ Философъ въ Dial. 85.

1252) Дѣян. XIX, 14, *ἀρχιερέως*—общее выраженіе; быть можетъ глава одной изъ двадцати четырехъ священническихъ чредъ.

1253) I. Флавій, Ant. I. с. Мы находимъ много слѣдовъ этого рода суевѣрія въ талмудическихъ трактатахъ: напр., вѣрованіе что *минимы* могли исцѣлять отъ укушенія змѣй именемъ Иисуса (см. прим. 202). Въ трактатѣ Toldoth Jeschu чудеса Спасителя объясняются въ крайне нелѣпомъ разсказѣ о тѣхъ средствахъ, какими онъ обладалъ *шемамефореиомъ* или священнымъ именемъ. Волшебство во всѣ времена господствовало среди іудеевъ (Исх. XXII, 18; 1 Цар. XXVIII, 3, 9; Мхх. V, 12). Тоже было и во время христіанской эры, такъ что оказывалось необходимымъ даже предостерегать обращенцевъ отъ привязанности къ нему (Гал. V, 20; 2 Тим. III, 13, *γόητες*).

1254) Въ ст. 16 чтеніе *ἀμφότερων* кодексовъ N, A, B, D почти несомнѣнно правильно. Они руководились совершенно тѣми же побужденіями какъ и Симонъ волхвъ, но высказывали менѣе искусства въ попыткѣ совершенія ихъ.

1255) Дѣян. XIX, 15, *τὸν Ἰησοῦν γινώσκω καὶ τὸν Παῦλον ἐπιστάμαι*; Вулг. „Jesum novi et Paulum scio“.

1256) Объ этихъ *Ἐφέσια γράμματα* см. пояснительные примѣры, приведенные у Ветштейна. Нѣкоторые изъ нихъ представляли собой копіи таинственныхъ словъ и именъ, вырѣзанныхъ въ загадочныхъ формулахъ (*κτενυμνῶδες*—Евстаѳ. на Od. XIV, стр. 1864) на вѣнцѣ, поясѣ и ногахъ статуи Артемиды. Для объясненія ихъ писались цѣлые трактаты, напоминающие собой нѣкоторые трактаты китайцевъ. Преданность магіи поэтому почти неизбежно заключала въ себѣ тайную вѣру въ идолопоклонство. Однимъ изъ титуловъ Артемиды былъ *Magos*. Балбиллъ (*Свет* Nero, 36) и Максимъ (*Gibbon*, II, 291, изд. Milman) были ефесскіе астрологи. Евстаѳій (I. с.—см. *Philostr.* Vit. Apoll. VII, 39) сообщаетъ, что Крезъ былъ спасенъ тѣмъ, что читалъ ихъ на кострѣ и во время борьбы одинъ милетецъ, который не могъ побороть ефесянина, нашелъ, что у него на игральной кости были выгравированы ефесскія причитанія. Когда кость взята была у него, то милетецъ поборолъ его тридцать разъ подрядъ. Отсюда *Ἐφέσια γράμματα* иногда вырѣзывались на печатахъ (*Athen.* XII, 584). Ренанъ говоритъ (стр. 345), что имена „семи спящихъ въ Ефесѣ“ доселѣ составляютъ обычное причитаніе на востокѣ.

1257) Почти съ несомнѣнностью можно предполагать, что эти „сребренники“ аттическія драхмы цѣнностью около 25 коп. Если бы это были римскіе динарія, то цѣнность была бы 10,620 рублей. Классическія параллельныя мѣста къ этому публичному заклинанію магіи приводятся изъ *Liv.* XL, 29; *Suet.* Aug. 31; *Tac.* Ann. XIII, 50; *Agric.* 2.

¹²⁵⁸⁾ κατέκαον, прош. несов.

¹²⁵⁹⁾ Дѣян. XX, 31; но благодаря іудейскому способу времясчисления, по которому всякая часть времени считается за цѣлое, періодъ этотъ не превосходилъ непремѣнно двухъ лѣтъ.

¹²⁶⁰⁾ Главнымъ образомъ въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ. О посланіи къ Ефесѳянамъ см. дальше.

¹²⁶¹⁾ Онъ однако же не посѣтилъ Лаодикей или Колоссъ, гдѣ церкви основаны были Филимономъ и Епафрасомъ (Кол. I, 7; IV, 12—16). Но очень возможно, что онъ путешествовалъ въ Смирну, Пергамъ, Фіатиру, Сардию, Филадельфію и пр. (см. 1 Кор. XVI, 19).

¹²⁶²⁾ Дѣян. XX, 19; что опять показываетъ отрывочность повѣствованія въ отношеніи всѣхъ подробностей личныхъ страданій.

¹²⁶³⁾ Было ли во время этихъ путешествій и короткое и неудовлетворительное посѣщеніе Коринѳа, это спорный вопросъ, рѣшеніе котораго зависитъ отъ толкованія, придаваемого 2 Кор. I, 15, 16; XIII, 1 и который никогда окончательно не можетъ быть порѣшенъ. Можно привести множество авторитетовъ за ту и другую сторону; но къ счастью и самый вопросъ не имѣетъ большой важности.

¹²⁶⁴⁾ И это не смотря на то, что приготовлявшіеся въ Ефесѣ палатки пользовались особенною извѣстностью и вѣроятно были поэтому въ значительномъ спросѣ (*Plut. Alcib. 12; Athen. XII, 47*).

¹²⁶⁵⁾ Іудейскіе христіане быть можетъ оставляли его въ покоѣ, когда онъ трудился въ Европѣ, и опять выступили противъ него, когда онъ вновь началъ свою дѣятельность въ Азіи (*Krenkel, Paulus, стр. 183*).

¹²⁶⁶⁾ См. *Greg. Naz. Orat. II, 38—40*.

¹²⁶⁷⁾ Дальнѣйшіе намеки находятся въ прощальной рѣчи къ ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. XX, 18—35).

¹²⁶⁸⁾ Рим. XVI, 23; 2 Тим. IV, 20; но касательно этого нельзя думать ничего достовѣрнаго. Имя это было ходячимъ.

¹²⁶⁹⁾ См. стр. 447.

¹²⁷⁰⁾ Опрежденіе о посвященіи цѣлаго мѣсяца Артемидѣ найдено было Чандлеромъ на бѣломраморной плитѣ близъ водопровода и передано Беккомъ, *Cogr. Inscript. 2954*. Оно почти совершенно ап. Павлу.

¹²⁷¹⁾ Эти подробности главнымъ образомъ берутся изъ сообщенія Малалы.

¹²⁷²⁾ *Achill. Tat. 5*.

¹²⁷³⁾ Этому никто не удивится, прочитавъ рассказъ Плинія о крайнемъ пренебреженіи, въ которомъ находились языческія учрежденія полстолѣтія спустя послѣ этого времени, въ сосѣдней провинціи Виевнѣ, и именно какъ прямое слѣдствіе христіанскаго ученія, и это не смотря на то, что христіане были гонимой общиной. Жалобы также слышались со стороны жрецовъ, поставщиковъ жертвъ и другихъ заинтересованныхъ денежно лицъ. Они имѣли настолько проныцательности, чтобы видѣть, что опасность христіанства для нихъ заключалась въ его универсальности.

¹²⁷⁴⁾ Такъ называемыя ἀμφρόματα ναῖα, aediculae. 1. Златоустъ говоритъ—*ἰσως ὡς κιβώριον*. О подобныхъ изображеніяхъ и ковчезцахъ упоминается въ *Ar. Nub. 598; Dio. Sic. I, 15; XV, 49; Dion. Cass., XXXIX. 20; Dion. Hal. II, 22; Amm. Marcell. XXII, 13; Petron. 29*. Обычай этотъ крайне древній. „Скитія Молоха и звѣзда бога Ремфана“, которыя были приняты израильтянами въ пустынѣ, были того же рода. Маленькія изображенія Паллады (*παλλάδια περιχρτοφόρα*), Деметры и др. были особенно въ спросѣ, и интересная глиняная aedicula Цибелы, найденная въ Асинахъ, изображена у Левина, I, 414. Аппулій говоритъ (*Metam. XI*), что въ концѣ

празднества маленькія серебряныя изображенія Артемиды клались на ступеняхъ храма для цѣлованія народу.

1275) Изъ многочисленныхъ надписей мы узнаемъ, что въ Іоніи были въ ходу гильдіи и ремесленные союзы (συνεργασταί, συνβίωσης). См. *Renan* стр. 355. „Τεχνῖται — artifices nobiliores, ἐργάται — operarii (Bengel).“

1276) „Diana Ephesia, cujus nomen unicum, multiformi specie, ritu vario, nomine multijugo, totus veneratur orbis“ (*Appul. Metam. II*). Плиній называетъ этотъ храмъ „orbis terrarum miraculum“ (Н. Н. XXXVI, 14); изображеніе и храмъ ея найдены на монетахъ многихъ сосѣднихъ городовъ.

1277) Сравни съ случаемъ въ Филиппахъ (Дѣян. XVI, 19).

1278) Не Гайй Дервянинъ (XX, 4) или „страннопримецъ мой“ (Рим. XVI, 23).

1279) Аристархъ Фессалоникійскій упоминается въ XX, 4; XXVII, 2; Кол. IV, 10; Филим 24.

1280) См. Дѣян. XII, 21; *Тас.* Н. II, 80; *Cic.* ad Fam. VIII, 2; *Corn. Nep.* Timol. IV, 2;

I. Flavii, B. Jud. VII, 3, § 3. Театръ былъ обычнымъ мѣстомъ такихъ собравій.

1281) *Fellows, Asia Minor*, стр. 274. Вудъ говоритъ 25,000 (Ephes. p. 68).

1282) Въ Смирнѣ азіархъ Филиппъ противодействовалъ крику черни, ἡνα ἐπαφῇ Πολυκάριφ λέοντα (*Евсевій*, Церк. Ист. IV, 15).

1283) См. 1 Кор. IV, 9; 1 Кор. XV, 32; Act. Mart. Polycarp. 12. Стадій, гдѣ бились звѣробои (Bestiarii), былъ вблизи театра и храмъ Артемиды былъ вполне видѣнъ оттуда. Очень невѣроятно однакоже, чтобы ап. Павелъ дѣйствительно боролся со звѣрыми. Выраженіе это считается метафорическимъ (2 Тим IV, 17), ἀπὸ Σωρίας μέχρι Ῥώμης θηριομαχῶ (*Ignat. Rom.* с. 5); οἷος θηρίοις μαχόμεθα (*Appian, Bell. Civ.* стр. 273). Съ выраженіемъ естественно связывалась легенда (*Nicéph.* Н. Е. II, 25). Псевдо-Гераклитъ (Ер. VII), пиша объ этомъ времени, говоритъ объ ефессянахъ—ἐξ ἀνθρώπων θηρία γυγόντας. Кромѣ того, ап. Павелъ употребляетъ это выраженіе въ письмѣ, писанномъ *раньше* чѣмъ произошла эта дикая сцена въ Ефесѣ.

1284) Я удерживаю греческое имя, потому что ихъ азіатскій идолъ, собственно Цибела, имѣлъ еще меньше отношенія къ Діанѣ, чѣмъ къ Артемидѣ.

1285) Они вѣроятно настолько были испорчены отъ соприкосновенія съ восточнымъ культомъ, что смотрѣли на „нихъ суетныя повторенія въ свѣтѣ религіознаго долга“ (см. 3 Цар. XVIII, 26; Матѣ. VI, 7). Кромѣ того, они явно вѣрили, что слава, благоденствіе и самое существованіе Ефеса зависѣли отъ поддержанія блистательнаго обряда. На открытой надписи опредѣленія о посвященія цѣлаго мѣсяца мая Артемидѣ въ заключеніе говорится: οὗτω γάρ ἐπὶ τὸ ἀραιὸν τῆς θρησκείας γινόμενης ἡ πόλις ἡμῶν ἐνδοξότερα τε καὶ εὐδαίμων εἰς τὸν πάντα διαμένει χρόνον (Boeckh, 2954). Возможно, что ап. Павелъ читалъ эту самую надпись, которая повидимому относится къ вѣку Тиверія.

1286) Проконсулъ Азіи практически имѣлъ неограниченную власть, и единственнымъ ограниченіемъ для него была боязнь попасть подъ судъ. Подчиненные его вѣдѣнію главные города Азіи были автономны, управляя своими хозяйственными и домашними дѣлами посредствомъ рѣшеній Βουλῆς и Ἐκκλησίας. Секретарь дѣйствовалъ въ качествѣ докладчика и занималъ важное положеніе. Историческая точность св. Луки находить поразительную иллюстрацію въ одной изъ ефесскихъ надписей у Бекка, № 2960, которая сообщаетъ, какъ „*Августолюбивый*“ (φιλοστράτορ) сенатъ ефесскій и его *храмобоготворный* (ναωκόρος) народъ посвятили зданіе въ *проконсульство* (ἐπὶ ἀνθοπάτου) Педусея Приспина и по опредѣленію Тиверія Клавдіа Италійскаго, блюстителя порядка (γραμμатεύς) народа“.

1287) ναωκόρον „храмопоклонникъ“. Это былъ мѣстный титулъ, данный императорами разнымъ городамъ Азіи, и часто встрѣчающійся на монетахъ.

1288) Дѣян. XIX, 36 κατασταλμένους ἐπαρχεῖν καὶ μηδὲν προπαιεῖν. Цицеронъ (pro Flacco)

дает поразительную картину необдуманных несправедливых законодательных постановлений въ различныхъ городахъ, *quum in theatro imperiti homines rerum omnium rudes ignarique considerant*“ (см. *Тас.* Н. II, 80).

¹²⁸⁹⁾ Wood, p. 14. Странно сказать, что это было обычное обвинение противъ іудеевъ (см. на Рим. II, 22).

¹²⁹⁰⁾ Другое поразительное указаніе, что ап. Павелъ при своей миссіонерской дѣятельности держался метода, которымъ избѣгалъ случаевъ затрогивать предрасудки идолопоклонниковъ. І. Златоустъ несправедливо обвиняетъ здѣсь блюстителя порядка въ ложномъ и бьющемъ на эффектъ изложеніи дѣла.

¹²⁹¹⁾ ἀγῶναι ἀγῶνται, „Conventus peregrantur“. Каждая провинція была раздѣлена на округа (*διοικήσεις*, conventus), представители которыхъ собирались въ какомъ нибудь опредѣленномъ городѣ. „Ephesus vero, alterum lumen Asiae, remotiores conveniunt“ (*Plin.* Н. N. V, 31).

¹²⁹²⁾ При обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ провинціи былъ только одинъ проконсулъ. Множественное число здѣсь можетъ имѣть общій характеръ, или означаетъ проконсула съ его совѣтниками (*Consiliarii*), какъ ἑταῖρος означаетъ „проконсулъ или его совѣтники“ у І. Флавія, В. Jud. II, 16, § 1. Но Баснажъ высказалъ остроумное мнѣніе, что указаніе это можетъ относиться къ совѣстной власти императорскихъ прокураторовъ, всадника П. Целера (*P. Celer*) и отпущенника Гелія. Въ первый годъ царствованія Нерона, въ 54 г. по Р. Хр., они по наущенію Агриппины отравили Юнія Силіана, проконсула Азіи, благородная натура котораго не предохраняла его отъ опасности своей царской крови (*Тас.* App. XIII, 1). Такъ какъ П. Целеръ во всякомъ случаѣ не возвращался въ Римъ до 57 года по Р. Х., то предполагаютъ, что онъ съ Геліемъ могли занимать должность вице-проконсуловъ до этого времени—въ качествѣ награды за свое преступленіе (*Lewin, Fasti Sacri*, 1806, 1838; *Biscoe, On the Acts*, стр. 282—285).

¹²⁹³⁾ Въ каждомъ мѣсяцѣ было три регулярныхъ засѣданія собранія (ἐννομοὶ ἐκκλησίαι). См. *Wood*, стр. 50.

¹²⁹⁴⁾ *Hackett*, стр. 246. Ни къ чему такъ подозрительно не относились римляне, какъ къ мятежнымъ собраніямъ, „Qui coetum et consentum fecerit capitale sit“ (*Sen. Controv.* III, 8). Правило это едвали бы применили къ Димитрію.

¹²⁹⁵⁾ Періодъ его пребыванія въ Ефесѣ былъ τριετίαν ὅλην (Дѣян. XX, 31). Развалина называемая „темицей ап. Павла“, быть можетъ указываетъ на истинное преданіе, что онъ на нѣкоторое время заключенъ былъ, и тѣ, кто видятъ въ Рим. XVI, 3—20 отрывокъ письма къ Ефесянамъ, предполагаютъ, что его тюремное заключеніе раздѣляли съ нимъ его родственники Андроникъ и Юній, которые были „прослаившіеся между апостолами“ и обратились къ вѣрѣ еще ранѣе его самого.

¹²⁹⁶⁾ Дѣян. XX, 1, παρακαλέσας (А, В, D, E).

¹²⁹⁷⁾ Въ Милетѣ онъ видѣлъ только пресвитеровъ.

¹²⁹⁸⁾ Въ 431 г. по Р. Хр.

¹²⁹⁹⁾ См. стр. О теперешнемъ состояніи Ефеса см. *Arundell, Seven Churches of Asia*, стр. 27; *Fellowes, Asia Minor*, 274; *Falkener, Ephesus and the Temple of Diana*, и особенно *Wood, Discoveries at Ephesus*. Мѣстоположеніе храма впервые было опредѣлено раскопками Вуда.

¹³⁰¹⁾ См. *Chandler*, стр. 109—137.

ГЛАВА XXXII ¹³⁰¹⁾ Вѣроятно около апрѣля 57 г. по Р. Хр.

¹³⁰²⁾ Подложное письмо Коринѳянь къ ап. Павлу и его отвѣтъ, сохраняемые въ армянскомъ переводѣ, совершенно не имѣютъ никакой цѣны.

¹³⁰³⁾ Обмѣнъ такихъ писемъ (ἐπιστολαὶ) по спорнымъ вопросамъ ученія между іудейскими синагогами былъ обычнымъ явленіемъ.

¹³⁰⁴⁾ Общественныя пиршества при похоронахъ или идолопоклонническіе праздники и пр.

Cic. Off. II, 16; *Liv.* VIII, 32 и пр. Они играли важную роль въ удовольствіяхъ древней жизни *Arist. Eth.* VIII, 9, 5; *Thuc.* II, 38.

1305) Иудеи отличались строгими взглядами въ этомъ отношеніи (сн. Числ. XXV, 2, Пс CV, 28; Tob. I, 10—14); но было бы чудовищнымъ сказать, что ап. Павелъ внушаетъ здѣсь насилие къ этимъ взглядамъ, или что на него указывается въ Откр. II, 14. Напротивъ онъ говоритъ: Даже если вы какъ язычники не придаете никакого значенія этому предмету, *все-таки не дѣлайте его* ради другихъ; только уступка слабымъ не должна дѣлаться мучительною брезгливостью. Сомнительно даже, не доходили ли до этого взгляда и апп. Петръ и Іоаннъ. Иудейскія понятія въ этомъ отношеніи были такъ строги, что напримѣръ въ отношеніи вина чаша осквернялась для іудея не только отъ единичнаго языческаго возліянія изъ нея, но „даже одного прикосновенія съ мнимымъ намѣреніемъ сдѣлать маленькое возліяніе изъ нея богамъ достаточно было для того, чтобы сдѣлать ее нечистою“. Это называется закономъ ῥῶ.

1306) Состояніе Коринѳеян очень много походило на то, когда Климентъ писалъ его жителямъ свое первое посланіе. Ему приходилось тоже жаловаться на тотъ „странный и чуждый и для избранныхъ Божиихъ омерзительный и грѣховный духъ партійности, который нѣкоторые нахальныя и себялюбивыя личности (*πρόσωπα*) возбуждали до такой степени безумія, что ихъ святая и знаменитая репутація, столь достойная любви всѣхъ, сильно колебалась“ (Ер. ad Cor. 1).

1307) Мы ни на мигъ не можемъ вѣрить, чтобы апп. Петръ и Іаковъ могли дѣйствительно одобрять приемы этихъ людей, такъ какъ это значило бы совершать вопіющее нарушеніе ихъ собственнаго соглашенія (Гал. II, 9). Но ежедневный опытъ показываетъ, что поддѣлки извѣстной партіи всегда бываютъ безконечно менѣе благоразумны и благородны, чѣмъ ихъ предводители.

1308) Касательно Христовой партіи существуетъ три главныхъ мнѣній: что 1-е) это были приверженцы Іакова (Шторръ и др.; 2) что это были нейтральные люди, стоявшіе поодаль отъ всѣхъ партій (Эйхгорнъ и др.); 3) что это было незначительное видоизмѣненіе партіи Петра (*Бауръ*, Paul, I, 272—292). Замѣчательно, что до сихъ поръ въ Англіи и Америкѣ есть секта, которая, отвергая всякій человѣческій авторитетъ, исключительно себя присвоиваетъ имя „христіанъ“ (См. *Schaff*, Apost. Ch. I, 339).

1309) 1 Кор. XII, 3 (Сн. 1 Іоан. II, 22; IV, 1—3); Ἀνάθεμα Ἰησοῦν.

1310) „Est enim hæc periculosa tentatio nullam Ecclesiam putare ubi non appareat perfecta puritas“ (Calvin). Отсутствіе установившейся церковной организаціи видно изъ того, что онъ обращается ко всей общинѣ и не считаетъ „епископовъ“ отвѣтственными за безпорядки или за приведеніе въ исполненіе отлученія.

1311) 1 Кор. I, 1—3. Имя Христа встрѣчается не менѣе девяти разъ въ первыхъ девяти стихахъ.

1312) Сосвоенъ ли Дѣян. XVIII, 17, который могъ впоследствии обратиться (*Wetstein*, II, 576), или неизвѣстный собратъ, мы не знаемъ. Онъ могъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые доставили письмо коринѳеянъ въ Ефесъ; „одинъ изъ семидесяти и впоследствии епископъ колофонскій“ (*Евсев.* Ц. И. I, 12).

1313) I, 4—9, Обращаетъ на себя вниманіе совершенная искренность апостола. Онъ, какъ и всегда, желаетъ благодарить Бога за своихъ обращенцевъ; здѣсь однако же онъ не можетъ воздать *нравственной* похвалы. Коринѳеяне получили богатые духовныя блага и преимущества, но онъ не можетъ говорить о нихъ, какъ говорить о Фессалоникійцахъ или Филиппійцахъ.

1314) Ст. *not xxi... ὑπόμνη*, „intus in credendis, et sententiâ prolata in agendis“ (*Bengel*).

1315) Въ высшей степени поучительно наблюдать, что ап. Павелъ отказывается входить въ разсмотрѣніе причинъ партійнаго раздѣленія. Онъ не считаетъ нужнымъ рѣшать, какая партія права, и какая нѣтъ. Онъ обличаетъ самый *духъ* партійный какъ грѣхъ и позоръ, въ виду

того, что единство между христианами есть первая из обязанностей и величайшее из преимуществ.

1316) I, 20, τοῦ συζητητῆς и пр., но в Ис. XXXIII, 18 (сн. Пс. XLVII, 12), „гдѣ осматривающей башни?“.

1317) I, 21, διὰ τῆς πορείας τοῦ κηρύγματος. В 23, 24 „крестъ“, „соблазнъ“, „безуміе“, „сила“ — были бы *секкель*, *мисколь*, *машкаль*, *секоль*, и нѣкоторые видятъ въ этомъ признакъ, что ап. Павелъ имѣлъ въ своихъ мысляхъ сирійское созвучіе въ названіяхъ (*Winer. N. T. Gramm.* англ. пер. стр. 658).

1318) Необходимое предостереженіе коринтянамъ, которые были „non minus lascivia, quam opulentia, et philosophia studio insignes“ (*Cic. De Leg. Agr. II, 32*).

1319) Тѣмъ болѣе замѣчательно, что „коринтскій стиль“, значилъ „изящный стиль“ (*Wetstein, ad loc.*)

1320) I, 19; II, 5; сн. Іер. IX, 23, 24; Ис. XXXIII, 18, свободныя цитаты по LXX.

1321) Быть можетъ неясный отголосокъ Ис. LXIV, 4 (сн. LII, 15 и LXV, 17); или изъ какой нибудь потерянной книги (Златоустъ), подобно „Откровенію Іліи“, ἐπὶ καρδίαν ἀνέβη τοῦ πνεύματος. Оба объясненія возможны, потому что потерянная книга могла служить отголоскомъ пр. Ісаіи. Новѣйшая теорія считаетъ эти слова литургическими.

1322) Ст. 10. Попытка отнести Откр. II, 24 къ этому совершенно безосновательна.

1323) Ст. 13, πνευματικὸς πνευματικὰ συγχεῖντες, другіе переводятъ это мѣсто: „объясняя духовное духовнымъ людямъ“ (Быт. XL 8; Дан. V. 12; LXX) или „въ духовныхъ словахъ“.

1324) Ст. 14 ψυχικός, „homines solius animae et carnis“ (*Tert. De jejun. 17*).

1325) II, 6—16. Онъ опровергаетъ александрійское ученіе принятіемъ самыхъ его терминовъ и начала — „тайна“, „проникновеніе“, „духовный человѣкъ“ и пр., показывая въ тоже время, что это вѣчная вселенская реальность, а не идея нѣкоторыхъ людей (сн. *Maurice, Unity*, стр. 408).

1326) III, 2, σαρξίνος; 4, σαρκικός. Жестокій ударъ александрійскому самогнѣнію. Онъ относится къ нимъ не какъ къ адептамъ, а какъ къ новичкамъ, не какъ къ іерофантамъ, а какъ къ непосвященнымъ, не какъ къ „богословамъ“, а какъ къ оглашеннымъ; *потому именно*, что они такъ много думали о себѣ (сн. до точности аналогичный языкъ Спасителя въ Іоан. IX, 41).

1327) III, 13, ἀποκαλύπτει. Называя это *graves futurascens* и не признавая нормального, непрерывнаго дѣйствія нравственныхъ законовъ Божіихъ, комментаторы упускали изъ вида великую истину (сн. Матѣ. III, 10; Кол. III, 6; Еф. V, 6).

1328) Ап. Павелъ не заботится о всѣхъ сторонахъ своего иносказанія. Ему достаточно его общаго значенія. (См. *Reuss, Les Epitres, I, 169*).

1329) IV, 3, ἀνακρίθω. 'Ανάκρισις было предварительное слѣдствіе до судопроизводства; ἡμέρας — это выраженіе объясняли какъ гебраизмъ (Іер. XVII, 16), *киликизмъ* (*Іерон. ad Algas, 10*), и латинизмъ (*diem dicere* и пр. *Grot.*).

1330) Ст. 4, οὐδὲν ... ἔμαυτῷ σύννομα — „я не сознаю никакой вины“ („Nil conscire sibi“ *Hor. Ep. I, I, 61*).

1331) IV, 6. Слово φρονεῖν опущено въ главныхъ прописныхъ. Я считаю μὴ ὑπὲρ δ γέγραπται своего рода пословицей въ родѣ „держись написаннаго“. Во всемъ этомъ отдѣлѣ мысль ап. Павла занята словомъ „превозношеніе“ (φροισθε; ст. 18, ἐφροισθησαν; 19, παφροισμένον; V, 2 παφροισμένοι; VIII, 1, ἡ γυνὴς φροισ; XIII, 4 ἡ ἀγάπη οὐ φροισται). Это потому, что ап. Павелъ опасается, когда онъ придетъ къ нимъ, встрѣтитъ у нихъ этотъ порокъ самогнѣнаго богословствованія. 2 Кор. XII, 20 - φροισθε; Слово это встрѣчается еще только въ Кол. II, 18.

1332) IV, 7, τίς γὰρ σὲ διακρίνει;

1333) IV, 9, ὡς ἐπιθαντῖους, „veluti bestiariorum“ (*Tert. De Pudic. 14*).

1334) *περίκαθάρματα*, purgamenta, „негодное, что нужно выбросить“, а не *περίφημα*—умилостивительная жертва. Схолиастъ на *Ar. Plut.* 456 говоритъ, что во время голода и эпидемій у древнихъ грековъ и римлянъ былъ обычай заглаживать свою виновность выбрасываніемъ несчастныхъ въ море съ словами. „дѣлайтесь нашей *περίφημα*“. 'Εγὼ *περίφημα* σοι σέβлялось (отъ этого взгляда) общимъ христіанскимъ выраженіемъ (Wordsworth, ad loc.).

1335) IV, 15, *παῖδα γυνούς*.

1336) Ап. Павелъ уже послалъ его, прежде чѣмъ возникла нужда въ немедленномъ отправленіи Тита; но онъ повидимому измѣнилъ свое повелѣніе, не будучи увѣренъ однако же, могъ ли посланный прибыть къ нему во время, или скорѣе, ожидая, что Тимоѳеѣй прибудетъ къ нимъ раньше его самого („Если же прійдетъ къ вамъ Тимоѳеѣй“, XVI, 10). Во всякомъ случаѣ коринѳяне услышали бы, что Тимоѳеѣй былъ посланъ къ нимъ чрезъ Македонію, и враги ап. Павла выводили изъ этого очень неблагопріятныя слѣдствія для него.

1337) Что касается этого факта, иллюстрируемаго почти мѣстной трагедіей Ипполита, то см. *Cic. pro Cluent.* 5, „O mulieris scelus incredibile et praeter hanc nam in omni vita inauditum“ (*Wetstein*, ad loc.).

1338) Это могло казаться немыслимымъ; но см. стр. 445.

1339) Последнимъ торжественнымъ заявленіемъ было, что „человѣкъ, добровольно избравшій зло своимъ господиномъ, долженъ чувствовать его рабство, дабы возненавидѣлъ его, и такимъ образомъ обратился къ своему истинному Господу“ (*Maurice*, Unity, стр. 414). О сравнительной слабости отлученія см. *Hooker*, Eccles. Pol. III, 1—13.

1340) V, 6, *οὐ καλὸν (mitotica)*, τὸ καὶ χηρὰ ὄντων (а не *καὶ χηρῶν*).

1341) Ап. Павелъ писалъ незадолго до Пасхи; но указанія эти имѣютъ духовное значеніе.

1342) V, 7, *ἐκτόθι*—„убить“, *καλὰν* (Мате. XXII, 4; Дѣян. X, 13). „За насъ“ *ὅτι ἐμὸν* есть глосса, которой нѣтъ въ A, B, C, D, E, F, G.

1343) V, 10, *ἐπεὶ ὁφείλετε ἄρα* и т. далѣе.

1344) Ст. 11 „или идолослужителемъ“. Очевидно какъ въ X, 7; Колос. III, 5; иначе какъ бы онъ могъ быть христіаниномъ? Если только конечно здѣсь не разумѣется какойнибудь полужыческій христіанинъ типа Ковстантина, „который поклонялся въ храмѣ Риммона“.

1345) V, 9—13. 'Εξάρατε. Союзъ *καὶ* (опускаемый въ K, A, B, C, F, G) подложенъ, и скрадываетъ характерную отрывистость рѣчи.

1346) VI, 11, *ταῦτά τινες ἤτε*.

1347) VI 1—20. Слова англійскаго перевода (и русскаго) *καὶ ἐν τῇ συνόματι ὄντων, ἀτινά ἐστι τοῦ Θεοῦ* („и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи“) опущены въ кодексахъ K, A, B, C, D, E, F, G.

1348) „Если мы сравнимъ письмо Григорія Великаго къ Августину (у Беды) въ отвѣтъ на сходный вопросъ касательно англосаксонскихъ обращенцевъ, то мы сразу же увидимъ, насколько папа относится къ дѣлу рѣшительнѣе и внимательнѣе, чѣмъ апостолъ“ (*Maurice*, Unity, стр. 423). Глава эта есть лучшее руководство для этого *ductor dubitantium*, потому что она учитъ его, что онъ не долженъ придавать себѣ“ вида увѣренности въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ увѣренности нельзя имѣть совсѣмъ“ (id. стр. 429). См. *Kuenen*, Profeten, II. 67 и сл. и статью лорда Литтлтона въ *Contempor. Rev.* XXI, стр. 917.

1349) VII, 1, *καλὸν ἀνδράσιν γυναικὸς μὴ ἀπτεσθαι*.. По характерному толкованію бл. Иеронима это означаетъ, что „если хорошо человѣку не касаться жены, то значить худо касаться ея, и поэтому бракъ по меньшей мѣрѣ стоитъ ниже безбрачія“. Собственное позволеніе ап. Павла и даже внушеніе его при иныхъ случаяхъ вступать въ бракъ, могло бы показать ему, какъ невѣрны могутъ быть и даже опасны выводы, возникающіе изъ насильственнаго толкованія случайныхъ словъ (Ефес. V, 24; 1 Тим. II, 15 и пр.). Ап. Павелъ говоритъ собственно не „добро“ (*ἀγαθόν*), но „прекрасно“ (что онъ впоследствии ограничиваетъ въ виду настоятельной нужды

ст. 26), какъ мы могли бы сказать: „Въ святомъ безбрачїи есть нѣкоторая нравственная красота“. Отсюда положеніе Іеронима: „Suspecta est mihi bonitas rei quam magnitudo alterius mali malum cogit esse inferius“ (adv. Jovin. I, 9) есть ошибка. Безбрачіе есть καλόν, но есть люди, для которыхъ бракъ есть даже каліον. Касательно употребленія καλός смотри Матѳ. XVIII, 8, XXVI, 24; 1 Тим. I, 8. Любопытно видѣть аскетическую тенденцію въ VII, 3 (ὁφειλομένην εὐνοίαν, и 5 τῇ ὑποταγῇ καὶ, и σχολάζετε и συνέρχεται вмѣсто ἤτε). Истинныя чтенія находятся въ кодексахъ N, A, B, C, D, E.

1350) VII, 7, θάλω, но въ позднѣйшіе годы его свободнымъ рѣшеніемъ (βούλομαι) было, чтобы молодые вдовы выходили въ замужество (1 Тим. V, 14).

1351) τοῖς ἀγάμοις, см. выше стр. 52—54.

1352) Ст. 9, γὰρ ἔσαι (аор.), ἢ πορεύσῃ: (настоящ.).

1353) 1 Кор. VII, 18, 19. Выраженіе μὴ ἐπισπάσθω отпосится къ способу, который усвоить былъ отступниками іудеями во времена гоненія съ цѣлю изгладить и отмѣнить печать завѣта, (1 Макк. I, 15; I. Флав. Antt. XII, 5, § 1) и къ усвоенію котораго могъ и христїанинъ испытывать искушеніе съ цѣлю избавиться отъ насмѣшекъ, обрушивавшихся на іудеевъ въ древности (Mart. XVII, 29). Раввины опредѣлили, что всякій сдѣлавшій это долженъ былъ обрѣзываться вновь. Равв. Іегуда отвергалъ это вслѣдствіе опасности; но мудрые мужи отвѣчали, что это часто дѣлалось безъ всякихъ пагубныхъ послѣдствій во времена Бар-Кохбы (Yebhamoth, f, 72, 1; *Buxtorf*, Lex. Chald. подъ слов. 𐤒𐤕𐤔, *мешукима*—recutiti).

1354) 1 Кор. VI, 21. ἀλλ' εἰ καὶ δύναται ἐλευθερὸς γενέσθαι, μᾶλλον χρῆσαι. Слово δουλεῖν я принимаю въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его Златоустъ, Θεодоритъ, Лютеръ, Бенгель, Де-Ветте, Мейеръ и пр. Сн. 1 Тим. VI, 2. Я принимаю этотъ взглядъ 1) потому, что вся аргументація обращается на желанности *пробыванія въ настоящемъ состояніи*, каково бы оно ни было, въ виду ожидаемой близости дня Господня; 2) потому что къ этому взгляду приходили также возвышенные стоическіе моралисты, которые подобно Эпиктету знали, что даже рабъ могъ жить благородною жизнью (*Epictet*. Dissert. III, 26, *Ench*. X, XXXII). Земныя состоянія суть только χρῆσις φαντασίων; см. Колосс. III, 22; 3) потому что ап. Павелъ въ этотъ моментъ быть можетъ имѣлъ въ виду христїанскихъ рабовъ христїанскихъ господъ, которые обращались съ ними какъ съ братьями; 4) потому что выраженіе χρῆσθαι скорѣе обозначаетъ продолженіе существующаго, чѣмъ принятіе новаго состоянія. Иначе едвали можно вообразить, чтобы онъ далъ такой совѣтъ, такъ какъ „человѣкъ долженъ пребывать въ своемъ званіи, если только оно не вредно для его вѣры и нравственности“ (*Aug. ad Gal*. II, 11); но едвали можно было сказать о рабствѣ. „Impudicitia.... in servo necessitas“ (*Senec. Controv. IV, Praef.*). Дѣти выросли въ безпорядочности; старцы умирали часто въ бѣдственности“ (*Wallon, De l'Esclavage I, 332*).

1355) VII, 10—24. Стихи 17—24 составляютъ маленькое отступленіе отъ общаго правила, что лучше всего оставаться довольнымъ нашей настоящей долей. Въ ст. 23 онъ говоритъ съ прекрасною игрою словъ: „Вы рабы въ одномъ смыслѣ; не *дѣлайтесь* ими въ другомъ смыслѣ“.

1356) Ст. 29 συνεσταλμένος.

1357) Ст. 31 καταχράμενοι; см. IX, 12, 18. περιμνῆ, ἐπαρעדρον, ἀπερισπάστος; см. Лук. X, 41.

1358) Среди народовъ одни іудеи выражали святость брака во всѣхъ названіяхъ, которыя прилагались ими къ нему. *Киддушимъ* отъ кадошъ „освящать“; *мекадешъ* „женихъ“ и пр. Выраженіе „*харе-ав-мекудешевъ-ли*“—„вотъ ты освящена для меня“ еще и теперь женихъ употребляетъ въ обращеніи къ невѣстѣ (*Rabbinowicz. Legisl. crimenelle du Talmud*, стр. 227).

1359) VII, 25. О правахъ іудейскихъ отцовъ надъ ихъ незамужними дочерьми см. Ketubhoth, f. 46, 2. Они были такъ неограничены, что онъ могъ даже *продать* свою дочь (*Kidduschin*, 3 b; Ketubhoth, 46, b). Когда однакоже она достигала „цвѣта своего возраста“, она могла отказать всякому мужу, данному ей прежде чѣмъ она была дѣйствительно nubile. Отказъ ея технически

назывался *міонъ* מִיּוֹן (Yebhamoth, 107 b). Она могла быть отдана въ замужество будучи еще *кетанна*, т. е. равнше двѣнадцатилѣтняго возраста. По достиженіи этого возраста она называлась *наарахъ* (נָאֲרָה), черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого считалась достигнушею своей полной зрѣлости и становилась *байрохъ* (בְּיָרוּה). См. талмудическіе источники у Раббиновича, *Trad. des Traités Synhedrin* и пр., *Legislation criminelle du Talmud*, стр. 214; *Weill*, *La Femme juive*, стр. 11—14. О попеченіи о вдовахъ см. id. стр. 72.

1360) Въ настоящее время іудейскій рѣзакъ, который долженъ пройти особый курсъ изученія, практически рѣшаетъ, что чисто (*торъ*) и что нечисто (*тамѣ*). Когда онъ находитъ, что извѣстное животное не имѣетъ указаннаго закономъ порока, то привѣшиваетъ къ нему оловянную печать съ словомъ „позволительно“ (*кашаръ*) на ней (*D'Israeli*, *Genius of Judaism*, 156; *Dict. Bibl.* подъ слов. *Pharisees*; *McCaul*, *Old Paths*, 380—386, 396—402; см. выше стр. 293).

1361) Ст. 10. Такія празднества часто бывали въ храмахъ:

„Hoc illis curia templum,
Hæ sacris sedes epulis; hic ariete cæso
Perpetuis soliti Patres considerare mensis“
(Aen. VII, 174).

Ся. Геродотъ, I, 31; Суд. IX, 27; 4 Цар. XIX, 37.

1362) Терт. De Præscr. Негр. 8.

1363) VIII, 1—13. Здѣсь по обычаю ап. Павелъ является стоящимъ неизмѣримо выше раввиновъ. Въ трактатѣ *Abhoda Zara* f. 8, 1 равв. Измаилъ излагаетъ правило, что если израильтяне „виѣ земли“ приглашаются на языческіе похороны, то они „ѣдятъ отъ жертвы мертвыхъ“, даже если они берутъ съ собою свою собственную пищу и пользуются услугами своихъ собственныхъ слугъ. Въ подтвержденіе этого жестокаго и фанатическаго рѣшенія онъ ссылается на Исх. XXXIV, 15, откуда онъ выводилъ, что принятіе приглашенія равносильно яденію такой жертвы. Равв. Иохананъ Хоровитъ не сталъ бы ѣсть *сырыхъ* маслинъ даже во время голода, если онѣ подаются *ам-наарецомъ*, такъ какъ онѣ могли впитать въ себя воду и такимъ образомъ сдѣлаться нечистыми (Yebhamoth, f. 15, 2).

1364) Я старался здѣсь сдѣлать ясною отнюдь неочевидную связь мысли, проходящей по этимъ главамъ. Тутъ могла быть и случайная переставка. Тѣ, которые думаютъ, что 2 Кор. VI, 14—VII, 1 поставлено не на своемъ мѣстѣ, находятъ для него надлежащее мѣсто именно здѣсь.

1365) Онъ описываетъ уступки (συγκατάβασις) любви. Paulus non fuit apomus, nedum anti-pomus (*Bengel*). „Беззаконникъ“ — имя, подъ которымъ на него дѣлается прикровенная клевета въ подложномъ письмѣ Петра къ Іакову (Клементины, гл. II).

1366) Въ этихъ мѣстахъ увѣщанія къ общему долгу самоотверженія тѣсно связаны съ доводами въ пользу частнаго самоотверженія—снисхожденія къ немощнымъ,—къ которому онъ убѣждаетъ въ этомъ отдѣлѣ. „Въ одной партіи вѣра недостаточно была сильна для того, чтобы порождать свободомыслящее знаніе, а въ другой не довольно сильна для того, чтобы произвести братскую любовь“ (Kling).

1367) Его борьба не была лишь на показъ (εμφαχία); онъ наносилъ ударъ не по воздуху (ὡς οὐκ ἀέρα δέρον).

1368) ὑποπλάζω; букв. „съ синяками подъ глазами отъ ударовъ, какъ въ борьбѣ“. *Lividum facio corpus meum et in servitutem redigo* (*Iren.* IV, 7).

1369) IX, 1—27; κηρύξας, христіанскій провозвѣстникъ законовъ борьбы, также кандидатъ въ ней.

1370) Fiducia verbi Mosis commiserant se aquis (Меланхтонъ).

1371) X, 1—XI, 1. Раздѣленіе на главы здѣсь неправильно на одинъ стихъ. Объ одухотво-

реніи и практическомъ приложеніи ветхозавѣтной исторіи у ап. Павла см. выше стр. 32—38. Другіе примѣры см. V, 7; Гал. IV, 22; Евр. VII и пр.

¹³⁷²⁾ X, 8. „Двадцать *три* тысячи“. Быть можетъ *σφάλα μνημονικόν* въ отношеніи 24,000 (Числ. XXV, 9).

¹³⁷³⁾ Сн. 2 Кор. VI, 14 и сл. Злые духи занимали важное мѣсто въ мысляхъ и ученіи іудейскихъ раввиновъ; напр. Лилиа, первая жена Адама, была отъ него матерью всѣхъ демоновъ (Psachim, f. 112, 2). Какъ въ таинствѣ евхаристіи христіанинъ входитъ въ таинственное единеніе со Христомъ, такъ въ яденіи идоложертвеннаго человѣкъ вступаетъ въ символическую связь съ діаволами. Пфлейдереръ сравниваетъ греческую легенду, по которой чрезъ вкушеніе плода подземнаго міра человѣкъ дѣлался достояніемъ его (Paulinism. I, 239).

¹³⁷⁴⁾ Языческіе боги какъ идолы были *εἰδωλα* — *эидилимъ*, предполагаемые, недѣйствительные, воображаемые; но съ другой стороны они были демоны. Раввины такимъ же образомъ смотрятъ на идоловъ съ двухъ точекъ зрѣнія, т. е. какъ на мертвыя матеріальныя вещи и какъ на демоновъ. „Называешь ли ты идоломъ собаку?“ спросилъ одинъ „мудрецъ“ у раббана Гамалиила. „Идолъ есть дѣйствительно нѣчто“. „Что такое?“ спросилъ Гамалииль. „Нѣкогда въ нашемъ городѣ былъ пожаръ, сказалъ „мудрецъ“, и храмъ идола остался цѣлымъ, хотя сгорѣли всѣ другіе дома“. На это замѣчаніе раббанъ не далъ отвѣта (Abhoda Zaga, f. 54, 2). Почти словами ап. Павла Зонаръ сказалъ однажды раввину Акибѣ: „какъ ты, такъ и я—мы оба знаемъ, что идолъ ничто въ себѣ“; но затѣмъ онъ спрашиваетъ, какъ же въ святилищѣ идола совершаются несоимѣнныя чудеса исцѣленія? Акиба считаетъ исцѣленіе простымъ случайнымъ совпаденіемъ съ тѣмъ временемъ, когда болѣзнь устранилась бы просто сама собою, естественнымъ путемъ (Abhoda Zaga f. 55, 1).

¹³⁷⁵⁾ Касательно *ἐξουσίαν* см. Stanley, Corinth., ad loc. Попытки читать *ἐξουσία* и пр. негѣлы. Слово это быть можетъ имѣетъ разговорный характеръ, и если такъ, то въ объясненіи его легко ошибиться. Если ап. Павелъ изобрѣлъ его, то это быть можетъ гебраизмъ, или быть можетъ означаетъ собственную власть жены, заключающуюся въ принятіи знака власти ея мужа надъ нею. Шардинъ говоритъ, что въ Персіи покрывало служить знакомъ того, что „замужняя женщина находится въ подчиненіи“. См. Term. De Vel. Virg. 7, 17; и въ разъясненіе упомянутого взгляда св. Златоуста см. Тов. XII, 12; Пс. CXXXVII, 1 (LXX); Ефес. III, 10.

¹³⁷⁶⁾ Объясненіе этого намека см. выше Приложение IV.

¹³⁷⁷⁾ XI, 1—17. Последняя фраза—интересная въ смыслѣ указанія на нелюбовь ап. Павла къ бесполезнымъ и нарушающимъ порядокъ нововведеніямъ—похожа на раввинскую фразу: „наша *салаха* иначе“; вашъ обычай есть *текана* т. е. новшество, *טקנה* (Babha Metzia, f. 112).

¹³⁷⁸⁾ Для яснаго пониманія текста необходимо различать эти понятія. „Недостойно“ есть вѣроятно глосса, хотя и правильная, *κλόμενον* „ломимое“ повидимому нечуждо догматическихъ основаній. Оно опущено въ *κ*, *Α*, *Β*, *С*, а *Δ* читаетъ *θροπτόμενον*, быть можетъ на основаніи Іоан. XIX, 36.

¹³⁷⁹⁾ Въ 2 Кор. V, 16 повидимому разумѣется грубое и страшное злоупотребленіе самаго начала, что будто бы люди духовнаго озаренія освобождались отъ простаго признаванія Іисуса. Этого легко было ожидать въ виду того, что мы знаемъ о „вѣчномъ евангеліи“ въ XIII столѣтіи и о другихъ подобныхъ движеніяхъ въ различныя времена церкви (Maurice. Unity, 445). Какъ странно было бы для этихъ „озаренныхъ“ (*illuminati*) сказать, что *высшее* дѣйствіе Духа заключается въ признаваніи Іисуса!

¹³⁸⁰⁾ XII, 8—10. Въ текстѣ, не входя въ подробности, я указалъ возможную классификацію, на которую указываетъ выраженіемъ *ἐτέρφ* (9, 10), какъ составляющемъ противоположность съ *φ* *μὲν* и *ἄλλφ*. „Знаніе“ (*γνῶσις*) какъ отличное отъ „мудрости“ имѣетъ дѣло съ „тайнами“ (XIII, 2; XV, 51; XIII, *passim*).

1381) XII, 1—31. См. прекрасное мѣсто у *Maurice*, *Unity*, 469 и сл., гдѣ это пониманіе противопоставляется *искусственному* взгляду на общество въ *Hobbes Leviathan*. Абсолютное единство іудеевъ и язычниковъ (ст 13) въ крещеніи и евхаристіи, — откуда выходило, что іудей отселѣ должны были составлять только „умалѣющее большинство въ царствѣ Мессіи“, — вмѣстѣ съ крестомъ было главнымъ камнемъ преткновенія для іудеевъ.

1382) *Erythraea aera* (*Virg. Georg. II*, 464); коринфская бронза (*Plin. H. N.* 34, 2, 3).

1383) Ст. 4 οὐ περπερεύεται. *Perregus* — „хвастунъ“. „О небо! какъ я *рисовался* (*ἐνπεπερούμενον*) передъ моимъ новымъ авдиторомъ, Помпей!“ (*Cic. ad Att. I*, 14).

1384) XIII, 5 „не мыслить зла“. Противоположно тому, когда строго замѣчаются всѣ недостатки и проступки.

1385) Ст. 7, στέγει означаетъ „терпѣть“, „сносить“. Классическое значеніе его „держитъ воду“; и это совершенно вѣрно въ отношеніи любви съ ея вѣжною застѣнчивостью и самоподавленностью, οὐδὲν βάνυσον ἐν ἀγάπῃ (*Clem. Rom.*).

1386) Ст. 8 οὐδέποτε ἐκπίπτει. Такъ можно понимать это выраженіе, какъ и у *Іак. I*, 11 ἐξέπесте (*Ис. XXVIII*, 4); другіе предпочитаютъ классическій смыслъ: „никогда не сгоняется свистками со сцены“, должна всегда играть свою роль на сценѣ вѣчности.

1387) XIV, 16 πῶς ἐρατὶ τὸ Ἀμήν. „Тотъ, кто говорить аминь, больше того, кто благословляетъ“ (*Berachoth*, VIII, 8).

1388) Почему онъ благодаритъ Бога за даръ, которому онъ придаетъ такое невысокое значеніе въ качествѣ элемента богослуженія? потому, что высшее его значеніе было *субъективное*. Тотъ, кто былъ способенъ къ нему, во всякомъ случаѣ не былъ мертвымъ: сердце его не окаменѣло; не былъ лишенъ чувства; могъ чувствовать прямое вліяніе Духа Божія на свой собственный духъ.

1389) „Лучше полдесятка назидательнаго свойства, чѣмъ тысячь десять другихъ“ (*Besser*).

1390) XIV, 21 ἐν τῇ νόμφ. Такъ *Пс. LXXI*, 6 приводится въ *Іоан. X*, 34 какъ „законъ“. Объ этомъ мѣстѣ см. выше стр. 34, прим. 87.

1391) XV, 8 τῷ ἐκτρέφειν (сн. *Числ. XII*, 12, *LXX*; см. также *Пс. LVII*, 8).

1392) XV, 1—12 (сн. *Epict. Diss. III*, 1, 36).

1393) „Такъ именно *во Христѣ* всѣ оживутъ“. Здѣсь заключается одна изъ антиномій, которыя ап. Павелъ оставляетъ одну подлѣ другой. Съ одной стороны „жизнь во Христѣ“ соразмѣрна съ „смертью въ Адамѣ“; съ другой — только тѣ, кто „во Христѣ“, оживутъ. Жизнь здѣсь едва ли означаетъ менѣе чѣмъ спасеніе. Но это утверждается о всѣхъ вообще, а Адамъ и Христосъ противопоставляются какъ смерть и жизнь. Очевидно въ этомъ и другихъ мѣстахъ языкъ апостола подсказываетъ естественное заключеніе, что „принципъ, осуществившійся во Христѣ, имѣетъ достаточно энергіи, чтобы оживотворить всѣхъ людей для воскресенія къ блаженной жизни“ (*Baur*, *Paul*, II, 219). Но если мы хотимъ придти къ суровой эсхатологической доктринѣ, то должны сравнить одно мѣсто съ другимъ. См. Приложение XXI: „Богословіе и антиноміи ап. Павла“.

1394) Быть можетъ это лишь мимолетный *argumentum ad hominem*; если такъ, то это показываетъ на великодушную терпимость ап. Павла, не останавливающагося для изобличенія такого суевѣрнаго обряда. Нѣтъ надобности доказывать, что здѣсь „крещеніе для мертвыхъ“ означаетъ именно „крещеніе для мертвыхъ“, а не имѣетъ того смысла, который влагали въ него разные комментаторы, старающіеся св. писаніемъ подтверждать преданіе, а не искать просто истины.

1395) Конечно метафорически; иначе онъ упомянулъ бы объ этомъ во 2 Кор. XI. Главные пункты аргументаціи въ 29—34 ст. состоятъ въ слѣдующемъ: если нѣтъ воскресенія, то 1) зачѣмъ нѣкоторые изъ васъ крестятся въ пользу своихъ родственниковъ, умершихъ безъ крещенія?

2) зачѣмъ вы живете въ такомъ самоотреченіи? 3) какая надобность въ отверженіи эпикурейскаго взгляда на жизнь среди людей вообще?

¹³⁹⁶⁾ XV, 35—50. Въ этой главѣ мы видимъ наибольшее приближеніе къ *естественнымъ* изъясненіямъ (какъ отличнымъ отъ архитектуральныхъ и агонистическихъ). Деканъ Гаусонъ (Charact. of St. Paul, 6) показываетъ, что образъ изъ естественныхъ явленій больше въ одномъ посланіи Іакова, чѣмъ во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла, взятыхъ вмѣстѣ.

¹³⁹⁷⁾ Ст. 52. „Мертвые воскреснутъ, *мы* (живущіе) измѣнимся“. Вопросы о промежуточномъ состояніи ап. Павелъ, при ожиданіи скорого пришествія Христа, почти совсѣмъ не касается. Смерть есть *κοινασθαι*, воскресеніе *συνδοξασθῆναι*. Думалъ ли онъ, что существуетъ промежуточное состояніе, ожидающее насъ на небѣ немедленно по разрушеніи нашей земной храмини? Наибольше близкое отношеніе къ этому вопросу имѣетъ 2 Кор. V, 1—4 (Pfleiderer, 1, 261).

¹³⁹⁸⁾ *Θάνατος* (не *θάνατος*), *κ*, A, B, C, D, E, F, G.

¹³⁹⁹⁾ XV, 50—58. „Весьма очевидно, что апостолъ здѣсь разсматриваетъ всю исторію міра и людей какъ сцену столкновенія двухъ принциповъ, изъ которыхъ одинъ господствуетъ сначала, но затѣмъ ниспровергается и уничтожается другимъ. Первый изъ этихъ принциповъ есть смерть; имъ начинается исторія міра и завершается, когда смерть, а съ смертю и дуализмъ, который лежитъ въ основѣ развитія исторіи, совершенно исчезаетъ изъ него“ (Baur, Paul, II, 225). Въ этой главѣ подъ воскресеніемъ опредѣленно разумѣется воскресеніе „во Христѣ“. О *конечной* участи тѣхъ, которые погибаютъ теперь (*ἀπολλύμενοι*), ап. Павелъ нигдѣ не говоритъ съ опредѣленностью. Но онъ говоритъ о конечномъ пораженіи смерти, послѣдняго врага (гдѣ „смерть“ повидимому имѣетъ болѣе глубокий духовный смыслъ); онъ говоритъ (Рим. VIII, 19—23), что „вся тварь (*πάντα ἡ κτίσις*) освобождена будетъ отъ рабства тлѣнью въ свободу славы дѣтей Божіихъ“; онъ противопоставляетъ всеобщности непослушанія человѣка всеобщность милосердія Бога; говорить, что гдѣ умножились грѣхъ, тамъ стала преизобилывать благодать (Рим. V, 20); онъ говоритъ о *воленіи* Божіемъ милость своєю соразмѣрить съ всеобщимъ грѣхомъ (Рим. XI, 32); останавливается на разрѣшеніи дуализма въ единствѣ и на направленіи всего къ Богу (*εἰς αὐτόν τὰ πάντα*, Рим. XI, 30—36); вся его великолѣпная философія исторіи состоитъ въ показаніи (Рим., Гал. *passim*), что всѣ низшія и скорбныя ступени въ состояніи человѣка составляютъ необходимое средство къ достиженію высшихъ; и онъ говоритъ, что Богъ наконецъ „будетъ все во всемъ“; какія бы антиноміи ни оставались не разрѣшенными, пусть христіане должнымъ образомъ взвѣсять эти истины.

¹⁴⁰⁰⁾ XVI, 12 *θέλημα* означаетъ не „волю Аполлоса“, но (вѣроятно) „волю Божію“.

¹⁴⁰¹⁾ Я не могу утверждать, что вполнѣ понимаю, что собственно разумѣетъ этимъ ап. Павелъ. Комментаторы называютъ это „проклятіемъ“; но такое проклятіе не въ духѣ ап. Павла. „Анаеема“ есть еврейскій *херемъ* Лев. XXVII, 29; Числ. XXI, 2, 3 (*горма*); I. Нав. VI, 17. Но позднѣйшіе іудеи употребляли его въ смыслѣ „отлученія“—временнаго ли (*нидуи*), или строгаго. Самая строгая форма его называлась *шемава*. Отцы большею частью принимаютъ его въ смыслѣ „отлученія“ здѣсь и въ Гал. I, 8, 9, и нѣкоторые въ *маранава* видятъ намекъ на *шемава* (нія грядетъ). Но это вѣроятно лишь выводы изъ послѣдующихъ соображеній. Это есть внезапное выраженіе глубокаго чувства, и что то менѣе ужасно, чѣмъ звучитъ, это можно выводить изъ 1 Кор. V, 5; 1 Тим. I, 20, гдѣ дѣлю служатъ исправленіе, а не гнѣвъ. Объ анаеematствованіи см. Матѣ. XXVI, 74; Дѣян. XXIII, 12.

¹⁴⁰²⁾ Подпись по обычаю подложна. Она возникла изъ ошибочнаго вывода изъ XVI, 5. Самое посланіе показываетъ, что оно написано въ Ефесѣ (XVI, 8), и хотя быть можетъ оно было доставлено Стефаномъ, Фортунатомъ и Ахалкомъ, но во всякомъ случаѣ не Тимошеемъ.

ГЛАВА XXXIII. ¹⁴⁰³⁾ Употребленіе этого выраженія св. Лукою есть одинъ изъ интересныхъ слѣдовъ его личнаго сношенія съ ап. Павломъ (см. 1 Кор. XVI, 9).

1404) VIII, 17. Что при этомъ на первыхъ порахъ Титъ выказывалъ нѣкоторую неохотность, это видно изъ того способа, какимъ ап. Павелъ чувствовалъ себя вынужденнымъ ободрять его въ миссіи.

1405) 2 Кор. VIII, 1; IX, 2. Филиппы, съ другой стороны, были бы первымъ городомъ, котораго онъ могъ достигнуть.

1406) ὀλίγος, ὀλίγοι (2 Кор. I, 4, 6, 8; II, 4; IV, 8; VIII, 13).

1407) „Апостолъ изливаетъ имъ свое сердце, и проситъ ихъ въ свою очередь не о холодной, сухой, критической оцѣнкѣ своего краснорѣчія, или о сравненіи его ученія съ другими доктринами, но о сочувствіи какъ членовъ церкви, если не любви какъ дѣтей“. Отдѣльныя части посланія, взятая сама по себѣ, могли бы казаться „почти до мучительности личными“ и мы „могли бы думать, что человѣкъ въ нихъ замѣнилъ посланника. Но когда мы узнаемъ, какъ неразлучны здѣсь по существу человѣкъ и посланникъ, то „неразуміе“, похвальба, стыдъ стануть не просто проявленіями характера, но проявленіями тѣсной связи, въ которой одинъ человѣкъ находился по отношенію къ другому“ (*Maurice, Unity, 488*).

1408) Мнѣніе, что во второмъ посланіи разумѣется совершенно другой грѣшникъ, о которомъ говорилось въ какомъ нибудь затерянномъ письмѣ, кажется намъ несостоятельнымъ, несмотря на то, что его держатся многіе важные критики (Де-Ветте, Блеекъ, Креднеръ, Ольстаузенъ, Неандеръ, Эвальдъ и др.), которые въ той или другой формѣ принимаютъ эту гипотезу. Я не нахожу ничего несообразнаго съ болѣе древнимъ взглядомъ ни въ тонѣ 1 Кор., ни въ произведенномъ имъ дѣйстви, ни въ возбужденности ап. Павла, ни въ движеніяхъ Тита, ни въ языкѣ касательно самаго грѣха или преступленія. Но у меня не имѣется достаточно мѣста, чтобы подробно входить въ разсмотрѣніе этого вопроса.

1409) См. Hausgrath, стр. 420.

1410) V, 13 εἴτε γὰρ ἐξέστημεν XI, 1, ὄφελον ἡνεύχασθαι μου μικρόν τι τῆς ἀφροσύνης 16, μή τις με δόξῃ ἀφρονα εἶναι (см. XII, 6).

1411) XII, 16, ὑπάρχων πανούργος δόλω ὑμᾶς ἐλαβόν. Очевидно ссылка на поносительную клевету, которую онъ опровергаетъ затѣмъ.

1412) Теперь оно не существуетъ болѣе.

1413) Подлинность этого посланія никогда не возбуждала вопроса. Три главные отдѣла его: I—VII, увѣщательный и ретроспективный съ проходящимъ подъ нимъ теченіемъ апологіи; VIII, IX, распоряженія касательно сбора приношеній; X—XIII, защита апостольскаго положенія. Болѣе подробный разборъ будетъ данъ въ своемъ мѣстѣ. Но посланіе это наименѣе систематическое, между тѣмъ какъ первое есть наиболѣе систематическое изъ всѣхъ посланій ап. Павла.

1414) Особенно въ 2 Кор. X, XI, XII. Это находить для себя иллюстрацію въ частомъ повтореніи слова „надмеваться“ въ 1 Кор. *passim*; но еще оно встрѣчается только въ Кол. II, 18.

1415) *Ps. Clement, Hom. XVII, 13* и сл. πῶς δὲ σοὶ καὶ πιστεύομεν αὐτό...; πῶς δὲ σοὶ καὶ ὠφελεῖ, ὁπότῃ αὐτοῦ τὰ ἐνάντια τῇ διδασκαλίᾳ φρονεῖς.

1416) Но, какъ замѣчаетъ Станлей (Сог. р. 348), „благодарственность первой части омрачается негодованіемъ третьей, и даже распоряженія касательно дѣла по сбору приношеній окрашиваются отраженіями какъ его радости, такъ и его скорби. И во всѣхъ этихъ отдѣлахъ, хотя они имѣютъ сами по себѣ строго личный характеръ, апостолъ уносится въ высшую область, въ которой онъ постоянно жилъ, такъ что это посланіе дѣлается наиболѣе поразительнымъ примѣромъ проникающей болѣе или менѣе всѣ его сочиненія новой философіи жизни, изливаемой не въ систематическихъ трактатахъ, но въ случайныхъ порывахъ человѣческаго чувства“.

1417) Нить посланія историческая, но переплетена отступленіями. Оборванные нити повѣствованія встрѣчаются въ I, 8, 15; II, 1, 12, 13; VII, 5; VIII, 1; IX, 2; XIII, 1.

1418) Ст. 6. Таково положеніе этихъ словъ въ большей части прописныхъ манускриптовъ.

1419) „Communio sanctorum“ Филип. II, 26 (Bengel).

1420) I, 1—11; I, 8. ὅστε ἐξαπορηθῆναι, хотя вообще онъ былъ ἀπορούμενος οὐκ ἐξαπορούμενος, IV, 8. ἀπόκριμα τοῦ θανάτου на вопросъ: „какъ все это кончится“—единственный повидимому былъ отвѣтъ—„смертью“, καθ' ὑπερβολήν IV, 17; Рим. VII, 13; 1 Кор. XII, 31; Гал. I, 13.

1421) I, 12. ἀπλοτής, въ отвѣтъ на обвиненіе въ двуличности, есть характеристическое слово этого посланія (VIII, 2; IX, 11, 13; XI, 3); но здѣсь κ, Α, Β, С, К читаютъ ἀγιότητι.

1422) I, 14, ἀπὸ μέρους.

1423) Я нигдѣ не встрѣчалъ даже хоть сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія этого мѣста. По мнѣнію св. Златоуста оно означаетъ: „Выказалъ ли я легкомысліе, или предпринимаю ли я по плоти, такъ что да у меня должно быть всегда да, я нѣтъ всегда нѣтъ, какъ это бываетъ у человѣка міра, который строить планы независимо отъ того, что Богъ можетъ измѣнить ихъ?“ Такъ какъ здѣсь нѣтъ выразительныхъ утвержденій, то Матѳ. V, 37 и Іак. V, 12 не проливаютъ свѣта на это мѣсто, если только какія нибудь подобныя слова не приводились противъ него въ томъ извращенномъ смыслѣ, что когда ты разъ сказалъ известную вещь, ты долженъ во что бы то ни стало исполнить ее, какъ бы ни измѣнялись обстоятельства.

1424) Сравни Ἀμήν, ἀμήν („истинно, истинно“), которыми изобилуютъ евангелія. Я читаю διό καὶ ὁ αὐτοῦ съ кодексами κ, Α, Β, С, D, F, G.

1425) ἀρραβών, заработныя деньги, уплата, προκαταβολή; древнее (רַבָּנָה, Быт. XXXVIII, 17, 18; arrhabo—Plaut. Rud. Prol. 46) и новое слово (фр. arrhes) сдѣлались ходячими въ семитской торговлѣ (сн. ἀπαρχή Рим. VIII, 23).

1426) I, 23. Здѣсь и, какъ мнѣ думается, во II, 1 и XIII, 1 гл. онъ говорить о своемъ *предполагаемомъ* посѣщеніи какъ о совершившемся. Въ англ. переводѣ ошибочно принимается οὐκέτι за обпо; но это выраженіе вполне уясняетъ эти возбуждавшіе много споровъ стихи и склоняетъ меня къ мнѣнію, что ап. Павелъ послѣ написанія этого посланія посѣщалъ Коринѳъ не болѣе одного раза.

1427) Букв. „разсудилъ не приходить къ вамъ опять съ огорченіемъ“, что было бы, *если бы* онъ еще разъ посѣтилъ ихъ въ огорченіи и былъ бы вынужденъ придти и во второй разъ въ томъ же настроеніи. Несомнѣнно слова эти буквально означаютъ, что онъ *уже* посѣтилъ ихъ *разъ* въ огорченіи, и это выраженіе едва ли было бы правильно въ отношеніи его *перваго* посѣщенія; но онъ употребляетъ его просто съ обычною у него живостью, какъ будто *предполагаемое* имъ посѣщеніе (которое, въ случаѣ осущ. ствленія его, *было бы* въ огорченіи) было уже осуществившимся посѣщеніемъ. Πάλιν опущено въ D, E, F, G. Теодоритъ, который долженъ бы знать дѣйствительное значеніе греческихъ выраженій, принимаетъ πάλιν ἐλθεῖν просто въ смыслѣ „повторенія посѣщенія“, совершенно отдѣляя его отъ ἐν λόπῃ.

1428) Это опять одно изъ тѣхъ двусмысленныхъ выраженій (происходящихъ отъ возбужденности писателя и деликатности затрогиваемыхъ предметовъ, а также отъ желанія быть добрымъ и справедливымъ, не смотря на то, что многое подлежитъ порицанію), по отношенію къ которымъ невозможно быть увѣреннымъ въ точности толкованія. Я отчасти слѣдовалъ взгляду св. Златоуста.

1429) *Нѣкоторые* очевидно выказали свое омерзеніе къ нему. Во II, 6 „наказаніе“ выражается словомъ ἁτιμία, а не κόλασις или τιμωρία; но общее значеніе есть именно наказаніе (Прем. III, 10; Филонъ, περὶ ἀθλῶν καὶ ἁτιμιῶν „о наградахъ и наказаніяхъ“).

1430) II, 10. Лучшее чтеніе повидимому есть ὁ κηχάρισται, εἰ τι κηχάρισται, κ, Α, Β, С, F, G. Здѣсь очевидно мы не знаемъ многихъ обстоятельствъ; но мы заключаемъ, что приговоръ ап. Павла объ отлученіи, какъ повелѣно было привести его въ исполненіе въ его прежнемъ посланіи, не былъ исполненъ, отчасти потому, что нѣкоторые воспротивились ему, но также отчасти и потому, что грѣшникъ раскаялся вслѣдствіе своего исключенія отъ общенія со стороны большинства членовъ въ церкви. Ап. Павелъ могъ бы разгнѣваться на то, что его приказъ не былъ исполненъ

церковію; но онъ напротивъ остался доволенъ тѣмъ, что ему оказано было отчасти повиновеніе, и отмѣняетъ свой приказъ, который вслѣдствіе благовременнаго покаянія сдѣлался излишнимъ.

1431) Объ этой метафорѣ см. *выше*. Приложение III. Последнимъ большимъ триумфомъ въ Римѣ былъ триумфъ Клавдія, когда среди плѣнныхъ былъ Карадокъ.

1432) II, 17. *οἱ πολλοί* есть сильное выраженіе, но *οἱ λοιποί* „остальные“, какъ читаютъ D, E, F, G, I, отличается еще большею горячностью. Возможно, что оно смягчено было измѣненіемъ въ другое чтеніе, все равно какъ *οἱ πολλοί* было смягчено въ *πολλοί*. Нужно помнить, какъ многочисленны и различны были элементы заблужденія, въ Коринѣ—обманъ, раздоръ, фарисейство, распушенность, надменность; и ап. Павелъ (Рим. V) повидимому чаще употребляетъ *οἱ πολλοί*.

1433) III, 1. Удивительно, что эвонитская ненависть пылаетъ противъ ап. Павла еще во II столѣтіи и прикровенно поноситъ его за то, что онъ не имѣлъ *ἐπιστολαὶ συστατικαί* отъ Іакова. Всѣ, приходившіе безъ такихъ писемъ, должны были считаться ложными пророками, ложными апостолами и пр. (см. 2 Кор. XI, 13; Гал. II, 12). (*Ps. Clem. Recogn. IV. 34; Rom. XI, 35*).

1434) Чт. *καρδιαί*; въ K, A, B, C, D, E, G. Касательно метафоры ср. Притч. III, 3; VII, 2; Иезек. XI, 19; Исх. XVIII, 31.

1435) Сравни отождествленіе посѣянаго сѣмени съ принимающими его сердцами въ Марк. IV, 16.

1436) III, 6, *ἀποκτείναι*; Рим. IV, 15; VII, 6, 7, 10, 11; Гал. III, 10; Іоан. VI, 63. *ζωοποιεῖ*, Рим. VI, 4, 11; VIII, 2, 10; Гал. V, 2.

1437) III, 7. Моисей налагалъ покрывало на свое лицо не для того, чтобы ос. абить блескъ, когда онъ говорилъ, но (какъ разумѣть здѣсь ап. Павелъ) чтобы прикрыть исчезновеніе блеска, когда онъ оканчивалъ рѣчь — *καταργούμαι* (1 Кор. I, 28; II, 6; VI, 13; XIII, 8, 11; XV, 24—двадцать два раза въ этой группѣ посланій).

1438) III, 10, 11, *οὗ δαδὲξασται τὸ δαδὲξασμένον ἐν τούτῳ τῇ μέρῃ*.

1439) III, 16, *ἐπιστραφεῖ περιαιρεῖται*.

1440) III, 18, *κατοπτρίζομενοι*. Св. Златоустъ и др. придаютъ этому смыслъ „отраженія“; но примѣровъ такого смысла повидимому нѣтъ.

1441) IV, 2. См. 1 Кор. IV, 5. Отсюда частое употребленіе слова *φανερὸν* въ этомъ посланіи (II, 14; III, 3; IV, 10; V, 10, 11; VII, 12; XI, 6).

1442) См. Іоан. XIV, 30; Ефес. II, 2. *Grandis sed horribilis descriptio satanae* (Bengel).

1443) Объ былъ *σκεῶς ἐκλογῆς* (Дѣян. IX, 15), но самый *σκεῶς* былъ *ἐσθράκων*. *Lo vas d'elezione* (*Dante, Inf. II, 28*).

1444) „Богъ проявляетъ смерть въ жизни, и жизнь въ смерти“ (Альффордъ).

1445) См. *Plat. Phaedo*, 79.

1446) Прем. IX, 15 „Земная хранина (*υἱὸς σκῆνος*) отягощаетъ душу“.

1447) V, 3. Я понимаю это въ смыслѣ „бездѣльности“. Выраженіе это повидимому указываетъ на нѣкоторое состояніе, отличное отъ состоянія бездѣльных духовъ—между смертью смертнаго и принятіемъ воскресшаго тѣла (ср. *Hdt. V, 92; Thuc, III, 58*).

1448) Опять и здѣсь обращаетъ на себя вниманіе странная спутанность иносказаній. Только величайшіе писатели могутъ рискнуть писать такъ; только тѣ, мысли которыхъ подобны пламени, что разрываетъ свѣтильникъ языка, чтобы излить больше теплоты и свѣта.

1449) Не легко усмотрѣть тѣсное соотношеніе между воздаяніемъ по дѣламъ и свободнымъ оправданіемъ вѣрою во Христѣ, полнымъ прощеніемъ грѣховъ и истребленіемъ бывшаго противъ насъ рукописанія — о чемъ именно ап. Павелъ говоритъ въ V, 19, 21; Рим. III, 25; Кол. II, 14. Но вѣра столь же мало беспокоится неразрѣшимыми антиноміями въ царствѣ благодати, какъ и въ царствѣ природы (см. *выше* Приложение XXI, стр. 858 и 859).

1450) V, 11. Такъ понимаетъ это выраженіе св. Златоустъ и др., но это одинъ изъ тѣхъ

многих стиховъ въ этомъ посланіи, относительно которыхъ трудно установить вполне достовѣрное толкованіе. Онъ можетъ означать: „зная, что страхъ Божій (*timorem Domini*, по Вульгатѣ) есть правило моей собственной жизни, я стараюсь убѣдить васъ въ этой истинѣ; что это именно такъ, Богу уже извѣстно“.

¹⁴⁵¹⁾ „Моя откровенія, состоянія восхищенности, глоссолалія — суть фазисы сношенія моей души съ Богомъ; мой практическій смыслъ и тактъ—для васъ“.

¹⁴⁵²⁾ 2 Кор. V, 16, ἀπό τοῦ νῦν. Въ Гал. I, 15, 16 ап. Павелъ сказалъ, что „Богъ благоволилъ открыть въ немъ Сына своего“, и по его воззрѣнію „всецѣлая безусловная важность христіанства заключается въ личности Христа. Богъ открылъ ему въ качествѣ Сына Божія того Иисуса, которому онъ противодействовалъ какъ ложному Мессіи. Но воскресеніе поставило его историческаго Христа гораздо выше іудейскаго Мессіи (1 Кор. XV, 8). Смерть Христа порвала его связь съ простыми національными элементами, и Онъ затѣмъ проявился во вселенской и духовной области, въ которой терялось все абсолютное значеніе іудейства. Ап. Павелъ здѣсь говорить, что съ того времени, какъ онъ началъ жить для Христа, который умеръ и воскресъ, Иисусъ для него пересталъ быть Мессіей по плоти. Понятіе о Немъ теперь очистилось отъ всякихъ чувственныхъ, іудейскихъ, личныхъ ограниченій, и Христосъ становится не только тѣмъ, кто жилъ и умеръ въ Иудеѣ, но кто живетъ и царствуетъ въ сердцѣ cadaго христіанина по абсолютному принципу духовной жизни“ (*Baur, Paul. II, 126*). Когда ап. Павелъ освободился сначала отъ своего фарисейства и затѣмъ отъ іудейскохристіанской стадіи своихъ раннихъ убѣжденій, онъ понялъ истину, что воскресшій и вознесшійся Господь всѣхъ сталъ выше всѣхъ мѣстныхъ, семейныхъ и національных ограниченій.

¹⁴⁵³⁾ Значеніе этого стиха выяснено на стр. 552.

¹⁴⁵⁴⁾ Читатель замѣтитъ, какое важное значеніе имѣютъ въ этой величественной самозащитѣ *субстативніе* ἐπιστολαί. Изложеніе сущности и метода служенія Христа есть единственное рекомендательное письмо, которымъ только ап. Павелъ для нихъ по крайней мѣрѣ находитъ возможнымъ пользоваться. Однако, даже при самозащитѣ, столь непріятной ему, какъ возвышенны мысли, на которыхъ онъ останавливается, и какъ благородны принципы, которые онъ старается установить!

¹⁴⁵⁵⁾ Намекъ на законъ Лев. XIX, 19; Втор. XXII, 10, запрещающій сводить въ одно разнородныя вещи, запрягать напр. въ пашнѣ вола и осла вмѣстѣ. Я не нахожу, чтобы VI, 14—VII, 1 отличались особеннымъ характеромъ отступленій и вставокъ, какъ это находятъ другіе.

¹⁴⁵⁶⁾ VI, 15, βελιάρ. *Велиаръ* или *Беміалъ* по первоначальному значенію не есть собственное имя (Притч. VI, 12—человѣкъ лукавый есть *Адамъ беміалъ*); поэтому и не было особеннаго культа Веліару.

¹⁴⁵⁷⁾ Все это подтверждается дѣльнымъ рядомъ цитатъ изъ 2 Цар. VII, 14, 8; Ис. XLIII, 6; и быть можетъ также имѣлось въ виду Іер. XXXI, 3—33; Іезек. XXXVI, 28.

¹⁴⁵⁸⁾ Сн. X, 1. Онъ трогательно принимаетъ этотъ прилагаемый къ нему терминъ.

¹⁴⁵⁹⁾ VII, 12. Чтеніе здѣсь повидимому τὴν σπουδὴν ὁμῶν τὴν ἐπὲρ ἡμῶν πρὸς ὁμᾶς (C, E, I, K.)

¹⁴⁶⁰⁾ Станлей ссылается на *Arnold, Rom. Commonwealth, II, 382*.

¹⁴⁶¹⁾ VIII, 20 (сн. Притч. III, 3 по LXX), ἀρότης, букв. „зрѣлость“. Эти *hарах legomena* часто встрѣчаются въ безспорныхъ посланіяхъ ап. Павла. Онъ быстро усвоивалъ новыя слова. Напр. слово ἐκχορηγῶν (впервые употребленное въ IX, 10 и затѣмъ въ Гал. III, 5; Колос. II, 19; Ефес. IV, 16) онъ могъ усвоить въ Аѳинахъ. Оно неизвѣстно LXX-ти въ Ветхомъ Завѣтѣ, и встрѣчается только въ Сирах. XXV, 22.

¹⁴⁶²⁾ Букв. „апостолы“, но здѣсь въ простомъ, нетехническомъ смыслѣ „уполномоченныхъ посланниковъ“. Кто именно были эти двое братьевъ, совершенно неизвѣстно;—быть можетъ Лука и Теофилъ.

1463) IX, 6 ἐπ' ἐυλογίας, т. е. въ великомъ, милостивомъ и любвеобильномъ духѣ (Притч. XI, 24; XXII, 9).

1464) Если бы такое предположеніе было вообще вѣроятно, то мы должны бы были скорѣе заключать изъ XII, 18, что этотъ отдѣлъ былъ особымъ посланіемъ, написаннымъ *послѣ* миссіи Тита и того брата, о которомъ упоминается въ VIII, 18. Но въ текстѣ разъясняются встрѣчающіяся здѣсь затрудненія.

1465) Подобная же перемена тона — переходъ отъ болѣе мягкаго и косвеннаго къ суровому и властному стилю — заключается въ Рим. XIV, XV (см. стр. 532). У Демосфена также замѣчается большое различіе между апологетической и наступательной частью — въ De Согопа (*Hug*). Землеръ первый высказалъ мнѣніе, что это посланіе составилось изъ соединенія трехъ, каковаго взгляда держится и Вейссе. Выраженіе Αὐτός δὲ ἐγὼ Παῦλος въ X, 1 (см. Гал. V, 2; Ефес. III, 1; Филим. 19) сразу же показываетъ перемену.

1466) Θεοδορίτѣ говоритъ о X, 12—18, что ап. Павелъ писалъ это темнѣе (ἀσαφές) изъ желанія не обличать преступниковъ слишкомъ открыто.

1467) X, 2, τίνας; 7, εἰ τις πέποιθεν αὐτοῦ; 10, φησί, „говоритъ онъ“; 11 ὁ τοιοῦτος; 12, τί; 18, ὁ αὐτόν; συνιστῶν; XI, 4 ὁ ἐρχόμενος.

1468) X, 2 κατὰ σάρκα, т. е. изъ просто земныхъ побужденій; что онъ былъ боязливъ, изъ любезности уступчивъ, непослѣдователенъ, самолюбивъ.

1469) XI, 16, 17, 19. Сравни грубое замѣчаніе Феста: „Безумствуешь ты, Павелъ!“

1470) XI, 4 ἄλλον Ἰησοῦν... ἑταρον πνεῦμα... εὐαγγέλιον ἑταρον..

1471) Многія изъ этихъ выраженій, какъ думалъ св. Златоустъ, представляютъ собою воспроизведеніе насмѣшекъ его противниковъ—κατ' αἰρωνίαν φησὶ τὰ ἐκείνων φεγγόμενος. Слѣды подобной же ироніи см. въ 1 Кор. IV, 8—11; VI, 3—8; IX, 1—16; XV, 6.

1472) X, 1—11. Это сравненіе его посланій и его личнаго поведенія (ст. 10) приводится отъ лица іерусалимскаго посланнаго (φησὶν, онъ говоритъ; 7, τίς; 11 τοιοῦτος).

1473) X, 12, ἐγκρίναι ἢ συγκρίναι, непереводаемая паронимасія.

1474) X, 12—18. Господствующее слово, какъ и во многихъ отдѣлахъ этого посланія, есть „похвала“ и „одобреніе“ (III, 1; IV, 2; V, 12; X, 12, 16, 17, 18; XI, 10, 12, 18, 30; XII, 1, 5, 6, 11) съ особеннымъ отношеніемъ къ одобрительнымъ письмамъ. Легко этимъ іудействующимъ, какъ бы такъ говоритъ онъ, спокойно приходитъ съ „письмами“ изъ Іерусалима въ Коринѣи и тамъ содержаться на счетъ благоговѣющихъ къ нимъ приверженцевъ, которые обращены его *трудами*; совсѣмъ иное дѣло исходить міръ въ качествѣ безпріютнаго миссіонера и сѣять сѣмена евангелія на дѣвственной почвѣ.

1475) XI, 1 μικρόν τι... ἀλλὰ καί. Это посланіе отличается множествомъ „преслѣдующихъ“ словъ, и господствующія слова этой главы ἀνέχομαι (1, 4, 19, 20) и ἄφρων (1, 16, 17, 19, 21; XII, 6, 11). Плюмпръ видитъ въ этомъ отголосокъ какого нибудь издѣвательства, о которомъ могъ сообщить Титъ, въ родѣ того, что „его неразуміе становится невыносимымъ“.

1476) XI, 4, ὁ ἐρχόμενος.

1477) XI, 5, τὸν ὑπερλίαν Ἀποστόλων, буквально „наиверховныхъ апостоловъ“. Въ этомъ выраженіи несомнѣнно заключается нѣкоторое негодованіе, но во всякомъ случаѣ не противъ двѣнадцати, къ которымъ ап. Павелъ всегда относился съ почтеніемъ, а противъ чрезмѣрныхъ и чисто человѣческихъ притязаній (простаго верховенства, κατὰ σάρκα) въ ихъ пользу со стороны ихъ крайнихъ приверженцевъ. Онъ сравниваетъ себя съ ними въ знаніи (XI, 5), въ самоотверженіи въ дѣлѣ содержанія себя (XI, 6—21), въ преимуществѣ происхожденія (22), въ трудахъ и опасностяхъ (23—33), въ томъ фактѣ, что его немощность происходила отъ чрезвычайныхъ откровеній (XII, 1—10) и въ сверхъестественныхъ дарахъ апостольства (XII, 11, 12).

1478) XI, 6. Если *φανερῶσαντες* (N, B, F, G) есть правильное чтение, то это значитъ: „оно (знание) очевидно для васъ“.

1479) XI, 10. чт. *φραγῆσθαι*.

1480) Какъ долго продолжалась эта клевета, можно видѣть изъ отождествленія ап. Павла съ Симономъ волхвомъ въ Клементинахъ.

1481) Здѣсь косвенно указывается на *canadu* въ отношеніи Іов. I, 6, или на ангела, боровшагося съ Іаковомъ (*Eisenmenger*, *Entd. Judenth.* I, 845).

1482) Очень вѣроятно, что голодъ при Клавдіѣ вынудилъ многихъ бѣдныхъ іудейскихъ христіанъ изъ Іерусалима обходить церкви, для собиранія милостыни. (*Халюки*).

1483) Св. 3 Цар. XXII, 24; Матѳ. V, 39; Лук. XXII, 64; Дѣян. XXIII, 2. Даже учителя могли дѣйствовать такъ. 1 Тим. III, 3; Тит. I, 7.

1484) Едва ли можно думать, что эвѣнитская ложь, будто ап. Павелъ былъ язычникъ, принявшій обрѣзаніе съ цѣлію жениться на дочери первосвященника, была уже измыслена въ это время; однако происхожденіе его изъ Тарса и римское гражданство могли подавать поводъ къ наущническимъ сплетнямъ касательно его.

1485) Исх. XV, 5 (LXX). По мнѣнію Теофилакта, это означаетъ „въ Внѣ“, близъ Листры, послѣ побіенія камнями.

1486) XI, 28 *ἀπιστίας* (N, B, D, E, F, G).

1487) XI, 1—33. О бѣгствѣ изъ Дамаска см. выше стр. 157.

1488) *ὁ* есть наиболѣе сильное и естественное чтение, и варіаціи здѣсь манускриптовъ (*ὁ* въ N, D и *δα* въ B, E, F, G) вѣроятно произошли вслѣдствіе неправильнаго пониманія. *ὁ* означаетъ: „вы можете видѣть изъ унизительнаго побѣга, о которомъ я такъ открыто рассказалъ теперь, что мнѣ хвалиться не особенно выгодно“. Если слѣдующее „ибо“ (въ D) правильно, то оно очевидно зависить отъ встрѣчныхъ теченій чувства; но оно опущено въ A, B, G.

1489) XII, 3. чт. *χῶρος* B, D, E. Физическое состояніе приэтомъ трудно опредѣлимо, хотя нѣчто подобное можно указать у индусовъ въ мистическомъ состояніи *турга*—какое то четвертое состояніе, особое отъ состояній бодрствованія, сна и дремоты. Индійскіе *йоги* называютъ его *Videha sthiti*, и съ восторгомъ говорятъ о немъ въ своихъ мистическихъ сочиненіяхъ и пѣсняхъ.

1490) „Третье небо“ упоминается только здѣсь. О раѣ см. Лук. XXIII, 43.

1491) О „жалѣ въ плоть“ см. выше, приложение X. *Κολαφίζῃ* букв. „ударилъ бы въ лицо“.

1492) XII, 9, *ἀπιστηνῶσθαι* *ἀπ' ἐμῆς*.

1493) XII, 1—11. Тонъ и складъ рѣчи—свойственные ап. Павлу.

1494) *πάλα* (N, A, B, F, G, Вулг.).

1495) XII, 14. Онъ былъ уже разъ въ Коринѣ; теперь идетъ во второй разъ (*παλιν*), и однажды намѣревался уже идти. Это похоже на дѣло, засвидѣтельствованное двумя-тремя свидѣтелями, и потому навѣрно будетъ исполнено. Я согласенъ съ Бауромъ въ его выраженіи: „Откажемся отъ фикціи *путешествія*, для котораго мы не можемъ найти резонныхъ основаній“ (*Paul.* II, 320).

1496) *ἀποτόμις* только въ Тит. I, 13, и не встрѣчается у LXX. Т. е. не поступить „по способу ампутаціи“, отсѣченія или развѣянія, какъ въ Премудр. V, 23; *ἀποτομία* (Рим. XI, 22).

1497) XIII, 11—13. Такъ какъ это послѣднія существующія слова ап. Павла въ посланіи къ Коринѣянамъ, то интересно взглянуть, каково было состояніе этой церкви, когда писалъ къ ней св. Климентъ Римскій тридцать-пять лѣтъ спустя. Мы находимъ, что коринѣяне все еще нѣсколько волновались, страдали отъ разъединенія и сомнѣній, и Климентъ долженъ былъ напоминать имъ примѣры апп. Петра и Павла. Однакоже въ общемъ мы можемъ видѣть, что убѣжденія и доводы ап. Павла не прошли безплодно. Около 135 года церковь эта была посѣщена Еге-

зиппомъ (*Евс.* Ц. И. IV, 22), который благопріятно отзывался о ихъ послушаніи и щедрости. Ихъ епископъ Діонисій пользовался обширнымъ вліяніемъ. Говоря о воскресеніи, св. Климентъ указываетъ на феникса (*ad Rom.* I, 24, 25), который въ это время возбуждалъ большой интересъ (*Тац.* *Ann.* VI, 28; *Лин.* Н. Н. X, 2).

ГЛАВА XXXIV. ¹⁴⁹⁸) Такъ въ канонѣ Мураторія: „*acta aute omniu apostolorum sub uno libro scribta sunt lucas optime theofile comprindit quia sub praesentia ejus singula gerebantur*“.

¹⁴⁹⁹) „Титъ въ Далматію“ 2 Тим. IV, 10.

¹⁵⁰⁰) И доселѣ *халюка* и *кадима* въ Іерусалимѣ составляютъ источникъ безконечныхъ распръ и непріятностей, и принимаются евреями отнюдь не съ благодарностью, а лишь какъ свидѣтельство высшаго значенія живущихъ въ святомъ городѣ.

¹⁵⁰¹) Рим. XV, 23, *μηκέτι τόπον ἔχων ἐν τοῖς κλίμασι τούτοις*.

¹⁵⁰²) Рим. XVI, 21. Точный смыслъ, который ап. Павелъ придаетъ слову *συγγενής*, неизвѣстенъ.

¹⁵⁰³) Тонкія указанія на то, что посланіе къ Галатамъ было написано почти одновременно съ 2 посл. къ Коринѣянамъ, состоятъ въ случайномъ совпаденіи тѣхъ же самыхъ выраженій, а также въ преобладаніи того же порядка мысли. Тонъ, чувство, слогъ и способъ аргументаціи обнаруживаютъ весьма большое сходство. Сравни напримѣръ—

2 Коринѣ.	Галат.	2 Коринѣ.	Галат.
I, 1	I, 1	XI, 2.	IV, 17
XI, 4	I, 6	XI, 20.	V, 15
V, 11	I, 10	XII, 20, 21	V, 20, 21
XII, 11	II, 6	II, 7.	VI, 1
V, 15	II, 20	XIII, 5.	VI, 4
VIII, 6	III, 3	IX, 6.	VI, 8
V, 21	III, 13	V, 17	VI, 15

Это лишь примѣры тѣхъ совпаденій въ мысли и выраженія, которыхъ можно бы привести еще множество. Останавливаться на близкомъ сходствѣ между посланіями къ Галатамъ и Римлянамъ нѣтъ надобности. Оно замѣчено было еще тысячу лѣтъ тому назадъ. Посланіе къ Галатамъ есть безъискусственный очеркъ, а посланіе къ Римлянамъ есть законченная картина. Первое есть горячее полемическое изложеніе вопроса объ отношеніи христіанъ изъ язычниковъ главнымъ образомъ къ одной налагаемой закономъ обязанности — обрѣзанію; послѣднее есть спокойный, общій трактатъ объ отношеніи евангелія къ закону. Поучительное сравненіе Гал. III, 6—29 съ Рим. IV и пр. можно видѣть у Ляйтфута, въ *Galatians*, стр. 44—46.

ГЛАВА XXXV. ¹⁵⁰⁴) Элементы этого параграфа взяты отчасти изъ посланія къ Галатамъ и отчасти изъ посланія къ Коринѣянамъ. Касательно эвѣнгелистской клеветы противъ ап. Павла смотри *Iren.* Adv. Haer. I, 28; *Euseb.* Н. Е. III, 27; *Epiaphan.* Haer. XXX, 25; *Ps. Clem.* Ром. II, 17—19.

¹⁵⁰⁵) „Было необходимо, чтобы партикуляризмъ іудейства, который относился къ языческому міру съ такимъ оскорбительнымъ высокомеріемъ, былъ искорененъ, и безосновательность его предразсудковъ и претензій была вполне открыта предъ міромъ. Вотъ услуга, которую ап. Павелъ совершилъ для человѣчества своей великолѣпной діалектикой“ (*Baur*, *First three Centuries*, I, 73).

¹⁵⁰⁶) *Abhōth* равнина Навава, гл. II.

¹⁵⁰⁷) „Если бы не обрѣзаніе, то не могли бы существовать небо и земля; ибо сказано: „если бы не завѣтъ Мой, то Я не сотворилъ бы дня и ночи и уставовъ неба и земли не утвердилъ бы“ (*Nedarim*, f. 32, col. 1, на Іерем. XXXIII, 25). То же самое замѣчаніе дѣлается о всемъ законѣ.

Равви (Иуда Гаккадошъ) говорить, какъ велико обрѣзаніе, такъ какъ оно равно всѣмъ заповѣдямъ закона, ибо сказано: „вотъ кровь завѣта, который Господь заключилъ съ вами о всѣхъ (по еврейски „выше всѣхъ“) слабымъ сихъ“ (Исх. XXIV, 8) — *Nedarim*, f. 32, 1. Ангелы съ такимъ отвращеніемъ относятся къ необрѣзанному лицу, что когда Богъ говорилъ съ Авраамомъ до обрѣзанія, то онъ говорилъ съ нимъ на арамейскомъ языкѣ, котораго, повидимому, ангелы не понимаютъ (*Yalkuth Chadash*, f. 117, 3).

¹⁵⁰⁸) См. *Hausrath*, p. 263.

¹⁵⁰⁹) I. Флавій имѣлъ достаточно здравого смысла, чтобы поступить такъ же, когда „два великихъ чековѣка“ пришли къ нему изъ Трахонита; но хотя на время ему удалось убѣдить иудеевъ не принуждать ихъ къ обрѣзанію, однако же впоследствии эти бѣглецы были почти убиты фанатической чернью и могли спасти свою жизнь только поспѣшнымъ бѣгствомъ. См. весьма поучительное мѣсто въ *Vit.* 23, 31.

¹⁵¹⁰) *Jos. Antt.* XX, 2, § 4. Это интересное царское семейство имѣло домъ въ Иерусалимѣ (*Jos. B. J.* V, 6, § 1; VI, 6, § 3).

¹⁵¹¹) Раввинъ Иуда Гаккадошъ называется такъ: *хат' эѣох'у*. Анекдотъ этотъ взятъ изъ *Jer. Megillah*, cap. I. Другой рассказъ касательно ихъ сношенія см. *Abhōda Zara*, f. 10, 2. Такъ какъ Талмудъ есть самая безисторическая и чуждая всякой правильной хронологіи книга, то трудно сказать, какой императоръ разумѣется здѣсь и во множествѣ другихъ сказаній касательно его предполагаемаго сношенія съ раввиномъ. Это не можетъ быть Антонинъ Пій, который никогда не выѣзжалъ изъ Рима; не можетъ быть также и Маркъ Аврелій, который неблагоприятно относился какъ къ иудеямъ, такъ и къ христіанамъ. Возможно, что здѣсь разумѣется Каракала, такъ какъ онъ однажды посѣтилъ Палестину. Геліогабалъ, повидимому, разумѣется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Талмуда подъ именемъ „младшаго Антонина“, и онъ также будто бы принялъ обрѣзаніе.

¹⁵¹²) Въ самой ожесточенной полемикѣ ап. Павелъ никогда (даже въ Гал. V, 12) не доходитъ до тѣхъ рѣзкостей, которыя часто можно встрѣчать даже у великихъ полемистовъ.

ГЛАВА XXXVI. ¹⁵¹³) Общее расположеніе посланія таково: оно распадается на три отдѣла—1) личный (проходящій по всему посланію); 2) догматическій; 3) практический. Въ первой части (I—II) апостолъ доказываетъ свою личную независимость а) *отрицательно* показывая, что онъ былъ апостоломъ раньше всякаго сношенія съ двѣнадцатью (I, 17, 18), и б) *положительно* такъ какъ онъ получилъ отъ апостоловъ торжественное признаніе своихъ собственныхъ началъ при трехъ случаяхъ, именно: а) въ общеніи на совершенно равныхъ основаніяхъ съ Петромъ (18, 19); б) когда они были вынуждены обстоятельствами признать равенство его миссіи (II, 9, 10) и с) когда онъ укорялъ Петра въ Антиохіи, что онъ былъ совершенно не правъ (II, 11—21). Во второмъ отдѣлѣ, естественно переходя къ догматической защитѣ оправданія вѣрою, онъ доказываетъ его: а) христіанскою совѣстью (III, 1—5) и б) изъ Ветхаго Завѣта (III, 6—18). Это приводитъ его къ вопросу касательно истиннаго значенія закона, въ отношеніи котораго онъ и показываетъ, что законъ имѣетъ лишь совершенно второстепенное значеніе, и это доказываетъ: а) *объективно*, самую сущность христіанства (III, 19—29) и б) *субъективно*, свободною духовною жизнью христіанъ (IV, 1—11). Послѣ настойчивыхъ предостереженій ихъ въ отношеніи тѣхъ, которые увлекали ихъ въ ложную сторону (VI, 11—30), онъ переходитъ къ третьей части. Эта послѣдняя часть заключаетъ въ себѣ практическое увѣщаніе къ христіанской свободѣ (V, 1—12) и предостереженіе, какъ общее (13—18), такъ и специальное (V, 16—VI, 10) противъ злоупотребленія ею. Затѣмъ слѣдуетъ заключительное обобщеніе и благословеніе (VI, 11—18).

¹⁵¹⁴) Рим. XVI, 7; срав. Фил. II, 25; 2 Кор. VIII, 23. Подобнымъ образомъ титулъ императора былъ употребляемъ Цицерономъ и другими римлянами вплоть до Юнія Блэза, долго спустя

послѣ того, какъ онъ получилъ уже спеціальный смыслъ въ приложеніи къ самодержавной главѣ государства.

1515) Въ это время онъ былъ сопровождаемъ большимъ числомъ собратій, чѣмъ во всякое другое. Это одно изъ тѣхъ мелкихъ обстоятельствъ, которыя подтверждаютъ весьма вѣроятное предположеніе, что посланіе это писано было въ этотъ именно періодъ—во время трехмѣсячнаго пребыванія ап. Павла въ Коринѣ къ концу 57 г. по Р. Хр.

1516) ἡ δόξα гл. ἐστὶν Матѣ. VI, 13; 1 Петра IV, 11.

1517) I, 4, ἐξέληται. „Избавленіе — есть основная нота посланія“ (Ляйтфутъ). Ἐνεστώτος, „настоящій“, Рим. VIII, 38.

1518) Если μεταίθεος есть дѣйствительно умственная острота (какъ думалъ блаженный Іеронимъ) въ отношеніи Галатъ и ἡ, то мы можемъ почти переводить его словомъ—галатствовать. Касательно ἑτερον и ἄλλο см. 2 Кор. XI, 4. Отсюда ἑτερος стало значить „худой“, ἑτερον противоположно слову „добрый“.

1519) I, 8, ἀνάθεμα; значеніе „отлученный“ болѣе позднее и не было бы умѣстнымъ въ связи съ ἄγγελος.

1520) Тутъ есть нѣчто въ родѣ *силленси*, и τὸν Θεὸν гораздо выразительнѣе, чѣмъ ἀνθρώπου; ап. Павелъ, вѣроятно, былъ обвиняемъ въ освобожденіи язычниковъ отъ иудейства изъ простаго угодичества имъ.

1521) I, 1—10, ἐτι „послѣ всего, что вытерпѣлъ я“; V, 11; VI, 17; 1 Кор. XV, 30—32.

1522) I, 13, καὶ ὑπερβολῇ, а outragee.

1523) Въ одномъ смыслѣ онъ былъ апостоломъ, а въ другомъ не былъ, такъ какъ не былъ однимъ изъ двѣнадцати.

1524) См. выше стр. 162—6. Такъ какъ я уже изслѣдовалъ многія подробности этого посланія въ видахъ біографическихъ, то довольно будетъ указать на эти мѣста. Сильное обращеніе I, 20 показываетъ, что правдивость ап. Павла подвергалась сомнѣнію (см. 1 Тесс. V, 27).

1525) См. выше стр. 280—4. Цѣль ап. Павла здѣсь не есть скучный педантизмъ хронологической точности.

1526) II, 2, ἀναθέμεν, не для того, чтобы подвергнуться ихъ рѣшенію, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ добьется ихъ согласія (см. Дѣян. XXV, 14).

1527) Филип. II, 16. Я уже объяснилъ вѣроятное значеніе этого выраженія—„чтобы я могъ чувствовать полную увѣренность въ истинѣ и практичности моихъ взглядовъ“.

1528) См. выше, стр. 281—2.

1529) II, 6, Θεὸς ἀνθρώπων. Положеніе это весьма выразительное. Оно, повидимому, указываетъ на нелѣпость обоснованія *духовнаго* авторитета на простыхъ *родовыхъ* или *внѣшнихъ* притязаніяхъ (см. Martineau, Studies in Christianity, p. 428).

1530) II, 1—10. Это было, какъ говоритъ Тертуліанъ, *distributio officii*, а не *separatio evangelii* (De Praescr. Haer. 28). Онъ уже выказалъ свое попеченіе о бѣдныхъ (Дѣян. XI, 30).

1531) II, 11, κατέν. Выраженіе это, очевидно, невѣрное. См. Рим. XIV, 23. Истолковывать κατὰ πρόσωπον въ смыслѣ „посредствомъ маски“ и видѣть здѣсь сцену (κατὰ σκῆμα) происшедшую между апостолами—какъ это дѣлаютъ Оригенъ и Златоустъ, или предполагать, что Кифа здѣсь не означаетъ Петра,—какъ думаетъ Климентъ Александрійскій,—значитъ перетолковывать очевидный фактъ. Слабость ап. Петра приносила и другіе горькіе плоды. Она была послѣднею причиною эвонитскихъ нападеній на ап. Павла, гностическихъ нападеній на иудейство, клеветъ Порфірія на апостоловъ, и ссоры бл. Іеронима съ Августининомъ (см. Lightfoot, pp. 123—126).

1532) II, 12, ἡλθεν (H, B, D, F, G); если ап. Павелъ дѣйствительно писалъ это слово, то оно могло значить: „когда *Іаковъ* пришелъ“; такъ и понималъ его Оригенъ (С. Cels. II, 1).

1533) Мы едва ли даже можемъ вообразить страшную обиду, причиненную этою смѣлостью,

обида, которая чувствовалась столѣтіе спустя (*Iren.* Haer. I, 26; *Euseb.* Н. Е. III; 27, *Epiphan.* Haer. XXX, 16; *Baur*, Chr. Hist. 89, 98). Даже когда были писаны Лже-Клементинскія Бесѣды, іудейскіе христіане еще не забыли слова κατηγόρημένος. Εἰ κατηγόρημένον με λέγεις Θεοῦ ἀποκαλύψαντός μοι τὸν Χριστὸν κατηγόρησις (*Clem.* Hom. XVII, 19). И однако же, при всей своей борьбѣ съ іудействомъ ап. Павелъ всегда почтительно говоритъ о двѣнадцати. Praedicatio Petri (у Кипріяна, De Rebapt.) говоритъ, что Петръ и Павелъ не примирились между собою до самой смерти.

1534) См. Рим. IX, 30, ἔθνη τὰ μὴ διώκοντα δικαιοσύνην; Лук. VI, 32, 33; Матѳ. V, 47; IX, 10, 11.

1535) Пс. CXLIII, 2. Прибавленіе ап. Павла ἔργους νόμου есть, очевидно, выводъ. Акцентуація значенія на *обрядовомъ* или *правственномъ* соблюденіи должна зависѣть отъ контекста. Здѣсь имѣется въ виду *главнымъ образомъ* послѣднее (*Neander*, Planting, I, 211).

1536) Невозможно сказать, сколько именно изъ этой аргументаціи было дѣйствительно обращено къ Петру. μὴ γένοιτο, ἡ γάρ; см. Быт. XLIV, 7, 17.

1537) Латинскіе отцы и Лютеръ понимаютъ это такъ: „закономъ (Христа) я умеръ для закона (Моисея)“. Лучшій комментарий есть Рим. VII, 1—11. Подобныя выраженія приводили къ обвиненію въ антиномизмѣ, который ап. Павелъ устраняетъ въ 1 Кор. IX, 21. Цельсь насмѣхается надъ апостолами за употребленіе такихъ выраженій, тогда какъ они поносили другъ друга (ар. Orig. V. 64). Но они никогда не заявляли, что достигли своего *идеала* (Фил. III, 13).

1538) II, 11—21. Касательно этого параграфа см. стр. 299.

1539) III, 1, ἀνέητοι, какъ въ Лук. XXIV, 25. Они не только не были несмысленными въ духовныхъ предметахъ, но Тимотій называетъ ихъ οἵτις καὶ ἀγγέλοι καὶ ἐμπροσθέντες τῶν ἀγῶν ἁλλήλων (Plat. 23).

1540) Если προγράψω имѣеть здѣсь тотъ же смыслъ, какъ въ Рим. XV, 4, Еф. III, 3, Іуд. 4, то оно должно означать „пророчествовать“; но это даетъ гораздо болѣе слабый оборотъ всему предложенію.

1541) III, 4, ἐπαίεται, повидимому, здѣсь имѣеть свой болѣе общій смыслъ, какъ въ Марк. V, 26; если удерживать простой смыслъ „потерпѣли“, то оно, повидимому, указываетъ на непріятности, причиненныя іудействующими.

1542) Еврейское олицетвореніе. „Что видѣло писаніе?“ есть раввинская формула (*Schöttg.* ad loc.). Мѣста, на которыхъ основано это доказательство, Быт. XV, 6; XII, 3; Втор. XXVII, 26; XXI, 23; Лев. XVIII, 5; Авв. II, 4. Доказательство это лучше всего будетъ понято изъ 2 Кор. V, 15—21; Рим. VI, 3—23.

1543) Ἐκ πίστεως „отъ вѣры“ какъ причины; или διὰ τῆς πίστεως *per fidem*, „посредствомъ вѣры, какъ орудія“; никогда διὰ πίστεως *propter fidem*, „вслѣдствіе вѣры“, какъ заслуги.

1544) Первоначальное значеніе этого мѣста указываетъ на выставленіе тѣла на эшафотѣ послѣ смерти (Втор. XXI, 23; Ис. Нав. X, 26). Ап. Павелъ опускаетъ слова „отъ Бога“ послѣ „проклять“, что потребовало бы долгаго объясненія, потому что мнѣніе, что оно означаетъ „проклятіе или оскорбленіе противъ Бога“, есть позднѣйшая глосса. Отсюда Талмудъ говоритъ о Христѣ какъ „повѣшенномъ“ (חָרַף).

1545) III, 15, κατὰ ἀνθρώπων, т. е. ἐξ ἀνθρωπίνων παραδειγμάτων (Златоустъ).

1546) См. выше стр. 35—6.

1547) Въ Быт. XV, 13; Дѣян. VII, 6 и проч., періодъ пребыванія въ Египтѣ повидимому считается съ посѣщенія Авраама

1548) III, 15, ἀπακτάσεται; 19, προετίθη; Рим. V, 20, παρατέλλαν. Законъ былъ 1) τῶν παραβάσεων χάριν, ограниченъ и условенъ; 2) ἄχρις οὗ и пр. временный и предварительный; 3) διαταγῆς и пр. посредственно (а не непосредственно) данный Богомъ; 4) ἐν χάριτι мес., посредственно (а не

непосредственно) полученный отъ Бога (Елликоттъ, ad loc.). Законъ есть суровый, неизбѣжный моментъ въ необходимомъ божественномъ воспитаніи человѣчества.

1549) III, 19, *πρὸς τὸ τέλος χάρις* означаетъ „довести преступленіе до конца“. См. Рим. V, 20; 1 Кор. XV, 56. Фактъ этотъ излагается здѣсь во всей его рѣзкости, но въ Рим. VII, 7, 13, апостолъ мастерскимъ психологическимъ анализомъ показываетъ, какимъ образомъ это именно было въ дѣйствительности, именно потому, что 1) законъ дѣйствительно ведетъ къ возбужденію неповиновенія, и 2) онъ придаетъ особенное жало непослушанію, дѣлая насъ вполне сознательными въ его преступности. Законъ такимъ образомъ навлекъ язву грѣха на голову, чтобы она могла быть исцѣленной. Мы не могли бы вполне понимать многозначительныхъ положеній этого посланія, если бы мы не имѣли въ посланіи къ Римлянамъ комментарія на него. Галаты могли понять его только при помощи воспоминаній объ устномъ ученіи ап. Павла.

1550) I. Флавій Antt. XV, 5, § 3; Дѣян. VII, 53; Втор. XXXIII, 2. Въ Талмудѣ часто упоминается на этихъ ангеловъ на Синаѣ. Раввинъ Юшуа Бенъ Леви переводилъ псаломъ LXVIII, 12: „ангелы (מלאכים) силъ подвигали“ сыновъ Израиля ближе къ Синаю, когда они удалялись отъ него“ (Shabbath, f. 88, 2).

1551) III, 19, 20. „Посредникъ“ въ еврейскомъ языкѣ означалъ того, кто стоитъ по срединѣ между двумя партіями. Моисей получаетъ законъ прямо отъ Бога (*יוֹצֵא מִן הַבְּרִית*) и передаетъ его человѣку (Исх. XX, 19). Онъ поэтому не былъ одной изъ договаривающихся сторонъ; но Богъ есть одна изъ этихъ сторонъ, т. е. Онъ не есть посредникъ, а одна изъ сторонъ, принявшихъ завѣтъ (*בְּרִית*). Христосъ есть посредникъ только съ другой точки зрѣнія (1 Тим. II, 5). Мѣсто это не имѣетъ въ виду вѣчнаго единства Бога, которое совсѣмъ и не входитъ здѣсь въ сферу вопроса, а только тотъ фактъ, что Онъ самъ по себѣ стоитъ какъ одна изъ договаривающихся сторонъ. „Законъ“ поэтому имѣетъ тоже самое подчиненное положеніе, какъ и „посредникъ“ Моисей. Обѣтованіе стоитъ выше его, какъ „завѣтъ“, въ которомъ Богъ стоитъ одинъ, и въ которомъ нѣтъ посредника. Таково, повидимому, ясное и простое значеніе этого подвергающагося безконечнымъ толкованіямъ мѣста (см. *Baur*, Paul. II, 198). Очевидно, что 1) обѣтованіе имѣетъ гораздо болѣе широкое и возвышенное значеніе, чѣмъ законъ; 2) законъ былъ временнымъ, а обѣтованіе вѣчнымъ; 3) законъ былъ данъ чрезъ ангеловъ, а обѣтованіе прямо Богомъ; но предоставляя эти три пункта различія выводить читателямъ, онъ прибавляетъ четвертый и наиболѣе важный, именно 4) что обѣтованіе было дано безъ всякаго человѣческаго посредства прямо Богомъ человѣку. Касательно источниковъ „трехъ сотъ объясненій“ этого отнюдь не необъяснимаго мѣста см. *Reuss*, Les Epîtres, I, 109).

1552) III, 19, 20. *Holsten*, Inhalt des Briefs an die Galater, p. 30.

1553) III, 24, *παιδαγωγός* εἰς Χριστόν. *Παιδαγωγός* былъ часто самый бесполезный изъ рабовъ. Периклъ назначилъ престарѣлаго Зоппа въ качествѣ *παιδαγωγός* Алкивіада. Этотъ фактъ однако же едва ли имѣлся въ виду ап. Павломъ. Міръ до пришествія Христа находился въ состояніи воспитанія, и законъ былъ данъ для того, чтобы держать его подъ дисциплиной пока не наступитъ новый періодъ духовной свободы. Болѣе внутреннее отношеніе между закономъ и грѣхомъ и его способностью болѣе приводить грѣхъ къ нашему сознанию, а равнымъ образомъ и уничтожать возможность его устраненія, изъяснено, какъ мы увидимъ, въ посланіи къ Римлянамъ.

1554) Сравни это съ іудейской утренней молитвой, въ которой въ трехъ благословеніяхъ человѣкъ благодаритъ Бога за то, что Онъ не сотворилъ его язычникомъ, рабомъ или женщиной.

1555) IV, 4, 5. Здѣсь въ подлинникѣ обращаетъ на себя вниманіе *κίεμα*, который не поддается новѣйшему языку. Мѣсто это важно также въ томъ смыслѣ, что показываетъ, что люди не стали сынами Божиими съ того самаго момента, когда они были объявлены сынами Божиими, все равно какъ римскій актъ освобожденія не дѣлалъ сыновей сыновьями, а просто давалъ имъ владѣніе ихъ правами (*Maurice*, Unity, p. 504).

1556) IV, 3, στοιχεῖα τοῦ κόσμου; 9, ἀσθενεῖ καὶ πτωχεῖ στοιχεῖα, вещественные элементы религии, символы, обряды (сн. Кол. II, 8) и проч., которые придают естественным предметам религиозное значение. Какъ въ иудействѣ, такъ и въ язычествѣ, религія была такъ связана вещественнымъ и чувственнымъ, что поворачала самихъ людей въ рабство. Ни въ томъ, ни въ другомъ Богъ не признавался Духомъ (Baur, New Test. Theol., p. 171). Или быть можетъ выраженіе это означаетъ, что обрядность есть только начаточное обученіе, азбука религіи.

1557) Hausrath, p. 268.

1558) Т. е. свободный отъ рабства иудейства.

1559) IV, 14, ἐξελκύσθε буквально, „выплюнули“. Кренкель (сн. приложение X) объясняетъ это въ смыслѣ „плеванія“ для отвращенія эпилепсін. „Despuimus comitiales morbos“ (Plin. XXVIII, 4, 7; Plaut. Capt. III, 4, 18, 21).

1560) IV, 12—16. Объ этомъ мѣстѣ см. приложение X.

1561) IV, 17, ἰνα—ζηλώσῃς (изъяв.), по вѣроятію имѣлось въ виду сослагательное наклоненіе; видимый солецизмъ вѣроятно произошелъ вслѣдствіе трудности запомнить измѣненія сложнаго глагола; сн. 1 Кор. IV, 6.

1562) Онъ, повидимому, разумѣетъ; „я не порицаю ревностной привязанности, если только она (какъ моя по отношенію къ вамъ) исходить изъ благородныхъ побужденій и если она не оканчивается (какъ ваша по отношенію ко мнѣ) временнымъ отдѣленіемъ“.

1563) Т. е. говорить вамъ въ болѣе мягкомъ тонѣ.

1564) Объ этой аллегоріи см. стр. 37.

1565) Это было не просто хорошее приложение разсказа. Это было раскрытіе въ одномъ особомъ случаѣ божественнаго закона, который можно было прослѣдить во всякомъ обстоятельствѣ божественной исторіи (Maurice, Unity, 508). Какъ это не похоже на аллегорію Филона, въ которой Харранъ означаетъ чувства, Авраамъ—душу, Сарра—божественную мудрость, Исаакъ—человѣческую мудрость, Измаилъ—коварство и проч.

1566) V, 10, ἐγὼ πέποιθα εἰς ἑαυτόν.

1567) V, 7—12, ἀποκόφονται; сн. ἀποκομίζονται, Втор. XXIII, 1. Я придаю единственно возможное значеніе. Рейссъ называетъ это выраженіе „ужасающей фразой, которая возмущаетъ наши чувства“. Это значить судить о писателѣ съ точки зрѣнія времени, отдѣленнаго двумя тысячами лѣтъ. Зная методъ и темпераментъ ап. Павла, мы можемъ читать это мѣсто какъ черту рѣзкаго юмора, однако же съ глубокимъ значеніемъ, именно, что обрѣзаніе для язычниковъ было простымъ *портзаніемъ* (Фил. III, 2, 3), и если оно имѣло какое нибудь значеніе по этой именно внѣшней причинѣ, то тоже самое отчасти можно было бы сказать и о жрецахъ въ Пессинѣ.

1568) V, 14, παύληρωται исполненъ; Матѣ. XXII, 40; Рим. XIII, 8 (Лев. XIX, 18).

1569) V, 15—15. Предостереженіе апостола въ значительной степени осуществилось. Юліанъ Ер. 52, говоритъ о ихъ взаимныхъ раздорахъ. Галатія не только сдѣлалась оплотомъ монтанизма, по и главнымъ очагомъ офитовъ, манихеевъ, пассалоринхитовъ, аскотрогитовъ, артотиритовъ, борборитовъ и другихъ подобныхъ еретиковъ; и бл. Иеронимъ говоритъ объ Анкирѣ, какъ Schismatibus dilacerata, dogmatum varietatibus constuprata (Lightfoot, Gal., p. 31).

1570) Грѣхи съ другими противъ Бога.

1571) Грѣхи противъ ближняго.

1572) Личные грѣхи (Бенгель).

1573) Дѣла плоти, потому что они возникаютъ отъ насъ самихъ; плоды духа, потому что они нуждаются въ помощи благодати Божіей (Златоустъ).

1574) VI, 2, βάρεν слабости, страданія, даже грѣхи.

1575) VI, 1—5. VI, 5, φορτίον бремя отвѣтственности и нравственныхъ послѣдствій.

1576) Теодоръ Мопсуетскій, думая, что только заключеніе письма было собственноручнымъ,

считаетъ объемъ писемъ какбы знакомъ того, что ап. Павелъ не стыдится ничего такого, что онъ сказалъ. Но стиль письма повидимому показываетъ, что оно не было диктовано писцу.

¹⁵⁷⁷) Отсюда видно, что въ этихъ двухъ предложеніяхъ онъ изложилъ какъ полемическое (12, 13), такъ и догматическое положенія (14, 16) посланія; и что личная (17), равно какъ и догматическая истина (18), на которой онъ останавливался, встрѣчается въ послѣднихъ двухъ стихахъ. Такимъ образомъ отъ начала до конца посланіе отличается замѣчательнымъ единствомъ.

¹⁵⁷⁸) Отсюда, какбы отмѣченный клеймомъ своего господина, онъ въ своемъ слѣдующемъ посланіи (Римл. I, 1) въ первый разъ называетъ себя „работъ Иисуса Христа“. Клейма обыкновенно были наказаніемъ, такъ что въ классическомъ греческомъ слово *στίγματις* означаетъ „негодяй“. Основывается ли метафора ап. Павла на томъ, что онъ былъ до своего обращенія бѣглецомъ отъ службы Христовой, или на томъ, что онъ былъ іеродуломъ (Геродотъ, II, 13), вопросъ этотъ рѣшить трудно. Клейма повидимому употреблялись также и въ отношеніи новобранцевъ (*Rönsch. Das N. T. Tertullian's*, p. 700). Употребленіе слова *στίγμα* въ смыслѣ „пяти ранъ“ имѣло результатъ, аналогичный съ мнѣніемъ о „невѣдомыхъ“ языкахъ.

¹⁵⁷⁹) VI, 11—18. Одно необычное послѣднее слово „братія“ прекрасно умѣряетъ общую суровость тона.

¹⁵⁸⁰) См. *Sanhedrin*, f. 58, с. 2; и *Maimonides*, *Yad Hachezakah* (Hilchoth Melachim § 10, Hal. 9).

¹⁵⁸¹) Ер. Ps. Barnab. IX.

¹⁵⁸²) Ер. ad Philad. 6, *ὁ τῆς κάτω περιτομῆς ψευδοποιῶν*.

¹⁵⁸³) ἀφ' ἀλλήλων ἐθίζουσι (*Ps. Clem. Hom. III, 9*).

ГЛАВА XXXVII. ¹⁵⁸⁴) *Jos. Antt. XIV, 4, §§ 1—5; B. J. I, 7; Florus, III, 5; Tac. H. V, 9 Cic. pro Flac. XXVII и проч.*

¹⁵⁸⁵) Я описалъ этотъ кварталъ Рима въ своемъ сочиненіи *Seekers after God*. p. 168.

¹⁵⁸⁶) *Mart.* Ер. I, 42, 109; VI, 93; X, 3, 5; XII, 57; *Juv.* XIV, 134, 186, 201; *Stat. Silv.* I, VI, 72. Они оставались здѣсь въ теченіе многихъ столѣтій, но ихъ можно было найти также и въ другихъ частяхъ Рима. О ихъ нищенствѣ см. *Juv.* III, 14, 296; VI, 542. О ихъ преданности закону см. *Hor. Sat. I, IX, 69; Suet. Aug. 76; Juv. XIV, 96; Pers. V, 184* и проч.

¹⁵⁸⁷) *Jos. Antt. XVII, 1*.

¹⁵⁸⁸) *Tac. Ann. II, 85; Sueton. Tib. 36; Jos. Antt. XVIII, 3, 5*.

¹⁵⁸⁹) См. стр. 330 и прил. XV. Такъ какъ слово *Christus* не имѣло бы никакого смысла для классическаго слуха, то оно было передѣлано по своему (см. мое сочиненіе *Families of Speech*, p. 119). *Chrestianus* часто встрѣчается въ надписяхъ; *Renan, St. Paul, 101*.

¹⁵⁹⁰) И быть можетъ также вслѣдствіе начинавшихся смутъ въ Іудеѣ въ началѣ 52 года по Р. Хр.

¹⁵⁹¹) *Tac. Ann. XII, 52, „atrox et irritum“*. И невозможно, что это былъ одинъ и тотъ же указъ, потому что „математики“ и обманщики, весьма похожіе на нихъ, часто были іудеями.

¹⁵⁹²) Діонъ Кассій (LX, 6), намекая вѣроятно на этотъ указъ, говоритъ, что іудеи были не изгнаны, но имъ только запрещено было собираться въ общественныхъ собраніяхъ. Аквила однако же, какъ вліятельный христіанинъ, естественно могъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые при-
нуждены были покинуть городъ.

¹⁵⁹³) *Hor. Sat. I, ix, 70; Pers. Sat. V, 180; Ovid. A. A. I, 76; Juv. VI, 542; Suet. Aug. 76; Merivale, VI, 257* и проч.

¹⁵⁹⁴) *Ap. Aug. De Civ. Dei, VI, 11*; см. приложение XIV.

¹⁵⁹⁵) *Tac. Ann. XV, 40, 41; Suet. Nero, 38*.

¹⁵⁹⁶) Упомянутіе этихъ двухъ именъ считалось доказательствомъ того, что шестнадцатая глава въ дѣйствительности относится къ римскому письму, такъ какъ Аристовулъ, сынъ Ирода

и другіе продіанскіе князья этого времени воспитывались въ Римѣ, рабами и отпущенниками котораго они и могли быть. Затѣмъ, хотя Наркиссъ, знаменитый отпущенникъ Клавдія, былъ казненъ въ 54 году по Р. Хр. (*Tac. Ann.* XIII, 1), за четыре года до этого письма, „нѣкоторые изъ семейства Наркисса“ могли быть нѣкоторыми изъ его рабовъ. Съ другой стороны ни одно изъ этихъ именъ не было рѣдкостью, и гораздо менѣе невѣроятности въ томъ, что какой нибудь Наркиссъ и Аристовулъ могли быть въ Ефесѣ, чѣмъ чтобы могло быть столько азіатскихъ друзей и іудейскихъ родственниковъ у ап. Павла въ Римѣ. Мураторій (№ 1328) и Орелли (№ 720) даютъ надпись, найденную въ Феррарѣ съ доски, воздвигнутой нѣкимъ Tib. Claud. Narcissus предкамъ (*manes*) своей жены, *Dicaosune* (праведность). См. интересное замѣчаніе объ этомъ у *Plumptre*, *Bibl. Stud.* p. 428.

¹⁵⁹⁷⁾ *Recognit.* I, 6.

¹⁵⁹⁸⁾ *Евсеевъ*, Церк. Ист. II, 14, 25 (приводится Діонисій Коринѣскій); *Id.* Dem. Ev. III, 3; *Origen* (ар. *Euseb.* III, 1); *Justin Martyr*, *Apolog.* II, 26; *Tert.* De Præscr. Hæg. 36; с. Marc. IV, 5; *Gaius* ар. *Euseb.* II, 25. Іустинъ и можетъ быть другіе введены были въ заблужденіе надписью Сабинскому божеству *Semo Sancus*, которую они читали *Simoni Sancto*. Ап. Петръ также поставляется въ связь съ ап. Павломъ, при основаніи христіанства въ Римѣ, Климентомъ, Ер. ad Cor. 5; въ сочиненіи Корнелія Пётровъ; *Lactant.* *Inst.* Div. IV, 21; *Iren.* Hæg. III, 3; *Epiphani.* Hæg. I, 27; *Oros.* VII, 7; *Constt. Apost.* VII, 46, и проч.

¹⁵⁹⁹⁾ Дѣянія Апостольскія доказываютъ, что ап. Петръ былъ въ Іерусалимѣ около 49 года по Р. Хр. (Дѣян. XV) и въ Антіохіи около 53 года (Гал. II, 11); а посланіе виѣстъ съ Дѣяніями рѣшительно доказываютъ, что онъ не былъ въ Римѣ во время перваго или втораго тюремнаго заключенія ап. Павла. Если подъ „Вавилономъ“ въ 1 Петр. V, 13 разумѣется именно Вавилонъ, а не Римъ—вопросъ, который не можетъ быть рѣшенъ съ положительностью—тогда ап. Петръ былъ въ Вавилонѣ на десять лѣтъ позже этого (см. *Baur*, *Paul*, II, 291 seqq.). Спангеймъ въ своей знаменитой *Dissertatio* (1679 г.) особенно останавливается на Гал. II, 9, какъ сильномъ доказательствѣ противъ вѣроятности посѣщенія ап. Петромъ Рима. Элендорфъ (римско-католическій писатель) допускаетъ, что его нельзя доказать; но даже Неандеръ и Гизелеръ допускаютъ его вѣроятность.

¹⁶⁰⁰⁾ *Tert. Apolog.* V, 21 (*Just. Mart. Apolog.* I, 35, 48).

¹⁶⁰¹⁾ Неандеръ, Мейеръ, Де-Ветте, Олсгаузенъ, Толюккъ, Рейссъ и др. вполне увѣрены, что оно главнымъ образомъ предназначалось для язычниковъ; Бауръ, Швеглеръ, Тиршъ, Давидсонъ, Вордсворгъ и др. думаютъ, что для іудеевъ.

¹⁶⁰²⁾ I, 13. „У васъ, какъ и у прочихъ народовъ“ (сн. 5, 6).

¹⁶⁰³⁾ X, 1, „желаніе моего сердца и молитва къ Богу о нихъ“ (ἐπεὶ αὐτῶν—и А, В, D, E, F, G—не ἐπεὶ τοῦ Ἰερουσάλ).

¹⁶⁰⁴⁾ Выраженіе καὶ ὅς γε ὑπεράσται встрѣчается не менѣе девятнадцати разъ въ этомъ одномъ посланіи, равно какъ почти и на каждой страницѣ Талмуда.

¹⁶⁰⁵⁾ *Jowett*, *Romans*, vol. II, 23.

¹⁶⁰⁶⁾ *Tac.* Н. V; *Cic.* pro Flacco, 28 и проч. Мы читаемъ, что іудейскіе рабы были въ самыхъ благородныхъ домахъ. Такъ Акмъ находился въ домѣ Ливіи; самарянинъ по имени Фаллъ былъ отпущенникъ Тиверія; Алитуръ былъ любимый шутъ Нерона и проч. Іудейская правотѣрность этихъ іудеевъ доказывается надписями на ихъ гробницахъ; *Garucci*, *Cimitero*, 4; *Grätz*, IV, 125, 506; и указаніями классическихъ писателей. *Suet.* Aug. 57, 76 и проч. Замѣчательно, что между іудейскими прозелитами оказывается много такихъ именъ, какъ Фулвія, Флавія, Валерія и пр., между тѣмъ какъ христіане носили главнымъ образомъ имена Трифена и Трифоза, рабскія имена („проскошныя“, „пустой“), которыя никто не сталъ бы носить добровольно. Изъ надписей, сообщенныхъ Грутеромъ и Орелли, видно, что въ Римѣ было много іудейскихъ синагогъ, напр. *Synagoga*

Campi, Augusti, Agrippae, Subaruae, Oleae. Эпитеты φιλέντολος и φιλόλαος на ихъ могилахъ многозначительно указываютъ на ихъ правовѣріе и патриотизмъ (см. также *Hor. Sat.* II, III, 288).

1807) 1) Посольство Фивы въ Ефесъ болѣе вѣроятно, чѣмъ посольство въ Римъ, который почти въ три раза былъ дальше; притомъ ап. Павелъ не могъ обращаться къ *чужой* для него церкви съ такою настойчивою просьбою касательно ея посѣщенія (Рим. XVI, 1, 2). 2) Странно, что ап. Павелъ привѣтствуетъ двадцать шесть лицъ въ церкви, которой онъ никогда не посѣщалъ, и обращается къ нимъ съ выраженіями особенной дружбы и любви, между тѣмъ какъ онъ привѣтствуетъ только одного или двухъ, или даже совсѣмъ никого въ церквахъ, которыя онъ самъ основалъ. 3) Акила и Прискилла были въ Ефесѣ, когда писалъ ап. Павелъ 1 Кор. XVI, 19, и опять въ Ефесѣ, когда онъ писалъ 2 Тим. IV, 19. Странно находить ихъ поселившимися въ Римѣ съ ихъ домашнею церковью между этими двумя моментами. („Какъ! неужели вся ефесская церковь собралась въ Римѣ?“ *Renan, St. Paul, LXVIII*). 4) Почему здѣсь нѣтъ привѣтствій Еввулу, Пуду, Лину, Клавдію (2 Тим. IV, 21)? 5) Какимъ образомъ оказывается, что „Епенетъ, начатокъ Асія“ (Ахαιа) находится въ Римѣ? Равно какимъ образомъ оказываются тамъ и многіе другіе, которые *въ другихъ мѣстахъ* (и между ними, какъ естественно въ данномъ случаѣ, Ефесъ выдвигается больше другихъ) трудились и страдали такъ много для ап. Павла и даже раздѣляли его частныя тюремныя заключенія (XVI, 7, 9, 12, 13)? 6) Если въ Римѣ было такъ много лицъ, которыя заслуживаютъ особеннаго названія „возлюбленныхъ“, „испытанныхъ“, „избранныхъ“, „родственниковъ“ и „сотрудниковъ“, то какимъ образомъ оказывается, что они всѣ оставили его въ часъ нужды (2 Тим. IV, 16)? Неужели церковь въ Римѣ была такою ничтожною, что всѣ члены ея разсѣялись изъ Рима? Или неужели они всѣ были преданы смерти во время гоненія 64 года? Какимъ образомъ оказывается, что ни одно изъ этихъ примѣрныхъ двадцати-шести лицъ не находится въ числѣ трехъ единственно оставшихся ему вѣрными іудейскихъ друзей, даже прежде чѣмъ начались нероновскія гоненія, и только немного лѣтъ спустя послѣ того, какъ было отправлено это письмо (Кол. IV, 10, 11)? 7) Затѣмъ, почему суровая и однако же братская укорительность въ XVI, 17—20 такъ не похожа на апологетическую и тонкую деликатность XV, 15—20? 8) Какимъ образомъ Тимсеей и другіе друзья ап. Павла, привѣтствія которыхъ были бы вполне естественны въ отношеніи Фессалоники или Ефеса, могли посылать ихъ съ такою щедростью отдаленному и не посѣщавшемуся ими Риму? 9) Даже если эти соображенія не имѣютъ особенной важности, то почему же они находятъ такое подтвержденіе въ видимо различныхъ окончаніяхъ посланія въ XV, 33 и XVI, 20, 24, равно какъ и XVI, 27? Почему заключительнаго славословія нѣтъ въ кодексахъ F, G и въ некоторыхъ манускриптахъ, упоминаемыхъ бл. Іеронимомъ? Почему оно полагается послѣ XIV, 23 въ кодексахъ L, въ большинствѣ строчныхъ, въ греческихъ сборникахъ чтеній, у Златоуста, Θεοδωριτα и др? Почему оно встрѣчается дважды въ кодексахъ A (XIV, 24 и XVI, 25)? Почему Маркіонъ безъ всякаго очевиднаго догматическаго основанія совсѣмъ опустилъ двѣ послѣднія главы? Почему наконецъ такой неважный манускриптъ, какъ G, несмотря на то, что онъ основывается на очень древнемъ манускриптѣ, опускаетъ слова ἐν Ῥώμῃ въ I, 7, 15? Ни одинъ добросовѣстный критикъ, намъ кажется, не будетъ утверждать, что эти затрудненія въ общемъ не имѣютъ никакого значенія; и они находятъ совершенно простое и удовлетворительное разрѣшеніе, если, не принимая теоріи Ренана во всѣхъ ея подробностяхъ, мы предположимъ вмѣстѣ съ нимъ (*St. Paul, LXIII—LXXV*), что главная часть посланія была послана не только въ Римъ, но также въ Ефесъ, Фессалонику и быть можетъ въ нѣкоторыя другія церкви, съ *различными заключеніями*, которыя всѣ сохранены въ настоящей формѣ посланія. Съ другой стороны можно сослаться на замѣчаніе Страбона (XIV, 5), что многіе Тарсяне находились въ Римѣ и что Римъ кишѣлъ азіятами (*Friedländer, Sittengesch. Roms. I, 59*); можно указать также на то, что даже во времена Сципіона, и еще болѣе въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, большинство обитателей Рима—*pauci populi*—были лишь „пасынками Италіи“ (*Sen. ad Helv., Cons. 6, „Non possunt*

ferre Quirites *Graecam urban*“, *Juv. Sat.* III, 61, 73 и сл. „St! tacete quibus nec pater nec mater est“) и по преимуществу греки (см. *Lightfoot*, *Philippians*, p. 20); и что имена Амплий, Урбанъ, Стахисъ, Апеллесъ, Нерей, Гермесъ, Герма, всё находятся, какъ показываетъ Ляйтфутъ (тамъ же, 172—175 стр.), въ надписяхъ *Columbaria* среди рабовъ въ домахъ различныхъ императорскихъ семействъ; и не только эти, но изрѣдка даже имена Трифена, Трифоза, Патроба и даже Филологъ и Юлія *εμψύς*, что во всякомъ случаѣ составляетъ любопытное совпаденіе. Но когда мы примемъ во вниманіе, сколько сотенъ рабовъ было въ каждомъ большомъ римскомъ домѣ, а также и крайнюю однородность именъ, которыми они большею частью назывались, и то обстоятельство, что Гаруччи нашелъ, что латинскія имена вдвое многочисленнѣе греческихъ на древнемъ іудейскомъ кладбищѣ въ Римѣ, то мы должны будемъ считать еще болѣе вѣроятнымъ, что глава XVI, вся или часть ея, была обращена къ Ефесу въ качествѣ особаго заключенія къ копіи римскаго посланія, которое едва ли могло быть не послано столь важной церкви (см. *Schulze*, *Stud.* u. *Krit.* 1829; *Ewald*, *Sendschr.* 428; *Reuss*, *Les Epîtres*, II, 19). Изъ всѣхъ теорій, теорія Баура, что глава эта была подложно сочинена съ цѣлью показать, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ ап. Павелъ находился съ римскою церковью, кажется мнѣ наиболѣе пустою и произвольною.

¹⁶⁰⁸⁾ *Reuss*, *Les Epîtres*, II, 11.

¹⁶⁰⁹⁾ Фил. I, 16. Это были, очевидно, іудействующие (III, 2; Кол. IV, 11).

¹⁶¹⁰⁾ Единственный слѣдъ ихъ находится въ XVI, 17—20; τὰς διχοστασίας, τὰ σκάνδαλα. Но это одно изъ доказательствъ противъ того, что глава эта есть часть посланія къ Римлянамъ.

¹⁶¹¹⁾ Смотри гораздо болѣе нѣжный тонъ по отношенію къ іудеямъ, а также и въ отношеніи закона въ Рим. IV, 16; XI, 26 и проч., въ сравненіи съ Гал. IV, 3; 2 Кор. III, 6 и проч. Въ выраженіи „не только—но и“ въ IV, 16 отражается весь примирительный характеръ посланія къ Римлянамъ (*Pfleiderer*, II, 45).

¹⁶¹²⁾ „Мы видимъ“, говоритъ Давидсонъ, „постоянное столкновеніе между его убѣжденіями и чувствами; первыя слишкомъ глубоки, чтобы подлежать измѣненію, послѣднія слишкомъ сильны, чтобы можно было подавить ихъ, слишкомъ пылки, чтобы могли потухнуть отъ противодѣйствія лицъ, которыхъ онъ любилъ“ (*Introd.* I, 127).

¹⁶¹³⁾ О томъ, какъ высоко іудеи цѣнили эти преимущества, можно видѣть изъ такихъ мѣстъ Талмуда, какъ *Yebhamôth*, f. 47, 2; см. выше стр. 275.

¹⁶¹⁴⁾ Нѣтъ болѣе поразительнаго контраста со всей аргументаціей посланія къ Римлянамъ, чѣмъ слѣдующее весьма замѣчательное мѣсто въ *Abhôda Zara* (f. 3, col. 1—3), которое можетъ показать, насколько ап. Павелъ стоялъ безконечно выше обычнаго раввинства своего народа. Я предлагаю на судъ всякаго добросовѣстнаго неученаго іудея, что благородіе, правдивѣе, возвышеніе и мужественіе—тонъ ли и аргументація посланія къ Римлянамъ, или изувѣрство и кощунственный произволъ слѣдующаго мѣста:

„Во дни Мессіи, Святѣйшій—да будетъ онъ благословенъ!—держа свитокъ закона на своемъ лонѣ, призоветъ изучавшихъ его прійти и получить свою награду. Тотчасъ же идолопоклонническіе народы явятся всѣ вмѣстѣ (Ис. XLIII, 9), но имъ сказано будетъ, чтобы они явились отдѣльно съ своими книжниками во главѣ, дабы они могли понять отвѣты, которые будутъ обращены къ нимъ къ каждому особо. Первыми явятся римляне, какъ наиболѣе знатные изъ всѣхъ. „Какое было ваше занятіе?“ будетъ спрошено у нихъ. Они укажутъ на свои бани и форумы, на золото и серебро, которыми они обогатили міръ, прибавляя: „все это мы сдѣлали для того, чтобы Израиль имѣлъ досугъ для изученія закона“.—„Глупцы!“ послѣдуетъ имъ суровый отвѣтъ: „развѣ вы не дѣлали всего этого для вашего собственнаго удовольствія, какъ рыночныя площади, такъ и бани, ради вашихъ собственныхъ наслажденій? А что касается золота и серебра, то оно Мое (Агг. II, 8). Кто изъ васъ можетъ возвѣститъ этотъ законъ?“ (Ис. XLIII, 9).

„Римляне удаляются удрученные, и затѣмъ приступаютъ персы; они также указываютъ на

то, что они строили мосты, брали города, вели войны для того, чтобы дать Израилю досугъ изучать законъ; но, получивъ тотъ же самый укоръ, какъ и римляне, они также удаляются отверженными“.

„Подобнымъ образомъ и всѣ другіе народы, по порядку своего званія, приступать для того, чтобы выслушать себя приговоръ; удивительно, что они не будутъ удержаны неудачей другихъ, но все будутъ продолжать настаивать на своихъ пустыхъ заслугахъ. Но затѣмъ персы будутъ доказывать, что они строили храмъ, между тѣмъ какъ римляне разрушили его; и другіе народы будутъ думать, что такъ какъ они не то, что римляне и персы, никогда не угнетали иудеевъ, то они могутъ ожидать большей снисходительности къ себѣ.

„Народы затѣмъ будутъ говорить: „когда законъ былъ предложенъ намъ и мы отказались отъ него“? Въ отвѣтъ имъ будетъ указано на основаніи Втор. XXXIII, 2, Авв. III, 3, что законъ былъ предлагаемъ каждому по очереди, но что они не хотѣли принять его. Затѣмъ они спросятъ: „почему же Ты не поставилъ насъ также у подошвы горы (Исх. XIX, 17), какъ Ты поставилъ Израиля, повелѣвая намъ принять законъ или быть задавленными горою“? Иегова отвѣтитъ имъ: „выслушаемъ во-первыхъ (Ис. XLIII, 9), содержали ли вы Ноевы заповѣди“? Они отвѣчаютъ: „соблюдали ли иудеи законъ, хотя они и приняли его“? Богъ отвѣчаетъ: „да, Я самъ свидѣтель того, что они соблюдали его“.—„Но не есть ли Израиль Твой первородный, и справедливо ли допускать свидѣтельство отца“?—„Небо и земля будутъ свидѣтельствовать о нихъ“.—„Но и они не заинтересованные ли свидѣтели“?—(потому что они существуютъ только ради закона, *Nedarim*, f. 32, col. 1).—„Въ такомъ случаѣ вы сами будете свидѣтельствовать“, и въ слѣдствіе этого Нимродъ будетъ свидѣтельствовать объ Авраамѣ, Лаванъ объ Іаковѣ, жена Пен-тефрія объ Іосифѣ. Навуходоносоръ о трехъ отрокахъ, Дарій о Даніилѣ, друзья Іова объ Іовѣ. Тогда народы будутъ просить: „дай намъ теперь законъ и мы соблюдаемъ его“.—„Глупцы. Хотите ли вы воспользоваться субботой, не приготовившись къ ней? Однако же Я дамъ вамъ одно легкое правило — соблюдайте праздникъ Кущъ“ (Зах. XIV, 16). Тогда всѣ они устроятся дѣлать себѣ кущи на кровляхъ своихъ домовъ. Но Святѣйшій, да будетъ благословенъ Онъ, заставитъ солнце сіять съ лѣтнимъ жаромъ и они оставятъ свои кущи съ презрительнымъ восклицаніемъ: „расторгнемъ Его узы и свергнемъ съ себя Его оковы“ (Ис. II, 3). Тогда Господь, сидящій на небесахъ посмѣется имъ. Единственный случай, при которомъ Онъ смѣется надъ своею тварью, хотя Онъ смѣется каждый день съ своими тварями, особенно съ Левіааномъ“.

¹⁶¹⁵⁾ *Baur*, Paul. I, 349; *Olshausen*, *Romans*, *Introd.* § 5. Филиппи называетъ это „связнымъ, систематическимъ изложеніемъ спеціально Павлова благовѣстія“.

¹⁶¹⁶⁾ Во всякомъ случаѣ такое опредѣленіе было бы слишкомъ широко. Если посланіе къ Римлянамъ есть полное изложеніе того, что можетъ быть названо „сотеіологіей“ ап. Павла, то оно совсѣмъ не содержитъ или мало содержитъ въ себѣ эсхатологію, отличающей его посланіе къ Θεσσαλονикійцамъ, или христологію посланія къ Колоссянамъ, или экклезіологію посланія къ Ефессянамъ. Едва ли стоитъ указывать на мнѣніе, что это есть простая защита его апостольства (Мангольдъ), или описаніе и оправданіе Павловой системы миссіонерскихъ трудовъ (Шоттъ). См. *Lange's*, *Romans*, p. 38, англ. перев.

¹⁶¹⁷⁾ Подобно тому, какъ во дни Христа, мытари и блудницы прежде фарисеевъ допускались въ царство Божіе (Матѣ. XXI, 31, 32).

¹⁶¹⁸⁾ См. *Baur*, Paul. II, 328.

¹⁶¹⁹⁾ *Maurice*, *Unity*, p. 477.

¹⁶²⁰⁾ Если бы оказалось нужнымъ выбрать одну фразу, какъ наиболее выражающую главную идею посланія, то это было бы: „какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ“ (1 Кор. XV, 22). „Нравственные наставленія этого посланія естественно возникаютъ изъ его догматическихъ положеній, что 1) всѣ виновны передъ Богомъ; что 2) всѣ нуждаются въ Спаси-“

телѣ; 3) Христосъ умеръ за всѣхъ; что 4) мы всѣ едино тѣло въ Немъ (*Wordsworth's Epistles*, p. 200).

1621) ὁ δὲ δίκαιος ἐκ πίστεως (μου) ζήσεται. Мое опущено ап. Павломъ, да и многими манускриптами перевода LXX (см. выше объясненіе къ Гал. III, 11).

1622) Это мѣсто содержитъ самую сущность богословія ап. Павла. Прекрасное изложеніе и развитіе его см. *Reuss, Théol. Chrét.* II, 18—107.

1623) См. Ланге, *ad loc.*

1624) Это наиболѣе раннее письмо, какое онъ адресуетъ къ „святѣмъ“. Его прежнія письма были адресованы „церкви“ или „церквамъ“ (1, 2 Тесс., 1, 2 Кор., Гал.). Это также первое посланіе, въ которомъ онъ называетъ себя „работъ Иисуса Христа“.

1625) ἀφωρισμένος. См. Дѣян. XIII, 2, ἀφωρισάτε.

1626) Γραφαὶ ἁγίαи, не просто святѣя книги, но подобно *Isra' grammat* собственное имя для Св. Писанія, и потому безъ члена.

1627) Форма выраженія есть, конечно, антитетическая, но мнѣ кажется, что Форбесъ, въ своемъ „Аналитическомъ комментарий“, доводитъ этотъ антитезъ до крайности.

1628) 1—7. Въ ст. 4, ἀνάστασις νεκρῶν, не „изъ“ (ἐκ), но просто воскресеніе мертвыхъ, разсматриваемое, какъ совершенное Христомъ. Понятія χάρις и εὐχὴν соединены въ Числ. VI, 25, 26.

1629) „Epistola tota sic methodica est, ut ipsum quoque exordium ad rationem artis compositum sit“ (Calvin).

1630) Выраженіе ἐν ὧν τῇ κόσῳ конечно значить—между убогими и разсѣянными христіанскими обществами, и поэтому не противорѣчить истинѣ. Дѣян. XXVIII, 21, 22.

1631) Выраженія въ этихъ стихахъ (ἐπιποθεῖ 11; συμπαρακληθῆναι 12; προεθέμην, ἐκωλύθη, καρπὸν 13; ὁφειλέτης 14) весьма близко сходны съ выраженіями въ XV (ἐνεκοπήμην 22; ἐπιποθεῖν 23; ὁφειλέται 27; συναπαρτισθαι 32).

1632) См. XV, 24. Эразмъ заходитъ слишкомъ далеко, когда называетъ это „sancta adulation“.

1633) οὐ θέλω δὲ ὑμᾶς ἀγνωστὸν XI, 25; 1 Тесс. IV, 13; 1 Кор. X, 1; XII, 1; 2 Кор. I, 8.

1634) Какой поводъ онъ могъ бы имѣть къ тому, чтобы стыдиться взглядовъ болѣе высокочѣрныхъ и болѣе образованныхъ язычниковъ, можно видѣть изъ замѣчанія Тацита (*Ann.* XV, 44), который относитъ христіанство къ тѣмъ „cupida atrocitas aut pudenda“, что стекалось отсюду въ водоворотъ римской жизни.

1635) Прѣтѣ, первенство по времени, общее и историческое (Іоанн. IV, 22; Дѣян. I, 8).

1636) Нужно замѣтить, что истинное объясненіе *значенія этихъ словъ* есть одно дѣло и притомъ такое, которое можно считать приблизительно несомнѣннымъ; а достаточное объясненіе *ученія* есть совершенно иное дѣло, и всякая попытка сдѣлать его сразу же приводитъ насъ въ область неразрѣшимой тайны. „Мы не можемъ измѣрять руку Божію перстомъ человѣческимъ“.

1637) ἀποκαλύπτται — „прогнессивное откровеніе“, но ἐφανέρωθη означаетъ, что оно было открыто сразу для всѣхъ; или скорѣе παφανέρωται (III, 21) было открыто *теперь и навсегда*.

1638) *Pfeiderer, Paulinism.* I, 178.

1639) Тридентскій соборъ говоритъ о славѣ и вѣчной жизни Божіей, какъ *конечной*, о Богѣ какъ о *производящей*, о Христѣ, какъ о *заслуженной*, о крещеніи, какъ объ *инструментальной*, о правдѣ Божіей, какъ о *формальной* причинѣ оправданія.

1640) ὄργανον ληπτικόν. Мы оправдываемся *per*, но не *propter fidem* (Дѣян. X, 1, 2).

1641) „Отъ вѣры въ вѣрѣ“, т. е. „что начинается вѣрою и оканчивается вѣрою, чего вѣра есть начало, середина и конецъ“ (Бауръ, который сравниваетъ δομὴ ζωῆς εἰς ζωὴν 2 Кор. II, 16). Въ первомъ мѣстѣ Glaube переходитъ въ Treue.

1642) Объ этомъ преимущественномъ употребленіи слова „вѣра“ см. 1) Рим. IV, 18, Евр. XI, 1; 2) Рим. X, 9, Фил. III, 7; 3) Фил. I, 21, Гал. II, 20; 4) 1 Кор. VI, 17 *Baur, N. Test.*

Theol. 176). Нужно замѣтить, что въ своихъ раннихъ посланіяхъ ап. Павелъ не употребляетъ этого слова совсѣмъ въ новѣйшемъ смыслѣ „вѣроисповѣднаго ученія“, хотя это значеніе слова начинается появляться въ пастырскихъ посланіяхъ. Съ низшей ступени этого слова, въ которой оно просто означаетъ „вѣрованіе“ и „вѣрность“, онъ сразу же поднимается до болѣе высокаго смысла „крѣпкой привязанности къ невидимой силѣ благочестія“ и затѣмъ постепенно восходитъ до того значенія этого слова, въ которомъ оно получаетъ своеобразный у него смыслъ, именно таинственнаго единенія, безусловнаго совоплощенія со Христомъ.

1643) Рим. XII, 3; 2 Кор. X, 15. Я не имѣю возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе предполагаемаго противорѣчія между ап. Павломъ и ап. Іаковомъ. Достаточно будетъ замѣтить, что они имѣютъ дѣло съ совершенно различными областями религіозной жизни и употребляли каждое изъ этихъ трехъ словъ—„вѣра“, „дѣла“ и „оправданіе“—въ совершенно различныхъ смыслахъ. Подъ „вѣрой“ ап. Іаковъ разумѣетъ внѣшнее исповѣданіе іудейской религіозности. Подъ „дѣлами“ ап. Павелъ разумѣетъ левитство и даже нравственныя дѣйствія, рассматривая ихъ съ внѣшней стороны; между тѣмъ какъ Іаковъ разумѣетъ *реальность* нравственной и религіозной жизни. Встрѣчный пунктъ ихъ ясно можно видѣть во 2 Кор. V, 10; Рим. II; 1 Кор. XIII, 1. Въ кажущейся противоположности заключается дѣйствительное совпаденіе. „Царственный законъ Іакова (I, 25; II, 8) есть законъ свободы въ посланіи къ Галатамъ. Оба они ниспровергаютъ іудейское тщеславіе и фарисейство. Только задачей ап. Іакова было опровергать фарисея указаніемъ на то, что было истиннымъ служеніемъ Богу, а задачей ап. Павла было показать, какое основаніе было заложено для духовнаго и вселенскаго домостроительства послѣ разрушенія іудейской обрядности“ (Maurice, Unity, 511). См. Wordsworth, Epistles, p. 205; Hooker, Eccl. Pol. I, xi, 6.

1644) См. два очень цѣнныхъ отдѣла о вѣрѣ и оправданіи у Pfeiderer's Paulinism. § 5. По другимъ объясненіямъ выраженіе „отъ вѣры въ вѣру“ означаетъ: 1) „отъ ветхаго завета къ новому“ (Оригенъ, Златоустъ и др.); 2) „Ex fide legis in fidem evangelii“ (Тертуліанъ); 3) „отъ вѣры къ *отрующему*“ (III, 22; Ольсгаузенъ и др.); 4) „отъ слабой вѣры къ сильной“ (см. 2 Кор. III, 18; IIс. LXXXIII, 7, Лютеръ и др.); 5) „сильное выраженіе — *mega fides*; вѣра *proga et purpis*“ (Бенгель и др.); 6) отъ божественной вѣрности къ человѣческой вѣрѣ (Эвальдъ). См. Евр. XII, 2, „начальникъ и совершитель вѣры“ (Ланге, ad loc.).

1645) κατεχόντων (τὴν ἀληθείαν) I, 18. Въ 19 τὸ γνωστόν есть „то, что извѣстно“, а не „то, что можетъ быть извѣстно“. Ἀποκαλύπτεται, открывается. „Образы новаго завета приближаются къ настоящему моменту“ (Jowett).

1646) Въ стихѣ 20 εἰς τὸ εἶναι очевидно выражаетъ скорѣе слѣдствіе, чѣмъ цѣль.

1647) ἀόρατα καθ' ὅρατα, „invisibilia videntur“—превосходный оксиморонъ. „Deum non vides, tamen Deum agnoscis ex ejus operibus“ (Cic. Q. T. I, 29. Cf. De Div. II, 72). Мірѣ былъ для язычниковъ θεογνωσίας παιδευτήριον (Василій Великій). Объ этомъ пунктѣ см. Гумбольдтъ, Cosmos, II, 16.

1648) Какъ въ Египтѣ. Египетскій культъ въ это время распространился по Италіи: — Nos in templa tuam Romana rescipimus Isim Semideosque canes“ (Luc. Phars. VIII, 83).

1649) Стихъ 24, παρέδωκε, „non *permissivè*, не *ἐκβατικῶς* sed *δικαστικῶς*, т. е. не какъ простой результатъ, но какъ своего рода сужденіе.

1650) Это тотъ самый періодъ, о которомъ Сенека говоритъ, что женщины считали свои годы по числу своихъ разведенныхъ мужей (De Benef. III, 15).

1651) На все это есть слишкомъ ужасное и слишкомъ полное доказательство и, если возможно, на болѣе худшее, чѣмъ все это, у Деллингера, Heidenthum und Judenthum, 684. Но „ostendi debent scelera dum puniuntur abscondi flagitia“.

1652) I, 28 καθὼς οὐκ ἐδοκίμασαν... παρέδωκεν... εἰς ἀδόκιμον νόον, „такъ какъ они *отреклись*... то Богъ предалъ ихъ *отреченной* душѣ“ (Vaughan, ad loc.). На ап. Павла было произве-

дено глубокое впечатлѣніе (24, 26, 28) нравственнымъ закономъ возмездія, какъ наказанія грѣха грѣхомъ. Онъ признавался какъ іудеями, такъ и язычниками (Pirke Abhōth, IV, 2; Sen. Ep. 16).

1653) I, 30, ἐφειράτας κληῶν (2 Макк. VII, 31). Плиній (H. N. XV, 5) прилагаетъ тоже самое выраженіе къ грекамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ встрѣчаются въ рѣчи о нестроеніяхъ *внутри* церкви (2 Тим. III, 2); „такъ мало пользы въ *номинальномъ* христіанствѣ“ (Vaughan); ἐβραῖος ἀγαθὸν (Притч. XVI, 20).

1654) I, 32, τὸ δικαιοσύνη „праведное опредѣленіе“; παροῦσιν „единичные акты“; πρόσσουςιν „обычное состояніе“. Быть можетъ частица οὐκ выпала предъ ἐπιγινώσκας („они не *вполнѣ* знали“), слѣды которой можно замѣчать въ нѣкоторыхъ чтеніяхъ.

1655) I, 16—32. Апостолъ любитъ эти большіе перечни (συμφορισμός) добра и зла (2 Кор. XII, 20; Гал. V, 19; Еф. V, 3, 4; 1 Тим. I, 9; 2 Тим. III, 2). Удовлетворительной классификаціи этого порядка нельзя сдѣлать. Бенгель говоритъ: „per membra novem, in affectibus; duo in sermone; tria respectu Dei et sui, et proximi; duo in rebus gerendis; sex respectu necessitudinum“. На стихахъ 27, 28 лучший комментарий можно найти у Аристофана, Ювенала и Светонія; на стихахъ 29—31—у Фукидита, III, 82—84. См. также современное свидѣтельство Сенеки De ira, II, 8. Omnia sceleribus ac vitiis plena sunt... nec furtiva jam scelera sunt“. Особенные ужасы вѣка изображаются у Тацита въ его исторіи I, 2 и въ другихъ мѣстахъ. „Первый вѣкъ нашей эры носить на себѣ адскую печать, которая принадлежитъ только ему; одинъ только вѣкъ Борджіа можетъ быть сравненъ съ нимъ по степени преступности“ (Renan, Melanges, p. 167).

1656) I, 27, ἀξιοκαύτησαν.

1657) Это Διὶ во II, 1 имѣетъ очевидно значеніе предусмотрительное.

1658) Гал. II, 15, ἡμεῖς φύσει Ἰουδαῖοι, καὶ οὐκ ἐξ ἑθνῶν ἀμάρτωλοι. Мейеръ справедливо говорить, что такое сужденіе объ язычникахъ (о которомъ они, конечно, не думали, что оно будетъ поставлено имъ въ самообвиненіе однимъ изъ нихъ) было отличительною особенностью іудеевъ.

1659) Такъ первосвященникъ говорилъ надъ козломъ отпущенія: „твой народъ не исполнилъ заповѣди, согрѣшилъ и преступилъ предъ тобою“ (Yoma, 66 а).

1660) Ст. 4, ἀγνοῶν. Ἀγία „Deus ducit volentem duci... non cogit necessitate“ (Бенгель).

1661) Видимое противорѣчіе основной темѣ посланія, очевидно, зависитъ оттого, что здѣсь онъ говоритъ объ обыкновенной нравственности. „Божественная оцѣнка людей помимо искупленія“ (Толюккъ). Объясненіе Фритче, что „Апостолъ здѣсь выказываетъ непослѣдовательность и открываетъ semita per honestatem рядомъ съ via regia оправданія“ очень легкомысленное и поэтому не имѣетъ никакого значенія.

1662) Эта фигура рѣчи называется хіазмъ или сосредоточенный параллелизмъ. „Слава и честь, и безсмертіе—драгоценные перлы; вѣчная жизнь—хорошій перлъ, Мате. XIII, 46“ (Ланге).

1663) II, 16 κρίνει „судить“, а не κρίνει „будетъ судить“.

1664) II, 1—16. Ап. Павелъ прибавляетъ κατὰ τὸ εὐαγγέλιόν μου. Это означаетъ, конечно, Евангеліе свободной благодати, которое онъ проповѣдывалъ язычникамъ (Гал. II, 7). Въ стихѣ 14: „по природѣ законное дѣлаютъ“, ап. Павелъ (который здѣсь говоритъ не съ богословскою точностью, а излагаетъ общіе вѣщныя факты) признаетъ даже въ язычникахъ существованіе болѣе благородной натуры и лучшихъ побужденій. См. замѣчательное выраженіе Аристотеля ἐλευθέρως ὁπῶς ἕξει: οὐκ ὁ νόμος ὁν ἔαυτῷ (Eth. Nic. IV, 14, 9). Странно видѣть, что такой великій комментаторъ, какъ Бенгель, связываетъ φύσει съ τὰ μὴ νόμον ἔχοντα и истолковываетъ его въ такомъ смыслѣ: „дѣлаютъ тоже самое, что дѣлаетъ законъ“, т. е. повелѣніе, осужденіе, наказаніе и проч.! Для ап. Павла было поистинѣ изумительнымъ слышать мнѣніе, что онъ подрывалъ значеніе добрыхъ дѣлъ. Выразеніе это встрѣчается не менѣе четырнадцать разъ въ его трехъ послѣднихъ короткихъ посланіяхъ.

1665) II, 17, *et de*, а не *de* есть безспорно истинное чтение, N, A, B, D, K, „*oratio vehemens et splendida (Est.)*“.

1666) *ἐπονομάζω*.

1667) Стихъ 17, *ἐπαναπαύω*.

1668) Стихъ 18, *δοκιμάζεις τὰ διαφέροντα*. См. Евр. V, 14. *διαστολὴ ἀγίων καὶ βεβήλων* (Филонъ) было главною обязанностью раввина; а фарисей былъ сепаратистъ, вслѣдствіе своей тщательности въ отношеніи къ этимъ постановленіямъ.

1669) Стихъ 21, о нравственности фарисеевъ и раввиновъ, см. Суренгузій, мяшна II, 290—293, и см. Іак. IV, 4—13; V, 1—6; Матѣ. XIX, 8; XXIII, 13—25. Іосифъ Флавій называетъ свое собственное поколѣніе нечестивѣйшимъ изъ всѣхъ, и говоритъ, что землетрясеніе и молніи должны были бы уничтожить его, если бы не пришли Римляне. В. Jud. IV, 3, § 3; V, 9, § 4; 10, § 5; 13, § 6. Укажемъ хотя на одинъ фактъ, что „испытаніе ревности“ было отмѣнено, вслѣдствіе крайней распространенности прелюбодѣнія, раввиномъ Іохананомъ Бетъ Заккаемъ, ссылающимся на Осію IV, 14 (Sotah, f. 47, 1).

1670) Стихъ 22, *ὁ ββαλυσόμενος*. Они называли идоловъ *ββαλυσόμενος* 4 Царс. XXIII, 13 и проч. LXX *ἱεροσυλαίς*. Ссылка эта неясна, но см. Втор. VII, 25; Дѣян. XIX, 36, 37; I. Флавій Antt. IV, 8, § 10; XX, 9, § 2. Или не относится ли это къ хищническому ихъ отношенію къ своему собственному храму? (Малах. I, 8; III, 8—10). *σπλητὸν ληστῶν* (Матѣ. XXI, 13). I. Флавій приводитъ греческаго историка Лизимаха, что вслѣдствіе ограбленія іудеями храма, городъ этотъ назывался Негосула (святотатецъ), и вслѣдствіе названіе это измѣнено было въ Негосолута; рассказъ этотъ онъ съ негодованіемъ отвергаетъ (с. Ар. I, 34).

1671) II, 17—24. Въ стихѣ 24 *слова* Ис. LII, 5 интересно связываются со *смысломъ* Іезек. XXXVI, 21—23.

1672) Необходимость доказательства этого можетъ быть видна изъ того обстоятельства, что нѣкоторые изъ талмудистовъ считали совершенство возможнымъ. Они отрицали грѣховность *мыслей*, истолковывая Ис. LXV, 18 въ смыслѣ: „если я помышляю нечестіе въ сердцѣ моемъ, *Господь не замѣчаетъ этого*“ (Kiddushin, f. 40, 1). Раввинъ Іегошуа бейъ Леви, допущенный въ рай безсмертія, былъ спрошенъ, являлась ли радуга въ его дни, и отвѣтилъ: „да“. „Въ такомъ случаѣ“, сказали ему, „ты не сынъ Левія, потому что радуга никогда не является, когда въ мірѣ есть одинъ совершенно праведный человѣкъ“. „Въ дѣйствительности же никакая радуга не являлась, но онъ сказалъ такъ по своей скромности!“ (Kiddushin, f. 40, 1).

1673) Это съ неохотою допускается даже въ Талмудѣ. Раввины вообще учили, что „ни одинъ обрѣзанный человѣкъ не можетъ видѣть ада“ (Midr. Tillin, 7, 2); но они устранили нравственную опасность такого ученія заявленіемъ, что когда преступный іудей приходитъ въ геенну, то ангелъ передѣлываетъ его *периторнъ* въ *ахрофостіа* (Shem. Rabbah, 138, 13; см. I Макк. I, 15; I. Флавій, Antt. XXII, 6, § 2), и они входили въ подробности, чтобы показать, какъ это совершалось.

1674) Фордъ приводитъ подражаніе изъ Тиллотсона — если мы поступаемъ противно Евангелію „*наше крещеніе не есть крещеніе и наше христіанство есть язычество*“ (проповѣдь на 2 Тим. II, 19).

1675) III, 2. „In Vetere Testamento Novum latet, in Novo Testamento Vetus patet“.

1676) Десять разъ въ этомъ посланіи (III, 4, 6, 31; VI, 2, 15; VII, 7, 13; IX, 14; XI, 1, 11) и въ I Кор. VI, 15; Гал. II, 17; III, 21.

1677) III, 5. Существуетъ интересное чтеніе *κατὰ ἀνθρώπων*. „Не будетъ ли Богъ несправедливъ, когда изъявляетъ гнѣвъ на людей?“ (Манускрипты, упоминаемые Руфиномъ). *Τὸ ἄρδιον*; см. VI, 1; VII, 7; IX, 14, 30. Оно не встрѣчается нигдѣ въ другихъ посланіяхъ.

1678) Подобные же примѣры запутаннаго возраженія и отвѣта Толюккъ указываетъ въ VII и въ Гал. III. См. также приложение III „Объ антиноміяхъ ап. Павла“.

1679) III, 9, *προεχόμεθα* собственно означает „употребляемъ какъ предлогъ“; чтеніе *προκατέχοντες* кодексовъ D, G и сирскаго перевода есть глосса съ цѣлю придать значеніе *προέχοντες* „имѣемъ ли мы преимущество“? что гораздо лучше соотвѣтствуетъ смыслу. Ветштейнъ передаетъ его: „превосходить ли насъ (іудеевъ) язычники“? Но такъ какъ греческіе отцы понимали его въ смыслѣ „имѣемъ ли мы преимущество“? (*Vulg. præcellimus*), то этотъ смыслъ можно допустить и здѣсь.

1680) III, 19. *Λέγει* говорить, *λαλεῖ* произносить: см. Іоан. VIII, 43, *λαλῶν*, λόγους.

1681) *Ἐργα νόμου*, дѣла закона *вообще*, обрядоваго ил., Моисеева или общаго, и дѣла какъ *предписываемыя*, такъ и *производимыя* имъ.

1682) III, 9—20. *Ἐπίγνωσις ἀμαρτίας*.

1683) Стихъ 25. Этотъ стихъ есть „акрополь христіанской вѣры“ (Ольсгаузенъ). *Ἀπολύτρωσις* (но не у LXX) обозначаетъ—1) рабство; 2) выкупъ; 3) освобожденіе (Ефес. I, 7). Многіе наиболѣе знаменитые богословы (Оригенъ, Теодоритъ, Теофилактъ, Августинъ, Эразмъ, Гроцій, Каловій, Ольсгаузенъ, Толюкеъ и др.) понимаютъ *Ἀπολύτρωσις* въ смыслѣ „сѣдалище милосердія“, такъ какъ *Ἀπολύτρωσις* неизмѣнно употребляется у LXX для обозначенія *каппоретъ* (Исх. XXV, по мѣстамъ), и никогда не употребляется у нихъ въ смыслѣ искупительной жертвы (ѿбѣра). Филовъ (Vit. Mos. p. 668; cf. I. *Φλαβ.* Antt. III, 6, § 5) называетъ также сѣдалище милосердія символомъ, *ὡς θυγάτηρ*. Поэтому трудно предполагать, чтобы Еллинисты, читатели этого посланія, могли придать этому выраженію какое либо другое значеніе. Каппоретъ между шехина и скрижалями закона, окропляемый умиловительною жертвою первосвященникомъ, стоящимъ позади поднимающагося куренія, есть поразительный образъ Христа (Евр. IX, 25). Я совершенно согласенъ съ Ланге, который называетъ замѣчаніе Фритче „*Valeat absurda explicatio*“—„невѣжественно презрительнымъ“; но такъ какъ Христосъ нигдѣ еще въ Новомъ Заветѣ не сравнивается съ умиловительнымъ жертвенникомъ и сравненіе здѣсь ограничивается только единственнымъ словомъ, то я не могу не думать, что слово это, хотя и двусмысленное, должно имѣть здѣсь значеніе, сходное съ *Ἀκαρμός*, переводимымъ также „умиловствленіе“ въ 1 Іоан. IV, 10.

1684) III, 22 — 27. Бенгель обращаетъ вниманіе на величіе этого евангельскаго парадокса. Въ законѣ Богъ справедливъ и осуждаетъ; въ Евангеліи Онъ справедливъ и прощаетъ. Правда Божія какъ обвиняетъ, такъ и прощаетъ. О Божьемъ „прощеніи“ прежнихъ грѣховъ (III, 25, *παρεσις*, *praetermissio*, а не *ἄφεσις* *remissio*) срав. Пс. LXXX, 12; Дѣян. XIV, 16; XVII, 30; Лев. XVI, 10. Толюкеъ называетъ искупленіе „божественной теодиціей для минувшей исторіи міра“.

1685) „Здѣсь основаніе для Ансельмовой теоріи удовлетворенія, но не для ея грубо антропатическаго исполненія“. Шаффъ, ad. loc. (Ланге, *Romans*, 2—7). И это единственно *внѣшняя* сторона смерти Христовой, просто юридическій взглядъ, относящійся къ сферѣ закона. Внутренній мотивъ—элементъ, въ которомъ открывается существо Бога,—есть благодать Божія (Рим. III, 24).

1686) Стихъ 28—„поэтому (но γὰρ ἡ, A) мы признаемъ, что человекъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона“. Въ этомъ стихѣ Лютеръ вставилъ слово „только“—„*Vox sola tot clamoribus lapidata*“ (Егасм.). Отсюда названіе Солифидіанъ. Добавленіе это уже существовало въ Нюрнбергской Библіи (1483 г.) и Генуэзской (1476). Но оно становилось въ видимое противорѣчіе съ *οὐκ ἐκ πίστεως μόνον* (Іак. II, 24).

1687) III, 27—30, *περιστοὴν ἐκ πίστεως... ἀκροβυστίαν διὰ τῆς πίστεως*, повидимому, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую разницу во взглядѣ апостола, хотя Мейеръ и отрицаетъ его здѣсь. Бенгель, вѣроятно правъ, говоря, что выраженіе это означаетъ первенство іудеевъ и принятіе Евангелія отъ нихъ язычниками; первенство іудеевъ какъ произведеніе вѣры, — язычниковъ *черезъ вѣру* (см. Гал. III, 22—26).

1688) IV, 1. Если мы не опустимъ *ἐδρυμέναι* (съ кодексомъ B), то *κατὰ σάρκα* должно согла-

соваться съ *ἐβρίχηται*. Оно означаетъ: „что приобрѣлъ онъ чисто человѣческими усиліями“? т. е. обрѣзаніемъ (Бауръ); *propter viros* (Гроцій); *Nach rein menschlicher Weise* (Де-Ветте). Ап. Павелъ здѣсь нападаетъ на положеніе, которое въ послѣдствіи сдѣлалось оплотомъ талмудистовъ.

1689) Ап. Павелъ здѣсь слѣдуетъ переводу LXX, который измѣняетъ дѣйствительную форму въ страдательную. Вѣра Авраама была обычнымъ предметомъ обсужденія въ иудейскихъ школахъ. См. нѣкоторыя замѣчательныя параллели въ 1 Макк. II, 52; Филонову евлогію вѣры, *De Abrahamo*, II, 39; *De Mut. Nom.* I, 586. Мало того, такъ какъ въ Быт. XXVI, 5, употреблено множественное число „законы“, то Рабъ думалъ, что онъ содержалъ какъ писанный, такъ и устный законъ (Yoma, f. 28, 2).

1690) Kiddushin, f. 82, 1.

1691) IV, 11. Слово „печать“ (Γη) встречается въ формулѣ обрѣзанія (*Βεγάσθη*, XIII, 1). Обрѣзанное дитя называлось „женихомъ крови“ и проч. Богу (Исх. IV, 26).

1692) Въ IV, 19 об. должно бы быть опущено (κ, Α, Β, С, Сирскій и др.). Онъ замѣчалъ и принималъ во вниманіе слабость своего собственнаго тѣла и однако же имѣлъ вѣру.

1693) IV, 1—25. Въ стихѣ 25 первое *διὰ* есть ретроспективное, второе, проспективное; *διὰ τὰ παραπτώματα* „вслѣдствіе нашихъ преступленій“; *διὰ τὴν δικαιοσύνην* „обезпечить намъ оправданіе“.

1694) V, 1, *ἡχώμεν* есть чтеніе, которое больше находитъ подтвержденій (κ, Α, Β, С, D, K, L); но *ἡχώμεν* даетъ гораздо лучшій смыслъ, и другое чтеніе быть можетъ обязано своимъ происхожденіемъ піетистической тенденціи придать этимъ выраженіямъ увѣщательный смыслъ.

1695) V, 7, Златоустъ, Теодоритъ, Эразмъ, Мейеръ и др. не дѣлаютъ различія между *ἀγαθός* „добрый“ и *δικαίος* „праведный“, какъ будто бы ап. Павелъ разумѣлъ: „едва ли кто умереть за добраго человѣка, хотя бы и могъ кто-нибудь“. Вѣроятнѣе, однако же, что ап. Павелъ разумѣлъ: „никто не умереть за человѣка обиденной честности, а только за истинно добраго человѣка кто-нибудь рѣшился бы умереть“ (см. *Cic. De Off.* III, 15).

1696) V, 11, *ἀλλὰ καὶ καυχώμενοι*.

1697) 1 Кор. XV, 45. Различіе между Адамомъ и Евой (1 Тим. II, 14) не имѣло большого значенія для судьбы человѣческаго бытія—мужскаго или женскаго.

1698) Цѣлыя страницы и почти томы полемики были написаны на 12 стихъ: *ἐφ' ᾧ πάντες ἡμαρτον*. Многіе придаютъ *ᾧ* значеніе мужскаго рода и, относя его къ Адаму, переводятъ „въ которомъ“ (Августинъ), или „посредствомъ котораго“ (Гроцій), или „вслѣдствіе котораго“ (Златоустъ). Однако же не можетъ быть сомнѣнія, что *ᾧ* есть средняго рода (см. 2 Кор. V, 4; Фил. III, 12; IV, 10), и что оно не означаетъ ни „въ которой (смерти)“, какъ *конечной причины*, ни что-нибудь въ этомъ родѣ, но „такъ какъ“. Такъ какъ однако же аргументъ ап. Павла повидимому просто состоитъ въ томъ, что грѣхъ былъ всеобщимъ и что всеобщность смерти есть *доказательство этого*, то повидимому можно понимать въ общемъ смыслѣ: „согласно съ тѣмъ, что“. Здѣсь оно употребляется въ гораздо болѣе широкой и неопредѣленной причинной связи, чѣмъ обыкновенно. Грѣхъ и смерть всеобщі и неразрывно связаны между собой; можно бы предполагать, что гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и грѣха; правда, что грѣхъ не *исполнѣнъ* *вмѣняется*, гдѣ нѣтъ закона; но смерть вошла въ міръ чрезъ грѣхъ, и такимъ образомъ „смерть вошла во всѣхъ людей—что показываетъ, что (какъ это предполагается само собой) всѣ согрѣшили“. Таковъ взглядъ Баура, и если онъ состоятеленъ, то разсужденія касательно „первороднаго грѣха“, „врожденной беззаконности“ и проч. не имѣютъ отношенія къ этому мѣсту (*Baur, Paul.* II, 183—186). Будемъ во всякомъ случаѣ подражать ап. Павлу, останавливаясь болѣе на положительной, чѣмъ на отрицательной сторонѣ, болѣе на Христѣ, чѣмъ на Адамѣ, болѣе на преизбыточествѣ благодати, чѣмъ на происхожденіи грѣха.

1699) Такъ понимаютъ большинство комментаторовъ. „*Sine lege potest esse quis iniquus sed non praevaricator*“ (бл. Августинъ).

¹⁷⁰⁰) Стихъ 14, „даже надъ тѣми, кто не согрѣшили, по подобію преступленія Адама“,—т. е. которые не нарушили прямой положительной заповѣди,—ἀμαρτία которыхъ не было опредѣленнымъ παράβασις. Шаффъ (Ланге, Romane, стр. 191, англ. перев.) даетъ хорошій очеркъ теорій касательно первороднаго грѣха и вѣнненія. 1) Пантенистическая и фаталистическая теорія дѣлаетъ грѣхъ присущимъ нашей конечной природѣ, необходимымъ результатомъ матеріи. 2) Пелагіанская разсматриваетъ грѣхъ Адама какъ просто *худой примѣръ*. 3) Преадамитская объясняетъ грѣхъ предсуществованіемъ, переселеніемъ душъ и проч. 4) Августиніанская—что всѣ люди согрѣшили въ Адамѣ (сн. Евр. VII, 9, 10). „Persona corrumpit naturam, natura corrumpit personam“—т. е. грѣхъ Адама былъ причиною грѣховной природы и грѣховная природа производитъ личный грѣхъ. Она имѣетъ много подраздѣленій, подобно тому, какъ вѣнненность грѣха Адамова разсматриваема была, какъ а) непосредственная; б) посредственная и в) предшествующая. 5) Федеральная—соподчиненное представительство человечества въ Адамѣ въ силу односторонняго (μονοπλευρον) договора Бога съ человѣкомъ (foedus operum или naturae), съ подраздѣленіями а) августино-федеральная; б) чисто федеральная или юридическая. 6) Теорія кальвинистовъ Новой Англіи, которые отрицаютъ вѣнненіе и дѣлаютъ различіе между естественною способностью и нравственною неспособностью сохранять невинность. 7) Арминіанская, которая считаетъ наслѣдственную испорченность не грѣхомъ или преступленіемъ, а слабостью, блаженнымъ состояніемъ и проч. Я спрашиваю, имѣлъ ли ап. Павелъ намѣреніе входить во всѣ эти вопросы? Содѣйствовали ли они хотя сколько нибудь дѣлу христіанства и усиливали ли жизненность религіи? Могутъ ли они имѣть первостепенную важность, такъ какъ слѣды ихъ въ св. Писаніи такъ незначительны, что едва два богослова могутъ быть вполне согласны касательно ихъ? Способны ли они производить смиреніе, челоуѣколюбіе и назиданіе, или вѣрѣе не составляютъ ли они пустыхъ словопреній?

¹⁷⁰¹) Контрастъ между множественностью и единствомъ; выраженіе „многіе“ не заключаетъ въ себѣ исключенія (напр. Енохъ или Ілія). Оно просто зависитъ отъ того обстоятельства, что „всѣ“ иногда могутъ быть „немногіе“ (Августинъ). „Adamus et Christus“, говоритъ Бенгель, „secundum rationes contrarias, conveniunt in positivo, differunt in comparativo“. См. Бентли, проповѣдь о папствѣ. Опр. III, 244. Обращаетъ на себя вниманіе параллель между κρίμα, κατακρίμα, χάρισις, δικαιοσύνη стиха 16 и παράπτωμα, κατήκριμα, δικαιοσύνη и δικαιοσύνη стиха 18. Различіе между этими словами повидимому слѣдующее: 1) δικαιοσύνη actio justificativa, Rechtsfertigungsthat, актъ, который объявляетъ насъ праведными, 2) δικαιοσύνη, процессъ оправданія; 3) δικαιοσύνη, состояніе оправданности. Роте ссылается на Arist. Eth. Nic. V, 10, гдѣ δικαιοσύνη опредѣляется какъ πανόρθωσις τοῦ ἀδικήματος. Въ стихѣ 16, кодексы D, E, F, G читаютъ ἀμαρτήματος.

¹⁷⁰²) Пелагій въ своемъ толкованіи на посланіе къ Римлянамъ (сохраненномъ въ трудахъ Августина) передаетъ δι' ἑνός ἀνθρώπου „per unum hominem, Evam!“ Взгляды Филона касательно паденія можно видѣть въ его Legg. Alleg. II, 73—106. Онъ считаетъ чревоугодіе и похоть источникомъ всякаго зла и думаетъ, что всѣ люди рождены въ грѣхѣ, т. е. подъ господствомъ чувственности (De Mundi Opif. 37; Vit. Mos. III, 675) „Богъ не сотворилъ смерти... нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другомъ, и исчахли, и заключили союзъ съ нею, ибо они достойны быть ея жребіемъ“ (Премудр. I, 13—16).

¹⁷⁰³) Какимъ способомъ они дѣлались грѣшниками, ап. Павелъ нигдѣ не опредѣляетъ.

¹⁷⁰⁴) V, 20, παρῃσθηδεν по Вульгатѣ subintravit, сн. προσετέθη, Гал. III, 19. Въ Гал. II, 4 подложное мнѣніе о πάρα извлекается изъ контекста. Понятіе между „medio tempore subingressa est“ совѣтъ не заключается въ этомъ словѣ.

¹⁷⁰⁵) V, 20, 21. Старые протестантскіе богословы такимъ образомъ излагали употребленіе закона: 1. Usus primus, гражданское или политическое—для управленія государствами. 2. Usus secundus, увѣщательное или педагогическое—для убѣжденія насъ въ грѣхѣ. 3. Usus tertius, дидактическое или образовательное—для руководства въ жизни вѣрующаго (Formula Concordiae,

р. 594). Шаффъ, въ своихъ полезныхъ прибавленіяхъ къ переводу сочиненія Ланге *Romans*, указываетъ, что эти три пункта соотвѣтствуютъ нѣмецкому изреченію, что законъ есть *Zügel* (1, ограниченіе); *Spiegel* (2, зеркало) и *Riegel* (3, жезлъ). Законъ умножаетъ преступленіе, потому что 1) „*Nitimus in vetitum semper, cupimus que negata*“. „*Ignoti nulla cupido*“. 2) „Потому что желанія, подавленные насильственно совнѣ, усиливаются внутренно“ (Томас Аквинатъ). 3) „Потому что насильственные правила возжигаютъ гнѣвъ противъ Бога“ (Лютеръ). Но дѣйствительная цѣль закона была не умноженіе преступленій *per se*, но чтобы ускореніе грѣха могло повести къ его уничтоженію; чтобы достиженіе грѣхомъ своей вершины могло послужить поводомъ къ появленію благодати. „*Non crudeliter hoc fecit Deus sed ratione medicinae—augebatur morbus, crescit malitia, quaeritur medicus, et totum sanatur*“ (Aug. in Ps. CII).

1706) VI, 5, *σύνφρον*. „*complantati*“ Vulg. есть слишкомъ сильное выраженіе. Оно происходитъ отъ *φύω*, а не отъ *φύζω*.

1707) VI, 13, *παραστάς* *παραστήσας*. Въ Новомъ Завѣтѣ *πλα* всегда означаетъ „оружіе“. Сн. Рим. XIII, 12; 2 Кор. VI, 7.

1708) VI, 16. Выраженіе „рабъ для послушанія“ странное. Быть можетъ онъ употребилъ *δπακός* вмѣсто *δικαιοσύνης*, вслѣдствіе заключающагося въ этомъ словѣ двойкаго смысла „правда“ и „оправданіе“.

1709) VI, 18, *ἰδοὺλότης*. „*Deo servire vera libertas est*“ (Aug.). „Служеніе которому есть совершенная свобода“.

1710) Волъ въ намордникѣ, 1 Кор. IX, 9; Сарра и Агарь, Гал. IV, 24; исчезновеніе свѣта на лицѣ Моисея, 2 Кор. III, 7—13; „послѣдующій камень“, 1 Кор. X, 4; облако и море 1 Кор. X, 1, 2.

1711) *Pfleiderer*, *Paulinismus*, I, 73, англ. пер.

1712) *σάρξ* есть не только вещественное тѣло, но и дѣятельное внутреннее начало, которое оказываетъ вліяніе не только на *ψυχή* или естественную жизнь, но даже и на *νοῦς* т. е. человѣческій духъ (*Baur*, *Paul*. II, 140).

1713) Гал. V, 17; *Pfleiderer*, I, 54. Этому писателю, равно какъ и Бауру и Рейссу, между многими другими, я обязанъ очень много при изложеніи богословія ап. Павла. Я долженъ ограничиться выраженіемъ этой общей признательности, потому что они пишутъ съ точки зрѣнія совершенно отличной отъ моей и потому, что я нахожу на страницахъ всѣхъ этихъ трехъ писателей очень много такого, съ чѣмъ я совершенно не соглашаюсь.

1714) Гал. III, 19, *ἡρὶν παραβάσαντων* *προστέθη*.

1715) *Usus primus* или *politicus* закона см. прим. 1705. Это обезпеченіе противъ дѣяствій, которыя, съ провозглашеніемъ закона, становятся преступленіями.

1716) „Быть нагимъ и не стыдиться“ есть прежде всего преимущество невинности; но въ слѣдствіи оно становится завершеніемъ преступности.

1717) *Pfleiderer*, I, 81. „Кто отдаляетъ себя отъ словъ закона, тотъ пожирается огнемъ“ (*Babha Bathra*, f. 79, 1).

1718) „Сила грѣха есть законъ“ (1 Кор. XV, 56), потому что онъ есть то, чѣмъ существенно становится чрезъ сознаніе его человѣкомъ. Онъ усиливаетъ понятіе грѣха и ослабляетъ сознаніе силы воли для противодействія ему. Прекрасно говорить объ этомъ Мильтонъ:

„Законъ былъ данъ имъ для того, чтобы *обнаруживать изъ естественную грѣховность* возбужденіемъ грѣха противъ закона; такъ чтобы, когда они увидятъ, что законъ можетъ лишь обнаруживать грѣхъ, а не устранять его—своими призрачными дѣлами искупленія кровію воловъ и козловъ, они могли придти къ убѣжденію, что для искупленія человѣка требуется болѣе драгоценная кровь“. *Потер. Рай*, XII, 286.

Послѣднія три строки заключаютъ въ себѣ аргументъ, изложенный въ посланіяхъ къ Евреямъ.

1719) 2 Кор. II, 17, οὐ κατηλθόντες; 2 Кор. IV, 2, μηδὲ δολοῦντες.

1720) Iер. XXXI, 29. Iезек. XVIII, 2; XX, 25: „И попустилъ имъ учрежденіе не доброе и постановленія, отъ которыхъ они не могли быть живы“. Ос. VI, 6: „Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и боговъденія болѣе нежели всесожженій“. Iер. VII, 22, 23: „Ибо отдамъ вашимъ Я не говорилъ и не давалъ имъ заповѣди о всесожженіи жертвы, но такую заповѣдь далъ имъ: слушайте гласа Моего“.

1721) Дѣян. XXI, 21. „А о тебѣ слышали они, что ты всѣхъ іудеевъ, живущихъ между язычниками, учишь отступленію отъ Моисея“.

1722) Гал. I, 1, οὐκ ἀπ' ἀνθρώπων, οὐδὲ δι' ἀνθρώπου.

1723) VII, 1—6. Самая шероховатость построенія рѣчи ἀποδυνάτες ἐν φῇ („умирая для того, чѣмъ были связаны“) повидимому дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ это значеніе, чѣмъ τοῦ θανάτου кодексъ D, E, F, G.

1724) Эта мысль находитъ много интересныхъ параллелей у классическихъ писателей *Liv.* XXXIV 4: „Parricidae cum lege coeperunt, et illis facinus poena monstravit“. *Sen. De Clem.* I, 23: „Gens humana ruit per vetitum et nefas“. *Nor. Carm.* I, 3, 26: „Quod licet ingratum est, quod non licet acrius urit“. *Ov. Amor.* II, 19 и проч.: „законъ вызываетъ размышленіе о запрещенномъ предметѣ, любопытство, сомнѣніе, недовѣріе, воображеніе, похоть, воспримчивость къ зародышу искушенія и соблазна и наконецъ возмущеніе—παράβασις (Ланге).“

1725) „Подъ *иереръ-и-ра*“ (злое побужденіе), говоритъ раввинъ Симеонъ Бенъ Лакнишъ „разумѣется ангелъ смерти“ (Толюккъ).

1726) Святѣй по своему происхожденію, справедливый по своимъ требованіямъ, добрый по своей цѣли.

1727) VII, 14. *σαρκινός* „плотной“, *carneus*; *σαρκικός* „плотскій“, *carnalis*. Первое здѣсь есть истинное чтеніе и означаетъ (конечно) меньшую подверженность плоти, чѣмъ послѣднее.

1728) Наиболѣе часто приводится классическая параллель изъ Овидія: „Video meliora proboque, deteriora sequor“ (*Met.* VII, 19). Но ближе всего подходит δ μὲν θάλα (δ ἀμαρτάνων) οὐ ποιεῖ, καὶ δ μὴ θάλα ποιεῖ. Δὲ γὰρ σαφὲς ἔχω ψυχὰς (*Хен. Суг.* VI, 1). Златоустъ называетъ стихъ 21 ἀσχετὸς εἰρημνών, но неясность происходитъ только вслѣдствіе перестановки δτι, что влечетъ за собою повтореніе ἐμοί. Онъ означаетъ: „Я нахожу поэтому законъ, что злое постоянно находится у меня подъ рукою, когда моя воля должна дѣлать доброе“.

1729) Сн. 1 Петр. III, 4. δ κριπτός τῆς καρδίας ἀνθρώπου. Нѣмецкіе писатели говорятъ о „псевдо-плазматическомъ человѣкѣ“ съ его воѣ τῆς σαρκός, φρόνημα τῆς σαρκός, σῶμα τῆς ἀμαρτίας, νόμος ἐν τοῖς μέλεσι, σάρξ и пр. *Schulh. Pathologie und Therapie des Pseudo-plasmen*, 18. „Эта двойная личность есть низверженіе ἑγώ въ пользу ἀμαρτία“.

1730) Вмѣсто „благодарю Бога“ (εὐχαριστῶ) болѣе легкое и поэтому менѣе вѣроятное чтеніе кодексъ D, E, F, G есть ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ, или κυρίου. Болѣе вѣроятно χάρις τῷ Θεῷ кодекса В и савидскаго перевода.

1731) VII, 25, αὐτός ἐγώ Я признаю это значеніе истиннымъ, хотя многіе отвергаютъ его. Ап. Павелъ говоритъ отъ своего собственнаго лица, а не посредствомъ μετασχηματισμός (см. 1 Кор. IV, 6). „Зараженность природы остается даже въ возрожденномъ“ (*Art.* IX).

1732) Въ плоти есть опредѣляющая сила, которую ап. Павелъ называетъ „закономъ въ членахъ“ и которая, получая преобладаніе, становится „закономъ грѣха“. Противъ него выступаетъ разумный принципъ воѣ или человѣческій πνεῦμα—т. е. ἕως ἀνθρώπου—высшее духовное сознаніе, которое однако же само по себѣ никогда не можетъ побѣдить плоти. Сила его скорѣе потенциальная, чѣмъ дѣйствительная. Разумъ есть лучшее начало въ человѣкѣ, а плоть есть сильнѣйшее. Онъ не есть божественный πνεῦμα. Только единеніе со Христомъ можетъ доставить воѣ побѣду надъ сарξ (*Baur, Paul.* II, 146).

1733) VIII, 1. „Christus in homine, ubi fides in corde“ (Aug.). Истинное чтеніе есть: „итакъ, нѣтъ ~~ни~~ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Иисусѣ“. Остальная часть стиха есть глосса.

1734) *Περὶ ἀμαρτίας* „какъ приношеніе за грѣхъ“ *ΓΝΩΤΗ* chattath. Лев. XVI, 5: λήψεται θυὸς ἡμαρτίας *περὶ ἀμαρτίας*. Пс. XXXIX, 7: *περὶ ἀμαρτίας* οὐκ ᾔτησας (Евр. X, 5). Лев. IV, 25: ἀπὸ τοῦ αἵματος τοῦ τῆς ἀμαρτίας.

1735) Κατέκρινεν „осудилъ на казнь“. Матѣ. XXVII, 13.

1736) Ст. 6. Касательно φρόνημα τῆς σαρκός см. Art. IX. Филонъ также много останавливается на безсиліи человѣка, помимо божественной благодати (Legg. Alleg. I, 48, 55, 101).

1737) VII, 13—VIII, 11. Замѣчательно измѣненіе выраженія τοῦ ἐγείραντος Ἰησοῦν на ὁ ἐγείρας τὸν Χριστόν. „Appellatio Jesu spectat ad ipsum, Christi refertur ad nos“ (Bengel, VIII, 11) отчасти резюмируетъ предметъ V, 11 послѣ изложенія отдѣльных пунктовъ въ VI, 12—21; V, 1—23; VII, 1—6, 7—25.

1738) Срав. взрывъ чувствъ въ 1 Кор., XV, 54. Если стихи 19—23 можно назвать священной элегіей, то 31—39 можно назвать священной одой; какъ первые вѣжны и пламенны, такъ эти смѣлы и возвышенны; тѣ составляютъ пояснительное изложеніе выраженія „мы воздыхаемъ подѣ бременемъ“ (2 Кор. V, 4); эти составляютъ комментарий на выраженіе „сія есть побѣда, побѣдившая міръ“ (1 Иоан. V, 4). Philippi, ad loc.

1739) VIII, 39, *χωρίζαι*.

1740) Срав. эту восторженность вѣры и надежды съ болѣзненнымъ отчаяніемъ матеріализма. „Для новѣйшаго философскаго невѣрія начало міра, равно какъ и конецъ его, находится во мракѣ ночи, потому что для него центръ міра — историческій Христосъ — находится во мракѣ ночи“ (Ланге). Время уже созрѣло для признанія избавителя. Платонъ и Сенека ясно сознавали и явно заявляли, что человѣкъ былъ безсиленъ помочь самому себѣ въ своей бѣдственности и грѣховности (Sen. Ep. 53. Cf. Tac. Ann. III, 18; Cic. De Off. I, 4, 18).

ГЛАВА XXXVIII. 1741) Ἀποδιδοῦναι (Рим. II, 6; 2 Тим. IV, 8); ἀνταπόδοσις (Кол. III, 24); μισθός (1 Кор. III, 8, IX, 17) и проч.

1742) Baur, Paul. II, 259.

1743) Равнины, чтобы избѣжать даже и тѣни непочтительнаго антропоморфизма, часто говорили о Богѣ, какъ *Га-Макомъ*, „мѣсто“; и по одному изъ ихъ величественныхъ изреченій „вселенная не есть мѣсто Бога, но Богъ есть мѣсто вселенной“.

1744) Baur, Three Centuries, p. 32.

1745) *□□* Втор. VII, 46; Зах. XIV, 11; Гал. I, 8, 9; 1 Кор. XII, 3; XVI, 22. Сильныя природы всегда были способны терпѣть даже крайнее лишеніе для достиженія великой цѣли. „Изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ“ (Исх. XXXII, 32). „Пусть мое имя уничтожится“, сказалъ Дантонъ, „только бы Франція была свободна“.

1746) Рим. IX, 1—5. О пунктуациі послѣдняго стиха происходило много споровъ. Многіе издатели со временъ Эразма (и между ними Лахманъ, Тишендорфъ, Рюккеръ, Мейеръ, Фритче) дѣлали остановку на словѣ „плоть“; другіе — на словѣ „всѣмъ“ (Локкъ, Баумгартенъ, Крузе); и считаютъ заключительныя слова какъ славословіе Богу за величайшее изъ преимуществъ Израиля. Въ пользу этой пунктуациі говоритъ то обстоятельство, что ап. Павелъ даже въ своихъ величественнѣйшихъ христологическихъ мѣстахъ нигдѣ не называетъ Христа „Богомъ надъ всѣмъ“ и никогда не прилагаетъ къ Нему слова *ἐὸς λογότης* (см. I, 25; 1 Кор. III, 23; VIII, 6; 2 Кор. I, 3; XI, 31; Ефес. I, 17; IV, 6; 1 Тим. II, 5 и проч.). Но съ другой стороны догматическое *ἀπαξ λεγόμενον* можетъ, какъ говоритъ Ланге, отмѣчать завершающіе пункты; и имѣя въ виду 1) употребляемый ап. Павломъ языкъ (Фил. II, 6; Кол. I, 15; II, 9; 1 Кор. VIII, 6; 2 Кор. IV, 4); 2) грамматическое построеніе предложенія; 3) *положеніе* *ἐὸς λογότης* (которое въ славосло-

віяхъ Новаго Завѣта всегда стоитъ первымъ); 4) единогласіе всѣхъ древнихъ толкователей и 5) то обстоятельство, что предложеніе это вѣроятпо намекаетъ на Пс. LXXII, 19 въ переводѣ LXX, такъ какъ въ Ефес. IV, 8 ап. Павелъ приводитъ предыдущій стихъ этого псалма и прилагаетъ его къ Христу,—едва ли можно отвергать принятую пунктуацію. Однако же не лишено значенія замѣчаніе Баура, что *κατὰ σάρκα* прибавлено для того, чтобы показать, что только по плоти іудеи могли имѣть притязаніе на рожденіе Мессіи и что „сущій надъ всѣми Богъ благословенный во вѣки“ слишкомъ много потворствовалъ бы іудейскому партикуляризму (сн. Гал. IV, 4, *ὑπερόβως ἢ ὑποκινῶς*). Полное изложеніе этого вопроса можно найти въ моихъ статьяхъ объ этомъ текстѣ въ *Expositor*, 1879 г.).

1747) 'Εκπέπταμαι „опалъ подобно цвѣту“, Іов. XIV, 2; но см. 1 Кор. XIII, 8; Іак. I, 11.

1748) IX, 6—9; срав. *Nedarim*, f. 31, 1. „Развѣ Измаилъ не иноплеменникъ и однако же отъ сѣмени Авраама“? Написано: „въ Исаакѣ назовется сѣмя твое“. „Но развѣ Исаавъ не чужеземецъ и однако же отъ сѣмени Исаака“? „Нѣтъ, въ Исаакѣ, но не весь Исаакъ“.

1749) Мал. I, 2, 3. Ненавидимый = „менѣе любимый“ (Быт. XXIX, 31; Матѳ. VI, 24; X, 37, срав. съ Лук. XIV, 26); и слѣдующій стихъ показываетъ, что здѣсь разумѣется *временное* положеніе.

1750) „Эти доводы апостола основаны на двухъ предположеніяхъ. Первое, что Св. Писаніе есть слово Божіе, и второе, что то, что дѣйствительно дѣлаетъ Богъ, не можетъ быть несправедливымъ“ (Hodge). Въ то же самое время крайне необходимо, какъ говоритъ Вордсвортъ, „не позволять уму останавливаться исключительно или главнымъ образомъ на единичныхъ выраженіяхъ, встрѣчающихся здѣсь или тамъ, но разсматривать ихъ въ отношеніи къ контексту, ко всей цѣли посланія, къ другимъ посланіямъ ап. Павла и къ общему ученію Св. Писанія“ (*Epistles*, p. 201).

1751) IX, 14—18. Можно сказать, что эта глава противорѣчитъ слѣдующей, и Фритче заходитъ такъ далеко, что говоритъ даже, что „Павелъ лучше согласовался бы самъ съ собою, если бы былъ ученикомъ Аристотеля, а не Гамалиила“; но это противорѣчіе, или скорѣе антиномія, заключается не въ доводахъ ап. Павла, но въ самой сущности вещей.

1752) IX, 19—22. Это обычныя метафоры (Іер. XVIII, 6; Ис. XLV, 9; Премудр. XV, 7; Сир. XXXIII, 13).

1753) IX, 22—30. Стихъ 28 есть экзегетическій переводъ, который ап. Павелъ заимствуетъ у LXX. Такъ какъ форма цитаты имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ этому доводу, то читатель для объясненія его долженъ обратиться къ специальнымъ комментаріямъ.

1754) Въ IX, 33 выраженіе „не постыдится“, взятое ап. Павломъ у LXX, есть экзегетическій переводъ выраженія „дѣлать поспѣшно“ или „бѣжать поспѣшно“.

1755) X, 4 *τέλος* т. е. правда, къ которой стремится законъ, совершена во Христѣ и законъ приводитъ къ Нему. Онъ есть его исполненіе и его завершеніе. Слава Закона переходитъ, но Онъ остается, потому что Его вѣчная слава есть *τέλος* τῆς καταργουμένης (Гал.).

1756) R, A, B, *ἐν αὐτῷ*.

1757) X, 4—12. Замѣчательно, что въ стихѣ 11 важнаго слова *πᾶς* не находится ни въ еврейскомъ подлинникѣ, ни въ переводѣ LXX. Сн. IX, 33.

1758) Физически это, конечно, былъ невозможный методъ *ἐγκεντρικὸς*; другой, если только практиковался вообще, былъ крайне рѣдкій (См. выше прим. 28).

1759) Осія XIII, 14: „Отъ власти ада я искуплю ихъ, отъ смерти избавлю ихъ: смерть! гдѣ твое жало! адъ, гдѣ твоя побѣда? раскаянія въ томъ не будетъ у Меня“.

1760) XI, 31. Если, какъ въ этомъ объясненіи, запятую поставить послѣ *ἡμεῖς* *ἡμεῖς*, то согласованіе *τῶν ὑμετέρων ἡμεῖς* будетъ очень неловкимъ и почти безпримѣрнымъ. Съ другой стороны теряется антитезисъ, если мы поставимъ запятую послѣ *ἡμεῖς* и переведемъ такъ: „такъ и они теперь не послушны (или не вѣруютъ) милосердію, оказанному вамъ“.

ГЛАВА XXXIX. 1761) Ст. 2, *συσχηματίζεσθε* „сообразуйтеся“; *μεταμορφώσεσθε* „преобразуйтесь“. *Σχημα* какъ въ Фил. II, 8, означаетъ внѣшнюю, временную форму; *μορφή* постоянную и существенную форму.

1762) Ст. 3, *μὴ υπερφρονεῖν παρ' ὃ δεῖ φρονεῖν, ἀλλὰ φρονεῖν εἰς τὸ σωφρονεῖν*.

1763) Ланге *ad loc.*

1764) Въ стихѣ 6 „пророчество (т. е. высокое христіанское учение), по мѣрѣ вѣры“ (*κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως*) означаетъ, что христіанскій учитель долженъ держаться въ предѣлахъ своего дара, опредѣленныхъ его индивидуальностью (Толюккъ), т. е. не выставлять непомерно своего *χάρισμα* какъ проповѣдника (Втор. XVIII, 18). Объективный смыслъ *πίστις*, какъ кодекса ученія, есть позднѣйшаго происхожденія. Отсюда обычное правило при объясненіи Св. Писанія „по аналогіи вѣры“, хотя наиболѣе истинное и необходимое, есть неправильное примѣненіе первоначальнаго значенія этого выраженія.

1765) Ланге. Понятіе христіанскаго сообщества заключаетъ какъ единство, такъ и различіе. „Духъ разрѣшаетъ различіе въ единство, вводитъ различіе въ единство и примиряетъ единство съ самимъ собою чрезъ различіе“ (Бауръ).

1766) XII, 1—21. Что касается частныхъ выраженій въ этой главѣ, то можно замѣтить—стихъ 9, *ἀποστρέφοντες* означаетъ „отвращеніе“; *κολλώμενοι* „близкую интимность съ“. Ст. 10 *τῇ φιλαδέλφῃ φιλόστοργοι* „любите вашихъ братьевъ по вѣрѣ какъ бы они были вашими братьями по крови“; *προηγούμενοι*, Вулг. *in vicem praevenientes*—„предупреждая другъ друга въ оказаніи почтенія“ (ст. 11). Данные въ пользу чтеній *κρίφ* и *Κορίφ* довольно равносильны, но первое чтеніе вѣроятно возникло вслѣдствіе сокращенія послѣдняго въ *κρφ*. Слѣдующее предложеніе: „въ усердіи не ослабѣвайте, духомъ пламенѣйте (сн. *Κ'Ϛ* „пророкъ“). Въ стихѣ 14 *διώκοντες* „преслѣдуя (ревнуя) страннопрі мство“ быть можетъ подсказало мысль о *διώκοντες* „гонителяхъ“; ст. 16, *τοῖς ταπεινοῖς συναπαγόμενοι* есть или „*modestissimorum exempla sectantes*“ (Гроцій) „слѣдуя примѣру смиреннѣйшихъ“ (*муж.*), или „*humilibus rebus obsecundantes*“—„поступая по смиренному“ (*средн.*) Ст. 19 *δότε τόπον τῇ ὀργῇ* или 1) дайте мѣсто проявиться Божію гнѣву (Злат., Августинъ и др.), или 2) „дайте мѣсто вашему собственному гнѣву“ т. е. отстраняйте его взрывъ, что однакоже было бы латинизмъ: *irae spatium dare* (сн. *Virg. Aen. IV, 433*); или 3) „дайте мѣсто, уступите гнѣву вашего врага“. Первое вѣриѣ. Ст. 20 „горячіе уголья“ (Притч. XXV, 21, 22)—чтобы расплавить къ покаянію и благодѣтельному стыду. Глава эта изобилуетъ прекрасными трилогіями въ выраженіи.

1767) XIII, 5, *ἀνάγκη* (7, 8, Августинъ) *βλοτάσσεσθε* (D, E, F, G, Вулгата, пер. Лютера) „уступайте необходимости“. „Молитесь объ установленномъ правительствѣ“, сказалъ раввинъ Ханина, „потому что безъ него люди пожрали бы одинъ другаго“ (*Abhōda Zaga, f. 4, 1*). I. Флавій называетъ Іуду Гавлонита „основателемъ четвертой секты іудейской философіи“, которая имѣетъ „неразрушимую привязанность къ свободѣ“, и говоритъ, что Богъ слишкомъ высокъ для того, чтобы быть единственнымъ правителемъ (*Antt. XIII, 1. § 6*).

1768) XIII, 6, *ταλαττε* изъяснительнаго наклоненія, а не повелительнаго (Матѣ. XXII, 21). Въ стихѣ 4 *μάχηται* указываетъ на *jus gladii*. Областной правитель, отправляясь на мѣсто своего служенія, получалъ въ даръ отъ императора вѣнжалъ. Траянъ, давая его, употреблялъ слова: „*Pro me; si merear, in me*“.

1769) Такъ позднѣйшіе раввины находили нужнымъ говорить съ Шемуелемъ: „законъ языческаго царства имѣетъ значеніе“ (*Babha Kama, f. 113, 1*).

1770) Иоан. XII, 31, *ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου*; Ефес. II, 2, *τὸν ἄρχοντα τῆς ἐξουσίας τοῦ αἵρος*.

1771) XIII, 12, или „дѣла свѣта“ (*ἔργα, A, D, E*).

1772) Сн. Гал. III, 27, *Χριστὸν ἐνεδύσασθε*.

1773) Рим. XIV, 6. Слова: „и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ“, опу-

щены въ N, A, B, C, D, E, F, G, Vet., It., Vulg. и коптскомъ переводѣ. Съ другой стороны сирскій переводъ заключаетъ эти слова, и опущеніе ихъ могло произойти вслѣдствіе созвучія съ *φρονεῖ* или догматическихъ предубѣжденій, вслѣдствіе которыхъ предложеніе это считалось опаснымъ. Предложеніе это не такого свойства, чтобы оно могло быть внесено переписчикомъ втораго столѣтія. Но если бы даже оно было опущено, то содержащійся въ немъ принципъ очевидно заключается въ первой половинѣ стиха и въ предыдущемъ стихѣ.

1774) Сенека говоритъ, что въ своей юности онъ перенималъ отъ своего пифагорейскаго учителя Сотіона обычай вегетаризма, но отецъ его заставлялъ его отстать отъ него, потому что вслѣдствіе этого обычая онъ подвергался подозрѣнію въ приверженности къ чужимъ суевѣріямъ (вѣроятно іудейскимъ). См. *Seekers. after God*, p. 15.

1775) Евѣониты считали постановленіе о субботѣ самой святой заповѣдью іудейской религіи.

1776) *Ephr.* Наег; XXX, 18.

1777) *Ephr.* Наег. XXX, 15.

1778) *Nom.* XII, 6.

1779) *Paedag.* II, 1; *Euseb.* Н. Е. II, 23; *Baur*, Paul. I, 358.

1780) XIV, 1—12, *προλαμβάνετε* „берите рукой“; *μη εἰς διακρίσεις διαλογισμῶν* „не посредствомъ критиковапія для нихъ ихъ тщательныхъ мелочей“ (Толлюкъ).

1781) *Συγκατάβασις* (см. Рим. XV, 1), *ἐλασσοδοῦναι* (Іоан. III, 30), *δοτεράτῃν* (Фил. IV, 12; 1 Кор. VI, 7); три великихъ христіанскихъ понятія, которыя въ жизни религіозныхъ общинъ часто затемняются.

1782) Положеніе Августина „*omnis infidelium vita peccatum est*“ представляетъ примѣръ многихъ крайнихъ выводовъ, обременяющихъ богословіе и возникающихъ вслѣдствіе простаго вырванія словъ изъ контекста и придаванія имъ болѣе, чѣмъ заключающагося въ нихъ значенія. Мы не имѣемъ права примѣнять текстъ помимо тѣхъ обстоятельствъ, на которыя онъ непосредственно указываетъ. Какъ всеобщее правило оно приложимо только къ той партіи, о которой говоритъ ап. Павелъ. Прилагаемая аналогически, „вѣра“ можетъ здѣсь значить только „нравственное убѣжденіе въ прямотѣ способа дѣйствія“ (Златоустъ, де Ветте, Мейеръ и др.). Извращать значеніе текстовъ, какъ это дѣлается часто, значить производить худую игру словами. Если блж. Августинъ разумѣлъ, что даже нравственность и добродѣтель язычниковъ, еретиковъ и проч. есть грѣхъ, то его положеніе не только мрачно и несимпатично, отзывается фарисействомъ и противорѣчитъ св. Писанію, но ложно въ историческомъ, духовномъ и нравственномъ смыслѣ.

1783) XIV, 22, 23. Въ этомъ именно пунктѣ нѣкоторые манускрипты полагаютъ славословіе XVI, 25—27; но это былъ бы въ высшей степени неумѣстный перерывъ между четырнадцатою и пятнадцатою главами, а основанія для того, чтобы считать пятнадцатую главу подложной, кажутся мнѣ совершенно недостаточными.

1784) XV, 16, *ἐρουργούντα*.

1785) XV, 24 *ἐλεύσομαι πρὸς ὑμᾶς* опускается во всѣхъ лучшихъ манускриптахъ. „Съ давнихъ лѣтъ имѣя желаніе придти къ вамъ, какъ только предприиму путь въ Испанію“.

1786) *ἀπὸ μέρους* „non quantum vellem sed quantum liceret“ (Grot).

1787) XV, 32 *καὶ συναναγκάζονται ὑμῖν* опускается въ кодексъ В.

1788) Предположеніе это впервые высказано Шулцемъ.

1789) Мы можемъ быть очень благодарны за сохраненіе его, такъ какъ оно имѣетъ глубокий личный интересъ. О діаконалисахъ см. Bingham, I, 334—366. Фива была, вѣроятно, вдова. Стихъ 4, *βλαβήκαν* „положили свои шенъ подъ топоръ“, есть, вѣроятно, намекъ на какой нибудь рисунокъ въ Коринѣ (Дѣян. XVIII, 12; XIX, 32). Въ стихѣ 5 истинное чтеніе есть *Ἀσίας*. Стихъ 7, *συναίχμα-λώτους*—вѣроятно въ Ефесѣ, *ἐπίσημοι ἐν τοῖς ἀποστόλοις*, „прославившіеся между миссіонерами истинны“

(2 Кор. VIII, 23; Дѣян. XIV, 4), въ менѣе ограниченномъ смыслѣ слова. Едва ли бы ап. Павелъ ставилъ въ заслугу то, что апостолы знали ихъ и имѣли о нихъ высокое мнѣніе (Гал. I, II)—стихъ 13. Руфъ, быть можетъ, одинъ изъ сыновей Симона Киринейскаго (Марк. XV, 22)—стихъ 14. Ерма не авторъ „Пастыря“, который едва ли могъ быть рожденъ въ это время. Стихъ 16, *φληρία* *ἀγίου* 1 Θεсс. V, 26; 1 Петра V, 14; Лук. VII, 45. Попытка отождествленія Тертія съ Силой, такъ какъ еврейское слово, обозначающее Тертія (*תרתי*), звучитъ сходно съ Силой, есть одна изъ негѣпостей безпринципнаго толкованія. О такихъ именахъ, какъ Трифонъ и Трифоза, пышныхъ по звукамъ и низкихъ по значенію, которыя могли подсказать ап. Павлу *κοινωνίας* *ἐν* *Κορίνθ*, какъ родъ деликатной игры словами, см. *Merivale*, *Hist.* VI, 260 и *Wordsworth*, *ad loc.*

1790) „Вышло ли это посланіе въ двухъ формахъ изъ рукъ апостола, изъ которыхъ одна оканчивалась главой XIV и славословіемъ, а другая имѣла прибавленіе двухъ послѣднихъ главъ, или какое либо другое болѣе удовлетворительное объясненіе можетъ быть предложено касательно опущенія, повторенія, перемѣщенія, подлинности—это должно быть предоставлено дальнѣйшему изслѣдованію“. *Westcott* (*Vaughan's Romans*, p. XXV). По одной теоріи XII—XIV были позднѣе вставлены вмѣсто XV, XVI, и затѣмъ то и другое было собрано вмѣстѣ въ одномъ спискѣ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

1791) Сн. Еф. III, 20, 21. Текстъ этотъ, какъ онъ существуетъ теперь, заключаетъ въ себѣ непослѣдовательность, такъ какъ *φ* должно бы быть собственно *ἀναίμα*. Толковкѣ и др. думаютъ, что апостолъ посредствомъ парентезиса перешелъ отъ славословія Богу къ славословію Христу. Быть можетъ онъ хотѣлъ вставить слово *χάρις*, но потерялъ его изъ виду вслѣдствіе длинноты періода. Здѣсь, какъ и въ Авв. III, 6, слово *ἀιώνιος* употребляется въ двухъ послѣдовательныхъ предложеніяхъ, гдѣ, какъ всѣ согласны, въ первомъ предложеніи, оно не можетъ означать „безконечный“, такъ какъ говорить о предметахъ, которые уже пришли къ своему концу.

Перев. Въ русскомъ переводѣ это славословіе находится въ концѣ Рим. XIV гл.

ГЛАВА XL. 1792) Онъ оставилъ Ефесъ предъ Пятидесятницею 57 года по Р. Хр.

1793) Дѣян. XX, 3, *μέλλοντι ἀναγινώσαι*. *γενόμενης*.

1794) См. выше стр. 322, 452, 480; ниже 598, 819.

1795) Стихъ 3, *ἀγέμετο γυνή*.

1796) Въ стихѣ 4 чтеніе *ἀχρὶ τῆς Ἀσίας* есть не вполне достовѣрное, такъ какъ оно опущено въ *М*, *В*, коптскомъ (оба перевода) и эвѣопскомъ переводахъ. Нѣкоторые, во всякомъ случаѣ, изъ обращенцевъ — Лука, Аристархъ и Трофимъ — сопровождали его въ теченіе всего пути въ Иерусалимъ — XXI, 29, XXVII, 2, 1 Кор. XVI, 3, 4. Какимъ образомъ случилось, что тутъ не было коринѣскихъ уполномоченныхъ? Неужели большія обѣщанія Коринѣа закончились одними словами? или они вручили свою милостыню кому нибудь изъ другихъ депутатовъ?

1797) *Πόρρο* было вѣроятно прибавлено для того, чтобы отличить его отъ Сосипатра, Рим. XVI, 21, *κ*, *А*, *В*, *Д*, *Е*.

1798) Стихъ 5. Если *προσκληθέντας* (*κ*, *А*, *В*, *Е*) правильное чтеніе, то Тихикъ и Трофимъ должны были встрѣтить Павла въ Троадѣ.

1799) Первое лицо множественнаго числа опять появляется въ повѣствованіи XX, 5, послѣ того какъ было оставлено въ XVI, 17. Теперь оно продолжается до конца Дѣяній Апостольскихъ, и св. Лука, повидимому, до послѣдняго момента оставался съ ап. Павломъ (2 Тим. IV, 11).

1800) *Lewin*, *Fasti Sacri*, § 1857.

1801) Для переплытія изъ Троады въ Неаполь, портъ Филиппійскій, требовалось только два дня при прежнемъ случаѣ, XVI, 11.

1802) Онъ уже рано назывался днемъ солнца, даже христіанами: *τῇ τοῦ ἡλίου λεγομένη ἡμέρα* (*Just. Mart. Apol.* II, 228).

1803) *Plin.* *Ep.* X, 96. „Quod essent soliti stato die *ante lucem* convenire... quibus peractis

morem sibi discedendi fuisse rursusque coeundi ad capiendum cibum, promiscuum tamen et innoxium“.

1804) На это указываетъ выраженіе συνηγμένων ἡμῶν κλάσαι ἄρτον. Сн. слово ἐπισυναγωγῇ, Евр. X, 25, и συναξίς.

1805) Этотъ случайный фактъ, упоминаемый св. Лукой, указываетъ на очевидца, на душѣ котораго живо напечатлѣлась эта сцена. Свѣтлыяники достаточно объясняются темнотою, но упоминаніе о нихъ цѣнно, потому что оно показываетъ, какъ мало таинственности или безпорядка бывало въ этихъ послѣднихъ собраніяхъ. Они еще не сдѣлались предметомъ подозрѣнія, но они должны были скоро, очевидно, сдѣлаться такими.

1806) Это обычное рабское имя, но болѣе ничего неизвѣстно о немъ.

1807) Ст. 9, διαλεγόμενου τοῦ Παύλου ἐπὶ πλείον.

1808) Ст. 9, καταφρόνως ὑπὸν βαθεῖ... κατανεχθεὶς ἀπὸ τοῦ ὑπνοῦ ἵπταν. καταφρόνως: есть vox solemnis de hac re. *Aristot. de Insomniis*, III, и проч.

1809) ἀνιβαθμοί.

1810) Такъ какъ было уже поздно ночью, то вѣроятно на небѣ показывался серпъ луны.

1811) Де Ветте, Олсгаузенъ, Мейеръ, Эвальдъ и многіе другіе принимаютъ νεκρός въ смыслѣ „какъ бы мертвымъ“, „повидимому мертвымъ“, „въ мертвенномъ обморокѣ“, истолковывая это слово на основаніи выраженія ап. Павла μὴ θορυβησθε ... γὰρ, но ἡγάγον ... ζῶντα стиха 12 повидимому указываетъ на истинное значеніе св. Луки.

1812) ἐπιστῶν συμπεριλαβὼν, 3 Цар. XVII, 21; 4 Цар. IV, 34.

1813) Ст. 11, κλάσας τὸν ἄρτον, καὶ ὑψοῦμενος.

1814) παρῶν—возможно, но не непременно, пѣшкомъ.

1815) Илиада, VI, 143. Острота эта свободно можетъ быть переведена такъ: „иди въ Ассъ, если ты хочешь встрѣтить свою судьбу“. Вульгата также смѣшиваетъ названіе Ассъ съ нарѣчіемъ ἄσσον („близъ“) въ XXVII, 13.

1816) Τυφλὸς ἀνὴρ οἶκεί δὲ Χιφ ἐνὶ παιπλοῦσσυ (ар. *Thuc.* III, 104).

1817) Невозможно опредѣлить, было ли судно нарочито нанято Павломъ и его спутниками, или они находились въ зависимости отъ его собственныхъ движеній. Стихъ 16 не даетъ рѣшительнаго отвѣта.

1818) Извѣстно, что слова „пресвитеръ“ и „епископъ“ употребляются одно вѣсто другаго въ Новомъ Заветѣ. Ἐπισκόπους τοὺς πρεσβυτέρους καλεῖ, ἀμφότερα γὰρ εἶχεν κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τὰ ὀνόματα (*Theodor. ad Phil.* I, 1).

1819) О нихъ не упоминается въ повѣствованіи. Это одно изъ многихъ случайныхъ указаній, что св. Лука зналъ гораздо болѣе подробностей, чѣмъ сколько входило въ планъ его повѣствованія.

1820) Стихъ 20, ἐστειλάμην (буквально: „скрутилъ“—о парусѣ). Это мореплавательное слово (срав. πληροφορία Кол. II, 2, IV, 12; στελλόμενοι 2 Θεсс. III, 6; 2 Кор. VIII, 20), столь естественное въ устахъ человѣка, который каждый день долженъ былъ слышать это слово при своихъ путешествіяхъ, весьма характерно для ап. Павла, который постоянно беретъ свои метафоры изъ видовъ и обстоятельствъ, непосредственно окружающихъ его. Затѣмъ онъ опять употребляетъ его въ стихѣ 27. Эти мелкія особенности стили совершенно неподражаемы и, какъ говоритъ Эвальдъ, „сомнѣваться въ подлинности этой рѣчи есть сама нецѣльность“. Кромѣ многихъ другихъ указаній подлинности, повѣствованіе содержитъ по крайней мѣрѣ дюжину фразъ и построеній рѣчи, которыя болѣе или менѣе исключительно свойственны ап. Павлу.

1821) Ст. 22. Хотя истинный порядокъ есть δεδεμένος ἐγὼ, ἦ, Α, Β, С, Ε, но рѣчь становится выразительнѣе, когда „я“ ставится первымъ.

1822) При крайнемъ разнообразіи манускриптовъ въ этомъ предположеніи лучше всего слѣдовать $\aleph$, $\sigma\delta\delta\epsilon\nu\acute{o}\varsigma \lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon$ — $\sigma\delta\delta\epsilon \epsilon\chi\omega$.

1823) $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha} \chi\alpha\rho\acute{\alpha}\varsigma$ опускается въ $\aleph$, A, B, D. Оно вставлено изъ Фил. I, 4; Колос. I, 11; см. 2 Тим. IV, 7.

1824) Этотъ глаголъ въ третій разъ встрѣчается въ этихъ немногихъ стихахъ. Совершенно вѣрно замѣчаніе объ ап. Павлѣ, что „его преслѣдуетъ слово“. Это интересный признакъ подлинности рѣчи.

1825) Ап. Павелъ отчасти говоритъ въ отношеніи опасностей, которыя ему предстоятъ встрѣтить, а отчасти о своемъ намѣреніи идти на далекій Западъ. Его *оѡ*з не было необходимо повторѣннымъ (срав. Фил. I, 25 съ II, 24), и дѣйствительно, вѣроятно, что онъ посѣтилъ Ефесъ опять (1 Тим. I, 3; III, 14; IV, 12—20). Но это было долго спустя, и вполне достоверно, что старѣйшины всѣ вмѣстѣ ($\pi\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma \delta\iota\alpha\kappa\epsilon$) никогда не видѣли его опять.

1826) Я принимаю здѣсь чтеніе $\kappa\upsilon\rho\iota\omicron\upsilon$ съ A, C, D, E, коптскимъ, сахитскимъ, армянскимъ переводами, съ Иринеємъ, Дидимомъ, Кирилломъ, Иеронимомъ, Августиномъ и др., вмѣсто $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$, замѣчательнаго чтенія $\aleph$, B. Вулгаты, Сирійскаго, Златоуста, Василия Великаго, Амвросія и др., потому что „кровь Бога“ есть выраженіе, котораго, хотя и усвоенное—быть можетъ вслѣдствіе варіаціи въ этомъ самомъ текстѣ—нѣкоторыми изъ Отцовъ (*Tert. ad Uxor. II, 3*), церковь всегда избѣгала. Афанасій Великій явно говоритъ $\sigma\delta\delta\alpha\rho\acute{o}\iota \delta\epsilon \alpha\lambda\phi\alpha \Theta\epsilon\omicron\upsilon \delta\iota\chi\alpha \sigma\alpha\rho\kappa\omicron\varsigma \pi\alpha\rho\alpha\delta\epsilon\delta\omicron\kappa\alpha\sigma\iota\nu \alpha\iota \gamma\rho\alpha\phi\acute{\iota}$. Что ап. Павелъ въ безусловнѣйшемъ смыслѣ признавалъ божество Вѣчнаго Сына, это несомнѣнно; но онъ никогда бы не сказалъ и никогда дѣйствительно не сказалъ чего нибудь въ родѣ „кровь Бога“, и я не могу не считать гораздо болѣе вѣроятнымъ, что онъ употребилъ не обычное, но совершенно естественное выраженіе „церковь Господа“, чѣмъ освящать весьма странное выраженіе „кровь Бога“. Я не могу придавать большаго значенія тому обстоятельству, что „церковь Господа“ есть менѣе обычное сочетаніе, чѣмъ „церковь Божія“; такъ какъ ап. Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ такимъ же совершенно образомъ оставляетъ свое любимое выраженіе „день Господень“ и употребляетъ вмѣсто этого „день Христовъ“ (Фил. I, 10; II, 16). Если бы онъ написалъ $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$, то мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ, чтобы чтеніе это такъ рано подверглось измѣненіямъ. Такая фраза стояла бы на одномъ уровнѣ съ выраженіями въ родѣ $\alpha\delta\epsilon\lambda\phi\acute{o}\varsigma \Theta\epsilon\omicron\upsilon$ и $\Theta\epsilon\omicron\tau\acute{o}\kappa\omicron\varsigma$, которыя, хотя не встрѣчаются въ св. Писаніи, однако же приняты церковью, между тѣмъ какъ если бы ап. Павелъ сказалъ $\kappa\upsilon\rho\iota\omicron\upsilon$, то вставленное какимъ нибудь прагматическимъ переписчикомъ на поляхъ, $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$ легко могло проникнуть въ текстъ. И дѣйствительно, самый фактъ, что „церковь Господа“ не есть обычное выраженіе ап. Павла, могъ подсказать эту глоссу. Если однако же $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$ есть истинное чтеніе, то именительный падежъ къ глаголу $\pi\epsilon\rho\iota\sigma\sigma\iota\mu\epsilon\theta\iota$ могъ просто быть пропущенъ, вслѣдствіе грамматической неаккуратности апостола или его переписчика (см. далѣе Scrivener, Introd. 540). Тайнственное ученіе о $\pi\epsilon\rho\iota\chi\acute{o}\rho\eta\tau\omicron\varsigma$ есть одно изъ тѣхъ, которыя апостолъ всегда разсматриваетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и такое выраженіе, какъ $\alpha\lambda\phi\alpha \Theta\epsilon\omicron\upsilon$ дало бы по крайней мѣрѣ на первый взглядъ противовѣсъ всевозможнымъ савелліанскимъ, еutihianскимъ и патрипассіанскимъ ересямъ (Болѣе подробное замѣчаніе объ этомъ чтеніи сдѣлано мною въ Expositor, май, 1879 года)

1827) Это печальное предсказаніе скоро исполнилось (1 Тим. I, 20; Откр. II, 6; 1 Иоан. II, 19).

1828) Несомнѣнно это выраженіе—хотя его и нельзя понимать буквально—говорить противъ теоріи, по которой онъ будто бы посѣтилъ Коринѣ въ теченіи этого періода.

1829) Слезы трижды упоминаются въ этомъ краткомъ мѣстѣ—слезы страданія (19), пастырскаго увѣщанія (31) и личной любви (37). *Monod, Cinq Discours (Les Larmes de St. Paul)*.

1830) Единственное „незаписанное изреченіе“ ($\alpha\gamma\rho\alpha\phi\omicron\nu \delta\omicron\gamma\mu\alpha$) Спасителя въ Новомъ Завѣтѣ, несохраненное для насъ въ Евангеліяхъ.

1831) $\kappa\alpha\tau\epsilon\phi\iota\lambda\omicron\upsilon\nu$, deosculabantur (см. Матѣ. XXVI, 49).

1832) Ст. 38, *θεωρεῖν*. Онъ сказалъ только *θεωρεῖν* (сн. Иоан. XX, 5, 6). Слово это обозначаетъ то чувство, на которое указываетъ здѣсь.

1833) XXI, 1, *ἀποσπαρθέντας ἀπ' αὐτῶν* (сн. Лук. XXII, 41).

1834) *Strab.* XIV, 2; *Hor.* Od. IV, XIII, 13; *Athen.* X, 688 (Alf.).

1835) *Plin.* Н. Н. XXIV, 18; *Strab.* XIV, 2.

1836) *Cedrenus*, Hist. p. 431.

1837) Пнѣй.

1838) *Sprat and Forbes*, I, 30; *ap. C. and H.* II, 232.

1839) XXI, 3, *ἀναφθίνοντας* срав. *arepire* (сн. *Ps. Lucian*, Ver. Hist. § 38, p. 687); противоположный техническій терминъ есть *ἀποκρύπτειν*, *abscondere* (*Thuc.* V, 65; *Virg.* Aen. III, 275, 291).

1840) XXI, 4, *ἀνευρόντας τοὺς μαθητάς*, „ища учениковъ“.

1841) XXI, 5. *ἐξαρτίσαι* обыкновенно означаетъ „вновь снабжать“, но здѣсь въ связи съ словомъ *ἡμέρας* оно повидимому означаетъ „завершать“. Исихій дѣлаетъ его равнозначущимъ съ *τελειῶσαι*, и также понималъ его Теофилактъ и Экумений Мейеръ, вѣроятно, ошибся, придавая этому слову здѣсь его первое значеніе.

1842) Ст. 5, *ἀγχιὰδν*. Сн. XXVII, 39. Здѣсь дѣйствительно между Тиромъ и Сидономъ находится длинная полоса песчаного берега, но вблизи города находятся также и скалистые мѣста. Гаккетъ, *ad loc.*, приводитъ поразительно сходный опытъ американскаго миссіонера Шнейдера въ Анитабѣ, близъ Тарса: „богѣ ста обращенцевъ сопровождали насъ изъ города; и тамъ, близъ мѣста, гдѣ одинъ изъ насъ нѣкогда былъ побитъ камнями, мы остановились, и вознесена была молитва со слезами. Отъ тридцати до сорока человекъ сопровождали насъ на двухъ часовомъ пути дальше... Затѣмъ была вознесена другая молитва, и съ опечаленными лицами и съ плачемъ они насильственно оставили насъ. (Сн. *ἀποσπαρθέντας*, ст. 1). Казалось, будто они не могли возвратиться назадъ“.

1843) Сн. *Plin.* Ep. X, 96.

1844) *Fasti Sacri*, № 1857.

1845) Ст. 15. Чтеніе *ἐπισκευασάμενοι* ж, А, В, Е, G, и масса курсивныхъ. Сн. Судей XVIII, 21; 1 Царс. XVII, 22; Ис. X, 28. „Мы сложили наши ноши“. Женев. перев.

1846) Что ап. Павелъ прибылъ только наканунѣ праздника это можно выводить изъ Дѣян. XXIV, 11.

1847) Такъ какъ тутъ не упоминается ни одинъ изъ двѣнадцати, то вѣроятно никто изъ нихъ не присутствовалъ. Двѣнадцать лѣтъ, которые, какъ говоритъ преданіе, назначены были Христомъ для ихъ пребыванія въ Іерусалимѣ, давно уже истекли, и они разсѣялись по своимъ различнымъ миссіямъ для благовѣстія міру. Св. Лука зналъ о милостыняхъ, принесенныхъ ап. Павломъ (XXIV, 17), хотя онъ и не упоминаетъ здѣсь о нихъ.

1848) Свидѣтельствомъ этого можетъ быть извѣстіе о томъ, какъ отнеслись въ новѣйшее время къ сэру Монтефиоре и доктору Франкю послѣ того, какъ они вручили имъ большое денежное приношеніе.

1849) XXI, 19, *καθ' ἑν ἑκάστον*.

1850) Стихъ 21, *κατηχήθησαν*. Слово это гораздо сильнѣе, чѣмъ „наслушались“.

1851) I. Флав. Antt. XIX, 6, § 1, *εἰς Ἱεροσόλυμα ἐλθὼν χρηστηρίους ἐξεπλήρωσε θυσιὰς οὐδὲν τῶν κατὰ νόμον ἀπολιπὼν. διὰ καὶ Ναζιραίων εὐραῖσθαι διέταξε μάλα συχνούς*.

1852) Ни Талмудъ, ни Питокинижѣ не упоминаютъ этого обстоятельства. Числ. VI, 9, 10 указываетъ только на факты случайнаго оскверненія въ теченіи періода такого обѣта. Быть можетъ по аналогіи съ этимъ правиломъ была назначена особая недѣля, какъ время очищенія.

1853) Гаусратъ (стр. 453), который однако же ошибочно воображаетъ, что будто ап. Павелъ самъ имѣлъ на себѣ при этомъ случаѣ обѣтъ назорея. Лицо, платившее издержки назорея, не

должно было, какъ мнѣ думается, дѣлать приношенія за самого себя, — по крайней мѣрѣ нигдѣ не говорится такъ—хотя мы заключаемъ, что онъ жилъ съ Назарейми въ теченіи періода ихъ заключенія и нѣкоторымъ образомъ раздѣлялъ ихъ очищеніе.

1854) Праздникъ Пятидесятницы продолжался только одинъ день.

1855) Такъ я понимаю темныя и спорныя выраженія стиха 26; но даже, не смотря на талмудическій трактатъ Nazir, мы мало знаемъ о подробностяхъ, чтобы быть увѣренными въ точной процедурѣ этого или въ точномъ значеніи употребленныхъ здѣсь выраженій. Нѣкоторые понимаютъ ἀνισθίς и ἀνισθός въ томъ смыслѣ, что ап. Павелъ принялъ на себя обѣтъ назорей вѣстѣ съ ними (ср. Числ. VI, 3, 5 по LXX). Это, повидимому, невозможно, такъ какъ тридцать дней есть самый короткій періодъ, упоминаемый Мишною для временнаго обѣта. Левитъ и другіе предполагали, что онъ самъ былъ назорей, принявъ этотъ обѣтъ послѣ своей опасности въ Ефесѣ, какъ и при прежнемъ случаѣ послѣ своей опасности въ Коринѣѣ; и вотъ основаніе, почему онъ съ такимъ рвеніемъ стремился достигнуть Иерусалима. Но если такъ, то почему же Св. Лука не упомянулъ объ этомъ обстоятельстве, какъ онъ упоминалъ объ этомъ раньше? И если такъ, то почему необходимо было платить издержки этихъ четырехъ назареевъ, когда исполненіе его личнаго обѣта было бы достаточнымъ и болѣе поразительнымъ доказательствомъ его желанія подчиняться Моисеевымъ установленіямъ въ своемъ личномъ образѣ дѣйствій? Кромѣ того, предложеніе старѣйшинъ было для ап. Павла очевидно неожиданнымъ.

1856) I. Флавій называетъ его *ἱεροποιήτορας* (с. Ap I, 2).

1857) Jos. B. J. II, 12, § 1; Antt. XX, 5, § 3.

1858) Лук. IX, 53; Jos. Antt. XX, 6, § 1.

1859) Разногласіе въ этомъ разсказѣ, какъ онъ излагается у I. Флавія въ B. J. II, 12, § 5, и Antt. XX, 6, § 2, очевидно, и однако же никто не сомнѣвается ни въ честности I. Флавія, ни въ общей истинности разсказа. Съ какимъ презрѣніемъ отвергли бы его какъ мифъ или вымыселъ, если бы вѣчто подобное случилось въ Евангеліяхъ!

1860) Если бы онъ сдѣлалъ это, то навлекъ бы на себя порицаніе, на которое указываетъ въ Іезек. XLIV, 7; см. Ефес. II, 14. Слѣдующее замѣчательное мѣсто изъ Талмуда есть самосудженіе со стороны іудейскихъ учителей: „что“, спрашивается тамъ, „было причиной разрушенія перваго храма? Господство идолопоклонства, прелюбодѣянiя и убійства . . . Но что было причиной разрушенія втораго храма, *ex visu tuo, quod tuus populus отличался изученіемъ закона, соблюденіемъ его правилъ и благотвореніемъ? Это была безпричинная ненависть; и это показывается, что безпричинная ненависть по своей преступности равна идолопоклонству, прелюбодѣянiю и убійству, взятымъ вмѣстѣ*“ (Joma, f. 9, 2). Образцы безосновательной и безграничной ненависти талмудистовъ къ христіанамъ см. Abhoda Zarah, f. 26, 1, 2 (Amsterdam edition); Maimonides, Hilch. Assum. § 9.

1861) *לח* (I. Флав. B. J. V, 5, § 2; VI, 2, § 4; Antt. XV, 11, § 5) Открытіе одной изъ этихъ надписей Клермономъ Ганно—надпись, на которую навѣрно часто падали взоры какъ самого Спасителя, такъ и всѣхъ Его учениковъ—очень интересно. Онъ нашелъ ее вдѣланною въ стѣны маленькой мечети на Via Dolorosa (Palestine Exploration Fund Report, 1871, p. 132). Ап. Павелъ въ собственномъ смыслѣ не вводилъ никакого язычника внутрь *Хела*; но дѣлать такъ идеально и въ духовномъ смыслѣ было самою цѣлью его жизни. См. ниже толкованіе на Ефес. II, 14.

1862) XXI, 30, ἀκινήθη ἡ πόλις ὅλη, καὶ ἐγένετο συνδρομή.

1863) Jos. B. J. VI, 5, § 3; с. Ap. II, 9.

1864) XXI, 33, τίς ἂν εἶη, καὶ τί ἐστὶν παροηκός.

1865) *παρεμβολή*.

1866) Крѣпость Антонія была четырехугольной башней въ сѣверозападномъ углу площади храма съ маленькой башенкой въ пятьдесятъ локтей высоты на каждомъ углу, кромѣ южнаго,

гдѣ башенка была въ семьдесятъ локтей въ высоту съ цѣлью доставить возможность видѣть все, что происходило въ дворахъ храма. Лѣстницы изъ этихъ башенъ сообщались съ кровлями двухъ притворовъ, на которыхъ въ промежуткѣ (ἐκσταταίνοι) стояли вооруженные римскіе солдаты во времена большихъ праздниковъ для предупрежденія всякихъ мятежныхъ движеній. (I. Флав. В. J. V, 5, § 8; Antt. XX, 5, § 3).

1867) См. Лук. XXIII, 18, и крикъ языческой черни; αἶρε τοὺς ἀθέτους.

1868) Ст. 38, οὐκ ἔρα οὐ εἰ δ' Αἰγύπτιος... Едва ли можно понять, почему Лизій дѣлалъ заключеніе, что египтянинъ не могъ говорить по-гречески, но навѣрно онъ зналъ, что это именно было такъ. Такъ какъ этотъ египтянинъ бѣжалъ только нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, и масса народа, никогда не относившаяся къ нему благопріятно, охвачена была бы яростью, узнавъ объ его обманѣ, то предположеніе Лизія не было удивительнымъ.

1869) ἀναστατώσας. Сн. XVII, 6; Гал. V, 12.

1870) Ст. 38, τοὺς τετρακισχίλους ἀνδρας τῶν σικαρίων. I. Флавій (Antt. XX, 8, § 6) говоритъ, что Феликсъ, напавъ на нихъ, убилъ 400 человекъ и взялъ въ плѣнъ 200. Въ В. J. II, 13, § 5 онъ говоритъ, что онъ собралъ 30.000 послѣдователей и повелъ ихъ на гору Елеонскую изъ пустыни, и что большинство изъ нихъ были избиты или взяты въ плѣнъ. Большинство критиковъ придаютъ значеніе лишь такимъ разногласіямъ, когда они находятъ ихъ или воображаютъ, что находятъ у священниковъ писателей. О сикаріяхъ см. I. Флав. В. J. II, 13, § 3. Онъ говоритъ, что они убивали людей среди бѣлаго дня и на открытыхъ улицахъ, особенно во время большихъ праздниковъ, и что они носили кинжалы подъ покровомъ своихъ одеждъ.

1871) οὐκ ἀσχροῦ πόλεως (Eur. Ion. 8) Это былъ αὐτόνομος, а не μητρόπολις, и имѣлъ знаменитый университетъ.

1872) Кнокс, который думалъ, что ап. Павелъ, принимая этотъ обѣтъ, погрѣшалъ противъ своихъ правилъ, говорить: „онъ былъ поставленъ въ необычайную опасность, чѣмъ Богъ предполагалъ показать, дабы мы не дѣлали злаго, даже съ цѣлью, чтобы изъ него вышло доброе“.

1873) Ст. 40, κατέσκησε τῇ χειρὶ. Сн. XII, 17; XIX, 33; XXI, 40. Сн. Pers. IV, 5, „Calidus fecisse silentia turbae Majestate manūs“.

1874) См. вступленіе въ рѣчь св. Стефана (VII, 2).

1875) XXII, 3, ἀνὴρ Ἰουδαῖος. Въ рѣчи къ Лизію онъ употребилъ общее выраженіе ἀνδρωπός Ἰουδ. (XXI, 39).

1876) XXII, 3, κατὰ ἀκριβείαν τοῦ πατρὸς νόμου. Сн. XXVI, 5; I. Флав. В. J. II, 8, § 14 Эта „тщательность“ соотвѣтствуетъ еврейскому *цедака* и талмудическому *дикдукей* (דקדוק).

1877) Разсказы объ обращеніи ап. Павла въ IX, XXII, XXVI достаточно разсмотрѣны и „соглашены“ (хотя они въ дѣйствительности и не нуждаются въ особомъ соглашеніи) на стр. 130—135.

1878) „Праведный“. См. рѣчь Стефана (VII, 52).

1879) μάρτυς, не въ смыслѣ еще „мученикъ“, какъ въ Откр. XVII, 6 (Климентъ Ер. 1 Кор. V). Но ап. Павелъ употребилъ бы здѣсь слово *edh*, „свидѣтель“.

1880) XXII, 22, ἤκουον δὲ αὐτοῦ ἄχρι τούτου τοῦ λόγου, καὶ ἐπῆραν τὴν φωνὴν αὐτῶν λέγοντες, и пр.

1881) Стихъ 22, οὐ καθήκον. Н, А, В, С, D, E, G.

1882) XXII, 23. О мгновенной воспламеняемости восточной черни и о мгновенномъ же успокоеніи ея см. Palest. Explor. Fund за апрѣль 1879 г, стр. 77.

1883) Ап. Іаковъ говоритъ о „многихъ тысячахъ“ (Дѣян. XXI, 20) іудеевъ, которые, хотя и ревнители закона, приняли вѣру. Какже случилось, что ни одинъ изъ этихъ „многихъ тысячъ“ не поднялъ руку или не возвысилъ голоса для освобожденія ап. Павла отъ опасностей, которымъ онъ подвергнутъ былъ религіозною ненавистью, съ жадностью усвоивавшею лживыя обвиненія?

1884) XXII, 25, *proēteinen autōn tois imāsin*, „растянули его ремнями“, чтобы приготовить его къ пыткѣ посредствомъ бичеванія *μάστιγες*. Слово *imāsēs* повидимому никогда не означало бить.

1885) См. нашу „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 313, и стр. 568.

1886) *Cic. in Verr. V*, 63.

1887) По крайней мѣрѣ при нѣкоторыхъ случаяхъ. *Suet. Claud. 25*.

1888) Ст. 26, *τι μάλιστα, ποιῆν*; слово *ἔρη* опущено въ R, A, B, C, E.

1889) Лѣтъ за десять передъ тѣмъ временемъ оно сдѣлалось однако же гораздо дешевле. Мессалина, гнусная жена Клавдія, умерщвленная въ 48 г. по Р. Хр., открыто продавала его сначала на очень высокихъ условіяхъ, а затѣмъ такъ дешево, что Діонъ Кассій (LX, 17) говоритъ, что его можно было купить за одинъ или за два разбитыхъ стакана.

1890) Ст. 28, *Εὐὸ οἷα πόρου*, D. Хотя этотъ разговоръ и не подтверждается еще ничѣмъ, но звучитъ весьма правдоподобно. Лизій быть можетъ подкупилъ одного изъ отпущенниковъ Клавдія, который наживалъ этимъ деньги.

1891) Ст. 29. Нѣкоторою неясностью окружено значеніе словъ *ἐφορήθη... διὰ τὴν αὐτὸν δεδεκώς*. Если это означаетъ, что его сковали двумя цѣпами (XXI, 33), то Лизій во всякомъ случаѣ не считалъ необходимымъ отмѣнять того, что было уже сдѣлано, такъ какъ ясно, что ап. Павелъ оставался скованнымъ (XXII, 30, *ἐλυσεν αὐτόν*). Поэтому я отношу это выраженіе къ связыванію его ремнями (ст. 25), чѣмъ Лизій повидимому нарушилъ два закона: 1) *Lex Porcia* (*Cic. Pro Rabirio*, 3; in *Verr. V*, 66); 2) „Non esse a tormentis incipiendum Div. Augustus constituit (*Digest. Leg. 48, tit. 18, c. 1*).“

1892) См. *Lightfoot*, *Hor. Hebr. I*, 1, 105.

1893) См. выше, стр. 106, 114. „Жизнь Иисуса Христа“ прим. 131, стр. 540. *Jost, Gesch. I*, 145; *Hersfeld, Gesch. I*, 394. Въ это время, въ 58 г. по Р. Хр., несомнѣнно произошла перемѣна.

1894) Безконечныя ошибки, повидимому, возникли изъ смѣшенія предсѣдателя синедріона съ предсѣдателемъ школъ. Предметъ этотъ очень темный; но въ то время, какъ несомнѣнно, что титулъ *наси*, или предсѣдателя синедріона, былъ носимъ великими раввинами, въ родѣ Гиллеля, Симеона и Гамалиила, не менѣе несомнѣнно и то, что первосвященникъ—если только онъ положительно не былъ неспособенъ къ тому—предсѣдательствовалъ въ качествѣ *наси* при судебныхъ собраніяхъ синедріона, разсматриваемаго какъ правительственное учрежденіе.

1895) XXIII, 1, *ἀτανίσας*. См. Лук. IV, 20; Дѣян. X, 4; XIII, 9.

1896) *πεπολιτευμαι* (Фил. I, 27; I Флав. Vit. § 49; 2 Макк. VI, 1) Кромѣ общаго заявленія о своей невинности, онъ могъ разумѣть подъ этимъ, что, чего бы онъ ни *проповѣдывалъ* язычникамъ, самъ онъ *жилъ* какъ набожный іудей.

1897) Объ этомъ человѣкѣ см. I Флав. Antt. XX, 5, § 2; 6, §§ 2, 3; 8, § 8; 9, § 2; B. I II, 17, § 9.

1898) Неудивительно, что въ это время надъ іудеями тяготѣло постоянное сознаніе божественнаго гнѣва противъ ихъ народа. Неудивительно, что Талмудъ передаетъ легенды, какъ въ это время священный огонь, который долженъ былъ всю ночь горѣть на свѣтильникѣ (*неръ ма'араби*), часто потухалъ передъ разсвѣтомъ; какъ красная полоса матеріи вокругъ шеи козла отпущенія въ день очищенія не превращалась чудесно въ бѣлую; какъ огромные бронзовые Никаноровы ворота храма, требовавшія двадцати левитовъ, для того чтобы затворять ихъ каждый вечеръ, открывались сами собой; и какъ Іохананъ Бенъ Захкай воскликнулъ, услышавъ эту вѣсть: „зачѣмъ ты устрашаешь насъ, о храмъ? Мы знаемъ, что ты осужденъ на разрушеніе“.

1899) Талмудъ передаетъ, что когда этотъ человѣкъ былъ первосвященникомъ, то жертвоприношенія всегда сдѣлались, такъ что никакихъ остатковъ не было для болѣе бѣдныхъ священниковъ (*Pesachim*, 57, 1; *Grätz*, III, 279).

1900) *Pesachim*, ubi supra. Ап. Павелъ могъ бы спросить его, *ὁ ββαυσοόμενος τὰ εἰδωλα, ιεροσολαίς* (Рим. II, 22; см. выше).

1901) Отъ 48 до 59 г. по Р. Хр. Путешествіе въ Римъ въ качествѣ узника было въ 52 году.

1902) *Wieseler Chron. d. Ap. Zeit.* 76.

1903) *Jos. Antt.* XX, 9, § 2; В. I. II, 17, § 9.

1904) Къ подобному способу аргументаціи іудей, повидимому, были особенно склонны (сн. Лук. VI, 29; Иоан. XVIII, 22; 2 Кор. XI, 20; 1 Тим. III, 3; Тит. I, 7). Это звѣрство поясняетъ замѣчаніе въ Јома, 23, 1, Sota, 47, 2, что въ этотъ періодъ никто не заботился ни о чемъ, кромѣ виѣшности, и что іудей болѣе придавали значенія оскорбленію храма, чѣмъ убійству (*Grätz*, III, 322).

1905) XXIII, 3, *תוך מכהו* *מכהו*. Сн. Матѣ. XXIII, 27, *תאפו מכהו* *מכהו*.

1906) Для іудея приказать іудею бить его по щекѣ было особенно оскорбительно. „Тотъ, кто ударяетъ по щекѣ израильянина, ударяетъ какбы по щекѣ Шехину“, ибо сказано (Притч. XX, 25): „ударяющій человека (т. е. израильянина, который одинъ заслуживаетъ этого названія; Раши приводитъ *Babha Metsia*, f. 114, col. 2) ударяетъ святаго“. *Sanhedr.* f. 58, col. 2, *שׁוֹבֵט׃* = скула, и *שׁוֹבֵט׃* = „ударять“, по-сирійски (*collidere*, сн. Дан. V, 6, *Buxtorf*, *Lex Chald.* подъ этимъ словомъ), равно какъ и насмѣхаться.

1907) *Adv. Pelag.* III, 1.

1908) Исх. XXII, 28 по LXX (сн. 2 Петр. II, 10). Изъ этого отвѣта мы замѣчаемъ, какимъ удивительнымъ искусствомъ обладалъ ап. Павелъ, показывая сразу и свое знаніе, и свое повиновеніе закону, за предполагаемое отступленіе отъ котораго онъ обвинялся.

1909) Ляйтфутъ, Шöttгенъ, Киноль, Баумгартенъ.

1910) Бенгель (*non veniebat mihi in mentem*), Ветштейнъ, Сандерсонъ (*non poveram, non satis attente consideravi*), Вордсвордъ и др.

1911) Сами іудеи смотрятъ на нихъ такъ. Грѣцъ (III, 322) ссылается на *Pesachim*, 57, 1, Јома, 23, 1, которые говорятъ объ ихъ узкости, зависти, насиліи, любви къ преимуществу и проч.; I. Флавій (*Antt.* XX, 8, § 8, 9, § 4) говоритъ объ ихъ безстыдствѣ и мятежности (сн. „Жизнь Иисуса Христа“, стр. 536 и сл.).

1912) Это взглядъ Іоанна Златоуста.

1913) Матѣ. XXII, 28; I. Флав. В. I. II, 8, § 14; *Antt.* XVIII, 1, § 4.

1914) Рейссъ, сочиненіе котораго *Actes des Apôtres* я не успѣлъ прочесть, когда писалъ эти страницы, смотритъ подобнымъ же образомъ, стр. 218. Однако же, конечно, возможно, что восклицаніе ап. Павла могло находить оправданіе въ какихъ нибудь обстоятельствахъ разсужденія, несохранныхъ въ повѣствованіи.

1915) Тѣ, кто, не смотря на св. Писаніе, не хотятъ вѣрить, что ап. Павелъ можетъ дѣлать ошибку, вывели печальное заключеніе объ этомъ дѣйствіи ап. Павла, приводя его въ смыслѣ санкции макіавелевской политики римлянъ: „*Divide et impera*“. Корнелій à Lapide говоритъ объ этомъ мѣстѣ: „*Bellum hæreticorum est pax ecclesiæ*“—правило, по которому дѣйствовала иногда римская церковь (сн. Вордсвортъ, *ad loc.*).

1916) Дѣян. XXIV, 21, что я считаю признаніемъ его ошибки въ этомъ случаѣ.

1917) *Derenbourg*, *Palest.* § 31.

1918) Выраженіе это есть *apocionecis* или уничтоженіе *apodocis*, но не обычное послѣ частицы *et*, какъ подсказывающей альтернативу. Сн. мое сочиненіе *Brief Greek Syntax*, § 309. Златоустъ передаетъ это выраженіе словами *ποῖον ἐγκλήμα*—„какого рода обвиненіе?“.

1919) Примѣры подобнаго *херема* см. 1 Царс. XIV, 24; I. Флав. *Antt.* 8, § 3 и проч.

1920) *Sanhedr.* 9; *Jos. Antt.* XII, 6, § 2; *Philo, De Sacrif.* p. 855.

1921) Подробность повѣствованія быть можетъ указываетъ на то, что св. Лука, который собиралъ свѣдѣнія изъ всѣхъ источниковъ, получилъ этотъ разсказъ отъ самого мальчика.

1922) *βεβήλαροι*, *lancearii* по Вульгатѣ. Единственное мѣсто, которое можетъ пролить свѣтъ на это слово, приводится Мейеромъ изъ Константина Порфиророднаго, который однако же не

доказываетъ ничего. Кодексъ А читаетъ δεξιόχειροι. По одному объясненію это gens du train—люди, которые держали вторую лошадь правой рукой.

1923) Jos. Antt. XX, 6, § 3; B. J. II, 12, § 7.

1924) Одинъ изъ курсивныхъ манускриптовъ (137) дѣйствительно прибавляетъ ἐφοβήθη γὰρ μήποτε ἀρπάσαντες οὐτόν οἱ Ἰουδαῖοι ἀποκτενίσαι καὶ αὐτὸς μεταξὺ ἐγκλήμα ἔχη ὡς χρήματα εἰληφώς.

1925) Кефр-Саба; I. Флав. Antt. X, VI, 5, § 2.

1926) „Qui cum elogio mittuntur ex integro audiendi sunt“.

ГЛАВА XII. 1927) XXIV, 2, διορθωμάτων, №, А, В, Е. Другое чтеніе κκορθωμάτων есть болѣе общее выраженіе.

1928) Jos. Antt. XX, 8, § 5; B. J. II, 13, § 2; Euseb. H. E. II, 20—22.

1929) Jos. Antt. XX, 8, § 9; Tac. Ann. XII, 54, „quies provinciae redditae“.

1930) Все это предложеніе (Дѣян. XXIV, 6—8) опущено отъ καὶ κατὰ до ἐπὶ сѣ въ кодексахъ №, А, В, Г, Н, въ коптскомъ, сагидскомъ, латинскомъ и другихъ переводахъ. Если это вставка, то παρ' οὗ должно относиться къ ап. Павлу. Но тутъ встрѣчаются большія затрудненія въ обоихъ случаяхъ, и стихъ 22 говорить въ пользу его подлинности. Съ другой стороны если оно подлинно, то почему оно могло быть опущено? Кодексъ D, имѣющій столь много прибавокъ, здѣсь отступаетъ отъ своего обычнаго правила.

1931) Ст. 9, συνεπίθεντο. Кодексы №, А, В, Е, Г, Н.

1932) XXIV, 10, ἐκ πολλῶν ἔτων, съ 52 г. по Р. Хр., т. е. въ теченіе шести лѣтъ. „Non ignoravit Paulus artem rhetorum *movere laudando*“ (Grot.).

1933) 1. Прибытіе.—2. Свиданіе съ Іаковомъ и проч.—3—7. Обѣтъ и арестъ.—8. Синедрионъ.—9. Заговоръ.—10. Прибытіе въ Кесарію.—11, 12. Подъ стражей.—13. Судъ.

1934) XXIV, 22, ἀκριβέστερον.

1935) Ст. 23, τῷ ἐκαστονάρχῃ—сотникъ, который присутствовалъ на судѣ; а не непременно, или даже вѣроятно, тотъ сотникъ, который сопровождалъ его изъ Антипатриды въ Кесарію.

1936) Повидимому, около этого времени Феликсъ пользовался чародѣйствомъ Симона волхва для того, чтобы соблазнить Друзиллу, младшую сестру Агриппы II, бѣжать отъ своего супруга Азиза и сдѣлаться его женою. Это было странное дѣло, и оно должно было требовать всего искусства Симона для достиженія того, чтобы эта молодая и прекрасная принцесса, которой было въ это время только двадцать лѣтъ отъ роду, оставила всѣ свои іудейскіе предрассудки и, рискуя смертельнымъ отвращеніемъ своего народа, покинула князя, который любилъ ее и даже склоненъ былъ принять обрѣзаніе для устраненія ея національных взглядовъ,—съ цѣлью вступить въ преступную связь съ жестокимъ и престарѣлымъ развратникомъ, который былъ ничто иное, какъ рабъ. Феликсъ, конечно, никогда и ни на одинъ моментъ не думалъ сдѣлать, ради ея, безконечной жертвы, принятой Азизомъ, и отъ которой отказался ея прежній любовникъ, князь Коммагенскій. Однако же такъ ловки были чары кипрійскаго волшебника и такъ искусны маневры соблазнителя, что онъ достигъ своей цѣли, и такимъ образомъ, женившись на третьей принцессѣ, еще болѣе сгладилъ воспоминаніе о своемъ рабскомъ происхожденіи. „Trium regipagum maritum aut adulterum“ (Suet. Claud. 28). Другая изъ его женъ была также Друзилла, дочь Юбы, царя Мавританіи, и внучка Антоніи и Клеопатры. Третья невѣстка.

1937) Среди нихъ не было іудеевъ, такъ какъ ни одинъ іудей не могъ служить въ арміи, невнужаясь постоянно нарушать правила своей религіи, такъ что на этомъ основаніи они всѣ были изъяты отъ воинской повинности.

1938) Происшедшія при этомъ случаѣ сцены похожи на тѣ, которыя происходили въ Александріи при Флаккѣ.

1939) Philo in Flacc. XVI.

1940) Въ 79 г. по Р. Хр. I. Флав. Antt. XX, 7, § 2.

ГЛАВА XLII. 1941) Это доставляет одно из немногих верных данных для точной хронологии Деяний Апостольских. Он умер в следующем году.

1942) *Jos. Antt.* 8, § 9; 9, § 1; *B. I. II*, 14, § 1.

1943) Деян. XXV, 24, ἀπὸν τὸ πλῆθος τῶν Ἰουδαίων ἐνθάδε.

1944) Там же ἐπιβοῦντες.

1945) Он назначен был Агриппой II в 59 году.

1946) См. *Sota*, f. 47, 2; *Tosifia Sota*, c. 14; *Joma*, f. 23, 1; *Jos. B. I. passim.* (Grätz, III, 321, seqq.).

1947) Таково должно быть значение ἐπ' αὐτοῦ XXV, 9. Трудно понять цель приведения ап. Павла в Иерусалим, если только не предполагалось еще раз подвергнуть его суду Синедриона; но, конечно, Фест не мог председательствовать в собрании синедриона, хотя он мог присутствовать (как это было с Лизием) и видеть, что к обвиняемому относились добросовестно.

1948) По *Lex Julia De appellatione*. См. *Plin.* *Err.* X, 97.

1949) Римляне отпустили бы за всякое пренебрежение к их представителю.

1950) XXV, 19 Употребление фразы περί τῶν θείων θεμελιωμάτων „объ их религиозных делах“ (см. XVII, 22) с достаточностью показывает, что между язычниками Агриппа обыкновенно говорил о своей религии совершенно в тонх светского человека.

1951) Св. Лука и древние христиане были слишком серьезны в своей вере, чтобы по крайней мере избегать в повествовании указаний на презрение, с которым говорили о ней.

1952) XXV, 22, ἐβουλόμην καὶ αὐτός; см. Гал. IV, 20. Оно однако же может означать: „я также чувствовал личное желание“.

1953) В 44 г. по Р. Хр. Теперь было около 60 года.

1954) *Suet.* Oct. 59; *Tiber.* 27; *Domit.* 13.

1955) *Plut.* *Caes.*, p. 729; *Appul* *Metam.* II, „porrigit dextram et ad instar oratorum conformat articulum“.

1956) Премудр. V, 4; 2 Кор. V, 13. В выражении Феста есть ямбический ритм, вследствие чего оно звучит в родх цитаты.

1957) Ἐν ὀλίγῳ „вкороткѣ“, „въ немногих словах“ (см. προέγραφα ἐν ὀλίγῳ Ефес. III, 3). „tout d'un coup“. Это не может означать „почти“, что было бы παρ' ὀλίγον или ὀλίγου дат. Особо, заключающемся в настоящем πεῖθεις, см. *Brief Greek Syntax*, § 136. Но весьма сомнительно, имеем ли мы здесь действительное замечание Агриппы. Кодекс А читает πεῖθη (Lachm.), и πεῖθεις быть может произошло от первоначального πεῖθει—„вы убеждаетесь“ (см. οὐ πεῖθομαι ст. 26); так как вместо γυνέσθαι кодексы B, A, B читают ποιῆσαι, что вместе с πεῖθεις непонятно. Из смещения этих чтений мы можем почти заключать, что Агриппа иронически сказал μετὰ χριστιανὸν ποιῆσεις—„ты скоро пожалуй сдѣлаешь и меня—Христианином!“.

1958) Св. Златоуст думает, что ап. Павел не понял значения слов Агриппы и, по незнанию разговорного греческого языка (?), предположил, будто бы он разумѣл „почти“. Но Ефес. III, 3 достаточно опровергает этот взгляд.

ГЛАВА XLIII. 1959) XXVII, 1. ἑτέρους не всегда употребляется с классической точностью для обозначения „узвиговъ различного класса“ (Лук. VIII, 3; Марк. XV, 41).

1960) Это, конечно, была не когорта „Sebasteni“, т. е. уроженцев Севаста,—название, данное Иродом Самарин (I. Флав. B. I. II, 12, § 5).

1961) *Pliny*, H. N. VI, 35 (*Lewin*, II, 183).

1962) Более строго „прокураторства“. Св. Лука употребляет однако же общее слово ἀπαρχία.

1963) *Tac. Hist.* II, 92; IV, 11. „Pudore magis quam necessitate“.

1964) Св. Лука, как врач, легко мог получить даровой проѣздъ.

1965) XXVII, 3, ἀπικελεύας τυχεῖν.

1966) ὁπαιλεῖσθαι, „мы плыли подъ защитой“, т. е. въ данномъ случаѣ, „мы оставили Кипръ слѣва“. Нужно замѣтить, что въ одномъ этомъ повѣствованіи заключается не менѣе тринадцати различныхъ выраженій для „плаванія“.

1967) Сн. *Thuc* VIII, 35.

1968) Императоръ Титъ (Suet. Vit. 5) тоже самое дѣлалъ по своемъ возвращеніи изъ Палестины (сн. *Jos.* В. I. VII, 2, § 1; *Tac.* Н. IV, 81). Въ это время эта часть Средиземнаго моря почти всегда бурная (*Falconer*, Dissert. p. 16).

1969) Нужно, конечно, имѣть въ виду, что 1) они не имѣли компаса; 2) не могли идти противъ вѣтра. Киликійскій сухопутный вѣтеръ, который помогъ Адромитскому кораблю достигнуть Мұры, былъ совершенно мѣстный. Срав. *Socr.* Н. Е. II, 24; *Sozomen*, VI, 25 (говорится о путешествіи Аванасія Великаго изъ Александріи въ Римъ). Велптейнъ.

1970) XXVII, 7, μὴ προσῶντος τοῦ ἀνέμου. Тутъ не говорится, что они достигли Книда, но что они достигли до противоположной стороны его и притомъ съ затрудненіемъ.

1971) Обрядъ очищенія соблюдался въ десятый день мѣсяца Тисри, что въ этомъ году (въ 60 по Р. Хр.) было въ осеннее равноденствіе.

1972) Сентября 28. См. *Lewin*, Fasti Sacri, § 1899 и *L'Art de vérifier les dates*, IV, p. 51.

1973) См. *Schoettgen*, Hor. Hebr. ad. loc; *Plin.* Н. Н. II, 47; *Veget.* De Re Milit. V, 9.

1974) Ἀνδρες—„мужи“, въ родѣ нашего gentlemen (милостивые государи), какъ въ XIV, 15; XIX, 25; не κύριοι, какъ въ Дѣян. XVI, 30.

1975) См. далѣе объ этомъ, *Smith*, стр. 49.

1976) Ст. 10, θωρηξ.

1977) Ст. 13, ἀραντες ἄσσον παρελθόντο τῇ Κρήτῃ.

1978) Словомъ τοφονικός описывается вихреобразное вращеніе облаковъ, причиняемое встрѣчей Ю. и В. С. В. вѣтровъ. См. *Plin.* Н. Н. II, 48, „praecipua navigantium pestis“; A. Gell. XIX, 1. Эта переменна вѣтра есть какъ разъ то, чего и можно было ожидать (*Purdy*, Sailing Directory, II, 61; *Smith*. Voy. and Shipwreck, p. 412).

1979) Собственно Εὐροκλύων, A. B. Сагид., Копт. Smith, p. 59. Это былъ такимъ образомъ вѣтеръ въ опредѣленномъ направленіи. Если что нибудь можно сказать въ пользу чтенія Εὐροκλύων Сирійскаго перевода (принятаго и въ русскомъ переводѣ), то развѣ въ смыслѣ передѣлки этого слова со стороны греческихъ матросовъ (см. *Language and Languages*, p. 119).

1980) Ст. 14, ἔβαλεν κατ' αὐτῆς можетъ означать или „принудилъ противъ нея“, т. е. противъ корабля, названіе котораго въ греческомъ языкѣ (ναῦς) женскаго рода; или „отбросилъ отъ него“, т. е. отъ острова Крита. Но первый переводъ правильнѣе, такъ какъ глаголъ ἔβαλεν не употребляется безъ слѣдующаго дополненія. Читателю легко будетъ слѣдить за подробностями этого путешествія, если онъ сопоставитъ карту съ направленіями, указанными на помѣщенномъ въ текстѣ компасѣ.

1981) ἀντοφθαλμεῖν На носу корабля рисовались глаза (*Eustath.* ad iliada, XIV, 717).

1982) Одинъ изъ прописныхъ манускриптовъ (137) прибавляетъ συσταίλαντες τὰ ἱστία.

1983) Клавда; В. Καυδα; *Plin.* IV, 20; Gaudus, Gozzo.

1984) Повѣствованіе св. Луки удивительно сжато и выразительно, и изъ него легко видѣть, въ какихъ именно трудахъ на кораблѣ могъ принять участіе какъ онъ, такъ и ап. Павелъ и другіе узники. Они помогали напр. въ удерживаніи лодки (ст. 16), въ облегченіи корабля (ст. 19), чт. ἀρρίφαμεν; но они не могли оказать никакой помощи въ такихъ техническихъ дѣлахъ какъ обвязываніе корабля, опусканіе лота, бросаніе якорей и пр.

1985) ὁποζώματα, mitrae, *Vitruv*, X, 15, 6; *Thuc.* I, 29; *Plato*, Rep. X, 616; *Hor* Od. I, 14, 6. „Они (матросы испанскаго военнаго корабля) принуждены были выбросить за бортъ всѣ свои палубныя пушки и шесть разъ окрутить корабль канатомъ, чтобы предотвратить опасность

разрушенія“ (*Anson, Veyage Round the World*). Корабль *Albion* былъ обвязанъ желѣзными цѣпами послѣ Наваринскаго сраженія.

1986) Ст. 17 ἀκρίτως, т. е. чтобы не быть выброшенными на берегъ (*Hdt VIII, 13*).

1987) χαλάσαντες τὸ σκεῦος, здѣсь „спустили большую райну“ (*Smith*).

1988) Ст. 13 ὁξάντες τῆς προθέσεως κεκρατημένα.

1989) Ст. 19 ἀκρολῆν ποιοῦντο, *jacturam faciebant*, между тѣмъ какъ то, что они дѣлали днемъ позже, было единичнымъ актомъ, ἐρρίφαμεν.

1990) Ст. 19 τὴν σκευὴν ἐρρίφαμεν (Таково чтеніе G, H, большинства прописныхъ, обонихъ Сирійскихъ переводовъ, Коптскаго, Евѳонскаго и пр. Я схожусь съ Де-Ветте во мнѣніи, что ἐρρίφαμεν K, A, B, C, Вульгаты есть ошибочное измѣненіе, происшедшее вслѣдствіе ποιοῦντο предыдущаго стиха). Значеніе этого выраженія спорно, но странно, что никто не обращалъ вниманія на то, что аористъ требуетъ *какого нибудь единичнаго акта*. Отсюда мнѣніе Альфорда, что подъ τὴν σκευὴν разумѣются постели, мебель, разные запасныя снасти и пр., и мнѣніе Ветштейна, что подъ ними разумѣется багажъ пассажировъ, падаютъ сами собою, и получаетъ новое значеніе предположеніе Смита, что подъ этими словами разумѣется главная райна. По его замѣчанію, этимъ достигнуто было бы тоже, что на новѣйшихъ корабляхъ достигается выбрасываніемъ за бортъ пушекъ.

1991) *Plut. Caes. 38; De Fort. Rom. 6; Florus, IV, 2; Dion Cass. XLI, 46*. „Et Fortunam Caesaris“ есть позднѣйшее прибавленіе.

1992) Средиземное море между Греціей, Италіей и Африкой. *Strabo, II, 123*. Ἰόνιον πάλαιος, ὃ οὖν Ἀδριακός (*Hesych.*). διαφέρόμενον, „носимый туда и сюда“. Такъ конечно могло казаться находящимся на кораблѣ, но въ дѣйствительности они вѣроятно неслись въ восточно-сѣверовосточномъ направленіи на пространствѣ, сдѣлавъ 477 миль (около 850 верстѣ) въ тринадцать дней, съ естественною скоростью въ 1½ мили въ часъ (*см. Smitt, p. 101*).

1993) Смитъ говоритъ, что одни измѣренія капитана Стюарта „доставили бы рѣшительное удостовѣреніе истинности этого повѣствованія“ (р. IX); и что при помощи этихъ и подобныхъ изслѣдованій мы имѣемъ возможность „въ точности указать мѣсто кораблекрушенія, происшедшаго восемнадцать вѣковъ тому назадъ“ (р. XIII).

1994) „Anchora de proga jacitur“ (*Virg. Aen. III, 277*). Лордъ Нельсонъ, прочитавъ эту главу какъ разъ передъ битвой при Копенгагенѣ, приказалъ нашимъ кораблямъ бросить якоря съ кормы.

1995) *См. Caes. Bell. Civ. I, 25*.

1996) Какъ видно изъ XXVII, 40.

1997) Тамъ, гдѣ потерпѣлъ кораблекрушеніе въ 1810 году англійскій фрегатъ *Lively*.

1998) XXVII, 30, ἐκτελεῖν.

1999) Ст. 40, ἀγκύρας περιελόντες εἰς τὴν θάλασσαν.

2000) *Eur. Hel. 1536*.

2001) „Levato artemone“ по Вульгатѣ; „Vestibus extensis, et quod superaverat unum Velo proga vno“. *Juv. XII, 68, Artemone Solo. Sch.*

2002) Такъ θάλασσαν употреблено Страбономъ о *Босфорѣ*, *Strabo, 124*.

2003) Ап. Павелъ вѣроятно былъ среди нихъ (2 кор. XI, 25).

2004) Ст. 41, ἐλύετο, „корабль разбивался на куски“. „Dissolutum navigium“ (*Cic. Antt. XV, 11*).

ГЛАВА XLIV. 2005) Константиномъ Порфиророднымъ было высказано мнѣніе, что островъ, у котораго ап. Павелъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, былъ не Мальта, а маленькій островокъ въ Адриатикѣ—Меледа, у береговъ Далматіи. Но оно основано на ошибочномъ взглядѣ на Адриатическое море (XXVII, 27), иноплемениковъ (XXVIII, 2) и ехидну (—3), вмѣстѣ съ разными мореплавательными соображеніями. Мнѣніе это поддерживали Георгій Меледоній, Яковъ Брайанти,

Фальконеръ и наконецъ Ниль, въ его Notes on Dalmatia, p. 161. Все, что можетъ быть сказано въ пользу этого мнѣнія, можетъ быть найдено у Фальконера въ его Dissertation (3 изд., съ дополнительными примѣчаніями, 1872 г.).

2006) φρυγάνων (см. Theophrast. Hist. Plant 1, 4) Отсюда возраженіе, что Bosquetta, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ залива св. Павла есть единственное мѣсто, гдѣ есть на Мальтѣ строевой лѣсъ, падаетъ само собою, еслибы оно и имѣло за себя какія либо другія основанія.

2007) Исчезновеніе ехидны съ о. Мальты, если только она дѣйствительно исчезла тамъ, есть не болѣе странное явленіе, какъ и исчезновеніе ея въ Арранѣ. Въ греческой анекдотикѣ есть любопытная параллель этому случаю (Ἐκταὴ λυγρὸς ἔχιδς τὴ μάτην πρὸς κόματ' ἐμόχθη τὴν ἐπὶ γῆς φεύγων μοῖραν ἀφαιλομένην) (Anthol.).

2008) Такъ, когда укушена была Хармиана, „въ трепетѣ стояла она, и вдругъ упала“ *Ант. и Клеоп.* V, 2 (Humphry).

2009) Bochart, Phaleg., II, I, 26. Πρώτος Μεσιταίων, Corp. Inscr. Graec. 5754.

2010) Τιμαίς. Сн. Сирах. XXXVIII, 1; „honos“ *Cic.* ad Divv. XVI, 9.

2011) XXVIII, 13. Περιελθόντες; 2 Цар. V, 33; 4 Цар. III, 9.

2012) Въ 59 г. по Р. Хр. Διὸ καὶ ἄλλοις ἦν καὶ ἐπειδὴ, πάντας τὰ αὐτὰ αὐτῷ συνέβαινε, ἄλλοις ἐμπλήκτως μετέσταντο. Dion LXI, 13, 14; *Tac.* Ann. XIV, 8; *Suet.* Nero, 34.

2013) *Hor.* Sat. I, V, 4.

2014) *Juv.* Sat. III, 12.

2015) Porta di S. Sebastiano.

2016) Дѣян. XXVIII, 16, τῷ στρατοπεδάρχῃ. Траян. у *Плут.* Ерр. X, 65. „Vinctus mitti ad praefectos praetorii mei debet“.

2017) XXVIII, 23, —αὶ τὴν ἐνίαν. Сн. Филим. 22; Дѣян. XXI, 16.

2018) Сказать это—было совершенно въ ихъ духѣ. См. *Tac.* Ann. XV, 44; *Suet.* Ner. 16; и graffiti катакомбъ несомнѣнно лишь продолженіе безконечныхъ клеветъ, противъ которыхъ вынуждены были протестовать христіанскіе апологеты (*Tert.* Arol. 16 и сл.).

2019) Въ Рим. I, 8 ап. Павелъ говоритъ римскимъ христіанамъ, что вѣра ихъ возвышается во всемъ мірѣ. Всякій, знакомый съ его слогомъ, не увидитъ въ этомъ чего нибудь больше того, что апостолъ рассказывалъ о нихъ въ благоприятномъ смыслѣ среди разсѣянныхъ христіанъ, посѣщавшихся ими церквей. Для ап. Павла, какъ и для всякаго другаго человѣка, „міръ“ означаетъ тотъ именно міръ, въ которомъ онъ жилъ, т. е. маленькія христіанскія общины, основанныя имъ. Ренанъ замѣчаетъ, что при чтеніи Веніамина Туделы трудно вообразить, чтобы въ мірѣ былъ еще кто нибудь, кромѣ евреевъ, а при чтеніи Ибн-Батуты, чтобы въ немъ были еще кто нибудь, кромѣ мусульманъ.

2020) Она была частнымъ образомъ судима своимъ мужемъ, и освобождена въ 57 году по Р. Хр.

2021) *Lightfoot*, Philippians, p. 219. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательнъ фактъ, что когда ап. Павелъ писалъ посланіе къ колоссянамъ, только двое изъ іудействующихъ христіанъ были при немъ, именно Маркъ и Исусъ, прозваніе котораго Іустомъ, если только имъ переводится слово ὁ δίκαιος, показываетъ, что онъ, подобно „Іакову праведному“, былъ вѣрнымъ исполнителемъ закона (Кол. IV, 11).

2022) Friedländer, III, 510.

2023) Ст. 29 не имѣется въ R, A, B, E.

2024) Μισθωμεν собственно meritorium conductum, нанято помѣщеніе.

ГЛАВА XLV. 2025) *Juv.* Sat. III, 126—189.

2026) *Juv.* Sat. III, 235; *Tac.* Ann. XV, 38.

2027) *Juv.* Sat. III, 254—261; *Mart.* V, 22; *Jur.* III, 197 и сл. 239 и сл. 190—231.

2028) *Jos. Met.* 3.

2029) *Tac. Ann.* XII, 38; *H. III*, 45.

2030) См. позднѣйшія посланія, въ разныхъ мѣстахъ.

2031) Необходимость этого закона открыто доказывалась въ сенатѣ, и онъ приведенъ былъ въ исполненіе въ томъ самомъ году, именно въ 61, когда Педаній Секундъ, префектъ города, былъ убитъ однимъ изъ его рабовъ (*Tac. Ann.* XIV, 42). Вслѣдствіе этого убійства (вынужденнаго ужаснымъ развратомъ) было казнено не менѣе 400 рабовъ, и не невозможно, что между ними были и нѣкоторые христіане. О числѣ ихъ смотри *Juv.* III, 141; VIII, 180; XIV, 305. *Mancipiorum legiones. Plin. H. N.* XXXIII, 6, § 26.

2032) *Juv.* XIV, 24; *Becker*, Charicles, II, 53; *Gallus*, II, 124.

2033) *Petron. Satyr.* p. 117 (*Sen. Ep.* 7).

2034) *Cic. pro Flacc.* 28; *Jos. c. Apion.* I, 7; *Tac. Ann.* II, 85; *Philo, Leg. ad Gaium*, p. 568.

2035) *Jos. Antt.* XVII, 11, § 1; *Tac. Ann.* II, 85. См. вообще объ этомъ предметѣ у Фридлэндера, *Sittengesch. Roms*, III, 500; *Hausrath*, p. 474 и сл.

2036) *Mart.* I, 41, 3; X, 5, 3; *Juv.* IV, 116; V, 8; XIV, 134.

2037) *Mart.* XI, 94; VII, 30.

2038) *Tac. Ann.* XIII, 44: „Huic mulieri cuncta alia fuere praeter honestum animum“.

2039) См. *Pers.* V, 180; *Hor. Sat.* II, 3, 288.

2040) *Sueton. Caes.* 84.

2041) *Hor. Sat.* I, IX, 20.

2042) Неронъ наследовалъ Клавдію 13 октября, 54 года.

2043) Въ праздникъ *Juvenalia*, установленный Нерономъ по случаю перваго бритья своей бороды, Галліонъ долженъ былъ подвергнуться униженію публичнаго объявленія объ его появленіи въ театрѣ, а Бурръ и Сенека должны были дѣйствовать въ качествѣ суфлеровъ и руководителей, „съ похвалами на устахъ и съ болью на сердцахъ“ (*Dion. LXI*, 20, 19; *Tac. Ann.* XIV, 15).

2044) *Tac. Ann.* XIV, 51.

2045) „Validior Tigellinus in animo Principis et intimis libidinibus ossumptus“. (*Tac.* l. c. Τίγελλινὸν δὲ τινὲς Σωφρόνων ἀσελγεία τε καὶ μιᾶφρονιὰ πάντας τοὺς κατ' αὐτὸν ἀνθρώπους ὑπερβίοντα (*Dion. LXII*, 13).

ГЛАВА XLVI. 2046) Были дѣлаемы и другія классификаціи, какъ напр. классификація Баура, который раздѣляетъ ихъ на *ομολογητέων* (четыре), *ἀντιλεγόμενων* (шесть) и *ὑπόθετων* (три). Подобнымъ образомъ Ренанъ дѣлитъ посланія слѣдующимъ образомъ:—1) Безспорныя—Галат., 1, 2 Кор., Рим. 2) Подлинныя, оспариваемыя—1, 2 Тесс., Филип. 3) Вѣроятно подлинныя, хотя открытыя для серьезныхъ возраженій—Колос. и Филим. 4) Сомнительныя—Ефес. 5) Подложныя—пастырскія посланія (St. Paul, V).

Ланге раздѣляетъ посланія на: 1) Эсхатологическія (1, 2 Тесс.) 2) Сотериологическія (Гал., Рим.). 3) Церковныя (1 Кор., полемическое; 2 Кор. апологетическое). 4) Христологическія (Кол., Ефес.). 5) Нравоучительныя (Филип.). 6) Пастырскія (Филим., 1, 2 Тим., Тит.). (Введеніе въ посланіе къ Римлянамъ).

Ольсгаузенъ классифицируетъ ихъ такъ:—1) Догматическія; 2) Практическія; 3) Дружескія. Но эта классификація неудачна.

2047) См. приложение XXII: „Отличительныя слова, основныя ноты и характеристическія особенности посланій“.

2048) *Chrys. Prooem. ad Epist. ad Ephes.*; *Jerome, ad Eph.* III, 1; IV, 1; VI, 20; *Theodoret, Prooem. ad Epist. ad Eph.* и проч. Если я не упоминаю теорію Одера (?), что посланіе къ Филиппіамъ было написано изъ Коринѳа (см. *Schenkel, Der Brief an die Philipppier*, p. 110), то это

потому, что, какъ говоритъ Бауръ, „не стоитъ обсуждать неопредѣленныя гипотезы, которыя не имѣютъ основы въ исторіи и несостоятельны сами по себѣ“.

2049) Я могу выразить только мое удивленіе, что эта теорія могла быть принята съ благосклонностью не только Шульцемъ и Шнекенбургеромъ, но даже Гольдманомъ, Рейссомъ, Шенкелемъ и Мейеромъ.

2050) Смерть Бурра и назначеніе Тигеллина произошли въ началѣ 62 года по Р. Хр., чрезъ какихъ нибудь девять мѣсяцевъ послѣ прибытія ап. Павла. Женитьба Нерона на Пoppей произошла около этого же времени и вообще имѣетъ мало отношенія къ этому дѣлу, такъ какъ ея вліяніе какъ любовницы Нерона было вѣроятно гораздо больше, чѣмъ то, которое она оказывала въ качествѣ его жены.

2051) Лайтфутъ (Philipp. p. 34) думаетъ, что Аристархъ могъ оставить ап. Павла въ Мурѣ и могъ принести въ Филиппы извѣстіе о путешествіи ап. Павла въ Римъ, на своемъ пути въ Фессалонику; но я не вижу достаточныхъ основаній для того, чтобы думать, что Аристархъ, который въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ „соузыникомъ“ ап. Павла въ Римѣ (Колос. IV, 10), отправился домой изъ Адромиттіа (Дѣян. XXVII, 2). Во всякомъ случаѣ онъ могъ только принести извѣстіе, что ап. Павелъ находился *на пути* въ Римъ, а не о томъ, что онъ уже прибылъ.

2052) *Lightfoot*, *Philippians*, pp. 40—45, l. g.

Филипп.	Рим.	Филипп.	Рим.
I. 3, 4, 7, 8	I. 8—11	III. 4, 5	XI. 1
I. 10	II. 18.	III. 9	X. 3
II. 8, 9, 10, 11	XIV. 9, 11	III. 21	VIII. 29
II. 4	XII. 10.	III. 19	XVI. 18

Къ этому можно прибавить еще Фил. III, 3, Рим. XII, 1, и употребленіе слова *φρονῖν* въ Филип. I, 7, II, 2, 5, III, 15, съ Рим. XII, 3, 16, XIV, 6. Посланіе это представляетъ также нѣсколько интересныхъ пунктовъ сравненія съ послѣднимъ, какое только онъ писалъ: Филип. I, 23, *ἐπιθυμῶν ἔχειν εἰς τὸ ἀναλῦσαι*, 2 Тим. 4, 6, *κρίως τῆς ἐμῆς ἀναλύσεως ἐφάρτηκα*. Фил. II, 17, *εἰ καὶ σπένδομαι*, 2 Тим. IV, 6, *ἐγὼ γὰρ ἤδη σπένδομαι*. Фил. III, 14 *κατὰ σκοπὸν διώκω ἐπὶ τὸ βραβεῖον*, 2 Тим. IV, 7, 8, *τὸν δρόμον τετέλεκα, ἀπόκειταί μοι ὁ τῆς δικαιοσύνης στέφανος*.

2053) Мнѣніе, что это посланіе представляетъ собою въ дѣйствительности два посланія, а не одно, повидимому возникло вслѣдствіе Филип. III, 1 и ошибочнаго предположенія, что Поликарпъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ упоминаетъ болѣе чѣмъ объ одномъ посланіи ап. Павла въ нимъ (*ὅς καὶ ἀπὸν ὅτιν ἄρχαθεν ἐπιστολάς*, ad Philipp. c. 3). Что *ἐπιστολάς* однако же можетъ отличаться отъ *ἐπιστολῇ* только болѣею выразительностью термина, это рѣшительно доказывается Thus. VIII, 51; Jos. Antt. XII, 4, § 10. Что ап. Павелъ писалъ и другія письма къ Филиппійцамъ въ теченіи десяти лѣтъ, протекшихъ съ того времени, какъ онъ посѣтилъ ихъ, и что онъ могъ писать другія письма послѣ этого, это не только возможно, но даже вѣроятно; но если бы какое нибудь изъ такихъ писемъ дошло до времени Поликарпа, то совершенно невѣроятно, чтобы они не сохранились и впослѣдствіи.

2054) Такъ друзья Агриппы оказали ему помощь въ томъ, что снабдили его лучшимъ содержаніемъ и болѣшими удобствами, когда онъ былъ заключенъ въ темницу Тиверіемъ; и Лукіанъ рассказываетъ о теплотѣ и щедрости, съ которою христіане уменьшали тягости и даже изъ ночи въ ночь дѣлили самое тюремное заключеніе Перегрина.

2055) Сравни, что Лютеръ говоритъ о болѣзни и выздоровленіи Меланхтона.

2056) *Baur*, Paul II, 50, seqq. *Schwegler*, *Nachapostol. Zeital.* II, 133, seqq. Въ пользу этого выставляются три аргумента: 1) гностическія понятія во II, 6—9; 2) отсутствіе того, что можно бы назвать явно характеристическимъ и отличающимъ посланія ап. Павла; 3) сомнительность нѣкоторыхъ изъ историческихъ данныхъ.

2057) Вопросъ о *ιονενί* выступаетъ только въ посланіяхъ къ македонскимъ церквамъ. Онъ привелъ Филиппійцевъ къ унынію, а Фессалоникійцевъ къ ошибочнымъ ожиданіямъ.

ГЛАВА XLVII. 2058) Филип. I, 1, 2. Это посланіе можетъ быть резюмировано такимъ образомъ: I, 1, 2, привѣтствіе; I, 3—11, благодареніе и молитва; 12—26, личные подробности; I, 27—II, 16, увѣщанія къ единству примѣромъ Христа; II, 17—30, личные подробности; III, 1, 2, послѣднее внушеніе, внезапно прерываемое отступленіемъ, въ которомъ обличаются іудействъ и антиномизмъ; III, 3—IV, 1, увѣщаніе къ единенію; IV, 2, 3, увѣщаніе къ христіанской радости; 4—9, благодареніе за ихъ помощь; IV, 10—20, заключительное привѣтствіе и благословеніе, 21—23. Единство посланія (не смотря на мнѣніе Гейнрихса, Вейссе и др.) допускается вообще всѣми.

2059) „Богу несвойственно дѣлать что нибудь на половину“ (Неандеръ).

2060) Ст. 10, δοκιμάζειν τὰ διαφέροντα, св. Рим. II, 18. „Non modo prae malis bona, sed ex bonis optima“ (Bengel). „Ut probetis potiora“ (Vulg.).

2061) Ст. 13, ἐν ὅλῳ τῷ πραιτωρίῳ. Слово это, хотя употреблявшееся въ отношеніи царскихъ резиденцій въ провинціяхъ (Марк. XV, 16; Дѣян. XXIII, 35), намѣренно избѣгалось въ Римѣ, гдѣ тщательно избѣгали всякой выставки военнаго деспотизма (Menival, VI, 268, n). Употребленіе слова Praetorium (собственно „генеральская ставка“) въ отношеніи дома императора на Палаatinѣ было бы оскорбленіемъ для Римлянъ. Контрастъ съ τοῖς λοιποῖς πᾶσιν показываетъ, что здѣсь разумѣются *личности* (Lightfoot, pp. 97—99; Schleusner, s. v.).

2062) I, 15, κηρύσσειν; 16 καταγγέλλουσιν. Сомнительно, означаетъ ли перемѣна слова именно то, что думаетъ деканъ Блексли (Dict. of Bible, s. v. Philippi). Ἐργεῖα: 1) работа за наемную плату; 2) добываніе наемныхъ партизановъ; 3) „духъ мятежа“ (Arist. Polit. V, 3).

2063) Чт. ἐγείρειν (N, A, B, D, F, G).

2064) I, 12—18. Быть можетъ χαρήσονται означаетъ: „съ теченіемъ времени я буду имѣть хорошій случай ликовать; ибо“ и проч.

2065) Ст. 19, ἐπιχορηγία; Гал. III, 5; 2 Кор. IX, 10; Ефес. IV, 16; 2 Петр. I, 5.

2066) Ст. 20, ἀποκαρδοκία; Рим. VIII, 19; ἐπιτεταμένη προσδοκία, Злат. (См. Jos. B. J. III, 7, § 26 и Schleusner, s. v.)

2067) Lightfoot, Phil. I. 20.

2068) „Quicquid vivo, Christum vivo... In Paulo non Paulus vivit, sed Iesus Christus“ (Bengel).

2069) 2 Кор. V, 1; IV, 6—8. О непосредственномъ состояніи умершихъ смотри 1 Кор. XV, 51, 52.

2070) Ст. 23, πολλὰ μᾶλλον κρείσσον.

2071) μὲν καὶ πρᾶμὲν. (Lightfoot, Phil. I, 25).

2072) I, 19—26. κτύχημα „основаніе для похвалы“.

2073) Ст. 27, πολιτεύομεθα.

2074) II, 1, εἰ τις σπλάγχνα καὶ οἰκτιροί. Къ этому чтенію кодексовъ N, A, B, C, D, E, F, G, K обыкновенно относились какъ къ простому варваризму. Таково оно и есть въ грамматическомъ отношеніи; но величайшіе писатели, тѣ, которые глубже всего затрогивали сердце, постоянно приносятъ грамматику въ жертву риторикѣ чувства; и если ап. Павелъ въ своемъ бурномъ порывѣ слова дѣйствительно сказалъ такъ, то писецъ его былъ совершенно вправѣ такъ и записать это. Возможно также, что слово σπλάγχνα вошло въ употребленіе въ разговорномъ языкѣ въ родѣ собирательнаго единственнаго числа (сн. sprogia, dérouille, библия и проч.). Какъ оно совершенно могло потерять свой первоначальный смыслъ, можно видѣть изъ смѣлаго выраженія ἐνδύομεθα... σπλάγχνα въ Колос. III, 12.

2075) Слово это взято изъ перечня пороковъ (Колос. II, 18; Plato, Legg. IV, p. 774; Epict. I, 3) и перенесено въ перечень добродѣтелей.

2076) II, 1—4, leg. σκοποῦντες (N, A, B, F, G).

2077) Это толкованіе греческихъ отцевъ предпочтительно предъ толкованіемъ большинства

латинскихъ отцевъ. Оно дѣлаетъ ἀρπαγμόν ἡγεῖσθαι тождественнымъ по значенію съ обыденной фразой ἀρπαγμα ἡγ. = „съ жадностью хватать“. Кроме того, этотъ смыслъ вызывается и всѣмъ контекстомъ (μὴ τὰ ἑαυτῶν σκοπεῖν). Это то мѣсто, которое будто бы заимствовано изъ идеи Валентиніанскаго Эона *Софія*, который показывалъ эксцентрическое и страстное желаніе προάλλεσθαι, „устраиваясь впередъ“; κεινοκωνῆσθαι τῷ πατρὶ τῷ ταλεῖω, „находиться въ общеніи съ совершеннымъ отцемъ“; καταλαβεῖν τὸ μέγεθος αὐτοῦ захватить его величіе! (*Iren. Adv. Hæg.* I, 2, 2).

2078) Здѣсь Бауръ видитъ докетизмъ, какъ онъ видѣлъ валентиніанизмъ въ ст. 6 (Paul. II, 15—21); μορφή—постоянная существенная форма (Рим. VIII, 29; Гал. IV, 19); σχῆμα внѣшній преходящій образъ (III, 21; Рим. XII, 2; 1 Кор. VII, 31).

2079) Ἐξομολογήσῃται. Сн. Матѣ. XI, 25; Лук. X, 21.

2080) Ст. 12, 13, κτηρυάζεσθε . . ὁ θεὸς γάρ . . Здѣсь мы видимъ соотношеніе божественной благодати и человѣческаго усилія. Сн. 1 Кор. IX, 24, τρέχετε, ἵνα καταλάβητε. Рим. IX, 16, οὐδὲ τοὺ τρέχοντες, ἀλλὰ τοὺ ἐλεούντος θεοῦ.

2081) Φωστῆρες. Быт. I, 14; Откр. XXI, 11. Вордсвортъ понимаетъ это въ смыслѣ „факеловъ въ темныхъ узкихъ улицахъ“.

2082) Сн. 2 Тим. IV, 6. Сравни поразительную параллель въ смерти Сенеки, Tac. Ann. XV, 64 По мнѣнію нѣкоторыхъ, ἐπὶ означаетъ не „чрезъ“, но „вдобавокъ къ“, потому что іудейскія возмнѣнія возмнѣвались не „на“ жертвенникѣ, но „вокругъ“ его (*Jos. Antt.* III, 9, § 4). Но намекъ этотъ могъ относиться къ языческимъ обычаямъ.

2083) II, 14—18 „Мы невольно вспоминаемъ о вѣстникѣ, который принесъ извѣстіе о битвѣ Мараѳонской, причѣмъ онъ на первомъ порогѣ умеръ съ слѣдующими словами на устахъ: χαίρετε καὶ χαίρομεν (*Phut. Mor.*, p. 347)“. (*Lightfoot*, ad loc.).

2084) Ἀφίθω.

2085) Παραβολευσάμενος (K, A, B, D, E, F, G). Оно обыкновенно употребляется въ отношеніи того, кто подвергаетъ свою жизнь опасности уходомъ за больными (parabolani). (*Wetst.* ad loc.).

2086) Въ этомъ выраженіи заключается два значенія: „прощанія“ и „радости“.

2087) *Ewald*, Sendschr., p. 438.

2088) Это самое простое и самое основательное объясненіе выраженія τὰ αὐτὰ γράφειν и оно вполне согласно съ обычными у ап. Павла заключительными предостереженіями (1 Кор. XVI, 22; Галат. VI, 15 и проч.), или оно можетъ относиться къ предмету радости (I, 18, 25; II, 17; IV, 4). Оно дало поводъ къ различнымъ гипотезамъ. Ап. Павелъ несомнѣнно писалъ и другія письма къ Филиппійцамъ (что составляетъ естественное и необходимое заключеніе изъ καὶ ἀπὸν ἑμὲν ἔγραψεν ἐπιστολάς—*Polyc.* ad Phil. 3), но эти слова не показываютъ этого (см. выше, прим. 2053).

2089) Выраженіе это обыкновенно употреблялось въ отношеніи язычниковъ и іудеевъ эллинистовъ (Матѣ. XV, 26), и означаетъ суровый укоръ (Втор. XXIII, 18; Откр. XXII, 15). Мы въ точности не знаемъ значенія имѣющагося здѣсь въ виду намека.

2090) Περιτομή, κατατομή въ переводѣ на латинскій языкъ было бы „circumcisi“, „decisi“ (*Curti, Hor. Sat.* I, 9, 70); на нѣмецкомъ языкѣ Beschnittene, Zerschnittene. „Обрѣзаніе“ здѣсь разумѣется въ смыслѣ простаго порѣзанія или уродованія. Сн. Дѣян. VII, 51; Рим. III, 25—29; Колос. II, 11; Іезек. XLIV, 7; Втор. X, 16.

2091) III, 3, λατρεύοντες, Лук. II, 37; Дѣян. XXVI, 7.

2092) III, 5. Прозелитъ, сынъ прозелита, назывался *Герзбенъ-церъ*, но Павелъ былъ יְרֻבָּי בִּן פִּרְכֵי (Pirke Abhōth, V).

2093) Не можетъ ли это относиться къ какойнибудь внезапной потерѣ имъ всѣхъ земныхъ средствъ жизни при обращеніи?

2094) Ст. 8, σκῦβαλα. Оно производится быть можетъ отъ корня σκατ, но въ употребленіи =

κοῖβρα (Suida). Некоторые предпочитают технический смысл этого слова = „excrementa“ (Θεοδωρίτης).

2095) Ст. 9, διὰ πίστεως.... ἐκ Θεοῦ.... ἐπὶ τῇ πίστει.

2096) III, 2—11, чт. τὴν ἐκ νεκρῶν (N, A, B, D, E).

2097) ἐφ' ᾧ может означать также „потому что“ (2 Кор V, 4); или это может быть эллипс винительного падежа послѣ καταλάβω.

2098) „Non progredi est regredi“ (Aug).

2099) ἐτέρως употреблялось въ смягчительномъ смыслѣ (=κακῶς, Од. I, 234, θάτερον=τὸ κακόν).

Также еврейское слово „axur“ . Значеніе этой фразы таково: „если вы прилежите къ этому дѣлу, то Богъ просвѣтитъ васъ въ несущественномъ“.

2100) III, 12—16), κανόνι, τὸ αὐτὸ φρονεῖν (N, A, B).

2101) Ст. 21, μετασχηματίσαι... σύμμορφον; II, 6.

2102) IV, 3, γυνὴν Σόζους. Климентъ Александрійскій принималъ это слово въ смыслѣ жены ап. Павла, οὐκ οὐκεί τὴν αὐτοῦ προσηγορεύειν οὐζούον ἣν οὐ περιεκόμιζεν (Strom. III, 6, 53), см. Euseb. H. E. III, 30. Ренанъ (стр. 145) думаетъ, что это была Лидія. Почему ей не высказано привѣтствіе? Если Лидія было просто языческимъ именемъ, то она могла быть одною изъ этихъ двухъ женщинъ или ея могло уже не быть въ живыхъ.

2103) Швеглеръ думаетъ, что здѣсь будто бы дѣлается намекъ на ап. Петра! Игра именами вполне въ обычаѣ у ап. Павла. Единственное затрудненіе заключается въ томъ, что Сизигъ нигдѣ еще не встрѣчается въ качествѣ имени.

2104) IV, 2, 3. Дикое предположеніе Баура (?) касательно Климента, что вся исторія его римскаго епископата изобрѣтена съ цѣлью придать больше достопочтенности древнимъ христіанамъ посредствомъ отождествленія его съ консуломъ Флавіемъ Климентомъ, и что все это посланіе изобрѣтено въ соотвѣтствіе съ этою мыслью, — кажется почти правдоподобнымъ рядомъ съ гипотезой (?) Фолькмара касательно Еводія и Синтихія, — именно, что Еводія = „православіе“, Петрова партія, и Синтихія, „отщепенство“ = Павлова партія! Климентъ, хотя и филиппецъ, могъ быть тождественъ съ Климентомъ Римскимъ (Orig. in Ioann. I, 29; Euseb. H. E. III, 15 и проч.); мы не можемъ сказать даже „вѣроятно“, потому что имя это было крайне распространеннымъ.

2105) IV, 8, ἀρετὴ здѣсь только употреблено у ап. Павла.

2106) Ст. 10, ἀνεβάλετα буквально: „вы разцвѣли опять думать обо мнѣ“. Златоустъ говоритъ: οὐκ πρότερον ὄντες ἀνθρώποι ἐξηράνθησαν, что значить коснуться этой метафоры Итуріиловымъ копьемъ. Repullulastis Aug.; Refloruistis, Vulg.).

2107) Ст. 18, ἀπέχω (Мате. VI, 2). Слово это употребляется въ смыслѣ „выдачи росписки въ полученіи сполна“.

2108) Почему особенно? Сказать невозможно.

2109) Нужно имѣть въ виду, что рабы считались тысячами — atrienses, cubicularii, secretarii, lectores, introductores, nomenclatores, dispensatores, silentiarii (держать другихъ въ покоѣ) и пр. и пр., и даже рабы, которые должны были говорить господину имена его другихъ рабовъ! Мы читаемъ о римлянахъ, которые имѣли по 20,000 рабовъ. Четыре тысячи не считалось особенно большимъ числомъ (Sen. De Vit. beat. 17; Plin. H. N. XXXIII, 10; Athen. VI, p. 272).

2110) Lightfoot, p. 64.

ГЛАВА XLVIII 2111) Колос. I, 19; II, 9; Ефес. I, 23; III, 19; IV, (13 Иоан. I, 14, 16). Нѣмецкіе писатели выражаютъ различіе это, говоря, что Christlichkeit болѣе выступаетъ въ посланіи къ Колоссянамъ, Kirchlichkeit—въ посланіи къ Ефесянамъ.

2112) Эпиктетъ былъ современникъ апостола. Что касается до христіанскаго оттѣнка его стоическаго умозрѣнія, см. мое сочиненіе Seekers after God.

2113) *Tac. Ann. XIV, 27*, „*propterea oribus revaluit*“. Откр. III, 14. Цицеронъ, который жилъ тамъ въ качествѣ проконсула Киликіи, часто указываетъ на это въ своихъ письмахъ.

2114) Теперь Хонось. Лайтфутъ называетъ этотъ городъ „наименѣе важною церковью, къ какой только обращено было посланіе ап. Павла“ (*Col. p. 16*).

2115) Дѣян. XVI, 6. Въ Дѣян. XVIII, 23 порядокъ таковъ: „страну Галатійскую и Фригію“. Въ прежнемъ случаѣ онъ путешествовалъ изъ Антиохіи Писидійской въ Троаду; въ послѣднемъ изъ Антиохіи Сирійской въ Ефесъ.

2116) Это были „гностическіе эвониты“, по Бауру; „керинеиане“, по Майергофу; „христіанскій ессенизмъ въ его развитіи къ гностицизму“, по Липсію; „связующее звѣно между ессейнами и керинеианами“, по Нитчу; „аскеты и теософисты ессейской школы“, по Гольцману; „предтечи христіанскихъ ессеевъ“, по Ричлю (*Pfeiderer, II, 98*).

2117) Такъ и Филонъ считалъ тѣло своего рода Египтомъ для души (*Ques. reg. div. haer 518*).

2118) 1 Тим. I, 1; V, 28; 1 Кор. VIII, 6; 2 Кор. IV, 4; V, 19; Рим. IX, 5. Даже Ренанъ вполне допускаетъ это (*St. Paul, X, 274*).

2119) Употребленіе этихъ выраженій чрезвычайно хорошо поясняется нѣкоторыми замѣчаніями Тертулліана, *Adv. Praeheat.*, 8. Онъ употребилъ слово *propheta* и, предвидя возраженіе, что слово это отзывается валентиціанизмомъ, отвѣчаетъ, что ересь эта заимствовала это слово у истины для того, чтобы самой преобразоваться по ея подобію.

2120) Неандеръ (*Planting, p. 323, seq.*) указываетъ на предрасположеніе фригійцевъ къ мистическому и волшебному, какъ это и доказывается культомъ Цибелы, монтеизмомъ, тенденціями осужденными на соборѣ Лаодикійскомъ, и существованіемъ асингигиніанъ въ девятомъ столѣтіи и проч. Быть можетъ зарождающіяся ереси Азіи можно короче всего характеризовать какъ зародышъ гностицизма, развившагося изъ ессейскихъ и восточныхъ умозрѣній касательно происхожденія зла. Эти умозрѣнія повели къ безосновательнымъ ученіямъ объ ангелахъ, несовѣстимымъ съ верховенствомъ Христа; къ эсotericкой исключительности, несовѣстимой съ вселенскостью Евангелія; и къ ошибочному аскетизму, опасному для христіанской свободы. За туманными теоріями слѣдовала неразумная жизнь. Интересно замѣтить, что нѣкоторыя по крайней мѣрѣ изъ этихъ самыхъ тенденцій можно прослѣдить въ увѣрахъ ап. Іоанна семи церквамъ. Срав. Окр. III, 14 и Колос. I, 15—18; Окр. III, 21 и Кол. III, 1, Ефес. II, 6. Нѣкоторыя интересные параллели изъ Зороастра приводятся изъ Блэка Дэвисомъ въ его трактатѣ о слѣдахъ чуждыхъ элементовъ въ этихъ посланіяхъ (*Ephes. pp. 141—9*). Онъ говоритъ: „упадокъ и смѣшеніе древнихъ исповѣданій въ азіатскомъ умѣ создали рыхлую, но плодородную почву, на которую достаточно было ступить, чтобы дать возможность возникнуть различнымъ теософіямъ“.

2121) *Lightfoot, Col. pp. 114—179*.

2122) *Neander, Planting, I, 325; Ch. Hist. II, 42; Lightfoot, Col. p. 107, seq.*

2123) „Наиболѣе энергическія выраженія посланія къ Колоссянамъ лишь немного превосходятъ выраженія прежнихъ посланій“ (*Renan, St. P. X*).

2124) *Clem. Alex. Strom. III, 5; 2 Тим. III, 1—7; Іуд. 8; Откр. II, 14, 20—22*.

2125) См. ниже прим. 2210. „Эти два посланія какбы близнецы между собой, одинаковы по вѣшной фізіономіи, одинаковы по характеру, но не настолько тождественны, чтобы исключать строгій отпечатокъ индивидуальности“ (*Davies, Eph. and Col., p. 7*). Онъ говоритъ, что стиль здѣсь довольно тяжелъ, но „сущность поражаетъ своею правдивостью и силой“. Поддѣлщикъ сталъ бы копировать фразы; но кто могъ скопировать въ высшей степени „характеристическія и внутреннія концепціи апостола?“ Даже критики, недопускающіе подлинности всего посланія, видятъ, что его чувства и большинство его фразеологій на столько безспорно Павловы, что они приближаются къ теоріи вставокъ (Гитцигъ, Вейссъ, Гольцманъ) или совмѣстнаго авторства ап. Павла съ Тимофеемъ (Эвальдъ).

ГЛАВА XLIX. ²¹²⁶) Ст. 2, *Κολοσσαεῖς*, код. *κ*, *B*, *D*, *F*, *G*, *L*; но вѣроятно *πρὸς Καλοσσαεῖς* въ позднѣйшемъ надписаніи.

²¹²⁷) Если чтеніе *B*, *D*, Оригена и др. правильно, то это единственный примѣръ, гдѣ Богъ Отецъ стоитъ одинъ въ начальномъ благословеніи. Въ краткомъ обзорѣ посланіе представляется такимъ: I. Введение: I, 1, 2, привѣтствіе; благодареніе I, 3—8; молитва I, 9—13. II. Догматическая часть: личность и дѣло Иисуса Христа, I, 13—II, 3. III. Полемическая часть: предостереженія противъ заблужденія и практическіе выводы изъ соотвѣствующихъ истинъ—II, 4—III, 4. IV. Практическая часть: общія правила III, 5—17; частныя правила III, 18—IV, 6. V. Личныя сообщенія и прощаніе IV, 7—18.

²¹²⁸) Ст. 6, *καρποφοροῦμεν* „самопроизвольно приносить плодъ“ (ст. 10, *καρποφοροῦντες*) и однако же при этомъ все болѣе усиливается (*αὐξανόμενοι*).

²¹²⁹) Ст. 7, *ὅτι ἐμὲ ἠμῶν*, *κ*, *A*, *B*, *D*, *F*, *G*. Это можетъ только означать, что Елафрасъ проповѣдывалъ за ап. Павла, т. е. вмѣсто него, и если это чтеніе правильно, то оно даетъ другое рѣшительное доказательство, что самъ апостолъ никогда не проповѣдывалъ въ этихъ церквахъ.

²¹³⁰) I, 9—14. Чтеніе: „кровію Его“ вставлено изъ Ефес. I, 7.

²¹³¹) Лайтфутъ въ своемъ важномъ примѣчаніи (стр. 209) показываетъ, что здѣсь о Христѣ говорится, во первыхъ, въ отношеніи къ Богу (слово *εἰμὲν* заключаетъ двѣ идеи: представленія и явленія) и во вторыхъ, въ отношеніи къ тварямъ, причѣмъ слова *πρωτότοκος πάσης κτίσεως* заключаютъ идею посредничества между Богомъ и твореніемъ, и *πρωτότοκος* прилагается къ Логосу у Филона и къ Мессіи въ Псал. LXXXVIII, 27. Оно означаетъ первенство и господство надъ всякою тварью. Повидимому, были уже нѣкоторыя тенденціи видѣть въ крестѣ соблазнъ и различать между Иисусомъ распитымъ и Христомъ прославленнымъ (I, 19, 20—22; II, 6—9).

²¹³²) Ст. 16, *ἐκτίσθη*, „создано однимъ словомъ“.

²¹³³) Изъ этихъ словъ нельзя извлечь никакого опредѣленнаго ученія объ ангелахъ (сн. II, 18; Ефес. I, 21). Иерархія псевдо-Діонисія совершенно произвольна. Но говорить, что мѣсто это имѣетъ гностическій характеръ, совершенно нелѣпо въ виду такихъ мѣстъ, какъ Рим. VIII, 38; 1 Кор. XV, 24.

²¹³⁴) Ст. 16, *ἐκτίσται*, „создано и еще существуетъ“.

²¹³⁵) Онъ *εἶστιν*—*ἔστιν*, а не *ἔστιν* (какъ думаетъ Лайтфутъ), такъ какъ время и повтореніе мѣстоименій означаютъ предсуществованіе и личность (Іоан. VIII, 58; Исх. III, 14).

²¹³⁶) Ст. 19, *κατοικῆσαι*, не *παροικῆσαι*—проходящее, но *κατοικῆσαι* постоянное обитаніе. Сн. Быт. XXXVI, 44, LXX; *κατοικῆσιν*, *כּוּשׁוּ*; *παροικῆσιν*, *גּוֹרִי* и пр.

²¹³⁷) „Полнота“ въ смыслѣ законченнаго исполненія соотвѣтствуетъ всѣмъ употребленіямъ этого слова у ап. Павла, какъ въ его обыкновенномъ смыслѣ (1 Кор. X, 26; Рим. XI, 12, 25; XIII, 10; XV, 29; Гал. IV, 4; Ефес. I, 10), такъ и въ его позднѣйшемъ квази-техническомъ смыслѣ въ приложеніи къ „цѣлостности божественныхъ свойствъ и дѣйствій“ (Колос. I, 19, II, 9; Ефес. I, 23; III, 19; IV, 13). Оно прямо заимствовано изъ употребленія въ ветхомъ завѣтѣ (Іерем. VIII, 16 и проч.); и позднѣйшее локализованное употребленіе Керинеа и Валентина въ свою очередь заимствовано отсюда. Если его производить отъ *πληρῶν* скорѣе въ смыслѣ „исполнять“, чѣмъ въ смыслѣ „наполнять“, то затрудненія у ап. Павла уменьшаются; хотя и нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ исчезали. *Lightfoot*, Col. 323—339. Тѣ, которые желаютъ познакомиться съ другими взглядами касательно этого, могутъ найти ихъ въ *Baur*, Paul. II, 93; *Pfleiderer*, II, 172; *Holtzmann*, Eph. Col. 222 seq.; *Fritzsche* on Rom. X, 1. О связи *πληρῶν* съ еврейскимъ *קָדַם* нѣсколько цѣнныхъ указаній находится въ *Taylor*, Pirque Aboth, p. 54. *Макоме*, „мѣсто“=186, и по гематріи оно отождествлялось съ Іегова, такъ какъ квадраты буквъ тетраграмматона ($10^2+5^2+6^2+5^2$) даютъ ту же сумму (*Buxt.* Lex Chald. 2001). Не будучи исключительно гностикомъ, Филонъ уже говорилъ (*De Somniis*, I), что слово это имѣетъ три значенія,

изъ которыхъ третье есть *Богъ*. Отсюда интересный александрианизмъ въ переводѣ LXX Исх. XXIV, 10, εἶδον τὸν τόπον οὗ εἰστήκα: ὁ Θεός. „Богъ“, говорила знаменитая іудейская пословица, „находится не въ Га-Макомъ („мѣсто“, „вселенная“), но весь Га-Макомъ находится въ Богѣ“.

2138) Ст. 21, ἀποκατηλλάγητε (В). Ἀπό, какъ въ ἀπολαμβάνειν υλοθεσίαν (Гал. IV, 5) и ἀποκατάστασις; указываетъ на *возстановленіе* потеряннаго состоянія.

2139) I, 15—23. Въ стихѣ 20 начинается очеркъ дѣятельности Христа сначала вообще (20), затѣмъ въ частности для Колоссянъ (21—23).

2140) τὰ βασθήματα. Эти послѣднія слова проливаютъ свѣтъ на прежнія. Жертва Христа есть конечно „полная, совершенная и достаточная жертва, возношеніе и удовлетвореніе за грѣхъ всего міра“, и страданія святыхъ не могутъ поэтому имѣть удовлетворяющаго значенія. Но они могутъ быть полезны и важны, даже нужны для продолженія дѣла Христова на землѣ; и въ этомъ смыслѣ ап. Павелъ и всякій „участникъ страданій Христовыхъ“ (2 Кор. I, 7; Филип. III, 10) можетъ „лично восполнять вмѣсто Христа (ἀνταναπληρῶ) то, что въ страданіяхъ Христа недостаетъ для Его тѣла, Церкви“. Штейгеръ, Морисъ, Гуть и др. читаютъ: „страданія Христа въ моей плоти“; но Χριστός; не можетъ быть въ σάρξ, которую разрушаетъ Христосъ.

2141) Тайна равнаго допущенія язычниковъ (I, 27; IV, 3; Ефес. I, 10; III, 3, 8 и въ другихъ мѣстахъ).

2142) Повтореніе слова πάντα есть ясное предостереженіе противъ эсотерическихъ доктринъ и исключительной заносчивости умственнаго спиритуализма, служащаго зародышемъ для многихъ ересей. Это естественно любимое слово апостола, который долженъ былъ провозгласить всеобщность Евангелія (1 Кор. X, 1; XII, 29, 30 и проч.). Τέλειος употреблялось о лицахъ, которые посвящались въ мистеріи.

2143) Ст. 1, ἀγνοῖα указываетъ на ἀγνωρίζομενος, I, 29.

2144) Чт. συμβιβασθέντες.

2145) Ст. 2. Чт. τοῦ Θεοῦ, Χριστοῦ (*Lightfoot*, Col. p. 318).

2146) Ст. 7. Нужно замѣтить различіе между ἀφισχύρομαι, въ смыслѣ постоянного прочнаго результата, и ἐπισκωδούμενοι, въ смыслѣ продолжающагося процесса назиданія. Обращаетъ на себя вниманіе также спутанность метафоры, которая однако же не есть спутанность мысли: „ходите“, „укоренены“, „утверждены“, „укрѣплены“.

2147) Ст. 8, τίς, въ самой своей неопредѣленности опредѣленно (сн. Гал. I, 7).

2148) Выраженіе это замѣчательно, какъ единственное мѣсто, гдѣ ап. Павелъ употребляетъ слово „философія“, все равно какъ онъ однажды только употребляетъ слово „добродѣтель“ (Филип. IV, 8). Оба эти слова замѣняются болѣе возвышенными понятіями.

2149) См. выше стр. 519 (Гал. IV, 3, 9).

2150) Θεότης, deitas; сильнѣе чѣмъ Θεότης, divinitas.

2151) Ст. 11, ἀπέχουσις.

2152) Втор. XXVII, 14—26; Галат. II, 19; IV, 9; ἀφελέτης. Здѣсь разумѣется постановленіе Моисеева и естественнаго закона. Δόγματι трудно для объясненія; переводъ этого выраженія „состоящій въ постановленіяхъ“ повидимому требуетъ ἐν, какъ въ Ефес. II, 15. Греческіе отцы также понимали его въ смыслѣ „устраненія посредствомъ отрицанія опредѣленіями Евангелія“.

2153) Вырываясь на свободу отъ нападеній злыхъ духовъ, которые иначе одѣлись бы Имъ какъ одеждой (сн. 1 Петр. V, 5, ἐχουρώσασθε; Евр. XII, 1, ἐπιπρίστας; Ис. XI, 5 и проч.), Онъ унесъ ихъ добычу, какъ трофей, на своемъ крестѣ.

2154) II, 11—15. Касательно θριαμβεύσας сн. 2 Кор. II, 14, стр. 821.

2155) „Таковъ путь Торы. Кусокъ съ солью долженъ ты ѣсть; ты долженъ пить также воду мѣрою“ (Perek. R. Meir).

2156) Если по истеченіи девятнадцати столѣтій христіанская церковь не уразумѣла священ-

ной свободы этого языка, мы можем вообразить, какая пронизательность требовалась для того, чтобы изречь его во времена ап. Павла, и какъ иудеи должны были скрежетать зубами, когда они слышали его. Когда „императоръ“ спросилъ раввина Акибу, какъ онъ узнавалъ субботній день, онъ сказалъ: „рѣка Самбатіонъ (такъ называемая „субботствующая рѣка“) доказываетъ это; некроманцерь (кто не имѣетъ никакого отношенія къ субботѣ) доказываетъ это; могила твоего отца (которая въ знакъ того, что находящіеся въ ней пребываютъ въ аду, дымится исключая субботы, когда даже адъ успокоивается) доказываетъ это“. Sanhedrin, f. 65, 2. Можно привести тысячи мѣстъ, которые показываютъ, что это именно было основнымъ тономъ всей іудейской системы: см. Babha Kama, f. 82, 1; Abhoda Zaga, f. 64, 2, и проч. Законъ субботы, какъ Спаситель часто старался убѣдить іудеевъ, есть законъ святой свободы, а не мелочнаго рабства.

2157) Θεῶν ἐν, LXX. εἰ ὑμεῖς, 1 Цар. XVIII, 22 и проч. См. въ сочиненіяхъ бл. Августина, Бенгеля, Ольсгаузена, Лайтфута.

2158) Вполнѣ развитое ученіе объ ангелахъ существовало въ іудейской церкви задолго до появленія гностицизма. См. Gfröger, Jahr. des Heils. I, 124, seq. Я собралъ нѣкоторые изъ относящихся сюда данныхъ въ трактатѣ объ іудейскомъ ученіи объ ангелахъ и демонахъ („Жизнь Иисуса Христа“, стр. 632). Неандеръ указываетъ на κήρυγμα Πέτρος и Clem. Alex. Strom. VI, 635. Θεοδωρίτῃ (II. 18) упоминаетъ, что даже въ его время были молитвенныя обращенія къ архангелу Михаилу.

2159) ἀ ἐράμεν (N, A, B, D). Лайтфутъ и др. дѣлаютъ весьма простую предположительную поправку ἀ ἐράμεν κενεράμεν. Ея правда не встрѣчается нигдѣ въ манускриптахъ, но исчезовеніе ея легко объяснить — 1) созвучностью и 2) рѣдкимъ употребленіемъ самаго глагола. Глаголъ κενεράμεν (въ родѣ ἀεράμεν καὶ περιφρονῶ τὸν ἥλιον — „я ступаю по воздуху и озираю солнце“, у Arist. Nub. 225, и ἀεράμεν у Philo, I, 465) могъ быть подсказанъ однимъ изъ еретическихъ теософическихъ терминовъ, еслибы κενεράμεν когда либо было употреблено какимъ нибудь начинающимъ гностикомъ того времени (какъ и вполнѣ послѣдствіи) въ видѣ антитезы Плиромъ, или „полнотѣ“. Но нельзя ли ἀ ἐράμεν ἐράμεν принять (метафорически) въ смыслѣ „обитая на томъ, что онъ видѣлъ“?

2160) Согласіе этого мѣста съ высшимъ научнымъ развитіемъ того вѣка замѣчательно, и оно могло зависѣть отъ св. Луки.

2161) Ст. 23, ἐδολοδρησθεῖς счастливое изобрѣтеніе самого ап. Павла, которое Епифаній передѣлываетъ въ ἐδολοπερισσοδρησθεῖς (Наег. I, 16).

2162) Ц. 16—23. Это замѣчательное мѣсто есть аргументъ противъ утомительныхъ мелочностей преувеличеннаго аскетизма на основаніи того, что онѣ бесполезны для имѣющей въ виду цѣли.

2163) Ст. 6, выраженіе ἐπὶ τοῦς ὁδοὺς τῆς ἀπειθείας вѣроятно вставлено изъ Ефес. V, 6.

2164) Ст. 11. Скины были самымъ низшимъ типомъ варваровъ (Гал. III, 28).

2165) Христіанская гимнологія началась очень рано, хотя гимны не всегда имѣли метрическій характеръ (Откр. XV, 3; Дѣян. XVI, 25; Ефес. V, 19, 20; Plin. Ер. 97; Mart. S. Ign. VII, 68; ἀπ' ἀρχῆς ἐκὸς πνεύματι ὑμνοῦσα. Euseb. Н. Е. V, 28) Ритмическія мѣста находятся въ Ефес. V, 14; 1 Тим. III, 16; VI, 15, 16; 2 Тим. II, 11—13 (Dict. Christ. Antt. s. v. Hymns).

2166) ὡς ἀνῆκεν, „какъ всегда было, такъ всегда и есть прилично“ (Сн. Дѣян. XXII, 22) (См. мое сочиненіе Brief Greek Syntax, § 140).

2167) Обращаетъ на себя вниманіе рѣдкая оригинальность этого увѣщанія. Можно ли бы было ожидать этого въ подложномъ сочиненіи?

2168) III, 18—25. Изъ такихъ мѣстъ извлечены были такія благородныя предостерегающія правила феодализма, какъ „Entre toi vilain, et toi seigneur, il n'y a juge fors Dieu“, „Le seigneur qui prend des droits injustes de son vilain, les prend au péril de son âme“ (Beaumanoir). Эти скромныя практическія правила были тѣмъ болѣе необходимы для тѣхъ, которые смотрѣли на внѣшнія семейныя обязанности какъ на вульгарныя и препятствующія духовному созерцанію (Maurice

Unity, 587). Какъ не похоже это на οὐδὲ προσγελᾶν δοῦλοισι 'Αριστοτέλης εἰς ποτα (Clem. Alex. Strom. III, 12, § 84).

2169) IV, 8, чт. ἵνα γνῶτε τὰ περὶ ἡμῶν (A, B, D, F, G).

2170) Ст. 10, συναίχμαλτος. Собственно „сопленникъ взятый на войнѣ“. То же слово употребляется въ отношеніи Елафраса (Филим. 23), Андроника, Луція (Римл. XVI, 7). Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ мы не можемъ сказать, на что собственно намекается, или въ какомъ смыслѣ употребляется это слово, въ буквальномъ или метафорическомъ.

2171) Варнавы вѣроятно уже не было въ живыхъ, и такимъ образомъ Маркъ могъ быть свободенъ. Ап. Павелъ, повидимому, мало опасался касательно его приема.

2172) Проницательность ап. Павла въ характеръ быть можетъ доказывается его нѣсколько злобщимъ молчаніемъ касательно Димаса (2 Тим. IV, 10).

2173) Ст. 15, αὐτῶν (K, A, C), αὐτῆς (B, Lachm.); οὐτοῦ (F, G, K и пр.).

2174) τὴν ἐκ Λαοδικείας, „писанное изъ Лаодикіи и пришедшее къ намъ изъ Фракіи“. Constructio praegnans (Brief Greek Syntax, § 89; Winer, § LXVI, 6). Не можетъ быть много сомнѣнія въ томъ, что это было посланіе къ „Ефесянамъ“. Апокрифическое посланіе къ Лаодикіи есть жалкій сборникъ разныхъ стихотвореній (См. Lightfoot, Col. 340—366; Westcott, Canon. p. 542).

2175) Архиппъ, какъ признается вообще, былъ сынъ Филимона и главный пресвитеръ Лаодикіи. Если такъ, то Тихикъ могъ видѣть его на своемъ пути въ Колоссы. Любопытно по крайней мѣрѣ то, что недостатокъ ревности, который здѣсь кротко укоряется, есть отличительный признакъ Лаодикійской церкви, какъ она представляется ея „ангеломъ“ въ Откр. III, 15 (Trench, Seven Churches, 180).

2176) Эта болѣе короткая форма есть характеристическая черта въ позднѣйшихъ посланіяхъ ап. Павла—Колос., 1, 2 Тим., Титу. Болѣе пространная форма находится во всѣхъ посланіяхъ, написанныхъ до этого времени.

ГЛАВА L. 2177) Подъ „избранной госпожей“ во 2 Іоан. I, 1 разумѣется не отдѣльная личность, а церковь.

2178) Дэвисъ.

2179) Даже Бауръ, повидимому, стыдится необходимости, которая заставила его объявить это посланіе подложнымъ. Онъ дѣлаетъ это потому, что оно болѣе или менѣе связано съ другими тремя и поэтому вполне зависитъ отъ нихъ. „Какое дѣло критицизму до этого краткаго, привлекательнаго, дружескаго и граціознаго письма, вдохновленнаго каковы благороднѣйшимъ христіанскимъ чувствомъ и къ которому однако же никогда не прикасалось дыханіе сомнѣнія?“ (Paul. II, 80)

2180) Sall. Cat. XXXVII, 5.

2181) Ketubhoth, f. 28, 1.

2182) Macrobi. Saturn. 1, 11. Лучшіе стонки представляютъ благородное исключеніе изъ этого общаго тона.

2183) In Ep. ad Philem.

2184) Μουσῶν ἑσχατος. Menand. Androg. 7; Plat. Theaet. 209. B.

2185) Cic. pro Flacc. 27.

2186) Arist. Pol. 1, 4, ἐμφοχὸν ὄργανον.

2187) Varro, de Re Rust. I, 17. „Istrumenti genus... vocale“.

2188) Pers. Sat. V. 76—80.

2189) „Omnia in servum licent“ (Sen. Clem. I, 18). Живой очеркъ этихъ ужасовъ и нечестія см. Dollinger, Judenth. u. Heidenth. IX, 1, § 2; Wallon, Hist. de l'esclavage dans l'antiquite. Различіе между мудростью отъ міра и мудростью Божіею можетъ быть измѣряемо различіемъ между посланіемъ къ Филимону и чувствами язычниковъ, даже столь просвѣщенныхъ какъ Аристотель (Polit. I, 3; Eth. Nic. VIII, 13) и Платонъ (Legg. VI, 777, seg.; Rep. VIII, 549).

Различіе между христіанскою нравственностью и нравственностью даже такихъ язычниковъ, которые считались образцами добродѣтели, можетъ быть видно изъ сравненія совѣта ап. Павла христіанскимъ господамъ и отвратительной жестокости и алчности Катона старшаго въ его обращеніи съ своими рабами (*Plut. Cat. Maj. X, 21; Plin. H. N. XVIII, 8, 3*). См. также у Павла, по мѣстамъ; Сенека Ер. XLVІІ; *Juv. Sat VI, 219, seq. Tac. Ann. XIV, 42—45; Plut. Apophthegm. VI, 778* (въ разсказѣ Велія Полліона).

2190) Объ отношеніи христіанства къ рабству см. *Lecky, Hist. of Rationalism, II, 258; Troplong, De l'Influence du Christ sur le Droit civil, и проч., Gold. Smith, Does the Bible sanction American Slavery? De Broglie, L'Eglise et L'Emp. VI, 498, seq.; I, 162, 306; Wallon, De l'esclavage, II, ad fin., и проч.* На взглядъ этотъ указывается въ Откр. XVIII, 13.

2191) См. *Hausrath, Neut. Leitg. II, 405*.

2192) Въ посланіи не говорится, что Онисимъ былъ молодъ, но употребляемое касательно его выраженіе повидимому ясно показываетъ, что это именно было такъ (Филим 10, 12 и проч.). Выраженіе σπλάγχνα подобно латинскому viscera, употребляется о сыновьяхъ — οἱ παῖδες σπλάγχνα λέγονται (*Artemid. Oneirocr. I, 44; cf., V, 57*).

2193) Филим. 13, ἵνα ὅπως σοὺ μοι διακονῇ. Невѣроятно, чтобы διακονῇ здѣсь означало религіозное служеніе.

2194) Многие писатели сознавали, что ни однимъ еще словомъ, кромѣ благородства, въ его древнемъ и истинномъ значеніи, нельзя обозначить истиннаго характера, открываемаго въ этомъ посланіи (*Stanley, Cor. 391; Newman, Sermon on Various Occasions, 133*).

2195) *Juv. Sat. VI, 219; Plin. Ep. IX, 21, „Ne torseris illum“*.

2196) δραπέτης ἐστυγνός (*Ar. Av. 759. (Becker, Charikles, p. 370)*).

2197) Епископъ Вордсвортъ.

2198) Отверженіе его Бауромъ основано на не-Павловыхъ выраженіяхъ, т. е. выраженіяхъ, которыя встрѣчаются только въ другихъ отвергаемыхъ имъ посланіяхъ; на предположеніи, что обстоятельства были невѣроятны, и что слово σπλάγχνα, — которое онъ признаетъ Павловымъ и которое, по его словамъ, могло бы встрѣтиться, два раза, — употреблено три раза! Посланіе поэтому въ его глазахъ есть „Embryo einer Christlichen Dichtung“. Admissi risum teneatis? „Vorwurf der Hyperkritik, eines übertriebenen Misstrauens, einer alles angreifenden Zweifelsucht“ однако же приложимъ не только къ его критицизму этого посланія, но и вообще къ его методу; только въ настоящемъ случаѣ, какъ говоритъ Визингеръ, это не только Hyperkritik, но прямо Unkritik.

ГЛАВА LI. 2199) Переводъ письма Плінія помѣщенъ въ приложеніи XXXІІІ (Ер. IX, 21).

2200) Чтеніе здѣсь собственно неопредѣленно, но кодексы M, A, D, E, F, G (B здѣсь не полно) читаютъ ἀδελφῶ и, какъ можно судить на основаніи Теодорита Мопсуетскаго, ἀγαπῆν въ его время и во время самого апостола могло подавать поводъ къ грубымъ замѣчаніямъ со стороны грубыхъ умовъ.

2201) Ст. 5, πρὸς... εἰς.

2202) Ст. 9, τοιοῦτος ὢν ὡς не есть неклассическое, какъ утверждаетъ Мейеръ (см. примѣры у Ляйтфута, Col. p. 404). Ап. Павлу въ это время навѣрно было около шестидесяти лѣтъ отъ роду, и люди этого возраста, особенно когда они подвергались, какъ это было съ нимъ, всѣмъ бурямъ житейскаго моря, естественно говорятъ о себѣ какъ старцахъ. Я не могу думать, чтобы это означало „посланникъ“ (Ефес. VI, 20). Не говоря уже о томъ обстоятельстве, что чтеніе есть πρῶτος, а не πρῶτευς, и допуская, что эти два слова часто могли смѣшиваться между собою (все равно какъ πρῶτος и πρῶτευς смѣшиваются въ своемъ значеніи въ множественномъ числѣ), однако же сказалъ ли бы ап. Павелъ „посланникъ“, не сказавъ чей?

2203) ἀχρ. *Литотисъ*; erat enim poxius (Bengel).

2204) Ст. 11. Здѣсь, какъ тонко замѣчаетъ Бауръ, повидимому есть двойная параномасія. Χριστός и Χρηστός часто смѣшивались одно съ другимъ, и христіане не чуждались этого. Ἐκ τοῦ

κατηγορούμενου ἡμῶν δνόματος χρηστότατοι ὑπάρχοντες, χριστιανοὶ γὰρ εἶναι κατηγορούμεθα, τὸν δὲ χρηστὸν πιστεῖσθαι οὐ δίκαιον (*Justin*, *Apol.* I, 4; *Tert.* *Apol.* 3). См. выше, стр. 205.

2205) „Сынъ мойя утробы, Анзельмъ!“ (*Browning*, *The Bishop's Tomb*). Σπλάγχνα = conculum, „самое мое сердце“; „самые глаза моя“; עיני. Эллиптическая форма этого предложения, столь характеристическая у ап. Павла, дополняется въ нѣкоторыхъ манускриптахъ выраженіемъ Σὺ δὲ αὐτόν, τοῦτοστι τὰ ἐμὰ σπλάγχνα προσλαβοῦ.

2206) Ἀντὶ γραμματίου τήνδε κατέχευε τὴν ἐπιστολὴν· πάσαν αὐτὴν γέγραφα (Θеодоритъ). Нѣкоторые предполагали, что ап. Павелъ здѣсь взялъ перо у писца, и что это единственное его автографическое выраженіе. Устерзее и др. относятся къ этому какъ къ „благодарной шуткѣ“, а другіе считаютъ это выраженіе непохожимъ на деликатность, которая никогда еще не напоминала іудействующимъ о жалюкѣ, о сборѣ которой усиленно заботился ап. Павелъ. Но рабъ имѣлъ цѣну, и къ этому замѣчанію могло повести нѣчто въ характерѣ самого Филимона. Бенгелъ справедливо говоритъ: „Vinctus scribit serio“, какъ отецъ платитъ долги своего сына. Шрадеръ, Ларднеръ, Блэкъ, Гаккетъ считаютъ выраженіе, что Онисимъ укралъ нѣчто, просто клеветой.

2207) Ст. 20, ἀναίμην. „Я посылаю тебѣ назадъ Онисима, теперь достойнаго своего имени; будешь ли ты моимъ Онисимомъ“? Напрасно критики протестуютъ противъ подобной игры именами. Она свободно употреблялась во всѣ времена, у всѣхъ писателей и во всѣхъ странахъ, какъ я и доказалъ это множествомъ примѣровъ въ моихъ *Chapters on Language*, ch. XXII.

2208) Ап. Павелъ былъ воспитанъ какъ раввинъ. Для того, чтобы видѣть, чему его научило христіанство, достаточно только сравнить его ученіе съ ученіемъ его прежнихъ учителей. Сопоставьте напр. раввинское мнѣніе о рабѣ съ тѣмъ нѣжнымъ отношеніемъ къ человѣческому достоинству, съ тѣмъ высокимъ понятіемъ о человѣкѣ, какъ человѣкѣ, которое такъ прекрасно вырисовывается въ этомъ его краткомъ письмѣ. Раввины учили, что по смерти раба не нужно было произносить благословенія для печалующихся о немъ или предлагать утѣшеніе имъ. Случилось, что однажды умерла рабыня раввина Елизера, и когда его ученики пришли пособолѣзновать ему, онъ удалялся отъ нихъ изъ комнаты въ комнату, изъ горницы въ нижнее помѣщеніе, пока наконецъ не сказалъ имъ: „я думалъ, что вы почувствуете теплую воду, но вы не чувствуете даже и кипятка. Не учили ли я васъ, что эти знаки почтенія не нужно выражать при смерти рабовъ“? „Что же“ спросили ученики, „ученики въ такихъ случаяхъ должны говорить своимъ учителямъ“? „То же самое, что говорится, когда умираютъ ихъ волы и ослы“, отвѣчалъ раввинъ:—„Господь да восполнитъ твой убытокъ“. О нихъ не слѣдовало печалиться даже ихъ господамъ; раввинъ Іозе однажды позволилъ господину сказать:—„увы! добрый и вѣрный человѣкъ, и притомъ человѣкъ, который жилъ своимъ трудомъ“! Но даже противъ такого заявленія возражали, какъ излишняго (*Berachôth*, f. 16, 2; *Maimonides*, *Hilch. Aval.* § 12; *Hal.* 12).

2209) Преданія касательно епископства, мученичества Филимона и проч. слишкомъ поздняго происхожденія, чтобы имѣть какое либо значеніе; тоже самое можетъ быть сказано о преданіи касательно Онисима. На сколько касается времени, то онъ могъ быть Онисимомъ, епископомъ Ефесскимъ, упоминаемымъ сорокъ четыре года спустя св. Игнатіемъ. Прибавка въ двухъ манускриптахъ говоритъ, что онъ потерпѣлъ мученичество въ Римѣ, причемъ ему ноги были перебиты на пыткѣ.

ГЛАВА LII. 2210) Что посланіе это предназначалось между другими и для ефесянъ, это признается всѣми, и Альфордъ указываетъ на приложимость этого „посланія благодати Божіей“ къ церкви, гдѣ ап. Павелъ спеціально проповѣдывалъ „благовѣстіе благодати Божіей“ (Дѣян. XX, 24, 32). И патетическое обращеніе, содержащееся въ словахъ ὁ θεσμός (III, 1; IV, 1), было бы совершенно ясно для тѣхъ, которые слышали пророчества Дѣян. XX, 22. Другими пунктами параллели между этимъ посланіемъ и бесѣдой съ ефесскими пресвитерами является рѣдкое употребленіе словъ βουλὴ (I, 11; Дѣян. XX, 27) παρρησία (I, 14; см. Дѣян. XX, 28) и κληρονομία (I, 14, 18; V, 5, Дѣян. XX, 32; *Maurice*, *Unity*, 512—514). Но не входя въ подробности этого часто приводимаго аргумента, просто вѣшнія особенности посланія—отнюдь не простое опущеніе

ние привѣтствій и имени Тимофея,—но недостатковъ интимности и специальности, общность благодаренія, отсутствіе слова „братія“ (см. VI, 10), отдаленность, такъ сказать, во всемъ тонѣ обращенія, вмѣстѣ съ дважды повтореннымъ *ἐν* (III, 2; IV, 21), и принужденное отсутствіе чисто личнаго обращенія въ III, 2—4,—все это было бы необъяснимо, если бы даже не было внѣшнихъ оснований сомнѣваться въ подлинности словъ *ἐν* Ἐφέσῳ. Но когда мы видимъ, что эти слова безъ всякаго видимаго основанія опускаются въ кодексасъ *М*, *В*, и знаемъ, на основаніи свидѣтельства Василія Великаго, что онъ по преданію звалъ о ихъ опущеніи и находилъ, что они были опущены, *ἐν τοῖς παλαιοῖς τῶν ἀντιγράφων*, равно какъ находили это Маркіонъ, Тертуліанъ и Іеронимъ, то мы невольно приходимъ къ рѣшительному заключенію, что письмо это не было обращено исключительно къ ефесянамъ. Взглядъ, который считаетъ его окружнымъ посланіемъ, между другими мѣстами, и Лаодикѣи, въ высшей степени вѣроятенъ (Колос. IV, 16). Въ Ефес. VI, 21, слова *καὶ ὑμεῖς* въ высшей степени легко объяснимы на основаніи предположенія, что посланіе это должно было пойти въ различные города. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе привѣтствій и проч. есть явный знакъ подлинности, потому что поддѣльщикъ навѣрно вставилъ бы ихъ. Посланіе это отнюдь не имѣетъ недостатка во внѣшнихъ доказательствахъ своей подлинности. Ириней (Наег. V, 2, 3), Климентъ Александрійскій (Strom. IV, 8), Поликарпъ (ad Phil. I, XII), Тертуліанъ (adv. Marc. V, 1, 17) и быть можетъ даже Игнатій (ad Eph. VI) всѣ или ссылались или намекали на него. Оно же упоминается въ Мураторіевомъ канонѣ. Отвергающіе его подлинность должны считаться съ широкимъ и раннимъ его принятіемъ не менѣе чѣмъ съ трудностью его поддѣлки. Посланіе это принималось безспорно Павловымъ отъ времени св. Игнатія до Шлейермахера. Ренанъ сводитъ возраженія противъ его подлинности къ слѣдующимъ рубрикамъ: 1) встрѣчающіяся фразы и *ἀπαξ λεγόμενα*; 2) слабый, расплывчатый и запутанный стиль; 3) слѣды развивавшагося гностицизма; 4) развитое понятіе о церкви, какъ живомъ организмѣ; 5) несвойственный Павлу экзегезисъ; 6) выраженіе „святые апостолы“; 7) несвойственные Павлу взгляды на бракъ. Я надѣюсь показать, что возраженія эти несостоятельны.

²²¹¹⁾ Церковь также не абсолютно ставитъ вопросъ о значеніи известной св. книги въ зависимость отъ вопроса о его подлинности, опредѣленіе которой есть дѣло ученой критики.

²²¹²⁾ Paul. II, 2.

²²¹³⁾ Davidson, Introd. II, 388. Въ своемъ раннемъ изданіи Давидсонъ думалъ, что „нѣтъ ничего болѣе безосновательнаго“, какъ такіа утвержденія, и тогда онъ говорилъ: „языкъ богатъ и обилень, но онъ вездѣ изобилуетъ мыслью“. См. *Glaag*, Introd., p. 313.

²²¹⁴⁾ Общее сходство заключается въ томъ, что въ обоихъ (Колос. III; Ефес. IV, 1) тотъ же самый переходъ приводитъ къ тому же самому приложенію — причемъ смиреннѣйшая правдивость основывается на возвышеннѣйшихъ истинахъ. Есть также и спеціальныя сходства а) въ христологическихъ взглядахъ; б) въ фразеології, причемъ 78 стиховъ изъ 155 выражаются тѣми же фразами въ обоихъ посланіяхъ. Съ другой стороны есть замѣтныя отличія: а) въ обоихъ есть *ἀπαξ λεγόμενα*; б) руководящее слово *τὰ ἀποστόλων* составляетъ особенность посланія къ Ефесянамъ; в) посланіе къ Ефесянамъ отличается глубокими мыслями и имѣетъ дѣйне отдѣлы (I, 3—14; IV, 5—15, V, 7—14; 23—31; VI, 10—17), которыхъ нѣтъ въ посланіи къ Колоссянамъ; г) въ посланіи къ Ефесянамъ находится семь ветхозавѣтныхъ цитатъ и только одна въ посланіи къ Колоссянамъ (II, 21).

²²¹⁵⁾ Откуда критики совершенно не въ силахъ рѣшить, написаны ли эти посланія двумя авторами или однимъ авторомъ; и былъ ли ап. Павелъ отчасти авторомъ какого-нибудь изъ нихъ или никакого; не составляетъ ли посланіе къ Колоссянамъ извлеченіе изъ посланія къ Ефесянамъ, или посланіе къ Ефесянамъ—распространенной редакціи посланія къ Колоссянамъ.

²²¹⁶⁾ Сходство выраженій (Davidson, Introd. I, 384) часто тѣмъ сильнѣе выставляетъ *несходство* въ основныхъ идеяхъ. Это другой поразительный признакъ слѣпоты, затемняющей острую прозорливость Баура въ другихъ отношеніяхъ, именно что онъ сказалъ, будто содержаніе

обоихъ этихъ посланій „настолько существенно одно и то же, что они не могутъ быть отличаемы одно отъ другаго“ (Paul, II, 6). Метафизическая христологія, которая полемически разсматривается въ посланіи къ Колоссянамъ, только предполагается и указывается въ посланіи къ Ефессянамъ; и выдающіяся понятія предопредѣленія и единства, отличающія догматическую часть посланія къ Ефессянамъ, находятъ мало или совсѣмъ не находятъ мѣста въ посланіи къ Колоссянамъ. Совпаденіе какого нибудь слова *ἡτις ἀειδόντες νεοτᾶτη ἀμφιπέλῃται* есть обычное литературное явленіе, и всякій, тщательно изучавшій Эсхила, знаетъ, что разъ онъ встрѣтилъ поразительное слово или метафору, то онъ можетъ встрѣтить его опять въ слѣдующихъ ста строкахъ, если даже его не встрѣчается ни въ какой другой драмѣ. Ничего поэтому не было естественнѣе какъ то, что между ними должно было оказаться близкое сходство, особенно въ нравственныхъ отдѣлахъ обоихъ посланій, написанныхъ быть можетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней одно отъ другаго; и что хотя догматическія части содержатъ различные предметы и предназначались для различныхъ читателей, мы вполне естественно можемъ находить соотвѣтствующія разъясненія или сокращенія однихъ и тѣхъ же мыслей и повтореніе такихъ многозначительныхъ фразъ какъ *ὁ πλοῦτος τῆς δόξης* (Ефес. I, 18; Колос. I, 27); *τὸ πλήρωμα* (Ефес. I, 23, Колос. I, 19) *κακοποιοῦς* (Ефес. II, 11; Колос. II, 11) и *ὁ παλαιὸς ἄνθρωπος* (Ефес. IV, 22; Колос. III, 9). Когда Шнекенбургеръ говоритъ „о механическомъ употребленіи матеріала“, онъ употребляетъ одну изъ тѣхъ фразъ, которыя выдаютъ сильное предубѣжденіе и дѣлаютъ его результаты менѣе правдоподобными, какъ они были бы при другихъ обстоятельствахъ. „Какъ можемъ мы опускать изъ виду важный фактъ, замѣчаемый всѣми читателями посланія, что идея каеолитности здѣсь въ первый разъ поднимается до степени догматической опредѣленности и господствующаго значенія?“ (Pfleiderer, II, 164).

2217) „Всякій долженъ сознавать чрезмѣрную полноту въ стилѣ этого посланія, какъ будто бы душа апостола не могла сдерживать дѣйствовавшихъ въ немъ мыслей, какъ будто бы каждая выражаемая имъ мысль оставляла впереди себя и позади себя лучезарный свѣтъ, отъ котораго она не могла освободиться“ (Maurice, Unity of the New Testament, p. 535).

2218) Davies, Eph. p. 19.

2219) *οἰκονομία*, Ефес. I, 10; III, 2.

2220) *θέλημα*, Ефес. I, 1, 5, 9, 11 (V, 17; VI, 6); *βουλὴ* I, 11: *ἐδόξα* I, 9; *πρόθεσις* III, 11.

2221) *χάρις* I, 2, 6 (bis), 7; II, 5, 7, 8; III, 2, 7, 8; IV, 7, 32; VI, 24.

2222) *τὰ ἐπουράνια* I, 3, 20; II, 6; III, 10; VI, 12. „Апостолъ уноситъ насъ *изъ небесное*, въ область свободныхъ существъ духовъ, руководящихся духовнымъ закономъ, обладающихъ духовнымъ благословеніемъ“ (Maurice, Unity of the New Testament, p. 523).

2223) *πνεῦμα* и *πνευματικὸς* встрѣчаются тринадцать разъ въ этомъ посланіи (I, 3, 13, 17; II, 18, 22; III, 5, 16; IV, 3, 4, 23, 30; V, 18; VI, 17, 18) и только однажды въ посланіи къ Колоссянамъ (I, 8, 9): (Baug, Paul, II, 21).

2224) *πλοῦτος*, *πλούσιος* I, 7, 18; II, 4, 7; III, 8, 16. Это слово употреблено въ этомъ смыслѣ только Св. Іаковомъ (II, 5). См. Paley, *Notae Paulinae*, Ephes. II. Но см. 2 Кор. VIII, 9; Филип. II, 7.

2225) *δόξα*, I, 6, 12, 14, 17, 18; III, 16, 21 и проч.

2226) *μυστήριον* Ефес. I, 9; III, 3, 4, 9; (V. 32); VI, 19. Ни въ одномъ другомъ посланіи, исключая посланій къ Колоссянамъ и 1 Кор., оно не встрѣчается болѣе двухъ разъ.

2227) *Πλήρωμα* I, 23; III, 19; IV, 10—13 (I, 10). Въ якобы-техническомъ смыслѣ оно встрѣчается только въ посланіи къ Колоссянамъ, I, 19; II, 9.

2228) *ἐπεμβαλλων* I, 19; *ἐπαράνω* 21. См. III, 19, *ἐπερχομενοι* 20; IV, 10 и проч.

Эти сложные слова характеристически свидѣтельствуютъ о выразительной энергіи слога ап. Павла.

Προορίσας, I, 5; *προέθετο* I, 9; *προητοίμασεν* II, 10, *πρόθεσις* III, 11.

Συνεζωποποίησεν II, 5; *συνήγαγε*, *συνεκάθισεν* 6; *συμπόλῃται* II, 19 (позднѣйшее худо составленное

слово *Phryg.* p. 172); συνοικοδομεῖσθε 22; συγκληρόνους, σύσσωμα, συμμέτοχα III, 6; σύνδωμος IV, 3; συμβιβάζομενον, συναρμολογούμενον, 16.

2229) Послание может быть кратко суммировано так: Привѣтствіе (I, 1, 2). Благодареніе за избраніе церкви и единеніе, произведенное искупленіемъ Христа и призваніемъ какъ іудеевъ такъ и язычниковъ (I, 3—14). Молитва о нихъ возрастаніи въ полномъ познаніи Христа (15—23). Единеніе челоуѣчества въ небесномъ во Христѣ (II, 1—22). Богѣ полное изъясненіе этой истины съ молитвой о полномъ разумѣніи ея, и славословіе (III, 1—21). Увѣщаніе жить достойно идеальнаго единства католической церкви въ любви IV, 1—16). Увѣщаніе къ практическимъ обязанностямъ новой жизни въ побѣдѣ надъ грѣхомъ (IV, 17—V, 21) и въ общественныхъ отношеніяхъ (V, 22—VI, 9). Всеоружіе Божіе (VI, 10—17). Заключительныя просьбы и прощаніе (VI, 10—24).

2230) Unity of the New Testament, p. 525. См. приложение XXV: „Фразеологія и ученіе посланія къ Ефесянамъ“.

2231) I, 3—6. Обращаетъ на себя вниманіе удивительная сжатость и пространныя полнота этого великаго очерка богословія.

2232) Ἐπιγινώσκεις I, 17; IV, 13. Я уже намекалъ на важность, придаваемую истинному знанію въ этихъ посланіяхъ, написанныхъ въ противовѣсъ зарождавшемуся, но уже гибельному вліянію „личнаго знанія“. Отсюда мы имѣемъ также γινώσκεις III, 19; σύνεσις III, 4; φρόνησις, σοφία, I, 8; ἀποκάλυψις III, 3, φωτίσαι III, 9 и пр.

2233) 1, 15—23. См. IV, 10. Сп. Хеп. Hell. VI, 2, 14, τὰς νύκτας ἐμπληροῦτο. О различномъ приложеніи слова „полнота“ здѣсь и въ Колос. I, 19, см. выше. Взглядъ, что она здѣсь означаетъ „завершеніе“, подобно παραπλήρωμα, кажется мнѣ гораздо менѣе вѣроятнымъ. Касательно выраженія „Бога нашего Господа Иисуса Христа“ см. ст. 3; Іоан. XX, 17. Въ своеобразномъ выраженіи „Отецъ славы“, ὁ πατὴρ τῆς δόξης, каноникъ Барри видитъ намекъ на іудейское отождествленіе „слова“ съ „шехина“. Срав. употребленіе слова δόξα въ Іак. II, 1; Тит. II, 13; Евр. I, 3.

2234) II, 2, κατὰ τὸν αἰῶνα τοῦ κόσμου τοῦτου.

2235) Переводъ Мориса „чада импульса“ несостоятеленъ.

2236) II, 9. Последнее появленіе слова „хвалиться“ у ап. Павла.

2237) II, 10. Интересно видѣть, какъ эпоха *полемики* о великомъ предметѣ этихъ стиховъ здѣсь предполагается законченною ἐπ' ἐργοῖς ἀγαθοῖς, οἷς προητοίμασεν ὁ Θεὸς ἵνα ἐν αὐτοῖς περιπατήσωμεν. Нигдѣ сочетаніе добрыхъ дѣлъ съ свободною благодатію не объясняется лучше, чѣмъ здѣсь. Добрыя дѣла здѣсь включаются въ предопредѣленную цѣль благодати, такъ что они составляютъ цѣль для насъ и дѣлаются осуществимыми при благоволеніи Божіемъ.

2238) Срав. Колос. I, 20—22. Приложеніе этого слова здѣсь нѣсколько иное, но различіе здѣсь именно такого рода, которое могло быть сдѣлано авторомъ, независимо относящимся къ своимъ собственнымъ выраженіямъ, на которое никакъ не осмѣлился бы поддѣльщикъ. Разрушеніе *хела* (средостѣнія) составляло ту часть дѣла Христова, продолжать которую выпало главнымъ образомъ на долю ап. Павла. Обвиненіе, что онъ бралъ Трофима съ собою во дворъ израилевъ, буквально ложное, въ идеальномъ смыслѣ было въ высшей степени истинно. Павелъ—апостолъ былъ самымъ успѣшнымъ разрушителемъ той „ограды“, созиданіе которой вокругъ закона Савль—фарисей считалъ своимъ главнымъ дѣломъ.

2239) Это слово, употребленное бл. Иеронимомъ, можетъ выражать необыкновенную συναρμολογούμενη.

2240) См. *Ellicott*, ad III, 5.

2241) Хотя несомнѣнно εἴς τὴν ἐκκλησίαν, равно какъ и подобное же выраженіе въ IV, 21, Галат. III, 4 и проч., означаетъ, что здѣсь фактъ этотъ *предполагается*, однако же это не такое выраженіе, которое бы согласовалось вполнѣ съ посланіемъ, адресованнымъ только къ церкви, въ которой писатель долго трудился.

2242) Серьезныя возраженія дѣлались противъ этой фразы, какъ будто бы доказывающей,

что она не могла быть написана перомъ, написавшимъ Гал. II. Возраженіе это безосновательно. Допуская, что ἀγιος вѣрно (хотя оно находится не во всѣхъ манускриптахъ; см. Колос. I, 26), нужно допустить: 1) что оно имѣетъ совершенно общій, а не индивидуальный характеръ; см. ст. 8 и II, 20; 1 Кор. XVI, 1, 15. 2). Апостолы и пророки являются какъ въ вводномъ предположеніи, и эпитетъ „святой“ означаетъ „освященный“, титулъ, который они раздѣляютъ со всѣми святыми. 3) „Апостолы“ здѣсь не означаютъ непремѣнно апостоловъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

2343) III, 6, συγκληρόνομα, σύσσημα, συμμέτοχα. Двѣ части—іудеи и язычники должны сдѣлаться однимъ тѣломъ, тѣломъ Христовымъ, христіанской церковью (II, 16). Эти странныя греческія слова изобрѣтены ап. Павломъ для выраженія этой новооткрытой истины въ возможно сильнѣйшей формѣ, какъ будто бы въ существующихъ словахъ не было достаточно такихъ, которыми бы можно было съ достаточною силою выразить его главную мысль о единеніи во Христѣ тѣхъ, которые помимо Его раздѣлены между собою.

2344) III, 8, ἀλαχιστοτέρφ. Могъ ли бы поддѣльщикъ заставить ап. Павла написать такъ? Выраженіе это сравнивали съ 1 Кор. XV, 9, но оно выражаетъ гораздо болѣе глубокое смиреніе, потому что оно употребляется, когда писатель намекаетъ на гораздо болѣе возвышенное состояніе. Тѣ, которые критиковали это выраженіе, какъ слишкомъ преувеличенное, навѣрно лишены глубочайшей духовной опытности. Исповѣданія святѣйшихъ лицъ всегда бываютъ наиболѣе смиренны и нетерпимы, потому что самая ихъ святость даетъ имъ возможность во всей полнотѣ видѣть гнусность грѣха. Самоосужденіе Купера или Фенелона гораздо сильнѣе, чѣмъ самоосужденіе Байрона или Вольтера. „Величайшій грѣшникъ, величайшій святой находятся на равномъ разстояніи отъ цѣли, гдѣ душа успокоивается въ полномъ самоудовлетвореніи. Съ возрастаніемъ доброты, возрастаетъ и чувство грѣха. Одинъ исполненный законъ показываетъ тысячу неисполненныхъ“ (*Mosley Essays*, I, 327).

2345) III, 8, ἀνεξιχνίαστον. Іов. V, 9, ἤρη ἤρη. Сн. Рим. XI, 33, ἀνεξερεύνητα τὰ κρίματα αὐτοῦ καὶ ἀνεξιχνίαστοι αἱ ὁδοί.

2346) πολυποικίλος. Сн. στεφάνου π. ἀνθέων. *Eubulus*, Ath. XV, 7, p. 679.

2347) Прибавленіе „нашего Господа Иисуса Христа“, не смотря на свою древность, вѣроятно, подложно, такъ какъ не находится въ кодексахъ K, A, B, C, коптскомъ, египетскомъ и др. переводахъ.

2348) III, 16, εἰς τὸν ἕω ἄνθρωπον.

2349) III, 1—19. Другими словами: „дабы вамъ исполниться всею полнотою, которою исполненъ Богъ“ (*Fritzsche*).

2350) Изъ двадцати восьми словъ сложныхъ съ предлогомъ ἐν въ Новомъ Завѣтѣ, не менѣе двадцати находятся у одного ап. Павла.

2351) ἡμῖν опущено въ K, A, B, C и проч.

2352) Объ этой своеобразной ссылкѣ на Пс. LXVII и объ измѣненіи выраженія ἐλαβε δόματα ἐν ἀνθρώποις, см. *Davies*, p. 44. Сомнительно по крайней мѣрѣ, есть ли тутъ хотя малѣйшій намекъ на нисхождение въ адъ. Сущность заключается въ тождествѣ Того, который сошелъ на землю (т. е. историческаго Иисуса) съ Тѣмъ, который восшелъ (т. е. превѣчнымъ и воплощеннымъ Христомъ).

2353) Оупущеніе ἐν означаетъ вѣрный результатъ.

2354) IV, 15, ἀληθεύοντες δὲ ἐν ἀγάπῃ.

2355) Πέρος „туфный камень“, употреблявшійся при сильной опухоли, или *callus* въ оконечности поврежденныхъ костей.

2356) ἀπηγγεγότας. „Qui postquam pessaverint, non dolent“. „Грѣхъ, совершенный во второй разъ, не кажется грѣхомъ“.

2357) πλεονεξία.

2358) Эта форма выраженія могла указывать на предостереженіе противъ начинающей

докетической тенденция (см. 1 Иоан. IV, 2, 3) дѣлать разграниченіе между Христомъ и Иисусомъ, между вѣчнымъ Христомъ и Иисусомъ человѣкомъ.

2259) Необходимость слѣдующихъ нравственныхъ увѣщаній не возбудить удивленія въ душѣ тѣхъ, которые изучали посланіе къ Коринѳянамъ или которые достаточно знаютъ человѣческое сердце, чтобы видѣть, что злыя привычки языческой жизни не могли сразу прекратиться во всѣхъ обращенцахъ въ моментъ ихъ духовнаго пробужденія или принятія христіанскихъ истинъ, которыя во многихъ случаяхъ могли имѣть главнымъ образомъ умственный характеръ.

2260) IV, 29, *σκληρὸς* „гнилое“ (Матѳ. VII, 17) противоположно *δύσος* „здравое“ во 2 Тим. 1, 13 и проч., и „приправлено солью“, Колос. IV, 6,

2261) Ст. 4, *εὐτραπέλις*. Аристотель опредѣляетъ это слово, какъ „образованное нахальство“ (Rhet. II, 12), и полагаетъ изящнаго свѣтскаго человѣка (*εὐτραπέλις*, *facetus*) между мужланомъ (*ἀγροίκος*) и низкимъ льстецомъ (*βωμολόχος*) (Eth. N. II, 7). Мягкое выраженіе *τά οὐκ ἀνήκοντα* обусловливается не сравнительно безвредною „изящностью“, о которой было упомянуто, но формой *litotismus*,—причемъ употребленіе мягкаго выраженія (подобно Виргиліевому—Georg. III, 5—*„illaudati Buisridis agas“*) должно быть исправлено негодующей умственной замѣной его болѣе сильнымъ словомъ (См. стр. 813).

2262) Ст. 6, *ἐρχεται*, всегда приходитъ.

2263) Таково именно истинное чтеніе (*φωτός*), а не „плодъ духа“, какъ въ нѣкоторыхъ переводахъ. Чтеніе это несомнѣнно было измѣнено для смягченія шероховатости метафоры; но ап. Павелъ равнодушно относится къ простой словесной запутанности метафоръ, когда самъ по себѣ ясенъ смыслъ. Видѣть здѣсь намекъ на Ормузда и Аримана, конечно, нелѣпо.

2264) Палей (Ног. Paul.) говоритъ, что ап. Павелъ здѣсь „привязывается къ слову свѣтъ“; но это не столь хорошій примѣръ этой его литературной особенности, какъ IV, 8 съ словомъ „восшелъ“.

2265) Дѣла тьмы должны перестать быть дѣлами тьмы, когда свѣтъ озаритъ ихъ. Свѣтъ *убиваетъ* ихъ. Все, на что изливается свѣтъ, есть свѣтъ, потому что оно отражаетъ свѣтъ.

2266) Ис. LX, 1, 2. Версификація здѣсь еврейскаго типа. О христіанской гимнологіи см. выше, на Колос. III, 16. Антифонное пѣніе было введено очень рано (Откр. XIX, 1—4).

2267) Всѣ комментаторы сознавали затрудненіе найти связь между пѣніемъ и подчиненіемъ. Я думаю, что она заключается въ воспоминаніи о тѣхъ неприличныхъ суетныхъ раздорахъ, о которыхъ ап. Павелъ слышалъ и даже быть можетъ лично присутствовалъ въ Коринѳѣ, гдѣ такой безпорядокъ былъ причиненъ назойливымъ честолюбіемъ, съ которымъ каждый желалъ выставить свое особенно *χάρισμα*. Если такъ—или даже если связь эта была нѣсколько иною,—то мы имѣемъ другой неподражаемый признакъ подлинности. Ни одному поддѣльщику никогда бы не пришло и въ голову привязать наиболѣе важный отдѣлъ своего нравственнаго ученія къ чисто случайной мысли.

2268) VI, 10. Слова *ἀδελφοί* нѣтъ въ кодексахъ M, B, D, E, и оно не встрѣчается также въ посланіяхъ къ Ефесянамъ и Колоссянамъ.

2269) *Pilum*, или тяжелое копьѣ, котораго солдатъ не могъ бы принести съ собою въ комнату, опущено.

2270) Или *malleoli* (Пс. VII, 13).

2271) Раввинское *קִרְבַּן הַרוּחַ*. Подобнымъ образомъ во 2 Кор. IV, 4 ап. Павелъ называетъ „князя силы воздушныя“ *ὁ θεὸς τοῦ αἵματος τοῦτου* (См. 1 Иоан. V, 19; Иоан. XIV, 30; XVI, 11).

2272) „*Veritas astringit hominem, mendaciorum magna est laxitas*“ (*Grot.*).

2273) Сн. Рим. III, 17; X, 15; *ἰσχυρὰ* можетъ однако же означать „основаніе“, „почву“ (יָסֶד, Ездра III, 3; Пс. LXXXVII, 15, переводъ LXX). Евангеліе *мира* даетъ твердую почву даже въ *войнѣ*.

2274) Давидсонъ находитъ это скучнымъ и безвкуснымъ разъясненіемъ 1 Фесс. V, 8, 2 Кор.

Х, 3, 4, и высказывает много подобных критических замѣчаній (Introd. I, 388, 390). Съ такимъ критицизмомъ нѣтъ возможности имѣть какое-либо дѣло, когда онъ относится къ вопросу о подлинности. Общая метафора не необычна (Ис. LIX, 16—19; 1 Тесс. V, 8; Премудр. V, 17—20; Bleek, *Zend Avesta*, p. 90; Davies, p. 61).

²²⁷⁵) VI, 10—20. Въ стихѣ 18 говорится *perī pánτων τών ἀγίων καὶ ἑκαστοῦ ἐμοῦ*. „Paradoxon: mundus habet splendidos legatos“ (*Bengel*).

²²⁷⁶) Выраженіе это показываетъ устойчивость, движеніе, за которымъ слѣдуетъ покой; дѣйствіе, заканчивающееся покоемъ. „Это эмблема исторіи церкви Христа и жизни каждаго истинно вѣрующаго въ Него“ (*Вордсвортъ*).

²²⁷⁷) Все, что можно съ вѣроятностью сказать среди общей неувѣренности—это то, что досугъ пребыванія св. Луки вмѣстѣ съ ап. Павломъ во время его римскаго тюремнаго заключенія далъ ему возможность начертать главную часть своего труда; что онъ закончилъ его какъ разъ въ томъ пунктѣ, въ которомъ ап. Павелъ ожидалъ немедленнаго освобожденія, и что онъ опубликовалъ его при первомъ благоприятномъ случаѣ послѣ этого времени, или что-нибудь—даже быть можетъ смерть—помѣшало ему продолжать или закончить свой трудъ.

²²⁷⁸) На этомъ основаніи я не останавливаюсь особенно на этомъ предполагаемомъ посѣщеніи имъ Испаніи (Рим. XV, 24, 28). Изъ Филим. 22, повидимому, ясно, что онъ или оставилъ это намѣреніе или во всякомъ случаѣ отложилъ его до тѣхъ поръ, пока онъ опять посѣтитъ Азію.

²²⁷⁹) Весьма нежелательно умножать неувѣренныя предположенія, но все-таки не излишне сказать, что быть можетъ іудеи отправили свои документы, свидѣтельства и проч. съ Іосифомъ Флавіемъ, когда онъ отправлялся въ Римъ въ 64 г. по Р. Хр. Онъ говоритъ намъ, что, благодаря вліянію іудейскаго пантомимиста Алитурѣ и Поппеи, онъ получилъ возможность достигнуть освобожденія нѣкоторыхъ іудейскихъ священниковъ, своихъ друзей, которыхъ Фестъ, на незначительныхъ, по отзыву Іосифа Флавія, основаніяхъ, отправилъ въ оковахъ въ Римъ. Іосифъ Флавій былъ несомнѣнно однимъ изъ членовъ комиссіи, отправленныхъ съ этою цѣлью, и очень возможно, что доведеніе до конца суда надъ ап. Павломъ могло быть, между прочимъ, цѣлью этой комиссіи, и что процессъ его могъ прекратиться по недостатку свидѣтелей и доказательствъ вслѣдствіе кораблекрушенія, которому подвергся Іосифъ Флавій. Его корабль погибъ во время пути и изъ двухсотъ душъ было спасено только восемьдесятъ кораблемъ Киренскимъ послѣ того, какъ они плавали въ волнахъ въ теченіе всей ночи. Іосифъ Флавій затѣмъ отправился въ Путеолы на другомъ кораблѣ. Онъ дѣлаетъ лишь нѣсколько сухихъ намековъ на эти обстоятельства (Vit. 3), что находится въ такомъ контрастѣ съ живою подробностью повѣствованія св. Луки; но общія обстоятельства такъ похожи на обстоятельства кораблекрушенія ап. Павла, что нѣкоторые предположали тождественность этихъ двухъ событій. Хронологія и другія соображенія дѣлаютъ это невозможнымъ, да и нѣтъ основанія предполагать, что Іосифъ Флавій дѣлаетъ здѣсь заимствованіе изъ исторіи ап. Павла.

²²⁸⁰) *Tac. Ann.* XV, 44 (см. *Mart.* X, 25; *Juv. Sat.* VIII, 235); *Sen. Ep.* 14, 4; *Schol. in Juv.* I, 155; *Tert. Apol.* 15; *ad Nat.* I, 18; *ad Mart.* 5.

²²⁸¹) См. приложение XXVI: „Данныя въ пользу освобожденія ап. Павла“.

²²⁸²) Шмидтъ, Шлейермахеръ, Эйхгорнъ, Креднеръ, Де-Ветте, Бауръ, Целлеръ, Гильгенфельдъ, Шенкель, Эвальдъ, Гаусратъ, Ренанъ, Пфлейдереръ, Кренкель, Давидсонъ и др.

ГЛАВА LIII. ²²⁸³) Общее содержаніе посланія таково: привѣтствіе (I, 1, 2). Цѣль посланія ободрить Тимофея въ противоѣдствіи лжеучителямъ и твердо держаться вѣры (3—11, 18—20), вмѣстѣ съ благодарностью апостола Богу за милосердіе, сдѣлавшее его служителемъ Евангелія (12—17). Обязанность молиться за правителей вмѣстѣ съ правилами касательно поведенія женщинъ въ общественномъ богослуженіи (II). Качества „епископовъ“ (пресвитеровъ) и діаконовъ (III). Новыя предостереженія противъ лжеучителей и способъ, какъ Тимофей долженъ былъ обращаться

съ ними (IV). Его отношенія къ старѣйшинамъ (V, 1, 2); къ общинѣ „вдовъ“ (3—16); къ пресвитерамъ съ правилами касательно ихъ избранія (17—25). Указанія касательно рабовъ особенно въ отношеніи къ лжеучителямъ; предостереженія противъ похотливости съ окончательными увѣщаніями и благословеніемъ (VI).

²²⁸⁴) Въ кодексахъ $\aleph$, A, D, F, G, τ ρ ω ν опущено (кодексъ В здѣсь недостаточенъ).

²²⁸⁵) Хотя Сефиреи Каббалы принадлежать гораздо болѣе позднему періоду, а Зогаръ есть вѣроятно средневѣковая книга, однако же іудейскія умозрѣнія того же рода повидимому были прототипомъ Валентиніановыхъ эманаций съ ихъ послѣдовательными брачными сочетаніями эоновъ.

²²⁸⁶) I, 4; чт. $\sigma\lambda\omega\nu\sigma\tau\iota\alpha\nu$ ($\aleph$, A, B, F, G и проч.). Вопросы эти не содѣйствуютъ божественному домостроительству, которое дѣйствуетъ не въ сферѣ туманной неувѣренности, а въ сферѣ вѣры.

²²⁸⁷) 3, 4. Подобные анаколуны см. Гал. II, 4, 5; Римл. V, 12 и проч.

²²⁸⁸) I, 8, 9, $\nu\theta\rho\sigma\colon\colon\colon \nu\theta\rho\iota\mu\omega\varsigma$.

²²⁸⁹) Объ истинномъ употребленіи закона и ограниченіи его значенія см. Римл. VII, 12; Гал. III, 19; Филип. III, 9. Напрасно претендовать, что въ этомъ чувствѣ есть нѣчто несвойственное ап. Павлу. Съ этимъ спискомъ преступленій, — который однако же варьируется съ совершенною независимостью — сравн. Римл. I, 29; 1 Кор. VI, 9, Галат. V, 19.

²²⁹⁰) Эта формула естественно могла возникнуть съ возникновеніемъ христіанскихъ аксіомъ; сравн. „слова эти вѣрны и истинны“ (Откр. XXI, 5; XXII, 6).

²²⁹¹) Сн. „Боже, милостивъ будь ко мнѣ грѣшному“ (Лук. XVIII, 13; $\pi\rho\tau\omicron\varsigma$, „non tempore sed malignitate“ (Aug. in Ps. LXX, 1).

²²⁹²) Здѣсь разумѣется не техническій смыслъ „эоновъ“; см. Пс. CXLIV, 13, „царство всѣхъ вѣковъ“.

²²⁹³) $\Sigma\omicron\phi\phi$ опущено въ кодексахъ $\aleph$, A, D, F, G и проч.

²²⁹⁴) Подобныя личныя отступленія см. въ Галат. I, 12; 1 Тесс. II, 4; 2 Кор. III, 6; IV, 1 и проч.; славословіе же см. Рим. XV, 33; XVI, 27; 2 Кор. II, 14; IX, 15; Филип. IV, 20 и проч. Мѣсто это имѣетъ выразительный личный характеръ, такъ какъ „все богословіе ап. Павла въ его окончательномъ анализѣ есть отраженіе его личнаго опыта“ (Reuss, Les Epîtres, II, 352).

²²⁹⁵) Быть можетъ тутъ заключается намекъ на его торжественное посвященіе, какъ въ IV, 14, когда Сила, который былъ пророкъ (Дѣян. XV, 32), присутствовалъ между другими (Дѣян. XIII, 3).

²²⁹⁶) $\Sigma\tau\rho\alpha\tau\epsilon\iota\alpha$, не $\acute{\alpha}\tau\omicron\nu$, какъ во 2 Тим. IV, 7. Это любимая метафора ап. Павла (Римл. XIII 12, 2 Кор. X, 5; 1 Тесс. V, 8 и проч.).

²²⁹⁷) I, 12—20. Невозможно знать, на какія собственно обстоятельства здѣсь указывается. О Гиминѣ см. 2 Тим. II, 17; объ Александрѣ, 2 Тим. IV, 14; Дѣян. XIX, 33; но даже и эти отождествленія очень скудны. Касательно преданія сатанѣ см. 1 Кор. V, 5. Было ли это отлученіе, или вообще удаленіе отъ всякаго церковнаго общенія, и предоставленіе сатанѣ свободно располагать ими, или преданіе сверхъестественнымъ тѣлеснымъ страданіямъ, во всякомъ случаѣ *намырненіе*, какъ мы видимъ, здѣсь было собственно милосердное и воспитательное ($\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\theta\epsilon\iota\varsigma$).

²²⁹⁸) Это синонимы главнымъ образомъ собирательные, хотя быть можетъ $\sigma\epsilon\iota\varsigma$ означаетъ спеціальныя, $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\epsilon\varsigma$ общія и $\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\theta\epsilon\iota\varsigma$ усердныя молитвы (см. Филип. IV, 6).

²²⁹⁹) Бауръ видитъ во множественномъ числѣ указаніе, что посланіе это было написано во время Антониновъ, когда императоры брали соучастниковъ въ управленіи имперіей. Можетъ ли быть что-нибудь безосновательнѣе этихъ теорій? Слово „цари“ не указываетъ непремѣнно только на мѣстныхъ намѣстниковъ и проч., подобно Иродамъ, но въ провинціяхъ вообще прилагалось къ императорамъ, какъ это мы постоянно и видимъ въ Талмудѣ. Какъ для іудеевъ, такъ и для христіанъ было особенно важно, чтобы ихъ не подозрѣвали въ общественной мятежности (Joz. B. J. II, 10, § 4; Bingham, XV, 8, 14). Отсюда мы видимъ, какъ безосновательно предположеніе Пфейдерера (Protestantenbibel), что оно было написано во времена Адриана, который благосклонно относился къ христіанамъ (Euseb. H. E. IV, 8, 9).

2300) Ново самое слово *μεσίτης* въ приложеніи къ Христу, а не понятіе (Рим. V, 10; 2 Кор. V, 19). Въ словѣ *ἀνθρώπος* можетъ заключаться молчаливое осужденіе зарождающагося докетизма, какъ въ *εἰς* предполагаемое посредничество ангеловъ (Колос. II, 15, 18).

2301) Въ кодексахъ A, D, F, G и проч. *ἐν Χριστῷ* опущено.

2302) Естественное воспоминаніе о случаяхъ, когда такіа клятвенныя увѣренія были такъ необходимы, что они сдѣлались совершенно обычными (2 Кор. IX, 31; Рим. XI, 1).

2303) *τοὺς ἀνδρας* (II, 8).

2304) Древнее положеніе во время молитвы (*Bingham*, *Antiq.* XIII, 8, 10; Пс. XXIII, 4; XXV, 6).

2305) Это совершенно независимо, хотя въ точности и сходно съ его разсужденіемъ въ 1 Кор. XI, 8, 9 (сн. 2 Кор. XI, 3; Премудр. XXV, 24).

2306) II, 8—15. Отсюда видно, что онъ смотритъ здѣсь на вопросъ съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ въ 1 Кор. VII, и она прилагается не ко всему полу, а къ немногимъ избраннымъ. Также и въ предыдущихъ стихахъ онъ разсматриваетъ конкретные факты, а не отвлеčenныя уничтоженія всѣхъ половыхъ различій во Христѣ (Гал. III, 28). *ἡ τεκνογονία* имѣетъ вѣроятно не специфическое („чадородіе“—т. е. воплощеніе—въ высшей степени темное указаніе), но общее значеніе,—т. е. святая брачная жизнь, съ рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей, есть главный назначенный для женщины путь, и онъ заканчивается ихъ спасеніемъ, не смотря на ихъ природную слабость, если этотъ путь будетъ смиренно и вѣрно пройденъ ими. Ап. Павелъ несомнѣнно имѣлъ здѣсь въ виду Быт. III, 16.

2307) Собственно епископство развилось послѣ смерти ап. Павла, но еще до смерти ап. Іоанна, сдѣлавшись оплотомъ противъ ереси.

2308) Я не убѣжденъ, чтобы выраженіе *μὲν γυναικὺς ἀνδρα* дѣйствительно означало что-нибудь больше этого, съ указаніемъ на преобладаніе разводовъ и проч. Раннее предубѣжденіе противъ вторыхъ браковъ естественно заставляло древнихъ толкователей принимать его исключительно въ одномъ смыслѣ; но замѣчаніе Златоуста—*τὴν ἀμετρίαν καλῶσι*—кажется мнѣ наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Мнѣніе ап. Павла не было по крайней мѣрѣ мнѣніемъ Аѳинагора, что второй бракъ есть „своего рода прелюбодѣянiе“, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже рекомендуетъ его (V, 14; 1 Кор. VII, 39; Рим. VII, 2, 3), но онъ быть можетъ былъ одного мнѣнія съ Ермой („Пастырь“ II, 4), что хотя второй бракъ и не есть грѣхъ, но лучше и благороднѣе избѣгать его. Это, какъ говоритъ Григорій Назіанзинъ, есть „послабленіе“ (*συγχώρησις*, *Orat.* XXXI).

2309) Здѣсь впервые встрѣчается слово „неофитъ“—„новонасажденный“—недавно обратившійся. Касательно этой метафоры см. 1 Кор. III, 6. Въ Ефесѣ, вѣроятно, въ пресвитеры избирались лица, которые не были „неофиты“. Быть можетъ причина, почему это условіе опускается въ Тит. I, 6, заключается въ томъ, что въ болѣе новыхъ церквахъ Крита исполнить его было бы гораздо труднѣе.

2310) Эти посланія отличаются особымъ употребленіемъ слова „дiаволъ“. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, кромѣ Ефес. IV, 27; VI, 11, ап. Павелъ употребляетъ слово „сатана“.

2311) III, 8—10. Кромѣ „семи“, такъ называемые діаконы упоминаются еще въ 1 Кор. XII, 28; Рим. XII, 7; 1 Петр. IV, 11, равно какъ въ Филип. I, 1.

2312) *γυναῖκας* вѣроятно означаетъ „діакониссы“ (Рим. XVI, 1. „*Ancillae quae ministræ dicebantur*“—*Лин.* IX, 27), потому что жены діаконѣвъ несомнѣнно не избирались церковью.

2313) *καλὸς βαθρὸς* можетъ означать только почетное положеніе, на которомъ приходится благородно исполнять христіанскія обязанности. Мнѣніе, что оно означаетъ высшую степень по содержанию, было бы анахронизмомъ. Сн. VI, 19: *καλὸν θάρμελιον*.

2314) *τάχιον* неперево́димый эллипсисъ. Іоан. XIII, 27; Евр. XIII, 23.

2315) Помимо неловкости предположенія, чтобы церковь въ одномъ и томъ же стихѣ называлась и домомъ Божиимъ, и столпомъ, и утвержденіемъ истины, выраженіе это одно изъ самыхъ трудныхъ и удивительныхъ во всемъ посланіи. Отдѣльныя метафоры встрѣчаются въ Гал. II, 9 и Ефес. II, 20, но только о *личностяхъ*. Поэтому много можно сказать за поставленіе ихъ въ связь съ

ἀναστρέφονται и приложеніе ихъ къ Тимоѳею (см. *Stanley, Sermons on the Apostolic Age*, p. 115). Слова эти прилагаются къ мученику Атталу въ посланіи церкви Ліонской, с. 5. Другіе относятъ ихъ къ слѣдующему предложенію, что было бы крайне неестественно и несвязно. Если однако же прилагать ихъ къ церкви, то значеніе довольно ясно, именно, что безъ церкви истина евангельская не имѣла бы того земнаго учрежденія, отъ котораго, по установленію Христа, зависить ея устойчивость и постоянство.

2316) *δε* читается кодексами *М, А, С, F, G* (Сначала существовало предположеніе, что чтеніе *Α* есть *ΘC*, но епископъ Элликотъ доказываетъ, что кажущаяся линія поперекъ *Ο* произошла вслѣдствіе черты отъ буквы *ε* въ словѣ *ἀποστρέφονται* на другой сторонѣ страницы. См. его *Pastoral Epistles*, p. 103). Съ другой стороны оно съ такою безспорностью подтверждается всякимъ каноническимъ критицизмомъ, что теперь можетъ считаться достовѣрнымъ чтеніемъ.

2317) III, 14—16. Эти послѣднія фразы отличаются такимъ ритмомъ и разнѣреннымъ параллелизмомъ, что онѣ, какъ съ значительною вѣроятностью предполагаютъ (подобно Ефес. V, 14), взяты изъ какого нибудь другаго гимна или символа. Необычайная древность христіанскихъ гимновъ доказывается Ефес. V, 19 и *Phil. Ерр. X*, 97. „Оправдалъ Себя въ Духѣ“ означаетъ, что Христосъ явилъ Себя Сыномъ Божиимъ (Рим. I, 4) посредствомъ дѣйствій своей высшей духовной жизни; „показалъ Себя Ангеламъ“ указываетъ на различныхъ ангельскихъ свидѣтелей событій Его земной жизни.

2318) Не „запрещаетъ“ однако, но какбы „не одобряетъ“. См. *Jos. B. J.* II, 8, 2 и 13.

2319) Чт. *ἀποστρέφονται* код. *М, А, F, C, G, K*.

2320) Универсализмъ выраженія здѣсь даже болѣе замѣчательнѣе, чѣмъ во II, 4.

2321) Идѣвательства, что Тимоѳею „является будто бы одареннымъ въ христіанской легендѣ даромъ безсмертной юности“, весьма безосновательны. Если онъ былъ обращенъ въ 45 году по Р. Хр. шестнадцати лѣтъ отъ роду, то теперь (въ 66 году) ему было только тридцать семь лѣтъ—весьма юный возрастъ для столь ответственнаго положенія. Когда Тьеръ былъ уже первымъ министромъ Франціи и навѣстилъ своего стараго учителя, то нашелъ, что тотъ помнилъ его лишь какъ „маленькаго шаловливаго Адольфа“.

2322) Это быть можетъ самое раннее указаніе на обязанность читать св. Писаніе.

2323) IV, 1—16. Дѣян. XVI, 1, и 2 Тим. I, 6, гдѣ онъ получаетъ подобное внушеніе.

2324) „*Omnes puellas et virgines Christi aut aequaliter ignora aut aequaliter dilige*“ (Іеремія).

Но на сколько это внушеніе ниже наставленія ап. Павла!

2325) См. Тит. I, 6. Замѣчательнымъ признакомъ положенія вдовъ въ церкви служатъ выраженіе св. Поликарпа, который называетъ ихъ *θυσιαστήριον Θεού*, „жертвенникомъ Божиимъ“ (ad *Phil.* 4). На основаніи суровости нѣкоторыхъ замѣчаній ап. Павла, Рейссъ думаетъ, что онъ могъ имѣть въ виду вступленіе нѣкоторыхъ христіанскихъ вдовъ во второй бракъ съ язычниками, что было бы позорнымъ дѣломъ послѣ того, какъ онѣ получали пособіе отъ церкви. Онѣ могли быть „діаво-ниссами“ раньше шестидесяти лѣтъ, но не „вдовами“.

2326) При занесеніи въ officialный списокъ вдовъ, онѣ давали практическій залогъ не вступать въ бракъ опять.

2327) 1 Кор. IX, 9. Тѣ, кто прилагаютъ *ἡ γράφή* къ обоимъ предложеніямъ, должны допустить, что Евангеліе св. Луки было уже опубликовано, и ему придавался уже божественный авторитетъ раньше этого посланія (Лук. X, 7). Но заключеніе это крайне произвольное, такъ какъ Спаситель часто ссылался на ходячія пословицы, и *ἡ γράφή* здѣсь можетъ относиться только къ цитатѣ изъ Втор. XXV, 4.

2328) *Ἀπλὴ τιμὴ* есть совершенно общее выраженіе. Духъ нелѣпаго буквѣдства повелъ къ предположенію о двойныхъ порціяхъ для пресвитеровъ на вечерахъ любви.

2329) См. 1 Кор. XI, 10; 1 Петр. I, 12. Точный оттѣнокъ значенія въ словѣ „избранные“ невозможно объяснить. Они вѣроятно называются такъ „*excellentes causae*“. См. *τοὺς ἁγίους*

Λους въ заклинаніи Агриппой іудеевъ не возставать противъ Рима (*Jos. В. J. II, 16, § 4* и *Тов. XII, 15*).

2330) Эти „частые недуги“ быть можетъ объясняютъ робость характера Тимофея (1 Кор. XVI, 10, 11). Нѣкоторые видѣли отголосокъ этого въ упрекахъ, обращенныхъ, среди похвалы, „къ ангелу церкви Ефесской“.

2331) Римл. XIV, 2. Плутархъ говоритъ объ *ἀσινος ἀγνευα* (*De Isid. et Osir, § 6*).

2332) Нѣкоторые воображали съ весьма малою степенью вѣроятности, что предметъ этотъ подсказанъ былъ упоминаніемъ о тѣхъ, добрыя дѣла которыхъ не могутъ быть *окончательно* скрыты, но весьма мало замѣчаются въ этомъ мірѣ.

2333) Гал. III, 28. Признаніе существующей основы общества находится во всѣхъ посланіяхъ (1 Кор. VII, 21; Кол. III, 22 и проч.).

2334) *Ἀδύταρκεια* самодостаточная независимость (2 Кор. IX, 8; Филип. IV, 11). Сн. Притч. XIV, 14, „добрый челоѣкъ насытится отъ путей своихъ“.

2335) *Ῥίζα*. Ап. Павелъ, конечно, разумѣетъ не то, что это единственный корень, изъ котораго возникаетъ зло, но корень, изъ котораго можетъ возникать *всякое* зло. Такъ Діогенъ Лаэртій называетъ это „метрополіей всѣхъ золъ“ (*Vit. Diogen. VI, 50*); а Филонъ (*De Spec. Legg. 346*) называетъ *οὐρανίου πάντων πατριάρχου*. (Сн. Лук. XII, 15—21).

2336) *Δίωκε, ἐπιλαβού*.

2337) Тутъ очевидный намекъ въ *καλή ἐμολογία* Христа на „доброе исповѣданіе“ предыдущаго стиха, но въ послѣднемъ случаѣ оно повидимому означаетъ вѣрное исполненіе воли Божіей даже до смерти.

2338) *Reuss, Les Epîtres, II, 378*.

2339) VI, 17—19. Чт. *ὄντως*, A, D, E, F, G.

2340) *κ*, A, F, G читаютъ *μεθ' ὧν*, какъ во 2 Тим. IV, 22; Тит. III, 15.

2341) Опускается кодексами *κ*, A, D, F, G.

ГЛАВА LIV. 2342) *Jos. Antt. XX, 9, §§ 1, 2; Дѣян. XII, 1—11*.

2343) *Jos. В. J. II, 14, § 2*.

2344) *Davidson. Introd. II, 129; Reuss, Les Epîtres, II, 333*.

2345) Если-бы идея Бога Отца, какъ Спасителя, не встрѣчалась какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ посланіяхъ ап. Павла, то выраженіе это можно бы назвать несвойственнымъ ап. Павлу. Но идея эта ясно находится въ 1 Кор. I, 21.

2346) Строка эта есть гекзаметръ изъ поэмы объ „Оракулахъ“ Эпименида, критскаго поэта и философа. Оно было приведено Каллимахомъ въ его „гимнѣ Зевсу“, 8, и хорошо было извѣстно въ древности, потому что послужило поводомъ къ происхожденію силлогистической ловушки, извѣстной подъ названіемъ „лжецъ“.

Они относились къ числу трехъ худшихъ К древности.

Κρήτης, Καππάδοκαι, Κίλικας τρία κάππα κάμισα.

Что касается ихъ лживости, то выраженіе *κρητίζειν* означаетъ „говорить ложь“; въ отношеніи ихъ дикости, обжорства, пьянства и чувственности, и, главнѣе всего, ихъ жадности, свидѣлствуютъ извѣстныя мѣста—*„Cretenses spem pecuniae secuti“* (*Liv. XLIV, 45*); *τοῖς χρήμασιν, ὥσπερ κηρίοις μέλιττι, προσλαμβάνοντες* (*Plut. Paul. Aemil. 23*); *Polyb. VI, 46* и проч. и замѣчательная эпиграмма Леонида:

Αἰεὶ λήϊστοι καὶ ἀλιφθόροι οὗτε δίκαιοι

Κρήτης· τις Κρητῶν οἶδε δίκαιοσύνην.

(См. *Meursius, Creta* и *Wetstein, ad loc.*).

2347) Вѣроятно Титъ пытался относиться къ этимъ „мигамъ“ какъ къ безвреднымъ.

2348) II, 3, „не порабошались пьянству“. Касательно вошедшей въ пословицу нетрезвости женщинъ у древнихъ, см. *Antholog. XI, 298; Aristoph. Thesur. 735; Athen, X, 57*.

²³⁴⁹⁾ Вопрос касательно того, какъ передавать точнѣе эти слова, есть вопросъ чисто критическій. Аналогія другихъ мѣстъ въ этихъ и другихъ посланіяхъ (1 Тим. I, 1; V, 21; VI, 13 и главнѣе всего, II, 3—5; 2 Петр. I, 1; 2 Фес. I, 12; Іуд. 4 и проч.), и несомнѣнность, что этотъ переводъ не требуется ни стоящимъ безъ члена *ἑστῆς*, ни словомъ *ἐλαφύν*, показываютъ, что этотъ переводъ, принимаемый многими древними переводами, вѣренъ.

²³⁵⁰⁾ Какой изъ всѣхъ отцевъ и учителей церкви перваго или втораго столѣтія былъ бы, хотя въ малѣйшей степени, способенъ написать столь мастерскую формулу христіанскаго ученія и жизни, какая заключается въ этихъ стихахъ (II, 11—14), или совершенно независимое и однако же не менѣе знаменитое изложеніе евангельской истины—съ полнотою слишкомъ многостороннему для сектъ и партій—какъ въ III, 5—7? Можеть ли кто нибудь найти у Климента, Ермы, Іустина Философа, Игнатія, Поликарпа и Иринея, можеть ли даже кто нибудь найти у Тертуліана, Златоуста, Василия Великаго и Григорія Нисскаго—хотя одно мѣсто, которое можно было бы сравнить по силѣ прозорливости и мастерству съ какимъ нибудь изъ этихъ мѣстъ? Только боговдохновенная мудрость величайшаго изъ апостоловъ могла дать столь дивное изложеніе столь твердою рукою. Если одного хора Софокла было достаточно для того, чтобы простить ему старость,—если одна тонкая черта свидѣтельствовала о присутствіи Апеллеса, если безупречный кругъ Джіотто, начертанный однимъ мановеніемъ его руки, былъ достаточно для удостовѣренія въ его работѣ и доказательства его таланта,—то несомнѣнно такіа мѣста должны быть болѣе чѣмъ достаточны для защиты пастырскихъ посланій отъ обвиненія въ безцѣнности. Не было ли бы нѣсколько страннымъ, если бы всѣ великіе христіанскіе отцы и учителя церкви трехъ первыхъ столѣтій были на столько превзойдены въ силѣ краснорѣчія предполагаемыми *falsarii*, которые написали посланія, относящіяся ко времени перваго и втораго тюремнаго заключенія ап. Павла?

²³⁵¹⁾ II, 6 λόγος здѣсь относится къ тому, что предшествовало, и замѣчательно, что эта любимая формула вообще прилагается, какъ и здѣсь, къ выраженіямъ, которыя имѣютъ нѣчто торжественное и почти ритмическое въ формѣ своего выраженія (1 Тим. I, 15; III, 1; 2 Тим. II, 11—аналогичны съ 1 Тим. III, 16). Не были ли эти цитаты изъ гимна? Противоположность между возрожденнымъ настоящимъ и возрожденнымъ прошедшимъ есть обычное явленіе у ап. Павла (1 Кор. VI, 11; Гал. IV, 3; Ефес. II и проч.). Если бы кого нибудь попросили указать на два мѣста, содержащіа сущность всего Павлова богословія, то онъ несомнѣнно бы избралъ Рим. III, 21—26 и Тит. III, 5—7; и послѣднее мѣсто, хотя менѣе полемическое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе полно. И опять мы спросимъ, не было ли бы страннымъ, если бы самое краткое и однако же самое полное изложеніе его полнаго благовѣстія исходило изъ подложнаго посланія?

²³⁵²⁾ Ап. Павелъ клеймилъ эти софистическія разсужденія названіями *κενοί* и *ματαιοί*, т. е. пустыми по своей сущности и совершенно безплодными.

²³⁵³⁾ Слово *αἵρεσις* встрѣчается только въ 1 Кор. XI, 19; Гал. V, 20 и означаетъ не „ереси“, но „церковныя раздѣленія“.

²³⁵⁴⁾ „Артема или Тихикъ“. Кто былъ Артема или Артемидоръ? Что онъ былъ, подобно Трофиму и Тихику (Дѣян. XX, 4; XXI, 29), ефесянинъ, это быть можеть мы можемъ заключать изъ его имени, и ап. Павелъ могъ встрѣтиться съ нимъ при своемъ послѣднемъ посѣщеніи Ефеса; но что могло бы заставить поддѣльщика вставить столь неизвѣстное имя, какъ имя Артемы? или вообразить нѣкоторую *неуверенность* въ душѣ ап. Павла касательно того, кого изъ двухъ послать ему? (О Тихикѣ см. Кол. IV, 7; Ефес. VI, 21).

²³⁵⁵⁾ Означаетъ ли это „законникъ“ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и *νομολόγος* въ Лув. V, 17? Былъ ли онъ іудейскій книжникъ, или греческій или римскій законовѣдъ? Отвѣтить на это совершенно невозможно; и кто былъ этотъ Зина или Зинадоръ? Что бы могло заставить поддѣльвателя прибѣгать къ такимъ именамъ и къ такимъ намекамъ?

ГЛАВА LV. ²³⁵⁶⁾ 2 Тим. III, 1, *ἐν ἡρώδῃ ἐκείνῳ χαλεπῷ*.

²³⁵⁷⁾ 2 Тим. I, 18, *ὅσα ἐν Ἐφέσῳ διηκόνησας*, „сколько послужилъ онъ“ ап. Павлу и другимъ.

Заключение Визелера, что Онисифоръ былъ діаконь, едвали подтверждается столь общимъ глаголомъ.

2358) Отсюда мы заключаемъ, что Артема, а не Тихикъ, былъ посланъ для замѣщенія Тита въ Критѣ; и упоминаніе имени Артемы впервые въ Тит. III, 12 есть новый изъ безчисленныхъ тонкихъ слѣдовъ подлинности.

2359) Этотъ случайный намекъ (крайне невѣроятный для поддѣлывателя) проливаетъ важный свѣтъ, равно какъ почти роковая болѣзнь Епафродита въ Римѣ, на то ограниченіе, которому апостолы подвергали употребленіе ими сверхъестественныхъ даровъ исцѣленія. Это затѣмъ непреодолимый камень преткновенія на пути всякой возможной теоріи, отрицающей второе тюремное заключеніе. Нѣкоторые прибѣгали къ грубому измѣненію текста на *Μελλίτη*, и Шрадеръ доволенъ измышлениями какого-то Милета въ Критѣ! Но почему ап. Павелъ долженъ былъ говорить Тимоою, что Трофимъ боленъ въ Милетѣ? Потому же самому, почему личность, пишущая въ Лондонѣ, могла бы, даже въ наши дни быстрого сообщенія, передать своему корреспонденту, что ихъ общій другъ боленъ въ Саутендѣ. Милетъ отстоялъ отъ Ефеса болѣе чѣмъ на пятьдесятъ верстъ, и Трофимъ могъ быть боленъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, чего однако же могъ совершенно не знать Тимоей.

2360) Но см. выше стр. 681.

2361) См. *Juv. Sat.* XVI, 8—12.

2362) „*Odio generis humani convicti sunt*“ (*Tac. Ann.* XV, 44; см. Н. V, 5).

2363) 2 Тим. I, 15, „ты знаешь, что всѣ Асійскіе оставили меня“.

2364) О нихъ совершенно ничего неизвѣстно. Въ позднѣйшіе дни христіане, подъ гнетомъ гоненія, лучше научились цѣнить взаимность, такъ что ихъ нѣжная преданность одному другому въ бѣдствіи возбуждала завистливое удивленіе язычниковъ (*Lucian, De Morte Peregr.* § 13).

2365) Гдѣ былъ Аристархъ (Дѣян. XXVII, 2; Колос. IV, 10; Филим. 24)? Мы не можемъ сказать; но его имя не было бы опущено догадливымъ подражателемъ.

2366) 2 Тим. I, 17, *σπουδαίονταρον ἐζητήσεν με καὶ εὖρεν*.

2367) 2 Тим. I, 16, *πολλὰκις με ἀνέψυξεν*.

2368) Таково, повидимому, естественное значеніе *πρώτη ἀπολογία* (2 Тим. IV, 16), и неизвѣстно, былъ ли этотъ методъ процедуры и *ampliatio* или *comprehensio* совершенно оставленъ. Въ этихъ дѣлахъ нужно было сообразоваться единственно съ капризомъ императора. Возможно однакоже, что *πρώτη ἀπολογία* можетъ относиться къ первому слушанію обвиненія, такъ какъ Неронъ ввелъ обычай выслушивать каждое показаніе отдѣльно.

2369) Отъ всего, что можетъ быть *дѣйствительно* названо *πνεῦμα*. „*Liberabit me ne quid agam*“ (и мы можемъ прибавить: *ne quid patiar*) „*Christiano, ne quid Apostolo indignum*“ (*Grot.*).

2370) „*Decollabitur? liberabitur, liberante Domino*“ (*Bengel*). Мнѣ трудно было бы преувеличить мое благоговѣніе къ этому великому истинному комментатору. О слѣдующихъ словахъ „которому слава во вѣки“ онъ замѣчаетъ: „*Doxologiam parit spes, quanto majorem res*“.

2371) Амос. III, 12. Сн. *ἐνῶπιον τοῦ λέοντος*, относящееся къ Ксерксу (*Apocr. Esth.* XIV, 13).

2372) *Λέοντα γὰρ τὸν Νέρωνα φησὶ διὰ τὸ θηριώδες* (Златоустъ). *τέθνηκεν ὁ λέων* (въ отношеніи смерти Тиверія) (*Jos. Antt.* XVIII, 6, § 10); но здѣсь *λέοντος* стоятъ безъ члена. Иносказаніе это, вѣроятно, имѣетъ общій характеръ, какъ въ Пс. XXI, 21. Есепрь будто бы закричала: „спасите меня отъ пасти льва“, когда она отправилась къ Агасферу (*Megillah f.* 15, 2).

2373) „Тѣ, кто вредятъ мнѣ больше всѣхъ, мои дорогія чада—мои братья—*fraterculi mei, aurei amiculī mei*“ (*Luther, Cochlearius*, 146).

2374) Импер. Гелиогабалъ.

2375) *Tac. Agric.* 45; *Suet. Dom.* 18; *Plin. Paneg.* 48.

ГЛАВА LVI. 2376) *διὰ θελήματος*. Попытка вывести нѣкоторое особенное заключеніе изъ того

обстоятельства, что онъ употребляетъ это выраженіе вмѣсто κατ' ἐπιστολὴν первого посланія, кажется мнѣ столь же произвольной, какъ и положеніе Макка, что употребленіе ἀγαπήσει вмѣсто γυνήσιν въ слѣдующемъ стихѣ есть знакъ, что это посланіе показываетъ больше любви, но меньше довѣрія.

2377) Слезы при прощаніи. Сн. Дѣян. XX, 37.

2378) Не указываетъ ли это многовѣстительное предложеніе, съ мозаикой вставочныхъ мыслей, на руку ап. Павла?

2379) Почему приводя на память? Мы не знаемъ; но таково собственно значеніе ἐπιδεικνύς—δεικνύς τὸ ἐξ ἑτέρου εἰς μνημὸν προαχθῆναι.

2380) I, 1—5, πέπεσμαι δὲ. Придавать частицѣ δὲ значеніе, „не смотря на наружность“, какъ дѣлаетъ Альфордъ, было бы слишкомъ сильно; но частица δὲ, хотя и не замѣчается большинствомъ комментаторовъ и опускается во многихъ переводахъ, повидимому означаетъ нѣкоторую переходящую тѣнь сомнѣнія касательно ревности Тимофея по вѣрѣ.

2381) Выраженіе—δε ἦν αὐτῶν вмѣсто διό—составляетъ особенность пастырскихъ посланій.

2382) Σοφροσύνη. Эта форма слова, повидимому, означаетъ не только „цѣломудріе“, но и наставленіе другимъ быть цѣломудренными.

2383) Выраженіе οἱ ἐν τῇ Ἀσίᾳ πάντες „все находящіеся въ Азіи“ затруднительно. Оно, повидимому, означаетъ, что они оставили ап. Павла въ Римѣ и теперь возвратились въ Азію, такъ что они находились въ „Азіи“ въ то время, когда прибыло это письмо.

2384) Для точнаго пониманія этого мѣста необходимо различать между καλός и ἀγαθός.

2385) II, 7, чтеніе δόξα.

2386) Сн. 1 Кор. XV, 31; 2 Кор. IV, 18; Рим. VI, 8.

2387) II, 7—13. Последнія слова имѣютъ ритмическій характеръ, быть можетъ взяты изъ гимна.

2388) II, 14. Логомахія есть вѣрный знакъ софистическаго ученія, и между гностиками и софистами есть сходство въ многихъ отношеніяхъ.

2389) ὀρθοτομεῖν „правильно рѣзущимъ“ или „прямо разсѣкающимъ“. Nihil praetermittere, nil adiciere, nil mutilare, discerpere, torquere (Vesa). Но не ясно, откуда собственно заимствована эта метафора, отъ разсѣченія ли жертвъ, или рѣзанія хлѣба, или плотническаго мастерства, а также отъ проведенія дорогъ и бороздъ. Лучше считать ее общей въ смыслѣ правильнаго отношенія къ дѣлу, подобно тому, какъ καυτομεῖν стало означать просто „нововведеніе“. Въ патристическомъ языкѣ ὀρθοτομία сдѣлалось другимъ словомъ для обозначенія „православія“.

2390) О нихъ ничего неизвѣстно (Тим. I, 20).

2391) Такъ какъ указаніе на совершенно такую же ересь находится въ 1 Кор. XV, 12, то Бауръ напрасно предполагаетъ здѣсь намекъ на Маркіона. Предостереженіе ап. Павла противъ взгляда на воскресеніе, какъ на простое иносказаніе, было тѣмъ болѣе необходимо, что этотъ взглядъ являлся искаженіемъ его собственныхъ выраженій (Рим. VI, 4; Колос. II, 12 и проч.).

2392) 2 Тим. II, 21. Общее значеніе этого мѣста понятно, хотя оно и выражено неясно; объ ἐκκαθάρα Μελανхтонъ замѣчаетъ: „Haec mundatio non est desertio congregationis, sed conversio ad Deum“.

2393) ἐπιθυμίαις—не исключительно чувственныя страсти.

2394) II, 14—26. Діаволъ уловлялъ ихъ въ свои сѣти, когда они упивались виномъ; пробуждаясь, они пользуются восстановленіемъ своей трезвости (ἀνανήψω—scarulam excutio) для того, чтобы разорвать эту сѣть и возвратиться къ повиновенію воли Божіей. Αὐτοῦ вѣроятно относится къ сатанѣ, ἐκείνῳ къ Богу, хотя такое объясненіе и не есть абсолютно необходимое.

2395) Бауръ (Pastoralbriefe, p. 36) видитъ здѣсь намекъ на гностическихъ пророчицъ Приску, Максимиллу, Квинтилу и др. и приводитъ Епифан. Наег. XXVI, 11. Но съ одной стороны эти несомнѣнно не заслуживаютъ того, чтобы ихъ клеймить названіемъ γυναικάρια (см. Тертуліанъ), и съ другой стороны нелѣпо предполагать, чтобы женщины были менѣе воспріимчивы ко всякому фазису религіознаго вліянія въ апостольскія времена, чѣмъ онѣ были во всѣ вѣка (см. I. Флав. Antt. XVII, 2, § 4). Такою γυναικάρια была Елена, которую Симонъ волхвъ повсюду бралъ съ собою (Justin, Apol. I, 26, Iren. c. Наег. I, 23). Когда Іеронимъ говоритъ съ такимъ пре-

зрѣніемъ и повошеніемъ о Николаѣ Антиохійскомъ (*choros duxit femineos*), Маркіонѣ и его спутницѣ, Апеллесѣ и Филуменѣ, Аріѣ и его сестрѣ, Донатѣ и Луциллѣ, Епидіи и Агапіи, Прискиліонѣ и Галлѣ, то развѣ онъ забылъ извѣстныхъ женщинъ по имени Павла и Евстохіа?

²³⁹⁶⁾ Іанній и Іамврій упоминаются Оригеномъ и даже Плиніемъ (Н. Н. XXX, 1), который называетъ ихъ Iannes и Iotares, и Нуменіемъ (Orig. c. Cels. IV, 199). Имена эти принадлежатъ къ циклу іудейскихъ *гагадоу*. Они упоминаются въ Таргумѣ Іонаана на Исх. VII, 11 и были будто бы сыновьями Балаама.

²³⁹⁷⁾ Это будто бы противорѣчитъ II, 16 и III, 13. Но оно противорѣчитъ только неразумному буквѣдству. Заблужденіе можетъ имѣть успѣхъ, но самый успѣхъ его закончится его изблеченіемъ. „Non proficient amplius, quamquam ipsi et eorum similes proficiant in pejus (*Bengel*); или, какъ замѣчаетъ Златоустъ, *κῆν πρότερον ἀνθήσῃ τὰ τῆς πλάνης εἰς τέλος ὁ διαμενῇ*.

²³⁹⁸⁾ Ставился вопросъ, почему онъ указываетъ именно на эти испытанія. Быть можетъ потому, что они тяжелѣе всего отзывались на немъ, такъ какъ были первыми, которыя ему пришлось перенести. Быть можетъ потому, что Тимофеемъ былъ ликаоніецъ, и у ап. Павла живо пробудилось воспоминаніе объ этихъ старыхъ временахъ.

²³⁹⁹⁾ Такъ понимается это мѣсто Оригеномъ, Теодоритомъ, Эразмомъ, Гроціемъ и др.; оно такъ переведено въ арабскомъ, сирскомъ переводахъ, Вульгатѣ и во многихъ другихъ. О введеніи предиката посредствомъ союза *καὶ* см. Гал. IV, 7; Лук. I, 36; Рим. VIII, 29 и пр.

²⁴⁰⁰⁾ IV, 2, *ἐκκαιρως, ἀκαιρως*: во время и не во время, „*opportune, importune*“ (Августинъ). Малѣйшаго присутствія литературнаго смысла достаточно для того, чтобы избавить этотъ стихъ отъ фанатическаго злоупотребленія, которое извратило столь многія мѣста священнаго Писанія. Если нуженъ антидотъ для этого злоупотребленія, то см. Мате. VII, 6.

²⁴⁰¹⁾ *ἀναλόβω* „отпешивъ“, а не „разрѣшеніе“ (Филип. I, 23) *Ἀναλόβω* значить „поднять паруса“.

²⁴⁰²⁾ IV, 1—8. „Нѣтъ ничего лучше“, говоритъ Златоустъ, „этого подвига. Нѣтъ предѣла для этого вѣнца. Это не вѣнецъ награды и онъ присуждается не какимъ-либо земнымъ посредникомъ, и не люди зрители награжденія имъ; зрѣлище переполнено ангелами—свидѣтелями“. Безполезно спорить съ тѣми, которые видятъ здѣсь духъ похвалы, что противорѣчитъ 1 Кор. IV, 3; Филип. III, 12; 1 Тим. I, 16. „*Distingue tempora et concordabit scriptura*“. Тотъ же самый человекъ можетъ въ различные моменты въ различномъ настроеніи духа и съ различной точки зрѣнія сказать: „я первый изъ грѣшниковъ“ и „я подвигомъ добрымъ подвизался“.

²⁴⁰³⁾ Маркъ въ послѣднее время сопутствовалъ ап. Петру въ его служеніи. Ап. Петръ, хотя мы не имѣемъ ничего достовѣрнаго въ этомъ отношеніи, могъ уже въ то время потерпѣть мученичество. Во всякомъ случаѣ, въ высшей степени интересно замѣтить, какъ св. Маркъ вновь пріобрѣлъ то глубокое почтеніе къ себѣ въ душѣ апостола, которое онъ поколебалъ было своимъ прежнимъ непостоянствомъ (Дѣян. XV, 38).

²⁴⁰⁴⁾ *ἀπέσταλα*. Находить нѣкоторое затрудненіе въ томъ обстоятельстве, что ап. Павелъ упоминаетъ объ этомъ Тимофеемъ, который, по предположенію, долженъ былъ находиться въ Ефесѣ. Но даже если *ἀπέσταλα* не можетъ быть эпистолярнымъ аористомъ и такимъ образомъ равнозначущимъ „я посылалъ“, ап. Павелъ не могъ быть увѣренъ, чтобы Тимофеемъ не посѣтилъ какихъ нибудь изъ сосѣднихъ церквей; а Тихикъ могъ пойти какой нибудь болѣе длинной дорогой. Даже помимо этого нѣтъ ничего необычнаго въ письмахъ, чѣмъ упоминаніе о фактахъ, которые должны быть совершенно извѣстны адресату; и во всякомъ случаѣ, такъ какъ Тимофеемъ едва ли могъ выбыть, не передавая своихъ обязанностей на время въ руки Тихика, то онъ могъ обрадоваться личному увѣренію отъ ап. Павла, что онъ послалъ его.

²⁴⁰⁵⁾ Значеніе выраженія *πολλὰ μοι κακὰ ἐνεδέχετο* неизвѣстно съ достовѣрностью, но вѣроятно оно есть не что иное какъ „относился ко мнѣ самымъ худымъ образомъ“. Слѣдующія слова: „да воздастъ ему Господь (*ἀποδώσῃ*, под. N, A, C, D, E, F, G) по дѣламъ его“ подвергались укорамъ какъ злословіе. Но выраженіе *μὴ αὐτοῦς λογιζομένη* въ стихѣ 16 съ достаточностью показываетъ, что совершенно не таково было настроеніе духа ап. Павла; и совершенно не будетъ

злословіемъ сказать о врагѣ: „я долженъ предоставить тебя на волю Божию“, такъ какъ Богъ безконечно милосерденъ человѣка.

²⁴⁰⁶) IV, 9—22. Линъ по преданію былъ первымъ епископомъ Рима (Jren. с. Наег. III, 33; Euseb. Н. Е. III, 4); но мнѣ удивительно, что нѣкоторые принимаютъ остроумную попытку отождествить Пуда съ распутнымъ сотникомъ эпиграммъ Марціала (IV, 13; XI, 53) и съ Пудомъ, который построилъ въ Чичестерѣ храмъ Нептуну и Минервѣ; а Клавдію съ британской Клавдіей Руфиной, на которой онъ женился, и съ дочерью британскаго царя Когидубна или Карактака. Основанія для этого отождествленія были высказаны архидіакономъ Вильямсомъ въ трактатѣ о Пудѣ и Клавдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Пудъ Марціала *можетъ* быть Пудомъ Чичестерской надписи, такъ какъ онъ женился на британкѣ; и эта Клавдія *могла* быть дочерью Когидубна, и *могла* быть посланною въ Римъ въ качествѣ гостыи или для воспитанія, и *могла* получить имя Руфины, потому что она *могла* быть поручена надзору Помпонія, жены Авла Плавта, который былъ правителемъ Британіи и семейство котораго было вѣтвью такъ называемыхъ Руф. Возможно также, что Помпонія *могла* быть тайной христіанкой (Тас. Апп. XIII, 32), и такимъ образомъ эта Клавдія Руфина *могла* также сдѣлаться христіанкой; но даже если мы допустимъ возможность всѣхъ этихъ предположеній, все-таки ничего еще не остается для отождествленія Пуда и Клавдіи, здѣсь отдѣленныхъ одинъ отъ другой другимъ именемъ, съ Пудомъ и Клавдіей, о которыхъ мы говоримъ. Клавдія было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ именъ, и вся эта теорія есть тщательная веревка изъ песка.

²⁴⁰⁷) Что *φελδώνης*, если это чтеніе вѣрно, означаетъ плащъ, это почти несомнѣнно. Такого было мнѣніе греческіе отцевъ, которые только различно понимаютъ значеніе *ὑποσώκιον*, т. е. книжный ящикъ. Но если бы это именно разумѣлось здѣсь, то онъ былъ бы упомянутъ послѣ книгъ, а не раньше ихъ. Мы можемъ предположить, что слово это есть буквальный переводъ латинскаго *roepula* и означаетъ длинный толстый плащъ. Форма буквального перевода можетъ удивлять насъ, но это новый случайный признакъ подлинности, такъ какъ происходитъ отъ формы, которую это произведеніе получало въ сирійскомъ *ܦܠܝܢܐ*. Даже если *ܦܠܝܢܐ* есть *pallium*, то мы видимъ, что въ сирійскомъ *ܦ* представляетъ собою П. Новѣйшіе толкователи видятъ въ фелоніи даже церковное облаченіе.

²⁴⁰⁸) Многие припоминаютъ поразительную и патетическую параллель этой просьбы въ письмѣ, написанномъ Вильямомъ Тиндалемъ изъ сырыхъ подваловъ Вильворда, весною предъ своею смертью, гдѣ онъ, ради Христа, проситъ болѣе теплой шапки и чего нибудь для заплатъ его чулокъ и шерстяной рубашки, и главнѣе всего его еврейской Библии, грамматики и словаря: „*quamobrem tuam dominationem rogatum habeo, idque per Dominum Jesum, ut si mihi per hiemen hic manendum sit, sollicitus apud dominum commissarium, si forte dignari velit, de rebus meis quas habet mittere calidiorem birethum. Frigus enim patior in capite nimium... calidiorem quoque tunicam, nam haec, quam habeo, admodum tenuis est. Item pannum ad caligas deficientes. Duplois (sic) detrita est, camiseae detritae sunt etiam. Camiseam laneam habet si mittere velit... Maxime autem omnium tuam clementiam rogo atque obsecro ut ex animo agere velit apud dominum commissarium quatenus dignari mihi velit Bibl. Hebraicam, Grammaticam Hebraicam et Vocabularium Hebraicum, ut eo studio tempus conteram...* W. Tindalus“ (Life, by Demaus, p. 475).

²⁴⁰⁹) См. Ewald, Gesch IV, 626; VI, 391. Ап. Павелъ повидимому занимался наукой въ теченіе всей своей жизни, какъ только позволяли обстоятельства. Дѣян. XXVI, 24, *τὰ πολλὰ αὐτοῦ ὑπάρχοντα εἰς μακρὰν περὶ τρέψει*.

²⁴¹⁰) Сн. Филип. II, 17. Сенека, умирая, окроплялъ близъ стоящихъ своею кровью, говоря: „*Libare se liquorem illum Jovi Liberatori*“ (Тас. Апп. XV, 64). См. также *Thrasea*, „*Libemus, inquit, Jovi Liberatori*“ (Id. XVI, 35).

²⁴¹¹) Martineau, Hours of Thought, p. 89.

ГЛАВА LVII. ²⁴¹²) Что онъ получилъ, объ этомъ можно предполагать съ основаніемъ, и не вѣроятно, что оно повело къ тому тюремному заключенію, объ освобожденіи отъ котораго упоминается въ посланіи къ Евреямъ (XIII, 23).

²⁴¹³) Я не нашелъ возможнымъ излагать на этихъ страницахъ средневѣковыя легенды о смерти ап. Павла, которыя желающіе могутъ найти у *Fabricius*, Cod. Apocr. III, 632; *Ordericus Vitalis*, II, 3.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аввакумъ, цитата изъ него ап. Павла, стр. 544.
Августъ кесарь—его покровительство иудеямъ, стр. 584.

Авеннеригъ, царь—влияніе Анаіин на его семейство, стр. 508 (см. Ананія).

Авраамъ—его жены какъ прообразы, стр. 37.

Аврелій Антонинъ Маркъ, отзывъ его о христіанствѣ, стр. 848.

Агавъ, его пророчества, стр. 209, 603.

Агапы—установленіе ихъ, стр. 61; совершеніе ихъ за закрытыми дверями—120, въ отношеніи къ обрѣзанію Тита—283; злоупотребленіе ими въ Коринѣхъ, — 446—7.

Агриппа Иродъ (см. Иродъ).

Агриппа I и II, стр. 864—9.

Агриппа II—его желаніе послушать проповѣдь ап. Павла, стр. 648; ап. Павелъ передъ нимъ—648 и сл.; употребленіе имъ слова „христіанинъ“—652.

Адівена—область, стр. 210; царское семейство, какъ оно было уловлено сѣтями иудействующихъ—509.

Адрианъ VI, папа, его замѣчаніе о классическихъ статуяхъ въ Ватиканѣ, стр. 353.

Акиба, его 33 правила, стр. 38.

Акила и Прискилла, ихъ отношеніе къ ап. Павлу, стр. 374.

Александрія, ученость иудеевъ въ ней, стр. 85—6.

Аллилуія великая—изучалась ап. Павломъ въ дѣтствѣ, стр. 29.

Ананія (въ Дамаскѣ)—его сомнѣнія касательно Савла, стр. 137; его сношеніе съ Савломъ, — 138.

Ананія—иудейскій купецъ—его влияніе на царя Авеннерига и его семейство въ Адівенѣ, стр. 508.

Ананія—первосвященникъ, его несправедливая жестокость по отношенію къ ап. Павлу, стр. 624—5.

Ананія и Салфира—ихъ грѣхъ и внезапная смерть, стр. 73.

Андрей—Андрей и Филиппъ хотя греческія

имена, но бывшія ходячими среди иудеевъ, прим. 237.

Анна—первосвященникъ, его обращеніе съ апп. Петромъ и Іоанномъ, стр. 60—73.

Антиохія Писидійская—описаніе ея, стр. 251—2; ап. Павелъ и Варнава въ ней—252; синагога и богослуженіе—252; проповѣдь ап. Павла въ синагогѣ,—254.

Антиохія (въ Сиріи)—миссія въ ней ап. Павла и Варнавы въ 44 г. по Р. Хр., стр. 197; описаніе города,—197—8; землетрясеніе въ 37 г. по Р. Хр., —201; происхожденіе имени „христіанинъ“—202; церковъ и религиозныя чувства въ ней,—202; состояніе церкви—272—3; апп. Петръ и Павелъ въ ней—295 и сл.

Антиноміи ап. Павла, стр. 858—9.

Антихристъ—иудейскія и языческія силы его въ Римѣ, стр. 685—8.

Антоній (императоръ) и равв. Іуда Гаккадошъ, стр. 510.

Аполлосъ—въ Ефесѣ, путешествіе его въ Коринѣхъ, проповѣдь тамъ, стр. 421; ненамѣренная причина раздѣленія въ церкви Коринѣской—421—2; его доношеніе о церкви коринѣской ап. Павлу—439; слѣдствія его проповѣди въ Коринѣхъ—444.

Апостолъ—любви, Іоаннъ, стр. 1; краеугольнаго камня—Петръ—1; апостолъ народовъ—Павелъ—2; источникъ и основаніе апостольскаго авторитета ап. Павла—478 и сл.; властно-апостольскій языкъ, впервые употребленный апост. Павломъ въ посланіи къ Галатамъ—512—13; сравненіе ихъ дѣятельности съ дѣятельностью ап. Павла—2; смѣлость послѣ слабости—54; общеніе ихъ съ Господомъ послѣ Его воскресенія и влияніе Его воскресенія на нихъ—55; возродители міра—55; ихъ послѣдній вопросъ Господу касательно обѣтованнаго царства—56; ихъ состояніе послѣ вознесенія Господня—58; все еще иудеи, только съ вѣтроу во Христа—58; общеніе женщинъ въ молитвенныхъ собраніяхъ—58; воспоиеніе вакансіи Іуды Искаріота—59 и 60;

какъ свидѣтели воскресенія Господа—60; ихъ надежды между вознесеніемъ и пятидесятиницей—60 и 61; исполненіе обѣтованія Св. Духа—61—64; говореніе языками—65; предѣлъ дара языковъ—66; различныя взгляды на этотъ даръ—67; опроверженіе обвиненія въ опьяненіи—69; чудеса и знаменія, совершенныя ими—73, 74, 182, 235, 243, 261; положеніе ихъ во время гоненія—73; бичеваніе, несмотря на заступничество Гамалиила—74; ихъ прежняя неспособность понять истину христіанства—96; остаются въ Иерусалимѣ, когда всѣ другіе бѣгутъ изъ него во время гоненія отъ Савла—118; преданіе о назначеніи Спасителемъ двѣнадцати лѣтъ для пребыванія ихъ въ Иерусалимѣ—219; Греція и Римъ въ ихъ время—227; показываютъ превосходство христіанства надъ стоицизмомъ—229.

Апостольскія путешествія ап. Павла—*первое* въ 45—46 году,—Антіохія въ Сиріи, Селевкія, Кипръ, Пергія въ Памфилиі, Антіохія Писидійская, Иконія, Листра, Дервія, Листра, Иконія, Антіохія Писидійская, Пергія, Атталія, Антіохія въ Сиріи, стр. 231—271; *второе* въ 53—56 г.: Антіохія въ Сиріи, Дервія, Листра, Фригія, Галатія, Мизія, Троада, Самоеракія, Неаполь, Филиппы, Фессалоники, Верея, Афинны, Коринѣ, Ефесъ, Кесарія, Иерусалимъ, стр. 305—410; *третье* въ 56—60 г.: Иерусалимъ, Антіохія въ Сиріи, Галатія, Фригія, Ефесъ, Троада, Македонія, Иллирія, Коринѣ, Троада, Ассъ, Митилена, Хиосъ, Трогилій, Милетъ, Косъ, Родосъ, Патара, Тиръ, Птолемаида, Кесарія, Иерусалимъ—412—604.

Апопееза римскихъ императоровъ, стр. 843—5.

Аравія—мѣсто удаленія ап. Павла послѣ его обращенія, стр. 141, 146.

Арамейскій языкъ—знаніе его ап. Павломъ стр. 11; въ отношеніи дара языковъ—69; состояніе его среди іудеевъ—86.

Аратъ, поэтъ изъ Киликіи, цитованный ап. Павломъ, стр. 363.

Арета, эмиръ Петры, стр. 122.

Аристархъ, спутникъ ап. Павла въ его путешествіи въ Римъ, стр. 656.

Артема—Артемидоръ, стр. 768.

Артемиды—храмъ ея въ Ефесѣ, стр. 414—7; культъ ея въ Ефесѣ—420.

Афинны—описаніе, стр. 348—9; статуи—351—2; ап. Павелъ въ Афинахъ—348 и сл.; философы—357—9; проповѣдь ап. Павла и ея слѣдствія, —359 и сл.; разспросы ап. Павлу со стороны афинянъ—362—3; взглядъ афинянъ на воскресеніе и будущій судъ—366; позднѣйшіе успѣхи церкви въ Афинахъ—367; ап. Павелъ оставляетъ Афины—367.

Бичеваніе—іудейское, стр. 841—43.

Благодать—отношеніе ея ко грѣху, стр. 558—9; пріизбыточство благодати надъ грѣхомъ,—574.

Благодать—премудрость и судъ Божій, стр. 580; источникъ благодати, милости и милосердія,—581. Боговдохновенность, стр. 398.

Богъ—міръ только въ Его любви, стр. 48; Его отношеніе къ людямъ, —61—3; видѣнія отъ Бо-

га—132; Его предостереженія,—135; всеобщее Богопоклоненіе, предсказанное пр. Софоніей—223; единственный податель благословенія въ трудахъ—451; значеніе Его правды для человѣка—542; истина Его обѣтованій доказывается ап. Павломъ—551—2; проявленіе Его правды—553; Его безкопечная любовь какъ разрѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ предопредѣленіемъ—574; Его благодать, премудрость и судъ—580; опредѣленіе царства Божія—587; Богъ, дѣйствующій въ человѣкѣ и судящій чрезъ Христа—858 (см. невѣдомый Богъ).

Богословіе ап. Павла, стр. 858—9.

Богослуженіе общественное, правила для его совершенія, стр. 760.

Бракъ—возрастъ для него и связанныя съ нимъ обычаи среди іудеевъ, стр. 30, 53, 115; раввинское внушеніе вступать въ бракъ въ юности—53; вопросъ о бракѣ ап. Павла—54; взглядъ ап. Павла на бракъ и дѣвство, какъ онъ выраженъ церкви Коринтской—456.

Время, налагавшееся на прозелитовъ, стр. 845.

Будда, стр. 3.

Бурръ Африканъ—его характеръ, стр. 675; сдача ему ап. Павла какъ узника—675; какъ преторіанскій префектъ—779.

Вар-Исусъ, волшебникъ, стр. 241—2.

Варпава—съ ап. Павломъ въ Листрѣ, стр. 11; его раннія отношенія къ ап. Павлу—164; его вліяніе на апостоловъ въ пользу ап. Павла—166; дважды обезпечилъ услуги ап. Павла дѣлу христіанства—166, 197; его нужда въ помощи—197; его взглядъ на допущеніе язычниковъ въ общество христіанъ—196—7; его взглядъ на характеръ ап. Павла—197; начало ихъ совместнаго труда—197; отдѣленъ Духомъ Святымъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ на дѣло обращенія міра—230; споръ съ ап. Павломъ касательно Марка—302—3; ихъ разлученіе—303; слѣдствія разлученія—303; ихъ общая потеря—303.

Василій Великій, его образованіе въ Афинахъ, стр. 368.

Верея—ап. Павелъ передъ ней, стр. 648; ея характеръ—868.

Веріане въ сравненія съ фессалоникицами въ отношенія къ принятію слова Божія, стр. 345—6. Вечера любви, стр. 61 (см. агалы).

Вечера тайная, горница гдѣ она совершилась, стр. 58, 219—20.

Видѣніе ап. Павлу человѣка изъ Македоніи, стр. 471.

Видѣнія, стр. 132—4.

Визанія—мѣсто вознесенія Спасителя, стр. 56.

Вознесеніе Спасителя, стр. 56.

Воля (см. свободная воля).

Воскресеніе—сила и значеніе воскресенія Христова, стр. 56; взглядъ афинянъ на воскресеніе и судъ—366; подтвержденіе вѣры въ воскресеніе—465 и сл.

Второе пришествіе Мессіи, ожиданіе его, стр. 402.

Вѣра, уясненіе ея значенія въ посланіяхъ ап. Павла, стр. 3; оправданіе вѣрою—542, 543—

4, 553 и сл.; различіе между оправданіемъ въ рою и оправданіемъ закономъ—566; отношеніе надежды къ вѣрѣ—569.

Вѣтры—направленіе ихъ во время путешествія ап. Павла въ Римъ, этезійскіе и др., стр. 656.

Гагада и гагадисты, стр. 38 и сл.

Гаій, обращенецъ ап. Павла, крещенный самимъ апостоломъ, стр. 378.

Галаты—галаты—посѣщеніе ихъ ап. Павломъ, стр. 313 и сл.; ихъ благорасположеніе къ апостолу—316—7; церкви въ Галатіи, основанныя ап. Павломъ—319.

Галаты, посланіе ап. Павла къ нимъ, поводъ къ нему, стр. 504; цѣль его—доказать, что обрѣзаніе не необходимо—506—7; важные результаты его—510—11; изложеніе его—510—11; апостольскій авторитетъ, впервые заявленный здѣсь, въ вступительномъ привѣтствіи ап. Павломъ—512—3; негодованіе въ душѣ писателя, отрывочная простота, обвиненіе въ извращеніи евангелія, защита апостольства, порученіе и труды, признаніе другими апостолами, споръ съ ап. Петромъ, стр. 513—16; кто сыны Авраама, отъ чего искупилъ насъ Христосъ, назначеніе закона—516—17; согласіе обѣтованія и закона, — всѣ свободны во Христѣ и сѣмени Авраамовомъ, различіе между ветхимъ и новымъ заветами, ветхій заветъ исполнилъ свое назначеніе, стр. 517—9; аллегорія изъ исторіи Сарры и Агарь и ихъ сыновей, галаты не могутъ сочетать законъ и евангеліе, плоть и духъ, вопросъ не объ обрѣзаніи или необрѣзаніи, но о новомъ твореніи, стр. 520—523.

Галаха и галахисты, стр. 38 и сл.

Галенъ о христіанахъ, стр. 849.

Галліонъ, Луцій Юній Анней, братъ Сенеки, дядя Луканъ сдѣланъ проконсуломъ Азіи, стр. 378; его характеръ—въ отзывѣхъ его друзей—378—9; его равнодушное отношеніе къ ап. Павлу, когда онъ былъ приведенъ къ нему на судъ—380; основаніе, на которомъ онъ освободилъ ап. Павла отъ суда, стр. 380; его судейское безпристрастіе—380; результатъ его справедливости въ отношеніи ап. Павла въ Коринѣ—408; покровительство ап. Павлу въ видѣ презрительновысокомѣрной справедливости—584.

Гамалиилъ, какъ учитель ап. Павла, стр. 3, 18, 30; его воззрѣнія на мудрость грековъ—24—25; Равви, Раббанъ, его происхожденіе, либеральность его взглядовъ—30; его характеръ—31; какъ фарисей—31; значеніе его ученія для ап. Павла—31; защита имъ ап. Павла—74; Гамалиилъ и школа Тюбингенская—827—29.

Гебраизмъ и еллинизмъ, стр. 78 и сл.

Гиллель—дѣдъ Гамалиила, стр. 30, 31, 88; его семь правилъ—38; отношеніе его къ обременительнымъ Моисеевымъ постановленіямъ—46.

Глоссолати, стр. 34, 66 и сл. (см. Языки).

Гнѣвъ—сосуды гнѣва, стр. 576.

Годы—двѣнадцатъ (см. Преданіе).

Гоненія и ихъ слѣдствія, стр. 73 и сл., 196.

Гора Елеонская—мѣсто вознесенія Спасителя, стр. 56.

Горница тайной вечери и собранія апостоловъ въ домѣ Маріи, стр. 58, 219.

Горница, гдѣ совершилась тайная вечеря и гдѣ собирались апостолы, стр. 58, 220.

Господа и рабы—ихъ взаимныя обязанности, стр. 764—5.

Господь—Искупитель, Спаситель (см. Иисусъ).

Гражданскіе правители (см. правители).

Греки—ихъ „мудрость“, стр. 25; значеніе для нихъ разсѣянія іудеевъ—80; соприкосновеніе съ іудеями—80; обращеніе греческихъ прозелитовъ—196; ихъ буйное насиліе надъ Сосеопомъ предъ глазами Галліона, стр. 381.

Греція—характеръ ея во время апостоловъ, стр. 227.

Григорій Назіанзинъ—его воспитаніе въ Афинахъ, стр. 368.

Грѣхъ, отношеніе къ нему благодати, стр. 558; отношеніе къ нему закона—567 и сл. Человѣкъ грѣха—855 и сл.; взгляды ап. Павла на грѣхъ—859.

Давидъ, поэзія псалмовъ его въ сравненіи съ посланіями ап. Павла, стр. 12.

Дамаръ, стр. 367, прил. 1019.

Дамаскъ—отношенія въ немъ между іудеями и христіанами, стр. 154; бѣгство изъ него ап. Павла—157; подъ властью Аретъ—832—3.

Дервія, ап. Павелъ и Варнава тамъ, стр. 265.

Діаконы—причина ихъ избранія, стр. 90; ихъ имена, — 90; слѣдствія ихъ избранія—90—1.

Діана (см. Артемида).

Діонисій Ареопагитъ и Сен-Денисъ, стр. 367.

Диоскуры, названіе корабля, на которомъ ап.

Павелъ отправился въ Римъ съ о. Мальты, стр. 671.

Друзила и Феликсъ слушаютъ ап. Павла стр. 638—9.

Духъ святой (см. св. Духъ).

Дѣвство и бракъ—разсужденіе ап. Павла о нихъ въ посланіи къ церкви Коринѣской, стр. 456.

Дѣянія Апостольскія—цѣль и подлинность этой книги; не полная исторія, стр. 5—6; главные прописные манускрипты ея—860—861; не-объяснимость ея неожиданнаго конца—754.

Евангеліе—свидѣтельство нашего Спасителя, стр. 224; участіе женщинъ въ распространеніи Его 224; сила и вліяніе евангелія—541; оно одинаково для іудеевъ и язычниковъ—545.

Евѣионы и назорей, стр. 853.

Евродій—епископъ Антиохійскій, преданіе о немъ, какъ изобрѣтателѣ имени „христіанинъ“, стр. 205.

Евродія и Синтихія, какъ христіанскія женщины въ Македоніи, стр. 327; увѣщаніе ихъ къ сохраненію согласія въ посланіи къ Ефесянамъ—697.

Евника и Лонда, посѣщеніе ихъ ап. Павломъ, стр. 308.

Евнухъ, евѣоплянинъ, крещенный Филиппомъ,

стр. 181; слѣдствія этого крещенія для младенческой церкви—196.

Еврейскій языкъ — знаніе его ап. Павломъ, стр. 11.

Евтихъ, паденіе и возвращеніе его къ жизни, стр. 594—6.

Единеніе—увѣщаніе ап. Павла къ единенію, какъ главный предметъ посланія къ Филиппіацамъ, стр. 697, 701.

Елена царица, ея прозелитизмъ и обѣты, стр. 509—10.

Елеонская гора (см. гора Елеонская).

Еллинизмъ и Гебраизмъ, стр. 78 и сл.

Епафрастъ изъ Колоссъ — посѣщеніе имъ ап. Павла и слѣдствія этого, стр. 694; его сообщенія ап. Павлу о церкви въ Колоссахъ—712.

Епафродитъ изъ Филиппъ, посѣщеніе имъ ап. Павла и слѣдствія этого, стр. 695; его трудъ въ Римѣ, болѣзнь, выздоровленіе и возвращеніе въ Филиппы—695—6.

Ефесъ—Ефесяне—посѣщеніе ихъ ап. Павломъ, стр. 411—2; описаніе города—412—3; развитіе христіанства—411; очеркъ его исторіи—413—4; репутація его жителей—414; храмъ Артемиды—414—7; суевѣріе—418; сожженіе черныхъ книгъ, какъ слѣдствіе трудовъ ап. Павла—425; мятежъ, послужившій причиной удаленія ап. Павла—429—438; очеркъ церкви въ немъ—438; посланіе ап. Павла къ Римлянамъ вѣроятно было послано и въ Ефесъ—532; бѣсѣда ап. Павла съ пресвитерами ефесскими—598, 600; очеркъ посланія къ ефесянамъ—736 и сл.; фразеологія и вѣроученіе этого посланія—869—71.

Жало въ плоть, стр. 147; 834—41 и сл.

Женщины — ихъ участіе въ распространеніи евангелія, стр. 327.

Жертвенникъ,—ники, воздвигнутые по совѣту Эпименида въ Аѳинахъ, стр. 356; взглядъ ап. Павла на жертвенникъ невидимому Богу—356.

Жизнь—торжество ея надъ смертію, стр. 558—9; во Христѣ—569; ея сила—569.

Законъ—праведности и что зависѣло отъ него, стр. 42; его 248 заповѣдей и 365 запрещеній—42; устный—его ничтожество—43; его преданіе и вѣрное толкованіе—43—4; требованія предъ Богомъ—44; требованія, которыя невозможно удовлетворить человѣку—46; лицемеріе въ его исполненіи—46; объясненіе Спасителя касательно назначенія закона Моисеева—104; употребленіе и цѣль Моисеева закона—557, 759; его положеніе въ планѣ спасенія—559 и сл.; почему не можетъ оправдывать—561—2; умножаетъ преступленія—562; различіе между оправданіемъ закономъ и оправданіемъ вѣрою—566; дальнѣйшее опредѣленіе его положенія—566; примѣръ изъ области брака—566; его отношеніе ко грѣху—567 и сл.

Здравомысленность—основная мысль посланія къ Титу, стр. 771—2.

Землетрясеніе въ Антиохіи въ 37 г. по Р. Хр., стр. 201.

Златоустъ св.—его отзывъ о ап. Павлѣ, стр. 4, 807.

Идоложерственное, стр. 455, 457.

Идолопоклонство—вліяніе его на іудейскія и другія общины, стр. 83.

Изаѣ сынъ, царя Авеннерига, принимаетъ обрѣзаніе, стр. 210, 508—9.

Избранный народъ (ст. Іудей).

Измаилъ раввинъ — 13 правилъ его, стр. 38, прим. 99.

Израиль — возстановленіе его, стр. 579 (см. Іудей).

Иконія—посѣщеніе ея ап. Павломъ и Варнавой, стр. 259—60.

Императоры римскіе, ихъ апофеоза, стран. 843—5.

Иродъ Агриппа — его характеръ, стр. 171; заключенъ въ тюрьму Тиверіемъ, освобожденъ имп. Каемъ по воцѣствованіи его на престолѣ и назначенъ преемникомъ Ироду Филиппу и Лизанію въ качествѣ четвертовластника—171; начало его царствованія, приемъ ему въ Александріи—171—2; его вліяніе и возвышеніе—211—2; соблюденіе Моисеева закона—212—3; убиваетъ ап. Іакова, арестуетъ ап. Петра—214 и сл.; его смерть—217.

Ироды въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, стр. 864—9.

Искусство, его отношеніе къ христіанству, стр. 354—5.

Иссахаръ первосвященникъ, стр. 865.

Іаковъ меньшій, причина уваженія къ нему народа, сравненіе его съ ап. Павломъ, стр. 162—3; убѣждаетъ ап. Павломъ въ вопросѣ объ обрѣзаніи—278; описаніе его—286—7; объ обрѣзаніи—287—8; отношеніе его къ дѣятельности ап. Павла—504; съ пресвитерами церкви принимаетъ ап. Павла въ Іерусалимѣ—605—7.

Іаковъ старшій—смерть его, стр. 214.

Іасонъ—имя тождественное съ Іисусомъ, стр. 17; обвиненіе противъ Іасона со стороны іудеевъ Фессалоники—343.

Іеронимъ бл.—преданіе его объ ап. Павлѣ, стр. 10; отзывъ о Павлѣ—807.

Іерусалимъ, переполненный народомъ въ первую пятидесятницу, стр. 69; колыбель христіанства—411; опасности въ немъ для ап. Павла—524—5; отношеніе іудейскаго населенія въ немъ къ ап. Павлу—611.

Іисусъ Христосъ—говоритъ съ ап. Павломъ по-еврейски во время его обращенія, стр. 11; имя тождественное съ Іасономъ—17; любовь, проявленная въ Его смерти, воскресеніе, прославленіе, извѣстенъ ап. Павлу чрезъ откровеніе—50; сношенія съ учениками послѣ воскресенія не непрерывное—56; обитованіе Духа Св. апостоламъ и сила Его воскресенія—56; вознесеніе—56; Его миссія основать царство—97; Его цѣль отмѣнить законъ незамѣтно въ соблюденіи его Имъ—97; всеобщность поклоненія духомъ—97; исполненіе закона въ одухотвореніи его—97; какъ Мессія—камень преткновенія для

иудеевъ—101—2; почему Онъ назвалъ Себя Савлу Иисусомъ Назаряниномъ—134; все во всемъ для ап. Павла—138; глубочайшее значеніе, лежащее въ основѣ многихъ его словъ—185; преданіе, что 12 лѣтъ назначены были Имъ для пребыванія Его учениковъ въ Иерусалимѣ—219; свѣтъ для язычниковъ—223; ошибочный взглядъ на него Светонія—226; основная идея всего христіанства по ученію ап. Иоанна и Павла—852; цѣль всякой проповѣди—450—1; единственное основаніе—451; общее основаніе для іудея и язычника—536; связь человѣческаго общества—536; основа всѣхъ посланій ап. Павла—536; сила жизни во Христѣ—569; Его жертва и прославленіе—701, 702; божественное слово какъ цѣльное средство противъ фригійскаго мистицизма среди колосскихъ христіанъ—720; какъ судія—859.

Иоаннъ и Петръ—два главные апостола, стр. 1; предъ лицемъ главныхъ священниковъ—60; знаніе ими духа Христова—724.

Иоаннъ какъ „сынъ Громова“, стр. 1; печать его личности на первенствующей церкви—1; мученическая жизнь, его чудеса—73; описаніе Рима въ Апокалипсисѣ—227; склонился къ взгляду ап. Павла на обрѣзаніе—278; сравненіе съ ап. Павломъ—850—2.

Иоаннъ Маркъ (см. Маркъ).

Иоилъ—исполненіе его пророчества въ день Пятидесятницы, стр. 66.

Ионафанъ—первосвященникъ во время смерти св. Стефана, стр. 107, 113.

Иосифъ Варсавва, прозываемый Іустомъ, избранъ вмѣстѣ съ Матеемъ при избраніи апостола, стр. 60.

Иосифъ левитъ съ о. Кипра, его раннее отношеніе къ ап. Павлу, стр. 163—4.

Иосифъ Флавій—его свидѣтельство о смерти Ирода Агриппы, стр. 217.

Иуда ап.—неправильный взглядъ на его посланіе, стр. 854.

Иуда Гаккадошъ, раввинъ, и импер. Антонинъ, стр. 510.

Иуда Искаріотъ—его паденіе и кончина, стр. 58; образъ Ахитофела—59.

Иудеи—какъ гонители ап. Павла, стр. 6; охраненіе ими юношества отъ „сомнительнаго чтенія“—25; брачные обычаи—30, 54, 115; значеніе св. Писанія между ними—34; ихъ литература—37—8; обѣты—48; какъ виновники несогласія между христіанами—50; умаленіе ими апостольскаго достоинства ап. Павла—50; порядки христіанскихъ іудеевъ въ синагогахъ—58; гоненіе на апостоловъ—73 и сл.; разсѣяніе—78 и сл.; слѣдствіе разсѣянія для нихъ самихъ, грековъ и римлянъ—79; результатъ соприкосновенія съ греками—80; взрывы буйства—82; причины, поведшія къ развитію въ нихъ коммерческаго духа—84—5; въ Александріи, ихъ ученость, успѣхи въ литературѣ, большая просвѣщенность въ сравненіи съ раввинами Иерусалима въ отношеніи предназначенія даровъ Божіихъ—85—6; перемѣна языка среди сыновъ разсѣянія и послѣдствія соприкосновенія съ

арійской расой—86; постановленія съ цѣлью запрещенія сношенія съ язычниками и бывшее результатомъ ихъ кровопролитіе—88—9; ихъ греческія имена—90; ихъ мессіанскія надежды—101—2; ихъ благоговѣніе къ Моисею—104; ихъ ярость вслѣдствіе высказанныхъ св. Стефаномъ воззрѣній на законъ Моисеевъ—105; въ Дамаскѣ—ихъ отношеніе къ христіанамъ, приѣмъ проповѣди ап. Павла—155—6; бичеваніе ап. Павла—156; облегченіе со смертію Тиверія—170; преданность имп. Каю—171; варварское отношеніе къ нимъ въ Александріи—171—2; поименованія для собратьевъ въ Иудеѣ—209; помощь іудейскимъ христіанамъ отъ язычниковъ въ благодарность за духовное благо—209; въ Антиохіи Сирійской—221; условія, на которыхъ только они могли принять христіанство—223—4; два іудея (Павелъ и Варнава) на пути обращенія міра ко Христу—230; на островахъ Кипрѣ и Саламинѣ—238; ихъ служебникъ—253—4; неприязнь іудеевъ въ Антиохіи Писидійской противъ язычниковъ вслѣдствіе проповѣди ап. Павла—257; побіеніе ап. Павла камнями въ Листрѣ отъ іудеевъ Антиохіи и Иконіи—264; ихъ ненависть къ ап. Павлу—265; ихъ ненависть къ ап. Павлу и Христу—342—3; возмущеніе, поднятое ими противъ ап. Павла въ Фессалоникѣ—343 и сл.; въра іудеевъ въ Веріи—345; сношеніе ап. Павла съ іудеями въ Аеинахъ—357; жалобы ап. Павла на іудеевъ въ Коринѣ—378; ихъ враждебность противъ христіанъ, доходившая до ложныхъ обвиненій противъ нихъ—381; въ Фессалоникѣ—390; ихъ клеветы противъ ап. Павла—390; гоненія ихъ на ап. Павла—391; въ Ефесѣ—420; ихъ противодѣйствіе ап. Павлу—420—1; введеніе ихъ въ Римъ Помпеемъ—526; его отношенія къ нимъ—526—7; бесполезность ихъ какъ рабовъ—526; послѣдующее освобожденіе—527; размноженіе и процвѣтаніе—526—7; снисходительная терпимость христіанъ изъ іудеевъ въ Римѣ къ язычникамъ, когда ап. Павелъ писалъ посланіе къ Римлянамъ—533; отношеніе іудеевъ къ язычникамъ, извлеченіе изъ трактата Abhoda Zaga примѣч. 1614; попытки Саяна и Клавдія изгнать изъ Рима—527; обвиненіе ихъ со стороны ап. Павла въ томъ же грѣхѣ какъ и язычниковъ, именно въ оставленіи и отрицаніи ихъ Бога—547 и сл.; одинаково искуплены съ язычниками, но тщетна ихъ надежда, когда покоится на ложномъ основаніи—571—2; лишеніе ихъ особыхъ преимуществъ—574—5; любовь къ нимъ ап. Павла—576; послѣдники обѣтованій не по крови, а по духу только—576—7; недостатокъ въ нихъ вѣры, какъ причина отверженія ими евангелія—576—7; отверженіе ихъ Богомъ неокончательное—578—9; ихъ возстановленіе—579; покровительство имъ со стороны римскаго закона—584; ихъ заговоръ противъ жизни ап. Павла—593; причины ихъ заговора—593; открытіе и предупрежденіе его—593; обряды, связанныя съ назорейскими обѣтами, и предложеніе ап. Павлу со стороны пресвитеровъ въ Иерусалимѣ исполнить ихъ—607—8; состояніе іудеевъ въ Иерусалимѣ во время па-

таго посѣщенія его ап. Павломъ, различіе мятежи—611 и сл.; въ Ефесѣ, мятежъ ихъ противъ ап. Павла—616 и сл.; обвиненіе противъ ап. Павла въ оскверненіи храма—616 и сл.; раздѣленіе между ними вслѣдствіе отвѣта ап. Павла касательно воскресенія—628; споръ съ греками на рыночныхъ площадяхъ въ Кесаріи—639—41; указъ Клавдія объ изгнаніи ихъ—676—7; отвѣтъ на аппеляцію ап. Павла къ Кесарю—677—8; численность ихъ въ Римѣ—677; выслушиваютъ ап. Павла—677—8; ихъ вліяніе и промышленность въ Римѣ—685—7; бичеванія—641—3; ненависть къ нимъ въ классической древности—845—7.

Иудействующие—учители—борьба ап. Павла съ ними во 2 коринѣ, гал. и рим., стр. 478; успѣхъ ихъ въ разрушеніи дѣла ап. Павла въ Антиохіи, Коринѣ и Галатіи, отсюда посланіе къ галатамъ—502; ихъ обвиненія противъ ап. Павла—506; обрѣзаніе—предметъ ихъ спора съ ап. Павломъ—506—7; ихъ побужденія къ защитѣ обрѣзанія—510; ихъ враждебность въ Иерусалимѣ, опасная для ап. Павла—524—5.

Кай (Калигула)—наслѣдовалъ Тиверію въ качествѣ римскаго императора, стр. 169—70; другъ Ирода Агриппы—170; предполагавшееся имъ оскверненіе храма іерусалимскаго, и его смерть стр. 174 и сл.

Каиафа—ап. Петръ и Іоаннъ передъ нимъ, стр. 73; повиненъ въ крови Христа—113.

Калигула (см. Кай).

Карпъ въ Троадѣ, фелонъ, книги и пергаменты ап. Павла, оставленные въ его домѣ, стр. 25, 794 и сл.

Кенхрей, церковь тамъ, стр. 378.

Кесарь (см. отдѣльныя ихъ имена).

Кипръ—ап. Павелъ и Варнава тамъ, — участіе его въ дѣлѣ распространенія христіанства, стр. 238; іудеи на о. Кипрѣ—238.

Кифа (см. Петръ).

Клавдій, императоръ, восшествіе его на престолъ и внимательность къ іудеямъ, стр. 177; попытка его изгнать іудеевъ изъ Рима—527; его преслѣдованіе іудеевъ—584.

Клементины, нападенія ихъ на ап. Павла, стр. 852—4.

Климентъ, св. — сочиненіе объ ап. Павлѣ, стр. 6.

Книги и пергаменты ап. Павла въ Троадѣ, стр. 25, 83 и сл.

Колоссы, стр. 710

Колоссяне, посланіе къ нимъ, стр. 711 и сл.; причины—711; состояніе церкви, какъ оно описано было ап. Павлу Елафрасомъ—712; ложные учителя въ церкви въ Колоссахъ—712; цѣль посланія—714; подлинность его—717—8; содержаніе посланія—719 и сл.; Іисусъ какъ цѣлительная сила противъ фригійскаго мистицизма—720; предостереженіе имъ противъ ложныхъ учителей—722; будущность церкви—725—6.

Кораблекрушеніе, которому подвергся ап. Павелъ, стр. 664—8.

Коринѣ, посѣщеніе его ап. Павломъ, стр. 369;

описаніе его—370; основаніе въ немъ церкви ап. Павломъ—376; безнравственность города—446—7; опасность для церкви—440 и сл.; результаты ученія Аполлоса—444; ложные учителя въ церкви—445—6; дальнѣйшія раздѣленія въ ней—446; споры въ церкви—445—6; безпорядки и нравственныя настроенія—446—7; здѣсь ап. Павелъ написалъ посланія къ галатамъ и римлянамъ—500; радость апост. объ этой церкви стр. 500.

Коринѣяне—посланіе къ нимъ, стр. 402; различіе его отъ другихъ посланій въ слогѣ и планѣ—402; впаденіе христіанъ въ Коринѣ въ чувственность—440—1; причины перваго посланія къ нимъ—442 и сл.; безпорядки на вечерахъ любви—446; изложеніе 1 посланія къ Коринѣянамъ—449—470; предостереженія имъ противъ ложныхъ учителей и раздѣленій въ церкви—450—1; мѣры ап. Павла противъ нравственной распущенности—454; о цѣломудріи, идоложренномъ и воскресеніи изъ мертвыхъ—455 и сл.; себояловіе, какъ причина возникновенія безпорядковъ въ церкви—464—5; самозащита ап. Павла—474; наказанія за профанацію евхаристіи—475; изложеніе 2 посланія къ Коринѣянамъ—472—494; 2 посланіе къ Коринѣянамъ какъ самооправданіе, а не саморекомендованіе ап. Павла—481—3; неохотный сборъ милостыни—487.

Корнилій, сотникъ, обращеніе его въ христіанство, стр. 193.

Краугольный камень, ап. Петръ какъ апостолъ краугольного камня, стр. 1.

Крещеніе египтскаго евнуха и его слѣдствія, стр. 181, 186.

Криспъ, крещеніе его ап. Павломъ, стр. 376.

Критяне, отзывъ о нихъ Эпименида, стр. 771.

Кровосмѣсникъ въ Коринѣской церкви—мѣры противъ него ап. Павла, стр. 454

Левантіецъ, морской вѣтеръ, стр. 661.

Лех Рогсіа, стр. 28.

Лидія — крещеніе ея, стр. 326; предлагаетъ угощеніе ап. Павлу — 326; ея филиппійскіе друзья, ихъ попеченіе объ ап. Павлѣ во время его тюремнаго заключенія въ Римѣ—696—6.

Лизій—его судейское безпристрастіе, стр. 380; энергическая защита ап. Павла—584; спасаетъ ап. Павла отъ ярости іудеевъ въ храмѣ — 618; его ошибка въ отношеніи ап. Павла—618; позволяетъ ап. Павлу говорить къ іудеямъ—618—9; извѣщенный племянникомъ ап. Павла о заговорѣ іудеевъ лишить ап. Павла жизни спасаетъ его и отправляетъ изъ Иерусалима въ Кесарію—530 и сл.

Листра—посѣщеніе ея ап. Павломъ и Варнавой, стр. 261; страданія ап. Павла тамъ вознаграждены обращеніемъ Тимофея—264; посѣщеніе ея опять ап. Павломъ—303.

Лойда и Евника — посѣщеніе ихъ ап. Павломъ, стр. 308.

Лонгінъ—мнѣніе его о слогѣ ап. Павла, стр. 18, 807.

Лука—точность его повѣствованія, стр. 76;

не имѣлъ въ виду дать полную біографію ап. Павла—140; спутникъ ап. Павла изъ Троицы при второмъ миссіонерскомъ путешествіи—321; его преданность ему—321; его медицинское занятіе—322; съ ап. Павломъ въ Филиппахъ—593; спутникъ его во время путешествія въ Римъ—656; какъ историкъ апостоловъ—754; внезапное окончаніе книги Дѣяній—754—5; его преданность ап. Павлу во время тюремнаго заключенія—781.

Лукавъ—его родство съ Галліономъ, стр. 378.

Лукіанъ—о христіанствѣ, стр. 848.

Любовь, стр. 463.

Любовь—Іоаннъ апостолъ любви 1, безконечная любовь Божія разрѣшаетъ затрудненія въ вопросѣ о предопредѣленіи, стр. 574; она есть долгъ всѣхъ—585.

Македонія—наплывъ іудеевъ и грековъ, но безъ смѣшенія ихъ между собою, стр. 80; посѣщеніе ея ап. Павломъ во время втораго его миссіонерскаго путешествія—323 и сл.; положеніе женщинъ въ ней—326—7.

Мальта—въ отношеніи къ кораблекрушенію ап. Павла, стр. 664—8.

Мананіа (Менагеъ)—молочный братъ Ирода Антипы, стр. 222.

Манускрипты—главные прописные манускрипты Дѣяній Апостольскихъ и посланій ап. Павла, стр. 860.

Марія—владѣлица дома, въ горницѣ котораго собирались апостолы и гдѣ вѣроятно совершена была Тайная Вечера, стр. 220.

Маркъ Аврелій Антонинъ—о христіанствѣ, стр. 848.

Маркъ, какъ переводчикъ для ап. Петра, стр. 66; спутникъ ап. Павла и Варнавы—220, 237; родство съ Варнавой—246; оставляетъ ап. Павла и Варнаву въ Пергіи—246—7; какъ причина разногласія между ап. Павломъ и Варнавой—303; послѣдствія для него отъ разногласія между ап. Павломъ и Варнавой—303; опять принятъ ап. Павломъ въ качествѣ сотрудника—303—4.

Матей избранный апостоломъ, стр. 60, 61.

Мелита (см. Мальта).

Мессія,—раввинское представленіе объ условіяхъ Его пришествія, стр. 43; исполненіе многихъ пророчествъ—104.

Мечъ, какъ результатъ дѣла 1. Христа на землѣ, стр. 383.

Милетъ—бесѣда ап. Павла въ немъ съ пресвитерами церкви Ефесской, стр. 598, 600.

Милостыня—сборъ ея и заботы о немъ ап. Павла, стр. 487, 493, 496, 497, 524.

Миръ и надежда—плоды оправданія вѣрою, стр. 555—6.

Мишна—правила касательно браковъ, стр. 53; бракъ—первое изъ ея 613 постановленій—53.

Мнасонъ—его гостепримство по отношенію къ ап. Павлу въ Іерусалимѣ, стр. 604.

Моисеевъ законъ (см. законъ).

Моисей—іудейское благоговѣніе къ нему, стр. 104; значеніе его для человѣчества—104—5;

отношеніе къ нему ап. Павла до и послѣ его обращенія—146; его бракъ—223.

Монобазъ—сынъ Авеллерига и Елены,—его обрѣзаніе, стр. 508—9.

Монобазъ—царь Адіавенскій и его семейство, стр. 210.

Мясо и другая пища, правила ап. Павла касательно ихъ употребленія, стр. 585—6.

Надежда и миръ, результатъ оправданія вѣрою, стр. 555—6; ея значеніе для спасенія, ея отношеніе къ вѣрѣ—569—70.

„Назарянинъ“—попытка Юліана замѣнить этимъ словомъ названіе „христіанинъ“, стр. 204—5.

Назорей и Евониты, стр. 853.

Назорейскіе обѣты—исполненіе ихъ ап. Павломъ въ Іерусалимѣ, стр. 607—8.

Наказанія—смертью, стр. 829—31.

Народъ избранный (см. іудей).

Невѣдомый Богъ—жертвенникъ Ему въ Афинахъ, стр. 351, 356; взглядъ ап. Павла на этотъ жертвенникъ—356; проповѣдь ап. Павла по поводу надписи на жертвенникѣ—363 и сл.

Невѣрующіе—не должны судить въ церковныхъ дѣлахъ, стр. 455.

Неронъ—благопріятное доношеніе ему касательно ап. Павла, стр. 653; гоненіе—685, 779; направленіе его вліянія въ Римѣ—687—8; его правленіе—779; ап. Павелъ предъ лицомъ Нерона—782 и сл.; его характеръ—785.

Никодимъ какъ фарисей, стр. 31.

Николай—значеніе его избранія діакономъ, стр. 90; недостаточность данныхъ для поставленія его въ связь съ Николаидами, прим. 241.

Обрѣзаніе—спорный пунктъ въ церкви антиохійской, стр. 273; споры опасные для церкви—275—6; отнесеніе вопроса на рѣшеніе церкви и апостоловъ, знавшихъ Христа на землѣ—276; соборное рѣшеніе и окружающее посланіе апостоловъ—290; обрѣзаніе Тимофея и Тита—312; отсутствіе необходимости для него—основная мысль посланія къ Галатамъ—506—7; защита его со стороны іудействующихъ—507; значеніе его для іудейства—510; требованіе его со стороны іудеевъ—868.

Обѣты, стр. 48; назорейскій обѣтъ—607 и сл.

Онисимъ—посѣщеніе имъ ап. Павла и обращеніе, стр. 711; предметъ посланія ап. Павла къ Филимону—711—2; его преступленіе и связанное съ нимъ юридическое послѣдствіе—727 и сл.

Онисифоръ—старанія его найти ап. Павла для посѣщенія его во время тюремнаго заключенія въ Римѣ, стр. 778; его доброта по отношенію къ ап. Павлу—782.

Оправданіе вѣрою (см. вѣра).

Павелъ апостолъ—апостолъ народовъ, стр. 1.; „часто при смерти“,—1; распространитель христіанства—2; значеніе его посланій—2 и 3; его характеръ—2—4; его воспитаніе—3, 9; исторія его жизни, составленная на основаніи Дѣяній

Апостольских и его посланий—5, 7; подлинность его посланий—5—7; рассказ его о своих страданиях—6; достаточность материалов для изображения его жизни и характера—8; „Павел старец“—9; мѣсторождение и дѣтство—10 и сл.; родъ его и происхождение—10, 24; известные ему языки—11; его внутренняя жизнь—12; равнодушіе къ красотахъ природы—13—14; первое впечатлѣніе въ Тарсѣ—14 и сл.; естественное происхождение его ремесла—15; влияние его ремесла на его характер—16; его родители—17; ихъ права какъ римскихъ гражданъ переданы ему по наслѣдству—17; его родственники—17; его воспитаніе у ногъ Гамалила—18; гебраистъ, хотя и писавшій по гречески—17; критика Лонгина касательно его слога—18; киликизмы въ его слогахъ—18; влияние на него его пребыванія въ Тарсѣ 19 и сл.; предпочтеніе, какое онъ оказывалъ неразумію съ Богомъ сравнительно съ мудростію язычества—22; человекъ не эллинской культуры, его слогъ своеобразный и его греческій провинциальный, мышленіе сирийское, діалектический методъ раввинскій—24—25; его книги и пергаменты въ Троадѣ—25, 794 и сл.; эти книги не изъ греческой литературы 25; знакомство съ греческой литературой—25—26; классическіе цитаты и намеки—26; римское гражданство—27; бичеванія—28; римское гражданство не несомѣстимое съ іудейскимъ происхожденіемъ—29; раннее образованіе—30; считаетъ себя фарисеемъ—31; знаніе Ветхаго завета цитуемаго по LXX—32; значеніе для него ученія Гамалила—32—3; его воззрѣнія на боговдохновенность—33; употребленіе имъ Ветхаго завета и св. Писанія вообще—33—35 и сл.; стиль его аргументаціи по отношенію къ іудеямъ—33; какъ еврей и эллинизмъ—38; старается исполнять законъ—43; неправильный взглядъ на устный законъ—43; степень его послушанія закону—44; раннее безпокойство—46; ранняя внутренняя борьба—48—9; видѣлъ Господа І. Христа—49—51; знаніе Господа І. Христа чрезъ вѣру—51; отсутствіе изъ Іерусалима во время служенія и распятія Спасителя, влияние на него словъ умирающаго Стефана—51, 97; бракъ его—52—54; раннее отношеніе къ младенческой церкви—56; причина ненависти къ нему народа—96; участіе его въ спорѣ со Стефаномъ въ синагогѣ отпущениковъ—100; охраненіе имъ одеждъ тѣхъ, которые побивали камнями св. Стефана—114; тридцатилѣтній его возрастъ во время мученичества св. Стефана—115; членъ Синедріона и слѣдовательно женатый человекъ—115; его ярость противъ христіанъ—116; сознаніе имъ своего заблужденія въ преслѣдованіи церкви—118; самъ подъ преслѣдованіемъ—119; данное ему порученіе въ Дамаскъ—122; размышленіе по пути въ Дамаскъ—обращеніе—123—133; внутренняя борьба—128—9; увѣренность, что съ нимъ говорилъ Богъ—132; слѣдствіе видѣнія имъ І. Христа—132, 133; его слѣдствіе—132; два разсказа объ его обращеніи—134—5; немедленно по обращеніи отведенъ слѣпымъ въ Дамаскъ—136—7;

вступленіе въ Дамаскъ и выходъ изъ него—136 его обращеніе какъ доказательство истинности христіанства—138; Христосъ для него все во всемъ и его свидѣтельство о Христѣ—138; проповѣдникъ креста и Распятія—139; назарининъ—140; необходимая подготовка для его великаго дѣла—143; нужда въ уединеніи и удаленіи въ Аравію—141; источникъ его апостольства—143—4; состояніе его духа послѣ обращенія—145—6; его отношеніе къ Моисею и Моисееву закону—146; его „жало во плоть“—147 и сл.; слѣды его „жала во плоть“—148 и сл.; цѣль его „жала во плоть“—151; возвращеніе и проповѣдь въ Дамаскъ—153 и сл.; какъ его проповѣдь была принята іудеями въ Дамаскъ—154—5; бичеваніе отъ іудеевъ—156; бѣгство изъ Дамаска—157; путешествіе изъ Дамаска въ Іерусалимъ и оказанный ему тамъ пріемъ—157—62; встрѣча съ ап. Петромъ въ Іерусалимѣ—161; сравненіе съ Іаковомъ—162—3; раннее отношеніе съ Іосифомъ, Варнавой и Маркомъ—163—6; раннее испытаніе—167; дражды сохраненъ Варнавой для дѣла христіанства—166, 197; признаніе его со стороны апостоловъ чрезъ посредство Варнавы—166; раннее служеніе, опасности, побѣги.—второе видѣніе и назначеніе на дѣло проповѣди язычникамъ—167 и сл.; опять въ Тарсѣ—168; кораблекрушенія—168; какъ апостолъ народовъ—178 и сл.; значеніе для успѣха церкви дѣятельности ап. Павла, Стефана и Филиппа—196; начало дѣятельности ап. Павла совмѣстно съ Варнавой въ Антиохіи Сирийской—196—7; проповѣдь въ Антиохіи Сирийской и ея результаты—202 и сл.; назначеніе его съ Варнавой Духомъ Св. на дѣло обращенія міра—230; апостолъ язычниковъ—230; первое апостольское путешествіе—231, 266; описаніе ап. Павла 234—5; поражаетъ Елиму слѣпотой—243; его чудеса—243, 261; вдовецъ и бездѣтный—236; недостатки и восполненіе ихъ прензбыточествующими дарами—235—7; на Кипрѣ—238 и сл.; въ Саламинѣ—240—1; причина перемѣны его имени—244; Маркъ оставляетъ ап. Павла въ Пергіи—246—7; въ Антиохіи Писидійской—251—2; проповѣдуетъ тамъ—254 и сл.; результаты проповѣди—257—8; по отверженіи Евангелія іудеями обращается къ язычникамъ—258; въ Иконіи—258, 259; проповѣдуетъ въ Иконіи—261; результаты проповѣди—261 и сл.; въ Листрѣ—261; проповѣдуетъ тамъ—261; исцѣляетъ калѣку—261; ап. Павелъ и Варнава принимаются за боговъ—261—2; отверженіе предлагаемыхъ имъ почестей—262; побіеніе ихъ камнями со стороны іудеевъ въ Листрѣ—264; обращаетъ Тимофея—264; съ Варнавой оставляетъ Листру—265; въ Дервіи—265; дѣятельность и ея успѣшность—265; Гай и другіе друзья и обращенцы—265; возвращеніе изъ Дервіи въ Антиохію Сирийскую, конецъ перваго апостольскаго путешествія—267—8; убѣжденія послѣ перваго апостольскаго путешествія—268—9; сознаніе особаго предназначенія для проповѣди язычникамъ—270—1; съ Варнавой отправляется въ Іерусалимъ по вопросу объ

обрѣзаніи—276; обращаетъ Тита, который отправляется съ нимъ въ Іерусалимъ—277; убѣждаетъ Іоанна, Петра и Іакова въ томъ, что обрѣзаніе не необходимо—278; заботливость о бѣдныхъ въ церкви іерусалимской—279; обрѣзываетъ Тимофея—280; назорейскій обѣтъ—282; съ Петромъ въ Антиохіи Сирійской—295 и сл.; выдающійся руководитель церкви—296; вліяніе его въ Антиохіи, гдѣ къ нему присоединяется Сила—296; укоряетъ Петра за перемену отношеній къ язычникамъ—298 и сл.; результатъ укора Петру—299 и сл.; разладъ съ Варнавой по поводу Марка—302—3; разлученіе ихъ—303; взаимная потеря для ап. Павла и Варнавы, хотя дружба ихъ и не прекратилась—303; принятіе Марка опять въ качествѣ сотрудника—303—4, 793, прим. 2403; второе апостольское путешествіе—305—410; посѣщеніе церквей Сиріи и Киликии, Тарса, Дерви и Листры—306 и сл.; любовь къ Тимофею—310; любовь къ церквамъ—310; обрѣзаніе Тимофея и Тита—312; проходитъ Фригію и Галатію—313; посѣщаетъ Иконію—313; Антиохію Писидійскую—313; посѣщаетъ іудеевъ на берегахъ Евфрата, Галатію и слѣдствія этого посѣщенія—313—4; болѣзнь въ Галатіи—315; причина болѣзни—316; доброта галатовъ—316—7; церкви, основанныя въ Галатіи—319; посѣщаетъ Воеинію, Троаду, Александрію—319 и сл.; встрѣчается съ Лукой—321; вѣрность ему Луки—321; беретъ съ собою Луку изъ Троады—321; отношенія съ Лукою—322; въ Филиппахъ—324 и сл.; служеніе въ Филиппахъ—326; крещеніе Лидіи изъ Фіатиръ—326; пользуется гостепріимствомъ Лидіи—326; причина принятія денежной помощи отъ одной только церкви Филиппійской—326; сотрудники его въ Филиппахъ—327—8; изгоняетъ духа прорицательнаго изъ одержимой имъ дѣвцы—329—30; гнѣвъ ея владѣтелей—330; обвиненіе противъ ап. Павла и Силы—330; заключеніе въ темницу и бичеваніе—332—3; обращеніе и крещеніе начальника тюрьмы—333—4; опасеніе начальниковъ города—334; ап. Павелъ и Сила оставляютъ Филиппы—335, оставляютъ Луку въ городѣ—335; въ Фессалоникѣ—336 и сл.; ихъ бѣдность во время пребыванія тамъ—339; служеніе тамъ—339 и сл.; проповѣдуетъ Христа въ синагогѣ—339; вѣрующіе главнымъ образомъ среди язычниковъ—339—40; посланія къ Фессалоникійцамъ—341 и сл.; опасности—343; ненависть къ ап. Павлу со стороны іудеевъ—343; ап. Павелъ скрывается—344; бѣгство изъ Фессалоники—344—5; вмѣстѣ съ Силою оставляетъ Фессалонику и отправляется въ Берію—345; Аѳины—348 и сл.; его душевное состояніе въ Аѳинахъ—350, 355; сношенія съ іудеями Аѳинъ—357; жертвеникъ невѣдомому Богу—356; проповѣдуетъ въ Аѳинахъ—360; результатъ проповѣди—359 и сл.; взглядъ на него въ обществѣ—359—60; отвѣчаетъ на вопросъ аѳинянъ—362—3; проповѣдуетъ объ истинномъ Богѣ и воскресеніи мертвыхъ—363—6; тактъ въ обращеніи къ аѳинянамъ—364; оставляетъ Аѳины—367; кажущаяся неудача проповѣди—367; зародышъ по-

были въ самой неудачѣ—367—8; въ Коринѣхъ—369; посланія къ Коринѳянамъ и Фессалоникійцамъ—372; скорбь по случаю нравственныхъ вѣстроений въ Коринѣхъ—373 и сл.; не жаждетъ ничего принимать отъ коринѳянъ, чтобы не дать повода къ клеветѣ на себя—374; отношеніе къ Акилѣ и Прискилѣ—374; работаетъ въ качествѣ дѣлателя палатокъ—375; къ нему присоединяются Сила и Тимофей—375; принимаетъ приношенія отъ филиппійскихъ христіанъ—375; основываетъ церковь въ Коринѣхъ—376—7; жалобы на ап. Павла со стороны іудеевъ Коринѳа—379—80; Галліонъ не позволяетъ ему сказать защитительную рѣчь—380; освобожденіе его Галліономъ—380; его предполагаемая переписка съ Сенекой—подложна—383; пишетъ первое посланіе къ Фессалоникійцамъ, вѣроятно, самое раннее изъ его посланій—384; изложеніе 1 Фесс.—384 и сл.; выраженіе въ его посланіяхъ волновавшихъ его чувствъ—386; безпокойство касательно того, какъ были принимаемы его посланія—386; привѣтствіе и вступленіе въ его посланіяхъ—387; благодареніе за фессалоникійскихъ христіанъ въ 1 Ефес.—388; опасности въ Фессалоникѣ и Филиппахъ—390; клеветы отъ іудеевъ и язычниковъ—390; отвѣтъ на фессалоникійскія клеветы, опровергаемыя его жизнью и безкорыстіемъ—390; ничего не беретъ отъ нихъ—390; гоненіе отъ іудеевъ—391; радость по случаю добрыхъ извѣстій о христіанахъ Фессалоники—391; посѣщеніе Фессалоники Тимофеемъ—391; его сообщеніе о найденной тамъ вѣрѣ—391; внушаетъ фессалоникійцамъ правила нравственной христіанской обязанности—392; о воскресеніи мертвыхъ—393 и сл.; исправляетъ ошибочные взгляды касательно близости втораго прішествія Господня—397; изложеніе 2 Фесс. 397 и сл.; взглядъ на время втораго прішествія—398; цѣль 2 Фесс.—400, 402; пребываніе въ Коринѣхъ—408; въ Ефесѣ—409, 411 и сл.; временный назорейскій обѣтъ и связанное съ нимъ условіе—409; проповѣдуетъ Христа въ Ефесѣ—409; отправляется въ Іерусалимъ въ четвертый разъ—410; перечисленіе его четырехъ посѣщеній Іерусалима—410; конецъ втораго апостольскаго путешествія—410; пріемъ ему въ Іерусалимѣ—410; третье апостольское путешествіе—411—604; опять отправляется въ Антиохію и опять посѣщаетъ церкви Фригіи и Галатіи—411; опасность въ Ефесѣ—419; свидѣтельство объ Аполлосѣ—421; труды въ Ефесѣ—421—2; отдѣляетъ своихъ учениковъ отъ іудеевъ Ефеса и ведетъ ежедневныя бесѣды въ школѣ Тиранна—422; успѣхъ проповѣди въ Ефесѣ—423; опасности—мятежъ въ Ефесѣ со стороны поклонниковъ Діаны—432 и сл.; оставляетъ Ефесъ—438; присоединеніе къ нему двоихъ ефесянъ—Тихика и Трофима—438; попеченіе о коринѳскихъ церквахъ—439—41; печаль по случаю извѣстій изъ Коринѳа—444—5; начинаетъ первое посланіе къ Коринѳянамъ—448; объясненіе коринѳянамъ дѣли его миссіи—450; провозглашаетъ ученіе о распятомъ Спасителѣ—450; увѣщаваетъ къ единенію во Христѣ—451; осуж-

даетъ раздѣленія въ церкви—451; предостерегаетъ противъ ложныхъ учителей—451—2; дѣло кровосмѣсника въ коринтской церкви—454; о цѣломудріи—456—7; идоложертвенное—457; воскресеніе мертвыхъ—465—8; о бракѣ и дѣвствѣ—456; его собственная борьба—458; примѣры тѣхъ, кто пали по недостатку самоограниченія—458; о покрытіи или непокрытіи головы при богослуженіи—460—1; осужденіе безпорядковъ въ Коринѣ во время совершенія евхаристіи—461; о любви—463 и сл.; изъ Ефеса отправляется въ Троаду и оттуда (вслѣдствіе видѣнія) направляется въ Македонію—471; предметы содержанія различныхъ посланій—474; самозащита предъ коринтіянами—474 и сл., 480 и сл.; борьба (въ трехъ фазисахъ) съ иудействомъ въ посланіяхъ—2 Коринѣ, Галат. и Римл.—478; источникъ его апостольскаго авторитета—478 и сл.; характеръ его проповѣди, какъ онъ опредѣленъ имъ самимъ—483 и сл.; его служеніе есть служеніе примиренія—485; самъ онъ какъ посланникъ Христа—485; не составляетъ бремени для коринтіянъ—487; простота рѣчи, негодованіе и иронія и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкость и нѣжность 2 Коринѣ. съ конца IX—487 и сл.; предостереженіе противъ ложныхъ учителей—489—90; его собственные труды и опасности—491 и сл.; видѣнія и откровенія—492 и сл.; путешествіе и труды въ Македоніи—495 и сл.; залогъ апостоламъ въ Иерусалимѣ—497; оставляетъ Македонію и возвращается въ Коринѣ—498; его спутники—500; отсутствіе извѣстій касательно его сношенія съ церковью въ Коринѣ по возвращеніи туда—501—2; основаніе для заключенія касательно успѣхности его борьбы съ коринтскими затрудненіями—502; раскрытіе душевныхъ мыслей въ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ—502; печаль по случаю успѣха иудействующихъ учителей въ Антиохіи и Коринѣ и въ Галатіи—503—4; отсюда посланіе Галатамъ—504; обвиненія противъ него со стороны иудействующихъ учителей и его отвѣты—506; противоѣдѣніе защитниковъ необходимости обрѣзанія—507 и сл.; апостольскій авторитетъ, впервые заявленный и доказанный въ посланіи къ Галатамъ—513; рѣшимость идти въ Иерусалимъ не смотря на всѣ опасности и затѣи въ Римѣ—524; его вѣра въ Бога—524—5; сомнѣнія касательно разсказовъ объ его мученичествѣ—530; защитникъ ученія, что духовное сѣмя Авраама есть только истинный Израиль Божій—538; объясненіе изреченія пр. Аввакума о жизни вѣрою—544; причина нѣкоторыхъ логическихъ недостатковъ въ его положеніяхъ—556; возраженія на его доводы въ посланіи къ Римлянамъ—564—5; употребленіе имъ различныхъ методовъ аргументаціи—565; кажущееся противорѣчіе въ его писаніяхъ—565—6; ревность къ истинѣ—566; равнодушіе къ кажущимся логическимъ несообразностямъ въ его ученіи—565—6; скорбь объ ожесточеніи сердца—575; любовь къ иудеямъ—576; покровительство отъ римскаго безпристрастія въ лицѣ Галліона, Лизія, Феликса и Феста—584; заговоръ иудеевъ противъ его

жизни—591; Сосипатръ, Аристархъ, Секундъ, Гай, Тимофей, Тихикъ, Трофимъ и Лука—его сотоварищи—593; въ Филиппахъ—593; въ Троадѣ—593 и сл.; путешествіе мимо Лесбоса, Хиоса, Самоса и Трогиллія въ Милетъ—597; свиданіе съ пресвитерами ефесской церкви въ Милетѣ—598, 600; путешествіе изъ Милета мимо Коса, Книда, Родоса, Патары и Кипра въ Тиръ—600—1; въ Тирѣ—602; посѣщаетъ Филиппа евангелиста въ Кесаріи—602; пятое посѣщеніе Иерусалима и конецъ третьяго апостольскаго путешествія—604; пріемъ ему отъ Іакова и пресвитеровъ церкви іерусалимской—ихъ предложеніе ему—605—7; принимаетъ предложеніе касательно назорейскаго обѣта—611; взрывъ ярости противъ него со стороны иудеевъ въ храмѣ—616; обвиняется иудеями въ оскверненіи храма—616; избавляется Лизіемъ отъ иудеевъ въ храмѣ—618; обращается къ иудеямъ съ рѣчью—618—9; приказъ бичевать его и заявленіе имъ своихъ правъ римскаго гражданства—621—2; передъ синедриономъ, грубое отношеніе къ нему первосвященника, его протестъ и самозащита—623 и сл.; получаетъ ободреніе въ видѣніи—629; спасается своимъ племянникомъ отъ заговора иудеевъ противъ его жизни—630 и сл.; отсылается Лизіемъ въ Кесарію подъ военнымъ конвоемъ—632—3; образъ дѣйствій Лизія—630; письмо Лизія къ Феликсу—631—2; приговоренія къ суду предъ Феликсомъ—634 и сл.; защита предъ Феликсомъ—637; ап. Павелъ вновь требуется лично къ Феликсу—638; сила его доводовъ предъ Феликсомъ—638—9; попытка Феликса вынудить отъ ап. Павла взятку за освобожденіе—639; предъ Фестомъ—апелляція къ Кесарю—643 и сл.; предъ Фестомъ и Агриппой—650; его защитительная рѣчь—650 и сл.; отсылается подъ надзоромъ Юлія сотника въ Римъ съ Лукою и Аристархомъ, какъ его спутниками—654—6; путешествіе въ Римъ мимо Сидона, Кипра, Меры, Книда, Хорошихъ Пристаней, его мужество въ опасности.—Мелита—656 и сл.; кораблекрушеніе при Мелитѣ—665 и сл.; Ехидна на Мелитѣ—670; объявляется Богомъ—671; исцѣляетъ отца Публия—671; путешествіе въ Римъ съ о. Мелиты чрезъ Сиракузы, Регію, Путеолы, Байи, Капую, Аппіеву площадь, Три Гостинницы—671—5; обращеніе съ нимъ въ Римѣ—675 и сл.; его узъ—676; апелляція къ Кесарю—676; обращается съ рѣчью къ иудеямъ въ Римѣ—677; его сотоварищи и друзья въ Римѣ—Тимофей, Лука, Аристархъ, Тихикъ, Епафродитъ, Епафрасъ, Маркъ, Димасъ—678; два года пребыванія и невозбранной проповѣди въ Римѣ—679; его помѣщеніе—680—1; опасенія и неудачи—681; отсрочка суда надъ нимъ—681; средства къ жизни—682; успѣхъ его проповѣди—682 и сл.; положеніе въ Римѣ—684—5; разное образовіе чертъ въ его посланіяхъ—689 и сл.; посланія, написанныя въ узѣхъ—689 и сл.; общее попеченіе о немъ Лидіи и другихъ филиппійскихъ друзей во время тюремнаго заключенія въ Римѣ—695—6; равнодушіе римскихъ христіанъ—695; разсказъ филиппійцамъ о себѣ—

700; смиреніе въ его служеніи и предостереженіе церкви Колосской противъ ложныхъ учителей—722; судъ, оправданіе, освобожденіе и ходъ дальнѣйшихъ событій до смерти—755; предполагаемое посѣщеніе имъ Испаніи—758; посѣщаетъ о. Критъ—767; основываетъ церковь на о. Критъ—767; послѣдніе дни—774 и сл.; опасенія гностицизма—776; желаніе укрѣпить церковь противъ гностицизма—776; отношенія между ап. Павломъ и Тимофеемъ—778; сотоварищи во время послѣдняго тюремнаго заключенія—779; пишетъ Тимофею о своей одинокости въ тюрьмѣ, о помощи Божіей и о судѣ—783; трудности втораго тюремнаго заключенія въ Римѣ и перемѣны въ его положеніи—779—81; остается въ своей одинокости своими друзьями и только вѣрный Лука съ нимъ—781; сердечное расположеніе къ нему Онисифора, посѣтившаго его въ темницѣ и благодарности ему—778, 782; послѣдній судъ надъ нимъ, немногія о немъ свидѣнія, упованіе на Бога—782—3, 787; желаніе его еще разъ повидать Тимофея—788; послѣднее посланіе—790 и сл.; прощаніе съ Тимофеемъ—793; личныя дѣла—793; просьба о присылкѣ фелони, книгъ и пергаментовъ изъ Трои—794—6; окончательный судъ, осужденіе, смерть—799 и сл.; казущаяся неудача и величіе дѣйствительнаго успѣха дѣла—681—2; плоды его жизни и трудовъ—803—4; вѣнецъ праведности—803—4; слогъ, какъ выразитель его характера—807—12; отзывы различныхъ писателей объ его слогѣ—807 и сл.; риторика—812—16; классическія цитаты и ссылки—816—22; гагадистъ—822—27; ап. Павелъ и Филонъ—822 и сл.; въ Аравіи—833—4; „жало въ плоть“—834—841; апп. Павелъ и Іоаннъ—850—2; нападенія на ап. Павла въ Клементинахъ—852—4; богословіе и антиноміи—858—9; доказательства его освобожденія—871—4; хронологія его жизни и посланій—887—9; годы написанія его посланій—890—2; свидѣтельство преданія объ его наружности—892—3.

Павелъ Сергій проконсулъ о. Кипра, стр. 241, 849—50.

Пала Адрианъ (см. Адрианъ VI).

Паревонъ—посвященіе его Пресвятой Дѣвѣ Маріи, стр. 368.

Пастырскія посланія ап. Павла, подлинность ихъ, стр. 774 и сл., 874 и сл.

Пасха—горница, гдѣ она была совершена, стр. 58, 220.

Пафъ, предсказатели въ немъ, стр. 241—2.

Пергаменты и книги ап. Павла въ Троицѣ, стр. 25, 794 и сл.

Петръ, апостолъ краеугольнаго камня, стр. 1; первая пятидесятница—55 и сл.; рѣчь его и ея дѣйствіе—70—1; чудеса—73, 182; приемъ его ап. Павлу въ Іерусалимѣ—161—2; допущеніе имъ язычниковъ въ церковь—179—80; укоряетъ Симона волхва—180; въ домѣ Симона кожевника—182; видѣніе въ Іоппѣ и его значеніе—188—90; посланные отъ Корнелія сотника—191; рѣчь къ язычникамъ въ Кесаріи и ея вліяніе—192—3; рѣчь въ Іерусалимѣ и ея результаты—

193—4; въ темницѣ—214; освобожденіе изъ темницы ангеломъ—215, склоняется къ возвращенію ап. Павла на обрѣзаніе—278; рѣчь его по вопросу объ обрѣзаніи—285; независимость іудейства и свободное общеніе съ язычниками—297; укоръ ему отъ ап. Павла за перемѣну въ отношеніи къ язычникамъ—298 и сл.; духъ, съ которымъ онъ отнесся къ этому укору—299, 300; сомнѣнія касательно обстоятельствъ его мученичества—530; онъ не есть основатель римской церкви—530.

Петръ и Іоаннъ—два главные апостола, стр. 1; передъ главными священниками—73; знаніе ими духа Христова—852.

Петръ и Павелъ апостола въ Антиохіи Сирійской, стр. 296.

Пилать—его судейское безпристрастіе, стр. 380.

Писаніе св.—дѣлаемое изъ него употребленіе ап. Павломъ, стр. 32—3.

Пища, правила ап. Павла касательно пищи, стр. 585—6.

Плиній—о христіанахъ въ Виеннѣ, стр. 226; нисъмо его къ Сабиніану—863.

Плиній младшій о христіанствѣ, стр. 848.

Покрытіе головы женщинами, стр. 460—1.

Помпей—поселеніе имъ іудеевъ въ Римѣ, стр. 526; отношеніе его къ нимъ и слѣдствія этого—526—7.

Помпея—нравственное состояніе ея передъ гибелью, какъ показывающее степень нравственнаго состоянія такихъ городовъ, какъ Тарсъ, Ефесъ, Коринѣ и Милетъ, стр. 24.

Понцій Пилать (см. Пилать).

Rogcia Lex, стр. 28.

Порцій Фестъ (см. Фестъ).

Посланіе—посланія ап. Павла, ихъ значеніе, стр. 2; подлинность—5—7; сравненіе ихъ съ поэзіей въ псалмахъ Давида—12; ихъ свидѣтельства касательно „жала въ плоть“—147 и сл.; посланія ап. Павла въ сравненіи съ нагорною проповѣдью Спасителя—386; ихъ характеръ—386; пріѣздовъ и вступленія—387—8; особенности 1 посл. къ Фессалоникийцамъ—388 и сл.; 2 Фесс. изложеніе его—397 и сл.; дѣль этого посланія—400, 402; особенность въ планѣ и раздѣленіи 1 и 2 посланій къ Коринѣ—402; объясненіе 2 Фесс. II гл. 1—12, ст. 403 и сл.; 1 Кор. написано въ послѣднее пребываніе ап. Павла въ Ефесѣ—439; поводъ къ этому посланію—442 и сл.; изложеніе его—449 и сл.; содержаніе нѣсколькихъ посланій—474; 2 къ Коринѣянамъ, изложеніе его—478 и сл.; посланія къ Галатамъ и Римлянамъ написаны въ Коринѣ—500; причина посланія къ Галатамъ—504; дѣль его—доказать, что обрѣзаніе не необходимо—506—7; важныя слѣдствія посланія къ Галатамъ—510—11; изложеніе его—512 и сл.; поводъ къ написанію посланія къ Римлянамъ—525; изложеніе его—526 и сл.; заключеніе, какъ оно вѣроятно предполагалось первоначально—590; дѣйствительное заключеніе—590; посланія, написанныя въ Коринѣ, составляли предметъ проповѣди ап. Павла въ этомъ городѣ—592; ихъ отношеніе къ

жизни апостола—раздѣленіе на группы—689 и сл.; порядокъ, въ которомъ написаны—692; посланія изъ узъ—693 и сл.; къ Колоссянамъ—711 и сл.; къ Филимону—727 и сл.; христология посланій, написанныхъ въ узѣхъ—717—8; посланіе къ Ефессянамъ—736 и сл.; поводъ къ этому посланію, его подлинность, предметъ, слогъ, въ сравненіи съ посланіемъ къ Колоссянамъ—736 и сл.; пастырскія посланія—754 и сл.; 1 Тимофею—758 и сл.; къ Титу—770 и сл.; подлинность пастырскихъ посланій—774—5, 874 и сл.; сообщеніе ап. Павла Тимоѳею о его одиночествѣ въ темницѣ и приближеніи конца—788—9; главные прописные манускрипты—860—1; раздѣленіе посланій на группы—862—3; фразеология и ученіе посланія къ Ефессянамъ—869—71; хронологія посланій ап. Павла—887—9; время написанія каждого изъ нихъ—890—2.

Правители гражданскіе, обязанности по отношенію къ нимъ—583—4; ихъ назначеніе—584; ученіе ап. Павла о повиновеніи имъ—584—5.

Праведность Божія—ея дѣйствіе на человѣка—542; праведность закона и что зависѣло отъ нея—43 (см. Богъ).

Правители, современные ап. Павлу, таблица ихъ—890—2.

Преданіе о двѣнадцати годахъ какъ предѣлъ, назначенномъ Спасителемъ для пребыванія Его учениковъ въ Иерусалимѣ, стр. 219.

Предопредѣленіе—смыслъ его, стр. 572; совмѣстимость съ свободною волею человѣка—572—3; связанныя съ нимъ затрудненія разрѣшаются безконечностью любви Божіей—574; взглядъ на него ап. Павла—858—9.

Прискилла и Аккила, ихъ отношенія къ ап. Павлу, стр. 374.

Прозелиты, греки—ихъ обращеніе, стр. 196; налагавшееся на нихъ бремя—845.

Пробразы, стр. 37.

Прописные манускрипты книги Дѣяній Апостольскихъ и посланій ап. Павла, стр. 860—1.

Проповѣдь нагорная въ сравненіи съ посланіями ап. Павла, стр. 386.

Пророки—предсказывали призваніе язычниковъ, стр. 185.

Пророчество—исполненное на Мессіи, стр. 102—3.

Прощеніе искупленныхъ, взглядъ ап. Павла, стр. 858.

Псалмы—позсія ихъ въ сравненіи съ посланіями ап. Павла, стр. 12.

Публий, исцѣленіе отца его ап. Павломъ въ Мелитѣ, стр. 671.

Путешествіе ап. Павла въ Римъ, стр. 654 и сл. (см. Павелъ).

Путешествія—апостольскія ап. Павла (см. апостольскія путешествія).

Пятидесятница—первая послѣ воскресенія Спасителя, стр. 61; начало окончательнаго періода въ отношеніи Бога къ людямъ—61; наплывъ народа въ Иерусалимъ—69; событія во время праздника—69—71.

Раавъ—мѣсто ея въ родословіи Спасителя, стр. 223.

Раббанъ, Равви, стр. 30.

Рабы и господа—въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, стр. 764—5.

Раввинъ, раввины—школы ихъ, стр. 27 и сл.; неправильное отношеніе ихъ къ устному закону—42; „оцѣживали комаровъ и проглатывали верблюдовъ“—46; іерусалимскіе, невѣдѣніе ихъ въ отношеніи духа даровъ Божіихъ—85.

Разсѣяніе избраннаго народа, стр. 78—9; слѣдствія его для іудеевъ, грековъ и римлянъ—80 и сл.

Римляне—посланіе къ нимъ, поводъ къ нему, стр. 525; изложеніе его—526 и сл.; обращено къ іудеямъ, такъ и къ язычникамъ—531; вѣроятно сдѣланы съ него копии и разосланы другимъ церквамъ какъ напр. въ Ефесъ и Фессалонику—532; цѣль его—532 и сл.; характеръ и стиль—532 и сл.; характеръ церкви, когда апостолъ писалъ посланіе—533; причины его—533; духъ, въ которомъ написано посланіе—533—4; вѣроятное происхожденіе посланія—535; Исусъ Христосъ какъ общее основаніе для іудея и язычника—сущность какъ этого такъ и другихъ посланій ап. Павла—536; очеркъ посланія—536 и сл.; привѣтствіе и вступленіе—539—40; благодареніе за вѣру римлянъ—540; римскіе христіане—540; правда Божія, открытая въ евангеліи Креста какъ іудею, такъ и язычнику—541; основная истина посланія—541—2; правда Божія—различные источники и откровенія ея—542 и сл.; грѣхи язычества—546—7; іудей, какъ одинаково повинные вмѣстѣ съ язычниками—547; бесполезность обрѣзанія—550—1; оправданіе—свободный даръ Божій—554; всеобщность грѣха и оправданія—556; единымъ грѣхъ, единымъ и оправданіе—556—7; цѣль закона—557—8; отношенія грѣха и благодати—558; почему законъ безсиленъ оправдывать—559—60, 561—2; христіанитъ мертвъ для своего прежняго нравственнаго состоянія, возсталъ къ новому бытію, ибо Христосъ въ своемъ распятіи тѣлѣ разрушилъ силу грѣха—566—7; предопредѣленіе и свободная воля не несомѣстимы между собою—572 и сл.; іудей и ихъ паденіе—574 и сл.; ихъ надежды на возстановленіе—576 и сл.; наставленіе повиноваться гражданской власти—583—4; почтеніе ап. Павла къ гражданскимъ властямъ, доказываемое опытами его жизни—584; наставленія касательно поста и употребленія пищи—585—6; слабые и сильные—586 и сл.; защита ап. Павломъ своихъ посланій—589; вѣроятный конецъ посланія, какъ онъ предполагался сначала—509; его дѣйствительное заключеніе—509—10.

Римлянинъ, римляне—вліяніе на нихъ разсѣянія іудеевъ, стр. 80; ихъ первоначальные взгляды на христіанъ—380; ихъ судейское безпристрастіе къ обвиняемымъ христіанамъ—380; апоѳеоза ихъ императоровъ—843—5.

Римъ—состояніе его во времена апостоловъ, какъ оно описано ап. Іоанномъ, Сенекой и Ювеналомъ, стр. 227—9; поселеніе въ немъ іудеевъ

Помпеемъ—526; введеніе христіанства—528; іудейскіе я языческіе элементы въ ранней церкви Рима—528—532; безпристрастіе его законовъ по отношенію къ ап. Павлу—584; увѣренность ап. Павла въ римскихъ христіанахъ—589; ап. Павелъ въ Римѣ—675 и сл.; его общественное состояніе, первые христіане въ немъ—681 и сл., главныя вліянія въ немъ во время пребыванія ап. Павла въ немъ—685; равнодушіе римскихъ христіанъ къ нуждамъ ап. Павла сравнительно съ попечительною любовію филиппійцевъ—695—6, 759.

Руевъ какъ праматерь Христа, стр. 223.

Сабиніанъ, письмо Плінія къ нему, стр. 863.
„Савль—гонитель“, стр. 115 и сл. (см. Павелъ).

„Савль—фарисей“, стр. 40 и сл.

Саддукеи—тщательное соблюденіе ими субботы, стр. 46.

Саламинъ—іудей въ немъ, стр. 240; ап. Павелъ и Варнава въ немъ—240—1.

Сапфира (см. Ананія).

Сарданапалъ, статуя его въ Анхіалѣ, стр. 20.

Светоній—его ошибка въ отношеніи І. Христа, стр. 226; его взглядъ на христіанство—226, 847.

Свободная воля, взглядъ на нее ап. Павла, стр. 858.

Святой Духъ—обѣтованіе Его апостоламъ, стр. 56; сошествіе на апостоловъ—стр. 64; слѣдствіе этого дара—65.

Священники—главные—судъ ихъ надъ апп. Петромъ и Іоанномъ, стр. 73; многіе іудейскіе, „послушные вѣрѣ“ Христовой—92.

Семьдесятъ—переводъ Библии семидесятью толковниками, какъ самыми учеными лицами изъ іудеевъ разсѣянныя, стр. 88.

Сенека—описаніе имъ Рима, стр. 227; отношеніе къ Галліону—379; подложность предполагаемой переписки его съ ап. Павломъ—383; отзывъ объ іудеяхъ въ Римѣ—527—8; попалъ въ немилость у Нерона—687.

Сергій Павелъ, проконсулъ о. Кипра, стр. 241, 849—50.

Сеянъ—его попытка изгнать іудеевъ изъ Рима, стр. 527; преслѣдованіе іудеевъ—584.

Сила—присоединяется къ ап. Павлу въ Антиохіи Сирійской, стр. 296; спутникъ ап. Павла въ его путешествіяхъ—305—6; (см. Павелъ).

Сильванъ (см. Сила).

Симеонъ—его предсказаніе о Спасителѣ какъ свѣтъ для язычниковъ, стр. 223.

Симеонъ Нигеръ—положеніе его въ церкви въ Антиохіи Сирійской, стр. 222.

Симонъ волхвъ, стр. 180, 242.

Симонъ Петръ (см. Петръ).

Синедріонъ—не боявшійся Господа Иисуса Христа, убоялся двухъ учениковъ Его, стр. 73; ярость его вслѣдствіе рѣчи Св. Стефана—111; обвинялся въ слабости власти во время мученичества Св. Стефана—116; бракъ какъ условіе членства въ немъ—115; ап. Павелъ членъ его—115—6.

Синтихія и Еводія—влиятельныя женщины въ церкви Македонской, стр. 327; (см. Еводія).

Скева ефесскій, чернокожиіе его сыновей въ Ефесѣ и пораженіе ихъ духомъ вслѣдствіе употребленія ими имени Иисуса, стр. 424—5.

Смерть побѣжденная жизнью, стр. 556—7.

Совѣсть, блаженство чистой совѣсти, стр. 588.

Сосуды гнѣва и милости, стр. 576.

Софонія—пророчество его о всеобщемъ богопоклоненіи Іеговъ, стр. 223.

Сосеонъ—произведенное надъ нимъ побойще предъ глазами Галліона, стр. 381.

Спаситель (см. Иисусъ).

Спиноза, стр. 3.

Стефанъ св.—вліяніе послѣднихъ словъ его на ап. Павла, стр. 51; Стефанъ и еллинисты—78;—избраніе его однимъ изъ семи діаконовъ—90; вліяніе его на ап. Павла—91; онъ былъ болѣе учителемъ ап. Павла, чѣмъ Гамалиилъ—91; вѣроятно слышалъ проповѣдь Самого І. Христа, хотя преданіе, что онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ, не имѣетъ достаточныхъ основаній—93; избранъ въ диаконы за свою вѣру—93; самый выдающійся изъ семи діаконовъ—94; по своимъ дѣламъ среди народа равный апостоламъ—94; его великое участіе въ распространеніи церкви—94; не только діакономъ, но и благовѣстникъ—94; сравненіе его съ двѣнадцатымъ—94; его разсужденіе въ синагогѣ либертинцевъ—100; его торжество въ аргументаціи—100; результатъ этого—101; его взглядъ на законъ Моисеевъ, какъ богохульство для іудеевъ—106; взятіе его на судъ синедріона—105; его взглядъ на устный законъ—106; обвиненія противъ него со стороны лжесвидѣтелей—106; его отвѣтъ—сокращенное изложеніе исторіи іудейскаго народа до распятія Христа—108; видѣніе имъ славы Божіей—113; мученичество 113 и сл.; его молитва за своихъ убійцъ—114; погребеніе—116; сравнительное значеніе св. Стефана, апп. Филиппа и Павла въ дѣлѣ распространенія церкви—196.

Стояки, стояцкіе, стр. 229.

Суббота—субботство фарисеевъ и саддукеевъ, стр. 46.

Субботній годъ—соблюденіе его, стр. 46.

Судъ—ученіе о немъ ап. Павла стр. 858 и 859.

Тавноа—воскрешеніе ея изъ мертвыхъ, стр. 182.

Тайная вечеря, горница, въ которой она совершилась, стр. 58, 220.

Талмудъ—благородные характеры въ немъ, стр. 31; обрядовыя правила—38, 39; аллегоріи—43; разсказы изъ него—865.

Тарсъ—родина ап. Павла, стр. 10; описаніе его и черты окружающей природы—12; торговля и политическія выгоды мѣстоположенія—14—15; торговое процвѣтаніе—15; его нравственное состояніе во время ап. Павла, 20—21; нравственное состояніе Тарса и сосѣднихъ городовъ судя по даннымъ, представляемымъ Помпеемъ—24.

Тацитъ—его взглядъ на христіанство, стр. 226, 847.

Тертій—писецъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ, стр. 533.

Тертуллъ адвокатъ, его обвинительная рѣчь противъ ап. Павла на судѣ передъ Феликсомъ, стр. 635.

Тиверій, императоръ, смерть его, стр. 170.

Тигеллинъ, преторіанскій префектъ, его характеръ, стр. 780.

Тимоеей—1 посланіе къ нему: изложеніе его, стр. 758 и сл.; цѣль посланія—759; предостереженіе противъ ложныхъ учителей—759—60; внушенія о молитвѣ, спокойствіи, трезвости—761—2; качества необходимыя для занятія священныхъ должностей въ церкви—761; отправляется съ ап. Павломъ въ его путешествіе—310; возвращается съ Силой къ ап. Павлу въ Коринѣ изъ Фессалоники—384; посылается ап. Павломъ въ Фессалонику—391; его сообщеніе о вѣрѣ Фессалоникійцевъ—391; личные совѣты ему ап. Павла—764—5; его отношеніе къ ап. Павлу—778; сообщеніе ему ап. Павла о своемъ одиночествѣ въ темницѣ—783; о помощи Божией—783; о судѣ—783 и сл.

Тимоеей—обращенъ ап. Павломъ въ Листрѣ, стр. 264; обрѣзанъ—280, 312; любовь къ нему ап. Павла—310; посланія къ нему ап. Павла—310; характеръ Тимоеей—310; качества пресвитеровъ и диаконовъ—761 и сл.; правила касательно управленія тѣломъ—762; бракъ—762; вдовство—762; рукоположеніе—762, 764; 2 посланіе къ Тимоею—изложеніе его—774 и сл.; благодарность за доброту Онисифора—778, 782; новое предостереженіе противъ ложныхъ учителей, съ характеристикой ихъ—791 и сл., личные наставленія—какъ пастырю—793; просьба ап. Павла придти къ нему, принести его фелонъ и книги изъ Троицы, и заключеніе—794 и сл.

Титъ—обращенъ ап. Павломъ на о. Кипрѣ, стр. 277; ходилъ съ ап. Павломъ и Варнавою на соборъ іерусалимскій по вопросу объ обрѣзаніи—27; вопросъ о его обрѣзаніи—280, 312; присоединяется къ ап. Павлу въ Македонію—472; посланіе къ нему ап. Павла, изложеніе его—766 и сл.; руководящая мысль посланія—здоровствѣ ученивъ—771—2.

Тихикъ Ефесскій присоединяется къ ап. Павлу—438; сотрудникъ ап. Павла, стр. 772.

Троица—фелонъ и книги ап. Павла, оставленныя тамъ у Карпа, стр. 25, 794 и сл.

Трофимъ Ефесскій—присоединяется къ ап. Павлу, стр. 438; болѣзнь его въ Милетѣ—779.

Узы, посланія ап. Павла, написанныя въ узѣхъ, стр. 689 и сл.

Устный законъ (см. законъ).

Утѣшитель (см. Св. Духъ).

Ученики (см. апостолы).

Фараонъ—объясненіе ожесточенія его сердца, стр. 573.

Фарисеи—ихъ жизнь и законничество, стр. 40 и сл.; тонкости законническаго благочестія—46; соблюденіе субботы—46; крестились, но пони-

мали Христа мепѣе, чѣмъ саддукеи, которые и предали его гражданской власти—104.

Фарисейство—различныя его стороны, стр. 31.

Феликсъ, его судейское безпристрастіе, стр. 380, 584; сдѣланъ прокураторомъ Іудеи въ 52 г.—614; взглядъ на него среди іудеевъ—635; отложилъ окончаніе суда надъ ап. Павломъ вслѣдствіе данныхъ, представленныхъ Лизиемъ—638; трепещетъ вслѣдствіе разсужденій апостола—638—9; его попытка добиться взятки отъ ап. Павла за его освобожденіе—639; его послѣдній актъ несправедливости по отношенію къ ап. Павлу—640—1.

Фелонъ ап. Павла и книги и пергаменты, оставленные въ Троицѣ, стр. 25, 794 и сл.

Фестъ—его судейское безпристрастіе, стр. 380, 584; наследуетъ Феликсу въ качествѣ прокуратора Іудеи въ 60 г. по Р. Хр.—642; приводитъ ап. Павла предъ лицо Агриппы—648 и сл.; его отношеніе къ ап. Павлу—643—6.

Филимонъ—причина посланія къ нему ап. Павла, стр. 727—33; предметъ и изложеніе посланія—734 и сл.

Филиппійцы—матеріальная помощь ихъ ап. Павлу въ Коринѣ, стр. 375, посланіе къ нимъ—693; причины его—695—6; попеченіе объ ап. Павлѣ—695—6; посланіе къ нимъ—увѣщаніе къ сохраненію единенія—697, 701; особенности его—696—8; изложеніе—699 и сл.; ободреніе филиппійцамъ—700—1; различныя предостереженія—703 и сл.; заключеніе—705—6; благодарность за пособіе—705; будущность церкви филиппійской—706.

Филиппъ (евангелистъ) избранный диакономъ, стр. 90; диаконъ и проповѣдникъ евангелія—94; его служеніе—94.

Филиппъ (апостолъ) и Андрей—греческія имена, но распространенныя среди іудеевъ, прим. 237; крещеніе имъ Симона волхва, стр. 180; крещеніе египетскаго евнуха—181; значеніе въ дѣлѣ развитія церкви Филиппа вмѣстѣ съ св. Стефаномъ и ап. Павломъ—196; посѣщеніе его ап. Павломъ въ Кесарію—602.

Филиппы—описаніе ихъ, стр. 324 и сл.; церковь филиппійская одна только оказываетъ матеріальное пособіе ап. Павлу—326; сотрудники ап. Павла тамъ—326—7.

Философы аѳинскіе, стр. 357 и сл.

Флаккъ, правитель Александріи, арестъ его и смерть, стр. 172—3.

Храмъ іерусалимскій—во время первой пятидесятницы по воскресеніи Христа, стр. 61; разрушеніе его—400; обвиненіе ап. Павла въ оскверненіи его—616.

Христіанинъ и хрестіанинъ, стр. 205—6.

Христіане—происхожденіе этого имени и гдѣ впервые оно появилось, стр. 202—3; „христіанинъ“ и „назарянинъ“—205—6; христіанство какъ противоположность іудейству—478; противоположность между ними, какъ она выставлена въ посланіи ап. Павла къ Коринфянамъ—478; христіанское единство (см. единство), отношеніе его къ фарисеямъ и саддукеямъ—93—4;

ихъ положеніе и обряды—95; обвинялись скорѣе въ богохульствѣ, чѣмъ идолопоклонствѣ—116; такъ названы впервые въ Антиохіи Сирійской—202; ихъ стойкость во время гоненій—226; требованіе живой жертвы—581; опасности христіанъ въ Римѣ—583; жизнь христіанна есть жизнь во Христѣ—588.

Христіанство—распространеніе его ап. Павломъ, стр. 2; христіанство—его отношеніе къ іудеямъ—224; взгляды на него Плинія, Тацита и Светонія—226; сравненіе съ стоицизмомъ—229; отношеніе къ искусству—354—5; отзывы о немъ раннихъ языческихъ писателей—847—9; введеніе его въ Римъ—528 и сл.

Христосъ (см. Исусъ).

Хронологія жизни и посланій ап. Павла, стр. 887—9.

Царство Божіе—ошибочное понятіе о немъ, стр. 42—3; основаніе его, цѣль служенія Христа—97; опредѣленіе его—587.

Церковь—ея жизненность съ первыхъ временъ, стр. 56; первые дни ея—72 и сл.; ап. Павелъ дважды обезпеченный Варнавою для дѣла церкви—197; покой и успѣхъ ея—178; дѣло начатое св. Стефаномъ, подвинутое Филиппомъ и завершенное ап. Павломъ—196; ранняя церковь въ Антиохіи Сирійской—222; ложные братья въ церкви въ Антиохіи Сирійской—273; опасность для церкви отъ разногласія по вопросу объ обрѣзаніи—340; успѣхъ церкви въ Аѳинахъ—367—8; церковь, основанная ап. Павломъ въ Коринѣхъ—376; церковь въ Кенхрейхъ—378; опасность для церкви въ Коринѣхъ—440; язычники—не судьи въ церковныхъ вопросахъ—455; качества, необходимыя для занятія церковныхъ должностей—761 и сл.; правила для пастырей и управителей церкви—761, 764 (см. имена отдѣльныхъ церквей).

Цидеронъ—его отзывъ объ аѳинской философіи, стр. 358.

Цѣломудріе, стр. 456—7.

Человѣкъ грѣха“, стр. 855—8.

Человѣкъ—три великихъ эпохи въ его религиозной исторіи, стр. 556; четыре фазиса ея—564; не подъ закономъ, но подъ благодатію—562 и сл.

Чтенія—іудейская книга дневныхъ чтеній, стр. 253.

Чудеса, совершенныя апостолами, стр. 73, 74, 182, 235, 243, 261.

Шаммаи, школа его, стр. 30; его происхожденіе—223; взглядъ его на устный законъ—274.

Шема—изучалась ап. Павломъ въ дѣтствѣ, стр. 29.

Школа раввиновъ, стр. 27 и сл.

Эвтроаквилонъ—Эвтроклидонъ, стр. 661—2.

Элима, его противодѣйствіе ап. Павлу, стр. 243; его слѣдствіе—243.

Эней, исцѣленіе его, стр. 182.

Эпиктетъ о христіанствѣ, стр. 848.

Эпикурейцы, стр. 358—9.

Эпимениды—жертвенники, основанные въ Аѳинахъ по его совѣту, стр. 356; цитата ап. Павла изъ него въ посланіи къ Титу—771.

Этезіійскіе вѣтры, стр. 656, 658.

Ювеналъ—его описаніе Рима, стр. 227.

Юліанъ—попытка его замѣнить названіе „христіанъ“ названіемъ „назарянъ“, стр. 204—5.

Юлій Цезарь—покровительство его іудеямъ, стр. 584.

Юлій сотникъ—его безпристрастіе, стр. 380; ап. Павелъ подъ его надзоромъ на пути въ Римъ—654 и сл.; окованіе порученія по отповѣди къ ап. Павлу, 675.

Языки—говореніе на певѣдомыхъ языкахъ, стр. 65; знаменіе дара Духа Св. во время Пятидесятницы—65; различные взгляды на этотъ даръ—65—8; въ Иерусалимѣ и Коринѣхъ—68; употребленіе языковъ апостолами—69 и сл.

Языкъ, понятный народу, внушается употреблять въ проповѣди, стр. 464—5.

Язычество во времена апостоловъ, стр. 227.

Язычество и его слѣдствія, стр. 546.

Язычники—допущеніе ихъ въ церковь Христову, стр. 178 и сл.; первое принятіе ихъ въ Церковь—196; ихъ великодушная помощь іудейскимъ христіанамъ—209; пророчество Симеопа—223; въ Писидіи радостно принимаютъ евангеліе, проповѣданное ап. Павломъ, но отверженіи его іудеями—258; предметъ будущаго попеченія ап. Павла—270; миролюбіе между христіанами изъ язычниковъ въ Римѣ и христіанами изъ іудеевъ, когда ап. Павелъ писалъ посланіе къ Римлянамъ—533; ихъ грѣхъ отрицанія и оставленія Бога, наказаніе имъ—545—6; язычники и іудеи одинаково повинны предъ Богомъ и одинаково искуплены—550.

Фарра—сказаніе о немъ, стр. 222.

Феофилъ первосвященникъ—122.

Фессалоника, описаніе ея, стр. 338; голодъ во время посѣщенія ея ап. Павломъ—339; служеніе ап. Павла—339 и сл.; посланіе ап. Павла къ Римлянамъ послано вѣроятно и Фессалоникидамъ—532.

Фессалоникиѳцы—отправились для возстановленія верійцевъ противъ ап. Павла—346; посланія къ нимъ ап. Павла—341—2; 1 Фесс.—изложеніе этого посланія—387—8; похвала ихъ вѣрѣ и христіанскому духу—388; особенности посланія 388, 390—5; радость ап. Павла ради ихъ—391; сообщеніе Тимофея о состояніи ихъ вѣры ап. Павлу—391; внушеніе имъ братской любви и душевнаго мира—392; второе пришествіе Христа и страшный судъ—393; и сл. результаты 1 Фесс.—395; тревога отъ мыслей о близости втораго пришествія Христа—397 и сл.; 2 Фесс.: цѣль его—400, 402; самое важное мѣсто въ этомъ посланіи—403—4; объясненіе 2 Фесс.—405—7.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ЛОПУХИН: ЖИЗНЕННЫЙ ПОДВИГ «АСКЕТА УЧЕНОГО ТРУДА»

Ты не напрасно в мире жил:
Для веры, света и познания
Ты сил немало положил,
Труда, любви и дарования.
Ты путь свой честно совершил,
Служа отечеству и вере,
Таланта в землю не зарыл,
Исполнил долг в законной мере.
На страже бдительно стоял,
Храня народ от лжепророков,
И веру в ближних утверждал,
Остерегая от пороков.
И не заглухнут семена
В сердца внесенные тобою.
Ты патриотов имена
Умножил на Руси собою.

(П. Потехин)[1]

14 октября (1 октября по старому стилю) 2002 года исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося представителя русской библиейско-богословской школы второй половины XIX — начала XX веков Александра Павловича Лопухина (1852-1904). Этот великий ученый, по воспоминаниям его друзей, обладал «от природы живым, общительным характером, тонкой наблюдательностью, быстро синтезирующим умом и добрым, отзывчивым сердцем»[2]. Энергия и работоспособность Александра Павловича были просто невероятными. Как заметил современник ученого, если бы последнему довелось занимать высокие административные должности, «то он, вероятно, был бы автором многих проектов и планов по разным вопросам своей сферы». Положение профессора, которое он занимал, в некотором смысле ограничивало его творческие наклонности, «предоставляя ему проявить их только на поприще литературного труда. Зато на этом поприще он проявил редкую не только в русской, а даже и в иностранной литературе производительность. О нем, как об Оригене, по справедливости можно повторить слова блаженного Иеронима, что за свою жизнь он мог столько написать, сколько иной за свою жизнь не может прочитать»[3]. Еще будучи студентом, А.П. Лопухин напечатал в санкт-петербургском богословском журнале «Церковный вестник» более ста научно-публицистических и литературно-критических статей по различным вопросам[4]. Позже, будучи редактором академических журналов и ведя постоянный раздел в «Церковном вестнике», он публи-

ковал множество небольших статей, подписывая их как своим полным именем, так и различными псевдонимами. Наряду с этим он успевал готовить и издавать отдельные труды, иногда весьма пространные, состоявшие из нескольких томов, посвященные самым разным вопросам. Сам Александр Павлович иронизировал по этому поводу, и, сказав однажды, что хорошо бы собрать все работы профессоров Санкт-Петербургской Духовной академии в отдельный шкаф, вдруг пошутил, что его собственные произведения станут главным препятствием, поскольку уже они займут отдельный шкаф, весьма солидный по размерам. Если бы можно было издать все его работы, напечатанные в академических изданиях, то получилось бы многотомное собрание сочинений. Не было ни одного более или менее крупного события в современной ему церковной жизни России и мира, на которое не отзывался бы А. П. Лопухин[5].

Александр Павлович родился в семье священника села Митякина Саратовской губернии и получил среднее образование в Саратовской Духовной семинарии. В 1874 году он поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1878 году магистрантом. В студенческие годы Александр Павлович близко стоял к академическим богословским журналам, занимался в редакциях как корректорской работой, так и литературными трудами.

В июле 1879 года, как прекрасно владеющий английским языком, он был определен псаломщиком при православной русской посольской цер-

кви в Нью-Йорке. Путешествие к месту службы и дальнейшая жизнь в Америке обогатили его массой новых впечатлений, и он стал присылать из США материалы и отдельные статьи по различным вопросам местной церковно-общественной жизни в «Церковный вестник», а несколько позже — и в другие журналы («Православное обозрение», «Странник», «Берег» и т. д.). Вместе с тем он сотрудничал и в американском православном журнале «The Oriental Church Magazine», издававшемся при русской церкви в Нью-Йорке. Находясь в Соединенных Штатах, он написал магистерскую диссертацию «Римский католицизм в Америке: исследование о современном состоянии и причинах быстрого роста римско-католической Церкви в США», которую успешно защитил, вернувшись из Америки в Санкт-Петербург в 1881 году. В 1882 году он издал несколько книг, вошедших в себя американский материал: «Жизнь за океаном. Очерки религиозной, общественно-экономической и политической жизни в Соединенных Штатах Америки», «Религия в Америке» и свою магистерскую диссертацию.

В своих путевых очерках, вышедших под названием «Жизнь за океаном», А.П. Лопухин стремился познакомить русских читателей с особенностями американской жизни и пытался проанализировать религиозное и экономическое положение в США. Несколько позже Александр Павлович посвятил этой тематике публичные лекции 1886 года, напечатанные сначала в «Христианском чтении», а затем отдельной книгой. В этих произведениях видно умеренно-спокойное, но в целом доброжелательное отношение Александра Павловича к заокеанской жизни конца XIX века. Некоторые его характеристики представляют немалый интерес. По его словам, в религиозном отношении американский народ конца XIX века «весьма резко отличается от народов старого света. Это совершенно молодой народ, который кипит полнотой своей юной духовной жизни. У него еще нет того разлада между разными силами духа, которым страдает одряхлевшая Европа — нет противоречия между разумом и верой. <> Америка по своему культурному характеру есть страна положительного знания. Несмотря на это, наука там живет в гармоническом единении с религиозной верой. <> Вся жизнь американского народа проникнута религиозным духом, и на всех проявлениях государственной и общественной жизни лежит сильный отпечаток религиозного влияния»[6]. Говоря об отделении в США церкви от государства, Лопухин подчеркивал: это «означает только то, что государство, встретившись с разнообрази-

ем вероисповедных форм, не отождествилось ни с одной из них в отдельности, чем нарушено было бы естественное чувство справедливости и равенства в отношении всех остальных, но этим самым отнюдь не отделилось от религии как общего религиозно-нравственного начала. Этот факт американской жизни лишь вновь доказывает то, что принцип отделения церкви и государства есть не отрицание религии со стороны государства, а только одна из форм их взаимного общения»[7]. За эту ясную и четкую формулировку принципа отделения государства и церкви на примере американской жизни А.П. Лопухин подвергся критике со стороны либеральной русской интеллигенции, навязывавшей указанный принцип в смысле борьбы государства с религией. Один из русских журналов даже назвал А.П. Лопухина «клерикалом», хотя появились и публикации в его поддержку[8]. Сформулированные принципы американской религиозности Лопухин показывал на конкретных примерах, один из которых — судебное преследование государством мормонов, поскольку их многоженство противоречит традиционному библейскому принципу моногамии[9]. Особое внимание русских читателей А.П. Лопухин обращал на то, сколь видное место в жизни американцев занимало постоянное чтение и изучение Библии. Остается только сожалеть, что известная часть описанных А.П. Лопухиным благочестивых явлений американской религиозной жизни в настоящее время уже отошла в прошлое, и поэтому здесь мной не упоминается.

Что касается проблем религии в США той эпохи, то главнейшей из них Лопухин видел в том, что главной вероисповедной системой Америки является протестантизм, который, по его словам, «не дает достаточного обеспечения религиозной совести не только в уверенности сохранения истины, но и против прямого уклонения от нее»[10]. «Штатание и блуждание мысли не ограничивается отдельными лицами. Оно отличает и самые общины или церкви, на которые делится протестантское население Америки», что приводит к расколам и разделением внутри этих протестантских деноминаций[11]. Разнообразие в понимании Священного Писания и вероучительных догматов различными проповедниками даже одной и той же церкви или общины приводило простых верующих в горькое недоумение и тягостные сомнения относительно истинности своей веры[12]. Протестантское начало выражалось также в чрезвычайной обособленности отдельных приходов[13].

Однако А.П. Лопухин отмечает и осознание протестантами этих недостатков, их стремление к церковному объединению. Немалое внимание Ло-

пухин обращал на интерес, который испытывали многие деятели Епископальной Церкви США по отношению к Русской Православной Церкви и который выражался в ряде преобразований епископальной жизни в православном духе, что А.П. Лопухин понимал как постепенное движение епископалов на сближение с Православием[14].

В 1882 году А.П. Лопухин занял в Санкт-Петербургской Духовной академии кафедру Сравнительного богословия, а после ее закрытия в 1885 году — кафедру Древней общей гражданской истории, на которой оставался до своей кончины.

Профессорская деятельность не только не ослабила, но даже усилила его литературное творчество, в котором можно выделить несколько направлений. Первое указал его бывший наставник и начальник по академии протопресвитер И.Л. Янышев: Лопухин всю свою жизнь старался, чтобы сделать доступными для русской читающей публики богатейшие сокровища западноевропейской богословской науки. Он не жалел себя, трудясь над популяризацией капитальных западных сочинений по разным религиозным дисциплинам. Его душа «горела желанием возвысить соотечественников до тех горизонтов, на которых стояли иностранные ученые, и как только на Западе появлялась новая богословская книга, обращавшая на себя внимание ученого мира, он уже спешил познакомить с ней и русских читателей»[15]. Хорошо зная иностранные языки, он с большим умением выбирал из огромного числа зарубежных богословских сочинений именно те, которые отвечали потребностям русской церковной жизни, и умел сделать их доступными широкому кругу читателей. Нельзя не отметить тот факт, что Александр Павлович внимательно редактировал издаваемые им западные сочинения, сокращая, как правило, те места из них, которые не соответствовали учению Православной Церкви и могли оказаться соблазнительными для православного христианина. Для современного ученого это может показаться некорректным, однако надо учитывать, что А.П. Лопухин производил сознательное сокращение сомнительных мест, обладая обширными познаниями в данной области и понимая, что многие современные ему радикальные гипотезы, носящие скептический характер, будут отвергнуты дальнейшими серьезными исследованиями (что и произошло в XX веке). Впрочем, современники отмечали, что при подобном рода редакторской правке Александр Павлович никогда «не вдавался в крайности и утирование»[16].

Ознакомившись в Америке с трудами английских богословов, в том числе — Ф.У. Фаррара (1831-

1903), капеллана королевы Виктории, А.П. Лопухин поставил целью перевести их с учетом нужд русских читателей[17]. В 1886-87 годах вышли книги «Жизнь Иисуса Христа» и «Жизнь и труды св. апостола Павла», широко известные и сейчас, после их недавнего переиздания. Вообще, каждое выдающееся открытие в западной богословской науке, и особенно библейской, не только им тотчас замечалось, но и было подробно исследуемо в виде специальной статьи по тому предмету, к которому оно относилось, или даже серии статей, которые составляли затем основу отдельной книги.

Из современных ему вопросов А.П. Лопухин особенно интересовался проблемой соединения церквей. Познакомившись ближе в США с жизнью Епископальной Церкви, он с большой надеждой отмечал всякое стремление епископалов к сближению с православными. С радостью приветствовал он и старокатолическое движение, участвовал в устраиваемых старокатоликами съездах и вообще придавал этому движению большое значение, видя в нем, по выражению одного биографа, «зачаток обращения на путь истины всей римокатолической Церкви»[18]. Не осталось без его внимания и обращение к православию сиро-персидских несториан, о чем он написал несколько статей.

Из интереса к указанной тематике А.П. Лопухин с 1886 года взял на себя ведение в «Церковном вестнике» отдела заграничной летописи, которое продолжалось им до конца 1902 года. В 1892 году он был избран редактором «Христианского чтения», а в начале 1893 — еще и редактором «Церковного вестника», которые, по его проекту, были вновь соединены под одной редакцией. В должности редактора этих академических журналов он оставался 10 лет, до конца 1902 года[19].

Кроме ознакомления русских богословски мыслящих людей с плодами западной науки, другая сторона деятельности Александра Павловича заключалась в популяризации богословской науки, в донесении систематического знания до возможно большего круга верующих, поэтому многие его публикации лишены строгого научного аппарата. Однако большая часть статей в академических журналах представляют немалую научную ценность, например, опубликованные в «Христианском чтении» работы «Не записанные в Евангелии изречения Христа Спасителя» (1897), «Католикос Востока и его народ» (1898) и некоторые другие.

Несмотря на вышеобозначенные черты ученой деятельности А.П. Лопухина, в историю русской церковной науки он вошел в первую очередь как замечательный библеист. Истинное значение Александра Павловича как православного русского биб-

леиста и как примера для подражания современным молодым ученым-богословам заключается в следующем: при всей своей огромной эрудированности и осведомленности в достижениях западной богословской мысли он не только не принимал западные наработки без должного осмысления по отношению к церковной традиции, но наоборот, путем тщательного и вдумчивого анализа, отсекая сомнительные гипотезы и идеи, показывал русскому читателю, насколько хорошо вписываются подлинные научные факты в систему православного библейского богословия и, в свою очередь, насколько богаче становится указанная система при осмыслении ее с помощью данных фактов. Трезвый научный ум и глубокая вера позволяли Александру Петровичу не только отделять зерна истинных научных сведений от плесел обволакивающих их гипотез и домыслов, но и демонстрировать, насколько сомнительно и тенденциозно выглядят критические западные теории в свете строгой науки.

Одной из важнейших работ в области библеистики стала изданная в 1890 году и переизданная (не полностью, в 5 томах, как бесплатное приложение к журналу «Странник») в 1913 году книга «Библейская история при свете новейших исследований и открытий». В предисловии к ней А.П. Лопухин писал, что «вследствие тех поистине чудесных открытий, которые в нашем веке делаются на забытом пепелище былой исторической жизни древних народов Востока, библейская история чрезвычайно обогатилась в своих научных ресурсах. <> Но вообще наша литература в этом отношении далеко отстала от западноевропейской, и в то время как у нас продолжают пользоваться лишь, так сказать, крохами от богатого стола библейско-исторической науки, на Западе давно уже существуют целые курсы, представляющие собой сводку всех главнейших открытий, и множество монографий по различным библейским вопросам, разработанным при ярком свете всех новейших исследований и открытий. Отсутствие подобных цельных трудов у нас составляет важный пробел в богословской литературе, и посильное восполнение этого пробела и имелось в виду при составлении настоящей книги»[20]. Одной из целей этой книги Александр Павлович ставил «воспользоваться новейшими исследованиями и открытиями для опровержения крайних выводов отрицательной критики»[21], посвятив истории библейского рационализма целую вводную главу (представляющую немалый интерес даже сейчас), а его опровержению — материалы в различных местах книги. Интересно, что А.П. Лопухину удалось избежать соблазна узкопрофессионального научного подхода

— создавая грандиозный по своему охвату и подобранному материалу курс библейской истории, сделавший бы честь любому выдающемуся западному ученому-библеисту, Лопухин, по его словам, ориентировался прежде всего не на «узкий круг специально богословски образованных лиц», а на «более обширный круг вообще образованного светского общества, для которого в нашей литературе не существует ровно ничего в этом отношении, вследствие чего библейско-исторические познания в нем не идут дальше круга школьных начатков священной истории»[22]. Нельзя охарактеризовать эту задачу иначе, как возвышенный мотив истинно церковного ученого, желающего донести библейскую истину до всей полноты народа Божия, а не только его отдельных членов.

Отклики на книгу выявили два основных лагеря оппонентов. Первый, иронично названный А.П. Лопухиным «зарождающимся у нас муравейником отрицательной критики», состоял из тех лиц, у которых «библейская критика принимается как нечто такое, что должно быть принимаемо с полной верой в ее непогрешимость»[23], т. е. без оглядки на церковную традицию и доводы разума. У анонимного представителя этого лагеря вызвало недовольство, что А.П. Лопухин в своем труде стремился показать «историческое значение изложенных в Библии фактов», т. е. то, что рассказы Библии о сотворении человека, грехопадении, потопе, смещении языков имеют под собой реальную историческую основу, а не являются всего лишь некими благочестивыми мифами[24]. Возражая на это, А.П. Лопухин очень точно заметил, что хотя богодухновенные авторы не ставили своей целью в библейском повествовании раскрывать научные истины или писать всеобщую историю, но «и при отсутствии этой цели сообщенные св. писателями в общедоступной, ненаучной форме истины и исторические факты в том и проявляют свою богодухновенность, что они находятся в полнейшем согласии с наиболее достоверными научными открытиями как в области природы, так и истории»[25]. Критик сетовал на А.П. Лопухина еще и за то, что тот не признавал документарной теории деления текста Пятикнижия на фрагменты, восходящие к разным авторам: ягвисту и элогисту. Лопухин возражал своему оппоненту, что эту теорию разделяют ученые, «игнорирующие новейшие открытия клинописи, так как эти открытия, представляя совместное существование обоих названных документов в древнейших памятниках, совершенно смешали ряд этих теоретиков. Принимать же эту теорию в ее теперешнем разбитом виде, когда трудно указать двух ученых, которые совер-

шено сходились бы между собой в распределении между двумя классами так называемых документов даже из важнейших мест — значило бы, оставляя положительную почву, хвататься за призрак, готовый постоянно исчезнуть совсем»[26]. Позиция А.П. Лопухина и его аргументация нисколько не потеряли актуальности и сейчас, когда документарная теория практически без возражений принимается в современной западной библеистике и становится все более популярной у многих православных исследователей. Причина такой симпатии к ней часто остается прежней — не в силу ее фактической достоверности, а из-за ее возросшего и укрепившегося авторитета в западной науке. Следует помнить, что А.П. Лопухин был не одинок в своей позиции — из дореволюционных ученых документарную теорию отвергал, например, и профессор Московской Духовной академии С.С. Глаголев (1865-1937).

Критика второго рода звучала из противоположного лагеря, а именно из среды академической профессуры, и была представлена голосом профессора Казанской Духовной академии Я.А. Богородского (1841-1919). Последний высказал удивление по поводу того, что А.П. Лопухин отошел от привычной для русской школьной науки XIX века понимания библейской истории как истории религии по Библии (при таком подходе «библейская история» — это история религии, и в ней нет места для описания быта и нравов библейских времен). Однако А.П. Лопухин пошел дальше и поставил взглянуть на библейскую историю шире — как на историю библейского народа, религия которого «вошла в <> книгу как часть, хотя и такая, которая по своей важности составляет одушевляющий принцип всей жизни народа»[27]. По словам Лопухина, «изобразить исторические судьбы [израильского] народа — не в одном только религиозном отношении, а во всех отношениях его глубокопоразительной и чудесной исторической жизни — и было задачей нашей книги»[28]. Сомнения проф. Я.А. Богородского в достоинствах книги Санкт-Петербургского профессора строились, как оказалось, еще и на элементарном неверии в потенциал русской науки: он ставил в упрек Лопухину то, что даже западноевропейские ученые не дали такого связного и полного курса библейской истории, как у нашего ученого, поскольку «не чувствовали в себе отваги дать такой курс по научной осторожности»[29]. Однако это было неверно: к моменту издания книги Лопухина над курсом библейской истории, построенным в подобном ключе, работал аббат Ф.Ж. Вигуру (1837-1915), с которым А.П. Лопухин вел научную переписку. Труд

Ф.Ж. Вигуру, вышедший на несколько лет позже, закрепил концепцию библейской истории, предложенную А.П. Лопухиным[30]. Пример деятельности Александра Павловича в этой области крайне важен сейчас, когда русский исследователь, обладая сокровищем церковной традиции и имея доступ к кладезю достижений западной учености, способен достичь плодотворного и органичного синтеза указанных направлений.

Будучи редактором академических журналов, Александр Павлович задумался над возможностью издания перевода полного собрания сочинений святителя Иоанна Златоуста, и первые шесть томов вышли под его редакцией. Поскольку по своим научным интересам он был энциклопедист, то, по словам его современника, «Богословская энциклопедия», которую он начал издавать на свой страх и риск, действительно могла быть начата только им»[31]. С начала 1903 года он уходит из академических журналов и полностью берет на себя редактирование журнала «Странник», с которым он всегда активно сотрудничал[32]. Кроме улучшения содержательной стороны, Александр Павлович предпринял ряд приложений к журналу, которые бесплатно рассылались подписчикам и представляли собой отдельные книги весьма высокой научной ценности (например, Ф. Фаррар «Жизнь и труды св. отцов и учителей Церкви», «Симфония на Ветхий и Новый Завет», упомянутая «Богословская энциклопедия», труд прот. И.В. Толмачева «Православное собеседовательное богословие», «История христианской Церкви в XIX веке» и др.)[33]. В последний период жизни А.П. Лопухин предполагал в качестве приложения к журналу «Странник» издать «Толковую Библию, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета». Александр Павлович успел подготовить только первый том, обнимающий Пятикнижие, но импульс, приданный им, был столь велик, что издание продолжили его последователи. Именно этот проект увековечил навсегда имя ученого для большинства наших соотечественников, и можно утверждать, что за прошедшее столетие на русском языке не появилось толкования, сопоставимого с этим по своему масштабу и авторитету для православного читателя.

В течение последних нескольких лет здоровье Александра Павловича подтачивала тяжелая болезнь, врачи настойчиво советовали ему полный отдых. Но неутомимый труженик до самой смерти не оставлял своего пера[34]. Смерть ученого 22 августа 1904 года по старому стилю вызвала глубокую скорбь как в академии, так и среди духовенства[35]. Погребение его состоялось 24 августа на

Никольском кладбище Александро-Невской лавры, где до сих пор находится его могила. Заупокойную литургию и чин отпевания совершил ректор академии еп. Сергей (Страгородский) в сослужении инспектора архим. Феофана (Быстрова), профессоров и студентов в священном сане. Среди прочих, прочувствованное слово в память Александра Павловича произнес протопресвитер Иоанн Янышев, охарактеризовавший почившего как «аскета литературного и ученого труда»[36].

Своей литературной деятельностью, которой он отдавался с беззаветной любовью, А.П. Лопухин снискал себе широкую популярность в среде

любителей русской духовной литературы и принес несомненную пользу русскому духовному просвещению.

Хочется надеяться, что, отмечая 150-летие со дня рождения прославленного ученого-библеиста, редакция возрожденного журнала «Церковный вестник» возобновит и прекрасный библейский раздел, который долгие годы существовал в журнале под эгидой его замечательного редактора, и который вновь становится актуальным на современном этапе развития библейской науки при свете новых исследований и открытий.

Диакон Дмитрий Юревич

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] П. Потехин. Памяти проф. А.П. Лопухина (22 августа 1904 года). СПб, 1904, 20 стр., с. 19-20.

[2] Там же, с. 7.

[3] Там же, с. 7-8.

[4] Там же, с. 8.

[5] Там же, с. 3-4.

[6] А.П. Лопухин. Заокеанский Запад в религиозно-нравственном отношении. СПб, 1886, с. 6-7.

[7] А.П. Лопухин. Заокеанский Запад в религиозно-нравственном отношении, с. 8; выделено мной, — диак. Д.Ю.

[8] Там же, с. 10, прим. 1.

[9] Там же, с. 10.

[10] Там же, с. 47.

[11] Там же, с. 53.

[12] Там же, с. 54.

[13] Там же, с. 57.

[14] Там же, с. 72-80.

[15] П. Потехин. Памяти проф. А.П. Лопухина (22 августа 1904 года), с. 4.

[16] Там же, с. 5.

[17] По-видимому, исторический метод изложения был навеян Ф. Фаррару Э. Ренаном, но, в отличие от последнего, Ф. Фаррар излагает предмет как убежденный христианин.

[18] П. Потехин. Памяти проф. А.П. Лопухина (22 августа 1904 года), с. 4.

[19] Там же, с. 9.

[20] Лопухин А.П. Библейская история при

свете новейших исследований и открытий. Т. 1. СПб, 1913, с. 2.

[21] Лопухин А.П. Два слова в защиту «Библейской истории при свете новейших исследований и открытий». СПб, 1894, с. 4.

[22] Там же, с. 19.

[23] Там же, с. 4.

[24] Там же, с. 5.

[25] Там же; выделено мной — диак. Д.Ю.

[26] Там же, с. 7.

[27] Там же, с. 10.

[28] Там же.

[29] Цит. по: Лопухин А.П. Два слова в защиту «Библейской истории», с. 12, прим. 2.

[30] По мнению некоторых исследователей (напр., прот. А. Меня, см. его «Библиологический словарь»), А.П. Лопухин имел возможность использовать материалы Ф.Ж. Вигуру при работе над своей книгой. Однако труды А.П. Лопухина не стоят в явной хронологической зависимости от работ Вигуру: книги французского ученого выходили в 1890 и 1896 годах.

[31] П. Потехин. Памяти проф. А.П. Лопухина (22 августа 1904 года), с. 4.

[32] Там же, с. 10.

[33] Там же.

[34] Там же, с. 1-2.

[35] Там же, с. 11.

[36] Там же, с. 11-12.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА

В январе 2004 г. по благословению двух православных Патриархов — Московского и всея Руси Алексия II и Антиохийского и всего Востока Игнатия IV был образован Международный фонд поддержки и сохранения духовных памятников «Духовное наследие святого апостола Павла».

Деятельность фонда направлена, прежде всего, на восстановление многовековых духовных связей России со странами Ближнего и Среднего Востока, утерянных после октябрьского переворота 1917 года.

История этих взаимоотношений неизвестна широкому кругу людей, но чрезвычайно интересна и заслуживает отдельного повествования. На самом деле отношения между Русской и Антиохийской Православными Церквями насчитывают века. Российская Империя как «Третий Рим» оказывала особое покровительство Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской патриархиям. Поддерживая патриархов Сирии и Палестины, православная Россия ставила таким образом заслон против проникновения в Святую Землю западных миссионеров: католиков, протестантов и иже с ними. В свою очередь, православные, живущие в странах Ближнего и Среднего Востока (а их там немало), всегда чувствовали поддержку Российской Империи, которая построила и содержала более ста православных школ, где обучение велось русскими монахами.

Постоянная поддержка Императорской Семьи Антиохийской Патриархии влияли и на отношения исламских правителей к православному населению своих государств. Все это формировало представление о России как о могучем и влиятельном северном соседе. Мудрая и целенаправленная политика царского правительства обусловила духовное и политическое влияние России и сохранение Православия в этом регионе.

В XIX веке в России было основано Палестинское паломническое общество, которое помогало тысячам российских паломников, пешком отправлявшимся к святыням Сирии и Палестины. Излюбленными местами паломничества на православном Востоке были находящийся недалеко от Дамаска монастырь Седная (где хранится чудотворная икона Божией Матери, написанная святым апостолом Лукой), и селение Каукаб, в 10 километрах от Голанских высот и Храма Гроба Господня в Иерусалиме, как место просвещения апостола Павла. Особой исторической значимостью отмечено место призвания к служению Господу гонителя христиан — Савла. Обращение инквизитора иерусалимского синедриона Савла произошло по дороге в Дамаск, куда он во главе отряда направлялся для истребления христиан, ушедших со Святой Земли после убийства первомученика Стефана. По дороге Савла вдруг осветил ярчайший свет, от которого он слепым упал на землю. Из света раздался голос: «Савл, зачем ты гонишь меня?» На вопрос Савла: «Кто ты?» Господь ответил: «Я Иисус, которого ты гонишь». Ослепший Савл был отведен в Дамаск, где был научен вере и на третий день крещен, после чего прозрел и сделался ревностным проповедником прежде гонимого им учения.

В 1956 году Святейший Патриарх Алексий I выделил средства и благословил строительство мемориального храма в честь святого апостола Павла, что еще раз подчеркивает значимость этого святого места для всех православных христиан. Невозможно до конца оценить заслуги апостола Павла — просветителя народов, проповедовавшего слово Господне от Сирии до Испании. Именно ему мы обязаны самим названием «христиане», собравшим в единой вере всех, почитающих Христа.

После развала Советского Союза связи между Сирией и Россией, к сожалению, ослабли. Фонд «Духовное наследие святого апостола Павла» ставит своей задачей возрождение добрососедских отношений, основанных на духовных связях России и Ближнего Востока. Первым шагом на этом пути было осуществление проекта по созданию памятника святому апостолу Павлу в селении Каукаб (около храма, построенного по благословению Патриарха Алексия I на средства Московской Патриархии) на месте просвящения св. апостола Павла. Благословляя это деяние, Патриарх Алексий II подчеркнул: «Этот памятник будет даром русского народа всем православным Ближнего Востока».

СВЯТОМУ АПОСТОЛУ ПАВЛУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Сирия — эта древняя страна, одна из первых принявшая христианство, вся пропитана библейским духом. Здесь жили Каин и Авель, здесь же совершился братоубийственный грех. Здесь же, правда, в мусульманской мечети, почитает святая усекновенная глава Иоанна Крестителя и здесь же, в Сирии, жила святая Фекла, ученица апостола Павла, там же произошло чудо, когда перед бегущей от преследователей Феклой расступились скалы, образовав спасительный коридор. Здесь же, вблизи Дамаска, произошло явление Господа Иисуса Христа инквизитору Савлу, который после этого стал ревностным христианином и великим просветителем, неся свет новой веры в страны Ближнего Востока. Апостол Павел — единственный из апостолов, который не был учеником Иисуса Христа, а поверил в Господа только по одному его чудесному явлению, став потом Первоверховным Апостолом. В своих посланиях он заложил основы и правила христианской веры.

Поэтому открытие памятника святому апостолу Павлу в селении Тель-Каукаб — событие мирового масштаба для христиан. Этот грандиозный замысел был осуществлен Международным общественным фондом поддержки и сохранения духовных памятников «Духовное наследие святого апостола Павла» всего лишь за полтора года и является первым крупным его проектом. Основные задачи, которые ставили перед собой все принимавшие участие в этой программе — расширение взаимодействия двух братских православных церквей — Русской и Антиохийской и возрождение связей между нашими народами, утраченных после распада СССР.

На открытие памятника святому апостолу Павлу в Сирию отправилась российская делегация, состоящая из полутора сотен представителей Православия, пред-

принимателей, деятелей культуры, журналистов, окормляемая архиепископом Курским и Рыльским Германом. О том, насколько это событие важно для народа Сирии, стало ясно уже при встрече делегации. Возле гостиницы нас встретили несколько сотен сирийцев в национальной одежде в сопровождении музыкантов, и пока мы не расселились, музыка не умолкала.

В день открытия памятника казалось, что все православное население Сирии собралось близ селения Тель-Каукаб, что в 30 километрах от Дамаска. Люди приезжали на автобусах, машинах, шли пешком; вся площадь вокруг памятника уже была заполнена, а люди все прибывали и прибывали, празднично одетые, в приподнятом настроении — целыми семьями с детьми всех возрастов, включая грудных. Всего в празднике участвовали почти 50 тысяч человек. Это стало грандиозным событием для маленькой Сирии.

Трехметровое скульптурное изображение святого апостола Павла работы известного русского скульптора А.И. Рукавишникова как бы возвышается над горами и долиной, подтверждая величие деяний апостола. Слева — храм, подаренный Антиохийской Патриархии Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в 1956 году, но он был всего лишь мемориальным, и вот через полвека стараниями Фонда «Духовное наследие святого апостола Павла» к открытию памятника храм

достроен полностью. Сейчас величественный памятник и освященный храм с колокольной являют собой единое целое. Этот мемориал займет достойное место на святой земле и станет еще одним местом паломничества христиан.

После официальных речей как российской, так и сирийской сторон архиепископ Курский и Рыльский Герман освятил памятник под восторженные крики присутствующей огромной толпы.

Первым местом посещения нашей делегацией стал древнейший женский монастырь Седная, который находится на горе, на месте явления Пресвятой Богородицы императору Юстиниану. Мать императора была первой настоятельницей этого монастыря и по ее просьбе сюда была привезена из Иерусалима чудотворная икона, написанная апостолом Лукой. К большому нашему сожалению увидеть и приложиться к самой иконе невозможно по причине многочисленных даров, заслонивших за полторы тысячи лет Пресвятой образ.

Архиепископ Герман провел в монастыре службу, после которой передал в дар сестрам монастыря икону преподобного Серафима Саровского.

А в другом женском монастыре — Святой Феклы — уже русской делегации была подарена сделанная руками монахинь расшитая бисером икона святой Феклы. Также члены делегации посетили кафедральный собор Антиохийской Патриархии, место почитания усекновенной святой Главы Иоанна Предтечи и места в г. Дамаске, связанные с жизнью апостола Павла. А в последний день пребывания руководителей делегации: архиепископа Курского и Рыльского Германа и депутата Государственной Думы генерала армии В.И. Варенникова принял президент Сирии Башар Асад, что подчеркнуло важность этого события в жизни Сирии.

Вообще, Сирия — удивительная страна, где мирно уживаются Православие, мусульманство, католичество, григорианская церковь, а самое главное — потрясает и восхищает отношение сирийцев к нам — русским. Так, к кому бы мы ни обращались, узнав, что мы из России, нас приветливо с любовью встречали словами по-русски «Здравствуйте, братья» или «Добро пожаловать, друзья». А когда мы отстали от экскурсии и потерялись в узких «лабиринтах» старого города, нам не только показали дорогу, но и угостили ароматными горячими лепешками, только испеченными в крошечной пекарне. И самое главное, что нас поразило, мы нигде не встретили ни одного нищего. Вот тебе и режим, о котором любят писать демократические газеты.

Сирийцы, в отличие от некоторых наших ближайших соседей, до сих пор считают Россию и русских не только добрыми друзьями, но и надеются на восстановление духовных, культурных и экономических связей.

Этим-то как раз и занимается Международный Фонд «Духовное наследие святого апостола Павла», которому мы благодарны за сделанное и желаем только успехов.

И.Л. ГРИШИН.
Дамаск-Москва.
Фото автора.

Ф. ФАРРАР
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

ПЕРЕВОД С XIX АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ А.П. ЛОПУХИНА

Об изданиях и информационной деятельности Общества читайте на сайте
«Православное книжное обозрение» — www.litnasledie.ru

Издательство «Общество сохранения литературного наследия» («ОСЛН»)
Адрес для писем: 109044, Москва, а/я 22
Юр. адрес: 107258, Москва, ул. 1-я Бухвостова, д. 12/11, корп. 17-18, ком. 215

Директор АНО «ОСЛН» Л.Г. Рудин
Оригинал-макет А.Е. Успенский
Обложка Д.С. Воронцов

Издательство готово рассмотреть совместные издательские проекты,
а также приглашает к сотрудничеству спонсоров и инвесторов.
В планах издательства более 50 новых рентабельных проектов.
Свои отзывы о книге, предложения и пожелания просим направлять по адресу:
109044, Москва, а/я 22, Рудину Л.Г.,
e-mail: litnasledie@mail.ru, тел. (095) 589-81-33,
пейджер: тел. (095) 961-33-33, абонент «Преображение».

Подписано в печать 10.10.2005. Формат 84х108 1/16
Объем 70 п.л. Тираж 2000 экз. Заказ № 4782

Отпечатано в ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ФАРРАР

**ЖИЗНЬ
И ТРУДЫ
СВ. АПОСТОЛА
ПАВЛА**

